

ИЗВЕЩАНИЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Библиотека "Руниверс"

Оглавление „НИВЫ“ за 1916 годъ.

СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.	
I. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и пр.				
Артѣмъ-бей. Рассказъ И. Потапенко 678	Матросъ Легеннекъ. Разск. В. Ропшина 481	Страшнѣ смерти. Разск. Ш. Фолей 402	Сербантесъ. Оч. С. Боткина 831	
Бабуя молитва. Стих. А. Дроздова 523	Мать Стефана Непобѣдимаго. Стих. А. Корнифскаго 595	Съ вами Богъ. Стих. К. Висковатова 761	Союзники сражаются и за Америку. Очеркъ З. Рагозиной 606	
Безъ одной минуты полночь. Разск. И. Островного 6	Мать. Стих. А. Дроздова 692	Съ западнаго фронта. Разск. В. Ропшина 682	С. Я. Надсонъ. Оч. И. Жерсъ 796	
Влаженный мнѣ! Его мы долго ждали. Стих. Н. Чаплина 436	Медальонъ. Разск. М. Криницкаго 158	Съ той стороны. Разск. В. Свѣтлова 846	Художникъ-воинъ. (Съ 2 портр. и 3 рис.) 437	
Болото. Разск. А. С. Грузинскаго-Лазарева 53	Мой побѣгъ изъ плѣна. Разск. (съ 2 портр. и картой) Э. Т. Саранина 652	Такъ было. Разск. Б. Курскаго 749	Художникъ-провидецъ. (Съ портр. и 9 рис.) 74	
Бѣлая птица. Изъ записокъ воен. летчика Антона Амнуэля 568	Молитва. Стих. Ва. Тархова 464	Талисманъ. Разск. Г. Павлова 80	III. Географич., астрономич. и этнографическіе очерки.	
Бѣлый замокъ. Разск. Р. Базена 507	Набатъ. Разск. Ва. Кохановскаго 281	Тамъ, на высотѣ. Разск. И. Н. Потапенко 509	Въ „Небесной странѣ“. С. Н.—лина 471	Турецкое побережье Чернаго моря. Очеркъ Б. Гурьева. (Съ 4 рис.) 434
Вальтеръ Гринвейдъ, шпионъ. Разск. Р. Хольмса 715	На заводѣ. Стих. Е. Федотовой 529	Тарантулъ. Разск. И. Островного, съ 4 иллюстр. В. Спаскаго 257	Хохудейнъ храмъ. (Съ 3 рис.) 536	
Ведомое судьбою. Разск. А. В. Антонова 733	На закатѣ. Разск. А. Липецкаго 225	Тихій патриотъ. Разск. И. Н. Потапенко 600		
Великій Брама. Разск. В. Ропшина 172	На западномъ фронтѣ. Разск. В. Ропшина 51	Тишина. Разск. Г. Павлова 121		
Верденъ. Разск. Г. Павлова 710	Наказаніе. Разск. (съ 3 рис.) И. Потапенко 263	„Товарищъ городского головы“. Очеркъ Ф. М-та 190		
Верденъ. Стих. Я. Година 729	На Марнѣ. Разск. В. Ропшина 277	Три сестры. Стих. М. Андреева 637		
„Виноватый“. Разск. Ва. Воинова 93	На новыхъ мѣстахъ. Разск. Ю. Еолина 636	Тѣни. Стих. Д. Цензора 120		
Возмездіе. Разск. Ва. Кохановскаго 572	На пепелищѣ. Разск. Ю. Волина 207	У Вердена. Разск. В. Ропшина 656		
Воинъ Василій. Новогода. разск. Б. П. Никонова 14	Наперекоръ печальнымъ думамъ. Стих. Якова Година 267	У грани. Стих. А. Дроздова 225		
Встрѣча. Стих. Е. Федотовой 740	На позиціяхъ. Стих. Арсенія Митропольскаго 280	Угробницы Мстислава Храбраго. Стих. А. Корнифскаго 471		
Въ батальонѣ. Очеркъ А. Липецкаго 619	На развѣдкѣ. Разск. (съ 6 рис.) В. Муйжеля 45	У креста. Разск. Н. Карабана Николаева 238		
Въ воздухѣ. Стих. Лидіи Лѣсной 577	Незамѣтные герои фронта. Полк. Г. П. 802	У родной церкви. Разск. В. Островскаго 305		
Въ заревѣ войны. Записки воен. корреспондента М. Доманскаго 34	Неизбѣжность. Стих. Д. Цензора 328	Фантина. Разск. Г. Павлова 645		
Въ изгнаніи. Перев. съ датскаго А. п П. Ганзенъ 688	Ночью. Разск. В. Ропшина 505	Франціи. Стих. Лидіи Лѣсной 508		
Въ небесахъ. Этюдъ Б. Курскаго 577	Обручальное кольцо. Разск. Р. Базена 116	Хуторъ пана Стася. Разск. Я. Окумлева 181		
Въ „свейскомъ“ плѣну. Картины прошлаго А. Пресса 693	Они. Стих. Н. Ч.—на 771	Царевы дѣти. Разск. В. Бѣлова 584		
Въ тылу непріятеля. Разск. Я. Окумлева 81	Патаджурскій переваль. Стих. Г. Яснискаго 44	Цветы. Стих. С. Михѣева 128		
Въ усадьбѣ. Разск. А. Лазарева-Грузинскаго 222	Передъ иконой св. Георгія. Стих. Георгія Иванова 276	Я ребенокъ любилъ. Стих. И. Гумилева 196		
Въ часовнѣ. Стих. А. Дроздова 504	Пережитое. Разск. Б. Курскаго 542	IV. Текущія событія.		
Въ часовнѣ. Стих. Ил. Сахарова 732	Письмо изъ плѣна. Разск. Ю. Волина 653	Всеполднанійшая телеграмма Августѣйшаго Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ 119		
Вѣчная слава. Стих. Ва. Воинова 20	Письмо. Стих. Лидіи Лѣсной 652	Высочайшій рескриптъ И. Л. Горемыкину 89		
Герои. Разск. Ф. Бутъ 288	Письмо. Стих. С. Михѣева 500	Высочайшій рескриптъ 334		
Господинъ Маршалъ. Разск. В. Ропшина 523	Побѣга. Разск. В. Ропшина 720	Голосъ народа (въ Госуд. Думѣ). 9-е Февраля 153		
Гуссейнъ-бей-Абдалла. Разск. В. Ропшина 375	Подруга съ глазами газели. Разск. А. Деформа 650	Десятилѣтіе Государственной Думы (Съ 33 портр. и 4 рис.) 293		
24 километра въ 30 часовъ. Разск. М. Левска 672	Поединокъ. Разск. В. Ропшина 537	Именной Высочайшій Указъ Б. В. Штурмера 88		
Двадцать разъ. Стих. П. Орфинникова 14	Пока. Стих. Лидіи Лѣсной 776	Приказъ Государя Императора по арміи и флоту 868		
Для ея счастья. Разск. В. Бѣлова 631	Похоронный маршъ. Стих. А. Липецкаго 588			
Докторъ Вартъ. Разск. Ф. Зарина-Несвицкаго 22	Послѣ боя. Стих. П. Орфинникова 360			
Докторъ философіи. Разск. Ю. Волина 529	Послѣдній паренъ. Разск. Ю. Волина 780			
Долина рая. Стих. Я. Година 415	Призракъ. Разск. Э. Аракура 671			
Дороги. Стих. Д. Цензора 329	„Провиденція“. Картина прошлаго А. Пресса 430			
Дуэль. Разск. Г. Павлова 313	Проводы. Стих. Мих. Андреева 145			
Единственно важное. Разск. Ф. Бутъ 403	Похоронный маршъ. Стих. А. Липецкаго 588			
Едка. Стих. Л. Лѣсной 845	Равнословно смерти. Разск. И. Островного 613			
Женщина. Пер. А. Ганзенъ 335	Радость жизни. Разск. В. Келера 838			
„Живно Сербія!“ (Да здравствуетъ Сербія!). Стих. А. Корнифскаго 56	Развѣдчикъ. Разск. С. С. Грузинскаго-Лазарева 384			
Жозефа. Разск. Фр. Бутъ 484	Разскавъ сержанта. В. Ропшина 414			
Защитникамъ Вердена. Стих. М. З. И годъ второй къ концу складывается. Стих. Н. Гумилева 156	Расцвѣтилась огнями околица. Стих. Я. Тисленю 104			
Изъ книги „Сонеты Солнца, Меда и Луны“. Стих. К. Бальмонта 860	Ребенокъ съ деревяннымъ ружьемъ 507			
Исполдай тебѣ, Русь - терпѣливица. Стих. А. Дроздова 340	Рекрутъ. Стих. Александра Дроздова 178			
Какъ растутъ кресты. Рассказъ Б. Никонова 150	Родинѣ. Стих. Дмитрія Цензора 353			
Какъ цвѣты. Стих. Лидіи Лѣсной 743	Самозванка. Разск. Ю. Волина 539			
Канониръ Бенуа. Разск. В. Ропшина 19	Свиданіе. Разск. П. Вальдана 463			
Карпатскій кречетъ Гйарборъ. Изъ боев. сказ. С. Свириденко 438	Сердце узнало. Разск. А. Дроздова 549			
Кейстутъ - Нѣмецкойца. Стих. А. Корнифскаго 206	Силчаты войны. В. Ропшина 183			
Китежъ. Стих. З. Бухаровой 19	Синій цвѣтъ. Разск. Н. Крашениникова 743			
Крестъ. Разск. Л. Добровравова 218, 250	Сказки нашихъ дней. Разск. Ю. Волина 166, 267, 354			
Къ великой годовщинѣ. Стих. А. Корнифскаго 498	Случайный другъ. Быль Вадима Бѣлова 243			
Купеческая дочь. Пов. (съ рис.) И. Потапенко 453, 473	Смѣлый человѣкъ. Разск. И. Н. Потапенко. (Съ 6 рис.) 277			
Кучий. Этюдъ Б. Курскаго 812	Снопы. Стих. К. Бальмонта 697			
Лабораторія великихъ разрушеній. Разск. (съ иллюстр.) С. Бѣльскаго 406	Солдаты проходили, барабана Стих. Г. Иванова 468			
Лѣшій. Оч. А. А. Дунина 848	Старый волка. Разск. А. Лазарева-Грузинскаго 286			
Мальчикъ съ фронта. Разск. А. Дроздова 823	Старый кавалеръ. Разск. Ю. Слезкина 105			
Маргарита Травкиль. Разск. Ю. Волина 665	Степной „батьга“. Разск. Я. Окумлева 762			
	Сто восемнадцать. Разск. Г. Архипова 69			
		II. Статьи и очерки.		
		Америка—новый арсеналь міра. Оч. (съ 10 рис.) З. Рагозиной 518		
		Безмолвныя жертвы войны. Оч. П. Васильковскаго 861		
		Бичъ трагедій. (Съ 3 рис.) А. Форестъ 306		
		Борьба съ роскошью въ Англии. Оч. К. Чуксовскаго 805		
		Витязъ и смерть 625		
		Военный заемъ 834		
		Вожди и руководители. Встрѣчи и воспоминанія полковника Г. П. (Съ 4 портр. и 1 рис.) 441		
		Воарращенные къ жизни. Очеркъ (съ 8 рис.) 661		
		Война и комары 507		
		Всероссійскій съездъ военно-промышленныхъ комитетовъ 232		
		Въ память Минина. (Съ 2 рис.) 391		
		Вѣчная память Эдигъ Кавель 596		
		Гнѣздо минитарнама въ средніе вѣка 780		
		Дѣти героевъ. А. Ардова 671		
		Дѣтубойцы. (Съ 1 рис.) 430		
		Заслуги И. И. Мечникова передъ наукой. Очеркъ Е. С. Лондона 145		
		Защитникъ Вердена. З. Рагозиной 588		
		Изъ жизни русскихъ плѣнныхъ въ Германіи. (Съ 8 рис.) 854		
		Изъ мертвато города. Очеркъ (съ 10 рис.) Я.—ва 421		
		Испытаніе авіатора 565		
		К. В. Лебедевъ. Оч. проф. Ва. Е. Яковскаго 821		
		Колоколь Роландъ (Нѣмецкая „правда“). Очеркъ Юганеса Юргенсена 345, 361, 377		
		Къ 300 лѣтію со дня смерти Шекспира. П. Ганзенъ 597		
		Лаураты Императорской Академіи Художествъ 102		
		Маленькая героиня 498		
		Мое посѣщеніе англійскаго фронта. Оч. А. Поуль 813		
		Мотоциклетка на войнѣ и въ тылу. Оч. (съ 7 рис.) М. А. Лятскаго 499		
		„Наутилусъ“ въ мировой войнѣ. Очеркъ Ф. Стубалита 319		
		Общественныя столовныя, очеркъ д-ра Г. Гордона 766		
		Отъ Шекспира до передовыхъ окоповъ. Полк. Г. П. 200		
		„Пламенѣющее сердце“. Статья В. Полюскаго 816		
		Потопленіе „Португалии“. (Съ 3 рис.) 255		
		Посмертная выставка В. Д. Орловскаго. М. Дальневича 858		
		Противъ закона Божьяго и человѣческаго 113		
		Распаленіе. Оч. ниж. Н. Рюмина 588		
		Регламентация подводной войны 707		
		V. Политическое обозрѣніе.		
		Балканская драма обд. № 4		
		Война и идеалы. Рѣчь Ллойдъ-Джорджа 639		
		Выступленіе Румыніи обд. № 35		
		Гордѣвъ узелъ 611		
		Двадцатилѣтіе русско-французскаго союза обд. № 20		
		Завѣтъ минувшаго года обд. № 1		
		Малыя державы въ великой войнѣ обд. № 21		
		Манифестація русско-японской дружбы 643		
		Норвежско-германское столкновение обд. № 45		
		Нѣмецкое возрожденіе Польши 771		
		Объединеніе Европы 235		
		Перчатка, брошенная черезъ океанъ обд. № 18		
		Пруссія и освобожденіе Польши 638		
		Развязка аинской драмы . обд. № 40		
		Русскій отвѣтъ на германское предложеніе мира 651		
		Русско-японскій союзъ обд. № 28		
		Скандинавскій нейтралитетъ 655		
		Угроза съ Востока обд. № 9		
		VI. Великая Европейская война.		
		а) Дневникъ военныхъ дѣйствій К. Шумскаго.		
		1, 38, 42, 58, 86, 69, 118, 134, 155, 173, 177, 198, 284, 233, 274, 293, 310, 325, 341, 358, 374, 590, 417, 422, 451, 465, 469, 488, 501, 525, 533, 562, 579, 593, 610, 627, 642, 657, 674, 691, 706, 723, 741, 769, 773, 801, 820, 835, 851 и 866.		
		б) Отклики войны:		
		На обложкахъ №№ 1—10, 17—43, 47, 49.		
		в) Хронологія войны:		
		15-й—17-й мѣсяцы—обложка. № 5		
		18-й—19-й № 17		
		20-й—22-й № 25		
		23-й—25-й № 37		
		VII. Вопросы внутренней жизни.		
		Борьба съ продовольственными затрудненіями обд. № 20		
		Война и желѣзныя дороги . обд. № 17		
		Война и кооперація обд. № 7		
		Вопросъ о крестьянскомъ равноправіи въ Госуд. Думѣ . обд. № 24		

СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.
25-лѣтіе Вел. Сибирск. пути . обл. № 22	Девамбозь, А. Волны атаки . . . 582—	Сологубъ, Л. Р. Паъ походнаго альбома. 59 рисунковъ 360. 437—448, 458—464 и 741—748	Второй всероссійскій съѣздъ военно-промышл. комитетовъ. 232
Карточная система 724	Девяткинъ, С. Вѣнецъ страданія— вѣнецъ побѣды 163	Обозные 687	Въ Альпахъ 170
Новый военн. заемъ 175	Дудинъ, С. Военный заемъ 835	По аэроплану 686	Въ бомбардируемомъ Верденѣ (2 рис.) 612
Правительство и Госуд. Дума . 175	Dunée, I. Ламме Goodzakъ 735	По гудрокому ситгу 368	Въ Верденѣ 483
Продовольственный вопросъ въ Госуд. Думѣ обл. № 23	Дыдышко, К. Дулла въ Эрзерумѣ . 701	У проволочныхъ загражденій 682	Въ Вогезахъ 393
Русская общественность и государственность обл. № 1	Плѣнный аскеръ 703	Вдовой Чернышевъ съ коневымъ Шлакомъ 688	Въ Галиціи (11 рис.) 305—308, 755 и обл. № 26
Созывъ Государственной Думы . 92	Жюнасъ, Л. Честь имѣю явиться, вашъ приемный сынъ! 416	Спасскій, В. 27 иллюстрацій къ разсказамъ 257—259, 454—457, 473—477, 489—495, 711, 713—714 и 729—732	Въ германскомъ концентраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ (8 рис.) 29—32
Твердыя цѣны и твердая политика обл. № 37	Журавлевъ, Ф. Передъ вѣнцомъ . 23	Стабровский, К. „Гейналь“ 779	Въ гостяхъ у казаковъ 721
Уголовный законъ противъ торгового хищничества . . обл. № 41	Звѣревъ, В. И. Передъ атакой . 781	Громовой ударъ 79	Въ Дарданеллахъ 34
	Зяковъ, А. Раненый солдатъ . 779	Курганъ 78	Въ заоблачныхъ высяхъ 350
	„Солдатъ изъ Марокканской дивизіи“ 779	Надъ печальной страной 76	Въ землянкѣ командира . . обл. № 31
	„Траншея первой линіи около Реймса“ 778	Огненный потокъ 75	Въ Луцкомъ районѣ 616
	Игнатьевъ, М. И. Вѣсти съ войны . 2	Радуга—врата новой жизни 81	Въ Лѣсныхъ Карпатахъ (2 рис.) . 850
	Ижакевичъ, И. Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы Маріи 205	Расолиа 80	Въ лѣсу у деревни. Наблюдатели . 132
	„10 иллюстрацій къ разсказу „Крестъ“ 219—221, 250—252 и 260—262	Тѣнь креста 77	Въ минуты отдыха (2 рис.) . обл. № 32
	„На паромѣ“ 269	Шестые грезы 73	Въ подводной лодкѣ 751
	„Съ вами Богъ!“ 761	Творожниковъ, И. Продавецъ обрзковъ 237	Въ Подлесьѣ (2 рис.) 431
	Исуповъ, А. Пасхальная ночь . 273	Уманскій, С. А. Памяти С. Я. Налсова (Варельефъ-медальонъ) . 789	Въ разбитомъ костелѣ обл. № 26
	Јенсенъ, Г. Страстная Суббота . 240	Hubert, A. Уленспигель и Клаузе . Цисера, А. Esse homo! 784	Въ разоренной Бельгіи (4 рис.) . . 361, 363 и 365
	Самр, С. У. Нелли, въ горести, ждешь Уленспигеля 734	Чудотворная икона Остробрамской Божіей Матери въ Вильнѣ (2 рис.) 208	Въ разоренной Польшѣ 371
	Кацъ, М. Я. Слѣпой Самсонъ (скульптура) 102	Шаталова, „Милосердіе“ (скульптура) 354	Въ районѣ Луцкъ—Владимиръ-Вольскій (2 рис.) 610 и 611
	Колесниковъ, С. Бѣженцы 733		Въ русскомъ Эрзерумѣ 288
	„Къ заутренѣ“ 268		Въ Салоникахъ (3 рис.) 71 и 112
	„Развѣдчикъ“ 354		Въ Сербіи 71
	Кудрявцевъ, А. Трудная операция обл. № 21		Въ сердцахъ подводной лодки . . . 750
	Кудрявцевъ, М. Культъ тевтонской орды XX вѣка обл. № 6		Въ Черномъ морѣ (9 рис.) 82—85
	Кузнецовъ, В. Канунъ 837		Въ Эрзерумѣ (6 рис.) обл. № 33 и 514—515
	„На Страстной недѣлѣ“ 253		
	Лебедевъ, К. В. Боярская свадьба . 824		
	„Бѣдная“ 827		
	„Въ церкви „Спаса за золотой рѣшеткой“ 828		
	„Гражданская палата“ 825		
	„Друзья“ 848		
	„Иконописецъ“ 847		
	„Кончина царя Теодора Иоанновича“ 821		
	„Мальчикъ“ 826		
	„На родинѣ“ 822		
	„На свиданіи съ сыномъ“ 823		
	„Христа ради юродный“ 846		
	„Угощеніе шута“ 848		
	Лингардтъ, Э. Покровители Франціи (Les patrons de la France) 773		
	Лодыгинъ, С. 7 рис. къ разсказу „Радость жизни“ 838, 839, 841, 842, 853, 855 и 857		
	Маковскій, А. В. Десантъ на Кавказскомъ побережьи 433		
	„Пасхальный столъ“ 273		
	Маковскій, В. Е., проф. Постѣнія извѣстія съ войны 417		
	Максенсъ, Г. За упокой души павшихъ 239		
	Максимовъ, А. Военный заемъ 834		
	„Въ свейскомъ плѣну“, 5 рис. 693—6 и 698		
	Малашкинъ, Д. (скульптура). На развѣдкѣ 780		
	Марина, Р. 3 рис. къ очерку „Сервантесъ“ 832 и 833		
	Мочаловъ, А. П. Рыболовы 103		
	Мурильо. Мальчуганы 831		
	Новоскопцевъ, А. Н. Кончина патріарха Гермогена 829		
	Образъ Иверской Божіей Матери въ церкви села Рудовка Сувалкской губ. 274		
	Орловскій, В. Лодка 859		
	„Море“ —		
	„Набережная“ 372		
	„На хуторѣ“ 858		
	„Прибой“ 859		
	„Цвѣтущее поле“ 853		
	Пимоненко, Н. Профессоръ В. Д. Орловскій 858		
	Пирсъ, А. „Не знающій преградъ“ . 865		
	Поповъ, Г. Св. великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ 397		
	Порфиоровъ, И. Смертный бой . 103		
	Савицкій, Г. К. Смерть Приама (Послѣдній день Троя) 164		
	Самокищъ, Н. С., проф. Ворвались первые 524		
	„Въ Галиціи. У воротъ замка“ 123		
	„Въ ожиданіи врага“ 677		
	Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ 405		
	„На пути къ Эрзеруму“ 373		
	„На развѣдкѣ“ 157		
	„Настигла“ 49		
	Плѣнные 309		
	„Вдовой (артиллеристъ)“ 182		
	Семеновъ, А. Боевые товарищи . 183		
	„Бѣженцы“ 181		
	„Могила героевъ“ 7 рис. 479, 480 и 631—635		
	„На бивуакѣ“ 182		
	„Похороны“ 181		
	„У орудія“ 183		
	Семирадскій, Г. Александръ Македонскій и его врачъ Филлиппъ . 684		
	Симонъ, Ж. „Какъ тамъ у васъ?“ . 788		
	Скоттъ, Д. „Снадь“ 537		
	Сологубъ, Л. Р. Артиллерійскій бой 683		
	„Вышли въ поле“ 687		
			Въ Альпахъ 170
			Въ бомбардируемомъ Верденѣ (2 рис.) 612
			Въ Верденѣ 483
			Въ Вогезахъ 393
			Въ Галиціи (11 рис.) 305—308, 755 и обл. № 26
			Въ германскомъ концентраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ (8 рис.) 29—32
			Въ гостяхъ у казаковъ 721
			Въ Дарданеллахъ 34
			Въ заоблачныхъ высяхъ 350
			Въ землянкѣ командира . . обл. № 31
			Въ Луцкомъ районѣ 616
			Въ Лѣсныхъ Карпатахъ (2 рис.) . 850
			Въ лѣсу у деревни. Наблюдатели . 132
			Въ минуты отдыха (2 рис.) . обл. № 32
			Въ подводной лодкѣ 751
			Въ Подлесьѣ (2 рис.) 431
			Въ походѣ. „Офисерское собраніе“ обл. № 32
			Въ разбитомъ костелѣ обл. № 26
			Въ разоренной Бельгіи (4 рис.) . . 361, 363 и 365
			Въ разоренной Польшѣ 371
			Въ районѣ Луцкъ—Владимиръ-Вольскій (2 рис.) 610 и 611
			Въ русскомъ Эрзерумѣ 288
			Въ Салоникахъ (3 рис.) 71 и 112
			Въ Сербіи 71
			Въ сердцахъ подводной лодки . . . 750
			Въ Черномъ морѣ (9 рис.) 82—85
			Въ Эрзерумѣ (6 рис.) обл. № 33 и 514—515
			Выдѣленіе полевого гаража изъ мастерской 188
			Выѣздъ конной батареи на позицію 382
			Вѣсти съ небесъ 313
			Гвардейскій авіаціонный отрядъ дѣйствиющей арміи 168
			Генералъ Я. Г. Жилинскій раздаетъ медали работникамъ заводовъ 646
			Георгиевская Дума кавказскаго фронта 117
			Георгиевскіе кавалеры въ Царской Ставкѣ на Высочайшемъ смотрѣ 6 декабря 1915 г. 39
			Германская мина, выловленная въ р. Тигрѣ 576
			Германская подводная лодка UC5 (2 рис.) 704
			Германскій огнеметъ 673
			Герои Эрзерума 283
			Глаза и уши окоповъ (4 рис.) обл. № 30
			Главной отрядъ Краснаго Креста В. М. Пуршикевича (3 рис.) . 70
			Голубиный экспрессъ 787
			Гора Кавель 596
			Городъ Бучачъ. Жители на работѣ у своихъ сожженныхъ домовъ обл. № 29
			Городъ Гродна (2 рис.) 86
			Городъ Дубно (2 рис.) 486
			Городъ Каери-Ширивъ (8 рис.) . 385—387
			Городъ Слонимъ въ огнѣ 204
			Государь Императоръ на западномъ фронтѣ (2 рис.) 89
			День авіатора (18 рис.) 566—567, 570—571 и 573
			Деревенская церковь, разрушенная неприятельскимъ снарядомъ 248
			Деревня за Луцкомъ 467
			Деревня Травники обл. № 29
			Дивизионный лазаретъ 248
			Дивизионный оркестръ въ Глуствѣ . 539
			Допросъ на сѣверномъ побережьи . 400
			Допросъ военнопленныхъ 418
			Другъ или врагъ? 581
			Друзья обл. № 36
			Душа Вердена 728
			Дымовая завѣса 673
			Дѣла—нашъ Сусанинъ 431
			Дѣти воинвоъ-героевъ (4 рис.) . 5—7
			Его Величество Государь Императоръ въ Царской Ставкѣ среди военныхъ представителей союзныхъ державъ 311
			Женщины вышли рыть окопы . . . 192
			Женщины за рытьемъ окоповъ . . 192
			Заводъ, зажженный въмецкими снарядами 20
			Завоеваніе германскихъ владѣній въ Африкѣ (4 рис.) 574—575
			Замокъ князя Радзивилла въ имѣннѣ Мирѣ 480
			Захватенные французами въ Шампани въмецкіе снаряды, начиненные удушными газами 100
			Захватенный у германцевъ бронированный поѣздъ 540
			Землянка штаба полка въ 1/1 верстахъ отъ боевой линіи 209
			Издѣлія солдатъ на позиціяхъ „Изъ вражяго плѣна“. Бѣглецы (6 рис.) 310, 311
			Изъ мертвато города (10 рис.) . 421—424
			Иконосъасъ временной (походной) церкви на фронтѣ 674
			Искусль 481
			Илья Муромецъ на позиціяхъ . 314
			Испытаніе авіатора 565
			Ихъ Величества англійскіе король и королева бесѣдуютъ съ начальникомъ англ. ген. штаба сэромъ В. Робертсономъ . . 601

СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.
Кавказский фронтъ (28 рис.) . . . 42—44	На сѣверномъ фронтѣ (4 рис.) . . . 384, 481 и 587	Послѣ жаркаго боя 351	Французская пѣхота на походѣ . . . 366
Казакъ съ трофеями 104	Научное засѣданіе 20 іюля 1916 г. на фронтѣ въ память И. И. Мечникова 624 367	Послѣ отхода нѣмцевъ 36	Французскіе солдаты прокладываютъ новую стратегическую дорогу 866
Казачій развѣздъ 190	На французско-англійск. фронтѣ 399	Потопление „Португалии“ (3 рис.) 253 и 256	Французскій блиндированный поездъ 740
Казенные шпіоны 592	На французскомъ заводѣ, изготовляющемъ боевое снаряженіе 399	Походная канцелярія артиллеристовъ 91	Французскій военный аэропланъ французскій солдатъ у себя дома 517
Казнь шпіона 592	На французскомъ западномъ фронтѣ 754	Походная кухня на пути къ передовымъ позиціямъ 542	Французскія походныя хлебобулочкарни 548
„Ключокъ бумаги“. Подписи на трактатѣ о нейтральности Бельгій 1839 г. 349	На французскомъ фронтѣ (9 рис.) 376, 391, 509—510 и 666	Походная церковь (5 рис.) 40 и 590—591	Хохудскій храмъ (3 рис.) 536
„Колбаса“ 331	На французскомъ фронтѣ (3 рис.) 165, 357, 749, 862 и 863	Походное офицерское собраніе 275	Церковный парадъ войскамъ (2 рис.) 216
Колонія для дѣтей русскихъ добровольцевъ, сражающихся въ рядахъ французской арміи (2 рис.) 718	На Чрномъ морѣ (4 рис.) 236	Похороны дѣтей, убитыхъ германцами во время налета цеппеллина на Ремсгэтъ 497	Церковь въ Гютерсле (Вестфалия), построенная нашими военнопленными въ Германіи 344
Командующій арміей ген. Радко-Дмитріевъ и представитель англійской военной миссіи майоръ Торнхиль въ гостяхъ у латышскихъ стрѣлковъ 584	Наша тяжелая „12“ на позиціи 110	Похороны французскихъ солдатъ, скончавшихся въ лѣтнюю 246	Церковь, вынесенная изъ лагеря на р. Иквѣ 727
Командующій кавказской арміей ген.-отъ-инф. Н. Н. Юденичъ проходитъ во главѣ пластунокъ церемониальнымъ маршемъ перѣдъ Авг. Намѣстникомъ Е. И. В. В. К. Николаемъ Николаевичемъ 10	Наше наступленіе на юго-западномъ фронтѣ (16 рис.) 486—487, 501—504 и 561	Почетная шпига, поднесенная сербскому королевичу Александру 778	Церковь 20-го пѣх. Галицкаго полка 451
Костель въ деревнѣ Сарафинѣ (2 рис.) 33	Наші бронированные автомобили 675	Президентъ Французской республики раздаѣтъ почетные дипломы 644	Черновицы: Мнимогеты, захваченныя въ бою 538
Красный Крестъ на походѣ 95	Наші войска на союзномъ фронтѣ въ Салоникахъ 675	Прибытіе въ Марсель спротивъ сербскихъ воиновъ (2 рис.) 60	Школьная подишка на военный земь въ Англии 719
Крестъ на войнѣ 528	Наші войска переходятъ рускоперсидскую границу 9	Прибытіе русскихъ войскъ въ Салоники 737	Штабъ дивизіи на вершинѣ Кариабазарскаго плато 289
Крытая вагонетка узкоколейной желѣзной дороги 402	Наші депутаты на союзныхъ европейскихъ фронтахъ 312	Прибытіе чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери въ дѣйствующую армію 469	Штурмъ Эрзерума 288
Къ взятію Эрзерума 180	Наші солдаты закапываютъ убитаго германца 69	Проготовленіе проволочныхъ загражденій 617	Эвакуація пленныхъ австрійцевъ (3 рис.) 530
Къ войнѣ на Балканахъ 111	Наші трофеи (2 рис.) 68	Проволочныя загражденія и волчьи ямы 330	Эрзерумъ (9 рис.) 178
Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ (4 рис.) 614—616	Нашъ бронированный поездъ 586	Противоаэропланное орудіе 113—114	Эрэнджанъ (7 рис.) 654—656
Къ наступленію нашихъ войскъ. Пѣхотные австрійцы. Деревня Рожице 467 и 468	Нашъ „Максимка“ на работѣ 110	„Противъ закона Божьяго и челоуческаго“ (4 рис.) 113—114	Эскадронъ гусаръ на водопаѣ 377
Къ наступленію на юго-западномъ фронтѣ (3 рис.) 627 и 638—639	На этапѣ 643	Пулеметники въ противогазныхъ маскахъ 210	Юные резервы Франціи 172
Къ окопамъ 621	На юго-западномъ фронтѣ (10 рис.) 534—535, 562, 659 и 769—772	Пути отступленія австрійцевъ (5 рис.) 472	Японская морская миссія, прибывшая въ Петроградъ и отправившаяся затѣмъ въ Парскую Ставку 320
Къ соединенію рѣки Роны съ Марсельскимъ портомъ (2 рис.) 546—547	„Не знающій прегрѣдъ“ (2 рис.) 51	Разборка патроновъ 188	Японская парламентская делегация, прибывшая въ Россію 609
Лагерь 356	Неприятельскую батарею наши Новая тяжелая французская артиллерія (снаряды) 398	Разбѣдчики выслѣживаютъ неприятеля 12	
Латвійскіе стрѣлковые батальоны передъ боемъ 585	Новый выпускъ прапорщиковъ въ пути на передовыя позиціи 383	Развѣдчики переправляются черезъ рѣку 12	
Легко-полевая желѣзная дорога постовой тяги 617	Облако дыма, которымъ окутываютъ себя германскія военныя суда, чтобы скрыться отъ неприятельской артиллеріи 339	Раздача куличей на позиціяхъ 270	
Лошадь въ окопѣ 215	Образъ св. Николая Чудотворца, найденный въ мусорѣ солдатомъ во время похода въ Галицію 207	Различныя типы французскихъ воздушныхъ бомбъ 100	
Месопотамія (2 рис.) 107	Общій видъ Эрзерума со стороны Карскихъ воротъ 681	Разрушенія желѣзнодорожнаго пути близъ Вильны 87	
Мирныя картины боевого фронта Могила героя 613	Около убитаго хозяина 215	Разрушенный мостъ 56	
Молельникъ 247	Окопы, затопленные весенней водой 26	Реквизиція мѣды въ И. (Минской губ.) 210	
Мостъ черезъ рѣку, сорванный австрійцами 132	Опатовская братская могила 441	Румынская армія (3 рис.) 593—594	
Мотоциклетка на войнѣ и въ тылу (7 рис.) 499—500	Опять на позиціи (2 рис.) 30	Румынскіе бой-смоты 594	
Мыза близъ озера Свентень 87	Осажденіе куличей на позиціяхъ 19	Русская баня на фронтѣ 324	
Мѣстечко Торчинъ 642	Отбитыя отъ германцевъ проволочныя загражденія 212	Русскіе журналисты, отправившіеся въ качествѣ корреспондентовъ на западный фронтъ (Чуковский, Егоровъ, Набоковъ и Немировичъ-Данченко) 254	
На англійскомъ заводѣ 648	Открытие Англо-Русскаго лазарета въ Петроградѣ 105	Русскія войска во Франціи (3 рис.) 622—623	
На англійскомъ фронтѣ (14 рис.) 353, 650—651, 667—668, 670—671, 738—739, 766, 814 и 815	Отправка изъ Парижа новобранцевъ досрочнаго призыва 1917 года 116	Русскія войска въ Марсели (4 рис.) 325—328	
На артиллерійскихъ позиціяхъ (2 рис.) 541	Отрядъ Краснаго Креста на позиціяхъ 95	Русскія войска на салоницкомъ фронтѣ 802	
На артиллерійской развѣздѣ 214	Отрядъ летчиковъ въ гостяхъ у товарищей 314	Рѣка Д. у мѣстечка Э., за обладаніе которой былъ продолжительный бой 209	
На аэродромѣ 577	Отступление сербской арміи 59	Савитарскія колонны 95	
На балканскомъ фронтѣ (2 рис.) 318 и 319	Отъ Ставки Верховнаго Вожда до передовыхъ окоповъ (7 снимковъ) 199, 200, 202 и 203	Священникъ одѣлываетъ деньгами и сласами дѣтей бѣженцевъ 272	
На бельгійскомъ фронтѣ (2 рис.) 271 и 367	Офицерскій наблюдательный пунктъ 360	Священникъ 42-й арт. бригады, часто посѣщающій окопы 274	
На британскомъ фронтѣ на р. Сомѣ 736	Охрана сѣвернаго фронта 400	Сербскія войска въ Салоникахъ. (2 рис.) 39	
Наші бронированные автомобили 403	Павшимъ въ великой войнѣ—благодарная отчизна. Почетный дипломъ во Франціи семьѣ воина, положившаго жизнь за родину 629	Сибирскіе казаки 191	
На Верденскомъ фронтѣ 484	Первый отрядъ перелетныхъ фильтровъ, введенныхъ во французской арміи 99	Снабженіе арміи. (5 рис.) 186—187	
Наводка понтоннаго моста на рѣкѣ Д. 39	Передвижной театр на французскомъ фронтѣ 680	Солдатское жилище на глубинѣ грехъ метровъ надъ землею 337	
На границѣ Персіи 9	Передвижной театр на французскомъ фронтѣ 680	Союзный трудъ съ Дальняго Востока 321	
На границѣ съ Румыніей (4 рис.) 55	Передъ атакой барабанщики отправляются въ траншеи 338	Среди латышскихъ стрѣлковъ 585	
Нагрузка поѣзда и отправка его на позиціи 19	Переправа на надутыхъ резиновыхъ мѣшкахъ 436	Старинная крѣпость въ Луцкѣ 87	
На Двинскомъ фронтѣ (2 рис.) 584	Переходъ команды истребителей по временному военному мосту 52	Стрѣлокъ-развѣдчикъ со своимъ помощникомъ—ищейкой. обл. № 36 866	
На западномъ англійскомъ фронтѣ (2 рис.) 600—601	Переходъ по понтонному мосту 64	Сухопутные дредноты 13—15	
На западномъ фронтѣ (22 рис.) 98, 99, 111, 124, 169—172, 271, 276, 647, 672, 717, 722, 753, 765, 767 и 815	Птиризмъ, метрополитъ Пгр. и Лад., на кавказск. фронтѣ (3 рис.) 57 и 58	Сѣверопомощъ (5 рис.) 419	
На итальянскомъ фронтѣ 708	Плакатъ новаго французскаго займа 863	Тарнополь 419	
На кавказскомъ фронтѣ (80 рис.) 11, 108, 118—119, 134—136, 145—146, 148—150, 160—162, 173—175, 184—185, 225—227, 229—231, 316, 317, 401, 420, обл. № 27, 513, 516, 531—532, 556, 560, обл. № 83, 656—657, 679—681, 699—700, 723 и 762—763	Плѣнные австрійцы (5 рис.) 247, 471, 533, 540 и обл. № 29 93	Телефонная станція обл. № 31	
На могилахъ павшихъ воиновъ 675	Плѣнные германцы 720	Телефонъ съ „Колбасы“ 331	
На нашемъ западномъ фронтѣ (4 рис.) 151 и 754	Плѣнные ихъ! Подишитесь! 777	Тяны Галиции. Русскія за работой обл. № 29 383	
На отдыхѣ. За васильками 543	Подвозъ походной кухни обл. № 32	Транспортъ съ союзными войсками 8	
На отдыхѣ отъ боевъ. Праздничный день (5 рис.) обл. № 28	По дорогѣ на позиціи 358	Транспозудъ (9 рис.) 549—555	
На паромѣ черезъ р. Зап. Двину 379	Подъ Верденомъ 394	Трембовля 419	
На перевалочномъ пунктѣ (3 рис.) обл. № 31 53 и 91	Подъ Эрзерумомъ (11 рис.) 283—284 и 304	Турецкое побережье Чернаго моря (4 рис.) 434—435	
Наполненіе газами управляемаго аэростата 331	Полковая походная церковь въ лѣсу 207	Тяжелая батарея 418	
На пути къ Багдаду (3 рис.) 388	Полковой значокъ 17-го Донскаго казачьяго полка 561	Убицамъ капитана Фрайета 752	
На развѣздѣ брода 210	Помощникъ парижскаго военнаго губернатора генераль-Кузенъ, возлагающій орденъ Почетнаго Легіона на своего сына 339	Уборка солдатима сноповъ ржи съ полей передовыхъ позицій 542	
На рижскомъ фронтѣ (2 рис.) 381	Понтонный мостъ 212	У Вердена (3 рис.) 322, 323 и 482	
На салоницкомъ фронтѣ (9 рис.) 602—606, 676, 715 и 861	Послѣ воздушной развѣдки 330	У о. Саманина спусти 200 лѣтъ 803	
На союзныхъ и вражескихъ фронтахъ (8 рис.) обл. № 22 12	Послѣйшій долгъ товарищу, павшему смертью храбрыхъ 17	У о. Родной могилы 69	
На сторожевомъ посту 22		Установка орудія для обстрѣла вражескихъ аэроплановъ 214	
Наступленіе гусаръ въ городъ В. 378		Устройство проволочныхъ загражденій около опорнаго пункта 620	
Наступленіе на Эрзерумъ 289		У телефона 52	
		У Фальшвыя батареи (3 рис.) 65	
		У Фальшвыя орудія 330	
		Французская баня-душъ для солдатъ на фронтѣ 324	

в) Карты.

Карта австро-итальянскаго фронта 374	Карта Вердена 195
Карта всѣхъ театровъ войны въ Европѣ, Азій и Африкѣ — 10 фронтовъ 3	Карта Добруджи 639
Карта завоеванной Арменіи 523	Карта кавказскаго фронта. Месопотамія и районъ Багдадскаго желѣзной дороги 342
Карта крѣпости Верденъ и его фронтовъ 155	Карта румынскаго фронта 726, 801, 836 и 866
Карта румынскаго фронта на границѣ Трансильваніи и въ Добруджѣ, у границы Болгаріи 692	Карта сербско-русско-французскаго фронта 774
Карта фронта „Рига—Вилейка“ 234	Рельефная карта кавказскаго фронта обл. № 18
Самодѣльная карта Германіи, Т. Саранпа 553	

г) Разныя иллюстраціи.

Американская армія 370	Американскій флотъ —
Всюду жизнь (2 рис.) 756	Выставка „Солдатскій гигиены на фронтѣ“ въ Парижѣ (2 рис.) 115
Георгіевскій день въ Петроградѣ (2 рис.) 485	9-е февраля. Торжественное молельство 153
Женщины-кондуктора въ Пгр. Сѣбна 72	Къ десятилѣтію Государственной Думы. Автографъ и 3 иллюстраціи 293—295
Къ 300-лѣтію со дня смерти Шекспира (7 рис.) 597—599	Н.-Новгородъ времени Минина 392
Охрана художествъ сокровищъ Франціи. Порталь Амьенскаго собора 176	Памяти С. Я. Надсона (3 рис.) 797 и 800
Памятникъ Минину и Пожарскому, сооружаемый въ Н.-Новгородѣ 392	Памятникъ павшимъ воинамъ. 3 проекта обл. № 35
Памятникъ павшимъ при взятіи дер. Босежуръ 755	Памятникъ Петру Великому въ Ригѣ 381
Пожаръ въ деревнѣ 147	Похороны И. И. Мечникова 626
Пребываніе Е. И. В. Вели. Князя Георгія Михайловича въ Японіи (7 рис.) 126—129	

ХІ. Портреты и біографіи.

Акима, контр-адмиралъ 320	Аксютинъ, В. Д., прапорщ. † 97
Алексѣевъ, М. В., ген.-отъ-инф. 98	Алексѣевъ, П. Ф., кап. † 97

ОТРАН.	СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.	СТРАН.	
Алексѣй Николаевичъ, Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Вел. Кн.	37	Замысловскій, Г. Г., чл. 3-й Гос. Думы	295	Свищикій, Н. Н., пор.	51
Анашевъ, К. Д., прапорщ.	333	Заринъ, А. Д., чл. Гос. Д.	294	Скляровъ, П. С., прапорщ.	589
Андреевъ, Е. П., кап.	54	Захаровъ, А. М., подполк.	333	Снегиревъ, В. А., подпор.	195
Антоновъ, И. В., пор.	54	Захаровъ, В. Е., подпор.	333	Снопкинъ, В. А., сотникъ	589
Антоновъ, Н. И., чл. 3-й Гос. Д.	295	Зыковъ, С. П., полк.	470	Созоновичъ, И. П., чл. 3-й Гос. Д.	295
Баловъ, А. Е., ген.-лейт.	449	Ивановъ, А. И., прапорщ.	589	Сokolovъ, М. М., прапорщ.	333
Баланинъ, Г. Д., подпор.	333	Ивановъ, Н. М., ген.	764	Сологубъ, Л. Р., художникъ (2 портр.)	438
Барановъ, В. В., подпор.	589	Ильтоновъ, Г. Е., мичманъ	589	Солтановъ, П. А., генер.-отъ-артилл.	4
Барковский, В. М., полк.	54	Иноуэ, К., виконтъ	609	Сосновскій, В. И., подполк.	333
Басакъ, В. П., чл. Гос. Д.	294	Ирмановъ, В. А., ген.-отъ-арт.	449	Стабровский, К. А., художникъ	74
Беззубовъ, В. Я., прапорщ.	589	Ирмановъ, ген. (2 портр.) (К-ръ N кавказ. корп.)	764	Стойковъ, В. В., подпор.	195
Беззубовъ, В. Д., подпор.	589	Искрицкій, М. А., чл. 3-й Гос. Д.	295	Судейкинъ, В. Т., сенаторъ	88
Бейнаръ, Г. А., подпор.	333	Кавель, Эдитъ (скульптура)	596	Сузуки, кап. 2 ранга	320
Березинъ, М. Е., чл. 2-й Гос. Д.	295	Казанскій, М. В., прапорщ.	97	Суригъ, В. В., подпор.	195
Безъръ, М. В., пор.	54	Калиничукъ, С. Ф., прапорщ.	97	Сухачевскій, Г. И., подполк.	333
Бляжъ, Франсуа	398	Калитинъ, ген.-отъ-кав.	117	Сухарскій, А. Г., подпор.	333
Бобринскій, А. А., графъ, министръ земледѣлія	628	Каминскій, А. Т., подпор.	97	Тажима, Т.	609
Бобринскій, В. А., графъ	804	Канъ-Инь, Котохито, японскій принцъ	659	Татищева, Е. В., графиня (Е. Мишневъ)	256
Бойновичъ, П., генералъ	776	Капустинъ, И. К., подпор.	195	Тельвинъ, Л. А., подполк.	56
Борисовъ, С. И., прапорщ.	333	Карнаузовъ, М. М., ген.-майоръ	702	Терашкина, графъ	609
Брусилловъ, А. А., ген.-адъют. ген.-отъ-кав. (4 портр.) 277, 278 и	485	Карташевъ, Л. В., чл. 2-й Гос. Д.	295	Тешенко, К. Т., прапорщ.	589
Брыковъ, М. Е., подпор.	54	Кацъ, М. Я., лауреатъ Имп. Академіи Худ.	102	Того, баронъ	609
Вавиловъ, Н. А., прапорщ.	97	Кибаленко, Е. Е., шт.-кап.	54	Томиловъ, П. А., ген.-квартирм.	702
Варданетианъ, С. С., подпор.	97	Китицынъ, М. А., ст.-лейт.	7-6	Томиловъ, генералъ	283
Варунъ-Секретъ, чл. Гос. Д.	294	Китчеръ, лордъ	389	Тосу, кап. 2 ранга	320
Васюковъ, А. Н., подъесаулъ	294	Клепачевскій, Н. Г., прапорщ.	195	Третьяковъ, С. Ф.	727
Ватинъ, ген.	117	Клименко, Н. А., шт.-кап.	333	Трухнинъ, А. И., прапорщ.	195
Вдовенко, Г. Г., хорунжій	97	Клюке, В. Н., прапорщ.	97	Тумановъ, Н. Е., кн., ниж.-генералъ	4
Веденевъ, В. Ю., полк.	195	Князевъ, А. М., пор.	54	Уайтъ, Гр., англ. авіаторъ	168
Веселовскій, Г. И., прапорщ.	589	Ковалевскій, И. В., полковн.	333	Ульскій, П. В., прапорщ.	589
Викторія Федоровна, В. Кн. Е. И. В. Вильгельмъ, Р., корреспондентъ газ. "Times"	805	Ковалько, С. Н., прап.-авіаторъ	511	Уманецъ, Н. Н., пор.	54
Волковъ, А. А., прапорщ.	589	Кокочкинъ, Ф. Ф., чл. 1-й Гос. Думы	295	Успенскій, В. П., чл. 2-й Гос. Д.	295
Волковъ, Н. Д., шт.-кап.	54	Колзаковъ, П. Н., ген.-майоръ	333	Уселина, И. король Румыніи	593
Волконскій, В. М., кн. чл. 3-й Гос. Думы	295	Колчакъ, А. В., вице-адм.	705	Фоменко, В. П., пор.	333
Вонлярскій, В. А., корнетъ	589	Кониенъ, А. Г., кап.	179	Фонъ, генералъ	691
Воробьевъ, Б., подпор.	589	Корниловъ, Л. Г., ген.-лейт.	706	Фури, адм.	802
Воронцовъ, П. В., кап.	333	Корольковъ, Ф. А., прапорщ.	589	Хавъ-Нахичеванскій, генералъ	195
Гай, Дугласъ, ген.	116	Краббе, Л. К., полк.	54	Харламовъ, В. А., чл. 2-й Гос. Д.	295
Гаусманъ, А. С., прапорщ.	97	Красавцевъ, А. Ф., пор.	—	Хейгъ, Дугласъ, генералъ	691
Гелитовскій, В. В., ротм.	195	Кувалда, проф.	609	Хомутовъ, Б. Н., подпор.	195
Георгій Михайловичъ, Е. И. В. В. кн. (въ Токио)	125	Куропаткинъ, А. Н., ген.-адъют.	201	Хомяковъ, Н. А., предс. 3-й Гос. Думы	295
Георгъ, король	691	Курсановъ, П. В., пор.	54	Челноковъ, М. В., чл. 2-й Гос. Д.	295
Гехтманъ, Н. Г., подпор.	195	Лебедевъ, К. В.	822	Чирковъ, генералъ	117
Голицынъ, свѣтл. кн.	117	Леницъ, О. А., подполк.	—	Чихачевъ, Д. Н., чл. Гос. Д.	512
Головинъ, Ф. А., предс. 2-й Гос. Думы	295	Ллойдъ-Джорджъ (4 портр.)	640 и 641	Чубаровъ, А. Г., пор.	54
Голубевъ, С., главный священникъ арміи сѣверн. фронта	528	Логотовъ, В. Т., подпор.	195	Чуковский, К. И., журн.	254
Голубинскій, Г. А., хорунжій	97	Лохвицкій, ген.-майоръ	737	Шавельскій, Г., о. протопресвитеръ	528
Городискій, Н. Г., прапорщ.	195	Лытчиковъ, Л. А., есаулъ	589	Шапошниковъ, Г. Н., чл. 1-й Гос. Думы	295
Горскій М. (3 портр.)	817-819	Люшня, И. Ф., прапорщ.	195	Шаховской, Д. П., кн., чл. 1-й Гос. Думы	295
Гредескулъ, Н. Г., чл. 1-й Гос. Думы	295	Макусовъ, С. П., чл. 2-й Гос. Д.	295	Швабе, фонъ А. А., корнетъ	195
Гудимъ, А. И., подпор.	195	Мадіевъ, М. И., прапорщ.	589	Шенинъ, В. П., чл. Гос. Д.	294
Гурловъ, П. В., кап.	333	Марковъ, В. Д., пор.	54	Шершеневичъ, Г. Ф., чл. 1-й Гос. Думы	295
Гусаровъ, Н. П., кап.	54	Мейендорфъ, А. Ф., бар., чл. 3-й Гос. Д.	295	Шешуковъ, П. С., шт.-кап.	312
Гуторъ, А., ген. (начальн. штаба N арміи)	764	Мерсье, кардиналъ	396	Шилгаревъ, А. И., чл. Гос. Д.	195
Даценвичъ, Е. В., шт.-кап.	333	Мечниковъ, И. И.	625	Штормеръ, В. Вл., предс. Сов. Мин.	88
Демченко, В. Я., чл. Гос. Д.	312	Милозоровъ, Б. А., корнетъ	97	Шуваевъ, Д. С., ген.-отъ-инф.	254
Дмитриковъ, И. И., чл. Гос. Д.	294	Милюковъ, П. Н., чл. Гос. Д.	312	Эвертъ, А. Е., ген.-адъютантъ (2 портр.)	201 и 764
Долгоруковъ, П. Д., кн. чл. 1-й Гос. Думы	295	Михайловъ, А. М., пор.	54	Эдуардъ-Альбертъ, принцъ Уэльскій	813
Дружковъ, И. Г., шт.-кап.	54	Михайловъ, Н. К., подпор.	—	Энгельгардтъ, В. А., чл. Гос. Д.	312
Дыдышко, К. В., кап.	701	Михневичъ, А. Н., подпор.	333	Энгельманъ, В. А., подполк.	333
Дьяченко, Е. П., прапорщ.	97	Міата	609	Эфросъ, С. Ю., мичманъ	589
Дьябаль, ген.	546	Монурн, генералъ	34	Юденичъ, Н. Н., ген.-отъ-инф.	283
Егоровъ, Е. А., журн.	254	Мочаловъ, А. И., прапорщ.	97	Юденичъ, Н. Н., генералъ	119
Ефимовъ, Г. Х., чл. Гос. Д.	294	Мочаловъ, А. П., лауреатъ Имп. Академіи Худ.	102	Яманаси, кап. 2 ранга	320
Ефимовъ, В., подп.	703	Мочаловъ, В. И., прапорщ.	97	Яковскій, прапорщикъ-авіаторъ	511
Ефремовъ, А. Ф., шт.-кап.	333	Музалевскій, В. М., кап.	589	Яковъ, П. И., кап.	589
Жебровский, А. А., поручикъ	97	Муромцевъ, В. Н., подпор.	589	Янушевничъ, ген.	117
Жофферъ, генералиссимусъ	691	Муромцевъ, С. А., предсд. 1-й Гос. Д.	295	Юсминъ, Н. К., шт.-кап.	195
Жолончковскій, А. М., ген.	627	Набоковъ, В. Д., журн.	254		
		Нагорскій, полк.	117		
		Надсонъ, А. С.	797		
		Надсонъ, С. Я., (8 портр.) 796, 798 и	799		
		Надсонъ, Я.	797		
		Некрасовъ, Н. В.	804		
		Немировичъ-Данченко, Вас. Пв.	254		
		Неленинъ, А. И., вице-адм.	723		
		Нестеровъ, А. П., подпор.	97		
		Нестеровъ, П. П., прапорщ.	117		
		Нижерадзе, кн. полк.	37, 38		
		Николай II Александровичъ	117		
		Николай Николаевичъ, Вел. Кн.	117		
		Николь, Д. И., полк.	333		
		Ознобишинъ, А. А., чл. Гос. Д.	312		
		Ослуфьевъ, Д. В., прапорщ.	97		
		Осиповъ, Ф. И., полк.	333		
		Панаева, В. Н.	334		
		Панаевъ, В. А., ротм.	—		
		Панаевъ, Г. А., шт.-ротм.	—		
		Панаевъ, Л. А., ротм.	—		
		Пантелеймонъ, іеромонахъ	274		
		Пантелъевъ, И. С., подполк.	333		
		Парчевскій, П. А., ген.-лейт.	450		
		Петерсовъ, П. А., кап.	195		
		Петязъ, ген. (защитн. Вердена)	290		
		Пивоваровъ, И. И., прапорщ.	589		
		Питиримъ, митрополитъ	58		
		Плоттукъ, В. Н., кап.	195		
		Платовъ, эвкаръ Грузин	59		
		Понянский, Н. Н., чл. 2-й Гос. Д.	295		
		Покровский, А. Г., прапорщ.	7-6		
		Покровский, Н. Н., чл. Гос. Сов. (2 портр.)	389		
		Поль, А. А., прапорщ.	195		
		Пономаревъ, Н. П., прапорщ.	333		
		Понятовскій, Щ. А., чл. 1-й Гос. Д.	54		
		Поновъ, ген. (ген.-квартирмейст. N арміи)	333		
		Половъ, В. М., прапорщ.	511		
		Протопоповъ, П. Д., управляющій м-вомъ вн. дѣлъ	295		
		Пуанкаре, президентъ	705		
		Пустовойтенко, М. С., ген.-майоръ	179		
		Пятунича, В. А., пор.	706		
		Рагоза, А. Ф., ген.-отъ-инф.	589		
		Рагулинъ, К. Д., хорунжій	54		
		Радкевичъ, А. А., чл. Гос. Д.	609		
		Раевъ, Н. П., оберъ-прокуроръ	201		
		Св. Синода	54		
		Ранисскій І, прапорщ.	822		
		Ранисскій, Ф. Ф., чл. Гос. Д.	—		
		Рейнталъ, М. Р., подпор.-ф.	505		
		Рейнъ, Г. Е.	641		
		Реминевскій, А. Г., подпор.	195		
		Риттхъ, В. А., чл. Гос. Д.	737		
		Риттхъ А. А.	589		
		Рихтеръ, А. В., подпор.	195		
		Робертсонъ, В. сэръ	295		
		Родажанъ, М. В., предс. Гос. Д.	589		
		Рокъ, генералъ	54		
		Рубецъ, А. И., полк.	295		
		Руженцевъ, В. И., подпор.	97		
		Русскій, Н. В., ген.-адъютантъ	396		
		Рытвинскій, А. Л., фармацевтъ	625		
		Рюминъ, М. И., подпор.	97		
		Савицкій, Г. К., лауреатъ Имп. Акад. Худ.	312		
		Салтыковъ, С. Н. чл. 2-й Гос. Д.	54		
		Самуэль, министр	195		
		Саранинъ, Т. (2 портр.)	609		
		Саррайлъ, ген. (2 портр.)	34		
		Сафоновъ, П. А., пор.	97		
		Сахаровъ, В. В., генералъ	97		
		Свѣчниковъ, А. А., полк.	534		
		Сенля-Маръ-Алимъ, эмиръ Бухарскій	333		
		Селивановъ, И. И., подполк.	660		
		Селиверстовъ, В. П., генералъ	333		
		Семеновъ, А. Н., пор.	747		
		Семеновъ, Е. П., прапорщ.	631		
		Семеновъ, К. А., прапорщ.	97		
		Семовъ, Н. М., кап.	195		
		Сербовъ, Н. И., прапорщ.	54		
		Сервангестъ	97		
			830		

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 1

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выдана 2-го января 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (без прилож.)—25 к., съ перес. 30 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатания въ „Жизни“ принимаются по следующей цѣнѣ за строку попаревай въ одинъ столбчикъ (въ 1/4 ширины страницъ): первая 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страя. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новшнн. Модн“ за январь.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 23.

НА ПИАНИНО

и РОЛЬ желающих играть очень много, но, к сожалению, достигают не все, так как им приходится тратить много времени и средств, благодаря чему громадное большинство, в силу тех или иных условий, разочаровывается и оставляет свою мечту, думая, что это для них недостижимо.

Будучи преподавателем музыки, я задумал издать пособие для того, чтобы она была доступна всем без исключения, и после долгого труда мне, наконец, удалось изобрести особую, легкую и понятную систему „ЭВРИКА“, по которой любители музыки могут в самый короткий срок свободно научиться играть на ПИАНИНО и РОЛЬ всевозможные пьесы. Без предварения и справедливо скажу: **КАЖДЫЙ МОЖЕТ В НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ БЕЗ ЗНАНИЯ НОТЪ и БЕЗ УЧИТЕЛЯ, ПРАВИЛЬНО, ОБВИМИ РУКАМИ ИГРАТЬ НА ПИАНИНО (роль)** популярны „Танго“, „Лувисъ“, „Не оставь меня“, вальсы „Над холмами“, „Осенний сон“ и другие любимы пьесы. Преимущество системы „ЭВРИКА“ пред существующей то, что она очень проста и понятна. Усваивается легко и быстро даже лицами, неспособными и не обладающими музыкальным слухомъ. Доступна для всякого возраста. Несмотря на недавнее открытие, самоучитель „ЭВРИКА“ вынул уже ПяТЫМ изданием и пользуется громадным успѣхом. Имѣется масса отзывов. К самоучителю **БЕЗПЛАТНО** прилагается наглядная клавиатура натуральной величины, приходящая во время изучения игры, благодаря чему устраняются всякия трудности. Свидѣтельство выдано Минист. Т. и Пр. Цена самоучителя 4 р. 50 к. без пересылки (пересылка 40 к.). Вмѣстается налогъ, платеж. В Москвѣ продается в лучшихъ музыкальныхъ магазинахъ и у автора.

Адрес: **МОСКВА**, Петровскія Ворота, 2-й Знаменскій, 7/3, кв. 11, **С. ХАНБЕНОВУ**.

Кромѣ самоучителя, выпущены АЛЬБОМЫ №№ 1-й и 2-й, по сист. „Эврика“. Периодически будут издаваться послѣдующіе. Цена альбома 3 р. 50 к. без перес.

30-й годъ. Основанъ въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 30-й годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

ПРЕПОДАВАТЕЛЯ БУХГАЛТЕРІИ МОСКОВСКАГО УЧИТЕЛЬСКАГО ИНСТИТУТА
(Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. № 33, бывш. Полякова).

10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

Бухгалтерія торговая, банковая, фабричная, сельскохозяйств., город. и земскихъ управъ, исаравн. почерка.

Въ текущемъ учебн. году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обуч. 486 чел., всего же за 29 л. свыше 9000 ч.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛІЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

Въ Январскій курсъ особенно удобенъ для иногороднихъ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ П. ЮРГЕНСОНЪ.

МОСКВА, Ноглинскій пр., 14.

Самое обширное музыкальное издательство въ Россіи. Свыше 30000 обимчивнхъ и болѣе 1000 детскихъ томовнхъ изданій. Каталоги собственннхъ изданій бесплатно (Часть I Инструментальн. муз. (кроми фп.). Книги по музыкѣ, Часть II: фп.-нная музыка. Часть III: Пѣніе для одного гол. съ фп. Часть IV: Отд. I. Сельская хоровая музыка. Отд. II. Духовно-муз. сочиненія).

САНАТОРІЯ

для женщинъ, мужч. и дѣтей женщ.-врача **М. М. Волковой.**

Фанл. жел. дорога, станція „Уси-Нирко“.

Въ основномъ лѣсе, у большого озера. Прекрасныя, гнглес. столы. Красивая, сухая, здоровая мѣстность. Главные лечебн. силы природы. Тепло, спокойно, Чашоточны не принимаются. Можно прїѣхать для отдыха на нѣсколько дней. Пропернты высмлаются по требованію. Спрашки въ Петроградъ: Знаменская, 2, кв. 44 Тел. 50—61.

III издание, 13-я тысяча экземпляровъ:

„Я НИКОГО НЕ БЪМЪ!“ 2 руб.

1500 вегетарианскихъ мушаній, 365 меню по временамъ года. Подъ редакціей драм. Зеленкова. Авторъ (жена драм. Зеленкова: Петроградъ, Шпалерная, 44б, кв. 23) смѣщаетъ налогъ, платежомъ. Пересылка 35 коп. Иногороднимъ: 55 коп. Продается и въ книжн. маг. „Новаго Времени“.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будетъ всякій, изучивъ „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цена съ пересылкой 85 к., налогъ 95 коп. Адресъ: Москва, редакция журн. „СОКОЛЪ“, отд. 3.

СЪДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

возвращаетъ постепенно и незамѣтно нхъ прежній натуральннй цвѣтъ и мягкость

восстановитель

„ОРИАНТИНЪ“.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ ВЪ ПЕТРОГРАДЪ:
Германъ Гольдбергъ,
Гостинный дворъ.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую всѣяныя приемы производства, которыя въ настоящее время будутъ нѣтъ особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особый знаній и специальной подготовки. Задать любнмъ можно немедленно важднй (какъ мужчина, такъ и женщина). Цена съ перес. 3 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

лучшій подарокъ дѣтямъ

4-р. годъ „МАЯКЪ“ 2 р. 1/2 года.

БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

подъ редакціей И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

ИНТЕРЕСНОЕ ЗДОРОВОЕ ЧТЕНІЕ

1200 страницъ текста—400 рисунковъ.

12 КНИГЪ: повести, рассказы о жизни великихъ людей, путешествія, рассказы о животннхъ и пр. и пр.

12 ПРИЛОЖЕНІЙ: игры, занятія, работы, развлечения для мальчиковъ и дѣвочекъ.

„МАЯКЪ“ за 7 лѣтъ существованія завоевалъ самаа горячія симпатіи дѣтей.

Самые благоприятные отзывы въ лучшихъ газетахъ и журналахъ какъ оцѣнокъ, такъ и педагогическихъ.

Цена за годъ 4 руб. За 1/2 года—2 руб. 75 коп. Адресъ редакціи: МОСКВА, Трубетковъ пер., 2 (Орловскій).

Не забы-КРЫСОГУБИТЕЛЯ

Вайте ЗНАМЕНИТАГО

Д. ЛАБКОВА.

Гарантия — вернуть деньги.

На выставкахъ въ Россіи и за границей этотъ могущественный препаратъ получилъ золотыя медали и почетный крестъ.

Посѣщите препараты „Крысогоубитель“—въ три дня онъ избавитъ ваше хозяйство отъ страшныхъ грызуновъ, въ пять дней ни одной крысы не останется въ самомъ большомъ мышии. Не откладывайте на завтра, что можно сдѣлать сегодня.

Цена „Крысогоубителя“ съ пересылкой: 1 фунъ—30 р., 20 ф.—17 р., 10 ф.—9 р., 5 ф.—5 р., 3 ф.—3 р., 2 ф.—2 р., 1 ф.—1 р., 35 к.

Способъ употребл. при каждой посылкѣ.

Адресъ для писемъ и денегъ, перевод: г. Полтава, собств. Лабораторія Д. Лабкова.

Августъ Эриксонъ

хронометровыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ П.авъ Эриксонъ Главной Астрономической Обсерваторіи въ Пулковѣ, Императорскаго Русскаго флота и пр. и пр.

СУЩ. СЪ 1865 Г.

ХРОНОМЕТРЫ и ЧАСЫ.

Илл. прессы владѣннхъ въ вѣнн редакціи: СПБ., Невскій пр., № 13.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Завѣтъ минувшаго года.

(Политическое обозрѣніе).

Вся Европа до такой степени поглощена войной, что все обычные международные вопросы и треволнения отходят на задний план. Все будущее народов — и воюющих и невоюющих — рѣшается на полях сражений. Поэтому реально важно только то, что имѣетъ непосредственную связь съ войной, что такъ или иначе можетъ содѣйствовать ея побѣдному исходу. Присоединение Болгарии къ австро-германо-турецкому союзу, колебание Греции между симпатіями народа къ державамъ-покровительницамъ и влеченіемъ короля Константина къ брату его жены, занятіе и укрѣпленіе Салоникскаго округа союзниками, утрата сербской территоріи съ сохраненіемъ доблестной сербской арміи, снабжаемой снарядами при помощи итальянскаго десанта въ Албаніи, присоединение Италіи и Японіи къ рѣшенію державъ не заключать сепаратнаго мира съ Германіей, объединеніе военныхъ дѣйствій союзниковъ по одному общему плану, замѣтно прогрессирующее военно-политическое сближеніе Англій съ Россіей, утвержденіе въ Швеции политики нейтралитета, обостреніе общей непріязни американцевъ къ Германіи и Австріи, вызванное похищеніемъ океанскаго парохода „Анкона“ и цѣлымъ рядомъ террористическихъ дѣйствій американскихъ нѣмцевъ — вотъ главныя событія минувшаго года, способныя болѣе или менѣе замѣтно вліять на ходъ и конечный исходъ мировой войны и поэтому волновавшія сердца, пламеннѣющія жаждою побѣды. Каждое изъ этихъ событий было своевременно оцѣнено съ точки зрѣнія интересовъ Россіи въ текущихъ образахъ. Теперь остается подвести общій итогъ всему пережитому за годъ. Въ печальномъ мартирологѣ понесенныхъ союзниками неудачъ первое мѣсто занимаетъ потеря сербской территоріи, позволившая установить германцамъ прямое сообщеніе между Берлиномъ и Константинополемъ и окрылившая ихъ надеждами на побѣдоносное вторженіе турецко-германской арміи въ Египетъ. Сбудутся ли эти гордыя надежды — покажетъ будущее, но можно смѣло сказать, что именно прорывъ нѣмцевъ сквозь Сербію всего болѣе содѣйствовалъ болѣе тѣсному военно-стратегическому и даже духовному сплоченію союзниковъ.

Онѣ заставилъ англичанъ почувствовать, что сербы на Балканахъ защищали не только свою собственную культуру, но также и неприкосновенность англійскихъ владѣній въ Африкѣ. Сознаніе солидарности тѣсно переплетающихся національныхъ интересовъ вызвало глубокое раскаяніе англичанъ и французовъ въ томъ равнодушіи къ сербскимъ интересамъ, которое послужило главной причиною медленности англо-французской помощи раздавленной австрійскими, германскими и болгарскими войсками Сербіи. Сознаніе допущенной ошибки повело къ переѣмамъ въ личномъ составѣ англійскаго и французскаго министерствъ. Исправить грѣхъ дипломатіи могла бы только удачная стратегія. Заканчивающаяся подготовка Англійей четырехмилліонной арміи, формированіе французскихъ резервовъ и сосредоточеніе реорганизованныхъ русскихъ силъ при замѣтномъ истощеніи нѣмцевъ составляютъ вполне благоприятную обстановку для прорыва австро-германской линіи въ тылъ брошенной на Балканы арміи генерала Макензена. Вѣроятно, подъ опасеніемъ этого прорыва армія Макензена снова перекинута съ Балканъ, при чемъ Болгарія будетъ оставлена на произволъ союзниковъ и будетъ пользоваться только безпрепятственной доставкой оружія, снарядовъ и германскихъ инструментовъ. Въ связи съ рѣзко измѣняющимся соотношеніемъ силъ враждующихъ двухъ коалицій, въ наступающемъ году надо ожидать рѣзкой перемены положенія на Балканскомъ полуостровѣ. Всего важнѣе, что та внутренняя стѣна, которая раздѣляла нашихъ союзниковъ отъ славянскаго міра, теперь рухнула. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Персіи Россія и Англія явились не соперниками, но союзниками, наше вліяніе окончательно восторжествовало въ Тегеранѣ, дѣйствія представителей русской военной власти стали твердыми и рѣшительными, и нѣмецкіе клевреты почти изгнаны изъ персидской территоріи.

Такихъ же благихъ результатовъ надо ожидать и отъ болѣе тѣснаго духовнаго, а не дипломатическаго только сближенія Англій съ Россіей и на всемъ фронтѣ мировой политики. Колоссальное накопленіе военно-техническихъ силъ союзниковъ заранѣе предопредѣляетъ конечный исходъ мировой войны. Въ сущности и русскіе, и англичане, и даже всегда жившіе подъ угрозой германскаго нашествія французы стали готовиться къ войнѣ только во время самой войны, и только одна Германія готовилась къ ней заблаговременно въ теченіе 40 лѣтъ. За это время мы и наши союзники успѣли создать новыя отрасли военно-технической промышленности, Англія же, занимавшая первое мѣсто въ развитіи промышленности, перекочевала серпы на мечи, сѣнокосилки на пушки и пулеметы и вооружила ими свою импровизированную армію. Подобно Помпею, стоило только Вильгельму топнуть ногой о землю — и изъ земли выросли легіоны вояновъ, но они выросли во вражьихъ станахъ и направили свои мечи противъ нарушителей европейскаго мира.

Непроницаемою огненною стѣною окружили они германскаго скорпіона, который въ бѣшеныхъ конвульсіяхъ агоніи бросается изъ стороны въ сторону и нигдѣ не находитъ выхода, и живыя стѣны вражескихъ армій, вырастая съ непостижимой быстротой, медленно сдвигаются все ближе и ближе, грозя раздавить заключенное въ огненномъ кольцѣ чудовище. Весь истекшій годъ былъ почти сплошь посвященъ дипломатической и военно-технической подготовкѣ союзниковъ къ развязкѣ мировой войны. Онѣ не принесъ намъ еще побѣды, но онѣ создалъ все необходимое для того, чтобы побѣда была возможной и осуществимой и, отходя въ вѣчность, оставилъ своему преемнику великій завѣтъ окончательнаго торжества народовъ, ополчившихся на защиту своего человѣческаго права надъ провозвѣстниками насилія и кровавыми нарушителями мира и преуспѣяннаго всего человѣчества.

Русская общественность и государственность.

(Обзоръ внутренней жизни за годъ).

Война со всеми ея ужасами, невзгодами и напряжениями не могла не положить своего отпечатка на всю внутреннюю жизнь Россіи. Нація, поставленная въ необходимость защищать свою территорію отъ вторгнутаго врага и отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ свое мѣсто подъ солнцемъ, не можетъ разсѣивать свою энергію, свою творческую мысль и вниманіе на какіе бы то ни было второстепенные вопросы, не можетъ ни на минуту оторвать свои взоры отъ кровавой линіи тысячеверснаго фронта, гдѣ рѣшаются грядущія судьбы всѣхъ европейскихъ народовъ. Въ такой исключительный историческій моментъ всякій истинный гражданинъ становится въ душѣ своей воиномъ, и гражданская мораль претворяется въ суровую воинскую дисциплину. Можно смѣло сказать, что въ истекшемъ году вся общественная дѣятельность выразилась въ энергичной помощи военному вѣдомству въ священномъ дѣлѣ государственной обороны. Земства, города, биржи, промышленные союзы, частныя общества — все мобилизовалось и добросовѣстно обслуживаетъ тѣ или иные нужды фронта. Такой полной мобилизаціи общественности Россія не переживала ни въ смутныя времена Минина и Пожарскаго, ни въ эпоху Отечественной войны. Высокій подъемъ патриотизма переживается духовно здоровой націей при каждомъ нашествіи иноплемennыхъ, но никогда до сихъ поръ патриотическій подъемъ русскаго общества не выливался въ такую стройно организованную работу, какую выполняютъ въ наши дни союзы земствъ и городовъ, военно-промышленные комитеты, организація Краснаго Креста, комитеты по устройству бѣженцевъ и проч. и проч. Общественныя силы работаютъ не только по снабженію арміи, но также и по вооруженію ея, т.-е. призываются къ участию въ такихъ интимныхъ операціяхъ государственной обороны, которыя до сихъ поръ считались самою заповѣдною областью военной бюрократіи. Юная русская общественность растетъ, закаляется и крѣпнѣетъ въ неустанной патриотической работѣ. Непосредственный опытъ государственнаго дѣланія способствуетъ ея внутренней зрѣлости, трезвому взгляду на жизнь, ясному сознанію своихъ правъ и обязанностей, своихъ силъ и своихъ историческихъ задачъ.

Мировая война незамѣтно перевоспитываетъ русскую интеллигенцію въ самыхъ основахъ ея мировоззрѣнія и отношенія къ окружающей жизни. Ужасы расовой борьбы разсѣяли въ русскихъ сердцахъ космополитическія иллюзіи. Практическая работа заставила спуститься съ неба на землю, оторваться отъ излишней теоретичности и отвѣченной умозрительности сужденія. Непосредственное участіе въ строительствѣ національно-государственной мощи смѣнило прежнія разрушительныя стремленія ничѣмъ не связанной отвлеченной идеологіи пробудившимся стремленіемъ къ творческой и созидательной работѣ. Отрицательныя тенденціи, еще со временъ Базарова и Балунина господствовавшія въ душѣ русскаго интеллигента, постепенно уступаютъ свое мѣсто зрѣлымъ положительнымъ идеаламъ. Итоги огромныхъ, пока еще мало замѣтныхъ завоеваній русскаго духа Россія подведетъ только послѣ войны, но уже и во второй годъ ея мы чувствуемъ, что даже понесенныя нами временныя неудачи принесли уже намъ не гибель, а пробужденіе дремавшихъ общественныхъ силъ, не смерть, а воскрешеніе національнаго духа. Общественная жизнь съ ея моральными требованиями, съ ея неудовлетворенностями и недовольствами, съ ея идеалами и мечтами совсѣмъ не замерла и не заглохла, — она только временно ушла внутрь, уступивъ первое мѣсто неотложной патриотической работѣ по оборонѣ государства.

Побѣдивъ нѣмцевъ на полѣ брани героическимъ усиленіемъ всей націи, мы попутно побѣдимъ и тѣ роковые изыны нашего воспитанія, которые въ значительной степени обезсиливали русскую интеллигенцію въ ея культурномъ служеніи родному народу. Въ кровавомъ заревѣ мирового пожара мы горяче любимъ истерзанную родину, глубже познаемъ и самихъ себя и свой народъ и тѣснѣе сливаемся съ нимъ въ защитѣ національной государственности.

Усовершенствованные рукавицы. Помыщаем простое и полезное указание старого сибирского охотника, как нужно шить рукавицы для солдат:

«Знаю по опыту, что при работѣ съ ружьем сохранять руки отъ холода задача не легкая. Въ перчаткахъ, даже очень хорошихъ, пальцы, разобоченные одинъ отъ другого, обыкновенно ябнутъ; въ рукавицахъ много теплѣе, но въ нихъ работа съ ружьемъ затруднительна: при вылаживаніи патрона, стрѣльбѣ и т. п. надо ихъ снимать, класть въ карманъ, при сбѣшномъ дѣлѣ это послѣднее отнимаетъ дорогое время, да и потерять легко. Чтобы пользоваться на охотѣ не перчатками, а рукавицами и притомъ такъ, чтобы ихъ нельзя было потерять, есть не мудреное приспособленіе, которое можетъ пригодиться для солдатъ нашей арміи.

На ладонной сторонѣ рукавицы, отступя отъ ея края около вершка, надо сдѣлать поперечный разрѣзъ такой длины, чтобы въ него свободно проходила кисть руки; для прочности обшить тесемкой или обмотать ниткой черезъ край. Вотъ и все. Руки въ теплыхъ рукавицахъ, но вотъ нужна работа голыми пальцами, сдѣлать однимъ короткимъ движениемъ потянетъ рукавицу впередъ настолько, чтобы просунуть кисть руки въ этотъ разрѣзъ, и у него всѣ пальцы свободны, рукавицы не надо прятать за поясъ или въ карманъ, онѣ висятъ на рукахъ на тыльной сторонѣ, стало-бытъ, не мѣшаютъ его манипуляціямъ съ ружьемъ. Онѣ ихъ не обронить, не потеряютъ. Какъ только надобность въ работѣ пальцами миновала, рукавицы опять надѣты черезъ этотъ разрѣзъ. На освобожденіе руки изъ рукавицы требуется такъ мало времени, что мы успѣвали давать выстрѣлы даже послѣ выскакиванія на насъ звѣря».

Женский полкъ въ Сербіи. Нѣмецкія газеты сообщаютъ, что въ составъ сербской регулярной арміи входитъ нѣсколько батальоновъ, состоящихъ исключительно изъ сербскихъ женщинъ. Въ этомъ женскомъ полку насчитывается около 2.500 женщинъ. Всѣ онѣ состоятъ участницами «союза смерти», девизъ котораго сражаться за родину до послѣдней капли крови, до послѣднего вздоха.

Мониторъ-амфибия. Къ существующимъ классамъ боевого судна, которые ограничивались до сихъ поръ классами линейнаго корабля, крейсеровъ линейнаго, броненоснаго и легкаго, эскадреннаго миноносца, заградителя и подводной лодки, добавился, — какъ отмѣчаетъ «Новое Время», — во время настоящей войны еще одинъ классъ судна, котораго до войны не знали и которому присвоили странное названіе «монитор».

Въ послѣдніе годы чередъ войнъ это же названіе носили небольшія броненосныя суда, характеризовавшіяся очень малою осадкой; но эти послѣднія предназначались для дѣйствій исключительно въ рѣкахъ, а морскихъ мониторовъ не было вовсе. Теперь, окруженная еще строгой тайной, они появились, и первымъ глашатаемъ ихъ оказались германскія официальные сообщенія. Съ тревогой и досадой германцы указываютъ, что ихъ береговыя позиціи и укрѣпленія на бельгийскомъ фронтѣ подвергаются за послѣдніе дни жестокому обстрѣлу со стороны английской эскадры, въ составѣ которой дѣйствуютъ пять мониторовъ. Какія это суда и что они собою представляютъ, — секретъ, но фактъ очень серьезнаго вреда, который они безъ всякаго ущерба для себя наносятъ неприятелю, несомнѣненъ. Англичане называютъ въ шутку свои новые мониторы амфибиями, такъ какъ они предназначены къ «везиноводнымъ операціямъ» возлѣ укрѣпленнаго неприятельскаго побережья, къ которому они могутъ свободно подходить на самую небольшую глубину, благодаря необычайно малой осадкѣ. Занявъ такимъ образомъ удобную позицію, хотя бы въ тылу или на флангѣ неприятельскихъ укрѣпленій, эти суда начинаютъ затѣмъ дѣйствовать своей крупной и дальнѣйшей морской артиллеріей, которая, стрѣляя съ воды, остается совершенно недоступной для атаки сухопутными силами и имѣетъ хорошую броневую защиту противъ неприятельскаго сухопутнаго огня. Появленіе этихъ «амфибій» считается одной изъ самыхъ интересныхъ неожиданностей настоящей морской войны.

Корейки—пловцамъ. Корейскія женщины во Владивостокѣ устроили торжественные проводы ратникамъ-корейцамъ, призваннымъ въ дѣйствующую армію. Всѣмъ имъ былъ устроенъ обѣдъ и розданы аптечки съ корейскими лѣкарствами.

Значеніе пулеметовъ въ войнѣ. Въ американской газетѣ «New-York Sun» извѣстный изобрѣтатель Максимъ, пулеметамъ системы котораго вооружены почти всѣ арміи міра, обращаетъ вниманіе на то значеніе, которое имѣетъ это оружіе во время настоящей войны. Онъ говоритъ, что нѣмцы своими успѣхами обязаны большому количеству пулеметовъ. По его словамъ, при вооруженіи 1.000 человекъ этимъ оружіемъ, при чемъ на каждаго двухъ человекъ будетъ приходится по одному пулемету, можно развить такой же огонь, какой развиваютъ 20.000 человекъ, вооруженныхъ ружьями обыкновеннаго типа. Понятно, при этомъ надо соответствующимъ образомъ организовать подвозъ патроновъ для пулеметовъ и это сдѣлать легче, чѣмъ для 20.000 человекъ. Что же касается защиты траншей, то необходимо имѣть одинъ пулеметъ на каждый ярдъ (3 фута) ея протяженія. Затѣмъ онъ говоритъ, что нѣсколько пулеметовъ, помѣщенныхъ за надлежащими закрытіями и хорошо размѣщенныхъ, могутъ остановить наступленіе дѣлаго полка, и онъ будетъ уничтоженъ, прежде чѣмъ подойдетъ на расстояние, съ котораго возможенъ ударъ въ штыки. Кромѣ того, примѣненіе пулеметовъ на аэропланахъ дало возможность вести бой въ воздухѣ. Въ концѣ-концовъ Максимъ приходитъ къ выводу, что война при помощи пулеметовъ является наиболѣе цивилизованнымъ способомъ веденія ея, и для государствъ, обладающихъ немногочисленными арміями, но составленными изъ развитыхъ интеллигентныхъ людей, этотъ способъ ея вооруженія даетъ большую экономію въ людяхъ при развитіи въ бою самаго губительнаго огня.

Собака-развѣдчикъ. Во многихъ французскихъ полкахъ остроумно примѣнили собакъ для сторожевой службы. Специально выдрессированные для этого собаки снабжаются пріемной трубкой телефона, которая прикрѣпляется къ ошейнику и находится передъ ихъ мордой.

Телефонная проволока, которую тащитъ за собой собака, оканчивается служебной трубкой телефона, которая имѣется у солдатъ, находящихся на сторожевомъ посту. Когда собака обнаруживаетъ нѣмца, она тихо рычитъ въ телефонъ, и солдаты знаютъ о приближеніи неприятеля.

Понятно, что въ такую развѣдку отправляютъ собакъ только ночью и при благоприятныхъ для этого условіяхъ.

Чудовищный промыселъ. Одинъ англійскій офицеръ, проведеній нѣсколько лѣтъ въ Камерутѣ, — бывшихъ германскихъ владѣніяхъ въ Африкѣ, — сообщаетъ, что германцы изобрѣли тамъ новую промышленность довольно зловѣщаго свойства. Они обрабатывали человѣческую кожу. Съ помощью туземцевъ, они отыскивали группы взрослыхъ и дѣтей, умершихъ насильственной смертью, и сдирали съ нихъ кожу, которую обрабатывали и красили. Получалась чрезвычайно нѣжная, бархатистая кожа, которая отравлялась въ Германію. Еще недавно можно было видѣть у германскихъ офицеровъ роскошные портфели изъ человѣческой кожи съ золотыми и серебряными украшеніями, бумажники и другіе предметы. Эта торговля шла очень бойко въ Берлинѣ.

Германцы подъ защитой женщинъ. Яркую иллюстрацію кошмарной, прямо, таки преступной изобрѣтательности, проявленной германцами въ пріемахъ веденія войны, представляетъ рассказъ прапорщика одного изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ П., допрошенный членами чрезвычайной слѣдственной комиссіи сенатора А. Н. Крицова.

Во время боевъ подъ Варшавой, рота, которой командовалъ П., дѣйствовала противъ германскихъ окоповъ, расположенныхъ между дер. Березневидцы и мѣст. Ковеницы.

Неожиданно во время стрѣльбы по одному изъ германскихъ окоповъ прапорщикъ П. увидѣлъ въ бинокль, что на брустверѣ окопа, съ лопатами въ рукахъ, работаетъ нѣсколько женщинъ, пересыпая песокъ съ одного мѣста на другое. Женщины были совершенно обнажены.

Замѣтивъ это, наши солдаты прекратили стрѣльбу по окопамъ, перенесли ее на неприятельскій флангъ. Къ концу дня окопы были заняты нашими войсками.

По окончаніи боя прапорщикъ П. неожиданно увидѣлъ въ сторонѣ отъ окоповъ клубы чернаго дыма, подымавшагося съ земли. Предполагая взрывъ заложенной германцами мины, П. бросился къ мѣсту предполагаемаго взрыва.

Но картина оказалась гораздо ужаснѣе: взрыва: события въ кучу лежали обгорѣлыя трупы шести женщинъ. Отъ нихъ пахло бензиномъ, которымъ онѣ были политы. Отступая отъ нашихъ войскъ и не желая «обременять» себя женщинами, германцы предпочли сжечь своихъ подневольныхъ защитницъ.

Бракъ съ плѣнными. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по свѣдѣніямъ «Утра Россія», поступилъ рядъ запросовъ мѣстныхъ властей о томъ, можно ли разрѣшать заключеніе браковъ между военноплѣнными, подданными Австріи и Германіи, находящимися въ Россіи, и русскими. Нѣкоторые католическіе епископы запрашиваютъ, можно ли разрѣшить браки германскихъ и австрійскихъ сестеръ милосердія съ русскими. Такія же ходатайства поступили и относительно разрѣшенія вступить въ бракъ нѣкоторымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, находящимся у насъ въ плѣну, желающимъ жениться на русскихъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ по этому поводу снеслось съ министерствами юстиціи и иностранныхъ дѣлъ. Дипломатическое вѣдомство въ своемъ отзывѣ нашло возможнымъ допускать такіе браки, министерство же юстиціи нашло, наоборотъ, что актъ церковнаго брака связанъ съ извѣстными гражданскими правовыми отношеніями, которыхъ для подданныхъ враждебныхъ странъ устанавливаемое быть не можетъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ однако присоединяется къ взглядамъ министерства иностранныхъ дѣлъ и считаетъ, что непризнаніе за военноплѣнными гражданскихъ правъ въ Россіи не можетъ служить для нихъ препятствіемъ къ вступленію въ браки съ русскими подданными, если тѣ желаютъ выходить замужъ и жениться на военноплѣнныхъ.

Пенсія георгиевскимъ кавалерамъ. Отъ главнаго штаба объявляется нижнимъ воинскимъ чинамъ, награжденнымъ въ настоящую войну георгиевскимъ крестомъ и георгиевскою медалью:

1) Согласно Высочайше утвержденнаго 10-го августа 1913 года георгиевскаго статута, каждому удостоенному награжденія георгиевскимъ крестомъ или георгиевскою медалью положена особая ежегодная денежная выдача изъ казны въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ:

По георгиевскому кресту: 4-й степени — 36 руб., 3-й степени — 60 руб., 2-й степени — 96 руб., 1-й степени — 120 руб.

По георгиевской медали: 4-й степени — 12 руб., 3-й степени — 18 руб., 2-й степени — 24 руб., 1-й степени — 36 руб.

2) Означенная денежная выдача производится нижнимъ чинамъ дѣйствительной службы въ видѣ прибавочнаго жалованья, а по увольненіи въ отставку или въ запасъ — въ видѣ пенсіи изъ государственнаго казначейства.

3) Прибавочное жалованье или пенсія по георгиевскому кресту или георгиевской медали назначаются независимо отъ какихъ-либо другихъ денежныхъ выдѣлъ.

4) При пожалованіи высшей степени георгиевскаго креста или георгиевской медали добавочное жалованье или пенсія по низшей степени прекращаются.

5) Всѣ требованія о выдѣлѣ прибавочнаго жалованья или пенсіи по георгиевскому кресту и георгиевской медали за прошедшее время удовлетворяются, несмотря на пропускъ срока, установленнаго для такихъ требованій.

6) Вдова награжденнаго георгиевскимъ крестомъ или георгиевскою медалью по смерти мужа пользуется причитающагося ему по кресту или медали денежною выдачею еще одинъ годъ.

7) Пенсія по георгиевскому кресту и георгиевской медали назначаются запаснымъ и отставнымъ нижнимъ чинамъ военнаго и морского вѣдомствъ по представленіямъ ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

8) Выдача пенсій совершается по третямъ года впередъ изъ мѣстнаго казначейства, въ случаѣ же заявленія пенсионера пенсія можетъ быть выслана по почтѣ черезъ восточное правленіе.

9) При переходѣ пенсионера на жительства изъ одного уѣзда въ другой или же въ другую губернію, онъ обязанъ подать заявленіе въ казначейство, изъ котораго производилась ему пенсія, для перевода ея въ надлежащее казначейство по новому мѣсту жительства.

10) Указаннымъ выше порядкомъ назначаются пенсія и лицамъ, награжденнымъ георгиевскою медалью, но не имѣющимъ воинскаго званія, равно и ихъ вдовамъ, но податъ ими прошеній мѣстному уѣздному воинскому начальнику.

ЖЖВВ

№ 1. Выходит ежемес. (52 № в год), с прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военных дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выданъ 2 января 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—25 к., съ перес. 30 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій, К. Шумскаго. — Генералъ-отъ-артиллеріи П. А. Солтановъ. — Дѣти героевъ. А. Арлова. — Безъ одной минуты — полночь. Разсказъ И. Островнаго. — Двѣнадцать разъ. Стихотвореніе Павла Орѣшника. — Воинъ Василій. Новогодній разсказъ Б. П. Никонова. — Китежъ. Стихотвореніе Зои Бухаровой. — Канониръ Бенау. Разсказъ В. Ропшина. — Вѣчная слава. Стихотвореніе Владимира Воинова. — Отлики войны. Завѣтъ минувшаго года. (Политическое обозрѣніе). — Русская общественность и государственность. (Обзоръ внутренней жизни за годъ). — Объявленія. Р И С У Н К И: По старой вѣрѣ. Рисунокъ И. Горюшкина-Сорокопудова. — Вѣсти съ войны. Газета въ деревнѣ. Картина М. И. Игнатъева. — Карта театровъ всемирной войны (10 фронтовъ). — Инженеръ-генералъ князь Н. Е. Тумановъ. — Генералъ-отъ-артиллеріи П. А. Солтановъ. — Дѣти воиновъ-героевъ (4 рис.). — На Мальтѣ. Транспорты съ союзными войсками, ждущіе отправки въ Салоники. — Англійская подводная лодка въ Северномъ морѣ въ бурную погоду. — На границѣ Персіи (2 рис.). — Командующій кавказской арміей проходитъ церемониальнымъ маршемъ передъ Августѣйшимъ Намѣстникомъ на Кавказѣ. — На кавказскомъ фронтѣ. Наши позиціи на Гей-дагѣ. — Развѣдчики выслѣживаютъ неприятеля. — Развѣдчики переправляются черезъ рѣку. — На сторожевомъ посту. — Сѣверопомощь (3 рис.). — Бѣженцы (2 рис.). — Послѣдній долгъ товарищу, павшему смертью храбрыхъ. — Группа „Милосердіе“, выдѣленная изъ рѣчной глинны унтеръ-офицеромъ Шаталовымъ. — Батарея на позиціи. — Отбитое у вѣмцевъ орудіе, съ успѣхомъ дѣйствовавшее противъ нѣмцевъ же. — Нагрузка поѣзда и отправка его на позиціи. — Заводъ, заженный нѣмецкими снарядами. Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературная и популярно-научныя приложения“ за январь 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за январь 1916 г. съ 52 рис., отдельный листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. величину и 22 рис. дамскихъ рукодѣлій. 3) „Отрывной ежемѣсячный КАЛЕНДАРЬ“ на 1916 годъ, отпечатанный красками.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Новая операція на югѣ.

Послѣ того, какъ болгаро-нѣмцы приостановились передъ греческой границей, нѣмецкіе корпуса Макензена и самъ Макензенъ куда-то исчезли съ Балканъ. Это несомнѣнно означало, что противникомъ затѣяна какая-то новая операція, или что гдѣ-то на одномъ изъ фронтовъ противника что-то неладно, что-то тревожно, и нѣмцы поспѣшно стягиваютъ туда войска.

Исчезновеніе арміи Макензена съ горизонта продолжалось около 1 1/2 недѣль, и въ теченіе этого короткаго періода въ печати появилось много самыхъ разнообразныхъ слуховъ о новыхъ вѣроятныхъ операціяхъ австро-германцевъ. Сначала нейтральная печать заговорила, какъ водится обыкновенно въ такихъ случаяхъ, что нѣмцы готовятъ грандіозное наступленіе на Францію. Телеграммы сообщали о сосредоточеніи и движеніи германскихъ войскъ по Бельгіи, стремящихся якобы къ району Суассона, гдѣ предполагается начать наступленіе.

Невѣроятность этихъ извѣстій нетрудно было видѣть въ общихъ причинахъ, въ силу которыхъ для нѣмцевъ представляется крайне труднымъ вообще произвести какое-либо рѣшительное наступленіе на западномъ англо-французскомъ фронтѣ. Нѣмцы и такъ тамъ содержатъ около 110 дивизій изъ всѣхъ своихъ 170 дивизій, т. е. свыше 60 процентовъ своихъ силъ, и то могутъ лишь при помощи этихъ силъ только обороняться, притомъ не особенно удачно, какъ то показалъ примѣръ англо-французскаго наступленія въ Шампани и Артуа, гдѣ англо-французы все же основа-

По старой вѣрѣ. Рисунокъ И. Горюшкина-Сорокопудова.

тельно продавили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ германское расположеніе.

Для того, чтобы нѣмцамъ перейти въ наступленіе на западномъ фронтѣ, имъ нужно увеличить тамъ свои силы и довести ихъ не до 60 процентовъ всѣхъ своихъ силъ, а до большаго процента, по крайней мѣрѣ, до 70 — 75 процентовъ. Это они могли бы сдѣлать не иначе, какъ снявъ войска либо съ нашего, либо съ Балканскаго фронта. Последнее, т.-е. снятіе войскъ съ Балканскаго фронта, связано съ отказомъ отъ балканской операціи. Снятіе же значительнаго числа войскъ съ нашего фронта представляется совершенно невозможнымъ въ виду громадной длины фронта отъ Балтійскаго моря до Румыніи, который нужно оборонять.

Такимъ образомъ нѣмцамъ для наступленія на западномъ фронтѣ пришлось бы тамъ сосредоточить вмѣсто 60 процентовъ

вести на сѣверные пути, идущіе вдоль побережья къ нашей сѣверной столицѣ.

Однако два обстоятельства совершенно не даютъ основанія предполагать возможность какого-либо крупнаго наступленія здѣсь противника. Это, во-первыхъ, незначительность германскихъ силъ на рижско-двинскомъ фронтѣ, исчисляемыхъ все время лишь одной арміей Белова. Во-вторыхъ же, ожидать, что нѣмцы усилятъ войска для производства рѣшительнаго наступленія черезъ Двину, — крайне трудно, такъ какъ здѣсь пути ихъ преграждаются сначала сильно укрѣпленной линіей Двины, а затѣмъ далѣе — линіей Псковскихъ озеръ, переходъ черезъ которыя представляется невозможной задачей и въ стратегическомъ и въ тактическомъ отношеніи.

Этимъ и объясняется, что нѣмцы все время на сѣверномъ крылѣ въ Прибалтикѣ держатъ относительно небольшія силы

Вѣсти съ войны. Газета въ деревнѣ. Картина М. И. Игнатьева (Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ).

ихъ силъ до 75 процентовъ, и, конечно, не приходится доказывать, что нѣмцы не могли бы оставить у насъ только 25 процентовъ всѣхъ своихъ силъ, да еще поддерживать Балканы. Поэтому не только наступленіе на западномъ фронтѣ представлялось невѣроятнымъ въ тѣ дни конца 1915 года, когда о немъ говорили, но этого наступленія нельзя было ожидать и въ будущемъ, и вообще слѣдовало считать, что этого наступленія нѣмцевъ на западномъ фронтѣ до конца войны и не будетъ.

Кромѣ этихъ невѣроятныхъ извѣстій о предполагаемомъ грандіозномъ наступленіи нѣмцевъ на западномъ фронтѣ, появились и другія извѣстія о предполагающихся якобы наступленіяхъ нѣмцевъ на итальянскомъ фронтѣ, на нашемъ рижскомъ фронтѣ, о походѣ нѣмцевъ въ Египетъ и даже о походѣ въ Индію. Все это было одинаково маловѣроятно, но, до нѣкоторой степени, сыграло свою роль.

Не касаясь совершенно невѣроятнаго наступленія на итальянскомъ фронтѣ, гдѣ, во-первыхъ, нѣмцы еще не находятся въ войнѣ съ Италіей, а, во-вторыхъ, гдѣ у нихъ нѣтъ никакихъ цѣлей, которыя могли бы привести къ скорѣйшему миру, мы отмѣтимъ маловѣроятныя свѣдѣнія объ ожидавшемся наступленіи на рижскомъ фронтѣ. Несомнѣнно, что операціонныя направленія на сѣверъ нашего фронта крайне важны, ибо, съ одной стороны, они ведутъ черезъ Прибалтику въ Восточную Пруссію — столь чувствительное мѣсто Германіи, а съ другой стороны, они

и всегда считали, что сѣверное ихъ крыло будетъ активно оборонительнымъ, а всякое наступленіе предполагали производить, какъ видно изъ ихъ литературы, лишь на среднихъ и южныхъ путяхъ нашего фронта. Этимъ и объясняется маловѣроятность предположеній о какомъ-либо грандіозномъ наступленіи противника на сѣверномъ рижско-двинскомъ фронтѣ.

Что же касается слуховъ, распускавшихся нѣмцами въ нейтральной печати о предполагаемомъ походѣ на Египетъ и даже въ Индію, то англичане дѣйствительно стали считать съ возможностью такихъ походовъ, и обозрѣватель „Times“ а, полковникъ Репингтонъ, отмѣчалъ, что, несмотря на маловѣроятныя такія операціи, англичанамъ слѣдуетъ подготовиться къ нимъ и собрать достаточныя силы на Ближнемъ Востокѣ. Несомнѣнно, что настойчивость англичанъ въ вопросѣ о продолженіи борьбы на Балканскомъ театрѣ была въ значительной степени связана съ вышеупомянутыми предположеніями о возможныхъ походахъ нѣмцевъ на Египетъ и въ Индію. Вообще же слѣдуетъ считать, что изъ всѣхъ союзниковъ, главнымъ образомъ и непосредственно, была заинтересована въ ликвидаціи балканской операціи нѣмцевъ Англія, ибо появленіе нѣмцевъ на Балканахъ и открытіе ими пути на Константинополь угрожало прежде всего и больше всего англійскимъ колоніямъ въ Африкѣ и въ Азіи, въ томъ числѣ Египту и Индіи.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, войска Магензена и онъ самъ ока-

сербский и итальянский театры находятся почти рядом, но на каждом из них идет отдельная война.

Другое характерное свойство этого театра, это то, что он упирается флангами в два стратегически-неприступные района, с одной стороны — в нейтральную Румынию, а с другой стороны — в почти непроходимые Пинские болота. Это условие исключало возможность каких-либо стратегических обходов и обуславливало необходимость фронтальных атак — попыток прорыва фронта.

Наше наступление действительно началось с фронтальной атаки австро-германского фронта между Пинскими болотами и Румынией, что было связано с задачей такого же прорыва фронта, какой англо-французы пытались произвести в свое время в Шампани и в Артуа. Положение здесь сводилось к следующему:

На фронт от Балтийского моря до Карпат австро-германцами были укреплены в общем три линии. Первая линия, ближайшая к австро-германскому фронту, занимаемому на нашем театре, представляет собою часть ряд укреплений, частью ряд укрепленных речек и озер.

зались в конце концов в Буковину и в Галиции, где противник в двадцатых числах декабря повел встречное наступление в ответ на начало наше наступление. Так как это наше наступление преследовало частью политическая цель, — давление на Румынию, частью стратегическая цель, в том числе привлечение сюда германских сил с Балкан, — то из этого следует видеть, что операция в Буковину и в Галицию являлась с нашей стороны дружеским содействием Англии. Англия, как мы указывали, прежде всего была заинтересована изгнанием немцев с Балкан, ликвидацией балканской операции, и, следовательно, мы произвели наступление, имея целью отвлечение немецких сил с Балкан и давление на Румынию, этим прежде всего содействовали Англии в ее планах обороны ее африканских и азиатских колоний.

Исходя из этой основной идеи, остановимся на том материале, который был сообщен в печати об операции на юго-западном фронте, т.е. в Буковину, Галиции и в Волыни.

Прежде всего отметим характерную особенность этой операции, заключающуюся в том, что юго-западный фронт отделился от всех остальных фронтов Пинскими болотами и потому представляет совершенно самостоятельный театр между Пинскими болотами и Румынией, на котором в силу этого должна всегда происходить неминуемо отдельная операция, не связанная непосредственно с другими участками нашего фронта. Это — отдельный театр, и на нем как бы идет отдельная война, подобно тому, как

За этой передовой линией была укреплена вторая линия, а именно — линия Неман — Буг, и третья линия — Висла. Однако, как известно, укрепления на Немане доходят на север только до Ковны, а дальше до берега Балтийского моря; немцы поэтому прибавили Либаву. На юг же линия Неман — Буг была продолжена до Карпат, для чего были укреплены так называемые Городокские озера к западу от Львова. Таким образом и получилась вторая линия, в виде линии укреплений от Балтийского моря до Карпат. Начинаясь она от Либавы, далее шла на Ковну на Неман, затем по Неману — Бугу через Гродно — Брест и, наконец, на юг

Карта всех театров войны в Европе, Азии и Африке — 10 фронтов:

1. Русско-германский фронт (1000 верст).
2. Франко-англо-германский (500 верст).
3. Австро-итальянский (400 верст).
4. Сербский.
5. Русско-болгарский (у Варны).
6. Дарданелльский.
7. Кавказский (русско-турецко-персидский).
8. Англо-арабский.
9. У Суэцкого канала.
10. Англо-германский (бывшие германские колонии в Восточной Африке).

Начальник петроградского военного округа инженер-генерал князь Н. Е. Тумановъ.

оканчивалась линіей Горьковскихъ озеръ около Львова.

Наконецъ, третья линія— линія Вислы съ укрѣпленными Варшавой, Ново-георгиевскомъ и Ивангородомъ—была протянута противникомъ на сѣверъ черезъ Мазурскія озера до Балтійскаго моря, а на югъ линія Вислы имѣла окончаніемъ линію рѣки Сана съ Ярославомъ и Перемышлемъ, и такъ до Карпатъ.

Изъ этого можно видѣть, что передъ нами были три укрѣпленныя линіи противника, изъ которыхъ наши войска естественно атаковали первую линію.

Наступленіе, какъ видно изъ сообщеній о боѣ, было произведено въ трехъ районахъ: въ Волинн на сѣверѣ, въ Галиціи въ центрѣ и въ Буковинѣ на югѣ. Въ Волинн наступленіе шло въ общемъ направленіи на Ковель, этотъ важный узелъ путей, идущихъ на Брестъ. Въ Галиціи были

атакованы и взяты двѣ линіи непріятельскихъ окоповъ на рѣкѣ Стрыпѣ, а на югѣ въ Буковинѣ была атакована линія Днѣстра съ важнымъ тетъ-де-пономъ, прикрывающимъ переправу черезъ Днѣстръ,—Зальцциками.

Изъ этихъ трехъ наступленій самымъ важнымъ было наступленіе на флангахъ въ Волинн на Ковель и въ Буковинѣ на Зальццики. Взятіе Ковеля могло имѣть несомнѣнно стратегическое значеніе, ибо вывело во флангъ непріятельскому расположенію въ Пинскихъ болотахъ и, слѣдовательно, могло его вынудить отойти отъ Пинска и Барановичей, т. е. податъ назадъ свою линію фронта, на которой онъ предполагалъ спокойно зимовать до весны.

Наступленіе на Днѣстрѣ у Зальцциковъ вывело къ Черновицамъ и отдавало въ наши руки Буковину.

Въ силу этого противникъ сосредоточилъ значительное количество войскъ ко времени нашего наступленія, въ общемъ, около 1½ милліона подъ начальствомъ Макензена и Пфанцера, и перешелъ во встрѣчное наступленіе.

Завязалось упорное и большее сраженіе во время зимы.—сраженіе, на которое противникъ не рассчитывалъ, ибо предполагалъ отдохнуть до весны и собраться съ силами для большого наступленія весной и лѣтомъ.

Генераль-отъ-артиллеріи П. А. Солтановъ.

Генераль-отъ-артиллеріи П. А. Солтановъ.

(Портр. на этой стр.).

7-го декабря тихо заснулъ навѣки въ полномъ сознаніи человекъ, имя котораго мало было извѣстно широкой публикѣ, хорошо—немногимъ, наглядно—всѣмъ военнымъ: оно мелькало въ числѣ членовъ Военнаго Совѣта, скрѣпляющаго уставы, положенія и разнообразные акты военнаго законодательства. Годъ отъ года старшинство генерала-отъ-артиллеріи Павла Алексѣевича Солтанова среди своихъ коллегъ росло, и въ послѣднее время онъ былъ уже почти самымъ старшимъ членомъ Совѣта.

Родился П. А. Солтановъ въ 1839 году, первоначальное образованіе получилъ въ 1 Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1857 г. вышелъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ, вскорѣ поступилъ въ Михайловскую Артиллерійскую Академію, кончилъ ее блестяще и былъ оставленъ при ней для усовершенствованія въ химіи (1859 г.). Въ 1860 г. былъ переведенъ въ гвардейскую артиллерію, въ 1861 г. прикомандированъ къ Главному Артиллерійскому Управленію, а въ 1864 г. былъ переведенъ въ канцелярію Военнаго Министерства, гдѣ и служилъ до 1899 г., быстро подвигаясь, благодаря своимъ выдающимся умственнымъ способностямъ и рѣдкой компетентности въ каждомъ поручавшемся ему вопросѣ. Въ 1881 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора, а въ 1904 г.—въ полные генералы, числясь все время по артиллеріи.

Изъ всего сдѣланнаго имъ надо особенно отмѣтить завѣдываніе Эмеритальной кассой военнаго вѣдомства, которая реформирована и приведена въ современное положеніе исключительно его заботами и кропотливымъ трудомъ въ теченіе 1899—1904 гг. По Высочайшему повелѣнію П. А. Солтановъ былъ назначенъ завѣдывать благотворительнымъ капиталомъ покойнаго баронета Вл. П. П., которымъ и управлялъ безвозмездно болѣе двадцати пяти лѣтъ, всегда сердечно относясь къ вдовамъ и дочерямъ медицинскаго персонала, изъ его рукъ получавшимъ пособія. Послѣ того онъ былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, гдѣ явился однимъ изъ дѣятельныхъ работниковъ.

Военная служба не погасила въ немъ интересовъ къ наукѣ, особенно къ исторіи, статистикѣ и географіи: онъ былъ очень давнимъ и преданнымъ членомъ Императорскаго Географическаго Общества, много читалъ, прекрасно владѣя иностранными языками, и еще больше бесѣдовалъ съ людьми самыхъ разнообразныхъ профессій и интересовъ. Такимъ образомъ онъ всегда, до самаго конца своей жизни, былъ въ курсѣ научной работы привлекавшихъ его областей человѣческаго знанія, П. А. Солтановъ былъ гражданиномъ, дорожилъ своимъ общественнымъ міросозерцаніемъ и не каменѣлъ въ разъ принятыхъ убѣжденіяхъ, если жизнь

заставляла его сознаваться въ ихъ ошибочности. Онъ говорилъ объ этомъ просто, какъ человекъ научнаго склада. Его работа въ Военномъ Совѣтѣ никогда не афишировалась.—наоборотъ, не было человекъ, который бы такъ мало о ней говорилъ,—часто, впрочемъ, и по сознанію долга передъ службой, которая имѣла въ его лицѣ примѣръ скромности и сдержанности.

Широкая публика должна хоть теперь узнать П. А. Солтанова, какъ незауряднаго человекъ, какъ рыцаря чести. Да, это было воплощеніе долга передъ родиной, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ, воплощеніе идеальной, кристаллической чистоты, это была укоризна современной нескромности при мало-мальски большомъ умѣ и выдающемся служебномъ положеніи. Онъ былъ такъ же великъ духовно, какъ грандіозенъ физически. Помню, когда я былъ маленькимъ кадеткомъ и генераль прѣзжалъ иногда къ намъ въ корпусъ къ своему сыну, мы всѣ высказывали смотрѣть на него откуда-нибудь изъ-за угла. Громаднаго роста, очень плотный, могуче сложенный, безъ непріятной полноты, румяный, русый, съ блестящими добрыми глазами и очень привѣтливой русской улыбкой, этотъ тогда молодой генераль былъ нашимъ класснымъ идеаломъ.

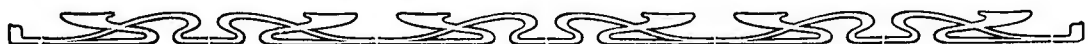
Съ виду замкнутый, Павелъ Алексѣевичъ Солтановъ не умѣлъ говорить о своихъ чувствахъ привязанности къ кому бы то ни было, но всегда ее можно было узнать по познатію руки и по тому вниманію, съ которымъ онъ всѣ слушалъ.

Припоминаю его рассказъ о молебнѣ во дворцѣ въ день объявленія войны... Этотъ казавшійся нѣкоторымъ сухимъ человекъ, рассказывая, неизмѣнно каждый разъ не могъ сдержать слезъ, когда доходило до того момента, какъ всѣ сановники стали на колѣни, истово молились и плакали... Вы видѣли, какъ горячо онъ любилъ Россію. Она-то вмѣстѣ съ глубокой вѣрой въ Промыслъ и давала ему силы такъ покорно переносить мучительную болѣзнь, совершенно изломавшую его обычную жизнь.

А какъ умѣлъ этотъ человекъ дѣлать добро! Онъ искренно старался скрыть свое въ немъ участіе и иногда былъ очень недоволенъ, если оно обнаруживалось и сопровождалось благодарностью. Вотъ почему, по отзыву одного его долготѣняго сослуживца, многіе и до сихъ поръ не знаютъ, что тѣмъ или другимъ въ своей жизни обязаны именно Павлу Алексѣевичу. Эмеритальная касса была передана ему, я думаю, какъ разъ благодаря этой чертѣ его характера. По крайней мѣрѣ, такъ поняли тогда его назначеніе.

Миръ праху его!

М. Л.—в.

Дѣти героевъ.

Дѣти воиновъ-героевъ.

Ихъ много сейчасъ на Святой Руси.

Отъ края до края прошла волна призыва русскихъ людей на ратный подвигъ.

Рядомъ съ молодыми стали отцы многочисленныхъ семействъ. Конечно, семьямъ помогаютъ. Это долгъ государства, который никогда, ни въ одну войну, не исполнялся еще такъ добросовѣстно, свято, какъ сейчасъ.

Но денежной помощи недостаточно. Неизвѣстно, какъ она будетъ употреблена близкими родными дѣтей героевъ войны.

И вотъ специально созданный въ Москвѣ отдѣлъ по опекѣ дѣтей воиновъ, при Комитетѣ Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, рѣшилъ взять воспитаніе дѣтей въ свои руки.

Въ первую очередь опекаютъ дѣтей тѣхъ, кто уже легъ костью за славу родины. Затѣмъ не забываютъ и юнцовъ, судьба родителей которыхъ неизвѣстна: отецъ или въ арміи или въ плѣну, а мать—кто говоритъ, „въ бѣженкахъ“, кто—погибла отъ аэропланной бомбы.

Для самыхъ маленькихъ дѣтишекъ въ Москвѣ устроены ясли и дѣтскій садъ. Няньки и „бонны“ изъ представительницъ высшей московской аристократіи замѣняютъ дѣтишкамъ матерей.

Ясли устроены въ одномъ изъ имѣній подъ Москвой. Природа

обворожительная. Режимъ такой, котораго не знаютъ, можетъ-быть, и дѣти людей самаго солиднаго достатка.

Для болѣе взрослыхъ дѣтей воиновъ-героевъ устроены школы и мастерскія.

Въ школахъ обучаются и „мирныя“ дѣти и такія, которыя, захваченныя общимъ воодушевленіемъ, успѣли уже побывать „въ добровольцахъ“ и заработать боевую награду.

Дѣтей до 16 лѣтъ теперь въ армію не пускаютъ, а такъ какъ юныхъ героевъ тамъ оказалось очень много, ихъ откомандировали въ Москву, гдѣ отдали въ школы.

Изъ опекаемыхъ московскимъ Комитетомъ 70 недавнихъ добровольцевъ 10 сейчасъ учатся въ гимназіяхъ, нѣсколько въ Комиссаровскомъ и Строгановскомъ училищѣ изящныхъ искусствъ.

А многіе еще готовятся.

Для дѣвочекъ и мальчиковъ, любящихъ ремесло, устроены мастерскія. Дѣвочки шьютъ раненымъ мѣшочки для подарковъ, мальчики переплетаютъ книги.

Устроенныя въ Москвѣ центральныя учрежденія обслуживаютъ всю Россію.

Въ смыслѣ обезпеченія дѣтей воиновъ, какъ сейчасъ выясняется, мы стоимъ впереди даже Англии и Франціи.

А. Ардовъ.

Дѣти воиновъ-героевъ. Въ ясляхъ. Въ ожиданіи обѣда.

Без одной минуты— полночь.

Разсказъ И. Островного.

Въ этотъ день еще утромъ въ домѣ архитектора Петра Степановича Брянчинова, въ его великолѣпномъ кабинетѣ, уставленномъ всевозможными вещами и вещами, изъ которыхъ каждая представляла собой уголокъ исторіи, произошелъ разговоръ, наложившій сумрачную тѣнь на все, что въ теченіе цѣлаго дня происходило въ домѣ, и на всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

Брянчиновъ уже мѣсяца три бытъ не въ ладахъ со своей семьей, которая состояла изъ жены Дарьи Григорьевны, двухъ взрослыхъ дочерей, Екатерины и Вѣры, сына Андрея, года два уже кончившаго технологию и работавшаго гдѣ-то на заводѣ, но жившаго въ семьѣ, и младшаго сына Василия, студента.

Домъ раздѣлился на двѣ партіи, при чемъ одну составлялъ самъ архитекторъ, а другую всѣ остальные. Борьба однакоже, велась скрытая. Никто явно противъ не возставалъ, всѣ обращались съ нимъ, какъ всегда, почтительно, вѣряясь главнымъ образомъ за завтракомъ и обѣдомъ.

Вечеромъ онъ обыкновенно исчезалъ и приходилъ домой, когда всѣ уже спали по своимъ комнатамъ. А утромъ, когда онъ бывалъ раздражителенъ, вслѣдствіе чего за утреннимъ завтракомъ всегда выходили маленькія исторіи, по его требованію, кофе съ принадлежностями приносили къ нему въ кабинетъ.

На этотъ разъ около десяти часовъ онъ уже выпилъ свой кофе и, докуривая счетомъ третью папиросу, чувствовалъ, что его душевное состояніе приходитъ въ равновѣсіе, и собрался засѣсть за проектъ недавно порученной ему постройки какого-то грандіознаго зданія.

Дѣти воиновъ-героевъ. Въ переплетной мастерской.

Дверь изъ гостиной отворилась, и вошла Дарья Григорьевна. Онъ поднялъ голову, и брови его нахмурились.

Давно уже сдѣлалось обычаемъ—до завтрака, когда онъ работалъ, не входить въ его кабинетъ. Трудъ его уважался всѣми домашними, и этотъ молчаливо принятый ими обычай соблюдался строго.

И никакіе посѣтители, будь они важныя, дѣловыя, выгодныя, въ эти часы не могли проникнуть къ нему. Ему даже не докладывали, а посѣтителямъ объявляли его пріемные часы,—отъ трехъ до пяти, когда всякій могъ видѣть его.

И вотъ почему брови его нахмурились, и онъ бросилъ женѣ досадливымъ, нетерпѣливымъ голосомъ:

— Ну, что тамъ такое?

— Извини, Петръ, но это необходимо...

Она подошла къ столу. Въ маленькихъ худенькихъ рукахъ ея были листикъ бумаги и карандашъ. Сама она была средняго роста, худенькая и не особенно здоровая. Ей было сорокъ пять лѣтъ, на цѣлый десятокъ меньше, чѣмъ ему, но казалась она старше его, несмотря на то, что волосы ея были чуть-чуть сѣроваты, тогда какъ его голова была украшена бѣлыми, густыми, непокорными волосами, и усы его были тоже бѣлы.

— Тутъ, видишь, мнѣ нужно записать, кто у насъ сегодня будетъ. Я записала своихъ, ну, и тѣхъ, которые постоянно... А ты кого пригласилъ?

— Никого, — отвѣтилъ архитекторъ, внимательно очинивая перочиннымъ ножомъ карандашъ, который былъ ему нуженъ для предстоящей работы.

— Какъ же это—никого? А, напримѣръ, твой помощникъ Валковъ... Или вотъ этотъ, такой неудачникъ, которому ты всегда даешь маленькую работу... У тебя же всегда найдется кто-нибудь.

Голосъ у нея былъ странный, словно треснутый

Дѣти воиновъ-героевъ. Въ дѣтскомъ саду.

гдѣ-то, и жалобная нотка всегда звучала въ немъ, она была природная и нисколько не говорила о ея душевномъ состояніи. Было что-то простецкое въ ея говорѣ, нѣсколько нараспѣвъ. Глаза же у нея были спокойные и кроткіе, какъ будто разъ навсегда примирившіеся со всѣми человѣческими несправедливостями.

— Такъ вотъ ты и позови ихъ, если хочешь,—сказала архитекторъ, не отрывая глазъ отъ карандаша.

— Какъ же я позову? Это неудобно.

— А неудобно, такъ не зови. Миѣ, право, все равно.

— Какъ же все равно, Петръ? Ты всегда любишь, чтобы былъ народъ, чтобы въ этотъ вечеръ было шумно. Ты вѣдь любишь это.

Ахъ, да, вотъ въ чемъ дѣло! Я забылъ сказать тебѣ, что вы будете безъ меня.

— Какъ безъ тебя?

Такъ вотъ, безъ меня. Я буду не дома...

— Ты будешь не дома встрѣчать Новый годъ?

слышалъ въ ея голосѣ слезы, и что-то всколыхнулось въ его груди.

— Дарья, погоди... Я вѣдь приду. Только попозже. Ну, понимаешь, общалъ.

Она на секунду остановилась, взявшись за ручку двери. Полуобернулась.

— Нѣтъ, ужъ... какъ хочешь.

И вышла.

Онъ вскочилъ, шумно отшвырнулъ въ сторону кресло и бурно зашагалъ по комнатѣ. Было что-то львиное въ его движеніяхъ, порывистыхъ и протестующихъ.

Высокій, сохранившій юношескую стройность и молодой блескъ глазъ, онъ казался полной противоположностью только-что ушедшей отсюда женѣ,—существо, съ которымъ онъ прожилъ двадцать восемь лѣтъ, пройдя вмѣстѣ рука объ руку все стадіи упорной и трудной борьбы и добившись наконецъ завиднаго положенія. И развѣ онъ виноватъ въ томъ, что природа дала ему такой

Дѣти воиновъ-героевъ въ ясляхъ подѣ Москвой.

И ея блѣдное худенькое лицо съ кроткими глазами выразило ужасъ.

— Это будетъ первый разъ за двадцать восемь лѣтъ,—прибавила она, глядя не на него, а куда-то въ пространство, и такъ пристально смотрѣли туда ея глаза, какъ будто передъ ними проходили всѣ двадцать восемь лѣтъ.

А онъ взялъ другой карандашъ и принялся чинить его уже безъ нужды, но такъ усердно, какъ будто это было самое важное дѣло его жизни.

И не поднявъ глазъ на нее и сказалъ:

— Чтѣ дѣлать... Всегда бываетъ первый разъ.

— Нѣтъ, не всегда, Петруша, — откликнулась она, и оба молчали съ минутой.

Она первая прервала молчаніе.

— А лучше бы ты дома... Ужъ какъ-нибудь, а? Я ничего не говорю,—поспѣшно прибавила она, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе его плечъ:—ну, пускай тамъ... вообще... Когда хочешь... Ты же знаешь, я молчу... А только въ этотъ день... Вѣдь дѣти, они привыкли... Съ самыхъ малыхъ лѣтъ этотъ вечеръ всегда всѣ были вмѣстѣ... Петръ, подари намъ этотъ вечеръ!

Онъ съ видимой досадой положилъ на столъ карандашъ и ножъ и вмѣстѣ съ кресломъ отодвинулся отъ стола.

Слушай, Дарья... Я подарилъ вамъ уже три четверти моей жизни. Неужели я не имѣю права одной четвертью распорядиться, какъ миѣ нравится?

Она какъ-то вдругъ съежилась, сгорбилась, и вся ея фигура приобрѣла видъ подавленный и несчастный. Глаза наполнились слезами.

— Какъ хочешь... Какъ хочешь...

И она неслышной поступью направилась къ двери. Онъ раз-

огромный запасъ жизненныхъ силъ, и онъ въ пятьдесятъ пять лѣтъ чувствуетъ себя юношей, способнымъ на безумства.

Есть люди, которыхъ еле хватаетъ только на одну жизнь. Проживъ четыре-пять десятковъ, они чувствуютъ, что пришли къ послѣдному порогу. Но жизнь все еще манитъ ихъ своимъ очарованіемъ, которое они уже не въ силахъ вкусить, и они страшатся переступить порогъ, за которымъ уже нѣтъ ничего, вѣчный мракъ небытія.

И безильные, съ охладѣвшей кровью, опустѣвшей душой, они садятся у порога и смотрятъ на жизнь, только смотрятъ, а сами уже не живутъ. Они могутъ только завидовать и плакать.

Но есть другіе, которые, пройдя поприще, начинаютъ другое. Сѣдые волосы не мешаютъ кипѣнію ихъ крови, работѣ ихъ творческой фантазіи, и они долго еще создаютъ великое и вѣчное.

Таковъ онъ. Но они хотятъ, чтобы онъ непременно съѣлъ рядомъ съ ними у порога и полусонными глазами смотрѣлъ на то, какъ кругомъ кипитъ жизнь, какъ живыя, дѣятельныя сердца горятъ въ неугасимомъ огнѣ страстей.

Но, нѣтъ, онъ хочетъ жить и будетъ жить...

„Это будетъ первый разъ за двадцать восемь лѣтъ!“...

Въ этомъ восклицаніи сказала вся маленькая, узенькая душа этой бѣдной женщины. Милая Дашенька, неизмѣнная спутница двадцати восьми лѣтъ жизни, заботливая, аккуратная, экономная, чудная, незамѣнимая хозяйка въ домѣ.

Онъ справедливъ, онъ все это признаетъ за нею, и все это было чрезвычайно важно, когда создавался домъ, постепенно возводилось большое зданіе его жизни.

Но теперь, когда оно доведено до вершины, когда онъ — извѣстный признанный строитель, имя котораго есть какъ бы символъ художественнаго вкуса, красоты, благороднаго стиля, теперь

Транспорты съ союзными англо-французскими войсками, ждущіе отправки въ Салоники.

это должно остаться позади, и дальше онъ пойдетъ уже одинъ, или... Нѣтъ, конечно, не одинъ, а рядомъ съ той, которая послана ему для созиданія другой жизни...

Шагая по комнатамъ широкими шагами, съ взволнованнымъ лицомъ, съ горящими глазами, онъ размышлялъ нѣсколько высокопарнымъ слогомъ, но это потому, что положеніе было экстренное. Въ жизни же онъ былъ очень простъ и терпѣть не могъ ничего приподнятаго.

Напримѣръ, хотя бы „та, которая послана судьбой“, и т. д. — вѣдь она имѣетъ реальное и притомъ самое обыкновенное имя, ее зовутъ Лизаветой Федоровной Левшиной. И исторія, которая послужила причиной раздѣленія его дома на двѣ партіи, вѣдшихъ между собою глухую борьбу, тоже была чрезвычайно проста и обыденна.

Левшина появилась на его горизонтѣ уже съ полгода. Но онъ встрѣчалъ ее „на нейтральной почвѣ“, т. е. въ собраніяхъ нѣкоего общества, которое имѣло своимъ предметомъ археологію. Общество, впрочемъ, не ученое, а скорѣе любительское. Люди собирались для наполненія своего времени, а кстади это имъ придавало дѣловой видъ. Какимъ-то чудомъ и она оказалась „любительницей археологій“.

Хорошенькая, изящная, умница, она обладала очень небольшими средствами, которыя однакожь давали ей возможность жить свободно, ни отъ кого не зависѣть, выбирать то, что ей нравится, и заниматься чѣмъ угодно, до археологій включительно. Теперь ей было двадцать два года, и, конечно, она уже сто разъ могла выйти замужъ, но она на замужество смотрѣла, какъ на серьезное предпріятіе, которое нужно сдѣлать хорошо, и не торопилась, спокойно высматривая и выбирая.

Брянчинова же въ общество затащили чуть не силой, въ качествѣ украшенія. Въ археологій онъ смыслилъ много, но глубоко презиралъ любительство, и, такъ какъ ему было скучно, то онъ сейчасъ же замѣтилъ Левшину и занялся ею.

Онъ посмотрѣлъ на нее поверхностно, ни капли не рассчитывая на что-нибудь серьезное. На засѣданіяхъ общества, гдѣ говорилось много невѣжественно-ученаго вздора, на который ему лѣнь было возражать, онъ, чтобы какъ-нибудь убить два часа, подсаживался къ ней и, любуясь ея красивымъ профилемъ и пышными, изумительнаго

каштановаго цвѣта, волосами, болталъ вполголоса, шопотомъ острить, вызывая у нея смѣхъ, и время проходило незамѣтно.

Она же довольно долго ограничивалась ролью „объекта, за которымъ ухаживаютъ“. Держась отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи, она какъ бы „позволяла ему воображать“, но сама только наблюдала.

Она изучала его характеръ, понемногу знакомилась съ его взглядами, положеніемъ, средствами, отношеніями къ семьѣ, все это она умненько собирала изъ имъ же оброненныхъ фразъ и словъ и составила нѣчто цѣльное, какъ искусная рука творить цѣлыя картины изъ мелкаго бисера.

Онъ же незамѣтно отъ поверхностнаго ухаживанія перешелъ

Английская подводная лодка въ Сѣверномъ морѣ въ бурную погоду.

Наши войска переходят русско-персидскую границу.

къ увлеченію. правда, пока еще легкому и ни къ чему не обязывающему, но все же лишившему его обычного душевнаго равновѣсія. Это совпало съ моментомъ, когда и Левшина кончила свои наблюденія и признала его чрезвычайно для себя подходящимъ. И, подобно внезапно, подъ дѣйствиємъ жаркаго солнечнаго луча, развернувшемуся цвѣтку, вдругъ расцвѣла и явилась передъ нимъ въ новомъ свѣтѣ и захватила его, уже совсемъ подготовленнаго къ этому, безъ малѣйшаго усилія и труда.

Лизавета Федоровна Левшина была не изъ тѣхъ, что довольствуются поклоненіемъ, она не принадлежала и къ тѣмъ, что подъ вліяніемъ неотразимаго увлеченія способны переступить роковую грань, за которой вчера повелѣвавшая превращается въ просящую, когда властное движеніе бровей замѣняется ссылкой на какія-то права, далеко не всеми признаваемыя. Менѣе всего она была склонна ставить себя въ зависимость отъ случайности. Она прекрасно знала свои шансы и распоряжалась ими, какъ виртуозъ струнами своего инструмента.

Она хотѣла создать себѣ жизнь такую, какая ей нравилась, и для этой цѣли старалась, чтобы въ полѣ ея зрѣнія прошло какъ можно больше людей всевозможныхъ ранговъ, возрастовъ и положеній.

И попадались люди, обладавшіе тѣмъ или другимъ качествомъ, отвѣчавшимъ на ея требованія, но не было еще ни одного, кто такъ всесторонне удовлетворялъ бы созданному ею идеалу, какъ архитекторъ Петръ Степановичъ Брянчиновъ. Человѣкъ съ большимъ именемъ, признанный талантъ, непрекаемый авторитетъ

въ своей области, успѣвшій уже сдѣлать большое состояніе и кромѣ того зарабатывавшій сколько хочешь. И, хотя для этого ему понадобилось около трехъ десятковъ лѣтъ, но онъ далеко еще не старикъ. Сѣдина дѣлаетъ его еще болѣе красивымъ, чѣмъ создала природа. Въ глазахъ его горятъ такіе жаркіе огни, какіе не часто встрѣчаются въ глазахъ двадцатилѣтняго юнца. Въ него можно влюбиться, и она находитъ въ своемъ сердцѣ струны, которыя звучатъ нѣжнымъ откликомъ на его бурный призывъ. Да, она должна была признать, что послѣ первой же встрѣчи въ засѣданіи глупаго общества, въ которое она вошла совсемъ не съ археологической цѣлью, она пришла домой не съ такимъ спокойнымъ сердцемъ, какъ вышла изъ дома. Но тогда она не позволяла себѣ „распуститься“, а потомъ, гораздо позже, дала нѣкоторую волю. Во всякомъ случаѣ она не осталась холодной, и никто не могъ бы упрекнуть ее въ томъ, что она лицемеритъ или поддѣльвается. Архитекторъ волновалъ ее и своимъ пламеннымъ увлеченіемъ и своей интересной личностью. Но никогда это не доходило до такой степени, чтобы она перестала управлять своими словами и дѣйствіями. Нѣтъ, когда человѣкъ поставилъ себѣ важную цѣль, онъ долженъ всегда владѣть собой и положеніемъ. А цѣль была ясна: архитекторъ Брянчиновъ сдѣлается ея мужемъ.

Строить новое зданіе, создавать свою жизнь съ какимъ-нибудь подающимъ большія надежды юнцомъ, о, это она могла сдѣлать каждую минуту. Такихъ юнцовъ въ студенческихъ мундирчикахъ, что съ надеждой засматривали ей въ глаза, было около нея сколько угодно, но она не чувствовала къ этому ни малѣйшаго расположенія. Борься, добиваясь, хотя бы и съ увѣрен-

На границѣ Персіи. Вьючныя носилки переходятъ мостъ персидской постройки.

Командующий кавказской армией генерал-отъ-инфантеріи Н. Н. Юденичъ во главѣ пластуновъ проходитъ церемональнымъ маршемъ передъ Августѣйшимъ Намѣстникомъ на Кавказѣ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

ностью въ блестящемъ результатѣ, это было не въ ея вкусѣ, она видѣла тысячи примѣровъ и замѣтила, что на эту предварительную работу обыкновенно уходятъ всѣ лучшія силы, и, главное, тускнѣетъ, отцвѣтаетъ красота женщины.

Брянчиновъ былъ именно то, чтó ей нужно. Онъ закончилъ своей подготовительный къ жизни періодъ, ему уже не предстояла борьба, всю эту черную работу онъ продѣлалъ при помощи другихъ, ей же предстоитъ шествовать по дорогѣ, устланной мягкимъ ковромъ и усыпанной цвѣтами.

И важно, чрезвычайно важно то, что онъ, хотя и сохранившій жаръ молодости, а все же не молодъ, и, значить, будетъ цѣнить ее и ужъ волей-неволей передать ей бразды, и она будетъ править. Это пріятно, это та улыбка жизни, которая манила ее.

Любовь? Конечно, она любить, свое счастье она собирается основать на любви, иначе оно ничего не будетъ стоить. Но самую любовь она понимаетъ не совсѣмъ такъ, какъ это всѣми принято.

И именно женщинѣ почему-то приписывается беззавѣтность въ любви, „очертя голову“, „не помня себя“ и т. д. Все это главнымъ образомъ для женщины. Она же думаетъ, что беззавѣтность и себя непамятованіе нужно всецѣло оставить мужчинамъ—онъ можетъ позволить себѣ эту роскошь, потому что онъ творитъ свою жизнь умомъ, талантомъ, работой. Любовь для него—украшеніе, придатокъ ко всему другому, десертъ къ сытному обѣду. Для женщины же любовь—единственное вѣрное орудіе въ борьбѣ за жизнь, любовью она создаетъ себѣ жизнь, ужъ, конечно, лучше и крѣпче, чѣмъ работой. И потому орудіе это надо беречь и распоряджаться имъ осторожно и умно.

Такъ именно она любила архитектора Брянчинова, любила, незамѣтно окружая его нѣжными сѣтями, изъ которыхъ онъ не могъ бы выпутаться.

А онъ стремительно шелъ дальше и дальше, и наконецъ, когда она сдѣлалась для него совершенно необходимой, она сказала:

— Я вся для васъ, вы это видите; мой красота и умъ, о которыхъ вы такъ много говорите, мой энергія, врожденный вкусъ, которымъ вы придаете такъ много значенія, мое все и вся я—для васъ, но одно условіе: бракъ.

Онъ это понялъ и призналъ. Какъ же иначе? Все за все. Какое же онъ имѣетъ право предложить ей что-нибудь другое?

Это и былъ день, когда семья архитектора Брянчинова раздѣлилась на двѣ партіи. Онъ вообще никогда не былъ дипломатомъ, любилъ прямо и открыто высказывать свои взгляды и желанія. А съ Дарьей Григорьевной у нихъ былъ давній уговоръ—никогда не лгать другъ другу, чтó бы ни было, хоть самое худшее. И онъ привыкъ къ этому, иначе не могъ и предсказать.

И не первый разъ ему приходилось говорить ей неприятную правду. Увлеченія у него бывали, и она знала о нихъ. Первое-давно это было—приняла трагически, съ истерикой, съ долгимъ двухнедѣльнымъ молчаніемъ, а потомъ полегче, и свылась: такой человекъ, чтó подблещетъ! Горестно, но пусть. Главное, чтобы семья сохранилась въ цѣлости.

Ну, а теперь вотъ явилась угроза и семьѣ. Было произнесено слово, которое она для себя, для своей семейной ячейки, совершенно не признавала: разводъ. И, къ глубокому удивленію Петра Степановича, сообщеніе его она выслушала безъ внѣшнихъ признаковъ драмы: онъ думалъ, что оно, какъ громомъ, поразитъ ее, ждалъ истерики, обморока, потрясающей сцены. Но оказалось, что громовый ударъ и потрясеніе она какъ-то сумѣла спрятать и пережить внутри, ему же она показала хотя и очень блѣдное, но полное рѣшимости лицо.

Выслушала и сказала:

— Все, чтó хочешь, но это—нѣтъ. Разводъ—никогда! Если какъ-нибудь сумѣешь помимо меня—твое дѣло, но я—никогда.

И такъ твердо сказала, что у него опустились руки. Она, конечно, знала, о комъ идетъ рѣчь, онъ самъ и рассказалъ ей, и раньше и теперь. Она видѣла Левшину и даже пригласила ее къ себѣ въ домъ, и та бывала у нихъ нѣсколько разъ, но потомъ, когда дѣло обострилось, почувствовала неудобство и прекратила. Но Дарья Григорьевна успѣла сдѣлать свои наблюденія и нашла случай высказать ихъ мужу.

— Цѣпкая она, это вѣрно. И умница—куда мнѣ до нея... Я передъ ней дѣвчонка. А только въ сердцѣ у нея ледъ. Нуженъ ей ты очень, ты для нея находка, прямо кладъ.

И въ то время, какъ худенькая и болѣзненная женщина, Дарья Григорьевна, во всемъ уступавшая ему и даже изъ глубокой, сдѣлавшейся уже почти материнской, привязанности къ нему, потакавшая, когда вопросъ коснулся цѣлости семьи и всего того знанія, которое они вмѣстѣ возводили, нашла въ себѣ мужество прямо сказать ему: нѣтъ, никогда,—онъ этого мужества въ себѣ не нашелъ, чтобы въ такой же категорической формѣ сообщить объ этомъ Левшиной.

Хотя онъ и былъ слѣпъ относительно ея подлинной психологіи, но, должно-быть, инстинктъ подсказалъ ему, что это заставило бы ее отдалиться отъ него, и на такой рискъ у него не хватило силы. Онъ сказалъ ей только, что встрѣтилъ противодѣйствіе, но надеется и даже увѣренъ.

И тогда Левшина пустила въ ходъ всю свою энергію, всю желѣзную настойчивость, запасъ которой у нея былъ неизсякаемый, чтобы надежду его и увѣренность превратитъ въ фактъ и, главное, ускоритъ,—потому что она знала жизнь и то, что чувство, какъ и всякая сила, утомляется и ослабѣваетъ.

И архитекторъ подъ этимъ влияніемъ не разъ возобновлялъ разговоръ съ женой, пуская въ ходъ и строгость, и крикъ, и нѣжность, и мольбу, но худенькая женщина, во всемъ остальномъ такая слабая и уступчивая, на все это отвѣчала одно:

— Нѣтъ, никогда! Ты хочешь развалить нашъ домъ и эту тяжесть обрушить на меня. Но я этой тяжести не вынесу. Разваливай самъ—какъ умѣешь, помимо меня.

Вчера ему поставили ультиматумъ.

Пусть кто-нибудь не подумаетъ, что это рѣшеніе—встрѣчать Новый годъ не въ своей семьѣ—ему досталось легко. Двадцать восемь лѣтъ и для него кое-что значили, и даже очень много. Двадцать восемь встрѣчъ Нового года среди сіяющихъ лицъ милыхъ близкихъ людей; и онъ даже не думалъ объ этомъ, и самъ какъ разъ собирался завернуть къ своему помощнику, молодому архитектору Валикову и позвать его, ну, и еще кой къ кому. Но раньше, чѣмъ это сдѣлать, зашелъ къ Левшиной.

У нея была маленькая квартирка въ три комнаты—кабинетъ, спальня и столовая, гдѣ она принимала гостей. Онъ нашелъ ее нѣсколько сосредоточенной и замкнутой. Казалось, ее угнетала какая-то мысль. Встревожился, расспрашивалъ. И она высказала ему эту мысль.

Она думаетъ, что имъ слѣдуетъ разрубить эту нитку, которая, помимо ихъ воли, протянулась между ними, какъ казалось, затѣмъ, чтобы связать ихъ существованія. Но, очевидно, это такъ же обманчиво, какъ и все прочее на свѣтѣ, этого никогда не будетъ, а потому лучше разрубить. Она вообще предпочитаетъ сама отказываться, хотя бы и отъ самого дорогого, чѣмъ ждать, пока это сдѣлаютъ обстоятельства.

Онъ, конечно, горячо и страстно возражалъ. Нѣтъ, это будетъ и очень скоро. Онъ еще не примѣнилъ настоящаго давленія, онъ приберегъ его и вотъ теперь пуститъ въ ходъ.

Онъ не обманывалъ ее, а былъ увѣренъ, что такъ и будетъ.

Сопровиление Дарья Григорьевны онъ не считалъ слишкомъ серьезнымъ и непреоборимымъ. Нужно хорошенько приняться за это. Онъ, напимърь, ни разу не говорилъ съ нею о материальной сторонѣ дѣла. Естественно, что она, привыкнувъ къ жизни безбѣдной, можетъ бояться какого-нибудь лишения. А онъ хочетъ широко обезпечить ее и всю семью.

— Итакъ, мой милый другъ, вы думаете, что мнѣ слѣдуетъ быть спокойной?— спросила Левшина.

— Да, совершенно, — подтвердилъ Брянчиновъ.

— Хорошо. Но вы дадите мнѣ залогъ. Я знаю, что это—жертва, и даже большая, но я буду спокойна только въ томъ случаѣ, если увижу, что вы способны принести мнѣ эту жертву.

— Я не думаю, чтобы нашлась такая, которой я не принесу бы вамъ.

— Посмотримъ! Сегодня вы встрѣчаете Новый годъ со мной?

У него сомкнулись уста, и не было словъ. Она видѣла, какое смущеніе произвела въ его душѣ, но ей это было нужно. Она смотрѣла на это, какъ на испытаніе. Если онъ пожертвуетъ этимъ, то и остальное легко добыть. Если же нѣтъ, она подвергнетъ сомнѣнію всю свою долговременную работу и еще подумаетъ, не тратитъ ли она времени напрасно, и не отойти ли ей самой.

Но его смущеніе продолжалось нѣсколько секундъ. Онъ вообще не умѣлъ говорить ей: нѣтъ, и онъ сказалъ:

— Да, я встрѣчаю Новый годъ съ вами.

Тогда лицо ея прояснилось. Она глѣдуствовала побѣду: замкнутость и сосредоточенность исчезли. Она оживилась, разгорилась. У нея будетъ немного народу, всего человѣкъ пять старыхъ знакомыхъ, бездомныхъ людей. И притомъ она не хочетъ такъ ужъ очень связывать его. Встрѣтять Новый годъ, обмѣняться пожеланіями, онъ посидитъ съ нею четверть часа и уйдетъ, если захочетъ. Но вотъ условіе, страшное, какъ клятва: онъ долженъ быть у нея хоть за минуту до полуночи. Да, за минуту, это ужъ самый послѣдній срокъ. Если вотъ эти часы, которые висятъ у нея въ столовой и идутъ очень вѣрно, пробьютъ двѣнадцать и его не будетъ, то это будетъ значить, что онъ забылъ ея адресъ, и имъ больше не зачѣмъ будетъ встрѣчаться.

— Но вы сдѣлаете исключеніе для того случая, что, напимърь, я внезапно заболѣю и лежу на смертномъ одрѣ? Я человѣкъ добросовѣстный и не солгу.

— О, да, конечно. Я имѣю основаніе быть настойчивой, но не жестокой.

Въ первый разъ онъ ушелъ отъ нея разстроенный. „Условіе страшное, какъ клятва“, лежало у него камнемъ въ груди. И не то, чтобы тамъ что-нибудь поколебалось, нѣтъ, но было какое-то чувство отчаянія, какое бываетъ, когда человѣкъ заставляетъ дѣлать что-нибудь черезъ силу, и онъ знаетъ, что надорвется, а все-таки дѣлаетъ.

Но это прошло. Скоро онъ началъ считать требованіе Левшиной законнымъ и необходимымъ.

И вотъ этотъ день. Онъ знаетъ, что Дарья Григорьевна неспособна одна пережить новый ударъ, который онъ нанесетъ ей сегодня утромъ, и непременно расскажетъ сыновьямъ и дочерямъ, и они будутъ обсуждать и негодовать, но, разумеется, вполголоса. — ему выразить эти чувства они не посмѣютъ. И онъ убѣдился въ этомъ, когда, послѣ бурнаго шаганья по кабинету, посидѣвъ съ полчаса надъ проектомъ и не подвинувъ своей работы ни на одинъ миллиметръ, онъ рѣшилъ освѣжить себя прогулкой и, проходя мимо столовой по коридору въ переднюю, слышалъ, какъ, при его шагахъ, въ столовой, гдѣ пили еще чай и кофе, всѣ замолкли. Это значить, рѣчь шла о немъ и объ его сегодняшнемъ „преступленіи“.

Онъ одѣлся въ передней и вышелъ на лѣстницу, спустился со второго этажа на улицу. Падаль небольшой снѣжокъ, легкій морозецъ чуть-чуть пощипывалъ щеки. Вѣтра не было. Дышалось легко.

Онъ каждый день совершалъ небольшую прогулку въ какую бы то ни было погоду. Это у него былъ законъ. Но на этотъ разъ онъ далъ себѣ болѣе основательную задачу — гулять до усталости. Ему хотѣлось быть бодрымъ и свѣжимъ къ вечеру.

И онъ ходилъ по Невскому, по набережной, забрался даже на Васильевскій островъ, и только въ половинѣ второго почувствовалъ здоровый крѣпкій аппетитъ. Домой идти завтракать было далеко, и не хотѣлось ему подвергать себя обстрѣлу враждебно настроенныхъ глазъ. Онъ завернулъ въ небольшой второстепенный рестораникъ, гдѣ его накормили довольно скверно, а затѣмъ опять пѣшкомъ пустился домой.

Тамъ уже давно позавтракали и сидѣли гдѣ-то въ дальнихъ комнатахъ, такъ что онъ, кромѣ прислуги, не встрѣтилъ никого и счелъ это для себя благопріятнымъ. Начался его приемные часы. Къ удивленію, несмотря на праздникъ, къ нему явились одинъ за другимъ четыре клиента и заняли все его время почти до шести часовъ.

Въ столовой накрывали на столъ, онъ предвидѣлъ необходимость участвовать въ обѣдѣ. Не было никакой возможности избѣжать этого. Пойти опять гулять — выйдетъ нарочно и потому глупо. Сказать больнымъ, а потомъ ночью уйти изъ дому — крѣпко и некрасиво. А главное, онъ терпѣть не могъ вранья, такъ какъ оно было унижительно.

И когда, въ семь часовъ, пришла горничная и сообщила, что супъ поданъ, онъ, махнувъ на все рукой, вышелъ въ столовую. Лица у всѣхъ были серьезные, но враждебнаго ничего онъ въ нихъ не замѣтилъ. Дарья Григорьевна какъ-то особенно заботливо относилась къ его питанію, освѣдомлялась, нравится ли ему куропатка, не хочетъ ли онъ еще, и въ глазахъ ея стояла какая-то трогательная пѣжная грусть.

Младший сынъ, студентъ, спросилъ его, не утомила ли его сегодня такая продолжительная прогулка. Онъ отвѣтилъ, что прогулка не утомилъ, а вотъ его удивляетъ, что обошлось безъ

На кавказскомъ фронтѣ. Наши позиціи на Гей-дагѣ. Сторожевой наблюдательный пунктъ.

катастрофы послѣ довольно сквернаго завтрака въ какомъ-то плохонькомъ ресторанчикѣ.

— Бѣдный папа! — воскликнула старшая дочь.

А младшая прибавила:

— Вотъ что значить увлечься... прогулкой...

И такъ неудачно поставила она свое многоточіе, что вышло неловко, какъ будто похоже на намекъ, хотя она этого не хотѣла, и всё переглянулись, а архитекторъ нахмурился. Но скоро это впечатлѣніе сгладилося, безразличный разговоръ продолжался, и Петръ Степановичъ чувствовалъ, что его пощадили, можетъ-быть, даже пожалѣли, и, благодаря этому, обѣдъ оставилъ въ его душѣ пріятное ощущеніе.

Потомъ онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ одинъ. Никто къ нему не стучался и не входилъ. Въ домѣ проходила суета, прислуга сно-

Развѣдчики выслѣживаютъ непріятеля.

Развѣдчики переправляются черезъ рѣку.

вала по коридору и по комнатамъ, перетаскивала мебель, звенѣла посудой.

Онъ прилежъ на диванѣ отдохнуть. Длинная прогулка все же сказывалась. Онъ чувствовалъ легкое утомленіе. Ему казалось, что сейчасъ охватитъ его дремота, и онъ нарочно, чтобы не проспать слишкомъ долго, отложить въ сторону подушку, а голову положилъ на валикъ, чтобы ей было неудобно и отъ этого скорѣе проснуться.

Но вмѣсто дремоты пришли мысли, странныя, больше похожія на образы и цѣлыя картины. Двадцать восемь лѣтъ проходили передъ нимъ въ стройномъ порядкѣ, одно за другимъ, по очереди, не путаясь и не мѣшая другъ другу.

Вотъ онъ самъ, только-что получившій званіе архитектора, молодой, стройный, еще даже не начертаній плана своей жизни. Да и какой планъ! Планы домовъ и всякихъ другихъ сооруженийъ онъ умѣлъ чертить прекрасно, но планъ жизни — Боже мой! Что можетъ быть скучнѣе жизни по заранѣе начертанному плану.

Онъ былъ бѣднякъ, происходилъ изъ бѣдной семьи маленькаго провинціального чиновника. Студентомъ Академіи бѣдствовалъ, но безъ страданія и безъ всякаго нытья, бодро и весело. И теперь работа шла въ руки туго. Не было ни связей, ни знакомствъ, ни малѣйшаго имени.

Случайная встрѣча съ худенькой дѣвушкой съ кроткими глазами — и тутъ же сейчасъ романъ, безразсудный и стремительный, какъ сама юность. Кто она? Чья-то дочь, конечно. Ахъ, да, какого-то чертсжника, немного училась, кажется — шесть классовъ гимназіи прошла, дала уроки наукъ, которыя сама смутно знала. Но что за дивное простое сердце, какая ясность души и какая глубина чувства!

Три недѣли — и ужъ они мужъ и жена, живутъ въ двухъ комнатахъ, и оба работаютъ, добываютъ пропитаніе.

двинулся, начались приглашенія и заказы.

Ну-ка, ну, подходи, третій годъ, торопись, вѣдь всѣхъ двадцать восемь, всѣмъ надо дать мѣсто. Второй ребенокъ, побольше квартира, появилась приличная мебель, у него есть свой кабинетъ — какое блаженство! Первый свой кабинетъ въ жизни, съ довольно солиднымъ, хотя и дешевымъ письменнымъ столомъ „подъ орѣхъ“, со шкапомъ, въ которомъ слишкомъ мало еще книгъ. Работа кипитъ, деньги звенятъ въ карманѣ.

Четвертый, пятый годъ... Еще ребенокъ, и всѣ такія здоровыя, просто даже непонятно, какъ можетъ ихъ, такихъ, производить на свѣтъ худенькая, тоненькая и такая съ виду хрупкая Даша. Но есть на свѣтѣ простуда и

На сторожевомъ посту.

жестокіе дѣтскіе недуги. Въ домѣ воровскимъ образомъ пробрался дифтеритъ и унесъ младшую дѣвочку, и это была настоящая трагедія. Оба были убиты, плакали, не могли работать.

А годы идутъ, новыя впечатлѣнія... Въ здоровомъ организмѣ всякая рана зарастаетъ. На смѣну погибшей родился новый ребенокъ — сынъ. У нихъ уже довольно большая квартира. Даша въ ней паритъ. Онъ не знаетъ никакихъ хлопотъ, все въ домѣ дѣлаетъ она. На ней лежитъ хозяйство и дѣтководство, и она, худенькая и слабая, все успѣваетъ, съ утра до вечера въ хлопотахъ, и все дѣлаетъ такъ аккуратно и исправно, что, даже если бы и хотѣли, не нашель бы, къ чему придраться.

Вотъ они проходятъ мимо него, годы одинъ за другимъ, въ стройной чередѣ. Сколько ихъ? Можетъ-быть, пятнадцать или уже восемнадцать... Имя его сдѣлалось важнымъ, значительнымъ. Онъ уже академикъ, профессоръ, авторитетъ. Изъ рукъ его вышли замѣчательныя работы, онъ построилъ сооружения, которыми гордятся. Его благосостояніе прочно. У нихъ большая квартира, съ чудной художественной обстановкой—вотъ эта самая, ее съ тѣхъ поръ уже не мѣняли.

Дѣти подросли, всѣ учатся, въ домѣ дѣловая жизнь, но главное—удивительно дружная: и все соединяетъ и скрѣпляетъ его худенькая и хрупкая Даша, неутомимая, постоянно занятая мыслью о томъ, чтобы ему, архитектору, все было во-время и хорошо подано, чтобы у него была мягкая постель, а на столѣ его любимыя блюда, чтобы ему не мѣшали работать и дремать послѣ обѣда, чтобы, выходя на улицу, онъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, чтобы его какъ-нибудь не продуло.

Ахъ, да, да! Надо быть справедливымъ. Эта женщина сберегла его, и на ней одной всегда держался домъ, и семья удержалась въ томъ дружномъ состояніи, въ какомъ находится теперь. Никто не хотѣлъ уходить изъ нея. Сынъ уже служить, могъ бы жить самостоятельно и недурно, а предпочитаетъ ютиться здѣсь, въ маленькой комнаткѣ. Старшая дочь боится выйти замужъ, потому что тогда придется жить отдѣльно отъ своей семьи. Э, да что говорить: онъ самъ страшно цѣнитъ свою принадлежность къ этой ячейкѣ и.—если по совѣти, если отбросить всѣ постороннія, хотя и очень важныя соображенія,—дрожитъ при мысли, что это будетъ какъ-то иначе...

Но, конечно, это будетъ иначе. Такъ рѣшено, и тутъ не мо-

СѢВЕРПОМОЩЬ. Выдача горячей пищи и чая у вокзала въ Бобруйскѣ.

жетъ быть никакой отмѣны. Но какъ это будетъ? Онъ старается вообразить—и странно, очень странно, что у него ничего не выходитъ. Воображеніе, какъ норовистая лошадь, вдругъ остановилось посреди дороги и не хочетъ итти дальше. Онъ понукаетъ его, толкаетъ впередъ, хлещетъ бичомъ, но это не помогаетъ.

Витаетъ вокругъ него красивое лицо, изящная фигура, чудные глаза, очаровательная улыбка... Какая-то бездна обаянія, которое его покоряетъ... Но никакого содержанія той жизни, которая будетъ... Впрочемъ, это понятно: ея еще не было, откуда же взяться содержанію? Но вѣдь можно и такъ догадаться, что это будетъ нѣчто изумительное, какое-то такое красивое счастье, какого нельзя даже вообразить...

Но что это тамъ? Развѣ такъ уже поздно? Онъ такъ былъ занятъ этой странной ревизіей двадцати восьми лѣтъ, что, должно-быть, не слышалъ звонковъ. А, очевидно, они были. Люди входили въ домъ. Судя по множеству голосовъ, ихъ уже пришло не мало. Говоръ, смѣхъ,—это, должно-быть, въ столовой.

Который же часъ? Боже мой, безъ четверти двѣнадцать. Ему пора итти. Онъ вкочилъ съ дивана, взглянулъ на себя,—онъ одѣтъ по-домашнему, соображаетъ: она живетъ совсѣмъ близко, на извозчикѣ минуты три-четыре. Значитъ, онъ поспѣетъ.

Рубаха на немъ свѣжая. Брился онъ утромъ. Надо переодѣнуться галстукъ и жилетъ. Можетъ-быть, надѣть фракъ? Ну, нѣтъ, это противно. Это даетъ холодный официальный тонъ.

Онъ порылся въ шкапу, въ маленькой, сосѣдней съ его кабинетомъ, комнатѣ, досталъ черный пиджакъ. Опять взглянулъ на часы,—безъ десяти минутъ. Только онъ одинъ способенъ на такую небрежность.

Напялил жилетъ, застегнулъ. О, поспѣетъ! И вдругъ скрипнула дверь въ маленькой комнатѣ, и оттуда въ кабинетъ вошла Дарья Григорьевна. Что за странный визитъ! Но еще болѣе странно то, что у нея въ обѣихъ рукахъ по бокалу, и они наполнены шипучимъ виномъ.

— Дарья! Что это?

— Ты торопишься, я знаю... Но это одна минута... всего голько одна минута! Возьми вотъ этотъ бокалъ, это твой...

Онъ машинально взялъ бокалъ; ея голосъ звучалъ жалобно, но въ то же время была въ немъ какая-то непривычная твердость.

— Вотъ слушай, Петруша... Ты сейчасъ уйдешь, ты съ нами

СѢВЕРПОМОЩЬ. Посадка въ вагоны.

не будешь... Но я хочу... но я все-таки хочу встрѣтить съ тобой нашъ двадцать девятый годъ... Двадцать девятый, Петруша... и... ужъ послѣдній... Нѣтъ, слушай, слушай! Ну, опоздаешь на двѣ минуты... Развѣ это важно? Я хочу сказать тебѣ, что я, послѣ сегодняшняго утренняго разговора, много думала и все, все сначала передумала. И это я одна... Дѣти тутъ ни при чемъ. Я одна, Петруша. Я поняла, что любовь, настоящая,—то-есть такая, если любишь человека не только когда онъ для тебя хорошъ, но и когда плохъ, совсѣмъ плохъ—обижаетъ, оскорбляетъ, все равно любишь, любишь...—такая любовь повелѣваетъ всегда дѣлать такъ, чтобы онъ, кого любишь, былъ счастливъ... А счастье вѣдь человекъ самъ для себя выбираетъ. Ну, и ты выбралъ, Петруша, хорошо ли, дурно ли, а ужъ выбралъ. И я рѣшила: даю тебѣ то, что ты хочешь. Да, вотъ даю. Разводъ? Да, хорошо, пусть будетъ разводъ. Завтра же, когда хочешь, Петруша... И вотъ даже хочу передъ нашимъ двадцать девятымъ годомъ выпить съ тобой за твое новое счастье. Пусть будетъ оно большое, пусть оно будетъ въ миллионъ разъ больше нашего!..

И протянула руку съ бокаломъ и чокнулась, но не выпила, потому что рука архитектора вдругъ задрожала, и казалось, вотъ-вотъ выронитъ бокалъ съ виномъ. Дарья Григорьевна немного даже испугалась.

— Что съ тобой, Петруша?

— Нѣтъ, ничего... Поймай-ка... Который часъ?

Взглянулъ на каминь: было ровно безъ одной минуты двѣнадцать.

— Ага!—сказалъ архитекторъ.—Ну, такъ вотъ. Дарья... Вижу я, что больше нашего съ тобой счастья нѣтъ и быть не можетъ. И мы выпьемъ за него. За старое счастье, Дарья. Слышишь? Я не хочу другого...

Протянулъ дрожащую руку... Чокнулись, выпили. Кто-то стучитъ въ дверь.

— Двѣнадцать часовъ! Съ Новымъ годомъ!

— Мы идемъ!

Онъ быстро натянулъ на плечи пиджакъ, схватилъ подъ руку Дарью Григорьевну, и вмѣстѣ они вышли въ столовую. Зазвенѣли бокалы, раздались поздравленія. Кто-то говорилъ спичъ...

Пріютъ для сиротъ-дѣтей бѣженцевъ. Перевозка на вокзалъ. Отправка въ пріюты Москвы и Петрограда.

Зычный звонокъ у телефона. Архитекторъ поставилъ бокалъ на столъ и вышелъ. Телефонная трубка была въ его рукѣ, онъ приложилъ ее къ уху.

— Алло!

Слышитъ знакомый голосъ:

— Вы на смертномъ одрѣ?

— Нѣтъ еще...

— Значитъ, вы...

— Со мной случилось несчастье...

— Неужели? Пожаръ? Васъ ограбили?

— Нѣтъ, но я... Я забылъ адресъ...

— А!

Она повѣсила трубку. Въ домѣ архитектора Брячинова веселый праздникъ продолжался до утра.

Двѣнадцать разъ.

Пробьютъ часы двѣнадцать разъ.
Въ жасминомъ пахнущей столовой...
И не сомкнетъ усталыхъ глазъ
Она, въ тоскѣ своей суровой...
Тамъ, гдѣ, какъ осень хмура твердь,
Гдѣ, какъ судьба, неумолима,
Стоитъ на стражѣ строго Смерть,—
Тамъ онъ... влюбленный и любимый...
И мѣрный колокола звонъ
И легкій звонъ ея завястья
Сливаются въ сердцѣ тихій стонъ
Тревожной грусти и участья...
Пробьютъ часы двѣнадцать разъ—
И въ мерзлой снѣговой траншеѣ
Онъ вспомнитъ нѣгу черныхъ глазъ...
Свою возлюбленную фею.
И въ летѣ трепетныхъ минутъ
Забудетъ черныхъ думъ оковы

И будетъ помнить лишь уютъ
Жасминомъ пахнущей столовой...
Вдали мерцаетъ огонекъ.
Видѣнья мчатся съ влагой мимо.
Въ его душѣ мечты цвѣтокъ
О ней... далекой и любимой.
Часы пробьютъ двѣнадцать разъ.
На рубежѣ Великой Грани
Россия трепетный алмазъ
Вплететъ въ вѣнецъ своихъ мечтаній.
За мѣрнымъ звукомъ мѣрный звукъ...
Уйдутъ въ туманъ слѣпого края
Дни слезъ и горя слезъ и мукъ,
И заволнуютъ, нарастая,
Побѣды яркіе лучи...
И ты, что съ вѣрой ждешь возврата
Лазурныхъ дней, терпи, молчи!
Ужъ близокъ день, конецъ заката...

Павель Орѣшниковъ.

Воинъ Василій.

Новогодній рассказъ Б. П. Никонова.

I.

...Скоро наступитъ блѣдное, позднее, зимнее утро. Утро Нового года.

На окнѣ предъ моимъ столомъ стоитъ клетка, а въ клеткѣ тревожно возится и скребется маленькая птица-чечетка. Ей не спится.

Не спится и мнѣ. На душѣ у меня такъ грустно и тоскливо. И въ то же время гдѣ-то на самомъ глубокомъ ея днѣ пробуждаются какія-то еще невѣдомыя мнѣ смутныя надежды. Точно кто-то свѣтлый, громадный и могучій, пролетѣлъ надо мною и коснулся моей души мягкими и теплыми крыльями. И отъ тѣлаго прикосновенія высохли вкряпавшія слезы...

Я сижу за письменнымъ столомъ. Я хотѣлъ работать. Но работа не клеится въ этотъ странный, необычный и такой ранній часъ. Я не знаю, чѣмъ успокоить себя. Я подхожу къ клеткѣ. Чечетка издаетъ тревожную пискливую нотку, слегка шаркаетъ въ сторону, но быстро успокаивается. Она привыкла къ людямъ. Она смотритъ на меня въ упоръ своими маленькими, блестящими, черными глазками, и мнѣ кажется, что и ей такъ же грустно, какъ и мнѣ, и что она тоже вспоминаетъ пережитое нами... Вспоминаетъ и война Василія...

Бѣдный маленький воинъ Василій!..

Сверпомощь. У канцелярии. Выдача пособий солдаткам.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ знакомая женщина-врачъ рассказала мнѣ со смѣхомъ и досадою слѣдующую исторію:

— Лежалъ у насъ въ палатѣ тринадцатилѣтній мальчишка съ апендицитомъ. Вылѣчился—и остался въ больницѣ. Не хочетъ уходить домой, и баста. Понравилось у насъ. Дома у него старая глупая тетка, которая бьетъ его, посылаетъ нищенствовать, не пускаетъ въ школу. А въ больницѣ ему одно удовольствіе—тепло, ѣда хорошая, пріятная компанія и умные разговоры. Со всѣми больными перезнакомился, передружился, политическіе разговоры ведетъ, газеты читаетъ про войну. Гораздо лучше, чѣмъ я, освѣдомленъ о военныхъ событіяхъ...

«Я ему говорила:

— Въдѣ ты здоровехонекъ, Васютка. Выписывать тебя надо. Домой пора.

«Васютка въ слезы:

«— Тетенька, не выписывайте! Наймите меня работать въ больницѣ. Ужъ такъ-то буду работать! Больно хорошо ужъ у васъ!

«Что съ нимъ подѣлаешь? Оставили его. Въ самомъ дѣлѣ, началъ работать: помогаетъ сидѣлкамъ, бѣгаетъ съ порученіями, разбитой такой мальчишка, ни отъ чего не отказывается и не лодырничаетъ. А чуть свободная минута—непремѣнно ударить въ баракъ къ раненымъ. Читаетъ солдатамъ газеты, о сраженіяхъ разговариваетъ.

«Жилъ онъ у насъ на такомъ положеніи болѣе мѣсяца. Наступилъ школьный сезонъ. Я ему на-дняхъ опять говорю:

«— Все это очень хорошо, Вася, что ты у насъ работаешь. Но надо бы и о школѣ подумать. Не все же тебѣ газеты читать да на побѣгушкахъ бѣгать. Время идетъ. Отправляйся-ка къ теткѣ, добывай метрику, да и поступай снова въ школу. Мы тебѣ это устроимъ. И тетка больше мѣшать не будетъ.

«Нахмурился нашъ Василии, но согласился. Ушелъ третьягодня домой. И не вернулся».

— Совсѣмъ исчезъ? — спросила я.

Докторша сердито промолвила:

— Ну, да... Только не исчезъ, а просто ушелъ. Открыто. Извѣстіе о себѣ прислалъ. Два дня о немъ никакихъ слуховъ не было. Я думала, пропалъ нашъ Васютка, не пожелалъ въ школу поступать, избаловался, попалъ въ какую-нибудь хулиганскую воровскую компанію. Ужъ очень

шустрый былъ. Но вотъ сегодня я получила отъ Васютки письмо... Полюбуйтесь!

Докторша протянула мнѣ оборванный листокъ бумаги, вырванный изъ какой-то приходо-расходной засаленной книжки. Крупнымъ, аккуратнымъ дѣтскимъ почеркомъ, относительно грамотно, на немъ было начертано слѣдующее:

«Евгенія Ивановна, не обижайтесь на меня. Извините! Убѣжалъ съ солдатами на позицію. Учиться буду опослѣ. Теперь некогда. Мнѣ хорошо. Учусь стрѣлять изъ пулемета, бью нѣмцевъ. Вещи мои изъ больницы отдайте тетенькѣ. И деньги пятьдесятъ копеекъ. Ну, прощайте! Некогда. Иду въ атаку!»

— Хорошъ мальчижъ? — спросила Евгенія Ивановна.

— Хорошъ! — разсмѣялся я. — Лучше не надо!

Но докторша не смѣялась:

— Да поймите, въдѣ онъ ребенокъ совсѣмъ... Куда ему сражаться? И какъ это я не догадалась, что онъ затѣялъ! Въдѣ у него только и разговоровъ было здѣсь, что о войнѣ! Ну, что теперь съ нимъ дѣлать? Какъ вернуть его?

— Да ничего не надо дѣлать.

Прирожденный воинъ. Ничего не подѣлаете. Судьба!

— Какой онъ воинъ!

Докторша долго хмурилась. Она съ чисто-материнскою заботливостію безпокоилась о «непутевомъ Васюткѣ». На меня же эта маленькая, довольно обычная въ наше время исторія произвела пріятное впечатлѣніе. Ужъ очень много было какой-то свѣжей и свѣтлой бодрости въ этомъ письмѣ. Вася, очевидно, былъ паренекъ обстоятельный: онъ и дѣла свои устроилъ, и какъ потомъ оказалось, метрику добылъ, и извинился честию предъ своимъ бывшимъ больничнымъ начальствомъ. Но только не до школы ему было теперь. И вотъ теперь онъ (вѣроятно, съ самымъ дѣловитымъ видомъ) учился вмѣсто того стрѣлять «изъ пулемета» и бить нѣмцевъ. А послѣдній аккордъ: «иду въ атаку»? Развѣ это не прелесть?

Долгое время о воинѣ Василии не было ни слуху ни духу. Я стала забывать о немъ. Но вотъ около мѣсяца тому назадъ ко мнѣ зашла Евгенія Ивановна. Она была въ великомъ волненіи.

— Пойдемте въ больницу! — заторопилась она.

— Зачѣмъ?

— Я вамъ Васютку покажу!

— Развѣ онъ пріѣхалъ?

Сверпомощь. Убѣжище для выздоравливающихъ.

— Его привезли.

У нея брызнули слезы. Я вспомнил: „Иду въ атаку“, „біо нѣмцевъ“—и у меня невольно сжалось сердце. Никогда этого Васютки я въ глаза не видалъ и, повторяю, уже почти позабылъ о немъ. Но оказалось, что онъ со своимъ знаменитымъ письмомъ все-таки уже успѣлъ какимъ-то образомъ пробраться въ мое сердце. „Привезли“. Я понял, что это значитъ!

Въ больницѣ я прошелъ съ докторшей въ солдатскій баракъ на дворѣ. Въ баракѣ было свѣтло, полно солдатъ, которые за дощатыми перегородками сидѣли и лежали на кроватяхъ, читали, пили чай. Мелькали фигуры сидѣлокъ и сестеръ въ бѣлыхъ халатахъ.

— Вы къ кавалеру, Евгенія Ивановна? — оспѣдомился рослый красивый бородачъ-казакъ съ подвязанной рукой.—Его отселя въ сосѣднее отдѣленіе унесли.

Нѣсколько человекъ въ сѣрыхъ халатахъ, забинтованные, — у кого была повязана голова, у кого рука, — подошли къ намъ съ возбужденными лицами, желая поговорить о мальчонкѣ. Вася, очевидно, уже былъ здѣсь знаменитостью. Составъ раненыхъ въ баракѣ успѣлъ смѣниться неоднократно, но о Васѣ здѣсь говорили, знали о немъ отъ сидѣлокъ и сестеръ, и появленіе этого легендарнаго Васи, да еще въ героическомъ видѣ, произвело настоящую сенсацию. Нужно же было случиться такому совпадению, что мальчуганъ, „работавшій“ въ этой больницѣ, попалъ опять сюда же.

Солдаты оживленно спрашивали:

— Живъ-то онъ будетъ, что ли?

— Вы, Евгенія Ивановна, пошибче его лѣчите.

— Въ случаѣ чего, насъ оставьте безъ вниманія, а къ нему идите. Мы потерпимъ. Ужъ больно мальчонка занятный!

Васютка лежалъ въ большой палатѣ, болѣе просторной, чѣмъ сосѣдняя. Сѣрое больничное одѣяло покрывало его до самаго носа, и я видѣлъ только веснучатый блѣдный лобъ и большіе сѣрые глаза. На первый взглядъ это былъ совсѣмъ маленькій мальчуганъ, почти ребенокъ. И мнѣ въ голову прежде всего пришли слова Евгенія Ивановны: „Ну, какой же это воинъ?“

— Ну, что, Василий?—спросила докторша.—Легче?

Мальчикъ закашлялся тягучимъ хриплымъ кашлемъ и почти шопотомъ прохрипѣлъ:

— Лучше...

— Что съ нимъ?—спросилъ я.

Васютка съ трудомъ повернулся ко мнѣ и прохрипѣлъ съ большимъ достоинствомъ:

— Въ грудь раненъ. И представленъ къ Георгіевскому кресту.

— Ну, ну, молчи!—прервала его докторша.—Тебѣ нельзя много говорить. Лежи и спи!

На обратномъ пути насъ опять окружили раненые солдаты съ разспросами о Васюткѣ:

— Что, Евгенія Ивановна, поправится онъ?

Докторша неохотно отвѣтила:

— Конечно!

— Дай-то Богъ. Занятный паренекъ. Егорьевскій кавалеръ! За развѣдку, говорятъ, получилъ: за полезное безстрашіе и храбрость... Этакій сморчокъ—отъ земли не видать, а кавалеръ!

На мой вопросъ, останется ли живъ Васютка, Евгенія Ивановна отвѣтила совсѣмъ иное:

— Плохъ мальчишка! И чего лѣзъ на позиціи! И какъ мы не углядѣли, пустили его! Надо бы было всѣми способами придержать въ больницѣ, а мы гнали его!..

Бѣженцы. Передъ уходомъ. Улица, устланная хлѣбомъ.

II.

Лазаретъ, въ которомъ лежалъ Васютка, былъ городской. Строгостей въ немъ особыхъ не было, постороннихъ допускали довольно свободно, и я навѣщать георгіевскаго кавалера почти каждый день.

Положеніе у него было неважное. Онъ былъ слабъ, почти не шевелился, говорить съ трудомъ и ужасно скучалъ. Дни проходили за днями, но рана у него не заживала, въ груди происходилъ все разрастающійся болѣзненный процессъ, къ которому съ возрастающимъ волненіемъ и тревогой прислушивалась Евгенія Ивановна. Георгіевскій кавалеръ лежалъ почти неподвижно на спинѣ, высунувъ изъ-подъ одѣяла заострившійся носъ, и молчаливо поводилъ на окружающихъ задумчивыми сѣрыми глазами.

Я пробовалъ разговаривать съ нимъ въ короткіе часы между поднятіемъ температуры, когда Вася чувствовалъ себя немного бодрѣе. Мнѣ хотѣлось знать, какъ могъ онъ—маленькій, хлипкій полуребенокъ, нести страшное ярмо боевыхъ дѣйствій, стрѣлять, быть подъ огнемъ, сидѣть въ окопахъ, ходить въ развѣдку, гдѣ его и ранили, и за которую онъ получилъ своего „Егорія“? Въ то же время мнѣ думалось, что разговоры о войнѣ и о собственномъ подвигѣ будутъ мальчику пріятны и развеселятъ его.

Но Вася отвѣчалъ на вопросы нехотя и кратко.

— Страшно тебѣ было, Вася, на войнѣ?

— Нѣтъ, не очень. Весело даже было.

— А больно было, когда пуля ударила?

— Нѣтъ, не очень. Ожгло маленько. А потомъ упалъ.

У него было много такихъ „не очень“. Болѣло не очень, ѣсть хотѣлъ не очень, скучалъ не очень. Зато ему, повидимому, „очень“ хотѣлось выздоровѣть, встать съ постели, двигаться, бѣгать, скакать—и, быть-можетъ, опять стрѣлять „изъ пулемета“... Объ этомъ-то онъ, повидимому, только и думалъ...

— Скоро я поправлюсь?—каждый разъ спрашивалъ онъ.

Бѣженцы.

Последній долгъ товарищу, павшему смертью храбрыхъ. Слѣва стоитъ (съ Георгіевскимъ крестомъ) скульпторъ-самородокъ унтеръ-офицеръ Шаталовъ.

И тутъ ужъ мы со сжавшимся сердцемъ отвѣчали ему излобленнымъ его словомъ:

— Нѣтъ, Вася, не очень!

Раненые выбивались изъ силъ, чтобы развлечь кавалера: вырѣзывали ему изъ дерева игрушки, на которыя Вася только смотрѣлъ, пѣли пѣсни, рассказывали смѣшныя солдатскія прибаутки и сказки. Но Васю все это только утомляло.

И вотъ тогда мнѣ пришло въ голову купить Васѣ птицу въ клѣткѣ. Евгения Ивановна сначала нашла присутствіе живой птицы въ палатѣ нежелательнымъ съ точки зрѣнія гигиены и больничной дисциплины. Но потомъ сама увлеклась моей идеей и пошла на компромиссъ. Было рѣшено въ случаяхъ особой важности скрывать птицу въ квартирѣ Евгении Ивановны, а для соблюденія принциповъ гигиены чистить клѣтку съ особой тщательностью.

Я съѣздили въ магазинъ живого звѣрья. Никакихъ интересныхъ птицъ тамъ не оказалось. Магазины вообще владѣли печальное существованіе, такъ какъ по случаю войны прекратился подвозъ иностранныхъ представителей фауны. Въ большой клѣткѣ лѣниво и методически перепархивали съ жердочки на жердочку лишь маленькія сѣрыя пичуги съ красными пятнышками на головѣ. Это были обыкновенныя чечетки.

Барышня-приказчица довольно безжалостно выхватила одну изъ красноголовыхъ пичугъ, зажала ее въ горсть и сунула въ клѣтку поменьше. Клѣтку обвязала бумагой, чтобы птица не простудилась въ дорогѣ, и я повезъ птицу въ лазаретъ. Всею дорою чечетка смиренно сидѣла въ клѣткѣ, не возилась, не барахталась. Должно-быть, вообразила, что пришелъ смертный часъ, и все равно ужъ ничѣмъ дѣлу не поможешь.

Ея появленіе вызвало въ лазаретѣ всеобщій восторгъ. Сбѣжались всѣ раненые, присутствовали при разворачиваніи бумаги и соображали со смѣхомъ и шутками, какая амуниція у птицы, и какого она полка и рода оружія. Тѣ изъ раненыхъ, кто не вставалъ съ постели, умоляли, чтобы птицу принесли и показали имъ.

Вася ужасно обрадовался чечеткѣ. Я не ошибся: это оказалось для него самымъ лучшимъ и подходящимъ развлеченіемъ. Ему не нужно было утомлять себя: онъ могъ, молча и не шевелясь, по цѣлымъ часамъ смотрѣть на птицу, наблюдать ея манеры и поведеніе, и, когда хватало силъ, даже кормить ее. Онъ могъ, не уставая, слушать ея чириканье и соображать, о чемъ она говоритъ на своемъ птичьемъ языкѣ, понятномъ только Богу и дѣтямъ.

Въ первый же день у Васи сразу улучшился пульсъ. Онъ вообще сразу повеселѣлъ и приободрился, пытался поглядить птицу, разговаривалъ съ ней, упрекалъ въ трусости и невѣжливости. Ночью онъ упросилъ сидѣлку, чтобы клѣтку поставили рядомъ съ кроватью, и улегся носъ къ посу съ птицей.

И ночью все заботился о птицѣ и спрашивалъ, тутъ ли она.

Съ этого дня не только Вася, но и вся палата жили интересами пичуги. Были изслѣдованы всѣ мелочи ея житья-бытья, всѣ привычки птицы, весь ея характеръ. И обо всемъ этомъ неизбѣжно докладывалось мнѣ и доктору, едва мы появлялись въ палатѣ. Вася какъ-то весь загорался при этомъ и, захлебываясь, изъ послѣднихъ силъ дополнялъ рапортъ своими замѣчаніями и поправками.

Птичій день начинался съ того, что раннимъ-рано чечетка „молилась Богу“, т.-е. чирикала нѣсколько односложныхъ, тихихъ фразъ. „Бойте насъ разбудить“, — пояснялъ Вася. Затѣмъ она принималась за свой туалетъ и съ аккуратностью, которой солдаты-раненые очень гордились, чистилась, прихорашивалась, разбирала клювомъ перышки и приглаживала ихъ такъ, чтобы никакого изъяна не было, и все было въ исправности и подъ ранжиръ. Затѣмъ птица дѣлала гимнастику“, — прыгала множество разъ („сколько положено“, — говорили наблюдатели) вверхъ и внизъ по всѣмъ тремъ жердочкамъ и проѣзжалась, царапаясь коготками, очень быстро вдоль по жердочкѣ отъ одной стѣнки клѣтки до другой. Эту ѣзду солдаты и Вася почему-то называли „ученьемъ“. Въ промежуткахъ между гимнастикой и ученьемъ птица дѣлала „вольныя работы“ — старалась про-

долбить крышу клѣтки въ томъ мѣстѣ, гдѣ просовывалась желѣзная петелька, за которую поднимали и носили клѣтку. Долбленіе это было такое усердное и вѣтвѣтъ съ тѣмъ безтолковое, что и Вася и солдаты постоянно дивились глупости птицы и укоряли ее:

— И охота тебѣ пустяками заниматься? Не видишь, что ли, что ни въ жисть не продолбить?

Во время чистки (генеральная чистка клѣтки производилась каждый день) птица какъ-то визжала и ныла отъ страха, за что ее снова корили и читали наставленія. Потомъ насыпали свѣжіе „рационы“

коноплянаго зерна и наливали воды, при чемъ птица тоже пицала отъ ужаса, воображая Богъ знаетъ что. Но по своей короткой памяти она почти мгновенно забывала объ ужасахъ, проѣзжалась по верхней

Группа „Милосердіе“, вылепленная изъ рѣчной глины въ дачной мѣстности Огеръ (на рижскомъ фронтѣ) унтеръ-офицеромъ гусарскаго полка, георгіевскимъ кавалеромъ и лѣвымъ развѣдчикомъ — Шаталовымъ. Въ теченіе трехъ дней, работая урывками, въ коротенькіе промежутки между службой телефонной связи и конными развѣдками, исполнилъ Шаталовъ свою группу, безъ всякой натуры, по впечатлѣнію. Снимокъ полковника Далматова даетъ полное представленіе, объ этомъ новомъ произведеніи талантливаго самородка, умудряющагося заниматься творчествомъ на передовыхъ позиціяхъ, подъ непріятельскимъ огнемъ. Читатели «Нивы» уже знакомы съ другой, сатирическаго характера, группой Шаталова, напечатанной въ № 38 «Нивы» за истекшій годъ.

жердочкѣ (она всегда спасалась отъ своихъ ужасовъ на верхнюю жердочку) и принималась то однимъ, то другимъ глазомъ разглядывать сверху „раціоны“. Убѣдясь, что „раціоны“ подлинныя, а не призракныя, и притомъ очень стоящія, она съ нервной торопливостью оглядывалась по сторонамъ — не собирается ли кто-нибудь напасть на нее? — и быстро соскакивала внизъ. Широко разставивъ ноги, она становилась надъ ящичкомъ съ коноплѣй и, поминутно поглядывая по сторонамъ, рылась въ коноплѣ, расшвыривала зерна и выбирала самое соблазнительное. Найдя таковое, она долго поворачивала его во рту („жевала“, — говорилъ Вася), пока не разгрызлась оболочка зерна. Если она замѣчала, что за ней слишкомъ упорно и назойливо слѣдятъ, то не засиживалась надъ ящичкомъ, а нервно схвативъ первое попавшееся зерно, удирала съ нимъ наверхъ въ „скакальню“ — такъ называлъ Вася ея верхнюю жердочку. Зерно съѣдалось послѣ извѣстныхъ перерывовъ уже тамъ. Но иногда птица зафывывалась и роняла зерно внизъ. И съ грустью глядѣла на него однимъ глазомъ, склонивъ голову.

— Эхъ, ворона! — восклицали тогда зрители и Вася, и старались поднять зерно и презентовать птицѣ.

Въ такихъ случаяхъ птица сначала „кобянилась“, не при-

Батарея на позиціи.

нимала предлагаемаго и пицала отъ страха. Но позднѣе привыкла и стала брать еду прямо изъ рукъ, къ полному восторгу Васи.

Пожевавъ вдосталь конопли, птица опять нервно оглядывалась по сторонамъ и соскакивала на водопойку. А затѣмъ рылась въ песокъ на днѣ клѣтки и клевала крошечныя песчинки. Это было у нея обычное второе блюдо.

Занятія у птицы такимъ образомъ были самыя немудренныя. Съ утра и до ночи она продѣлывала все одно и то же. Только къ полудню она переставала скакать и кормиться и укладывалась на верхней жердочкѣ спать. Но спала однимъ глазомъ, чутко прислушиваясь ко всему. Если ей не давали выспаться, она нахохливалась, клевала носомъ и даже сваливалась, оступившись съ жердочки.

Эта немудреная птичья жизнь не надѣдала Васѣ. Онъ не уставалъ наблюдать за ней. И когда птица особенно эпергично скакала по клѣткѣ, Васины глаза загорались удовольствіемъ. А въ минуты птичьяго покоя Вася самъ нахохливался и становился сумрачнымъ. Онъ иногда не вытерпивалъ слишкомъ продолжительнаго отдыха чечетки и принимался понукать ее:

— Ну, поскачи!

Мнѣ все болѣе и болѣе начинало казаться, что Вася какъ бы переноситъ свое собственное стремленіе къ свободѣ и жизни въ эти птичьи скаканія. Ему самому хотѣлось поскакать, ползая, пожить той вольной здоровой жизнью, отъ которой онъ былъ уже такъ давно оторванъ. Ему, повидному, казалось, что самъ онъ летаетъ и скачетъ вмѣстѣ съ птицей. И онъ заставлялъ чечетку продѣлывать все это за себя и наслаждался, когда она прыгаетъ именно такъ, какъ хотѣлось бы попрыгать ему самому.

И когда, повернувшись, сколько могъ, къ клѣткѣ, маленькой и исхудавшей, съ вытянувшимся отъ худобы, какъ у птицы, носомъ, онъ глядѣлъ на свою соседку-пльнницу, онъ казался мнѣ такой же маленькой пичугой, посаженной въ клѣтку.

И я невольно спрашивалъ себя, кто изъ нихъ скорѣе получить свое освобожденіе — птица, или Вася...

III.

Освобожденіе наступило...

Въ новогодній вечеръ Евгенія Ивановна позвонила мнѣ по телефону:

— Приходите къ Васѣ. Поскорѣе...

Я думалъ, что въ лазаретѣ готовится встрѣча Новаго года. Я захватилъ конфетъ, шоколаду, папирозъ и отправился туда. Нѣсколько дней предъ тѣмъ я не былъ въ лазаретѣ и не зналъ, что дѣлается съ нашимъ георгіевскимъ кавалеромъ. И я вошелъ въ баракъ въ спокойно-благодушномъ состояніи.

Меня у самыхъ дверей встрѣтила Евгенія Ивановна, растрепанная, въ мокромъ халатѣ.

— Ну, что? Какъ поживаетъ кавалеръ? — спросилъ я, не обращая вниманія на ея странный видъ.

— Умираетъ...

У меня всѣ мои подарки и конфеты посыпались на полъ.

— Вася? Не можетъ быть? Что вы говорите?..

Она повернулась и, съ силой схвативъ меня за руку, потащила въ палату къ Васѣ.

Вася лежалъ попрежнему неподвижно на спинѣ. Но лобъ у него былъ совсѣмъ бѣлый, какъ полотно, носъ еще болѣе заострился, глаза были закрыты. По маленькому, худому, съжившемуся тѣлу пробѣгала судорога дрожи. Клѣтка съ птицей попрежнему стояла рядомъ.

— Вася! — позвалъ я его, наклонившись надъ нимъ.

Онъ взглянулъ на меня страннымъ, отчужденнымъ взглядомъ.

— Здравствуй, Вася! Съ Новымъ годомъ!

Онъ слабо пошевелился и что-то зашепталъ. Онъ звалъ докторшу. Я понималъ, что я уже былъ ненуженъ ему, и что настали для него такія минуты, когда около него должна быть только мать. Но матери у Васи не было. Вмѣсто нея была Евгенія Ивановна.

Докторша склонилась къ самому лицу мальчика. И я яено услышалъ, какъ Вася раздѣльно и почти твердо прошепталъ ей:

— Панихиду отслужите не по Василию, а по Василию-воинѣ... По воинѣ Василию!

Евгенія Ивановна такъ же твердо и спокойно отвѣтила:

— Непремѣнно! Такъ и съѣлаемъ. Будь спокоенъ.

Настала пауза... Медленно-медленно отходилъ Вася изъ этого міра, — изъ той клѣтки, въ которую онъ былъ заключенъ, и которая лишь относительно была больше клѣтки его птицы.

И опять зашепталъ онъ докторшѣ:

— Птица... тутъ?

— Тутъ, тутъ, съ тобой!

— А Егорій?

— И Егорій около тебя. Лежитъ на подушкѣ...

Сзади кто-то изъ раненыхъ всхлинулъ.

Еще прошло нѣсколько долгихъ тихихъ минутъ. Заколебалось въ судорожной дрожи маленькое тѣло, и воинъ Василій опочилъ, какъ убаюканный ребенокъ.

Словно сквозь дымку сна видѣлъ я вокругъ заплаканныя лица, бѣлые и сѣрые халаты, подушку съ кислородомъ... Птица беспокойно возилась въ клѣткѣ... Въ соседней палатѣ часы медленно пробили полночь.

И вотъ я жду поздняго разсвѣта и не могу ни уснуть ни заниматься. Птица потихоньку чирикаетъ, словно спрашивая спросонья, куда она пошла.

Меня, словно кошмаръ, мучитъ мысль: какъ могъ этотъ маленький хрупкій ребенокъ смѣло, свободно и спокойно взять на себя страшную работу войны? Какая таинственная сила жизни и сопротивленія опасности жила въ этомъ маленькомъ тѣлѣ, — сила, которой не обладаютъ многіе и многіе взрослые, сильные, здоровые люди? Какъ могъ онъ безстрашно смотрѣть въ желѣзное и огненное лицо смерти, когда мы, живущіе здѣсь на покоѣ, среди привычной спокойной работы, не держаемъ даже помыслить объ этомъ? Если онъ былъ „прирожденный воинъ“, какъ самъ я смѣяся, называлъ его, то что же тогда вообще значить воинъ? Не значить ли это человѣкъ, отбѣченный особымъ могуществомъ духа — въ своемъ родѣ гений и талантъ? Для таланта же возрастъ, конечно, не имѣетъ значенія. Вспомните Моцарта!

Или же война, подлинно, такое дѣло, которому покорны всѣ возрасты... Но тогда почему же не идетъ въ боевыя колонны весь народъ, если идутъ дѣти? Почему мы, сытые, здоровые, спокойные, сидимъ у очага по какой-то неразумной случайности?

Неужели только изъ-за странной и формальной зависимости отъ срока рожденія, отъ перенесеннаго когда-то физическаго страданія, отъ цвѣта билета, полученнаго когда-то при призывѣ къ отбыванію воинской повинности? И, каюдь, мнѣ тяжело и стыдно сравнивать себя и моихъ многихъ знакомыхъ и близкихъ съ этимъ хрупкимъ и не по годамъ маленькимъ мальчуганомъ, который уже пріялъ великую тяжесть великой исторической эпохи и уже ушелъ изъ нея и изъ самой жизни, свершивъ все земное въ своемъ маленькомъ земномъ предѣлѣ...

Птица начинаетъ пѣть свою утреннюю пѣсню. Я оставлю ее у себя до весны, а потомъ, когда будетъ тепло, выпущу ее на волю. Что готовятъ намъ только-что вступившій на изстрадавшуюся землю Новый годъ? Не несетъ ли онъ тайное завѣщаніе вонна Василя сражаться всѣмъ отъ мала до велика съ врагомъ нашей земли, нашего мира и счастья?

И кто знаетъ: быть-можетъ, когда я выпущу на свободу Васину птицу, надъ нашей страной уже полетятъ другія птицы: блестящія бѣлыя птицы великой побѣды... Побѣды, созданной и великими и малыми воинами земли русской.

Отбитое у нѣмцевъ орудіе, съ успѣхомъ дѣйствовавшее противъ нѣмцевъ же.

К и т е ж ь .

Въ напряженности скорбнаго года
И дышать и творить тяжело...
Только то, что идетъ отъ народа,
Только то въ наши дни и свѣтло!..

И молитвы, и слезы, и свѣчи —
Это все — о, пойми, о, повѣрь!.. —
Благодатныхъ свершений предтечи,
Веждѣннаго Китежа дверь!..

Послѣ бури затишье настанеть,
Но изъ жертвенно-чистыхъ именъ

Ни одно безотвѣтно не канетъ
Въ роковое забвеніе время!..

Возлѣ каждой солдатской могилы,
Въ беззакатныхъ лучахъ красоты —
Новой близости, правды и силы
Расцвѣтутъ благодарно цвѣты!..

Нашихъ кроткихъ подвижниковъ ради
Будетъ намъ исцѣленіе дано,
И въ грядущемъ ликующемъ градѣ
Мы съ народомъ сольемся въ одно!..

Зоя Бухарова.

Канониръ Бенуа.

Разсказъ В. Ропшина.

Мы сидѣли въ деревенскомъ кафѣ и говорили о послѣднемъ сраженіи. О чемъ же было намъ говорить?.. Каждый разсказывалъ о томъ, что видѣлъ своими глазами или слышалъ отъ участ-

никовъ боя. Всѣ разсказы напоминали другъ друга. Во всѣхъ разсказахъ говорилось о доблести и о смерти. Но одинъ изъ нихъ остановилъ мое особенное вниманіе. Его разсказалъ пожилой, съ крестомъ на груди, капитанъ:

— Въ моей батарее былъ канониръ Бенуа. Это былъ высокій крестьянинъ съ твердымъ, добрымъ и спокойнымъ лицомъ. Такія лица встрѣчаются у нормандцевъ, у пикардійцевъ, у лотаринцевъ, — у людей, которые всю жизнь работаютъ въ полѣ. Мы знали, что онъ съ сѣвера, изъ окрестностей Лилля, но откуда именно, — никто, конечно, не поинтересовался узнать. Онъ былъ превосходный солдатъ, старательный, послушный и скромный. И превосходный артиллеристъ. Онъ любилъ свою пушку, какъ до войны, навѣрное, любилъ свой домъ, свое хозяйство, своихъ коровъ, своихъ лошадей. Онъ мылъ и чистилъ ее съ такой любовью, съ какой не всякая мать заботится о своемъ ребенкѣ. Онъ называлъ ее: „моя маленькая Жермень“.

„Мы были въ августѣ подъ Моранжемъ. Вы знаете, — намъ пришлось отступить. Бенуа ѣхалъ на передкѣ своей пушки. Я стоялъ у дороги, пропуская мимо себя батарею, и когда онъ поровнялся со мной, я окликнулъ его. Онъ поднялъ голову, и я увидѣлъ его лицо. Я никогда не забуду его усталыхъ и тусклыхъ, полуопущенныхъ глазъ.

Нагрузка

поѣзда и отправка его на позиціи.

Я не думалъ, что у человѣка, даже въ большомъ несчастіи, могутъ быть такіе глаза.

„Зато Бенуа былъ счастливъ на Марнѣ. Мы стрѣляли по видимой цѣли. Изъ-за лѣса выѣхали уланы, по трое въ рядъ. Мы не торопились, мы выжидали. Когда эскадронъ построился для атаки, я открылъ изъ всѣхъ орудій огонь. Надо было видѣть Бенуа въ эту минуту. Онъ поблѣднѣлъ, согнулся, какъ кошка, и весь превратился въ зрѣніе. „Первая! Вторая!.. Первая! Вторая!..“ Я командовалъ, а въ 500-хъ метрахъ отъ насъ разрывались наши снаряды. Когда все было окончено и уже не было нѣмцевъ, Бенуа погладилъ свою, — четвертую, — пушку, и мнѣ показалось, что я услышалъ:

„— Спасибо, маленькая Жермень!

„Послѣ Марны мы преслѣдовали фонъ-Гаузена. Мы проходили по опустошенной Шампани. Мы видѣли разгромленные деревни, истоптанные поля, изломанные виноградныя лозы. Пахло гарью. Дымилась черныя стѣны. Бенуа не говорилъ ничего, но онъ, навѣрное, страдалъ больше насъ. Мы страдали за Францію, онъ — не только за Францію. Въ немъ проснулся хозяинъ, расчетливый, скупой и трудолюбивый. Онъ видѣлъ, что крестьянское, накопленное годами добро разграблено нѣмецкой ордой, и что долгій трудъ преемственныхъ поколѣній расхищенъ пьянымъ солдатомъ. Съ какой заботой онъ осматривалъ каждую сожженную ферму, каждый сломанный плугъ, каждый разстрѣлянный шрапнелью сарай. Съ какимъ негодованіемъ онъ считалъ не людскіе, а лошадиныя трупы. Съ какой ненавистью онъ смотрѣлъ на каждого плѣннаго нѣмца. Для него пруссаки были не люди. Я понимаю его. Онъ былъ работникъ, землепашецъ, сынъ орошенныхъ пѣтомъ полей. Онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что поругана его, воздѣланная его отцами, земля.

„У Арраса мы зазимовали въ траншеяхъ. Мы рѣдко видѣли непріятеля. Мы стрѣляли по телефону: корректоръ 11, дистанція 2.800... корректоръ 10, дистанція 2.900... Это было утомительно и требовало терпѣнія. Зато какой праздникъ, когда мы узнавали, что гдѣ-нибудь близко, — въ оврагѣ, въ лѣсу, или на склонѣ поросшаго ежевикой холма, — замѣченъ нѣмецкій патруль. Въ пять минутъ мы разстрѣливали его. Обыкновенно я поручалъ это дѣло четвертой пушкѣ, — „маленькой Жермень“ Бенуа.

„Однажды, — это было въ апрѣлѣ, и уже зацвѣли въ садахъ вишни, и бѣлымъ цвѣтомъ одѣлась земля, — меня извѣстили, что противъ насъ, на холмѣ, въ большой двухэтажной фермѣ, нѣмцы устроили наблюдательный пунктъ. Мы наизусть знали эту кирпичную ферму. Шесть мѣсяцевъ, изо дня въ день, мы наблюдали за ней. Въ ней не было никого. Она стояла пустая. Вы не можете представить себѣ, какъ скучно шесть мѣсяцевъ смотрѣть на одно и то же. Поэтому мы были довольны, — да, увѣрю васъ, мы были довольны, — что можемъ наконецъ разрушить ее. Я вычислилъ разстояніе: 2.000 метровъ. Я командовалъ: „дистанція 2.000... четвертая... пли!“ Я смотрѣлъ въ бинокль на красную, увитую плющомъ, стѣну и ждалъ выстрѣла, — ждалъ снаряда. Прошла секунда, — выстрѣла не было. Я подумалъ, что Бенуа не разлыпался, и повторилъ громче:

заводъ

зажженный нѣмецкими снарядами.

„— Дистанція 2.000, по фермѣ, четвертая... пли!..

„Но, къ моему удивленію, „маленькая Жермень“ молчала. Я опустилъ бинокль и оглянулся на Бенуа. Онъ стоялъ бѣлый, какъ полотно, съ опущенными руками. Мнѣ показалось, что онъ сейчасъ упадетъ:

„— Бенуа!

„— Капитанъ?

„— Четвертая... пли!..

„Онъ вздрогнулъ и бросился къ пушкѣ. Сверкнула молнія, задрожали на вишняхъ бѣлыя лепестки, и снарядъ, удаляясь, разрѣзалъ воздухъ. Первый выстрѣлъ далъ перелетъ. Я исправилъ дистанцію и снова отдалъ команду. Второй выстрѣлъ не долетѣлъ на пятнадцать шаговъ. Третій попалъ въ желѣзную крышу. Черезъ четверть часа уже не было фермы. Была груда обломковъ и дымящаяся, обугленная стропила. Тогда я назвалъ Бенуа.

„— Чтѣ съ вами? Вы, навѣрное, больны?

„— Капитанъ...

„— Вы больны?

„— Нѣтъ, капитанъ.

„— Такъ въ чемъ же дѣло? Скажите.

„Онъ помолчалъ. Онъ, видимо, колебался. Потомъ опустилъ глаза и сказалъ очень тихо:

„— Эта ферма, капитанъ...

„— Ну?

„— Эта ферма моя... Я изъ этой деревни.

„Я пожалъ ему руку и отвернулся. Чтѣ я могъ бы ему сказать?..

Вѣчная слава.

Крѣпко забили ключи
Силы народной.
Куй тяжелѣ мечи,
Людъ благородный.
Съ гордой отвагой въ груди,
Чистъ и спокоенъ,
Смѣло на подвигъ иди,
Доблестный воинъ

Легокъ да будетъ твой путь
Къ вражьиимъ твердынямъ.
Истиннымъ рыцаремъ будь,
Вѣрнымъ святынямъ.
Ставши на этомъ пути
Братской заставой,
Тяжкимъ мечомъ защити
Кремль златоглавый.

Русь ожидаетъ съ тоской
Свѣтлаго мига.
Свергни могучей рукою
Чуждое иго.
Да возсіяетъ опять
Правда и право.
Павшимъ за родину-мать—
Вѣчная слава!

Владиміръ Воиновъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.

№ 2

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.

издания

Выдана 9-го января 1916 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатания въ „Жизнь“ принимаются по следующей цѣнѣ за строку непарейль въ одинъ столбецъ (въ 14 ширины страницъ: перелѣтъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стрѣн. 1 р. 25 к.)

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 1.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особыя успѣхи. Въ книгѣ описаны производствъ, не требующихъ капитала, особыхъ знаний и специальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд.—ству „ЛУЧЪ“, Гечатниковъ пер., 18 2.

СЪДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

возвращаетъ постепенно и незамѣтно ихъ прежній натуральный цвѣтъ и мягкость
возстановитель

„ОРИАНТИНЪ“

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ПРИЕМЪ НА НОВЫЙ СЕМЕСТРЪ ОТКРЫЛ СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ,

учрежденные М. В. ПОБѢДИНСКИМЪ.

Петроградъ, Невскій пр., 102 (прот. Николаевской ул.).
На курсы принимаются лица **обоого пола**, не моложе 16-ти лѣтъ, безъ различія вѣроисповѣданія и образованія. Занятія на основныя и спеціальныя отдѣленія—дневныя и вечернія.

НАЧАЛО НОВОГО УЧЕБНАГО КУРСА 12 ЯНВАРЯ.
Пріемъ на **ВЫСШЕ КОММЕРЧЕСКІЕ** курсы и **КООПЕРАТИВНАГО** дѣла на второе полугодіе 1915—1916 г., — **ПРОДОЛЖАЕТСЯ.**

Курсы М. В. Побѣдинскаго основаны въ 1897 году, основаны въ видныя **Министерства Торговли и Промышленности**, при нихъ учреждено **ОБЩЕСТВО БУХГАЛТЕРОВЪ** и **ЭКОНОМИСТОВЪ**, съ отдѣломъ по присяжному занятію, которое рекоменд. на разныя должности. ♦ Курсами издается спеціальныя журналы: „КОММЕРЧЕСКАЯ ШКОЛА и ЖИЗНЬ“. Канцелярія открыта ежедневно отъ 10 ч. у. до 9 ч. в. ♦ Съдѣловія о вѣнскихъ выкупахъ и высылъ бесплатно; обзоръ организаціи за три 10 и почт. марки.

ПРИГЛАШАЮТСЯ ПОВСЕМѢСТНО агенты-сотрудники на опредѣленное жалованье и проценты. Жалованіе назначается отъ 15 до 60 р. въ мѣсяцъ и обезпечивается договоромъ. Предложеніе серьезное, основано на широкомъ доврѣніи, а потому никакиѣ затраты, залоговъ, обезпечиваній и т. п. отъ агентовъ не требуется. Подроб. усл., газ. и документи высыл. по треб. Адр.: г. Иркутскъ, контора газ. „Сибирь и Торговля“, Почтамская, 27.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будетъ всякій, выписавшій „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна съ пересылкой 85 к., нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. а)

ПѢСНИ НАШЕЙ АРМІИ.

18 пѣсень для мужского хора, записанныхъ въ арміи въ періодъ 1914—1915 гг. С. Орловымъ и Ф. Шегловымъ.

Цѣна парт. — 80 коп.
Новый наталогъ „Свѣтская хоровая музыка“ высылается — **БЕЗПЛАТНО.**

Музыкальное Издательство
Москва, 3-й пер.
П. ЮРТЕКСОНА, Пеглинный пр., 14.

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ

происходящихъ отъ холода,
нѣтъ ничего превосходнѣе, чѣмъ

„КРЕМЪ СИМОНЪ“

(CRÈME SIMON)

ПАРИЖЪ

J. SIMON, PARIS. — Требуите нашу настоящую марку.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

Марка
Утверждена.

Пробная посылка по получ. 5-ти руб.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеросклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, лусѣ, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка для наблюденія высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 2%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр.: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ съменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическаго реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленными сперминами.

Новое издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,
Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

К. ЧУКОВСКІЙ.

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ!

Томми Аткинсъ на войнѣ.

Съ 90 иллюстраціями.

Содержаніе: Отъ автора. Солдатскія письма. Русскія письма и англійскія. Навстрѣчу врагу. Дѣти и женщины. Англійскіе солдаты о врагѣ. Набѣгъ на Гельголандскую бухту. Битва подъ Монсомъ. Юмористы. Спортсмены. „Мы“. Въ человѣчѣхъ благоволеніе“. Событія послѣдняго времени. Два письма. Гимны Ненависти и Гимны Любви. Какъ въ Англии вербуютъ добровольцевъ. Снарядовъ! Снарядовъ! Снарядовъ! Великое въ маломъ. 180 стр.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, равно какъ бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальн., а также подлежащей допущенію въ ученичскія библиотекы высшихъ начальныхъ училищъ.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Библиотека „Руниверс“

(Напечат. въ Правит. Вѣстн. 1916 г. № 226).

Фирма
основана въ 1903,
удостоена **ВЪСШИХЪ** наградъ
на выставкахъ
въ Парижѣ, Лондонѣ и Брюсселѣ.
ФЛОРЕНЦІИ и проч.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londres, Bruxelles, Florence

Открыта подписка на 1916 г. на „НАРОДНОЕ СЛОВО“.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ИЗДАЕТСЯ ВЪ МОСКВѢ.

Газета ставит своей задачей быть доступной наиболѣе широкому кругу читателей и въ понятномъ и правдивомъ освѣщеніи давать наиболѣе полную свѣдѣнія обо всемъ, что происходитъ на театрѣ войны, внутри страны и за границей. Въ „НАРОДНОМЪ СЛОВѢ“ помѣщаются статьи по всемъ злободневнымъ вопросамъ, сообщенія собств. корреспондентовъ по телеграфу и телефону, обзоры военныхъ дѣйствій, злободневные фельетоны, рассказы, повѣсти, стихотворенія, популярно-научныя статьи, новости искусства и литературы, обзоръ жизни въ провинціи и за границей, шаржи и каррикатуры.

Собственные корреспонденты въ Государственной Думѣ и Гос. Совѣтѣ.

«Народное Слово» выходитъ ежедневно, не исключая дней послѣдпраздничныхъ.

Подписчики на 1916 г. получаютъ въ видѣ приложенія къ газетѣ

12 подробнѣйшихъ стѣнныхъ КАРТЪ фронтовъ ВОЮЮЩИХЪ СТРАНЪ,

на которыхъ будутъ отмѣчаться передвиженія линій боевъ на основаніи официальныхъ данныхъ. По этимъ картамъ подписчики получатъ возможность наглядно слѣдить за ходомъ военныхъ дѣйствій на всѣхъ фронтахъ мировой войны. Карты будутъ разсылаемы при газетѣ ежемѣсячно.

Подписная цѣна на 1916 г. съ дост. и пересылкой безъ приложенія картъ . . . на 1 годъ — 5 р., на 1/2 года — 3 р. съ приложеніями 12 стѣнныхъ картъ на 1 годъ — 6 р., на 1/2 года — 3 р. 50 к. Подписной годъ считается съ 1-го января. Книжнымъ магазинамъ и кооперативамъ скидка съ годовой подписки 30 коп.

Главная контора и редакция газеты „НАРОДНОЕ СЛОВО“, МОСКВА, Тверская, домъ № 19, уголъ Газетнаго пер.

Извѣстная на весь свѣтъ

АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоитъ 175 руб., ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ — одинъ чулокъ, ежедневно — 24 пары. Теперь мы платимъ 2 рубля заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к. Заработокъ гарантированъ. Работа постоянная. Мышцею немедленно старат. вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужч., женщ. и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не сдѣлать препятствіемъ.

Треб. намъ бесплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.

Петроградъ, Невскій, 40 42.—11.

Лондонъ, Е. С., 114. Leadenhall. St.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адресъ: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

Бельгійцы

Трагед. нащ. дней 1-го портр. Альберта I. Петра Шевцова. 1 д. Набат: 2—3—Торжество чести и патриотизма: 4—„Все адутъ“... Еще герой! В духѣ, маг. 1 р., 1 р. спер., если от автора: Петроград, В. Дворянск. ул., д. 10, кв. 48.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣча „Проктоль-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

ПОКУПАЕМЪ МАРКИ

по ВЫСОКИМЪ ЦѢНАМЪ. МЫ ПЛАТИМЪ,

напримѣръ: за Романовскія 10 билеѣныя Марки 4 коп. достоинствъ — 1 коп. за шт. 25 коп.—1 к., 35 к.—6 к., 50 к.—5 к., 70 к.—15 к., 1 руб.—5 к., 2 руб.—25 к., 3 руб.—40 к., 5 руб.—1 р. 75 к. за штучку.

Нашъ полный закупной листъ только-что вышелъ и высылается каждому интересующемуся бесплатно.

Э. ЭЙХЕНТАЛЪ, Петроградъ, Невскій пр., 42—Н.

ЧЕРНЫ-ШЕВСКІЕ КУРСЫ,

учрежд. инженеромъ М. В. Щукинымъ. Петроградъ, Кузнечный, 14—А. Специальная, ускоренная подготовка ратниковъ, призывныхъ и бѣлобилетниковъ

на ВОЛЬНООПРЕД.,

въ школы прапорщиковъ и военн. учил. Въ виду предстоящ. призыва, открытъ срочный пріемъ въ XIX и XX группы для подготовки къ февр. и март. экз. Результаты экзаменовъ: весной изъ 37 чел. выдержало 35, летомъ изъ 34 выд. 31, въ авг. изъ 85—73, въ сент. изъ 84—75.

За послѣднее время выд. экз. еще свыше 100 чел., при чемъ въ декабр. сессію выд. почти всѣ. Въ наст. вр. на Курсахъ гот. свыше 350 волен.

Съ 1-го Юля на Курсахъ готов. свыше 1200 чел.

Наглядное обученіе по сокращенн. учебникамъ. Постоянный опросъ и провѣрка. Письм. упражн. Къ занятіямъ привлечены лучшіе преподаватели Пгр. гимназій и реальн. уч. Пріемъ 6—9 ч. в. Программы экз. и проспекты бесплатно.

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

Для предупрежденія охриплости, простуды, насморка.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Требуйте, просите

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НАСТОЯЩІЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ

VALDA

Цѣна 1 рубль.

(H. Canonne, Paris).

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Приказъ арміи и флота.

31-го декабря 1915 года.

Минулъ 1915 годъ, полный самоотверженныхъ подвиговъ Моихъ славныхъ войскъ. Въ тяжелой борьбѣ съ врагомъ, сильнымъ числомъ и богатымъ всеми средствами, они истомили его и своею грудью, какъ непреоборимымъ щитомъ родины, остановили вражеское наступленіе.

Въ предверіи Новаго 1916 года, Я шлю Мой привѣтъ вамъ, Мои доблестные воины. Сердцемъ и мыслью Я съ вами въ бояхъ и окопахъ, призывая помощь Всевышняго на ваши труды, доблесть и мужество. Помните, что безъ рѣшительной побѣды надъ врагомъ наша дорогая Россія не можетъ обезпечить себѣ самостоятельной жизни и права на пользованіе своимъ трудомъ, на развитіе своихъ богатствъ. Проникнитесь поэтому сознаниемъ, что безъ побѣды не можетъ быть и не будетъ мира. Какихъ бы трудовъ и жертвъ намъ ни стоило это, мы должны дать родинѣ побѣду.

Въ недавніе дни Я привѣтствовалъ нѣкоторые полки на прославленныхъ сентябрьскими боями поляхъ Молодечно и Вилейки. Я сердцемъ чувствовалъ горячее стремленіе и готовность всѣхъ и каждого до конца исполнить свой святой долгъ защиты родины.

Я вступаю въ Новый годъ съ твердою вѣрою въ милость Божию, въ духовную мощь и непоколебимую твердость и вѣрность всего русскаго народа и въ военную доблесть Моихъ арміи и флота.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи. Государь Императоръ, посѣтивъ въ концѣ истекшаго года войска, входящія въ составъ арміи, дѣйствующихъ на южномъ фронтѣ, прослѣдовалъ затѣмъ на западный фронтъ. На этомъ фронтѣ Императорскій поѣздъ имѣлъ первую остановку на станціи Замирье, Александровской желѣзной дороги. Здѣсь Его Величество былъ встрѣченъ главнокомандующимъ западнымъ фронтомъ генераломъ Эвертомъ и командующими находящимися въ этомъ районѣ арміями генералами Рагозой и Лешемъ. Принявъ на станціи почетный караулъ отъ одного изъ полковъ и пропустивъ его церемониальнымъ маршемъ, Его Величество съ министромъ Императорскаго Двора отбылъ въ автомобиль въ сопровожденіи генерала Эверта, командующаго арміей и свиты къ войскамъ, построеннымъ въ полѣ. У мѣста построенія Государь Императоръ сѣлъ на коня и объѣхалъ войска, здороваясь съ ними.

Участовавшія на смотру части состояли изъ сводныхъ пѣхотныхъ дивизій, сводныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ частей; такимъ образомъ здѣсь были представители отъ всѣхъ частей, находящихся сейчасъ на позиціяхъ.

Послѣ обхода войска прошли церемониальнымъ маршемъ. Государь благодарилъ каждую часть. По мѣрѣ того, какъ войска проходили, возлѣ Его Величества сгруппировались воинскіе начальники и вызванные изъ строя офицеры—георгиевскіе кавалеры.

Когда церемониальный маршъ окончился и войска вновь выстроились, Государь Императоръ милостиво бесѣдовалъ съ команднымъ составомъ арміи, большинство котораго—георгиевскіе кавалеры, и съ офицерами—георгиевскими кавалерами, разспрашивая объ ихъ боевой жизни, и соизволилъ сняться съ ними въ фотографическую группъ, остававшую на конѣ. Въ заключеніе своей бесѣды Государь Императоръ обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами:

«Къ вамъ, какъ къ самымъ доблестнымъ представителямъ нашей арміи, Я обращаюсь съ сердечнѣйшей и глубокой благодарностью за вашу доблестную, беззаветно храбрую службу въ эту кампанію. Прошу васъ передать вашимъ частямъ Мою сердечную благодарность за тяжелую службу, которую они несутъ и которую цѣнятъ вся Россія и Я. Будьте вполне покойны—какъ я сказалъ въ началѣ войны, я не заключаю мира, пока мы не изгонимъ послѣдняго непріятельскаго воина изъ предѣловъ нашихъ, и не заключу его иначе, какъ въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, съ которыми мы связаны не бумажными договорами, а истинной дружбой и кровью. Я не забуду этого смотра и радъ, что Мнѣ удалось увидѣть доблестныя части арміи, и въ вашемъ лицѣ прошу передать Мою благодарность всѣмъ войскамъ за ихъ преданную службу, радующую Мое сердце. Храня васъ Богъ, господа».

Царскія слова, обращенныя непосредственно къ славнымъ представителямъ нашей арміи, оставивъ неизгладимое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, запали въ душу каждого и дали возможность передать ихъ въ свои части и тѣмъ самымъ придать новую бодрость для безпощадной борьбы съ безпощаднымъ врагомъ до конца. Снова Государь направился къ войскамъ и проѣхалъ теперь между первой и второй линіями построенія, чтобы заднія шеренги могли также хорошо лицезрѣть своего Верховнаго Вождя. Государь, проѣзжая, останавливался у каждой части, благодарилъ офицеровъ за ихъ честную, преданную и беззаветную службу и желалъ имъ всякаго успѣха въ ихъ ратномъ дѣлѣ и поручилъ передать Свою благодарность ихъ товарищамъ на позиціяхъ. Нижнимъ чинамъ Его Величество говорилъ свое сердечное спасибо за ихъ боевую службу и выражалъ увѣренность, что они постоятъ до конца и помогутъ одолѣть и сломить врага, а молодые солдаты поддержатъ честь и славу своихъ частей. Дружные отвѣты: «Рады стараться» и «Постараемся, Ваше Величество» оглашали поле, и «ура» перекатами шло отъ одного полка къ другому. Его Величество съ главнокомандующимъ фронтомъ выѣхалъ вновь передъ фронтъ и сталъ на виду войскъ. Генералъ Эвертъ, приблизившись къ фронту, скандовалъ на караулъ и сказалъ: «За драгоцѣнное здравіе Державнаго Вождя русской арміи, обожаемаго Государя Императора, ура!» Надо было слышать, какое тогда загремѣло «ура». Его Величество, отдавая честь войскамъ, оставилъ поле и, сойдя съ коня, вошелъ въ автомобиль для слѣдованія на станцію.

И долго еще велѣдъ слышалось «ура» обрадованныхъ царскимъ посѣщеніемъ войскъ. Высшій командный составъ до начальниковъ отдѣльных частей, участвовавшихъ на смотру, былъ приглашенъ Государемъ на завтракъ въ Императорскомъ поѣздѣ.

Въ милостивой бесѣдѣ съ доблестными представителями нашей арміи Государь выслушивалъ ихъ рассказы о боевыхъ дѣйствіяхъ войскъ и объ ихъ походной жизни. На другой день состоялось посѣщеніе Государемъ полковъ изъ состава дивизій на мѣстѣ стоянокъ этихъ полковъ вблизи позицій. Поѣздка эта носила такимъ образомъ совершенно особый характеръ. Государь, слѣдуя вдоль боевой линіи обѣихъ арміи, видѣлъ повседневную обстановку нашихъ войскъ на походѣ, видѣлъ, при какихъ трудныхъ условіяхъ живутъ наши войска и какъ выносивъ русскій солдатъ на войнѣ. Около 9-ти часовъ утра Государь съ министромъ Императорскаго Двора, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ свиты, проѣхалъ со станціи въ автомобиль къ одному изъ полковъ. Погода была пасмурная, стояла оттепель. Путь былъ долгій. Царскіе автомобили быстро неслись, за ними ѣхалъ грузовикъ съ табакомъ, предназначеннымъ для раздачи отъ имени Государя въ тѣ части, которыя предполагалъ посѣтить Его Величество.

По дорогѣ попадались деревни, почти сплошь занятыя войсками, и стали мелькать картины походной жизни тыловыхъ частей. Дорога пошла лѣсомъ. Выѣхавъ на поляну, автомобили остановились у опушки лѣса, гдѣ были расположены штабы двухъ полковъ дивизій. Государь встрѣтилъ главнокомандующій фронтомъ генералъ Эвертъ, командующій арміей генералъ Рагоза и командиръ корпуса генералъ-адъютантъ Куропаткинъ.

Его Величество обошелъ фронтъ выстроившихся здѣсь обѣихъ полковъ, поздоровавшись съ ними. Радостно отвѣчали полки на царское привѣтствіе, а ихъ кликамъ «ура» вторили орудійные выстрѣлы нашей тяжелой артиллеріи, обстрѣливавшей въ это время непріятеля. Государь, сопровождаемый офицерами, направился къ землянкамъ, которыя образовали здѣсь цѣлый подземный городокъ. Его Величество прошелъ сначала на землянку, гдѣ устроена походная церковь,—неприхотливо оборудованіе ея: вмѣсто пола—земля, вмѣсто стѣнъ тоже земля, потолокъ изъ сучьевъ вѣтвей, а образа прикрѣплены къ бревнамъ, и тускло озарено все пространство восковыми свѣчами. У входа Государя встрѣтилъ настоятель съ крестомъ и святой водой. Въ церкви было отслужено молебствіе. Стройно пѣли пѣвчіе-солдаты. Впечатлѣніе отъ всей этой необычной обстановки было неизгладимо. Государь затѣмъ посѣтилъ офицерскія и солдатскія землянки, интересуясь подробно, какъ устроились наши воины въ полевымъ расположеніи.

На возвышенномъ мѣстѣ устроенъ наблюдательный пунктъ батареи одного изъ тяжелыхъ артиллерійскихъ дивизионовъ. Съ этого пункта опредѣляется правильность понаданій нашей артиллеріи.

Его Величество прошелъ на этотъ пунктъ и наблюдалъ оттуда непріятельское расположеніе.

Государя сопровождали на пунктъ только генералы Эвертъ, Рагоза и генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, такъ какъ расположеніе пункта на возвышенномъ мѣстѣ не допускало большого числа лицъ, замѣтныхъ непріятелю.

Его Величество, спустившись съ наблюдательнаго пункта, прошелъ къ походнымъ кухнямъ и приказалъ кашевару одной изъ ротъ подать пробу изъ котла.

Государь отвѣдалъ щей и мяса и похвалилъ кашевара за ихъ приготовленіе. Его Величество поблагодарилъ затѣмъ полки за ихъ беззаветную боевую службу.

При восторженномъ «ура» полковъ, ослѣдственныхъ царскимъ посѣщеніемъ, Государь отбылъ въ другія части, расположенныя вдоль боевого фронта, а по пути заѣзжалъ въ помѣщеніе штаба корпуса.

При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ остальныхъ полковъ Государь съ такимъ же вниманіемъ интересовался походною жизнью войскъ, заходя въ землянки.

Трудно передать то радостное оживленіе, которое царилъ среди офицеровъ и солдатъ, когда Его Величество прибывалъ къ нимъ.

Государь шелъ отъ одной землянки къ другой, окруженный тѣснымъ кольцомъ своихъ войскъ, наперерывъ спѣшившихъ выразить своему Верховному Вождю ихъ безграничную радость. Неумолчно «ура» сопровождало Государя все время Его пребыванія въ полку. Видно было, какъ каждый дорожилъ знаменательными минузами Царскаго посѣщенія, какъ каждый хотѣлъ быть въ это время ближе къ Нему, чтобы запечатлѣть Его образъ. Прекращавшаяся все это время орудійная стрѣльба дополняла рѣдкую, незабываемую картину дивизіи Верховнаго Вождя съ Его войсками на полѣ брани.

Изъ устъ самого Царя войска слышали себѣ похвалу за ихъ полную опасностей и лишений боевую службу родинѣ и Его Величеству.

Благодаря войска, Государь Императоръ высказалъ свое удовольствіе видѣть ихъ вблизи боевыхъ позицій и пожелалъ имъ успѣха и окончательной побѣды надъ упорнымъ врагомъ.

Подвигъ крестьянина Стефана Веремчука. Командующій пѣхотной дивизіей, генералъ-майоръ Нечволодовъ, донесъ командиру корпуса, что 7-го сентября сего года, какъ только части 76-го пѣхотнаго Кубанскаго полка подошли къ правому берегу рѣки Иквы, крестьянныя деревни Бабаюки, Княгининскія волости, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи, Стефанъ Веремчукъ, 30-ти лѣтъ отъ роду, переправился на лодкѣ съ противоположнаго берега изъ своей деревни и доложилъ командиру 2-й роты названнаго полка, подпоручику Лисицину, о силѣ и расположеніи противника, занимавшаго позицію на лѣвомъ берегу Иквы у деревни Бабаюки, послѣ чего немедленно возвратился къ своимъ односельчанамъ, укрывшимся отъ выстрѣловъ въ вырытыхъ ими ямахъ. Сообщеніе Стефана Веремчука оказалось существенно важнымъ. Послѣ его донесенія, благодаря правильному направленію нашего огня, положеніе австрійцевъ сдѣлалось настолько тяжелымъ, что они вынуждены были бросить ближайшіе къ рѣкѣ Иквѣ окопы, сжечь деревню и отойти на вторую линію укрѣпленій у опушки лѣса. На другой день утромъ Стефанъ Веремчукъ, видя, что группа развѣдчиковъ 76-го пѣхотнаго Кубанскаго полка хочетъ переправиться черезъ рѣку Икву, быстро переѣхалъ черезъ нее въ лодкѣ и перевезъ ихъ на свою

сторону. Перевозили онъ ихъ по очереди, такъ какъ лодка была небольшая. Затѣмъ Стефанъ Веремчукъ показалъ развѣдчикамъ тѣ окопы, которые занимались австрійцами, послѣ чего они прошли черезъ село и направились къ лѣсу. Непріятель, замѣтивъ русскихъ, открылъ по нимъ сильный огонь и, видя ихъ малочисленность, перешелъ въ наступленіе; подъ натискомъ противника развѣдчики бросились черезъ село къ рѣкѣ. По словамъ присутствовавшихъ при этомъ односельчанъ Стефана, одинъ изъ отходящихъ солдатъ сказалъ находившемуся съ ними Веремчуку: «ну, теперь мы пропали, не избѣжать намъ смерти или плѣна». Стефанъ успокоилъ ихъ словами: «надѣйтесь на Бога, Онъ васъ спасетъ» и посоветовалъ имъ не бѣжать вразбродъ, но быстро идти и отстрѣливаться, а самъ побѣжалъ къ рѣкѣ, приготовилъ лодку и, подогнавъ ее къ берегу, крикнулъ: «теперь по одному въ лодку ложись. Перекрестись и съ Богомъ. Лодку я буду гнать». Затѣмъ Стефанъ снялъ шапку, перекрестился и сталъ переправлять развѣдчиковъ. Помогая высаживаться изъ лодки одному изъ нихъ, онъ, по словамъ очевидцевъ, взмахнулъ руками: пуля попала ему въ бедро навзлетъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на рану, онъ отправился съ оставшимися развѣдчиками и перевезъ ихъ всѣхъ. Залегшіе на нашемъ берегу солдаты и перевезенные развѣдчики не лускали Стефана назадъ и убѣждали его не возвращаться въ деревню, увѣряя, что мадьяры его тамъ убьютъ, но Стефанъ умолялъ ихъ отпустить его, такъ какъ у него была тамъ семья, и со словами: «я еще нуженъ своимъ односельчанамъ» погналъ лодку обратно. Причаливъ лодку и выйдя на берегъ, Стефанъ, по словамъ свѣдѣвшихъ за нимъ нѣкоторыхъ односельчанъ и солдатъ, тутъ же упалъ отъ потери крови. Затѣмъ всталъ и, пробѣжавъ до коноплянаго поля, вновь упалъ, потомъ поползъ по этому полю на четверенькахъ, направляясь къ своей хатѣ. Непріятель къ этому времени вновь занялъ окопы около рѣки, а также помѣстился въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара восьми хатахъ.

Когда Стефанъ Веремчукъ былъ уже близко отъ своей хаты, нѣсколько мадьяръ бросились къ нему и затащили его къ себѣ въ ближайшій окопъ. Многие изъ жителей слышали, какъ онъ кричалъ при этомъ: «ой, ратуйте, православніи, я же васъ звиручаю!» Изъ окопа, куда втащили Стефана, неслись душу раздражающіе крики и стоны. Сидѣвшіе въ ближайшей къ этому окопу ямѣ крестьяне передаютъ, что онъ кричалъ: «за васъ православніи, за Царя муки пріймаю», и много разъ повторялъ, обращаясь къ любимой имъ матери: «ой, мамо, мамо, як мені тяжко». Ближайшимъ къ окопу жителямъ слышно было затѣмъ, какъ ему чѣмъ-то затыкали ротъ, такъ какъ стоны его сдѣлались болѣе глухими. Долго слышались эти заглушенные стоны несчастнаго; по словамъ опрошенныхъ, — часовъ около двухъ.

Къ утру слѣдующаго дня, 9-го сентября, мадьяры подъ натискомъ нашихъ войскъ ушли за деревню къ лѣсу на вторую линію окоповъ. Жена Стефана Веремчука Лусинія, не видя до сего времени мужа и узнавъ отъ проходящихъ мимо, что Стефанъ накупилъ ползъ, волоча ногу и зывая: «ой, братці, ратуйте», пошла искать своего мужа и нашла его шагахъ въ тридцати отъ своей хаты передъ окопомъ, куда его выбросили австрійцы. Онъ лежалъ лицомъ книзу, въ одной рубахѣ, очень сильно изрѣзанной, и въ крови. По словамъ жителей, наблюдавшихъ, какъ ползъ Веремчукъ, никто изъ нихъ не рѣшался ему тогда помочь, такъ какъ въ это время начался уже сильный артиллерійскій и ружейный бой.

При осмотрѣ трупа, по свѣдѣтельству жителей и семья покойнаго Стефана, оказалось, что, кромѣ огнестрѣльной раны, было нѣсколько колотыхъ, руки были порѣзаны, плечи подрублены съ пересѣченіемъ ключицъ, сухожилья подъ колѣнями перерѣзаны и концы сухожилий вытянуты, лицо разбито, въ ротъ въ большомъ количествѣ набита глина. Кромѣ того, по показанію чиновъ 76-го пѣхотнаго Кубанскаго полка, 9-го сентября занявшихъ деревню, у Стефана были вырѣзаны мышцы на груди, на спинѣ, на рукахъ и на ногахъ.

Жена покойнаго Стефана просила солдатъ сдѣлать для него гробъ, но для этого не было ни времени ни матеріала. Поэтому крестьяне, омывъ тѣло мученика, надрѣли на него чистое бѣлье и такъ предали землѣ на мѣстномъ кладбищѣ. Креста не удалось поставить, но жена и односельчане точно знаютъ мѣсто, гдѣ онъ погребенъ.

Замученный Стефанъ Веремчукъ, по свѣдѣтельству односельчанъ и семьи, отличался замѣчательной религіозностью, совершенной незлобностью, сильной любовью къ матери, дѣтямъ и женѣ, очень доброй и трудолюбивой женщицѣ, и выдающейся добротой, при чемъ, несмотря на свою крайнюю бѣдность, онъ со всякимъ готовъ былъ подѣлиться послѣднимъ и всегда чрезвычайно близко принималъ къ сердцу нужду и горе постороннихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ горячо любилъ свою родину.

Послѣ Стефана Веремчука остались: слѣпая мать Марія Веремчукъ 62-хъ лѣтъ, жена Лусинія 28-ми лѣтъ и трое сыновей — Макарь 7-ми лѣтъ, Леонцій 5-ти лѣтъ и Федоръ 1 года и трехъ мѣсяцевъ.

Командующій пѣхотной дивизіей, генераль-майоръ Печволодовъ, принялъ на себя обязанности попечителя осиротѣвшей семьи Веремчука, отправленной имъ до окончанія войны подъ ближайшій призоръ монахини Маріи — настоятельницы Воскресенско-Покровскаго женскаго монастыря у ст. Плюсы, Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Главнокомандующимъ арміями фронта семьѣ погибшаго Стефана Веремчука было назначено единовременное пособіе въ 200 рублей.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго о подвигѣ и мученической кончинѣ Стефана Веремчука, Его Императорское Величество, въ 1-й день декабря 1915 года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

1) Назначить пенсію матери и вдовѣ покойнаго Стефана Веремчука, первой въ размѣрѣ 120 рублей въ годъ, а второй — въ размѣрѣ 240 рублей въ годъ.

2) Малолѣтнихъ сыновей его — Макаря, Леонтія и Федора опредѣлить, по достиженіи ими соответствующаго возраста, на казенный счетъ въ одно изъ учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію матери, со спеціальнымъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ.

3) Разрѣшить открыть повсемѣстную подписку и сборъ на постановку памятника-часовни на могилѣ мученика.

4) Предписать настоятелямъ всѣхъ мірскихъ и монастырскихъ церквей, путемъ проповѣдей и бесѣдъ, объяснить прихожанамъ глубокий смыслъ и значеніе праведной жизни и высокаго подвига Стефана Веремчука, и

5) Въ виду чистой и глубоко религіозной жизни Стефана Веремчука, описание его жизни и подвига, составленное по показаніямъ семьи покойнаго, его односельчанъ и чиновъ 76-го пѣхотнаго Кубанскаго полка, бывшихъ очевидцами геройскаго подвига и мученической кончины Веремчука, издать для широкаго распространенія какъ среди всѣхъ частей и командъ русской арміи, такъ и повсемѣстно среди мирнаго населенія Имперіи.

Национальныя богатства Англіи и Германіи. Въ журналѣ «Новый экономистъ» помѣщены интересныя подсчеты національныхъ богатствъ Англіи и Германіи. Въ Англіи при населеніи въ 46 милліоновъ народное богатство достигаетъ 165 милліардовъ рублей, а народный доходъ — 24 милліарда въ годъ. Въ Германіи при населеніи въ 68 милліоновъ народное богатство доходитъ до 150 милліардовъ рублей, а народный доходъ до 22 милліардовъ въ годъ. На одну душу населенія приходится богатства: въ Англіи 3.470 р., въ Германіи 2.200 р. Народный доходъ на одну душу населенія въ Англіи — 470 р., въ Германіи — 320 р. Слѣдовательно, если взять среднюю семью изъ пяти душъ, то она обезпечена у нѣмцевъ и англичанъ такъ; какъ у насъ мелкопомѣстные помѣщики или чиновники, занимающіе приличныя должности.

Старческая Дряхлость,

безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свѣдѣтельствуютъ имѣющіеся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

артериосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И. С. ВЪЯ. ПЕТРО-ГРАДЪ.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВУ“ со всѣми приложениями: безъ дост. въ Петроградъ — 8 р. 50 к., съ доставкой — 9 р. 50 к.; съ пересылкой по всей Россіи: на годъ 10 р., на 1/2 годъ 5 р., на 1/4 года 2 р. 50 к.

Н. Брунн. Свѣченосица. Музей Императорской Академии Художествъ.

Докторъ Вартъ.

Разсказъ Ф. Зарина-Несвицкаго.

I.

Въ походную канцелярію полка, помѣщающагося въ полуразрушенномъ каменномъ домикѣ фольварка, позвякивая шпорами, вошелъ молодой докторъ и на мгновение остановился на порогѣ. Дѣлопроизводитель съ угрюмымъ видомъ щелкалъ на счетахъ, писаря лѣниво писали, адъютантъ, молодой подпоручикъ, перебиралъ бумаги. У окна, въ походной формѣ, стоялъ прапорщикъ и уныло смотрѣлъ на сѣрую, вздущуюся рѣку, сѣрое небо и туманную стѣю частаго, мелкаго дождя. Слегка барабани пальцами по стеклу, онъ мурлыкалъ:

... Не осенній мелкій дождичекъ...

При звонѣ шпиръ все съ любопытствомъ обернулись къ двери. Молодой докторъ, отдавъ общій поклонъ, быстро подошелъ къ адъютанту.

— Честъ имѣю явиться, произнесъ онъ: докторъ Вартъ, назначенный старшимъ врачомъ въ полкъ.

А. очень пріятно, отвѣтилъ, вставая, адъютантъ.—Подпоручикъ Сокольскій,—назвалъ онъ себя:—мы давно уже ждемъ доктора.

Докторъ звякнулъ шпорами.

— Я торопился, какъ могъ, улыбаясь, сказалъ онъ.

Докторъ Вартъ говорилъ яснымъ громкимъ голосомъ, отчетливо выговаривая слова. Въ его рѣчи слышался легкій акцентъ. По знакомившись съ адъютантомъ, докторъ представился прапорщику Курбатову и дѣлопроизводителю Варягину.

Докторъ Вартъ произвелъ на всѣхъ очень хорошее впечатлѣніе. На немъ прекрасно сидѣлъ китель защитнаго цвѣта, шапка ему не мѣшала, перчатки плотно облегли его небольшія тонкія руки. Онъ былъ шатень, съ свѣтлыми глазами и небольшими блѣлыми усиками.

— Мнѣ не мало стоило труда отыскать полкъ,—продолжалъ онъ:—вотъ мой пріязной листъ и послужной списокъ. Я отбывалъ повинность до университета.

Онъ положилъ документы на столъ.

— Видите, пріязной листъ отъ пятаго числа, а сегодня двадцать первое. Я былъ сразу направленъ въ Э.

— А мы отсюда выступили четвертаго,—замѣтилъ Курбатовъ.

— Да, да,—засмѣялся Вартъ:—я—къ воинскому начальнику. Онъ говоритъ,—полкъ направился въ Б.—тамъ узнаете. Скажу туда съ первымъ эшелономъ, тамъ говорить, что вы въ В., а туда, а тамъ вы вовсе и не были. Такъ меня и гоняли, и только въ штабъ дали наконецъ точный адресъ. А потомъ, господа,—съ улыбкой обратился онъ къ присутствующимъ:—позвольте сдѣлать одну оговорку. Моя фамилія Вартъ, зовутъ меня Иванъ Карловичъ, но я не нѣмецъ. Мать моя русская и православная, а отецъ латышъ. Я уроженецъ Лифляндской губерніи, гдѣ и получилъ образованіе, которое закончилъ за границей. Я совершенно русскій и православный.

Все засмѣялись и какъ бы почувствовали нѣкоторое облегченіе, узнавъ, что этотъ сразу понравившійся имъ молодой докторъ не нѣмецкаго происхожденія.

— Однако, у васъ тутъ невесело,—снова началъ докторъ.—Вы не скучаете?

— Некогда, докторъ,—отвѣтилъ Курбатовъ:—мы, не переставая, несемъ охрану у моста и вдоль берега,—онъ указалъ рукой на рѣку.—Офицеровъ мало, а нарядъ каждый день. Вчера, напримеръ, я смѣнился, а сегодня опять.

— Я слышалъ, что этому укрѣпленному пункту придаютъ очень большое значеніе,—замѣтилъ докторъ и продолжалъ съ улыбкой:—я человѣкъ не военный и, ей-Богу, не понимаю, почему придаютъ такое огромное значеніе этому мосту и нѣсколькимъ землянымъ валамъ.

— Дѣло въ томъ,—вмѣшался Сокольскій:—что этотъ мостъ постоянный, а рѣка глубока и быстра, по понтонамъ трудно перевезти тяжелую артиллерію. На много верстъ это единственная переправа. Въ случаѣ отступленія этотъ мостъ сыграетъ огромную роль. А если онъ будетъ взорванъ—то рѣка станетъ почти непреодолимой преградой. А при наступленіи этотъ мостъ является связью наступающихъ частей. Поэтому мы и должны беречь его. Къ тому же, на всякій случай, онъ минированъ.

— А,—покачалъ головой докторъ:—теперь я понимаю.

— Да,—сказалъ Курбатовъ:—мы должны особенно зорко охранять мостъ, тѣмъ болѣе, что уже были попытки.

— Неужели?—удивился докторъ.

— Да, не далѣе, какъ вчера, мы арестовали повозку съ двумя крестьянами.—проговорилъ Сокольскій:—въ телѣгѣ нашли динамитныя бомбы, а крестьяне оказались переодѣтыми нѣмецкими офицерами.

— Какая дерзость!—вокликнулъ докторъ.—Ихъ, конечно, повѣсили?

— Полагаю,—отвѣтилъ Курбатовъ:—тутъ разговоры коротки.

— Однако, гдѣ же вы, докторъ, устроились?—спросилъ Сокольскій.

Докторъ развелъ руками.

— Да гдѣ,—отвѣтилъ онъ:—вещи мои въ сѣняхъ, а и всѣхъ

вещей-то чемоданъ да походная кровать. Человѣкъ я не прихотливый, по природѣ спортсменъ и охотникъ, и привыкъ къ кочевой и походной жизни. Вы знаете,—продолжалъ онъ:—каждый годъ я на два мѣсяца совершенно прекращаю всякую практику и эти два мѣсяца посвящаю путешествіямъ, да какимъ! Все пѣшкомъ. Я исходилъ пѣшкомъ всю Петербургскую, т. е., веновать,—съ улыбкой поправился онъ:—Петроградскую губернію, Финляндію, Прибалтійскій край. Ночевалъ подъ открытымъ небомъ и въ дождь и въ холодъ. Послѣ такихъ путешествій я чувствую себя словно помолодевшимъ. Такъ что, видите, мнѣ все равно. Хоть здѣсь въ углу поставитъ кровать.

— Ну, это лишнее,—замѣтилъ Курбатовъ.—Въ избѣ рядомъ со мной живутъ фельдфебель и мой старшій унтеръ. Мы ихъ выслелимъ къ фельдфебелю первой роты, и вамъ будетъ просторное помѣщеніе съ великолѣпнымъ видомъ на мостъ и на рѣку.

Курбатовъ разсмѣялся.

Пріемный покой тутъ же,—продолжалъ онъ:—но пока работы у васъ будетъ немного. Мы, слава Богу, здоровы, а со случайными недомоганіями отлично справляются наши фельдшера. Никакихъ серьезныхъ болѣзней нѣтъ. Стоянка хоть куда. Помѣщенія сухія, пища хорошая... Вотъ когда двинемся дальше, въ бой—тутъ ужъ придется поработать.

Вартъ весело улыбнулся.

— Я вѣдь пріѣхалъ для дѣла,—сказалъ онъ, и, признаваясь, жить такъ безъ боя на войнѣ скучно. Или война или миръ. Что-нибудь одно. Здѣсь мы для войны.

— Хуже всего,—замѣтилъ Сокольскій:—что мы не знаемъ, когда снова выступимъ. Намъ скучно сидѣть въ охранѣ и только издали слушать канонаду.

— Ей-Богу,—засмѣялся Вартъ:—если дѣло дойдетъ до боя, я буду просить командира назначить меня младшимъ офицеромъ въ роту.

— А меня тогда докторомъ,—угромо произнесъ Варягинъ.

— А что же?—подхватилъ Вартъ.—Наше ремесло на войнѣ на передовыхъ позиціяхъ подъ огнемъ сводится къ очень немногому. Остаются кровь, сдѣлать перевязку, и айда дальше на слѣдующій врачебный пунктъ. Дѣлать сложныя операціи мы не можемъ. Тамъ нѣтъ ни времени, ни средствъ. Этому нетрудно выучиться.

Въ эту минуту дверь широко открылась, и вошелъ командиръ полка.

Адъютантъ едва успѣлъ крикнуть:

— Господа офицеры!

Все встали.

Командиръ приложилъ руку къ фуражкѣ и мажкимъ, слегка сиповатымъ, голосомъ сказалъ:

— Прошу не беспокоиться.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, сухощавый и стройный, съ расчесанной надвое темно-русой бородой съ едва замѣтной сѣдиной, съ острымъ взглядомъ небольшихъ сѣрыхъ глазъ подъ густыми бровями. Адъютантъ быстро пошелъ ему навстрѣчу. Острый взглядъ полковника скользнулъ по знакомымъ лицамъ и на нѣсколько мгновений задержался на незнакомомъ лицѣ доктора. Вытанувшись, съ опущенными руками, Вартъ представлялъ идеальную военную выправку.

Адъютантъ уже докладывалъ полковнику о прибытіи доктора.

— А, очень радъ. Докторъ Вартъ, кажется?...—произнесъ онъ серьезно, безъ улыбки, протягивая руку доктору.

— Такъ точно, г. полковникъ, докторъ Вартъ,—отвѣтилъ докторъ, почтительно пожимая протянутую руку.

Полковникъ пристально и словно строго оглядѣлъ его съ головы до ногъ.

— Вы, должно-быть, были раньше въ военной службѣ, докторъ?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, г. полковникъ,—отвѣтилъ Вартъ.

— Однако,—слегка улыбнулся полковникъ:—у васъ выправка кавалериста.

— Я спортсменъ, г. полковникъ,—сказалъ Вартъ:—и любитель верховой ѣзды, при чемъ предпочитаю и считаю лучшей въ мірѣ нашу военную кавалерійскую школу ѣзды.

— А,—протянулъ полковникъ:—тогда я понимаю...—и, переходя на офиціальныи тонъ, онъ добавилъ:—Такъ я буду просить васъ, докторъ, произвести тѣлесный осмотръ людей. Они давно не были въ банѣ. Не было бы накожныхъ болѣзней.

— Слушаю, г. полковникъ,—отвѣтилъ Вартъ, щелкнувъ шпорами. Полкъ только временно несъ охрану переправы. Онъ былъ отодвинутъ назадъ для отдыха и пополненія, послѣ долгихъ уюрныхъ боевъ. Ждали солдатъ изъ запасныхъ батальоновъ и новыхъ офицеровъ. Полкъ былъ разбросанъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Штабъ полка находился съ первой и второй ротами у постоянной переправы. Но командиръ полка, такъ же, какъ и батальонный, были все время въ разъѣздахъ.

II.

Вартъ поселился въ халупѣ, откуда, какъ говорилъ Курбатовъ, былъ великолѣпный видъ на рѣку. Изъ первой роты ему дали

вѣстового со странными именемъ и фамиліей -- Іеремію Вавилонскаго. Обычно его звали Еремкой. Еремка быть голубоглазый рыжеватый паренъ, высокій и курносый, честный, непьющій и некурящій. Грамоты онъ не зналъ и, когда ему надо было написать письмо женѣ, бѣгалъ въ ротную канцелярію. Онъ уже бывалъ въ бояхъ и не очень охотно пошелъ въ денщики.

— Дойдетъ ежели до боя, сбѣгу въ строй, — говорилъ онъ.

Офицеровъ было очень немного, и Вартъ очень скоро освоился со всѣми. Всегда корректный, изящно одѣтый, спокойный и выдержанный, онъ былъ милъ и любезенъ. Но странно — первое пріятное впечатлѣніе какъ-то скоро разсѣялось, и никто съ нимъ не сблизился. Было въ немъ что-то холодное и замкнутое. Юный прапорщикъ Владычинъ говорилъ, что докторъ его замораживаетъ. Курбатовъ, хотя часто съ интересомъ разговаривалъ съ Вартомъ, разносторонне и широко образованнымъ, но не сходилъ съ нимъ по-товарищески. Командиръ первой роты, старый капитанъ Баторскій, пошедшій на войну добровольцемъ, любимецъ солдатъ, звавшихъ его за глаза папашей, совсѣмъ избѣгалъ доктора, несмотря на всѣ его любезности, и говорилъ, что въ докторѣ мало русскаго духа.

А младшій офицеръ его роты вельсчакъ и пѣвецъ прапорщикъ Барсовъ, уже два раза эвакуированный, при докторѣ становился хмурымъ и молчаливымъ. „Душа не лежитъ къ этому франту“, — говорилъ онъ. Но Вартъ какъ будто не замѣчалъ своей нѣкоторой отчужденности. Онъ всегда былъ ровенъ. Только въ отношенія къ солдатамъ онъ вносилъ что-то не докторское. Онъ любилъ дисциплину и зналъ ее. Былъ строгъ къ солдатамъ до мелочей, и солдаты замѣтно боялись его. Когда, бывало, въ околоткѣ, ударяя себя стекомъ по лакированной голенищѣ, онъ устремлялъ на солдата пристальный взглядъ холодныхъ сѣрыхъ глазъ, солдатъ терялся и робѣлъ. Послѣ легкаго осмотра онъ по большей части сквозь зубы говорилъ:

— Здоровъ, притворяешься, пошелъ вонъ!

Въ лучшемъ случаѣ прописывалъ что-нибудь и для дальнѣйшаго лѣченія отправлялъ къ фельдшеру. Но, слава Богу, серьезно больныхъ не было.

Вартъ любилъ прогулки верхомъ. Онъ бралъ обыкновенно свободную лошадь и уѣзжалъ одинъ часа на два. Посадка его была безукоризненна, но Баторскій, прошедшій въ свое время офицерскую кавалерійскую школу, находилъ, что посадка не русская офицерская. Съ одной прогулки докторъ вернулся, какъ онъ выразился, „съ добычей“. Онъ привелъ въ поводу великолѣпную лошадь, темно-рыжую, крупную и крѣпкую, съ тонкими ногами, маленькой головой и нервными ушами. Онъ, смѣясь, сказалъ, что встрѣтилъ казаковъ, захватившихъ пять нѣмецкихъ лошадей и не знавшихъ, что съ ними дѣлать. Вести съ собой — обуза, да и фуража мало, бросить — жаль. Они охотно уступили ему эту лошадь за двадцать пять рублей.

— Но, клянусь, это — настоящій англо-арабъ, — съ восторгомъ говорилъ Вартъ. — Я никогда не разстанусь съ нимъ. Какая красота!

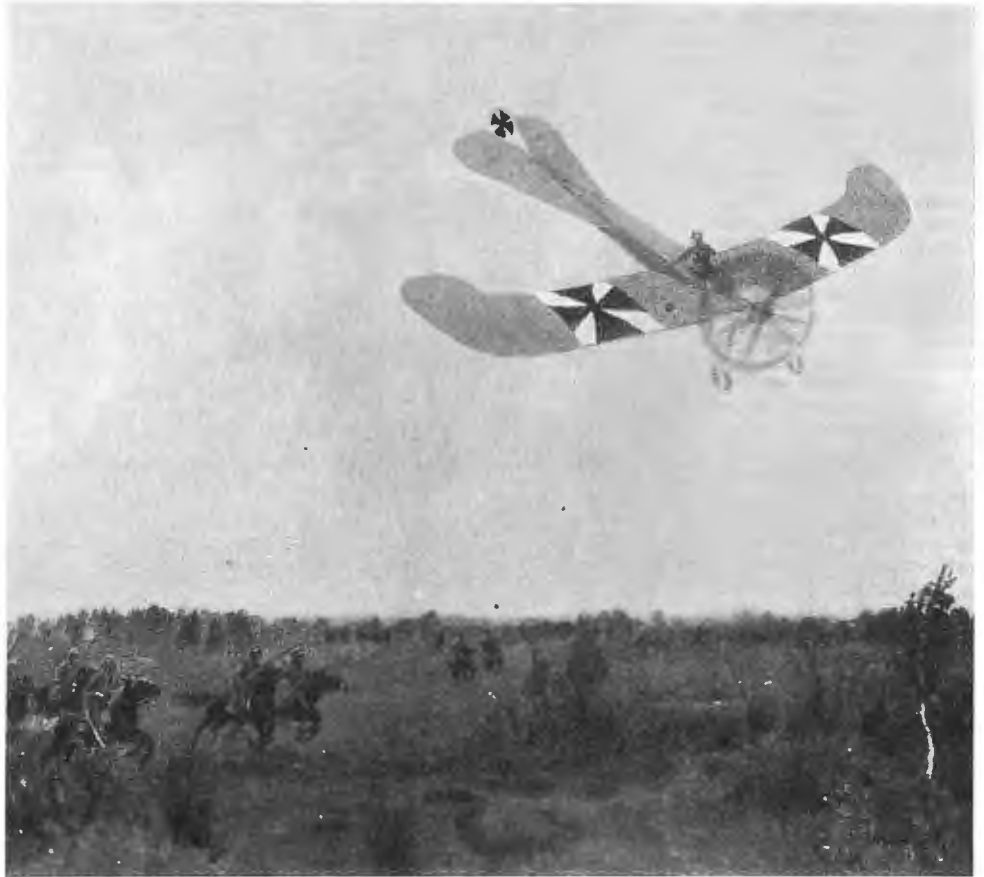
На другой же день онъ выѣхалъ на прогулку на своемъ англо-арабѣ.

Съ почтой изъ штаба дивизіи Курбатовъ получилъ нѣсколько газетъ, и такъ какъ подъ рукой никого не было, а поговорить хотѣлось, онъ отправился къ доктору. Дверь въ халупу была полуоткрыта, онъ толкнулъ ее и вошелъ. Первое, что бросилось ему въ глаза, было необыкновенно блѣдное, страшное лицо Варта. Окаменѣлое, съ выраженіемъ холоднаго бѣшенства, съ необыкновенно сужившимися зрачками ставшихъ странно прозрачными глазъ, съ прикушенной губой. Прямо передъ докторомъ стоялъ Еремка, тоже блѣдный, какъ мѣль. Голова его тряслась, въ глазахъ виднѣлся смертельный ужасъ, онъ весь, вытягиваясь, какъ струна, дрожалъ мелкой дрожью.

— Проклятый оселъ! — свистаящимъ шопотомъ произнесъ Вартъ и быстрымъ движеніемъ поднялъ стѣгу.

— Докторъ! — крикнулъ Курбатовъ, дѣлая шагъ впередъ.

Вартъ съ поднятой рукой, съ тѣмъ же выраженіемъ бѣшенства, повернулъ къ нему лицо. Нѣсколько мгновений онъ словно

И. А. Владиміровъ. Подстрѣленный „таубе“.

не узнавалъ его. Потомъ съ короткимъ смѣхомъ швырнулъ въ уголь стѣгу и крикнулъ Еремкѣ:

— Пошелъ вонъ!

И какъ-то особенно рѣзко на этотъ разъ послышался Курбатову не русскій акцентъ доктора. Еремка въ одну минуту быть уже за дверью. Курбатову показалось, что онъ перекрестился.

— Простите, — овладѣвая собой, началъ Вартъ: — я былъ внѣ себя. Представьте, эта скотина испортила моего англо-араба. Онъ захромалъ... Этотъ дуракъ вздумалъ самъ поправлять подкову...

— Да?... — неопредѣленно отозвался Курбатовъ.

Онъ чувствовалъ себя очень неловко. Это искаженное, бѣшеное лицо неотступно стояло передъ его глазами. Всякая охота говорить пропала. Слово чувство обиды за Еремку шевелилось въ его душѣ.

— А я зашелъ мимоходомъ, — началъ онъ. — Вамъ не надо въ штабъ полка? Я туда.

— Что же? — весело отозвался докторъ. — Какъ это говорится: — для друга семь верстъ не околица. Хотя и не надо, но я охотно провожу васъ.

Они вышли и молча направились въ канцелярію. Курбатову тоже не зачѣмъ было идти туда.

Въ тотъ же вечеръ Еремка съ испугомъ въ добрыхъ голубыхъ глазахъ говорилъ своему фельдфебелю:

— Будьте отцомъ роднымъ, Трофимъ Осиповичъ, вызволите! Убѣтеъ онъ меня когда-нибудь. Ей-Богу, убѣтеъ. Какъ взглянуть — все изъ рукъ валится. Сдѣлайте милость, доложите ротному. Возьмите меня въ строй.

Фельдфебель гладилъ бороду, угрюмо покачивая головой.

— Оно такъ-то такъ. Строгій человекъ докторъ. Черезчуръ, можно сказать. А съ другой стороны, какъ и взять тебя? Тоже не годится.

Еремка вздохнулъ.

— Не дай Богъ по ночамъ, — взволнованно началъ онъ: — уйдетъ это часомъ въ одиннадцать да и гуляетъ себѣ до двухъ, а тутъ глазъ не смыкай. Какъ на часахъ. Не дай Богъ не открыть сразу. А въ семь ужъ самоваръ ему и сапоги, чтобъ въ нихъ глядѣться можно было, и все прочее. Каторга чище. Намедни за леворвертъ схватился. Думалъ, тутъ мнѣ и конецъ.

— Ну-у, недовѣрчиво протянулъ фельдфебель: — это съ чего жь?

— А спроси его, — тихо отвѣтилъ Еремка: — вспоминать страшно. Вошелъ это я къ нему постель убирать. Онъ ужъ ушедши былъ. Смотрю, на столѣ фонарикъ лежитъ, въ родѣ, какъ у нашихъ гг. офицеровъ, только такой затѣйный, стекла будто со всѣхъ сторонъ. Только, значитъ, взялъ я его въ руки, любопытство-

вать не успѣлъ, а докторъ и шастъ въ двери, увидѣлъ у меня въ рукахъ фонарикъ, какъ взбѣсился, вырвалъ его изъ рукъ.—„Ты что тутъ дѣлаешь!.. Да я,—кричить,—тебя такого-сякого тутъ на мѣстѣ уложу!“ И хватъ за леворвертъ. Тутъ я ужъ не помню, какъ выскочилъ.

— Ну, а потомъ?—съ любопытствомъ спросилъ фельдфебель.

— Ничего, обошлось. Не помянулъ даже, — отвѣтилъ Еремка. — Такъ вызовите, г. фельдфебель.

— Ладно,—важно отвѣтилъ Трофимъ Осиповичъ:—я уже поговорю съ ротнымъ.

III.

Съ пѣсями, привистомъ и музыкой, живымъ страшнымъ потокомъ шли войска. Лихо сдвинувъ на затылокъ смятыя папахи, открывъ смѣлыя, загорѣлыя лица, шли сибиряки. Это былъ уже испытанный народъ. Хорошо извѣстный врагу. Невысокіе, ловкіе, со стальными мускулами, неутомимые, неустрашимые, они проходили, словно съ ученья домой на отдыхъ. По постоянному мосту огромные автомобили, крихтя и шипя, тащили девятидюймовыя чудища съ закрытыми наестями: непрерывной лентой по понтонамъ тянулись полесвыя скорострѣлки. Обгоняя пѣхоту, пронеслась казачья сотня и прямо бухнулась въ рѣку. Переправилась съ визгомъ и смѣхомъ влავъ и пошла дальше.

Вартъ стоялъ рядомъ съ Владычиннымъ и пристально слѣдилъ за этимъ мощнымъ потокомъ. Владычинъ не скрывалъ своего восторга.

— А? Каковы? Вѣдь все боевики!..

Онъ съ улыбкой козырялъ проходившимъ и пробѣжавшимъ офицерамъ.

— Это сибиряки?—полувопросительно произнесъ Вартъ.

— Да, да,— отвѣтилъ возбужденно Владычинъ:— это они, а ихъ считаютъ за сто верстъ отсюда. Вотъ-то здорово! — продолжалъ онъ. — Я понимаю теперь, что вчера говорилъ полковникъ.

— А что онъ говорилъ?—живо спросилъ Вартъ, оборачиваясь къ нему.

— Это сюрпризъ нѣмцамъ,—отвѣтилъ Владычинъ.

— Это что же, корпусъ?—спросилъ Вартъ.

И. А. Владиміровъ. Слѣдъ германцевъ.

— Нѣтъ, смѣшанный отрядъ съ особымъ назначеніемъ, — сказалъ Владычинъ. — Смотрите, это—кавказцы...

Но Вартъ и такъ смотрѣлъ во все глаза.

— Куда идете?—обратился онъ къ смуглому носастому унтеру. Унтеръ взглянулъ на него огромными выпученными глазами и, оскаливъ крупные хищные зубы, произнесъ:

— Свудучъ рэзать.

— Вотъ такъ здорово!—засмѣялся Владычинъ.— Такъ ихъ и надо, собачьихъ дѣтей.

Докторъ отошелъ отъ него и смѣшался съ живымъ потокомъ солдатъ.

Весь день, всю ночь шли войска. Потянулись обозы, лазаретныя линейки, пронеслись мотоциклетки...

Въ канцеляріи полка царило оживленіе. Прошелъ слухъ, что этотъ отрядъ идетъ замкнуть кольцо, что около двухъ нѣмецкихъ корпусовъ попадутъ въ западню, если своевременно не узнаютъ о движеніи отряда. Но говорили, что движеніе идеально замаскировано, а имя генерала, ведущаго отрядъ, ручалось за то, что будетъ сдѣлано все, что въ человѣческихъ силахъ, и даже больше.

И. А. Владиміровъ. У польской часовни.

Ни зги не видно. Вѣтеръ разбушевался, рѣвонка вздулась. Дождь хлестать въ лицо. Часовой внизу у моста, держа ружье въ оконченншихъ рукахъ, протираетъ глаза и отряхивался, глядя ваясь въ темноту. Надъ его головой поднимается высокой обрывистой холмъ. Часовой взглянулъ вверхъ, и ему показалось, словно блеснула на вершинѣ холма красная звѣздочка. Онъ не ошибся. Слово въ непроницаемомъ мракѣ горѣлъ уголекъ. Погасъ, зажегся снова, потомъ замгаль часточасто и надолго погасъ. Смутная тревога заползла въ душу часового. Звѣздочка загорѣлась снова, но уже желтая, и опять то гасла, то вспыхивала, то мигала. Желтую звѣздочку смѣнила зеленая...

„Ахъ, ты, Господи! — подумалъ солдатикъ. — Что за навожденіе!“

Рѣзкій, пронзительный свистъ прорѣзалъ шумъ вѣтра и дождя. Еще и еще—тревожный, пронзительный. Невдалекѣ показались быстро приближающіеся фонари. Это спѣшилъ разводящій съ дзоромъ на тревожный свистокъ постового.

Зеленая звѣздочка погасла.

И. А. Владиміровъ. У братской могилы.

— Ты, Мартузовъ?—запыхавшись, подбѣжалъ разводящій.—Что тутъ у тебя?

— Такъ что, г. разводящій, вонъ тамъ огоньки цвѣтныя, отвѣтилъ Мартузовъ.

Разводящій взглянулъ наверхъ.

— А не почудилось?—недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, г. разводящій, — произнесъ Мартузовъ. — Спервоначалу красный, потомъ желтый, потомъ зеленый... Даже жутко стало.

— Ну, ладно,—замѣтилъ разводящій:—мы сейчасъ дослѣдуемъ. Ну-ка,—обратился онъ къ дозору:—ползи, ребята, наверхъ! Да вы съ той стороны, тутъ какъ разъ въ рѣку скатитесь. Слизко сейчасъ.

— Ничего, г. разводящій! — весело отозвался одинъ изъ дозора.—Не впервой.

И они быстро и ловко поползли вверхъ по крутой скользкой тропинкѣ.

Сидя на табуреткѣ, Еремка клевалъ носомъ. Съ самаго обѣда доктора не было. Уже ночь. Сонъ одолѣлъ и, положивъ голову на руки, на столъ, Еремка заснулъ.

Его разбудилъ рѣзкій толчокъ въ бокъ. Онъ вскочилъ, безмысленно тараща глаза и приложивъ руку къ непокрытой головѣ.

Передъ нимъ стоялъ докторъ. Вода ручьями стекала съ его резинового плаща съ капюшономъ.

— Опять заснулъ, скотина!— съ холодной злостью произнесъ Вартъ.—Помоги раздѣться.

Еремка дрожащими руками снялъ плащъ, потомъ прошелъ за докторомъ въ сосѣднюю комнату, зажегъ свѣчку и помогъ снять сапоги.

— Ну, убирайся! — приказалъ докторъ.

Еремка на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, держа въ рукахъ грязныя мокрыя сапоги.

— И гдѣ его дьяволы несутъ въ такую непогоду! Хоть бы провалился окаянный!—со злобой думалъ Еремка, обтирая сапоги.

Много на другой день было разговору по поводу огоньковъ.

— Шпіоны, — рѣшили всѣ: — но кто?

Въ полуразрушенномъ фольваркѣ жителей наперечетъ, и притомъ поляки—эти не шпіоны. Можетъ, изъ сосѣдняго фольварка, тамъ, говорятъ, есть еще колонисты.

Полковникъ приказалъ ставить надъ обрывомъ часового.

IV.

Трепетное жуткое ожиданіе все болѣе овладѣвало всѣми. Ждали побѣдныхъ вѣстей. Уже было время, а вѣстей не было. Ужели нѣмцамъ удалось опять ускользнуть?..

— У насъ здѣсь кишмя-кишатъ шпіоны,—говорилъ въ канцеляріи Сокольскій: — ни одно движеніе не остается тайнымъ для нихъ.

— Да развѣ можно услѣдить за ними? — возразилъ Варягинъ.—Смотрите, какая туча народа движется черезъ нашу мостъ. И убѣгающіе и вновь возвращающіеся... Развѣ среди нихъ нѣтъ шпіоновъ? Да сколько угодно.

Докторъ сидѣлъ на табуреткѣ, вытянувъ ноги въ безукоризненно вычищенныхъ сапогахъ, слегка ударяя по голенищѣ стекомъ.

— Да, со шпіонами трудно бороться,—произнесъ онъ.

— А эти огоньки надъ берегомъ? — вмѣшался Курбатовъ.—Вѣдь это верхъ нагости...

Ахъ, если бы этотъ негодяй попался мнѣ въ руки! — А что бы вы сдѣлали тогда? — обернулся къ нему докторъ.

— Что?—отвѣтилъ Курбатовъ, поблѣднѣвъ и стискивая зубы.—Прежде всего я бы избилъ его, какъ собаку, потомъ велѣлъ бы связать и на веревкѣ подъ плетью отправить бы его въ штабъ дивизіи. По-моему, одной смерти было недостаточно.

Вшедшій вѣстовой подаль адъютанту синій пакетъ съ сургучной печатью, съ надписью „секретно“.

Сокольскій вскрылъ конвертъ и пробѣжалъ бумагу.

— Это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое!—воскликнулъ онъ, бросая на столъ бумагу.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ, подходя, Курбатовъ.

— Изъ штаба дивизіи.—продолжалъ Сокольскій.—Нѣтъ, представьте, до чего дошло. Нѣмцы расположены внизъ по теченію, и вотъ случайно наши выловили изъ рѣки бутылку, такъ наполненную пескомъ, что видна одна пробка, а въ бутылкѣ

И. А. Владиміровъ. Разрушенное кладбище.

липовское донесение. Каково? Мерзавцы пускают эти бутылки по течению, а немцы их ловят. Вот приказано следить за этим и усилить охрану.

Додумались, — произнес Варягин. А известий все нет.

Доктор встал и лѣниво потянулся.

— Ну, я иду въ-околоток, сказал он и вышел.

Курбатовъ посмотрѣлъ ему вследъ и послѣ нѣкотораго молчанія замѣтилъ:

А ему словно и дѣла нѣтъ, удивительно отвлеченный человекъ.

— Изъ равнодушныхъ, усмѣхнулся Сокольскій.

Дверь съ шумомъ открылась, и въ комнату ворвался Барсовъ.

— Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, пріютъ священный! — закричал онъ. Потомъ крикнулъ: — Здорово, ребята! Чтѣ вы тутъ собрались? А? Развѣ сегодня даютъ деньги?

— Тебѣ одному, — засмѣялся Сокольскій: — добавочныя, за хорошій голосъ и веселое настроеніе.

— А, ей-Богу, слѣдовало бы, — засмѣялся Барсовъ: — и поддерживать духъ.

— Его и безъ того довольно, — замѣтил Курбатовъ.

— Не скажи, — продолжал Барсовъ: — я сейчасъ встрѣтилъ этого кикимору, нашего эскулапа. Онъ словно лимонъ проглотилъ. Хмурый, блѣдный. Я ему молча откозырялъ.

— Ну, онъ изъ равнодушныхъ, какъ сказала Сокольскій, — отозвался Курбатовъ.

— А равнодушныхъ теперь надо вѣшать, — серьезно сказал Барсовъ. — Ну да чертъ съ этой куклой. Чтѣ новаго? — закончилъ онъ.

— А вотъ прочти, — и Сокольскій протянулъ ему бумагу изъ штаба.

Барсовъ внимательно прочелъ ее.

— Да, — протянулъ онъ: — „дѣло пахнетъ гарнизонтомъ“, какъ говоритъ мой фельдфебель. — Ну, чтѣ же, будемъ смотрѣть. Сегодня какъ разъ я дежурный.

Опять была бурная ночь. Ливень начался съ вечера и къ ночи перешелъ въ частый мелкій дождь. Рѣка плескалась на берегъ, словно кто мутилъ ее огромной ложкой. Вѣтеръ минутами переходилъ въ ураганъ.

Спотыкаясь и скользя въ темнотѣ, кутаясь въ макинтошку, пробирался Барсовъ знакомыми тропинками по берегу мимо моста. Онъ почти наткнулся на часового, когда тотъ крикнулъ:

И. А. Владиміровъ. У еврейской лавчонки.

И. А. Владиміровъ. Знакомые мотивы.

— Кто идет?

Барсовъ сказалъ пропускъ „Штыкъ“. И прошелъ дальше.

Хотя у него были въ карманѣ электрической фонарикъ, но онъ не могъ воспользоваться имъ: сегодня было строго запрещено зажигать огонь на берегу, — развѣ только въ исключительномъ случаѣ, — и даже курить.

Ругаясь про себя, Барсовъ медленно подвигался вдоль берега. „Хоть бы луна вышла“, съ тоской думалъ онъ.

Онъ почувствовалъ обостреннымъ на войнѣ инстинктомъ, что гдѣ-то здѣсь, близко, около него есть живое существо. Онъ приостановился, напрягая взоръ и слухъ. Ему ясно показалось у самой воды черное шевелящееся пятно. Онъ вынулъ изъ кобуры револьверъ и крикнулъ:

— Кто здѣсь?

Темное пятно словно выросло и получило абрисъ человѣка.

— Кто здѣсь? — нервно и нетерпѣливо повторилъ Барсовъ. Я буду стрѣлять.

— Ради Бога не стрѣляйте! — послышался некустарно-веселый голосъ. — Кажется, прапорщикъ Барсовъ?

— Докторъ? — въ изумленіи воскликнулъ Барсовъ.

— Онъ самый, — послышался отвѣтъ изъ темноты.

Темное пятно приблизилось.

— Какъ вы попали сюда? Чтѣ вы здѣсь дѣлали? — спросилъ Барсовъ, и его голосъ звучалъ рѣзко и подозрительно.

— Гулялъ. — былъ короткий свѣтъ.

— Гуляти? Въ такую погоду? — удивился Барсовъ.

— О, я гуляю во всякую погоду, — отвѣтилъ докторъ: — развѣ я не могу гулять?

— Но какъ вы прошли мимо часовыхъ, вы знали пропускъ? — продолжалъ Барсовъ.

— Ну, ужъ тутъ надо спросить часовыхъ, а я и не знаю, что сюда нельзя ходить, и пропуска не знаю, — неупрощенно отвѣтилъ Вартъ.

— Странно, — серьезно началъ Барсовъ. — Во всякомъ случаѣ я долженъ васъ побеспокоить и попросить въ караульное помѣщеніе. Мнѣ надо сейчасъ же доложить о неисправности часовыхъ, а вы укажете, мимо какихъ постовъ вы прошли. Въдѣ въ такой темнотѣ они не могли узнать васъ и пропустить, какъ своего. Значитъ, это преступная небрежность съ ихъ стороны. Они такъ же могли бы пропустить и чужого.

— Чтѣ жъ, идемте, — послышался равнодушный отвѣтъ: — мнѣ только жаль, что своей неосторожной прогулкой я подвелъ солдатъ.

— Да, это въ высшей степени неосторожно, — сухо, какимъ-то страннымъ тономъ произнесъ Барсовъ. — Вы не боитесь итти на обрывъ? Тутъ гораздо ближе.

Темная, смутная подозрѣнія овладѣвали имъ. Онъ не могъ бы опредѣленно выразить своихъ мыслей и ощущеній, но враждебное давящее чувство росло въ немъ.

— О, нисколько, — отвѣтилъ Вартъ: — я и не по такимъ тропинкамъ собираюсь.

— Держитесь за мой плащъ, — сказалъ Барсовъ: — тутъ, собственно, только одно опасное мѣсто, гдѣ выступъ обрыва повисаетъ прямо надъ рѣкой, да и то, если знать, опасности нѣтъ. Я знаю это мѣсто нанзустъ. Только держитесь за меня. Осторожнѣе,

Размякшая глина скользила подъ ногами и прилипла къ сапогамъ.

— Вотъ теперь тише. Держитесь ближе ко мнѣ. Отлично. Осторожнѣе. Идите по моимъ свѣдамъ. Сейчасъ минуемъ... Да держитесь крѣпче... Осторожнѣе, говорю вамъ!

Барсовъ вдругъ почувствовалъ, что его макинтошъ никто не держитъ... Онъ быстро обернулся... Послышался легкий крикъ. Черное пятно заколебало надъ краемъ обрыва...

— Докторъ! — испуганно крикнулъ Барсовъ и не получилъ отвѣта.

Забывъ приказъ, онъ вытащилъ и зажегъ фонарь. Онъ увидѣлъ мелькнувшую въ воздухѣ темную массу, услышалъ всплескъ воды и снова слабый крикъ. Онъ освѣтилъ тропинку. Она была пуста.

Не помня себя отъ ужаса, Барсовъ, рискуя самъ полетѣть въ рѣку, бросился внизъ, неистово свистя. Онъ почти скатился на берегъ и отчаянно закричалъ: „Докторъ, докторъ!“ Но въ отвѣтъ слышалъ лишь завыванье вѣтра и шумъ волнъ. Узкій лучъ его фонарика освѣтилъ пустынные темныя волны и бѣгающихъ на ихъ гребняхъ зайчиковъ. Изъ темноты слышался голосъ разводящаго:

— Чтѣ случилось? Кто свиститъ?

— Тащи скорѣй фонари! — кричалъ Барсовъ. — Докторъ свалился въ рѣку.

Черезъ нѣсколько минутъ солдаты съ фонарями уже бѣгали по всему берегу. Подъ обрывомъ валялись плащъ и фуражка доктора.

— Экая бѣда, — говорили солдатики: — погнѣ человѣкъ ни за что.

Барсовъ угрюмо кусалъ губы. Онъ винилъ себя. Недавнее чувство враждебности вызвало въ немъ раскаяніе. Было очевидно, что всякіе поиски бесполезны. Барсовъ снялъ фуражку и перекрестился. Оставивъ солдатъ и пообѣщавъ имъ прислать на подмогу людей съ шестами, онъ поспѣшилъ въ канцелярію.

Полковникъ только-что вернулся съ сосѣдняго участка.

Взволнованный Барсовъ доложилъ о случившемся.

Угрюмо и задумчиво полковникъ выслушалъ его рапортъ.

— Надо сообщить въ дивизию, — обратился онъ къ адъютанту.

Но однако, — помолчавъ, добавилъ онъ: — что тамъ понадобилось ему? Все было искренно потрясено случившимся, хотя никто не питалъ къ доктору особыхъ симпатій.

— Царство ему небесное, сказалъ, крестясь, Еремка, когда узнать о гибели Варта: догулялся-таки. Въдѣ каждую ночь почитай, шатался Богъ въеть гдѣ...

Солдаты оживленно обсуждали событіе и странно покачивали головами, не то недовѣрчиво, не то съ сожалѣніемъ.

— Темный былъ человѣкъ, не тѣмъ будь помянутъ, — авторитетно рѣшилъ Трофимъ Осиповичъ.

Полковой командиръ назначилъ маленькую комиссію для осмотра вещей Варта: Курбатовъ, Соколовскій и Варягинъ. Кромѣ одежды и сапогъ остался еще небольшой чемоданчикъ изъ крокодиловой кожи. Замокъ пришлось взломать. Въ чемоданѣ лежало тонкое бѣлье безъ мѣтокъ, флаконъ одеколона, пачка тонкой пергаментной бумаги и въ боковомъ карманѣ чемодана 259 руб. денегъ. Больше ничего. Ни письма, ни записки.

— У него же есть кто-нибудь близкій, — говорилъ полковникъ. — Надо было извѣстить.

Но никакихъ указаній на близкихъ и родныхъ не было. Самъ докторъ никогда объ этомъ не говорилъ, и никто даже не знаетъ, изъ какого мѣста онъ родомъ. Командиръ приказалъ навести справки у воинскаго начальника, призывавшаго Варта.

Черезъ нѣсколько дней выяснилось, что блистательно задуманный планъ окруженія двухъ нѣмецкихъ корпусовъ удался не вполне. Очевидно, германская армія была предупреждена и — хотя сильно потрепанная, съ огромными потерями — все же ускользнула отъ полной гибели.

V.

Медленно и осторожно двигалась вдоль дороги партія развѣдчиковъ подъ командой прапорщика Барсова. Полкъ уже второй мѣсяць былъ снятъ съ охраны и двинутъ впередъ. Развѣдчики зашли довольно далеко. И впереди, и справа, и слѣва были неприятельскія расположенія. Собравъ цѣнные свѣдѣнія подъ кровительствомъ мѣстныхъ жителей, удалыцы-развѣдчики возвращались во-своихъ, залетая днемъ по оврагамъ и въ болотныхъ тростникахъ, и осторожно пробираясь лѣсомъ ночью. Ночь была темная. Изрѣдка въ лохмотья разорванныхъ вѣтромъ тучъ проглядывала луна. Сквозь деревья виднѣлась дорога, въ этомъ мѣстѣ расходившаяся рогаткой. Среди развѣдчиковъ былъ и Иеремія Вавилонскій, чувствующій себя, по его собственнымъ словамъ, „какъ въ рабѣ“. Онъ сознавался, что своего доктора, — царство ему небесное! — онъ боялся больше, чѣмъ нѣмца.

Вдти послышался стукъ копытъ. Развѣдчики прижались къ деревьямъ и замерли. Стукъ копытъ приближался. На дорогѣ обрисовалась группа всадниковъ.

„Свои или чужіе?“ — думалъ Барсовъ. Сердце его сильно билось. То же думали и солдатики. Но вотъ ихъ слуха коснулся чуждый говоръ.

— Нѣмцы!

Отрядъ остановился. Лунный лучъ скользнулъ и озарилъ кавалерійскій развѣздъ.

Ихъ было человѣкъ шесть. Свѣтъ луны отражался на остріяхъ ихъ касокъ.

Остановившійся впереди, повидимому, офицеръ, показывая руку направо, что-то говорилъ, но словъ нельзя было разобрать.

— Ваше благородіе, — раздался надъ ухомъ Барсова едва слышный шопотъ унтера Иванчука, георгиевскаго кавалера: — дозвольте!

Но Барсовъ и самъ уже задыхался отъ глугача нетерпѣнія. Какая добыча! Германцы прямо сидѣли на мушкахъ ружей. Онъ забылъ о всякой осторожности.

— Пусть каждый выберетъ себѣ одного, — такимъ же шопотомъ отвѣтилъ онъ: — скажи, не торопись.

Унтеръ, какъ змѣя, отползъ отъ него. Барсовъ тихонько вынулъ револьверъ и впился глазами во все еще неподвижно стоявшую группу. Развѣдчиковъ было десять человѣкъ. Нѣсколько секундъ длились безконечно долго. И вдругъ грянули выстрѣлы. Наперобой затрещали ружья. Чтѣ тутъ произошло. Барсовъ потомъ не могъ ясно вспомнить. Лошадь бѣшено рванулась, нѣкоторые упали. Раздалось нѣсколько отвѣтныхъ безпорядочныхъ выстрѣловъ. Офицеръ что-то крикнулъ, но въ то же мгновеніе вмѣстѣ съ лошадью тяжело рухнулъ на дорогу. Молча, съ ружьями наперевѣсь, бросились развѣдчики на дорогу. Въ предсмертныхъ судорогахъ бились люди и лошади. Барсовъ видѣлъ, какъ придавленный офицеръ старался подняться съ револьверомъ въ рукѣ, но въ ту же минуту чей-то штыкъ пригвоздилъ его къ землѣ. По дорогѣ неслась обезумѣвшая лошадь, волоча по землѣ запутавшагося въ стремяхъ всадника.

— Довольно! Довольно! — кричалъ Барсовъ ожесточившимся солдатамъ.

Все было кончено. Дрожащей рукой Барсовъ вынулъ изъ кармана и засвѣтилъ фонарикъ. Свѣтъ упалъ на лицо офицера.

Онъ лежалъ на спинѣ. Одна нога его была придавлена. Каска слетѣла съ головы.

Ф. Журавлевъ. Передь вѣнцомъ. Русскій Музей Императора Александра III.

— Доктор! — раздался над его ухом исполненный смертельного ужаса возглас.

Это крикнулъ Еремка и отскочилъ, весь дрожа и крестясь, словно передъ нимъ появился выходецъ изъ могилы. Барсовъ вздрогнулъ и наклонился ниже.

Сомнѣній быть не могло. Передъ нимъ съ прострѣленной головой и пробитой штыкомъ грудью лежалъ докторъ Вартъ. Но раздумывать было некогда. На выстрѣлы навѣрное поспѣшать нѣмцы. Онъ торопливо приказалъ снять съ офицера сумку и взять изъ кармановъ только бумаги, если найдутся, а остального не трогать. Сумку сняли и изъ кармана доктора вынули бумажникъ. Барсовъ не утерпѣлъ и раскрылъ его. Тамъ лежали деньги, письма, визитныя карточки и фотографическая карточка. При свѣтѣ фонарика Барсовъ прочелъ на визитной карточкѣ написанное латинскимъ шрифтомъ: „баронъ Юганнъ-Карлъ фонъ-Трабенбергъ“ и ниже помельче: „ротмистръ гвардіи его величества“. На портретѣ была изображена красивая молодая женщина съ высокой прической и открытой шеей. На оборотѣ была надпись, но Барсовъ уже не читалъ ея.

— Скачуть! — произнесъ Иванчукъ.

Вдали слышался быстро приближающійся топотъ.

— Гайда, братцы, въ лѣсъ! — скомандовала Барсовъ, и развѣдчики быстро и легко, какъ тѣни, скрылись въ темномъ густомъ лѣсу...

Въ германскомъ концентраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ. Общій видъ лагеря для плѣнныхъ офицеровъ въ Нейсѣ (Силезія).

А въ это время полковой командиръ съ недоумѣніемъ въ десятый разъ перечитывалъ полученную отъ воинскаго начальника бумагу:

„Призванный на дѣйствительную службу докторъ медицины Иванъ Карловичъ Вартъ, назначенный старшимъ врачомъ во вѣренный вамъ полкъ, заботѣль въ пути и былъ помѣщенъ въ мѣстный лазаретъ г. Вильны, откуда 15-го числа минувшаго мѣсяца былъ эвакуированъ въ Петроградъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, здоровье доктора Варта возстановилось, и въ непродолжительномъ времени онъ будетъ отправленъ къ мѣсту своего назначенія“.

Изъ жизни русскихъ плѣнныхъ въ Германіи.

Воспоминанія плѣннаго. Петра Деконскаго. (Съ 8 иллюстраціями на стр. 29—32).

Въ послѣднее время, съ возвратомъ русскихъ инвалидовъ изъ Германіи, въ русской печати все чаще стали появляться очерки изъ жизни въ концентраціонныхъ лагеряхъ у германцевъ, все чаще очевидцы рассказываютъ о пережитыхъ тамъ ужасахъ, которые на долгое время останутся въ памяти побывавшихъ въ плѣну.

Особенно тяжело было въ первое время, когда лагеря не были еще устроены, когда не существовало еще никакихъ организа-

цій, и плѣннымъ приходилось самимъ создавать все, борясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ мелкими требованіями германской фельдфебельской „дисциплины“, тогда особенно свирѣпствовавшей.

Много было пережито, много выстрадано прежде, нежели обшчія внѣшнія условія лагеря сдѣлались мало-мальски сносными. И если и теперь еще жизнь въ плѣну у германцевъ далеко не легка, если и теперь еще плѣнные подвергаются всякаго рода издѣвательствамъ, глумленіямъ, голодаютъ изо дня въ день, нживая себя всякія болѣзни, то все-таки справедливость требуетъ признать, что внѣшнія условія значительно измѣнились къ лучшему, лагеря организовались, плѣнные начали приспособляться къ новымъ формамъ жизни, стараясь въ предѣлахъ возможнаго своими собственными усиліями улучшить эти новыя формы.

Каждый лагерь — теперь маленький городъ со своей спеціальной жизнью, со своими злобами дня.

Воспроизведенные здѣсь снимки сдѣланы въ концентраціонныхъ лагеряхъ въ Гольцминденѣ (Баварія) и въ Нейсѣ (Силезія). Большая часть лагернаго населенія Гольцминдена французы. Они и создавали „тонь“ лагеря. Нашъ лагерь (пишущій эти строки былъ въ этомъ лагерѣ съ января до среднихъ чиселъ ноября, когда былъ отправленъ въ Россію съ партией инвалидовъ) находился въ двухъ километрахъ отъ города, и вотъ каждое воскресенье при хорошей погодѣ городское население отправлялось гулять вокругъ лагеря, разглядывая плѣнныхъ сквозь двойныя проволочныя загражденія. Эта публика вступала съ плѣнными въ политическіе разговоры и споры, доходившіе до крупныхъ перебра-

Въ германскомъ концентраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ. Православная церковь, устроенная въ конюшнѣ плѣнными офицерами въ лагерѣ въ Нейсѣ (Силезія).

Въ германскомъ концентраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ въ Гольцминденѣ (Баварія). Для плѣнныхъ католиковъ въ лагерѣ была устроена часовня, въ которую они и собирались по воскресеньямъ. Богослуженіе совершалъ аббатъ-французъ.

ночь. Плѣннымъ пришлось вывѣшивать по воскресеньямъ на проволочныхъ загражденіяхъ плакаты:

„Просить не дразнить: кусаются!“

Какъ я говорилъ выше, большую часть лагернаго населенія составляли французы, и въ честь французскихъ надеждъ наша главная лагерная улица, на которой помѣщались всѣ наши кухни, баня, паровики для дезинфекціи вещей, и которая служила мѣстомъ прогулокъ, получила названіе: „Avenue Joffre“.

На этой улицѣ ежедневно отъ двѣнадцати до трехъ часовъ дня разрешалось гулять и женщинамъ, но большей части женамъ арестованныхъ въ Польшѣ, Литвѣ, Бельгіи и сѣверной Франціи. Въ это время на „Avenue Joffre“ было особенное оживленіе. Тамъ же можно было увидѣть и довольно часто появившихся въ лагерѣ французскихъ сестеръ милосердія, которыхъ пересылали черезъ нашъ лагерь въ Швейцарію. Эти сестры прѣзжали съ поля битвы и привозили намъ военныя новости, поэтому во время прогулокъ ихъ всегда окружала жадно слушающая толпа.

Организація лагерей, вся созданная руками плѣнныхъ, теперь съ каждымъ днемъ развивается. На помѣщенномъ вверху этой страницы снимкѣ читатель можетъ увидѣть даже католическую часовню, выстроенную на специальной площадѣ, опять-таки окруженной выскокой изгородью изъ колючей проволоки и часовыми.

По воскресеньямъ у этой часовни по очереди собирались французы и поляки. Французы особенно внимательно прислушивались къ новому для нихъ польскому церковному пѣнію. Такова внѣшняя сторона жизни лагеря.

А за ней скрываются, какъ я уже говорилъ выше, издѣвательства, униженія, дикія дисциплинарныя наказанія, въ родѣ привязыванія провинившихся къ особому виду позорныхъ столбовъ, подчасъ избіенія разошедшимися солдатами, и—главное—систематическое изо дня въ день голоданіе.

Въ послѣднемъ русское общество можетъ помочь томлящимъ и въ плѣну. Теперь почтовое сообщеніе съ лагерями уже налажено, и пакеты всѣ получаютъ плѣнными. И сколько радости, счастья, сколько завистниковъ у плѣннаго, получившаго съ родины посылку даже съ самымъ безхитростнымъ содержимымъ!

Сухари, баранки, табакъ, сахаръ и соль—вотъ въ чемъ главнымъ образомъ нуждаются военнопленные въ германскихъ лагеряхъ. У гражданскихъ плѣнныхъ къ этому добавляется огромная нужда въ бѣльѣ, обуви, платьѣ. Тамъ находится масса женщинъ и дѣтей, положеніе которыхъ особенно тяжело.

Русское общество должно помочь плѣннымъ, которые теперь видятъ потокъ помощи французамъ, англичанамъ и бельгійцамъ, и съ горечью просятъ передать въ Россію:

„Пусть помнятъ и о насъ! Мы голодаемъ!“

Въ германскомъ концентраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ въ Гольцминденѣ (Баварія). „Avenue Joffre“—главная улица въ лагерѣ.

Въ германскомъ концтраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ въ Гольцминденѣ (Баварія). Каждое воскресенье изъ города къ лагерю отправлялось гулять и разсматривать плѣнныхъ нѣмецкое населеніе.

Въ тылу непріятеля.

Разсказъ участника войны.

Як. Окунева.

Неглубокая яма вырыта, а передъ нею — насыпь. Въ ямѣ два солдата: часовой и подчасокъ. Часовой — я, а подчасокъ — Горюновъ, ворчливый, хмурый человекъ небольшого роста, коренастый и плотный.

Недѣли три тому назадъ приболудилась къ нашей ротѣ собачка, коротконогая, съ мохнатой шерстью и обрубленнымъ хвостомъ, дворняжка. Горюновъ приласкалъ ее, сталъ кормить объѣдками, и съ тѣхъ поръ она всюду ходитъ за нимъ; въ походѣ, въ атакѣ, на развѣдкѣ, на дозорѣ — собака бѣжитъ за солдатомъ, повливая обрубкомъ хвоста.

Горюновъ разговариваетъ съ нею, какъ съ человекомъ, и она, наставивъ уши, внимательно слушаетъ его. Онъ поетъ ей свои заунывные степныя пѣсни, — Горюновъ степнякъ, изъ-за Волги, — собака подвываетъ ему, когда онъ поетъ.

— Толковый песь, — хвалитъ свою собаку Горюновъ: — что ты ей ни скажи, все пойметъ. Такая умная животная!

На дозорѣ, слѣдовательно, насъ трое: я, Горюновъ и Мальчикъ. Я стою у насыпи и всматриваюсь въ темноту, Горюновъ невдалекѣ мурлычитъ что-то въ носъ, собака свернула клубочкомъ у его ногъ и тихо повизгиваетъ.

Далеко впереди багровѣетъ кровавый отблескъ пожаровъ. Зареве залило весь горизонтъ, и страшно это кровавое небо, тѣмъ болѣе, что стоитъ какая-то особенная, жуткая, глухая тишина, которая бываетъ иногда только на войнѣ, передъ большимъ боемъ.

Неподалеку стоитъ одинокій крестъ. На немъ — кривая надпись углемъ:

„Тута — воинъ Сидоръ Перовъ, палъ въ бою. Вечная память“.

Крестъ свѣжій. Онъ еще пахнетъ смолою. Вокругъ него валяются смолистыя щепки, кора и сучья.

Срубилъ солдаты сосну въ рошѣ, обтесали, сбили крестъ и поставили надъ могилой павшаго въ бою воина Сидора Перова. Пойдутъ дожди, смоютъ надпись на крестѣ, размоютъ невысокій холмикъ, и сравняется съ землею могила Сидора Перова.

Наканунѣ австрійцы, пользуясь густымъ туманомъ, стянули большія силы, обошли насъ и начали бить перекрестнымъ огнемъ. Огромные бризантные снаряды и пулеметный дождь снесли прикрытія въ полчаса. Мы выдержали много атакъ, впереди насъ стояла гора изъ тѣль, а они шли и шли со всѣхъ сторонъ, словно вырастали изъ-подъ земли, шли сплошнымъ строемъ, рѣдѣя и снова заполняя свои ряды.

Мы были обойдены. Нужно было непременно сообщить въ Н. о нашемъ положеніи, а телефонъ былъ поврежденъ, сообщенія прерваны, и невозможно было пробраться черезъ сплошной огонь.

— Ваше благородіе! Дозвольте мнѣ, — вызвался Перовъ.

Ротный только махнулъ рукой.

Черезъ нѣсколько часовъ Перовъ вернулся. вмѣсто руки у него болтались кровавыя лохмотья, мундиръ былъ весь опаленъ и изодранъ.

— Имѣю честь доложить... — началъ онъ, взявъ подъ козырекъ правой здоровой рукою.

Въ германскомъ концтраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ въ Гольцминденѣ (Баварія). Французскія сестры милосердія.

Весь лѣвый бокъ Перова былъ залитъ кровью, которая лилась ручьями съ лохмотьевъ измечаленной снарядомъ руки.

— Санитара! — крикнулъ ротный, зажмуривъ глаза отъ ужаса. — Боже мой! Скорѣе санитаря!

— Дозвольте допрежь доложить... — продолжалъ Перовъ.

— Короче! Ради Бога...

И, обливаясь кровью, Перовъ продолжалъ свой подробный докладъ.

Потомъ повернулся „налѣво кругомъ“, какъ полагается, и упалъ.

И въ забытьѣ сказалъ:

— Потому служба...

„Тута — воинъ Сидоръ Перовъ... Вечная память“...

Благодаря ему, часть роты провалаась. Остались мы, пятнадцать человекъ, остались въ тылу у неприятеля. У насъ три пулемета, наши засѣли съ ними въ лѣсу и притаились. Ждутъ.

На опушкѣ лѣса, гдѣ мы стоимъ на часахъ, была ихъ батарея. Она обливала насъ адскимъ огнемъ, швыряла въ насъ сотни пудовъ свинца, желѣза, стали. Сейчасъ австрійцы неподалеку — спятъ.

Днемъ мы — пятнадцать человекъ — пробирались по лѣсу. Шли наугадъ, къ востоку, натыкались почти вплотную на австрійцевъ и прятались. Мы видѣли ихъ затылки, шли за ихъ обозами. Они не знали, что позади ихъ русскіе — пятнадцать человекъ съ тремя пулеметами.

— Ахъ, ты, пёсикъ, пёсикъ, — чешетъ за ухомъ свою собаку Горюновъ. — Для ча, собачій сынъ, ходишь за нами? А? Убьетъ тебя шальная пуля, собака ты... Ничего, не горюй, братъ, авось продеремся.

Собака вертитъ обрубленнымъ хвостомъ и ложится на спину, поднявъ всѣ свои четыре лапы.

Въ камышахъ у рѣки вспыхиваетъ синий огонекъ, за нимъ другой, третій, и вотъ уже ихъ длинный рядъ.

— Ф-р-р! — взвизгиваетъ къ небу ракета и, распустивъ въ небѣ свой огненный хвостъ, разсыпается звѣздочками.

— Бнъ шарить, — вполголоса говоритъ Горюновъ.

И опять, обратившись къ своей собакѣ, гладитъ ее и рассказываетъ ей другимъ, душевнымъ, немного грустнымъ голосомъ:

— И сколь много ихъ полегло намедни, другъ мой! Напихъ много и ихнихъ много. Всѣ сироты да вдовы оставили. Такое дѣло. А ошшо не то будя, собака. Ошшо полягемъ и мы, ежми Богъ не вынесетъ.

— На то война, Горюновъ.

— Война-то война, другъ мой, — отвѣчаетъ Горюновъ, обращаясь не ко мнѣ, а къ собакѣ. — Только войны разныя бываютъ. Въ японскую войну куды слабже бились. Подъ Ляояномъ мы были.

Въ германскомъ концентраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ въ Нейсѣ (Силезія).
Католическая церковь, устроенная въ конюшнѣ плѣнными французскими офицерами.

Тоже бой былъ — не приведи Богъ! А все же нымъ порядкомъ бились.

— Какимъ же это нымъ порядкомъ?

— Такъ-ту, любезный, — поворачиваетъ ко мнѣ голову Горюновъ. — Видаль ты, что въ Р. австрійки понадѣлали? Трубы одиѣ отъ жилья остались. Всѣхъ перерѣзали. Мирныхъ жителей-то! А снаряды какіе придумали: печками швыряютъ, въ куски рветъ человека. Умственная война! Наука!

Слово „наука“ онъ произнесъ съ особымъ оттѣнкомъ горькаго упрека. И сплюнулъ въ сторону.

Огоньки въ камышахъ погасли. Зарезо забাগровѣло ярче.

Собака вскочила, приподняла переднюю лапу, насторожилась и тихо заскулила.

— Тьфу, окаянная! Чего плачешь? — Горюновъ толкнулъ ее прикладомъ. — Чувешь, што ли?

Кругомъ тишина. Но „онъ“, невидный и неслышный, шевелится въ камышахъ. То зажжетъ свои огоньки, то погаситъ. Иногда тишина нарушается свистками. Это перекликаются „его“ дозорные посты, разбросанные по берегу рѣки.

Рѣка, кровавая отъ пожаровъ, плещется у самой нашей насыпи, и плывутъ по рѣкѣ какіе-то черные бугры. Не разобрать, что плыветъ. Но когда дуетъ оттуда вѣтерокъ, доносится тяжелый сладковатый запахъ разложения.

— Гляди въ оба! — шепчетъ вдругъ Горюновъ и ложится на землю. — Какъ бы пёсь не залаять.

Въ аломъ трепетанн зарева вырѣзываются четыре конныхъ тѣни. Слышно, какъ звенятъ копыта по камнямъ.

— Слышь, молчи, не смѣй гавкать, — зажавъ рукою морду насторожившейся собакѣ, шипитъ Горюновъ. — Экое несчастье съ такой животной!

Всадники мчатся прямо на насъ. Я не знаю, что дѣлать. Дать знать своимъ — поздно, стрѣлять — опасно: откромъ наше логовище въ лѣсу. Мы отползаемъ въ сторону, готовимся стрѣлять.

— Wer da? — окликаетъ тревожный голосъ.

Видимо, услышали что-то. Остановились у ямы, гдѣ мы только-что были, спѣшили и осматриваютъ ее при свѣтѣ электрическаго фонарика. Говорятъ о чемъ-то.

А мы, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, притаились за кустарникомъ. Сердце бьется: вдругъ собака залаетъ! Я въ душѣ браню Горюнова за его собаку. Но Мальчикъ, какъ будто понимая, въ чемъ дѣло, притаился съ нами и молчитъ. Горюновъ гладитъ его.

Въ германскомъ концентраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ въ Нейсѣ (Силезія).
Плѣнные англичане около своихъ баракъ.

Разрушенный неприятельскими снарядами костель
въ деревнѣ Сарафинѣ.

Австрійцы ничего не замѣтили, сѣли на лошадей и ускакали налѣво.

Горюновъ снялъ фуражку, отираетъ рукавомъ потъ, крестится.

Мы возвращаемся на прежнее мѣсто.

— У-у-у! — не выдержавъ, забыла собака.

— Молчи, стерва! — прикрикнулъ на нее Горюновъ и, чтобы заглушить тоску, закрываетъ глаза и мурлычить шѣною:

Эй, пей, пей — гулай.

Наша жизнь — копейка!

Пѣня не ладится. Горюновъ обрываетъ ее.

— Скоро ль намъ смѣна?

— Черезъ полчаса.

— Долго еще. Въ атаку идти легче, нежели этакъ...

И снова пытается зашѣть:

И дѣлаша жизнь копейка! —

Онъ поетъ вполголоса, тонкимъ бабьимъ голоскомъ и покачивается, опершись обѣими руками на винтовку. Поетъ и, видимо, думаетъ о чемъ-то далекомъ отъ войны.

— Эхъ! — встряхивается онъ и, какъ видно, резюмируетъ этимъ восклицаніемъ свою мысль.

— О чемъ ты, Горюновъ?

— Такъ, ни объ чемъ. Чтой-то не идутъ.

— Недолго еще.

Унтеръ Лаговъ выходитъ изъ лѣса и передаетъ намъ приказаніе нашего прапорщика сняться съ поста.

Отрядъ, — пятнадцать человѣкъ, три пулемета и собака, пробирается по лѣсу, среди старыхъ, многолѣтнихъ сосенъ, черезъ болота и заросли кустарника. Мы ищемъ дорогу къ своимъ. Мы бродимъ за спиной неприятеля — пятнадцать человѣкъ съ тремя пулеметами.

Лѣсъ сразу оборвался. Передъ нами широкая поляна, а на полянѣ, въ двухъ десяткахъ шаговъ отъ насъ, человѣкъ сорокъ австрійцевъ. Они идутъ прямо навстрѣчу намъ. Замѣтили насъ, но, видимо, не знаютъ, сколько насъ, потому что дрогнули, подались назадъ, остановились. Ихъ офицеръ выскочилъ впередъ, побѣжать въ сторону.

— Стрѣляй! — приказалъ нашъ прапорщикъ.

Офицеръ упалъ ничкомъ. Австрійцы побѣжали къ тому мѣсту, гдѣ онъ легъ, и стали ложиться рядомъ съ нимъ.

Какъ видно, они полагали, что ихъ офицеръ сдѣлалъ перебѣжку и прилегъ, какъ полагается, а не упалъ, убитый нашей пулей.

— Жарь изъ пулеметовъ! — сказалъ нашъ прапорщикъ.

Въ одинъ мигъ пулеметы наведены. Частый трескъ. Черная туча пулькъ застилаетъ поляну. Ничего не видно.

— Будеть! — останавливаетъ пулеметчиковъ прапорщикъ.

Сорокъ человѣкъ австрійцевъ лежатъ. Но не рядомъ, какъ раньше, а раскиданные по всему полю.

За поляной поднялась беспорядочная стрѣльба.

— Въгомъ! — приказываетъ прапорщикъ.

Мы бѣжимъ черезъ поляну. Бѣжимъ, какъ можно прытко бѣжать съ тремя пулеметами.

Собака Горюнова — впереди. Мчитъ съ лаемъ, поднимая одно ухо и опустивъ другое. Несмотря на то, что мы шли на авось, потому что иного выхода послѣ поднятой нами тревоги не было, чувствовалась странная, необъяснимая увѣренность, что мы пробьемся.

Думайте, что хотите о предчувствіи — оно есть. Оно ощущается съ особенной силою на войнѣ, когда у человѣка нервы напряжены до крайняго предѣла. Смутно чувствуешь опасность, когда она близка, и, вопреки уму, идешь туда, куда нужно, дѣлаешь то, что нужно.

Такъ и теперь. Пятнадцать человѣкъ бѣжали въ тылъ арміи, — цѣлой арміи, загородившей намъ дорогу, отрѣзавшей намъ путь къ своимъ. И всѣ мы были твердо увѣрены въ томъ, что именно такъ намъ слѣдуетъ поступить, что теперь не нужно уже прятаться въ лѣсу. Никакихъ разумныхъ доводовъ въ пользу того, что намъ нужно бѣжать впередъ, а не уходить въ глубь лѣса, не было. Наоборотъ: мы только-что сами искрошили тремя пулеметами сорокъ человѣкъ. А у нихъ — сколько тамъ пулеметовъ!

Мы бѣжали съ полверсты по полянѣ. Рѣдкія ружейныя пули свистѣли надъ нашими головами. Казалось стран-

Въ костель въ деревнѣ Сарафинѣ. Разрушенія, произведенныя неприятельскими снарядами. Неповрежденными остались лишь крестъ и изображеніе св. Іакова.

нымъ, что насъ обстрѣливаютъ такимъ вялымъ огнемъ. Вѣдь насъ, ясное дѣло, за-
лѣтили.

Вдругъ оборвалась и ружейная стрѣльба. Какъ видно, „тамъ“ случилось что-то. А
можетъ-быть, насъ готовятъ угостить изъ пулеметовъ?

— Ложись!

Мы легли и поползли на животахъ. Собачка Горюнова скрылась за высокой зарослью.
Доносился только ея лай. Онъ былъ особенный, звонкій и радостный.

Горюновъ приподнял голову и прислушался.

— Ахъ ты, пѣсникъ! сказалъ онъ и векочилъ на ноги. — Ваше благородіе! Тамъ
свон.

— Ложись, голова! Какіе тамъ свон!

— А такъ што собачка кажетъ, ваше благородіе.

— Ложись, ложись!

Изъ-за кустарника показалась чубатая голова въ казачьей фуражкѣ.

Казакъ, такъ же, какъ и мы, ползъ навстрѣчу намъ.

— Вотъ чудеса! — вскричалъ онъ, увидѣвъ насъ, и всталъ съ земли. Откуда вы?
Мы думали, что австрійцы. Ежели бы не собачка, худо пришлось бы намъ.

— А вы откуда здѣсь? — спросилъ прапорщикъ.

— Да тутъ, ваше благородіе, наши цѣпи. Вчера перешли рѣку.

Прапорщикъ смущенно посмотрѣлъ на насъ, хмыкнулъ, словно подавилъ въ себѣ
готовое вырваться рыданіе, и обнялъ казака.

— Давай, братъ, поцѣлуемся!

— Извольте, ваше благородіе.

И оба расцѣловались трижды.

Мы понимали своего прапорщика, понимали, почему онъ поцѣловалъ казака. Вѣдь
мы, пятнадцать человекъ съ тремя пулеметами, — бродившіе два дня въ тылу непри-
ятельской арміи, были спасены.

Собачка Горюнова прыгала, взвизгивая и ласкаясь къ своему хозяину.

— Пойдемъ, пойдемъ, животная! — сказалъ ей Горюновъ. — Ужъ такая ты у меня
ладная, ужъ такая хорошая да понятливая — только что не говоришь. Пойдемъ, живот-
ная. Хотѣли насъ съ тобою зацанать — да дудки!

Генераль Монурі.
Герой сраженія на Марнѣ, назначенный
военнымъ губернаторомъ Парижа и
командующимъ парижской арміей.

Въ заревѣ войны.

Записки военного корреспондента. М. Доманскаго.

Встрѣча.

— Не узнаете?
Передо мною стоитъ сестра милосердія и улыбается. Обыден-
ное, некрасивое лицо ея удивительно мнѣ знакомо.

— Въ Вильнѣ, кажется, встрѣчались?

— Нѣтъ, въ Вильнѣ не встрѣчались! — улыбается.

— Тогда въ Варшавѣ?

— И не въ Варшавѣ!
— Позвольте, кажется, мы съ вами въ началѣ лѣта изъ Вин-
давы въ Ригу вмѣстѣ ѣхали?
— Ничего подобнаго!
— Тогда извините! — кланяюсь.
— Помните, въ прошломъ году, въ сентябрѣ, вы провожали

изъ Львова въ Жолкіевъ даму въ траурѣ. Помогали ей... — Сестра
вдругъ обрываетъ, и лицо ея ста-
новится сосредоточеннымъ, груст-
нымъ.

— Лидія Михайловна.

Вспомнилъ.

Въ прошломъ году осенью я ѣхалъ
изъ Кіева въ Львовъ. Въ одномъ
купѣ со мною сидѣла молодая дама
въ глубокомъ траурѣ. Лицо ея было
некрасивое, опухшее отъ слезъ.
Видно было, что она только-что
пережила и продолжаетъ еще пере-
живать громадное горе. Она упорно
молчала и смотрѣла въ окно, даже
ночью, когда на фонѣ черной тьмы
мимо окна тянулася только беско-
нечная огненная лента искръ. Лишь
когда мы подѣзжали къ Бромамъ,
она обратилась ко мнѣ съ вопро-
сомъ:

— Вы не знаете, насъ долго за-
держатъ въ Бромахъ?

— А почему насъ должны задер-
жать? — переспросилъ я.

— Вѣдь тамъ граница! Вѣроятно,
вещи осматривать будутъ.

— Была раньше граница! — улыб-
нулся я. — А теперь задерживать тамъ
насъ не будутъ.

Подѣзжали къ Бромамъ. Хотя гро-
мадная станція и была приведена
в. слѣ отступленія австрійцевъ, кото-
рые, уходя, все разрушали, въ от-
носительный порядокъ, но стѣны
зданій были разрисованы оставши-
мися отъ огня и дыма узорами; въ
большинствѣ оконъ, вмѣсто стеколъ,
была наклеена бумага; многого не
хватало. Въ первую голову, носиль-
щиковъ. А такъ какъ здѣсь пред-
стояла пересадка въ австрійскіе ва-
гоны, то ихъ отсутствіе было очень
чувствительно. Я предложилъ со-
сѣдкѣ свои услуги.

Въ Дарданеллахъ.
Командующій англійскими войсками генераль Дугласъ наблюдаетъ за ходомъ операций.

Английская учащаяся молодежь на службѣ родинѣ. Воспитанники Итонскаго колледжа отправляются на работу на желѣзнодорожную станцію—грузить предметы военного снаряженія.

— Благодарю вас! Но мнѣ совѣстно вас беспокоить. Быть-можетъ, я все же найду какъ-нибудь носильщика.

— Не найдете! Ихъ нѣтъ здѣсь!—отвѣтилъ я.—Позвольте мнѣ перетаскать ваши вещи. Ихъ у васъ, кстати, немного.

По пути отъ Вродъ до Львова, мы немного разговаривались. Я не задавалъ никакихъ вопросовъ: нервы моей спутницы были натянуты, повидимому, до такой степени, что одинъ неосторожный вопросъ могъ вызвать слезы или даже истерику. Узналъ я только, что она ѣдетъ изъ Харькова.

Когда поѣздъ подходилъ къ вокзалу, спутница моя спросила:

— Вы не знаете, сколько верстъ отъ Львова до Жолкіева?

— Верстъ сорокъ—пятьдесятъ!—отвѣтилъ я.

— А въ какой гостиницѣ въ Львовѣ лучше всего остановиться?

— У Жоржа!—говорю.—Тамъ полно офицеровъ, уполномоченныхъ Краснаго Креста, вообще людей, имѣющихъ отношеніе къ арміи. Такъ что вы всегда будете въ курсѣ всѣхъ военныхъ новостей, если онѣ васъ интересуютъ.

Поблагодарила. На дебаркадерѣ мы разстались. Я заѣхалъ къ Жоржу, гдѣ останавливался и въ предыдущій пріѣздъ, занялъ номеръ, оставилъ вещи и отправился въ городъ по дѣламъ.

Вернулся поздно вечеромъ и въ коридорѣ возлѣ своего номера носъ къ носу столкнулся съ попутчицей: мы и здѣсь оказались соседями по номерамъ. Поклонившись, я остановился и спросилъ:

— Какъ дѣла?

— Плохо! Очень плохо! Ходила повсюду, но нигдѣ ничего не могла добиться.

И вдругъ расплакалась. Стала усиленно тереть глаза маленькимъ носовымъ платкомъ. Но непослушные слезы бѣжали одна за другой.

— Успокойтесь! Успокойтесь!—стала успокаивать я.—Вѣдь вы только-что пріѣхали и хотите, чтобы все было уже устроено. Если позволите, у меня завтра есть свободное время, я могу вамъ помочь. Пойти и поѣхать съ вами, поговорить съ кѣмъ нужно.

— Благодарю васъ! Очень вамъ благодарна! Но чего же мы здѣсь стоимъ?—спохватилась она.—Зайдемте, пожалуйста, ко мнѣ.

Мы зашли въ номеръ. Я

представился. Она назвала свою фамилію, но такъ невнятно, что я не разлышалъ. Сѣли. Стала рассказывать.

Пріѣхала за тѣломъ убитаго мужа. Онъ былъ прапорщикомъ запаса. Служилъ въ крестьянскомъ банкѣ. Жили въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ въ Харьковской губерніи.

— Такъ жили, что весь бы вѣкъ такъ прожить!—вдохнула молодая женщина.—Двое дѣтокъ у насъ. Старшій мальчикъ четырехъ лѣтъ и дѣвочка трехлѣтняя. Началась война. Мужа призвали. Отслужили напутственный молебенъ. Распростился онъ со мной, съ дѣтишками и отправился. Сердце у меня сжималось, когда онъ уѣзжалъ. Предчувствіе какое-то было. Цѣлую его, крещу, а сама плачу, потому что какъ будто кто-то шепчетъ мнѣ:

„— Не увидишь ты больше своего Сережу! Никогда не увидишь! Пересиливаю себя. Насильно думаю:

„Богъ помилуетъ! Не мои, такъ дѣтскія молитвы дойдутъ до Бога!“

„Но, видно, грѣшны мы. Не дошли наши молитвы до Бога. Двѣ недѣли тому назадъ получила я письмо отъ командира полка, въ которомъ служилъ Сережа. Пишетъ, что убитъ онъ и похороненъ въ селеніи Верины, возлѣ Жолкіева.

„Прочла я письмо. Никакъ не могу сообразить, что Сережа убитъ. Не могу себѣ этого представить. Насильно рисую картину, какъ онъ лежитъ, истекающій кровью, умирающій. Но, вмѣсто этой картины, въ головѣ огненными буквами вырисовываются только слова: „Сережа убитъ“. Вижу, какъ эти слова написаны. Каждую букву въ отдельности помню, а проникнуться смысломъ этихъ словъ не могу. Наконецъ поняла. Сообразила. Думала, что умру отъ горя. Каждая жена вѣдь любитъ своего мужа. Но я его любила такъ...“ — Она снова заплакала.

По дѣтски всхлипывая, усиленно утирая слезы, она продолжала говорить:

— Пришла немного въ себя. Мать моя въ томъ же городкѣ живетъ. Подвела она ко мнѣ дѣтей.

„— Благослови, — говоритъ,—дѣтокъ!“

„Приласкала я ихъ и думаю: вотъ для кого надо

Английская учащаяся молодежь на службѣ родинѣ. Воспитанники известнаго въ Англии аристократическаго Итонскаго колледжа въ свободные часы, вмѣсто обычной игры въ футболъ, занимаются нагрузкой предметовъ военного снаряженія на одной изъ станцій близъ Лондона. Въ группѣ воспитанниковъ—слѣва у колеса—принцъ Генри, сынъ англійскаго короля.

мнѣ жить. Глазу ихъ по головкамъ, а у самой слезы текутъ. Старшій, тоже Сережа, спрашиваетъ:

— Чего ты, мама, плачешь?

— Папа,—говорю,—умеръ!

«Не понимая онъ, что значитъ умеръ. Стала я ему объяснять:

— Спать,—говорю,—папа!

— А гдѣ же онъ спитъ?—спрашиваетъ.

— Далеко!

— Пусть лучше тутъ, возлѣ насъ,—говоритъ,—спитъ! Мы не будемъ шумѣть! Мы его не разбудимъ!

«Да,—думаю,—пусть лучше спитъ тутъ, возлѣ насъ!»

Рѣшила перевезти его тѣло въ родной городокъ. Навела справки, говорятъ, возможно. Многие перевозятъ и даже безъ особенныхъ расходовъ. Отправилась въ Харьковъ, получила письма къ здѣшнему начальству. Вотъ и прѣѣхала. Пошла сегодня по одному указанному адресу. Нѣтъ, уѣхалъ. По другому,—тоже нѣтъ. По третьему,—пождидте, говорятъ. Ничего не могла добиться. Неужели такъ ни съ чѣмъ и придется уѣхать? Вѣдь я же обѣщала дѣткамъ привезти папу! — Говоритъ, а голосъ дрожить, и слезы катятся.

— Если позволите,—говорю,— я вамъ помогу! Покажите ваши письма.

Просмотрѣлъ письма. Распроцался. Наутро принялся ходить. Два дня хлопоталъ. Два дня ходилъ по штабамъ. Наконецъ добился разрѣшенія перевезти прахъ убитаго изъ Веринъ на родину, въ Харьковскую губернію.

— Вотъ все и сдѣлано!—говорю сосѣдкѣ.—Теперь нужно только гробъ купить.

— Ужъ вы мнѣ помогите!—проситъ.

— Пожалуйста! Пожалуйста!—говорю.— Я радъ вамъ помочь. За гробомъ пойдемте завтра. Я уже навелъ справки, какіе здѣсь магазинны есть.

На слѣдующій день являемся къ гробовщику.

— Металлическій гробъ,—говорю,—намъ нуженъ!

— А какой,—говорятъ,—длины?

— Какого роста былъ вашъ мужъ?—обращаюсь къ спутницѣ.

— Когда я становилась рядомъ съ нимъ, то хватала только-только до подбородка!—Говоритъ, а у самой опять слезы катятся.

Въ тотъ же день получили мы на вокзалѣ вагонъ. Поставили въ него купленный гробъ и наутро поѣхали въ Жолкиевъ.

Было начало сентября. А небо синѣло такъ чисто, такъ ярко, какъ у насъ весною. Лѣса подернулись первой легкой позолотой. Въ прозрачномъ воздухѣ летали длинныя серебряныя паутинки. Пахло умирающимъ листомъ. Осенью. Было немного грустно. Мы стояли у раскрытаго окна и смотрѣли. Мимо насъ проносились живописныя подгородныя виллы, чистенькія, уютныя селенія, совершенно такія же, какъ у насъ гдѣ-нибудь въ Полтавской или Черниговской губерніи.

— Какъ грустно! Какъ безконечно больно, если бы вы знали!—тихо сказала моя спутница.

— Горе и у другихъ!—отвѣтила я.—У тысячъ, десятковъ, сотенъ тысячъ такихъ же женщинъ, какъ и вы. Великое горе. Но вѣдь такъ нужно. Иначе быть не можетъ.

— Разумомъ я понимаю!—живо отвѣтила она.—Я горжусь своимъ мужемъ. Понимаете ли, горжусь. Буду гордиться всю жизнь. Всю жизнь, до глубокой старости, до смерти, буду испытывать чувство гордости, говоря: мой мужъ былъ убитъ въ бою съ неприятелемъ. Все это я понимаю разумомъ. Но сердце не хочетъ ничего понимать, не хочетъ ничего слушать. Сердце твердитъ свое: было такъ хорошо, весь міръ казался безконечно прекраснымъ, жизнь интересной, полной. А сейчасъ пусто. Страшно пусто и тоскливо. Свѣтитъ солнце, и не видишь его, не чувствуешь. Небо синее, а кажется, что сѣрыя тучи. И нѣтъ радости. Нѣтъ и никогда больше не будетъ!

Мы замолчали. Плывла мимо насъ яркая прекрасная лента.

Въ Жолкиевѣ наняли двѣ подводы. На одну положили гробъ, на вторую сѣли сами и отправились въ Веринны. Оказалось

Издѣлія солдатъ на позиціяхъ. Изъ алюминіевыхъ дистанціонныхъ трубокъ—верхнихъ частей разорвавшихся у нашихъ окоповъ неприятельскихъ снарядовъ солдаты наши мастерятъ себѣ ложки и мундштуки. На снимкахъ нашихъ, сдѣланныхъ съ доставленныхъ намъ съ позицій ложекъ и мундштуковъ, изображена одна (верхняя) ложка въ первоначальномъ, «неотдѣланномъ видѣ»—такъ, какъ она выпнута изъ земляной формы, въ которую вливается расплавленный металл, и другая—въ окончательномъ «полированномъ видѣ»,—готовая къ своему новому мирному назначенію.

селеніе дворовъ въ семьдесятъ, восемьдесятъ. Стали мы разспрашивать крестьянъ.

— Есть!—говорятъ.—Есть двѣ могилы. Въ одной солдаты похоронены, нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, а въ другой офицеръ.

— Пойдемте скорѣе! Пойдемте!—схватила меня за руку вдова.

Нѣсколько человѣкъ вызвались насъ проводить. Мы вышли за околицу. У опушки роши высились два бугорка. На нихъ торчали не усѣвшіе еще потемнѣть кресты. Къ каждому изъ нихъ была приколочена небольшая досочка. На досочкахъ химическимъ карандашомъ было что-то написано. Мы подошли ближе. Прочли. Одна могила оказалась братской, на другой было написано:

«Здѣсь похороненъ прапорщикъ N-скаго пѣхотнаго полка Сергѣй N., павшій въ бою съ противникомъ. Миръ праху героя!»

Дальше слѣдовала дата.

Не успѣлъ я прочесть эту надпись, какъ Лидія Михайловна бросилась на бугорокъ и громко зарыдала. Я не сталъ ее успокаивать. Я рѣшилъ дать ей выплакаться вволю и стоялъ въ сторонѣ. Она плакала долго. Потомъ встала, вытерла слезы, подошла ко мнѣ.

— Можно сейчасъ начинать?—спросила тихо.

— Можно—говорю.—Только лучше вы вернитесь въ деревню, отдохните. Я все сдѣлаю. Когда будетъ готово, позову васъ!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Что вы?—замахала руками.—Какъ можно безъ меня? Что вы? Что вы?

Я понималъ, что уговаривать будетъ бесполезно. Сталъ нанимать двухъ крестьянъ.

— Чего тамъ нанимать?—раздалось нѣсколько голосовъ.—Такое дѣло, что помочь нужно. Всѣ будемъ работать!

Два человѣка пошли за лопатами. Двое другихъ принесли гробъ.

Принялись за работу. Земля не успѣла еще затвердѣть. Лопаты легко врѣзались въ нее. Чѣмъ глубже становилась яма, тѣмъ напряженнѣе всматривалась въ нее Лидія Михайловна. Прошло минутъ десять, пятнадцать, больше, немного больше. Наконецъ одна изъ лопатъ громко стукнула обо что-то твердое. Лидія Михайловна рванулась такъ, что я еле-еле удержалъ ее.

— Возьмите себя въ руки, а не то я уведу васъ! Насильно уведу!—сказалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я буду спокойна! Я буду совершенно спокойна!—испуганно прошептала молодая женщина.

Изъ разрытой могилы шель сильный трупный запахъ. У меня начала кружиться голова. Работавшіе страдали, повидимому, еще сильнѣе. Они то и дѣло чередовались.

Вскорѣ сколоченный изъ простыхъ бѣлыхъ досокъ гробъ былъ очищенъ отъ земли.

— Давай веревки!—повернулся одинъ изъ копавшихъ къ товарищамъ.

Подложили приготовленныя заранѣе веревки и стали тянуть гробъ вверхъ. Мнѣ пришлось напрячь всѣ силы, чтобы удерживать Лидію Михайловну, Она дрожала. Губы ея были крѣпко сжаты, лицо поблѣднѣло.

— Успокойтесь! Успокойтесь!—повторялъ я.—Такъ нельзя! Вы должны были быть готовы къ этому.

Она не отвѣтила, только коротко кивнула головой.

Предстояло самое трудное,—переложить тѣло въ металлическій гробъ. На всякій случай я заготовилъ большой кусокъ брезента. Привезенный нами гробъ поставили рядомъ съ деревяннымъ. Нѣсколько человѣкъ наклонились надъ нимъ, разсматривая, насколько плотно прибита крышка. Но въ ту же минуту отшатну-

Царская Ставка. Его Императорское Величество Государь Императоръ и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ. По фот. Петра Оцуца.

лись: даже эти сильные, съ крѣпкими нервами люди не могли вынести ужаснаго сладковатаго трупнаго запаха, который шель отъ гроба. Одинъ изъ русинъ посовѣтоваль закурить. Закурили, стало легче.

— Можно крышку отбивать?— повернулся одинъ изъ нихъ ко мнѣ.

— Сейчас!— отвѣтилъ я и сталъ уговаривать Лидю Михайловну уйти отсюда.— Это слишкомъ тяжело, вы не перенесете! Зачѣмъ вамъ смотрѣть? Вы должны понимать, что это ужасно. Но она горячо запротестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не уйду. Ни за что не уйду. Я не могу уйти! „Пускай смотритъ! — подумаль я. — Быть-можетъ, это къ лучшему!“— И, повернувшись къ русинамъ, приказаль:

— Отколачивайте гробъ!

Нѣсколько лопать застучало по крышкѣ. Лидя Михайловна сильно потянулась къ гробу; мнѣ пришлось удерживать ее обѣими руками.

— Давайте лучше уйдемъ!— снова шепнулъ я.

Но въ это время крышка отвалилась.

Процессъ разложениа былъ въ полномъ ходу. Но не столько

Царская Ставка. Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ, генераль-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевъ и генераль-квартирмейстеръ штаба генераль-майоръ М. С. Пустовойтенко. По фот. Петра Оцуца.

былъ ужасенъ видъ покойника, какъ мучителенъ трупный запахъ, который шель отъ него. Я буквально терялъ сознание отъ этого запаха. Лидія Михайловна впилась ногтями въ мои руки, вытянулась вся, точно собиралась сдѣлать громадный прыжокъ впередъ, и такъ застыла на нѣсколько минутъ. Постепенно эта напряженность исчезла. Разжались ея пальцы, и она тихо прошептала:

— Пускай перекладываютъ!

Съ большими трудностями крестьяне переложили останки изъ деревяннаго гроба въ металлическій.

Черезъ нѣсколько часовъ, прицѣпивъ вагонъ съ покойникомъ къ первому, благодаря любезности начальника станціи, отходящему въ Львовъ поѣзду, мы выѣхали изъ Жолкіева.

Въ окна вагона смотрѣла уже черная ночь. Пассажировъ было мало. Въ купѣ насъ оказалось только двое. Лидія Михайловна значительно успокоилась. Она перестала даже плакать. Лишь изрѣдка изъ груди ея вырывались глубокіе вздохи. Мы говорили о войнѣ, о Галиціи, о Львовѣ. Замолчали. Вдругъ молодая женщина, повернувшись ко мнѣ, какъ-то особенно серьезно сказала:

— Мнѣ не разъ приходилось слышать, что любовь между мужчиной и женщиной, между мужемъ и женою, — чувство, главнымъ образомъ, физическое. Есть, конечно, въ немъ и нравственный элементъ, но онъ ничтоженъ, и главное не въ немъ. А вотъ я сейчасъ проверяю себя. Вѣдь послѣ того, чтó я сегодня

видѣла, всякое физическое чувство къ покойному мужу должно было бы исчезнуть...

Я посмотрѣлъ на Лидію Михайловну съ удивленіемъ. Я никакъ не ожидалъ, чтобы эта скромная и такая застычивая на видъ женщина могла заговорить объ этомъ.

— И даже воспоминанія о физическомъ влеченіи должны быть мучительны! — продолжала она. — А вотъ я чувствую, что люблю Сережу попрежнему, даже больше прежняго. Вся моя душа полна имъ!

На другой день мы разстались. Лидія Михайловна уѣхала въ Россію, а я направился къ Ярославу, гдѣ въ то время шли жестокіе бои.

— Узнали наконецъ?

— Узналъ, узналъ, Лидія Михайловна! Вы чтó же, давно сестрой милосердія?

— Да, уже съ Рождества!

— А какъ же дѣти?

— Дѣти у бабушки. И папа спитъ возлѣ нихъ! — По лицу ея скользнула тѣнь сильной душевной боли. — Имъ хорошо!

— А вамъ? — тихо спросилъ я.

— Поскольку это возможно, мнѣ тоже хорошо. Мнѣ легче, потому что въ морѣ страданій мое личное горе кажется крошечной капелькой.

Лицо ея снова просвѣтлѣло.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Наше наступленіе и предстоящія задачи.

Громадное сраженіе на югѣ съ мѣста приняло страшно упорный и затяжной характеръ. Противникъ, повидимому, готовился къ нашему наступленію и не только упорно оборонялся, встрѣчая наши атаки, но и самъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ отвѣтить также наступленіемъ.

На фронтѣ отъ Припяти до Румыніи австро-германскія арміи развернулись, примѣрно, въ слѣдующемъ порядкѣ. На сѣверѣ въ районѣ Припяти находилась армія Линцингена, южнѣе ея находилась 4-я австрийская армія эрцгерцога Юсифа-Фердинанда на рѣкѣ Стыри. Обѣ эти арміи оперировали въ долинѣ Припяти и Стыри и прикрывали собою Ковельскій узелъ путей, который, какъ извѣстно, служитъ пунктомъ, связующимъ австрийскій фронтъ съ германскимъ.

Южнѣе арміи эрцгерцога Фердинанда дѣйствовала 1-я австрийская армія генерала Пухалло, а еще южнѣе 2-я австрийская армія Бемъ-Ермоли, опиравшаяся на Львовъ и оперировавшая въ районѣ Ровно.

Такимъ образомъ, Волынь и южное Полѣсье были заняты четырьмя австро-германскими арміями, каковое количество войскъ слѣдуетъ считать очень большимъ и самое расположеніе очень сильнымъ. Въ центрѣ галиційско-волынскаго фронта, т.-е. на Стрыпѣ, расположеніе противника было сравнительно слабымъ, и на всей Стрыпѣ была расположена единственная австро-германская армія, подъ начальствомъ германскаго генерала Ботмера.

Наконецъ на югѣ, въ Буковинѣ, австро-нѣмецкое расположеніе дѣлалось опять сильнымъ, и здѣсь дѣйствовала 6-я австрийская армія Пфланцера и арміи Гальвица и Кевеса, прибывшія изъ Сербіи.

Изъ этого можно видѣть, что въ общемъ на фронтѣ отъ Пинскихъ болотъ до Румыніи дѣйствовало до 8 армій противника, силою до 35 корпусовъ или 70 дивизій, что и давало общую цифру въ 1½ миллиона человекъ. Незвизрая на такое громадное количество войскъ, образъ дѣйствій противника не обнаруживалъ того, чтобы имъ была задумана какаѣ-либо крупная операція. Повидимому, эти войска были собраны единственно съ цѣлью отразить наше наступленіе, и если, быть-можетъ, противникъ гдѣ-либо и пытался перейти въ наступленіе, то это имѣло значеніе лишь активной обороны, а не какой-либо большой наступательной операціи, направленной въ сторону нашего юга.

Тѣмъ не менѣе необходимо было предвидѣть всякія возможности и въ числѣ ихъ, главнымъ образомъ, возможность наступленія противника гдѣ-либо въ центрѣ австро-германскаго фронта, т.-е. отъ Барановичей и Лиды, каково наступленіе въ этомъ случаѣ могло бы имѣть цѣлью вынудить насъ прекратить свое наступленіе на юго-западномъ фронтѣ. Въ связи съ этимъ возникалъ вопросъ о томъ, не перекинется ли сраженіе на юго-западномъ фронтѣ также и къ сѣверу отъ Пинскихъ болотъ и затѣмъ далѣе, и не превратится ли это сраженіе въ одинъ громадный бой по всему фронту.

Какъ извѣстно, въ теченіе зимы вообще не предвидѣлось большихъ операцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такого сраженія, которое бы обнимало собою весь фронтъ отъ Балтійскаго моря до Румыніи. Нѣмцы слишкомъ опредѣленно приготовились отдохнуть въ теченіе зимы съ тѣмъ, чтобы собрать силы для продолженія своего наступленія въ нашу сторону весной и лѣтомъ 1916 года.

Одинъ изъ нѣмецкихъ авторовъ, написавшій основательную брошюру въ 80-хъ годахъ о предстоящей европейской войнѣ, привелъ бесѣду Наполеона съ Меттернихомъ передъ кампаніей 1812 года. Авторъ указываетъ въ этой бесѣдѣ на мысль, высказанную Наполеономъ, гдѣ послѣдній говорилъ о необходимости достигнута въ Россіи рѣшительной побѣды не въ одинъ, а въ два похода. Наполеонъ полагалъ, что послѣ перваго похода необходимо зимовать въ Западномъ краѣ, за счетъ котораго и продовольствовать французскій войска. Приведа эту бесѣду, нѣмецкій авторъ замѣчаетъ, что, если бы великій полководецъ остался вѣренъ этому плану, то исходъ кампаніи былъ бы иной.

Указанный нѣмецкій авторъ является далеко не единственнымъ выразителемъ мнѣнія о томъ, что послѣ перваго года войны въ Россіи необходима зимовка и длительная, тщательная подготовка къ слѣдующей весенней и лѣтней кампаніи. Объ этомъ одинаково писали всѣ нѣмецкіе авторы, выпускавшіе свои безчисленные брошюры объ ожидающейся европейской войнѣ. Поэтому нынѣшняя зимовка противника является плодомъ строго продуманнаго плана, отъ котораго онъ едва ли бы отошелъ, даже если бы ему представились во время зимы какія-либо выгодныя наступательныя возможности.

Съ другой стороны, противникъ всегда считалъ, что операціонныя направленія къ нашимъ столицамъ отличаются исключи-

тельной длиною, почему и движеніе къ нимъ должно занять столько времени, что при малѣйшей ошибкѣ или задержкѣ можетъ не хватить и двухъ лѣтъ. Обвиняя Наполеона въ томъ, что онъ рванулся къ Москвѣ и промчался до нея въ теченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ, нѣмецкіе писатели находятъ у Наполеона еще и другую существенную ошибку, а именно то, что онъ слишкомъ поздно началъ кампанію.

Только 25-го мая главныя силы Наполеона начали наступленіе, и только къ 11 іюня они подошли къ Нѣману у Ковны. Слѣдовательно, — указываютъ нѣмцы, — Наполеону отъ 11-го іюня до конца сентября оставалось только 3½ лѣтнихъ мѣсяца, въ теченіе которыхъ можно было бы вести операцію.

Поэтому нѣмцы считали, что они начнутъ кампанію раньше, и, какъ извѣстно, у насъ въ 1915 году весной они начали кампанію 18-го апрѣля, когда обозначилось первое наступленіе Макензена на Дунайцѣ. Нѣмцы указывали, что, если бы Наполеонъ началъ кампанію въ апрѣлѣ, то у него было бы 5½ мѣсяцевъ времени, и ему не приходилось бы наступать съ такой торопливостью, чтобы бросать обозы и этимъ приводить свою армію въ сильнѣйшее разстройство.

Зато уже нѣмцы дѣйствительно дали примѣръ исключительно медленнаго стратегическаго наступленія, и въ теченіе минувшей весны и лѣта въ общемъ прошли отъ рѣки Бзуры до Барановичей 200 съ небольшимъ верстъ. Это даетъ въ среднемъ скорость отъ 1½ до 2 верстъ въ сутки. Наполеонъ же шелъ 700-верстное разстояніе отъ Вильны до Москвы въ среднемъ со скоростью 10 верстъ въ сутки, но, конечно, тогда не было ни тяжелой артиллеріи ни нынѣшнихъ многочисленныхъ обозовъ со снарядами, при чемъ Наполеонъ бросилъ даже свои легкіе обозы, приведа этимъ свои войска въ сильное разстройство.

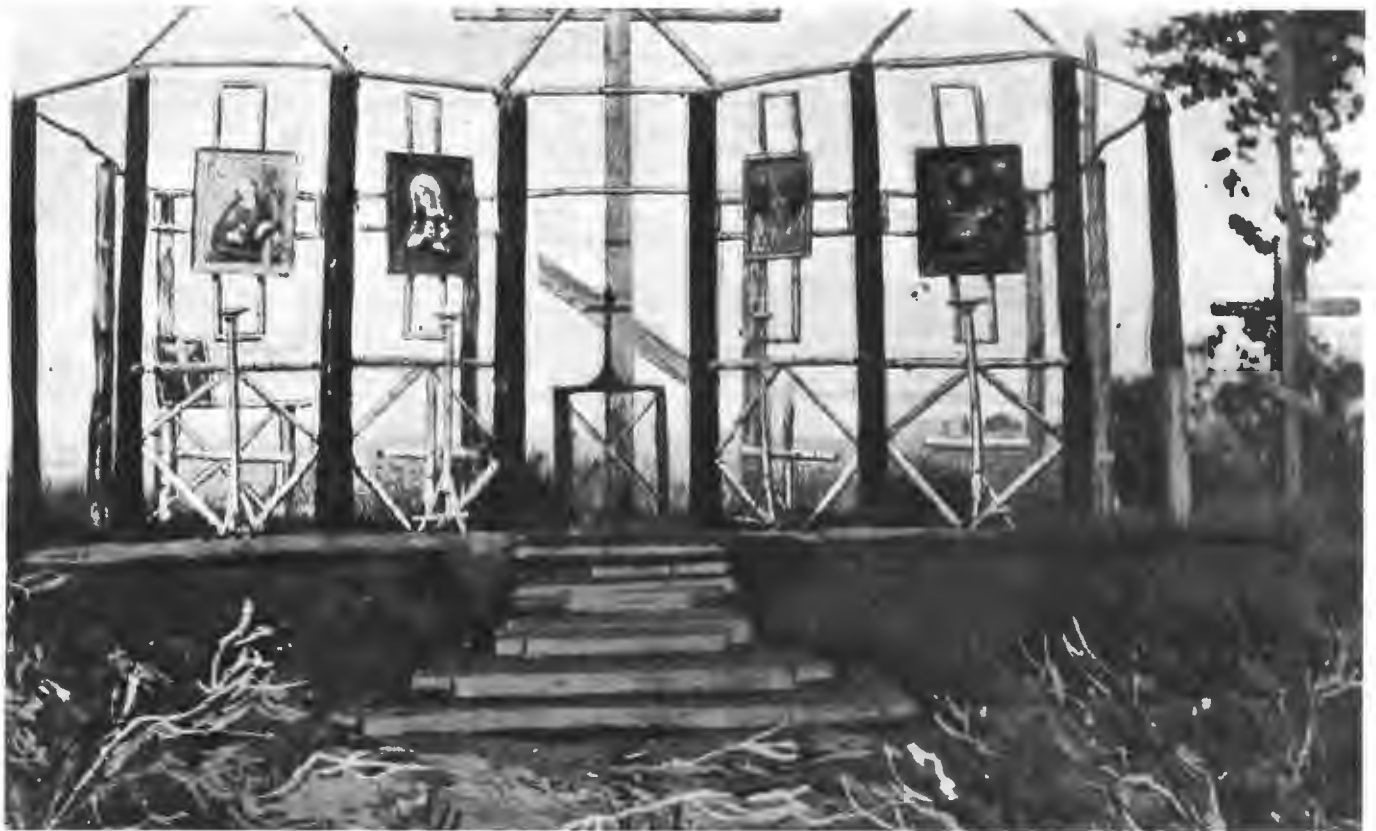
Скорость, съ которой шли нѣмцы въ 1915 году, какъ мы видимъ, въ пять разъ меньше скорости, съ которой шелъ Наполеонъ. Если Наполеонъ шелъ въ общемъ 2½ мѣсяца отъ Вильны до Москвы, то при той скорости, съ которой шли весной 1915 года нѣмцы, на такое движеніе понадобилось бы болѣе года. Даже на сѣверныхъ путяхъ, гдѣ операціонное направленіе отъ Митавы на востокъ можетъ быть исчислено въ 400 съ лишнимъ верстъ, имъ пришлось бы итти 8—10 мѣсяцевъ.

Откуда возникаетъ вопросъ, какія цѣли могутъ нѣмцы преслѣдовать въ теченіе новой весенней и лѣтней кампаніи, разъ при той скорости движенія, съ которой они оказывались до сихъ поръ способными наступать, они не могутъ дойти ни до одного изъ нашихъ центровъ. Быть-можетъ, тогда противникъ предполагаетъ часть пути пройти зимою и предприметъ для этого предварительно зимнюю кампанію?

Фельдмаршалъ Гинденбургъ въ одной изъ бесѣдъ съ нѣмецкимъ журналистомъ далъ на это хотя неясный, но, повидимому, отрицательный отвѣтъ. Журналистъ этотъ, бесѣдовавшій съ Гинденбургомъ, задалъ ему прямо и безцеремонно вполне опредѣленный вопросъ: „Предстоятъ ли въ ближайшемъ будущемъ крупныя операціи на восточномъ фронтѣ?“

Георгіевскіе кавалеры въ Царской Ставкѣ на Высочайшемъ смотрѣ 6-го декабря 1915 г. По фот. Петра Оупа.

Походная церковь.

Несомненно, что Гинденбургу отвечать так же прямо и откровенно было по всем причинам крайне неудобно, и он начал со следующего заявления: „Вы хорошо знаете, что я умю пользоваться каждым удобным случаем для достижения своих целей“. После этой горделивой фразы Гинденбург сдѣлал оговорку: „Однако мы не станем жертвовать своими войсками раньше, чѣм не выяснится съ полной несомнѣнностью, что возможный успѣхъ будетъ стоить понесенныхъ ради него жертв“.

Изъ этой туманной фразы можно во всякомъ случаѣ заключить, что нѣмцы „зря не бросятся“ впередъ, и что они понимаютъ, насколько трудны и серьезны ихъ будущія наступательныя задачи на нашемъ фронтѣ. Изъ словъ Гинденбурга видно, что они пойдутъ не ранѣе, чѣмъ „успѣхъ будетъ обезпеченъ“, т.-е. пойдутъ послѣ основательной и длительной подготовки, что уже исключаетъ возможность какой-либо крупной наступательной операціи зимою, когда нѣмцы не могутъ быть еще готовы и когда условия наступленія самыя неблагоприятныя.

Повидимому, не всѣ нѣмецкіе военачальники раздѣляютъ это мнѣніе Гинденбурга, потому что онъ далѣе иронически говоритъ „объ отвѣтственныхъ военачальникахъ, которые обладаютъ слишкомъ горячимъ темпераментомъ“. Вѣроятно, нѣкоторые изъ числа лицъ, принадлежащихъ къ нѣмецкому высшему командному составу, предлагали не ждать съ наступленіемъ въ нашу сторону, и Гинденбургъ противъ такого мнѣнія возставалъ. О комъ говорилъ Гинденбургъ, угадать, конечно, трудно. Быть-можетъ, онъ говорилъ о Макензѣ, образъ дѣйствій котораго вообще рисуется пылкаго и рискующаго стратега?

Какъ бы то ни было, противникъ, насколько можно судить по заявленію Гинденбурга, серьезныхъ операцій зимою не предприметъ; въ то же время въ теченіе весны и лѣта, какъ можно было видѣть изъ вышеприведенныхъ расчетовъ, даже въ сомнительномъ случаѣ успѣха, не можетъ безусловно дойти до какихъ-

либо нашихъ крупныхъ центровъ, при той черепашной скорости, съ которой онъ велъ наступленіе весной и лѣтомъ 1915 года. Между тѣмъ, не дойдя до этихъ центровъ, противникъ окажется, даже въ случаѣ успѣха (что стоитъ подъ знакомъ вопроса), въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ оказался послѣ лѣтнаго наступленія 1915 года. Онъ снова вынужденъ будетъ оборонять рядъ большихъ фронтовъ: западный фронтъ—отъ Сѣвернаго моря до Швейцаріи; восточный фронтъ—отъ Балтійскаго моря до Румыніи; итальянскій фронтъ—отъ швейцарской границы до Далмаціи. Ни одинъ изъ союзниковъ не будетъ, при этихъ условіяхъ, принужденъ просить мира, и задача принудить хотя бы одного изъ союзниковъ къ покорности снова уйдетъ въ безконечность.

На что же въ концѣ концовъ разсчитываетъ противникъ? Есть ли у него вполне опредѣленный и ясный планъ, какъ побѣдоносно окончить войну, какъ заставить кого-либо изъ союзниковъ смириться? Быть-можетъ, противникъ разсчитываетъ на третій годъ войны дойти до нашихъ центровъ и, занявъ ихъ, лишитъ насъ возможности организовать для дальнѣйшаго сопротивленія?

Но, вѣроятно, нѣмцы сами бы пришли въ ужасъ отъ такой перспективы третьяго года войны, отъ возможности такого новаго напряженія силъ послѣ всѣхъ тѣхъ жертвъ, которыя они понесли и понесутъ.

Вотъ почему, какъ ни бываютъ иногда неправильными нѣкоторыя дѣйствія союзниковъ, какъ ни бываютъ иной разъ выше блестящи успѣхи нѣмцевъ, основное положеніе остается неизмѣннымъ: у нѣмцевъ нѣтъ возможности найти рѣшенія въ этой войнѣ, нѣтъ возможности вынудить кого-либо изъ союзниковъ къ покорности, и слѣдовательно нѣтъ возможности достичь цѣли войны. Въ этомъ залогъ и основаніе оптимизма союзниковъ, ихъ увѣренности и тѣхъ повторяющихся словъ объ обязательной будущей побѣдѣ, которая произносится даже въ минуты какого-либо стратегическаго несчастья.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Докторъ Вартъ. Разсказъ Ф. Зарина-Несвицкаго.—Изъ жизни русскихъ плѣнныхъ въ Германіи. Воспоминанія плѣннаго. Петра Демоснаго.—Въ тылу непріятеля. Разсказъ участника войны. Я. Окунева.—Въ заревѣ войны. Записки военнаго корреспондента. М. Доманскаго.—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Объявленія.—Отклики войны.
РИСУНКИ: Свѣченница. Картина Н. Бруни (въ краскахъ).—7 картинъ И. А. Владимірова.—Передъ вѣнцомъ. Картина Ф. Журавлева (въ краскахъ).—Въ германскомъ концентраціонномъ лагерѣ для плѣнныхъ (8 рис.).—Разрушенный непріятельскими снарядами костель въ деревнѣ Сарафинѣ.—Генераль Моури, военный губернаторъ Парижа.—Въ Дарданеллахъ.—Англійская учащаяся молодежь на службѣ родинѣ (2 рис.).—Издѣлія солдатъ на позиціяхъ.—Царская Ставка. Его Величество Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ.—Царская Ставка. Его Величество Государь Императоръ, генераль-отъ-инфантеріи М. В. Алексѣевъ и генераль-майоръ М. С. Пустовойтенко.—Георгіевскіе кавалеры въ Царской Ставкѣ на Высочайшемъ смотрѣ.—Походная церковь.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 1.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 3

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 16-го января 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку неизменяемъ въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ) передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается Соч. Шарля де-Костера: „Уленспигель“ кн. 1. Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ ватраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ написать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особымъ знаніемъ и специальной подготовкѣ. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цена съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будетъ всякій, написавшій „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цена съ пересылкой 85 к., накл. плат. 95 коп. Адр.: Москва, редакція журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (?)

Г.Г. ЛЮБИТЕЛЯМЪ ХОРОВОГО ПѢНІЯ! НОВИНКА.

Подготовка голоса и слуха хоровыхъ пѣвцовъ. Сост. Н. КОВИНЪ. Цена парт.—85 коп., голоса—20 коп. Каталогъ „Святская хоровая музыка“ высылается—**бесплатно**. Музыкальное Издательство въ Москвѣ, в. Юргенсона, Невлинный пр., 14.

Требуйте почтою и по жд.нак. н.л. незасыхающее тѣсто для истребленія крысы и мышей. 1 ф.—1 р., 5 ф.—4 р., 10 ф.—8 р. и мнѣе перес. Пульс—80 р. Адресъ: Смоленскъ, О. Великону.

30-й годъ. Основанн. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 30-й годъ.
КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ БУХГАЛТЕРІИ МОСКОВСКАГО УЧИТЕЛЬСКАГО ИНСТИТУТА
(Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. № 33, бывш. Полякова).
10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.
Бухгалтерія торговая, банковая, фабричная, сельскохозяйств., город. и земскихъ управъ, исправл. почерна.
Въ текущемъ учебн. году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обуч. 486 чел., всего же за 29 л. свыше 9000 ч.
На курсы принимаются лица обоего пола, всякаго возраста и образованія.
Январскій курсъ особенно удобенъ для иногороднихъ.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, малярии, послѣ родовъ, операций, кровопотери и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сыменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ сыменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—**бесплатно**. 20-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр.: Москва, Калефлюндъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сыменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленными сперминами.

ЛЮБО ЗАКАЗУ
„МАНДОЛИНЪ“
ГИТАРЪ и БАЛАЛАЙКЪ
Услов. ваоч. обуч. и каталогъ инструм. безплат. „Курсы Музыки“: Москва, Срѣтенка 21/5.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,
и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдолъ Дра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ.
Остерегайтесь поддѣлокъ.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сыменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ раздражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-овъ ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1 внутренней 5% съ выигрышами заемъ 1864 г.

102 тиражъ 2-го января 1916 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.									
143	45	500	2719	39	500	5139	29	500	7088	31	5000	9274	25	1000	10834	37	500	12783	21	500	15366	35	1000	17007	36	10000	18608	31	500
205	18	500	2769	24	500	5141	36	500	7100	35	1000	9334	6	500	10835	19	500	12811	22	500	15372	2	500	17029	9	500	18621	5	500
284	15	500	2791	26	8000	5310	20	500	7190	33	1000	9351	37	500	10832	12	1000	12858	15	1000	15482	40	500	17075	9	1000	18655	37	500
337	27	500	2859	40	500	5398	44	500	7194	31	500	9431	49	500	10833	6	75000	13149	33	500	15590	8	5000	17095	10	500	18657	3	25000
365	31	500	2907	21	500	5607	11	500	7210	26	500	9491	17	500	10920	37	500	13254	12	500	15679	30	500	17152	46	500	18767	24	500
366	47	8000	3065	37	500	5651	35	500	7263	17	500	9564	2	500	11054	25	500	13444	12	500	15722	40	20000	17368	12	500	18782	9	500
480	34	500	3171	22	10000	5667	28	500	7393	25	500	9659	2	500	11079	24	500	13527	41	500	15791	48	1000	17387	43	500	18833	39	500
512	32	500	3251	5	500	5720	46	500	7394	13	500	9659	42	500	11128	17	8000	13671	2	500	16010	46	500	17435	47	500	18921	14	500
593	6	500	3280	47	500	5722	32	500	7640	41	500	9664	35	500	11135	10	500	13734	37	500	16093	30	1000	17500	24	500	18927	39	500
686	25	500	3408	5	8000	5723	14	500	7664	7	500	9679	1	40000	11173	5	500	13768	40	500	16106	3	1000	17649	34	500	18928	27	500
862	34	500	3523	29	500	5819	42	500	7764	21	500	9692	12	500	11263	6	500	13844	45	500	16107	15	500	17878	16	500	18960	45	500
1439	30	500	3853	11	500	5826	22	500	7870	34	500	9909	3	500	11280	16	500	13872	50	500	16192	26	500	17703	31	1000	19124	28	500
1552	49	500	3979	48	500	5859	5	500	7999	43	500	9970	39	500	11362	16	500	14107	48	500	16252	6	500	17719	18	500	19174	28	500
1611	49	500	4029	35	500	5886	28	500	8025	50	500	10064	30	500	11418	12	500	14259	23	500	16280	47	500	17793	28	500	19204	24	500
1628	45	500	4060	13	500	5911	35	500	8059	7	500	10129	48	500	11747	31	500	14331	18	1000	16324	32	500	17830	46	500	19205	32	500
1672	5	500	4071	27	500	5993	33	5000	8106	15	500	10164	22	500	11896	26	500	14362	24	500	16372	37	500	17981	46	500	19216	49	500
1846	4	500	4327	15	500	6012	34	500	8133	29	500	10229	34	500	11973	46	500	14376	34	500	16390	15	1000	18046	34	1000	19230	28	1000
1910	1	500	4399	4	500	6099	29	500	8182	25	500	10284	48	500	12032	9	500	14454	6	500	16436	44	500	18049	50	500	19319	34	500
1922	43	500	4541	21	500	6107	12	10000	8207	16	500	10286	2	500	12032	40	500	14467	13	500	16455	20	500	18057	25	500	19351	15	500
2043	39	500	4605	37	500	6111	39	500	8355	39	500	10286	47	500	12062	15	500	14640	39	500	16474	32	500	18095	36	500	19368	33	500
2083	27	500	4666	22	500	6133	4	500	8437	35	500	10319	31	500	12169	30	500	14654	7	500	16490	36	500	18160	5	500	19372	49	500
2245	11	500	4694	43	500	6154	40	500	8550	43	500	10321	3	5000	12177	46	500	14696	34	500	16517	47	500	18161	45	500	19388	17	500
2422	12	500	4838	32	5000	6226	20	500	8693	3	500	10414	1	8000	12212	48	500	14775	27	1000	16615	20	500	18203	2	5000	19395	24	1000
2431	41	500	4840	44	500	6411	38	500	8716	44	500	10457	6	500	12327	46	500	14851	30	500	16763	25	500	18267	45	500	19480	16	500
2481	23	500	4895	22	5000	6581	17	500	8767	29	500	10484	3	5000	12392	10	500	14904	9	500	16780	16	500	18313	44	500	19516	23	500
2509	48	500	4944	31	500	6780	20	500	8780	25	500	10488	27	500	12493	29	1000	15117	5	500	16800	16	500	18339	23	500	19516	50	500
2539	36	500	5031	16	500	6869	32	500	8966	45	1000	10511	5	500	12516	2	500	15132	17	500	16842	21	500	18390	45	500	19728	46	500
2568	2	500	5044	9	500	6880	35	500	9048	21	500	10647	2	500	12629	11	500	15153	48	500	16890	11	500	18425	35	500	19839	46	500
2599	6	500	5075	10	500	6937	34	500	9134	19	500	10670	36	500	12707	17	500	15179	28	500	16890	11	500	18471	43	500	19920	12	500
2670	25	500	5099	23	500	7022	50	500	9237	38	500	10792	47	500	12720	48	500	15300	23	500	16994	9	500	18555	42	500	19977	9	1000

№№ серий вышедшихъ въ тиражъ погашения: 23, 69, 228, 304, 338, 553, 557, 891, 925, 994, 1044, 1089, 1145, 1156, 1189, 1217, 1279, 1352, 1371, 1377, 1604, 1635, 1636, 1701, 1709, 1779, 1801, 1857, 1894, 1920, 1926, 2162, 2165, 2387, 2429, 2509, 2743, 2898, 2905, 2968, 2985, 3021, 3039, 3051, 3304, 3397, 3519, 3570, 3598, 3666, 3767, 3782, 3859, 3935, 4043, 4061, 4078, 4090, 4173, 4199, 4382, 4545, 4582, 4599, 4826, 4891, 5046, 5062, 5078, 5249, 5385, 5458, 5553, 5604, 5672, 5721, 5723, 5775, 5853, 5933, 6155, 6456, 6502, 6584, 6676, 6703, 6740, 6768, 6872, 6939, 6977, 7279, 7319, 7320, 7413, 7587, 7611, 7847, 7859, 7920, 8078, 8087, 8115, 8128, 8137, 8171, 8245, 8264, 8298, 8305, 8353, 8371, 8374, 8443, 8514, 8534, 8565, 8650, 8719, 8984, 8995, 9193, 9203, 9351, 9399, 9461, 9507, 9558, 9627, 9712, 9764, 9857, 9940, 9982, 9992, 9997, 10119, 10129, 10279, 10314, 10550, 10674, 10683, 10752, 10890, 10920, 10976, 11000, 11079, 11091, 11192, 11202, 11265, 11310, 11323, 11444, 11449, 11513, 11590, 11591, 11713, 11772, 11799, 11808, 11889, 12116, 12282, 12337, 12383, 12508, 12616, 12617, 12624, 12833, 13069, 13077, 13188, 13231, 13259, 13261, 13289, 13331, 13522, 13531, 13622, 13769, 13802, 13831, 13927, 14058, 14131, 14151, 14169, 14183, 14206, 14213, 14318, 14510, 14931, 14931, 14767, 14833, 14873, 15027, 15075, 15234, 15300, 15377, 15468, 15482, 15546, 15720, 16279, 16280, 16361, 16488, 16634, 16888, 16995, 16709, 16813, 16830, 16868, 17007, 17038, 17054, 17085, 17087, 17138, 17151, 17170, 17195, 17244, 17259, 17261, 17304, 17318, 17626, 17640, 17750, 17908, 17934, 18049, 18127, 18424, 18498, 18549, 18649, 18703, 18884, 18949, 19038, 19309, 19404, 19469, 19507, 19509, 19518, 19578, 19580, 19809, 19831, 19972.

Всего 262 серии, составляющихъ 13.100 билетовъ, на сумму 1.899.500 рублей.

Попробуйте одну коробку
настоящихъ

PASTILLES VALDA

(Лепешекъ Вальда)
ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
кашля, простуды, насморка.

ЧО ПРЕЖДЕ ВСЕГО
ТРЕБУЙТЕ, ПРОСИТЕ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НАСТОЯЩІЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)
въ коробкахъ съ красной бандеролью,
снабженныхъ именемъ

VALDA.

Цѣна 1 рубль.
(Н. Canonne, Paris).

МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИИ

Громадный выборъ. Покупаю всевозможныя марки. Петроградъ, Невскій просп., 76, кв. 38. Телеф. 241—50.
АЛЕКСѢЙ ШЕЙНДЛИНГЪ.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОК !

ПРОВИЗОРЪ
Г.Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ И ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕНЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЪЗДѢ
К. 50 к. / К. 30 к.

Открыта подписка на 1916-й годъ на старѣйшій въ Россіи иллюстриро-ванный двухнедѣльный журналъ
«ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ».
съ значительно расширенной и попол-ненной программой.
(Годъ изданія 16-й).
Охотовѣдѣніе.—Родная природа.—Есте-ственные богатства страны.—Животное и пернатое царство Россіи.—Отечествен-ные охотничьи угодья.—Промысловая охота.—Дичь и разводеніе.—Научно-попу-лярные очерки и руководящія статьи.—Искусство стрѣльбы.—Хроника охот-ничьихъ обществъ и кружковъ.— Ору-жейная техника.—Изащная беллетри-стика.—Собаководство.—Рыболовъ-лю-битель.— Охотничій фельетонъ.— Кор-респонденція изъ всѣхъ мѣстъ Россіи.—Исторія охоты.—Спортъ, тѣсно связан-ный съ охотой.—Советы молодымъ охот-никамъ.—За рубежомъ (широкій обзоръ заграничной охоты и новости оружей-ной техники).— Охотничья юмористи-ка.—Рисунки.—Вопросы и отвѣты.
Къ участію въ журналѣ привле-чены лучшіе охотничьи писатели и знатоки охотничьяго дѣла.
Цѣна 5 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой; на хорошей газетрванной бумагѣ 8 руб. въ годъ.
Допускается разсрочка.
Контора редакціи: Москва, Больш. Касальный пер., д. № 8/12. Тел. 78—90.
3880 2-1 Ред. С. Н. Алексѣевъ.

Требуйте у всех газетчиков
сегодняшний номер
новой газеты

НАРОДНОЕ СЛОВО

Цена 2 коп.

Годовая подписная цена с перес. без приложений 5 р., с прилож. 12-ти стбных карт фронтов войны, на которых будут отмечены передвижения линии боев на основании официальных сообщений — 6 руб. Главная контора и редакция: Москва, Тверская, д. № 19.

Крупный заработок круглый год

Вы, если Вы желаете работать для нас. Мы платим 2 руб. заработной платы за каждую дюжину парь чулок или носков. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственных надобностей

Требования на чулочный товар вседы и постоянно больша. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагают лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжет одинь чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаний не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ

Заработокъ гарантированъ, работа постоянная.

Требуйте нашъ бесплатный проспектъ.
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Готикъ, Батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетраподержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою І.

Адр.: Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго вѣдѣна. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шриф. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступитъ на службу въ казен. обществ. и частн. утр. формъ прошен., прошень, какія мѣры должно принять, чтобъ обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылк. налож. плат. хор. на 25 к.

СЪДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

возвращаетъ постепенно и незамѣтно ихъ прежній натуральнй цвѣтъ и мягкость

возстановитель

„ОРИАНТИНЪ“

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

И. ТИРККОНЕНЪ.

Сущест. 1869
Таммерфорсъ. Финляндія. Гельсингфорсъ, Михайловская у., 7.
Maison de Nouveautés.
МАНУФАКТУРНАЯ ТОРГОВЛЯ.
Трикотажн. Лыжня издѣлія. Бѣлье.
СПЕЦИАЛЬНОСТЬ:
Больничная принадлежнсти.
Работы награждены золотомъ и бронзовою медалями на Гигіенической выставкѣ въ Петроградѣ 1913 г.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ (ГОНОРРЕА)

новѣйшее средство „SALO—ПИЧИЛИНЪ“

дѣйствуетъ быстро, и считается рациональнмъ средствомъ. Наставленіе при коробѣ. Наставленіе только въ метал. коробѣ по 1 р. и по 1 р. 80 к.

Одинаково хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самыя упорныя истеченія.

ДЕПО: Петробургъ, Разъѣзж. ул., 7 аптека Б. Конейкина.
Продается во всѣхъ аптекахъ по рецептамъ врачей.

SALO—ПИЧИЛИНЪ

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Значное обученіе. Безплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Леготныя условія поддски и **БЕЗПЛАТНО.** пробная лекція

Адр.: Петробургъ, „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

Химико-бактеріологическая **ЛАБОРАТОРІЯ**
Б. ГУРЕВИЧА, Киевъ, Б. Васильевская, 10.
ЕДИНСТВЕННОЕ РАДИКАЛЬНОЕ
средство для **БЫСТРАГО ИСТРЕБЛЕНІЯ**
КРЫСЪ и МЫШЕЙ.

Заразу крыснаго и мыш. тѣл. Безвредн. для людей, птицъ и домашн. животнхъ.

Эти Кордья въ 2 р. 20 к. и 5 р. 15 к.

Нов. изд. **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ**, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.
Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р.
Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи. Новый годъ и день Богоявленія Господня Государь Императоръ провелъ въ арміи, въ Царской Ставкѣ, среди Своихъ ближайшихъ помощниковъ по водителству войсками.

Встрѣча Нового года происходила въ штабной церкви. Около 12-ти часовъ ночи было назначено молебствіе, къ началу котораго прибылъ Государь Императоръ со свитою.

Протопресвитеръ военнаго и морского духовенства о. Шавельскій передъ богослуженіемъ произнесъ глубоко-прочувствованное слово, а затѣмъ имъ было отслужено молебствіе.

При чтеніи молитвы о дарованіи побѣды Государь Императоръ и всѣ присутствовавшіе колѣнопреклоненно горячо молились о ниспосланіи нашимъ войскамъ новыхъ удачъ. Тихая молитвенная встрѣча Нового года придавала ей особый трогательный характеръ и переносила мысли къ нашимъ храбрымъ защитникамъ родины, встрѣчавшимъ канунъ Нового года въ окопахъ и землянкахъ.

День Богоявленія Господня, обычно ознаменовывавшійся крещенскимъ парадомъ войскамъ, происходилъ также въ Царской Ставкѣ.

Въ присутствіи Государя Императора торжественно была совершена литургія. Служилъ высокопреосвященный архіепископъ Константинъ со своимъ викаріемъ и прочимъ духовенствомъ. Церковь была полна молящимися. Въ 11 часовъ утра послѣдоваль изъ церкви крестный ходъ на Иорданъ къ рѣкѣ. Начиная отъ церкви, вдоль широкаго отлогато спуска на рѣку, шпалерами стояли войска, составляющія гарнизонъ Ставки.

Высокопреосвященный Константинъ въ архіерейскомъ облаченіи, держа надъ головою крестъ, предшествовалъ Государю Императору. За Его Величествомъ шли: начальникъ штаба генераль Алексѣевъ, Государева свита, иностранные военные агенты въ своихъ формахъ, чины штаба и всѣ присутствовавшіе въ церкви.

Вдоль пути процессія стояли густыя толпы населенія, среди котораго были крестьяне и крестьянки, пришедшіе изъ окрестныхъ селъ. Процессія медленно спустилась къ берегу рѣки къ особо устроенной на льду иорданской сѣни.

Архіепископъ Константинъ совершилъ чинъ освященія воды и погрузилъ крестъ въ воду. Въ ту же минуту, по сигналу, раздался орудійный салютъ въ 101 выстрѣлъ.

Прекрасный солнечный морозный день и рѣвшіе надъ рѣкою голуби и сторожевой аэропланъ дополняли красивую картину крещенскаго парада.

Государь Императоръ приложился къ кресту и принялъ отъ архіепископа окропленіе св. водою послѣ чего процессія, тѣмъ же порядкомъ, направилась обратно въ церковь.

Около помѣщенія штаба Государь Императоръ, милостиво простившись съ духовенствомъ, прошелъ съ начальникомъ штаба въ Свое помѣщеніе для обычныхъ занятій.

Новогоднія привѣтствія союзныхъ державъ. По поводу Нового года Государь Императоръ обратился къ президенту французской республики со слѣдующей телеграммой:

«На порогѣ Нового года Миѣ особенно пріятно, господинъ президентъ, выразить вамъ Мои искреннія поздравленія и Мои лучшія пожеланія, а также пожеланія счастья и преуспѣянія Франціи, вѣрному другу и доблестной союзницѣ Моей страны. Въѣстѣ съ тѣмъ Я прошу васъ передать славной французской арміи Мои самыя сердечныя пожеланія, которыя Я непрестанно лѣдью въ Своемъ сердцѣ. Исполненный непоколебимой увѣренности въ торжество нашего общаго дѣла, Я надѣюсь, что наши совмѣстныя усилія въ недалекомъ будущемъ увѣнчаются рѣшительнымъ успѣхомъ».

На эту телеграмму Государя Императора президентъ Пуанкарѣ отвѣтилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Французская армія будетъ весьма признательна Вашему Величеству за поздравленія и выраженія пожеланія; она съ гордостью борется вмѣстѣ съ доблестной русской арміей ради защиты правъ Европы и исполнена твердой рѣшимости бороться вмѣстѣ съ нашими вѣрными союзниками до конца, т. е. до полной побѣды. Я прошу Ваше Величество принять мои лучшія пожеланія счастья и благоденствія какъ Вашему Величеству, такъ и всей Императорской Семьѣ, а также пожеланія величія Россіи».

Государь Императоръ послалъ, кромѣ того, слѣдующія телеграммы:

Его величеству англійскому королю въ Лондонъ.— «Я очень тронутъ полученіемъ телеграммъ на нашъ Новый годъ изъ всѣхъ частей вашей имперіи съ пожеланіемъ успѣха русскому войску».

Вице-королю Индіи въ Дели.— «Прошу васъ принять и передать правительству, принцамъ и народу Индіи Мою горячую благодарность за изъ новогоднія пожеланія и за ихъ отношеніе къ заслугамъ русскаго войска. Я глубоко тронутъ добрыми словами вашей телеграммы и выражаю вамъ Мою сердечную признательность».

Вышеприведенная телеграмма послана в отвѣтъ на нижеслѣдующую телеграмму вице-короля Индіи:

«По случаю наступления Нового года я почтительнѣйше прошу разрѣшенія представить Вашему Императорскому Величеству отъ имени правительства, принцевъ и народа Индіи, такъ же, какъ и отъ моего собственнаго, сердечнѣйшія пожеланія прусціанца могущественной Россійской Имперіи и побѣды славному русскому войску, въ непобѣдимой доблести и твердости котораго союзники Вашего Величества во всѣхъ концахъ свѣта находятъ полнѣйшую увѣренность въ успѣшномъ завершеши великой общей задачи. Храня благодарное воспоминаніе о неизмѣнно благосклонномъ отношеши Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ, въ бытность мою британскимъ посломъ въ Петроградѣ, прошу разрѣшенія представить и мои личныя пожеланія здравія и счастья Вашему Величеству, такъ же, какъ и Ея Величеству Императрицѣ и Царскому Семейству».

Герцогу Коннаутскому въ Оттаву. — «Прошу ваше королевское высочество принять и передать канадскому правительству Мою глубокую благодарность за новогоднія благопожеланія и высокую оцѣнку заслугъ русскихъ войскъ. Мы всѣ слѣдимъ съ чувствомъ величайшаго восхищенія за тѣмъ блестящимъ участіемъ, которое доблестныя канадскія войска принимаютъ въ этой исторической войнѣ».

Вышеприведенная телеграмма послана в отвѣтъ на нижеслѣдующую телеграмму герцога Артура Коннаутскаго изъ Оттавы:

«По случаю наступления русскаго Нового года канадское правительство желаетъ искреннѣйше выразить Его Императорскому Величеству свои сердечныя благопожеланія и признаніе заслугъ непобѣдимой русской арміи въ общемъ дѣлѣ союзниковъ. Выносливость, храбрость и героизмъ ея, несмотря ни на какія трудности, вызвали наше восхищеніе и завоевали нашу величайшую благодарность».

Его Императорскому Величеству благоугодно было передать черезъ министра иностранныхъ дѣлъ сердечную Свою благодарность за поздравленія, выраженные по случаю Нового года въ нижеслѣдующихъ телеграммахъ австралійскаго генералъ-губернатора, новозеландскаго губернатора, правительства южно-африканскаго союза и губернатора Нью-Фаундленда:

«Правительство и народъ Австраліи представляютъ Вашему Императорскому Величеству сердечныя новогоднія поздравленія. Они вполнѣ отдадутъ себѣ отчетъ въ блестящей работѣ, совершенной руссическимъ правительствомъ въ періодъ великаго испытанія, и пренасылены восхищенія по поводу подвиговъ русскихъ войскъ и ихъ героическаго и отважнаго поведенія, коими ознаменовалась происходящая въ теченіе послѣднихъ семнадцати мѣсяцевъ борьба».

«Австралія, какъ одна изъ самоуправляющихся странъ, входящихъ въ составъ Британской имперіи, гордится своимъ участіемъ вмѣстѣ съ Россіей въ этомъ правомъ дѣлѣ и привѣтствуетъ наступающій Новый годъ, чувствуя увѣренность, что соединенныя непоколебимыя усилія правительства и всѣхъ силъ союзныхъ народовъ, подкрѣпленныхъ безусловною вѣрою въ свою правоту, приведутъ къ полной побѣдѣ, послѣдствіемъ которой будетъ прочный миръ, и которая сдѣлается благодарніемъ для всего свѣта».

«Почтительно представляю Вашему Императорскому Величеству какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени правительства и народа Новой Зеландіи выраженія нашего восхищенія передъ стойкими и неутомимыми усиліями правительства Вашего Императорскаго Величества и отважнымъ духомъ героическихъ русскихъ войскъ, который они проявили и проявляютъ въ борьбѣ противъ общаго врага. Этотъ героическій духъ вызываетъ нашъ общій восторгъ».

«По случаю Нового года правительство южно-африканскаго союза стремится выразить Вашему Императорскому Величеству и русскому народу, какое глубокое значеніе оно придаетъ выдающейся храбрости русскихъ войскъ и блестящей дѣятельности русскаго правительства на общую пользу союзниковъ, дѣло которыхъ есть въ то же время дѣло цивилизаціи и гуманности. Оно выражаетъ сердечныя свои пожеланія на наступающій годъ и увѣренность, что соединенныя наши усилія увѣчатся славнымъ миромъ».

«Мои министры просятъ меня представить Его Императорскому Величеству, по поводу русскаго Нового года, добрыя пожеланія этой старинной колоніи и глубочайшее наше восхищеніе великими усиліями руссическаго правительства и русскихъ войскъ въ общемъ дѣлѣ союзниковъ».

Новогоднее посланіе президента Пуанкаре французской арміи. Въ бюллетеняхъ французской арміи опубликовано посланіе президента Пуанкаре, обращенное къ французскимъ офицерамъ и солдатамъ по поводу Нового года. Президентъ вспоминаетъ о высокой доблести, проявленной павшими героями, а затѣмъ опредѣляетъ вопросъ, поставленный передъ націей, слѣдующими словами:

«Нужно или согласиться на вассальную зависимость, или добиться экономической и національной независимости. Иного выхода нѣтъ».

«Условный миръ, предложенный намъ, — говоритъ президентъ: — принесетъ подъ обманчивой внѣшностью лишь безчестіе, разореніе и рабство. Нельзя подъ вліяніемъ чувства нетерпѣнія или утомленія продавать Германіи все прошлое и настоящее Франціи. Ни одинъ французъ не былъ настолько преступенъ, чтобы желать наступленія этой войны, которой всѣ правительства, начиная съ 1871 года, старались избѣгнуть. Теперь мы, вмѣстѣ съ нашими вѣрными союзниками, должны довести ее до уничтоженія германскаго милитаризма и полнаго восстановленія Франціи. Минутная слабость явилась бы не благодарностью по отношенію къ нашимъ погибшимъ героямъ и измѣной по отношенію къ будущему».

Въ заключеніе посланія президентъ говоритъ:

«Мы не утомимся. Франція исполнена довѣрія къ будущему, потому что она надѣется на васъ. Наши офицеры повторяютъ, что мы никогда не располагали болѣе великолѣпной арміей и никогда солдаты не были лучше дисциплинированы и болѣе храбрыми и героическими, какъ въ настоящее время. Повсюду, гдѣ я васъ видѣлъ, я испытывалъ чувства восторга и надежды. Вы побѣдите! Начинаяющійся годъ принесетъ вамъ гордое сознаніе нанесенія окончательнаго пораженія неприятелю, радость возвращенія къ вашимъ домашнимъ очагамъ и счастье отпраздновать побѣду въ кругу вашихъ близкихъ».

Высокое награжденіе Франціей генерала-отъ-инфантерій М. В. Алексѣева. Въ Царскую Ставку прибылъ въ концѣ истекшаго года извѣстный герой франко-

прусской войны маститый генералъ По, правая рука генералиссимуса Жоффра, со специальнымъ порученіемъ вручить начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералу-отъ-инфантерій М. В. Алексѣеву, отъ имени французскаго правительства, орденъ и ленту Почетнаго Легіона 1-й степени, а отъ имени французской арміи — недавно учрежденный во Франціи военный крестъ. Вручая эти высокія награды, генералъ По передалъ генералу Алексѣеву сердечныя привѣтствія отъ имени президента республики, главнокомандующаго французскими арміями генералиссимуса Жоффра, французскаго военнаго министра, а также отъ всей французской арміи.

Генералъ Алексѣевъ, растроганный, въ горячихъ выраженіяхъ благодарилъ представителя славной союзной арміи за оказанное ему вниманіе и высказалъ твердую увѣренность, что взаимными усиліями союзниковъ удастся сломить сопротивление общаго врага.

Французскій военный крестъ по своему значенію равносильенъ нашему Георгіевскому кресту. По формѣ крестъ напоминаетъ нашъ орденъ Св. Владимира 4-й степени съ мечами, но сдѣланъ онъ изъ темной бронзы. Носится крестъ на полосатой черно-зеленой лентѣ съ красными прострочками.

Пожалованіе этой высокой боевой награды связано во французской арміи съ объявленіемъ описанія подвига въ приказѣ по полку, бригадѣ, дивизіи, корпусу или арміи, въ зависимости отъ характера подвига.

Это объявленіе въ приказѣ отмѣчается на лентѣ ордена помѣщеніемъ на ней звѣздочки или пальмовой вѣтви, при чемъ звѣздочки бывають бронзовыя, серебряныя и золотыя, а пальмы, указывающія на объявленіе подвига въ приказѣ по арміи, — всегда бронзовыя.

Крестъ этотъ жалуются одинаковый всѣмъ воинамъ, отъ генерала до рядового, и носится на груди.

Лента пожалованнаго генералу Алексѣеву креста украшена бронзовою пальмовою вѣтвью.

Геройскій подвигъ французскаго моряка. Въ Брестѣ получены, по сообщенію «Рѣчи», подробныя свѣдѣнія объ изумительномъ героиствѣ французскаго моряка, служившаго на подводной лодкѣ «Тюркуазъ».

Послѣ того, какъ эта лодка, исправленная турками, была приведена въ Константинополь, на плѣнное судно прибыло большое число турецкихъ офицеровъ генеральнаго штаба, желавшихъ ознакомиться съ лодкой и съ дѣятельностью ея механизмовъ. Такъ какъ турецкіе моряки не сумѣли разобраться въ сложныхъ механизмахъ «Тюркуазъ», турки рѣшили обратиться къ содѣятельно взятой въ плѣнъ французской команды. Вызванный для этой цѣли французскій машинистъ лодки, сообразивъ, что ему представляется случай отнять у турокъ ихъ цѣнный призъ, извѣстивъ товарищей, оставшихся на берегу, о своемъ рѣшеніи славно погибнуть и погубить съ собою лодку и турецкихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Геройскій замыселъ французъ былъ имъ блестяще приведенъ въ исполненіе. Отправившись на лодку, онъ показывалъ туркамъ дѣятельность механизмовъ, а затѣмъ далъ ходъ.

Пронсѣдшая послѣ этого на суднѣ драма, конечно, неизвѣстна, но очевидно съ берега видѣли, какъ «Тюркуазъ» сперва отошла отъ берега, а затѣмъ внезапно погрузилась подъ воду, гдѣ и погибла вмѣстѣ съ турками и съ героемъ-французомъ.

Воздушный флотъ во Франціи. По словамъ корреспондента «Times», авіаціонныя лоды во Франціи усѣяны самолетами. Какъ чайки на побережьѣ, они сидятъ стайками по 10, 20, 100 и 200 штукъ. Рядами подлѣ нихъ выстроились упаковочныя ящики, въ которыхъ самолеты будутъ отправлены на фронтъ, въ Салоники, въ Месопотамію.

Какъ великанъ между пигмеями, высятся новѣйшее изобрѣтеніе французъ — l'avion de bombardement, самолетъ для бомбардировки, своего рода воздушный дредноутъ. Размахъ его крыльевъ равенъ 70-ти фут., три поддерживающія поверхности достигаютъ 20-ти фут. отъ поверхности земли. На немъ съ удобствомъ могутъ размѣститься двѣнадцать человекъ, но собственно команда его состоитъ изъ шести человекъ: двухъ летчиковъ, двухъ наблюдателей и двухъ морскихъ артиллеристовъ. Летчики сидятъ рядомъ въ центрѣ дредноута, но управлять имъ можетъ и одинъ человекъ. Вооруженіе состоитъ изъ четырехъ пушекъ 1½-дюймоваго калибра.

Новый самолетъ даетъ скорость въ 120 верстъ въ часъ. Онъ стоитъ несравненно дешевле германскихъ цепеляновъ, но обладаетъ всѣми ихъ качествами: устойчивостью, скоростью, относительной грузоподъемностью, выносливостью. Сверхъ того, онъ менѣе уязвимъ для артиллеріи. До сихъ поръ въ области воздухоплаванія еще не было ничего подобнаго этому новому триплану. Изначный въ своихъ очертаніяхъ, совсемъ не громоздкій, несмотря на свои размѣры, онъ напоминаетъ яхту. Благодаря бѣлой окраскѣ сходство поразительно.

Выдержавъ рядъ строжайшихъ испытаній, новый трипланъ отправляется на театръ военныхъ дѣйствій. Взоры Франціи устремлены теперь на это новое созданіе французскаго гения. По мнѣнію офицеровъ, обстрѣлъ неприятельскихъ позицій съ эскадры такихъ самолетовъ обѣщаетъ быть болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ обыкновенный артиллерійскій огонь.

Кромѣ воздушныхъ дредноутовъ, французы создали новый типъ воздушныхъ истребителей. Это дупланъ съ размахомъ крыльевъ въ 21 футъ и высотой надъ поверхностью земли всего въ 7 фут. Снабженный двигателемъ, развивающимъ скорость въ 150 верстъ въ часъ, и вооруженный пулеметомъ, этотъ самолетъ предназначенъ для исполненія обязанностей развѣдки. Его подвижность и легкость управления превосходить всѣ доселѣ существоващія образцы самолетовъ. Я наблюдалъ, какъ такая машина поднялась почти отвѣсно на высоту 1.000 метровъ въ 40 секундъ. Онъ настолько устойчивъ, что летчикъ, оставивъ руль, можетъ свободно заняться наблюденіемъ или стрѣльбой по неприятелю.

Успѣхи, достигнутые французами въ военномъ воздухоплаваніи, поразительны. До войны во всей Франціи строилось въ годъ отъ 150 до 200 самолетовъ. Въ настоящее время на одномъ только заводѣ, мнѣ извѣстномъ, выпускается ежедневно по пяти машинъ, окончательно отдѣланныхъ. Но, кромѣ этого завода, существуютъ и другіе съ такой же производительностью.

ЖИВНА

№ 3. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯНА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выданъ 16 января 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 г.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Патаджурскій переваль. Стихотвореніе Іер. Ясинскаго.—На развѣдкѣ. Разказъ В. Муйжеля.—На западномъ фронтѣ. Разказы В. Ропшина.—Болото. Разказъ А. С. Грузинскаго-Лазарева.—„Живно Сербія!“ Стихотвореніе Аполлона Коринфскаго.—Объявленія.—Отклики войны.

Р И С У Н К И: „Телеграмма отъ Верховнаго Главнокомандующаго“. Картина академика Н. Богданова-Бѣльскаго.—Кавказскій фронтъ (6 рис.).—Иллюстрація И. Владимірова къ разказу В. Муйжеля „На развѣдкѣ“.—Плѣнные. Рисунокъ перомъ профессора Н. С. Самокиша.—На позиціяхъ. Команда истребителей (6 рис.).—Павшіе въ бою (25 портр.).—На границѣ съ Румыніей (4 фот. нашего военнаго корреспондента).—Разрушенный мостъ.

Къ этому № прилагается сочин. Шарля де-Костэра: „Уленспигель“ книга 1.

„Телеграмма отъ Верховнаго Главнокомандующаго“.
Картина академика Н. Богданова-Бѣльскаго. (XLIV Передвижная выставка картинъ).

Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.

Событія у Дарданелль.

На третій день Рождества Христова пришло официальное сообщеніе командующаго англійской экспедиціонной арміей въ Дарданеллахъ генерала Монро о полной эвакуаціи союзниками Дарданелль. Извѣстіе это не было большой неожиданностью прежде всего потому, что этому предшествовали два важныхъ факта, съ достаточной опредѣленностью подчеркивавшие, что можно ожидать со дня на день снятія союзниками осады Дарданелль.

Во-первыхъ, около мѣсяца тому назадъ, въ газетахъ появились свѣдѣнія о томъ, что командующій англійской экспедиціонной арміей въ Дарданеллахъ генералъ Монро вошелъ съ рапортомъ, въ которомъ доносилъ, что въ настоящее время, согласно общимъ стратегическимъ и политическимъ условиямъ обстановки, представляется правильнымъ очистить Дарданеллы.

Англійское правительство не признало однако возможнымъ самостоятельно рѣшить этотъ вопросъ и послало предварительно на Ближній Востокъ фельдмаршала Китченера, которому поручило ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ.

Векоръ послѣ этого появилось въ газетахъ извѣстіе, что фельдмаршалъ Китченеръ якобы высказался противъ очищенія Дарданелль. Эти извѣстія казались мало правдоподобными уже потому, что обстановка на Балканахъ требовала сосредоточенія силъ въ одномъ какомъ-либо опредѣленномъ районѣ, а не разброски ихъ и въ Салоникахъ, и въ Дарданеллахъ, и въ Албаніи, что дѣлало союзниковъ равно слабыми повсюду вмѣсто того, чтобы быть сильными въ одномъ мѣстѣ, гдѣ и добиться крупныхъ результатовъ.

Дѣйствительно, векоръ произошло еще одно событіе, которое подчеркивало, что англійское правительство стало на точку зрѣнія генерала Монро въ вопросѣ эвакуаціи Дарданелль. Этимъ событіемъ было очищеніе побережья бухты Сузлы, гдѣ еще недавно союзники съ величайшими жертвами произвели высадку и заняли новыя позиціи, улучшающія ихъ положеніе на Галлипольскомъ полуостровѣ. Дѣло въ томъ, что союзники до сихъ поръ вели атаки только въ одномъ районѣ, а именно, на самой оконечности Галлипольскаго полуострова у старой разрушенной турецкой батареи Седиль-Баръ и у селенія Критіи. Такое „долбленіе“ въ одномъ пунктѣ имѣло мало шансовъ на успѣхъ, подобно толка-

Кавказскій фронтъ.
Турецкій полевой караулъ въ долинѣ рѣки Евфрата. На крышѣ—часовой.

нію въ одну дверь, ибо у такой „двери“ скопляются всѣ силы противника, и сопротивленіе послѣдняго дѣлается весьма устойчивымъ.

Атаковать укрѣпленіе необходимо всегда на широкомъ фронтѣ, дабы, демонстрируя въ разныхъ пунктахъ, развлечъ силы противника и затѣмъ неожиданно для него прорваться массой въ одномъ какомъ-либо пунктѣ. Поэтому союзникамъ было весьма важно расширить свой фронтъ въ Дарданеллахъ, и къ позиціямъ на оконечности Галлипольскаго полуострова, у Седиль-Бара и у Критіи, они добавили позиціи болѣе сѣверныя, у бухты Сузлы, занявъ ихъ съ величайшимъ героизмомъ и самопожертвованіемъ.

Очищеніе союзниками этихъ важныхъ и необходимыхъ для нихъ позицій у бухты Сузлы, послѣдовавшее еще въ срединѣ декабря, показывало, что союзники этимъ отказываются отъ

активныхъ операцій въ районѣ Дарданелль, а, слѣдовательно, намѣрены, вѣроятно, очистить Дарданеллы, въ силу новыхъ условий стратегической и политической обстановки на Балканахъ. Поэтому мы и высказали тогда предположеніе, что предстоитъ векоръ сосредоточеніе союзниковъ въ одномъ какомъ-либо районѣ Балканскаго полуострова, вмѣсто разброски силъ въ трехъ районахъ—въ Салоникахъ, въ Дарданеллахъ и въ Албаніи.

Обращаясь къ мотивамъ, вызвавшимъ такое мѣропріятіе союзниковъ, установимъ, что основаніемъ этой мѣры послужили: во-первыхъ, затруднительность веденія сухопутныхъ операцій, опирающихся на море, а, во-вторыхъ, вытекающая изъ предыдущаго необходимость искать сухопутныхъ путей для овладѣнія Дарданеллами, и притомъ такихъ путей, которые имѣли бы базой не море, а опредѣленные сухопутные же районы.

Въ рядѣ статей, напечатанныхъ какъ на страницахъ „Нивы“, такъ и въ „Литературныхъ приложеніяхъ“, мы приводили историческія и теоретическія данныя, опровергающія невѣрное мнѣніе о томъ, что десантныя операціи могутъ вестись для выполненія крупныхъ задачъ. Несомнѣнно, что политическія и стратегическія задачи на Ближнемъ Востокѣ, диктуемыя самими жизненными національными интере-

Кавказскій фронтъ. Штабъ генерала Б. въ долинѣ рѣки Евфрата.

Кавказскій фронтъ. Сторожевой постъ на вершинѣ горы.

сами, не могутъ быть и не будутъ оставлены въ завѣнности отъ того или иного военного событія.

То, что жизненно, не можетъ погибнуть отъ случайныхъ фактовъ, и, если историческія задачи неудержимо влекутъ насъ къ проливамъ, и если союзники нынѣ оказываютъ содѣйствіе къ разрѣшенію нами этихъ задачъ, то это стремленіе, осуществляемое вооруженной рукой, будетъ наблюдаться и впредь. Только пути, вмѣсто зыбкихъ, морскихъ, будутъ избраны твердые и устойчивыя—сухопутныя.

Вотъ почему уходъ союзниковъ изъ Дарданеллъ отнюдь не означаетъ нашего отказа отъ первѣйшихъ національныхъ задачъ по овладѣнію проливами, а означаетъ лишь, что опытъ войны еще разъ подтвердилъ невыгодность морскихъ путей для атаки береговыхъ крѣпостей и вообще для крупныхъ сухопутныхъ наступленій и вмѣстѣ съ тѣмъ вынудилъ союзниковъ искать другихъ путей, ведущихъ къ проливамъ, но уже сухопутныхъ, при чемъ задача овладѣнія проливами отнюдь не бросается, а только принимаетъ другія формы.

Дѣйствительно, исторія, какъ намъ уже приходилось упоминать, знаетъ лишь два случая атаки береговыхъ крѣпостей со стороны моря—взятіе египетской крѣпости Александріи въ 1881 году и китайскаго форта Таку во время китайской войны 1900 года. Въ первомъ случаѣ сильный англійскій флотъ дѣйствовалъ противъ устарѣлой египетской крѣпости и въ теченіе перваго же

дня бомбардированія разстрѣлялъ всѣ свои снаряды. Къ вечеру положеніе, вслѣдствіе этого, стало неопредѣленнымъ, но на другой день утромъ оказалось, что ночью египтяне бросили форты и убѣжали.

Второй случай—взятіе китайскаго форта Таку—однаково не можетъ служить примѣромъ, подтверждающимъ выгоду операций со стороны моря. Здѣсь противъ неважнаго китайскаго форта дѣйствовала международная эскадра всѣхъ великихъ державъ міра. При этомъ нѣкоторыя суда, какъ, напримеръ, германскій корабль „Альгисъ“, получили серьезныя поврежденія: Въ концѣ концовъ фортъ Таку былъ все же взятъ, но сухопутными войсками, а именно десантной ротой сибирскихъ стрѣлковъ, бывшихъ подъ командой поручика Станкевича.

Вообще въ военной литературѣ опредѣленно признано, что современныя арміи, при тѣхъ громадныхъ запасахъ, которыхъ онѣ требуютъ, могутъ вести операціи, лишь прочно опираясь на свои собственныя территоріи, на свою страну. Если трудно себѣ представить, чтобы германская

армія дѣйствовала, опираясь на Австрію, а австрійская, базирываясь на Германію, то еще труднѣе себѣ представить громадныя современныя арміи, базирующіяся исключительно на хрупкія морскія сообщенія, имѣя лишь за тысячу верстъ позади собственную страну, и это дѣлаетъ десантныя операціи исключительно трудными, если не невозможными.

Далѣе, если эти причины вызвали теперь уходъ союзниковъ изъ Дарданеллъ и переносъ операцій въ Салоники, то не меньшую роль сыграла и общая стратегическая обстановка. Намъ приходилось подчеркивать, что судьбы Дарданеллъ, какъ и судьбы Сербіи не столько зависятъ непосредственно отъ Дарданелльской и Салоникской операцій, сколько отъ того, кто побѣдитъ на главномъ театрѣ, т.-е. на нашемъ. Можно не взять Дарданеллъ и побѣдить Австро-Германію, и тогда Дарданеллы, какъ спѣлый плодъ, упадутъ въ руки побѣдителя. И, обратно, можно взять Дарданеллы и проиграть главную кампанію на главномъ фронтѣ, и тогда Дарданеллы будутъ утеряны, ибо диктовать свою волю будетъ побѣдитель. Вотъ почему мы говорили, что „Дарданеллы въ Германіи“, а не у проливовъ.

Однаково и сейчасъ Дарданеллы были второстепеннымъ театромъ по отношенію къ главному Балканскому театру, каковымъ былъ Салоникскій районъ. Кто побѣдитъ у Салоникъ и въ Македоніи и выиграетъ этимъ Балканскую войну, тотъ овладѣетъ этимъ и Дарданеллами, ибо разбитая Турція будетъ безсильна

Кавказскій фронтъ. Одинъ изъ нашихъ славныхъ полковъ, выступающій на позиціи. Съ подходомъ этого полка былъ сбитъ лѣвый флангъ турецкихъ войскъ въ Алашкертской долині.

них защищать. Поэтому мы должны признать, что, если вообще „Дарданеллы въ Германіи“, то, въ частности, для ближайшихъ моментовъ, „Дарданеллы въ Салоникахъ“. Надо выиграть кампанію на Балканскомъ театръ, и это разрѣшитъ всѣ балканскіе вопросы, включая и Дарданеллы, и Сербію, и отдаленный Египетъ, связанный также съ Балканами.

Поэтому уходъ союзниковъ изъ Дарданеллъ и усиленіе этими войсками Салоникскаго десанта представляются шагами по сосредоточенію союзныхъ силъ въ одномъ пунктѣ, во имя того, чтобы быть сильными при достиженіи все той же цѣли — побѣды на Ближнемъ Востоцѣ и овладѣніи проливами.

Нашъ ударъ между Припятью и Румыніей съ своей стороны отвлекъ армию Макензена отъ Балканъ въ Буковину и этимъ далъ возможность союзникамъ, въ самый критическій для нихъ моментъ, избѣжать натиска Макензена, устроиться прочно въ Салоникскомъ районѣ и, наконецъ, произвести благополучно крайне трудную задачу обратной посадки на суда войскъ въ Дарданеллахъ подъ натискомъ противника. Несмотря на небольшіе тактическіе успѣхи, наша операція въ Буковинѣ сыграла громадную стратегическую роль, такъ какъ положеніе союзниковъ могло бы быть весьма тяжелымъ, если бы Макензенъ продолжалъ наступленіе на Салоники.

Такимъ образомъ, послѣ ряда нѣкоторыхъ ошибокъ, союзники

нынѣ исправляютъ свое положеніе на Балканахъ, непрерывно содѣйствуя другъ другу.

Кавказскій фронтъ. Пльнные турецкіе офицеры.

Латаджурскій переваль.

Побѣдные пришли
Съ штыками батальоны,
Огни въ горахъ зажгли
И взрѣзали ихъ склоны
И привезли грозу:
Искусно бомбардиры
Поставили внизу
Двѣ мѣдныя мортиры.
Отрядъ пошелъ въ обходъ.
А мѣсяцъ плылъ, туманенъ
И блѣденъ. Сонъ высотъ
Тревоженъ былъ и страненъ.

Имъ чудилось, что путь
Съ великою страной
Ихъ каменную грудь
Связалъ чертой стальнойю.
Товаръ везутъ купцы...
Бѣлѣютъ колоннады:
Превращены въ дворцы
Скалистыя громады.
Повсюду города,
Насилья нѣтъ, нѣтъ смуты;
Все—вольнаго труда
Роскошные пріюты.

Гдѣ плакалъ человекъ,
Гдѣ спалъ и гаснулъ геній,
Расцвѣлъ свободный вѣкъ
Свободныхъ вдохновеній...
Но былъ недологъ сонъ.
Погаснулъ сонъ вершинный,
И разлетѣлся онъ
Отъ ярости старинной.
Какъ въ храмѣ оніамъ,
Туманъ шатнулся. Люди
Смерть грезамъ и горамъ
Послали изъ орудій.

Иер. Ясинскій.

Кавказскій фронтъ. Партія пльнныхъ турокъ, взятыхъ въ періодъ алашкертскихъ боевъ.

На развѣдкѣ.

Разсказъ В. Муйжеля.

Съ 6 иллюстраціями И. Владимірова.

I.

Какъ это вышло, что со всѣхъ сторонъ оказались нѣмцы, никто, въ сущности, не могъ понять какъ слѣдуетъ. Романковъ—молодой, первосрочный солдатъ, недѣли двѣ тому назадъ вернувшійся въ строй, послѣ трехъ мѣсяцевъ лѣченія, говорилъ, что они сами, посланные заурядъ-прапорщикомъ, бывшимъ фельдфебелемъ, посмотрѣть „какъ и что у нѣмца“, задались слишкомъ влѣво и влѣзли въ тылъ уступа, которымъ были расположены части противника.

Романковъ былъ хорошо грамотный городской человекъ, до службы занимавшій мѣсто пріемщика въ льняной конторѣ. Онъ читалъ газеты, когда онѣ ему попадались, писалъ письма неграмотнымъ, и когда ротный командиръ предложилъ ему стать на мѣсто писаря, заболѣвшаго воспаленіемъ легкихъ, онъ отказался и просилъ оставить его въ строю. Это утвердило за нимъ среди остальныхъ солдатъ роты нѣсколько преимущественное положеніе, которымъ самъ онъ пользовался мало и очень деликатно. Въ спорахъ и недоразумѣніяхъ его голосъ иногда бывалъ рѣшающимъ.

Другой солдатъ, уже не молодой ополченецъ, изъ такъ называемаго пополненія, носившій нѣсколько странную и почему-то имъ упорно защищаемую фамилію—„Заяцъ“ (когда его называли Зайцевымъ, онъ сумрачно, но настойчиво поправлялъ: „не Зайцевъ, а Заяцъ... У насъ и родъ весь такъ прозывается, дѣды, прадѣды... За-яцъ!“—раздѣльно и внушительно повторялъ онъ), держался самостоятельнаго мнѣнія по части нѣмца и нехотя, какъ о дѣлѣ въ данныхъ обстоятельствахъ нестоящемъ, говорилъ, что нѣмецъ самъ подался на новое мѣсто, пока они лезли по кустамъ и оврагамъ, оползая проволочныя загражденія и въ заключеніе заблудившись въ нихъ.

— Не иначе какъ у нихъ передвижка вышедши!..—говорилъ онъ, сидя на корточкахъ подъ большимъ можжевеловымъ кустомъ на опушкѣ, куда они попали послѣ цѣлой ночи блужданій въ незнакомой и опасной мѣстности.—Которые допрежь того на мѣстѣ стояли, покуда мы тутъ лезали, на новое мѣсто ставши... Зато и вышло такъ,—куда ни сунься, все онъ...

Третій солдатъ, совсѣмъ молодой, послѣдняго набора, не больше какъ мѣсяца три попавшій на фронтъ, ничего не говорилъ. Онъ вполне довѣрялся авторитетному мнѣнію двухъ старшихъ товарищей и самъ былъ спокоенъ совершенно:—старые все знаютъ и сдѣлаютъ какъ полагается. Его дѣло только исполнять то, что скажутъ они. Надо итти, онъ пойдетъ за ними и съ ними, куда пойдутъ они. Надо сидѣть, онъ будетъ сидѣть. Если надо драться и, можетъ-быть, умереть, онъ, вѣроятно, сдѣлалъ бы и это такъ же, какъ ходилъ къ ротной кухнѣ съ котелкомъ, когда шли старшіе. Это былъ обычный рядовой типъ солдата, нѣсколько инертный, покорный, не разсуждающій, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда и во всемъ спокойный и тѣмъ цѣнный. Звали его по тому селу, изъ котораго онъ былъ родомъ, Рудовинскій.

Былъ еще съ ними четвертый,—огромный, неуклюжій, бычачьей силы человекъ, въ дни отдыха и затишья потѣшавшій роту тѣмъ, что отбивался отъ навалившихся на него шестерыхъ солдатъ; когда тѣ насѣдали на него съ единственной цѣлью свалить его на землю, онъ широко разставлялъ ноги, крѣпко упирался ими въ землю и, не мѣняя обычно нѣсколько соннаго, туповатаго выраженія своего мясистаго лица, не говоря ни слова, раскидывалъ набрасывавшихся ребятъ въ разныя стороны. На него бросались опять, облѣпляли его со всѣхъ сторонъ, висѣли на шеѣ, на рукахъ, цѣплялись за ноги, но онъ стоялъ, какъ статуя, отряхался, и два-три человека, не выдержавъ этого, валялись подъ ноги; потомъ отрывалъ слѣдующаго и пускалъ его въ сторону такъ, что тотъ летѣлъ сажени двѣ; хваталъ за рубахи, какъ дѣтей, и разбрасывалъ остальныхъ, и въ заключеніе оставался въ томъ же положеніи неподвижной статуи среди поверженныхъ враговъ, порою порядочно кряхтѣвшихъ и почесывавшихся отъ медвѣжьей лапы „Статуя“.

Сила, уживчивость, нелюбовь къ какимъ бы то ни было разговорамъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ фразъ, наконецъ то спокойствіе, съ какимъ онъ лѣзъ въ самыя опасныя мѣста, все это создало ему нѣсколько особенное положеніе среди солдатъ. Надъ нимъ подшучивали, иногда довольно мѣтко, но несомнѣнно всѣ

Они присѣли въ кустахъ можжевелника, похожихъ на южные кипарисы...

уважали его. И въ значительной степени это уваженіе снижилось на физическихъ качествахъ Статуя, на томъ, что онъ могъ одинъ выворотить застрявшую въ грязь ротную кухню,—этого чугунный котелъ,—на колеса, могъ забрать такую вязанку дровъ, подъ которой бы нужно трудиться тремъ человекамъ. Былъ случай, когда Статуя вынесъ по ходу сообщенія, диною версты въ полторы, раненаго добровольца ихъ роты, тоже здороваго, крѣпкаго парня, принимавшаго обязательное участие въ попыткахъ повалить шестеромъ Статуя. Онъ взялъ его, какъ ребенка, на руки, попросилъ только придерживать за шею и отправился въ околотокъ. Но околотокъ, находившійся версты за полторы, уже снялся и перешелъ на новое мѣсто; Статуя не смутился этимъ и отправился за пять верстъ въ краснокрестный пунктъ, куда благополучно и донесъ раненаго тѣмъ же способомъ, т.-е. на рукахъ.

Статуя ушелъ развѣдывать дорогу часа три тому назадъ и не возвращался. Его ждали долго, хотя это ожиданіе грозило всѣмъ, но потомъ рѣшили искать прохода сами. И когда повертѣлись часа два взадъ и впередъ, поворачивая направо и налево, увидѣли, что выхода нѣтъ. Вышла ли дѣйствительно „передвижка“ у нѣмцевъ, или они, сбившись съ дороги, зашли такъ далеко, что не могли уже отыскать настоящаго пути, но всѣмъ троимъ было ясно, что, куда бы они ни повернули,—были части противника.

Кольцо, окружавшее ихъ, имѣло въ диаметрѣ нѣсколько верстъ. Такъ, когда они въ послѣдній разъ тронулись, они прошли часа два до того момента, какъ уползшій впередъ Романковъ вернулся съ извѣстіемъ, что тутъ тоже нѣмцы. Тогда они повернули влѣво и прошли еще часа полтора,—результатъ былъ такой же самый. Они присѣли въ кустахъ можжевелника, похожихъ на южные кипарисы, и попробовали обсудить свое положеніе. Обсуждали только Романковъ и Заяцъ, а Ваня Рудовинскій молча сидѣлъ, терпѣливо ожидая, что скажутъ старшіе. Только когда тѣ заспорили, онъ, чтобы прекратить споръ, негромко сказалъ:

— А Статуя все нѣтъ... Не попадъ ли?

Заяцъ поглядѣлъ на него,—начинало уже свѣтать, и привыкшіе глаза разбирали довольно отчетливо силуэты другъ друга,—и отвернулся.

— Сказалъ тоже!..—нехотя проговорилъ онъ.—Это чтобы Статуя попалъ? Статуя скрозь землю пройдетъ и то не задержится...

Помолчали всѣ. Дѣло было скверное, ночь уходила. На востокъ уже опредѣленно намѣчалась розовая нѣжная полоса. Еще часъ-полтора, и станеть совсѣмъ свѣтло. Днемъ ихъ возьмутъ навѣрное; неходивъ въ теченіе ночи все кругомъ, они знали, что нѣмецкіе развѣзды шныряютъ вездѣ. Кромѣ того, за спиной у нихъ были позиціи, они подползали совсѣмъ близко и слышали даже говоръ. Впереди, куда они проникали довольно глубоко, по дорогамъ двигалась артиллерія, слышно было, какъ звякаютъ орудія и ѣздовые щелкаютъ нагайками. Маленькій лѣсокъ, намѣчавшійся слѣва, тоже былъ полонъ нѣмцами: тамъ копали окопы и рубили деревья—на блиндажи, должно-быть. Раза два тамъ мелькнула красная точка фонаря, это ясно видѣлъ Заяцъ, когда ходилъ въ ту сторону на развѣдку. А направо темнымъ пятномъ раскинулась деревня, тоже, вѣроятно, полная непріятеля.

...один Романков не спал.

Это было кольцо, замкнутое со всех сторон, выбраться из которого мог помочь только случай.

Солдаты молчали, прислушиваясь к странным и таинственным голосам осенней ночи. Порою где-то далеко ухало оружие, перекатывающееся ворчанье разливалось по холмам, умолкало на секунду, отдавалось дальше и, постепенно замирая, убывало. Стрельба была вялая, с правильными промежутками, то, что солдаты называли „дежурной“. От наших отвѣчали так же — лѣниво, рѣдко, без оживления. Было несомненно, что никаких дѣйствий ни с той ни с другой стороны не предвидѣлось. Оба лагеря укрѣпились, и кто знает, сколько времени будет продолжаться это?

Заяц первый певельнулся, обтерев ротъ корявой, загрѣбшей ладонью и сказал:

— Мы ли задалсь гораздъ, они ли передвижку сдѣлали, а дѣло неладно... Ободняетъ, конецъ намъ... Куда дѣться?—Ровно перепеловъ изъ-подъ сѣтки возьмутъ.

Романковъ помолчалъ, склонивъ голову набокъ, подумалъ и отвѣтилъ:

— Сдаваться не рука. А хорониться, какъ схорониться? Лѣсь воть...

— Лѣсь ежели съ опушки ничего, а дальше они засѣки понадѣлали... Я видать,—возразилъ Заяцъ.

— Или, скажемъ, овражекъ, что давеча переползали... Днемъ въ немъ сохранность можно имѣть...

— Понятать можно...

Когда они встали, чтобы идти къ овражку, Рудовинскій такъ же, какъ прежде, не обращаясь ни къ кому, а какъ будто бы думая вслухъ, сказалъ:

— А Статуй все нѣтъ... Пропалъ Статуй!..

На этотъ разъ ему никто не отвѣтилъ.

Ити надо было версты полторы, хотя овражекъ былъ несравненно ближе; но бѣда была въ томъ, что надо было обходить деревню. Она растянулась по склону, расплзлась огородами и гумнами, и надо было внимательно глядѣть впередъ, чтобы внезапно не попасть въ бѣду.

По дну оврага бѣжалъ маленькій ручей, звенѣлъ струйками чистой холодной воды, пропадалъ въ густыхъ ольховыхъ кустахъ, опять выбирался на песокъ, и было въ его прихотливыхъ извилахъ, въ негромкомъ и забоченномъ звонѣ журчавшихъ по камешкамъ струекъ что-то далекое, почти забытое, напоминавшее дѣтство. Когда солдаты заслышали этотъ звонъ, имъ стало легче, словно крошечный ручеекъ, вѣроятно, въ жаркую пору пересыхающій совершенно, могъ служить имъ какой-нибудь защитой.

II.

Въ кустахъ на берегу, привольно разросшихся по склонамъ оврага, казалось безопасно. Три человѣка залѣзли въ самую гущеру, легли на землю, холодную, осеннюю, хранившую ледяную влагу позднихъ росъ, и замерли. Это было все, что они могли сдѣлать. Тронуться отсюда уже было нельзя. Ночь совѣмъ ушла, разсѣялась, и сѣрый свѣтъ пасмурнаго, грозящаго дождемъ, дня разлился по полямъ. Въ оврагъ онъ еще не рѣшался заглянуть, холодный бѣлый туманъ клубился надъ ручьемъ, и кусты стояли темныя, загадочныя, еще не стряхнувшіе невѣдомыхъ человѣку снова ночи. Но уже опредѣленно наметился большой камень возлѣ бревенчатой кладки, переброшенной черезъ ручей, видна была извилина тропа, подымавшаяся къ деревнѣ, пробитая, должно-быть, бабами, приходившими стирать бѣлье, старая

ветла, низкая, корявая, словно ползущая по землѣ...

Высунуться теперь изъ кустовъ—значило идти на вѣрную гибель. Не могло быть сомнѣній въ томъ, что деревня занята нѣмцами. Резервныя части, вѣроятно, переполнили ее, можетъ-быть, даже полковой штабъ устроился въ какой-нибудь избѣ, телефоны, связь... Если жители остались,—а это было похоже, такъ какъ, пробираясь сюда, Заяцъ видѣлъ какъ будто мальчишку или дѣвчонку съ гусями, выходящими съ задворокъ,—они выселены на гумна, въ сарай, а избы заняты солдатами...

Всѣ трое молча лежали, стараясь не думать о томъ, что сейчасъ только раннее утро, а впереди дѣльный день неподвижнаго лежанія на холодной сырой землѣ. Одинокій пѣтухъ вдругъ зашѣлъ въ деревнѣ, и этотъ звукъ тоже показался роднымъ, напоминающимъ. Потомъ послышался топотъ кованыхъ копытъ, должно-быть, многихъ лошадей и сердитый окрикъ на незнакомомъ языкѣ. Утренняя тишина ловила

каждый звукъ и разносила его вокругъ четко и кругло. Лошади спускались по тропинкѣ, боязливо фыркали, топтались на мѣстѣ, тотъ, что велъ ихъ, ворчалъ и ругался, и разъ, должно-быть, замахнувшись, такъ какъ сразу нѣсколько лошадей шарахнулись въ стороны и забились на поводкахъ. Человѣкъ угрожающе крикнулъ, можетъ-быть, ударилъ, потомъ такъ же неторопливо продолжалъ спускаться.

И черезъ минуту три лежавшихъ въ кустахъ солдата услышали, какъ лошади пьютъ большими крупными глотками, слегка пофыркивая на свѣжую студеную воду. Было ли на самомъ дѣлѣ такъ близко, или обманчивый утренній воздухъ доносилъ въ такой полнотѣ каждый звукъ, но Ванѣ Рудовинскому, отъ этой близости закрывшему глаза, показалось даже, что онъ слышитъ, какъ одна напившаяся лошадь шумно вздохнула, переступила съ ноги на ногу и, опять опустивъ голову, стала пить, но уже лѣниво, неохотно, такъ, отъ нечего дѣлать...

И съ необычайной яркостью, до ужаса близко и точно вдругъ представилось ему, какъ онъ самъ послѣ ночного въ паровомъ полѣ, гонялъ отповскихъ лошадей къ мельницѣ понты, какъ два конька, рыженькій меринокъ и большая бѣлая кобылица, пьютъ, наклонивъ голову и косясь большими темными глазами на свое отраженіе, и какъ журчитъ пущенная свободно вода въ запрудѣ...

Лошади напились, потомъ такъ же неторопливо стали подыматься отъ ручья. Вдали слышался лягъ колесъ,—вѣроятно, на шоссе, отбывшемъ оврагъ и ухотившемъ въ лѣсокъ. Туда подвозили что-то, или опять двигалась артиллерія, безконечное количество батарей, которыми нѣмцы играли, какъ въ шашки: то и дѣло передвигали ихъ съ мѣста на мѣсто, уводили въ тылъ, опять выдвигали на передовую линію и приводили въ изумленіе русскихъ солдатъ своей подвижностью, количествомъ орудій и снарядами.

Съ наступленіемъ дня артиллерійская пальба оживилась. Чаще и торопливѣе стали бухать орудія, и теперь совѣмъ на новомъ мѣстѣ, не такъ далеко отъ оврага. Когда человѣкъ лежитъ неподвижно на землѣ, вплотную прикинувшись къ ней, всѣ звуки кажутся особенно громкими, отчетливыми и близкими. Трѣмъ схоронившимся солдатамъ казалось, что батарея стоитъ гдѣ-то совѣмъ близко, за четверть версты, не больше.

Ваня Рудовинскій принялъ это соображеніе, какъ не играющее роли въ ихъ положеніи, Романковъ долго прислушивался и рѣшилъ:

— Двѣ батареи и на новомъ мѣстѣ... И батареи увеличенныя, шесторудійныя... Дальше отъзывается еще пара... Судя по тому, что бьютъ правильными очередями, начинаютъ подготавливать что-то... Но не торопятся, больше не даютъ начать что-нибудь нашимъ... Врядъ къ этой ночи что будетъ!

Заяцъ опредѣлялъ положеніе настоящаго момента, какъ непосредственно касающееся ихъ:

— Артиллерія... Это значить версты на три отъ окопу ихняго, первой линіи. Сталотъ, мы въ самой середкѣ ихъ, и чтобы вытти, думать не мочи!..

Онъ опустилъ голову на руки, поежился, чтобы лечь удобнѣе, и задремалъ.

Это было пожилой мужикъ, выдавшій всякіе виды... Когда ходилъ ходякомъ отъ общества въ Сибирь, они тоже вотъ такъ втроемъ,—только онъ тогда по молодости лѣтъ былъ замѣсть Вани Рудовинскаго, а двое другихъ, старики,—ходили за тридцать пять верстъ отъ заняти глядѣть участокъ... Да сбились, да трое су-

токи и пробудились по луговинам да лѣсу, въ болотѣ чуть не утопли и совсѣмъ отошались, хлѣбъ кончился, а время было такое, что, кромѣ ранней земляники ничего... Чуть не остались тамъ.

Теперь онъ припомнилъ, когда ѣлъ въ послѣдній разъ: вышли на развѣдку вчера послѣ поуды. Къ вечеру были въ нѣмцахъ уже, пробирались мимо того самаго уступа, о которомъ говорилъ Романковъ. Тогда побѣли, такъ, пустыки, пожевали сухарей, и то потому, что переждать надо было, и сухарей-то взяли самую малость, тутъ же и съѣли. Теперь бы побѣсть не худо, да нечего.

Онъ опять поежился, ночная сырость налитала одежду, и было зябко въ отяжелѣвшей шинели, закрылъ глаза и задремалъ, какъ дремлютъ старья, умныя и осторожныя собаки; глаза сощурены, а если нужно, сейчасъ увидятъ, что требуется; дрема опутываетъ мозгъ, а ухо все прислушивается къ знакомымъ звукамъ и чуть что, сейчасъ насторожѣтъ... И весь онъ въ любой моментъ можетъ вскочить, схватиться за винтовку и дѣлать, что потребуется.

Ваня посмотрѣлъ на него, примостился въ вылежанной ямкѣ удобнѣе и, подложивъ подъ себя твердую холодную винтовку, заснулъ, какъ въ воду пошелъ. Онъ зналъ, что, если что потребуется, старикъ толкнетъ его.

И одинъ Романковъ не спалъ. Все прислушивался, наклонялъ голову то къ одному плечу, то къ другому, соображалъ, думалъ... И тянулись часы безконечной лѣтней чередой, конца имъ не было, медленно позли секунда за секундой...

Что дѣлать, лежа цѣлый день въ кустахъ, не имѣя возможности пошевелиться какъ слѣдуетъ, встать, размять уставшее тѣло? Какія мысли не придутъ въ голову въ этомъ томительномъ ожиданіи ночи, чего не передумать не занятый ничѣмъ человѣкъ? День вытянулся въ годъ, шелъ неторопливый, сѣреный, безъ дождя, но сумрачный, теплый для того, кто двигается, ходитъ, сидитъ въ укрытой землянкѣ окопа, въ халупѣ, мозглый и пронизывающій для неподвижнаго лежащаго. Рѣдкая, уже черная лѣства передъ глазами. Сивозъ нес сѣрое тучливое небо и изрѣдка черная точка вороны, пролетающей по нему. Повалая коричневая трава передъ самымъ лицомъ, и скрутившіеся пальцы лѣствы, какіе-то ирutiки, дохлый жукъ, коричневый, съ пестрыми крапинками на крыльяхъ. Лапки свернуты, лежатъ на сухомъ листикѣ, и мокрая, нанизавшая, какъ бисеръ, мельчайшія капельки освѣвшихъ росинокъ паутинка тянется отъ него къ сухой былинкѣ. Кто знаетъ, можетъ, завтра самъ подвернешь такъ вотъ лапки?

Моментами представлялось, что лучше встать, выйти на ручей, потомъ подняться по тропинкѣ и сказать удивленнымъ нѣмцамъ: „силъ больше моихъ нѣтъ лежать, дѣлайте, что хотите!“ И тотчасъ рождалась мысль о томъ, что не дѣло такъ и думать даже...

А минуты тянутся, тянутся... Счету имъ нѣтъ, остановилось время сѣренымъ днемъ, наклонилось надъ осенними влажными полями, смотреть пристально и внимательно на грѣшную землю, на прикипшую деревеньку, на широкий оврагъ, на залегшихъ въ немъ людей... Отъ свѣта до тѣмы считать часовъ одиннадцать. По шестьдесятъ минутъ, шестьсотъ шестьдесятъ... А секунды? Что-то тысячъ подѣ сорокъ... Шестью шесть—тридцать шесть, да еще шесть шесть... Это значить два нуля, да шестерка, а тутъ тридцать шесть да тѣхъ три, тридцать девять... Вотъ сколько много, а каждая уйдетъ! Вотъ я считаю, множу, а ихъ штукъ десятокъ и ушло уже... Осталось, значить, безъ десятка...

О чемъ бы еще подумать? Бывало со мной такъ когда, или впервой?

Романковъ сталъ припоминать свою жизнь, какъ онъ былъ сначала мальчикомъ въ деревнѣ, потомъ умеръ отецъ, простудившись въ половодье, когда таскалъ изъ воды дрова, потомъ льяного шибая, взявшаго его изъ хлѣба приучиться къ дѣлу... Потомъ въ конторѣ въ большомъ селѣ... Водочку привыкъ уже попивать, чайкомъ баловаться, тоже, когда гривенникъ какой найдетъ, отъ хозяина скрыть... Много грѣха, что говорить, потому всѣ, что кругомъ были, на томъ только и стояли... А потомъ уже парнемъ, когда самъ на скупку льна по деревнямъ ѣздилъ, уже и порядочныя деньги завелъ, и хозяинъ совсѣмъ старый, сѣдой, на манеръ Ильи пророка по личности, только, бывало, поворачиваетъ бровями и буркнетъ:

— Знаю, самъ такимъ былъ!.. Ну только ежели попадешься, пеняй на себя...

И всѣ знали, и каждый думалъ, что такъ и полагается, и, выходящая съ мужика, такого вотъ Зайца, что ли, гривенники. ня-

таки, прижимая, чѣмъ только можно, утайку дѣлать, а кто не дѣлать, боялся, про того говорили: „дуракъ,— пользы своей не понимаетъ!“

А отъ этого развратъ всякій, и водочка, и прочее... Вотъ война стала... Прежде въ солдатахъ до войны,— не люди, Богъ знаетъ что, а пришла война, въ родѣ очищенія всѣмъ... Смерть стала передъ лицомъ, вся прошлая жизнь какъ на ладони, и каждый грѣхъ въ ней въ родѣ какъ лишній билетъ на смерть твою... Опомнися, да поздно... Уйдешь ли цѣлымъ, выпустишь ли Господь опять на жизнь со столькими неправдами да обидами?..

Думалъ, былъ ли когда вотъ, какъ теперь. Былъ: скупали ленъ въ Остапковскомъ уѣздѣ, а тамъ мельникъ, богатый, земли много держалъ... Самъ уже въ годахъ, раскольникъ, что ли, а жена молодая... Ну, разъ забѣхалъ, другой, слово по слову, да шуточкой, да смѣхомъ... А послѣ прѣѣхалъ, мельникъ на станціи, жена одна дома. И пошелъ этотъ самый грѣхъ, и время не видать, тогда секунды, небось, не считалъ, глядь, и мельникъ въ ворота стучится!.. Туда, сюда, —куда дѣться? Въ подъзбицу, а тамъ ящики какіе-то, бутылки, мельникъ-то и виномъ приторговывалъ по мелочамъ... И сидѣлъ... Часовъ пять, либо шесть отсидѣлъ, все слушалъ, какъ надъ головой ходить да сагогами греметь... И смѣшно и страшно, мельникъ злой, кабы дождь дался, непременно голову бы разсѣкъ... Также грѣхъ все!

А время ползетъ, тянется, какъ изнемогшій нищій по грязной дорогѣ, стелется воспоминаніями старыми, давно минувшими, нѣжной паутинной темной печали охватываетъ душу и качаетъ ее въ долгой дремѣ усталого равнодушія. И уже все равно, найдутъ или не найдутъ ихъ, убьютъ или цѣлы все останутся...

III.

Уже заполдень проснулся Заяць. Поднял голову, отряхнулся, будто и въ самомъ дѣлѣ былъ зайцемъ, и рукой возлѣ рта повозилъ, словно лапой умывался. Покряхтѣлъ, подтянулъ гашникъ потуже и, помаргивая заспанными глазами, сообщилъ:

— Будто побѣсть охота? Надо быть, за полдни время ушло... Тихо?

— Тихо...—нехотя отозвался Романковъ.

— Гм... Ну и слава Богу, коли тихо... До ночи, можетъ, и отлежимся... А тамъ, Богъ дастъ, на правильный путь выйдемъ!..

Побормоталъ еще что-то, потерявъ темной рукой, поежился плечами и опять заснулъ, какъ спалъ, вѣроятно, въ церкви передъ свѣтлой заутреней, на крыльцѣ какого-нибудь нотариуса въ городѣ, у подъѣзда суда въ жаркій день... Какъ спать вообще мужики, когда имъ нечего дѣлать и ѣсть хочется, и времени дѣвать некуда, и сонная одурь охватываетъ тѣло...

Потомъ проснулся Ваня Рудовинскій, долго ворочался въ вылежанной ямкѣ, шмургалъ носомъ и шопотомъ сталъ разговаривать. Говорилъ пустое, почти слушать нечего было, вспоминалъ, что было въ ротѣ, и посмѣялся даже. Потомъ сталъ просить:

— Романковъ, ты гораздъ грамотный, расскажи сказку хоть, что ли!.. Вонъ какъ Туркинъ со второй роты вотъ, гораздъ сказки рассказывать. Ты слыхалъ?

— Слыхалъ.

— А про попа, что черную книгу читалъ, слыхалъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— О-о-о, братъ, вотъ страшная сказка!.. Это, понимаешь, былъ попъ, гдѣ-то въ ихъ мѣстахъ, толстый, дюдой попъ, и во всемъ ему удача... Что ни зачнетъ дѣлать, все у него прибыльно

„Господи-Батюшка, да вѣдь это Статуй!..“

выходить... Станетъ, скажемъ, сбѣться—у всѣхъ ничего, а онъ людей нанимаетъ, чтобъ съ поля свозить... Или заведетъ тамъ себѣ корову, что ль, глядь, а корова стельная и такого теленка принесетъ, что даже цѣны ему сказать нельзя... И все такъ... Вотъ живеть этотъ попъ, можно сказать, большимъ богатѣемъ стать, а всѣ, который народъ-то, и думаютъ: и почему такое попъ такъ удачливъ? Начали дознаваться да распытывать, постѣ и узнаютъ: онъ, значитъ, черную книгу имѣетъ и все по ней какъ есть вычитываетъ...

Почти неожиданнымъ, удивительнымъ чудомъ явился вечеръ. Сумракъ падалъ съ неба, путалъ очертанія въ оврагѣ, и казалось, что онъ идетъ отъ ручья, отъ густоты перепутавшихся кустовъ, протягивается спасительнымъ покровомъ и клубится въ ямахъ и выбоинахъ. Уже стала плотной земля, и очертанія на ней спутались, а небо пошло ниже и нахмурилось. Похоже было, что вотъ-вотъ пойдетъ мелкій, упорный, чисто-осенній, пронизывающій холодомъ.

Заяцъ опять проснулся, послушалъ, чтò рассказываетъ Ваня, и сталъ вѣшаться.

— И вотъ придти къ нему этотъ самый черненькій, — рассказывалъ Ваня, положивъ голову на сложенные руки и глядя куда-то передъ собою: — и говоритъ ему...

Дальнѣй ударъ орудія ухнулъ словно подъ землю, потомъ перекатился черезъ оврагъ, отдался за лѣсомъ и, разсыпаясь, улетѣлъ въ поле. И тотчасъ же, неожиданно близко, такъ, что всѣ трое вздрогнули, послышались хрустъ вѣтокъ, шорохъ осыпающейся подъ ногами земли и чьи-то тяжелые, неровные шаги.

Три лежавшихъ въ кустахъ человѣка замерли. Романковъ осторожно, не глядя, потянулъ къ себѣ винтовку и услышалъ подъ ухомъ чуть внятный шопотъ Зайца:

— Стрѣлять не могли... Надо тихо... Прикладомъ по башкѣ, либо въ ручную... За шею!.. — едва слышно выдохнулъ онъ.

Романковъ слегка подвинулся впередъ и сталъ смотрѣть.

Прямо на нихъ черезъ кусты, напроломъ, какъ будто даже не замѣчая, что вѣтки стегаютъ по лицу, цѣпляются за одежду, шелъ огромный, слегка покачивающійся человѣкъ... Онъ шелъ неровно, качаясь изъ стороны въ сторону, иногда спотыкаясь, но тотчасъ же справлялся и опять переступалъ ногами, съ усиленіемъ и вмѣстѣ упрямымъ упорствомъ двигаясь впередъ.

Когда онъ приблизился такъ, что его можно было рассмотреть лучше, Романковъ замѣтилъ, что одѣтъ онъ въ крестьянской кафтанъ, но шапки не было. Онъ шелъ, закинувъ голову назадъ, не глядя подъ ноги, и становилось непонятнымъ, какъ до сихъ поръ онъ не сорвался съ обрыва и не покатился внизъ по кустамъ. И видно было, что идущій сильно пьянъ, можетъ-быть, до потери сознанія, такъ что не видитъ и не понимаетъ уже ничего, идетъ, куда несуть ноги...

Романковъ высунулся больше, сжался въ комокъ и сталъ ждать. И когда уже хотѣлъ броситься на идущаго, чтобъ однимъ ударомъ сбить его съ ногъ и зажать ротъ, сбоку голосъ Зайца слегка охнулъ:

— Господи-Батюшка, да вѣдь это Статуй!..

И съ такимъ чувствомъ, словно ему окатили спину горячей водой, Романковъ откинулся назадъ.

Это были дѣйствительно Статуй — четвертый солдатъ, вышедшій съ ними вмѣстѣ на развѣдку вечеромъ и отбившійся ночью... И едва понялъ это Романковъ, какъ тотчасъ же въ сбромъ сумракъ падающаго вечера онъ разглядѣлъ, что голова Статуя вся черная — волосы на ней слиплись въ одинъ комокъ, и несетъ онъ голову какъ-то особенно: закинувъ назадъ и все покачивая ею, словно хочетъ что-то сбросить, прилипшее къ затылку...

— Статуй, чтò ты? — свистящимъ шопотомъ окликнулъ его Заяцъ. — Въ своемъ умѣ итти такъ?.. Статуй!

Но солдатъ какъ будто не слышалъ. Онъ шелъ впередъ, не оглядываясь, словно ничего не видя — и если бъ Романковъ не подался въ сторону, онъ шагнулъ бы огромнымъ грязнымъ сапогомъ прямо на него.

Кусты, гдѣ лежали солдаты, были густые и довольно высокіе. Статуй вплотную подошелъ къ нимъ и поперъ прямо, не сгибаясь, не уклоняясь отъ вѣтокъ. Заяцъ дернулъ его за болтающуюся безжизненную руку — и онъ внезапно повернулся, нога у него подогнулась, и, какъ кукла на ослабѣвшихъ шарнирахъ, онъ опустился на землю... Но, должно-быть, гдѣ-то въ углу сознанія былъ отблескъ мысли — можетъ-быть, того, что называется бредовой идеей, и выражалась она въ непремѣнномъ стремленіи итти, двигаться впередъ... Статуй упалъ, но поднялся на руки и, какъ раненый на смерть звѣрь, полѣзъ въ кусты.

Заяцъ подхватилъ его, помогъ ему вобраться и, бормоча что-то торопливо и беспорядочно, уползъ самъ. Статуй вдругъ вздернулъ вверхъ голову, оглянулъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ и сдѣлалъ попытку подняться на ноги. Но Романковъ и Заяцъ не дали ему — и онъ легъ лицомъ внизъ. Секунду онъ лежалъ такъ неподвижно, потомъ зашевелилъ руками и приблизилъ ихъ къ головѣ такъ, что могъ уткнуться лицомъ въ руки. И затихъ — словно впалъ въ безпамятство или заснулъ.

Всѣ трое сидѣли на корточкахъ, молча разсматривая эту черную, въ запекшейся крови голову. Тьма постепенно густѣла подъ кустами, но осеннія сумерки долгія, и она шла осторожно, постепенно, и отъ этого привычныя очертанія какъ будто разбухали, раздвигались... Тяжелое, длинное тѣло Статуя теперь

казалось несравненно больше, тѣмъ обычно, — а черное пятно залитой кровью головы расплывалось огромнымъ шаромъ... Ваня Рудовинскій заглядывалъ черезъ плечи товарищей на это пятно, и глаза его стали большими, любопытными, какъ у деревенскаго мальчишки.

Откуда пришелъ Статуй? Гдѣ онъ хоронился цѣлый день? Почему на немъ эта крестьянская свитка, и куда дѣлась шапка? И потомъ: чтò пережилъ этотъ огромный, необъятной силы человекъ за сутки — кто разбилъ такъ ему голову, и какъ могъ онъ уйти съ такой страшной раной, итти, когда было почти свѣтло, напрямикомъ черезъ оврагъ, по кустамъ, ямамъ? Какъ не упалъ онъ гдѣ-нибудь, сорвавшись слабѣющей ногой, какъ его не прикончили, даже не остановили нѣмцы?! Вообще — чтò случилось съ нимъ, чтò видѣлъ онъ?

Заяцъ потрогалъ было его за руку и попробовалъ окликнуть, но Статуй не пошевелился. Онъ спалъ, или былъ въ обморокъ. Не слышно было даже дыханія.

Солдаты слегка отодвинулись отъ него и ждали. Но шли минуты въ строгой странной тишинѣ, почему-то особенно жуткой: Статуй не двигался. Такъ прошелъ часъ, потомъ полчаса... Заяцъ опять тронулъ руку лежавшаго человѣка и наклонился къ нему. Ни малѣйшаго звука, никакого колебанія воздуха не ощутилъ онъ. Тогда Заяцъ сталъ оцупывать его и вдругъ отдернулъ руку: не было никакихъ сомнѣній, что Статуй умеръ.

IV.

Первымъ подался назадъ Ваня Рудовинскій. Въ сумракъ лицо его свѣтилось бѣлымъ пятномъ, и на немъ темно и страшно намѣчались глаза. Онъ попытался, подчиняясь смутному, но настойчивому инстинкту, похожему на протестъ противъ смерти, разложениа, уничтоженія. Онъ не думалъ ни о чемъ, и страшно ему было не потому, что тотъ, кого всѣ называли Статумъ, умеръ такъ странно и таинственно, а потому же, почему лошадь, заслышавъ трюпъ на дорогѣ, хрипитъ и пятится назадъ.

Приблизительно то же, только въ иной степени, испытали и два другихъ солдата. Они привыкли къ смерти, видѣли ее много разъ, но однажды чувствовали ея вѣяніе на себѣ, и трюпъ для нихъ былъ чѣмъ-то привычнымъ, не возбуждающимъ ни страха ни удивленія. Но тутъ случилось что-то не такъ и не то, къ чему они привыкли. Человѣкъ исчезъ, гдѣ-то пропалъ почти сутки, потомъ пришелъ, легъ и умеръ, не проронивъ ни слова. И теперь лежалъ, рисуясь въ сбромъ сумракѣ притаившагоса подъ кустами вечера тяжелой и неподвижной тушей, какъ будто выстѣпной изъ твердаго, суроваго камня.

Ваня совсѣмъ выгѣзъ изъ кустовъ, уже не думая объ опасности, и, чуть задыхаясь, сказалъ:

— Здѣсь нельзя... Я не останусь, Господь съ нимъ... Я не могу!

И Заяцъ съ Романковымъ тотчасъ же поняли, что оставаться дѣйствительно нельзя. Они выползли вѣздъ за Ваней и, прижавшись къ землѣ, оглядѣлись.

Вечеръ уже окуталъ землю; дальняя полоса лѣса стала черною и слилась съ землей, и теперь трудно было отличить, чтò тамъ такое — гора, лѣсъ или деревня? Этотъ лѣсъ, по крайній мѣрѣ, его тьма и тишина, можетъ-быть, только кажущаяся, могли быть спасеніемъ. Въ оврагѣ оставаться нельзя, — это чувствовали всѣ. А куда итти?

Они были въ положеніи обложенныхъ опытнымъ окладчикомъ звѣрей. И, подчиняясь тому же звѣриному стремленію, которое гнало того, чтò осталось неподвижно въ кустахъ, они рѣшили пробраться въ лѣсъ.

Романковъ всталъ, оглядѣлся во всѣ стороны, сообразилъ мѣстность и пошептался съ Зайцемъ. Ваня, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, молчалъ; онъ зналъ, что оставаться въ кустахъ нельзя, не потому, чтобы это было опасно, или надо пробраться къ своимъ, а потому, что тамъ лежалъ трупъ. Все же остальное его не касалось, такъ какъ онъ зналъ, что товарищи сдѣлаютъ именно то, чтò нужно въ данномъ случаѣ.

Въ лѣсъ нельзя было пробраться, не минувъ деревни. Она, конечно, заполнена непріателемъ, но итти по лѣсу, безъ прикрытія, какъ выразился Романковъ, гораздо опаснѣе. По полю все время передвигаются солдаты, смѣны часовыхъ, частей; цѣлый день тамъ слышалась возня, какъ будто тамъ надъ чѣмъ-то работали. Романковъ даже догадывался, что тамъ, вѣроятно, строятъ батареи для орудій, обстрѣливающихъ аэропланы. По прежнимъ своимъ развѣдкамъ онъ зналъ, что у нѣмцевъ вся прилегающая къ передовой линіи полоса, версты въ двѣ шириною, усажена расположенными въ шахматномъ порядкѣ такими батареями съ подвижными, вертлящими во всѣ стороны орудіями. Всѣ они соединены между собою телефонами, а телефоны охраняютъ развѣзды и дозоры, шагающіе очередной смѣной.

Единственная возможность пробраться сквозь эту цѣпь, это — держаться задми деревни и прошмыгнуть къ лѣсу.

Они выработали планъ перехода и двинулись. Итти, согнувшись въ густившемся мракѣ, припадая къ землѣ, загнавъ дыханіе при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ, стараясь не брякнуть винтовкой, не оступиться въ невидимую яму, не спотыкнуться, — итти съ четверть версты дѣло не легкое. Два раза они чуть не погибли отъ того, что какая-то партия людей, неизвестно, солдатъ или иттъ, негромко переговариваясь, прошла безпорядочной толпой совсѣмъ близко отъ нихъ. Когда на фонѣ свѣтлѣю-

Г. САМОКИША

Плѣныя. Рисунокъ перомъ профессора Н. С. Самокиша.

щого неба, лежа на мокрой холодной землѣ, Романковъ увидѣлъ неясныя силуэты идущихъ, онъ подумалъ:

„Ежели бы съ собакой, то мы пропали бы. Коли доведется вернуться, безпремѣнно скажу начальнику развѣдки, прапорщику Самойлову, чтобъ собакъ въ командѣ завести!..“

Но у нѣмцевъ собаки не было, и толпа прошла, не подозрѣвая даже, что въ пяти шагахъ отъ нея лежатъ три человѣка, которымъ кажется, что идущіе могутъ услышать бѣненіе ихъ сердецъ.

Потомъ пошли дальше, поминутно останавливаясь, прислушиваясь, распластываясь на землѣ. Уже недалеко отъ деревни, такъ недалеко, что слышны были голоса гдѣ-то на дворѣ, чей-то сердитый крикъ, вдругъ послышался громкій, будящій топотъ копытъ скачущей лошади. Всадникъ, очевидно, летѣлъ прямо по полю, и прямо на залегшихъ людей. Заяцъ вросъ въ землю, впившись глазами въ тьму по тому направленію, откуда неслась лошадь. Животное чувствуетъ человѣка, лошадь услышитъ запахъ людей и можетъ рвануться въ сторону. Всадникъ захочетъ узнать причину испуга лошади. Тогда пропали.

Короткіе, ритмическіе удары копытъ приближались. И вдругъ надъ самыми головами лежавшихъ, какъ огромный призракъ, взметнулся черный силуэтъ лошади, раздался испуганный храпъ, и звеня пустыми стременами, лошадь бросилась въ сторону и помчалась широкимъ кругомъ въ черное поле. Но зоркій острый взглядъ Зайца успѣлъ разглядѣть, что лошадь была безъ сѣдока съ пустымъ сѣдломъ. Должно-быть, она вырвалась и теперь носилась по полю, прядая въ стороны, пугаясь каждого шороха, каждого куста, такъ непонятно, таинственно и страшнаго тамъ, гдѣ гремятъ страшныя огненныя чудовища, и такъ часто пахнутъ ужаснымъ запахомъ крови.

Это появленіе лошади имѣло только одинъ результатъ: сознаніе, что пробираться теперь еще опаснѣе. Несомнѣнно, выравнуясь лошадь будутъ искать, и по полю будутъ бѣгать солдаты, въ надеждѣ поймать ее.

Такое соображеніе заставило бросить излишнюю осторожность. Теперь три солдата почти напроломъ шли къ гумнамъ, чернѣвшимъ съ края села. И когда дошли до перваго, долго прислушивались, стараясь опредѣлить, есть кто-нибудь живой поблизости или нѣтъ.

Сначала все было тихо. Такъ же тяжело и раскатието били гдѣ-то орудія. Какъ будто трескотня винтовокъ донеслась однажды отдаленнымъ перебоемъ и смолкла, или это только показалось, что она была?.. Въ деревнѣ, на другомъ концѣ, все еще кричалъ сердитый голосъ, и крикъ разносился далеко и ясно. Вправо, на шоссе, попрежнему гремѣли колеса, много колесъ, тяжелыхъ, окованныхъ желѣзомъ, и сквозь это непрерывное тарыхтѣе слышался трескъ автомобильнаго мотора. И оттого, что все это, — и движеніе обозовъ и ходъ автомобиля съ потушенными фонарями, — свершалось въ полной тьмѣ, оттого, что нигдѣ кругомъ не было видно ни одной звѣздочки свѣта, казалось, что вся ночь полна пугающей жизни, что вездѣ, на каждомъ шагу, сторожить опасность, стоитъ неподвижно, затаивъ дыханіе, и ждетъ.

У стараго покосившагося гумна, крытаго соломой, была канава. Она вся поросла крапивой, репейемъ и лопухами, и теперь вся эта зелень была мокрая, вялая, свернувшаяся. Солдаты лежали въ ней, прислушиваясь и напрягая глаза до боли. И но даромъ.

Сначала отдаленно, потомъ ближе и ближе, послышались одинокіе шаги. Шелъ солдатъ, должно-быть, дозорный, изъ тѣхъ, что дежурили у телефонныхъ проводовъ; шелъ и чуть слышно насвистывалъ что-то, лѣниво шагая по неровной дорогѣ. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, онъ остановился какъ разъ надъ лежащими людьми. Онъ попробовалъ — было подойти къ гумну, можетъ-быть, для того, чтобъ прислонить винтовку, но оступалъ ногою канаву и пробурчалъ что-то. Романковъ видѣлъ снизу, на свѣтѣ чуть отдѣлявшагося отъ земли неба, что солдатъ приставилъ винтовку къ ногѣ, долго копался за пазухой или въ карманѣ и что-то досталъ. Минуту повозившись, онъ вдругъ высѣкъ огня, должно-быть, изъ обыкновенной зажигалки съ фитилемъ. Сверкающія бѣлыя искры рассыпались небольшимъ пучкомъ, потомъ сталъ виденъ красный огонекъ тлѣющаго фитиля. Солдатъ неторопливо закурилъ, опять побурчалъ что-то и, вскинувъ на плечо винтовку, медленно и лѣниво пошелъ дальше.

Поднялись только послѣ того, какъ шаги замерли въ отдаленіи.

И, поднявшись, долго стояли въ смутномъ чувствѣ, близкомъ къ отчаянію: какъ же выбраться изъ этого заколдованнаго круга, гдѣ каждый шагъ грозитъ смертью? И можно ли выбраться, не лучше ли просто сѣсть и ждать неминуемаго?

Голодъ уже сталъ мучить трехъ затерявшихся въ ночи людей: отъ волненія хотѣлось пить, и дыханіе стало частымъ и сухимъ. Надо бы у ручья тогда напиться, да тогда не до того было, а теперь гдѣ взять воды?

Повернули за уголъ, чтобъ обойти гумно съ той стороны, гдѣ все было тихо, и долго прислушивались. И вдругъ тяжелая, широкая воротина гумна чуть отпахнулась. Солдаты вытянулись у стѣны, сжавъ винтовки. Ваня стоялъ послѣднимъ, закрывая собою Зайца, у котораго изъ разсѣченной руки текла кровь, заливая шинель и подсумокъ съ патронами, и когда въ головѣ его мелькнула мысль, что сейчасъ, можетъ-быть, будетъ конецъ, и что какъ сдѣлать, чтобъ конецъ этотъ былъ какъ можно дороже, онъ чуть-чуть улыбнулся даже: — такъ томительно было это прятанье, что даже самая смерть не казалась страшнѣе теперь.

Не видно было въ темнотѣ, но чувствовалось, что кто-то выглянулъ изъ гумна и смотритъ въ ихъ сторону. И, затаивъ дыханіе, сжимая настывшія винтовки въ рукахъ, три солдата такъ же пристально смотрѣли, готовые на все.

— Кто тутъ? — негромко спросилъ вышедшій по-польски.

Солдаты молчали. Воротина слегка скрипнула, какъ будто выглянувшій подался назадъ.

— Тату, тутъ кто-то стоитъ... — также по-польски проговорилъ тонкій, испуганный голосъ: — тату, я боюсь!..

Слышно было, какъ въ гумнѣ скрипнуло что-то, потомъ зашуршало сухое сѣно или солома, и послышались мягкіе шаги бо-еыхъ ногъ.

— Кто тамъ, дочка? Никого нѣтъ... — заговорилъ грубоватый мужской голосъ. — Чего боишься, дочка, нѣмцы не придуть!..

— Тутъ стоитъ кто-то... — повторялъ ребенокъ и всхлипнулъ: — бо-о-юсь!

Со стороны поля шла партія людей. Они говорили низкими, басистыми голосами и порою сталкивались чѣмъ-то ружьями или лопатами, и звякающій желѣзный звукъ далеко разносился въ воздухѣ.

Романковъ вдругъ тряхнулъ головой, перехватилъ винтовку въ одну руку и шагнулъ впередъ.

— Кто тутъ, кто тутъ?! — испуганно забормоталъ полякъ, когда прямо на него надвинулась отдѣлившаяся отъ стѣны черная тѣнь. — Иезусъ-Марія, кто тутъ?..

— Молчи... молчи... — отрывисто прохрипѣлъ Романковъ, скользнувъ мимо него въ гумно. — Скорѣй, ребята!..

Двѣ другія тѣни такъ же беззвучно и быстро мелькнули за нимъ, потомъ грубая сильная рука схватила хозяина за рубаху и втащила внутрь. Дочка, державшаяся за отца, прижалась къ нему плотнѣе: когда всѣ были въ гумнѣ, та же рука нащупала скобу воротины и осторожно закрыла ее.

Полная тьма стояла въ гумнѣ чернымъ пологомъ. Гдѣ-то наружу шли люди, переговаривались усталыми голосами, одинъ что-то разсказывалъ. И пока шаги ихъ были слышны, въ гумнѣ никто не проронилъ ни одного звука.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Молчи... молчи...“ — отрывисто прохрипѣлъ Романковъ, скользнувъ мимо него въ гумно...

Неприятельскую батарею нашли. Начальник команды истребителей ѣдет на батарею.

На западном фронтѣ.

Разказы В. Роншина.

I.

Встрѣча.

...Къ вечеру умолкли орудія. Я вышелъ за городъ, въ поле. Далеко впереди, направо, горѣла деревня. Я смотрѣлъ на затуманенныя поля, на дорогу — бѣлое полотенце, на уцербленный и мутный мѣсяцъ и не думалъ ни о пушкахъ ни о войнѣ. Миѣ казалось, что я не въ Артуа, а въ Россіи. Миѣ казалось, что сейчасъ мелькнетъ знакомая колокольня, и что тамъ, — въ пяти километрахъ, за лѣсомъ, — ѣтъ нѣмецкихъ стерегущихъ траншей. Я почти забылъ про войну.

И вдругъ, въ кустахъ, у края дороги, подъ высокой, дремлющей липой, я увидѣлъ черную тѣнь. Она скользнула во мракъ и пропала — исчезла, какъ привидѣніе. Я свернулъ къ безмолвнымъ кустамъ и внезапно остановился. На сырой и вязкой землѣ ничкомъ лежалъ человекъ. Онъ, лежа, пристально смотрѣлъ на меня. Въ темнотѣ я не замѣтилъ его лица, но почувствовалъ его взглядъ. Я сказалъ:

— Кто идетъ?

Человѣкъ не пошевелился. Я спросилъ еще разъ:

— Кто идетъ?

Онъ неохотно, съ усиленіемъ, сталъ на колѣни. Я увидѣлъ дряхлаго старика, въ широкополой крестьянской шляпѣ и короткой холщевой блузѣ. Все еще не отрывая глазъ отъ меня, онъ негромко отвѣтилъ:

— Франція... Жоффръ... — И вдругъ, закрывъ руками лицо, забормоталъ, заикаясь: Не убивайте меня... Огните... Что я вамъ сдѣлалъ? Я бѣдный крестьянинъ... Я никому не хочу вреда... Я никому не мѣшаю... Будьте милосердны... Не убивайте...

Я наклонился надъ нимъ. Я увидѣлъ старческія морщины, глубокой, надъ лѣвой бровью, рубецъ и бритый, острый, трясущійся подбородокъ.

— Чтѣ съ вами?

Онъ поднялся и теперь стоялъ противъ меня, опираясь на суковатую палку. Свѣтилъ мѣсяцъ и догорала на горизонтѣ деревня.

— Со мной?... Ничего... Благодарю васъ... Allons, enfants de la patrie... — заплѣлъ онъ и покачнулся.

„Онъ пьянъ“, — подумалъ я и повторилъ свой вопросъ:

— Чтѣ съ вами?

Но онъ не отвѣтилъ. Онъ взялъ меня за плечо и, покачиваясь на тонкихъ ногахъ, съ минуту стоялъ въ раздумьѣ. Потомъ заговорилъ, трясая своимъ слабымъ тѣломъ:

— Я боюсь... Ахъ, я боюсь... Ночь... Темно... И этотъ пожаръ... Я бѣдный крестьянинъ... Если вы возвращаетесь въ городъ, проводите меня... Возьмите меня съ собой... А-ахъ... Я ничего не понимаю... Allons, enfants de la patrie...

Мы пошли назадъ въ городъ. Мы шли рядомъ, ночью, вдвоемъ, и онъ крѣпко держалъ мою руку. Онъ шатался, какъ пьяный, плѣлъ и шопотомъ говорилъ:

— Я боюсь... Ахъ, я очень боюсь...

А когда, у часовни, мы поровнялись съ городскимъ скверомъ, онъ остановился и, снова взглянувъ миѣ въ лицо, — миѣ показалось, что онъ улыбнулся, — сказалъ спокойно и ясно:

— А теперь, благодарю васъ... Вы очень добры... До свиданія...

И скрылся въ сумракѣ за оградой.

Я скоро забылъ о немъ. Я помнилъ о пожарѣ, о неумолчномъ грохотѣ пушекъ, о мутномъ мѣсяцѣ и о печальныхъ поляхъ. Но я забылъ о немъ, — о пьяномъ и напуганномъ старикѣ: я никому не разказалъ о неожиданной встрѣчѣ.

Прошло три недѣли. Я проѣздомъ былъ въ Лотарингіи. Уже опали желтые листья и осиротѣли деревья. Сѣялъ мелкій, лѣтний дождь. Большая, ровная, избѣзженная артиллеріей дорога заволоклась прозрачной сѣткою. Въ отдаленіи, въ Вогезахъ, грустно вздыхала пушка. На дорогѣ не было никого, но въ стонѣ, у полуразрушенной фермы, я замѣтилъ двухъ пѣхотныхъ солдатъ. Они спрятались подъ крышу сарая. Оба вымогли, ихъ шинели измокли, и съ винтовокъ медленно, по каплямъ, струилась вода. Рядомъ съ ними, на голой землѣ, лежала рваная, полунетлѣвшая отъ дождей, рогожа. Я подошелъ и спросилъ:

— Чтѣ вы дѣлаете здѣсь подъ дождемъ?

— Мы караулимъ

— Кого?

Пожилый чернобородый солдатъ нахмурился и приподнял рогожу.

— Взгляните.

Я взглянулъ. Я увидѣлъ неподвижное, уже оконечѣвшее тѣло. Я увидѣлъ широкополую шляпу, острый, старческій подбородокъ, сухое, темное, сожженное солнцемъ, лицо, сѣдые усы, морщины и надъ лѣвымъ глазомъ, надъ бровью, глубокой и узкой рубецъ. Не могло быть сомнѣнія: передо мною лежалъ мой знакомецъ, мой спутникъ, встрѣченный ночью, въ открытомъ полѣ, старикъ.

Кто это?

— Не знаю.

— Онъ здѣшній?

— Не знаю.

— Онъ французъ?

— Не знаю.

Мы помолчали. Другой солдатъ, румяный и смуглый, поправилъ плечомъ винтовку и тихо сказалъ:

— Онъ, навѣрное, не французъ... — и прибавилъ: — Сегодня

На позиціи. Команда истребителей на работѣ.

Переходъ команды истребителей по временному военному мосту

ночью патруль нашелъ на фермѣ этого человѣка. У него былъ фонарь и карта, и компасъ, и офицерскій бинокль. Вотъ и все. Я возвращался по размытой дорогѣ. Плакалъ дождь. Слезился деревья. Попрежнему заглушенно вздыхала пушка. Мнѣ было жутко: я вспоминалъ испуганныя—не насмѣшливыя?—слова:

— Я боюсь... Ахъ, я очень боюсь...

Кто онъ былъ, этотъ неизвѣстный старикъ?

II.

Кузнецъ изъ Шеербекке.

Кузнецъ Маттисъ Ванъ-де-Кершовъ, родомъ изъ Шеербекке, былъ арестованъ въ Гассельтѣ. Онъ былъ арестованъ подѣ восресенье, когда спать крѣпкимъ сномъ.

Въ понедѣльникъ его судили нѣмецкія власти: полковникъ и два капитана.

Полковникъ, очень высокій и полный, уже сѣдой человѣкъ, задалъ ему рядъ вопросовъ:

— Признаете ли вы себя виновнымъ, что тайнымъ образомъ пересылали письма во Францію?

Маттисъ Ванъ-де-Кершовъ, знаменитый въ Гассельтѣ своей силой,—онъ поднималъ карету за колесо,—пожалъ съ недоумѣніемъ плечами:

— Виновнымъ?.. Вины здѣсь нѣтъ никакой, а письма я дѣйствительно посылалъ.

Первый капитанъ поднялъ голову отъ стола и взглянулъ на Ванъ-де-Кершова съ любопытствомъ. Второй капитанъ тоже внимательно посмотрѣлъ на него.

— Такъ... Признаете ли вы себя виновнымъ, что помогали молодымъ людямъ, подлежащимъ призыву, переходить незаконно границу?

Ванъ-де-Кершовъ снова пожалъ плечами.

— И здѣсь я не вижу вины. Эти молодые люди переходили границу по приказу бельгійскаго короля.

Первый капитанъ нахмурился и сказалъ:

— Въ Бельгій нѣтъ короля.

Второй капитанъ тоже нахмурился и прибавилъ:

— Въ нѣмецкой Бельгій есть императоръ... Императоръ Вильгельмъ Второй.

Ванъ-де-Кершовъ ничего не отвѣтилъ.

— Такъ... Признаете ли вы себя виновнымъ, что помогали плѣннымъ французамъ бѣжать?

Ванъ-де-Кершовъ слегка покраснѣлъ.

— Я не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ... Французскимъ солдатамъ я дѣйствительно давалъ деньги, но я думалъ, что, поступая такъ, я служу моей родинѣ.

Первый капитанъ разсердился:

— Ваша родина не Бельгій, а Германія.

Второй капитанъ подтвердилъ:

— Нѣтъ Бельгій. Есть Германское государство.

А полковникъ, потирая пухлыя руки, замѣтилъ:

— Вы сознались. Это облегчаетъ нашу задачу... Судъ уходитъ на совѣщаніе.

И черезъ десять минутъ былъ вынесенъ приговоръ:

„За государственную измѣну, кузнеца Маттиса Ванъ-де-Кершова, родомъ изъ Шеербекке, предать смертной казни“.

Ванъ-де-Кершовъ выслушалъ и ничего не сказалъ. Можно было подумать, что онъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ стоялъ передъ судьями, огромный, свѣтло-волосый, голубоглазый, и вертелъ въ рукахъ свой картузъ. Полковникъ поморщился и кивнулъ головой:

-- Уведите его!

Ванъ-де-Кершова увели обратно въ тюрьму.

кончилъ, Ванъ-де-Кершовъ вынулъ изо рта трубку.

— Господинъ лейтенантъ...

— Чтò надо?

— Я имѣю къ вамъ просьбу.

— Какую?

— Я прошу не завязывать глазъ.

Лейтенантъ поколебался минуту. Потомъ сказалъ:

— Хорошо.

Солдаты выстроились. Звякнули ружья. Ванъ-де-Кершовъ приклонился къ стѣнѣ. Лейтенантъ поднялъ руку въ бѣлой перчаткѣ.

Но онъ не успѣлъ еще скомандовать „пли“, какъ случилось что-то до такой степени неожиданное, что объ этомъ весь Гассельтъ говорить до сихъ поръ. Ванъ-де-Кершовъ пригнулся, дернулъ завязанными руками и, разорвавъ безъ труда веревки, бросился на солдатъ. Онъ бросился, какъ бросается разъяренный и ослѣпленный яростью быкъ. Солдаты не успѣли защититься штыками. Ванъ-де-Кершовъ сбилъ фельдфебеля съ ногъ и схватилъ щеголеватого лейтенанта за горло. Онъ схватилъ его съ такой силой, что лейтенантъ упалъ и захрипѣлъ, посинѣвъ. Ванъ-де-Кершовъ, свѣтловолосый, бородатый, огромный, въ синей блузѣ и въ картузѣ, сидѣлъ на лейтенантѣ верхомъ и давилъ ему горло все сильнѣе, все крѣпче, повторяя одни и тѣ же слова:

— Долой Германію!.. Есть Бельгій!.. Есть король!..

Солдаты очнулись. Фельдфебель, съ перекошеннымъ отъ страха лицомъ, широко размахнулся прикладомъ и ударилъ Ванъ-де-Кершова въ спину. Но Ванъ-де-Кершовъ не выпустилъ лейтенанта. Тогда молодой безусый баварецъ, не цѣлясь, выстрѣлилъ изъ винтовки. Ванъ-де-Кершовъ опустилъ руки и медленно, точно нехотя, склонился къ землѣ. Онъ уже не чувствовалъ ничего и не видѣлъ, что рядомъ съ нимъ лежитъ бездыханный, убитый имъ лейтенантъ.

Всходило солнце. Розовѣли утренніе лучи.

Въ Гассельтѣ барабаны били тревогу.

У телефона. На передовыхъ позиціяхъ. Начальникъ команды истребителей.

Б о л о т о .

Разсказъ А. С. Грузинскаго-Лазарева.

I.

Лѣсное болото тянулось на много верстъ. Его плохо знали, его избѣгали, потому что во многихъ мѣстахъ оно было бездонно, и неосторожному путнику, забредшему на его зыбкую поверхность, грозила бѣда.

Обходя его стороною, люди думали:

„Береженаго и Богъ бережетъ...“

Окаймляли болото могучіе зеленые лѣса да густые кусты, сквозь которые было трудно пробраться.

Не было лѣсного звѣря поблизости отъ болота; только ужь да змѣи выползали изъ норъ по окраинамъ, да много водяной птицы танцовало на его островкахъ: кричали утки, роготали гуси, а по ночамъ кричала тѣмъ дикимъ крикомъ, который пугаетъ прохожихъ и пробѣжнихъ, болотная выпь. И даже знавшіе крикъ выпь говорили, крестясь:

— Господи! Нѣтъ страшнѣе крика, чѣмъ у этой проклятой птицы!

Лѣтомъ возлѣ болота носились тучи комаровъ, и уже одно это отпугивало отъ него всякую живую душу. Даже волки избѣгали болота. Даже хитрые желтые лисы съ узенькими мордочками ходили по окраинамъ и нюхали воздухъ, подстерегая болотную дичь. Ихъ не пугала и выпь и ея высоко вытянутая вверхъ голова во время дикаго крика. Подкравшись, онѣ хватали эту палево-сѣрую птицу за вытянутое горло, и дикій крикъ обрывался на полнотѣ, чтобы никогда уже не повториться опять.

Къ осени комары исчезали, и возлѣ болота было легче всякой живой душѣ.

Синее небо осеню смотрѣлось въ черную воду болота и, вмѣсто увядшихъ кувшинокъ и бѣлыхъ лилій, видѣло большіе желтые и коричневые, обожженные утреннимъ морозцемъ, листья, свалившіеся съ деревьевъ и трепетавшіе, какъ гигантскіе мотыльки, когда надъ болотомъ тянуль вѣтеръ и по черной водѣ бѣжали стальныя струи. Синее небо осеню видѣло улетающую на югъ дичь. Летѣли съ тихимъ курлыканьемъ сѣрые журавли. Улетали бѣлоснѣжныя аисты. Куда? Говорятъ, въ Египетъ и дальше. Улетали гуси, утки и вся болотная дичь. Болото пустѣло. Болото гложло. Только черная вода плескалась при большомъ вѣтрѣ въ желто-зеленыя кочки, въ мшистые берега, да шумѣли желтые листья, слетая съ деревьевъ и толкаясь другъ о дружку въ непрерывной осенней толчѣ. Да вѣтеръ, холодный осенній вѣтеръ, со свистомъ леталъ надъ болотомъ, какъ будто слѣпилъ куда-то, и каждому было ясно, что онъ не могъ бы летать быстрѣе, будь у него крылья.

Вмѣсто аиста, на крышѣ хаты—пустое гнѣздо. Аистъ улетѣлъ въ теплый край для того, чтобы согрѣться, для того, чтобы не знать зимнихъ выюгъ. И, выйдя изъ хаты, ребенокъ, какъ аистъ, стоитъ на одной ногѣ, прячетъ озябшій носъ въ рукавъ рубашки, страстно хочетъ согрѣться и страстно хочетъ не знать зимнихъ выюгъ.

Когда листья сыпались съ деревьевъ, что ни день, то сильнѣй, и, вмѣсто густыхъ опушенныхъ листьями вѣтокъ, надъ болотомъ начиналъ тощѣ сѣрые хлысты, болото становилось печальнымъ. Не только печальнымъ, оно становилось страшнымъ.

Смотря на него задумчиво и меланхолично опираясь на старое охотничье ружье, охотникъ не могъ не сказать того, что болото привело ему на память:

— Точно большая черная холодная могила!

На позиціяхъ. Команда истребителей на работѣ.

II.

Лѣсникъ Артѣмій, какъ эхо, отозвался на эти слова:
— Да оно такъ и есть, сударь! Большая это могила. Многихъ она нѣмцевъ взяла.

— Какъ такъ?

— Да ужъ такъ. Одна вѣдь это исторія. По всей нашей округѣ. На много верстъ.

— Какая исторія?

— Обыкновенная. Приглядѣлись мы къ ней; наслушались разсказовъ. Осень еще только крадется къ нашему краю. Стоятъ ясные дни. Тепло. Солнце заливаешь ласковымъ свѣтомъ поля, лѣса и деревни. Жить бы да радоваться, да славословить Создателя. Ничего дурного не идетъ на умъ въ эти дни. Славные дни, лучшіе, чѣмъ дни жаркаго лѣта. Кажется, въ эти дни умиротворится самая озлобленная душа. Но развѣ то люди? То—нѣмцы.

„Пылить дорога; раньше всего въ село ѣдетъ нѣмецкій развѣздъ.“
— Эй, москали паршивые! Есть тутъ у васъ казаки? Гдѣ казаки? Говори скорѣе, каторжннй народъ!

— Нѣтъ тутъ у насъ казаковъ. И не было вовсе.

— Ну, счастье ихнее! Мы бы имъ задали пфеферу! Мы бы съ нихъ кожу содрали. Живыми бы въ землю зарыли!

„Народъ молчитъ, хмурится, думаетъ:“

„Что же, васъ взять на это. Вы бы зарыли!“

А вслухъ говоритъ:

— Нѣтъ у насъ казаковъ. И не было.

— Счастье ихнее. Утекли...

„А сами пугливо глядятъ во всѣ стороны, какъ зайцы, что гончихъ завидятъ, и скачутъ назадъ къ отряду съ радостнымъ извѣстиемъ: въ селеніи нѣтъ ни русскихъ войскъ ни казаковъ! Дорога свободна: милости просимъ грабить, разбойничать, жечь.“
„Опять пылить дорога; шагаютъ, выбрасывая далеко носокъ, деревянные нѣмцы съ тупыми самодовольными рожами сѣверныхъ болотныхъ жабъ, гремитъ артиллерія, стучатъ зарядные ящики, блестятъ на ясномъ солнцѣ дула орудій; какъ рѣка по веснѣ, разлилась по селу нѣмецкая сила.“

„Офицеры на площади крикомъ кричатъ:“

— Эй! Чего попрятались? Гдѣ валя попь? Зовите пона, онъ намъ нуженъ!

— Нема пона, — народъ говорить.—Батюшка въ городъ уѣхаль.

— Гдѣ староста? Чтобъ сейчасъ до насъ шелъ!

— Нѣту и старосты. Въ лѣсъ утекъ.

— Позвать учителя!

— Гдѣ жъ его взять? Онъ, какъ съ весны уѣхаль, назадъ не вертался. Какое теперь ученье? До него ль?

„Нѣмцы въ обидѣ.“

„Не надъ кѣмъ куражиться, некого въ заложники взять, чтобъ грозить разстрѣломъ, въ случаѣ, если пьяные нѣмцы съ перепугу начнутъ другъ въ друга стрѣлять. Но если нѣтъ, то на нѣтъ и суда нѣтъ. Утѣшились нѣмцы и пошли по селу хапугы грабить: посуду, утварь, нѣмные всякое изъ сундуковъ вонъ“

На позиціяхъ. Команда истребителей на работѣ.

ВЪЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВЪЧНАЯ СЛАВА

Полковникъ
Л. Н. Краббе.

Полковникъ
В. М. Барковскій.

Подполковникъ
О. А. Ленцъ.

Подполковникъ
Л. А. Тельнихинъ.

Капитанъ
Н. П. Гусakovъ.

Капитанъ
Е. П. Андреевъ.

Капитанъ
Н. М. Семеновъ.

Штабсъ-капитанъ
В. А. Соколовъ.

Штабсъ-капитанъ
Е. Е. Кибаленко.

Штабсъ-капитанъ
И. Г. Дружковъ.

Штабсъ-капитанъ
А. Д. Волновъ.

Поручикъ
А. М. Михайловъ.

Поручикъ
В. Д. Марковъ.

Поручикъ
Н. Н. Сивицкій.

Поручикъ
А. М. Князевъ.

Поручикъ
А. Г. Чубаровъ.

Поручикъ
П. А. Сафоновъ.

Поручикъ
И. В. Антиповъ.

Поручикъ
П. В. Курсаковъ.

Поручикъ
М. В. Безръ.

Поручикъ
Н. Н. Уманецъ.

Подпоручикъ
М. Е. Брыковъ.

Поручикъ
А. Г. Красавцевъ.

Подпоручикъ
Н. К. Михайловъ.

Подпоручикъ
М. Р. Рейнталь.

и сейчас на воза, чтобъ въ Германію везти. И платье мужское, и платье женское, и мебель, какая получше, и машинка швейная у кого есть:

„Доброму вору все въ пору“.

III.

„Всю птицу себѣ на обѣдъ перерѣзали, свиней, какія были, въ запасъ перекололи, чтобы и завтра и послѣзавтра было чѣмъ полакомиться. Платили прикладомъ въ спину или кулакомъ въ бокъ, а кулаки были тяжелые, что твой чугунъ. Въ ту пору это былъ народъ сытый, упитанный, пивомъ налитый. Потомъ уже у нихъ народъ поплосе пошелъ. А раньше они были поперекъ себя толще. И брали все, что плохо лежало, все, на что падать ихъ

Румынскій кордонъ.

таться, а бѣольшую часть изловили и къ нѣмцамъ увели. Нѣкоторыя дѣвки поутру вернулись, а о другихъ вѣстей и до сей поры нѣтъ. Была на селѣ у Павла (а Павелъ помощникъ мой, сударь!) невѣста, такъ вотъ и о ней, между прочимъ, нѣтъ никакихъ вѣстей. Гдѣ она, чтѣ она,—неизвѣстно. Изъ этого сами вы понять, сударь, можете, какъ Павелъ любитъ этихъ проклятыхъ нѣмцевъ.

Урочище Фальги, гдѣ въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. наши войска перешли границу. 1. Караулъ. 2. Таможенная застава. 3. Рогатка у парома.

ненасытный взглядъ. Лошадей всѣхъ впередъ куда-то угнали, коровъ со всѣхъ дворовъ тоже съ собой увели. Полный разгромъ всего сдѣлали: по хатамъ хоть шаромъ покати.

„Потомъ попозже велѣли къ себѣ дѣвокъ со всего села посогнать.“

„Ну, тутъ, какъ всегда, стонъ, слезы. Кое-кто успѣлъ убѣжать, въ лѣсъ попря-

Переходный пунктъ у С... Паромъ.

„Ладно. Затаялъ онъ въ себѣ злобу свою и тоску, а когда нѣмцевъ назадъ изъ-подъ Ровны попятили, припомнилъ все и счесть съ ними какъ слѣдуетъ свелъ.“

„На обратномъ пути нѣмцы шли безъ прежняго форса, какъ собаки побитыя, и опять остановились въ нашемъ селѣ. Переночевали. Ушли на утро. Къ вечеру часть отряда вернулась назадъ. Видимъ, что отрѣзана, и что ей нѣтъ впередъ ходу. Но, между прочимъ, молчимъ.“

„Нѣмцы спрашиваютъ: — Нѣтъ ли такого чедовѣка, который бы насъ въ обходъ мимо русскихъ провелъ? Дадимъ дорожную цѣну. Можетъ, по лѣсу пройти гдѣ возможно? Лѣсной дорогой?“

„Павелъ впередъ выступилъ. — Лѣсной дороги нигдѣ нѣтъ,

Переходный пунктъ изъ Россіи въ Румынію у С... Рогатки.

На границѣ съ Румыніей. По фот. нашего военного корреспондента.

Разрушенный мостъ

чтобы пройти незамѣтно. А если желаете, я могу через болото вашъ отрядъ провести.

- Гм!.. А не опасно идти через ваше чортово болото?
 — Опасно. Даже очень опасно. Но нѣтъ другого пути.
 — А ты къ казакамъ не заведешь?

глубокой древности, оно еще татарскіе отряды въ себѣ хоронило...

Кончивъ рассказъ, лѣсникъ стоитъ молча, опираясь о ружье. Осенній вѣтеръ пробирается сквозь полунагую чашу и рябитъ черную воду болота.—эту большую черную могилу насильниковъ, грабителей и убійцъ...

„Живио Сербія!..“ („Да здравствуетъ Сербія!..“).

I.

Эмиль Костовичъ.

(Изъ Джуры Яншича, съ сербскаго).

Ржутъ кони, свистутъ пули; надъ каждой головой
 Звенятъ-сверкаютъ сабли; идетъ упорный бой,
 Земля заблагрянѣла отъ крови; предъ врагомъ
 Стоять бойцы-юнаки за старый отчій домъ.

Съ утра кипитъ бой ярый, и полдень миноваль,
 На груды вражыхъ труповъ легъ сербскихъ труповъ валь.
 Сильны-грозны османы, малъ строй родныхъ дружинъ,
 Да каждый въ нихъ здѣсь дома, а турокъ—чужанинъ.
 Грудь къ груди бьются сербы съ врагами, всё въ крови
 Въ штыки идутъ подъ клики: „Мать-Сербія, живи!..“
 Великаго Душана, Нѣманичей страна,
 Родная Душманина, юнаками сильна...

Съ утра Костовичъ бился, какъ левъ, бросался въ бой,
 Влекъ войниковъ-юнаковъ на турокъ за собой,
 Не разъ, не два былъ раненъ, и часть его настала:
 Съ отрубленной рукою межъ мертвыхъ онъ упалъ.

Нѣтъ силъ ему подняться... Чѣмъ саблю взять свою?!
 Какъ будто сталь онъ лишнимъ въ извѣданномъ бою...
 Лежитъ,—въ родную землю изъ праваго плеча
 Ключомъ кровь льется алымъ—что пламя, горяча.

А бой растеть... Вотъ близко товарищи его,
 Завидѣли юнаки Эмила своего,—
 Хотятъ остановиться, съ земли его поднять;
 „Оставьте!—имъ онъ кличетъ.—Мнѣ—утра не взвидать..“

Впередъ, юнаки-братья, отцовъ своихъ сыны!
 Впередъ—на бой за счастье, за свѣтъ родной страны...
 Напряните всею лавой твою лютаго врага!..
 Костовичу Эмилу честь ваша дорога...

Съ побѣдою вернетесь когда къ себѣ домой,
 Мою старуху-маику поздравьте: вынесъ бой,—
 Скажите ей,—сынокъ твой до той поры, пока
 Могла рубить османовъ-враговъ его рука.

Увидите Милеву Костовичеву—ей
 Скажите, что предъ смертью мужъ вспомнилъ и о ней,
 Что ей онъ заповѣдалъ сынамъ тремъ передать
 Науку—за свободу отчизны умирать...

Впередъ, юнаки-братья!..“ И—смолкъ въ своей крови
 Костовичъ со словами: „Мать-Сербія, живи!..“

II.

Внукъ Георгія Чернаго.

... сербскій король Петръ отпра-
 вился на фронтъ, выразивъ желаніе
 сражаться вмѣстѣ со своими храбрыми
 солдатами и умереть въ траншеяхъ.

Гремятъ-грохочутъ пушки, снарядоу дикій вой,
 Дождь огненно-железный; идетъ неравный бой—
 Великій бой за волю, за честь родной страны,
 Ужъ съ трехъ сторонъ врагами бойцы окружены:
 Германцы, швабы, турки и полчища болгаръ—
 Предателей славянства—несутъ войны пожаръ.
 Идетъ бой цѣлый мѣсяцъ, пошелъ напереваль
 Второй за нимъ, вздымая кровавою бури шквалъ.
 Ударъ—вслѣдъ за ударомъ, уронъ—ведеть уронъ,—
 Надъ крѣпями Бѣлграда чужой стягъ водруженъ,
 И старый Нишь покинуть въ добычу злымъ врагамъ,
 Съ долинъ прижаты сербы къ роднымъ своимъ горамъ;
 Въ ущельяхъ тѣсныхъ бьются, всё по-поясъ въ крови,
 Но кликъ ихъ не смолкаетъ: „Мать-Сербія, живи!..“
 Воскресли въ нихъ юнаки время заповѣдныхъ
 Великаго Душана, Нѣманичей святыхъ;
 Сильны-грозны враги ихъ, да въ строѣ ихъ дружинъ
 Что воинъ—то любимый страны родимой сынъ...
 Ведутъ ихъ воеводы, потомки тѣхъ бойцовъ,
 Что добыли свободу для дѣдовъ и отцовъ,—
 Пусть не было такого предъ Сербіей врага—
 Не жизнь своя, отчизны имъ воля дорога!..
 Не все еще пропало, не все смель ураганъ
 Нашествія лихова,—крѣпись, славянской стань!
 Въ тебѣ самомъ—источникъ твоихъ завѣтныхъ силъ...
 Давида съ Галиаомъ бой развѣ равень былъ?
 А твой Георгій Черный—дѣдъ старца-короля,
 Чьей доблестью повита отцовъ твоихъ земля!..
 Великій бой за право дышать въ странѣ родной
 Ведешь ты.—самъ король твой, твой старецъ Петръ съ тобой.
 Въ недужномъ этомъ старцѣ время былыхъ юнакъ
 Возсталъ Эмиль Костовичъ,—ему не страшень врагъ:
 Рѣшилъ испить съ тобою всю чашу онъ до дна
 Налитая судьбою кроваваго вина,
 Не смогъ всей скорби лютой онъ затаить въ себѣ,
 Пришелъ къ своимъ юнакамъ въ неравной ихъ борьбѣ,
 Сражаться о-бокъ съ ними, въ ихъ умереть крови
 Съ послѣдними словами: „Мать-Сербія, живи!..“

Аполлонъ Коринфскій.

Редакторъ издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.

№ 4

Выходъ 23-го января 1916 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVII г.

изданія

ОБЪЯВЛЕНІЯ

для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по съдущей цѣнѣ за строку непарелъ въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ: передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.)

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 19.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

СЪДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

возвращаетъ постепенно и незамѣтно ихъ прежній натуральный цвѣтъ и мягкость
возстановитель

„ОРИАНТИНЪ“

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ
„ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА“
(кроме ф-но) и „КНИГИ ПО МУЗЫКѢ“.
Только что вышелъ изъ печати и высылается бесплатно.
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
П. ЮРГЕНСОНА, въ Москвѣ, Неглинный пр., 14.

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли момъ безвредн. домашнимъ средств. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложен. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему проше вѣрять, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93.
Марія Егоровна Чурбанова.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ Петроградѣ.

К. ЧУКОВСКІЙ.

ЗАГОВОРИЛИ

МОЛЧАВШІЕ!

(АНГЛИЧАНЕ И ВОЙНА).

Роскошно иллюстрированное изданіе (съ 90 иллюстраціями), 180 страницъ.

Содержаніе. Отъ автора. Солдатскія письма. Русскія письма и англійскія. Навстрѣчу врагу. Дѣти и женщины. Англійскіе солдаты о врагѣ. Набѣгъ на Гельголандскую бухту. Битва подъ Монсомъ. Юмористы. Спортсмены. „Мы“. „Въ чело-вѣцѣхъ благоволеніе“. Событія послѣдняго времени. Два письма. Гимны Ненависти и Гимны Любви. Какъ въ Англии вербуютъ добровольцевъ. Снарядовъ! Снарядовъ! Снарядовъ! Великое въ маломъ.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. признала заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, равно какъ бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальнъ, а также подлежащей допущенію въ ученическія библиотеки высшихъ начальныхъ училищъ (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., декабрь 1915 г.)

Военнымъ Министерствомъ рекомендована для чтенія въ войскахъ, лазаретахъ и во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Цѣна книги 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Требованія и денги просимъ адресовать въ контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22. Изданіе это имѣется также въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ кни. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ПОКУПАЕМЪ МАРКИ

по ВЫСОКИМЪ ЦѢНАМЪ.
МЫ ПЛАТИМЪ, напримеръ: за Романовскія Юбилейныя Марки 4 коп. достоинства — 1 коп. за шт., 25 коп.—1 к., 35 к.—6 к., 50 к.—5 к., 70 к.—15 к., 1 руб.—5 к., 2 руб.—25 к., 3 руб.—40 к., 5 руб.—1 р. 75 к. за штуку.
Нашъ полный закупной листъ только-что вышелъ и высылается каждому интересующемуся бесплатно.
Э. ЭЙХЕНТАЛЬ,
Петроградъ, Невскій пр., 42—Н.

Пробная посылка по получ. 5-ти руб.

ЗАСТАРЬБЛЫЕ

ХРОНИЧЕСКІЕ ЗАПОРЫ невареніе желудка вызываютъ газы, тошноту, изжогу и давленіе подъ ложечкой. Надежное и постоянно одинаковое дѣйствіе оказываетъ Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно. Онъ абсолютно безвреденъ и отпуск. изъ всѣхъ апт. по рец. вр.

ЗАПОРЫ

Требуйте у всѣхъ газетчи-
ковъ сегодняшній номеръ
новой газеты

„НАРОДНОЕ СЛОВО“

Цѣна 2 коп.

Годовая подписная цѣна съ перес. безъ приложени 6 р., съ прилож. 12-ти
стѣнныхъ картъ фронтовъ войны, изъ которыхъ будутъ отбѣнены
передвиженія линій боевъ на основаніи официальныхъ сообщеній—6 руб.

Главная контора и редакция: Москва, Тверская, д. № 19.

CRÈME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Марка
утверждена

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго
запаха, никогда не портится и служить для
смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто кольдъ-крема.

ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) и МЫЛО
Кремъ Симонъ (Le Savon à la Crème Simon) того-же
запаха что и Кремъ Симонъ и дополняютъ
его дѣйствія.

J. SIMON

59, Faubourg Saint-Martin, PARIS.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

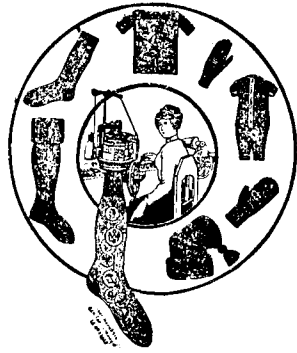
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется ананій. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошій заработокъ.
Популярная руководства, заслужившія массу благодарностей:
1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ—50 к. 2) Изгот. аккумуляторы—
40 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ—30 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ
и сигнализаци—50 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—10 к. 6) Газвано-
пластика, никкелир., золоч. и пр.—1 руб. 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор
до 500 уаттъ—1 р. 20 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—65 к.
Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—25 к., до 3 р.—30 к. и т. д. За налог. плат.
прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.
— Всѣ 8 руковод. высыл. за 5 р. 35 к.; съ налог. плат.—5 р. 50 к.—
Проспекты и отрывки высылаются бесплатно.
Адр.: Техн. М. А. БОГОЛЬПОВУ, Москва, Бол. Козихинскій пер., д. 4—65. 3973

Извѣстная на весь свѣтъ

АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРИЯ“

стоитъ 175 руб. ВЯЖЕТЪ въ одну
минуту 20.000 петель, 15 минутъ —
одинъ чулокъ, ежедневно — 24 пары.
Теперь мы платимъ 2 рубля за
работной платы за каждую дюжину
паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто
прежнихъ 1 р. 50 к. Заработокъ гаран-
тированъ. Работа постоянная. Мышцѣмъ
немедленно старат. вязальщицъ и
вязальщицъ для легкой домашней ра-
боты, мужч., женщ. и дѣтей. Предва-
рительныхъ знаній не требуется. Раз-
стояніе не служить препятствіемъ.

Треб. нашъ бесплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.

Петроградъ, Невскій, 40.42.—11.
Лондонъ, Е. С., 114. Leadenhall. St.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
3971 начинающихъ Цѣна руководства съ перес. налог. плат. 95 к.
Постоянный кружной заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налог. плат. 95 к.
Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

Кружевные выдѣля (мотивы, прошивы и т. д.) по
самымъ дешев. цѣнамъ. Вологда, Фряново,
Красногорской. Подр. свѣд. ва 10 к. марку.

Бельгійцы трагед. нач. дѣей с
портр. Альберта I.
Петра Шенцова, 1 д. Набат; 2—3—Торжество
жести и патриотизма; 4—„Всѣ идутъ“... Еще ге-
рой! В лучш. мар. 1 р., 1 р. спец., если отавто-
ра: Петроград, Б. Дворянск. ул., д. 10, кв. 48.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО
новый каталогъ книгоиздательства
М. И. СЕМЕНОВА,
Петроградъ, 5-я Рождественская, 7, кв. 12.

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будете, выписавши
„Механическую прописку“. Но-
вость въ каллиграфіи. Цѣна нал.
плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред.
3970 журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (15)

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование.
Зачное обученіе. Безплатная
премия. Каллиграфія, стеногра-
фія, правописаніе и проч. АТ-
ТЕСТАТЬ. Леготныя условия
подписки и БЕЗПЛАТНО.
пробная лекція
Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообра-
зованія“, Б. Ружейная, 7—55.

!!! самый ПОДАРОКЪ и занятіи!!!
лучшій ПОДАРОКЪ въ семьѣ!!!

новѣйш. мет.: прост. (плоское) мо-
дальн., глубокое и пластич. выжи-
раніе по дереву, кожѣ, папкѣ и т. п.
Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. и упа-
ковкой 1 р. 70 к. Молуч. массу
благодари. со всѣхъ конц. Россіи.
Выписывать отъ автора:
ПЕТРОГРАДЪ, Лубенская ул.,
д. 8, кв. 50.
3966 Книгопродав. об. скидка. 21

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,
Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Владиміръ НЕЛЕРЪ.
„ГЛАЗА ЗВѢРЯ“.
Съ рисунками П. Д. Бучкина.
Содержаніе: Глаза звѣря. Не прикасайся
о, смертный! (Изъ записокъ врача). Кош-
маръ. Я жду. Потомокъ эльфы. Что бы
вагъ въ столицѣ. Призраки Венеціи.
Изящно изданная книга, отпечатанная
четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ.
Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою
1 р. 75 к.

Вы предохраните себя
отъ охриплости, насморка, простуды
ЕСЛИ БУДЕТЕ УПОТРЕБЛЯТЬ
АНТИСЕПТИЧЕСКІЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО
Требуйте, просите
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НАСТОЯЩІЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

въ коробкахъ съ красной бандеролью,
снабженныхъ именемъ

VALDA

Цѣна 1 рубль.
(Н. Саппон, Paris).

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Балканская драма.

(Политическое обозрѣніе).

Великая война требует великихъ жертвъ. Никто не думалъ, чтобы завоеваніе свободы и права для всей Европы могло быть безкровнымъ. Слабость пацифизма заключается именно въ его мечтательной гуманности. Она превращаетъ его въ утопію, дѣлаетъ чѣмъ-то нереальнымъ, приближаетъ къ догматическому вегетарианству въ политикѣ. Какъ вегетарианецъ ставитъ себя въ заслугу то, что онъ никого не ѣсть, такъ же точно и мечтательный сторонникъ вѣчнаго мира гордится тѣмъ, что онъ никого не хочетъ убивать. Онъ выступаетъ противъ 16-дюймовыхъ пушекъ, бомбометовъ, пулеметовъ, шрапнелей и прочаго съ однимъ только словеснымъ арсеналомъ и не можетъ похвастаться никакими практическими успѣхами. Святая правда, что пацифисты никого не убиваютъ, но столь же неоспоримо и то, что они ровно ничего не достигаютъ. Вѣчный миръ—такое благо, которое надо завоевать съ оружіемъ въ рукахъ, не щадя ни своей ни вражеской крови. Нынѣшняя война есть именно война за миръ, не утопическая, а практическая борьба за человѣческое право народовъ, торжество не словеснаго, а вооруженнаго пацифизма, защита его принциповъ не сантиментальными болѣе или менѣе дешевыми фразами, а своею кровью и жизнью. Такая дѣйственная борьба за грядущее царство свободы, мира и права требуетъ неисчислимыхъ кровавыхъ жертвъ и сверхчеловѣческихъ напряженій. На ея дымящемся кровью жертвенникѣ гибнуть не только миллионы героическихъ борцовъ,—гибнуть цѣлые племена и народы. Страшно подумать, что останется послѣ нѣмецкихъ звѣрствъ въ опустошенной германцами Бельгій, но еще ужаснѣе участь преданныхъ на потокъ и разграбленіе тевтонской орды Сербіи и Черногоріи. Со славянами нѣмцы не церемонятся, потому что видятъ въ нихъ самыхъ опасныхъ враговъ и встрѣчаютъ съ ихъ стороны самое упорное сопротивление на пути къ достиженію мирового владычества. Сербія уже обращена въ пустыню, покрытую развалинами и гниющими трупами погибшихъ въ общемъ бѣгствѣ дѣтей, женщинъ и стариковъ. Съ паденіемъ горы Ловченъ, считающейся неприступною твердынею, такая же участь предостоятъ теперь черногорцамъ. До сихъ поръ драма Черногоріи остается таинственной и неясной. Фактически достовѣрно только то, что еще за мѣсяцъ до катастрофы популярное въ странѣ министерство, вѣрное Россіи и четверному согласію, было неожиданно отстранено отъ управленія и замѣнено кабинетомъ Миушковича. Вслѣдъ затѣмъ вскорѣ начались тайные переговоры короля Николая съ австрійскими агентами, и затѣмъ при наступленіи австрійцевъ послѣдовала сдача горы Ловченъ. Явилось ли занятіе неприступной горы послѣдствіемъ дипломатическаго торга или же результатомъ неоспоримаго превосходства австрійской тяжелой артиллеріи надъ черногорскою—трудно сказать съ полною увѣренностью. Во всякомъ случаѣ факты показали, что радостные клики австро-германской печати по поводу полной капитуляціи черногорской арміи и заключенія сепаратнаго мира съ Черногоріей оказались весьма преждевременными: въ дѣйствительности капитулировала и сдала оружіе только небольшая часть оставшагося въ занятыхъ австрійцами округахъ мирнаго гражданскаго населенія, вся же черногорская армія съ боемъ отступаетъ по направлению къ Скутари, мужественно защищая на своемъ пути шагъ за шагомъ всѣ сколько-нибудь сильныя горныя позиціи. Достовѣрно извѣстно только то, что во главѣ отступающей арміи стоитъ королевичъ Мирко и генералъ Мариновичъ, что старое правительство вновь призвано къ власти, престарѣлый же король Николай съ своимъ семействомъ и королевичами Данилой и Петромъ выѣхалъ во Францію, гдѣ будетъ оставаться до конца войны, пользуясь подобающими его высокому сану почестями и отдыхая отъ слишкомъ тяжелаго для столь преклоннаго возраста бремени правленія. Такимъ образомъ черногорскій народъ въ лицѣ его нынѣшнихъ правителей не измѣняетъ славянству и Россіи, остался неизмѣнно-вѣрнымъ своимъ союзникамъ. На него свалилась тяжелая невзгода австрійской оккупации, но онъ долженъ вѣрить, что эта невзгода только временная, и что послѣ окончательнаго пораженія тевтоновъ, въ послѣдней битвѣ народовъ, считающихся погибшими славянскія государства вновь возродятся къ жизни въ еще большей славіи и неизмѣримо болѣе широкихъ границахъ. Не только англичане, но даже и итальянцы, которые до сихъ поръ по старой привычкѣ немножко обособляли свои интересы отъ интересовъ балканскихъ славянъ, теперь поняли наконецъ, что воцареніе нѣмцевъ на Балканахъ угрожаетъ одновременно и британскому могуществу въ Египтѣ и итальянской безопасности въ Адриатикѣ. Общность общеевропейскихъ интересовъ вынудитъ союзниковъ выгнать австро-нѣмцевъ изъ занятыхъ ими областей и гарантировать полное удовлетвореніе поправныхъ исторію національно-государственныхъ правъ балканскихъ народовъ оставшихся вѣрными славянству и Европѣ.

Жизнь нашихъ врачей въ германскомъ плѣну. Военный врачъ, взятый нѣмцами въ плѣнъ, при исполненіи своихъ святыя обязанностей, вмѣстѣ съ ранеными, которымъ онъ оказывалъ помощь, рассказалъ писателю М. Пришвину, что онъ съ другими нашими плѣнными врачами пережилъ за пятнадцать мѣсяцевъ пребыванія въ германскомъ плѣну, изъ котораго теперь возвращенъ полнѣйшимъ инвалидомъ. Приводимъ изъ «Рѣчи» этотъ характерный рассказъ:

«Взяли насъ въ началѣ войны въ Пруссіи, и мы тогда вѣрили въ силу женеvской конвенціи: я не думалъ, что меня, врача, могутъ взять въ плѣнъ. Но, когда фактъ совершился и мы германскому офицеру сказали о женеvской конвенціи, онъ вынулъ револьверъ: «Вотъ гдѣ женеvская конвенція». Мы были смущены цинизмомъ офицера, но онъ насъ не понялъ и любезно успокоилъ: «Мой револьверъ не заряженъ!». Офицеръ не зналъ, что нѣкоторые изъ насъ, если бы заранѣе знали, предпочли бы плѣну умереть, выпустивъ пули изъ своихъ докторскихъ нагановъ».

О томъ, какъ живутъ плѣнные, и какъ ихъ «устраиваютъ» на жизнь, онъ рассказываетъ подробности, затмевающія все то, что мы, русскіе люди, уже слышали отъ вернувшихся вѣстниковъ изъ вражьяго стана:

«Плѣнныхъ стонаютъ на песчаную солку, похожую на наши могильники, окружаютъ солку колючей проволокой, ставятъ часовыхъ. Каждый изъ плѣнныхъ получаетъ отъ начальства чашку для ѣды и этой чашкой копаютъ себя яму для ночлега. Спать въ этихъ ямахъ. Утромъ, въ туманѣ, какъ мертвецы, вылѣзаютъ изъ своихъ ямъ. Строять землянки, бараки,—постепенно лагерь военноплѣнныхъ обстраивается».

Затѣмъ докторъ рассказалъ разныя подробности изъ быта военноплѣнныхъ,—какъ одному изъ нихъ попались въ суфъ два подкожныхъ гвоздя, какъ офицеръ напирасой подманилъ плѣннаго солдата и вдругъ ни съ того ни съ сего отхлесталъ его нагайкой, какъ у доктора одианъ офицеръ выпросилъ академическій значокъ будто бы показать своему начальнику и потомъ его не возвратилъ, какъ доктора прячутъ отъ покражи свои вещи подъ подушки, за голенища и какъ все-таки въ концѣ концовъ все разворовывается, или отбирается подъ разными предлогами. Нашъ докторъ лишился медицинскіхъ книгъ, своихъ личныхъ инструментовъ, теплаго бѣлья.

Колочія обиды, странныя жестокости грозятся одно на другое изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. «Разсказать все—нужно недѣлю». Однажды во время опспрививанія плѣннымъ вошелъ нѣмецъ-докторъ и началъ прививать, дѣлая надрѣзы не ланцетомъ, а кончикомъ шашки, отчего потомъ вздувались громадыя болячки...

Молодые зубные врачи практикуютъ въ своемъ мастерствѣ, дергая здоровые зубы у плѣнныхъ...

Затѣмъ докторъ рассказалъ кошмарную исторію о томъ, какъ онъ заразился сыпнымъ тифомъ и попалъ въ инвалиды.

Русскіе врачи заявили, что эпидемія сыпного тифа имъ хорошо знакома,—распространенію болѣзни способствуютъ: холодъ, голодъ, подавленность духа, а также насѣкомое—вошь. Въ отвѣтъ на это въ одно морозное утро (10—12°) врачей выстроили передъ баракомъ и стали учить, какъ нужно бороться съ тифомъ. На морозъ выгоняли изъ барака плѣнныхъ, раздѣвали до-гола и на немытое тѣло надѣвали бѣлье. Польчивъ нѣсколько дней такимъ способомъ, нашъ докторъ получилъ сыпной тифъ и сталъ инвалидомъ.

И какъ, между тѣмъ,—говоритъ нашъ докторъ,—легко устранить всѣ эти безобразія нѣмецкаго плѣна: стоить только настоять нейтральнымъ державамъ, чтобы отъ нихъ въ каждомъ лагерѣ было по одному офиціальному свидѣтелю, тогда все это исчезнетъ, какъ сонъ. Что дѣлалось у нихъ въ лагерѣ передъ пріѣздомъ командированной для осмотра лагерей русской сестры: дни и ночи все мылось, чистилось. И какъ измѣнилось отношеніе къ нашему доктору, когда онъ сдѣлался «инвалидомъ», офиціально отправляемымъ на родину. Его везутъ въ первомъ классѣ, въ отдѣльномъ кузѣ, сопровождаютъ и ухаживаютъ за нимъ фельдфебель, окончившій Геттингенскій университетъ.

— А мнѣ вотъ какъ противно!—разсказываетъ докторъ.—Я ищу способа, какъ бы насолить моему спутнику, до того онъ мнѣ противенъ. Булка у меня была больша, подаренная на дорогу отъ швейцарскихъ друзей. Разломилъ я эту булку,—какъ запахнетъ хлѣбомъ! Такого хлѣба теперь и самъ Вильгельмъ не кушаетъ,—ароматъ наполнилъ кузъ, спутникъ косится, а я даже не ѣмъ, а мию, чтобы пахло, пахло. Такъ ѣдемъ, ѣдемъ и вдругъ—стоги! Смотрю: пріѣхали, флагъ не германскій уже, другой земли флагъ, выходимъ, обыскиваютъ меня въ послѣдній разъ, а я уже больше этого ничего не чувствую, смотрю на этотъ флагъ и реву, просто реву...

— А какъ же булочку,—спросили доктора:—швейцарскую булочку отобрали?

— Булочку отобрали. На прощанье говорятъ: хлопчите о мирѣ, когда выхлопочете, все назадъ отдадимъ.

Пулеметъ на веревкѣ. Въ Кіевъ прибылъ 16-лѣтній георгиевскій кавалеръ 4-й и 3-й степеней, итальянецъ Константинъ Заполли. Высокія боевыя отличія свои онъ заслужилъ, по сообщенію «Баржевыхъ Вѣдомостей», за слѣдующій подвигъ:

Бѣжавъ въ сентябрѣ 1914 года отъ родителей, проживающихъ въ Ростовѣ-на-Дону, юноша 29-го ноября 1914 года уже находился на позиціяхъ, на рѣкѣ Пиллидѣ, въ качествѣ добровольца участвовалъ въ сраженіяхъ съ австро-германцами.

Позиціи противника были расположены на разстояніи 200—300 шаговъ отъ русскихъ, при чемъ противникъ сплошь и рядомъ развивалъ ружейный и пулеметный огонь такой силы, что русскимъ буквально нельзя было, хотя бы на мигъ, выглянуть изъ окоповъ. Пули мгновенно настигали пытавшихся это сдѣлать и поражали ихъ на-смерть.

Особенно допекалъ русскихъ одинъ изъ неприятельскихъ пулеметовъ, какъ-то особенно удачно расположенный на брустверѣ противника. Точное его мѣстоположеніе было неизвѣстно, но всегда онъ въ критическую минуту рѣшалъ дѣло въ пользу неприятеля.

— Надо бы этотъ пулеметъ уничтожить,—высказалъ однажды мысль ротный командиръ.

Солдатамъ, томившимся въ окопахъ отъ вынужденнаго бездѣлья, эта мысль пришла по душѣ. Рѣшили попытаться разыскать назойливый пулеметъ и уничтожить его. А сдѣлать это вылезался Константинъ Заполли.

Дождавшись ночи, онъ осторожно выбрался изъ русскихъ окоповъ, подползъ къ неприятельскимъ, безъ всякаго шума поползъ вдоль нихъ и въ концѣ концовъ обнаружилъ пулеметъ, установленный на брустверѣ. Этотъ пулеметъ былъ замаскированъ вѣтвями такъ удачно, что съ русской стороны видѣть его не представлялось возможнымъ.

— Должно-быть, этакъ,—предположилъ Заполли и принялся за дѣло. О томъ, чтобы самому унести пулеметъ, и думать нечего было. Тогда Заполли осторожно приблизился къ пулемету и крѣпко обвязалъ его веревкой, которую онъ принесъ съ собою. Послѣ этого Заполли поползъ обратно, долго возился надъ расчисткой небольшой галлерей въ проволочныхъ загражденіяхъ противъ того мѣста, гдѣ стоялъ пулеметъ, а затѣмъ возвратился къ своимъ, нолоча за собою конецъ веревки.

Дружными усилиями солдатъ, взявшихся за веревку, пулеметъ былъ сбитъ съ бруствера. Въ слѣдующее мгновеніе онъ запыргалъ по полю. Австрійцы, занимавшіе окопъ, бросались-было его догонять, но дружный залпъ русскихъ заставилъ ихъ вернуться обратно.

Пулеметъ благополучно дотачился до русскихъ позицій. За это дѣло Заполли получилъ Георгіевскій крестъ 4-й степени.

Фиктивные браки. Въ началѣ войны многія рижскія нѣмки, германскія подданныя, чтобы предотвратить высылку, вышли замужъ за русскихъ. Особенно много изъ нихъ вышло за чиновниковъ. Теперь оказывается, что ими «осчастливлены» не только чиновники, но и... калѣки рижскихъ богатылей. Недавно одинъ изъ призрѣваемыхъ Николаевской богадѣльни, семидесятилѣтній Егоръ Сафоновъ, обратился въ соответствующее учрежденіе съ ходатайствомъ—привести къ нему его сорокалѣтнюю жену. Къ большому удивленію для учрежденія, выяснилось, что женой калѣки Егора Сафонова является одна изъ звѣздъ нѣмецкихъ салоновъ—Югана-Аугуста Штиммель. И тутъ же выяснилось, что сестра ея состоитъ замужемъ за другимъ призрѣваемымъ того же учрежденія—Михайловымъ. Оказывается, что обѣ онѣ явились въ пріютъ для призрѣваемыхъ въ качествѣ филантропокъ, привезли для двухъ призрѣваемыхъ мужья новыя платья, а потомъ пригласили ихъ съ собою въ церковь. Не успѣли калѣки опомниться, какъ уже состоялось бракосочетаніе. Послѣ церемоніи, обояхъ призрѣваемыхъ отвезли обратно въ богадѣльню, и до сего времени жены не проявляютъ ни малѣйшихъ заботъ о своихъ «мужьяхъ». Каждому изъ нихъ было обѣщано по рублю вознагражденія, но и этой суммы они не получили.

Святые религіи добра. Предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи сенаторъ А. Н. Кривцовъ въ отвѣтъ на посланные труды комиссіи получилъ отъ посѣтившаго Россію французскаго сенатора Поля Думера слѣдующее письмо:

«Господинъ предсѣдатель, имѣю честь извѣститъ васъ о полученіи мною протоколовъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, которые вамъ угодно было мнѣ послать. Я прочелъ съ неописуемымъ ужасомъ констатированные вами факты, которые своимъ звѣрствомъ превосходятъ человѣческое воображеніе. Въ мартирологіи непобѣдимой Россіи мы находимъ дивные примѣры героизма ея солдатъ. Ихъ жертва окончательно установитъ въ мірѣ торжество дивинизации надъ варварствомъ. Это — святые той религіи добра, къ которой стремятся всѣ союзники. Примите, и т. д. Поль Думеръ».

Рѣчь англійскаго посла въ Петроградѣ. На обѣдѣ британской колоніи въ Петроградѣ, состоявшемся въ началѣ января, англійскій посолъ Бьюкененъ произнесъ большую рѣчь. Приводимъ изъ нея существенныя выдержки.

«Быть-можетъ, 1915 годъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ годомъ разочарованій, тѣмъ не менѣе онъ подвинулъ насъ значительно впередъ къ намѣченной цѣли. Союзники, можетъ-быть, шли болѣе тихимъ ходомъ, но у нихъ болѣе выносливости, чѣмъ у Германіи; вскорѣ они ее обгонятъ, ибо съ каждымъ днемъ силы союзниковъ людьми и снаряженіемъ нарастаютъ. Достигнута концентрація силъ и координированіе дѣйствій».

Далѣе посолъ обрисовалъ роль и значеніе Россіи въ настоящей войнѣ и указалъ, что англичане были свидѣтелями великихъ жертвъ, ею принесенныхъ, при-

вѣтвовалъ героизмъ русской арміи и заявилъ, что Россія, съ своей стороны, несмотря на ложь германскихъ агентовъ, не сомнѣвается въ намѣреніи Англии оказать ей поддержку всѣми ресурсами. Господство на морѣ, обезпеченное британскимъ флотомъ, повидимому, окажется рѣшающимъ факторомъ войны. Англія организовала армію, которая скоро достигнетъ численности 4 миллионъ. Англичане оказывали содѣйствіе союзникамъ, транспортируя войска, снаряды, послали свои подводныя лодки для совѣстныхъ дѣйствій съ русскимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ, финансировали военные расходы союзниковъ огромной суммой въ 422 миллионъ фунтовъ стерлинговъ и наконецъ принесли въ жертву принципъ добровольной военной службы. Далѣе посолъ упомянулъ о важности для Англии будущаго коммерческихъ сношеній съ Россіей и указалъ на необходимость приступить къ подготовительнымъ работамъ по изученію потребностей русскаго рынка, чтобы англійская промышленность и торговля могла занять мѣсто на русскомъ рынкѣ, которое до сихъ поръ занимала Германія. Въ заключеніе посолъ сказалъ, что объявленіе Германіей войны Россіи и нарушеніе бельгійскаго нейтралитета лишь ускорили процессъ сближенія Англии и Россіи. Теперь союзъ ихъ закрѣпился желѣзомъ и кровью. Война научила англичанъ любить Россію и восторгаться ея героизмомъ. «Я вѣрю въ побѣду союзниковъ» — сказалъ посолъ:— «вѣрю, что прочный союзъ двухъ великихъ имперій явится въ будущемъ лучшей гарантіей всеобщаго мира».

Вопросъ о мирѣ во Франціи. Недавно во французскомъ сенатѣ военный министръ Галиени заявилъ, что наборъ 1917 года долженъ быть обученъ къ маю. Въ палатѣ и сенатѣ къ Галиени были обращены просьбы обратить особое вниманіе на гигиеническія условія жизни молодыхъ солдатъ. Отвѣчая въ сенатѣ, Галиени произнесъ горячую рѣчь, которую постановлено раскритиковать: «Франція,— говоритъ Галиени,— семнадцать мѣсяцевъ назадъ желала мира, теперь хочетъ войны, хочетъ всѣми помыслами и отдастъ ей всѣ ресурсы. Произносимъ слово «миръ» долженъ считаться плохимъ гражданиномъ. Матери не оплакиваютъ смерти дѣтей, но хотя бы мы отомстили за навшихъ. Наборъ 1917 г. идетъ подъ знамена, весь народъ провожаетъ его и шлетъ ему лучшія пожеланія. Народъ требуетъ, чтобы исполняли долгъ всѣ, которые будутъ готовить наборъ къ великой борьбѣ, могущей кончиться только тогда, когда Франція скажетъ въ согласіи съ союзниками: «Я останавливаюсь, такъ какъ добилась, чего хотѣла, и возвращаюсь къ мирному труду».

Воззваніе германской гуманитарной лиги. Газета «Petit Parisien» сообщаетъ въ высшей степени знаменательный текстъ обращенія комитета германской гуманитарной лиги, разосланнаго къ празднику Рождества Христова всѣмъ членамъ ея: «Дорогіе товарищи! Въ рождественскій сочельникъ, въ то время, какъ монархи съ обгаренными кровью руками рассылаютъ вѣстниковъ мира, наши солдаты продолжаютъ жертвовать своими жизнями. Наши домашніе очаги опустошены вслѣдствіе кампаніи, продолжающейся уже болѣе 500 дней и начатой не ради законной защиты германской территоріи, а единственно для удовлетворенія ненасытной и дикой алчности прусскихъ заговорщиковъ. Въ рейхстагѣ люди, которые клялись защищать права народа, стали на сторону нашихъ притѣснителей... Вспомните, каково было положеніе Германіи до іюля 1914 г. Мы пользовались всѣми нашими правами и свободой торговли на рынкахъ всего міра. Насъ вездѣ встрѣчали съ распростертыми объятіями, и мы имѣли возможность, въ мирной конкуренціи съ другими націями, развивать искусство, торговлю и всякую производительность нашей страны. Теперь же самое имя германца стало синонимомъ безчестія и позора. Наши преступленія сдѣлали насъ предметомъ отвращенія всѣхъ честныхъ людей и преступленія эти,—невозможно это отрицать,—бьютъ въ глаза всѣмъ. Что можетъ быть болѣе гнуснаго, чѣмъ тѣ пустыя и лживыя увертки, къ которымъ прибѣгаетъ имперскій канцлеръ для того, чтобы дать приличное объясненіе нарушеніямъ нашихъ дипломатическихъ обязательствъ и международныхъ законовъ, а также объявлять почетной войны, которымъ подчиняются всѣ цивилизованные народы. Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, кайзера постигнетъ та же участь. И до тѣхъ поръ не будетъ возможенъ миръ, пока онъ не будетъ свергнутъ съ трона, который онъ опозорилъ, и пока его соучастники не искупятъ своихъ преступленій на эшафотѣ!»

Нов. изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

К. ШУМСКІЙ.
ОЧЕРКИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СУШѢ И НА МОРѢ.
Обзоръ военныхъ дѣйствій на главныхъ театрахъ.
Съ чертежами и рисунками. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.
Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ написать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особымъ знаніемъ и специальной подготовкой. Заняться подобно можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.
МОСКВА, изд.—ству „ЛУЧЪ“, Печатииковъ пер., 18 2.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, весторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЖИВЪ

№ 4. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выданъ 23 января 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ (вторая серія книгъ)

А. П. ЧЕХОВЪ (новыя посмертныя сочиненія)

Н. Г. ГАРИНЪ-МИХАЙЛОВСКІЙ (полное собр. сочиненій)

„БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“ (Романъ ШАРЛЯ ДЕ-КОСТЭРА)

(„Уленспигаль“)

12 книгъ „ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“ и проч.

2 НОВЫЯ СПЕЦІАЛЬНЫЯ КАРТЫ ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ двухъ фронтовъ: 1) западнаго (русскаго), размѣромъ 61×95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймѣ и 2) западно-европейскаго, размѣромъ 55×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ. Обѣ карты въ 6 красокъ, подъ ред. проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — На развѣдкѣ. Разсказъ В. Муйжеля. (Окончаніе). — Талисманъ. Разсказъ Георгія Павлова. — Сто восемнадцать. Разсказъ Георгія Аркатова. — Объявленія. — Отклики войны.

РИСУНКИ: Высокопреосвященный Питиримъ, митрополитъ петроградскій и ладожскій (портр. п 3 рис.). — Высокопреосвященный Платонъ, епископъ Грузіи. — Отступленіе сербской арміи. Обозъ въ горахъ. — Прибытіе въ Марсель сиротъ сербскихъ воиновъ (2 рис.). — Иллюстраціи И. Владимірова къ разсказу В. Муйжеля „На развѣдкѣ“. — Переходъ по понтонному мосту. По фот. С. Корсакова. — Стрѣльба ибмцевъ гранатами по фальшивой батарее (3 рис.). — Кавказскій фронтъ (2 рис.). — Взрываніе льда для разрушенія переправы. — Наши бронированные автомобили. — Наши трофеи (2 рис.). — Наши солдаты закапываютъ убитаго германца. — У родной могилы. — Головной отрядъ Краснаго Креста—В. М. Пуришкевича (3 рис.). — Въ Салоникахъ. — Въ Сербіи. — Женщины-кондуктора городскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Петроградѣ. Смѣна.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 19.

Высокопреосвященный Питиримъ, митрополитъ петроградскій и ладожскій, на кавказскомъ фронтѣ, въ бытность свою экзархомъ Грузіи, въ истекшемъ году. Высокопреосвященный Питиримъ, въ сопровожденіи военныхъ властей, идетъ по мосту къ первымъ линіямъ огня.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Наступленіе на Эрзерумъ.

Турецкая армія, послѣ удара, полученнаго въ концѣ 1914 года на эрзерумскомъ фронтѣ, долгое время не могла оправиться. Болѣе чѣмъ годъ третья эрзерумская армія турокъ не предпринимала ничего серьезнаго на кавказскомъ фронтѣ, ограничиваясь отдѣльными небольшими наступательными попытками на приморскомъ фронтѣ и въ районѣ, пограничномъ съ Персіей, при чемъ всѣ эти попытки постоянно терпѣли неудачи.

Главная причина слабости турокъ на эрзерумскомъ направленіи заключалась въ томъ, что сообщенія этой арміи съ Европейской Турціей, проходившія по Малой Азій, были въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Какъ извѣстно, для того, чтобы перевезти войска изъ Турціи въ Малую Азію, потребно было не менѣе 8—10 мѣсяцевъ, а то и даже около года. Одинаковые сроки необходимы были для доставки снарядовъ и прочихъ предметовъ матеріальной части, утерянныхъ третьей турецкой арміей въ сарыкамышскихъ бояхъ.

Высокопреосвященный Питиримъ,
митрополитъ петроградскій и
ладожскій.

Правда, ближайшія къ третьей эрзерумской арміи турокъ подкрѣпленія могли быть почерпнуты изъ Месопотаміи, гдѣ находились 12-й и 13-й турецкіе корпуса. Однако месопотамскіе корпуса турокъ не могли быть тронуты съ мѣста, въ виду естественныхъ опасеній турокъ за Месопотамію, важное значеніе которой заключалось не только въ томъ, что она является богатѣйшей хлѣбородной житницей Оттоманской имперіи, но и районемъ, черезъ который проходитъ значительный участокъ Багдадской желѣзной дороги.

Поэтому месопотамскіе корпуса турокъ были неразрывно прикрѣплены къ Месопотаміи. Чтò же касается другихъ азіатскихъ корпусовъ турокъ, то изъ нихъ 7-й корпусъ находился въ Аравіи и отсюда не могъ быть вывезенъ къ Эрзеруму, вслѣдствіе постоянныхъ возстаній арабскихъ племенъ, а также вслѣдствіе близкаго соседства съ Египтомъ.

Слѣдующіе азіатскіе корпуса турокъ, 6-й и 8-й, находились въ Сиріи и были связаны ожидавшимися операціями противъ Египта. Наконецъ 4-й и 5-й корпуса находились въ Малой Азій, а именно въ Смирнѣ и въ Коніи, и составляли ближайшіе резервы турокъ какъ для европейской арміи, такъ и для арміи, предназначавшейся противъ Египта.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, третья эрзерумская армія турокъ была лишена воз-

Высокопреосвященный Питиримъ отбываетъ на лодкѣ къ одному изъ миноносцевъ на Черномъ морѣ.

Высокопреосвященный Питиримъ раздаетъ солдатамъ кресты

Высокопреосвященный Питиримъ, митрополитъ петроградскій и ладожскій, посѣщающій войска на кавказскомъ фронтѣ въ бытность свою экзархомъ Грузіи, въ истекшемъ году.

возможности получить подкрепления из Азиатской Турции, а 1-й, 2-й и 3-й корпусов, находившиеся в Европейской Турции, естественно также не могли ничего выдѣлать, связанные дарданелльской операцией союзников. Единственно, на что могла рассчитывать эрзерумская армия турок — это на прибытие пополнений, которые бы заполнили понесенные потери в сарыкамышских боях, и на прибытие снарядов, снаряжения и прочей материальной части. Повидимому, немецко-турецкий штаб и вызвалъ необходимыя пополнения для третьей эрзерумской армии турок, а также и потребное для нея снаряжение, но, какъ подкрепления, такъ и снаряжения передвигались по отвратительнымъ дорогамъ Малой Азии и едва черезъ годъ смогли прибыть къ Эрзеруму.

У турокъ были болѣе выгодные пути сообщения къ Эрзеруму, а именно пути, идущіе отъ Константинополя по Черному морю. Поэтому турки дѣлали попытки доставлять снаряжения и подкрепления морскимъ путемъ, но энергичныя дѣйствія нашего черноморскаго флота совершенно парализовали турецкій каботажъ.

Въ результатѣ только черезъ годъ, а именно в началѣ января нынѣшняго года, третья эрзерумская армия турокъ, получивъ подкрепления людьми и снарядами, зашевелилась и обнаружила себя наступательными попытками на всемъ фронтѣ кавказской границы.

Стратегическое положеніе третьей турецкой арміи характеризуется тѣмъ, что въ центрѣ турецкаго фронта находится крѣпость Эрзерумъ. Поэтому турки, полагая, что центр, опирающийся на Эрзерумъ, стратегически безопасенъ, развили операциіи главнымъ образомъ на флангахъ, при чемъ наибольшее количество турецкихъ войскъ скопилось на лѣвомъ флангѣ, т. е. на приморскомъ фронтѣ, иначе говоря, въ операционномъ направленіи на Батумъ.

Чтобы приостановить наступательныя попытки турокъ, угрожавшія кавказской границѣ, наши доблестныя кавказскія войска, повидимому, неожиданно для турокъ, энергично атаковали ихъ тамъ, гдѣ они меньше всего того ожидали, а именно въ направленіи на Эрзерумъ, т. е. атаковали тотъ центръ третьей турецкой арміи, который турки считали безопаснымъ.

Въ результатѣ смѣлаго и быстрого натиска, турецкій центръ долженъ былъ отступить, отдавъ намъ сильно укрѣпленныя позиціи, при чемъ войска турецкаго центра, а именно 11-й турецкій корпусъ, отступали настолько быстро, что мѣстами, это носило характеръ бѣгства.

По пути отступленія турокъ къ Эрзеруму, они имѣли возможность задержаться на сильно укрѣпленной позиціи, такъ называемой „Кеприкейской укрѣпленной позиціи“. Кроме того, еще далѣе за Кеприкейской позиціей находились укрѣпленія у города Гасанъ-Кала, и только верстахъ въ 15—20 за этимъ городомъ начинались передовыя форты Эрзерума.

Такимъ образомъ стратегическое положеніе третьей турецкой арміи представлялось весьма прочнымъ, и сзади него находилась

дѣлая „пружина“ укрѣпленныхъ позицій, располагавшихся одна позади другой и дававшихъ возможность оказывать упорное сопротивление. Однако турки, попытавшись задержаться на Кеприкейской позиціи, были тотчасъ же с нею сбиты и вынуждены были отдать эту позицію, ибо такова была сила стремительнаго натиска нашихъ кавказскихъ войскъ.

Успѣхъ этотъ представлялся весьма важнымъ, такъ какъ во время прошлаго наступленія борьба за Кеприкейскую позицію вызвала упорные бои. Вслѣдъ за тѣмъ турки пытались задержаться у Гасанъ-Калы, но

Экзархъ Грузіи, высокопреосвященный Платонъ, преемникъ высокопреосвященнаго Питирима.

стремительный натискъ нашихъ войскъ сохранялъ свою инерцію, и, послѣ короткаго сопротивления, турки вынуждены были бѣжать изъ Гасанъ-Калы къ фортамъ Эрзерума.

По пути турки оставляли убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ, обозы, снаряды, артиллерию, бросали винтовки, и въ окрестностяхъ Кеприкея и Гасанъ-Калы поминутно попадались бродячіе отсталые турецкіе аскеры.

Послѣдній турецкій аррьергардъ пытался задержать наше преслѣдованіе у фортовъ Эрзерумской крѣпости, но былъ частью истребленъ казаками, а частью взятъ въ плѣнъ.

Въ окончательномъ итогѣ, войска турецкаго центра—11-й корпусъ—были загнаны внутрь Эрзерумской крѣпости. Съ своей стороны турки сдѣлали нѣсколько попытокъ остановить наше движеніе въ эрзерумскомъ направленіи, для чего произвели атаки на приморскомъ фронтѣ. Смыслъ этихъ атакъ заключался въ томъ, чтобы угрозой въ направленіи на Батумъ вынудить наши войска бросить преслѣдованіе турокъ у Эрзерума и поспѣшить на защиту батумскаго направленія.

Этотъ маневръ турокъ оказался недействительнымъ, и турецкія колонны, наступавшія на приморскомъ направленіи, были остановлены на р. Архаве войсками нашего приморскаго фронта, въ то время какъ остальные наши войска продолжали преслѣдованіе турокъ у Эрзерума, загоня разбитыя турецкія войска въ крѣпость.

Такимъ образомъ было нанесено второй разъ въ теченіе войны крупное пораженіе третьей эрзерумской арміи турокъ, при чемъ на этотъ разъ наши войска проникли на турецкую территорию еще далѣе, чѣмъ въ прошломъ году, дойдя до самаго Эрзерума.

Отсюда возникалъ вопросъ о дальнѣйшихъ операцияхъ, т. е. вопросъ объ операцияхъ противъ Эрзерумской крѣпости.

Намъ уже разъ пришлось на страницахъ „Нивы“ сообщить нѣкоторыя данныя, касавшіяся Эрзерумской крѣпости, и мы въ настоящемъ очередномъ „дневникѣ“ приведемъ лишь тѣ новыя данныя, которыя имѣютъ значеніе въ связи съ той новой стратегической обстановкой, которая создалась послѣ подхода нашихъ войскъ къ Эрзеруму.

Эрзерумская крѣпость расположена на возвышенности, перехватывающей всѣ лучшіе колесные пути, ведущіе съ Кавказа въ Арменію и Малую Азію. Горный хребетъ, на которомъ расположены Эрзерумскія укрѣпленія, запирающій всѣ эти пути, весьма трудно доступенъ какъ для атаки съ фронта, такъ и для обхода съ фланговъ. Другими словами, Эрзерумскую крѣпость крайне трудно атаковать съ фронта, и также крайне трудно ее обойти, почему проникнуть съ Кавказа въ Арменію и въ Малую Азію возможно только черезъ Эрзерумъ.

Этимъ опредѣляется все стратегическое значеніе Эрзерума — этихъ воротъ въ Арменію и въ Малую Азію, почему и считается, что паденіе Эрзерума отдастъ наступающему всю Арменію и открываетъ пути въ Анатолию.

Въ виду такого важнаго значенія Эрзерума, турки его сильно укрѣпили еще послѣ войны 1877 г., а затѣмъ, послѣ появле-

Отступленіе сербской арміи. Обозъ въ горахъ.

Прибытие в Марсель сирот сербских воинов. Сербов-сирот ведут в приготовленное для них помещение.

ии немцев в Турции, укрепления Эрзерума обновлялись и совершенствовались под руководством немецких инженеров.

Схема крепости очень проста. Долина, по которой проходят лучшие пути с Кавказа в Малую Азию, перегороджена хребтом Деве-бойну. Хребет этот поперечными ущельями разделен на двенадцать отдельных вершин, на которых расположено двенадцать фортов в два ряда. В виду труднодоступности хребта Деве-бойну, расположенного впереди города Эрзерума на расстоянии 10—12 верст, естественно является желание обойти его либо с севера, со стороны левого фланга, либо с юга—со стороны правого фланга.

Однако обходу с севера препятствует почти недоступный

горный массив, принадлежащий к системе Армянского Тавра. При этом на горном массиве возведены два форта. Обходу же с юга препятствует хребет Палань-текен, также с двумя находящимися на нем фортами. Так как хребет Палань-текен более доступен, то обход с юга был бы несколько легче, но, при обходе с юга, наступающий подставляет свое правое крыло под удары с крепости, что делает крайне трудным также и этот обход.

Таковы свойства Эрзерумской крепости делают ее одной из сильнейших крепостей, овладение которой при помощи стремительного натиска представилось бы крайне затруднительным и сопряженным с большими потерями, почему против

Эрзерума возможна лишь плановая, постепенная осада в течение некоторого определенного промежутка времени, т. е. обычная осадная операция с траншейными работами и медленным приближением сапной к крепости, — если, конечно, вообще будет признано нужным не ограничиться уже достигнутыми результатами, а взять еще и крепость Эрзерумъ.

Прибытие в Марсель сирот сербских воинов. На палубе парохода.

На развѣдкѣ.

Разсказъ В. Муйжеля.

Съ 6 иллюстраціями И. Владимірова.

(Окончаніе).

V.

Въ углу затрещали доски старой кровати и долгій старческій кашель порвалъ тишину неожиданнымъ лающимъ звукомъ. Кашлялъ старый человѣкъ, кашлялъ упорно, мучительно, стараясь выбросить изъ старыхъ легкихъ то, что наѣло въ нихъ годами долгой жизни. Наконецъ въ перерывѣ между приступами прерывающійся женскій голосъ спросилъ:

— Пусть Богъ охранитъ насъ... Яцекъ, что ты ночью бродишь?.. Тотъ, котораго отстранилъ Романковъ отъ двери, нѣкоторое время молчала.

— Отъ, ма-мо, кака я штука... Тожь солдаты вбились сюда!.. — О, что бѣнмъ, прусацамъ, что бѣн томъ свѣтъ

Спичка сверкнула еще разъ и потухла. И опять секунды три было молчаніе. Очевидно, хозяинъ въ это время соображалъ что-то медленно и обстоятельно, можетъ-быть, взвѣсивъ всѣ „за“ и „противъ“. Потомъ онъ двинулся, стяхнулъ съ себя руки солдатъ и коротко сказалъ:

— Идите, гдѣ свѣтъ былъ... Тамъ рей—щели позаткнуты... Можно свѣтъ запалить...

Онцую, натываясь другъ на друга и на какія-то кадки, солдаты двинулись въ сторону мелькнувшаго огонька. Рей былъ

...Заставленный какимъ-то ящикомъ коганецъ едва освѣщаль черный, какъ пещера таинственныхъ гномовъ, рей.

ихъ... началъ-было старушечій голосъ, но кашель опять прервалъ его, и долго въ темнотѣ обитаемаго гумна хрипѣлъ и лаялъ старый человѣкъ, не находя силъ откашляться. И опять въ перерывѣ старуха пыталась сказать что-то, но сынъ перебилъ ее свистящимъ шопотомъ:

— Та жь молчи, мамо, тутъ они!..

Романковъ обратился въ ту сторону, гдѣ раздавался голосъ хозяйина, и также шопотомъ сказалъ, коверкая польскія слова:

— Если скажешь слово, сейчасъ конецъ тебѣ, пикни только!..

Крестьянинъ вдругъ почувствовалъ у себя на плечѣ ту же твердую, корявую руку. Она скользнула по рукѣ, какъ живой паукъ, потомъ поднялась опять къ плечу и остановилась возлѣ шеи. Онъ сдѣлалъ попытку схватить ее, но двѣ другія руки мягко и ловко обхватили его сзади. Это Ваня, понявъ положеніе дѣла, выступилъ на помощь Романкову. Но онъ задѣлъ дѣвочку, прижимавшуюся къ отцу, и она вдругъ заплакала громко и торпливо, словно давъ волю давно сдерживаемымъ слезамъ. И сейчасъ же въ отвѣтъ на этотъ плачь въ концѣ гумна сверкнула спичка, и полуодѣтая, съ разбившимися во снѣ волосами, молодая женщина обрисовалась въ дверяхъ.

Она хотѣла, вѣрно, спросить, отчего плачетъ дѣвочка, и не надо ли ей чего. Но вдругъ застыла, увидѣвъ сѣрыя, выпачканные въ землѣ, шинели солдатъ, тускло блеснувшія винтовки и, что всего ужаснѣе—русскія фуражки блиномъ съ покривившимися кокардами. Можетъ-быть, она увидѣла еще Зайца, тщетно зажимавшаго раненую руку, кровь на ней, на шинели, на землѣ.

сильно ниже всего гумна, и Романковъ, шедшій первымъ, чуть не полетѣлъ кувыркомъ съ высокаго порога. Никто не сказалъ на это ни слова, и когда всѣ вошли, хозяинъ плотно заперъ дверь и негромко бросилъ:

— Засвѣти жь плочку, Ядвисю!..

Опять блеснула спичка—огонекъ припалъ, задержался и освѣтилъ три неподвижно стоявшія фигуры. Плочка загорѣлась трепетнымъ, припадающимъ свѣтомъ, и черныя тѣни беззвучно задвигались по стѣнамъ и потолку. Въ этой смѣшанной странной игрѣ беззвучныхъ тѣней лица трехъ солдатъ выглядели суровыми, костистыми и печальными. Хозяинъ, пожилой уже полякъ въ длинной до колѣнъ бѣлой рубахѣ и такихъ же портахъ, молча глядѣлъ на нихъ, склонивъ внизъ голову. Попрежнему прижимаясь къ нему, сверкая, какъ звѣздами, большими испуганными глазами, смотрѣла дѣвочка—маленькая, лѣтъ шести или семи. И у обернутой сверху дномъ кадки, служившей, очевидно, столомъ, спиной къ дымной масляной плочкѣ, стояла женщина.

Романковъ мелькомъ оглянулся на товарищю—Зайца стоялъ со своей окровавленной рукой, молча глядя на хозяина, а Ваня съ наивнымъ дѣтскимъ изумленіемъ уставился на его жену.

— Ото жь русскіе, — медленно проговорилъ хозяинъ осторожнымъ шопотомъ:—тожъ насъ вздернутъ за васъ. а?

Романковъ перевелъ взглядъ на него.

Мы заблудились... Зашли очень далеко... Товарищъ померъ, другой—онъ показалъ на Зайца—раненъ... Кровь все льетъ... И мы не ѣли!—добавилъ онъ почему-то, хотя въ ту минуту забылъ про голодъ

Хозяин молчал. Романков смотрел на него, и ему казалось, что, кроме них в темном и тесном рве, где сушили снопы передь мотыгой, насквозь прокуренным горьким дымом, где-то в углу прячется еще что-то. Впечатлѣніе было такъ сильно, что онъ даже оглянулся.

Напряженное молчаніе, казалось, росло и давило. Бѣлый чело-вѣкъ съ заглубѣвшими отъ постоянной работы руками и темнымъ загорѣлымъ лицомъ думалъ. Три солдата молча ждали.

И разбила это нараставшее напряжение женщина. Она двинулась и чуть слышно уронила:

— Они жь не ѣли, Яцукъ, ты слышалъ?.. И потомъ ихъ ницуги!

Хозяинъ взглянулъ на нее, обвелъ глазами солдатъ и отвѣтилъ:
— Такъ достань хлѣба... Тамъ никакъ оставалось еще... Да заставь плошку.

Глубокій, облегченный вздохъ неколыхнулъ три груди. Романковъ шевельнулся, осторожно положилъ винтовку на выступъ печи и сѣлъ. Ноги у него дрожали, и теперь ему казалось, что, если бы хозяинъ молчалъ еще минуто, онъ упалъ бы. Вся предыдущая ночь развѣдки, весь проведенный въ кустахъ день, потомъ ползанье по черному полю вдругъ налегли на его плечи страшной усталостью, и голова у него закружилась. Когда онъ почувствовалъ въ своей рукѣ хлѣбъ, твердый, зачерствѣвшій, какъ камень, ему даже не захотѣлось ѣсть. Все, что онъ могъ бы сейчасъ сдѣлать, это—тутъ же лечь и заснуть глубокимъ, мертвымъ сномъ.

Хозяинъ сидѣлъ возлѣ Заяца, копавшагося со своей рукой, и шепталъ что-то, но слова долетали далекими, чуждыми, и только безсознательная привычка облекала ихъ въ образы.

— ...а потомъ понаѣхали германцы—прусаки эти самые—и погна-ли съ халуно—иди куда хочешь!.. А у меня мать-старуха, жена, дочка... Сынъ прежде съ вашими подводчикомъ ушелъ, гдѣ, не знаю, только, должно-быть, цѣлъ... Пошли въ гумно жить—а тутъ офицеръ ихній за бабой моей... Солдаты, тѣ ничего, которые даже понимаютъ, а офицеръ все за ней... Она въ рей спрягалась, а ему искать, вѣрно, некогда было... Потомъ онъ ушелъ съ деревни со своими солдатами, а баба моя до сихъ поръ боится выглянуть, такъ и сидитъ въ потемкахъ... Говорить, глазами стала худо видѣть... Солдаты еще ничего, есть понимающе изъ нихъ, а офицеры чисто собаки... Она боится!

Заставленный какимъ-то япикомъ коганецъ едва освѣщала черныи, какъ пещера таинственныхъ гномовъ, рей. Хозяинъ сидѣлъ на корточкахъ, теперь уже въ накинутаго на плечи полушубкѣ, хотя попржежнему босой, и рассказывалъ, а Заяцъ обертывалъ раненую руку вытатенной изъ-за пазухи тряпкой. Когда обернуль, дѣловито протянулъ концы къ хозяину и ска-залъ такъ же просто, какъ кому-нибудь изъ своего взвода:

— Завяжи-ка-сь... Мнѣ нескладно!..

Романковъ жевалъ хлѣбъ лѣниво, едва не засыпая, и сквозь золотую дымку видѣлъ неслышно двигающуюся фигуру женщины, дѣловитаго Заяца, не спускавшаго глазъ съ хозяйки Ваню Рудовинскаго. И бывали моменты, когда внезапная тьма вдругъ задергивала все, и шуршащій шопотъ хозяина вдругъ уплывалъ куда-то и таялъ. Потомъ, опомнившись, онъ опять видѣлъ скор-ченную фигуру съ бѣлыми босыми ногами и разбиралъ слова:

— ...а завтра выйду, кто гдѣ, потомъ ночью пойдемъ... Думается такъ, что по подлѣсью можно пробраться, они въ самомъ лѣсу больше, наружу не выйдутъ, болталъ тутъ одинъ ихній съ Познани, по-польски говорить хорошо, боится, что замѣтятъ отъ вашихъ ихъ... А тамъ арматы ихнія ставятъ—большія арматы, прежде поль имъ сдѣлали, а привезли на восьми лошадахъ, да гдѣ въ горку, еще четырехъ припрягали... А по шоссе—само-ходами все...

Когда хозяинъ поднялся и объяснилъ, что спать имъ надо лѣзть на колосники наверхъ, гдѣ тощія, качающіяся жердочки блии кое-гдѣ покрыты старой, почернѣвшей, оставшейся съ прошлаго года соломой, Романковъ поднялся, какъ пьяный, и, только употребивъ огромное усиліе, заставилъ себя влѣзть наверхъ.

Въ прѣлой, подгнившей соломѣ, которой даже на подстилку лошадамъ не взяли нѣмцы, было тепло. Внизу подъ ногами золотыми бѣстками свѣтилась плошка. Черныя тѣни попржежнему беззвучно и молчаливо метались по стѣнамъ и полу, и фигура женщины двигалась среди нихъ, какъ волшебница въ своемъ сказочномъ царствѣ...

Гдѣ-то далеко съ трескомъ рвали воздухъ орудія, и слышно было, какъ, завывая, уносился въ черную ночь снарядъ. И необъятный мракъ разстилался на необозримое пространство кругомъ стараго покосившагося гумна, гдѣ нашли неожиданное спасеніе три измученныхъ солдатъ.

VI.

На колосникахъ было темно, какъ въ пещкѣ. Солдаты просы-пались, прислушивались и, почавкавъ губами, опять засыпали. За все последнее время они первый разъ чувствовали себя въ безопасности. То, что хозяинъ тотчасъ же не передалъ ихъ нѣмцамъ, бродившимъ вокругъ,—для чего достаточно было только крикнуть,—служило поручительствомъ, что и дальше онъ не выдастъ незваныхъ гостей.

Уже давно былъ день, давно въ деревнѣ кипѣла жизнь, когда солдаты наконецъ очнулись отъ сна. Лежавшій съ краю Ваня Рудовинскій полежа-лъ съ открытыми, но ничего не видящими

глазами, послѣдиль, откуда идетъ едва примѣтный лучъ дневного свѣта, и шопотомъ спросилъ:

— Василий Парфеньчъ, дяденька? Тутъ ли вы?

Кто-то шелохнулся возлѣ него и притихъ. Дальше заворочался Заяцъ, чуть охнулъ и отозвался:

— Тута... И Романковъ тута—о бою со мною... Спать все...

— А кто жь тутъ подлѣ меня?

Ваня взглянулъ, напрягая зрѣніе, и разобралъ маленькую фигурку, торчавшую изъ-за жердей колосниковъ, на которыхъ онъ лежалъ. Онъ вспомнилъ маленькую дѣвочку, испугавшую ихъ у гумна, и молча поглядѣлъ на нее.

— Ватки нѣтъ?—шопотомъ спросилъ онъ ее.

Дѣвочка молча продолжала смотрѣть на него. Она не пугалась, потому что давно привыкла къ русскимъ солдатамъ, долго стоявшимъ въ ихъ деревнѣ прежде.

— Дома... У бабушки...—наконецъ отвѣтила она.

— Ишь ты... А мамка?

— Мамка никуда не выходитъ... За ней солдаты гоняются!—объяснила дѣвочка.—Она прячется... Какъ на гумно выйдетъ кто—она сюда, гдѣ вы теперь.

— Ишь ты, какое дѣло-то...—сочувственно отозвался Ваня.— А ты про насъ германамъ не скажешь?

— Нѣтъ, не скажу...

— Глади, никому не говори—а то намъ худо будетъ!

— Я знаю,—серьезно отозвалась дѣвочка.

Заяцъ завожился на соломѣ, рука у него сильно ослуха и горѣла. И во всемъ тѣлѣ былъ жаръ, все сохла губы и томил жажда.

— Ваня, а Ваня!..—позвалъ онъ хриплымъ шопотомъ.—Спроси ты у нея полить нѣсколько... Пушай принесетъ...

Дѣвочка молча спустилась, поворно и ловко, какъ бѣлка, и черезъ минуту принесла глиняную чашку съ водой. Ваня осторожно передалъ ее Заяцу, и тотъ дотогъ пилъ, громко глотая и отдуваясь.

Эта маленькая услуга явилась причиною сближенія между дѣвочкой и солдатами. Черезъ нѣкоторое время она уже сидѣла въ соломѣ на колосникахъ, намѣчаясь въ плотномъ мракѣ чуть замѣтной кучкой, и обстоятельно-серьезно говорила съ Ваней. Разговоръ былъ любопытенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что Ваня кое-какъ, до невозможности коверкая слова, иногда просто придавая русскимъ словамъ польскія окончанія, дѣлалъ все, чтобы дѣвочка его понимала, а она съ своей стороны вспоминала тѣ русскія слова, которыя приходилось ей слышать, и съ усиліемъ выговаривая ихъ, старалась поддержать бесѣду. И оба они время отъ времени подымали головы и подолгу прислушивались, что дѣлается за стѣнами гумна.

Разъ дѣвочка скользнула внизъ и долго пропадала. А когда вернулась, доложила, что въ деревнѣ собираются солдаты, всѣ съ ружьями и сумками, и строятся на выгонѣ возлѣ дороги. Должно-быть, пойдутъ куда-нибудь.

Въ полдень внизу пріоткрылась дверь и тотчасъ же захлопнулась. Потомъ голосъ хозяина негромко позвалъ:

— Ядвига... Ядью? Подай наверхъ чашку вотъ... Картошка вотъ, огурцы... Больше, скажи, ничего нѣту, все германцы обо-брали...

Въ темнотѣ, сталкиваясь руками, солдаты собрались у чашки и молча ѣли. Хозяйка ждала тутъ же и шопотомъ плакалась на нѣмцевъ.

— Советѣмъ разорили... Что теперь дѣлать съ домомъ? И тотъ чуть не сожгли, пьяные перепились да давай съ огнемъ бѣгать... за ней гнались, она цѣлый день въ оврагѣ сидѣла, потомъ ночью сюда пришла... Теперь какъ мужа спрашиваютъ, гдѣ баба?—онъ говоритъ, сбѣжала... Которые солдаты и знаютъ, что она тутъ хоронится, но только ничего, должно-быть, не говорятъ кому не нужно...

Она взяла пустую чашку и ушла внизъ. Заяцъ задремалъ, рука его все горѣла, и голова туманилась, и въ ней рождались странныя видѣнія. Иногда онъ вдругъ взметывался и готовъ былъ закричать, все почему-то вставалъ передъ глазами Статуй, колеблющихся шагами бредущій по оврагу съ окровавленной черной головой, но, опомнившись, снова ложился и задремывалъ.

Онъ самъ понималъ, что заболѣваетъ, и собиралъ всѣ усилія, чтобъ какъ-нибудь додержаться до темноты, когда можно будетъ сдѣлать попытку выйти.

Романковъ лежалъ молча, по временамъ ощупывая винтовку и подвигая ее къ себѣ. Онъ уже оравнодушнѣлъ ко всему послѣ того, какъ выпался, и ждалъ терпѣливо, спокойно, съ усмѣшкой прислушиваясь къ тому, о чемъ болтали Ваня съ дѣвочкой. Давнее и знакомое вспоминалось ему въ этой болтовнѣ, словно онъ уже слышалъ однажды это, и такъ же было темно все кругомъ и такъ же надо было хорониться и ждать, вотъ кто-то придетъ, и будетъ бѣда, и такъ же шуршалъ шопотъ Вани: про попа, про какую-то книгу, что ли...

— А если онъ противъ двери станеть? —спрашивала о чемъ-то дѣвочка.

— А я въ соломѣ съ головой, только пятки наружу будеть...—отвѣчала Ваня.

— А онъ къ бабкѣ на гумно войдетъ?

— А я еще глубже, и пятки спрячутся...

— А онъ къ ней, да наверхъ, да на соломѣ прямо!..

— А я его палкой, да по башкѣ.

И оба смѣялись, какъ будто и Ваня былъ такимъ же семицѣтнимъ мальчишкой.

Романковъ вспомнилъ, что Ваня представленъ уже къ кресту, о чемъ ему говорилъ ихъ ротный. подумалъ о томъ, какъ этотъ самый Ваня Рудовинскій шелъ на всякую опасность съ такимъ видомъ, какъ будто охотно и съ удовольствіемъ исполнялъ приятное порученіе, какъ наивно-свѣтлы голубые глаза его, и, уже задремывая, улыбнулся. Должно-быть, у этой дѣвочки, что пугаетъ его приходомъ нѣмца, глаза такіе же большіе, свѣтлые и наивные, какъ у Вани...

Онъ заснулъ, поддаваясь спокойствію укрытаго тепла мѣста, и во снѣ еще слышалъ придушенные голоса новыхъ пріятелей и сдержанный смѣхъ ихъ, какъ будто они были не на чердакѣ гумна, окруженные тысячею опасностей, а гдѣ-нибудь въ избѣ, гдѣ спитъ старый строгій дѣдъ, и они боятся разбудить его...

Осторожный, но сильный толчокъ разбудилъ Романкова. Онъ дрогнулъ и тотчасъ настороженнымъ чутьемъ пришелъ въ себя. Опять темно было въ гумнѣ— должно-быть, спустился вечеръ.

Визгу кто-то громко говорилъ, и высокій, какъ будто веселый голосъ отчетливо доносился сюда. Но слова были непонятны— и по нимъ Романковъ сейчасъ же узналъ:— говорилъ нѣмецъ.

Ему отвѣчалъ хозяинъ, сдержанно, но тревожно. Похоже было, что нѣмецъ чего-то добивался, а хозяинъ не давалъ, и они спорятъ, при чемъ нѣмецъ кричалъ все громче и громче.

Кто-то склонился надъ ухомъ Романкова, и чуть слышный шопотъ дохнулъ въ ухо:

— Не иначе какъ дознались... Гляжь!

И короткое, предупреждающее слово упало почти беззвучно, какъ камень въ глубокой колодець. Романковъ подтянулъ винтовку, ощупалъ пальцами затворъ, потомъ штыкъ и поспешил къ тому мѣсту, гдѣ былъ входъ на колосники съ широкой, обмазанной глиной, печи. Онъ не успѣлъ доползти до мѣста, какъ натолкнулся на лежаваго уже тутъ. И, скользнувъ по нему рукой, угадалъ Ваню Рудовинскаго по оборванному клапану на шинели.

— Дознались?—шепнулъ онъ.

Ваня чуть обернулся въ его сторону и отвѣтилъ:

— Хуже...

Романковъ не понималъ, что можетъ быть хуже,—но промолчалъ. Ваня обернулся опять, нашель ухо солдата и объяснилъ:

— Къ хозяйкѣ добивается... Видать—хмелень. Она ужъ сюда залѣзла, тутъ назадъ въ солому схоронилась...

Дверь въ рей распахнулась, тусклая полоса свѣта упала на земляной полъ. Романковъ разгребъ солому,—нѣсколько старыхъ черныхъ соломиннокъ полетѣло внизъ,—и сталъ вглядываться. Невысокой и, должно-быть, очень молодой нѣмецкій солдатъ въ сѣровато-синей курткѣ и съ тесакомъ, унтеръ или фельдфебель, отталкивалъ рукою заступавшаго дорогу хозяина и со смѣхомъ говорилъ ему что-то, чего тотъ, очевидно, не хотѣлъ понимать.

— Та я жъ говорю—тутъ нема никого!—угрюмо бурчалъ хозяинъ, низко опустивъ голову, какъ быкъ, зачужившій опасность, и неподобья глядя на нѣмца.—Никого тутъ нѣту, пусто...

Нѣмецъ въ темнотѣ ничего не разобралъ и сталъ копаться въ карманѣ. Продолжая говорить, онъ зажегъ восковую свичку и высоко поднялъ ее. Лежавшіе наверху затаили дыханіе.

Возможно, что, оглядѣвъ тѣсное, закопченное помѣщеніе рья, гдѣ все было на виду и негдѣ спрятаться, нѣмецъ ушелъ бы назадъ; но одно обстоятельство привлекло его вниманіе: у печки, должно-быть, въ торопливости, съ какой она пряталась, хозяйка оставила своей полушубокъ на приставленномъ ящикѣ, служившемъ своего рода лѣсенкой. Нѣмецъ посмотрѣлъ на ящикъ, на полушубокъ, покачалъ головой и засмѣялся. Свободной рукой онъ похлопалъ хозяина по плечу, но въ это время свичка догорѣла и обожгла ему пальцы. Романковъ не видалъ хорошо, но ему показалось, что нѣмецъ въ этотъ моментъ сильно толкнулъ хозяина къ дверямъ, а самъ легко и молодо вскопчилъ на ящикъ, потомъ на печь. И тутъ, уже всовываясь до половины на колосники, сталъ опять чиркать свичкой. Видно было, какъ фосфоръ чертитъ на коробкѣ свѣтящаяся линія, какъ маленькія искорки сыплются внизъ. И когда Романковъ уже перебралъ винтовку за

ствѣтъ и зажегъ ее надъ головой, чтобы однимъ ударомъ оглушить нѣмца, едва тотъ засвѣтилъ свичку, огонекъ вспыхнулъ, и въ желтомъ неожиданномъ свѣтѣ вылиплилось веселое, улыбающееся лицо нѣмца не дальше какъ въ аршинѣ разстоянія отъ Романкова и Вани.

Нѣмецъ могъ ожидать всего—только не русскихъ солдатъ здѣсь. Очевидно, онъ ихъ сразу узналъ по блинообразнымъ шапкамъ съ козырьками, по поднятымъ воротникамъ шинелей, и въ полномъ изумленіи, еще не согнавъ съ лица улыбки и не догадываясь бросить свичку, глядѣлъ на нихъ. Такъ продолжалось секунды двѣ—томительныхъ, страшныхъ тѣмъ, что онъ таилъ въ себѣ, и въ это время слышно было, какъ скручивается уголькомъ тонкая восковая свичка. Глаза нѣмца постепенно мѣнялись, улыбка дрогнула—и былъ моментъ, когда Романковъ думалъ, что онъ крикнетъ звонкимъ страшнымъ голосомъ.

„Пора!..“—молніей сверкнуло у него въ головѣ, и онъ взмахнулъ винтовкой съ тѣмъ, чтобы тяжелымъ орѣховымъ прикладомъ размозжить ярко освѣщенную голову.

Что-то длинное, сѣрое, вытянувшееся, какъ кошка во время прыжка, метнулось сбоку, закрыло появившуюся фигуру

„Пора!..“—молніей сверкнуло у него въ головѣ, и онъ взмахнулъ винтовкой съ тѣмъ, чтобы тяжелымъ орѣховымъ прикладомъ размозжить ярко освѣщенную голову.

нѣмца—и свичка погасла. И разомъ съ грохотомъ, хрипѣніемъ и звономъ все полетѣло куда-то внизъ.

Прежде чѣмъ понять, что именно случилось, Романковъ бросился тоже внизъ, а въ этотъ моментъ хозяинъ выскочилъ за дверь и плотно захлопнулъ ее за собой. Романковъ сильно зашибся, падая сверху, но объ этомъ вспомнилъ только спустя много времени, а тогда разомъ кинулся на катавшихъ подъ нимъ двухъ людей, пытаясь разобрать, кого надо давить.

— Врешь, не уйдешь!..—сильнымъ шопотомъ бормоталъ Ваня Рудовинскій, нажимая обѣими руками лицо нѣмца и чувствуя, какъ острые зубы въ безумномъ ужасѣ впиваются ему въ ладонь.—Стой, мой будешь!..

Романковъ схватился за что-то—оказался Ванинъ локоть; тотъ, не отрывая руки, оттолкнулъ его, прохрипѣвъ только:

— Штыкомъ его, штыкомъ!..

Но штыка у Романкова не было—онъ остался на винтовкѣ наверху, и онъ быстро, путаясь и цѣпляясь, сталъ вытаскивать изъ ноженъ тесакъ нѣмца. Тотъ понялъ, что съ нимъ хотятъ сдѣлать, и отчаянно забился, едва не вырвавшись изъ-подъ Вани.

— А-о-о!..—вдругъ вскрикнулъ онъ, но опять смолкъ, и въ ту же минуту Романковъ выхватилъ тесакъ и изо всей силы пырнулъ его куда-то подъ Ваню.

Нѣмецъ забился еще сильнѣе, но было уже поздно: третій солдатъ, Заяцъ, суетился уже возлѣ, толкаясь въ потемкахъ, отдавливая сапогами руки борющихся, и уже возился съ чѣмъ-то надъ головой нѣмца, дико, по-звѣриному, лоя его и подпрыгивая при каждомъ толчкѣ. И черезъ минуту онъ вдругъ метнулся въ сторону, далеко отдергивая здоровую руку, и засипѣлъ громко и почти весело:

— Бросьте, бросьте, ребята. Готово, готово!.. Бросьте его!!!

Романковъ отшатнулся, Ваня скатился съ трепыхавшагоса нѣмца, и все вдругъ затихло въ душной тѣмѣ низкаго рья.

— Аг... грг...—хлопало въ горлѣ нѣмца и смолкло. И слышно было только, какъ мелкой судорогой бороздить его ноги твердую, убитую землю рья, и тяжело дышитъ надсѣдавшій надъ чѣмъ-то Заяцъ.

Никто не мог бы сказать, сколько прошло времени таким образом. Может-быть, пять минут, может-быть, час. и опомнился Романков, только услышав голос Зайца:

— Так-то вѣришь, дурашки, въ такомъ разѣ всегда удавочкой складѣе, а то кровь, тоже вопить станеть...

Онъ дышалъ тяжело и сильно, очевидно, уставъ возиться. Къ тому же жаръ, что томилъ его съ утра, дѣлалъ дыханіе его прерывистымъ и громкимъ.

— Вани, а Вани?—позвалъ онъ, отдышавшись.

— Здѣсь...

— А Романковъ?

— Тутъ я, нигдѣ не пропадь...

Заяцъ дышалъ, очевидно, силясь сказать что-то, и не могъ. И только началъ, какъ дверь рѣя отворилась, и въ нее заглянулъ хозяинъ. Теперь уже не было свѣта изъ двери, и фигура хозяина намѣчалась смутнымъ бѣлымъ пятномъ.

Онъ тщательно заперъ за собой дверь, покопался возлѣ кадки

Романковъ оглянулся на него. Вани сидѣлъ на землѣ, подкорчивъ ноги, и большими, такими чистыми и свѣтлыми, какъ у ребенка, глазами смотрѣлъ на слабый, колеблющійся огонекъ лампы.

Романковъ вспомнилъ, какъ мимо него, съ протянутыми впередъ руками, кошачьимъ прыжкомъ взметнулася этотъ самый Вани и сшибъ освѣщенное, еще не утрагившее забытой улыбки лицо. Солдатъ отвернулся, и неясное ощущеніе, похожее на легкую тошноту, толкнуло его.

Опять настала томительная, мертвая тишина, и пугающимъ, чуждымъ и зловѣщимъ выглядѣлъ въ ней безформенный грязный мѣшокъ посреди пола.

VII.

Черезъ часъ вернулся хозяинъ и, загасивъ лампу, взвалилъ на плечи мѣшокъ и повелъ солдатъ изъ гумна. Выходили осторожно, гуськомъ, другъ за другомъ, впереди хозяинъ, потомъ Заяцъ, Романковъ и послѣднимъ Вани Рудовинскій. Когда старуха, бормоча что-то, чего нельзя было понять, хотѣла заперъ

Переходъ по понтонному мосту. По фот. С. Корсакова.

и зажечь лампу. И, скользнувъ взглядомъ по длинному темному пятну у печки, понялъ все.

— Хозяинъ, а хозяинъ!—обратился къ нему Заяцъ, сидѣвшій на корточкахъ на выступѣ печки надъ тѣмъ, что лежало у нея на полу:—намъ теперича безпремѣнно уходить надо... И это вотъ унести, а то тебѣ худо будетъ... Какъ уйти, можно?

— Пруссаки до шляху пошли,—не торопясь и, повидимому, совершенно спокойно отвѣчалъ хозяинъ, копясь съ чѣмъ-то за каждой:—почти все изъ деревни ушли, остались которые только телефоны, или что тамъ у нихъ понастроено, караулятъ. Можно ити канавами тутъ до лѣсу, а тамъ по подлѣсью.

Онъ досталъ большой грязный мѣшокъ—изъ тѣхъ, что служатъ для картошки, когда ее свозять съ поля, и подошелъ къ лежавшему у печки. Романковъ понялъ и сталъ помогать ему. Тѣло было тяжелое, нескладное, и засунуть его въ мѣшокъ было трудно. Оно все какъ-то неловко ломалось, то ноги дѣплялись, то голова съ перетянутой тонкой бечевкой шеей отваливалась, и Романковъ чувствовалъ, какъ у него дрожать руки, и ему страшно поймать тусклый, невидящій взглядъ трупа. Наконецъ его впили въ мѣшокъ, и хозяинъ, поднявъ края, сильно стряхнулъ его. Потомъ закрутилъ конецъ, завернулъ тугимъ узломъ и попробовалъ на вѣсъ, какъ будто собирался продавать кулъ картошки и хотѣлъ опредѣлить, сколько въ немъ.

— Чижало?—полюбопытствовалъ Заяцъ.

— Пудовъ подъ пять будетъ... Стащу!—спокойно отвѣтилъ хозяинъ и сталъ натягивать полушубокъ, послужившій причиной безвременной гибели увидѣвшаго его нѣмца. Потомъ онъ обулся въ огромные черные сапоги, обмоталъ шею длиннымъ шарфомъ и, буркнувъ что-то, ушелъ.

— Куда это онъ?—спросилъ Романковъ.

— Узнать, тихо ль кругомъ,—задумчиво отвѣтилъ Вани.

реть за ними дверь гумна, Вани почувствовалъ, какъ кто-то трется около него. Онъ наклонился и поймалъ смѣшанный русско-польскій шопотъ дѣвочки, съ которой онъ провелъ день на колосникахъ стараго рѣя.

— Прощай, прощай, солдатъ, прощай!—шептала она, хватая руку Вани.—Больше ты не придешь?

Вани засмѣялся, потрепалъ ребенка по головѣ и, наклонившись, шепнулъ ей:

— Нѣмцы уйдуть, безпремѣнно приду, за тебя свататься стану и къ себѣ женой увезу... Прощай, ласковая голова!..

Ночь, безконечная, угрюмая, таящая въ себѣ тысячи опасностей, полная страха, крови и смерти, лежала вокругъ гумна. Длинной волчьей вязкой другъ за другомъ шли четыре чело-вѣка, останавливались, ловили каждый порохъ, ложились на землю, потомъ опять подымались и шли... Въ оврагѣ, когда уже пошли кусты, голые, озяблые, съ настывшими вѣтками, больно бившими по лицу, шедшій впереди хозяинъ крикнулъ и сбросилъ мѣшокъ на землю. Слѣдовавшій за нимъ Заяцъ натолкнулся на него.

— Ты что?—спросилъ онъ.

Хозяинъ не отвѣчалъ. Онъ старательно вытряхивалъ содержимое изъ мѣшка, потомъ встряхнулъ пустой мѣшокъ и, аккуратно сложивъ его, пошелъ дальше. Вани нѣсколько уклонился въ сторону, когда тронулся послѣ этой остановки, и споткнулся на то, что вытряхнулъ хозяинъ изъ мѣшка. Онъ едва не выронилъ винтовки, но справился, перехватилъ ее въ другую руку и пошелъ какъ ни въ чемъ не бывало. И когда шелъ, то думалъ не объ оставшемся въ кустарникѣ тѣлѣ чело-вѣка, на котораго онъ первымъ бросился, а о ласковой дѣвочкѣ, что смѣялась его шуткамъ, пугала его какъ разъ тѣмъ, что случилось, и просила прійти, когда уйдуть нѣмцы...

Талисманъ.

Разсказъ Георгія Павлова.

I.

— Господинъ лейтенантъ Токири!

Курьеръ распахнулъ дверь, пропуская морского офицера въ сюртукъ съ золотыми галунами и нашивками Scho-sa—старшаго лейтенанта. Войдя въ кабинетъ, Токири остановился передъ столомъ и отвѣсилъ низкій поклонъ по-японски, слегка коснувшись рукою колѣна. Потомъ онъ выпрямился и замеръ въ позѣ почтительно-спокойнаго ожиданія.

— Садитесь, господинъ лейтенантъ.

Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ короткимъ жестомъ указалъ офицеру на огромное кожаное кресло, въ которомъ свободно могли помѣститься трое. Поправивъ пененъ, онъ при-

Стрѣльба нѣмцевъ гранатами по фальшивой батарее.

вленномъ съ шаблонной бюрократической роскошью всѣхъ министерскихъ кабинетовъ Европы, Америки и Азій, на минуту воцарилось молчаніе. Товарищъ министра заговорилъ первый, своимъ тихимъ старческимъ голосомъ:

— Вы ѣдете въ Берлинъ. Ваша официальная миссія — ознакомленіе съ послѣдними новостями морской артиллеріи и миннаго дѣла. Васъ примутъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ подданнаго дружественной державы. Но секретное порученіе, которое возлагаетъ на васъ его величество императоръ, вы должны выполнить въ самый короткій срокъ. Въ настоящее время Австрія готовится предъявить Сербіи ультиматумъ, совершенно неприемлемый. Россія станетъ на сторону славянской страны, для германскаго правительства это явится поводомъ объявить ей войну, планъ которой уже разработанъ въ деталяхъ, и которая начнется, насколько мнѣ извѣстно, нападеніемъ на Францію, съ нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета, ради кратчайшей до-

Фальшивая батарея съ чуломъ солдата, сдѣланная такъ удачно, что нѣмцы открыли по ней ураганный огонь.

стально посмотрѣлъ поверхъ стекла на своего собесѣдника.

— Вы отправляетесь со специальной миссіей въ Европу, лейтенантъ Токири Мійято. Вамъ уже даны всѣ инструкціи?

— Мнѣ было сказано, что я получу ихъ передъ отъѣздомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, ваше высокопревосходительство.

— Для этого я и пригласилъ васъ сегодня, господинъ лейтенантъ.

— Моя жизнь, силы и познанія къ услугамъ вашего превосходительства.

Послѣдовать новый низкій поклонъ. Эти два человѣка говорили между собою по-японски, но титуловали другъ друга, какъ европейцы. Ихъ неподвижныя лица съ характерными узкими глазами, одно молодое, другое состарѣвшееся, желтое и одутливое, были одинаково холодны и безстрастны. Въ громадномъ полутемномъ кабинетѣ «обста-

Стрѣльба нѣмцевъ гранатами по фальшивой батарее. Батарея въ огнѣ.

Кавказский фронт. Наш пароходъ, курсирующий между Батумомъ и Хопой, — взятый нашими кавказскими войсками турецкимъ городомъ.

роги на Парижъ. Великобританія отвѣтитъ на это объявленіемъ войны императору Вильгельму. Менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца мы можемъ оказаться въ состояніи войны съ имперіей Гогенцоллерновъ.

Лейтенантъ невозмутимо выслушалъ это чудовищное пророчество, изложенное въ такомъ тонѣ, какъ будто бы дѣло шло о программѣ скачекъ.

— Три мѣсяца!—сказалъ онъ.—Я рассчитываю быть въ Берлинѣ черезъ два, если не ранѣе.

— Вы специалистъ своего дѣла,—продолжалъ сановникъ:—прекрасно владѣете европейскими языками и пользуетесь полнымъ довѣріемъ военнаго и морскаго министровъ. Ваша миссія будетъ заключаться въ ознакомленіи, по возможности детально, съ новыми 42-сантиметровыми орудіями германцевъ.

— 36-сантиметровыми, ваше высокопревосходительство?

— Сорока двухъ. Это пока еще государственная тайна въ самой Германіи, такъ что собрать необходимыя свѣдѣнія будетъ нелегкимъ дѣломъ. Мѣсто—заводы Круппа въ Эссенѣ. Кромѣ того, имѣйте въ виду, что для императорскаго правительства имѣетъ особенное значеніе все, относящееся къ оборонѣ Циндао. Вы предполагали ѣхать черезъ Сибирь?

— Черезъ Маньчурію, Сибирь и Москву, ваше высокопревосходительство,—въздъ это кратчайшій путь.

— Нѣтъ. Поѣзжайте моремъ. Черезъ два дня отходить изъ Нагасаки пароходъ „Тристанъ“ съверо-германскаго Ллойда. Съ этимъ пароходомъ выѣзжаетъ нѣкто Ферловъ, прусскій военный инженеръ, находившійся въ отпуску въ Токио и вызванный, какъ мнѣ донесли, личной телеграммой императора Вильгельма. Постарайтесь сблизиться съ нимъ насколько возможно—онъ работалъ въ Циндао и знаетъ многое.

Товарищъ министра всталъ, лейтенантъ вытянулся во фронтъ. Официальная часть аудіенціи была закончена.

— Ваши ассигновки уже подписаны,—сказалъ сановникъ, протягивая руку офи-

церу. — Въ вашемъ распоряженіи еще два дня. Будьте здоровы, благополучны и мудры. Императоръ и родина не забудутъ вашихъ заслугъ передъ нами.

Лейтенантъ поклонился въ послѣдній разъ и вышелъ изъ кабинета.

II.

На другой день Токири Мійято съ курьерскимъ поѣздомъ прибылъ въ Киото, чтобы помолиться вмѣстѣ со своей невѣстой въ храмѣ пяти тысячъ боговъ побѣды. О-Никки-Санъ, дочь богатаго коммерсанта Кобаши, въ домѣ котораго свято чтли религію предковъ, сама настояла на этой прощальной молитвѣ, хотя ея женихъ отправлялся и не на войну. Быть-можетъ, она думала о другой побѣдѣ — побѣдѣ надъ собой и соблазнами, которые его ожидали? Какъ знать. Душа японской дѣвушки, хотя и очень молодой, непроницаема и загадочна.

О-Никки-Санъ встрѣтила лейтенанта въ саду, окружавшемъ виллу Кобаши за городомъ. — великолѣпномъ паркѣ могучихъ вѣковыхъ кедровъ, густая зелень которыхъ почти не пропускала солнечныхъ лучей на желтыя дорожки между прудами, мостиками, гротами изъ туфоваго камня и пестрыми пятнами цвѣтниковъ. Въ ея комнатѣ не было ничего, кромѣ бѣлыхъ стѣнъ, оклеенныхъ рисовой бумагой, циновки на полу и букета хризантемъ въ простомъ горшкѣ изъ голубой глины Катата, и сама она, миниатюрная, въ своемъ каммонѣ съ широкими рукавами, обтянутымъ двойнымъ креповымъ поясомъ, въ старинной прическѣ, заколотой во-

семью черепаховыми шпильками, походила скорѣе на простую мусмэ, чѣмъ на дочь богача Кобаши, который владѣлъ въ Киото домами, магазинами и цѣлой флотиліей рыболовныхъ джонокъ.

— Когда?—спросила она своего жениха, держа его сильныя загорѣлыя руки въ своихъ, крошечныхъ и бѣлыхъ, точно сло- новая кость.

— Завтра вечеромъ, съ пароходомъ изъ Нагасаки.

Отвернувшись, О-Никки-Санъ отошла и стала обрывать лепестки хризантемъ. Лейтенантъ обнялъ ее за талию, тонкую и гибкую, какъ молодой стволъ бамбука. Головка дѣвушки, увѣнчанная вѣрообразнымъ ореоломъ булавокъ, тихо склонилась на его плечо.

— Хризантемы—цвѣты осени, цвѣты разлуки,—сказалъ онъ.— Я вернусь ранѣе, чѣмъ зацвѣтутъ вишни. и мы будемъ вмѣстѣ собирать бѣлые цвѣты, чтобы украсить ими комнату О-Никки-Санъ, жены лейтенанта Токири.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

Кавказский фронтъ. Зачорохскій край (Батумской области).

— Если мы отправляемся в храм пяти тысяч богов, то пора ехать. У меня остается немного времени.

Выйдя из курумы *) перед храмом, они на минуту остановились, прежде чем войти в открытую гостеприимно дверь капища. Наступал вечер, солнце опускалось за горами, точно красный японский фонарь на фоне лилово-синяго неба. Сосновый лес поднимался по склону холма, и его вершины напоминали обрывки синих туч, остановившиеся на отдых у красноватых стволов, прямых и стройных, как мачты. Начиная лучший летний месяц, в саду храма цвели все цветы, и теплый недвижный воздух был напоен их благоуханием.

В храм пяти тысяч богов они долго стояли рядом, — офицер, философ и атеист, одинаково терпимый и одинаково равнодушный ко всем богам, кроме богини славы, и молодая девушка, сохранившая свою детскую веру, с благоговием склонявшаяся перед этим грозным полчищем золотых вооруженных идолов, громоздившихся перед ней сверкающей массой доспехов, стрел и копий. Выходя из храма, О-Никки-Сань остановил лейтенанта в сумрачной галлерей, освещенной нависшими ветвями клена. Сняв свой золотой браслет с рубиновой подвеской, она застегнула его на руку жениха.

— Пусть он охраняет тебя от зла и печали там, за морями! — прошептала она, сливая свое благословение с прощальным поцелуем. Я буду ждать тебя, хотя бы вишни цвели не один, а четыре раза до твоего возвращения.

III.

На верхней палубе „Тристана“, защищенной тентом от палящих лучей солнца, лейтенант Токири разговаривает со своим новым знакомым, инженером Ферловым. Лейтенант, одетый в серый дорожный костюм, невысок и скорее худощав, несмотря на свою силу: его собеседник представляет полную противоположность ему. Это громадный широкоплечий мужчина с мускулатурой настоящего борца и грубым лицом, которому он напрасно старается придать английский тип: ни безукоризненный пробор рыхлых волос ни коротко-подстриженные рыжеватые усы не могут изменить этого лица, которое говорит слишком громко не только о национальности, но и о степени развития его обладателя.

— Итак, вы отправляетесь в Берлин. Это очень разумно со стороны вашего правительства. Япония — центр восточной культуры, Германия западной.

*) Экипаж.

Взрывание льда для разрушения переправы. Два-три фунта пироксилина, опущенные в прорубь и взорванные там, взламывают лед на огромном пространстве вокруг проруби — больше 100 сажень в окружности.

— Я только опасаюсь тех затруднений, которые, быть-может, меня ожидают, — возразил Токири. — Я военный, а не дипломат; ко мне могут отнестись недоброжелательно...

Напротив. Отношения между нами и Японией не оставляют желать лучшего. В этом я убедился сам за время моего пребывания в Токио. Нам очень лестно, что сыновья страны восходящего солнца приезжают учиться к нам, а не в Англию. Откровенно говоря, англичане так же отстали от нас в области артиллерийского дела, как и в промышленности. Возьмите наши подводные лодки: это грозная сила, которая одна делает нас необходимыми.

— В Японии много говорят о блестящих качествах французской артиллерии...

Ферлов сдвинул презрительную гримасу.

— Пустое! Французы слишком легковесны, чтобы быть хорошими артиллеристами. Пусть они танцуют танго, а мы пока будем совершенствовать свои пушки. Быть-может, близкое будущее покажет, что Франция обеспечивает господство над миром.

Пароход, дрожа от своей затаенной мощи, разрывал спокойную пелену японского моря, изумрудно-голубого цвета. На горизонте вершина Фузи-Яма тонула в тумане, как гигантский белый парус, рвущий между водою и небом.

Палуба мало-по-малу оживлялась. Зной начинал спадать, дамы покинули свои каюты, переодетые после обеда, и спустились наверх, чтобы полюбоваться волшебной панорамой.

— Генрих, тебя ждут внизу с картами. Вилли Ранк и Хэзильдорн говорили сейчас, что ты разстраиваешь им партию.

Молодая женщина грациозно облокотилась на перила подлѣ своего мужа, слегка кивнув головой в отвѣтъ на почтительный поклон лейтенанта. Ферлов сложил аккуратно газету и удалился своими широкими шагами, оставив молодых людей вдвоем. Прислонившись къ периламъ, путешественница задумчиво смотрѣла вдаль.

— Япония исчезает за океаном, — обернулась она къ лейтенанту. — Вам не жаль покидать ее?

Если бы такой вопрос задала ему О-Никки-Сань, он отвѣтил бы, что уѣзжает из Японии, но не покидает ее, потому что каждый японец носит в своем сердце образъ родины, и мысли его всегда съ нею. Вѣсто этого Токири Мійато улыбнулся и промолвил съ галантною настоящимъ парижанина:

Наши бронированные автомобили.

.....
 Наши трофеи. Австрийскія орудія и ружья, взятые нашими войсками.

— Я не могу жалеть ни о чемъ, разговаривая съ такой очаровательной женщиной.

Рита Ферловъ весело смѣялась. Сидя на складномъ табуретѣ, она положила ногу на ногу, показывая изящныя ботинки и желтыя гетры, доходившія до икры. Ея блѣдые волосы покрывала широкая шляпа, подвязанная шарфомъ отъ вѣтра, какъ у автомобилистки. Въ своемъ дорожномъ костюмѣ съ обтянутой юбкой и кодакомъ черезъ плечо, она на фонѣ рѣшетчатыхъ перилъ борта напоминала очаровательно-утрированную открытку Скотта.

Лейтенантъ Токири сказалъ комплиментъ, но этотъ комплиментъ не былъ слишкомъ далекимъ отъ истины. Онъ познакомился съ Ритой всего нѣсколько часовъ назадъ, но за это время думалъ о ней гораздо больше, чѣмъ о маленькой мусмѣ, оставшейся тамъ, за голубымъ туманомъ на сѣверѣ. Его привлекала къ этой изящной нѣмкѣ не только ея красота, хотя она была очень красива. Онъ чувствовалъ въ ней что-то недоговоренное, скрытое, обманчивое. Ея смѣхъ казался ему слишкомъ громкимъ и неестественнымъ, ея веселость мгновенно переходила въ молчаливую задумчивость, со сдвинутыми бровями и лицомъ, точно окутаннымъ тѣнью облака. Скрытная и пронзительная душа азіата безсознательно чувствовала какое-то родственное влеченье къ этой загадочной европейской душѣ; ему хотѣлось во что бы то ни стало разгадать ея тайну подъ маской, которую онъ увидѣлъ сразу.

— Расскажите мнѣ о вашихъ женщинахъ, — обратилась къ нему Рита. — Я провела въ Іудю четыре мѣсяца, но японскихъ женщинъ мнѣ приходилось встрѣчать только на улицахъ.

Лейтенантъ отвѣчалъ уклончиво.

— По-моему, японскія женщины не отличаются отъ европейскихъ ничѣмъ, кромѣ внѣшности, какъ и европейскія разныхъ странъ въ общемъ схожи между собою.

— Въ самомъ главномъ, правда? — Она подчеркнула свою пикантную реплику очаровательно-лукавой улыбкой, потомъ вдругъ сдѣлалась серьезной. — Пожалуй, вы правы. Мнѣ женщины — замкнутый мнръ, что-то въ родѣ монастыря. Вся разница только въ большей или меньшей строгости устава.

Лейтенантъ пристально посмотрѣлъ на свою собесѣдницу. Эта свѣтская женщина, молодая, красивая и богатая, говоритъ о монастырской жизни? Внезапно онъ вспомнилъ Ферлова съ его грубымъ лицомъ, хриплымъ голосомъ и манерами торговца мукой, и готовый сорваться отвѣтъ замеръ у него на губахъ. Казалось, Рита замѣтила это, — она поспѣшила переменить разговоръ.

— Вообще же Японія мнѣ чрезвычайно понравилась. Это прелестная страна, похожая на изящную игрушку. Я покидаю ее съ

большимъ сожалѣніемъ и очень рада, что между нами пока остается хотя одно звено — въ нашемъ лицѣ, господинъ лейтенантъ.

Токири поклонился. Онъ принялъ эти слова за тонкій и остроумный авансъ, и многозначительный взглядъ Риты подтвердилъ, что онъ не ошибается.

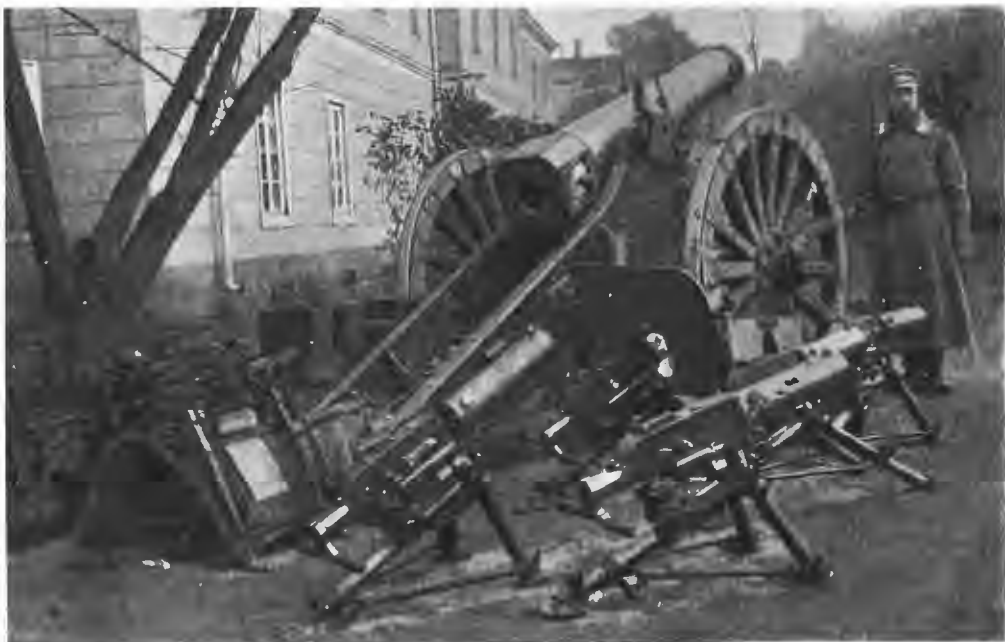
IV.

Въ Красномъ морѣ на „Тристанѣ“ получила радиотелеграмма о начавшейся войнѣ между Россіей, Франціей и Германіей; пароходъ едва успѣлъ миновать Гибралтаръ, какъ стало извѣстно о выступленіи Англии. Токири могъ бы удивляться прозорливости товарища министра иностранныхъ дѣлъ, если бы хотя минуту сомнѣвался въ его предсказаніи.

На „Тристанѣ“ поднялась тревога. Пассажиры разбѣжались на группы по національностямъ, ни одна изъ нихъ не чувствовала себя вполне спокойной: нельзя было знать, какъ сложатся событія въ ближайшемъ будущемъ. Никто не думалъ уже ни о флиртѣ ни о красотахъ путешествія. Завязавшія знакомства между подданными воюющихъ державъ были прерваны. Французы покинули пароходъ въ Маскатѣ, англичане — въ Лиссабонѣ, гдѣ была послѣдняя остановка. На „Тристанѣ“ оставались только германцы, нѣсколько американскихъ комиссіонеромъ и пять человекъ японцевъ, въ томъ числѣ лейтенантъ Токири. Отъ Лиссабона пароходъ шелъ подъ охраной германскаго крейсера, освѣщавшаго по ночамъ горизонтъ лучами прожекторовъ. Все говорили только о возможности встрѣчи съ англичанами.

Въ эти тревожные дни Токири видѣлся рѣже съ Ритой. А между тѣмъ ихъ отношенія сдѣлались за послѣднее время очень близкими, почти дружескими. Проницательность японца подсказывала ему, что молодая женщина относится къ своему кавалеру попрежнему — было видно, что въ каютѣ ее удерживаетъ не столько бурное море или страхъ передъ англичанами, сколько какія-то другія соображенія. Быть-можетъ, она боялась зайти слишкомъ далеко и неосторожно выдать себя въ послѣдній моментъ? На опустѣвшемъ пароходѣ каждый пассажиръ былъ на виду у другихъ, и то, что раньше прошло бы незамѣченнымъ, легко могло броситься въ глаза телеру. Ферловъ каждый день встрѣчался съ Токири за табльдотомъ. Лейтенантъ, какъ и его соотечественники, былъ предметомъ особаго вниманія на „Тристанѣ“. Въ японцахъ видѣли друзей и вѣроятныхъ союзниковъ въ будущемъ; ихъ спокойствіе среди общей тревоги вносило успокоеніе и восхищало всѣхъ, въ особенности женщинъ.

— Неужели вы не боитесь встрѣчи съ англичанами? — спросила Токири его собесѣда за столомъ. — Вѣдь мина не разбираетъ національности, вы рискуете такъ же, какъ другіе.

.....
 Наши трофеи. Тяжелое орудіе и пулеметы австрийцевъ, взятые нашими войсками.

— Если кто-нибудь должен опасаться встречи, то во всяком случае не мы, а англичане, — пробурчал Ферловь.

Токири едва удержался от улыбки. Действительно, встреча с пассажирским пароходом под охраной одного крейсера должна оказаться роковой для великобританского флота. Но он невозмутимо ответил:

— Я не думаю, чтобы мы встретили здесь английских суда. Они должны быть севернее у берегов Германии.

Ферловь посмотрел на него с сожалением, как на ребенка, старающегося рассуждать точно взрослый.

— У берегов Германии? Милостивый государь, даю вам слово офицера, что они застряли в своей Плимут и не смеют показать носа оттуда. Мои слова не должны обижать вас, прибавил он, опуская свою тяжелую руку на плечо лейтенанта: — англичане — ваши бывшие учителя, в которых вы больше не нуждаетесь; германцы — друзья сегодня, завтра будут вашими союзниками.

«Врагами», мысленно поправил его Токири Мийато.

Наконец вдали показались огни Гамбурга. Путешествие было благополучно закончено. Прощаясь с Токири на вокзале, среди взволнованной шумной толпы, провожавшей на войну своих близких, Рита крепко пожала ему руку и взяла с него слово, что он навестит их в Берлин. Супруги Ферловы оставались пока в Гамбурге: инженера удерживали здесь как-то «срочные дела». Японский офицер дорого дал бы, чтобы узнать, какия именно.

(Окончание следует).

Наши солдаты закапывают убитого германца.

Сто восемнадцать.

Рассказ Георгия Аркатова.

Старуха Маринь Михайловой из Добрычина стукнуло сто восемнадцать лет. С Иванова дня пошел сто девятнадцатый.

Ея лицо сморщилось и словно потрескалось, как старья скалы, изъеденная временем. И потемнело. И вся она походила на засохший корень, узловатый, морщинистый и крепкий. Такие корни словно желтзо: их даже огонь не берет.

Огонь жизни, огонь долгих лет, посвященных труду и работам, сжигает иную людскую жизнь вдвое скорее. Даже в деревне, где солнце выжигает из людей болзнии, а свежий воздух развивает их по ветру — даже в этой стране здоровья и благословения, изливаемого на человеческое тело земледельческим трудом, долголетие Марины было необычным и несслуханным.

Она родилась еще до француза. Когда пришел француз,

Марина была уже пятнадцатилетней девочкой, и ее уже сватали. Марина до сих пор помнит, как тятка с мамкой и со всей семьей убегали от француза в лес, жили в лесу все лето, кормились ягодами и грибами. И самого француза Марина видала, да только уж не помнит, каков он был собой.

Давным-давно в селе позабыли о французе. Давно перемерли те старики, которые, подобно Маринь, помнили о нем. Умерли Бог вест как давно братья и сестры Марины. Умерли ея внуки и многие правнуки. Теперь около нея поднималось уже пятое поколение. Смерть постоянно бродила около села, невидимкой входила в избы, забирала в свой черный бездонный мешок то одного, то другого человека, выхватывала цблыми десятками ребятшек. Давно бы пора ей забрать и Марину. Но смерть, должно-быть, не замчала Марины, или же считала себя слишком слабой в сравнении с ней, потому что видела, как Марина побждает время.

Только с каждым годом старуха все больше и больше склонялась к земл, словно созрвший колос. Прежде Марина была тонкая и высокая, как тростинка. Давно это было — еще при помбщиках... Земля не тянула ее тогда к себе, и, как легкое перо, касалась земли Марина. Но с годами земля стала напоминать о себе, как бы говоря ей: «Из меня ты вышла, вь меня и вернешься!» И вот теперь тяжело ступают усталыя старческия ноги по этой родной земл, и все болге никнет к ней усталое, старческое, отяжелвшее тело. И горбится Марина и смотрит в землю, и кажется ей, будто земля все громче и громче зовет ее к себе... Так в заповдных лесах растут и умирают своей смертью деревья. Вырастет молодое, стройное, — казалось бы, улетит в небеса... Потом налетят туками жизни, отяжелбеть, почернбеть старое дерево, искривится, подернется темным налетом земли. И когда пройдет положенный заповдный круг годов, надломится усталый старый ствол и падет на землю. И сольется с землей черный трупь дерева, сгниет, обратится в землю.

Но медленно-медленно совершался этот заповдный круг жизни для столбней старухи. Для иного человека год, что цблая жизнь: так много переживает он за год, так состарится. Для Марины годы были, что короткия дни. Они шли незамтно и быстро один за другим, не принося ничего нового, не ускоряя ея старости.

У родной могилы. На крест отчетливо сохранилась надпись: «Прапорщик.... Николай Иванович Панюшкин. Убит в бою 17 дек. 1914 г.»

И только немногіе годы были ей чѣмъ-либо памяты: рожденіемъ, или смертью близкихъ людей, неурожаемъ, пожаромъ, падежомъ скота.

Никуда не выѣзжала Марина изъ родныхъ мѣстъ. При французѣ, правда, убѣгала съ отцомъ и матерью изъ села, но недалеко: всего въ сосѣдній лѣсъ. Потомъ она такъ и осталась въ родномъ селѣ на всю жизнь: и замужъ вышла за односельчанина, за добрычинскаго. Но пока она была молода, Марина хаживала и по селу и поодаль отъ села. Съ годами же она все больше и больше примыкалась къ одному мѣсту—къ своей избѣ, къ полатамъ, къ печкѣ, къ завалинкѣ, она и сама о себѣ говорила:

Общій видъ поѣзда, въ которомъ помѣщается головной отрядъ Краснаго Креста—В. М. Пуришкевича.

Раздача чая.

— Въ старыя-то годы, бывало, все кружу вокругъ да около, какъ пчела кругомъ цвѣтка. А теперь сажу по самой серединѣ и никуда больше.

И, какъ дерево, она все больше и больше вросла корнями въ родную землю. Но не лежала праздно на печи, а по мѣрѣ силъ работала.

Уже и память всякая кончилась въ народѣ о французѣ. Кабы не Марина, такъ и во всей странѣ, казалось бы, никто не помнилъ бы о немъ. Ужъ очень давно все это было—и нашествіе двадцати языковъ, и война мужиковъ съ нехристями, и великое нестройство въ странѣ. Точно въ сказкѣ все это было, а взаправду и не бывало никогда.

И вотъ пронеслась вѣсть: идетъ нѣмецъ.

Нѣмецъ былъ пока еще

Раздача обѣдовъ.

Головной отрядъ Краснаго Креста—В. М. Пуришкевича. По фот. нашего корреспондента.

Отрядъ этотъ былъ обстрѣляемъ непріятельскими снарядами въ 5-ти верстахъ отъ позицій; онъ снискалъ себѣ широкую извѣстность за свою исключительную дѣятельность на войнѣ, какъ питательный и перевязочный пунктъ, гдѣ наши воины находили всегда широкую помощь. Во время обѣзда западнаго и южнаго фронтовъ Государемъ Императоромъ въ концѣ декабря истекшаго года, Его Императорское Величество обходилъ помѣщенія отряда: его столовую палатку, перевязочную, кухню, подробно спрашивая сестеръ милосердія, при какихъ обстоятельствахъ онѣ работали и какъ поставлено у нихъ дѣло питанія и перевязки.

далеко. О немъ только по слухамъ писали въ газетахъ, да говорили пріѣзжіе знающіе люди, да начальство объявило солдатскій наборъ. И въ селѣ Добрычинѣ пока еще не очень беспокоились. Проводили, кого слѣдовало, въ армию, повыли, а потомъ опять стали жить по-старому. Спрашивали Марину, какъ было при французѣ.

Потемнѣвшая и сторбленная, какъ узловатый корень, столѣтняя старуха шамкала беззубымъ ртомъ:

— Въ лѣсахъ прятались. Убѣгали изъ села-то!

— Неужто въ село заходилъ?

— А какъ же? Заходилъ! Съ ружьемъ. Съ пушкой. Попалили село. Народушко побилъ.

— А ну какъ и нѣмецъ зайдетъ?

— Кто жъ его знаетъ? Можетъ, и зайдетъ.

Однако никто не уѣзжалъ изъ села, и всѣ работали попрежнему. Даже когда изъ сосѣднихъ мѣстъ стали прибѣгать люди и сказывали, что въ ста верстахъ нѣмцы сожгли цѣлый городъ,

и вся земля кругомъ го-
рода загорѣлась, и пожаръ
подступаетъ все ближе и
ближе, и ничѣмъ тушить
его нельзя, ни водой, ни
молокомъ, ни квасомъ, —
даже тогда народъ мало
обезпokoился. А вскорѣ
послѣ того гдѣ-то за лѣ-
сомъ и день и ночь сталъ
ворчать глухой громъ при
ясномъ небѣ. Оттуда доле-
тали странные глухіе уда-
ры, негромкіе, но какіе-то
тяжелые. Они встряхивали
землю, подкачивались тяж-
кой глыбой къ домамъ,
подваливались, словно не-
видимое грозное чудовище,
подъ стѣны избъ и всеря-
хивали ихъ такъ, что тря-
слись и трескались печи.

Марина слышала эти
удары. Придерживаясь за
притолоку, она выходила на крылечко и, сгорбленная, темная,
смотрѣла впавшими глазами въ ту сторону, откуда доносились
странные звуки. Ей казалось, что оттуда, черезъ лѣса и горы,
идеть кто-то тяжелый и громадный и попираетъ тяжкими ша-
гами землю.

— Слышь, бабушка, нѣмецъ кряхтитъ! — обращались къ Ма-
ринѣ парни.

Старуха кивала головой. Она и сама знала, что это нѣмецъ,
злой и вражій, безбожникъ и нехристь. Какъ было тогда при
французѣ, гремѣло ли при ясномъ небѣ, топтали ли землю чьи-то
громадные шаги, этого Марина не помнила. Помнила зато, что
на небѣ тогда по ночамъ былъ мечъ огненный. Тогда, значить,
были свои знаменія, нынче свои. Но главное-то было одно и
то же: шель врагъ.

И вотъ вскорѣ случилось, что все село стало, словно волнами,
захлестывать человѣческимъ потокомъ. Заскрипѣли телѣги съ
бѣженцами, запылилъ по дорогѣ скотъ, уводимый съ родныхъ
пастбищъ. И люди, люди безъ конца шли и ѣхали черезъ село
и кричали добрычницамъ:

— Уходите и вы! Нѣмецъ идетъ!

Громъ гремѣлъ гдѣ-то совсѣмъ близко. И слѣдомъ за бѣжен-
цами черезъ село прогремѣли солдаты съ пушками, съ лошадьми.
Офицеръ верхомъ на конѣ кричалъ то же самое, что кричали
бѣгущіе крестьяне:

— Уходите! Убѣжайте! За нами идутъ нѣмцы!

Съ этого дня въ селѣ закрутился какой-то вихрь. Забѣгали съ
воемъ бабы, старики, кряхтя, подбирали всякій домашній скарбъ,
складывали на воза, запрягали лошадей. Ревѣли и метались

Въ Салоникахъ.

испуганныя ребятишки.
Люди не знали, что брать
съ собой, и схватывали,
что попало подъ руку, —
всякій вздоръ и хламъ
старые горшки, поломан-
ные ухваты, грязныя пу-
стыя кадушки.

Въ избѣ у Марины было
такъ же безтолково-суетно. Укладывались и выносились, словно
на пожаръ, со-слѣпу, въ безтолковой суматохѣ. Всѣ суетливо
работали, не покладая рукъ. Только старая Марина сегодня не
могла ничего дѣлать. У нея замирало сердце. Ей казалось, что
жизнь перевернулась прежнимъ концомъ напередъ: такъ ярко
вдругъ вспомнился ей французъ и такое же, какъ и теперь,
разоренье и бѣгство изъ родного угла, невѣдомо куда. Какъ
будто жизнь у нея такъ и не кончилась обычнымъ стариков-
скимъ концомъ, а повторялась снова.

Она взволнованно бродила по избѣ, по сѣнцамъ, по двору.
Неужели бросать все это, нажитое многолѣтней работой, свое,
кровное? Неужели нельзя взять съ собой и избу, и сѣнцы, и кѣтви,
гдѣ хранятся холсты, которые ткала Марина, когда еще была
живъ ея покойный старикъ-мужъ? Какъ хорошо было бы взять
и все село съ собой, свернуть все окрестныя тропинки, какъ
свертываютъ полосы холста, упаковать сосѣдніе лѣса, нивы,
пожни. Неужели приходится отрѣзать все это отъ себя, бросить
на гибель?

Забѣгали сосѣдки и съ плачемъ спрашивали мудрую ста-
рую Марину, какъ быть и куда
дѣваться. Марина молчала. Развѣ
сама она знала что-нибудь?

Зашелъ въ избу усталый, запы-
ленный офицеръ и попросилъ на-
питься. Ему подали заплаканная,
растрепанная старуха, жена пра-
внука Марины. Офицеръ, черный
отъ пыли и загара, съ жадностью
осушилъ ковшъ кислаго кваса, вдох-
нулъ и замѣтилъ въ уголкѣ Марину.

— Ой, какая ты древняя, ба-
бушка! — промолвилъ онъ. — Что жъ,
и ты въ походы?

Марина глухо пробормотала:

— Куда люди, туда и я.

— И правильно! — похвалилъ офи-
церъ. — Нѣмцы старыхъ бабъ не
любятъ. Поѣзжай, бабушка, въ спо-
койныя мѣста. Да тебѣ много ли
годовъ-то?

— Сто девятнадцатый! — спокойно
отвѣтила Марина.

Офицеръ отъ удивленія даже при-
вскочилъ.

— Ско-олько?

— Сто восемнадцатый!

— Она француза помнитъ! — про-
молвилъ правнукъ Марины. — Съ
самого француза существуетъ.

— Н-ну, бабушка, однако!..

Офицеръ прекратилъ свои приба-
утки и только и сказалъ на прощанье:

— Отъ француза да до нѣмца! И
протянуть же тебя Господь, ба-
бушка! Не даромъ, видно, это!

Онъ торопливо выпилъ еще кваса
и ушелъ.

Въ Сербіи. Австрійскіе солдаты тушатъ въ занятомъ ими сербскомъ городѣ зажженный ихъ
снарядами пожаръ.

Къ полудню уже все было готово. Лошади были запряжены, все уложено. Оставалось проститься съ родными мѣстами, съѣсть и ѣхать.

Заголосили бабы. Утирали слезы мужики. Заплакала и Марина. Много лѣтъ не плакала она: съ самаго дня кончины своего мужа. Казалось, ужъ давно высохли ея старческіе глаза, и застыло за толстой корой старости сердце. Но растаяла ледяная кора, и загорѣлись искорки слезъ на потухающихъ глазахъ.

— Не надо бы мнѣ ѣхать... — бормотала она, согнувшись и не имѣя силъ подняться: — куда я поѣду? Надо, чтобы хоть кто-нибудь оставался.

— Бабушка! Не оставайся! — завывали бабы.

— Къ землѣ я... къ тутошней землѣ я приросла... — бормотала Марина. — Я и недѣли не проживу оторванная-то. Земля здѣшняя меня къ себѣ тянетъ. Поѣзжайте безъ меня!

Но Марину умолили ѣхать. Подсадили на высокую телѣгу, и, словно темная глыба земли, обернутая въ черные платки, сидѣла она тамъ, сгорбившись. Она молчала и уже не плакала, но сердце у нея разрывалось на части.

Тронулись телѣги. Много телѣгъ тронулось безконечной вереницей. И люди съ великимъ горемъ и великимъ гнѣвомъ въ сердцахъ противъ врага, разоряющаго ихъ гнѣзда, тронулись всеміромъ въ глубь страны, въ чужія мѣста, сами не зная, куда.

Ѣдетъ Марина на телѣгѣ. Сидитъ, не шевелится. Молчитъ. Не ѣсть и не пить ничего. Думаетъ глубокую думу. И чѣмъ дальше двигается война оторвавшихся отъ родныхъ мѣстъ людей, тѣмъ глубже и значительнѣе ея дума.

Это дума о жизни.

Какъ тяжкое бремя, Марина несетъ ее за плечами. Чтѣ такое ея жизнь? Чтѣ значила ея жизнь? Зачѣмъ она прожила столько лѣтъ? Неужели для того именно, чтобы увидѣть еще и нѣмца, насланнаго на русскую землю, какъ поупущеніе Божіе? Отъ одной народной бѣды до другой такой же великой бѣды протянула судьба ея жизнь, заставила ее пережить цѣлыя поколѣнія и вотъ вергла ее въ жуткій потокъ, который теперь уноситъ Марину невѣдомо куда...

Сто лѣтъ съ лишкомъ Марина несла бремя своей трудовой жизни. Сто лѣтъ съ лишкомъ жила въ тишинѣ, въ своемъ родовомъ ульѣ, надъ которымъ, какъ золотыя пчелы, носились неустанно ея заботы и думы. Сколько народа приходило къ ней за умомъ-разумомъ! Къ ней, къ ея старушечьей ворчливой ласкѣ, приходили и старые и малые, какъ приходять отдохнуть къ старой вѣковой липѣ, подъ ея широколиственную сѣнь. И вотъ, невѣдомо почему, вырвана старая липа съ корнемъ, и везуть ее куда-то все дальше и дальше... Зачѣмъ же все это?

И думается Маринѣ, что не даромъ все это! Какъ сказать ей тогда въ избѣ офицеръ: „Не даромъ тебя, бабушка, протянулъ Господь отъ француза и до нѣмца“ — такъ и осталось это въ ловушкѣ у Марины... Не даромъ! Но какъ узнать, почему не даромъ? У кого узнать? Не можетъ Марина осмыслить это своимъ старческимъ разумомъ... Да, можетъ-быть, и никому изъ людей пока еще не дано осмыслить и понять чтѣ?

И не отходить отъ Марины тяжкая дума. Чѣмъ дальше ѣдетъ Марина, тѣмъ сильнѣе налегаетъ на нее дума о жизни. Тѣмъ тягостнѣе становится отъ этой думы ея усталому сердцу. И когда же наконецъ кончится это первое въ ея жизни путешествіе? И чѣмъ оно кончится?

Отвѣтъ на это даетъ сама судьба.

На третій день пути, когда телѣги остановились безконечнымъ таборомъ на лѣсной опушкѣ и загорѣлись безчисленные дымные костры бѣженцевъ, Марина подозвала къ себѣ правнучку.

— Умираю! — простонала она.

Чтѣ ты, бабушка, родненькая? — испугалась правнучка. — Чтѣ ты это вздумала? Зачѣмъ?

— Дай... испить.

Дума о жизни кончилась. Марина поняла, зачѣмъ она жила такъ долго, зачѣмъ видѣла горе отъ француза и отъ нѣмца. Поняла она, зачѣмъ и въ какое путешествіе собралась она на закатѣ своей вѣковой жизни...

Марина отправилась въ великое путешествіе, откуда люди на эту землю уже не возвращаются. Къ этому путешествію она готовилась всю свою долгую жизнь. Она отправилась прямо къ престолу Божьему — рассказать отъ лица всего русскаго многострадальнаго народа о томъ, чтѣ видѣла она своими собственными глазами: два великихъ народныхъ бѣдствія.

Женщины-кондуктора городскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Петроградѣ. Смѣна.

Марина видѣла оба эти бѣдствія... Такъ кому же, какъ не ей, рассказать объ этомъ Господу Богу? Быть-можетъ, для этого-то именно и послалъ ее Богъ на землю и далъ ей такую долгую жизнь. Быть-можетъ, Ему понадобилось свидѣтельство той, которая ближе другихъ стояла къ великимъ народнымъ несчастіямъ и лучше другихъ сумѣетъ рассказать о нихъ Творцу...

Нѣтъ ничего ужаснѣе такой бѣды, какъ нашествіе врага... И когда такія, какъ Марина, явятся къ Богу и скажутъ Ему простыми и честными крестьянскими устами о томъ, чтѣ онѣ видѣли и слышали, то имъ Богъ скорѣе повѣритъ, чѣмъ свидѣтельству мудрецовъ и книжниковъ...

И тогда Богъ устроитъ такъ, что не будетъ ни нашествій вражескихъ, ни браней, ни огненныхъ вихрей, и люди перекуютъ мечи на плуги...

Поутру гаснутъ костры, и синій дымъ летитъ къ небу вмѣстѣ съ душою Марины. Лежитъ она на песочкѣ, завернутая въ черный платокъ, а въ головахъ горитъ и не гаснетъ тоненькая восковая свѣча.

Невѣдомо откуда взявшійся урядникъ со стражникомъ и помятыми проталкивается къ мертвому тѣлу. И въ лиловатомъ полусіяніи раннего утра пишетъ бумагу о Маринѣ. И спрашиваетъ, чиня карандашъ:

— Сколько ей лѣтъ?

— Сто восемнадцать! — сурово отвѣчаютъ мужики.

И урядникъ невольно снимаетъ фуражку и удивленно, съ почтеніемъ, смотритъ на сморщенное, маленькое, странно уменьшившееся тѣло черной старухи.

— Сто восемнадцать!..

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 5

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 30-го января 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарелѣвъ въ одинъ столбѣцъ (въ 1/4 ширины страницъ) передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страницъ 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 2.

Главная Контора и редакция **Петроградъ, улица Гоголя, № 22.**

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестныхъ, оставшихся законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ...“ (Пс. 118). Кто эти святые слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекція профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета“—все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и равноправію женщинъ, нужно послѣпить заняться саморазвитіемъ, вамъ, юные, чтобы скорѣе замѣстить вышедшихъ изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей!

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены известными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія каждымъ, соответственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполне законченное цѣлое, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную бібліотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цена за каждый факультетъ въ 3 тома, безъ пересылки: Историко-филологическій (основной) 12 р., спеціально: Юридическій 11 р., Медицинскій 10 р., Биологическій (естественный) 9 р. и Богословскій 8 р. Выписывающіе чрезъ издателя Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10, безъ разсрочки платежа, за пересылку не платятъ. Возвратившимся съ поля брани нашимъ вѣстникамъ и лидамъ, послужившимъ имъ, а также учащимъ и учащимся особымъ льготой. Каталогъ съ образцами лекцій и отрывками печати высылается издателю бесплатно. Продажа изданій во всѣхъ книжоторговляхъ.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ Петроградѣ.

В. В. МУЙЖЕЛЬ.

...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ
СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ

(на восточно-прусскомъ фронтѣ).

СЪ РИСУНКАМИ.

Содержаніе:

Отступленіе или бѣгство? Пѣнные и павшіе. Въ пути. Подъ Ловичемъ. Послѣ боя. Стихія войны. Безъ выхода. Сюрпризъ. Странные города. Мелочи войны. Вторая волна. О геройствѣ. Ненужныя жертвы. Ночная атака. Передъ переломомъ. Подъ крестъ. Чужая боль (раненые). Земпы и война. Свѣтлыя души. Незамѣтные помощники. Памяти павшихъ (статья первая). Лыкъ и Маркграбово. Памяти павшихъ (статья вторая). Чудо.

Рисунки:

На роздыхѣ. — Утромъ послѣ ночного боя. Нѣмецкіе трупы. — Пѣхота въ окопахъ, вдали видны дымки нашей артиллеріи. — Городъ Лыкъ. Площадь, кирка. — Станція города Лыкъ при вторичномъ вступленіи русскихъ войскъ. Главное зданіе вокзала. — В. В. Муйжель на передовыхъ позиціяхъ: на краю воронки, сдѣланной „чемоданомъ“

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Требованія и деньги просимъ адресовать въ контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22. Изданіе это имѣется также въ конторѣ Н. П. Печниковой въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ кн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ больш. книжн. магаз.

для
ЦВѢТА
ЛИЦА
ПРЕВОСХОДНЫЙ
освѣщающій кожу
элегантный кремъ
Дермозонъ

Д-ра Антона Мейеръ имѣетъ очаровательный ароматъ густущихъ розъ. Онъ является гордостию женщинъ, желающихъ сохранить свой молодой видъ. „Дермозонъ“ продается во всѣхъ аптекахъ, въ банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ быстро, если предварительно обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К^о. Остерегайтесь поддѣлокъ.

НАШИМЪ ГЕРОЯМЪ

шесть хоровъ для мужскихъ голосовъ. Музыка А. Егорова. Цѣна парт. 80 коп. Каталогъ „Свѣтская хорова музыка“ высылается — бесплатно.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
П. ЮРГЕНСОНА, въ Москвѣ, Неглинный пр., 14.

„СОХРАНЕНІЕ ЦДРОКЪ“

НОВАЯ КНИГА для коллекціонеровъ и для ВСѢХЪ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ этимъ спортомъ. Назокъ плат. 90 к. Складъ изданій: М. ВОЛКЪ, Петроградъ, Петр. Ст., Большой пр., 22.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочнo каждого въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 десятковъ марокъ выслать образцы шрифтовъ, потери учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфинъ Адольфъ Моссоде. Дерибасовская, д. № 19.

**ПРОТИВЪ
ГОЛОВНОЙ БОЛИ,
НЕВРАЛГІИ,**

ишѣаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, принимайте Кефалдоль Д-ра Сторъ. Кефалдоль абсолютно безвреденъ, прекращаетъ нервныя боли и улучшаетъ самочувствіе. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаеъ Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей. Требования на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагають лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстрозавальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальницъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Заработокъ гарантированъ, работа постоянная.

Требуйте нашъ бесплатный проспектъ.
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

СЕРДЕЧНЫЯ — ЗАБОЛѢВАНІЯ,

и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки. только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебиенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬНИСЪ
ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Гондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорант. и тетрадо держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрац. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрун. нающ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАВІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

Всѣ правила легко усваиваются по-мощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шриф. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к. **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стран. Цѣна 2 руб. 50 коп.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылк. налож. плат. дор. на 25 к.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться какой-нибудь промышлен-ностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особыхъ знаній и специальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд.—ству „ЛУЧЪ“, Печатиныхъ пер., 18 2.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. 91

ОТКР. ПИСЬМА Импер. Россійск. Флотъ

(броненосцы, крейсера и т. д.) 32 раан. въ сотнѣ. Превосх. исполн. въ краскахъ на мѣловомъ картонѣ. 100 шт.—3 руб., 1000 шт.—25 руб. съ налож. платежа. Т-во „АСТРА“, Петроградъ, Шуваляво, Никольская, 9. 3977

Химико-бактеріологическая ЛАБОРАТОРІЯ Б. ГУРЕВИЧА, Кіевъ, Б. Ва- сьяковская, 10.

ЕДИНСТВЕННОЕ РАДИКАЛЬНОЕ

средство для

БЫСТРАГО ИСТРЕБЛЕНІЯ

КРЫСЪ и МЫШЕЙ.

Заразу крысиного и мыш. тифа. Безвредн. для людей, птицъ и домашн. животныхъ. 100 Порціи въ 2 р. 20 к. и 5 р. 15 к. 44

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ**. Леготныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО**, пробная лекція „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.

Открыта подписка на 1916-й годъ на старѣйшій въ Россіи иллюстриро-ванный двухнедѣльный журналъ

„ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“

съ значительно расширенной и попо- лненной программой. (Годъ издаванія 16-й).

Охотничьи дѣла.—Родная природа.—Есте- ственныя богатства страны.—Животное и пернатое царство Россіи.—Отечествен- ные охотничьи уголки.—Промисловая охота.—Дичеразведеніе.—Научно-попу- лярныя очерки и руководящія статьи.— Искусство стрѣльбы.—Хроника охот- ничьихъ обществъ и кружковъ.— Ору- жейная техника.—Иллустрированная охота.—Собачководство.—Рыболовство.— Охотничьи фельетоны.— Кор- респонденція изъ всѣхъ мѣстъ Россіи.— История охоты.—Спортъ, тѣсно связан- ный съ охотой.—Советы молодымъ охот- никамъ.—За рубежомъ (широкій обзоръ иностранной охоты и новости оружей- ной техники).—Охотничьи юмористи- ка.—Рисунки.—Вопросы и отвѣты.

Къ участию въ журналѣ привле- чены лучшіе охотничьи писатели и знатоки охотничьяго дѣла.

Цѣна 6 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой; на хорошей газетной бумагѣ 8 руб. въ годъ.

Допускается рассрочка.

Контора редакціи: Москва, Больш. Кисельный пер., д. № 8/12. Тел. 78—90.

Ред. С. П. Алексѣевъ.

НЕ ВЫХОДИТЕ

ВЪ **холодную** или **сырую** погоду,
НЕ ВЗЯВШИ ВЪ РОТЪ

PASTILLES VALDA

(Лепешку Вальда)

Но особенно
употребляйте только

НАСТОЯЩІЯ PASTILLES „VALDA“

(Лепешки Вальда),

продаваемая только въ коробкахъ
съ красной бандеролью,
снабженныхъ именемъ

VALDA

во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ
магазинахъ

(H. Canonne, Paris).

Требуйте у всех газетчиков
сегодняшний номер
новой газеты

„НАРОДНОЕ СЛОВО“

Цена 2 коп.

Годовая подписная цена с перес. без приложений 5 р., с прилож. 12-ти стѣнных картъ фронтовъ войны, из которыхъ будутъ отпечены передвиженія лини боевъ на основаніи официальныхъ сообщений—8 руб. Главная контора и редакция: Москва, Тверская, д. № 19.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете восстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незаметно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 С. А.

!!! самый ПОДАРОКЪ и занятіи!!!
лучшій ПОДАРОКЪ въ семьѣ!!!

новѣйш. мет.: прост. (плоское) мозаичн., глубокое и пластич. выжиганіе по дереву, кожѣ, папѣ и т. п.
Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. и упаковкой 1 р. 70 к. Получ. массу благодарн. со всехъ конц. Россіи.
Выписывать отъ автора:
ПЕТРОГРАДЪ, Лубенская ул., д. 8, кв. 50.
№ 200 Книгопродавц. об. свидка. 22

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,
Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію „Гимназія на дому“, но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда, на классный чинъ, высш. начальн., сельск., народн. учителя, аптекарскаго ученика, цы, на 4 или 6 классовъ гимназій, на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже, благодаря изданію „Гимназія на дому“, достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается бесплатно.

Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44-62.

УЧИТЕСЬ заочно НА РОЯЛЪ играть Нов. сист. Легко и удобно. 8 перв. ур. съ нотами вмс. за 2 р. Петрогр., Лѣсной, М. Спасск., 6, уч. мув. К. Семянову.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕН (ГОНОРРЕЯ)
новѣйшее средство „SALO-ПИЧИЛИНЪ“
дѣйствуетъ быстро, и санитается рациональнѣе средствомъ. Наставленіе при коробѣ. Настоящій только въ метал. коробѣ по 1 р. и по 1 р. 80 к.
Одинаково хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самую упорную истеченія.
ДЕПО: Петербургъ, Разъѣздъ ул., 7 аптека Б. Конгелма.
Продается во всехъ аптекахъ по рецептамъ врачей.
SALO-ПИЧИЛИНЪ

К. ЧУКОВСКІЙ.

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ!

Томми Аткинсъ на войнѣ.

Съ 90 иллюстраціями.

Содержаніе: Отъ автора. Солдатскія письма. Русскія письма и англійскія. На встрѣчу врагу. Дѣти и женщины. Англійскіе солдаты о врагѣ. Набѣгъ на Гельголандскую бухту. Битва подъ Монсомъ. Юмористы. Спортсмены. „Мы“. Въ челоуцѣхъ благоволеніе! Событія послѣдняго времени. Два письма. Гимны Ненависти и Гимны Любви. Какъ въ Англии вербуютъ добровольцевъ. Снарядовъ! Снарядовъ! Снарядовъ! Великое въ маломъ. 180 стр.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, равно какъ бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также подлежащей допущенію въ ученическія библиотекы высшихъ начальныхъ училищъ.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
для начинающихъ Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к.
Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Угроза съ Востока.

(Политическое обозрѣніе).

Огонь, какъ и вода, стремится захватить какъ можно большее пространство. Вся центральная Европа уже полтора года обята пламенемъ войны. Только самые небольшие уголки европейской территоріи, — Голландія, Испанія, Португалія, Швеція, Норвегія, Швейцарія и Румынія, — еще сохраняютъ свой нейтралитетъ, да и то цѣною героическихъ усилій и отказа отъ самыхъ основныхъ національныхъ правъ и требованій. Чѣмъ дольше длится война, тѣмъ труднѣе сохранять нейтралитетъ. Греція считается нейтральной, но ея территорія занята воюющими, ея границы окружены непріятельскими арміями и города бомбардируются австро-болгарскими аэропланами. Въ нейтральной Швейцаріи происходятъ германофобскія демонстраціи, разгоняемыя войсками съ примѣненіемъ оружія. Въ Румыніи народъ и общество явно сочувствуютъ намъ, а правительство тайно содѣйствуетъ нѣмцамъ, и только угроза болгарскаго нашествія на Добруджу можетъ заставить румынъ выступить активно не на нѣмецкой, а на нашей сторонѣ. Шведское правительство громко говоритъ о поддержаніи нейтралитета и въ то же время всѣми силами дѣлаетъ этотъ нейтралитетъ возможно болѣе благоприятнымъ для Германіи и враждебнымъ для насъ. Ея политика скользитъ по наклонной плоскости, и лишь мощное проявленіе русской военной силы на сѣверо-западномъ фронтѣ можетъ предотвратить болѣе активное выступленіе шведскихъ дипломатовъ къ веснѣ. При малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ пожары войны захватятъ новыя страны и неудержимо распространятся по всей Европѣ. Обостреніе отношеній между Америкой и Германіей и рѣчь президента Вильсона о необходимости военной подготовки на случай столкновенія съ могущественной державой, угрожающей основнымъ принципамъ великой заатлантической республики, намекаетъ на близкую возможность включенія въ число воюющихъ новыхъ участниковъ. Такъ какъ Канада и Австралія и безъ того воюютъ съ нѣмцами подъ англійскимъ флагомъ, а окранны Азіи и Африки непосредственно охвачены войною колониальныхъ армій, то съ наступленіемъ Америки война сдѣлается дѣйствительно всемірною, раскинется по всѣмъ пяти частямъ свѣта. Замышляемая Вильгельмомъ и Эверомъ-пашой попытка завоеванія Египта, угрожающая мировой торговлѣ Америки, едва ли увѣчается успѣхомъ, но зато она пробудитъ чувство

расовой солидарности между англичанами и американцами и дастъ толчокъ къ совместной англо-американской защитѣ расовыхъ интересовъ на путяхъ міровой торговли.

До сихъ поръ въ сторонѣ отъ мірового кровопролитія остаются только самыя нѣдра Азіи въ лицѣ Китая, но дѣятельная германская дипломатія разсчитываетъ и китайцевъ вовлечь въ кровавую кутерьму. При посредствѣ германскихъ военныхъ агентовъ провозглашенный китайскимъ императоромъ президентъ Юаншикая выработалъ проектъ военныхъ реформъ, долженствующихъ съ введеніемъ всеобщей повинности создать колоссальнѣйшую армію въ 45 милліоновъ желтыхъ воиновъ. Кто знаетъ, какіе грандіозные замыслы зрѣютъ въ умѣ китайскаго Наполеона, но пока осуществленіе ихъ ему не совсемъ удастся. Провозглашеніе имперіи, за отсрочку котораго высказывались въ Пекинѣ представители всехъ державъ согласія, вызвало одновременное возстаніе и на республиканскомъ Югѣ и на приверженномъ къ свергнутой манджурской династіи Сѣверѣ. Быть-можетъ, у гениальнаго диктатора хватить въ концѣ концовъ силы усмирить и сѣверянъ и южанъ. Однако первыя столкновенія окончились далеко не въ его пользу. Армія, высланная имъ противъ южныхъ повстанцевъ, перешла на ихъ сторону. Къ нимъ присоединилась соседняя провинція, и антиимпериалистическое движеніе быстро разрастается въ организованную революцію. Въ то же время сѣверные враги Юаншикая пробилась уже сквозь Великую Стѣну и двумя арміями, численностью около 40 тысячъ, движутся по направленію къ Пекину. Политическія стремленія южанъ и сѣверянъ прямо противоположны, но все же они идутъ къ одной общей цѣли — къ сверженію Юаншикая, объединяются однимъ общимъ чувствомъ — ненавистью къ диктатору и въ этомъ смыслѣ взаимно помогаютъ другъ другу. Торжество непримиримо враждебныхъ между собою союзниковъ не принесетъ съ собою для Китая ничего обновляющаго, ничего творческаго и созидательнаго, пожалуй, послужитъ даже источникомъ новыхъ кровавыхъ междоусобій въ будущемъ, но во всякомъ случаѣ упроченіе на китайскомъ тронѣ энергичнаго, подлаго воинственныхъ замысловъ, генерала, мечтающаго командовать 45-милліонной арміей, не въ интересахъ Европы и Россіи. Революціонныя смуты въ Китаѣ надолго задерживаютъ осуществленіе гордыхъ замысловъ желтаго Наполеона, подрываютъ его мощь и расбѣиваютъ грозныя тучи, надвигающіяся съ Востока на обезсиленную небывало тяжелой войной Европы.

ХРОНОЛОГИЯ ВОЙНЫ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ МЪСЯЦЪ.

(См. № 43 «Нивы» 1915 г.)

Сентябрь.

15-го. Отбита нѣмецкая атака въ районѣ г. Экау. Западнѣ Вилейки упорный бой. Напряженные бои восточнѣ Ошмянъ до района Припяти.

16-го. Нами отражено наступление нѣмцевъ въ районѣ Вилейки. Атаки противника южнѣ Припяти и на галиційскомъ фронтѣ. Столкновения на переправахъ черезъ р. Стырь.

17-го. Непрерывная канонада подѣ Двинскомъ. Нѣмцы отбѣсни насъ на правый берегъ Стыри. Мы овладѣли неприятельскими окопами въ районѣ с. Купчинце (западнѣ Тарнополя).

18-го. Въ рижскомъ районѣ нѣмцы, пытавшіеся укрѣпиться въ районѣ Кеммерна, отбиты. Удачный для насъ бой ниже Сморгони. Неудачное наступление противника въ сѣверо-западномъ районѣ Тарнополя.

19-го. Неудачная атака нѣмцевъ на средней Стыри (въ районѣ д. Оборки). Нами взяты плѣнные и трофеи во время нашего нападенія на неприятеля восточнѣ Новогрудка (нижній Сереть). На рижскомъ фронтѣ нѣмцы захватили нѣсколько нашихъ окоповъ въ районѣ Грензень.

20-го. Восточнѣ Свентень наша кавалерія отбросила нѣмцевъ и заняла с. Поставы. Осложненія съ Болгаріей.

21-го. Болгарія врученъ русскій ультиматумъ. Отбито наступление нѣмцевъ подѣ Двинскомъ. Переправившіеся у Любча черезъ Нѣманъ нѣмцы отброшены снова на лѣвый берегъ.

22-го. Неудовлетворительный отвѣтъ Болгарія на русскій ультиматумъ. На Стыри наши войска переправлялись у Полоно и выбили противника изъ д. Цины.

23-го. Разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Болгаріей. Удачная для насъ столкновения въ районѣ Биргалля и Даммень—Дрисвяты.

24-го. Юго-западнѣ Чарторійска противникъ отброшенъ къ д. Новоселки. Нами взяты плѣнные и пулеметы.

25-го. Къ югу отъ Сморгони наши войска имѣли успѣхъ, заняли часть позицій противника, взяли оружіе, патроны и пр.

26-го. Наши суда привели къ молчанію неприятельскія батареи въ районѣ Шлока (рижскій фронтъ). Нами взяты плѣнные между Дубно и Луцкомъ, а также на р. Иквѣ.

27-го. Наши аэропланы обстрѣливали станцію въ Черновцахъ. Брошены бомбы въ воинскіе поѣзда.

28-го. У Новоселки (р. Стырь) противникъ переправился на правый берегъ Стыри. Успѣхъ нашей конницы въ Буковинѣ. Захвачены плѣнные.

29-го. Аэропланы типа «Ильи Муромца» сбросили до 75-ти бомбъ въ Вальгофъ и Тауэркальцъ. Успѣшные для насъ бои въ двинскомъ районѣ. Нѣмцы выбиты и бѣжали изъ д. Гарбуновки.

30-го. Упорные бои въ двинскомъ районѣ. Мы имѣли успѣхъ сѣвернѣ оз. Дрисвяты. Отбиты атаки неприятеля въ районѣ Огинскаго канала. Успѣхи нашихъ войскъ въ Галиціи (въ районѣ Гайворонки). Удачная переправа черезъ р. Стрычу.

Октябрь.

1-го. Всѣ атаки противника въ двинскомъ районѣ отбиты. Въ Галиціи продолжается успѣшный для насъ бой у Гайворонки.

2-го. На двинскомъ фронтѣ повсемѣстный огневой бой.

3-го. На Припяти, въ районѣ с. Нобель, противникъ отброшенъ за рѣку. Западнѣ Трембовли противникъ отброшенъ къ Стрыпѣ.

4-го. Переправившіеся черезъ р. Экау нѣмцы отброшены обратно. Неприятель отбитъ и на Стрыпѣ.

5-го. Россія объявила войну Болгаріи. На двинскомъ фронтѣ, у д. Устье, нами прорвано расположение противника.

6-го. Нѣмцы выбиты изъ позицій между озерами Деммень и Дрисвяты. Крупный успѣхъ нашихъ войскъ на средней Стыри. Взято много плѣнныхъ.

7-го. Нами взяты позиціи нѣмцевъ въ районѣ Барановичей. «Ильи Муромцы» бомбардировали Мятаву и другія селенія. У Новоселки на Стыри противникъ обращенъ въ бѣгство.

8-го. На лѣвомъ берегу Стыри мы преслѣдуемъ отходящаго въ безпорядкѣ противника.

9-го и 10-го. Наши успѣхи на сѣверномъ и западномъ фронтахъ. Мы продвинулись къ западу южнѣ озера Богиньскаго.

11-го. Нашъ десантъ у м. Домеснесъ разбилъ германскій отрядъ. Захвачены плѣнные.

12-го. Отбиты атаки германцевъ западнѣ Илукста, но неприятель занялъ Илукстѣ, понесъ тяжкія потери.

13-го. На Стыри, западнѣ Чарторійска, нами взято болѣе 1.000 плѣнныхъ. Въ Балтійскомъ морѣ русскія подводныя лодки потопили германскій пароходъ «Герда» съ грузомъ руды.

14-го. На лѣвомъ берегу Стыри наши войска ворвались въ д. Бульку, захвативъ пулеметы и плѣнныхъ.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ МЪСЯЦЪ.

15-го. Атаки нѣмцевъ западнѣ Икскуля отбиты. Къ юго-западу отъ Олыка мы продвинулись впередъ.

16-го. Въ Балтійскомъ морѣ лодка «Аллигаторъ» привела въ нашъ портъ германскій пароходъ, захваченный ею. Нашъ флотъ бомбардировалъ въ Черномъ морѣ Варну.

17-го. Отбито наступление противника на лѣвомъ берегу Стыри.

18-го и 19-го. Въ Балтійскомъ морѣ наши крейсера и подводная лодка «Кайманъ» захватили два нѣмецкихъ парохода.

20-го. Нашъ миноносецъ захватилъ въ Рижскомъ заливѣ подбитый германскій гидропланъ. Наши войска овладѣли на Стрыпѣ д. Семиковце.

21-го. Западнѣ Двинска наши войска продвинулись съ боемъ впередъ. Успѣхи въ Галиціи (у оз. Ишкувъ).

22-го. Въ двинскомъ районѣ мы овладѣли двумя укрѣпленными высотами и д. Платоновкой. Захвачены плѣнные.

23-го. Мы продвинулись южнѣ оз. Бабинъ, а также къ юго-востоку отъ Илукста.

24-го. Подѣ Ригой наши войска продвинулись къ западу отъ оз. Аккель. Подѣ Двинскомъ блестяще отбита атака нѣмцевъ.

25-го. Контръ-атаки нѣмцевъ южнѣ оз. Свентень. Западнѣ Риги нами отбито нѣсколько атакъ.

26-го. Удачное нападеніе нашихъ войскъ на германцевъ у Олая (рижскій фронтъ). Отбита атака неприятеля на лѣвомъ берегу Стыри, въ районѣ д. Медвѣжье.

27-го. Нами занятъ районъ Франкендорфа и Павассерна на лѣвомъ берегу р. Аа. Возобновился бой близъ оз. Свентень. Мы овладѣли нѣсколькими рядами позицій у д. Гуля Лисовская.

28-го. Нами занятъ районъ къ востоку отъ Кеммерна. Неудачныя попытки неприятеля перейти въ наступленіе въ районѣ Комарова. Англійская подводная лодка потопила въ Балтійскомъ морѣ нѣмецкій крейсеръ «Уядина».

29-го. Наши войска закрѣпились близъ Кеммерна. Нами прорвано расположение противника къ юго-востоку отъ д. Будки.

30-го. Въ районѣ Икскуля мы овладѣли мызой Берземюнде. Упорный бой около д. Костнюховки.

31-го. Въ шлокомъ районѣ мы съ боемъ продвинулись къ западу отъ Гагацень. Захвачены плѣнные и пулеметы.

Ноябрь.

1-го. Наши войска продвинулись къ западу отъ Кеммерна.

2-го. Упорный бой сѣверо-западнѣ Чарторійска. На кавказскомъ фронтѣ столкновения съ курдами.

3-го. Нѣмцы потѣснены сѣвернѣ оз. Кангеръ (рижскій фронтъ). Бой передъ переправами на р. Стыри.

4-го. Продолжаются бои у переправъ черезъ р. Стырь.

5-го. Неудачныя попытки нѣмцевъ переправиться черезъ Двиану. Продолжаются бои у Чарторійска.

6-го. Остановлено наступленіе неприятеля на лѣвомъ берегу Стыри (отъ Медвѣжья на Н. Подчеревичи). Нами занятъ Чарторійскъ.

7-го. Неудачи нѣмцевъ переправиться черезъ Двиану у Фридрихштадта.

8-го. Нѣмцы отступили въ районѣ Новевъжской жел. дор.

9-го. Противникъ потѣсненъ въ районѣ Пулкарнъ.

10-го. Нашими миноносцами потоплено близъ Виадавы германское сторожевое судно.

11-го. Удачная атака на средней Стыри у д. Козлинички. Противникъ бѣжалъ. Взяты плѣнные и снаряженіе.

12-го. Бои у Берземюнде, окончившіеся въ нашу пользу. Къ западу отъ оз. Кангеръ нѣмцы вынуждены отойти назадъ.

13-го. На Стрыпѣ въ районѣ Семиковце наше удачное дѣло.

14-го. Неудачныя попытки неприятеля продвинуться въ районѣ Олыка и къ сѣверо-востоку отъ Бучача.

СЕМНАДЦАТЫЙ МЪСЯЦЪ.

15-го. Блестящій набѣгъ нашихъ партизановъ къ районѣ Пинска. Удачное нападеніе на штабъ 82-й германской дивизіи.

16-го. Отражена попытка нѣмцевъ атаковать насъ въ районѣ р. Аа курляндской.

17-го. Наши войска овладѣли Илукстомъ.

18-го. Нашими войсками остановлено наступленіе противника къ юго-западу отъ Пянска.

19-го. Удачное дѣло противъ турокъ къ югу отъ Ванскаго озера (Кавказъ).

20-го. Удачный обстрѣлъ нѣмецкаго бивака у Зоненгофа (берегъ Двины).

21-го. Наступленіе неприятеля на лѣвомъ берегу Стыри на с. Ст. Подчеревичи, отбитое нашими войсками послѣ временнаго оставленія Подчеревичей.

22-го. Неудачная наступательная попытка нѣмцевъ въ двинскомъ районѣ близъ Шишково.

23-го и 24-го. Наша артиллерія остановила наступленіе противника на р. Стыри у д. Козлинички.

25-го. Къ сѣверо-востоку отъ Бучача противникъ пытался продвинуться къ востоку, но отброшенъ къ д. Целава.

26-го. Отбита попытка нѣмцевъ переправиться черезъ рукавъ р. Двины на островъ южнѣ Икскуля. Взрывъ нѣмецкаго азостата въ районѣ Мерцендорфа.

27-го. Удачныя дѣйствія нашей артиллеріи на рижскомъ фронтѣ.

28-го. Въ Персіи между Тегераномъ и Хамаданомъ наши войска разбили германско-турецкій отрядъ (бунтующіе персидскіе жандармы и вооруженныя шайки). Противникъ бѣжалъ.

29-го. Отбито наступленіе на Стрыпѣ западнѣ Тарнополя. На Черномъ морѣ, у о. Кефлена, наши миноносцы уничтожили двѣ турецкія канонерки и большой парусникъ.

30-го. Мелкія части неприятеля вели наступленіе на Стрыпѣ въ районѣ Маріанка—Юзефовка—Бенява, но частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ.

Декабрь.

1-го, 2-го и 3-го. Усилилась артиллерійская перестрѣлка въ якобштадтскомъ районѣ.

4-го. Нами потоплены въ Балтійскомъ морѣ крейсеръ «Бремевъ» и большой миноносецъ. Въ Персіи мы заняли Хамаданъ.

5-го. Сѣвернѣ оз. Дрисвяты было нѣсколько столкновений, удачныхъ для насъ.

6-го. Генераль-адъютантъ Н. В. Русскій Всемялостивѣйше уволенъ по болѣзни отъ должности главнокомандующаго фронтомъ.

7-го. Сѣвернѣ оз. Мядзіоль была разогнана нѣмецкая колонна, понесшая большія потери.

8-го и 9-го. Столкновения въ районѣ Видзы и Доброновце. Наши летчики удачно бомбардировали противника близъ Свѣнцианъ.

10-го. У Шлока и оз. Далена перестрѣлка артиллеріи—въ нашу пользу.

11-го. Наши миноносцы имѣли перестрѣлку съ батареями Варны.

12-го. На рижскомъ фронтѣ наша артиллерія удачно дѣйствовала у Икскуля и восточнѣ Пулкарнъ.

13-го. Бой съ «Тобеномъ». Крейсеръ вернулся въ Царьградъ съ большимъ креномъ.

14-го. Удачныя для насъ столкновения у Чарторійска, у Пугачевки (на р. Иквѣ) и къ сѣверу отъ Бучача.

ЖИВУ

№ 5. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціалныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выдавъ 30 января 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

К. Стабровскій. Шествіе грозы.

Художникъ - провидецъ.

„Шестіе грозы“ К. А. Стабровскаго. (Съ портретомъ и 9 картинами на стр. 73—81).

Можно ли предвидѣть и предчувствовать надвигающіяся событія? При извѣстныхъ условіяхъ, умный, вдумчивый и чуткій человекъ способенъ видѣть впереди многое, еще недоступное зрѣнію и пониманію другихъ людей. Метерлинкъ въ одномъ изъ своихъ философско-поэтическихъ трактатовъ высказываетъ даже недоумѣніе, почему люди до сихъ поръ не научились и не сдѣлались способны видѣть будущее такъ же ясно и отчетливо, какъ они видятъ, прошедшее. Почему человекъ, поставленный въ настоящее, т.-е. въ средину между прошедшимъ и будущимъ, стоитъ все время спиною къ будущему, тогда какъ, казалось бы, именно благодаря своему срединному положенію, онъ долженъ былъ бы находиться въ полѣ зрѣнія не только отошедшаго времени, но и времени наступающаго?

Чрезвычайно интересный примѣръ такой „прозорливости будущаго“ представляетъ творчество художника. К. А. Стабровскаго, точнѣе, не все его творчество, но нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся картины и въ особенности циклъ картинъ „Шестіе грозы“.

Эти картины (онѣ воспроизведены въ настоящемъ № „Нивы“) представляютъ собою поэтическую символизацию нынѣшняго разоренія Польши тевтонами. Въ рядѣ красивыхъ и жуткихъ символическихъ, полныхъ поэзіи, образовъ художникъ оплакиваетъ Польшу и въ заключеніе провидитъ новое прекрасное будущее родной страны. Картины такъ ясны и опредѣленны по своему содержанию, что зритель уже по первому взгляду убѣжденно говоритъ:

— Это картины нынѣшней войны!

И съ неменьшею убѣжденностью прибавляетъ:

— Художникъ писалъ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и пережитаго.

Между тѣмъ циклъ этихъ картинъ впервые появился еще де-

сять лѣтъ тому назадъ. Изображена въ нихъ дѣйствительно нынѣшняя ужасная для Польши война, но написаны онѣ отнюдь не подъ впечатлѣніемъ пережитаго, ибо въ то время, т.-е. десять лѣтъ тому назадъ, художникъ не могъ еще пережить того, что случилось нынѣ. Эти картины — результатъ предвидѣнія, созерцанія будущаго. Художникъ сумѣлъ вернуться лицомъ къ таинственному грядущему и изобразилъ его въ краскахъ и образахъ, близко подходящихъ къ разразившейся дѣйствительности.

Когда картины цикла „Шестіе грозы“ были впервые выставлены, К. А. Стабровскому говорили: „Что это вамъ вздумалось изображать какія-то зловѣщія сказки?“ Настроеніе, которымъ такъ сильно проникнуто „Шестіе грозы“, было тогда еще совершенно чуждо его соотечественникамъ, равно какъ и всѣмъ не посвященнымъ

Художникъ Казиміръ Антоновичъ Стабровскій.

К. Стабровскій. Громовой ударъ.

въ замыслы тевтонскихъ монархій.

Самъ художникъ объясняетъ свое предвидѣніе страшныхъ событій предсказаніями теософовъ, которые указывали на 1913 годъ, какъ на начало страшной европейской войны. Подъ влияніемъ этихъ теософическихъ предсказаній (теософы ошиблись однако на годъ) художникъ и представилъ себѣ съ чрезвычайной ясностью ту судьбу, которая ожидала его родину. Предвѣстіе и предчувствіе, въ самомъ дѣлѣ, исключительныя.

„Шестіе грозы“ распадается на девять картинъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою самостоятельную „симфонію въ краскахъ“. Свойственная творчеству К. А. Стабровскаго красивая и содержательная символика проникаетъ ихъ и придаетъ имъ характеръ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ содержаніе преобладаетъ надъ формой. Всему циклу, за исключеніемъ послѣдней свѣтлой и радостной картины, свойственны мрачные, сумеречные и ночные тона, что тоже характерно для произведеній Стабровскаго.

Шестіе грозы... Надъ тихими полями собираются мрачныя тучи. Солнце скрылось, и въ тучахъ за клубились зловѣщіе образы, и тотъ, кому дано это видѣть, видитъ въ нихъ злыя начала, принявшія форму дикихъ звѣрей и чудовищъ. И въ ураганѣ, несущемся надъ беззащитной и омраченной страной, протянулись чьи-то цѣпкія когтистыя лапы... И съ громкимъ карканьемъ летятъ предвѣстники грозы и несчастія, черныя вороны.

И вотъ грянулъ громовой ударъ. И на могильныхъ хол-

махъ стали безконечными вереницами молчаливые кресты. Цѣлый лѣсъ крестовъ—Голгоѳа всего народа. А въ обрывкахъ тучъ опять протянулись хищныя черныя лапы страшнаго чудовища, и молнія освѣщаетъ ихъ.

Пылаютъ деревни, города. Горятъ и гибнутъ въ пламени *огненного потопа* сокровищницы народного творчества и дворцы и хижины. Запылали памятники старины, зардѣлось заревомъ небо надъ стариннымъ богатымъ городомъ, и протянулись жуткія тѣни въ улицахъ и переулкахъ. А въ клубящихся облакахъ дыма и въ багровыхъ тучахъ вьются страшныя змѣи и злые гады. Это бѣснуются и торжествуютъ злыя силы эгоизма, ненависти и злобы, сорвавшіяся съ цѣпи подъ вихремъ разразившейся грозы.

И настанетъ пора, когда *надъ печальной страной*, надъ развалинами и крестами, понесутся въ облакахъ души несчастныхъ страдальцевъ, а высоко на небѣ появится распятая на крестѣ Справедливость, и *тѣнь* отъ ея креста протянется по всему краю изъ конца въ конецъ. Вся страна, измученная и истерзанная врагами, будетъ освѣнена этой страшной тѣнью, и куда ни протянется она, всюду зачернятъ сожженные усадьбы, города, деревни.

Изуродовано, измождено самое лицо земли. Вырублены старые вѣковые лѣса. Лишь пни остались кругомъ, да возвышаются то здѣсь, то тамъ безмолвные курганы. Пустынно на землѣ. Но зато тамъ, вверху, царитъ таинственная жизнь: сонмы колѣно-преклоненныхъ взываютъ къ небу о спасеніи отъ гнета жестокихъ темныхъ силъ. И поднимается благословляющій перстъ, и темные курганы на опустѣвшей землѣ прислушиваются и къ мольбамъ и къ благословленію.

Вспаханныя и изрытыя поля покрылись пеленою снѣга. Земля замерла подъ дыханіемъ смерти, и надъ безлюдными мертвыми равнинами царитъ мракъ ночи и холодъ зимы. И уныло возвышаются три креста—памятники братскихъ могилъ. Но уже близокъ разсвѣтъ. Въ небѣ уже мерцаетъ первый лучъ зари и играетъ багрянымъ отблескомъ на латахъ и сбруѣ таинственныхъ всадниковъ. Тамъ, въ безпредѣльной, свѣтлѣющей вышинѣ, надъ разорванными грядами грозовыхъ тучъ, эти крылатые всадники играютъ на четыре стороны свѣта пробудный „*гейналъ*“,—пѣсню, нѣкогда исполнявшуюся на разсвѣтѣ, для пробужденія войскъ отъ сна. Надъ мертвой, можетъ-быть, только уснувшей страной скоро прозвучитъ первый призывъ освобожденія. Возстанутъ спящіе, воскреснутъ мертвые, и миллионы пламенныхъ витязей съ крыльями на золотыхъ латахъ понесутся на коняхъ въ послѣднюю битву съ темными и злыми силами. Гимнъ пробужденія смѣнится грозной *рансодіей* невиданной битвы. Злыя силы будутъ побѣждены проснувшейся древней мощью народа, гроза пройдетъ, и надъ освобожденной и просвѣтлѣвшей страной засяетъ радуга, широкія и свѣтлыя *врата новой жизни*.

Такое толкованіе картинамъ даетъ самъ художникъ. Такъ истолковывалъ онъ ихъ, словно свое пророческое видѣніе, десять лѣтъ тому назадъ. Теперь все это давно уже сдѣлалось печальной дѣйствительностью. Разрались кладбища, опустѣли города и селенія, громовые удары не переставая сыпались на несчастную страну и превратили ее въ истинную Голгоѳу польскаго народа. Вырублены, выжжены лѣса, обезображено лицо земли. И, быть-можетъ, уже просыпается та таинственная мощь народа, которую долженъ разбудить предутренній гимнъ боевого пробужденія. Быть-можетъ, уже есть уши, которыя слышатъ этотъ гимнъ, и есть глаза, которые видятъ огненную рать, рожден-

К. Стабровскій. Огненный потопъ.

ную въ свѣтлыхъ облакахъ и спѣшащую навстрѣчу бушующей грозѣ.

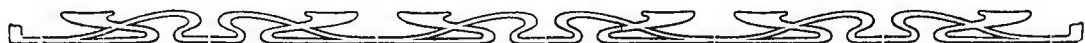
Быть-можетъ, переживаемая нами страшная и необыкновенная эпоха дастъ человѣчеству многое изъ того, чего ему не доставало въ тѣ времена, когда душа его таилась глубоко на днѣ невѣдомыхъ пучинъ. Теперь душа человѣчества всплыла на поверхность океана жизни. И принесла съ собою способность видѣть незримое и слышать неслышимое.

Въ творчествѣ К. А. Стабровскаго мы видимъ рѣдкую глубину мысли и фантазію и идейность, основаніемъ которой послужила освобожденная и всплывшая на поверхность жизни душа человѣчества.

Какъ художникъ, К. А. Стабровскій хорошо извѣстенъ не только въ художественныхъ кругахъ Польши и Россіи, но и за границей. Уроженецъ Гродненской губерніи, онъ получилъ художественное образованіе въ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ такихъ мастеровъ, какъ Рѣпинъ и Куинджи. Первымъ крупнымъ его произведеніемъ была картина „Магометъ въ пустынѣ“. За картину „Тишина деревни“ К. А. Стабровскій былъ награжденъ медалью на международной выставкѣ въ Парижѣ. Его картина „У развѣзда“ приобрѣтена была для музея въ Мюнхенѣ, а картина „Лазенковскій паркъ въ Варшавѣ“ — для музея въ Венеціи. Съ 1904 по 1910 г. К. А. Стабровскій состоялъ директоромъ Варшавской художественной школы, которая была основана по его же инициативѣ.

Художникъ испыталъ на себѣ самомъ все ужасы предвидѣннаго имъ „шестивія грозы“. Его имѣніе разорено нѣмцами, родная страна захвачена цѣпкими черными лапами иноземцевъ, и самъ онъ сталъ бѣженцемъ, сохранивъ изъ всего своего имущества только свои картины.

Но онъ бодро смотритъ въ будущее...

„ВИНОВАТЫЙ“.

Разсказъ Владиміра Воинова.

I.

Въ нудныя сѣрыя сумерки въ первый разъ появилась за нашимъ окопомъ его медлительная, неловкая фигура.

Если спросить, чѣмъ мы заняты были, когда онъ подѣхалъ на неуклюжемъ, пузатомъ конькѣ, можно отвѣтить ясно и коротко:

— Зябли.

Солдаты зябли въ окопахъ, а мы, офицеры,—въ землянкѣ, вырытой недѣлю назадъ нѣмцами, а теперь перешедшей, до поры до времени, къ намъ. Какъ всегда, къ вечеру наступило затишье, и люди, уставшіе за день, бороли, кто какъ умѣлъ, скуку и холодъ.

Нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ въ нашу сторону заставило нѣкоторыхъ солдатъ обернуться.

Вотъ тогда-то они и замѣтили, что кто-то подѣхалъ къ окопу и стоитъ на конѣ, не торопясь уйти за прикрытіе.

— Какая?—донесся глухой голосъ.

— Восьмая!—отвѣтили люди.

— Ну, вотъ и хорошо!—сказалъ человекъ съ лошади и медленно сошелъ на землю.

Когда онъ, слегка припадая на правую ногу, съ конемъ въ поводу, подошелъ вплотную къ окопу, стало видно худое, скуластое лицо, заросшее почти до глазъ черной щетиной, и мы догадались, что это новый нашъ ротный, присланный взаменъ штабсъ-капитана Синицына, тяжело контуженнаго въ послѣднемъ бою.

Поручикъ Несвицкій прошелъ съ новымъ ротнымъ изъ края въ

край по окопу и, давъ временное командованіе, спустился въ землянку.

— Кто такой?—спросили Несвицкаго я и прапорщикъ.

— Капитанъ Заплетухинъ.

— Тотъ, что былъ адъютантомъ?

— Онъ самый.

Не скажу, чтобы первое впечатлѣніе было благопріятнымъ для новаго ротнаго.

Не понравилось намъ, что онъ пріѣхалъ одинъ, невзначай: не понравились и то, что онъ изъ адъютантовъ; а больше всего не понравилась его показная медлительность и полное равнодушіе къ тѣмъ нѣсколькимъ одиночнымъ выстрѣламъ, которыми привѣтствовали его появленіе на линіи окопа наши противники: въ нашемъ полку народъ серьезный и дешевыхъ эффектовъ не любитъ.

По лицамъ солдатъ, бывшихъ рядомъ со мной, я видѣлъ, что новому ротному едва ли придется занять въ солдатской душѣ то важное и высокое мѣсто, которое отводится „отцу-командиру“.

Да и на насъ, офицеровъ, нѣсколько страстное впечатлѣніе произвела та медлительность и неловкость, съ которой онъ только-что вступилъ въ командованіе.

Словно не увѣренъ въ чѣмъ-то. Можетъ-быть, въ себѣ, можетъ-быть, въ насъ.

И то и другое намъ было не по душѣ.

— Гдѣ ротный?—спросили мы минуту спустя Несвицкаго.

— Меня отослалъ въ землянку, а самъ остался на правомъ флангѣ. Снял отдѣленіе и приказалъ ему сзади окопа вырыть прикрытіе для коня.

— Для коня!—удивились мы въ одинъ голосъ.

— Для коня!—смѣясь, подтвердилъ Несвицкій.—Теперь сидите на гласисѣ и смотрите, какъ роютъ. Потомъ придетъ къ намъ.

Мы замолчали, думая о новомъ начальникѣ.

Прапорщикъ закурилъ и принялся упорно согрѣть, раздувая подъ кучкою теплаго пепла золотую шедуху скрытаго жара, уже кое-гдѣ тронутаго предательскою чернью.

II.

— Э, да у васъ тутъ чайшко налаживается!—вывелъ насъ изъ задумчивости голосъ новаго ротнаго.

Цѣпляясь за стѣнки и потолокъ, капитанъ Заплетухинъ пробрался въ землянку и, тяжело отдуваясь, окинулъ насъ улыбающимися, занскивающими глазами.

— Пожалуйста, господинъ капитанъ! Тутъ удобнѣе!—отодвинулся прапорщикъ, уступая начальнику мѣсто.

— Ничего, голубчикъ! Ничего!—заторопился Заплетухинъ.—Мнѣ и здѣсь хорошо! Меня зовутъ Николай Константиновичъ!—добавилъ онъ минуту спустя.—А васъ?

Мы назвали себя.

Онъ повторилъ вслухъ, словно стараясь запомнить разъ навсегда, и вынулъ серебряный портсигаръ.

— Курите, Петръ Николаевичъ! Иванъ Владиміровичъ! Владиміръ Васильевичъ!—обращался онъ ко мнѣ, Несвицкому и прапорщику.

Мы закурили.

— Ну вотъ! Будемъ вмѣстѣ служить!—сказалъ капитанъ, по-прежнему улыбаясь.—Я, знаете, радъ. Очень радъ, что придется по-настоящему.

Несвицкій налилъ изъ чайника эмалированную кружку и подалъ капитану.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога! Зачѣмъ же!—разволновался неожиданно Заплетухинъ.—Пейте сначала

К. Стабровскій. Надъ печальной страной.

ужь вы! Я потому! Я вѣдь недавно оттуда, а вы... Нѣтъ, ужь увольте, пожалуйста!

Онъ рѣшительно отстранилъ отъ себя кружку и, скромно по-пыхивая на сторону дымкомъ папирсы, глядѣлъ на насъ неспокойными глазами.

Въ чемъ дѣло,—не могли мы понять.

Присутствіе капитана Заплетухина вносило непривычную неловкость въ наши до этого дня простые и ясные отношенія.

Его предупредительность была неприятна, въ почтительности, съ которой онъ называлъ наши имена, старательно избѣгая забыть ихъ и перепутать, казалось что-то не вяжущееся съ его положеніемъ старшаго и командира; а въ той внимательности, съ которой онъ выслушивалъ самыя незначительныя наши слова, чудилось отсутствіе искренности.

Вообще въ умаленіи собственнаго достоинства и въ нѣкоторой подобострастности въ отношеніи меня, Несвицкаго и даже нашего прапорщика лежало что-то, не вяжущееся съ общепринятой формой взаимоотношеній, выработанной военной средой.

И отъ всего этого назрѣвало въ душѣ нехорошее чувство—не то досады, не то недоверія.

— Чтѣ онъ все по отчеству насъ погоняетъ?—угрюмо спросилъ прапорщикъ, когда капитанъ, заявивъ, „пойду-ка навѣдаюсь“, выползъ въ окопъ изъ землянки.

— „Нѣтъ, ужь вы! Я оттуда, а вы отсюда!“—передразнилъ Несвицкій. — Не нравится мнѣ это, если по правдѣ сказать. Словно оправдывается въ чемъ-то. Виноватый какой-то!

Я подумалъ о Заплетухинѣ, и мнѣ показалось, что Несвицкій очень удачно уловилъ характеръ его поведения.

— Да! Виноватый! Именно такъ! Поручикъ, какъ влилъ!

Такъ и осталась за капитаномъ Заплетухинымъ эта странная вѣличка, данная Несвицкимъ по первому впечатлѣнію.

— Гдѣ Виноватый?—спрашивали мы одинъ у другого на слѣдующій день.

— Виноватый? Въ прикрытіи у коня! Кормить пошесть.

И намъ было нѣсколько легче, когда съ нами не было Заплетухина.

III.

Въ первый же день, когда намъ пришлось контръ-атакой отбивать насѣдающихъ нѣмцевъ, и мнѣ, и Несвицкому, и прапору стало многое ясно изъ того, чтѣ до этого дня вызывало досаду и недоумѣніе.

Когда, передъ началомъ удара, вывели передъ окопъ изъ прикрытія брюхатаго конька и Виноватый при помощи ефрейтора принялся карабкаться въ сѣдло подъ пулеметнымъ огнемъ, мы были изумлены хладнокровіемъ и выдержкой новаго ротнаго.

Съ тою же самой улыбочкой, съ которой онъ предупредительно открывалъ свой портсигаръ въ землянкѣ, угощая меня и Несвицкаго, онъ глядѣлъ на солдатъ, ожидающихъ знака для выхода изъ окоповъ; и, когда нужный моментъ насталъ, онъ, впереди всѣхъ, неуклюже выѣхалъ въ открытыя ворота проволоочной изгороди и подъ брызгами свинца и шрапнельныхъ осколковъ повелъ нашу роту.

Какъ онъ уцѣлѣлъ въ этомъ дѣлѣ, я и теперь не могу объяснить. Знаю только, что, пока на лощинѣ шла свалка и солдаты работали штыками, все время то здѣсь, то тамъ появлялась на брюхатомъ конькѣ неуклюжая фигура Виноватаго и присутствіемъ своимъ вносила увѣренность въ удачномъ исходѣ дѣла.

А нѣсколько минутъ спустя, когда люди отхлынули снова въ окопы и послѣднимъ сосредоточеннымъ огнемъ провозжали бѣгущія толпы разстроенныхъ нѣмцевъ, Виноватый искалъ уже свой портсигаръ, чтобы протянуть его мнѣ съ неизмѣнной улыбкой:

— Курите, Владиміръ Васильевичъ.

Вечеромъ этого дня мы снова сѣдѣли въ землянкѣ за чайникомъ, и капитанъ, дожидаясь, когда освободится эмалевая кружка, занятая Несвицкимъ, рассказывалъ намъ, почему онъ не можетъ разстаться съ конемъ и вынужденъ постоянно представлять видную мишень для неприятельскихъ пуль.

— Нога у меня, Владиміръ Васильевичъ! Я о ногѣ-то забылъ вамъ сказать... Отморозилъ ее, еще въ мирное время. Отрѣзали. До колѣна. Такъ вотъ и пришлось помириться на деревянной. До войны-то она не очень меня беспокоила, надобности въ ней нѣтъ большой отставному. А вотъ какъ войну объявили, да все мои пріятели ушли на позиціи съ своими частями, тутъ-то я и понялъ, чтѣ оно значить—нога! Вѣрите ли, кажется, нѣтъ ни одного учрежденія, гдѣ бы ни обивала пороги моя деревянная нога. Вездѣ быть. Просильте... Другіе за меня хлопотали. И, благодареніе Господу, удалось-таки выхлопотать разрѣшеніе проѣхать въ полкъ, якобы за нужными документами. Ну, а разъ попалъ на фронтъ,—полъ-дѣла сдѣлано. Прикомандировали меня къ одному изъ штабовъ, въ родѣ какъ адъютантомъ, стало-бытъ. Изъ сожалѣнія. Отлегло отъ души! Все-таки при дѣлѣ. Нынче поскачешь туда, завтра туда. Нѣтъ-нѣтъ и огня кое-гдѣ понижаешь. А все-таки шемила душа—настоящаго дѣла хотѣлось. И случись тутъ, что вашего командира, дай ему Господи зоревья и счастья, контузило. Тутъ я и обналгѣлъ. „Дайте, говорю, ваше превосходительство, вѣкъ за васъ Бога молить, дозвольте командовать ротой!“ Поглядѣли, подумали... И все-таки уважили. Вотъ мы и сидимъ теперь съ вами въ земляночкѣ да поманеньку работаемъ. Правда, нога-то она—того... Да Господь съ ней... На конишкѣ-то еще послужимъ! Вѣрно я говорю, Петръ Николаевичъ?

Я поглядѣлъ на Несвицкаго. Онъ на меня.

Въ эту минуту мы многое поняли.

IV.

Нѣтъ словъ, полюбили мы нашего капитана. Отъ прежней неловкости и слѣда не осталось.

Да и капитанъ какъ-то вылодѣлъ: не то дѣйствительно смѣнилась манера его говорить съ нами, не то глядѣли теперь на

К. Стабровский. Тѣнь креста.

К. Стабровский. Курганы.

нее мы сами немного осмысленнее; а только приятно нам стало бывать в его обществе, и с большою охотой мы слушали простые и несколько жалкие слова его.

Захотелось узнать, как относятся солдаты к новому командиру. Вот тут-то я и сблал одно удивительное открытие.

Как-то ночью пришлось наряжать мне команду разведчиков. Прощель по окопу, вызывая охотников.

На правом фланге людей на местах маловато оказалось.

— Где народ? — спрашиваю.

— А, — говорят, — в лошадином прикрытии.

Пробираюсь туда.

Смотрю. И что бы вы думали? Около брюхатого конишки белый совет идет: двое солдат кормят его хлебом с сахаром, один на землю пуг соломы разрыхляет, другой пятерней по лохам скребет, счищая налипнувший иней, а ефрейтор с левобланговым первого взвода из старых немцев ких шинелей для конишки попоны выкраивают.

Взволновала меня вся эта история.

Не стал беспокоить ребят; вернулся в окоп и набрал охотников из тех, что там были.

Рассказал им, в чем дело: как нужно идти, где залечь, и чего от них капитан хочет.

С полуслова поняли.

Проводив до ворот в изгороди, я вернулся назад, закурил и присел у окна, порывшись подождать результатов разведки.

Ночка выпала тихая, темная, в двух шагах ничего не видно. В такие ночи, когда остаешься один, особенно хорошо вспоминается. Укутать я ноги полою шинели, привалился на насыпь и думаю. А время идет да идет. И вдруг покажись мне в одну из минут просветления, что слишком уж долго нет наших разведчиков.

Забеспокоился я. А ну, как попали ребята? Встал потихоньку с насыпи, да и вышел навстречу: не послышится ли чего-нибудь?

Только оставил за спиной изгородь шагах в подустах, загомонило впереди что-то. Ну, думаю, наши. Все-таки припал до земли на всякий случай и слушаю.

Наши и есть; по разговору узнал.

— Как ты взял его? — донеслось до меня.

— Руками бираль! — Это отвечал Аслань-Бекъ, лучший из наших разведчиков. — Он на мне живое пороть хотел, а ми его голыми руками бираль. Очнь мне охота была башку ему долой рзиль. Потом Дыривяный Нога вспоминал. Нельзя башка рзиль... Дыривяный Нога живой брат хотел, а ми для Дыривяный Нога свой башка не жалемь совсемь. Якши Дыривяный Нога! Гекъ якши!

Аслань-Бекъ как-то вкусно прищелкнул языком, и партия разведчиков поровнялась со мною.

Я осторожно привстал и окликнул охотников.

В эту ночь я не спал до разсвета.

Все стояли в ушах слова Аслань-Бека „якши Дыривяный Нога“, „для Дыривяный Нога свой башка не жалемь совсемь“.

Мы вот, — я, поручик Несвицкий и прапор, — сразу ввали в ошибку, увидав в своей среде нового человека с несколько странным образом действий и неприятной манерой говорить с подчиненными.

А вот они, солдаты, не сблали этой ошибки.

Ефрейтор послв цблага дня трудов и забот, вмesto отдыха, выкраивает попоны для капитанова конька, а Аслань-Бекъ, не думая о себ, голыми руками берет здоровенного немца только потому, что командиру это будет приятно.

Вот тут и пойми: как и чем доходить они быстро и просто до того, к чему мы приходим послв долгой поврки и тщательного и нудного приглядывания.

И, что важнее всего, у нас еще возможны ошибки, а у них — никогда.

Когда я подбился своим открытием с Несвицким и прапором, они были очень обрадованы.

V.

В нашей Кавказской грендерской бригаде много туземцев; а в рот капитана Заплетухина их, право, не меньше половины состава. Это исключительно храбрый народ — и какой-то особенный.

Вглядываясь в их отношения к ротному, я и тут обнаружил признаки некоторого своеобразия.

За одиннадцать месяцев участия бригады в боях и походах наша рота успла смнить четырех командиров.

Все они были людьми различного склада, различных привычек и разного толка в военном искусстве.

Первый был строгим, корректным: настоящий „момент“, как у нас называют питомцев Академии Генерального Штаба. Пробор, пушистые усы, свжия перчатки, янтарный мундштук и запах духов, — вот из чего составлялось поверхностное представление о его внешности.

С внутренней стороны это был жесткий, сухой человек книжного типа, имющй для всех положений готовы формулы и оперирующй живым материалом в полном согласии с классическими образцами, почерпнутыми из учебников тактики. Дай ему дивизию, корпус, или цлую армию, он и тут останется самим собою: не растеряется, не усомнится в своих способностях, не испытает ни разу ни колебаний ни страха перед серьезной ответственностью; просто и холодно примется

оперировать величинами болѣе крупнаго порядка и въ предстоящихъ задачахъ опять ни на шагъ не отступить отъ классическихъ формъ, взятыхъ на этотъ разъ изъ учебника стратегіи.

Такихъ въ нашей арміи много. Это хорошій и нужный матеріаль — честный и твердый, умѣющій всегда и вездѣ припѣнить запасъ свѣдѣній, почерпнутый въ богатыхъ сокровищницахъ Николаевской Академіи. И если и можно упрекнуть въ чемъ-нибудь офицеровъ такого типа, такъ это въ одномъ: всѣ они исповѣдуютъ культъ великаго корсиканца, и рѣдко какой изъ нихъ съ перваго курса не носить уже гдѣ-то въ самыхъ нѣдрахъ души своей сладкой и тайной надежды завоевать цѣлый міръ.

Нашъ поклонникъ великаго корсиканца до послѣдней минуты былъ спокоенъ и гордъ: въ атаку ходилъ въ богатыхъ перчаткахъ и былъ раненъ въ горло навывлетъ въ ту самую минуту, когда, скрестивъ на груди руки, ловилъ подходящий „моментъ“, чтобы бросить насъ во флангъ батальону австрійцевъ.

Вѣчная ему память!

Второй командиръ былъ горячій и пылкій, какъ порохъ. Грузинскій князекъ — милый и честный товарищъ и прекрасный служака.

Солдаты прозвали его „фугасъ“.

Зарвался подъ Красникомъ, очертя голову, и не стало „фугаса“.

Третій носилъ жидкую рыжую бороду, не пилъ, не курилъ, пѣлъ псалмы и вѣчно молчалъ, когда выпадала возможность обратиться и поболтать.

Въ холодныхъ голубоватыхъ глазахъ его было что-то „не отъ міра сего“.

Ранили его подло и страшно — разрывной пулей. Умеръ онъ въ полномъ сознаніи, перенесъ безъ сдинаго стона цѣлыя сутки мученій.

На смѣну ему дали Синицына.

Этого контузило недѣлю спустя послѣ принятія роты.

Какіе это были различные люди, какъ разное смотрѣли они на дѣло, и какъ совершенно по-разному относились къ нимъ наши кавказцы: корсиканца боялись, грузинскаго князя любили, рыжебородаго капитана съ потусторонними глазами безобидно вышучивали, а съ Синицынымъ держали себя запросто, словно со своимъ человѣкомъ.

И, можетъ-быть, это покажется страннымъ для людей, не знакомыхъ съ военными буднями, — сущность этихъ отношеній къ различнымъ начальникамъ неукоснительно сказывалась на самомъ характерѣ дѣлъ, проведенныхъ подъ тѣмъ или инымъ руководствомъ.

Непосвященному человѣку едва ли понятно, какъ это одинъ и тотъ же рядъ дѣйствій, происходящій всегда въ опредѣленномъ порядкѣ и строго исчерпываемый наличностью однихъ и тѣхъ же окружающихъ условий, можетъ давать въ зависимости отъ характера и духа командующаго совершенно различные результаты.

А между тѣмъ это такъ.

Солдаты всегда вели себя честно и самоотверженно; никто не посмѣлъ имъ бросить упрека въ недостаткѣ самопожертвованія и мужества.

И все-таки при корсиканцѣ въ каждой атацѣ чувствовался прежде всего „маневръ“, при князѣ бой былъ поистинѣ „боемъ“, при рыжебородомъ въ глазахъ стояла всегда нѣмая, холодная жертва, а при Синицынѣ шла взаимная братская выручка.

И это ощущали не только Несвицкій и я, но и въ простыхъ нересудахъ солдатъ, ведущихся вечерами въ окопахъ, я находилъ цѣликомъ подтвержденіе своимъ мыслямъ.

Тѣмъ интереснѣе было мнѣ теперь, при Виноватомъ, раз-

глядѣть: чѣмъ особеннымъ, новымъ, отмѣтятъ кавказцы въ душѣ у себя пятаку по счету переѣму командованія?

VI.

Яснымъ морознымъ утромъ, когда мы съ Несвицкимъ поочередно слѣдили въ бинокль за участкомъ нѣмецкихъ окоповъ, я подѣлился съ поручикомъ моими мыслями.

Онъ долго молчалъ, не отрываясь отъ Цейса, потомъ передалъ его мнѣ и сказалъ:

— Да, это очень занятный вопросъ. Я самъ о немъ думалъ. Знаете, какъ они окрестили его?

— Знаю. Дыривяный Нога!

Несвицкій улыбнулся.

— Я нашихъ людей знаю въ достаточной степени. И кажется мнѣ, что въ ихъ отношеніи къ новому командиру есть что-то отъ Купера.

— Какъ? — переспросилъ я, боясь ошибиться.

— Отъ Купера! Помните, въ дѣтствѣ: „Желѣзная Рука“, „Стеклянный Глазъ“ и иное. Ну, такъ вотъ въ этомъ самомъ „Дыривяный Нога“, помимо опредѣленія по одному изъ существенныхъ признаковъ, я подмѣтилъ и нѣкоторое содержаніе. И не кажется ли вамъ, что для нихъ, для Асланъ-Бека и прочихъ, этихъ горныхъ ордовъ, не тронутыхъ по-настоящему нашей цивилизаціей, деревянная нога капитана есть нѣчто болѣе, чѣмъ это видимъ мы съ вами. Вы посмотрите, какимъ они голосомъ, съ какой мимикой, съ какимъ выраженіемъ произносятъ это самое „Дыривяный Нога“. Тутъ и таинственность, и страхъ, чѣмъ это видимъ мы съ вами. Вы посмотрите, какимъ они почитаніе, и гордость какая-то. Да! Гордость! У насъ, молъ, командуетъ самъ „Дыривяный Нога“. И я не поручусь, что этой ногѣ они не приписали уже какихъ-нибудь особенныхъ свойствъ — страшныхъ, таинственныхъ, не лишенныхъ, пожалуй, божественнаго начала. А? Вспомните, чѣмъ намъ самимъ казались въ далекомъ дѣтствѣ всякіе „стеклянные глаза“ и „желѣзные руки“.

Я глядѣлъ на Несвицкаго изумленно открытыми глазами.

К. Стабровскій. „Гейналъ“.

— Чортъ возьми! Да вѣдь это дѣйствительно такъ!

Мало того, наличность тѣхъ чертъ, которыя онъ только-что назвалъ простыми словами, честное слово, ощущалась и мною. Но только я не сумѣлъ до конца продумать ее и довести до готового вывода. Теперь же, когда этотъ выводъ сдѣланъ уже другимъ человѣкомъ, мнѣ словно открылся новый уголокъ дѣйствительности — странный и милый, немного смѣшной и трогательный по своей чистотѣ и наивности.

И то, что на этотъ внезапно открывшійся уголокъ намъ придется еще смотрѣть много разъ, прямо-таки меня обрадовало.

Словно сошлись двѣ какія-то грани во времени, выжавъ все промежуточное, навѣянное разсудкомъ, ученіемъ, школой и жизнью: сошлись и свели вплотную далекое дѣтство, разубранное богатыми красками своей и чужой фантазіи, и теперешніе суровые дни, неожиданно принявшіе въ себя вмѣстѣ съ ногой капитана всѣ элементы таинственности, чудесности и красоты — родной, знакомой и милой.

Вотъ такъ сюрпризъ! До чего же крѣпко заложена въ чело-вѣкѣ эта жажда сказочной красоты, если она нашла себѣ бытіе даже въ мерзломъ окопѣ восьмой роты, въ обстановкѣ, отнюдь не располагающей къ празднымъ мечтаніямъ.

VII.

Послѣ одного изъ нашихъ обычныхъ ударовъ „на короткѣ“ въ деревянной ногѣ капитана оказалось двѣ пули.

Неизвѣстно какими путями вся рота узнала объ этомъ.

Не прошло трехъ часовъ, какъ количество пуль уняте-рилось.

— Дѣсять пули! Самъ выдылъ! — клялся отчаянно Асланъ-Бекъ и ѣлъ хлѣбъ въ доказательство искренности своей клятвы.

— Дѣсять пули и увѣсь въ дыривяный нога стырчалъ! — пошелъ таинственный пошопъ изъ края въ край по окопу.

Кавказцы сверкали глазами и значительно покачивали головами. Мы съ Несвицкимъ слѣдили за ними и радовались, какъ малыя дѣти.

Ночью мнѣ показалось душно въ землянкѣ, и я высунулъ голову въ окопъ.

Въ двухъ шагахъ отъ меня сидѣли на корточкахъ нѣсколько человѣкъ и слушали.

— Це-це! — прицѣлкивалъ языкомъ кто-то невидимый.

— Вотъ шайтанъ кирчалъ: „давай суды капитанъ, ми изъ его борода баншыкъ-маншыкъ събѣ дѣлать будымъ“, а Аллахъ кирчалъ: „бульна якши капитанъ! Такой капитанъ минѣ самому нада!“ Стали немножко тащить капитана. Аллахъ рукавъ биралъ, шайтанъ ногамъ биралъ. Адынъ сырчалъ, другой сырчалъ.

— Це-це! — щелкнулъ опять языкомъ кто-то невидимый.

— Почти увѣсь на Аллахъ пошелъ! Адынъ нога видиргалъ шайтанъ.

— Це-це! — сочувственно щелкнуло нѣсколько сразу.

— Вотъ Аллахъ гаварылъ ему: „бульна ты якши чалы-вѣкъ, капитанъ! Ми тыбѣ дыривяный нога дѣлать будымъ. Такой нога, увѣ пули на ему поидеть! Дѣсять пули! Двадцать пули! Гулай, капитанъ, на свой дыривяный нога! Ни адынъ рана ны будытъ!“

Разсказчикъ помолчалъ съ минуту, потомъ грозно добавилъ:

— Когда сто пули будытъ, нога живой издѣлаитца!

Я потихоньку убралъ свою голову и пробрался обратно въ землянку.

Капитанъ мирно похрапывалъ въ уголкѣ, завернувшись въ походную бурку; ближе ко мнѣ крѣпко спали Несвицкій и прапорщикъ.

Зналъ ли нашъ новый начальникъ о томъ, какіе разсказы идутъ по окопу о его деревянной ногѣ?

(Окончаніе слѣдуетъ).

Талисманъ.

Разсказъ Георгія Павлова.

(Окончаніе).

V.

Передъ подъездомъ огромнаго дома на Фридрихсштрассе, угрюмаго и холоднаго, какъ тюрьма, лейтенантъ Токири Мійято столкнулся лицомъ къ лицу съ Генрихомъ Ферловымъ, садившимся въ экипажъ.

— Очень радъ видѣть васъ, господинъ Токири. Вы идете къ намъ? Я извиняюсь, меня экстренно вызвали по телефону, но Рита дома и будетъ очень довольна вашимъ визитомъ. Она сегодня не въ духѣ—все нервы, нервы,—разсѣйте ее разсказами о Японіи, которую она такъ любитъ.

— Мнѣ было бы очень приятно...

— Я возвращусь скоро. Надѣюсь, что ни вы ни она не будете скучать въ моемъ отсутствіи.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Токири Мійято улыбался своей загадочной азиатской улыбкой. Его дѣла шли хорошо. Первая часть программы, возложенной на него, была уже выполнена: 42-сантиметровыя орудія, только-что появившіяся подъ Льежемъ и вызывавшія восторженное изумленіе въ Германіи, были давно извѣстны японскому военному вѣдомству, благодаря донесеніямъ Токири, надъ расшифрованіемъ которыхъ тщетно ломали голову чины берлинской телеграфной цензуры. Оставались планы Циндао—но эта задача была значительно легче первой. Лейтенантъ Токири зналъ, гдѣ искать ихъ.

— Госпожа Ферловъ принимаетъ?

Горничная провела его въ гостиную. Онъ ждалъ недолго: рядомъ послышались знакомые торопливые шаги, и Рита появилась въ комнатѣ вмѣстѣ со своимъ ароматомъ фіалокъ. На ней былъ

К. Стабровскій. Рапсодія.

изящный капотъ, очень скромный по своему покрою и очень прозрачный, потому что былъ сдѣланъ изъ кружевъ. На этотъ разъ она казалась блѣднѣе обыкновеннаго, и вѣки ея были сильно напудрены, какъ будто она хотѣла скрыть слѣды недавнихъ слезъ. Но она улыбалась, протягивая гостю обѣ руки, и эта улыбка была искренней и радостной.

— Господинъ Токири! Какъ это мило съ вашей стороны. Вы совсѣмъ пропали послѣ нашей прогулки, — я уже думала, что совсѣмъ забыта...

Нѣтъ, онъ не забытъ — не могъ забыть. О, эта прогулка вдвоемъ по бульварамъ Берлина! Темныя улицы, обрывки фразъ, мимолетныхъ, незначительныхъ, прерываемые полными трепета паузами; прикосновеніе нѣжной руки и волнующая прелесть ожиданія возможной встрѣчи съ мужемъ. Теперь онъ опять стоялъ подлѣ этой женщины, наединѣ съ нею, послѣ двухдневной разлуки, показавшейся ему вѣчною, — разлуки, во время которой онъ понялъ, что образъ Риты, такъ незаметно вошедшій въ его душу, запечатлѣлся на ней глубокими и рѣзкими чертами.

То былъ опасный моментъ. Но Токири вспомнилъ о томъ, что не только зарождающаяся любовь приводитъ его въ этотъ домъ, тайну котораго онъ долженъ былъ похитить. Зачѣмъ онъ здѣсь сейчасъ, зачѣмъ не вернулся назадъ послѣ встрѣчи съ Ферловымъ? Его задача трудна, но для ея облегченія онъ не хотѣлъ пользоваться обманчивой ролью влюбленнаго, — онъ, самурай и потомокъ даймѳосовъ Токири. Если онъ полюбилъ Риту, тѣмъ хуже для него, потому что она слабая женщина и жена его врага. Онъ сдѣлался сдержаннымъ, осторожнымъ, почти холоднымъ.

— Я встрѣтилъ сейчасъ вашего супруга передъ подъѣздомъ...

— А! Вѣроятно, вы шли къ нему по дѣлу и согласились, изъ любезности, поскучать со мной: вы очень корректны, благодарю васъ...

Въ ея словахъ звучали ноты обиды и разочарованія. Токири протестовалъ болѣе рѣшительно, чѣмъ требовала простая нѣжливость. Его самообладаніе опять измѣняло ему, онъ былъ опять не шпіономъ передъ своей жертвой, онъ былъ только мужчиной, влюбленнымъ въ прелестную женщину.

— Клянусь вамъ, что нѣтъ, фрау Рита. Мнѣ хотѣлось увидѣться съ вами, ничего больше. Помните, на „Тристанѣ“ вы сказали однажды, что видите во мнѣ звено между вами и Японіей. Я не смѣю сказать о себѣ того же...

— Не смѣете? Почему?

— Сударыня, мое глубокое уваженіе къ вамъ...

Онъ подыскивалъ на чужомъ языкѣ слова, такія далекія отъ техническихъ терминовъ, съ которыми онъ привыкъ обращаться болѣе свободно. Онъ говорилъ съ ней по-японски и торопился перевести точнѣе и красивѣе понятія, для которыхъ не находилъ подходящихъ выраженій на этомъ холодномъ и жесткомъ языкѣ, похожемъ на звонъ стали.

Рита засмѣялась судорожнымъ смѣхомъ, зловѣщимъ смѣхомъ начинающейся истерики.

— Уваженіе ко мнѣ? Да развѣ такихъ, какъ я, уважаютъ?

Онъ хотѣлъ возражать, но она остановила его жестомъ, полнымъ отчаянія, и заговорила опять съ лихорадочной быстротой, какъ въ бреду:

— Простите меня. Это не деликатно, я не должна, не смѣю ничего говорить вамъ — чужому... Но мнѣ такъ тяжело, я такъ одинока, подлѣ меня нѣтъ никого, съ кѣмъ я могла бы подѣлиться моихъ горемъ.

— Говорите, говорите, прошу васъ...

— Вы знаете, что было сейчасъ, за нѣсколько минутъ до вашего прихода? Онъ меня билъ. Да, да... Здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ вы съ такимъ уваженіемъ поцѣловали мою руку, этотъ грубый, ужасный, жестокой человекъ ударилъ меня — женщину. Вы

К. Стабровский. Радуга — врата новой жизни.

хотите знать, за что? Я скажу вамъ, но вы не повѣрите. Я — французженка...

И она зарыдала, уронивъ голову на руки. Токири стоялъ, какъ пораженный громомъ. Французженка... Такъ вот что значили ея неестественная веселость и мгновенные переходы къ такой же безпричинной грусти; вотъ камую тайну хранила она въ душѣ, обреченная на ужасную жизнь съ врагомъ-мужемъ.

Не говоря ни слова, Токири наклонился надъ плачущей Ритой. Эти нѣсколько фразъ, безсвязныхъ, произнесенныхъ прерывающимся голосомъ, рѣшили его судьбу. Его врагъ былъ также ея врагомъ, ихъ не раздѣляло больше ничто. Этой несчастной, оскорбленной, опозоренной женщиной было нужно, какъ воздухъ, то, чего минуту назадъ онъ не смѣлъ предложить ей. Тамъ, гдѣ замолчалъ онъ во имя благородства и гордости, заговорила сама судьба — и онъ не хотѣлъ противиться ея волѣ.

Мягкимъ и сильнымъ движеніемъ, полнымъ безконечной нѣжности, Токири Мійято обнялъ едва прикрытыя кружевомъ плечи, содрогавшіяся отъ рыданій, и прижалъ голову молодой женщины къ груди, какъ будто принимая ее подъ свою защиту и покровительство.

Она не сопротивлялась.

VI.

Автомобиль безшумно катится по уединенной аллеѣ парка. Темный осенній вечеръ, фонари Берлина остались далеко позади. Маленькая лампочка освѣщаетъ внутренность экипажа, букетъ чайныхъ розъ, приколотый къ стѣнѣ, и двѣ головы, часто соприкасающіяся устами. Рита Ферловъ, откинувъ вуаль, прильнула всею тѣломъ къ плечу своего друга, котораго не имѣла еще вчера; глаза ея сіяютъ, она счастлива, весела — ей не надо больше притворяться ни задумчивой ни печальной.

— Милый, милый, радость моя, жизнь... Знаешь, я плохо вижу твое лицо. Почему теперь вечеръ? Я хочу, чтобы намъ съ тобою свѣтло солнце. А ты еще прячешься въ тѣни... Милостивый государь, или у васъ нечиста совѣсть? Сиди, сиди, я пошу-

тила: не двигайся, ты устанешь, я тебя замучила своими объятиями. Так я еще ближе чувствую твою душу, твое благородное прекрасное сердце... Отчего ты все время молчишь? Ах да, ты не умѣешь быть нѣжнымъ на нашѣмъ языкѣ. Я забыла... Все равно, говори по-японски, я пойму тебя. Или нѣтъ. Не говори ничего, только цѣлуй меня, цѣлуй крѣпче... Еще крѣпче... Слушай... Что я хотѣла сказать? Да: я полюбила тебя съ перваго взгляда - тогда, на пароходѣ. А ты?.. Правда?.. Ты меня не обманываешь?

Она порывисто обняла его подъ лучомъ фонаря, любопытно заглянувшимъ во внутренность экипажа. Автомобиль мчался по улицѣ предмѣстья, мимо мелькали спящія дачи въ зелени своихъ садовъ. Рита выпрямилась.

Теперь надо быть пайныками—насъ могутъ увидѣть. У меня такъ много знакомыхъ въ каждомъ закоулкѣ Берлина. Фрау Ферловъ знаютъ всѣ: еще бы—вѣдь мой супругъ принятъ при дворѣ, это для нѣмцевъ кое-что значить. Ахъ, какъ мнѣ опротивѣло все здѣсь, если бы ты зналъ! Уѣдемъ вмѣстѣ съ тобой въ Японію. Вѣдь ты можешь уѣхать, правда? Счастливый, ты свободенъ и не связанъ ничѣмъ...

Токири осторожно вывободилъ свою руку. Ему казалось, что онъ идетъ по узкой дощечкѣ между остріями мечей, угрожающихъ ему отовсюду.

Нѣтъ, я еще не совсѣмъ свободенъ, дорогая. Ты знаешь, я прѣхалъ сюда не для развлечения. У меня здѣсь дѣла, и очень серьезныя. Быть-можетъ, событія примутъ такой оборотъ, что Японія окажется вынужденной примкнуть къ тройственному согласію...

Рита замахала руками.

— Ахъ, перестань, ради Бога... Какое мнѣ дѣло до этого! Ты

Въ Черномъ морѣ.

Обстрѣлъ портовыхъ сооружений въ Эрегли нашимъ миноносцемъ Д. Видны удачныя попаданія.

думаешь, Генрихъ мало надоѣдаетъ мнѣ этой войной? Я не могу больше слышать ничего о политикѣ. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты былъ моимъ и со мною, остальное меня не интересуетъ нисколько. Ты улыбаешься? Ты думаешь: „бѣдная маленькая Рита, какъ она глупа“... Что дѣлать, сударь — берите меня такую, какъ есть.

Она опять крѣпко стиснула его руку. Лейтенантъ, продолжая улыбаться, слегка поморщился отъ боли: застежка браслета вонзилась въ его запястье, изъ-подъ рубиновой подвѣски выступила капля крови.

— Что это? Я уколола тебя? Но у меня нѣтъ никакихъ булавокъ... Ахъ, это твой браслетъ... Вотъ видишь, какой ты глупый: развѣ можно носить вещи, которыя царапаются. Давай, я тебя сейчасъ вытѣчу.

Наклонившись къ его рукѣ, она высасывала кровь изъ укола. Токири молча смотрѣлъ на ея обнаженную шею и завилки бѣлокурыхъ волосъ, переходившія въ густую массу янтарнаго цвѣта, такую тяжелую и благоухающую. Рита выпрямилась, глаза ея блестѣли.

— Знаешь, твой браслетъ очень красивъ. Но развѣ мужчины носятъ у васъ такія украшения? Это женская игрушка. Благородное золото, великолѣпная отдѣлка, а рубины — прямо драгоценность.

Токири разстегнулъ браслетъ и надѣлъ его на полную руку молодой женщины. Она смотрѣла на него молча, широко открытыми глазами.

— Что это ты дѣлаешь? Хочешь примѣрить мнѣ?

Застегнувъ браслетъ, Токири поднялъ ея руку и любовался сочетаніемъ золота, драгоценныхъ камней и атласистой бѣлой кожи.

— Этотъ браслетъ былъ дорогъ мнѣ, Рита, — сказала она съ волненіемъ въ голосѣ. — Это не просто драгоценность: это талисманъ, освященный въ буддйскомъ храмѣ и предохраняющій отъ зла и горя того, кто получилъ его въ даръ любви. Пусть онъ принесетъ тебѣ счастье. Его дала мнѣ на прощанье женщина, которую я любилъ.

— И ты даришь его мнѣ? Ты ее больше не любишь?

— У меня только одно сердце, и я могу любить только одну.

Автомобиль остановился у подъѣзда загороднаго ресторана, они вышли. Отдѣльный кабинетъ ждалъ ихъ, уединенный, убранный въ японскомъ стилѣ, очаровательный пріютъ любви и наслажденія.

VII.

На другое утро Токири проснулся гораздо позже обыкновеннаго—около десяти часовъ. Онъ спалъ дурно, ему снились тревожные сны. На столнкѣ у кровати, освѣщенномъ краснымъ свѣтомъ ночника, который онъ забылъ погасить съ вечера, стоялъ портретъ О-Никки-Санъ, повернутый лицомъ къ стѣнѣ. Онъ взялъ этотъ портретъ и долго смотрѣлъ на него.

Да, это была она, улыбающаяся, любящая, вѣрная. Такою онъ видѣлъ ее сейчасъ, въ смутномъ тяжеломъ снѣ передъ разсвѣтомъ. Она пришла къ нему въ своемъ зеленомъ кимоно, пришла изъ глубокой тьмы безъ образовъ и звуковъ, населенной ужасами и тайнами. Ея уста улыбались съ нѣжностью, но глаза искали браслета на рукѣ жениха, и до сихъ поръ, послѣ пробужденія, онъ чувствуетъ жгучую краску стыда, проступившую подъ этимъ безмолвнымъ укоряющимъ взглядомъ, и снова ощущаетъ невольный трепетъ при звукахъ таинственнаго голоса, прозвучавшаго ему изъ мрака, желѣзнаго неумолимаго голоса, наполнившаго его смятеніемъ и ужасомъ: „данный съ любовью, этотъ талисманъ охранитъ отъ горя и зла, но измѣнниковъ онъ убиваетъ“...

Токири поставилъ портретъ на столъ и провелъ пальцами по глазамъ. Да, онъ измѣнникъ. Вчерашняя бурная ночь, полная наслажденій, пронеслась, его душа была холодна, какъ пасмурный дождливый день послѣ отшумѣвшей грозы. Онъ измѣнникъ. Малодушно, почти безъ борьбы, онъ нарушилъ свое слово мужчины и самурая. Образъ Риты мелькнулъ на мгновенье передъ нимъ, ея ищущія уста, ея руки, которыя такъ легко, слишкомъ легко, обвилились вокругъ его шеи, и аромат ея нѣжныхъ, обман-

Въ Черномъ морѣ.

Огонь изъ нашихъ славныхъ миноносцевъ, уничтожающихъ турецкія парусныя и паровыя суда, пытающіяся поставятъ уголь и предметы снаряженія изъ Малой Азіи въ Константинополь.

Въ Черномъ морѣ. Въ погонѣ за „Гебеномъ“. Отрядъ миноносцевъ.

чивыхъ духовъ. Но этотъ образъ, такой властный, почти всемогущій вчера, сегодня былъ далекъ отъ его души и не вызывалъ въ немъ ничего, ни волнения ни желаній. Онъ былъ обманутъ — такъ мстила любовь тому, кто обманулъ самъ.

Весь день Токири думалъ о своей невѣстѣ. Странный сонъ преслѣдовалъ его, давилъ своей тяжестью, мучилъ. Ему казалось, что онъ отравленъ. Къ вечеру въ немъ созрѣло рѣшеніе: онъ долженъ взять талисманъ обратно, и скорѣе, — сегодня, сейчасъ же. Онъ чувствовалъ, что, пока браслетъ не займетъ своего мѣста на его рукѣ, онъ не будетъ въ состояніи ни думать, ни работать, ни даже владѣть собою. А между тѣмъ его мысль и воля должны быть свободны: въ его распоряженіи оставалось немного времени, и планы Циндао еще не лежали въ секретномъ ящикѣ его стола. Токири Мійато унижился до измѣны любимой дѣвушкѣ, но измѣнникомъ передъ родиной онъ все же не будетъ.

Въ домѣ на Фридрихштрассе лейтенантъ молча прошелъ мимо погруженнаго въ газету портъе и поднялся въ бельэтажъ, не прибѣгая къ лифту. Рита не ждетъ его сегодня, накануне онъ сказалъ ей, что занятъ, но это хорошо: чѣмъ меньше она подготовлена къ предстоящему объясненію, тѣмъ лучше. Дверь отворилась легко, очевидно, ее забыли затворить на цѣпочку. Въ прихожей никого не было. Своей мягкой неслышной поступью лейтенантъ прошелъ рядъ темныхъ комнатъ и остановился передъ портъерой, изъ-за которой доносился дуэтъ мужского и женскаго голосовъ. Рита Ферловъ разговаривала со своимъ мужемъ, Токири узналъ хриплый голосъ инженера.

— И такъ и думалъ, что этимъ кончится, — говорилъ Ферловъ. —

этимъ пикантнымъ анекдотомъ. Но теперь ему не до того. Онъ жадно слушаетъ, боясь проронить хотя бы одно слово.

Послѣ обстрѣла береговыхъ батарей у Архаве. Изъ Батума въ Хопу. На первомъ планѣ—верхушка двойного миннаго аппарата.

— Разумѣется, — продолжалъ Ферловъ: — этотъ мошенникъ знаетъ и раньше, что я былъ въ Циндао, и кое-что вынесъ отъ туда. Надо ему отдать справедливость — онъ очень остороженъ.

Другой на его мѣстѣ прямо обратился бы къ тебѣ за содѣйствіемъ.

— Я увѣрена, что онъ еще это сдѣлаетъ.

— А я сомнѣваюсь. Мнѣ думается, что онъ начнетъ съ меня. Околпаченные мужья всегда бываютъ доверчивы съ тѣми, кто наставляетъ имъ рога, но на этотъ разъ желтая обезьяна ошиблась. Планы Циндао всегда со мной, въ моемъ бумажникѣ, съ которымъ я не расстаюсь даже ночью. Ему будетъ трудно выкрасть ихъ оттуда, а намъ надо позаботиться о томъ, чтобы господинъ Токири не ушелъ изъ нашихъ рукъ. Было ты хорошо, если бы ты предложила ему помощь. Если онъ согласится, возьми у него перечень тѣхъ бумагъ, которыя его интересуютъ, разумѣется, написанный по-нѣмецки.

— А если не согласится?

— Все равно, такъ или иначе я его поймаю. Ты — молодецъ, Рита; я тобой доволенъ. Ну, поди, поцѣлуй меня, моя маленькая союзница.

Звукъ поцѣлуя. Пауза, потомъ мелодичный голосокъ Риты звенитъ съ интонаціями ребенка, котораго похвалили, и который проситъ награды:

Въ Черномъ морѣ. Обстрѣлъ угольныхъ станцій у Зунгулдана.

— Так помни же, Генрихъ, — ты обѣщаль, что я буду принята при дворѣ. Непременно. Я трудилась не даромъ. Подумай самъ, какой эффектъ произведетъ среди этихъ желтыхъ сухопарыхъ мумій твоя Рита въ вечернемъ туалетѣ съ открытой шеей...

— И съ этимъ драгоценнымъ браслетомъ вдобавокъ...

— Да, это хорошенкая вещица. Но все-таки ты долженъ исполнить и другое свое обѣщанье—относительно кольца, которое мы видѣли. Помнишь? Мнѣ кажется, я его заслужила...

Опять поцѣловались. Ферловъ встаетъ, съ шумомъ отодвигая свое кресло.

— Ты уже уходишь?

— Да, мнѣ пора. Будь любезной и нѣжной со своимъ поклонникомъ. Но только...—Голосъ его звучитъ ревностью.—Я надѣюсь, Рита, что ты не позволишь себѣ ничего лишняго. Не забывай, что ты моя жена, которую я очень люблю.

— Генрихъ... Неужели я заслуживаю, чтобы мнѣ напоминали объ этомъ! Я забочусь о тебѣ и твоихъ интересахъ, но моя честь...

Ея честь!.. Лейтенантъ беззвучно смѣется въ своей засадѣ. Шаги по ковру; Токири замираетъ, укрывшись за портьерой. Онъ не опасается быть замѣченнымъ: въ комнатѣ темно, а Ферловъ спѣшитъ и, навѣрное, пройдетъ, не оглядываясь. Онъ боится, что не выдержитъ и бросится на инженера сзади. Нѣтъ, этого нельзя—еще слишкомъ рано...

Ферловъ появивается въ дверяхъ и быстро исчезаетъ въ другихъ. Моментъ тишины, потомъ за портьерой звучатъ другіе удаляющіеся шаги: Рита уходитъ въ свой будуаръ.

Лейтенантъ остается одинъ. Рядомъ окно отворено, видна водосточная труба. Комната въ бельэтажѣ; внизу садъ, выходящій въ переулокъ. Токири соображаетъ все въ одно мгновение, быстро, какъ мысль. Проходитъ еще минута—и въ комнатѣ уже нѣтъ никого.

VIII.

Генрихъ Ферловъ откинулся на подушку автомобиля:

— Потсдамъ, дворецъ. Живѣе!

Автомобиль полетѣлъ, какъ стрѣла. Сидя на мягкомъ диванѣ, Ферловъ съ довольнымъ видомъ куритъ свою сигару. Его планъ задуманъ хорошо и долженъ удалиться во всѣхъ деталяхъ, выработанныхъ за эти два дня послѣ разговора съ Ритой. Онъ нарочно не поднялъ тревоги раньше времени: тѣмъ эффектнѣе выйдетъ финалъ. Сейчасъ, у военного министра, онъ могъ бы сдѣлать нѣсколько многозначительныхъ намековъ на интересныя событія, которыя должны разыгратъ въ ближайшемъ будущемъ: предстоитъ какъ разъ обсужденіе секретныхъ донесеній о возможности конфликта съ Японіей. Но нѣтъ, лучше воздержаться до поры до времени и отъ этого. Пусть поминка Токири будетъ сюрпризомъ даже для императора: его величество любить театральные эффекты и навѣрное будетъ очень доволенъ.

Какъ однако пахнутъ эти цвѣты... У Риты смѣшная привычка обращать автомобиль въ какой-то цвѣтникъ. Отъ этого запаха положительно кружится голова, какъ будто онъ выпилъ лишнее.

Да, это великолѣпно. Еще на пароходѣ японецъ показался ему подозрительнымъ. Было бы очень глупо, если бы онъ поддался

тогда зрѣнію и прервалъ его гendevois съ Ритой. Въ Гамбургѣ эти подозрѣнія подтвердились. Какъ великолѣпно поставленъ германскій шпионажъ! Благодаря ему, противъ приготовленной японцемъ мины удалось во время выдвинутой контрминуты, и теперь успешно обезпечить.

Въ Черномъ морѣ. Стрѣльба по турецкимъ складамъ въ Эрегли. У орудія на миноносцѣ.

Въ Черномъ морѣ. Фелюга со съѣстными припасами „подгребаютъ“ къ нашему миноносцу.

Провести, какъ глупаго мальчишку, японскаго офицера, командированнаго Токійскимъ министерствомъ, это не такъ-то легко. Конечно, много значить также имѣть такого необѣнимаго помощника, какъ Рита. Француженка!.. Рита — француженка: это она выдумала сама, своимъ женскимъ умомъ—и какъ удачно выдумала, плутовка.

Нѣтъ, надо распорядиться, чтобы убрали эти цвѣты. Это становится несноснымъ: въ экипажѣ можно буквально задохнуться. И какой странный запахъ — приторный, ѣдкій, противный. Можно бы выбросить ихъ сейчасъ, если бы не лѣны пошевеливаться. Какія глупости! Стоить только протянуть руку...

Что это? Онъ не можетъ сдѣлать движенія. Всѣ члены точно налились свинцомъ, въ ушахъ шумитъ, колеблющійся туманъ, застилаетъ глаза. Отяжелѣвшая голова склоняется на грудь. Цѣлый рой видѣній обступаетъ его со всѣхъ сторонъ: точно во снѣ, онъ видитъ мелькающіе образы, какія-то странныя лица киваютъ ему, наклоняются близко, заглядываютъ въ глаза, смѣются и исчезаютъ среди проплывающихъ облаковъ и дрожащихъ свѣтовыхъ пятенъ всѣхъ цвѣтовъ радуги. Цѣлая симфонія таинственныхъ звуковъ оглушаетъ его: какъ будто надъ хоромъ кузнечиковъ выдѣляются мелодическіе звуки цитры, гнѣие, доносящееся издалека, мимолетный лукавый смѣхъ, сквозь который глухо прорываются его стоны. Онъ не понимаетъ, что съ нимъ. Отчаяннымъ усиленіемъ воли, уже засыпая, онъ заставляетъ себя поднять голову, и среди роя призраковъ видитъ въ туманѣ заглядывающее въ оконце автомобиля лицо и глаза, сверкающіе, какъ угли.

Онъ узнаетъ эти глаза. Помогите! Спасите!

Ни звука не вылетаетъ изъ его груди. Ужасъ гаснетъ въ ней такъ же мгновенно, какъ зародился, уступая мѣсто тупому мертвому безразличію. И, обращаясь въ тяжелую неподвижную массу, скванную сномъ, онъ не слышитъ, какъ открывается дверца остановившагося автомобиля.

IX.

Рита послѣшно поправила передъ зеркаломъ сміяую прическу.—она лежала на диванѣ съ папиросой,—смочила духами губы, подбородокъ и кончики пальцевъ и впорхнула въ гостиную, гдѣ лейтенантъ Токири прохаживался взадъ и впередъ, ожидая ея появленія.

— Мой дорогой! Ты хорошо выбралъ время: „мой сунругъ“, какъ ты выражаешься, уѣхалъ въ Потсдамъ, на совѣщаніе къ военному министру. Ты доволенъ, правда?

Токири улыбался, потирая руки.

— Разумѣется, хотя у меня тоже мало времени, и я не долго задержу васъ. Я пріѣхалъ къ вамъ съ маленькой просьбой: верните мнѣ браслетъ.

Рита нахмурилась и слегка покраснѣла. Она ни на минуту не подумала о томъ, что ея возлюбленный могъ узнать что-либо: она почувствовала только обиду женщины.

— Что это значить? Вы разлюбили меня, да? Я не знаю вашихъ японскихъ обычаевъ, но у насъ, на Западѣ, подарки не отнимаютъ даже при разрывѣ съ любимой женщиной. Я надѣла вамъ? Вы могли бы сказать мнѣ это прямо.

Она говорила то, что думала. Трудно было бы высказаться болѣе „прямо“ съ его стороны, но такова логика женщины: она не признаетъ посылокъ силлогизма и хочетъ имѣть дѣло только съ выводами.

— Мнѣ очень жаль, но все же я попрошу васъ сдѣлать это.

— Мійато! Ты меня больше не любишь.

Въ Черномъ морѣ.
Потопленіе большого двухмачтоваго паруснаго брига.

новымъ оскорбленіемъ. Красныя пятна выступили на ея щекахъ, она больше не могла владѣть собою.

— Если вы думаете, что я очень огорчена этимъ, милостивый государь, то сильно ошибаетесь. Какъ умный человѣкъ, вы понимаете, впрочемъ, что такой любовникъ едва ли можетъ рассчитывать на особенно прочную привязанность женщины европейской женщины, конечно. Вы возбуждали во мнѣ любопытство, теперь удовлетворенное, вотъ и все. Ваша невѣста въ Токио, быть-можетъ, покончила бы съ собою посредствомъ хакари изъ-за вашей измѣны,—я этого, къ сожалѣнію, не сдѣлаю.

Токири всталъ. Его глаза были опущены, онъ казался спокойнымъ. Легкое дрожаніе сокращающихся мускуловъ, почти незамѣтное — ничего больше. Онъ даже не возвысилъ голоса.

Я только хотѣлъ предупредить васъ, сударыня: этотъ талисманъ охраняетъ тѣхъ, кому данъ съ любовью, но измѣнниковъ онъ убиваетъ.

— Тѣмъ лучше. Вы измѣнили мнѣ, а я не хочу, чтобы талисманъ убилъ васъ — подумайте, вѣдь тогда ваша невѣста должна будетъ вскрыть себѣ животъ.

Она пошла къ дверямъ, давая понять, что разговоръ конченъ. Японецъ не двигался. Обернувшись въ дверяхъ, Рита бросила ему на прощанье:

— Неужели ты настолько глупъ и не понимаешь, что подаренныхъ драгоценностей не отнимаютъ...

Въ два прыжка Токири очутился подлѣ нея. Внезапно замолчавъ, она откинулась назадъ въ ужасъ: на нее въ упоръ смотрѣли страшные сверкающіе глаза,—

— Возможно.

Она вспыхнула, какъ пламя, но едержалась. Наступило короткое молчаніе. Токири, спокойный и равнородный, пристально смотрѣлъ въ глаза молодой женщины, расширившейся и потемнѣвшей отъ гнѣва, и, повидимому находясь нужнымъ давать какія либо дальнѣйшія объясненія. Это пренебрежительное молчаніе показало ей

тѣ самые, которые видѣлъ ее мужъ, засыпая. Закрывъ лицо руками, она испустила раздрающій крикъ ужаса и отчаянія. Но было уже поздно.

X.

Ферловъ очнулся въ полицейскомъ бюро. Его едва привели въ чувство. Онъ не могъ дать никакихъ объясненій по поводу того, какимъ образомъ его автомобиль, безъ шофера, былъ найденъ стоящимъ у одного изъ уединенныхъ домовъ предместья. Онъ ничего не помнилъ, ничего не чувствовалъ, кромѣ тошноты и невыносимой головной боли. Его первыми словами было: „отравленные цвѣты въ автомобилѣ“. Полицейскій инспекторъ и его помощникъ переглянулись, пожавъ плечами: при подробномъ осмотрѣ всего, что было внутри автомобиля, никакихъ цвѣтовъ найдено не было. Инстинктивнымъ движеніемъ Ферловъ коснулся бокового кармана, гдѣ лежалъ его бумажникъ — и вдругъ вскопчилъ, точно пронизанный электрическимъ токомъ, съ лицомъ, искаженнымъ яростью.

Онъ вспомнилъ теперь и понялъ все.

— Украли! У меня украли мои бумаги. Проклятый японецъ, это дѣло его рукъ!

Полицейскій инспекторъ заговорилъ торжественно, официальнымъ тономъ:

— Ваша фамилія, милостивый государь?

— Чортъ побери! Моя фамилія—Ферловъ, Генрихъ Ферловъ, членъ военнаго совѣта, инженеръ. Достаточно для васъ этого? Скажите мнѣ лучше, гдѣ мои бумаги!

Отойдя въ сторону, инспекторъ переговорилъ о чемъ-то со своимъ помощникомъ и докторомъ. Лица ихъ были серьезны и озабочены. Инспекторъ вернулся къ инженеру, продолжавшему изступленно браниться.

— Милостивый государь, къ сожалѣнію, я долженъ сообщить вамъ нѣчто, еще болѣе неприятое, чѣмъ пропажа бумагъ, которыя несомнѣнно найдутся, благодаря вашимъ указаніямъ. Вы живете на Фридрихштрассе, № 115 А, въ бельэтажѣ?

— Ну да, конечно... Тысяча дьяволовъ! Какое это можетъ имѣть значеніе?

— Очень печальное, господинъ Ферловъ. Ваша супруга найдена два часа тому назадъ мертвой въ своей квартирѣ, со слѣдами удушенія. Преступникъ успѣлъ скрыться незамѣченнымъ, къ розыску его приняты самыя энергичныя мѣры.

Въ Черномъ морѣ. На миноносцѣ у орудія.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЫ“.

Въ виду запросовъ гг. подписчиковъ о времени разсылки бесплатнаго приложенія къ „Нивѣ“ 1916 года—двухъ новыхъ картъ военныхъ дѣйствій: 1. Западно-европейскаго фронта и 2. Западнаго—русскаго фронта, считаемъ необходимымъ заявить, что нами приложены всѣ усилія къ ускоренію ихъ печатанія. Но затрудненія при приобрѣтеніи потребнаго для этихъ картъ большого количества бумаги и необходимость исключительно тщательнаго печатанія значительнымъ числомъ красокъ огромнаго количества экземпляровъ задержали разсылку этихъ картъ, предполагавшуюся нами въ январѣ.

Въ настоящее время всѣ эти затрудненія устранены, и печатающіяся нынѣ безъ задержки карты будутъ разосланы: первая не позже конца февраля, а вторая не позже первыхъ чиселъ апрѣля сего года.

Считаемъ нужнымъ довести до свѣдѣнія гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы“, выписавшихъ также и первую серію сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка, приложенъ при „Нивѣ“ 1915 г., что все количество перваго изданія сочиненій этого автора уже разошлось, и мы вскорѣ приступимъ къ новому ихъ печатанію. И здѣсь намъ приходится считаться съ препятствіями, возникшими изъ-за переживаемаго бумажнаго кризиса, въ виду которыхъ печатаніе первыхъ 18 книгъ соч. Д. Н. Мамина-Сибиряка пойдетъ замедленнымъ темпомъ.

О времени выхода этихъ сочиненій въ свѣтъ будетъ нами объявлено.

Да, преступникъ успѣлъ скрыться. На палубѣ норвежскаго парохода, направляющагося въ Раумо, лейтенантъ Токири Мійято стоитъ, задумчиво глядя на исчезающій въ туманѣ малкъ Гамбурга. Онъ сдѣлалъ свое дѣло и возвращается домой, къ невѣстѣ, которая пойметъ его, потому что она мудра, какъ всякая японская дѣвушка, и проститъ, потому что любитъ. Въ карманѣ лейтенанта покоится желанный бумажникъ съ планами, и на рукѣ его блеститъ браслетъ О-Никки-Санъ, снова занявшій свое мѣсто, — талисманъ, одаренный таинственной силой, оберегающій тѣхъ, кому данъ съ любовью, безъ лжи и коварства, и безопасно карающій измѣнниковъ.

И Токири Мійято задумчиво смотритъ на этотъ драгоценный талисманъ, съ которымъ уже не разстанется никогда.

Дневникъ

Военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Опасенія англичанъ.

Въ то время, когда стало уже вполне ясно, что англійскій флотъ достигъ необходимаго превосходства на морѣ, и что въ связи съ этимъ обезпечены находящіеся въ различныхъ частяхъ свѣта владѣнія Великобританіи, — совершенно неожиданно англійскому правительству въ палатѣ общинъ былъ заданъ вопросъ: „Можетъ ли адмиралтейство гарантировать, что англійскій флотъ считается съ возможнымъ усиленіемъ германскаго флота, какъ численностью судовъ, такъ и качествомъ орудій, за время его бездѣйствія?“ Такимъ образомъ у англичанъ возникъ вопросъ о томъ, не усиливается ли Германія втихомолку свой флотъ настолько, что это можетъ угрожать господству англичанъ на моряхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неприкосновенности многообразныхъ и многочисленныхъ владѣній Англій.

Дѣйствительно, обѣ стороны въ теченіе войны ни на минуту не прекращаютъ своей судостроительной дѣятельности, почему такой вопросъ, не можетъ ли догнать Германія Англійю въ теченіе настоящей войны числомъ судовъ, вообще допустимъ. Такая перспектива могла бы грозить всему существованію англійской монархіи, и, сколь ни мало вѣроятно подобное усиленіе гер-

Городъ Гродна. Старинная церковь Каложа, поставленная въ X вѣкѣ. Этюдъ В. Рокачевой.

манскаго флота, тѣмъ не менѣе важность вопроса требуетъ особенно внимательнаго къ нему отношенія.

Нельзя забывать, что нѣмцы за послѣднія десятилѣтія развили крайне энергичную судостроительную дѣятельность, и что незадолго до войны англичане не могли уже осуществлять то правило, которому они слѣдовали, а именно быть сильнѣе двухъ морскихъ державъ, самыхъ сильныхъ на морѣ послѣ нихъ.

Поэтому тревога англійскаго общества была не совершенно безпричинна, и опасенія, что нѣмцы могутъ построить за время войны много судовъ и добиться превосходства на морѣ, о которомъ они такъ мечтаютъ, не могли не возникнуть у англичанъ.

Кромѣ того, англичанъ, какъ видно изъ вопроса, заданнаго правительству въ палатѣ общинъ, беспокоила также возможность появленія у нѣмцевъ на судахъ болѣе мощныхъ орудій, чѣмъ у англичанъ. Нѣмцы, выстроившіе 42-сантиметровую мортиру, представляются почему-то весьма замѣчательными творцами въ области техники, хотя большіе калибры, какъ 42-сантиметровые, абсолютно не доказываютъ техническихъ способностей нѣмцевъ. Такія, напримѣръ, 42-сантиметровыя мортиры были еще въ 90-хъ годахъ у итальянцевъ, а въ другихъ странахъ были 14-дюймовыя пушки, т.-е. 355-миллиметровыя, но эти пушки были много хуже современныхъ орудій меньшаго калибра, напримѣръ, 10-дюймовыхъ.

Вообще разрушительность пушки далеко не зависитъ отъ калибра, ибо калибръ обозначаетъ только толщину снаряда, между тѣмъ какъ сила удара зависитъ отъ массы, помноженной на скорость. Масса же можетъ увеличиваться, если снарядъ будетъ длиннѣе, а если при этомъ увеличить скорость, то сила удара возрастетъ на очень много. Этимъ и объясняется, что орудія меньшаго калибра, т.-е. снаряды менѣе толстые, но зато болѣе длинные и съ болѣе высокой скоростью полета, ударяютъ сильнѣе. Наконецъ, если снабдить такой снарядъ сильнымъ взрывчатымъ веществомъ, то это еще болѣе увеличитъ разрушительность снаряда, хотя и меньшаго калибра.

Однако эти общія соображенія мало известны широкимъ кругамъ публики, почему считается, что, чѣмъ больше калибръ орудія, тѣмъ оно лучше, и, въ связи съ этимъ, многіе склонны думать, что нѣмцы имѣютъ самую лучшую орудія.

Такимъ образомъ, опасенія англичанъ, беспокоившихся за свое господство на морѣ и за связанную съ этимъ неприкосновен-

Городъ Гродна. Старинная церковь Каложа. Внутренній видъ. Этюдъ В. Рокачевой.

пость своих владѣній въ различныхъ частяхъ свѣта, сводились къ двумъ предположеніямъ: во-первыхъ, не строить ли нѣмцы такое большое число судовъ, что во время войны могутъ догнать англичанъ, а во-вторыхъ, не строить ли они такія большія пушки, которыя будутъ лучше англійскихъ, и которыя будутъ топить англійскіе дредноуты, что тоже можетъ повлечь потерю англичанами превосходства на морѣ.

На этотъ тревожный вопросъ Бальфуръ отвѣтилъ, что англійскіе заводы дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, и что болѣе увеличить масштабъ работъ нельзя. Что же касается работъ нѣмцевъ, то, какъ заявляетъ Бальфуръ, всякаго рода предположенія о томъ, что нѣмцы строятъ много большихъ судовъ, относятся лишь къ области догадокъ. Такой обычно неясный отвѣтъ, какой обыкновенно даютъ представители правительства въ палатахъ на щекотливые запросы, не содержитъ въ себѣ ни отрицанія ни утвержденія, почему оставляетъ широкое поле для всякихъ предположеній. Однако сами нѣмцы, въ лицѣ своего извѣстнаго морского обозрѣвателя капитана Персіуса, недавно весьма откровенно признались, что морское могущество Англии „теперь уже несомнѣнный фактъ“, при чемъ доказали это цифрами.

Англійскій флотъ въ началѣ войны насчитывалъ 59 линейныхъ кораблей, 43 броненосныхъ крейсера, 58 легкихъ крейсеровъ, 286 миноносцевъ и 77 подводныхъ лодокъ. Въ то же время у англичанъ находились въ постройкѣ 16 новыхъ линейныхъ кораблей, 21 легкій крейсеръ и 28 подводныхъ лодокъ. При этомъ англичане, хотя и понесли потери въ судахъ въ теченіе войны.

Старинная крѣпость въ Луцкѣ (Волинской губ.).

Мыза близъ озера Свентень. Единственная церковь, сохранившаяся въ цѣлости подѣ градомъ непріятельскихъ снарядовъ.

но потеряли исключительно старыя суда, непригодныя для морского боя между флотами. Изъ дредноутовъ же и крейсеровъ-дредноутовъ англичане не потеряли ни одного, что очень важно, такъ какъ основная сила флота опредѣляется лишь дредноутами. Какъ извѣстно, современные дредноуты представляютъ собою такое могущественное военное судно, что могутъ огнемъ своихъ орудій разбить прежніе броненосцы, какъ фарфоровыя чашки, при чемъ сами остаются почти неуязвимыми, благодаря своей сильной бронѣ.

Если число этихъ основныхъ единицъ — дредноутовъ и крейсеровъ-дредноутовъ — у англичанъ не уменьшилось, а лишь увеличилось на чисто 16 строящихся дредноутовъ, которые, вѣроятно, уже частью закончены, а частью заканчиваются, то у нѣмцевъ положеніе много

хуже. Они потеряли 3 дредноута, изъ которыхъ крейсеръ-дредноутъ „Блюхеръ“ потонулъ, „Мольтке“ былъ подорванъ въ Балтійскомъ морѣ англійской подводной лодкой, а „Фонъ-деръ-Тамъ“ столкнулся съ другимъ германскимъ судномъ и пришелъ въ негодность. Взаимъ этихъ трехъ потерянныхъ крейсеровъ, изъ которыхъ два, пожалуй, могутъ быть еще исправлены, но въ значительной степени теряютъ свои боевыя свойства, нѣмцы строили въ началѣ войны пять.

Такимъ образомъ, у нѣмцевъ флотъ въ время войны могъ вырасти на 4 дредноута, тогда какъ у англичанъ на 16 линейныхъ кораблей. Къ этому надо прибавить, что еще въ началѣ войны англичане превосходили нѣмцевъ числомъ дредноутовъ безъ малаго вдвое. Все это не даетъ достаточныхъ оснований предполагать, чтобы нѣмцы могли догнать англичанъ въ числѣ основныхъ единицъ флота — дредноутовъ.

Мы не разбираемъ соотношенія про чихъ судовъ — недредноутныхъ крейсеровъ старыхъ броненосцевъ и др. — такъ какъ эти суда значенія въ морскомъ бою, гдѣ рѣшается вопросъ о господствѣ на морѣ, не имѣютъ. Впрочемъ, можно упомянуть, что потери нѣмцевъ и въ этихъ судахъ

Разрушенія желѣзнодорожнаго пути близъ Вильны.

очень велики, и, например, с начала войны немцы потеряли одних легких крейсеров 18.

В связи с этим возникает еще другой вопрос, а именно, не заложили ли немцы с начала войны, кроме строившихся тогда судов, еще ряд новых судов, и не могут ли они, благодаря именно такой мере, догнать англичан. Для выяснения коснемся судостроительных средств Англии и Германии. В одном из номеров „Русского Инвалида“ за 1915 год г. В. Э. отмечает, что у англичан имеются две казенные судостроительные верфи, в Портсмуте и Девенпорте, для постройки dread-ноутов, а остальные заводы преимущественно частные.

Эти заводы имеют в общем 156 эллингов и из них 25 для постройки dread-ноутов. Главнейшие из этих заводов — Армстронга на 19 эллингов, из них 7 для постройки dread-ноутов, Вickers на 24 эллинга, из них 3 для постройки dread-ноутов. Джона Брауна на 2 эллинга для постройки dread-ноутов, Видмара и Ко на 3 эллинга для постройки dread-ноутов, Гарьянда на 2 эллинга для постройки dread-ноутов и др.

На всех этих заводах имеется 200.000 рабочих.

У немцев имеется казенная верфь в Вильгельмсафене, с 2 эллингами, из которых 1 для dread-ноутов, затем в Киле, где 1 эллинг для dread-ноутов, и в Данциге, где строятся малые суда. Частных же заводов имеется 7.

Всего Германия имеет в своем распоряжении 74 эллинга, тогда как Англия 156. Из них у немцев 15 эллингов для постройки dread-ноутов, а у англичан — 25. Рабочих у немцев на этих заводах 72.000, а у англичан — 200.000.

Из этого можно видеть, что судостроительными средствами англичане превосходят немцев. Если бы немцы действительно начали в первые дни войны строить большое число судов, то англичане бы их давно догнали и перегнали, так как Бальфур заявляет, что средства английских судостроительных заводов напряжены до максимума, а при таком напряжении англичане всегда будут впереди немцев.

Что же касается другого вопроса — об орудиях, то до настоящего времени наибольшим калибром на судах флота считался 15-дюймовый. Орудия калибром в 15 дюймов имели снаряд весом около 45 пудов. Такого рода орудия, как известно, установлены на новейших английских dread-ноутах и предполагались также к установке и на немецких новых dread-ноутах типа „Эрзац“.

В настоящее время в официальной печати были сведения о том, что немцы на заводе Круппа выдвигают морские орудия еще большего калибра, а именно 16-дюймовые, где снаряд весит около 56 пудов. Этими орудиями немцы могут в лучшем случае вооружить лишь новые суда, но старых перевооружить не могут. Если бы они захотели перевооружить старые суда и вместо 12-дюймовых пушек поставить 15-дюймовые, то им пришлось бы вместо прежних 10 пушек на каждом корабле ставить лишь по 4 новые пушки. Кроме этого, такое перевооружение связано с переустройством

Член Государственного Совета гофмейстер Борис Владимирович Шюрмер, Высочайше назначенный председателем Совета Министров. По фот. Штейнберга.

Сенатор Власий Тимофеевич Судейкин, назначенный начальником Главного Управления по делам печати. По фот. Штейнберга.

весьма сложных орудийных башен, и потому маловыгодно.

Все эти данные позволяют с большой положительностью ответить на вопрос, имеющий значение не только для англичан, но и для всех союзников, а именно на вопрос — не могут ли немцы догнать числом кораблей и качеством орудий англичан — отрицательно: ни числом судов ни качеством орудий немцы догнать англичан не могут, ибо судостроительные средства англичан богаче, а в орудийной технике немцы, хотя и выстроили 16-дюймовые мортиры, несколько не стоят выше союзников. 16-дюймовую мортиру может выстроить завод любой страны, ибо мортира эта стреляет всего только на 14 верст, тогда как новейшие орудия меньшего калибра, например, 14-дюймовые, стреляют на 20 верст.

Высочайший рескрипт,

данный на имя статс-секретаря Его Императорского Величества д. т. с. И. Л. Горемыкина.

Иванъ Логгиновичъ.

Еще в бытность вашу министром внутренних дел Я близко узнал и оценил вашу обширную опытность в области правительственной деятельности и в особенности крестьянского землеустройства, а равно неизменное стремление ваше ко благу страны. Вследствие этого в 1906 году, предъ открытием действий Государственной Думы, и вторично в 1914 году вы были мною призваны стать во главе высшего управления Империей, в качестве председателя Совета Министров. При исполнении соединенных с означенной должностью важных и ответственных обязанностей, вы не щадили сил, чтобы оправдать мое доверие своим самоотверженными и исполненными любви к Отечеству трудами.

Нынче ослабление здоровья от продолжительных многосложных занятий вынуждает вас ходатайствовать об увольнении от должности председателя Совета Министров.

С грустью разставаясь в лице вашем с одним из испытаннейших, всецело преданных долгу Моих сотрудников, Я, в изъявление Моей сердечной признательности за оказанные заслуги, пожаловал вас в действительные тайные советники первого класса.

Пребываю к вам навсегда благожелательный.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«Искренно благодарный и уважающий вас»

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ. 20-го января 1916 г.

Именной Высочайший указъ

Правительствующему Сенату.

Члену Государственного Совета, Двора Нашего гофмейстеру Шюрмеру — Всемилостивейше повелеваем быть председателем Совета Министров, с оставлением членом Государственного Совета и гофмейстером.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ. 20-го января 1916 г.

Содержание.

ТЕКСТЪ: Художник-провидецъ („Шестые грозы“ К. А. Ставровскаго). — „Виноградъ“. Разсказъ Владимира Волнова. — Талисманъ. Разсказъ Георгія Павлова. (Окончаніе). — Дневникъ военныхъ действий. К. Шмидта. — Высочайшій рескриптъ. — Именной Высочайшій указъ. — Заявление. — Объявленіе. — Отклики войны. Угроза съ Востока (Политическое обозрѣніе). — Хронологія войны. — РИСУНКИ: Цикль картинъ „Шестые грозы“ К. А. Ставровскаго (9 карт.). — Въ Черномъ морѣ (9 рис.). — Старинная церковь Калояна въ Гроднѣ (2 этюда В. Рокачовой). — Старинная крепость въ Луцкѣ. — Мыза близъ озера Свентенъ. — Разрушенія желѣзнодорожнаго пути близъ Вильны. — Членъ Гос. Совета герменстеръ Б. В. Шюрмеръ, Высочайше назначенный председателемъ Совета Министровъ. — Сенаторъ В. Т. Судейкинъ, назначенный начальникомъ Главнаго Управленія по деламъ печати.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 2.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИВА

1916 г.
№ 6

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 6-го февраля 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Живѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку вонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы: передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.) Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за февраль.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ

происходящихъ отъ холода,

нѣтъ ничего превосходнѣе, чѣмъ

“КРЕМЪ СИМОНЪ”

(CRÈME SIMON)

ПАРИЖЪ

J. SIMON, PARIS. — Требуите нашу настоящую марку.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парюмеровъ и аптекарей.

Марка
Утверждена.

БАСНИ КРЫЛОВА

Вокальныя спевки (10 №№) на два голоса съ анк. фп. для дѣтскаго исполненія въ школѣ и дома. Муз. С. Гилева. Цѣна 75 к. НАТАЛОГИ „Святская хоровая музыка“ и „Дѣтская Музыка“ выкупаются безплатно.

Музыкальное Издательство
П. ЮРГЕНСОНА, Москва, Неглинный пр., 14.

**ПРИ
НЕВРАСТЕНІИ**

слабости и для
УКРѢПЛЕНІЯ
нервной системы
рекомендуется
**БИОЛЬ Т-ва
Ласлей.** Про-
дается во всѣхъ
аптекахъ и апте-
карскихъ магаз.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование.
Заочное обученіе. Безплатныя
премія. Каллиграфія, стеногра-
фія, правописаніе и проч. **АТ-
ТЕСТАТЬ.** Льготныя условія
подписки и **БЕЗПЛАТНО.**
пробная лекція „Кругъ Самообра-
зованія“, Б. Ружейная, 7—55.

Употребляйте
PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

отъ ПРОСТУДЫ.

Лепешки эти продаются въ аптекахъ и апте-
карскихъ магазинахъ исключительно въ ко-
робкахъ съ красной бандеролью
снабженныхъ именемъ

VALDA

и адресомъ единственнаго ихъ

фабриканта

N. CANONNE

PARIS.

Пробная посылка по получ. 5-ти руб.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, но-
вѣйшее и наилучшее, испы-
танное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанав-
ливающе, обезболивающе,
ускоряетъ заживленіе и,
при систематическомъ лѣ-
ченіи, совершенно устраи-
ваетъ зудъ, жжение и всѣ
явленія геморроя. Имѣется
всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ча
ПЕТРОГРАДЪ

Требуйте у всех газетчиков сегодняшний номер новой газеты

НАРОДНОЕ СЛОВО

Цена 2 коп.

Годовая подписная цена с перес. без приложений 5 р., с прилож. 12-ти стѣнных картъ фронтовъ войны, из которыхъ будутъ отпечены передвиженія лини боевъ на основаніи официальныхъ сообщеній—6 руб.

Главная контора и редакция: Москва, Тверская, д. № 19.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
1916 начинающимъ
Постоянный крупный заработокъ. Цена руководства съ перес. н.лож. плат. 95 к.
Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.
Кто жаждетъ безъ затратъ капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особыхъ знаний и специальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цена съ перес. 2 руб. 75 коп.
МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18 2.

ДЛЯ СЛАБЫХЪ, МАЛОКРОВНЫХЪ, НЕРВНЫХЪ
ГЕМАТОГЕНЪ д-ра ГОММЕЛЯ
РУССКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
испытанное укрѣпляющее средство.
Имѣется вездѣ.
Заводъ Гематогена д-ра Гоммеля, Петроградъ, Смоленская ул., соб. д.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТЪ
АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА
„ВИКТОРІЯ“
стоитъ 175 руб.
ВЯЖЕТЪ ВО одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одилъ чулокъ, ежедневно 24 пары.
Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.
ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.
Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
Предварительныхъ знаний не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Требуется нашъ бесплатный проспектъ.
Товарищество вязальныхъ машинъ
Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11.
Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall st.

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будете, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цена н.л. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2.

ИСКУССТВА ДОМА: имѣются всѣ принадлежности для вышиванія, вышиванія, рисованія металл-пластикъ, работъ гвоздями, ГАЛЛІЯ, терракоты. Въ большомъ выборѣ: рисунки, кисти, краски и холсты для гобелена.
В. КРУЗЕ, бывш. А. Скромн., ПЕТРОГРАДЪ, Морская, 23.
Прейс-журналъ высыл. за 2 семикопееч. марки.

М-ВО ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛ. ТЕХНИКУМЪ
Московского общества распространения общеобразовательныхъ и коммерческо-техническихъ знаний (М. О. Р. О. З.). Открытіе 26-го янв. 1916 г. **Примѣмъ взрослыхъ лицъ обоего пола съ любой подготовкой** на архитектурное, инженерное и др. отдѣленія. Плата 60 и 80 руб. за полугодіе. Условія приема выслаются бесплатно. Москва, Баланчевская, 2-6. Телеф. 3-80-60 и 3-18-81.

ПАТЕНТЫ
(привилегіи)
НА ИЗОБРѢТЕНІЯ.
Утвержд. фабр. марокъ и моделей.
ИНЖЕНЕРЪ
Д. М. ЛЕВЕНШТЕЙНЪ,
Петрогр., Невскій, 65. Тел. 48-94. Сущ. 1901.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ РИСОВАНІЮ
по изданію „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присылаемые работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладного искусства.
Вышелъ изъ печати 7-й томъ.
СОДЕРЖАНІЕ: Акварель—А. Г. Левицкаго. Рисованіе частей человѣческаго тѣла—Г. А. Новиковъ. Живопись масляными красками—А. В. Макаевскій. Линейная перспектива—Т. И. Катуркинъ. Чертежи по исторіи живописи—Б. Ф. Шлецеръ. ИЛЛЮСТРАЦИИ: 81 черныхъ рис., 8 многокрасочн. рис., Медцотинто-гравюра.
Изданіе „Искусство для Всѣхъ“ является драматичкой искусства и охватываетъ полный курсъ знаний, необходимыхъ всякому человѣку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ. Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы; для гг. художниковъ и учителей рисованія, наконецъ для родителей, занимающихся съ дѣтьми, является незаменимымъ пособіемъ.
Краткій проспектъ бесплатно. | Подробн. просп. „Искусство“ : а 15 к.
Т-во „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевск., 44-62.

старческая дряхлость,
артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.
Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому сподруетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.
Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.
Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ, ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.
Летающая лодка. Новѣйшимъ изобрѣтеніемъ въ области моторнаго судостроенія является моторная лодка, дѣлающая отъ 90 до 120-ти километровъ въ часъ и снабженная крыльями, забирающими воду подобно тому, какъ крылья аэроплана забираютъ воздухъ. Лодка эта, подвергавшаяся испытанію въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣетъ 20 футовъ длины и 12 ширины, крылья же, расположенныя по обѣ стороны кузова, имѣютъ 3 фута ширины. Лодка снабжена двигателемъ въ 250 силъ, имѣющимъ ту особенность, что руль находится на носовомъ концѣ, хотя рулевой сидитъ на кормѣ. Благодаря этой особенности, лодкой можно управлять при любой скорости движенія.
При скорости менѣе 22-хъ километровъ въ часъ корма лодки глубоко сидятъ въ водѣ, а носъ воздымается приблизительно на 20 градусовъ. Далѣе, до 45-ти километровъ въ часъ, носъ лодки медленно опускается по мѣрѣ увеличенія скорости. Выше этой скорости лодка выравнивается и гладко скользитъ по поверхности.

Культъ тевтонской орды XX вѣка. Рисунокъ М. Кудрявцева.

Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату.

На основании статьи 99 Основных Государственных Законов, повелеваем заняты Государственной Думой возобновить 9-го февраля 1916 года.

Правительствующий Сенат къ исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „НИКОЛАИ“.

Въ Царскомъ Селѣ, 25-го января 1916 года.

Скрѣпилъ: Предѣдатель совѣта министровъ Борисъ Штюрмеръ.

Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату.

На основании статьи 99 Основных Государственных Законов, повелеваем заняты Государственного Совѣта возобновить 9-го февраля 1916 года.

Правительствующий Сенат къ исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „НИКОЛАИ“.

Въ Царскомъ Селѣ, 25-го января 1916 года.

Скрѣпилъ: Предѣдатель совѣта министровъ Борисъ Штюрмеръ.

«Заговорили молчавшіе». Книга К. Чуковского «Заговорили молчавшіе» («Англичане и война»), посвященная английскимъ солдатамъ, вышла уже вторымъ изданиемъ. Интересно мнѣніе о ней самихъ англичанъ, успѣвшихъ уже познакомиться съ ней. Солиднѣйшая въ Европѣ газета «Times» посвятила книгѣ большую статью, гдѣ подробно пересказала ея содержаніе. Статья называется «Британскій солдатъ. (Русская точка зрѣнія)».

«Русскіе и англичане,—говорится въ статьѣ,—должны быть равно благодарны мистеру К. Чуковскому за его новую книгу, озаглавленную «Заговорили молчавшіе», изданную недавно Т-вомъ А. Ф. Марксъ. На какихъ-нибудь ста семидесяти страничкахъ автору удалось собрать по первоисточникамъ массу интереснаго матеріала о поступкахъ и о нравственномъ обликѣ британскаго солдата. Въ предисловіи мистеръ Чуковский говоритъ, что его скромная книжка предназначена не для верховъ русской интеллигенціи, которая и безъ того отлично знакома съ английской литературой и английской политической жизнью, а для тѣхъ широкихъ круговъ русской публики, которые, говоря откровенно, не знаютъ объ Англіи ничего и по старой привычкѣ твердятъ о «коварномъ Альбионѣ»... Будемъ надѣяться, что эти легкія и живыя странички, со множествомъ прекрасныхъ подобранныхъ картинокъ, послужатъ немалую службу дѣлу ознакомленія русскихъ солдатъ со своимъ британскимъ товарищемъ».

Продитировавъ нѣсколько главъ изъ книги К. Чуковского, англійскій рецензентъ говоритъ:

— «Хотя книжка «Заговорили молчавшіе» посвящается характеристикѣ британскаго солдата, авторъ не можетъ устоять противъ искушенія ввести въ нее, хотя бы мимоходомъ, силуэтъ «рядового Иванова» часто для того, чтобы сдѣлать интересныя сопоставленія и сравненія двухъ національныхъ типовъ—русскаго и англійскаго воина».

Англичанъ весьма заинтересовали тѣ отрывки изъ русскихъ солдатскихъ писемъ, которые приводятся въ книгѣ. Рецензентъ счелъ необходимымъ привести ихъ и въ переводѣ и въ подлинникѣ, а также ту «Анаему Вильгельму Гордому», написанную русскимъ мужикомъ, которая такъ выгодно отличается отъ нѣмецкаго «Гимна Злобы».

Рецензія заканчивается такъ:

«Спасибо мистеру Чуковскому: Доброе сѣмя упало на добрую почву — и пусть себѣ растетъ и цвѣтетъ!»

Шиллеръ и нѣмцы. Нѣмцы любятъ похвалиться «своимъ» Шиллеромъ. Одинъ бюргеръ, посѣтившій недавно домъ Шиллера, воскликнулъ съ напыщенной гордостью:

— Такъ вотъ гдѣ жилъ и творилъ нашъ великій національный поэтъ!

Случившійся неподалеку «нейтральный» датчанинъ сказалъ:

— Извините, но Шиллеръ не вашъ. Для васъ онъ написалъ очень мало...

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ ошеломленный нѣмецъ.

— Подумайте сами, — отозвался датчанинъ. — Шиллеръ написалъ «Марию Стюартъ» для англичанъ, «Орлеанскую Дѣву» для французозвъ, «Эдмонта» для голландцевъ, «Вильгельма Телля» для швейцарцевъ...

— Что же написалъ онъ для нѣмцевъ?

— А для нѣмцевъ написалъ онъ «Разбойниковъ».

Нѣмцы жаждутъ мира. Нѣмцы изнемогаютъ все болѣе подъ тяжестью своихъ трагическихъ «побѣдъ». Населеніе ронцетъ и требуетъ отъ кайзера мира. Въ Берлинѣ собираются разъяренныя толпы, которыя приходится расѣивать выстрѣлами. Тайныя прокламаціи о мирѣ распространяются въ огромномъ количествѣ. Воспроизводимъ фотографической снимокъ съ одной изъ такихъ прокламацій.

Männer! Frauen!

Wer den Frieden will, erscheine am Sonntag (Totensonntag)

mittags 12 Uhr in Berlin Unter den Linden.

Es Lebe der Friede!

Nach dem Ausspruche des Lord Locheburn in englischen Oberhause sind bis jetzt durch den Krieg ca 15 Millionen Menschen Tote und Beschädigt. Lord Curtney erklärte, das es einen Ausweg aus der Sackgasse geben müsse.

Das Volk will Frieden!

Вотъ ея дословный переводъ.

«Мужчины! Женщины! Кто желаетъ мира, соберитесь въ воскресенье,

въ День Мертвыхъ, въ полдень, въ 12 часовъ, въ Берлинѣ, «Подъ Липами». Да здравствуетъ миръ! Лордъ Лорбернъ заявилъ въ своей рѣчи въ англійской верхней палатѣ, что число убитыхъ и раненыхъ на войнѣ около 15.000.000 человекъ».

«Лордъ Керти (?) заявилъ, что есть лишь одинъ выходъ изъ тупика. Народъ жаждетъ мира».

Кошунственное высокомеріе нѣмцевъ. Извѣстный берлинскій пасторъ Филиппи сказалъ: «Подобно тому, какъ Богъ позволилъ распять Своего Сына для того, чтобы свершился великій актъ искупленія и спасенія, такъ же и Германія получила миссію распять все человѣчество для того, чтобы оздоровить человѣческую расу, которая могутъ быть спасены лишь кровью, огнемъ и мечомъ. Германцамъ выпало на долю исполнить этотъ актъ очищенія, потому что они сами чисты, и высшая сила избрала ихъ орудіемъ наказанія злыхъ и недостойныхъ людей и народовъ. Германскіе солдаты должны убивать, жечь и разрушать все, такъ какъ всякія полумѣры были бы грѣхомъ. Кайзеръ останется повелителемъ великаго царства добрыхъ людей».

На ряду съ этимъ интересно отмѣтить, до какого кошунственнаго цинизма доходить нѣмецкая печать. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», г. Дюнео, говоря о свирѣпо-воинственномъ тонѣ сваточныхъ номеровъ нѣмецкихъ журналовъ и газетъ, приводитъ примѣръ возмутительнаго кошунства:

«Передо мною сваточный номеръ «Lustige Blätter». Двѣ страницы занимаетъ рисунокъ, изображающій Тиргартенъ. Небо густо усажено звѣздами. Вдали видна колонна Побѣды, а на первомъ планѣ—колоссальный, уродливый, оцѣтливѣвшій гвоздемъ деревянный идолъ, изображающій Гинденбургъ. Въ этотъ идолъ каждый берлинецъ, какъ извѣстно, за небольшую плату вгоняетъ гвоздь. У одного изъ ботфортовъ идола стоитъ Младенецъ-Христосъ съ молоточкомъ въ одной рукѣ и съ гвоздемъ въ другой. Шляпкой гвоззда служитъ сверкающая звѣзда. Снизу—стихи, означающіе въ переводѣ: «Въ тихую сваточную ночь Младенецъ Христосъ извлекъ изъ небеснаго свода звѣзду-гвоздь, которую принесъ на землю. Воздавая по заслугамъ истинному героизму, готовому пожертвовать кровью, Младенецъ-Христосъ вколачивалъ гвоздь въ почетную броню фельдмаршала, прославившаго германское оружіе».

Вильгельмъ въ смиренной курткѣ. Одинъ изъ англійскихъ журналовъ вспоминаетъ слѣдующую исторію, напечатанную во французской газетѣ «Eclair» за 16-е августа 1891 года. «Eclair» имѣлъ репутацію хорошо осведомленнаго органа и не печаталъ сообщеній иначе, какъ по надлежащей провѣркѣ ихъ по безусловно вѣрнымъ источникамъ. Мы приводимъ этотъ характерный фактъ изъ нашего официальнаго военнаго органа «Армейскій Вѣстникъ».

«Въ ночь послѣ отплытія яхты «Гогенцоллернъ» изъ Англіи экипажъ ея былъ вызванъ на шканцы и здѣсь, къ изумленію своему, засталъ яркую иллюминацію и наскоро сооруженный алтарь, на которомъ лежали Ветхий и Новый Заветъ. У алтара стоялъ императоръ въ бѣломъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ, имѣя на головѣ черную съ бѣлымъ митру.

Императоръ прочелъ много чрезвычайно воинственныхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія.

Затѣмъ, обратясь къ матросамъ, онъ прочелъ длинную проповѣдь объ обязанностяхъ монарховъ въ отношеніи своихъ народовъ.

Вся служба длилась три часа, и въ два часа пополудни экипажъ былъ отпущенъ.

Въ пять часовъ утра императоръ появился на мостикѣ въ адмиральскомъ мундирѣ, худой и блѣдный. Приблизясь къ командиру судна, онъ промолвилъ:

— Уходите, сударь, въ свою каюту; я принимаю командованіе!

— Государь, позвольте мнѣ захѣтитъ вашему величеству, что мы проходимъ опасное мѣсто, и для безопасности какъ вашего величества, такъ и экипажа, командованіе лучше было бы оставить въ рукахъ моряка.

— Ничего, Богъ вдохновитъ меня!

Командиръ поклонился и ушелъ, но второй офицеръ, штурманскій, остался на своемъ посту. Императоръ подошелъ къ нему и съ бѣшенствомъ выкрикнулъ:

— Убирайтесь и вы въ каюту!

— Но, государь, штурманскій сохраняетъ свою отвѣтственность, кто бы ни завѣдывалъ главнымъ командованіемъ.

— Ты прекословишь, несчастный! Ты смущаешь духъ Божій, сидящій во мнѣ. Вотъ тебѣ кара Божія! — и рука императора тяжело упала на щеку офицера.

Офицеръ крѣпился и стоялъ смирно, послѣ чего императоръ, разъяренный его ослушаніемъ, схватилъ его за воротъ и пытался сбросить за бортъ. Но офицеръ сопротивлялся, въ борьбѣ императоръ упалъ и сломалъ себѣ надколѣнную чашку.

Матросы, оиѣмѣвъ отъ ужаса, созерцали необыкновенное зрѣлище.

Затѣмъ произошла сцена, не забываемая для тѣхъ, кто былъ ея свидѣтелемъ. Императоръ завылъ отъ боли, глаза его вышли изъ орбитъ, на губахъ показалась пѣна, и онъ страшно бранился, обнаруживая всѣ признаки помѣшательства.

Послѣ недолгаго совѣщанія, офицеры рѣшили перенести его въ каюту, кругомъ обитую матрацами.

Туда никого не впустили, кромѣ врача, императрицы и людей, необходимыхъ для того, чтобы держать императора, пока ему не перевязали ногу и не надѣли на него смиренную куртку.

Кризисъ длился двое сутокъ, не оставивъ слѣдovъ, кромѣ жуткаго впечатлѣнія въ душѣ свидѣтелей».

«Eclair» приводитъ этотъ случай, какъ одно изъ доказательствъ душевной ненормальности Вильгельма.

Электрической сверх-дредноутъ. Строящійся въ настоящее время для американскаго флота сверх-дредноутъ «Калифорнія» является первымъ кораблемъ мира, который будетъ приводиться въ движеніе при помощи электромоторовъ. Инженеры, строящіе этотъ гигантскій корабль въ 624 фута длиной при ширинѣ въ 97 футовъ и съ водоизмѣщеніемъ въ 32.000 тоннъ, объявляютъ, между прочимъ, что «Калифорнія» будетъ самымъ красивымъ боевымъ судномъ на свѣтѣ, такъ какъ при отсутствіи тарана форштевень корабля получитъ элегантные «яхтенныя» обводы. Вооруженіе электрическаго сверх-дредноута составляютъ двѣнадцать 14-дюймовыхъ орудій, двадцать 5-дюймовыхъ пушекъ и четыре минныхъ аппарата.

ЖИВНА

№ 6. Выходитъ ежеднѣ (52 №№ въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 6 февраля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Созывъ Государственной Думы. (Вопросы внутренней жизни). — „Винуватый“. Разсказъ Владиміра Войнова. (Окончаніе). — Развѣдчикъ. Разсказъ А. С. Грузинскаго-Лазарева. — Лауреаты Императорской Академіи Художествъ. — „Расцвѣтлась огнями околица...“ Стихотвореніе Я. Тисленко. — „Надъ иголкою проворной...“ Стихотвореніе Н. Бенардь. — Объявленія. — Отлики войны.

Р И С У Н К И: Его Величество Государь Императоръ на западномъ фронтѣ (2 фот. С. Корсакова). — Партизаны. Последній патронъ (рисунки Г. Георгіева). — Членъ Гос. Сов. тайный сов. Н. Н. Покровский, назначенный Государственнымъ Контролеромъ. — Казачій разъѣздъ. Картина И. Владимірова. — На позиціяхъ. Очередь въ лавчкѣ. — Пленные германцы, взятые въ послѣднихъ бояхъ. — Походное „офицерское собраніе“. — Походная канцелярія артиллеристовъ. — Санитарная колонна. Отправленіе за ранеными. — Красный Крестъ на походѣ. — Отрядъ Краснаго Креста на позиціяхъ во время затишья. — После отхода нѣмцевъ. — Все, что осталось отъ станціонной постройки на станціи С. — Павшіе въ бою (25 портр.). — На западномъ фронтѣ (3 рис.). — Первый отрядъ передвижныхъ фильтровъ, введенныхъ во французской арміи. — Захваченные французами въ Шампани нѣмецкіе снаряды, начиненные душлярыми газами. — Различные типы французскихъ воздушныхъ бомбъ. — Кавказскій фронтъ (3 рис.). — Лауреаты Императорской Академіи Художествъ (3 портр. и 3 снимка). — Казакъ съ трофеями. Акварель нашего военного корреспондента М. Авилсва.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за февраль 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за февраль 1916 г. съ 47 рис., отдѣльный листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 110 рис. картонажнаго дѣла.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Нѣмцы надъ Парижемъ и Англіей.

Послѣ балканской операціи на всѣхъ фронтахъ войны наступило исключительное затишье. И раньше приходилось отмѣчать періоды стратегическаго затишья, какъ въ первый годъ войны, такъ и во второй.

Однако затишье, наступившее съ началомъ новаго 1916 года, отличалось отъ прочихъ періодовъ затишья именно тѣмъ, что не происходило никакихъ, даже самыхъ незначительныхъ, операцій ни на одномъ изъ фронтовъ, въ то время, какъ въ прошломъ 1915 году мы имѣли нѣсколько короткихъ наступленій нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи, наступленіе къ Бзурѣ, наступленіе

Его Величество Государь Императоръ на западномъ фронтѣ.

По фот. С. Корсакова.

Государь Императоръ изволилъ бесѣдовать съ главнокомандующимъ арміями западнаго фронта генераломъ-отъ-инфантеріи А. Е. Эвертомъ и командиромъ корпуса генераломъ-адъютантомъ А. Н. Куропаткинымъ. (См. „Отлики войны“ № 2).

австрийцевъ на Сербію, гдѣ потерпѣла крушеніе австрийская армія Потioreка, сарыкамышскіе бои на кавказскомъ фронтѣ, дарданелльскія операціи, неудачное наступленіе турко-нѣмцевъ на Египетъ и проч.

Ныѣшняя зима единственно разнобразилась балканской операціей, не особенно крупной по масштабу и не особенно крупной по значенію. Весь остальной періодъ зимы былъ періодомъ полнѣйшаго стратегическаго затишья, и хотя зима еще не кончилась, но, очевидно, боевого оживленія нельзя ожидать ранѣе весны. Это свидѣтельствуетъ еще разъ о томъ, что въ ходѣ войны намѣчается нѣчто крупное, къ чему обѣ стороны тщательно и кропотливо накапливаютъ силы, дабы ихъ развернуть полностью въ предстоящій рѣшительный періодъ европейской

войны, когда наконец на нашемъ фронтѣ должна наступить развязка затянувшихся и утомительныхъ событий.

Какъ водится, періодъ стратегическаго затишья неминуемо разнообразился стратегически мелкими событиями, къ которымъ нужно отнести не только поиски развѣдчиковъ обѣихъ сторонъ, не только взрывы фугасовъ и отдѣльныя нападенія партизановъ, но и воздушные набѣги, въ томъ числѣ даже и два сравнительно большихъ воздушныхъ набѣга нѣмцевъ на Парижъ и на Британскіе острова, въ срединѣ января 1916 года. Мы причислили эти набѣги къ стратегически ничтожнымъ событіямъ, но никто не станетъ отрицать, конечно, моральнаго значенія такихъ разбойничьихъ набѣговъ на большіе населенные города, на столицы.

Налетъ на Парижъ еще разъ обнаружилъ, что нашъ противникъ не брезгаетъ, — за отсутствіемъ болѣе подходящихъ цѣлей и задачъ, — такими задачами, какъ созданіе паники въ населенныхъ столицахъ, крупныхъ государственныхъ центрахъ. Опытъ войны долженъ былъ подтвердить противнику всю бесполезность воздушной войны для достиженія специально военныхъ цѣлей, и, извѣрившись въ серьезномъ военномъ значеніи воздухоплавательныхъ аппаратовъ, нѣмцы занялись совершенствованіемъ своихъ цеппелиновъ и аэроплановъ специально для набѣговъ на мирные города. Въ этихъ разбойничьихъ набѣгахъ все же преслѣдовались противникомъ и цѣли, имѣвшія косвенно военное значеніе, а именно, противникъ стремился навести панику на крупные населенные пункты и подѣйствовать морально на массы населенія.

Однако, именно эти цѣли меньше всего удавались противнику, и какъ населеніе Парижа, такъ и населеніе англійскихъ городовъ, надъ которыми пронеслись цеппелины, стоически-спокойно отнеслось къ довольно многочисленнымъ жертвамъ, которыя пали отъ бомбъ, брошенныхъ нѣмецкими воздушными разбойниками.

Послѣ девятимѣсячнаго перерыва (со времени ихъ послѣдняго воздушнаго набѣга на восточное побережье Англій) нѣмцы 17-го января вечеромъ появились надъ Парижемъ. Въ половинѣ 10-го вечера былъ замѣченъ цеппелинъ, направлявшійся въ Парижъ. Тотчасъ же по распоряженію префектуры была поднята тревога, и нѣсколько минутъ спустя столица Франціи погрузилась въ полный мракъ. Въ свою очередь прожектора освѣтили небо, разыскивая цеппелинъ по всѣмъ направленіямъ. Затѣмъ французскій воздушный отрядъ изъ 30 аэроплановъ, которому поручена воздушная охрана Парижа, немедленно поднялся въ поиски за нѣмецкимъ цеппелиномъ.

Однако сильнѣйшій туманъ, окутывавшій городъ на высотѣ болѣе полуверсты, мѣшала прожекторамъ, обстрѣлу противозащитныхъ орудій и поискамъ аэроплановъ.

Кромѣ того, цеппелинъ леталъ на высотѣ около 3—4 версты, каковая высота полета является совершенно исключительной для цеппелина, и это также въ значительной степени мѣшало обстрѣлу изъ орудій.

Примѣръ этого полета еще разъ подтвердилъ, что цеппелины могутъ летать только въ исключительныхъ условіяхъ, а именно ночью, при сильномъ туманѣ, и на незначительное разстояніе. Несомнѣнно, что нѣмцы давно хотѣли полетать надъ Парижемъ, но мы знаемъ, что имъ девять мѣсяцевъ это не удавалось, благодаря тщательной организованной воздушной оборонѣ столицы Франціи. Затѣмъ, первые полгода войны показали нѣмцамъ, насколько громоздкими и хрупкими средствами борьбы являются и цеппелины, ибо, какъ извѣстно, нѣмцы за первые полгода войны потеряли въ общемъ около 20-ти цеппелиновъ. Эта потеря 20-ти дорогихъ стоящихъ воздушныхъ аппаратовъ нисколько не окупалась результатами воздуш-

ныхъ операций нѣмцевъ: за первые полгода войны, когда нѣмцы потеряли 20 цеппелиновъ, они произвели всего лишь два крупныхъ воздушныхъ набѣга. Въ началѣ января прошлаго года три цеппелина сбросили нѣсколько десятковъ бомбъ надъ англійскимъ городомъ Ярмутомъ, и 1-го апрѣля прошлаго года нѣмецкіе цеппелины сбѣлали набѣгъ на восточное побережье Англій, стремясь, повидимому, полетать надъ Лондономъ.

Оба эти раза нѣмцы летали также ночью, естественно опасаясь, что днемъ ихъ цеппелины будутъ разстрѣляны, какъ слишкомъ большія воздушныя цѣли. Число убитыхъ, а также количество поврежденныхъ въ обоихъ случаяхъ было весьма незначительно. Несмотря на то, что оба набѣга были задуманы въ сравнительно большомъ масштабѣ.

Такъ, напримѣръ, во время послѣдняго набѣга 1-го апрѣля 1916 года, одинъ изъ нѣмецкихъ цеппелиновъ позволился надъ графствомъ Нортумберландъ, около городка Блайта, близъ котораго находится большой судостроительный центръ Англій — Ньюкестль. Оттуда онъ полетѣлъ къ городку Эльвику, около котораго находится одинъ изъ крупнѣйшихъ заводовъ міра — Виккерса, на которомъ строятся суда, орудія, мины и проч.

Однако и тогда нѣмцамъ не удалось достигнуть чего-либо существеннаго, и изъ четырехъ сброшенныхъ бомбъ только одна зашла складъ угля, а другія три бомбы упали, куда попало.

Затѣмъ два остальныхъ цеппелина хотѣли, повидимому, прилетѣть въ Лондонъ, но не долетѣли до него на 50 верстъ. Брошенные, гдѣ попало, этими цеппелинами бомбы также не принесли существеннаго вреда.

Въ нынѣшнемъ году, пролетѣвъ надъ Парижемъ, нѣмецкій цеппелинъ сбросилъ рядъ бомбъ, убившихъ 24 человѣка, изъ которыхъ 9 женщинъ и двое дѣтей, и поранившихъ 22 человѣка. Одна изъ бомбъ пробила сводъ метрополитена, сбѣлавъ отверстие въ три сажени; вторая пробила насквозь трехэтажный домъ, а третья разрушила половину другого трехэтажнаго дома. Наконецъ одна изъ бомбъ не разорвалась. Бомба, пробившая сводъ метрополитена, упала на рельсы, по которымъ за двѣ минуты

Партизаны. Рисунокъ Г. Георгіева.

передъ тѣмъ успѣлъ пройти поѣздъ, переполненный пассажирами.

Изъ этого можно видѣть, что бомбы, сброшенные нѣмцами на цеппелинѣ надъ Парижемъ, отличались значительно большей разрушительной силой, чѣмъ тѣ бомбы, которыя были сброшены въ прошломъ году надъ восточнымъ побережьемъ Англiи, и все же цеппелинъ никакихъ сооружений, имѣющихъ военное назначенiе, не сумѣлъ разрушить.

Другой набѣгъ цеппелиновъ—на Англiю—былъ произведенъ шестью цеппелинами, которыми было сброшено довольно значительное число бомбъ надъ Мюдлэндомъ. Это названiе носитъ центральная часть Англiи, гдѣ находятся значительнѣйшiе промышленные центры, какъ Бирмингемъ, Шеффилдъ, Ноттингемъ и др. По англiйскимъ свѣдѣнiямъ, было убито 54 человека и ранено 67, а по германскимъ свѣдѣнiямъ были достигнуты болѣе крупные результаты, и нѣмцы заявляютъ, что въ различныхъ пунктахъ, имѣющихъ военное значенiе, были произведены взрывами бомбъ многочисленные пожары. Это только доказываетъ, что нѣмцы хотѣли произвести набѣгъ специально для разрушенiя заводскихъ сооружений, работающих на оборону Англiи, но ничего серьезнаго не достигли, что еще разъ подтверждаетъ неспособность цеппелиновъ мѣтко кидать снаряды.

Несмотря на то, что нынѣшнiя бомбы цеппелиновъ много больше и разрушительнѣе прежнихъ, главная невыгода „бомбометанiя сверху“ остается въ прежней силѣ, а именно невозможность мѣтко попасть въ цѣль, почему разрушенiе какого-нибудь сооружения, имѣющаго серьезное значенiе, возможно, лишь какъ случайное явленiе. Цеппелинамъ попрежнему приходится бросать бомбы, куда попало, и въ лучшемъ случаѣ обстрѣливать площадь.

Однако, при стрѣльбѣ по площадямъ, нужно сбросить очень большое число бомбъ, чтобы закидать всю площадь и дѣйствительно причинить ущербъ. Между тѣмъ цеппелины носятъ на себѣ не болѣе полутора-двухъ десятковъ большихъ бомбъ, почему и при стрѣльбѣ по площадямъ они не могутъ разрушить важныя военныя сооружения, за исключенiемъ отдѣльных случаевъ, когда брошенная бомба случайно упадетъ на важную цѣль.

Сброшенные бомбы имѣли вѣсъ около 190 килограммовъ, т.-е. около десяти пудовъ. Такъ какъ цеппелинъ можетъ взять съ собою около ста пудовъ такого груза, то число бомбъ можетъ быть приблизительно исчислено около десяти.

Бомбы эти, конечно, имѣютъ весьма тоненькiя стѣнки и сплошь наполнены взрывчатымъ веществомъ, такъ что въ десятипудовомъ вѣсѣ бомбы болѣе девяти съ половиной пудовъ взрывчататаго вещества. Этимъ и объясняется особенная разрушительная сила этихъ бомбъ.

Далѣе, можно отмѣтить, что при новомъ полетѣ въ Англiю нѣмцы сдѣлали въ общемъ выше 600 верстъ въ одну сторону и приблизительно столько же въ обратную сторону, т.-е. всего 1.200 верстъ.

Оцѣнивая оба набѣга нѣмцевъ на Парижъ и на Англiю, къ которымъ нѣмцы такъ усиленно готовились въ теченiе 9 мѣсяцевъ, мы видимъ, что результаты этой длительной подготовки оказались сравнительно незначительными, и какихъ-либо новыхъ техническихъ усовершенствованiй, которыя бы дѣ-

Послѣднiй патронъ. Рисунокъ Г. Георгиева.

дали цеппелинъ грознымъ орудiемъ, нѣмцы не выработали. Передъ нами все тѣ же цеппелины, могущiе летать лишь на небольшое разстоянiе и притомъ ночью, чтобы не быть разстрѣлянными пушками, и всѣ усовершенствованiя нѣмцевъ свелись лишь къ тому, что теперь эти цеппелины сбрасываютъ бомбы болѣе большой разрушительной силы.

Это подтверждаетъ, что ожидать появленiя нѣмецкихъ цеппелиновъ и ихъ дальнихъ полетовъ, какъ на нашемъ фронтѣ, такъ и на западномъ, нельзя въ настоящее время, ибо, независимо отъ того, что для цеппелиновъ нужны благоприятныя климатическiя условiя, цеппелины въ большинствѣ случаевъ, если не будетъ тумана, будутъ разстрѣляны орудiями, либо сбиты аэропланами, какъ то и доказываютъ примѣры, бывшiе на нашемъ фронтѣ, когда нѣмецкiе цеппелины каждый разъ отгонялись отъ Двинска.

Значенiя цеппелиновъ не слѣдуетъ преувеличивать. Мы знаемъ, что до сихъ поръ цеппелины летаютъ крайне рѣдко, а преимущественно летаютъ аэропланы. Это происходитъ оттого, что цеппелинамъ, какъ замѣтной цѣли, нужно держаться очень высоко надъ землей, иначе они будутъ разстрѣляны, а между тѣмъ сила вѣтра въ тѣхъ слояхъ атмосферы (1—3 версты), гдѣ приходится летать цеппелинамъ, гораздо значительнѣе, чѣмъ вблизи земли. Въ климатическихъ условiяхъ нашей зимы полеты цеппелиновъ менѣе всего вѣроятны, а дальнее разстоянiе, которое пришлось бы преодолѣть у насъ цеппелинамъ, дѣлаетъ весьма маловероятными крупныя набѣги цеппелиновъ на нашъ театръ войны.

Созывъ Государственной Думы.

(Вопросы внутренней жизни).

Высочайшимъ указомъ созывъ Гос. Думы и Гос. Совѣта назначенъ на 9-е февраля. Обнародованіе указа сразу внесло нѣкоторое успокоеніе въ широкіе общественные круги, которымъ казались ненормальными систематическія отсрочки созыва законодательныхъ учреждений, составлявшія одну изъ особенностей политики И. Л. Горемыкина. Разойдясь съ народнымъ представительствомъ въ самыхъ основахъ политической программы, престарѣлый государственный дѣятель, вся карьера котораго протекала въ рамкахъ бюрократическаго строя, повидимому, уже не вѣрилъ въ возможность единодушной работы правительства съ нынѣшней Думой и могъ оставаться во главѣ кабинета только при условіи дальнѣйшихъ отсрочекъ созыва законодательныхъ палатъ. Замѣна на высочайшемъ посту предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина Б. В. Штюрмеромъ прежде всего знаменуетъ собою перемѣну правительственной политики относительно Гос. Думы. Прочно сложившаяся репутация Б. В. Штюрмера, какъ человѣка правыхъ убѣжденій, разумѣется, не внушаетъ никакихъ надеждъ насчетъ того, что руководимое имъ правительство пойдетъ за Гос. Думой во всѣхъ ея требованіяхъ, но первый актъ обновленнаго кабинета, выразившійся въ созывѣ Гос. Думы, неопровержимо свидѣлствуетъ о томъ, что онъ все же считаетъ возможнымъ и практически осуществимымъ соглашеніе съ народнымъ представительствомъ нынѣшняго состава подъ знаменемъ патриотизма и государственности. Если въ краткую весеннюю сессію это знамя объединило почти всѣ фракціи Гос. Думы и Гос. Совѣта, то тѣмъ естественнѣе ожидать, что подъ нимъ объединятся съ руководителями правительственной власти всѣ представители русскаго общества. Поскольку компромиссъ, достигаемый путемъ взаимныхъ уступокъ, составляетъ душу всего парламентарнаго механизма, основу всего внутреннего быта европейскихъ парламентовъ, постольку компромиссъ допустимъ, законенъ и даже обязателенъ и во взаимныхъ отношеніяхъ между народнымъ представительствомъ и правительствомъ, особенно въ исключительно тяжелое время борьбы за національную независимость и свободу. Соглашеніе безъ всякой тѣни отреченія отъ своихъ святынь и принциповъ тѣмъ возможнѣе, что 9-го февраля правительство и

Членъ Государственнаго Совѣта тайный совѣтникъ Н. Н. Покровскій, назначенный Государственнымъ Контролеромъ.
По фот. Штейнберга.

народное представительство встрѣтятся совершенно при другой обстановкѣ, чѣмъ та, при которой они разстались прошлымъ лѣтомъ: тогда Гос. Дума собралась подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ тяжкаго отступленія лишенной снарядовъ нашей арміи, теперь она видитъ, что правительство сумѣло болѣе или менѣе удовлетворительно подготовить народную оборону и остановить дальнѣйшій натискъ врага.

Положеніе правительства, да и настроеніе Думы уже не то, что было прошлой весной. Хотя далеко не всѣ неотложныя требованія жизни удовлетворены, Дума все же вынуждена будетъ считаться съ жизнеспособностью и дѣеспособностью властью и признаетъ своимъ безусловнымъ и непререкаемымъ гражданскимъ долгомъ поддержку власти, дѣятельно работающей на защиту Россіи отъ германскаго нашествія. Если думская критика правительственныхъ дѣйствій будетъ исходить изъ патристическихъ требованій возможно болѣе широкаго развитія всѣхъ средствъ и ресурсовъ національно-государственной обороны, а не изъ какихъ-нибудь узкопартийныхъ вождедѣній, она найдетъ громкій откликъ въ обществѣ, получитъ силу непреодолимаго внушенія и принесетъ огромную пользу и самому правительству и странѣ. Самый вѣрный другъ власти тотъ, кто напоминаетъ ей о ея долгѣ передъ народомъ, а самый опасный врагъ ея льстець, потворствующій ея гибельнымъ ошибкамъ.

Дѣятельному правительству, стоящему на уровнѣ великихъ затрудненій времени, нечего бояться общественной критики, вдохновленной патристическими идеалами и требованіями. Всякая борьба съ патристической критикой возможна только подъ условіемъ отреченія правительства отъ его національно-историческихъ задачъ и потому приводила бы только къ нравственному самоумерщвленію власти. Новыя назначенія вводятъ нашъ государственный корабль въ новое болѣе широкое и не столь богатое подводными камнями русло. Въ бесѣдѣ съ журналистами новый государственный кормчій заявилъ, что первымъ пунктомъ его программы будетъ непримиримая борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. На этомъ пути власть найдетъ опору въ общественной совѣсти. Самой роковой ошибкой правительства было бы недостаточно дѣятельное веденіе борьбы съ нѣмцами на всемъ полѣ военной, дипломатической и гражданской жизни.

Казачій разъѣздъ. Картина И. Владимірова.

„Виноватый“.

Рассказ Владимира Воинова.

(Скоччаніе).

VIII.

На исходѣ недѣли атаки усилились. Было ясно, что немцы задумали продолжать свой долбежъ въ одно мѣсто.

Нашу роту немного усилили изъ резерва и поднесли новый запас патроновъ.

Среди дня телефонъ сообщилъ, что на нашемъ участкѣ замѣтны скопленія значительныхъ массъ. Предстояло серьезное дѣло. Вольноопредѣляющійся изъ только-что прибывшихъ сообщилъ, что, въ связи съ развитіемъ дѣла на крайнемъ флангѣ, въ нашей арміи намѣчена перегруппировка: главная масса отойдетъ за рѣку, а мы и наши сосѣди справа и слева должны будемъ прикрыть переправу, принявъ на себя весь ударъ немецкой фаланги.

Задача исключительной важности. Вольноопредѣляющійся говорилъ объ этомъ, смѣясь, словно рѣчь шла о чемъ-то веселомъ.

А мы его слушали молча и думали о близкой своей судьбѣ.

Можетъ-быть, завтрашній день одного изъ насъ вычеркнетъ свинцовымъ карандашомъ. Меня, или Неввицкаго. А можетъ-быть, и сразу обоихъ. О капитанѣ въ эти минуты почему-то не думалось.

Онъ бродилъ по окопу, отдавая послѣднія наставленія, и молодые солдаты, только-что влитые въ составъ нашей роты, съ какимъ-то испугомъ поглядывали на его деревянную ногу.

Очевидно, кавказцы успѣли уже кое-что шенуть новичкамъ.

— Ну вотъ, Иванъ Владиміровичъ, Владиміръ Васильевичъ!

На позиціяхъ. Очередь въ лавочку. Последній пунктъ. Головной отрядъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Теодоровны, въ 5-ти верстахъ отъ нашихъ окоповъ.

Кажется, и дождался мы настоящей работы! — улыбнулся онъ намъ, открывая свой портсигаръ. — Смотрите, какъ зачертилъ! Ахъ, чтобъ его!

Капитанъ закурилъ и ткнулъ пальцемъ въ небо, гдѣ въ падающей тѣмѣ одна за другой таяли сигнальныя ракеты.

Начинался обстрѣлъ. Густой. На короткомъ плечѣ. Прямо въ лобъ.

Плѣнные германцы, взятые въ послѣднихъ бояхъ, при отправкѣ съ позицій въ глубь Россіи.

Походное „офицерское собрание“.

— Пойдемте, попьемте чайку: предложить капитану. А то пелье не даст.

Мы укрылись въ землянку и принялись кипятить чайникъ.

Капитанъ попросилъ прапорщика позвать вольноопредѣляющагося. Наверху шла работа. Это тяжелая нѣмецкая батарея обрабатывала нашъ участокъ передъ атакой.

Несвицкій и прапорщ. хлебнувъ насѣхъ по кружкѣ, ушли наблюдать.

Остались у чайника я, капитанъ и вольноопредѣляющійся зеленый юнецъ, безпокойная и живая натура котораго спузила его съ университетской скамьи и бросила въ самое некло.

— Меня зовутъ Николай Константиновичъ!—докладывать ему капитанъ. А вась?

— Казиміръ Ромуальдовичъ.

— Курите, Казиміръ Ромуальдовичъ. — угощать Заплетухинъ, вольноопредѣляющагося.—У меня дома Рустикъ остался. Собачка. Славный шельмецъ. Бывало, утромъ лежишь, а онъ придетъ и лизнетъ тебя прямо въ лицо. Сгѣшной, ей-Богу!

Капитанъ замолчалъ и виноватыми глазами поглядѣлъ на насъ съ вольноопредѣляющимся.

Новый нашъ гость съ удовольствіемъ глоталъ горячую воду, а я глядѣлъ въ костерокъ, гдѣ еще тѣли подъ тепломъ горячіе угольки, и мнѣ было грустно.

Какъ-то сразу воображеніе мое отгородило небольшой уголокъ дѣйствительности и удивительно ясно вложило въ него всю капитанову жизнь.

Холостой, одинокій, старѣющій... Служилъ, пока могъ. А потомъ случилось вотъ это. Пропала нога, а съ нею вмѣстѣ и все остальное, что могло еще ждать капитана, будь онъ здоровымъ и дѣльнымъ. Правда, не Богъ вѣсть какимъ было все это остальное, но все-таки сжила съ нимъ душа, и казалось оно своимъ, заслуженнымъ, взятымъ по праву. И кто посмѣетъ сказать, что не ждалъ отъ него капитанъ всего, о чемъ думаютъ люди, когда остаются одни и стыдливо и робко приоткрываютъ завѣсу, отдѣляющую сегодняшний день отъ грядущихъ.

И вотъ пришлось человѣку потерять это право на завтрашній день: вошла клиномъ въ жизнь деревяжка, и побрелъ человѣкъ, ковьяля, въ сторонѣ отъ прежней своей дороги. Поборолъ свои думы, отмахнулся съ горькой усмѣшкой отъ недавнихъ надеждъ, и легло на него тяжелымъ гнетомъ сознание собственной непригодности, ненужности для дѣла, съ которымъ сроднился: „куда мнѣ!“ да „гдѣ ужъ!“

Обидно и больно.

А тутъ еще война подошла.

Вотъ тутъ-то и вылезло это чувство вины передъ гѣмъ-то.

Для всѣхъ остальныхъ открылись пути—настоящіе, трудные, правильные. Всѣ оказались у дѣла, каждый почувствовалъ цѣну свою и сразу нашелъ себѣ мѣсто.

А ему... Сколько хлопотъ—унизительныхъ, горькихъ пришлось разбросать по темнымъ, запыленнымъ канцеляріямъ, чтобы получить право на то, что открыто для каждаго. Право подвергнуть себя опасностямъ боя во имя защиты земли своихъ предковъ, право отдать свою старую жизнь вмѣстѣ съ другими.

— „Взяли изъ милости“, — вспомнились мнѣ слова капитана.

Развѣ же это не горько?

И вотъ онъ сидитъ теперь съ нами, съ гѣми, кого онъ зоветъ не иначе, какъ по имени-отчеству, угощаетъ насъ папиросами изъ стариннаго портегара и все еще чувствуетъ, что мы всѣ—

одно, а онъ „не по праву“, а какъ-то „изъ милости“.

И даже теперь, постѣ ряда боевъ, въ которыхъ, всегда на виду, подѣ нѣмецкими пулями, спокойно и просто передвигалась по фронту нескладная его фигура на пузатомъ конькѣ, — даже теперь онъ робѣетъ немного передъ зеленымъ вольноопредѣляющимся и самъ наливаетъ ему тяжелую кружку изъ закопченнаго походнаго чайника.

Гдѣ-то гремитъ. Упорно и нудно. Что-то готовится—большое, суровое. Передъ лицомъ наступающей бури люди тревожно оглядываются назадъ, про себя подводятъ итоги, съ любовью и грустью останавливаясь мыслью на томъ, что было лучшаго въ жизни—дорогого и свѣтлаго.

У Несвицкаго дома—жена. У прапорщика—невеста. У меня—мать и братишка. Кто-нибудь есть и у новаго гостя, влетѣвшаго къ намъ неожиданно на самомъ канунѣ развязки.

— „У меня дома Рустикъ остался. Собачка. Славный шельмецъ!“—стояли во мнѣ слова капитана.

И было жалко чего-то и обидно и больно.

И хотѣлось бы что-то сказать, что-то сдѣлать.

Если бы знать.

Да! Если бы знать.

IX.

За ночь отбили четыре атаки.

Утромъ упорно и жарко отстрѣливались.

Походная канцелярія артиллеристовъ.

Санитарная колонна. Отправление за ранеными.

томящимся, смятенным, въ предсмертной тоскѣ, кипящимъ въ огнѣ обреченности „тѣлеснымъ“ до конца своихъ дней будетъ пить устами души чистоту и прозрачность великихъ минутъ, улыбающихся розовымъ свѣтомъ безсмертія у обрыва могилы; но тотъ, кто ослепилъ себя самого, свою боль, свою смерть, ужасъ брэннаго тѣла и возвысилъ надъ всѣмъ этимъ духъ, — приобрѣлся уже тайниковъ бытія, недоступныхъ и скрытыхъ отъ незри-

До полудня откуда-то сзади отъѣхали еще наши орудія рѣдкимъ и вялымъ огнемъ.

А послѣ мы слышали только гулкую стрѣльбу, и было понятно, что за спиной растеть и пустеть пространство, расширяясь до самой рѣки, куда переходятъ, согласно приказу, главныя массы резервовъ.

Интересное чувство, когда остаешься одинъ, предоставленный собственнымъ силамъ.

Сложное оно, глубокое. И тотъ, кому довелось пережить его, будетъ послѣ стремиться къ нему опять и опять, ибо ставить оно человѣка на острую грань бытія, за которой лежатъ необозримыя холодныя дали, дальше коихъ уже не дано глядѣть смертному оку.

И не смерть, не опасность, не страхъ за себя разверзаютъ предѣлы, а какая-то скрытая сторона человеческой сущности, познающей себя до конца, цѣлкомъ, только здѣсь, на вершинахъ борьбы двухъ началъ, крѣпко слитыхъ въ одно животно-духовное.

Испытавшій хоть разъ свѣтлый праздникъ побѣды „духовнаго“ надъ

Красный Крестъ на походѣ.

Отрядъ Краснаго Креста на позиціяхъ во время затишья.

Послѣ отхода нѣмцевъ.

пцаго ока, отуманеннаго горькимъ дымомъ благополучія и обычныхъ утѣхъ обыденности.

Мы съ Несвицкимъ стояли на флангахъ окопа.

Прапорщикъ выбылъ изъ строя еще до зари. Не было большо и вѣрноопредѣляющагося: быстро и просто взяло его то, къ чему онъ тянулся беспокойной и чистой душой.

Не хватало и многихъ товарищей по ратному дѣлу,—перешли они свѣтлую грань съ винтовкой въ рукѣ и обрѣли себѣ вѣчную память въ сердцахъ тѣхъ изъ насъ, кому суждено возвратиться.

Асланъ-Бекъ похуздѣлъ въ одну ночь, подобрался, и острѣе глядѣлъ теперь его крутой тонкій носъ съ побѣлѣвшей горбинкой.

Что-то еще неспытанное впитало въ окопѣ, вмѣстѣ съ паромъ дыханія и кислымъ дымкомъ ежеминутныхъ разрывовъ.

Стало трудно слышать что-нибудь, и въ зудящемъ, насыщенномъ трескомъ и грохотомъ воздухъ облачка безконечныхъ ирраделей разворачивались пухлой ватой—глухо и мягко; больше звуковъ не могла вмѣстить атмосфера; и въбдали въ нее только пятна огней и брызги земли, сквозь которые рвались куда-то наши обожженные души.

Скоро распалась живая стѣна на отдѣльныя звенья; ощущение связи пропало, и каждый стоялъ за свой страхъ, зная только себя и винтовку.

Рядомъ со мной пулеметъ подпрыгнулъ лягушкой, подхваченный силой разрыва, и гдѣ-то упалъ за спиною.

Два солдата остались лежать.

Я сжималъ рукоятку револьвера и, не зная зачѣмъ, ѣлъ снѣгъ.

Помню ясно моментъ, когда перестали рваться снаряды. Словно кто-то отвелъ ихъ струю и направилъ ее мимо насъ.

Знакомый моментъ—жукій и радостный.

Впередь... Капитанъ... Асланъ-Бекъ...

Скачь окопа, излизанный пулями... Ключья чьяхъ-то шинелей на проволоку... Новый гуль... Тоже знакомый и близкій... Снова связь... Чувство связи, буйное, злое.

А потомъ—пулеметы опять, и опять скользящая стѣнка окопа—своего, но какъ будто чужого. Словно не мы въ немъ стояли минуту тому назадъ, а кто-то еще.

И непонятнымъ казалось, почему это не всѣ выходили, а сидятъ и лежатъ, какъ попало, будто бы имъ все равно, что случилось.

Желтые зубы откуда-то прыгнувшаго Асланъ-Бека...

Онъ безъ пахахи... Подъ мышкой десятокъ винтовокъ. Зачѣмъ? Для чего?

А потомъ какъ-то сразу свѣтлѣетъ кругомъ, и сквозь рѣдкую, дробную трескотню входитъ въ сознание:

„Слава Богу! Отбили!“

X.

И еще былъ моментъ. Не такой, какъ другіе.

Холодный и ясный.

Было жутко и тихо.

Ждали безъ выстрѣла.

Впереди методично и вяло двигалась сѣрая гуща людей.

Шли устало, безъ крика. Въ поспѣдней рѣшимости.

Мы стояли, глядѣли на нихъ и ждали сигнала.

И вдругъ среди тишины чѣмъ-то чужимъ и ненужнымъ прогремѣлъ звонокъ телефона.

Что-то вспомнилось. Можетъ-быть, мнѣ одному. Мо-

жетъ-быть, и еще кому-нибудь.

Капитанъ наклонился и принялъ распоряженіе.

Держаться во что бы то ни стало!—сказалъ онъ скорѣе себѣ самому.—Понтонъ готовъ! Сейчасъ начнутъ привозить артиллерию. Если продержитесь два-три часа, задача будетъ исполнена!

Два-три часа...

Впереди надвигалась сѣрая гуща.

Господи! Помоги намъ!

Я осмотрѣлъ пустой револьверъ и сунулъ его въ кобуру.

Кос-кто изъ людей вкладывалъ послѣднюю обойму.

И вотъ около меня сбилась кучка людей и что-то оживленно залопотала.

Говорили по-своему, на своемъ языкѣ.

Я подошелъ къ Асланъ-Беку и машинально осведомился, въ чемъ дѣло.

Онъ опустилъ глаза и что-то сказалъ.

— Громче! Не слышу!

Асланъ-Бекъ наклонился ко мнѣ и страннымъ, взволнованнымъ шопотомъ заявилъ:

— Капитанъ отвызалъ дыривяный нога!

Жуткимъ холодкомъ тронуло спину.

Я пробѣжалъ между солдатъ и остановился.

Капитанъ Заплетухинъ сидѣлъ на землѣ и застывшими, не слушающимися пальцами отстегивалъ ремни деревянной ноги.

Окончивъ, онъ отложилъ ее въ сторону, поднялся, тряхнулъ пустой штаниной, и поглядѣлъ на солдата.

Тѣ искося бросили взглядъ на него и отвернулись.

Когда я шагалъ черезъ трупы убитыхъ обратно на флангъ, я видѣлъ, какъ отъ солдата къ солдату передавалось:

— Капитанъ отвызалъ дыривяный нога!

Что было потомъ, я не помню.

Да если бы и помнилъ, едва ли бы смогъ передать.

Очнулся я уже на той сторонѣ рѣки въ лучеземъ отрядѣ.

Тамъ я узналъ, что мы продержались четыре часа.

Тамъ же мнѣ сообщили, что отъ роты осталось сорокъ три человѣка.

Капитана нашли безъ ноги впереди заваленнаго тѣлами окопа.

Онъ былъ безъ чувствъ, съ тремя штыковыми ранами, но живой.

Сорокъ три отстояли окопъ, и нѣмцы отхлынули, давъ нашимъ возможность перейти за рѣку, подобрать своихъ раненыхъ.

Асланъ-Бекъ уцѣлѣлъ.

Уцѣлѣлъ и Несвицкій, потерявшій два пальца и глазъ.

У меня изъ бедра извлекли пулю и перевязали лицо, разбитое въ кровь при паденіи.

Задача была исполнена, и переправа прошла съ полнымъ успѣхомъ.

Остальное—не важно.

XI.

Два дня тому назадъ я встрѣтилъ на Невскомъ офицера.

Онъ шелъ бодро, выпятивъ впередъ грудь, украшенную бѣлымъ крестомъ.

Все, что осталось отъ станціонной постройки на станціи С.

ВЪЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВЪЧНАЯ СЛАВА

Капитанъ
П. О. Алексѣевъ.

Подтесаулъ
А. Н. Васюновъ.

Поручикъ
А. А. Жебровскій.

Корнетъ
Б. А. Милвзоровъ.

Подпоручикъ
А. Т. Каминскій.

Хорунжі
Г. А. Голубинскій.

Хорунжі
В. Г. Вдовенко.

Хорунжі
К. Д. Фагулинъ.

Подпоручикъ
С. С. Вардапетянцъ.

Подпоручикъ
М. И. Рюмшинъ.

Подпоручикъ
А. П. Нестеровъ.

Прапорщикъ
П. П. Нестеровъ.

Прапорщикъ
А. И. Мочаловъ.

Прапорщикъ
В. И. Мочаловъ.

Прапорщикъ
И. А. Вавиловъ.

Прапорщикъ
Д. В. Олсуфьевъ.

Прапорщикъ
Н. И. Сербовъ.

Прапорщикъ
М. В. Казанскій.

Прапорщикъ
В. Д. Аксютинъ.

Прапорщикъ
Е. П. Дьяченко.

Прапорщикъ
С. О. Калиничукъ.

Прапорщикъ
А. А. Поль.

Прапорщикъ
Е. П. Семеновъ.

Прапорщикъ
А. С. Гаусманъ.

Прапорщикъ
В. Н. Кнохе.

Львая рука его висела на черной повязке, а в походке было что-то странно-знакомое.

Поровнявшись плечо о плечо, я чуть не вскрикнул от радости.

Это был капитан Заллетухин.

Мы крепко расцеловались, привлекая внимание любопытных.

Потом взяли извозчика и направились в ближайшее кафе.

Там мы сидели до вечера, вспоминая восьмую роту, тяжелую задачу, выпавшую на нашу долю, поручика Несвицкого, прапора, павшего смертью героя в бою. Аслан-Бега и все остальное.

Капитан говорил с упоением, размахивая здоровой рукой, и смущенно топорщил усы.

Я его слушал с восторгом, и все время у меня в голове что-то вертелось.

То ли мне спросить его было нужно о чем-то, то ли что-то припомнить.

Наконец, когда он в одну из минут, тронув рукой черные усы и гордо и весело сверкнув глазами в сторону проходившей дивизии, я хлопнул себя по лбу.

„Господи! Вспомнить! Глаза!“

Я уставился в него, словно только сейчас увидев, и душа моя наполнилась сразу теплом и радостью.

До того взор сидящего передо мной человека, украшенного белым крестом, был далеко от того, что когда-то дало мне и Несвицкому повод окрестить его кличкой „Виноватый“.

На западном фронте. Монитор стреляет по неприятельским аэропланам.

Нить! Тот, кто теперь был перед моими глазами, смотрел гордо и прямо.

Командир восьмой роты кавказцев, отвязавший пред последним ударом свою деревянную ногу в знак того, что он не покинет позиции, имел право на это.

И он это знал.

Развѣдчикъ.

Разсказъ А. С. Грузинскаго-Лазарева.

I.

Вы говорите, что опасно идти на развѣдку? Ну да, конечно, есть опасность, но ведь мы, русскіе, не бѣжимъ отъ опасности, а часто ищемъ ея. „Опасность? А ну-ка, я посмотрю тебѣ въ глаза, что ты за опасность такая?“ Мы пока что живемъ еще въ простотѣ, не заведи себѣ большого комфорта, не привыкли къ нему всеми силами души и часто рискъ предпочитаемъ со-

храненію своего драгоценнаго бытія. Мы не ѣженки, не разслабленные, а народъ здоровый и бодрый. Притомъ же отечество наше обширно до чрезвычайности, и опасностей въ немъ хоть отбавляй. Я не стану говорить о томъ, что при желаніи вы на Уссури можете тигровъ бить. Что Уссури! Далеко Уссури! А разскажу о томъ, что въ дѣтствѣ (а вы видите, что я молодецъ и что это не могло быть давно) я жилъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи: въ ста верстахъ отъ Москвы по прямому направленію. Тамъ вотъ, по зимамъ, въ жестокіе морозы, въ сумерки или ночью на окраины нашего небольшого городка забѣгали голодные елки и таскали молодыхъ собакъ, которыя были погубѣе. А лѣтомъ, верстахъ въ десяти отъ города, въ глухихъ покровскихъ лѣсахъ охотники до грибовъ или земляники патыкались на медвѣдей. И вы думаете, страшно пугались? Да ничуть! То-есть, пожалуй, и пугались, но дня черезъ три, черезъ четыре вновь брели за той же землянкой, въ тѣ же лѣса.

— Богъ милостивъ! Разъ на медвѣдя наткнулся, а второй разъ, дасть Богъ, не наткнусь!

Глушь тамъ была такая, что порой туда забѣгали и лоси, а ужъ на что это осторожный, пугливый, избѣгающій близости человѣка, звѣрь.

Совмѣстите-ка медвѣдей и гдѣ-нибудь на лѣсныхъ порубкахъ красную, лѣсную, сочную землянику и позже къ осени крупную бруснику въ блекнувшихъ, пожелтѣвшихъ мхахъ. А у насъ, на Руен, все это совмѣщается. Все. А теперь скажите, мыслимы ли какой-нибудь „благородный иностранецъ“ или „благородная иностранка“, идущіе собирать букетикъ фиалокъ въ соседствѣ медвѣдей? Мне кажется, немислимы. Нѣтъ такнхъ! Можеть-быть, лѣтъ

На западном фронте. Прimitивное приспособление пулемета для стрельбы по аэропланам. Колесо на бочкѣ служитъ поворотнымъ кругомъ.

Первый отряд передвижных фильтровъ, введенныхъ во французской арміи.

пятьсотъ назадъ были такіе, а теперь не сыщешь такихъ. Ихъ нѣтъ.

А разливы нашихъ широкихъ, нашихъ могучихъ рѣкъ развѣ не приучили русскій народъ къ опасности?

Развѣ у какой-нибудь нѣмчуры выпадаютъ такіе глубокіе, чуть не саженные снѣга, развѣ на десятки, чуть не на сотни верстъ разливаются ихъ рѣки?

Господи боже! Вѣдь вы же знаете, что въ боловодѣ творится у насъ на Руси?! Какіе бушуютъ, какъ говоритъ русскій народъ, „моря-океаны“! А эти стихійныя страшныя зимнія метели нашихъ безконечныхъ равнинъ, метели, послѣ которыхъ приходится отгребать отъ снѣга цѣлыя поѣзда! А лѣсные пожары, которые идутъ на сотни верстъ, длятся по мѣсяцамъ,—лѣсные пожары, изъ-за которыхъ солнце по недѣлямъ кажется тусклымъ краснымъ фонаремъ, не отбрасывающимъ ни единого луча?!
О, говорю же вамъ, что наше отечество приучило насъ смотреть опасности прямо въ лицо!

Но вернусь къ развѣдкамъ.

Не всегда въ сердцѣ чувство смертельной опасности; иногда чуть-чуть жутко, и только. Помню, какъ въ первый разъ, передѣвшись мужикомъ, я зашелъ на базаръ въ занятый нѣмцами польскій городъ. Я бродилъ по базару, прищипываясь кое къ чему и лѣнливо скользилъ глазами по группамъ нѣмецкихъ солдатъ, отмѣчая въ умѣ и подсчитывая ихъ занявшій городъ части. Я съ гордостью думалъ, что ни одинъ летчикъ не высмотрѣлъ бы того, что я видѣлъ въ городѣ, и притомъ безъ всякихъ затратъ на аэронавъ.

А въ душѣ не было страха.

„Ну, гдѣ догадаться, кто я, этому нѣмецкому дурачку?!“ — самонадѣянно думалъ я.

И, повторяю, въ душѣ не было страха. Было чуть-чуть жутко. Вспомнилось, что съ такимъ же чувствомъ въ юности я катался по только-что замерзшей рѣкѣ на конькахъ. Рѣка у насъ была не широкая, но очень красивая, съ высокими берегами, съ частыми заводами, въ которыхъ лѣтомъ шумѣли камыши и сверкали на солнцѣ серебристыя бока рыбы. Когда рѣка замерзала и мы думали, что ледъ ея съ грѣхомъ пополамъ можетъ выдержать человека,—навѣрно мы не знали этого и полагались больше на свое счастье да на судьбу,—мы надѣвали коньки и съ упоеніемъ по одиночкѣ мчались вверхъ или внизъ по рѣкѣ на десять, на пятнадцать верстъ. Вы знаете, какой быстроты можетъ достигать мчащійся конькобежецъ, особенно, если вѣтеръ дуетъ ему въ спину? Воистину, конькобежецъ несетъ, какъ вихрь. И вотъ было сладко и жутко нестись по только-что застывшему льду, потому что безпрестанно то тутъ, то тамъ ледъ потрескивалъ подъ ногами, а иногда давалъ трещину отъ берега до берега и таялъ ухаемъ, какъ будто подъ нимъ на днѣ рѣки стрѣляли изъ

пушки. Вы, навѣрно, слышали, какъ ухаемъ этотъ осенній ледъ? Да, жутко и сладко было нестись по этому тонкому льду и играть съ опасностью, которая несомнѣнно была. Случалось не разъ, что конькобежцы у насъ проваливались и принимали холодную ванну. Случалось не разъ, что проваливались и гибли, если попадали подъ ледъ и поблизости не было никого, кто бы могъ ихъ спасти. Да, всего бывало. А чуть приближалась зима и морозъ завертывалъ и трещалъ безъ снѣга, мы хватали коньки и опять мчались на этотъ тонкій, только-что замерзшій ледъ.

Лѣнливо бродя по базару, я былъ далеко отъ предчувствія, что меня и смерть раздѣляетъ одинъ тонкій волосокъ. Могу поклястись, что ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ я не походилъ на шпиона, а все же въ концѣ концовъ ко солдата, всмотрѣлись въ меня и

мнѣ подошли два нѣмецкихъ утѣренно сказали по-русски:

— Русскій шпионъ?!

Конечно, это не потрясло меня, не испугало: я готовился къ этому двадцать разъ; сдѣлавъ идиотски-равнодушное лицо, я вздохнулъ и сказалъ лѣнливо:

— Зачѣмъ шпионъ? Ничуть я не шпионъ! Никогда шпиономъ не былъ. А просто пришелъ на базаръ за покупкой. Купить германы, кое-чего...

Это меня и сгубило.

И.

— Купить кое-чего? — сказалъ тотъ нѣмецъ, который былъ постарше.—Посмотримъ. Покажи кошелекъ.

Что могло быть естественнѣе и проще этого требованія, но я отъ него чуть-чуть не свалился съ ногъ. Никакого кошелека, никакихъ денегъ со мной не было; я не взялъ ихъ, не имѣя простого мужицкаго кошелека.

Теперь я думаю, что нѣмцы потребовали мой кошелекъ съ единственной безхитростной цѣлью незамѣтно (а можетъ, и безъ особыхъ стѣсненій) вытащить изъ него часть моихъ денегъ, но тогда ихъ требованіе показалось мнѣ дьявольской хитростью, которая совершенно сразила меня. Славивъ въ карманъ, я ударилъ себя руками по бедрамъ, вскрикнулъ въ испугъ, разыгралъ, какъ мнѣ кажется, довольно искусно обокраденнаго человѣка, но вся эта комедія не привела рѣшительно ни къ чему. Нѣмцы мнѣ не повѣрили или сдѣлали видъ, что не вѣрятъ моимъ разсказамъ. Вѣрнѣе всего, что ихъ просто разозлила неудачная попытка меня обмануть. Но такъ или иначе судьба не веселила меня.

На западномъ фронтѣ. Французскіе солдаты въ передовой траншеѣ.

Захваченные французами в Шампани немецкие снаряды, начиненные удушливыми газами.

На всё мои уверения немец постарше качал головой и погорячлив насмешливо:

— Так, так... Ты не шпион, ты простой крестьянин и пришел за покупками. Но где же твой кошелёк?

Второй немец сказал с досадой:

— Но что его слушать, Ганс? Конечно, русский шпион. Отведем его к офицеру.

Меня отвели к офицеру; у офицера была преурачная рожа, но на мое несчастье он оказался совсем не таким дураком, каким казался. Выслушав донесение о том, что пойман русский шпион, который ходил и высматривал немецких солдат на базаре, а утверждение его о том, что он пришел на базар за покупками, опровергается отсутствием кошелька и денег, офицер внимательно осмотрел меня с ног до головы, лениво затянулся горьким дымом сигары и сказал лениво:

— Не лги! Я тебя насквозь вижу. Ты же шпион.

Я молчал.

— Ну, признавайся! Ты же солдат или офицер. Русский шпион.

— Я не солдат и не офицер. Я русский крестьянин.

— Да? Русский крестьянин?

Офицер прищурился с улыбкой, которой позавидовал бы сам дьявол.

— Ну, скажи же мне, русский крестьянин, зачем на тебе сапоги военного образца?

Солдаты, приведшие меня, радостно, хотя и почтительно, захохотали; их умилила находчивость офицера; а я... я был поражен. Как я мог попасться так неосмотрительно глупо? Я переодёлся в крестьянское платье, но... сапоги на мне были действительно военного образца. Я не считал этого важным, мне не приходило в голову, чтобы на это могли обратить внимание, но офицер с глупым лицом был дьявольски сметлив, и, благодаря его сметливости, меня, как чужака, захлопнула западня.

Я начал объяснять, что сапоги на мне, может быть, и военного образца, потому что я купил их у солдата, но сам я все же простой крестьянин, а не солдат. К сожалению, я был настолько смущен, что голос мой не звучал убедительно, и боюсь, что на мёт немецкого офицера я тоже не повстрел бы таким уверениям и рассказам. Во всяком случае, он не повстрел. Как это ни грустно, он видел меня насквозь: в словах его не было ни капли преувеличения.

Когда я надобль ему, что случилось довольно быстро, он лениво сказал солдатам:

— Повесьте его! Это русский шпион.

— Слушаем, господин лейтенант. Когда прикажете повесить?

— Сейчас.

Сгустились сумерки; по стеклам окон неожиданно забарабанил крупный дождь.

Не знаю, стало ли немецкому офицеру жаль солдат, которые должны были измокнуть на дожде во время моего повешения, или он сам захотел насладиться этим зрелищем на утро, но только он неожиданно процдил сквозь зубы, когда меня уже повели:

— Заприте его в сарай до утра. А завтра утром напомните мне; я распоряжусь.

Итак, казнь моя отерочилась на полсутки; мне очень крепко связали веревками руки, втокнули меня в какой-то темный сарай, а сарай заперли большим висячим замком, который сломать было невозможно, и который, когда в нем повертывали ключ, загудел так, как может гудеть только похоронный колокол.

Вы спросите у меня, не впал ли я в отчаяние.

Конечно же, нет, хотя положение было трудное. Мне кажется, я надеялся бы спастись даже тогда, когда меня повели бы вешать. До первого дерева от сарая было не мало шагов. А тут впереди еще цблых двенадцать часов, еще цблых полсутки! Кажется, испанская пословица говорит, что от губы до чаши—совсем не близко, чуть не цблая вичность. Мне чудилось, что и от сарая до виселицы довольно далеко.

Бывали случаи, что при наступлении русской войска врывались в село или мстетчко и спасали плбнных. Но я знал, что на это я не могу рассчитывать; наступления не предвидлось; я мог рассчитывать только на самого себя.

Крупный дождь барабанил по крыше, а я сидел на земле сарая и придумывал средство спастись.

Но в голову рбнительно не шло ничего подходящего; я был

Различные типы французских воздушных бомб.

связанъ, брошенъ, какъ жалкая мышь, въ сарай и запертъ такимъ замкомъ, сломать который у меня не имѣлось ни малѣйшей надежды.

Затѣмъ я рѣшилъ, что во всемъ долженъ быть порядокъ, и что, если я не освобожу себѣ рукъ, я не освобожусь и самъ. Раньше всего вставалъ вопросъ о веревкахъ. Если бы я былъ жалкой мышью, я освободился бы отъ нихъ въ какой-нибудь часъ. Но я былъ вѣнцомъ творенья, человѣкомъ, и это уже было гораздо труднѣе. Все же, когда я началъ думать не о собственномъ освобожденіи, а только объ освобожденіи отъ веревокъ, это было легче, и черезъ четверть часа въ мозгу моею мелькнула счастливая мысль.

III.

Въ какомъ сараѣ не встрѣчается вбитыхъ въ стѣну гвоздей? Можно ли представить себѣ сарай безъ гвоздей? Богъ ихъ знаетъ, зачѣмъ, но въ каждомъ сараѣ есть гвозди, вбитые не до конца шляпокъ. Если я найду гвоздь, который мнѣ нуженъ, я освобожусь отъ веревокъ очень быстро.

Я всталъ съ земли и началъ бродить возлѣ стѣнокъ сарая, шца гвоздей. Гвозди были; но не было такого, какой могъ помочь мнѣ: четырехграннаго, хоть съ одной острой гранью, о которую перетереть веревки было бы легко. Попадались только круглые бесполезные для меня гвозди, но такъ какъ судьба, очевидно, не хотѣла, чтобы я попалъ въ петлю, нашелся въ концѣ концовъ и граненый гвоздь. Черезъ часъ я уже потиралъ затекшія отъ веревокъ руки, и первый этапъ моего спасенія былъ мною пройденъ.

Руки мои были свободны; оставалось освободиться самому; прежде всего, конечно, изъ сарая.

Гдѣ-то вверху подъ крышей сарая маячило окно, изъ котораго на меня, когда я подходилъ къ нему, падали капли дождя; но добраться до окна я не могъ; для этого нужно было быть цирковымъ гимнастомъ. Я обошелъ и ощупалъ разъ пять весь сарай. Быть-можетъ, вы думаете, что въ сараѣ нашлась лѣстница? Нѣтъ, къ сожалѣнію, кромѣ соломы да какихъ-то небольшихъ досокъ, въ сараѣ не было ничего. Въ сараѣ не было самой коротенькой лѣстницы. И опять я подумалъ, что, если бы я былъ мышью, я освободился бы изъ этого сарая въ какой-нибудь часъ.

Дума эта опять навела меня на хорошую мысль.

Если нельзя было выйти изъ сарая ни черезъ окно, ни черезъ крышу, ни черезъ стѣны, отчего же было не попытаться выйти подъ одною изъ стѣнъ, какъ вышла бы мышь?

Я раскачалъ одинъ изъ большихъ гвоздей, торчавшихъ въ стѣнахъ, вытаскилъ его и началъ имъ подрывать землю гозлѣ задней стѣны, тамъ, гдѣ земля казалась мнѣ рыхлой. Руками я выгребалъ землю изъ ямы; часа черезъ два непрерывной безшумной работы я узидѣлъ, что планъ мой оказался геніальнымъ, и что свобода моя близка. Ксати: я работалъ почти безшумно, но, если бы отъ моей работы и шелъ легкій

Кавказскій фронтъ. Въ ночную развѣдку.

Кавказскій фронтъ. Городъ Ольты. Большая часть зданій города, особенно казенныхъ, разрушена турками во время ихъ недолгаго владѣнія городомъ.

шумъ, его заглушилъ бы филинъ, кричавшій гдѣ-то въ сосѣднихъ кустахъ пронзительно и дико. Кто его слышалъ, тотъ не забудетъ этого отвратительнаго крика. Но мнѣ онъ казался слаще нѣжной музыки.

Еще черезъ часъ, въ глухую, темную полночь, я выгѣзъ, какъ кротъ, изъ черной норы.

Освободившись изъ стѣнъ сарая, нужно было уходить со двора. Заборы были высокіе. Очевидно, „панъ“, владѣлецъ двора и халупы, былъ хозяйственнымъ человѣкомъ.

Приходилось итти черезъ калитку. Часовой на мое счастье спалъ. Я былъ не такой большой и важной птицей, чтобы изъ-за меня было нужно бодрствовать всю ночь. Я задушилъ часового, взялъ его револьверъ и тихонько выскользнулъ изъ калитки на улицу.

Я былъ свободенъ. И вдругъ... почти ничего не осталось отъ моей свободы, и я чуть-было снова не попалъ въ нѣмецкій капканъ.

Изъ двухъ милліоновъ нѣмцевъ, которые вторглись въ Польшу, на моемъ пути возлѣ какой-то заставы изъ мрака вынырнулъ тотъ единственный нѣмецъ, котораго я менѣе всего желалъ видѣть: совершенно неожиданно меня освѣтилъ фонаремъ нѣмецкій солдатъ, именно тотъ, который былъ порастороннѣе и по-старше и который на базарѣ потребовалъ мой кошелекъ.

— А-а!.. Старый знакомый!— сказалъ нѣмецъ съ улыбкой, въ кото-

рую онъ вложилъ столько азвительности, сколько могъ. — Русскій шпионъ! Стой!

Я стрѣлой проскочилъ мимо него; онъ выстрѣлилъ, но ночная тѣма мѣшала прицѣлу, и онъ промахнулся. Все же выстрѣлъ поднялъ тревогу: вслѣдъ мнѣ затрещалъ рядъ выстрѣловъ, и, пробѣжавъ по дорогѣ шаговъ двѣсти или триста, я услышалъ, что кто-то на лошади догоняетъ меня. Я, конечно, могъ бы свернуть въ поле, спрятаться въ придорожную канаву, но при всемъ этомъ оставалось не мало риска быть открытымъ, потому что въ городѣ знали, что я бѣжалъ, и стали бы, какъ звѣря, выслѣживать меня. И утромъ, пожалуй, поймали бы. А такъ какъ мнѣ повезло въ этотъ вечеръ, отчего же было не испытать судьбу еще разъ? У меня и у того, кто за мной гнался, шансы были равны.

Я замедлилъ бѣгъ и, когда лошадь была уже близко, обернулся и бросился къ всаднику. Всадникъ выстрѣлилъ въ меня, я — въ него. Мнѣ повезло: онъ не пошалъ, а я ранилъ и сбиль его съ лошади.

Прошло два-три мгновения, и я мчался на лошади, на быстрой, выскакавшей впередъ изъ вѣхъ лошади, и вѣ нѣмцы города не могли бы догнать меня...

Ну, чтѣ же, вы думаете, что меня смутили мои приключенія, и что теперь я задумываюсь, идя на развѣдку? Ничуть. Приключеній было не мало

удачныхъ и неудачныхъ, но смутитъ ли охотника на медвѣдей та нелюдн, которая разъ постигнетъ его? А вѣдь медвѣдь — совсемъ безобидный звѣрь въ сравненіи съ тѣмъ звѣремъ, который зовется нѣмцемъ! Развѣ медвѣдь можетъ натворить столько гнусностей, жестокостей, зла, сколько ихъ творитъ нѣмецъ? И потому, когда нужно итти на развѣдку и вызывають желающихъ, я всегда выхожу впередъ.

Мнѣ сладко, чтѣмъ только могу, какъ можно больше метить этому звѣрю за все то зло, которое онъ сдѣлалъ людямъ...

Г. К. Савицкий.

М. Я. Кацъ.

А. П. Мочаловъ.

Лауреаты Императорской Академіи Художествъ, получившіе званіе художника и командировку за границу.

Слѣпой Самсонъ. Скульптура М. Я. Каца. (Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ).

Лауреаты Императорской Академіи Художествъ.

(Съ 3 портретами и 3 снимками на стр. 102 и 103).

На послѣдней Конкурсной выставкѣ въ Академіи Художествъ были увѣнчаны по классамъ живописи и скульптуры три молодыхъ художника, удостоенныхъ кромѣ званія художника особаго отличія — командировки за границу на четыре года. Лауреаты эти: М. Я. Кацъ, А. П. Мочаловъ и Г. К. Савицкий.

М. Я. Кацъ родился въ 1887 году въ селѣ Вознесеніе, Вологодской губерніи. Въ 1900 году поступилъ въ Казанскую художественную школу, учился подъ руководствомъ скульптора Дзюбанова и окончилъ курсъ по гравюрѣ и скульптурѣ. Въ 1909 году онъ былъ рекомендованъ скульпторомъ Дзюбановымъ въ Академію Художествъ. Поступивъ въ классъ профессора В. А. Беклемишева, М. Я. Кацъ нынѣ окончилъ курсъ Академіи. Выставилъ скульптуру „Слѣпой Самсонъ“.

А. П. Мочаловъ родился въ 1886 году. Среднее образованіе получилъ въ г. Пензѣ; въ 1908 году поступилъ въ Академію Художествъ, курсъ которой окончилъ по классу Д. Н. Кардовскаго. Получилъ заграничную командировку за картину „Рыболовы“. Кромѣ этой картины на Конкурсной выставкѣ обращали вниманіе его превосходные рисунки санвиной и картина „Въ коровникѣ“, — по мнѣнію критики, лучшая изъ всего, выставленнаго художникомъ. Картина „Въ коровникѣ“ приобрѣтена „Обще-

Смерть Прама (Последний день Трои).
Картина Г. К. Савицкого. (Конкурсная выставка в Императорской Академии Художеств).

ствомъ имени А. И. Куинджи" для музея Общества.

Г. К. Савицкий родился въ Петроградѣ въ 1887 году. Въ 1908 году окончилъ Пензенскую художественную школу, откуда и былъ рекомендованъ въ Академію Художествъ. Изъ общихъ классовъ перешелъ въ мастерскую профессора В. Е. Маковского, подъ руководствомъ котораго и окончилъ курсъ Академіи. Увѣнчанъ отличіемъ за картину „Смерть Прама“.

Г. К. Савицкий—сынъ извѣстнаго жанриста, передвижника К. А. Савицкого, прославившагося въ семидесятыхъ годахъ такими картинами, какъ „Ремонтъ желѣзной дороги“, „Встрѣча иконы“, „Панихида на кладбищѣ“ (Третьяковская галлерей въ Москвѣ), „Путешественники въ Оверни“, „Отправка новобранцевъ на войну“ (Музей Императора Александра III).

Рыболовы. Картина А. П. Мочалова. (Конкурсная выставка в Императорской Академии Художеств).

* *
* *
* *

Расцвѣтлалась огнями околица,—
Снова недругъ открылъ пальбу...
Кто-то нище, безвѣстный, помолится
За меня, за мою судьбу!..

Не горжусь я отвагой, какъ многие,
И замѣтныхъ похвалъ не жду:
Не большія дѣла, а убогія
Позвеличатъ мою звѣзду.

Темный вечеръ проходитъ въ ушнѣнн,
Но протрубитъ сигнальный рогъ,—
Буду въ сѣрой стремительной линіи
Озабоченъ, какъ всѣ, и строгъ.

Стойко встрѣчу врага у околицы,
Все земное вложу въ борьбу...
Кто-нибудь, незамѣтный, помолится
За меня, за мою судьбу.

Я. Тисленко.

Казакъ съ трофеями. Акварель нашего военнаго корреспондента М. Авилова.

* *
* *
* *

Надъ иголкою проворной
Вы склонились... Надо шить.
И плететь коверъ узорный
Безпокойной мысли нить:
Тамъ, подъ грозный ревъ орудій,
Нули свистъ, ирантели вой,
Милліоны русскихъ грудей
Предъ врагомъ стоять стѣной.
Врагъ силенъ, сознаться надо,
Но сломить онъ насъ не смогъ.
Божья Матерь намъ ограда,
И защита наша—Богъ!..
Шейте, сестры! Тамъ, въ окнахъ,
Непогода, холодъ, грязь,—

Пусть согрѣетъ кровь и душу
Незатѣливая бязь!
Хоть далеко отъ идеала
Непривычныхъ рукъ стожокъ,
Не того душа искала,—
Отдавай каждый то, что могъ!
Въ этой грудѣ бѣлоснѣжной
Вами считаго бѣлая
Теплоты и ласки пѣжной
Непочатые края!
Въ ней горячія молитвы
За защитниковъ-солдатъ...
Въ страшный часъ кровавой битвы
Ихъ онѣ да охраняютъ!

Н. Бенардъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1916 г. № 7

Выданъ 13-го февраля 1916 г.

XLVII г. изданія

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

Объявления для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непрерывно въ одной столбцѣ (въ 1/4 ширины страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 3.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ!

Письма англійскихъ солдатъ съ 90 иллюстраціями.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ автора. Солдатскія письма. Русскія письма и англійскія. Навстрѣчу врагу. Дѣти и женщины. Англійскіе солдаты о врагѣ. Набѣгъ на Гельголандскую бухту. Битва подъ Монсомъ. Юмористы. Спортсмены. „Мы“. Въ человѣцѣхъ благоволеніе. Событія послѣдняго времени. Два письма. Гимны Ненависти и Гимны Любви. Какъ въ Англии вербуютъ добровольцевъ. Снарядовъ! Снарядовъ! Снарядовъ! Великое въ маломъ. 180 стр.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, а равно какъ бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также подлежащей допущенію въ ученическія библиотеки высшихъ начальныхъ училищъ.

Военнымъ Министерствомъ рекомендованъ для чтенія въ войскахъ, лазаретахъ и во всѣхъ военно-учебн. завед.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

СПИТЕ, ОРЛЫ БОЕВЫЕ.

Извѣстный романсъ И. Корнилова, въ переложеніи для фортепiano въ 2 руки (съ подтекстовкой). Цѣна—40 коп. Этотъ же романсъ имѣется для выс. и низкаго гол. съ акк. фп. по 40 к.

Каталоги—бесплатно.

Музыкальное Издательство П. ЮРГЕНСОНА, вь Москвѣ, Неглинный пр., 14.

Покупаю вышей цѣны **МАРКИ** почтовые, земскія, благотворительныя и т. д. По полученіи марки вышлю подробную расцѣнку. **В. Р. ГЕССЕ**, МОСКВА, Якиманская набережная, 2.

НОРМАЛЬНО

ПРОТИВЪ ЗАПОРОВЪ

Стомосигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомосигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку Стомосигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ апт. по рец. вр.

ПРІЯТНО

Коллекціонерамъ благотворительныхъ **ВОЕННЫХЪ МАРОКЪ** предлагаю наборъ изъ 15 всѣхъ разныхъ за

25	1 р. 45 к.
50	4 р. 20 к.
75	12 р. 50 к.
100	25 р. —

100 равныхъ военныхъ марокъ — 4 р. (20 к.)

В. Р. ГЕССЕ, Москва, Якиманская набер., 2.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.

для начинающихъ. Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к.

Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22.

Чеховъ, Ант. „Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.“

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выискать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особыхъ знаній и спеціальной подготовки. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18 2.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Бесплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правоиспаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Леготныя условія поданскія и **БЕСПЛАТНО.** пробная лекція

Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружайная, 7—55.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незаметно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія **КАЛЬТОКО**, МОСКВА. Отд. 1 С. В.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ (ГОНОРРЕЯ)

новѣйшее средство „SALO-ПИЧИЛИНЪ“

дѣйствуетъ быстро и считается рациональнымъ средствомъ. Наставленіе при коробѣ. Настоящій только въ метал. коробѣ по 1 р. и по 1 р. 80 к.

Одинаково хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самую упорную истеченія.

ДЕПО: Петербургъ, Раздѣльная ул. 7 аптека Б. Конгейма.

Продается во всѣхъ аптекахъ по рецептамъ врачей.

SALO-ПИЧИЛИНЪ

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, сплнная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Требуйте у всех газетчиков
сегодняшний номер
новой газеты

„НАРОДНОЕ СЛОВО“
Цѣна 2 коп.

Годовая подписная цѣна съ перес. безъ приложений 5 р., съ прилож. 12-ти
стѣнныхъ картъ фронтовъ войны, на которыхъ будутъ отпечатаны
передвиженія линій боевъ на основаніи официальныхъ сообщеній—6 руб.

Главная контора и редакция: Москва, Тверская, д. № 19.

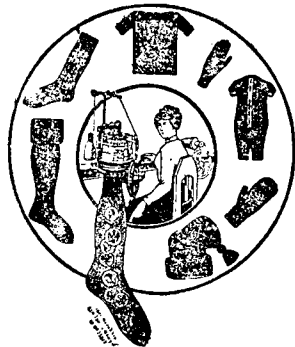
(ПИСАТЬ)

красиво и скоро будете, выписавши
„Механическую пропись“. Но-
вость въ каллиграфіи. Цѣна жал.
плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред.
3970 журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. 111

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаетъ
заочно каждого въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ
исправляемъ самый дурной по-
черкъ. За 5 десятковъ марокъ
высшагообразца шрифтовъ,
почерки учениковъ условія.
Одесса, Проф. Каллиграфин
Адольфъ Коссола, Дерибасовская, 1. № 13.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать
для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной
платы за каждую дюжину паръ чулокъ
или носковъ. Или если Вы желаете ра-
ботать для продажи, и также для соб-
ственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и
постоянно большія. За чулки и носки,
выработанные на нашей машинѣ «ВИКТО-
РИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТО-
РИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 ми-
нутахъ. Наша автоматическая быстрова-
зальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ
175 руб. Мы ищемъ немедленно стара-
тельныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ.
Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предвари-
тельныхъ знаний не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.

Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Гондо-Го-
тикъ, острѣдъ и пр. 206 рис. и черт.
въ текстъ, транспорт. и тетрадо-
держат. Новѣйш. самоучит. для ис-
правл. почерка въ короткій срокъ.
Главы, вѣны, обраб. на конторск.
скором. Цѣна за полный курсъ съ
прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш.
руковод. для самообразов., со спра-
вочн. словаремъ всѣхъ словъ, затруд-
няющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4

Всѣ правила легко усваиваются по-
мощью 121 упражн. и систематическа-
го ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр.
уборист. шриф. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.
СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать
со скоростью рѣчи) полный курсъ
для самообученія. 368 стр. Цѣна
2 руб. 50 коп.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступити на
службу въ казен., обществ. и частн.
учр., формы прошен., исемей, какія
мѣры должно принять, чтобы обезпе-
чить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р.
При посылк. налог. плат. дор. на 25 к.

**ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНИИ
НУЖДАЕТСЯ КАЖДЫЙ**

владѣлецъ торговаго предпріятія. Торговая дѣятельность превратилась
въ сложную науку, требующую отъ своихъ представителей серьез-
ныхъ знаній.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, желающій поступити на службу
въ какую-либо контору, банкъ,
крупный магазинъ и т. п. дол-
женъ пройти курсъ коммерческихъ наукъ. Лица, находящіяся на
должностяхъ, могутъ значительно улучшить свое матеріальное поло-
женіе, если посвятятъ свой досугъ на изученіе коммерческихъ наукъ.
Ознакомьтесь съ нашими методами **заочнаго обученія бухгалтеріи,**
коммерч. ариметики, коммерч. корреспонденціи, товаровѣдѣнія,
техники веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и мно-
гого иного, необходимаго каждому коммерсанту, при помощи изда-
нія нашего „АКАДЕМИИ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ“.

Краткій проспектъ бесплатно. Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевск., 44-62.

Антисептическія
PASTILLES VALDA
(Лепешки Вальда)

для предупрежденія хрипоты, насморка,
простуды.

**НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ
ТРЕБУЙТЕ**

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НЕПРЕМѢННО

**НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА
(PASTILLES VALDA)**

въ коробкахъ
съ красной бандеролью
снабженныхъ
именемъ

VALDA

H. Canonne, Paris.

ПОКУПАЕМЪ МАРКИ

по ВЫСОКИМЪ ЦѢНАМЪ.

МЫ ПЛАТИМЪ

например: за Рома-
новскія Юбилейныя
Марки 4 коп. достоян-
ства — 1 коп. за шт.,
25 коп.—1 к., 35 к.—
6 к., 50 к.—5 к., 70 к.—
15 к., 1 руб.—5 к.,
2 руб.—25 к., 3 руб.—
40 к., 5 руб.—1 р. 75 в.
за штуку.

Нашъ полный закупной
листъ только-что вы-
шелъ и высылается **каждому** интересую-
щемуся **бесплатно.**

Э. ЭЙХЕНГАЛЬ,
Петроградъ, Невскій пр., 42—Н.

НОВОСТЬ!!!

**Американскій КОРСЕТ-ПОЯС
безъ бланжетки и костей.**

Облегаетъ граціозно всякую фигуру, не при-
чиняя никакого безпокойства. Необходимъ
для всякаго рода занятій, спорта и дороги.
Выс. нал. плат. Мѣрка: 1) объемъ талии,
2) объемъ бедер. Цѣна от 8 р. до 25 р.
Петроградъ, Владимірска. пр., д. 7, кв. 29,
входъ во дворъ. Телеф. 70-61.

М-ме КЛЭРЪ.

**БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ
НЕВРАЛГІИ,
ГОЛОВНЫХЪ
БОЛЕЙ,**

и шіаса, простудныхъ и
ревматическихъ болей, даетъ
Кефалоль Дра Стормъ. От-
пускается изъ всѣхъ аптекъ
по рецептамъ врачей. Ке-
фалоль абсолютно без-
вреденъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Война и кооперация.

(Вопросы внутренней жизни).

Война, бушующая над Европой, как разрушительный ураган, въ то же время несетъ съ собой и нѣчто положительное: она дала толчокъ необычайно сильному развитію кооперативнаго движенія. Затрудненія въ полученіи продовольствія и предметовъ первой необходимости, вызванныя разстройствомъ доставокъ, обезпечили широкое поле дѣятельности темнымъ рыцарямъ наживы, хищническая спекуляція обнаглѣла до предѣловъ дневнаго грабежа и сдѣлала истинными хозяевами внутренняго рынка всевозможныхъ мародеровъ гыла. И общество и правительство ясно поняли всю невозможность оставлять въ моментъ величайшаго міроваго кризиса товарообмѣнъ страны во власти слѣпнаго случая и хищническихъ расчетовъ спекуляціи. Смѣшно говорить о какихъ бы то ни было „правахъ гражданина“, если самая жизнь всѣхъ гражданъ, а слѣдовательно и судьба государства находятся въ полной зависимости отъ чьихъ-то спекулятивныхъ операций съ хлѣбомъ, солью и дровами, если невѣдомые вамъ люди могутъ для полученія утраченныхъ барышей оставлять вашихъ дѣтей безъ пицци, заставлять ихъ голодать и мерзнуть въ нетопленныхъ квартирахъ, цѣлыми мѣсяцами лишать молока, мяса и всего того, что нужно для дѣтскаго здоровья. Вполнѣ естественно, что правительство увидѣло себя вынужденнымъ энергично выступить на борьбу съ дороговизной и такими мѣрами, какъ, на примѣръ, направленіе всѣхъ продовольственныхъ грузовъ по адресу градоначальника, поставленнаго во главѣ петроградскаго продовольственнаго комитета, въ сущности, пытается регулировать въ общественныхъ интересахъ всю оптовую торговлю.

Оставляя товарообмѣнъ страны въ рукахъ частныхъ спекулянтовъ совершенно невозможно, но для того, чтобы передать его въ руки широкой общественно-государственной организаціи, нужно, чтобы навстрѣчу правительственнымъ начинаніямъ пошло и само общество въ лицѣ мелкихъ потребительныхъ союзовъ на мѣстахъ. Почва для пробужденія экономической самостоятельности общества была подготовлена не отвлеченными проповѣдями фанатиковъ кооперативнаго дѣла, а именно пережитыми въ связи съ войной бѣдствіями дороговизны. Обыватель понялъ, что единичными силами онъ не можетъ отстоять свои интересы, что, разъединенный, онъ безсиленъ и беспомощенъ, какъ малое дитя, и даже для того, чтобы обезпечить себѣ хлѣбъ насыщенный, долженъ волею-неволею объединяться въ потребительные союзы. Никогда еще идея коопераціи не пользовалась такой популярностью, какъ въ наши дни. Кооперативное движеніе широкимъ потокомъ разлилось по всей Россіи. Всюду и вездѣ, и въ столицахъ и въ захолустныхъ деревушкахъ, стали возникать потребительныя общества, какъ средство экономической самозащиты общества противъ мародерствующей торговой спекуляціи. Нестройныя толпы разрозненныхъ потребителей организовались въ мѣстныя потребительныя коопераціи, сливающимся въ областныя союзы, имѣющіе свой центральный органъ въ видѣ центрального комитета по оптовымъ закупкамъ. Административная власть, которая раньше въ теченіе многихъ лѣтъ относилась къ кооперативному движенію крайне опасливо, подозрѣвая въ немъ нѣчто близкое къ социализму, и потому всячески стѣсняла его развитіе, въ періодъ продовольственныхъ затрудненій столицы прекрасно поняла его государственное и общественно-строительное значеніе и теперь сама усиленно покровительствуетъ возникновенію потребительныхъ обществъ, оказываетъ имъ кредитъ, обезпечаетъ доставку продуктовъ на военныхъ автомобиляхъ, выдаетъ долговременныя ссуды на расширеніе операций. Теперь въ крупныхъ центрахъ почти не встрѣтите человѣка, который не былъ бы приписанъ къ какому-нибудь потребительному обществу. Всѣ рабочіе крупныхъ заводовъ получаютъ продукты изъ своихъ заводскихъ потребительныхъ лавокъ. Въ Петроградѣ и его окрестностяхъ работаетъ множество кооперативныхъ потребительныхъ обществъ, устроенныхъ служащими различныхъ учреждений, какъ, на примѣръ, гвардейское экономическое общество, артиллерійское потребительное общество, общества потребителейъ служащихъ государственнаго контроля, министерства финансовъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и т. д. Недавно образовалось академическое потребительное общество, снабжающее продуктами профессоровъ университета, академиковъ и проч., а также потребительное общество русскихъ журналистовъ. Общество борьбы съ дороговизной насаждаетъ потребительскія лавочки въ пригородахъ и, повидимому, стремится организовать потребителей въ союзы не по профессиональнымъ ихъ связямъ, а по мѣстожителству. Такъ уже возникло общество потребителейъ Литейной части, пайщикомъ котораго можетъ быть каждый житель этого района. Такая пораіонная или участковая организація потребительныхъ обществъ является, повидимому, наиболее правильной, такъ какъ интересы потребителейъ въ сущности имѣютъ весьма мало общаго съ кооперативными: каждый потребитель заинтересованъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы его лавка была поближе къ мѣстожителству его семьи, и въ своихъ закупочныхъ операцияхъ болѣе солидаренъ съ своими ближайшими соседями по квартирѣ, чѣмъ съ далеко живущими сослуживцами или товарищами по заводу. Возникновеніе сѣти потребительныхъ обществъ значительно облегчаетъ продовольственному комитету задачу снабженія населенія и замѣтно смягчаетъ для послѣдняго остроту переживаемаго кризиса. Всѣ

лица, приписавшіяся къ какому-нибудь потребительному обществу, чувствуютъ себя уже болѣе обезпеченными насчетъ полученія предметовъ первой необходимости. Дальнѣйшихъ рѣзкихъ повышений цѣнъ на сахаръ, муку, крупу и проч. больше уже не наблюдается. Можно быть увѣреннымъ, что насажденіе пораіонныхъ потребительныхъ обществъ поможетъ установить порядокъ въ снабженіи продовольствіемъ столицъ, городовъ и селеній, уничтожить тотъ хаосъ цѣнъ, которыми жила хищная спекуляція и дать возможность русскому обществу пережить трудные годы войны съ меньшими невзгодами. Въ дѣлѣ организаціонной борьбы съ дороговизной общество и право пошли рука объ руку, и притомъ по совершенно правильному пути. Нужно только не останавливаться на полупути и развивать благое начинаніе до полнаго расцвѣта. Прежде всего слѣдовало бы устроить огромную центральную хлѣбопекарню для снабженія всѣхъ потребительныхъ обществъ хлѣбомъ по сколь возможно дешевой цѣнѣ. Такъ какъ цѣна хлѣба повышается въ значительной мѣрѣ отъ искусственно взвинченной нашими мукомолами цѣны на муку, то не мѣшало бы реквизирировать спекулирующія мукомольныя фабрики, во главѣ которыхъ стоятъ почти сплошь нѣмцы, въ родѣ саратовскихъ „мучныхъ королей“, и перерабатывать дешевое крестьянское зерно не въ дорогую, а въ дешевую муку. Зловредная нѣмецкая спекуляція, захватившая въ свои руки русское мукомольное дѣло, ведетъ свою разрушительную работу на два фронта: давая при дешевомъ зернѣ дорогую муку, она съ одной стороны грабятъ, доводя до искусственной голодовки и до остраго недовольства населеніе столицъ и городовъ, а съ другой—обезцѣниваютъ полученный земледѣльцемъ урожай и разоряютъ все деревенское крестьянство. Рѣшительный конецъ такой опасной двойной игрѣ двойныхъ подданныхъ коммерсантовъ можетъ положить только устройство кооперативныхъ мельницъ.

Наши предки о нѣмцахъ. Недавно въ Валаамскомъ монастырѣ найденъ интересныя указъ царя Алексѣя Михайловича о нѣмцахъ, рисующій тотъ взглядъ, который на нѣмцевъ имѣли наши предки.

«Учали на Москву приходять разные еретики-нѣмцы и просить царскія службы, и мы, собравъ архіепископы, архіереи, архимандриты и іереи на думу, положили думными людьми: ихъ с...хъ дѣтей—нѣмцевъ на воеводство не посылать и къ воеводствамъ не опредѣлять, а быть имъ с...мъ дѣтямъ—нѣмцамъ только въ Москвѣ и записывать на черной сотнѣ и въ службу нашу царскую вступать по нуждѣ, въ ратную.—Указъ царя Алексѣя Михайловича 18-го мая 1661 года».

Земскій союзъ и генералъ Шуваевъ. Въ связи съ выраженнымъ полевымъ интендантомъ генераломъ Д. С. Шуваевымъ желаніемъ предоставить земскому союзу исключительное право на поставку для арміи полушубковъ, валенокъ и чересокъ, недавно состоялось совѣщаніе главнаго комитета съ представителями главнаго интендантства и земскихъ управъ, принимающихъ участіе въ выполненіи крупнаго заказа для арміи. Совѣщаніе постановило послать полевому интенданту генералу Шуваеву телеграмму слѣдующаго содержания:

«Представители губернскихъ земствъ, собравшись въ Москвѣ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ выполненіемъ земскимъ союзомъ новыхъ обширныхъ заказовъ главнаго интендантства, поручили мнѣ привѣтствовать васъ, какъ энергичнаго руководителя интендантскаго вѣдомства, искренно и цѣлкомъ преданнаго служенію родной арміи и сумѣвшаго, путемъ привлеченія всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ страны въ дѣлѣ снабженія нашей арміи, обезпечить ее всѣмъ необходимымъ. Объединенный земскій союзъ и земства прикладываютъ всѣ силы къ выполненію возложенной на нихъ отвѣтственной задачи. Князь Г. Львовъ».

Въ отвѣтъ на телеграмму князя Львова, главный интендантъ Шуваевъ прислалъ благодарственную телеграмму, въ которой проситъ не отказать и впредь въ такомъ же искреннемъ, дорогомъ сотрудничествѣ, которое принесло уже плоды нашей родной арміи и принесло радость и утѣшеніе нашему возлюбленному Государю.

Вліяніе войны на наименованія. Война имѣетъ подавляющее вліяніе на всѣ стороны жизни. Вполнѣ естественно, что она оказываетъ воздѣйствіе и на ту область практической жизни, которая выражается въ потребности давать новыя имена разнымъ предметамъ нашего обихода. Въ Россіи это явленіе выразилось въ административномъ переименованіи столицы, а во Франціи выражается въ томъ, что новымъ вилламъ, пароходамъ и даже баркамъ даютъ имена, сыгравшія роль въ войнѣ. Вокругъ Парижа появились виллы, въ родѣ «Галиціи», «Москвы», «Сербіи»; на Сенѣ плаваютъ барки съ такими, на примѣръ, именами, какъ «генералъ Русскій». Наиболее моднымъ считается называть разные предметы именами бельгійскаго короля и его героической супруги.

Фатальное число. Фатальное число это—17.

Январь—17-й мѣсяцъ войны.

Германская имперія была создана въ 1871 году. Сумма цифръ этого года даетъ 17.

Сумма порядковыхъ цифръ именъ прусскихъ королей даетъ тоже 17. Дѣйствительно, прусскіе король слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Фридрихъ I, Фридрихъ-Вильгельмъ I, Фридрихъ-Вильгельмъ II, Фридрихъ III, Фридрихъ-Вильгельмъ III, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, Вильгельмъ I, Фридрихъ III.

Наконецъ та же цифра получается, если сложить порядковыя цифры именъ всѣхъ воюющихъ государей: Николай II, Георгъ V, Альбертъ I, Викторъ-Эммануилъ III, Петръ I, Николай I, Вильгельмъ II, Францъ-Иосифъ I и Фердинандъ I.

73-лѣтній герой. Въ Крымскомъ конномъ полку съ самаго начала войны служить добровольцемъ житель поселка Иларіоновскаго, Терской области,

М. С. Новосартовъ, по профессіи парикмахеръ, 73-хъ лѣтъ, о боевыхъ подвигахъ котораго сообщаютъ слѣдующее:

19-го октября 1914 года, какъ гласитъ приказъ, Макаръ Новосартовъ, будучи посланъ командиромъ эскадрона, рассыпалъ свой дозоръ, лихо подскакалъ къ неприятельскимъ окопамъ и, несмотря на сильный огонь неприятеля, вычислилъ его численность и своевременно донесъ по начальству. За это М. Новосартовъ получилъ Георгіевскій крестъ 3-й степени и унтеръ-офицера.

12-го декабря 1914 года онъ находился въ числѣ людей развѣзда корнета Евдокимова. Во время наступленій развѣзда въ спѣшенномъ строю, будучи на правомъ флангѣ, стремительно бросился впередъ и своимъ примѣромъ увлекъ товарищей, за что получилъ Георгіевскій крестъ 2-й степени.

Послѣ этого М. Новосартовъ заболѣлъ и былъ отправленъ въ Царскосельскій военный лазаретъ, гдѣ врачи признали его совершенно неспособнымъ къ военной службѣ.

30-го апрѣля 1915 года, какъ гласитъ свидѣтельство, находящееся на рукахъ у М. Новосартова, Макаръ Новосартовъ имѣлъ счастье представляться Его Императорскому Величеству и просилъ о разрѣшеніи ему вернуться въ строй. На означенное ходатайство Его Величеству благоугодно было выразить Высочайшее соизволеніе.

Послѣ этого М. Новосартовъ получилъ Георгіевскій крестъ 1-й степени и чинъ подпоручика.

4-й степени Георгіевскій крестъ М. Новосартовъ получилъ во время турецкой кампаніи 1877-го года.

Кромѣ этого, М. Новосартовъ имѣетъ двѣ серебряныя и двѣ бронзовыя медали.

Сношенія съ военнолѣнными. Нѣсколько времени назадъ въ «Вечернемъ Времени» было напечатано сообщеніе отдѣла о военнолѣнныхъ при петроградскомъ областномъ комитетѣ всероссійскаго союза городовъ о пріостановкѣ пріема писемъ въ тѣ мѣстности, которыя временно заняты неприятелемъ.

Въ настоящее время, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, отдѣлъ о военнолѣнныхъ нашелъ возможнымъ снова открыть приемъ писемъ для лицъ, находящихся въ районѣ военныхъ дѣйствій. Согласно правиламъ, установленнымъ нѣмецкими властями, письма, которыя посылаются въ этотъ районъ, должны быть написаны исключительно на нѣмецкомъ языкѣ и по возможности должны быть кратки. Далѣе, отправитель письма въ началѣ его обязанъ указать адресъ того лица, его имя, отчество и фамилию, которому направляется письмо, а въ концѣ приложить свой подробный адресъ. Письма принимаются къ отправкѣ исключительно въ слѣдующіе пункты: Вильна, Ковна, Бѣлостокъ, Гродна, Суваики, Августова, Вильковишки, Олита, Поневѣжъ, Шавли, Кѣльцы, Баускъ, Бѣльскъ, Соколки, Митава, Газенпотъ и Виндава.

Къ каждому письму отправитель долженъ приложить три десятикопеечныя марки и направить письмо по адресу отдѣла о военнолѣнныхъ: Петроградъ, Б. Колюшечная, д. № 12.

Призывъ къ бережливости въ Англіи. Въ Англіи, по словамъ газетъ, начался какой-то азартъ бережливости. Экономія изъ патристическихъ видовъ стала общей религіей. «Жена пѣра,—говоритъ «Русское Слово»,—богатѣйшая дама, леди Джульетта Дѣффъ заявила газетнымъ сотрудникамъ, что въ своемъ домѣ-дворцѣ она для сокращенія расходовъ почти совсѣмъ упраздняетъ обѣды: немного мяса и сыра, — вотъ и весь ея «военный обѣдъ». Въ гости не ходитъ и къ себѣ не зоветъ опять-таки во имя экономіи; платья носить старая, ношенія и убеждаетъ друзей придерживаться такой же системы.

Леди Корнелия Уинборнъ основала спеціальное общество — женскую лигу военной экономіи: «Women's War Economy League». И въ это общество демонстративно вступили такія богатыя аристократки, какъ герцогиня Сутерландъ, герцогиня Бьюрфордъ, маркиза Рипонъ, княгиня Немборкъ, виллонесса Ридли, леди Айлингтонъ,—хотя имъ-то для чего экономить? Но каждой барынь, конечно, стало лестно примкнуть къ такой сіятельной лигѣ. Дамы ринулись туда цѣлыми толпами.

Вступающія въ лигу обязываются:

1. Носить старомодныя платья, не гоняясь за новѣйшими фасонами.
 2. Ходить пѣшкомъ, отречься отъ автомобилей. (Прибѣгать къ таксомоторамъ дозволяется только съ благотворительной цѣлью).
 3. Не приглашать никого къ обѣду ни къ себѣ домой ни въ ресторанъ.
 4. Не покупать заграничныхъ товаровъ, предметовъ комфорта и роскоши.
 5. Разсчитать лакеевъ и дворецкихъ, доведя число прислуги до минимума.
- Лига сразу приобрѣла популярность, и такъ какъ въ Англіи средніе классы всегда подражаютъ высшимъ, а низшіе тянутся за средними, то теперь, когда съ самыхъ верховъ раздался призывъ къ экономіи, всякая грошовая скарденность, получивъ великосвѣтскую санкцію, стала признакомъ хорошаго тона. Обходиться безъ извозчика, безъ портиго, безъ повара нынче высшій шикъ и щегольство.

На ряду съ тѣмъ въ газетахъ печатаются призывы отказаться отъ крахмальныхъ воротничковъ и манжетъ, о чемъ у насъ уже давно говорили и писали (см. «Отклики войны» № 37 «Нивы» 1915 года).

«Въ Англіи,—доказываютъ газеты,—ежедневно крахмалится и гладится до 50 милліоновъ воротничковъ, манжетъ и манжетъ, или въ годъ 2½ милліарда. А это събѣдаетъ на 70 милліоновъ угля».

Эта ригористическая экономія проповѣдуется во имя патриотизма, и всякій человѣкъ, покупающій мѣха, золото, серебро считается какъ бы врагомъ отечества.

«Государству,—говорятъ англичане,—нужны для войны всѣ деньги, и потому добрый патриотъ обязанъ покупать не предметы роскоши, а билеты государственнаго займа».

Свѣтлѣйшая княгиня Эрнстова. Свѣтлѣйшій князь Эрнстовъ палъ смертью храбрыхъ. Рядомъ съ нимъ его участь раздѣлили четыре его сына-красавца. Оставилъ жену-красавицу княгиню Варвару. Оставилъ милліонное состояніе, конюшню.

Перенесла княгиня Варвара гибель мужа. Но не вынесла смерти любимыхъ сыновей. Скрылась изъ имѣнія. Думали—руки на себя наложила несчастная... Прошелъ мѣсяць. Нашлась княгиня среди нашихъ войскъ.

Безумная, но со слѣдами былой красоты. Ходила тихо, съ блуждающимъ взоромъ. Искала мужа и дѣтей. Оборванная, изуренная, часто голодная.

Единственное достоинство, котораго никому она не довѣряетъ,—платочекъ съ портретами мужа, дѣтей и безспорными документами на громадное состояніе.

Цѣлыми днями блуждала по полю. Искала кого-то. Людей не чуждалась. Говорила по-русски, армянски, грузински и французски. Одна лишь тема: мужъ и дѣти. Иногда просила вина. Пѣла. Жутко слушать, но голосъ пріятный, чистый.

Нашлись добрые люди, направили княгиню въ Тифлисъ.

Эта не сказка, а жуткая быль.

Милліонерша горійскаго уѣзда, красавица-аристократка, десятки прислужницъ, брильянты, избранница судьбы два мѣсяца тому назадъ—и безумная, голодная, ничего не признающая, ни богатства ни родныхъ, свѣтлѣйшая княгиня Эрнстова теперь.

Европа послѣ войны. Англійская газета «Daily Mail» дѣлаетъ попытку представить будущія хозяйственныя условія жизни Европы послѣ великой войны. Прежде всего, въ составѣ народонаселенія произойдутъ несомнѣнно глубокія перемены. Нынѣ 25 милліоновъ мужчинъ цвѣтущаго возраста находятся подъ знаменами, 9 милліоновъ уже убиты или же искалѣчены; въ концѣ втораго года убыль должна достигъ 20 милліоновъ человѣкъ. Кромѣ того, повсемѣстно понижается коэффициентъ рождаемости—и это фактъ одинаковый какъ для Парижа, такъ для Берлина и Вѣны. Слѣдуетъ подчеркнуть, что никакая средневѣковая чума не приносила такихъ опустошеній на нивѣ человѣческой жизни. Послѣ войны, по мнѣнію газетъ, народонаселеніе Европы уменьшится почти до уровня эпохи наполеоновскихъ войнъ. Тогда на одного мужчину будетъ приходиться по двѣ женщины, въ общемъ повсемѣстно старики и дѣти будутъ гораздо численнѣе, чѣмъ работоспособные мужчины, а калѣкъ будетъ больше, чѣмъ здоровыхъ. Отмѣтимъ, что условія весьма благоприятны успѣху женскаго труда: женщины захватятъ хорошія должности и достигнутъ высокой оплаты ихъ работы.

Потеря германцами дирижаблей. Парижская газета «Petit Journal» сообщаетъ, что, по свѣдѣніямъ изъ достовернаго источника, германцы потеряли за время войны 47 дирижаблей.

Нѣмцы подговариваютъ турокъ истреблять армянъ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» А. К. Дживелеговъ подробно передаетъ ужасы истребленія турками армянскаго населенія при помощи германскихъ офицеровъ. По словамъ г. Дживелегова, ни одинъ изъ прежнихъ армянскихъ погромовъ, не исключая и погрома 1895—1896 гг., не можетъ итти въ сравненіе съ тѣмъ, что свершилось надъ армянами въ дни великой войны.

Вотъ что творилось въ турецкой Арменіи: все населеніе турецкой Арменіи, насчитывавшее до войны около двухъ милліоновъ, подверглось систематическому искорененію. Значительная его часть, преимущественно мужчины, перебиты, при чемъ для сбереженія патроновъ, которыхъ въ то время у турокъ было мало, людей большей частью предавали смерти способомъ наиболее экономическимъ: запирали въ помѣщеніе и сжигали. Другая часть, преимущественно дѣти и дѣвушки, обращены насильственно въ исламъ. Наконецъ третья выслена въ отдаленнѣйшія мѣста Месопотаміи и Аравіи; высленіе производилось съ такимъ расчетомъ, чтобы какъ можно больше народа погибло въ пути отъ голода, жажды и лишений: у людей отнимали обувь, одежду и деньги; имъ не выдавали никакого опредѣленнаго пайка. Естественно, что путь черезъ горы изъ Эрзерума, Сиваса, Байурта къ Алеппо и Мосулу превратился въ самый настоящій путь смерти. Сотни и тысячи оставались навсегда на ущельяхъ и на перевалахъ Тавра.

Г. Дживелеговъ считаетъ вполне установленнымъ участіе въ армянскомъ истребленіи нѣмецкихъ офицеровъ. Во многихъ мѣстахъ избіенія и высленія производились по командамъ именно нѣмцевъ. Германское правительство несетъ полную отвѣтственность за злое дѣло, которое свершилось на нашихъ глазахъ въ Передней Азіи.

Въ доказательство авторъ указываетъ на судьбу друга армянъ—нѣмца д-ра Ленеіуса. Этотъ ученый, большой и давній другъ армянъ, побывавъ въ Турціи уже во время погромовъ и, вернувшись въ Германію, въ особомъ воззваніи къ обществу повѣдалъ о томъ, какъ при попустительствѣ, если не при подстрекательствѣ Германіи была сдѣлана попытка стереть съ лица земли армянскій народъ. Воззваніе, подъ которымъ подписались многія выдающіяся лица, было конфисковано. Были слухи, что мѣры «предосторожности» были приняты и противъ самого д-ра Ленеіуса. А когда на-дняхъ былъ сдѣланъ запросъ объ армянскихъ дѣлахъ въ рейхстагѣ, представитель правительства Штуммъ отвѣтилъ такъ, что даже самымъ непонятливымъ сдѣлалась ясна роль Германіи.

Участіе Германіи въ этомъ «зломъ дѣлѣ» г. Дживелеговъ объясняетъ такъ: Армяне въ Турціи широко окаймляютъ почти всю русскую границу. Очистить пограничную полосу отъ армянъ значило облегчить стратегическую задачу на русско-турецкомъ фронтѣ. Такъ возникъ планъ высленія. Онъ родился въ нѣмецкихъ головахъ. Турки его съ одной стороны упростили, а съ другой—расширили.

Упрощеніе заключалось въ томъ, что, вмѣсто хлопотнаго переселенія, армянъ въ нѣкоторомъ количествѣ предварительно истребляли на мѣстѣ, при благожелательномъ бездѣйствіи или при явномъ сочувствіи нѣмецкихъ офицеровъ. А расширеніе—въ томъ, что нѣмецкій планъ, касающійся только пограничныхъ полосъ, былъ распространенъ на всѣ мѣста, гдѣ имѣется сколько-нибудь компактное армянское населеніе. Онъ не коснулся, какъ уже говорилось, лишь очень немногихъ армянскихъ гнѣздъ. Туркамъ теперь нечего стѣсняться. Тѣ европейскія державы, которыхъ они всегда стѣснялись, тѣмънѣе, боялись (главнымъ образомъ Англія),—нынѣ воюютъ съ ними. Остается Америка, но въра во всемогущество заступницы—Германіи до того ослабилась турокъ, что они и съ Америкой не церемонятся.

Г. Дживелеговъ приходитъ къ выводу, что спасеніе армянскаго населенія въ Турціи, столь нужное съ точки зрѣнія интересовъ Россіи и ея союзниковъ, возможно только при одномъ условіи: нужно побѣдить нѣмцевъ. Только тогда охладится манія величія младотурокъ. Турція займетъ принадлежавшее ей скромное мѣсто, и армяне смогутъ спокойно думать о своемъ будущемъ. Иначе имъ дѣйствительно грозитъ полное истребленіе.

ЖИЗНЬ

№ 7. Выходит ежедн. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 13 февраля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ (вторая серія книгъ)

А. П. ЧЕХОВЪ (новыя посмертныя сочиненія)

Н. Г. ГАРИНЪ-МИХАЙЛОВСКІЙ (полное собр. сочиненій)

„БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“ (Романъ ШАРЛЯ ДЕ-КОСТЭРА)
(„Уленспигель“)

12 книгъ „ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“ и проч.
2 НОВЫЯ СПЕЦІАЛЬНЫЯ КАРТЫ ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ двухъ фронтовъ: 1) западнаго (русскаго), размѣромъ 61×95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймѣ и 2) западно-европейскаго, размѣромъ 55×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ. Обѣ карты въ 6 красокъ, подъ ред. проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

Старый кавалеръ.

Разсказъ Юрія Слезкина.

Памяти павшихъ въ бою полочанъ.

I.

Платона Максимовича Скабилицина знали все въ городкѣ нашемъ. Жилъ онъ тутъ много лѣтъ, и не одно поколѣніе выросло на его глазахъ.

Это былъ бодрый крѣпкій старикъ, съ веселыми живыми глазами, съдыми бачками, громкимъ голосомъ.

Любовь и война были его девизомъ: съ ребячества до почтенной старости онъ жилъ или среди тревогъ ихъ, или ихъ воспоминаніями. Молодымъ офицеромъ сдѣлалъ онъ со Скобелевымъ весь Хивинскій походъ, женился, перешелъ Балканы; командо-

Открытіе состоящаго подъ покровительствомъ Государынь Императрицъ Англо-Русскаго лазарета въ Петроградѣ. На торжествѣ изволили присутствовать Августѣйшая Покровительница Краснаго Креста Ея Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна, Августѣйшія Сестры милосердія Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, Великая Княгиня Марія Павловна, Великая Княгиня Викторія Феодоровна, англійскій посольскій сэръ Джорджъ Бьюкененъ, леди Сибиль Грей, докторъ Флемингъ и сестры милосердія вновь открывшагося лазарета. По фот. А. Колесова.

валъ полкомъ въ китайскую экспедицію и, уже будучи въ отставку, вновь сражался на поляхъ Манчжури.

Бѣлый Георгіевскій крестикъ, приколотый самимъ Скобелевымъ, украшалъ грудь его бѣлаго фланелеваго (въ память обожаемаго героя) кителя.

Смерть, казалось, щадила Платона Максимовича, но не пули: онъ былъ весь израненъ и, невзирая на то—здоровъ, веселъ и бодръ. Достаточное легкомысліе, при вполнѣ ясныхъ понятіяхъ, вошедшихъ въ привычку, и при воображеніи живомъ, вѣчно юномъ, спасли его отъ нравственныхъ болѣзней и сохранили ему и физическія силы. Къ числу странностей его характера и жизни принадлежитъ и самый бракъ: онъ выигралъ жену свою на бильярдѣ. Но, быть-можетъ, исторія эта выдумана досужими старожилками нашего города или самимъ Скабильцинымъ, который подчасъ ради краснаго словца не жалѣлъ и родного отца.

Супруги Платона Максимовича я не имѣлъ чести знать, а потому судить о ней не могу, такъ какъ самого генерала Скабильцина узнать, и достаточно близко, еще будучи кадетомъ, тогда, когда онъ былъ уже вдовъ.

Въ ту пору матушка моя переѣхала на жительство въ этотъ маленькій городишко, и я на каникулы являлся къ ней изъ корпуса.

Лѣтними вечерами въ городскомъ скверѣ играла музыка, и мы, учащаяся молодежь, — четыре кадета и

На кавказскомъ фронтѣ.
Курды Эрзерумскаго вилайета. По фот. Нестерова.

Невольно мы всё подтянулись, а одинъ изъ товарищей шепнулъ мнѣ внушительно:

— Это Платонъ Максимовичъ, съ Георгіемъ и другъ Скобелева. Тутъ онъ первое лицо, другого генерала нѣтъ. Играетъ на сценѣ и вообще тоняга.

И тотчасъ же съ особенной лхостью стали мы во фронтъ, пропуская мимо идущаго генерала. Онъ оборотилъ въ нашу сторону загорѣлое кирпичное лицо свое, тряхнулъ на груди бѣлымъ крестикомъ и молвилъ звонкимъ голосомъ:

— Здорово, молодцы!

Мы отвѣтили разомъ:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—и, отпущенные благосклоннымъ кивкомъ, четкимъ шагомъ прошли дальше, а Скабильцинъ взошелъ по ступенькамъ на деревянную веранду клуба и сѣлъ за столикъ.

Но не успѣли мы дважды пройти туда и обратно по дорожкѣ сквера, какъ снова услышали звонкій голосъ Платона Максимовича:

— Пожалуйте сюда!

И, подождавъ, пока мы въ смущеніи подошли къ нему, онъ добавилъ весело:

— Можете вольно. Садитесь-ка за столъ пирожки ѣсть.

На кавказскомъ фронтѣ. Ущелье на пути къ Эрзеруму со стороны Тортумъ-гель. По фот. Нестерова.

два гимназиста, — конечно, не пропускали случая побывать тамъ.

Въ бѣлыхъ перчаткахъ, въ туго подтянутыхъ кушаками и собранныхъ на спинѣ въ мелкую складку гимнастеркахъ, въ „собственныхъ“ ботинкахъ и брюкахъ со штрипками (плоды не малыхъ трудовъ), „по-гвардейски“ надвинутыхъ на носъ фуражкахъ (предварительно смоченныхъ, чтобы не торчали поля), — мы, кадеты, ходили по дорожкамъ сквера лѣнливой, раскачивающейся кавалерійской походкой, кривили колесомъ ноги и похлопывали себя меланхолично тонкими орѣховыми прутиками, замѣнявшими намъ стѣки.

Видъ у насъ былъ „адски-тонный“ и возбуждалъ неизмѣнную зависть у штрюцкихъ-гимназистовъ.

Гуляли мы всегда табуномъ, раскланивались со знакомыми барышнями издали, сухо беря подъ козырекъ, переговаривались на какомъ-то невѣроятномъ волапюкѣ—словомъ, тонули до невозможности. Но всё мы были влюблены, всё тайкомъ перенисывались, и потому можете себя представить, какъ дорого стоилъ намъ нашъ „тонъ“, какъ тяжело было „выдерживать марку“, когда столько хорошенькихъ милыхъ глазокъ было обращено на насъ. Но что подѣлаешь, — „roug être beau il faut souffrir“.

Въ этомъ и заключался настоящій „закалъ“.

Въ первое же посѣщеніе сквера увидѣлъ я генерала Скабильцина.

Шелъ онъ быстрымъ, молодеватымъ шагомъ, слегка сутуля полныя плечи, но высоко держа голову, распустивъ баки и усмѣхаясь сѣрыми молодыми глазами изъ-подъ широкаго козырька стараго образца фуражки.

На кавказскомъ фронтѣ. Эрзерумскій вилайетъ. Турецкое селеніе на Тортумскомъ озерѣ. По фот. Нестерова.

.....
 Месопотамія. Гробница пророка Ездры на берегу рѣки Тигра, ниже города Куть-эль-Амара. По фот. Нестерова.

Потомъ, глядя на меня и однокашника моего Зенчинко, добавилъ:
 — Полочане?
 — Такъ точно!
 — Ну и отлично... я самъ полочанинъ... Девизъ помните? Вездѣ и всюду полочанинъ полочанину братъ, и „ты“ наше свято...
 — Такъ точно.

Онъ подмигнувъ глазомъ, оправилъ баки и сказалъ внушительно:
 — Такъ-то, друзья,—твердо помните это: великое дѣло товарищество... Вотъ скоро играть будемъ. Я спектакль ставлю: страсть—ничего не подѣлаешь! Дочь у меня, такъ вы увидите, что за талантице! Отца переплюнула. Хвастать не люблю—а отъ правды не убѣжишь... Пирожки принесли? Отлично... Ну, кто больше? Да безъ отказа—не институтки... Полочанинъ—показывай при-мѣръ! Молодежь! Мы, бывало, ихъ на пари бѣдали...

И, поглаживая баки, заговорилъ мечтательно:

— Зелено—глупо, и ничего вы не понимаете. А у меня вся жизнь въ страсти. И вѣдь какъ иногда приходитъ странно. Съ театромъ, на примѣръ—кто бы подумалъ? Офицеръ, лихой рубака, дворянинъ—и вдругъ актеръ! А, бывало, все готовъ бросить—подавайте подмостки... И, надо вамъ знать, началось это необыкновенно, съ пустяка... Вышелъ я съ товарищами въ Клястицкій гусарскій полкъ. А стоялъ онъ тогда въ Курскѣ. Стоянка превосходная, городъ большой, развлеченій достаточно... У меня къ тому же и еще одинъ предлогъ оказался: жилъ тамъ въ ту пору помѣщикъ одинъ—пріятель отца моего, Глѣбъ Егоровичъ Засѣдскій. Домъ его былъ полная чаша, а гостей—труба нетолченая. Офицерство тамъ дневало и ночевало. Пили, ѣли, веселились напрадалую и за барышнями ухаживали. Двѣ дочери были у Глѣба Егоровича—Елизавета и Александра... Что грѣха таить—влюбился я въ Елизавету сперва, а послѣ сталъ безъ ума отъ Александры... И чего ржете! Очень это просто, и ничего вы не понимаете! Конечно, вздоръ. Самъ чувствовалъ, но сердце не камень. Вѣденъ, глупъ, молодежь, вѣтеръ въ головѣ и долговъ не оберешься,—не мужъ, а срамъ одинъ. Такъ мы другъ другу и не открылись, но, видя склонность ко мнѣ Александры, не могъ я рѣшиться отойти отъ нея, и между нами долгое время существовало то невыразимое чувство, что зовутъ обыкновенно дружбой. Тутъ-то и была моя погибель. Затѣяла она однажды спектакль и непременно пожелала поставить „Бѣду отъ нѣжнаго сердца“. Всѣ роли разобрали, а на роль старухи Кубыркиной никого найти не могли. Заикнулись—было обо мнѣ... да я наотрѣзъ. Поми-

луйте, и роль женская (ну, это куда бы ни шло) и усы сбрить приходилось! Сами посудите: сбрить усы, когда они только-только расти начали! Ко всѣмъ уговорамъ глухъ оставался, но голосокъ Александры сбѣлалъ свое злое дѣло. Не устоялъ... Сбрить усы и игралъ Кубыркину... Смѣялись всѣ до упаду, аллодировали и совратили. Такъ и покотился—чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Гогочете?—Ну, гогочите!.. О пирожкахъ-то не позабудьте... Эхъ, молодежь, молодежь, однокашники-подлецы—ничего-то вы не понимаете!..

И, поднявшись, кивнулъ намъ дружески:
 — Ну, я пройдуся—кости разомну. Тутъ у меня рандеву одно назначено... съ гимназисточкой... А кто влюбленъ—на глаза не попадайся—отобью... Съ Богомъ!..

II.

Жилъ Платонъ Максимовичъ на краю города за выгономъ. Жилъ настоящимъ помѣщикомъ на своей землѣ, въ своемъ домѣ. Домъ былъ небольшой, но крѣпкій, хозяйственный домъ—съ закуточками, чуланчиками, кладовыми, погребками, а вокругъ густьелъ буйный садъ—все старья липы, клены, буки и цѣпкая чаща хмеля. Но больше всего росло тутъ сирени: она тянулась вдоль всей ограды усадьбы Скабильцина, бѣлая, персидская, махровая, всякая...

Весенними ночами не продохнуть было отъ влажнаго ея запаха. А соловьи щеголяли одинъ передъ другимъ въ дурманныхъ заросляхъ. Передъ верандой, какъ водится, разбитъ былъ цвѣтникъ—здѣсь полной хозяйкой считалась дочь Скабильцина, Агнія Платоновна. Особенно хороши расцвѣтали бѣлыя лиліи: ни у кого въ городѣ такихъ не было, и когда случалась у кого-нибудь свадьба, то шафера непременно просили ихъ у Агніи Платоновны или Платона Максимовича (разумѣется, если время было подходящее).

— У меня дочь—и огонь и лилія,—говаривалъ Платонъ Максимовичъ—одно удивленіе... И самому иногда смѣшно станвится, откуда что взялось: ну, скромничать нечего—огня во мнѣ не перегушить было, а лиліи—ни-ни... Какъ говорите? Отъ жены? Отъ Анны Николаевны? Простите мнѣ,—шутить изволите! И далеко лилій не пахло! Кремь была покойница, вся отъ земли... Иначе, какъ „нашъ полкъ“, „мои солдаты“ и не говорила. Сентиментовъ терпѣть не могла—мечтала только въ уединенномъ мѣстѣ, а грустила, когда обѣдъ не удавался...

Съ генераломъ дочь Агнія постоянно не жила, а пріѣзжала только на лѣто. Была она замужемъ за офицеромъ артиллерій-

.....
 Месопотамія. Кочевка арабовъ на берегу рѣки Тигра, ниже города Куть-эль-Амара. По фот. Нестерова.

Подвиг, награжденный Георгиевским крестом. Рисунок нашего военного корреспондента М. Авилова.

«Старший писарь Григорий Выриганов в бою под селеньем уноса выбегать из строя и лошади заступались в построениях, неприятели, раскидывая лошадей и вывезть орудия». (Из при-
и донесениям очень подробно, когда взводной передний сельские что орудия прозвоня ослеплость быть захваченных каза по армии).

скимъ и жила въ губернскомъ городѣ при мужѣ и съ дочкой Таточкой.

Въ тотъ годъ, когда я познакомился съ семействомъ Скабильдина (девятьсотъ шестомъ, кажется), Таточкѣ шелъ уже одиннадцатый годъ, а матери ея было подѣ тридцать. Это я узналъ стороною, еще не по-видавъ ни дочери ни матери.

Въ первое же сообщеніе владѣнн генерала, — а это случилось на второй день знакомства, — я имѣлъ счастье быть представленнымъ экономя или хозяйкѣ Шлагона Максимовича — Дарьѣ Валерьяновнѣ.

— Прощу любить и жаловать, — сказала Скабильдинъ, подводя меня къ дородной женщинѣ, озабоченно нагнувшейся надъ парниками, отчего бросилась мнѣ въ глаза сначала клѣтчатая юбка ея, колеблемая поспѣшными движениями скрытаго занеютуловища: — однокашникъ мой, полочанинъ... Будущій кавалеръ, а въ настоящемъ большой повѣса. Совѣтую прикормить...

На эти слова женщина не повернулась, полагая, должно-быть, что на первый разъ вполне достаточно того, съ чѣмъ я успѣлъ уже ознакомиться, и отвѣтила голосомъ удушливо-перхотнымъ и къ тому же картавымъ:

— Ладно, ладно, знаемъ мы этихъ однокашниковъ — одинъ другого лучше, а всѣ на васъ похожи. Убирайтесь пока отсюда и не мѣшайте — къ обѣду только не опаздывайте!

Но пріемъ такой, видимо, мало смутилъ генерала, и онъ сказалъ весело и, какъ всегда, звонко:

— Не въ духахъ Дарья Валерьяновна, не въ духахъ! Только это вздоръ, вниманія не обращай! Строга, но великодушна!.. Домой уйдешь на четверенькахъ — до отвалу накормить. А пока что пойдемъ карасей ловить. У меня тутъ прудъ замѣчательный, и ничего ты не понимаешь!

Такъ мнѣ и не пришлось сразу познакомиться со всей Дарьѣй Валерьяновной, но когда случай такой представился, я былъ очарованъ ничуть не болѣе.

Генералъ Скабильдинъ часто говорилъ ей, посмѣиваясь:

— Не прогнѣвайтесь,

Бой въ польскомъ мѣстечкѣ. Рисунокъ И. Владимірова.

Наша тяжелая „12“ на позиціи.

Дарья Валерьяновна, но вы замѣчательно сохранились... Точь въ точь, какъ одно изъ тѣхъ крупныхъ яблокъ, чтó сохраняются долго потому, во-первыхъ, что въ нихъ пропасть горечи, и, во-вторыхъ, потому, что ихъ никто не ѣсть...

Черезъ годъ знакомства моего съ нею ея не стало. Она умерла отъ заворота кишечки. Быть-можетъ, кто-нибудь пожалѣлъ ей, угощая. Миръ ея праху.

Постояннымъ гостемъ Платона Максимовича бывалъ Игнатій Чеславовичъ Плекоць. Это былъ премилый, преуслужливый и презабавный человекъ. По службѣ у него вышло какое-то несчастье, и его содержала жена, а самъ онъ то продавалъ билеты въ скверъ на музыку, то помогалъ Скабильдину въ устройствѣ любительскихъ спектаклей. Его можно было бы сравнить съ одиннадцатымъ изданіемъ юмористической книги.

— Золотыя руки у пана Игнатія, — увѣрялъ всѣхъ генералъ: — только голова плохая: руки возьмутъ, а голова забудетъ, вотъ уже и неприятность. Но съ чужой головой — онъ незамѣнимъ. И потомъ, разговаривать съ нимъ весело. Въ зимніе вечера, да безъ пана Игнатія — ложись да помирай. Вы говорите, браню его часто? Справедливо! Чтó подѣлаешь! Всплывчивъ и потомъ сызмальства не привыкъ себя дуракомъ считать. А онъ меня чтó ни вечеръ въ дуракахъ оставляетъ. Какая же это игра! И еще смѣется, подлый: „паръ политеся, монъ генералъ, не больше одного раза въ вечеръ!“ Какъ вамъ это нравится! Мусоръ и такъ выражается. Выругать! Только я его люблю, какъ хотите, и ничего вы не понимаете! Французить, а самъ точно стружками набить — того гляди, рассыпется, и одинъ пиджакъ останется. Съ сердцемъ нужно...

III.

Въ жаркій истомный июньскій день встрѣтился я съ Агніей Платоновной. Теперь я былъ постояннымъ гостемъ въ усадьбѣ Скабильдина и даже не считалъ нужнымъ заходить въ домъ, чтобы поздороваться съ хозяиномъ, а просто черезъ плетень забирался въ садъ къ пруду и ловилъ рыбу. Иногда, распарившись, быстро раздѣвался и бултыхался въ зеленоватую воду. Безчисленныя лягушки и пиявки

мало беспокоили меня, и купанье въ грязномъ пруду доставляло мнѣ истинное наслажденіе.

Однажды, проходя мимо вишенника, услышалъ я чей-то смѣхъ и взвизгиванье. Неподалеку стояла худенькая голенастая дѣвочка и собирала падающія въ траву вишни, а среди вѣтокъ дерева копошилось еще какое-то бѣлое существо.

— Кадетъ, кадетъ — идите-ка сюда! — закричали мнѣ оттуда, съ дерева.

Неловко приблизившись, различилъ я среди зеленыхъ листьевъ и малиновыхъ ягодъ смѣющееся женское лицо.

— Вотъ и отлично. Вы какъ разъ во-время: ползайте на мое мѣсто, а я отдохну.

И бѣлое существо, затрепетавъ, быстро спустилось наземь.

Передо мною стояла тоненькая высокая женщина и, улыбаясь, глядѣла на меня темными своими глазами.

— Какой вы милый, господинъ кадетъ. Какіе у васъ красивые глаза. Познакомьтесь съ моей славной дочуркой и постарайтесь быть любезнымъ кавалеромъ.

А когда, смущенно расшаркавшись, я уже полѣзъ на дерево, радуясь случаю скрыться въ его густой тѣни, подошелъ къ намъ самъ Платонъ Максимовичъ и закричалъ по обычаю своему звонко:

— А-а, вотъ онъ, доблестный мой одпокашникъ, будущій кавалеристъ! Приступили къ рыцарскимъ своимъ

обязанностямъ? Похвально, похвально!

Потомъ мы сидѣли съ нимъ на берегу пруда, старый и малый, съ длинными удочками въ рукахъ; онъ вспоминалъ далекое прошлое, кавалерійскія свои продѣлки, Скобелева, о которомъ говорилъ съ дрожью въ голосѣ, а я смотрѣлъ на зеленую гладь пруда и въ неясномъ отраженіи своемъ слѣдилъ тонкія черты Агніи Платоновны, и не вѣрилось мнѣ, что она мать, что она вдвое старше меня, казалась она тоненькой дѣвушкой, неизъяснимо очаровательной и таинственной. Ахъ, куда ушли мои пятнадцать лѣтъ!

— Понимаешь, онъ такъ и сказалъ: „И если завтра Государю угодно будетъ объявить войну злѣйшему врагу нашему, Германіи, ничто насъ не остановитъ. Мы затопимъ тѣлами нашими весь Нѣманъ, и по нимъ пройдетъ побѣдоносная русская армія!“

Нашъ „Максимка“ на работѣ.

Къ войнѣ на Балканахъ. Портъ Дураццо (въ Албаніи),—мѣсто высадки итальянскихъ войскъ.

Ты не знаешь, что тогда случилось съ нами. Мы всё кинулись къ Михаилу Дмитриевичу, крича „ура“ и плача... Если бы ты только видѣлъ!.. Одинъ старый полковникъ рыдалъ, цѣлуя ему руки... Эхъ, малышъ, малышъ, ничего ты не понимаешь! Птенецъ желторотый! Вотъ это былъ человекъ, вотъ это былъ полководецъ! Дай Богъ, чтобы на Руси сыскался другой такой, когда настанетъ тяжкая година, имъ предсказанная! А она настанетъ, чуешь мое сердце... и не могъ ошибаться Скобелевъ. Жаль, старъ я теперь, никуда негоденъ, поистерлись зубы у матерого волка — на нѣмца не хватить... Ну, да и безъ меня справятся! Будетъ война, шалопай, дай мнѣ слово вернуться съ Георгіемъ!

Глаза Скабильцина краснѣли, наполнялись слезами, голосъ начиналъ дрожать. Онъ притянулъ меня къ себѣ и цѣловалъ, долго не отрываясь, а бѣлый его крестикъ больно царапалъ мнѣ лобъ.

Но я терпѣлъ. Я самъ былъ взволнованъ, взбудораженъ, влюбленъ и въ старика-ветерана, и въ бѣлый крестикъ, и въ бѣлую дочь его Агнью...

IV.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ: я окончилъ корпусъ, военное училище, и далеко занесла меня жизнь отъ яснаго прошлаго, гдѣ былъ маленькій пограничный городокъ, мною описанный, и brave генераль Скабильцинъ, и прудъ, и скверъ, и

На западномъ фронтѣ.
Гигантская труба сахарнаго завода близъ Суассона, выдержавшая свыше 100 снарядовъ, пущенныхъ въ нее нѣмцами.

моя первая любовь. Первая любовь, первое обожаніе, первое волненіе сердца, первая томная грусть, угасшія такъ же тихо, печально и навсегда, какъ угасла героиня романа моего Агнія Платоновна. О смерти ея сообщила мнѣ матушка моя въ первый годъ моего офицерства, а за годъ до того передъ выпускомъ изъ училища прѣзжалъ я въ городокъ нашъ и видѣлся съ нею еще здоровою и прекрасною—тогда было ей тридцать четыре года, и все такъ же казалась она дѣвочкой, то веселой, то томной... Таточка училась уже въ институтъ и въ отпускъ не прѣехала. Тогда впервые осмѣлился я открыться Агнии Платоновнѣ въ своей дѣтской любви и, смѣясь и краснѣя, говорилъ съ напускною небрежностью:

— Вы только подумайте, какъ былъ я глупъ, непроходимо глупъ! И похлопывалъ себя по рейтузамъ настоящимъ стѣкомъ съ монограммою и серебряной ручкой.

А она улыбалась не то съ грустью, не то насмѣшливо и отвѣчала:

— Ну, конечно, конечно, теперь вы должны быть умнѣе... Теперь вы ухаживаете за дамами, катаете ихъ въ автомобиляхъ, угощаете ужиномъ и хорошо знаете, какой цѣной вамъ заплатить за все это... А тогда вы были мальчишкой, ну, просто глупымъ кадетомъ: вы бѣжали безъ шапки на вокзалъ цѣлыхъ шесть верстъ, только чтобы не опоздать къ поѣзду, усѣтъ проводить меня, и не смѣли думать даже о маленькой благодарности, о короткомъ „спасибо“, которое я забывала сказать вамъ, занятая другими. Да, да, конечно, конечно... Вы были очень глупымъ мальчикомъ, но вы мнѣ тогда гораздо больше нравились... И я, быть-можетъ, чуть-чуть любила васъ... чуть-чуть... Вамъ этого не кажется? Нѣтъ, правда... Я люблю глухихъ мальчиковъ...

Она смѣялась тихонько и слегка ударяла меня вѣткой сирени, потомъ молвила серьезно:

— Натѣ, возьмите эту вѣтку, эти цвѣты. Спрячьте ихъ и храните на память обо мнѣ, о глупой любви своей, какъ дѣлаютъ это влюбленные кадеты. Когда-нибудь найдете ихъ и посмѣтесъ, а это такъ рѣдко случается съ умными людьми...

Я взялъ измятую вѣтку и ушелъ изъ стараго дома Скабильцина, беззаботно похвастывая. Я не думалъ, что больше мнѣ не придется вернуться сюда...

Боже мой, сколько мѣстъ долженъ былъ я посѣтить за свою жизнь, тогда казавшуюся безконечною!..

V.

И вотъ пришла та тяжелая година, о которой говорилъ генераль Скабильцинъ. Россія поднялась на врага, давно угаданнаго Скобелевымъ, и нашла себѣ достойнаго Вождя.

Мой полкъ съ первыхъ же дней выступилъ въ походъ и дѣлалъ, какъ умѣлъ, общее дѣло.

Богъ до сего времени миловалъ меня, но Онъ свидѣтель, что я не бѣжалъ смерти и, не будучи героемъ, просто мало думалъ о ней.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда полкъ мой отошелъ на отдыхъ, былъ я командированъ по полковымъ надобностямъ въ Петроградъ.

Облобызавшись съ товарищами, надававшими мнѣ уйму порученій, пустился я въ счастливый путь. Сначала ѣхалъ въ автомобиль больше дня, потомъ поѣздомъ.

Ночью съ какой-то маленькой станціи въ наше купѣ вошла дама въ глубокомъ траурѣ.

Носильщикъ внесъ за нею небольшой чемоданъ, получилъ на чай и ушелъ, а дама сѣла въ уголь дивана и замерла со скрещенными на колѣняхъ руками.

Никто изъ насъ не ложился, потому что поѣздъ былъ переполненъ и въ купѣ набралось восемь человекъ.

Отъ нечего дѣлать курили, курили до одурѣнія, или тяжело задремывали. Сквозь тяжелыя мутныя волны табачнаго дыма мигалъ непріятно желтый огонь фонаря, и духота тѣснила грудь. Мало что могло способствовать хорошему расположенію духа, даже у тѣхъ, кто, какъ я, ѣхалъ къ тишинѣ роднаго дома. Многие изъ насъ были утомлены до крайности, можетъ-быть, даже убиты горемъ. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ, отгоняемый заботами и тревогой.

Разговоръ, вспыхивавшій нервно и шумно въ началѣ пути, замеръ и болѣе не возобновлялся; всѣ предались унылому молчанію, нарушаемому без-

— Вы понимаете, я только-что его похоронила... Только-что... Я дрогнула отъ этихъ неожиданныхъ словъ, произнесенныхъ голосомъ надорваннымъ и слабымъ.

Сосѣди мои зашевелились.

Съ тревогой и жуткимъ волненіемъ глянула я на нашу спутницу. Улыбка, такъ не идущая къ словамъ ея, все еще не покидала поблѣвшихъ молодыхъ устъ.

Никто не смѣлъ ее утѣшать; всѣ хранили прежнее молчаніе. Измученное лицо женщины глядѣло на насъ изъ сизыхъ облаковъ табачнаго дыма темными глазами, обведенными синевою. Подъ лѣвымъ глазомъ ея различилъ я родинку. Даже не знаю, какъ могъ я разглядѣть ее въ полумракѣ, но она бросилась мнѣ сразу въ глаза и вмѣстѣ съ улыбкой напомнила мнѣ что-то давно знакомое и дорогое.

И вслѣдъ затѣмъ черту за чертою охватывала и оживляла моя память, пока я не вскрикнулъ пораженный:

— Боже, какое сходство съ Агніей Платоновной! Таточка, не вы ли это?

И мнѣ отвѣтили порывисто, захлебнувшись отъ прорвавшихся рыданій, судорожно ухватясь за рукавъ моей рубахи:

— Боже мой... вы знаете... вы знаете...

Я назвалъ себя, стараясь по возможности успокоить дѣвушку, немного смущенный и растроганный. Потомъ, не находя другихъ средствъ, предложилъ ей выйти со мною на площадку, гдѣ, опустивъ окно, можно было бы освѣжиться и прійти въ себя. Къ тому же смущался я присутствіемъ постороннихъ.

Она послѣдовала моему совѣту, съ дѣтской торопливостью отдаваясь моей волѣ. радуюсь мнѣ, какъ самому близкому ей человѣку, хотя никогда раньше мы съ нею не дружили, почти не разговаривали.

VI.

Всхлипывая и утирая платкомъ глаза, отдавая лицо влажному весеннему вѣтру, Таточка постепенно успокаивалась, а я глядѣлъ на нее съ непонятнымъ волненіемъ и участіемъ, находя въ каждой чертѣ лица ея сходство съ чертами, когда-то обожаемыми. Но тотчасъ же пришелъ мнѣ на память городишко, въ которомъ протекла первая моя любовь, и старый генераль Скабильцинъ, и то, что въ тѣхъ мѣстахъ недавно проходили непріятельскія войска, и я, обезпокоенный, спросилъ:

— Но скажите мнѣ, что случилось? Почему вы одна здѣсь и гдѣ Платонъ Максимовичъ? И кто такой умеръ?

Тогда, глотая вновь подступившія слезы, Таточка молвила чуть слышно:

— Онъ убитъ... Дѣвушка убитъ!

— Но какъ же, какъ?

— О, Боже мой, знаю ли я, какъ! Я была далеко отсюда, въ Москвѣ у тетки... Мнѣ телеграфировали, и вотъ я его похоронила... О, какъ я просила его прѣхать ко мнѣ! Но онъ былъ упрямъ, онъ не хотѣлъ покидать свой домъ. Онъ смѣялся надъ нашей трусостью и казался правымъ, потому что до послѣдняго времени нашъ городокъ оставался въ сторонѣ отъ военныхъ дѣйствій...

Въ Салоникахъ.
Выгрузка военныхъ
автомобилей.

конечнымъ стукомъ колесъ.

Вновь вошедшая оказалась единственной женщиной среди мужчинъ.

Но появленіе ея не вызвало особаго любопытства. Черный креплъ, скрывавшій лицо ея и станъ, внушалъ понятное уваженіе и участіе.

Невольно всѣ потѣнились, давъ ей мѣсто... Какъ часто въ эти дни пришлось намъ быть свидѣтелями слезъ и преждевременнаго траура.

Черезъ мгновеніе каждый снова углубился въ свои мысли или забился въ отупляющую дремъ.

Дама въ траурѣ сидѣла недвижимо короткое время — но такъ, будто застыла она; потомъ внезапно откинула креплъ съ лица, блѣднаго и осунувшагося, и молвила съ какой-то заискивающей и жалкой улыбкой:

Въ Салоникахъ. Лагерь сербовъ, успѣвшихъ соединиться съ французами.

Но все-таки они пришли и убили его. О, онъ дорого продалъ свою жизнь... Его нашли мертвымъ, пристоненнымъ къ стѣнѣ подъ образами. Дверь была взломана, етоль опрокинутъ, на полу лужи крови. На немъ быть парадный мундиръ, весь изорванный пулями. Но его прикончили итыковымъ ударомъ въ грудь... Господи, Господи! Вся одежда пропиталась кровью, а бѣлый его крестикъ сталъ розовымъ... Нѣмцы, видимо, убрали трупы товарищей, убитыхъ имъ, но все говорятъ, что ихъ было не одинъ и не два... Слышали, какъ онъ кричалъ „ура“ своимъ звонкимъ голосомъ... Я плачу, я не могу не плакать, потому что я все еще вижу его передъ собою, какъ живого, но мнѣ кажется, что онъ былъ счастливъ... Въдь онъ всегда говорилъ объ этой войнѣ, онъ знаетъ, что она будетъ, и мечталъ умереть, какъ слѣдуетъ георгиевскому кавалеру... Кажется, что слишкомъ старъ... Боже мой, какъ я люблю его, какъ горжусь имъ!..

Дѣвушка ухватилась руками за раму окна и, поднявъ лицо, смотрѣла въ свѣтлѣющее небо. Я ничего не могъ ей отвѣтить. Нервные спазмы умиленности и восхищенія сдавливали мнѣ горло.

Потомъ я почувствовалъ, что слезы ползутъ у меня по лицу. Такъ стояли мы молча нѣсколько минутъ, но съ каждой минутой на душѣ становилось все спокойнѣе и легче.

Молодость, должно-быть, брала свое, и небо ужъ очень было ясное, съ сверкающей звѣздой на востокѣ.

Порою я переводилъ взглядъ свой на блѣдное лицо Тачки, такое похожее на лицо Агнии Платоновны, на всю тонкую, темную фигуру ея, склоненную у окна вздрагивающей площадки, и сердце мое ширилось, грудь подымалась высоко...

Мнѣ казалось... Богъ вѣсть что казалось мнѣ, но все-таки не даромъ же мы съ нею встрѣтились... Утро... настоящее весеннее утро, и поѣздъ бѣжитъ быстро... къ Петрограду...

И мнѣ кажется, доблестный кавалеръ былъ бы радъ, если бы ему пришлось увидѣть меня теперь.

А можетъ-быть, порадовалась бы, глядя на меня, и Агния Платонова: вѣдь я опять сталъ глупымъ счастливымъ мальчишкой, готовымъ безъ шапки бѣжать за любимой и ничего не ждать отъ нея.

Противъ закона Божьяго и человѣческаго.

(Съ 2 портр. и 3 рис. на стр. 113 и 114).

Наши читатели уже знакомы съ нѣкоторыми фактами, сообщенными во всеобщее свѣдѣнiе Чрезвычайной Слѣдственной Комиссiей для разслѣдованiя нарушенiй законовъ и обычаевъ

войны австро-венгерскими и германскими войсками. На страницахъ „Нивы“ (№ 41 за истекшiй годъ) мы говорили о тѣхъ ужасныхъ

„Противъ закона Божьяго и человѣческаго“. Рядовой ... стрѣлковаго полка Василiй Анпиловъ.

„Противъ закона Божьяго и человѣческаго“. Искалѣченная нога Василiя Анпилова—отрублены пальцы.

„Противъ закона Божьяго и человѣческаго“. Подпоручикъ пѣхотнаго полка Алексiй Неклюковъ.

дѣянiяхъ, которые были установлены и подробно описаны названной Комиссiей въ первыхъ выпускахъ ея „Трудовъ“.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность продолжить изложенiе этихъ позорящихъ вражескую армию фактовъ. Вышли въ свѣтъ дальнѣйшiе выпуски „Трудовъ“ Чрезвычайной Комиссiи, руководимой сенаторомъ А. Н. Кривцовымъ, и, знакомясь съ ихъ содержаниемъ, опять невольно видишь и чувствуешь, до какого моральнаго распада доходятъ въ своихъ „воинскихъ“ дѣянiяхъ наши противники. Каждая строка, повѣствующая объ этихъ дѣянiяхъ, буквально вопiетъ къ небу.

Палачи, разстрѣлявшiе въ Бельгiи и Польшѣ тысячи ня въ чемъ неповинныхъ жертвъ, убившiе англiйскую сестру милосердiя миссъ Кавель, убиваютъ, жгутъ, тончутъ въ грязь самое милосердiе. Это уже не только и не просто „нарушенiе обычая и законовъ войны“, это безконечный рядъ отвратительныхъ уголовныхъ преступленiй, присущихъ развѣ только самымъ дикимъ народамъ, или самымъ мрачнымъ эпохамъ средневѣковья, когда, по выраженiю лѣтописца, „звѣри были благороднѣе и добрѣе человѣка“...

Приводимые Комиссiей новые факты „нарушенiй обычая и законовъ войны“ весьма разнообразны. Въ общемъ, ихъ можно свести въ нѣсколько группъ: истязанiя и пытки, совершаемыя нѣмцами надъ русскими воинами съ цѣлью вывѣдать у нихъ военную тайну, добиванiе раненыхъ, сожженiя, разстрѣлы, отравленiя плѣнныхъ и раненыхъ, злоупотребленiя бѣлымъ флагомъ, употребленiе варварскихъ средствъ и способовъ борьбы: разрывныхъ пуль, ядовитыхъ газовъ, огненныхъ жидкостей. Много данныхъ мы находимъ также о положенiи русскихъ плѣнныхъ въ Германiи и Австро-Венгрии, о тѣхъ мученiяхъ и издѣвательствахъ, которые приходится терпѣть мученикамъ, попавшимъ въ нѣмецкiе концентрационныя лагеря.

Случаевъ пытки, совершаемой нѣмцами ради добыванiя военныхъ свѣдѣнiй надъ русскими плѣнными, приведено очень много. И чувствуется, что случаевъ такихъ, еще неизвѣстныхъ и не установленныхъ—и того больше. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Канониръ Семенъ Пилюгинъ попалъ въ руки нѣмцевъ. Нѣмецкiй офицеръ сталъ разспрашивать его о количествѣ снарядовъ въ русскихъ войскахъ, и нѣтъ ли слуховъ о томъ, что Государь намѣревается просить мира. Пилюгинъ заявилъ, что ничего такого русскiй солдатъ по присягѣ не скажетъ, и добавилъ, что войскъ у насъ много, снарядовъ тоже, и что Государь думаетъ не о мирѣ, а о томъ, чтобы бить врага. Германецъ разсердился, ударилъ Пилюгина по шеѣ и сказалъ, что у него слишкомъ длинный языкъ, и потому его слѣдуетъ укоротить. Пилюгинъ въ отвѣтъ на это прибавилъ: „Пошлите къ намъ въ Россiю 25 своихъ корпусовъ, и они въ 25 лѣтъ не сосчитаютъ, сколько у насъ войска“.

Тогда началась пытка... По приказанiю офицера, нѣмецкiй солдатъ раскрылъ при помощи палки Пилюгину ротъ, а самъ офицеръ вытянулъ у Пилюгина какими-то щипчиками языкъ. И конецъ языка тутъ же былъ отрѣзанъ кѣмъ-то изъ нѣмецкихъ солдатъ перочиннымъ ножомъ. Пилюгину по-

„Против закона Божьяго и человѣческаго“. Аппаратъ для выбрасыванія горячей жидкости, употребляемый германскими войсками.

томъ удалось бѣжать отъ своихъ мучителей и повѣдать о своихъ мученіяхъ.

Другому герою-мученику, рядовому Анпилогову, во время такого же допроса отрубили пальцы на ногѣ. Нѣсколькимъ русскимъ плѣнникамъ нѣмцы рѣзали уши.

Не довольствуясь этими пытками для вывѣдыванія военныхъ секретовъ, нѣмцы сплошь и рядомъ мучили и убивали русскихъ воиновъ безъ всякой опредѣленной цѣли, если не считать въ нѣкоторыхъ случаяхъ явныхъ актовъ мести: это было, такъ сказать, своеобразное нѣмецкое воздаяніе русскимъ воинамъ за ихъ храбрость...

Не чѣмъ инымъ, какъ подобною „военной местью“ нельзя объяснить возмутительный случай отравленія плѣннаго русскаго офицера: забравъ съ собою раненаго офицера, германцы положили его въ крестьянской избѣ наполь, на солому, и стали перемѣшивать, видимо, наслаждаясь его страданіями. Затѣмъ къ нему подошелъ врачъ (!) и началъ всыпать въ ротъ какой-то бѣлый порошокъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе раненаго. Минуть черезъ 20 отравленный офицеръ въ страшныхъ мученіяхъ скончался, и трупъ его былъ переброшенъ че-

пуль, общее количество провѣренныхъ Комиссіей случаевъ раненій таковыми пулями превышаетъ 3.000. Но, конечно, эту цифру необходимо увеличить во много разъ. Остатокъ вливается на себя въ вниманіе сдѣланная Комиссіей регистрація случаевъ злоупотребленія бѣлымъ флагомъ и другими знаками сдачи. Комиссія насчитываетъ 42 обслѣдованныхъ и провѣренныхъ факта этого подлога предательства, а кромѣ того имѣетъ свѣдѣнія еще о 125 подобныхъ же случаяхъ надругательства надъ принципами международного права и надъ чело-вѣческой совѣстью.

„Противъ закона Божьяго и человѣческаго“. Аппаратъ для выбрасыванія горячей жидкости, употребляемый австрійскими войсками.

резъ заборъ. Позднѣ русскія войска, вступивъ въ эту деревню, подобрали и похоронили трупъ мученика.

Съ такою же цѣлю отмщенія былъ сожженъ германцами русскій нижній чинъ въ декабрѣ 1914 года близъ Дарейма (Восточная Пруссія). Около восьми нѣмецкихъ солдатъ схватили заблудившагося русскаго солдата, раздѣли его донага и потащили къ костру. Поставили въ костеръ и окружили ружьями.

Зарегистрированы и еще болѣе ужасный случай сожженія русскихъ воиновъ: 18-го февраля 1915 года тридцать русскихъ раненыхъ были взяты нѣмцами въ плѣнъ и помѣщены въ особый домъ. Уходя изъ поселка, нѣмцы заложили въ крышу дома патроны и подожгли самый домъ. Удалось спастись только десяти лицамъ. Остальные (слабые раненые, которые не могли двигаться самостоятельно) сгорѣли заживо.

Показаніями рядового Тихонко и ефрейтора Шпилевого установлено не менѣе возмутительный случай бросанія русскихъ плѣнниковъ въ рѣку Санъ. Австрійки поднимали ихъ на штыки, и швыряли въ воду.

Установлено много случаевъ добыванія русскихъ плѣнныхъ. Но это нарушеніе законовъ и обычаевъ войны уже давно приобрѣло популярность въ германской арміи. Гораздо болѣе поразительный приводимый въ „Трудахъ“ Комиссіи небывалый по своей утонченной жестокости фактъ вырыванія ногтей у раненаго плѣннаго русскаго офицера:

Подпоручикъ Алексѣй Неклюковъ въ ноябрѣ 1914 года въ бою близъ Ловича былъ раненъ и контуженъ, выбылъ изъ строя и былъ захваченъ германскимъ развѣдомъ. Нѣмцы повели его, а когда Неклюковъ отъ слабости упалъ, то принялись бить его руками и ногами, а затѣмъ одинъ изъ нѣмцевъ, снявъ съ раненой ноги Неклюкова сапогъ, сорвалъ повязку и сталъ рѣзать ногу поперекъ раненія. Отъ сильной боли подпоручикъ заметался. Тогда нѣмецъ схватилъ его за мизинецъ, засунулъ подъ ноготь какой-то тонкій металлическій предметъ и оторвалъ имъ половину ногтя. Неклюковъ потерялъ сознаніе; позднѣ, придя въ себя, онъ убѣдился, что у него сорваны ногти на всѣхъ пальцахъ обѣихъ рукъ.

Это мучительство говоритъ намъ уже о временахъ Нероновыхъ и Діоклетіановыхъ. Нѣмцы въ данномъ случаѣ вышли изъ орбиты не только современной исторіи, но и средневѣковой.

Чрезвычайная Комиссія посвящаетъ много вниманія нарушеніямъ извѣстныхъ постановленій Гаагской конференціи касательно разрывныхъ пуль, ядовитыхъ газовъ и т. п. Въ нашемъ первомъ очеркѣ мы подробно говорили объ этомъ, и сейчасъ нѣтъ надобности цитировать приводимые Комиссіей новые и новые случаи подобныхъ нарушеній. Въ частности, что касается разрывныхъ

Но зарегистрированы и еще худшія надругательства.

Законы и обычаи войны гласятъ, что „употребленіе такого оружія, которое по нанесеніи противнику раны безъ пользы увеличиваетъ страданія людей, уже выведенныхъ изъ строя, или дѣлаетъ смерть ихъ неизбежною, противно законамъ чело-вѣколюбія“.

Между тѣмъ германцы въ числѣ всякихъ другихъ своихъ „военныхъ хитростей“ и „орудій“ ввели въ употребленіе особые снаряды для обливанія нашихъ солдатъ горящими и ѣдкими жидкостями. Нечего говорить, что это противно законамъ чело-вѣколюбія.

Чрезвычайная Комиссія даетъ изображенія этихъ снарядовъ. Они состоятъ изъ металлическихъ цилиндровъ, наполненныхъ подъ большимъ давленіемъ смѣсью легковоспламеняющихся жидкостей, смолистыхъ веществъ или ѣдкихъ кислотъ. Къ цилиндру придѣланъ кранъ, при открытіи котораго изъ него бьетъ на 30 шаговъ впередъ струя пламени или жидкости. У выхода изъ трубки струя легкогорящей жидкости зажигается и, развивая очень высокую температуру, сжигаетъ на своемъ пути всѣ предметы и превращаетъ живыхъ людей въ сплошную обугливающуюся массу. Не менѣе ужасно и дѣйствіе кислотъ: попадая на тѣло, хотя бы и защищенное одеждой, кислота причиняетъ глубокіе ожоги. Пораженные кислотами люди умираютъ въ тяжкихъ страданіяхъ.

Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи удалось добыть копію приказа по второй германской арміи съ подробной инструкціей для употребленія огневыбрасывающихъ аппаратовъ. Читая эту инструкцію, не знаешь, чему болѣе удивляться: нѣмецкой „академически-спокойной“ аккуратности, или холодной жестокости, для которой нѣтъ никакого различія въ средствахъ и способахъ борьбы.

„Выбрасывателями огня, — гласитъ эта инструкція, — руководятъ специально обученные саперы. Огненные волны отбрасываютъ врага на большое разстояніе въ силу распространяющагося жара. Такъ какъ онѣ горятъ въ теченіе 1½ — 2 минутъ, и дѣйствіе аппаратовъ можно по желанію прерывать, желательнo выбрасывать пламя короткими отдѣльными вспышками, чтобы имѣть возможность сразить одной дозой содержимаго нѣсколько объектов“.

„Дозы“, „объектъ“. Не правда ли, какой почти научный, аптекарскій стиль!

Комиссія приводитъ цѣлый рядъ случаевъ употребленія германцами этихъ ѣдкихъ снарядовъ. „руководимыхъ специально обученными саперами“... Между прочимъ, у одного взятаго въ

плѣнь нѣмецкаго офицера были найдены банки съ ѣдкой кислотой, поражающей зрѣніе.

Чрезвычайная Комиссія отводитъ много мѣста обезлюдванію и изученію положенія нашихъ плѣнныхъ. Почти все, что говорится въ ея „Трудахъ“ по этому поводу, одинъ сплошной мартирологъ русскаго солдата и офицера.

„Всѣхъ плѣнныхъ (послѣ боя у Мазурскихъ озеръ), которыхъ набралось человекъ до 300, германцы прежде всего обыскали и отобрали деньги и все имѣющее какую-нибудь цѣнность. Затѣмъ отдѣлили имѣющихъ знаки отличія и разстрѣляли (очевидно, опять месть за храбрость!). Оставшихся погнали пѣшкомъ въ Летценъ. Остававшихъ въ пути конвойные подгоняли прикладами, а когда они въ изнеможеніи падали, прикалывали ихъ штыками. Дорогой жители бросали въ плѣнныхъ камнями и палками, а встрѣчавшіеся кавалеристы закалывали плѣнныхъ шккми“.

Плѣнныхъ, приведенныхъ въ концетраціонные лагеря, морили голодомъ, били, издѣвались надъ ними. „За малѣйшее ослушаніе или отступленіе отъ принятаго порядка били то прикладами, то резиновыми палками. Или привязывали, круто перетянувъ веревками, на два часа къ столбу. Ставили на колѣни на колотый кирпичъ и держали такъ съ перерывами часа два. При этомъ часовой все время наблюдалъ, чтобы наказанный не поставилъ ноги на плоскій кусокъ, а стоялъ бы на острыхъ осколкахъ, отъ которыхъ на колѣняхъ образовывались раны“.

„Плѣнныхъ принуждали къ крайне утомительнымъ работамъ: ихъ заставляли возить на себѣ телеги, а иногда, запрягая вмѣстѣ съ быкомъ или коровою въ плугъ, пахали на нихъ землю“.

Выставка „Солдатской гигиены на фронтѣ“ въ Парижѣ. Походные души, демонстрируемые на площади Инвалидовъ.

нѣмцы не проявляли жалости даже къ раненымъ: ихъ били по щечкамъ, рвали за усы, плевали въ лицо“.

Рядовой Василій Третьяковъ рассказываетъ о слѣдующемъ случаѣ: во время пути въ Германію на одной станціи вагонъ, въ которомъ помѣщался съ другими плѣнными Третьяковъ, былъ открытъ. Неполучавшіе уже въ теченіе двухъ сутокъ пищи солдаты, надеясь, что имъ будетъ данъ хлѣбъ, стали жадно всматриваться вдаль и дѣйствительно увидѣли женщинъ въ костюмѣ

сестеръ милосердія, которыя раздавали бывшимъ на станціи германскимъ солдатамъ хлѣбъ и колбасу. Одна изъ сестеръ подошла къ вагону, въ которомъ былъ Третьяковъ. Стоявшій въ дверяхъ вагона русскій солдатъ протянулъ руку, но сестра ударила по протянутой за хлѣбомъ рукѣ и мазнула солдата по лицу кускомъ колбасы. Обругавъ затѣмъ плѣнныхъ „русскими свиньями“, эта изумительная „сестра милосердія“ отошла отъ вагона.

Ко всему этому трудно да и излишне прибавлять что-либо. Передаваемые здѣсь нами факты, проверенные и зарегистрированные Слѣдственной Комиссіей, являются, въ сущности, каплей въ морѣ великаго жестокосердія и безстыдства, проявленныхъ въ эту войну нѣмцами. Но это такіе капли, которыя способны пробить камень, и которыя выжигаютъ на ланитахъ человѣчества жгучія раны оскорбленія и боли.

И тысячу разъ справедливы высказанныя Комиссіей въ предисловіи къ одному изъ выпусковъ ея „Трудовъ“ слова:

„Лишь глубокая вѣра въ высшее торжество правды, справедливости на землѣ, въ то, что священные договоры народовъ, понимающихъ все великое ихъ нравственное значеніе, никогда не будутъ считаться „клочками бумаги“, заставляють Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію съ спокойствіемъ судьи разбираться во всѣхъ этихъ ужасахъ...“

Выставка „Солдатской гигиены на фронтѣ“ въ Парижѣ, на площади Инвалидовъ. Демонстрированіе пользованія походными душами.

„На одной изъ станцій во время транспортировки раненыхъ плѣнныхъ толпа „мирныхъ“ жителей окружила русскихъ военноплѣнныхъ. Изъ толпы слышались ругательства, и обезумѣвшіе

Генераль сэръ Дугласъ Гай, новый главнокомандующій британской арміей во Франціи, назначенный вмѣсто фельдмаршала Френча.

Обручальное кольцо.

Рассказъ Рене Базена. Перев. Елены Мирской.

Луиза, какъ и большинство офицерскихъ жёнъ гарнизона, послѣ начала войны осталась въ маленькомъ городкѣ, гдѣ стоялъ полкъ до войны, надѣясь, что сюда быстрѣе и вѣрнѣе будутъ доходить вѣсти съ поля битвы.

Ложились сумерки, но Луиза не зажигала лампы. Длинная, узкая комната наполнилась тѣнями. Блестѣлъ только уголокъ большого зеркала, въ которомъ отражался огонь уличнаго фонаря.

Погрузивъ свое маленькое, хрупкое тѣло въ глубокое кресло, прилонивъ головой къ его спинкѣ и свѣсивъ безыльно руки, она глубоко страдала. Ничего не видѣла вокругъ себя, ничего не слышала, вѣсьмъ своимъ существомъ она отдавалась этому страданію. Она не плакала. Вспоминала шагъ за шагомъ, минуту за минутой свою прежнюю жизнь, переживала свою безграничную любовь къ безвѣсти пропавшему мужу. Время отъ времени, когда ей становилось невмоготу, она беззвучно шептала:

— Мишель! Мой Мишель!..

И руки ея судорожно сжимались, подергивались, точно она собиралась броситься куда-то

впередъ. Но проходилъ моментъ, и она снова становилась неподвижной. Глаза ея закрывались, и передъ ними снова вырисовывался огненными буквами вопросъ, не покидавшій ея ни днемъ ни ночью:

— Гдѣ онъ?

Отвѣта не было. И не было въ мірѣ существа, которое могло бы отвѣтить ей на этотъ вопросъ. Весь міръ былъ для нея пустъ, мертвъ; такъ же мертвъ, какъ этотъ незнакомый городокъ, гдѣ у нея не было ни родственниковъ ни воспоминаній юности.

Вотъ уже шесть недѣль, какъ Луиза не знаетъ, гдѣ ея мужъ. Не мало офицеровъ погибло въ Марнской битвѣ. То мѣсто, за которое сражались французы, осталось въ рукахъ непріятеля. Мужъ Луизы и два его сослуживца, всѣ трое въ чинѣ капитана, оказались безъ вѣсти пропавшими.

Рассказы участниковъ боя давали возможность предполагать, что они убиты. Но это не было доказано. Ни одна изъ трехъ жёнъ не хотѣла считать себя вдовой. Быть-можетъ, убиты не всѣ. Быть-можетъ, хотя одинъ остался въ живыхъ. А если только одинъ, то, быть-можетъ, ея мужъ. Въ непрерывномъ волненіи, въ безпредѣльномъ страданіи ждали онѣ рѣшенія судьбы. И всѣ три страдали конца этого ожиданія. Неизвѣстность ужасна. Но какъ можно желать поскорѣе „узнать“, если одинъ изъ двухъ отвѣтовъ долженъ неминуемо быть:

— Онъ мертвъ!

Луиза вздрогнула отъ рѣзкаго звонка въ прихожей. Подала письмо. Она встала, взяла конвертъ, поблагодарила и безыльно прилонилась головой къ косяку закрывшейся за горничной двери.

„Вотъ оно, рѣшеніе судьбы!—подумала она.—Теперь кончено все. Начинается пытка, въ сравненіи съ которой все то, что я пережила до сихъ поръ, пустяки“.

Зажгла лампу и, стоя у стола, вскрыла конвертъ. Почеркъ былъ полковаго командира.

„Сударыня! Я обязанъ исполнить свой горестный долгъ и сообщить Вамъ, что потеряна послѣдняя надежда видѣть въ живыхъ Вашего мужа. Послѣ новой, произведенной нами, атаки Марнскихъ позицій, мы завладѣли мѣстомъ перваго боя и имѣли возможность похоронить многихъ нашихъ товарищей, оставшихся въ непріятельскихъ траншеяхъ. Среди нихъ оказался и Вашъ мужъ. Посылаю Вамъ обручальное кольцо, найденное при немъ.“

„Полкъ теряетъ въ лицѣ Вашего мужа, сударыня, доблестнаго солдата. Я преклоняюсь передъ памятью нашего молодого товарища, котораго любилъ особенно сердечно. Память о немъ навсегда сохранится среди насъ“.

Молодая женщина выпрямилась.

Но вѣдь это невозможно. Тутъ произошло недоразумѣніе. Обручальное кольцо Мишеля? Онъ не бралъ его съ собой. Уѣзжая, онъ оставилъ его ей. Въ тотъ день, въ послѣдній день іюля, пропавъ и обнимая жену, онъ надѣлъ ей на палецъ оба кольца такъ, чтобы болѣе широкое придерживалось болѣе узкимъ, и сказалъ:

Отправка изъ Парижа новобранцевъ досрочнаго призыва 1917 года. Новобранцы у вокзала. Посреди площади, надъ головами новобранцевъ, виситъ планшета со слѣдующей надписью: „Taisez-vous! Méfiez-vous! Les oreilles ennemies vous écoutent!“ („Молчите, будьте осторожны, вражескія уши васъ слушаютъ!“). Съ такимъ воззваніемъ обратилось правительство къ населенію всей Франціи.

— Теперь ты одна будешь хранить то, что принадлежит нам обоим!

Съ того момента она ни на секунду не разставалась съ обоими кольцами.

Значитъ, это ошибка. Нашли не его, а другого офицера. Тоже капитана, но не его. Значитъ, возможно, что онъ живъ!

Она стала разсматривать присланное ей обручальное кольцо. Оно было безъ всякой надписи, безъ числа. Затѣмъ она сняла съ пальца свои два кольца и сравнила ихъ. Она снова прочла слова, выгравированныя въ ихъ кольцахъ:

„Мишель. Луиза. 25-го апрѣля 1905 года“.

Взволнованная, сжимая обѣими руками голову, она силилась собрать мысли, понять, угадать... Трупы были подобраны спустя шесть недѣль. Вздогнула, представивъ себѣ ужасную картину, и стала разсуждать:

„Они были изуродованы до неузнаваемости. Личность могли

На слѣдующій день жены двухъ другихъ капитановъ пришли къ Луизѣ. По всему городку уже разнесся слухъ о томъ, что ея мужъ, считавшійся до тѣхъ поръ въ числѣ безъ вѣсти пропавшихъ, занесенъ въ списки убитыхъ, и обѣ дамы поспѣшили явиться съ выраженіемъ самаго искренняго соболѣзнованія. По ихъ лицамъ Луиза сразу поняла, что онѣ не получили никакихъ новыхъ извѣстій, и что обѣ продолжаютъ бережно хранить хрупкую надежду на возвращеніе мужей. Въ то время, какъ онѣ, обнимая и цѣдуя Луизу, осыпали ее словами нѣжности и утѣшенія, безконечная жалость овладѣла ея сердцемъ.

„Одна изъ нихъ, думала она: — уже вдова! Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но она этого не знаетъ. Произошла ошибка, о которой знаю только я. Сказать ли имъ объ этомъ? Тогда нужно показать кольцо. А вдругъ одна изъ нихъ узнаетъ его? Непремѣнно узнаетъ. Зачѣмъ же причинять боль? Обѣ ошибкамъ знаю я одна. Пусть такъ и останется. Пусть больше никто не узнаетъ!“

.....
 Георгіевская Дума кавказскаго фронта. Въ центрѣ группы—Августѣйшій Главнокомандующій кавказской арміей Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ. По правую руку отъ Главнокомандующаго—корпусный командиръ генераль-отъ-кавалеріи Калитинъ и свѣтлѣйшій князь Голицынъ; по лѣвую руку—генераль Ханъ-Нахичеванскій и генераль Янушевичъ. Стоять: слѣва—генералы Ватинъ и Чирновъ, полковникъ князь Нижерадзе и полковникъ Нагорскій.

удостовѣрить отчасти по одеждѣ. А бумаги? Впрочемъ, нѣмцы забираютъ у убитыхъ всѣ бумаги, думая найти въ нихъ какія-нибудь свѣдѣнія. Кромѣ того, несомнѣнно, солдаты, которымъ пришлось выполнять эту тяжелую обязанность, торопились. Въдѣ это ужасно снимать обручальное кольцо съ пальца покойника... Едва ли хватить духу взглянуть внимательно. Какъ могли они узнать Мишеля? Солдаты сказали, что это онъ. Но у него не было съ собой обручальнаго кольца. Кто же тотъ, съ котораго они сняли это кольцо? Одинъ изъ двухъ капитановъ-однопольчанъ, исчезнувшихъ одновременно съ Мишелемъ? Но который?“

Обищность переживаемаго сначала безпокойства, потомъ горя, сблизила Луизу съ женами двухъ товарищей ея мужа. Онѣ ветрѣчались почти ежедневно, стараясь связать вмѣстѣ тѣ жалкія свѣдѣнія, которыя имъ удавалось получать, надѣясь хотя бы чудомъ напасть на какой-нибудь слѣдъ. Онѣ передавали другъ другу все, что узнавали отъ раненыхъ, изъ газетъ или изъ писемъ.

Прежде всего надо было узнать, что сообщилъ командиръ двумъ другимъ женамъ. Если онъ не извѣстилъ, что на полѣ битвы найдены тѣла всѣхъ трехъ капитановъ, то ея Мишель живъ: въ плѣну, но живъ.

Гости ушли. Луиза не выдала своей тайны.

При прощаньи одна изъ дамъ спросила ее:

— Гдѣ вы будете дѣлать трауръ?

Оставшись одна, Луиза задумалась надъ этимъ вопросомъ.

„Трауръ? Вѣдь я не считаю себя вдовой. Я не вдова. Я не хочу быть ею. О, нѣтъ, Мишель, я не хочу, чтобы тебя считали съ тѣми, которыхъ больше не ждутъ!“

Въ душѣ ея происходила борьба.

„Если я не надѣну траура, — думала Луиза: — мнѣ придется объяснить, почему я такъ поступаю. Мои подруги узнаютъ то, что я хотѣла скрыть отъ нихъ. Не буду ли я всю жизнь жалѣть о томъ, что разбила ихъ послѣднюю надежду? Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, я не сдѣлаю этого“.

На лицѣ ея заиграла свѣтлая улыбка, когда еще одна мысль мелькнула въ ея головѣ:

„Мнѣ тяжело надѣвать трауръ, но, сдѣлавъ это изъ состраданія, кто знаетъ, другъ мой, быть-можетъ, этимъ я заслужу тебѣ у судьбы пощаду!“

Въ тотъ же вечеръ Луиза купила себѣ и дѣтямъ крепкую вуаль и траурныя платья.

Всеподданнѣйшая телеграмма Августѣйшаго Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ.

„Господь Богъ оказалъ сверхдобрѣстнымъ войскамъ Кавказской арміи столь великую помощь, что Эрзерумъ послѣ пятидневнаго непримѣрнаго штурма взятъ.

Неизреченно счастливъ донести о сей побѣдѣ Вашему Императорскому Величеству“.

„НИКОЛАЙ“.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Пятидневный штурмъ Эрзерума.

Въ тотъ моментъ, когда наши войска загнали турокъ въ Эрзерумъ, и когда, казалось, дальнѣйшія наступательныя наши дѣйствія неминуемо должны были приостановиться передъ стѣнами этой первоклассной крѣпости, три короткихъ телеграммы подъ рядъ совершенно неожиданно оповѣстили о новой блестящей побѣдѣ кавказскихъ войскъ: палъ сначала одинъ фортъ Эрзерума, затѣмъ другой, затѣмъ подъ рядъ семь фортовъ.

Эрзерумъ не былъ первоклассной крѣпостью, то, можетъ-быть, и тогда, въ прошломъ году, была бы предпринята операція противъ него, но разъ это требовало жертвъ, а общее стратегическое положеніе насъ вовсе не обязывало брать Эрзерумъ, то, естественно, операція противъ крѣпости тогда не была предпринята.

Въ нынѣшнемъ году противникъ создалъ весьма важный стратегическій фронтъ на Ближнемъ Востоку. Нѣмцы затѣяли балканскую операцію и этимъ создали угрозу англійскимъ колоніямъ—Египту и азіатскимъ владѣніямъ Англии.

На кавказскомъ фронтѣ. Стали лагеремъ.

Четвертой телеграммы можно было бы уже не читать, ибо ясно было, что Эрзерумъ палъ.

Вторую зиму подъ рядъ съ отдаленнаго кавказскаго фронта приходятъ радостныя извѣстія о побѣдахъ. Вся масса русскихъ войскъ ведетъ упорную и долгую борьбу на длинномъ фронтѣ отъ Балтійскаго моря до Румыніи, и отдѣльная, оторванная отъ всей Россіи, кавказская армія, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, ведетъ совершенно отдѣльную войну на далекомъ кавказскомъ фронтѣ. Вполнѣ естественно, что вниманіе всѣхъ привлекается событіями въ Европѣ, на нашемъ главномъ театрѣ, но кавказская армія своими побѣдами все время напоминаетъ, что и на отдаленномъ полузабытомъ кавказскомъ театрѣ наши войска въ исключительно трудныхъ условіяхъ продолжаютъ поддерживать славу русскаго оружія.

Прежде чѣмъ разбираться въ подробностяхъ этой блестящей побѣды,—взятія Эрзерума,—мы обратимъ вниманіе читателей на то, что въ прошломъ году, когда послѣ сарыкамышскихъ боевъ была разбита третья турецкая армія, мы все же, невзирая на этотъ крупный успѣхъ, не предприняли операцій противъ Эрзерума. Это объясняется тѣмъ, что стратегическая обстановка въ прошломъ году была иной, чѣмъ въ нынѣшнемъ году, и тогда еще не представлялось необходимымъ принести тяжелыя жертвы для взятія Эрзерума, ибо стратегическое значеніе Ближняго Востока въ тотъ моментъ было невелико. Конечно, если бы Эрзе-

Хотя вообще походъ на Египетъ представляется маловѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе, въ виду важнаго значенія Египта, а также и азіатскихъ колоній Англии, нашей стратегіей были приняты двѣ операціи, имѣвшія цѣлью отклонить угрозу противника на Ближнемъ Востоку, направленную въ сторону англійскихъ колоній и въ частности Египта. Первая операція—наше наступленіе въ Буковинѣ—прежде всего оттянула Макензена съ Балканъ, а слѣдовательно, и съ путей въ Египетъ. Вторая операція—Эрзерумская—должна была выполнить ту же задачу и въ частности отвлечь турецкія силы съ европейскаго и египетскаго театровъ.

Это было нелегко сдѣлать, такъ какъ отъ Эрзерума до Европейской Турціи 600 верстъ, и слѣдовательно, трудно было ожидать, чтобы наступленіе у Эрзерума могло повліять на турокъ настолько, чтобы вынудить ихъ войска перебраться изъ Европейской Турціи на кавказскій театръ. Чтобы этого достигнуть, нужно было нанести дѣйствительно громовой ударъ у Эрзерума,—нужно было взять Эрзерумъ, эту первоклассную сильнѣйшую турецкую крѣпость, которую мы лишь разъ взяли въ 1829 году, и которой въ 1877 году намъ взять не удалось.

Главная сила Эрзерума заключается въ томъ, что его нельзя обложить. Въ мірѣ есть всего нѣсколько крѣпостей, которыхъ нельзя обложить, и это ихъ громадное преимущество. Въ числѣ этихъ крѣпостей—и большой Парижъ и, напримѣръ, маленькій

Осовецъ, который потому и сопротивлялся такъ долго, что его нельзя обложить.

Разъ крѣпость нельзя обложить, то ее приходится брать штурмомъ. Однако, какъ взять штурмомъ, когда крѣпость есть такого рода сооруженіе, которое специально строится для того, чтобы его нельзя было взять штурмомъ, а исключительно лишь долговременной осадой? Всѣ постройки всякой крѣпости устроены такимъ образомъ, что штурмомъ взять крѣпость невозможно, а нужно вести всегда длительную постепенную атаку съ земляными работами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ нашимъ войскамъ пришлось рѣшать почти невыполнимую задачу—„взять крѣпость, которую по ея природѣ нельзя взять штурмомъ“, и въ то же время нельзя взять осадой, ибо ее нельзя обложить.

Конкретно, въ данномъ случаѣ, эта трудность выражалась въ томъ, что Эрзерумская крѣпость есть длинная стѣна, перегораживающая поперекъ равнину, по которой идутъ пути съ Кавказа въ Азіатскую Турцію—въ Арменію и Малую Азію. Стѣна эта представляется въ видѣ длиннаго хребта, возвышающагося поперекъ равнины,—хребта Деве-Бойну. Хребтъ разрѣзанъ продольными ущельями на 12 отдѣльныхъ возвышенностей, на каждой изъ которыхъ поставлено по отдѣльному форту. Эти 12 фортовъ расположены въ два ряда, причемъ въ первомъ ряду находится линія изъ 8 фортовъ, а во второмъ ряду линія изъ 4 фортовъ. Наибольшее значеніе имѣетъ первая линія изъ 8 фортовъ, и это есть главная линія обороны Эрзерумской крѣпости.

На кавказскомъ фронтѣ.
Генераль Н. Н. Юденичъ на наблюдательномъ артиллерійскомъ пунктѣ, на высотѣ 1.180 сажень, у Ардоста.

Эти 8 фортовъ расположены на такой труднодоступной горной мѣстности, что взять ихъ прямо штурмомъ считалось невозможнымъ. Нѣмецкіе инженеры полагали, что никто брать штурмомъ этихъ 8 фортовъ не будетъ, а что наши войска, вѣроятно, будутъ обходить эти 8 фортовъ либо со стороны лѣваго фланга, либо со стороны праваго фланга.

Поэтому нѣмцы построили и на лѣвомъ и на правомъ флангѣ особыя укрѣпленія, которыя прикрывали пути въ обходъ Эрзерума.

Противъ лѣваго фланга были выстроены на труднодоступномъ горномъ массивѣ два форта Гурджи. Противъ праваго фланга были выстроены также два форта—на хребтѣ Палантекенѣ. При этомъ нѣмецкіе инженеры считали, что

взять 2 форта Гурджи, закрывающіе путь въ обходъ лѣваго фланга Эрзерума, нельзя, такъ какъ эти форты расположены на почти недоступномъ горномъ массивѣ. Единственно, что они допускали—это обходъ Эрзерума со стороны праваго фланга, но считали, что тамъ имѣется тоже два форта на хребтѣ Палантекенѣ, которые запираютъ эту обходную дорогу. Кроме того они указывали, что обходить правое крыло Эрзерумской крѣпости нужно дальнимъ и кружнымъ путемъ, при чемъ при обходѣ обходящій подставляетъ свой правый флангъ подъ удары гарнизона 8 центральныхъ фортовъ Эрзерума.

Разсчитавъ такимъ образомъ съ математической точностью, что Эрзерумъ нельзя взять ни такъ ни сякъ,—ни въ лобъ, ни въ обходъ праваго фланга, ни въ обходъ лѣваго фланга,—нѣмецко-турецкіе стратеги спокойно выжидали событій, увѣрен-

Генераль Н. Н. Юденичъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Генераль Н. Н. Юденичъ въ землянкѣ у командира полка на высотѣ 2 1/2 верствъ надъ уровнемъ моря. (У Кечына).

ные. Что dalje окрестностей Эрзерума наши войска не продвигаются. Когда же начались наши операции у города Хнысь-Калы, т.-е. на правом фланг Эрзерумской крепости, турецко-немецкие пашы, повидимому, рѣшили, что, очевидно, наши войска и двигаются въ обходъ праваго фланга Эрзерума, какъ то они и предполагали. Поэтому изъ ряда послѣднихъ сообщеній можно было усмотрѣть, что бои происходятъ у Хнысь-Калы и на Хнысской дорогѣ, вообще противъ праваго фланга Эрзерума, и что турки туда именно стянули свои войска, чтобы преградить этотъ единственно возможный, по ихъ мнѣнью, путь въ обходъ Эрзерума.

Однако, совершенно неожиданно для турокъ, наши войска повели атаку не на правое крыло Эрзерумскихъ фортовъ, а атаковали въ лобъ 8 центральныхъ фортовъ, т.-е. ту главную стѣну, которая составляетъ всю силу Эрзерумской крепости, и кромѣ того атаковали два форта Гурджи на лѣвомъ флангѣ Эрзерумской крепости, т.-е. тамъ, гдѣ немцы говорили, что горный масеньгъ недоступенъ, и что взять находящееся тамъ два форта нельзя.

Результаты этой атаки превзошли всякія ожиданія. Въ теченіе 1-2 сутокъ пало подъ радъ 9 фортовъ, одинъ за другимъ, подъ натискомъ нашихъ войскъ, и вся первая линія Эрзерумскихъ фортовъ оказалась въ нашихъ рукахъ. Это было исключительный успѣхъ, потому что въ исторіи осадъ почти нельзя упомянуть такого случая, чтобы 9 фортовъ пали въ 1-2 дня. Обыкновенно считается достаточнымъ для взятія крепости взять два-три форта, и тогда линія обороны прорвана. Тутъ же линія обороны была не только прорвана, но вся взята.

Съ паденіемъ фортовъ стало ясно, что Эрзерумъ взятъ, хотя еще объ этомъ и не было официального сообщенія. Это было уже видно потому, что 12 фортовъ первой линіи обороняютъ пространство въ 38 верстъ, а потому форты второй линіи, которыхъ только 4, уже во всякомъ случаѣ не въ состояніи оборонять такого длиннаго протяженія. Дѣйствительно, 4 форта второй линіи могутъ только оборонять мѣстность на правомъ флангѣ Эрзерумскихъ фортовъ, а центръ и лѣвое крыло уже остаются безъ обороны.

Кромѣ того, вообще на второй линіи фортовъ обороняться нельзя, ибо, если войска не могли удержатъ первую главную

линію обороны, то ясно, что они не смогутъ удержатъ вторую, уже второстепенную линію обороны, притомъ всегда немного болѣе слабую. Поэтому и считается, что, разъ первая линія обороны взята, то взята и крепость.

Да и вообще въ новыхъ крепостяхъ уже не строятъ второй линіи обороны, а если въ большинствѣ крепостей и есть вторая линія обороны, и даже третья, то это прежніе форты, которыхъ не разрушили, когда построили новый, болѣе удаленный отъ ядра, поясъ фортовъ.

Такимъ образомъ Эрзерумъ палъ. Въ тотъ моментъ, когда мы заканчиваемъ настоящую статью, еще не имѣется подробностей съ перечисленіемъ трофеевъ. Поэтому пока мы можемъ лишь отмѣтить, что въ Эрзерумѣ насчитывалось не менѣе 700 орудій, изъ которыхъ около 300 новѣйшихъ крупновесныхъ большихъ пушекъ и около 100 мортиръ. Гарнизономъ же въ Эрзерумѣ была вся третья турецкая армія. Наконецъ въ Эрзерумѣ имѣлись громаднѣйшіе склады боевыхъ припасовъ и всякаго продовольствія, ибо это была база всей третьей турецкой арміи, и тамъ было сложено все, что для этой арміи было необходимо.

Это заставляетъ предполагать, что трофеи болѣе чѣмъ достаточны. Однако, конечно, важны не столько трофеи, сколько то, что послѣ паденія Эрзерума вся Азіатская Турція остается открытой, ибо нѣтъ ни одной крепости, сколько-нибудь значительной, на всѣхъ путяхъ въ Азіатскую Турцію, кромѣ Эрзерума.

Доблестная кавказская армія на протяженіи двухъ вѣковъ записывала на страницы русской военной исторіи безчисленные героическіе подвиги. Теперь къ славнымъ именамъ кавказской военной исторіи Ермолова, Цицианова, Стышова, Барятинскаго и др. прибавляются новыя славныя для Кавказа имена. Августѣйшаго Главнокомандующаго и генерала Юденича.

Кавказскіе орлы вѣры своимъ великимъ побѣднымъ традиціямъ.

Т Ъ Н И.

Знакомыя тѣни, любимыя тѣни
Изъ дальнихъ походовъ, отъ грозныхъ сраженій
Лезвотной толпою глухими ночами
Слетаются въ тьму городовъ и селеній,
Неслышно проходятъ подъ мирныя стѣны,
Взирають на близкихъ дѣтьми очами
И вѣютъ и шепчуть: «Мы съ вами, мы съ вами!..»

Женныхъ наклонился къ невѣстѣ,
Ласкаетъ печальную вдову.
— Мы будемъ, желанная, вмѣстѣ,
Нарячь подвѣнечный готовь...
Отецъ улыбается дѣтямъ,
Цѣлуетъ подругу-жену.

— Я скоро вернусь къ вамъ, и встрѣтима
Надеждами эту весну...
И сынъ материнскія руки
Прижать къ закаленной груди.
— Родная, не бойся разлуки,
Будь твердой, набѣйся и жди...

И тѣ, кто любили, кто свято хранили
Завѣтную память о радостной быти,
О мужѣ, возлюбленномъ, братѣ и сынѣ,
О всѣхъ ополченныхъ на этой равнинѣ,
Объ этой народной заступницѣ-силѣ,
Тѣ слышать и видать и вѣрять понимѣ.

Дмитрій Цензоръ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Старый кавалеръ. Разсказъ Юрія Слезкина.—Противъ закона Божьяго и человѣческаго.—Обручальное кольцо. Разсказъ Ренэ Базена.—Всеподданнѣйшая телеграмма Августѣйшаго Намѣстника на Кавказѣ.—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Тѣни. Стихотвореніе Дмитрія Цензора.—Заявленіе.—Объявленія.—Отклики войны. Война и кооперація. (Вопросы внутренней жизни).

РИСУНКИ: Открытіе состоящаго подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Англо-Русскаго лазарета въ Петроградѣ.—На кавказскомъ фронтѣ (6 рис.).—Месопотамія (2 рис.).—Подвигъ, награжденный Георгіевскимъ крестомъ. Рисунокъ нашего военнаго корреспондента М. Авилова.—Бой въ польскомъ мѣстечкѣ. Рисунокъ И. Владимірова.—Наша тяжелая 12^я на позиціи.—Нашъ „Максимъ“ на работѣ.—Портъ Дураццо въ Албаніи.—Гигантская труба старшаго завода близъ Суасона.—Въ Салоникахъ (2 рис.).—Противъ закона Божьяго и человѣческаго (2 портр. и 3 рис.).—Выставка „Солдатской гигиены на фронтѣ“ въ Парижѣ. (2 рис.).—Генералъ сэръ Дугласъ Гай.—Отправка изъ Парижа новобранцевъ досрочнаго призыва 1917 года.—Георгіевская Дума кавказскаго фронта.

Къ этому № 2 прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 3.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЫ“.

При слѣдующемъ номерѣ „Нивы“ будетъ разослана всѣмъ гг. подписчикамъ первая изъ даваемыхъ нами въ приложеніе картъ:

„Карта военныхъ дѣйствій западно-европейскаго фронта“.

Озабочиваясь, чтобы означенное приложеніе было своевременно получено нашими подписчиками, мы настоящимъ считаемъ долгомъ предупредить ихъ, что карта будетъ вложена въ каждый безъ исключенія экземпляръ восьмого номера „Нивы“, и потому при полученіи означеннаго номера подписчику надлежитъ убѣдиться, вложена ли въ бандероль съ номеромъ карта, и въ противномъ случаѣ, не принимая номера, требовать составленія акта, для чего немедленно заявить объ этомъ (лично или письменно) начальнику мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Подобное же заявленіе слѣдуетъ также немедленно прислать и намъ, и мы спѣшно примемъ всѣ мѣры къ разысканію карты и къ выясненію виновниковъ похищенія.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

НИВЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1916 г. № 8

XLVII г. изданія

Выданъ 20-го февраля 1916 г.

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для запечатанія въ „Нивы“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нон. арель въ одинъ столбецъ (въ 14 ширины страницы): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прил. „Соч. Мамина“ кн. 20 и карта зап.-европ. фронта.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЫ“.

При этомъ номерѣ „Нивы“ разсылается всѣмъ гг. подписчикамъ первая изъ даваемыхъ нами въ приложеніе картъ:

„Карта военныхъ дѣйствій западно-европейскаго фронта“.

Обабочиваясь, чтобы означенное приложеніе было своевременно получено нашими подписчиками, мы настоящимъ считаемъ долгомъ предупредить ихъ, что карта вложена въ каждый безъ исключенія экземпляръ номера, и потому при полученіи означеннаго номера подписчику надлежитъ убѣдиться, вложена ли въ бандероль съ номеромъ карта, и въ противномъ случаѣ, не принимая номера, требовать составленія акта, для чего немедленно заявить объ этомъ (лично или письменно) начальнику мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Подобное же заявленіе слѣдуетъ также немедленно прислать и намъ, и мы спѣшно примемъ всѣ мѣры къ разысканію карты и къ выясненію виновниковъ похищенія.

Одобрень Св. Синодомъ, Министерств. Нар. Пр. Рекомендованъ Главн. Упр. военно-учебн. заведеній.

Продолжается подписка на 1916 г.

на ежемѣсячный музыкальный журналъ. — 22-й годъ изданія.

„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“.

ПРЕМІЯ: опера „ДЖИОКОНДА“ или „ВРЕМЕНА ГОДА“ П. Чайковского или одна изъ 26 премій, перечисл. въ подробномъ объясненіи, которое высыл. бесплатно. 5 р. въ годъ; съ дост. и перес. по всей Россіи—6 р. Допускается разсрочка. Доплата за брошюр. премія 50 к. Подписка принимается въ главн. конт. журн. „МУЗЫКА И ПѢНІЕ“. Петроградъ, Казанск., 36, при соб. магазинѣ.

УГРИ,

прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли моимъ безвредн. домашнимъ средств. Большой флаконъ, съ наставл., хватающ. на все время, высылкаю немед. вложено. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получила массу благодар. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прощу вѣрить, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93. Мария Егоровна Чурбанова.

Новыя РУССКІЯ изданія КЛАССИКОВЪ въ томахъ

(Бахъ, Бетховенъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ и т. д.) подъ редакціей извѣстныхъ музыкальныхъ авторитетовъ.

Каталоги—бесплатно.

Музыкальное издательство

въ Москвѣ

П. ЮРГЕНСОНА, Неглинный пр., 14.

25-ЛѢТНІЙ

ЮБИЛЕЙНЫЙ КУРСЪ

ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ

льготный заочный курсъ двойной итальянской

ВМѢСТО 30-ти РУБЛЕЙ

ВОСЕМЬ руб.

БУХГАЛТЕРІИ

И КАЛЛИГРАФІИ.

СРОКЪ ЗАЧИСЛЕНІЯ НА ЭТОТЪ ПОСЛѢДНІЙ ЛЬГОТНЫЙ ЗАОЧНЫЙ КУРСЪ ДО ПЕРВАГО МАРТА 1916 ГОДА.

Учебники наши допущены Министерствомъ Торговли и Промышленности во всѣ коммерческія учебныя заведенія отношеніемъ отъ 29-го мая 1913 года за № 1786, а на европейскіихъ выставкахъ — награждены Почетнымъ Крестомъ.

ПЛАТА ЗА ПОЛНЫЙ КУРСЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Въ эту сумму входятъ — энциклопедія и каллиграфія, какъ приложеніе.

Уплатившій одновременно за весь курсъ получить лекціи съ **ЮБИЛЕЙНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ**

(цѣнное изданіе въ тисненомъ золотомъ англійскомъ переплетѣ большого формата въ 5-ти обширныхъ отдѣлахъ) коммерческую

ЭНЦИКЛОПЕДИЮ БЕСПЛАТНО.

ВЪ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ

входитъ: 1) Готовая живая практика (взятая изъ существующихъ дѣлъ), банковая, фабрично-заводская и промышленная бухгалтерія. 2) Полный курсъ арифметики и коммерческой арифметики съ руководствомъ для заочнаго ученія. 3) Полное руководство для части. повѣрен. свыше 200 дѣловыхъ бумагъ: прошенія, апеллаціи и иски во всѣ судебныя инстанціи со ссылками на соответственныя статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства. 4) Полный курсъ стенографіи по Штольцу (искусство писать со скоростью разговорной рѣчи). Курсъ каллиграфіи высылается, какъ приложеніе.

Энциклопедіи этой въ продажѣ нѣтъ, и по отдѣламъ она стоила бы въ магазинѣ не меньше 10 рублей.

Окончившій курсъ двойной итальянской бухгалтеріи выдаетъ АТТЕСТАТЪ на званіе бухгалтера. Никакого образовательнаго ценза и документовъ не требуется. (Принимаемъ и ученицъ). Разсрочка 5 руб. и 3 руб. (Приложенія высылается по уплатѣ полностью 8 руб.). Плату эту мы назначили до израсходованія послѣдняго запаса напечатанной въ 1913 году коммерческой энциклопедіи, т. е., печатая энциклопедію въ настоящее время, она обошлась бы намъ въ три раза дороже.

Конспекты по бухгалтеріи высылается вмѣстѣ съ лекціями и приложеніями по полученіи правочленія. Проспекты же недавно открытыя нами спеціальными желѣзнодорожныхъ курсовъ высылается бесплатно. (Желѣзнодорожн. курсы рекомендуемъ желающимъ подготов. къ занятію службъ на желѣзн. дорогѣ: конторщика, кассира, пом. начальн. станціи, таксировщика и лицамъ, имѣющимъ связи съ ж. д. по отправкѣ грузовъ, а равно ж.-д. служащимъ).

По окончаніи курса бухгалтеріи, ученикъ или ученица, не нуждающіеся въ исправленіи почерка, могутъ передать курсъ каллиграфіи и скорописи своимъ близкимъ родственникамъ. Исправленіе уроковъ бесплатно. Курсъ продолжается отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ безъ всякой доплаты.

Просимъ сохранить нашъ адресъ и не смѣшивать съ недавно открытыми заочными курсами съ такимъ же названіемъ, какъ наши.

Адресовать: **Полтава, Бухгалтерскіе Курсы „КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“, Гоголевская, 13-Н.**

(Просимъ вырѣзать это объявленіе).

ИСТОЩЕНИЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ва ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

При ГОНОРРЕЕ

въ острой и хронической формѣ „ТІАЛЕРИНЪ“

въ послѣдствіяхъ ея применяется Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тіалеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. Двойного 3 р. 50 к. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Даевъ пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производствъ, не требующія капитала, особыхъ владѣній и специальной подготовки. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18 2.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.

эти начинающихъ Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налог. плат. 95 к. Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуются знанія. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошій заработокъ. Популярныя руководства, заслужившія массу благодарностей:

- 1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ—50 к.
 - 2) Изгот. аккумуляторовъ—40 к.
 - 3) Изгот. сухихъ батареекъ—30 к.
 - 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаци—50 к.
 - 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—40 к.
 - 6) Гальвано-пластика, никкеляр., возоч. и пр.—1 руб.
 - 7) Устр. динамо-маш. и электро-мотор. до 500 уаттъ—1 р. 20 к.
 - 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—65 к.
- Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—25 к., до 3 р.—30 к. и т. д. За налог. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.
- **Всѣ 8 руковод. высыл. за 5 р. 35 к.; съ налог. плат.—5 р. 50 к.** —
- Проспекты и отзывы высылаются безплатно.
- Адр.: Техн. М. А. БОГОЛЪПОВУ, Москва, Бол. Козинскій пер., д. 4—85. 4921

100 ХУДОЖ. ОТКР. ПИС. 5 р.
300 шт.—12 р., 500 шт.—18 р.
10-10 шт.—30 р. **СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.** Небыв. богат. ассорт.: русскіе типы, париж. салонъ, копій карт., Трет. галлер., виды, цвѣты, апрѣльск., ПАСХАЛЬН. и пр. высылаютъ по пол. задатка (можно подт. марк.) перефр. изъ Варшавы **И. КРУНОВСКІЙ,** Москва, Тверская заст. д. „Граница“.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятковъ марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ условія. Одесса. Профес. Каллиграф. **Адольфъ КОССОДО,** Дербасовская, д. № 19.

ЧЕРНОЕ МОРЕ.

Южн. Гартъ, возвыш., сух. бер. **ПРОДАЮТСЯ УЧАСТКИ.** Сам. льготн. разорочка. План. и опис. 20 коп. **МОСКВА, Б. Гиндзниковскій, д. 10.** Телеф. 5—46—50, вл. 526, отъ 11 до 1 ч. и отъ 5 до 6 час. 2-1

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Бесплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—58.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣч. „Проктоль-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, ижменіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ва ПЕТРОГРАДЪ

Антисептическія PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

для предупрежденія хрипоты, насморка, простуды.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ ТРЕБУЙТЕ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ **НЕПРЕМЪННО**

НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА (PASTILLES VALDA)

въ коробкахъ съ красной бандеролью снабженныхъ именемъ

VALDA

H. Caponne, Paris.

Требуйте у всех газетчиков сегодняшний номер новой газеты

НАРОДНОЕ СЛОВО

Цена 2 коп.

Годовая подписная цена с перес. без приложений 5 р., с прилож. 12-ти стѣнных картъ фронтовъ войны, на которыхъ будутъ отмѣчены передвиженія линіи боевъ на основаніи официальныхъ сообщеній—6 руб. Главная контора и редакция: Москва, Тверская, п. № 19.

ОСВѢЖАЮЩІЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРИЯТНЫЙ КРЕМЪ

Это прекрасное средство противъ дурного дѣйствія лица, обдѣляетъ кожу и придаетъ ей юношескій видъ и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, съдѣйте, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностью. Рекомендуется передъ накладываніемъ Дермозона вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стодбергъ и К°.

самый ПОДАРОКЪ и занятіе лучший въ семьѣ прackt. рук. для юн. К. Н. Макѣва.

ШКОЛА ВЫЖИГАНІЯ

Нов. мет.: прост. (плоское) мозаичн., глубока, и пластич. выжиг. по дер., кожѣ, папкѣ и т. п. Цена 1 р. 25 к., съ пер. и упак. 1 р. 70 к. Получ. мас. благодарн. со всѣхъ конц. Россіи. Вып. отъ автора: П. Р., Лубенская ул., 8, кв. 50, книгопродав. об. скидка.

Лично събиралъ 30 летъ на МАНДОЛИНЪ ГИТАРЪ и БАЛАЛАЙКЪ Услов. заоч. обуч. и каталогъ инструм. безплат. „Курсы Музыки“: Москва, Срѣтенка 21/5.

ДОЛГО-ОЖИДАЕМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ЧАЙ ЯНХАО № 14.

Наконецъ полученъ свѣжій, новаго осенняго урожая, чрезвычайно ароматный, сильнѣйшаго настоя, о чемъ всѣ любители и поклонники чая Янхао настоящимъ увѣдомляются. ЦѢНА ЧАЯ ЯНХАО 2 р. 40 к. за фунтъ съ пересылкой по почтѣ за нашъ счетъ во всю Европ. Россію посылками въ 3 ф., 5 ф. и 9 фун. (торговцамъ скидка.)

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ: Склады чаевъ И. Е. ДУБИНИНА. МОСКВА, Покровка, д. № 51.

СЪДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

возвращаетъ постепенно и незамѣтно ихъ прежній натуральный цвѣтъ и мягкость. Возстановитель

„ОРИАНТИНЪ“

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ВЛАДѢТЬ ЯЗЫКАМИ

является мечтой каждаго человѣка, но не всякій знаетъ о пользующейся громаднымъ успѣхомъ

заочной методѣ

обученія иностраннымъ языкамъ по изданію „АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ“. Легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть грамматическихъ правилъ и словъ, каждый можетъ въ короткое время изучить

Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. КУРСЪ КАЖДАГО ЯЗЫКА СОСТОИТЪ ИЗЪ 10 ВЫП.

Каждый выпускъ стоитъ 1 руб. 10 коп. Краткій проспектъ безплатно. Подробный—за 15 коп. Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевск., 44—62.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕЪ СВѢТЪ АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРИЯ“

стоитъ 175 руб. ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары. Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ для легкой домашней работы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Требуемъ нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К°

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11. Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall st.

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портится и служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто кольдъ-крема.

ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) и МЫЛО Кремъ Симонъ (Le Savon à la Crème Simon) того-же запаха что и Кремъ Симонъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON

59, Faubourg Saint-Martin, PARIS.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цена нал. плат. 85 коп. Адр.: Москва, редакція журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. (19)

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоустроить храмъ Господень во слезу Рождества Пр. Богородицы. Адресъ: г. Лухъ, Калужской губ., село Иереміино, церковно-приходскому Попечительству, или Священнику Александру Смирнову. 61

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

УЧИТЕСЬ заочно НА РОЯЛѢ

Нов. методъ. Легко и удобно. 8 перв. ур. съ нотами высл. за 2 р. Петрогр. Лѣсной, М. Спасск., 6, уч. муз. Н. Соминову.

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Дѣйствія. Цена съ перес. 40 к.

Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. Цена 50 коп., съ перес. 65 коп

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Великій Князь Георгій Михайловичъ въ Японіи. На страницахъ 125—129 этого номера у насъ помѣщены присланные нашимъ корреспондентомъ изъ Японіи снимки, иллюстрирующіе пребываніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича въ Японіи—первое посѣщеніе ея представителемъ русской Царской Фамиліи послѣ установленія мирныхъ отношеній между Россіей и Японіей, вынѣ братски сражающихся съ общимъ врагомъ. Августѣйшій Гость былъ торжественно и радушно встрѣченъ всей Японіей—правительствомъ, обществомъ и народомъ. Три недѣли пребыванія Его Императорскаго Высочества въ Японіи были сплошнымъ триумфомъ—всѣ круги ея подчеркивали выдающееся политическое значеніе миссіи Великаго Князя. Японцы показали Августѣйшему Гостю и сопровождавшимъ Его лицамъ святи и русской миссіи все, начиная отъ царскихъ сокровищницъ и кончая современными

музеями, школами, заводами, арсеналами. Погода все время стояла великолѣпная. Днемъ выходили на улицу въ мундирахъ и сюртукахъ, но къ вечеру наступала прохлада. Въ путешествіи Великаго Князя сопровождалъ Н. М. Могилянскій, хранитель этнографическаго отдѣла музея Императора Александра III, управляющимъ котораго является Великій Князь. Н. М. Могилянскому удалось установить тѣсныя связи съ японскими учеными и этнографами, которые знакомили его съ музеями и матеріалами, имѣющимися въ ихъ распоряженіи. Благодаря ихъ любезности, Н. М. Могилянскій имѣлъ возможность сдѣлать весьма цѣнные наблюденія антрополого-этнографическаго характера и посѣтить университеты въ Токио и Киото. Хранитель музея, несмотря на короткое пребываніе въ Японіи, приобрѣлъ тамъ массу коллекцій, рисующихъ бытъ и нравы японскаго народа. Среди нихъ имѣется много старинныхъ предметовъ.

Лица, сопровождавшие Великого Князя, указывают на редкое по сердечности отношение, встреченное ими со стороны японской печати, общества и народа. Печать восторженно приветствовала прибытие Великого Князя в Японию, видя в этом залог установления более тесной связи между обоими государствами. Великого Князя сопровождал находящийся при Ставке Верховного Главнокомандующего японской службы генерал Накасима.

Приводим здесь знаменательную статью газеты «Юмюри-Шамбун», издаваемой в Токио, напечатанную на русском языке под заглавием: «Добро пожаловать»:

«Сегодня у нас в городе ожидается Великий Князь Георгий Михайлович. Прежде всего мы всею душою радуемся, что наш высокий и дорогой Гость, несмотря на совершенный им далекий путь, пользуется полным здоровьем. Мы тем более счастливы, что встречаем дорогого Гостя как раз в дни Нового года, который в восточных странах считается важнейшим народным праздником».

«Официальная миссия Его Высочества, как уже неоднократно сообщалось, заключается в том, чтобы принести поздравление Русского Императора по поводу коронации нашего государя. Но вместе с тем не подлежит никакому сомнению, что посещение Членом русской Царской Фамилии нашей страны имеет свою главную целью окончательно утвердить между Россиею и Япониею дружбу, которая за последнее время очень быстро наживает, и также выразить истинное желание русского правительства и народа, чтобы дружба эта осталась на долгие годы. Разумеется, мы не можем не отнестись к подобному желанию русского народа с глубочайшею признательностью. Правда, обе нации когда-то вели между собою кровавую войну, но эта война, вопреки тогдашнему ожиданию воюющих сторон, только развела существовавшие до тех пор между ними недоразумения и окончательно убедила их, что интересы обеих наций не только не противостоят друг другу, но для развития этих интересов даже необходимы их взаимное согласие и дружба. Тут и оправдалась японская поговорка: после дождя земля крепнет».

«В географическом отношении Россия представляет собою полуазиатскую страну, и в этом, как нам кажется, кроется особая возможность сближения ее с Япониею и взаимного понимания обеих народов. Покойный маркиз Комура, в свою бытность в России, недаром говорил, что дух русского народа весьма доступен для нас, японцев, ибо между ними и нашим «бусидо» существует известное сходство. Доказательством этого может служить еще то обстоятельство, что японцы, ознакомившись с русско-художественною литературою, стали к ней сильно привязываться».

«В настоящее время Россия ведет трудную войну с нашим общим врагом, который, по всей вероятности, и был главным виновником последней русско-японской войны. В виду этого, а также и вида, что Япония, с вѣрным пониманием своих интересов, не колеблясь, примкнула ко коалиции и оказывает своему воюющему соседу всяческую помощь, Россия стала питать сильное расположение к Японии, что нам кажется более чем естественным».

«Хотя, быть-может, еще рано предсказывать исход великой войны, но мы не можем сомневаться, что, несмотря на наблюдавшуюся перемену счастья, окончательная победа все же останется на стороне союзников. Как бы ни было, но, когда война окончится и международная торговля войдет в свою обычную колею, настанет время, когда Россия и Япония в этом отношении проявят полную солидарность. Теперь же наблюдается небывалое оживление в русско-японской торговле, в дальнейшем развитии которой мы не питаем ни малейшего сомнения».

«Нам очень и очень жаль, что для пребывания Его Высочества в Японии назначен такой непродолжительный срок, но мы, следуя примеру своего державного главы, постараемся по возможности лучше использовать эти немногие, но многознаменательные дни для оказания высокому Гостю искреннего приветствия и радушия приема, которые, мы уверены, им будут оценены по достоинству. Мы также надеемся, что высокий и дорогой Гость унесет с собою приятнейшие впечатления из новой для него страны и по возвращении в Россию не откажется использовать свое влияние для еще большего упрочения дружбы между соседними нациями».

Сопровождавший Великого Князя Георгия Михайловича японской службы бригадный генерал Накасима с восторгом отзываясь о посещении Великим Князем его родины.

Вся Япония как бы слепила воедино в единодушном сердечном приветии Августейшему Посетителю. Гдѣ бы ни появлялся Великий Князь, народ встречал его сочувственными манифестациями.

Путешествие из Кобе до Фусана Великий Князь совершил на японском броненосце «Касима», который был эскортирован крейсером, «Сисма» и двумя миноносцами.

Во время своего путешествия Великий Князь охотно входил в общение с японскими моряками, которые так же, как и все лица, имевшие счастье беседовать с Великим Князем, сохранили о Нем самую восторженную память.

«Не могу не отметить, — говорит далее генерал, — что во встрече Великого Князя принимали участие не только взрослое население, но только мужчины и женщины, но и дети. Так, например, во время проѣзда Великого Князя по улицам Токио, школьная молодежь — мальчики и девочки — шумно приветствовали Великого Князя. Молодежь эта манифестировала свои чувства, неся русские и японские флаги. Великий Князь, как мы известно, был чрезвычайно тронут этим детским приветием. И, действительно, подобная манифестация детей самым наглядным образом служит выражением чувств японского народа. Очевидно, дети, бурно приветствуя Великого Князя, дѣлали это потому, что они слышали много о России от своих отцов и матерей».

Я убежден, — закончил генерал Накасима, — в том, что Великий Князь чувствовал у нас себя хорошо. Он не мог не прийти к сознанию, что в Его лицѣ вся Япония чувствовала Россию, свою дорогую союзницу в общей борьбе с общим врагом».

Великий Князь Георгий Михайлович нынѣ уже вернулся из своего путешествия, в котором пробыл около двух месяцев.

Дайте хлеба! Желая оказать посильную помощь нашим войнам, томящимся в плѣну, комиссия по сбору пожертвований при всероссийском обществѣ помощи русским военнопленным устраивает сборъ сухарей. Положение наших плѣнных, находящихся в Австрии, Германии и Турции, крайне тяжелое. Каждый кусок хлеба поддержит, а может-быть, и спасет жизнь плѣнника. Отзовитесь и несите ваше пожертвование. Просьба скромная: — не бросайте остающийся у вас хлебъ, хотя бы то была единственная корка, засушите и доставьте в складъ общества, Петроградъ, Невский проспект, № 6. Складъ открытъ ежедневно отъ 12 до 5 час. вечера.

Приказъ Гинденбурга. Гинденбург издалъ приказъ, в которомъ указываетъ, что осведомленность русскихъ войскъ о положеніи дѣлъ в германскихъ арміяхъ значительно объясняется неосторожностью немецкихъ солдатъ и офицеровъ, берегущихъ при себѣ письма съ родины, главное, до ихъ отправки, и таскающихъ съ собою письма, еще не подвергнутыя цензурѣ. Выписывается въ обязанность письма, получаемыя изъ дома, по прочтеніи уничтожать, письма же, приготовленныя для отправки домой, сдавать въ цензуру не позже 24-хъ часовъ по написаніи. При обнаруженіи писемъ, особенно второй категоріи, виновные будутъ строго наказаны.

Новыя данныя о стоимости войны. Известный англійскій журналъ «The Economist» даетъ въ специальномъ приложеніи интересный очеркъ, выясняющій стоимость и влияние войны на финансы воюющихъ державъ.

Расчетъ составленъ на тотъ случай, если бы военныя дѣйствія прекратились къ 31 марта, окончательная же ликвидация войны (заключеніе мира, демобилизация и проч.) потребовала бы еще четырехъ мѣсяцевъ (до 31-го іюля).

Прямые военныя затраты «The Economist» опредѣляетъ для всѣхъ воюющихъ: въ теченіе перваго года — въ 3,4 миллиарда фунтовъ стерлинговъ (фунтъ стерл. = 9 руб. 45 коп. по номинальному курсу, 16 руб. 30 коп. по теперешнему курсу), въ теченіе втораго года — въ 5,1 миллиарда фунт. стерл. Второго года войны, согласно этому расчету, обходится в полтора раза дороже, чѣмъ первый. Германскій министръ финансовъ Гельферихъ недавно опредѣлялъ ежедневную стоимость войны для всѣхъ участниковъ въ 16—16½ миллионъ фунт. стерл., т.-е. въ 160—165 милл. руб. по номинальному курсу, въ 250—270 милл. руб. по фактическому курсу.

Всего за два года войны прямые расходы составятъ 8½ миллиардовъ фунт. стерл. Большая часть этой сумы приходится на долю четвернаго согласія (5,2), меньшая (3,3) — на долю четвернаго союза. Изъ отдѣльныхъ странъ дороже всего обойдется война (въ смыслѣ прямыхъ военныхъ расходовъ) Германия (2,1 миллиарда фунт. стерл.); за ней идетъ Франція (1,6), Англія (1,5), Россія (1,4), Австро-Венгрія (1,1); Италия фигурируетъ съ расходами въ 330 миллионъ фунт. стерл., Бельгія и Сербія — въ 220 милл., Турція и Болгарія — въ 170 милл. фунт. стерл.

Чтобы яснѣе себѣ значеніе этихъ абсолютныхъ цифръ, надо сопоставить ихъ съ величиной національнаго богатства и національнаго дохода каждаго изъ воюющихъ. Самой богатой страной является Англія (18 миллиардовъ фунт. стерл. капитала); за ней идетъ Германия (16); третье мѣсто занимаетъ Франція (13); на четвертомъ мѣстѣ стоитъ Россія (12), на пятомъ — Австро-Венгрія (9). Если вычислить національный капиталъ и стоимость войны на голову населенія, то получится такая картина:

	Стоимость національн. капитала.	Стоимость войны всего.	Въ % къ населенію.
Англія	390 ф. ст.	34,6 ф. ст.	8,9%
Франція	325 » »	47,9 » »	14,7%
Россія	70 » »	10,0 » »	14,1%
Италія	200 » »	11,7 » »	5,9%
Бельгія и Сербія	210 » »	20,4 » »	9,6%
Всего четверное согласіе.	173 ф. ст.	19,7 ф. ст.	11,3%
Германія	235 ф. ст.	37,4 ф. ст.	15,9%
Австро-Венгрія	180 » »	28,7 » »	15,9%
Турція и Болгарія	70 » »	8,4 » »	12,0%
Всего четверной союзъ	187 ф. ст.	29,3 ф. ст.	15,7%
Всѣ воюющія страны	178 ф. ст.	22,7 ф. ст.	12,8%

Такимъ образомъ война въ теченіе двухъ лѣтъ поглотитъ 12,8 проц. или 1/8 всего національнаго богатства воюющихъ. Если бы война продолжалась, подобно наполеоновскимъ войнамъ, хотя бы шестнадцать лѣтъ, на военные расходы ушло бы все безъ остатка національное богатство воюющихъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ война поглощаетъ весь годичный доходъ воюющихъ, а что касается сбереженій, какія ежегодно въ мирное время остаются у воюющихъ, то ихъ хватаетъ только на покрывте расходовъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ.

На одна война не обходилась хотя бы приблизительно столько, сколько теперешняя. Двадцать три года наполеоновскихъ войнъ стоили Англіи 650 милл. фунт. стерл., два года крымской войны — 67½ милл. фунт. стерл., два года бурской — 211 милл. фунт. стерл.; два года теперешней обходится ей въ 1.540 милл. фунт. стерл. Государственный долгъ всѣхъ воюющихъ уже теперь удвоился. Между тѣмъ въ приведенный расчетъ не включены разрушенія строений, дорогъ, сельскохозяйственнаго инвентаря и проч., причиненныя войной, не включена значительная потеря производства въ сѣверной Франціи, Бельгіи, Восточной Пруссіи, Польшѣ, Галиціи и Сербіи, погубшія суда, истребленные запасы сырья, металловъ, продовольствія, износившіяся машины и проч., и проч.

Сверхъ того, по установившемуся обыкновенію, «The Economist» переводитъ и потеряныя человѣческія жизни на деньги. Это и понятно. При экономическихъ расчетахъ личность цѣнятся, не какъ таковую, а какъ создательницу известнаго количества матеріальныхъ благъ. По расчету «The Economist» всего убито, ранено и безъ вѣсти пропало 16.250.000 человекъ: 8.850.000 потеряли государство четвернаго согласія, 7.400.000 — наши противники.

Изъ этого числа убито, умерло отъ ранъ и болѣзней и потеряло трудоспособность навсегда 3.980.000, т.-е. около 25 проц. Если перевести эти жизни, по расчету «Economist», на деньги, это составитъ еще около 1.585 милл. фунт. стерл.

ЖИВЪ

№ 8. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 20 февраля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 г.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ (вторая серія книгъ)

А. П. ЧЕХОВЪ (новыя посмертныя сочиненія)

Н. Г. ГАРИНЪ-МИХАЙЛОВСКІЙ (полное собр. сочиненій)

„БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“ (Романъ ШАРЛЯ ДЕ-КОСТЭРА)
(„Уленопигель“)

12 книгъ „ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“ и проч.

2 НОВЫЯ СПЕЦІАЛЬНЫЯ КАРТЫ ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ двухъ фронтовъ: 1) западнаго (русскаго), размѣромъ 61×95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймѣ и 2) западно-европейскаго, размѣромъ 55×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймѣ. Обѣ карты въ 6 красокъ, подъ ред. проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

Тишина.

Разсказъ Георгія Павлова.

I.

Укрѣпленныя турецкія позиціи въ Палестинѣ.

Святая Земля обращена въ неприступную крѣпость. По пустынь, выжженной лучами алчнаго солнца, отъ морского берега до самыхъ стѣнъ Иерусалима и дальше тянутся одинъ за другимъ ряды окоповъ, затканные паутиной проволочныхъ загражденій. Каждая возвышенность здѣсь—природный блокгаузъ, каждая до-

пина—естественная траншея. На этой унылой равнинѣ, несущей крестъ своего осужденія за Кровь, пролившуюся на ней, лушекъ больше, чѣмъ деревьевъ. Глубокія нѣдра земли, нетронутыя въ теченіе вѣковъ,—тѣ же, которыя прислушивались нѣкогда къ звучащимъ надъ ними шагамъ Спасителя,—теперь вспаханы машинами съ заводовъ Эльберфельда и Вармена: равнодушная сталь провела неизгладимыя борозды на челѣ пустыни, и въ са-

Дозорные у стараго кладбища. Картина И. Владимірова.

мое сердце ее проникла, выбрасывая комья земли, точно мумии, одытая тайной тысячелетий. Кости забытого кладбища у городской стѣны, потревоженные на днѣ траншей, уступают свое вѣковое лоно людям, которые скоро смѣшают ихъ съ другими останками въ одномъ общемъ кладбищѣ.

Дыханіе войны пронеслось и надъ самимъ Иерусалимомъ. Храмъ Гроба Господня пока не тронуть: германскій генеральный штабъ призналъ его непригоднымъ для цѣлей обороны. Впрочемъ, нѣмцы не остановятся передъ тѣмъ, чтобы устроить въ немъ лазаретъ или полковую канцелярію, когда всѣ другія помѣщенія въ городѣ будутъ переполнены ранеными. На Геесманскій садъ они уже наложили свою кощунственную руку. Нѣсколько пулеметовъ, помѣщенныхъ вдоль ограды, защищаютъ ворота, чрезъ которыя проникли въ садъ легіонеры Пилата. Тамъ, гдѣ на росистой травѣ спали въ ту ночь апостолы, не заснетъ исполнительный нѣмецкій часовой: дальше, на мѣстѣ, оскверненномъ поцѣлуемъ Предателя, недавно обмѣнялись рукопожатіемъ турецкій полковникъ и генералъ-ревизоръ германскаго штаба, благодарившій союзника за блестяще выполненную работу. Рукопожатіе было крѣпкимъ и искреннимъ. А еще дальше, подъ кедромъ, съдая старость котораго освящена воспоминаніемъ о послѣдней молитвѣ Сына къ Отцу, устроены бронированный минный погребъ и складъ снарядовъ, которые пребываютъ пока въ бездѣйствіи но, вѣроятно, скоро дождутся, когда ихъ омоютъ потоки крови изъ растерзанныхъ человѣческихъ тѣлъ.

Нѣмцы скажутъ туркамъ: „видите вы теперь, какіе мы вѣрные союзники? Разумбегаетъ, и для пулеметовъ и для пороховыхъ погребовъ можно было бы найти другое мѣсто: не такъ ужъ важенъ въ концѣ концовъ этотъ старый грязный Иерусалимъ, да и вся Палестина тоже. Но мы хотѣли показать вамъ, что святынями христіанскаго міра Германія дорожитъ не больше, а меньше васъ, невѣрныхъ, которые все-таки обратили Святую Софію въ мечеть, а не въ конюшню. Довольны вы нами? Вѣрите въ нашу нѣжную и преданную дружбу? Сольемся же въ братскомъ объятіи, перемѣшаемъ свои ряды такъ, чтобы врагъ не могъ отличить въ нихъ солдатъ благочестиваго монарха-пастора отъ подданныхъ падишаха, предки котораго когда-то сорвали крестъ съ древнѣйшаго изъ христіанскихъ храмовъ“.

Но эта минута еще далека. Врагъ не подошелъ еще къ предѣламъ Палестины, и ночью, когда затихаетъ шумъ фортификаціонныхъ работъ, Святая Земля погружается въ тишину, глуую, царственную тишину, которая надменно стряхиваетъ со своихъ ризъ дугливые звуки ночи, древнюю мистическую тишину, полную воспоминаній и призраковъ.

Каспаръ Шольцъ, поручикъ сапернаго батальона, былъ переведенъ сюда съ галипольскихъ позицій. Путешествіе отъ Константинополя до Иерусалима показалось ему очень короткимъ. Большую часть пути до границъ Палестины онъ проспалъ тяжелымъ сномъ, которымъ заснулъ на вагонномъ диванѣ еще до отхода поѣзда, простраціей человѣка, изомленнаго до послѣднихъ предѣловъ,—безъ сновидѣній, похожей на летаргію. Очнулся онъ уже въ Палестинѣ, и здѣсь-то и началось то странное, что продолжалось потомъ до самаго конца.

Сидя передъ окномъ, Каспаръ Шольцъ сосредоточенно смотрѣлъ на пейзажъ, медленно двигавшійся мимо. Поѣздъ шель по холмистой равнинѣ; знойное небо разстилалось низко надъ землей, раскаленный полуденный воздухъ дрожалъ, и всѣ очертанія въ немъ струились, точно просвѣчивая сквозь завѣсу прозрачнаго безцвѣтнаго пламени. Все это онъ видѣлъ и раньше, въ этомъ не было ничего необычайнаго. Станнымъ и загадочнымъ было то, что кругомъ царил тишина.

Да, тишина. Каспаръ Шольцъ не слышитъ больше адскаго грохота, который оглушал его — сколько же дней подъ рядъ? Два, три, четыре мѣсяца на Галинополи, передъ тѣмъ полгода на русскомъ фронтѣ — почти цѣлый годъ этотъ грохотъ раздавливалъ все его существо сдвигающимися безконечно стѣнами, заставляя барабанную перепонку постоянно вибрировать, какъ стонущую напряженную струну, дурманилъ голову, проникалъ въ мозгъ, убивалъ мысли, точно ланцетомъ разнимая ихъ на безформенные уродливые клочья, и выбрасывалъ вонъ, чтобы царить безраздѣльно въ опустошенной черепной коробкѣ. Когда умолкалъ басовый гулъ орудій, начинали визгливо тараторить ручныя гранаты въ траншеяхъ и сабахъ; ихъ покрывали раската „ура“ восторженнаго громового вопля тысячи людей, заглушавшаго трескъ пулеметовъ. Нѣсколько часовъ тревожнаго ночного покоя терялись въ этомъ вихрѣ звуковъ, какъ песчинки въ самумѣ пустыни, и тишина ихъ безслѣдно стертась изъ его памяти. Онъ помнитъ только одинъ грохотъ, изступленную бурю звуковъ, сливающихся въ одинъ сплошной вой, дикій вой изъ разинутой пасти чудовища, которое зовется войною.

И вдругъ все это прекратилось.

Исчезло, ушло, провалилось куда-то. Его окружаетъ тишина. Относительная, конечно: мѣръ не умеръ; онъ живетъ, какъ всегда, со всѣми своими голосами и звуками. Поѣздъ громыхастъ по рельсамъ, свистокъ перекликается съ эхомъ прибрежныхъ холмовъ, на остановкахъ люди громко разговариваютъ, лаютъ собаки, шелестятъ деревья, встревоженные вѣтромъ. Но на эти звуки, мирные и слабые, уже не реагируетъ поработанный

мозгъ человѣка, слышавшаго голосъ войны, и они сливаются для него съ великимъ безмолвіемъ. Онъ не замѣчаетъ еще самъ, что почти оглохъ. Онъ слышитъ только тишину.

Въ рукахъ у него измятый листъ газеты, купленный еще въ Стамбулѣ украдкой, изъ-подъ полы оборваннаго плутоватаго грека, и вырванный изъ рукъ всеобъѣдающимъ сномъ, болѣе смущающимъ, чѣмъ любопытство. Наконецъ-то! Да, это „Le Matin“, и довольно свѣжая, гораздо моложе тѣхъ германскихъ листовъ, которые попадали изрѣдка въ окна на пятомъ мѣсяцѣ своего существованія, и которымъ не вѣрилъ никто.

Каспаръ Шольцъ жадно читаетъ. Онъ видѣлъ войну вблизи, она вѣяла надъ его головой черными крыльями ангела Азраила и опалила своимъ сѣрымъ огнемъ его лицо, мускулы котораго давно уже разучились складываться въ спокойную, радостную улыбку. Теперь она передъ нимъ вся цѣликомъ, отраженная, точно въ фокусѣ выпуклаго зеркала, въ рамкахъ атихъ ровныхъ печатныхъ строкъ. Южный фронтъ, Балканы, Германія, Россія, Франція, Англія — все вмѣстѣ. Онъ какъ бы поднялся на аэропланъ и съ вышины обзрѣваетъ карту великой войны.

Но что же это значить? Надо прочесть сначала. Нѣтъ! Этого нельзя понять, этому невозможно повѣрить... Онъ ошибся... Онъ не такъ понялъ. Выводъ, который даютъ эти отрывочныя лакоиническія телеграммы, складывается въ его головѣ. Онъ перечитываетъ газету, перечитывается еще разъ, стараясь найти ошибку въ вычисленияхъ, изъ-за которой получился такой ошеломляющій итогъ.

Нѣтъ, это не ошибка. Страшная правда встаетъ передъ нимъ во весь ростъ. Мошеникъ-грекъ не даромъ пряталъ, какъ воръ, свою газету; если бы онъ попался, его разстрѣляли бы не напрасно. Каспаръ Шольцъ, офицеръ небожидимой германской арміи, видитъ, что его обманули, обманули нагло и дерзко, какъ обманываютъ всю Германію, всѣ эти сотни, тысячи, десятки и сотни тысячъ молодыхъ здоровыхъ людей, которыхъ стадами гонятъ на смерть. „Солдаты! Передъ вами побѣда“, — вспоминаетъ онъ слова послѣдняго приказа. Побѣда! Какая ложь! И все-таки, — нельзя не сознаться, — ложь вполнѣ логичная и правдоподобная. Развѣ у нихъ не было оснований ожидать побѣды?

Каждый день, въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ, стальной кулакъ Германіи наносилъ удары по врагу, и этотъ врагъ долженъ быть уничтоженъ. Съ начала войны заняты Бельгія, „половина“ Франціи, вся Польша. А врагъ все-таки живъ. Его отбрасываютъ, — онъ отходитъ, залиываетъ свои раны и опять устремляется впередъ. Слышите ли, чортъ возьми — онъ опять идетъ впередъ! Онъ опять тутъ, опять на прежнемъ мѣстѣ. Это логически нелѣпо, но это такъ, нельзя спорить противъ фактовъ. Кажется, что вмѣсто одного убитаго въ рядахъ непріятеля вырастаютъ двое живыхъ. Можетъ-быть, ихъ мертвецъ выходятъ изъ могилъ, чтобы продолжать прерванную битву? Этотъ загадочный врагъ, такой жалкій и беззащитный вблизи, гдѣ его убиваютъ, и такой непостижимо-грозный здѣсь, на этой кровавой ланцартъ міра, бѣется не оружіемъ, — нѣтъ, чѣмъ-то другимъ, ужаснымъ, чего нельзя побѣдить, больше — нельзя постигнуть...

Каспаръ Шольцъ опускаетъ голову и задумывается. Первый пароксизмъ суевѣрнаго страха проходитъ мало-по-малу: французская газета вѣдь можетъ, въ концѣ концовъ, лгать не хуже нѣмецкой. Складывать оружіе еще рано. Политика — не его дѣло: онъ только исполнитель, чернорабочій, маленькій винтикъ въ машинѣ, ходъ которой отчасти зависитъ и отъ него, но направляется не его волей. Онъ храбро и честно исполняетъ свой долгъ; его замѣтили, отличили и отправили на другой фронтъ съ отвѣственнымъ и важнымъ порученіемъ. Онъ будетъ работать здѣсь такъ же, какъ раньше, а въ награду его ждутъ тихіе дни и ночи, въ безмолвіи которыхъ можно спать спокойно. Эту награду, оцѣнить которую могутъ только лишенные ея, онъ уже получилъ впередъ: развѣ не окружаетъ его тишина, мягкая, нѣжная, добрая тишина, въ которой отдыхаютъ измученные умъ и сердце? Какъ хорошо!

Станція. Запрещенная газета, скомканная, брошена подъ диванъ. Выпрямившись, Каспаръ Шольцъ выходитъ на платформу, нестрѣбую мундирами германскихъ и турецкихъ офицеровъ.

П.

Первые дни прошли въ лихорадочной напряженной работѣ. Предшественникъ Шольца сдалъ ему дѣла далеко не въ томъ порядкѣ, который требовался въ виду срочнаго характера и стратегической сложности задачи. Чтобы исправить упущенія и наверстать потерянное время, поручику пришлось работать по двадцати часовъ въ сутки: только подъ утро сваливался онъ отъ усталости на свою кровать въ темной и сырой каморкѣ, которая называлась „кабинетомъ младшаго помощника“. Онъ выходилъ изъ-за своего стола, заваленнаго чертежами и планами, только для того, чтобы появиться на работахъ. Кромѣ своего участка и канцелярія онъ не видѣлъ еще ничего въ этой странѣ, куда вихрь войны забросилъ его съ другого конца свѣта.

Наконецъ съ работой было покончено. Впередѣ предстоялъ рядъ скучныхъ однообразныхъ дней, которые трудно было заполнить чѣмъ-либо. Каспаръ Шольцъ уже не думалъ объ отдыхѣ: ему казалось, что онъ вполнѣ отдохнулъ въ привычныхъ условіяхъ труда, для котораго, по его мнѣнію, былъ созданъ.

Инженеръ по образованію, Каспаръ Шольцъ до войны служилъ на одномъ изъ большихъ заводовъ въ Эссенѣ, гдѣ часто развѣтъ

Въ ожиданіи врага. Стрѣлковая цѣль на опушкѣ лѣса. Рисунокъ профессора Н. С. Самокиша.

заставалъ его въ чертежной; но эта напряженная работа ни мало не отзывалась на его здоровьѣ. Двѣнадцатичасовой рабочей день былъ для него вполне нормальнымъ. Восемь часовъ сна для восстановления силъ, иногда прогулка на велосипедѣ, чтобы размять застоявшіеся мускулы, и стаканъ пива въ видѣ развлечения — больше ему ничего не нужно было, онъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ. Продолжительное бездѣйствіе вредно отражалось на немъ, его организмъ, его мозгъ работали съ правильностью машины, которую нельзя надолго оставлять безъ движенія.

Работы кончены. Каспаръ Шольцъ, праздный и скучающій, предпринимаетъ прогулку отъ нечего дѣлать по окрестностямъ, — свою первую прогулку въ Палестинѣ. Мѣстность однообразна, и солнце, которому надобно смотрѣть на желтый песок, мало-помалу завѣшивается тяжелыми грозвыми тучами. Только на востокъ еще свѣтлѣетъ полоса голубого неба, и темными силуэтами

и доврчивое, которое умѣло вѣрить и молиться такъ горячо. Дѣтство, елка въ сочельникъ, убранная сияющими огнями, взвоненные торжественные голоса, сливающиеся въ рождественскомъ хоралѣ, старая библия на колѣняхъ бабушки, рассказывающей внучатамъ „легенду“, которая прожила вѣка и заставила склониться предъ собою полміра...

Такъ вотъ онъ, Назаретъ... Отсюда вышелъ плотникъ, низвергнувшій столько царей и царствъ. Здѣсь онъ работалъ, напѣвая вполголоса наивныя пѣсни Іудей, здѣсь думалъ о трагической роли пророка въ странѣ, побивающей своихъ пророковъ камнями, — здѣсь тѣнь его заломленныхъ отъ усталости рукъ нарисовала на стѣнѣ позади черный крестъ. А тамъ, дальше — тамъ Іерусалимъ, гдѣ завершилось все...

Но пора двигаться въ обратный путь, а то не успѣешь вернуться засвѣтло. До свиданія, Назаретъ! Продолжай спать своимъ вѣковымъ сномъ, пока тебя не разбудилъ громъ орудій...

На западномъ фронтѣ. Близъ Суассона. Чтеніе приказа по полку.

рисуются на ней острія одинокихъ кипарисовъ. Грома еще не слышно, вѣтеръ утихъ, — пустыня безмолвно вопрошаетъ небо, утолитъ ли оно сегодня благодѣтельнымъ дождемъ ея вѣчную жажду.

Каспаръ Шольцъ нетерпѣливо погоняетъ лошадь. Его прогулка слишкомъ затянулась. Онъ сбился съ дороги, Богъ знаетъ какъ далеко завела его тишина, которую можно слушать безъ конца.

Внезапно цѣпь холмовъ разступается: Шольцъ выѣзжаетъ къ оградѣ, окружающей маленькіе убогіе домики какого-то селенія. Вдоль стѣны онъ добирается до воротъ, охраняемыхъ будкой часового, бѣлыя, желтыя и черныя полосы которой напоминаютъ шкуру пантеры.

Возлѣ будки стоитъ часовой. „Кто тамъ?“ Грубый окрикъ на пѣмецкомъ языкѣ, энергичный отвѣтъ — и остріе штыка, направленнаго противъ всадника вмѣстѣ съ дуломъ винтовки, опускается и мгновенно поднимается опять: ружье взято на караулъ. Каспаръ Шольцъ подѣзжаетъ и спрашиваетъ, гдѣ онъ.

Назаретъ! Такъ вотъ куда завело его безмолвіе... Въ ту же минуту, словно прекращая надобвшую игру въ жмурки, солнце изъ-за прорвавшихся тучъ брызжетъ потокомъ мѣдно-красныхъ лучей на пустыню и кровли городка.

Каспаръ Шольцъ стоитъ неподвижно, опутивъ поводья, и не спускаетъ глазъ съ этихъ кровель. Назаретъ! Такъ вотъ онъ каковъ, этотъ городъ, о которомъ столько вѣковъ не можетъ забыть человѣчество! Назаретъ, — вѣдь это дѣтство, простодушное

III.

Утро. Полуденный зной еще не душитъ пустыни въ своихъ объятіяхъ, освѣженный сномъ воздухъ легокъ и прозраченъ. Іерусалимъ лежитъ на холмахъ, сказочно-прекрасный: это нѣжнѣйшій гобеленъ, вышитый блестящими шелками всѣхъ оттѣнковъ: розоваго, голубого, лиловаго, оранжеваго. Какіе мягкіе цвѣта! Гобеленъ выцвѣлъ отъ времени, и это придаетъ ему особую прелесть. Бѣлыя стѣны, цвѣтныя кровли надъ ними, букеты зелени, то яркой, то матово-серебристой, то темной, переходящей въ синеву, — все это въ живописномъ беспорядкѣ громоздится по уступамъ террасъ, болѣе красивыхъ, чѣмъ висячіе сады Семпратиды.

Каспаръ Шольцъ въ своемъ автомобилѣ объѣзжаетъ стѣны древняго города. И здѣсь работа кипитъ, кипитъ съ самаго утра. Кажется, во всей Палестинѣ не осталось ни одного клочка земли, не изрытаго окопами, не запертаго въ клѣтку колючей проволоки. Но этого мало, и трудолюбивые муравьи копошатся безъ устали, сооружая все новыя и новыя преграды для врага.

Врагъ... Гдѣ же онъ, въ самомъ дѣлѣ? Тамъ, на востокъ, у входа въ Дарданеллы, англичане и французы уже перестали обстрѣливать форты европейскаго берега. Этотъ врагъ не страшенъ, да онъ и не пойдетъ сюда, въ Палестину. Здѣсь ему нечего дѣлать. Непріятельскія суда крейсируютъ въ архипелагѣ, англійскіе солдаты защищаютъ Египетъ — пусть, все это не важно. Объ англичанахъ здѣсь и не думаютъ. Укрѣпляются противъ другого врага, котораго никто не видѣлъ и не знаетъ, противъ таинственнаго

врага безъ имени, безъ лица, безъ отчизны, безъ знаменъ и пушекъ, вооруженнаго самымъ страшнымъ изъ всѣхъ орудій—тайной и безмолвиемъ, подъ кровомъ которыхъ онъ неслышно плететь мертвыя петли своей сѣти надъ Германіей и ея союзниками.

Каспаръ Шольцъ тоже не знаетъ, кто этотъ врагъ, но онъ его чувствуетъ. Чувствуетъ его могущество и лукавство, его напряженную волю, звенящую въ тишинѣ, какъ туго натянутая тетива. Настанетъ ночь, — и онъ опять подойдетъ близко, и въ зарницахъ, бороздящихъ темное небо, опять вспыхнуть его внимательные и грозные глаза...

Пустыня населена призраками.

Человѣческая мысль, возвращавшаяся сюда съ фалангами крестоносцевъ, съ процессіями пилигримовъ, съ трудами ученыхъ, грезами поэтовъ и молитвами неисчислимыхъ страдальцевъ, обитаетъ незримо, какъ божество въ храмѣ, надъ этой унылой равниной. На ея пескѣ осталось слишкомъ много слѣдовъ, слишкомъ много вздоховъ растворилось въ ея воздухъ, насыщенномъ тлетворнымъ дыханіемъ Мертваго моря. Каждая скала здѣсь живетъ, каждый камень думаетъ, каждый кустъ колючаго кактуса вспоминаетъ. Мировая мысль, обитающая здѣсь, сливается съ молчаливою мыслью пустыни.

Каспаръ Шольцъ явственно слышитъ мистическій трепетъ этой мысли. Съ нимъ произошло что-то; онъ измѣнился, онъ уже не тотъ, которымъ былъ раньше. Его духъ, освобожденный изъ оковъ, наложенныхъ воспитаніемъ и средой, въ которой онъ жилъ до сихъ поръ, теперь свободно паритъ по пустынѣ, раскрывающей для него міръ своихъ воспоминаній, легендъ и призраковъ.

Война переродила его. Раньше онъ былъ негативомъ, одноцвѣтной фигурой, бѣлымъ силуэтомъ безъ тѣней и формъ на однообразномъ черномъ фонѣ. Война—ѣдкій реактивъ—проявила это примитивное изображеніе. Она провела на немъ контуры, проложила рѣзкія тѣни, бросила свѣтлыя пятна бликовъ, округлила и закончила очертанія. Онъ выросъ, созрѣлъ. Какъ змѣя, онъ сбросилъ свою оболочку, опаленную порохомъ и запятанную кровью; его глаза, вспухшіе отъ жгучаго вѣтра пустыни, пыливо присматриваются къ тому, мимо чего ихъ взоръ скользнулъ бы равнодушно прежде.

И, глядя на окопы, избородившіе морщинами чело Святой Земли, на пушки, своимъ прикосновеніемъ убійцъ осквернившія ея чистые камни, онъ пожимаетъ плечами: ему ясно теперь, что такое оружіе не поможетъ и не спасетъ—не можетъ спасти отъ врага.

Это случилось вечеромъ.

Заходящее солнце тяжело опиралось на сутулыя спины горъ, черныя тѣни писали свои заклинанія на пескѣ, уже увлажненномъ росой. День догоралъ надъ землей, готовой къ принятію ночи, и шакалы своимъ воемъ сзывали, какъ муэдзины, недремлющихъ духовъ пустыни.

Но городъ еще жилъ своей шумной кипучей жизнью. На базарной площади—широкой ладони съ расходящимися отъ нея пальцами темныхъ переулковъ—колыхалась восточная толпа, пестрая и говорливая. Турецкіе дервиши, женщины съ закрытыми лицами, стройные арабы, персы, армяне, евреи, курды—настоящее вавилонское столпотвореніе всѣхъ языковъ и жаргоновъ Востока, безконечное разнообразіе пестрыхъ лохмотьевъ, среди которыхъ сѣрые мундиры нѣмецкихъ солдатъ казались засохшими брызгами на цвѣтистой восточной ткани.

Каспаръ Шольцъ горючливо пробирался черезъ площадь, прокладывая себѣ дорогу ударами локтей направо и налево. Онъ

задержался въ штабной канцеляріи и теперь сбѣжалъ къ себѣ домой, гдѣ можно было ошущенными занавѣсами и блескомъ огня преградить доступъ темнотѣ и въ глубокомъ снѣ укрыться отъ тишины, первая волна которой—онъ слышитъ—уже коснулась трещащихъ угольевъ этого людоегого пожара. Каспаръ Шольцъ боится тишины. Она уже не другъ его больше, такъ нѣжно убаюкивавшей недавно его усталый измученный мозгъ; она больше не успокаиваетъ, не утѣшаетъ—она возмущается, измѣнила, возстала противъ него и давить, какъ гробовая плита, своей тяжестью, эта огромная страшная тишина пустыни...

Съ востока, оттуда, гдѣ Мертвое море курится, точно кадильница, облаками голубого тумана, ползетъ ночь. Она будетъ долгой и тихой—о, какой тихой...

Тишина уже здѣсь. Она опередила ночь, пришла, какъ ея предвѣстница. На остріяхъ минаретовъ еще дремлетъ бронзовый отблескъ заката, но тамъ, въ пустынѣ, остывшій песокъ уже спитъ, убаюканный тишиной. Откуда она? Изъ этихъ ли неуклюжихъ, громоздкихъ тучъ, которыя одна за другой выстраиваются въ мрачное карре въ небесахъ? Не ея ли дуновение гаситъ эти яркія звѣзды—далекія звѣзды, которыя такъ же свѣтятъ надъ Рейномъ, и которымъ столько страдальцевъ вѣряетъ послѣдній привѣтъ далекой отчизнѣ? Скорѣе, скорѣе... Этимъ кривымъ закоулкомъ не будетъ конца, изъ нихъ труднѣе выбраться, чѣмъ изъ заколдованнаго лѣса...

Внезапно Каспаръ Шольцъ остановился: ему преградила дорогу еврей, выросшій точно изъ подъ-земли на углу переулка. Поручикъ толкнулъ его, чтобы пройти, и въ эту минуту его глаза встрѣтились съ глазами незнакомца.

Каспаръ Шольцъ огматнулся: на него смотрѣлъ тотъ, кого онъ такъ хорошо знаетъ, образъ котораго вставалъ въ его воображеніи постоянно здѣсь, въ странѣ, обвѣянной воспоминаніями о Спасителѣ. Лицо скорѣе арабскаго, чѣмъ еврейскаго типа, высокой лобъ подъ раздѣленными надвое волосами, спадающими на плечи, небольшая борода...

Но какая-то сила, таинственная и неодолимая, приковала офицера къ землѣ, онъ не можетъ пошевелиться и смотритъ, какъ загнипозированный.

Страшные глаза пронизываютъ его насквозь: изъ нихъ льется волнами тишина, и ужасъ, и тайна тысячелѣтій, которыя еще не зарождались изъ нѣдръ хаоса, когда эти глаза уже видѣли ихъ конецъ въ безпредѣльныхъ пучинахъ вѣчности. Этотъ взглядъ сковываетъ и парализуетъ. Все исчезло кругомъ; нѣтъ ни площади грязнаго восточнаго города ни темнѣющаго неба надъ пустыней. Призрачныя воспоминанія встаютъ одно за другимъ въ душѣ, гигантскіе образы какого-то другого міра, отголоски катастрофъ, пережитыхъ когда-то, такъ давно, что память не могла сохранить ихъ слѣдовъ,—лица, которыхъ не видѣлъ, звуки, которыхъ не слышалъ онъ никогда, проходятъ вереницей грозныхъ тѣней и рушатся вновь, какъ колонны грозовыхъ облаковъ надъ океаномъ. Смертная тяжесть ложится на грудь свинцовыми гириями, неподвижными, мертвыми становятся всѣ члены,—холодомъ могилы, смертельнымъ холодомъ вѣчности облекается существо, за минуту еще живое и полное силъ. И громко, внятно падаютъ въ пустоту и холодъ слова, звучація гдѣ-то внутри его: „ты будешь идти вѣчно“...

И вотъ уже нѣтъ ничего. Взглядъ потухъ, освобожденная грудь вздыхаетъ глубоко, легкія наполняются воздухомъ, кровь опять циркулируетъ въ жилахъ. Каспаръ Шольцъ ожилъ. Передъ нимъ никого нѣтъ больше. Незнакомецъ затерялся въ толгѣ, исчезъ безъ слѣда. Каспаръ Шольцъ бросился въ темный переулокъ, пробѣжалъ его весь и опять вернулся на площадь; онъ заглядывалъ во всѣ лица, распахивалъ двери пустыхъ до-

Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ въ Токио. (См. „Отълики войны“).

Токіо. Прибытіе Великаго Князя Георгія Михайловича во дворець, въ которомъ были отведены апартаменты для Августѣйшаго Гостя.

мовъ, стучался, грозилъ, разспрашивалъ торопливо и сбивчиво, самъ не зная, о комъ, — все напрасно. Тотъ, кого онъ видѣлъ, исчезъ.

Неужели то была галлюцинація? Какъ упавшій и поднявшійся въ смущеніи на ноги, онъ начинаетъ смѣяться надъ собою. Галлюцинація! Галлюцинація на базарной площади, среди толпы; призракъ, ничѣмъ не отличающійся отъ сотенъ живыхъ людей, окружавшихъ его. Каспаръ Шольцъ до сихъ поръ чувствуетъ ощущение толчка въ своемъ локтѣ. Разумѣется, все это пустяки. У него никогда не было никакихъ галлюцинацій; онъ мужчина и солдатъ, а не истеричная старая дѣва. Неужели правда, что онъ сходитъ съ ума? Необходимо найти того еврея, найти во что бы то ни стало, иначе онъ погибъ—его разсудокъ не выдержитъ этого кошмара.

IV.

Но Каспаръ Шольцъ не нашелъ его. Площадь опустѣла, лунный свѣтъ разложилъ на ея камняхъ свои прозрачныя ткани и по стекламъ оконъ разсыпалъ сокровинницу своихъ брилльянтовъ. Германецъ остался одинъ среди бѣлыхъ глиняныхъ стѣнъ, дышащихъ безмолвіемъ. Онъ ушелъ, опустивъ голову, ступая медленно и тяжело, какъ будто влечилъ за собою цѣпь.

Онъ шелъ долго, безъ цѣпи, не видя ничего передъ собою. Городъ остался позади, пустыня поглотила его. Онъ шелъ до тѣхъ поръ, пока онѣмѣвшія ноги отказались ему повиноваться. Тогда онъ сѣлъ на камень и замеръ, какъ сфинксъ, высѣченный изъ сѣраго гранита. И тишина, неслышно обступая его со всѣхъ сторонъ, воздвигала надъ нимъ циклопическій сводъ склепа, могилы, изъ которой уже нѣтъ спасенія.

Онъ понялъ теперь все. Онъ знаетъ имя Врага, сжимающаго свое кольцо вокругъ агонизирующей Германіи, но это имя такъ страшно, что онъ не смѣетъ назвать его здѣсь, подъ звѣздами, которыя внимательно смотрятъ на него изъ необъятныхъ равнинъ неба. Каспаръ Шольцъ знаетъ только одно: съ этимъ Врагомъ бороться нельзя. Будущее несетъ съ собой катастрофу, предотвратитъ которую не въ человѣческихъ силахъ. Германія въ своемъ

головокружительномъ полетѣ въ бездну оскорбила всѣ святыни отъ разрушенныхъ и оскверненныхъ храмовъ до разстрѣянныхъ дѣтей, — тѣхъ, о которыхъ Онъ сказалъ: „Пустите ихъ приходите ко Мнѣ“; но послѣдняя святыня этой поруганной земли — переполнила чашу и перешла предѣлъ, за которымъ лежитъ отмщеніе. А между тѣмъ это вѣдь былъ только послѣдній шагъ, естественно вытекавшій изъ предыдущаго. Отъ Реймскаго собора до Геесиманскаго сада одна прямая; это не гипербола, это только выводъ законченнаго силлогизма. Германцы всегда были логичны...

И вдругъ циклопическій сводъ безмолвія надъ головой сидящаго обрушивается, разбиваясь на тысячу осколковъ. Его ушей точно коснулось крыло невѣдомаго духа, и молчаніе заговорило, какъ вода, прорвавшая плотину. Это наводненіе наступаетъ не сразу. Сначала слышны тревожные, смятенные звуки: стонъ камней и дрожь песка, сотрясающагося всѣми своими частицами. Потомъ къ этимъ звукамъ ужаса примѣшиваются другіе, доносящиеся

Токіо. Дворецъ, въ которомъ были отведены апартаменты для Августѣйшаго Гостя.

Пребываніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича въ Японіи.

Дѣти-школьники, собравшіяся на улицахъ Токіо для привѣтствованія Августѣйшаго Гостя.

издалека. Плачь дѣтей: тихій и жалобный, онъ растеть, приближается, переходитъ въ завыванье и дикій хохотъ безумія. Вопль угрозы и ярости, проклятья, срывающіяся съ холодныхъ устъ умирающихъ, въ которыхъ каждое слово вырастаетъ до вопля, хлещутъ точно бичами. Отовсюду, со всѣхъ сторонъ міра, несутся эти звуки, сливаются вмѣстѣ, ширятся, кипятъ, брызжутъ, какъ расплавленный металлъ. Это настоящая туча оводовъ, у каждаго изъ которыхъ жало изъ пламени. Тише! Да замолчите же наконецъ! Развѣ я одинъ виноватъ въ томъ, что происходитъ? Развѣ я пролилъ всю эту кровь, которая льется бурнымъ потокомъ, шумящимъ, какъ водопадъ, какъ обвалъ? О, если бъ заговорили разомъ всѣ пушки вселенной — какой небесной гармоніей прозвучалъ бы теперь ихъ бездушный ревъ, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ покорности стали и пороха...

Въ оглушительномъ громѣ проснувшейся тишины Каспаръ

Шольцъ не видитъ ничего, кромѣ мрака. Лунный свѣтъ погасъ, его окружаетъ черная ночь. Но что это? Какой свѣтящійся кругъ, похожій на лучъ прожектора, приближается изъ темноты? Да, приближается... Плыветъ по воздуху, все ближе и ближе... Это тишина, принявшая видимыя формы, выдвигаетъ противъ побѣжденнаго свое послѣднее оружіе: въ свѣтломъ кругѣ видна фигура человѣка съ вытянутыми руками... висячаго... черная перекаладина... Крестъ! А! А! А! Спасите! Спасите!

Каспаръ Шольцъ бѣжитъ, какъ смертельно раненое животное, зажимая пальцами глаза и уши, но это не помогаетъ. Онъ слышитъ свой собственный вопль, сливающимся съ бурей, которая грохочетъ вокругъ, и видитъ человѣка съ веревкой на шеѣ, босого и оборваннаго, который спасается съ нимъ рядомъ, прыгая съ камня на камень, какъ серна.

Безумецъ бѣжитъ, задыхаясь, весь покрытый кровью отъ царапинъ, которыми пятнаютъ его острые камни. Онъ падаетъ, и сейчасъ же вскакиваетъ опять, и бѣжитъ, не смѣя остановиться ни на минуту. Призракъ Іуды не отстаетъ отъ него. Крики, стоны и хохотъ несутся сзади, и по песку струится полоса свѣта — отраженье ореола тамъ, позади.

Внезапно почва обрывается подъ ногами. Каспаръ Шольцъ видитъ море, съ глухимъ стономъ роющееся внизу у берега. Туда! Тамъ избавленье... Онъ готовится броситься внизъ, но въ эту минуту полоса свѣта падаетъ на воду, и занесенная нога безильно опускается: тамъ, внизу, — не вода. Тамъ красное, липкое, съ острымъ запахомъ...

Мертвое море течетъ кровью.

Спасенья нѣтъ. Міръ погибаетъ, Каспаръ Шольцъ видитъ послѣднюю катастрофу. Лежа на песокъ лицомъ внизъ, онъ воетъ, какъ звѣрь, въ предсмертной тоскѣ, въ то время какъ пальцы его торопливо разстегиваютъ кобуру, чтобы вынуть револьверъ, — послѣдній проблескъ раздавленной, уничтоженной мысли.

И наступаетъ тишина...

Будущая Японія привѣтствуетъ Августѣйшаго Гостя.

Пребываніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича въ Японіи.

ДВѢТЫ.

Уложены въ футляръ сосновый
 Табакъ и чай, кисеты и бѣлье,
 Подарки въ армію почти уже готовы,
 Вязанье няня принесла свос...
 И письма вложены... Любовными слезами
 Они овѣяны и полны теплоты,
 Лишь дѣвушка съ влюбленными глазами
 Такъ, безъ письма... кладетъ одни
 цвѣты...

Простые, робкіе... средь нихъ овса побѣги,
 Чтò принесли послѣдніе лишь дни.

— „Чтò Вы... не за шесть верстѣ ихъ
 повезутъ въ телѣгѣ,

Завянутъ вѣдь, да и къ чему они?“

„Завянутъ... да... Но въ красотѣ духовной
 Вѣдь сохраняютъ они съ наивной простотой
 И мой привѣтъ, далекій и любовный,
 И моего подарка смыслъ простой...“

Вѣдь если намъ засушенные въ книгѣ
 Цвѣты о прошломъ много говорятъ,
 Мы носимъ въ нихъ любовныя вериги,
 И видимъ сны и слышимъ боль утратъ,—
 То тамъ ихъ повѣсть будетъ ярче вдвое,
 Сердца простыя былъ ея поймутъ;
 Въ природѣ слово есть одно живое
 Для тѣхъ, кто ей всю жизнь дарилъ свой
 трудъ...

Цвѣты просты, но сколько въ ихъ одеждѣ
 Сокрѣно тайнъ... О, даромъ ихъ не рви!

Овесъ о пашнѣ скажетъ тамъ, какъ прежде,
 Подсѣжники напомнятъ о надеждѣ,

Фиалки... о любви...“

Сергій Михѣевъ.

Медальонъ.

Разсказъ Марка Криницкаго.

I.

Къ Женѣ Андрей забѣжалъ только вечеромъ. По обыкновенію, отъ него крѣпко пахло табакомъ и спиртными напитками. Когда онъ снялъ фуражку, темно-красные волосы, вдавленные ободкомъ, лежали, какъ всегда, приклеенными вокругъ бѣлаго потного любимого лба.

Они потихоньку поцѣловались въ передней, потому что все еще не хотѣли официально заявить о своей любви.

— Ну, ладно,—говорилъ Андрей:—послѣ.

Война представлялась имъ обоимъ чѣмъ-то отдаленнымъ, не похожимъ на правду. О ней говорилъ имъ только костюмъ прапорщика, надѣтый Андреемъ, и необходимость ему завтра ѣхать на войну со своимъ полкомъ. По мнѣнію Жени, къ Андрею шелъ военный костюмъ, и ей не нравилось только то, что онъ, не усидѣвъ его надѣть, уже весь его истрепалъ и измазалъ. Рукава у него были вѣчно въ мѣлу отъ бильярда, и она съ досадою отчищала ихъ своимъ платочкомъ, предварительно помочивъ его язычкомъ. Лѣвый погонъ защитнаго цвѣта былъ у него уже переломанъ и стоялъ угломъ. И сейчасъ Женя была увѣрена, что Андрей „рѣзался“ съ кѣмъ-нибудь въ карты, — можетъ-быть, даже сидѣлъ съ нехорошими женщинами, позволяя имъ себя цѣловать. Но сейчасъ онъ смотрѣлъ на нее такими глупыми и вмѣстѣ восторженными глазами, точно вдругъ увидѣлъ ее въ первый разъ.

— Эхъ, чортъ! — сказалъ онъ мило осипшимъ голосомъ. — Столько, понимаешь, еще работы...

Онъ хотѣлъ посмотреть на часы. Она ему не позволила.

— Глупости. Сегодня ты мой.

Она знала, что у него никакой нѣтъ работы, и что у него просто кутежъ съ товарищами.

Онъ сталъ ей что-то врать про батальонную канцелярію и какія-то винтовки.

— Никакихъ винтовок! Слышишь? Пойдемъ со мной.

Она вытащила его за руку въ боковую дверь на холодную террасу, съ плотно задвинутыми стеклянными рамами. Закутанная въ бѣлый вязаный платокъ и поживаясь худенькими плечиками, она не выпускала его руки изъ тонкихъ холодныхъ пальчиковъ. Темные листья клена, прильнувшіе къ стеклу, вырисовались силуэтами на фонѣ мутной серебряной ночи. Женя

Великій Князь Георгій Михайловичъ въ православномъ соборѣ въ Токио.

вдругъ крѣпко обняла его за шею, и онъ почувствовалъ у себя на губахъ ея холодныя, сейчасъ не живыя губы. У нея было какое-то намѣреніе, которое сейчасъ отвлекало ея чувства. Освободивъ его шею, она порылась подъ вязанымъ платкомъ за корсажемъ и вынула что-то маленькое, потомъ стала разстегивать ему воротъ. Ему нравилась та стремительность, съ которой она все дѣлала, и онъ не препятствовалъ ей. Все-таки изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ, она нравилась ему больше всѣхъ, и онъ рѣшилъ послѣ войны на ней жениться.

„Чортъ съ ней,—думалъ онъ:—женюсь“.

Не нравилась ему только немножко эта сентиментальность. Ну, да ладно, это потомъ пройдетъ.

— Образокъ?—спросилъ онъ изъ вѣжливости, услышавъбряцаніе чего-то металлическаго. Легкая цѣпочка тонкою полоскою холода легла ему вокругъ разгоряченной шеи.

— Какъ это хорошо! Ты уже опять забылъ.

Онъ старался припомнить свое послѣднее свиданіе съ Женей. Но ему вспомнилось только, какъ Костя Дерягинъ сѣлъ на верховую лошадь Мустанга, и та понесла его прямо въ конюшню, такъ что ему пришлось кричать вдогонку: „Нагни лобъ, дура!“ Вспомнивъ это, Андрей улыбнулся.

— Вспомнилъ?

Въ полумракѣ онъ видѣлъ ея разсерженное маленькое личико со вздернутымъ носикомъ и ожидательно полуоткрытыми губами. Онъ мотнулъ головой и сдѣлалъ видъ, что благодарно цѣлуетъ ея пальцы.

— Нѣтъ, ты не вспомнилъ, говори скорѣй.

— Ей-Богу, вспомнилъ. Ну, пойдемъ скорѣе.

Подхвативъ ее рукой вокругъ талии, онъ хотѣлъ ввести ее назадъ въ домъ. Но у нея было такое печальное личико, что онъ рѣшилъ лучше покаяться.

— Ладно, — сказалъ примирительно. — Ей-Богу, забылъ. Въ чемъ дѣло? Когда?

Вдругъ онъ вспомнилъ, что это медальонъ съ ея портретомъ.

— Впрочемъ, конечно, я вспомнилъ. Это портретъ. Вотъ видишь? Это очень хорошо... портретъ.

— „Впрочемъ“... Какъ это мило!

Она сердито застегивала ему пуговицы ворота у гимнастерки. Потомъ похлопала его рукою по верхней части груди.

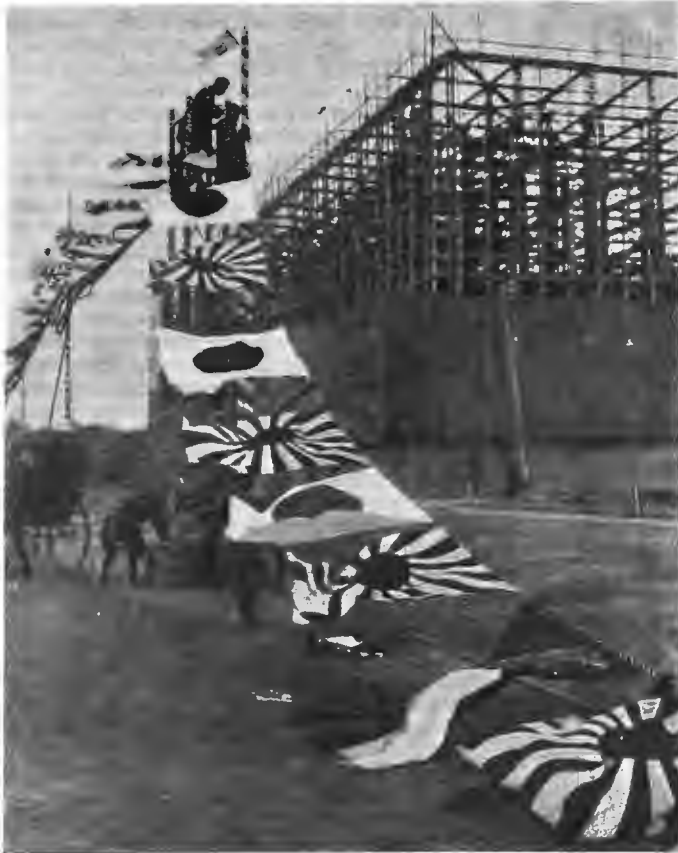
— Ты долженъ каждый день, когда ложишься спать, раскрывать этотъ медальонъ и смотреть на меня. Клянись сейчасъ же. Онъ звякнулъ шпорами и галантно приложилъ руку къ сердцу.

— Я знаю, ты забудешь меня, — сказала она враждебно, и въ личикѣ ея было презрѣніе. — Тамъ много евреекъ, полкъ. Ты будешь за всѣми ухаживать.

— Съ какой это стати? — сказалъ онъ, одергиваясь.

Но голосъ у него былъ глупый, и по всему его виду Женя знала, что онъ будетъ за всѣми ухаживать. Ей хотѣлось, чтобы

Пребываніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича въ Японіи.

Японскіе флаги, вѣвѣшенные къ прибытію Августѣйшаго Госта въ Токіо.

поскорѣ кончилась эта проклятая война, чтобы онъ поскорѣ вернулся, и она бы, по крайней мѣрѣ, имѣла возможность видѣть всѣхъ своихъ соперницъ лицомъ къ лицу. Когда она была съ нимъ вмѣстѣ, она нисколько не боялась за свою силу и знала, что онъ всегда, въ концѣ концовъ, придетъ къ ней.

Въ это время открылась изъ дому дверь на террасу. Выступилъ Костя Дерягинъ. Онъ всегда умѣетъ появляться некстати, и за это его въ особенности ненавидѣла Женечка.

— Любуется ночью?—сказалъ онъ, войдя на террасу.

— Любуемся ночью, — грубо отвѣтилъ Андрей:—любujemy на луну и объясняемся въ чувствахъ.

— Когда ты успѣлъ прійти?—допрашивалъ Андрей Костя.

Онъ подозрительно оглядывалъ террасу, пустую отъ мебели, со сдвинутымъ въ сторону единственнымъ столомъ, и ему, очевидно, не понравилось, что Андрей и Женя стояли въ углу, нѣсколько близко другъ къ другу. Теперь уже отъ него не отвѣжешь на цѣлый вечеръ.

— Пойдемте, господа, пройдемте по саду, — предложила Женя. — Андрюша, принесите мнѣ пальто!

Онъ вышелъ. Костя тотчасъ же подошелъ и взялъ ее за обѣ руки. Женя давно этого ожидала. Ей сдѣлалось скучно, страшно и неловко. Она знала, что Костя ее любилъ. Но ей не нравилось въ немъ, что онъ всегда и во всемъ опаздывалъ. Можетъ-быть, она тоже когда-нибудь его любила, во всякомъ случаѣ очень интересовалась имъ, но это было давно, еще до знакомства съ Андреемъ, который ворвался въ ея жизнь, точно вихрь изъ

распахнувшейся оконной рамы. Можетъ-быть, Костя былъ и гораздо интеллигентнѣе и воспитаннѣе, и во всякомъ случаѣ порядочнѣе Андрея, но онъ опоздалъ. Можетъ-быть, даже она раньше сама подавала ему поводъ и даже, можетъ-быть, собиравая его сейчасъ оттолкнуть, она дѣлала ужасную глупость. Ужъ что касается Кости, можно было сказать навѣрное, что онъ ей никогда не измѣнитъ, какъ это дѣлалъ и, можетъ, будетъ дѣлать еще много разъ Андрюша. Но сейчасъ Костя ее только раздражалъ. Вообще мужчина не долженъ быть такимъ; напримѣръ, выслѣживай и подстерегай ее, когда она вдвоемъ. Сейчасъ въ его движеніи, съ какимъ онъ взялъ ее за руки, было что-то угрожающее.

— Евгения Федоровна! — сказалъ онъ, и она удивилась мучительному звуку его голоса.

Она даже сразу не отняла своихъ рукъ. Когда мужчина искренно любитъ, это всегда imponируетъ. Она только отклонилась спиной къ стѣнѣ.

— Не отпатывайтесь отъ меня, — попросилъ онъ тѣмъ же мучительнымъ голосомъ, и Женя поняла, что между ними сейчасъ происходитъ что-то огромное и важное по своимъ послѣдствіямъ для нихъ обоихъ. Оставаясь неподвижной, она слушала его слова:

— Я весь вечеръ дожидался минуты, чтобы сказать вамъ наконецъ наединѣ, какъ я... что я... прошу васъ быть моей женой.

Сказавъ самое главное, онъ перевелъ дыханіе.

— Я не буду вамъ клясться въ любви, но скажу только одно, что съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ вами, я никогда не смотрѣлъ и никогда больше не взгляну ни на одну дѣвушку или женщину. Я, въ полномъ смыслѣ этого слова, буду вамъ вѣренъ до гроба. Я буду вашимъ рабомъ. Больше. Моя личная жизнь перестанетъ быть моей жизнью съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ скажете: да... Но, ради Бога, говорите скорѣе, пока не вошелъ Андрей. Кажется, онъ уже сюда идетъ. Какъ это досадно!

Но Женѣ было уже смѣшно. Она хотѣла высвободить свои пальцы, которые онъ несмѣло держалъ за самые кончики. И вдругъ случилось что-то гадкое: она почувствовала, какъ правая его рука легла вокругъ ея талии.

— Какъ вы смѣете?—крикнула она.—Что это значитъ? Я вамъ не горничная.

Отступивъ на шагъ, онъ бормоталъ:

— Ради Бога, простите... Я никакъ не думалъ...

Ей стало жаль его. Напримѣръ, Андрюша ни за что бы такъ скоро не отпустилъ ее. Конечно, это немного нахально съ его стороны, но онъ умѣетъ это дѣлать такъ, что это не обидно. Она протянула руку Костѣ.

— Я не сержусь на васъ. Только... Мое сердце уже занято.

— Уже?—сказалъ онъ съ комическимъ испугомъ.

— Да, уже.

Она съ трудомъ удерживала смѣхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей дѣлалось страшно за него. Это должно быть такъ ужасно получить отказъ.

— Я, право же, дурная, — сказала она. — Почти каждая дѣ-

Великій Князь Георгій Михайловичъ съ лицами свиты слѣдуетъ на рикшахъ по улицѣ въ Токіо.

Пребываніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича въ Японіи.

Развѣдка въ Польшѣ. Рисунокъ Г. Георгиева.

вушка лучше меня. Я, напримѣръ, увѣрена, что недостойна вашей любви.

Она взяла его подъ руку и повела въ садъ

— Но вы же безъ пальто, — сказали они.

Она не выдержала и расхохоталась. Вошелъ Андрей съ кофточкой въ рукахъ. Онъ началъ помогать ей одѣваться.

— Константинъ Федоровичъ такъ боялся, что я простужусь, — сказала она, оправдываясь. И вдругъ ей безпричинно захотѣлось плакать. — Знаете, я не пойду гулять, — сказала она, удерживая спазму въ груди. — Дѣйствительно, мнѣ что-то холодно. — Она протянула Костѣ руки. — Смотрите, холодныя, какъ ледь.

Внезапно онъ наклонился къ ней. Она почувствовала пыльное прикосновеніе его усовъ и горячія губы, края твердыхъ и острыхъ зубовъ. Оторвавшись, онъ молча вышелъ въ дверь.

— Вотъ такъ штука, — сказалъ Андрей. — Покорнѣйше васъ благодарю... Любовь!

А она, схвативъ его шею въ сгибѣ локтей руками, конвульсивно плакала.

— Андрюша, Андрюша, что ты сдѣлалъ со мною? Я тебя люблю, какъ безумная, какъ какая-то преступница, хотя, конечно, я не сдѣлала ни противъ кого никакого преступленія. Но моя любовь черезчуръ эгонистична. Я хочу быть счастлива, несмотря ни на что, и судьба, я знаю, накажетъ меня, потому что такъ сильно любить нельзя.

Андрей вынулъ изъ зубовъ папиросу, швырнулъ ее въ сторону и ласкалъ нервно женское тѣло, въ непонятномъ ему мученіи бившееся у него на груди.

— Все это ерунда, — наконецъ сказалъ онъ. — Ничего ровно не случится.

Такая любовь казалась ему неприятнымъ осложненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь на войнѣ его могутъ убить. Не станеть вѣдь онъ, какъ баба, прятаться назадъ, гдѣ-нибудь въ обозѣ или въ штабѣ.

„Вотъ будетъ штука“, подумалъ онъ, изучая силуэты кленовыхъ листьевъ, равнодушно прижавшихся къ оконному стеклу.

II.

По мѣрѣ приближенія къ театру военныхъ дѣйствій, поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ эшелонъ Андрея, началъ нѣсколько замедлять свой ходъ, прощаясь на станціяхъ. Офицеры отъ скуки играли въ карты. Было невыносимо ожиданіе того момента, когда они сдѣлаются дѣйствительными участниками войны.

Однажды утромъ, проснувшись послѣ безсонной ночи, Андрей увидѣлъ въ окно холмы, покрытые березовой засѣлкой, и первую линію окоповъ, вырытыхъ наскоро, похожихъ на черную борозду, проведенную гигантскимъ плугомъ въ рыхлой пашнѣ. Воздухъ былъ прозраченъ и синева небесъ чиста. Никогда еще онъ не чувствовалъ такой бодрости въ членахъ. Мелькали голубенькія халупы, теперь оставленныя населеніемъ. Поѣздъ остановился у разбитаго железнодорожнаго вокзала.

Офицеры высыпали изъ вагоновъ и съ завистью разсматривали слѣды огня, обезумевъ, неприятельскій онъ или нашъ. Андрей не сомнѣвался въ томъ, что это нашъ. Большинство офицеровъ было съ нимъ согласно. Костя, который ѣхалъ въ одномъ эшелонѣ съ Андреемъ, по своему теперешнему обыкновению, слегка подгрунивая надъ Андреемъ, оспаривалъ его.

Что бы ни говорилъ и ни дѣлалъ Андрей, Костя старался подчеркнуть ему неосновательность его словъ и поступковъ. Робкій въ обществѣ женщинъ, съ мужчинами онъ былъ рѣзокъ и даже дерзокъ. Въ противоположность Андрею, его сужденія всегда были основаны, и въ концѣ концовъ онъ всегда оказывался правъ.

Такъ и сейчасъ. Костя авторитетно доказывалъ, что вокзалъ и железнодорожное депо были нарочно разбиты отступавшими австрійцами. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ бы это стали дѣлать наши, которые вытѣснили изъ Волыни австрійскую кавалерію и, отбросивъ пѣхоту, естественно должны были заботиться о сохраненіи своихъ путей сообщенія: было бы крайне глупо предположить, чтобы русская артиллерія ни съ того ни съ сего начала подвергать разрушенію железнодорожныя постройки, въ особенности депо.

— Кромѣ того... — сказалъ Костя и, перепрыгнувъ канавку, поднялъ съ земли грязный металлическій предметъ.

Это былъ австрійскій артиллерійскій снарядъ. Хотя Костя говорилъ, обращаясь ко всемъ, но смотрѣлъ въ глаза одному Андрею.

Голосъ его напряженно вибрировалъ, и въ правой скулѣ дрожала жилка. Видно было, какъ и всегда послѣднее время, что его интересовалъ не самъ по себѣ предметъ спора, а исключительно то, чтобы унижить Андрея.

Андрею хотѣлось что-нибудь ему возразить. Онъ сталъ доказывать, что одинъ снарядъ еще ровно ничего не означаетъ. Костя поблѣднѣлъ. Остальные участники разговора, видя, что онъ принимаетъ непонятно-непріянный оборотъ, постепенно разошлись. Кромѣ того, было ясно, что Андрей не правъ.

— Хорошо, пойдемъ, — говорилъ Костя, опять перепрыгивая канавку: — если ты мнѣ найдешь хоть одинъ русскій снарядъ, я плачу тебѣ пятнадцать рублей.

Андрея разсердила эта нелѣпая цифра пятнадцать.

— Почему пятнадцать? — сказалъ онъ, захохотавъ.

Костя сощурилъ глаза.

— Хорошо, пусть будетъ двадцать пять. Я проищу весь день до вечера, но докажу тебѣ, что ты дуракъ. Я найду тебѣ сколько угодно австрійскихъ снарядовъ, хотя, конечно, много ихъ уже подобрано жителями.

Андрей нехотя за нимъ пошелъ. Ему было бы пріятно обрѣзывать Костю, хотя тотъ и былъ, пожалуй, правъ.

— Это что? — спросилъ торжествующе Костя, толкнувъ носкомъ сапога красивый блестящій стальной стаканъ.

Снарядъ, шурша, покатился.

— Впрочемъ, съ какой стати долженъ искать я? — продолжалъ онъ. — Если ты найдешь мнѣ хотя маленькій осколокъ русскаго снаряда, я тебѣ сейчасъ же плачу 25 рублей. Наша артиллерія была вотъ туда, къ лѣсу, а здѣсь былъ исключительно ружейный огонь. Видишь, вотъ это все слѣды нашихъ пуль.

Онъ нервно тыкалъ дрожащимъ указательнымъ пальцемъ въ кирпичную стѣну.

— Вынимай деньги!

Андрей лѣнливо оглянулся, подумалъ и полезъ въ карманъ за кошелькомъ.

— А все-таки Женяка проѣхала мимо носа, — сказалъ онъ вдругъ и даже самъ испугался того, что сказалъ.

Лицо Кости покраснело у висковъ и стало медленно и тяжело наливаясь кровью. Онъ стоялъ, весь дрожа и не находя, что сказать.

„Я сказалъ гнусность“,—подумалъ Андрей, напрасно ища способа, какъ загладить сказанное. Онъ досталъ двадцатипятирублевку, шуришадую и новенькую, и протянулъ ее Костѣ. Онъ думалъ, что Костя отшвырнетъ его деньги или сдѣлаетъ еще что-нибудь другое въ томъ же родѣ. Но Костя спокойно взялъ протянутую бумажку. Глаза его были опущены. Печальная улыбка обижаемаго жизнью существа изобразилась на мгновенье на его полныхъ, слегка выпяченныхъ губахъ.

— Мой другъ, — сказалъ онъ, придавъ себѣ назидательный видъ:—извѣстно, что дуракамъ счастье.

Онъ медленно досталъ изящный бумажникъ и старательно, съ злораднымъ выраженіемъ расправивъ кредитку, вложилъ ее въ довольно обильное общество другихъ, такъ же аккуратно расправленныхъ и сложенныхъ кредитокъ.

Въ это время у побѣда началось оживленное движеніе. Пропелъ маленькій батальонный, энергично помахивая рукой. Оба прапорщика бросились къ побѣду.

— Сейчасъ ѣдемъ на второй разъѣздъ, гдѣ намъ высадка,—сказалъ кто-то изъ офицеровъ.

„Война!“—подумалъ Андрей, и далекій просторъ кочковатыхъ полей, огражденных на горизонтѣ голубымъ туманнымъ лѣсомъ, показался особенно радостно-прозрачнымъ.

Паровозъ далъ осторожный отрывистый свистокъ.

III.

Теперь Женя сдѣлалась усердной читательницей газетъ. Утромъ она читала мѣстныя газеты, вечеромъ—столичныя. Слово „война“ превратилось для нея въ географическую карту, въ которой она старательно наблюдала за порядкомъ разноцвѣтныхъ флажковъ. Свѣжія газеты, пахнувшія типографской краской, вскорѣ возвѣстили о русской побѣдѣ подъ Красникомъ. Генералы Рузскій и Брусиловъ обрушились на Львовъ и Галичъ.

Отъ Андрея пришло нѣсколько писемъ, написанныхъ косо, карандашомъ. Онъ писалъ:

„Война, какъ война. Ничего особеннаго. Вотъ только промокаютъ сапоги. Это худо. Табакъ, который ты мнѣ подарила, весь выкурилъ. Пришли еще. Только куда? Это, моя дорогая, вопросъ. Когда мы вошли во Львовъ, тамъ горѣло электричество, а въ помѣщеніи австрійскаго штаба стояли не допITYте стаканы кофе. Ловко, братъ? Ну, цѣлую и тому подобн. Вѣрный тебѣ Андрей“.

Приписка:

„А женщины здѣсь, дѣйствительно, недурны, только отъ евреекъ пахнетъ лавровымъ листомъ. Не люблю. Зато польки... Но вѣдь ты знаешь, что мое сердце застраховано въ обществѣ „Саламандра“.“

Женя читала и мучилась. Потомъ сжимала виски руками и говорила:

— Ахъ, пусть!

Ей казалось, что ея жизнь сложилась невыразимо несчастно. Вотъ ея мама дожила до сорока лѣтъ, и никто изъ ея близкихъ ни разу не попалъ на войну. Каждый разъ съ боязнью она проглядывала въ газетахъ списки убитыхъ и раненыхъ.

Однажды пришло письмо отъ Кости Дерягина. Онъ писалъ всякій влюбленный вздоръ, мѣстами похожій на явный бредъ. Въ особенностяхъ ея вниманіе обратила одна фраза:

„Но теперь я, по крайней мѣрѣ, радъ, что вашъ образъ будетъ постоянно со мною. Какъ это случилось—вопросъ другой. Скажу вамъ такъ: можетъ-быть, путемъ какого-нибудь таинственнаго заклатья, но я приобрѣлъ этотъ талисманъ и ношу его на своей груди. Утѣшеніе слабое, но для меня достаточное. Въ жизни я привыкъ довольствоваться малымъ“.

Женя ничего не поняла.

Потомъ вдругъ письма отъ Андрея перестали приходить вовсе. Это всегда являлось дурнымъ признакомъ. Такъ было, напримеръ, съ женихомъ Кати Званцевой. Женя сходила даже къ Костиной матери, но и отъ Кости тоже не было писемъ. Это было слабымъ утѣшеніемъ.

„Неужели обоихъ вмѣстѣ?“

Это казалось почему-то невѣроятнымъ.

Однажды въ туманное утро Женя услышала странно-тихий разговоръ отца и матери въ столовой. Словъ она не слышала, но пока одѣвалась (а одѣвалась она обыкновенно очень медленно), отецъ съ матерью все продолжали сидѣть за чайнымъ столомъ и долго-долго и вмѣстѣ тихо говорили. И еще было странно, что мама не уходила хлопотать по

хозяйству, а папа не шелъ въ кабинетъ, хотя еще съ вечера жаловался, что не успѣетъ сегодня закончить своей санитарной смѣты.

Женя поняла, что что-то случилось. Застегивая на спинѣ крючки лифа, она удивленно вышла изъ своей комнаты, и ее сразу же испугало виноватое выраженіе въ лицахъ отца и матери. Мать потупилась, слегка пригнувшись къ столу и вытянувъ передъ собою руки, которыя Женѣ было странно видѣть не занятыми. Отецъ пристально смотрѣлъ на Женю, точно стараясь рассмотреть что-то въ ея лицѣ. Оба они съ ея приходомъ замолчали.

— Что случилось?—сказала Женя нетерпѣливо.

Такъ какъ они продолжали молчать, то она, пораженная догадкой, закричала:

— Говорите же ради Бога! Вѣдь я же все равно знаю, что онъ убитъ.

Въ первый разъ она признавалась сейчасъ родителямъ, что любить Андрея, но по ихъ глазамъ она сейчасъ видѣла, что это для нихъ никогда не было тайной.

— Мама, скажи хоть ты!

Къ отцу она чувствовала ненависть за то, что онъ молчалъ. Мать встала, медленно къ ней подошла и хотѣла ее обнять, пригнувъ ее за шею. Но Женя поняла, что уже конецъ, и со страхомъ оттолкнула ее.

— Я не хочу, не хочу!—закричала она.—Это ложь! Это надо еще провѣрить.

Ею овладѣла злорада на весь мѣръ.

Но мать медленно и крѣпко притягивала ее къ себѣ за талию, и вдругъ Женя увидѣла, что отецъ смахнулъ платкомъ съ глазъ слезы и молча отошелъ къ окну. И оттого, что его широкая спина въ коричневомъ пиджакѣ загорела сейчасъ свѣтъ, Женѣ показалось, что въ комнатѣ сдѣлалось вдругъ темнѣе. Последнее, что удержалось въ ея сознаниі, были слова матери:

— Молись и крѣпись.

Неприятельскій развѣдчикъ въ Польшѣ. Засасываетъ. Рисунокъ Г. Георгіева.

Мостъ черезъ рѣку сорванный австрійцами при отходѣ.

IV.

Мучительно долго тянулось время въ сборномъ разнокалиберномъ пассажирскомъ поѣздѣ отъ Здолбунова до Радзивилова. Этими мѣстами когда-то проѣзжалъ Андрей. Жена, покинувшая мать въ купѣ, въ глубокомъ траурѣ, который она нарочно не снимала никогда (только ночью, когда ложилась спать), выходила на тормозную площадку вагона и тамъ стояла одна.

Слезы она выплакала уже давно и теперь только чувствовала долгія спазмы въ кончикахъ пальцевъ и груди.

Теперь она начинала понимать, что такое война. Нельзя радоваться войнѣ. На войну можно идти, только отказавшись отъ самого себя. Война—это означаетъ, что личная жизнь кончена. Пришли великія идеи и сказали, что для личной жизни больше мѣста нѣтъ. Какое было легкомысліе думать, что другихъ на войнѣ могутъ убить, а Андриуша почему-то (именно Андриуша!) долженъ остаться живъ.

Но всѣ ея отношенія къ войнѣ строились именно на этой неразумной увѣренности. Въ ея жизни не было другого смысла, кромѣ любви къ Андриушѣ. Андриуша убить — и жизнь превращалась въ недоразумѣніе и тупую боль.

„Можетъ-быть, это оттого, что я плохая патриотка, — спрашивала она себя: — и мнѣ все равно, стануť или не стануť нѣмцы распоряжаться у насъ въ Россіи?“

Но это было не такъ. При мысли о нѣмцахъ, настоящихъ виновникахъ этой ужасной войны, ею овладѣвало яростное желаніе причинить имъ боль, во всякомъ случаѣ не меньшую, чѣмъ они причинили ей. Она могла бы сама стрѣлять въ нихъ изъ ружья и рубить шашкой. Это племя казалось ей ненавистнымъ. Но зачѣмъ долженъ былъ непременно погибнуть Андрей? Въдѣ останутся же въ живыхъ другіе, потому что не всѣ же погибнуть на войнѣ. Будетъ наконецъ одержана побѣда и наступитъ миръ, а Андрея больше не будетъ. Онъ уже не придетъ къ ней въ бесѣдку въ ихъ саду и не будетъ сидѣть съ ней вмѣстѣ тѣсно и неудобно, причиняя иногда боль ея локтямъ, спинѣ и груди. И она никогда больше не услышитъ, какъ отъ него пахнетъ табакомъ и пивомъ. Онъ не будетъ хохотать ей въ лицо, сдѣлавъ круглые глаза, когда она будетъ упрекать его, что онъ опять проигрался въ карты, „спустилъ“ часы, запонки и осеннее пальто. Она никогда не будетъ носить ему въ садъ, старательно спрятавъ подъ платкомъ, жареные пирожки изъ кухни и бутерброды съ масломъ и колбасой изъ буфета, потому что ему не на что было пообѣдать цѣлый день.

И спазма стягивала пальцы, и болѣла грудь, точно кто-то надавилъ ее сверху деревянной доской. Въдѣ главный ужасъ въ томъ, что она-то, Жена, все-таки должна остаться жить. Каждое утро будетъ всходить солнце, домъ попрежнему будетъ наполняться живыми дневными звуками, будутъ приходиться газеты, въ которыхъ будетъ напечатано, что такой-то министръ сказалъ то-то, и что тамъ-то случилось то-то. Попрежнему будутъ закладывать Красавчика и ѣздить въ имѣніе и на хуторъ, и такъ же въ лѣтнее время всѣ будутъ играть на площадкѣ въ лаунъ-теннисъ. Только не будетъ Андриуши, хотя онъ и игралъ лучше всѣхъ.

Однажды (это было совсѣмъ темно,

поѣздъ отошелъ отъ какой-то станціи, гдѣ рядомъ съ вокзаломъ виднѣлись бѣлые остовы высокихъ печей отъ сгорѣвшихъ домовъ, похожіе на могильные памятники) Жена вдругъ почувствовала, что это полный и невѣроятный абсурдъ, чтобы жизнь, та обычная жизнь, которую она жила до сихъ поръ, могла теперь опять пойти попрежнему. Она всматривалась въ проплывшіе огни стрѣлки и семафора, потомъ въ холодный непроницаемый мракъ, распростиранный надъ разоренными полями, и ей казалось, что во всемъ, что она видитъ и воспринимаетъ, точно раздвигаются какія-то складки, и она начинаетъ видѣть и понимать то главное въ жизни, о чемъ она не задумывалась до сихъ поръ никогда и чего слѣпо не видѣла. Да, конечно, жизнь вовсе не есть уютное и безпечальное существованіе. Вотъ она, скажемъ, любила, напримеръ, Андриушу. Но сколько она страдала

черезъ него. И она страдала только потому, что любила. Если бы у нея кто-нибудь отнял тогда это ея страданіе, она не согласилась бы жить. Ея любовь къ Андриушѣ вовсе не была для нея легкомысленнымъ времяпрепровожденіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она увидѣла его, что-то случилось съ ней, и она уже не была больше прежнею. Такою она осталась и посейчасъ, осталась навсегда. Андриуши больше нѣтъ, но ея любовь къ нему есть, та огромная любовь, которая поднимается выше этихъ маленькихъ и тусклыхъ звѣздъ, которыя точно сквозь слезы смотрятъ въ трясущееся стекло вагона съ жутко-темныхъ небесъ. Ахъ, если бы она только могла кому-нибудь рассказать о силѣ своей любви къ Андриушѣ, теперь мертвому, можетъ-быть, ей стало бы хотя немного легче. И, глядя на далекія маленькія звѣзды (потому что Андриушина душа, можетъ-быть, теперь тамъ), она шептала безъ конца:

— Андриуша, милый Андриуша, неужели ты думаешь, что я когда-нибудь смогу кого-нибудь еще полюбить?

И отъ этихъ новыхъ чувствъ на нее снизошли спокойствіе и гордость. Высоко неся голову и радуясь, что густой трауръ закрываетъ отъ нея весь міръ, она тихо вернулась въ купѣ. Она видѣла почитительные взгляды двухъ офицеровъ, которыми тѣ каждый разъ встрѣчали и провожали ее, когда она входила или выходила, и у нея было къ нимъ хорошее братское чувство. Всѣ мужчины для нея теперь сдѣлались окончательно только милыми братьями, и они понимали это. Они знали, что изъ ея сердца выходитъ огромная и святая любовь къ Андриушѣ, которую теперь она понесетъ черезъ всю жизнь, чтобы съ этихъ поръ обыкновенная будничная человеческая жизнь, которая, конечно, настанетъ опять для другихъ людей послѣ войны, не сдѣлалась бы дико-пошлой и оскорбительной сказкой. И ей было мучительно-сладостно жертвовать собой сейчасъ для другихъ. Невѣдомая ей до сихъ поръ складки жизни раздвигались шире и шире, и она видѣла за ними особенный свѣтъ.

— Ты что?—спросила мать.

— Я ничего, мама. Я счастлива. Если бы ты знала, какъ я люблю Андриушу!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ лѣсу у деревни Наблюдатели.

9-е февраля.

Къ великимъ, незабвеннымъ датамъ — 19-го февраля и 17-го октября, ознаменовавшимъ новыя эры въ исторіи Россіи. Державною Волею Монарха присоединена отнынѣ третья — 9-е февраля.

Въ этотъ свѣтлый день Государь повелѣлъ открыть засѣданія Государственной Думы и Самъ прибылъ въ Таврической Дворецъ на торжественное молебствіе, традиціонно предшествующее началу государственныхъ трудовъ избранниковъ народа. Но 9-го февраля молебствіе носило особо торжественный характеръ: вся Россія въ лицѣ ея Монарха и окружавшихъ Его лучшихъ людей ея возсылала благодаренія Господу за ниспосланную большую побѣду на кавказскомъ фронтѣ. И въ этихъ молитвенныхъ призывахъ благословенія на наше доблестное воинство, представляющее весь народъ на ратномъ полѣ такъ же, какъ Государственная Дума представляетъ весь народъ въ дѣлѣ устройства государства, незабвенно и знаменательно было присутствіе Государя, Души народа-воинства.

Государь, Лично принявшій на Себя верховное командованіе народомъ-воинствомъ на полѣ битвы, отнынѣ Лично вступилъ и въ свою мирную Государеву Ставку — Таврической Дворецъ. Здѣсь, въ дружной, одухотворенной работѣ народа, подготавливается та побѣда, которая возвышается на ратномъ полѣ. Здѣсь выковывается тотъ духъ единенія народа, который создаетъ непобѣдимость. Здѣсь народъ превращается въ гражданина. И если во всей міровой исторіи прославлена стойкость русскаго солдата, то отнынѣ міру суждено узрѣть непобѣдимость воина русскаго — гражданина-солдата. Къ избранникамъ этихъ гражданъ-воинствъ пришелъ 9-го февраля нашъ Государь сказать Свое великое слово привѣта и съ ними подъ одной кровлей соединить Свои молитвы Господу силъ. Это единеніе Царя и народа въ Богѣ и духѣ возвышено навѣки для Россіи въ Монаршемъ актѣ 9-го февраля.

Государь Императоръ прибылъ въ Государственную Думу въ 1 ч. 55 м. дня съ Августѣйшимъ Братомъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Его Величество встрѣтили председатель Государственной Думы М. В. Родзянко и члены Государственной Думы, привѣтствовавшіе Государя восторженными кликами „ура“.

Въ Екатерининскомъ залѣ, у иконы св. Николая Чудотворца сгруппировалось духовенство изъ членовъ Государственной Думы. Всѣ они выразили желаніе участвовать въ священнослуженіи. Навстрѣчу Его Величества въ залъ вышелъ настоятель церкви Таврическаго Дворца, протоіерей Вознесенскій. Молебствіе завершилось Царскимъ многолѣтіемъ и многолѣтіемъ всероссійскому побѣдоносному и союзному воинству.

По окончаніи богослуженія Его Величество и Его Императорское Высочество прикладывались ко кресту. Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ обратиться къ членамъ Государственной Думы со слѣдующими Высочайшими словами:

„Мнѣ отрадно было вмѣстѣ съ вами вознести Господу Богу благодарственные молитвы за дарованную Имъ нашей дорогой Россіи и нашей доблестной арміи на Кавказѣ славную побѣду. Счастливы также находиться посреди васъ и посреди вѣрнаго Моего народа, представителями котораго вы здѣсь являетесь. Призывая благословеніе Божіе на предстоящіе вамъ труды, въ особенной степени въ такую тяжкую годину, твердо вѣрую, что всѣ вы и каждый изъ васъ внесете въ основу отвѣтственной передъ Родиной и Мною вашей работы весь свой опытъ, все свое знаніе мѣстныхъ условий и всю свою горячую любовь къ нашему Отечеству, руководствуясь исключительно ею въ трудахъ своихъ. Любовь эта всегда будетъ помогать вамъ и служить путеводной звѣздой въ исполненіи вами долга передъ Родиной и Мною.

Отъ всей души желаю Государственной Думѣ плодотворныхъ трудовъ и всякаго успѣха“.

Громовое „ура“ и общее пѣніе гимна покрыли слова Его Величества.

Едва смолкли клики, председатель Государственной Думы обратился къ Его Величеству:

„Ваше Императорское Величество. Глубоко и радостно взволнованные, мы всѣ, вѣроподанные Ваши, члены Государственной Думы, внимали знаменательнымъ словамъ своего Государя. Какая радость намъ, какое счастье: нашъ Русскій Царь здѣсь, среди насъ.

Великій Государь. Въ тяжелую годину еще сильнѣе закрѣпили Вы сегодня то единеніе Ваше съ вѣрнымъ Своимъ народомъ, которое насъ выведетъ на вѣрную стезю побѣды. Да благословитъ Васъ Господь Богъ Всевышній.

Да здравствуетъ Великій Государь всея Россіи!“

Изъ Екатерининскаго зала Государь Императоръ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, въ сопровожденіи председателя и членовъ Думы, прослѣдовать въ залъ общихъ засѣданій, который при входѣ Его Величества огласился пѣніемъ гимна и могучимъ „ура“ народныхъ представителей и всѣхъ присутствовавшихъ. Государь Императоръ, оставаясь нѣкоторое время въ залѣ, милостиво отвѣчалъ на восторженные привѣтствія наклоненіемъ головы. Затѣмъ Его Величество и Его Императорское Высочество, прослѣдовавъ въ полукруглый залъ, изволили начертать Свои Августѣйшія Имена въ „Золотой книгѣ почетныхъ посѣтителей“, послѣ чего прошли вновь черезъ залъ общихъ засѣданій въ боковой коридоръ, направляясь къ выходу. Въ послѣднемъ председателю Думы представилъ Государю Императору весь составъ канцеляріи Думы, который Его Величество милостиво поблагодарилъ за труды. Отсюда Государь Императоръ, въ сопровожденіи председателя и членовъ Государственной Думы, направился къ выходу изъ Дворца, еще разъ пожелавъ членамъ Думы полнаго успѣха. Вновь перекатами загремѣло „ура“, и члены Думы проводили Государя Императора до автомобиля. Великій Князь Михаилъ Александровичъ остался въ Государственной Думѣ и присутствовалъ на засѣданіи.

Засѣданіе открылось въ 3 часа 12 м. дня. По оглашеніи Высочайшаго Указа о возобновленіи занятій Государственной Думы М. В. Родзянко сказалъ:

„Гр. члены Государственной Думы. Великое историческое событіе совершилось сегодня здѣсь. Его Императорскому Величеству благоудно было осчастливить Своимъ посѣщеніемъ Государственную Думу. Государь молился вмѣстѣ съ нами и въ знаменательныхъ словахъ пожелалъ представителямъ Своего вѣрнаго народа успѣха въ занятіяхъ ихъ, направленныхъ на пользу Его подданныхъ. Великое и необходимое благо для Русскаго Царства — непосредственное единеніе Царя съ Его народомъ отнынѣ закрѣплено еще могучѣй и сильнѣй.

И радостная эта вѣсть наполнить счастьемъ сердца всѣхъ русскихъ людей во всѣхъ уголкахъ Земли Русской и одушевить новымъ приливомъ мужества нашихъ славныхъ и доблестныхъ бойцовъ, защитниковъ Родины.

Да здравствуетъ же Великій Государь нашъ Николай Александровичъ на многая лѣта. Ура!“

Всѣ члены Думы еще разъ восторженнымъ „ура“ отвѣтили на призывъ своего председателя.

Этотъ часъ народнаго восторга, пережитый Думой вмѣстѣ съ своимъ Государемъ, освѣтитъ долгіе годы мирнаго труда ея на пользу устройства государственной и народной жизни.

Работы Думы открылись рѣчами: ея председателя М. В. Родзянко, председателя Совѣта Министровъ гофмейстера В. В. Штюрмера, военнаго министра ген.-отъ-инф. А. А. Поливанова, морского министра ген.-адъют. адмирала И. К. Григоровича и министра иностранныхъ дѣлъ гофмейстера С. Д. Сазонова.

Обзоръ этихъ рѣчей и преній по поводу ихъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Дневник военных действий.

Н. Шумского.

Разгром турок послѣ Эрзерума.

Послѣ разгрома третьей турецкой арміи под Эрзерумом и истиннѣ героическаго штурма этой крѣпости, турки начали отступать по всѣмъ путямъ, которые открывались из Эрзерума. Какъ извѣстно, Армнія и, въ частности, Эрзерумъ являются центромъ важнѣйшихъ путей Азиатской Турціи, и именно от Эрзерума расходятся дороги, во-первыхъ, къ Константинополю, во-вторыхъ, къ Черному морю — къ Трапезунду и, въ-третьихъ, въ Месопотамію — къ Багдаду.

Значеніе этихъ путей огромно, и ими еще пользовались древніе народы, какъ главными путями, связывающими, во-первыхъ, Европу съ Африкой, во-вторыхъ, Кавказъ съ Сиріей и Египтомъ и, наконецъ, Месопотамію съ Аравіей.

Поэтому, если, съ одной стороны, турки отступили по всѣмъ тремъ расходящимся направлениямъ — къ северо-западу къ Трапезунду, къ западу въ Константинопольскомъ направлении и къ юго-западу въ Месопотамскомъ направлении, то и для насъ открываются также всѣ эти три направления.

Намъ уже приходилось упоминать, что такое отступление по тремъ расходящимся дорогамъ, тремя отдѣльными группами, носитъ названіе „эксцентрическаго отступления“. Такое отступление предпринимается той арміей, которая во всякомъ случаѣ желаетъ избѣгнуть боя. Въ такомъ положеніи находились и турки, ибо и они, естественно, желали во всякомъ случаѣ избѣгнуть боя.

Въ этомъ случаѣ отступающей, расходясь по разнымъ дорогамъ, рассчитываетъ на то, что преслѣдующія его войска также раздѣлятся на части, чтобы пойти по тѣмъ же самымъ дорогамъ, и, слѣдовательно, наимѣе будетъ слабѣе.

Однако въ данномъ случаѣ расчеты турокъ не оправдались, вслѣдствіе того, что наши войска, тотчасъ же послѣ занятія Эрзерума, искуснымъ преслѣдованіемъ и маневромъ откололи совершенно лѣвое крыло турокъ, попавшее въ тѣнище въ приморскомъ районѣ. Затѣмъ правое крыло турокъ, отступавшее въ юго-восточномъ направленіи въ Месопотамію, въ свою очередь

На кавказскомъ фронтѣ. Скала въ ущельѣ близъ Эрзерума.

приморскомъ районѣ уже предѣлена, и турки могутъ свободно выкинуть эти войска изъ своихъ стратегическихъ расчетовъ, какъ попавшія въ тѣнище у Чернаго моря, откуда они выбраться не могутъ.

Войска праваго турецкаго фланга могли отступать въ Месопотамію по двумъ путямъ: одинъ путь велъ въ Месопотамію черезъ Діарбекиръ — такъ называемый „Багдадскій почтовый трактъ“. Другой путь велъ от Эрзерума въ Месопотамію черезъ Хныс-Каду и Муши. Этотъ послѣдній путь и есть знаменитый путь отступления 10.000 грековъ Ксенофонта, которые шли только въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ сейчасъ отступаютъ турки, а именно шли изъ Месопотаміи на Эрзерумъ и далѣе на Трапезундъ къ Черному морю.

Трудно сказать, какое изъ этихъ трехъ направленій было болѣе важнымъ, ибо всѣ одинаково были весьма существенны. Значеніе главнаго пути на Константинополь, по которому отступала центръ турецкой арміи, не требуетъ поясненій, и можно лишь добавить, что значеніе это еще увеличивалось оттого, что по этому пути спѣшили къ разбитой третьей турецкой арміи подкрѣпленія изъ Европейской Турціи.

Значеніе пути, гдѣ застрялъ лѣвый турецкій флангъ — IX-й корпусъ, явствуетъ изъ того, что этотъ путь выводилъ къ Трапезунду. Роль Трапезунда, какъ стратегическаго пункта, огромная. У турокъ всегда всѣ подкрѣпленія, какъ людьми, такъ и различными видами снабженія и продовольствія, доставлялись изъ Константинополя къ Эрзеруму только черезъ одну точку — Трапезундъ. Во время войны 1877 г. Трапезундъ былъ постоянно заваленъ всякаго рода боевыми припасами, продовольствіемъ и снабженіемъ, которые должны были слѣдовать къ Эрзеруму, но были большею частью задерживаемы снѣжными заносами, а также и хаотическимъ безпорядкомъ, который царилъ въ турецкой администраціи.

Принимая во вниманіе ужасные колесные пути Малой Азіи, слѣдуетъ считать, что Трапезундъ былъ той единственной точкой, черезъ которую вся Эрзерумская армія турокъ получала все необходимое для своего суще-

На кавказскомъ фронтѣ. Видъ на городъ Хасанъ-Нала черезъ главныя крѣпостныя ворота.

На кавказскомъ фронтѣ.
Окрестности Эрзерума. Армянское плоскогоріе.

ствования. Энергичныя дѣйствія нашего флота въ значительной степени парализовали движеніе турецкихъ грузовъ по Черному морю къ Трапезунду, но это не уменьшало значенія Трапезунда, въ случаѣ его паденія, ибо турки болѣе всего опасались, чтобы въ Трапезундѣ не оказалась новая неожиданная и крайне выгодная база для нашего флота. Если къ этому добавить, что пути къ Трапезунду были весьма короткими, и что къ нему вело прекрасное шоссе, то этимъ всѣмъ и опредѣлится значеніе второго пути — на Трапезундъ.

Значеніе третьяго пути, по которому отходило правое крыло турецкой арміи, — пути на Месопотамію, вполне опредѣляется тѣмъ фактомъ, что въ Месопотаміи находились англійскія войска генерала Эльмера, которому превосходство турецкихъ силъ въ этомъ районѣ не позволяло развить своего наступленія. Объединеніе операций, которое могло выразиться такъ конкретно въ соединеніи нашихъ войскъ съ англійскими, — то объединеніе, къ которому стремились союзники, — получило бы при преслѣдованіи турокъ на этомъ пути самое наилучшее выраженіе.

Такимъ образомъ всѣ три пути были важны, и вопросъ сводился лишь къ тому, какой изъ этихъ трехъ путей будетъ признанъ наиболѣе важнымъ, и по которому изъ нихъ будетъ произведено наступленіе.

Во время прежнихъ войнъ съ турками наши планы

преимущественно оканчивались на занятіи Эрзерума, и даже стратегическое предвидѣніе не простиралось. Всегда считалось, что занятіе Эрзерума составляетъ главную задачу нашихъ операций въ Азиатской Турціи, и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ послѣ занятія Эрзерума говорилось лишь вскользь. Указывалось только, что послѣ занятія Эрзерума предметомъ дѣятельности являются: черноморскій портъ Трапезундъ, съ занятіемъ котораго окончательно порывается морская связь Эрзерумской арміи съ Европейской Турціей, затѣмъ Дарбекирь или Мушь, какъ промежуточные пункты на пути въ Месопотамію, и наконецъ, въ-третьихъ, Сивасъ, какъ промежуточный пунктъ при движеніи къ Константинополю.

Изъ этого видно, что при прежнихъ войнахъ признавались одинаково важными всѣ три направленія, почему надо думать, что въ настоящее время нѣтъ пока никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, которые давали бы преимущество одному направленію передъ другими. Кроме того, наступленіе главной массы въ томъ или другомъ направленіи требуетъ созданія новой операции, тогда какъ пока послѣ Эрзерума велось лишь

На кавказскомъ фронтѣ.
Священное озеро, въ 10 верстахъ отъ Эрзерума.

На кавказскомъ фронтѣ. Эрзерумскій вилайетъ.
Горячіе источники близъ Эрзерума, въ 10 верстахъ къ западу.

преслѣдованіе. Только по окончаніи этого преслѣдованія можно было ожидать созданія такой новой операции.

Всякая операция, какъ извѣстно, всегда требуетъ предварительной административной подготовки, созданія соответствующей и хорошо подготовленной административной базы, а также и операционной базы, т.-е. подготовки путей, устройства складовъ, организациі штабовъ и т. п.

Поэтому надлежитъ считать, что ближайшей задачей послѣ занятія Эрзерума является энергичное преслѣдованіе третьей турецкой арміи, съ цѣлью ея окончательнаго разрушенія и стратегическаго уничтоженія. Только по окончаніи преслѣдованія можетъ имѣть мѣсто длительная подготовка къ новой операциі.

Какъ видно изъ ряда сообщеній о событіяхъ послѣ Эрзерума, преслѣдованіе нашими войсками ведется крайне энергично, почему прежде всего результаты операциі подъ Эрзерумомъ уже выражаются въ томъ, что турки частью потеряли свою артиллерию, частью вынуждены будутъ потерять ее впоследствии, изъ-за невозможности вывезти ее по тяжелымъ сквернымъ дорогамъ Малой Азіи. Вслѣдъ затѣмъ потери турокъ какъ впереди Эрзерума, такъ и при взятіи его и, наконецъ, при преслѣдованіи могутъ быть исчислены въ 30-40 процентовъ, что естественнo должно вести къ

сильному разложению третьей турецкой армии. Наконец IX-й турецкий корпус, попавший в тушик в приморском районе, тоже уже не может учитываться Турцией.

При таких условиях слѣдует считать, что эрзерумская операция не только дала в наши руки Эрзерумъ, но и привела къ столь сильному разгрому турецкой армии, что все азиатскія области Турціи оказались совершенно обнаженными. Это, естественно, не может не вызвать сильнѣйшаго безпокойства въ Турціи, у которой азиатскія владѣнія составляют все, а европейскія — лишь небольшой прида-токъ.

Поэтому можно не сомнѣваться, что турки вынуждены будутъ перебросить свои войска изъ Европы въ Азиатскую Турцію и, въ связи съ этимъ, принуждены будутъ отказаться отъ всѣхъ задачъ въ Европѣ.

Это, въ свою очередь, кончаетъ всѣ разговоры о возможности появления турокъ на главныхъ фронтахъ войны. Затѣмъ, такъ какъ турецкія войска должны были составлять значительную часть общей болгаро-турецко-нѣмецкой армии, которая должна была наступать на Салоники, то, очевидно, наступления на Салоники уже ожидать трудно. Мало того, — воз-

На кавказскомъ фронтѣ.
Подземный ходъ подъ крѣпостью Хасанъ-Кала.

можно наступление союзниковъ отъ Салоникъ, такъ какъ войска противника, естественно, съ уходомъ турокъ ослабѣютъ численно. Это, въ свою очередь, угрожаетъ нѣмцамъ потерей ихъ стратегическихъ позицій на Балканахъ, почему, въ случаѣ наступления союзниковъ отъ Салоникъ, нѣмцамъ снова придется послать Макензена съ его дивизіями на балканскій театръ, для отстраненія этихъ своихъ стратегическихъ позицій.

Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, приближается періодъ развитія значительныхъ операций на восточномъ фронтѣ. И, если нѣмцы будутъ вынуждены снова отослать Макензена съ буковинскаго района на Балканы, то это, конечно, ослабитъ ихъ силы въ тотъ періодъ, когда они должны быть сильнѣе всего, когда они будутъ стремиться разрѣшить окончательно судьбы войны въ операцияхъ на нашемъ театрѣ.

Такъ сильный, искусный ударъ у Эрзерума можетъ докатиться до Галиціи и до нашего фронта, и въ этомъ можно видѣть еще разъ, какая тонкая чувствительная связь существуетъ между всѣми театрами нынѣшней великой европейской войны, хотя бы и самыми удаленными.

На заводѣ.

Черныя трубы, въ тревогѣ
Крикомъ пронзивъ вышину,
Тщетно мечтаютъ о Богѣ,
Ждутъ золотую Весну...
Мертвыхъ же зданій глубины
Слышатъ въ безцвѣтности дней
Мѣрные вздохи машины,
Посвятить бѣгущихъ ремней...
Темны отъ копоти лица
Тѣхъ, кто смиренно всегда
Вѣрить могли и молиться
Правдѣ великой труда,
Правдѣ, открывшейся смѣло
Въ книгѣ безмерныхъ идей...
У проводовъ то и дѣло
Брызжетъ огнемъ чародѣй,—

Чтобы разжечь сердце въ стали,
Сдѣлавъ покорною тѣмъ,
Руки ны за день устали,
Не отдыхая совѣмъ...
Ниче работу не бросятъ,
Кончивъ рабочий свой день,
Зная, что жертву приносятъ,
Дѣти родныхъ деревень, —
Здѣсь же, въ поселкахъ фабричныхъ,
Пасынки хлѣбной земли
Вновь для трудовъ непривычныхъ
Отдали силы свои...
Цѣлыя ночи безсонно
Плавится въ кузницѣ гнѣвъ,
И средь машиннаго стона
Слышу я сердцемъ натѣвъ:

«Братья, отдавшие жизни
Въ свѣтломъ порывѣ своемъ,
Мы вамъ для службы отчизнѣ
Силы стальные куемъ!
Ихъ неподвижныя тайны
Нужно олухотворить,
Чтобы грозившій, не случайно,
Зло навсегда побѣдитъ!»
Слышу и, словно весной,
Новому счастью молю:—
Здѣсь вѣдь теперь предо мною
Объединенная Русь!..

Сергѣй Михѣевъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1916 годъ, озаботиться **своевременными взносами** подписныхъ денегъ, **согласно условіямъ разсрочки.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп. и печатный адресъ.**

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Тишина. Разсказъ Георгія Павлова. — Цѣты. Стихотвореніе Сергѣя Михѣева. — Медальонъ. Разсказъ Марка Криницкаго. 9-е февраля. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — На заводѣ. Стихотвор. Сергѣя Михѣева. — Заявленіе. — Объявленія. — Отклики войны. РИСУНКИ: Дозорные у стараго кладбища. Картина И. Владимірова. — Въ ожиданіи врага. Стрѣлковая пѣня на опушкѣ лѣса. Рисунокъ профессора Н. С. Самокиша. — Близъ Суассона. Чтеніе приказа по полку. — Пребываніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича въ Японіи (портр. и 7 рис.). — Развѣдка въ Полясьѣ (2 рис. Г. Георгіева). — Мостъ, сорванный австріяками при отходѣ. — Наблюдателя въ лѣсу. — На кавказскомъ фронтѣ (6 рис.). Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 20 и специальная карта западно-европейскаго фронта подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальскаго.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 9

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 27-го февраля 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ перекл.)—15 к., съ перекл. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для палататива въ „Жизнь“ принимаются по следующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одной столбѣ (въ 1/4 ширины страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ копейки 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страницъ 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 4. Главная Контора и редакція Петроградъ, улица Гоголя, № 82.

**ПЕРВЫЕ въ Россіи
ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ**
для подготовки какъ жел.-
дорожныхъ служащихъ, такъ и
частныхъ лицъ
къ занятию

ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНОЙ СЛУЖБЫ.

Каждый годъ открываются новые пути желѣзной дороги, требующие новыхъ штатъ служащихъ. Покупке съ этикъ увеличивается спросъ на ж.-д. служащихъ. Особенно въ послѣднее время подготовленнымъ служащимъ всегда находятъ на жел. дорогѣ радужный пріютъ. Помощью нашихъ заочныхъ желѣзно-дорожныхъ курсовъ въ 4—6 мѣсяцевъ получите полное и всестороннее знакомство съ обязанностями: машинистовъ товарныхъ и пассажирскихъ вагоновъ, конторщиковъ товарныхъ станцій, телеграфистовъ, помощниковъ начальниковъ станцій и др. ж.-д. служащихъ. Лекціи наши занимаютъ до тысячи страницъ большого формата и являются собою цѣнную ж.-д. видяллекцію, по которой учащіеся и по окончаніи курсовъ моментально найдутъ всѣ нужные для него справки. Никакого образовательного курса и никакихъ документовъ для зачисления на заочный курсъ ж.-д. службы не требуется. Принимаются также и ученики для подготовки въ различные должности: машиниста, конторщика Службы обороту и т. д. По окончаніи курсовъ и выдержаніи заочного экзамена, по взаимному согласію взаимнонаходящихъ листовъ, выдается удостоверение. Переписка лекцій и отбѣтовъ на вопросы—на извѣстную плату за весь курсъ двѣнадцать рублей. Допускается расписка (4 раза по три рубля). Успѣвшимъ сразу шесть рублей получаютъ извѣстныя курсы, какъ бесплатное приложеніе, полный курсъ каллиграфіи и скорописи, а успѣвшимъ одновременно за весь курсъ двѣнадцать рублей получаютъ, кроме того, полный курсъ стенографіи по Штольцу и краткій курсъ двойной итальянской бухгалтеріи. Такимъ образомъ одна учебный материалъ стоитъ почти вдвое больше всей платы за курсъ. Другимъ ученикамъ по другимъ лекціямъ весь курсъ обойдется, каждому изъ нихъ, по 8 руб. со всеми бесплатными приложеніями. Адресоваться: МОСКВА, въ Контору желѣзно-дорожной службы, Маскицкая, № 18-Н. Почтовый ящикъ № 1080.

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ извѣстать книгу: „Я самъ—хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успехъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особымъ вниманіемъ и спеціальной подготовкой. Заложите любимыя деньги немедленно каждому (какъ мужчине, такъ и женщине). Цена съ перекл. 2 руб. 75 коп. МОСКВА, изд-ству „Лучъ“, Печатниковъ пер., 18/2.

ПАМЯТЬ укрѣпить ЗАОЧНО

проф. иномон. С. Файнштейнъ, ОКЕССА, Римъ, 54/28.—Проек. вѣс. за 10 к. и.

ОТРѢЗЪ ДІАГОНАЛИ

для брюкъ. Высоклето за 3 рубля съ перекл. Пройдемъ оставшимся въ Колодецкѣ, Терской об. До востреб. Г. И. Соколову. Налож. платж. по вѣс.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Воле и на молитвенную память поможете намъ, добрые люди, дестроты и благоустроить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. Адресъ: г. Лхвиль, Калужской губ., село Жереминь, церковно-приходскому Попечительству, или амт. Священнику Александру Смирнову. 1-1

ЧЕРНОЕ МОРЕ.

Южн. Гагръ, совѣщ., сух. бер. ПРОДАЮТСЯ УЧАСТКИ. Сам. льготн. разсрочка. План. и опись 20 коп. МОСКВА, В. Глѣздинская, д. 10. Телеф. 5—46—50, кв. 526, отъ 11 до 1 ч. и отъ 5 до 6 час. 1-2

ВАЖНО ДЛЯ ГГ. СКРИПАЧЕЙ

новыя русскія изданія иллюстрированныя подъ редакціей проф. И. Г. Дулова. Этюдныя для одной скрипки: Мазасъ, Ор. 36. Т. I. Спеціальные, цѣна 1 р.—Родо, 24. Каприса вродѣ этюдн. 1 р. Концерты для скрипки съ фл.: Вюгги, № 23 D—диг 1 р. 25 к., Родо, № 7 A—moll, № 8 E—moll—каждый по 1 р. 25 к. Новый каталогъ инструментальной музыки (крошъ фл.) издается бесплатно. Музыкальное Издательство им. П. Юргенсона, въ Москвѣ, Неглинный пр., 14.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить сыграть гитару въ бѣдѣ. Произвести молнію въ комнату, не причиняя никому вреда. Выращивать бобы въ полчаса. Разрывать китовой стекло. Получить облако въ комнатѣ. Вѣсть голыми руками раскаленное желѣзо. Картежные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзныя струны въ овцу. Замочить сухіе крова водой—и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполнения фокусовъ, можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Наибѣе полное изданіе. Волкъ фокусовъ въ книгѣ около 500. Цѣна съ перекл. 1 руб. 85 к. Адресъ: Петроградъ, въ редакцію журнала „Отклики Жизни“. Отд. Н. 4008 2-1

ВЫТЯЖКА СЪМЕННОЙ ЖЕЛЕЗЫ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артерioskлер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питания и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, лусъ, послѣ родовъ, операций, кровопотери и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденія высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2.75 к. пересылка—40 к., вересылка свыше одного флакона—бесплатно. 29-ый почтовый сборъ за извѣстный платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевтич. лабораторіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Коллежскій пер. соб. д. № 8. Телгр. адр.: Москва, Калефаюадъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химическими извѣстными сѣменными.

КУНОЕ ЛЕЦО СЪ ИМЕННОМЪ ЛЬДОВОМЪ ЛИЦО

Сладкое мыльное мыло отъ раздраженія лица. Дѣлается въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

МЫЛО ДЕРМОЗОН

СОВЕРШЕНСТВО

Сладкое мыльное мыло отъ раздраженія лица. Дѣлается въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

ВЪ МОСКВѢ ИМѢЮТЪ ЛУЧШІЕ АГЕНТСТВО ПО ПРОДАЖѢ НАШАГО МЫЛА.

БИБЛІА

полная на русск. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текотѣ 208 художеств. КАРТИНКАМИ, размѣр. кв. 6×4 в., 2 томи, вѣс. 9 ф., 1550 стр. въ прочномъ красн. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ колѣн. футл. цѣна 5 р. 50 к., съ перекл. въ Евр. Россіи 6 р. 15 к., упак. 25 к. Первая и единственная въ Россіи полная иллюстрир. Библия. Эту великую книгу—книгу—долженъ имѣть каждый. Адр.: Петроградъ, Невскій, 153. Е. П. Масляницкая.

Патент. 68 Пр. Пат. 5701. 1916 г. 8 2267.

ВЫТЯЖКА

основана въ 1903, известна въ ВСѢХЪ частяхъ на выставкахъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, Флоренціи, Мадридѣ

Фабрика Маисон

Fondée en 1903 4 grands prix

Paris, Londre, Bruxelles, Florence

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію „Гимназія на дому“, но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллеги, каждый въ короткое время можетъ

ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда,
на классный чинъ,
высш. начальн., сельск., народн. учителя,
аптекарскаго ученика, цы,
на 4 или 6 классовъ гимназій,
на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже, благодаря изданію „Гимназія на дому“, достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается бесплатно.

Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44-62.

„Умъ овладѣваетъ мною при видѣ несчастныхъ, оставившихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь покаяній Твоихъ...“ (Пс. 118). Кто эти скупыя слова можетъ провозгласить, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своими вниманіемъ, а следовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета“—все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и равноправію женщинъ, нужно поспѣшить выдвинуть саморазвитіемъ, какъ, вѣрно, чтобы скорѣе замѣстятъ вышедшихъ изъ строя нормальнѣе, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей!

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены известными профессорами и учителями консулаторами для легкаго усвоенія каждымъ, соответственны программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, асо и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цѣстныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполнѣ законченное цѣло, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣлую научную бібліотечку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цѣна за каждый отдѣлъ для факультета въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ Биологическихъ наукъ“ 18 руб., „Отдѣлъ Истор.-Филолог. наукъ“ 16 руб.; факульт.: Истор.-филологическій 14 руб., Медицинскій 13 руб., Юридическій 12 руб., Биологическій 11 руб. и Ветеринарскій 9 руб. Выписывающіе черезъ издателя Ф. С. Монархаго, Петроградъ, Пушкинская, 16, безъ расщрочки платежа, за пересылку не платятъ.

Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами почтой высылается бесплатно.

Продажа изданій во всѣхъ книгопродавцахъ.

Руководство для **ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.**

для начинающихъ. Цѣна руководства съ перес. наком. плат. 95 к.

Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. наком. плат. 95 к. Адр.: МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незаметно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТКО, МОСКВА. Отд. 1 С. С.

„САМОУЧИТЕЛЬ“

для вѣрной подготовки на должность **БУХГАЛТЕРА - КОРРЕСПОНДЕНТА** (полнымъ и окончательнымъ курсомъ коммерческихъ знаній). 3-е изданіе, в доп. изд. изъ 3-хъ част. 650 стр. большой формат. Цѣна 3 р. 50 к.

Проспекты съ отзывами бесплатно. Складъ: Книжн. магаз. „ОДЕССІЯ НОВОСТИ“, Одесса, Дерибасовская, № 20-1.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. это журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (12)

Контрскую скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждого въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самыя дурныя потерки. За 5 десятк. марокъ вышлю образцы шрифтовъ, очерки учениковъ условія. Одесса. Проф. Каллиграфія Адольфъ Моссодо. Дерибасовская, д. № 19.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатными преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Личныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7-55.

„ВОЕННАЯ ИГРА“

Военную игру рекомендуемъ: въ Воен. учебн. завед., въ кадет. корп., въ лаврети и с.-м.ой широкой массѣ. Въ игрѣ принимаютъ участіе до 180 фигуръ, какъ-то: пѣхота, артил., кавал. и неартил. штабы. Массовыя отзывы. Цѣна 3 р. 50 к. Складъ изд.: Одесса, Книжн. магазинъ „ОДЕССІЯ НОВОСТИ“, Дерибасовская, 20-1.

Над. Т-ва А. Ф. Марксъ, НР., ул. Гоголя, 22.

Владиміръ КЕЛЕРЪ.

„ГЛАЗА ЗВѢРЯ“

Съ рисунками П. Д. Бучнина. Содержаніе: Глаза звѣря. Не прикасайся, о, смертный! (Изъ записокъ врача). Кошмаръ. Я жду. Потомокъ эльфа. Что бываетъ въ столицѣ. Призраки Венеціи. Изящно изданная книга, отпечатанная четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

2-ое ИЗДАНИЕ КНИГИ:

Д-ръ Н. В. СЛЕТОВЪ ПОЛОВАЯ НЕВРАСТЕНІЯ,

ЕЯ ПРИЧИНЫ И ЛѢЧЕНІЕ, значительно дополненное, съ 23. рис. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Прод. въ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Складъ изданія у автора: МОСКВА, Садовая-Триумфальная, сов. домъ.

ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ простуды, насморка АНТИСЕПТИЧЕСКІЯ PASTILLES VALDA (Лепешки Вальда)

КАЖДАЯ КОРОБКА СНАБЖЕНА

красной бандеролью и именемъ

VALDA

ПОЛУЧАТЬ МОЖНО

во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ
магазинахъ.

Цѣна
1 рубль.

H. Canonne, Paris.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое бесиліе, старческая дряхлость, истощеніе

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬИНСВЯ
ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, НЕВРАЛГІИ.

ибаса, простудныхъ и ревматическихъ болей. Принимайте Капсулы Д-ра Сторпа. Капсулы абсолютно безвредны, прекращаютъ нервныя боли и улучшаютъ самочувствіе. Отпускается изъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторія Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. **КАЛЛИГРАФІЯ** 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, Батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текств. транспарант. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для ко-правки, почерка въ короткій срокъ. Главн. знан. обрац. на копировк. скороп. Цѣна за полныи курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ воиъ словъ, затру-днющ. пишущ., и словъ съ буквою Я. Адр.: Книгозна. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Румянава, 7—4.

Всѣ правила легко усваиваются по-мощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. убораст. шриф. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к. **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи) полныи курсъ для самообразованія. 568 страницъ. Цѣна 2 руб. 50 коп. **СПРАВОЧНИКЪ**, какъ поступить на службу въ казен., обществ. и частн. учр., форми прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылк. влож. плат. дор. на 25 к.

ДОЛГО-ОЖИДАЕМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ЧАЙ ЯНХАО № 14.

Наконецъ полученъ свѣжій, новаго осенняго урожая, чрезвычайно ароматный, сильнѣйшаго настоя, о чемъ всѣ любители и поклонники чая Янхао настоящимъ уведомятся. **ЦѢНА ЧАЯ ЯНХАО** 2 р. 40 к. за фунтъ съ пересылкой по почтѣ за нашъ счетъ во всю Европ. Россію посылками въ 3 ф., 5 ф. и 9 фун. (торговцамъ скидка.)

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:
Склады чаевъ **И. Е. ДУБИНИНА.**
МОСКВА, Покровка, д. № 51.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„АВТОМОБИЛЬ“

(пятнадцатый годъ изданія).

8 руб. въ годъ съ доставкой, 4 руб. въ 1/2 года съ доставкой.

Пробный №—35 коп. Четыре пробныхъ №№—1 руб. Премія: большая иллюстрированная книга „По Африкѣ на автомобиль“ съ доставкой—2 руб., вмѣсто 3 руб. безъ доставки.

Редакція: Петроградъ, Литейный, 36.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУТЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочные товары вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ „ВИКТОРІЯ“, предлагаютъ лучшія цѣны. „ВИКТОРІЯ“ выжметъ одианъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина „ВИКТОРІЯ“ стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К°

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, В. С. 114, Leadenhall St.

При ГОНОРРЕЪ ДИЗЕРИНЪ

въ острой и хронической формѣ и дѣйствіяхъ ея применяется Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Дизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. кадуцъ 2 р. Дюжнго 3 р. 50 к. Адресъ: Д-р Гороховской, Москва, Дзвезъ пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Телеграмма Государя Императора Государственной Думѣ.

Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко удостоился получить 10-го февраля слѣдующую Высочайшую телеграмму, оглашенную во время засѣданія Гос. Думы и покрытую возгласами „ура“. „Сердечно благодарю васъ и членовъ Гос. Думы за поздравленіе по поводу паденія Эрзерума. Вмѣстѣ съ вами вѣрю, что этотъ новый подвигъ кавказской арміи, при помощи Божіей, явится ступенью къ окончательному торжеству нашего оружія. Загогомъ этого служить готовность всѣхъ сыновъ нашей Великой Родины положить всѣ свои силы на служеніе ей, въ чемъ Мнѣ пріятно было убѣдиться вчера, при посѣщеніи Государственной Думы, о плодотворности работъ

которой Мнѣ отрядно было помолиться вмѣстѣ со всѣми ея дѣятелями.

Телеграмма эта явилась отвѣтомъ на слѣдующую телеграмму, отправленную Государю Императору предсѣдателемъ Гос. Думы 9-го февраля:

„Сегодня въ незабвенный день, когда Вашему Императорскому Величеству благоутодно было ошастливить Своимъ присутствіемъ Гос. Думу и вмѣстѣ съ нею вознести Всевышнему благодареніе за одержанную геройскими кавказскими войсками надъ нашимъ врагомъ побѣду, Гос. Дума, возобновляя по указу Вашего Императорскаго Величества свои занятія, уполномочила меня всеподданнѣйше повергнуть передъ Вами, Государь, горячія поздравленія по поводу паденія твердыни Малой Азіи—крѣпости Эрзерума. Гос. Дума твердо вѣритъ, что это безпримѣрное по своему героизму блестящее дѣло

открыть собой рядъ удачныхъ боевыхъ дѣйствій и побѣдъ на всѣхъ поляхъ сраженій, гдѣ русскія войска подъ Верховнымъ водительствомъ Вашимъ непоколебимо отстаиваютъ славу и счастье Родины. Председатель Гос. Думы Михайль Родзянко“.

Поднесение Государю Императору фельдмаршальскаго жезла британской арміи.

16-го февраля въ Царскую Ставку прибыли англійской службы генералъ сэръ Артуръ Пэджетъ и капитанъ лордъ Пемброкъ, командированные по повелѣнію короля Великобританіи Георга V для поднесения Его Величеству Государю Императору жезла фельдмаршала англійской арміи.

Въ 7 часовъ вечера генералъ Пэджетъ съ лордомъ Пемброккомъ, въ сопровожденіи назначеннаго состоять при немъ поручика барона Рамзая, прибыли въ помѣщеніе, занимаемое Его Императорскимъ Величествомъ. Здѣсь къ этому времени собрались министръ Императорскаго Двора, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Алексѣевъ, съ генералъ-квартирмейстеромъ генераломъ Пустовойтенко, флагъ-капитанъ Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ Нилъ, дворцовый комендантъ Свѣты генералъ-майоръ Воейковъ и лица Государевой Свѣты, англійской службы генералъ Вилліамсъ и адмиралъ Филдморъ съ состоящими при нихъ англійскими офицерами.

Когда Государь Императоръ изволилъ выйти къ собравшимся, генералъ Пэджетъ обратился къ Его Величеству со слѣдующей рѣчью на англійскомъ языкѣ:

„По повелѣнію его величества короля, я имѣю честь поднести Вашему Императорскому Величеству жезлъ фельдмаршала британской арміи. Мой августѣйшій повелитель вѣрить, что Ваше Императорское Величество приметъ этотъ жезлъ какъ знакъ его искренней дружбы и любви и какъ дань уваженія геройскимъ подвигамъ русской арміи.“

Хотя разстояніе, разделяющее ихъ другъ отъ друга, не дало до сихъ поръ возможности русской и англійской арміямъ сражаться плечо къ плечу противъ общаго врага, онѣ все же объединены твердой рѣшимостью побѣдить этого врага и не заключать мира, пока побѣда не будетъ обезпечена. Онѣ борются ради общаго дѣла и воодушевлены тѣмъ же духомъ.

Британская армія, которая разделяетъ восхищеніе его величества короля ея русскими товарищами, привѣтствуетъ Ваше Императорское Величество какъ британскаго фельдмаршала, и король твердо вѣритъ, что русская и британская арміи, вмѣстѣ съ ихъ доблестными союзниками, не преминутъ обезпечить своимъ странамъ прочный и побѣдоносный миръ“.

Затѣмъ генералъ Пэджетъ поднесъ Государю Императору жезлъ фельдмаршала англійской арміи.

Государь Императоръ, принявъ жезлъ, изволилъ поручить генералу Пэджету передать королю Георгу благодарность Его Величества за оказанную высокую честь поднесеніемъ жезла и изволилъ выразить увѣренность, что въ недалекомъ будущемъ англійскія и русскія войска будутъ сражаться плечо къ плечу противъ общаго врага.

Генералъ сэръ Пэджетъ и капитанъ лордъ Пемброкъ были приглашены къ Высочайшему столу.

Во время завтрака Государь Императоръ провозгласилъ слѣдующій токъ:

„Я съ большимъ удовольствіемъ пью за здоровье его величества короля Георга, Моего дорогаго двоюроднаго брата, друга и союзника“.

Побѣды у Германіи быть не можетъ. Одна изъ крупныхъ шведскихъ газетъ «Dagens Nyheter» въ статьѣ, посвященной вопросу о возможныхъ нѣмецкихъ операціяхъ въ предстоящей весенней кампаніи, говоритъ, что наступленіе германцевъ вѣроятнѣе всего будетъ предпринято противъ Россіи. По мнѣнію газетъ, надежды нѣмцевъ отдѣлить Россію отъ союзниковъ теперь менѣе осуществимы, чѣмъ когда-либо. Минувшій годъ доказалъ, что ни дипломатическими попытками ни нѣмецкимъ продвиганіемъ впередъ этого нельзя добиться отъ Россіи. Россія много сильнѣе, чѣмъ можно думать, партія за миръ незначительнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а выдержка нервовъ изумительна. Россія можетъ быть побѣждена только послѣ того, если она будетъ разбита по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Но этой возможности не вѣрятъ сами нѣмцы. Зимы оказалось достаточно для русскаго военнаго министерства, чтобы совершенно реорганизовать армію. Призваны милліоны, вопросъ о затрудненіяхъ по части военнаго снаряженія исчезъ. Россія въ данный моментъ сильнѣе и лучше подготовлена къ войнѣ, чѣмъ когда бы то ни было. Предположимъ даже, — пишетъ газета, — самое невѣроятное: — нѣмцы снова продвинулись впередъ, но Россія все-таки не побѣждена, а нѣмцы еще въ болѣе трагическомъ положеніи передъ загадкой, гдѣ же узависомое мѣсто Россіи. Помимо всего, у Германіи это не единственный фронтъ.

Можетъ-быть, — спрашиваетъ газета, — Германія удовольствуется приобретениемъ и перейдетъ къ оборонѣ, но этотъ планъ, въ виду внутренняго положенія страны, еще фантастичѣе, чѣмъ всѣ другіе.

Побѣды у Германіи быть не можетъ, — заканчиваетъ органъ нейтральной печати.

«Эскадра воскресшихъ мертвецовъ». Такъ можно перевести характерное итальянское названіе — «La squadraccia della morte». Squadraccia — это презрительное уменьшительное отъ слова «Squadra» (эскадра) — оригинальная итальянская флотилія, которая вступила въ борьбу съ австрійскими судами. Интересныя свѣдѣнія о ней сообщаетъ въ «Южномъ Краѣ» М. Первукинъ.

На протяженіи многихъ лѣтъ, на военныхъ верфяхъ и въ арсеналахъ Италіи постоянно накоплялось «жельзо-ломъ», т. е. старья, отслужившій уже свой законный срокъ боевыя суда съ расхлябанными корпусами, съ истершимися отъ работы механизмами, суда безнадежно устарѣвшихъ типовъ и по конструкціи и по вооруженію. Суда эти мирно ждали обычнаго безславнаго конца — быть проданными съ публичныхъ торговъ въ качествѣ стараго и ржаваго жельза, отправиться на буксирѣ на какой-нибудь частный заводъ и тамъ быть разобранными по листу, по болту.

И вотъ, когда началась война, особенно же когда отъ ударовъ невидимаго, коварно подкрадывающагося подводнаго врага погибли крейсера «Гарибальди» и «Амальфи», свершилось чудо: «морскіе мертвецы» ожили, встали изъ своихъ могилъ. На сданныхъ за ненадобностью и негодностью въ архивъ устарѣвшихъ судахъ былъ поднятъ флагъ, моментально были сформированы комплекты командъ, благо Италія богата смѣлыми и опытными моряками, и передъ глазами изумленныхъ австрійцевъ появились цѣлыя эскадры, проявившія и поразительную дѣятельность въ дѣлѣ защиты родныхъ береговъ, и отчаянную смѣлость, и, что всего важнѣе, боеспособность. Дыры были законопачены, машины отремонтированы, днища, обросшія раковинами и ржавлячиною, очищены, вооруженіе подновлено, и эти «скелеты прошлаго» отлично понесли трудную службу, замѣняя собою болѣе современные суда, которыми Италія приходится дорожить, которыя надо во что бы то ни стало беречь, пока не придетъ моментъ рѣшительнаго открытаго боя за обладаніе Адриатикою.

Та работа, которую совершаетъ эта «эскадра морскихъ мертвецовъ» Италіи, — она не бросается въ глаза. Она видна только по своимъ чудеснымъ результатамъ, которыми въ полномъ правѣ гордиться Италія.

Но эти чудесные результаты дорого достаются «живой силѣ», т. е. морскимъ командамъ воскресшихъ «труповъ». Въ старые годы строители боевыхъ судовъ менѣе всего заботились объ удобствѣхъ для команды. Все приносилось въ жертву стремленію дать болѣе сильное вооруженіе или добиться лишняго узла скорости хода. Каждый свободный уголокъ на этихъ старыхъ судахъ занятъ — или пушкой, или миннымъ аппаратомъ, или угольнымъ бункеромъ. Команды, плавающія теперь въ невѣроятно трудныхъ, вообще условіяхъ военнаго времени на этихъ «воскресшихъ мертвецахъ», не имѣютъ и десятой доли тѣхъ удобствъ, которыя предоставлены въ распоряженіе ихъ же братья на современныхъ боевыхъ судахъ. А работу приходится нести по тяжести — двойную или тройную.

«Поэту войны», Габриэлю д'Аннуцио, пришлось поплавать и на этихъ «архивныхъ» судахъ, на этихъ «музейныхъ древностяхъ». И вотъ какъ онъ отзывался о героическихъ командахъ этихъ судовъ:

«Это что-то фантастическое, это что-то непонятное. Смотришь, и не понимаешь, — да гдѣ же предѣлы человѣческимъ силамъ, если эти силы управляютъ сознательно, полною энтузіазма волею? Для командъ этихъ судовъ единственнымъ мѣстомъ для сна и отдыха служатъ помѣщенія, находящіяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ машинными отдѣленіемъ. Больше дѣлаться некуда, когда тебя сломитъ усталость. А тамъ, въ этомъ кубрикѣ, тамъ буквально изжариться можно. Но эти люди, оторванные отъ плуга, отъ лопаты, отъ рыбацкаго весла, — они ухитряются отдыхать и спать въ этихъ нечлахъ огненныхъ, и потомъ снова становятся на работу какъ ни въ чемъ не бывало, свѣжіе, бодрые, веселые. А работа?»

Самымъ страшнымъ врагомъ современнаго боевого судна является подводная лодка и подводная мина. Этого врага надо выслѣдить. И вотъ десятки вахтенныхъ, стоя на палубѣ, виса на свастяхъ, по четыре часа подъ рядъ, должны не спуская глазъ съ волнующейся поверхности моря, выслѣживать перископъ подводной лодки, выслѣживая прачущуюся подъ поверхностью моря мину. Требуется невѣроятное напряженіе зрѣнія и вниманія. И не нѣсколько минутъ, не четверть часа, не часъ, а четыре часа подъ рядъ! А на счету каждый человѣкъ, и дежурныхъ замѣняютъ нежмы. И вотъ эти люди общаково дѣлаютъ свое дѣло. Обшариваютъ море своими взорами. Прошупываютъ волны. И, бываетъ, — едва дежурный отбудетъ свой срокъ и получить разрѣшеніе уйти со своего поста, онъ тутъ же сваливается, какъ куль, — засыпаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ушелъ. Долгъ исполненъ, поддерживавшее человѣка на опасномъ посту напряженіе волн, напряженіе нервовъ — прошло, — и разомъ тѣло превращается въ инертную массу. Но долго отдыхать нельзя. И, смотришь, черезъ нѣсколько часовъ тотъ же Луиджи или Джованни снова дѣлается за снасти, и, καθώς, выпиваетъ взоромъ въ горизонтъ, обшариваетъ морской просторъ, ищетъ малѣйшихъ признаковъ близости врага».

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россія, Великобританія, Италія, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).
Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ

всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстоахожденія маждаго названія. Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. Ю. М. Шонаямова.

Цѣна съ пересылкой два рубля

ЖЖВА

№ 9. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 27 февраля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Медальонъ.

Разсказъ Марка Криницкаго.

(Продолженіе).

V.

Изъ письма, присланнаго изъ полка отъ батальоннаго командира, Жена и ея мать знали, что Андриуша былъ убитъ подъ деревней З. во время атаки, а Костя во время того же самаго боя пропалъ безъ вѣсти. Андриушу ударило осколкомъ снаряда въ голову, и тѣло его было найдено съ большимъ трудомъ два дня спустя послѣ боя, при чемъ его узнали по медальону на шеѣ съ ея портретомъ. Его похоронили въ общей братской могилѣ съ другими офицерами въ верхнемъ ряду, вторымъ справа, если смотрѣть отъ ногъ. Медальонъ оставили послѣ нѣкотораго колебанія у него на шеѣ, и за эту трогательную заботу Жена была теперь въ особенности благодарна Андриушинымъ товарищамъ по полку.

На послѣдней станціи надо было выгрузить изъ багажнаго вагона металлическій гробъ и нанять лошадей. Теперь уже черныи футляръ, въ которомъ онъ скрывался, больше не пугалъ Жени. Напротивъ, ее радовало, что отъ дорогого существа исчезаетъ все не сразу, и она не сомнѣвалась, что найдетъ драгоценное тѣло Андриуши и увезетъ его въ ихъ имѣніе, гдѣ похоро-

ронить возлѣ церкви на маленькомъ кладбищѣ подъ душистыми каждую весну березками. Какъ сладостно будетъ приходиться лѣтомъ по утрамъ къ нему на могилу и приносить ему полевыхъ цвѣтовъ. Жизнь отказала ей въ радости физической любви, но она сохранила для нея лучшія и высшія радости любви духовной.

Было много хлопотъ, когда уставляли гробъ на фурманку. Другихъ лошадей не нашли, и хохоль, который уговорился ихъ довести до З., вѣроятно, удивлялся тому, какъ обѣ богатыя и красиво одѣтыя барыни, пріѣхавшія издалека за такою ненужною вещью, какъ мертвое тѣло, храбро мѣсили маленькими ножками непролазную грязь, оставляя въ ней по временамъ калоши. Иногда то та, то другая изъ нихъ подсаживались сзади на фурманку съ косыми бортами безъ передка и задка, длинную, неуклюжую и дрожащую, и ѣхали позади громоздкаго чернаго футляра съ гробомъ. Траурныя вуали ихъ намочили, лица обвѣтрились, подошвы платьевъ были въ налиплихъ комьяхъ грязи.

Въ З. онѣ пріѣхали къ вечеру и, несмотря на усталость, тотчасъ же отправились къ коменданту. Онѣ долго бродили по темнымъ улицамъ мѣстечка, перейдя небольшую рѣчку по трясу-

Батарея

Картина И. А. Владимірова.

щемуся временному мосту, сделанному из нескольких косо-поваленных заборов. Наконец на них наткнулся наш патруль, который отвел их к коменданту. И солдаты, из которых один осветил им при встрече лица фонарем, и комендант в уютно обставленной австрийской квартирке, сейчас жарко натопленной, сначала осмотрели пропуск, а потом отнесли к ним с нужною, чисто-родственной заботливостью.

— Неужели вы хотите ехать сейчас же?—говорил комендант, высокий офицер с измятыми погонами и срыми улыбающимися глазами.

Он улыбался тому, что там, на далекой родине, есть такие женщины, которые время от времени приезжают сюда в холодный втерь и слякоть за тлами дорогих покойников. И ему, очевидно, понравился Женин ответ, что он не могут отложить своей поездки на могилу ни на минуту.

— Что с вами подблещ?—сказал он снисходительно и приказал заложить для барынь экипаж.

Еще больше тронуло Женю, когда в числе своих провожатых она и ее мать увидели самого коменданта и еще какого-то офицера, фамилию которого, когда он им представлялся, он не успели разобрать. Солдатик, знавший, где „офицерская могила“, угнездился на передке фурманки возле гроба, рядом с хохлом, и они поехали, освещая себя несколькими фонарями темную дорогу в глубоких рывинах.

Надо было проехать австрийскую могилу за помпичным фольварком и у лба свернуть с дороги в поле. Подвигались шагом. Комендант, который ехал рядом с коляской, рассказывал о бою под Городком, где наши девять дивизий под начальством генерала Радко-Дмитриева удержали натиск двадцати одной австрийской дивизии, которая была брошена на освобождение Львова. И из его рассказа Женя видела, что на войне все происходит обычно не так, как это представляешь себе по книгам и газетам. Люди ходят совершенно так же, как и раньше, от деревни к деревне, но только это люди вооруженные, и оттого их встречи кончаются иногда друг для друга плохо. Когда горит рядом деревня, это совсем не страшно, а даже хорошо, потому что тогда бывает светло и видно, куда надо бежать и куда стреляет артиллерия. А когда сражаешься, перед тобою только маленький кусочек поля или какой-нибудь ручей, который надо перебежать. Вот и все. А что будет дальше, это неизвестно. Может-быть, смерть, но это совершенно не важно. Важно только, чтобы „подлецы австрийцы“ не удержали в своих руках того или другого бугра. И бу-

Кавказский фронт. У

источника.

горь этот вовсе не простой бугор, потому что для каждого военного, который должен умереть, война непременно имеет смысл. Нельзя умереть просто так, без смысла.

Заговорил, например, солдатик, который ехал на передке фурманки, и было видно из его слов, что для него война тоже имеет смысл. Комендант его спросил:

— Семенов, твой брат умер от ран?

— Так точно,—ответил он:— может, и мы помрем. Нешто у себя в деревне, так-то лежа на печке, лучше умереть совсем зря? Умирать, ваше высокоблагородие, все равно, как говорится, от Господа Бога положено один раз, как ни вертись.

Здесь все люди были совсем другие, чем в тылу. Смерть ходила рядом с ними, и оттого они были яснее, привлекательнее и чище. С ними было хорошо ехать в эту темную ночь по темной дороге, когда каждая косточка болела от усталости.

Сбоку, в блеске фонарей, свернула белая каменная стена фольварка.

— Тут австрийская могила,—сказал солдатик Семенов.

В самом низу станы тянулась низкая и широкая длинная песчаная насыпь. Несколько полинявших красных флажков жутко трепались по ветру. Было мучительно подумать о тех, кто, зарытые прямо в одежду, без гробов, лежат под этою низенькою насыпью. Может-быть, это оттого, что могила была чужая, враждебная. Но как можно чувствовать вражду к умершему врагу? И было вдвойне страшно от этой могилы, где лежали покойники, о которых не знаешь теперь, нужно ли их жалеть или попрежнему чуждаться.

Могила мелькнула и скрылась. Полинялые влажные флажки, сиротливо трепетавшие на ней, еще один момент беспокоили ее в воспоминании. Потом она подумала:

„Но ведь у них тоже есть свои близкие, которые сумбуют их оплакать“.

Правда, им нет возможности приехать сюда, чтобы поплакать на их могиле, или взять с собою их останки. О, насколько она, Женя, была сейчас счастливей их! Но было стыдно перед самой собою гордиться этим печальным счастьем.

И Женя начала думать вновь о своей любви к Андриюше. Теперь, когда она думала о своей любви, она не испытывала больше противоречий. Для того, кто любить, можно все.

Долго искали во мраке дорогу к лбу. Семенов ушел с фонарем в поле и не возвращался. Дождь перестал накрапывать, но было холодно, и у Жени заоченьли руки и ноги. Наконец Семенов молча вернулся, и фурманка настойчиво двинулась дальше.

„Значит, он нашел. Милый!“—

Кавказский фронт. Прибытие раненых на пункт.

Кавказский фронтъ. Перевозка раненыхъ кратчайшимъ путемъ.

подумала Женя, испытывая радостное колебаніе слезъ въ груди. Ей хотѣлось бы поцѣловать руку Семенова за то, что онъ такой чудный. Никому не хотѣлось больше разговаривать. Понимали, что настала минута свиданья. Молчали, чтобы не оскорбить ея чувствъ. Но ей думалось:

„Милые, какъ вы не понимаете, что онъ для меня живъ“.

И ей было немного досадно, что они думаютъ, что Андриона мертвъ, что отъ него осталось одно его холодное тѣло. Но это было оттого, что ихъ сердце пока еще молчало для той великой любви, которая снизошла на ея душу. И именно оттого они не смѣли сейчасъ говорить. Имъ казалось сейчасъ, что вокругъ нихъ только холодная и сырая ночь, вязкая и грязная дорога и затерянная у незнакомаго лѣса могила. Вѣроятно, они думали, что ея душа сейчасъ стиснута такимъ же холоднымъ ужасомъ и проклятемъ. И, чтобы они такъ не думали, она сказала:

— Вѣдь мы сейчасъ въ милой и родной намъ Галиціи.

Но никто не отвѣтилъ. Они хотѣли, чтобы на сердцѣ у нея былъ сумракъ. Только мама пожала ей руку: вѣроятно, она поняла.

Фурманкавпереді со стукомъ и хлоппаньемъ колесъ свернула съ дороги влѣво. Видно было, какъ она съ трудомъ выдернула заднія колеса.

— Эй, кучеръ, не поломай дессоры!— крикнулъ Семеновъ.

Сильно накренившись, коляска нырнула въ канаву и, содрогаясь во всемъ кузовомъ, выѣхала на мягкую пашню. Лошади побѣжали точно по бархату.

— Теперь скоро?— спросила Женя.

— Надо-быть, гдѣ-нибудь тутъ!— крикнулъ Семеновъ.

Вѣтеръ прекратился.

— Стало теплѣе,— сказала Женя.

Ей хотѣлось говорить. Ей хотѣлось, чтобы всѣ услышали, какъ спокойна и радостна ея душа.

— Оттого, что справа лѣсъ,— сказалъ осторожно комендантъ, очевидно,

думая, что ему слѣдуетъ выбирать слова.

Всѣ они думали, что ее надо щадить. Какъ смѣшно! Ей хотѣлось улыбаться. Вѣдь сейчасъ она увидитъ Андрея, опять коснется его руками. Это было какъ чудо.

— Отчего всѣ молчатъ?— сказала она ясно и звонко.— Отчего надо молчать, когда изъ жизни ушелъ тотъ, кого мы любили? Наоборотъ, по-моему, надо говорить. Я никогда не понимала, отчего всѣ начинаютъ молчать, когда умираетъ кто-нибудь близкій. Какъ странно!

Тяжелая рука матери легла ей на руку, точно желая ее успокоить.

— Да нѣтъ же, мама, ты напрасно. Мнѣ такъ хорошо.

Но та сжимала ея руку сильнѣе и сильнѣе. И всѣ по-прежнему молчали. Вѣроятно, они думали, что она немного сошла съ ума. Ну что же, пусть.

Женя оглядывалась по сторонамъ. Теперь уже справа были ясно видны мохнатая лапы и прямые стволы соснового лѣса. Оттуда несло тепло-

ломъ и запахомъ хвои. Но у Жени было такое чувство, точно тепломъ вѣетъ отъ приближенія къ могилѣ. И отъ этого сильно стучало сердце. Ей хотѣлось выпрыгнуть изъ экипажа и бѣжать.

Наконецъ передній фонарь остановился.

— Вотъ и пріѣхали,— сказалъ комендантъ тѣмъ же неестественнымъ голосомъ.

Онъ слѣзъ съ лошади. Коляска остановилась.

— Гдѣ? Гдѣ?— спрашивала Женя.

И вдругъ увидѣла большой темный крестъ, точно часть теплой окружающей тьмы. Упалъ свѣтъ фонаря. И Женя поняла, что крестъ былъ деревянный, только-что сдѣланный изъ двухъ толстыхъ брусковъ. Она хотѣла себя увѣрить, что это какъ разъ то, что она надѣялась увидѣть, но ей было все же страшно и почему-то мучительно смотреть.

— Скорѣе, скорѣе!— попросила она.

Но ея не слушали. Мать тяжело опустилась передъ могилой на колѣни и, перекрестившись, поклонилась въ землю. Оба офицера, солдаты и хохоль, привезшія гробъ, обнаживъ голову, тоже перекрестились. Всѣ они знали, что надобно теперь дѣлать, и

Кавказский фронтъ. Съ продуктами на передовыя позиціи.

Кавказский фронт. Землянка пехотного полка.

только не знала этого она одна. Ей сдѣлался страшенъ лѣсъ, возлѣ котораго они стояли, и огни, и понурая голова хохла съ длинными усами. Ей хотѣлось вздохнуть, но изъ лѣса вѣяло душнымъ тепломъ. И все было такъ отчетливо и оскорбительно ясно.

И вдругъ она поняла, что не хочетъ и не можетъ этого принять: ни этого креста, ни этой ночи, ни того, что она стоитъ здѣсь передъ этой чужой и страшной могилой. Ей хотѣлось биться и кричать:

— Я не хочу, я не хочу!

И, сжимая пальцы и поднявъ плечи, она отвернулась отъ могилы въ темноту.

— Ну, надо приступать, — сказалъ голосъ коменданта.

Кто-то подошелъ къ ней и положилъ руку на плечо. Это мама. Повернувшись бокомъ, Женя видѣла, какъ покачнулся крестъ.

— Вѣнокъ... упадетъ вѣнокъ, — сказала она, замѣтивъ съ того боку, гдѣ стояла, небольшой хвойный вѣночекъ, укрѣпленный на гвоздяхъ.

— Онъ, барышня, крѣпко, — сказалъ Семеновъ.

Крестъ вывернули и отнесли въ темноту. Въ рукахъ у обоихъ солдатъ блеснули заступы. Сначала они разметали низенькую и длинную насыпь, такую же, какъ у австрійской могилы. Потомъ начали рыть съ двухъ противоположныхъ концовъ, далеко отступая отъ могилы, точно собираясь рыть рядомъ еще двѣ новыхъ могилы.

— Что они дѣлаютъ? — въ страхѣ спросила Женя.

— Подступы, — сказалъ комендантъ: — чтобы легче было сойти внизъ.

— Не смотри, — сказала мама, отводя ее дальше въ сторону. Сзади было слышно, какъ чиркало о камешки острое желѣзо. Рыли долго. Дѣлали краткую передышку и рыли опять. Фыркали лошади, звеня сбруей, и ночь казалась обыкновенной и страшной. Женѣ хотѣлось вспомнить свою большую любовь, но въ душѣ были только вялость и тупость. Чиркало желѣзо, храпѣли лошади, позванивала сбруя.

Она положила въ тоскѣ голову матери на грудь.

— Мама, я не могу, — сказала она: — все это теорія. Мама,

Кавказский фронт. У колодца.

скажи, гдѣ взять мнѣ мужества? Мнѣ не страшно умереть, но страшно это пережить. Мама, гдѣ мнѣ взять мужества?

Но мать молчала, поглаживая ее по спинѣ. Ей было хорошо: вѣдь не она потеряла Андрея. Она любила ее, а она была жива. Вѣдь Андрей принадлежалъ только ей, и поэтому она была сейчасъ у этой могилы совершенно одна.

— О, утѣшь меня, мама, мама! — сказала она. — Неужели ты не понимаешь, какъ мнѣ тяжело? Мама, мама, вѣдь я должна теперь жить. Ты это только пойми!

Мать смотрѣла на нее съ непонимающимъ, но сокрушеннымъ лицомъ.

— Пусти меня! — крикнула Женя. Она знала, что ее голосъ сейчасъ дикъ и странный. — Я хочу видѣть, какъ его отрываютъ. Согласись, это мое право.

Это говорила она, но это говорила въ то же время не она, а кто-то большой и страшный, кто сидѣлъ въ ней. Онъ былъ настолько страшенъ, что могъ повелѣвать людьми. Когда она подошла къ краю зияющей ямы, эти люди перестали рыть.

Они стояли въ ямѣ по самую грудь, прямо на тѣхъ, кто былъ похороненъ. Они давили ихъ своими ногами, потому что они были живые и смѣли это дѣлать.

— Оставьте ихъ... не смѣйте этого дѣлать! — сказала Женя, но наверху ее не поняли. Поняли только стоящіе внизу.

— Барышня, уже! — сказалъ Семеновъ, извиняясь, — Эй, свѣти сюда фонаремъ! — крикнулъ онъ хохлу. — Тутъ брезентъ, — продолжалъ онъ, нагибаясь.

Теперь Женя явственно видѣла два черныхъ подхода съ обѣихъ противоположныхъ сторонъ ямы. О! Даже отрываніе могилъ имѣть свою собственную страшную технику. Женя сбѣжала внизъ по черному рыхлому грунту. Оба солдата тянули съ разныхъ концовъ край тяжелого брезента, полный комьевъ земли. Наконецъ имъ удалось поднять его кверху. Стало тяжело дышать. Она хотѣла, что-нибудь увидѣть и не могла.

— Барышня, мы подымежъ наверхъ, — сказалъ Семеновъ.

Кавказскій фронтъ. Пластуны мостъ.

Они освѣщали фонарями что-то не похожее на землю. Всмотрѣвшись, Женя увидѣла, что это сукно защитнаго цвѣта, потомъ дальше кверху увидѣла сапоги, торчавшіе круглыми носками вверхъ... одну, другую, третью пару. Она поняла, что стоитъ въ головахъ могилы. Что-то страшное чернѣло у ногъ. Это — лица. Лица, ставшія какъ земля.

Кто-то взялъ ее сзади за талию, но только не мама. Она услышала сдержанно-ласковый, но настойчивый голосъ коменданта: — Дорогая, пойдемте же наверхъ.

Да, конечно. Она мотнула ему головой. Вѣдь она же не знала, который изъ нихъ Андриша. Обернувшись, она видѣла, какъ Семеновъ и другой солдатъ подняли одно неподвижно-твердое гѣло изъ ямы.

— Этотъ самый, — сказалъ другой солдатъ.

Кавказскій фронтъ. Полевая корпусная хлѣбопечарня, отапливаемая нефтью.

Тѣло въ такихъ же страшныхъ черныхъ сапогахъ, какъ у всѣхъ, съ круглыми торчащими вверхъ носками, положили на траву. Другой офицеръ хлопоталъ у фурманки, на которой продолжалъ еще стоять гробъ.

Женя смотрѣла издали, все еще не смѣя подойти къ тому страшному, что означало Андриюшу. Семеновъ разстегнулъ пуговицы на шеѣ у лежащаго трупа, у котораго точно такъ же, какъ и у другихъ, вмѣсто головы было что-то черное, и сказалъ:

— Они самые.

„Почему?“—подумала она и вдругъ поняла, что это тамъ ее портретъ. И тогда же одинокое и страшно лежащее тѣло сдѣлалось для нея дорогимъ и близкимъ.

— Это Андриюша“.

Она бросилась впередъ, но за одинъ шагъ что-то удержало ее. Она упала на колѣни и, обхвативъ голову руками, не смѣла приблизиться къ трупу, потомъ поползла и, преодолевая отвращенье и ужасъ, осторожно взглянула въ то мѣсто подъ чернымъ подбородкомъ, гдѣ были разстегнуты пуговицы ворота. Еще она увидѣла обнаженные бѣлые зубы, но тогда же опустила глаза.

Ей хотѣлось навсегда сохранить въ памяти образъ прежняго Андрея. Дотянувшись, она нащупала рукой холодный медальонъ и тонкую цѣпочку.

— Пусть,—сказала она голосомъ измѣненнымъ отъ рыданій:— пусть это навсегда останется на немъ... Онъ носилъ это въ дни разлуки и въ смертный часъ. Оставьте, не трогайте...

Она выпрямилась на колѣняхъ и посмотрѣла съ нѣжною ласкою на покорно лежащій, теперь такой ей милый трупъ и прибавила:

— Онъ этимъ связалъ навсегда меня съ собою.

VI.

Послѣ глупаго спора съ Костей и проигравъ ему на пари послѣдніе двадцать пять рублей, такъ что въ карманѣ осталась одна мелочь, Андрей былъ сердитъ. Не доѣхавъ до второго разъѣзда, поѣздъ, какъ всѣ и ожидали, остановился на первомъ.

— Это уже такой законъ,—сказалъ поручикъ Юрасовскій съ мягкимъ акцентомъ, какъ у хохловъ.

Онъ держалъ банкъ. Играли въ двадцать одно. Но игра не клеилась. Стали расходиться. Карты перешли къ Костѣ.

Вдругъ онъ обратился къ скользящему и злому Андрею. Въ глазахъ его былъ спокойный и увѣренный вызовъ, съ которымъ

Кавказскій фронтъ.

Въ долинѣ р. Евфрата. Группа плѣнныхъ во главѣ съ командиромъ Мушскаго жандармскаго батальона.

онъ обыкновенно говорилъ съ мужчинами, неприятными ему или враждебными.

— Я видѣлъ у тебя на шеѣ одну вещь. Хочешь, сыграемъ?

Сначала Андрей только удивился, потомъ густо покраснѣлъ. Но это, пожалуй, было очень похоже на Костю, и онъ усмѣхнулся. Пальцы у Кости, жадно тасовавшаго карты, нетерпѣливо вздрагивали. Онъ даже опустилъ глаза, боясь, что Андрей прочтетъ въ нихъ слишкомъ жадный блескъ и откажется отъ предложенной игры.

„Собственно, онъ считаетъ меня за окончательно падшаго“,—подумалъ Андрей, но ему сдѣлалось скорѣе жаль Кости, чѣмъ обидно на него.

И захотѣлось Костю помучить. Въ самомъ дѣлѣ, чортъ бы его взялъ, это еще вопросъ, кто въ данномъ случаѣ поступилъ бы хуже: онъ, который принять бы Костино предложеніе, или Костя, который его сдѣлалъ? Оба хороши мальчики.

— Идешь... Чего тамъ...—сказалъ Андрей.

Ему было неловко назначить большую цѣну за такую вещь и, кремъ того, хотѣлось вернуть пари.

— Въ двадцати пяти рубляхъ,—сказалъ онъ.

— Въ банкѣ двадцать три,—сказалъ Юрасовскій.

Костя добавилъ два рубля. Въ купѣ оставались только они трое.

Костя сдалъ карты. Андрею не хватало десяти очковъ.

„Неужели, если я попрошу у него сейчасъ карту, это будетъ непременно тузъ?—подумалъ Андрей.— Во всякомъ случаѣ, вѣроятность мала“...

Онъ попросилъ карту. Костя съ презрѣніемъ выбросилъ ее.

— Прошу осторожнѣе,—сказалъ свирѣпо Андрей.

Онъ поднялъ карту, упавшую съ дивана, и, вполнѣ увѣренный, что это не тузъ и даже, навѣрное, валетъ, такъ что не только не будетъ перебора, а даже будетъ глупый недоборъ, несмотря на весь сдѣланный имъ рискъ. И отъ этого онъ считалъ себя двойнѣ въ правѣ такъ поступить.

— Тузъ,—сказалъ онъ съ недоумѣньемъ и испугомъ, открывъ карту.

Все это произошло необыкновенно быстро. Юрасовскій захохоталъ. Костя, напротивъ, оставался чрезвычайно серьезнымъ. Онъ собиралъ карты, высоко поднимая брови. Андрею хотѣлось открыть на его губахъ хотя бы тѣнь усмѣшки, но онѣ были неподвижны, и даже было что-то торжественное въ общемъ выраженіи его лица и осанкѣ всей фигуры.

Юрасовскій, еще немного посмѣявшись изъ вѣжливости, вышелъ. Андрей съ неприязненнымъ чувствомъ сорвалъ съ шеи медальонъ и бросилъ его Костѣ. Ему хотѣлось видѣть въ этомъ непременно смѣшную сторону. Но Костя съ дѣловымъ видомъ спряталъ медальонъ въ свой изящный новенькій бумажникъ,

Кавказскій фронтъ. Сарты со своими верблюдами, составляющіе вьючный транспортъ.

Кавказский фронт. Молоканский военный транспорт. Молокане, отличные хозяева, приносят кавказской армии большую пользу, поставляя прекрасных лошадей и вместительные фургоны.

всталъ безукоризненно въжливо и даже сказалъ по-товарищески:

— Пойдемъ, однако, посмотримъ... Что-то стало тихо.

Онъ падалъ Андрея, потому что считалъ его сейчасъ особенно морально-ничтожнымъ.

— Доволенъ?—спросилъ его Андрей.

— Не будемъ никогда говорить на эту тему,—сказалъ Костя, остановившись и дотронулся ему рукой до плеча:— есть, мой милый, вещи...—Онъ задохнулся.—Объ этомъ мы съ тобой поговоримъ когда-нибудь потомъ.

Онъ сдержанно улыбнулся. Андрей близко видѣлъ его сухие, презирающіе глаза съ толстыми тяжелыми вѣками и слышалъ неприятный запахъ одеколона, распространявшійся отъ его тужурки.

— Сейчасъ мы должны думать о томъ большомъ, что называется войною, а все наши личные недоразумѣнія мы можемъ отложить...

— Поди ты къ чорту!—сказалъ Андрей.

Костя вздрогнулъ и поднялъ плечи, потомъ опустилъ вѣки и медленно вышелъ.

— Не удастайваетъ,—сказалъ себѣ подъ носъ Андрей:— вотъ кикимора!

И его разбирало сейчасъ зло на Женю, зачѣмъ она повѣсила ему на шею этотъ глупый медальонъ.

— Бабы! Вотъ именно: бабы!

VII.

Въ пограничномъ городкѣ Бродяхъ простояли недолго. Вечеромъ на другой же день, когда на улицахъ не было ни души и даже всюду были погашены фонари, выступили въ походъ. Полкъ двигался темною безвидною массой. Шли въ молчаніи, и только звякали котелки. Окна всюду были плотно завѣшаны. Городъ казался предательскимъ и враждебнымъ, въ особенности послѣ вчерашней стрѣльбы на одной улицѣ по нашимъ.

Война уже перестала быть чѣмъ-то воображаемымъ, а сдѣлалась фактомъ. И самое интересное въ ней было отсутствіе обычнаго штатскаго сознанія, что кто-то гдѣ-то долженъ тебя охранять. Теперь каждый изъ нихъ, энергично шагавшихъ въ общемъ потокѣ по враждебнымъ камнямъ мостовой этого перваго австрійскаго города, долженъ былъ охранять самъ себя. Правда, ихъ было много, но чувства стадности не было ни у кого. Каждый чувствовалъ себя ответственнымъ самъ за себя, и это совершенно новое состояніе нравилось Андрею.

Ему даже казалось, что это новое состояніе какъ разъ есть самое нормальное для человѣка. Правда, штатское сознаніе приводило ему разные свои доводы: оно говорило ему, что война есть состояніе временное, что гораздо выше мирный трудъ и охрана всѣхъ живущихъ мирными государственными установленіями.

Но это было скучно. Напримѣръ, Андрей съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ телеграфные столбы съ по-

верхностью, покрытую лѣсомъ. Ночь переходила въ чуть при-мѣтное синее утро. А они все шли, и никто не чувствовалъ усталости.

Потомъ свернули съ дороги на свѣжій грунтъ и пошли цѣльной. Охватила торжественная тишина. Только сильнѣе дышали груди. Вышли опять на дорогу, прошли сожженное мѣстечко съ высившимися кое-гдѣ остовами обгорѣлыхъ печей, перешли неглубокой ручей, рядомъ съ обрушившимся деревяннымъ мостомъ, и стали подниматься въ гору. Холмистая гряда, покрытая лѣсомъ, которую они видѣли раньше издалека, почти исчезла, и только просто сама мѣстность, покрытая рѣдкимъ кустарникомъ, непримѣтно поднималась въ гору. Лѣвый салонъ у Андрея начиналъ сильно жать въ подъемъ, и только это его сейчасъ серьезно огорчало.

Ему почувался въ отдаленіи глухой орудіный выстрѣлъ.

— Канонада,—сказалъ кто-то сзади сочно и явственно.

Мѣсто боя, очевидно, приближалось, но, судя по заглушенности выстрѣла, оно было еще далеко. Вдругъ передняя рота остановилась. Съ праваго фланга зачѣмъ-то проскакали казаки. Видно было, какъ головная часть колонны начала быстро погружаться въ кусты. Андреемъ овладѣло волненіе. Ему показалось, что произошла тревога. На лицахъ окружающихъ онъ читалъ то же. Къ нему подошелъ Юрасовскій и сказалъ тихо, но явственно, и онъ понялъ, что это команда:

— Ваше направленіе вотъ эта сосна со сломанной верхушкой.

И, какъ бы отвѣчая на его недоумѣніе, впереди въ кустахъ заговорила ружейная перестрѣлка.

Кто-то сказалъ:

Кавказский фронт. Молокане-фургонщики, обслуживающіе интендантство

Кавказский фронт. Сборы к отъезду на передовые позиции.

— Обошли.

Неприятно дрогнуть воздух, и Андрей не столько услышал, сколько понял, что это близкий орудийный выстрел. Что-то тошнотворно-отхаркивающее и гадкое. Он инстинктивно пригнул голову. Ему сдѣлалось стыдно, и он оглянулся на прочих. Сосѣдняя полурота, плавно загибая, отдѣлялась от его людей. Он крикнул команду, но его не услышали, и ему стало от этого вдвойнѣ стыдно.

„Значит, я трусь,—подумал он:—какая радость!“

Темнымъ столбомъ въ десяти саженьяхъ разорвался снарядъ. Андрей оглянулся на свою часть и увидѣлъ, что она уже впереди. Какъ это случилось, онъ не могъ понять. Потомъ онъ помнилъ себя уже впереди своей части, рядомъ со старикомъ фельдфебелемъ. Тучный фельдфебель остановился, снявъ фуражку и вытеръ лысину краснымъ платкомъ. Андрей понял, что здѣсь надо остановиться и ждать приказаній.

— Сильно жметъ сапогъ въ подъемѣ,—сказалъ онъ фельдфебелю.

Но тотъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ ложились снаряды.

— Неужели наши, ваше благородіе?—сказалъ онъ наконецъ, смѣясь.—Вотъ ужъ именно Богъ спасъ. Не приведи Господи, какая каша.

Впечатлѣніе было такое, что снаряды летятъ прямо на нихъ. Но Андрей теперь зналъ, что, разъ полетъ слышенъ надъ головой, то это уже не страшно. Въ этомъ же его убѣждалъ перелегъ снарядовъ, черными смѣшными столбами ложившихся далеко въ сторонѣ.

Теперь не было страшно. Скоро былъ полученъ приказъ идти въ атаку. Саперы, пригнувшись около кустовъ поползли, какъ кошки, подстерегающія добычу. Вышли на крутую поднимающуюся вверхъ поляну и побѣжали.

„И какъ все это случилось вдруг!—удивился Андрей.—Значит, не одни мы подкрадывались ночью.“

И въ немъ больше всего говорилъ сейчасъ инстинктъ игрока, который понял, что его намѣренія разгаданы партнеромъ.

Онъ понималъ, что они сейчасъ бѣжали подъ обстрѣломъ, зналъ также, что ему сейчасъ пробило фуражку пулею немного выше лѣваго виска. Но его гораздо болѣе заботило, что онъ бѣжалъ, хромая отъ узкаго сапога, и онъ ругалъ приказчика, который уговорилъ его въ офицерскомъ экономическомъ обществѣ взять именно эти сапоги. Отъ подъема въ гору и быстрого бѣга мучило сознание. Онъ вслухъ считалъ шаги, оставшіеся до чернѣвшихъ впереди проволочныхъ загражденій, низенькихъ и подлыхъ, которыя говорили о человѣческой трусости. Червяками возлѣ нихъ уже ползали наши саперы.

— Шаговъ пятьдесятъ,—считалъ онъ:—тридцать...

Ему казалось, что онъ никогда не добѣжитъ или, если добѣжитъ, то тутъ

же умереть отъ жажды, или у него не выдержать бьющееся сердце. Было смѣшно то, что теперь онъ и фельдфебель уже не бѣжали, а просто шли подъ огнемъ, точно это былъ дождь или градъ. Андрей невольно нагнулся, запнувшись о что-то. Это былъ нашъ солдатикъ. Онъ сидѣлъ, откинувшись навзничь, и, точно прислушиваясь къ чему-то, серьезно посмотрѣлъ въ глаза Андрею. Андрею стало неловко передъ этимъ взглядомъ человѣка, для котораго было уже все кончено. И, перепрыгнувъ черезъ него, онъ побѣжалъ дальше. Еще онъ помнилъ конецъ торчавшей проволоки, о которую больно оцарапалъ себѣ руку. Потомъ на него пахнуло свѣжестью лиственного лѣса съ желто-красными листьями дуба и клена. Должно-быть, въ быстромъ бѣгѣ онъ пробѣжалъ по козырьку вражескаго окопа и перепрыгнулъ черезъ глубокую траншею, потому что сзади изъ темной щели вылѣзали глупо и неуклюже блондины, съ кроткими голубыми глазами, въ сѣро-голубыхъ шинеляхъ и медленно и

дѣловито складывали ружья прикладами впередъ.

Фельдфебель ихъ пересчитывалъ, хозяйственно отдуваясь. На остромъ плечемъ носу у него висѣла капелька пота.

„Значит, я не струсилъ,—думалъ Андрей:—и я теперь настоящей человѣкъ. Но что собственно произошло и гдѣ мы?“

Этого онъ не зналъ и не понималъ. Впрочемъ, какой-то главный ходъ былъ выигранъ. Это было для него, какъ для игрока совершенно ясно. И война понравилась ему еще больше.

...Больше всего удивился Андрей, когда почувствовалъ, что уже вечеръ, и между стволами деревьевъ показалась походная кухня, отъ которой запахло ароматными щами. Солдаты шутили точно на маневрахъ. И только странныя фигуры въ сѣро-голубыхъ шинеляхъ съ лицами такими же добродушными, какъ у нашихъ солдатъ, сразу переносили въ боевую обстановку.

Андрей пошелъ вдоль занятыхъ австрійскихъ окоповъ отыскивать ротнаго. Хотя секреты были выдвинуты далеко, въ глубь лѣса, но неизвѣстность мучила до такой степени, что даже не хотѣлось ѣсть щей. У ротнаго, высокаго и тучнаго брюнета, штабсъ-капитана Кругликова, было точно такое же настроеніе.

— Кто ихъ знаетъ, куда они попрятались?—говорилъ онъ, кисло морщась.

Въ полномъ боевомъ снаряженіи, съ большой черной окладистой бородой, онъ былъ похожъ скорѣе на какого-то южно-славянскаго воеводу, чѣмъ на рядового офицера русской армии.

Но даже эта неизвѣстность радовала Андрея. Если бы было можно, онъ самъ ушелъ бы и залегъ въ секреты. Теперь онъ въ особенности понималъ, что на войнѣ, какъ въ игрѣ и въ жизни, первое руководящее значеніе имѣетъ смѣлый замыселъ

Кавказский фронт. Пулеметы въ укрытіи на позиціи

и вѣрно разсчитанный планъ. И его злило, что этотъ планъ знаетъ сейчасъ гдѣ-то кто-то тамъ другой, а не онъ самъ, Андрей. Онъ принялся бранить штабныхъ. По его мнѣнью, было возмутительно просмотрѣть обходъ. По свойству своего характера, Андрей считалъ возможнымъ обходить другихъ, но не быть обойденнымъ самому. И вотъ теперь стой передъ этимъ лѣсомъ!

Кто-то положилъ ему сзади руку на плечо. Это былъ Костя.

— Ну, вотъ и ты,—сказалъ онъ.

— Успокойся, я живъ,—сказалъ грубо-насмѣшливо Андрей.

Но Костя на этотъ разъ страшно не разсердился.

— Можно тебѣ сказать два слова? — попросилъ онъ.—Во-первыхъ, у тебя сильно оцарапана рука.

Андрей, въ самомъ дѣлѣ, ощутилъ сильное жжение въ рукѣ, и Костя сдѣлался отъ этого ему вдвойнѣ неприятенъ. Вспомнилась пошлость съ медальономъ, которую онъ допустилъ. Но Костя взялъ его подъ руку.

— Я поступилъ нехорошо,—сказалъ онъ, и лицо у него было резонерски вялое:—все-таки надо помнить, что мы переживаемъ великія минуты.

— Чтò тебѣ нужно? — сказалъ Андрей, который органически не выносилъ этой книжной манеры разговаривать.

— Если я тебя обидѣлъ, прости,—сказалъ Костя.— Знаешь, сегодня я почувствовалъ, что непремѣнно буду убитъ,—продолжалъ онъ, неприятно улыбаясь:—и я очень радъ, что сейчасъ тебя вижу. Это не трусость, но это мое глубокое убѣжденіе. И, если хочешь, я радъ. Ты—счастливецъ, Андрюша.

Отвернувшись, онъ сжалъ большую руку Андрея возлѣ кисти, точно хотѣлъ причинить ему боль.

— Ну, пока прощай!

Не поворачивая лица, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, потомъ остановился.

— Это останется у меня, не правда ли?—сказалъ онъ неприятно кротко.

— Ты выигралъ,—сказалъ Андрей, которому не нравились всѣ эти сентиментальности.

— Совсѣмъ не то... Ну, все равно... Ты меня не понимаешь... Я поступилъ съ тобой безчестно.

— Поди ты!—разсердился Андрей.

Больше всего его удивляло сейчасъ, что Костя обратился къ нему съ такими пустяками.

„Должно-быть, это и есть въ самомъ дѣлѣ любовь,—подумалъ онъ.—Въ общемъ, ужасно неприятная исторія“.

Костя шелъ, не оборачиваясь и деликатно выбирая ногами удобныя кочки.

„Быть ему адъютантомъ!“—рѣшилъ Андрей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На кавказскомъ фронтѣ.
Раненый турецкій аскеръ по дорогѣ на перевязочный пунктъ.

Проводы.

Снѣгомъ занесены бѣдныя низкія хаты,
Блѣдныя сумерки смотрятся въ окна и хмурятся;
Сонной деревней прошли новобранцы-солдаты,
Пѣсней веселой они огласили всю улицу...

Звѣздами яркими искрятся, блещутъ сугробы,
Поле окутано синею призрачной дымкою,
Въ вѣрности кто-то кому-то клянется до гроба
И исчезаетъ вдали невидимкою...

Сумрачный мѣсяцъ робко-пугливо маячитъ,
Скрипнули гдѣ-то болѣзненно, тихо такъ двери,
Тамъ у калитки кто-то невидимый плачетъ,
Жалко кому-то близкой недавней потери...

Изъ намековъ и улыбокъ
Были сотканы мечты,
Но мечтаній бредъ такъ зыбокъ,
Хрупки счастья цвѣты...
Затуманилися дали,
Отцвѣли цвѣты весны;
И такъ грубо разгадали
Нѣжно-розовые сны...
Грезы смыло ураганомъ,
Разметало по пути;
За отчизну на врага намъ
Всѣмъ приказано итти...

Михаилъ Андреевъ.

На кавказскомъ фронтѣ.
Группа турецкихъ аскеровъ, взятыхъ въ плѣнъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Вьючный транспортъ у своего штаба.

На Западномъ фронтѣ.

Разказы В. Ропшина.

По телефону.

— Алло! Алло!.. Это вы, полковникъ О'Нейлъ?
 — Да, это я... Это вы, лейтенантъ Саксби? Вы заняли ферму?
 — Да, сэръ, мы заняли ферму. Насъ теперь 23 человекъ. Унтеръ-офицеръ Дженнингсъ убитъ и ранено двое солдатъ. Нѣмцы стрѣляютъ изъ тяжелыхъ орудій. Снаряды ложатся налѣво, у деревни, въ 300 ярдахъ отъ насъ.
 — Значитъ, все хорошо?
 — Все превосходно... Мы взяли въ плѣнъ двухъ баварцевъ. Одинъ изъ нихъ раненъ... Только-что пролетѣлъ нѣмецкій аэропланъ... Снаряды ложатся ближе... Одна граната разорвалась у насъ на дворѣ... Алло! Алло!.. Полковникъ О'Нейлъ?..
 — Я слышу. Въ чемъ дѣло?
 — У насъ пробило снарядомъ крышу. Трое убитыхъ. Нѣмецкая батарея за лѣсомъ, у разрушенной церкви. Расстояніе 2 мили. Прикажете открыть артиллерійскій огонь... Я думаю, что нѣмцы готовятъ атаку.
 — Вышлите въ развѣдку патруль.
 — Патруль высланъ... Нѣмецкая батарея продолжаетъ стрѣлять. У насъ ранено еще двое... Изъ лѣса выходятъ нѣмцы... Не меньше роты... Алло!..
 — Въ чемъ дѣло?
 — Нѣмцевъ двѣ роты. Они идутъ прямо на ферму. Мы стрѣляемъ бѣглымъ огнемъ... Аdjутантъ Вуттонъ раненъ... Я не думаю, чтобы мы могли долго держаться безъ подкрѣпленія...
 — Къ вамъ на помощь идетъ батальонъ Пешаверской пѣхоты. Держитесь, прошу васъ... Вы держитесь?.. Лейтенантъ Саксби?..
 — Сэръ?..
 — Вы держитесь?
 — Мы держимся, сэръ... Нѣмцы остановились... Они теперь за полотномъ желѣзной дороги... Загорѣлись сарай... Мы не въ силахъ тушить пожаръ: насъ всего четырнадцать человекъ, и мы стрѣляемъ безъ перерыва.
 — Гдѣ нѣмцы?
 — Они все еще за желѣзной дорогой. Прикажете батареѣ ихъ

обстрѣлять... Я думаю, сэръ, что, если Пешаверскій батальонъ опоздаетъ, мы не сможемъ защитить фермы...

— Защищайте ферму до послѣдняго человека... Это необходимо... Вы слышите, Саксби?..

— Слушаю, сэръ.

— Алло! Алло! Алло!.. Какъ дѣла?.. Гдѣ вы были?.. Алло!.. Почему вы такъ долго не отвѣчали?..

— Я раненъ въ лѣвую руку... Мнѣ дѣлали перевязку, сэръ... Нѣмцы дошли до садовой ограды. Они залегли во рву... У нихъ большія потери... У насъ тоже большія потери: насъ осталось семь человекъ. Аdjутантъ Вуттонъ скончался.

— Первая и вторая батареи стрѣляютъ по саду. Я отдаю приказъ... Можете вы продержаться еще полчаса?

— Я сдѣлаю все возможное, сэръ.

— Я приказываю вамъ, Саксби.

— Слушаю, сэръ... Снаряды второй батареи рвутся у нѣмцевъ, но первая батарея даетъ перелеты. Прикажете исправить стрѣльбу... Пожаръ перекинулся на конюшни. Дымъ ѣстъ глаза, и намъ трудно стрѣлять... Алло, сэръ, алло!..

— Я слушаю, Саксби.

— Нѣмцы приближаются къ фермѣ... Они въ саду и стрѣляютъ изъ-за деревьевъ... Я забаррикадировалъ двери, и мы стрѣляемъ изъ оконъ. Пожаръ все сильнѣе... Кажется, загорѣлась крыша.

— Прошу васъ, держитесь.

— Мы держимся, сэръ.

— Сколько людей осталось на фермѣ?

— Кромѣ меня, всего три человека...

— Пешаверскій батальонъ долженъ быть близко...

— Да, сэръ, я надѣюсь... Нѣмцы уже во дворѣ, у самыхъ воротъ... Они сейчасъ войдутъ въ ферму... Это баварцы, 113-й полкъ... Я стрѣляю изъ револьвера...

— Алло! Алло!.. Лейтенантъ Саксби!..

— Здѣсь, сэръ... Нѣмцы на лѣстницѣ... Кромѣ меня стрѣляетъ только одинъ человекъ, — унтеръ-офицеръ Кулифъ. Остальные убиты или ранены такъ, что не могутъ стрѣлять... Очень жарко...

Ферма горить... Если Пешаверский батальон сейчас не придет, то мы сгорим... Алло, полковник О'Нейл, алло!..

— Алло! Алло! Алло!..

— Сэр, я оставляю телефонную трубку...

— Алло!

— Если с вами будет кто-нибудь говорить, — не вбрыте... Это будут говорить немцы... Унтер-офицер Кунлиф убит...

— Алло! Алло! Алло!..

— Сэр, я ранен в грудь и правую ногу... Вы слышите, сэр?..

— Я слушаю, Саксби...

— Желаю вам и полку успеха... Я не в силах говорить громче... Вы слышите, сэр?..

— Да, да... я слушаю, Саксби...

— Я сблал, что мог... Умираю...

— Алло!.. Лейтенант Саксби!.. Алло!..

— Будьте... счастливы... сэр...

Малинь.

Молодой краснощекий фландец, — лейтенант в полку Гидов, — выпил стакан вина и сказал:

— Вы спрашиваете, что самое страшное на войне?.. Есть страх и есть ужас. Страх можно преодолеть, но ужаса преодолеть невозможно... Мы все боимся и все привыкаем к страху. Разв не страшно, когда скрипит над головою шрапнель? Разв не страшно, когда взрывается 305-миллиметровая граната? Разв не страшно, когда визжать со всех сторон пули?.. А атака? Идешь по открытому полю и знаешь, знаешь наврное, что пришел смертный час. Но человек привыкает и к смерти. Увряю вас, привыкает... Настают угрюмые будни: сегодня траншея, завтра траншея, послзавтра траншея. Слякоть, туман и дождь... Нельзя бояться круглые сутки. Нельзя всегда беречь свою жизнь... Спросите любого из нас, поговорите с любым из тех, кто был, например, на Изерф. Каждый скажет, что вырабатывается привычка. Но дело не только в привычке... В траншеях все понятно, все заране известно. Вы знаете, что за ркою, напротив, немцы, то-есть такие же, как вы, обыкновенные люди, знаете, где опасность, знаете, что необходимо быть осторожным. Не высовывайтесь за паранет и не заглядывайте в бойницы. Вот и вся безхитростная наука... Немцы стреляют, но вдь стреляем и мы. Мы защищаемся, они нападают. Или, наоборот, — мы напа-

даем, а они пытаются защищаться. Даже и в патруль не страшно. То-есть жутко, конечно, потому что ночь и темно... Но и ночью все рассчитано, все знакомо, и твердо знаешь, что делать... Ужас начинается там, где есть неожиданность. И против ужаса беспильна привычка... Когда ужас укусит вас, вы не в силах сохранить хладнокровие. Но вдь ужас и в мирной жизни... Не только на войне, но и дома... Кто не испытал и не знает его?..

— А вы испытали?

— Я испытал на войне... Вы знаете, посл битвы на Жетт мы, бельгийцы, отступили в Антверпен. Началась осада, а с ней вылазки гарнизона. В сентябр мы отбросили немцев войска и дошли почти до Малина. Наш полк, — конных проводников, — остановился на ночь в Гомбеек. Полковник собрал офицеров и говорит: „Господа, кто возьмется съездить в Малинь, посмотреть, есть ли в Малинь немцы?“ Я говорю: „Я возьмусь“. Дали мне сорокасильный автомобиль, сел я, поднял воротник у шинели, — было холодно и светила луна, — и поехал. Вду по дороге, — светло, над ркою вьется туман, поля сонны, деревья сонны, неподвижны, только втер в листьях свистит, потому что ехал я быстро, километров по 90 в час. Кругом фламандская, мирная, озаренная холодным светом, равнина. Точно нть войны и нть немцев. Точно выехал я на прогулку... Шуршат листья и стучит торопливо мотор... Миновать я мост через рку, уменьшил ход, подвигаюсь уже осторожно, — хотя какая тут осторожность? Разв автомобиль не слышно за три километра?.. Вехал в предместье. В предместь другая картина. Дома темные, хмурые, при лунном свет унылые, кое-где разбито окно, разворочена крыша, кое-где дымится стропила. И ни огня, ни звука, ни души — ничего. Только пахнет золой... Мертвый город. Пустыня... Остановился я у собора, осмотрлся, — башни бля, площадь пустая и застывшая, на блдном неб луна... Вынул я папиросу, хотел закурить, вдруг вижу: скользнула черная тнь. И как-то странно скользнула: не то по воздуху, не то по земл, — вдоль соборной стны. Протер я глаза, — никого. Кто это был? Конечно, не человек... Но кто же?.. Или померещилось мне?.. Вдруг опять: у водосточной трубы... А там еще и еще. Сверху, слева, справа, из всех углов, из ворот, из улиц, из переулков... Не десятки, сотни тней... Ярко светит луна. сияют башни собора, а кругом меня пляшут тни, — чи тни? Чья воздушная пляска? Сиж я, — стыдно сказать, — пошевелиться боюсь. Закрылся воротником и не дышу, не смю взглянуть.

Пожар в деревн Ц. Снимок сблан во время обстрла, от которого возник пожар.

А онѣ все ближе и ближе. Я ихъ чувствую, я ощущаю всёмо тѣломъ, что онѣ, эти тѣни, тутъ же, возлѣ меня, у автомобиля, на крышахъ, на соборной оградѣ, на мостовой, на колесахъ, на фонаряхъ. Ожила площадь. Ожилъ мертвый Малинѣ. И вотъ, — какъ во снѣ бываетъ, — окаменѣли руки и ноги, сижу и жду, а чего именно жду — не знаю. И вдругъ — крикъ. Не крикъ, а робкій и жалобный пискъ... И тутъ только я понялъ, тутъ только я догадался, что это такое... Нѣтъ нѣмцевъ и жителей тоже нѣтъ... Есть коты. Есть кошачье царство. Есть кошачій, звѣринный голодь... Вдохнулъ я всей грудью: когда понялъ, стало легко. Дернулъ за рукоятку, — запыхтѣлъ и дрогнулъ автомобиль. Коты плачутъ, мяучать, зовутъ, видятъ, что я уѣзжаю, что человѣкъ не пожалѣлъ и покинулъ ихъ... Но тутъ ужъ не страшно. Тутъ я вспомнилъ о нѣмцахъ... Мчусь назадъ, въ Гомбеекъ. Опять равнина, опять поля, опять миръ, опять листья шуршатъ... Приѣхалъ. Спрашиваетъ меня полковникъ, что я видѣлъ, есть ли непріятель въ Малинѣ. Я говорю: „Непріятеля нѣтъ, есть коты“... Онъ переспрашиваетъ: „Коты?“ Я повторяю: „Коты...“ Да, такъ и отвѣтилъ: „Коты...“ Онъ нахмурился, говоритъ: „Что съ вами?“ А я и рассказать не умѣю... Вижу площадь, а на площади голодныхъ котовъ... Вамъ странно? Миѣ тоже... Кого испугался? Чего?.. Не испугался, — ужасъ меня охватилъ, отъ неожиданности, отъ луннаго свѣта, отъ одиночества, отъ ровныхъ полей, оттого, что

На кавказскомъ фронтѣ. Жилье въ одномъ изъ греческихъ селеній.

тихо, и еще оттого, что война... А вѣдь я не трусь, спросите кого угодно... Я былъ подѣ Льежемъ, былъ у Гелена, потомъ въ Антверпенѣ во время осады, потомъ у Диксюдэ, на Изерѣ... Но страхъ одно, а ужасъ другое... Человѣкъ не страшень, и смерть не страшна, а пустой городъ страшень, — и теряешь мужество, и бѣжишь безъ оглядки... Вотъ и я побѣжалъ... Не осудите, а поймите меня... И вспомните, знакомо ли вамъ это чувство, — то чувство, которое я пережилъ въ Малинѣ.

РѢЛЫЙ ЗАМОКЪ.

Рассказъ Рене Базена.

— Пора бросать на произволъ судьбы вашихъ собакъ, баронесса, и уѣзжать отсюда!

— А ты развѣ „ихъ“ видѣлъ? Собственными глазами видѣлъ? — Не только видѣлъ, баронесса, но и почувствовалъ. Вотъ и доказательство.

Старый лѣсничій торжественно указалъ на свою прострѣленную фуражку.

Издали доносился гулъ перестрѣлки.

Баронесса де-Шелль, вдова въ возрастѣ, который при интересной наружности не играетъ большой роли, прислушалась. Вокругъ нея прыгала и лаяла цѣлая свора великолѣпныхъ охотничьихъ собакъ, но ни госпожа ни лѣсничій не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

— Да, ты правъ, другъ мой! — проговорила наконецъ баронесса. — Но теперь уже слишкомъ поздно. Я остаюсь.

— Если бы вы послушались меня раньше...

— Совершенно вѣрно, но я думала... Ты долженъ спрятаться. Если нѣмцы найдутъ тебя, ты будешь моментально разстрѣлянъ. Миѣ же ничто не угрожаетъ. Куда ты пойдешь?

Лѣсничій протянулъ руку по направленію къ лѣсу.

— Никогда не смогутъ они найти меня тамъ! — отвѣтилъ онъ. — Въ лѣсу у меня много друзей. Я постоянно буду вблизи, чтобы слѣдить за вами. Если они сдѣлаютъ вамъ что-нибудь дурное, я хоть пару изъ нихъ пристрѣлю, какъ собакъ. А если я вамъ понадобится, подойдите къ опушкѣ

На кавказскомъ фронтѣ. Во время боевого затишья. Стирка бѣлья.

На кавказскомъ фронтѣ. Доставка сѣна мирными жителями для лошадей №... батальона.

лѣса и позовите. Обѣщаю явиться немедленно, если только они не убьютъ меня раньше. Прощайте, сударыня. Я поручу старухѣ Жюли присматривать за собаками, заберу ружье и уйду. Вы не будете меня видѣть, но я буду все время вблизи васъ.

Баронесса пожала руку лѣсническому, который удалился, бормоча сквозь зубы:

— И подумать только, что она, имѣя возможность спастись, осталась изъ-за своихъ собакъ. Изъ-за собакъ!

Черезъ пять минутъ онъ покинулъ замокъ, а еще черезъ часъ паркъ и садъ были переполнены нѣмцами.

Надвигался вечеръ. По широкой аллеѣ къ замку подкатили два автомобиля, изъ которыхъ лихо выскочили восемь офицеровъ. Они поднялись по ступенькамъ террасы, держа наготовѣ заряженные револьверы.

Передъ закрытой дверью спокойно стояла баронесса де-Шелль. Протянувъ по направленію къ незваннымъ гостямъ свой черный зонтикъ, она проговорила:

— Вы совершенно напрасно приготовили столько револьверовъ, господа. У меня, кромѣ этого зонтика, нѣтъ оружія. Я одна во всемъ замкѣ съ семидесятилѣтней экономкой!

Съ улыбкой хищной кошки генераль склонился передъ хозяйкой замка и отвѣтилъ:

— Вы заявляете, что въ замкѣ васъ только двое! Я не спрашивалъ васъ объ этомъ, но теперь предупреждаю, что, если найду здѣсь третьяго обитателя, то онъ будетъ немедленно разстрѣлянъ!

Но онъ не нашелъ никого, несмотря на самый тщательный обыскъ, которому подверглись замокъ, хозяйственныя помѣщенія и паркъ.

Нѣмцы устроились въ залахъ и гостинныхъ, конфисковали кухню и, въ видѣ великой милости, разрѣшили владѣлицѣ замка спать и ѣсть въ ея собственной комнатѣ. Къ этой милости они добавили вторую, показавшуюся имъ верхомъ деликатности, а именно: баронессѣ де-Шелль было предоставлено право пользоваться парадной лѣстницей, что давало ей возможность встрѣчать время отъ времени ихъ, побѣдителей.

Это было въ началѣ сентября.

То, что бормоталъ, уходя изъ замка, старый лѣсничій, было правдой лишь наполовину. Матильда де-Шелль не успѣла бѣжать во-время только потому, что рѣшила отправить сна-

чала всѣхъ остальныхъ обитателей замка, а лошадь на обратномъ пути была убита осколкомъ снаряда. Другихъ же лошадей не оказалось. Правда, она могла дойти пѣшкомъ до какой-нибудь сосѣдней деревушки, но послѣ нѣкотораго раздумья рѣшила остаться.

Послѣдній день она лихорадочно проработала, закапывая, при помощи лѣсничаго, въ кустахъ наиболѣе цѣнные предметы. Когда старый слуга попробовалъ снова убѣдить ее въ необходимости бѣжать, она отвѣтила:

— У меня тысяча причинъ, по которымъ я не хочу уходить отсюда. Главная изъ нихъ та, что я не хочу дать нѣмцамъ возможности перестрѣлять всѣхъ моихъ охотничьихъ собакъ. Это доставило бы слишкомъ большое огорченіе моему сыну, когда онъ вернется съ войны...

Это была шутка, но лѣсничій повѣрилъ словамъ своей госпожи.

Въ первый же вечеръ нѣмецкіе офицеры потребовали ключъ отъ погреба и отдали должное винамъ и ликерамъ. На слѣдующій день пьянство продолжалось. Побѣдители не считали нужнымъ раскланываться съ хозяйкой замка, но тѣмъ не менѣе ежеминутно обращались къ ней съ различными требованиями, которыя она выполняла молча и спокойно. На третій день ихъ пребыванія въ замкѣ двѣ фуры были наполнены лучшими вещами—мебелью, семейными портретами, драпировками, даже бѣльемъ. Все это предназначалось для отсылки въ Германію. Генераль не руководилъ лично этой операцией, но очень интересовался ходомъ ея.

Въ тотъ же день, въ четыре часа пополудни, баронесса де-Шелль направилась къ опушкѣ лѣса. Въ разныхъ мѣстахъ тамъ были разставлены скамейки. Она сѣла на одну изъ нихъ и принялась за какое-то безконечное вязанье изъ бѣлой шерсти. Издали за нею слѣдили нѣмецкіе солдаты, занятые работой въ саду. Не прошло и четверти часа, какъ за ея спиной раздался тихій, хорошо знакомый ей голосъ:

— Они не причинили вамъ вреда, баронесса?

Она не обернулась. Какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала вязанье и отвѣтила:

— Нѣтъ, ни малѣйшаго, но я безпокоилась за тебя!

На кавказскомъ фронтѣ. У походной кухни. Рѣзка сала для заправки.

— А собаки?
 — Мы съ Жюли кормимъ ихъ!
 — Я слышу, какъ онѣ лаюгъ на проклятыхъ пруссаковъ!
 — Приблизься немного, только осторожно, чтобы тебя не увидели. Я брошу тебѣ записочку, которую надо отнести командиру ближайшаго французскаго отряда. Можешь ты это сдѣлать?
 — Надѣюсь, что удастся. Это спѣшно?
 — Если возможно, записка должна быть доставлена до завтрашняго утра. Я предупреждаю командира о готовящемся нападеніи.
 — Будетъ сдѣлано, баронесса!

Де-Шелль бросила записку. Кусты позади скамейки слегка заколыхались, и лѣсъ снова погрузился въ безмолвіе. Время отъ времени издали доносились пушечные выстрѣлы.

Произведенная на слѣдующій день атака непріятеля оказалась для него неудачной. Германскіе офицеры не скрывали досады. Они говорили о „проклятомъ невезеніи“ въ присутствіи хозяйки, которая не понимала, повидимому, ни слова по-нѣмецки, такъ какъ никогда не отвѣчала, если съ нею заговаривали на этомъ

— Какой грубиянъ осмѣливается врывать ко мнѣ, когда я причесываюсь?

Капитанъ вышелъ, не извинившись, а баронесса добавила въ запискѣ:

„Между шестью и девятью часами вечера“—и сошла внизъ, въ паркъ.

— Жюли!—приказала она старой служанкѣ.—Уходи на ферму, куда хочешь, но не оставайся здѣсь.

— А вы?

— Обо мнѣ не безпокойся!

Какъ и въ предыдущіе дни, лѣсничій унесъ письмо. Медленно обыкновеннаго вернулась баронесса де-Шелль домой.

Она смотрѣла то на замокъ, то на небо въ ту сторону, гдѣ были французскія войска. Оттуда доносились пушечные выстрѣлы.

Когда она приблизилась къ террасѣ, къ ней подошелъ офицеръ, тотъ самый, который два часа тому назадъ входилъ къ ней въ комнату, и сказалъ:

— Мы больше не доверяемъ вамъ! Съ этого момента вы—наша

На кавказскомъ фронтѣ. „Горные орлы“—наши летчики на земномъ пути.

языкѣ. Въ тотъ же день она снова бросила записку для командира отряда.

Спустя еще день она сидѣла у себя въ комнатѣ за туалетнымъ столикомъ и писала третью записку слѣдующаго содержанія:

„Германцы окончили разореніе моего замка. Ихъ теперь здѣсь много, по крайней мѣрѣ двадцать офицеровъ. Уничтожьте ихъ. Самое удобное время для этого...“

Внезапно открылась дверь, и на порогѣ показался кавалерійскій капитанъ. Къ счастью, онъ не замѣтилъ ни чернильницы ни начатаго письма, такъ какъ баронесса де-Шелль, быстро поднявшись со стула, выхватила изъ волосъ черепаховый гребень и воскликнула:

плѣнница. Отправляйтесь немедленно въ сторожку на другомъ концѣ парка. Вы останетесь тамъ подъ присмотромъ нашихъ солдатъ. Вы поняли?

Баронесса взглянула на него и отвѣтила:

— Вы не подозреваете, какую услугу оказываете мнѣ, лишая меня вашего общества!

Не понявъ ея словъ, онъ позвалъ двухъ уланъ, чтобы выполнить свое распоряженіе, а самъ поднялся на террасу.

Въ тотъ же день вечеромъ, когда всѣ офицеры сидѣли за обѣдомъ въ большой залѣ, цѣлый дождь снарядовъ обрушился на бѣлый замокъ. Подъ развалинами его погибли всѣ.

А на слѣдующій день началась Марнская битва.

Какъ растутъ кресты.

Разказъ Б. Никонова.

Когда на обездоленную страну ложится тяжкое и страшное бремя войны, на тихихъ поляхъ и кладбищахъ вырастаютъ кресты.

Они поднимаются то здѣсь, то тамъ, какъ страшные и печальные цвѣты. Земля въ такіе дни не знаетъ другихъ цвѣтовъ. Въ тотъ годъ, когда на нее падаетъ огненный дождь, цвѣты мирнаго времени сохнутъ и сгораютъ, и все живое въ природѣ превращается въ сѣрый и холодный пепель. Но цвѣты-кресты возникаютъ даже подъ огненнымъ ливнемъ. И чѣмъ сильнѣе идетъ этотъ опаляющій ливень, тѣмъ больше вырастаетъ въ странѣ крестовъ.

Среди безчисленнаго множества этихъ крестовъ есть кресты, которые поднимаются тайно... Никто не видитъ, кто сѣетъ и сажаетъ ихъ, и посѣвъ такихъ крестовъ считается преступленіемъ. За него наказываютъ, если узнаютъ, кто воздвигъ ихъ.... Почему

это такъ, и отчего бываютъ тайные кресты и тяжкія налагаемыя за нихъ наказанія—на это отвѣчаетъ безумная логика войны и крови и связаннаго съ ними насилія.

Это одно изъ тѣхъ противорѣчій здравому смыслу и закону любви и милосердія, какія бываютъ только во время войны. Эти противорѣчія появляются словно уродливыя привидѣнія въ странѣ, попавшей подъ иго жестокихъ завоевателей, утратившихъ образъ и подобіе человѣческаго.

Если вы хотите знать, какъ растутъ эти тайные кресты, я покажу вамъ темной ночью на пустынной городской окраинѣ маленькую комнату съ плотно закрытыми ставнями.

Въ комнатѣ двое людей. Старикъ и женщина. Старикъ вытесываетъ изъ двухъ полѣнцевъ простой сосновый крестъ и на-

скоро и грубо сколачивает его. Женщина сидит неподвижно на скамье. И вся ее фигура говорит о безмолвном и неизмѣримомъ никакими человѣческими мѣрами страданіи.

— Готово!—говоритъ старикъ и съ усиленіемъ выпрямляется.—Давай, сосѣдка, я несусь!

— Нѣтъ, Стахъ!—тихо возражаетъ скорбная женщина.—Я сама!

— Ну, хоть помогу!

— Нѣтъ, не надо помогать! Тебя поймаютъ. Тебѣ тогда будетъ плохо. Я не хочу, чтобы и тебя убивали.

— А если тебя поймаютъ?

Женщина горько усмѣхается:

— Что они мнѣ сдѣлаютъ? Я мать!

Она накидываетъ на голову платокъ и выходитъ, осторожно оглядываясь, на улицу. Тамъ темно, словно весь Божій міръ покрытъ такимъ же чернымъ траурнымъ платкомъ.

Осторожно, чуть-чуть переступая по подмороженной грязи, женщина идетъ по улицѣ. Она съ трудомъ несетъ на плечахъ только-

На нашемъ западномъ фронтѣ.
Подготовка аэростата къ полету. Накачиваніе газгольдеровъ на берегу рѣки Двины.

На нашемъ западномъ фронтѣ. Подготовка аэростата къ полету.
Готовыя оболочки съ газомъ по дорогѣ къ аэростату для его наполненія.

что сколоченный сосѣдомъ деревянный крестъ. Ей тяжело, больно: крестъ давитъ ей шею и спину и словно прижимаетъ всю ее къ землѣ, къ той землѣ, куда положили ее сына. Но эти страданія, причиняемые крестомъ, облегчаютъ то главное, всеобъемлющее страданіе, которое легло нынче на ее материнское сердце и въ одинъ день состарило ее на десять лѣтъ. И ей кажется, что, если она сама донесетъ крестъ до могилы убитого сына, то будетъ легче и ей и сыну. Быть-можетъ, тогда ей будетъ легче нести и тотъ другой, тяжкій и великій, незримый крестъ, наложенный на нее страшнымъ несчастіемъ.

Темно на улицѣ. Люди прячутся въ домахъ, чтобы не попадаться на глаза вражескому начальству, полонившему городъ. Горожанамъ запрещено выходить по ночамъ изъ дома, но они и сами боятся выходить. Имъ запрещено покупать керосинъ и свѣчи, потому что керосинъ и свѣчи нужны самимъ нѣмцамъ. Но горожане и безъ того не зажигаютъ огня, и у кого есть огонь, тѣ крѣпко запираютъ ставни. И въ маленькихъ лачугахъ предмѣстья и въ большихъ домахъ на главной улицѣ, изъ числа тѣхъ, которые еще не заняты подъ офицерскія квартиры, — одинаково царятъ ненависть, отчаяніе, ужасъ и тьма.

По городу бродитъ изо дня въ день смерть. Опьянѣвшіе отъ крови

солдаты и офицеры всякаго, кто покажется имъ опаснымъ или просто непочтительнымъ, тащатъ въ тюрьму. А оттуда — въ полевой судъ. А полевой судъ всѣхъ приговариваетъ къ расстрѣлу или повѣшенію. Казненныхъ зарываютъ на старомъ кладбищѣ, потихоньку, тайно. И никто изъ горожанъ не смѣетъ разыскивать эти тайныя могилы и ставить надъ ними кресты. По приказу коменданта это запрещено подъ страхомъ смертной казни.

Но кресты все-таки вырастаютъ.

Началось все это безуміе съ того времени, когда толпа городскихъ подростковъ пыталась разгромить лавки, въ которыхъ продавались всевозможные товары, но только не для голодающихъ горожанъ, а для нѣмцевъ. Горожане могли умирать съ голода. И вотъ съ той поры нѣмцы стали хватать и казнить встрѣчнаго и поперечнаго.

Женщина-мать идетъ съ крестомъ по темной улицѣ, чуть прислушиваясь, не прозвучатъ ли шаги нѣмецкаго патруля. На улицѣ темно, какъ въ могилѣ, но она увѣренно идетъ въ темнотѣ. Она хорошо знаетъ дорогу къ старому кладбищу. Кто въ городѣ не знаетъ теперь дороги туда?

На нашемъ западномъ фронтѣ.
Аэростатъ поднимается. Въ корзинѣ — летчикъ воздухоплавательной роты съ пассажиромъ.

Она идет, а черныя мысли вьются надъ ней и летягъ впереди нея, какъ черныя вороны. Она думаетъ:

„Мой Владекъ не бунтовалъ и не громилъ лавки. Онъ сидѣлъ тогда дома. За что же его схватили и разстрѣляли?“

И отвѣчаетъ сама себѣ:

„За то, что онъ потомъ на улицѣ не поклонился офицеру. Развѣ это преступленіе? Развѣ за это нужно было убить моего мальчика?“

Рыданія подступаютъ къ горлу. Но плакать нельзя. Отъ плача обезсилѣешь и не сможешь донести крестъ и поставить его. Да и тишина встрепенется отъ материнскихъ рыданій, предательская тишина, готовая выдать нѣмцамъ каждую тайну побѣжденныхъ. Матери, несущей крестъ, уже чудятся нѣмецкія слова, слышатся тяжкіе шаги. Нельзя не только плакать, даже вздыхать нельзя. Въ ночной тишинѣ будетъ услышанъ каждый вздохъ. Надо притаяться, застыть, замереть тѣломъ и душой, чтобы только исполнить святое непреложное рѣшеніе — поставить крестъ на могилѣ сына.

съ ея головы. И въ ночной темнотѣ, которую съ трудомъ одолѣваютъ фонари патруля, ее ведутъ въ тюрьму.

На другой день она уже стоитъ передъ судомъ.

Нѣмецкіе офицеры сидятъ за длиннымъ столомъ въ залѣ полицейскаго управленія. Это военно-полевой судъ. Они держатся чопорно, стараются сидѣть неподвижно. Наканунѣ у нихъ была пирушка въ загородномъ графскомъ замкѣ. Они еще не успѣли опохмелиться и злы, какъ цѣнные псы.

— Ты обвиняешься въ нарушеніи приказанія коменданта! — говоритъ хриплымъ голосомъ старшій офицеръ. — Признаешь себя виновной?

Старуха молчитъ. Чтò ей сказать въ отвѣтъ? Все равно эти безбожники, не признающіе святости креста и важности материнскаго долга и материнской скорби, не поймутъ ея словъ. Имъ непонятенъ языкъ милости, любви и материнства.

— Ты не хочешь отвѣчать? Ну, въ такомъ случаѣ мы обойдемся и безъ твоихъ объясненій.

Потомъ въ совѣщательной комнатѣ судьи говорятъ:

У родной могилы. Картина И. Владимірова.

Вотъ и кладбище.

Старая, каменная, избѣденная временемъ стѣна смутно бѣлѣетъ во мракѣ. Давно уже никого не хоронили здѣсь на старомъ погостѣ. Но теперь онъ полонъ новыхъ гостей. Въ странѣ не хватаетъ кладбищъ, какъ не хватаетъ гостиницъ въ бойкомъ городѣ во время ярмарки.

Спотыкаясь о свѣжіе холмы могилъ, почти падая подъ своей крестной ношей, мать идетъ далеко въглубь кладбища, туда, гдѣ похоронили послѣднихъ казенныхъ. Добрые люди есть и въ странѣ враговъ: изъ устъ въ уста донеслось до нея точное указаніе, гдѣ именно похоронили ея сына.

И тьма покрываетъ ее своимъ покровомъ. И никто не видитъ и никто не знаетъ, сколько слезъ пролила она, и какъ убивалась она въ безысходной, неописуемой тоскѣ, прежде чѣмъ на тайной могилѣ выросъ новый свѣжій крестъ.

— Стой! Держи!..

Темнота предательски разступилась. Засіяли фонари, и въ ихъ блескѣ мелькнули винтовки и сабли патруля.

— Ты чтò тутъ дѣлаешь, старуха?

Нѣсколько человекъ окружили женщину. Ее грубо схватили. Толстый солдатъ, — унтеръ-офицеръ, начальникъ патруля, — ударилъ ее по шеѣ.

— Развѣ ты не знаешь, что это запрещено? Старая вѣдьма! Связать ей руки!

И вотъ мать казеннаго Владека связана, платокъ сорванъ

— Эти литовскія собаки упорны и злы. Имъ надо задать хорошую острастку. Разъ навсегда!

Въ ту же ночь старуху ведутъ на казнь. Она идетъ спокойно и думаетъ:

„Слава Богу, что я успѣла поставить крестъ на его могилкѣ! Все же будутъ знать, гдѣ лежитъ сыночекъ. И ангелы найдутъ его въ день Воскресенія!“

„А какъ же я-то?—вдругъ проносится въ ея головѣ, затуманенной страданіемъ. — Неужели у меня не будетъ креста на могилѣ?“

На другую ночь старикъ Стахъ, тотъ самый, чтò дѣлалъ крестъ Владеку, крадется, прихрамывая, въ темнотѣ по улицѣ, къ старому кладбищу. У него за плечами новый крестъ.

„Упокой, Господи, ея душу!“—думаетъ онъ.

И никакой другой мысли у него въ головѣ нѣтъ. Ни страха, ни заботы, ни думы о томъ, что онъ можетъ попасть въ руки патруля. Онъ боится только не найти могилы старухи.

Но онъ найдетъ ее... И новый крестъ вырастетъ на тайной могилѣ. Свѣжій бѣленькій крестъ изъ сосновыхъ полѣнцевъ.

Такъ растутъ кресты въ странѣ крестовъ. Въ странѣ, поправной насиліемъ и залитой кровью. Будетъ время, изъ этихъ крестовъ вырастетъ новая жизнь, краше и ярче бывшей жизни. Кресты превратятся въ цвѣты, и цвѣты осынятъ изстрадавшееся человѣчество прекраснымъ ореоломъ любви и милосердія въ воздаяніе за претерпѣнныя неслыханныя муки.

9-е февраля. Торжественное молебствие передъ открытіемъ засѣданій Государственной Думы въ присутствіи Его Величества Государя Императора. По фот. К. Булла.

Голосъ народа

(Въ Государственной Думѣ).

Прибытіе Государя Императора на открытіе Государственной Думы высоко подняло патриотическій энтузіазмъ народныхъ представителей и окрылило ихъ на мужественное служеніе родинѣ. Въ лицѣ уволеннаго съ поста предѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина нало средостѣіе между Царемъ и народомъ. Новый предѣдатель Совѣта Министровъ В. В. Штормеръ сумѣлъ сразу найти общую почву съ Государственной Думой. Въ тактично составленной рѣчи онъ начерталъ программу обновленнаго кабинета. Задачу внѣшней политики онъ обрисовалъ одной фразой: „Россия не положитъ оружія, пока не одержитъ рѣшительной побѣды“. „На ставкѣ Русскаго Царя развѣвается стягъ, на которомъ горитъ и переливается Монаршее предначертаніе: „Будущее Россіи въ ея побѣдѣ надъ злымъ и дерзкимъ врагомъ“. Это будущее близится. Во имя его не будемъ закрывать глаза на наши ошибки и несовершенства, но сольемъ наши усилія и будемъ помнить только о томъ, что будущее, — а мы вѣримъ, что оно — свѣтлое будущее, — мы должны встрѣтить во всеоружіи“. Призывомъ не закрывать глаза на ошибки глава правительства призналъ за Государственной Думой священное право критики правительственныхъ дѣйствій. Его программа дѣйствій охватываетъ наиболѣе насущныя нужды страны. Декларация обѣщаетъ поддержаніе трезвости, реформу прихода, расширение мѣстнаго самоуправленія, учрежденіе волостного земства съ оставленіемъ за правительствомъ обслуживанія только общегосударственныхъ вопросовъ, организацию снабженія населенія продуктами первой необходимости, борьбу съ дороговизной, борьбу съ иѣмецкимъ засильемъ.

Военный министръ генералъ-отъ-инфантерій А. А. Поливановъ обрисовалъ тѣ перемѣны въ снабженіи арміи и въ положеніи ея на фронтахъ, которыя произошли со дня его назначенія.

Морской министръ адмиралъ И. К. Григоровичъ констатировалъ

господство русскаго флота на Черномъ морѣ и смѣлую самоотверженную защиту балтійскихъ береговъ отъ значительно сильнѣйшаго непріятельскаго флота.

Первымъ думскимъ ораторомъ послѣ выслушанія министерскихъ рѣчей выступилъ представитель прогрессивнаго блока октябристъ С. И. Шидловскій. Въ моментъ созыва Гос. Думы онъ напомнилъ о преждевременномъ перерывѣ ея занятій. Эта мѣра, по его мнѣнію, имѣла весьма пагубныя послѣдствія. „Правительство, одно не сознававшее необходимости національнаго сплоченія, отвергло единую мысль всей страны и предпочло итти своею собственною дорогой. Всеобщее желаніе, чтобы страна могла довѣрять своему правительству и чувствовать себя съ нимъ единой, было злостно истолковано, какъ лозунгъ борьбы за власть“. Затѣмъ онъ прочелъ декларацию прогрессивнаго блока.

Яркую и сильную рѣчь произнесъ правый націоналистъ Пोलовцевъ. „Наши святые воины совершили уже и совершаютъ чудеса, — сказалъ онъ. — Мы терпѣли временныя неудачи, но побѣждены были не войска, а дальній тылъ. Тылъ не поспѣвалъ за арміей, тылъ не укрѣплялъ захваченнаго пространства, тылъ лишалъ армію оружія и снарядовъ. Сдерживайте же рвущуюся впередъ армію и подгоняйте тылъ. Никто въ Россіи не боится войны, а великій страхъ охватываетъ всѣхъ передъ возможностью преждевременнаго мира“. Бьющими правдой огненными словами обличать онъ нерадѣніе, преступную близорукость и тяжкіе грѣхи дѣятелей тыла: „Правительство своевременно не проводило стратегическихъ линій, а теперь за ихъ постройку приходится переплачивать вдесятеро. Путьцы погрязли въ злоупотребленіяхъ. Тамъ — что ни чинъ, то вельможа, и за спиной его стоятъ министр, директоръ департамента, генералъ-адъютантъ, адмиралъ и т. п. Троньте его, и невѣроятныя непріятности посыплются на васъ

се всехъ сторонъ. „Берете взятки?“ — „Да, беремъ. Въ мирное время брали по рублю съ вагона дровъ, а теперь по рублю съ сажени“. — „Не хотите работать?“ — „Не желаемъ“. — „Да вѣдь теперь война, все мобилизуются“. — „А мы даемъ себѣ строишь. Намъ некогда“. И будите вы гениемъ распорядительности, вы разобьетесь объ эту непроницаемую преступную твердыню. Не вѣрьте вообще желѣзнымъ дорогамъ, не вѣрьте, когда говорятъ вамъ, что нѣтъ вагоновъ: осмотрите тупики на станціяхъ, они загромождены вагонами: не вѣрьте, когда говорятъ: не хватаетъ паровозовъ: поищите хорошенько и найдете цѣлые парки занесенныхъ снѣгомъ и замороженныхъ паровозовъ. Ничему не вѣрьте, ибо тамъ все ложь и преступленіе“.

„Вы грозите мнѣ военнымъ судомъ. Полноте — это сказки, страшныя для дѣтей младшаго возраста. На кого накинете вы петлю? На сибирщика поѣздовъ, на конторщика.“

„Въ бытность мою на фронтѣ я слышалъ въ вагонѣ разговоръ офицера о печальномъ случаѣ въ ихъ полку. Солдатъ съ цѣлью избавиться отъ службы, отрубилъ себѣ три пальца и сказалъ: отстрѣлялся. Пальцы нашли, солдата уличили. На войнѣ судъ безпощаденъ. Привязали къ столбу и разстрѣляли.“

„А скажите, не слыхали вы про измѣнника, который предать первоклассную крѣпость, лишилъ отечество цѣлыхъ дивизій, отдалъ врагу несметную артиллерию и цѣлые склады снарядовъ? Генералъ Григорьевъ. Для него страшнѣе оказался военный судъ? Конечная судьба — безпечальная жизнь, какъ для Стееселя и Небогатова. *(Аплодисменты)*.“

„А тотъ злодѣй, который обманулъ лживыми увѣреніями всехъ кажущейся готовностью насъ къ страшной войнѣ, который тѣмъ сорвалъ съ чела арміи ея лавровые вѣнки и растопталъ ихъ въ грязь лихонимства и предательства, который грудью сталъ между карающимъ мечомъ закона и измѣнникомъ Мясофдовымъ. Куда же бросаете вы мертвую петлю? Туда внизъ. Нѣтъ, поднимите ее выше, выше, доведите ее до уровня вамъ равныхъ. Вѣдь тотъ министръ головой своей ручался за Мясофдова: Мясофдовъ повѣшенъ, гдѣ же голова поручителя? На плечахъ украинцевъ веземъ. *(Бурные аплодисменты всей Думѣ. Голоса: „Браво!“)*“

Такъ запомните, что скажемъ мы, националисты — мы никогда не псыали на прерогативы власти. Тѣмъ болѣе мы не хотимъ похитить власть во время страшной бури. Мы жаждемъ сильной власти. Но власть сильна не мелкимъ искательствомъ, а безусловнымъ исполненіемъ закона. Нѣтъ закона — нѣтъ и власти. Вы здѣсь наверху вигаете въ эмпиреяхъ, вы радуетесь, что народъ пошелъ на доверіе. Да, это такъ. Но мы внизу, мы видимъ, что народъ безропотно несетъ все тяготы войны и не падаетъ ни жизни ни имущества; но, испытывая страданія, онъ строгъ и къ вамъ, онъ не проститъ вамъ бездѣйствія власти и укрыательства измѣны.

„Вы не сознаете, что преступной безнаказанностью своихъ агентовъ вы переносите на себя весь справедливый гнѣвъ народа. А когда вы потеряете народное доверіе, поклеветать и ваша власть“. *(Шумные аплодисменты)*.

Тѣмъ же националистъ Шудьгинъ считаетъ самымъ опаснымъ отсутствіемъ объединяющей мысли, которая охватила бы весь инти, все управленіе традиционнымъ механизмомъ войны и ея тыловой подготовки, но все же вѣрить, что придетъ время, когда нашъ Русскій Бѣлый Царь восторжествуетъ надъ чернымъ императоромъ и Немезида совершитъ свое дѣло. И мы скажемъ нашему Государю: „Государь, Вы не искали себѣ военной славы пролитіемъ моря крови Вашихъ подданныхъ. Вамъ первый порывъ. Вы поддали самое святое, чистое дѣло мира, но эту благородную мечту растоптали потомки крестоносныхъ разбойниковъ. Но мечта чистая и благородная осталась мечтой. И если Ваше царское сердце обливается слезами при мысли о томъ морѣ крови, которое пролито въ Ваше царствованіе, царствованіе Царя Милолюбца, тому есть великое утѣшеніе: ни одной капли этой русской крови на Вашей порфирѣ не будетъ“. *(Шумные аплодисменты)*.

П. Н. Милюковъ считаетъ ошибочнымъ не только поздній созывъ Гос. Думы, но также и составъ правительства, который кажется ему реакционнымъ.

Прогрессистъ Ефремовъ требуетъ отвѣтственнаго министерства. „Будучи ревнивыми и вѣрными сторонниками абсолютной безотвѣтственности Верховной власти, мы, прогрессисты, поэтому-то и добиваемся установленія отвѣтственности министерства передъ Думой“.

Большой интересъ представляютъ его разъясненія странной дѣятельности бывшаго военнаго министра:

„Сухомлиновъ сознательно лгалъ, когда говорилъ о достаточности боевыхъ запасовъ: онъ лгалъ, когда говорилъ о разбѣгѣ германской арміи — 4.500.000. Вы знаете, что передъ самой войной уничтожено много старыхъ берданокъ въ то время, когда военный министръ не смѣлъ не знать, что у насъ нѣтъ избытка ружей. Вы знаете, что Сухомлиновъ отказался отъ приемыши снарядовъ союзниками, когда наши снаряды были на исходѣ и надвигалось поэтому отступление изъ Галиціи и Польши“.

По мнѣнію лидера группы независимыхъ Караулова ближайшая задача момента — прекратить злоупотребленія, которыя широкой волной захлестнули всю Россію, и Дума должна сдѣлать

указанія правительству и принять мѣры законодательнаго характера“.

„Въ первую голову надлежитъ поставить мѣры къ ликвидаціи нѣмецкаго закупа. Необходимо въ ближайшее время пересмотрѣть дѣйствующій по 87 ст. законъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, въ которомъ Дума усмотрѣла много дефектовъ, и который въ значительной степени не соответствуетъ нѣм. казая передъ нимъ поставлена. Необходимо выдвинуть вопросъ объ обращеніи земельныхъ запасовъ, образуемыхъ при ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, на обезпеченіе увѣчныхъ воиновъ и семействъ воиновъ, павшихъ въ бою. Необходимо пересмотрѣть законъ 14-го іюня 1910 года (о крестьянскомъ землеустройствѣ) до возвращенія воиновъ на родину и внести въ него, быть-можетъ, существенныя поправки. Необходимо рассмотреть вопросъ о законодательной урегулировкѣ земельной аренды и положеніе о наймѣ на сельскія работы. Все это нужно сдѣлать до возвращенія нашихъ воиновъ съ фронта.“

„Слѣдующій серьезный вопросъ — о борьбѣ съ дороговизной. Разумѣется, борьба съ дороговизной не входитъ въ область вопросовъ, которые надлежитъ вѣдать непосредственно Гос. Думѣ. На борьбу съ дороговизной нѣмѣтъ рѣшительное вліяніе правительство, а мы должны имѣть рѣшительное вліяніе на само правительство. Этимъ путемъ только и можетъ Гос. Дума бороться съ дороговизной. Другими мѣрами она не можетъ ничего сдѣлать, такъ какъ онъ окажутся безсильными при условіяхъ, что полиція будетъ покрывать спекулянтовъ, что банки будутъ затушевывать спекулятивную дѣятельность, а сильные міра сего будутъ въ числѣ спекулянтовъ занимать первое мѣсто“.

Делутатъ Марковъ 2-й отъ имени крайнихъ правыхъ заявилъ:

„Кромѣ врага внѣшняго, звѣрскаго германца, есть врагъ внутренній, болѣе опасный: этотъ врагъ въ трехъ элементахъ, — дороговизна жизни, тѣ германцы, которые, подъ видомъ русскаго подданства, проникли въ колоніи и захватили многие очаги русской жизни, и, наконецъ, послѣдній и самый ужасный, — это сплошное взяточничество, лихонимство, кражи, которыя обуюли какъ массу чиновниковъ, слугъ правительства, такъ и чиновниковъ, слугъ общественныхъ организацій. *(Голоса ства: „Чортъ знаетъ, что такое“)*. И тамъ и здѣсь слишкомъ воруютъ. Вотъ съ этимъ боритесь.“

„Я обращаюсь къ правительству съ единымъ требованіемъ, — чтобы оно наконецъ выстало на козлахъ своего представителя и сказало: намѣрено ли оно перестать защищать воровъ, казнокрадочъ-чиновниковъ, которые прикрываются административной гарантіей для тѣхъ чиновниковъ...“ *(Угрожающій весь залъ)*.

В. А. Маклаковъ, талантливѣйшій ораторъ своей партіи, произнесъ одну изъ наиболее яркихъ рѣчей. Обрисовавъ дѣятельность власти до 9-го февраля, онъ сказалъ:

„Что же намъ дѣлать: принизить Россію до силы ея разслабленной власти, или возвысить власть до задачъ великой Россіи?“

Предсѣдатель Совѣта Министровъ пришелъ, какъ чловѣкъ старого времени, изъ рядовъ людей стараго времени, какъ ихъ ставленникъ... Пусть это такъ. Но, главное, что пришелъ онъ дѣлать сюда? Защищать ли Россію противъ Германіи, жертвуй вѣмъ для побѣды, или защищать старый режимъ во время войны?“

„Мы будемъ дѣлать то, что дѣлали раньше. Мы не разойдемся съ арміей, господа. Мы знаемъ, что, кромѣ той Россіи, которая умираетъ и которая веселится, есть Россія, которая терпитъ, которая страдаетъ, которая работаетъ“.

В. М. Пуришковичъ призналъ, что „въ рѣчахъ представителей тѣвой оппозиціи много той святой правды, которая въ конечномъ результатѣ должна обновить нашъ государственный строй“.

„Кто позволилъ бы себѣ говорить, что все должно остаться такъ же, какъ оно было до войны, тотъ надлежитъ себѣ осужденіе и у современниковъ и у потомковъ. Развѣ нормально, что въ то время, какъ наши братья пьходятъ кровью, въ это время здѣсь внутри нельзя добиться и парализовать роста нѣмецкаго закупа и подпольнаго вліянія? *(Шумные аплодисменты)*.“

„Развѣ вы *(обращаясь къ министру внутреннихъ дѣлъ)*, мой многоуважаемый другъ и сотоварищъ по фракціи, А. Н. Хвостовъ, можете быть увѣрены въ томъ, что въ тотъ моментъ, когда вы предпримете самыя рѣзкія и энергичныя мѣры, чтобы парализовать вліянія при ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, васъ не съѣдятъ подпольныя силы подъ тѣмъ или другимъ благодѣтельнымъ предлогомъ и вы не падете подъ ударомъ?“ *(Шумные аплодисменты)*.

Макогонъ упомянулъ въ своей рѣчи о „бѣшенномъ коммерціи“ въ тыду, о томъ, что война не можетъ подучить мѣста въ побѣдѣ, такъ какъ все занято купцами-коммерсантами, сибиряками за заработками, и закончили характеристикой русскаго крестьянства, которое готово на все жертвы для достиженія побѣды.

Таковъ общій тонъ первыхъ думскихъ засѣданій. Онъ поражаетъ единствомъ настроенія, объединяющаго и правыхъ и лѣвыхъ ораторовъ. Стѣна, разделявшая крайнія фракціи, рухнула. Все въ одинъ голосъ требуютъ оздоровленія тыла и оздоровленія власти во имя побѣды надъ врагомъ во имя спасенія Россіи. Дума и страна усилились въ патристическомъ требованіи. Въ этомъ случаѣ голосъ народныхъ представителей дѣйствительно становится голосомъ самого народа.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Сраженіе у Вердена.

Намъ уже приходилось неоднократно подчеркивать, что на западномъ фронтѣ взаимное положеніе сторонъ настолько прочно опредѣлилось, что никакихъ измѣненій фронта въ ту или другую сторону ожидать нельзя. Затѣмъ мы приводили рядъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что нѣмцы въ настоящихъ условияхъ стратегической обстановки никогда не могутъ собрать достаточныя силы для того, чтобы произвести успешное наступленіе противъ французовъ.

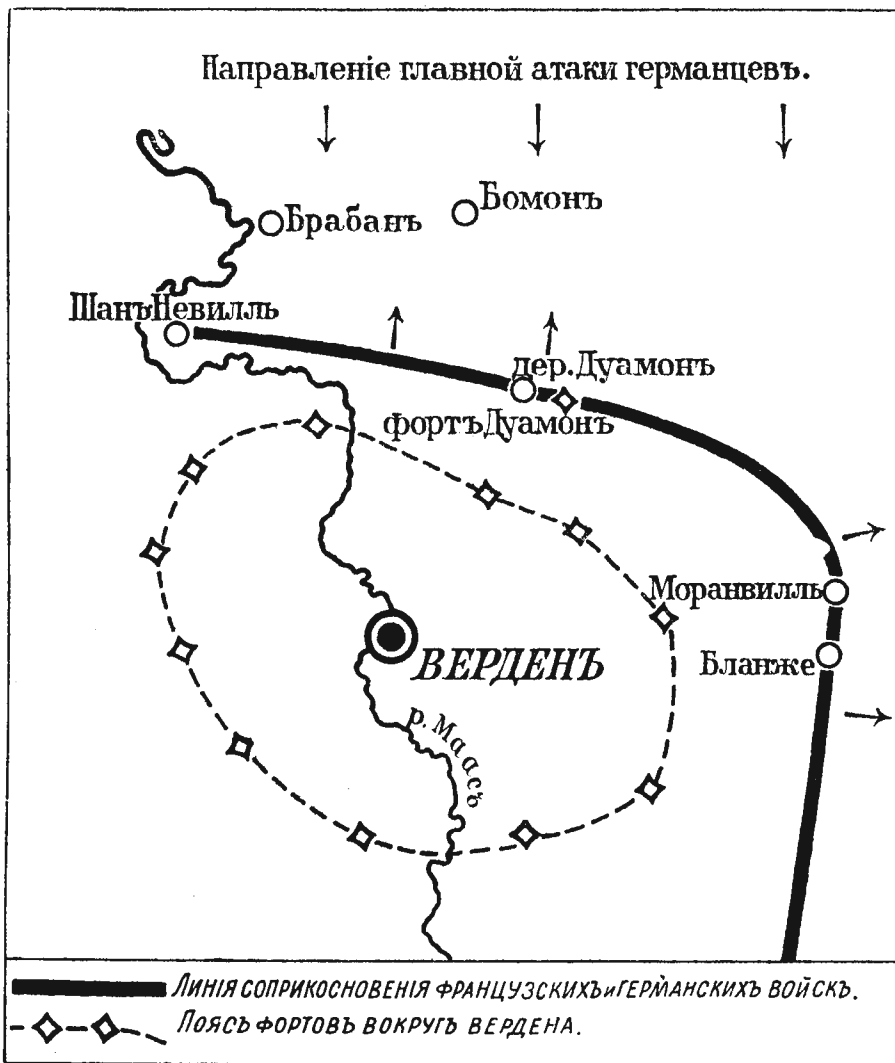
Наконецъ, памятна всѣмъ событія на французскомъ фронтѣ.— три крупныя сраженія, изъ коихъ главнѣйшее — „Марна“, а затѣмъ сраженія на Изерѣ и въ Шампани, — съ своей стороны, служили достаточной иллюстраціей того, что западный фронтъ представляетъ собою нѣчто безусловно неподвижное „въ стратегическомъ смыслѣ“, и что тамъ лишь возможны, въ исключительныхъ случаяхъ, незначительныя тактическія измѣненія фронта на нѣсколько верствъ въ ту или другую сторону.

Несомнѣнно, что и нѣмецкое высшее командованіе всегда сознавало всю невозможность какихъ-либо успеховъ для нѣмцевъ на западномъ фронтѣ, почему съ ноября 1914 г. по февраль 1916 г., т.-е. въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ, мы были свидѣтелями полной неподвижности нѣмцевъ на западномъ театрѣ. Самый тотъ фактъ, что нѣмцы съ началомъ весны минувшаго года предприняли наступленіе на нашемъ фронтѣ, также свидѣтельствовало о томъ, что они считаютъ свою задачу на западномъ фронтѣ неосуществимой, ибо только это и могло заставить ихъ выбрать столь недостижимую стратегическую цѣль, какъ пеканіе побѣды въ Россіи.

Однако стратегическое положеніе нѣмцевъ въ нынѣшней войнѣ оказалось въ концѣ концовъ столь безысходнымъ въ томъ смыслѣ, что они нигдѣ, ни на одномъ фронтѣ не могутъ добиться рѣшительной побѣды, нигдѣ, ни на одномъ фронтѣ, ни одну изъ сторонъ не могутъ принудить къ миру, — что отъ нѣмцевъ можно было ожидать какихъ-либо операций, даже самыхъ трудно осуществимыхъ. Все равно: — на русскомъ фронтѣ нѣмцы не могутъ привести войну къ концу, и одинаково нѣтъ надежды побѣдить на западѣ, почему, естественно, противнику зачастую трудно рѣшить, какое изъ этихъ двухъ золъ для него меньшее. Конечно, наступать на западномъ фронтѣ невозможно, но и на русскомъ фронтѣ операція не приводитъ къ конечной цѣли, и въ такихъ условияхъ въ концѣ концовъ задачи на обоихъ фронтахъ одинаково трудно достигимы.

Однако вести войну надо, и потому какіе-либо изъ фронтовъ атаковать приходится. Лѣтъ тому они вели безнадежное наступленіе въ нашу сторону, которое не могло ихъ привести къ миру, а въ февралѣ 1916 года они попробовали третій разъ такое же безнадежное наступленіе въ сторону французовъ, хотя и опыты сраженій на Марнѣ и на Изерѣ, и элементарныя разсужденія подсказывали имъ, что такое наступленіе не приведетъ къ конечной цѣли.

При такихъ условияхъ создалась грандіозная операція у Вердена, гдѣ нѣмцы атаковали столь безнадежный для нихъ, по ихъ собственному опыту, французскій фронтъ въ отчаянномъ стремленіи сломить его хотя бы въ одной точкѣ путемъ удара чудовищной массой. Съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду, что нѣмцы весьма серьезно считались съ тѣмъ, что во время предстоящихъ весеннихъ и лѣтнихъ операций на нашемъ фронтѣ ихъ можетъ ожидать ударъ „въ тылъ“, т.-е. наступленіе французовъ, въ виду той согласованности дѣйствій союзниковъ, которая, какъ извѣстно, считается теперь важнѣйшей задачей союзной стратегіи. Въ ожиданіи такого наступленія нѣмцы также должны были, согласно своей системѣ „предупреждать“, начать превентивное наступленіе противъ французовъ въ расчетѣ нанести имъ большія потери и вынудить ихъ въ будущемъ отказаться отъ наступленія на западномъ фронтѣ, — въ тотъ періодъ, когда нѣмцы будутъ заняты операціями на востокѣ.

Такимъ образомъ, можно предполагать, что нѣмецкое наступленіе на западномъ фронтѣ, не имѣющее вообще шансовъ на успехъ, было предпринято отчасти потому, что вообще ни на одномъ фронтѣ нѣмцы все равно не могутъ достигнуть рѣшительнаго успеха, а гдѣ-нибудь наступать надо, и, во-вторыхъ, отчасти потому, чтобы предупредить своимъ ударомъ возможное наступленіе англо-французовъ лѣтомъ — въ тотъ періодъ, когда нѣмцы увязнутъ въ операціяхъ на нашемъ фронтѣ.

Такова въ общихъ чертахъ стратегическая обстановка, при которой сложилось Верденское наступленіе нѣмцевъ. Обращаясь теперь къ исполненію этой операціи, отмѣтимъ, что изъ 7 германскихъ армій и нѣсколькихъ отрядовъ, находящихся на западномъ фронтѣ, непосредственное участіе въ операціи приняла армія кронпринца и находящаяся рядомъ съ нею значительный отрядъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ генерала Штранца. Войска генерала Штранца были расположены вѣтво и южнѣ арміи кронпринца, а вправо отъ арміи кронпринца находилась въ Шампани армія генерала Эйнема, которая также могла втянуться въ операцію подъ Верденомъ не только при помощи присылки подкрѣпленій кронпринцу, но и при помощи наступленія на своемъ фронтѣ, которое Эйнемъ могъ бы вести для содѣйствія кронпринцу.

Однако въ первое время приняли участіе въ операціи преимущественно войска кронпринца. Необходимо также отмѣнить, что къ району арміи кронпринца нѣмцами были доставлены значительныя стратегическія резервы, которые, по газетнымъ свѣдѣніямъ, доходили до 225 батальоновъ. Эти стратегическія резервы частью были взяты изнутри Германіи, частью доставлены съ другихъ фронтовъ.

Затѣмъ къ району Вердена было подвезено громадное количество тяжелой артиллеріи, въ томъ числѣ и австрійскія тяжелыя мортиры, перевозимыя на моторахъ. Мы не упоминаемъ, конечно, о другихъ деталяхъ подготовки нѣмцевъ къ Верденскому наступленію, которыя были весьма тщательно разработаны въ теченіе двухъ съ лишнимъ мѣсяцевъ этой подготовки.

7-го февраля 1916 г. началось верденское сраженіе съ грандіознѣйшаго артиллерійскаго боя. Затѣмъ нѣмцы повели атаку, въ результатѣ которой имъ, при помощи колоссальныхъ потерь, удалось занять два небольшихъ выступа французскихъ позицій у деревень Бомонъ и Брабанъ-сюръ-Мэзъ. Нѣмцы вели атаки густыми колоннами подъ покровительствомъ сильнѣйшаго артил-

лерейского огня, т.-е. применяя знакомые приемы, которыми в свое время пользовался Македонск на Дунаице.

Самый Верденъ представляет собою крѣпость перваго класса, прикрывающую пути черезъ Шалонъ къ Парижу. Атака нѣмцевъ у Вердена какъ бы означала намѣреніе ихъ прорвать французскій фронтъ со стороны юга, т.-е. выйти на пути южнѣе Парижа. Напомнимъ читателямъ, что въ 70-мъ году Мольтке, двигаясь во Францію, все время обходитъ Парижъ именно съ юга, стремясь отрѣзать французскую столицу отъ юга Франціи и этимъ лишить французскія арміи источникъ подрѣвленной изъ такого богатѣйшаго района, какимъ является югъ Франціи.

Эту идею Мольтке нѣмѣйшіе нѣмцы пытались осуществить въ началѣ войны и также старались сначала обойти лѣвѣмъ южнымъ крыломъ, но здѣсь ихъ съ мѣста постигла неудача, такъ какъ французы естественно наблюдали эти пути, выводящіе въ обходъ Парижа съ юга, памятные имъ по 70-му году. Тогда нѣмцы стали обходить противоположнымъ сѣвернымъ правымъ крыломъ, и послѣдовало ихъ знаменитое обходное движеніе черезъ городъ Лилль. Этимъ движеніемъ нѣмцы какъ бы, наоборотъ, загнали французовъ на югъ Франціи, къ источникамъ французскихъ подрѣвленій, что, конечно, не приводило нѣмцевъ къ цѣли, а лишь усиливало французское сопротивленіе.

Начавъ операціи противъ Вердена, т.-е. какъ бы стремясь прорвать въ направленіи путей, выводящихъ въ обходъ Парижа съ юга, нѣмцы этимъ стремились снова осуществить идею Мольтке, отрѣзать Парижъ отъ юга Франціи, но, конечно, теперь эта попытка имѣла меньше всего шансовъ на успѣхъ. Не говоря уже о той силѣ французскаго фронта, которая дѣлала вообще невозможнымъ успѣхъ нѣмцевъ, о чемъ мы говорили выше, пунить, выбранный ими для атаки, самый Верденъ, представляет собою одинъ изъ самыхъ сильныхъ пунктовъ французскаго расположенія.

Эта первоклассная крѣпость, расположенная по обоимъ берегамъ р. Мааса, состоитъ изъ двухъ линій фортовъ и старой цитадели внутри, опоясывающей городъ. По силѣ фортовъ, подготовкѣ фортовой линіи и по внутреннему устройству, а также благодаря обилію безопасныхъ подземныхъ помѣщеній для гарнизона, Верденъ вообще является одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Европы.

Французское расположеніе у Вердена выдвигалось веретъ на 15 впередъ за Верденъ. При первомъ главномъ наступлѣ нѣмцы

продвинулись лишь на три километра, каковое продвиженіе слѣдуетъ признать крайне незначительнымъ. Трофей нѣмцевъ былъ ничтоженъ, и въ то время какъ французы при своемъ короткомъ сентябрьскомъ ударѣ отъ Шампани взяли 26.000 плѣнныхъ въ одинъ день и 155 орудій, нѣмцы, по ихъ заявленіямъ, взяли всего лишь 3.000 плѣнныхъ. Необходимо отмѣтить, что вообще при длинныхъ фронтахъ, кто бы ни наступалъ, въ первый моментъ имѣетъ нѣкоторый успѣхъ наступающей, такъ какъ онъ сосредоточиваетъ массу и, естественно, сразу занимаетъ первые окопы.

Однако этимъ ничтожнымъ успѣхомъ ограничились все успѣхи нѣмцевъ. Въ теченіе первыхъ 5—6 дней нѣмцы не достигли болѣе никакихъ успѣховъ, и лишь былъ одинъ моментъ, когда они овладѣли находящимся совершенно въ сторонѣ отъ крѣпости и не имѣющимъ никакой связи съ поясомъ фортовъ укрѣпленіемъ Дуамонъ, но были потомъ оттуда выбиты.

На второй день сталъ обозначаться успѣхъ французовъ, которые не только вернули фортъ Дуамонъ, но вернули и деревню того же имени.

Въ окончательномъ итогѣ послѣ девяти дней изступленнаго боя, гдѣ обѣими сторонами были выброшены миллионы снарядовъ и произведены были обшнныя атаки и контръ-атаки, французы твердо остановили нѣмцевъ и не позволили имъ продвинуться далѣе къ главной фортовой линіи Вердена.

За исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ деревень, на общемъ протяженіи въ глубину въ двѣ версты, нѣмцы болѣе ничѣмъ не овладѣли, понеся неисчислимыя потери въ людяхъ.

Это было не только неудачей нѣмцевъ у Вердена, это было ихъ громадной стратегической неудачей, т.-е. такой неудачей, которая должна была имѣть вліяніе на весь ходъ войны, должна была показать уже безусловно нѣмцамъ, что ихъ надежды на успѣхъ во Франціи были своевременно погребены на Марнѣ, и что не оживить имъ ихъ вновь никакими самыми изступленными, самыми отчаянными операціями.

На десятый день артиллерійскій бой продолжался все-таки съ прежней силой, и это означало, что нѣмцы поведутъ еще одну большую атаку. Однако можно было не сомнѣваться, что ихъ скопленный въ теченіе года затихшій порывъ уже растраченъ, и что никакія новыя атаки не исправятъ дѣла, разъ первая атака,—та, въ которую было вложено больше всего энергіи и подготовки,—не удалась.

* * *

И годъ второй къ концу склоняется,
Но такъ же рѣютъ знамена,
И такъ же буйно издѣвается
Надъ нашей мудростью война.

Вслѣдъ за ея крылатымъ геніемъ,
Всегда играющимъ въ ничью,
Съ побѣдной музыкой и пѣніемъ

И считаютъ ли потопленныхъ
Во время трудныхъ переправъ,
Забывшихъ на поляхъ потоптанныхъ
И громкихъ въ лѣтописи славъ?

Иль зори будущія ясныя
Увидятъ міръ такимъ, какъ встарь.—
Огромныя гвоздики красныя,
И на гвоздикахъ спитъ дикарь;
Чудовищъ слышны ревы мирныя,
Вдругъ хлещутъ бѣшено дожди,
И все затягиваютъ жирныя
Свѣтло-зеленыя хвощи?

Не все ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля!
Ты только хмурая привратница
У входа въ Божія Поля.

Н. Гумплевъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ просить гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1916 годъ, озаботиться **своевременными взносами** подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ**.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп. и печатный адресъ**.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Медальонъ. Разсказъ Марка Криницкаго. (Продолженіе).—Проводы. Стихотвореніе Михаила Андреева.—На Западномъ фронтѣ. Разсказы В. Ропшина.—Бѣлый замокъ. Разсказъ Ренэ Базена.—Какъ растутъ кресты. Разсказъ Б. Никонова.—Голосъ народа. (Въ Государственной Думѣ).—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Стихотвореніе Н. Гумплева.—Заявленіе.—Отлики войны.

Р И С У Н К И: Батарея... Картина И. А. Владимірова.—На каніазскомъ фронтѣ (22 рис.).—Пожаръ въ деревнѣ Ц.—На нашемъ западномъ фронтѣ (3 рис.).—У родной могилы. Картина И. Владимірова.—9-е февраля. Торжественное молебствіе передъ открытіемъ засѣданій Гос. Думы, въ присутствіи Государя Императора.—Карта крѣпости Верденъ и его фортовъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 4.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 10

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 5-го марта 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ восьмью текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ строкъ 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за мартъ.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россия, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).
Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ
въсѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстоахожденія каждаго названія. Въ 6 красокъ. Размѣръ 82x134 сант., въ масштабѣ 40 верствъ въ дюймѣ.
Подъ редакціей проф. Ю. М. Шомальскаго.

Цѣна съ пересылкой два рубля.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЪ ПРОВИНЦИИ НУЖНЫ

Акт. Об-ву „Муравей“.
Продажа разнаго рода книгъ съ разср. платежа и за наличн. расч. Оборуд. школъ наглядн. учебн. пособіями, канцел. и писем. принадл., волшебн. фонари и др. Составл. и пополн. библіотекъ для учрежденій и частн. лицъ. Петроградъ, 3 Рождественск. 26. 4018 1-1

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ „ДИЗЕЛЕРИНЪ“
послѣдствій ея прѣимается
Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Дизелеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д. ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 2 22, кв. 2, отд. 90. Отпускается безъ рецептовъ врачами.

Религиозно-патріотическая ВОКАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

для пѣвческихъ хоровъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.
Большой сборникъ гимновъ, религиозн., патріотическ. пѣсенъ, маршей и т. д.
Сост. Н. Ерошенко.
Выпускъ I и II, каждый по 1 р.
Новый каталогъ „Свѣтлая хоровая музыка“—бесплатно. 4020
Москва, Неглинный пр., 14.
В. ЮРГЕНСОНЪ,

ПРИ НЕВРАСТЕНІИ

слабости и для
УКРѢПЛЕНІЯ
нервной системы
рекомендуется
БІОЛЪ Т-ва
Ласлей. Про-
дается во всѣхъ
аптекахъ и апте-
карскихъ магаз.

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ

происходящихъ отъ холода,
нѣтъ ничего превосходнѣе, чѣмъ
“КРЕМЪ СИМОНЪ”
(CRÈME SIMON)
ПАРИЖЪ

J. SIMON, PARIS. — Требуйте нашу настоящую марку.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парюмеровъ и аптекарей.

Марка
Утверждена.

БИБЛІА

полная на русск. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печатъ Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ 208 художеств. КАРТИНАМИ, размѣр. кн. 6x4 в., 2 томл., вѣс. 9 ф., 1550 стр. въ прочномъ краснв. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ колѣнк. футл. цѣна 5 р. 50 к., съ перес. въ Евр. Россіи 6 р. 15 к., упак. 25 к. Парвая и единственная въ Россіи полная иллюстрир. Библия. Эту великую книгу-книгъ долженъ имѣть каждый. Адр: Петроградъ, Невскій, 153. Е. П. Масленникову. Тел. 90-36.

Старческая Дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ. ПЕТРО-
ПОСТАВЩИКИ ГРАДЪ.
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПАЛЕСТИНА

== СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ ==

полное описание, под редакцией *Вл. П. Лебедева*, съ вступительной статьей о Палестинѣ *Е. Поселянина*, съ иллюстраціями-фотографіями *Л. А. Коробова*, *В. А. Мамая* и др. и снимками съ гравюръ и картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, въ

18 ВЫПУСКАХЪ отпечатанныхъ на веленовой бумагѣ, съ многочисленнаго формата, лентными (болѣе 500) фотографіями и рисунками **ПОЛУЧАТЬ ВСѢ** подписавшіеся въ 1916 г. на еженедѣльный иллюстрир. журналъ „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“.

Кромѣ того всѣ подписчики получаютъ:

12 КНИГЪ == ЕЖЕМѢСЯЧНАГО == **10 КНИГЪ** ПОЛН. СОБРАН. ТВОРЕНІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА == **ЮАННА ЗЛАТОУСТА** ==

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ПОЛНОЕ СОБРАН. ПРОПОВѢДЕЙ

ВЫШЕДШІЕ №№ ЖУРНАЛА И КНИГИ ПРИЛОЖЕНІЙ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставк. и пересылк. **8 РУБ.** ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 р. и къ 1 іюля 4 р.

Главная Контора: Петроградъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ въ 8 ур. и дв. шт. бухгалтеріи обучаю важнаго заочно. Удост. 5 зол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифт., учен. раб. и усѣбно, ва 2—10 к. мар. Одесса, Ришельевская, д. Н. № 12, Проф. калигр. Ш. КРУКУ.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22

Шитье рѣшетками по выдержаннѣе н у т ы м ъ ниткамъ. 61 стр. текста, съ 107 рис. и съ прилож. 20 таблицъ узоровъ. Цѣна съ перес. 80 коп.

Бильдерлингъ, П. А. БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ. Съ 18 рис. 192 стр. in 8°. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.

2-ое ИЗДАНИЕ КНИГИ:
Д-ръ Н. В. СЛЕТОВЪ
ПОЛОВАЯ НЕВРАСТЕНІЯ,
ЕЯ ПРИЧИНЫ И ЛѢЧЕНІЕ,
значительно дополненное, съ 23 рис.
Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Прод.
въ лучшихъ книжн. магазинахъ.
Складъ изданія у автора:
МОСКВА, Садовая-Триумфальная, соб. домъ.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование.
Заочное обучение. Безлатная
премия. Каллиграфія, stenographia,
правописаніе и проч. **АТ-**
ТЕСТАТЪ. Льготныя условія
подписки и
пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.**
Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообра-
зованія“, Б. Ружейная, 7—55.

НОВОСТЬ!!!
Американскій КОРСЕТЪ-ПОЯС
безъ бланжетки и костей.
Облегаетъ граціозно всякую фигуру, но при-
чина никакаго безпокойства. Необходимъ
для всякаго рода занятій, спорта и дороги.
Выс. нал. плат. Мѣрка: 1) объемъ талія,
2) объемъ бедер. Цѣна от 10 р. до 40 р.
Петроградъ, Владимірск. пр., д. 7, кв. 29,
входъ во дворъ. Телеф. 70-61.
М-me КЛЭРЪ.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
Свѣчи „Проктоль-Пеля“, но-
вѣйшее и наилучшее, испы-
танное средство противъ
ГЕМОРРОЯ.
Дѣйствуетъ кровоостанав-
ливающе, обезболивающе,
ускоряетъ заживленіе и,
при систематическомъ лѣ-
ченіи, совершенно устраи-
ваетъ зудъ, жжение и всѣ
явленія геморроя. Имѣется
всюду.
Профессоръ Д-ръ НЕДЪ и С-н
ПЕТРОГРАДЪ

ХОРОШІЯ ЛЕКАРСТВА
всегда поддѣлываются,
НИ ОДНО ЛЕКАРСТВО
не поддѣлывается, не фальсифицируется больше,
чѣмъ антисептическія
PASTILLES VALDA
(Лепешки Вальда)
ВЪ ВАШЕМЪ ИНТЕРЕСѢ СПРАШИВАТЬ,
ТРЕБОВАТЬ ИХЪ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ
въ **КОРОБКАХЪ**, снабженныхъ именемъ
VALDA
съ красной бандеролью,
ОДНОЙ КОРОБКОЙ
PASTILLES VALDA
(ЛЕНЕМЕНЪ ВАЛЬДА).
H. Canonne, Paris.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоустроить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. Адресъ: г. Ляховинь, Калужской губ., село Жеремино, церковно-приходскому Почетельству, или ои: Священнику Александру Смирнову. 2-8

(ПИСАТЬ)

красиво и скоро будете, выписавши «Механическую прописку». Пособіе въ каллиграфіи. Цена нал. плат. 95 коп. Адресъ: Москва, ред. журн. «СОКОЛЬ», отд. 2. (14)

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТЪ
АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоитъ 175 руб.

ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары.

Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. Требуется нашъ бесплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42 — 11.

Лондонъ, E. C. 114 Leadenhall st.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.

для начинающихъ
Постоянный крупный заработокъ. Цена руководства съ перес. налож. плат. 95 к.
Адресъ: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ вѣтраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особыхъ знаній и специальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цена съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18 2.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ РИСОВАНІЮ

по изданію „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ подъ руководствомъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присылаемые работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всемъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладного искусства.

Вышелъ изъ печати 7-й томъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Акварель—А. Г. Левицкашъ. Рисованіе частей человеческого тѣла—Г. А. Новиковъ. Живопись масляными красками—А. В. Маковский. Личейная перспектива—Т. И. Катуркинъ. Очерки по исторіи живописи—Б. Ф. Шлеперъ. ИЛЛЮСТРАЦІИ: 81 чернильн. рис., 8 многокрасочн. рис., Медцотнитъ—гравюра.

Изданіе „Искусство для Всѣхъ“ является грамматикой искусства и охватываетъ полный курсъ знаній, необходимыхъ всякому человѣку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ.

Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы;

для гг. художниковъ и учителей рисованія,

наконѣцъ для родителей,

занимающихся съ дѣтьми, „Искусство для Всѣхъ“ является незаменимымъ пособіемъ.

Краткій проспектъ бесплатно. | Подробн. просп. „Искусство“ за 15 к.

Т-во „Благо“ Петроградъ, Николаевск., 44-62.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Новая нѣмецкая ложь. Предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи сенаторъ А. Н. Кривцовъ, оповѣщающій Россію и всеъ нейтральныя державы о зѣвствахъ, жестокостяхъ и вообще запрещенныхъ и нечестныхъ способахъ веденія войны, примѣняемыхъ германцами и австрийцами, опубликовалъ слѣдующее характерное сообщеніе:

Въ номерѣ газеты «Berliner Tageblatt» отъ 24-го января 1916 года было напечатано, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ руки австро-германскихъ войскъ попалъ приказъ генерала Иванова. Въ приказѣ говорится, что Царь предислалъ взять Черновицы ко дню Крещенія. Каждому солдату, которому удастся исполнить приказъ Царя, будетъ разрѣшено въ продолженіе двухъ дней грабить Черновицы. Каждому солдату, принадлежащему къ составу роты, вошедшей первой въ Черновицы, будетъ подарено 50 рублей».

Чрезвычайная слѣдственная комиссія, по собраннымъ свѣдѣніямъ изъ дѣйствующей арміи, удостовѣряетъ, что за всю войну подобныхъ приказовъ въ русской арміи ни по фронту ни по арміямъ и корпусамъ никогда нѣмкъ не отдавалось, вслѣдствіе чего приведенное сообщеніе «Berliner Tageblatt» является грубымъ измышленіемъ.

Настоящее опроверженіе, переведенное на шведскій, англійскій, французскій и нѣмецкій языки, въ количествѣ 20.000 экземпляровъ, будетъ послано въ Швейцарію, Соединенные Штаты, Южную Америку и Испанію.

Нѣмецкія зѣвства. Вѣжавшій изъ германскаго плѣна младшій врачъ 15-го сапернаго батальона Матвій Наумовичъ Блумштейнъ, допрошенный 23-го февраля 1916 года членомъ слѣдственной комиссіи В. Д. Олышевымъ, между прочимъ, засвидѣтельствовалъ слѣдующее:

«Въ сентябрѣ 1915 года въ Минденъ пріѣхалъ представитель Краснаго Креста изъ Берна и обѣщавъ сдѣлать распоряженіе о высылкѣ намъ плѣннымъ хлѣба, видя ихъ голодающе. Хлѣбъ этотъ изъ Лондона черезъ Бернъ дѣйствительно прибылъ въ Минденъ въ январѣ 1916 года. Часть этого хлѣба была выдана полностью, другую же часть нѣмцы задержали и объяснили это тѣмъ, что они не могутъ допустить, чтобы плѣнные получали хлѣба больше, чѣмъ нѣмецкіе солдаты. Надо еще замѣтить, что по полученіи хлѣба изъ Лондона нѣмцы не выдавали плѣннымъ обыкновенной своей порціи хлѣба, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ, несмотря на присылку, русскіе плѣнные получили хлѣба меньше, чѣмъ получали обыкновенно. Не получивше присланнаго хлѣба русскіе плѣнные въ видѣ протеста отказались итти на работу, тогда нѣмецкій подпрапорщикъ Хооло выстрѣлъ нѣсколькихъ нашихъ плѣнныхъ и одному изъ нихъ нанесъ шапкою рану въ руку. Я самъ перевязывалъ этого раненаго».

Братя по крови. Французскій консулъ въ Харьковѣ рассказываетъ въ «Кіевомъ Краѣ» любопытный эпизодъ изъ боевъ на западномъ фронтѣ.

«Это произошло въ траншеѣ, во время одного изъ сраженій: солдаты французскаго польскаго легіона взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ германскихъ солдатъ, которые сообщили, что стоявшій напротивъ полкъ почти наполовину состоитъ изъ поляковъ».

«Это сообщеніе было принято къ свѣдѣнію. Въ тотъ же вечеръ командующій легіономъ вызвалъ охотника для исполненія труднаго, чрезвычайно опаснаго порученія. Явилось нѣсколько солдатъ, но одинъ изъ нихъ показался командиру особенно сообразительнымъ и отважнымъ, и онъ тутъ же раскрылъ ему свой планъ. Необходимо было, такъ или иначе, довести до свѣдѣнія стоявшихъ противъ нихъ поляковъ, что во французскихъ траншеяхъ находятся ихъ единокровные братья, которые совѣтуютъ имъ покинуть вражескій станъ, куда они были привлечены помимо собственной воли, и присоединиться къ своимъ соотечественникамъ».

«Это была не легкая задача. Противникъ не спускалъ глазъ съ расположенія французскихъ войскъ; чтобы тѣмъ или инымъ способомъ добратся до его траншей, нужна была не только отвага, но и чрезвычайная осторожность».

«Съ наступленіемъ темноты солдаты польскаго легіона двинулись въ путь. Стараясь не обратить на себя вниманія, принимая всевозможныя мѣры предосторожности, онъ полкомъ добрался до неприятельскихъ траншей и, очутившись такимъ образомъ у цѣли своего путешествія, подобно средневековому рыцарю Блонделю, расшавшему подъ окномъ темницы своего короля, чуть слышно заплѣлъ старинную польскую пѣсню».

«Нѣмецкіе поляки прислушивались, сначала удивленные, затѣмъ мало-по-малу очарованные стариннымъ напѣвомъ, напоминавшимъ имъ родину. Передъ ними, какъ по волшебству, предстала прежняя свободная Польша. Они стали оглядываться и снова услышали голосъ, говорившій имъ, что сражаясь за Францію, поляки тѣмъ самымъ идутъ навстрѣчу свободѣ, и что нѣмецкіе поляки должны поступать такъ же».

«Исполняя свою миссію, солдатъ отправился тѣмъ же способомъ назадъ, оставивъ послѣ себя въ сердцахъ всѣхъ появившихъ его отголосокъ своей пѣсни. Медленно, ни на минуту не теряя хладнокровія, доползъ онъ благополучно до своихъ траншей, и ни одна вражеская пуля не задѣла его даже мимоходомъ».

«На другой день послѣ того, какъ молодой солдатъ польскаго легіона былъ поздравленъ съ представленіемъ къ награждѣ, какъ только стемнѣло, изъ неприятельскихъ траншей одинъ за другимъ потянулись силуэты поляковъ, не желавшихъ больше сражаться противъ тѣхъ, кто боролся за Францію и возрождающуюся Польшу».

Деревья стрѣляютъ. На дорогѣ, ведущей изъ мѣстечка К. въ городъ Н., столкнулись два крупныхъ разбѣзда—нѣмецкій и нашъ, казачій. Первоначально въ нѣмецкомъ разбѣздѣ произошло нѣкоторое замѣшательство. Спустя нѣсколько минутъ показались новыя, довольно значительныя нѣмецкія подкрѣпленія».

Урядникъ, командовавшій разбѣздомъ, отдалъ приказаніе части казаковъ незамѣтно отъѣхать въ лѣсъ и залечь на всякій случай засадой».

Германцы открыли стрѣльбу. Казаки отвѣчали. Спустя нѣкоторое время они начали отступать назадъ, въ лѣсъ. Германцы полнымъ карьеромъ ринулись впередъ. Силы ихъ настолько преобладали, что гибель была неминуема».

Привлечь находившійся въ лѣсу резервъ въ атаку при такихъ обстоятельствахъ значило бы повести его на вѣрную смерть».

Вдругъ въ разгарѣ атаки къ уряднику подскочилъ одинъ изъ отосланныхъ въ лѣсъ».

— Вѣтите въ лѣсъ! Мы спасены!—крикнулъ онъ. Казаки бросились вразсыпную якобы въ бѣгство. Съ радостнымъ улюлюканьемъ и торжествующими возгласами кинулись нѣмцы преслѣдовать казаковъ».

Казаки влетѣли въ лѣсъ. Но тамъ было пусто. Казаки были поражены».

Гдѣ же свои? Неужели покинули? Неожиданно сверху началась по нѣмцамъ пальба. Казаки попрдержали лошадей».

— Откуда это? Не иначе, какъ наши летчики».

Оказалось, что оставшіеся въ лѣсу казаки отправили лошадей въ наше расположеніе, двое усаkali съ довесеніемъ, а оставшіеся взобрались на деревья, установивъ на одномъ изъ нихъ пулеметъ».

Неожиданная пальба изъ ружей и даже пулеметовъ такъ перепугала нѣмцевъ, что они мгновенно очистили лѣсъ».

Многие изъ неприятельскаго разбѣзда были перебиты, нѣсколько человекъ захвачено въ плѣнъ. Въ нашемъ отрядѣ потерь почти не было.

Долго нѣмцы здѣсь не появлялись.

Позже, захваченные въ этомъ районѣ плѣнные разспрашивали о страшномъ тѣсѣ, гдѣ залегли крупныя русскія силы и гдѣ на каждомъ деревѣ стоитъ пулеметъ.

Письмо командира. Члену Государственной Думы Н. М. Фридману переслано полученное въ Петроградѣ письмо командира 4-го эскадрона Н гусарскаго полка слѣдующаго содержанія:

«Въ рядахъ моего 4-го эскадрона было два еврея. Оба они отличались высокою доблестью и храбростью и оба геройски погибли при исполненіи своего воинскаго долга. Имена ихъ: Лейба Топоровскій и Борухъ Оштринъ.

«Особенной храбростью отличался Топоровскій. Онъ, будучи головнымъ дозорнымъ, подѣлалъ вплотную къ кустамъ, гдѣ сидѣли германцы, и былъ раненъ ружейной пулей почти въ упоръ, а послѣ паденія съ лошади заколотъ штыками, прежде чѣмъ успѣли подскочить остальные наши гусары. Оштринъ былъ убитъ во время перестрѣлки въ окопахъ. Мы всѣ, офицеры эскадрона, особенно я, такъ какъ Оштринъ былъ моего звѣзда, которымъ я команду, очень жалѣли объ ихъ гибели и воздаемъ должное ихъ геройскому поведенію.

«Они похоронены безъ молитвъ, такъ какъ съ нами никакихъ духовныхъ лицъ нѣтъ, поэтому прошу васъ заказать отъ меня въ синагогѣ молитвы по нимъ, какъ это полагается по вашей религіи, и помолитесь за ихъ геройскія души по закону ихъ отцовъ, которому они оставались такъ же вѣрными, какъ и присягѣ Царю и Отечеству.

«Извиняюсь за такое грустное порученіе, но считая своимъ долгомъ командира и солдата воздать должное героямъ-гусарамъ. В. Шошнъ».

Кто настоящій изобрѣтатель цеппелина? За нѣсколько лѣтъ до появленія въ Германіи дирижабля Цеппелина, въ Австро-Венгріи занимался разработкой воздухоплаванія разбогатѣвшій на изобрѣтеніи механической пилы бочаръ Шварцъ. Онъ составилъ чертежи и вычисленія для постройки алюминіеваго дирижабля и представить все это военному министру своего отечества. За отсутствіемъ средствъ, австрійскій министръ посоветовалъ обратиться къ кому-нибудь изъ частныхъ предпринимателей. Но, въ виду значительной стоимости воздушнаго корабля этого типа, Шварцъ не могъ найти въ своемъ отечествѣ никого, кто пожелалъ бы рискнуть такими средствами.

Тогда Шварцъ обратился къ германскому военному министру, который внимательно отнесся къ изобрѣтателю и поручилъ ознакомиться съ проектомъ теоретически изучавшему воздухоплаваніе графу Цеппелину.

Послѣ ознакомленія съ чертежами, военное министерство сдѣлало заказъ Шварцу съ тѣмъ, что, въ случаѣ удачнаго выполненія дирижабля, онъ получитъ 375.000 марокъ.

Въ день, назначенный для испытанія построеннаго аппарата, Шварцъ внезапно заболѣлъ; вставъ отъ обѣденнаго стола, чтобы отправиться на испытаніе, онъ почувствовалъ себя дурно и въ тотъ же день скончался.

Комиссія, не дождавшись изобрѣтателя, поручила испытаніе неопытному механику, который, не умѣя управлять, упалъ съ аппаратомъ и убился, разбивъ дирижабль вдребезги.

Вскорѣ распространился слухъ, что графъ Цеппелинъ изобрѣлъ какой-то дирижабль съ алюминіевой оболочкой и строить его на томъ же заводѣ, на которомъ строилъ и Шварцъ. А вслѣдъ затѣмъ, они, вмѣстѣ съ фабрикантомъ, предложили вдовѣ Шварца отказаться въ ихъ пользу отъ изобрѣтенія ея мужа, за что ей было обѣщано вознагражденіе по 15 тысячъ марокъ съ каждаго построеннаго дирижабля.

Но, несмотря на развитіе постройки «цеппелиновъ», ни самъ Цеппелинъ ни его фабрикантъ ничего ей не платили, а это побудило обманутую женщину судомъ требовать вознагражденія за изобрѣтеніе ея мужа. Процессъ задержался объявленіемъ войны, но, по словамъ французской печати, изъ которой это сенсационное сообщеніе заимствуемъ «Нашъ Вѣстникъ», — вдова Давида Шварца имѣетъ неоспоримыя доказательства, что «цеппелинъ» изобрѣтенъ ея мужемъ, внезапно и тайно скончавшимся въ день испытанія его изобрѣтенія.

Если это будетъ установлено судомъ, фамилія Шварцъ будетъ вторично включена въ исторію военныхъ изобрѣтеній: первый носитель этой фамиліи—Бертонъ Шварцъ, считающійся изобрѣтателемъ пороха,—главный виновникъ всѣхъ ужасовъ войны.

Атака подводной лодки. Приведемъ интересное письмо очевидца атаки подводной лодки въ Черномъ морѣ, рисующее особенности этого новаго рода морскаго боя. Оно было помѣщено въ «Новомъ Временіи».

«Во время нашего послѣдняго похода мы были атакованы и въ свою очередь атаковали подводную лодку. Все происходило съ самаго начала до конца на моихъ глазахъ, я какъ разъ стоялъ тогда на вахтѣ и потому могу рассказать все подробно. Мы совершали обычный обходъ береговъ Анатолійскаго побережья.

«Быль ясный день. На небѣ ни облачка. Солнце некло совсѣмъ не по-зимнему. Проклятый, мучающій насъ всю зиму нордъ-остъ стихъ, и былъ полнѣйшій штиль. Миноносецъ нашъ оглябалъ одинъ изъ мысовъ, очень удобный для атакъ лодкой. Берегъ тамъ высокій, обрывистый, и море около него очень глубокое, а недалеко удобная бухта, гдѣ подводная лодка всегда можетъ устроить себѣ складъ бензина и провизіи. Вниманіе, конечно, самое напряженное. Сигнальщики тщательно осматриваютъ все море. Мы уже оглябли оконечность мыса, какъ вдругъ справа, немного впереди миноносца, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вода очень блеститъ отъ солнца, и потому разглядѣть что-либо трудно, замѣтили слѣдъ точно отъ предмета, двигающагося подъ водою. Проходитъ минута, другая; и на поверхности воды появляется маленькій пузырьчикъ, который начинаетъ дѣлаться все больше и больше, и наконецъ мы ясно видимъ двѣ находящіяся одну позади другой трубы. Видъ сомнѣнія,—перископа подводной лодки.

«Я даю сигналъ боевой тревоги. Десятки электрическихъ звонковъ задребезжали во всѣхъ частяхъ миноносца, извѣщая команду о предстоящемъ боѣ. Изъ всѣхъ люковъ и кубриковъ посыпались матросы и быстро разбѣжались по мѣстамъ. Черезъ какую-нибудь минуту уже всѣ готовы для встрѣчи съ лодкой. «Продержавшись надъ водой секундъ 20, перископъ скрылся. Мы не успѣли

сдѣлать ни одного выстрѣла. «Мина!»—раздается возгласъ сигнальщика, и я увидѣлъ идущую въ правый бортъ мины.

«Право руля!»—приказываетъ командиръ. Моментъ былъ жуткій. Миноносецъ сталъ медленно поворачиваться навстрѣчу минѣ, подставляя ей носъ. Въ этомъ случаѣ вѣроятности попаданія почти нѣтъ. А мина все ближе и ближе. Мы уже почти развернулись на нее носомъ, еще моментъ, и она быстро проходитъ вдоль борта, оставляя плѣнистый, гладкій слѣдъ. Мы полнымъ ходомъ шли прямо на то мѣсто, гдѣ только-что виденъ былъ перископъ. «Слѣва лодка»,—крикнулъ сигнальщикъ. Опять появились изъ воды двѣ трубы, которыя шли параллельнымъ съ нами курсомъ; командиръ отдаетъ приказаніе рулевому, и миноносецъ круто поворачивается на лодку. Артиллерійскій офицеръ открываетъ огонь. Расстояніе небольшое, всего 3—4 кабельтова, и первые же снаряды ложатся около самой лодки, поднимая высокіе столбы воды. Перископъ сразу скрывается. Мы прекращаемъ огонь. Проходимъ надъ мѣстомъ погруженія лодки, надѣясь утопить ее тараннымъ ударомъ. Всѣ ждутъ толчка, я уже наготовѣ дать задній ходъ, но никакого удара не послѣдовало: лодка, очевидно, опустилась глубоко, и мы прошли надъ нею. Въ третій разъ перископъ появился опять съ лѣваго борта. Мы сейчасъ же открыли по лодкѣ бѣглый огонь. «Мина проходитъ за кормомъ»,—докладываетъ сигнальщикъ. Я оборачиваюсь и вижу недалеко за кормомъ идущую зигзагообразно мину. Приборъ управленія рулями у нея, очевидно, испортился, и она, вмѣсто того, чтобы идти по прямой линіи, выписывала вѣззела. Попадъ въ струю отъ винтовъ миноносца, она повернула и пошла совсѣмъ въ сторону.

«Снаряды временами закрывали перископъ, и намъ кажется, что онъ разбитъ. Но вотъ одинъ разрывъ, какъ будто нѣсколько больше, чѣмъ другіе, и мы видимъ летящіе осколки,—послѣ этого перископъ скрылся. А когда мы подошли ближе, то увидѣли на водѣ пузыри и масляныя пятна».

Болѣзни и трезвость. Въ ходѣ развитія болѣзней, вызванныхъ войною, всѣми лазаретами одинаково наблюдается явленіе, признанное общимъ: нынѣшняя война даетъ совершенно ничтожный процентъ душевно-больныхъ, рѣзко этимъ отличаясь отъ японской войны.

Явленіе это врачи объясняютъ, во-первыхъ, высокимъ подъемомъ и бодростью, съ какими войска ведутъ войну, а во-вторыхъ, отсутствіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій спиртныхъ напитковъ, благодаря чему устойчивость организма и его сопротивляемость тяжелымъ нервнымъ потрясеніямъ, неизбѣжнымъ въ бою, значительно выше, нежели у лицъ, отравленныхъ алкоголемъ.

Нѣмецкое засилье. Характерныя данныя для опредѣленія нѣмецкаго вліянія въ Россіи приведены въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: «Остановившаяся на вопросѣ о національномъ происхожденіи тѣхъ лицъ, которыя призваны творить государственное дѣло съ нѣкоторой долей самостоятельности, а за признакъ такой самостоятельности въ служебной дѣятельности принимаемъ ступени іерархической дѣятельности, мы придемъ, — говоритъ газета, — къ малоутѣшительному выводу. Въ числѣ четвертаго класса въ 1914 году (къ началу войны) у насъ насчитывалось 4.835 лицъ; въ числѣ третьяго и втораго классовъ 787 лицъ. Огромная государственная машина требуетъ и огромнаго персонала и на верхахъ и въ низахъ. Но вотъ что наводитъ на размышленія—изъ лицъ четвертаго класса пятнадцать процентовъ нѣмецкаго происхожденія, а изъ лицъ втораго и третьяго класса нѣмецкаго происхожденія уже двадцать пять!»

Въ четвертой стихіи. Небывалая война ведется и въ небывалой обстановкѣ: къ прежнимъ двумъ театрамъ войны: полю сраженія и морю боя—прибавились еще три стихіи: въ небесахъ, подъ землей и подъ водой.

«Нашъ Вѣстникъ», издающійся при штабѣ главнокомандующаго арміями западнаго фронта, сообщаетъ яркую картину блестящихъ подвиговъ нашихъ героев-саперовъ, творящихъ свое невидимое дѣло борьбы съ упорнымъ врагомъ, — дѣло поистинѣ невидимое, такъ какъ оно совершается подъ землей, — въ груди родной земли, которую отстаиваетъ своею грудью наша доблестная армія.

4-я рота Н полка занимала крайній окопъ на лѣвомъ флангѣ нашего передоваго расположенія. Нѣмцамъ нужно было завладѣть этимъ нашимъ окопомъ, чтобы продвинуть свой передовой отрядъ, и они предпринимали рядъ дѣйствій, до открытой атаки окопа включительно, но всѣ попытки врага были отбиты съ большимъ для него урономъ. Наступившее затишье на нѣмецкомъ фронтѣ заставляло предполагать, что нѣмцы задумали новую хитрость. И дѣйствительно удачной развѣдкой удалось выяснитъ, что нѣмцы подрываются подъ нашъ окопъ съ очевидной цѣлью заложить подъ него фугасы и взорвать его. Тотчасъ же наши саперы подъ командой сапернаго поручика Б. стали рыть встречную траншею отъ середины нашего окопа и еще двѣ боковыя, въ видѣхъ предупрежденія расхожденія съ врагомъ. Счастье благоприятствовало намъ, и къ вечеру на слѣдующій день саперы наши врылись въ нѣмецкую траншею, которая была уже доведена на десять шаговъ отъ нашего окопа. Саперы наши врылись въ нѣмецкую траншею такъ, что нѣмцы оказались отрѣзанными отъ своего окопа. Появленіе русскихъ саперовъ такъ подѣйствовало на нѣмецкихъ «кратовъ», что они машинально побросали оружіе и подыали руки кверху.

Наши саперы схватили четырехъ нѣмцевъ и изъ предосторожности заткнули имъ рты. Тутъ же при нѣмцахъ было найдено большое количество взрывчатыхъ веществъ. Плѣннымъ, среди которыхъ былъ офицеръ, были тѣмъ же подземнымъ путемъ доставлены въ нашъ окопъ. Командиръ 4-й роты рѣшилъ какъ можно шире использовать достигнутыя успѣхы. Десять наиболее расторопныхъ нижнихъ чиновъ съ ручными гранатами отправлялись съ подземной траншеи подъ нѣмецкій окопъ и съ крикомъ «ура» быстро вскопчили въ окопъ и бросили бомбы. Тѣмъ временемъ рота, уже бывшая на чеку, быстро, со штыками наперевѣсь, бросилась въ окопъ и, не давая опомниться терроризованному неприятелю, переколола половину защитнаго окопа. Нѣмцы падали на колѣни, бросали оружіе. Все было проведено такъ стремительно и, главное, планомѣрно, что мы не потеряли ни одного человека. Двое только получили незначительные ожоги отъ взрыва бомбъ. Наши, кромѣ плѣнныхъ, захватили въ нѣмецкомъ окопѣ два пулемета, много снарядовъ и четыре перископа новѣйшаго образца.

Всѣ нижніе чины, метавшіе гранаты, представлены къ Георгіевскому кресту.

Подписная цена съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к.

Профессоръ Н. С. Самокишъ. Настигли.

Медальонъ.

Разсказъ Марка Криницкаго.

(Окончаніе).

VIII.

Начало того, что происходило сейчас, лежало в таких же смутных и вместе ясных днях, как этот сегодняшний, когда так отчетливо видны всё пригорки, кустарники и овраги, и белые дымки на горизонте, и отчетливо колышущиеся ряды передней третьей роты, которою теперь командуетъ Костя Дерягинъ. День выливался въ вечеръ, вечеръ незамѣтно подводилъ утро... Они шли, останавливаясь на мостахъ, чтобы пропустить обозы, и опять шли, испытывая неукротимую жажду, боль въ ногахъ и зная, что у нихъ похода нѣтъ опредѣленнаго конца.

Они вошли въ большой прекрасный городъ, гдѣ на нихъ съ изумленіемъ и испугомъ смотрѣло эlegantное население, дамы и мужчины, одѣтые по-европейски, потому что эти люди думали, что они никогда сюда не придутъ. Большіе парки города казались Андрею странными и ненужными, и чугунные и мраморные памятники, разставленные по площадямъ, печально осмѣянными и покинутыми. И было удивительно, что въ этой мѣстности, отданной на разореніе войны, стоятъ такіе фешенебельные дома, и еще зачѣмъ-то, точно въ насмѣшку, люди торгуютъ въ роскошныхъ магазинахъ разными товарами.

Но ихъ не оставили въ городѣ. Ихъ погнати дальше, заставивъ огласить его чутко притаившіяся улицы захватскими звуками военныхъ пѣсень, не знающихъ ничего, кромѣ дыма газармъ и дальнихъ переходовъ.

Имъ даже позволили остановиться на ночлегъ только гдѣ-то въ черномъ и зловонномъ предместьѣ города. Имъ показали на мгновеніе сіяніе городскихъ огней и роскошь тѣхъ, кто еще не призванъ умирать, чтобы они знали свое могущество и презирали безоружныхъ, не знающихъ, что вокругъ уже вытоптаны поля, сожжены села, дороги усеяны синими раздутыми тушами павшихъ лошадей, двери церковныя забиты досками, и кое-гдѣ виднѣются страшныя висѣлицы, которыми обезумѣвшее австрійское правительство хотѣло образумить колеблющихся.

Но они, шедшіе черезъ проволочныя загражденія, ночевавшіе у сожженныхъ деревень и дѣлавшіе свой солдатскій паекъ съ страшными старухами, приносившими къ нимъ голодныхъ дѣтей, похожихъ на сморщенныхъ паучатъ, знали все это. И въ ихъ сердцахъ уже не было ни ужаса ни прежней штатской жалости. Они знали только неизбѣжное, потому что они смотрѣли на себя и на другихъ глазами обреченныхъ.

Днемъ они окапывались и спокойно наблюдали, какъ черными дымными шупальцами, оставляя послѣ разрыва безформенныя воронки, ихъ стремилась отыскать вражеская артиллерія. Ночью они привыкли къ огненнымъ кострамъ горящихъ селеній, которыми точно также повсюду скрытые соглядатаи старались отгнать ихъ путь. Теперь Андрей хорошо знаетъ, какъ ужасны лица въ заревѣ пожара. Онъ знаетъ, что боль отъ тлѣющей искры, прожигающей насквозь плечо, похожа на уколъ пчелы. Ему было хорошо знакомъ запахъ гари и смрадъ разлагающихся труповъ. Когда онъ думалъ о томъ, что жилъ когда-то раньше, не зная обо всемъ этомъ, то ему казалась предыдущая жизнь смѣшнымъ и немного жеманнымъ заблужденіемъ. Зато теперь все до крайности упростилось, и ему даже представлялось, что только теперь, несмотря на всю хаотичность новыхъ переживаній, онъ вполне уловилъ, понял и нашелъ самого себя. Онъ чувствовалъ себя честнѣе, гармоничнѣе и потому радостнѣе. Ему не приходилось рѣшать никакихъ вопросовъ, потому что вопросъ всегда былъ одинъ: какъ выслѣдить, обойти, захватить въ плѣнъ или перебить тѣхъ „голубыхъ“, которые были когда-то и еще пробовали и сейчасъ оставаться господами этихъ холмистыхъ долинъ?

Было пріятно сознавать единственное изъ всѣхъ оставшихся правъ: право сильнаго. Да, въ сущности, развѣ и есть какое-либо другое право на свѣтъ, кромѣ одного этого, главнаго и кореннаго? Впрочемъ, можетъ-быть, такое право и было. Только до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, оно не нашло своего выраженія въ жизни. Можетъ-быть, люди должны его искать, можетъ-быть, должны плакать отъ его отсутствія, но это уже вопросъ другой.

Когда Н—скій полкъ, шедшій въ авангардѣ,

лихо пошелъ въ атаку на австрійскія позиціи, точно неся на своихъ плечахъ веселую музыку боевого марша, который игралъ полковой оркестръ, стоявшій на соседнемъ пригоркѣ, Андрей, невольно отбивая тактъ ногами, подумалъ, что все же это другое право и какой-то другой мѣръ должны почему-то быть и непременно будутъ, но это не для его вѣка. И такъ было понятно и радостно, что захотѣлось вмѣстѣ плакать и умереть. Потомъ видно было, какъ у проволочныхъ загражденій сгрудились кучи поверженныхъ тѣлъ, но не было жалъ. Поле битвы представлялось просто большимъ театральнымъ зрѣлищемъ, черезъ которое должны пройти и онъ, чтобы сыграть въ немъ тоже свою роль. Уже давно онъ шелъ не по своей волѣ, ведомый могучей силой, которая распоряжалась здѣсь одна, какъ по ея, такъ и по ту сторону проволочныхъ загражденій.

... Въ этотъ день ихъ только къ вечеру вывели изъ резервовъ. Навстрѣчу имъ тянулись вереницы искалѣченныхъ людей. Многіе сидѣли у края канавъ по обѣ стороны шоссе, на кучахъ бутылочного камня, равнодушные къ разрывамъ снарядовъ, потому что имъ казалось, что они уже пострадали, и новая боль предназначена не для нихъ. И, хотя передъ тѣмъ Андрей не спалъ всю ночь, но чувство, что онъ представляетъ сейчасъ собою „резервъ“, влияло въ него совершенно особенную бодрость. Только на войнѣ онъ узналъ, что человѣческій организмъ имѣетъ этотъ ранѣе ему неизвѣстный запасъ скрытой энергіи. И, вообще, собственное тѣло представлялось ему превосходнымъ, неподражаемымъ инструментомъ. Онъ ложился въ кусты и чувствовалъ себя, какъ въ креслѣ. Спать на ходу, падая стремглавъ съ крутизны, удерживался на ногахъ и, видя занесенный надъ собою ударъ, положительно шутя отъ него уклонялся.

Бой въ германскомъ окопѣ. Картина И. Владимірова.

И. Владиміровъ
1916

Допросъ плѣннаго нѣмца. Картина И. Владимірова.

Войдя въ полосу пулеметнаго обстрѣла, они надолго залегли. Музыка давно перестала играть. Тѣ, кому она играла, вѣроятно, давно уже погибли или оглашали воздухъ мучительными стопами. Впереди все поле казалось мѣстами свѣтло-зеленымъ отъ лежащей кучами одежды защитнаго цвѣта. Но въ душѣ еще жили обрывки музыкальных фразъ.

Потомъ приказано было встать и бѣжать. Было хорошо знакомое ему состояніе легкости и безответственности. Андрей не удивился, почувствовалъ векорѣ, что онъ одинъ, во время атаки это бывало часто, — какъ не удивился онъ и тому, что увидѣлъ Костю, который тоже шелъ зачѣмъ-то къ нему навстрѣчу, непонятно улыбаясь. Это значило просто, что ихъ люди перемѣшались между собой. Въ это время въ направленіи города послышались перекаты „ура“. Что-то подняло Андрея на воздухъ.

„Значить, я живъ“, — подумалъ онъ.

Онъ стоялъ, опершись о крыльцо халупы. Его неприятно тошнило.

„Развѣ здѣсь была халупа?“ удивился онъ.

И тотчасъ въ десяти шагахъ отъ себя увидѣлъ неподвижно лежащаго Костю со спокойно оскаленными зубами. Три или четыре десятка нижнихъ чиновъ жалась у халупы.

— Страшно, баринъ, — сказали одинъ изъ нихъ, называя его „баринъ“, а не „ваше благородіе“.

Эти люди, кажется, перестали себя чувствовать солдатами: самое опасное на войнѣ. Андрей выругалъ солдата, назвавшаго его баринкомъ, и тотчасъ же принялъ надъ ними командованіе. Онъ прекрасно понималъ, что полуразнесенная халупа представляетъ хорошее временное прикрытіе, и, если онъ поколеблется хоть одинъ моментъ, то уже никогда не выйдетъ въ открытое поле. То же чувствовали, очевидно, и нижніе чины.

Скомандовали: „впередъ, за мной!“, Андрей побѣжалъ по болоту. Здѣсь былъ сильный пулеметный обстрѣлъ, но его занимало не это обстоятельство, а то, добѣжить ли онъ до края болота. Можетъ-быть даже, если бы не это смѣшное обстоятельство, онъ бы не добѣжалъ и повернулъ назадъ. Ржавая вода выступала вокругъ слѣдовъ и звонко чмокала. Надо было выбирать лужи и кочки. Когда они добѣжали до пустыхъ окоповъ противника, ихъ было немногимъ болѣе десятка.

Притаившись, залегли и стали ждать. Канонада слышалась гдѣ-то въ отдаленіи. Даже не было близко ложившихся вражескихъ снарядовъ. Вдругъ сдвинуло со всѣхъ сторонъ сиротливое молчаніе. Ночь наступила непонятно быстро.

— Ваше благородіе, разрешите пойти напиться! — обратились къ нему нѣсколько солдатъ.

Онъ зналъ, что они не вернуться, а пойдутъ разыскивать каждый свою часть, но не могъ имъ отказать, потому что самъ испытывалъ полное равнодушіе ко всему отъ жажды. Кромѣ того, его удивлялъ темный, никѣмъ не занятый окопъ. Возможно, что австрійцы давно выбиты изъ селенія. Двое охотниковъ вызвались провезти развѣдку. Онъ отпустилъ ихъ. Прождали ихъ долго, но не вернулся никто. Приказавъ нижнимъ чинамъ оставаться, онъ пошелъ на развѣдку самъ.

Очевидно, они были у самаго края городского предместья. Но темнота была полная. Онъ долго двигался, крадучись, подъ окнами. Потомъ ему внезапно вспомнился убитый Костя, и въ первый разъ сдѣлалось страшно. Онъ почувствовалъ, что у него дрожитъ нижняя челюсть, но никакъ не могъ справиться съ нею.

— Какія глупости, — говорилъ онъ себѣ: — я проживу еще долго, долго. Если я остался живъ до сихъ поръ, это значить, что меня не убьютъ никогда. Это вѣрная примѣта. А вотъ Костя чувствовалъ, что будетъ убитъ, — и вотъ онъ убитъ. Это всегда такъ.

Но страхъ не проходилъ. Вдругъ показалось, что онъ чѣмъ-то чудовищно виновать противъ Кости, и что вся его жизнь до сихъ поръ была совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ должна была бы быть, какъ и жизнь вообще всѣхъ людей.

„Когда война кончится, — подумалъ онъ: — я постригусь въ монахи“. Но вспомнилась Женя и его прежнее непоколебимое рѣшеніе на ней жениться. Онъ сталъ думать о ней, стараясь отогнать безпричинный, нелѣпый страхъ. Но одиночество, неиз-

вѣстность и темныя халупы съ выбитыми стеклами продолжали вызывать въ немъ этотъ совершенно новый страхъ.

„Можетъ-быть, я буду сейчасъ убитъ... откуда-нибудь изъ-за угла“, — подумалъ онъ.

Вдругъ неожиданно его привлекъ тусклый свѣтъ въ одномъ изъ оконъ. Перебѣжавъ черезъ дорогу, онъ припалъ къ окну. Это были наши. Онъ узналъ знакомыя скуластыя лица, млыя и сѣрыя отъ пота, пыли и дыма. Ай-ай-ай, какой же онъ трусъ! Хотѣлось найти себѣ какую-нибудь отговорку. Ну, да это на него повліяло такимъ образомъ смерть Кости.

Радостно и съ громкимъ стукомъ, задрывая за ступеньки пашкой, онъ побѣжалъ по крыльцу и вошелъ въ комнату съ низкимъ обклееннымъ потолкомъ и бѣлою широкою печью съ чернымъ маленькимъ очагомъ. Вокругъ на лавкахъ сидѣло около десятка нижнихъ чиновъ, но никто изъ нихъ не пошевелился и даже не крикнулъ!

— Встать!

Это было похоже, пожалуй, на обрывокъ изъ сѣмбурнаго сна. И опять его охватилъ прежній страхъ, онъ хотѣлъ ихъ спросить, что они тутъ дѣлаютъ. Но одинъ изъ нижнихъ чиновъ его предупредилъ. Неловко подвигнувшись съ мѣста и опасливо глядя на дверь, онъ сказалъ:

— Ваше благородіе, уходите отсюда. Здѣсь нехорошо.

Андрей все еще боялся понять.

— Тутъ по всей деревнѣ австрійцы.

— Что вы тутъ дѣлаете? — крикнулъ Андрей, придавая себѣ голосомъ смѣлости.

Забрали насъ, — сказалъ одинъ изъ солдатъ цехоты и отвернулся.

Только сейчасъ Андрей увидѣлъ, что при нихъ нѣтъ винто-

вокъ. Инстинктивно онъ подался назадъ въ дверь и стукнулся головою о притолоку. Дверь полуоткрылась, и онъ увидѣлъ при свѣтѣ фонаря, направленнаго на него, точно въ продолжающемся дурномъ снѣ, высокія австрійскія кепи.

— Halt! — услышалъ онъ по-нѣмецки и увидѣлъ грубо приставленное къ груди плоское лезвіе австрійскаго штыка.

Тотчасъ же дверь распахнулась шире, и нѣсколько наглыхъ рукъ схватили его за плечи и горло. Онъ поднялъ ногу и ударилъ кого-то въ грудь. Ему отвѣтили ударомъ между глазъ. Цѣпкая и отвратительная сила повисла на немъ, сдавивъ ему горло. Передъ глазами поплыли багрово-зеленые круги. Онъ слышалъ надъ собою злобный крикъ и ругательства. Зналъ, что его повалили и топчутъ. Затылокъ уперся во что-то твердое, высокое и плоское. Потомъ пахнуло въ лицо холодомъ. Это выволокли на улицу. Андрей больше всего заботился о томъ, чтобы не отдаться въ плѣнъ живымъ, но тяжелыя клещи давали ему жизни и дыханія ровно настолько, чтобы онъ могъ немного дышать и немного жить. Позорно чувствовалъ, какъ отстегнули шашку и кобуру. Онъ былъ безъ фуражки, и избитая его голова болѣла въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пуговицы у ворота были оторваны.

„Значитъ, мы не взяли мѣстечка“, — сообразилъ онъ съ отчаяніемъ, и въ его неяркихъ глазахъ выступили слезы.

IX.

Въ это теплое апрѣльское утро Жена въ первый разъ увидѣла, что на клумбахъ расцвѣли синіе подснежники. Но она съ недоумѣніемъ скользнула по нимъ разсѣяннымъ взглядомъ. Было нелѣпо, что природа торжествовала весну. До сихъ поръ она больше замѣчала черные и блеклые цвѣта. Молодая зелень вызывала у нея слабое головокруженіе. Весенній прилетъ птицъ раздражалъ ее своей ненужностью. Это, конечно, былъ эгоизмъ: если бы Андрей былъ живъ, она была бы счастлива.

Ей хотѣлось желать, чтобы были счастливы, по крайней мѣрѣ, другіе. Но этого она не могла желать искренно. Почему тяжелый жребій палъ непременно на нее? Она искала оправданій случившемуся. И когда думала о могилкѣ Андрея въ имѣніи, возлѣ деревенской церковки, душа ея становилась немного строже, звуки города отдавались, и сердце начинало биться ровнѣе.

Она принесла изъ дому перочинный ножъ и нарѣзала большой букетъ подснежниковъ, чтобы сегодня же отвезти его на могилу. Ей было жалко срѣзанныхъ цвѣтовъ, и она спрашивала

На кавказскомъ фронтѣ.

себя, въ самомъ ли дѣлѣ нужна покойникамъ такая жертва. Съ тѣхъ поръ, какъ Андрей былъ мертвъ, онъ сдѣлался въ ее мечтахъ немного жестокимъ и требовательнымъ. Одѣваясь вечеромъ, чтобы идти въ гости, она спрашивала себя, не оскорбитъ ли Андрея та или другая подробность ея туалета. Ей было сладостно отказываться за обѣдомъ отъ блюдъ, которыя они любили вмѣстѣ. Иногда ей казалось, что онъ даже читаетъ самыя ея мысли... Ловя себя на чемъ-нибудь дурномъ и черномъ, она часто говорила ему

— Прости!

И на все это онъ имѣлъ неограниченное право потому, что онъ лежалъ тамъ, въ могилѣ, съ ея портретомъ на шеѣ. Она ревниво оставила его съ нимъ вмѣстѣ въ гробу. Сначала ей было немного жутко, когда ея портретъ засыпали землей, но она съ негодованіемъ отвергла свое мнительное чувство.

Постепенно Андрюша превратился для нея изъ живого и яркаго образа въ прочное и сильное ощущеніе, мистически окутавшее для нея все ея дѣйствія и все предметы, къ которымъ она прикасалась. Это наполняло ее гордостью.

Но сейчасъ ей было немного больно нести въ рукахъ столько срѣзанныхъ цвѣтовъ. Она подумала, что ей не слѣдовало опустошать весеннюю природу. Они оба должны поостеречься и стать въ тѣнь. Пусть живутъ тѣ, къ которымъ милостива судьба. Глядя на цвѣты, она рѣшила, что это ея послѣдняя такая обильная жертва умершему. Ей больше слѣдуетъ заботиться о чистотѣ своихъ помысловъ. И она благодарна была сейчасъ Андрюшѣ за то, что за гробомъ, точно приказывая ей, онъ заботился о томъ,

На кавказскомъ фронтѣ. Смотрятъ казачьихъ сѣделъ

На кавказском фронте. Лечение больных верблюдов.

чтобы она была лучше. В этом и был единственный смысл смерти дорогого существа.

Опять обрадованно вернувшись к этим мыслям, она с чуть влажными глазами поднималась по ступенькам террасы. Из комнат вышел отец. Он держал в руках газету, и у него было сконфуженное лицо.

„Может-быть, его опять представили к награде, или в газете напечатана приятная для него корреспонденция,“ — подумала Женя.

Но он смотрел на нее так, точно известие относилось почему-то прямо к ней.

— Понимаешь, — сказал он, и ей даже показалось, что он сдерживает нехорошую улыбку: — это же невероятно (отец был с юга и поэтому говорил „невероятно“ вместо „невероятно“)... Кого ты, пожалуйста, привезла с собой из Галиции? Я тебе говорю, что он жив, и я всегда это думаю, потому что нельзя решать такие вопросы так по-бабски.

Он грузно и плотно сел в плетеное кресло и прочитал:

„Спасшиеся из плена. — В К. явились поручик Василий Юрасовский и прапорщик Андрей Холодков, бѣжавшие из австрийского плена. Офицеры привели с собою пять нижних чинов. Они напали на австрийскую заставу, обезоружили ее и, переколов, продолжали свой путь, оказывая неоднократно вооруженное сопротивление. Все живы и здоровы, кроме прапорщика Холодкова, который слегка ранен в ногу. Все герои опять вступают в строй.“

Женя удивленно посмотрела на отца.

— Что тут такого особенного? Обыкновенный однофамилец.

— Странное было бы совпадение, — сказал отец: — кроме того, Юрасовский, это — поручик его полка.

Женя печально улыбалась. Она не хотела напомнить отцу о медальоне с ее портретом.

— Я пойду, — сказала она тихо.

Какое нелѣзное происшествие! Руки и ноги у нея внезапно наполнились тяжестью. Как легковѣренъ и наивенъ отец! Она вспомнила сцену в далекой Галиции, когда вырыли из земли тѣло Андриуши. Неужели она бы не узнала его тогда? Правда, она судила только по медальону. Она даже раскрыла его и видѣла свой портрет, сохранившійся совершенно нетронутым, такъ что было даже страшно. Какія могутъ быть сомнѣнія?

Она даже не отложила своего намѣренія поѣхать на могилу и положить цвѣты. Но отецъ отказался дать лошадь.

Онъ кричалъ, что это чортъ знаетъ что такое. Мать смотрѣла на нее вопросительно, боясь высказать свое сужденіе.

Вечеромъ, когда Женя ложилась спать, она вошла къ ней въ комнату.

— Да, конечно, этотъ медальонъ! — сказала она. Вѣдь невозможно допустить, что почему-нибудь...

— Ну, конечно же! — рѣзко вырвалось у Жени.

Помолчавъ, она обиженно прибавила:

— Папа такъ иногда бываетъ грубъ къ чужимъ нерешиваніямъ.

— Да, конечно, это было бы непонятно, сказала наконецъ мать постѣ долгаго молчанія, тихо встала и вышла.

На столѣ, въ полоскательной чашкѣ, синѣли подсыхншіе, — первые цвѣты весны, не имѣющіе запаха, молчаливый привѣтъ изъ царства мертвыхъ живымъ, собирающимся продолжать жить.

X.

Нѣсколько послѣдующихъ дней отецъ продолжалъ бушевать. Онъ собственноручно вычеркнулъ Андрея изъ поминальника, а о погребенномъ на кладбищѣ говорить „этотъ“, отправилъ письмо на эвакуаціонный пунктъ для раненыхъ офицеровъ. Но оттуда пришелъ отвѣтъ, что свѣдѣній объ Андрѣ Холодковѣ пока не имѣется.

Все это раздражало и мучило Женю. Цвѣты она все-таки упрямо отвезла на могилу, но даже ей могила показалась слегка враждебною, чужою. Она испугалась того, что оскорбила въ мысляхъ Андрея, и тотчасъ же попросила у него прощенія. Какъ это можно было допустить, чтобы онъ отдалъ кому-нибудь другому ея портретъ?

„Ну, а если онъ все-таки отдалъ? — тайно отъ себя самой спрашивала она себя. — Если онъ подарилъ или далъ носить кому-нибудь просто такъ, изъ баловства?“

Мысль казалась слишкомъ оскорбительной и нелѣпной.

Значитъ, она предпочла бы, чтобы онъ лучше былъ мертвъ?

Отъ подобныхъ глупыхъ выводовъ дѣлалось еще мучительнѣе, и она громко спорила съ отцомъ и сердилась на него.

— Ужасная, подумай, вещь медальонъ! — кричалъ онъ. — Помѣшались вы всѣ на вашемъ медальонѣ. Что же тебѣ медальонъ и свое самолюбіе дороже человѣка?

На кавказском фронте. Чайная Краснаго Креста на передовых позиціях за линіей вѣчныхъ снѣговъ.

— Ахъ, не то, — говорила Женя: — ты не понимаешь, что этого невозможно допустить. Есть вещи... ну, совершенно недѣльны и невозможны. Ну, объяви въ такомъ случаѣ мнѣ, какъ онъ могъ тогда попасть къ кому-нибудь другому на шею?

— Очень просто, — кричалъ отецъ: — какая невидаль! Просто понравился кому-нибудь портретъ хорошенькой барышни — выпросилъ и надѣлъ.

Странно.

— Ничего страннаго.

Но однажды произошло то, что обрушилось на голову Женя, какъ дикое и неоправимое несчастье. Да, она почувствовала это именно такъ. По вишней формѣ это

было счастье. Вчера въ клубѣ былъ братъ поручика Юрасовскаго, который сказалъ, что лично видѣлъ Андриушу въ Брянскѣ и даже играть съ нимъ на бильярдѣ. Андриуша уже телеграфировалъ матери, что ѣдетъ, очень смѣялся тому, что его похоронили, и, узнавъ, что всему былъ причиною медальонъ, сказалъ:

— Ахъ, чортъ! Значитъ, это Константинъ.

Этотъ же братъ Юрасовскаго рассказать, что Андриуша проигралъ портретъ въ карты Костѣ Дерягину, отъ этого и произошла вся путаница.

И отецъ кричалъ и хохоталъ:

— Въ карты... въ карты...

Больше не было ничего особеннаго. Но эти слова, не живыя и странныя, какъ приговоръ, Женя выслушала молча и даже улыбнулась, потому что ей показалось, что окружающіе ждали отъ нея именно этой улыбки.

Атака казаковъ.
По фот. полковника Люце.

Она улыбнулась, потому что ей не хотѣлось показать своей души. И ее поздравляли. Ей говорили, что это необыкновенное счастье. Счастье, что убить Костю, а не Андрей. И что это такъ смѣшно, что Андриуша проигралъ въ карты ее портретъ.

— Въ карты... въ карты... — отчетливо-звонко стояло въ ушахъ.

И это было сначала такъ отвратительно, что нельзя было повѣрить.

Чтобы уйти отъ чловѣческихъ голосовъ, она вышла въ садъ. Тамъ она сидѣла на скамеечкѣ, подъ готовой распуститься яблоней. Грудь ее странно дышала, такъ, какъ будто тамъ въ глубинѣ сломалось что-то маленькое и хрупкое. Ей

казалось, что Андриуши просто никогда не было. Можетъ-быть, даже вообще она любила только Костю, котораго она оплакала, котораго похоронила, которому привозила на могилу цвѣты, который, вѣрный ей, носилъ ее портретъ на шеѣ.

Если бы она отдала свою привязанность тогда Костѣ, она бы продолжала сейчасъ тихо приносить ему цвѣты. Душа ее была бы наполнена тѣмъ же тихимъ и сладостнымъ могильнымъ покоемъ, какъ всѣ эти дни. Она нехорошо смѣялась, стараясь удерживать улыбку, и оглядывалась по сторонамъ. Вѣдь это же почти сумасшествіе. „Его видѣли въ Брянскѣ играющимъ на бильярдѣ“, и обшлага у него опять, навѣрное, въ мѣду. И ее портретъ онъ проигралъ. Она должна сейчасъ всему этому радоваться. Вѣдь онъ же живъ. Чего же нужно болѣе? Онъ прѣдетъ, будетъ сидѣть и улыбаться. Это главное. Вѣдь они всѣ такъ веселы. Для нихъ самое главное, чтобы чловѣкъ былъ живъ. Живъ тотъ,

На кавказскомъ фронтѣ. Съ фуражомъ и дровами на вьюкахъ.

который для них ближе, а остальные могут умереть.

И какое имъ дѣло до большой душевной печали, которую она носила въ своей душѣ?

Значит, если бы онъ былъ мертвъ, онъ бы ее не оскорбилъ, и она бы хотѣла, чтобы онъ былъ мертвъ? Не щадя себя, она старалась сосредоточиться на этой мысли. О, ея самолюбія нельзя задѣть! За это она казнить смертью.

Ей стало страшно.

Нѣтъ, нѣтъ, она хочет, чтобы онъ былъ живъ, но только ему не нужно прѣзжать. Да, конечно, ему лучше, что онъ живъ, а Костя хуже, что онъ убитъ. Вотъ и все. Это только счастье.

Она старалась внушить себѣ эту мысль. Да, конечно, ему лучше. И хотѣлось плакать. Плакать о томъ, что Андриша былъ живъ. И опять дѣлалось страшно. Она не понимала ничего. Вѣдь она же рада, что онъ живъ. Рада за него. Не за Костю. Чего же отъ нея хотѣть? Чего отъ нея могутъ хотѣть больше? Сжимала зубы и стискивала пальцы.

По дорожкѣ сада, среди изумрудной подростшей за эти дни травы, идетъ мама. Лицо ея озабочено. О, мама, благодарю тебя! Она вытираетъ слезы. И даже хочетъ смотрѣть, улыбаясь. Мама садится рядомъ съ ней и обнимаетъ ее за согнутыя плечи. Она понимает, что сейчасъ нельзя говорить. Шепчетъ ей въ душѣ безъ словъ.

— О, мама, мама, я благодарю тебя.

Заглядываетъ ей въ глаза, которые она закрываетъ нарочно, чтобы въ нихъ не отражался свѣтъ солнца. И она не видитъ ея глазъ. Она только чувствуетъ и понимаетъ ея горе, одна изъ всѣхъ.

И, стискивая зубы и перехвативъ руками горло, въ которомъ стынеть невыразимая боль, боль незаслуженной и непонятной обиды, она говоритъ:

— Да, мама, я похоронила его.

XI.

Въ головѣ мутно отъ нехорошихъ, недобрыхъ слезъ. Вѣдь ей непременно нужна кровавая жертва. Она лежитъ, пританувшись у себя въ комнатѣ на постели. Она должна свою боль, какъ стыдъ, запрягать далеко отъ всѣхъ. Ее бы прокляли, если бы она призналась въ этомъ всенародно. Вѣй бы сказали, что, значитъ, она никогда не любила. Когда она была одна, со своей великой тоской въ душѣ, и всѣ думали, что онъ лежитъ въ могилѣ, никто не могъ и не хотѣлъ раздѣлить съ ней ея тоски. И поэтому она хотѣла сейчасъ тоже быть одинокой. Кому какое дѣло до нея и ея чувствъ? Можетъ-быть, она до такой степени неумна и жестока? Кому какое дѣло? Какъ имъ не было до нея дѣла тогда, такъ не должно быть и теперь.

Осторожно отворяется дверь, и входитъ мама. Во всемъ домѣ объ „этомъ“ знаютъ только двое: она и мама. Потому что она женщина и, кромѣ того, мама. Но больше всего — женщина. Если бы папа узналъ объ ея дурныхъ мысляхъ, онъ бы отхлесталъ ее плетью. Но мама говоритъ вкрадчиво. Она знаетъ, что въ жизни торжествуютъ только компромиссы. О, почему знать, можетъ-быть, она тоже предпочла бы, чтобы все оставалось по-старому: и Галиція, и могильный курганъ, и печальный кортежъ, когда онъ, падающій объ отъ усталости, нарочно или обратно пѣшкомъ за гробомъ. Шли потому, что у него на груди лежалъ ея портретъ.

Можетъ-быть, тѣ же злыя мысли обуреваютъ ее сейчасъ. Но она гладитъ своєю шершавою рукою ее по рукѣ. Потому что она привыкла за свою жизнь къ папиному хохоту. Потому что

Вѣнецъ страданія—вѣнецъ побѣды. Картина С. Девяткина.
(Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1915 г.)

она привыкла, чтобы въ жизни было все просто. Потому что она привыкла показывать, что она думаетъ и считаетъ, что самое страшное въ мірѣ—это смерть. Потому что въ душѣ у нея та же застарѣвшая отъ годовъ, только еще не выплаканная жестокость.

Она близко-близко наклоняется къ ея лицу. Ея дыханіе медленно и глаза спокойны и серьезные. И онъ обѣ смотритъ въ глаза другъ другу. Потому что она нѣжно гладитъ ее по волосамъ и говоритъ:

— Онъ скоро прѣдетъ.

— Мнѣ это все равно, мама,— отвѣчаетъ она. — Я рада, что онъ живъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, почему я должна желать ему смерти? Ты смотришь на меня такъ, какъ будто бы думаешь, что я желала бы, чтобы это было наоборотъ.

— Я этого не думаю,—говоритъ она:—конечно, я принимала твою обиду. Но только мнѣ кажется, что нѣтъ такой вины со стороны любимаго человека, за которую нельзя было бы его простить. Да, мнѣ кажется такъ. Дорогая, мнѣ кажется такъ, потому что я тоже женщина, потому что, пока человекъ живъ, его всегда еще можно успѣть простить. И только мертвые не нуждаются въ нашемъ прощеніи.

Сжимая руками колѣни и сдерживая дрожь, она говоритъ:

— Нѣтъ, мама, нѣтъ.—Сдвинувъ брови, она смотритъ передъ собою вдаль. — Этого не будетъ, мама, никогда. Я тебѣ клянусь. — Она схватываетъ и преданно цѣлуетъ ея руку. Какъ хорошо, что она съ нею здѣсь въ такую минуту. Потому, что я никогда не смогу этого забыть.—Содрогнувшись, она заканчиваетъ: — Потому, что этого никогда бы не сдѣлалъ тотъ, другой, который теперь... тамъ...

Она думала о могилѣ. И съ ужасомъ знала, что любитъ Костю.

— Пойми же, — крикнула она: — что я никогда, никогда не смогу этого забыть!.. Все... Если бы онъ измѣнилъ... Все... Она рыдала, зарывшись головой въ подушку.

— Ты говоришь, что всегда будешь помнить,— сказала мать.

Она говорила утомленно и строго. И въ словахъ ея были усталость и раздраженіе. — Ты все-таки, моя милая, грѣшишь противъ самой себя, противъ жизни и противъ другихъ.— Она поднялась, готовая уйти. Мнѣ кажется, что это только у мертвыхъ есть одна память, а у живыхъ есть впереди еще жизнь. Да, да. И это очень большой плюсъ, что у живыхъ впереди есть всегда еще жизнь.

Женя не возражала. Пусть! Она не вѣрила въ это волшебство жизни. О, если такъ, то, значитъ, нѣтъ такой пошлости и такой ничтожности, которыя не были бы оправданы жизнью. Но, конечно, это не такъ.

Въ эту ночь ея мысли и чувства въ первый разъ сознательно и безраздѣльно принадлежали тому, кто былъ мертвъ.

XII.

— Лучше я не выйду, мама. Ну, скажи, зачѣмъ я пойду? Я буду сидѣть и играть какую-то роль. А такъ все сдѣлается понятнымъ само собою. Онъ посидитъ и уйдетъ. Ты ему скажи что-нибудь... напимѣрь, что я нездорова. Онъ посидитъ и пойметъ. И никто не будетъ обижень.

Но у мамы лицо попрежнему такое раздражительное и строгое. — Это неудобно,—говоритъ она:—ты можешь выйти всего на полчаса. Твои чувства всегда останутся съ тобой. Пустяки, выйти ты все-таки можешь...

Она пришла оттуда, съ террасы, на которой сидитъ онъ. На

Профессоръ Н. С. Самокишъ. Ворвались первые.

лицъ у нея свѣжестъ утренняго воздуха и непростынная еще улыбка, которую она хочет спрятать усиліями губъ.

Торопливо она помогаетъ дочери застегнуть крючки у ворота и на спинѣ.

— Вотъ такъ.

Она даже слегка любится. Съ годами человекъ больше подверженъ легкомыслию. Папа, напримѣръ, легкомысленъ вовсе. Онъ, какъ ребенокъ.

— Ну, иди же, иди... Ахъ, Боже мой!

Она сердится. Она почти выталкиваетъ ее изъ комнаты. Въ лицѣ ея что-то оскорбительно-элементарное. Она говоритъ голосомъ, движеніями:

— Все пустяки... Все такое не сложное...

Когда она выйдетъ на террасу, она улыбнется и будетъ смѣяться. Какъ это она сказала? „Только однимъ мертвецамъ нужна память, а у живыхъ есть право на жизнь“... Оскорбительное право на жизнь, ничѣмъ не заслуженное. Какая возмутительная несправедливость!

И она чувствуетъ ощущение позора, мелкое, дрянное, подступающее сквозь руки къ горлу.

Вдругъ мама быстро поворачивается въ дверяхъ и обнимаетъ ее за талию. Зубы ея страдальчески полуобнажены. Въ глазахъ просьба и страхъ:

— Ну, прости его. Слышишь? Онъ милый, милый...—Она сжимаетъ ей руки, потомъ цѣлуетъ въ лобъ. — Это я тебя прощу за него.

У нея движенія человека, отравленнаго воздухомъ, тамъ, на террасѣ. Не дожидаясь отвѣта, она ведетъ ее, подталкивая. Просить, потому что живъ. Или вѣрнѣе: за то, что живъ. Живъ, это такая добродѣтель. Это величайшая изъ заслугъ. Какая возмутительная несправедливость!..

На террасѣ слышенъ смѣхъ. Она узнаетъ голосъ, и ей кажется, что она не можетъ больше идти. Она не можетъ больше ступить ни шагу. „Потому что живъ“... Какая нелѣпость! Но ей внезапно странно хочется плакать. Она чувствуетъ, что руки сдѣлались горячими и трудно дышать.

— Мама, — говоритъ она просительно.

Ей страшно, потому что ея мысли и чувства со звономъ падаютъ. Трепетъ пробѣгаетъ по спинѣ и плечамъ. Ей хочется закричать:

— Это неправда, ложь, ложь... Я этого не хочу.

Она оглядывается на мать, но та уже смѣется. Она отворяетъ съ размаха стеклянную дверь и слегка выталкиваетъ дочь, точно птица, которая учить своего птенца летать.

Въ страхѣ прижавшись у двери, она, не видя, смотритъ передъ собой. Сначала различаетъ парусиновый палинь пиджакъ и его грузно наклонившееся черезъ перила тѣло. Потомъ узнаетъ синіе клубы напирознаго дыма. Мгновенное молчаніе, и кто-то

бѣжитъ вверхъ по ступенькамъ, въ тактъ бряцающаго шпорами. Сначала видитъ только смѣшно причесанную голову съ косымъ пробормомъ. Боже мой, онъ сталъ причесываться. Потомъ огненный зигзагъ брошеннаго окурка. Онъ бѣжитъ, ступая разомъ черезъ двѣ, три ступеньки. На послѣдней спотыкается, и тогда только она видитъ его лицо,—то, чего она такъ боялась. И глаза. Ей хочется разсердиться. Его глаза,—немного безстыжіе,—которые говорятъ:

— Я могу все.

И ей хочется крикнуть:

— Неправда. Нѣтъ, не все.

Но они смѣются и говорятъ:

— Нѣтъ, все.

— Неправда.

Но онъ уже схватываетъ ее въ объятія. Сжавъ губы, она склоняется отъ поцѣлуя.

— Неправда!..

— Нѣтъ, правда.

Онъ смѣется ей нагло въ лицо. Онъ не желаетъ знать ея ночныхъ мыслей. Ему смѣшно, что она сжимаетъ губы. Онъ прикладываетъ къ ея закрытымъ губамъ свои, смѣшно и наивно раскрытыя... Если бы она могла, она вырвалась бы у него изъ рукъ. Но этого она не можетъ. Вѣдь это же оскорбительно. Но она не можетъ. Что значить, что онъ „живъ“? И губы ея раскрываются противъ воли. Это нехорошо. Это измѣна.

Но руки обвиваются вокругъ его шеи. И вдругъ она плачетъ, и голова ея бессильно бьется у него на плечѣ.

Онъ удивляется.

— О чемъ же?

Но она не можетъ сказать. Прижимая его къ груди, потому что онъ живъ, потому что это правда, что живые могутъ все, она плачетъ о томъ, кто сохранилъ навсегда на своей шеѣ ея портретъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — шепчетъ она: — милый, милый... Я буду тебя любить.

Она обнимаетъ его, удивленнаго, такъ, какъ будто у него съ этихъ поръ нѣтъ никакого прошлаго. О, вѣдь онъ не долженъ ревновать. Въ свою очередь, онъ тоже долженъ ее простить. О, не правда ли: только мертвымъ нужна наша память. У живыхъ же есть право на жизнь.

Милая, гениальная мама! Оторвавшись отъ его смоченной ея слезами гимнастерки, гдѣ у самаго ворота ей накололъ лобъ какой-то холодный и неудобный, золотой съ краснымъ, орденъ, она хочетъ найти стыдливо глазами мать. Но ея уже нѣтъ. Нѣтъ и папы.

Они оба оставили ее на жертву непонятной, могущей все, смѣющейся жизни.

На фронтѣ. Обѣдъ въ лѣсу.

Сказки наших дней.

Рассказы Ю. Волина.

I. Улыбка павшаго.

Я шелъ къ Прутниковой, волнуясь, замедляя шагъ, стараясь не думать о томъ, какъ встрѣтитъ она меня, и что я скажу ей.

Прочитавъ утромъ въ спискѣ убитыхъ имя Андрея Семеновича Прутникова, я сорвался съ мѣста, выбѣжалъ на улицу, помчался къ Варварѣ Федоровнѣ. Но, уже подъѣхавъ къ самому дому, велѣлъ извозчику повернуть назадъ. Зачѣмъ я пойду къ ней? Что я скажу ей? Нѣтъ такихъ словъ, которыя могли бы утѣшить мать, потерявшую любимаго сына. Нѣтъ такихъ словъ на человѣческомъ языкѣ, и не мнѣ искать ихъ, если я самъ еще не примирился съ мыслью о потерѣ лучшаго друга, милаго, жизнерадостнаго Андрюши Прутникова!

Весь день я думалъ объ ужасной вѣсти и къ вечеру рѣшилъ преодолѣть свой страхъ и навѣстить бѣдную Варвару Федоровну. Словъ утѣшенія я не найду, но слова скорби найдутся у меня. Ну, что жъ, погорюемъ вмѣстѣ. Вѣдь она одинока, и облегченіемъ ей будетъ одно присутствие мое. За годъ войны я часто навѣщалъ Прутникова. Она знала меня съ дѣтства, называла уменьшительнымъ именемъ и привыкла ко мнѣ, почти какъ къ родному. Мы вмѣстѣ перечитывали письма Андрюши и мечтали о его возвращеніи. Могъ ли я оставить ее теперь?

Она встрѣтила меня радостно-спокойная, какая-то обновленная. Такою она была въ тѣ дни, когда получалось отъ Андрюши одно изъ его ласковыхъ и бодрыхъ писемъ.

Эта радостно-спокойная улыбка на лицѣ Варвары Федоровны была такъ неожиданна для меня, что я смутился и испугался. Значитъ, несчастная еще не знаетъ страшной вѣсти... Какъ же мнѣ быть? Стать вѣстникомъ злой правды? Или лгать, притворяясь не знающимъ и подавляя чувство жути и жалости?

Но мнѣ недолго пришлось думать. Прутникова сама заговорила объ этомъ.

— Ахъ, я вамъ должна рассказать!..—начала она, улыбаясь, будто рѣчь шла о чемъ-то забавномъ.—Вы знаете прапорщика Закатова?

— Знаю,—отвѣтилъ я.—О немъ часто упоминалъ Андрюша въ письмахъ. Они въ одномъ полку и дружны...

— Ну, вотъ этотъ самый! Представьте, сегодня я вдругъ получаю отъ него письмо!

— Что же онъ пишетъ?—спросилъ я, насторожившись.

— Богъ знаетъ, что такое!.. Вы знаете, я напишу Андрюшѣ, что его товарищъ очень веселый человѣкъ, но не совсемъ осторожный... Развѣ можно такъ шутить? Хорошо, что я получила это глупое письмо сегодня. А что, если бы я получила его недѣлю тому назадъ? Вѣдь я могла бы повѣрить этой злой шуткѣ!

— Что же онъ пишетъ?—повторилъ я свой вопросъ, предчувствуя, что въ письмѣ товарища по полку, раньше никогда не писавшаго Прутниковой, сообщается грозная истина.

Прутникова возмущенно повела плечами.

— Онъ пишетъ, этотъ Закатовъ, что Андрюша убитъ!.. Хороша шутка, нечего сказать!

— Да, съ такими вещами не шутятъ...—неопредѣленно замѣтилъ я.

— Дуракъ этотъ вашъ Закатовъ, вотъ что я вамъ скажу!—обрадовавшись моему замѣчанію, сказала Варвара Федоровна.—И Андрюшѣ я такъ прямо и напишу: „Глупый шутникъ твой пріятель!“ Нѣтъ, вѣдь приди письмо раньше, и я умерла бы отъ ужаса и отчаянія!.. Должно-быть, у этого Закатова нѣтъ матеря, иначе онъ не сталъ бы выкидывать такихъ штукъ!

— Но все же, Варвара Федоровна...

Прутникова быстро прервала меня:

— Что „все же“?.. Вы хотите сказать, что все же это не болѣе,

Наблюденіе за боемъ. Рисунокъ И. Владимірова.

какъ шутка? Нѣтъ, нѣтъ, не оправдывайте его! Это возмутительно и ужасно такъ шутить!

Не знаю, почему, должно-быть, запутавшись въ туманѣ неловкости, жути, недоумѣнія и жалости, потерявъ способность взвѣшивать слова и поступки, но я поступилъ необдуманно и жестоко. Если бы не послѣдовало въ дальнѣйшемъ всѣхъ тѣхъ событий, о которыхъ я собираюсь рассказать, я никогда бы не простилъ себя этой злой выходки.

Поддавшись непонятному порыву озлобленія,—озлобленія изъ жалости, которое знакомо хирургамъ, приступающимъ къ опасной операциі, я рѣшительно и твердо сказалъ, глядя прямо въ глаза матери моего лучшаго друга:

— Но все же, Варвара Федоровна, вы напрасно относитесь къ письму Закатова, какъ къ шуткѣ. Я долженъ вамъ сказать, Варвара Федоровна, что встрѣтилъ сегодня въ газетѣ, въ спискѣ убитыхъ, имя Андрюши. Надо быть готовымъ ко всему, Варвара Федоровна!

Такъ сказалъ я. Едва закончивъ фразу, съ особой обжигающей ясностью почувствовалъ и созналъ я всю жестокость своей выходки. Сдѣлалось страшно и стыдно. Захотѣлось бѣжать, исчезнуть, уничтожиться. Хотѣлось, чтобы кто-нибудь ударилъ сильно, оскорбилъ!

Но я не бѣжалъ. Опустивъ глаза, боясь взглянуть на Прутникову, не видя исхода, я стиснулъ зубы и замеръ въ морозной жути ожиданія.

Когда прозвучалъ смѣхъ Варвары Федоровны, я вздрогнулъ, не довѣряя слуху, поднявъ глаза на Прутникову.

Она усмѣхнулась снисходительно и благодушно.

— Ну, вотъ!.. Вы и повѣрили!.. Ахъ вы, чудакъ этакій!.. Я

тоже читала сегодня в газетѣ, но я и не подумала, что это о нашемъ Андрюшѣ. Мало ли Прутниковыхъ? Посмотрите в телефонной книгѣ, ихъ цѣлый десятокъ, однихъ телефонныхъ абонентовъ Прутниковыхъ! Ну, вотъ, и прапорщиковъ Прутниковыхъ, можетъ-быть, цѣлый десятокъ наберется! И Андреевъ Семеновичей среди нихъ, навѣрное, нѣсколько! А вы ужъ перепугались!

Я молчалъ. Спокойная увѣренность Варвары Ѳедоровны начала оказывать свое дѣйствіе на меня. Я зналъ ее мнительной, всегда безпокойной, не довѣрявшей даже письмамъ самого Андрюши и при каждомъ промедленіи очередного письма плакавшей неутѣшными слезами и дежурившей по цѣлымъ днямъ у бюро справокъ о раненыхъ и убитыхъ. Должно-быть, у нея есть какія-нибудь новыя совершенно точныя свѣдѣнія объ Андрюшѣ, если она остается спокойной, несмотря на зловѣщее совпаденіе газетнаго извѣстія съ сообщеніемъ Закатова.

— А вы и повѣрили!— съ мягкимъ упрекомъ повторила Прутникова.— Признайтесь, вѣдь повѣрили?

Я робко отвѣтилъ:

— Повѣрилъ.

— И пришли утѣшать меня?

— Не утѣшать, Варвара Ѳедоровна... Какія тутъ утѣшенія!.. Пришелъ... Ну, развѣ я могъ не прийти, Варвара Ѳедоровна?

— Вы славный, вы любите Андрюшу, вы добрый и вы не стали бы такъ шутить, какъ этотъ Закатовъ!

Она подошла ко мнѣ совсемъ близко, съ материнской нѣжностью провела рукой по моимъ волосамъ.

— Видите, какъ хорошо вышло! Вы пришли утѣшать меня и сами нашли утѣшеніе у меня... О, у меня есть, чѣмъ утѣшить васъ, если вы искренно любите Андрюшу!.. Хотите, я вамъ прямо скажу, не буду васъ мучить. Я его видѣла.

— Гдѣ?— встрепенулся я.

Не отвѣчая на мой вопросъ, она повторила:

— Я его видѣла. И не одинъ разъ видѣла. Уже три вечера я вижу его. И сегодня тоже увижу.

— Гдѣ?

— И вы его тоже увидите... Хотите?.. Но что же я спрашиваю? Конечно, вы хотите! И вы заслужили это, вы—его другъ... Вы его тоже увидите.

— Но гдѣ же? Гдѣ, Варвара Ѳедоровна? Я ничего не могу понять! Неужели Андрюша вернулся? Можетъ-быть, онъ раненъ и привезенъ въ госпиталь?

— О, нѣтъ, что вы, что вы, Господь съ вами!— испуганно отозвалась Прутникова.— Онъ не раненъ, онъ здоровъ, онъ нисколько не измѣнился и такой же веселый... Вы сами увидите!

— Значитъ, онъ въ самомъ дѣлѣ вернулся?

— Я же вамъ говорю, вы его увидите!— слегка нахмурившись, строго сказала Варвара Ѳедоровна.— Который часть?

— Восемь.

Она засуетилась.

— Восемь? Что же мы сидимъ? Ахъ, Боже мой! Ёдемте! И, пожалуйста, ничего больше не спрашивайте... Я ничего не могу вамъ сказать и ничего не могу объяснить... Черезъ полчаса мы тамъ будемъ, и вы сами все увидите и все поймете...

Я повиновался.

На всемъ пути отъ Суворовскаго проспекта до Петроградской стороны я не проронилъ слова объ Андрюшѣ. Но въ душѣ и непытавалъ сильное волненіе, и полчаса ѣзды показались мнѣ цѣлой вѣчностью. Въ умѣ смѣнялись одно предположеніе другимъ, странныя догадки еще болѣе чудовищными. Но ни одно изъ моихъ предположеній не приблизило меня къ разгадкѣ, которая ждала меня въ одномъ изъ домовъ Большаго проспекта.

— Извозчикъ! Направо къ подъѣзду!

Помогаемъ Прутниковой выйти изъ саней и въ то же время съ недоумѣніемъ оглядываюсь вокругъ, я осторожно произнесъ:

— Но, вѣдь здѣсь какой-то театрикъ, Варвара Ѳедоровна!

— Молчите!— спокойно отозвалась она и съ насмѣшливо-нисходительной улыбкой повторила:— Молчите, идите за мной и дѣлайте все, что я вамъ скажу. Вѣдь вы обѣщали не быть чересчуръ любопытнымъ... Идемте!

Мы вошли въ вестибюль театра. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ петроградскихъ кинотеатриковъ "съ дивертисментомъ". Огромные плакаты на стѣнахъ вестибюля возвѣщали о показываемыхъ на экранѣ картинахъ и о "гастроляхъ" какой-то пѣвицы... Какое отношеніе все это имѣетъ къ прапорщику Андрею Семеновичу Прутнику, находящемуся въ дѣйствующей арміи на галиційскомъ фронтѣ?.. Почему именно здѣсь вздумала эта странная, можетъ-быть, лишившаяся разсудка женщина искать своего сына, который сидитъ въ это время гдѣ-нибудь въ окопахъ, если не покоится уже въ могилѣ!

Но слово дано. Я ни о чемъ спрашивать не долженъ. Я молчу и повинуюсь приказаніямъ Варвары Ѳедоровны. Только взглядомъ, все время устремленнымъ на нее, выражаю свое недоумѣніе и свои сомнѣнія.

Лицо Прутниковой отражало радостное возбужденіе, предвкушеніе приближающагося счастья. Варвара Ѳедоровна даже какъ будто помолодѣла, и глаза ея были ясны. Нѣтъ, это не безуміе. Надо ждать и молча повиноваться...

Я взялъ въ кассѣ билеты и ввелъ Прутнику въ залу.

— Туда, направо, къ стѣнѣ...— диктовала Варвара Ѳедоровна и проходила между рядами твердой походкой, и видно было, что она хорошо изучила эту залу.

На убогой сценѣ куплетистъ, загримированный "босякомъ" въ грязныхъ лохмотьяхъ, изъ-подъ которыхъ, впрочемъ, по временамъ показывался уголокъ франтовской накрахмаленной рубахи, обутый въ лапти поверхъ лакированныхъ ботинокъ, пѣлъ самодѣльные куплеты на злобу дня и для вящей убѣдительности послѣ каждой фразы отпихивалъ камаринскую.

— Ахъ, еще только куплетистъ!— недовольно произнесла Прутникова.— Неудачно пришли. Только-что начался сеансъ. Должно-быть, второй. Теперь будетъ пѣтъ Аполлонова, послѣ нея выступятъ испанки-танцовщицы, потомъ начнутся картины, — драма "Роковая любовь" и комическая "Выборъ невѣсты"...

— Однако, какъ вы хорошо знаете программу этого замѣчательнаго театра!

— Молчите... Условлено не спрашивать и не критиковать моихъ дѣйствій!

Все шло такъ, какъ предсказала Варвара Ѳедоровна: куплетистъ, пѣвица, танцовщица,

Въ борьбѣ со стихіей. Санитарный автомобиль въ сугробахъ. Рисунки Г. Георгіева.

Гвардейскій авіаціонний отрядъ дѣйствующей арміи.

„Роковая любовь“ и „Выборъ невѣсты“. Мнѣ почти впервые пришлось въ тотъ вечеръ быть въ такомъ „театрѣ“, во всякомъ случаѣ, впервые довелось высидѣть подь рядъ всю „программу“. И когда становилось скучно смотрѣть на сцену, я смотрѣлъ на публику, прислушивался къ перешептыванію собесѣдъ и думалъ о жадной къ зрѣлищамъ толпѣ и о жалкой подачкѣ съ богатаго стола искусства, которую бросаютъ ей... Но надъ этой мыслью и надъ всѣми другими мыслями, пронесшимися въ головѣ въ теченіе часового „сеанса“, легла мысль объ Андрюшѣ и странномъ поведеніи Прутниковой. По временамъ я бросалъ взглядъ на Варвару Федоровну. Она сидѣла спокойно, со взглядомъ, устремленнымъ на сцену. Однако было видно, что она не видитъ того, что происходитъ на сценѣ, не замѣчаетъ, вся застывшая въ радостно-спокойномъ ожиданіи.

Кончилась „комическая“, мелькнулъ на моментъ свѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ опять затрепеталъ экранъ.

Варвара Федоровна дотронулась до моей руки и тихо сказала:

— Вниманіе...

Прошла минута, и я вдругъ вздрогнулъ, шарахнулся, крѣпко сдвинулъ руку Прутниковой и прошепталъ, а можетъ-быть, и крикнулъ на весь театръ:

— Андрюша!

Передъ нами былъ живой Андрюша. Подвижной, улыбающійся, по давней привычкѣ ежеминутно притрагивающійся рукой къ кончику уса, капризно загибающемуся внизъ.

Минуты три не больше былъ предо мною Андрюша. Но эти минуты показались мнѣ огромными, длительными, полными волнующаго содержанія, большими, чѣмъ часы, чѣмъ дни.

Можетъ-быть, оттого, что я зналъ, что Андрюши уже нѣтъ, я въ эти три минуты видѣлъ его лучше, полнѣе, чѣмъ въ прежніе часы, дни и даже годы. А можетъ-быть, въ томъ чудесное свойство экрана, что запечатлѣнные движенія человека пріобрѣтаютъ въ мельканіи электрическихъ лучей особая отчетливость и отчужденность. Но никогда раньше не воспринималъ я такъ

ярко и такъ полно впечатлѣнія отъ Андрюши, каждый ему одному свойственный жестъ, каждую отличающую его мелкую подробность въ лицѣ, въ манерѣ ходить, улыбаться, разводить руками.

То былъ отрывокъ изъ „военной хроники“, показываемой во всѣхъ кинематографахъ и никогда не удовлетворявшей меня, вызывавшей только чувство досады и боли за обманутую надежду „увидѣть войну“. Назывался этотъ отрывокъ: „Раздача праздничныхъ подарковъ нашимъ героямъ на позиціяхъ“. Это тоже было не тѣмъ, что хотѣли бы мы, живущіе мыслью о войнѣ, но не могущіе себѣ представить ее, получить отъ волшебства живой фотографии. Это тоже былъ только клочокъ „быта на фронтѣ“, а не сама война, которую не хочется изобразить намъ всемогущій „кино“, считая насъ, можетъ-быть, недостойными. Но для насъ двоихъ, для Варвары Федоровны Прутниковой и для меня, скупой волшебникъ былъ на этотъ разъ щедрѣе всѣхъ боговъ: онъ оживилъ павшаго сына и друга!

Крупными хлопьями падали снѣгъ. Полурота пѣхотинцевъ стояла „вольно“. Винтовки были составлены въ пирамидки, и солдаты свободно расхаживали, курили и съ радостнымъ оживленіемъ поджидали приближающіяся сани, нагруженные пакетами.

Впереди солдатъ, въ самомъ центрѣ экрана, стоялъ Андрей Семеновичъ Прутничковъ въ шинели и въ папахѣ, весь обсыпанный снѣгомъ, подвижной, веселый. Онъ тоже устремилъ взглядъ на подъѣзжающія сани и, когда онѣ были совсемъ близко, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Мы съ Варварой Федоровной сидѣли въ первыхъ рядахъ, и намъ показалось, что онъ идетъ прямо на насъ. Впечатлѣніе было такое сильное, что мы оба невольно рванулись впередъ, а потомъ, сообразивъ, прижались другъ къ другу... Сани подъѣхали, и Андрюша началъ раздавать подарки, ловко бросая пакеты въ протянутыя руки солдатъ. Онъ успѣлъ

Извѣстный англійскій авіаторъ Грехэмъ Уайтъ, назначенный директоромъ техническо-авіаціоннаго отдѣла англійской арміи.

раздать не больше десятка пакетов, сани были еще полны, но экрань заморгалъ и внезапно ослѣпъ. Должно-быть, операторъ, снимавшій эту сцену, рѣшилъ, что дальнѣйшее будетъ только однообразнымъ повтореніемъ уже показаннаго. О, если бы онъ зналъ, что эту картину будетъ смотрѣть мать обвинянаго снѣжной пылью офицера, что для насъ, близкихъ Андриушѣ, каждое его движеніе, каждая его улыбка были новыми, удивительными, волнующими и чарующими,—онъ не былъ бы такъ скупъ и не закрылъ бы такъ скоро волшебную сказку бѣлымъ грязнаго холста!

Варвара Федоровна поднялась и пошла къ выходу. Я послѣдовалъ за нею.

Въ фойе мы усѣлись, оба взволнованные и оба радостно-спокойные. Долго молчали. Потомъ я тихо произнесъ:

— Конечно, все это — недоразумѣніе, и письмо Закатова и извѣстіе въ газетѣ... Правда—вотъ это, то, что мы видѣли...

— Черезъ часъ мы его опять увидимъ,—спокойно отозвалась Прутникова.

То, что я сказалъ, не было утѣшеніемъ и не было желаніемъ обмануть себя вмѣстѣ съ нею. Въ ту минуту я не могъ повѣрить въ смерть Андриуши, какъ бы ни были убѣдительны и неопровержимы всѣ доказательства. Вѣдь я только-что видѣлъ его улыбку, жизнерадостный блескъ его сѣрыхъ глазъ! И черезъ часъ я снова увижу его! Безсильна мертвая правда передъ чарующимъ лицомъ живой лжи.

Въ ожиданіи слѣдующаго сеанса Варвара Федоровна рассказала мнѣ:

— Эта картина идетъ здѣсь третій день. Передъ тѣмъ она показывалась на Невскомъ, но я не знала. Я случайно набрела на нее уже въ послѣдній день передъ перемѣной программы. Я

Французскій военный аэропланъ, въ который, во время развѣдки, попалъ германскій снарядъ. Аэропланъ съ авіаторомъ, оставшимся невредимымъ, благополучно спустился въ районъ французскаго фронта.

разспросила, гдѣ она будетъ, и узнала, что здѣсь. Теперь я надо-долго знаю, куда ее будутъ переносить. Почти на мѣсяцъ. Отсюда она пойдетъ къ намъ, на Пески, потомъ на Забалканскій проспектъ, потомъ за Невскую заставу, на Выборгскую, къ Нарвскимъ воротамъ, опять вернется сюда, въ сосѣдній театрикъ... У меня все записано, по числамъ...

— Ну, а потомъ? Черезъ мѣсяцъ?

— Въ точности еще неизвѣстно, но я, конечно, буду знать... Кажется, потомъ ее отправятъ въ провинцію, въ Новгородъ, отсюда въ Нарву, потомъ въ Колпино...

— И вы поѣдете за ней?

— Конечно, поѣду! Кто меня можетъ удержать? — увѣренно и даже слегка удивленно отвѣтила Прутникова, будто мой вопросъ показался ей наивнымъ.

Я не спросилъ о томъ, что будетъ дальше, послѣ всѣхъ Нарвѣ и Новгородовъ, когда истрепанная въ долгихъ мытарствахъ кинематографическая фильма умретъ естественной смертью. Я не спросилъ объ этомъ потому, что въ тревогѣ нашихъ дней самъ научился заглядывать такъ далеко въ будущее.

II. Пулька преферанса.

Это была совсѣмъ необыкновенная пулька, хотя составилась она самымъ обыкновеннымъ образомъ.

Встрѣтивъ меня въ коридорѣ, поручикъ Сумароковъ спросилъ:

— Вы играете въ преферансъ?

— Играю.

— Вотъ и отлично! Сегодня вечеромъ свободны?

— Свободенъ.

— Значитъ, къ восьми у меня въ номерѣ. Не забудьте, номеръ 45-й, въ третьемъ коридорѣ направо. Придете?

— Непремѣнно.

Мы познакомились съ поручикомъ Сумароковымъ только наканунѣ въ читальной залѣ отеля. Никто насъ не представилъ другъ другу, просто заговорили, оба взволнованные сенсационнымъ газетнымъ извѣстіемъ. Поговорили минутъ пять и раскланялись. Его

На западномъ фронтѣ. Въ траншеѣ первой линіи. Французская пѣхота готовится къ вылазкѣ.

имя я узналъ потомъ. Моего имени онъ, вѣроятно, и до сихъ поръ не знаетъ.

Люди, не играющіе въ преферансъ, удивятся такому быстрому развитію знакомства. Вчера случайно столкнулись, обмѣнялись парой словъ, а сегодня: милости просимъ ко мнѣ! Но преферансисты, знающіе тоску по четвертомъ партнерѣ, не только найдутъ вполне естественнымъ, но и одобрятъ насъ обоихъ: поручика Сумарокова, приглашающаго къ себѣ почти незнакомаго челоуѣка, и меня, охотно принимающаго это приглашеніе.

Я даже не спросилъ, кто будутъ остальные два партнера. Ясно, что это будутъ преферансисты, а этотъ сортъ людей не знаетъ никакихъ классовъ и ранговъ, ни сословныхъ, ни возрастныхъ, никакихъ иныхъ различій.

И ровно въ восемь я входилъ въ 45-й номеръ.

Я часто опаздываю въ разныхъ даже самыхъ важныхъ случаяхъ жизни, но никогда не рѣшился бы опоздать на условленную пулюку. Простить дѣлецъ, напрасно ждавшій насъ по важному дѣлу, простить возлюбленную, если вы не пришли въ-время на свиданіе, но никогда не простятъ насъ игроки, которыхъ вы заставили прождать какихъ-нибудь десять минутъ.

— Ну, вотъ, превосходно!—весело встрѣтилъ меня хозяинъ.— Теперь всѣ. Можно за дѣло! Ахъ, да, вы не знакомы!

Я поздоровался съ партнерами.

Всѣ трое были офицерами: два поручика, одинъ прапорщикъ. И всѣ трое были ранены: у одного повязка на рукѣ, у второго на головѣ, третій—хозяинъ—былъ съ костылемъ.

Столъ для игры былъ приготовленъ посрединѣ комнаты. Горѣли двѣ свѣчи, аккуратно разложены были мѣлки, и, дѣломудренно красуясь бандеролями, лежали двѣ новенькія колоды картъ.

Съ торопливой дѣловитостью разсѣлись по мѣстамъ.

— Для начала маленькую!—предложилъ одинъ.

— А по какой?—спросилъ другой.

Условились быстро и занялись дѣломъ.

Всѣ мы были страстными игроками, это обнаружилось съ перваго круга. Играли молча, произнося только странныя для чужого уха восклицанія, полныя однако значенія для игроковъ:

— Пась!

— Семь первыхъ!

— Семь безъ козырей!

Иногда, впрочемъ, загорался горячій споръ по поводу чьего-нибудь неправильнаго хода.

Игра шла быстрымъ темпомъ. Никто не „лѣзъ въ гору“, т.-е. не наставлялъ „ремизовъ“.

Въ Альпахъ. Пулеметчики на лыжахъ переносятъ орудія черезъ горный хребетъ.

Къ одиннадцати часамъ пуляка была закончена.

— Теперь закусимъ, а потомъ можно и еще пулечку!—предложилъ хозяинъ.

— Непремѣнно вторую!—живо подхватилъ прапорщикъ.— Чтò же это такое? Трехчасовая пуляка, вѣдь это не въ счетъ! Надо закатить настоящую!

Возраженій не было. Мы только разыгрались, размахнулись, и уже конецъ! Непремѣнно повторить!

— Но раньше закусимъ. Пожалуйста сюда, и покорнѣйше прошу не стѣсняться. Потомъ проголодаетесь, поздно будетъ!

— Правильно!—одобрилъ прапорщикъ.

Закуска и чай были приготовлены на письменномъ столѣ у окна, такъ какъ столъ, предназначенный для этого, былъ занятъ картами.

За чаемъ я разсмотрѣлъ моихъ партнеровъ и, случайно обративъ вниманіе на ихъ погоны, спросилъ:

— Вы, кажется, всѣ одной части?

— Одною полка!—отозвался поручикъ Сумароковъ.— Можно сказать, боевые товарищи въ полномъ смыслѣ слова!

— Въ одномъ бою ранены?

— И даже однимъ снарядомъ!—подтвердилъ Сумароковъ.

А второй поручикъ, слегка акцентируя на польскій манеръ, добавилъ:

— Въ одномъ полку служили, вмѣстѣ въ бояхъ были, вмѣстѣ въ окопахъ сидѣли, вмѣстѣ ранены были, въ одномъ лазаретѣ лежали... Однимъ словомъ, партнеры настоящіе!..

Прапорщикъ вдругъ подъялся, возбужденный и даже слегка поблѣднѣвшій, и, протянувъ руку, какъ бы приглашая къ вниманію, торжественно произнесъ:

— Идея!

Мы всѣ насторожились.

— Давайте доиграемъ ту пуляку!

Я не понималъ, въ чемъ дѣло, и потому удивился волненію, которое вызвало это предложеніе среди моихъ партнеровъ.

— Развѣ сохранилась?—спросилъ поручикъ съ повязкой на головѣ.

— Да, листъ у меня.—отозвался поручикъ Сумароковъ.— Здѣсь въ столѣ.

— Кто же будетъ играть за Мальчикова?—спросилъ второй поручикъ.

— А хотя бы вы!—глядя прямо на меня и, очевидно, ко мнѣ обращаясь, сказалъ прапорщикъ.

Я слегка смутился. Доигрывать пуляку за другого я не люблю, предпочитаю отвѣчать за собственные ошибки и пользоваться результатами собственныхъ удачныхъ ходовъ.

На западномъ фронтѣ. Итальянскія войска на границѣ съ Австріей. Траншея, защищенная массивной желѣзной изгородью сада.

.....
 На западном фронте. Чтобы избежать сырости и грязи, англичане укладывают на дни своих траншей деревянные мостки.

Тёмь не меняя я не отказался сразу, а попросить разъяснения: — Что это за пулька, и за кого я должен играть?

Объяснение дасть мне хозяинь.

— У нас есть одна недоигранная пулька, — сказала она. — Мы стояли тогда во второй линии окопов и играли очень много. Мы трое и четвертый, прапорщик Мальчиковъ, тоже страстный преферансистъ. Ну, вот, играли мы и в тотъ день, 5-го мая. Начали пульку часа в два, а в три часа, на самомъ интересномъ мѣстѣ, пришлось прервать пульку.

— Почему?

— Вышла маленькая неприятность. Нѣмецкій снарядъ вздумалъ разорваться прямо надъ нами...

— Ну?

— Ну, ясно, что пулька такъ и осталась незаконченной! Насъ троихъ усадили вь санитарный поѣздъ и отправили сюда, а прапорщика Мальчикова... прапорщика Мальчикова похоронили.

— Славный былъ этотъ Мальчиковъ! — отозвался поручикъ съ повязкой. — И игралъ хорошо, хотя горячился и часто проигрывалъ...

— Ну такъ какъ? Кончаемъ эту пульку? — спросилъ прапорщикъ, первый заговорившій о ней. — Все зависитъ отъ васъ! — обратился онъ ко мнѣ.

Я твердо отвѣтилъ:

— Конечно, я согласенъ.

Поручикъ Сумароковъ досталъ изъ ящика стола листъ бумаги, разграфленный вь разныхъ направленихъ и исписанный цифрами. Мы все склонились надъ листомъ.

— Вотъ „С.“, это моя запись, — заговорилъ Сумароковъ: — „Ч.“ это поручикъ Чеславскій, „В.“ — прапорщикъ Бороздинъ, а вотъ здѣсь „М.“, то-есть прапорщикъ Мальчиковъ, а теперь вы.

— Хорошо, — отозвался я, испытывая странное волнение.

— Пулька Мальчикова не плохая! — разматривая записи, сказалъ прапорщикъ Бороздинъ. — Посмотрите, правда, у него много ремизовъ, но зато недурно вь вистахъ!

— Какая бы ни была его пулька, я окончу ее за него! — сказалъ я и заторопился. — За дѣло, господа!

Списывая съ листа цифры выигрыша и проигрыша покойнаго прапорщика, я задумчиво произнесъ:

— Значить, эта бумажка понюхала пороху?

— И какъ это странно, что я успѣлъ засунуть ее вь карманъ! — отозвался Сумароковъ. — Конечно, совсѣмъ ненамѣренно, просто такъ, машинально скомкалъ и, падая, засунулъ вь карманъ... А вотъ пригодилась же!.. Бываетъ такъ... Даже странно!

— А кому сдавать? — спросилъ Чеславскій и самъ же отвѣтилъ: — Я помню ясно, я тасовалъ карты, а Мальчиковъ началъ сдавать, когда это случилось. Правильно?

— Совершенно вѣрно! — подтвердилъ Бороздинъ. — Значить, вы сдаете. Знаете чтѣ? Чтобы не путать, мы васъ такъ и будемъ звать „Мальчиковъ“. Вы ничего не имѣете противъ этого?

— Хорошо! — согласился я и началъ сдавать.

Я никогда не игралъ такъ осторожно, внимательно и умѣло, какъ вь тотъ разъ. И никогда за игрой не былъ такъ возбужденъ и такъ разговорчивъ.

Какъ я сказалъ, покойный Мальчиковъ оставилъ мнѣ вь

наслѣдство довольно запутанную пульку. Онъ былъ горячъ и смѣлъ, мой предшественникъ, котораго я не зналъ, но чье дѣло, — маленькое, шуточное, но все же имъ начатое дѣло! — мнѣ суждено было завершить. Онъ былъ горячъ и смѣлъ, мой Мальчиковъ, и успѣлъ наставить порядочно ремизовъ много ихъ отыгралъ, но все же оказался позади всѣхъ партнеровъ.

Мнѣ пришлось исправлять его ошибки, играть съ удвоенной осторожностью, быть на чеку, ловить неудачные ходы партнеровъ, подстергать каждую благоприятную случайность...

— Однако вы играете, какъ нѣкій молодой богъ! — шутивно замѣтилъ прапорщикъ Бороздинъ.

— Вѣдь я играю за него! — отозвался я. — Я не имѣю права проиграть!..

И, чувствуя необходимость высказаться, собрать свои мысли, облечь свои ощущенія вь одежду словъ, я возбужденно говорилъ, продолжая игру:

— Что такое преферансъ? Конечно, пустякъ, не имѣющей никакого значенія!.. Но эта недоигранная пулька... Для меня это — символъ... это — дѣло, начатое имъ, павшимъ на полѣ брани! На зеня, челоуѣка тыла, выпала честь закончить начатое имъ... И для меня это уже не пустякъ, не игра!.. Это оправданіе моего бездѣйственного участія вь грозномъ народномъ дѣлѣ... Все начатое вь жизни ими, павшими за насъ, мы должны закончить... И закончить должны хорошо, можетъ-быть, лучше, чѣмъ сами бы они закончили!.. Пулька преферанса? Ну, что жъ! Вѣдь это только дѣло вечернее, отдыхъ... Днемъ, вь настоящей работѣ, я буду заканчивать настоящія дѣла, начатыя ими, тысячами павшихъ Мальчиковыхъ... Но и отдыхая, но и играя, я хочу додѣлывать ихъ дѣло!..

Можетъ-быть, это было наивно и сентиментально, но я вь тотъ вечеръ серьезно волновался, заканчивая начатую павшимъ прапорщикомъ Мальчиковымъ пульку.

Я выигралъ и выигрышъ отослалъ вь комитетъ помощи жертвамъ войны, „вь память прапорщика Мальчикова“, — такъ написалъ я на почтовомъ переводѣ и подписалъ: „Закончившій за него пульку преферанса“.

Мой другъ, боевой офицеръ, которому я рассказалъ про эту пульку, прерванную неприятельскимъ снарядомъ и законченную вь уютѣ и теплѣ столичнаго отеля, сказалъ, снисходительно улыбувшись:

— Жалко мнѣ васъ, оставленныхъ за бортомъ и ищущихъ утѣшенія вь самообманѣ!..

А все же я доволенъ, что выигралъ эту игру!

.....
 На западном фронте.
 Бельгійскій солдатъ разноситъ свѣжія газеты по окопамъ.

Великій Брама.

Разсказъ В. Ропшина.

Онъ въ сѣромъ тюрбанѣ, сѣрой курткѣ и сѣрыхъ суконныхъ гетрахъ. Онъ весь сѣрый, какъ весенній вечерюшій день. Лицо у него скуластое, острое, тоже коричнево-сѣрое, и въ глазахъ покорность и равнодушіе. Онъ сидитъ у костра, поджавъ короткія ноги. Въ полѣ холодно, — встаетъ волнистый туманъ. Безучастно и скучно перешептываются деревья. Сѣрый вечеръ упалъ на землю, сѣрый сумракъ окуталъ небо, и у сѣрой, полупотухшей золы грѣется отдыхающій человекъ.

Я подхожу и сажусь съ нимъ рядомъ. Онъ — индеецъ, я — русский. Мы говоримъ на странномъ нарѣчьи, — на языкѣ недоумковъ, осторожныхъ вопросовъ, невнятныхъ словъ и недосказанныхъ мыслей. Мы понимаемъ другъ друга: здѣсь мы оба чужіе.

— Холодно?

— Да.

— А у васъ?

— У насъ солнце.

— Много солнца?

— Да, много.

— Цѣлый день?

— Цѣлый день.

— А въ траншеяхъ?

— Въ траншеяхъ ночь.

Онъ протягиваетъ руки къ костру. Золотымъ дождемъ взвиваются искры и гаснутъ. И я чувствую, какъ вечеромъ, у костра, рядомъ съ нимъ, съ индѣйскимъ солдатомъ, я перестаю быть европейцемъ и русскимъ. Мнѣ кажется, что я здѣсь долгіе годы: безучастно догораютъ костеръ, безучастно шепчутся листья, безучастно сгущается мракъ и безучастно, негромко гремятъ орудія.

— Вы откуда?

— Я съ горъ.

— Вы крестьянинъ?

— Нѣтъ.

— Рабочій?

На западномъ фронтѣ. Французскіе блиндированные пулеметы и пушки-автомобили отправляются на фронтъ.

Юные резервы Франціи. Смотръ обществамъ физическаго воспитанія юношества. Будущіе артиллеристы на орудіяхъ.

— Нѣтъ.

— Торговецъ?

— Нѣтъ. Я высшей касты. Я воинъ.

— Вы давно на войнѣ?

— Полгода.

— Въ траншеяхъ?

— Въ траншеяхъ.

— У Ипра?

Онъ неопредѣленно машетъ рукой:

— Во Франціи... У французовъ...

Намъ больше не о чемъ говорить... Становится холодне. Мы оба жмемъ къ костру. Теперь мы сидимъ, касаясь другъ друга, — какъ братья. Но вотъ онъ прерываетъ молчаніе. Его слова медлительны и спокойны. Онъ рассказываетъ, точно во снѣ, — точно говоритъ самъ съ собой:

— Сирдаръ сказалъ: „Они роютъ землю. Надо посмотрѣть, кто роетъ и гдѣ. Есть ли человекъ, который на это рѣшится?“ Я сказалъ: „Я готовъ“. Сирдаръ сказалъ: „Хорошо“. Я раздѣлся. Я раздѣлся, чтобы не дѣлать шума. Я взялъ ножъ и поползъ изъ нашей траншеи. Было очень темно. Не было ни звѣздъ ни луны. Я поползъ по травѣ. Я слышалъ, что гдѣ-то роютъ. Я ползъ очень долго и наконецъ увидѣлъ ихъ часового. Онъ стоялъ на дорогѣ и не замѣтилъ меня. Возлѣ траншеи были кусты. Я спрятался въ этихъ кустахъ. Я сталъ считать, сколько передо мной людей. Ихъ было двадцать три человекъ. Тогда я поползъ обратно. Часовой все такъ же стоялъ на дорогѣ. Я обошелъ его сзади...

— Ну?

— Потомъ я сталъ на колѣни... Потомъ я сталъ во весь ростъ... Потомъ...

— Что потомъ?

Но онъ молчитъ. Низкія облака опускаются еще ниже. Въ сторонѣ, за темнѣющимъ перелѣскомъ, глухо и тяжело грохочетъ длинный обозъ. Я повторяю почти равнодушно:

— Что же потомъ?

Онъ внимательно остановившимися глазами смотритъ на оскудѣвшій огонь, — на золотисто-красныя искры. Трещатъ сѣрыя дрова, дымятся влажныя вѣтви. Сѣрый дымъ ползетъ по землѣ. Сѣрый дымъ, — не сѣрый ли человекъ?.. Я снова слышу медлительный голосъ:

— Великій Брама сказалъ: одни придутъ ко мнѣ черезъ подвижъ, другіе черезъ усталость... Всѣ люди придутъ ко мнѣ черезъ усталость...

И онъ утомленно закрываетъ глаза.

Уже сгустился вечерній туманъ. Уже ночь легла на поля. Не хочется ни думать ни говорить.

Въ послѣдній разъ уныло вспыхнулъ огонь, — метнулось алое пламя. И сейчасъ же ожила ночь. Въ сосѣднемъ лагерѣ, у шотландцевъ, играетъ волынка. Тянутся печальные звуки. Они тянутся долго, жалобно, заунывно, точно жалуется ребенокъ, точно плачетъ заблудившаяся душа. Я слушаю эти звуки. Я тоже закрываю глаза. Я тоже качаю въ тактъ головой. Ворчитъ лѣнивая пушка и грохочетъ на дорогѣ обозъ. И тоскуетъ и изнемогаетъ волынка. И я, русский, шепчу слова Великаго Брами:

— Всѣ люди придутъ ко мнѣ черезъ усталость...

На кавказскомъ фронтѣ. У Эрзерума. Командиръ корпуса читаетъ донесеніе.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Верденъ.

Центральнымъ важнѣйшимъ событіемъ міровой войны продолжала быть загадочная операція нѣмцевъ у Вердена. Еще ни одна операція не возбуждала столько различныхъ предположеній, сколько Верденская, и здѣсь болѣе всего военные изслѣдователи и военные авторитеты обнаружили свое разногласіе.

Нѣкоторые изслѣдователи категорически заявляли, что сраженіе у Вердена знаменуетъ собою начало генеральнаго сраженія на западномъ фронтѣ. Французы, склонные особенно внимательно относиться къ своему фронту, также предполагали, что сраженіе у Вердена есть начало новаго рѣшительнаго наступленія нѣмцевъ во Францію. Французская военная газета „France Militaire“ полагала, что германскій народъ не можетъ долго выносить этой непосильной борьбы, что средства для войны у нѣмцевъ изсякаютъ, и что казна не въ состояніи выдержать расходовъ, составляющихъ 80—90 милліоновъ марокъ въ день. Эти обстоятельства, по мнѣнію названной газеты, вынуждали нѣмцевъ, невзирая на ихъ вышніе успѣхи, искать мира на условіяхъ „status quo ante bellum“. Они готовы были вернуть всѣ занятія имъ территоріи въ Европѣ съ тѣмъ, чтобы получить обратно свои колоніи. Однако державы четверного согласія не пожелали заключать мира и настойчиво рѣшили продолжать войну до приведенія Германіи къ полной покорности.

При такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, наблюдая постепенное и явное истощеніе средствъ борьбы и не имѣя возможности заключить мира на сколько-нибудь сносныхъ для себя условіяхъ, нѣмцы, естественно, должны были искать развязки войны при помощи какого-либо неключительно смѣлаго наступленія. Нѣмецкія газеты по-

вторяли, что „теперь надо предпринять нѣчто особенно серьезное и сильное“, что „нѣмецкій генеральный штабъ одушевленъ одной только мыслью — ускорить рѣшеніе“.

Излагая эти данныя, французская газета задавалась вопросомъ: гдѣ можетъ произойти наступленіе? Разбирая далѣе этотъ вопросъ, французская газета указывала, что турецкая армія слишкомъ потрясена разгромомъ Эрзерума, чтобы предпринять что-либо серьезное, и что болгары не рѣшаются наступать на Салоники безъ достаточной поддержки со стороны германцевъ, но послѣдніе не могутъ оказать такой поддержки, такъ какъ, естественно, опасаются ослабить свои главные фронты — русскій и французскій.

Обращаясь далѣе къ положенію австрійской арміи, французская военная газета полагала, что, хотя эта армія оправилась нѣсколько послѣ галиційскаго разгрома 1914 года, но все же самостоятельно, безъ нѣмцевъ, какъ показалъ это опытъ прошлогодней кампаніи, дѣйствовать не можетъ. При такихъ условіяхъ нѣмцамъ, которые еще достаточно сильны, необходимо вдобавокъ еще сохранить инициативу и перейти въ наступленіе раньше, чѣмъ на нихъ обрушатся союзники. Это наступленіе имѣетъ единственно смыслъ на одномъ изъ главныхъ фронтовъ, т.-е. на русскомъ или французскомъ.

Подвергая далѣе анализу возможные операціи на томъ или на другомъ фронтѣ, французская газета полагаетъ, что германцы должны были убѣдиться въ бесполезности ихъ наступленія на восточномъ фронтѣ. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію французской газеты, германцы должны были убѣдиться по крайней мѣрѣ въ томъ, что, при исключительныхъ условіяхъ неодолимой силы и неодолимаго пространства Россіи, они не могутъ достигнуть того, что они называютъ „быстрымъ рѣшеніемъ“.

Путемъ такого послѣдовательнаго исключенія всѣхъ фронтовъ французская газета приходитъ къ выводу, что наступленія гер-

На кавказскомъ фронтѣ. У Эрзерума. Командиръ корпуса со штабомъ, за отсутствіемъ помѣщенія, размѣстился въ киргизской юртѣ.

На кавказском фронтѣ. Дорога изъ Кепри-Кея въ Эрзерумъ.

манцевъ слѣдуетъ исключительно ожидать на французскомъ фронтѣ, гдѣ они и будутъ искать этого „быстраго рѣшенія“.

Верденская операція на первый взглядъ какъ бы являлась подтвержденіемъ этихъ мыслей, изложенныхъ въ статьѣ, написанной еще до этой операціи. Кромѣ того нѣмцы, несомнѣнно, какъ мы уже упоминали, свезли до двадцати пяти новыхъ батальоновъ на западный фронтъ, доставили туда новыя тяжелыя орудія и вообще довольно откровенно готовились къ операціи подъ Верденомъ.

Всѣ эти данныя давали ряду изслѣдователей основаніе утверждать, что Верденская операція есть начало генеральнаго сраженія, начало новаго наступленія нѣмцевъ на Францію, гдѣ нѣмцы будутъ стараться выиграть войну во что бы то ни стало, чтобы имѣть „свободныя руки“, свободныя и достаточныя войска для дѣйствій на нашемъ фронтѣ, для окончательнаго выигрыша войны.

Обращаясь ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ, мы должны признать, что они являются еще недостаточными для того, чтобы утверждать, что нѣмцы дѣйствительно съ начала февраля рѣшили предпринять повтореніе своего прежняго плана веденія войны на два фронта, съ начерченной въ этомъ планѣ побѣдой сначала во Франціи, а потомъ въ Россіи. Мы не отрицаемъ того, что такой планъ возможенъ, какъ вообще все возможно, но мы не видимъ никакихъ новыхъ данныхъ, которыя давали бы достаточныя основанія утверждать, что нѣмцы вернулись къ своему плану. Можетъ-быть, они вернулись къ нему, а можетъ-быть, и нѣтъ. На это пока обстановка не даетъ никакихъ основаній.

Дѣйствительно, что представляетъ собою вышеприведенное разсужденіе газеты, какъ не повтореніе тѣхъ же старыхъ соображеній, въ силу которыхъ нѣмцы и до войны и съ самаго начала войны намѣчали необходимость добиться побѣды сначала во Франціи, а потомъ у насъ? Нѣмцы всегда говорили, что Россія огромна, и что „быстрая развязка“ въ Россіи крайне труднодостижима, и что поэтому сначала слѣдуетъ искать полной и рѣшительной побѣды во Франціи, а потомъ уже въ Россіи. Именно на этомъ разсужденіи былъ основанъ весь планъ веденія войны на два фронта, съ побѣдой сначала во Франціи. Имъ не нужно было наступать въ Россіи для того, чтобы убѣдиться въ трудности достигнуть здѣсь „быстраго рѣшенія“, — ибо это имъ было ясно видно и раньше, и они это всегда знали.

Поэтому мы полагаемъ, что тѣ разсужденія, на которыхъ основывается предположеніе, что нѣмцы ведутъ новое наступленіе во Францію, представляютъ собою лишь старое разсужденіе, но не представляютъ собою ничего новаго. Между тѣмъ мы знаемъ, что эти старыя разсужденія послѣ первой неудачи нѣмцевъ во Франціи нисколько не помѣшали имъ повести наступленіе въ нашу сторону.

Нѣмцы, повторяемъ, всегда знали, что „быстрая развязка“ въ Россіи труднодостижима, но на опытѣ перваго наступленія во Фран-

цію они убѣдились также, что одинаково труднодостижима быстрая развязка и во Франціи. При своемъ первомъ наступленіи во Францію нѣмцы имѣли два съ половиной милліона противъ одного съ лишнимъ милліона французовъ и все-таки потерпѣли неудачу на Марнѣ и должны были отказаться отъ надежды побѣдить Францію. Что же новое они могутъ сейчасъ привести во Францію, какія исключительныя силы и средства могутъ поселить въ нихъ надежду на успѣхъ на французскомъ фронтѣ? Наоборотъ, мы знаемъ, что нѣмцы растратили значительныя силы на русскомъ фронтѣ, въ то время, какъ французы спокойно отдыхали и накапливали свои силы, почему слѣдуетъ скорѣе ожидать, что Германія располагаетъ теперь относительно меньшими ресурсами для того, чтобы разчитывать на разгромъ Франціи, чѣмъ въ началѣ войны.

Конечно, положеніе нѣмцевъ вообще необыкновенно трудное, и, вѣроятно, имъ нелегко рѣшить, какое наступленіе для нихъ выгоднѣе — на французскомъ или на нашемъ фронтѣ. Мы хотимъ лишь сказать, что нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ, которыя позволяли бы увѣренно говорить, что нѣмцы возобновляютъ свой планъ войны на два фронта, и что нужно отмѣтить то обстоятельство, что нѣмцы, хотя и считаютъ задачу въ Россіи труднодостижимой, но все же самоувѣренно допускаютъ возможность рѣшительнаго успѣха у насъ, и вся ихъ военная литература свидѣтельствуетъ о томъ, что они считаютъ задачи у насъ труднодостижимыми, но не невозможными. Извѣстенъ же планъ нѣмцевъ, предусматривавшій походъ въ Россію, разбитый на два года войны...

Исходя изъ этихъ соображеній, мы прежде всего оставляемъ въ сторонѣ мнѣніе о томъ, что нѣмцы возобновили свой планъ войны на два фронта, какъ мнѣніе, пока еще не подтверждаемое никакими конкретными данными. Обращаясь же непосредственно къ операціи подъ Верденомъ, мы также не видимъ въ ходѣ этой операціи такихъ указаній, которыя показывали бы, что это — начало генеральнаго сраженія, а не простое мѣстное наступленіе. Нашъ военный органъ „Русскій Инвалидъ“ также считаетъ операцію у Вердена „второстепенной“.

Дѣйствительно, трудно усмотрѣть что-либо, что бы давало основаніе раздуть Верденскую операцію и выдѣлить ее изъ ряда операцій, хотя и крупныхъ, но все же мѣстнаго характера. Сраженіе въ теченіе 16-ти дней неизмѣнно протекаетъ на фронтѣ въ 40 верстъ, а пѣхотныя атаки производятся на фронтѣ въ 6 верстъ. Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, западный фронтъ имѣетъ въ длину 900 верстъ, и если ¹⁹¹⁶ всего фронта не принимаетъ участія въ сраженіи, то уже этого одного достаточно, чтобы не считать это сраженіе генеральнымъ. Изъ 7—8 германскихъ армій, находящихся на западномъ фронтѣ, въ верденскомъ сраженіи принимаетъ участіе лишь одна армія кронпринца, усиленная нѣсколькими корпусами стратегическаго резерва и нѣсколькими корпусами сосѣдней группы войскъ генерала Штранца, и эта немногочисленность войскъ, принимающихъ участіе въ сраженіи, также свидѣтельствуетъ о томъ, что сраженіе носитъ пока исключительно мѣстный характеръ.

На кавказскомъ фронтѣ.

У Эрзерума. Этапный пунктъ въ селеніи С. на берегу рѣки Аракса.

Самое сражение за 16 дней слѣдуетъ признать безусловно несчастливымъ для нѣмцевъ, что видно изъ слѣдующей краткой схемы: въ первые 5 дней нѣмцы прошли 5 версты, во вторые 5 дней—1 версту, а въ послѣдніе 6 дней нѣмцы не прошли ни одной версты. Французы твердо держатся на всемъ 40-верстномъ участкѣ фронта въ теченіе болѣе чѣмъ полумѣсяца, нанося сильнѣйшія потери противнику.

Наконецъ противникъ даже еще и не видѣлъ верденскихъ фортовъ, а ведетъ борьбу лишь за передовыя позиціи, съ которыхъ ему было бы удобно, въ случаѣ, если онъ ихъ займетъ, установить пушки для того, чтобы начать артиллерійское соотязаніе съ фортами Вердена. Однако французы не отдадутъ и этихъ позицій, въ составъ которыхъ входятъ линія изъ деревни Шань-Невиль, деревни Дуомонъ, редута Дуомонъ, форта Дуомонъ, тѣса Одремонъ и деревни Во.

Борьба за эту линію привела къ тому, что она представляетъ собою изломанную линію: въ одномъ мѣстѣ выдвигаются французы, въ другомъ мѣстѣ выдвигаются нѣмцы. Такъ селеніе Шань-Невиль занято французами, рядомъ селеніе Дуомонъ занято нѣмцами, редутъ Дуомонъ занятъ французами, рядомъ фортъ Дуомонъ занятъ нѣмцами, затѣмъ тѣса Одремонъ и деревня Во заняты также французами. Итакъ, нѣмцы вклинились въ двухъ мѣстахъ, но фланги этой позиціи заняты французами, и нѣмцы сжаты.

Если къ этому добавить, что эта 16-дневная борьба ведется еще далеко впереди верденскихъ фортовъ, а именно на передовыхъ позиціяхъ, и что даже и здѣсь нѣмцы не смогли достигнуть опредѣленнаго успѣха, который бы имъ позволилъ начать операцію непосредственно противъ Вердена, то слѣдуетъ считать положеніе французовъ у Вердена вполне устойчивымъ и прочнымъ.

Поэтому можно прийти къ выводу, что, во-первыхъ, генеральнаго сраженія еще пока нельзя видѣть въ событіяхъ, разыгрывающихся на французскомъ фронтѣ, а во-вторыхъ, что операція у Вердена за 16 дней не дала нѣмцамъ даже возможности занять передовыя позиціи, при чемъ изъ хода событій обнаружилось постепенное ослабленіе нѣмецкихъ усилій.

На кавказскомъ фронтѣ. Наши союзники. Японскіе военные агенты въ кавказской арміи—генеральнаго штаба капитаны: Танада (слѣва) и Обата (справа).

НОВЫЙ ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ.

(Вопросы внутренней жизни).

Затянувшаяся война требуетъ послѣднихъ, крайнихъ напряженій, которыя повергнуть наконецъ злого врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы. Небывалая по размѣрамъ война, ведомая многомилліонными арміями, требуетъ отъ народа и огромныхъ затратъ. Для того, чтобы вооружить, снабдить всею необходимымъ и прокормить милліоны защитниковъ родины, нужны милліарды рублей. Въ такія минуты государственная касса не должна оскудѣвать, потому что ея оскудѣніе было бы равносильно военной безпомощности государства. Для пополненія средствъ на войну правительство дѣлаетъ займы и за границей и внутри Россіи. Внутренніе займы надо признать наиболѣе разумными и экономными, потому что высокая оплата занятыхъ суммъ процентами остается въ Россіи, обогащаетъ русскихъ людей, а не уливается за границу въ карманы иностранныхъ держателей заемныхъ свидѣтельствъ. Нужно, чтобы колоссальные убытки войны, несомые русскимъ населеніемъ, хотя отчасти возмѣщались повышенными платежами по военнымъ займамъ. Осуществить это тѣмъ легче, что выплата казенныхъ пайковъ, исполненіе щедро оплачиваемыхъ военныхъ заказовъ и закупокъ, прекращеніе разорительнаго пьянства и общее повышение заработковъ дѣйствительно за 19 мѣсяцевъ войны успѣли привести къ накопленію въ рукахъ населенія небывалыхъ по своимъ размѣрамъ сбереженій: въ однѣ только Сберегательныя Кассы, оплачивающія вклады наизысimumъ вознагражденіемъ въ 3,6%, введено уже около трехъ милліардовъ рублей, а сколько еще сбереженій помѣщено въ сомнительныя предпріятія и припрятано темными людьми въ подпольцахъ и кубышкахъ.

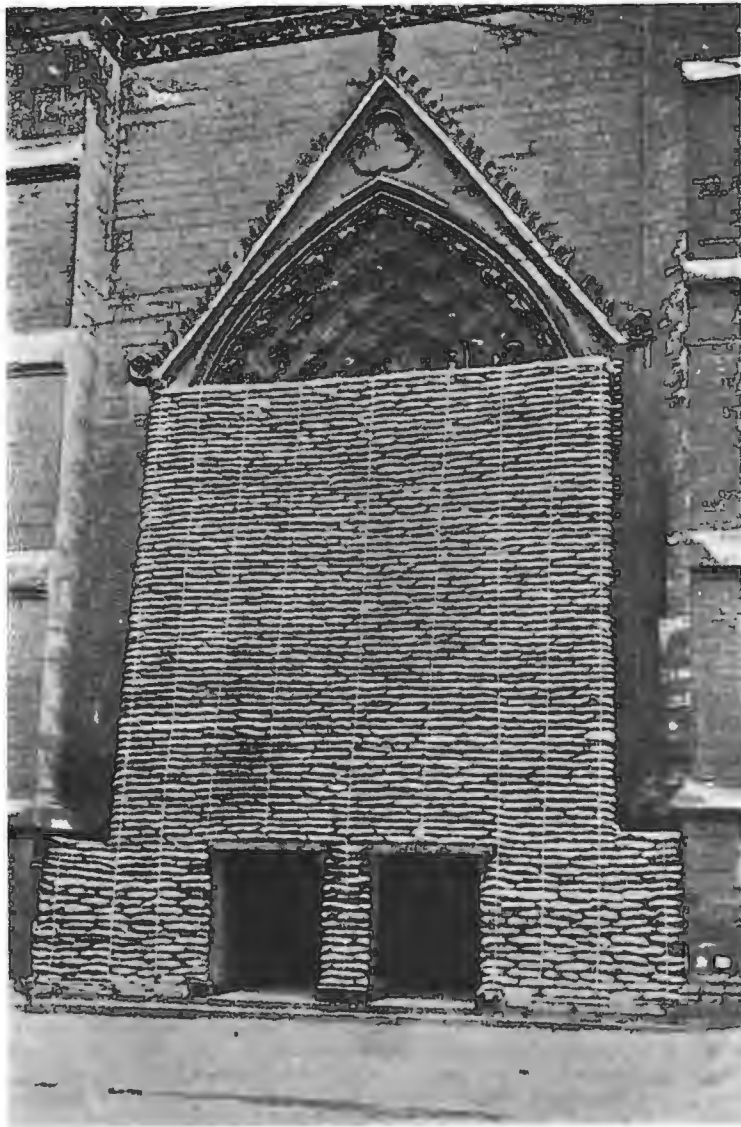
Правительство въ ближайшемъ будущемъ предполагаетъ выпустить новый военный заемъ въ два милліарда рублей. Оно желаетъ сдѣлать его доступнымъ бѣднѣйшимъ слоямъ населенія, чтобы предоставить возможность воспользоваться его выгодами и бѣдному и богатому. Сторублевую облигацію вкладчикъ приобретаетъ въ Государственномъ Банкѣ и въ Сберегательныхъ Кассахъ за 95 рублей съ тѣмъ, что черезъ десять лѣтъ при погашеніи займа получаетъ за нее 100 рублей и сверхъ того въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ получаетъ ежегодно въ видѣ процентовъ по 5 рублей 50 копеекъ, т. е. въ общей сложности получить за 95 рублей—155 рублей. Облигаціи новаго займа, чтобы сдѣлать ихъ доступными всѣмъ разрядамъ гражданъ, выпускаются на самыя разнообразныя суммы, — въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей. Въ случаѣ временной нужды

въ деньгахъ владѣлецъ облигаціи можетъ получить подъ нее во всѣхъ отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и Казначействахъ на льготныхъ условіяхъ ссуду въ размѣрѣ до 88 рублей за 100 нарицательныхъ, или даже продать облигацію обратно Банку, если измѣнившіяся обстоятельства потребуютъ немедленнаго возврата вложенной суммы, не позволяя ждать десяти лѣтъ и пользоваться полученіемъ высокаго процента. Желающіе могутъ передавать облигаціи займа на храненіе въ учрежденія Государственнаго Банка, Казначейства и Сберегательныя Кассы за скромную плату по 4 копейки (безъ управленія вкладомъ) и по 5 копеекъ (съ управленіемъ вкладомъ) съ каждаго 100 рублей въ годъ. Изъ этого видно, что такое обращеніе сбереженій является во всѣхъ отношеніяхъ очень удобнымъ и выгоднымъ и обезпечиваетъ владѣльцамъ облигацій полученіе высокихъ доходовъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Но выгоды займа не исчерпываются одними только удобствами и высокими процентами. Нельзя забывать, что военный заемъ имѣетъ своей задачей вооруженіе арміи и обезпеченіе матеріальными средствами военной обороны государства Россійскаго. Не только гражданскій долгъ, но и личные интересы каждаго русскаго гражданина настоятельно требуютъ рѣшительной побѣды надъ врагомъ, потому что пораженіе Россіи отдало бы всѣхъ насъ, наши семьи и наше имущество на разграбленіе дикой и озвѣрѣлой нѣмецкой солдатчины, привело бы насъ къ полному разоренію, личному рабству и національной гибели. Чтобы отстоять все, благообразно даже жертвовать частицею своего достоинства, но здѣсь финансовая помощь въ защитѣ отечества даже не требуетъ отъ владѣльцевъ сбереженій какой-нибудь жертвы, а, напротивъ, отечество съ небывалою щедростью вознаграждаетъ подписавшихся на военный заемъ за оказываемую государственной оборонѣ страны финансовую помощь.

По этимъ соображеніямъ можно заранѣе быть увѣреннымъ въ блестящемъ успѣхѣ новаго военного займа. Владѣльцы сбереженій должны не медлить съ приобретеніемъ облигацій, какъ только подписка на заемъ будетъ открыта. Народная Россія ополчится на борьбу съ нѣмцами не только своими ратными людьми, но и своими народными сбереженіями. Въ рукахъ пробужденнаго въ своемъ гражданскомъ сознаніи русскаго народа все служить къ сокрушенію врага, къ достиженію желанной и уже, надѣемся, недалекой побѣды.

Охрана художественных сокровищ Франціи. Порталь Амьенскаго собора, защищенный мѣшками съ пескомъ отъ разрушительнаго дѣйствія бомбъ, бросаемихъ съ германскихъ аэроплановъ.

Рекрутъ.

Пересмѣшницы-сосѣдки
 Растворили ворота:
 Разыгрались напоследки
 Призывные рекрута.
 Смѣхомъ брызжется тальянка,
 Молодецкій пляшетъ гикъ...
 А съ зарей у полустанка
 Загрохочетъ паровикъ.

Ты, зазнобушка, поглянь-ка—
 У развѣсистыхъ ракинь
 Синюю соколъ Ванька,
 Ожидаячи, груститъ.
 «Не робѣй, моя зазноба:
 Ночью улица пуста.
 Будутъ памятни до гроба
 Кумачовыя уста!

«Тянетъ съ озера прохладой,
 Плачетъ филинь за рѣкой.
 Не горюй, моя услада,
 Не пугай меня тоской.
 Какъ уляжется дорога,
 Богородицу проси,
 Много милости у Бога,
 Много силы на Русь!

«Обольетъ заря березы
 Красноцвѣтомъ поутру,
 Заиграютъ, будто слезы,
 Въ травахъ росы на вѣтру,
 Заскулятъ старухи воемъ,
 Проводя за между...
 — Ворочусь къ тебѣ героємъ,
 Или голову сложу!»

Александръ Дроздовъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1916 годъ, озаботиться **своевременными взносами** подписныхъ денегъ, **согласно условіямъ разсрочки**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ**.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп. и печатный адресъ**.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Медальонъ. Разсказъ Марка Криницкаго. (Окончаніе). — Сказки нашихъ дней. Разсказы Ю. Волина. — Великій Брама. Разсказъ В. Ропшина. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Новый военный заемъ. (Вопросы внутренней жизни). — Рекрутъ. Стихотвореніе Александра Дроздова. — Заявленіе. — Объявленія. — Отлики войны.

Р И С У Н К И: Настигли. Картина профессора Н. С. Самокиша (въ краскахъ). — Бой въ германскомъ окопѣ. Допросъ плѣннаго нѣмца. Картины И. Владимірова. — На кавказскомъ фронтѣ (5 рис.). — Атака казаковъ. По фот. полковника Люце. — Вѣнецъ страданія — вѣнецъ победы. Картина С. Десяткина. — Ворвались первые. Картина профессора Н. С. Самокиша (въ краскахъ). — На фронтѣ. Обѣдъ въ лѣсу. — Наблюденіе за боемъ. Рисунокъ И. Владимірова. — Въ борьбѣ со стихіей. Санитарный автомобиль въ сугробахъ. Рисунокъ Г. Георгіева. — Гвардейскій авіаціонный отрядъ дѣйствующей арміи. — Извѣстный англійскій авіаторъ Греэмъ Уайтъ. — Французскій военный аэропланъ, въ который, во время развѣдки, попалъ германскій снарядъ. — На западномъ фронтѣ (5 рис.). — Въ Альпахъ. — Юные резервы Франціи. — У Эрзерума (5 рис.). — Охрана художественныхъ сокровищъ Франціи. Порталь Амьенскаго собора.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за мартъ 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за мартъ 1916 г. съ 40 рис., отдѣльный листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 109 рис. картонажнаго дѣла.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 11

ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 12-го марта 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующимъ цѣнамъ за строку непарелъ въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 5.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Издание Г-ва А. Ф. МАРКОЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россия, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ

всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ 6 красокъ. Размѣръ 82X134 сант. въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальского.

Цѣна съ пересылкой два рубля.

Обращеніе къ хозяйкамъ. Милостивыя государыни! Каждая изъ Васъ можетъ во всякое время года легко и быстро въ теченіи 1/2—1 часа приготовить безъ фруктовъ любое фруктовое желе и фруктовый сиропъ, какъ-то: абрикосовое, ананасное, апельсиновое, банановое, барбарисовое, вишневое, грушевое, земляничное, клубничное, клюквенное, лимонное, малиновое, персиковое и яблочное. Приготовленные по предлагаемому мною способу желе и сиропы необыкновенно вкусны, ароматны, питательны и вполне закупаютъ варенье. Въ домахъ, гдѣ гости часты, эти желе и сиропы незаменимы. Желющие могутъ заняться приготовленіемъ по моему способу сироповъ и желе, какъ очень выгоднымъ побочнымъ занятіемъ. Реценты и подробный способъ приготовления высылаю по полученіи въ заказномъ письмѣ марками или почтовыми переводами 3 р. Адресъ: Григоріополь, Хер. губ. Аптекарскаго магазая А. С. Розенбергъ. 4061

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
для начинающихъ
Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к.
Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

При ГОНОРРѢ
въ острой и хронической формѣ „ТИЗЛЕРИНЪ“
послѣдствія ея праживаются
Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тизлеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Лейбнига 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давы пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей. 4019

3 РЕМЕСЛА
за 2 р. 85 к. 4058

1) Химическая чистка платя. 2) Заготовка состава для холста и непромокаемыхъ тканей для чемодановъ и дождевыхъ накидокъ. 3) Анилиновые черныя и цвѣтныя чернила. Наложнымъ платежомъ не высылаются. Фирма существуетъ 26 лѣтъ. Адресоваты: Москва, Рождественскій бульваръ, д. кн. Оболенской, Е. Авткину (типографія).

Одес. Средин. Сельскохозяйственно-
ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,
учр. И. И. Хойна. Съ правами казенн. учеб. завед. Тамъ же
ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ
Пріемъ прошеній производится на 1916/17 уч. г. Проспекты высыл. за 5 двухкоп. мар.
ОДЕССА, Пушкинская, 60—5. 4049 10-1

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерч. образов. Заочные курсы по самой обширной программѣ СТЕНОГРАФІА. АТТЕСТАТЪ Цѣнная премія. Разрочка. Просп. безлх. Петроградъ, В. О., Бол. пр., № 22. „КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІА“. Р.

**МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
П. ЮРГЕНСОНА**
въ Москвѣ, Неглинный пр., 14
Самое обширное муз. изд-ство въ Россіи. Вышло 38.000 экземпляровъ и болѣе 1.000 дешевыхъ томовыхъ изданій.
Новый списокъ сочиненій, изданныхъ въ 1915 году и каталога собствен. изданій **БЕЗПЛАТНО.** 4050
Часть I. Инструментальн. муз. (кромя фп.). Книжки по музыкѣ. Часть II. Фп-нная музыка. Часть III. Пѣніе. д. 1 гол. съ фп. Часть IV. Отд. I. Свѣтск. хоров. муз. Отд. II. Духовно-муз. соч.

ЗАСТАРЬЛЫЕ
ХРОНИЧЕСКІЕ ЗАПОРЫ
несвареніе желудка вызываютъ газы, тошноту, изжогу и давленіе подъ ложечкой. Надежное и постоянно одинаковое дѣйствіе оказываетъ Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно. Онъ абсолютно безвреденъ и отпуск. изъ всѣхъ апт. по рец. вр.

КУРОПАТОКЪ
сѣр. и бѣлыхъ, глухар., тетеревей, филиновъ, лобелей, журавл. и друг. пр. въ жив. видѣ покупаетъ всяк. коллч. Анваріумъ*, Петроградъ, Владимірскій пр., 13. 4061

ЗАПОРЫ

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатная премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Леготныя условія подяски и **БЕЗПЛАТНО.** пробная лекція
Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЯ ЛАБОРАТОРИЯ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, лужеъ, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается безплатно. Обширная литература по требованію безплатно. Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка—40 к., пересылка свѣже одного флакона—безплатно. 20%ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр.: Москва, Калефлюнды.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химическими изготавленными сѣрминомъ.

ПОДРОБНЫЙ СОСТАВЪ
средства противъ головной боли.
Кефалдолъ Д-ра Сторъ состоитъ изъ прибл. 50% феноацетина, 32% салициловой и 5% лимонной кислотъ, связанныхъ съ калиемъ (4%) и натріемъ. Кефалдолъ—химическое соединеніе (не смѣшеніе), получающееся отъ воздѣйствія лимон. и салиц. кислотъ на феноацетинъ. Клиническими наблюденіями установлено, что Кефалдолъ Сторъ даетъ болѣе быстрые результаты, чѣмъ одні составныя части его. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рец. вр. Отп. продажа изъ всѣхъ аптекарскихъ складовъ.
Кефалдолъ особенно рекомендуется, какъ быстро дѣйствующее и безвредное жаропонижающее и противовоспалительное средство при головныхъ боляхъ, мигрени, невралгіи, ишіасѣ, простудныхъ и ревматическихъ боляхъ.
Если Вы простудились, примите на ночь двѣ таблетки Кефалдолъ Д-ра Сторъ со стаканомъ горячаго чая утромъ натощакъ еще двѣ таблетки. Послѣ пріема Вы почувствуете облегченіе. Остерегайтесь поддѣлокъ и негодныхъ подражаній. 4067

(Наложит. въ Правит. Вѣстн. 1916 г. № 228).

ОСНОВАНА въ 1903, удостоена ВЪСШИХЪ наградъ на выставкахъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, Флоренціи и проч. Maison Fondée en 1903 4 grands prix Paris, Londre, Bruxelles, Florence

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.									
96	21	500	1860	50	500	8988	25	500	6210	31	500	7837	14	500	9785	30	500	11975	6	500	14111	14	500	16253	26	500	17881	28	500
175	30	500	1899	6	500	3955	1	500	6216	41	500	7850	44	500	10208	3	500	12160	40	500	14118	41	500	16253	27	1000	18011	47	500
226	20	500	2190	29	500	4065	23	500	6254	1	500	7852	29	500	10248	9	500	12168	2	1000	14133	36	500	16267	34	500	18142	14	500
258	37	500	2235	4	10000	4209	12	500	6485	41	500	8020	44	500	10265	14	500	12176	43	500	14151	20	500	16323	9	500	18202	19	500
261	37	5000	2235	41	500	4228	28	500	6545	1	1000	8095	20	500	10275	1	500	12209	49	8000	14207	21	500	16330	7	500	18324	45	500
319	46	500	2318	34	500	4479	49	500	6628	8	5000	8103	46	5000	10436	22	500	12319	25	500	14315	43	500	16341	47	500	18357	47	500
429	34	500	2378	50	1000	4523	37	500	6650	7	500	8160	44	500	10448	45	500	12323	36	500	14397	5	500	16374	21	500	18378	8	10000
432	48	500	2398	30	500	4610	20	500	6681	36	500	8206	20	5000	10475	50	500	12366	21	500	14526	13	500	16432	13	500	18421	2	500
454	34	500	2515	45	500	4670	48	500	6691	16	500	8322	14	25000	10481	20	500	12438	21	500	14600	15	500	16442	18	500	18465	25	1000
477	6	500	2547	45	5000	4748	14	500	6786	22	1000	8456	46	500	10526	35	500	12684	47	500	14627	40	500	16644	50	500	18467	3	500
705	16	500	2554	16	500	4796	47	500	6784	23	1000	8639	45	500	10568	9	500	12791	34	500	14658	9	500	16662	9	500	18475	11	500
817	17	500	2634	43	500	4893	47	500	6881	10	500	8662	81	500	10771	29	500	12813	32	500	14783	2	500	16874	48	500	18485	12	500
825	44	500	2755	43	500	4937	29	1000	7109	15	500	8765	7	500	10802	15	500	12932	20	500	14914	46	500	16694	50	500	18551	13	1000
911	50	500	2771	15	500	4996	33	1000	7110	22	500	8880	35	500	10840	7	500	12957	19	500	15113	40	500	16696	46	500	18573	16	500
917	44	500	2822	26	500	5001	33	500	7153	42	500	8913	12	500	10877	25	8000	12981	14	500	15126	20	500	16743	12	500	18619	8	500
963	6	500	2894	1	500	5041	8	500	7261	44	500	9058	32	500	10888	8	1000	13102	8	500	15203	4	500	16901	39	500	18695	7	500
971	30	500	2914	24	500	5043	41	500	7311	5	500	9153	48	500	10900	43	1000	13174	19	500	15340	43	500	17011	35	1000	18901	6	500
1106	13	500	3024	1	500	5274	26	500	7368	30	500	9236	16	500	11088	45	1000	13303	24	8000	15348	48	500	17094	50	500	18916	14	500
1119	29	500	3048	24	500	5323	7	500	7420	14	500	9272	22	500	11129	14	1000	13321	37	500	15396	50	500	17179	22	500	19099	45	500
1252	80	500	3186	15	5000	5362	7	500	7443	49	500	9337	39	1000	11233	47	500	13378	21	500	15413	9	500	17298	2	500	19115	37	500
1258	20	500	3250	46	500	5455	40	500	7448	41	500	9429	43	500	11289	2	500	13410	46	500	15458	46	500	17310	15	500	19253	33	500
1258	45	500	3356	39	500	5465	48	500	7596	18	500	9450	29	500	11394	4	8000	13415	6	500	15499	21	500	17310	26	500	19301	1	500
1380	41	500	3404	43	500	5485	46	500	7607	18	500	9510	1	500	11414	2	500	13448	37	500	15499	46	500	17433	5	500	19372	32	500
1473	37	500	3511	20	500	5774	32	500	7655	36	500	9515	44	500	11501	41	500	13492	8	500	15529	49	500	17456	19	500	19593	17	500
1480	18	500	3518	23	500	5853	24	500	7672	41	300	9587	45	40000	11545	34	500	13501	21	500	15579	23	1000	17459	5	500	19658	8	500
1665	11	1000	3518	43	500	5855	11	500	7691	38	200000	9609	18	500	11580	14	500	13634	26	500	15856	6	500	17537	20	500	19759	21	500
1681	15	500	3563	6	75000	5872	17	1000	7701	45	500	9673	24	5000	11739	18	500	13802	8	1000	15859	1	500	17549	29	500	19769	7	500
1729	17	500	3654	30	500	5937	38	500	7734	41	5000	9710	30	500	11740	25	500	13808	31	500	15932	27	500	17608	48	500	19872	26	500
1765	16	8000	3705	19	500	6059	46	500	7735	13	500	9735	35	500	11819	8	500	13834	45	10000	15936	12	500	17670	27	500	19904	50	500
1766	46	500	3720	16	500	6091	37	500	7822	13	500	9746	13	500	11894	44	500	14108	31	500	15974	37	500	17864	50	500	19908	1	500

№№ серий, вышедших въ тиражъ погашенія: 81, 111, 240, 261, 349, 450, 498, 524, 591, 599, 612, 796, 1120, 1129, 1538, 1543, 1748, 1766, 1837, 1989, 2049, 2114, 2240, 2243, 2361, 2371, 2585, 2634, 2819, 2904, 3087, 3187, 3261, 3321, 3381, 3543, 3776, 3881, 3951, 3963, 4038, 4077, 4094, 4185, 4322, 4359, 4447, 4585, 4895, 4981, 5009, 5053, 5071, 5072, 5105, 5146, 5214, 5589, 5688, 5708, 5739, 6248, 6326, 6328, 6371, 6383, 6406, 6536, 6728, 6818, 6981, 7050, 7104, 7192, 7266, 7330, 7362, 7454, 7566, 7591, 7617, 7821, 7837, 8054, 8104, 8114, 8161, 8185, 8194, 8337, 8368, 8385, 8545, 8706, 8712, 8756, 8788, 8802, 8832, 8919, 8963, 9073, 9076, 9213, 9248, 9405, 9474, 9578, 9637, 9703, 9740, 9849, 9920, 9934, 9950, 9996, 10052, 10078, 10254, 10349, 10496, 10557, 10592, 10660, 10670, 10684, 10717, 10794, 10994, 10996, 11056, 11066, 11106, 11185, 11251, 11255, 11314, 11342, 11382, 11439, 11457, 11548, 11729, 11750, 11823, 11824, 11831, 11873, 11995, 12002, 12059, 12597, 12644, 12661, 12695, 12717, 12857, 12888, 12971, 12974, 13042, 13061, 13124, 13156, 13166, 13217, 13235, 13321, 13325, 13431, 13653, 13740, 13749, 13770, 13814, 13851, 13853, 13887, 13998, 14013, 14049, 14071, 14091, 14199, 14222, 14252, 14311, 14479, 14486, 14569, 14690, 14892, 14966, 14992, 15058, 15117, 15154, 15193, 15206, 15344, 15434, 15562, 15574, 15607, 15685, 15648, 15817, 15829, 15997, 16083, 16097, 16127, 16351, 16386, 16403, 16601, 16667, 16711, 16768, 16888, 16887, 16967, 17186, 17264, 17342, 17414, 17471, 17514, 17518, 17530, 17595, 17938, 18055, 18064, 18265, 18367, 18374, 18406, 18459, 18468, 18489, 18551, 18579, 18681, 18735, 18803, 18988, 19007, 19078, 19115, 19205, 19388, 19398, 19680, 19687, 19714, 19740, 19850, 19929, 19971.

Всего 260 серий, составляющихъ 13.000 билетовъ, на сумму 1.820.000 рублей.

КАШЕЛЬ
 ОБЛЕГЧАЕТСЯ
 ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ АНТИСЕПТИЧЕСКИХЪ
PASTILLES VALDA
 (Лепешекъ Вальда)
 СРЕДСТВО ОТЪ ПРОСТУДЫ, НАСМОРКА.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ
ТРЕБУЙТЕ
 во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НЕПРЕМЪННО
 настоящія лепешки Вальда
 (PASTILLES VALDA)
 въ коробкахъ съ красной
 бандеролью,
 снабженныхъ
 именемъ
VALDA
 (H. Canonne, Paris).

(ПИСАТЬ)
 красиво и скоро будете, выписавши
 „Механическую пропись“. Но-
 вость въ каллиграфіи. Цѣна мал.
 плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред.
 это журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (15)

ПАТЕНТЫ
 (привилегія)
 НА ИЗОБРЪТЕНІЯ.
 Утвержд. фабр. марокъ и моделей.
ИНЖЕНЕРЪ
Д. М. ЛЕВЕНШТЕЙНЪ,
 Петрогр., Невскій, 65. Тел. 48-94. Суш. 1901.

Продолжается подписка на издаваемый съ
ВЫСОЧАЙШАГО СОЗВОЛЕНІЯ
 Листокъ для войскъ и народа:
„ВОЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“
 Въ этомъ листкѣ общедоступнымъ языкомъ
 объясняется весь ходъ нынѣшней Великой
 войны, а также выясняются тѣ дѣла, къ
 достиженію которыхъ стремятся каждая изъ
 воюющихъ державъ. Высокъ съ тѣмъ въ
 листкѣ описываются выдающіеся боевые
 подвиги офицеровъ и нижнихъ чиновъ на-
 шей арміи и обрисовывается въ общихъ
 чертахъ жизнь войскъ на передовыхъ пози-
 ціяхъ, а также тѣ событія внутри Россіи,
 которыя имѣютъ тѣсную связь съ войною.
 Листокъ выходитъ въ форматѣ большихъ
 газетъ 3 раза въ недѣлю. Подписная плата
 съ 1-го января 1916 г. по 1-е января 1917 г.
 2 р. 50 к., съ 1-го января по 1-е июля
 1916 г. 1 р. 25 к. Подписка принимается
 въ конторѣ Военной Лѣтописи, Петроградъ,
 Книжный магазинъ Гл. Штаба.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
 отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
 УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ
 ПЯТЕНЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
 продается вездѣ
 50 к. 1/2 к. 30 к.

ЦѢЛЬ изд. „Бюллетень Дѣлового Человѣка“ УСПѢХЪ

дать возможность каждому знать
ГДѢ и КАКЪ РЕКЛАМИРОВАТЬ ЧТОБЫ ИМѢТЬ

Начиная съ текущаго № 4 въ «Бюллетень Дѣлового Человѣка» будетъ печататься списокъ ГАЗЕТЪ и ЖУРНАЛОВЪ РОССІИ (Москва, Петроградъ, провинція) и, по мѣрѣ надобности, Списокъ Газетъ и Журналовъ дружественныхъ державъ съ указаніемъ стоимости рекламнаго мѣста, подписной цѣны, краткой характеристики важнѣйшихъ изданій и нѣкоторыхъ другихъ свѣдѣній для рекламирующихся и профессионаловъ рекламы. Кроме того каждый годовой подписчикъ получитъ совершенно БЕСПЛАТНО большую диаграмму 8×10½ вершк., для монтажнаго нахожденія числа квадратныхъ дюймовъ, стоимости клише, гальвано, стереотипа и т. д., а также линейку для измѣренія числа строкъ петита и нонпареля.

Бюллетень Дѣлового Человѣка выходитъ периодически. Цѣна **2 руб.** со всѣми приложениями въ годъ.
Подписныя деньги (можно марками) и справки адресовать: Издательство инж. А. Н. КАНА, Москва, Больш. Лубянка, Варсонофьевскій пер., 11.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоустроить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. Адресъ: г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, перво-приходскому Попечительству, или 4017 Священнику Александру Смирнову. 5-4

2-ое ИЗДАНИЕ КНИГИ:
Д-ръ Н. В. СЛЕТОВЪ
ПОЛОВАЯ НЕВРАСТЕНІЯ,
ЕЯ ПРИЧИНЫ И ЛѢЧЕНІЕ,
значительно дополненное, съ 23. рис. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Прод. въ лучшихъ книжн. магазинахъ.
Складъ изданія у автора:
МОСКВА, Садовая-Триумфальная, соб. домъ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошій заработокъ.

Популярная руководства, заслужившія массу благодарностей:

- 1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ—50 к.
 - 2) Изгот. аккумуляторовъ—40 к.
 - 3) Изгот. сухихъ батареекъ—30 к.
 - 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаци—50 к.
 - 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—40 к.
 - 6) Гальвано-пластина, никкелир., золоч. и пр.—1 руб.
 - 7) Устр. динамо-маш. и электромотор до 500 уатт—1 р. 20 к.
 - 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—65 к.
- Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—25 к., до 3 р.—30 к. и т. д. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.

— **Всѣ 8 руковод. высыл. за 5 р. 35 к.; съ налож. плат.—5 р. 50 к.**

Проекты и отзывы высылаются бесплатно.

Адр.: Техн. М. А. БОГОЛЬНОВУ, Москва, Бол. Козьминскій пер., д. 4—65. 4079

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особый знаній и специальной подготовки. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Готикъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстъ, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткий срокъ. Главн. вним. обращ. на контроск. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. аз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

Всѣ правила легко усваиваются по-мощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стран. Цѣна 2 руб. 50 коп. 4098

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступитъ на службу въ казен., обществ. и частн. устр., формъ прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылк. налож. плат. доп. на 25 к.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить свѣтъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить бобы въ полчаса. Разрѣзать ниткой стекло. Получить облако въ комнатѣ. Взять голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить живій огонь въ свѣчу. Зажечь сухіе дрова водой — и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ, можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цѣна съ пересылкой налож. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, въ редакцію журнала „Отлики Жизни“. Отд. Н. 4099 2-2

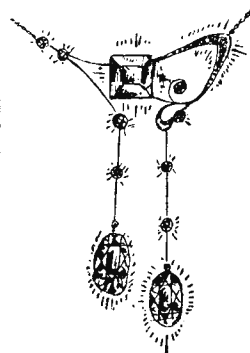
ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНИИ НУЖДАЕТСЯ КАЖДЫЙ

владелецъ торговаго предпріятія. Торговая дѣятельность превратилась въ сложную науку, требующую отъ своихъ представителей серьезныхъ знаній. 2-2

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, желающій поступитъ на службу въ какую-либо контору, банкъ, крупный магазинъ и т. п. долженъ пройти курсъ коммерческихъ наукъ. Лица, находящіеся на должностяхъ, могутъ значительно улучшить свое матеріальное положеніе, если посвятятъ свой досугъ на изученіе коммерческихъ наукъ. Ознакомьтесь съ нашимъ методомъ **заочнаго обученія бухгалтеріи, коммерч. арифметики, коммерч. корреспонденціи, товаровѣдѣнія, техники веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій** и много-много, необходимаго каждому коммерсанту, при помощи изданія нашего **„АКАДЕМІИ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ“**. Краткій проспектъ бесплатно. Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевск., 44-62.

РУССКАЯ КАЛИФОРНІЯ. Страна золота и драгоценныхъ самоцвѣтныхъ камней.

Вышель изъ печати 4 издан. новѣйш. прейсъ-куррантъ на 1916 г., содерж. въ себѣ 1000 роскош. модныхъ рисунковъ вулоновъ, коле, брошей, колецъ, серегъ, запонокъ, булавочекъ для галст., брелоковъ и пр. съ состоящ. цвѣтными камнями красивѣйш. сочетанія.

Таблица составл. камней по мѣсяц. и ихъ алгеорическое значеніе; коллекція минераловъ (научная); шкатулки изъ яшмы, малахита и орлецъ; печати изъ разл. драгоц. камней.

Особый указатель на художеств. издѣлія изъ чужихъ: бюсты императоровъ, полководцевъ, писателей, композиторовъ, фигуры, статуетки, шахматы, черн. приборы и пр. Масса новостей.

Наставленіе какъ сдѣлать старья загрязнен. золотыя вещи соверш. новыми.

Нашъ прейсъ-куррантъ откроетъ русскому обществу истину, что золотыя вещи отечественнаго производства съ подлин. драг. камнями значительно дешевле, практичнѣе и продуктивнѣе германск. и австрійск. бездѣлушекъ со стеклышками.

Тысячи полученныхъ фирмою лести. отзывовъ, въ томъ числѣ отъ чиновъ дѣйствующей арміи, за добросовѣстн. высл. родств. драгоцѣн. подарки.

Прейсъ-куррантъ высылается заказ. бандер. за 50 к. марками, котор. зачтутся въ уплату перваго заказа. Крат. оптовый указатель бесплатно. Адресъ: Г. Екаторинбургъ на Уралѣ, Арсеневскій пр., фирмъ „Уральскій Экспортъ.“ Крупнѣйшее предпріятіе на Уралѣ. 4099

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое бесиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственныи настоящимъ, всесторонне испытанныи Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-ова ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщици Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПОДАРКИ КЪ ПАСХЪ — роскошныя изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ и ПОВѢСТИ П. Н. ПОЛЕВОГО.

Съ 24 эстампами на мѣди и виньетки. К. В. ЛЕБЕДЕВА.
Въ этой книгѣ собраны лучшіе изъ историческихъ разсказовъ и повѣстей П. Н. Полевого, рисунки же К. В. Лебедева ярко воспроизводятъ нравы, обычаи и семейную жизнь нашихъ предковъ.
Роскошно изданная книга, отпечатанная на хорошей бумагѣ, красив. шрифтомъ, 472 стр., въ большую 8 д. л.
Ученымъ Комит. М. Н. П. допущено въ ученическія, старш. возр., библ. средн. учебныхъ завед., мужск. и женск., въ безплатн. народныя читальни и библиотеки.
Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.; въ перепл. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

БОЛЬШОЕ РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ IN-QUARTO Федоръ Петровичъ ГАЗЪ.

Биографическій очеркъ, составлен. А. Ф. КОНИ.
Съ портретомъ Ф. П. Газа, видомъ его могилы, 4 факсимиле и 72 рисунками Е. П. Самонишъ-Судковской.
Имя Ф. П. Газа, этого „святого доктора“, всю свою жизнь посвятившаго страждущему ближнему—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ въ исторіи русской жизни.
Изданіе напечатано на прекрасной бумагѣ крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.
Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ роскошн. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

„Потерянный рай“ — И — „Возвращенный рай“.

Поэма ДЖОНА МИЛЬТОНА.
Съ 50-ю превосходно исполненными картинами ГУСТАВА ДОРЭ. Изданіе второе in folio. Перев. съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійск. текстомъ, примѣчаниями и съ биографіею Мильтона.
Богатая фантазія Мильтона по тѣмъ немногимъ чертамъ, какія даютъ для его сюжета Библія и Апokalипсисъ, рисуетъ широкія картины, мѣстами потрясающей силы.
Цѣна изданія: 1) въ 12-ти выпускахъ—12 руб., съ перес. (въ Европ. Россіи)—13 руб.; 2) въ богатомъ переплетѣ изъ лучшаго англійск. коллен., съ тиснен. золотомъ и красками, съ шагреновымъ корешкомъ — 16 руб., съ пересылок. (въ Европ. Россіи)—17 р. 50 к.

Исторія Русской Словесности

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, полная, подробная, въ общедоступномъ изложеніи,
составленная П. Н. ПОЛЕВЫМЪ.
Въ 3-хъ томахъ, заключающихъ въ себѣ VIII+2013 стр. въ 4 д. л., 953 рис. въ текстѣ, 19 хромолит., отпечатан. многими красками и золотомъ, и 36 отдѣльн. цинкограф. приложений.
Цѣль настоящаго изданія — дать такую „Исторію русской словесности“, при посредствѣ которой каждый русскій человѣкъ могъ бы свободно заглянуть въ историческое прошлое русской мысли и чувства. Въ видахъ всесторонняго выясненія и возможно болѣе нагляднаго представленія предмета, мы украсили ея богатою содержаніемъ многочисленными художественными иллюстраціями и приложениями.
При весьма умѣренной цѣнѣ наше изданіе должно занять видное мѣсто въ числѣ любимыхъ настольныхъ книгъ русской семьи.
Цѣна изданія въ 12-ти вып. — 12 р., съ перес. (въ Европ. Россіи)—13 р. 50 к.; въ 3-хъ перепл. съ кожан. корешками—17 р., съ перес. (въ Европ. Россіи)—18 р. 50 к.

60 „Офортовъ“

собственноручно травленныя на мѣди проф. Ив. Ив. ШИШКИНЫМЪ.
Съ предисловіемъ издателя, оглавленіемъ на русск. и франц. языкахъ и съ приложен. портрета Ив. Ив. Шышкина.
Предлагаемый альбомъ (in folio) является у насъ единственнымъ въ своемъ родѣ изданіемъ, особенно въ виду того, что въ немъ собранъ трудъ всей жизни маститаго художника.
Цѣна альбома въ роскошной папкѣ: 1) на эстампной бумагѣ — 25 р., 2) на китайской бумагѣ — 50 р. и 3) на японской бум. — 100 р. За перес. въ Европ. Россію — 1 руб.

КАРТИНЫ изъ жизни животныхъ.

Очерки и разсказы заслуженнаго проф. Н. П. ВАГНЕРА.
Съ 300 иллюстрац. художниковъ: Ю. Адама, Л. Бекмана, И. Вольфа, А. Вѣрушъ-Ковальскаго, Н. Каразина, А. Квашенко, В. Куерта, Н. Сверчкова, А. Шпекта и Ф. Шпекта.
Рядъ живыхъ, увлекательныхъ очерковъ, которые, вмѣстѣ съ массой прекрасныхъ рисунковъ, говорятъ яснѣе всякихъ многотомныхъ научныхъ сочиненій. — Большая роскошно-иллюстрированная книга въ 4 д. л., около 800 столбцовъ текста съ иллюстраціями.
Цѣна книги, въ красивой папкѣ, съ аквар. Н. Н. Каразина—5 р., съ перес. 5 р. 75 к.

Роскошно-иллюстрированное изданіе in folio: ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА или „МЕРТВЫЯ ДУШИ“.

Поэма Н. В. ГОГОЛЯ, въ 2-хъ частяхъ, съ портретомъ Н. В. Гоголя, 10 гелиограф. и 355 иллюстр.
Въ этомъ роскошномъ изданіи читатель найдетъ обширную галерею типовъ, цѣлую серію пейзажей и видовъ средней полосы Россіи, вереницу реальныхъ бытовыхъ сценъ и тонко подмѣченныхъ художникомъ типичныхъ чертъ русской жизни первой половины минувшаго столѣтія, — однимъ словомъ, цѣлую художественную поэму, дорисовывающую и наглядно выясняющую образы поэмы Гоголя.
Надъ созданіемъ этой художеств. поэмы трудилось, подъ руководит. Гнѣдича, много талантливыхъ иллюстраторовъ, каковы: Андреевъ, Афанасьевъ, Бажинъ, Быстрининъ, Далькевичъ, Козачинскій, Маньковский, Пироговъ, Самокишъ-Судковская, Соломко и Хохлаковъ.
Внѣшность изданія: бумага, печать и воспроизведеніе иллюстрацій не оставляютъ желать ничего лучшаго.
Цѣна изд.: въ 12-ти вып. — 12 р., съ перес. (въ Европ. Россіи) — 13 р. Въ красив. коллен. перепл. съ кожан. корешк. — 16 р., съ перес. (въ Европ. Россіи)—17 р.
Цѣна особо-роскошному изданію на японской бумагѣ—25 р. съ перес. (въ Европ. Россіи) — 26 р.; въ роскошномъ переплетѣ 29 р., съ перес. (въ Европ. Россіи)—30 р.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дожинку паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.
Требованія на чудочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.
Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.
ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

Исторія Искусствъ

(архитектуры, скульптуры, живописи и проч.)
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ
въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи
П. П. ГНѢДИЧА.
4-е изданіе, пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное. Въ 3-хъ томахъ (болѣе 2.000 стр.) in quarto, отпечат. компактнымъ, четкимъ шрифтомъ, на хорошей плотной бумагѣ, и заключающихъ болѣе 2.000 рисунковъ и около 80 отдѣльныхъ приложений — художественно-исполненныхъ хромолитографій (въ 18—25 красокъ) и рисунковъ на цвѣтномъ фонѣ.
„Исторія искусствъ“ служитъ необходимымъ дополненіемъ къ „общей исторіи“ человечества и пополняетъ сухіе факты внѣшней политической жизни народа болѣе цѣнными фактами его внутренней, духовной и бытовой жизни, которая выражается въ цѣломъ рядѣ величавыхъ памятниковъ зодчества, въ живой лѣтописи произведеній скульптуры и живописи. Знаніе исторіи искусствъ является поэтому одною изъ главныхъ основъ общаго образованія, а иллюстрированное изданіе „Исторіи искусствъ“—настольною книгою каждого образованнаго человѣка.
Огромное количество рисунковъ, достигавшее въ прежнемъ изданіи 2.000, отчасти добавлено, отчасти замѣнено значительнымъ количествомъ новыхъ. Художественно-исполненные хромолитографіи (печатанныя въ 18—25 красокъ) даютъ читателю живое представленіе о тѣхъ произведеніяхъ искусства, гдѣ краски и умѣнье ими пользоваться составляютъ главное характерное достоинство произведенія.
Цѣна изданія въ 12-ти выпуск. 15 р., съ перес. (въ Европ. Россіи) — 16 р. 50 к.; въ 3-хъ прочныхъ перепл. 20 р., съ перес. (въ Европ. Россіи)—22 р.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства.
СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
Пишите немедленно! Не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.
Лабораторія КАЛЬТОКО, МОСКВА. Отд. 1 С. Е.

„КАШТАНКА“.

Роскошно-иллюстрир. изданіе in quarto:
Разсказъ А. П. Чехова. 2-е изданіе.
— Съ 55 рис. Д. Н. КАРДОВСКАГО. —
Допущено Учен. Ком. М. Н. Провс.
Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ перепл. 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
Роскошно-иллюстрирован. изданіе in quarto:
„ОТРОКЪ МУЧЕНИКЪ“.
Угличское преданіе.
Повѣсть В. М. Михеева. Съ 30-ю рис. Нестерова, Сурикова и Бемъ.
Допущено Уч. Ком. М. Н. П.
Цѣна книги 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ роскош. перепл.—3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ЖИЗНЬ

№ 11. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 № № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выданъ 12 марта 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/3 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ : Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Хуторъ пана Стаса. Разсказъ Я. Окушева. — „Товарищъ городского головы“. Очеркъ Ф. Ж—та. — Силуэты войны. В. Ропшина. — Стихотвореніе Н. Гумилева. — Заявленіе. — Объявленія.

Р И С У Н К И : Къ взятію Эрзерума (5 рис. и портр.). — Изъ альбома участника войны (6 рис. А. Семенова). — На кавказскомъ фронтѣ (4 рис.). — Снабженіе арміи (5 рис.). — Выдѣленіе полевого гаража изъ мастерской. — Разборка патроновъ. — Контръ-атака. Картина И. Владимірова. — Казачій разъѣздъ, приготовившійся къ атакъ. „Быль казакъ“. 2 фот. полковника Люде. — Сибирскіе казаки. — Женщины за рытвемъ окоповъ (2 рис.). — Послѣ удачной развѣдки. Картина И. Владимірова. — Павшіе въ бою (25 портр.). — Англійскіе моряки и бельгійцы-артиллеристы.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 5.

ДНЕВНИКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

К. Шумскаго.

У Трапезунда и у границъ Месопотаміи.

Параллельно операциі у Вердена, приковывающей къ себѣ всеобщее вниманіе, получаетъ дальнѣйшее развитіе операциі нашихъ войскъ на кавказско-персидскомъ фронтѣ, имѣющая въ свою очередь также свое крупное значеніе. Въ теченіе всего періода, послѣдовавшаго послѣ паденія Эрзерума, наши войска продолжаютъ неизмѣнно продвигаться и на армянскомъ театрѣ и на персидскомъ, продолжаютъ пожинать плоды блестящей Эрзерумской операциі.

Какъ намъ уже приходилось отмѣчать, соотвѣтственно тому, что турки отступаютъ по тремъ направленіямъ, и наши войска продвигаются по тѣмъ же тремъ направленіямъ, т.-е. на сѣверѣ въ направленіи на Трапезундъ, въ центрѣ—въ Константинопольскомъ направленіи, иначе говоря, въ направленіи на Эрзинджанъ и Сивасъ и, наконецъ, на югѣ—въ Месопотамскомъ направленіи. Наибольше быстрый успѣхъ наши войска развили въ южномъ, Месопотамскомъ направленіи, гдѣ скорѣе всего были заняты важнѣйшіе пункты, какъ города Мушь и Битлисъ. Это отнюдь не свидѣтельствовало о томъ, что здѣсь турки были слабѣе всего, такъ какъ, наоборотъ, турки здѣсь оказывали весьма сильное сопротивленіе, и, напримѣръ, Битлисъ пришлось брать штурмомъ. Этотъ быстрый успѣхъ явился послѣдствіемъ главнымъ

образомъ того, что здѣсь, на путяхъ на Мушь и Битлисъ, нами еще до Эрзерумской операциі велись нѣкоторыя подготовительныя операциі, что и дало возможность сравнительно быстро завладѣть обоими столь важными пунктами. Какъ Мушь, такъ и Битлисъ, являясь сами по себѣ довольно крупными административными центрами, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ и стратегическое значеніе, прикрывая путь къ Багдаду, который идетъ черезъ Саэртъ и Дездеире,—путь, извѣстный еще въ древности, по которому отступали 10.000 грековъ Ксенофонта изъ Месопотаміи къ Черному морю.

Занятіемъ Муша и Битлиса окончательно откалывалось правое крыло третей Эрзерумской арміи турокъ, которое должно теперь уже отступать къ Багдаду, отказавшись отъ соединенія съ главными силами Эрзерумской арміи. Такимъ образомъ третья Эрзерумская армія лишалась значительной части своихъ силъ, и, если и ранѣе оказалась неспособной выдержать нашъ натискъ, то уже въ дальнѣйшемъ такая задача для нея невыполнима.

Успѣхъ въ Месопотамскомъ направленіи не ограничился только занятіемъ Муша и Битлиса. Нашъ персидскій экспедиціонный отрядъ, разгромивъ турецко-персидскія банды, организованныя нѣмецкими инструкторами, изумительно быстрымъ маршемъ прорѣзалъ насквозь Персію и въ концѣ февраля появился въ нѣсколькихъ переходахъ отъ границъ Месопотаміи, занявъ пере-

Взятіе Эрзерума. Одно изъ орудій, оставленныхъ турками на форту Меджидіе.

валь къ западу отъ Керманшаха. Движеніе нашихъ войскъ изъ Персіи въ Месопотамію шло по важнѣйшей торговой артеріи Тегеранъ—Ханекинъ—Багдадъ, длиною 750 верстъ, служащей также частью пути отъ Персидскаго залива въ предѣлы Персіи. По этому пути наши войска прошли свыше 550 верстъ, и имъ съ занятіемъ перевала къ западу отъ Керманшаха оставалось менѣе 200 верстъ пути до Багдада и менѣе 80 верстъ до ближайшей границы Месопотаміи.

Изъ этого можно было видѣть, что наши войска, дѣйствующія въ Персіи, оказывались ближе всего къ Месопотаміи, и это вселяло надежду, что, еще ранѣе того, какъ наши кавказскія войска пройдутъ по „пути 10.000 грековъ“ отъ Битлиса къ Багдаду, войска персидскаго экспедиціоннаго корпуса вступятъ въ Месопотамію и окажутся первыми русскими войсками, проникшими въ эту отдаленную и плодороднѣйшую область Турціи.

Какъ извѣстно, въ Месопотаміи давно уже дѣйствовали англійскій экспедиціонный отрядъ генерала Эльмерса. Отрядъ этотъ, высадившійся еще въ началѣ войны въ устьѣ Шатъ-эль-Араба, т.-е. у Персидскаго залива, вначалѣ успѣлъ продвинуться впередъ и подойти довольно близко къ Багдаду, а именно дойти до города Ктизофона, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Багдада. Англичане успѣли занять укрѣпленный турецкій городъ Фао у Персидскаго залива и городъ Басру—весьма важный пунктъ, гдѣ должна была оканчиваться Багдадская желѣзная дорога. Необходимо отмѣтить, что Багдадская желѣзная дорога должна была, собственно, оканчиваться не у Басры, такъ какъ здѣсь песчаные бары позволяютъ океанскимъ пароходамъ входить въ устье Шатъ-эль-Араба только во время большихъ приливовъ. Поэтому-то нѣмцы для выхода Багдадской дороги къ Персидскому заливу и намѣтили другой портъ въ бухтѣ Кувейтъ. Однако отъ

Эрзерумъ. Видъ города съ цитадели.

этой бухты къ Багдадской дорогѣ должна была идти только вѣтвь, а главная магистральная вѣтвь дороги должна была оканчиваться у Басры, почему занятіе Басры англійскимъ экспедиціоннымъ отрядомъ, естественно, имѣло весьма большое значеніе.

Послѣ занятія Басры англичане двинулись далѣе по берегу рѣки Тигра и, какъ мы упоминали выше, дошли до Ктизофона, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Багдада. Это вынудило турокъ притянуть въ Месопотамію значительныя силы, вѣрнѣе сказать, усилить находившіеся здѣсь всегда два корпуса—12-й, расположенный въ Мосулѣ, и 13-й, расположенный въ Багдадѣ. Оба эти корпуса считались у турокъ непосредственнымъ резервомъ для третьей Эрзерумской арміи, почему, несомнѣнно, движеніе генерала Эльмерса въ Месопотамію сыграло свою крупную роль не только въ смыслѣ занятія различныхъ важныхъ пунктовъ, какъ Басра и Фао, но и въ томъ отношеніи, что удержало два турецкихъ корпуса, предназначавшихся въ помощь Эрзерумской арміи турокъ, въ Месопотаміи.

Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ усиленія турецкихъ войскъ въ Месопотаміи, въ силу чего численность ихъ въ этомъ районѣ дошла до цифры не менѣе 60.000—70.000 человекъ, дальнѣйшее движеніе генерала Эльмерса должно было приостановиться. Многочисленныя турецкія войска атаковали небольшой, — какъ сообщали газетныя извѣстія, — 10.000-й отрядъ генерала Эльмерса, вслѣдствіе чего генералъ отошелъ на нѣсколько переходовъ назадъ, къ Кутъ-эль-Амару. Далѣе турки продвинуться не могли, несмотря на свою многочисленность, и здѣсь генералъ Эльмерсъ занялъ выжидательную позицію. Дальнѣйшее его продвиженіе всецѣло предопредѣлялось успѣхами нашихъ кавказскихъ войскъ, и, дѣйствительно, какъ мы видѣли послѣ паденія Эрзерума и разгрома турецко-персидскихъ бандъ въ Персіи, наши войска подошли на 80 верстъ къ Месопотаміи и на 200 верстъ къ Багдаду. Такимъ образомъ турецкія войска въ Месопотаміи оказываются подъ угрозой съ двухъ сторонъ — со стороны нашего персидскаго экспедиціоннаго отряда и со стороны англійскаго отряда, не считая

Эрзерумъ. Видъ на базаръ и цитадель.

Взятие Эрзерума. Турецкія знамена, отнятыя у турокъ.

того, что въ Месопотамскомъ направленіи угрожаютъ еще войска, двигающіяся отъ Битлиса по „пути 10.000 грековъ“.

Въ силу уже одного этого турки, послѣ паденія Эрзерума, оказались вынужденными охранять не только главное направленіе „Константинопольское“, т. е. путь на Сивась, Ангару къ Босфору, но и свои владѣнія въ Месопотаміи, что должно было привести ихъ къ разброскѣ силъ и къ разброскѣ тѣхъ подкрѣпленій, которыя они выслали въ Азію. Однако не только въ этихъ двухъ районахъ создавалась опасность для турокъ, но, какъ оказалось впоследствии, для нихъ создалось весьма серьезное положеніе и въ третьемъ районѣ, а именно въ районѣ Трапезунда.

Намъ уже приходилось отмѣчать, что этотъ районъ, или такъ называемый приморскій фронтъ, всегда служилъ райономъ, откуда турки стремились угрожать направленію на Батумъ. Этимъ опредѣлялась особенная важность Приморскаго района, а труднодоступными мѣстными условиями этого района, гдѣ пролегли Лазистанскія горы, опредѣлялась его, такъ сказать, „тактическая цѣнность“. Здѣсь турки чувствовали себя всегда прочно и съ самаго начала войны предпринимали отсюда рядъ операций въ нашу сторону, закончившихся обходнымъ движеніемъ къ Ардагану, гдѣ они и были разбиты.

Послѣ этого разгрома турки отошли въ горы Приморскаго района и обосновались здѣсь довольно прочно. Когда нашими войсками былъ взятъ Эрзерумъ, турки продолжали сидѣть въ Приморскомъ районѣ, но положеніе ихъ тамъ уже значительно поколебалось, вслѣдствіе того общаго ослабленія, которое должно было явиться неминуемымъ результатомъ паденія Эрзерума. Это обстоятельство дало нашимъ войскамъ возможность развить энергичныя дѣйствія въ Приморскомъ районѣ, приведшія сначала къ занятію небольшого приморскаго селенія Архаве, затѣмъ болѣе крупнаго приморскаго пункта Вице. Дальнѣйшее продвиженіе по берегу Чернаго моря представляло значительныя трудности, такъ какъ здѣсь проходитъ только одна горная тропа, движеніе по которой можетъ совершаться лишь крайне медленно.

Поэтому нашими войсками было задумано и блестяще выполнено весьма смѣлое предпріятіе—десантъ у города Атины, въ тылъ турецкимъ войскамъ приморскаго фронта. Этотъ десантъ, произведенный при содѣйствіи судовъ Черноморскаго флота, вынудилъ турокъ поспѣшно очистить всѣ позиціи до Атины, а затѣмъ наши войска стали преслѣдовать ихъ по направленію къ Трапезунду. Здѣсь по пути находилась весьма важная гавань Ризе, которая по своимъ природнымъ свойствамъ не хуже Трапезунда. Въ эту гавань турки все время возили различнаго рода запасы и снабженіе для приморской группы своихъ войскъ, и вообще гавань Ризе была базой для турецкихъ войскъ, оперировавшихъ въ Приморскомъ и Батумскомъ направленіяхъ.

Значеніе гавани Ризе опредѣляется тѣмъ, что весь берегъ Чернаго моря отъ нашей границы до Трапезунда имѣетъ прямолинейное начертаніе, почему и открытъ для господствующихъ

здѣсь сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Единственное надежное укрытіе этотъ берегъ даетъ только въ заливѣ Ризе, а на остальномъ пространствѣ онъ позволяетъ укрываться только мелко сидящимъ паруснымъ или моторнымъ судамъ въ нѣкоторыхъ незначительныхъ заливахъ. Къ этому надо добавить, что самый заливъ Ризе отличается значительной глубиной: глубина эта уже въ 100 сажняхъ отъ города доходитъ до 5 сажень, а въ полуверстѣ отъ города—до 10 сажень. Близъ залива Ризе находится мысъ Періосъ, на которомъ у турокъ имѣлись маякъ и двѣ казармы. Этотъ маякъ и обѣ казармы были разрушены нашимъ Черноморскимъ флотомъ еще въ прошломъ году.

Пароходы обыкновенно останавливаются въ хорошую погоду на открытомъ рейдѣ Ризе. Такъ какъ дующіе здѣсь въ непогоду сѣверо-западные вѣтры опасны для судовъ,

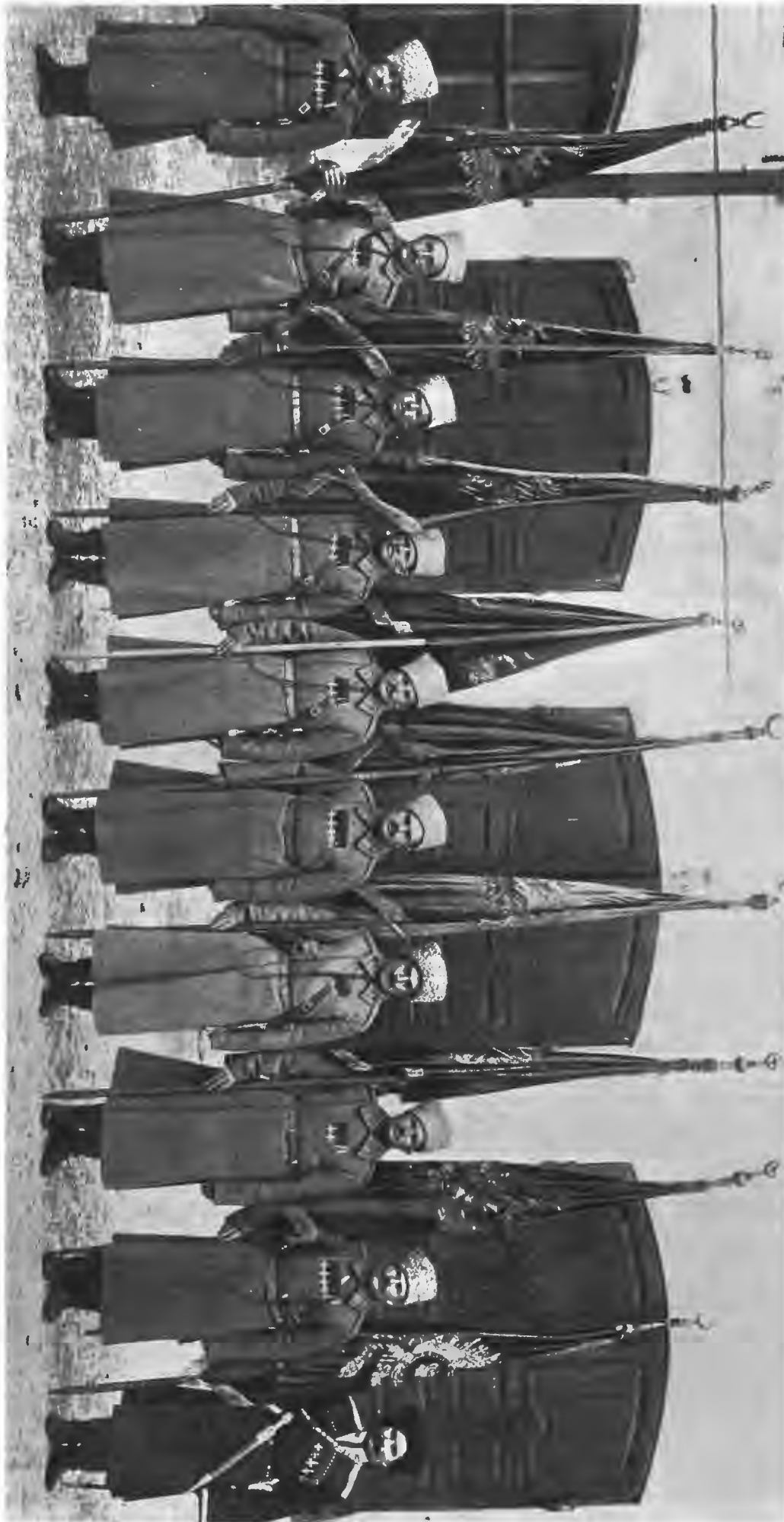

то въ этихъ случаяхъ они пользуются для укрытія восточной частью залива Ризе, называемой Бююкъ-Лиманъ. Это мѣсто настолько хорошо укрываетъ отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, что здѣсь даже зимуютъ мелкія парусныя суда.

Наконецъ въ верстахъ въ 30 къ западу отъ Ризе находится другой, хорошо укрытый отъ вѣтровъ рейдъ Сюрмене, также достаточно глубокой и также могущій служить убѣжищемъ для судовъ флота. Въ городѣ Ризе насчитывается населенія до 5.000 чело-вѣкъ. Этотъ городъ является еще административнымъ центромъ Лазистанскаго санджака и служитъ мѣстопробываніемъ турецкаго губернатора Лазистана.

При такихъ условіяхъ, занятіе нашими войсками города Ризе, послѣдовавшее черезъ нѣсколько дней послѣ

Капитанъ Александръ Григорьевичъ Коніевъ, вступившій первымъ во главѣ своихъ дружинъ въ Эрзерумъ. Высочайше награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени Собственноручно Его Величествомъ Государемъ Императоромъ въ Царскомъ Селѣ, куда командированъ былъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ кавказской арміей, какъ доблестный представитель геройской арміи, съ турецкими знаменами, взятыми въ Эрзерумѣ.

Нъ взятію Эрзерума. Девять турецкихъ знаменъ, взятыхъ нашими доблестными войсками наивазной арміи. Знамена были доставлены въ Петроградъ командированными съ фронта чинами наиболее отличившимся при взятіи Эрзерума воинскими частямъ, георгиевскими кавалерами.

занятія Атины, давало значительныя выгоды и не только намѣчало близкую къ Трапезунду базу для нашего флота, но и лишало вмѣстѣ съ тѣмъ турокъ важнѣйшей опорной точки, базы для ихъ войскъ приморскаго фронта. Это означало такой же разгромъ лѣваго крыла третьей турецкой арміи, потерявшаго одну изъ важнѣйшихъ своихъ базъ, какой разгромъ испытало правое крыло третьей турецкой арміи послѣ взятія Муша и Битлиса. Это приближало насъ къ Трапезунду, являющемуся, какъ извѣстно, той единственной и важнѣйшей точкой, черезъ которую производится все питание третьей Эрзерумской арміи турокъ, и черезъ которую идетъ все сообщеніе этой арміи съ Константинополемъ.

Изъ ряда этихъ событій, послѣдовавшихъ послѣ взятія Эрзерума, можно было уже опредѣленно видѣть, что операція у Эрзерума не только отдала въ наши руки эту крѣпость, но, самое главное, привела къ разгрому „живой силы“, къ полному разгрому самой турецкой арміи. Отъ этой арміи, понесшей громадныя потери у Эрзерума, потерявшей такія важныя базы, какъ Битлисъ, Мушь и Ризе, остался только одинъ центръ безъ утерянныхъ и отлетѣвшихъ правого и лѣваго крыльевъ. Этотъ центръ отступилъ на Эрзинджанъ и Сивасъ, ожидая прибытія подкрѣпленій, и турки, бросившіе всѣ свои наступательныя планы и въ Европѣ и въ Египтѣ, дѣйствительно выслали все, что могли, по длинному 1.000-верстному пути Константинополь — Ангара — Сивасъ — Эрзинджанъ. Однако впереди предстояла распутица, наступающая въ мартѣ мѣсяцѣ въ этомъ районѣ, почему никакихъ надеждъ на возвращеніе утеряннаго турки, во всякомъ случаѣ, питать не могли.

Хуторъ пана Стася.

Разсказъ Я. Окунева.

Нельзя сказать, чтобы владѣнія пана Стася были обширны. Если бы не особенно долговязый человекъ съдѣлалъ нѣсколько сотенъ шаговъ отъ Малыхъ Могильниковъ до вѣтряной мельницы, а потомъ шагаль бы съ четверть часа по межѣ — границѣ помѣстья пана Стася съ землякомъ Гдовской гмины, онъ обошелъ бы всю усадьбу вдоль и поперекъ.

Да и не усадьба это, а хуторъ, и даже не хуторъ, а хуторокъ. Но панъ Стась приказалъ, чтобы его лоскутокъ земли назывался помѣстьемъ, и войтъ Брониславъ въ присутствіи пана поставилъ у дороги полосатый столбъ съ дощечкой:

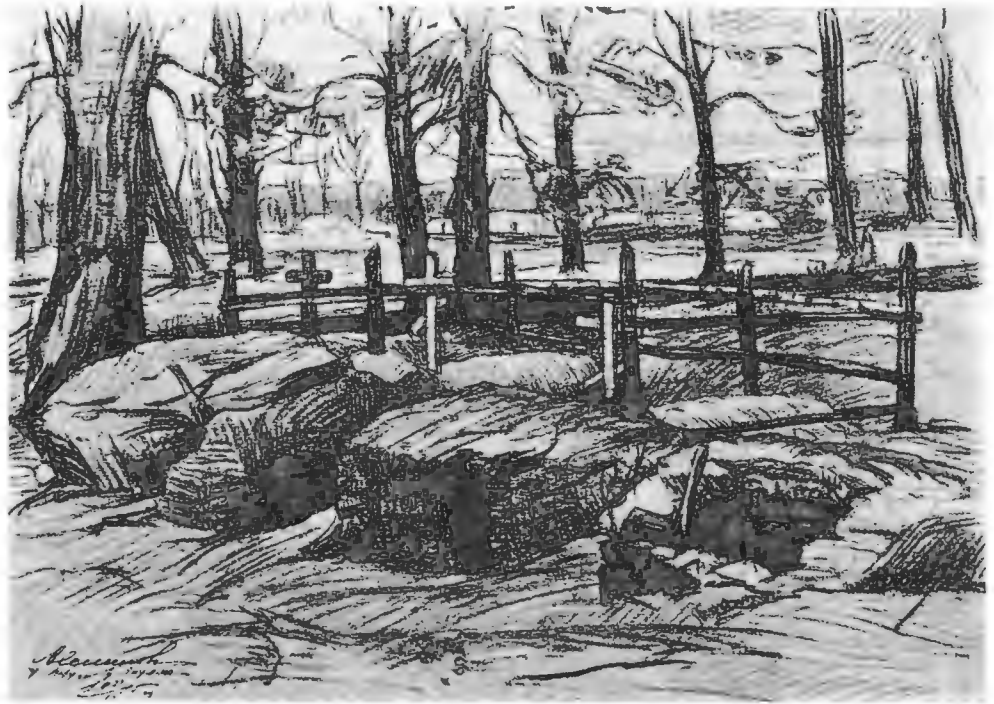
„Помѣстье Кшекутовка дворянина пана Станислава-Адама-Конрада Кшекутскаго“.

Тамъ, гдѣ дорога пересѣкаетъ усадьбу, стоитъ будка и шлагбаумъ. Въ будкѣ живетъ сторожъ Янъ, который такъ старъ, что, кажется, время потеряло счетъ его лѣтамъ.

Ночью Янъ обходитъ дозоромъ владѣнія пана Стася, а днемъ сторожитъ заставу. Когда по каменному тракту загремитъ бричка, подымая клубы пыли, Янъ, кряхтя и жуя что-то губами, плетется изъ будки къ заставѣ и спрашиваетъ:

— А кто тамъ ѣдетъ?

Ему отвѣчаютъ, къ примѣру, такъ:

Могилы героевъ.

— Панъ Владекъ изъ Гдова.
— Куда ѣдетъ вельможный панъ?
При словѣ „вельможный“, панъ Владекъ, который слу-

Похороны.

Изъ альбома участника войны. Рисунки А. Семенова.

жить писаремъ въ Гдовской управѣ, поглаживаетъ усы и, откинувшись въ бричку, отвѣчаетъ басомъ:

— Я имѣю честь ѣхать въ Люблинъ къ пану губернатору.

Отъ писаря Владека до пана губернатора такъ же далеко, какъ отъ земли до той звѣзды, которая ярко свѣтитъ надъ лѣсомъ, но человѣку не грѣхъ иной разъ повеличаться, когда Богъ посылаетъ такой счастливый случай.

Янъ съ четверть часа чешетъ затылокъ, а потомъ, обратившись къ кучеру, говоритъ:

— Помогни же мнѣ, братику, поднять шлагбаумъ. Онъ, чортъ сынъ, потяжелѣлъ-таки за послѣдніе годы.

И, пропустивъ бричку, машетъ своей облѣзлой барашковой шапкой:

— Побѣжайте, панове, и да хранить васъ Пресвятая Дѣва.

Если провѣзжій панъ изъ этихъ мѣстъ, онъ знаетъ обычай, установленный паномъ Стасемъ. Онъ велитъ остановить лошадей у крыльца, подымется по скрипучимъ ступенямъ въ покои и прикажетъ доложить о себѣ.

Опираясь на пadoжокъ, медленно и величаво выйдетъ ему навстрѣчу панъ Стась, высокій старикъ съ длинными усами и еще молодыми глазами,—выйдетъ, осмотритъ гостя и спроситъ:

— Кажется, панъ Иеронимъ?

Гость учтиво поклонится ему и подтвердитъ:

— Совершенно вѣрно. Я вашъ соседъ, панъ Иеронимъ Звоно-ровский.

И, кивнувъ головою, скажетъ панъ Стась:

— Иди, панъ, въ столовую. Тамъ есть для гостей такой медъ, что ты будешь до самаго Гдова щелкать языкомъ, вспоминая о немъ.

Разумѣется, панъ Иеронимъ—не дуракъ выпить.

Уже застоялись лошади у крыльца, уже кучеръ, навѣдавшись въ людскую, давно выводитъ на сѣновалѣ носомъ такія диковинныя пѣсни, что пѣтухъ, заглянувшій ненарокомъ въ сѣноваль, выскочилъ отсюда въ великомъ страхѣ и съ тревожнымъ „дукареку“. А панъ Иеронимъ все сидитъ въ столовой и все требуетъ меду, смачно прищелкивая языкомъ и поглаживая свой рыжий усъ.

Къ вечеру, когда ясный день закроетъ свои золотыя рѣсницы и отъ усатой пшеницы потянетъ прохладою,—въ отяжелѣвшей головѣ пана мелькнетъ смутная догадка, что пора и честь знать.

Но ноги пана взбунтовались. Онъ не хотая ити къ дверямъ, а упрямо несутъ панское тѣло къ старому кожаному дивану. И, повалившись на диванъ, панъ погоняетъ свои ноги:

— Н-но, лайдаки, но-о, песья ваша кровь! Идите домой, говорю вамъ!

Панъ Иеронимъ старъ и помнить еще то время, когда по праздникамъ у крыльца пана Стася стояли брички, бѣгунки, пролетки, кареты и такіе экипажи, которыхъ знала еще Рѣчь Посполитая временъ короля Сигизмунда. Въ большой залѣ, гдѣ теперь сложена пенька и старая сбура, горѣли въ люстрахъ восковыя свѣчи, играла музыка, и панъ Стась въ первой парѣ съ панной Вандой изъ Лукшешекъ начиналъ полонезъ. На одномъ плечѣ у панны Ванды червоной шелковая шаль, а въ черныхъ волосахъ горѣла діадема изъ рѣдкихъ камней. И когда кончался танецъ, панъ Стась усаживалъ панну Ванду въ ея кресло и подносилъ ей свою золотую табакерку съ венгерскимъ табакомъ.

На бивуакѣ.

Изъ альбома участника войны. Рисунки А. Семенова.

Боевые товарищи.

Это было очень давно. Тогда застава была за той горой, которая сибѣется далеко за лѣсомъ. Рѣчка Гдовка вонзалась серпомъ во владѣнія пана Стася, а на крутомъ правомъ берегу Гдовки сверкала золотыми сгѣлками рожь или лосился зеленымъ шелкомъ синеокой лѣнъ. Когда же Гдовка заливала весною пологій лѣвый берегъ, воды ея поили поемные дуга пана Стася, на которыхъ паслись табуны лошадей, отары овецъ, стада коровъ.

Когда, бывало, хмурый октябрь запорошитъ дороги снѣгомъ и покроетъ молодымъ ледкомъ болота и лужи, панъ Стась выѣзжалъ на охоту.

Феликсъ въ аломъ кунтушѣ выводилъ изъ исарни свору собакъ на серебряныхъ цѣпочкахъ, а конюхъ Яцекъ сѣдлалъ бѣлую лошадь, трепетавшую вѣемъ своимъ стройнымъ тѣломъ и прядавшую острыми ушами.

Панъ Стась вдѣвалъ ногу въ стремя, а ловчій Тарквиній трубилъ въ рогъ,—и тогда начиналась потѣха.

Эхъ, вымерли теперь такіе люди, какъ панъ Стась, перевелись добрые обычай въ Польшѣ-матери, и стали рѣже лѣса, мельче хутора, суетливѣе сѣдлались люди.

Бывало, сидитъ панъ Стась на крыльцѣ и глядитъ на дорогу, покуривая трубку.

— Эй, Тарквиній, погляди, кто тамъ ѣдетъ съ колокольчикомъ.

— Капитанъ-исправникъ ѣдетъ изъ Гдова.

— А какъ онъ смѣетъ ѣздить по нашей землѣ, не подвязавъ колокольчика? Вѣги, Тарквиній, скажи, чтобы не вѣжа поворачивалъ оглобли назадъ.

Но колокольчикъ звенитъ слышнѣе, а у самаго крыльца челядь пана Стася осаживаетъ исправничью тройку:

— Стой!

— Какъ вы смѣете! Я буду жаловаться губернатору.

— А мнѣ наплевать на твоего губернатора, — покручивая усы, говоритъ панъ Стась.—Ну-ка, выѣзжай, панъ исправникъ. У меня нѣтъ партнера.

Капитанъ-исправникъ хмуритъ брови и молчитъ.

— Отпрягайте коней! — приказываетъ панъ. — Ты, Феликсъ, ступай въ пивницу за водкой. У меня, капитанъ, есть столѣтняя водка, да такая, что це-це-це! — щелкаетъ панъ языкомъ.—Выѣзжай, панъ, мнѣ скучно.

— Я везу срочныя бумаги,—колеблется исправникъ и заноситъ уже одну ногу на подножку брички.

— Къ дьяволу бумаги! Мнѣ скучно.

Черезъ полчаса съ крыльца несетъ густой басъ капитана:

— Валеть червей...

У орудія.

его знаетъ, что еще такое. А тотъ, кто ихъ написалъ, думаетъ, что онъ открылъ Америку.

— Но идея, панъ Стась!

— Идея? У тебя, Зброжекъ, не голова, а пустая фляжка изъ-подъ бенедиктину, который мы выпили въ прошломъ году. Одинъ человекъ бѣтъ цыпленка, и оттого у него одна идея. Другой жретъ капусту, и у него другая идея. Ибѣтъ, если ты не дуракъ, напиши мнѣ, что бѣтъ Наполеонъ, который, можно сказать, завоевалъ полміра.

— Если бы идея происходила отъ бѣды, я бѣтъ бы то же, что и Паганини.

— И остался бы такимъ же осломъ, какой есть! Эхъ, Зброжекъ, Зброжекъ! Сколько люди выдумали словъ, сколько словъ! И нашлись такіе дурни, которые изъ-за этихъ словъ лѣзли въ огонь и умирали. А что такое слово? Звукъ. Вотъ играетъ шампанское, искрится, пѣнится, шипитъ. Такъ и въ человекѣ играетъ кровь, а онъ отъ этого лѣзетъ на стѣну и дѣлаетъ глупости. Здравъ къ небу морду и выпятивъ грудь, онъ горланитъ, какъ мой бѣтухъ, котораго сегодня же кухарка зарѣжетъ и оццилетъ: „Идея!“

— Те-те-те,—звенитъ тенорокъ пана.—Бью его королемъ. Что събѣлъ, панъ капитанъ?

Какъ-то разъ Тарквиній доложилъ пану:

— Пришелъ человекъ какой-то и называетъ себя вашимъ родственникомъ Юліаномъ Зброжекомъ изъ Станиславова.

— А гдѣ онъ, этотъ Зброжекъ или Мрожекъ, сатана его знаетъ, какъ его зовутъ?

— Въ людской, панъ. Его нельзя было пустить въ покой, потому что отъ него несетъ, какъ изъ винницы.

— А хоть бы и такъ. Разъ онъ называетъ себя моимъ родственникомъ, его нельзя принимать въ людской.

Юліанъ Зброжекъ изъ Станиславова былъ худъ и оборванъ, но зато носъ его распѣлъ, какъ спѣлая малина.

— Ты говоришь, что тебя зовутъ Зброжекомъ. Но побей меня громъ, если я знаю, кто такіе эти Зброжеки.

Юліанъ Зброжекъ поклонился и сказалъ:

— Я вашъ родственникъ по женской линіи.

— Ага, по женской! Это хорошо, что такъ. Позови-ка, Тарквиній, нашу сестру панну Марію.

Когда панна Марія пришла, панъ Стась показалъ ей на гостя:

— Вотъ это Зброжекъ.

— Ну?

— Этотъ Зброжекъ говоритъ, что онъ мой родственникъ по женской линіи.

Если наши родственники по женской линіи любили выпить, Стась, то у Зброжека есть фамильная черта.

Фамильная черта Зброжека произвела на пана Стася сильное впечатлѣніе.

— Ты умѣешь пить, Зброжекъ?

— Умѣю.

— И меня перепьешь?

— Перепью.

— Врешь! Феликсъ, подай-ка намъ водки.

Сначала панъ Стась не отставалъ отъ Зброжека. Но потомъ сдался и, удивленно поднявъ брови, слѣдилъ, какъ тотъ опрокидывалъ рюмку за рюмкой.

— Ты не пьянъ еще, Зброжекъ?

— Ни въ одномъ глазу.

— А ну, скажи „Богородицу“.

Зброжекъ сказалъ „Богородицу“ и ни разу не сбился.

— Побей меня громъ,—воскликнулъ панъ Стась:—если я понимаю что-нибудь! Выпилъ пять бутылокъ, а чешетъ, какъ каноникъ.

Панъ Стась полюбилъ Зброжека и не разставался съ нимъ. Цѣлыми часами они спорили.

Какъ ты думаешь, Зброжекъ, книги пишутъ умные люди?

— Разумѣется, панъ Стась.

Ду-ракъ! Писатели—идіоты и лгуны. Вотъ смотри. Тутъ напечатаны стихи. Что такое стихи? Столъ-поль-коль-воль и чортъ

Бѣженцы (Волынской губ.).

Изъ альбома участника войны. Рисунки А. Семенова.

„Подвиг!“ „Кукареку!..“
Идиоты!

Панъ Стась былъ эмпирикомъ, а Зброжекъ — идеалистомъ чистой воды. Панъ Стась любилъ осязать жизнь руками, а Зброжекъ виталъ надъ звѣздами. По ночамъ Зброжекъ игралъ у себя въ мезонинѣ на скрипкѣ грустныя пѣсни, а панъ Стась слушалъ ихъ у себя внизу и ворчалъ:

— Подъ музыку можно танцевать. А музыка безъ танцевъ—для чего она?

Или стучать палкой въ потолокъ:

— Эй, родственникъ по женской линіи, перестань тамъ выть!

Однажды панъ Стась сказалъ Зброжеку:

— Слушай, родственникъ. Видишь ты тотъ лѣсъ, который растетъ въ нашей усадьбѣ? Это дорогой лѣсъ — папирголецъ. Изъ него дѣлаютъ бумагу, а бумага теперь дороже хлѣба, потому что у людей въ наше время много дармоѣдовъ, которые только то и дѣлаютъ, что пишутъ книги. Такъ вотъ, Зброжекъ, я пошлю тебя за границу. Ты сдѣлаешься механикомъ, выстроишь заводъ и будешь дѣлать бумагу для бездѣльниковъ. Пусть себѣ пишутъ.

У Зброжека была своя мысль. Ему всего двадцать шесть лѣтъ, и онъ могъ бы сдѣлаться артистомъ.

И когда онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, то написалъ пану Стаю, что лучшее занятіе въ мірѣ—музыка.

Тогда панъ Стась приказалъ Тарквинію свезти на станцію такую телеграмму:

На кавказскомъ фронтѣ Обозъ

„Женская линія—ерунда. Не пошлю ни злата“.

Послѣ этого Зброжекъ понялъ, что шутки плохи, и покорился пану Стаю, за что получилъ триста рублей на карманныя расходы.

Черезъ четыре года панъ Стась получилъ телеграмму о томъ, что Зброжекъ завтра будетъ въ Кшекутовкѣ.

— Онъ пишетъ: выѣзжаю,—сказалъ панъ Тарквинію.—А мнѣ какое дѣло до того, что онъ выѣзжаетъ. Это лошади должны знать, а не родственникъ по женской линіи.

Тарквиній сочувственно закивалъ головою:

На кавказскомъ фронтѣ. Кара-Дербентскій проходъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Продовольственный транспортъ въ горахъ.

— Такъ, панъ, такъ. Сколько денегъ послано, сколько денегъ съѣлъ этотъ Зброжекъ!

— Ничего не понимаешь,—сурово оборвалъ его панъ. — Плевать мнѣ на деньги! Я хочу, чтобы у меня не стоялъ даромъ папиргольць, и хочу, чтобы Зброжекъ былъ мастеромъ. Да! А теперь проваливай!

Когда Зброжекъ переѣзжалъ границу, въ немъ было еще достаточно чувства достоинства и самостоятельности. Онъ говорилъ себѣ:

— Этотъ старый пѣтухъ, который сидитъ тамъ у себя, въ Кшекутовкѣ, думаетъ, что я его боюсь. Чтѣ изъ того, что я музыкантъ, а не механикъ? Развѣ музыкантъ хуже механика? Правда, Броничка?

Броничка была бѣлокурая подруга Зброжека и обладала глазами такой ясной синевы, которой не увидишь даже въ лѣтнемъ небѣ въ Польшѣ.

Въ Лондонѣ Броничка пѣла на подмосткахъ игривыя пѣсенки. Когда Зброжекъ увидѣлъ Броничку, онъ рѣшилъ, что артисту нужна подруга, такъ какъ душа артиста безъ женщины не вдохновляется, не трепещетъ, не горитъ отъ сладкаго томленія по міру неизъяснимой красоты.

Когда Броничка увидѣла Зброжека, то вспомнила далекую Польшу, вспомнила, какой тамъ пушистый снѣгъ, какое тамъ чистое небо и яркія звѣзды. Съ той поры Броничка стала жить на чердакѣ Зброжека.

Броничка была расчетливой. Для того, чтобы вернуться въ Польшу, она откладывала шиллинги. Она копила ихъ въ шерстяныхъ чулкахъ, и у нея было уже три чулка денегъ.

Конечно, такая сберегательная касса крайне ненадежна, и вотъ въ одно туманное лондонское утро Броничка увидѣла, что всѣ три чулка испарились. А такъ какъ наканунѣ отъ нея ушла ея прислуга Мэри, то ясно было, что Мэри взяла себѣ на память сберегательную кассу Бронички.

Броничка плакала съ восьми часовъ утра до половины перваго пополудни, до тѣхъ поръ, пока пришелъ Зброжекъ. Когда она рассказала Зброжеку о своемъ несчастіи, о томъ, что она никогда не увидитъ Польши, Зброжекъ сказалъ:

— Ты глупая. Развѣ я оставлю тебя? А для того, чтобы пѣтухъ изъ Кшекутовки не могъ насъ раздѣлить, пойдемъ сейчасъ вѣнчаться.

Итакъ, Броничка сдѣлалась панной Зброжекъ. Это обстоятельство сейчасъ же отразилось на цвѣтѣ носа Зброжека, который мало-по-малу потерялъ свою радужную окраску.

До границы Зброжекъ насвистывалъ

марсельезу. Но, приближаясь къ Кшекутовкѣ, онъ перешелъ съ марсельезы на шопеновскій вальсъ, потомъ отъ вальса къ похоронному маршу и наконецъ обратился къ Броничкѣ:

— Знаешь чтѣ, Броня: когда мы подѣдемъ къ усадьбѣ, ты слѣзешь съ брички и подождешь меня въ людской. Потому что, понимаешь, женская линія—это не такъ прочно...

Панъ Стась встрѣтилъ Зброжека такъ:

— А, Зброжекъ, здравствуй! Погоди, не вертись ты, какъ въонъ. Пить бросилъ—это видно по носу... Теперь вытри губы. Я терпѣть не могу, когда у человѣка мокрыя губы.

Трижды расцѣловавшись съ Зброжекомъ, панъ Стась потребовалъ у него дипломъ.

Сначала Зброжекъ сказалъ, что дипломъ украли по дорогѣ карманные воры, потомъ объяснилъ, что англичане не любятъ заниматься письмоводствомъ и не выдаютъ писанныхъ дипломовъ, наконецъ, припертый къ стѣнѣ, сознался:

— У меня есть дипломъ, только не такой: у меня дипломъ музыкальной академіи.

Панъ Стась сжалъ кулаки и насупилъ брови.

— Та-акъ,—сказалъ онъ.—Вѣдь ты лайдакъ. Вѣдь ты знаешь, что Зброжекъ и Кшекутскій такіе же родственники, какъ орелъ и сивая кобыла. Я полюбилъ тебя, какъ сына, а ты четыре года лгалъ. Мой папиргольць пропадетъ даромъ, а ты четыре года

На кавказскомъ фронтѣ. Команда связи.

пиликалъ на скрипкѣ. Лайдакъ ты! Купи себѣ обезьяну и ходи со скрипкой по дворахъ. Да! А я тебя не хочу видѣть.

Зброжекъ ушелъ въ мезонинъ и ждалъ. Онъ зналъ, что панъ Стасъ позоветъ его. Надо только подождать.

Черезъ часъ панъ Стасъ спросилъ Тарквинія:

— Гдѣ этотъ бездѣльникъ?

— Наверху.

— Дайте ему пообѣдать...

Стой, Тарквиній, куда спѣшишь? Возьми изъ пивницы водку, — знаешь, ту водку, которая запечатана моею печатью. Пусть жретъ ее, окаянный. И скажи ему, чтобы къ вечеру собрались свои бабы и убирался въ свой Станиславовъ.

Вечеромъ панъ Стасъ снова позвалъ Тарквинія.

— Убѣхалъ?

— Нѣтъ.

— Позови его сюда, и пусть принесетъ свою скрипку.

Когда Зброжекъ пришелъ, панъ Стасъ повернулся къ нему спиной и сказалъ Тарквинію:

— Я не хочу разговаривать съ нимъ. Передай ему, чтобы онъ сыгралъ какую-нибудь штучку изъ тѣхъ, которыми выучили его лондонскіе жулики.

— Панъ проситъ сыграть штучку, — передалъ приказаніе Тарквиній.

Хорошо игралъ Зброжекъ. Со струнъ его срывались не звуки, а искры, и жгли эти искры сердце пана Стаса, такъ невыносимо жгли, что онъ сказалъ, задыхаясь:

— Хватить, Зброжекъ. Играешь ты не плохо. Но развѣ за музыку люди платятъ хорошія деньги? А если платятъ, то прилично ли родственнику пана Станислава Кшекутскаго быть музыкантомъ?

Зброжекъ молчалъ. Можно было бы сказать этому пѣтуху, что даже короли считаютъ за честь дружбу съ знаменитыми музыкантами, что дворянство дается людьми, а дарованіе — Богомъ. Но Зброжекъ сердился на пана и не хотѣлъ разговаривать съ нимъ.

— Те-те-те! Ты сердитъ, Зброжекъ? А ну-ка, Тарквиній, принеси намъ меду. Можетъ-быть, наше родство возстановится.

Тарквиній принесъ меду. Но вмѣстѣ съ нимъ, по уговору съ Зброжекомъ, вошла Броничка.

Снабженіе арміи. Реквизиція лошадей.

— Это еще кто?—спросилъ, насупя брови, панъ Стасъ.

— Это моя жена, панъ.

— Жена? Если ты родственникъ, то надо было меня спросить, можно ли тебѣ жениться. Ты спросилъ? Нѣтъ... Тарквиній, унеси къ дьяволу медъ. А ты собери свои вещи. До свиданія.

И все-таки панъ Стасъ, замѣтивъ, какіе глаза у Бронички, спросилъ ее:

— Какъ тебя зовутъ?

— Бронислава, панъ.

— Слушай, Бронислава, вотъ тебѣ сто рублей и оставь мнѣ Зброжека,

— Я не пойду безъ него.

— Чтѣ-о?! Не хочешь? Значитъ, я больше не родственникъ? Слушай, триста рублей возьмешь?

Броничка заплакала, а Зброжекъ, сжавъ кулаки, крикнулъ:

— Ты не смѣешь, панъ Стасъ!

Панъ Стасъ не могъ терпѣть женскихъ слезъ. Кромѣ того, у этой лайдачки были такіе глаза, что—ну! Онъ отдалъ бы ей и пятьсотъ рублей, лишь бы она перестала плакать. Но уступить—никогда!

— Помѣсти ихъ, Тарквиній, во флигель, и пусть никогда мнѣ не показываются на глаза.

Снабженіе арміи. Скотъ, пригнанный для убоя въ дѣйствующую армію.

Въ полночь панъ Стась позвалъ опять Тарквинія.

— Тамъ, во флигелѣ, натоплено?

— Натоплено.

— Не жалѣй дровъ, Тарквиній, а не то во флигелѣ заведется сырость... Что они, легли уже?

— Легли.

— А какъ ты думаешь: вѣдь этотъ панирголецъ, что растеть на горѣ, не очень хорошъ?

— Совсѣмъ плохъ, панъ.

— А вѣдь Зброжекъ хорошо играетъ на скрипкѣ?

— Удивительно!

— А глаза у этой, какъ ее? Бронислава или Мечислава?

— О, панъ, глаза!

— О-охъ, Исусъ-Марія! Пора спать, Тарквиній.

Когда Зброжекъ поселился во флигелѣ, пану Стасю было sorrow пять лѣтъ. Онъ прожилъ свой вѣкъ безъ женщины, а панну Марію, свою сестру, только терпѣлъ. Она пріѣхала къ нему лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда умеръ ее мужъ, а имѣние пошло съ молотка.

Панъ Стась встрѣтилъ ее такъ:

— Пріѣхала? Зачѣмъ ты пріѣхала?

— Некуда дѣваться, Стась. Казя умеръ, имѣние продали за долги.

— Я всегда говорилъ, что изъ тебя никакого толка не будетъ. Развѣ у добрыхъ людей продаютъ имѣнія? И потомъ: зачѣмъ у тебя умеръ мужъ?

— Божья воля, Стась.

— Пусть такъ. Живи. Только помни: безъ зова въ мой покон не входи. Отъ женщины дурно пахнетъ, какъ отъ пса, хотя бы она и была сестрою. Я убѣжденный женофобъ, Марія.

Женофобство пана Стася началось давно, съ тѣхъ поръ, какъ панна Ванда, за которую онъ отдалъ бы не только свою Кшекутовку, но жизнь свою, вышла замужъ за Леонтія Смигельскаго и поселилась въ замкѣ на горѣ.

Кленъ, который росъ подъ окномъ панскаго кабинета, помнилъ другія времена. Онъ помнилъ, какъ панъ Стась цѣловалъ на каменной скамейкѣ ручки панны Ванды и, поднося то одну, то другую ручку къ губамъ, говорилъ:

— Сладче меда, сладче жизни.

Правда, у пана Стася были тогда черные усы, и ходилъ онъ безъ падожка, прямо и твердо.

Снабженіе арміи. Полевой продовольственный магазинъ въ дѣйствующей арміи.

У пана Смигельскаго была страсть: усмирять необъѣзженныхъ лошадей. Эта страсть привела къ тому, что однажды онъ упалъ съ коня, сломалъ себѣ позвоночникъ и умеръ. Это случилось спустя десять лѣтъ послѣ его женитьбы, и когда его хоронили, панъ Стась сказалъ:

— Добрые люди не умираютъ накануне своей бронзовой свадьбы.

Каждое воскресенье послѣ смерти Смигельскаго панъ Стась посылалъ розы въ замокъ. Онъ самъ рѣзалъ ихъ ножницами въ своей оранжереѣ и отчего-то грустно глядѣлъ вдаль, гдѣ на горѣ стоялъ бѣлый замокъ.

Въ первое воскресенье по пріѣздѣ Зброжека панъ Стась сдѣлалъ два букета: одинъ изъ розъ, а другой изъ орхидей.

— Неси,—сказалъ онъ Тарквинію:—этотъ изъ орхидей той лайдачкѣ.

И крикнулъ вдогонку слугѣ: — Не забудь сказать ей, что она все-таки лайдачка, и что я не хочу видѣть ее.

Однажды вечеромъ нарочный привезъ телеграмму со станціи. Панъ Стась видѣлъ изъ окна, какъ онъ привязалъ коня къ воротамъ и направился къ флигелю.

— Эй!—крикнулъ онъ.—Куда же ты несешь телеграмму, дубина? „Дубина“ вѣжливо поклонился и отвѣтилъ:

— Прощу прощенія. Эта телеграмма пану Юліану Зброжеку.

— Эге!—сказалъ панъ Стась.—Давно ли Зброжекъ сдѣлался паномъ, и давно ли нарочные стали возить ему телеграммы?

— Четвертая телеграмма, панъ.

Панъ Стась позвонилъ въ колокольчикъ:

— Тарквиній, позови сюда Зброжека. Стой! Не Зброжека позови, а пана Юліана Зброжека.

Зброжекъ пришелъ.

— Прощу пана Юліана Зброжека съѣсть. Не окажетъ ли мнѣ панъ Юліанъ высокую честь и не скажетъ ли, отъ кого телеграмма?

— Извольте, мой панъ.

Панъ Стась прочелъ:

„Прощу пана Зброжека пріѣхать двадцатаго на концертъ въ мой замокъ. Согласенъ три тысячи. Графъ Станиславъ Зборовскій“.

— Фью-фью!—свистнулъ панъ Стась и посмотрѣлъ на Зброжека, потомъ на телеграмму, а потомъ еще разъ на Зброжека.—Это кому три тысячи?!

— Мнѣ.

— Это настоящий графъ Зборовскій? Тотъ магнатъ?

— Тотъ самый.

— Тутъ что-то нечисто. Развѣ музыкантамъ платятъ три тысячи? Ну, поѣзжай, посмотримъ, посмотримъ.

Зброжекъ уѣхалъ, а на другой день панъ Стась велѣлъ позвать къ себѣ Брониславу.

— Садись, панна, садись. Отчего ты опустила глаза? Я хочу видѣть твои глаза.

Снабженіе арміи. Полученіе новой амуниціи.

Снабженіе арміи. Нагрузка муки въ вагоны для отправки въ дѣйствующую армію.

Бронислава подняла рёсницы, и панъ Стась пошеморгалъ пристально ей въ глаза.

— Дай-ка твою руку!—Онъ крѣпко пожалъ ей руку.— Видишь ли: я люблю Зброжека, какъ сына, хотя онъ и бездѣльникъ. Ты сдѣлала изъ него человѣка. Спасибо. Ну, ступай.

Когда Зброжекъ пріѣхалъ, панъ велѣлъ ему пересчитать деньги въ своемъ присутствіи.

— Вѣрно,—сказалъ онъ.—Три тысячи, чортъ меня возьми! И это за пилюканіе на скрипкѣ? Поглубжи люди, поглубжи, Зброжекъ.

Нарочный пріѣзжалъ съ телеграммами чуть не каждый день, и панъ Стась всякій разъ оставивалъ его:

— И на этотъ разъ тоже Зброжеку?

— Зброжеку, панъ.

— Пречистая Дѣва, съ ума сошелъ свѣтъ!

Однажды Зброжекъ пришелъ къ пану Стасю и сказалъ:

— Панъ Стась, я уѣзжаю въ Петербургъ.

— Какого лиха тебѣ не хватаетъ здѣсь?

— Меня приглашаютъ на мѣсто солиста въ театръ графа М.

— Ну?

— И предлагаютъ двадцать тысячъ рублей въ годъ.

— Съ ума сошелъ твой графъ, хотя онъ и придворный. Поѣзжай!

Панъ Стась никогда не читалъ русскихъ газетъ. У него были свои счеты съ правительствомъ, и онъ не хотѣлъ знать московитовъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Зброжекъ уѣхалъ въ Петербургъ, панъ каждый вечеръ заставлялъ Брониславу читать вслухъ русскую газету, и когда писали о Зброжекѣ, онъ качалъ головою и произносилъ:

— Ну-ну!

Какъ-то разъ Бронислава, развернувъ газету, сказала:

— Панъ Стась! Въ газетѣ пишутъ, что будетъ война.

— А кто воюетъ?

— Россія съ Германіей.

— Ну, и пусть себѣ воюютъ. Какое намъ дѣло, Бронислава?

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора Бронислава прочла пану Стасю воззваніе главнокомандующаго къ полякамъ.

— Прочти-ка еще разъ,—сказалъ панъ Стась и поднесъ руку

Выдѣленіе полевого гаража изъ мастерской.

ко лбу, чтобы вытереть внезапно проступившій потъ. И рука и лицо пана была блѣдны.

Бронислава прочла еще разъ воззваніе.

— А его не сошлютъ въ Сибирь?

— Кого, панъ?

— Того, кто писалъ это?

— Не думаю, панъ.

— Не думаешь? Развѣ женщины умѣютъ думать?

И вдругъ панъ рассердился и застучалъ палочкомъ по полу.

— Ты думаешь, что, если у тебя красивые глаза и твой Зброжекъ умѣетъ играть на скрипкѣ, то ты умнѣе курицы? Я говорю, что его сошлютъ въ Сибирь,—и больше ничего. Ступай прочь!

Панъ позвалъ Тарквинія.

— Слушай, Тарквиній, что тутъ написано.

И прочелъ ему о воссоединеніи Польши.

— Слава Богородицѣ!—воскликнулъ Тарквиній.

— Дуракъ!—сказалъ панъ.— Можешь ты пролѣтъ на улицѣ: „Еще Польша не сгинела“?

— Г-мъ!..

— Если ты это сдѣлаешь, куда тебя запрутъ?

— Въ тюрьму, панъ.

— То-то же. Вотъ этого, который написалъ о полякахъ, сошлютъ въ Сибирь. Слышишь, въ Сибирь! Если этого не будетъ, то я выжилъ изъ ума.

Теперь панъ уже не интересовался Зброжекомъ. Каждое утро онъ спрашивалъ Брониславу:

— Ну, сослали его въ Сибирь?

— О, нѣтъ.

— Сошлютъ, сошлютъ.

...Въ эту осень какъ будто поднялась вся Польша. Во-кругъ усадьбы пана Стася вдругъ опустѣло. Оставили свои насиженные гнѣзда и Юзёфовъ, и Аннополь, и Липско. Изъ панскаго покоя видно было, какъ бѣгутъ люди по шляху, какъ бѣгутъ телѣги со скарбомъ, и какъ навстрѣчу людямъ летитъ тѣма воронъ.

Пріѣхалъ панъ Забѣлло изъ Кѣлецъ.

— Панъ Стась, уѣзжайте! Нѣмцы уже на Вислѣ. Бѣгите, пока можно.

Разборка патроновъ.

Контр-атака. Картина И. Владимірова

Казачій раз'їздъ, замѣтившій въ деревнѣ непріятеля и приготовившійся къ атакѣ.
По фот. полковника Люце.

— Плевать я хочу на нѣмца! Съ тѣхъ поръ, какъ жива Польша, не бѣжали Кшескутскіе. Да-а!

— Они придутъ сюда, панъ.

— Не посмѣютъ. Эй, Тарквиній, дай-ка намъ того меду. Знаешь, какого?

Но панъ Забѣлло слѣпнуть и не хочетъ даже выпить такого меду, отъ котораго ноги танцуютъ старый краковякъ.

— Куда ты слѣпнешь? Развѣ тебѣ дали въ то мѣсто, откуда у людей расгнутъ ноги?

— Некогда.

— А, некогда? Ступай вонъ! Тарквиній, подай пану его наршивую шапку. Да-а!

Вечеромъ пошелъ дождь и заплакать вѣтеръ въ трубѣ. Онъ билъ въ окно пригоршнями дождевыхъ капель, онъ раскачивалъ старый кленъ, подъ которымъ панъ Стась нѣловалъ когда-то ручки панны Ванды.

— У-у-у!—завывалъ онъ на дорогѣ у лѣса.

А за тѣсомъ какъ будто хлопалъ кто-то кнутомъ:

— Тахъ—тахъ!

Потомъ захлопалъ чаще и ельнѣе. Словно катили по дорогѣ огромную жестянку, наполненную порохомъ:

— Та-та-тахъ!

— Эй, Тарквиній!

— Есть, панъ.

— Чтѣ тамъ гремитъ?

— Арматы и ружья, панъ.

— Ага! Позови сюда Брониславу, а самъ иди спать.

Никогда панъ не говорилъ такъ съ Брониславой.

— Броничка, Броню, ты знаешь, чтѣ такое любовь?

— Знаю, панъ Стась. Вѣдь я люблю моего Юліана.

— Нѣтъ, Броня, у теперешнихъ людей куриное сердце, и не умѣютъ они такъ любить, какъ любили въ старину.

Бронислава вздохнула.

— Открой-ка, Броня, занавѣску, посмотри въ окно: свѣтитъ ли огонь въ замкѣ.

— Да, панъ Стась, замокъ освѣщенъ. Всѣ окна горятъ.

— Я вижу это давно уже. Какъ только стемнѣло, замокъ за-свѣтился. Панна Ванда, должно-быть, собирается въ дорогу.

— А отъ Зброжека нѣтъ писемъ, панъ. Сердце мое болѣтъ...

Панъ Стась молчалъ. Онъ опустилъ свою сѣдую голову на руки и вспоминалъ старое: кленъ, каменную скамейку и ручки панны Ванды. Потомъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на Брониславу, вспомнилъ Зброжека и подумалъ о томъ, что онъ, панъ Стась — старый дубъ, подгнившій у корня и повалившійся на землю, а онъ — молодая веселая поросль.

За окномъ посылшася шумъ. Стучали копыта на бревенчатому настилу, и крикнулъ кто-то:

— Стой!

Потомъ панъ и Бронислава услышали голосъ Тарквинія:

— Матка Боска!—кричалъ слуга за окномъ.

Панъ Стась открылъ двери. Два солдата внесли на носилкахъ человѣка, покрытаго черезъ голову шинелью, а позади шелъ Тарквиній и повторялъ:

— Матка Боска. Матка Боска!

Человѣкъ съ повязкой на рукавѣ сказалъ пану Стасю:

— Это вашъ родственникъ Юліанъ Зброжекъ.

Бронислава съ крикомъ бросилась къ носилкамъ и подняла край шинели. Она увидѣла блѣдное лицо Зброжека съ закрытыми глазами.

— Онъ умеръ? Умеръ?

— Живъ, отвѣтить человѣкъ съ по-вязкой: —но раненъ.

Панъ Стась смотрѣлъ въ другую сторону. У дверей стояла высокая женщина съ сѣдыми волосами. На нее смотрѣлъ панъ Стась.

И оба они молча глядѣли другъ на друга, панъ Стась и женщина.

— Это ты, Стась?

— Ванда!

— О, какъ ты постарѣлъ!

— А ты, Ванда? Матеръ Божія, у нея совѣтъмъ бѣлые волосы!

— Пана Зброжека привезли ко мнѣ, сказала панна Ванда.—Я приказала его принести сюда, потому что у меня больше негдѣ класть раненыхъ.

Зброжека положили въ постель. Онъ застоналъ и открылъ глаза.

— Броничка!—слабо сказалъ онъ.—Броничка, у меня нѣтъ больше руки.

И заплакалъ.

Нѣмецкая шпатель оторвала у Зброжека правую руку.

— А-а-ахъ, лайдаки! —воскликнулъ панъ, увидѣвъ, чтѣ сдѣлали нѣмцы съ Зброжекомъ, и, отвернувшись въ уголъ, началъ странно кашлять.

Потомъ застучалъ палочкомъ о полъ:

— Мерзавцы! Злодѣи!

Ни панъ ни Бронислава совѣтъмъ не знали, что Зброжекъ по-шелъ на войну.

— Отчего ты не писалъ, Зброжекъ?

— Зачѣмъ? Я не хотѣлъ огорчать васъ.

— Если правда то, чтѣ напечатали про Польшу, и если того, кто это писалъ, не закуютъ въ кандалы, ты не огорчишь бы меня, Зброжекъ,

— Правда, мой панъ. Живеть Польша!

— Тогда мнѣ не жаль твоей руки. Живеть Польша!

Зброжеку надо было дать покой. Панъ Стась ушелъ къ себѣ въ кабинетъ съ панной Вандой, а Бронислава осталась съ Зброжекомъ.

Никто никогда не узналъ, какой разговоръ былъ у пана Стася съ панной Вандой въ кабинетѣ, но когда панна Ванда вышла оттуда, ея лицо было мокро отъ слезъ.

И, сѣвъ въ свою бричку, она сказала:

— Развѣ я знала, что онъ такъ любитъ меня?

А панъ Стась ходилъ по своему кабинету до самаго утра и до самаго утра курилъ трубку за трубкой...

„Товарищъ городскаго головы“.

Очеркъ Ф. М.—та.

Бывшій варшавскій генералъ-губернаторъ, сенаторъ Любимовъ, какъ извѣстно, подалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ записку, въ которой доказываетъ, что, по отношенію къ населенію мѣстностей, временно занятыхъ теперь непріятелемъ, а также входящихъ въ районъ военныхъ дѣйствій, необходимо издать особый актъ о привлеченіи въ будущемъ къ ответственности за поступки во время вражеской оккупации, которые въ обычномъ порядкѣ могли бы быть подведены подъ понятие „способствованія или благопріятствованія непріятелю“.

Послѣднее предусматривается ст. 108 Уголовнаго Уложения, которая караетъ въ зависимости отъ тяжести преступления смертной казнью или каторгой.

Въ защиту своего предложенія сенаторъ Любимовъ приводитъ слѣдующіе мотивы:

„Изъ страха передъ врагомъ и для того, чтобы не умереть голодной смертью, булочникъ долженъ продолжать печь хлѣбъ, сапожникъ — чинить сапоги, аптекарь — изготовлять лѣкарства, врачъ — лѣчить, торговецъ — торговать. Наконецъ отправленіе, съ разрѣшенія чужого правительства, общественной службы, самоотверженно принятое на себя отдѣльными лицами, пожелавшими этимъ сколько-нибудь оградить данную мѣстность отъ внутренней анархіи и отъ внѣшняго своеволия врага.—все это можетъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, показаться чуть ли не измѣной.“

„Отсюда широкій просторъ для ложныхъ извѣстовъ, лести и злобы. „Между тѣмъ привлеченіе къ ответственности minimo-виновныхъ, порождая произволъ, неизбѣжно вызоветъ въ изстрадавшемся населеніи горечь и раздраженіе“.

Занеска сенатора Любимова, по существу, вполнѣ основательная, заставляетъ вспомнить о малоизвѣстномъ, весьма красочномъ эпизодѣ изъ Отечественной войны, когда Наполеонъ учредилъ въ занятой имъ Москвѣ новый муниципалитетъ.

Въ составъ его, на ряду съ иностранцами-обывателями Москвы, были привлечены и русскіе.

Дѣлалось это принудительнымъ порядкомъ.

По словамъ одного изъ современниковъ, къ нему въ домъ

пришелъ непріятельскій офицеръ и потребовалъ его къ назначенному генераль-интендантомъ Лессенеу.

Тамъ ему было объявлено, что онъ избранъ гласнымъ и долженъ приступить къ отправленію своихъ обязанностей.

„Я, выслушавъ приказаніе, просилъ Лессенеа объ увольненіи, представляя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и восемь человѣкъ дѣтей, и что часть нашего дома сгорѣла, и онъ всея разграбленъ. Лессенесъ сказалъ, что уволить меня не можетъ, потому что я выбранъ не имъ, а самими русскими. Я настоятельно повторилъ мою просьбу. Онъ долго слушалъ и наконецъ, разсердившись, сказалъ: „Что же вы со мной разговариваете? Хотите, чтобы я о васъ, какъ объ упрямыѣ, донесъ моему императору Наполеону, который, въ примѣръ другимъ, прикажетъ васъ разстрѣлять?“ Я уже не нашелся и не осмѣлился сказать ни слова” *).

Муниципалитетъ былъ раздѣленъ на шесть отдѣленій, при чемъ во главѣ каждаго изъ нихъ стоялъ товарищъ городского головы.

Списковъ этого городского управления сохранилось нѣсколько, и фамили въ нихъ слегка варьируются, что объясняется частыми измѣненіемъ состава.

Судя по „Росписанію“, найденному въ бумагахъ близкаго къ графу Растрогину лица, муниципалитетъ состоялъ изъ шестидесяти шести членовъ, обязанности которыхъ формулированы въ этомъ актѣ разнообразно:

„Имѣли смотрѣніе надъ мостовыми“.

„Завѣдывали тишиною, спокойствіемъ и правосудіемъ“.

„Надзоръ за богослуженіемъ, чтобы оно было уважаемо“.

„По квартирмейстерской части“.

„Для разныхъ закупокъ“.

Во главѣ муниципалитета былъ поставленъ купецъ Находкинъ. Лессенесъ вызвалъ его къ себѣ и объявилъ ему, что онъ назначается городскимъ головой.

* Записки Кольчугина: „Русскій Архивъ“ 1876, VI.

Сибирскіе казаки.

— Ваше превосходительство! Какъ честный человѣкъ, я долженъ прежде всего заявить вамъ, что никогда и ничего не сдѣлаю противъ своей вѣры и своего Государя...

— Ваши обязанности будутъ состоять лишь въ томъ, чтобы наблюдать за благоденствіемъ народа.

Пришлось повиноваться.

По свидѣтельству историка, обыватели сохранили о Находкинѣ и его дѣятельности въ качествѣ городского головы добрыя воспоминанія **).

Товарищамъ городского головы были назначены иностранцы-жители Москвы—Дюлонъ, Крокъ и Меньенъ и русскіе: купецъ Коробовъ, именитый гражданинъ Фракманъ и членъ вотчиннаго департамента Бестужевъ-Рюминъ.

По очищеніи непріятелемъ Москвы была образована особая слѣдственная комісія для суда надъ тѣми лицами, кто оказывалъ непріятелю услуги и особенно занималъ учрежденныя имъ должности.

Имъ было предъявлено обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Былъ привлеченъ къ ответственности и Бестужевъ-Рюминъ, котораго уволили въ отставку безъ прошенія.

Бестужевъ-Рюминъ пытался реабилитировать себя и обратился къ тогдашнему министру юстиціи Дмитріеву съ „Донесеніемъ о происшествіяхъ, случившихся въ Москвѣ во время пребыванія въ оной непріятели въ 1812 году“ ***).

Этотъ докладъ составленъ въ формѣ дневника и даетъ изобилующую характерными подробностями картину всего, чему авторъ былъ свидѣтелемъ.

Приводимъ изъ нея то, что непосредственно относится къ вопросу, затронутому сенаторомъ Любимовымъ.

Тотчасъ послѣ вступленія непріятели въ Москву Бестужевъ-Рюминъ отправился въ Кремлевскій дворецъ просить у Наполеона покровительства архивамъ.

По освидѣтельствованіи ихъ секретаремъ Наполеона, Делорнъ-де-Девиллемъ, просьба была уважена.

Когда вспыхнули пожары, Бестужеву-Рюмину съ семействомъ пришлось укрываться въ отдаленномъ огородѣ, и, не видя возможности оставить Москву, онъ рѣшился наконецъ войти въ городъ.

Его близкіе нѣсколько дней не видѣли куска хлѣба и питались овощами.

Истощенныя дѣти плакали.

У Воскресенскихъ воротъ Бестужевъ-Рюминъ, босой, въ лакейской шинели, встрѣтилъ Наполеона со свитой верхомъ и снялъ шапку.

Наполеонъ посмотрѣлъ на него и отрядилъ къ нему чиновника.

Это былъ знавшій бѣднягу Делорнъ-де-Девилль.

Взглянувъ на оборванца, секретарь Наполеона воскликнулъ:

— Господи! Бестужевъ-Рюминъ! Въ такомъ видѣ!..

— Да, война...

— А ваша жена, дѣти?

— Вотъ они...

— О, Боже!

Делорнъ-де-Девилль немедленно приказалъ свитскому полковнику, который квартировалъ близъ Петровскаго монастыря, взять Бестужева-Рюмина съ семействомъ подъ свою охрану.

Мытарства кончились.

Черезъ нѣсколько дней организованная непріятелемъ полиція

** Повѣсть „Французы въ Москвѣ въ 1812 году“.

***) „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ 1859, кн. II.

„Былъ казакъ!“

Товарищъ нашелъ товарища, посланнаго съ донесеніемъ и убитаго на возвратномъ пути. По фот. полковника Люде.

отыскала Бестужева-Рюмина и представила его плащ-коменданту графу Милю.

Тот отрядил его съ запиской отъ себя маршалу Мортье.

Приемъ былъ чрезвычайно ласковый.

Вы тотъ надворный советникъ Бестужевъ-Рюминъ, которому были доверены архивы въ Кремль?

— Онъ самый!

Герцогъ Тревизскій выразилъ приглашенному живѣйшее соболъзнованіе по поводу его бѣдственнаго положенія, предложилъ ему не только одежду, но и денежное вспомошествованіе, отъ котораго Бестужевъ-Рюминъ отказался, и тутъ же объявилъ ему особенную волю Наполеона:

— Вы должны присутствовать во вновь учрежденномъ городскомъ управленіи!

Сначала Бестужевъ-Рюминъ сдѣлалъ было отрицаніе объ участованіи въ ономъ.

На это Мортье замѣтилъ:

— Этотъ муниципалитетъ учреждается не для французовъ. Напротивъ, въ немъ видятъ единственное средство защиты вашихъ несчастныхъ соотечественниковъ отъ грабежа, насилій и обидъ. Поэтому отказываться отъ участія въ немъ съ вашей стороны несправедливо. Къ тому же, принять вашъ отказъ для меня затруднительно еще и оттого, что я долженъ передать его своему императору...

Бестужевъ-Рюминъ колебался.

Чтобы окончательно разсѣять его сомнѣнія, маршалъ показалъ ему составленную для новаго магистрата инструкцію.

Ознакомившись съ ея содержаніемъ и не найдя въ ней ничего „ни противнаго совѣсти, ни нарушенію присяги“, Бестужевъ-Рюминъ изъявилъ свое согласіе и получилъ свидѣтельство:

„Именемъ Его Величества Императора и Короля Господинъ Бестужевъ-Рюминъ назначенъ товарищемъ городского головы въ коммуны Москвы. Москва—21-го сентября 1812 г. Генераль-губернаторъ Москвы и провинціи Московскоя Герцогъ Тревизскій. Генераль-интендантъ Москвы и провинціи Московскоя Лес-сепель“.

Въ новомъ городскомъ управленіи въ вѣдѣніи Бестужева-Рюмина было два отдѣленія, продовольственное и благотворительное: „Approvisionnement des malheureux habitants de la Ville“ и „Secours aux indigents“.

Но онъ „по обнѣмъ симъ предметамъ оставался въ дѣйствіяхъ бесполезенъ, потому что не имѣлъ къ тому способовъ: въ хлѣбѣ самъ очень нуждался, а денежныхъ пособій не дѣлалъ, потому что денегъ не было“.

Женщины вышли рыть окопы.

На воротахъ дома (у Петровскаго монастыря), въ которомъ пріютился Бестужевъ-Рюминъ, былъ прибитъ билетъ-вывѣска: „Квартира товарища городского головы“ („Logement d'adjoint du maire de la Ville“), обезпечившій ему и всѣмъ укрывшимся тамъ полную безопасность.

„А дабы въ новомъ семь званіи лично обезопасить меня отъ обидъ неприятельскихъ войскъ, а равно, чтобы я могъ на улицахъ, въ случаѣ нужды, защитить соотечественниковъ моихъ, приказано было носить мнѣ на лѣвой рукѣ красную узкую ленту и съ праваго плеча на лѣвое перевязъ красную жъ“.

Узкой ленты Бестужевъ-Рюминъ не носилъ: не могъ нигдѣ достать.

Перевязъ сдѣлалъ изъ ленты ордена Александра Невскаго, доставшейся ему по наслѣдству отъ дѣда и въ младенчество служившей ему свивальникомъ.

По очищеніи неприятелемъ Москвы вошедшій въ городъ съ отрядомъ казаковъ и водворившій порядокъ генераль Иловайскій донесъ, что отыскалъ всѣхъ лицъ, опредѣленныхъ неприятелемъ къ себѣ на службу, „кромя скрывшагося Бестужева-Рюмина“.

„Послѣдній,—говорилось въ донесеніи,—уѣхалъ, и коль скоро узнаю его мѣстопробываніе, пошлю привезти въ Москву подъ конвоемъ“.

Въ дѣйствительности же Бестужевъ-Рюминъ и не думалъ скрываться: разоренный до тла, онъ просто выѣхалъ изъ Москвы въ принадлежавшую его братьямъ деревню и оттуда обратился къ своему сановному знакомому съ просьбой о вспомошествованіи, а узнавъ изъ газетъ о компрометированіемъ его рапортъ, немедленно посѣтилъ въ Москву и явился къ графу Ростопчину.

Злосчастный товарищъ городского головы категорически отрицалъ наличность съ его стороны нарушенія присяги и вообще какое бы то ни было предательство.

Изъ Москвы онъ при вступленіи въ нее неприятеля не бѣжалъ и ввѣренный ему дѣла вотчиннаго департамента, насколько возможно было, сохранилъ.

Государственныхъ тайнъ не открывалъ.

Никакихъ обидъ своимъ соотечественникамъ не причинялъ, а, наоборотъ, защищалъ ихъ.

„Отказаться же отъ возложенной на меня должности засѣдать въ Мунисипалитетѣ значило воспротивиться волѣ Наполеона безумнымъ упрямствомъ, коего слѣдствіе, въ примѣръ другимъ, была бы смерть постыдная. Я взиралъ бы и на оную равнодушно, ибо чувствую, что есть нѣчто выше челоука, и безтрепетно предстану на судъ къ сему Существо, котораго не постигаю: совѣтъ моя чиста! Но

Женщины за рытьемъ окоповъ: въ центрѣ—саперъ, руководящій работами.

осмѣливаюсь спросить: могла ли быть смерть моя въ то же время полезна для отечества? Нѣтъ!"

Около полугода прошло съ тѣхъ поръ, какъ Вестужевъ-Рюминъ отправилъ министру свое донесеніе, а отвѣта все не было.

Тогда онъ снова обратился къ нему:

"Убѣдительно прошу, не обижайте меня въ безответственномъ званіи своемъ, не порочьте имени моего, не оскорбляйте юстиціи, Высочайше вамъ вѣренной! Объявите, по крайней мѣрѣ, въ чемъ преступленіе мое состоитъ, ибо я долженъ оправдать мой поступокъ передъ обществомъ честныхъ людей, въ кругу которыхъ и себя быть почитаю. Я охотно извиняю вамъ то ужасное состояніе, въ которое вы меня ввергли, и, если бы

моихъ, и хотя такое положеніе есть слѣдствіе вашихъ немилостей, но я умалчиваю объ ономъ. А въ поруганіи чести и имени моего вы непременно должны сказать причину поступка вашего"...

Наполеоновскій товарищъ городского головы получилъ на этотъ вопль черезъ прокурора отвѣтъ:

"Впредь въ отношеніяхъ своихъ съ начальствомъ быть осторожнѣе въ выраженіяхъ и наблюдать должное почтеніе"...

Общую оцѣнку дѣятельности муниципалитета, учрежденнаго въ Москвѣ Наполеономъ, далъ въ 1814 году Сенатъ:

"Постановленія муниципалитета имѣли главнѣйшей цѣлью: одинъ сохраненіе казеннаго имущества, другія доставленіе соотече-

Послѣ удачной развѣдки. Картина И. Владимірова.

не великодушіе графа Ростопчина, который даетъ мнѣ казенную квартиру въ самомъ томъ домѣ, какой я спасъ отъ пожара и разграбленія, невзирая на отставку мою, то не зналъ бы, гдѣ съ семействомъ преклонить голову. Равно и не взыскиваю и того большого затрудненія, въ которомъ отъ васъ же нахожусь, доставать жизненныя потребности для бѣдныхъ малютокъ

стевникамъ безопасности и продовольствія, а инья означаютъ одно только притворное повиновеніе для избѣжанія непріятельскаго мщенія.

"Вообще же всѣ распоряженія не доставили непріятелю никакихъ злыхъ послѣдствій!"

Кошмарный эпизодъ былъ ликвидированъ.

Силуэты войны.

В. Ропшина.

I. Разсказъ офицера.

"...Я закричалъ *«en avant!»* и, перескочивъ черезъ паранетъ, побѣжалъ по звекловичному полю. Я помнилъ, что я офицеръ и что я долженъ бѣжать впередъ.

Выстрѣловъ я не слышалъ. У нѣмецкой граншей я почувствовалъ ударъ по плечу, точно кто-то ударилъ меня хлыстомъ. Но я не понялъ еще, что раненъ.

Мы, не останавливаясь, миновали граншею. Когда мы ее миновали, у меня захватило дыханіе и потемнѣло въ глазахъ. Справа была глубокая яма, воронка отъ 280-миллиметроваго снаряда. Я спрыгнулъ въ эту воронку.

Воронка была большая, съ разрыхленными краями и вязкимъ и глинистымъ дномъ. Я сѣлъ на мокрую землю, и у меня больно заняла рука. Я зажегъ спичку и закурилъ.

Теперь я слышалъ громъ пушекъ. Слышалъ трескъ пулеметовъ и свистъ взрывающихся снарядовъ. Мнѣ стало жутко. Я невольно закрылъ глаза.

Такъ, въ забытѣ, я просидѣлъ цѣлый часъ. Когда я очнулся, я увидѣлъ передъ собою нѣмца. Я увидѣлъ нѣмецкаго офицера въ зелено-сѣрой шинели и такой же круглой фуражкѣ. Офицеръ стоялъ прямо противъ меня и смотрѣлъ мнѣ въ лицо.

Я попробовалъ встать, но онъ сказалъ по-французски:

— Вы мой плѣнникъ. Сидите.

И поднялъ маленькій браунингъ.

Я отвѣтилъ:

— Стрѣляйте.

Я былъ увѣренъ, что онъ застрѣлитъ меня. Но онъ неожиданно опустилъ руку. У него было загорѣлое, заросшее черными волосами, лицо и большіе голубые глаза. Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Я могъ бы васъ застрѣлить... Но я не хочу... Мы оба плѣнники въ этой ямѣ.

И прибавилъ, отдавая мнѣ честь:

— Капитанъ 238-го прусскаго полка, Мюллеръ.

Я тоже назвалъ себя.

Теперь мы сидѣли въ противоположныхъ углахъ воронки, онъ —

и́емец и я — французь. Мы молчали, намъ обоимъ было неловко, и я старался не смотреть на него. Наконецъ онъ сказалъ: Вы ранены!

Да.

— Позвольте, я вамъ сдѣлаю перевязку.

Я отвѣтилъ:

Не беспокойтесь.

Но онъ подошелъ ко мнѣ и вынулъ вагу и бинты. И когда онъ коснулся меня руками, случилось странное превращеніе: онъ вдругъ пересталъ быть и́емцемъ, ненавистнымъ врагомъ, человекомъ, который хотѣлъ меня застрѣлить, однимъ изъ тѣхъ вооруженныхъ людей, которые разоряютъ нашу страну. Онъ былъ просто капитанъ Мюллеръ — мой случайный и уже добрый знакомый.

Перевязывать онъ умѣло и быстро. Окончивъ, онъ улыбнулся и сказалъ по-и́емецки:

— So!

Я поблагодарилъ его по-французски:

— Merci.

Потомъ мы сидѣли рядо́мъ и снова молчали. Перестрѣлка не утихла, и иногда близко, около насъ, разрывалась граната. Содрогалась земля, взвивался темный и узкій столбъ, и насъ обдавало гарью, комками грязи и дымомъ. Но ни я ни и́емецъ не шевелились: мы не хотѣли показать, что намъ страшно.

Къ вечеру огонь сталъ слабѣе. Теперь и́емецъ прислушивается къ орудіямъ:

— Это наши... Это мои... Это 120... Это 75... Это 75... Это снова 75...

Меня знобило и очень болѣла рука. Я сказалъ:

— Будьте добры, достаньте у меня изъ кармана флажку. У меня есть коньякъ.

Мы выпили коньяку — оба изъ одной и той же бутылки. Сперва онъ, потомъ я. И когда мы выпили изъ одной и той же бутылки, онъ покраснѣлъ и поднялъ свои большіе голубые глаза.

— Вы женаты?

— Да, я женатъ.

— Есть у васъ дѣти?

— Нѣтъ.

— А у меня осталось двое дѣтей.

Онъ всталъ и заговорилъ, размахивая руками:

— У меня въ Ганноверѣ кирпичный заводъ... Я — мирный человекъ: я всю жизнь управлялъ этимъ заводомъ... Я хотѣлъ мира и пошелъ на войну... И вы тоже хотѣли мира и тоже пошли на войну... А теперь мы живемъ, какъ кроты... Спимъ въ войдѣ... Ежеминутно рискуемъ жизнью... Ежеминутно убиваемъ другъ друга. Люди сошли съ ума: черное стало бѣлымъ и бѣлое чернымъ... Скажите мнѣ, зачѣмъ мы воюемъ?

— Этого желалъ вашъ императоръ Вильгельмъ.

— Ахъ, Вильгельмъ... А мои дѣти желали войны... Вильгельмъ желалъ, а они не желали, а я послушался не ихъ, а Вильгельма... И вотъ я здѣсь, на французской, чужой мнѣ, землѣ, вмѣстѣ съ вами, въ этой воронкѣ, и, можетъ-быть, я сегодня умру... Я умру или вы... Меня убьютъ или васъ... За что? Почему? За Германію? За мой кирпичный заводъ?.. Когда же кончится эта война? Когда же мы вернемся домой? Или, въ самомъ дѣлѣ, мы не вернемся?.. Скажите же, зачѣмъ мы воюемъ?..

Я хотѣлъ отвѣтить ему. Я хотѣлъ возразить, что мы, французы, защищаемъ нашу страну, и что и́емцы — разбойники, а не гости. Но я почувствовалъ вдругъ, что меня съ силой подбросило вверхъ, что стало жарко, что нечѣмъ дышать, что пахнетъ дымомъ, и что все кругомъ багрово-алого цвѣта. Это длилось секунду, — можетъ-быть, цѣлый годъ. А когда я пришелъ въ себя, я увидѣлъ синее небо. Я сдѣлалъ усилие и всталъ. Я замѣтилъ, что воронка осыпалась по краямъ и стала меньше и глубже. Изъ-подъ побурѣвшей влажной земли торчали ноги въ стотантныхъ сапогахъ, и рядо́мъ съ ними, возлѣ меня, валялась круглая, офицерская, съ оторванными козырькомъ фуражка. Я понялъ, что мой собесѣдникъ убитъ. У меня опять заняла рука, и я зашатался. Потомъ я утратилъ сознание... Ночью меня подобрала моя товарищица по полку...

Я выслушалъ этотъ разказъ. Я ничего не сказалъ. Мы сидѣли на бульварѣ, въ кафе. Падалъ вечеръ. Темнѣли сѣрые небеса. Въ сѣрыхъ сумеркахъ закипалъ огонь. Было холодно, и не хотѣлось ни слушать ни говорить.

II. Старуха.

Въ поддень черезъ Мокуръ проходили французскія войска. Они шли на западъ, — по направленію къ Парижу. Вся деревня, — дѣти, женщины, старики, — вышла на улицу и молча смотрѣла на нихъ. Сверхъ ласками, на вороныхъ лошадахъ пробѣжали кирасиры. Когда они пробѣжали, старикъ Лонгеваль сказалъ, обращаясь къ своей собесѣдкѣ, госпожѣ Кошуа:

— Кирасирскія лошади очень устали, госпожа Кошуа.

За кирасирами шла пѣхота — однообразные, темные, колеблющиеся ряды тяжело шагающихъ людей, тѣхъ людей, которые ерзались въ Лотарингій, у Моранжа. Потомъ потянулись пушки. Сѣрые, запыленные. Капониры въ синихъ курткахъ и синихъ кеппи понуро сидѣли на передкахъ, и хмурые бѣзовые погоныли криками лошадей. Старикъ Лонгеваль покачалъ сѣдой головой.

— И артиллерійскія лошади тоже устали, госпожа Кошуа.

Потомъ снова проходила пѣхота, — тѣ же угрюмые, въ красныхъ панталонахъ солдаты. А за ними опять кирасиры, потомъ драгуны и, въ самомъ концѣ, въ арьергардѣ, африканская конница въ алыхъ плащахъ. Солдатъ было много, и было трудно повѣять, почему они безъ боя оставляютъ Мокуръ, крестьянскія возделанные поля. День былъ знойный и душнѣтый, яблоки утомленно клонились къ землѣ, и въ каптанахъ звонко жуужали пчелы. Когда на пыльной дорогѣ, за поворотомъ, тамъ, гдѣ начинается лѣсъ, скрылся послѣдній вѣздникъ, старикъ Лонгеваль замѣтилъ:

— Такъ было въ 70-мъ году.

Госпожа Кошуа ничего не сказала. Ей было 60 лѣтъ, она была высокая, длинная, съ узкой и костлявой спиной и почеркнѣвшими отъ работы руками. На ней былъ сѣрый платокъ, сѣрая въ шнѣтку юбка и большіе, желтые, деревянные башмаки. Она долго смотрѣла вѣдѣ уходившимъ солдатамъ, туда, гдѣ надъ лѣсной опушкой стояло облако пыли. Потомъ обернулась къ старику Лонгевалю:

— Завтра придутъ пруссаки.

— Да, завтра придутъ пруссаки.

Улица опустѣла. Зашло солнце. Заскрипѣли ворота, и захлопали, закрываясь, ставни. Жители Мокура разошлись по домамъ. Стало тихо, и изъ-за лѣсу потянуло росой.

— Добрый вечеръ, госпожа Кошуа.

— Добрый вечеръ, господинъ Лонгеваль.

Въ эту ночь госпожа Кошуа долго ворочалась на кровати. Было жестоко лежать, и подушка душила ее. Она думала о томъ, что виноградъ почти не родился, что вздорозалъ керосинъ, что давно пора молотить пшеницу, и что завтра придутъ пруссаки. Утромъ, чуть свѣтъ, когда все еще спали, она встала и, накинувъ сѣрый платокъ, вышла въ сарай — взглянуть на отелвнющую корову. Въ сараѣ было тепло и пахло молокомъ и навозомъ. Большая, блѣлая, въ коричневыхъ пятнахъ, корова, съ отвисшимъ выменемъ и выпуклыми глазами, лодкавъ короткія ноги и высузивъ шершавый языкъ, старательно облизывала теленка. Теленокъ былъ неуклюжий, на тонкихъ ногахъ, съ темно-желтой, мокрой и слпшнейшей шерстью. Онъ жался къ матери и мычалъ. Госпожа Кошуа вздохнула.

На востокъ разгоралась зари, и по двору отъ домовоы сѣбны ложилась длинная голубоватая тѣнь. Госпожа Кошуа стояла на порогѣ сарая. У сосѣда, старика Лонгевали, неистово гортанилъ пѣтухъ, и кудахтали и возились куры. Въ конюшнѣ фыркала лошадь. Было слышно, какъ старикъ Лонгеваль кричатъ, и капитля, запрягая ее. И вдругъ среди этихъ знакомыхъ собесѣдскихъ звуковъ, среди утренней тишины, раздался голосъ. Голоса были громкіе и чужіе, и языкъ былъ отрывистый и тоже чужой. Кто-то съ силой стучалъ въ ворота.

Госпожа Кошуа подошла и отворила засовъ. Она увидѣла двухъ солдатъ, двухъ пруссаковъ, розовыхъ въ лучахъ сентябрьскаго солнца. Оба были въ каскахъ, и у обоихъ были винтовки. Штыки торѣли, какъ серебро. Одинъ пруссакъ, огромный, рыжий и бородастый, кричалъ по-французски:

— Вина!

Госпожа Кошуа сказала губы.

— У меня нѣтъ вина.

— Какъ нѣтъ?.. Мы требуемъ, чтобы было вино...

— У меня его нѣтъ.

— Хорошо... Мы это увидимъ.

Онъ ударилъ ее кулакомъ по лицу, и она пошатнулась. Другой солдатъ скомандовалъ:

— Маршъ!..

Она показывала дорогу, а сзади, толкая ее кулаками, шли оба солдата. Они обшарили кухню, обыскали чердакъ и заглянули въ сарай. Вина не было. Тогда первый пруссакъ замаяхнулся винтовкой:

— Мы не шути́мъ, старуха!..

— У меня нѣтъ вина.

— Чтобы было вино!

— Какъ вамъ угодно...

— Маршъ въ погребъ!..

Въ погребѣ было много вина, и госпожа Кошуа не сомнѣвалась теперь, что пруссаки его найдутъ. Но она не хотѣла сама своими руками отдавать имъ накопленное добро. Она шла медленно, нехоти, сгибая узкую спину и наклоняя голову при каждомъ ударѣ. Войдя въ погребъ, она проуступила пруссаковъ впередъ и присѣла на ступеньку у входа. Она услышала, какъ зазвенѣли и разбились бутылки, и увидѣла, какъ полилось на землю вино, — ея вино, сокъ ея драгоценнаго винограда. И тогда она поняла, что этого допустить нельзя. Она покраснѣла и выпрямилась въ весь свой высокій ростъ:

— Воры!

Но они не обратили вниманія. Рыжий пруссакъ уже лежалъ на полу и пѣлъ и́емецкую пѣсню. Его товарищъ, черносый, съ прищеватымъ лицомъ, стоялъ надъ нимъ съ откупоренной бутылкой въ рукѣ и смѣялся. Госпожа Кошуа повторила:

— Воры!..

— Чтѣ?

Я говорю, что вы — воры!..

Она сказала это со злобой, со злобой крестьянина, у котораго расхищаютъ его богатство. Французы ушли, и теперь хо-

ВЪЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВЪЧНАЯ СЛАВА

Полковник
В. Ю. Веденяевъ.

Капитанъ
В. Н. Поттухъ.

Ротмистръ
В. В. Гелитовскій.

Капитанъ
П. А. Петерсонъ.

Штабсъ-капитанъ
Н. К. Воинъ.

Подпоручикъ
А. Н. Михневичъ.

Прапорщикъ
Ракитскій 1-й.

Подпоручикъ
В. И. Руженцевъ.

Корнетъ
А. А. фонъ-Швабе.

Подпоручикъ
И. К. Капустинъ.

Подпоручикъ
В. Т. Логутовъ.

Подпоручикъ
В. Д. Безходарный.

Подпоручикъ
В. А. Скопинскій.

Подпоручикъ
Н. В. Шлотскій.

Подпоручикъ
А. И. Гудимъ.

Подпоручикъ
А. Г. Ремишевскій.

Подпоручикъ
Е. В. Суринъ.

Подпоручикъ
В. В. Стоцкій.

Подпоручикъ
Н. Г. Гехтманъ.

Подпоручикъ
Б. Н. Хомутовъ.

Прапорщикъ
Н. Г. Клепачевскій.

Прапорщикъ
Н. Г. Городискій.

Прапорщикъ
А. И. Трухинъ.

Прапорщикъ
И. О. Люшня.

Прапорщикъ
К. А. Семеновъ.

зайничают пруссаки... Зачѣмъ же она трудилась?.. Зачѣмъ работала всю свою жизнь?.. И, покраснѣвъ еще больше и забывъ осторожность, она выкрикивала все громче и громче:

— Воры, воры, да, воры!..

Рыжий пруссакъ вскочилъ. Что-то щелкнуло, и блеснуло яркое пламя. Госпожа Кошуа затряслась и упала на полъ, грудью впе-

редь. Сѣрый платокъ свалился. Обнажились острия плечи, и о ступеньку стукнули деревянные башмаки. Госпожа Кошуа уже не видѣла и не слышала ничего. Но еще долго, на голой землѣ, въ пустомъ погребѣ, среди разбитыхъ бутылокъ, содрогалось худое, старое, полудоѣтое тѣло. Сильно пахло виномъ, и у старика Лонгевалья во все горло горланилъ пѣтухъ.

* * *

Я ребенкомъ любилъ большіе
Медомъ пахнушіе луга,
Перелѣски, травы сухія
И межъ травъ бычачьи рога.
Этотъ дикій міръ мнѣ казался
Краемъ древняго короля,
Этотъ дикій міръ притворялся,
Что онъ—только наша земля.
Каждый пыльный кустъ придорожный
Мнѣ шепталъ: «я шучу съ тобой!
Обойди меня осторожно—
И узнаешь, кто я такой».

Только вольный вѣтеръ осенній,
Прошумѣвъ, прекращалъ игру,
Сердце билось еще блаженнѣй,
И я вѣрилъ, что я умру
Съ осокою и голубицей,
Съ мать-и-мачехой, съ лопухомъ,
И въ небесной бѣлой столицѣ
Догадаюсь вдругъ обо всемъ.
Я за то и люблю затѣи
Грозовыхъ военныхъ забавъ,
Что людская кровь не святѣе
Изумруднаго сока травъ.

Н. Гумилевъ.

Англійскіе моряки и бельгійцы-артиллеристы.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1916 года къ 1 марта слѣдуетъ внести **не менѣе 4 руб.**

Гг. подписчики, уплатившіе менѣе указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **скорѣйшею присылкою** слѣдующаго взноса, **согласно условіямъ разсрочки.** Для удобства гг. подписчиковъ въ разсрочку къ этому номеру прилагается **почтовый переводъ** установленнаго образца, которымъ можно воспользоваться для перевода очередныхъ взносов.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. и печатный адресъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 12

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выданъ 19-го марта 1916 г.

Политики и современной жизни

Цѣна этого № (безъ иллож.)—15 в., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 6.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Освобожденный отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ

5^{1/2}⁄0

Государственный ВОЕННЫЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ ЗАЕМЪ выпуска 1916 г.,

выпускаемый на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА,
НА НАРИЦАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛЬ

2.000.000.000 рублей,

двумя серіями по 1.000.000.000 рублей каждая.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ $5\frac{1}{2}\%$ годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 1-го февраля и 1-го августа. Всѣ облигаціи займа будутъ погашены 1-го февраля 1926 года.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Держателямъ облигацій сего займа будетъ предоставлено право обмѣнять имѣющіяся у нихъ облигаціи на облигаціи Государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 г., причемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи настоящаго займа по ихъ выпускной цѣнѣ.

Такимъ образомъ заемъ сей выпускается совершенно на тѣхъ

же условіяхъ, кромѣ сроковъ купоновъ, какъ и предыдущій 5^{1/2}% военный краткосрочный заемъ 1915 г.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:
въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Частныхъ коммерческихъ банкахъ:

Волжско-Камскомъ Коммерческомъ, Петроградскомъ Международномъ Коммерческомъ, Русскомъ для Внѣшней Торговли, Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ, Русско-Азіатскомъ, Азовско-Донскомъ Коммерческомъ, Русскомъ Торгово-Промышленномъ, Сибирскомъ Торговомъ, Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ, Русско-Французскомъ Коммерческомъ, Петроградскомъ Торговомъ, Русско-Англійскомъ, Московскомъ Купеческомъ, Соединенномъ, Коммерческомъ Банкѣ И. В. Юнкеръ и К ^о , Московскомъ, Московскомъ Торговомъ, Московскомъ Частномъ Коммерческомъ, Московскомъ Учетномъ,	Московскомъ Народномъ, Коммерческомъ въ Варшавѣ, Кіевскомъ Частномъ Коммерческомъ, Союзномъ Банкѣ (въ Петроградѣ), Рижскомъ Коммерческомъ, Ростовскомъ н/Дону Купеческомъ, Тифлиссскомъ Коммерческомъ, Тифлиссскомъ Купеческомъ, Петроградскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита и въ банкирскихъ конторахъ и домахъ: Бр. Джамгаровыхъ, въ Петроградѣ и Москвѣ, Лампе и К ^о , въ Петроградѣ, Э. М. Мейеръ и К ^о „ Маврикій Нелькенъ „ Г. Волкова съ С-ми, въ Петроградѣ и Москвѣ, М. Ашкенази, въ Одессѣ.	съ 15-го марта по 22-го апрѣля с. г. включительно.
---	--	---

въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ и въ Обществахъ взаимнаго кредита,

въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ

съ 15-го марта
по 13-го мая с. г.
включительно.

Подписная цѣна назначается въ 95%, съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 1-го февраля с. г. по день уплаты.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго и учрежденіяхъ мелкаго кредита свыше 300 руб.,—уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50%—не позднѣе 13-го мая.

Лица, подписавшіяся въ разсрочку, вносятъ одновременно съ оплатой 50%-въ подписной суммы, также залогъ въ размѣрѣ 5% съ номинальной суммы оставшихся неоплаченныхъ облигацій. Этотъ залогъ можетъ быть внесенъ наличными деньгами или % бумагами.

Предварительныя заявленія о подпискѣ и уплатѣ денегъ могутъ быть принимаемы въ тѣхъ же мѣстахъ со дня опубликованія сего объявленія.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россия, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ
всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщеннымъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстоахожденія каждаго названія.
Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.
Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальского.

Цѣна съ пересылкой два рубля.

Руководство для **ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.**
для начинающихъ
Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к.
Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

Марки для коллекціонеровъ.
Покупка, продажа и обменъ. Каталогъ безплатно. Ал. Показъ, Юрьевъ, Лифл. г. Ивановская, № 1.

КТО ЖЕЛАЕТЪ
доставить удовольствіе на Пасхѣ себѣ, своимъ дѣтямъ и знакомымъ, требуйте немедленно прейсъ-курантъ **ФУКУСОВЪ, ШУТОКЪ и ЗАБАВЪ** отъ А. Н. Понатовскаго, Ялта, Набережная, № 4. Высылается за 5 коп. марку.
Продажа оптомъ и въ розницу.

для ЦВѢТА ЛИЦА
ПРЕВОСХОДНЫЙ
освѣжающій кожу эlegantный кремь **Дермозонъ**
Д-ра Антона Мейеръ имѣетъ очаровательный ароматъ цвѣтущихъ розъ. Онъ является гордостью женщинъ, желающихъ сохранить свой молодой видъ. Дермозонъ продается во всѣхъ аптекахъ, въ банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ быстро, если предварительно обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К^о. Остерегайтесь поддѣлокъ.

КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ
въ 8 ур. и дв. ит. бухгалтеріи обучаю каждаго заочно. Удѣст. 5 зол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифт., учен. раб. и усл. выс. за 2—10 к. мар. Одесса, Риндльевская, д. Н. №12, Проф. калгр. Ш. КРУКУ.

Усы у дамъ
и лишний волосъ на рукахъ и на лицѣ уничтожаетъ безъ боли „L'AUTOLUVE“ 1 банка 2 р. 25 к. На скл. въ Русскомъ Общ. торг. ан. тов. Казанская, 12. Въ пров. высылать наложен. платеж.
Адр.: **В. ЭККЕРТЬ**, Петроградъ, почт. ян. 408, Псковская ул., № 20.

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будете, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна пал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. 16)

УРАЛЪ ЗОЛОТОЕ ДНО.
Громадный выборъ изящныхъ модныхъ золотыхъ вещей съ настоящими Уральскими камнями у фирмы **„ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ“ К. А. Насоновой** въ Екатеринбургѣ. Иллюстрированный пр. кур. выс. безплатно. Фирма сущест. съ 1892 г.

ЛИЧНО на **МАНДОЛИНЪ** и **ГИТАРЪ** и **БАЛАЛАЙКЪ**
Услов. заоч. обуч. и каталогъ инструм. безплат.
„Мурсы Музыки“ Москва, Срѣтенка 21/3.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правоисаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ**. Льготныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО.**
Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г. на ежемѣсячный богатый иллюстрированный 16-ти страничный журналъ.

„ФИЛАТЕЛІЯ“
(годъ изд. 3-й).
Единственный спеціаль- ный органъ въ Россіи, посвященный вопросамъ коллекціонирования марокъ.
Всѣ новости филателии находятъ немедленно отраженіе въ журналѣ.
Подписная годовая плата, **2 руб.** съ до- вѣвающей премією, и пересылкой повсемѣстно въ Россіи.

1 г. годовые подписчики, выславшіе 2 руб., почтов. переводомъ или негашеными русскими почтов. марками, получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ** состоящую изъ трехъ цѣнныхъ марокъ, стоимостью по каталогу **Фр. 4.75** по выбору редакціи.

Подписку адресовать: **МАГАЗИНУ МАРОКЪ Э. ЭЙХЕНТАЛЬ**, Петроградъ, Новосій, 40/42.

Чтобы
ИЗБѢЖАТЬ ПРОСТУДЫ,
надо употреблять
PASTILLES VALDA
(Лепешки Вальда)
Антисептическое средство съ несравненнымъ дѣйствіемъ.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО
ТРЕБУЙТЕ, ПРОСИТЕ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НАСТОЯЩІЯ
Pastilles „Valda“
(Лепешки Вальда)
въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ
VALDA
Цѣна 1 рубль.
(H. Canonne, Paris).

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выпустить книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание самыхъ лучшихъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особые знанія и спеціальная подготовка. Заняться любимъ можете немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатииковъ пер., 18-2.

Продолжается подписка на издаваемый съ **ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ** Листокъ для войскъ и народа:

„ВОЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“

Въ этомъ листкѣ общепонятнымъ языкомъ объясняется весь ходъ нынѣшней Великой войны, а также выясняются тѣ дѣли, къ достиженію которыхъ стремятся каждая изъ воюющихъ державъ. Вместе съ тѣмъ въ листкѣ описываются выходящее боевое подвиги офицеровъ и нижнихъ чиновъ нашей арміи и обрисовывается въ общихъ чертахъ жизнь войскъ на передовыхъ позиціяхъ, а также тѣ событія внутри Россіи, которыя имѣютъ тѣсную связь съ войною. Листокъ выходитъ въ форматѣ большаго газетъ 3 раза въ недѣлю. Подписная плата съ 1-го января 1916 г. по 1-е января 1917 г. 2 р. 50 к., съ 1-го января по 1-е июля 1916 г. 1 р. 25 к. Подписка принимается въ конторѣ Военной Лѣтописи, Петроградъ, Книжный магазинъ „Л. Штаба“.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣча „Проктоль-Пеля“, новейшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболиваетъ, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

Отъ Т-ва „ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Москва, Больш. Бисальный пер., д. Франкъ.

12-го февраля 1916 г. на общемъ собраніи пайщиковъ Т-ва на паяхъ „Охотничій Вѣстникъ“ избрано полностью **НОВОЕ ПРАВЛЕНІЕ** и изъ состава редакціи журнала „Охотничій Вѣстникъ“ **ОКОНЧАТЕЛЬНО ВЫБЫЛЪ** редакторъ С. Н. Алексѣевъ, а изъ Правленія основатель Товарищества А. В. Тарнопольскій. Въ настоящее время журналъ „Охотничій Вѣстникъ“ выпускается по **СОВЕРШЕННО НОВОЙ** и значительно **РАСШИРЕННОЙ ПРОГРАММѢ**.

Подписка на 1916-й годъ продолжается. Цѣна 5 руб. въ годъ, на газированн. бумажѣ 8 руб. въ годъ. Въ складѣ Т-ва на паяхъ „Охотничій Вѣстникъ“ получена изъ-за границы очень большая партія охотничьяго оружія. **Требуйте расцѣнку.**

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТЪ АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоить 175 руб.
ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары. Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщиковъ для легкой домашней работы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Работаніе не служитъ препятствіемъ. Требуйте нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11.

Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall st.

Всевозможные ПОРТРЕТЫ и ИКОНЫ
Прейсъ-куррантъ выс. беп. Адр. г. Мѣлгородъ, Курск. г. Художнику Ф. А. Щечка.

УТРИ,

примъ, жировъ, выдѣл. и желт. пятна уничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли моимъ безвредн. домашнимъ средствомъ. Большой флаконъ, съ наставл., хватаящ. на все время, выслать по почте. Наложон. плат. въ 1 р. 75 к. съ перес. и упак. Получилъ массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прому изобрѣт. оно ИСКРЕННЕ и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., № 11, кв. 93. Мария Егоровна Чурбанова.

ВОЗЗВАНІЕ.

Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, добрые люди, достроить и благоустроить храмъ Господень во славу Рождества Пр. Богородицы. Адресъ: г. Лихвинъ, Калужской губ., село Жеремино, церковно-приходскому Попечительству, или 4017 Священнику Александру Смирнову.

ИКОНЫ

всѣхъ стилей, готовны и на заказъ, можно получить въ иконной лавкѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской иконописи. Петроградъ, Надеждинская, 27. Тел. 201-29. 4017 10-1. Грейсъ-курранты высылаются бесплатно.

При ГОРЮЩЕМЪ

въ острой и хронической формѣ **„ТИЗЕРИНЪ“** послѣдствій ея примѣн. тѣя Д-ра мед. Гороховской Д-я въ гуреннаго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна: од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного Ар. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыдъ пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускае. съ изъ аптекъ по рецепту врачей.

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Марка утверждена

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портится и служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто кольдъ-крема.

ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) и **МЫЛО Кремъ Симонъ (Le Savon à la Crème Simon)** того-же запаха что и **Кремъ Симонъ** и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON

59, Faubourg Saint-Martin, PARIS.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

ВЛАДѢТЬ ЯЗЫКАМИ

является мечтой каждого человѣка, но не всякій знаетъ о пользующейся громаднымъ успѣхомъ

заочной методѣ

обученія иностраннымъ языкамъ по изданію „АКАДЕМІИ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ“. Легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть грамматическихъ правилъ и словъ, каждый можетъ въ короткое время изучить

Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. курсъ каждого языка состоитъ изъ 10 вып.

Каждый выпускъ стоитъ 1 руб. 40 коп.

Краткій проспектъ бесплатно. Подробный—за 15 коп. Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевск., 44—62.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, невращенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ЖИВНА

№ 12. Выходитъ ежедн. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТАРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя специальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выдавъ 19 марта 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЫ“.

При слѣдующемъ номерѣ „Нивы“ будетъ разослана всѣмъ гг. подписчикамъ вторая изъ даваемыхъ нами въ приложеніе картъ:

„Спеціальная карта западнаго (русскаго) театра войны“.

Озабочиваясь, чтобы означенное приложеніе было своевременно получено нашими подписчиками, мы настоящимъ считаемъ долгомъ предупредить ихъ, что карта будетъ вложена въ каждый безъ исключенія экземпляръ тринадцатаго номера „Нивы“, и потому при полученіи означеннаго номера подписчику надлежитъ убѣдиться, вложена ли въ бандероль съ номеромъ карта, и въ противномъ случаѣ, не принимая номера, требовать составленія акта, для чего немедленно заявить объ этомъ (лично или письменно) начальнику мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Подобное же заявленіе слѣдуетъ также немедленно прислать и намъ, и мы спѣшно примемъ всѣ мѣры къ разысканію карты и къ выясненію виновниковъ похищенія.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Отъ Ставки Верховнаго Вожда до передовыхъ окоповъ. Подковника Г. П. Кейстутъ-Нѣмцебоя. (Литовское сказаніе). Стихотвореніе Аполлона Коринфскаго. — На пеленгѣ. (Изъ записокъ молодого человѣка). Разсказъ Ю. Волина. — 2 заявленія. — Объявленія.

Р И С У Н К И: Битва. Картина В. Берингера. — Въ штабѣ корпуса. — Отъ Ставки Верховнаго Вожда до передовыхъ окоповъ (2 портрета и 7 fotogr. снимковъ). — Благословеніе Пресвятыя Дѣвы Маріи. Картина И. Ижакевича. — Образъ св. Николая Чудотворца, найденный въ мусорѣ солдатомъ, во время похода въ Галицію. — Полковая походная церковь въ лѣсу. — Чудотворная икона Остробрамской Божіей Матери въ Вильнѣ (2 рис.). — Рѣка Д. у мѣстечка Э., за обладаніе которой былъ продолжительный бой. — Землянка штаба полка въ 1 1/2 верстахъ отъ боевой линіи. — На развѣдкѣ брода. — Реквизиція ибѣдъ въ Л. (Минской губ.). — Пулеметчики въ противогазныхъ маскахъ. — Развѣдчики несутъ раненаго товарища. Рисунокъ М. Авилова. — Понтонный мостъ. — Отбитыя у германцевъ проволочныя загражденія. — Воронка отъ бомбы, брошенной съ аэроплана. — Аэропланъ показался! — Установка орудія для обстрѣла вражескихъ аэроплановъ. — На артиллерійской развѣдкѣ. — Около убитаго хозяина. — Лошадь въ окопѣ. — Церковный парадъ войскамъ (2 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 6.

Битва. Картина В. Берингера. (XXXV выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1916 года).

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Второй мѣсяцъ Верденской операціи.

Наступилъ второй мѣсяцъ операціи подъ Верденомъ, и къ этому времени взаимное положеніе сторонъ нисколько не измѣнилось. За мѣсяцъ Верденскаго наступленія нѣмцы, продвинувшіеся въ первые пять дней на пять верстъ, далѣе совсѣмъ не продвинулись

и три недѣли провели въ бесплодныхъ атакахъ то на тотъ, то на другой участокъ Верденскаго фронта.

Какъ извѣстно, главнымъ райономъ атаки нѣмцевъ былъ правый берегъ Мааса, т.-е. районъ Дуомонскаго сектора. Выборъ этого района, какъ главнаго пункта атаки, былъ вызванъ, повиднмому, цѣлымъ рядомъ основательныхъ мотивовъ. Для того, чтобы уяснить себѣ это, необходимо обратить вниманіе, что сѣверная и восточная части Вердена, обращенныя въ сторону нѣмцевъ, образуютъ собою какъ бы три отдѣльные района. На сѣверѣ находится районъ лѣваго берега Мааса и рядомъ съ нимъ районъ праваго берега Мааса, а на востокѣ рядомъ съ райономъ праваго берега Мааса находится низменная область Вевра.

Нѣмцамъ было крайне невыгодно атаковать районъ лѣваго берега Мааса, а также районъ Вевра, почему они и выбрали райономъ главной атаки правый берегъ Мааса—Дуомонскій секторъ. Районъ лѣваго берега Мааса былъ невыгоденъ въ томъ отношеніи, что здѣсь французское расположеніе упиралось слѣва въ Аргоннскій лѣсъ, а справа въ крутыя высоты Мааса, почему нѣмцамъ пришлось бы атаковать эти позиціи „въ лобъ“, и никакіе захваты не были для нихъ возможны. Вообще лѣвый берегъ Мааса, между Аргоннскимъ лѣсомъ съ одной стороны и крутыя маасскими высотами съ другой стороны, представлялъ собою какъ бы узкій коридоръ, гдѣ даже небольшое число французскихъ войскъ могло всегда задержать нѣмцевъ.

Если это исключало для нѣмцевъ возможность атаковать французскія позиціи на лѣвомъ берегу Мааса, то другой районъ, а именно районъ Вевра, для нихъ было невыгодно атаковать, такъ какъ районъ Вевра представлялъ собою болотистую низменность. Можно даже считать, что французы, укрѣпившіе Верденъ еще въ 80-хъ годахъ, главнымъ образомъ имѣли въ виду, что съ Верденскихъ фортовъ придется обстрѣливать область Вевра, почему форты и были поставлены соответственнымъ образомъ.

Такимъ образомъ ни лѣвый берегъ Мааса ни область Вевра не могли быть райономъ главной атаки нѣмцевъ, и, естественно, ихъ главныя усилія направились противъ третьяго района, т.-е. района праваго берега Мааса. Здѣсь именно нѣмцы въ первые пять дней и продвинулись на пять верстъ, дойдя до форта Дуомонъ, и здѣсь они были ближе всего къ Вердену—верстахъ въ 7-8. Здѣсь они и атакывали въ теченіе двухъ недѣль, но далѣе Дуомона французы ихъ не пустили.

Когда выяснилась полная безуспѣшность нѣмецкихъ атакъ на правомъ берегу Мааса въ Дуомонскомъ секторѣ, и когда обнаружилось, что нѣмцы понесли здѣсь громадныя потери, исчисляемыя за первые 2 недѣли атаки въ 150.000 человекъ, нѣмцы перенесли свои атаки на лѣвый берегъ Мааса. Самый фактъ переноса нѣмецкихъ атакъ на лѣвый берегъ Мааса, гдѣ нѣмцы, какъ мы отмѣчали выше, не могли ничего достигнуть въ силу особыхъ условій мѣстности, показывалъ, что нѣмецкія атаки по-

теряли уже свой смыслъ и значеніе, и что нѣмцы, повиднмому, ведутъ наступленіе у Вердена исключительно для того, чтобы не прекратить его сразу и не произвести этимъ неблагоприятнаго впечатлѣнія на массы населенія.

Дѣйствительно, рядъ атакъ, предпринятыхъ нѣмцами на лѣвомъ берегу Мааса, отдалъ въ ихъ распоряженіе лишь деревню Форжъ и лѣсъ Корбо. Эти пункты, безусловно, не имѣли значенія, такъ какъ они находились на низкомъ мѣстѣ, а слѣдовательно и подъ сильнѣйшимъ обстрѣломъ съ французскихъ позицій. Для того, чтобы нѣмцы имѣли успѣхъ на лѣвомъ берегу Мааса, имъ нужно было взять штурмомъ линію высотъ, находящуюся позади деревни Форжъ и лѣса Корбо, а именно линію высотъ, протянувшуюся между деревней Бетанкуръ и крутой возвышенностью Кюмьеръ, упирающейся въ Маастъ.

Эти позиціи, дѣйствительно, атакывались нѣмцами неоднократно, но здѣсь французы не пустили нѣмцевъ продвигнуться ни на шагъ. Это обстоятельство является весьма существеннымъ, такъ какъ французская позиція Бетанкуръ—Кюмьеръ находится еще впереди главныхъ фортовъ Вердена, и въ крайнемъ случаѣ французы могли бы ею поступиться. Если французы все же не отдали этой позиціи, то это показывало, насколько положеніе ихъ прочно, насколько они твердо и увѣренно себя чувствуютъ, не желая поступаться даже „мелочами“.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ результатѣ, нѣмцевъ на лѣвомъ берегу Мааса постигла еще большая неудача, чѣмъ въ главномъ районѣ атаки, на правомъ берегу Мааса, ибо на лѣвомъ берегу Мааса они продвинулись не болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{2}$ версты, тогда какъ на правомъ берегу Мааса они продвинулись на 5-6 верстъ. Кроме того, это продвиженіе на $\frac{1}{2}$ версты на лѣвомъ берегу Мааса было еще несущественно въ томъ отношеніи, что здѣсь нѣмцевъ отдѣляло отъ Вердена верстъ 12, тогда какъ на правомъ берегу Мааса ихъ отдѣляло отъ крѣпости только верстъ 8.

Наконецъ, въ третьемъ районѣ атаки—въ области Вевра успѣхъ нѣмцевъ были еще болѣе ничтожны и ограничились занятіемъ нѣсколькихъ низменныхъ деревень съ деревней Френъ. Здѣсь, въ области Вевра, передъ нѣмцами была крутая стѣна Маасскихъ высотъ, знаменитыхъ „côtes de la Meuse“, и здѣсь нѣмцы менѣе всего могли рассчитывать на какое-либо продвиженіе впередъ. Кроме того здѣсь нѣмцевъ отдѣляло отъ Вердена еще большее разстояніе—верстъ 16.

Такая опредѣленная неудача нѣмцевъ во всѣхъ трехъ районахъ, дѣлаясь въ теченіе болѣе чѣмъ мѣсяца, въ связи съ вообще прочнымъ положеніемъ Верденской крѣпости, давала основаніе утверждать, что операція нѣмцевъ едва ли можетъ быть ими выиграна. Вообще, трудно было рассчитывать, что нѣмцы и сами съ большою увѣренностью предполагали овладѣть Верденомъ, такъ какъ сила Верденской крѣпости имъ была извѣстна, и трудно себѣ представить, чтобы нѣмцы питали столь неосновательныя иллюзіи. Повиднмому, объясненіе Верденской операціи слѣдовало искать въ рядѣ другихъ причинъ.

Когда французы въ сентябрѣ прошлаго года повели наступленіе въ Шампани и взяли въ первый день 26.000 человекъ плѣнныхъ, а во второй день еще 9.000 человекъ, а также и 155 орудій, то естественно было ожидать, что нѣмцы постѣ этого попытаются отвѣтить имъ такимъ же ударомъ. Взаимное положеніе сторонъ допускало отъ времени до времени подобныя удары то съ одной, то съ другой стороны. Намъ уже приходилось отмѣчать, что на длинномъ западномъ фронтѣ войска на передовыхъ линіяхъ расположены болѣе или менѣе равномерно, и что лишь сзади на каждомъ участкѣ находятся резервы. Поэтому тотъ, кто первый задумаетъ наступленіе въ какомъ-либо пунктѣ и соберетъ съ этой цѣлью значительную массу въ этомъ пунктѣ, будетъ здѣсь численно превосходить, а слѣдовательно и сильнѣе противника. При такихъ условіяхъ, наступающій всегда долженъ имѣть въ первый моментъ успѣхъ, до тѣхъ поръ, пока обороняющійся не подвезетъ къ атакованному пункту резервовъ и не возобновитъ равновѣсія.

Этимъ и объясняется, что, какъ наступленіе французовъ въ Шампани, такъ и наступленіе нѣмцевъ у Вердена имѣли въ первый моментъ успѣхъ, но затѣмъ приостановились и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Эти условія слѣдуетъ считать какъ бы общимъ закономъ, одинаковымъ для обѣихъ сторонъ, и, кака бы сторона ни наступала на западномъ фронтѣ, она всегда будетъ имѣть въ первый моментъ успѣхъ и одинаково обязательно въ слѣдующій моментъ будетъ приостановлена.

Эти обстоятельства заставляли ожидать, что нѣмцы отвѣтятъ на французскій ударъ какимъ-либо ударомъ со своей стороны, гдѣ также попытаются воспользоваться преимуществомъ перваго натиска и постараются забрать нѣкоторое количество плѣнныхъ и орудій, чтобы „отомстить“ французамъ и поддержать свою репутацію. Однако въ теченіе долгаго времени нѣмцы подобнаго „отвѣта“ французамъ не давали, и, повиднмому, такой отвѣтъ былъ задуманъ ими лишь теперь, въ видѣ Вердена.

Надо думать, что нѣмцы, вѣроятно, рѣшили отвѣтить на французскій ударъ въ Шампани болѣе сильнымъ ударомъ и поднести

своимъ согражданамъ эффектную побѣду въ видѣ Вердена. Они, конечно, понимали, что взять Верденъ нелегко, если не невозможно, но могли рассчитывать на то, что французы, быть-можетъ, не рѣшатся на особенно длительную борьбу, во избѣжаніе потерь, и сами отойдутъ отъ Вердена. Абсолютно невѣроятнаго въ такомъ предположеніи ничего не было, такъ какъ французы при своемъ небольшомъ населеніи весьма дорожатъ каждымъ солдатомъ и могли бы въ крайнемъ случаѣ даже отойти отъ Вердена во избѣжаніе потерь, такъ какъ этотъ отходъ несколько не мѣнялъ взаимнаго положенія сторонъ: все равно дальнѣйшее продвиженіе нѣмцевъ было невозможно, и они за Верденомъ, верстахъ въ двадцати, встрѣтили бы новую стѣну французскихъ укрѣпленій.

Однако, когда началась Верденская операція, то уже съ первыхъ дней можно было замѣтить, что французы рѣшили оборонять Верденъ во что бы то ни стало, а при такомъ категорическомъ рѣшеніи французовъ никакой успѣхъ нѣмцевъ былъ невозможенъ, ибо Верденъ самъ по себѣ крѣпость сильная, и ее можно безусловно удержать, лишь бы только въ расчеты французскаго высшаго командованія не входило противоположное рѣшеніе.

Дѣйствительно, нѣмцы, занимающіе нѣкоторую часть территоріи Франціи, повидимому, уже не могутъ рассчитывать на добровольную уступку со стороны французовъ дальнѣйшей, хотя бы незначительной, части территоріи, и французское высшее командованіе едва ли стало бы отходить отъ какихъ-либо пунктовъ по стратегическимъ соображеніямъ. Это, вѣроятно, вызвало бы неудовольствіе со стороны населенія, и при той отвѣтственности

представителей власти, которая существуетъ во Франціи, такіе шаги представлялись и представляются маловѣроятными.

Разъ же, какъ мы упоминали, французское высшее командованіе рѣшило удерживать Верденъ во что бы то ни стало, то на овладѣніе Верденомъ силой нѣмцы рассчитывать не могли.

Такимъ образомъ операція у Вердена, повидимому, является отвѣтомъ нѣмцевъ на французскую „Шампань“. При этомъ нѣмцы отложили ее до февраля мѣсяца, вѣроятно, въ расчетъ нанести ударъ французамъ передъ началомъ весеннихъ операцій на нашемъ фронтѣ, чтобы этимъ вынудить нашихъ союзниковъ отказаться отъ согласованныхъ дѣйствій и отъ наступленія на западномъ фронтѣ весной.

Невзирая на свою неудачу у Вердена, нѣмцы продолжали поддерживать артиллерійскій огонь и производить атаки, т.-е. продолжали поддерживать иллюзію, что операція у Вердена продолжается. Весьма возможно, что такіе дѣйствія были связаны съ предстоящимъ 10-миллиарднымъ займомъ, разрѣшеніе на выпускъ котораго должно было быть испрошено у рейхстага въ мартѣ мѣсяцѣ. Быстрое прекращеніе нѣмцами атакъ у Вердена, вслѣдствіе того неблагоприятнаго впечатлѣнія, которое произвело бы это на населеніе, могло бы повліять и на настроеніе рейхстага. Необходимо отмѣтить, что передъ предыдущимъ займомъ нѣмцы произвели операцію въ Сербіи и поднесли рейхстагу „сербскую побѣду“. Возможно, что такая побѣда имѣлась въ виду и передъ новымъ займомъ, и, когда она не удалась, нѣмцамъ пришлось поддерживать при помощи непрерывныхъ атакъ иллюзію того, что операція производится, и что „побѣда“ еще куется.

Въ штабъ корпуса. Важное донесеніе. Полевой телефонъ съ одновременной передачей по телеграфу главнокомандующему. Начальникъ дивизіи у телефона и телеграфа.

ЗАЯВЛЕНІЕ

Контора журнала „Нива“ проситъ гг. подписчиковъ озаботиться своевременными взносами подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала со 2-го апрѣля — съ 14-го номера. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. и печатный адресъ.

Отъ Ставки Верховнаго Вождя до передовыхъ окоповъ.

(Отъ нашего спеціального военного корреспондента).

Полковника Г. П.

(Съ 2 портр. и 7 фотографическими снимками).

I.

Телеграфное разрѣшеніе прибыть мнѣ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго получено. Я быстро собрался въ дорогу и скорымъ поѣздомъ отправился въ одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ, гдѣ находится центральная нервная система всей нашей многомилліонной арміи — штабъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Несмотря на то, что съ нашимъ поѣздомъ ѣхалъ военный министр, мы прибыли къ цѣли нашего путешествія съ большимъ опозданиемъ. Однако неодолимое желаніе какъ можно скорѣе прикоснуться къ той могучей машинѣ, которая руководитъ всей жизнью и работой нашей доблестной многомилліонной арміи, было настолько сильно, что, несмотря на позднее время, я прямо съ вокзала отправился къ одному изъ тѣхъ чиновъ штаба, съ которымъ мнѣ предстояло въ дальнейшей работѣ постоянно соприкасаться. Засталъ я его въ штабномъ собраніи, гдѣ обычно всѣ чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго собираются въ это время за общей трапезой.

Когда я пріѣхалъ въ собраніе, обѣдъ уже начался, и мнѣ не удалось лично познакомиться съ нужнымъ мнѣ офицеромъ. Но, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ просилъ зайти къ нему въ половинѣ десятого вечера въ отдѣленіе.

Свободнымъ временемъ я воспользовался, чтобы пріискать себѣ какое-нибудь помѣщеніе. Почти всѣ гостиницы въ городѣ реквизированы для нуждъ штаба, и найти свободную комнату въ городѣ чрезвычайно трудно. Только при содѣйствіи полицеймейстера мнѣ удалось раздобыть въ одной изъ трехклассныхъ гостиницъ маленькую комнату.

Наскоро умывшись и переодевшись, я отправился искать зданіе духовной семинаріи, пріютившей нужное мнѣ отдѣленіе штаба.

Здѣсь я засталъ штабс-капитана Л., познакомился съ нимъ, и онъ въ общихъ чертахъ рассказалъ мнѣ о кипучей, полной захватывающаго интереса работѣ, которая совершается въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго. День и ночь съ фронта приходятъ телеграммы, донесенія, сообщенія, во всѣ стороны отсюда телеграфъ разноситъ приказанія и распоряженія, исходящія отъ лица, призванныхъ стоять во главѣ различныхъ отдѣловъ управленія арміями. Ни одна мелочь въ жизни фронта не проходитъ незамѣченной здѣсь, въ главномъ органѣ этого громаднаго, многоголоватаго существа, именуемаго живой силой стратегіи.

Не только то, что дѣлается на нашемъ фронтѣ, но и то, что происходитъ на отдаленныхъ фронтахъ нашихъ союзниковъ, то, что совершается на морскихъ театрахъ, — все это концентрируется здѣсь, изучается, и, сообразно съ тѣми или иными свѣдѣніями, полученными изъ этихъ данныхъ, принимаются извѣстныя мѣры и рѣшенія.

Я былъ подавленъ той громадной работой, которая ежедневно выполняется, и притомъ выполняется съ поразительной аккуратностью, точностью и спокойствіемъ начальникомъ штаба и его ближайшимъ сотрудникомъ — генералъ-квартирмейстеромъ.

Передвиженіе каждой отдѣльной части войскъ немедленно же отмѣчается здѣсь на громадныхъ картахъ. Всѣ свѣдѣнія о противникѣ сходятся точно также здѣсь въ штабѣ, и за передвиженіями его войскъ слѣдятъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и за передвиженіемъ нашихъ частей. Конечно, всѣ эти свѣдѣнія составляютъ величайшую тайну, извѣстную только лицамъ, обязаннымъ по роду своей службы вѣдать это. Для остальныхъ же — это непроницаемая, величайшая тайна. Комната, въ которой развѣшены карты съ обозначеніемъ расположенія войскъ, находится подъ строжайшей охраной часового. Въ ней-то и происходитъ ежедневно всеподданнѣйшій докладъ начальника штаба Верховному Вождю о всѣхъ событіяхъ дня.

Три недѣли пробылъ я въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго. При мнѣ протекала операція на Стрыпѣ; при мнѣ началась операція подъ Двинскомъ; я видѣлъ и чувствовалъ, какъ въ штабѣ внимательно слѣдятъ за каждымъ шагомъ нашихъ войскъ, какъ радуются ихъ успѣху и скорбятъ даже о ничтожныхъ неудачахъ. Я видѣлъ, что штабъ живетъ исключительно тѣмъ, что происходитъ на фронтѣ, и меня неудержимо потянуло

туда, гдѣ кипитъ боевая страда, гдѣ ежедневно люди жертвуютъ собою ради общаго великаго дѣла, не думая о себѣ, а лишь помышляя о благѣ родины.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго. × Ставка. ×× Штабъ.

Устроить поѣздку на фронтъ мнѣ было нетрудно. Узнавъ о моемъ желаніи, генералъ-квартирмейстеръ распорядился снабдить меня нужнымъ разрѣшеніемъ, и я двинулся въ путь.

II.

Цѣлью моей поѣздки явились арміи западнаго фронта; во главѣ ихъ стоитъ генералъ А. Е. Эвертъ (портр. на стр. 201).

Въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго мнѣ неоднократно приходилось слышать самые лестные отзывы о высокиихъ боевыхъ и административныхъ качествахъ этого генерала. Объ арміяхъ его фронта передавали мнѣ много интереснаго. Эти арміи вынесли на своихъ могучихъ плечахъ весь тяжелый отходъ минувшимъ лѣтомъ отъ Дунайца до Польска. Последнимъ крупнымъ боевымъ подвигомъ его армій было ликвидированіе прорыва германской кавалеріи генерала Шметова на Молодечно. Въ эти арміи входятъ и сибирскія войска и кавказскіе корпуса, обезсмертившіе себя такими геройскими дѣлами, какъ занятіе Тарнавскихъ высотъ, прорывъ на Ченстоховъ, занятіе Сѣнявы на Санѣ, и другія славныя части. Вотъ съ этими-то войсками и предстояло мнѣ познакомиться на ихъ передовыхъ позиціяхъ. Жизнь и работа ихъ въ боевой обстановкѣ интересовали меня.

Въ губернской городѣ, гдѣ расположенъ штабъ армій западнаго фронта, я прибылъ поздно ночью. Городъ былъ погруженъ въ полный мракъ, такъ какъ за нѣсколько дней передъ моимъ пріѣздомъ сюда былъ совершенъ предпримчивымъ противникомъ налетъ воздушныхъ пиратовъ, намѣревавшихся разрушить железнодорожную станцію и полотно.

На другой день по пріѣздѣ утромъ я направился въ штабъ фронта, гдѣ мнѣ было передано приглашеніе главнокомандующаго на обѣдъ; передъ обѣдомъ я долженъ былъ представиться генералу Эверту. Раньше мнѣ никогда не случалось встрѣчаться съ генераломъ Эвертомъ, и я совершенно неправильно представлялъ себѣ его внѣшность. Я былъ пораженъ, увидѣвъ входящаго въ общую столовую чрезвычайно моложаваго и бодрого генерала. Съ представленіемъ о главнокомандующемъ арміями какъ-то неразрывно всегда связывается представленіе о маститомъ полководцѣ, убѣленномъ сѣдинами. Между тѣмъ генералъ Эвертъ производитъ впечатлѣніе чловѣка, которому не болѣе 45 лѣтъ. Высокаго роста, стройный, съ едва замѣтной просѣдью, бодрый, энергичный, повидному, съ желѣзной волей и здоровьемъ, генералъ Эвертъ приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе: въ обращеніи со своими подчиненными онъ такъ простъ и любезенъ, какъ можетъ быть только очень большой чловѣкъ.

Узнавъ о цѣли моего пріѣзда на фронтъ, главнокомандующій посоветовалъ мнѣ обратить особое вниманіе на настроеніе арміи, которая, по его словамъ, вполне бодръ, увѣрена въ конечной побѣдѣ и спокойна: это лучшій залогъ, что въ нужный моментъ наша армія перейдетъ въ рѣшительное наступленіе и доведетъ войну до блестящаго конца, лишь бы настроеніе тыла, пессимистичное, подавленное, не соответствующее создавшейся на фронтѣ

.....
 Главкомандующій арміями западного фронту генераль-адъютантъ А. Е. Зверевъ.

обстановкѣ, измѣнилось. Армія, по словамъ генерала Зверта, живетъ единой мечтой прогнать дерзкаго врага изъ занятыхъ имъ русскихъ областей. Всѣ, начиная отъ солдата и кончая имъ, главнокомандующимъ, увѣрены, что цѣль эта рано или поздно будетъ достигнута. Правда, для этого потребуются извѣстныя жертвы, къ нимъ мы должны быть готовы, но безъ побѣды миръ невозможенъ.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ главнокомандующій особенно рекомендовалъ мнѣ ознакомиться съ доблестными частями генераловъ Куропаткина, Драгомирова и Ирманова.

Изъ штаба фронта, слѣдуя указаніямъ генерала Зверта, я прежде всего отправился въ ту именно армію, въ составъ которой входилъ корпусъ генераль-адъютанта А. Н. Куропаткина, нынѣ назначеннаго изъ командировъ корпуса непосредственно въ главнокомандующіе арміями сѣвернаго фронта.

И дѣйствительно, все то, что я увидѣлъ въ корпусѣ А. Н. Куропаткина, было въ высшей степени поучительно и интересно. Въ каждой мелочи жизни солдата быть виденъ духъ великаго человѣка, стоящаго во главѣ корпуса, каждая мелочь была проникнута заботой и продумана отцомъ-командиромъ.

Пріѣхавъ въ штабъ корпуса Куропаткина, я сейчасъ же былъ принятъ радушнымъ хозяиномъ въ его скромной рабочей комнатѣ. Простой дубовый столъ, покрытый листами пропускной бумаги и заваленный грудой книгъ, картъ и различныхъ бумагъ, замѣнялъ ему письменный столъ; желѣзная кровать, нѣсколько стульевъ и одинъ-два вазона съ цвѣтами, — вотъ та обстановка, среди которой жилъ и работалъ на фронтѣ А. Н. Куропаткинъ въ 1915 и 1916 годахъ.

Знакомясь съ работой частей, входящихъ въ корпусъ А. Н. Куропаткина, я, между прочимъ, видѣлъ работу нашихъ гренадеръ или, иначе, гранатчиковъ. Ручныя гранаты появились въ нашихъ войскахъ сравнительно недавно, но онѣ быстро приобрѣли любовь солдатъ. Ни одна развѣдка не предпринимается теперь безъ достаточнаго запаса ручныхъ гранатъ, и наши молодцы лихо научились бросать ихъ. Мнѣ удалось видѣть лихую работу гранатчиковъ одного изъ полковъ первой дивизіи корпуса.

Назначено было показное ученіе съ боевыми гранатами на полѣ. Погода была ужасная; съ утра поднялась снѣжная метель, сильный вѣтеръ отнесъ сравнительно легкую гранату въ сторону, мѣшала ей полету, и она падала ближе, чѣмъ это бываетъ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Но, несмотря на это, работа гранатчиковъ была выше вся-

кой похвалы, они, подобно римскимъ гладіаторамъ, метали гранаты съ поразительной мѣткостью.

Во главѣ отряда гранатчиковъ находился молодой прапорщикъ Н. атлетическаго тѣлосложенія. Широкоплечій, высокаго роста, съ прекрасно развитыми мускулами, онъ вполне олицетворялъ собою идеальнаго начальника команды развѣдчиковъ. Взглянувъ на этого офицера, невольно казалось, что онъ родился развѣдчикомъ, гренадеромъ.

Я разговорился съ этимъ атлетомъ; онъ съ увлеченіемъ рассказывалъ мнѣ боевые эпизоды, въ которыхъ участвовалъ самъ и его молодцы. Случайно въ разговорѣ офицеръ этотъ упомянулъ, что онъ раньше никогда не думалъ о военной карьерѣ, а готовился къ работѣ совѣтъ на иномъ поприщѣ. Онъ по профессіи художникъ и за мѣсяць до объявленія войны собрался ѣхать въ Мюнхенъ оканчивать свое художественное образованіе; однако какія-то домашнія дѣла задержали его временно, и, когда вспыхнула война, онъ, бросивъ палитру и кисть, взялся за мечъ.

Занимаясь въ Москвѣ въ художественномъ училищѣ, молодой художникъ случайно попалъ какъ-то разъ въ атлетическое общество, увлекся спортомъ и сталъ посвящать свои досуги физическому развитію. Теперь это увлеченіе принесло ему громадную пользу. Прибывъ по мобилизаціи въ полкъ, онъ сразу обратилъ на себя вниманіе начальства и былъ назначенъ завѣдывать развѣдчиками. Цѣлый рядъ лихихъ развѣдокъ принесъ ему боевую славу. Когда формировались команды гранатчиковъ, на него было возложено обученіе ихъ обращенію съ новымъ оружіемъ. Нужно отдать полную справедливость, — справился онъ съ этимъ дѣломъ блестяще, и его гранатчики работаютъ поразительно. Вся его команда при показной работѣ проявила необычайное развитіе мышць, обнаружила большой интересъ къ работѣ и показала громадные успѣхи, достигнутые въ короткое время.

На ученіе гранатчики пришли въ бѣлыхъ балахонахъ развѣдчиковъ. На бѣлоснѣжной пеленѣ балахоны дѣлаютъ развѣдчиковъ почти невидимыми даже на близкомъ разстояніи. Можно представить себѣ, какъ хорошо скрываютъ эти шапки-невидимки тихо подползающихъ къ окопамъ врага по снѣгу, такому же бѣлому, какъ и балахоны нашихъ развѣдчиковъ въ темную ночь (рис. на стр. 202).

Вотъ гранатчики зарядили боевыя гранаты. Ползкомъ направились къ проволочному загражденію; приблизившись шаговъ на 50 къ обозначенному противнику, они быстро, какъ одинъ, вскочили на ноги, бросили по гранатѣ и вмигъ снова распла-

.....
 Командовавшій корпусомъ, нынѣ главнокомандующій арміями сѣвернаго фронта генераль-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ.

стались на землѣ. Черезъ мгновеніе раздался оглушительный трескъ, клубы черного дыма на нѣсколько секундъ, какъ завѣсой, закрыли отъ насъ всю впереди лежащую мѣстность. Я невольно рисовалъ себѣ картину того переполоха, который въ такую минуту долженъ произойти въ окопахъ противника. Но гранатчики въ это время думали о другомъ: они быстро подползли къ колючей проволоцѣ, взяли за ножницы, и не успѣвъ еще дымъ разсѣяться по полю, какъ проволочное заграждение было во многихъ мѣстахъ прорѣзано, и молодцы-гранатчики съ громкимъ крикомъ „ура“ бросились къ тому мѣсту, гдѣ разорвались гранаты.

Въ заключеніе самъ начальникъ команды взялъ боевую гранату и бросилъ ее въ болванку, одиноко стоявшую на полѣ, не менѣе чѣмъ въ 100 шагахъ отъ него. Снова раздался страшный трескъ, столбъ черного дыма закрылъ болванку; когда порывъ вѣтра разсѣялъ дымовую завѣсу, отъ болванки и слѣда не было, только щепки лежали кругомъ...

Послѣ ученія гранатчики съ пѣнями пошли домой, а батальонный командиръ съ укориной обратился ко мнѣ, выговаривая, что я обижаю ихъ и не хочу посмотреть, какъ они устроились въ своемъ земляномъ городкѣ. Я обещалъ на другой день непременно быть въ резервныхъ батальонахъ полка, чтобы полюбоваться на ихъ земляной городокъ.

III.

Утро выдалось на славу хорошее. Бывшій ночью морозъ высушилъ дороги, а легкій снѣжокъ запустилъ ихъ бархатнымъ покровомъ. Въ нѣсколько минутъ гудящій автомобиль доставилъ меня въ расположеніе штаба полка.

Основной лѣсъ совершенно закрывалъ отъ посторонняго взгляда батальоны полка; находясь отъ землянокъ въ разстояніи какихъ-нибудь двухъ-трехъ десятковъ сажень, не было видно подземнаго города.

Смѣло можно назвать безконечное число земляныхъ сооружений городомъ. Тутъ есть улицы, переулки, носящіе названія батальоновъ и ротъ, а иногда называемые даже фамиліей кого-либо изъ офицеровъ, живущихъ на этой улицѣ. Такъ, между прочимъ, мнѣ показывали Михайловскій проспектъ. Кромѣ жилыхъ подземныхъ домовъ въ городѣ находятся: полковая канцелярія, офицерское собраніе, гдѣ обѣдаютъ и ужинаютъ офицеры, читальня, двѣ солдатскія лавочки, телефонъ, телеграфъ, своего рода почта, у которой красуется ящикъ для писемъ. Немного поодаль дымить походная кухня и полковая баня, жарко нагрѣтая. Въ праздничные дни полковой священникъ въ одной изъ землянокъ совершаетъ богослуженіе, а въ будни занятъ постройкой постоянной церкви глубоко подъ землей—совсѣмъ, какъ въ катакомбахъ первыхъ христіанъ. Тутъ же строился театръ.

Окопы, оплетенные колючей проволокой.

Въ одномъ изъ такихъ театровъ на фронтѣ, между прочимъ, готовилась къ постановкѣ опера „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“, при чемъ для вящаго увеселенія въ программѣ значилось: „инсценировка по Софоклу въ стилѣ модернъ“.

Постановка, какъ мнѣ рассказывали, не лишена того захватывающаго юмора и остроумія, которымъ славится въ Петроградѣ театръ „Кривое Зеркало“.

Черная суконная декорация, такія же кулисы,—вотъ тотъ фонъ, на которомъ разыгрывается двухъактная опера изъ княжескаго періода русской исторіи. На декорации большими бѣлыми буквами написано: „Темный лѣсъ“. На громадномъ битюгѣ, взятомъ въ тяжеломъ артиллерійскомъ дивизионѣ, въ бѣломъ балахонѣ развѣдчика, въ германской каскѣ выгѣдетъ князь Олегъ. Хоръ въ такихъ же бѣлыхъ балахонахъ и съ противогазными масками на лицахъ исполняетъ обязанности греческаго хора и поясняетъ зрителямъ все происходящее на сценѣ.

Ну, какъ же послѣ этого не сказать, что здѣсь земляной городъ съ его своеобразной жизнью!

Кому не приходилось бывать въ такихъ своеобразныхъ, порожденныхъ войной, земляныхъ городахъ, тотъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія, что такое современная благоустроенная землянка. Большія, просторныя, сухія, выложенныя смолистыми стволами ароматно пахнущихъ молодыхъ сосенъ, землянки нарядно убраны зеленой хвоей. На роту построено три-четыре такихъ землянки, люди просторно въ нихъ размѣщены, спятъ на

Развѣдчики-гранатчики

Норка, замѣняющая землянку, въ валу окопа изъ мѣшковъ.

нарахъ, а между наръ остается еще свободный проходъ надъ поверхностью земли въ этихъ импровизированныхъ домахъ вставлены рамы со стеклами, черезъ нихъ дневной свѣтъ яркимъ снопомъ пробивается въ подземное жилище.

Когда я вошелъ въ землянку, жизнь тамъ кипѣла во-всю: люди занимались своимъ дѣломъ и развлекались, кто какъ могъ. Въ дальнемъ углу лихо наигрывала гармоника, и кто-то напѣвалъ подъ ея аккомпанементъ незнакомый мнѣ заунывный мотивъ польской пѣсни; у окна сидѣла группа солдатъ и усердно поколачивала деревянными молотками по подошвамъ сапогъ, — это ротные сапожники чинили самое важное въ окопной жизни солдата — сапоги своихъ товарищей; у другого окна пріютились портные; около печки группа человекъ въ пять готовила чай, разрезая на куски краюху ситнаго. Нѣсколько человекъ было занято чисткой винтовокъ; кто лежалъ на нарахъ, кто писалъ что-то.

Но вотъ дежурный по ротѣ замѣтилъ наше присутствіе, скомандовалъ „смирно!“, и жизнь мгновенно оборвалась — все затихло. По моей просьбѣ командиромъ полка людямъ было разрѣшено продолжать заниматься своимъ дѣломъ, но покой былъ уже нарушенъ, и прежней непринужденной жизни я не увидѣлъ больше.

Съ командиромъ полка мы обошли нѣсколько землянокъ. Вездѣ одинаково было чисто, свѣтло и уютно. Было замѣтно, что глазъ корпуснаго часто заглядываетъ сюда и все видитъ. Въ этомъ подземномъ городѣ живетъ солдатамъ ничуть не хуже, чѣмъ въ какихъ-нибудь казармахъ уѣзднаго города. Только долетающіе сюда звуки орудійныхъ выстрѣловъ и ружейная трескотня напоминаютъ о близости врага, напоминаютъ о томъ, что идетъ война. Если бы не это обстоятельство, то сол-

Окопъ изъ мѣшковъ.

даты чувствовали бы себя вполне хорошо въ своихъ землянкахъ.

Тутъ жили тѣ батальоны полка, которые не несли въ это время тяжелой службы на передовыхъ позиціяхъ, которымъ не приходилось сидѣть въ окопахъ.

„Окопы“ — это слово теперь постоянно на языкѣ у обывателя. Объ окопахъ говорятъ въ салонахъ, на улицѣ, въ вагонѣ и въ убогой лачугѣ глухой деревеньки. Въ окопы посылаютъ подарки, письма, гостинцы... Въ этихъ окопахъ сидятъ на стражѣ наши доблестные защитники, они зорко слѣдятъ за врагомъ и не пускаютъ его въ глубь нашей страны.

Узкой лентой выются окопы отъ Рижскаго залива до румынской границы, преграждая путь дерзкому врагу. Въ нѣсколько рядовъ оплетены эти окопы со стороны противника колючей проволокой (рис. на стр. 202). Вотъ въ эти-то окопы мы и двинулись съ командиромъ полка изъ земляного городка. Пройдя по лѣсу съ версту, мы подошли къ спуску въ ходъ сообщенія. Тутъ уже начинается районъ, гдѣ непріятельскія пули обстрѣливаютъ каждого, показавшагося на опушкѣ лѣса; только по ходу сообщенія, вырытому въ землѣ, можно подойти къ окопамъ.

Въ песчаномъ грунтѣ зигзагами прорытъ ходъ сообщенія; то вправо, то лѣво поворачиваютъ его изгибы, и все глубже и глубже уходитъ онъ въ землю. Когда мы приблизились къ опушкѣ лѣса, наши папахи уже скрывались за насыпями хода сообщенія, и противникъ не могъ насъ замѣтить. Этимъ

Наблюдатель у окопа.

узкимъ, извилистымъ, безконечно длиннымъ коридоромъ, искусно выдѣланнымъ въ вѣчно осыпающемся пескѣ, шли мы гуськомъ, приближаясь къ передовымъ окопамъ.

Нелегко итти такимъ ходомъ въ сырую погоду. Вода сплошь и рядомъ заливаетъ его, и приходится двигаться по колѣна въ водѣ. Ударить морозъ — вода подмерзнетъ, и нога скользитъ по льду. Но окопные жители такъ приоровались, что безъ всякаго затрудненія, чуть ли не бѣгомъ, минуютъ ходъ сообщенія. Мы двигались медленно, слѣпить было некуда, а та картина, которая открылась передъ нами въ сторону противника, была слишкомъ заманчива, чтобы время отъ времени не остановиться и, поднявшись на цыпочки, не посмотреть съ рискомъ быть замѣченнымъ германцами, что дѣлается въ сторонѣ противника. Мѣстами ясно, какъ на ладони, были видны его проволочныя загражденія и линіи окоповъ; въ бинокль можно было рассмотреть даже наблюдателей противника.

Наконецъ мы и въ окопахъ. Аршина полтора шириной, съ высокимъ брустверомъ, окопъ былъ аккуратно обдѣланъ со стороны противника досками и накатниками, чтобы не обсыпался. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были сдѣланы пирамиды, въ которыхъ стояли винтовки. У бойницъ наблюдатели, зорко слѣдящіе за тѣмъ, что дѣлается у врага; у наблюдателя подъ рукой винтовка, стоитъ кому-нибудь изъ окоповъ противника неосторожно высунуться, какъ мѣткая пуля наблюдателя сразитъ его. Мы идемъ вдоль окопа.

— Сидоренко! — вдругъ раздался крикъ въ другомъ концѣ окопа.

Городъ Слонимъ въ огнѣ.

Наблюдатель, стоявшій неподалеку отъ меня, оказавшійся Сидоренкой, въ отвѣтъ кричитъ:

— Що?

— Яроплантъ летитъ!

Сидоренко быстро выпускаетъ пять пуль, снова заряжаетъ винтовку и кричитъ:

— А гдѣ онъ?

На это первый голосъ отвѣчаетъ:

— Кажись, что обманулся!

Зорко слѣдятъ наблюдатели, чтобы не пропустить воздушнаго пирата. Я спросилъ у Сидоренки, куда же онъ стрѣлялъ, разъ не знаетъ, гдѣ аэроплантъ.

— А въ небо стрѣлилъ. Може, которая и задѣне его...

Въ окопѣ стояли наблюдатели да подчаски около нихъ, остальные люди роты были въ землянкахъ, пили чай или отдыхали послѣ бессонной ночи.

Землянки тутъ не такія ужъ уютныя и просторныя, какъ въ батальонахъ резерва. Здѣсь землянки выдѣланы въ наружной покатоности окопа, на 5—6 человекъ каждая. Онѣ невысоки, въ нихъ нельзя стоять, можно только сидѣть да лежать, но все же въ каждой такой землянкѣ солдаты стараются устроить себѣ поудобнѣе: потолокъ дощатый, печка, на полу тоже лежатъ доски, а на нихъ нѣсколько охапокъ соломы, чтобы мягче было лежать. Входъ въ землянку завѣшенъ или полотнищемъ палатки, или заставленъ крышкою отъ какого-нибудь ящика, или дверью, принесенной изъ разрушенной непріятельскими снарядами и покинутой жителями деревни. Въ нѣкоторыхъ землянкахъ даже сдѣланъ небольшой столъ, на которомъ при моемъ приходѣ стояли кружки съ горячимъ чаемъ и лежали куски вкуснаго хорошо выпеченаго хлѣба. Въ одной землянкѣ даже подсвѣчникъ со свѣчкой стоялъ на столѣ.

Почти въ такихъ же землянкахъ живутъ и офицеры. Вотъ землянка ротнаго командира: раскинута походная кровать, рядомъ на полу тюфякъ, набитый соломой, гдѣ спитъ денщикъ, а надъ кроватью телефонъ. Живутъ офицеры въ окопахъ такъ же, какъ и солдаты, — ничѣмъ не лучше. Большинство изъ нихъ и довольствуется изъ котла вѣстѣй со своими людьми.

IV.

Тяжеловато въ окопахъ ночью и въ сырую ненастную погоду. Спать ночью не приходится; все время нужно быть на чеку и готовымъ встрѣтить врага. Каждую минуту онъ можетъ незаметно подкрасться и напасть на наши окопы. Только на разсвѣтѣ, когда изъ дымки тумана вынырнетъ впереди лежащая мѣстность, можно успокоиться и не опасаться больше внезапнаго нападенія.

Въ сырую, дождливую погоду тоже невесело въ окопѣ; приходится постоянно отводить и выкачивать воду, прорывать канавки, дѣлать мостики, поправлять осыпающіеся откосы окоповъ и расчищать ходы сообщенія. Все это работа нелегкая, тѣмъ болѣе, что работать приходится больше ночью, чтобы противникъ не замѣтилъ и не обстрѣлялъ нашихъ рабочихъ.

Въ окопахъ этого полка была благодать: почва сухая, не болотистая, а вотъ въ районѣ Пинскихъ болотъ, тамъ ужъ совѣтъ плохо. Пришлось мнѣ потомъ побывать въ кавказскомъ корпусѣ генерала Ирманова. Части этого корпуса расположились въ мѣстности болотистой, условия жизни на позиціяхъ въ дебряхъ болотныхъ не могутъ похвастаться особыми удобствами, да и санитарныя условия тамъ, понятно, значительно хуже, чѣмъ въ другихъ частяхъ.

Какъ-то забѣхалъ я въ одинъ изъ полковъ, стоявшихъ въ резервѣ на Пинскихъ болотахъ. Полкъ этотъ расположился въ землянкахъ, построенныхъ около самой деревни; дальше было болото, и не было никакой возможности устроить тамъ городки. Прибѣхалъ я въ полкъ подъ вечеръ и прошелъ прямо въ ротныя землянки. Тутъ я засталъ жизнь въ томъ самомъ видѣ, какъ она протекаетъ обычно, въ отсутствіе начальства и постороннихъ. Люди только-что вернулись съ занятій и пили чай. На дворѣ уже стемнѣло, и въ землянкахъ царилъ полумракъ. Кое-гдѣ теплилась свѣчка, бросая желтоватые блики на лица сидящихъ кругомъ солдатъ; все остальное пространство землянки тонULO во мракѣ. Большая часть обитателей землянки сгрудилась у печки, на которой шипѣлъ большой, почернѣвшій отъ времени чайникъ съ кипяткомъ. Люди были въ шинеляхъ, фуражкахъ и грязныхъ сапогахъ. Земляной полъ былъ мягкій, зыбкій, мѣстами каблукъ глубоко уходилъ въ него, и съ трудомъ я его вытаскивалъ. Въ землянкѣ было парно, какъ въ банѣ.

Однако, какъ ни тяжелы топографическія условія, нужно отдать справедливость, что и здѣсь наши солдаты сумѣли устроить себѣ сносное жилище. Они сдѣлали нары, мѣстами даже въ два яруса, набросали на нихъ соломы и чувствуютъ себя довольно хорошо, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ въ окопахъ. Но здѣсь уже нѣтъ того удобства, той роскоши, если можно такъ сказать, какую я видѣлъ въ земляномъ городкѣ въ корпусѣ Куропаткина; тутъ нужно считаться съ тѣмъ неизбѣжнымъ положеніемъ, что жить приходится въ силу тактическихъ соображеній почти на непроходимыхъ болотахъ.

Но если трудно устроить здѣсь землянку, то еще труднѣе создать передовыя линіи, устроить окопы тамъ, гдѣ нельзя даже копнуть лопатой. Вотъ тутъ-то и проявляется своровка нашего солдата и умѣнье его найтись во всякой обстановкѣ.

Мнѣ пришлось пройти по окопамъ двухъ полковъ, расположеннымъ на опушкѣ лѣса, представляющаго собою сплошное мокрое болото. Въ тотъ день была оттепель, болото оттаяло, лѣсъ, по которому приходилось итти, казался выросшимъ изъ какого-то безграничнаго озера. Ноги вязли въ топкой почвѣ, воздухъ былъ насыщенъ болотными испареніями и пропитанъ какимъ-то запахомъ гнили. Густой, липкій туманъ окутывалъ меня и проникалъ всюду, заползалъ въ рукава, за воротникъ...

Я шелъ по лѣсу, направляясь къ опушкѣ. Все ближе и ближе раздавались ружейные выстрѣлы; пуля иногда ударяла въ близъ стоящее дерево и, срывая кору, оставяла на немъ какъ бы царапину. Уже мѣстами проглядывало открытое мѣсто; лѣсъ кончался.

— Вотъ тамъ, — сказалъ мой проводникъ, указывая рукой на опушку: — и окопы наши.

Съ трудомъ вѣришь этимъ словамъ. Впереди видно сплошное болото, топкое, черное, съ большими проталинами, разбросанными, какъ осколки разбитаго зеркала. Только у опушки видна какая-то постройка изъ ельника. На первый взглядъ мнѣ показалось, что это невысокій заборъ, или барьеръ, но, подойдя ближе, я увидѣлъ, что это ходъ сообщенія, соединяющій лѣсныя заросли съ „окопами“, если можно такъ назвать тѣ хитрыя сооруженія, которыя пришлось строить нашимъ солдатамъ для укрытія отъ взоровъ и пуль противника. Углубиться въ землю здѣсь немудрено, нужно все создавать надъ землей, да и эти постройки постоянно засасываются болотомъ и уходятъ куда-то въ бездну.

Ходъ сообщенія, въ который я только-что вошелъ со своимъ проводникомъ, представлялъ собою узкій коридоръ, построенный изъ ельника. Онъ можетъ укрыть только отъ взоровъ противника, но не отъ пуль.

Наконецъ мы съ проводникомъ пришли въ окопы. Устроены они слѣдующимъ образомъ. На болотѣ сооруженъ высокой, приблизительно въ ростъ человѣка, валъ изъ мѣшковъ, наполненныхъ пескомъ; мѣстами въ этомъ валу оставлены небольшія отверстія-бойницы. Черезъ нихъ часовые наблюдаютъ за всѣмъ, что творится у противника, и черезъ нихъ же стрѣляютъ, если замѣтятъ что-либо у непріятеля, а расположенъ врагъ здѣсь недалеко, всего какихъ-нибудь четыреста-пятьсотъ шаговъ (рис. на стр. 203).

Въ этомъ валу, сложенномъ изъ мѣшковъ, устроены норки, замѣняющія землянки. Двѣ-три доски составляютъ ея потолокъ, съ боковъ и сверху мѣшки, — вотъ и жилище, а чтобы защитить себя отъ вѣтра и дождя, завѣшиваютъ такую норку полотнищемъ

И. Ижакевичъ. Благовѣщеніе Пресвятыя Дѣвы Маріи.

палатки (рис. на стр. 203). Обходя такія импровизированныя жилища, я былъ пораженъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ солдаты ухитрились поставить даже печку. Однако, постоянно осѣдающій, засасываемый болотомъ валъ не даетъ хорошо устроиться въ такихъ норкахъ. Почти каждый день приходится подправлять расползающееся жилище, нужно постоянно прибавлять новые и новые мѣшки. Мнѣ рассказывали, что на постройку окоповъ одного только полка потребовалось нѣсколько тысячъ мѣшковъ. Всѣ ихъ нужно было насыпать пескомъ, для чего пришлось ходить версты за двѣ по топкому болоту. Однако наши солдаты прекрасно справились съ этой работой и сжились со своими норами.

Сыро въ такомъ окопѣ. Нога вязнетъ выше, чѣмъ по щиколку, и вотъ изобрѣтательные солдаты устроили вдоль всего окопа деревянные мостики, наподобіе тѣхъ, какіе встрѣчаются сплошь и рядомъ въ нашихъ захолустныхъ провинціальныхъ городкахъ вмѣсто тротуаровъ.

Медленно шли мы вдоль линіи окопа по мосткамъ, прикрытые отъ выстрѣловъ противника мѣшками. Окопы противника то приближались къ намъ шаговъ на двѣсти, то снова удалялись шаговъ на тысячу. Въ бинокль безъ труда можно было различить двѣ линіи окоповъ противника, а въ одномъ мѣстѣ такъ даже три. Мнѣ сказали, что тутъ противникъ укрѣпился на мѣстѣ сожженной имъ деревни М... На картѣ дѣйствительно тутъ значилась большая деревня, однако въ настоящее время никакихъ слѣдовъ отъ нея не осталось. Наступая, германцы все, что мѣшало ихъ обстрѣлу, уничтожали и сжигали. Такъ, между прочимъ, не только деревни, но и нѣкоторые города на пути

варваровъ XX вѣка подверглись той же жестокой участи. Такъ былъ сожженъ ими городъ Слонимъ, отъ котораго не осталось и слѣда. Нашимъ развѣдчикамъ удавалось проникнуть туда, и они говорили, что вмѣсто города лежатъ только груды пепла (рис. на стр. 204).

Но вотъ окопы изъ мѣшковъ кончаются, линія ихъ приближается къ самой опушкѣ лѣса; когда наши войска, устраиваясь на этой позиціи, стали возводить себѣ закрытіе отъ противника, они увидѣли въ лѣсу заготовленные минувшей зимой и брошенные теперь хозяевами дрова. Русская смѣтка подсказала имъ, что этотъ матеріалъ можетъ сослужить имъ хорошую службу. Они перетащили эти дрова на опушку и устроили себѣ изъ нихъ великолѣпное укрытіе, замаскировавъ его со стороны противника ельникомъ, засыпали землей, залѣпили болотной трясинной, и получился своеобразный окопъ изъ дровъ. Подъ полѣвниками устроили они норки и живутъ себѣ припѣваючи.

Въ какихъ бы условіяхъ жизни ни приходилось мнѣ видѣть нашего солдата, я видѣлъ его всегда веселымъ и бодрымъ. Онъ полонъ сознанія важности того великаго дѣла, въ которомъ онъ кровью своей принимаетъ участіе. Объ одномъ только скорбятъ на передовыхъ позиціяхъ на фронтѣ—это о неурядицѣ въ глубокое тылу, гдѣ различные своеобразные „герои тыла“, пользуясь тяжелымъ временемъ войны, думаютъ только о личномъ блазѣ, о наживѣ и тормозятъ общее великое дѣло.

„Пусть въ тылу всѣ работаютъ такъ, какъ работаетъ нашъ солдатъ на фронтѣ, пусть тылъ поднимется своимъ слабымъ духомъ до духа фронта, и побѣда надъ врагомъ намъ обезпечена!“—говорили мнѣ всѣ начальники и вожди.

Кейстуть-Нѣмцебойца.

(Литовское сказаніе).

I.

Подъ Вильною, въ Трокахъ—князь свѣтлый Кейстуть,—
Поль-тысячи лѣтъ его прахъ стерегутъ,
Но духъ мертвеца-кунигаса живой
Въ вѣкахъ неразлученъ съ родимой Литвой.
Онъ—съ нею, надъ нею вѣтаетъ и въ ней
Мерцаетъ лучами угаснувшихъ дней;
Онъ память былого ея бережетъ,
О немъ вторитъ пѣснѣ литовскій народъ:
«Отцомъ былъ Кейстуту великій литвинъ—
«Гроза нѣмцевъ-вороговъ князь Гедиминъ;
«Былъ славному братомъ воитель Ольгердъ,
«Дрожалъ передъ кѣмъ самъ гроссмейстеръ Альбертъ
«И Генрихъ—ливонскій великій магистръ,
«Что сердцемъ лукавъ былъ и разумомъ быстръ;
«Въ отца-Гедимина и въ брата пошелъ
«Кейстуть-Нѣмцебойца—литовскій орелъ;
«Могучаго слава грозна и свѣтла,
«Вѣка миновали, она—не прошла».

II.

Подъ Вильною, въ Трокахъ, спитъ славный Кейстуть,—
Поль-тысячи лѣтъ его сны берегутъ,
Лежитъ въ подземельѣ подъ замкомъ своимъ;
Бейрута, княгиня любимая—съ нимъ.
Въ гранитной гробницѣ его погребли
Жрецы-вайделоты Литовской земли,
По волѣ Бейруты, потаиню отъ всѣхъ,
Когда надъ Литвой древній Каина грѣхъ
Ягайло-завистникъ—король Владиславъ—
Свершалъ, за корону народъ свой предавъ;
Княгиня бокъ-о-бокъ съ супругомъ легла,
Когда ее смерти настигла стрѣла.
На островѣ—замокъ; озерный прибой
Вѣка за вѣками билъ въ стѣны волной,
Кейстуту съ Бейрутой въ ихъ древнихъ гробахъ
Вѣщая о всемъ, что творилось въ вѣкахъ,
Чья сила засилье на свѣтѣ беретъ,
Что терпитъ Кейстутуовъ родимый народъ.

III.

Подъ Вильною, въ Трокахъ, все слышалъ Кейстуть,—
Поль-тысячи лѣтъ зналъ, какъ нѣмцы живутъ;
За бой подъ Грюнвальдомъ готовъ былъ простить
Всѣ вины Ягайлѣ,—что смогъ ихъ разбить,
Ихъ силѣ отпоръ давъ всей Польшей, Литвой
Съ Украинной Русью—названой сестрой,
Что Орденъ Ливонско-Тевтонскій съ тѣхъ поръ
Не сталъ на литовцевъ точить свой топоръ,
Что раны Грюнвальда сказали ему:
«Не всѣхъ гнуть нѣмецкому вольно ярму!»
Все слышалъ, все вѣдалъ въ гробу старый князь,—
Прозналъ и о томъ, какъ порушилась связь
У Польши съ Литвою, какъ Польша на-нѣтъ
Сходила подъ бременемъ тягостныхъ бѣдъ,
Какъ гибла въ раздорахъ, какъ вольность ея
У ней отнимали враги и друзья,
Какъ ляховъ единое тѣло судьба
Рубила, тремъ братьямъ давъ имя раба.

IV.

Подъ Вильною, въ Трокахъ—князь грозный Кейстуть,—
Поль-тысячи лѣтъ думы князя живутъ,
Въ гранитной гробницѣ ихъ время хранить,
Взявъ свѣтлую память подъ пѣсенный щитъ.
Вѣка—за вѣками... Озерный прибой
Принесъ вѣсть Кейстуту: «Идетъ новый бой,
Какихъ и сѣдые не знали вѣка,—
На Русь набѣжала тевтоновъ рѣка,
Всѣ польскія земли она залила,
Литву наводнила, подъ Троки дошла.
Въ твой замокъ по озеру нѣмцевъ отрядъ
Плыветъ... Вотъ онъ входитъ подъ своды палатъ!»
Поднялся въ гробницѣ угрюмый Кейстуть:
«Ты слышишь, Бейрута?! Ну, что жъ, пусть войдутъ!..»
Вошли... И—потрясъ стѣну замка рукой
Кейстуть-Нѣмцебойца... Оплоть вѣковой
Упалъ и, рассыпавшись въ каменный прахъ,
Руиною легъ на литовскихъ врагахъ.

Аполлонъ Коринфскій.

На пепелищѣ.

(Изъ записокъ молодого человѣка).

Разсказъ Ю. Волина.

I.

Случайно бросилось въ глаза обведенное рамкой объявленіе на послѣдней страницѣ газеты:

„Григорій Краснопольскій, бѣженецъ изъ Вильны, разыскиваетъ свою жену Клавдію и сестру Маріанну. Сообщить въ гостиницу „Бельгія“.

— Маріанна!—крикнулъ я, вскочивъ съ дивана.

Изъ дальней комнаты раздался веселый откликъ:

— Иду!

Зашуршало платье, широко распахнулась дверь, и въ комнату впрорхнула Маріанна, какъ всегда, оживленная, напряженная, подскакивающая отъ избытка энергіи, „звонкая Марьяночка“, какъ прозвали мы ее еще въ Вильнѣ.

Вбѣжала, увидѣла меня стоящимъ посреди комнаты съ газетнымъ листомъ въ рукахъ, сразу остановилась, поблѣднѣла, тихо спросила:

— Что-нибудь новое?

— Гдѣ Клавдія?

— Клавдія на репетиціи, она скоро придетъ... Она сейчасъ, сію минуточку должна прийти!—словно оправдываясь, повторила Маріанна.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ разъ въ эту минуту раздался звонокъ.

— Это она! Это Клавдія! Вотъ видите, я говорила!

И Маріанна, подпрыгивая, бросилась навстрѣчу Клавдіи.

Когда онѣ вдвоемъ вошли ко мнѣ, я уже немного успокоился, обдумалъ положеніе, принялъ рѣшеніе. Поэтому я сообщилъ имъ неожиданную новость въ юмористическомъ, театрално-приподнятомъ тонѣ.

— Поздравляю васъ, несчастная жена, потерявшая мужа. и васъ, несчастная сестра, потерявшая любимаго брата! Поздравляю васъ! Нашелся вашъ драгоценный!

— Кто? Григорій? Что вы говорите!—и Клавдія, какъ была въ шубкѣ и шапкѣ, опустилась на стулъ.

У Клавдіи большіе свѣтлые глаза, всегда удивленные, всегда вопрошающіе. Теперь отъ волненія и испуга они стали еще шире, еще свѣтлѣе; не только вопрошающіе, но и жалующіеся, скорбно-растерянные. Лицо у Клавдіи тонкое, чуть-чуть удлиненное, блѣдное и нервное. Вотъ уже оно подергиваться стало, уголки рта зашевелились, тонкія, словно нарисованныя, брови сблизились, образовавъ тревожную складку на бѣломъ лбу... Вѣдная Клавдія! Она не въ шутку перепугалась!

— Да, нашелся. И васъ разыскиваетъ,—и я передалъ Клавдіи газету.—Вотъ полюбуйтесь.

— Что же будетъ?—тихимъ стономъ простонала Клавдія.

А „звонкая Марьяночка“ подскочила, сжала руки въ кулаки, стукнула по столу и рѣшительно заявила:

— Ну, и пусть его разыскиваетъ!

— А если... найдеть?

Образъ св. Николая Чудотворца, найденный въ мусорѣ солдатомъ, во время похода въ Галицію.

— Ну, и пусть! Ну, и пусть!.. А я скажу: я не я, и хата не моя! Ну, да! Очень просто. Какъ онъ докажетъ? Вѣдь мы — бѣженки, документовъ у насъ нѣтъ. Мы вовсе не Краснопольскія, вотъ и все!

— Глупенькая ты, Марьяночка! — тихо и грустно отозвалась Клавдія. — Совсѣмъ это не такъ просто. Ты забываешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится!.. Впрочемъ, тебѣ что? Тебѣ онъ ничего не можетъ сдѣлать, ты вѣдь только сестра... А я... Я жена... Я его жена!—повторила Клавдія, словно впервые почувствовавъ весь ужасъ этого и еще шире раскрывъ удивленные глаза.

Маріанна обратилась ко мнѣ:

— Что же вы молчите? Вѣдь вы одинъ намъ можете помочь! Вѣдь у насъ здѣсь никого, кромѣ васъ, нѣтъ!

Сознаюсь, я молчалъ умышленно. Я зналъ, что двумя словами могу успокоить обѣихъ. Но я любилъ игру страданія на блѣдномъ личикѣ Клавдіи. Это было жестоко, но искупленіемъ было то, что я страдалъ вмѣстѣ съ нею, и каждое дрожаніе нерва на ея лицѣ ранило мою душу. Я сильнѣе ощущалъ ее, эту удивленную и удивляющую Клавдію, когда видѣлъ тѣнь страданія на ея лицѣ и когда страдалъ самъ. Такъ странно сложились наши отношенія, такъ неясна была еще роль, которую она сыграетъ въ моей жизни, что хотѣлось всегда тревожить душу, разжигать боль, гнать спокойствіе, только запутывающее загадку чувства.

Полковая походная церковь въ лѣсу.

Напоминание Маріанны пристыдило меня. Чтò же я дѣлаю? Нельзя же так долго мучить эту маленькую хрупкую женщину, чувствительную, какъ полевой цвѣтокъ къ движеніямъ вѣтра, къ каждому моему слову, къ каждому взгляду.

— Будьте спокойны, Клавдія!—сказалъ я.—Я все устрою.

Этого было достаточно.

Свѣтлымъ и радостнымъ, но все же удивленнымъ взглядомъ взглянула на меня Клавдія. Разошлась морщинка на лбу, въ улыбку сложились губы,—въ ту ласковую, дѣтскую, слегка грустную, слегка робкую улыбку, которой свѣтилось ея лицо послѣдніе дни.

Клавдія встала, оглянула себя, смутилась.

— Чтò же это я? Въ пальто и шляпѣ...

Собралась итти, но въ дверяхъ остановилась и тихо спросила:

— Я вамъ не нужна? Когда мы будемъ писать, сейчасъ или послѣ обѣда?

Я не успѣлъ отвѣтить, потому что въ эту минуту Маріанна бурно сорвалась съ мѣста,—на нее нногда находить этакое!—и, подхвативъ одной рукой Клавдію, другой меня, закружила по комнатамъ, заливаясь звонкимъ хохотомъ, вертя насъ, какъ куколъ, не давая опомниться и оглушая своимъ крикомъ.

Только одна фраза выдѣлилась изъ сумбура возгласовъ „звонкой Марьяночки“:

— Вѣдь для чего-нибудь нужна война! Вѣдь должно же быть и хорошее отъ войны!

Она готова оправдать мировую катастрофу только за то, что, благодаря войнѣ, молодяя женщины вырвались изъ душевной тюрьмы на волю! Вѣдь ей только семнадцать лѣтъ, и ей такъ хочется жить!

II.

Въ первую осень войны, въ сентябрѣ 1914 года, возвращаясь изъ Варшавы въ Петроградъ, я остановился въ Вильнѣ. Намѣ-

ривался пробыть здѣсь день-два, а прожилъ почти мѣсяцъ. Потомъ, отвѣчая на запросъ патрона, командировавшаго меня въ Варшаву, я сослался на цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ случайностей и раньше всего, конечно, на невозможность раздобыть билетъ и мѣсто въ поѣздѣ. Но, говоря правду, желѣзная дорога менѣе всего виновна была въ моей задержкѣ. Единственными виновницами были Клавдія и Маріанна Краснопольскія. Но я нисколько не сержусь на нихъ. Право же, яркіе дни душевныхъ волненій мнѣ дороже дѣлъ моей фирмы.

Вильну я знаю давно и давно люблю ее. Это—единственный городъ совсѣмъ особенный, не похожій на другіе русскіе города, городъ со старой, мудрой и печальной душой.

Есть въ Вильнѣ уголки суеты и борьбы человѣческой. Узкіе, грязные переулки этого квартала похожи на морщины страданія на лицѣ стараго города. Высокіе, копотью покрытые, съ подслѣповатыми пыльными окнами, дома соединены черезъ улицу сводчатыми мостами. Получается впечатлѣніе, что дома протянули каменные руки другъ другу, чтобы не упасть отъ гула и стона переулковъ суеты и борьбы человѣческой... Толпа кишитъ здѣсь съ раннего утра и до поздней ночи, но и глубокой ночью стонъ стоитъ въ этихъ переулкахъ. И во снѣ стонетъ суетливая толпа, запертая въ ящикахъ угрюмыхъ

Чудотворная икона Остробрамской Божіей Матери въ Вильнѣ, украденная нѣмцами. Это кощунство нѣмецкихъ военныхъ властей, распорядившихся вывезти святыню изъ монастыря, вызвало такой взрывъ негодованія католическаго населенія города, что произошли беспорядки, вызвавшіе вмѣшательство епископа.

Священный уголокъ молитвенной печали въ Вильнѣ—Острая Брама, въ которой находится знаменитая католическая святыня—чудотворная икона Остробрамской Божіей Матери.

зданій... Сюда заходилъ я въ разныя времена: въ дни тусклыхъ будней, въ бурный октябрь 1905 года и теперь, въ годъ мировой бури. И всегда одинаково стонали эти переулки-щели стономъ голодной суеты. И всегда барахтались здѣсь толпы маленькихъ людей, что-то продающихъ или покупающихъ, съ дикимъ остервенѣніемъ торгующихся, словно ежеминутно рѣшающихъ вопросы жизни и смерти: съ сердитой настойчивостью нищенствующихъ, облипющихъ вокругъ каждаго новаго человѣка, какъ комары... Сюда приходилъ я, чтобы видѣть язву человѣческаго бытія, безысходную трагедію борьбы за хлѣбъ.

Есть въ Вильнѣ уголки воспоминаній. Это „Гедиминова гора“ надъ узкой, но быстрой и многоводной Виліей, съ развалинами Гедиминова замка; тихій уголокъ съ широко открытымъ видомъ на старый, такъ много пережившій, такъ много страдавшій городъ. И еще болѣе тихіе уголки воспоминаній подъ горой Гедимины: узенькія, кривыя „литовскія“ улицы со слѣпыми деревянными домами, насгѣдемъ сѣдой старины, когда люди боялись улицы и строили жилища съ окнами въ замкнутые со всѣхъ сторонъ дворы. Въ противоположность торговымъ кварталамъ, эти улочки мертвенно тихи и безлюдны. Случайному прохожему кажется, что только призраки прошлаго обитаютъ въ тайникахъ безоконныхъ, покрытыхъ плѣсенью домовъ.

Есть въ Вильнѣ чарующій уголокъ молитвенной печали. Это Острая Брама съ величайшей католической святыней. Подъ аркой Остробрамской Божіей Матери, на тротуарахъ и мостовой узкаго переулка, на колѣняхъ стоятъ молящіеся. Въ жаркіе лѣтніе

дни и въ суровую зимнюю стужу, подъ палящими лучами солнца и подъ ливнемъ, на снѣгу и на грязи—всегда застанете вы здѣсь рядъ колѣнопреклоненныхъ людей съ печально-молитвеннымъ взоромъ, поднятымъ

вверхъ, къ сверкающему драгоценностями образу. Крестьянки въ платочкахъ и нарядныя дамы, дряхлые старики и дѣвочки-подростки, готовящіяся къ первому причастію, вдовы и невѣсты, обманутые жизнью и прельщенные первыми соблазнами жизни—все несли сюда свои жалобы и надежды, радости и печали.

Городъ, не сумѣвшій отвергнуть прошлое и съ обостренной нервозностью воспринимающій настоящее; городъ тихой печали и шумной суеты; городъ напряженной борьбы народностей—столица для литовцевъ, „Литовскій Ерусалимъ“ для евреевъ, крупный центръ для поляковъ и, наконецъ, въ теченіе полулѣтка, планомерно и упорно русифицируемый,—всегда захватывала меня Вильна причудливыми узорами особенной, своеобразной жизни.

И каждый разъ, когда по дѣламъ приходилось мнѣ заѣзжать въ Вильну, я оставался здѣсь дольше, чѣмъ рассчитывалъ, увлеченный новыми впечатлѣніями, новой неожиданной встрѣчей. Я много разъѣзжаю и во многихъ городахъ побывалъ, раньше въ качествѣ туриста, любознательнаго молодого человѣка, имѣющаго кое-какія средства и не торопящагося выбирать профессию, а потомъ въ качествѣ уполномоченнаго большой торгово-промышленной фирмы, раскинувшей сѣть отдѣлений по всей Россіи. Но

ни въ одномъ городѣ не случилось со мной такихъ удивительныхъ приключеній, какъ въ Вильнѣ. Долженъ признаться, что я по натурѣ настоящій „искатель приключеній“. Я люблю неожиданности и всегда жду неожиданностей. Поэтому мнѣ особенно дорога Вильна, давшая мнѣ такъ много неожиданнаго и, между прочимъ, встрѣчу съ Клавдіей и Маріанной.

На этотъ разъ я нашелъ Вильну преобразенною, новою, еще невиданною. То были дни жестокихъ боевъ въ Августовскихъ лѣсахъ. Между дѣйствовавшими подъ Друскениками полками и городомъ шло непрерывное живое общеніе. По улицамъ Вильны провозили поврежденные въ бою автомобили, проѣзжали офицеры и солдаты, спѣшившіе съ фронта по экстреннымъ порученіямъ, запыленные, задымленные, пахнущіе полемъ сраженія. И массами приходили въ городъ раненые. Только войной жила на этотъ разъ Вильна. Даже въ узенькихъ переулкахъ еврейскаго квартала было меньше торговой суеты, меньше шума. Напряженно-дѣловитымъ былъ городъ. Даже школьники надѣли на рукава банты съ краснымъ крестомъ и работали съ санитарями при переноскѣ раненыхъ съ вокзала въ лазареты. И замолкли вѣчные споры борющихся національностей, оживились бодрой дѣятельностью сонные уголки воспоминаній. И только подъ аркой Остробрамской Божіей Матери не уменьшилось, а еще возросло число колѣнопреклоненныхъ. Такъ странно выдѣлялся этотъ уголокъ на фонѣ новой, одѣтой въ сѣрое и звенящей шпорами Вильны, что прохожіе удивленно останавливались, обнажали головы и задумчиво поднимали глаза къ сверкающему образу, обладающему дѣйствительно божественной силой привлекать къ себѣ мысли, занятія тревожнѣйшимъ изъ дѣлъ человѣческихъ,—войной!

Здѣсь я встрѣтилъ ихъ.

Конечно, это чистая случайность,—то, что я остановился именно возлѣ нихъ, а не возлѣ другихъ молящихся, что странно-возбужденныя лица ихъ привлекли мое вниманіе, то наконецъ, что возлѣ нихъ въ ту минуту оказался именно я, человѣкъ, легко и быстро соображающій. Но уже въ ту ночь Клавдія увѣряла, что это не случайность, а въ послѣдніе дни, послѣ второй нашей встрѣчи, она часто повторяетъ, что во всемъ этомъ есть предопредѣленіе судьбы. Я готовъ повѣрить въ это. Такое у меня настроеніе въ послѣднее время.

Было такъ. Я остановился возлѣ двухъ молящихся женщинъ. Услышалъ тихій, странно-торжественный шопотъ:

- Ты готова, Маріанна?
- Готова, Клавдія.
- Съ Богомъ, Маріанна!
- Съ Богомъ, Клавдія!

Мой взглядъ упалъ на перешептывавшихся женщинъ, и хотя было уже темно, но я замѣтилъ маленькій пузырьрекъ въ рукѣ одной.

Рѣка Д. у мѣстечка Э., за обладаніе которой былъ продолжительный бой. Видны высоты нѣмецкихъ позицій.

Быстрымъ движеніемъ руки я выхватилъ пузырьрекъ.

— Матерь Божья!—простонала одна.

— Ну, вотъ!—крикнула другая.

Обѣ вскочили, испуганно посмотрѣли на меня, потомъ опустили глаза, прижались другъ къ другу и застыли, робкія, растерянные, не знающія, что ждать ихъ.

— Пойдемте отсюда, на насъ обратятъ вниманіе,— сказала я. Онѣ молчали.

Я обошелъ ихъ сзади, подхватилъ обѣихъ подъ руки и повелъ ихъ впередъ. Онѣ покорно шли. Было ли имъ безразлично, куда идти, и что-съ ними будетъ? Не успѣли ли онѣ воспринять и понять то, что съ ними произошло? Я велъ ихъ впередъ, ничего не говоря и не стараясь заглянуть въ ихъ лица. Я рѣшилъ, что мои слова, все, что я могъ сказать незнакомкамъ съ невѣдомой мнѣ драмой въ душѣ, будетъ фальшиво, навязчиво, можетъ-быть, оскорбительно. Я рѣшилъ, что заговорить должны онѣ, и зналъ, что такъ будетъ.

— Ну, вотъ!— вдругъ звонко крикнула одна изъ незнакомокъ, та самая, которая уже разъ произнесла эти слова.—Клавдія! Мы живы!..—Она остановилась, задержавъ и насъ, откинула рукой вуаль, открывъ молоденькое личико съ искрящимися бойкими глазами, и разсмѣялась громко и весело. Потомъ сквозь смѣхъ произнесла:—Ну, вотъ!.. Вѣдь я это знала, Клавдія!.. Я знала, что что-нибудь такое случится!..

Другая, молчаливая, тихо высвободила руку изъ моей руки, закрыла ладонью глаза и слабымъ шопотомъ отозвалась:

Землянка штаба полка въ 1 1/2 верстахъ отъ боевой линіи. Адъютантъ принимаетъ докладъ, солдаты обстрѣливаютъ аэропланъ.

— Не смѣйся, Марианна... Не грѣши, Марианна...
На минуту умолкла, потомъ снова заговорила:
— Гдѣ мы? Куда мы идемъ? Чтѣ съ нами было? Я ничего не знаю, я ничего не понимаю, Марианна!

Тутъ я заговорилъ:

— Если вамъ некуда итти, пойдемте ко мнѣ.

— Ну, конечно! — сразу согласилась Марианна.

— Мнѣ все равно... — прошептала Клавдія.

Онѣ не спросили, гдѣ я живу, ни кто я таковъ. Едва ли даже взглянули на меня. Только, когда я подвелъ ихъ къ ярко освѣщенному подъѣзду гостиницы Св. Георгія, онѣ на минутку остановились, смущенно переглянулись, но все же пошли за мной. Впоследствии онѣ не разъ вспоминали тотъ вечеръ и удивлялись странному доврѣю ко мнѣ, таинственному предчувствію будущей дружбы, которая свяжетъ насъ, бездумному подчиненію волѣ незнакомца... „Перстъ Божій, голосъ судьбы“, — увѣряетъ вѣрующая Клавдія.

У себя въ номерѣ я усадилъ ихъ, выждалъ, пока онѣ успокоились. Для этого заговорилъ раньше не о нихъ, а о себѣ, о Вильнѣ, о вѣстяхъ съ фронта. И дѣйствительно дождался того, что онѣ сами рассказали о себѣ.

Говорила старшая, Клавдія.

Ея удивленные глаза, ея тонкое, нервное, отражающее каждое переживание и даже каждую волнующую мысль, лицо, вибрирующія ноты мягкаго груднаго голоса околдовали меня сразу, окутали меня розовой паутиной непонятнаго обаянія. И то, что она говорила, казалось яснымъ, близкимъ... А вѣдь было много непонятнаго и еще больше невѣрнаго, требующаго возраженій,

На развѣдкѣ брода.

Реквизиція мѣди въ Л. (Минской губ.). Полученіе реквизиціонныхъ квитанцій.
На вѣсахъ — подсвѣчники изъ еврейской синагоги.

въ томъ, чтѣ говорила эта удивительная молодая женщина, словно сотканная изъ тончайшихъ нитей изысканной чувствительности!

И начала она такъ странно.

— Вы спрашиваете, чтѣ это за женщины, которыя хотятъ уйти отъ жизни въ эти дни напряженнаго интереса къ жизни? Развѣ нѣтъ теперь болѣе благородныхъ путей къ смерти, чѣмъ пузырькъ съ ядомъ на мостовой города?

Странно было то, что я вовсе этого не спрашивалъ, но, собираясь заговорить о томъ, чтѣ съ ними случилось, я именно такъ хотѣлъ поставить свой вопросъ.

Ея отвѣтъ былъ кратокъ и трогателенъ. Онѣ не считаютъ себя достойными участвовать въ народномъ дѣлѣ. Онѣ рабыни. Ихъ жестокой господинь опустошили ихъ души, сдѣлалъ ихъ равнодушными и чужими въ мѣрѣ. У нихъ, никого нѣтъ, никого на свѣтѣ, кто былъ бы имъ дорогъ. И, кажется, жалости и состраданія нѣтъ въ нихъ. Имъ нельзя умереть вмѣстѣ съ умирающими за дѣло народа. Одинокія, никому не нужныя и себѣ ненавистныя, онѣ должны умереть такъ, какъ жили: нелѣпо и отвратительно.

Пулеметчики въ противогазныхъ маскахъ.

— Но кто же онѣ? Тотъ, кого вы называете своимъ господиномъ?

— Мой мужъ, — тихо отвѣтила Клавдія.

— Мой братъ, — сказала присмирѣвшая Марианна.

Онѣ не хотѣли, а можетъ-быть, и не могли рассказать мнѣ, почему онѣ называютъ себя „рабынями“, и чѣмъ такъ страшень ихъ „господинь“.

— Но я сумѣю вамъ помочь! — увѣждалъ я ихъ.

Клавдія печально улыбулась.

— Нѣтъ, не надо...

Я началъ волноваться.

— Не для васъ, для себя я долженъ вамъ помочь!.. Не могу же я васъ такъ оставить!.. Вы уйдете отъ меня и завтра сдѣлаете то, чему я помѣшалъ сегодня! И я буду чувствовать себя виновникомъ недѣльной смерти такихъ молодыхъ, такихъ прекрасныхъ, такихъ нужныхъ жизни существъ!.. Я долженъ все знать и долженъ закончить дѣло, которое сама судьба указала мнѣ!

Но мои доводы ни къ чему не привели. Ничего больше не рассказали онѣ.

Я предложилъ имъ временный пріютъ у меня. Я уступилъ имъ свою комнату, самъ перейду въ другую.

— Мы должны вернуться, — тихо, но твердо сказала Клавдія.

Я отпустилъ ихъ. Чтѣ могъ я сдѣлать?

Но и уллоконтиться я не могъ. Въ одномъ изъ сѣрыхъ домовъ большаго города разыгрывается какакая-то жуткая драма. Кто знаетъ? Можетъ-быть, человѣкъ-звѣрь, въ образѣ мужа и брата, мучитъ беззащитныхъ женщинъ голодомъ, побоями, непосильнымъ трудомъ? Можетъ-быть, заставляетъ ихъ участвовать въ ка-

комъ-нибудь отвратительномъ, преступномъ дѣлѣ? Можетъ-быть, торгуетъ ихъ тѣломъ?.. Всю ночь терзали меня догадки, одна другой кошмарнѣе. И всю ночь смотрѣли на меня удивленные глаза Клавдіи, привлекая, околдовывая, пугая...

Утромъ я принялся за розыски. Единственная нить, которую дали мнѣ таинственныя незнакомки, была ихъ фамилія. Но задача оказалась гораздо легче, чѣмъ мнѣ представлялось. Бойкій комиссіонеръ гостиницы, для котораго не было порученія невыполнимаго, — если не было скупости со стороны кліента, — принесъ мнѣ довольно подробныя свѣдѣнія о Краснопольскомъ. Григорій Іосифовичъ Краснопольскій поселился въ Вильнѣ года три тому назадъ; откуда пріѣхалъ, неизвѣстно. Привезъ съ собой молодую жену и подростка-сестру, а также стараго слугу. Очевидно, былъ человѣкомъ богатымъ, потому что снялъ большую квартиру, — цѣлый домъ въ глухомъ переулкѣ литовскаго квартала. Жилъ замкнуто и неизвѣстно чѣмъ занимался.

Подъ какимъ предлогомъ проникнуть въ этотъ таинственный домъ? Безъ моего юркаго и не лишенаго остроумія комиссіонера я никогда бы не нашелъ этого предлога. Можетъ-быть, рѣшился бы пойти туда просто, безъ всякихъ оговорокъ: „желаю, молъ, посмотреть, какъ вы живете“. И ничего бы не добился. Средство, предложенное комиссіонеромъ, было самозванство: я долженъ былъ выдать себя за лицо, уполномоченное осмотрѣть помѣщенія, пригодныя для реквизиціи. Каюсь, я рѣшился на это преступное дѣяніе, и даже безъ долгихъ сомнѣній. Вѣдь цѣль моего посѣщенія оправдывала безкорыстный обманъ.

Мнѣ пришлось довольно долго стучать въ запертыя ворота. Открыла мнѣ Маріанна. Увидѣвъ меня, поблѣднѣла.

— Вы? Какимъ образомъ?

— Клавдія дома?

— Дома. Конечно, дома! Гдѣ же ей быть? Мы всегда дома!

— А господинъ Краснопольскій?

— И братъ дома. Братъ всегда дома.

Я хотѣлъ войти. Маріанна преградила мнѣ путь.

— Куда вы? Какъ можно? Зачѣмъ?

— Я отъ городской управы. Мнѣ поручено осмотрѣть вашъ домъ.

Маріанна смутилась. Мнѣ показалось, что она обрадовалась, но не рѣшилась обнаружить радость.

— Погодите, — сказала она: — я скажу ему. Пусть онъ самъ васъ впуститъ.

Мнѣ пришлось ждать недолго. Вдали скрипнула дверь, раздались ровные тяжелые шаги, и передо мной предсталъ огромный мужчина, толстый, сутулый, со втянутой въ плечи головой, съ большимъ квадратнымъ лицомъ, темно-бронзовымъ и какъ будто опухшимъ. Если бы я встрѣтилъ этого человѣка, нисколько не предубѣжденный противъ него, ничего о немъ не зная, я все же остановился бы и почувствовалъ бы въ немъ врага, — не личнаго своего врага, а врага всего, что дорого мнѣ, озлобленную душу, готовую потушить солнце, задушить всякую мечту, подавить всякое дыханіе жизни. Такія уродливыя души выдѣляетъ каждая эпоха; можетъ-быть, безъ нихъ незаполнена была бы картина бытія человѣческаго, не было бы Нероновъ, инквизиторовъ, палачей. Жутко дѣлалось отъ одного взгляда на этого человѣка, особенно отъ его глазъ, узенькихъ, желтовато-карихъ, отразившихъ мракъ подземелья, пронизывающихъ, какъ осенній туманъ, внушающихъ какое-то опасливое безпокойство, какую-то странную неловкость.

Я объяснилъ цѣль своего прихода, и онъ жестомъ пригласилъ меня въ домъ. Голоса его такъ и не услышалъ я въ тотъ разъ.

Домъ Краснопольскаго имѣлъ пять комнатъ. Я обошелъ ихъ все, не обнаруживъ ничего, что указывало бы на профессию хозяина, на сферу его интересовъ. Но настроеніе, царившее въ этомъ домѣ, чувствовалось въ каждомъ уголку. Запахомъ подземелья были пропитаны все комнаты. Казалось, здѣсь жили мертвецы, и никогда не слышали живого голоса стѣны этого дома.

Клавдія я не видалъ. Съ хозяиномъ, слѣдовавшимъ за мной по пятамъ, не обмолвился ни однимъ словомъ, будто, попавъ въ этотъ заколдованный домъ, самъ лишился голоса. Но, уходя, успѣлъ сунуть въ руку Маріаннѣ записочку, приготовленную заранѣе въ предвидѣніи невозможности поговорить.

Я ушелъ, унося въ душѣ тяжелое и жуткое чувство, будто побывалъ въ могильномъ склепѣ, въ шахтѣ или въ тюремномъ

Развѣдчики несутъ раненаго товарища. Рисунокъ нашего военнаго корреспондента М. Авилова.

понтонный мостъ

подземелья. Ушелъ къ себѣ и сталъ ждать. Ждать увѣренно и спокойно. Откуда взялась эта увѣренность? Должно-быть, отъ давящей жути видѣннаго. Развѣ узникъ, запертый въ подземелья, откажется отъ луча солнца, пробившагося въ оконце?

И дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ онѣ обѣ пришли ко мнѣ. Только на часъ.

— Насъ отпускаютъ только въ костель,—сказала Маріанна.

Но въ костель отпускали ихъ ежедневно. И каждый вечеръ съ того дня являлись онѣ ко мнѣ, а по субботамъ оставались нѣсколько часовъ. Такъ продолжалось двадцать три дня, до моего отбѣзда. Двадцать три дня и между ними четыре субботы. Я не считалъ дней, но онѣ вели счетъ внимательно и любовно, какъ узники въ одиночномъ заключеніи ведутъ счетъ прогулкамъ, свиданіямъ, даже допросамъ, всемъ проблескамъ въ сѣрой стѣнѣ одиночества. И этотъ подробный подсчетъ, эту бухгалтерію нашихъ встрѣчъ онѣ представили мнѣ теперь, при второй нашей встрѣчѣ, черезъ годъ.

Я ничего не достигъ въ теченіе этихъ двадцати трехъ дней. Я уѣхалъ изъ Вильны, оставивъ узницъ въ ихъ тюрьмѣ. Но я уѣхалъ со спокойной душой. Я зналъ, что опасность миновала, что молодыя женщины полюбили жизнь, обрѣли мечты и стремленія, вступили на путь борьбы. Развѣ это не единственный путь къ счастью и не самая крѣпкая связь съ жизнью?

— Я прихожу къ вамъ смѣяться,—говорила Маріанна.

Она любила смѣяться, громко, по-дѣтски, безпричиннымъ раскатистымъ хохотомъ. „Звонкая Марьяночка“, рожденная для смѣха!

— У насъ въ домѣ смѣяться нельзя,—разказывала она.—О, что бы это было, если бы я вдругъ засмѣялась у насъ въ домѣ! Я и представить себѣ этого не могу!.. И когда мнѣ очень хочется смѣяться, я ухожу во дворъ, въ сараи. Ну, да! Тамъ никто не услышитъ! Только, знаете, одной какъ-то не смѣется, а вотъ у васъ хорошо смѣется!—серьезно говорила она, смѣяна насъ своей серьезностью и этой дѣтски-смѣлой формой глагола: „не смѣется“, „хорошо смѣется“.

А Клавдія удивленно смотрѣла своими прекрасными большими глазами и тихо, мечтательно говорила:

— У васъ мѣръ слышенъ. Странно. Вѣдь закрытая комната и занавѣсы спущены, а виденъ мѣръ. И что-то большое ощущаешь, будто не отдѣльная ты, а часть великаго. И войну я здѣсь слышу, и страданія, и радости, и будущее. У васъ хочется жить, чувствовать, страдать, мечтать... Такъ страшно и такъ ново!

О таинственномъ Григоріи Краснопольскомъ и обѣ ихъ прошлымъ узналъ я немного. Онѣ не любили говорить объ этомъ. Я, впрочемъ, не былъ настойчивъ въ разпросахъ. Чувствовалось, что есть въ прошломъ этой странной семьи большое мѣсто, котораго касаться нельзя. Можетъ-быть, это было преступленіе, въ

которомъ невольными участниками были Клавдія и Маріанна. Я до сихъ поръ этого не знаю и иногда задумываюсь надъ этимъ. Я узналъ только, что въ Вильну переѣхали они изъ имѣнія въ Гродненской губерніи; что богатое имѣніе принадлежало равьше родителямъ Клавдіи, а Краснопольскій былъ у нихъ управляющимъ; что три года передъ тѣмъ одинъ за другимъ умерли отецъ и мать Клавдіи, и почти вслѣдъ за ними умеръ единственный братъ Клавдіи, мальчикъ-гимназистъ,—утонулъ въ рѣкѣ во время купанія; что скоро послѣ смерти родныхъ Клавдія вышла замужъ за Краснопольскаго, и что почти сейчасть послѣ свадьбы они переселились въ Вильну. Таковы были данныя о прошломъ. Но какое психологическое содержаніе заполняло фонъ этихъ событій, осталось для меня загадкой. Какъ могла изящная, утонченно чувствующая, хорошо воспитанная и для провинціалки хорошо образованная Клавдія выйти замужъ за грубаго и ей, какъ всемъ, ненавистнаго Краснопольскаго? Какою силой подчинилъ онъ ее себѣ, овладѣлъ ея состояніемъ и если не овладѣлъ ея душой, то сумѣлъ убить въ ней душу? Это остается для меня загадкой по сей день.

Я уѣхалъ изъ Вильны неохотно, но откладывать дальше отбѣздъ было невозможно.

Я настаивалъ на перепискѣ. Онѣ ничего не общали и просли не писали до полученія отъ нихъ письма. Я ждалъ письма долго, пока перестать ждать. Нѣсколько разъ собирался я поѣхать въ Вильну. Задерживали дѣла. Въ другое время я не считался бы съ дѣлами. Я еще достаточно молодъ, чтобы быть иногда легкомысленнымъ и слѣдовать влеченію сердца. Но теперь война. У меня, кромѣ конторы, много общественнаго дѣла. Все мое время и все мои мысли заняты работой и войной. Признаюсь, я сталъ забывать удивленную Клавдію и „звонкую Марьяночку“.

Отбитыя отъ германцевъ проволочныя загражденія.

III.

Наша вторая встреча была такой же неожиданной и удивительной, как и первая.

Когда начали прибывать в Петроград партии беженцев, и принялъ участие въ ихъ устройствѣ. Изъ всѣхъ ужасовъ войны самымъ страшнымъ представляется мнѣ это вынужденное передвиженіе миллионнхъ мирныхъ людей. И самыя жуткія впечатлѣнія. полученные мною за всю войну. — это впечатлѣнія отъ встречъ и разговоровъ съ беженцами. Можетъ-быть, жизнь немного ожесточила меня, сдѣлала менѣе чувствительнымъ къ страданіямъ взрослыхъ мужчинъ: не сами ли они дѣлаютъ такую жизнь? Падаютъ на полъ бранни войны. Если каждаго въ отдельности жалѣть, съ каждымъ переживать его долю, не выдержать сердце. Есть въ ихъ страданіяхъ ихъ собственная воля, ихъ согласіе, есть смыслъ и логика. Но когда среди жертвъ войны я вижу женщинъ и дѣтей — содрогается душа. Они совѣмъ ни при чемъ въ томъ грозномъ дѣлѣ, которое дѣлаютъ войны. Они даже не въ состояніи обнять сознаниемъ своимъ все величіе творившагося и почувствовать общность своей судьбы съ судьбой человѣчества, оторвавшася отъ твердой почвы мирнаго труда и пустившагося въ поиски новыхъ путей. Они заняты только своимъ горемъ, эти несчастные обездоленные люди, неожиданно оказавшіеся внѣ прошлаго и будущаго, растерявшіе даже воспоминанія и словно наново начинающіе строить свою жизнь, словно новорожденные, но пришедшіе въ мръ съ израненной душой, съ кошмарными призраками въ душѣ!

Я весь отдался работѣ по устройству беженцевъ. Я такъ былъ поглощенъ думами о чужихъ страданіяхъ, что, конечно, отстранилъ отъ себя маленькія дѣла моего собственнаго бытія, не читалъ книгъ, не посѣщалъ театра, забылъ свои излюбленныя мечты и свои маленькія увлеченія, которыя у меня, любящаго жизнь во всѣхъ цвѣтахъ ея радуги, были всегда. И, конечно, совсѣмъ забылъ я въ тѣ дни о моемъ виленскомъ приключеніи, о встречѣ съ Клавдіей и Маріанной.

И вдругъ, принимая на Варшавскомъ вокзалѣ новую партию беженцевъ, я увидѣлъ моихъ виленскихъ друзей.

— Вы здѣсь? Въ товарномъ вагонѣ, среди беженцевъ?

Надо ли рассказывать, какъ обрадовались онѣ, совершенно безпомощныя, измученныя, изголодавшіяся, закутанныя въ какое-то тряпье, никакъ не ждавшія такой встречи?

— Почему вы не написали мнѣ? Не направились прямо ко мнѣ?

Ахъ, стоить ли объ этомъ говорить? Онѣ расскажутъ все, но потомъ.

Я повезъ ихъ обѣихъ къ себѣ.

Онѣ живутъ у меня уже два мѣсяца, давно оправились отъ ужасовъ бѣгства и говорятъ объ этомъ теперь весело и охотно. Развѣ „въ теплушкѣ“, среди больныхъ женщинъ и плачущихъ

Воронка отъ бомбы, брошенной съ аэроплана.

отъ голода дѣтей, не чувствовали онѣ себя лучше, чѣмъ въ домѣ Краснопольскаго?

Вотъ что я узналъ отъ нихъ. При приближеніи непріятеля Краснопольскій кинулся въ свое имѣніе; тамъ, въ тайномъ уголку, были запрятаны такія бумаги и цѣнности, которыя были ему дороже жены и сестры.

Молодыя женщины остались однѣ, впервые за три года ихъ жизни: въ Вильнѣ.

— Впервые за десять лѣтъ! — говоритъ Клавдія. — Вѣдь и раньше въ имѣніи онъ не спускалъ съ меня глазъ и сторожилъ каждое мое движеніе!

Первымъ ихъ дѣломъ было обратиться въ дорогу.

Онѣ уже давно рѣшили бѣжать отъ него. Черезъ нѣкоторое время послѣ моего отъѣзда.

Онѣ вообще стали совсѣмъ другими, переродились: увѣряютъ объ, что это благодаря мнѣ, и мнѣ пріятно слушать ихъ воспоминанія о томъ, какъ безъ меня переживали онѣ мои рѣчи, мои уроки. Я — не проповѣдникъ, не учитель, не писатель. Я — самый обыкновенный человѣкъ. И мнѣ особенно лютно слышать, что я сумѣлъ зажечь пламя порыва, огонь бодрости въ двухъ почти умерщвленныхъ душахъ. Это, можетъ-быть, лучшее изъ дѣлъ всей моей жизни.

Послѣ моего отъѣзда изъ Вильны Клавдія и Маріанна никакъ не могли войти въ прежній строй жизни. Онѣ научились думать и мечтать. Расширилась сфера ихъ интересовъ. Онѣ читали газеты и съ волненіемъ слѣдили за событіями на поляхъ битвъ. Ихъ потянуло на улицу, къ толпѣ, къ живому дѣлу. Между тѣмъ Краснопольскій становился все болѣе угрю-

Аэропланъ показался!

мымъ и злымъ. Въ тревогѣ за судьбу имѣнія и какихъ-то особенно важныхъ для него документовъ, онъ потерялъ сонъ. И по ночамъ, какъ и днемъ, шагаль мѣрными тяжелыми шагами по всѣмъ комнатамъ, наводи ужасъ на бѣдныхъ женщинъ. Онъ боялся людей, никогда не выходилъ на улицу и никого не выпускалъ во дворъ. Въ то же время онъ боялся и одиночества и къ веснѣ пересталъ отпускать жену и сестру даже въ церковь. Онъ и ихъ боялся, смотрѣлъ на нихъ подозрительнымъ взглядомъ и, когда видѣлъ ихъ бесѣдующими другъ съ дружкой, настораживался и направлялся къ нимъ.

Онъ рѣшили бѣжать. Куда? Все равно! Маріанна готова была поступить куда-нибудь гувернанткой. Клавдія рѣшила искать мѣста въ конторѣ и въ то же время мечтала о сценѣ. Она сама удивлялась этой мечтѣ. Никогда раньше не думала она о сценѣ, въ послѣдніе годы не посѣщала театра. И вдругъ, послѣ моего отъѣзда, сразу потянуло ее къ театру, сразу зародилось въ ней ощущение таланта, увѣренность въ себя.

— Это отъ васъ все...— сказала она мнѣ недавно.—Помните, вы сказали мнѣ тогда, въ Вильнѣ, что мое лицо отражаетъ каждое переживаніе, и что отъ меня исходятъ лучи гипноза, и что такой, какъ я, должна быть артистка... Да, вы такъ и сказали: „вы—артистка, Клавдія, вы—дивная артистка, вы будете волновать толпу зрителей, если...—такъ сказали вы...—если только волненіями жизни заполнится пустота вашей души“...

Я въ самомъ дѣлѣ такъ сказалъ въ одну изъ первыхъ нашихъ встрѣчъ. И не только не отрекаюсь отъ своихъ словъ, но счастливъ и гордъ тѣмъ, что первый почувствовалъ въ ней артистическій талантъ. Теперь при моемъ содѣйствіи она вы-

Установка орудія для обстрѣла вражескихъ аэроплановъ.

стѣпаетъ въ одномъ изъ петроградскихъ театровъ, и тѣсный кружокъ истыхъ любителей сцены уже оцѣнили ея яркое, свѣжее дарованіе.

Вернемся однако къ прошлому.

Клавдія и Маріанна рѣшили бѣжать. Но какъ? Когда? Краснопольскій не выпускалъ ихъ изъ виду ни днемъ ни ночью. Улучить моментъ и сѣсть въ первый поѣздъ было невозможно уже потому, что поѣзда шли переполненные, и надо было заранѣе записаться билетами; могли ли онъ знать, когда подвернется под-

ходящій случай? Такъ выжидали онъ въ теченіе весны и лѣта. Моментъ пришелъ весьма удобный, когда Краснопольскій уѣхалъ въ имѣніе.

Ихъ ошибка заключалась въ томъ, что онъ направилась не въ Петроградъ, а на Москву. Несчастной случайностью было то, что поѣздъ, въ которомъ онъ выѣхали, былъ настолько переполненъ, что молодыя женщины, которымъ спѣшать, собственно, некуда было, послушались совѣта кондуктора и сошли на одной изъ близкихъ къ Вильнѣ станцій, чтобы пересѣсть на другой поѣздъ. Могли ли онъ знать, что именно къ этому пункту приближались неприятельскіе отряды? Онъ прожилъ сутки въ незнакомомъ мѣстечкѣ, а на слѣдующій день ихъ, вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ мѣстечка, усадили въ товарный вагонъ „бѣженскаго“ поѣзда и повезли...

— Какое счастье, что мы попали въ партію, которую направили въ Петроградъ!— часто повторяетъ Маріанна.

Для нихъ ли однѣхъ счастье? Не такое ли счастье и для меня въ этой случайности?

Мой домъ ожилъ съ того

На артиллерійской развѣдкѣ.

Около убитого хозяина.

дня, как я привезъ къ себѣ этихъ двухъ бѣженокъ. Бодрый шумъ внесла „звонкая Марьяночка“ своимъ смѣхомъ и дивными народными пѣсенками, которыхъ она знаетъ множество. Какую-то торжественную приподнятость, удивительную атмосферу благородства и ясности духа принесла съ собою Клавдія. Ожилъ мой домъ, и новыми волнениями обогатилась моя душа... Право же, даже въ случайномъ распредѣленіи бѣженцевъ на партіи судьба дѣлаетъ свое постоянное дѣло покровительства тѣмъ, кого она взлюбила.

Но этотъ Григорій Краснопольскій!

Все было такъ ясно, все шло такъ хорошо. И вдругъ,—это маленькое объявленіе въ газетѣ! Если онъ въ Петроградъ и если онъ задался дѣлью ихъ найти, его можно скоро ждать здѣсь, въ моемъ домѣ!

Я сказала Клавдіи: „я все устрою“, и она наградила меня такимъ довѣрчивымъ, такимъ благодарнымъ взглядомъ. Могу ли я не устроить? Могу ли я обмануть ея довѣріе?

Ждать его? Нѣтъ, я лучше самъ пойду къ нему. У меня есть предчувствіе удачи. А если предстоитъ борьба? Все равно! Я не уступлю ихъ счастья и своего счастья. Я готовъ къ борьбѣ. Я самъ выхожу навстрѣчу опасности.

IV.

Моего свиданія съ Григоріемъ Іосифовичемъ Краснопольскимъ въ маленькой комнатукѣ подъ самой крышей гостиницы „Бельгія“ я не забуду никогда. Это одно изъ самыхъ удивительныхъ приключеній въ моей жизни. И отъ одного воспоминанія объ этомъ вечерѣ дѣлается на душѣ радостно и торжественно-тепло, и свѣтлой, красивой кажется человѣческая жизнь... несмотря ни на что, даже въ атмосферѣ кровавыхъ кошмаровъ войны.

Былъ поздній вечеръ, когда я постучался въ дверь въ Краснопольскому. Мнѣ долго не отвѣчали, и я собрался уже уходить. Но въ эту минуту дверь широко раскрылась, и предо мной предсталъ самъ Краснопольскій всею своей громадной фигурой.

Остановившись въ дверяхъ и глядя на меня въ упоръ своими узкими, но по-новому блестящими глазами, онъ спросилъ:

— Кто вы? Отъ прошлаго или отъ будущаго?

Не знаю почему, должно-быть, потому, что я самъ былъ въ какомъ-то необыкновенно повышенномъ настроеніи, но этотъ странный вопросъ въ ту минуту нисколько не удивилъ меня. Будто именно такого вопроса я ждалъ и давно приготовилъ отвѣтъ.

— Проглошло умерло и зарыто въ могилу,—сказалъ я.

Онъ радостно схватилъ меня за обѣ руки и почти втащилъ въ комнату. И все время говорилъ, спѣша, захлебываясь, обрывая фразы на полусловѣ.

— О, тогда войдите! Вы именно тотъ, котораго я ждалъ!.. Вы говорите, прошлое умерло

и зарыто въ могилу? Я вамъ скажу больше. Проглошло сгорѣло! Сгорѣло до тла, со всѣми корнями сгорѣло! Я видѣлъ, я тамъ былъ!.. Я никому еще не говорилъ этого... Я ни съ кѣмъ ни о чемъ не говорилъ... Вы первый, кому я открываю это. Вы первый, достойный знать это... Впрочемъ, я не знаю, кто вы, и зачѣмъ пришли ко мнѣ, я не знаю... Но это не имѣетъ значенія. Я, какъ часовой, обязанъ васъ впустить сюда, въ мое убѣжище. Обязанъ, потому что вы сказали мой пароль... „Проглошло умерло“... Откуда узнали вы мой пароль? Вѣдь я никому еще не говорилъ о немъ. Я рѣшилъ такъ. Если придетъ человѣкъ и самъ скажетъ „прошлое умерло“, онъ воленъ распоряжаться мною, онъ—тотъ, кого я жду... И вотъ вы пришли. Низко кланяюсь. Спрашивайте или приказывайте. Только знайте: прошлое не просто умерло! Проглошло сгорѣло въ пожарѣ войны! Я былъ тамъ и видѣлъ это своими глазами. Сгорѣло и пепломъ развѣялось. Такъ лучше, чѣмъ въ могилѣ. Изъ могилы вырыть можно!..

Пока онъ говорилъ, я разглядывалъ его. Какая-то неуловимая перемена чувствовалась даже въ его внѣшности. Уже не отдавало отъ него затхлостью погребя, и не было жутки вокругъ его огромной фигуры. Казалось даже, что посвѣтлѣло немного его темно-бронзовое лицо, и приобрѣли ея замѣтный отливъ золотомъ его болотные глаза.

Странной и сумбурной была его рѣчь; другому показалась бы бредомъ сумасшедшаго. Но мнѣ, впервые слышавшему его голосъ, но много знавшему о немъ, почему-то сразу показались понятными и даже не неожиданными его слова. Я много разъ въ жизни встрѣчался съ людьми, поработченными прошлымъ, пришибленными, озлобленными, придавленными къ землѣ тяжестью прошлаго. Снимите съ нихъ это бремя, и оживутъ они, зажгутся новой бодростью, станутъ добрыми, сердечными, откровенными, преисполненными довѣрія и любви къ людямъ, которыхъ они передъ тѣмъ ненавидѣли, опасаясь ихъ.

Не былъ ли одной изъ этихъ несчастныхъ жертвъ прошлаго и Григорій Краснопольскій? Вѣдь когда-то въ немъ было что-нибудь привлекательное, если могла сойтись съ нимъ, подпасть подъ его вліяніе умная и чистая, чуткая и нѣжная Клавдія! Не сталъ ли онъ рабомъ одного момента въ прошломъ, одного ложнаго, можетъ-быть, страшнаго шага? И не кошмары ли прошлаго превратили для него міръ въ подземелье и его самого въ мрачнаго ненавистника жизни?

Объ этомъ думалъ я, слушая его сумбурную, порывистую рѣчь.

Онъ много еще говорилъ о великомъ пожарѣ, въ которомъ погибло прошлое. Безконечно повторялъ это, какъ человѣкъ, отвыкшій отъ обмѣна мыслями съ другими людьми. Горячился, радостно ухмылялся, бѣгалъ по комнатамъ, радостно и благодарно пожималъ мнѣ руку и много смѣялся неслышимымъ внутреннимъ смѣхомъ, краснѣя, закрывая глаза и трясясь всею громадой тѣла.

Я не прерывалъ его.

Когда же онъ кончилъ и усѣлся, устало, но радостно глядя на меня, я заговорилъ о дѣлѣ, которое привело меня къ нему.

Разговоръ нашъ былъ недолгій, напряженный, съ большимъ волнующимъ содержаніемъ подъ оболочкой скупыхъ словъ. Торжественный разговоръ, который долго будетъ жить въ моей памяти.

— Григорій Іосифовичъ!—началъ я.—Вы разыскиваете вашу жену Клавдію и сестру Маріанну. Онѣ у меня.

Лошадь въ окопѣ.

На церковномъ парадѣ войскамъ.

Краснопольскій вдругъ поблѣднѣлъ, зло посмотрѣлъ на меня, медленно и серьезно произнесъ:

— Вы обманули меня. Вы пришли отъ прошлаго.

— Нѣтъ! — такъ же медленно и торжественно произнесъ я. — Я пришелъ сказать вамъ, что прошлое не вернется.

Краснопольскій всталъ.

— Пусть онъ придутъ ко мнѣ. Скажите Клавдіи. Я—нищій и новый.

— Нѣтъ!—твердо отвѣтилъ я. — Вы для Клавдіи—прошлое. Къ прошлому нѣтъ возврата.

Былъ моментъ, когда въ Краснопольскомъ проснулась вся его прежняя злоба. Онъ побагровѣлъ, сжалъ кулаки, стиснулъ зубы, странно зарычалъ, не раскрывая рта.

Я не растерялся. Я только еще увѣреннѣе и тверже повторилъ:

— Прошлое сгорѣло въ огнѣ мірового пожара. Марианна и Клавдія къ вамъ не вернутся. Имъ хорошо и легко безъ васъ. Вы для нихъ—прошлое.

И онъ сразу угасъ. Съелъ, закрылъ лицо руками. Сидѣлъ въ такой позѣ нѣсколько минутъ. Когда отнялъ руки отъ лица. глаза его были влажными. Такъ показалось мнѣ.

Краснопольскій заговорилъ тихо, примиренно и какъ будто даже радостно:

— Пусть такъ. Прошлое сгорѣло, и пепель его разбѣялся по вѣтру. Я видѣлъ это своими глазами. Вы думаете, я самъ сжегъ его? Нѣтъ, когда я подѣзжалъ къ имѣнію, оно уже пылало, подожженное непріятельскимъ снарядомъ. Прошлое сгорѣло. Вы говорите, для Клавдіи я—прошлое? Скажите ей: и я сгорѣлъ, нѣтъ меня, она не встрѣтитъ меня на своемъ пути. Пусть такъ. вмѣстѣ съ прошлымъ сгорѣлъ прекрасный сонъ моей жизни. Будущее родитъ новые сны.

Я всталъ.

— Прощайте, Григорій Іосифовичъ.

— Прощайте. Благодарю васъ.

Онъ даже не спросилъ моего имени, ни того, какое отношеніе я имѣю къ его женѣ и сестрѣ.

Мое свиданіе съ Краснопольскимъ состоялось три дня тому назадъ. Подробности нашего разговора я не разсказалъ еще Клавдіи. Не потому, что хочу скрыть отъ нея перемѣну, происшедшую съ ея мужемъ, а исключительно потому, что она не хочетъ ничего знать о немъ.

Я сказалъ ей:

— Былъ у Краснопольскаго.

Она спросила только:

— Онъ не придетъ сюда?—и слегка поблѣднѣла.

— Нѣтъ, не придетъ. Все устроилось превосходно!—отвѣтилъ я.

Увѣренъ ли я въ томъ, что онъ дѣйствительно не придетъ?

Право, не могу этого сказать. Можетъ-быть, то былъ счастливый моментъ просвѣтлѣнія. Можетъ-быть, я случайно попалъ къ Краснопольскому въ исключительную, въ единственную минуту, которая ушла безвозвратно вмѣстѣ со мной. Можетъ-быть, эта исторія еще будетъ имѣть продолженіе. Ну, что жъ! Я готовъ. Онъ говорилъ: прошлое сгорѣло. Я говорю: наше счастье еще только разгорается, и ничто не страшно намъ, мнѣ и Клавдіи, а вмѣстѣ съ нами и „звонкой Марьяночкѣ“.

Парадъ войскамъ.

ЖЖВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1916 г.
№ 13

XLVII г.
изданія

Выданъ 26-го марта 1916 г.

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

Объявленія для напечатанія въ „ЖЖВ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарель въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прил. „Соч. Мамина“ кн. 21 и карта зап. (русскаго) фронта.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Освобожденный отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ

5^{1/2} / 0

**Государственный
ВОЕННЫЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ ЗАЕМЪ
выпуска 1916 г.,**

выпускаемый на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА.

НА НАРИЦАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛЬ

2.000.000.000 рублей,

двумя сериями по 1.000.000.000 рублей каждая.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5^{1/2} / 0 годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 1-го февраля и 1-го августа. Всѣ облигаціи займа будутъ погашены 1-го февраля 1926 года.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Держателямъ облигаціи сего займа будетъ предоставлено право обмѣнять имѣющіяся у нихъ облигаціи на облигаціи Государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 г., причемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи настоящаго займа по ихъ выпускной цѣнѣ.

Такимъ образомъ заемъ сей выпускается совершенно на тѣхъ

же условіяхъ, кромѣ сроковъ купоновъ, какъ и предыдущій 5^{1/2}‰ военный краткосрочный заемъ 1915 г.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:
въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Частныхъ коммерческихъ банкахъ:

Волжско-Камскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Международномъ Коммерческомъ,
Русскомъ для Внѣшней Торговли,
Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ,
Русско-Азіатскомъ,
Азовско-Донскомъ Коммерческомъ,
Русскомъ Торгово-Промышленномъ,
Сибирскомъ Торговомъ,
Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Русско-Французскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Торговомъ,
Русско-Англійскомъ,
Московскомъ Купеческомъ
Соединенномъ,
Коммерческомъ Банкѣ И. В. Юнкеръ и К^о,
Московскомъ,
Московскомъ Торговомъ,
Московскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Московскомъ Учетномъ,

Московскомъ Народномъ
Коммерческомъ въ Варшавѣ,
Кіевскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Союзномъ Банкѣ (въ Петроградѣ),
Рижскомъ Коммерческомъ,
Ростовскомъ и/Дону Купеческомъ,
Тифліссскомъ Коммерческомъ,
Тифліссскомъ Купеческомъ,
Петроградскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита
и въ банкирскихъ конторахъ и домахъ:
Бр. Дзамгаровыхъ, въ Петроградѣ и
Москвѣ,
Лампе и К^о, въ Петроградѣ,
Э. М. Мейеръ и К^о „
Маврикій Нелькенъ „
Г. Волкова съ С-ми, въ Петроградѣ и
Москвѣ,
М. Ашкенази, въ Одессѣ.

съ 15-го марта

по 22-е апрѣля

с. г.

включительно.

въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ и въ Обществахъ взаимнаго кредита,

въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ

съ 15-го марта
по 13-е мая с. г.
включительно.

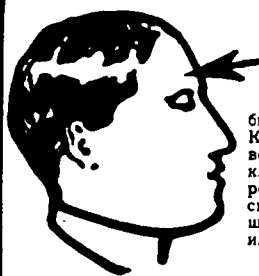
Подписная цѣна назначается въ 95‰, съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 1-го февраля с. г. по день уплаты.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго и учрежденіяхъ мелкаго кредита свыше 300 руб., — уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы 50‰ подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50‰ — не позднѣе 13-го мая.

Лица, подписавшіяся въ разсрочку, вносятъ одновременно съ оплатой 50‰-въ подписной суммы, также залогъ въ размѣрѣ 5‰ съ номинальной суммы оставшихся неоплаченныхъ облигацій. Этотъ залогъ можетъ быть внесенъ наличными деньгами или ‰ бумагами.

Предварительныя заявленія о подпискѣ и уплатѣ денегъ могутъ быть принимаемы въ тѣхъ же мѣстахъ со дня опубликованія сего объявленія.

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ, МИГРЕНЬ

быстро проходятъ отъ одной, двухъ таблетокъ Кефалдолъ Сторъ. Это средство надежно, совершенно безвредное, применяется въ лучшихъ клиникахъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдолъ считается, какъ спецификумъ противъ инфлуэнцы и для прекращения болевыхъ ощущений, будь то нервного или ревматическаго происхожденія. Остерегайтесь поддѣлокъ и негодныхъ подражаній.

НОТЫ для ПОДАРКОВЪ

въ роскошныхъ переплеткахъ! Полныя оперы д. пѣвнй съ фп., д. фп. въ 2 и 4 руки, собранія сониней русскихъ комп. и классиковъ, сборники романсовъ д. одного гол. съ фп. и т. д. Подробные списки и каталоги—**бесплатно.** въ **МОСКВѢ,** П. Юргенсонъ, Неглинный пр., 14.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерч. образов. Заочные курсы по самой обширной программѣ. **СТЕНОГРАФІЯ. АТТЕСТАТЪ.** Цѣнная премія. Разсрочка. Просп. безл. Петроградъ, В. О., Бол. пр., № 22. **„КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ“**. Р.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. 117

УЧАЩИМСЯ и ГОТОВ.

высылается натал. конспект., перевод., темниковъ, разборовъ, словар., самоуч. и пр. пособій по требов.—**бесплатно.** книжный складъ

А. И. НАЗАРОВЪ, МОСКВА, Леонтьевскій, 17.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безлатная премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Леготныя условія подлински и **БЕСПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

Одес. Средн. Сельскохозяйственно-**ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ,** учр. И. И. Хойна. Съ правами казенн. учеб. завед. Тамъ же **ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ** Приемъ прошеній производится на 1916/17 уч. г. Проспектъ высмл. на 5 двухкоп. мар. **ОДЕССА, Пушкинская, 60—5.**

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особымъ знаніемъ и специальной подготовкой. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп. **МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.**

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Гондо-Готликъ, батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетрадодержат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. образц. на конторск. скорон. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к. **ПРАВОПИСАНІЕ** русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудиющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестныхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ...“ (Ис. 118). Кто эти святые слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать и ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета“—все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Теперь, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и равноправію женщинъ, нужно побѣдить завѣсть саморазвитіемъ, вымъ, конне, чтобы скорѣе вѣбъстятъ выбывшихъ изъ строя кормильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей!

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года. Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія наглядны, соответственно программамъ университетовъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ. Каждое изъ 7 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цвѣтныхъ и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполне законченное цѣлое, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣлую научную библиотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цѣна за каждый отдѣлъ или факультетъ въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ Біологическихъ наукъ“ 18 руб., „Отдѣлъ Истор.-Филолог. наукъ“ 16 руб.; факульт.: Истор.-филологическій 14 руб., Медицинскій 13 руб., Юридическій 12 руб., Біологическій 11 руб. и Богословскій 9 руб. Выписывающіе чрезъ издателя Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10, безъ расрочки платежа, за пересылку не платятъ. Каталогъ съ образцами лекцій и отрывками печати высылается издателемъ бесплатно. Продажа изданій во всѣхъ книготорговляхъ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ въ ПРОВИНЦИИ НУЖНЫ

Акц. Об-ву „Муравей“. Продажа разнаго рода книгъ съ разср. платежа и за налич. расч. Оборуд. школь. наглядн. учебн. пособиями, канцел. и писемъ принадл., волшебн. фонари и др. Составл. и пополн. бібліотекъ для учреждений и частн. лицъ. Петроградъ, 3 Рождественская, 26.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА
для ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.
Получаются блестящіе результаты.
Брошюра № 12 по требованію бесплатно.
Англійское Акц. Об-во „АЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“.
Москва, почт. ящ. 226.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію „Гимназія на дому“, но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ **ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:** **Вольноопредѣляющагося I и II разряда, на классный чинъ, высш. начальн., сельск., народн. учителя, аптекарскаго ученика, цы, на 4 или 6 классовъ гимназій, на аттестатъ зрѣлости и т. д.** Тысячи лицъ успѣли уже, благодаря изданію „Гимназія на дому“, достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается бесплатно. Подробный за 15 коп. Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44-62.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

и худосочіе въ успѣхѣмъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬНСЪ въЛ
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Руководство для **ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.**
для начинающих
Постоянный крупный заработокъ. Цена руководства съ перес. налож. плат. 95 к.
Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

При ГОНОРРЕЪ

въ острой и хронической формѣ **„ТІЗЛЕРИНЪ“**
послѣдствіяхъ ея прѣмѣняется **„ТІЗЛЕРИНЪ“**
Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тізлеринъ
совершенно безвреденъ. Цена 1 од. флак. или короб. капсул 2 р.
35 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д. ру Гороховской, Москва, Давыд пер.,
1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ **«ВИКТОРИЯ»**, предлагаютъ лучшія цѣны. **«ВИКТОРИЯ»** вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина **«ВИКТОРИЯ»** стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаний не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

(Россия, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстоахожденія каждого названія. Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. Ю. М. Шонаяскаго.

Цѣна съ пересылкой два рубля.

ПАТЕНТЫ

(привилегіи)
НА ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Утвержд. фабр. марокъ и моделей.

ИНЖЕНЕРЪ 4077
Д. М. ЛЕВЕНШТЕЙНЪ,
Петрогр., Невскій, 65. Тел. 48-94. Сущ. 1901.

ПАМЯТЬ

укрѣпляетъ ЗДОРОВІЕ профессора
инжен. Чл. Париж. Акад., С. Файнштейн, ОДЕССА, Ришель., 54/28.
Практик. в Россіи уже бол. 29 л.
съ больш. успѣх. (см. Лѣтъ „Нивы“ пр. л.).—Просп. выс. за 10 к. мар.

УРАЛЬ ЗОЛОТОЕ ДНО.

Громадный выборъ изящныхъ модныхъ золотыхъ вещей съ настоящими Уральскими камнями у фирмы
„ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ“
К. А. Насоновой
въ Енаторинбургѣ.
Иллюстрированный пр.-кур. выс. бесплатно.
Фирма сущест. съ 1892 г.

**ОДНА КОРОБКА
НАСТОЯЩИХЪ
PASTILLES VALDA
(Лепешекъ Вальда),**
градивльно и во-время примѣненныхъ,
ПРЕДОХРАНИТЬ
Васъ отъ простуды, кашля, насморка.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ
ТРЕБУЙТЕ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НЕПРЕМЪННО
НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА
(PASTILLES VALDA)
ВЪ КОРОБКАХЪ
съ красной бандеролью,
снабженныхъ
именемъ
VALDA
(H. Canonne, Paris).

Продолжается подписка на издаваемый съ
ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ
Листокъ для войскъ и народа:
„ВОЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“

Въ этомъ листкѣ общепонятнымъ языкомъ
объясняется весь ходъ нѣмѣцкой Великой
войны, а также выясняются тѣ цѣли, къ
достиженію которыхъ стремится каждая изъ
воюющихъ державъ. Выступъ съ тѣмъ въ
листкѣ описываются выдающіеся боевые
подвиги офицеровъ и нижнихъ чиновъ
нашей арміи и обрисовывается въ общихъ
чертахъ жизнь войскъ на передовыхъ позиціяхъ,
а также тѣ событія внутри Россіи,
которыя имѣютъ тѣсную связь съ войною.

Листокъ выходитъ въ форматѣ большаго
листа 3 раза въ недѣлю. Подписная плата
съ 1-го января 1916 г. по 1-е января 1917 г.
2 р. 50 к., съ 1-го января по 1-е июля
1916 г. 1 р. 25 к. Подписка принимается
въ конторѣ Военной Лѣтописи, Петроградъ,
нижний магазинъ Гл. Штаба.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.
на ежемѣсячный богато
иллюстрированный 16-ти
страничный журналъ
„ФИЛАТЕЛІЯ“
(годъ изд. 3-й).

Единственный специаль-
ный органъ въ Россіи,
посвященный вопросамъ коллекционирования
марокъ.

Всѣ новости филателии находятъ немедленно
отраженіе въ журналѣ.

Подписная годовая плата, **2 руб.** съ до-
включая премію,
и пересылкой повсемѣстно въ Россіи.

1 г. годовые подписчики, высылавше 2 руб.,
почтов. переводомъ
или негашеными рус-
скими почтов. мар-
ками, получаютъ
БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ
состоящую изъ трехъ
цѣнныхъ марокъ,
стоимостью по каталогу
Фр. 4.75
по выбору редакціи.

Подписку адресовать: **МАГАЗИНУ МАРОКЪ**
Э. ЭЙХЕНТАЛЬ,
Петроградъ, Невскій, 40/42.

ЖИВНА

№ 13. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 26 марта 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Верденъ.

Рядами труповъ у Вердена
Лежатъ германскіе полки,
Какъ обезсиленная пѣна,
Скалой разбитая въ клочки.
И близокъ день—стальные узы
Надолго сбросить мѣръ земной.
Гому порукою—французы,
За братьевъ ставшіе стѣной.
Что день—страшнѣй единоборство.
Но сила доблести живой
Крушить германское упорство,
Какъ молотъ тяжко роковой.
Форты, окрашенные кровью,
Какъ ребра острия, торчатъ.

И надъ землею кровавой новью
Повисъ клубами сѣрный чадъ.
Въ тоскѣ и жаждѣ небывалой
Жестокій безумѣлъ врагъ
И заливаешь кровью алой
Ручей и ниву, и оврагъ.
Но гаснутъ яростныя силы
И дерзновенныя мечты.
И все растутъ, растутъ могилы
И водруженные кресты.
Да! Наступаетъ часъ расплаты,
И этотъ часъ благословенъ,
Когда вступилъ, закованъ въ латы,
Въ борьбу всемирную Верденъ!

Яковъ Годинъ.

Русь поднялась. Картина В. Берингера. (XXXV выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1916 года).

Л. Добронравова.

Съ илл. Пискарева

I.

аморентъ, тощъ и зеленолицъ былъ мальчикъ Власть, приведенный старухой-теткой въ монастырь. Тетка умирать собралась, родня никакой не было, и, чтобы не пустить ребенка съ сумой, пала въ ноги игумену и, плача, просила принять мальчонку и вырастить его ради имени Христова и бѣдности ея.

Старый игумень, благостный, кроткій и на всякую помощь скорый, проникновенно взглянулъ тогда своими сіяющими глазами въ быстро-путливые, черные глаза ребенка и, погладивъ его по головѣ, произнесъ, прозрѣвая въ грядущіе дни:

— Опалить сердце твое великая скорбь, но мужайся, ибо Господь ниспослетъ ее.

Прозорливцемъ называли игумена среди людей; былъ у него даръ вѣдать судьбу человеческую, словно незримыя хартии развернуты были предъ очами его.

Тетка, обрадованная, ушла къ себѣ въ деревню и черезъ мѣсяцъ послѣ этого скончалась. Власть же остался въ монастырѣ, на игуменскомъ попеченіи. Опредѣлили его игумень въ иконописную; замѣтилъ онъ, съ какимъ радостнымъ вниманіемъ слѣдилъ мальчикъ и за теченіемъ въ небѣ яснымъ свѣтлыхъ измѣнчивыхъ облаковъ, и за быстрымъ летомъ птицъ, за ярко-пестрыми одеждами цвѣтовъ, за веселою игрою солнечнаго луча на темномъ золотѣ древняго иконостаса.

Власть помогалъ инокамъ, писавшимъ святые иконы, въ трудѣ ихъ, научаясь тонкому искусству рисунка, постигая сокровенныя тайны воздушной перспективы и смѣшенія красокъ; перенялъ умѣніе чеканить червоннымъ золотомъ витой византийскій узоръ, замыкавшій съ четырехъ сторонъ изображенія святыхъ, преподобныхъ, мучениковъ и архангеловъ.

Немного лѣтъ прожилъ Власть въ монастырѣ, а въ новой большой церкви, воздвигнутой иждивеніемъ купца первой гильдіи Николая Панкратова въ честь зимняго Николая, повѣсили на правой стѣнѣ писанные Власомъ образа: святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, съ головой непокрытою, въ аксамитномъ плащѣ малиноваго цвѣта, въ плащѣ великокняжескомъ, отороченномъ бѣлоснѣжнымъ горностаемъ, въ золотыхъ воинскихъ доспѣхахъ, блиставшихъ, какъ рыба чешуя, и образъ архіепископа Константинограда, святого Іоанна Златоустаго, съ десницею благословляющей.

И дивился старый игумень, и дивились всѣ трепетной живости изображеній, яркости красокъ, тонкости работы и небесной святости ликовъ, благоговѣнно переданной молодымъ живописцемъ.

Съ восхода солнечнаго и до вечерней алой зарни работалъ Власть въ огромной, свѣтлой иконописной. Старый игумень, заходя въ мастерскую и глядя на работы его, радовался.

— Работай, Власть, трудись для Господа! Пождемъ еще мало времени, и пошлю я тебя въ Санктъ-Петербургъ. Тамъ для всякихъ честныхъ художествъ устроена нарочитая академія. Въ оной поучившись, ты станешь живописцемъ пріязнѣйшимъ, на украшеніе обители, воспитавшей тебя.

Игумень любилъ жившихъ, пѣвнѣ церковное, цвѣты и животныхъ. Множество разныхъ цвѣтовъ взрастилъ онъ возлѣ своихъ игуменскихъ покоевъ, самъ каждое утро и каждый вечеръ поливалъ и выпаливая сорняки травы. Голуби узнавали его, сяди-

лись на плечи, ходили возлѣ его ногъ по землѣ, а онъ, разбрасывая зерна имъ, улыбался, какъ престарѣлый отецъ улыбается дѣтямъ своимъ. Въ кельѣ его стояло множество цвѣтовъ, и на столахъ, стульяхъ, на полу даже лежали книги. Желтенькая канарейка пѣла свои немудрыя, простыя пѣсни. Здѣсь Власть научился грамотѣ; здѣсь же по вечерамъ вслухъ читалъ онъ игумену писанія святыхъ и преподобныхъ объ иноческой жизни, называемыя „Добротолюбіемъ“.

Вырасталъ Власть подѣ игуменскимъ попеченіемъ. Было ему восемнадцать лѣтъ. Ничто въ немъ не напоминало зеленолицаго, тощаго и хилаго заморыша, ни широкая грудь, выпуклая и твердая, ни черные, съ блескомъ, волосы, потокомъ струившіеся по плечамъ, ни взоръ, мужественный и острый, ни голосъ, отлитый словно изъ дорогаго звонкаго золота, ни черная борода, шелковистыми тоненькими колечками покрывавшая алыя, непорочныя, будто дѣвичьи, щеки.

Правомъ Власть былъ тихъ и незлобивъ; всегда будто внимаетъ чему-то. Какъ выросъ онъ, слышать сталъ невѣдомые голоса, зовущіе его по имени. Прислушается—нѣтъ ничего: почувдилось. Немного времени пройдетъ—опять зовутъ тихо: „Вла-ась!“ И всегда голова его наклонена была набокъ: слушалъ.

Научась твердымъ правиламъ иноческаго житія, безпрестанно пребывалъ въ трудѣ и усердно молился о грѣхахъ своихъ и о грѣхахъ того невѣдомаго міра, что окружалъ подножіе монастырской горы и пашнями своими, селами, огородами и лѣсомъ тянулся въ далекія, синеватые дали... Міръ этотъ весь во злѣ лежалъ, по слову апостола, и съ жалостью, страхомъ и тайной любовью къ нему глядѣлъ Власть на дымокъ, синими струйками вившіися надъ внизу лежавшими селами, съ тревогою слушалъ мірскія пѣсни крестьянъ, долетавшія до монастырскихъ воротъ.

Во время цвѣтенія деревъ сталъ Власть испытывать томленіе духа, сладкимъ дурманомъ вползавшее въ мысли его; въ страхъ онъ думалъ, что это дьяволъ ищетъ поработить его себѣ, и до солнечно-яркихъ вешнихъ утръ во всѣ короткія, благовоныя ночи стоялъ на молитвѣ, крѣпко сжавъ сильныя свои руки, неотступно глядя на ликъ, золотомъ сіявшій въ заревномъ мерцаніи лампады, а въ открытое окно наплывавія изъ сумеречной темноты густыя ароматныя волны сладко цвѣтущей сирени и одиноко поющій среди ночи мѣднѣй, протяжный голосъ колокола, возвѣщающій обители и окрестнымъ селамъ ночные часы.

И чей-то голосъ призывалъ Власа.

Наутро, послѣ ночного бодрствованія, онъ хранилъ въ иконописной безмолвіе, суровъ былъ и задумчивъ, и только вѣрная и крѣпкая рука, водившая кистью, выдавала смятеніе духа.

Сосѣдь его по иконописной, допленькій послушникъ Феодоръ, сядя съ кистью въ рукѣ передъ загрунтованной кипарисной доскою, на какихъ писали образа, спрашивалъ, поворачивая къ Власу свое остроносое, темными веснушками обрызганное лицо:

— Не захворалъ ли часомъ, спаси Господи?

Другой же послушникъ, Гервасій, мотая рыженкой бородашкой, усмѣхался и говорилъ, словно чавкалъ во рту чѣмъ-то вязкимъ и клейкимъ:

— Онъ-то? На игуменскихъ харчахъ? Ишь, какой гладкій! Не заципнуетъ!

— И... и... кто тебя трогаетъ, въ случаѣ чего? — Феодоръ свои руки на груди складывалъ. — Не... не... не спрашиваютъ, не тебя спрашиваютъ. Помолчи, въ случаѣ чего!

Бѣдняга въ искусствѣ своемъ иконописномъ не пошелъ дальше

скобления грязных палитр, загрузки досок и мытья кистей в скипидаръ. Ничего онъ изобразить не умѣлъ, и когда принимался писать, лица выходили коричнево-зеленыя, деревья — бурья и грязныя, и вмѣсто благолѣпія иконописнаго получался только соблазнъ. Отъ этого Федоръ много скорбѣлъ; слышалъ ли онъ отъ кого-нибудь, или такъ просто придумалось ему въ горькія минуты его незадачливости, — вѣрилъ онъ, что въ Петербургѣ есть такая „Живописная книга“, гдѣ все прописано, все до послѣдняго: сколько и какихъ красокъ для лицъ, какія смѣшивать краски для деревьевъ и растений, чтобы листьямъ придать подлинный цвѣтъ, какъ рисовать очи святыхъ и архангеловъ, небеса съ облаками, и яркое солнце, и мѣсяцъ хрустальный, и свѣтлыя звѣзды, пурпуръ царскихъ порфиръ, складки одеждъ многоцвѣтныхъ и златокованную парчу епископскихъ облачений.

Часто Федоръ говорилъ Власу:

— Какъ пошлеть отецъ игумень тебя въ академію, разудной все о „Живописной книгѣ“ и, буде недорого стѣять, пришли, а ежели денегъ не хватить — переписи, Христа ради, хоть насчетъ ликовъ. Больно въ ликахъ-то я затрудняюсь, въ случаѣ чего.

И лицо его, небольшое, худое, темными веснушками обрызганное, свѣтилось, словно бѣлье дѣлалось и чище.

II.

Какъ въ плодѣ заводится червь, поѣдая сердцевину, такъ тоска тайно вошла въ душу Власа и поселилась въ ней. Самъ не зная о чемъ тосковалъ Власъ. Глаза его потухли, какъ обгорѣвшіе уголья, плечи опустились. Старому игумену рассказали онъ о тоскѣ своей непонятной, прося научить, что дѣлать. Помолчавъ, игумень отвѣтилъ:

— Преодолѣй себя! Если не преодолѣешь — впадешь въ напасть.

И больше ничего не сказали.

Чувствовалъ Власъ: давила его сила. Камни бы ворочать, деревья въ лѣсу выкорчевывать, рубить бы что — только бы тоску отогнать: не могъ работать, днемъ солнце не радовало, ночью же подступали тайные страхи.

Передъ вечеромъ разъ позвалъ его Федоръ въ монастырскіе луга заливные: сънокосъ былъ.

Пошелъ и Власъ, но, идя, молчалъ всю дорогу, не поднимая головы.

Сладко и крѣпко пахло въ вечернемъ воздухѣ свѣже-скошеннымъ сѣномъ: рядами лежало оно, какъ ерѣзала коса. Съ одного края ряды сѣна подошли уже, и послушники дружно сгребали его въ невысокія копны.

Федоръ хотѣлъ поговорить о пріятномъ для Власа — объ академіи той, куда хочетъ игумень послать его. И ужаснулся, когда услышалъ:

— Не ѣхать бы мнѣ вовсе!.. Боюсь я чего — самъ не знаю. Взялъ бы да чего-нибудь сдѣлалъ... Э-эхх!

Съ помутившимъ взоромъ быстро нагнулся онъ и, схвативъ крѣпко вилы, лежавшія у скошенной полосы, переломилъ ихъ съ трескомъ надвое и такъ быстро, словно не вилы держалъ онъ въ рукахъ, а тоненькій карандашикъ, такъ легко хрустнули онѣ.

Всю дорогу обратную не разомкнулъ онъ наглухо закрытыхъ челюстей. Федоръ боялся спросить и робко поглядывалъ на темное лицо его.

Съ этого вечера измѣнился Власъ въ лицѣ. Сошла краска со щекъ, глаза затонули въ темныхъ орбитахъ.

Въ длительные часы ночного бодрствованія задумалъ онъ написать образъ Спасителя, идущаго на утренней зарѣ по узкой тропинкѣ, между травъ и бѣлыхъ лилій, покрытыхъ еще каплями ночной росы. Не отходя, работалъ онъ въ иконописной — и бросилъ вдругъ въ самомъ началѣ.

Сидѣлъ, опустивъ руки на колѣни и глядя въ стѣну, въ окно, а губы сжаты, и межъ бровей двѣ темныя, глубокія морщины. Ходилъ одинъ въ монастырскомъ саду, нагнувъ низко голову

Къ разсказу „Крестъ“. ...Пала въ ноги игумену и, плача, просила принять мальчонку.

и бородкой касаясь груди, и все думалъ. И за церковными службами стоялъ каменный, сѣпивъ у груди пальцы. Одернуть его — не сразу опомнится.

По праздникамъ все среди нищихъ бродилъ, говоря съ ними, и услышалъ разъ Федоръ отъ него:

— Въ нищемъ видѣ спасеніе душъ, въ голодѣ, холодѣ, въ рубищѣ. А мы согрѣты, обуты, одѣты... Гдѣ тутъ!.. Тяжести на насъ нѣту.

Пришелъ къ игумену и, упавъ ницъ, попросилъ:

— Благословите въ дровоколы, на послушаніе.

Игумень главою поникъ.

— Себя смирать?

— Смирать, — въ землю глядя, отвѣтилъ Власъ.

— Берегись искушенія, сынъ мой! Гордыня изъ смиренія произрастаетъ.

Вздыхнувъ, благословилъ его и, отпуская, положилъ руки на голову ему.

— „Но Самъ мя заступи и спаси, Спасе мой!“ — Помни, сынъ мой!

Двѣ слезы, тяжелыя и большія, упали изъ глазъ Власа: такъ черная, дымная туча скупо роняетъ капли дождя, низко и тяжело проползая надъ землею.

Федоръ обомлѣлъ, узнавъ отъ Гервасія о новомъ послушаніи Власа. Вѣрить не хотѣлъ, что останется иконописная безъ него, и побѣжалъ на черный дворъ, гдѣ кололи дрова.

Безъ подрячника, по локоть засучивъ рукава бѣлой сорочки, яростно взмахивалъ Власъ тяжелымъ, сверкавшимъ на солнцѣ, топоромъ, и послѣ каждого взмаха раздавался трескъ, легкій въ началѣ и густой и замедленный въ концѣ полѣна, и, надвое расколотивъ, падали въ стороны дрова, а Власъ разсѣкалъ новыя и новыя полѣнья, одно за другимъ, и лицо его, въ поту, было сумрачно, точно не простое деревянное полѣно, а врага своего исконаго и досадителя разрубалъ онъ, такъ тяжело и сильно и сурово взмахивалъ онъ топоромъ, и такимъ гнѣвомъ блистали глаза его.

Федоръ ничего не сказалъ, слова не пронилъ; поглядѣлъ, постоялъ, вздохомъ выронилъ: „помогай, Господи!“, и понуро, въ печали побрелъ въ иконописную. Плакать ему хотѣлось: пропала надежда на „Живописную книгу“.

Въ свѣтлой мастерской пусто показалось ему безъ Власа. На мольбертѣ стоялъ неоконченный образъ Николы-угодника, съ небольшою перковкою въ рукахъ, и такъ хорошо изображенъ былъ Миръ Ликійскихъ чудотворецъ, что никто не дерзнулъ своей кистью докончить недописанныя складки зеленой фелони въ золотыхъ крестахъ и подолъ бѣлаго шелковаго подризника, обшитого серебрянымъ литымъ позументомъ.

Изнемогалъ Власъ къ вечеру послѣ работы съ дровами, по

ночамъ бичевалъ себя по широкимъ обнаженнымъ плечамъ тугою веревочной плетью. Чѣмъ сильнѣе жгли короткіе, сильныя удары, чѣмъ острѣе ныла припухавшая кожа, тѣмъ просвѣтленнѣе становилось лицо его. Падалъ ницъ передъ Спасовымъ образомъ, трепетно шепча:

— Но Самъ мя заступи!..

Гервасій, насмѣшливый и злой, скорбѣвшій о томъ, что игумень пристрастенъ къ мірекому, — шутка ли, цвѣты самъ сажаетъ, водою поливаетъ, не игуменское это дѣло! — въ окно подсмотрѣлъ потихоньку ночныя моленія Власа и бичеваніе его, а наутро въ иконописной чавкалъ вязкимъ чѣмъ-то во рту:

— Нашъ-то... Власій... въ постничество ударился... Власій-то! Дѣла! Мало ему иконописной, — по иноческой части отличиться хочеть!

Трясъ бородежкой своею рыжей, рѣденькой, что павлиній ошипанный хвостъ, и глазками своими улыбался, ехидными и забистливыми. Улыбаясь, узоръ для чеканки клалъ на доску и покрывалъ его золотыми тонкими-претонкими лепестками, такими тонкими, что отъ легкаго дыханія сворачивались.

Всегда недоволенъ онъ былъ чѣмъ-нибудь: солнцемъ — за то, что свѣтитъ ярко, глаза слѣпить, и душно отъ него очень; Власомъ — за то, что рисуетъ очень хорошо, всѣхъ лучше, стало-быть, надъ всѣми превозносится, гордостью обуянъ; Ѳеодоромъ — за то, что лики святыхъ на иконахъ его зеленые, мертвые будто, неблагоговѣнно это; игуменомъ былъ онъ недоволенъ за то... за настоящіе порядки. Ежели ты настоящій игумень, ходи степенно, посохомъ ступай, братію во грѣхахъ обличай, призывай къ покаянію. А онъ нате: самъ первый соблазнъ разводитъ, на фицгармоникѣ играетъ, птицы у него женскаго полу, канарейки, цвѣты на окнахъ, какъ у купцовъ наставлены. Неблаголѣпно. Говоритъ когда, усмѣхается все, радуется. А чѣму радуется, неизвестно. Монаху приличны скорби, а не радости. Можетъ, онъ не радуется, а попросту насмѣхается надъ всѣми. А надсмѣхательство — грѣхъ большой и тяжкій предъ Господомъ, зане надсмѣшки — все одно, что злоязычіе, а за него на томъ свѣтѣ бѣсы на языкъ раскаленнымъ варомъ прыснутъ.

Начнетъ Гервасій говорить такъ — истомить всѣхъ. Чавкаетъ медленно вязкимъ и клейкимъ во рту, нудить-нудить и все возды-хаеть:

— Помилуй насъ, Господи, иноковъ оградѣ!

Всѣхъ задѣвалъ словомъ, — одному Власу никогда, ничего. Боялся роста его и силы непомѣрной. Какъ только Власъ ходитъ сталъ на дровяной дворъ, сталъ захаживать туда и Гервасій. Придетъ, станетъ поодаль и елеинымъ голосочкомъ:

— Помогай, Господи! Дровамъ занимаешься? Такъ, такъ...

Постойтъ, помолчитъ, глазами поулыбається, заберетъ бородежку въ горсточку, головку набокъ.

— Трудное это дѣло съ дровамъ распорядиться, ежели кому... иконы ежели привыкли кто писать. Совсѣмъ даже не подходящее занятіе...

Власъ глазомъ только поведетъ.

— Ничего, ко всякому дѣлу привыкнуть можно.

— Ничего-то оно ничего, а все-таки... скажемъ такъ... Ежели зарядъ-пороху на иконописание, можетъ, какъ сказать... не хватаетъ... тогда, братъ, ау! — хоть дрова коли... Бываетъ, который иконописецъ пишеть-пишеть, да истощается... всѣ у него на одно лицо...

Власъ вздрогнетъ весь, будто палкой его сзади ударили. Топоръ въ землю и долго смотреть на Гервасія.

— Ты это... къ чему?

Заторопится Гервасій, замотается, засуетится, полы подрясника начнетъ одергивать, а глазки колятъ-юлятъ.

— А такъ просто, такъ для разсужденія... такъ. Кому, значить, какая сноровка! Кому — образа писать, кому — дрова колоть, кому, значить, другое какое послушаніе. Я про это самое, про это вотъ самое.

Власъ помолчитъ.

— Ты... уйди-ка лучше отсюда!..

Гервасій ближе къ воротамъ заторопится и оттуда чавкаетъ: — Чтѣ такъ? Ай твой, что ли, дворъ-то?..

Будто царапинки, выступать на глазахъ Власовыхъ красныя жилки.

— Уйд-ди!

Голосъ опустится низко, погрознѣтъ, а Гервасій за ворота поспѣшаетъ, ногами заплетая, прочь катится и все куколемъ своимъ трасеть, точно пѣтухъ гребнемъ.

Власъ дальше колеть дрова, но не попрежнему: завертятся мысли, точно колесо съ зубьями, мысли объ иконописной, о краскахъ яркихъ — никогда не насмотрѣться на нихъ, объ иконѣ недоконченной — Спаситель, шествующій между бѣлыхъ лилій и росныхъ травъ... И вдругъ рядомъ съ этимъ колесомъ завертятся другое и зубьями своими начнетъ зацѣплять за другіе зубья — больно станетъ отъ мыслей о жизни своей монастырской, о мірѣ, во злѣ лежащемъ, по слову апостола; въ мірѣ потянетъ, туда, къ деревенькамъ, къ лѣсамъ, чтѣ еле видны въ сизой дали, къ работѣ другой, къ нищему виду, къ слезамъ людскимъ, къ горю человѣческому...

А дрова колоть — все равно пустое занятіе: ни радости отъ этого душѣ ни облегченія.

III.

Съ миромъ почилъ о Господѣ старый игумень.

Когда внесли его, зашитаго съ головой въ черную мантию, въ монастырскій храмъ и поставили дубовый гробъ его на катафалкъ, понялъ тогда Власъ, что крѣпкая опора отошла отъ него, и остался онъ одинъ, совсѣмъ сирота, безъ отца, учителя и наставника. Какъ ледъ, застылъ онъ въ своей великой печали, не выходя изъ храма до дня погребенія. Когда же погребли игумена и на могилѣ его сталъ дубовый крестъ съ надписью о надеждѣ воскресенія въ день послѣдній, Власъ пришелъ въ свою келейку, легъ на постель, къ стѣнѣ лицомъ, и такъ остался лежать безъ движенія, будто и онъ умеръ, и вмѣсто него лежитъ его оконченнѣйшій трупъ.

Приходилъ Ѳеодоръ, жалобно кликалъ сквозь слезы — Власъ не отзывался.

На третій день вышелъ онъ изъ кельи, лицомъ страшный и дикій, словно болѣлъ долго и не оправился совсѣмъ. Придя въ иконописную, молча отеръ пыль съ начатаго образа Спасителя, и быстро забѣгала рука его, вода кистью, словно боялся Власъ, что не успѣетъ сдѣлать къ какому-то сроку.

Ѳеодоръ радостно-робко косилъ глазомъ и быстро крестился. Сердце его весело стучало: оживла въ мысляхъ „Живописная книга“. Отрадно было слѣдить, какъ оживали подъ рукою Власа тропинка, хитонъ Спасителя и бѣлыя головки цвѣтовъ.

Къ разсказу „Крестъ“.

...И дивился старый игумень, и дивились всѣ трепетной живости изображеній.

Къ разсказу „Крестъ“. ...Вздохнувъ, благословилъ его и, отпуская, положилъ руки на голову ему.

И Гервасій тускло поглядывалъ на Власа. Накладывая тонкіе-претонкіе золотые лепестки на кипарисную доску. чавкаль-бубнилъ про себя:

— Вотъ, ужъ, новый игумень прїѣдетъ!.. Онъ васъ всѣхъ вотъ какъ разрисуетъ!

А Федоръ упрасивалъ его шопотомъ:

— Помодчалъ бы, въ случаѣ чего! Неужель не можешь безъ этого?

Власъ же, горя сердцемъ, не слыхалъ никакихъ разговоровъ.

Новаго игумена не долго ждали. Владыка назначилъ своего, молодого и ученаго, чтò съ собою изъ Москвы вывезъ.

Строгий былъ новый игумень, строго поздоровался съ братіей, строго было его лицо, строго блестяли золотыя очки, и голосъ его былъ жесткій, немилостивый.

Войдя въ иконописную, онъ остановился предъ картиной Власа.

— Это чтò?

— Спаситель, шествующій по травамъ...

Нахмурился игумень, губы сжалъ.

— Евангеліе повѣствуетъ намъ, что Спаситель уединялся лишь во время сорокадневнаго поста и передъ предательствомъ Иуды. Все же остальное время проводилъ Онъ среди учениковъ своихъ... Картину замажь!.. Въ монастырскихъ иконописныхъ подobaетъ одно лишь иконописание, а отнюдь не картинописание, хотя бы съ мыслью благочестивою... Тебя какъ звать?

— Власомъ, ваше высокопреподобіе.
— Гдѣ проходилъ послушаніе?
— Въ иконописной, потомъ дрова рубилъ...
— Въ наказаніе?
— По своей волѣ.
— У инока нѣтъ своей воли! Запомни!.. Распущены вы всѣ здѣсь, говорили мнѣ люди свѣдущіе. — Игумень оглядѣлъ Власа.— Въ келейники ко мнѣ! Грамотный?
— Грамотный.
— Такой-то мнѣ и надобенъ!

Новый игумень завелъ и порядки свои. Цвѣтничъ, благоухавшій передъ игуменскимъ домомъ, срыть приказалъ и желтымъ песочкомъ посыпать для аккуратности. Годубей велѣлъ продать, канарейку и цвѣты игуменскіе отослалъ въ городъ соборному протопопу. Половину живописцевъ приставилъ къ хозяйственнымъ работамъ, ибо инокамъ приличествуетъ трудиться въ потѣ лица своего. А иконописаніе—дѣло хотя и благочестивое, но чрезвычайно легкое, и потому лучше предоставить оное мірянамъ.

Игумень былъ человѣкъ очень ученый. Двѣ большія, толстыя книги, написанныя его рукою, лежали на столѣ; больше половины исписана была третья. Власъ названіе прочелъ: „Обзоръ ученій о христіанской нравственности“.

Игумень обучилъ Власа на пишущей машинкѣ писать. И цѣлые дни выцѣлкивалъ Власъ игуменскія писанія. Новый игумень хвалилъ его письменные труды. Иначе только хвалилъ, нежели почившій. Возьметъ исписанный листъ, сопитъ-читаетъ, а лицо у него сердитое и нахмуренное; прочитавъ, скажетъ — обругаетъ будто похвалой:

— Изрядно! Трудись! Трудиться приличествуетъ каждому человѣку, а ваиначе—иноку. Не трудящіяся же—суть тупеядцы.

Келейное послушаніе свое принималъ Власъ, какъ Богомъ данное, для перемѣны мыслей и чувствъ, для смиренія гордыни. Безпрестанно служа игумену, не имѣлъ минуты свободной помыслить о себѣ. Не понималъ онъ того, что мыслямъ перемѣны не было, а притаились онѣ, по темнымъ угламъ будто разбѣжались и тамъ схоронились, выжидалъ, когда опять можно выбѣжать имъ и весело и страшно закрутиться вихремъ въ душѣ Власа.

Сталъ Федоръ захаживать къ нему въ келейницкую. Придетъ, сядетъ на лавку и сидитъ, подпираясь сухимъ своимъ маленькимъ кулакомъ, и вздыхаетъ. Тосковалъ по иконописной: оттуда его, по игуменскому повелѣнію, къ монастырскимъ коровамъ приставили, на выгонъ гонять. Сидитъ, молчитъ, потомъ потихоньку жалуется: хорошо было при покойномъ отцѣ игуменѣ, а теперь—тяжело даже мимо иконописной проходить, сердце захо-лонеть: нѣту входу больше въ иконописную. Хотѣлъ зайти—выгнали: зачѣмъ, говорятъ, шляешься безъ толку?

— Уйду я изъ обители, ей-ей! Въ маляры-поступлю въ городѣ, подсоберу деньжонокъ, въ случаѣ чего, и раздобуду себѣ „Живописную книгу“.

Лицо его, съ востренькимъ носикомъ, темными веснушками забрызганное, печально было: вотъ-вотъ заплачетъ.

Власъ не утѣшалъ его. Сидитъ—каменный и—ни слова, рта не раскроетъ. Рукою бородку свою—черныя колечки шелковыя подергиваетъ, а глаза — въ стѣну, и глаза каменные затонули

Къ разсказу „Крестъ“. Съ миромъ почилъ о Господѣ старый игумень.

въ глубокихъ орбитахъ и точно темные камни изъ воды выглядываютъ.

— Не желаю я съ коровамъ заниматься, въ случаѣ чего!— сидитъ-бормочетъ Федоръ.— Жизнь отъ меня отняли, можетъ, изъ иконописной прогнавши... Не желаю!.. Я пострига не принималъ, я—въ рясофорѣ; захотѣлъ ушелъ, въ случаѣ чего! Я, можетъ, ради иконописной въ обители состоялъ, это еще неизвѣстно! А насчетъ коровъ скажу тебѣ: занятіе мнѣ совсѣмъ даже неподходящее. Отъ Гервасія мнѣ ни шагу ни проходу: коровій командиръ да коровій командиръ!.. Я молчу, въ случаѣ чего. Я—терплю-терплю, да возьму и игумену пожалуюсь!

Вздохнетъ, замолчитъ, а, помолчавъ, опять начнетъ на свою судьбу жаловаться. А Власть будто и не слышитъ: затонувшіе

глаза—въ стѣну, самъ каменный, рукою не шелохнетъ, не дышитъ.

Всегда молчалъ, теперь словно обѣтъ молчанія на себя принялъ. Случилось, быкъ взбѣлся въ монастырскомъ стадѣ. Никто не рѣшался подступить къ нему, дѣла на него набросить. Власть пошелъ. Застыли всѣ: думали, не вернуться ему—на вѣрную смерть идетъ. Была минута, чуть Власть не погибъ, но справился съ быкомъ. И молча къ себѣ пошелъ, ни разу не глянувъ даже на Гервасія, что подлѣ суетился, въ подрясникѣ своемъ путаясь, и чавкалъ свое вязкое во рту:

— Можно сказать, яко древле Самсонъ, яко Давидъ на Голааа, тако мы на быка сего злонаваго! Ай-да мы!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ усадьбѣ.

Рассказъ А. Лазарева-Грузинскаго.

I.

Полковникъ Шадурскій уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ имѣніи въ отставку, но онъ былъ старымъ боевымъ офицеромъ и, когда началась война, тотчасъ же вернулся на службу. Нѣсколько мѣсяцевъ судьба хранила его, несмотря на все презрѣніе полковника къ опасности, но въ половинѣ февраля онъ израненнымъ добрался до усадьбы и, прохворавъ около мѣсяца, умеръ отъ ранъ. Его геройствомъ восхищались товарищи, и раза два или три громкая вѣсть объ его подвигахъ проникала въ болышую публику черезъ печать. А теперь онъ тихо лежалъ въ тихомъ фамильномъ склепѣ, совершивъ въ предѣлахъ земныхъ все земное и отдавъ жизнь свою за славу и счастье родины,—самое большое, что можетъ сдѣлать человѣкъ. Два старшихъ сына Шадурскаго не могли прѣхать на похороны, потому что были ранены и лежали въ далекихъ лазаретахъ, а младшій, Михаилъ Павловичъ, прихворнулъ и полудобнымъ прѣхалъ съ женой къ самымъ похоронамъ. Дорогой Наташа, жена его, пробовала утѣшать мужа: она клала свою маленькую ручку на плечи Михаила Павловича, но не знала, что сказать, что говорить въ этихъ случаяхъ, глядѣла на него нѣжными глазами (ихъ свадьба была меньше года назадъ) и тихо шептала:

— Не грусти, Мишель. Ничего не подѣлаешь. Притомъ же папа былъ уже старъ.

Михаилъ Павловичъ плохо слушалъ жену и отвѣчалъ разсѣянно:

— Да, да, конечно.

Отецъ былъ дѣйствительно старъ, но разумъ плохо мирился съ тѣмъ, что другимъ казалось естественнымъ, и сердце сжимала тоска:

„Зачѣмъ онъ умеръ? У него былъ крѣпкій организмъ. Почему не созвали больше докторовъ, профессоровъ? Можетъ-быть, они спасли бы его?“

Михаилъ Павловичъ былъ младшимъ любимымъ сыномъ, и самъ обожалъ отца. И въ памяти его, какъ это часто бываетъ съ людьми послѣ смерти близкихъ, вставали тѣ мелкія обиды и огорченія, которыя онъ приносилъ отцу и которыя теперь страстно хотѣлъ бы вернуть назадъ.

— Зачѣмъ я сдѣлалъ это?—спрашивалъ себя Михаилъ Павловичъ и украдкой отъ Наташи смахивалъ слезы съ широко открытыхъ грустныхъ глазъ.

Въ день похоронъ была ясная погода, и солнечные лучи золотили прошлогоднюю, рыжую, давно уже освободившуюся отъ снѣга траву, но въ день похоронъ для близкихъ не бываетъ хорошей погоды, и всѣмъ казалось, что день тусклъ и скученъ, и надъ всею усадьбой послѣ смерти владѣльца лежитъ тихая грусть; съ тихою грустью голубой дымъ расплзался по воздуху изъ трубъ усадьбы: съ тихою грустью старые клены качали нагими вѣтвями надъ заборомъ у сада, и съ тихою грустью скрипѣли скворечни, приготовленные для скворцовъ.

Въ имѣніе съѣхалась большая компанія, кромѣ тѣхъ, кто постоянно жилъ въ немъ; постоянно жили двѣ незамужнихъ дочери и мать, которая теперь была убита горемъ и тихо плакала, когда оставалась одна. Замужнихъ было три сестры. Онѣ прѣхали на похороны вмѣстѣ со своими мужьями, кромѣ одной, бывшей замужемъ за хирургомъ, который работалъ гдѣ-то въ большомъ госпиталѣ и не могъ бросить больныхъ.

Варвара Петровна, мать Михаила Павловича, увидя сына, потянулась къ нему и разрыдалась на его плечѣ, повторяя:

— Какое горе, Мишель!

Но потомъ стала спокойнѣе; самый младшій изъ всѣхъ, Михаилъ Павловичъ былъ и ея любимцемъ, какъ былъ любимцемъ покойнаго отца. Усѣвшись въ кабинетъ, она рассказала сыну и невѣсткѣ о послѣднихъ дняхъ и смерти мужа, рассказала довольно спокойно и связно, чего трудно было ожидать. Но во время разсказа она припоминала то, что сказалъ и сдѣлалъ покойный; все время память ея рисовала его живымъ, и ей было не такъ

трудно. Когда же она дошла до смерти мужа, сынъ поцѣловалъ старушку и сказалъ, замахавъ руками:

— Я знаю остальное, мама. Не надо, не говори!

И ему удалось удержать ее отъ рыданій и слезъ.

II.

Глубокій трауръ отбѣлялъ блѣдность женскихъ лицъ. Наташѣ, недавно вошедшей въ семью Шадурскихъ, было отъ души жаль дѣвушекъ,—Марусю и Зину. У замужнихъ сестеръ были свои интересы, своя семья, и печаль ихъ должна была скорѣе разсѣяться; но незамужнія дочери сжились съ отцомъ, и съ его смертью въ усадьбѣ становилось грустно и пусто, смерть вынимала изъ усадьбы часть души.

Особенно дружна была молодая женщина съ Зиной; съ благодарностью она вспоминала ту привѣтливость, съ которой Зина встрѣтила ее вступленіе въ ихъ семью.

— Любите Мишу... Онъ хороший и вась безконечно любить!— говорила она, когда Наташа была невѣстой Михаила Павловича. — Мнѣ вы тоже нравитесь. Я такъ рада, такъ рада.

Ея розовыя губки смѣялись, и въ темно-сѣрыхъ глазахъ было столько радости, что заподозрѣть ея искренность было нельзя. Да она и была искренна.

Теперь темно-сѣрые глаза покраснѣли и опухли, а на губахъ, вмѣсто смѣха, была скорбь; смерть—это жница, которая уноситъ съ поля все, что радуется взгляду, и оставляетъ унылую пустоту пашни, низко срѣзанные желтые стебли, комья черной земли.

Столкнувшись съ Зиной въ залѣ, Наташа взяла ее подъ руку и черезъ балконную дверь вышла въ садъ.

На желтыхъ просохшихъ дорожкахъ валялись груды сухихъ прошлогоднихъ листьевъ, шуршавшихъ подъ ногами; ихъ, вѣроятно, некому было убирать въ дни болѣзни хозяина и въ похоронныхъ хлопотахъ, потому что тогда для каждого изъ слугъ находилось дѣло. Или, быть-можетъ, ихъ только сметали въ кучи, и вѣтеръ весны разносилъ эти листья опять по дорожкамъ.

Мягко ступая по листьямъ, женщины прошли къ пруду; небольшая, мутный по-весеннему прудъ, чуть-чуть плескался въ пожелтѣвшихъ берегахъ и не отражалъ голубого неба; красные и рыжіе листья, какъ яркія бабочки, мелькали посрединѣ пруда; темная утка ныряла и отряхивалась въ дальнемъ углу.

— Мнѣ жаль тебя, Зина! — шепнула Наташа дѣвушкѣ. — Но что же дѣлать? Не горюй.—Она помолчала и добавила то, что говорила мужу:—Папа былъ старъ.

Зина покачала головою отрицательно; отецъ, вѣроятно, не казался ей старымъ: глаза ея сдѣлались странными, взглядъ неподвижнымъ, какъ будто она видѣла то, чего другіе не могли видѣть; у самой воды она медленно сказала:

— А Горенки папа отказалъ вамъ!

Наташа подняла голову.

— Какія Горенки?—съ недоумѣніемъ спросила она.

— Имѣніе подъ Киевомъ. Будто не знаешь?

Холодные нотки звучали въ голосѣ Зины; Наташа смутилась.

— Горенки? Ахъ, да,—сказала она.

Она, конечно, знала, что такое Горенки и гдѣ находятся Горенки, но ея мысль была далека отъ завѣщанія, отъ Горенокъ, отъ наслѣдства, часть котораго послѣ смерти отца Михаила Павловича переходила къ нимъ.

А Зина продолжала съ тѣмъ же неподвижнымъ взглядомъ:

— Горенки—хорошее имѣніе.

— Да?

— Доходное имѣніе. Тамъ арендная плата за землю не та, что здѣсь.

— Выше?

— Ну, конечно. Можетъ-быть, раза въ два.

Наташа спросила у дѣвушки что-то о матери, но та не слышала; занятая своими мыслями, она шептала задумчиво:

— Я не ожидала этого. Нѣтъ.

— Чего?—спросила Наташа.

Зина отвѣтила хмуро:

— Ахъ, ничего. Не обращай вниманія: я такъ.

Возвращаясь, онѣ прошли по дорожкѣ недалеко отъ скамьи, на которой сидѣли мужья двухъ замужнихъ сестеръ; покуривая сигары, мужчины горячо говорили о чемъ-то и не замѣтили ихъ. Но до слуха Наташи долетѣли обрывки ихъ разговора.

— Странное завѣщаніе!—сказалъ одинъ.

Другой возразилъ:

— Но вѣдь дочери выдѣлены раньше?

— Не все ли равно? Наслѣдство такъ велико, что и имъ можно было бы хоть что-нибудь удѣлить.

— А пора бы ѣхать!

— Да, меня уже давно въ городѣ ждуть дѣла.

III.

Маруся глядѣла болѣе хмуро, чѣмъ Зина; но съ Марусей и ранѣе Наташа близка не была. Увидя ее въ гостиной плачущей, уткнувшейся въ диванную подушку, Наташа хотѣла пройти мимо, но Маруся подняла отъ подушки голову и сказала:

— Подожди!

Медленно вытеревъ глаза, она спрятала платокъ въ карманъ и прямо взглянула въ лицо Наташѣ.

— А вѣдь папа отказалъ Горенки вамъ,—сказала она.

Наташа пожала плечами.

— Можетъ-быть.

— Вамъ!

Въ ея голосѣ слышалась досада, и молоденькая женщина подумала со страхомъ: не объ этомъ ли, не о Горенкахъ ли плакала Маруся?

Вечеромъ она сказала мужу, когда они остались одни:

— Ты замѣтилъ? Вокругъ насъ творится что-то странное, Мишель. Я ничего не понимаю. Говорятъ, папа отказалъ намъ Горенки?

— Говорятъ.

— Зачѣмъ онъ сдѣлалъ это?

— Но вѣдь сестры уже выдѣлены.

— Всѣ?

— Всѣ. Замужнимъ дана ихъ доля въ приданое, Марусѣ и Зинѣ давнымъ-давно выдано на руки. Мамѣ, по слухамъ, папа завѣщаль Шадурское, каждому сыну имѣнье. Мнѣ—Горенки.

— Можетъ-быть, Горенки лучше другихъ?

— Можетъ-быть.

Михаилъ Павловичъ погладилъ бородку и сказалъ задумчиво:

— Кажется, въ Горенкахъ есть небольшой домъ. Но во всякомъ случаѣ, если Горенки лучше,—могли бы волноваться и быть въ претензіи братья. При чемъ тутъ сестры?—Онъ повелъ плечами.—Признаться, я не понимаю рѣшительно ничего.

Наташа тоже ничего не понимала, въ чемъ призналась раньше. На душѣ ей было смутно, когда она ложилась въ постель. Спалось ей плохо; она часто просыпалась и видѣла тревожные сны. Она видѣла, что на нее надвигается опасность, которой она не знаетъ, но отъ которой должна спастись; она слышала шорохъ, чьи-то шаги, бросалась бѣжать, но ноги плохо слушались ее, а слѣдомъ звучали тѣ же шаги, и опасность съ каждой минутой была ближе и ближе. Проснувшись она утромъ съ головной болью и была рада, что въ окошко было видно вчерашнее голубое небо, тѣ же золотые лучи, и можно было вставать.

Въ этотъ день рѣшено было читать завѣщаніе, и передъ завтракомъ вся семья сошла въ кабинетъ покойнаго. Мужчины были сдержаны, но изъ женщинъ, кромѣ вдовы, погруженной въ свою старую и тихую печаль, всѣ волновались, и Наташѣ показалось, что это не тѣ лица, которыя она видѣла раньше, даже вчера, что кто-то подмѣнилъ ихъ, жадность и любопытство стерли съ нихъ былую скорбь, и по нимъ трудно было представить себѣ, что въ этой грустной комнатѣ готовятся читать такой грустный документъ, какъ завѣщаніе. Дьяволъ скуности разбилъ дрянное зеркало, разбилъ его такъ, что осколки попали всѣмъ женщинамъ въ глаза, замутили ихъ взглядъ, и корысть глядѣла отсюда. Спокойнѣе другихъ, какъ это ни странно, кромѣ вдовы и Наташи, глядѣла одна изъ замужнихъ дочерей,—франтиха, которая, по слухамъ, на наряды успѣла спустить почти все приданое. Быть-можетъ, тѣ пятнадцать, двадцать тысячъ, которыя въ лучшемъ случаѣ могли прійтись на ея долю, казались ей слишкомъ мизерной суммой, чтобы волноваться; о ней говорили, что въ иной вечеръ она проигрывала и выигрывала въ клубѣ тысячи по три, по пяти.

Въ общихъ чертахъ завѣщаніе было извѣстно, и новаго оно не сказало ничего; сыновьямъ было отказано по имѣнію: Михаилу Павловичу — Горенки, къ Варварѣ Петровнѣ переходило Шадурское; дочерямъ, какъ ранѣе выдѣленнымъ, не было отказано ничего.

Во время чтенія инопотъ негодованія походилъ на шумъ далекаго прибоя; къ концу онъ все росъ и росъ, будто прибой надвигается, и когда чтеніе было кончено, Зина съ горечью спросила у матери:

— Идѣ же справедливость? Какъ вы могли допустить такое завѣщаніе, мама?!

IV.

Одинъ изъ зятьевъ, тотъ самый, который гозорилъ, что пора бы уѣзжать изъ имѣнія, вздохнулъ съ разочарованіемъ, но сдержался и корректно сказалъ что-то въ родѣ того, что воля покойнаго должна быть священна; второй зять меланхолически кивнулъ головой, онъ былъ огорченъ очень сильно, но сознавалъ бесполезность и несвоевременность какихъ бы то ни было протестовъ; сестра-франтиха ползакрываетъ глаза, быть-можетъ, мысленно рисуя себѣ второе траурное платье, которое она закажетъ, вернувшись въ городъ; Михаилъ Павловичъ молчалъ. Зина накинута на всѣхъ:

— Чтѣ же вы молчите? Говорите же наконецъ!

Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли на Зину и продолжали молчать; тогда она кинулась къ матери:

— Заставьте ихъ говорить, мама!

Михаилъ Павловичъ сказалъ сурово:

— Стыдно, Зина. Не тревожь маму. Стыдно, стыдись!

Зина побѣлѣла отъ злости, и, когда она заговорила, Наташа не стыдно взяла ея голоса.

— Мнѣ стыдно? А тебѣ не стыдно, любимчикъ?—спросила она со злобой, которую старалась, но почти не могла сдержать.—Тебѣ не стыдно взять Горенки?

— Но вѣдь ты выдѣлена уже... Ты получила свою часть...

— Мою часть?

— Ну, да.

— Мою часть? Скажи ему, чтѣ стоятъ наши части, Маруся!

Маруся поднялась, и гнѣвъ красными пятнами выступилъ на ея щекахъ.

— Когда папа выдѣлялъ насъ, Мишель?—сказала она.—Когда это было? Бумаги упали. Чтѣ стоятъ онѣ въ сравненіи съ прежнимъ?! А земля? Земля поднялась въ цѣнѣ. Тебѣ должно быть стыдно, всѣмъ братьямъ стыдно, а не намъ.

— Ты, любимчикъ, тихоня, стыдись! Слышишь?

Наташа съ ужасомъ вслушивалась въ злыя слова сестеръ и думала о томъ, что общая скорбь не сблизила семьи, не заставила ее быть дружны и мягче; напротивъ, дѣлаетъ наследства перессорилъ и разъединилъ; всѣ думали о наследствѣ и какъ будто не думали о томъ благородномъ человѣкѣ, который оставилъ его.

Слова звучали все неприязненнѣе и рѣзче, уже видно было, что говорились они не для того, чтобы выяснитъ истину, выяснитъ отношенія, а чтобы нанести обиду, причинить боль. Михаилъ Павловичъ сдерживался, но это ни къ чему не вело. Зина кричала матери:

— Это подло! Это низко! Мама, скажите же ему, что это низко, что это—грязный грабежъ!

Мужчины старались успокоитъ сестеръ, а онѣ выкрикивали, задыхаясь, трепеща отъ злобы и бѣшенства, что-то несообразное, что-то дикое, что-то такое, чему трудно было подобрать названіе; говорили, что имъ придется итти съ рукой по міру, благодаря братьямъ, и что онѣ ни за что не отдадутъ Наташѣ серебрянаго самовара и подноса, которые мать хочетъ ей подарить; что пусть у нихъ серебра на шестьдесятъ персонъ, онѣ не позволятъ взять изъ дома ни одной серебряной ложки, хотя собственно о ложкахъ никто изъ присутствующихъ не поднималъ рѣчи; сестры поминали о какихъ-то драгоценныхъ вещахъ, о какой-то ротондѣ и воротникѣ чернубурой лисы; крупное было смѣшано съ мелкимъ; налетѣвшая буря подняла со дна души затаенную накипь и грязь. Становилось безконечно тяжело и безконечно жутко въ этой атмосферѣ злобы и жадности. Наташа хотѣла броситься къ мужу и закричать:

— Отдай имъ Горенки, Мишель! Отдай имъ все!

Но крики Зины предупредили ея крикъ; упавъ на коверъ кабинета, Зина билась въ истерикѣ и выкрикивала:

— Хороши братья! Мама, чтѣ же вы смотрите? Они хотятъ ограбить вашихъ дочерей!

И тоже близкая къ истерикѣ Наташа повторяла бессмысленно:

— Онѣ хотятъ ограбить насъ, Мишель! Бѣжимъ отсюда, бѣжимъ!

И ей хотѣлось отступиться отъ наследства, бѣжать, бѣжать, изъ утѣды, бѣжать какъ можно дальше и какъ можно скорѣе.

Мишель думалъ о смерти и жизни и о томъ, насколько славная смерть прекраснѣе и выше этой безславной жизни среди алчности, злобы и сварь...

И. Горюшкинъ-Сорокогудовъ. Въ провинци. Раненыхъ встрѣчаютъ.

У грани.

1.

Близка заутреня солдата...
 Когда послѣдняя граната
 Взрыхлитъ побѣдныя поля,
 Мы будемъ пьяными отъ клика—
 Увидитъ мѣръ, какой великой
 Ты встанешь, Русская земля!
 Въ послѣдній разъ кровавой пашней,
 Какъ побѣдители, безстрашно
 Пройдутъ славянскіе полки,
 И воздухъ, смрадомъ напоенный,
 Обвѣетъ гордыя знамена
 И продымленные штыки.

2.

Всѣ будутъ слышать ихъ далече,
 Когда объятія навстрѣчу
 Раскроетъ имъ свободный галль
 И съ русскимъ гимномъ марсельеза
 Спяетъ стойкій, какъ желѣзо,
 И братски радостный закалъ.
 Въ союзѣ бриттскаго солдата
 Да будетъ дружба ихъ трисвята
 И нерушима на вѣка!
 Передъ союзною твердыней
 Падутъ нѣмецкія гордыни
 И посрамленные войска.

3.

Поля, повыжженныя битвой,
 Озолотятся новой жнитвой,
 И выйдеть пахарь, сынъ земли,
 Ровнять воронки мирнымъ плугомъ,
 А по небу спокойнымъ цугомъ
 Опять потянутъ журавли.
 А захлебнувшіеся кровью
 Тѣ, кто передъ грядущей новью
 Иныхъ не славятъ тропарей,
 Тѣ у расшатанныхъ околицъ
 Услышатъ слезы богомолицъ
 И вопли сирыхъ матерей.

4.

Имъ будетъ день зловѣщъ и страненъ:
 Славянство встанетъ изъ развалинъ,
 Подъявъ многострадальный стягъ,
 Изъ сербскаго воскреснетъ гроба,
 И будетъ вражеская злоба
 Плясать у Сербіи въ ногахъ!
 Близка заутреня солдата,
 Славянскій братъ обниметъ брата
 Близки побѣдныя поля!
 Мы будемъ пьяными отъ клика—
 Увидитъ мѣръ, какой великой
 Ты встанешь, Русская земля!

Александръ Дроздовъ.

~~~~~
На закатѣ.

Разсказъ Алексѣя Липецкаго.

— Ну, и вотъ, значить, попался это одинъ нашъ офицеръ въ плѣнъ. Скрутили его австріяки, поставили передъ собой и говорятъ: „такъ и такъ, молъ, выдавай ваши русскіе секреты, а не то сейчасъ башку долой“. Видитъ нашъ офицеръ,—дѣло—табакъ;

выхватилъ пистолетъ. Бацъ, бацъ — двоихъ австріяковъ уложилъ...

— Постой, постой! Какъ же это онъ могъ стрѣлять, когда, говоришь, его связали по рукамъ и по ногамъ?

.....
 На кавказскомъ фронтѣ. Пластуны вступаютъ въ захваченное турецкое селеніе.
 .....

На кавказскомъ фронтѣ. Стрѣльба по передвигающемуся противнику.

— А ты слушай, да не перебивай. На то онъ и офицеръ, чтобы въ какую ни на есть трудную минуту за отечество могъ постоять. Пристрѣлили онъ это двухъ австрійковъ и ждутъ, что дальше будетъ. А дальше было не ахти какъ сладко. Другіе австрійки, что остались въ живыхъ, взяли его, отрѣзали ему, сердешному, руки, ноги по самое туловище и бросили. Издыхай, дескать. Да не таковъ былъ русскій офицеръ. Скокомъ-богомъ, катуномъ-ходуномъ, кое-какъ, черезъ силу докатился онъ до границы земли нашей, а наутро былъ уже около царскаго дворца. Принялъ его Царь, повѣсилъ ему на грудь Егорьевскій крестъ и говорить: „молодецъ ты! Съ такими моя земля не пропадетъ. Говори, по правдѣ, чего ты хочешь: десять тысячъ денегъ, или чтобы тебѣ подчинялись четыре полка?“ — „Командовать хочу, Ваше Величество!“ — отвѣчалъ храбрый русскій офицеръ. Вотъ какіе вояки есть на свѣтѣ!..

Разсказчица восторженнымъ взглядомъ посмотрѣла на слушателя, точно желая этимъ взглядомъ окончательно сломить его добродушное, чуть-чуть насмѣшливое недоверіе. Но не такъ-то легко было это сдѣлать. Слушатель—старый сапожникъ Ермолаичъ—самъ человѣкъ военный, александровскій солдатъ, выдавшій на своемъ вѣку виды. Ко всему, что разсказывали въ слободѣ ладкія на небывальщины бабы, онъ относился весьма критически.

— Хороша твоя сказка, Лаврентьевна, забориста, словъ нѣтъ, а только мудрено что-то... Вонъ, у насъ на дворѣ чурбанъ какой уже годъ лежитъ и что-то куда не катится. А вѣдь офицера-то бѣднаго австрійки обдѣлали не хуже этого чурбана... Э-э, темненько становится... Щетиной въ дырку не попадешь...

Ермолаичъ отложилъ въ сторону начатый сапогъ, сдвинулъ на лобъ очки, оправа которыхъ, надо полагать, была когда-то металлическая, а теперь представляла собою сплошное, неимоверно замусленное пулево изъ дратвы, сладко зѣвнулъ и мелкими частыми крестиками нѣсколько разъ перекрестилъ ротъ.

— Ты, сосѣдъ, всегда не вѣришь. Чего ни разскажи... Такой ужъ невѣрный человѣкъ.

Сосѣдка, мѣняя восторженное выраженіе лица на недовольное, слезила въ карманъ юбки, достала жестяную коробочку съ табакомъ и папиросной бумагой, свернула „кружочку“ и продолжала:

— Ты, пожалуй, я вотъ этому не повѣришь?
— Чему?—улыбнувшись, спросилъ Ермолаичъ.

Въ потухающемъ свѣтѣ закатныхъ красокъ сгорбленный сидѣть стараго сапожника выглядѣлъ какъ-то особенно умильно и трогательно; что-то безпомощно-дѣтское было въ немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—большое, важное, приобретенное за многіе десятки прожитыхъ лѣтъ. Чувствовалась въ старикѣ какая-то непонятная внутренняя сила, передъ которой брала невольная робость и уваженіе.

„Этакій терпѣливецъ!—подумала, глядя на него, сосѣдка. — Сына на войнѣ убили, жена тронулась, а его Богъ милуетъ. Тачаетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, сапоги да посмѣивается“.

— Ну, что же ты! Разскажи, разскажи, а я послушаю,—сказалъ Ермолаичъ.—Кстати огоньку надо засвѣтить, огоньку...

При свѣтѣ жестяной лампы, подвѣшенной на самодѣльномъ

На кавказскомъ фронтѣ. Рѣдная стрѣльба изъ окоповъ.

крюкъ къ потолочной балкѣ, въ горницѣ можно было разсмотрѣть еще одного чело- вѣка.

На лежанкѣ, обнявъ руками согнутыя ко- лѣни и упершись въ нихъ подбородкомъ, си- дѣла благообразная, очень худая старушка. Волосы ея были настолько сѣды, что можно было подумать, что она повязана бѣлымъ плат- комъ. Съ методической равномерностью маят- ника старушка тихо покачивалась на лежанкѣ изъ стороны въ сторону. Порой старушка что-то шептала блѣдными иссохшими губами. Разговоръ Ермолаича съ сосѣдкой, пови- димому, совершенно не затрагивалъ ея со- знания.

— Рота знаешь?—спросила сосѣдка, подходя ближе къ Ермолаичу.

— Это Ярыгинскаго-то? У котораго въ по- запрошломъ году дѣвку убитую нашли? Какъ же не знать. Знаю. Я, бывало, ѣзживалъ туда, заказы бралъ...

— Ну, вотъ. Тамонній мужикъ наемни на базарѣ рассказывалъ. Ротъ-то этотъ самый задумалъ на нѣмецкую сторону передаться. Лютъ былъ баринъ, не даромъ изъ нѣмцевъ, звѣрь сущій, мужиковъ подъ каблукъ загналъ. Какъ задумалъ онъ это, значитъ, утекать въ нѣмецкую землю, собралъ все свои деньги въ большой дубовый гробъ и отправилъ за гра- ницу. На почтѣ втупрожь хватились. Чтѣ да какъ. Видятъ,—неладное—гробъ. Вскрыли, а въ гробу—золото и бумаги всякія. Кинулись въ имѣніе—„уѣхалъ, говорятъ, сами не знаемъ куда“. Однако попался онъ около самой ни на есть границы. Отвезли его теперь, друга милаго, въ Москву, посадили на цѣпь и скоро казни предадутъ. И, рассказывалъ мужикъ, на казнь эту повезутъ смотрѣть всеѣхъ ярыгинскихъ мужиковъ и бабъ. Вотъ жалко, я-то не ярыгинская, тоже бы сѣздила на ка- зенный счетъ въ Москву, посмотрѣла бы да, кетати, и угодникамъ московскимъ поклонилась...

Сосѣдка подперла подбородокъ рукой и смотрѣла на Ермо- лаича такъ, словно отъ него зависѣло устроить ей желанную побѣдку.

— Да, вотъ какія штуки-то... Гробъ, говоришь... Эхе-хе!.. Дѣла наши дѣльные, дѣльные-двухдѣльные...

Въ ласково-дребезжащемъ голосѣ Ермолаича слышались все тѣ же игривыя нотки недовѣрія. Но старый сапожникъ больше не возражалъ сосѣдкѣ изъ опасенія огорчить ее; она очень не-

На кавказскомъ фронтѣ. Пластуны-бомбометатели.

долюбливала, когда къ рассказываемымъ ею новостямъ относи- лись недоверчиво. „Люди говорятъ,—не я, а гласъ народа—гласъ Божій, у Бога же неправды не можетъ быть“,—заявляла она въ подобныхъ случаяхъ. и слушатели на такой вѣсикій силлогизмъ ничего не могли возразить.

— А ты послушай, Степанъ Ермолаичъ, чтѣ Федька-то Жига- линъ пишетъ. Третьяго-дня мать изъ волости письмо получила. Пришли они это въ одинъ нѣмецкій городъ и расположились какъ бы на отдыхъ. Городъ, улицы—заглядѣнье, чистота. Въ какой домъ, нишетъ, ни взойдутъ—чаша полная, тутъ тебѣ и зеркала и диваны съ пружинами и музыка всякая. На музыкахъ на этихъ солдаты спали. А только и поспѣшно же удирали нѣмцы, обѣдъ даже кое-гдѣ остался на столѣ. Но только наши— ни-ни: — глядишь, а онъ съ отравой. Вздремнули это сол- даты, попили чайку тамъ али еще чего нѣмецкаго и устроили потѣху. Вытащили изъ магазиновъ машины, ка- кія у насъ въ трактирахъ по воскресеньямъ „Барыню“ и „Стрѣлочка“ ревутъ, завели ихъ все разомъ, какую на какой лады, и давай плясать...

Сосѣдка взмахнула руками и засмѣялась. Освѣщенная лампой изъ-подъ жестяного круга, точно исподлобья, кар- тинка на стѣнѣ, изображавшая бой у Августовскихъ лѣсовъ, казалась, тоже улыбулась всеми своими красками.

— Ужъ насчетъ солдатской пляски-то позволъ мнѣ, милая, знать, — замѣтилъ, весь пре- ображаясь, Ермолаичъ. Лицо его точно пошло въ полосу яркаго полуденнаго сѣта. Каждая морщинка ожила, за- двигалась, затрепетала, вы- ражая глубокое душевное вол- неніе. — Никто такъ не пля- шеть, какъ солдатъ, — будто хотятъ передъ смертью потѣ- питься вволю его разудалыя косточки. Помню, бывало, на Балканахъ. Метель, стыть, свѣту Божьяго не видать, а ударъ кто-нибудь на тульской въ переборъ—словно тебя ва- ромъ обдасть. Выпрямисься, крикнешъ и—пошелъ...

Въ русскомъ Эрзерумѣ. Группа турокъ, обступившая нашихъ солдатъ съ просьбой написать на бумажкѣ „мирный житель“,—два слова, обезпечивающія ихъ неприкосновенность.

Эрзерумъ. Стамбульскія ворота.

Ермоланчъ попробовалъ выпрямиться, но ничего не вышло изъ его усилий — спина была, какъ сухая коряга, онъ только пристукивалъ ногой и продолжалъ:

— Такъ, бывало, напляшешься — голова ходоромъ ходить. Одинъ разъ — Царство ему Небесное! — самъ великій князь Николай Миколаичъ, отецъ понѣшняго — изволилъ смотрѣть на мою пляску. Вотъ страху-то я тогда набрался. Подъ Плевной того не было. Пляшу, вывожу выкрутасы разные, прыгаю, а у самого по зашкурью — морозъ, морозъ... Вѣдь не кто-нибудь, а великій князь, братъ Государя Императора... Кончилъ я, — не вздохнуть... духъ заняло. Вытянулся въ струнку и жду. Ну, — думаю, — сейчасъ тебѣ, Ермоланчъ, — капуть. Подошелъ ко мнѣ великій князь — двумя головами выше — смотреть этакъ мудрено, — не понять, сердится онъ или въ расположеніи сердца, — похлопалъ меня по плечу. „Молодчина! — говорить. — Какъ фамилія?“ — „Кутуковъ, — отвѣчаю, — ваше императорское высочество!“ А наутро, смотрю, зовутъ меня напиш ротный командиръ. „Вотъ, — говоритъ, — Кутуковъ, получи двадцать пять рублей. Это отъ великаго князя. Выплясалъ, такъ выплясалъ, чубучище этакій!“ А самъ смѣется — радъ, что у него въ ротъ это случилось... Вотъ она какая бываетъ солдатская пляска...

Глаза Ермоланча сверкнули, какъ угли подъ дуновеніемъ вѣтра, и сейчасъ же погасли. Лицо омрачилось, сдѣлалось грустнымъ. Старый сапожникъ покосился поверхъ очковъ на свою старушку, продолжавшую монотонно раскачиваться, и добавилъ со вздохомъ:

— И Павлуша мой, должно-быть, такой же плясунъ въ полку былъ, какъ и я. Веселые мы... Царство ему Небесное!.. Ты куда же? Оставайся чай пить... Давеча съ базара свѣжихъ кренделей принесъ...

— Спасибо. Свой поставила. Заговорила я. Ребятишки какъ бы тамъ не набѣдоурили. Ты ужъ, пожалуйста,

Стенанъ Ермоланчъ, почини къ воскресенью...

— Сказано вѣдь! — Ермоланчъ очень не любилъ, когда ему по нѣскольку разъ напоминали объ одномъ и томъ же.

— Ну, прощай, Матрена Савишна, будь здорова...

— Прощай, прощай! Она не слышитъ... Отслушалась... О, Господи!..

Проводивъ собесѣду, Ермоланчъ поставилъ самоваръ, напился чаю, напоилъ жену, убралъ посуду въ шкафчикъ и снова усѣлся за работу.

Безконечно долго, томительно, точно перегруженный возъ на гору, тянулось время. Одновременно тикали на стѣнѣ маленькіе щелбунъ-часишки; сухо постукивалъ молотокъ, загоняя въ спиртовую подошву бѣлые ровные гвоздики; пойманый трубою вѣтеръ съ надѣдливымъ кошачьимъ подвываньемъ рвался наружу. Ермоланчъ невольно прислушивался къ этимъ звукамъ, — то ко всемъ вмѣстѣ, то къ каждому въ отдѣльности, — и какая-то огромная, тяжелая, какъ пудовый гнетъ, дума ложилась на его старое сердце.

Онъ не могъ охватить сознаниемъ этой думы, — слишкомъ велика была она, да старикъ и не пытался этого дѣлать, довольно было того, что вся прожитая жизнь отъ начала до конца вставала передъ нимъ, какъ на ладони.

Вотъ деревня Сумиловка, барскій домъ, дворня, конюшни, огромная царня...

Вспоминая этотъ періодъ своей жизни, Ермоланчъ до сихъ поръ не могъ рѣшить — хорошо или плохо жилось ему тогда, не могъ рѣшить потому, что, съ одной стороны — трудная, подчасъ невыносимая барщина, а съ другой — полное приволье, достатокъ во всемъ, урожайныя золотыя нивы, переполненные зерномъ глубокіе закрома и, вдобавокъ, сѣроглазая красавица Мотя. Нѣтъ, скорѣе хорошо жилось. Только не долго длилось счастливое время. Постучалась въ окна сѣрая непогожая осень, пріѣхали на деревню солдаты-пріемники, и Ермоланча „забрили“. Много лѣтъ подъ рядъ отдежурилъ онъ въ своемъ Колыванскомъ,

Эрзерумъ. Военный турецкій лазаретъ.

На кавказском фронтѣ. Изъ жизни экспедиціоннаго корпуса. Переходъ рѣки драгунами С. полка.

и ужь послѣ Санъ-Стефано вернулся домой. Въмѣсто прежней непосѣдливой хохотушки Мотя встрѣтила его пожилая, степенная женщина. Въ деревнѣ все стало по-новому. Господа, отсутствіе крестьянъ, разбѣхались,—кто въ Парижъ, кто въ Москву, и пришлось Ермоланчу на склонѣ лѣтъ выбрать себѣ какое-нибудь ремесло, такъ какъ земли ему почему-то не досталось. Поселился Ермоланчъ въ слободѣ, поближе къ городу, и вотъ съ тѣхъ поръ тачаетъ, не спѣша, на православный народъ сапоги. Шилъ онъ не особенно фасонисто, зато крѣпко; не любилъ, какъ нынѣшніе мастера, дѣлать кое-какъ. На живую нитку, лишь бы сдать заказъ и получить деньги. „Ужъ, если шовъ,—говаривалъ Ермоланчъ,—такъ клади его намертво, чтобы—аминь, до износу!“

Трудные балканскіе переходы мало отразились на могучей натурѣ бывшего крѣпостного. Одного за другимъ родила ему Мотя троихъ молодцовъ. Одинъ померъ, а двое выросли, поступили въ ученье и пошли по разнымъ путямъ.

Старшій Василій пристрастился къ бильярду, по цѣлымъ ночамъ пропадалъ въ пивныхъ и трактирахъ, пропивая и проигрывая все дочиста, и кончилъ тѣмъ, что однажды подъ пьяную руку раскрылъ кому-то пивной бутылкой черенъ и угодили на каторгу, въ рудники. Недавно Ермоланчъ узналъ, что на каторгѣ Василій проскрипѣлъ недолго—загрызла чахотка.

Меньшой Павель уродился со-всѣмъ другимъ.

Работая по слесарной части на небольшомъ ремонтномъ заводѣ, онъ скоро достигъ въ своемъ ремеслѣ большого искусства, имѣлъ множество заказовъ на дому, а когда въ уѣздѣ открылся металлургическій заводъ, поступилъ туда. Черезъ годъ Павла взяли въ солдаты. По возвращеніи съ военной службы онъ опять былъ принятъ на заводъ, дошелъ до шестидесяти рублей въ мѣсяцъ жалованья и собрался уже обзавестись собственнымъ семействомъ,—какъ была объявлена война.

Уходъ Павла больше всего повлиялъ на старушку-мать.

У нея отнялась память. Она совершенно забыла прошлое, точно кто укралъ у нея изъ головы волинебную катушку, на которой была намотана нестрая воспоминаній: старушка помнила только одинъ моментъ въ жизни—на станціи передъ отходомъ воинскаго поѣзда, когда держала сына въ объятіяхъ. Ей и теперь казалось, что сынъ около нея. Обнимая свои колѣни, она воображала, что это сынъ, и улыбалась ему и шептала что-то ласковое, безконечно жалобное.

Подбивъ одинъ сапогъ, Ермоланчъ прицѣпился за другой. Вотъ старый сапожникъ тихимъ, едва слышнымъ теноркомъ затянулъ любимую пѣсню:

Скучно, грустно мнѣ
На чужой сторонѣ,

Какъ я вспомню, какъ я жилъ—
Свѣтъ становится не милъ.

Старикъ очень любилъ эту пѣсню. Другой онъ не зналъ. Грустенъ, веселъ ли—онъ постоянно напѣвалъ ее, и, какъ трубка на курильщика, какъ стаканчикъ на пьющаго, она дѣйствовала на Ермоланча самымъ благотворнымъ образомъ.

Въ пѣснѣ рассказывалось о томъ, какъ русскія войска переходили Дунай, какъ воевали съ турками, какія трудности приходилось имъ выносить на своихъ богатырскихъ плечахъ...

День дрожимъ,
Ночь не спимъ..
Стѣны рушатъ,
Турокъ душатъ...

Каждое слово вызывало въ памяти цѣлыя картины: осада, вой и грохотъ орудій, кровь, стоны умирающихъ...

А вѣтеръ, извиваясь черной кошкой въ трубѣ, точно вторилъ старому сапожнику унылымъ тонкимъ подвываньемъ, точно вспоминалъ заодно съ нимъ трудную боевую жизнь, и отъ этого на сердцѣ становилось тяжело-тяжело, какъ будто оно медленно опускалось въ какую-то ледяную узкую прорубь. Но Ермоланчъ

На кавказскомъ фронтѣ. Крутой спускъ въ долину.

На кавказскомъ фронтѣ. Понтонны и шестидюймовыя крепостныя орудія, брошенныя турками при отступленіи отъ Эрзерума.

продолжалъ пѣть дальше, рисуя словами пѣсни все новыя и новыя картины.

Кто лежитъ безъ руки,
Кто лежитъ безъ ноги...

Наконецъ турки были разбиты. Заключенъ миръ. Усталые, обносившіеся въ клочья, брели русскіе отряды обратно, къ себѣ на родину. Путь лежалъ черезъ Малороссію. Гостепріимныя хохлушки радушно зазывали къ себѣ на постой солдаты ковь, но —

У хохлушки, у хохла
Ни двора, ни кола...

„Не взыщи, значить“, —мысленно комментировалъ Ермолаичъ слова пѣсни. Пожевавъ неизмѣнныхъ сухариковъ, разувшись, солдаты уже готовы были задать на чистомъ глиняномъ полу храпака, но чубастый хохоль дѣлъ въ это время куда-то за печку, доставалъ истрепанную, всухшую наподобіе квасной пышки, колоду, и — пѣлось въ пѣснѣ:

Сядемъ въ карты играть,
Чтобы скуку разогнать.
Мы потѣмъ, не робѣемъ,
Чтобы фофаномъ не быть...

Далеко за полночь шла веселая игра въ „дураки“ и „по носамъ“. А на зорькѣ, только деревенскіе пернатые крикуны, захлопавъ крыльями, оповѣщали о наступленіи дня, — чернобробая хохлушка будила гостей, потчевала кулешомъ, и солдаты, взваливъ на плечи свои ранцы, брели до слѣдующаго гостепріимнаго села.

— О-охъ, дѣла, дѣла... Всего было, — вздохнулъ старый сапожникъ и оглянувшись — на лежанкѣ произошло какое-то движеніе.

Старушка, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, гдѣ подъ ветошкой висѣло носильное платье ушедшаго на войну сына, протягивала передъ собой руки, точно навстрѣчу кому-то, видимому только ей одной. Выраженія ея лица Ермолаичъ не видѣлъ, но по ея торопливому безсвязному шопоту можно было понять, что старушка испытываетъ необыкновенное счастье.

— Павлюня... сыночекъ мой... Рубашечку-то, рубашечку новую... Текла рѣчка по дугу, а сыночекъ по дому, — шептала она, захлебываясь слюной, торопясь, точно опасалась, что ей помѣшаютъ сказать все, что накопилось на душѣ.

Вотъ она засмѣялась, пронзительно, дико, — у Ермолаича невольно зашевелились удѣлѣвшіеся на всѣхъ волосы, — и, крѣпко стиснувъ руками колѣни, замерла и снова закачалась, какъ зыбка, изъ стороны въ сторону.

Ермолаичъ подошелъ къ женѣ.

— Мотя, Мотюшка, что ты... Господь съ тобой... Счастливая... У нея есть сынъ, а у меня нѣту... нѣту... Голоеъ Ермолаича дрогнулъ. — Висятъ, вонъ, пинжачки, жилеточки, точно Павелъ дома... А онъ... Эхъ!.. Старуха, старуха, дожили мы съ тобой... Ну, услышь... услышь хоть одно слово... отзовись... Вѣдь Павлуши-то нѣтъ. Убить онъ, убить... Положилъ животь свой за отечество... Герой онъ... а ты не знаешь... Услышь!..

Но старушка молчала, продолжая тихо покачиваться, и смотрѣла куда-то далеко-далеко, сквозь мужа, сквозь штукатуреную стѣну, сквозь темносиній сумракъ зимняго вечера...

— Вззз... вззз... — завывалъ въ трубѣ вѣтеръ.

Жутко, вехоронно было.

Если бы покойникъ, — совѣмъ другое дѣло: Ермолаичъ, перевидавшій на своемъ вѣку тысячи самыхъ ужасныхъ смертей, не боялся бы, зная, что человѣкъ мертвъ, приготовился „въ селенія праведныя“ и лежитъ на столѣ тихій, застывшій, въ ожиданіи „мѣста послѣдняго упокоенія“; но тутъ было такъ, какъ будто старушка умерла заживо; она еще продолжала бѣть, пить, двигалась и говорила, но душа ея, ея мысли, чувства витали уже въ другомъ мірѣ, таинственномъ и непонятномъ, котораго Ермолаичъ не могъ постичь и принять, такъ какъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что сынъ погибъ и никогда больше не придетъ домой. И, пожалуй, не то было страшно, что старушка жила въ какомъ-то жуткомъ призрачномъ мірѣ, а было страшно другое, — страшно то, что она никогда не узнаетъ о смерти сына, не благословить, какъ мать, эту славную смерть и,

умирая впоследствии сама, не будет думать, что отдала родине самое дорогое, любимое.

Несколько минут стоял Ермолаич у лежанки в глубоком раздумьи. Просились слезы, но мыслимо ли плакать ему, старому балканскому герою? Ермолаич только сдержал с досадой свой заскорузлый холщевый фартук и отошел от лежанки.

В это время скрипнула дверь. По полу, извиваясь, поползли белые студенья облака морозного воздуха.

— Степань Ермолаич, здорово! Проститься приехать...

У порога стоял, потирая руки, столяр Дмитрий Маныкин, товарищ убитого Павла, худощавый, чуть сутулый человек, с окладистой черной бородкой и глухими, темными, не улыбающимися глазами. Маныкин был страстным охотником. Он не столько пилил и строгал, сколько вдвоем с неизменным одноухим Фингалом лазил по болотам, бродил по лесам и лугам, выслеживая осторожную дичь. Меткая двухстволка — подарок Павла — была единственным и незаменимым его утешением.

— Здравствуй, Митрий Вакулыч. Аль выгоняют?

— На полуношномъ ѣдемъ. Ѣдемъ, Степанъ Ермолаичъ... да... А бабушка все качается?... Горе...

Маныкин вздохнул, и трудно было понять, что скрывалось за этим вздохом. Маныкин был женат, имел троих ребятишек — естественно было ему вздохнуть, уходя на войну. Но старый Ермолаич, принявший вздох Маныкина за выражение печали, глубоко ошибся.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! — повторил столяр, подходя к столу, покрытому белой филейной скатертью и разматривая на стенах сотни раз виданные фотографии. — Да вот жалко, что не прямо на позиции. Смерть как хочется пострелять. Вѣдь, ты знаешь, ружье-то у меня отобрали — свидетельство не имелъ. Тоска, ей-Богу. За всю зиму ни разу не пукнул. А пушинны, какъ нарочно, видимо-невидимо. Вѣришь слову, лисицъ этихъ, зайчатъ — вся округа помкнулась. И волкъ есть... есть волкъ...

Говоря это, Маныкин сам напоминал волка, молодого, подористого, готового каждую минуту сцалать добычу. Глаза столяра глухо поблескивали, а руки, мозолистыя, пропитанные смолой и лакомъ, нетерпеливо тормозили меховую шапку-треуху.

— Это съ войны набѣжали, безпремѣнно оттуда, — сказал Ермолаич.

— Я тоже такъ думаю. Ахъ ты, пила неточная! Тутъ бы, понимаешь, душу отвести, по снѣжку, этакъ, пробѣжаться утречкомъ, — вѣтъ, поди жъ ты! — какъ на зло, ружье отобрали. Ты, пожалуйста, Степанъ Ермолаичъ, сходи — не сочти за трудъ — къ уряднику, скажи, чтобы женѣ ружьишко отдали. Вернусь съ войны — пострѣляемъ; тебѣ безпремѣнно лису на шапку, а не вернусь — Наталья за двѣ красненькихъ продасть кому-нибудь. Вѣдь ружье-то цѣны нѣтъ, какъ не было цѣны Павлу... Припомню же я краснощекимъ своего друга!..

Маныкин говорил все это такимъ тономъ, какъ будто не ему предстояло черезъ пять-шесть часовъ ѣхать в губернскій городъ, гдѣ формируется дружина на Кавказъ, и гдѣ онъ присягнетъ защищать свое отечество до послѣдней капли крови. Столяръ былъ совершенно спокоенъ.

— Вотъ это дѣло... Это по-нашему... Люблю такихъ... Эхъ, Митюша! Если бы не сидѣть тутъ, — Ермолаич хлопалъ себя по горбу, — восемь десятковъ съ гакомъ, пошелъ бы и я. Ужъ больно мнѣ хочется хоть глазкомъ однимъ глянуть на яснаго сокола нашего, на Главнокомандующаго войсками. Отецъ — Царство Небесное! — былъ орель, а этотъ, говорятъ, всѣмъ орламъ орель. Взглянуть бы и умереть. Да куда ужъ мнѣ... Ты вотъ что, дорогой мой, коли придется тебѣ увидать въ лицо Великаго Князя, перекрести его издали и вспомни въ ту пору обо мнѣ, оно выйдетъ такъ, какъ будто это я перекрестилъ. Не забудь, родной!..

Ермолаич открылъ старый потертый сундучокъ, стоявший около лежанки, порылся въ какихъ-то пестрыхъ тряпичкахъ, сунулъ что-то въ карманъ и опять закрылъ сундучокъ.

— Безпремѣнно, Степанъ Ермолаичъ, исполню. А тутъ молись объ насъ грѣшныхъ... Молитва — она чудеса дѣлаетъ... Ну, а теперь прощай!..

Ермолаич перекрестилъ Маныкина, трижды поцѣловался съ нимъ и торопливымъ неловкимъ движеніемъ что-то опустил ему въ ладонь.

— Возьми, возьми... Мы старые — намъ не надо. А твоей пригодится... Бери, бери...

— Бабушка, прощай!.. Не слышитъ... все качается...

Столяръ и старый сапожникъ вышли на улицу.

Исполненнымъ аквамариновымъ куполомъ висѣло надъ землей вечернее небо, а за этимъ куполомъ, сквозь безчисленные маленькія отверстія, виднѣлся какой-то золотой, ослѣпительный мѣръ.

— Звѣздочекъ-то! Не перечесть, — мечтательно-грустно

На кавказскомъ фронтѣ. Артиллерійскіе парки во время боя у Эрзерумскихъ фортовъ.

сказалъ Ермолаичъ, прикрывая ладонью стынущую лысину.— Бывало, на Балканахъ — вызвѣздить, тишина кругомъ, слыть, только въ горахъ морозъ постукиваетъ... а мы идемъ и глядимъ, глядимъ на звѣздки... Вѣдь каждая звѣзда—это душа человѣческой. И съ каждымъ годомъ звѣздочекъ становится больше: какъ закроютъ все небо сплошь, такъ, слыхалъ я, и свѣту конецъ...

— Да, чудеса... Всѣ тамъ будемъ... А только стрѣльнуть охота. Какъ прѣйду въ дѣйствующую армію, первымъ деломъ въ развѣдку напрушусь,—продолжалъ свое Маныкинъ.

Онъ еще разъ поцѣловался со старикомъ и свернулъ за уголъ. Ермолаичъ долго стоялъ за калиткой, прислушиваясь къ тому,

какъ вѣтеръ перебиралъ тонкій стеклярусь на обледѣвшихъ вѣтвяхъ дуплистой, похожей на огромнаго сыча, лозинѣ. Вотъ на горизонтѣ что-то вспыхнуло, заалѣло, какъ зарево пожара, и повисло надъ сумрачно-бѣлыми полями продолговатымъ, мягко раступеваннымъ пятномъ. Это на заводѣ спустили плакъ. Тремя огромными пальцами уставились въ небо ярко выхваченныя изъ мрака кирпичныя трубы, словно земля указывала людямъ на то, что они забыли. Но одинъ только старый саножникъ видѣлъ и понялъ указующій жестъ земли, понялъ и умилился душой, и ему уже не было жутко возвращаться домой къ тихому безумію своей маленькой несчастной старушки.

Всероссійскій съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Неожиданная смѣна перваго побѣднаго періода русско-германской войны горестными неудачами на Карпатахъ, въ Польшѣ и въ Курляндіи, вызванными недостаткомъ вооруженія и истощеніемъ снарядовъ, въ силу недостаточной производительности и общей дезорганизованности тыловыхъ учреждений,—пробудила русскія общественныя силы и заставила ихъ прійти на помощь

сылкою одного изъ ораторовъ съѣзда, князя Львова, на надпись, дѣлаемую рабочими на артиллерійскихъ ящикахъ, посласмыхъ на фронтъ: „Снарядовъ не жалѣть“.

Несравненно ярче, отчетливѣе и точнѣе были подчеркнуты на съѣздѣ чисто-общественные и политическіе итоги предпринятой работы. При открытіи съѣзда, на которомъ присутствовало много

А. И. Коноваловъ.

Второй всероссійскій съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ, засѣдавшій въ Петроградѣ въ концѣ февраля с. г. По фот. Я. Штейнберга.

военному вѣдомству въ дѣлѣ защиты родины. Само правительство убѣдилось, что для борьбы съ Германіей и побѣды надъ ней ему кромѣ вѣдшихъ союзниковъ нуженъ еще и союзникъ внутренний—русское общество, русскій народъ. Великая битва народовъ съ многомилліонными арміями, съ десятками тысячъ орудій и пулеметовъ, съ милліардами снарядовъ, съ безконечными обозами гужевыми, паровыми и автомобильными требуетъ колоссальной организаціонной дѣятельности въ тылу. По Царскому призыву къ общественной помощи откликнулась вся дѣловая Россія и подъ руководствомъ военно-промышленныхъ комитетовъ приспособила къ военнымъ нуждамъ огромное число всевозможныхъ заводовъ, мастерскихъ и фабрикъ. Послѣ перваго, чисто-организаціоннаго съѣзда военно-промышленныхъ комитетовъ созванъ былъ въ концѣ февраля с. г. второй съѣздъ, который долженъ былъ подвести итоги первыхъ семи мѣсяцевъ работы новой организаціи, выяснить сказавшіеся недостатки и указать на необходимыя улучшения.

Необходимость соблюденія военной тайны не дала возможности ознакомить общество съ общими итогами семимѣсячной работы нашей мобилизованной промышленности. Мы не знаемъ, что успѣли сдѣлать для нуждъ арміи объединенные подъ руководствомъ комитетовъ промышленники, не знаемъ, во что обошлась и что дала ихъ помощь государству, мы не слышали никакихъ точныхъ цифръ, но уже ничто не сомнѣвается въ томъ, что наши арміи теперь не стоятъ безоружными передъ врагомъ, что онѣ навсегда уже вынули изъ роли живой мишени для артиллеріи противника и на его смертоносный ураганный огонь отвѣтятъ въ близкихъ весеннихъ сраженіяхъ не менѣе смертоноснымъ и не менѣе разрушительнымъ огнемъ. Вся статистика работъ мобилизованной промышленности, въ сущности, исчерпывается только

членовъ Государственной Думы, Государственнаго Совѣта, главный интендантъ генералъ Шуваевъ и представители вѣдомствъ, председатели съѣзда А. И. Коноваловъ произнесъ горячую патристическую рѣчь. Онъ сказалъ, что „мировая война не только не на исходѣ, но еще, повидимому, не достигла своего высшаго предѣла. Опасность еще не миновала. Врагъ будетъ сломенъ лишь въ длительномъ процессѣ борьбы, при величайшемъ напряженіи всѣхъ національныхъ силъ. Съ безсмертнымъ героизмомъ, съ желѣзной стойкостью и мужествомъ бьется наша доблестная армія за честь и свободу Россіи.“

„Величайшій долгъ страны облегчить ей эту борьбу, обезпечить побѣду, подчинивъ всѣ свои производительныя силы дѣлу снабженія и снаряженія арміи всѣмъ ей необходимымъ.“

„Въ обще-національной борьбѣ съ врагомъ, поднявшей и сплотившей всѣ живыя силы страны, на долю военно-промышленныхъ комитетовъ выпалъ тяжелый и отвѣтственный трудъ прійти на помощь государственной власти въ осуществленіи задачи мобилизаціи нашихъ промышленныхъ силъ.“

„Чувство полнаго удовлетворенія вызвали во всѣхъ дѣятеляхъ военно-промышленныхъ комитетовъ признание полезности ихъ трудовъ со стороны руководящаго большинства Государственной Думы и рѣчь М. В. Родзянко. Государственная Дума, призванная стоять на стражѣ всего дѣла національной обороны, своей моральной поддержкой русской общественности совершила великое дѣло. Наше горячее желаніе — да будетъ прочной творческая дѣятельность Государственной Думы по укрѣпленію въ странѣ порядка и законности, и да будетъ непрерывнымъ благотворное теченіе ея работъ, необходимыхъ для блага родины, для нашей побѣды. (Аплодисменты).“

„Въ настоящій моментъ, — закончилъ свою рѣчь А. И. Коно-

валовъ,—всѣ наши помыслы тамъ, на поляхъ, гдѣ наша доблестная армія защищаетъ честь и свободу Россіи. И первый нашъ долгъ выразить чувство безконечнаго преклоненія передъ арміей, передъ ея подвигами, чувство нашей гордости ея успѣхами, выразить неколебимую вѣру въ конечное ея торжество и побѣду.

„Я предлагаю телеграммой привѣтствовать нашу армію въ лицѣ ея Вѣнчатою Вождемъ Государя Императора“.

Предложеніе это было единодушно принято подъ громъ аплодисментовъ, точно такъ же, какъ и предложеніе послать привѣтственную телеграмму Главнокомандующему доблестной кавказской арміей Великому Князю Николаю Николаевичу.

Такъ же единодушно принимается предложеніе привѣтствовать генерала Рузскаго, нашихъ вѣрныхъ союзниковъ—французскую и английскую армію и бельгийскій народъ.

Въ отвѣтъ на всеподданнѣйшее обращеніе съѣзда была получена телеграмма съ Высочайшимъ привѣтствіемъ съѣзду:

„Сердечно благодарю всѣхъ собравшихся на второй всероссійскій съѣздъ представителей военно-промышленныхъ комитетовъ за ихъ готовность работать съ полнымъ напряженіемъ силъ. Одушевляющія съѣздъ чувства служатъ для Меня ручательствомъ успѣшной дѣятельности всѣхъ военно-промышленныхъ организаций и даютъ увѣренность въ томъ, что наши доблестныя войска будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ для окончательной побѣды надъ врагомъ“.

„НИКОЛАЙ“.

Отъ Великаго Князя Николая Николаевича была получена слѣдующая отвѣтная телеграмма:

„Отъ лица геройскихъ войскъ кавказской арміи и отъ себя лично горячо благодарю второй съѣздъ представителей военно-промышленныхъ организаций за привѣтствіе по случаю взятія Эрзерума. Каждый разъ при вѣсти объ успѣхахъ дорогихъ нашихъ войскъ дѣятели военно-промышленныхъ и другихъ общественныхъ организаций, трудящихся надъ дѣломъ государственной обороны, могутъ съ чувствомъ удовлетворенія сознавать, что побѣды, радующія всю Россію, подготовлены въ значительной степени и ихъ патріотическими неустанными трудами. Готовность общественныхъ силъ Россіи и впродъ всѣмъ содѣйствовать окончательному торжеству русскаго оружія служить лучшимъ залогомъ и дальнѣйшихъ его успѣховъ“.

„Генераль-адъютантъ Николай“.

Были заслушаны также телеграммы отъ главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта ген.-адъютанта Куропаткина, отъ героя Эрзерума ген. Юденича, военнаго и морскаго министровъ, отъ главнокомандующаго арміями западнаго фронта генерала Эверта, командующаго Балтійскимъ флотомъ адмирала Каннина и Черноморскимъ флотомъ адмирала Эбергарда.

Отъ имени первопрестольной столицы привѣтствовалъ съѣздъ московскій городской голова М. В. Челноковъ.

Общее сочувствіе вызвала прочитанная представителемъ рабочей группы Гвоздевымъ декларация, выражающая отношеніе русскихъ рабочихъ къ мировой войнѣ. Декларация свидѣтельствуетъ, что русскіе рабочіе дѣйствуютъ въ полномъ согласіи съ идеей защиты народовъ отъ военныхъ нападений и являются сторонниками энергичнаго участія пролетаріата въ самостоятельной защитѣ въ тѣхъ странахъ, для которыхъ война создаетъ опасность разгрома.

Другой представитель рабочей группы, Черегородцевъ, прочиталъ докладъ о тѣсной связи продовольственнаго кризиса съ рабочимъ вопросомъ.

Докладчикъ отрицалъ увеличеніе заработковъ рабочихъ. Свѣдѣнія эти не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ, въ текстильной промышленности заработная плата увеличилась на 15—20%, а пищевые продукты вздорожали на 30—40%.

По мнѣнію докладчика, долженъ быть организованъ центральный органъ регулированія продовольственнаго дѣла. Очередной задачей должно явиться созданіе на ряду съ союзомъ земствъ, городовъ и военно-промышленныхъ комитетовъ, всероссійскихъ союзовъ кооперативовъ.

Общую сводку официальныхъ статистическихъ данныхъ по продовольственному вопросу далъ статистикъ Прокоповичъ. Докладчикъ сообщилъ, что цѣны на хлѣбные продукты къ декабрю прошлаго года поднялись въ Москвѣ до 166%.

Размѣръ посѣвной площади сократился не менѣе чѣмъ на 20%. Сильно уменьшилось и количество скота. Количество сельскохозяйственныхъ орудій недостаточно. Если мы не остановимъ продовольственнаго кризиса, онъ такъ ударитъ населеніе въ тылу, что окончательно ослабитъ нашу родину. Ораторъ указалъ на бюрократическій характеръ особаго совѣщанія по продовольственному дѣлу. Несмотря на то, что оно наполовину общественное, все-таки въ немъ роль общественныхъ дѣятелей сводится къ нулю. Вся исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ министра—предсѣдателя совѣщанія. Практическая работа совѣщанія зависитъ исключительно отъ воли предсѣдателя. На мѣстахъ полнѣйшая дезорганизация. Комитетъ пяти министровъ направляетъ всю дѣятельность особаго совѣщанія. Докладчикъ пришелъ къ выводу, что необходима мощная общественная организация, которая приметъ на себя всю борьбу съ продовольственнымъ кризисомъ и предупредитъ неисчислимыя грозиціи намъ бѣдствія.

Недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе къ военно-промышленнымъ комитетамъ наблюдается со стороны нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Докладчикъ Коншинъ назвалъ комитеты „насынками“, которые встрѣчаютъ на своемъ пути всяческія затрудненія. По его мнѣнію, для болѣе тѣснаго сотрудничества вѣдомствъ и военно-промышленныхъ организаций можно допустить даже милитаризацию тѣхъ заводовъ, которые уже приспособлены для изготовленія предметовъ военнаго снаряженія. Предполагается также создать, по примѣру Англии, особое министерство государственной обороны и независимо отъ этого привлечь къ власти лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ.

Другіе ораторы отмѣчали упадокъ воодушевленія въ военно-промышленныхъ кругахъ и ставили это явленіе въ связь съ отрицательнымъ отношеніемъ гражданской администраціи къ работѣ комитетовъ. По мнѣнію представителя красноярскаго комитета, необходимо опредѣленно заявить, что, пока у власти будутъ стоять люди безотвѣтственные, до тѣхъ поръ и власть на мѣстахъ безотвѣтственна, и работа общественныхъ силъ будетъ встрѣчать всяческое противодѣйствіе.

Докладъ одного изъ видныхъ дѣятелей центральнаго военно-промышленнаго комитета, профессора Зернова, носилъ болѣе объективный и строго фактической характеръ. Онъ не отрицаетъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ работѣ комитетовъ, запаздыванія въ исполненіи заказовъ и проч., но считаетъ ихъ временными и проходящими и выражаетъ увѣренность, что теперь, когда организационная работа комитетовъ закончена, они употребятъ всѣ усилія къ наиболѣе успѣшному исполненію заказовъ, въ выполненіи которыхъ произошла задержка, а также урегулируютъ и вопросъ о цѣнахъ на передаваемые къ исполненію предметы. Къ этому пожеланію съѣздъ долженъ отнестись съ особымъ вниманіемъ и посмотреть на него не какъ на выпадъ вѣдомства, а какъ на справедливое требованіе членовъ законодательныхъ палатъ, которые входятъ въ составъ особаго совѣщанія по оборонѣ.

По словамъ докладчика, придавая мѣрамъ къ ускоренію заказовъ рѣшающее значеніе, центральный комитетъ выдвинуть проектъ учрежденія инспекцій, которыя должны состоять въ вѣдѣніи областныхъ комитетовъ, слѣдить за исполненіемъ заказовъ и принимать мѣры къ устраненію всѣхъ возникающихъ препятствій.

Н. Н. Саввинъ сдѣлалъ обстоятельный докладъ о всѣхъ препятствіяхъ, возникающихъ въ работѣ механическаго отдѣла, а также о достигнутыхъ результатахъ. Въ послѣднее время работы по исполненію заказовъ на различные предметы снаряженія идутъ болѣе успѣшно, и въ скоромъ времени должно разсчитывать, что вообще это дѣло пойдетъ нормальнымъ темпомъ.

Огромное практическое значеніе имѣютъ резолюціи съѣзда о желѣзнодорожныхъ перевозкахъ. Съѣздъ призналъ, что перево-

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „НИВЫ“.

При этомъ номерѣ „Нивы“ разсылается всѣмъ гг. подписчикамъ вторая изъ даваемыхъ нами въ приложеніе карты:

„Карта военныхъ дѣйствій западнаго (русскаго) фронта“.

Считаемъ долгомъ предупредить нашихъ подписчиковъ, что карта вложена въ каждый безъ исключенія экземпляръ этого номера „Нивы“, и потому при полученіи номера подписчику надлежитъ убѣдиться, вложена ли въ бандероль съ номеромъ карта, и въ противномъ случаѣ, не принимая номера, требовать составленія акта, для чего немедленно заявить объ этомъ (лично или письменно) начальнику мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Подобное же заявленіе слѣдуетъ также немедленно прислать и намъ, и мы спѣшно примемъ всѣ мѣры къ разысканію карты и къ выясненію виновниковъ похищенія.

зочное дѣло въ Россіи находится въ состояніи серьезнѣйшаго кризиса, и потребовалъ принятія слѣдующихъ срочныхъ и энергичныхъ мѣръ къ устраненію возникшихъ затрудненій и непорядковъ:

1) возстановленіе на сѣти единой власти министра путей сообщенія; 2) уничтоженіе излишней централизаціи въ Петроградѣ распорядительныхъ и хозяйственныхъ функций управленія сѣтью; 3) разработка согласованнаго съ государственными и общественными потребностями общаго плана перевозокъ и простыхъ приемовъ регулировки движенія вмѣсто царящихъ нынѣ хаоса и запутанности; 4) необходима неотлагательная выработка подробнаго плана возобновленія и ремонта паровозовъ и вагоновъ; 5) необходимо неотложное и искреннее привлеченіе къ дѣятельному участию въ упорядоченіи перевозокъ порайонныхъ комитетовъ съ надѣленіемъ ихъ нужными правами, полномочіями и средствами.

На ряду съ этимъ настоятельно требуется и самая безпощадная и энергичная борьба съ создавшейся вокругъ дѣла перевозки деморализующей атмосферой безответственныхъ воздѣйствій, своеволія, взяточничества и иныхъ преступленій, совершаемыхъ далеко не одними желѣзнодорожными агентами.

Эта борьба явно непосильна для власти, ни путемъ административной ни судебной репрессій. Ее должна взять въ свои руки русская общественность въ союзъ съ организованными силами желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

Второй сѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ поручилъ центральному комитету разработать принципы и конкретные пути къ организаціи общественнаго контроля на мѣстахъ и вообще продолжать его работу по устраненію наблюдаемыхъ разстройствъ транспорта, ибо въ упорядоченіи работы дорогъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ залоговъ правильной организаціи тыла и побѣды надъ врагомъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Сраженіе на нашемъ фронтѣ.

Последній періодъ передъ распутицей ознаменовался довольно значительнымъ наступленіемъ нашихъ войскъ. Это наступленіе, имѣвшее мѣсто послѣ длительного, почти пятимѣсячнаго періода загины, было сочтено многими за начало тѣхъ крупныхъ операцій, которыя, какъ извѣстно, ожидаютъ съ началомъ весны.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что для нѣмцевъ вообще было бы крайне важно начать операціи на нашемъ фронтѣ въ нынѣшнемъ году возможно раньше. Они сами всегда подчеркивали, что неудача Наполеона въ 1812 году произошла въ значительной степени отъ того, что онъ поздно началъ кампанію, а именно, началъ ее среди лѣта, 9-го іюня, переправой черезъ Нѣманъ у Ковны и, благодаря этому, потерялъ два мѣсяца теплаго времени. Это вынудило, по мнѣнію нѣмцевъ, Наполеона къ форсировкѣ операцій и было одной изъ причинъ, вызвавшей вмѣстѣ съ другими распаденіе великой арміи.

Объ этомъ намъ уже приходилось упоминать, и мы отмѣчали, что нѣмцы въ прошломъ году начали кампанію 18-го апрѣля, считывая, что за пять теплыхъ мѣсяцевъ имъ удастся съ меньшей торопливостью, а слѣдовательно и съ большей разбѣренностью выполнить намѣченный походъ. Опытъ этого наступленія, какъ извѣстно, обнаружилъ, что нѣмцы, намѣревавшіеся пройти свыше 400 верстъ до Днѣпра, въ теченіе перваго лѣта войны оказались въ состояніи пройти только 200 верстъ, и въ то время, какъ Наполеонъ въ два съ лишнимъ мѣсяца все же какъ-никакъ дошелъ до Москвы, нашъ нынѣшній противникъ черезъ пять мѣсяцевъ сумѣлъ только застрять въ Пинскихъ болотахъ.

Это давало основаніе предполагать, что нѣмцы въ нынѣшнемъ году начать кампанію не въ апрѣль, а въ мартъ, но климатическія условія, въ силу которыхъ распутица въ нынѣшнемъ году должна была наступить приблизительно въ то же время, какъ и въ прошломъ году, несомнѣнно въ значительной степени мѣшали столь раннему наступленію нѣмцевъ. Поэтому, когда начались бои на нашемъ фронтѣ, вообще было мало основаній видѣть въ этомъ большое нѣмецкое наступленіе, ибо оно все равно должно было прерваться черезъ двѣ-три недѣли вслѣдствіе распутицы, а между тѣмъ нѣмцы, въ томъ числѣ и самъ Гинденбургъ, всегда заявляли, что, если они предпримутъ что-либо на нашемъ фронтѣ, то лишь крупное. Вполнѣ понятно, что ничего крупнаго нѣмцы не могли даже и замыслить въ мартѣ мѣсяцѣ, въ виду того, что всякіе крупные планы были бы парализованы неизбежной распутицей.

Съ другой стороны, въ тотъ моментъ, когда началась операція на нашемъ фронтѣ, нѣмцы были въ значительной степени связаны операціями у Вердена. Весьма серьезное „кровопусканіе“,

учиненное французами нѣмцамъ подъ Верденомъ, не могло не сказаться на интенсивности нѣмецкихъ операцій, почему и трудно было ожидать отъ нѣмцевъ одновременнаго наступленія на восточномъ и на западномъ фронтахъ. Наконецъ, за все время войны можно было наблюдать, что нѣмцы строго придерживаются правила наступать только на одномъ фронтѣ, при обязательной оборонѣ на всѣхъ остальныхъ фронтахъ. — правила, котораго придерживался еще Наполеонъ въ своихъ войнахъ съ коалиціями.

Всѣ эти соображенія совершенно исключали возможность для нѣмцевъ начать наступленіе на нашемъ фронтѣ въ періодъ передъ распутицей, и это давало основаніе предполагать, что бои на нашемъ фронтѣ завязались главнымъ образомъ по нашей инициативѣ. Изъ германскихъ официальныхъ сообщеній, говорившихъ о значительномъ наступленіи нашихъ войскъ, а также изъ нашихъ сообщеній о завязавшихся сраженіяхъ можно было также видѣть подтвержденіе того обстоятельства, что наступленіе вызвано исключительно нашей инициативой.

Раіономъ операціи стали два соседніе участка фронта: прежде всего весь сѣверный фронтъ, т.-е. фронтъ Риги-Двинскій, а затѣмъ соприкасающійся съ этимъ фронтомъ участокъ западнаго фронта, вѣрнѣе сказать, участокъ между Двинскимъ и Виленскимъ раіонами. Наше наступленіе въ первые же дни дало прорывъ неприятельскаго фронта въ Якобштадтскомъ раіонѣ, и сверхъ того завязались довольно упорные бои впереди Риги. Въ Якобштадтскомъ раіонѣ противникъ вынужденъ былъ уступить намъ позицію близъ Августингофа и понести значительныя потери. Прорывъ, имѣвшій мѣсто на Якобштадтскомъ участкѣ, какъ впоследствии выяснилось, былъ неглубокъ и имѣлъ по преимуществу тактическое, т.-е. мѣстное значеніе. Противникъ, подтянувшій скорѣе свои резервы, пытался возстановить свое положеніе въ Якобштадтскомъ раіонѣ, вслѣдствіе чего здѣсь завязались упорные бои.

Бои у Риги не дали опредѣленнаго колебанія въ ту или другую сторону и въ послѣдствіи вылились въ ожесточенную артиллерійскую перестрѣлку обѣихъ сторонъ.

Такимъ образомъ на сѣверномъ Риги-Двинскомъ фронтѣ первые дни наступленія дали продвиженіе нашихъ войскъ впередъ преимущественно въ Якобштадтскомъ раіонѣ.

На другомъ участкѣ атакованнаго нѣмецкаго фронта, т.-е. между Двинскимъ и Виленскимъ раіонами, бои имѣли болѣе оживленный характеръ. Здѣсь, какъ извѣстно, имѣется цѣлая сѣтя озеръ, въ промежуткахъ между которыми противникъ занимаетъ укрѣпленныя позиціи. Эти промежутки, образующіе узкіе коридоры, дефиле между озерами, представляютъ весьма сильныя позиціями, такъ какъ фланги этихъ позицій обезнечены озерами, и это вынуждаетъ къ фронтальной лобовой атакѣ. Тѣмъ не менѣе наши войска въ этомъ раіонѣ достигли наибольшихъ

успѣховъ, занявъ сѣверо-западнѣ Поставъ (въ Свенцяномъ направленіи) рядъ параллельныхъ окоповъ противника и въ то же время южнѣ, между озерами Нарочь и Вишневецкое (въ направленіи Петрограда-Варшавской дороги, южнѣ Свенцянъ) взяли съ боя также рядъ укрѣпленныхъ позицій противника. При этомъ въ обоихъ районахъ было взято около 1.500 плѣнныхъ германцевъ, въ томъ числѣ 20 офицеровъ, одно шестидюймовое орудіе, 22 пулемета, бомбометы и минометы, запасы снарядовъ и патроновъ и прочіе трофеи.

Изъ этого можно видѣть, что изъ двухъ нашихъ ударовъ, — одного на Риго-Двинскомъ фронтѣ, а другого южнѣ Двинска, въ Свенцяномъ направленіи, — наиболѣе сильнымъ былъ второй ударъ. Это вполне предопредѣляетъ, что изъ этихъ двухъ районовъ боя наиболѣе важнымъ былъ районъ озеръ Нарочь—Вишневецкое и мѣстечка Поставы, гдѣ и былъ главный очагъ сраженія.

Если обратить вниманіе на взаимное расположеніе сторонъ на всемъ нашемъ фронтѣ отъ Балтійскаго моря до Румыніи, то можно видѣть, какъ мы уже неоднократно отмѣчали, что наиболѣе слабымъ представляется расположеніе противника на Риго-Двинскомъ фронтѣ. Дѣйствительно, опытъ нашего послѣдняго наступленія въ мартѣ мѣсяцъ вполне подтвердилъ, что армія Белова, протянувшаяся отъ Риги до Двинска, чувствуетъ себя не достаточно устойчиво. Это мы вообще отмѣчали во всѣхъ нашихъ статьяхъ въ теченіе зимы, это и давало намъ основаніе предполагать, что всѣ соображенія о томъ, что противникъ будетъ угрожать Ригѣ и Двинску, въ высокой степени маловероятны.

Поэтому вообще можно было ожидать какого-либо серьезнаго развитія событий лишь на всѣхъ остальныхъ участкахъ фронта, кромѣ Риго-Двинскаго участка, и вопросъ сводится къ тому, гдѣ это оживленіе представляется наиболѣе вѣроятнымъ: на участкѣ отъ Двинска до Пинскихъ болотъ, или же на югѣ, на участкѣ отъ Пинскихъ болотъ до Румыніи, т.-е. на Галиційско-Волынскомъ фронтѣ.

Для того, чтобы болѣе или менѣе разобраться, на основаніи тѣхъ общихъ данныхъ, которыя опубликованы, необходимо обратить вниманіе на то, что весьма серьезнымъ оборонительнымъ райономъ противника являются Пинскія болота. Еще прошлымъ лѣтомъ, задолго до окончанія наступленія нѣмцевъ, германскій канцлеръ намекнулъ въ рейхстагѣ, что достиженіе Пинскихъ болотъ дастъ весьма выгодный опорный районъ для нѣмцевъ и позволить имъ сократить фронтъ своихъ войскъ на востокъ.

Значеніе Пинскаго района для противника сводится главнымъ образомъ къ тому, что, благодаря труднопроходимости этого района и многочисленнымъ укрѣпленіямъ, возведеннымъ здѣсь противникомъ за зиму, Пинскій районъ образуетъ собою нѣчто въ родѣ опорной крѣпости, составляющей основаніе всего расположенія противника на нашемъ фронтѣ. Поэтому вполне естественно ожидать какихъ-либо наступательныхъ попытокъ противника преимущественно поблизости Пинскаго района, т.-е. всего вѣроятнѣе, что противникъ будетъ пытаться продвигать впередъ участки, соедѣнныя къ Пинскому району. Какъ извѣстно, при наличіи какой-либо крѣпости, нѣмцы пытаются всегда опереть объ эту крѣпость одинъ флангъ своихъ войскъ и выдвигать сосредоточенныя войска на другомъ флангѣ.

Все это давало основаніе предполагать, что Пинскій районъ, по всей вѣроятности, будетъ той опорной точкой, опираясь на которую соедѣнныя къ этому Пинскому району арміи противника придутъ въ движеніе. Отсюда наиболѣе вѣроятнымъ представлялось оживленіе фронта влѣво отъ Пинскихъ болотъ и вправо отъ нихъ, т.-е. оживленіе фронта къ сѣверу и къ югу отъ Пинскихъ болотъ. Такими участками фронта и являлись участки верхняго Нѣмана и озеръ (отъ Пинскихъ болотъ до Двинска) и участокъ къ югу отъ Двинска, такъ называемое Ровненское направленіе.

Именно на этихъ участкахъ и заглохли послѣднія операціи нѣмцевъ въ прошломъ году: сѣвернѣ Пинскихъ болотъ нѣмцы пытались закончить свою прошлогоднюю операцію виленскимъ обхватомъ и свенцянскимъ прорывомъ, но, какъ извѣстно, по-

Забайкалецъ. Картина И. Владимірова.
(XXXV выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1916 года).

терпѣли здѣсь неудачу, а южнѣ Пинскихъ болотъ противникъ долго велъ наступательныя операціи на рѣкѣ Стыри — даже осенью, т.-е. по окончаніи своего большого наступленія.

При такихъ условіяхъ Свенцяно-Виленскій участокъ съ одной стороны и участокъ отъ Пинскихъ болотъ съ другой стороны являются наиболѣе „впечатлительными“, и нѣтъ ничего удивительнаго, что на одномъ изъ этихъ участковъ, а именно на Свенцяно-Виленскомъ, и разразилось послѣднее мартовское наступленіе. Это наступленіе, имѣвшее главнымъ образомъ цѣлью улучшить линію фронта къ предстоящей распутицѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы показывало, что именно на этомъ участкѣ слѣдуетъ ожидать начала крупныхъ событий предстоящей весной. Самая же мартовская операція, какъ имѣвшая частной задачей исправленіе фронта, неизбѣжно должна была закончиться къ распутицѣ, которая, по примѣру прошлаго года, ожидалась приблизительно послѣ 20-го марта.

Конечно, нельзя не видѣть, что мартовское наступленіе, какъ операція, веденная въ довольно крупномъ масштабѣ, имѣло также отчасти и стратегическую цѣль, а именно содѣйствіе французамъ подъ Верденомъ, подобно тому, какъ Буковинская операція имѣла цѣлью оттянуть Макензена съ Балканъ, т.-е. содѣйствіе союзникамъ у Салоникъ. Эта стратегическая цѣль — содѣйствіе союзникамъ у Вердена — была достигнута сравнительно скоро, ибо нѣмцы при первыхъ же ударахъ нашихъ войскъ на Риго-Двинскомъ фронтѣ и въ Свенцяномъ направленіи начали увозить нѣкоторые части съ западнаго фронта на восточный, при чемъ замѣняли увозимыя части на французскомъ фронтѣ вновь сформированными частями германскаго ландштурма, составленнаго изъ Германіи.

Объединеніе Европы.

(Политическое обозрѣніе).

Одна изъ главныхъ причинъ медлительности нынѣшней войны заключается въ томъ, что она ведется противниками далеко не равными средствами: въ то время, какъ всѣ наши враги — австріяцы,

венгерцы, турки, болгары и нѣмцы какъ бы слились въ одно тѣло и слѣпо повинуются въ каждомъ движеніи своимъ мановенію руки императора Вильгельма, мы и наши союзники, напро-

На часахъ.

тивъ, въ теченіе 19 мѣсяцевъ борьбы сохраняемъ въ неприкосновенности свою стратегическую обособленность и, въ сущности, ведемъ борьбу каждый по своему собственному плану. Объединенности мы противопоставили почти полную разрозненность дѣйствій. Между тѣмъ, благодаря центральному положенію враговъ и разбросанному по окружности положенію союзниковъ, единство дѣйствій для насъ несравненно нужнѣе, чѣмъ для нихъ. Германію кто-то называлъ осажденной крѣпостью. Но развѣ мыслимо вести осаду съ каждаго фронта крѣпости отдѣльно отъ другихъ фронтовъ, безъ объединяющаго плана, безъ общей мысли, безъ одновременности движенія штурмующихъ колоннъ? Если осада и штурмъ ведутся не одновременно со всѣхъ концовъ, осажденный имѣетъ полную возможность перебрасывать свой гарнизонъ къ наиболее угрожаемымъ пунктамъ и повсюду вступать въ бой съ двойнымъ превосходствомъ силъ, обезпечивающимъ полный успѣхъ. Приблизительно именно такъ и велась до сихъ поръ осада Германіи. Упомогающее развитие сѣти стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ при выгодахъ центрального положенія позволяло нѣмцамъ чуть не моментально перебрасывать миллионныя арміи съ фронта на фронтъ и на каждомъ полѣ битвы сосредоточивать подавляющія силы, и для того, чтобы ослабить натискъ на Парижъ и дать возможность французамъ разбить германцевъ на Марнѣ, мы должны были предпринять сибѣнное стратегически неподготовленное вторженіе въ Восточную Пруссію и кавалерійскимъ захватомъ Кѣнигсбергскаго форта вызвать всеобщую панику въ Германіи. Общее положеніе было спасено только солидарностью дѣйствій союзниковъ, но до сихъ поръ эта солидарность обнаруживалась только въ крайнихъ обстоятельствахъ, но сила до нѣкоторой степени какъ бы случайный характеръ. Теперь

корныхъ вассаловъ, увидитъ предъ собою уже не разрозненную, а дѣйствительно объединенную Европу. Сплотившись въ тѣсный экономическій и политическій союзъ, европейскіе народы окружатъ Германію огненнымъ кольцомъ.

Германскій скорпионъ, окруженный горящими угольями, почувствуетъ всю безнадежность дальнѣйшей борьбы и, не видя иного выхода, направитъ свое ядовитое жало въ собственную грудь. Трагедія безплодной гибели сотенъ тысячъ солдатъ подъ стѣнами Вердена, сознание своего безсилія разорвать желѣзныя цѣпи, сковывающія свободу дальнѣйшихъ продвиненій и на Западъ и на Востокъ, зрѣлище истощеннаго ослабленія вассаловъ-союзниковъ въ лицѣ Турціи и Болгаріи, безостановочное завоеваніе Малой Азіи русскими съ угрозой Константинополю, собирающійся въ Салоникахъ ударъ на Болгарію съ предстоящей утратой проливовъ и Балканскаго полуострова, ненадежность послѣдняго союзника—Австріи и непрочность внутренняго мира въ самой Германіи, уже охваченной голодными бунтами почти во всѣхъ главныхъ промышленныхъ центрахъ. Такова новая міровая конъюнктура, складывающаяся для нашихъ враговъ. Она дѣлаетъ для нихъ продолженіе войны почти безнадежнымъ. Будутъ еще повторяться кровавыя сраженія, но смыслъ ихъ для нѣмцевъ уже утраченъ. Народные бунты, разразившіеся послѣ Верденской неудачи во многихъ городахъ Германіи, показываютъ, что нѣмецкій народъ уже почувствовалъ бессмыслицу массовыхъ кровопролитій. Война безъ надежды на побѣду, это—уже не борьба за свое будущее, а послѣдній судорогой отчаянія. Объединеніе Европы обезсмыслило германскій милитаризмъ и приблизило послѣднее издыханіе поверженнаго звѣря.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ гг. подписчиковъ озаботиться **своевременными взносами подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки, во избѣжаніе остановки** въ высылкѣ журнала со **2-го апрѣля** — съ **14-го номера**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ**.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп. и печатный адресъ**.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Верденъ. Стихотвореніе Якова Година.—Крестъ. Разсказъ Л. Добронравова.— Въ усадьбѣ. Разсказъ А. Лазарева-Грузинскаго.— У грани. Стихотвореніе Александра Дроздова.— На закатѣ. Разсказъ Алексѣя Липецкаго.— Всероссийскій съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ.—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Объединеніе Европы. (Политическое обозрѣніе).—2 завѣщанія.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Русь поднялась. Картина В. Берингера.— Иллюстраціи И. Ижакевича къ разсказу „Крестъ“ Л. Добронравова.— Въ провинціи. Раненыхъ встречаютъ. Картина И. Горюшкина-Сорокопудова.— На кавказскомъ фронтѣ (8 рис.).— Въ русскомъ Эзерумѣ (3 рис.).—Второй всероссійскій съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ.—Забайкалецъ. Картина И. Владимірова.—На часахъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 21 и специальная карта западнаго (русскаго) фронта подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальскаго.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЖИЗНЬ

1916 г.

№ 14

Выданъ 2-го апрѣля 1916 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страя. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за апрѣль.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVII г.

изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

СОЛДАТЫ- СБЕРЕЖЕНІЯ- СНАРЯДЫ-

ВОТЪ ТО, ЧТО СЛОМИТЪ ВРАГА И ДАСТЪ НАМЪ ПОБѢДУ.

Дружіе и снаряды расходуются въ необычную войну въ небывалыхъ количествахъ. Ни дѣлать, ни возобновлять ихъ запасы нельзя безъ большихъ и непрерывныхъ затратъ.

Вы можете и должны участвовать въ этихъ затратахъ. Берегите деньги и на Ваши сбереженія приобретайте бумаги военнаго займа. Ваши деньги будутъ давать Вамъ хорошіе проценты, а доблестная армія получитъ новый запасъ оружія и снарядовъ.

Условія займа.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ, начиная съ 1-го февраля 1916 года, 5^{1/2}% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ — 1-го февраля и 1-го августа.

Уплата процентовъ навсегда освобождается отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

Всѣ облигаціи будутъ погашены 1-го февраля 1926 года; до наступленія этого срока къ выкупу займа приступлено не будетъ.

Оплата срочныхъ купоновъ и погашенныхъ облигацій будетъ производиться въ Государственномъ Банкѣ, Казначействахъ и Сберегательныхъ Кассахъ.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ порядкамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министерствомъ Финансовъ.

Держателямъ облигацій настоящаго займа будетъ предоставлено

Библиотека *„Русь и борьба“*.

право обмѣнять ихъ на облигаціи государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 года, при чемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи сего займа по ихъ выпускной цѣнѣ.

Мѣста и время подписки.

Подписка начинается 15-го марта и принимается:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ частныхъ коммерческихъ банкахъ,
въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ городскихъ общественныхъ банкахъ и
въ обществахъ взаимнаго кредита.

по 22-е апрѣля с. г.
включительно.

Въ Петроградской Конторѣ Государственнаго Банка, Главномъ и губернскомъ Казначействахъ подписка принимается, помимо присутственныхъ, также во всѣ праздничные дни отъ 11 час. до 2 ч. пополуночи кромѣ Страстной пятницы и первыхъ двухъ дней Св. Пасхи.

въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ.

по 13-е мая с. г.
включительно.

Въ Петроградской Сберегательной Кассѣ и ея отдѣленіяхъ подписка принимается съ 10 ч. утра до 8 ч. вечера во всѣ присутственные и праздничные дни за исключеніемъ вечера Страстного четв., всего дня пятницы и субботы Страстной недѣли, перваго дня Св. Пасхи, 23-го апрѣля и 6-го мая.

Порядокъ подписки.

Выпускная цѣна назначается въ 95% номинальной стоимости, съ прибавленіемъ къ ней текущихъ процентовъ, считая съ 1-го февраля 1916 г.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Государственномъ Банкѣ, въ частныхъ коммерческихъ и городскихъ общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго кредита и учрежденіяхъ мелкаго кредита на сумму свыше 300 рублей,—уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50% не позднѣе 13-го мая. Лица, подписавшіяся въ разсрочку, вносятъ, одновременно съ оплатой 50% подписной суммы, также залогъ въ размѣрѣ 5% съ номинальной суммы оставшихся не оплаченными облигацій.

Льготы по храненію облигацій.

Держатели облигацій могутъ передавать ихъ на бесплатное храненіе въ учрежденія Государственнаго Банка, Казначейства и Сберегательныя Кассы со взносомъ лишь установленнаго гербоваго сбора. Лица, состоящія вкладчиками Сберегательныхъ Кассъ и вносящія, при покупкѣ въ этихъ кассахъ облигацій, стоимость ихъ на сберегательную книжку, не уплачиваютъ и гербоваго сбора.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЪ ПРОВИНЦИИ НУЖНЫ

Акт. Об-ву „Муравей“.
Продажа разного рода книгъ съ разр. платежа и на налич. расч. Оборуд. школъ наглядн. учебн. пособиями, канцел. и письм. принадл., волшебн. фонари и др. Соотвст. и пополн. библиотекъ для учреждений и частн. лицъ. Петроградъ, 3 Рождественская, 26. 4011 8-2

При ГОНОРРЕЪ

въ острой и хронической формѣ **„ТИЗЕРИНЪ“** послѣдствіяхъ ея прѣбываетъ Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2р. 25 к. Двойного 4р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Даевъ пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей. 4010

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ РИСОВАНІЮ

по изданію **„Искусство для Всѣхъ“** подъ руководствомъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ прислаиваемыя работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всемъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладного искусства.

Вышелъ изъ печати 7-й томъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Азварель—А. Г. Левицкашъ. Рисованіе частей чело-веческаго тѣла—Г. А. Новиковъ. Живопись масляными красками—А. В. Маковский. Линейная перспектива—Т. И. Катуркинъ. Очерки по исторіи живописи—Б. Ф. Шлецеръ. ИЛЛЮСТРАЦИИ: 81 черныхъ рис., 8 многокрасочн. рис., Медотинто—гравюры.

Изданіе **„Искусство для Всѣхъ“** искусства и охватываетъ полный курсъ знаній, необходимыхъ всякому человеку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ.

Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы;

для гг. художниковъ и учителей рисованія, наконецъ для родителей, занимающихся съ дѣтми, **„Искусство для Всѣхъ“** является незаменимымъ пособіемъ. 4-2

Краткій проспектъ бесплатно. | Подробн. просп. „Искусство“ на 15 к.

Т-во, „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевск., 44-62.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписавши **„Механическую пропись“**. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (18)

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерч. образов. Заочные курсы по самой обширной программѣ. **СТЕНОГРАФІЯ. АТТЕСТАТЪ**. Дѣнная премія. Разсрочка. Просп. безпл. Петроградъ, В. О. Бол. пр., № 22. **КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ**. Р.

УРАЛЬ ЗОЛОТОЕ ДНО.

Громадный выборъ изящныхъ модныхъ золотыхъ вещей съ настоящими Уральскими камнями у фирмы **„ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ“**

К. А. Насоновой въ Екатеринбургѣ.

Иллюстрированный пр.-кур. выс. бесплатно. 4070 Фирма существуетъ съ 1892 г. 5-2

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Льготныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО**. Пробная лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная. 7—55.

Отъ Т-ва „ОХОТНИЧИЙ ВѢСТНИКЪ“.

Москва, Больш. Кисельный пер., д. Франкъ.

12-го февраля 1916 г. на общемъ собраніи лѣйщиковъ Т-ва на паяхъ „Охотничій Вѣстникъ“ избрано полностью **НОВОЕ ПРАВЛЕНІЕ**, и изъ состава редакціи журнала „Охотничій Вѣстникъ“ **ОКОНЧАТЕЛЬНО ВЫБЫЛЪ** редакторъ **С. Н. Алексѣевъ**, а на мѣсто Правленія основатель Товарищества **А. В. Тарнопольскій**. Въ настоящее время журналъ „Охотничій Вѣстникъ“ выпускается по **СОВЕРШЕННО НОВОЙ** и значительно **РАСШИРЕННОЙ ПРОГРАММѢ**.

Подписка на 1916-й годъ продолжается. Цѣна 5 руб. въ годъ, на газированн. бумагѣ 8 руб. въ годъ. 4083 3-2 Въ складѣ Т-ва на паяхъ „Охотничій Вѣстникъ“ получена изъ-за границы очень большая партия охотничьяго оружія. **Требуйте расцѣнку.**

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНО-МУЧНАЯ ПИЩА

ДИЭТЬ.

НЕРВНЫМЪ, СЛАБЫМЪ, ИСТОЩЕННЫМЪ. Брошюра № 12 по требованію бесплатно. Англійское Агц. О-во „АЛЛЕНЪ И ГАНБУРИСЪ“. Москва, почт. ящ. 226. 4083 7-1

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТЪ АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоитъ 175 руб. одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары. **Теперь** мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Расстояніе не служитъ препятствіемъ. Требуйте нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11. Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall st. 4088 2-1

ПЕРВЫЙ ПЕТРОГРАДСКІЙ ДАМСКІЙ КОМИТЕТЪ

Россійскаго Общества Краснаго Креста

принимаетъ пожертвованія въ пользу подвѣдомственныхъ ему лечебныхъ учреждений,

при чемъ на память о добромъ дѣлѣ **ВЫДАЕТЪ**

СЕРЕБРЯНЫЕ И ЗОЛОТЫЕ ЖЕТОНЫ

указаннаго здѣсь образца.

Жетоны выдаются за единовременныя пожертвованія: серебряные—не менѣе 10 руб. и золотые—не менѣе 100 руб.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ СЛѢДУЕТЪ НАПРАВЛЯТЬ ПО СЛѢДУЮЩЕМУ АДРЕСУ:

Петроградъ, Воскресенская наб., 4 (черезъ 15-е п.-т. о.) **Первому Петроградскому Дамскому Комитету Краснаго Креста.** 4070

старческая дряхлость,

бесиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, иждикостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

артериосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ. ПЕТРОГРАДЪ. Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

(Россия, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ

всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія. Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальскаго.

Цѣна съ пересылкой два рубля.

1-1 СМЪ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ

происходящихъ отъ холода,

нѣтъ ничего превосходнѣе, чѣмъ

“КРЕМЪ СИМОНЪ”

(CRÈME SIMON)

ПАРИЖЪ

J. SIMON, PARIS. — Требуйте нашу настоящую марку.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, пареюмеровъ и аптекарей.

Марка
Утверждена.

БИБЛІА

полная на русск. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ 208 художеств. КАРТИНАМИ, размѣр. кн. 6×4 в., 2 толщ., вѣс. 9 ф., 1550 стр. въ прочномъ красив. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ колени. футл. цѣна 5 р. 50 к., съ перес. въ Евр. Россіи 6 р. 15 к., упак. 25 к. Первая и единственная въ Россіи полная иллюстрир. Библия. Эту великую книгу-книгъ долженъ имѣть каждый. Адр.: Петроградъ, Невскій, 153. Е. П. Масленникову. Тел. 90-36.

БУДУЩЕЕ

каждаго человѣка мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ наставленіемъ выш. н. л. за 1 р. 50 к. Адр.: Москва, ред. журн. „Соколъ“. Печатниковъ пер., д. № 18 2. (1)

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22.

Руководство къ кройкѣ

бѣлья МУЖСКОГО, ДАМСКОГО и ДѢТСКАГО, для школьнаго и домашняго употребленія. Съ 8-ю мѣсяц. изданія пер. Марія Ливденанъ. 2-е изданіе. На 36 таблицяхъ помѣщено 125 чертежей, разработанныхъ настолько тщательно, что составленіе выкроекъ и приспособленіе ихъ ко всякой фигурѣ является легкимъ дѣломъ даже для тѣхъ, кто совершенно неопытенъ въ этомъ отношеніи. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

УРАЛЬСКАЯ ЯШМА. ПАСКАЛЬЯЯ ЯЯЧКИ, ЮВЕЛ. ВЕЩИ.

2-1 ПУШКИНСКАЯ УЛ., 11. 4018

КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ въ 8 ур. и дв. шт. бухгалтерія обучалъ каждаго звонко. Удост. 5 вол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифтовъ, учен. раб. и уст. выс. за 2—10 к. мар. Одесса, Рымельевская, д. №12, Проф. калгр. Ш. КРУКЪ.

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ ЗАЧНО профессор мнем. Чл. Парж. Акад., С. Файнштейн, ОДЕССА, Рымел., 54/28. Практик. в Россіи уже бол. 29 л. съ больш. успѣх. (см. №№ „Нивы“ пр. 1). — Просп. выс. за 10 к. мар.

ЮНОЕ ЛИЦО
нѣжное блѣлое
ЛИЦО

Главнѣе мягкія руки
отъ нежного мыла ДЕРМОЗОН.
Вспомните, какъ легко и быстро
ублажи и увлажните.

**МЫЛО
ДЕРМОЗОН**
СОВЕРШЕНСТВО

Средъ лучшихъ косметическихъ средствъ
мыло ДЕРМОЗОНЪ или Соевое
МЫЛО АДОЛОНЪ

Обращайте вниманіе на фототипъ
и стилисты въ
Лондонъ, Парижъ,
Петроградъ.

Во
всѣхъ
аптекахъ
лучшихъ
аптекарскихъ
и косметическихъ
магазинахъ.

Отъ простуды,
охриплости, насморка,
обезпечено при употребленіи антисептическихъ
PASTILLES VALDA
(Лепешекъ Вальда).

НО ВАЖНѢЕ ВСЕГО ТРЕБОВАТЬ
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НЕПРЕМѢННО
НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА
(Pastilles Valda).

Въ коробкахъ
съ красной бандеролью,
снабженныхъ
именемъ

VALDA
(H. Canonne, Paris).

И. Творожниковъ. Продавецъ образковъ. Музей Императорской Академіи Художествъ.
Библиотека "Руниверс"

У креста.

Рассказ Н. Карабана-Николаева.

По изнине сѣрой дорогѣ, то хрустя сапогами по мерзлому насту, то проваливаясь въ проталины, медленно пробирался хлопъ Михаль.

Шель онъ съ опаской, нащупывая дорогу подобранной въ лѣсу длинной хворостинной, поглядывая по сторонамъ, то и дѣло всматриваясь въ опушку сползающаго съ сосѣднихъ холмовъ насунивагося лѣса.

Въ воздухѣ пахло сыростью. Въ придорожныхъ канавахъ и на днѣ засыпанныхъ снѣгомъ овраговъ, то журча, то беззвучно пробивались мутные, темные ручейки. Съ деревьевъ мѣрно падали капли: изрѣдка, шуша, осыпались комья снѣга.

Насмѣшливо и углубленно, точно лицо слѣпного, смотрѣло блѣдное, выцѣптшее, сѣрое небо. Кругомъ было пусто, тихо, и только какой-то протяжный, гудящій и тоскующій звукъ, отражаясь отъ окрестныхъ холмовъ, заставлялъ настораживаться все еще не привыкшаго къ нему хлона. Михаль зналъ, что это стрѣльба изъ пушекъ — тамъ, гдѣ-то возлѣ города.

Михаль въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ извилистую, темно-грязную дорогу, отчетливо протянувшуюся по сѣровой снѣговой пеленѣ, присмотрѣлся къ неестественно-красной тушѣ лошади, валявшейся въ сторонѣ, и, успокоившись, свернулъ въ лѣсъ.

Здѣсь было мрачно и непривѣтливо. Итти стало еще труднѣе. Хворостина гнулась, но не пробивала насту, а нога то и дѣло проваливалась до колѣна. Приходилось медленно пробираться отъ дерева къ дереву. Но здѣсь было безопасно.

Мѣстность Михаль зналъ какъ нельзя лучше. До деревни оставалось всего-на-все полчаса ходьбы, не больше. Помнилось, гдѣ надо итти осторожнѣе. И на думѣ было какъ-то споконѣе.

Когда заблѣла опушка и между порѣдѣвшими стволами сосенъ мелькнули сѣрые бревенчатые избы, Михаль остановился и нерѣшительно пошелъ на одномъ мѣстѣ. Потомъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, добрался до мѣста, откуда деревня была видна отчетливѣе, и, прижавшись къ тонкой соснѣ, сталъ вглядываться впередъ.

За полого спускавшимся книзу полемъ, у оттаявшаго ручья, раскинулось нѣсколько дворовъ.

Всѣ они были непривѣтливые, неуютные. Избенки стояли, накренившись, точно затерянные въ снѣгу и грязи, переходя дальше въ черное пожарище. Ближе нѣсколько чахлахъ деревьевъ торчали съ обѣихъ сторонъ ручья, у сколоченнаго на живую нитку мостика. Пустынная грязно-желтая улица вило раскинулась между халупами. Ни одного дымка не вилось надъ трубами. Ни одного женскаго платка нельзя было разсмотрѣть на дворѣ.

Михаль подождалъ еще нѣсколько минутъ. Потомъ рѣшился итти дальше, сдѣлать было шагъ — и снова спрятался за сосну.

На противоположномъ концѣ деревни вынырнула жакая-то сѣрая фигура съ ношей на рукахъ.

У Михала задрожали колѣни. Онъ хорошо запомнилъ эти сѣрые шинели и фуражки безъ козырьковъ. Они-то и заставили его бѣжать безъ оглядки изъ родныхъ мѣстъ, бѣжать, куда глаза глядятъ, повинувшись смутному инстинкту, предупреждавшему его о какой-то страшной опасности.

— Стало-быть, они еще не ушли?

Михаль слѣдилъ взглядомъ за каждымъ движеніемъ солдата. Тотъ шель, осторожно переставляя ноги въ странныхъ короткихъ сапогахъ, избѣгая дужъ и тщателью придерживая въ опасныхъ мѣстахъ свою ношу. Теперь можно было уже разсмотрѣть, что на рукахъ у нѣмца сидѣлъ закутанный въ какія-то ветонки краснощекой и замызганный карапузъ. За плечами солдатъ несъ мѣшокъ.

Увидѣвъ ребенка, Михаль нѣсколько успокоился. У нѣмца, несмотря на его военную форму, было очень невоинственный видъ. И каковы его намѣренія, было непонятно.

Пройдя почти всю улицу, нѣмецъ остановился и сталъ оглядываться по сторонамъ. Теперь его раздѣляло отъ Михала сравнительно небольшое разстояніе. И тутъ Михаль сдѣлалъ открытіе, поразившее его до крайности.

Лицо солдата показалось ему знакомымъ. Странное, чужое форменное платье было надѣто на хорошо знакомаго ему человека, и только этотъ маскарадъ помѣшалъ узнать его сразу. Теперь Михаль увидѣлъ, что по улицѣ пробирался не кто иной, какъ Янекъ, Янекъ Смѣхъ, парень со смѣшной фамиліей и сосредоточеннымъ, грустнымъ лицомъ, вѣчная мишень для остроты и насмѣшекъ на посидѣлкахъ и на базарѣ.

Сдѣлавъ это открытіе, Михаль успокоился, пересталъ прятаться и вышелъ изъ-за деревьевъ на открытое мѣсто.

Теперь испугался Янекъ. Онъ остановился, какъ вкопанный, на мѣстѣ, сдѣлавъ жестъ, точно хотѣлъ спрятать куда-либо свою ношу; потомъ нерѣшительно сталъ ожидать приближенія встрѣчнаго человека.

Еще издали Михаль звонко протянулъ привычнымъ, безразличнымъ голосомъ:

— Да славится имя Исуса Христа...

Ему хотѣлось провѣрить, не обмануло ли его зрѣніе. Очень ужъ казалось страннымъ, почему, въ самомъ дѣлѣ, Смѣхъ надѣлъ германскую форму.

— Во вѣки вѣковъ. Амнинь! — радостно подхватилъ Янекъ. И тотчасъ же весело оскалился.

Теперь Михаль успокоился.

И въ самомъ дѣлѣ, Смѣхъ, несмотря на странный нарядъ, стоялъ передъ Михаломъ собственной персоной. И даже дѣвочка, смотрѣвшая съ его плеча на Михала широко раскрытыми голубыми глазами, оказалась знакомой. Михаль вспомнилъ теперь, что это Анелька, единственная дочка солдатки Игатовой.

— День добрый! — равнодушнымъ тономъ поздоровался Михаль со Смѣхомъ.

Любопытство разбирало его, но спрашивать онъ не сталъ, потому что это было бы нарушеніемъ своеобразнаго деревенскаго хорошаго тона.

Но Янекъ самъ сторалъ нетерпѣніемъ рассказать свои приключенія. Обмѣнявшись привѣтствіями, онъ повернулъ обратно и побрѣлъ вмѣстѣ съ Михаломъ по грязной улицѣ, торопясь выложить передъ неожиданнымъ собесѣдникомъ всѣ томившія его новости.

— Ой, пане Михале, что тутъ у насъ было! — заговорилъ Янекъ скороговоркой, захлебываясь отъ торопливости, при чемъ съ лица его не сходила блаженная, почти восторженная улыбка. — Ой, что тутъ было!

— Ну, рассказывай! — не то оборвалъ, не то поторопилъ его Михаль, осторожно шагая впереди между дужами, прикрытыми сверху обманчивой корочкой льда.

— А какъ услышали мы, что нѣмцы близко, — то забѣгая сбоку, то снова отставая, затарагорилъ Янекъ: — хотѣли убѣжать до лѣсу. А пока собирались, пока судили да рядили, нѣмцы и вѣхали въ деревню. Мы, было, бѣжать, — да гдѣ тамъ! Какъ стали нѣмцы палить изъ ружей, двухъ бабъ положили. А потомъ еще старый Валентъ и сынъ его получили по пулѣ въ спину. Такъ больше никто не захотѣлъ бѣгать.

— Ну? — снова строго отозвался Михаль.

— А потомъ отобрали, что было. Хлѣба, овса — ни крошки не найдешь теперь въ цѣлой деревнѣ. Что не могли забрать — поломали. А какъ стали уходить — всѣхъ съ собой забрали, а деревню подпалили. Тамъ, не дойдя до Вульки, отобрали насъ, нарней, кто поздоровѣе, — и повели въ городъ.

— А остальныхъ?

— Тѣ остались въ Вулькѣ. И гдѣ теперь они — Богъ знаетъ... Какъ пришли мы въ городъ, тутъ за насъ и принялись: нарядили по-дуряцкому, дали по ружью и послали шагать.

Янекъ кинулъ критическій взглядъ на свое одѣяніе, выразительно сплюнулъ и мгновенно пересталъ улыбаться, но потомъ началъ снова торопливо и восторженно свою повѣсть:

— Двѣ недѣли меня учили. Отъ этого ученія у меня до сихъ поръ кости ноютъ. Потомъ погнали въ губернію. Тутъ-то я уличилъ минутку и по дорогѣ — фыть! — только меня и видѣли. И ружье имъ оставилъ и сумку, — только вотъ сапоги пригодились...

Янекъ, забѣжавшій немного впередъ, остановился и посмотрѣлъ, какое впечатлѣніе производитъ на собесѣдника его рассказъ. Тотъ пренебрежительно посмотрѣлъ на Смѣха и отвѣтилъ кратко и выразительно:

— Ну, и дурень. И ружье бы захватилъ, — пригодилось бы...

Въ это время они находились уже по серединѣ деревни, на границѣ пожарища. Михаль свернулъ въ сторону, къ своему двору. Дверь халупы была отворена. Внутри видѣлись какія-то изломанные доски, валявшіяся на полу, покрытомъ водою и грязнымъ, почти совсѣмъ растаявшимъ снѣгомъ. Стеколъ въ окнахъ не было, и въ одномъ углу вѣтромъ наметало что-то въ родѣ сугроба.

Михаль остановился въ дверяхъ, минуто простоялъ неподвижно. Потомъ вдругъ повернулся и пошелъ кругомъ халупы во дворъ.

— Дьяволы! — выругался онъ наконецъ, зайдя подъ навѣсъ, гдѣ раньше стояла телѣга, и тяжело усаживаясь на кучу полусгнившей соломы.

Янекъ сочувственно заморгалъ глазами и послѣдовалъ его примѣру, отбросивъ въ сторону мѣшокъ, но не спуская съ рукъ дѣвочки.

Они сидѣли молча, прислушиваясь къ гудѣнію вѣтра въ полуразрушенныхъ халупахъ и вглядываясь въ полумракъ угловъ. Понемногу надвигались сумерки, и подъ навѣсомъ становилось все темнѣе. Только часть двора, которая лежала передъ открытой стороной навѣса, видна была отчетливо, вся покрытая бурнымъ мѣсивомъ изъ грязи и снѣга.

— Ты давно здѣсь? наконецъ прервалъ молчаніе Михаль.

— Да ужъ съ недѣлю будетъ, — отвѣтилъ Янекъ.

— А эта откуда?

Михаль кивкомъ головы указалъ на Анельку.

— По дорогѣ подобралъ, — отвѣтилъ Янекъ. — Версты за три, въ лѣсу, встрѣтилъ Игатову. Тоже тащилась домой, да не дошла. Ночь просидѣлъ съ ними. Къ утру старуха отдала Богу душу. А я вотъ теперь — съ дѣвочкой.

Смѣхъ несуразно ухмыльнулся.

— Какъ ты съ нею прожить здѣсь?— снова спросилъ Михаль.—
Вѣдь ѣсть-то нечего.

А вотъ!—Янекъ приподнялъ свободною рукою и встряхнулъ
свой мѣшокъ.— Картошка.

— Много здѣсь ея?

— Есть еще. Хватить. Вотъ постой: еще стемнѣетъ, разведемъ
огонь, будемъ ужинать.

— У меня соль есть. И краюха хлѣба.

Михаль неподвижно уставился взглядомъ впередъ. Сѣрая фигура
сидѣвшаго передъ нимъ Смѣха была уже почти незамѣтна въ
надвинувшейся темнотѣ. На дворѣ земля темнѣла, точно мракъ
расползался отъ дужъ во всѣ стороны.

Анелъка, сидѣвшая на рукахъ спокойно и тихо, теперь начала
волноваться. Она завертѣла своей неестественно большой головой,
защмыгала носомъ и вдругъ пронзительно заревѣла.

— Ъсть просить!— тихо объяснилъ, въ чемъ дѣло, Смѣхъ.

Онъ бережно посадилъ дѣвочку на солому рядомъ съ собой и
сталъ медленно распутывать тряпки, въ которыхъ было закутано
ея тѣлце. Потомъ поставилъ на ноги и сказалъ:

— Ну, побѣтай!

Анелъка попыталась зашагать по соломѣ, тутъ же свалилась,
но не заревѣла. Лежа на животѣ, она задрала кверху ножонки,
опутанныя какими-то разноцвѣтными дырявыми тряпками, и
принялась рыться въ полусгнившей мокрой соломѣ.

Янекъ всталъ, вышелъ куда-то, вернулся съ нѣсколькими сухими
вѣтками валежника, который онъ хранилъ на чердакѣ въ
одной изъ уцѣлѣвшихъ избъ, выбралъ мѣсто посуше, почти подъ
самымъ навѣсомъ, и принялся разводилъ костеръ: досталъ от-
куда-то съ груди коробочку спичекъ, осмотрѣлъ ее, какъ драго-
цѣнность, наломалъ валежникъ, установилъ его какой-то особен-
ной горкой и потомъ зажегъ.

Пламя разгорѣлось быстро, потрескивая и бросая вокругъ
багровые отсвѣты. Михаль подвинулся къ нему поближе. Янекъ
уѣлся съ другой стороны, притаскивая предварительно мѣшокъ
съ картофелемъ и посадивъ дѣвочку снова къ себѣ на колѣни.

Михаль упорно молчалъ, Янекъ сопѣлъ, но также не гово-
рилъ ни слова.

Наконецъ, когда отъ костра оставалось только черное пятно
на землѣ, а полусырая картошка была съѣдена, всѣ трое пере-
шли въ уголъ, гдѣ солома была посуше, чтобы устроиться на
ночлегъ. Михаль неожиданно спросилъ:

— Ну, и что же теперь?

Янекъ засопѣлъ еще сильнѣе, но ничего не отвѣтилъ.

— Могутъ вѣдь снова прійти?

— Кто? Наши?— переспросилъ Янекъ.— Не придутъ. Если бы
могъ кто вернуться, давно бы уже вернулся. Загнали нашихъ
туда, откуда не скоро назадъ прійдешь.

Михаль досадливо махнулъ головою.

— Какіе тамъ наши... Отъ всей деревни только и оста-

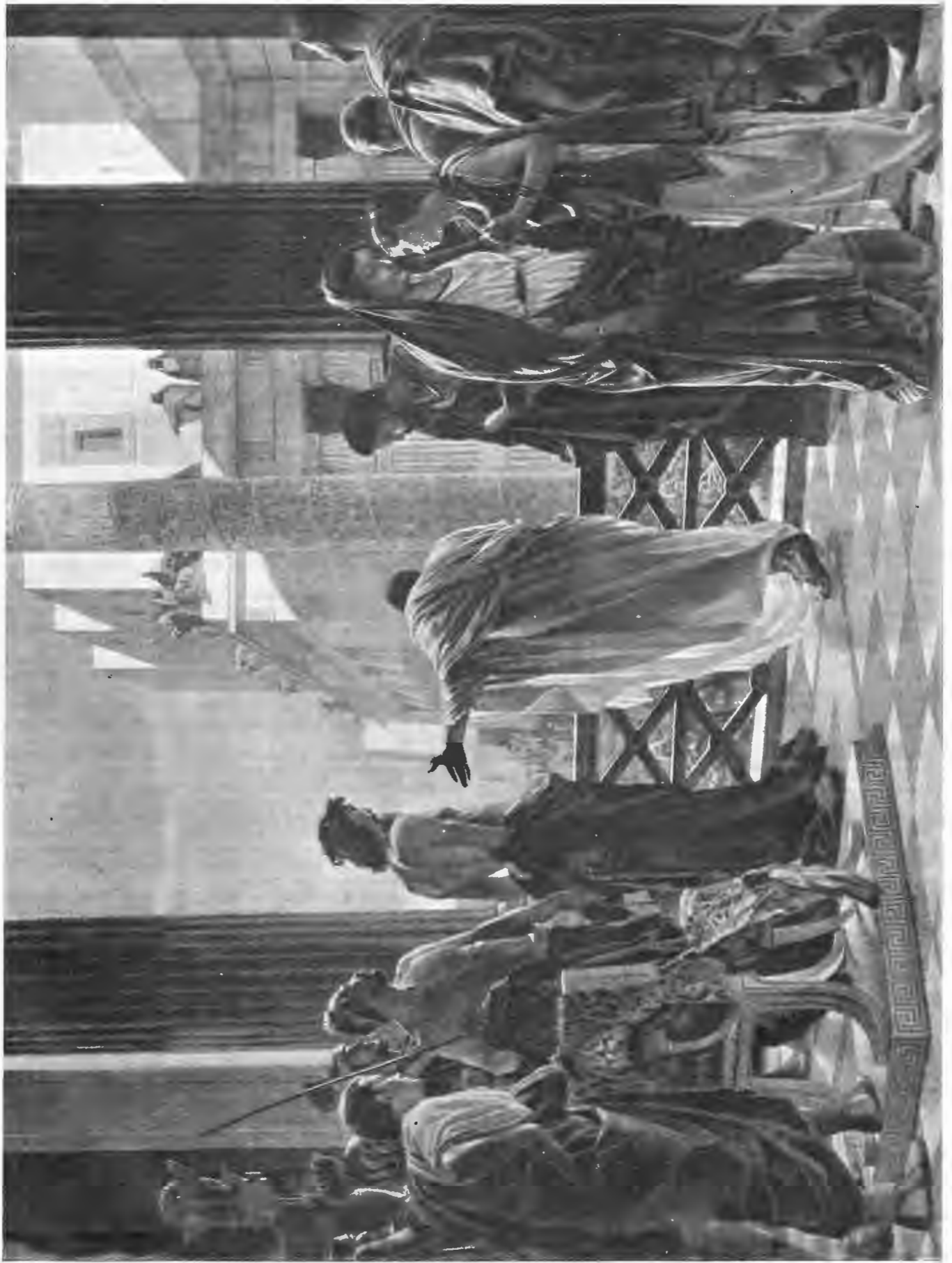

За упокой души павшихъ. Картина Г. Максенса.

Страстная Суббота. Картина Г. Ивенса.

Ессе homo! Картина А. Цизери.

лось, что мы съ тобой, да эта вотъ. Нѣмцы могутъ прийти. Вотъ кто!

— Могутъ,—согласился Янекъ.

— А если придуть, плохо намъ будетъ. А ужъ тебѣ особенно...—И Михаль выразительно дернулъ Янека за рукавъ его германской шинели.— Да и съ голоду здѣсь подохнемъ.

— А гдѣ же лучше?—плакливо спросилъ Смѣхъ, завозившись въ темнотѣ. Его совѣтъ не обрадовало замѣчаніе Михала.

Тотъ подумалъ и наконецъ изрекъ:

— Пойдемъ въ Варшаву!

— Въ Варшаву?—изумленно протянулъ Янекъ.

— Ну, да!—нетерпѣливо подтвердилъ Михаль.—Тамъ, я слышалъ, всебъ помогаютъ. Всебъ даютъ работу. А нѣтъ работы—денегъ дадутъ.

— Ну?—снова удивился Янекъ.

— Говорю, вѣрно!—важно повторилъ Михаль.—Только добраться до Варшавы не легко. Надо итти по той сторонѣ Вислы. Тамъ, говорятъ, нѣмцевъ нѣту.

— Въ Варшаву!—внезапно обрадовался Янекъ.—Вотъ бы хотѣлось побывать въ Варшавѣ! Хотъ разъ въ жизни! А ты, Михаль, тамъ былъ?

— Былъ,—отвѣтилъ Михаль.—Только давно. Когда быть еще хлопцемъ.

Онъ задумался и размечтался.

— Помню костелы. Мы съ матерью ходили по костеламъ, потому что былъ праздникъ: Божье Тѣло. И какіе тамъ костелы, Янекъ! Внутри все такъ и сияетъ. Лежитъ весь въ цвѣтахъ, въ зелени, точно живой, Иисусъ Христосъ. Кругомъ птицы поютъ,—а откуда—не видно. А народу-то сколько, народу!

У Янека раскрылись глаза. Онъ приготовился слушать дальше о варшавскихъ костелахъ, но Михаль вздохнулъ и оборвалъ разговоръ. Онъ и такъ разговорился и разоткровенничался вопреки своимъ привычкамъ.

Весь слѣдующій день Михаль никуда не выходилъ изъ своего угла, вытянувъ усталыя ноги и думая о чемъ-то съ непривычной настойчивостью. Передъ глазами у него стояла разоренная халуца, какой онъ ее увидѣлъ вчера съ порога: съ разбитыми окнами и кучей хлама на залитой водою полу. Но чѣмъ больше приближался вечеръ, тѣмъ сильнѣе вставали другія воспоминанія, то изъ недавняго прошлаго, то изъ далекаго дѣтства.

То казалось ему, что идетъ онъ съ плугомъ по полю, поуклая лошаденку и твердо направляя зарывшееся въ землю остріе. То вспоминался базаръ въ городѣ, перекупщики, стаей набрасывавшіеся на прѣзжихъ крестьянъ у рогатки, и пестрая, полугородская, полудеревенская толпа. То всплывала яркая фигура Христа, измученнаго, окровавленнаго, пострадавшаго, съ просвѣтленнымъ страданіемъ лицомъ...

Когда вернулся Янекъ, бродившій весь день вмѣстѣ съ дѣвочкой изъ халуцы въ халуцу, въ безплодныхъ поискахъ сѣбстнаго, Михаль дремалъ. Очнувшись, онъ взглянулъ на Смѣха, на дѣвочку, оживленно лопотающую что-то непонятное, и вдругъ нахмурился.

— Янку!—сердито позвалъ онъ.

Янекъ посмотрѣлъ на него удивленно.

— Ну, чтѣ?

— А какъ же съ дѣвочкой?

Смѣхъ съежился, точно его собирались ударить.

— Не брать же ее въ Варшаву?—вопросительно пояснилъ Михаль.—Если бы еще сама итти могла...

— А то, можетъ, мнѣ и не ходить никуда?—просительно проговорилъ Смѣхъ.

Михаль взглянулъ на его улыбающееся, сконфуженное лицо и отрывисто отвѣтилъ:

— Дурень!

Потомъ, точно слегка смягчившись, продолжалъ:

— Придуть нѣмцы, они тебѣ покажутъ! Ты хотъ издали имъ покажись въ этой шляпѣ. Да и кожухъ тоже... Удирать тебѣ надо, сколько силы есть,—заклучилъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

Янекъ конфузливо отвѣтилъ:

— Ну, такъ ее на спинѣ понесу. Правда?

Михаль проворчалъ есквозъ зубы:

— Самъ-то еще дойдешь ли...

Ему хотѣлось сказать, что дѣвчонку надо оставить на волю Господа Бога въ деревнѣ. Но Смѣхъ смотрѣлъ такъ виновато, машинально закутывая дѣвчонку все крѣпче и крѣпче въ ея ветошки, что Михаль предпочелъ смолчать. И только чтобы облегчить себя, онъ холодно проворчалъ:

— Ты на меня не надѣйся. Неси самъ, пока не надоѣсть.

Янекъ засопѣлъ и сталъ сморкаться.

Едва наступили сумерки, какъ Михаль и Янекъ уже зашагали по дорогѣ по направленію къ лѣсу. Михаль, вооружившійся суковатой палкой, шелъ впереди привычнымъ осторожнымъ шагомъ. Смѣхъ бодро поспѣвалъ за нимъ, ловко пристроивъ дѣвчонку у себя на спинѣ.

Дойдя до опушки, они свернули съ дороги въ лѣсъ и тотчасъ же ушли по колѣни въ снѣгу. Михаль выругался, оглядѣлся, пощупалъ кругомъ себя палкой и, кое-какъ выбравшись изъ сугроба, сталъ осторожно шагать съ одного бугорка на другой, ставя ногу лишь тамъ, гдѣ обледѣвшая поверхность снѣга

могла еще выдержать тяжесть его тѣла. Смѣхъ попытался поспѣдовать его примѣру, но не могъ. Ему было неудобно шагать со своей ношей, нельзя было опираться на палку, и ноги все такъ же глубоко увязали въ снѣгу.

Когда Янекъ увидѣлъ, что Михаль уходитъ все дальше и дальше, и нѣтъ надежды за нимъ угнаться, онъ закричалъ:

— Пане Михале! Эй-эй!

Михаль остановился, оглянулся и сердито цыкнулъ:

— Молчи! Дозовешься еще, кого не хочешь.

Видя, какъ Янекъ барахтается въ снѣгу, пытаясь продвинуться за нимъ вдогонку, Михаль сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу, остановился и сказалъ:

— Иди на дорогу. Здѣсь не пройдешь...

— А ты?—точно жалуясь, спросилъ Смѣхъ.

— Пойду опушкой,—равнодушно отвѣтилъ Михаль.— А какъ

совсѣмъ стемнѣетъ,—выйду къ тебѣ на дорогу.

Янекъ послушно побрелъ въ сторону.

Михаль зашагалъ дальше. Итти было трудно, но онъ шелъ увѣренно, хотя и медленно, пробираясь между невысокими соснами, и зорко оглядывался по сторонамъ. Иногда лѣсъ рѣдѣлъ, и въ просвѣты между деревьями показывалась грязно-бурая полоса дороги. Тогда Михаль останавливался и со злобой смотрѣлъ, какъ ковыляетъ по лужамъ сѣрая фигура Янека, въ его несуразной нѣмецкой шинели, въ странномъ картузѣ безъ козырька и съ дѣвочкой на плечахъ.

— Подстрѣлять дурака, какъ зайца,—ворчалъ Михаль и снова начиналъ шагать между корявыми низкими соснами, засыпавшими его лицо и одежду мокрымъ, липкимъ снѣгомъ.

По мѣрѣ того, какъ темнѣло, Михаль все болѣе приближался къ опушкѣ. Онъ внимательно вглядывался впередъ, въ сѣрый полумракъ, въ которомъ терялась дорога, но не находилъ ничего опаснаго. Дорога была пустынная, точно вымерла. Итти было безопасно. Мимо ближайшей деревушки они прошли уже вмѣстѣ, равнодушно поглядывая на черныя пятна пустыхъ, полуразрушенныхъ, полусожженныхъ строеній.

Всю ночь Михаль и Янекъ брели грязнымъ поселкомъ, изрѣдка останавливаясь, чтобы посидѣть на пнѣ и перевести духъ. Янекъ все отставалъ и только во время этихъ короткихъ передышекъ нагонялъ своего спутника. Дѣвчонка все такъ же молчаливо, точно притаившійся звѣрекъ, прижималась къ его спинѣ. Михаль злился, что изъ-за Смѣха приходится больше отдыхать, но молчалъ.

Къ утру они подошли къ Вислѣ.

Съ разсвѣтомъ сталъ моросить дождь. Отъ этого кругомъ сдѣлалось еще сѣрѣе. Непонятно было, откуда этотъ бѣлесоватый свѣтъ, точно таявшій въ пронизанномъ сыростью знобкомъ воздухѣ. Съ берега можно было бы окинуть взглядомъ окрестность, но теперь Михаль не могъ рассмотреть даже противоположнаго берега.

Дорога круто свернула въ сторону и потомъ поползла по льду. Михаль остановился на минуту, осмотрѣлся и зашагалъ по льду такъ же бодро, какъ раньше шагалъ по дорогѣ. Янекъ полпелся за нимъ.

Вначалѣ итти было не трудно,—даже легче, чѣмъ по дорогѣ. Но ближе къ серединѣ рѣки становилось уже хуже.

На рыхломъ льду были отчетливо проведены двѣ глубокихъ, наполненныхъ водою, желтовато-грязныхъ колѣн. По бокамъ лежалъ, повыше дороги, толстый слой сѣрватой кашицы, на которую ступить было опасно; наполненные водою ямки въ формѣ подошвы напоминали, что нога уходитъ здѣсь по самымъ икрымъ.

Приходилось итти между колеями. Здѣсь также было рыхло и мокро, но нога встрѣчала упоръ.

Михаль шелъ и смотрѣлъ на край дороги. Мѣстами полынья подходили къ самому ея краю, и тогда можно было рассмотреть, какъ выбиваются изъ-подъ льда тоненькія булькающія струйки, образуя широкія топкія лужи на поверхности и безъ того рыхлаго льда. Въ такихъ мѣстахъ Михаль, переходилъ на другой край дороги, замедляя шагъ и внимательнѣе пробовалъ палкой поверхность льда прежде, чѣмъ поставить ногу.

Уже пройдя середину рѣки, Михаль услышалъ, что Янекъ что-то кричитъ ему. Онъ удивился тому, какъ слабо слышенъ голосъ. Янекъ отсталъ больше, чѣмъ слѣдовало.

Михаль оглянулся.

Купы низкорослой ольхи, покрывавшей берегъ, давно уже скрылись изъ вида. Сзади можно было теперь рассмотреть только сѣрый, все болѣе темнѣющій вдали ледъ, по которому тянулась желтоватая, залитая водою дорога. На дорогѣ виднѣлась неуклюжая фигура Янека. Онъ стоялъ передъ большой полыней, что-то усиленно кричалъ и махалъ лѣвой рукой. Въ правой онъ держалъ дѣвчонку.

Михаль остановился и сталъ ждать. Янекъ сначала не рѣшался итти черезъ опасное мѣсто, потомъ, видя, что Михаль стоитъ неподвижно, осторожно и медленно побрелъ дальше. Полынья уходила понемногу назадъ. Теперь уже можно было рассмотреть растерянное лицо Смѣха съ широко раскрытыми отъ страха глазами и все съ той же безмысленной улыбкой.

Шагая по водѣ, увязая въ снѣгу, Янекъ продолжалъ кричать. Теперь Михаль понялъ: Смѣхъ просилъ подождать его и не уходитъ впередъ.

Не дойдя до Михала шаговъ двадцати, Янекъ неудачно поставилъ ногу, оступился и вдругъ съ шумомъ упалъ, обдавъ Михала

фонтаномъ холодныхъ брызговъ. Лежа на боку, въ мокромъ снѣгу, поддерживая себя свободной рукой, а другой ухвативъ еще крѣпче дѣвочку, Янекъ испуганно вскрикнулъ. Анелька также завизжала пронзительнымъ тоненькимъ голоскомъ.

— Молчи, душень! — кричалъ въ свою очередь Михаль.

Онъ быстро подошелъ, почти подбѣжалъ къ продолжавшему неподвижно лежать Смѣху, схватилъ дѣвочку и посадилъ ее къ себѣ на плечо. Потомъ протянулъ руку Янеку, помочь ему подняться и скомандовалъ:

— Ну, иди впередъ! Ходить не умѣешь...

И самъ двинулся слѣдомъ.

До берега теперь казалось уже не такъ далеко, но дойти до него было все еще трудно.

Янекъ, шедшій впереди, сталъ ловчѣе пробираться между опасными мѣстами. Михаль несъ дѣвочку, какъ перышко, и не отставалъ отъ него ни на шагъ. Но вскорѣ они принуждены были снова остановиться.

Впереди можно было рассмотреть берегъ, къ которому съ одной стороны подходила опушка низкорослаго лѣса: съ другой тянулось поле. У берега видѣлась полоса крѣпкаго, еще не успѣвшаго размокнуть льда. Но ближе, прямо передъ Янекомъ, льда уже не было видно: онъ былъ покрытъ черной полоской воды, прорвавшейся поверхъ льда и образовавшей здѣсь родъ неглубокаго потока.

— Какъ же теперь? А? спросилъ Смѣхъ, съ недоумѣніемъ смотря на Михала.

Тотъ подошелъ вплотную къ водѣ, пощупалъ палкой, крѣпка ли корочка льда, образующая дно, и наконецъ сказалъ:

— А можеть, и перейдемъ. Только надо итти врозь. Иди ты впередъ.

— Не хочу, — рѣшительно сказалъ Янекъ.

Потомъ, увидѣвъ, что у Михала искривились губы отъ гнѣва, онъ забормоталъ скороговоркой:

— Ну, пойду, пойду. Только дай мнѣ палку.

Михаль протянулъ ему палку и сказалъ:

— Съ берега кинешь сюда обратно.

Янекъ помедлилъ, но, набравшись духу, вошелъ въ воду. Палка уходила въ ледъ и помогала мало, но ледъ выдерживалъ его тяжесть.

— Видишь крестъ? — крикнулъ вдогонку Михаль. — Держи на него. Прямо, не сворачивай.

Янекъ посмотрѣлъ на берегъ.

Прямо передъ нимъ, въ полѣ, возлѣ лѣса, видѣлся высокий деревянный крестъ съ вырѣзанной изъ дерева фигурой распятаго Христа, защищенный отъ дождя сверху чѣмъ-то въ родѣ узенькой крыши съ двумя скатами. Крестъ стоялъ на перекресткѣ двухъ дорогъ, одна изъ которыхъ выходила изъ лѣса, а другая бѣжала отъ берега къ опушкѣ.

Смѣхъ этого не видѣлъ; но это его и не интересовало. Медленно перенося тяжесть тѣла съ одной ноги на другую, уйдя въ воду по колѣна и усиленно ощупывая ледяное дно палкой, онъ постепенно подвигался туда, гдѣ четко вырисовывался на фонѣ сѣраго неба черный крестъ.

Дождикъ теперь пересталъ, и сдѣлалось свѣтлѣе. Вдоль по рѣкѣ пробѣжалъ вѣтерокъ и зарябилъ черную поверхность воды, по которой пробирался поспѣвшій отъ холода Янекъ.

Ближе къ берегу его ноги стали увязать во льду глубже.

Смѣхъ замахалъ руками, удерживая равновѣсіе, и Михаль подумалъ, что Янекъ сейчасъ провалится. Но черезъ нѣсколько шаговъ ледъ сталъ снова тверже. Еще усилие, — и Смѣхъ выбѣжалъ на окаймляющую берегъ полоску крѣпкаго льда...

Тамъ онъ запрыгалъ на мѣстѣ, отряхиваясь и хлопая руками о бедра. Михаль ясно видѣлъ его поспѣвшее и все же счастливое лицо. Потомъ Янекъ размахнулся и бросилъ Михалу палку, но неудачно. Палка шлепнулась въ сторону.

Михаль погрозилъ Янеку кулакомъ и полѣзъ въ воду безъ палки. Дѣвочку онъ держалъ на груди обѣими руками. Итти ему было еще труднѣе, чѣмъ Янеку. Михаль былъ тяжелѣе, и кромѣ того на рукахъ у него была дѣвчонка. Но итти все же приходилось.

Михаль медленно ставилъ ногу подъ водой и пробовалъ ледъ. Нога уходила въ рыхлую гущу, и трудно было угадать, уплотнится ли ледъ подъ нею достаточно, чтобы выдержать тяжесть человѣческаго тѣла.

Янекъ стоялъ на льду у берега и, раскрывъ ротъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Михала. Но тотъ его не видѣлъ. Онъ смотрѣлъ упрямо и неуклонно въ одну точку: въ черное, высоко взнесенное изображеніе распятаго на почернѣвшемъ отъ времени деревянномъ крестѣ.

Вода доходила Михалу до колѣнъ. Ноги дрожали отъ холода мелкой дрожью и деревянѣли. Дѣвочка, судорожно схваченная руками, смотрѣла прямо въ лицо Михалу круглыми, какъ пуговицы, сѣро-голубыми глазами, топырила губы и надувала щеки, точно сознавала опасность положенія.

Почти незамѣтно вода поднялась Михалу выше пояса. Ноги мягко уходили куда-то внизъ, останавливаясь, когда меньше всего можно было этого ожидать.

Съ трудомъ дѣлая слѣдующій шагъ, Михаль увязъ выше пояса. Онъ остановился, чувствуя, что дальше итти нельзя. Потомъ, не думая, что дѣлаетъ, онъ крикнулъ Смѣху:

— Янекъ! Держи, Янекъ!

И, повернувъ корпусъ вокругъ оси, съ размаху кинулъ дѣвочку Смѣху.

Онъ видѣлъ еще, какъ странный кулекъ описалъ въ воздухѣ дугу, какъ Янекъ ухватилъ дѣвочку кѣпкими руками и уналь, сбитый съ ногъ. Одновременно гдѣ-то внизу раздался хлопаящій звукъ, какое-то потрескиваніе побѣжало въ стороны по водѣ, и грязная, мутная, холодная жидкость поползла въ ротъ и по лицу.

Михаль взмахнулъ руками, на мгновение вынырнулъ и увидѣлъ Христа, распятаго на высоко-ушедшемъ въ небо черномъ крестѣ. Въ ухахъ раздался протяжно-отрывистый звонъ, точъ въ точъ какъ тогда, въ Варшавѣ, когда онъ мальчикомъ со страхомъ рассматривалъ содроганія колокола подъ ударами тяжелого молотка. И среди бѣгущихъ торжественныхъ звуковъ передъ нимъ медленно поплыло истекшее кровью, блѣдное, величавое, осѣненное пальмами, ласково улыбающееся лицо Христа.

На берегу метался Смѣхъ и кричалъ неестественнымъ, срывающимся голосомъ:

— Боже мой! Чтѣ это?! Матерь Божія! Ратуйте!

Одной рукой онъ рвалъ на себѣ волосы, а другой прижималъ къ груди дѣвочку, ревѣвшую благимъ матомъ и дрыгавшую ножонками въ свонхъ распутившихся лохмотьяхъ.

Издали доносились протяжные, охающіе отзвуки канонады.

Случайный другъ.

Быль Вадима Бѣлова.

I.

Капитанъ Погодинъ остался лежать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ застигъ его взрывъ упавшаго рядомъ снаряда. Съ этой минуты нити послѣдовательныхъ и логичныхъ мыслей внезапно оборвались, сознание перестало работать, и капитанъ погрузился въ холодный и черный океанъ, пересталъ видѣть, слышать и понимать все совершающееся вокругъ него.

Солнце садилось, когда онъ шелъ со своей ротой въ атаку деревни и когда сперва получилъ рану въ ногу, а затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, былъ жестоко контуженъ разорвавшейся рядомъ гранатой, но теперь, когда сознание возвратилось къ нему, солнца уже не было, и шелъ мелкій холодный дождь.

Капитанъ лежалъ посрединѣ улицы деревни, которую атаковала его рота, а справа и слѣва отъ него на дорогѣ и около канавъ чернѣли какія-то кочки, оказавшіяся человѣческими трупами.

Дождь шелъ, вѣроятно, уже нѣсколько часовъ, такъ какъ толстый суконный китель капитана успѣлъ промокнуть, напитаться водой и сдѣлаться тяжелымъ и страшно холоднымъ.

Фуражки не было. Капитанъ помнилъ, что потерялъ ее еще во время атаки, — споткнувшись, уронилъ, и не было времени нагибаться и останавливаться, чтобы поднять ее, не было времени даже подумать о ней.

Лежалъ капитанъ на боку, въ какомъ-то углубленіи, и если на него падалъ сверху холодный, мелкій, водяной бисеръ, то снизу было совсѣмъ не холодно, наоборотъ, грѣла сырая глина, облѣпившая тѣло со всѣхъ сторонъ.

Капитанъ оглядѣлся. Первымъ впечатлѣніемъ было то, что бой

еще продолжается: въ ухахъ гудѣло и звенѣло, слышались ружейные выстрѣлы и частая, хорошо знакомая, дробь пулеметовъ, но когда Погодинъ приподнялъ голову и осмотрѣлся, онъ убѣдился, что кругомъ на самомъ дѣлѣ царилъ глубокая тишина, смѣнившая шумъ сраженія.

Деревня, покинутая жителями, полусожженная снарядами, переходившая въ теченіе дня нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, теперь погрузилась въ тишину и казалась вымершей.

Можно было различить черные силуэты избъ, мѣстами уцѣлѣвшихъ, мѣстами развалившихся, съ высоко торчавшими столбами кирпичныхъ трубъ; улица была широкая, но теперь проѣхать по ней было бы невозможно, до того испорчена была снарядами, изрѣзана глубокими колеями и завалена трупами, полуманнными повозками и оружіемъ.

Какъ гроза, пронесся надъ этой деревней ураганъ войны и прошелъ куда-то дальше, а здѣсь остались только полуразрушенныя избы, полуманнныя повозки и множество людей въ разныхъ мундирахъ, разбросанныхъ повсюду.

И, только оглядѣвшись нѣсколько и придя окончательно въ себя, капитанъ понялъ, что лежитъ онъ въ глубокой широкой колеѣ, и что вправо отъ него въ двухъ-трехъ шагахъ такая же колея, а влѣво неглубокая канавка. Въ этой канавѣ лежала какая-то масса, слабо вздрагивавшая и издававшая невнятные звуки. Капитану пришлось внимательно вглядѣться въ темноту, чтобы узнать въ этой безформенной черной кучѣ опрокинутую въ канаву и, вѣроятно, смертельно раненую, лошадь: еще дышавшую и нелѣпо высунувшую на дорогу заднюю ногу. Нога эта, подкованная блестящей подковой, казавшейся серебряной, когда

И. Аскназіѳъ. Экнэзіастъ. Музей Императорской Академіи Художествъ.

луна, выглянув на мгновение из-за быстро несущихся туч, роняла на нее свои бѣлые лучи, дрожала мелкой нервной дрожью, и, глядя на нее, капитанъ почувствовалъ, какъ вдругъ сперва его руки, а затѣмъ и все тѣло начали трястись быстро и мелко, какъ въ лихорадкѣ.

Онъ отвернулся, чтобы не видѣть и позабыть эту страшную лошадиную ногу, торчащую вверхъ серебряной подковой, и сдѣлалъ движеніе, чтобы отодвинуться подальше отъ канавы, но въ ту же минуту почувствовалъ невыносимо острую боль въ раненой ногѣ и противъ воли застоналъ слабымъ, надорваннымъ голосомъ.

Первые минуты, пока капитанъ Погодинъ лежалъ спокойно въ своей колеѣ, онъ не слышалъ вокругъ себя иныхъ звуковъ, кромѣ вздоховъ околѣвающей лошади, но теперь, схваченный тисками внезапной боли и застонавъ, онъ вдругъ услышалъ вокругъ себя десятки такихъ же жалкихъ, слабыхъ, надорванныхъ голосовъ. Словно все раненые, разбросанные по этой широкой улицѣ и лежавшіе около заборовъ домовъ, въ канавкахъ, подъ повозками и зарядными ящиками съ соскочившими колесами, только и ждали его перваго стога и теперь заговорили вдругъ все, безъ словъ, одними звуками, ужасными и надрывающими сердце.

И капитанъ почувствовалъ, какъ вдругъ хорошо знакомое чувство страха, испытанное еще въ дѣтствѣ,—страха темной пустой комнаты, изъ глубокихъ угловъ которой какъ будто протягиваютъ свои дѣбкія руки какія-то невѣдомыя чудовища,—подходить къ нему неслышной медленной стопой, овладѣвая всею его существомъ, и уже безысходенъ онъ въ своихъ разумныхъ доводахъ успокоить себя и побѣдить это ни на чемъ неоснованное чувство.

И капитанъ протяжно вскрикнулъ такимъ голосомъ, какимъ кричатъ томимые кошмаромъ люди во снѣ, слыша себя и не имѣя силы заставить себя замолчать.

Совсѣмъ близко рядомъ кто-то зашевелился, и раздался чей-то негромкій, но спокойный голосъ:

О, Господи!.. И чего это человѣкъ кричитъ?.. Чего это кричитъ, право!.. Молчалъ бы ужъ лучше!

И то, чего не могъ сдѣлать самъ капитанъ Погодинъ съ собой, то, передъ чѣмъ безсилны оказались все его благоразумные доводы, все его стараніе успокоить себя мгновенно было достигнуто этими нѣсколькими словами, произнесенными такимъ убійственно хладнокровнымъ тономъ.

Очевидно, гдѣ-то рядомъ, совсѣмъ близко, былъ человѣкъ, котораго не тронули дѣбкія руки холоднаго ужаса, съ которымъ не могъ справиться капитанъ, и это сознаніе придало Погодину снова на минуту утраченную бодрость.

— Кто тамъ? окликнулъ онъ, чувствуя, какъ поспѣшно отступаютъ отъ него пугающіе призраки одиночества.—Кто тамъ?

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, затѣмъ кто-то зашевелился около канавы, совсѣмъ близко отъ опрокинутой лошади, и тотъ же голосъ отвѣтилъ:

— Землячокъ, а землячокъ?.. Нешто не призналъ?.. Свой я!.. Ахъ ты, Господи!..

— Чтѣ жъ ты, братецъ!.. уже радостно заговорилъ капитанъ, стараясь вглядѣться въ темноту и выдѣлать силуэтъ человѣческой фигуры на темномъ фонѣ дороги и ночного неба.—Вылѣзай, братецъ!.. Гдѣ ты тамъ?..

Вылѣзай!.. Экій ты пряткій!.. Тутъ, братъ, не вылѣзешь!..

Да ты чтѣ, сильно раненъ, что ли?..

Невидимый человѣкъ помолчалъ минуту.

Какое сильно!.. Въ ногу меня!.. въ ногу, а вотъ вылѣзти и не могу!.. Свалило, я и не могу!..

Капитанъ повернулся на бокъ и глядѣлъ въ сторону, откуда раздавался этотъ голосъ.

— Я, братъ, тоже въ ногу!.. Холодно очень,—добавилъ Погодинъ.

— Это вѣрно, холодно. Чтѣ вѣрно—то вѣрно!.. задумчиво отвѣтилъ солдатъ.—Дюже вчера жарко было!.. Наши-то, говорятъ, куда впередъ ушли!..—Солдатъ помолчалъ минуту.—Ты не слыхалъ, землячокъ?—спросилъ онъ потомъ.

— Ушли, далеко впередъ ушли!—отвѣтилъ капитанъ.

Въ темнотѣ кто-то вздохнулъ.

— Ну, это слава Богу, я такъ и думалъ!.. А только какъ же намъ быть теперича?.. До насъ теперь, поди, не скоро доберутся, оно же и лежать здѣсь пріятности немного!..

— Надо самимъ выбираться, отвѣтилъ капитанъ.

— Выбираться!.. Выберешься тутъ!.. Еще ползкомъ, пожалуй, а ужъ объ ногахъ австрийцы забыть приказали!.. Эхъ-ма!

Оба они, невидимые другъ для друга, солдатъ и капитанъ, лежали нѣсколько минутъ молча, и заговорилъ первымъ снова лежавшій въ канавѣ солдатъ.

— Ишь какъ животное мучается!..—произнесъ онъ, очевидно, говоря о продолжавшей вздыхать и стонать лошади.—Ишь какъ мучается, и некому пристрѣлить ее!.. Былъ бы у меня левольверъ!.. я бы, конечно, чего жъ животной зря мучиться, все одно пропадетъ!..

— А ты, братецъ, какой роты?—спросилъ снова солдатъ изъ темноты.

— Четвертой!.. я!..

— Рядовой, али унтеръ-офицеръ, можетъ-быть?—продолжалъ допрашивать солдатъ, видимо рѣшившій коротать время за бесѣдой.

— Ротный командиръ я!.. капитанъ Погодинъ!..

Воцарилось молчаніе. Солдатъ умолкъ, очевидно, страшно смущенный своей ошибкой и тѣмъ фамильярнымъ тономъ, которымъ онъ говорилъ съ офицеромъ.

Погодинъ даже пожалѣлъ о своемъ признаніи, боясь, что теперь онъ лишается собесѣдника, и хотѣлъ уже окликнуть солдата, какъ вдругъ услышалъ со стороны канавы какое-то шелестнѣе, шуршаніе и увидѣлъ постепенно выступавшій изъ темноты силуэтъ ползущаго человѣка.

Еще не доползя шаговъ пяти до капитана, солдатъ остановился и заговорилъ такимъ же негромкимъ, но уже совсѣмъ инымъ, виноватымъ голосомъ:

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе, что это я такъ!.. Тутъ и не примѣтишь!.. Темно нынче!.. А все больше кругомъ нашъ братъ, ну, я и подумалъ, землячокъ свой какой!..

Онъ замолчалъ, видимо ожидая отвѣта и желая узнать, будетъ ли онъ поощреніемъ къ продолженію бесѣды.

— Приползти-то можешь?—заговорилъ капитанъ.—Подползти поближе?..

Я ползу, ваше высокоблагородіе, ничего!.. Только вотъ на ноги встать не могу, не сумѣю!..

И черезъ минуту около капитана уже лежалъ его же роты солдатикъ, третьяго взвода, изъ запасныхъ, недавно прибывшій въ полкъ и еще неизвѣстный капитану по фамиліи.

Онъ былъ тоже безъ фуражки, отросшіе волосы его были спутаны и висѣли на лобѣ, а на правой щецѣ чернѣла широкая полоса запекшейся крови.

Ты чтѣ это,—спросилъ капитанъ,—въ щеку тоже раненъ?

Лицо солдатика вдругъ расплылось въ улыбку.

— Никакъ нѣтъ, это я, падая, обо что-то раскровенился!.. Дозвольте, ваше высокоблагородіе, помогу вамъ выползти, надобно намъ уходить отсюда, мѣсто-то ужъ больно нехорошее!.. О, Господи!..

Капитанъ протянулъ ему обѣ руки и почувствовалъ осторожное, но твердое пожатіе жесткихъ и сильныхъ ладоней. Раненый солдатъ помогать ему, отклоняясь назадъ, выползти изъ глубокой колеи на дорогу, и глаза его слѣдили страшно внимательно и боязливо за каждымъ движеніемъ волочившейся сзади раненой ноги Погодина.

И когда оба они уже сидѣли на краю дороги, нѣсколько въ сторонѣ отъ околѣвшей лошади, нога которой теперь больше уже не тряслась, а торчала неподвижно вверхъ, свѣтясь своей серебряной подковой, капитанъ внимательно разглядывалъ лицо сидѣвшего около него солдата, стараясь припомнить его фамилію. А на душѣ теперь было уже совсѣмъ спокойно и почти радостно.

II.

Эта мысль какъ-то не пришла въ голову капитану. Лежа въ колеѣ дороги, онъ не подумалъ о томъ, какой онъ подвергается опасности, въ случаѣ, если черезъ село побѣдетъ артиллерія, но теперь, когда сидѣвшій съ нимъ рядомъ солдатъ наемкнулъ ему на это, Погодину представилось мигомъ все: тяжелыя колеса орудій и зарядныхъ ящиковъ, неумолимо катящихся по колеямъ черезъ трупы и черезъ остатки поломаннаго оружія, и громады копыта артиллерійскихъ коней, подкованные такими же блестящими стальными подковами, какъ у той, лежавшей въ канавѣ убитой лошади копыта, топтавшія все, чтѣ было на ихъ пути, и самъ онъ, капитанъ Погодинъ, лежачій съ перебитыми ногами какъ разъ на пути этого чернаго, неумолимаго и неудержимаго въ своемъ стремленіи, каравана пушекъ и зарядныхъ ящиковъ.

Капитанъ содрогнулся отъ ужаса и удивился, какъ мысль объ этой опасности не пришла ему раньше.

Но теперь дорога была уже въ сторонѣ, и нечего было больше опасаться, надо было позаботиться о себѣ, а это было такъ трудно для двухъ лишенныхъ способности передвигаться и затерянныхъ въ громадномъ полѣ людей.

Оставалось одно ждать, ждать, пока не подойдутъ санитары, пока не пробѣдетъ случайно кака-нибудь повозка, пока не пройдетъ кто-нибудь, кого можно будетъ попросить прислать сюда за ними людей и носялки.

Но ночной мракъ былъ непроницаемъ, и напрасно надѣялся капитанъ замѣтить маячащую красно-желтую точку фонаря санитаровъ.

Бѣжали минуты, за ними ползли часы, а оба человѣка, случайно сведенные судьбой, сидѣли все такъ же на краю канавы и ожидали помощи, не зная даже, откуда можно ее ждать и можно ли ее ждать въ ближайшемъ будущемъ вообще.

Это былъ не сонъ, а какое-то забвеніе, тяжелое и глубокое, но не отнимавшее способности слушать и понимать все совершавшееся вокругъ. Капитанъ не пропустилъ ни одного вздоха своего случайнаго товарища, ни одного звука, долетѣвшаго изъ деревни или съ темнаго поля и очнулся тотчасъ же, какъ только гдѣ-то вдали, во мракѣ, зародились новыя чуть слышныя ноты—какое-то гудѣніе и скрипѣніе, гулъ и тяжелый топотъ.

Они приближались, эти звуки, сперва звучавшіе отдѣльными нотами, затѣмъ сливавшіеся въ аккорды хорошо знакомые, но значеніе которыхъ капитанъ не могъ вспомнить нѣсколько минутъ.

И вдругъ сразу разгадка озарила мозгъ словно яркимъ свѣтомъ: Артиллерія!.. Такъ вотъ она, когда ѣдетъ!.. артиллерія!..

Она приближалась, эта артиллерия, которая была так безумно страшна для Погодина несколько часов тому назад, и которая теперь для него являлась вѣстникомъ спасенія.

Было еще темно, но уже можно было различить во мракѣ безконечную черную вереницу лошадей и орудій, согнутыя спины ъздовыхъ въ шинеляхъ съ поднятыми воротниками, слышались, звонкіе въ ночномъ воздухѣ, голоса, покрикиванія на лошадей, удары нагаекъ и тяжелый недовольный говоръ массенныхъ колесъ.

Приложивъ руки ко рту, солдаты кричали что-то, но капитанъ не слушалъ словъ его крика, не обращалъ на нихъ вниманія, не старался понять ихъ, ему достаточно было сознанія, что на голосъ его спутника подбѣгутъ люди, подберутъ ихъ и увезутъ изъ этой ужасной деревни, гдѣ остались только полустерѣвшія избы, холодныя трупы людей и околѣвшая лошадь съ судорожно вытянутой вверху ногой.

Но люди не подбѣжали съ той поспѣшностью, съ какой они должны были это сдѣлать, какъ казалось капитану, вереница пушекъ не остановилась сразу, при одномъ только звукѣ голоса солдата, какъ думалъ Погодинъ, все это произошло гораздо проще, гораздо менѣе значительно, чѣмъ онъ ожидалъ.

Просто съ одного изъ ящиковъ соскочили двѣ черныя фигуры, неуклюже перепрыгивая черезъ канаву тяжелыми сапогами, подошли къ раненымъ и, повернувшись къ нимъ спиной, крикнули въ сторону пробѣжавшей батареи:

— Стойте!.. Тутъ раненые!.. Забрать надобно, что ли?!

И оттуда, отъ черныхъ пушекъ и черныхъ силуэтовъ людей и лошадей, отвѣтилъ какой-то глухой голосъ:

— Забирай!.. Извѣстное дѣло!..

Капитанъ чувствовалъ, какъ его подняли двѣ пары рукъ и понесли

Закрывъ глаза, онъ слышалъ, какъ тѣло его покачивалось изъ стороны въ сторону, и думалъ, что въ этихъ короткихъ словахъ, которыми обмѣнялись нашедшіе его солдаты съ кѣмъ-то, оставшимся тамъ у пушекъ, было гораздо больше теплоты, искренности и участія, чѣмъ въ суетливости тѣхъ же людей, если бы они остановили батарею, подбѣжали съ удивленными, соболѣзующими возгласами, какъ онъ этого ожидалъ.

А оба артиллериста, съ поднятыми воротниками шинелей, въ громадныхъ сапогахъ, несли его осторожно и бережно, какъ ребенка, и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно, какъ привычную ношу, обходя глубокія рывтины и осторожно перебираясь черезъ мелкія канавки.

Около пушекъ тоже не было суеты, никто не спрашивалъ, не

Дивизионный лазаретъ.

наклонялся къ раненому, какіе-то низкіе охрипшіе голоса разговаривали между собой:

— На пушку-то его не кладн... не улежить!.. Ты его на ящикъ лучше... Молодцы-то слазуютъ...

— Конечно, молодцы слазуютъ... Эй, номера, слѣзай, надобно раненаго положить!..

И, приоткрывъ глаза, Погодинъ видѣлъ въ темнотѣ, какъ безъ торопливости, спокойно и охотно слѣзали съ заряднаго ящика „номера“, чтобы отдать ему свое мѣсто.

Рядомъ съ нимъ остался сидѣть на ящикѣ только одинъ солдатъ, лица котораго онъ хорошо не разглядѣлъ.

Этотъ солдатъ поддерживалъ его все время, чтобы капитанъ не соскользнулъ на наклоняхъ, или не упалъ отъ толчка.

И, самъ того не замѣчая, Погодинъ прижался плечомъ къ дождевому плащу солдата, а когда дождь пошелъ частый, крупный и холодный, солдатъ, уже не спрашивая, взялъ голову офицера и спряталъ ее себѣ на колѣни подъ шершавую твердую полу дождевика.

Дождь шелъ сильный, тѣло капитана мокло, вода струйками бѣжала подъ одежду, но онъ какъ-то не замѣчалъ этого, лицу и головѣ, закрытымъ плащомъ, было такъ тепло, такъ хорошо пахло хлѣбомъ и сыростью отъ шинели, и такимъ ласковымъ и увѣреннымъ казался голосъ, слышавшійся откуда-то издали и покрикивавшій строго:

— Лѣвъ!.. Лѣвъ!.. Черти выѣздные!.. Нешто не видите?..

А рука солдата, лица котораго капитанъ не успѣлъ разглядѣть, все время заботливо придерживала спрятанную подъ дождевикъ голову, и Погодинъ слышалъ сквозь толстое сырое сукно шинели спокойныя и твердыя удары его сердца.

Похороны французскихъ солдатъ, скончавшихся въ плѣну.

Плѣнные австрійцы на привалѣ.

III.

Капитанъ не могъ дать себѣ отчета, сколько часовъ ѣхали они въ этомъ безконечномъ мракѣ, поворачивая съ одной дороги на другую, часто останавливаясь и, послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, снова трогаясь въ путь.

Нѣсколько разъ онъ открывалъ глаза, но видѣлъ постоянно все тотъ же глубокий мракъ и двигающіяся мимо, словно ползущія навстрѣчу, по двумъ сторонамъ дороги, высокія, черныя, мокрыя деревья, раскачиваемыя изъ стороны въ сторону ночнымъ вѣтромъ.

Ѣхать было неспокойно, зарядный ящикъ поминутно подбрасывало, на ухабахъ онъ проваливался то однимъ колесомъ, то другимъ, а иногда, габъжавъ на лошадей, заваливался назадъ, при чемъ дышло вздымалось вверхъ чернымъ грозющимъ пальцемъ, но Погодину это ночное путешествіе со всеми его неудобствами казалось въ тысячу разъ привлекательнѣе лежанія въ покинутой деревнѣ, среди труповъ и забытыхъ раненыхъ.

Иногда солдатъ, державшій его голову, кричалъ что-то выѣзднымъ, но самые звуки его голоса долетали глухо до капитана, заглушаемые толстымъ плащомъ, и лежа головой на колѣняхъ солдата, Погодинъ слышалъ только, какъ внутри могучаго здороваго тѣла что-то гудѣло, и гудѣніе это напоминало шумъ и вздохи мельничнаго колеса, черезъ которое обжигитъ бѣлая иѣнящаяся лента, походящая на безконечно разматываемое, дорожное кружево.

И, не прислушиваясь къ вѣшнымъ звукамъ, капитанъ ловилъ ухомъ, усталымъ отъ грохота канонады, эти странные переливы человеческого голоса, зарождавшагося внутри здороваго и могучаго солдатскаго тѣла, и они убаюкивали его, давая его душѣ тотъ покой, котораго она ждала такъ долго и въ которомъ такъ нуждалась.

Капитанъ задремалъ. Собственно, это былъ даже не сонъ, а какое-то забытье, сквозь которое онъ продолжалъ чувствовать четкіе удары сердца солдата и его дыханіе. Когда зарядный ящикъ наклонился сильно на одну или другую сторону, капитанъ, не раскрывши глазъ и не обрывая нити сновидній, инстинктивно хватался одной рукой за желѣзную скобку, а другой за колѣно своего спутника, но все же онъ спалъ и даже видѣлъ сны, — какіе-то безсвязные, но невыразимо прекрасные.

А проснулся Погодинъ не отъ внезапнаго толчка остановившихся коней, не отъ крика выѣздныхъ и не отъ того,

что державшій его голову солдатъ измѣнилъ положеніе, но — почувствовавъ внезапно, что надо проснуться, что что-то случилось, и что спокойная ночь кончилась. Онъ раскрылъ широко глаза и не увидѣлъ уже прежняго ночного мрака — было раннее утро, сѣрое, мокрое и холодное.

Батареи стояли, вытянувшись безконечнымъ караваномъ вдоль дороги, среди полей, подернутыхъ холоднымъ упругимъ туманомъ ранняго утра и покрытыхъ мелкой ледяной росой. Этой же росой обсыпаны были и сѣрыя доски зарядныхъ ящиковъ, и сѣрые стволы орудій, и сѣрыя шинели людей, превратившихся въ какія-то неуклюжія массы, поднимая воротники и замотавъ шею баблыками.

Впереди себя Погодинъ видѣлъ выѣздныхъ, сидѣвшихъ такъ же, какъ и вечеромъ; а съ правой стороны, на тонконогой красной лошади — офицера въ сѣромъ дождевомъ плащѣ и надвинутомъ на лобъ капюшонѣ, около котораго, разбрызгивая копытами грязь, неспокойно танцовала казачья лошадь, а самъ казакъ, — здоровенный дѣтина со сѣдой окладистой бородой, въ приплюснутой фуражкѣ, съ мотающейся на ремнѣ пикой, — докладывалъ что-то, чего нельзя было слышать, и указывалъ пальцемъ нѣсколько разъ

вдоль горизонта, въ даль холодныхъ туманныхъ полей.

Едва успѣлъ казакъ повернуть свою маленькую неспокойную лошадь и заставить ее перепрыгнуть довольно широкую канаву, чтобы безъ дороги помчаться прямо въ поле, какъ офицеръ въ сѣромъ плащѣ, повернувшись лицомъ къ батарее, закричалъ что-то непонятное для Погодина, и ему отвѣтили сразу десятки голосовъ...

Закричали всѣ сразу, оживились куцья фигуры, дремавшія въ сѣдлахъ и на ящикахъ, караванъ орудій раздробился, каждое изъ нихъ въ отдѣльности повернуло вправо, заработали нагайки, закричали ѣздовые, и, вынесенныя здоровыми конями, неутомленными и шедшими всю ночь шагомъ, запряжки помчались съ дороги прямо въ открытое поле, надъ которымъ уже розовѣло и дрожало блѣдное зарево восходящаго солнца.

Казакъ принесъ извѣстіе о появленіи противника и приказаніе немедленно выѣхать на позиціи. Люди, не спавшіе всю ночь и

Молебствіе.

Братскія могилы.

не отдыхавшіе послѣ вчерашняго дня, безъ слова недовольства, такъ же спокойно, какъ и наканунѣ, готовились дѣлать свое дѣло.

Высота, которую нужно было занять, спускалась къ полямъ пологимъ скатомъ, а въ сторону непріятеля болѣе крутымъ и увѣнчивалась невысокимъ гребнемъ, за который удобно было поставить орудія.

Черезъ поле промчался галопомъ.—земля была достаточно тверда, чтобы не вязли колеса тяжелыхъ орудій, и вынеслись на высокой скачѣ всѣ вмѣстѣ, дружно, съ крикомъ и посвистомъ.

Капитанъ видѣлъ, какъ дѣловито спрыгнули со своихъ мѣстъ „номера“, видѣлъ, какъ нѣсколько минутъ посетились они около орудій и, отбѣгивъ послѣднія, начали поворачивать ихъ дулами къ крутому скату возвышенностей.

Чей-то молодой звонкій голосъ крикнулъ:

— Пошелъ!.. Готово!..

И, подхвативъ сразу, дружно, освободившіеся передки, кони тронулись рысью обратно, чтобы укрыться въ шагахъ пятистахъ позади, за длиннымъ сѣрымъ сараемъ, единственнымъ прикрытиемъ въ этомъ широкомъ, гладкомъ и открытомъ полѣ.

Капитанъ такъ и остался сидѣть или, вѣрнѣе, полудрежать на сидѣннй передка, только солдатъ, державшій его голову, спрыгнулъ вмѣстѣ съ остальными, и Погодинъ теперь уже самъ долженъ былъ держаться двумя руками за желѣзныя скобки, чтобы не вывалиться.

— Эхъ, ваше высокоблагородіе,—говорилъ солдатъ, одинъ изъ оставшихся при ящикахъ, помогая капитану спуститься на землю, когда они укрылись за сараемъ:—надобно было вѣсть еще ночью въ панскомъ хуторѣ высадить... тамъ бы и для васъ покою больше было, да и намъ тоже... только батарейный не приказывалъ, говоритъ: „мы лучше его до лазарета доведемъ“, кто жь думалъ, что придется поутру на позиціи вѣхать!

Трава была холодная, уже совсѣмъ желтая и мокрая.

Капитанъ сѣлъ на нее, прислонясь спиной къ сѣрымъ бревнамъ стѣны сарая, и смотрѣлъ изъ-за угла на ту привычную, размѣренную и имѣвшую глубокой внутренней смыслъ суету, которая происходила около орудій.

Тамъ копошились сѣрыя фигуры солдатъ, доставали что-то изъ открытыхъ ящичковъ, черныя дула то поднимались, то опускались, словно выбирая цѣль, отыскивая что-то въ тающемъ жемчужномъ туманѣ далекаго поля.

Изъ-за сарая къ орудіямъ и отъ орудій къ сараю перебѣгали подносчики, и капитанъ очень удивился, когда одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ нему и спросилъ голосомъ стараго друга, съ которымъ пришлось дѣлать не мало тяжелыхъ минутъ:

— Ну, какъ, ваше высокоблагородіе?.. Вы здѣсь полежите, а мы пока что поцалимъ!.. И къ вамъ забѣгу еще!..

Солдатъ оклабился, и изъ-подъ толстыхъ губъ показались крѣпкіе, желтые, ровные зубы. Капитанъ опять остался одинъ и нѣсколько минутъ въ недоумѣннй спрашивалъ себя, что это за солдатъ, почему онъ такъ заботливъ, и что собственно связываетъ его съ капитаномъ Погодинымъ... Усталый и больной мозгъ долго не могъ дать отвѣта на этотъ вопросъ, и только послѣ того, какъ капитанъ

повторилъ въ памяти всѣ событія прошедшей ночи, онъ догадался, что этотъ солдатъ тотъ самый, что сидѣлъ съ нимъ рядомъ на ящикѣ и такъ нѣжно, такъ заботливо, такъ наивно держалъ его голову, пряча ее подъ дождевымъ плащомъ.

И капитану пріятно было чувствовать, что среди этой суеты здоровыхъ и бодрыхъ людей, онъ, раненый, усталый и измученный, не одинокъ, не забытъ, что есть среди этихъ людей одинъ, съ которымъ связываютъ его таинственныя узы, связываютъ извѣстныя только имъ двоимъ событія этой ночи. Погодинъ, лежа все у той же стѣны, слѣдилъ теперь уже самъ глазами за своимъ ночнымъ товарищемъ и ожидалъ, когда тотъ снова вспомнитъ о немъ и навѣститъ его.

До открытія огня солдатъ успѣлъ забѣжать за сарай еще разъ и еще разъ освѣдомиться у капитана о его здоровьѣ.

— Не надо ли вамъ чего, ваше высокоблагородіе? — спросилъ онъ, хотя и самъ онъ и капитанъ отлично понимали, что при этой обстановкѣ

врядъ ли можно было чего-нибудь желать.

Но Погодинъ отбѣнилъ это проявленіе врожденной деликатности въ простомъ солдатѣ и, глядя ласковыми глазами въ лицо наклонившаго надъ нимъ челоуѣка, тихо произнесъ:

— Спасибо, голубчикъ!.. Ничего!

А солдатъ засмѣялся опять беззвучнымъ ободривающимъ смѣхомъ и, убѣгая, бросилъ:

— Сейчасъ палить начнемъ!.. Ужо забѣгу!..

Въ ту же минуту издалека, откуда-то изъ-за пелены тумана, теперь медленно всплывавшаго къ небу, быстро, послѣдовательно и твердо прозвучали шесть выстрѣловъ.

И въ ту же минуту, словно ожидая этихъ далекихъ звуковъ, совсѣмъ близко, въ пятистахъ шагахъ отъ сарая, за которымъ сидѣлъ на травѣ капитанъ, оглушительно лязгнули шесть металлическихъ жерлъ, и шесть снарядовъ, разсѣкая холодный и упругій утренній воздухъ, съ воемъ понеслись туда, откуда блеснули первые огоньки.

Разговоръ орудій завязался, горячій и непрерывный!..

Капитанъ Погодинъ видѣлъ, какъ около каждой пушки, словно автоматы, работали, выполняя тѣ же, твердо заученныя движенія и приемы, сѣрые одинаковые солдаты, какъ, блеснувъ огнемъ и выбросивъ снопикъ голубого дыма, орудіе вздрагивало и отпрыгивало назадъ, а вмѣстѣ съ нимъ отпрыгивали и вздрагивали всѣ сгрудившіеся около него люди, лежавшій же на землѣ у крайняго орудія съ трубкой у уха телефонистъ равнодушно кричалъ высокимъ, рѣзкимъ, перекрикивающимъ грохотъ пальбы, голосомъ:

— Прицѣлъ семьдесятъ!.. Прицѣлъ семьдесятъ два!..

Непріятель долго не могъ пристрѣляться. Сперва его снаряды падали впереди батареи на низину, затѣмъ начали сыпаться вправо, но вдругъ послѣдовало нѣсколько почти вѣрныхъ разры-

Деревенская церковь, разрушенная непріятельскимъ снарядомъ.

вовь впереди сарая и вправо от крайняго орудія, около котораго лежалъ телефонистъ.

Капитанъ взглядомъ отыскивалъ среди людей своего солдата, но онъ плохо запомнилъ его лицо, да и вообще трудно было различить лица этихъ одинаковыхъ людей, пробѣгавшихъ мимо или суевившихся у дымящихся и вздрагивающихъ пушекъ.

Солнце уже взошло гдѣ-то за облаками и свѣтилось блѣднымъ пятномъ сквозь ихъ сѣрую завѣсу, а непріятельскія пушки по-прежнему выбрасывали снаряды, рвавшіеся теперь между сараемъ и батареей, или вправо, недалеко отъ наблюдательнаго пункта.

Погодину становилась уже въ тягость эта кровавая игра: по-первыхъ, съ той минуты, какъ мимо него пронесли солдата съ перебитыми осколкомъ ногами, онъ почувствовалъ, какъ вдругъ заболѣли его раненыя ноги, на нѣсколько часовъ было затихшія, во-вторыхъ, отъ гула и грохота заболѣла ноющей, тянущей болью голова, и мучила жажда.

Погодинъ нѣсколько разъ уже спрашивалъ возившихся около зарядныхъ ящиковъ солдатъ, нѣтъ ли у кого въ баклажку воды.

И на этотъ разъ капитану этотъ вопросъ не показался пустымъ звукомъ и лишеной смысла любезностью, онъ пошевелилъ съ трудомъ засохшими губами и едва слышно произнесъ одно только слово:

— Воды...

Солдатъ ветрепенулся.

— Воды? Ахъ ты, Господи!.. Сей минуту, ваше высокоблагородіе...

Онъ поспѣшно сбѣгалъ къ одному изъ передковъ, порывся въ ящикъ и вернулся обратно съ фляжкой въ рукахъ.

— Пейте, ваше высокоблагородіе!.. Пейте...

И, глотнувъ первый глотокъ, капитанъ почувствовалъ сразу облегченіе, словно вдругъ устыдился того, что онъ отнял съ солдата послѣдніе глотки воды, которая теперь была такъ дорога, но отказаться отъ нея все же не хватило силъ: онъ только прошепталъ:

— Я тебя оставляю, братецъ... Я—сейчасъ...

И, глотнувъ еще нѣсколько разъ, онъ съ внутреннимъ сожалѣніемъ передалъ солдату почти пустую баклажку... Въ ней осталось едва нѣсколько глотковъ.

Походная церковь на позиціи. Справа у аналая—входъ въ окопъ. Позиціи замаскированы.

но ночь шли безъ приваловъ, и запастись водой было негдѣ, а старую уже всю выпили.

— Потерните маленько, ваше высокоблагородіе, добродушно отвѣтилъ одинъ изъ спрошенныхъ: скоро вотъ покончимъ съ нѣмцемъ, обязательно дневка будетъ... да и васъ до лазарета доставимъ...

Но съ каждой минутой дѣлалось все тяжелѣе и тяжелѣе. Голова, словно налитая свинцомъ, терзала безконечной тянущей болью, въ ушахъ стоялъ безпрерывный гулъ воющихъ и лонающихъ снарядовъ, горло пересохло и казалось чѣмъ-то чужимъ, или сдѣланнымъ изъ какого-то неизвѣстнаго вещества. Капитанъ уже лежалъ безсильно у стѣны и глядѣлъ усталымъ взглядомъ въ сѣрое, покрытое облаками, небо, съ тоской прислушиваясь и вздрагивая при каждомъ выстрѣлѣ, при каждомъ разрывѣ ударившейся о землю нѣмецкой гранаты.

Хотѣлось ему хотя бы забыться, уснуть тяжелымъ мертвымъ сномъ, чтобы не видѣть и не слышать вокругъ себя ничего, пока не замолкнутъ эти грохочущія орудія, и не успокоится вздрагивающая отъ ударовъ снарядовъ земля.

И вдругъ надъ самымъ ухомъ раздался знакомый милый голосъ, и прозвучали слова, такія простые, такія неожиданныя въ этой обстановкѣ:

— Ваше высокоблагородіе, ну, какъ вы? Не прикажете ли чего?

Въ эту минуту случилось что-то внезапное и ужасное.

Капитанъ помнилъ, что солдатъ взялъ изъ его рукъ бутылку, но въ эту минуту передъ глазами его блеснула яркій свѣтъ, что-то оглушительно загремѣло, и кругомъ засвищали въ воздухѣ разсыпавшіеся вѣромъ осколки.

Нѣсколько минутъ оглушенный и остѣпленный Погодинъ лежалъ на землѣ, но, открывъ глаза и поднявъ голову, онъ увидѣлъ передъ собой того же солдата, но уже лежащаго на землѣ съ мертвенно блѣднымъ лицомъ. Въ рукахъ онъ держалъ ту же завѣтную баклажку.

Шинель его была растерзана, разорвана и черна отъ сочившейся крови. Куда онъ былъ раненъ—капитанъ Погодинъ не имѣлъ времени сообразить, онъ услышалъ чуть слышный, задыхающийся голосъ:

— Пейте, пейте, ваше высокоблагородіе!.. Мнѣ теперь не надо... все одно—помираю...

Капитанъ хотѣлъ сказать что-то, возразить, схватить за руку своего товарища, но не посмѣлъ, остановленный выраженіемъ его лица, внезапно поблѣвшаго, и широко раскрытыхъ глазъ, остановившихся и переставшихъ быть живыми.

И лицо это уже не было простымъ, обычнымъ, солдатскимъ, — лицо это и взглядъ мертвыхъ глазъ были такъ же свѣтлы и прекрасны, какъ послѣдніе часы жизни убитаго.

Къ разказу „Крестъ“. Бѣшено мчали кони по лѣсной широкой дорогѣ.

Сбѣгалъ Ѳеодоръ, принесъ въ ковшѣ воды. Лязгнувъ зубами о жестъ ковша, Власъ жадно сталъ пить холодную воду, напился, задыхаясь, и, съ трудомъ переводя духъ, отдалъ ковшъ. Ѳеодоръ омылъ остатками воды лицо Власа, поставилъ пустой ковшъ на землю и обнялъ Власа за плечи. Тряслись они въ жестокой лихорадкѣ, зубы Власа стучали о зубы, руки сильно дрожали, дрожали колѣни.

— Что? Плохо, братокъ? Прилежь бы, соснуть...

Ѳеодоръ сгрѣбъ сружки, валившіяся на полу, въ большой ворохъ, примялъ ихъ ногами, уложилъ на нихъ Власа и, снявъ подрясникъ съ себя, набросилъ его на дрожавшее Власово тѣло и присѣлъ возлѣ, на краешекъ табуретки.

— Игумена... не уби-ло? — медленно, точно по складамъ читая, спросилъ Власъ съ закрытыми глазами.

— Не. Зашибся только, — отвѣтилъ Ѳеодоръ.

Помолчали.

Глухо и безпрестанно шумѣлъ за окномъ дождь, хлюпая о землю. Огонекъ фонаря быстрой змѣйкой извивался на окнѣ, и прыгали и трепетали по сводамъ и по стѣнамъ темныя тѣни, подобныя взмахамъ крылъ летучей мыши.

Власъ не могъ уснуть. Съ натугой и болью, запинаясь и вспоминая, разсказалъ онъ Ѳеодору, какъ было все, какъ рвался крикъ изъ него, какъ во всю мочь хлестала онъ горячихъ лошадей, какъ страшно было ему, и какъ гроза грохотала. Какъ тогда, на полѣ, на сѣнокосѣ вилы переломилъ, такъ сегодня хотѣлось сдѣлать что-нибудь, — дерево изъ земли вырвать, головой о камни. Невмоготу стало, и никакихъ силъ, чтобы терпѣть. Огненною мукой мучился.

Ѳеодоръ, затаивъ дыханіе, слушалъ, но не все слова разобрать могъ, потому что челюсти Власа дрожали и дергались.

— Нѣту покою мнѣ! — со стономъ и мукою говорилъ Власъ. — Такъ вотъ все мучаюсь, сдѣлать чего-то хочется; свѣтъ — не въ свѣтъ и жизнь — не въ жизнь! Машину на станціи увидѣлъ — въ сердце ударило... Такъ вотъ, сію минуту пойти куда, нобѣжать или головою о камень... Сила во мнѣ... выходу ей нѣту. Покою нѣту!

Медленно говорилъ, вдрагивая отъ озноба подъ подрясникомъ и вздыхая глубоко и протяжно.

А Ѳеодоръ, пригорюнясь, на краешекъ табурета сидѣлъ, подпирая сухонькимъ костлявымъ кулакомъ скуластую щеку, и печально качалъ головою. Пропалъ теперь Власъ. А за что? За какой грѣхъ? Или положилъ кто проклятіе на него?

Медленно и мглисто свѣтало. Въ тяжеломъ мучительномъ снѣ лежалъ безъ движенія Власъ, и въ его неровномъ дыханіи подрагивалъ трепетъ вчерашней доли; такъ на озерѣ послѣ бури

долго кругами ходить морщины, расплываясь, растекаясь по утихающей поверхности воды.

Когда медленно ударилъ колоколъ къ утрунѣ, пришли посланные игуменомъ монахи. Удивились они, увидѣвъ спящаго Власа развязаннымъ, а Ѳеодора дремлющимъ на табуретѣ. Разбудивъ обоихъ, снова замотали веревкой Власовы руки. Онъ спокойно стоялъ, самъ подставляя свои руки.

Связавъ, повели его и Ѳеодора къ игумену, на судъ и допросъ.

VI.

Игумень не совсѣмъ еще успокоился послѣ вчерашняго. Блѣденъ былъ и суровъ больше, чѣмъ всегда. При паденіи изъ экипажа онъ не сильно ушибся и теперь почти не чувствовалъ никакой боли, но, увидѣвъ предъ собою Власа, сталъ думать, что ему очень больно, и на самомъ дѣлѣ стало казаться, что больно.

Сурово сталъ онъ допрашивать Власа, стоящаго передъ нимъ съ сильно выпяченною, широкою и твердою грудью. Она сильно выпячивалась оттого, что руки его крѣпко и туго были стянуты за спиною. Ни на одинъ изъ игуменскихъ вопросовъ Власъ рта не раскрылъ, глядя упорно въ землю. Игумень не добился никакого толку и, махнувъ рукою, приказалъ отвести его въ холодную и продержатъ тамъ недѣлю на квасѣ да на сухаряхъ житныхъ. Ѳеодора же за

то, что разлззалъ Власа и, стало-быть, ослушался, осудилъ на то же самое.

Увели ихъ и заперли.

Холодная, куда сажали провинившихся монаховъ, была въ подвалѣ на грязномъ дворѣ, за конюшнями. Низенькое окно упиралось во дворъ. Лѣтомъ — задышитъ вѣтеръ и заноситъ зарышетное оконце клубами сѣрой, мутной пыли. Зимой заваливали его пышные бѣлые сугробы, закрывая скудный свѣтъ дневной. Въ холодной было сыро, промозгло, плѣсенью пахло, ползали по мокроватымъ каменнымъ плитамъ мокрицы и многоногіе пауки. Стояли двѣ деревянныя лавки и трехногій табуретъ.

Здѣсь поселились Ѳеодоръ и Власъ.

Ѳеодоръ больше плакалъ, вздыхалъ и молился Богу, а Власъ то сидѣлъ безмолвно на лавкѣ, то въ раздумьѣ, съ нахмуреннымъ челомъ, сложивъ на груди руки, медленно ходилъ по каменнымъ плитамъ отъ небольшого оконца, что было высоко въ стѣнѣ, и, густо загрязненное, Богъ знаетъ, когда мытое, тускло пропускало въ холодную дневной свѣтъ, до толстой дубовой двери, съ желѣзными скобами.

Власу было все равно, гдѣ ни сидѣть: здѣсь ли, подъ замкомъ, или въ келейничкой. Здѣсь лучше даже. Никто не мѣшаетъ, не теревитъ, не приказываетъ: дѣлай то, другое, третье... Тихо здѣсь, спокойно, безтревожно и несуетливо.

Что хоронилось на самомъ глубокомъ днѣ души Власовой, и въ чемъ было томленіе его, поднялось теперь наверхъ, разгоняя всякую муть, наружу выступило и всѣми словами сказалось: нельзя дальше въ монастырѣ оставаться. Иконы писалъ, дрова кололъ, въ келейникахъ былъ, а впрередъ — невозможно такъ. Тянетъ сердце, тянетъ и зоветъ куда-то, — за лѣсъ, что во мглистой дали исчезаетъ, за поля широкія, гдѣ волный вѣтеръ ходитъ изъ конца въ конецъ, тянетъ въ невѣдомыя мѣста, гдѣ люди въ нищемъ видѣ, въ слабости и горѣ человѣческомъ, въ тоскѣ своей земной, въ слезахъ неизсякающихъ...

Ходилъ Власъ по широкимъ плитамъ, думалъ все...

А на волѣ, тамъ, гдѣ солнце свѣтило, съ колокольными звонами проходили дни, день за днемъ, день за днемъ. И однажды во снѣ ночномъ привидѣлось Власу дѣтство: ведетъ его въ монастырь тетка, проходитъ онъ съ нею подъ темными прохладными воротами, будто коридоромъ идутъ, и вдругъ навстрѣчу имъ — покойный игумень, лицомъ свѣтлый и скорбный, какъ первоначникъ святой архидьяконъ Стефанъ, что изображенъ на свѣрныхъ вратахъ алтаря въ новомъ зимнемъ храмѣ въ честь святого Николы. Увидѣлъ игумень ихъ, идущихъ, и сказалъ Власу тихимъ голосомъ:

Опалить сердце твое великая скорбь, но мужайся, ибо отъ Господа она.

Очнулся Власъ, на ноги вкочилъ, озирается. Вотъ здѣсь, вотъ рядомъ игумень стоялъ, а здѣсь—тетка, и нѣтъ никого. Вѣтеръ шумитъ за окномъ, съ порохомъ бросаетъ въ стекла клубы пыли, Федоръ хранитъ, несомъ посвистывая, протяжный и полный проплыть звонъ колокола, возвѣщающій часъ глубокой ночи, заколотилъ сторожъ въ деревянную колодушку, охраняя монастырь отъ воровъ и лихихъ людей. Власъ перекрестился, снова легъ на лавку, но сонъ больше не приходилъ до самаго утра.

Федоръ, проснувшись, сидѣлъ на лавкѣ, почесывая за ухомъ. Долго молчалъ, вздыхая время отъ времени, и сказалъ угромо:

— Порѣшилъ я: только выпустятъ меня отсель махомъ уйду! Въ городѣ, слыхалъ я, новую церковь ставятъ. Попрошусь въ маляры — стѣны, въ случаѣ чего, бѣлить, позолоту тамъ наводить, или что. Мнѣ все одно, гдѣ ни жить. Мнѣ бы только до „Живописной книги“ добраться, а тамъ...

Черезъ семь дней отъ того дня, какъ по игуменскому повелѣнію заключены они были въ холодную, выпустили ихъ на волю и опять привели къ игумену.

Намаявшись за недѣлю безъ Власа, который ко всему порядку быть приученъ и все, что надо, дѣлалъ скоро и складно, игумень рѣшилъ оставить его попрежнему въ келейникахъ, но только не допускать его къ лошадямъ даже на шагъ единый. Федору же, какъ и раньше, быть при коровахъ.

Но послушники стали просить отпустить ихъ изъ монастыря. Игумень сначала не понялъ, переспросилъ и, услыхавъ прежнюю просьбу, разгнѣвался. Люди неблагодарные, несмыслящіе. Окоростовѣло сердце ихъ.

Распалась гнѣвомъ, игумень долго упрекалъ послушниковъ, но

докончить, что хотѣлъ сказать, не успѣлъ: доложили ему, что помѣщикъ сосѣдній генераль Ферзинъ пріѣхалъ съ сыновьями, желаетъ видѣть его высокопреподобіе и получить благословеніе.

Игумень гнѣвно сказалъ послушникамъ, чтобы они хорошенько подумали, потому что не будетъ имъ на ихъ желаніе игуменскаго благословенія споспѣшествующаго, и ушелъ къ гостямъ.

Они посидѣли у игумена недолго, вмѣстѣ съ нимъ пошли къ вечернѣ, а постѣ вечерни отслужилъ имъ игумень молебень у раки преподобнаго. Иеродьяконъ, по игуменскому повелѣнію, на эктеніи читалъ прошенія о въ путь шествующихъ и объ одолѣніи на брани.

Гервасій отъ кучера генеральскаго провѣдалъ, что указъ будто вышелъ о войнѣ съ нѣмцемъ, и генераль будто съ дѣточками на войну ѣдетъ, сражаться будетъ, потому и благодарственный молебень служить.

Когда гости уѣхали, игумень призвалъ Власа и Федора и сказалъ: — По-твоему, Власъ, вышло, да не совсѣмъ. Завтра бери свои бумаги и иди въ городъ, къ воинскому начальнику. Война объявлена, такъ тебѣ явиться надобно, возрастъ-то твой какъ разъ призывной. Я бумаги твои посмотрѣлъ. А ты, Федоръ, какъ бѣлобилетный, оставаться можешь. Иди къ своему послушанію да на будущія времена, смотри, покорливъ будь!

— И я съ Власомъ! — сказалъ Федоръ.

— Тебѣ-то зачѣмъ? Тебѣ не надобно.

— А мнѣ все одно: куда онъ, туда и я.

— Просить не буду. Но помни: ежели вернешься назадъ,—въ обитель не приму, зане поступокъ твой своеволенъ.

Сдвинувъ накрѣпко брови, ногой топнулъ игумень.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ разсказу „Крестъ“. Удивились они, увидѣвъ спящаго Власа развязаннымъ, а Федора дремлющимъ на табуретѣ.

Дневник военных действий.

К. Шумского.

Во время распутицы.

Наступившая распутица совершенно прекратила крупные операции на нашем фронте, хотя войска обѣихъ сторонъ продолжали еще нѣкоторое время борьбу, имѣющую мѣстный характер. Борьба эта сводилась главнымъ образомъ къ тому, чтобы занять болѣе удобныя для обороны и наступления и менѣе затопляемыя мѣста къ началу распутицы.

Наше наступление, закончившееся распутицей, продолжалось въ общемъ около недѣли. Результаты этого наступления подлежатъ оцѣнкѣ прежде всего съ точки зрѣнія стратегическихъ итоговъ, т.-е. той роли, которую сыграло это наступление въ общемъ ходѣ войны, а затѣмъ съ точки зрѣнія тактическихъ итоговъ, т.-е. въ отношеніи того, насколько обѣ стороны улучшили или ухудшили свое положеніе въ томъ районѣ, въ которомъ онѣ занимали позиціи въ теченіе всей зимы и откуда онѣ должны начать будущія крупныя весеннія и лѣтнія операции.

Съ точки зрѣнія стратегической можно усмотрѣть, что это наступление оказало нѣкоторое вліяніе на ходъ операций у Вердена, хотя вліяніе лишь временное. Дѣйствительно, въ періодъ нашего наступления нѣмцы почти не производили атакъ у Вердена и ограничились одной ожесточенной бомбардировкой этой крѣпости. Это могло имѣть значеніе въ томъ отношеніи, что давало возможность нашимъ союзникамъ подкрѣпить свои средства борьбы въ Верденскомъ районѣ и вообще нѣсколько улучшить свое положеніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ необходимо отмѣтить, что, по свѣдѣніямъ иностранной печати, переданнымъ нашимъ телеграфнымъ агентствомъ, нѣмцы увезли нѣкоторыя части войскъ изъ-подъ Вердена въ направленіи на нашъ фронтъ, при чемъ эти увезенныя части были замѣнены частями германскаго ландштурма, привезенными изъ Германіи.

Такимъ образомъ наше наступление безусловно нѣсколько стѣснило операции нѣмцевъ у Вердена. Однако, такъ какъ вскорѣ должна была наступить распутица на нашемъ фронтѣ, то слѣдовало ожидать, что нѣмцы возобновятъ къ этому времени свои атаки подъ Верденомъ, что и случилось.

Далѣе слѣдуетъ имѣть въ виду, что наше послѣднее наступленіе, какъ это мы отмѣчали съ самаго начала, не имѣло характера крупной стратегической операции и не задавало цѣлью продвинуться на особенно большое разстояніе впередъ, а имѣло цѣлью нѣкоторое улучшеніе позицій на отдѣльныхъ участкахъ фронта. Поэтому наибольшій интересъ представляютъ результаты нашего наступления въ смыслѣ тактическомъ.

Разсматривая его въ этомъ отношеніи, мы можемъ видѣть, что наибольшій успѣхъ былъ достигнутъ нашими войсками не тамъ, гдѣ велась главная атака, а на юго-западномъ фронтѣ, у Уебько, т.-е. близъ румынской границы на Дибѣстрѣ. Здѣсь нашими войсками было взято важное предмостное укрѣпленіе, вслѣдствіе чего австрійцы въ этомъ районѣ должны были отойти на правый берегъ Дибѣстра и не могли уже оборонять эту рѣку активно. Такъ какъ поблизости здѣсь находится румынская граница, въ которую австрійцы упираютъ свой правый флангъ, то ясно, что все австро-германское расположеніе почувствовало серьезный ударъ, ибо всякіе удары, направленные въ сторону фланговъ, вообще чувствительны.

Если наше наступленіе имѣло успѣхъ въ районѣ праваго фланга всего австро-германскаго фронта, т.-е. у румынской границы, то оно имѣло также нѣкоторый успѣхъ и въ районѣ лѣваго фланга всего австро-германскаго фронта, а именно въ Прибалтикѣ. Здѣсь наши войска произвели прорывъ въ Якобштадтскомъ районѣ—у Августингофа. Прорывъ этотъ, правда, имѣлъ тактическое, т.-е. мѣстное значеніе и не былъ особенно глубокъ, но, такъ какъ все наше наступленіе велось для улучшенія фронта, то, слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ цѣль на Двинѣ была достигнута.

Главнымъ райономъ боя, какъ мы уже отмѣчали, былъ районъ озеро между Двинскомъ и Вильной. Здѣсь нашъ успѣхъ выра-

На Страстной недѣлѣ. Картина Влад. Кузнецова.

зился въ томъ, что нашими войсками было занято Великое Село, представляющее собою небольшой дорожный узелъ, а затѣмъ рядомъ была занята озерно-лѣсистая позиція у озера Секлы, представляющая нѣкоторыя выгоды для обороны.

Въ другихъ районахъ боя, а именно у Поставъ и у озера Нарочъ, наши войска также продвинулись на болѣе выгодныя позиціи и взяли около 1.500 плѣнныхъ солдатъ и 20 офицеровъ германскихъ войскъ, а также значительное количество различнаго снаряженія и боевыхъ припасовъ.

Такимъ образомъ въ общемъ итогѣ слѣдуетъ считать, что наше короткое наступленіе достигло тѣхъ задачъ по улучшенію фронта и по занятію болѣе выгодныхъ позицій, которыя это наступленіе и преслѣдовало. На большее, конечно, рассчитывать нельзя было, вслѣдствіе короткаго времени, оставшагося до распутицы. Сверхъ того вообще слѣдуетъ имѣть въ виду, что непосредственнаго вліянія на будущія весеннія и лѣтнія операции это наступленіе имѣть не могло, такъ какъ шансы обѣихъ сторонъ въ будущей рѣшительной борьбѣ во время весны и лѣта зависятъ отъ многихъ сложныхъ причинъ, которыя мы болѣе или менѣе выясняли въ нашихъ предыдущихъ статьяхъ.

Какъ мы уже упоминали выше, въ связи съ распутицей должны были оживиться нѣсколько заглохшія операции нѣмцевъ у Вердена. Намъ, къ сожалѣнію, неоднократно приходилось подчеркивать весьма неправильное представленіе о Верденской операциі, распространенное въ широкихъ кругахъ публики и отчасти поддерживаемое нѣкоторыми дилетантскими разсужденіями, а именно мнѣніе о томъ, что противъ Вердена ведется весьма серьезная операція, чуть ли не „осада“, и что якобы медленное теченіе этой операциі нисколько не гарантируетъ Верденъ отъ того, что онъ долженъ непремѣнно пасть. Доказывалось и доказывается, что, такъ какъ операція противъ всякой крѣпости вообще имѣютъ медленный характеръ, то онѣ имѣютъ медленный характеръ и противъ Вердена, и что Верденъ все равно, какъ всякая осажденная крѣпость, долженъ неминуемо пасть.

Ошибочность этого мнѣнія заключается въ томъ, что Верденъ нельзя сравнить ни съ какой осажденной крѣпостью, почему выводы, дѣлаемые на основаніи того, что Верденъ якобы осажденъ, невѣрны. Верденъ имѣетъ совершенно свободное сообщеніе, а именно крѣпость сообщается съ Парижемъ при помощи трехъ желѣзнодорожныхъ линій. Всего отъ Вердена отходятъ четыре желѣзныя дороги, но одна изъ нихъ, идущая черезъ Сентъ-Міель, отрѣзана германцами, какъ то и указываютъ французскія газеты. Однако надо имѣть въ виду, что желѣзнодорожная линія, идущая отъ Вердена черезъ Сентъ-Міель, отрѣзана германцами вовсе не съ началомъ ихъ операциі у Вердена, а отрѣзана 1 1/2 года тому назадъ, въ самомъ началѣ войны, и французы этой линіей и не пользовались. Это видно изъ того, что Сентъ-Міель уже съ самаго начала войны является райономъ соприкосновенія обѣихъ сторонъ.

Изъ остальныхъ желѣзнодорожныхъ линій, отходящихъ отъ Вердена, желѣзная дорога, идущая на Шалонъ, находится подъ обстрѣломъ германской артиллеріи. Эта желѣзнодорожная линія идетъ въ Верденскомъ районѣ черезъ участокъ лѣваго берега

Мааса, и здѣсь нѣмцы у Аргоннескаго лѣса имѣютъ свои батареи, расположенныя, повидимому, верстахъ въ 10—11 отъ этой желѣзной дороги. На такомъ разстояніи вполне возможенъ обстрѣлъ, почему и пользование этой дорогой небезопасно. Это вынудило французозъ организовать здѣсь автомобильное сообщеніе. Автомобилей у французозъ весьма много, и они даже въ свое время, наканунѣ сраженія на Марнѣ, перевезли на своихъ автомобиляхъ, реквизированныхъ въ Парижѣ, нѣсколько корпусозъ, которые и бросили на правое крыло арміи Клукка, вынудивъ этимъ нѣмцевъ начать отходъ обратно. При такомъ обилии автомобилей французозы, конечно, могутъ поддерживать сообщеніе на томъ 35-верстномъ участкѣ желѣзной дороги Верденъ—Шалонъ, который обстрѣливается, а на остальной части этой дороги желѣзнодорожное сообщеніе протекаетъ уже въ условіяхъ полной безопасности.

Наконецъ, самое главное, имѣются еще двѣ желѣзнодорожныя линіи, отходящія отъ Вердена, которыя идутъ далеко отъ германскаго расположенія, почему сообщеніе по нимъ производится совершенно свободно. Одна изъ этихъ линій идетъ черезъ Баръ-ле-Дюкъ къ Парижу, а другая туда же черезъ Ровини.

Уже изъ одного этого можно видѣть, что ни о какой „осадѣ“ Вердена не можетъ быть и рѣчи, разъ онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи вполне безопасный, обеспеченный подвозъ, не говоря уже о томъ, что рядомъ съ Верденомъ расположены вправо и влево французскія полевыя арміи. Если бы Верденъ дѣйствительно былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ и не имѣлъ сообщенія съ тыломъ, то можно было бы говорить, что медленность германскихъ операций нисколько не гарантируетъ отъ того, что Верденъ въ концѣ концовъ падетъ. Однако, такъ какъ Верденъ совершенно не обложенъ, то его, разумѣется, нельзя сравнивать ни съ Портъ-Артуромъ, ни съ Льежемъ, ни съ Новогеоргиевскомъ, ни съ Перемышлемъ, ибо такое сравненіе есть серьезнѣйшая ошибка.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если обложенная со всѣхъ сторонъ крѣпость падетъ, ибо сегодня она выпускаетъ, допустимъ, 1.000 снарядозъ, черезъ недѣлю уже только 100, черезъ мѣсяць уже только 10, а затѣмъ перестаетъ стрѣлять и умираетъ естественной смертью осажденной крѣпости. Совершенно иное дѣло крѣпость неосажденная, какъ въ данномъ случаѣ Верденъ, такъ какъ такая крѣпость выпуститъ нужное количество выстрѣловъ и сегодня, и завтра, и такъ вплоть до того дня, пока будетъ вестись операція.

Если уже съ чѣмъ можно сравнить Верденъ, такъ это съ ма-

Генераль-отъ-инфантеріи Д. С. Шуваевъ, назначенный военнымъ министромъ.

К. М. Чуковский („Ива“).

Е. А. Егоровъ („Новое Время“).

В. Д. Набоковъ („Рѣчь“).

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко („Русское Слово“).

Русскіе журналисты, отправившіеся въ качествѣ корреспондентозъ крупнѣйшихъ русскихъ органовъ печати, по приглашенію англичанъ, на западный фронтъ, въ Англію и Францію.

ленькимъ Осовцомъ, который такъ же, какъ Верденъ, не былъ обложенъ, и около котораго такъ же вправо и влево была расположена полевая армія. Мы знаемъ, какъ долго сопротивлялась эта маленькая крѣпость, что, конечно, всецѣло зависѣло отъ того, что она не была обложена, и тѣмъ паче еще больше основанийъ разсчитывать на прочность во много разъ болѣе сильнаго и могущественнаго Вердена.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что ходъ событій вполне опредѣленно подчеркиваетъ неудачу нѣмцевъ у Вердена, и что 7 недѣль операцій не приблизили врага къ цѣли.

Какъ мы уже упоминали, главнымъ райономъ атаки является правый берегъ Мааса, гдѣ нѣмцы ближе всего къ Вердену и гдѣ они занимаютъ одинъ изъ Верденскихъ фортозъ—фортъ Дуомонъ. Однако именно здѣсь нѣмцы почти не ведутъ атакъ, что объясняется исключительно трудностью добиться здѣсь успѣха и взять слѣдующій фортъ Во. Отказъ же нѣмцевъ отъ атакъ въ главномъ районѣ операцій почти равносильнъ тайному отказу ихъ отъ задачи взять Верденъ.

Вмѣсто этого нѣмцы ведутъ атаки на второстепенномъ участкѣ, — на лѣвомъ берегу Мааса, — и хотя имъ здѣсь иногда удается занять какой-либо пунктъ, но главная линія высотъ, занимаемыхъ французозами на лѣвомъ берегу Мааса, линія Бетанкуръ-Кюмьеръ, нисколько не затронута нѣмецкой атакой.

Изъ этого можно видѣть, что вообще операція нѣмцевъ противъ Вердена уже потеряла неудачу, и что, какъ мы отмѣчали, противникъ атаками на второстепенномъ участкѣ лишь поддерживаетъ въ Германіи иллюзію, что якобы операція еще производится, ибо откровенный отказъ отъ операціи произвелъ бы слишкомъ неблагоприятное впечатлѣніе на нѣмецкое населеніе.

Одна из палат для раненых на нашем госпитальном судне „Португалия“, потопленном неприятельской подводной лодкой в Черном море.

Потопление „Португалии“.

(Съ 3 рис. и портр. на стр. 255 и 256).

Списокъ германскихъ злодѣйствъ пополнился новымъ преступленіемъ, еще неслыханнымъ даже въ чреватой всякими ужасами всеевропейской войнѣ. 17-го марта утромъ на Черномъ морѣ, близъ Анатоійскаго турецкаго побережья, неприятельская подводная лодка потопила наше госпитальное судно „Португалия“. Эта катастрофа стоила жизни болѣе чѣмъ сотни челоуѣкъ, при чемъ погибли сестры милосердія, врачи, дѣятели Краснаго Креста и невооруженный, невоенный экипажъ этого корабля-лазарета.

Преступленіе это выходитъ за предѣлы даже произвольно, даже постыдно расширеннаго нѣмцами понятія войны, какъ поголовнаго истребленія врага. Лувенъ, Реймсъ, удушливые газы, бессмысленные по своей жестокости налеты цеппелиновъ на Англію, потопленіе „Лузитанія“, — все это блѣднѣетъ и меркнетъ предъ холодно рассчитаннымъ, заранѣе обдуманымъ массовымъ

убійствомъ сестеръ милосердія, врачей и санитаровъ на „милосердномъ кораблѣ“. Трудно найти болѣшую степень злѣрства и нравственнаго одичанія, чѣмъ этотъ „рекордъ“ пиратства!

Вся обстановка происшествія исключаетъ даже тѣнь возможности ошибки или какого-либо недоразумѣнія. Потопленіе было произведено среди бѣла дня. Корабль-лазаретъ носилъ всѣ установленные для судовъ даннаго назначенія признаки. Наконецъ выстрѣлъ въ него съ лодки былъ произведенъ на разстояніи 20—25 сажень, притомъ въ упоръ и, въ довершеніе всего, по стоящему кораблю. „Герои“ подводной лодки не могли не видѣть и не знать, на кого они нападаютъ.

Катастрофа произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Госпитальное судно „Португалия“, стоявшее до послѣдняго времени въ одесскомъ порту, получило приказаніе слѣдовать въ городъ Офу на Анатоійскомъ берегу и принять тамъ съ берега болѣе 200 раненыхъ. 17-го марта около 8 часовъ утра „Португалия“ подходила къ мѣсту назначенія, и находившіеся на пароходѣ медицинскій и санитарный персоналъ дѣятельно готовился къ принятію нашихъ выбывшихъ изъ строя героев.

„Португалия“ вела за собою на буксирѣ боты для перевозки раненыхъ. Во время хода въ боты набралась вода, и когда пароходъ находился всего въ какихъ-нибудь 5—6 верстахъ отъ берега, съ ботовъ попросили остановиться, чтобы выкачать воду. „Португалия“ застопорила машины. И вотъ въ этотъ-то моментъ, близъ нея показался въ волнахъ перископъ подводной лодки. Лодка обошла пароходъ кругомъ и внезапно выпустила въ него одну за другой двѣ мины. Первая мина прошла мимо, вторая же попала въ середину парохода, въ машинное отдѣленіе. Произошелъ взрывъ, пароходъ переломился пополамъ. Корма и носъ поднялись надъ водой, и черезъ полторы минуты „Португалия“ пошла ко дну.

Нашъ миноносецъ „Смѣтливый“, вышедшій навстрѣчу „Португалии“, замѣтилъ уходящій перископъ лодки и кинулся на нее въ атаку. Но перископъ тотчасъ же скрылся, и гнуснымъ пиратамъ удалось уйти изъ-подъ обстрѣла „Смѣтливаго“. Миноносецъ послѣ того прекратилъ преслѣдованіе лодки и сталъ подавать помощь утопавшимъ пассажирамъ „Португалии“.

Госпитальное судно „Португалия“, потопленное миной съ неприятельской подводной лодкой в Черном морѣ, у береговъ Анатоли.

Палуба на госпитальномъ суднѣ „Португалія“, гдѣ отдыхали раненые.

Къ мѣсту катастрофы поспѣшили также всѣ находившіяся поблизости фелюги, тральщикъ, боты, шлюпки. Удалось спасти 165 человекъ. Погибло 113. Среди нихъ уполномоченный Краснаго Креста графъ Татищевъ, старшая сестра милосердія баронесса Мейендорфъ, сестры милосердія: княжна Андроникова, Овчинникова, Александрова, Лихтанская, бар. Арнофенъ, Воронова, Семенова и другія. Погибли также помощникъ капитана Баутицъ, механикъ Нѣмченко, завѣдующій хозяйствомъ Левицкій. Среди спасшихся—супруга графа Татищева, сестра милосердія, поэтесса Е. В. Минѣева, комендантъ „Португаліи“ Тихменевъ, 53 матроса, 57 санитаровъ.

Пароходъ „Португалія“ („Portugal“) принадлежалъ извѣстной французской компаніи „Messageries Maritimes“ и до войны совершалъ пассажирскіе рейсы между Марселемъ, Александреттой, Константинополемъ и Одессой. Война застала его и другой такой же пароходъ „Экваторъ“ въ Одессѣ. Оба эти парохода были интернированы въ одескомъ порту и обращены въ русско-французскія госпитальныя суда. Команда на нихъ была смѣшанная: русскіе и французы. „Португалія“ имѣла около 6.000 тоннъ водоизмѣщенія, 15 узловъ хода и хорошія пассажирскія помѣщенія. Внутреннія помѣщенія были передѣланы по обращеніи въ госпиталь соответственнымъ образомъ, т. е. были устроены различныя лабораторіи, кабинеты, перевязочныя и т. п.

„Португалія“ была признана пловучимъ госпиталемъ нѣмцами, болгарамъ и турками. Это было вполне и безусловно квалифицированное судно, подлежащее охранѣ и пользовавшееся привилегіями по статутамъ между-

Сестра милосердія графиня Е. В. Татищева (поэтесса Е. Минѣева), супруга уполномоченнаго Краснаго Креста, графа Л. Л. Татищева, погибшаго при потопленіи госпитальнаго судна „Португалія“. Графиня Е. В. Татищева была спасена вмѣстѣ съ другими 11-ю сестрами милосердія и находится въ Батумѣ.

Желающихъ присоединить свои подписи просятъ прислать ихъ въ Петроградскій женскій клубъ (Баскова ул., д. 2-А).

народнаго права и согласно обычаямъ войны.

Чья лодка потопила „Португалію“? Кто виновники ея гибели? Нѣмцы, турки, болгары?

По этому поводу нѣтъ двухъ мнѣній. У турокъ и болгаръ своихъ лодокъ не было. Не было у нихъ и обученнаго персонала для этихъ лодокъ. Субмарины были даны имъ Германіей вмѣстѣ съ нѣмецкой командой. Такимъ образомъ неизгладимый грѣхъ описываемаго преступленія ложится на тевтоновъ. Признавъ официально „Португалію“ госпитальнымъ судномъ, они и на этотъ разъ сочли данное признаніе „ключкомъ бумаги“ и съ спокойнымъ сердцемъ еще разъ попрли божескій и человѣчскій законъ.

Красный Крестъ разослалъ формальный протестъ противъ безчеловѣчнаго акта во всѣ центральные комитеты Краснаго Креста союзныхъ государствъ. Нечего и говорить, что не только въ союзныхъ государствахъ, но и въ нейтральныхъ странахъ злодѣяніе нѣмцевъ вызвало крикъ негодованія. Одна итальянская газета говоритъ по поводу гибели „Португаліи“:

„Нѣтъ жестокости столь варварской, нѣтъ преступленія столь позорнаго, передъ совершеніемъ котораго Германія поколебалась бы. Одно преступленіе должно слѣдовать за другимъ. Вотъ формула ея скотскаго ожесточенія. Германія перешагнула послѣдніе предѣлы преступности“.

На ряду съ протестомъ Краснаго Креста въ газетахъ опубликованъ яркій протестъ русскихъ женщинъ. Приводимъ выдержку изъ него:

„Горе той странѣ, гдѣ не найдется людей, достаточно честныхъ и независимыхъ, чтобы сказать: „Да, война—есть война, но врачи, сестры, санитары ограждены неприступнымъ кругомъ. Состраданіе и самоотверженіе несутъ они на поля битвы, и рука солдата не смѣетъ подняться на тѣхъ, кто идетъ съ нимъ подъ знакомъ Креста.“

„Неужели женщины Германіи, Австріи, Болгаріи, Турціи не содрогнутся, узнавъ о томъ, какъ ихъ братья, отцы, мужья убиваютъ беззащитныхъ? Неужели, если голосъ нашего возмущенія дойдетъ до нихъ, не раздастся въ ихъ душахъ отвѣтнаго отголоска?“

„Пусть же всѣ женщины Россіи, которыя раздѣляютъ нашу скорбь о погибшихъ подъ челоуѣколюбивымъ знакомъ Креста и наше омерзѣніе къ ихъ убійцамъ, присоединятъ свою подпись къ этому протесту“.

Протестъ этотъ предполагается черезъ принца Карла Шведскаго послать въ международный комитетъ Краснаго Креста въ Женеву и придать ему самую широкую международную огласку.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: У креста. Разсказъ Н. Карабана-Николаева. — Случайный другъ. Быль Вадима Бѣлова. — Крестъ. Разсказъ Л. Добронравова. (Продолженіе). — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Потопленіе „Португаліи“. — Объявленія.

РИСУНКИ: Продавецъ образковъ. Картина И. Творожникова (въ краскахъ). — За улакомъ души павшихъ. Картина Г. Максена. — Страстная Суббота. Картина Г. Иенсена. — Ессе homo! Картина А. Цизери. — Эклиезіастъ. Картина И. Аскназія (въ краскахъ). — Дивизионный лазаретъ. — Похороны французскихъ солдатъ, скончавшихся въ плѣну. — Плѣнные австрійцы на привалѣ. — Молебствіе. — Братскія могилы. — Деревенская церковь, разрушенная неприятельскимъ снарядами. — Походная церковь на позиціи. — Иллюстраціи И. Ижакевича къ разсказу „Крестъ“ Л. Добронравова. — На Страстной недѣлѣ. Картина Влад. Кузнецова. — Ген.-отъ-инфантеріи Д. С. Шувалевъ, назначенный военнымъ министромъ. — Русскіе журналисты, отправившіяся въ качествѣ корреспондентовъ на западный фронтъ. — Къ потопленію „Португаліи“ (3 рис. и портретъ).

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за апрѣль 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за апрѣль 1916 г. съ 45 рис., отдѣльный листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. величину и 22 рис. дамскихъ рукодѣлій.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

1916 г.
№ 15

Изданія XLVII г.

Выдакъ 9-го апрѣля 1916 г.

Политики и современной жизни

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

Объявленія для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку монументаль въ одинъ столбчикъ (въ ¼ ширины страницъ): первая строчка 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 60 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Маймина-Сибиряка“ кн. 22.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ЗАЕМЪ И ПОБѢДА.

Кто изъ насъ не хочетъ помочь нашему храброму воинству?

Кто изъ насъ не желаетъ пораженія нашему врагу?

А вѣдь каждый изъ насъ можетъ помочь этому, удѣливъ своевременно часть своихъ свободныхъ денегъ, которыя ускорятъ нашу побѣду, а къ намъ вернутся не только безъ ущерба, но и съ большимъ приращеніемъ.

Условія займа.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ, начиная съ 1-го февраля 1916 года, 5½% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ — 1-го февраля и 1-го августа.

Уплата процентовъ навсегда освобождается отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

Всѣ облигаціи будутъ погашены 1-го февраля 1926 года; до наступленія этого срока къ выкупу займа приступлено не будетъ.

Оплата срочныхъ купоновъ и погашенныхъ облигацій будетъ производиться въ Государственномъ Банкѣ, Казначействахъ и Сберегательныхъ Кассахъ.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ порядкамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министеромъ Финансовъ.

Держателямъ облигацій настоящаго займа будетъ предоставлено

право обмѣнять ихъ на облигаціи государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 года, при чемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи сего займа по ихъ выпускной цѣнѣ.

Мѣста и время подписки.

Подписка начинается 15-го марта и принимается:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственного Банка,
въ частныхъ коммерческихъ банкахъ,
въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ городскихъ общественныхъ банкахъ и
въ обществахъ взаимнаго кредита.

по 22-го апрѣля с. г.
включительно.

Въ Петроградской Конторѣ Государственного Банка, Главномъ и Губернскомъ Казначействахъ подписка принимается, помимо присутственныхъ, также во всѣ праздничные дни отъ 11 час. до 2 ч. пополуудни, кромѣ Страстной пятницы и первыхъ двухъ дней Св. Пасхи.

въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ.

по 13-го мая с. г.
включительно.

Въ Петроградской Сберегательной Кассѣ и ея отдѣленіяхъ подписка принимается съ 10 ч. утра до 8 ч. вечера во всѣ присутственные и праздничные дни за исключеніемъ вечера Страстного четв., всего дня пятницы и субботы Страстной недѣли, перваго дня Св. Пасхи, 23-го апрѣля и 6-го мая.

Порядокъ подписки.

Выпускная цѣна назначается въ 95% номинальной стоимости, съ прибавленіемъ къ ней текущихъ процентовъ, считая съ 1-го февраля 1916 г.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

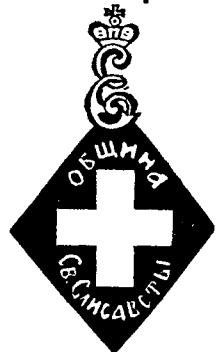
Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Государственномъ Банкѣ, въ частныхъ коммерческихъ и городскихъ общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго кредита и учрежденіяхъ мелкаго кредита на сумму свыше 300 рублей,—уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50% не позднѣе 13-го мая. Лица, подписавшіяся въ разсрочку, вносятъ, одновременно съ оплатой 50% подписной суммы, также залогъ въ размѣрѣ 5% съ номинальной суммы оставшихся не оплаченными облигацій.

Льготы по храненію облигацій.

Держатели облигацій могутъ передавать ихъ на бесплатное храненіе въ учрежденія Государственного Банка, Казначейства и Сберегательныя Кассы со взносомъ лишь установленнаго гербоваго сбора. Лица, состоящія вкладчиками Сберегательныхъ Кассъ и вносящія, при покупкѣ въ этихъ кассахъ облигацій, стоимость ихъ на сберегательную книжку, не уплачиваютъ и гербоваго сбора.

Советъ для усиленія средствъ Елисаветинской Общины сестеръ милосердія Россійскаго Общества

КРАСНАГО КРЕСТА
(Петроградъ, Полостровская наб., д. № 5.)

ПРИНИМАЕТЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯ
на нужды общины и ея лечебницъ,
при чемъ въ память о пожертвованіи одновременно не менѣе 10 р.

ВЫДАЕТЪ СЕРЕБРЯНЫЕ, а не менѣе ЗОЛОТЫЕ ЖЕТОНЫ
напечатаннаго образца.

ДЕНЬГИ СЛѢДУЕТЪ ПОСЫЛАТЬ:
Въ Петроградъ, Водопроводный пер., д. № 4, черезъ 15-е п.-т. о. Совету для усиленія средствъ Елисаветинской Общины сестеръ милосердія.

Одесск. Среди. Сельскохозяйственно-гидротехническое училище,
учр. И. М. Хойна. Съ правами казенн. учебн. завед. Тамъ же **ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ**
Пріемъ прошеній производится на 1918/17 уч. г. Прошенія вноси. въ 2 экземпля. мар.
ОДЕССА, Пушкинская, 60—5.

При ГОНОРРЕЪ
въ острой и хронической формѣ **«ДИЭПЕРИНЪ»**
послѣдуетъ ея пріимать
Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Твизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 1/22, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.
Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выискать книгу: **«Я самъ-хозяинъ»**, содержащую описание предѣльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особымъ знаніемъ и специальной подготовки. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 3 руб. 75 коп.
МОСКВА, изд-ству «ЛУЧЪ», Печатниковъ пер., 18/2.

ПИСАТЬ
КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, Батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текств. транспорант. и тетрадо-кермаг. Новѣйм. самоучит. для кор-правл. повторя въ короткій срокъ. Главн. выгл. образц. на которыхъ скорок. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.
ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйм. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ вохвъ словъ, затру-днлнмъ, и словъ съ буквою Ъ.
Адр.: Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будете, выписавши **«Механическую пропись»**. Новость въ каллиграфіи. Цѣна мал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. «СОКОЛЬ», отд. 2. (19)

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГИИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,
и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалодолъ Д-ра Сторъ. Отпускается изъ аптекъ по рецептамъ врачей. Ке-фа-ло-долъ абсолютно безвреденъ. 400
Остерегайтесь поддѣлокъ.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заночное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ**. Лыотныя условія подноскы и **БЕЗПЛАТНО.** пробная лекція
Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообра-зованія», Б. Ружейная, 7—56.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
Свѣчи «Проктоль-Пеля», новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ **ГЕМОРРОЯ.**
Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраи-ваетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.
Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
для начинающихъ
Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налог. плат. 95 к.
Адр.: Москва, изд-ству «ЛУЧЪ», отд. 2.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. мал. пл. 95 к. Адр.: МОСКВА, ред. журн. «СОКОЛЬ», Печатниковъ пер., д. 18/2.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.
Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ **«ВИКТОРИЯ»**, получаютъ лучшія цѣны. **«ВИКТОРИЯ»** вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина **«ВИКТОРИЯ»** стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно стирательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разношнне не служитъ препятствіемъ.
Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.
ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.
ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.
Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **«СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ»** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высветлится безвозмездно книга **«Цѣлебное дѣйствіе спермина»**, интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга **«Цѣлительныя силы органама»**.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-ья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА
 для ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.
Получаются блестящіе результаты.
 Брошюра № 12 по требованію бесплатно.
 Англійское Акц. О-во „АЛЛЕНЪ И ГАНБУРИСЪ“.
 Москва, Мясницкая, 32. 4008 6-1

Х И Р О М А Н Т І Я
 самая подробная книга, обучающая искусству определять по лицамъ
 ружь человека его будущую судьбу. Цена съ перес. налож. платом.
 2 р. 25 к. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18/3.

БУХГАЛТЕРІЯ ДЛЯ ВСѢХЪ. Кто хочетъ научить
 бухгалтерію, коммерц.
 корр-цію и торговые законы, долженъ выписать „Бухгалтерію для всѣхъ“—единств.
 книга, въ которой просто, ясно и общедоступно изложена вся наука. Усвоить
 чрезвычайно легко. Бесплатные совѣты и указанія всѣхъ выписавш. книгу.
 Цена 1 руб. 55 коп. Треб. адр.: Москва, Тверская, отд. 5, изд. Д. Куманова.

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

Для предупрежденія
 охриплости, простуды, насморка.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Требуйте, просите

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НАСТОЯЩІЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

въ коробкахъ съ красной бандеролью,
 снабженныхъ именемъ

VALDA

Цѣна
 1 рубль.

(H. Саппе, Paris).

УРАЛЬСКАЯ ЯШМА.
ПАСХАЛЬНЫЯ ЯИЧКИ, ПОВЕЛ. ВЕЩИ.

1-2 ПУШКИНСКАЯ УЛ., П. 4008

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ОТЪ
ЗАЙКАНІЯ Учр. А. К. Рейхе.
 Подъ упр. врача.
 Укрѣп. самоуѣтр. Бром. вѣс. бесплатно.
 Петроградъ, Итальянская (у Пассажа),
 д. 15. Лѣтомъ: Колломяни, Финл. ш. д.,
 особ. санаторія „ВОСРОЖДЕНІЕ“. 4008

НОРМАЛЬНО

противъ запоровъ
 Стомоксигенъ Д-ра Аитона Мейеръ
 Стомоксигенъ освобождаетъ желу-
 докъ легко, нормально и приятно.
 Предотвращаетъ тошноту, изжогу,
 отрыжку. Стомоксигенъ абсолютно
 безвреденъ и отпускается изъ
 всѣхъ апт. по рец. вр.

ПРИЯТНО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.

на ежемѣсячный богатъ
 иллюстрированный 16-ти-
 страничный журналъ

„ФИЛАТЕЛІЯ“
 (годъ изд. 8-й).

Единственный специал-
 ный органъ въ Россіи,
 посвященный вопросамъ коллекционированія
 марокъ.

Всѣ новости филателии находятъ немедленно

отраженіе въ журналѣ.

Подписка годовая платъ, **2 руб.** съ до-
 полнющей преміей, и пересылкой посылкой въ Россію.

Годовое подписчикъ, изданный 2 р.,

почтов. переводомъ

или легальными ру-
 сскими почтов. мар-
 ками, получаютъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ,

состоящую изъ трехъ

кѣшичекъ марокъ,

стоимостью по катало-
 гу **Фр. 4.75**

по выбору редакціи.

Подписку адресовать: **МАГАЗИНУ МАРОКЪ**

Э. ЭЙХЕНТАЛЬ,

Петроградъ, Невскій, 40/42.

4d

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

(Россія, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предѣлы, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ

всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія каждаго названія.

Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. Ю. Ш. Шемальского.

Цѣна съ пересылкой два рубля.

ЖИВУ

№ 15. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборникъ“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 9 апрѣля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Принимается подписка на „НИВУ“ 1916 г.

ТАРАНТУЛЬ

РАЗСКАЗЪ
ИВАНА ОСТРОВНОГО.

Съ иллюстраціями В. Спасскаго.

Еще въ страстную пятницу, во время выноса плащаницы, матушка встрѣтилась въ церковной оградѣ съ дьячихой. Отношенія у нихъ были не Богъ знаетъ какія завидныя.

Матушка свысока смотрѣла на дьячиху, которая по происхожденію своему не принадлежала къ духовному сословію, а сдѣлалась таковою только по слабости дьячка Матвѣя Завулонова.

Дьячокъ Завулоновъ лѣтъ шесть тому назадъ соблазнился приданымъ, которое давалъ за своей дочкой зажиточный мужикъ Омелянъ Грабенко, женился на ней и такимъ образомъ сопричислилъ ее къ духовному кругу.

Невысокій рангъ занималъ онъ въ этомъ кругу, ну, а все же Одарка, которая до тѣхъ поръ была просто дивчина Одарка, стала дьячихой, и ее такъ всѣ и называли—а это чего-нибудь стоить.

Приданое-то было небольшое и притомъ все натурой: въ видѣ пары воловъ да пары конякъ, да овецъ десятка полтора, ну, разумѣется, и проса, и жита, и муки не мало мѣшковъ перепало—у Омеляна вѣдь была своя мельница, такъ ему не трудно было намолотъ.

А Завулоновъ до того времени уже лѣтъ семь былъ на приходѣ и все не могъ устроиться, какъ слѣдуетъ. Одному человѣку трудно, особенно безъ женщины въ домѣ.

Доходъ онъ получалъ для его званія достаточный, но какъ-то все у него точно сквозь пальцы проходило, и ничего не оставалось. Выпивалъ онъ, но не столько по влеченію, сколько отъ скуки и незнанія, куда дѣвать себя. Съ писаремъ Понощатенко, который по этой части былъ большой мастеръ, связался и вообще велъ образъ жизни нигде негодный. Прямо-таки пропадалъ человѣкъ.

Ну, и пришло ему въ голову, что, если женится, то дѣла пойдутъ лучше. А тутъ какъ разъ у Омеляна дочка выросла, и приданое объявилось. Чтѣ жъ, не пропустить же ему было мимо своего носа такую благодать. Вѣдь жениться на духовной съ приданымъ ему все равно не удастся. Никто изъ состоятельныхъ

дочки за дьячка не отдастъ, а бери какую-нибудь сироту изъ монастырскихъ воспитанницъ.

Онъ и женился на Одаркѣ. Ну, и не то, чтобы Одарка не оправдала его надеждъ,—нѣтъ, по части хозяйства она оказалась даже лучше, чѣмъ онъ ожидалъ,—но характеръ ея ему не нравился.

Очень ужъ она злая была, со всѣми ссорилась. Носъ страшно высоко задирала, какъ будто не за дьячка вышла, а за какого-нибудь столичнаго протоіерея, что ли.

И очень ужъ была прижимчива. Отъ него требовала, чтобы весь доходъ ей отдавать, и постоянно выражала недовольство, что мало, и что, навѣрно, батюшка отецъ Эммануиль его обкрадываетъ на доходахъ.

— Онъ человѣкъ ученый, а ты простой,—говорила она дьячку.—Вотъ онъ тебя и обходитъ. А ты смотри въ оба.

Завулоновъ, разумѣется, прекрасно понималъ, что это вздоръ. Отецъ Эммануиль былъ препочтенный человѣкъ, котораго онъ всегда уважалъ, церковную кружку онъ довѣрялъ ему, Завулонову, и самъ же Завулоновъ велъ счетъ деньгамъ и дѣлилъ, и слѣдовательно никакимъ образомъ отецъ Эммануиль не могъ обойти его.

Но такъ уже на свѣтѣ устроено, должно-быть, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ прародительница наша Ева побесѣдовала съ глазу на глазъ со змѣемъ,—что жена, хотя бы и глупая, въ чемъ захочетъ, сумѣетъ убѣдить мужа.

И глупая дьячиха Одарка не только убѣдила въ этомъ Завулонова, а прямо-таки подчинила его себѣ, и онъ изъ хорошаго, честнаго и довѣрчиваго человѣка превратился въ лукаваго, скрытнаго и даже вороватаго.

И за эти годы, что онъ былъ женатъ, его уже не разъ уличали. То церковный староста заявитъ, что онъ продѣлываетъ какія-то штуки съ церковнымъ виномъ,—будто у него на столѣ въ видѣ угощенія появилось сладкое вино, а для церкви онъ размѣшивалъ вино съ водою; то даже сторожъ церковный Кириллъ замѣтитъ, какъ онъ изъ копейки, даваемыхъ прихожанами на

часточку, ради поминовения душ живых и умерших, часть опускает в бездонный свой карман.

А наконец и сам отец Эммануил замечает, что общая кружка, находившаяся в вѣдѣнн Завулонова, отчего-то повенному уменьшается.

Это было непонятно: годы были хорошие, урожайные, прихожане молились исправно, заказывали и молебны и панихиды, энергично рождались, крестились, вѣнчались и помирали и за все, конечно, приносили „даяніе благо“, а кружка становилась меньше прежнего.

Ну, тогда и отец Эммануил, даромъ что былъ не сребролюбецъ, усомнился, проверилъ и подсчиталъ. Вышло — подозрительно. И пришлось отобрать кружку отъ Завулонова и передать ее церковному старостѣ.

А потомъ и матушка сдѣлала наблюдение, что Завулоновъ при дѣлѣжкѣ хлѣбовъ въ великомъ посту, по субботамъ, когда прихожане поминали своихъ умершихъ предковъ, тоже норовилъ прикарманить лишній десятокъ „кнѣшій“ и яблочек, и апельсиновъ (ихъ также приносили въ церковь съ той же цѣлью). Когда, во время служенія панихиды, отецъ Эммануилъ читалъ безконечный списокъ именъ, онъ умудрялся напихивать ихъ къ себѣ въ карманы, а то случалось еще, что туда же, въ тѣ же карманы, попадала и баночка съ медомъ.

Матушка понимала, что Завулонова испортила его жена Одарка, такъ какъ раньше, до женитьбы, онъ былъ честнымъ человѣкомъ. И ей было жаль дячка, но съ этимъ же ничего нельзя было подѣлать.

Вѣдь не работница какая-нибудь, которую можно прогнать, а жена, ужъ это на всю жизнь.

Сперва она снисходительно относилась къ продѣлкамъ Завулонова, а потомъ, видя, что онъ уже закоренился въ своей порчѣ, она потребовала отъ отца Эммануила, чтобы тотъ строго съ нимъ обратился.

Ну, и бывали случаи, когда Завулоновъ ставилъ себя въ такое положеніе, что лучше бы ему сквозь землю провалиться. Еще

хорошо, если отецъ Эммануилъ уличать его въ алтарь, а то раза два случилось такъ, что онъ прямо въ церкви, при народѣ, велѣлъ ему выложить изъ кармановъ все, напиханное туда „по ошибкѣ“. И Завулоновъ, краснѣя и корчась, вынималъ и клалъ въ общую кучу. А прихожане окончательно потеряли къ нему всякое уваженіе.

А въ прошломъ году на Пасхѣ матушка замѣтила еще новое: обыкновенно, когда отецъ Эммануилъ съ Завулоновымъ ходили по хатамъ съ крестомъ и пѣніемъ тропаря, хозяйки давали имъ всякое добро, которое сторожъ Кириллъ забиралъ въ повозку, тащившуюся позади духовенства.

Ну, ужъ тутъ Кириллъ смотрѣлъ во все глаза, чтобы Завулоновъ чего не стибрилъ. Но замѣтила матушка, что яицъ куриныхъ было привезено гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно бывало. Яйца-то бывали свѣжія, этой же весной снесенныя ранними курами.

И это обстоятельство было чрезвычайно важно, потому что матушка сейчасъ же эти яйца и подкладывала подъ своихъ „квѣчекъ“, которыхъ выводили ей цыплятъ.

Бывало, Кириллъ привозилъ сотни полторы свѣжихъ яицъ. Они шли въ дѣлежку, и матушкѣ доставалось побольше сотни, а остальное шло Завулонову, да отчасти и Кириллу за его труды. А въ тотъ разъ привезъ всего-на-все какихъ-нибудь шестьдесятъ штукъ. Понятно, что квѣчки ея остались безъ яицъ, а она сама безъ цыплятъ.

Тогда она такъ прямо и рѣшила, что это штуки Завулонова. Допрашивала Кирилла, не замѣтилъ ли онъ чего, но Кириллъ только разводилъ руками.

А подтвержденіе очень скоро само собою явилось, когда съ наступленіемъ лѣта у дячки оказался цѣлый табунъ только-что выведенныхъ цыплятъ. Откуда же? Господи ты Боже мой!

И вѣдь не глупо это было. Дячиха вѣдь цыплятъ выращивала, а сама для своего стола и одного не рѣшалась зажарить. Ей все хотѣлось наколотить побольше денегъ, такъ она продавала ихъ въ городѣ. И выходило, что она воровскимъ образомъ богатѣла насчетъ матушки.

Ну, матушка ужъ рѣшила на этотъ разъ принять свои мѣры и придумала такую штуку, чтобы разъ навсегда отбить у Завулонова охоту воровать яйца.

Но когда она въ страстную пятницу встрѣтилась съ дячихой и та поклонилась ей, а она, какъ и слѣдовало по рангу, только выше подняла голову, — то между ними произошелъ короткий разговоръ.

— Ну, что же, Дарья, — матушка не особенно чинилась съ дячихой, которую знала и въ свое время называла Одаркой, и единственная уступка, которую она сдѣлала, это та, что вмѣсто Одарки она называла ее Дарьей: — много квѣчекъ уже посадила на яйца? — спросила матушка.

— Нѣтъ, гдѣ жъ тамъ... Плохо несутся куры... Можетъ, дальне будетъ лучше...

„Ага, понимаю, — подумала матушка: — а потомъ сразу въ одинъ день сотню нанесутъ... Ладно, посмотримъ“...

И вотъ наступила Пасха. Отецъ Эммануилъ съ Завулоновымъ и Кирилломъ, который шелъ позади, рядомъ съ повозкой, сперва, разумеется, разговѣлись каждый въ своемъ домѣ и, сколько надо, послали, а потомъ отправились по хатамъ.

Село-то было не изъ маленькихъ, такъ что хожденіе это продолжалось почти цѣлый день. Только когда уже солнце совсѣмъ склонялось къ западу и пора было служить вечерню, возвращался Кириллъ съ повозкой, доверху наполненной хлѣбами и разной другой провизіей.

Тогда же являлся и Завулоновъ, и тутъ они съ матушкой, при помощи Кирилла, и дѣлили хлѣбы. Матушкѣ часть работница уносила въ амбаръ, а Завулоновъ свою клалъ въ мѣшки, а потомъ переносилъ къ себѣ.

Такъ было и на этотъ разъ. Приѣхали. Отецъ Эммануилъ, который мало интересовался этими пустяками, ушелъ въ домъ, а остальные во главѣ съ матушкой собрались дѣлить добро. Повозка была полна. Но все это были хлѣбы самыхъ разнообразныхъ формъ. Попадались, правда, и жареная курица, а то и цѣлый гусь, а яйца Кириллъ собиралъ обыкновенно въ рѣшето, которое держалъ въ передку повозки.

Вотъ матушка прежде всего и заглянула въ рѣшето. Видитъ — совсѣмъ тамъ плохо. Пожалуй,

и полсотни яиц не наберется. Взглянула она вопросительно на Кирилла, тот уловил-таки минутку и шепнул матушке, что, мол, Завулонов полные карманы штанов и кафтана набил яйцами, и еще прибавил:

— Бог его знает, когда это онъ усѣиваетъ! Никакъ услѣдить не могъ, ужъ простите, матушка!

Тогда матушка обратила свои взоры на карманы Завулонова. Это были предательские карманы. Должно-быть, ломала голову дьячиха, пока пришивала ихъ.

Весь секретъ былъ въ томъ, что они были глубоки необыкновенно, такъ что всякая вещь, положенная въ нихъ, опускаясь на самое дно, болталась гдѣ-то пониже колѣнъ, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно у человѣка бываетъ карманъ, все было гладко и для глаза незамѣтно.

Но глупый Завулоновъ все-таки зарвался и пересолнилъ. Онъ слишкомъ много натаскалъ яицъ. Въ карманахъ у него были цѣлые склады, и, какъ ни старался онъ осторожно нагибаться, а все же было видно, и матушка сейчасъ же постигла всю его махинацію.

Повозка стояла около амбара, почти посреди двора. Матушка дѣлила добычу съ такимъ спокойнымъ видомъ, какъ будто ничего и не замѣчала.

Но ужъ она успѣла шепнуть работницѣ Марушкѣ, чтобы она вызвала сюда кухарку Ганну и работника Василю, и еще какой тамъ былъ народъ, и даже самого отца Эммануила.

Она хотѣла, чтобы Завулоновъ опозорился, какъ слѣдуетъ, передъ людьми, чтобы ему наконецъ стало стыдно.

И вышли всѣ во дворъ и стали неподалеку отъ повозки. А ужъ это было прямо чудо, такъ какъ это само собою вышло, — что въ тотъ же часъ, должно-быть, не совладавъ съ своимъ жаднымъ любопытствомъ и желая посмотреть, сколько заработали хлѣбовъ, появилась изъ своей половины церковнаго дома сама дьячиха Одарка и издали смотрѣла на дѣлежку.

Вдругъ матушка остановилась, внимательно оглядѣла Завулонова и, какъ будто съ ужасомъ, всплеснувъ руками, воскликнула:

— Ахъ, Боже мой, Матвѣй Степановичъ, гляди-ка, по тебѣ паукъ ползетъ!.. Тарантулъ!.. Ей-же-ей, настоящій тарантулъ!

Завулоновъ поблѣднѣлъ и даже выронилъ изъ рукъ хлѣбъ, который въ эту минуту взять съ повозки. Онъ странно боялся пауковъ, а особенно ядовитыхъ тарантуловъ.

— Гдѣ, матушка?—дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да вотъ же, вотъ!..—отвѣтила матушка, указывая рукой на его бокъ. — Да погоди же, я его смету!.. Эй, Ганна, Василю, дайте-ка что-нибудь!.. Да вотъ!..

И она схватила стоявшую у стѣны (сама же и поставила за-благовременно) лопату, да какъ хватить ею Завулонова по ногамъ, сперва съ правой стороны, потомъ съ лѣвой, и спереди и сзади, да не по разу, а по нѣскольку разъ, да еще стараясь попадать по карманамъ его штановъ и кафтана.

И всѣ слышали, какъ при каждомъ взмахѣ лопаты тамъ, въ карманахъ, раздавалось какое-то хрустѣнье, а потомъ, потомъ!..

Вотъ ужъ что произошло потомъ, тому лучше бы и не происходить. У Завулонова былъ новый кафтанъ изъ свѣтло-сѣрой матеріи, а шаровары изъ полосатой сарпинки. И вотъ, послѣ того, какъ матушка такъ ловко согнала съ его спины тарантула, а Завулоновъ еще стоялъ въ оцѣпенѣнн. не совсемъ понимая, что произошло, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были у него карманы, начали обозна-

чаться пятна, все шире и шире. Они росли, какъ живыя. Сквозь тонкую матерію проходили и вытѣзали наружу бѣлки и желтки, а изъ кармановъ шароваръ они же просачивались внизъ и выползали прямо на землю.

Одарка издали увидѣла, все поняла и вмѣсто того, чтобы наступиться за обиженнаго мужа, юркнула обратно въ домъ и спря-талась въ своей квартирѣ. А Завулоновъ, уже окончательно понявшій все, что съ нимъ произошло, стоялъ, опустивъ руки, смущенный, дрожащій, уничтоженный.

Человѣкъ съ десятковъ народу, выползшаго на это зрѣлище изъ конюшни, изъ сараевъ, обступили его, показывали на него пальцами и оглашали дворъ громкимъ смѣхомъ, а мимо проходили прихожане, заглядывали во дворъ, заинтересовывались, входили, присоединялись, и образовалась порядочная группа.

Бѣдный же Завулоновъ озирался, схватывалъ дрожащими руками то одну, то другую полу кафтана, пытался закрыть ими позорныя пятна, но изъ этого ничего не выходило. Онъ махнулъ рукой и заплакалъ.

Тогда отцу Эммануилу, у котораго болѣло сердце отъ этого позорнаго зрѣлища, стало жаль его. Онъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и увелъ къ себѣ въ квартиру.

Ну, какъ онъ его тамъ отчитывалъ и какими словами усовершенствовалъ, этого никто не слышалъ, но, кромѣ того, онъ далъ ему возможность вымыться, вычиститься, привести себя въ порядокъ, и даже снабдилъ его своимъ кафтаномъ, чтобы Завулоновъ могъ, не вызывая насмѣшекъ, совершить переходъ въ свою половину дома.

Разумѣется, въ тотъ же вечеръ вся деревня говорила о томъ, какъ матушка прочила дьячка Завулонова, и всѣ были на сторонѣ матушки и прославляли ея имя, а бранили не столько Завулонова, сколько его жену Одарку, которая его испортила.

Исправился ли послѣ этого въ душѣ Завулоновъ, кто же это можетъ знать?

Но все же результатъ рѣшительной мѣры, предпринятой матушкой, былъ налицо: Завулоновъ съ тѣхъ поръ

больше не пытался воровать ни яблочекъ, ни меду, ни хлѣбовъ, ни яицъ.

В. Спасскій.

Крестъ.

Разказъ Л. Добронравова.
Съ иллюстраціями И. Ижакевича.
(Окончаніе).

VII.

На утренней зарѣ другого дня Власъ и Федоръ ушли изъ монастыря, чтобы никогда ужъ не вернуться обратно.

Вслѣдъ имъ текли густые, мѣрные звоны къ ранней. Обращиваясь иногда, Власъ видѣлъ золотые купола Николы Зимняго, ярко блиставшіе подь солнцемъ. И когда подошли послушники къ лѣсу и монастырь не разобрать было на горѣ, все еще блистали круглыя главы.

Шли они по мягкой росной травѣ, шли лѣсомъ, прохладнымъ и темнымъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, но съ тайнымъ трепетомъ ожидая его.

За спинами ихъ висѣли тощія котомки со скуднымъ достояніемъ, денегъ они не имѣли, и весь долгій путь до самаго города надлежало имъ пройти пѣшкомъ. Ночевали въ полѣ, подь скирдами, въ жаркій знойный полдень отдыхали въ теплой свѣтлой тѣни деревьевъ. Говорили мало. Федоръ больше, а Власъ только слушалъ. Федору было радостно, что ушелъ изъ монастыря, а куда—онъ и не думалъ. Въ городъ манило его, ближе къ „Живописной книгѣ“.

— Съ тобою, братокъ, я ничего не боюсь, — весело говорилъ онъ Власу:—ни атамана ни разбойниковъ его! Махина ты, братокъ, аграмаднѣйшая! До города дойдемъ—тамъ я тебѣ земно поклонюсь и—прощай! Тебѣ—въ солдаты, а мнѣ—нѣту больше послушника Федора, чтѣ къ коровамъ былъ приставленъ, есть мѣщанинъ потомственный, почетный, Федоръ Тимошеевъ Бузовъ! Вонъ оно какъ!

Говорить, радуется, прыгать готовъ, пройдетъ немного времени, пригорюнится, идетъ-бормочетъ: „Скажи на милость, какъ же я одинъ-то буду? Испушеніе!“

Власъ, глядя острыми своими глазами вдаль, размышлялъ: „всему, вотъ, всякой вещи предѣлъ положенъ и время: солнцу—днемъ жарко свѣтитъ, травамъ и цвѣтамъ—расти, птицамъ—лѣтѣ пѣть. Съ сѣверной стороны вѣютъ студеныя вѣтры, а теплыя — съ южной. Зимомъ покрыта земля снѣгами гдубокими, лѣтомъ же чернѣетъ она и тре-

Къ разказу „Крестъ“. Обращиваясь иногда, Власъ видѣлъ золотые купола Николы Зимняго...

Къ разказу „Крестъ“. Передъ вечеромъ, при заходѣ солнечномъ, послушники увидѣли городъ вдали.

пины даетъ отъ сильной жары. Самая маленькая былинка, чтѣ прозябаетъ въ пыли придорожной, и букашка, еле глазомъ различимая — свой срокъ имѣютъ на землѣ, свой предѣлъ, положенный отъ Господа. Только дунѣтъ чело-вѣческой, сердцу и мыслямъ—нѣтъ времени, нѣтъ сроковъ, нѣтъ предѣловъ. И днемъ и ночью—мысли, обвиваютъ онѣ сердце подобно змѣѣ ядовитой и острыми жалами своими жалаятъ его въ самую середину. Зачѣмъ дана жизнь, для чего течетъ она? И каждый день ея, не знаешь, зачѣмъ начинается при солнечномъ свѣтѣ и къ вечеру, въ ночной мглѣ, умираетъ?. Пробовалъ взять на себя постъ, молитвы и бичеванія, и трудъ, нѣтъ покоя душѣ — томится она. И кличетъ все, кличетъ кто-то тихимъ голосомъ: „Власъ, Вла-ась!..“

Шелъ Власъ и думалъ о тѣхъ людяхъ, чтѣ жили во-кругъ, на землѣ, и кого онъ не зналъ, не видѣлъ изъ-за каменныхъ стѣнъ монастырскихъ. Только въ большіе праздни-ки приходили люди въ нищемъ видѣ. Боже Создатель, сколько горестей, слезъ и болѣзней приносили они съ собою и какою мукой мучились! Приходили сухорукіе отъ рожденія, слѣпые, глухіе, хромые, приползали безногіе, видѣлъ покрытыхъ язвами, видѣлъ кровью плюющихъ, жаждавшихъ исцѣленія у раки преподобнаго.

За что, Господи, за что? За какую тяжкую, за чью вину терпѣть народъ Твой, тернить и всякую муку сносить?

Передъ вечеромъ, при заходѣ солнечномъ, послушники увидѣли городъ вдали. Блестѣла рѣка, пылавшая въ закатномъ огнѣ, вѣтеръ игралъ листьями деревьевъ, вѣя легко и тихо, свѣжею водяной прохладой рѣки обвѣвая лицо и трепля волосы, и солнце медленно сходило въ кровавый костеръ, само словно облитое кровью.

Какъ сосудъ, налитый до краевъ, тоскою наполнилось сердце Власа, и съ тоскою вошелъ онъ въ городъ.

Былъ часъ вечерни. Звонили въ церквахъ колокола, смѣшная мѣдныя свои поющіе голоса съ трескомъ городской суеты, стуками павозничьихъ дрожжекъ, разннчен-нымъ лязгомъ и желѣзнымъ громыханіемъ конки, съ шарканьемъ шаговъ людскихъ, истравившихъ каменные го-родскія улицы, асфальтовые тротуары.

Было шумно и людно и суетливо на улицахъ.

Сотряса землю испомѣрною тяжестью и застатляя

дробно дрожали стекла оконъ, прокатили мимо послушниковъ громадный, темный, военный автомобиль, весь одѣтый въ сѣрую, стальную, твердую броню, съ тупыми хоботами пушекъ, высунутыми изъ темныхъ дыръ, медленно и тяжело прокатили, раскатистымъ, страшнымъ рыкомъ далеко-далеко наполняя и оглушая городскія улицы.

Федоръ побѣлѣлъ лицомъ и пошелъ, ближе держась къ Влаасу. Рядами прошли солдаты съ ружьями. Колотіе длинные птыки ало блестяли, озаренные вмѣстѣ съ солдатами закатнымъ кровавымъ огнемъ. Искрасна-сѣрыми рядами прошли солдаты, рядъ за рядомъ, дружно топоча ногами: верхомъ на быстромъ тонконогомъ конѣ, съ круто выгнутой шеей, промчался черпобородый казакъ: на боку у него висѣла, подсакаивая, шапка, за спиною на ремнѣ болталась кожаная сума, туго набитая чѣмъ-то.

Въ другой улицѣ, куда свернули послушники, увидѣли они диковинную телбгу, запряженную парюу лашадей,—телбгу съ трубою, тоже окрашенною солнцемъ въ пурпуровый цвѣтъ.

— Эва, полковая купля! — сказала позади кто-то, остановясь посреди тротуара и оглядываясь вслѣдъ ей, приставивъ руку ко лбу козырькомъ.

— Я, братокъ, съ тобой! — лепетала Федоръ, поднимая къ Влаасу блѣдное, темными веснушками обрызганное лицо. — Я отъ тебя — нигуда! А ни Боже мой!

— Я же къ воинскому, тебѣ не съ руки.

— И я къ воинскому! Успѣю, тамъ, къ маларамъ. Нѣтъ ужъ, какъ... какъ... хочешь, въ случаѣ чего.

Влаасъ у городскихъ спрашивалъ дорогу, и такъ шли они изъ улицы въ улицу, дорогами людными, шумными и чужими. Федоръ, малый совѣмъ рядомъ съ Влаасомъ, какъ кустарникъ возлѣ дуба, шелъ, близко къ нему прикасаясь, словно прибѣгая подъ его защиту и покровительство въ незнакомомъ и страшномъ городѣ, наполнявшемъ уши трескомъ и громомъ, гуломъ и грохотомъ, устрашавшемъ сердце и ослѣплявшемъ глаза блескомъ вечернихъ огней, будто зажженныхъ для праздника.

VIII.

Въ длинномъ, узкомъ дворѣ, съ четырехъ сторонъ стиснутомъ высокими, каменными, многооконными стѣнами домовъ, столько было всякаго народа, сколько въ монастырѣ собиралось наканунѣ престольнаго праздника. Бабы въ платкахъ, синихъ, желтыхъ, зеленыхъ, красныхъ, бѣлыхъ, гладкихъ, съ разводами, съ цвѣточками; мужики — кто въ лаптяхъ, на комъ — сапоги и жилетки при часахъ, у кого — посконные штаны, въ картузахъ, шляпахъ, и такъ просто, съ голыми головами, ходили, стояли, сидѣли, кто — на сундучкѣ, кто — на землѣ прямо, по одному, по двое, гдѣ — собравшись толпою, галдѣли, шумѣли, говорили все вразъ. Гомонъ, говоръ человѣчій, точно высокая волна, перекатывался отъ одного края двора до другого, возвращаясь волною обратно: ударившись въ каменную стѣну, разбивалась волна голосовъ, на одномъ мѣстѣ кинѣла и плыла назадъ, перекатная, гулка и широкая, наполняя узкій дворъ шумомъ.

Влаасъ долго разспрашивалъ кого попало, какъ дойти къ воинскому. Одни и сами ничего не знали, другіе посылали вонъ въ тѣ двери, а тамъ, ужъ, скажутъ. Но въ тѣхъ дверяхъ посылали къ другимъ, чтѣ возлѣ воротъ нальво.

Наконецъ добрались до старшаго писаря, въ нашивкахъ, рассказали ему все, и приказано было имъ дожидаться до утра, а завтра — осмотръ, и самъ воинскій назначить, кому и куда. Ночь можно здѣсь во дворѣ переждать, какъ и прочіе ждутъ.

Послушники высмотрѣли отдаленный уголокъ во дворѣ и расположились тамъ на землѣ.

Справа, слѣва, со всѣхъ сторонъ — люди: черно отъ людей.

Недалеко отъ Влааса сидѣлъ на сундучкѣ человекъ — мужикъ не мужикъ, купецъ не купецъ, непонятно по платью, кто таковъ. Бороденка не длинная, свѣтлая, рѣденькая — подбородокъ сквозь нее просвѣчиваетъ. Глаза пронзительные, острые, будто по шилу въ каждомъ, остріемъ впередъ. На дворѣ темно совѣмъ стало — лицо по настоящему трудно разобрать, и всѣ люди, сколько было ихъ во дворѣ, потемнѣли, не разобрать, кто — старый, кто — молодой.

— Вы изъ какихъ будете? — спросилъ послушниковъ незнакомецъ.

Влаасъ отвѣтилъ.

— Ага, — знаю вашу обитель, какъ же... Воевать собрались?

— Куда прикажутъ.

— Такъ, такъ. Оно правильно... По своей волѣ?

— Давно изъ монастыря норовимъ вонъ, — сказалъ Федоръ

Незнакомецъ головой покачалъ.

— Дѣ-ла!.. Въ міру, стало-быть, желательно? Міру послужить? О-ххо-хо! Трудно, голуби, спастись за каменными стѣнами высокими... А въ мукѣ тутошней не слаще. Развѣ что, вотъ, на людяхъ только. — Вздохнувъ, помолчалъ онъ, завелъ глаза и про себя словно вымолвилъ: — Все потерпимъ, все потерпимъ, все, да узримъ свѣтъ!

— А вы сами-то изъ какихъ? — спросилъ Федоръ послѣ долгаго молчанія.

— Я-то? Я изъ какихъ? Изъ перекатныхъ, голубокъ, изъ перекатныхъ. Вчера — тамъ, сегодня — здѣсь, завтра гдѣ — неизвестно.

Ужъ и бороденки его во тьмѣ нельзя было разглядѣть. Глаза

Къ разсказу „Крестъ“. Наконецъ добрались до старшаго писаря, въ нашивкахъ...

только одни, словно у кошкі, свѣтились зеленоватыми огонечками.

А кругомъ, въ темнотѣ, говоръ стоялъ негромкій, неустанный, какъ шумъ и жужжаніе пчелинаго роя.

— Вредячій я человекъ... испуганный... вѣру испытую... угловъ больно много во мнѣ да зазубринъ... Хорошо тому, у кого нѣтъ ихъ, гладко тому. А ежели у кого этихъ самыхъ угловъ вдовосталь — тутъ, голубь, на тебя и рубанокъ найдется. Какъ начнетъ строгать — настругивать, какъ начнетъ разглаживать, гладъ наводитъ, тутъ... тутъ... тутъ настоящее-то увидишь, какъ еще!..

Затихало во дворѣ. Засыпалъ народъ.

Влаасъ, сидя на землѣ и затылкомъ прижимаясь къ нагрѣтой за день и остывающей теперь водосточной трубѣ, опустил вѣщи: ко сну стало клонить — и пересталъ слушать. Слушалъ одинъ Федоръ, подсакаивавшій, охавшій, вслескивая руками. Сквозь мутную дрему слышалъ Влаасъ робкій вопросъ Федора о „Живописной книгѣ“, слышалъ и пошлылъ, потонулъ въ дремѣ.

— Крестъ потому намъ дается, что мы на крестъ-то висѣть недостойны, вонъ оно чтѣ... — издали будто долетаетъ.

И другой голосъ со dna сердца дошелъ къ Влаасу:

— Опалитъ твое сердце великая скорбь...

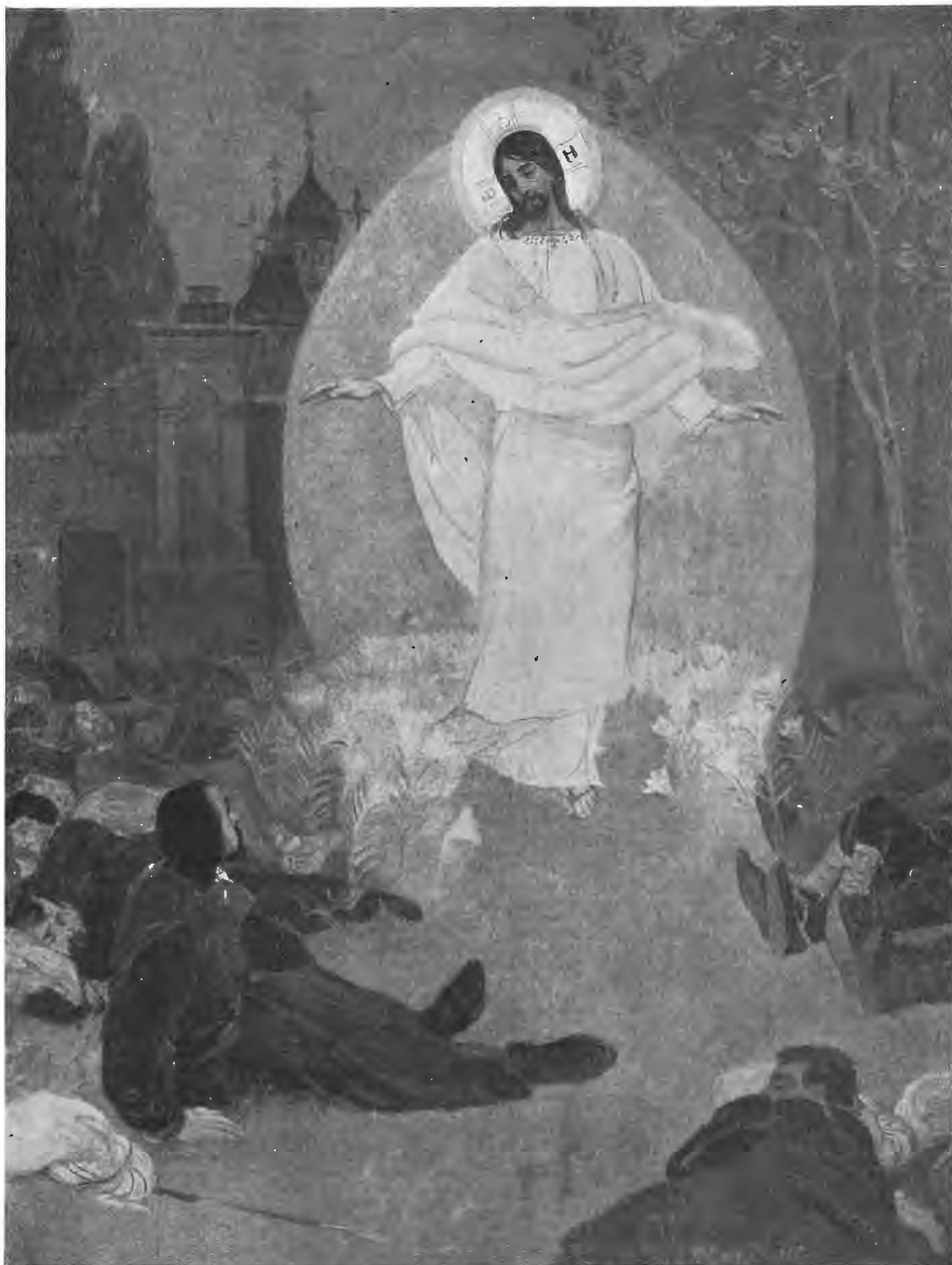
Не зналъ онъ, сколько времени спалъ, долго или нѣтъ. Когда раскрылъ глаза, тихо было во дворѣ, длинномъ и узкомъ, съ четырехъ сторонъ стиснутомъ высокими каменными стѣнами домовъ. Черныя окна зияли, какъ черныя впадины, а внизу, на землѣ, вновалку спали люди, какъ въ монастырской оградѣ спали на голой землѣ, наканунѣ престольнаго праздника. — одинъ возлѣ другого, въ тьменотѣ, въ темнотѣ.

И подумалось Влаасу, чтѣ ждетъ его вмѣстѣ съ народомъ вѣтмъ, лежащимъ во снѣ?

Почудилось глазамъ Власа слабое сіяніе у дальнихъ воротъ. Задрепеталъ непонятный, незнаемый свѣтъ. Съ тихимъ шелестомъ выходили изъ-подъ земли, зацвѣтая, бѣлыя лиліи и мягкія шелковыя травы, и надъ всѣмъ натруженнымъ, усталымъ людомъ, надъ неподвижными тѣлами, лежавшими во снѣ, разли-

лось благовоніе цвѣтовъ. Изъ трепетнаго свѣта, что мерцалъ у воротъ, появился Нѣкто въ бѣлыхъ одеждахъ, и травы и цвѣты склонились передъ Нимъ, покрывая лежавшія во дворѣ тѣла.

Шествовалъ Нѣкто, кого боялся назвать Власть, шествовалъ между бѣлыхъ лилій, полныхъ благоуханія, между травъ зеле-

Къ разсказу „Крестъ“. ...И неслышно, не касаясь земли, шествовалъ Онъ, простирая руки Свои надъ народомъ Своимъ, лежавшимъ во снѣ.

ных, простирал руки Свои надъ народомъ, лежавшимъ во снѣ. Блѣдень и скорбень былъ измученный ликъ, и, какъ роса на цвѣтахъ, сіяли на рѣсницахъ Его свѣтлыя слезы.

И неслышно, не касаясь земли, шествовалъ Онъ, простирая руки Свои надъ народомъ Своимъ, лежавшимъ во снѣ.

Скорбень былъ ликъ шествовавшего по травамъ, и слезы блистали въ глазахъ Его, какъ драгоценныя алмазы на остріяхъ царскаго вѣнца.

Не имѣлъ Власть голоса, не имѣлъ силы произнести ни одного слова. Не размыкались тяжелыя уста сказать древнее слово Грядущему, вѣчно Грядущему на смертную крестную муку:

Наказаніе.

Разсказъ И. Потапенко.

Съ иллюстраціями П. Бучкина.

I.

Михаилъ пріѣхалъ домой въ пятницу раннимъ утромъ, когда въ домѣ всё еще спали.

Губернскій городъ, гдѣ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ родился, потомъ выросъ и обучался, такъ и остался въ сторонѣ отъ большаго пути. Желѣзная дорога проходила черезъ торговое мѣстечко, верстахъ въ десяти отъ него. Поездъ пришелъ туда часа въ четыре утра. Михаилъ, никого не предупредившій о своемъ пріѣздѣ къ Пасхѣ и даже недавно еще написавшій роднымъ, что на праздники рѣшилъ остаться въ Москвѣ, долженъ былъ нанять возницу и въ какомъ-то невѣроятномъ, допотопномъ экипажѣ доставиться въ родной городъ.

Въ шесть часовъ утра солнце уже взошло, городскіе обыватели изъ мѣщанъ и мелкихъ чиновниковъ поотворяли ставни въ одноэтажныхъ домахъ, хозяйки вышли изъ домовъ и направились на рынокъ. Въ парадныхъ зеленѣла молодая, еще не вполне распустившаяся листва.

За восемь мѣсяцевъ, что онъ отсутствовалъ, ничто здѣсь не измѣнилось. Только онъ самъ казался себѣ страннымъ, на высокомъ сидѣннѣ странной брички, которая дребезжала и громычала всѣми своими составными частями, подпрыгивала на кочкахъ и канавкахъ, пересѣкавшихъ немощеную улицу и замѣнявшихъ водосточныя трубы.

Въ своемъ непромокаемомъ плащѣ, которымъ онъ весь задрапировался въ защиту отъ пыли, въ форменной студенческой фуражкѣ, онъ походилъ на какого-нибудь слѣдодателя, пріѣхавшаго производить дознание по поводу „мертвато тѣла“. Кстати, и на лицѣ его, недавно еще совѣтъ юношескомъ, выросли небольшие темныя усыки.

Чтобы достигнуть дома своихъ родныхъ, ему нужно было проѣзжать весь городъ, такъ что онъ имѣлъ полную возможность убѣдиться, что все тутъ осталось по-старому. Церкви стояли бѣлыя, дома походили на большія четырехугольныя картонки, и только зданіе гимназій, трехэтажное, съ колоннами по фасаду, выкрашенное въ зеленовато-сѣрый цвѣтъ, имѣло кое-какія претензіи на архитектуру. Улицы немощеныя, а по краямъ ихъ положены доски для удобства пѣшеходовъ, что и носило названіе тротуаровъ. Послѣ недавняго дождя остались лужи, въ которыя мягко погружались колеса брички.

Самый же домъ, въ которомъ жила его семья, стоялъ на краю города, даже нѣсколько отблѣненный отъ него,—ихъ собственный домъ съ большимъ садомъ, вмѣстѣ когда-то составлявшіе часть усадьбы многоземельнаго богатаго имѣнія.

При отдаленныхъ предкахъ, говорили, его роду Поборцевыхъ принадлежалъ и самый городъ, но объ этомъ сохранились только смутныя воспоминанія. Земля же отошла при его дѣдѣ, известномъ въ свое время прожигателѣ жизни, наполнявшемъ своими нелѣпыми приключеніями всю губернію. Отцу его достались только домъ съ садомъ, и пришлось ему, для поддержанія приличной жизни, служить. Онъ и теперь занималъ въ городѣ солидный постъ управляющаго акцизными сборами.

Пріѣхавъ домой и отпустивъ возницу, онъ, какъ хозяинъ, поднялся наверхъ, въ мезонинъ, предварительно приказавъ уже поднявшейся прислугѣ никого не будить. Ему даже было пріятно, что онъ можетъ спокойно и не торопясь вынуть изъ чемодана и сундука свои вещи, развѣсить ихъ въ шкапахъ, вымыться, переодѣться и затѣмъ показаться роднымъ въ надлежащемъ видѣ.

Онъ и занимался всѣмъ этимъ часа два, часто выходилъ на балконъ и наслаждался видомъ зелени раскинувавшегося внизу сада, серебряной гладью поверхности небольшого пруда, яснымъ блѣдно-голубымъ небомъ и яркимъ утреннимъ солнцемъ. Свѣжій ароматный воздухъ наполнялъ комнату. Михаилъ чувствовалъ себя словно опьяненнымъ всей этой прелестью деревенской весны, всего того, чего онъ, студентъ перваго курса юридическаго факультета, теперь уже перешедшій на второй, былъ лишень въ Москвѣ.

Въ началѣ девятаго часа онъ кончилъ свой туалетъ. Чтобы сразу установить правильное отношеніе къ себѣ со стороны родныхъ, онъ нарядился въ свой студенческій сюртукъ, совѣтъ новенькій, сшитый у хорошаго портного, и, несмотря на то, что въ этомъ нарядѣ чувствовалъ себя не совѣтъ свободно, и было бы естественнѣе одѣться во что-нибудь попроще и полегче, онъ, застегнувшись на все пуговицы, терпѣливо ждалъ, когда внизу, въ домѣ, появятся признаки жизни.

— Осанна!

...Померкъ свѣтъ, поглощенный темнотою глухой ночи, и пересталъ Власть видѣть и ликъ, скорбно обращенный къ темному небу, и простертыя руки, и чистыя слезы, и расцвѣтшія лиліи, красоты бѣлоснѣжной и сладкаго благоуханія...

Было темно во дворѣ, длинномъ и узкомъ, обведенномъ высокими каменными стѣнами домовъ, и люди спали на землѣ, какъ дѣти, какъ братья, не видя Распростершаго надъ ними руки Свои.

И ничье въ ночной тѣмѣ не раздалось великое древнее слово Грядущему на крестную муку:

— Осанна!

Но свѣжій воздухъ рано начатаго дня оказалъ свое могущественное дѣйствіе на молодой организмъ, и ему вдругъ нестерпимо захотѣлось ѣсть. Онъ вышелъ на балконъ и оттуда поманилъ рукой давно служившую у нихъ и хорошо ему известную горничную Малашу, которая тотчасъ же явилась и объявила ему, что въ саду, подъ вѣтвями старой, тоже очень хорошо знакомой ему липы, приготовленъ чай.

Но это сообщеніе мало обрадовало его. Ему хотѣлось чего-нибудь болѣе основательнаго, и даже очень опредѣленно рисовался хорошій бифштексъ.

— Вотъ что,—сказалъ онъ Малашѣ:—мнѣ смертельно хочется ѣсть. Скажи-ка кухаркѣ, чтобы зажарила мнѣ кусокъ добраго мяса.

У Маланьи на лицѣ выразился почти испугъ.

— Мяса? Да развѣ жъ можно, паньчъ? У насъ же нынче страстная пятница...

Да, въ самомъ дѣлѣ. У него это вышло изъ головы. Онъ-то, конечно, не придавалъ этому никакого значенія и еще вчера на какой-то станціи съ великимъ аппетитомъ съѣлъ телячью котлету. Но онъ зналъ, что въ его семьѣ на страстной недѣлѣ соблюдаютъ строгій постъ.

Однако голодъ бралъ верхъ надъ соображеніями. Михаилъ былъ юноша здоровый и крѣпкій и аппетитъ ощущалъ сильно и какъ-то повелительно.

— Ну, да, конечно,—сказалъ онъ:—страстная пятница... Да... Но я съ дороги. Въ домѣ всё спятъ, и никто не узнаетъ. Такъ попроси кухарку, чтобы она тихонько...

— Да у насъ, паньчъ, теперь не кухарка, а поваръ.

— Поваръ? Почему? Всегда была кухарка—Анисья...

— Была, а теперь нѣтъ. Теперь вотъ поваръ—Евдокимъ.

— Ну, ладно, поваръ, такъ поваръ. Мнѣ безразлично, зажарить ли бифштексъ кухарка или поваръ. Такъ ты и попроси этого Евдокима.

Маланья съ твердымъ убѣжденіемъ отрицательно покачала головой.

— Онъ не согласится, паньчъ.

— Какъ не согласится? Чтѣ за вздоръ!.. Ну, хорошо. Я пойду туда, подъ старую липу, а ты вели этому Евдокиму прійти туда.

Они вмѣстѣ спустились внизъ, во дворъ. Маланья пошла прямо на кухню, а Михаилъ въ садъ. И сейчасъ же отыскалъ хорошо знакомую ему старую липу. Тамъ, на кругломъ столѣ, накрытомъ сѣрой скатертью, шипѣлъ самоваръ и стояла посуда, но не было ни сливокъ, ни масла, ни обычныхъ вкусныхъ ѣшекъ и всякаго рода сдобныхъ булочекъ домашняго изготовленія, а вмѣсто всего этого на тарелкѣ лежали какіе-то тощіе сухари.

Михаилу просто не хотѣлось смотрѣть на это, такъ мало оно сулило его здоровому и сильно разгорѣвшемуся аппетиту.

Онъ сѣлъ за столъ и ждалъ прихода повара. Много нужно было терпѣнія, чтобы просидѣть минутъ семь, пока Маланья удалось раскатать Евдокима, и онъ наконецъ явился.

Михаилъ съ удивленіемъ поднялъ голову и взглянулъ на джентльмена, который стоялъ передъ нимъ, заложивъ руки за спину.

Высокій, довольно полный, съ упитаннымъ широкимъ лицомъ, начисто выбритымъ, въ коричневомъ пиджакѣ и въ соломенной шляпѣ. При встрѣчѣ съ этимъ человекомъ гдѣ-нибудь на улицѣ, никогда и въ голову не пришло бы, что онъ поваръ. И поза и выраженіе его лица не заключали въ себѣ ничего почтительнаго.

— Это ты и есть Евдокимъ?—спросилъ его Михаилъ.

— Чтѣ изволите приказать, сударь?—промолвилъ джентльменъ, продолжая держать руки за спиной и, въ знакъ вниманія, слегка наклонивъ впередъ верхнюю часть туловища.

„Этакій нахаль,—подумалъ Михаилъ:—откуда и почему?“ И сказалъ:

— Такъ вотъ чтѣ: пожалуйста, зажарь мнѣ кусокъ мяса. Только по-английски—ты понимаешь?

Джентльменъ полупрезрительно усмѣхнулся.

— Понимать-то я понимаю-сь. А только это, извините, невозможно-сь.

— Какъ невозможно? Почему это?

— Невозможно-сь. Въ сегодняшній день у насъ мяса не полагаютъ.

— Ну, вотъ глупости! У васъ не полагается, а для меня зажарь.

Къ разказу „Наказаніе“. Онъ походилъ на слѣдователя, ѣхавшаго производить дознаніе.

— Извините, сударь, не могу... Первое—у насъ и мяса никакого нѣтъ, не брали. А второе—не полагается. Можетъ, изъ зелени чего, такъ это можно.

Михаила взбѣсили и поза его и тонъ и самая рѣчь.

— Какой вздоръ! Можно послать въ ланку и достать.

— Все равно-сь. Жарить не стану. Не положено-сь.

— Но если я тебѣ приказываю?..

Джентльменъ покачалъ головой.

— Все равно не могу-сь.

— Экій болванъ! Такъ пусть сдѣлаетъ это кто-нибудь другой! Чортъ знаетъ, чтъ у васъ за порядки! Служать какіе-то идіоты.

Джентльменъ круто повернулся и, не промолвивъ ни слова, пошелъ обратно къ кухнѣ, попрежнему держа руки за спиной. Михаилу оставалось только бѣситься, чтъ онъ и дѣлалъ, презрительно наливая себѣ чаю и съ негодованіемъ вкушая сухарь.

Въ это время изъ дома вышла и, узнавъ о его прїѣздѣ, прїбѣжала къ старой липѣ экономка, Софья Матвѣевна. Эта почтенная женщина съ блѣднымъ, какъ бы развѣ навсегда окаменѣвшимъ лицомъ, служила у нихъ уже лѣтъ пятнадцать и считалась какъ бы младшимъ членомъ семьи.

— Ахъ, Боже мой, Михаилъ Владиміровичъ!.. Вы прїѣхали, а мы нѣтъ никто не сказали. Наши еще спятъ, и некому о васъ позаботиться.

Михаилъ разказалъ ей о своемъ разговорѣ съ джентльменомъ. Она какъ-то особенно выразительно махнула обими руками.

— Ахъ, вы не знаете! У насъ теперь совсѣмъ новые порядки. У насъ живетъ дядя, Дмитрій Максимовичъ... Ну, а вы знаете, какой онъ своенравный. У него злѣйшая подагра и печень и тамъ еще что-то, и онъ требуетъ, чтобы все было такъ, какъ онъ желаетъ. Вотъ и Анисью пришлось уволить. Лѣтъ десять служила, а уволили. А этотъ Евдокимъ—его собственный поварь, служить у него чуть не съ малолѣтства. И онъ такой важный. Никого, кромѣ дяди, не слушается и дѣлаетъ, чтъ хочетъ.

— Да почему же его не прогнать, чортъ возьми!

— Чтѣ вы говорите, Миша? Какъ же его прогнать? Дядя не прикасается къ кушаньямъ, которые изготовилъ не онъ. Какъ же тутъ прогнать.

— А отецъ, мама? Неужели они подчиняются этому негодю съ нахальной физиономіей?

— Ахъ, Боже мой, вы же должны сами понимать: у дяди полмилліона. Неужели вы не понимаете?

— Да понимаю, конечно. Не такой дуракъ. Но я вовсе не желаю умирать съ голоду. Право же, самое почтительное уваженіе къ дядюшкѣ къ этому меня не обязываетъ.

— Да нѣтъ, нѣтъ, Миша. Я сейчасъ сдѣлаю вамъ яичницу. У меня есть спиртовая машинка, такъ вотъ...

Минутъ черезъ десять появилась яичница, изготовленная собственноручно Софьей Матвѣвной. Михаилъ съѣлъ ее и даже при посредствѣ хлѣба вылизалъ все, чтѣ было на сковородѣ.

Скоро началось движеніе въ домѣ, отворились ставни и окна. Михаилъ не хотѣлъ своимъ прїѣздомъ жѣвнать обычную программу деревенской жизни и потому, пока родные будутъ готовы, отправился въ садъ и гулялъ неподалеку отъ старой липы.

II.

Когда, позже, къ чайному столу вышла семья, состоявшая изъ отца Владиміра Максимовича, матери Надежды Петровны и восемнадцатилѣтней сестры Михаила, Любы, послѣ привѣтствій и неизбежныхъ взаимныхъ разспросовъ, Михаилъ разказалъ о своемъ столкновеніи съ поваромъ.

Всѣ были смущены. Конечно, Михаила пожурили за скоромное въ страстную пятницу, но это была другая сторона вопроса. Первая же всѣмъ показалась превышающей всякое терпѣніе.

Особенно горячо принялъ это Владиміръ Максимовичъ. Братъ Дмитрій, который, будучи совершенно одинокъ и чувствуя себя безпомощнымъ, поселился у нихъ, проявлялъ въ высшей степени деспотическія наклонности. Но отъ него все же еще можно было терпѣть. Все-таки онъ былъ старшій братъ. Виски его были украшены сѣдинами, и, кромѣ того, къ терпѣнію поощряло его солидное состояніе, которое онъ еще въ молодости прїобрѣлъ какими-то биржевыми махинаціями.

Но терпѣть отъ повара, это уже было слишкомъ. И хотя желаніе Михаила въ страстную пятницу позавтракать бифштексомъ не заслуживало одобренія, но нельзя же допускать, чтобы поваръ судилъ объ этомъ. Онъ долженъ былъ безрекословно исполнить приказаніе Михаила.

И Владиміръ Максимовичъ до того расходился, что велѣлъ сейчасъ же позвать Евдокима. И Евдокимъ явился и передъ нимъ держалъ себя не столь величественно. Руки не были заложены за спину, а висѣли по бокамъ, не было также снисходительнаго наклоненія впередъ верхней части тѣла, а стоялъ онъ ровно, словомъ, были соблюдены внѣшнія формы почтительности.

— Послушай, Евдокимъ, я долженъ напомнить тебѣ, что, хотя ты и взятъ по желанію моего брата Дмитрія Максимовича, но все же ты служишь у меня въ домѣ и получаешь жалованье отъ меня и потому долженъ безрекословно исполнять приказанія мои, моей жены и дѣтей. Бифштексъ въ страстную пятницу—это я могу не одобрять и не одобряю. Но отъ тебя одобренія никто не требуетъ. Ты долженъ только исполнять. Вотъ и все. Ты понялъ?

— Слушаю-сь, Владиміръ Максимовичъ, — сказалъ Евдокимъ и даже въ знакъ почтительнаго согласія наклонилъ голову.

— Ну, вотъ и прекрасно. Ступай!

Евдокимъ ушелъ, и семейство Поборцевыхъ чувствовало себя удовлетвореннымъ. Особенно Люба была рада, что отецъ ея наконецъ проявилъ нѣкоторую самостоятельность. Ее давно уже возмущало рабское угожденіе всѣмъ калпризамъ дяди.

Скоро явился къ столу и самъ дядя. Его привезъ на колесахъ сидѣющимъ въ креслѣ его старшій, почтенный обладатель удивительныхъ бѣлыхъ бакенбардъ, лакей Филиппъ, человекъ живописнаго вида и поразительной выдержки: онъ разговаривалъ только со своимъ баринномъ, по отношенію же къ остальному міру ограничивался величественнымъ молчаніемъ.

Самъ же Дмитрій Максимовичъ являлъ собою картину полного разрушенія. Въ тѣлѣ его соединились и подагра, и ревматизмъ, и склерозъ, и множество еще другихъ болѣзней, которыя общими силами разрушали его организмъ.

Онъ давно уже былъ прикованъ къ креслу и лишенъ возможности наслаждаться жизнью, которую страстно любилъ и которую когда-то широко пользовался. Онъ былъ лѣтъ на десять старше своего брата, но все же ему было не больше шестидесяти, а по виду можно было вѣтъ хоть и сотню.

Волосы на головѣ его выгѣбли, кожа на лицѣ была желтая, морщинистая, щеки впалы, глаза тусклые.

И изъ всѣхъ его прежнихъ блестящихъ способностей, благодаря которымъ онъ и нажилъ большое состояніе, осталась только гордая самостоятельность, при помощи которой онъ и угнеталъ всѣхъ окружающихъ.

Онъ очень хорошо зналъ себѣ цѣну и понималъ, почему всѣ передъ нимъ пасуютъ, и злоупотреблялъ этимъ съ жестокостью человека, который самъ уже не можетъ пользоваться своими преимуществами.

Ему, конечно, ни слова не сказали объ исторіи съ бифштексомъ. Знали его манеру. Онъ непремѣнно сдѣлалъ бы скандалъ и, чего добраго, заставилъ бы младшаго брата чуть не извиняться передъ поваромъ.

Вѣдь поваръ этотъ служилъ ему въ лучшіе его годы. Онъ самъ далъ ему поварское образованіе. возилъ съ собою въ Парижъ и въ Лондонъ, и въ Италію и въ Испанію, гдѣ онъ изучалъ тайны національныхъ кухонь, и, обладая исключительными способностями въ своей специальности, Евдокимъ дѣйствительно не имѣлъ соперниковъ въ поварскомъ искусствѣ.

Самъ Дмитрій Максимовичъ уже почти не могъ пользоваться плодами его творчества. Желудокъ его варилъ только разныя кашки и эфирныя суфле, но онъ помнилъ старыя заслуги Евдокима, да и кашки требовали особаго искусства приготовления, чтобы нравиться его изысканному и требовательному вкусу.

Начался утренній завтракъ Дмитрія Максимовича. Онъ состоялъ изъ одного яйца, свареннаго всмятку и выпущеннаго въ особый стаканъ, похожій на бокаль.

Пальцы его были до такой степени скрючены подагрой, что онъ самъ не могъ обходиться при ихъ помощи, и кормилъ его Филиппъ. Безъ сомнѣнія, эту процедуру лучше всего было бы проводить въ домѣ, послѣ того какъ онъ поднялся съ постели. Но нѣтъ, онъ желалъ завтракать въ обществѣ, и завтракъ этотъ обыкновенно доставлялъ много огорченій окружающимъ. Конечно, Филиппъ исполнялъ свои обязанности образцово, но онъ брюзжалъ, злился и дѣлалъ ядовитыя замѣчанія.

На этотъ разъ однако онъ велъ себя въ высшей степени спокойно, чѣмъ крайне изумилъ родственниковъ. Объяснялось же это просто: былъ прѣзжій человекъ изъ Москвы, свѣжій, и ему, Дмитрію Максимовичу, еще не было извѣстно, какъ онъ принимаетъ его право измываться надъ всѣми. Относительно домашнихъ онъ уже былъ увѣренъ: все снесутъ. А этотъ—молодой и, судя по лицу, не безъ задора, еще, пожалуй, вздумаетъ протестовать и дѣлать свои замѣчанія.

И онъ очень примирительно разспрашивалъ Михаила про Москву, про его ученіе и про жизнь. И если бы Михаилъ изъ разсказовъ Софьи Матвѣевны не зналъ о дѣйствительномъ его нравѣ и отношеніяхъ, то могъ бы подумать, что дядя его—премилѣйшій и корректнѣйшій человекъ.

Однакоже корректности у Дмитрія Максимовича хватило не больше, какъ на полчаса, а затѣмъ наступило раздраженіе, и, такъ какъ онъ все же хотѣлъ сохранить приличіе, то началъ безъ всякой причины ворчать на своего Филиппа, упрекая его за то, что тотъ плохо прикрылъ пледомъ его ноги, увѣряя, что ему холодно, хотя солнце палило во-всю, и было очень жарко.

Кончилось тѣмъ, что Филиппъ увезъ его въ домъ, гдѣ онъ продолжалъ выражать недовольство существующими порядками, олицетворявшимися въ лицѣ Филиппа.

Когда его увезли, Михаилъ посмотрѣлъ на своихъ родныхъ и покачалъ головой. Отецъ и мать были видимо сконфужены.

— И вы во всемъ подчиняетесь этой развалинѣ? — сказалъ Михаилъ.

— Но, Миша, онъ твой дядя,—укоризненно замѣтилъ Владиміръ Максимовичъ.

— Я готовъ оказывать ему родственное почтеніе, но зачѣмъ же потворствовать его нелѣпымъ капризамъ! Вы просто приучили его къ этому. Вотъ онъ при мнѣ все же стѣсняется. Значитъ, не такъ ужъ это у него неудержимо.

Владиміръ Максимовичъ на это ничего не возразилъ, потому что Михаилъ, въ сущности, былъ правъ. Онъ, конечно, могъ бы сказать сыну: „но у твоего дяди полмилліона состоянія, которымъ, если оно перейдетъ ко мнѣ, и ты, мой сынъ, воспользуешься“. Но это было неудобно, и онъ промолчалъ.

III.

Суббота прошла для Михаила въ возобновленіи знакомства съ разными уголками дома и сада. Особенно садъ привлекалъ его къ себѣ. Онъ былъ довольно большой, съ множествомъ перепутанныхъ аллей, съ остатками бесѣдокъ, въ немъ было много сирени, которая какъ разъ теперь расцвѣла во-всю, и воздухъ былъ насыщенъ ея сладкимъ ароматомъ. На окраинахъ сада росли акаціи, которыя тоже уже начали раскрывать свои бѣлоснѣжныя цвѣты, висѣвшіе полными тяжелыми гроздьями. И онъ почти цѣлый день провелъ здѣсь, среди своихъ старыхъ знакомыхъ, ласково встрѣчавшихъ его.

Зима въ Москвѣ, съ холодными и ничего не говорящими сердцу лекціями и товарищескими спорами, съ трагичными развлеченіями, которыми онъ предавался безъ удержу, все это утомило его душу, и тутъ онъ отдыхать.

А въ домѣ въ это время готовились къ встрѣчѣ Свѣтлаго праздника, производили генеральную чистку, мыли полы и окна. Ночь пасхальная въ ихъ домѣ всегда была торжественной. Въ городѣ были люди, которые считали за честь разговѣться у Поборцевыхъ. Не говоря ужъ о служащихъ по акцизу, подчиненныхъ Владиміра Максимовича, были просто знакомые одинокіе люди, и они все получили приглашеніе. Столъ накрывался обыкновенно на два десятка персонъ, и къ этому дѣятельно готовились.

Самое главное, разумеется, совершалось въ предѣлахъ кухни. Въ воспоминаніяхъ Михаила выступила характерная фигура ихъ старой кухарки Анисьи.—крупная, сильная, своими мускулистыми руками ворочавшая огромныя кастрюли и горшки и выводявшая такіе высокіе хлѣбы, что ихъ потомъ несли въ домъ двѣ горничныя. И въ страстную субботу у Анисьи видъ былъ такой торжественный, какъ будто она не пекла хлѣбы и не жарила поросятъ и индюшекъ, а торжественно служила какому-то богу.

Теперь Анисьи не было, а былъ Евдокимъ, и порядки тоже были совсѣмъ другіе. Евдокимъ высоко ставилъ свое поварское искусство и тайну его оберегалъ отъ людскаго глаза. Въ кухнѣ при его вступленіи были совершены передѣлки на городской ладъ, и онъ тамъ былъ царемъ. Въ его распоряженіи былъ помощникъ, двадцатилѣтній паренекъ Вася, котораго онъ привезъ изъ города, и ему только одному разрѣшался входить въ кухню во время приготовления обѣда.

И никто не зналъ, что дѣлается тамъ, въ царствѣ Евдокима. Все только были увѣрены, что къ опредѣленному часу появятся на свѣтъ дивныя бабы, куличи, польскія мазурки, изумительно фаршированныя и зажаренныя птицы, барашки и поросята, тающія во рту сырыя пасхи. Въ этомъ никто не сомнѣвался, такъ какъ искусство Евдокима ни въ комъ не возбуждало сомнѣній.

Къ разсказу „Наказаніе“. „Все равно-съ. Жарить не стану. Не положено-съ“...

Когда зашло солнце и ступились сумерки, Михайль пришел домой. Цѣлый день, проведенный на воздухѣ, среди цвѣтущаго сада, въ движеніи, возбудилъ у него аппетитъ, но ему наотрѣзъ отказали въ чемъ бы то ни было. Было уже десять часовъ вечера. Часа черезъ три предстояло разговляться. Онъ протестовалъ въ душѣ, но не рѣшился высказать свой протестъ громко.

Пришлось промислѣть у Софьи Матвѣевны, которая по старой привычкѣ смотрѣла на него, какъ на ребенка, и разрѣшала ему разныя льготы. Достала изъ кладовки и принесла ему наверхъ колбасу, масло, сварила на машинкѣ кофе, и онъ въ одиночествѣ наслаждался этими скромными благами.

Потомъ вышелъ на балконъ и долго любовался темно-синимъ небомъ, усыпаннымъ звѣздами, затѣмъ началъ переодѣваться. Къ половинѣ двѣнадцатаго онъ былъ готовъ, и къ этому же времени къ крыльцу былъ поданъ ихъ обширный помѣстительный экипажъ.

Онъ сошелъ внизъ. Отецъ, мать, сестра вышли изъ дома, всѣ усѣлись и поѣхали въ городъ, въ соборную церковь.

Тамъ собрался весь показной городъ, всѣ его сливки. Михайлу, который зналъ всѣхъ, было пріятно покрасоваться въ студенческомъ мундирѣ, такъ какъ онъ оставилъ городъ еще въ гимназическомъ. На него смотрѣли, онъ былъ до нѣкоторой степени героемъ дня.

Когда же кончилась служба и они ѣхали домой, было темно, утро еще и не начиналось. Экипажъ въѣхалъ во дворъ, и уже въ это время всѣмъ показалось страннымъ, что въ окнахъ не видно блестящаго освѣщенія залы, какъ это бывало у нихъ всегда въ ту ночь.

Явилась мысль, что Софья Матвѣевна оставила опущенными занавѣси, чего однако никогда не дѣлали.

Когда же вышли изъ экипажа и вошли въ переднюю, Софья Матвѣевна выскочила изъ комнаты, лицо ея было блѣдно, казалось, она потрясена какимъ-то большимъ горемъ.

— Чтѣ случилось? Въ чемъ дѣло?—спросили ее всѣ разомъ.

Она схватилась за голову.

— Ахъ, Боже мой, я не знаю, какъ рассказать, не знаю, чтѣ дѣлать... Это такое несчастье, такое несчастье...

— Да чтѣ же, наконецъ? Говорите, Софья Матвѣевна! Чтѣ вы причитаете?

Но почтенная экономка вмѣсто отвѣта залилась слезами. Всѣ вошли въ залу и увидѣли среди комнаты разложенный столъ, накрытый бѣлой скатертью, на немъ посуда, цвѣты, вино и ничего, ну, рѣшительно ничего съѣстнаго.

— Почему же вы не приготовили столъ? Чтѣ все это значить?— съ недоумѣніемъ спрашивали ее.

„Такъ вѣдь было же сказано: идѣть, молъ, и болванъ-съ“.

— Потому что ничего нѣтъ.

— Какъ ничего нѣтъ? Не готово, что ли? Мы слишкомъ рано прѣѣхали?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, просто ничего не приготовлено и не будетъ. Это Евдокимъ рѣшилъ наказатъ насъ и оставить безъ пасхальнаго стола.

Такимъ образомъ ужасная истина объяснилась, но казалась всѣмъ невѣроятной. Представлялось невозможнымъ, чтобы поваръ довелъ свою дерзость до такой степени.

Владимиръ Максимовичъ раскипятился до того, что самъ, несмотря на свое солидное положеніе и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, побѣжалъ на кухню, которая стояла отдѣльно, черезъ дворъ. Передъ дверью онъ остановился. Какъ ни былъ онъ возмущенъ уже выяснившимися обстоятельствами, но его изумило то, что въ окнахъ не было свѣта.

Въ кухнѣ дѣйствительно было совершенно темно, и не было замѣтно никакого движенія. Онъ поднялъ крикъ, называлъ по имени повара и его помощника. Никто не откликнулся.

Онъ чиркнулъ спичку, отыскалъ свѣчу и зажегъ ее. Зрѣлище, представившееся ему, произвело на него впечатлѣніе безнадежности. Все же у него теплилась надежда, что, можетъ-быть, яства только не поспѣли къ сроку, но готовятся на кухнѣ. Здѣсь же не было никакихъ признаковъ работы.

Плита была холодная, русская печь также. Посуда стояла на полкахъ въ полномъ составѣ и блестящемъ порядкѣ. Онъ повелъ носомъ по воздуху, — никакого запаха свѣстнаго.

Со свѣчой въ рукѣ онъ вышелъ изъ кухни и, пройдя черезъ сѣни, постучался въ дверь, которая вела въ комнату повара и Васьки. Ему пришлось энергично повторить стукъ, послѣ чего въ комнатѣ послышались шлепающіе туфлями шаги, и, отворивъ дверь, предстала передъ нимъ фигура Евдокима съ заспаннымъ лицомъ.

— Послушай, чтѣ это за безобразіе! — крикнулъ на него Владимиръ Максимовичъ. — Какъ ты посмѣлъ позволить себѣ это?

— Чего изволите? — хмуро произнесъ Евдокимъ, но все-таки опустилъ руки по швамъ.

— Я спрашиваю: какъ ты посмѣлъ сдѣлать такую мерзость? Вѣдь ты оскандалил меня на весь городъ. У меня приглашены гости, они сейчасъ прѣѣдутъ...

Бритое лицо Евдокима освѣтилось саркастической усмѣшкой.

— Такъ вѣдь было же сказано: идѣть, молъ, и болванъ-съ. Вашъ сыночекъ Михайль Владиміровичъ сказать изволили. А съ идѣта и болвана и спрашивать нечего...

Владимиръ Максимовичъ только сжалъ кулаки и посмотрѣлъ на него уничтожающимъ взглядомъ. И правда, на этотъ доводъ рѣшительно нечего было отвѣтить.

— Этакая ты скотина! Ты дорого поплатишься за это! — крикнулъ онъ въ изступленіи и выбѣжалъ изъ сѣней во дворъ.

Онъ вернулся къ дому и направился къ особому крыльцу, которое вело въ комнаты Дмитрія Максимовича. Въ окнахъ былъ свѣтъ, значить, братъ еще не спитъ. Онъ постучался въ дверь. Филиппъ отворилъ ему.

— Не спать?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, еще не изволятъ почивать, — отвѣтилъ Филиппъ.

Владимиръ Максимовичъ вошелъ. Братъ былъ уже раздѣтъ и лежалъ въ постели. При его появленіи онъ сдѣлалъ безуспѣшную попытку самостоятельно приподняться.

— А, Володя... Христосъ воскрес! — сказалъ онъ.

Владимиръ Максимовичъ подошелъ къ постели, нагнулся и трижды поцѣловалъ брата.

— Воистину воскресе, братъ Дмитрій, — сказалъ онъ: — но, къ сожалѣнію, въ домѣ у насъ творится безобразіе.. И если ты и послѣ этого будешь настаивать на службѣ твоего Евдокима, то я, ужъ извини, прямо буду считать себя обиженнымъ.

И онъ рассказалъ брату обо всемъ происшедшемъ, при чемъ не скрылъ отъ него и исторію съ бифштексомъ и того, что Михайль дѣйствительно назвалъ Евдокима идѣтомъ и болваномъ.

Богъ знаетъ, почему, — можетъ-быть, такъ подѣйствовалъ на него тонъ искренняго негодованія, что даже ему самовольство Евдокима показалось чудовищнымъ, — но Дмитрій Максимовичъ на этотъ разъ не принялъ стороны повара, даже не нашелъ для него никакихъ извиняющихъ обстоятельствъ, возмутился и объявилъ, что Евдокимъ долженъ быть изгнанъ.

— Я ничего не скажу противъ, если ты объявишь ему объ этомъ хоть сейчасъ, — заявилъ онъ брату.

Владимиръ Максимовичъ долженъ былъ найти въ этомъ удовлетвореніе и съ чувствомъ благодарности пожалъ руку Дмитрію. Это, конечно, нисколько не улучшило трагическаго положенія, но все же по крайней мѣрѣ не было обидно.

Когда Владимиръ Максимовичъ, разставшись съ братомъ, пришелъ на свою половину, тамъ, въ гостиной, уже собрались приглашенные. Жена его, очень взволнованная, растеряннымъ голосомъ занимала ихъ, ей помогала Люба, но обѣ говорили о постороннихъ вещахъ и ни словомъ не давали понять о случившемся.

Владимиръ Максимовичъ прислушался и не понял, почему онъ скрываютъ отъ гостей печальную истину.

Онъ увидѣлъ въ передней Михаила и вышелъ къ нему.

— Что же мы будемъ съ этими господами дѣлать?—тихонько спросилъ онъ его.

Михаилъ повелъ его въ кабинетъ и тамъ объяснилъ:

— Есть надежда. Софья Матвѣевна побѣжала въ экипажъ въ городъ. Она объѣдетъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, ворвется въ квартиры владѣльцевъ кондитерскихъ и гастрономическихъ магазиновъ и заберетъ все, что есть у нихъ готового.

И дѣйствительно, минутъ черезъ двадцать послѣ этого послышался гулъ колесъ, вернулась Софья Матвѣевна, и при этомъ у нея было лицо побѣдительницы. Изъ экипажа вытащили цѣлые кули провизии. Она сдѣлала набѣги всюду, гдѣ только была малѣйшая возможность достать что-нибудь, и наградой ей была необыкновенная удача.

Изъ кулей вынули нѣсколько куличей и бабъ, отыскались и

жареная птица, и крашенныя яйца, и поросенокъ, и сырные пасхи, всего даже больше, чѣмъ требовалось. Все это внесли въ залу и поставили на столъ.

— Ну, господа, пожалуйте!—сказалъ Владимиръ Максимовичъ, войдя въ гостиную.

Лица у дамъ, которые потеряли уже всякую надежду и чувствовали себя безпомощными, просіяли.

Въ залѣ было зажжено множество свѣчей, и было ярко, какъ при солнцѣ. За длиннымъ столомъ заняли мѣста гости и хозяйка, и началось пиршество.

А на дворѣ уже занялась заря, на небѣ погасли звѣзды, и началось утро. Въ это время Евдокимъ, которому было передано безповоротное приказаніе получить у главнаго приказчика расчетъ и оставить домъ, угрюмо укладывалъ свои вещи въ сундукъ.

Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы просить о помилованіи, но мѣста ему было жаль, и онъ въ глубинѣ души признавалъ, что на этотъ разъ въ своемъ нахальствѣ хватилъ черезъ край.

* * *

Наперекорь печальнымъ думамъ,
Вчера баюкавшимъ меня,—
Сегодня, на закатѣ дня,
Душа полна пасхальнымъ шумомъ.
И храмъ, бѣлѣя на горѣ,
Съ толпой, пестрящей по склонамъ,
Зоветь весеннимъ перезвономъ,
Вечерней радуясь зарѣ.
Въ родной глуши,—вдали отъ битвъ,
Гдѣ злая смерть любимыхъ косить,—
Народъ подъ сводами возносить
Благоуханіе молитвъ...

И вѣра сладкая сильнѣй,
Чѣмъ въ дни, когда терзали бѣды,
Въ неотвратимый часъ побѣды—
Вѣнецъ суровыхъ славныхъ дней!..
Растетъ ликующая мощь
Въ свѣтло молящемся народѣ,
Какъ вешній день растетъ въ природѣ,
Какъ первый листъ, какъ шелестъ рошъ...
Народъ родной! Въ твоихъ дѣлахъ
Исчезнетъ зло, какъ прахъ въ могилѣ,
И о твоей Христовой силѣ
Весна поетъ въ колоколахъ!

Яковъ Гординъ.

Сказки нашихъ дней.

Разказы Ю. Волина.

Споръ объ орхидеяхъ.

Съ фронта прибыли вещи убитого прапорщика Хворостова. Наше вниманіе обратила на себя объемистая тетрадь, испи-санная попережку чернилами и карандашомъ.

— Это его записки,—предположилъ кто-то.

Сестра Хворостова, показывая намъ вещи покойнаго и уже изучившая ихъ, печально улыбулася.

— Нѣтъ. Я тоже думала, что это Лёвушкины записки, и набросилась на тетрадку. Но это совсѣмъ не записки... Вы будете удивляться, когда узнаете, чѣмъ Лёвушка интересовался и занимался тамъ.

Мы съ нѣкоторымъ страхомъ раскрыли тетрадь.

Одинъ изъ насъ прочелъ вслухъ:

— „Наблюдения надъ орхидеями, руководство къ уходу за ними и мысли о цвѣтахъ вообще“.

— И вся тетрадь объ этомъ?—спросилъ нетерпѣливо Милинъ.

— Вся!—отвѣтила Вѣра Хворостова.

Серьезный и немного угрюмый Курдюмовъ, перелистывая тетрадь, заговорилъ нервно и отрывисто:

— Каково?.. Ну-съ, доложу вамъ, занятіе!.. Это подъ неприятельскимъ огнемъ, а?.. Замѣчательно!.. Обратите вниманіе, какъ это писалось!.. Тутъ чернила, здѣсь красный карандашъ, потомъ черныя, а вотъ какая-то тушь... кажется, самодѣльные чернила изъ сажки!.. И все объ орхидеяхъ!.. Объ орхидеяхъ, извольте ли видѣть!.. Гдѣ писалось-то? Въ походѣ! Гдѣ-нибудь на постой въ какой-нибудь грязной крестьянской избѣ! А то, можетъ-быть, подъ открытымъ небомъ, на пушкѣ вмѣсто стола!.. Или въ окопѣ, на барабанѣ... Кто знаетъ? Можетъ-быть, на самомъ полѣ сраженія!.. Можетъ-быть, за минуту передъ тѣмъ, какъ разорвался надъ его головой снарядъ, Лёвушка Хворостовъ дописывалъ разведенной сажкой вотъ эти послѣднія строки!.. И о чемъ? Подумайте только, о чемъ!.. Объ орхидеяхъ!.. Тутъ смерть... тутъ адъ, а онъ объ уходѣ за орхидеями!.. Нѣтъ, это просто уму непостижимо!..

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Тетрадь переходила отъ одного къ другому. Ее разсматривали со всѣхъ сторонъ, изучали каждое пятнышко на ней, измѣненія въ почеркѣ. Молча передавали ее другъ другу, но во взглядахъ можно было прочесть одну мысль, одно общее для всѣхъ и всѣхъ поразившее наблюдение: часто и рѣзко мѣнялся почеркъ, мѣнялись сорта чернилъ и цвѣтъ карандашей, то стройными колоннами стояли строчки, то безпорядочно расходились въ разныя стороны,—но ровно, отчетливо и ясно было содержание тетради; прерванныя на полусловъ фразы заканчивались потомъ,—можетъ-быть, черезъ много дней, можетъ-быть, на новой позиціи!—спокойно и увѣренно, какъ будто не было перерыва.

Споръ разгорѣлся внезапно и сразу въ повышенномъ тонѣ.

Казалось, молчаливое раздумье утомило и испугало каждого изъ насъ и всѣхъ вмѣстѣ. Заговорили громко, возбужденно, ста-

раясь разсѣять настроеніе жути и почти мистическаго страха передъ черной замасленной тетрадкой.

— Ну, вотъ!—воскликнулъ Фатѣевъ, молодой художникъ.—А насъ, людей тыла, упрекаютъ и называютъ чуть ли не эгоистами, если мы занимаемся въ эти дни чистымъ искусствомъ!.. Ну, вотъ! Человѣкъ на фронтѣ, подъ неприятельскимъ огнемъ, продолжаетъ дѣло, которое считаетъ своимъ, думаетъ объ „уходѣ за орхидеями“... Развѣ это не указаніе намъ?

— Несомнѣнно!—горячо подхватилъ поэтъ Ксендзовскій.—Въ этомъ указаніи намъ. Прекрасное вѣчно. Искусство выше всего, даже самой жизни. Война кончится, и человѣчество снова придетъ къ орхидеямъ, къ исканію красоты. И въ стремленіи къ своимъ вѣковѣчнымъ и высочайшимъ цѣлямъ человѣчество не должно терять ни одного часа времени!.. Что жъ изъ того, что міръ человѣческій потрясенъ громомъ орудій и залитъ океаномъ крови! Стоящіе на стражѣ красоты, ведущіе человѣчество къ достижениямъ вѣчнымъ должны продолжать свое дѣло. Это ихъ долгъ, а совѣсть не ихъ привилегія! Это не эгоизмъ, а, напротивъ, высшая форма самопожертвованія... Воспѣвать орхидей, когда смерть нависаетъ сверху и тѣснитъ со всѣхъ сторонъ... Понимаете ли вы, какая красота духовная въ этомъ? Какой яркій примѣръ для насъ, живущихъ въ теплѣ и покоѣ и часто опускающихъ руки, бросающихъ дѣло своей жизни отъ отдаленныхъ отголосковъ той бури, въ центрѣ которой онъ жилъ и палъ!.. О, конечно, это урокъ намъ!

Хмуро, почти сердито заговорилъ Курдюмовъ:

— Урокъ, да только понятый вами, почтенные, шиворотъ на выворотъ!

— То-есть, какъ? Что вы хотите сказать?

— А то, что это упрекъ, жестокій упрекъ вамъ, въ уютѣ и теплѣ тыла думающимъ объ орхидеяхъ...

— Парадоксъ!

— Нисколько!.. Какъ вы не можете понять, что ему можно, а намъ съ вами нельзя!.. Ему не надо думать о войнѣ, вѣдь онъ дѣйствуетъ!.. Онъ тѣломъ принадлежитъ войнѣ, и этимъ окупается свобода его души. А мы должны душой принадлежать войнѣ, ибо наше тѣло въ надежной безопасности тыла... Если онъ думаетъ объ орхидеяхъ, это—поразительное возвышеніе духа. Если мы будемъ думать объ орхидеяхъ, это—преступленіе. Ясно?

— Ясно, но невѣрно!—отозвался Фатѣевъ.

Споръ обострялся.

Для насъ всѣхъ, собравшихся въ тотъ вечеръ у Вѣры Хворостовой, этотъ споръ былъ не обычнымъ обмѣномъ мнѣній по какому-нибудь злободневному вопросу. Рѣчь шла о самомъ важномъ для насъ и о самомъ мучительномъ.

У каждого изъ насъ, спорившихъ, была своя „орхидея“.

У одного—живопись, у другого—поэзія, у третьяго—театръ, а у строгаго Курдюмова—отвлеченная наука.

И всѣ мы переживали трагедію раздвоенія въ скорбные дни

Къ заутренъ, Рисунокъ С. Колесникова.

Къ Пасхальной заутренѣ. На паромѣ. Рисунокъ И. Ижакевича.

Освященіе куличей на позиціяхъ.

военной тревоги. И каждого изъ насъ влекла его „орхидея“, и всѣхъ насъ полонила тревога.

Мы металсь отъ того, что было нашимъ, къ тому, что было общимъ; отъ того, что мы считали вѣчнымъ, къ кровавой суетѣ минуты. И всегда беспокойна была наша совѣсть. И всегда жило въ насъ сознание невыполненнаго долга: то передъ дѣломъ родины, то передъ дѣломъ своей жизни.

Поэтому быть особенно нервнымъ и острымъ нашъ споръ.

Споря и отстраняя свой взглядъ, каждый изъ насъ хотѣлъ однако не убѣдить другого, а, напротивъ, быть побѣжденнымъ, быть убѣжденнымъ, увидѣть ложь въ своихъ доказательствахъ и увѣрять въ неопровержимую правду противника. Такъ всегда въ спорѣ. Чѣмъ меньше вѣрять спорщики въ истину своихъ утверждений, тѣмъ упорнѣе и настойчивѣе спорять они.

Мы спорили долго и, конечно, ни къ какому выводу не пришли.

И стали всѣ злые, угрюмые. Каждый злился на противниковъ, которые не сумѣли опровергнуть его утверждений, но не смогли и утвердить его въ нихъ.

Одна только Вѣра Хвостова не принимала участія въ спорѣ. Она все время тихо сидѣла въ сторонѣ и внимательно читала рукопись, вызвавшую нашъ споръ.

Когда же споръ самъ собой прекратился, она заговорила:

— Господа! Вотъ тутъ въ главѣ „Мысли о цвѣтахъ вообще“ есть одно мѣсто, прямо относящееся къ тому, о чемъ вы спорите! Хотите прослушать? — Читайте!

Дѣвушка спокойно прочла:

— „Дымъ опасенъ для цвѣтовъ. На полѣ сраженія и даже въ окрестностяхъ цвѣты быстро блекнутъ и увядаютъ. Чуткіе къ малѣйшимъ колебаниямъ атмосферы, они даже въ отдаленіи чувствуютъ вторженіе враждебнаго элемента и тихо умираютъ, почуявъ дымъ пороха.

Въ атмосферѣ войны разведеніе цвѣтовъ неумѣстно и непродуктивно. Даже въ теплицы проникаетъ запахъ порохового дыма, и никакой уходъ не охранитъ цвѣты отъ преждевременной смерти. Цвѣты, выращенные въ атмосферѣ войны, нежизнеспособны и отнюдь не могутъ служить улучшенію породы. Любителямъ цвѣтовъ рекомендуется выждать очищенія атмосферы отъ дыма и копоти войны“.

— Слыхали? — съ тихой улыбкой произнесла Хвостова, прочитавъ эти строчки. Послѣ короткаго молчанія она прибавила:

— Такъ говоритъ Лѣвушка, настоящій любитель цвѣтовъ... Любя цвѣты, онъ умеръ за отечество и, умирая за отечество, думать о цвѣтахъ. Мнѣ кажется, онъ былъ счастливѣе васъ...

Никто изъ насъ не отозвался. И больше не говорили мы въ тотъ вечеръ объ орхидеяхъ.

Блудный сынъ.

Я столкнулся съ нимъ ночью на улицѣ. Была поздняя осень. Петроградъ былъ въ туманѣ, и люди на улицахъ казались загадочными призраками, таинственно-содержательными, пугающими и влекущими.

Онъ шелъ впереди меня. Сквозь туманъ я видѣлъ покачивающуюся человеческую тѣнь. Подумалъ — пьяный. Хотѣлъ обойти его и ускорилъ шагъ.

Онъ остановилъ меня.

— Нѣтъ ли у васъ спички?

Спички одна за другой гасли отъ сырости, пропитавшей воздухъ. Я далъ ему закурить отъ своей папиросы.

Когда онъ приблизилъ ко мнѣ свое лицо, я увидѣлъ, что онъ трезвъ, но возбужденъ. Его глаза горѣли, а руки дрожали. Бритое загорѣлое лицо не давало представленія о возрастѣ. Смѣшанный костюмъ — шляпа-котелокъ и сапоги бутылками — не позволялъ дѣлать никакихъ предположеній объ его общественномъ положеніи и профессіи.

Чѣмъ больше загадочности въ ночныхъ людяхъ и чѣмъ ярче блеститъ ихъ взглядъ, тѣмъ больше влекутъ они меня. Я не

Раздача куличей на позиціяхъ.

торопился уходить от человека, остановившего меня просьбой о спички. Я собирался заговорить с ним и обдумывать, с чего начать.

Но он сам заговорил.

— Который час?

— Три,—отвѣтилъ я.

— Ну, теперь пустяки осталось!..

Всего пять часов!

— А что потом?

— Какъ что? — удивленно переспросилъ онъ.— Вы развѣ не знаете? Вѣдь въ восемь отходить поѣздъ! Въ восемь часовъ двадцать двѣ минуты, такъ мнѣ сказали на вокзалѣ. Но я уже ровно въ восемь буду въ вагонѣ и буду думать, что я уже ѣду, приближаюсь къ ней...

— Къ кому?

— Къ моей родинѣ.

— Значитъ, вы иностранецъ?

— Я сербъ.

— Вотъ ужъ никогда бы не подумалъ! Вы говорите по-русски, какъ коренной москвичъ.

Незнакомецъ усмѣхнулся.

— Да, я знаю, что непохожъ на иностранца. Еще тому нѣсколько дней я этимъ гордился. Никто не зналъ моего происхожденія. Да я и не былъ сербомъ... Я одинъ зналъ это и старался забыть... Но теперь другое! Теперь не то! Теперь никто не посмѣетъ мнѣ сказать, что я не сербъ!

Онъ произнесъ эти слова съ паѳосомъ, почти съ вызовомъ, и замолчалъ, будто ожидая отъ меня возраженій.

Молчать и я. Я хорошо зналъ, что возбужденный ночной прохаживъ, развѣ начавъ, уже не остановится на полпути, выскажется весь, откроетъ рану своей души. Не потому ли вышелъ онъ на улицу въ туманную осеннюю ночь, что его гнететъ тайна? Не за слушателемъ ли гнался онъ по темнымъ улицамъ Петрограда?.. За невѣдомымъ, изъ тумана выплывшимъ и въ туманъ уходящимъ слушателемъ исповѣди въ туманѣ блуждающаго ночного человека?..

Молчаніе длилось нѣсколько минутъ, и прервалъ его тантальный незнакомецъ.

— Вы, очевидно, тоже не торопитесь?

На западномъ фронтѣ.
Священникъ-солдатъ совершаетъ богослуженіе передъ выступленіемъ въ окопы.

— Нисколько.

— Что жъ! Я вамъ расскажу! Вѣдь вы меня не знаете и не встрѣтите меня больше. Я могу быть откровеннымъ. Не пугайтесь, моя повѣсть не очень длинна и не очень скучна.

— Рассказывайте.

Мы пошли по улицѣ, не отдавая себѣ отчета, куда, сворачивая то вправо, то влево. Встрѣчные могли думать, глядя на насъ, что два старухъ друга ведутъ интимную бесѣду. И никто бы не сказалъ, что это случайный разговоръ случайно встрѣтившихся прохожихъ.

— Въ восемь часовъ двадцать двѣ минуты я выѣзжаю въ Сербию, на родину, на мою потерянную и вновь обрѣтенную родину!—съ радостнымъ возбужденіемъ человека, наконецъ полу-

чившаго возможность высказать все, что бурлило въ его душѣ, началъ незнакомецъ.— Да, сударь, я сербъ!.. Только я вамъ скажу правду. Я плохой сербъ, я выродокъ, я ничтожество, я паршивая овца въ родномъ стадѣ, я бѣглець, я изменникъ, я оторванный листъ, я не имѣю права называть себя сербомъ!..

— За что вы себя такъ браните?

— За что? Вы спрашиваете, за что? Но сколько бы я себя ни бранилъ, это будетъ мало, это будетъ снисходительно!.. Послушайте. Я советомъ молодымъ покинулъ родину. Чортъ меня знаетъ, почему я уродился такимъ бездѣльникомъ! Съ самаго дѣтства доставлялъ я огорченія своимъ роднымъ, не хотѣлъ работать, былъ лживъ и, буду говорить всю правду, воровать!.. Наконецъ советомъ ушелъ изъ дому, увязался за бродячимъ циркомъ и исчезъ безслѣдно. Да, — обратите особое вниманіе на это, исчезъ безслѣдно!.. Съ тѣхъ поръ прошло два-

На бельгійскомъ фронтѣ. Пасхальная месса въ траншеяхъ первой линіи.

ддать дѣтъ, и я ни разу не подаль о себѣ вѣсти, и я ничего не знаю о моей семьѣ, и моя семья ничего не знает обо мнѣ!.. Чтѣ я дѣлалъ? О, плохое я дѣлалъ, сударь! Матери моей нечѣмъ было бы похвастать, если бы она знала, чтѣ стало съ ея сыномъ. Скажу коротко. Моя карьера завершилась положеніемъ режиссера въ кафе-шантанѣ, въ очень низкопробномъ кафе-шантанѣ. Вы же понимаете, чтѣ это за профессія. Я откровененъ. Вѣдь я не называю себя!

— Я и не прошу...

— Ну, вотъ. Значить, я для васъ—нѣкто, почти абстракція, безымянный ночной прохожій. Я могу быть откровеннымъ. И я говорю вамъ:—я ничтожество, грязный, вредный человекъ, позоръ для родной страны. И, знаете, я теперь ставлю себѣ въ заслугу то, что я никогда не называлъ себя сербомъ, никому не говорилъ о своей родинѣ. По крайней мѣрѣ, не позорилъ ее! Хотя, говоря правду, я дѣлалъ это неумышленно. Просто, забыть ее! Просто, по низости и подлости своей натуры задавить въ душѣ тоску по родному небу и отзвуки родной рѣчи!.. Но вышло хорошо и даже благородно. Пусть лучше не знаютъ, что у родины моей есть и такія дѣтища, какъ я!.. Долженъ однако сказать, что былъ моментъ, когда мое отреченіе отъ родины было сознательнымъ. Это было четыре года тому назадъ, во время балканской войны. Въ одинъ день я почувствовалъ себя сербомъ, и потянуло меня на родину, къ сражающимся за ея честь братьямъ!.. Но это продолжалось одинъ день, не больше. Я сказалъ себѣ въ тотъ день: „не нужны родинѣ такіе, какъ я! Какой я сербъ? Тамъ, на родинѣ, мои родные братья, моя родная мать страдаютъ въ нуждѣ и непосильномъ трудѣ, а я двадцать лѣтъ живу въ шумѣ какъ-уока и матчиша!.. Я, ничтожный и презрѣнный, отказался отъ своей родины, значитъ, она, великая и прекрасная, давно отвергла меня!.. Такъ я сказалъ себѣ въ тотъ день и вырвалъ изъ души тоску!.. И жилъ, какъ раньше, грязной жизнью ничтожнаго выродка, жилъ оторваннымъ листомъ, заблудившимся въ подвалахъ жизни!.. И когда началась эта война, когда австрійцы напали на мою родину, когда весь мѣръ содрогнулся отъ ужаса и негодованія, когда о несчастной Сербіи говорили и думали всѣ,—я, родной сынъ ея, я оставался равнодушнымъ!.. Моя душа была мертва. Я не ощущалъ даже тоски, погруженный съ головой въ грязное дѣло моихъ будней!.. О, я такъ и умеръ бы, безсердечнымъ ничтожествомъ, измѣнникомъ, если бы не случилось чудо послѣднихъ дней!..

Незнакомецъ замолчалъ, ожидая моего вопроса.

— Какое чудо?

— Родина вспомнила меня!—восторженно крикнулъ сербъ.— Она, великая и прекрасная, вспомнила пигмея, забывшаго ее!.. Вы не вѣрите?.. Но я покажу вамъ повѣстку!

— Какую повѣстку?

— Меня вызываютъ на родину для вступленія въ ряды сербской арміи.

— Ну, чтѣ жъ тутъ такого? Вполнѣ естественно!

— Вы говорите, вполнѣ естественно!—возмущенно крикнулъ незнакомецъ.— Это—чудо! Это такъ величественно, такъ прекрасно, такъ благородно, такъ неожиданно!.. А вы говорите, естественно!..

— Но вѣдь вы не мѣняли подданства. Значить, вы числитесь въ сербскихъ спискахъ, и васъ должны были призвать!

— Ахъ, Боже мой!—нетерпѣливо отозвался сербъ.— Я о важномъ, о чудесномъ, а вы Богъ знаетъ о чемъ!.. Это все пустяки, ваши списки и все это!.. Я о важномъ говорю, о чудесномъ!.. Нѣтъ, вы послушайте. Развѣ это не чудо? Меня, ничтожнаго, затеряннаго, разыскали! Меня, заблудшаго, зоветъ родина!.. Я, даже я, ей нуженъ!.. Эхъ, вы! Гдѣ вамъ понять всю красоту, все величіе этого чуда!.. И я напрасно рассказалъ вамъ все это!.. Прощайте!

Онъ быстро повернулся и исчезъ въ туманѣ.

Могъ ли думать возбужденный! призракомъ прощенія человекъ, что другой прохожій въ туманѣ осенней ночи рѣшится трезвой разсудочностью отогнать чудесный призракъ?

И я долженъ признаться, что немало упрекилъ себя въ ту ночь за грубую попытку отрезать человекъ, ослѣпленнаго прекрасной иллюзіей!.. При чемъ тутъ, дѣйствительно, „списки“, „подданство“, „естественность“, когда человеку нужно чудо!

Мать.

Въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, далеко отъ района войны, я встрѣтилъ удивительную мать.

Въ городкѣ ее считали сумасшедшей и показывали ее, какъ достопримѣчательность, особенно интересную для пріѣзжихъ, потому что помѣшательство ея было однимъ изъ извилистыхъ отраженій военныхъ молній.

Въ городкѣ разсказывали:

— Она—дѣвица и никогда дѣтей не имѣла, это достоверно известно всѣмъ старожилкамъ, которые помнятъ ее съ дѣтства. И вотъ внезапно она вообразила, что у нея есть сынъ, и что онъ на войнѣ. Ни о чемъ другомъ, какъ только о своемъ сынѣ, она не говоритъ!.. И никакъ ее не разубѣдить!.. Психозъ!.. Впрочемъ, во всемъ остальномъ она вполнѣ нормальна, и ее оставляютъ на свободѣ, даже не лѣчатъ!..

Я заинтересовался этой странной женщиной, собирался пойти къ ней.

Но она сама пришла ко мнѣ.

Маленькая чистенькая старушечка, съ круглымъ, расписаннымъ узорными морщинами лицомъ и съ свѣтлыми выпуклыми глазами, которые были когда-то лазурными и прекрасными. Говоритъ тихо, убѣжденно, нитивно.

Пришла съ разпросами, откуда я пріѣхалъ и не слышалъ ли чего о ея сынѣ.

— Онъ на войнѣ, съ нѣмцами воюетъ, ненаглядный мой!.. Съ начала пошелъ. Удержать не могла. „Пойду, говорить, мать, за отечество сражаться, врага бить пойду, говорить. Благослови, говорить, мать!..“ Ну я, какъ слѣдуетъ, благословеніе дала, на Боже дѣло идетъ сынъ-то мой единственный!..

— А какъ его звать, твоего сына?

Но она не отвѣтила на этотъ вопросъ, будто не разслышала.

— Былъ онъ раненъ, сынъ-то мой!.. Сходила я въ церковь, помолилась, свѣчу Николаю Угоднику поставила,—выздоровѣлъ вѣдь! Опять сражается. Награды отъ Царя-батюшки получаетъ, молодецъ онъ у меня, сынъ мой!.. Красавецъ онъ и умный онъ у меня!..

— Чтѣ же онъ, письма тебѣ писать?

— Некогда ему, батюшка, письма мнѣ писать!.. Гдѣ тамъ? Небось, ни сна ни отдыха не знаетъ!.. Какія тамъ письма!.. Кончится война и увидимся! А письма что? Я и безъ того знаю, что онъ мать свою помнитъ!

— Какъ же ты узнала, гдѣ онъ, и что былъ раненъ и что награды получаетъ? Земляки, что ли, сообщили?

— Зачѣмъ земляки? Вѣдь про него, про сына моего, въ газетахъ пишутъ. Каждый день, поди, въ газетѣ про него написано. Ужъ я утромъ, какъ проснусь, сразу за газету, вѣдь, я слава Богу, грамотная. Раньше плохо читала, а теперь, что твой дьячокъ! Привыкла вѣдь. Ну, и читаю про него, какой онъ городъ взялъ, али отошелъ куда, сколько плѣнныхъ забралъ, все про него въ газетѣ написано!..

Она говорила такъ серьезно и такъ убѣжденно, что не вѣрилось въ ея помѣшательство.

— Какъ же его звать, твоего сына?

Священникъ одѣляетъ деньгами и сладостями дѣтей бѣженцевъ.

Она опять не отвѣтила, притворившись, что не слыжала.
— Значить, и ты, багюшка, все подальше отъ войны держишься. Не видалъ ты, значить, сына-то? Ну, прощай!.. Ждать буду! Одолбеть онъ врага и къ матери вернется, а я ему фуфайку новую связала, потому холодно тамъ, на войнѣ-то!

Я встрѣчалъ ее еще раза два, и каждый разъ говорила она о своемъ сынѣ.

Мнѣ рассказали много подробностей объ этой матери никогда не рождавагося сына.

Въ зависимости отъ того, что сообщала газета объ ея „сынѣ“, т.-е. о дѣлахъ русской армии, свѣтелъ или сумраченъ былъ день удивительной старушки.

Въ дни побѣды пристегивала она цвѣты къ чепчику и надѣвала праздничную пелерину. Когда вѣсти приходили печальныя, она выходила на улицу въ старенькой фуфайкѣ, въ черномъ платкѣ на головѣ и со слезами на глазахъ жаловалась, что раненъ ея сынѣ.

Вотъ уже годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ я ее встрѣтилъ. Но я часто вспоминаю ее. И тепло становится при этомъ воспоминаніи. И прекраснымъ символомъ женственности представляется мнѣ эта удивительная старушка, эта дѣвственная мать воина.

Пасхальный столъ. Картина А. В. Маковского.
(XLIV Передвижная выставка картинъ).

Пасхальная ночь. Картина А. Исупова.
(Выставка Союза русскихъ художниковъ).

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Демонстраціи и перегруппировки.

Вполнѣ естественно, что съ наступленіемъ распутицы на нашемъ фронтѣ получили сильнѣйшее развитіе операціи на остальныхъ фронтахъ войны. Изъ нихъ наиболѣе серьезными оказались операціи германцевъ въ районѣ Вердена, и противникъ, почувствовавъ временно, что у него, благодаря распутицѣ на востокъ, „руки развязаны“, приступилъ къ наиболѣе опаснымъ штурмамъ крѣпости, направляя удары на фортъ Во, т.-е. по кратчайшему пути къ Вердену.

На нашемъ фронтѣ бои однако не были окончательно прерваны распутицей. Столкновения обѣихъ сторонъ происходили на всемъ фронтѣ, но, конечно, эти столкновения не были крупными, а ограничивались, преимущественно, перестрѣлкой, артиллерійской и ружейной, стычками развѣдывательныхъ партій и воздушными развѣдками.

Въ такомъ видѣ, не представляя сами по себѣ ничего серьезнаго и крупнаго, эти бои все же показательны, давая картину предварительныхъ рекогносцировокъ, предвѣщающихъ крупныя событія на фронтѣ. Какъ и можно было ожидать, наиболѣе оживленнымъ темпомъ происходили бои въ районѣ Западной Двины, какъ на участкѣ, гдѣ

Образъ Иверской Божіей Матери въ церкви села Рудовка, Сувалкской губ., разрушенный въ нѣсколькихъ мѣстахъ святотатцами-нѣмцами.

Гермомахъ Спасо-Преображенскаго Рославльскаго монастыря, отецъ Пантелеймонъ, удостоенный боевыхъ наградъ за пастырскую дѣятельность на фронтѣ.

противникъ особенно долженъ былъ тревожиться за свое расположеніе. Здѣсь противникъ усиленно обстрѣливалъ важный тетъ-де-понъ (предмостное укрѣпленіе) у Иксюля, производя отъ времени до времени короткія неудачныя атаки. Отмѣчались также столкновения развѣдчиковъ въ другихъ районахъ Западной Двины и полеты аэроплановъ.

Общій характеръ этихъ боевъ—частью усиленная развѣдка, частью демонстрація, которую противникъ ведетъ на Риго-Двинскомъ фронтѣ съ прошлой осени, стремясь создать ложное впечатлѣніе, что на фронтѣ Рига—Двинскъ онъ якобы подготавливаетъ крупное наступленіе.

Еще далѣе на сѣверномъ фронтѣ можно отмѣтить, что противникъ у Двинска вынужденъ былъ во время половодья бросить нѣкоторые окопы, залитые водой. Это подтверждаетъ успѣхъ нашего наступленія, бывшаго передъ распутицей, и очевидно, что наши войска вынудили нѣмцевъ занять низменные заливаемые позиціи, которыя имъ потомъ опять пришлось бросить во время начавшагося половодья.

На слѣдующемъ участкѣ нашего фронта,—на западномъ фронтѣ,—называемомъ нынѣ въ сообщеніяхъ Штаба „фронтъ генерала Эверта“, отмѣчались, преимущественно, полеты аэроплановъ, а изъ боевъ лишь небольшія атаки. Повидимому, находящаяся противъ этого фронта армія принца Леопольда Баварскаго значительно порѣдѣла, выдѣливъ часть войскъ для французскаго фронта, а затѣмъ и для нѣкоторыхъ другихъ участковъ нашего фронта. Противникъ, сильно закопавшійся здѣсь, въ Пинскихъ болотахъ, пользуется поэтому войсками принца Леопольда, какъ подвижнымъ резервомъ для усиленія войскъ въ другихъ районахъ,—тамъ, гдѣ назрѣваютъ болѣе серьезные бои.

Наконецъ, обращаясь къ нашему юго-западному фронту, нынѣ

„фронтъ генерала Брусилова“, отмѣтимъ, что здѣсь бои носятъ чисто-позиціонный характеръ. Обѣ стороны здѣсь, повидимому, расположены очень близко другъ къ другу, такъ какъ наиболѣе часто здѣсь отмѣчаются взрывы горновъ, бои за образовавшіяся отъ взрыва минныя воронки (зачатки будущихъ окоповъ) и т. п.

За всѣмъ этимъ грохотомъ перестрѣлки по всему фронту и шумомъ взрывающихся горновъ идетъ, очевидно, серьезнѣйшее подготовительное маневрированіе противника по перегруппировкѣ войскъ къ предстоящей, уже въ ближайшемъ будущемъ, крупнѣйшей операціи всей нынѣшней войны. Эта работа производится, очевидно, въ большомъ секретѣ, и на этотъ разъ газеты даже не сообщаютъ никакихъ самыхъ отдаленныхъ слуховъ о производящейся перегруппировкѣ. Говорить что-либо опредѣленное по этому поводу нельзя, и можно лишь попрежнему отмѣтить, что, по общему характеру фронта, по расположенію войскъ противника и по условіямъ мѣстности на различныхъ участкахъ фронта, наиболѣе вѣроятными районами операцій представляются: участокъ къ сѣверу отъ Пинскихъ болотъ (районъ озеръ между Двинскимъ и Виленскимъ районами), затѣмъ участокъ къ югу отъ Пинскихъ болотъ (Ровненское направленіе) и районъ Восточной Галиціи.

Если бои, происходящіе во время половодья, имѣютъ цѣлью скрыть перегруппировку войскъ, то одинаково такую же цѣль имѣютъ и послѣдніе бои подъ Верденомъ, но уже этими боями скрывается перегруппировка болѣе широкаго масштаба. Бои во время половодья на нашемъ фронтѣ, повидимому, прикрываютъ перегруппировку войскъ на различныхъ участкахъ нашего фронта, тогда какъ бои подъ Верденомъ имѣютъ задачу прикрыть перегруппировку всѣхъ германскихъ армій на всѣхъ фронтахъ войны, имѣютъ цѣлью привлечь всеобщее вниманіе къ Вердену, чтобы въ это время произвести перевозку и сосредоточеніе войскъ противника на всѣхъ театрахъ мірового столкновения.

Поэтому, обращаясь въ частности къ Верденскимъ боямъ, мы отмѣтимъ, что въ этихъ послѣднихъ бояхъ, такъ же, какъ и въ предыдущихъ, нельзя усмотрѣть опредѣленной цѣли противника „взять Верденъ“. Противникъ, конечно, весьма охотно овладѣлъ

Священникъ 42-й арт. бригады, часто посѣщающій окопы и наблюдательные пункты подъ огнемъ непріятеля.

Походная церковь-палатка.

бы Верденомъ, если бы ему это удалось, но истинная задача послѣдняго Верденскаго наступленія нѣмцевъ не столько взятіе Вердена, сколько прикрытіе грандіозной перегруппировки войскъ противника на всѣхъ фронтахъ войны, — перегруппировки, которая должна подготовить наступающій величайшій, и, быть-можетъ, послѣдній актъ міровой войны.

Такъ какъ значеніе Верденской операціи уже достаточно опредѣлилось, и французское высшее командованіе, повидимому, болѣе не тревожится за судьбу Вердена, то нѣмцы, очевидно, рѣшили придать своимъ атакамъ у крѣпости самый энергичный характеръ, дабы отбросить всякое подозрѣніе въ демонстраціи. Для этого они, ослабивъ свои атаки на второстепенномъ участкѣ (на лѣвомъ берегу Мааса), повели новое наступленіе на главномъ участкѣ (на правомъ берегу Мааса, въ секторахъ Дуомона и Во).

При этомъ они чередовали атаки на правомъ берегу Мааса съ атаками на лѣвомъ берегу Мааса, нажимая такимъ образомъ то тамъ, то здѣсь, но наиболѣе сильные удары они производили на правомъ берегу. Въ теченіе нѣсколькихъ дней французы отбивали атаки на обоихъ берегахъ, а на лѣвомъ берегу Мааса даже сами продвинулись впередъ, въ лѣсу Авокуръ. 19-го марта нѣмцамъ удалось въ свою очередь продвинуться на главномъ участкѣ атаки, т.-е. на правомъ берегу Мааса, гдѣ они заняли деревню Во (близъ форта Во) и лѣсъ Ла-Кайеттъ.

Этотъ успѣхъ, какъ мы уже отмѣчали ранѣе, несомнѣнно могъ бы имѣть крупное значеніе, ибо грозилъ прорывомъ основной линіи Верденскихъ фортовъ.

Поэтому командующій французской Верденской арміей генераль Петэнъ немедленно принялъ самыя энергичныя мѣры противъ угрожавшаго ему опаснаго прорыва.

20-го и 21-го марта французскіе резервы при поддержкѣ ураганнаго огня артиллеріи атаковали деревню Во и лѣсъ Ла-Кайеттъ и наконецъ ворвались въ оба эти пункта, выбивъ оттуда нѣмцевъ.

Для нѣмцевъ потеря деревни Во и

(успѣшная контръ-атака французовъ у деревни Во и лѣса Ла-Кайеттъ). Въ этихъ блестящихъ результатахъ конкретно чувствуется сила французскаго сопротивленія у Вердена, ибо такіе удары могутъ наносить только истинно-сильныя войска.

Преступное потопленіе „Португаліи“ и очередной налетъ цепелиновъ на Англію дополняютъ собою ту общую картину демонстративныхъ событій въ періодъ половодья, которыя вмѣстѣ съ Верденомъ и боями на нашемъ фронтѣ должны прикрыть окончательное накопленіе силъ и ихъ сосредоточеніе передъ надвигающимся рѣшительнымъ періодомъ войны.

Походная церковь-палатка.

лѣса Ла-Кайеттъ, приближавшихъ ихъ къ завѣтной цѣли, — прорыву линіи Верденскихъ фортовъ, — была серьезнымъ ударомъ, и кронпринцъ поэтому на другой день, 22-го марта, повелъ новую грандіозную атаку на лѣсъ Ла-Кайеттъ. На этотъ разъ нѣмцы, потерпѣвшіе наканунѣ столь жестокую неудачу, даже не дошли до лѣса. Они были скошены адскимъ огнемъ, а новая попытка ихъ обойти у Ла-Кайетта французскія позиціи кончилась стремительнымъ бѣгствомъ оставшихся въ живыхъ нѣмцевъ.

По официальнымъ сообщеніямъ французовъ, „никогда уронъ непріятеля не достигалъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ послѣднихъ бояхъ у Авокура и Дуомона“. Всѣ успѣхи нѣмцевъ за время послѣдняго наступленія у Вердена были сведены на-нѣтъ, и это еще разъ, — быть-можетъ, десятый, — подтвердило, что положеніе Вердена гораздо болѣе прочно, чѣмъ то живописуютъ въ своихъ тревожныхъ статьяхъ почтенные „нѣмцепоклонники“.

Ни одного шага, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, на второстепенномъ участкѣ лѣваго берега Мааса (успѣшная контръ-атака французовъ у Авокура) и ни одного шага на главномъ участкѣ праваго берега Мааса

Передъ иконою св. Георгія.

Лучь лампады... Старая икона...
 Поле золотое, и на немъ
 Свѣтлый всадникъ, ранящій дракона
 Прямо въ пасть пылающимъ копьемъ.
 Синій сумракъ въ опустѣвшемъ храмѣ,
 Отблески закатные легли...
 Сладостно молиться вечерами
 О родимыхъ, бьющихся вдали.
 И приходятъ матери и жены
 И цѣлуютъ всаднику плечо,
 Чтобъ вернулся милый пощаженный,—
 Молятся свѣтло и горячо.
 Кроткій взоръ святителя умиленъ,
 Но сильна разящая рука.

Бѣлый конь Георгія не взмыленъ,—
 Видно, служба ратная легка!
 А закатъ разбрасываетъ розы...
 Тѣни въ храмѣ распростерты ницъ.
 Рѣдкія, но пламенные слезы
 Падаютъ съ опущенныхъ рѣсницъ.
 О, не даромъ эти слезы льются
 Въ полутемныхъ храмахъ безъ конца,
 И надеждой радостною быются
 Такъ согласно русскія сердца...
 Скоро, скоро минетъ ночь глухая,
 Дрогнетъ въ небѣ первый отблескъ дня,
 И драконъ забьется, издыхая,
 Подъ копытомъ бѣлаго коня!

Георгій Ивановъ.

На западномъ фронтѣ. Французскія траншеи и ходы сообщеній въ Шампани.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Тарантуль. Разсказъ Ивана Островнаго. — Крестъ. Разсказъ Л. Добронравова. (Окончаніе). — Наказаніе. Разсказъ И. Поталенко. — Стихотвореніе Якова Година. — Сказки нашихъ дней. Разсказы Ю. Волина. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Передъ иконою св. Георгія. Стихотвореніе Георгія Иванова. — Объявленія.

РИСУНКИ: Иллюстраціи В. Спасскаго къ разсказу „Тарантуль“ Ивана Островнаго. — Иллюстраціи И. Ижакевича къ разсказу „Крестъ“ Л. Добронравова. — Иллюстраціи П. Бучкина къ разсказу „Наказаніе“ И. Поталенко. — Къ заутренѣ. Рисунокъ С. Колесникова. — Къ Пасхальной заутренѣ. На паромѣ. Рисунокъ И. Ижакевича. — Освященіе куличей на позиціяхъ. — Раздача куличей на позиціяхъ. — На западномъ фронтѣ (2 рис.). — На бельгійскомъ фронтѣ. — Священникъ одѣляетъ деньгами и сластями дѣтей бѣженцевъ. — Пасхальный столъ. Картина А. В. Маковского. — Пасхальная ночь. Картина А. Исупова. — Образъ Иерусалимской Божіей Матери въ церкви села Рудовка, Суwalkской губ. — Иеромонахъ отецъ Пятелеймонъ. — Священникъ 42-й арт. бригады, часто посѣщающій окопы. — Походная церковь-палатка (2 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 22.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 16

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выданъ 16-го апрѣля 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

Объявленія для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по следующей цѣнѣ за строку непарейль въ одинъ столбѣцъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 7.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ 1916 Г.

Если вы не можете работать у станка, вы все же можете участвовать въ заготовлени оружія и скарядовъ, предоставляя государству необходимыя на это средства.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЗАЕМЪ!

Условія займа.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ, начиная съ 1-го февраля 1916 года, 5½% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ — 1-го февраля и 1-го августа.

Уплата процентовъ навсегда освобождается отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

Всѣ облигаціи будутъ погашены 1-го февраля 1926 года; до наступленія этого срока къ выкупу займа приступлено не будетъ.

Оплата срочныхъ купоновъ и погашенныхъ облигацій будетъ производиться въ Государственномъ Банкѣ, Казначействахъ и Сберегательныхъ Кассахъ.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ порядкамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министеромъ Финансовъ.

Держателямъ облигацій настоящаго займа будетъ предоставлено право обмѣнять ихъ на облигаціи государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 года, при чемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи сего займа по ихъ выпускной цѣнѣ.

Мѣста и время подписки.

Подписка начинается 15-го марта и принимается:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ частныхъ коммерческихъ банкахъ,
въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ городскихъ общественныхъ банкахъ и
въ обществахъ взаимнаго кредита.

} по 22-е апрѣля с. г.
включительно.

Въ Петроградской Конторѣ Государственнаго Банка, Главномъ и Губернскомъ Казначействахъ подписка принимается, помимо присутственныхъ, также во всѣ праздничные дни отъ 11 час. до 2 час. пополудни.

въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ.

} по 13-е мая с. г.
включительно.

Въ Петроградской Сберегательной Кассѣ и ея отдѣленіяхъ подписка принимается съ 10 ч. утра до 8 ч. вечера во всѣ присутственные и праздничные дни за исключеніемъ 23-го апрѣля и 6-го мая.

Порядокъ подписки.

Выпускная цѣна назначается въ 95% номинальной стоимости, съ прибавленіемъ къ ней текущихъ процентовъ, считая съ 1-го февраля 1916 г.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Государственномъ Банкѣ, въ частныхъ коммерческихъ и городскихъ общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 рублей, а въ Казначействахъ, Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго кредита и учрежденіяхъ мелкаго кредита на сумму свыше 300 рублей,—уплата можетъ быть разсрочена, съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50% не позднѣе 13-го мая. Лица, подписавшіяся въ разсрочку, вносятъ, одновременно съ оплатой 50% подписной суммы, также залогъ въ размѣрѣ 5% съ номинальной суммы оставшихся не оплаченными облигацій.

Льготы по храненію облигацій.

Держатели облигацій могутъ передавать ихъ на бесплатное храненіе въ учрежденія Государственнаго Банка, Казначейства и Сберегательныя Кассы со взносомъ лишь установленнаго гербоваго сбора. Лица, состоящія вкладчиками Сберегательныхъ Кассъ и вносящія, при покупкѣ въ этихъ кассахъ облигацій, стоимость ихъ на сберегательную книжку, не уплачиваютъ и гербоваго сбора.

**ОСВѢЖАЮЩИЙ
БЕЗВРЕДНЫЙ
ПРЯТНЫЙ
КРЕМЪ**

Это прекрасное средство против дурного дѣйства лица, обильно кожу и придает ей юношескій видъ и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 30 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, слѣдуетъ, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностью. Рекомендуются передъ накладываніемъ Дермозона вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стодбергъ и К^о.

ИКОНЫ

всѣхъ стилей, готовыя и на заказъ, можно получить въ иконной лавкѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденнаго Комитета Попечительства о Русской иконописи. Петроградъ, Надеждинская, 27. Тел. 201-29. 4071 10-3

Прейс-курранты высылаются бесплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Льготныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО**. пробная лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—5Б.

ПЕРВЫЙ ПЕТРОГРАДСКІЙ ДАМСКІЙ КОМИТЕТЪ

Россійскаго Общества Краснаго Креста

принимаетъ пожертвованія въ пользу подвѣдомственныхъ ему лечебныхъ учреждений,

при чемъ на память о добромъ дѣлѣ **ВЫДАЕТЪ СЕРЕБРЯНЫЕ И ЗОЛОТЫЕ ЖЕТОНЫ**

указаннаго здѣсь образца.

Жетоны выдаются за единовременныя пожертвованія: серебряные—не менѣе 10 руб. и золотые—не менѣе 100 руб. **ПОЖЕРТВОВАНІЯ СЛѢДУЕТЪ НАПРАВЛЯТЬ ПО СЛѢДУЮЩЕМУ АДРЕСУ:**

Петроградъ, Воскресенская наб., 4 (черезъ 15-е п.-т. о.) Первому Петроградскому Дамскому Комитету Краснаго Креста.

При ГОНОРРЕЕ

въ острой и хронической формѣ „ТІЭЛЕРИНЪ“ послѣдствіяхъ ея принимается Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тіэлеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. кансуль 2 р. 25 к. Двойного фл. Адресъ: Д. ру Гороховской, Москва, Давы пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА для грудныхъ дѣтей старшаго возраста. Получаются блестящіе результаты. Брошюра № 12 по требованію бесплатно. Англійское Акц. О-во „АЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“. Москва, мясницкая, 32.

БУДУЩЕЕ

каждого человека мгновенно и безошибочно раскрываютъ магическія карты. Полная колода съ наставленіемъ высыл. н. л. за 1 р. 50 к. Адр.: Москва, ред. журн. „Соколь“, Печатниковъ пер. д. № 18 2. (9)

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Шитье рѣшетками по выдернутымъ нутымъ картинкамъ. 61 стр. текста, съ 107 рис. и съ прилож. 20 таблицъ узоровъ. Цѣна съ перес. 80 коп.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕЪ СВѢТЪ

АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоятъ 175 руб.

ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары. **Теперь** мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Расстояние не служитъ препятствіемъ. Требуется нашъ бесплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ **Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.**

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42 — 11.
Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall st.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выписывая „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. 201

ЛЕННО ВЫВЕЩАЮТЪ ЗАГОРОДНО

на **МАНДОЛИНЪ** и **БАЛАЛАЙКЪ**

Услов. заоч. обуч. и каталогъ instrum. безплат. „Курсы Музыки“: Москва, Срѣтенка 21/5.

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портится и служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто кольдъ-крема.

ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) и МЫЛО Кремъ Симонъ (Le Savon à la Crème Simon) того-же запаха что и Кремъ Симонъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON

59, Faubourg Saint-Martin, PARIS.

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

ИСТОЩЕНІЕ ★★★★★★★★★★

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, невращенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственнаго настоящаго, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Рельефная карта кавказского фронта.

ЖЖЖ

№ 16. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кв. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кв. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 16 апрѣля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ : Смѣлый человекъ. Разсказъ И. Н. Потапенко. — На позиціяхъ. Стихотвореніе Арсенія Митропольскаго. — Набатъ. Разсказъ Вл. Кохановскаго. — Старый вояка. Разсказъ А. Лазарева-Грузинскаго. — Герои. Разсказы Ф. Бутэ. — Заявленіе. — Объявленія.

Р И С У Н К И : Генераль-адъютантъ Брусилловъ и его штабъ. — Генераль-адъютантъ Брусилловъ за работой. — Иллюстраціи И. Владимірова къ разсказу „Смѣлый человекъ“ И. Н. Потапенко. — Къ взятію Эрзерума (19 рис.). — Къ боямъ у Вердена (5 рис.). — Рельефная карта кавказскаго фронта.

СМѢЛЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

Съ иллюстраціями И. Владимірова.

I.

Рядовой пѣхотнаго полка Федотъ Крыга, — невзрачный, сѣрый какой-то, съ мелкими чертами лица, съ густыми, страннаго цвѣта, словно подпаленными солнцемъ, волосами, съ небольшими жесткими подстриженными усиками, — считалъ себя неудачникомъ.

Солдатскую шинель онъ надѣлъ еще до войны въ ноябрьскій наборъ, и тогда, когда о войнѣ не было и разговору, онъ смотрѣлъ на службу, какъ на повинность, и притомъ неприятную, состоящую въ неуклонномъ выполненіи присяги, и аккуратно, но безъ всякаго одушевленія, дѣлалъ все, что отъ него требовалось.

Черниговецъ и чистѣйшей воды хохоль, онъ довольно скоро незамѣтно „потерялъ свой языкъ“ и сталъ изъясняться при помощи того убійственнаго казарменнаго жаргона, который въ концѣ концовъ объединяетъ всѣхъ солдатъ какой бы то ни было національности, овладѣлъ всѣми воинскими приемами, слово въ слово вызубрилъ всю „словесность“ и терпѣливо ждалъ, когда выйдетъ ему положенный срокъ и онъ вернется въ свою черниговщину, гдѣ у него были и батько съ матерью, и братья и сестры, и дивчина-невеста.

Но когда объявилась война, его настроеніе перемѣнилось. Его

подхватила общая волна воодушевленія, и онъ началъ желать подвиговъ. Въ душѣ его проснулось, доселѣ ничѣмъ себя не проявившее, добраго качества тщеславіе. Хотѣлось во что бы то ни стало отличиться, чтобы его замѣтили и наградили, и если ему суждено когда-нибудь вернуться въ родное село, — чтобы всѣ видѣли его отличеннымъ и награжденнымъ.

И въ первые дни казалось, что дѣла его въ этомъ смыслѣ устраиваются какъ нельзя лучше. Полкъ, въ которомъ онъ числился, тотчасъ же по объявленіи войны двинулся на западъ. Но, Богъ знаетъ почему, до самой весны ему ни разу не пришлось выступить въ бой.

Ужъ какіе крайніе случаи бывали! Случалось, и не разъ, что быть уже объявленъ приказъ о выступленіи и дѣлались всѣ экстренныя приготовленія. Но вдругъ, вслѣдствіе ли измѣнившейся обстановки или чего другого, полкъ снова назначался въ резервъ.

Приходилось ему съ полкомъ продѣлывать огромные переходы и такъ спѣшно, что, казалось, ужъ теперь прямо въ огонь. Но гдѣ-нибудь въ пути выходило распоряженіе — остановка, и опять томительное сидѣнье вдали отъ огня и порохового дыма.

Нѣкоторые изъ мирно настроенныхъ товарищей его смотрѣли

Генераль А. А. Брусилловъ.

Главнoкомандующій арміями юго-западнаго фронта генераль-адъютантъ А. А. Брусилловъ со своимъ штабомъ.

на это, какъ на Божью благодать, и были довольны, но его это повергало въ досаду и отчаяніе, и онъ, вмѣсто того, чтобы благодарить Бога за столь долго сберегаемую ему жизнь, ропталъ и считалъ себя неудачникомъ.

Стыдно было писать письма на родину. Другіе пишутъ: бьютъ, моль, въ огнѣ, не разъ встрѣчался лицомъ къ лицу съ врагомъ, получилъ рану, либо контузію, награжденъ такъ-то либо этакъ, а онъ:—здоровъ, мольт, какъ быкъ, ѣмъ казенныхъ харчей до отвала, а врага не встрѣчалъ и не знаю, какая у него рожа, у врага-то этого самаго.

А ранней весной, когда только еще начали таять снѣжки, его полкъ очутился на югѣ, и по нѣкоторымъ признакамъ можно было заключить, что начнется для него, а значить и для Федота Крыга, настоящая работа.

Признаки были, правда, чисто-вышніе: стянулись къ одному мѣсту не одинъ десятокъ полковъ, въ томъ числѣ былъ и его полкъ, и всѣмъ приказано быть на чеку, т.-е. въ полной готовности; ожидали пріѣзда важнаго лица, и шелъ негромкій разговоръ, будто съ пріѣздомъ его связано какое-то важное рѣшеніе. А для солдата на войнѣ одно только важное рѣшеніе и можетъ быть: итти въ бой.

Но Федотъ Крыга, наученный опытомъ цѣлой зимы, не особенно-то вѣрилъ этимъ разговорамъ. Ужъ такой неудачливый его полкъ. Наверно всѣхъ другихъ пошлютъ, а ихъ опять отодвинутъ въ сторону.

Однакоже на этотъ разъ Федотъ Крыга твердо рѣшилъ, въ случаѣ неудачи, проситься въ другой полкъ, что ли, или ужъ тамъ, какъ само начальство заблагоразсудитъ, только чтобы ему быть, какъ другіе, и не миновать огня.

Таково было настроеніе Федота Крыга, когда судьба, должно-быть, сжалившись надъ нимъ, избрала его для совершенія подвига совсемъ особаго рода, къ каковому онъ не стремился и даже въ мысляхъ ничего похожаго не имѣлъ.

Наканунѣ того дня, когда долженъ былъ совершиться пріѣздъ важнаго лица, Федотъ Крыга по приказанію своего ротнаго ходилъ въ деревню, верстахъ въ шести отъ стоянки полка. Въ деревнѣ былъ полковой штабъ, и носилъ онъ туда бумагу, а оттуда шелъ съ пустыми руками.

Шелъ себѣ и пошвыстывалъ, скрутилъ изъ махорки и газетной бумаги „цыгарку“ и попыхивалъ ароматнымъ дымкомъ, выпуская его черезъ обѣ ноздри и сквозь зубы, поплеывая направо и налево.

Изрѣдка попадались ему мужики въ огромныхъ гарбахъ, запряженныхъ волами, а то и пѣшіе. Видъ у нихъ былъ спокойный и увѣренный. Кругомъ было много нашего войска, а пушечная пальба такъ далеко, что ея и не слышно.

Иной заговаривалъ съ Крыгой на языкѣ, хотя и очень близкомъ къ его родному, черниговскому, но и настолько отличномъ отъ

Главномандующій арміями юго-западнаго фронта генераль-адъютантъ А. А. Брусиловъ за работою.

него, что Крыга даже не все понималъ. Это были польцаки, т.-е. хохлы, языкъ которыхъ подвергся польскому вліянію.

Когда же онъ проходилъ черезъ небольшую дубовую рощицу, то взглядъ его на секунду остановился на мужицкой фигурѣ, неподалеку сидѣвшей къ нему спиной на пнѣ, подъ небольшимъ, еще неоттаявшимъ ручьемъ, въ сторонѣ отъ дороги, въ сотнѣ шаговъ отъ него.

Мужикъ — какъ мужикъ, въ короткомъ овчинномъ полушубкѣ, въ сивой барашковой шапкѣ, и даже все потасканное, потертое и рваное, какъ мужику полагается. Странна была только его поза: слегка наклонился вперёдъ, какъ будто читалъ что или записывалъ.

Услышавъ его шаги, оглянулся, и въ лицѣ тоже ничего особеннаго: простое мужицкое лицо, смуглое, немолодое, съ недлинной круглой бородой какого-то пѣгаго цвѣта.

Оглянулся и скользнулъ по лицу Федота Крыга такимъ острымъ взглядомъ, что солдатъ почувствовалъ, будто въ него вонзились иглы. На мгновение показалось Крыгѣ, будто въ рукѣ у него было что-то бѣлое, въ родѣ листика бумаги, либо раскрытой маленькой книжки, но или оно куда исчезло, или Крыга просто ошибся.

Мужикъ поднялся и, не оборачиваясь въ его сторону, пошелъ въ глубь рощицы и скрылся за деревьями. Но Крыга усилъ явственно разглядѣть, что въ рукахъ у него ничего не было. Значитъ, ему это показалось.

Крыга сейчасъ же и забылъ о немъ, продолжалъ свой путь и скоро пришелъ въ стоянку и доложилъ ротному объ исполненномъ порученіи.

II.

А на другой день съ утра въ стоянкѣ началась обычная жизнь, какая тянулась здѣсь уже больше

Къ разсказу „Смѣлый человѣкъ“. Услышавъ его шаги, мужикъ оглянулся...

недѣли. Ожиданіе прибытія важнаго лица, которое должно было рѣшить судьбу всего этого множества людей, создавало напряженное настроеніе, но привычная сдержанность заставляла прятать это настроеніе внутрь, на поверхности же былъ разъ навсегда установленный порядокъ лагерной жизни. Привозили и принимали провіантъ изъ ближайшихъ мѣстъ, варили обѣдъ, и въ тихомъ воздухѣ носился дразнящій ароматъ крѣпкихъ солдатскихъ щей.

Отдѣльные части расположились на значительномъ пространствѣ, и каждая имѣла свое отдѣльное хозяйство и отдѣльную жизнь, но въ то же время происходило живое общеніе. Тысячи людей, встрѣчаясь первый разъ въ жизни, но спаянные единой цѣлью и общей судьбой, вступали въ разговоръ, какъ давніе знакомые. У всѣхъ была одна тема и одни слова, всѣмъ одинаково ясныя и понятныя.

Нѣкоторые, болѣе щепетильные и взыскательные начальники, собирали свои части и производили ученіе или провѣрку. А съ неба на все это ласково глядѣло солнце, своими яркими и теплыми лучами озаряя и согрѣвая мирный край, еще не извѣдавшій ужасовъ боевого огня.

Федотъ Крыга, вмѣстѣ съ другими товарищами, исполняли разныя хозяйственныя полковыя работы. Въ это утро ему пришлось носить воду въ полковую кухню изъ протекающаго не подалеку ручья, и уже не одинъ разъ онъ съ товарищемъ, укрѣпивъ на плечахъ концы коромысла, продѣлалъ путь между ручьемъ и кухней. Здѣсь они снимали съ плечъ коромысло и изъ ведра выливали воду въ бочку. Но бочка уже наполнилась почти до краевъ, и, значить, работа ихъ приходила къ концу.

И въ то время, какъ они несли послѣднее ведро, наполненное водой, уже неподалеку отъ кухни, Федотъ Крыга, не предупредивъ товарища, да и самъ не зная заранее, что это съ нимъ произойдетъ, вдругъ остановился и, такъ какъ товарищъ, шедшій впереди, продолжалъ движеніе, то край коромысла соскользнулъ съ его плеча, оно вмѣстѣ съ ведромъ полетѣло внизъ, ведро грохнулось о землю, и вода изъ него вся вылилась.

Товарищъ, котораго звали Тюринъ, оглянувшись и выругался, пустивъ по адресу Крыги крѣпкое слово. Но тотъ какъ будто и слова не слышалъ и самой катастрофы не замѣтилъ. Онъ смотрѣлъ влѣво, гдѣ въ десяткѣ шаговъ отъ нихъ проходилъ офицеръ, который и привлекъ его вниманіе.

Чѣмъ именно онъ такъ заинтересовалъ Крыгу, не было рѣшительно никакой возможности понять. Офицеръ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, которые ходили тутъ по всѣмъ направленіямъ, встрѣчались, останавливались группами, заходили другъ къ другу въ палатку, а если были этого полка, то иногда обращались къ солдатамъ и дѣлали распоряженія. Этотъ былъ другой полка, о чѣмъ можно было заключить по погонамъ на его китель дѣта хаки.

Онъ былъ средняго роста, плечистый и довольно плотнаго сложенія. Лицо у него было свѣжаго цвѣта, довольно полное, выхоленное, щеки и подбородокъ начисто выбритые, а густые усы замѣтно нафабрены, и кончики ихъ тщательно закручены вверхъ. Лѣтъ ему можно было дать меньше сорока, но не на много, и, судя по тому, что на погонахъ у него была всего только одна звѣздочка, надо было заключить, что онъ изъ запаса.

И, конечно, Тюрину и въ голову не могло прийти, что именно этотъ офицеръ и былъ невольнымъ виновникомъ катастрофы съ ведромъ. А между тѣмъ это было такъ. Внезапная остановка Крыги произошла въ тотъ моментъ, когда онъ увидѣлъ офицера, или вѣрнѣе—когда его глаза случайно встрѣтились съ глазами прапорщика.

Крыга сейчасъ же опомнился и въ отвѣтъ на брань со стороны Тюрина началъ ворчать на него и на самого себя, помня при этомъ чорта. Онъ нагнулся, чтобы подобрать ведро,

безпомощно лежавшее на боку посреди имъ же образованной лужи.

Въ это время къ нимъ подошелъ прапорщикъ, остановился, какъ-то необычайно величественно выпятилъ грудь и внушительно сказалъ:

— Надо быть осторожнѣе, братцы! Солдатъ долженъ быть ловокъ въ каждомъ движеніи!

Тюринъ вытянулся и приложилъ правую руку къ козырьку фуражки.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ по-солдатски.

Крыга же ничего не успѣлъ сказать, даже подъ козырекъ не успѣлъ взять, такъ какъ обѣ его руки были заняты ведромъ и коромысломъ, а прапорщикъ, высказавъ свою сентенцію, съ видомъ какой-то важности повернулся и пошелъ въ прежнемъ своемъ направленіи. Между тѣмъ около нихъ собралась уже нрядная группа солдатъ, которые громко смѣялись и острили надъ товарищами, ослабѣвшими подъ бременемъ такой „непосильной ноши“, какъ одно ведро воды на двоихъ. Тюринъ смѣялся вмѣстѣ съ другими, и всѣмъ было странно видѣть, что Федотъ Крыга не только не смѣялся, а сердито ворчалъ и видимо былъ разстроенымъ.

Къ разсказу „Смѣлый человекъ“. „Надо быть осторожнѣе, братцы!..“

За водой больше итти не пришлось. Ведро и коромысло были водружены около кухни на ихъ постоянномъ мѣстѣ, и Крыга сталъ на все утро свободенъ.

Конечно, это было смѣшно и даже довольно позорно — не донести ведра до мѣста и воду вылить на землю, но объ этомъ онъ и не думалъ. Онъ старался понять, что такое произошло, и какая это сила заставила его такъ внезапно остановиться. Припоминалъ, что случилось это какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ увидѣлъ прапорщика, а также то, что въ первое мгновеніе ему показалось, что въ немъ есть что-то такое, что отличаетъ его отъ другихъ офицеровъ, что онъ держитъ себя какъ-то иначе.

Но это „иначе“ было до такой степени тонко и неопредѣленно, что онъ и сейчасъ не могъ сказать, въ чѣмъ оно состояло. Да, вотъ не такъ, разница есть, и большая, какая-то капитальная, а въ чѣмъ она, сказать нельзя.

А потомъ еще взгляды: какъ посмотрѣлъ онъ на Крыгу, то такъ словно опалилъ его. И что-то вертится у него въ головѣ: какъ будто этотъ взглядъ онъ уже разъ въ жизни встрѣчалъ, только взглядъ, больше ничего.

Что этого прапорщика онъ никогда въ жизни не видѣлъ, это въ немъ не вызывало никакихъ сомнѣній, а вотъ взглядъ—этимъ взглядомъ на него уже кто-то смотрѣлъ.

Бываетъ же такъ, что у людей, живущихъ въ разныхъ краяхъ земли, что-нибудь такое сходное, что нѣтъ и различія, ну, глаза или носъ, а то и все лицо. А люди-то другъ о другѣ понятія не имѣютъ.

Всѣ эти разсужденія какъ будто успокоили его. Онъ окинулъ взоромъ всю обширную площадь, на которой во всевозможныхъ направленіяхъ двигалось множество человѣческихъ фигуръ, и

всѣ были такіе, какъ всегда, какъ онъ привыкъ видѣть. Былъ ли тутъ и тотъ прапорщикъ, который такъ поразилъ его, онъ не зналъ. Да и узналъ ли бы онъ его теперь, если бы встрѣтилъ? Пожалуй, что нѣтъ. Лица его онъ не представлялъ себѣ и не могъ припомнить ни одной черты.

Развѣ вотъ походка... Да, въ ней что-то есть, а что, онъ рѣшить не можетъ.

„Эхъ, и дурень же ты, Крыга,—сказалъ онъ себѣ наконецъ:—прицѣпился къ человѣку и самъ не знаешь, за что. Ужъ коли что замѣтилъ, такъ толкомъ бы разглядѣлъ, а то „что-то да какъ-то“, а что и какъ—ни въ зубъ“.

Вспомнилъ, что фельдфебель велѣлъ зайти къ нему по его, Федота Крыги, дѣлу. Фельдфебель Маслаченко благоволилъ къ нему, должно-быть, потому, что тоже былъ хохоль, хотя и не черниговецъ, а полтавецъ. Правда, онъ забылъ уже, кажется, и то, гдѣ находится Полтава, и какіе тамъ люди живутъ, потому что уже третій срокъ по доброй волѣ выслуживалъ въ полку и на родину не заглядывалъ. Находилъ, что фельдфебелемъ быть выгоднѣе и пріятнѣе, чѣмъ землю пахать, да и службу любить.

И ему Крыга давно уже рассказывалъ о своей неудовлетворенности и о желаніи перейти въ какую-нибудь другую часть, гдѣ бы онъ могъ отличиться. И Маслаченко обѣщалъ ему, если и на этотъ разъ ихъ полкъ оставятъ въ резервѣ, похлопотать и устроить это дѣло.

По этому поводу онъ и долженъ былъ зайти къ нему, такъ какъ Маслаченко утромъ разсчитывалъ сдѣлать кой-какіе шаги.

Онъ туда и направился.

III.

Фельдфебеля онъ не нашелъ. Дѣла обязательнаго ему никакого не предстояло до самаго обѣда. Работать что-нибудь для себя,—напримѣръ, сапоги чинить, что онъ научился дѣлать въ совершенствѣ,—онъ былъ не въ состояніи, что-то внутри тревожило его.

И онъ сталъ шататься безъ всякой цѣли. Далеко уходить было нельзя. Еще съ вечера былъ отданъ приказъ объ этомъ, такъ какъ съ часу на часъ ждали событія и общаго сбора.

Какой-то солдатикъ, сбѣжавъ куда-то съ порученіемъ, сообщилъ ему о прибытіи артиллеріи,—дѣловой бригады. Ее ждали здѣсь уже нѣсколько дней, но почему-то въ пути она задержалась. Онъ зналъ, что расположеніе ей назначено въ полуверстѣ отсюда, а у него, пѣхотинца, было какое-то необъяснимое пристрастіе къ артиллерійскимъ орудіямъ. Въ нихъ было что-то внушающее уваженіе и страхъ, что-то сильное и могущественное.

При поступленіи на службу онъ желалъ именно попасть къ пушкамъ, но его назначили въ пѣхоту, а онъ тогда не зналъ никакихъ ходовъ и способовъ, чтобы перевестись. Теперь онъ, пожалуй, сумѣлъ бы, но это уже было поздно. Пришлось бы сначала всему переучиваться. Но просто глядѣть на артиллерійскія орудія ему доставляло удовольствіе. И, понятно, онъ сейчасъ же туда и направился.

Онъ издали убѣдился, что солдатъ не надуть его. Тамъ происходила возня. Громыхали лафеты, фыркали и ржали кони, люди суетились, устанавливали зарядные ящики по мѣстамъ.

Дороги съ этой стороны не было, приходилось шагать по тающему снѣгу, въ иныхъ мѣстахъ еще довольно глубокому. Торопясь и нерѣдко погружая ноги въ снѣгъ до коленъ, онъ увидѣлъ, что впереди, на довольно значительномъ разстояніи отъ него, такъ же точно торопится и въ томъ же направленіи еще кто-то. Онъ не видѣлъ лица, но, Богъ знаетъ почему, вдругъ догадался, что это тотъ самый прапорщикъ, который утромъ такъ смутилъ его своимъ взглядомъ.

Да, его фигура—плотная, коренастая и въ то же время вся какъ-то вытянутая и точно обструганная со всѣхъ сторонъ. Изумительная выправка. Даже странно было смотрѣть. Человѣкъ изъ запаса, лѣтъ ему подъ сорокъ, значитъ, давно уже отбилъ и отвыкъ отъ военной выправки. Такіе прапорщики—онъ видѣлъ ихъ не мало съ начала войны—всѣ ходятъ какъ-то по-штатскому, съ перевальцемъ, спины у нихъ сутулыя и видъ какой-то опущенный. А этотъ, словно его только-что изъ конкесскаго училища выпустили. Держится, какъ натянутая струна. Выправка прямо на рѣдкость.

А какъ онъ ловко вытаскиваетъ ногу изъ снѣга,—даже ему,

Крыгѣ, привыкшему и по снѣгу и по болотамъ шагать, притомъ молодому, здоровому мужику, какимъ онъ былъ,—далеко до такой ловкости.

Но вдругъ Федотъ Крыга остановился и самъ себя спросилъ: „А чортъ ли мнѣ въ немъ? Чего я къ нему привязался? Мало ли ихъ тутъ—и солдатъ и офицеровъ, всяческаго вида и сорта? Одинъ такой, а другой вотъ какой. А мнѣ то что? А ну его къ бѣсу!“

Такъ говорилъ онъ себѣ, а въ то же время его словно какая сила тянула къ прапорщику,—вотъ, какъ бываетъ, охотника неудержимо тянетъ на звѣря: стоитъ неподалеку отъ него звѣрюка, глаза горятъ, острые оскаленные зубы блестятъ, самъ окрысился, одинъ прыжокъ—и отъ охотника только мокрое мѣсто останется, а онъ, вмѣсто того, чтобы свою голову сберечь, лѣзетъ впередъ, наставивъ дуло своего ружья, что-то подталкиваетъ его. Что бы это было?

Развѣ вотъ этотъ взглядъ, которымъ онъ оналилъ его. Да, ужъ дѣйствительно пронзительный взглядъ, но вѣдь это же бываетъ и у другихъ. Встрѣчалъ онъ такихъ, что насквозь тебя взглядомъ пронзаютъ, какъ пилой.

Такъ думая, онъ шелъ, ускоряя шаги, благодаря чему разстояніе между нимъ и прапорщикомъ съ каждой минутой сокращалось. Вотъ онъ уже поровнялся съ нимъ и, проходя мимо, взялъ подъ козырекъ.

— Постой!—раздался позади его негромкій, но рѣзкій густой голосъ.—Куда спѣшишь?—спросилъ прапорщикъ, необыкновенно твердо отчеканивая каждый слогъ.

Крыга остановился.

— Орудія привезли, ваше высокоблагородіе! Такъ посмотрѣть,—отвѣтилъ онъ, держа ладонь у козырька фуражки.

— А много орудій?

— Не могу знать.

— Говорятъ, цѣлая бригада?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе.

— Что же, теперь, когда прибыла артиллерія, мы, должно-быть, завтра и выступимъ?

— Не могу знать,—неуклонно отвѣчалъ Крыга.

— А приказа еще нѣтъ? Я съ утра не былъ въ своемъ полку.

— Никакъ нѣтъ. Не было приказа.

— А ты... ты передъ нѣмецкимъ огнемъ не робѣешь?

— Никакъ нѣтъ. Я солдатъ, ваше высокоблагородіе.

— А, очень хорошо. И что же? Всѣ солдаты нашей арміи такъ же воинственно настроены, какъ ты?

— Всѣ, какъ одинъ, ваше высокоблагородіе.

— Это очень утѣшительно. Ну, ступай себѣ.

Крыга опустилъ руку, которая у него начала уже сомлѣвать, и ноги его почему-то взяли самый быстрый темпъ, какой только былъ возможенъ, чтобы это не походило на бѣгство.

Нѣтъ, такого офицера онъ еще не видалъ. Совсѣмъ особенный какой-то. Чтобы нашъ офицеръ, да еще изъ запасныхъ, т.-е. ужъ ни въ какомъ случаѣ не пропитанный насквозь строгостями дисциплины, заставилъ солдата во время простого частнаго разговора гдѣ-то среди поля чуть не пять минутъ держать ему подъ козырекъ, этого нельзя даже и представить. Ужъ непременно съ самаго начала сдѣлаетъ знакъ, чтобы солдатъ держалъ себя вольно.

И какіе же это вопросы? Офицеръ спрашиваетъ солдата о томъ, о чемъ солдатъ только и можетъ узнать отъ офицера. Сколько привезено орудій? Да откуда же солдатъ можетъ это знать, если не пересчитаетъ. Выступимъ ли завтра, и есть ли приказъ? Нѣтъ, ужъ это такой неподходящій разговоръ для офицера съ солдатомъ. Станный офицеръ, небывалый. Тамъ все одинъ ходилъ, никого у него изъ офицеровъ не оказывалось знакомыхъ, только къ солдатамъ приставалъ. Вотъ и къ нему съ Тюринымъ насчетъ пролитой воды. А тутъ одинъ шлепаетъ по рыхлому снѣгу.

И тоже спрашиваетъ, боится ли онъ, Крыга, нѣмецкаго огня, и всѣ ли солдаты не боятся. Эхъ, не будь на немъ офицерскій мундиръ, онъ показалъ бы ему, какъ русскій солдатъ боится нѣмецкаго огня. Такъ показалъ бы, что искры у него посыпались бы изъ глазъ, даромъ что онъ такой здоровый на видъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На позиціяхъ.

Скоро утро. Налъ люнетомъ
Неподвижный часовой,
Онъ печальнымъ силуэтомъ
Онѣмѣлъ, какъ неживой.
И, невѣрно озаренный
Свѣтомъ робкаго костра,
Весь окопъ уединенный
Чутко дремлетъ до утра.
Офицеръ въ землянкѣ темной
Надъ письмомъ склонилъ лицо,

На рукѣ мерцаетъ скромно
Обручальное кольцо...
Утомленно спятъ солдаты.
Ружья въ козлахъ—точно снопъ.
И, глубокимъ сномъ объятый,
Недвижимъ и тихъ окопъ.
Близко утро. Грянулъ гдѣ-то
Первый выстрѣлъ, близокъ бой...
Шевельнулся у люнета
Неподвижный часовой.

Арсеній Митропольскій

Набатъ.

Разсказъ
Вл. Кохановскаго.

I.

Послѣ того, какъ у села П., то удаляясь, то приближаясь, начались бои, почти всѣ выѣхали изъ него. Остался только старый священникъ о. Николай, сторожъ и звонарь Никаноръ съ двадцатилѣтнимъ сыномъ-полуидиотомъ. Василиемъ, помѣщикъ-докторъ Гриневицкій и двѣ-три наиболее храбрыхъ крестьянскихъ семьи.

Когда у о. Николая спрашивали, отчего онъ не уѣзжаетъ, онъ отвѣчалъ:

— Не хочу оставлять свою церковь. Здѣсь прожилъ двадцать лѣтъ, здѣсь и умру...

— А нѣмцевъ не боятесь, если придутъ? — спрашивали у него.

— На все воля Божья, — отвѣчалъ о. Николай: и, если мнѣ суждено погибнуть, то погибну лучше здѣсь, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ...

И онъ смотрѣлъ на такъ хорошо знакомую ветхую деревянную церковь: на заржавленный, точно чуть покосившійся крестъ; на рѣченныя сѣбгомъ деревья, изъ которыхъ многія были посажены и выращены его руками; на освѣщую и покривившуюся въ нѣсколькихъ мѣстахъ деревянную ограду, — и все это казалось ему необыкновенно близкимъ и дорогимъ. Здѣсь умерла его жена, здѣсь выросъ погибшій теперь на войнѣ его единственный сынъ. Здѣсь пережилъ онъ столько радостныхъ и скорбныхъ минутъ...

Сторожъ Никаноръ сначала хотѣлъ уйти въ сосѣдній городъ, но потомъ, глядя на о. Николая, почувствовать стыдъ въ своемъ сердцѣ и рѣшилъ остаться. „Вмѣстѣ жили здѣсь съ о. Николаемъ, вмѣстѣ и умремъ, ежели чтѣ“, — подумалъ онъ.

Докторъ же Гриневицкій все собирался уѣхать изъ усадьбы, да такъ въ концѣ концовъ и не уѣхалъ. „Можетъ-быть, еще и не придутъ сюда нѣмцы, — рѣшилъ онъ: — а усадьбу жаль покидать на произволъ судьбы...“

Одинъ только Василий никуда не собирался уѣзжать. Онъ, казалось, былъ далекъ отъ окружающаго, грознаго и жуткаго. Какъ всегда, безмысленно улыбался, игралъ самъ съ собою въ сѣжки, гонялся по селу за оставшимися собаками, бѣгалъ на прудъ и скользилъ тамъ по ровному чистому льду.

Когда видѣлъ за воротами проѣзжавшихъ или проходившихъ

Взятіе Эрзерума. Пѣхотныя части вступаютъ церемоніальнымъ маршемъ въ Эрзерумъ. Турецкія знамена склонились въ знакъ покорности.

мимо солдатъ, то смотрѣлъ на нихъ возбужденными и напряженными глазами, хлопалъ въ ладоши, подпрыгивалъ, шепча:

— Гы! Солдаты, солдаты!..

Церковь стояла на самомъ краю селенія. Съ двухъ сторонъ разстилалось широкое, ровное, снѣжное поле, съ третьей къ ней примыкала усадьба доктора Гриневицкаго. Во многихъ мѣстахъ старый плетень завалился, и церковный садъ сливался съ огромнымъ садомъ Гриневицкаго.

До начала боевъ въблизи П. въ селѣ было многолюдно и оживленно. По вечерамъ на околицѣ у пруда слышались звуки гармоникъ, пѣніе, громкіе голоса и смѣхъ; теперь же и въ селѣ и у пруда всегда было тихо и безлюдно. Однажды подѣ вечеръ въ сторожку Никанора прибѣжалъ Василій и, улыбаясь во весь ротъ своей странной и загадочной улыбкой, сказалъ:

— Гы! А тамъ за воротами солдатъ пришелъ...

Никаноръ вышелъ изъ сторожки и пошелъ къ воротамъ. Василій вприпрыжку бѣжалъ около него и, показывая рукой за ограду, твердилъ:

— Солдатъ пришелъ, солдатъ пришелъ...

Когда Никаноръ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, въ ограду медленной, усталой походкой вошелъ офицеръ. Лицо его было блѣдно. На правой рукѣ, обмотанной какой-то тряпкой, большимъ темнымъ пятномъ просачивалась кровь.

„Господи! — подумалъ Никаноръ: — да вѣдь это раненый“.

Не зная, чтѣ сказать и чувствуя свое безсиліе и въ то же время какое-то благоговѣніе, Никаноръ снялъ шапку и, растерянными и жалостливыми глазами смотря на офицера, молча стоялъ посреди дорожки.

Медленно приближаясь, офицеръ дошелъ до него и спросилъ:

— Гдѣ бы мнѣ отдохнуть здѣсь немного и рану перевязать?

— А вотъ пожалуйста къ батюшкѣ, — торопливо проговорилъ Никаноръ.

И онъ пошелъ впереди офицера, показывая ему дорогу къ дому о. Николая.

Василій сначала шелъ около нихъ, потомъ, когда они свернули вбокъ, обогналъ ихъ и пошелъ впередъ.

О. Николай, увидѣвшій въ окно офицера, вышелъ на крыльцо.

— Гы! А тамъ солдатъ пришелъ, — проговорилъ Василій, показывая рукой на прибли-

Взятіе Эрзерума. Турецкая депутация.

жавшихся Никанора и офицера.

О. Николай суровымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Иди домой! Не мѣшай здѣсь теперь...

Потомъ, спустившись съ крыльца, сдѣлать нѣсколько шаговъ навстрѣчу офицеру и проговорилъ:

— Позвольте, я поддержу васъ...

— Ничего, — проговорилъ, стараясь улыбнуться, раненый:—я и самъ какъ-нибудь доберусь...

Войдя въ комнаты, онъ сѣлъ на стулъ и, вопросительнымъ взглядомъ посмотрѣвъ на о. Николая, сказалъ:

— Мнѣ бы рану перевязать, а то кровь сильно итти стала...

О. Николай засуетился.

— Здѣсь рядомъ въ усадьбѣ живетъ докторъ... Мы со сторожемъ доведемъ васъ туда, и онъ все сдѣлаетъ вамъ.

— Далеко?—спросилъ офицеръ.

— Нѣтъ, не больше версты...—проговорилъ о. Николай.

Подумавъ немного, офицеръ сказалъ:

— Хорошо, я пойду туда...

Они пошли.

Василій почти до самой ограды шелъ сбоку и напряженными и внимательными глазами смотрѣлъ на офицера.

У ограды офицеръ спросилъ Василя:

— Что жъ ты, братъ; на войну не пошелъ?

— Гы! Солдатъ,—отвѣчалъ Василій, улыбувшись.

— Онъ слабоумный,—проговорилъ, покраснѣвъ, Никаноръ.

Офицеръ со вниманіемъ и сожалѣніемъ посмотрѣлъ на Василя. Около воротъ Василя отсталъ отъ нихъ и, подпрыгивая и хлопая въ ладоши, побѣжалъ въ сторожку.

Дорогой офицеръ разсказалъ о. Николаю о томъ, какъ его ранили; онъ былъ на развѣдкѣ съ небольшимъ отрядомъ. Во время одной стычки съ находившимся въ засадѣ непріятелемъ почти всѣ его солдаты погибли, и лишь ему одному удалось спастись. Въ концѣ концовъ онъ, снявъ нѣсколько непріятельскихъ заставъ, все-таки достигъ расположенія нѣмецкихъ войскъ

Взятіе Эрзерума.

Августѣйшій Главнокомандующій кавказской арміей Великій Князь Николай Николаевичъ среди войскъ.

и разузналъ много важнаго. Онъ встрѣтился въ лѣсу съ нѣмецкими шпионами, одѣтыми въ русскую форму и хорошо говорившими по-русски.

Принявъ ихъ за своихъ, онъ разсказалъ имъ о своей развѣдкѣ и пошелъ вмѣстѣ съ ними въ ближайшее селеніе. Во время перехода они напали на него и ранили. Одного изъ нихъ онъ убилъ, а другой убѣжалъ въ сторону непріятельскаго расположенія.

— Я все время ждалъ погони за собой,—проговорилъ онъ:—но, повидимому, они рѣшили, что я ушелъ уже слишкомъ далеко, и не рѣшились меня преслѣдовать.

О. Николай слушалъ его, смотрѣлъ на его молодое, блѣдное, энергичное лицо и на его окровавленную, безпомощно висящую руку, представляя все тѣ опасности, которымъ онъ подвергался, и чувство преклоненія передъ нимъ охватывало его душу. Потомъ къ этому присоединилось и чувство тревоги. „А что, если нѣмцы все-таки рѣшили преслѣдовать его?“—подумалъ онъ. И ему представилось, какъ они достигнутъ его, станутъ его мучить и убьютъ потомъ... Онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ въ темнѣющую поспешно даль.

II.

Докторъ Гриневскій, сѣдой, сгорбившійся, но живой и подвижной старикъ, осмотрѣвъ офицера и сдѣлавъ ему перевязку, сказалъ, что за время пути онъ потерялъ много крови и очень ослабѣлъ, и что дальше итти ему нельзя.

— Вамъ нужно остаться пока у меня, иначе въ дорогѣ у васъ можетъ снова открыться рана, и вы можете истечь кровью.

— Но мнѣ нужно поскорѣе быть въ своей части,—запротестовалъ офицеръ.

— Въ настоящій моментъ, при той слабости, которая у васъ, вы все равно не доберетесь туда,—проговорилъ докторъ.

Офицеръ нѣсколько мгновеній молчалъ, какъ бы что-то обдумывая. Потомъ, улыбувшись, сказалъ:

— Ну, а если нѣмцы здѣсь найдутъ меня? Въѣдъ тогда, значитъ, вся моя работа пропадетъ даромъ...

— До сихъ поръ нѣмцы еще ни разу не были здѣсь,—проговорилъ Гриневскій:—и во всякомъ случаѣ въ пути вы скорѣе рискуете встрѣтиться съ ними, чѣмъ здѣсь...

Тогда въ разговоръ вмѣшался о. Николай.

Августѣйшій Главнокомандующій кавказской арміей Великій Князь Николай Николаевичъ на фронтѣ.

Командующий кавказской армией генерал-отъ-инфантеріи Н. Н. Юденичъ, Высочайше награжденный орденомъ св. Георгія 2-й степени за взятіе Эрзерума.

„Значить, я еще пригодился на что-нибудь“, — подумалъ онъ и почувствовалъ, какъ чувство гордости охватываетъ его душу.

— Ну, вотъ видите, — сказалъ Гриневицкій: — значить, здѣсь вы во всякомъ случаѣ будете въ большей безопасности, чѣмъ въ пути. — И потомъ, подумавъ немного, добавилъ: — А завтра можно будетъ попытаться достать въ городѣ лошадей, которая и отвезетъ васъ въ войска.

Послѣ нѣкотораго колебанія раненый офицеръ согласился остаться на попеченіи у Гриневицкаго.

Когда о. Николай и Никаноръ возвращались домой, священникъ говорилъ:

— Стереги же хорошенько въ эту ночь, Никаноръ.

— Да ужъ буду стараться, отецъ Николай, буду стараться, — отвѣчалъ Никаноръ.

— У Никанора еще зоркіе глаза, — сказали оны: — а съ колокольной такъ хорошо видно кругомъ... Онъ взберется туда и будетъ оттуда высматривать нѣмцевъ. А ночью будетъ ходить у ограды по дорогѣ и прислушиваться... и, если онъ замѣтитъ не-пріятеля, онъ ударитъ въ набатъ и этимъ извѣститъ васъ, г. офицеръ, о приближающейся опасности. — И потомъ, обратясь къ Никанору, спросилъ: — Ты узнаешь нѣмцевъ, Никаноръ?

— Такъ точно, отецъ Николай, вѣдь плѣнныхъ-то не разъ видѣлъ, — проговорилъ Никаноръ, и радость блеснула въ его глазахъ.

У церковной ограды ихъ встрѣтилъ Василій и, ухмыляясь своей обычной улыбкой, спросилъ:

— Гы!.. Отвели солдата на войну?

Никаноръ съ раздраженіемъ посмотрѣлъ на него и крикнулъ: — Убирайся въ сторожку, не мѣшай здѣсь... Вотъ надѣлать-то!..

III.

У Василія была странная страсть сопровождать всегда отца на колокольню. Кто знаетъ, забавлялъ ли его близко звучащей громкій перезвонъ колоколовъ, или нравилось ему смотрѣть съ высоты на разстилающуюся на нѣсколько верстъ кругомъ поля и лѣса, или просто любилъ онъ карабкаться наверхъ по темной крутой лѣстницѣ; но только онъ всегда отправлялся съ отцомъ туда. И съ теченіемъ времени онъ сталъ почти безошибочно угадывать часы, въ которые Никаноръ долженъ былъ идти звонить на колокольню.

Одинъ разъ Никаноръ проспалъ раннюю обѣдню. Василій разбудилъ его.

— Бумъ-бумъ надо идти!..

На этотъ разъ Василій тоже отправился вмѣстѣ съ Никаноромъ. Остановился подъ колоколомъ и сталъ выжидающими глазами смотрѣть на спускающуюся отъ азычка веревку.

— Чего ждешь? Не буду звонить, — проговорилъ, хмурымъ взглядомъ посмотрѣвъ на сына, Никаноръ.

— Солнышко, солнышко! — проговорилъ Василій, показывая рукой на опускающуюся къ горизонту солнце.

Герои Эрзерума. По серединѣ — генералъ-отъ-инфантеріи Юденичъ; справа — генералъ-квартирмейстеръ арміи Томиловъ; слева — начальникъ штаба одного изъ дѣйствующихъ на кавказскомъ фронтѣ корпусовъ, штурмовавшихъ Эрзерумъ, генералъ Ласточкинъ.

— Чего солнышко... Не въ солнышкѣ дѣло, а въ томъ, что не для звона пришли сюда!..

— Бумъ-бумъ, — проговорилъ Василій. Никаноръ вдругъ почувствовалъ, какъ чувство какой-то обиды и досады охватываетъ его душу. За что Богъ обидѣлъ его такимъ сыномъ? Вѣдь нѣтъ съ нимъ ни счастья ни радости! Вотъ дожилъ онъ до 20 лѣтъ, а точно младенецъ малый... Онъ вспомнилъ, какъ стыдно ему стало, когда офицеръ спросилъ у Василія, отчего онъ на войну не пошелъ.

Вспомнилъ потомъ, какъ односельчане, приходившіе въ отпускъ или отпущенные по болѣзни съ позицій, гордо разсказывали ему о томъ, какъ сражались они съ неприятеlemъ, какъ сидѣли въ окопахъ, какъ ходили въ атаку. Иногда хвалились Георгіемъ или медалью.

Часто насмѣшливо спрашивали:

— Ну, а твой Василій што жъ не идетъ на войну?

Подъ Эрзерумомъ. Начальникъ лѣвой штурмовой колонны съ начальникомъ своего штаба на горномъ хребтѣ Палданкентѣ. Во время боевъ морозы стояли отъ 20 до 30 градусовъ.

Подъ Эрзерумомъ. Начальникъ лѣвой штурмовой колонны полковникъ Докучаевъ съ начальникомъ штаба колонны у взятаго въ бою турецкаго орудія.

Онъ молчалъ, съ завистью смотря на нихъ и чувствуя въ своей душѣ стыдъ и досаду.

Онъ подошелъ къ рѣшеткѣ и, напряженными глазами посмотрѣвъ вдаль, подумалъ:

„Можетъ-быть, хоть я теперь службу сослужу“.

Передъ нимъ разстилалось такъ хорошо знакомое, опустѣвшее селеніе, покрытое уже посѣрѣвшимъ снѣгомъ поле, обнаженный синій лѣсъ, на горизонтѣ небольшие холмики, одинокія избы.

IV.

Наступилъ вечеръ, и дали стали темными и непроницаемыми. Напрасно Никаноръ напряженными глазами продолжалъ всматриваться въ потемнѣвшій воздухъ — ничего не было видно уже за церковною оградой. Тогда тревога стала охватывать его душу. „Вѣдь теперь они, эти самые германцы, могутъ такъ подѣхать сюда, что ихъ и не размотришь“, — пронеслось у него въ головѣ.

Немного погодя сошелъ съ колокольни и пошелъ къ о. Николаю.

О. Николай стоялъ на крыльцѣ своего домика. Увидѣвъ Никанора, онъ спросилъ:

— Ну, чтó, все благополучно?

— Пока все благополучно, отецъ Николай, а чтó дальше будетъ, неизвѣстно. Темно стало, и ничего съ колокольни увидѣть больше въ ноль нельзя...

О. Николай прислушался къ чему-то, потомъ сказалъ:

Да, теперь нужно уже положиться только на волю Господню...

— Завтра, какъ только разсвѣтитъ станеть, опять на колокольню взберусь, а пока буду за ворота все выходить прислушиваться.

— Лишь бы ночь благополучно миновала, — проговорилъ о. Николай. — Если ночью не придутъ, то ужъ, значить, и совсѣмъ не придутъ...

Никаноръ задумался, потомъ спросилъ:

— А чтó, отецъ Николай, къ примѣру сказать, если нѣмцы эти самые офицера у доктора найдутъ, чтó они сдѣлать ему могутъ?

Мучить могутъ, убить могутъ, — тихо проговорилъ о. Николай.

Никаноръ измѣнился въ лицѣ.

— Такъ вѣдь это онъ службу свою несеъ. Къ примѣру сказать, вѣдь они тоже службу свою нести должны. За что же мучить и убивать его!

Жестокіе они и безжалостные, — сказалъ о. Николай.

Никаноръ, помолчавъ немного, спросилъ:

— Тогда и намъ съ вами, отецъ Николай, тоже, вѣрно, не сдобровать?

— Не сдобровать, Никаноръ...

— За то, значить, что помощь ему оказали? — спросилъ Никаноръ.

— За это самое...

Помолчали оба немного, потомъ о. Николай сказалъ:

— Ты, Никаноръ, ужъ не спи эту ночь... Прислушивайся, за ворота почаще выходи...

— Да ужъ буду стараться, отецъ Николай.

Гдѣ-то далеко-далеко залаяли собаки. Оба прислушались, потомъ о. Николай спросилъ:

— Гдѣ это, Никаноръ, на селѣ или дальше?

— Должно, чтó дальше... — отвѣчалъ Никаноръ.

— На Ивановскомъ хуторѣ, вѣрно?

— Должно, что на Ивановскомъ хуторѣ...

Помолчали немного, потомъ о. Николай сказалъ:

— А собаки какъ будто стихаютъ... И потомъ тихо добавилъ: — На кого это онѣ лаять могли бы такъ поздно?

— Мало ли народу ночью ходить, — проговорилъ Никаноръ.

— Подождемъ, что такъ, — отвѣтилъ о. Николай.

Немного погодя Никаноръ сказалъ:

— Ну, я пойду вечерять, а потомъ за ворота дежурить выйду.

— Съ Богомъ! — проговорилъ о. Николай.

Идя по темному саду въ сторожку, Никаноръ нѣсколько разъ приостанавливался и прислушивался. Лай то стихалъ, то увеличивался. „Чего бы это намъ такъ растроиваться?“ — думалъ онъ, и какая-то тревога начинала охватывать его душу.

Когда онъ пришелъ въ сторожку, Василий сидѣлъ за печкой на корточкахъ и при тусклѣющемъ свѣтѣ лампы ловилъ таракановъ.

И первый разъ за всю жизнь завистливое чувство къ нему шевельнулось въ душѣ Никанора. Какъ далеки отъ его большого мозга война, опасность, тревоги и волненія! И, суровымъ взглядомъ посмóтрѣвъ на него, онъ сказалъ:

— Брось таракановъ ловить... иди вечерять...

Василій поднялся съ корточекъ и, подойдя къ столу, сѣлъ на табуретку, зажавъ въ рукѣ наловленныхъ таракановъ. Немного погодя сказалъ:

— Завтра, какъ солнышко встанеть, къ солдату пойду. Таракановъ ему понесу...

Никаноръ вынулъ изъ пачки щи и кашу и сказалъ:

— Ышь, да спать ложись. Надобѣль уже...

Они начали ужинать.

V.

Послѣ того, какъ о. Николай и Никаноръ ушли, докторъ сказалъ офицеру:

— Ну, теперь, значить, вы можете чувствовать себя почти етъ безопасности.

Подъ Эрзерумомъ. Утро на бивуакѣ. Ночью — морозъ и вьюга: солдатамъ не позволяли спать, чтобы они не замерзли.

Офицеръ улыбнулся и сказалъ:

Къ сожалѣнію, нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ нельзя быть увѣреннымъ въ безопасности, такъ же точно, какъ при самой страшной опасности нельзя терять надежды на спасеніе... Пока я не былъ на войнѣ, я думалъ, что все можно предусмотрѣть, все можно заранее взвѣсить, до нѣкоторой степени застраховать себя отъ случайностей. Я думалъ, что вообще есть какіе-то непреложные законы побѣды и пораженія, которые заключаются въ силахъ и въ разумѣ человѣческомъ... Но, чѣмъ больше я на войнѣ, чѣмъ больше я вижу смерть, побѣды, пораженія, тѣмъ я все больше начинаю приходить къ убѣжденію, что все это не въ рукахъ человѣческихъ. Есть какая-то высшая сила, высшая справедливость, которая руководитъ всѣмъ. Я знаю примѣры, когда передъ битвой, казалось, все уже было предусмотрѣно, взвѣшена малѣйшая деталь, продуманъ каждый шагъ,— и что же?—во все это вѣрное, продуманное, гармоническое, врывается что-то чисто-стихийное, случайное и сбивало все карты... Я знаю, когда даровитѣйшіе командиры дѣлали страшныя непоправимыя ошибки, въ то же время какъ люди никому невѣдомые и считавшіеся бездарными, точно озаренные какой-то высшей силой и прозорливостью, придумывали прямо гениальные выходы изъ опасности...

Онъ на мгновеніе задумался, потомъ продолжалъ:

— Я сужу по себѣ: когда только вспыхнула война и мнѣ пришлось отправляться въ свою часть, мнѣ все время отчего-то казалось, что я непременно погибну въ первомъ же бою. Первый бой, въ которомъ я принялъ участіе, отличался страшнымъ ожесточеніемъ. Моя часть попала подъ жестокой перекрестный огонь, и почти всѣ тѣ, которые находились около меня, погибли... Я же остался не только живымъ, но даже и невредимымъ... Теперь во время своей развѣдки я былъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и положеніяхъ, и ничто не грозило мнѣ, а вчера нѣмецкій шпионъ уже почти за границею нѣмецкаго расположенія, переодѣвшись въ русскую форму и прикинувшись раненымъ, чуть не убилъ меня. Нѣтъ, я не вѣрю въ опасность и въ безопасность, я вѣрю въ случай и въ Провидѣніе...

Чѣмъ внимательнѣе слушалъ его докторъ, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе вѣяло на него отъ его словъ чѣмъ-то новымъ и необычнымъ... И онъ подумалъ: „Тамъ, въ бояхъ, въ опасностяхъ, вблизи смерти, онъ испыталъ и почувствовалъ что-то, чего не испыталъ и не почувствовалъ здѣсь вдали отъ всего этого я“...

Передъ тѣмъ какъ лечь спать докторъ вышелъ на крыльцо и долго и внимательно прислушивался, напряженными глазами смотря въ темную даль.

Тихо было кругомъ, только гдѣ-то далеко-далеко лаяли собаки...

VI.

Послѣ ужина Василій полѣзъ на печку спать, а Никаноръ, взявъ палку, пошелъ за ворота.

Подъ Эрзерумомъ. Начальникъ лѣвой штурмовой колонны и его штабъ на высшей точкѣ горнаго хребта Палантегена (3.197 метровъ).

Ярко свѣтили въ небѣ звѣзды, но въ полѣ было темно. Снѣрѣла уходящая вдаль гладкая, пустынная пелена снѣга, сиротливо чернѣли обнаженные мокрыя деревья и кустарники.

Никаноръ сѣлъ на скамью и, напряженными глазами смотря передъ собой, сталъ слушать.

— Глухо, тихо, неподвижно было кругомъ.

Иногда онъ смотрѣлъ въ сторону докторской усадьбы, и тамъ ему рисовался спящій раненый офицеръ съ больнымъ, усталымъ лицомъ и окровавленной повязкой на рукѣ. И тогда твердая рѣшимость охранить его и спасти отъ нѣмцевъ, если придутъ они, охватила его душу. „Всю ночь буду сидѣть, ни на минуту не засну, а ужъ не дамъ его въ обиду“... Онъ сидѣлъ долго. И временами въ напряженной тишинѣ ему то снова чудились обачій лай, то точно лошадиный топотъ, то отдаленные голоса... Нѣсколько разъ онъ вставалъ, обходилъ вокругъ церкви, выходилъ на пробѣжную дорогу.

Около полуночи онъ почувствовалъ, что его начинаетъ клонить ко сну. Взялъ тогда комокъ снѣга и вытеръ имъ лицо, потомъ сталъ махать руками и быстро ходить взадъ и впередъ, то отходя отъ воротъ, то подходя къ нимъ. Во время одного изъ поворотовъ онъ вдругъ увидѣлъ стоящаго въ воротахъ Василія.

— Ты чего пришелъ, Василій?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Бумъ-бумъ пора,—сказалъ тотъ.

Никаноръ вспомнилъ, что не звонилъ еще полночь. Вынулъ изъ кармана часы и посмотрѣлъ на нихъ. Было безъ пяти двѣнадцать. „Ишь ты, какой памятный,—подумалъ онъ о Василіи:— а я было совсѣмъ ужъ и забылъ объ этомъ сегодня...“ Но немного погодя онъ рѣшилъ, что въ эту ночь лучше совсѣмъ не звонить. Можетъ-быть, нѣмцы, если и есть поблизости, то въ темнотѣ не замѣтятъ ни церкви ни села. „Надо бы у о. Николая все-таки объ этомъ спросить“,—подумалъ онъ и пошелъ въ ограду.

Василій пошелъ за нимъ, но, не доходя до церкви, вдругъ приостановился и сталъ къ чему-то прислушиваться.

— Чего сталъ?—спросилъ Никаноръ.—Деревьевъ не видалъ, что ли?

— Вдуть тамъ...—сказалъ Василій, указывая рукой вдаль и какъ-то странно улыбаясь.

— Никто не ѣдетъ,—сказалъ Никаноръ:— врешь ты.

Но все-таки вышелъ за ворота и прислушивался. Тихо и неподвижно было кругомъ... Тогда вошелъ въ ограду и пошелъ по направленно батюшкинаго дома.

Василій стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и, улыбаясь, говорилъ:

— Бумъ-бумъ надо, бумъ-бумъ надо...

Тогда Никаноръ взялъ его за руку и грубо потащилъ къ сторожкѣ.

— Спать иди, спать иди... Нечего болтаться здѣсь...

Подъ Эрзерумомъ. Вслѣдствіе полного отсутствія селеній въ районѣ горнаго хребта Палантегена, наши войска 10 дней провели въ снѣгу подъ жестокимъ леденящимъ вѣтромъ.

Подъ Эрзерумомъ.
Предгоря Палантекена. Вдали слѣва поднимается въ гору наша колонна.

И, толкнувъ Василю въ домъ, заперъ на щеколду дверь и пошелъ къ о. Николаю.

Дойдя до окна спальни о. Николая, онъ тихонько постучалъ въ него.

— Это ты, Никаноръ?— спросилъ тотчасъ же за окномъ о. Николай.

— Я, отецъ Николай.

— Что-нибудь случилось?

— Нѣтъ, пока ничего... Я только хочу спросить васъ, звонить ли мнѣ сегодня полночь или нѣтъ...

— Я сейчасъ выйду къ тебѣ...— сказалъ о. Николай.

Никаноръ отошелъ отъ окна и подошелъ къ крыльцу. Немного погодя послышался шумъ открываемой двери, звякнулъ засовъ, и о. Николай въ шубѣ вышелъ на крыльцо.

— Ты спрашиваешь, звонить ли тебѣ сегодня полночь?— спросилъ онъ, увидавъ Никанора. — Я думаю, что лучше не звонить...

— Я тоже такъ думаю, отецъ Николай. Пусть нѣмцы эти самые, если придутъ, думаютъ, что здѣсь никого нѣтъ...

О. Николай помолчалъ немного, потомъ сказалъ:

— Ночи-то какія долгія теперь. Лѣтомъ-то почти въ это время уже свѣтать начинается...

— Да, — сказалъ Никаноръ: — лѣтомъ-то солнышко чуть зайдетъ,—глядишь, а ужъ заря снова занимается...

— Хорошо,— проговорилъ о. Николай.

Хорошо,— повторилъ Никаноръ.

Помолчали, потомъ о. Николай спросилъ:

— Ну, что, ничего подозрительнаго не слышно?

— По-моему, тихо кругомъ,—отвѣчалъ Никаноръ и потомъ, чуть усмѣхнувшись, добавилъ:—А вотъ Василій только-что мнѣ говорилъ, что ѣдутъ гдѣ-то тамъ далеко...

— Ну, мало ли, что ему тамъ придетъ въ голову,— проговорилъ о. Николай.

— Понятное дѣло,—отвѣчалъ Никаноръ. Немного погодя онъ спросилъ:—Такъ, значитъ, не звонить полночь?

— Нѣтъ, не звони лучше...

Когда Никаноръ немного отошелъ отъ крыльца, о. Николай спросилъ его:

— А что, уже больше двѣнадцати или еще нѣтъ?

— Первый часъ,— сказалъ Никаноръ.

О. Николай вздохнулъ.

— Лѣтомъ-то уже заря начинала бы заниматься...

— Да,—сказалъ Никаноръ:— лѣтомъ ночи короткія, свѣтлыя...

О. Николай зѣвнулъ и, запахнувшись въ шубу, вошелъ въ домъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Старый вояка.

Разсказъ

А. Лазарева-Грузинскаго.

— Валентина, братъ твой дома?

— Нѣтъ, дѣдусь, ушелъ: утречкомъ рано, какъ солнце начало подниматься, онъ ушелъ.

— Куда?

— Да куда жъ ему итти утромъ, дѣдусь? На охоту. Захватилъ Каро и ушелъ на охоту. А вы, дѣдусь, не ходите теперь?

Старикъ Глѣбовъ, сосѣдь по усадьбѣ съ Валентиной, котораго всѣ по привычкѣ зовутъ дѣдомъ, хотя онъ не дѣдъ ни Валентинѣ ни ея брату, склоняется на ограду, около которой стоитъ, и говоритъ грустно:

— Нѣтъ, я не хожу на охоту, Валентина. Нѣтъ, я не хожу теперь, къ сожалѣнію, на охоту. Старый охотникъ долженъ сидѣть дома.

Онъ наклоняется ближе къ дѣвущкѣ, стоящей за оградой на тропинкѣ, и добавляетъ:

— У меня, Валентиночка, ружье испортилось. Столько лѣтъ служило, и вдругъ, Богъ его знаетъ, что-то сдѣлалось съ ружьемъ! Началось это мѣсяца два назадъ. Пошелъ на охоту, и хоть бы одного чирка подстрѣлил! Все мимо да мимо. Будто на смѣхъ. Прямо всю охоту будто бы сглазилъ кто. Стрѣлокъ я хороший, дичь безъ промаха въ лѣтъ бью, самъ когда-то надъ тѣми, кто пуделятъ охочъ, посмѣивался немало, и вдругъ этакая глупая исторія! Задумался: съ чего бы это? Думаль-думаль, на одномъ порѣшилъ...

Глѣбовъ останавливается и медленно

перебираетъ лѣвой рукой свою сѣдую, красивую бороду.

— На чемъ же?—осторожно спрашиваетъ Валентина.

Старикъ поднимаетъ опущенную голову.

— Господи!— съ изумленіемъ говоритъ онъ. — Я же сказалъ: ружье испортилось, Валентина. Я же сказалъ.

Дѣвущка оциньиваетъ бѣлыя лепестки ромашки, которые природный вѣтеръ подхватываетъ и гонитъ куда-то вдаль, смотреть на бѣлыя облачка, медленно плывущія по голубому небу, и спрашиваетъ:

Подъ Эрзерумомъ. Подъемъ на хребетъ Палантекемъ мѣстами настолько крутой, что приходилось взбираться на четверенькахъ.

— Да почему же вы не отдадите въ починку ваше ружье, дѣдусь? Отдайте въ починку ваше ружье!

Старый охотник пожимает плечами.

— Вот хватилась! Да развѣ я не отдавалъ? Это же такъ просто.

— Ну, и что же, дѣдусь?

— Господи Боже, да какіе жь у насъ мастера? Сапожники, а не оружейные мастера, Валентина! Имъ бы заплаты на сапоги класть, подметки гвоздями подколачивать, а не ружья чинить. Горе, а не мастера. По моей просьбѣ Таня послала ружье въ городъ къ Тулинову, котораго я, какъ оказывается, совершенно напрасно за хорошаго мастера считалъ. Держалъ Тулиновъ ружье недѣлю, держалъ еще недѣлю, затѣмъ вернулъ: „получайте; такъ выправилъ, что не нужно лучше“. А между тѣмъ, когда я пошелъ на охоту, опять началъ дѣлать промахъ за промахомъ изъ этого глупаго ружья! Каковъ шарлатанъ? Деньги взялъ, а пользы на грошь не сдѣлалъ. За что же онъ взялъ деньги, ты мнѣ вотъ что, Валентина, скажи?!

— Странно, дѣдусь. Не хорошо. Не добросовѣстно.

— Я думаю. Я же говорю: не мастеръ, а шарлатанъ!

— Но вѣдь въ городѣ есть еще мастеръ, дѣдусь?

— Какъ же не быть. Есть и еще. Каширинъ. Онъ считается похуже Тулинова, но теперь я вижу, что все это вздоръ: просто они два сапога—пара. Или какъ это шутка есть? Спрашиваютъ о двоихъ: кто изъ нихъ лучше? А въ отвѣтъ говорятъ: оба хуже. Вотъ такъ же и наши оружейные мастера: оба хуже! Только и разница, что Каширинъ не двѣ недѣли, а только недѣлю ружье продержалъ. А пользы ни на волосъ.

— Ничегошеньки?

— Ничего. Пошелъ на охоту и только одно огорченіе вмѣсто удовольствія получилъ. Ей-Богу! Ну, хоть бы что, хоть бы что, Валентиночка! Хотя бы на смѣхъ что-нибудь подстрѣлилъ, чтобы итти домой не съ пустымъ ягдташемъ. Прямо какая-то чепуха. Фантазмагорія, а не ружье. Ей-Богу, фантазмагорія.

Глѣбовъ грустно машетъ рукой и добавляетъ:

— Ффу! Даже и вспомнить неприятно.

— Что жь вы теперь думаете дѣлать, дѣдусь?

— Что дѣлать? Одно осталось: буду просить Таню, чтобы она въ столицу ружье послала: въ столицѣ есть настоящіе мастера, не нашимъ чета; они ружье вычиняютъ.

Эта мысль подбадриваетъ Глѣбова, и онъ начинаетъ съ оду-

Подъ Эрзерумомъ. Единственныя животныя—годныя для подвоза вооруженія и провіанта въ дикихъ трущобахъ горнаго хребта Палантекона, но и ихъ въ наиболѣе непроходимыхъ участкахъ приходилось развьючивать и грузъ нести на людяхъ.

шевленіемъ рассказывать, что вотъ, когда въ столицѣ починятъ его ружье, у него начнется настоящая охота.

Подмигнувъ, онъ добавляетъ чуть слышно:

— Особенно за нѣмцами, когда нѣмцы придутъ!

Валентина понимаетъ его. Старый охотникъ вмѣстѣ съ тѣмъ и старый вояка. Онъ по годамъ своимъ уже никуда не годится: на фронтъ, на позиціи, даже въ тылъ куда-нибудь его уже ни за что не возьмутъ, онъ „свое отвоевалъ“, какъ съ улыбкой говорятъ всѣ окружающіе старика, но... если придутъ нѣмцы, тутъ каждое ружье понадобится, и каждый человекъ будетъ на счету. И если придутъ нѣмцы, старый стрѣлокъ покажетъ себя!

Вотъ только бы ружье не измѣняло.

Да тутъ начнется такая охота, о которой можно будетъ съ удовольствіемъ вспоминать до конца дней своихъ. Эта охота не чета нынѣшнему пуделянью.

Вотъ только бы исправное ружье, только бы ружье!

Его рассказъ живъ, краски ярки.

Человѣка, не знающаго, въ чемъ дѣло, онъ можетъ увлечь.

А Валентина стоитъ, смотритъ на старика, и сердце ея сжимаетъ грусть.

Валентина вспоминаетъ ту сѣрую дымку, которая въ жаркій день заволакиваетъ окрестность; раньше прозрачная, она становится все сѣрѣе и гуще и, затянувъ даль, подбирается все ближе и ближе и затягиваетъ деревья, травы, кусты. Зовутъ ее мглой, зовутъ и мгою, и Валентина не знаетъ, какъ ее правильнѣе назвать. Эта сѣрая дымка скучна, всѣ краски природы блекнутъ подъ нею, но стоить подуть вѣтру, прошумѣть дождю, чтобы солнце вновь вырвалось изъ плѣна и засіяло, и вышли на волю и лазурь неба и зелень травы. А ту сѣрую дымку, которая встаетъ передъ глазами стараго вояки, и о которой онъ ничего не знаетъ пока, не прогонять ни порывы вѣтра ни шумъ дождя. Ее зовутъ слѣпотою. Она тоже стираетъ раньше всѣ краски дали, а потомъ понемногу забираетъ все то, что возлѣ человѣка, что у человѣка подъ рукой. Но она никогда не возвращаетъ взятаго. Взяла и—конецъ!

Бѣдный дѣдусь! Это она шутитъ надъ нимъ злыми шутки, это она заставляетъ на охотѣ пуделять его ружье.

Ружье Глѣбова ни къ кому не отсылали для починки и не пошлуть. Это бесполезно. Но Валентина не скажетъ ни слова объ этомъ старому дѣдусю. Развѣ можно? Избави Богъ!

Когда Глѣбовъ, со старческимъ отчасти малодушіемъ, отчасти скептицизмомъ, съ чего-то спрашиваетъ:

— А вдругъ, Валентина, и въ столицѣ ружья не починятъ?!

Валентина отвѣчаетъ увѣренно:

— Въ столицѣ-то не починятъ? Господи, что вы говорите, дѣдусь?! Въ столицѣ не починятъ? Давно бы вамъ въ столицу послать. Въ столицѣ что хотите вычиняютъ. Намъ съ вами вычиняютъ. Да!

И она старается смѣяться весело-весело, хотя въ смѣхѣ ея дрожатъ неслышныя для дѣдуса слезинки.

Она знаетъ, что его пѣсенка спѣта: никогда онъ не будетъ бить лѣсную дичь и ту проклятую двуногую дичь, которая носитъ названіе нѣмцевъ...

Подъ Эрзерумомъ. Подъемъ колонны на хребетъ Палантекенъ (по-турецки значить: „Переворачиватель вьюковъ“), считавшійся недоступнымъ турками даже лѣтомъ. Наши войска своимъ неожиданнымъ появленіемъ привели въ полное замѣшательство оторопѣвшихъ турокъ и нанесли имъ рѣшительное пораженіе.

Въ рускомъ Эрзерумѣ. Турецкій арсеналь, устроенный турками въ разрушенной старинной мечети.

Герои.

Разказы Ф. Бутэ.

I. Два подвига.

Колеса поѣзда мѣрно выстукивали:

— Впе-редъ, впе-редъ!

Къ пяти часамъ дня Геренъ, стоявшій на площадкѣ вагона, сталъ узнавать окрестности родной деревни. Онъ радостно вздохнулъ. Молчаливая улыбка озарила его загорѣвшее лицо. У него не было ни родителей ни жены. Никто его не ждалъ, тѣмъ не менѣе онъ взволнованно думалъ о той минутѣ, когда переступить порогъ своего дома. За неизбѣжностью близкихъ людей онъ всей душой привязался къ неодушевленнымъ предметамъ.

Лишь одно обстоятельство нѣсколько омрачало его радостное настроеніе: предстоящая встрѣча со стариками Баллю, родителями его товарища Антуана, бывшаго въ одномъ съ нимъ полку и умершаго въ самомъ началѣ войны.

Поѣздъ остановился. Геренъ вышелъ изъ вагона. При видѣ родныхъ мѣстъ волненіе сжало ему горло.

Медленно, неторопливо зашагалъ Геренъ по кратчайшей тропинкѣ, соединявшей станцію съ деревней. По дорогѣ онъ встрѣтилъ стараго школьнаго учителя Фока, научившаго его двадцать лѣтъ тому назадъ грамотѣ, и деревенскаго мэра Морена. Остановились поболтать. Моренъ взялъ съ него слово, что онъ придетъ къ нему въ тотъ же вечеръ. Послѣ этого Геренъ пошелъ дальше. Изъ всѣхъ дверей выходили женщины, старики, окружали его, спрашивали. Геренъ былъ очень доволенъ этимъ всеобщимъ вниманіемъ. Но наибольшую радость ему все-таки доставилъ тотъ мо-

ментъ, когда онъ очутился у себя дома.

Вечеромъ онъ отправился къ Морену. Тамъ собралась уже почти вся деревня. Всѣ принарядились, желая оказать этимъ особое вниманіе вновь прибывшему. Посыпались разспросы, на которые Геренъ отвѣчалъ, какъ умѣлъ. Совершенно просто, не касаясь лично себя и своихъ переживаній, онъ передавалъ окружающимъ различные эпизоды войны.

Въ дверь постучали.

— Это Баллю! — сказала Моренъ.

Они вошли. Геренъ съ трудомъ узналъ обоихъ стариковъ. — такъ они измѣнились. Франсуа Баллю: согнувшійся, совершенно бѣлый, съ трудомъ передвигалъ ноги, опираясь на палку и поникнувь трясущейся головой. Марія Баллю тоже похудѣла. Ея старія руки, которыя она все время сжимала, дрожали, а покраснѣвшіе отъ слезъ глаза смотрѣли неуверенно, испуганно.

— Мы узнали, что ты здѣсь, и пришли повидать тебя! — медленно загворилъ Франсуа. — Мы рады видѣть тебя, Геренъ!

Старуха всхлинула. Франсуа продолжалъ:

— Мы хотимъ, чтобы ты разсказалъ намъ про сына... про Антуана... какъ онъ былъ убитъ? Чтѣ онъ тамъ дѣлалъ? Теперь

уже можно говорить объ этомъ. Мы со старухой не то что при выкли къ этой мысли, но... вѣдь съ тѣхъ поръ прошло уже десять мѣсяцевъ. Словомъ, объ этомъ можно говорить. Вѣдь мы ничего не знаемъ. Знаемъ только, что онъ умеръ. Вотъ и все. Но ты былъ съ нимъ и разскажешь намъ...

Старикъ задохнулся, замолчалъ. Воцарилось тяжелое молчаніе. Черезъ минуту онъ снова заговорилъ:

— Разсказывай! Не бойся. Для насъ это будетъ большимъ утѣшеніемъ. Вѣдь мы все знаемъ, какой Антуанъ былъ смѣлѣный и храбрый паренъ. Такого второго не сыщешь, пожалуй. Вѣдь вы все его знали. Развѣ я говорю неправду? Я не сомнѣ-

Штурмъ Эрзерума. Пожаръ въ городѣ.

Наступление на Эрзерумъ. Полкъ на привалѣ на Саганлугскихъ высотахъ.

ваюсь, что онъ тамъ чудеса творилъ. Разказывай! Намъ будетъ приятно услышать о его подвигахъ. Мы будемъ гордиться имъ еще больше, когда узнаемъ все подробности. Ну, говори!

Старики съли, не спуская глазъ съ Герена.

Быть-можетъ, въ ихъ мозгу мелькнула мысль, почему не ихъ сынъ здѣсь, среди родныхъ и друзей, а этотъ парень, котораго никто не ждалъ, о которомъ никто бы не заплакать.

Геренъ смущенно смотрѣлъ на Франсуа и Марию.

— Говори же! — повторилъ старикъ.

— Ну, такъ вотъ, — съ усиленіемъ заговорилъ Геренъ. — Это было въ концѣ сентября. Погода была чудная. Нашъ полкъ стоялъ на сѣверѣ, возлѣ рѣчки...

Онъ остановился.

— Ну, дальше! Что же сдѣлалъ Антуанъ? Не бойся, разказы-

Штабъ дивизіи на вершинѣ Кариабазарскаго плато, передъ спускомъ въ Эрзерумскую долину.

вай! Я тебѣ говорю, что для насъ большое утѣшеніе узнать все.

Герень колебался, но пристальный взглядъ родителей покойнаго товарища заставилъ его рѣшиться.

— Ну, такъ вотъ! Онъ былъ въ деревушкѣ, въ передовой линіи, со своимъ отдѣленіемъ и однимъ орудіемъ. Надо было подольше удержаться на мѣстѣ. Нѣмцевъ было гораздо больше, чѣмъ насъ. Наши падали одинъ за другимъ. Въ концѣ концовъ Антуанъ остался одинъ одинешенекъ на ногахъ. Онъ умѣлъ обращаться съ орудіемъ и въ теченіе четверти часа держался въ деревушкѣ, не подпуская туда нѣмцевъ. Онъ былъ нѣсколько разъ раненъ, но все-таки держался. Онъ не могъ отступить, такъ какъ тутъ же лежали его тяжело раненые товарищи и лейтенантъ, командовавшій отрядомъ. Подоспѣвшая помощь застала его истекающимъ кровью. Вотъ что сдѣлалъ вашъ сынъ.

Все это Герень разсказалъ быстро, не останавливаясь ни на секунду.

Старики жадно ловили каждое его слово.

— Тотъ, кто это сдѣлалъ — герой! — торжественно проговорилъ старый учитель.

— Вы можете гордиться вашимъ сыномъ, Баллю! — воскликнулъ Морень.

— Тогда-то онъ и былъ убитъ? — глухо спросилъ старикъ.

— Онъ получилъ множество ранъ, — уклончиво отвѣтилъ Герень. — Нѣмцы стрѣляли во-всю.

— Ты добрый парень, — сказалъ, вставая съ мѣста, Франсуа Баллю. — Спасибо, что разсказалъ намъ это. У меня стало легче на душѣ. Такъ мы и думали, что нашъ Антуанъ сдѣлалъ что-нибудь выдающееся. Теперь мы можемъ вполне гордиться имъ. Правда, мать?

Старуха ничего не отвѣтила. Она плакала.

Баллю ушли. За ними разошлись и остальные.

Домикъ Герена находился въ концѣ деревни, рядомъ со школой, гдѣ жилъ Фокъ. Они пошли вмѣстѣ, любуясь чудной лунной ночью.

Пройдя поддороги, учитель остановился и внимательно взглянулъ на Герена.

Генералъ Петзъ, командующій арміей, защищающей Верденъ.

— Какъ это странно! — спокойно сказалъ онъ. — Даже трудно повѣрить такому совпадению!

— О чемъ вы говорите? — удивленно спросилъ Герень.

— Да о твоёмъ разсказѣ относительно Антуана. Меня очень удивляетъ, что онъ сдѣлалъ то же самое, что сдѣлалъ и ты.

Герень вздрогнулъ.

— То-есть какъ это? — пробормоталъ онъ.

— Да такъ! Въдѣ деревня, которую защищали одинъ человекъ, орудіе, раненые... въдѣ это полное описаніе того подвига, который совершилъ ты, Герень. Я отлично помню это. Объ этомъ писали въ газетахъ. За это ты и получилъ твою награду.

— Обо мнѣ писали въ газетахъ? — переспросилъ пораженный Герень.

— Да! Было названо твое имя и передана вся эта исторія. Здѣсь въ деревнѣ не обратили на это вниманія. Въ тотъ моментъ, когда пришли старики Баллю, я собирался разсказать объ этомъ. Скажи же мнѣ теперь правду: какъ умеръ Антуанъ?

Герень пожалъ плечами.

— Видите ли, г. Фокъ, вамъ я могу разсказать это, только не выдавайте меня. Антуану не повезло. Во-первыхъ, потому, что онъ умеръ, а во-вторыхъ, потому, что онъ умеръ именно такимъ образомъ. Онъ утонулъ въ самомъ началѣ войны. Онъ пошелъ купаться сейчасъ же послѣ обѣда. Я говорилъ ему, чтобы онъ этого не дѣлалъ, но вы знаете, какъ онъ былъ упрямъ. Мнѣ не удалось отговорить его. Въ водѣ ему сдѣлалось дурно, и онъ утонулъ. Его вытащили, но было уже поздно. Не могъ же я разсказать это старикамъ. Они такъ вѣрили въ то, что ихъ сынъ — герой. Эта нелѣпая смерть слишкомъ огорчила бы ихъ. Тогда я рѣшилъ разсказать то, что случилось со мной. Конечно, я знаю, что солгалъ, но разъ это случилось со мной, то я ни у кого ничего не украду.

Онъ замолчалъ.

Учитель отрывисто кашлянулъ.

Герень спокойно продолжалъ:

— Только меня, какъ видите, не убили тогда. Я былъ сильно

Бои у Вердена. Перевязочный пунктъ вблизи позицій.

Наблюдательный постъ у Вердена.

ранень, вотъ и все. Я перемѣнилъ конецъ и имя, остальное осталось такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ. Я, право, не зналъ, что сказать старикамъ. Вѣдь я никогда не былъ очень смѣшленнымъ. Вы это должны знать лучше другихъ, милый г. Фокъ!

Онъ размѣялся.

Старый учитель положилъ ему руку на плечо.

— Что же ты будешь рассказывать впоследствии о самомъ себѣ, разъ ты отказался отъ своего лучшаго подвига въ пользу другого?—мягко спросилъ онъ.

— А вѣдь правда!—воскликнулъ Герень.—Я и не подумалъ объ этомъ. Вотъ такъ досада!

Но послѣ минутнаго размышленія онъ весело улыбнулся и пожалъ плечами.

— Впрочемъ, война еще не кончена. Богъ дастъ, мнѣ еще представится случай повторить что-нибудь въ томъ же родѣ!

II. Малышъ.

Весь лицей былъ поглощенъ мыслью о войнѣ. Старшіе ученики вели на эту тему серьезныя бесѣды. Они говорили объ удачахъ и неудачахъ Франціи, о своихъ отцахъ, братьяхъ и знакомыхъ, находящихся на полѣ брани. Они съ гордостью показывали письма, получаемыя съ фронта, и горько сожалѣли о томъ, что ихъ возрастъ не даетъ имъ возможности принять участія въ общемъ великомъ дѣлѣ защиты родины.

Ученики среднихъ и младшихъ классовъ играли въ войну. Никакихъ другихъ игръ они теперь не признавали. Война, война и только война!

Заправилой во всѣхъ этихъ играхъ былъ тринадцатилѣтній Симонъ. Подъ его начальствомъ мальчики атаквали, защищались, устраивали крѣпости, редуты. Ихъ огорчала невозможность рыть траншеи въ саду лицейя. Но приходилось покориться жестокости начальства, не понимавшаго ихъ душевныхъ переживаній и не разубѣдившаго имъ этого удовольствія.

Самымъ труднымъ въ игрѣ въ войну являлось полное отсутствіе желающихъ изображать нѣмцевъ. Кончилось тѣмъ, что Симонъ заявилъ:

— Надо тянуть жребій. Кто вытянетъ, тотъ и нѣмецъ!

Только Жакъ Ларивъ никогда не участвовалъ въ игрѣ въ войну. Старшіе прогоняли его.

— Уходи, малышъ! Куда лѣзешь?—презрительно говорили они ему.

Жакъ Ларивъ былъ самымъ младшимъ ученикомъ лицейя. Онъ не умѣлъ быстро бѣгать, часто спотыкался и падалъ, и вообще, по мнѣнію Симона, былъ еще слишкомъ малъ, чтобы понимать такую серьезную игру.

Жакъ Ларивъ, нахлобучивъ фуражку на кудрявую головку и заложивъ за спину маленькія руки, часами стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ и глядя на „воюющихъ“ товарищей. Иногда его охватывало желаніе присоединиться къ нимъ, но удерживало сознание, что все равно Симонъ прогонитъ его.

Впрочемъ, онъ не жаловался. Онъ привыкъ къ одиночеству. Онъ попробовалъ-было сойтись съ товарищами, но они оттолкнули его, презрительно называя малышомъ. Онъ заговорилъ со своимъ сосѣдомъ по партѣ, толстымъ сонливымъ мальчикомъ. Онъ рассказалъ ему, что его мать умерла, когда онъ, Жакъ, былъ еще совсемъ маленькимъ. Но на этомъ и остановились его

Непроницаемая стѣя проволочныхъ загражденій передъ Верденомъ.

Верденъ. Старинныя ворота въ городской стѣнѣ.

изліянія. Луи Форестье интересовался исключительно конфетами, которыя и поглощалъ въ огромномъ количествѣ.

Время отъ времени на имя малыша приходили письма, написанныя крупными отчетливыми буквами, чтобы ему было легче прочесть ихъ. Жакъ часами читалъ и перечитывалъ эти письма и хранилъ ихъ, какъ святыню. По вечерамъ онъ бралъ листикъ почтовой бумаги и старательно, неуклюжимъ дѣтскимъ почеркомъ, отвѣчалъ на нихъ.

Объ этихъ письмахъ Жакъ Ларивъ не говорилъ никому.

Однажды, въ ясное декабрьское утро, Симонъ собралъ товарищей въ самомъ началѣ перемирія.

— Что я вамъ расскажу сегодня! — взволнованно закричалъ онъ. — Я слышалъ это отъ папы. Онъ говорилъ, что это геройскій поступокъ. Послушайте! Это сдѣлалъ какой-то офицеръ, капитанъ. Его имя еще неизвѣстно, но скоро оно будетъ опубликовано. Надо было взорвать мостъ передъ носомъ у нѣмцевъ. Нѣмцы боялись приблизиться, но издали обстрѣливали его изо всѣхъ силъ, чтобы помѣшать нашимъ подойти поближе. Тогда этотъ офицеръ пошелъ одинъ, подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Онъ взялъ съ собою мелинитъ, подложилъ его подъ мостъ, поджегъ шнуръ, а самъ ушелъ. Но по дорогѣ возлѣ него разорвалась шраннель. Вотъ такъ герой!

— Онъ убитъ? — спросилъ одинъ изъ товарищей.

— Нѣтъ! Говорятъ даже, что его рана не опасна. Это настоящее чудо. Благодаря ему, мы победили тогда нѣмцевъ. Давайте, изобразимъ его подвигъ. Это будетъ чудесно! Я — генералъ, командующій французскими войсками. Вы — офицеры. Мостъ вонъ тамъ, между деревьями. Вы, — онъ оттолкнулъ въ сторону пять

человѣкъ, которые поморщились и заворчали, — вы нѣмцы. Уходите туда подальше. Вы обстрѣливаете насъ.

Симонъ волновался, жестикулировалъ. Товарищи, зараженные его волненіемъ, окружили его.

Показывая на большую губку, оторванную отъ классной доски, Симонъ продолжалъ:

— Это будетъ мелинитъ, а веревка, висящая возлѣ губки, шнуръ, который надо будетъ поджечь. Теперь вниманіе! Я вызываю желающаго взорвать мостъ. Онъ долженъ пойти подъ огнемъ непріятеля къ мосту и взорвать его. Кто хочетъ?

Всѣ бросились впередъ. Каждому хотѣлось изображать героя. Вдругъ послышался тонкій рѣшительный голосокъ:

— Я взорву мостъ!

Это говорилъ Жакъ Ларивъ.

Съ самаго начала перемирія онъ, по обыкновенію, слѣдилъ за товарищами, не говоря ни слова, не вмѣшиваясь въ ихъ разговоръ. Теперь онъ приблизился. Лицо его покраснѣло, глаза заблестѣли.

Симонъ, удивленный такой дерзостью, презрительно пожалъ плечами.

— Ты, малышъ? Не лѣзь лучше. Ты слишкомъ малъ!

Но малышъ покачалъ головой.

— Я, я взорву мостъ! — рѣшительно заявилъ онъ. — Я имѣю право на это. Только я. Это мой папа, капитанъ Ларивъ, сдѣлалъ то, о чемъ ты рассказывалъ. Это онъ герой! Онъ побоялся, что кто-нибудь другой расскажетъ мнѣ о томъ, что онъ раненъ, и написалъ мнѣ самъ...

Голосъ малыша оборвался. Слезы градомъ хлынули изъ его большихъ темныхъ глазъ. Дрожащей рукой онъ протянулъ почтительно смотрѣвшему на него Симону листокъ почтовой бумаги, полученной имъ въ это утро.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1916 г., къ 1 апрѣля слѣдовало внести **не менѣе 5 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 30-го апрѣля — съ 18-го номера. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемириіи адреса слѣдуетъ прислать **40 коп. и печатный адресъ.**

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 17

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 23-го апрѣля 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по сѣдующей цѣнѣ за строку непарелль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 23.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВЫТЯЖКА ИЗ СЪМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.
ЛАБОРАТОРИИ

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгій, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, лусѣ, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка для наблюденій высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 20% почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адр.—Москва, Калефлюадъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ готовится естественнымъ путемъ безъ огня и химическаго реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленными сперминами.

Важно для гг. регентовъ!
Только-что вышло изъ печати
ГЛАВНѢЙШАЯ ПѢСНОПѢНІЯ
ВСЕНОЩНАГО БДѢНІЯ.

Соч. П. Чеснокова, Ор. 44 (10 №№ для смѣн. хора).
Цѣна парт. и голосовъ по 2 р. 50 к. каждая.
Нов. каталогъ „Духовно-музыкальных сочиненій“ высылается бесплатно.
Москва, Неглинный пр., 14.
П. ЮРГЕНСОНЪ

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна илл. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. шю журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (и)

ПРИ НЕВРАСТЕНІИ

слабости и для **УКРѢПЛЕНІЯ** нервной системы рекомендуется **БИОЛЬ Т-ва Ласлей**. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магаз.

(Иллуст. въ Правит. Вѣстн. 1916 г. № 229)

ФИРМА
ОСНОВАНА ВЪ 1903 г.
удостоена ВЪСШИХЪ наградъ на выставкахъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, Флоренціи и т. д.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londre, Bruxelles, Florence

ВОЛШЕБСТВО И МАГІЯ Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. илл. ил. 95 к. Адр.: МОСКВА, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18/2.

ХИРОМАНТІЯ самая подробная книга, обучающая искусству опредѣлять по линиямъ рукъ человѣка его будущую судьбу. Цѣна съ перес. илл. платж. 2 р. 25 к. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18/2.

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНО-МУЧНАЯ ПИЩА

АЛЛЕНБЭРИСЪ

ДІЭТЪ

НЕРВНЫМЪ, СЛАБЫМЪ, ИСТОЩЕННЫМЪ.
Брошюра № 12 по тротванію бесплатно.
Англійское Акц. О-во „АЛЛЕНЪ И ГАНБУРИСЪ“.
Москва, Мясницкая, 32. 4083 7-2

III издание, 13-я тысяча экземпляровъ:
„Я НИКОГО НЕ БЫМЪ!“ 2 руб.
1500 вегетарианскихъ кушаній, 365 меню по временамъ года. Подъ редакціей д-ра мед. Зеленова. Авторъ (жена д-ра мед. Зеленова): Петроградъ, Шпалерная, 44б, кв. 23. Высылать нalloж. платежомъ. Пересылка 35 коп. Иногороднымъ 50 коп. Продается и въ книжн. маг. „Новаго Времени“.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.
Не требуется знаній. Доступно всѣмъ. Для многихъ хорошій заработокъ.
Популярная руководства, заслужившія массу благодарностей:
1) Устр. домашн. электр. освѣт. безъ машинъ—80 к. 2) Изгот. аккумуляторы—45 к. 3) Изгот. сухихъ батареекъ—35 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаций—60 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—45 к. 6) Гальвано-пластинка, кинематр., волоч. и пр.—1 р. 20 к. 7) Устр. динамо-маш. и электр.-мотор. до 500 уаттъ—1 р. 40 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., реостат. и пр.—80 к. Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—25 к., до 3 р.—30 к. и т. д. За нalloж. плат. прибавляется 15 к. на все послылку, независимо отъ числа книгъ.
— Всѣ 8 руковод. высыл. за 6 р. 10 к.; съ нalloж. плат.—6 р. 25 к.—
Проспекты и отзывы высылаются бесплатно.
Адр.: Техн. М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва, Бол. Козинскій пер., д. 4—65. 4110

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬИНСЪ ВЪЯ
ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора Его Императорскаго Величества.

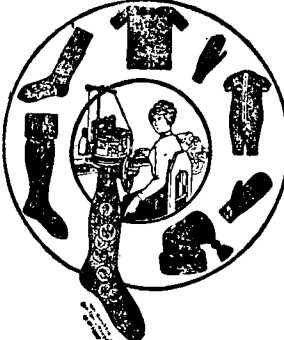
Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ. Кто хочет научиться 2071 начинающимъ. Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. нолж. плат. 95 к. Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

При ГОНОРРЕЪ въ острой и хронической формѣ „ТИЗЕРИНЪ“ послѣдствіяхъ ея прамѣняется Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д. ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 1/28, кв. 8, отд. 80. Отпускается въ аптекахъ по рецепту врачей.

БУХГАЛТЕРІЯ ДЛЯ ВСѢХЪ. Кто хочет изучить бухгалтерію, коммерч. корр-цію и торговые законы, долженъ выписать „Бухгалтерію для всѣхъ“—единств. книга, въ которой просто, ясно и общедоступно изложена вся наука. Усвоить чрезвычайно легко. Безплатные совѣты и указанія всѣмъ выписавш. книгу. Цѣна 1 руб. 35 коп. Треб. адр.: Москва, Тверская, отд. 5, изд. Д. Куманова.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ. Кто желаетъ безъ затратъ капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особымъ знаніемъ и специальной подготовкой. Заняться любимымъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп. МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18/2.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей. Требования на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Расстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная. ТРЕБУЙТЕ нашъ безплатный проспектъ. ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко. Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в. Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

Одесск. Средин. Сельскохозяйственно-ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ, учр. И. И. Хойна. Съ правами казенн. учебн. завед. Тамъ же ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ Приемъ прошеній производится на 1916/17 уч. г. Проекты высл. за 5 двуклоп. мар. ОДЕССА, Пушкинская, 60—5.

ПИСАТЬ КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО. КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Фондо-Готтикъ, батарды и пр. 208 рис. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр-вал. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрам. на конторск. скороср. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к. ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, заглавн. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАВІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

ВОЗЗВАНІЕ. Во имя Божіе и на молитвенную память помогите намъ, христіанскимъ людямъ, построить въ бѣдной Озворской мужской пустыни богадѣльню—пріютъ для калѣкъ-воиновъ и солдатскихъ сиротъ. Пожертв. послать: почт. отд. Слово, Пермск. губ. Игумену Ювеналию съ братією.

Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шриф. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к. СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 388 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп. СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн., обществ. и частн. упр., формъ прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себя службу. Цѣна съ пер. 1 р. При посылк. нолж. плат. дор. на 25 к. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—56.

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческое самообразование. Заночное обученіе. Безплатная премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. АТ-ТЕСТАТЬ. Льготныя условія подяски и БЕЗПЛАТНО. пробная лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—56.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ Свѣчи „Проктоль-Пеля“, новейшее и наилучшее, испытанное средство противъ ГЕМОРРОЯ. Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду. Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ча ПЕТРОГРАДЪ

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22. Саловъ, И. А. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ. Т. I. „Мертвое тѣло“. Т. II. „Разбитая жизнь“. Т. III. „Ольжанинскій молодой баринъ“. Т. IV. „Грузины“. Т. V. „Грезы“. Т. VI. „Грачевскій крокодилъ“. Изящное изданіе in 8°. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Данилевскій, Г. П. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ. 9-е изд. въ 24 томахъ (12-ти книгахъ), съ портретомъ, факсимиле и биографич. очеркомъ. Изящное изданіе, на прекрасной бумагѣ. Цѣна 18 р., съ перес. 18 р.; въ перепл. 18 р. 50 к., съ пер. 19 р. 50 к.

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ въ 12 том., 8450 стр. in 8°, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могилы. памятника. Цѣна 12 томамъ 24 р., съ перес. 25 р. 50 к.; въ перепл. 31 р., съ перес. 32 р. 50 к. Цѣна каждому тому 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Гамсунъ, К. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ въ 5 т. съ критико-биогр. очеркомъ А. А. Измайлова и съ портретомъ Гамсуна. Цѣна 5 томовъ 7 р. 50 к., съ перес. 8 р.; въ перепл. 10 р. съ перес. 10 р. 50 к. Отдѣльно по 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Попробуйте одну коробку настоящихъ PASTILLES VALDA (Лепешекъ Вальда) ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ кашля, простуды, насморка. НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТРЕБУЙТЕ, ПРОСИТЕ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ НАСТОЯЩІЯ PASTILLES VALDA (Лепешки Вальда) въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ VALDA. Цѣна 1 рубль. (H. Canonne, Paris).

СЪ МАРТА МЪСЯЦА т. г. ОТКРЫТО въ Петроградъ (Морская, 11)

ПРИ „РОССІЙСКОМЪ АКЦИОНЕРНОМЪ ОБЩЕСТВѢ ОБЪЯВЛЕНІЙ“

ОТДѢЛЕНІЕ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ

ЮЖНАГО КРАЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“ издается въ г. Харьковъ 36-й годъ; выходитъ два раза въ день: утромъ и вечеромъ. 4119
„ЮЖНЫЙ КРАЙ“ имѣетъ наибольшее распространеніе въ губерніяхъ: Харьковской, Курской, Полтавской, Орловской, Екатеринославской, Таврической, Воронежской, Черниговской, Херсонской, Тамбовской, Обл. Войска Донского, Кубанской обл. и Терской обл.

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.— Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которые имъ пользовались.— Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==
Пишите немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО,
МОСКВА. Отд. 1. С. К.

Волосы

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

(Россия, Великобританія, Италія, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстоахожденія каждаго названія. Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.

Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальского.

Цѣна съ пересылкой два рубля.

ХРОНОЛОГІЯ ВОЙНЫ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ МЪСЯЦЪ.

(См. № 5 «Нивы» 1916 г.).

Декабрь.

- 15-го. Нашими войсками занятъ г. Асадъ-абадъ.
- 16-го. Отражены попытки нѣмцевъ наступать на наши окопы южнѣе оз. Бабитъ.
- 17-го. На фронтѣ къ югу отъ р. Припяти и въ Галиціи бои.
- 18-го. На всемъ рижскомъ фронтѣ перестрѣлка, въ особенности у Иксюльскаго предмѣстнаго укрѣпленія.
- 19-го. Близъ линіи Поневѣжской ж. д. мелкія стычки.
- 20-го. Король Георгъ пожаловалъ Государю Императору званіе фельдмаршала британской арміи. Наши войска овладѣли с. Хряскъ на лѣвомъ берегу Стыри. Мы продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Одыка.
- 21-го. Мы овладѣли командующими высотами у Черновицъ.
- 22-го. Въ районѣ Чарторійска и на верхней Стрыпѣ нами отражены попытки противника приблизиться къ нашимъ окопамъ.
- 23-го. Нашими войсками заняты окопы на среднемъ теченіи Стрыпы и къ с.-в. отъ Черновицъ.
- 24-го. Къ югу отъ Припяти мы потѣснили германцевъ.
- 25-го. Наши войска заняли кладбище въ Чарторійскѣ и продвинулись далѣе.
- 26-го. Наши части овладѣли Чарторійскомъ. Бой нашего линейнаго корабля на Черномъ морѣ съ «Гебеномъ». Последній бѣжалъ въ Босфоръ.
- 27-го. На средней Стрыпѣ мы овладѣли частями неприятельской позиціи.
- 28-го. Противникъ дважды отбитъ отъ Чарторійска съ большими потерями.
- 29-го.—31-го. На приморскомъ фронтѣ наши части ворвались въ с. Тевъ. Мелкія стычки на рижскомъ фронтѣ и у Поневѣжской дороги.

1916 ГОДЪ.

Январь.

- 1-го. Успѣшныя для насъ стычки съ неприятелемъ въ районѣ Черновицъ и средней Стрыпы.
- 2-го—4-го. Въ Персіи нами занятъ городъ Кянгаверъ, въ бою взято много плѣнныхъ.
- 5-го. Налетъ нѣмецкихъ аэроплановъ на Шлокъ, Куртенгофъ и Двинскъ. Удачныя дѣйствія нашей артиллеріи сѣв.-зап. Двинска.
- 6-го и 7-го. На двинскихъ позиціяхъ усилился огонь. Отбиты нѣмецкія атаки въ районѣ Тенненфельда.
- 8-го. Набѣгъ нашихъ миноносцевъ на берега Анатолиі. Уничтожено 173 парусника.
- 9-го. Нами взятъ съ бою городъ Хасанъ-Кала. Турки отгнаны къ Эрзерумской крѣпости.
- 10-го. Удачныя атаки на нижней Стрыпѣ и Днѣстрѣ. Нами занято с. Даброва. Обстрѣлъ нашей артиллеріей фортовъ Эрзерума.
- 11-го. Въ Персіи нами занятъ г. Султаны-абадъ.
- 12-го. Удачныя для насъ стычки у Илдукста, на средней Стрыпѣ и у Черновицъ. Обстрѣлъ Эрзерума продолжается.
- 13-го. Перестрѣлка на средней Стрыпѣ. Мы продолжаемъ тѣснить турокъ въ Эрзерумскомъ направленіи.
- 14-го. Участились неприятельскія воздушныя развѣдки на рижскомъ фронтѣ и въ Галиціи.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ МЪСЯЦЪ.

- 15-го. Артиллерійскій огонь на средней Стрыпѣ продолжается. Удачныя столкновенія съ турками въ мезазертскомъ направленіи.
- 16-го. Въ рижскомъ районѣ артиллерійская стрѣльба. На Стрыпѣ столкновенія развѣдчиковъ. Нами занятъ г. Хнысь-Кала. Разбиты большія силы турокъ къ югу отъ Урмійскаго озера.
- 17-го. Отражены попытки неприятеля приблизиться къ нашимъ окопамъ на средней Стрыпѣ.
- 18-го. Бои къ сѣверу отъ Эрзерума. Нами захвачены плѣнные и орудія.
- 19-го. Нѣмецкая артиллерія развивала огонь въ районѣ Шлока и оз. Бабитъ.
- 20-го. Оживленная перестрѣлка въ рижскомъ районѣ. Удачныя дѣйствія нашей артиллеріи на средней Стрыпѣ.
- 21-го. Сильный артиллерійскій огонь нѣмцевъ въ районѣ Иксюля. Наша артиллерія на Огерѣ удачно парализовала земляныя работы противника. Въ Персіи противникъ отгнаны къ Неховенду.
- 22-го. Столкновенія въ рижскомъ районѣ и въ Галиціи. Отражены атаки противника въ районѣ Усѣчко (на Днѣстрѣ).
- 23-го. Перестрѣлка на Днѣстрѣ. Мелкія стычки на рижскомъ фронтѣ.
- 24-го. Нами отражены партіи нѣмцевъ, пытавшіяся приблизиться къ намъ на о-вѣ Гладунѣ (у Двинска). Удачныя дѣйствія развѣдчиковъ въ войскахъ генерала Иванова.
- 25-го. Нашими летчиками брошены бомбы въ Митавѣ. Продолжается вытѣсненіе турокъ изъ занимаемаго ими района на кавказскомъ фронтѣ.
- 26-го. Удачный поискъ нашихъ партизановъ и конницы въ якобштадтскомъ районѣ по р. Суссей.
- 27-го. Нашъ флотъ успѣшно обстрѣливаетъ турецкія позиціи въ приморск. районѣ.
- 28-го. Наши войска выбили турокъ изъ позиціи на р. Архаве.
- 29-го. Между Ровно и Луцкомъ наши войска овладѣли высотами и закрѣпились на нихъ. Удачныя поиски нашихъ развѣдчиковъ въ районѣ оз. Свентень.
- 30-го и 31-го. На двинскихъ позиціяхъ небольшія стычки и борьба за воронки отъ взрывовъ, удачная для насъ.

Февраль.

- 1-го. Въ Турціи нами занятъ г. Хопа, въ Персіи—Довлетъ-абадъ.
- 2-го. Взять одинъ изъ фортовъ Эрзерумской крѣпости.
- 3-го. Взять послѣ пятнадцатидневнаго штурма Эрзерумъ.
- 4-го. Въ районѣ Илдукста намъ удалось произвестъ два взрыва на тяжелой батарее противника.
- 5-го. Наши войска занимаютъ крѣпость Эрзерумъ.
- 6-го и 7-го. Продолжаются наши успѣхи въ приморскомъ районѣ. Взяты съ бою города Мущъ и Ахлатъ.
- 8-го. Небольшія стычки и артиллерійскій обстрѣлъ на рижск. фронтѣ и на Днѣстрѣ.
- 9-го и 10-го. Подъ Двинскомъ у Шлосберга нѣмцы бѣжали отъ обстрѣла ихъ нашей артиллеріей. Удачныя для насъ стычки въ районѣ Сморгони. Турки выбиты въ приморскомъ районѣ изъ позиціи на р. Вице-Су.
- 11-го. Обстрѣлъ нѣмцами нашихъ позиціи у оз. Свентень.
- 12-го. На двинскихъ позиціяхъ и къ сѣверу отъ Чарторійска наши части продвинулись впередъ, отгнаны противника.
- 13-го. Въ Персіи нами занятъ г. Сахнэ. Наши войска къ югу отъ Тегерана вступили въ г. Кашанъ.
- 14-го. За Эрзерумомъ на трапезундскомъ шоссе нами сбиты арріергарды турокъ. Нами занято м. Ашкала.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Война и желѣзные дороги.

(Вопросы внутренней жизни.)

Обсужденіе въ Гос. Думѣ бюджета министерства путей сообщенія всесторонне освѣтило вопросъ о нашей желѣзнодорожной политикѣ и о томъ, въ какой мѣрѣ она удовлетворяетъ требованіямъ военного времени. Военное значеніе желѣзнодорожной сѣти поистинѣ громадно. Рельсы почти въ такой же степени являются орудіемъ войны, и побѣды, какъ пушка, пулеметъ, ружье и проч. Горькій опытъ прошлаго лѣта поставилъ передъ Россіей грозный вопросъ о приспособленіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ къ потребностямъ военного времени. Въ Гос. Думѣ на эту тему было сказано много прекрасныхъ патріотическихъ рѣчей. Наиболѣе авторитетнымъ знатокомъ желѣзнодорожнаго вопроса выступалъ, какъ и всегда, екатеринославскій депутатъ Герценвицъ.

Онъ указалъ на недостаточность поперечныхъ къ направленію фронта линій, которыя одинаково необходимы какъ для удовлетворительнаго снабженія и комплектованія западныхъ армій, такъ и для спокойнаго отступленія въ глубь страны. По его словамъ, замедленіе съ постройкой дороги Гришино—Ровно произошло вслѣдствіе того, что она была бы убыточна для пользовавшейся большими симпатіями въ министерствѣ финансовъ частной Московско-Кіевско-Воронежской желѣзной дороги. Линія Рязань—Тула—Барановичи была спроектирована только передъ самымъ началомъ войны и не могла поспѣть во-время. Министерству путей сообщенія ораторъ поставилъ въ вину промедленіе съ заказомъ сорока тысячъ новыхъ вагоновъ и паровозовъ и неумѣние упорядочить использованіе дорогъ для правильнаго снабженія арміи и страны. Въ частности, продовольственныхъ грузовъ привозится въ Петроградъ значительно больше, чѣмъ привозилось въ мирное время, но огромная часть привоза попадаетъ не на рынокъ, а въ желѣзнодорожные склады Виндавской дороги, гдѣ хранятся продукты, принадлежатіе коммерческимъ банкамъ. „Я несколько не буду удивленъ,—замѣтилъ ораторъ,—если съ заключеніемъ мирнаго договора сейчасъ же потянутся первыми рейсами по Балтійскому морю эти готовые запасы для того, чтобы сбыть ихъ по баснословно высокимъ цѣнамъ изголодавшейся Германіи, до тѣхъ поръ, пока ей подвезутъ продукты изъ другихъ странъ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ проходитъ жизнь желѣзнодорожныхъ путей, и, конечно, если они останутся неизмѣнными, желѣзнодорожные дороги никогда не насытятъ рынка, потому что послѣдніи искусственными мѣрами стараются держать въ голодномъ состояніи“.

Членъ Гос. Думы Добровольскій указалъ на то, что „когда минувшимъ лѣтомъ собралась Гос. Дума, то единственный путь, связывавшій нашу сѣть съ оставшимися для иностранныхъ сношеній портомъ,—Архангельская дорога пребывала тою узко-колейною желѣзною дорогою, какъ была раньше. На запросы по этому поводу министерство путей сообщенія отвѣчало, что надобность въ усиленіи этого пути возрастала слишкомъ слабо. Потомъ только министерство рѣшило принять коренныя мѣры къ переустройству этой дороги. Распоряженіе объ этомъ послѣдовало только въ мартѣ 1915 г. Къ счастью, русскіе инженеры, русскіе техники и русскіе рабочіе съ большею сознательностью отнеслись къ этому вопросу, и, несмотря на чрезвычайныя трудности, работа приведена къ благополучному концу“.

Чтобы оцѣнить военное значеніе министерской ошибки и министерскаго промедленія, достаточно вспомнить, что по этой линіи производилось снабженіе арміи вооруженіемъ и матеріалами для вооруженія изъ-за границы. По мнѣнію оратора, несостоятельность, проявленная министерствомъ путей сообщенія, тормозившая успѣхъ его работъ, заслуживаетъ такого же точно разслѣдованія, которое было предпринято въ отношеніи военнаго министерства.

Въ отвѣтномъ заявленіи новаго министра путей сообщенія А. Ѳ. Трепова наибольшій интересъ представляетъ намѣченная программа практическихъ мѣропріятій.

„Наиболѣе рѣшительными мѣрами для исправленія недостатковъ транспорта служитъ расширеніе узловъ, сооруженіе новыхъ линій и оборудованіе достаточнымъ подвижнымъ составомъ. Война выяснила главныя направленія, по которымъ идутъ грузовые потоки. Эти направленія въ теченіе строительнаго періода будутъ усилены и доведены до технически возможныхъ предѣловъ. Перешивка Архангельской и Мурманской дорогъ дастъ намъ возможность вывозить отсюда отъ 500 до 600 вагоновъ. Сибирская магистраль не можетъ быть перешита вся на двойную колею, но для сибирской магистраліи будутъ примѣнены мощные паровозы, выписанные изъ Америки, собираемые въ харбинскихъ мастерскихъ и начинающіе поступать на сѣть. Это дастъ возможность поднять вывозъ по сибирской магистраліи на Петроградъ отъ 272 до 416 вагоновъ и на Москву вмѣсто 377 до 533 вагоновъ. Такимъ образомъ вывозная способность сибирской магистраліи будетъ поднята болѣе чѣмъ на 40 процентовъ.“

„Пять выходовъ изъ угольнаго района будутъ развиты, усилены, и доставка угля будетъ Петрограду облегчена. Въ этомъ году предполагается окончаніе моста черезъ Волгу у Симбирска, и затѣмъ вообще строительныхъ работъ по усилению пропускной способности будетъ произведено на 85 милліоновъ рублей.“

„Работа по усилению сѣти вмѣстѣ съ подвижнымъ составомъ будетъ произведена на 355 милліоновъ рублей, а затѣмъ казенной постройки въ теченіе лѣта будетъ закончена 1.691 верста новыхъ линій, въ томъ числѣ Рыбинскъ—Петроградъ, которая облегчитъ снабженіе Петрограда всѣмъ необходимымъ.“

„Насъ раньше всего крайне озабочиваетъ вопросъ объ обеспеченіи нашихъ заказовъ на рельсы и подвижной составъ. Эти заказы стали исполняться весьма несправно. Заводы наши сосредоточили все свое вниманіе на военныхъ заказахъ, съ одной стороны, имѣя желаніе работать на государственную оборону, а съ другой стороны, желаніе использовать тѣ повышенныя цѣны, которыя военное вѣдомство имъ давало, по понятному, но одностороннему побужденію обезпечить и снабдить армію во что бы то ни стало. Мы стали получать половину того, что намъ необходимо для исправнаго содержанія путей и обезпеченія подвижнымъ составомъ. Я пришелъ въ этомъ отношеніи къ полному соглашенію съ бывшимъ военнымъ министромъ генераломъ Поливановымъ, чтобы на заводахъ намъ была обязательно отведена надлежащая часть для обезпеченія необходимыхъ нуждъ въ отношеніи рельсовъ, вагоновъ и паровозовъ. Работа нашей сѣти будетъ повышена. Водные пути также будутъ использованы лучше. Уголь же въ значительномъ количествѣ доставленъ на Волгу. Водная перевозка начнется съ открытіемъ навигаціи. При этихъ условіяхъ мы можемъ болѣе спокойно смотрѣть на будущее“.

Членъ Гос. Думы Шингаревъ считаетъ увѣренность министра путей сообщенія нѣсколько оптимистичной. По его мнѣнію, „министръ указываетъ на недостаточность дорогъ, а разрухи и разстройства транспорта не признаетъ. Но колоссальныя мошеничества и взяточничества развились не отъ недостатка желѣзныхъ дорогъ, а отъ разложенія системы управленія.“

„Когда министръ говоритъ о томъ, что для Петрограда осталась одна только желѣзная дорога вслѣдствіе отступленія, то вѣдь это не могло быть неожиданностью, такъ какъ въ свое время въ закрытыхъ засѣданіяхъ Гос. Думы разсматривался вопросъ о возможномъ отступленіи и нынѣшняя линія отступленія была намѣчена. Планъ былъ разработанъ, на его осуществленіе было израсходовано 15.000.000 рублей, а теперь этого плана не сумѣли использовать“.

Горячую, патріотическую рѣчь произнесъ членъ Гос. Думы Пуришквичъ, прибывшій съ фронта.

„Говорятъ о томъ, что тылъ не связанъ органически съ фронтомъ; это есть въ данное время не заблужденіе, не ошибка, а преступленіе. Сейчасъ, когда мы будемъ продвигаться впередъ и занимать мѣста, которыя разорены и испепелены, гдѣ нѣтъ ни топлива ни провіанта, откуда выгнано населеніе,—сказалъ В. М. Пуришквичъ,—армія все должна получать съ тыла. А если желѣзныя дороги работаютъ не такъ, какъ онѣ должны работать, а министръ долженъ былъ сказать, что это именно такъ, то мы можемъ оставить на произволъ нашу доблестную армію и не дать ей того, чего она можетъ требовать. Послѣдите за тѣмъ, какое громадное количество желѣзнодорожныхъ подъѣздныхъ путей, дековилекъ и проч. устроили нѣмцы на той площади, которая у насъ въ теченіе цѣлаго ряда десятковъ лѣтъ не дождалась желѣзныхъ дорогъ. Неужели же мы за это время не могли увеличить провозоспособность своихъ желѣзныхъ дорогъ и организовать тылъ у себя дома? Гдѣ вторыя линіи, гдѣ тунки для интендантскихъ грузовъ? Поѣзда идутъ съ невѣроятнымъ опозданіемъ. Теперь на фронтѣ и на передовыхъ частяхъ ждутъ, чтобы было дано все, что необходимо для нашей арміи, и прежде всего устройство желѣзнодорожнаго тыла, которое содѣйствовало бы своевременному доставленію и эшелоновъ, и фуража, и всего, что нужно. И правительство и министръ путей сообщенія должны глядѣть опасности прямо въ глаза и принимать соответствующія мѣры властной рукой, которая должна ломить все, что служитъ препятствіемъ къ исполненію долга.“

„Не будемъ сваливать съ одного на другого, и скажемъ: мы всѣ виноваты въ этомъ отношеніи и прежде всего тѣ, кто обличенъ полною властью, но не стоитъ на высотѣ исполненія своего гражданскаго и государственнаго долга. Но въ настоящій моментъ не время корить другъ друга, а время помочь. И вотъ я позволяю себѣ выступить на трибуну и обратиться къ Государственной Думѣ, какъ живой свидѣтель того, что творится у насъ на фронтѣ.“

„Въ то время, какъ поѣздъ со срочнымъ грузомъ артиллерійскимъ, или гдѣ изображено ядро и пламя, долженъ итти отъ станціи до станціи извѣстное количество часовъ, онъ стоитъ по 6—8 часовъ у разѣздовъ и, что еще хуже, задерживается у семафора нарочно, чтобы не дать возможности взбудоражить начальство, продвинуть впередъ. Въ результатѣ оказывается, что бригада, которая должна пройти путь въ 8 часовъ, проходитъ его въ 36, люди валяются отъ усталости, въ особенности на товарныхъ вагонахъ, гдѣ имъ негдѣ укрыться, у станцій, гдѣ негдѣ пропитаться, гдѣ нѣтъ ни хлѣба ни горячей воды, и люди сбиваются съ ногъ.“

„Теперь время весенняго разлива, а люди живутъ въ самыхъ жалкихъ условіяхъ, и вѣрьте мнѣ, никогда за все время существованія Государственной Думы голосъ ея не былъ такъ дорогъ и цѣненъ, къ нему не прислушивались такъ страстно и мучительно, какъ прислушиваются теперь.“

„Вѣрьте мнѣ, господа, въ данный моментъ Государственная Дума является тѣмъ фокусомъ, вокругъ котораго сосредоточено вниманіе нашихъ борцовъ, борющихся за честь и достоинство родины, за будущія ея судьбы. Бросьте все это, и въ цѣломъ рядѣ смѣтъ, которыя будутъ подлежать нашему обсужденію, будемъ обсуждать только тѣ вопросы, которые касаются непосредственно нуждъ нашей арміи, забывъ о томъ, что мы принадлежимъ къ различнымъ фракціямъ, и подавъ другъ другу руки“. (Продолженіи и бурныя рупоклесаніи на всѣхъ скамьяхъ.)

ЖЖВА

№ 17. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 23 апрѣля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Десятилѣтіе Государственной Думы. — Сибѣйскій человекъ. Разсказъ И. Н. Потапенко. (Окончаніе). — Набатъ. Разсказъ Вл. Кохановскаго. (Окончаніе). — У родной церкви. Разсказъ В. Островскаго. — Бичъ траншей. — Хронологія войны. — Война и желѣзныя дороги. (Вопросы внутренней жизни). — Заявленіе. — Объявленіе.

Р И С У Н К И: Къ десятилѣтію Государственной Думы (33 портр. и 4 рис.). — Иллюстраціи И. Владимірова къ разсказу „Сибѣйскій человекъ“ И. Н. Потапенко. — Кавказскій фронтъ (4 рис.). — Въ Эрзерумѣ (2 рис.). — Подъ Эрзерумомъ (2 рис.). — У опустѣлой церкви. — Генераль Саррайль, главнокомандующій англо-французской арміей въ Салоникахъ. — Бичъ траншей (3 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 23.

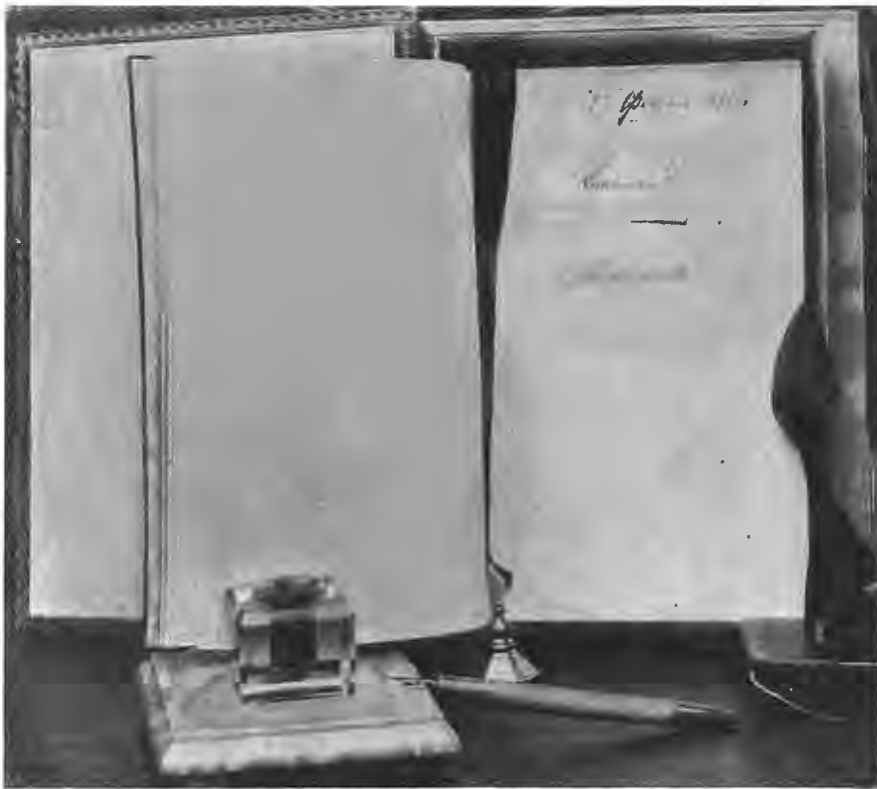
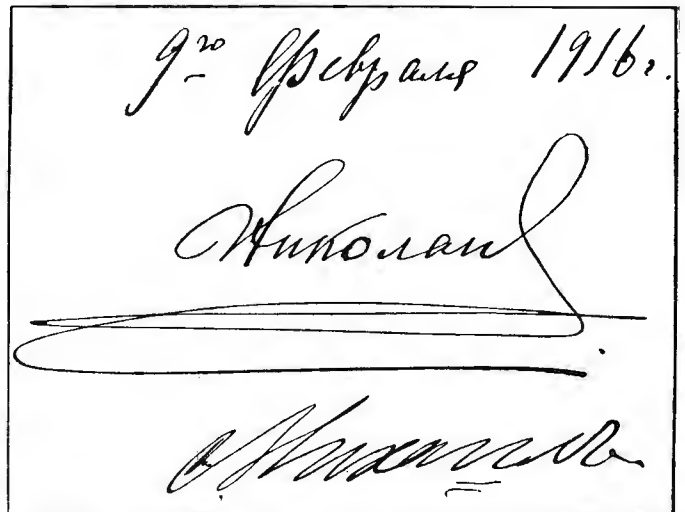
Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.
Трапезундъ.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ событій, закончившихъ зимнія подготовительныя второстепенныя операціи, явилось взятіе нашими доблестными кавказскими войсками важнѣйшаго турецкаго порта и крупнаго стратегическаго и политическаго центра—Трапезунда. Этотъ новый успѣхъ кавказской арміи логически вытекалъ, какъ непосредственное слѣдствіе двухъ нашихъ главнѣйшихъ побѣдъ на кавказскомъ театрѣ: побѣды подъ Сарыкамышемъ въ декабрѣ 1914 года и штурма Эрзерума 3-го февраля 1916 года.

Въ этихъ послѣднихъ сраженіяхъ была окончательно надломлена сила сопротивленія третьей турецкой арміи, почему уже послѣ паденія Эрзерума слѣдовало ожидать постепеннаго, автоматическаго паденія ряда важнѣйшихъ пунктовъ въ Арменіи. Вопросъ только сводился къ тому, насколько условія погоды и мѣстности позволятъ овладѣть всѣми этими пунктами болѣе быстро или менѣе быстро, но самое паденіе какъ Муша, какъ Битлиса, такъ и порта Ризе и порта Трапезунда представлялось во всякомъ случаѣ неизбѣжнымъ.

Эрзерумъ палъ 3-го февраля 1916 года, и съ того времени

Къ десятилѣтію Государственной Думы. Золотая Книга почетныхъ посѣтителей Думы съ автографами Государя Императора и Великаго Князя Михаила Александровича, посѣтившихъ Думу 9-го февраля 1916 г. Чернильница и перо, которыми начертали Свои имена Августѣйшіе посѣтители.

намъ въ нашихъ обзорахъ приходилось неоднократно подчеркивать все важное значеніе этого крупнаго событія, такъ какъ почти каждую недѣлю весьма конкретно обозначался успѣхъ нашихъ войскъ, выразившійся въ овладѣніи то тѣмъ, то другимъ значительнымъ административнымъ или военнымъ пунктомъ въ Арменіи. Однако можно было еще предполагать, что овладѣніе Мушомъ, Битлисомъ и портомъ Ризе объясняется лишь той растерянностью, которая должна была наблюдаться непосредственно послѣ паденія Эрзерума, а въ дальнѣйшемъ, когда турки опомнятся, можно было ожидать уже болѣе серьезнаго сопротивленія.

Поэтому, независимо отъ другихъ данныхъ, паденіе Эрзерума важно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, что наши войска овладѣвали различными пунктами въ Арменіи не потому, что турки растерялись послѣ Эрзерума, а именно потому, что турки дѣйствительно совершенно неспособны оказать какое либо сопротивленіе необъятному движенію нашихъ войскъ. У Муша и Битлиса еще можно было предполагать, что наши войска воспользовались непосредственно результатами паники, охватившей турокъ послѣ Эрзерума, но уже черезъ два мѣсяца послѣ Эрзерума, когда былъ взятъ Трапезундъ, турки имѣли полную возможность организовать сопротивленіе и не отдать этого важнаго пункта, и если они этого не сдѣлали, то лишь исключительно потому, что они этого сдѣлать не могли, что турецкая армія разбита, и война для турокъ на кавказскомъ фронтѣ безвозвратно проиграна.

Единственно, что спасаетъ турокъ отъ окончательнаго разгрома—это громадные размѣры театра военныхъ дѣйствій въ Арменіи и дальнѣйшія тысячеверстные операціонныя направленія, ведущія съ одной стороны къ Константинополю, съ другой—къ Персидскому заливу. Всѣ расчеты турецкой стратегии основываются

Къ десятилѣттю Государственной Думы, 27-го апрѣля 1906—1916 гг. Президіумъ Государственной Думы 4-го созыва.

По фот. Ольшанскаго.

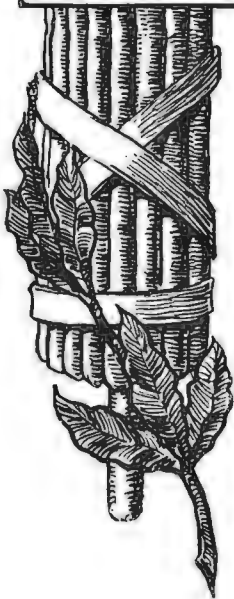
Библиотека "Руниверс"

Президиумъ Гос. Думы 1-го созыва. *Сидятъ:* кн. Д. П. Шаховской (секретарь), кн. П. Д. Долгоруковъ (тов. предс.), С. А. Муромцевъ (предсдатель), Н. Г. Гредескулъ (тов. предс.), Г. Н. Шапошниковъ (ст. тов. секретаря). *Стоятъ:* тов. секретаря: Ф. Ф. Кокочкинъ, Щ. А. Понятовскій, Г. Ф. Шершеневичъ.

Президиумъ Гос. Думы 2-го созыва. *Слева направо:* С. П. Максудовъ (тов. секр.), В. А. Харламовъ (тов. секр.), Ф. А. Головинъ (предсдатель), М. Е. Березинъ (тов. предс.), Н. Н. Познанскій (тов. предс.), В. П. Успенскій (ст. тов. секр.), Л. В. Карташевъ (тов. секр.), С. Н. Салтыковъ (тов. секр.), М. В. Челноковъ (секретарь).

Президиумъ Гос. Думы 3-го созыва. *Сидятъ:* Г. Г. Замысловскій (ст. тов. секр.), бар. А. Ф. Мейендорфъ (тов. предс.), Н. А. Хомяковъ (предсдатель), кн. В. М. Волконскій (тов. предс.), И. П. Созоновичъ (секретарь). *Стоятъ:* М. А. Искрицкій (тов. секретаря) и Н. И. Антоновъ (тов. секретаря).

на томъ, что нужны долгое время и тщательная подготовительная работа для того, чтобы дотолкать турокъ до Константинопольскаго района, а за это время турки рассчитываютъ на успѣхъ Германіи на главныхъ фронтахъ въ Европѣ.

При такихъ условіяхъ совершенно не приходится говорить о томъ, что турки могутъ когда-либо вернуть хотя часть утеряннаго ими. Объ этомъ можно было бы еще говорить, если бы существенную помощь туркамъ могли оказать нѣмцы, но послѣдніе, какъ мы знаемъ, заняты тѣми серьезными важнѣйшими задачами, которыя у нихъ имѣются на нашемъ и французскомъ фронтахъ, и совершенно безсильны удѣлить какиа-либо войска для поддержанія ослабѣвшей турецкой арміи. Несомнѣнно, нѣмцы знали о томъ, что Трапезундъ долженъ пасть, такъ какъ туркамъ приходилось оборонять одновременно три операционныя направленія — на Трапезундъ, на Эрзинджанъ (Константинопольское направленіе) и на Месопотамію, и такая оборона на длиннѣйшемъ фронтѣ представляется совершенно невыполнимой задачей, въ особенности при отсутствіи сколько-нибудь сносныхъ дорогъ къ тылу. Поэтому нѣмцы не могли не знать о томъ, что однимъ изъ этихъ трехъ направленій въ концѣ концовъ придется пожертвовать, а нѣмецко-турецкой стратегіи приходилось рѣшать вопросъ, на какихъ направленіяхъ сосредоточить наибольшую силу сопротивленія, а каковымъ именно направленіемъ пожертвовать.

Прежде всего нѣмецко-турецкіе стратеги, повидимому, рѣшили, что безусловно слѣдуетъ сосредоточить главныя силы сопротивленія на Эрзинджанское направленіе. Это диктовалось тѣмъ, что Эрзинджанское направленіе представляется наиболѣе важнымъ (Константинопольское направленіе), и, сверхъ того, успѣхъ нашихъ войскъ въ этомъ направленіи ведетъ къ прорыву всего фронта третьей турецкой арміи, послѣ какового прорыва приморская группа оказалась бы совершенно отрѣзанной, какъ и южная, месопотамская группа. Наконецъ здѣсь же лежалъ важнѣйшій путь на Сивасъ и Ангору, откуда ожидался подкрѣпленія изъ Константинополя, и гдѣ проходила Вагдадская дорога.

Затѣмъ изъ двухъ остальныхъ направленій, — одного на Трапезундъ, а другого на Месопотамію, — повидимому, противникъ призналъ наиболѣе важнымъ Месопотамское направленіе, а на Трапезундскомъ направленіи было сосредоточено наименьшее количество войскъ. Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что нѣмцы, для которыхъ районы Месопотаміи и Вагдадской желѣзной дороги представляютъ наибольшій интересъ, сумѣли вынудить турокъ пожертвовать серьезной обороной Трапезундскаго района во имя сосредоточенія войскъ на Месопотамскомъ направленіи.

Самая операція нашихъ войскъ въ направленіи на Трапезундъ, какъ мы видѣли, развивалась довольно медленно и методично, — всего около двухъ мѣсяцевъ. Это вызывалось трудными условіями мѣстности и неблагоприятной погодой, такъ какъ нашимъ войскамъ приходилось преодолевать горы, достигавшія высоты 10.000 футовъ и притомъ покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Хотя силы турокъ въ районѣ Трапезунда, повидимому, не превышали полутора корпусовъ, тѣмъ не менѣе эти войска въ столь выгодномъ районѣ, какъ районъ Понтийскаго Тавра, могли оказывать очень долгое сопротивленіе, пользуясь удобными и почти недоступными горными позиціями.

Отъ Эрзерума до Трапезунда свыше 200 верстъ, и, если наши войска прошли это разстояніе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, то нужно считать такую скорость движенія съ боемъ безусловно выдающейся. Очевидно, турки были непрерывно сбиваемы съ каждой горной позиціи, за которую они цѣплялись, и успѣхъ нашихъ войскъ развивался безостановочно.

Значительное содѣйствіе, какъ видно изъ официальныхъ сообщеній, оказала Трапезундской операціи нашъ Черноморскій

флотъ. Это видно изъ того, что столь быстрый успѣхъ оказался возможнымъ, главнымъ образомъ, благодаря смѣлому десанту, произведенному въ тылъ турецкихъ войскъ, оборонявшихъ Трапезундъ. Кромѣ того, Черноморскій флотъ оказывалъ непрерывное содѣйствіе обстрѣломъ побережья и ряда турецкихъ позицій во флангъ, что также значительно облегчило продвиженіе нашихъ войскъ.

Какъ извѣстно, десантная операція, подобная той, которая была произведена у Трапезунда, была произведена нами ранѣе и у Ризе, гдѣ наши войска также высадились въ тылу турецкихъ войскъ и этимъ облегчили наступленіе главныхъ силъ, двигавшихся по побережью.

Такого рода десантныя операціи мы называемъ „смѣлыми“ потому, что по своему характеру эти операціи представляются весьма опасными. Высадившійся отрядъ долженъ съ мѣста имѣть значительный успѣхъ, такъ какъ положеніе такого отряда, оторваннаго отъ главныхъ силъ и находящагося въ тылу неприятельскаго расположенія, весьма серьезно. Правда, въ данномъ случаѣ высадившійся въ тылу турокъ десантъ поддерживалъ связь съ главными силами, наступавшими съ фронта, при помощи флота, но такая связь не всегда является достаточно удобной, и при бурномъ состояніи моря небольшой десантъ можетъ быть предоставленъ лишь своимъ собственнымъ силамъ, что можетъ грозить очень серьезными послѣдствіями. Однако, повидимому, турецкія войска все еще находятся подъ впечатленіемъ тѣхъ пораженій, которыя они испытали, и, очевидно, достаточно небольшому смѣлому отряду появиться въ тылу турецкихъ войскъ, чтобы вынудить турокъ къ поспѣшному бѣгству.

Какъ бы то ни было, смѣлая десантная операція удалась, частью благодаря энергичному содѣйствію Черноморскаго флота, и Трапезундъ былъ быстро очищенъ турками, бѣжавшими въ юго-западномъ направленіи, т.-е. въ направленіи на Эрзинджанъ, являющійся нынѣ штабъ-квартирой третьей турецкой арміи. О значеніи Трапезунда мы въ свое время уже писали и отмѣтили, что въ данномъ случаѣ наши кавказскія войска приобрѣли весьма выгодную опорную точку, въ которую упирается правое крыло кавказской арміи. Отъ Трапезунда идутъ пути на Эрзерумъ черезъ Байбуртъ, и такимъ образомъ на этомъ пути Трапезундъ Эрзерумъ въ нашихъ рукахъ находятся Трапезундъ и Эрзерумъ, т.-е. крайніе пункты этого пути, а находящійся въ центрѣ узловой пунктъ Байбуртъ еще занятъ турецкими войсками и упорно ими обороняется.

Это послѣднее обстоятельство имѣетъ весьма существенное значеніе, такъ какъ черезъ Байбуртскій проходъ открывается также путь на Эрзинджанъ, и, очевидно, теперь все главное сопротивленіе турокъ сосредоточено въ Эрзинджано-Байбуртскомъ районѣ, гдѣ противникъ рассчитываетъ удержаться до прибытія подкрѣпленія. Между тѣмъ овладѣніе всѣмъ путемъ Трапезундъ-Байбуртъ—Эрзерумъ представляется весьма существеннымъ, такъ какъ дало бы въ наши руки одно изъ лучшихъ шоссе въ Арменіи, „Трапезундъ—Байбуртъ—Эрзерумъ“, при чемъ это шоссе прилегало бы параллельно къ фронту и связывало бы наши войска въ районѣ Трапезунда съ эрзерумской группой нашихъ войскъ, а также и съ той южной группой, которая дѣйствуетъ въ районѣ Битлиса и Муша въ Харпутскомъ направленіи.

Въ районѣ Байбурта, или, какъ у насъ онъ называется въ сообщеніяхъ, въ „районѣ верхняго Чороха“, горная мѣстность носитъ крайне хаотическій характеръ, и, очевидно, турки здѣсь рассчитываютъ оказывать весьма дѣлительное сопротивленіе. Такъ какъ въ то же время овладѣніе дорогой Трапезундъ—Байбуртъ—Эрзерумъ представляется для насъ весьма существеннымъ, то слѣдуетъ ожидать развитія большого сраженія какъ на путяхъ къ Трапезунду, такъ и на путяхъ къ Эрзинджану.

Десятилѣтіе Государственной Думы.

(Съ 33 портр. и 4 рис. на стр. 293—295).

27-го апрѣля исполняется десять лѣтъ со дня открытія Государственной Думы. Сколько глубокихъ волненій, преувеличенныхъ надеждъ и острыхъ разочарованій было связано съ днемъ рожденія „русскаго парламента“! Золотая мечта многихъ поколѣній русскіихъ интеллигентовъ — парламентаризмъ властвовалъ надъ передовыми умами и манилъ ихъ за собою въ какиа-то невѣдомыя дали, какъ тотъ огненный столбъ, который велъ евреевъ изъ плѣненія египетскаго въ землю Ханаанскую. И вотъ 27-го апрѣля 1906 г... Послѣ долгихъ и томительныхъ странствій въ пустынь мы очутились у порога обѣтованной страны. Какъ ни труденъ былъ нашъ тернистый путь, все же намъ легче было прійти къ ней, чѣмъ войти въ нее. Какъ обѣтованная страна евреямъ не далась сразу, и имъ пришлось долго еще скитаться вдоль ея границъ, такъ и вся техника парламентарскаго строя жизни не сразу дается намъ, благодаря множеству никакими теоріями и никакими законоположеніями не предусмотрѣнныхъ препонъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Назваться пар-

ламентскимъ или конституціоннымъ государствомъ несравненно легче, чѣмъ дѣйствительно стать таковымъ. Для установленія парламентарскихъ учреждений достаточно доброй воли законодателя, но для правильной и безостановочной работы ихъ нужна высокая культура парламентарскихъ нравовъ и общества, и народа, и самой власти. Безъ наличія этихъ данныхъ парламентаризмъ становится не фактомъ, а фикціею, превращается въ великодушное намѣреніе безъ исполненія.

Отстраняя всѣ разногласія, возникающія на почвѣ различія политическихъ взглядовъ и мнѣній, приходится признать, что первое десятилѣтіе дѣятельности Гос. Думы отнюдь не открыло еще эры русскаго парламентаризма, но представляло собою только, такъ сказать, первый его подготовительный періодъ. За десять лѣтъ работъ Гос. Дума много помогла оздоровленію больныхъ корней русской общественно-государственной жизни, и страшно было бы даже подумать о томъ, что было бы, если бы великая катастрофа мировой войны застала насъ при старыхъ бюрократиче-

ских ресурсах. Критическая работа в кабинетах негласных комиссий и в круглой зале Таврического дворца и косвенно и непосредственно содействует общему повышению продуктивности работы всех бюрократических ведомств, как подбадривающий голос независимого общественного контроля, не позволяющего засыпать на завоеванных лаврах. Когда Дума долго не собирается, все общественные круги охватываются чувством тревоги, в населении теряется уверенность в завтрашнем дне, будущее начинает казаться сумеречно-неясным, неопредѣленно-расплывчатым, почти темным. Когда новоизбранный очередной министр возвѣщает о предстоящем созывѣ Гос. Думы и о готовности обновленного правительства работать рука об руку съ народнымъ представительствомъ, по всей Россіи раздается вздохъ облегченія. Но въ то же время нельзя не сознаться, что при всемъ этомъ яркомъ общественномъ интересѣ къ думскимъ работамъ, Россія и ея избранныки еще не составляютъ чего-то единого и нераздѣльного, что въ нихъ она до сихъ поръ еще не нашла своего внутренняго облика, не отразила въ концентрированномъ видѣ своего духовнаго „я“, не обрѣла высшаго органа національной воли и мысли, какимъ для каждаго народа служить его парламентъ.

Гдѣ причина этого страннаго явленія? Она лежитъ очень глубоко, въ самыхъ нѣдрахъ нашего культурно-общественнаго строя. При рѣзкой разнокультурности низшихъ и высшихъ слоевъ населенія достигнута всеобъединяющихъ программъ, идеаловъ и требованій довольно трудно, тѣмъ болѣе, что далеко не все политическія стремленія цѣльныхъ классовъ достаточно ясно осознаны ими самими, и не все даютъ себѣ ясный отчетъ, чего именно они хотятъ. Въ томъ-то и бѣда, что Россія въ ея цѣломъ, т.-е. и въ ея просвѣщенныхъ верхахъ и въ ея темныхъ нѣдрахъ, еще, такъ сказать, не отстоялась въ политическомъ смыслѣ, не поняла самоѣ себя и пока политически представляетъ собою тотъ первозданный хаосъ взаимосталкивающихся стремленій, порывовъ и вѣрованій, изъ котораго только послѣ семи дней творенія выйдетъ прекрасный и чудесный міръ.

Первое десятилѣтіе работъ Гос. Думы представляетъ собою только начало этой зыбкой работы русскаго политическаго міротворенія. Не только своею дѣятельностью по улучшенію госу-

дарственнаго механизма въ области законодательства и контроля за органами исполнительной власти, но даже своими ошибками, увлеченіями и крайностями Гос. Дума выковываетъ наше будущее. Въ густь жизненной борьбы рассыпаются прахомъ обманчивыя иллюзіи, рушатся державшіяся десятки лѣтъ книжныя теоріи, и жестокимъ опытомъ понесенныхъ неудачъ познается настоящая политическая дѣйствительность.

Практика самаго убогаго, самаго неумѣлаго и непродуманнаго парламентаризма безконечно полезна прежде всего въ томъ отношеніи, что она даетъ реальное политическое воспитаніе и народу и самой интеллигенціи, руководящей политической жизнью страны. Работа думскихъ партій со всеми ея промахами и удачами ведетъ русскую интеллигенцію къ внутреннему познанію русскаго народа. Школа правильно понятаго культурнаго, а не интеллигентно-диктаторскаго парламентаризма незамѣтно освобождаетъ русскаго передового интеллигента отъ оковъ духовной кастово-интеллигентской исключительности, приучаетъ его внимательно прислушиваться къ мнѣнію и чувствамъ народныхъ массъ, глубже вдумываться въ политическія вѣрованія русскаго крестьянства и серьезнѣе относиться къ такому стихійному фактору всей нашей исторіи, какъ политическая идеология русскаго народа.

Реальное политическое значеніе Гос. Думы, ея дѣйствительная власть и нравственное могущество измѣряются вовсе не жакждою властью, а единственно только умѣніемъ формулировать дѣйствительныя требованія народной совѣсти и народной мысли. Поэтому-то, когда Дума становится на почву общенациональныхъ интересовъ, хотя бы, напримѣръ, въ вопросахъ лучшаго снабженія арміи снарядами—она дѣйствительно, какъ въ июльскую сессію прошлаго года, сразу становится голосомъ всей Россіи. Для того, чтобы работать для родины въ рамкахъ народнаго представительства, наша интеллигенція должна навсегда распротиться съ вѣрою въ свое собственное духовное первородство и обратиться къ источникамъ народной правды и народной мудрости. Дѣйствительное установленіе новаго строя русскаго государственной жизни достижимо у насъ только путемъ внутренняго достиженія народной религиозно-политической идеологии и духовнаго слиянія интеллигенціи съ народомъ.

Смѣлый человекъ.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

Съ иллюстраціями И. Владимірова.

(Окончаніе).

Скоро Крыга достигъ того мѣста, гдѣ устанавливали артиллерію. Съ солдатами, которые возились съ отпряженными лошадьми, онъ сейчасъ же познакомился. Начались взаимные разспросы и разсказы. Онъ такъ увлекся всемъ этимъ, что не замѣтилъ, какъ прошло больше часу и солнце поднялось уже изрядно.

Случайно взглянулъ вправо и увидѣлъ группу офицеровъ, о чемъ-то горячо бесѣдовавшихъ около огромнаго орудія. Артиллерійскій капитанъ ходилъ около самаго орудія, тыкалъ пальцами въ различныя части и что-то объяснялъ другимъ. Тамъ же находился и прапорщикъ, такъ странно заинтересовавшій его.

Казалось бы, это обстоятельство должно успокоить Фёдота Крыгу, въ дѣйствительности же онъ только больше растрогался этимъ. Продолжая бесѣду съ новыми знакомыми артиллеристами, пропускалъ мимо ушей ихъ слова, а самъ глядѣлъ туда и со стороны явственно видѣлъ то, чего, можетъ-быть, не замѣчали офицеры, стоявшіе около орудія: что онъ, тотъ, совсемъ не такой, какъ они.

Крыга и самъ себѣ не могъ ясно формулировать свою мысль, которая составляла результатъ его полуторогодичныхъ бессознательныхъ наблюденій. А состояла она въ томъ, что русскаго офицера онъ видѣлъ во всевозможныхъ положеніяхъ и замѣтилъ, что тамъ, гдѣ требуется, онъ проявляетъ и ловкость и силу, и бравость и выправку, какіе только доступны человеку, но въ жизни, въ будничномъ обиходѣ своей службы, всего этого не подчеркиваетъ и никогда не показываетъ. Этихъ качествъ на первый планъ не выдвигаетъ, не тычетъ пальцемъ на себя—смотрите, молъ, вотъ я каковъ; и, если бы не мундиръ, то съ виду не легко и отличить военнаго отъ штатскаго. Такіе вонъ и тѣ, что слушаютъ объясненія артиллериста.

А этотъ стоитъ среди нихъ, и будто его поставили на выставкѣ, выпятивъ грудь, вытянулъ шею, поднялъ голову, и въ лицѣ у него столько гордости и достоинства, словно онъ не прапорщикъ, а какой-нибудь Наполеонъ Бонапартъ, уже покорившій міръ. И слушаетъ, да

какъ слушаетъ! Крыгѣ показалось, что даже уши его выросли и подались впередъ, а глаза устремились въ самое жерло орудія и прямо вѣдать его.

Фёдотъ Крыга, взволнованный и плохо влаждущій собой, оставилъ товарищей и прошелъ нѣкоторое пространство по направленію къ крупному орудію. Тутъ онъ остановился; хотя ему ужасно хотѣлось подойти поближе, но онъ не смѣлъ, такъ какъ тамъ было общество офицеровъ.

Онъ стоялъ поодаль и слышалъ только то, что произносили громко. Отдѣльныя слова долетали до него. Но разглядѣть онъ могъ все и видѣлъ по губамъ и жестамъ, что прапорщикъ задавалъ артиллеристу вопросы, а тотъ отвѣчалъ съ любезной готовностью, обращаясь специально къ нему.

Къ разсказу „Смѣлый человекъ“. Глаза устремились въ самое жерло орудія...

Рядомъ стоялъ молоденькій подпоручикъ ихъ роты, Полянецъ, добрый-шій мальчъ, котораго солдаты любили за то, что онъ обращался съ ними запросто. Онъ увидѣлъ Крыгу и, кивнувъ головой, поманилъ его пальцемъ.

— Иди сюда, Крыга! Навѣрно ты не видалъ близко такое чудище.

Крыга быстро направился къ нему и, остановившись, сдѣлалъ подъ козырекъ. Полянецъ жестомъ пригласилъ его опустить руку.

— Славная штука! — прибавилъ онъ. — И нѣмцамъ, я думаю, будетъ не по вкусу.

Въ это время прапорщикъ изъ запасныхъ отдѣлился отъ группы и, какъ бы желая осмотрѣть орудіе съ задней части, обошелъ Крыгу, а потомъ и совсѣмъ отошелъ и исчезъ гдѣ-то за другими орудіями.

— Ваше высокоблагородіе, дозволейте спросить, — обратился Крыга къ Полянцу: — вамъ они известны?

— Кто такой? — спросилъ, видимо не понявъ, Полянецъ.

— Да вотъ они, которые ушли... Господинъ прапорщикъ.

— Ахъ, этотъ? Нѣтъ, не знаю. Первый разъ вижу. Да развѣ здѣсь можно всёхъ знать! Такое множество народа. Кто этотъ прапорщикъ, господа? — обратился онъ къ другимъ офицерамъ.

Но никто изъ стоявшихъ здѣсь шести человекъ его не зналъ.

— Какого онъ полка? — спросилъ кто-то. — Я не разглядѣлъ.

— Онъ Н—скаго пѣхотнаго полка, ваше высокоблагородіе, — сказалъ Крыга, передъ чужимъ офицеромъ вытянувшись и сдѣлавъ подъ козырекъ.

— Н—скаго? Но Н—скаго полка здѣсь нѣтъ, — промолвилъ артиллеристъ. — Мы его оставили въ С. недѣлю назадъ.

— Должно-быть, командированный, — безопасно сказалъ молодой подпоручикъ, и разговоръ среди офицеровъ сейчасъ же перешелъ на другой предметъ.

Крыга отошелъ отъ нихъ, весь охваченный какимъ-то рѣшеніемъ, которое надо, совершенно необходимо ему привести въ исполненіе. Убѣжденіе его почти окончательно созрѣло. На дорогѣ стояло только одно препятствіе, правда, чрезвычайно трудное, по его солдатскимъ понятіямъ казавшееся ему непреодолимымъ, это — офицерскій мундиръ. Не будь этого препятствія, можетъ-быть, онъ давно уже сдѣлалъ бы рѣшительный шагъ. Теперь онъ боялся одного. Какъ бы не потерять его изъ виду. Вѣдь мало ли что можетъ быть. Вотъ до обѣда остался уже какой-нибудь часъ, слѣдовательно, черезъ часъ онъ долженъ быть въ предѣлахъ своего полка, а появится ли онъ опять, кто знаетъ?

Крыга протискался чрезъ гущину орудій и людей и вышелъ на открытое мѣсто. Обширная поляна замыкалась лѣскомъ, на бѣломъ фонѣ снѣга казавшіяся совсѣмъ черными. Вдоль лѣска тянулась дорога, которая огибала его и продолжалась по ту сторону лѣса; по дорогѣ медленно двигался мужицкій возъ, шли нѣсколько пѣшеходовъ изъ окрестныхъ деревень, и тамъ же, не доходя дороги, двигалась фигура въ военномъ кителѣ и фуражкѣ, и Крыга тотчасъ же узналъ въ ней своего прапорщика.

Мигомъ у него въ головѣ составилась планъ. Теперь ужъ голова его по отношенію къ прапорщику работала активно. Раньше, когда у него еще не было и тѣни убѣжденія, а только одно смущеніе, онъ случайно наткнулся на него и испытывалъ лишь тревогу. А съ того момента, когда видѣлъ его у орудія, благодаря какимъ-то неуловимымъ и невыразимымъ признакамъ, у него составилось „почти убѣжденіе“, и уже немного было нужно, чтобы разрушить и отбросить это „почти“.

Для него было ясно, что прапорщикъ, дойдя до дороги, не пойдетъ по ней. Дорога ведетъ въ село съ одного конца и въ другое село съ другого конца. А что же ему дѣлать въ селѣ? Да и не близко это — верстъ на десять въ обѣ стороны.

А тутъ прѣдетъ ожидаемое важное лицо, и могутъ произойти событія. Кто бы онъ ни былъ, а быть ему надо здѣсь. Прямо въ лѣсокъ онъ пойдетъ, это вѣрнѣе. Зачѣмъ? Мало ли зачѣмъ человеку надобно бываетъ уединиться. А Крыга сейчасъ же послѣдуетъ за нимъ. Еще оглянется, увидитъ. Теперь ужъ онъ Крыгу знаетъ въ лицо. Пусть онъ хорошенько спрячется въ лѣсу.

И въ самомъ дѣлѣ, прапорщикъ пересѣкъ дорогу и прямо въ лѣсъ. Тогда и Крыга двинулся впередъ, дошелъ до дороги, повернулъ по ней направо и, обогнувъ лѣсокъ, остановился у самой опушки.

Къ разсказу „Смѣлый человекъ“. Онъ быстро водилъ по ней карандашомъ, поспѣшно что-то записывая...

Здѣсь онъ перекрестился и, нагнувшись, чтобы быть какъ можно меньше ростомъ, вошелъ въ лѣсокъ съ такимъ видомъ, какъ будто погружался въ морскую пучину.

Въ лѣскѣ онъ двигался осторожно, боясь, чтобы подъ ногами не трещали сухія вѣтви. Ему помогали снѣгъ, лежавшій здѣсь, въ лѣскѣ, еще довольно толстымъ слоемъ.

Чего онъ ждалъ, на что надѣялся, этого и самъ бы не могъ сказать; но гналъ его, можетъ-быть, инстинктъ или какое-то чутье. Они неотразимо подталкивали его и какъ бы говорили: иди, иди, здѣсь ты найдешь то, чего тебѣ недостаетъ, чтобы исчезло твое „почти“.

И немного шаговъ пришлось ему сдѣлать. Можетъ-быть, какихъ-нибудь десятка два, и онъ не только остановился, а даже присѣлъ на корточкахъ и низко пригнулъ голову.

Прапорщика не было, т.-е. не было того, что дѣлало его прапорщикомъ и такъ мѣшало Крыгѣ. Кителъ защитнаго цвѣта былъ снятъ съ плечъ и лежалъ на стволѣ толстаго, когда-то поваленнаго бурей, дерева, фуражка лежала на кителѣ. А онъ самъ сидѣлъ на томъ же поваленномъ деревѣ, на немъ была толстая, тканая изъ шерсти верблюжьяго цвѣта, фуфайка, всученная въ брюки, а поверхъ ея подтяжки, а сидѣлъ онъ токъ въ токъ въ той самой позѣ, какъ и тотъ мужикъ, котораго вчера Крыга видѣлъ въ дубовой рощѣ, у ручья.

Ногу положилъ на ногу, корпусомъ подался впередъ, на колѣнѣхъ лежала небольшая записная книжечка, и онъ быстро водилъ по ней карандашомъ, поспѣшно что-то записывая.

Федота Крыгу была лихорадка, зубы такъ стучали, что онъ боялся, не долетаетъ ли этотъ стукъ до поваленнаго бурей дерева. Въ немъ все кипѣло, и надо изумляться, какъ онъ не ринулся туда со всёхъ ногъ и не схватилъ свою жертву за горло.

Но въ головѣ его оказалось достаточно благоразумія, чтобы не сдѣлать опасный и, можетъ-быть, непоправимый шагъ. Или это была та самая сила инстинкта, которая привела его сюда? — она теперь тѣмъ же путемъ и съ тою же осторожностью повлекла его обратно.

Теперь онъ боялся итти, даже пригнувшись, и ползъ на четверенькахъ, временами ложась животомъ на снѣгъ и оставаясь въ такой позиціи неподвижно.

„Ну, нѣтъ, почтенный, на эту удочку меня не словишь, — говорилъ онъ самъ себѣ, когда, благополучно выгнѣвши изъ лѣска, обогнулъ его и вышелъ на дорогу. — У меня, кромѣ пары рукъ, ничего съ собою нѣту, а у тебя, можетъ, тамъ въ каждомъ карманѣ пистолетъ да ножъ. Это, братъ, шалишь. Нѣтъ ужъ, ежели на то есть Господня воля, такъ я тебя при всемъ честномъ народѣ, тамъ ты у меня и не пикнешь“.

А ужъ насчетъ того, лягнетъ ли онъ въ стоянку, Крыга теперь не сомнѣвался. „Основательный человекъ, это видно, все въ книжку записываетъ. Вчера съ мужикомъ былъ, записывалъ, а нынче вотъ... А и смѣлый же какой! Подумать, въ офицерскій мундиръ залѣзть придумалъ! Ну, и народъ же. Охъ!“

Онъ качалъ головой въ тактъ своимъ размышленіямъ, а шелъ

очень быстро, избравъ при этомъ другой, болѣе короткій путь. Ему оставалось еще съ четверть версты до мѣста стоянки своего полка, а оттуда уже слышался сборъ къ обѣду. Онъ приструнилъ свои ноги и пустился бѣгомъ.

Запыхавшись, прибѣжалъ онъ однако въ-время. При входѣ встрѣтился съ фельдфебелемъ Маслаченко. Тотъ наклонился къ его уху и тихонько сказалъ:

— Можешь надѣяться, Крыга. Я уже поговорилъ.

Но Фёдоръ Крыга теперь гораздо больше надѣялся на другое и весь былъ поглощенъ имъ.

IV.

Гм... Обѣдъ! Чтò для него теперь составляетъ обѣдъ! Щи, положимъ, превкусныя. Какъ разъ сегодня рано привезли свѣжую баранину, которая и попала прямо въ котелъ, и жирные куски плаваютъ въ мискѣ. И Крыга, конечно, уплетаетъ за обѣщечи, но это уже не онъ, а его брэнное тѣлесное существо. Душа же его поглощена вся тѣмъ, чтò предстоитъ.

Онъ прекрасно понимаетъ, что хочетъ взять на себя страшно рискованное дѣло. Да, онъ убѣжденъ, это чтò и говорить. Молодомъ не выбьешь изъ его головы это убѣжденъе. Ужъ такіе признаки, что прямо чуть не говорятъ человѣческимъ голосомъ.

Но въдъ на свѣтѣ всякое бываетъ, бываетъ и такъ, что признаки вѣрнѣйшіе, а дѣло выходитъ наоборотъ. Слышалъ онъ, что и на судѣ случается; виновенъ человѣкъ по всѣмъ видимостямъ, всѣ противъ него улики, и присуждаютъ его судъ.—убить, моль, и въ каторгу. А тамъ, смотришь, настоящій убійца проявился, а человѣкъ оказывается ни при чемъ.

И чтò же, если будетъ ошибка? Тогда пропадъ Крыга, прямо можно сказать, ни за грошъ. Ужъ такъ пропадъ, что никогда ему и не вывернуться.

Выходило, что онъ ставить на карту все. Такъ, можетъ, плюнуть на это дѣло и откататься? Ну, да, если бы это такъ просто дѣлалось: рѣшилъ человѣкъ плюнуть и плюнулъ. Но тутъ это уже невозможно. Захватило его, стиснуло и не пускаетъ. Рабъ онъ теперь своей собственной выдумки, и, пока не доведетъ задуманнаго до конца, не успокоится.

Едва только успѣли кончить обѣдъ, какъ разнеслась вѣсть, что прибыло важное военное начальство, котораго уже нѣсколько дней здѣсь ждали. Но оно проѣхало въ деревню, гдѣ помѣщались штабы полковъ, а также и центральное учрежденіе, откуда шли всѣ главныя распоряженія.

Это однако не мѣшало и здѣсь всѣмъ насторожиться, подтянуться и съ волненіемъ ждать дальнѣйшихъ рѣшеній. Поэтому сейчасъ же водворился духъ дѣловитости, всѣ принялись за чистку и приведене въ порядокъ мелочей. Всѣмъ было приказано быть на мѣстахъ, и никто не имѣлъ права отлучиться ни на шагъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было распоряженіе, чтобы отъ каждой части были командированы небольшіе отряды, человѣкъ въ шесть, въ деревню, гдѣ они должны были находиться въ распоряженіи своихъ штабовъ.

Фельдфебель Маслаченко, который отбиралъ людей для этого отряда, не могъ обойтись безъ Фёдора Крыги. У него ужъ было такое обыкновение: чѣмъ сильнѣе онъ благоволилъ къ солдату, тѣмъ больше давалъ ему работы. Поэтому Крыгу онъ назначалъ всюду, и, благодаря этому, онъ дѣйствительно былъ какъ-то на виду, всѣ его знали и выдѣляли изъ сѣрой солдатской массы.

На этотъ разъ онъ тоже попалъ въ отрядъ и не зналъ, радоваться ему или скорбѣть. Во всякомъ случаѣ теперь руки у него будутъ связаны, такъ какъ изъ отряда онъ не сможетъ никуда отлучиться. Попалъ туда же и Тюринъ, его пріятель, съ которымъ они одновременно поступили на службу и хорошо сошлись.

Сейчасъ же послѣ обѣда они и отправились туда, и съ этой минуты Крыга рѣшилъ, что надѣломъ его приходится поставить крестъ.

Въ деревнѣ теперь было большое оживленіе. Всюду офицерскіе мундиры, у всѣхъ дѣловито-взволнованныя лица, всѣ въ ожиданіи чего-то важнаго и рѣшительнаго. Въ центральномъ учрежденіи, помѣстившемся въ двухъэтажномъ зданіи

при помѣщичьей экономіи, происходилъ экстренный совѣтъ, и туда было устремлено вниманіе всѣхъ.

Фёдоръ Крыга вмѣстѣ съ другими стоялъ во дворѣ крестьянской хаты, въ которой скромно работалъ штабъ его полка. Стояли они тутъ безъ дѣла, но каждую минуту ихъ могли потребовать и дать экстренное порученіе. Никто не имѣлъ права выйти хотя бы за ворота.

Поэтому, понятно, Крыга даже и не думалъ о своемъ утреннемъ планѣ, а обстоятельства такъ сложились, что планъ этотъ долженъ былъ улетучиться изъ его головы. Экстренныя солдатскія обязанности вытѣснили его.

Но вотъ онъ случайно взглянулъ сквозь растворенныя ворота на деревенскую площадь и увидѣлъ знакомое лицо,—только лицо, потому что другіе признаки, благодаря надѣтой поверхъ кителя шинели, какъ полагается, изъ сѣраго солдатскаго сукна, отсутствовали. И онъ узналъ его не столько даже по лицу, сколько по манерѣ держать голову. Прапорщикъ и тутъ былъ такъ же одинокъ, какъ и тамъ. И, кромѣ того, не замѣчалось въ немъ утренняго спокойствія. Скорѣе было похоже на то, что онъ волнуется. Онъ прохаживался взадъ и впередъ, избравъ мѣстомъ для прогулки часть площади около дома, гдѣ происходилъ совѣтъ, часто останавливался неподалеку отъ небольшихъ группъ, въ которыя собирались офицеры, какъ будто прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, но, какъ бы боясь обратиться на себя сосредоточенное вниманіе, скоро отходилъ дальше.

Когда Фёдоръ Крыга увидѣлъ и узналъ его, онъ почувствовалъ, что не только не пропадо задуманное имъ дѣло, а именно теперь, вотъ-вотъ съ минуты на минуту, оно должно разыграться. Неизбѣжно должно произойти что-то небывалое, невѣроятное и даже невозможное. Ужъ тамъ чтò бы ни было, чѣмъ бы ни кончилось, хотя бы ему пришлось даже голову свою потерять, а оно свершится.

Да, конечно, для этого ему придется нарушить порядокъ и уставъ, можетъ-быть, даже солдатскій долгъ, но онъ знаетъ, теперь ужъ онъ навѣрно знаетъ, что это будетъ сдѣлано ради вышшаго долга, который лежитъ на немъ.

— Братцы!—сказалъ онъ, обращаясь къ товарищамъ.—Вотъ насъ тутъ шесть человѣкъ. Ежели одинъ рискнетъ, а прочіе помогутъ ему будутъ, такъ всѣмъ можетъ выйти награда.

— Хо-хо!—откликнулся кто-то.—Фёдоръ Крыга нынче награды раздаетъ...

— Нѣтъ, не Крыга. Награда, ежели будетъ, такъ само собою отъ начальства.

— А за что же это?

— А за то... Шпіонъ тутъ одинъ завелся, да такой смѣлый, какого еще, можетъ-быть, и не бывало. Въ офицерскій мундиръ нарядился и всюду шныряетъ, все нюхаетъ.

Къ разсказу „Смѣлый человѣкъ“. Прапорщикъ и тутъ былъ такъ же одинокъ, какъ и тамъ...

— А ты почему знаешь?
— Да уж знаю. Уж так знаю, что хоть голову свою проставлю. Стой, братцы, онъ какъ разъ сюда направленье взять.

Солдаты ничего не понимали. Глядѣли на площадь, но, разумѣется, не могли знать, о комъ идетъ рѣчь. Тамъ множество людей въ военныхъ одеждахъ ходили во всевозможныхъ направленихъ. Но зато они видѣли, что у Крыги горятъ глаза, какъ у пьянаго, хотя всѣ знали, что онъ трезвъ.

— Ну, такъ какъ же? Можете?

— Да коли выручать придется, такъ не уступимъ, — сказалъ Тюринъ.

— Ну, вотъ и ладно, — промолвилъ Крыга и сдѣлалъ шагъ по направлению къ воротамъ.

— Куда ты? Вѣдь уходить со двора не приказано.

— А ежели совѣсть требуетъ?

— Совѣсть? Гм...

— То-то, что гм...

А вы только смотрите въ оба, глазъ съ меня не спускайте. И ежели что, такъ въ ту же секунду...

И больше ужъ онъ не слушалъ возраженій, а двинулся къ воротамъ и вышелъ на улицу.

Прапорщикъ между тѣмъ дѣйствительно шелъ въ эту сторону. Это, по всей вѣроятности, вышло у него совершенно случайно. Онъ почти уже поровнялся съ дворомъ, изъ котораго вышелъ Крыга, и медленно двигался на разстоянii отъ него шагахъ въ двухстахъ.

Крыга съ самымъ дѣловитымъ видомъ пошелъ ему наперрѣзъ въ такомъ расчетѣ, чтобы непременно попасться ему на глаза. Тотъ сперва не замѣтилъ его или не обратилъ вниманiя, а когда Крыга былъ отъ него совѣмъ близко, онъ вдругъ остановился. Онъ узналъ того солдата, съ которымъ утромъ у него былъ разговоръ.

— А, знакомый! — сказалъ онъ, какъ будто даже обрадовался. — Какъ же это ты и тамъ и тутъ?

Крыга самымъ добросовѣстнымъ образомъ вытянулся передъ нимъ и сдѣлалъ подъ козырекъ.

— По приказанiю начальства, ваше высокоблагородiе, — отпортовалъ онъ.

— А, вотъ какъ! Тамъ вѣдь происходитъ военный совѣтъ...

— Не могу знать, ваше высокоблагородiе.

— Но я это знаю. Здѣсь, кажется, помѣщается полковой штабъ?

— Такъ точно. Штабъ нашего полка. А только... А только, ваше высокоблагородiе...

Тутъ голосъ Крыги задрожалъ, дыханiе сперлось, и ему показалось, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ задохнется. Волненiе его было чрезвычайно. Это замѣтилъ прапорщикъ.

— Что это съ тобой? Что такое значить „а только“?

— А значить... Такое значить, что вы... вы, господинъ прапорщикъ... а... арестованы...

— Что? Что ты такое мелешь? Я арестованъ? Кѣмъ?

— А мною... Пожалуйте вонъ туды... Тамъ разберутъ. — сказалъ Крыга, указывая на хату, гдѣ былъ штабъ его полка.

— Послушай, ты или шутишь, или очень ужъ большой негодяй... Офицерскiй мундиръ... Ты понимаешь? За это вѣшаютъ.

Но эти слова были произнесены не съ гнѣвомъ, чего слѣдовало бы ожидать, а съ какой-то крайней растерянностью, и это почувствовалъ Крыга и, найдя въ этомъ новое подтвержденiе своей догадки, вдругъ овладѣлъ собою.

— Говорю вамъ, господинъ прапорщикъ, пожалуйста въ штабъ, тамъ разберутъ, кого изъ насъ двоихъ повѣсить!

Тутъ онъ замѣтилъ, что прапорщикъ отступилъ отъ него на два шага и быстрымъ окомъ взглянулъ направо и налево, какъ бы выискивая наиболее удобный путь, чтобы юркнуть мимо врага, и онъ, не теряя ни секунды, сдѣлалъ по направлению къ нему прыжокъ и схватилъ его за руки.

— А, такъ? — злобнымъ голосомъ промолвилъ прапорщикъ. — Такъ стой же...

Онъ всунулъ свободную руку въ карманъ шинели, и въ тотъ

Къ разсказу „Смѣлый человекъ“. Раздался выстрѣлъ, но пуля пролетѣла въ воздухѣ...

же мигъ въ рукѣ его блеснулъ револьверъ, направленный прямо въ грудь Фёдота Крыги.

Но у Крыги, не слишкомъ-то поворотливаго, вдругъ откуда-то явилась необычайная ловкость и быстрота движенiй. Въ мгновенiе онъ очутился за спиной прапорщика и сзади схватилъ его за обѣ руки. Въ это время раздался выстрѣлъ, но пуля пролетѣла въ воздухѣ. Вслѣдъ за нимъ другой и третiй, рядъ выстрѣловъ, очевидно, уже не произвольныхъ.

Прапорщикъ вырывался, а Крыга изо всѣхъ силъ старался удержать его. Изъ штабнаго двора бѣжали къ нимъ пятеро солдатъ. Одинъ изъ нихъ удачно схватилъ прапорщика за кисть руки и такъ сдвинулъ ее, что оружье вывалилось изъ рукъ и упало на землю. Прапорщикъ былъ стиснутъ шестью парами рукъ и больше не дѣлалъ попытокъ высвободиться.

— Негодяи... Пустите... Я самъ пойду... — хриплымъ голосомъ говорилъ онъ.

Ихъ окружили посѣдившiе на шумъ офицеры, солдаты и крестьяне; въ числѣ которыхъ были даже бабы.

Къ Фёдоту Крыгѣ обращались съ вопросами, но онъ, какъ казалось, онѣмбл. Крѣпко держалъ сзади за обѣ руки свою жертву и подталкивалъ ее по направлению къ хатѣ.

Пришли во дворъ. Нѣкоторые офицеры вошли въ самую хату, и туда же ввели прапорщика.

Во дворѣ было неописуемое волненiе. Въ нѣсколько минутъ онъ наполнился всевозможнымъ народомъ, который, не помѣщаясь здѣсь, стоялъ и за воротами. Толпа все возрастала. Имя рядового Фёдота Крыги повторялось, переходя изъ устъ въ уста, а самъ Крыга въ это время въ хатѣ, передъ своимъ начальствомъ, въ присутствii многихъ офицеровъ другихъ частей, подробно разсказывалъ о томъ, какъ пришла ему въ голову мысль, какъ созрѣвало рѣшенiе, и какъ онъ не могъ удержаться, чтобы не привести его въ исполненiе.

„Прапорщикъ“ на всѣ обращенные къ нему вопросы упорно молчалъ. Принуждены были осмотрѣть его карманы, бѣлье, голенища сапогъ, нашли книжку съ записями на нѣмецкомъ языкѣ, мужицкую бороду, два револьвера, ножъ и нѣмецкiе документы, въ которыхъ упоминалось имя лейтенанта Карла Флешнера. А онъ, несмотря на всѣ эти явные улики, продолжалъ молчать.

Его передали въ распоряженiе военно-судныхъ властей, и представлявшая ему участь ни въ комъ не вызвала сомнѣнiй. Въ тотъ же день Фёдоту Крыгѣ стало извѣстно, что онъ и его пять товарищей, присутствовавшихъ здѣсь, начальствомъ представлены къ наградамъ.

„Вотъ теперь и въ бой не стыдно пойти“, — сказалъ себѣ Крыга, — и не долго ждать ему пришлось. Рано утромъ слѣдующаго дня его полкъ вмѣстѣ съ другими выступилъ на позици.

Набатъ.

Разсказъ

Вл. Кохановскаго.

(Окончаніе).

VII.

Никаноръ зашелъ въ сторожку обогрѣться и взять махорку. Василій стоялъ у дверей и точно ждалъ его.

— Чего не сишь? — спросилъ Никаноръ.

Бумъ-бумъ хочу, — проговорилъ Василій.

Тогда Никаноръ схватилъ его за руку и, замахнувшись на него, вытолкалъ за дверь.

— Убирайся вонъ... Не до тебя теперь...

Василій испуганными глазами посмотрѣлъ на него и, весь согнувшись, заплакалъ и торопливо побѣжалъ по направленію церкви...

Посидѣвъ и обогрѣвшись, Никаноръ вынулъ изъ свертка махорку, коробочку спичекъ и, запахнувшись въ шубу, вышелъ изъ сторожки. Пройдя немного, онъ вдругъ прислушался. У воротъ теперь были ясно слышны лошадиный топотъ, фырканы и громкіе незнакомые голоса.

„Господи, что же это такое?“ — подумалъ Никаноръ и почувствовалъ, какъ въ груди его захватило дыханіе.

Напряженно прислушивался нѣсколько мгновений, потомъ, когда услышалъ громкій стукъ въ ворота и крики, торопливо бросился бѣжать къ сѣрѣвшей между деревьями церковкѣ. „Надо скорѣй звонить!“ — мелькнуло у него въ головѣ.

Но не успѣлъ добѣжать до церкви. Два нѣмецкихъ солдата,

Кавказскій фронтъ. Въ штабъ за работой въ ночную пору.

перескочивъ на лошадахъ черезъ ограду, замѣтили его и пустили на него лошадей. Мгновеніе — и онъ, сбитый съ ногъ копытами, упалъ на землю около самой церкви.

„Теперь, значить, аминь“, — подумалъ онъ. Солдаты подняли его и знаками приказали итти къ воротамъ. По дорогѣ мимо нихъ пробѣжало нѣсколько солдатъ по направленію къ домику о. Николая.

„Это за батюшкой, — подумалъ Никаноръ и мысленно прошепталъ: — Теперь всѣмъ намъ, значить, аминь, всѣмъ намъ, значить, аминь.“

Посмотрѣлъ потомъ по направленію докторской усадьбы, и такая досада вдругъ охватила его отъ мысли, что не успѣлъ онъ ударить въ колоколь и предупредить этимъ объ опасности офицера, — что захотѣлось застонать, заплакать... „Самаго главнаго не сдѣлать, самаго главнаго не сдѣлать“. Никанора вывели за ограду и подвели къ сидѣвшему на лошади офицеру.

— Ты кто такой? — спросилъ по-русски офицеръ.

— Здѣшній сторожъ, — отвѣчалъ Никаноръ.

Тогда офицеръ сталъ спрашивать его, есть ли поблизости русскія войска, сколько народу осталось въ селѣ, есть ли при церкви священникъ и прочее. Почти при каждомъ вопросѣ онъ добавлялъ:

— Если скажешь хоть одно слово неправды, я велю тебя разстрѣлять.

Никаноръ, блѣдный, смотрѣлъ прямо въ лицо офицеру и говорилъ, что въ селѣ народу почти не осталось, что при церкви вмѣстѣ съ нимъ живетъ батюшка, а насчетъ войска, близко ли оно или далеко, ничего не знаетъ, такъ какъ почти не выходитъ

Кавказскій фронтъ. Штабъ пластунской бригады въ турецкомъ селеніи.

Кавказский фронт. Перевозка раненых с позиций в тыл.

из ограды. „Лишь бы только про офицера ничего не спросили“, — мелькало у него в голове.

Немец вдруг перестал его допрашивать и стал смотреть на ограду. „Должно, о Николая ведут“, — подумал Никанор, и тяжелое, обидное и мучительное чувство охватило его душу.

Немного погодя он медленно повернул голову назад... О. Николай в одном подряснике, с непокрытой головой, грубо подталкиваемый солдатами, выходил из ворот.

Чувство глубокой скорби и жалости охватило душу Никанора, и он представил себе о. Николая, еще несколько минут тому назад разговаривающего с ним на крыльце, вспоминающего лето, короткая ночи... А немецкий офицер уже допрашивал о. Николая. Сначала спрашивал о том, о чем спрашивал и Никанора, но потом, нагнувшись к его лицу и смотря на него внимательно и пытливым взглядом, неожиданно спросил:

— А не видели ли вы несколько часов тому назад проходившего здесь раненого русского офицера?

О. Николай, измывшись в лицо, быстро ответил:

— Нет...

Офицер продолжал по-прежнему пытливым и напряженным взглядом смотреть на него, потом, усмехнувшись, спросил:

— Чего же вы испугались?

— Я не испугался, — проговорил о. Николай, смотря ему прямо в лицо.

Офицер обратился к Никанору.

— Может-быть, ты видел?

— Нет, никого не видел, — так же быстро проговорил Никанор.

— Видно, хорошо сговорились, — сказал офицер, снова усмехнувшись. — Но я слишком опытен, чтобы меня можно было обмануть...

Кавказский фронт.
Встреча казака с турками—мирными жителями.

Он велел нескольким солдатам окружить ограду, а другим слезть с лошадей и войти внутрь. Потом слез с лошади и, приказав вести за собой о. Николая и Никанора, пошел в ограду. Заметив сторожку, он велел солдатам хорошенько осмотреть ее. Когда солдаты, осмотрев, сказали ему, что в ней никого нет, он приказал отвести туда о. Николая и Никанора.

— Пусть один из вас останется около сторожки и сторожить их, — сказал он: — а остальные ищите здесь русского офицера. Я уверяю, что они спрятали его где-нибудь.

VIII.

О. Николай и Никанор знали, что немцы не пощадят их, и готовились к смерти. Им нельзя было разговаривать друг с другом, и они молчали, но каждый из них хорошо чувствовал мысли и настроение другого. Каждый из них чувствовал досаду и глубокую скорбь в сердце, что не удалось им предупредить раненого офицера об опасности. „Теперь они могут найти его у доктора, и тогда смерть грозит ему“. И мучительно было думать об этом.

Потом, помимо их воли, перед ними стала проноситься их прошлая жизнь. Вспомнили они, как прожили здесь вместе

Въ Эрзерумѣ. Турецкая армія.

долгіе годы, какъ сжились другъ съ другомъ, какъ привыкли другъ къ другу. Вспомнили время, когда церковь была еще не достроена, и какъ глухо и пустынно было кругомъ, вспомнили долги зимы, когда такъ холодно и непривѣтливо было по утрамъ въ маленькой церкви, вспомнили потомъ, какъ постепенно отстроилась церковь, разросся садъ, сдѣлали кругомъ оградъ. Большіе праздники вспомнили, когда такъ громко звучалъ маленькой колоколь и народъ со всѣхъ сторонъ торопливо стекался въ церковь, вспомнили Великія Заутрени, когда кругомъ церкви, въ оградѣ, стояли крестьяне съ куличами и бабами, и когда огоньки свѣчей такъ радостно свѣтились въ ночномъ мракѣ, вспомнили дуновенія весны, трескъ льда на маленькой рѣчкѣ, такъ ясно и отчетливо слышавшіяся передъ половодьемъ... Вспомнили жаркія лѣта, когда такъ ароматно пахло въ оградѣ скошенной травой, ясныя зори вспомнили. Потомъ мысли ихъ снова вернулись къ сегодняшнему дню. Какъ хорошо начался онъ и какъ печально кончился!.. Блѣдное лицо офицера представилось, его окровавленная рука, его голосъ, улыбка. И опять мучительно-тревожное и досадное чувство, что не досмотрѣли они и не успѣли предупредить его объ опасности, охватило ихъ души. Потомъ Никаноръ сталъ думать о Василии. Куда дѣвался онъ? Не схватили ли его тоже нѣмцы и не допрашиваютъ ли его теперь? И жуткое чувство охватило Никанора: вѣдь онъ можетъ сказать имъ все, вѣдь онъ видѣлъ, какъ вели они офицера въ усадьбу доктора. О Николай тоже думалъ о Василии, и тоже тревога охватывала его душу. „Вѣдь онъ, хотя и безсвязно, но все же можетъ рассказать имъ, гдѣ раненый,—пронеслось у него въ головѣ:—тогда мы даже своей смертью не въ силахъ будемъ спасти его“. И, поднявъ глаза къ небу, онъ сталъ горячо молиться.

IX.

Послѣ того, какъ Никаноръ закричалъ и замахнулся на сына, Василій побѣжалъ къ церкви и спрятался около нея за дверь. Сидѣлъ нѣсколько минутъ, тихонько плача, потомъ вытеръ рукавомъ глаза и сталъ прислушиваться. Вдали на дорогѣ, какъ и нѣсколько времени тому назадъ, ему чудился конскій топотъ, въ саду же казалось все тихо и неподвижно. Тогда постепенно страхъ его сталъ проходить, и онъ, выйдя изъ своего убѣжища, сѣлъ на ступеньку церковной лѣстницы. Немного погодя посмотрѣлъ на колокольню и представилъ темную узкую лѣстницу, ведущую наверхъ, тусклый свѣтъ ручного фонаря, озарившій слегка шатающіяся деревянныя ступени, небольшую площадку, колокола вверху.

Представилъ потомъ гулкіе звуки удара, далеко разносящіяся среди неподвижнаго ночного мрака.

Усмѣхнулся радостной улыбкой и прошепталъ:

— Хорошо: бумъ-бумъ...

Въ это время ему послышался лошадиннй топотъ уже у самыхъ воротъ.

„Солдаты пріѣхали“,—подумалъ онъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ по направленію воротъ, но въ это мгновеніе вдругъ увидѣлъ быстро бѣгущаго прямо на него

Никанора. „Бить будетъ“,—пронеслось у него въ головѣ, и онъ, повернувшись назадъ, торопливо отворилъ ведущую на колокольню дверь и, вскочивъ туда, побѣжалъ наверхъ по темной лѣстницѣ.

Взбѣжавъ наверхъ, прісѣлъ на корточки около барьера и сталъ прислушиваться.

Что-то странное происходило внизу. Слышались какіе-то незнакомые голоса, топотъ ногъ, возня.

Нѣсколько минутъ онъ съ недоумѣніемъ прислушивался, потомъ, когда голоса и шумъ стали точно отдаваться, онъ приподнялся и выглянулъ изъ-за рѣшетки. Какіе-то люди куда-то вели его отца... И то, что въ такой часъ какіе-то люди были въ церковной оградѣ, и то, что они пошли куда-то вмѣстѣ съ отцомъ, котораго ночью онъ всегда привыкъ видѣть одного, показалось ему необычайнымъ и страннымъ. И онъ долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ внимательными и напряженными глазами.

Немного погодя онъ увидѣлъ, какъ нѣсколько человекъ быстро прошли по дорогѣ къ дому о. Николая, и какъ потомъ вели его въ одномъ подрясникѣ и безъ шапки къ воротамъ.

Полный любопытства и изумленія, онъ хотѣлъ уже спуститься съ колокольни, но страхъ передъ отцомъ удержалъ его.

X.

Нѣкоторое время внизу никого не было видно, слышались только отдѣльные голоса, стукъ точно отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей, фырканье лошадей за воротами. Но потомъ темныя фигуры стали показываться внизу около церкви, и мгновеніе спустя, загремѣвъ засовомъ, стала отворяться дверь въ притворъ. Потомъ послышались голоса и тяжелые шаги на лѣстницѣ, ведущей на колокольню. Сердце Василия забилось быстрыми и порывистыми ударами, и страхъ охватилъ его.

Два огромныхъ человекъ взобрались на колокольню и, закивая спички, стали что-то искать на полу и въ углахъ.

Василій весь прижался къ барьеру, затаивъ дыханіе.

Люди прошли совсѣмъ близко около него, не замѣтивъ его. Черезъ нѣсколько мгновеній они, выругавшись, стали спускаться внизъ.

Еще нѣкоторое время внизу на паперти и въ церкви слышались голоса и шаги, потомъ все стихло, и темныя фигуры стали удаляться отъ церкви, въ глубину сада.

Василій еще нѣсколько минутъ сидѣлъ, прислонившись къ доскамъ, потомъ приподнялся и посмотрѣлъ внизъ. Тамъ уже никого не было видно.

Въ Эрзерумѣ. Пѣнные турки.

Онъ прислушался. Не было слышно и голосовъ... Тогда онъ тихонько и радостно засмѣялся и прошепталъ:

— Ушли, ушли...

И вдругъ необыкновенная радость охватила его душу. Теперь его уже здѣсь никто не тронетъ. Отецъ, вѣрно, уже спитъ, а большіе страшные люди ушли куда-то... Нѣсколько мгновений онъ еще прислушивался, потомъ, улыбаясь, прошелся вокругъ колокольни, вдыхая полной грудью свѣжій ночной воздухъ и смотря возбужденными глазами на разстилающуюся кругомъ такъ хорошо знакомую ночную даль.

Прошелъ еще нѣсколько шаговъ и вдругъ наткнулся на висѣщую отъ колокола внизъ веревку. Сначала съ недоумѣніемъ потрогалъ ее, поводитъ по ней рукой. Потомъ вдругъ, радостно улыбувшись, проговорилъ:

— Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ...

И представилась фигура отца, раскачивающаго веревку, и громкіе плавные звуки колокола.

Опять улыбнулся и, проговоривъ: „Бумъ-бумъ...“—потянулъ за веревку...

XI.

Въ тотъ моментъ, когда нѣмецкій офицеръ, раздраженный безрезультатными поисками и упорнымъ молчаніемъ о. Николая и Никанора, шель къ сторожкѣ, чтобы допросить ихъ послѣдній разъ, велѣть ихъ разстрѣлять, гулкой ударъ колокола прорѣзалъ ночную тишину.

Это было такъ неожиданно и необъяснимо, что и нѣмецкій офицеръ и солдаты въ первое мгновение замерли на мѣстѣ. Раздался второй ударъ колокола, третій... и набатный звонъ понесся кругомъ.

Тогда паника охватила нѣмцевъ, и жуткое и зловѣщее слово „засада“ пронеслось среди солдатъ. Со всѣхъ сторонъ они устремились къ стоящимъ у воротъ лошадямъ. Напрасно офицеръ, ругаясь и угрожая, останавливалъ ихъ, они не слушали его.

Взбѣшенный, онъ сталъ стрѣлять изъ револьвера на колокольню въ невидимаго звонаря.

Двѣ изъ его пуль попали въ Василія,—одна въ грудь, другая въ голову, и онъ, выпустивъ изъ рукъ веревку, еще улыбаясь, съ какимъ-то восторженнымъ и вдохновеннымъ выраженіемъ лица упалъ на полъ.

Колоколь пересталъ звонить, но это уже не остановило бѣгства нѣмцевъ. Офицеръ кинулся къ своимъ. Торопливо вскакивая на коней и понукая ихъ, они помчались отъ села. И все время имъ казалось, что по пятамъ за ними скачутъ русскіе, выскочившіе изъ своей засады по сигналу, данному съ колокольни.

XII.

Когда докторъ услышалъ колокольный звонъ, онъ, поблѣднѣвъ, торопливо проговорилъ офицеру:

— Нѣмцы... Спасайтесь...

Офицеръ вынулъ изъ кармана записную книжку и, передавъ ее доктору, сказалъ:

Подъ Эрзерумомъ. Устройство юрты.

— Если меня убьютъ, то передайте эту книжку въ штабъ Н. дивизіи.

Потомъ онъ вышелъ изъ комнаты и медленной и спокойной походкой пошелъ въ садъ.

— Скорѣе, скорѣе!—торопилъ его докторъ. — Тамъ, въ глубинѣ сада, есть занесенный снѣгомъ оврагъ. Тамъ нѣмцы, можетъ-быть, не найдутъ васъ...

— Я не могу идти скорѣй, — проговорилъ офицеръ и потомъ, улыбувшись, добавилъ:— да это и не нужно. Если мнѣ суждено погибнуть, они найдутъ и убьютъ меня и въ оврагѣ, если же не суждено, они и здѣсь не найдутъ меня... Я вѣдь сказалъ уже вамъ, что въ личную опасность и безопасность я не вѣрю. Я вѣрю въ Провидѣніе и высшій разумъ, противъ котораго безсильны и наша осторожность и наша безпечность.

Немного погодя со стороны церкви раздались выстрѣлы, и почти тотчасъ же колоколь смолкъ.

— Они убили его, — прошепталъ докторъ.

Нѣкоторое время кругомъ царилла напряженная и жуткая тишина, потомъ вдали по дорогѣ послышался громкій топотъ быстро скачущихъ къ усадьбѣ лошадей, затѣмъ топотъ сталъ удаляться и скоро совсѣмъ стихъ въ ночномъ воздухѣ.

— Это нѣмцы проскакали мимо, — проговорилъ докторъ, и голова его дрогнула отъ радости.

Еще долго прислушивались офицеръ и докторъ. Но попрежнему тихо, неподвижно и спокойно было кругомъ.

Услыхавъ звуки колокола, о. Николай напряженно прислушивался нѣсколько мгновений. Потомъ взволнованнымъ голосомъ прошепталъ:

— Это Василій...

— Василій?— спросилъ съ изумленіемъ Никаноръ.

Да, — проговорилъ о. Николай. — Господь услышалъ нашу молитву...

Они посмотрѣли въ окно и увидѣли бѣгущихъ по саду нѣмцевъ.

— Они испугались, они бѣгутъ, — проговорилъ о. Николай дрогнувшимъ голосомъ.

— Бѣгутъ, повторилъ радостно Никаноръ. Въ это время послышались выстрѣлы, и мгновение спустя колоколь пересталъ звонить.

Убили Василія... — проговорилъ о. Николай.

Никаноръ почувствовалъ, какъ на сердцѣ его стало холодно. Нѣсколько мгновений онъ стоялъ у окна, напряженно прислушиваясь. Звонъ больше не повторялся. Тогда онъ открылъ дверь и выскочилъ въ садъ. О. Николай вышелъ за нимъ. Быстрыми шагами прошли они разстояніе отъ сторожки до церкви и, войдя на лѣстницу, ведущую на колокольню, стали быстро подниматься по ней.

Когда взшли на площадку, то увидѣли лежащаго подъ колоколомъ неподвижнаго и мертвого Василія.

Подъ Эрзерумомъ. Артиллерійская позиція легкой батареи на хребтѣ Кизилларъ-башъ. Несмотря на сосредоточенный на ней огонь тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій, батарея самоотверженно поддерживала штурмъ пѣхоты.

На другой день пошел похоронь Василия и отъезда офицера о. Николай долго ходил по саду и думал о маленьком и слабом полуднютом. И странной и чудесной казалась ему его смерть. Был он никому не нужный, жалкий человечек, на которого все кричали, которого все обижали, который казался таким лишним и никому не нужным на свете существом. И, чем больше он думал об этом, тем все больше и больше какой-то лучезарной тайной въяло от его поступка и его смерти.

Когда он шел уже из сада домой, то встретил по дороге Никанора. Лицо его было грустно и заплакано.

Посмотрев на о. Николая, он тихо сказал:

— Иду на могилу Василия... Жалко мне его, отец Николай, во как! Немного помолчав, добавил: — Нехорошо обращался

я с ним, обижал часто... А он-то спас нас... Вот тебе и маленький разумом, некудышный...

О. Николай задумчиво молчал несколько мгновений. Потом тихо проговорил:

— Господь помочь ему, и он сблал больше, чем все мы... — Немного погодя добавил: — Ведь я тоже считал его лишним и не нужным на свете и тоже иногда был несправедлив к нему...

Они оба помолчали, потом о. Николай, повернувшись в сторону могилы Василия, проговорил:

— Пойдем вместе, помолимся за него и попросим Господа простить за наши грехи перед ним... Может-быть, он простит, ибо слаб разум наш и не могли мы предугадать его мученическую кончину и понять, кто нужный и кто не нужный на земле...

У родной церкви.

Рассказ В. Островского.

Отступали ночью. Небо над Волынью было подернуто глубоким трауром. Вверху—черно, внизу—черно, зелень тоже утонула в черноте ночи. Ни одной звездочки, как будто и он скрылся от врагов.

Младший унтер-офицер Подгаюк, измивший шагами всю Галицию и высокие Карпаты, шел понурившись. Родная Волынь обвьяла его чарами своих сказок и сладких воспоминаний: детские игры, звуки волынки в летние вечера, вишневые сады с их соловьями, песни, дивчата...

Его что-то укололо в сердце.

Всё дивчата были, как дивчата. Одна только Христа была непохожа на них. Почему хлопцы считали ее менее интересной,

чем других девушек, он понять не мог. Ведь, правда же, она была какая-то особенная? От нея въяло на него теплотой, светом, радостью. Встретить, увидеть в окно, и кажется, что солнышко ярче блеснуло, что мир стал лучше, что в жизни одно счастье. А другие — не то. Есть среди них и добрые, и красивые, и веселые... Но всё он — земная. Христа же как будто иначе создана, как будто из другого мира принеслась на землю.

Он знал, что над ним посмивались крестьяне. Пожалуй, они и правы были: ему, запасному солдату, шел двадцать седьмой год, а он бегал за своей Христой, как подросток, покупал ей платочки, бусы, ленточки, просиживал с нею целые ночи на завалинках.

— Чего ты баламутишь? — говорили ему крестьяне. — Только спать не даешь дивчинь: Женится бы и конец.

— Пусть себя покохают, — заступались за них крестьянки: пусть поживут для сердца, только им и „солодичи“ в жизни: а поберутся *). — не до того будет...

Все это так отчетливо пронеслось в памяти.

Тантвенно текла ночь над равниной Волыни. Отряд отступал тихо и спокойно. Если бы не усталость да не запрет, навечно дружная песня давно уже всколыхнула бы гнетущую тишину мрака, разогнала бы ее грустные чары, сердечные боли.

— Гляди, ребята, горит! — сказал вдруг кто-то.

Но никто не ответил: к пожарам давно все привыкли.

Подгаюк оглянулся. Несколько вправо позади над лесом стояло зарево.

Куда направлялся отряд, никто не знал и не интересовался. Подгаюк шел молча. Мгновений он не узнавал, дорога была для него новая. Но он точно определял, что где-то в этих местах должна была находиться его Заборовка, а в ней — она, его Христя.

Как хорошо было бы попасть в родное село, увидеть ее, мать, знакомых!

Ноги ноют, давить амуниция, из-под фуражки текут по лицу теплые ручьи пота, но он ничего не замечает.

„Кончили ли церковь?“ — вдруг проносится у него в голове.

*) Женятся.

И опять острый укол в сердце.

В ушах не перестают звучать ее слова:

— Мы первые повьичаемся в новой церкви. Хорошо будет, правда? Или в новой или нигде...

Он, помнится, улыбнулся ей и, радостно волнуясь, ответил:

— Хорошо. Христа, хорошо. Будут наши дети, внуки и правнуки говорить, что мы первые повьичались.

Она покраснела. И как красива была! У него вся кровь закипела в жилах. Теперь она опять кипит в нем, но кипит иначе.

— Чем лучше будет церковь, тем горячее я буду тебя кохал, — шепнула ему однажды Христя.

И с этого момента он отдал все свои силы на то, чтобы помочь отцу ее, церковному старосте, получше построить долгожданную новую церковь: он и сходки прихожан собирал, и за пожертвованиями ходил, и материал возил; он все свое время и знание отдавал строительству. И с радостью замечал, что Христя его любит все сильнее и сильнее.

Но, вспоминая об этом в жуткой тишине ночи, он вместо прежней радости чувствовал мучительную боль. Будет ли окончена церковь, вернется ли он домой, или... вместо него она обвьячается в ней с другим?.. За чем же он тогда так долго ждал, за чем он так много труда положил?.. Подгаюк испугался своих мыслей. Неужели он все делал не для Бога, не из любви к церкви, а ради „ее“ любви, ради своего счастья!

Подгаюк всегда был религиозен, но за время войны, под гром орудий и стоны умирающих, его глубокая вера в Бога вылилась в яркий светлый кристалл, жарко горевший в его молодом сердце.

— Господи! Прости меня; — шептал он в волнении: — прости меня, прости...

И мозг его сверлила жгучая мысль:

„Видно, потому Господь и не благословил нас... может-быть, мы с ней больше и не увидимся... и не исполнится то, что мы задумали...“

Он шел подавленный, не смья взглянуть в бархатную те-

мень высококаго неба, не смья молиться, ни смья заговорить с товарищами.

К полуночи отряд остановился в какой-то деревушке. Жители бжжали. После короткого сна на душном сине в крестьянской клунь Подгаюк ожил. Разбудил его сигнал вставать. Дань был приказ вернуться несколько назад навстречу врагу, которого необходимо было задержать.

Развело Солнце. выглянув из-за леса, радостно улыбнулось цветущей природе. Все кругом ожило. Засверкал жемчуг на зелени травы и деревьев, защебетали воробы, заиграли лучи солнца на разноцветном летнем уборе земли. Все дышало миром и благодатью. Одно только вороны своими пронзительным карканьем нарушали изрядка летний праздник природы.

У опустелой церкви.

Генерал Саррайль, главнокомандующий англо-французской армией
въ Салоникахъ.

Развѣялись грустныя думы и чувства Подгаюка. Повернувшись лицомъ къ наступающему врагу, онъ сразу перемѣнился, сталъ прежнимъ солдатомъ, прежнимъ младшимъ унтеромъ, упрямымъ и холоднымъ въ дѣлѣ.

— Подгаюкъ!—подозвалъ его къ себѣ молодой прапорщикъ.— Объяви ребятамъ ити быстро, чтобы какъ можно скорѣе быть въ Заборовкѣ... всего верстъ пять...

Подгаюкъ вздрогнулъ. Въ глазахъ его пошли свѣтовые круги.

— Понялъ?—спросилъ прапорщикъ, замѣтя странное выраженіе его лица.

— Такъ точно!—живо оправился Подгаюкъ.

Но не успѣлъ отвернуться офицеръ, какъ сердце его тревожно забилось въ груди. Только теперь онъ узналъ, что Заборовка осталась позади. Чтѣ же съ церковью? Съ Христей? Гдѣ она?

Онъ чувствовалъ, что силы его нарастаютъ, ноги становятся легче, руки крѣпче и сильнѣе.

Оказалось, пожаръ былъ въ Заборовкѣ, наканунѣ занятой неприятелемъ. Нѣмцы осыпали отрядъ сплошнымъ ружейнымъ огнемъ. Подгаюкъ стиснулъ зубы и смѣло пошелъ впередъ со своимъ взводомъ. Долго гробовое молчанье было отвѣтомъ на вражескій огонь. Наконецъ пронеслось „ура“. Закипѣлъ штыковой бой. И Заборовка была взята. Нѣмцы отхлынули. Подгаюкъ оглянулся, ища глазами новую церковку... На ея мѣстѣ дымились отдѣльныя бревна.

Чтѣ случилось съ нею, спросить было некого, — деревня была пуста. Отряду необходимо было поскорѣе укрѣпиться, чтобы задержать врага на нужное время. Расположенное у самой деревни кладбище, обнесенное каменной оградой, представляло прекрасный опорный пунктъ. Здѣсь и поблизости закипѣла работа. Подгаюкъ работалъ словно въ чаду. Вотъ могила его отца, братьевъ, дяди, дѣдушки, а вотъ—матери Христи.

Христя, сожженная церковка, мертвое, кое-гдѣ дымившееся

село, все это быстро мелькало въ его головѣ какими-то лоскутками, безъ конца, безъ начала.

Вдругъ, точно призракъ, показалась за оградой длинная бѣлая борода.

— Мазючко!—радостно крикнулъ Подгаюкъ.

Старый понамарь вздрогнулъ, оглянулся и остановился въ недоумѣніи.

— Чтѣ тутъ у васъ?—не зная, съ чего начать, спросилъ Подгаюкъ.

— Абожъ не видишь?—съ холоднымъ спокойствіемъ отвѣтилъ старикъ.

— Гдѣ моя мать? Гдѣ люди? Батюшка?

— Уѣхали.

— И староста?

— Староста остался.

— Гдѣ же онъ?

— Его забрали.

— Чтѣ? Забрали нѣмцы? А Христа?

— Тамъ...

Старикъ протянулъ руку въ сторону

Въ душѣ Подгаюка поднялась буря.

— Гдѣ она? гдѣ? Покажи!—тормошилъ онъ понамаря.

Старикъ молча повернулся и пошелъ. За нимъ слѣдовалъ Подгаюкъ, еле сдерживая волненіе.

Понамарь остановился.

— Вотъ здѣсь!—указалъ онъ на свѣже насыпанный могильный холмикъ.

Подгаюкъ замеръ. Ни одинъ звукъ больше не вырвался изъ его груди: минуту пять онъ не сдѣлалъ ни одного движенія. Наконецъ сталъ медленно нагибаться, опустился на колѣни, помолился, всталъ и, проведя по окаменѣлому лицу черной мозолистой рукой, тихо спросилъ:

— Какъ случилось?

Старикъ съѣлъ и, поникнувъ головой, сталъ рассказывать:

— Староста остался, чтобы церковь охранять, а съ нимъ и она осталась,—не хотѣла покидать батька. Все въ новой церкви сидѣла, а церковь-то мы давно уже окончили, только еще не освятили. „Вотъ, говоритъ, Мазючко, я первая буду въ нашей церкви вѣнчаться, вотъ въ этомъ мѣстѣ“.—А съ кѣмъ?—спрашиваю.—„Съ Миколкомъ Подгаюкомъ“.—„А если его убьютъ на войнѣ?“.—„То и я умру“. Вотъ такъ говорила. А какъ пришли нѣмцы, спряталась въ яму. Вчера подъ вечеръ нѣмцы выломали двери въ церкви, побили, порѣзали иконы, ввели лошадей, принесли водки и начали пить, кричать... Не вытерпѣлъ староста, пришелъ сюда и сталъ ругать ихъ. За батькомъ пришла и Христя. Нѣмцы отца связали и куда-то повели, а ее...

Старикъ остановился.

— Чтѣ ее?

— Ее посадили туда, гдѣ лѣстница на чердакъ, видно, недоброе хотѣли сдѣлать съ нею... да еще въ церкви... въ Божьемъ домѣ... Чтѣ было дальше—не знаю. А только гляжу вечеромъ: изъ церкви идетъ дымъ, горитъ крыша. Нѣмцы кричатъ, ругаются. Догадались, что она подохла, чтобы избавиться отъ срама... Но страшно было ей бѣдной умирать въ огнѣ. Она спустилась по лѣстницѣ внизъ, выломала дверцу и выбѣжала изъ церкви. Ее поймали и стали бить. Сильно били, чѣмъ попало...

А церковка все горитъ да горитъ. Ночью, когда нѣмцы отошли отъ огня, подошелъ я посмотреть, чтѣ случилось. Смотрю, а она уже мертвая... лежить на травѣ и смотритъ на свою церковку, какъ живая... „Убьютъ и меня, думаю, некому будетъ и похоронить ее“. Вотъ выкопалъ я могилку и похоронилъ дивчину...

— Безъ гроба?..

— Э!—махнулъ рукой старикъ.—Господь Милосердный при-
метъ ее и безъ гроба. Какъ ангель, она умерла...

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на мрачномъ лицѣ Подгаюка.

— Спасибо!—сказалъ онъ и пошелъ къ солдатамъ, готовившимся къ встрѣчѣ врага.

Спустя два часа нѣмцы начали наступать. Изъ-за Заборовки завязалось ожесточенное сраженіе. Выполнивъ свою задачу, отрядъ отступилъ.

Вновь ночь простерлась надъ скорбной Волянью.

Понамарь выкопалъ рядомъ съ могилой Христи другую могилу и опустилъ въ нее трупъ убитого въ бою Подгаюка.

— Вотъ и повѣчала ихъ святая земля,—прошепталъ старикъ, насыпавъ второй холмикъ:—теперь никто ихъ не разлучитъ вѣвѣки...

Ричъ траншей.

Полночь. Въ траншеѣ тихо. Орудія умолкли. Повидимому, неприятель не собирается предпринимать ночныхъ атакъ. Солдаты заснули. Не спать лишь часовые, чутко прислушивающіеся къ малѣйшему шороху. Внезапно среди царящей тишины раздается крикъ, полный отвращенія и досады:

— Проклятое животное! На шею взобралось!

Полусонные товарищи сразу понимаютъ, въ чемъ дѣло: опять крыса!

Да, крыса! Французскіе солдаты, переносящіе всѣ тяготы окопной жизни, подвергающіеся и холоду, и вѣтру, и грязи, страдаютъ не только отъ нѣмецкихъ пуль и снарядовъ, но и отъ

другого врага, отвратительнаго, упорнаго и опаснаго: отъ неимовернаго количества крысъ.

Крысы наводнили траншеи не только французскія, но и неприятельскія.

Нѣмцы предпринимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы избавиться отъ этого нежданнаго „внутренняго“ врага, но безрезультатно. Бывали случаи, когда изъ-за крысъ приходилось приостанавливать сраженіе. Въ переднихъ окопахъ крысы гибнутъ сотнями отъ бомбардировки и удушливыхъ газовъ, такъ что возникала даже мысль воспользоваться газами для уничтоженія ихъ повсюду.

Бичь траншей. Крысы, истребляемые во французских траншеях собаками-крысоловками. На нашем снимке изображена искусная крысоловка-истребительница этого бича траншей; у ног ее—трофей ее удачной охоты за день: около 100 крысы.

В траншеях второй линии, где люди располагаются на отдых, или в помешениях, где хранится провизия, вот где раздолье крысам, где их настоящее царство! Необыкновенно быстрое размножение крыс дѣлает оконную жизнь солдата невыносимой. Каждый придумывает всевозможные способы, чтобы защитить себя от дерзости и прожорливости этих маленьких хищников, но рано или поздно каждому приходится пострадать от них. По ночам люди не могут спать, так как крысы взбираются на их койки, бѣгают по одеялам и даже по лицам спящих.

Не даром говорится, что изобрѣтательность порождается необходимостью. Многие устроили себѣ проволочныя сѣтки, которыми покрывают себя и постель. Къ несчастью, проволоку, годную для таких сѣток, очень трудно достать, и счастливицы, которымъ тѣмъ или инымъ способомъ удалось раздобыть ее, вызываютъ всеобщую зависть. Остальные покрывают на ночь лицо кускомъ материи, но это является весьма слабой защитой, так как крысы преспокойно грызут матерію. Нѣкоторые, пользуясь тѣмъ, что крысы боятся огня, ставятъ возле себя на ночь маленькую зажженную лампочку.

Не менѣе несносны бываютъ крысы и днемъ. Ихъ присутствие

заставляетъ солдатъ быть постоянно на-чеку. Горе разсыпанному, который оставитъ на минуту свою бѣду. Черезъ секунду ее уже нѣтъ. Крысы грызутъ все, что имъ попадается. Онѣ не брезгаютъ даже кожаными поясами солдатъ.

Размножаются крысы необыкновенно быстро. Въ теченіе пяти недѣль одна пара крысъ можетъ произвести потомство въ шесть, восемь и даже десять штукъ. Посчитайте же, какого количества онѣ могутъ достигнуть въ теченіе года. Если предположить, что первая пара крысъ произведетъ въ теченіе пяти недѣль шесть крысъ, т. е. три новыя пары, которыя, въ свою очередь, произведутъ въ теченіе пяти недѣль восемнадцать крысъ или девять новыхъ паръ, то черезъ пятьдесятъ пять недѣль количество крысъ, происшедшихъ отъ первой пары, достигнетъ 521.838 штукъ.

Вполнѣ понятно, что подобный бичъ траншей тягостенъ для солдатъ, не только благодаря отвращенію, которое крысы всегда внушали людямъ, но и вслѣдствіе опасности, представляемой ими.

Если бы крысы ограничивались тѣмъ, что грызли въ остаткахъ, находящіяся въ траншеяхъ, и бѣгали по лицамъ спящихъ, то горе было бы еще не такъ велико. Но ихъ присутствие является источникомъ несравненно большихъ неприятностей. Впервые, онѣ побѣждаютъ не „остатки“, а рѣшительно все, что

Бичь траншей. Хвосты убитыхъ крысъ, затравленныхъ во французскихъ траншеяхъ. За каждый предъявленный хвостъ убитой крысы полагается награда въ 5 сантимовъ (около 3 коп. по нынѣшнему курсу).

Бить траншей. Англійскіе солдаты убиваютъ крысъ штыками и травятъ фоксъ-террьерами. Рисункъ А. Форестъе.

только попадаетъ на ихъ пути, а во-вторыхъ, онѣ являются опасными распространителями всевозможныхъ болѣзней.

Сѣетные припасы, бѣлье, бумага, даже сигары, все гибнетъ подъ острыми зубами этихъ хищниковъ-грызуновъ. Зло, причиняемое ими, не ограничивается траншеями. Оно распространяется на лазареты, цейхгаузы, даже на ангары, гдѣ крысы грызутъ и портятъ находящіяся тамъ аэропланы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Даніи и Англии было вычислено, что каждая крыса приноситъ ежедневно убытку на полтора сантима. Слѣдовательно, миллионъ крысъ съѣдаетъ ежедневно продуктовъ на 15.000 франковъ, въ мѣсяць — на 450.000 фр., а въ годъ — на 5.400.000 фр.

Въ траншеяхъ идетъ ожесточенная борьба съ крысами. Солдаты убиваютъ ихъ палками, топятъ ихъ, даже стрѣляютъ ихъ изъ ружей. Иногда устраиваются настоящія облавы на крысъ. Недавно отрядъ пѣхотинцевъ возлѣ Руа уничтожилъ въ теченіе одного дня 470 крысъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ офицеры назначаютъ нѣсколько человекъ специально для ловли крысъ. Одинъ изъ такихъ „специалистовъ“ былъ убитъ разорвавшимся возлѣ него снарядомъ въ тотъ моментъ, когда онъ записывалъ на доскѣ шестьдесятъ пятую крысу, убитую имъ въ это утро.

Изобрѣтательные солдаты устроили себѣ статью дохода изъ пойманныхъ крысъ. Они умерщвляютъ ихъ, вынимаютъ всѣ внутренности, а шкурки сушатъ на доскахъ. Шкурки идутъ на продажу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онѣ были въ большомъ ходу, особенно въ Калькуттѣ, гдѣ изъ кожи крысъ выдѣлываютъ перчатки, портмона, переплеты и т. д.

Солдаты убиваютъ крысъ особой отравой. Но самымъ большимъ успѣхомъ пользуются ловушки. Такъ какъ крысы быстро научаются узнавать и бояться ихъ, то въ траншеяхъ придуманъ слѣдующій хитроумный способъ: если въ ловушку попались двѣтри крысы, то ихъ убиваютъ не всѣхъ, а одну изъ нихъ оставляютъ, и на слѣдующее утро на эту одну обязательно попадаетъ еще нѣсколько штукъ.

Надо только ежедневно мѣнять живую приманку, оставляемую въ ловушкѣ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хранится провизія, солдаты заведи кошекъ, хотя въ траншеяхъ ихъ завести трудно. Зато туда отправлено 1.200 собакъ, обученныхъ и дрессированныхъ для борьбы съ крысами.

Какъ уже было сказано выше, убытокъ, приносимый ежедневно каждой крысой, достигаетъ полтора сантима. Было также вычислено, что ежегодный убытокъ, приносимый крысами, простирается во Франціи до 220 миллионѣвъ франковъ, въ Германіи до 260 миллионѣвъ, въ Англии до 325 миллионѣвъ и т. д. Въ виду этого во многихъ странахъ были назначены награды за поимку крысъ. Такъ, въ Даніи закономъ 1907 года была установлена награда въ восемь эръ (немного больше тринадцати сантимѣвъ) каждому, кто принесетъ властямъ голову крысы. Послѣдствія этого закона сказались очень быстро: въ теченіе двухъ лѣтъ было уничтожено 2.469.712 крысъ. Это стоило правительству 343.043 франка, но избавило страну отъ убытка въ 27 миллионѣвъ франковъ (считая по полтора сантима въ день на каждую крысу). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ слѣдующемъ приказѣ, изданномъ и опубликованномъ однимъ французскимъ генераломъ во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему частяхъ:

Борьба съ крысами.

Чтобы привлечь людей къ уничтоженію крысъ, симъ объявляется, что за каждую убитую крысу будетъ выдаваться по пяти сантимѣвъ. Награды будутъ выдаваться черезъ каждыя десять дней. Право на получение награды будетъ доказываться предъявленіемъ хвоста убитой крысы. Убитыя крысы должны быть немедленно закопаны, а отрѣзанные хвосты обернуты въ тряпку или бумагу, пропитанную смолой или керосиномъ.

Еще неизвѣстны цифры выданныхъ наградъ и слѣдовательно количество уничтоженныхъ крысъ, но, по словамъ офицеровъ тѣхъ частей, гдѣ былъ изданъ вышеприведенный приказъ, уже сильно чувствуется уменьшеніе этихъ „внутреннихъ“ враговъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1916 г., къ 1 апрѣля слѣдовало внести **не менѣе 5 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 30-го апрѣля — съ 18-го номера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и непременно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прислать **40 коп.** и **печатный адресъ.**

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 18

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Выданъ 30-го апрѣля 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку попарефъ въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 8.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, выплсавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адресъ: Москва, ред. журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. (122)

ВОЗЗВАНІЕ. Во имя Божіе и на молитву, христіанскими людьми, постройте въ Общ. Оаворской мужской пустыни богадѣльню-пріютъ для калѣкъ-воиновъ и солдатскихъ сиротъ. Пожертво. послать: почт. отд. Елово. Пермск. губ. Игумену Ювеналию съ братіею.

При ГОНОРРЕЪ

въ острой и хронической формѣ „ТІЗЕРИНЫ“ послѣдствія ея пріимается Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тізеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. кашсуль 2 р. 25 к. Двойного ар. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давык пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА
для грудныхъ дѣтей.

Получаются блестящіе результаты.

Брошюра № 12 по требованію бесплатно.
Англійское Акц. О-во „АЛЕНЪ И ГАНБУРИСЬ“.
Москва, Мясницкая, 32.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Личныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО**. Пробная лекція **БЕЗПЛАТНО**. Адресъ: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—56.

ГАМАМЕЛИДЪ

НОВОЕ СРЕДСТВО
отъ **ГЕМОРРОЯ** ц. 1.50 к.
Продажа въ аптекахъ и аптеч. магазинахъ.
Адресъ: Москва, Елоховская, 4. Е. Н. Германъ.

ЛЪЧЕВИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ

Москва, И. Басманная, д. 1А.
для страдающихъ **ЗАЙКАНИЕМЪ**
При лечебницѣ ПАНСІОНЪ. — ПЛАТА ПО ИЗДѢЧЕНІЮ. — Условія леченія высла. бесплатно.

Для гг. регентовъ! Къ современнымъ событіямъ. **МОЛЕБНАГО ПѢНІЯ** послѣдствіе. Ко Г-ду Богу пѣваемаго во время брани противъ супостатовъ, находящихся на ны. Соч. П. ЧЕСНОКОВА, Ор. 46, для смѣш. хора. Парг. 1 руб. Нов. каталогъ духовно-муз. сочиненія бесплатно. Москва, П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр., 14

ЮНОЕ ЛИЦО
нѣжное блѣое
лицо

Гладкая мягкая кожа
отъ прыщей и черн. точек.
Ароматическое мыло въ флакѣ
и въ коробкѣ.

МЫЛО ДЕРМОЗОН

СОВЕРШЕНСТВО

Средствъ другихъ косметическихъ средствъ
мыло Дермозонъ мыло Савозонъ
и мыло Алозонъ
Обладаете вниманіемъ на флакѣ
и въ коробкѣ въ фирмѣ
1-го СІВАБЕРГЪ и К.
Лондонъ, Парижъ,
Петроградъ.

80
всѣхъ
аптекахъ
и уличныхъ
косметическихъ
магазиновъ.

Книжный магазинъ **Е. Н. ГЕРАСИМОВОЙ**, Москва, Моховая ул., д. № 26.
Олесавичъ „Общественная жизнь Англіи“, съ рисун. д. 25 к. Андерсонъ „Исторія цивилизаціи Востока“, съ рисун. д. 50 к. Арнольдъ „Культура эпохи возрожденія“, д. 50 к. Бельше „Завоеваніе человѣка“, д. 30 к. Бельше „Происхожд. органич. жизни“, съ рис. д. 40 к. Бельше „Основы развитія органич. міра“, съ рис. 40 к. Бельше „Исторія естествознанія“, съ рис. д. 40 к. Барнацій „Современ. медицина“, д. 35 к. Боммели „Жизнь растений“, съ рисун. д. 55 к. Боммели „Миръ растений“, съ рис. д. 1 р. Боринскій „Театръ и современная театр. жизнь“, д. 1 р. Бренеръ „Астрономическіе вечера“, съ рис. д. 50 к. Веберъ „Панорама вѣковъ“, съ рис. д. 75 к. Вундтъ „Естествознаніе и психологія“, д. 50 к. Гартъ „Истор. западн. литерат. 19 вѣка“, съ рис. д. 50 к. Гаакъ „Человѣч. расы“, съ рис. 60 к. Гюнтеръ „Физическ. географ.“ съ рисун. 50 к. „Жизнь европейскихъ народовъ“, 3 выпуска, съ рис. д. 1 р. 25 к. Зомбартъ „Соціологическ. вѣдѣ“, д. 30 к. Клаермонтъ „Очеркъ полит. экономіи“, д. 45 коп. „Словарь юридическ. наукъ, осн. госуд. права и понат. о правѣ“, д. 1 р. 50 к. „Словарь биологическихъ наукъ“ въ 3-хъ выпускахъ, ц. 2 р. „Литературн. портр.“, д. 40 к. Лопе „Исторія литературы“, д. 50 к. „Лекція по общественной этикѣ“, д. 75 к. „Мультипуди и его произведенія“, д. 60 к. Мутеръ „Изд. исторія искусствъ“, д. 75 к. „Новѣйш. успѣхи культуры“, 7 книгъ, съ мног. рис., д. 2 р. 25 к. „Главн. теченія мировой литер.“ въ 2-хъ выпускахъ, съ рис. д. 1 р. 40 к. Полендъ „Въ странѣ свободн.“ съ рис. д. 1 р. Ру „Исторія искусствъ“, съ рис. д. 75 к. Сельсодъ и Метонъ „Новѣйш. исторія съ 1815 г. до нашихъ дней“, 2 части 3 р. „Искусство 19 вѣка“, д. 50 к. Замло „Политика“, д. 80 к. Эмерсонъ „Вѣліе людѣ“, съ рисун. д. 75 к. „Словарь историческ. и социальн.-политическ. съ портретами 1250 стр. д. 3 р. „Ежегодникъ челоѣческой культуры“, съ многочисл. рисун., около 800 стр., ц. 3 руб. „Узнаемъ войны и ея конецъ“. Объясн. войны, полев. война, осада, война на морѣ, смертность на войнѣ и уходъ за ранеными, съ рис. д. 80 коп. Иногородн. высылаются наложен. платежомъ по полученіи задатка, можно марками. При выискѣ не менѣе какъ на 5 руб. пересылка бесплатно. Выписывающимъ не менѣе какъ на 10 руб. прилагается премія.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22.
Мезько, Н. СТИХОТВОРЕНІЯ. Съ предисловіемъ К. Р. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

„РОБОСТО“

Доктора **МАНКЕНЪ**

Питательное средство для укрѣпленія нервной системы. — Препаратъ — порошкообразный весьма удобенъ для приема. Рекомендуются при нервномъ истощеніи

Валльямъ А. МАНКЕНЪ, Москва, Фуркасовскій пер., 6. Отд. 7.
Рецептъ и проба препарата высылаются даромъ.

старческая дряхлость,

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственныя настоящая, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, [жидкостей и вытяжекъ изъ съменныхъ железъ, какъ нигкуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ **Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ**. ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Перчатка, брошенная через океанъ.

(Политическое обозрѣніе).

Рѣшительная, почти ультимативная, нота президента Вильсона по адресу Германіи доказала, что всему на свѣтѣ есть предѣлы—даже американскому долготерпѣнію. Долго терпѣли американцы самое безцеремонное издѣвательство нѣмцевъ. Со времени взрыва „Лузитаніи“, на которой утонулъ одинъ изъ крупнѣйшихъ нью-йоркскихъ милліардеровъ, германскіе морскіе пираты пустили ко дну, вмѣстѣ съ потопленными при помощи подводныхъ минъ пассажирскими и коммерческими судами, не одну сотню американскихъ гражданъ, и на каждое новое злодѣйство нѣмецкихъ подводниковъ американское правительство всякій разъ преподносило германскимъ министрамъ длинныя и обстоятельныя нравоученія. Къ сожалѣнію, нравоученія оказываются и въ политикѣ столь же слабодѣйствующимъ средствомъ, какъ и въ воспитаніи. Они предоставляли случай президенту Вильсону высказать передъ цѣлымъ міромъ всю широту своихъ моральныхъ взглядовъ, но нисколько не мѣшали подчиненнымъ адмирала Тирпица продолжать и дальше придерживаться на практикѣ совсѣмъ иныхъ правилъ и инструкцій. Въ теченіе добрыхъ полутора лѣтъ на международной аренѣ разыгрывалась юмористическая сцена изъ крыловской басни про кога и повара. Наконецъ это невинное занятіе, повидимому, стало надобно и самому президенту Вильсону. Послѣ потопленія германской лодкой мирнаго пассажирскаго парохода „Суссексъ“ онъ счелъ необходимымъ заговорить съ нѣмцами инымъ языкомъ. Съ высотъ заоблачной морали онъ спустился на грѣшную землю и сталъ трактовать вопросъ уже не какъ моралистъ, а какъ практической дипломатъ. Напоминаая, что потопленіе невооруженныхъ коммерческихъ и пассажирскихъ пароходовъ минами считается однимъ изъ самыхъ ужасныхъ примѣровъ безчеловѣчности подводной войны въ томъ видѣ, въ какомъ она ведется командирами германскихъ подводныхъ лодокъ, американская нота ставитъ въ упрекъ германскимъ морякамъ, что они не даютъ спастись мирнымъ лицамъ, находящимся на потопленныхъ судахъ, и пускаютъ смертоносныя мины въ пароходы безъ всякаго предварительнаго предупрежденія. Не считая возможнымъ чѣмъ бы то ни было оправдать бессмысленную жестокость такихъ массовыхъ убійствъ среди океановъ, глава американскаго правительства обратился къ Германіи съ угрозою, что, въ случаѣ, если она не измѣнитъ немедленно пріемовъ подводной войны, американская республика тотчасъ же прекращаетъ съ нею всякія дипломатическія сношенія. Прекращеніе дипломатическихъ сношеній еще не равносильно формальному объявленію войны, но на языкѣ дипломатовъ уже представляетъ собою угрозу войной, потому что съ тѣми, съ кѣмъ уже не общаются человѣческимъ словомъ, можно сноситься только при посредствѣ физической силы. Ультимативный характеръ американской ноты не позволяетъ на этотъ разъ нѣмцамъ отдѣлаться одними обѣщаніями и чисто-словесными уступками съ выраженіями сожалѣнія къ участи невинно-погибшихъ отъ подводнаго пиратства мирныхъ людей. Германія будетъ вынуждена пойти или на разрывъ съ Америкой или на уступки ея требованіямъ.

Президентъ Вильсонъ усиленно подчеркиваетъ, что онъ борется не за интересы и права С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за права всѣхъ нейтральныхъ странъ. Протестъ, предъявленный во имя основныхъ принциповъ культуры, долженъ получить не какое-нибудь половинчатое, но полное и цѣлостное удовлетвореніе. Но возможно ли для Германіи отступленіе назадъ послѣ открытаго моральнаго столкновенія съ цѣлымъ міромъ? Формальное признаніе своей неправоты и своего варварства уронытъ германское правительство въ глазахъ собственного народа и въ то же время лишитъ его одного изъ главныхъ ресурсовъ въ борьбѣ съ морскимъ господствомъ Англіи. Присоединеніе слабого американскаго флота и совершенно ничтожной американской арміи къ европейской коалиціи почти ничѣмъ не отразится на тѣвѣрѣ военныхъ дѣйствій, поведетъ только къ еще лучшему военному снабженію союзниковъ, къ полному закрытію для нѣмцевъ всѣхъ морскихъ сообщеній и къ окончательному захвату всѣхъ нѣмецкихъ торговыхъ судовъ, интернированныхъ въ гаваняхъ Америки. Захватъ гигантскихъ пароходовъ гамбургской линіи, по которой американцы уже послали отряды полиціи въ видахъ предупрежденія какихъ-нибудь попытокъ со стороны судовыхъ командъ къ бѣгству или къ порчѣ механизмовъ, будетъ первымъ американскимъ призомъ въ предстоящей войнѣ. Онъ возмѣститъ весь тотъ ущербъ, который германскія подводныя лодки нанесли и еще нанесутъ коммерческому флоту міра. Американскій промышленный геній сдѣлаетъ свое дѣло въ смыслѣ дальнѣйшаго гигантскаго роста всевозможныхъ механическихъ способовъ обузданія Германіи. Чисто-промышленное соперничество Америки значительно ускоритъ побѣду Европы и еще больше усилитъ строгости морской блокады, подлежащей изоллировать нѣмцевъ и ихъ союзниковъ отъ остальнаго міра. Но несомнѣнно, что еще важнѣе будетъ моральное значеніе разрыва. Послѣ присоединенія къ европейской коалиціи Америки, притомъ не по мотивамъ расового родства съ англичанами, а по мотивамъ моральнаго протеста противъ германскихъ пріемовъ веденія войны, Германія почувствуетъ, что противъ нея воюетъ весь цивилизованный міръ. Англія, Россія, Франція, Італія, Японія, Сербія, Черно-

горія, Австралія, Канада, Португалія, бывшая Бурская республика, Америка,—всѣ культурные народы, всѣ государства, всѣ матеріки, всѣ части свѣта,—все поднялось противъ германскаго варварства и насильничества. Весь человѣческій родъ ополчился противъ враговъ человѣческаго рода. Не служить ли это объединеніе всего человѣчества знаменіемъ скорой побѣды и близкаго мира?

Приказъ генералиссимуса Жоффра къ верденскимъ войскамъ. Генералиссимусъ Жоффръ отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ, стоящимъ подъ Верденомъ: «Солдаты верденской арміи. Уже три недѣли, какъ вы стойко выдерживаете самый чудовищный натискъ, который нашъ врагъ пытался произвести на насъ въ теченіе этой войны. Германія учитывала успѣхъ этого своего успѣха, она считала его непреодолимымъ и посвятила ему свои лучшія войска и самую могучую артиллерию. Германія надѣялась, что взятіе ею Вердена ободритъ духъ ея союзниковъ и убѣдитъ нейтральныя страны въ превосходствѣ германскихъ силъ.

Однако она строила свои расчеты безъ васъ. Между тѣмъ вы ежедневно и еженочно, несмотря на безпримѣрный артиллерійскій огонь, развиваемый противникомъ, отражали всѣ его атаки и удерживались на своихъ позиціяхъ.

Борьба еще не закончилась. Германцы жаждутъ побѣды, но вы сумѣете ее у нихъ вырвать. У насъ изобиліе военныхъ припасовъ и многочисленныя резервы. Но важнѣе всего то, что вы сохраняете непреодолимо мужество и непоколебимую вѣру въ судьбу республики. На васъ обращены взоры всей страны. Потомки скажутъ о васъ: это они заградили германцамъ дорогу въ Верденъ».

Наша артиллерія на кавказскомъ фронтѣ. Сверхчеловѣческія героическія усилія, проявленныя доблестной кавказскою арміею, ярко рисуетъ корреспондентъ «Тифлискаго Листка». Невѣроятной крутизны горныя подъѣмы чередовались невѣроятной трудностью спусками, которые приходилось преодолевать нашей артиллеріи.

Пѣхота, спускаясь, просто садилась и быстро катилась внизъ по крутымъ скаламъ, какъ бы на салазкахъ. Лошади, какъ вьючныя, такъ и верховыя, присѣдали на заднія ноги и, опираясь на переднія, медленно спускались внизъ. Верблюдами были устѣяны всѣ скаты, никакія угрозы не могли принудить выбившихся изъ силъ верблюдовъ двинуться впередъ. Брошенные проводники, съ величайшею поднятій головой, застывшие въ неподвижной позѣ, они ожидали неминуемое. Временами что-то мелькало въ воздухѣ, быстро исчезая: это сорвавшіяся вьючныя животныя, летѣвшія подлѣ откосъ. И по этому скату должна была пройти артиллерія.

Попытку пользоваться лошадьми всѣ считали бессмыслицею, а потому съ самаго начала за спусканіе орудій, лафетовъ и передковъ взялись люди. Уложенныя на трехъ соединенныхъ между собою салазкахъ спускались внизъ разобранныя на три части орудія. Двигались медленно, но устойчиво. Приходилось одновременно и тянуть и придерживать, въ особенности на крутыхъ спускахъ, и послѣднее было гораздо труднѣе, такъ какъ раскатившіяся салазки, нагруженныя десятками пудовъ, надо было удерживать по крутымъ скаламъ, силою обледевшихъ рукъ.

Стоялъ сильный морозъ, бушевала метель. Люди же побросали съ себя все теплое, такъ какъ сама работа согрѣвала ихъ и требовала ничѣмъ не стѣсняемаго движенія; малѣйшая неточность, несогласованность работы, ослабленіе энергіи угрожали опасностью не только спускаемымъ орудіямъ, но также спускавшимъ ихъ людямъ. Сорвавшееся орудіе неминуемо разбилося бы само и смяло бы по дорогѣ все, что встрѣтило бы на своемъ пути. Сознавшіе отвѣтственность работы, люди спускали орудія въ теченіе всего дня; начиная съ разсвѣтомъ, они кончили работу поздно ночью. О дѣлѣ нечего было и думать. Впередъ уходилъ разгромленный врагъ, спасая и собирая остатки арміи, его надо было настичь во что бы то ни стало и нанести ему смертельный ударъ. Артиллерія сбивала ихъ съ неприступныхъ горъ, расчищая дорогу побѣдоносной пѣхотѣ, и она должна была принять участіе и въ преслѣдованіи, чтобы довершить начатое. Уставшие на-смерть люди, обезсиленные тяжелой работой въ теченіе всего дня, спотыкались, падали, вновь поднимались, судорожно цѣпляясь за канаты, и все дальше и дальше уходили внизъ шагъ за шагомъ. Постепенно вырастала передъ ними отвѣсная стѣна, указывая на пройденный путь: надо было голову закинуть, чтобы увидѣть оставшіяся позади гребень.

Наша войска во Франціи. Генералиссимусъ Жоффръ обратился къ войскамъ со слѣдующимъ приказомъ по арміи:

«Наша вѣрная союзница Россія, армія которой столь доблестно сражается противъ Германіи, Австріи и Турціи, захотѣла дать намъ новый великій залогъ своей дружбы и еще болѣе блестящее доказательство своей преданности общему дѣлу.

Русскіе солдаты, набранные среди выдающихся храбрецовъ, являются къ намъ подъ командою самыхъ заслуженныхъ офицеровъ, сражаются въ нашихъ рядахъ. Вы примете ихъ, какъ братьевъ, и выкажете имъ ту глубокую симпатію, которую вы питаете къ тѣмъ, кто покинулъ родину, чтобы сражаться рядомъ съ нами.

Отъ имени французской арміи я привѣтствую офицеровъ и солдатъ русскихъ войскъ, высадившихся во Франціи. Я преклоняюсь передъ ихъ знаменами, на которыхъ скоро будутъ начертаны славныя имена общихъ побѣдъ».

Нѣмцы переиздаютъ мѣдныя крыши на пушки. «Вѣстникъ X арміи» передаетъ, что въ германскихъ газетахъ напечатанъ императорскій приказъ о замѣнѣ мѣдныхъ крышъ на всѣхъ дворцовыхъ зданіяхъ желѣзными или шиферными.

Согласно этому приказу уже сорвана замѣчательная художественная крыша съ потсдамскаго дворца и приступлено къ снятію мѣдныхъ листовъ съ крышъ другихъ берлинскихъ дворцовъ.

Подъ дѣйствіе императорскаго указа подпадаютъ 66 зданій въ различныхъ мѣстахъ Германской имперіи. Высчитано, что въ результатѣ принятой отчаян-

вой мѣры заводы, работающіе на военную оборону, получают около тысячи тонн мѣди, и что этого запаса хватит приблизительно на неделю.

Изъ сообщеній нейтральныхъ газетъ видно, что въ Германіи эта мѣра произвела весьма тяжелое впечатлѣніе. Когда рабочіе приступили къ снятію крыши съ потсдамскаго дворца, вокругъ собрались толпы народа, при чемъ многіе плакали.

На нумды воиновъ. Для вызываемыхъ войною нуждъ и для помощи раненымъ и здоровымъ воинамъ основанъ при Аничковскомъ Дворцѣ Собственный Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Складъ.

Складъ этотъ открылъ свою дѣятельность 1-го августа 1914 года, т.-е. непосредственно вслѣдъ за возникновеніемъ военныхъ дѣйствій. И дѣятельность вскорѣ показала, какъ велика была нужда въ этомъ высоко-благотворительномъ учрежденіи, и какую важную роль ему удалось сыграть въ дѣлѣ помощи воинамъ.

Въ настоящее время вышелъ отчетъ о дѣятельности Склада. Изъ сухихъ и краткихъ строчекъ и цифръ этого краткаго и сжатаго отчета видно, какъ много добра сдѣлано этимъ учрежденіемъ за отчетный періодъ.

Достаточно сказать, что на средства Склада и благодаря энергіи его дѣятелей удалось открыть и содержать цѣлый рядъ крупныхъ учрежденій:

Три госпиталя, работающіе въ Минскѣ, Кіевѣ (ранѣе въ Львовѣ) и Тифлисѣ. Каждый изъ этихъ госпиталей оборудованъ на 250 кроватей и въ случаѣ надобности можетъ развернуться на еще большее количество коекъ. Всѣ эти госпитали имѣютъ рентгеновыя кабинеты.

Два лазарета на 20 офицерскихъ кроватей и на 80—140 коекъ для нижнихъ чиновъ—въ Петроградѣ и Гатчинѣ.

Затѣмъ санаторія въ Балаклавѣ для выздоравливающихъ офицеровъ—на 25 человекъ.

Далѣе, два превосходно оборудованныхъ военно-санитарныхъ поѣзда: одинъ на 1.000, другой на 400 человекъ раненыхъ.

И наконецъ передовой перевязочно-питательный отрядъ, состоящій изъ пяти вагоновъ и одной платформы съ автомобилемъ и палаткой. Отрядъ оборудованъ полнымъ инвентаремъ и приспособленіями (паровая кухня), дающими возможность отпускать ежедневно отъ 7-ми до 8-ми тысячъ обѣдовъ и такое же количество чайныхъ порцій.

Въ теченіе отчетнаго періода (съ 1-го августа 1914 года по 1-е августа 1915 года) въ госпитали, лазареты, санаторію и поѣзда поступило 904 офицера и 17.322 нижнихъ чина. Передовымъ перевязочно-питательнымъ отрядомъ за этотъ срокъ было перевезено раненыхъ съ передовыхъ позицій въ ближайшій эвакуаціонный пунктъ 3.435 человекъ, сдѣлано 9.278 перевязокъ и отпущено 153.776 порцій обѣдовъ и 54.654 порцій чая.

Въ теченіе года Складъ послалъ въ свои учрежденія и непосредственно въ войсковыя части множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ продовольствія. Такъ, между прочимъ, было послано въ армию 398.793 штуки разнаго бѣлья, 25 пудовъ салочнаго матеріала, 1.059 пудовъ мыла, 253 пуда печенья, шоколаду и т. п. 10.100 банокъ консервовъ, 107.837 кисетовъ, 426 пудовъ сахара, свыше милліона папиросъ и т. п.

Общій расходъ по Складу выразился въ цифрѣ 1.246.567 р. 55 коп.

Изъ этихъ цифръ и данныхъ видно, какъ много было сдѣлано Складомъ только за одинъ годъ войны. Прекрасно поставленное учрежденіе, основанное во имя любви къ сражающимся воинамъ, оправдало свою цѣль самымъ блестящимъ образомъ. И недаромъ Складъ при Аничковскомъ Дворцѣ пользуется уже давно любовью и популярностью какъ среди военныхъ, такъ и у тѣхъ, которые содѣйствуютъ его благотворительной дѣятельности своими неустанными пожертвованіями. Не можетъ оскудѣть рука дающаго на великое дѣло помощи самому для насъ ближнему—нашему защитнику-воину.

Письма военнопленныхъ. Въ «Гусскомъ Инвалидѣ» напечатанъ интересный приказъ по московскому военному округу:

Военной цензурой обнаружено, что огромное количество открытых писемъ военнопленныхъ содержитъ междустрочный невидимый текстъ.

Командующій войсками приказалъ: 1) объявить всѣмъ находящимся въ кругу военнопленныхъ, что тѣ изъ нихъ, у кого въ письмахъ будетъ обнаруженъ невидимый текстъ, будутъ лишены права переписки; 2) воспретить военнопленнымъ пользование открытками изъ грубой разноцвѣтной бумаги и 3) установить, чтобы военнопленные писали на мѣловой бѣлой, блестящей бумагѣ или на открыткахъ изъ проклеенной бумаги, употребляемой для большинства сарточекъ почтоваго вѣдомства.

Въ началѣ войны письма военнопленныхъ содержали секретныя сообщенія подъ марками. Нѣмцы воспользовались крупнымъ размѣромъ написъ благотворительныхъ марокъ. Даже письма изъ Копенгагена и Стокгольма оплачивались этими марками.

Подъ благотворительными марками германцы ухитрились помѣщать цѣлыя посланія. Выработалось настоящее искусство. Писали фабричнымъ карандашомъ очень плотнаго графита, карандашъ оттачивался какъ иглока, уголь оверта помѣщали во время письма на стеклянную поверхность. Получалась онкая невидимая паутинка надписей. На нее наклеивали марку. Достаточно ыло окунуть уголь въ холодную воду, какъ черезъ десять минутъ подъ лупу можно было прочесть все письмо.

Секретъ былъ открытъ довольно быстро, пришлось нѣмцамъ придумать новую способъ нелегальной переписки, и вотъ они стали невидимо писать между строкъ. Невидимый текстъ между строкъ удалось обнаружить довольно легко. Писали въ большинствѣ случаевъ лимонной кислотой. На мѣловой или лестающей бумагѣ писать между строкъ незамѣтно гораздо труднѣе, даже почти невозможно.

Какъ писать въ дѣйствующую армию. Управление городскихъ телеграфовъ въ Петроградѣ, озабочиваясь правильнымъ и незамедлительнымъ доставленіемъ телеграммъ, адресованныхъ чинамъ дѣйствующей армии, считаетъ необходимымъ напомнить отправителямъ, что адреса этихъ телеграммъ должны обязательно имѣть лишь слѣдующія указанія:

а) отгѣтка «Въ дѣйствующую армию», б) наименованіе воинской части или учрежденія армии, въ коемъ служатъ адресатъ (полкъ, госпиталь, штабъ т. п.) и в) имя, отчество и фамилія адресата.

Безусловно не подлежатъ приему тѣ телеграммы, въ коихъ къ приведен-

ному адресу добавлено указаніе о мѣстѣ расположенія части или о высшихъ войсковыхъ соединеніяхъ, т.-е. не слѣдуетъ добавлять, къ какой армии, дивизіи, корпусу причисленъ полкъ, бригада и т. д.

Курсы для увѣчныхъ воиновъ. По сообщенію Главнаго Штаба, нижеподнаменованными учрежденіями и лицами, при содѣйствіи министерства земледѣлія, открываются слѣдующія курсы для увѣчныхъ воиновъ:

1. Бердянская земская управа (Преславская земская садовая ферма, Бердянскаго уѣзда, Таврической губ.). Съ 15-го мая по 15-е іюля—по огородничеству, плодоводству, виноградарству, шелководству, пчеловодству и молочному хозяйству.

2. Изюмское сельскохозяйственное общество (гор. Изюмъ, Харьковской губ.). Съ 1-го мая по 1-е іюня—по пчеловодству.

3. М. В. Рудневъ (въ хозяйствѣ, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской губ.). Съ 15-го апрѣля по 15-е іюня—по пчеловодству, садоводству и огородничеству.

4. Г. А. Лаасъ (при фермѣ близъ города Юрьева, Лифляндской губ.). Съ 20-го февраля по 20-е мая по полеводству, луговодству, скотоводству, молочному хозяйству, садоводству и пчеловодству.

5. Московское общество распространенія сельскохозяйственныхъ знаний въ народѣ. (Хозяйство М. К. Мамоновой, Клинскаго уѣзда, Московской губ.). Съ конца марта 1916 года до сентября—по птицеводству.

6. Вятская губернская земская управа (при вятской земской пасѣкѣ; для мѣстныхъ уроженцевъ). Съ мая 1916 года—по пчеловодству.

7. Тверское сельскохозяйственное общество (Тверь). Съ 1-го мая по 1-е августа 1916 года для подготовки счетоводовъ—дѣлопроизводителей кредитныхъ и потребительныхъ кооперативовъ.

8. Нижегородская губернская земская управа (Нижній-Новгородъ). Во второй половинѣ 1916 года—для подготовки мастеровъ по изготовленію наглядныхъ учебныхъ пособій.

9. Бендерская уѣздная земская управа (10 пунктовъ Бендерскаго уѣзда). Весна, лѣто 1916 года—по пчеловодству и шелководству.

Учрежденіемъ этихъ курсовъ имѣется въ виду подготовить увѣчныхъ воиновъ къ веденію собственного болѣе совершеннаго хозяйства или къ службѣ по сельскому хозяйству въ правительственныхъ и сословно-общественныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ.

На курсы принимаются уволенные отъ военной службы навсегда нижние воинскіе чины, способные, по состоянію увѣчья и здоровья, заниматься перечисленными выше отраслями сельскаго хозяйства.

Такъ, напримѣръ, на курсы пчеловодовъ могутъ поступать лица, сохранившія одинъ глазъ и способные передвигаться безъ посторонней помощи и владѣть руками, хотя бы лишенными нѣсколькихъ пальцевъ.

Для поступления на курсы требуется умѣніе удовлетворительно читать, писать и знать четыре правила арифметики. Преимущество отдается лицамъ, знакомымъ съ той отраслью хозяйства, которой они желаютъ себя посвятить.

Обученіе и содержаніе на курсахъ во все время обученія на нихъ—бесплатное. Для опредѣленія на курсы нижнимъ воинскимъ чинамъ надлежитъ обращаться къ поименованнымъ выше устроителямъ курсовъ.

Министерство земледѣлія (по департаменту земледѣлія) намѣтило устройство въ ближайшее время подобныхъ же курсовъ въ различныхъ губернияхъ и областяхъ, при содѣйствіи земскихъ управъ, крупныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ, сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній и правительственныхъ агрономовъ.

Намѣчены къ открытію слѣдующіе курсы: по садоводству, по огородничеству, по пчеловодству, по лѣкарственнымъ растениямъ, по цвѣтоводству, по сѣменоводству огородному и цвѣточному, по виноградарству и винодѣлію; для подготовки старшихъ скотниковъ; по пчеловодству, по птицеводству; для подготовки счетоводовъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ; для подготовки старшихъ рабочихъ или сельскохозяйственныхъ старостъ агрономической помощи; для подготовки конторщиковъ для имѣній; сельскохозяйственныхъ монтеровъ по уходу за двигателями внутреннего горѣнія и сельскохозяйственными тракторами; сельскохозяйственныхъ монтеровъ по уходу за уборочными машинами; сельскохозяйственныхъ монтеровъ по уходу за сложными молотилками и локомотивами; для подготовки мастеровъ по устройству трубчатыхъ колодезевъ и сельскому водоснабженію; для подготовки десятниковъ земельныхъ улучшеній, для подготовки мастеровъ—поливщиковъ, надсмотрщиковъ по распределенію воды и наблюдателей при гидрометрическихъ постахъ и станціяхъ.

О такомъ новомъ видѣ помощи раненымъ воинамъ главный штабъ объявляетъ для свѣдѣнія уволенныхъ въ первоначальное состояніе нижнихъ воинскихъ чиновъ и учреждений, въ вѣдѣніи которыхъ означенныя лица состоятъ.

Вліяніе войны на птицъ и животныхъ. Петроградское общество натуралистовъ-любителей обратилось ко всѣмъ любителямъ природы и охотникамъ съ просьбой сообщить ему свои наблюденія о вліяніи военныхъ дѣйствій на жизнь пернатыхъ и четвероногихъ представителей нашей отечественной фауны и замѣченныя ими отклоненія отъ нормальнаго хода періодическихъ явленій въ жизни птицъ и животныхъ.

Война безусловно оказала огромное вліяніе на жизнь фауны въ мѣстахъ, объятыхъ военными дѣйствіями.

Большее всего наблюденій до сихъ поръ сдѣлано надъ птицами.

Такъ, по сообщенію «Биржевыхъ Вѣдомостей», французскій зоологъ Кюниссо-Карно указываетъ, что въ мѣстахъ, гдѣ происходили бои, птицы потеряли всякое спокойствіе, метались днемъ и ночью, кричали и детали въ разныя стороны, не зная, куда дѣться. Изъ перелетныхъ птицъ тѣ, которыя живутъ къ югу отъ зоны военныхъ дѣйствій, совершили свой полетъ въ теплыя страны въ обычномъ направленіи, но начали его нѣсколько раньше, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, аисты. Чтѣ же касается перелетныхъ птицъ, живущихъ къ сѣверу отъ зоны военныхъ дѣйствій, то онѣ обогнули лѣвую фронтъ и вмѣсто Франціи полетѣли черезъ Швейцарію и Італію. Такъ, дрозды, которые изъ Германіи и Скандинавіи ежегодно огромными стаями пролетаютъ на югъ черезъ Бургундію, не показывались тамъ. Точно также не было видно пролетающихъ въ октябрѣ жаворонковъ. Во Фландріи и Голландіи не было ни болотной ни водяной птицъ, и такъ далѣе. По другимъ наблюденіямъ русскихъ натуралистовъ, въ первый годъ войны въ Завислнскомъ краѣ исчезли галки, грачи, жаворонки не оглашали полей, и даже воробьевъ

стало мало. Орлы, постоянные жители Карпатъ, перекочевали на Балканы, исчезли съ Карпатъ и дикіе голуби.

Предсѣдатель русскаго орнитологическаго комитета Д. М. Россинскій отмѣтилъ вліяніе военныхъ дѣйствій на перелетъ птицъ. Такъ обычно, въ центральную Сибирь птицы тянутся весною съ юга на сѣверъ, въ Восточную Сибирь—съ юго-востока на сѣверо-западъ и въ Европейскую Россію—съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Такъ какъ военные дѣйствія происходятъ какъ разъ въ районѣ этихъ перелетныхъ путей, то это сильно отразилось на перелетѣ птицъ, въ особенности, вальдшнеповъ и аистовъ.

Одинъ изъ извѣстныхъ московскихъ охотниковъ-птицеводовъ В. Ф. Раздобаровъ вспоминаетъ, что въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. подъ Москвою замѣчалось необычайное количество вальдшнеповъ.

Упомянутый выше Кюниссо-Карно отмѣтилъ появленіе въ лѣсахъ Франціи черезъ нѣкоторое время послѣ начала войны многочисленныхъ стай кабановъ, которые спускались съ Вогезъ и Арденнъ, напуганные гуломъ пушекъ и ружейной стрѣльбой.

Извѣстный орнитологъ профессоръ Д. Н. Кайгородовъ высказывается слѣдующимъ образомъ:

«Обращеніе петроградскаго общества натуралистовъ очень интересно. Меня лично вопросъ этотъ крайне интересуетъ, и я давно собираю отдѣльные наблюденія.

Недавно мнѣ сообщали, что замѣчается необычайный наплывъ гусей на сѣверъ. Ясно, что это—гуси, которые не могли обѣсть въ Митавѣ и Бѣлоруссіи, благодаря происходящимъ тамъ военнымъ дѣйствіямъ, и улетѣли дальше. То же самое и относительно утокъ: ихъ очень много появилось на рѣкѣ Волховѣ.

Конечно, было бы преждевременно утверждать, что то или иное отклоненіе отъ обычной нормы есть непремѣнное слѣдствіе военныхъ дѣйствій; но война дала уже и дастъ еще много интересныхъ дѣйствій наблюдений въ этомъ отношеніи.

Отдѣльные факты уже имѣются. Такъ, мнѣ извѣстно, что отдѣльныя породы птицъ, совершающія свой перелетъ обыкновенно черезъ Польшу, появились нѣкоторое время тому назадъ на островѣ Эзелѣ. Въ Таврической губерніи въ прошломъ году наблюдалось обиліе всевозможной птицы, и именно тѣхъ породъ, которая совершаютъ свой перелетъ черезъ Карпаты.

Тѣ птицы, гнѣздовья которыхъ располагались обыкновенно въ мѣстностяхъ, охваченныхъ военными дѣйствіями, поневолѣ принуждены были покинуть насиженные гнѣзда и переселиться въ другія мѣста, что вызываетъ усиленный притокъ отдѣльныхъ видовъ птицъ въ нѣкоторые мѣстности.

Что касается животныхъ, то наблюденія надъ ними менѣе удобны, чѣмъ наблюденія надъ пернатыми, хотя массовыя перекочевки животныхъ и могутъ быть отмѣчены.

Но еще разъ повторяю: я не могу пока высказать окончательное сужденіе до конца войны, когда у меня будетъ достаточное количество данныхъ».

Къ свѣдѣнію родственниковъ плѣнныхъ. Предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи первоприсутствующій сенаторъ А. Н. Кривцовъ считаетъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что при посѣщеніи одной изъ сестеръ милосердія германскихъ лагерей находившіяся въ нихъ наши плѣнные убѣдительно просили довести до свѣдѣнія ихъ родственниковъ, чтобы въ посылаемыхъ имъ письмахъ не называли ихъ казаками, такъ какъ нѣмцы въ случаѣ обнаруженія воинскаго званія сихъ плѣнныхъ производятъ надъ ними жестокую расправу.

Положеніе нашихъ плѣнныхъ въ Австро-Венгріи. Осматривавшія въ составѣ делегаціи съ представителями датскаго Краснаго Креста лагеря военнопленныхъ въ Австро-Венгріи сестры милосердія В. Г. Масленникова, А. В. Романова и княгиня Н. Г. Яшвилъ сдѣлали въ главномъ управленіи Краснаго Креста доклады о своей поѣздкѣ.

Общее впечатленіе всѣхъ трехъ сестеръ: положеніе русскихъ плѣнныхъ въ Австро-Венгріи, несмотря на кажущіяся внѣшнія довольно сносныя условія ихъ существованія, все же тяжело до чрезвычайности.

За немнѣшное помыщеніе большинство плѣнныхъ жило въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ на поляхъ, обнесенныхъ колочей проволокой, гдѣ они должны были вырывать себѣ ямы, чтобы укрываться отъ холода и дождя; и на этой голой сырой землѣ многимъ изъ нихъ приходилось лежать раздѣтыми и разутыми, такъ какъ у большинства взятыхъ въ плѣнъ отбились не только сапоги и шинели, но и деньги и знаки отличія, до тѣльныхъ крестовъ включительно. За отказъ отдать добровольно требуемое—угрожали расстрѣломъ, и, по словамъ очевидцевъ, были случаи, когда отказавшіяся снять сапоги были заколоты карауломъ.

Въ Естергомѣ, въ сентябрѣ 1914 года, возникла страшная эпидемія холеры. Медицинская помощь совершенно отсутствовала.

Питаніе военнопленныхъ расчитано такимъ образомъ, что, поддерживая жизнь, оно ведетъ къ медленному и полному истощенію организма, и хотя это недобѣданіе не даетъ большого процента смертности въ данный моментъ, но грозитъ въ будущемъ, если не вымираніемъ отъ туберкулеза и острога малокровія, то, во всякомъ случаѣ, потерей трудоспособности. Есть основаніе опасаться за уменьшеніе папка военнопленныхъ. При этомъ туберкулезныхъ больныхъ совершенно не лѣчатъ.

Благодаря обувному кризису, у плѣнныхъ отнимали ихъ собственную обувь, замѣнявъ ее тяжелыми, выдолбленными изъ дерева, башмаками, въ которыхъ почти невозможно ходить.

Частая недоразумѣнія происходятъ на почвѣ непониманія языка, что влечетъ за собой тяжелыя наказанія.

Однимъ изъ самыхъ жестокихъ наказаній для плѣнныхъ служитъ подвѣшиваніе. Военнопленные подвѣшиваются часто по произволу, такъ что ноги совершенно не касаются земли: они висятъ всей тяжестью своего тѣла, и, благодаря сильному напряженію, получается крайне неправильное кровообращеніе,—кровь идетъ изъ горла и носа, и наказанный теряетъ сознаніе; тогда его отпускаютъ, приводя въ чувство и снова подвѣшиваютъ; это повторяется до тѣхъ поръ, пока плѣнный не отбудетъ положеннаго срока наказанія, послѣ чего его въ обморочномъ состояніи относятъ въ баракъ, а часто и въ больницу. Такое подвѣшиваніе является жестокой пыткой, влекущей за собой тя-

желыя физическія послѣдствія, какъ, напримѣръ, отеки и атрофію конечностей, а иногда и психическое разстройство.

Кромѣ подвѣшиванія, примѣняется также сковываніе руки съ ногой. За провинности одного человѣка наказываютъ весь баракъ оставленіемъ на сутки безъ хлѣба, а часто и безъ нищи. Еще одной изъ мѣръ наказаній является арестъ.

Въ лагерѣ Пургшталь австрійскій унтеръ-офицеръ при офицерскомъ отдѣленіи отличался особой жестокостью; онъ прижигалъ спящимъ денщикамъ пятки горящей спарой. Въ лагерѣ Висельбургъ подобное издѣвательство надъ плѣнными позволяетъ себѣ австрійскій офицеръ, прижигавшій солдатамъ лица напирисой; сестра лично видѣла слѣды ожоговъ на лицахъ двухъ солдатъ.

Многіе плѣнные при отъѣздѣ сестры Масленниковой изъ лагеря указывали на необходимость не слышать съ заключеніемъ мира, такъ какъ поѣзда необходима и невѣжана. Но самое неизгладимое впечатленіе произвели на сестру Масленникову проводы ея изъ лагеря Пургшталь.

Тысячи человѣкъ плѣнныхъ запѣли «Боже, Царя храни», пѣли еле слышно. Тихія рыданія прорывались иногда сквозь этотъ потрясающую душу пѣвучій шопотъ, и, слушая его, не могли скрыть своего волненія вражескіе офицеры...

Но вотъ замолкли трижды повторенные звуки гимна, и изъ трехъ тысячъ устъ разомъ вылетѣло и прокатилось надъ австрійскимъ полемъ мощное «Государю Императору ура».

Что такое миллионъ? Сколько понадобится времени, чтобы, считая: «разъ, два, три и т. д. десятая до 1.000.000? Оказывается, для этого нужно 11½ полныхъ сутокъ, исключая сонъ и отдыхъ, или, если положить нормальный рабочий день—8 часовъ, т. е. 1/3 сутокъ, то потребуются больше мѣсяца. Дѣйствительно: человѣкъ можетъ первое время произносить болѣе одного числа въ секунду, подъ конецъ же, когда онъ дойдетъ до пяти и шести значныхъ чиселъ, то на произношеніе каждаго потребуются уже больше секунды, и мы, безъ оцутительной погрѣбности, можемъ полагать, что человѣкъ произноситъ въ среднемъ по одному числу въ секунду; такимъ образомъ въ сутки онъ произнесетъ 86.400 чиселъ, а 1.000.000 чиселъ въ 1.000.000: 86.400, т. е. въ 11½ сутокъ.

Нѣмцы устали. Нервы нѣмцевъ истрепались, обострились. Болѣе, чѣмъ кто-либо, они жаждутъ мира.

На вопросъ одного плѣннаго германскаго офицера, скоро ли можетъ окончиться война?—одинъ нашъ офицеръ нарочно сказалъ:

— Да года черезъ три...

Онъ совершенно не ожидалъ эффекта, который произвели эти слова. Нѣмецъ закрылъ лицо руками и долго повторялъ съ отчаяніемъ:

— Боже мой, Боже мой! Это невозможно, невозможно!

Они устали. Внутри страны голодь и ропотъ.

Въ письмахъ, которыя находятъ у плѣнныхъ, почти вездѣ одна и та же фраза, тотъ же вопль отчаянія: «скоро ли вы покончите съ русскими?»

Повидимому, жажда мира такъ поглотила теперь всѣхъ въ Германіи, что нѣмцы пускаются на новыя низости по отношенію къ намъ: они путемъ провокаціи стараются повліять на русское общество и внушить ему мысль о необходимости мира. Какъ сообщаютъ газеты, въ Петроградѣ на Финляндскомъ вокзалѣ, былъ задержанъ ящикъ съ двойнымъ дномъ, прибывшій изъ Стокгольма. Въ ящикѣ были пакки шведскихъ спичекъ, а въ двойномъ днѣ и стѣнкахъ были 88 заклеенныхъ и оплаченныхъ 7-ми копеечными марками конвертовъ, адресованныхъ по-русски на имя разныхъ лицъ въ Петроградъ и Москву. Въ конвертахъ по-русски же лежали напечатанныя воззванія. Воззванія призываютъ требовать заключенія мира, призываютъ къ прекращенію войны и т. д. 50 писемъ было адресовано въ Петроградъ, остальные—въ Москву, при чемъ большее количество адресовъ—на фабрики и заводы для распространенія среди рабочихъ. Владѣлецъ ящика былъ арестованъ.

Дѣвушка-стрѣлокъ. Среди раненыхъ латышскихъ стрѣлковъ во П рижской городской больницѣ находится, по словамъ «Риж. В.», молодая дѣвушка Лина Чанка, 22 лѣтъ, дочь хозяина усадьбы Месилеръ изъ Репенской волости (Курл. губ.). Она ранена ручной гранатой въ лѣвый бокъ; рана не опасная. Исторія молодой храброй дѣвушки очень интересна. Мысль о поступленіи въ латышскій батальонъ овладѣла ею еще при возникновеніи идеи объ организаціи батальоновъ. Зная однако, что родители не согласятся на такой шагъ, она заявила имъ, что оправляется въ качествѣ сестры милосердія, на что родители дали свое согласіе. Такимъ образомъ, было сдѣлано самое главное. Уѣзжая въ Ригу, дѣвушка захватила съ собой паспортъ умершаго брата, подъ именемъ котораго и поступила въ батальонъ. Стрѣлки открыли, что она женщина, и, заподозривъ въ ней шпионку, сообщили по начальству. Здѣсь она рассказала все и стала настойчиво просить оставить ее въ батальонѣ. Просьба ея была исполнена. Чанка вмѣстѣ съ другими стрѣлками прошла школу ученія военному дѣлу и вмѣстѣ съ батальономъ получила боевое крещеніе.

Къ несчастью, она была ранена нѣмецкой ручной гранатой въ самомъ началѣ боя и отправлена на перевязочный пунктъ. Необходимость лежать на пунктѣ крайне тяготила ее. Она рвалась вновь въ бой. Почувствовавъ облегченіе послѣ перевязки, она тайно уѣхала съ пункта и вернулась на поле битвы, гдѣ провела еще около трехъ часовъ. Наконецъ силы ее оставили, и другіе стрѣлки, видя страданія раненой дѣвушки, послѣдили отправить ее въ лазаретъ. Чанка ждетъ своего выздоровленія, чтобы отправиться опять на позиціи.

Министерство воздухоплаванія. Въ Англии явилась мысль организовать, по образцу министерства путей сообщенія, особое министерство воздухоплаванія.

Въ Лондонѣ въ связи съ налетами цепелиновъ состоялся многочисленный митингъ, подъ предсѣдательствомъ лорда Виллоби де-Брокъ; собраніе состоялось преимущественно изъ лицъ коммерческаго сословія и было очень оживленнымъ. Предсѣдатель заявилъ, что митингъ собранъ не для жалобъ и возбужденія паники, а для формальнаго требованія отъ правительства репрессалій противъ германцевъ и образованія особаго министерства воздухоплаванія; соотвѣтствующія резолюціи были приняты съ шумнымъ одобреніемъ, при чемъ указывалось на успѣхи Франціи въ дѣлѣ развитія авіаціи и воздушной обороны; нѣсколько лицъ, протестовавшихъ противъ резолюціи, были силою вытолкнуты изъ зала засѣданія.

ЖЖВВ

№ 18. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и полу-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 30 апрѣля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Дуэль. Разсказъ Георгія Павлова. — „Наутилусъ“ въ мировой войнѣ. Очеркъ Ф. Мускатблита. — Объявленія. — Отклики войны.

РИСУНКИ: Бздовой (артиллеристъ). Рис. проф. Н. С. Самокиша. — Бѣглецы изъ вражьяго плѣна (6 рис.). — Наши депутаты на союзныхъ европейскихъ фронтахъ. — Вѣсти съ поднебесья. — Отрядъ легчиковъ въ гостяхъ у товарищей. — „Илья Муромецъ“ на позиціяхъ. — Вооруженный самолетъ отправляется на развѣдку. — На кавказскомъ фронтѣ (4 рис.). — На балканскомъ фронтѣ (2 рис.). — Японская морская миссія, прибывшая въ Петроградъ и отираившаяся затѣмъ въ Царскую Ставу. — Союзный трудъ съ Дальняго Востока. — У Вердена (2 рис.). — Новый французскій военный министръ генераль Гюжъ. — Французская баня-душъ для солдатъ на фронтѣ. — Русская баня на фронтѣ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 8.

Профессоръ Н. С. Самокишъ. „Бздовой“ (артиллеристъ).

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Передъ началомъ весенней кампаніи.

Въ нынѣшнемъ году наступленіе весенней кампаніи значительно запоздало по сравненію съ прошлымъ годомъ. Въ прошломъ году весенняя кампанія открылась 18-го апрѣля, а въ нынѣшнемъ году къ этому времени пути еще не просохли, маневрирование крупныхъ массъ, вслѣдствіе этого, было невозможно, и въ серединѣ апрѣля отмѣчались лишь незначительные эпизодическіе бои.

Причины такого запозданія заключались не въ болѣе позднему наступленію весны, а въ томъ, что въ прошломъ году райономъ первыхъ операций были районы болѣе южные, а именно Галиційскій районъ, гдѣ весна, естественно, наступаетъ ранѣе.

Тотъ фактъ, что въ нынѣшнемъ году кампанія должна была наступить позднѣе, давалъ основаніе предполагать, что въ нынѣшнемъ году районами операций должны были быть болѣе сѣверные районы, а на галиційскомъ фронтѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время, измѣненія взаимнаго положенія сторонъ ожидать не приходилось.

Какіе именно районы должны были стать районами первыхъ операций, конечно, было неизвѣстно, и лишь рядъ общихъ данныхъ, какъ то: расположеніе войскъ, направленіе путей и т. п., давали основаніе предполагать, что такими районами могутъ быть районъ къ сѣверу отъ Пинскихъ болотъ и районъ къ югу отъ Пинскихъ болотъ, т. е. Свѣтцянскій озерной районъ и Ровненское направленіе. Поэтому первые бои, завязавшіеся именно въ этихъ районахъ, неминуемо привлекли къ себѣ особенное вниманіе и

затѣмъ выяснилось, что этотъ ударъ, направленный въ столь важномъ направленіи, какъ Свѣтцянско-Полоцкое, по существу являлся лишь короткою наступательною вспышкой и отнюдь не означалъ начала общаго наступленія противника. Погода въ озерномъ районѣ еще не установилась, и въ связи съ этимъ важныхъ крупныхъ событій приходилось еще ожидать.

Въ Ровненскомъ направленіи сдѣлали попытку повести наступленіе австрійцы, заставившіе насъ сначала очистить небольшую позицію близъ станціи Олыка. Однако, спустя нѣсколько часовъ, наши войска короткимъ контръ-ударомъ возстановили свое положеніе и захватили при этомъ въ плѣнъ полностью два батальона венгерскихъ гонведовъ съ 22 офицерами, оружіемъ и различнымъ снаряженіемъ. На слѣдующій день австрійцы снова пытались

Изъ вражьяго плѣна. Нижніе чины Василій Баталовъ, Аванасій Пробка и Прокофій Миколкинъ бѣжали изъ германскаго лагеря военнопленныхъ въ Оре 2-го октября 1915 г., по направленію къ датской границѣ, и съ большими усиліями добрались вплавъ до ближайшихъ населенныхъ пунктовъ Данія—Боге и Ассенсъ. Расстояніе между Оре и Боге—4 километра, между Оре и Ассенсомъ по прямому направленію—10 километровъ.

Баталовъ и Миколкинъ прибыли въ Боге въ полночь, бѣжавъ изъ Оре на полчаса позже, чѣмъ Аванасій Пробка. По прибытіи въ Боге они отправились въ ближайшій городокъ, гдѣ получили сухое бѣлье и знаками объяснили, что ихъ было трое, а одинъ уже «капуть». Велика была ихъ радость при встрѣчѣ съ Аванасіемъ, котораго въ городѣ тоже принесли и дали сухую одежду. На другой день они добрались до Ассенса.

какъ бы въ свою очередь свидѣтельствовали о томъ, что именно здѣсь можно ожидать начала крупныхъ событій.

Инициативу этихъ боевъ взялъ на себя противникъ. Гиндебургъ, пользуясь тѣмъ, что въ районѣ Западной Двины и на другихъ участкахъ его фронта состояніе дорогъ препятствуетъ операциямъ, сосредоточилъ около полудтора корпусовъ въ районѣ озера Нарочь и произвелъ этими войсками короткую попытку наступленія. Нѣмцамъ дѣйствительно удалось вернуть, какъ видно изъ нашихъ официальныхъ сообщеній, часть окоповъ, ранѣе ими утраченныхъ, но дальнѣйшее развитіе нѣмецкаго успѣха было тотчасъ локализовано, и противнику въ общемъ удалось продвинуться лишь на небольшое разстояніе. Вслѣдъ

Изъ вражьяго плѣна. Плоть, на которомъ Аванасій Пробка (участникъ русско-японской кампаніи) бѣжалъ изъ Оре (германскаго лагеря военнопленныхъ). Плоть состояла изъ 12 короткихъ и 3 длинныхъ палокъ и 3 досокъ, связанныхъ старой веревкой. Для управленія и гребли онъ пользовался лопатой, изображенной на снимкѣ. Изображенный на снимкѣ молодой датчанинъ вытаскивалъ его плотъ изъ воды.

захватить эти позиціи, но, несмотря на то, что въ одномъ районѣ, а именно у деревни Хромьяковой, они даже пытались окружить наше расположеніе, попытка ихъ окончилась полнѣйшей неудачей.

Изъ вражьяго плѣна. Алексѣй Сигида изъ Вологды, Гаврилъ Бѣлиничъ изъ Неяны и Федоръ Васильевичъ изъ Великой бѣжали изъ германскаго лагеря военнопленныхъ въ Оре въ Данію 29-го августа 1915 года;

Такимъ образомъ можно было видѣть, что въ нынѣшнемъ году въ серединѣ апрѣля происходили лишь бои, имѣвшіе цѣлью занять болѣе выгодное исходное положеніе, а также имѣвшіе характеръ усиленной рекогносцировки съ боемъ, со специальной цѣлью выяснитъ расположеніе и силы противной стороны, — между тѣмъ какъ въ прошломъ году къ этому времени уже обнаружилась широкая наступательная операція Макензена на Дунайѣ.

Въ то же время, пока появлялись первые признаки весенняго оживленія на нашемъ фронтѣ, противникъ предпринялъ рядъ дѣйствій, имѣвшихъ, повидимому, цѣлью скорѣе произвести моральное впечатлѣніе и хотя бы въ этомъ отношеніи нѣсколько компенсировать то впечатлѣніе, которое создалось послѣ взятія Эрзерума и Трапезунда. Къ такого рода дѣйствіямъ нужно отнести попытку поднять восстаніе въ Ирландіи, которая, конечно, не имѣла никакихъ шансовъ на успѣхъ, но была необходима нѣмцамъ для того, чтобы показать свою энергію и настойчивость, для того, чтобы создать внутреннія осложненія въ странѣ, которую имъ узвѣить было труднѣе всего, — въ Англіи.

Съ внѣшней стороны эта новая нѣмецкая затѣя носила характеръ широко задуманнаго предпріятія. Особый пароходъ, конвоируемый нѣмецкими судами, долженъ былъ доставить въ Ирландію оружіе, и одновременно съ попыткой ирландскаго мятежа германскія суда должны были бомбардировать восточное побережье Англіи, а налетъ цеппелиновъ долженъ былъ внести еще большее смятеніе въ страну. Затѣя эта однако была быстро ликвидирована: пароходъ съ оружіемъ былъ потопленъ, цеппелины должны были повернуть обратно, а нѣмецкая эскадра была встрѣчена англійскими судами и послѣ 20-минутнаго боя удалилась, не успѣвъ причинить какихъ-либо крупныхъ поврежденій тѣмъ пунктамъ, которые она пыталась бомбардировать. Англійскія суда, встрѣтившія германскую эскадру у восточнаго побережья Англіи, были, повидимому, легкими крейсерами и миноносцами, а такъ какъ германская эскадра насчитывала въ

гичныя тѣмъ, какія нѣмцы преслѣдовали подъ Верденомъ, т.-е. противникъ хотѣлъ создать условія, которыя бы не благоприятствовали возможному и вѣроятному наступленію союзниковъ въ періодъ весенней и лѣтней кампаніи, когда нѣмцы будутъ заняты на нашемъ фронтѣ. При помощи ирландскаго восстанія нѣмцы, очевидно, разсчитывали создать такія условія во внутренней жизни Англіи, которыя помѣшали бы проведенію ряда необходимыхъ военныхъ мѣропріятіи, главнымъ образомъ формированію и подготовкѣ новыхъ армій, а при помощи Верденскаго наступленія противникъ, повидимому, разсчитывалъ ослабить надолго силу французовъ и вынудить ихъ въ будущемъ отказаться отъ активныхъ операцій въ періодъ крупныхъ событій на восточномъ фронтѣ весной и лѣтомъ.

Если ирландская авантюра нѣмцевъ потерпѣла полную неудачу, то нельзя не отмѣтить, что этотъ моментъ совпалъ съ полной реализаціей германской операціи подъ Верденомъ, и именно къ

Шесть русскихъ нижнихъ чиновъ, бѣжавшихъ изъ вражьяго плѣна въ Данію.

Лодка, въ которой переправлялись бѣжавшіе изъ вражьяго плѣна наши солдаты.

своемъ составѣ крупныя броненосныя крейсера, то нѣсколько англійскихъ судовъ получили незначительныя поврежденія.

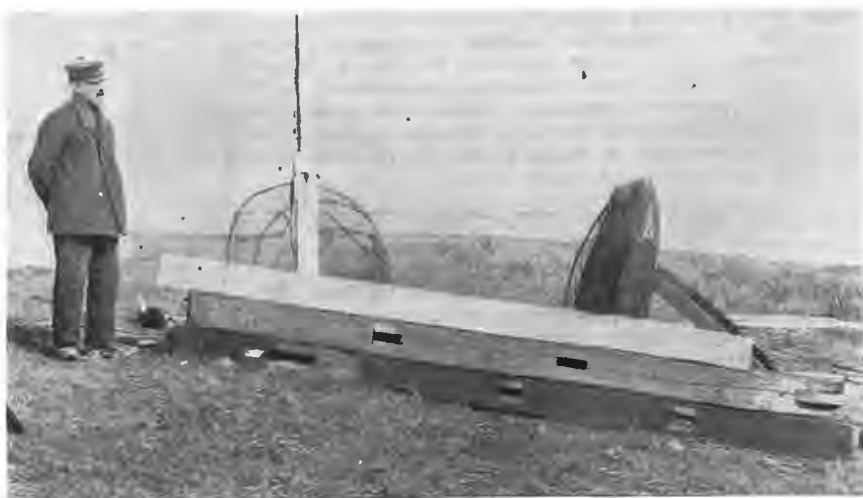
Между тѣмъ англійское правительство приняло рядъ мѣръ для ликвидаціи Ирландскаго восстанія, при чемъ на ряду съ рѣшительными мѣрами были сдѣланы значительныя уступки Ирландіи какъ въ вопросѣ объ ирландскомъ самоуправленіи, такъ и въ вопросѣ о распространеніи воинской повинности на Ирландію. По послѣднему вопросу англійское правительство опредѣленно заявило, что новый билль о воинской повинности на Ирландію не распространяется.

Мятежники, занявшіе Дублинъ и поднявшіе восстаніе въ нѣсколькихъ другихъ пунктахъ Ирландіи, вынуждены были скорѣе уступить силѣ англійскаго оружія, и, хотя восстаніе сразу не было окончательно подавлено, тѣмъ не менѣе самый острый моментъ миновалъ, и правительство болѣе или менѣе овладѣло положеніемъ.

Надо думать, что вся эта германская затѣя преслѣдовала также, повидимому, задачи, анало-

этому времени французы уже заявили вполне опредѣленно, что германское наступленіе подъ Верденомъ слѣдуетъ считать оконченнымъ, въ военномъ смыслѣ этого слова. Къ этому времени обнаружили даже отдѣльныя попытки французовъ перейти въ наступленіе подъ Верденомъ, и въ первый же день такого наступленія нѣмцы потеряли нѣсколько траншей у Морторма, на лѣвомъ берегу Мааса, и не могли ихъ вернуть никакими самыми ожесточенными атаками. Хотя нѣмцы потомъ и произвели рядъ новыхъ атакъ, но было уже видно, что нѣмецкое наступленіе, выразившееся въ началѣ Верденской операціи въ наступленіи цѣлой арміи и группъ корпусовъ, а затѣмъ превратившееся въ отдѣльныя наступательныя попытки отдѣльныхъ дивизій, перешло наконецъ въ слабыя атаки полками и бригадами, расплылось и потеряло окончательно свою остроту.

Такимъ образомъ можно констатировать, что весьма

Двѣ планки, на которыхъ переправлялись бѣжавшіе изъ вражьяго плѣна наши солдаты.

важная часть немецкого плана 1916 года, заключавшаяся в том, чтобы создать сколь возможно более неблагоприятные условия для наступления союзников в тот период весны и лета, когда немцы будут заняты операцией на нашем фронте, окончилась полнейшей неудачей, при чем цель не только не была достигнута, но вся работа немцев самым отрицательным образом отразилась на их стратегическом положении. При тех грандиозных задачах, которые немцы намечали на нашем фронте, громадные потери, понесенные ими под Верденом, исчислявшиеся официально не менее, чем в 300.000 человек, несомненно, должны были в значительной степени разстроить немецкие планы и сделать их более слабыми для предстоящей неминуемой борьбы на восточном фронте.

Верденская операция была большим минусом для германской

оправилась и снова стала значительной боевой силой. С начала апреля 1916 года возникли переговоры с Грецией о перевозке сербских войск с острова Корфу в Салоники. Хотя греческое правительство ответило на это предложение союзников категорическим отказом, тем не менее можно было не сомневаться, что греки не в состоянии противиться настоятельным требованиям союзной дипломатии, подкрепленной внушительной демонстрацией союзного флота, почему и следовало ожидать, что перевозка сербских войск должна состояться независимо от того или иного желания греков.

Появление сербской армии на салоницком фронте, где уже находилась значительная десантная армия англо-французов под начальством генерала Саррайля, должно было сыграть крупную роль. К этому времени болгары должны были оборонять балканский фронт главным образом своими собственными си-

Наши депутаты на союзных европейских фронтах. Отъезд членов Государственной Думы — представителей разных фракций в Англию, Францию и Италию, 16-го апреля с. г. Члены Думы: Д. Н. Чихачевъ, В. Я. Демченко, Б. А. Энгельгардт, А. А. Ознобишинъ, П. Н. Милюковъ, А. А. Радкевичъ, А. И. Шингаревъ, Ф. Ф. Рачковский. По фот. Н. Ольшанскаго.

стратегии не только потому, что она не удалась, но одинаково потому, что она ослабила немцев как на западном, так и на восточном фронте и сделала их менее способными к выполнению тех крупных операций, которые они намечали и намечают. В этом громадное значение Верденской операции, и подобно тому, как плоды сражения на Марне сказались не сразу, а лишь впоследствии, создав невозможные условия для немецкой стратегии, потерявшей план, нить войны, — подобно этому плоды Верденской операции скажутся также не скоро, но скажутся несомненно, и немцы в свое время почувствуют все пагубное для них ее значение!

Вообще с наступлением весны на нашем фронте, когда противнику нужно быть весьма сильным для дальнейшего развития своего плана, немцам придется считаться со многими последствиями неправильных ходов германской стратегии и дипломатии, считая в числе их не только неудачу под Верденом, но и турецкие поражения у Сарыкамыша, под Эрзерумом и Трапезундом, считая даже в числе их и сербский поход. Мы в свое время отмечали, что, несмотря на весь видный успех германского наступления в Сербию, создание нового фронта для них является, со стратегической точки зрения, фактом безусловно невыгодным. Однако эффект, произведенный занятием противником Сербии, был слишком велик, и стратегическая невыгода этого предприятия перед глазами широкой публики отходила на задний план.

Действительно, прошло более полугода, пока сербская армия

лами, при чем часть болгарских войск была отвлечена для охраны границы с Румынией. Турки, разбитые в Азии и вынужденные в то же время, под угрозой нового возможного десанта в Дарданеллах, держать войска в проливах, также не могли оказать содействия болгарам. Очевидно, что, в случае появления сербских войск в Салониках, задача помочь болгарам всецело ложилась на австрийские и немецкие войска, но последние, вынужденные оборонять огромный район нашего фронта, бороться на итальянском фронте, наконец ослабленные неудачей под Верденом, едва ли могли оказать существенное содействие.

Таким образом перед немцами вставала весьма конкретная перспектива нажима на новом четвертом фронте войны, который к тому же они создали сами, в своих поисках за дешевыми лаврами, и это, несомненно, осложняло их общее положение, в особенности в связи с предстоящими событиями на нашем театре. Не только Трапезунд, Эрзерум и Верден были минусами для германской стратегии, но даже и успех в Сербии имел свою обратную, неблагоприятную, сторону. Это, конечно, не означало, что противник стал бессильным, но создало неблагоприятную обстановку для его предстоящих действий на нашем фронте. Плывение английского отряда у Кута в Месопотамии могло поднять настроение турецких войск, но непосредственного стратегического значения не имело, ибо несколько не влияло на дальнейшее течение операций нашей кавказской армии.

Д у э л ь.

Рассказъ Георгія Павлова.

I.

Лордъ Артуръ Хейль-Дормондъ сложилъ прочитанную газету и подошелъ къ окну. Былъ двѣнадцатый часъ прекраснаго осенняго утра: лучи солнца скользили по безконечнымъ рядамъ книгъ, громоздившихся до самаго потолка, — но библіотека, несмотря на это, оставалась сумрачной и прохладной. Впрочемъ, послѣднее было пріятно, потому что осень на восточномъ побережьи Англій стояла въ этомъ году очень жаркая.

Въ саду, на площадкѣ для тенниса, партія заканчивалась. Изъ открытаго окна лордъ Артуръ могъ видѣть играющихъ, среди которыхъ его кузина, миссъ Мэриетъ, выдѣлялась въ своемъ короткомъ голубомъ платьѣ, дѣлавшемъ ее похожей на дѣвочку. Она играла превосходно. Маленькая, гибкая и подвижная, она посылалась по бетонной площадкѣ, какъ сильфъ, легко отбивая самые трудные удары; ея голосъ раздавался, точно команда капитана, распоряжающагося судномъ въ минуту опасности. Игра для нея была не только развлеченіемъ: миссъ Мэриетъ Ривль пользовалась репутаціей одного изъ первыхъ чемпионовъ гольфа и тенниса и очень дорожила ею, безъ устали тренируясь каждое утро ради сохраненія этой репутаціи.

„Милое дитя! — подумалъ лордъ Артуръ. — Она изящна, какъ мотылекъ, и очаровательна тѣмъ болѣе, что совсемъ не подозрѣваетъ объ этомъ. Игра всецѣло поглотила ее; сейчасъ она не протѣняла бы сухой сѣть на всѣ блага міра“.

Онъ вернулся къ столу, заваленному газетами и журналами. На развернутой географической картѣ русскаго фронта черно-желтые флажки обозначали мѣстности Польши, занятыя нѣмецкими войсками: лордъ Донифантъ, отецъ Артура, внимательно слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, распоряжаясь, какъ полководецъ, своей булавочной арміей.

Лордъ Артуръ отодвинулъ карту и, взявъ со стола раскрытый томикъ Гюисманса, перешелъ на диванъ. Но въ эту минуту послышались звонкіе голоса, двери захлопали, точно отъ ворвавшася весенняго вѣтра, и Мэриетъ появилась въ библіотекѣ, раскраснѣвшаяся, сіяющая и счастливая.

— Чтѣ случилось, Мэри? Побѣда?

— Еще бы! Мы не дали имъ ни одного гейма. Сэтлтонъ игралъ сегодня устало, и Глэдисъ была разсѣянна по обыкновенію, но зато Ральфъ сражался ожесточенно. А чтѣ новаго на войнѣ? Ты уже просмотрѣлъ газету?

— Рѣшительно ничего на нашемъ фронтѣ. Къ сожалѣнію, война сильно затянется. До Рождества по крайней мѣрѣ мы не избавимся отъ сѣрыхъ хаки, патриотическихъ плакатовъ и уличныхъ манифестацій. Жизнь становится скучной, Мэри.

— Но вѣдь мы пока еще въ безопасности?

Лордъ Артуръ засмѣялся.

— Будь спокойна, моя маленькая побѣдительница. Тебѣ не скоро еще придется стать во главѣ бѣлой арміи воиновъ, съ такой увѣренностью отбивающихъ самые сильные удары противниковъ.

Они вышли вмѣстѣ и отправились въ садъ. На теннисѣ общество спортсменовъ отдыхало подъ тѣнью деревьевъ, оживленно обсуждая подробности только-что закончившейся партіи. Здѣсь преобладали дѣвушки; чтѣ касается мужчинъ, то все это была молодежь, покинувшая на лѣто свои школьныя скамьи въ Итонѣ и Кембриджѣ. Когда лордъ Артуръ появился подъ руку съ Мэриетъ, его привѣтствовали радостными возгласами. Онъ давно пережилъ свой періодъ увлеченія спортомъ, но, несмотря на это, его любили здѣсь, какъ вездѣ: женщины — за красоту и изящество, мужчины — за живой насмѣшливый умъ, веселость и дружеское отношеніе къ этой молодежи, среди которой онъ въ свои тридцать два года оказывался чуть ли не старикомъ.

На теннисѣ никто еще не зналъ послѣднихъ телеграммъ — партія началась рано, задолго до прибытія утренней почты. Лордъ Артуръ въ короткихъ словахъ сообщилъ содержаніе официальныхъ телеграммъ; на скамьяхъ воцарилось молчаніе, такое глубокое, что нѣсколько секундъ тишина нарушалась только мелодическимъ шумомъ моря, доносившимся изъ-за живой ограды акацій и жасмина.

— Кому мы всѣ обязаны, это — русскимъ, — сказали Ральфъ Эндерлиннъ, самый молодой изъ спортсменовъ: — они дѣлаютъ все, чтѣ могутъ, — да. Если кому-нибудь и будетъ стыдно при этомъ извѣстїи, то только намъ, англичанамъ.

— Почему? — спросила Мэриетъ, откровенно сознававшаяся всегда, что ничего не понимаетъ въ вопросахъ политики и стратегіи.

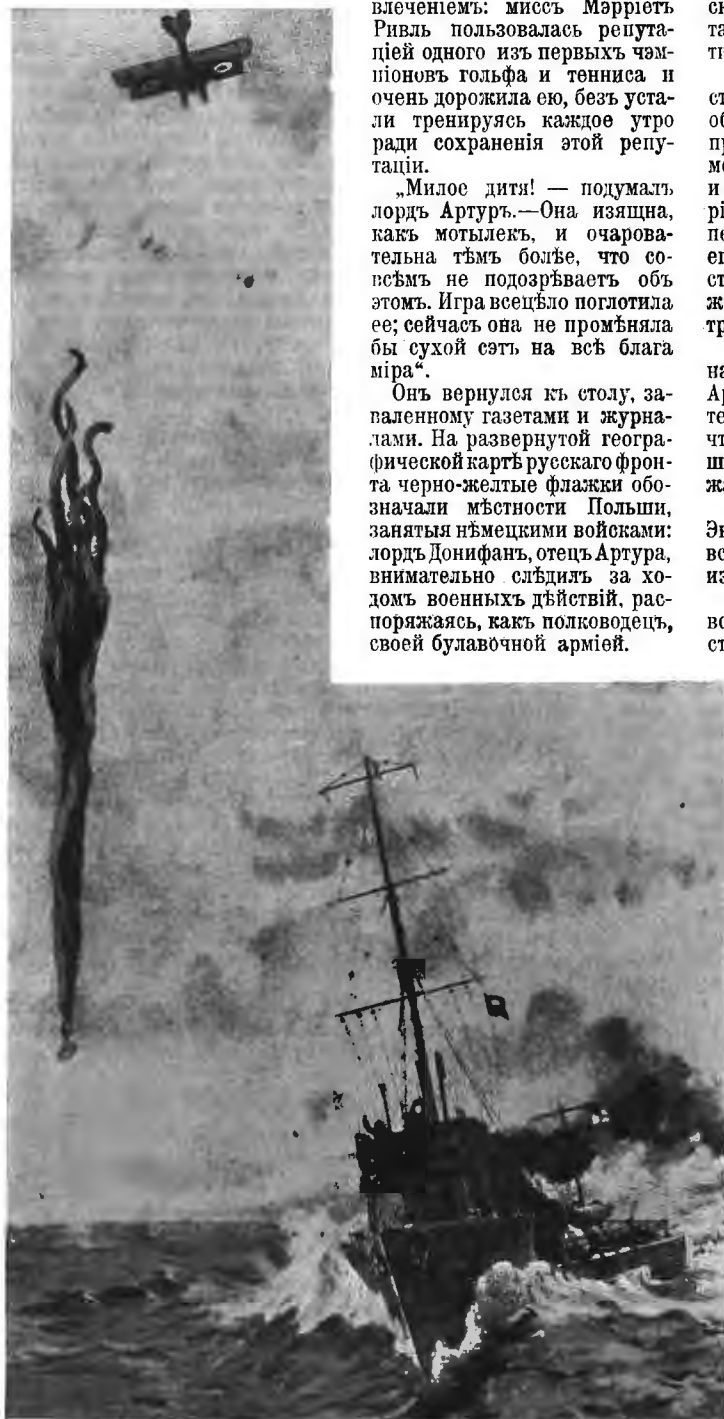
— Очень просто, — отвѣчалъ Ральфъ, обращаясь не столько къ ней, сколько къ лорду Артуру, въ глазахъ котораго онъ прочелъ тотъ же самый вопросъ. — Намъ нужна всеобщая воинская повинность, я всегда говорилъ это. Не понимаю, почему отецъ не хочетъ поддержать моего мнѣнія въ палатѣ, гдѣ я самъ пока не имѣю, къ сожалѣнію, голоса.

Всѣ засмѣялись, но молодой человекъ продолжалъ такъ же серьезно:

— До сихъ поръ тяжесть этой войны лежала исключительно на плечахъ русской арміи. А между тѣмъ съ германцами вѣдь воюетъ не только Россія, но и мы тоже. Завоевывать побѣду чужими руками недостойно старой Англїи!

— Я не совсемъ согласенъ съ вами, Ральфъ, — заговорилъ лордъ Артуръ. — Все, чтѣ можетъ дать союзникамъ старая Англїя, она даетъ. Наши дредноуты оберегаютъ пути къ Петрограду и блокируютъ нѣмецкіе берега, наши экспедиціонныя отряды сражаются во Фландрїи, въ Египтѣ и даже въ Дарданеллахъ. Не надо забывать, что мы добровольно вступили въ игру, начатую, въ сущности, не нами. Чтѣ касается русскихъ, то я вовсе не говорю, что занятіе германцами Польши и отбитіе ими обратно крѣпостей въ Галиціи — есть неудача русскихъ, — напротивъ. Въ чемъ, собственно, они виноваты? У германцевъ оказалось больше снарядовъ и болѣе могущественныя орудія. Русскіе отстали отъ нихъ въ искусствѣ истреблять себя подобныихъ. Быть менѣе усовершенствованнымъ убійцей, чѣмъ противникъ — развѣ это движеніе назадъ по пути прогресса?

Изъ дома послышался протяжный звонъ гонга, приглашавшаго гостей къ завтраку. Въ столовой лордъ Артуръ уступилъ свое мѣсто подлѣ Мэриетъ Ральфу, который рассказывалъ дѣвушкѣ о своемъ рѣшеніи поступить на военную службу. Проходя по Бондъ-Стриту, онъ увидѣлъ огромный плакатъ во всю стѣну пятиэтажнаго дома: солдатъ въ походной формѣ призывалъ его занять свободное мѣсто въ рядахъ марширующихъ мимо войскъ. Этотъ призывъ, по словамъ Ральфа, подѣйствовалъ на него, какъ труба на боевого коня. „У молодчика былъ такой веселый

Въсти съ поднебесья. Англійскій авіаторъ бросаетъ пакетъ съ развѣдочнымъ донесеніемъ дозорному судну. Для большей видимости пакета онъ снабженъ разноцвѣтными лентами, ярко извивающимися въ воздухѣ при паденїи на воду.

Отряд летчиков, во время боевого затишья, в гостях у товарищей. Направо—хозяйва, налво—гости.

видъ, и зубы его сверкали, точно у волка—мнѣ просто завидно было глядѣть на него“. Онъ уже покончилъ со всѣми формальностями и черезъ недѣлю будетъ въ училищѣ, а черезъ три мѣсяца—на фронтѣ.

— Я поступилъ бы такъ же на вашемъ мѣстѣ,—сказалъ лордъ Донифанъ Хейль-Дормондъ, моложавый и крѣпкій джентльменъ, похожий скорѣе на брата Артура, чѣмъ на его отца.—Къ сожалѣнію, моя подагра не позволить мнѣ этого; бурская война оставила по себѣ воспоминаніе, которое упорно не хочетъ изгладиться. А ваша матушка? Она ничего не имѣетъ противъ? Впрочемъ, у нея остается Робинзонъ.

— Да, вѣдь онъ старшій сынъ,—отвѣчала молодой человекъ.—Надо сказать, что лично я, пожалуй, не посмотрѣлъ бы даже и на это.

Лордъ Артуръ подумалъ, что, если бы Ральфъ былъ старшимъ сыномъ, то онъ и разсуждалъ бы, какъ старшій,—но не сказалъ ничего. Ему нравился этотъ пылкій увлекающійся мальчикъ, съ которымъ онъ любилъ мысленно сравнивать самого себя въ годы собственной юности.

— Придетъ время,—закончилъ Ральфъ:—когда всѣ англичане станутъ подъ знамена. Тогда, дорогой Артуръ, я надѣюсь встрѣтиться и съ вами гдѣ-нибудь во Фландри.

— Такъ какъ это будетъ, къ сожалѣнію, не скоро,—отвѣчалъ лордъ Артуръ, улыбаясь:—то я думаю, что наша встрѣча произойдетъ при вступленіи союзныхъ войскъ въ Берлинъ. Вы меня увидите тамъ въ костюмѣ шотландскаго горца, играющаго національный гимнъ на волынкѣ.

II.

Вечеромъ на другой день лордъ Артуръ заканчивалъ въ своей уборной туалетъ, собираясь ѣхать въ Лондонъ. Ему совсѣмъ не хотѣлось мѣнять поэтичный морской берегъ, гдѣ такъ приятно любоваться закатомъ вдвоемъ съ Мэриетъ, на пыльных городскихя улицы, одинъ видъ которыхъ былъ способенъ испортить его настроеніе. Но друзья лорда Артура сообщили ему еще утромъ по телефону, что весь составъ Черчилль-клуба соберется сегодня въ содрогъ, чтобы привѣтствовать вернушагося съ фронта товарища: хорошей тоной требовалъ присутствія лорда Хейль-Дормонда на этомъ торжествѣ, отъ котораго онъ никакъ не могъ уклониться.

Завязываніе галстука заняло не мало времени. Лордъ Артуръ, красивый и элегантный мужчина, въ смыслѣ умѣнія одѣваться считался образцомъ, который охотно копировали многіе. Трехстворчатое зеркало отражало его фигуру въ черномъ сюртукѣ со скромной гарденіей въ петлицѣ, высокую и стройную; онъ казался олицетвореніемъ мужской силы, но силы не грубой, а смягченной и облагороженной печатью тонкаго изящества, которое сквозило въ каждомъ его движеніи.

Лордъ Артуръ былъ англичаниномъ съ головы до ногъ, законченнымъ и выдержаннымъ, чѣмъ этотъ тонкій стилистъ въ особенности гордился. Въ его жилахъ не было ни одной капли иноземной крови, его міросозерцаніе было цѣльнымъ, простымъ и яснымъ. Разумѣется, онъ не могъ идти на войну, даже если бы хотѣлъ: онъ не только старшій сынъ, но и единственный,—родъ Хейль-Дормондовъ, восходящій къ Стюартамъ, слишкомъ высокая цѣнность въ его глазахъ, чтобы ставить на карту его существованіе въ этой „коммерческой войнѣ“, какъ онъ выражается съ легкимъ отѣнкомъ презрѣнія. Но война отнюдь не является для лорда Артура запретнымъ плодомъ, о которомъ втайнѣ мечтаютъ: онъ совсѣмъ не интересуется ею. Надо читать газеты, надо слѣдить за развѣтывающимися событіями для того, чтобы быть въ состояніи поддержать разговоръ въ клубѣ или гостиной, но и только. Здѣсь—предѣлъ, за который нѣтъ доступа шуму и суетѣ газетныхъ столбцовъ, хотя бы вся Европа сгорѣла въ пламени военного пожара.

Лордъ Артуръ, эстетъ и эпикуреецъ, живетъ по заветамъ Рѣскина и Оскара Уайльда, котораго обожаетъ. Въ своей комнатѣ, которую онъ, подобно Доріану Грею, украсилъ коллекціей шелковыхъ тканей, оружія и церковной утвари, въ картинной галлерей передъ оригиналами Бернъ-Джонса, въ паркѣ, среди статуй, боскетовъ и пвѣтниковъ, воскрешающихъ жеманный вѣкъ Болингброка—всюду онъ остается самимъ собой, всюду его утонченная мысль реагируетъ только на красоту, только ей одной молится этотъ пантеистъ, на туманныхъ берегахъ Англій старающійся жить, какъ патрицій древняго Рима.

Но идеаль красоты онъ, усвоившій кодексъ стилей и вкусовъ всѣхъ эпохъ, всѣхъ народовъ, понимаетъ все же, какъ англичанинъ. И живому воплощенію этого идеала отдаетъ онъ свое чувство, свѣжее и нетронутое, которое цѣломудренно проведенная юность сберегла чистымъ, какъ хрустальный сосудъ ключевую воду.

Лордъ Артуръ посмотрѣлъ на часы. Въ его распоряженіи было еще достаточно времени. Онъ вызвалъ своего камердинера: экипажъ долженъ быть поданъ къ половинѣ седьмого.

— Гдѣ находится миссъ Мэриетъ?

— Миссъ Ривль сейчасъ въ комнатахъ, милордъ.

— Хорошо. Сегодня вечеромъ, Чарли, вы мнѣ не нужны. Приготовьте все необходимое,—я вернусь, вѣроятно, не раньше полуночи.

Мэриетъ читала въ гостиной у открытаго окна, за которымъ меланхолическая осенняя зелень сада была очаровательнымъ фономъ для ея склоненной на руку головки. Лордъ Артуръ оста-

„Илья Муромецъ“ на позиціяхъ.

новился въ дверяхъ. Онъ молча смотрѣлъ на молодую дѣвушку, его улыбка была безмятежной и тихой, какъ отраженіе заката, отблески котораго покоились на паркетномъ полу старой залы. Назвать Мэрри красавицей могъ только англичанинъ: она была похожа на портретъ кисти Генсборо,—напудренный парикъ шелъ бы какъ нельзя лучше къ этому слегка удлиненному лицу съ тонкими, слишкомъ прямыми бровями и тяжелыми вѣками, прикрывающими свѣтло-голубые глаза безъ мерцанія и тайны. Но она была молода и свѣжа, и все ея существо казалось проникнутымъ той особенной пуританской чистотой, которою только и можетъ сіять семнадцатилѣтняя англійская аристократка, воспитанная на спортѣ и библии. Лордъ Артуръ тихонько подошелъ и заглянулъ въ книгу, которая лежала на подоконникѣ передъ дѣвушкой. То былъ романъ Уйда—едва ли не единственное чтеніе, разрѣшенное для этого телличнаго цѣвка.

— О комъ ты мечтаешь, Мэрри? О Ральфѣ? Боюсь, что этотъ герой сильно векружилъ тебѣ голову.

Молодая дѣвушка засмѣялась.

— Не обижайся на него, Артуръ. Онъ преклоняется предъ тобою и отлично знаетъ, что ты не можешь сдѣлаться военнымъ, если бѣ даже и захотѣлъ.

— Всякому свое, — отвѣчалъ Артуръ. — Онъ ѣдетъ на войну, и — въ клубъ, гдѣ Ральфъ побывалъ бы, вѣроятно, съ меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ въ палатѣ лордовъ. Правда, что онъ усердно посѣщаетъ новый клубъ бойскаутовъ?

— Онъ не хочетъ и слышать объ этомъ. Его идеаль — не развѣдчикъ, а настоящій боевой офицеръ. Но ты напрасно думаешь, Артуръ, что онъ мнѣ векружилъ голову, — прибавила она съ очаровательной откровенностью. — Я ни на минуту не забываю, что Ральфъ еще мальчикъ, хотя и очень симпатичный.

— Можетъ — быть, хочешь сыграть въ четыре руки? — предложилъ ей кузенъ.

Молодая дѣвушка развернула ноты. Она аккомпанировала робко и неуверенно, зато ея партнеръ игралъ, какъ настоящій артистъ, — поэтично и проникновенно. Звуки Шопена полились въ открытое окно, въ паркъ, гдѣ вечеръ уже сгущалъ свои тѣни въ благоухающихъ аллеяхъ. Артуръ игралъ съ закрытыми глазами; передъ нимъ проплывали картины, которыя онъ хотѣлъ показать и Мэрриетъ, — и пальцы его ложились на клавиши легко и трепетно, какъ тѣ бѣлые лебеди, которые едва касались зеркальныхъ водъ подъ усыпаннымъ звѣздами небомъ въ его грезахъ.

Подѣхавшій кабриолетъ прервалъ эту симфонію. Артуръ поднялся съ миной неудовольствія.

— Баркеръ не опоздаетъ ни на минуту, — сказалъ онъ. — Нечего дѣлать, надо отправляться.

— Останься! — тихо сказала Мэрриетъ. — Мнѣ что-то грустно сегодня.

— Грустно? Въ такой вечеръ?

— Я сама не знаю, почему.

Повернувшись на своемъ табуретѣ, молодая дѣвушка смотрѣла на кузена печальными глазами, въ которыхъ пламя заката сверкало и искрилось, какъ слезы.

— Ты будешь веселиться въ Лондонѣ?

— Веселиться! Не думаю. Если бѣ дѣло шло только о моемъ желаніи, я охотнѣе всего остался бы здѣсь, съ тобою.

Онъ пошелъ къ дверямъ, потомъ вернулся.

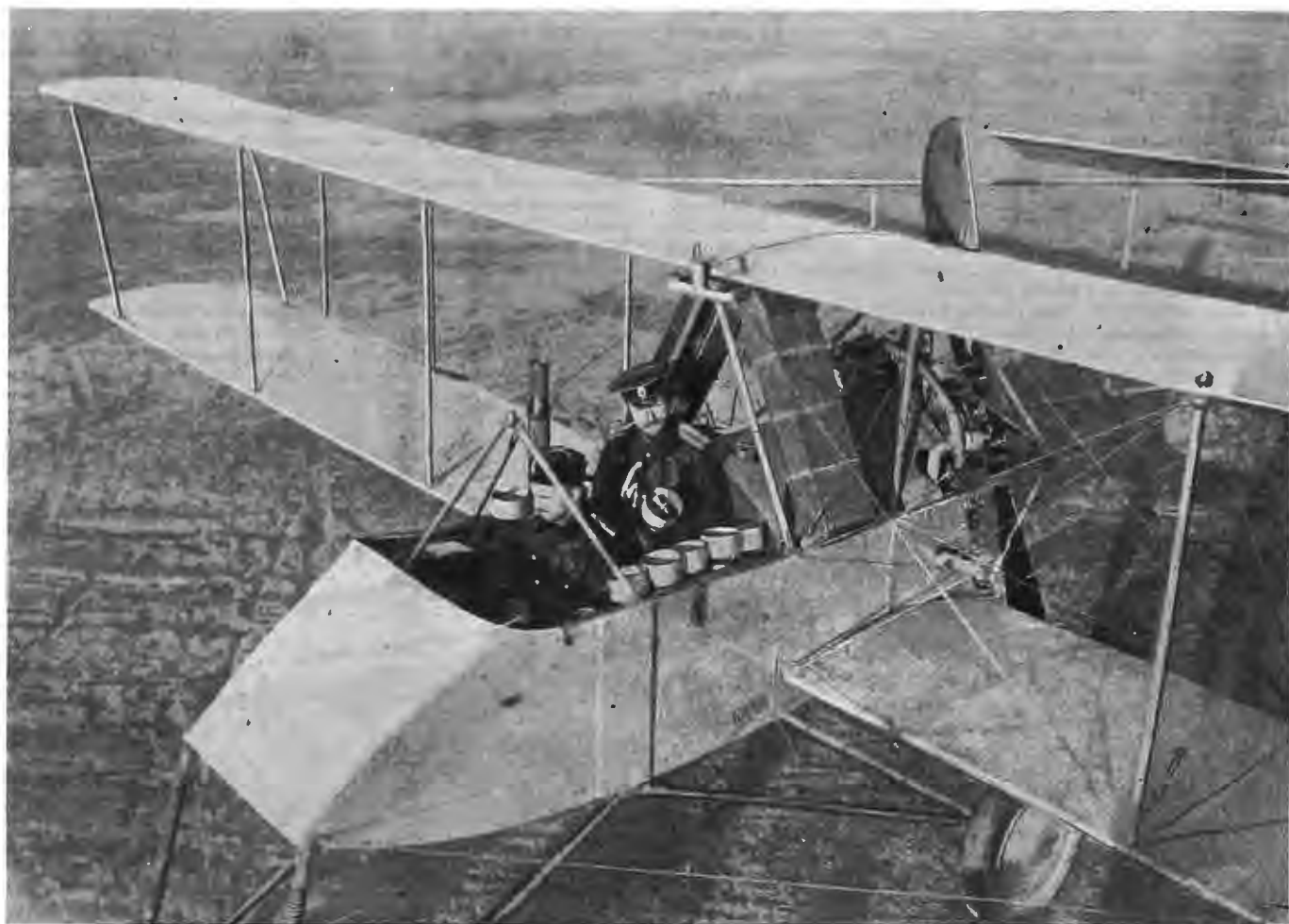
— Поцѣлуй меня, Мэрри.

Они обнялись. Молодая дѣвушка склонила голову на его грудь; когда она снова подняла глаза, отсвѣтъ заката уже не отражался въ нихъ больше, но рѣсницы оставались влажными...

III.

Въ вестибюлѣ клуба лордъ Артуръ просмотрѣлъ письма, пришедшія на его имя, и направился прямо въ курительную комнату, рассчитывая застать тамъ все общество. Онъ не ошибся. Въ этой огромной великолѣпной залѣ, гдѣ цѣлыя гирлянды электрическихъ плафоновъ вели борьбу съ осенними сумерками, собрались всѣ завсегдатаи Черчилль-клуба, отъ лорда Виллугби, старѣйшаго изъ членовъ, никогда не покидавшаго свое кресло, въ которомъ онъ провелъ всѣ вечера за послѣднія сорокъ лѣтъ своей жизни, до молодого Боба Рутланда, только-что избраннаго въ члены клуба и потому старавшагося появляться въ его залахъ какъ можно рѣже. Общество группировалось вокругъ высокаго офицера съ загорѣлымъ лицомъ, въ которомъ лордъ Артуръ едва узналъ своего пріятеля, Дугласа Бангхѣрста.

Вопреки традиціямъ, послѣдній былъ въ военной формѣ поручика гвардейской пѣхоты. Когда-то лорду Артуру нравились ярко-красные мундиры англійской гвардіи, какъ живой памятникъ славнаго прошлаго; въдъ эти солдаты цвѣта свѣжей крови обороняли Гугомонскій замокъ при Ватерлоо и были первыми, оставившими стремительный натискъ праваго крыла наступающей арміи Наполеона. Теперь онъ едва удержался, чтобы не пожать плечами при видѣ лакированной перевязи и сѣрой блузы

Вооруженный самолетъ отправляется на развѣдку. Летчикъ — штабъ-капитанъ Рудневъ, наблюдатель — подполковникъ Вологодцевъ (оба георгиевскіе кавалеры).

со множеством кармановъ, какъ у альпиниста. Это некрасивое одѣяніе показало ему символъ войны, въ которой не было на его взглядъ ничего живописнаго, въ которой геройскія атаки смѣнились продвиженіями подъ землей и забрасываніемъ противника чудовищными глыбами желѣза.

«Сѣрая война — сѣрые герои, — подумалъ онъ, — Неужели Изерскій каналъ и Домкапелле найдутъ все-таки своего баталиста?»

Но онъ очень сердечно пожалъ руку офицера, котораго зналъ давно. Очевидно, человекъ нимало не виноватъ въ томъ, что его заставляютъ носить некрасивую форму.

— Очень радъ видѣть васъ живымъ и здоровымъ, Бангхёрстъ, — сказалъ онъ. — Надѣюсь, вы возвратились къ намъ не на одинъ день, какъ это сдѣлалъ Реджинальдъ Арвудъ? Маленькій отдыхъ для поправленья нервовъ, не правда ли?

Но оказалось, что Дугласъ пріѣхалъ не отдыхать, а со специальной миссіей секретнаго характера. Никто изъ присутствующихъ не подумалъ задавать ему какихъ-либо вопросовъ по этому поводу. Англичане сдержанны и не любопытны, и германскій шпионажъ ни въ одной изъ враждующихъ странъ не даетъ такихъ ничтожныхъ результатовъ, какъ въ Англій, хотя онъ широко раскинулъ здѣсь свои сѣти.

Дугласъ рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Слушатели сдвинули кресла полукругомъ, офицеръ сидѣлъ среди нихъ, окруженный поднимающимися отовсюду голубоватыми дымками сигаръ. Онъ говорилъ коротко, преимущественно отвѣчая на вопросы, такіе же лаконическіе и односложные.

— Я покинулъ главную квартиру въ періодъ затишья, — сказалъ онъ. — Германцы устали ломиться въ стѣну, которой имъ все равно не преодолѣть, и теперь почти не выходятъ изъ своихъ окоповъ.

— Но вы застали все-таки интересныя дѣла?

— Я былъ при Невшателѣ, у Ипра и на каналѣ у дома паромщика. Германцы бьются хорошо, надо отдать имъ справедливость, и артиллерія ихъ ужасна: это ливень снарядовъ, который поневолѣ затыкаетъ вамъ глотку, какъ несносный болтуня, не дающій собесѣднику сказать ни слова.

— Весь вопросъ въ томъ, чтобы имѣть достаточно этихъ словъ въ запасъ, — сказалъ лордъ Виллугби.

— Мы имѣемъ ихъ, но предпочитаемъ не расточать понапрасну свои аргументы. Теперь наши окопы превосходно оборудованы

На кавказскомъ фронтѣ.
Развалины крѣпости Хасанъ-Кала. Близъ этой крѣпости — знаменитыя своей цѣлебностью сѣрныя купанья.

и не боятся ни бомбардировки ни пѣхотныхъ атакъ. Въ общемъ наше положеніе устойчиво; участь войны рѣшится не на нашемъ и даже не на французскомъ фронтѣ, а у русскихъ. Мнѣ пришлось лично видѣть, какъ бьются русскіе — ихъ немало въ арміи Жоффра. Это настоящіе молодцы, храбрые и выносливые, а главное, находчивые, чего нерѣдко недостаетъ даже нашимъ солдатамъ, не говоря уже о германскихъ.

Онъ иллюстрировалъ свой отзывъ нѣсколькими примѣрами, потомъ перешелъ къ описаніямъ отдѣльныхъ боевъ и мало-помалу воодушевился. Вставъ съ кресла, онъ говорилъ съ широкими жестами; его глаза сверкали, голосъ звучалъ твердой рѣшимостью. Окружающіе слушали молча, въ позахъ напряженнаго вниманія: они казались безстрастными съ виду, но каждое слово рассказчика встрѣчало горячій откликъ въ ихъ сердцахъ.

Только лордъ Хейль-Дормондъ не поддавался вліянію этого гипноза. Его взгляды были слишкомъ установившимися, его скептицизмъ пустилъ глубокіе корни въ благодарной почвѣ независимости характера и отвращенія къ тому, что онъ считалъ тривиальнымъ. Вся Англія поглощена войною — тѣмъ хуже. Война — дикость, варварство, уродливый пережитокъ минувшаго; онъ считалъ, что увлекаться ею, — значитъ обнаруживать несомнѣнную склонность къ атавизму.

Но здѣсь онъ наталкивался на противорѣчіе, котораго не умѣлъ объяснить. Онъ видѣлъ передъ собою не подонки общества, не уличную чернь, которую такъ легко возбудить патріотическими воплями. Дугласа Бангхёрста слушали съ напряженнымъ вниманіемъ лорды и пэры Англіи, сливки ея аристократіи, цвѣтъ

На кавказскомъ фронтѣ. Кеиркейскій мостъ.

На кавказскомъ фронтѣ.
Ущелье по рѣкѣ Мело-Су. По склонамъ горы тонкими пунктирными линиями
намѣчаются виноградники, занесенные снѣгомъ.

интеллигенціи страны, которую при всѣхъ ея недостаткахъ трудно назвать некультурной. Лордъ Артуръ обвелъ взглядомъ ихъ сосредоточенныя лица съ блистающими глазами: отъ этихъ людей точно струился электрической токъ непреклонной могущественной воли. Онъ хотѣлъ улыбнуться скептически—и не могъ. Природная искренность удержала его отъ этого. Онъ почувствовалъ, что его иронія въ этотъ моментъ была бы слишкомъ похожей на рисовку.

— Нашъ врагъ осужденъ, — прозвучали послѣднія слова Бангхѣрста, какъ грозное пророчество.— Англія согреть его съ лица земли и обезпечить еще разъ народамъ Европы миръ и справедливость!

Въ отвѣтъ раздались шумныя рукоплесканія, которыя отрезвили лорда Артура. Митинги никогда не были его атмосферой; ему сдѣлалось скучно среди этихъ людей, настроенія которыхъ онъ не могъ и не хотѣлъ раздѣлить. Въ автомобиль, по дорогѣ на вокзалъ, онъ продолжалъ мысленно спорить съ Бангхѣрстомъ и его единомышленниками. Онъ не хотѣлъ сознавать, что этимъ единомышленникамъ имя легионъ, даже болѣе — вся Англія, весь міръ.

Поездъ остановился у перрона маленькой станціи. Лордъ Артуръ вышелъ и сѣлъ въ кабриолетъ,

дождавшійся на площади передъ вокзаломъ. Ночная свѣжесть, напоенная ароматомъ цвѣтовъ, охватила лорда Артура. Кабриолетъ катился между двумя рядами дачъ, спрятанныхъ въ густой зелени; все было тихо кругомъ, все дышало миромъ и покоемъ. И незамѣтно предъ мечтателемъ, отдававшимся очарованію ночи, выплылъ образъ той, которую онъ любилъ.

Лордъ Артуръ Хейль-Дормондъ и миссъ Мэриетъ Ривль— женихъ и невѣста, хотя и не помолвленные еще официально.

Они знаютъ другъ друга очень давно. Лордъ Артуръ вспоминаетъ кудрявую куклу съ глазами, большими и синими, какъ васильки, вспоминаетъ превращеніе этой куклы въ подростка, въ которомъ шаловливая веселость прорывалась, какъ звонкій родникъ, сквозь броню строгихъ правилъ чопорнаго англійскаго воспитанія. Потомъ наступила разлука. Молодой лордъ уѣхалъ въ Германію, чтобы закончить свое образованіе въ Гейдельбергскомъ университетѣ; оттуда онъ помчался въ Парижъ, гдѣ два года незамѣтно промелькнули въ увлеченіи спортомъ и авіаціей. Вернувшись, онъ засталъ свою кузину вполне созрѣвшей дѣвушкой и съ первой же встрѣчи отдалъ ей свое сердце, оставшееся чистымъ и юнымъ въ атмосферѣ нѣмецкихъ ферейновъ и парижскихъ бульваровъ.

Между молодыми людьми все давно рѣшено. Они любятъ другъ друга спокойной довѣрчивой любовью безъ столкновенія самолюбій, безъ изломовъ и капризной, раздражающей игры нервовъ. Лордъ Донифанъ, воспитавшій, какъ родное дитя, сироту-дочь умершаго двоюроднаго брата, въ свою очередь считаетъ дѣвушку вполне подходящей женой для того, кому онъ передать свое состояніе и свое древнее славное имя. Впереди все свѣтло и ясно, никакая война, никакая политика не помѣшаетъ ихъ счастью...

Внезапно кабриолетъ остановился: лошадь не хотѣла идти дальше, несмотря на понуканія и удары бича. Спрыгнувъ на землю, грумъ обошелъ экипажъ, чтобы посмотреть упряжь. Въ ту минуту, какъ смолкъ шорохъ колесъ по гравію дороги, среди наступившей глубокой тишины послышался другой звукъ: характерный и зловѣщій рокотъ мотора въ воздухѣ.

IV.

Лордъ Артуръ поднялъ голову.

Впереди на темно-синей полосѣ неба, заключенной между двумя рядами деревьевъ, не было видно ничего, кромѣ звѣздъ. Но лошадь, охваченная необъяснимымъ страхомъ, пятилась назадъ: она фыркала и дрожала всѣмъ тѣломъ, ея глаза налились кровью. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ тревожно и жалобно завывли собаки. Шумъ приближался, какъ злобное ворчанье невидимаго животнаго. И вдругъ надъ деревьями, со стороны

На кавказскомъ фронтѣ. Непріятельскія горныя позиціи, считавшіяся доннынъ неприступными и взятые съ боя нашими геройскими кавказскими войсками.

На балканскомъ фронтѣ. Островъ Корфу, на которомъ сосредоточена сербская армія. Крѣпость и казармы.

моря, показалось медленно ползущее облако грязно-желтаго цвѣта, отвратительное и ужасное.

То былъ цепелинъ подѣ германскимъ флагомъ.

Сейчасъ же онъ скрылся опять за деревьями къ западу. Лошадь рванулась впередъ, закусивъ удила, но кабріолетъ не успѣлъ пробѣжать нѣсколькихъ ярдовъ, какъ удаляющійся шумъ мотора прорѣзалъ высокой визгливой нотой. Въ ту же минуту весь воздухъ всколыхнулся отъ чудовищнаго сотрясенія, со страшной силой отбросившаго экипажъ, лошадь и сѣдоковъ въ сторону, въ мягкую эластичную стѣну кустарника. Плетень, который отдѣлялъ эту стѣну отъ дороги, лопнулъ, какъ натянутая бечевка подѣ ножницами. Выброшенный изъ экипажа лордъ Артуръ увидѣлъ, лежа на землѣ, какъ трава и камни около его лица освѣтились словно отблескомъ послѣдовательно вспыхивавшихъ молній; трескъ нѣсколькихъ взрывовъ, раздавшихся одинъ за другимъ, слился въ протяжный потрясающій грохотъ. Градь камней, комьевъ земли, обломковъ и вырванныхъ съ корнемъ кустовъ разсыпался по дорогѣ.

Лошадь ринулась впередъ, какъ бѣшеная: рискуя быть сброшеннымъ на всемъ скаку подѣ колеса, лордъ Артуръ вскочилъ на подножку, ухватился за перила и въ слѣдующую секунду успѣлъ утвердиться на сидѣнн. Грумъ остался лежать въ кустахъ, оглушенный, быть-можетъ, убитый.

Тогда началась безумная скачка. Кабріолетъ летѣлъ, бросаясь отъ одного края дороги къ другому, накрываясь на поворотахъ такъ, что временами удерживался на одномъ колесѣ въ то время, какъ другое со свистомъ вертѣлось въ воздухѣ. Катастрофа грозила ежеминутно, но лордъ Артуръ не думалъ удерживать лошадь. Всѣ его мысли и чувства обратились въ какой-то хаосъ, среди котораго пылало огненными буквами только одно слово — „Мэриетъ“. И это слово гнало его впередъ, какъ бичи Эринній. Прошло много времени, прежде чѣмъ къ нему вернулось сознание. Позади послышался рожокъ пожарнаго автомобиля, мчавшагося къ мѣсту катастрофы, каски солдатъ сверкали, отражая зловѣщее зарево. Точно развернутый вѣтеръ, переливающимся всѣми оттѣнками краснаго цвѣта, оно трепетало надъ деревьями справа, разстилаясь все шире по небу, гдѣ звѣзды одна за другой гасли въ этомъ морѣ пылающей крови. Стонъ набата сливался съ шумомъ толпы, наполнившей улицу курорта, еще за минуту такую спокойную и мирную, — толпы взволнованныхъ мужчинъ и женщинъ, истерическіе вопли которыхъ неслись отовсюду, какъ въ день разрушенія Помпей.

Лошадь, вся покрытая мыльной пѣной, свалилась наконецъ на землю, но до ограды Хейль-Дормондскаго замка было уже недалеко. Лордъ Артуръ бросился впередъ, расталкивая толпу, пробѣжалъ, не стѣгаясь, подѣ огненнымъ сводомъ деревьевъ, которые трещали, точно сожженные факелы. — и остановился съ громкимъ воплемъ, прозвучавшимъ, какъ ему показалось, откуда-то извнѣ.

Замокъ пылалъ, какъ испанскій костеръ.

Пламя, упавшее съ неба, въ нѣсколько минутъ успѣло охватить монументальную готическую постройку. На фонѣ колеблющейся

завѣсы огня башни, балконы и кровли казались узорчатымъ кружевомъ чернаго цвѣта, висящимъ въ воздухѣ между клубами дыма, который ползъ отовсюду; сверху эти клубы свивались въ непроницаемые черныя облака, ронявшія на землю мелкіе хлопья сажи и пепла. Жаръ былъ такъ силенъ, что пришлось очистить площадь на большомъ разстояніи вокругъ замка, осужденнаго на гибель, потому что отстоять его отъ пожара не было никакой возможности. Струи воды, направляемыя въ огонь, казались блестящими шпагами, вонзившимися въ тѣло этого разъяреннаго звѣря, но онѣ не могли убить чудовища, а только раздражали его ярость. Не колеблясь ни минуты, лордъ Артуръ бросился въ самое жерло этой огненной пасти. Задыхаясь отъ раскаленнаго вѣтра, онъ неудержимо рвался впередъ сквозь пламенную завѣсу, не думая о томъ, что ежеминутно можетъ потерять сознание и сдѣлаться жертвой огня. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него какой-то сводъ съ трескомъ рухнулъ среди фонтана искръ. Сдѣлавъ послѣдній отчаянный прыжокъ впередъ, лордъ Артуръ очутился во внутреннемъ дворѣ, образовавшемся между обугленными стѣнами безъ потолка, на мѣстѣ большой столовой, которая занимала центральную часть замка. Здѣсь огонь былъ уже сбитъ усиліями пожарныхъ, направленными съ другой стороны. Какіе-то черныя призраки, съ которыхъ ручьями текла вода, суетились здѣсь, разбирая стропила, грозящая рухнуть каждую минуту. Никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на лорда Артура. Онъ метался изъ одной ячейки этого огненнаго улья въ другую, напрягалъ свои легкія, стараясь перекричать бушующее пламя; отвѣтомъ ему былъ только трескъ пожара, грохотъ падающихъ стѣнъ и шипѣнье воды, обращающейся въ паръ среди раскаленныхъ добѣла горновъ.

Мало-по-малу пожаръ началъ утихать. Огонь падалъ въ изнеможеніи, дымъ дѣлался гуще и лѣнивѣе. Потoki воды стекали отовсюду, какъ будто безчисленные ключи вдругъ забили изъ черныхъ обуглившихся стѣнъ. Казалось, старый замокъ, изуродованный и оскорбленный, плакалъ надъ своей страшной участью. Пламя было сбито, но побѣда все же осталась за нимъ. Сгорѣло все, что могло сгорѣть.

Все? Лордъ Артуръ вернулся на площадь, шатаясь отъ изнеможенія, съ опаленнымъ лицомъ и распухшими отъ жара, слезящимися глазами. Онъ утратилъ всякую надежду найти Мэриетъ и отца. Онъ понялъ, что больше не увидитъ даже ихъ труповъ.

Но нѣтъ, судьба доставила ему это послѣднее утѣшеніе. Въ отдаленномъ углу двора кучка людей окружала что-то, лежавшее на землѣ: спины были согнуты, головы обнажены, никто не произносилъ ни слова. Лордъ Артуръ подошелъ и увидѣлъ въ серединѣ этого безмолвнаго круга, на мокрой землѣ, что-то похожее на разостланную простыню — что-то бѣлое, неподвижное и ужасное.

Слабый стонъ вырвался изъ его груди. Онъ пошатнулся и упалъ навзничъ безъ сознания.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Наутилусъ“ въ мировой войнѣ.

Очеркъ Ф. Мускатблита.

I.

Если имѣть въ виду боевыя столкновения только на сушѣ, то нынѣшняя война является по преимуществу европейской: она мало затронула Азію, еще менѣе Африку и, наконецъ, совершенно не коснулася Австраліи и Америки.

Ареную же для столкновения морскихъ силъ послужили океаны Атлантическій, Тихій и Индійскій, моря Балтійское, Черное, Сѣверное и Ирландское съ проливами, Средиземное, Адриатическое, Эгейское и Мраморное и, наконецъ, Красное съ Суэцкимъ каналомъ, иначе говоря, за ничтожнымъ изъятіемъ, всѣ существующіе на земномъ шарѣ водные бассейны, и въ этомъ смыслѣ нынѣшняя война оказывается поистинѣ мировой.

Борьба ведется не только на водѣ, но и подъ водой, гдѣ вымышленный капитанъ Немо превратился въ реальнаго лейтенанта съ русской, англійской, французской, итальянской или нѣмецкой фамиліей, а таинственный „Наутилусъ“ — въ явнаго „Окуня“ или просто номеръ въ соединеніи съ какой-нибудь буквой (например, L 18) или безъ нея.

Интересно, что широкіе круги видятъ въ современной подводной лодкѣ воплощеніе дѣвственной фантазіи Жюль Верна, полагая, что онъ своимъ творческимъ воображеніемъ предвосхитилъ фактъ.

Между тѣмъ это далеко не такъ: наоборотъ, Жюль Вернъ исходилъ изъ факта, — самое названіе субмарины въ повѣсти „Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой“ повторяетъ собой названіе задолго до того сооруженной подводной лодки, — и онъ лишь далъ идеально законченное выраженіе тому, что въ зачаточномъ состояніи существовало еще въ глубокой древности.

Прежде чѣмъ выучиться ходить, ребенокъ приучается стоять, и то же было съ человѣкомъ съдой старины, пытавшимся проникнуть въ подводное царство: прежде чѣмъ передвигаться подъ водой, онъ долженъ былъ добиться возможности пребывать тамъ болѣе или менѣе продолжительное время.

Человѣкъ успѣлъ: Аристотель и Геродотъ свидѣтельствуютъ не только о подводныхъ работахъ, производившихся въ эпоху Александра Македонскаго, значить, почти 2.200 лѣтъ тому назадъ, но и о средствахъ для подводныхъ передвиженій, которыя, разумѣется, были тогда весьма ограничены.

Если усомниться въ показаніи англійской хроники, что въ XVI вѣкѣ въ Темзѣ плавала построенная голландскимъ физикомъ Ванъ-Дреббелемъ деревянная гребная субмарина съ экипажемъ изъ пятнадцати человѣкъ, то всякое сомнѣніе исчезнетъ, когда вы увидите въ Парижѣ, въ „Музеѣ искусствъ и ремеслъ“, выбранный въ Англии Норвудомъ патентъ 1632 года за № 56 на машину для подводнаго плаванія, посредствомъ которой „можно опускаться на большую глубину, плавать тамъ и вновь подниматься“.

Колесная субмарина (1653 г.) голландскаго инженера Сола.

Подводная лодка (1772 г.) англійскаго механика Дяя, который запечатлѣлъ служеніе охватившей его идеѣ смертью: раздавленный толщей воды, онъ погибъ со всѣмъ своимъ экипажемъ при производствѣ опытовъ погруженія на Плимутскомъ рейдѣ.

„Черепакъ“ (1775 г.) американскаго изобрѣтателя Багинеля совсѣми важнѣйшими элементами современной субмарины, ручные винты для движенія и винты на вертикальной оси для погруженія, руль на шарнирахъ съ шариками, отдѣляющійся грузъ для подъема въ случаѣ несчастія, манометръ, фосфоресцирующее вещество для освѣщенія, компасъ, цистерны съ сжатымъ воздухомъ, вентиляторъ, пороховой ящикъ съ часовымъ механизмомъ для автоматическаго взрыва черезъ полчаса, въ теченіе которыхъ субмарина удалялась отъ противника на безопасное разстояніе.

Все это — предвѣстники современной подводной лодки.

Огромный шагъ впередъ былъ сдѣланъ на зарѣ XIX вѣка: въ 1798 г. была сооружена знаменитымъ американскимъ изобрѣтателемъ Фультономъ подводная лодка „Наутилусъ“.

Послѣдній, считая боевой флотъ постоянной угрозой свободѣ морей, которая составляетъ основу благосостоянія народовъ, писалъ:

„Я разсматриваю военные корабли, какъ пережитокъ устарѣлыхъ воинственныхъ привычекъ, какъ политическую болѣзнь, противъ которой до сихъ поръ не знали средствъ, и убѣжденъ, что подводная лодка, вооруженная миной, можетъ служить отличнымъ средствомъ для излѣченія отъ этого зла“.

Фультонъ предложилъ свои услуги французамъ, которые воевали тогда съ англичанами, и поставилъ условіемъ дарованіе ему и всему экипажу воинскаго званія, чтобы въ случаѣ плѣна ихъ не повѣсили, какъ пиратовъ, но французскій морской министръ отвѣтилъ въ своемъ отзывѣ отказомъ:

„Нельзя даровать воинское званіе людямъ, которые употребляютъ подобные способы разрушенія непріятельскаго флота“.

Съ тѣхъ поръ взгляды измѣнились...

Отчаявшись въ успѣхѣ, Фультонъ обратился къ англичанамъ, но и тутъ потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе неумѣнья офицеровъ обращаться съ минами.

Тогда онъ лично произвелъ блестяще удавшійся опытъ разрушенія специально приобрѣтеннаго имъ для этой цѣли датскаго брига „Доротея“, взрывъ котораго въ присутствіи перваго министра Питта и многихъ членовъ адмиралтейства произвелъ колоссальное впечатлѣніе.

Опасаясь, какъ бы изобрѣтеніемъ Фультона не воспользовалась какая-нибудь другая держава, англичане рѣшили купить у него право на это изобрѣтеніе и предложили ему пожизненную пенсію въ размѣрѣ 200.000 рублей въ годъ, но онъ, радѣя объ инте-

На балканскомъ фронтѣ. Замокъ Ахилейонъ на островѣ Корфу, принадлежавшій императору Вильгельму и захваченный нынѣ нашими союзниками. Боковой входъ въ замокъ.

Японская морская миссия, прибывшая в Петроград и отправившаяся затем в Царскую Ставку. Глава миссии — начальник морского генерального штаба контр-адмирал Акияма. За ним: капитаны 2-го ранга Яманаси, Тосу и Сузуки (морской агент при японском посольстве в Петроград). По фот. Штейнберга.

ресахъ своего отечества, отказался отъ такой сдѣлки и вскорѣ уѣхалъ на родину.

Превратности судьбы пришлось испытать и нѣмецкому изобрѣтателю Бауэру, пока ему наконецъ удалось обрѣсти высокое покровительство у насъ: на отпущенныя средства онъ соорудилъ субмарину „Морской чортъ“ (1852 г.), которая сдѣлала множество плаваний; между прочимъ, въ день коронаванія императора Александра II, Бауэръ съ четырьмя гвардейскими музыкантами опустился въ ней у Кронштадта, при чемъ, какъ только грянулъ возбѣстившій о началѣ торжествъ въ Москвѣ пушечный выстрѣлъ, трубачи исполнили гимнъ, и звуки, распространившись на значительное разстояніе, привели публику въ крайнее изумленіе.

Первымъ отечественнымъ конструкторомъ подводной лодки (1866 г.) былъ фотографъ Александровскій.

Сначала опыты съ этимъ судномъ, приводившимся въ движеніе сжатимъ воздухомъ, запасовъ котораго хватало на 42 мили пути между Кронштадтомъ и Біоркезундомъ, были удачны.

На Транзундскомъ рейдѣ субмарина была испытана въ Высочайшемъ присутствіи, послѣ чего строителю было уплачено 140.000 рублей и назначено ежегодное содержаніе въ 5.000 рублей.

Затѣмъ подводную лодку, уже съ добавочной желѣзной башенкой, стали пробовать на крѣпость: погрузили безъ людей на двѣнадцать саженей—удачно.

При погруженіи же на четырнадцать саженей субмарина утонула, и, хотя черезъ нѣкоторое время ее подняли, интересъ къ ней пропасть, такъ что, даже будучи исправлена, она осталась безъ употребленія.

Изъ послѣдующихъ отечественныхъ конструкторовъ, дѣятельно и плодотворно трудившихся надъ усовершенствованіемъ подводной лодки, известны Апостоловъ, Заковенко, Карышевъ, Колбасевъ, Кутейниковъ и особенно Джевецкій, который, работая въ этой области долгія ряды лѣтъ, получилъ на конкурсѣ французскаго морского министерства (1897 г.) первую премію.

Изъ иностранцевъ внесли въ эту отрасль свою обильную творческую лепту: Филиппсъ, Маріа-Деві, Ванъ-Эльвенъ, Брюкъ, Ауилэй, Вудъ, Барбуръ, Голландъ, Норденфельдъ, Губа, Зедъ, Пуллино, Пино и Лэкъ, которому четверть вѣка назрѣвшихъ и частью реализованныхъ исканій стяжали репутацію одного изъ виднѣйшихъ современныхъ авторитетовъ.

Для быстро возраставшей популярности идеи подводнаго плаванія весьма показательно не только эта смѣсь „племенъ“, представители которыхъ отдалась усовершенствованію субмарины, но и „состояній“: въ полномъ перечнѣ, изъ котораго приведены здѣсь лишь наиболѣе выдающіяся имена, встрѣчаются докторъ и скульпторъ, адвокатъ и столяръ, химикъ и башмачникъ, директоръ департамента и учитель чистописанія.

Не менѣе характерно, но уже въ другомъ смыслѣ, что среди названныхъ изобрѣтателей совершенно отсутствуютъ нѣмцы,—явленіе лишь отчасти объясняемое положеніемъ ихъ отечества на континентѣ и, главнымъ образомъ, служащее лишнимъ доказательствомъ слабости этой націи въ области творчества.

Нѣмцы не дали умовъ, проникновенностью которыхъ отмѣнены переломные моменты въ наукѣ, и положеніе это, въ виду своей очевидности не нуждающееся въ доказательствѣ, одинаково примѣнимо къ техникѣ: паровой котель, паровозъ и паровозъ, телеграфъ, телефонъ и граммофонъ, фотография и кинематография, автомобиль и, наконецъ, аэропланъ,—все это явилось помимо нѣмцевъ.

Займствователи и продолжатели, они въ полной мѣрѣ обнаружили эти свои черты и въ сферѣ подводнаго плаванія.

Изъ популярнаго справочника Вейера видно, что въ 1903 году, когда со включеніемъ строившихся итальянскій флотъ насчитывалъ 2, шведскій—7, американскій—9, русскій—13, англійскій—18 и французскій—34 подводныхъ лодки, въ германскомъ флотѣ ихъ не было, но такъ какъ субмарины имѣлись у другихъ, то у нѣмцевъ было откуда заимствовать и что продолжать.

Какъ разъ въ ту пору уже стали намѣчаться контуры нынѣшней борьбы, основой которой является политико-экономическое соперничество между Германіей и Англійей, и вотъ въ 1903 году чертежи французской подводной лодки „Эгреттъ“ оказываются у фирмы Круппъ, которой продать ихъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ французской инженерной школы, по происхожденію иностранецъ.

Такимъ образомъ первая германская субмарина „U. 1“ была точной копией французской подводной лодки того времени, типъ которой нѣмцы взяли себѣ развивать съ тѣмъ большими настойчивостью и усердіемъ, что именно это орудіе борьбы особенно улыбалось имъ, какъ сравнительно дешевое средство до извѣстной степени уравнявъ шансы своего флота, второго въ мірѣ по величинѣ послѣ англійскаго, съ флотомъ „владычицы морей“.

Въ этомъ смыслѣ и высказался германскій военный писатель Бернгарди въ своемъ нашумѣвшемъ трудѣ, который вышелъ еще за три года до начала войны:

„Чтобы не выжидать, сложа руки, непріятельскаго нападенія,—откровенно заявилъ онъ,—можно было бы напасть на врага внезапно, открыть военныя дѣйствія по способу, примѣненному японцами у Портъ-Артура; это сразу ощутительно ослабило бы англійскій флотъ, уменьшило бы до извѣстной степени его численное превосходство и по крайней мѣрѣ на короткое время отсрочило бы блокадныя операціи противника,—попытка, которая, возможно, и будетъ сдѣлана“...

Она дѣйствительно проектировалась, но была сорвана въ самомъ зародышѣ старымъ „морскимъ волкомъ“ адмираломъ Каллаганомъ, организаторскому таланту котораго англійскій флотъ столь многими обязанъ: черезъ три часа послѣ начала войны отрядъ субмаринъ доставилъ ему точнѣйшія свѣдѣнія о расположеніи непріятельскихъ морскихъ силъ, и эта блестящая развѣдка, которою въ гигантской борьбѣ дебютировала подводная лодка, въ корнѣ разрушила весь планъ адмирала Тирпица, состоявшій въ неожиданномъ минномъ подрывѣ англійскаго флота въ его портахъ, ибо немедленно по полученіи донесенія вся армада вышла въ море...

II.

Начинаютъ свои выступленія германскія субмарины, жертвами которыхъ въ первую голову сразу становятся крейсера „Абукиръ“, „Хоогъ“ и „Кресси“, потопленные подводной лодкой „U. 9“. Впечатлѣніе—громадное: одна субмарина и, вдобавокъ, сравнительно стараго типа уничтожаетъ, хоть и устарѣлые, но все же три корабля!

Когда же обстоятельства, при которыхъ погибли эти суда, выяснились съ исчерпывающей опредѣленностью, эффектъ значительно потускнѣлъ.

„Я шель въ полупогруженномъ состояніи, — сообщилъ командиръ Веддингень,—но, замѣтивъ сперва одинъ крейсеръ, а потомъ еще два другихъ, погрузился подъ воду и взялъ курсъ прямо на центръ треугольника, образованнаго ими. Уменьшивъ разстояніе до желаемаго, выпустилъ первую мину. Поднявшись, убѣдился,

что она попала удачно. Увидев, что къ мѣсту катастрофы полнымъ ходомъ идутъ два другихъ крейсера, снова погрузился и, придя на нужную глубину, выпустилъ вторую мину въ ближайшій изъ нихъ, который, повидимому, застопорилъ машину и сталъ спускать шлюпки для спасанія людей. Вторая мина также взорвалась удачно. Третій крейсеръ тѣмъ временемъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и открылъ огонь, но хода не давалъ: здѣсь, кажется, все еще желали спасти людей. Чтобы разобраться въ происшедшемъ, нужно было подняться на поверхность. Вблизи упалъ снарядъ. Опять погрузился, подошелъ ближе и выпустилъ двѣ мины. Повезло: третій крейсеръ также былъ потопленъ“.

Сообщеніе это въ существеннѣйшихъ чертахъ совершенно совпало съ опубликованнымъ до него меморандумомъ британскаго адмиралтейства, которое, указавъ, что крейсеръ „Абукиръ“ несъ цѣлостную службу и, слѣдовательно, шелъ малымъ ходомъ, заявило:

„Что же касается крейсеровъ „Хоогъ“ и „Кресси“, то они погибли только въ слѣдствіе того, что, видя гибнущій корабль и не зная, что по сосѣдству находится непріятельская подводная лодка, приписывали несчастью взрыву мины загражденія, почему застопорили машины и занялись спасаніемъ людей. Къ сожалѣнію, попытка эта вызвала собою еще большее число жертвъ. Въ современной войнѣ случаются положенія, не имѣющія подобія въ прошломъ. Они выясняются постепенно. Отнынѣ считаемъ необходимымъ установить для руководства, что гуманныя соображенія, побуждающія командировъ заниматься спасаніемъ людей съ тонущаго судна, своего или чужого, никоимъ образомъ не должны брать верхъ надъ соображеніями военнаго характера: моментъ, когда корабль стоитъ съ застопоренными машинами, слишкомъ благоприятенъ для атаки подводной лодки, и спасаніе людей лучше всего поручать малымъ судамъ, которыя въ такихъ случаяхъ должны вызываться по радиотелеграфу.“

Такимъ образомъ въ одномъ случаѣ катастрофу обусловилъ малый ходъ, а въ двухъ другихъ причиной ея явилась стоянка и, кромѣ того, крупную роль сыграло отсутствіе охраны изъ истребителей.

Въ дальнѣйшемъ при такихъ же обстоятельствахъ погибли крейсера „Хаукъ“ и „Гермесъ“, канонерка „Нигеръ“ и броненосецъ „Формидабль“.

Извѣстный англійскій адмиралъ въ отставкѣ Бересфордъ помѣтилъ по этому поводу письмо въ „Morning Post“.

Правда, газета эта вела яростную кампанію противъ кабинета Асквита въ его первоначальномъ составѣ и особенно противъ морскаго министра, какимъ былъ тогда Черчилль, но это не ума-

ляетъ объективной вѣрности письма, весьма показательнаго для той свободы мнѣній въ Англии, которая не потеряла тамъ ущерба даже въ условіяхъ военнаго времени.

„Я говорю.—писать Бересфордъ,—о защитѣ судовъ Его Величества. Польза истребителей для этой цѣли была неоднократно доказана, когда много тысячъ войска было перевезено моремъ безъ единой потери. Также во время обстрѣла побережья Бельгій атаки германскихъ подводныхъ лодокъ были предупреждены при помощи истребителей. Что заставляетъ посылать эскадры въ Ламаншъ малымъ ходомъ безъ гарантирующихъ безопасность истребителей? Офицеры и матросы королевскаго флота рвутся въ бой и готовы отдать свою жизнь, почему непростительно ставить ихъ въ такія условія, когда они гибнутъ безъ единого выстрѣла. Люди эти самоотверженно служатъ своей странѣ, и она можетъ требовать большаго вниманія къ ихъ безопасности. Очень тяжело критиковать распоряженія высшаго начальства, но тутъ критика необходима, и надѣемся, что подобнаго упущенія больше не будетъ“.

Авторъ протеста, повидимому, самъ того не замѣчая, указалъ на громадную заслугу критикуемыхъ, совершенно обезпечившихъ сообщеніе между Англійей и Франціей черезъ Ламаншъ и создавшихъ полную неуязвимость для своихъ флотилій у побережья Бельгій, которыя содѣйствовали отраженію попытокъ противника прорваться къ Калѣ.

Между тѣмъ, развѣ есть раіоны болѣе заманчивыя для германскихъ подводныхъ лодокъ, чѣмъ Ламаншъ и побережье Бельгій, гдѣ противникъ оборудовать для нихъ спеціальную базу?

Если въ Ламаншѣ у противника такая приманка, какъ вереницы транспортовъ съ отрядами и всякимъ снабженіемъ, то у побережья Бельгій передъ германскими подводными лодками множество боевыхъ кораблей, въ большинствѣ устарѣвшихъ, однако въ обоихъ раіонахъ безчисленныя атаки германскихъ подводныхъ лодокъ были безрезультатны.

Никакой роли не сыграли непріятельскія субмарины въ бою у Гельголандъ, гдѣ германцы потеряли крейсера: „Ариадна“, „Кельнъ“ и „Майнцъ“.

Ничего не было достигнуто ими и въ сраженіи у Доггербанки, гдѣ противникъ лишился крейсера „Блюхеръ“ и еле ушелъ съ подбитыми дредноутами „Дерфлингеръ“ и „Зейдлицъ“.

Наконецъ удалось избѣгнуть нападенія непріятельскихъ субмаринъ въ слѣдующемъ бою у Гельголандъ съ цепелинами и гидропланами.

Все это произошло до появленія письма Бересфорда и указы-

Союзный трудъ съ Дальняго Востока. Одинъ изъ японскихъ рабочихъ на снарядномъ заводѣ въ Парижѣ.

вало на своевременное принятие целесообразных мер для борьбы с неприятельскими субмаринами, что, разумеется, не исключает возможности отдельных промахов: не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Меры эти, как противоядие, выработка которого, естественно, возможна лишь по излечивании свойств самого яда, дали поразительный результат.

В течение первых пяти месяцев войны, пока применение подводной лодки, к которому усиленно других готовились немцы, было новостью и боевая работа субмарины только изучалась, им удалось потопить упомянутые семь кораблей, частью совершенно лишённых значения, частью значения ограниченного.

Загвоздка успеха эти обрываются на целых четыре месяца, когда гибнет истребитель „Рекруйт“, участь которого несколько позже разделяют малые миноносцы № 10 и № 12, и когда немцы, уже предвидя дальнейшее, пустили подводную лодку „по торговой части“: с объявлением пресловутой блокады она была низведена до охотника за „купцом“ — роль, для которой по существу субмарина не предназначалась, так как исполнитель её, обыкновенный миноносец, был налицо ещё раньше.

В течение последних девяти месяцев войны германская подводная лодка не имела в борьбе с военными судами на главном театре, в Северном море, ни единой удачи.

Между тем там же немцы потеряли пятнадцать субмарин, гибель которых установлена официально, и множество (по частным сведениям — сорок) таких, об уничтожении которых

сообщили в открытом письме английской морской министр Бальфур, после того как в отчёту прежнего порядка британское адмиралтейство объявило, что не считает нужным извещать о всех случаях, когда удаётся кончить с той или иной подводной лодкой, чтобы не дать возможности неприятелю узнать время и, главным образом, место происшествия.

Подобное явление уже само по себе свидетельствовало, что в борьбе с ядом, повидимому, найдено исключительно важное, особо действительное противоядие...

Рене Вазень, в то время посетивший английский флот, писал в „Echo de Paris“:

„Я ознакомился с различными способами для уничтожения германских подводных лодок. Потери их, пока не подлежащая оглашению, очень велики. Можно с уверенностью сказать, что больше половины германских подводных лодок находится на дне“...

Фредерик Пальмер, также посетивший английский флот, в свою очередь писал в „New-York Herald“:

„Мне показали карту с обозначением мест, где были обнаружены германские подводные лодки, при чём в ней имелись пометки: „потоплена“, „взята в плен“. Из рассмотрения этой карты видно, что карьера большого числа германских подводных лодок кончена навсегда“.

III.

Способы расправы с подводными лодками очень разнообразны:

Разстрел: слёзная под водой, — в этом её основной недостаток, — субмарина прежде, чем выпустить мину, должна высунуть свой в буквальном смысле поверхностный глаз, который состоит из трубки с системой отражающих стёкол (перископ), и, следовательно, обнаружив своё присутствие, чего достаточно, чтобы бдительный противник открыл по ней огонь. В этом отношении наиболее страшным врагом для подводной лодки является истребитель: он может плавать в водах любой глубины, в мгновение снимается с места, сразу развивает предельную скорость, превышающую шестьдесят верст в час, что позволяет ему очутиться перед субмариной почти внезапно, и вооружён артиллерией, которая при своей скорострельности и дальности губительна для всплывшей подводной лодки даже на большой дистанции. Опасность для субмарины увеличивается ещё и тем, что поле зренья, открываемое перископом и открывающееся с её наблюдательной вышки, гораздо меньше, чем поле зренья наблюдателей, находящихся на мостике истребителя. Благодаря этому истребитель может полным ходом броситься к подводной лодке ещё до

того, как она его увидит и успеет погрузиться. Подвижность и быстрота чрезвычайно облегчают истребителям возможность атак соединёнными силами. Подобная охота устраивается обыкновенно так: истребители крейсируют на определённом расстоянии друг от друга, иногда останавливаясь, и зорко наблюдают за поверхностью воды; как только показывается перископ или верхняя часть субмарины, истребители открывают по ней огонь и в случае безрезультатности обстрела усугубляют своё внимание в расчёт, что рано или поздно подводная лодка вновь покажется. Так была уничтожена, например, германская подводная лодка „U 8“. Она была обнаружена отрядом истребителей под начальством контр-адмирала Гуда. Им пришлось долго маневрировать, чтобы не дать возможности неприятельской субмарине уйти. Всплывая на поверхность воды, она каждый раз встречала своих преследователей. Десять истребителей окружили её и погнались к Дувру, а два других пустили ко дну.

Таранение: противник, увертываясь с помощью искусного маневрирования от выпускаемых в него минь, направляется полным ходом на подводную лодку и разбивает её своим корпусом. Из „купцов“ впервые применил этот приём норвежский пароход „Тордис“. Капитан замечил перископ. Не теряя присутствия духа, он вызвал всех находившихся на пароходе на палубу, быстро перевернул курс и прошёл совсем близко от субмарины. Этим маневром „Тордис“ был спасён, ибо как раз в тот момент подводная лодка выпустила мину, которая уже не попала в цель. Избегнув гибели,

У Вердена. Стальные бараксы для французских резервных войск.

капитан снова повернул пароход и через несколько секунд прошёл над субмариной. Раздался треск, после чего подводная лодка больше не показывалась, а сзади „Тордиса“ всплыли масляные пятна: очевидно, субмарина погибла. Заявление капитана, сделанное им по приходе в Плимут, было проверено: „Тордис“ ввели в сухой док для осмотра. Освидетельствованием повреждённой в килевой части и в лопастях заявленное капитаном об ударе, нанесённом подводной лодке, подтвердилось. Британское адмиралтейство объявило, что пароход по всем вероятностям действительно потопил напавшую на него субмарину, и экипаж „Тордиса“ получил премию в 1.000 фунтов стерлингов, назначенную одной плимутской газетой тому „купцу“, который первый потопил германскую подводную лодку.

Минное заграждение в виде ли определённого сочетания или отдельных минь, столкновение с которыми влечёт за собой взрыв субмарины, при чём иногда её ловят на эту преграду, ставя в виде приманки фальшивый военный корабль.

Воздушная бомбардировка с аэроплана и особенно гидроплана, которые, лёжа над водой, видят погружённую подводную лодку, как чайка рыбу: так в Адриатическом море французский гидроплан атаковал с высоты пятнадцати метров австрийскую субмарину, вблизи перископа которой взорвались под водой две бомбы и, повидимому, с успешным результатом, а в Эгейском море — германскую подводную лодку, после чего она больше не показывалась на поверхности, и наконец такие же субмарины были уничтожены в Северном море, вблизи Остенда и около Мидькерка, английским гидропланом.

Идеальным средством в борьбе с подводной лодкой являются при известных условиях *столы*.

Описание этого сооружения дано в „Providance Journal“, „New-York Times“ и „Scientific American“.

Сты для защиты Па-де-Кале и Ламанша протянуты: одна — на восток, другая — на запад,

так что образованный ими коридор болше чем достаточно для свободного движения транспортов в обе стороны.

Новый французский военный министр генераль Рокъ.

Сѣти для защиты Ирландскаго моря протянуты: одна — на сѣверѣ,

другая — на югѣ.

чѣмъ достигнута изоляція всего междуостровнаго воднаго бассейна.

Сѣти обѣих системъ стальные,

состоятъ изъ многихъ частей, и, такъ какъ субмарина можетъ погружаться на глубину до тридцати саженей, приблизительно равную глубинѣ упомянутыхъ водоемовъ, онѣ опущены до дна.

Оба края, нижній и верхній, установлены на якоряхъ, причемъ послѣдній прикрѣпленъ къ буямъ, плавающимъ на поверхности, а ниже ея, такъ что подводная лодка не видитъ ихъ. Прочно закрѣпленіе обоихъ краевъ совершенно обезпечиваетъ сѣти отъ сдвига или порчи ихъ во время бури, прилива или отлива.

Для прохода коммерческихъ и военныхъ кораблей союзниковъ въ сѣтяхъ обѣихъ системъ устроены спеціальныя ворота, которыя открываются и закрываются, какъ это дѣлается съ разводными или понтонными мостами.

Мѣстонахожденіе воротъ, тщательно охраняемыхъ истребителями и миноносцами, извѣстно лишь британскому адмиралтейству, время отъ времени мѣняется.

Британское адмиралтейство объявило о существованіи подобныхъ воротъ и, предупредивъ мореплавателей, что слѣдованіе судовъ между указанными пунктами небезопасно, рекомендовало имъ получать въ определенныхъ мѣстахъ необходимыя инструкціи и брать лоцмановъ, иначе ихъ ждетъ неминуемая гибель.

Идя подъ водой, субмарина по слѣпотѣ своей не замѣчаетъ сѣтей и, попадая въ нихъ, можетъ быть погнута или взята въ плѣнъ, а захватъ подводной лодки, помимо извѣстной цѣнности самого приза, какъ такового, очень важенъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность вочью ознакомиться съ новѣйшими усовершенствованіями противника въ этой области.

Въ этомъ смыслѣ едва ли можно представить себѣ отзывъ, болѣе язвительный, чѣмъ тотъ, какой дали англичане, взявъ въ плѣнъ нѣсколько германскихъ подводныхъ лодокъ, дѣйствующихъ теперь противъ своихъ бывшихъ соратниковъ: „работа германскихъ верфей, какъ оказалось, не оставляетъ желать лучшаго“...

Въ дополненіе къ описанію сѣтей — подробностю, переданная экипажемъ голландскаго рыболовнаго судна:

„Когда баркъ возвращался домой, онъ натолкнулся на нѣкую эластичную преграду, отскочилъ назадъ, и тогда же послышался сильный электрическій звонокъ, послѣ чего на поверхность вынырнула субмарина, которая нѣсколько разъ обошла вокругъ рыболовнаго судна, внимательно осмотрѣла баркъ и затѣмъ такъ же таинственно исчезла, какъ появилась...“

Сѣти были изготовлены главнымъ образомъ кабельными заводами Капхэмъ и Моррисъ и обошлись въ четырнадцать милліоновъ рублей.

Чрезвычайно интересенъ рассказъ командира нѣмецкой субмарины Венингера о томъ, какъ онъ во время одного изъ своихъ плаваній въ Сѣверномъ морѣ избѣгнулъ гибели въ сѣтяхъ.

Однажды, идя въ погруженномъ состояніи и имѣя выдвинутымъ перископъ своей подводной лодки, онъ увидѣлъ въ него плававшій сзади красный буюекъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова замѣтилъ тотъ же буюекъ, находившійся сзади субмарины на прежнемъ разстояніи отъ нея.

При поворотахъ направо и налево, а также при большемъ погруженіи буюекъ неуклонно слѣдовалъ за подводной лодкой: ясно было, что субмарина задѣла и тащить за собой привязанный къ буйку конецъ.

Въ то же время онъ увидѣлъ, что прямо по направленію на буюекъ идетъ пароходъ, а затѣмъ обнаружилось, что къ подводной лодкѣ слѣшаютъ пять истребителей.

Тогда онъ прибавилъ ходу, рассчитывая атаковать одинъ изъ нихъ, но такъ какъ это не удалось и истребители расположились вокругъ субмарины, то онъ опустился еще глубже, гдѣ оказалось, что субмарина не поддается управленію: не дѣйствовалъ руль, запутавшійся въ сѣти, которая была приготовлена пароходомъ, охотившимся за подводной лодкой.

Послѣдняя оставалась опутанной полтора часа, и онъ употреблялъ всевозможныя приемы, чтобы освободиться, пока наконецъ не рѣшилъ увеличить вѣсъ субмарины и такимъ путемъ порвать сѣть, что и удалось: послѣ того какъ во всѣ цистерны была впущена вода, подводная лодка, вѣсъ которой возросъ на триста пудовъ, сдѣлала большой скачокъ въ глубину, порвала сѣть и погрузилась на пятнадцать саженей.

Пробывъ въ такомъ положеніи восемнадцать часовъ и убѣдившись въ порчѣ компаса, а также манометра, что угрожало самыми тяжелыми послѣдствіями, онъ рѣшилъ подняться, но, когда осторожно высунулъ перископъ, то увидѣлъ, что непріятель продолжаетъ оставаться на мѣстѣ.

Тогда онъ опять погрузился, легъ на дно, гдѣ пробылъ шесть часовъ и за это время исправилъ поломки, послѣ чего снова

У Вердена. Солдаты, въ ожиданіи отправки въ автобусахъ на передовыя позиціи, читаютъ только-что доставленныя газеты.

поднялся на поверхность и опять замѣтил неподалеку истребителей.

Пробывъ подъ водой еще два часа, онъ со всѣми предосторожностями повернулъ отъ берега, прошелъ подъ сторожами въ открытое море и къ позднему вечеру всплылъ: опасность миновала...

Если цѣль указаннаго грандіознаго сооруженія, блестяще достигаемая имъ, состоитъ въ прегражденіи субмаринамъ доступа въ опредѣленные районы, то назначеніе сѣти, о которой рѣчь, заключается въ поимкѣ подводныхъ лодокъ, и счастье улыбается имъ тутъ не часто.

Большинству ихъ не удастся уйти, о чемъ свидѣлствуетъ внушительный итогъ охоты за ними, удостовѣренный въ открытомъ письмѣ морского министра Бальфура и подтвержденный въ сообщенияхъ Ренэ Базена и Фредерика Пальмера.

Вполнѣ естественно, что намѣчается такое усовершенствованіе подводной лодки, которое должно дать ей возможность преодолѣть сѣти; проектируетъ его Лэкъ.

Онъ уже давно снабдилъ свою субмарину колесами для передвиженія, подобно автомобилю, по дну и камерой, откуда выпускается водолазъ для работы на днѣ, а теперь устраиваетъ особые приводы, съ помощью которыхъ подводная лодка приподниметъ сѣти, охраняющія рейдъ.

Когда субмарина проникнетъ къ мѣсту стоянки непріятельскихъ судовъ, водолазъ разставитъ подъ ними мины съ проводами, посредствомъ которыхъ произведетъ взрывъ.

Лэкъ утверждаетъ, что его ходомѣръ, опредѣляющій по числу колесныхъ оборотовъ пройденное подводной лодкой разстояніе, затѣмъ обычный компасъ, показывающій направленіе, а также манометръ, отмѣчающій глубину, и, наконецъ, точная карта даннаго района—вполнѣ достаточны, чтобы субмарина, не всплывая на поверхность воды, могла пройти въ извѣстномъ направленіи опредѣленное разстояніе и достигнуть указаннаго пункта.

Идея, въ пользу которой, безспорно, говорятъ не только выдающаяся подготовка, но и громадный опытъ этого американскаго инженера, пользующагося громкой и вполнѣ заслуженной извѣстностью.

Кромѣ сѣти, которая, въ сущности, является обыкновеннѣйшимъ орудіемъ ловли подводныхъ лодокъ, той же цѣли служить оригинальный капканъ.

Французская баня-душъ для солдатъ на фронтѣ.

Приборъ этотъ — новѣйшее изобрѣтеніе, сдѣланное Рено въ Нью-Йоркѣ, но примѣняется ли онъ, неизвѣстно: никакихъ указаній по этому поводу нѣтъ.

Въ результатѣ, германскія подводныя лодки оказались совершенно безсильными измѣнить въ пользу нѣмцевъ то господствующее положеніе на главномъ театрѣ войны, въ Сѣверномъ морѣ, какое обезпечили себѣ англичане превосходствомъ своего надводнаго флота и затѣмъ выдающейся борьбой съ непріятельскими субмаринами, тѣмъ болѣе достойной удивленія, что приемы ея вырабатывались на ходу, въ самомъ процессѣ борьбы,—свидѣтельство быстрой и цѣлесообразной приспособляемости английскихъ моряковъ къ новымъ условіямъ.

Банкротство же подводной блокады слишкомъ очевидно, чтобы о немъ нужно было распространяться.

„Если германскій императоръ, его помощники и германскій флотъ не смогутъ осуществить возвышенную ими торговую войну и провести ее полностью намѣтенными средствами, — писалъ наиболѣе рьяный проповѣдникъ безпощадной расправы съ коммерческими судами, графъ Ревентловъ, — то они несомнѣнно покроютъ себя въ глазахъ всего міра позоромъ и стануть всеобщимъ посмѣшищемъ“.

Такъ оно и произошло.

„Англійскій Ллойдъ“, ведущій регистрацію коммерческихъ судовъ всего міра, опубликовалъ отчетъ, изъ котораго видно, что за одиннадцать мѣсяцевъ подводной блокады нѣмцы потопили триста девяносто пароходовъ, то есть въ среднемъ уничтожали немногимъ болѣе одного парохода въ день изъ тѣхъ слишкомъ двусотъ пароходовъ, которые ежедневно приходили въ англійскіе порты и уходили оттуда: всего полпроцента!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Русская баня на фронтѣ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

1916 г.
№ 19

XLVII г.
изданія

Выдать 7-го мая 1916 г.

Помогите и современной жизни

Цена этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются во сѣдующей цѣнѣ за строку вонпареяль въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за май.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВОЕННЫЙ ЗАЕМЪ

1916 года.

**Чѣмъ больше снарядовъ, тѣмъ меньше
человѣческихъ жертвъ, тѣмъ ближе къ
конечной побѣдѣ надъ врагомъ. Помните
это всѣ и облегчайте государству задачу
снабжения арміи всѣмъ необходимымъ.**

**Обращайте свободныя деньги въ военный
заемъ.**

**Это самое надежное и самое выгодное
помѣщеніе денегъ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

по 13-е мая включительно.

Въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Казначействахъ (постоянныхъ и полевыхъ), Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, Учрежденіяхъ Мелкаго Кредита, Частныхъ Коммерческихъ Банкахъ, Городскихъ Общественныхъ Банкахъ и Обществахъ Взаимнаго Кредита.

Въ Петроградѣ Кассы для приѣма подписки открыты, помимо присутственныхъ дней, также во всѣ праздничныя, кромѣ 6-го мая; а именно:

Въ Конторѣ Государственнаго Банка, въ Губернскомъ и Главномъ Казначействахъ — съ 11 ч. до 2 ч.

въ Сберегательной Кассѣ и ея Отдѣленіяхъ — съ 10 ч. у. до 8 ч. вечера.

НЕВРАСТЕНИЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невральгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

РАДІЕВЫЕ ПРЕПАРАТЫ

для лечебныхъ цѣлей продаются въ конторѣ Вас. Остр., 15 лия, д. 48, тел. 139-90 и высылаются наложеннымъ платежомъ по полученіи половины стоимости заказа. Цѣна 1 пакета 8 руб., 1/2 пакета 4 руб. 50 коп.
Желающимъ высылаются проспекты.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производствя, не требующія капитала, особыхъ знаній и спеціальной подготовки. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.

МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатиновъ пер., 18-2.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.

для начинающихъ. Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налог. плат. 96 к.
Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА
для грудныхъ дѣтей старшаго возраста.

Получаются блестящіе результаты.

Брошюра № 12 по требованію безплатно.

Англійское Агц. О-во „АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“.

Москва, Мясницкая, 32.

Вы предохраните себя
отъ охриплости, насморка, простуды
ЕСЛИ БУДЕТЕ УПОТРЕБЛЯТЬ
АНТИСЕПТИЧЕСКІЯ
PASTILLES VALDA
(Лепешки Вальда)

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО
Требуйте, просите
во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
НАСТОЯЩІЯ

PASTILLES VALDA
(Лепешки Вальда)

въ коробкахъ съ красной бандеролью,
снабженныхъ именемъ

VALDA

Цѣна 1 рубль.
(H. Canonne. Paris).

ДЛЯ ГГ. НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ!
Большой выборъ пособій и сборниковъ
собственн. изданій.

ШКОЛЬНАГО ПѢНІЯ

для народныхъ училищъ.
Спеціальн. списки и каталоги безплатно.
МОСКВА,
П. ЮРГЕНСОНЪ, Неглинный пр., 14.

НОВОСТЬ!!!
Американскій КОРСЕТЪ-ПОЯС
безъ бланжетки и костей.

Облегаетъ грациозно всякую фигуру, не причиняя никакого безпокойства. Необходимъ для всякаго рода занятій, спорта и дороги. Выс. нал. плат. Мѣрка: 1) объемъ талии, 2) объемъ бедер. Цѣна от 10 р. до 40 р. Петроград, Владимірск. пр., д. 7, кв. 29, вход во дворѣ. Телеф. 70-61.

М-ме КЛЭРЪ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.
на ежемѣсячный богатъ иллюстрированный 16-ти-страничный журналъ

„ФИЛАТЕЛІЯ“
(годъ изд. 3-ій).

Единственный спеціальный органъ въ Россіи, посвященный вопросамъ коллекционирования марокъ.

Всѣ новости филателии находятъ немедленно отраженіе въ журналѣ. Подписная годовая плата, 2 руб. съ до-включая премію, и пересылкой повсемѣстно въ Россію.

Гг. годовые подписчики, выславшіе 2 р., почтов. переводомъ или негашеными русскими почтов. марками, получаютъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ, состоящую изъ трехъ ценныхъ марокъ, стоимостью по каталогу **Фр. 4.75** по выбору редакціи.

Подписку адресовать: **МАГАЗИНУ МАРОКЪ Э. ЭЙХЕНТАЛЬ**, Петроградъ, Невскій, 40/42.

При ГОНОРРЕЪ
 в острой и хронической формѣ **„ТИЗЕРИНЪ“**
 послѣдствіяхъ ея применяется
 Д-ра мед. Гороховской Для внутреннего употребл. Тизеринъ
 совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р.
 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-р Гороховской, Москва, Давыд пер.,
 1. 22, кв. 3, отд. 90. Отпускается навъ аптекъ по рецепт. врачей.

БУХГАЛТЕРІЯ ДЛЯ ВСѢХЪ. Кто хочетъ научиться бухгалтерію, коммерч. корреспонденцію и торговые законы, долженъ выписать „Бухгалтерію для всѣхъ“—единств. книга, въ которой просто, ясно и общедоступно изложена вся наука. Усвоить чрезвычайно легко. Безплатные совѣты и указанія всѣхъ выписавши. книгу. Цѣна 1 руб. 55 коп. Треб. зар.: Москва, Тверская, отд. 5, изд. Д. Куманова.

(ПИСАТЬ)
 красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Навъ въ каллиграфіи. Цѣна мал. плат. 95 коп. Адресъ: Москва, редакц. журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. 23)

ПАМЯТЬ укрѣ- проф. мнемон.
 пляетъ злочно С. Файнштейнъ,
 ОДЕССА, Ринд., 51/28.—Проект. выс. за 10 к. м.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ,
 ул. Гоголя, 22.

Саловъ, И. А. полное собра-
 ние сочинений.
 Т. I. „Мертвое тѣло“. Т. II. „Разбитая жизнь“. Т. III. „Ольшанскій молодой баринъ“. Т. IV. „Грызунъ“. Т. V. „Грезы“. Т. VI. „Гравескскій крокодилъ“. Изданное издание 10 в. Цѣна каждого тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

ДЛЯ СОЛИДНАГО ДѢЛА
 ПРИГЛАШАЮТСЯ ПОВСЕМѢСТНО
АГЕНТЫ

НА ОПРЕДѢЛЕННОЕ
ЖАЛОВАНИЕ и ПРОЦ.
 = ПРЕДЛОЖЕНІЕ СЕРЬЕЗНОЕ =
 НИ КАКИХЪ ЗАТРАТЪ ОТЪ АГЕНТОВЪ
 = НЕ ТРЕБУЕТСЯ =
 Вознагражд. обезпеч. ДОГОВОРОМЪ.
 Услові: высказываются **БЕЗПЛАТНО.**
 Предложенія адресовать: 4138
 г. Феодосія, контора газеты „Окрина“

Советъ для усиленія средствъ Елисаветинской Общины
сестеръ милосердія Россійскаго Общества
КРАСНАГО КРЕСТА
 (Петроградъ, Полуостровская наб., д. № 56)
ПРИНИМАЕТЪ
ПОЖЕРТВОВАНІЯ
 на нужды общины и ея лечебницъ,
 при чемъ въ память о пожертво-
 ваніи единовременно не менѣе 10 р.
ВЫДАЕТЪ
СЕРЕБРЯНЫЕ, а не менѣе **ЗОЛОТЫЕ ЖЕТОНЫ**
 100 руб.
напечатаннаго образца.
ДЕНЬГИ СЛѢДУЕТЪ ПОСЫЛАТЬ:
 Въ Петроградъ, Водопроводный пер., д. № 4, черезъ 15-е
 п.-т. о. Совету для усиленія средствъ Елисаветинской
 Общины сестеръ милосердія. 4138

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Американскій адресъ народамъ странъ согласія. Въ американскихъ газетахъ напечатано посланіе, подписанное выдающимися представителями науки, политикѣ, суду, промышленности и церкви Соединенныхъ Штатовъ и адресованное «народамъ странъ согласія». Число подписей подъ посланіемъ превышаетъ 500; среди нихъ 212 подписей дѣятелей академическаго міра, 32—епископовъ, 27—судей, болѣе 200 — писателей, наконецъ нѣсколько подписей бывшихъ и настоящихъ сенаторовъ, губернаторовъ и депутатовъ.

Посланіе гласитъ слѣдующее:
 «Мы, нижеподписавшіеся граждане Соединенныхъ Штатовъ Америки, шлемъ вамъ, народамъ странъ тройственнаго согласія, и вашимъ союзникамъ слѣдующее посланіе:

Нашъ разумъ на сторонѣ нашего дѣла, наши смятенія и наши надежды съ вами въ этой борьбѣ. Говоря такъ, мы увѣрены, что выражаемъ убѣжденія и чувства подавляющаго большинства американцевъ.

Съ самаго начала настоящаго ужаснаго міроваго конфликта со стороны Америки не было недостатка въ индивидуальныхъ выраженіяхъ горячій симпатіи дѣлу Великобританіи, Франціи и ихъ союзниковъ и ужаса и отвращенія къ методамъ, применяемымъ въ веденіи этой войны членами тевтонскаго союза. Но патристически-настроенные американцы, высказывая публично или частнымъ образомъ свои взгляды,—эти взгляды нашли свое отраженіе въ достаточной мѣрѣ въ периодической прессѣ всѣхъ частей страны,—тѣмъ не менѣе колебались формулировать ихъ болѣе точно въ единомъ коллективномъ заявленіи. Сначала они ждали, пока скажетъ свое слово правительство; позже они боялись осложнить положеніе правительства въ тѣхъ трудныхъ переговорахъ, которые оно вело по поводу нарушенія международнаго права со стороны Германіи, и въ его стараніяхъ сохранить официальный нейтралитетъ. Въ это время правительство считало необходимымъ соблюдать нейтралитетъ, надеясь, что, оставаясь нейтральнымъ, оно сможетъ съ большимъ успѣхомъ поддерживать колеблющуюся устои международнаго права, сможетъ оказать болѣе содѣйствіе сохраненію,—пользуясь словами президента,—тѣхъ основъ, на которыхъ можетъ быть вновь воздвигнуто зданіе мира.

Какъ бы то ни было, сейчасъ настало время,—если только оно не настало уже давно,—когда американцы обязаны передъ самими собою выразить болѣе открыто, болѣе формально свои симпатіи и свои взгляды. Подобно тому, какъ мы считали себя всегда въ правѣ выражать открыто свою національную симпатію народамъ, борющимся за свои вольности, такъ и теперь мы обязаны по меньшей мѣрѣ прямо заявить о нашей солидарности и нашемъ сочувствіи тѣмъ, кто борется за сохраненіе вольностей всего міра и высшихъ идеаловъ цивилизаціи.

Советъ американскаго народа не можетъ молчать передъ лицомъ выдвинутыхъ войной великихъ моральныхъ вопросовъ, ибо отъ правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ все будущее развитіе цивилизаціи. Остаться нейтральной для нея невозможно, не подвергаясь риску нанести ущербъ своей собственной чистотѣ и самоуваженію. По этой причинѣ намъ кажется сейчасъ соответственнымъ требованіямъ момента и необходимымъ дать общественному мнѣнію Америки нѣкоторое болѣе коллективное по своей формѣ выраженіе.

Главные факты въ спорѣ давно уже известны намъ. Въ особенности полно была изложена намъ аргументація членовъ тевтонскаго союза. Самые талантливые германскіе публицисты и профессора съ большимъ краснорѣчіемъ представляли намъ австро-германскій взглядъ на споръ. Широко были распространены многочисленныя германскіе документы; широко велась въ Соединенныхъ Штатахъ активная, иногда предательская германская пропаганда.

Мнѣніе Америки было составлено обдуманно, и въ основѣ его лежитъ въ значительной степени изученіе германскихъ документовъ и германскихъ заявленій по спорнымъ вопросамъ.

Лица, подписавшія этотъ документъ, отнюдь не находятся въ невѣдѣніи

относительно тѣхъ великихъ достижений, которыя Германія внесла въ прошлое въ общую сокровищницу современной цивилизаціи; всѣ мы признаемъ, что мы многимъ обязаны Германіи; многие изъ насъ даже получили образованіе въ Германіи; въ нѣкоторыхъ изъ насъ течетъ германская кровь. Но благо цивилизаціи, для которой Германія столь много сдѣлала, высшіе интересы самой Германіи требуютъ, чтобы въ настоящемъ конфликтѣ Германія и Австрія были разбиты. Мы съ увѣренностью и съ надеждой ждемъ такого исхода войны.

Вторженіе въ Бельгію мы рассматриваемъ, какъ преступленіе, которому никогда не будетъ оправданія. Оно останется позорнымъ пятномъ въ исторіи Европы. Советъ американскаго народа громко протестуетъ противъ совершенныхъ вашими врагами преступленій, противъ ихъ методовъ веденія войны, нарушающихъ международное право и моральные законы человѣчества.

Святость договоровъ, права малыхъ націй, вопросъ о томъ, будетъ ли милитаризмъ господствовать надъ цивилизаціей,—все это зависитъ отъ конечнаго исхода войны. Миръ, который не вернетъ всего Бельгіи, который не дастъ бельгійскому народу и его правительству вознагражденія, позволяющаго, поскольку это возможно, отстроить вновь ихъ разрушенные города и деревни, возстановитъ вновь ихъ разрушенное благосостояніе,—миръ, который не признаетъ правъ малыхъ національностей Европы,—миръ, который не дастъ какой-либо гарантіи въ томъ, что бѣдствіе, подобное настоящей войнѣ, не повторится,—миръ, который не обезпечитъ всего сказаннаго,—будетъ бѣдствіемъ, а не благословеніемъ.

Мы вѣримъ, что успѣхъ Великобританіи, Франціи, Италіи и Россіи будетъ означать возстановленіе Бельгіи и Сербіи, будетъ означать сокрушеніе милитаризма. Именно поэтому мы и возлагаемъ горячія надежды на такой конецъ войны. Мы думаемъ, что отъ осуществленія этихъ надеждъ зависитъ будущее цивилизаціи.

Всероссійскій Земскій Союзъ и армія. Въ «Русскомъ Словѣ» помѣщено яркое письмо командира одного стрѣлковаго полка полковника Н., адресованное въ главный комитетъ Земскаго Союза.

«Принюшу вамъ, равно какъ и Союзу, отъ имени всего полка глубокую благодарность. Мы на передовыхъ позиціяхъ чувствуемъ всю важность и всю многосложность работы, которую взялъ на себя Всероссійскій Земскій Союзъ. Работа эта, какъ мы видимъ, состоитъ не только въ образцовой организаціи тыла, не только во всесторонней помощи больнымъ и раненымъ воинамъ въ смыслѣ устройства питательныхъ и перевязочныхъ пунктовъ на самыхъ передовыхъ и самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ, не только въ высылкѣ на фронтъ транспортовъ для быстрой эвакуаціи въ тылъ раненыхъ и больныхъ, многие изъ которыхъ своею жизнью обязаны этой спасительной работѣ транспорта, не только въ высылкѣ на фронтъ всякихъ строительныхъ летучекъ, санитарно-дезинфекціонныхъ отрядовъ, которые оказываютъ намъ такую незаменимую помощь въ борьбѣ съ эпидеміями,—мы знаемъ, что Всероссійскій Земскій Союзъ организуетъ и глубокий тылъ, организуетъ и мобилизуетъ всѣ силы необъятной Россіи въ помощь арміи. Мы чувствуемъ, такимъ образомъ, что создается духовное единеніе страны съ арміей,—единеніе, въ которомъ армія черпаетъ все новыя живительныя силы и новую энергію для продолженія выпавшей на ея долю тяжелой отвѣтственной работы. Одно изъ проявленій этого духовнаго единенія, это—истинно-материнская забота всей матушки-Россіи о своихъ дѣтяхъ, находящихся на фронтѣ. Отчасти выражающаяся въ непрерывной посылкѣ подарковъ, присылаемыхъ намъ. Намъ дороги эти подарки сами по себѣ, но въ тысячу разъ больше—тѣми чувствами, которыми они сопровождаются, и какъ доказательство той мощной интимной связи, которая поддерживается между арміей и страной,—связи, созданію которой немало содѣйствовалъ Всероссійскій Земскій Союзъ.»

ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, НЕВРАЛГИИ,

ишаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, принимайте Кефалдоль Д-ра Стортъ. Кефалдоль абсолютно безвреденъ, прекращаетъ нервныя боли и улучшаетъ самочувствіе. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Книжный магазинъ Е. Н. ГЕРАСИМОВОЙ, Москва, Моховая ул., д. № 26.
Олесвичъ, „Общественная жизнь Англіи“, съ рисун. д. 25 к. Андерсонъ, „Исторія цивилизаціи Востока“, съ рисун. д. 50 к. Арнольдъ, „Культура эпохи возрожденія“, д. 50 к. Бельше, „Завоеваніе человѣка“, д. 80 к. Бельше, „Происхожденіе органич. жизни“, съ рис. д. 40 к. Бельше, „Основныя развитія органич. міра“, съ рис. 40 к. Бельше, „Исторія естествознанія“, съ рис. д. 55 к. Боммели, „Современ. медицина“, д. 35 к. Боммели, „Жизнь растений“, съ рисун. д. 50 к. Боммели, „Миръ растений“, съ рис. д. 1 р. Борнискій, „Театръ и современн. театр. жизнь“, д. 1 р. Бренеръ, „Астрономическіе вечера“, съ рис. д. 50 к. Веберъ, „Панорама вѣковъ“, съ рис. д. 75 к. Вундтъ, „Естествознаніе и психологія“, д. 50 к. Гартъ, „Истор. западн. литер. 19 вѣка“, съ рис. д. 50 к. Гаане, „Человѣкъ расы“, съ рис. 60 к. Гютеръ, „Физическ. географ.“, съ рисун. 50 к. „Жизнь европейскихъ народовъ“, 3 выпуска, съ рис. д. 1 р. 25 к. Зомбартъ, „Соціологическ. этюдъ“, д. 30 к. Клермонъ, „Открыт. полн. экономіи“, д. 45 коп. „Словарь юридическихъ наукъ, осн. госуд. права и понат. о правѣ“, д. 1 р. 50 к. „Словарь биологическихъ наукъ“ въ 3-хъ выпуск., д. 2 р. „Литературн. портр.“, д. 40 к. Лоліе, „Исторія литературы“, д. 50 к. „Лекціи по общественной этикѣ“, д. 75 к. „Музыкали и его произведенія“, д. 60 к. Мутеръ, „Изъ исторіи искусства“, д. 75 к. „Новѣйш. успѣхи культуры“, 7 книгъ, съ мног. рис., д. 2 р. 25 к. „Главн. теченія мировой литер.“ въ 2-хъ выпуск., съ рис. д. 1 р. 40 к. Поленцъ, „Въ странѣ свободы“ съ рис. д. 1 р. Ру, „Исторія искусства“, съ рис. д. 75 к. Сеньобосъ и Метонъ, „Новѣйш. исторія съ 1815 г. до нашихъ дней“, 2 части 3 р. „Искусство 19 вѣка“, д. 50 к. Замло, „Поэтика“, д. 80 к. Эмерсонъ, „Великіе люди“, съ рисун. д. 75 к. „Словарь историческій и социальн.-политическій“, съ портретами 1250 стр. д. 3 р. „Ежегодникъ человѣческой культуры“, съ многочисл. рисун., около 800 стр., д. 3 руб. „Ужасы войны и ея конецъ“. Объясн. войны, полн. война, осада, война на морѣ, смертность на войнѣ и уходъ за ранеными, съ рис. д. 80 коп. Иагороди вымывается наложекъ платомъ по полученіи задатка, можно марками. При высылкѣ не менѣ какъ на 5 руб. пересылка бесплатно. Выписывающимъ не менѣ какъ на 10 руб. предлагается премія.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ

Самая колдунья книги, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цена съ перес. нал. пл. 95 к. Адр.: МОСКВА, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18 2.

В. ЧЕРНЫШЕВЪ.

Правильность и чистота русской рѣчи. Изданіе 2-е исправленное и дополненное. Выпускъ 1-й—ФОНЕТИКА. Д. 1 р. Выпускъ 2-й—Части рѣчи. Д. 2 р. 50 к. Складъ у автора: Петроградъ, Вас. остр., 6-я линия, д. 29, кв. 38. Выпис. изъ склада перес. бесплатно. Налож. плат. 15 коп. 413

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, новейшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безвзятныя преміи. Каллиграфия, стенография, правоисаніе и проч. **АТТЕСТАТЬ**. Льготныя условія подиски и **БЕСПЛАТНО**. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуютъ знаній. Доступно всемъ. Для многихъ хорошихъ заработковъ. Популярныя руководства, вслуживающія массу благодарностей:
1) Устр. домашн. электр. освѣщ. безъ машинъ—80 к. 2) Нагет. аккумуляторы—45 к. 3) Нагет. сухихъ батареекъ—35 к. 4) Устан. телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаци—80 к. 5) Устр. индукц. медицинск. аппарата—45 к. 6) Гальвано-пластика, никкезагр., волос. и пр.—1 р. 20 к. 7) Устр. динамо-маш. и электр-мотор. до 500 уаттъ—1 р. 40 к. 8) Устр. вольтметр., амперометр., релостат. и пр.—80 к. Пересылка до 1 р.—15 к., до 2 р.—25 к., до 3 р.—30 к. и т. д. За налож. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо отъ числа книгъ.
— **Всѣ 8 руковод. высыл. за 6 р. 10 к.; съ налож. плат.—6 р. 25 к.** —
Проспекты и отавы высылаются бесплатно.
Адр.: Техн. М. А. БОГОЛѢПОВУ, Москва, Бол. Козинскій пер., д. 4—65. 410

„РОБОСТО“ доктора МАНКЕНЪ.

Питательное средство для укрѣпленія нервной системы.—
Препаратъ—порошкообразный, весьма удобенъ для приѣма. Рекомендуются при нервномъ истощеніи. Вилльямъ А. МАНКЕНЪ.—Москва, Фуркасовскій пер., 6. Отд. 7А.
— Рецептъ и проба препарата высылаются даромъ. 414

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете восстановить Ваши волосы въ прежній натуральнй цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральнй цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==
Пишите немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилию и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО,
МОСКВА. Отд. 1. С. М.

Волосы

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТЪ
АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА
„ВИКТОРІЯ“
стоитъ 175 руб.

ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 стежковъ, 15 минутъ одну фуру, ежедневно 24 парм.
Теперь мы платимъ 3 р. заработной платы за каждую дюжину паръ туфель или носковъ, въесто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОМЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужскихъ, женскихъ и дѣтск. Предварительныхъ знаній не требуется. Разводаніе не служитъ препятствіемъ. Требуется лишь безплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ
Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11.
Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall st. 413 1-1

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готтикъ, Батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ тексты, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для коррект. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обрам. на котороск. скоросл. Цена за полн. курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.
ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудн. и вышум., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ праваня легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шриф. Цена съ пер. 2 рубля.
Адр.: Книгозд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полн. курсъ для самообученія. 368 страницъ. Цена (1) 3 рубля. 412
СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступитъ на службу въ военн. и частн. учр., формъ прошенъ, писемъ, какія ищри должно принятъ, чтобы обезпечитъ себѣ службу. Цена съ пер. 1 рубль.
ТОРГОВО-промышленное законодательство ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣлателей и служащихъ. 443 страницъ. (+VIII стр.) текста. Цена 3 рубля.
При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,

а только по нашему изданію „Гимназія на дому“, но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ

ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:

Вольноопредѣляющагося I и II разряда, на классный чинъ, высш. начальн., сельск., народн. учителя, аптекарскаго ученика, цы, на 4 или 6 классовъ гимназіи, на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже, благодаря изданію „Гимназія на дому“, достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается бесплатно.

Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44-62.

ЖИЗНЬ

№ 19. Выходит ежедн. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кп. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТРА, 12 кп. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выдастъ 7 мая 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Необходимость. Стихотвореніе Дмитрія Цензора. — Дуэль. Разсказъ Георгія Павлова. (Окончаніе). — Памяти братьевъ-героевъ. — Женщина. Письмо изъ Франціи Каренъ Брамсонъ. — „Наутилусъ“ въ мировой войнѣ. Очеркъ Ф. Мускатблита. — Стихотвореніе Александра Дроздова. — Объявленія. — Стлкнн войны.
РИСУНКИ: Русскія войска въ Марсели (4 рис.). — Въ родной семьѣ. Акварель И. Владимірова. — Послѣ воздушной развѣдки. — Противозаэрональное орудіе. — Наполненіе газами управляемаго азростата. — „Кодбасы“. — Телефонъ съ „Кодбасы“. — Блиндированный паровозъ. — Георгіевскіе кавалеры (25 портр.). — Памяти братьевъ-героевъ (4 портр.). — Блиндированный поѣздъ. — Мирныя картины боевого фронта. — Солдатское жилище на глубинѣ трехъ метровъ подъ землею. — Передъ атакой барабанщики отправляются въ траншею. — Вооруженіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. — Помощники парижскаго военнаго губернатора генераль Кузенъ возлагаютъ орденъ Почетнаго Легіона на своего сына. — Облако дыма, которымъ окутываютъ себя германскія военныя суда, чтобы скрыться отъ артиллеріи.
Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за май 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за май 1916 г. съ 48 рис., отдѣльный листъ съ 31 черт. выкр. въ натур. величину и 14 рис. для выжиганія.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Двѣнадцатый штурмъ Вердена.

Въ концѣ апрѣля, въ то время, когда ожидалось со дня на день начало крупныхъ событій на нашемъ фронтѣ, нѣмцы снова произвели отчаянный штурмъ Верденскихъ фортовъ. Незадолго до этого французская главная квартира выпустила пространное официальное сообщеніе со сводкой всѣхъ событій, происшедшихъ у Вердена съ перваго дня операций, т. е. съ 7-го февраля, и изъ анализа этихъ событій приходила къ опредѣленному заключенію, что противникъ, несомнѣнно, задавался цѣлью взять Верденъ, и что операція эта потерпѣла полную неудачу.

Въ настоящее время уже можно болѣе или менѣе уяснить смыслъ и цѣль Верденской операціи, казавшейся въ первое время столь загадочной и непонятной. Прежде всего можно опредѣленно и категорически утверждать, что нѣмцы въ началѣ этой операціи хотѣли взять Верденъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они также преслѣдовали и нѣкоторыя другія цѣли. Намѣреніе взять Верденъ основывалось на двухъ данныхъ.

Во-первыхъ, нѣмецкія позиціи еще со временъ сраженія на

Марнѣ проходили сравнительно недалеко отъ линіи Верденскихъ фортовъ. Какъ намъ уже приходилось отмѣчать, всякій наступающій въ первый моментъ обязательно имѣетъ успѣхъ, такъ какъ онъ первый сосредоточиваетъ массу силъ въ данномъ пунктѣ, имѣетъ, вслѣдствіе этого, здѣсь численное превосходство, почему всегда и сламываетъ первое сопротивленіе. Поэтому за все время войны можно было наблюдать, что никто никогда не въ состояніи удержатъ первыхъ линій траншей, и дальнѣйшая уже серьезная оборона ведется всегда на второй линіи траншей, гдѣ наступленіе большей частью и задерживается. Это мы видѣли на примѣрѣ наступленія французовъ въ Шампани, на примѣрѣ наступленія нѣмцевъ подъ Верденомъ и на многихъ другихъ примѣрахъ.

Такимъ образомъ, въ нынѣшнихъ позиціонныхъ бояхъ какъ бы сложился нѣкій „динамическій“ законъ, въ силу котораго, при всякомъ наступленіи, наступающій всегда овладѣваетъ первой линіей траншей и вообще имѣетъ въ первый моментъ успѣхъ. Такъ какъ нѣмецкія траншеи находились всегда близко отъ Верденскихъ фортовъ, то противникъ, очевидно, рассчитывалъ, что

Русскія войска въ Марсели. Въ лагерѣ на полѣ Мирабо.

при известной силѣ удара, т.-е. при известной массѣ войскъ и артиллеріи, первый толчокъ выведетъ его за линію Верденскихъ фортовъ, а уже послѣ такого прорыва линіи фортовъ овладѣть незащищеннымъ городомъ Верденомъ должно было представить собою относительно легкую задачу.

Во-вторыхъ, расчетъ противника основывался на томъ, что французы, считаясь съ немногочисленнымъ населеніемъ въ 45 милліоновъ, стремятся по возможности избѣгать крупныхъ потерь, дабы избѣжать преждевременнаго истощенія. Поэтому возможенъ былъ такой случай, что французское высшее командованіе не доведетъ дѣло до крайняго напряженія и въ послѣдній, самый тяжелый и острый моментъ очистить Верденъ,—просто во избѣжаніе потерь, тѣмъ болѣе, что отходъ веретъ на 10—20 назадъ отъ Вердена нисколько не мѣнялъ общей линіи французскаго фронта, а слѣдовательно и всего положенія вещей на французскомъ театрѣ.

На пятый день Верденской операціи ее безусловно можно было считать похороненной, потому что ни одинъ изъ двухъ нѣмецкихъ расчетовъ не осуществился: во-первыхъ, сильный нѣмецкій толчокъ довелъ нѣмцевъ только до форта Дуомонъ, а прорыва фортовой линіи не произошло, и, во-вторыхъ, французское высшее командованіе, не желая болѣе уступать какихъ-либо участковъ территоріи Франціи, даже временно, твердо рѣшило оборонять Верденъ во что бы то ни стало.

Тогда противникъ сталъ стремиться къ осуществленію другой цѣли, которую онъ преслѣдовалъ Верденскимъ наступленіемъ. Цѣль эта заключалась въ стремленіи путемъ непрерывныхъ кровавыхъ штурмовъ истощить французскія войска настолько, чтобы они отказались на долгое время отъ наступательныхъ попытокъ противъ германскаго фронта,—въ особенности въ тотъ періодъ, когда нѣмцы будутъ заняты крупными событіями весной и лѣтомъ на нашемъ фронтѣ. Эта цѣль также, повидимому, не была достигнута, такъ какъ при малѣйшемъ ослабленіи нѣмецкихъ атакъ французы сами переходили въ наступленіе и, напримѣръ, въ серединѣ апрѣля потѣснили нѣмецкое расположеніе на лѣвомъ берегу Мааса, овладѣвъ рядомъ траншей у Морторма.

Наконецъ, послѣ того, какъ двухмѣсячный штурмъ Вердена не привелъ нѣмцевъ ни къ одной изъ двухъ вышеуказанныхъ цѣлей, т.-е. ни къ взятію Вердена ни къ истощенію французовъ, нѣмцамъ пришлось продолжать штурмъ Вердена для достиженія

уже третьей цѣли, которой они однако ранѣе не имѣли въ виду, но которая имъ была навязана ходомъ событій. Дѣло въ томъ, что для штурма Вердена нѣмцы сосредоточили главную массу своихъ войскъ къ Вердену, оставивъ лишь весьма жидкую линію войскъ на всемъ остальномъ протяженіи западнаго фронта. Только противъ англичанъ—на сѣверѣ—у нѣмцевъ была также собрана отдѣльная масса войскъ въ Бельгіи и во Фландріи.

Такимъ образомъ нѣмецкія войска, располагавшіяся ранѣе болѣе или менѣе равномерно по всему западному фронту, съ резервами позади, столпились въ двѣ отдѣльныя массы—одну на югѣ у Вердена, а другую на сѣверѣ во Фландріи, а въ промежуткѣ между этими массами расположеніе нѣмецкихъ войскъ по всей линіи фронта было очень тонкое. Такое положеніе вещей угрожало нѣмцамъ возможностью прорыва, и всѣ нѣмецкія атаки въ теченіе третьяго мѣсяца у Вердена имѣли уже новую цѣль—связать французскія войска у Вердена. Цѣль эта диктовалась опасеніемъ, чтобы французскія войска не прорвали въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ германскаго фронта, почему нѣмцамъ и приходилось непрерывными атаками удерживать французскіе резервы въ районѣ Вердена.

Первый переходъ французовъ въ контръ-наступленіе въ серединѣ апрѣля, доставившій имъ нѣсколько линій траншей, вызвалъ новый пароксизмъ нѣмецкаго наступленія. Сначала нѣмецкая бомбардировка возобновилась съ такой силой и ожесточеніемъ, какого не наблюдали даже въ первые дни Верденской атаки, а затѣмъ, послѣ двухсуточного ураганнаго огня днемъ и ночью, нѣмцы перешли въ наступленіе одновременно на обоихъ берегахъ Мааса. На лѣвомъ берегу Мааса ихъ наступленіе было направлено къ овладѣнію высотой „304“ и шло въ общемъ направленіи наперерѣзъ желѣзной дороги, идущей отъ Вердена черезъ Клермонъ къ Шалону. На правомъ же берегу Мааса наступленіе нѣмцевъ шло въ промежутокъ между занятымъ нѣмцами фортомъ Дуомонъ и рѣкой Маасомъ, т.-е. мимо фортовъ, прямо на Верденъ.

Послѣ ряда повторныхъ атакъ на лѣвомъ берегу Мааса нѣмцы овладѣли одной небольшой траншеей на склонѣ высоты „304“, понесъ при этомъ громаднѣйшія потери, но на другой день были оттуда выбиты. На важнѣйшемъ же участкѣ праваго берега Мааса нѣмцы имѣли вначалѣ большій успѣхъ, а именнъ заняли линію траншей длиною около 1—2 версты. Это уже предста-

Русскія войска въ Марсели. Марсельцы привѣтствуютъ прибывшія войска союзниковъ.

Русскія войска въ Марсели. Торжественное молебствіе, по поводу прибытія въ союзную страну, въ русскомъ лагерьѣ на полѣ Мирабо.

Русскія войска въ Марсели.
Въ русскомъ лагерѣ на полѣ Мирабо. Первое знакомство съ поселянами.

влялось нѣкоторымъ довольно серьезнымъ успѣхомъ, такъ какъ здѣсь нѣмцы находились лишь въ 7 верстахъ отъ Вердена, и на пути ихъ не было фортовъ, а лежали лишь полевые укрѣпленія, возведенныя во время войны французами.

Такой успѣхъ противника необходимо было приостановить, и въ теченіе ближайшей ночи французскія войска непрерывно атаковывали нѣмцевъ на занятыхъ ими позиціяхъ и въ результатѣ выбили оттуда противника.

Такимъ образомъ новое наступленіе противника, предпринятое послѣ неслыханной бомбардировки и громадными силами, потерпѣло неудачу, при чемъ нѣмцы понесли особенно большія потери на правомъ берегу Мааса, въ Дуомонскомъ секторѣ. Здѣсь они атаковывали на небольшомъ фронтѣ въ 2 версты подъ сильнѣйшимъ перекрестнымъ огнемъ Верденскихъ фортовъ и батарей и неминуемо должны были пострадать весьма жестоко.

Необходимо еще отмѣтить, что объ этомъ предстоящемъ наступленіи нѣмцевъ французамъ было заранее известно, такъ какъ именно тогда, когда ясно опредѣлилась неудача нѣмцевъ на третій мѣсяць борьбы у Вердена, противникъ снова подвезъ къ Вердену подкрѣпленія.

Въ конечномъ итогѣ Верденская операція оказалась весьма серьезной неудачей для противника. Столь грандіозная операція, конечно, не могла не имѣть вліянія на ходъ войны и на остальныхъ фронтахъ. Прежде всего она, несомнѣнно, ослабила

нѣмцевъ на западномъ фронтѣ и вынуждала ихъ непрерывно атаковывать Верденъ уже для того, чтобы избѣжать прорыва на какомъ-либо другомъ участкѣ фронта, т.-е. для самообороны.

Затѣмъ, въ значительной степени истощивъ силы германцевъ, Верденская операція лишила ихъ возможности оказать какое-либо содѣйствіе болгарамъ на балканскомъ фронтѣ и этимъ предопредѣлила обязательную для противника оборону у Салоникъ. Такъ какъ въ Салоникскій районъ, гдѣ дѣйствовала армія генерала Саррайля, предполагалось еще перевести не менѣе 150 тысячъ сербскихъ войскъ, то, въ связи съ истощеніемъ германцевъ, это угрожало противнику возможной потерей добытыхъ съ такимъ трудомъ политическихъ и стратегическихъ позицій на Балканахъ.

Наконецъ Верденская операція, привязавъ нѣмецкія войска весьма прочно къ Верденскому фронту, въ значительной степени лишила германскій генеральный штабъ возможности перебрасывать войска на нашъ фронтъ, что, конечно, имѣло огромное значеніе, въ виду предстоящихъ у насъ крупныхъ событий.

Моральное впечатлѣніе, произведенное неудачной Верденской операціей, въ Германіи было, несомнѣнно, весьма велико. — параллельно съ тѣмъ, какъ блестящая оборона Вердена подымала духъ и настроеніе въ странахъ союзниковъ. Громадная потеря предметовъ матеріальной части, т.-е. громадное количество растроченныхъ снарядовъ и другихъ запасовъ также было тѣмъ минусомъ, съ которымъ германская стратегія должна была вступить въ періодъ весеннихъ и лѣтнихъ операцій на нашемъ фронтѣ.

Мы не говоримъ уже, что всѣ разговоры о Египтѣ и тому подобныя грандіозныя затѣяхъ должны были кончиться сами собою, ибо послѣ того неслыханнаго напряженія, которое противникъ выказалъ подъ Верденомъ, его средства были едва достаточны для выполнения даже основныхъ задачъ на европейскихъ фронтахъ войны.

Таково значеніе этой замѣчательной операціи, гдѣ противникъ пытался замѣнить серьезныя цѣли весьма незначительной цѣлью — взятіемъ Вердена, единственно, чтобы произвести моральное впечатлѣніе и показать свою силу, и при этомъ понести грандіозныя потери, ослабившія и безъ того ослабѣвшую Германію. Здѣсь нельзя не отмѣтить, насколько цѣли противника все мельчаютъ и мельчаютъ. Если въ началѣ войны противникъ вѣлъ грандіозное наступленіе, имѣя и грандіозную цѣль — сокрушеніе Франціи, то уже въ концѣ 1914 г. онъ укладывалъ горы труповъ во имя болѣе мелкой цѣли — во имя только прорыва въ Кала.

Въ 1916 г. цѣли противника на западномъ фронтѣ еще болѣе измельчали, и онъ занялся всего лишь ничтожной задачей — взять Верденъ. Наконецъ уже въ апрѣлѣ 1916 г. отъ этой задачи онъ перешелъ къ еще болѣе мелкой — къ взятію высоты „304“ на лѣвомъ берегу Мааса.

Такимъ образомъ стратегическія заданія уже не намѣчаются болѣе противникомъ на западномъ французскомъ фронтѣ. вмѣсто этого нѣмцамъ приходится задаваться цѣлями политическаго и экономическаго характера, а въ послѣднее время, — уже просто цѣлью произвести моральное впечатлѣніе и увѣрить въ несокрушимости и силѣ германскихъ войскъ.

Въ этомъ можно видѣть лишнее подтвержденіе силы и незыблемости французскаго фронта, гдѣ всякія стратегическія перспективы для противника закрыты давнымъ-давно, еще со времени сраженія на Марнѣ.

Неизбѣжность.

Не дано мнѣ сердце война.
Мнѣ милѣй часы, когда
Въ сонныхъ водахъ успокоена
Отраженная звѣзда.
Разгадавъ напѣвы птичіе,
Я, какъ птица, самъ пою,
И Господнея величіе
Вдохновляетъ пѣснь мою.

Но теперь мнѣ стыдно нѣжности,
Стыдно счастья и красоть.
Въ этой общей неизбѣжности
Пусть приходитъ мой чередъ.
Пусть горитъ необоримая,
Окрыляющая грусть
О тебѣ, моя хулиная,
О тебѣ, родная Русь.

Я иной тоски не вѣдаю,
Я инымъ не смѣю жить, —
Съ пораженьемъ иль съ побѣдою
Кровь мою съ твоею слить.
И въ смятеніи къ жертвѣ просится,
Молить подвига мечта,
И скорбить, какъ мироносица
У Господняго креста.

Дмитрій Цензоръ.

Д у э л ь.

Рассказъ Георгія Павлова.

(Окончаніе).

У.

Стѣны капеллы въ Эндерлиннъ-Гаузѣ были обтянуты чернымъ сукномъ. Свѣтъ пасмурнаго дождливаго дня лѣниво прикасался къ серебрянымъ украшеніямъ на траурной ткани, проникая сквозь мозаичныя изображенія святыхъ на стеклахъ высокихъ стрѣльчатыхъ оконъ. Только-что сорванные цвѣты украшали подножія двухъ гробовъ, стоявшихъ рядомъ на возвышеніи посреди капеллы. Въ Хейль-Дормондскомъ замкѣ погибло до тридцати человекъ, но всѣ тѣла жертвъ катастрофы, за исключеніемъ этихъ двухъ, были съ разсвѣтомъ перенесены въ часовню и моргъ госпиталя. И только останки владѣтеля Хейль-Дормонда и его племянницы, связанныхъ узами многолѣтней дружбы съ обитателями Эндерлиннъ-Гауза, нашли послѣдній пріютъ передъ погребеніемъ въ домовой капеллѣ того замка, въ которомъ они бывали такими частыми и дорогими гостями при жизни.

дать се въ безконечной цѣпи причинъ и слѣдствій? Только тѣмъ, что онъ видитъ ее, что она здѣсь, передъ нимъ, убранныя цвѣтами и траурнымъ крепомъ,—вѣнчаемый нарядъ, въ торжественности котораго чувствуется страшный оскаленный смѣхъ безумія и дьявольской злобы.

Сейчасъ эта смерть кажется спокойной и даже красивой: такъ тихо въ капеллѣ, такъ благоухаютъ осенніе цвѣты, такъ глубоки черные тона траурныхъ стѣнъ. „Все, что красиво, и только то, что красиво,—логично и имѣетъ право на существованіе“, вспоминаетъ лордъ Артуръ одинъ изъ своихъ эстетическихъ афоризмовъ. И вдругъ онъ чувствуетъ съ ужасомъ, что смѣхъ, который вьется вокругъ этихъ гробовъ, находитъ отзвукъ въ его душѣ, и губы его судорожно кривятся, складываясь въ ядовитую усмѣшку надъ самимъ собою. Не нашель ли онъ оправданія этой чудовищной катастрофы? Не онъ ли виноватъ въ томъ, что случи-

Въ родной семьѣ. Акварель И. Владимірова.

Заупокойная месса кончилась. Молящіеся разошлись, но часовня не оставалась пустою: у подножія гробовъ застыла человѣческая фигура, неподвижная, какъ изваяніе изъ чернаго мрамора. Этотъ человекъ, всецѣло ушедшій въ безмолвную молитву надъ прахомъ умершихъ, былъ лордъ Артуръ Хейль-Дормондъ.

Онъ вернулся сюда еще разъ, чтобы насдинѣ, безъ свидѣтелей, проститься съ тѣми, которыхъ любилъ, и которые покинули его навесегда, покинули такъ неожиданно и трагически. Онъ молча смотрѣлъ на блѣдныя восковыя лица убитыхъ: пощаженныя взрывомъ, эти лица измѣнились очень мало. Только странно опавшія покрывала на трупахъ, почти безъ складокъ, заставляли догадываться о томъ страшномъ разрушеніи, которое серебряная парча скрывала, чтобы не осквернить величаваго зрѣлища смерти. Обойдя гробы, лордъ Артуръ заботливо поправилъ прядь волосъ на дѣву Мэриетъ и переложилъ цвѣты, положенныя слишкомъ высоко на груди. Потомъ, отступивъ, онъ выпрямился и снова застылъ въ своей неподвижной позѣ, какъ надгробная статуя надъ саркофагомъ.

За всю эту ночь онъ не прилегалъ ни на минуту, но мысль его работала отчетливо, съ тѣмъ страшнымъ спокойствіемъ, которое предшествуетъ близкой грозѣ и кажется насыщеннымъ всеми ся громами и молніями. Онъ зналъ теперь, что это не сонъ: сны не бываютъ такими чудовищными и бессмысленными, въ нихъ есть своя логика, хотя бы и фантастическая, которой нѣтъ въ этомъ убійствѣ старика и дѣвушки. Лица погибшихъ спокойны: они точно продолжаютъ мирно отдыхать на своихъ подушкахъ, къ которымъ предательски подкралась смерть, жестокая и неожиданная. Кому была нужна эта смерть? Чѣмъ можно оправ-

дось,—не его ли проповѣдь красивой беззаботной жизни во что бы то ни стало привела его къ ужасу и печали этихъ гробовъ?

Убійца ушелъ безнаказаннымъ. Сдѣлавъ свое страшное дѣло, разбойники удалились, не преслѣдуемые никѣмъ, потому что ихъ некому было преслѣдовать. Ночью вѣтеръ донесъ до пылавшихъ развалинъ, какъ запоздавшее эхо, громъ отдаленныхъ взрывовъ въ западномъ направленіи: то были шаги смерти, шедшей все дальше, какъ триумфаторъ, по незащищенной землѣ Англій, слишкомъ гордой и могущественной, чтобы бояться вторженія враговъ и принимать мѣры противъ этого вторженія. Цепелины направились къ Лондону, гдѣ тоже были сброшены бомбы. Кто знаетъ, не убить ли Дугласъ Бангхеретъ, вернувшійся подъ мирный домашній кровъ съ поля брани, гдѣ сама судьба шадитъ храбрыхъ и честныхъ? Быть-можетъ, завтра онъ увидитъ и его трупъ, и мертвые глаза друга взглянутъ на него и спросятъ: „гдѣ былъ ты, сынъ старой Англій, въ то время, когда насъ убивали?“ И ему кажется, что сжатые губы отца и Мэриетъ задаютъ ему тотъ же страшный вопросъ.

— Гдѣ былъ ты, мой женихъ,—гдѣ былъ ты, мой любимый сынъ,—въ то время, когда насъ убивали!

Я послѣдній въ родѣ.—отвѣчаетъ онъ молчаливымъ стономъ своего сердца.—Традиція, имѣющая силу закона, велѣла мнѣ остаться.

— Да, ты послѣдній, если допустишь убійство женщины и стариковъ.—самый послѣдній въ родѣ, самый низкій.

— Я ненавижу воню. Я не хотѣлъ пролить ни одной капли крови.

— Теперь ты залитъ ею весь, съ головы до ногъ.

Послѣ воздушной развѣдки

— Я видѣлъ въ войнѣ лицемѣріе.
— Ты былъ лицемѣренъ самъ.
— Нѣтъ, я былъ искрененъ. Я выше всего цѣню свою свободу.

— За это мы умерли смертью рабовъ.
— Я больше всего любилъ красоту. Въ войнѣ я ея не видѣлъ.
— Ты видишь ее теперь. Смотри же хорошенько: видишь? Наши лица блѣдны, какъ мраморъ. Видишь, цвѣты и парча скрываютъ наши тѣла, разорванныя, какъ жалкія лохмотья. Тѣни смерти и тѣнныя вѣнчаютъ наше чело, которое ты любилъ цѣловать. Смотри: вотъ твой богъ, вотъ красота, — вотъ чтѣ ты воспѣвалъ и чему молился!

Онъ вздрогнулъ и провелъ рукой по глазамъ. Все было тихо, трупы лежали неподвижно. На его лбу выступилъ холодный потъ; когда дверь капеллы стукнула, онъ вздрогнулъ и бросился назадъ, въ темный уголокъ, какъ преступникъ, боящійся, чтобы его не поймали на мѣстѣ преступленья.

Дверь отворилась. Ральфъ Эндерлинъ, съ букетомъ розъ въ рукахъ, подошелъ и склонился предъ гробомъ Мэриетъ. Да, вѣдь онъ тоже любилъ ее. Они выросли вмѣстѣ, вмѣстѣ играли дѣтьми — онъ имѣлъ право положить эти розы на ея гробъ... Приблизившись, лордъ Артуръ мягко коснулся плеча своего друга, въ которомъ только теперь, передъ лицомъ смерти и горя, впервые узналъ соперника.

— Артуръ! Вы здѣсь...

Молодой человекъ быстро поднялся. Минуту они стояли молча по обѣ стороны гроба. Потомъ, надъ прахомъ той, любовь къ которой соединила ихъ навѣки, они обмѣнялись рукопожатіемъ, похожимъ на безмолвную клятву.

— Когда вы уѣзжаете? — спросилъ лордъ Артуръ.

Ральфъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, какъ будто не понимая.

— Уѣзжаю? Куда?

— Вы поступаете въ армію.

— Ахъ, это... Да, хотѣлъ уѣхать сегодня вечеромъ, но теперь... теперь... я еще здѣсь останусь.

И, не въ силахъ больше владѣть собой, молодой человекъ разрыдался. Лордъ Артуръ обнялъ его и привлекъ къ себѣ.

— Не размѣнивайте своего горя на слезы, Ральфъ, — сказалъ онъ. — Слезы облегчаютъ, а этого не надо. Пусть ваши глаза будутъ сухими, такъ

лучше. Вы уѣдете черезъ два или три дня, послѣ похоронъ, не правда ли? Прекрасно. Я тоже поѣду съ вами.

— Вы?

Онъ понялъ, его заплаканное лицо освѣтила улыбка, какъ радуга среди весеннихъ тучъ.

— Да, Артуръ, вы должны сдѣлать это! Вы своей рукой должны отомстить убійцамъ, которые...

Лордъ Артуръ Хейль-Дормондъ поправилъ:

— Отомстить? Нѣтъ. Я хочу наказать ихъ.

VI.

Раннимъ утромъ въ англійскомъ лагерѣ близъ Ипра была замѣчена флотилія неприятельскихъ аэроплановъ. Никто не видалъ, какъ они поднялись изъ-за тѣса, чернѣвшаго вдаль по склону холма; ихъ замѣтили, когда они уже обрисовывались ясно на большой высотѣ, какъ стая птицъ, образующихъ ломаную линію въ воздухѣ.

Лагерь оживился мгновенно. Налетъ неприятельскихъ аэроплановъ — всегда интересный эпизодъ въ періодъ скучной и однообразной позиціонной войны, которая тянется мѣсяцами, похожими на годы. Артиллеристы заняли свои мѣста у специальныхъ орудій: короткія тонкія дула на подвижныхъ тренажникахъ были устремлены вверхъ, точно зрительныя трубы обсерваторіи. Ангары въ одинъ мигъ распахнули свои двери, прислуга поспѣшно выводила на лугъ аппараты, готовые взвиться ввысь, чтобы отразить воздушную атаку равнымъ оружіемъ.

Сержантъ появился на порогѣ землянки, въ которой офицеръ, извѣщенный по телефону о приближеніи врага, переодѣвался въ свой авіаціонный костюмъ, легкій и не стѣсняющій движенья летчика.

— Аппаратъ готовъ, господинъ поручикъ.

Офицеръ кивнулъ головою. Передъ тѣмъ, какъ покинуть свое жилище, куда, быть-можетъ, не суждено уже вернуться больше, онъ вынулъ еще разъ бумажникъ, съ которымъ не разставался никогда. Въ секретномъ отдѣленіи лежали двѣ реликвіи: локонъ золотистыхъ волосъ и вырѣзка изъ нѣмецкой газеты, воспѣвающая ночной налетъ цеппелиновъ на Англію. Офицеръ еще разъ пробѣжалъ эти строки, давно выученныя наизусть: „лейтенантъ Отто Рунгъ, какъ руководившій операціями и особенно отличившійся, награжденъ Желѣзнымъ Крестомъ; въ приказѣ по арміи ему объявлена благодарность главнокомандующаго“...

Отто Рунгъ, — вотъ кто убійца Мэриетъ и лорда Донифана Хейль-Дормондъ. До сихъ поръ этотъ убійца неизмѣнно ускользалъ отъ занесенной надъ нимъ карающей руки. Сколько времени уже длится безопаднаая воздушная охота за этимъ пиратомъ, на которомъ знакъ креста кощунственно запечатлѣлъ пролитую невинную кровь? Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ лордъ Артуръ неутомимо преслѣдуетъ германскіе альбатросы, таубе и неуклю-

Противоаэропланное орудіе.

жие цепелины, изредка появляющиеся над позициями. Он первый устремляется им навстрѣчу и один на один вступает съ врагомъ въ борьбу, которая неизмѣнно кончается однимъ и тѣмъ же. А потомъ побѣдитель съ лихорадочнымъ трепетомъ присутствуетъ при выясненіи имени убитыхъ имъ летчиковъ — и каждый разъ уходитъ съ опущенной головой, равнодушно выслушивая поздравленія и похвалы, которыми его осыпаютъ со всѣхъ сторонъ. Отто Рунгъ упорно ускользаетъ отъ него. Трусъ! Неужели ты только и способенъ нападать на беззащитныхъ? Подлый убійца женщины, неужели ты не смѣешь выйти на честный бой противъ равнаго тебѣ по силѣ?

Лордъ Артуръ сунулъ въ карманъ револьверъ и вышелъ изъ землянки. Аппаратъ ожидалъ его на правомъ флангѣ

Наполненіе газами управляемаго аэростата.

„Колбаса“.

флотилии воздушныхъ кораблей, готовыхъ къ поднятію: какъ фантастическая паутина, ожидающая своего паука, онъ рисовался на фонѣ безоблачнаго осенняго неба, которое скоро станетъ ареною битвы. Передъ тѣмъ, какъ занять свое мѣсто, авиаторъ пожалъ руку полковника, стоявшаго подлѣ въ группѣ офицеровъ. — Счастливаго пути, лордъ Артуръ. Я увѣренъ, что вы и на этотъ разъ, какъ всегда, блестяще справитесь со своею задачей.

Лордъ Артуръ поднялся на аппаратъ и сѣлъ въ свое кресло. Просмоленное полотно отбрасывало голубую тѣнь на его лицо, сдѣлавшееся вдругъ мертвенно-блѣднымъ, какъ лицо трупа. Онъ шелъ въ бой одинъ, вооруженный только револьверомъ; на его аппаратѣ не было ни пулемета ни запаса ручныхъ гранатъ. Неподалеку Ральфъ Эндерлинъ на своей машинѣ дѣлалъ ему привѣтственные знаки, сгорая отъ нетерпѣнія. Моторъ заработалъ съ веселымъ жужжаньемъ, воздушный корабль побѣжалъ по дугѣ, потомъ незамѣтно отдѣлился отъ земли, которая стала опускаться все ниже и ниже.

Германцы еще далеко. Лордъ Артуръ не слѣдуетъ навстрѣчу врагу; у него своя тактика, испытанная и неизмѣнная. Въ нужный моментъ онъ поднимается какъ можно выше, чтобы ударить на непріятеля сверху, какъ коршунъ. Пока онъ только обозрѣваетъ поле сраженія.

Славное поле—просторное и удобное для маневрированія. Равнина, изрытая окопами, разстигается внизу, какъ пестрая карта. Вотъ Ипръ, вотъ расположеніе французовъ и бельгийцевъ, вотъ Кала и берегъ моря, прикрытый дымкой тумана. Все это такъ близко другъ къ другу: крошечный клочокъ земли, изъ-за котораго спорятъ три великія націи Европы! А вотъ и непріятель. Одинъ, два, четыре... десять таубе. Цѣлая флотилия. Нѣмцы за-

думали, видимо, что-то серьезное, это непохоже на простую развѣдку. Чортъ возьми, не летятъ ли они на Парижъ? Если такъ—Отто Рунгъ навѣрное тамъ: нападеніе на мирный городъ не можетъ обойтись безъ его участія...

Внизу англійскія пушки уже вступили въ перестрѣлку съ врагомъ. Результаты не заставляютъ себя ждать: одинъ таубе кувьркается, какъ подстрѣленный голубь, и стремительно летитъ внизъ. Къ сожалѣнію, онъ упадетъ далеко за чертой англійскихъ окоповъ. Не Ральфъ ли это оказался такимъ удачнымъ стрѣльцомъ? Пылкій мальчишка не хочетъ ждать и нетерпѣливо врется впередъ, въ самый разгаръ воздушнаго боя—туда, гдѣ вспыхиваютъ дымки и слышится легкій трескъ пулеметовъ. Не спуская глазъ съ врага, лордъ Артуръ въ то же время слѣдитъ за своимъ товарищемъ. Аэропланы искусно маневрируютъ въ воздухѣ, изъ англійскихъ летчиковъ не пострадалъ еще никто: первые ходы партіи неторопливы и тщательно разсчитаны—азартъ настоящей, горячей игры еще не охватилъ участвующихъ. Внизу орудія замолчали послѣ двухъ или трехъ залповъ, оставившихъ въ воздухѣ нѣсколько дымныхъ клубовъ отъ разрыва шрапнели, отливающихъ всѣми цвѣтами радуги. Обстрѣлъ съ земли становится затруднительнымъ. Сражающіеся поднялись на значительную высоту, а главное, сблизились настолько, что при порывистыхъ движеніяхъ воздушныхъ кораблей, точно танцующихъ въ эфирѣ, вмѣсто непріятельскаго аэроплана легко можно сбить свой.

Первая жертва боя: одинъ англичанинъ зарвался черезчуръ далеко; онъ дѣлаетъ судорожный скачокъ вверхъ, кружится на

Телефонъ съ „Колбасы“.

мѣстѣ, накренается—падаетъ... Летчикъ убить или тяжело раненъ. Безполезно слѣзнуть на помощь погибающему: воздушныя волны безжалостнѣ морскихъ и никогда не отдадутъ того, кто сдѣлался ихъ добычей.

Все равно. Теперь не время для сожалѣній. Лордъ Артуръ чувствуетъ легкій свистъ, котораго не заглушаетъ даже стукъ мотора, потомъ щелчокъ подлѣ своего колѣна: нѣмецкая пуля перебила одинъ изъ брусевъ крыла. Поврежденіе пока не серьезное.

И онъ устремляется впередъ, какъ стрижь, котораго вынули изъ кѣтки. Бѣглый взглядъ говорить ему, что сраженіе выиграно: шесть германскихъ таубе изъ десяти уже удаляютъ поспѣшно къ своимъ позиціямъ; англичане преслѣдуютъ ихъ, но недолго. Мало-по-малу они начинаютъ отставать и скоро скрываются по направленію къ землѣ.

Лордъ Артуръ продолжаетъ преслѣдованіе совѣмъ одинъ.

VII.

Одинъ.

Такъ лучше — больше простора кругомъ. Германцы убѣгаютъ поспѣшно, только крайній аппаратъ справа начинаетъ какъ будто отставать. Поврежденъ онъ, или хочетъ похвѣяться силами съ преслѣдователемъ? Лордъ Артуръ развиваетъ предѣльную скорость, и разстояніе между врагами все уменьшается.

крышѣ повисъ въ воздухѣ почти неподвижно. Сейчасъ лордъ Артуръ достигнетъ врага, который безцѣльно сыплетъ свои пули въ пространство.

Внезапно таубе оказывается внизу. Растерявшись отъ неожиданности, онъ кружится на мѣстѣ подъ ногами врага, ловко ушедшаго отъ его обстрѣла, поворачиваетъ и начинаетъ летѣть назадъ, къ англійскимъ позиціямъ. Лордъ Артуръ слѣдуетъ за нимъ, не снижаясь. Улучивъ минуту, онъ со свистомъ падаетъ внизъ, какъ камень, брошенный изъ глубинъ неба.

Теперь аэропланы стоятъ въ одной плоскости. Летчики видятъ другъ друга лицомъ къ лицу. Пруссакъ съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ наводитъ на англійскаго авіатора свой пулеметъ: точно крупный градъ ударяетъ въ корпусъ аэроплана. Летчикъ смертельно раненъ. Но онъ успѣваетъ все же неожиданнымъ толчкомъ бросить впередъ свою машину, которая задѣваетъ за крыло таубе.

Онъ отомстилъ.

Слѣпившись вмѣстѣ, точно въ послѣднемъ объятѣ рукопашной схватки, противники летятъ внизъ. Земля вырастаетъ подъ ними, какъ распростертый саванъ смерти, встрѣчающій ихъ обоихъ. Въ нѣмецкомъ аппаратѣ поврежденъ бакъ: бензинъ воспламеняется, пламя скачетъ, какъ акробатъ, на раму сосѣдняго

Блиндированный паровозъ.

Онъ поднялся высоко-высоко. Дышать становится трудно. Но корпусъ машины, на которомъ влажные испаренія осѣдаютъ, какъ роса, ярко блеститъ въ лучахъ солнца, и его сверканье зажигаетъ искрящийся огонь въ глазахъ летчика. Имъ овладѣло какое-то странное возбужденіе, котораго онъ не испытывалъ никогда до сихъ поръ.

Рядъ картинъ проходитъ передъ его мысленнымъ взоромъ, котораго не отвлекаютъ здѣсь никакія видимыя очертанія. Онъ въ библиотекѣ Хейль-Дормондскаго замка, съ Мэриетъ; они читаютъ вмѣстѣ, ихъ головы соприкасаются надъ книгой. Аллея парка, площадка для тенниса. Берегъ моря, волны съ тихимъ рокотомъ набѣгаютъ на песокъ. Мэрири стоитъ рядомъ, пожимая руку своего жениха. Но у нея восковое лицо трупа, и глаза ея закрыты темными вѣками, подъ которыми гнѣздится смерть. Она дѣлаетъ ему знакъ рукою, она его зоветъ за собой...

Да, онъ готовъ, но раньше онъ долженъ исполнить свой долгъ. Сейчасъ разрѣшится то, что началось въ пожарѣ и гибели Хейль-Дормонда.—сейчасъ раздастся послѣдній отголосокъ прогрѣваго тогда взрыва. Онъ несетъ съ собою и бросаетъ вслѣдъ врагу, какъ камень изъ пращи, кару не только за нее. Здѣсь, въ безконечномъ просторѣ вселенной, долженъ рѣшиться споръ, все исполненное значеніе котораго можно постигнуть только въ этой величавой пустотѣ безъ тѣней и образовъ. Они ведутъ споръ о будущемъ. Мертвая Мэриетъ, предательски убитая бомбой, никогда не жила, какъ существо изъ плоти и крови. Это символъ, прекрасный символъ человѣчества, грезы котораго о счастьѣ и красотѣ затоптали своими ногами убійцы. Сейчасъ солнце увидитъ послѣднюю титаническую борьбу между тьмою и свѣтомъ, между свободой и рабствомъ, свирѣпо потрясающимъ своими цѣпями. Эти цѣпи гремятъ вдаль, гремятъ коротко и отрывисто, и нѣмецкій аэропланъ окутывается дымомъ. Заговорилъ пулеметъ: вызовъ принять. Аэропланъ съ чернымъ крестомъ на

аэроплана, загорающагося почти одновременно съ первымъ. Съ земли видно, какъ огненная звѣзда разбѣгаетъ воздухъ—звѣзда, за которой въ лазури вьется лента бизаго дыма...

Аэропланы падаютъ въ чертѣ англійскаго расположенія. Со всѣхъ сторонъ къ нимъ сбѣгаютъ люди. Ударъ при паденіи былъ такъ силенъ, что въ землѣ образовалась глубокая воронка, наполненная доверху догорающими обломками: сухія деревянныя части стораютъ быстро, просмоленное полотно — великолѣпная добыча для пламени. Черезъ минуту костеръ уже догорѣлъ, оставивъ груды дымящагося пепла, изъ-подъ котораго извлекаютъ первымъ трупъ лорда Артура. Всѣ головы сразу обнажаются, ружья съ короткимъ сухимъ трескомъ взяты на караулъ. Полковникъ, сумрачный и серьезный, откалываетъ свой орденъ Викторіи, чтобы возложить его на грудь мертвеца. Здѣсь же и Ральфъ Эндерлиннъ. Онъ не плачетъ: офицеръ долженъ быть твердымъ. Онъ только свертываетъ дрожащими руками британскій флагъ, который подкладываетъ, какъ подушку, подъ голову убитаго друга.

Оба нѣмца, пилотъ и пулеметчикъ, погибли. Трупъ офицера распался на части, которая одну за другой находятъ подъ обломками и пепломъ. Но его имя все же удастся установить — и когда сержантъ прочитываетъ его вслухъ, съ трудомъ разбирая буквы на пожелтѣвшемъ, наполовину обуглившемся листкѣ бумаги, Ральфъ невольно оборачивается и смотритъ на мертвеца: не дрогнуть ли его вѣки, не улыбнется ли онъ съ торжествомъ при звукахъ этого имени.

Но лордъ Артуръ, послѣдній изъ Хейль-Дормондовъ, лежитъ неподвижно на своемъ смертномъ ложѣ изъ обломковъ, среди лужъ бензина, растекающагося, какъ кровь. Его лицо сурово и безстрастно. Онъ, упавшій на землю изъ неизмѣримыхъ высотъ неба, снова поднялся теперь высоко-высоко — выше людскаго торжества и людской мести.

ГЕОРГІЕВСКІЕ КАВАЛЕРЫ.

Генераль-майоръ
П. Н. Колзаковъ.

Полковникъ
А. А. Савѣчниковъ.

Полковникъ
И. В. Ковалевскій.

Полковникъ
О. И. Осиповъ.

Полковникъ
А. И. Рубецъ.

Полковникъ
Д. И. Норовъ.

Подполковникъ
И. И. Селивановъ.

Подполковникъ
А. М. Захаровъ.

Подполковникъ
Г. И. Сухачевскій.

Подполковникъ
И. С. Пантелѣевъ.

Подполковникъ
В. А. Энгельманъ.

Подполковникъ
В. И. Сосновскій.

Капитанъ
П. В. Гурдовъ.

Капитанъ
П. В. Воронцовъ.

Штабъ-капитанъ
Е. В. Дацвичъ.

Штабъ-капитанъ
А. О. Ефремовъ.

Штабъ-капитанъ
Н. А. Клименко.

Поручикъ
В. П. Фоменко.

Подпоручикъ
Г. Д. Баланинъ.

Подпоручикъ
В. Е. Захаровъ.

Подпоручикъ
А. Г. Сухорскій.

Подпоручикъ
Г. А. Бейнаръ.

Прапорщикъ
М. М. Соколовъ.

Прапорщикъ
К. Д. Ананьевъ.

Прапорщикъ
А. И. Борисовъ.

Памяти братьев-героев.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Военнаго Министра.

Дмитрій Савельевичъ. Въ нынѣшнюю великую войну наша армія явила нескончаемый рядъ примѣровъ высокой доблести, неустрашимости и геройскихъ подвиговъ какъ цѣлыхъ частей, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

Особое Мое вниманіе привлекла героическая смерть трехъ братьевъ Панаевыхъ,

† Штабсъ-ротмистръ Гурій Аркадьевичъ Панаевъ, награжденный орденомъ св. Георгія 4-й ст.

офицеровъ 12-го гусарскаго Ахтырскаго генерала Дениса Давыдова. нынѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны полка—ротмистровъ Борися и Льва и штабсъ-ротмистра Гурія, доблестно павшихъ на полѣ брани.

Братья Панаевы, проникнутые глубокимъ сознаниемъ святости данной ими присяги, безстрашно исполнили долгъ свой до конца и отдали жизнь свою за Царя и Родину.

Всѣ три брата награждены орденомъ св. Георгія 4-й степени, и ихъ смерть въ открытомъ бою является завиднымъ удѣломъ воиновъ, ставшихъ грудью на защиту Мена и Отечества.

Вдова полковника Вѣры Николаевны Панаева, Высочайше награжденная орденомъ св. Ольги 2-й ст. и пожизненной пенсией въ 3.000 р.

† Ротмистръ Борисъ Аркадьевичъ Панаевъ, награжденный орденомъ св. Георгія 4-й ст.

Такое правильное пониманіе своего долга братьями Панаевыми всецѣло отношу къ ихъ матери, воспитавшей своихъ сыновей въ духѣ беззаветной любви и преданности къ Престолу и Родинѣ.

Сознаніе, что дѣти ея честно и мужественно исполнили долгъ свой, да наполнить гордостью материнское сердце и помочь ей стойко перенести ниспосланное свыше испытаніе.

Признавая за благо отмѣтить заслуги передо Мною и Отечествомъ вдовы пол-

† Ротмистръ Левъ Аркадьевичъ Панаевъ, награжденный орденомъ св. Георгія 4 ст.

ковника Вѣры Николаевны Панаевой, воспитавшей героевъ сыновей, жадую ее, въ соответствии со ст. 8-ю Статута знака отличія св. равноапостольной княгини Ольги, симъ знакомъ 2-й степени и пожизненной ежегодной пенсией въ 3.000 рублей.

Препываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царской Ставкѣ.
2-го апрѣля 1916 года.

Женщина.

Письмо из Франціи Каренъ Брамсонъ.

Авторизованный переводъ съ датскаго Анны Ганзенъ.

Авторомъ „Женщины“ (письма из Франціи) является известная датская писательница-беллетристка и драматургъ Каренъ Брамсонъ. Оригиналъ письма появился недавно въ одной изъ самыхъ распространенныхъ датскихъ газетъ „Politiken“, постоянной сотрудницей котораго состоитъ талантливая писательница. Французскій переводъ письма помещенъ въ „Фигаро“ подъ заглавіемъ „D'où vient la force?“ („Откуда идетъ сила?“) съ очень лестнымъ для автора предисловіемъ. Французскій переводъ поражаетъ проявленное скандинавской писательницей тонкое пониманіе особенностей французской души.

Франція, впрочемъ, является для Каренъ Брамсонъ второю родиною, и въ одномъ изъ наиболее яркихъ своихъ беллетристическихъ произведеній „Дѣло доктора Мореля“ (русскій переводъ въ 13-мъ сборникѣ „Фюрдовъ“) она дала еще болѣе замѣчательный образецъ своего проникновенія въ тайники французской

души и глубокаго знанія французскаго быта. Какъ это произведеніе, такъ и многія другія переведены на французскій языкъ, а принадлежащая перу датской писательницы оригинальная и глубокая драма „Трагедія власти“ (11-й сборникъ „Фюрдовъ“) даже удостоилась рѣдкой для иностранныхъ произведеній чести быть поставленной въ Парижѣ на сценѣ Théâtre des chef-d'oeuvres étrangers и имѣла крупный успѣхъ. У насъ, въ Россіи, знакомы съ датской писательницей по двумъ вышеупомянутымъ произведеніямъ, переводы которыхъ помещены въ 11-мъ и 13-мъ сборникѣхъ „Фюрдовъ“, и по пьесѣ „Счастье“, недавно съ большимъ успѣхомъ поставленной на сценѣ московскаго Императорскаго Малаго театра.

Каренъ Брамсонъ очень интересуется Россіей, изучаетъ русскій языкъ и прошлою весной провела некоторое время въ Петроградѣ.

Недавно я слышала, что одинъ известный нѣмецкій дѣятель публично высказалъ, будто сила Германіи въ томъ, что... нѣмецкая женщина вообще некрасива,—въ противоположность опасности, которую представляетъ для своей націи французская женщина.

Твердая, съ желѣзной дисциплиной Германія противопоставляется шаткой, легковѣсной Франціи, и глубочайшей причиной этой разницы между ними признается—женщина.

Что касается силы Германіи, то, можетъ-быть, сей нѣмецкій мужъ правъ. Мы должны ему вѣрить. Онъ говоритъ по опыту. Ему известно, что женщина съ самаго сотворенія своего представляла величайшую опасность для мужчины, мучительную и неотвратимую опасность, вѣчно витающую надъ его головою, какъ въ силу его природнаго влеченія, такъ и въ силу интересовъ государства, требовавшихъ потомства.

И не только Библия, исторія и міровая литература, но и ежедневныя газетныя сообщенія о растратахъ, драмахъ ревности и проч., а, можетъ-быть, даже и личныя слабья искушенія научили его понимать, какое безграничное разрушающее вліяніе можетъ имѣть близкая къ нему красивая и соблазнительная женщина... Она вѣдь каждую минуту можетъ затуманить въ немъ чувство долга, ослабить его силу, разстроитъ его денежные дѣла!

Въ качествѣ вѣрнаго своему долгу гражданина или составной частицы общественнаго механизма, стремящагося къ прогрессу, онъ обязанъ поставить свою эмоціональную жизнь такъ, чтобы его тянуло только къ женщиной, которая терпѣливо и аккуратно будетъ рожать и кормить его дѣтей, вести его хозяйство и помогать ему улучшать свое экономическое положеніе. Вѣдь только такимъ путемъ онъ можетъ оставаться твердымъ и непоколебимымъ, копить деньги для себя и своихъ, прибавить ударъ и своего молоточка къ работѣ въ великой общественной кузницѣ.

Для выполнения же столь элементарныхъ обязанностей то обстоятельство, что у подруги его жизни жесткіе волосы, или шершавая кожа, или расплывчатая формы, не представитъ существеннаго значенія.

Отсутствіе красоты въ женщинѣ не можетъ претить такому нѣмцу. Напротивъ, оно ему даже по вкусу, такъ какъ выгодно,—отстраняетъ отъ него всякую опасность.

Кромѣ того онъ знаетъ, что привыкнуть можно ко всему—если это нужно, даже къ безобразію. И самая привычка имѣть свою цѣнность! Любовное сожителство, основанное на чувствѣ привычки, наиболее желательно съ точки зрѣнія интересовъ государства, такъ какъ привычку легко урегулировать, она охотно поддается дисциплинѣ и механизированію жизни, тогда какъ пожирающая страсть или пылкая нѣжность открываютъ такія бездны, надъ которыми обязанности человѣка къ обществу и отечеству повисаютъ какъ бы на тонкой паутинкѣ.

Поэтому неудивительно, что нѣмецъ, быть-можетъ, на лету отбѣдвашій кружащихъ голову чаръ француженки и счастливо избавившійся отъ опаснаго плѣна, чтобы вернуться спокойной домой, къ своей флегматичной супругѣ, можетъ дойти до вышеупомянутаго заключенія, что отсутствіе красоты у нѣмокъ—національное преимущество!

Зато, если онъ укажетъ на француженку, какъ на причину разслабленія ея націи, мы съ нимъ не согласимся.

Развѣ Франція вообще проявила слабость?

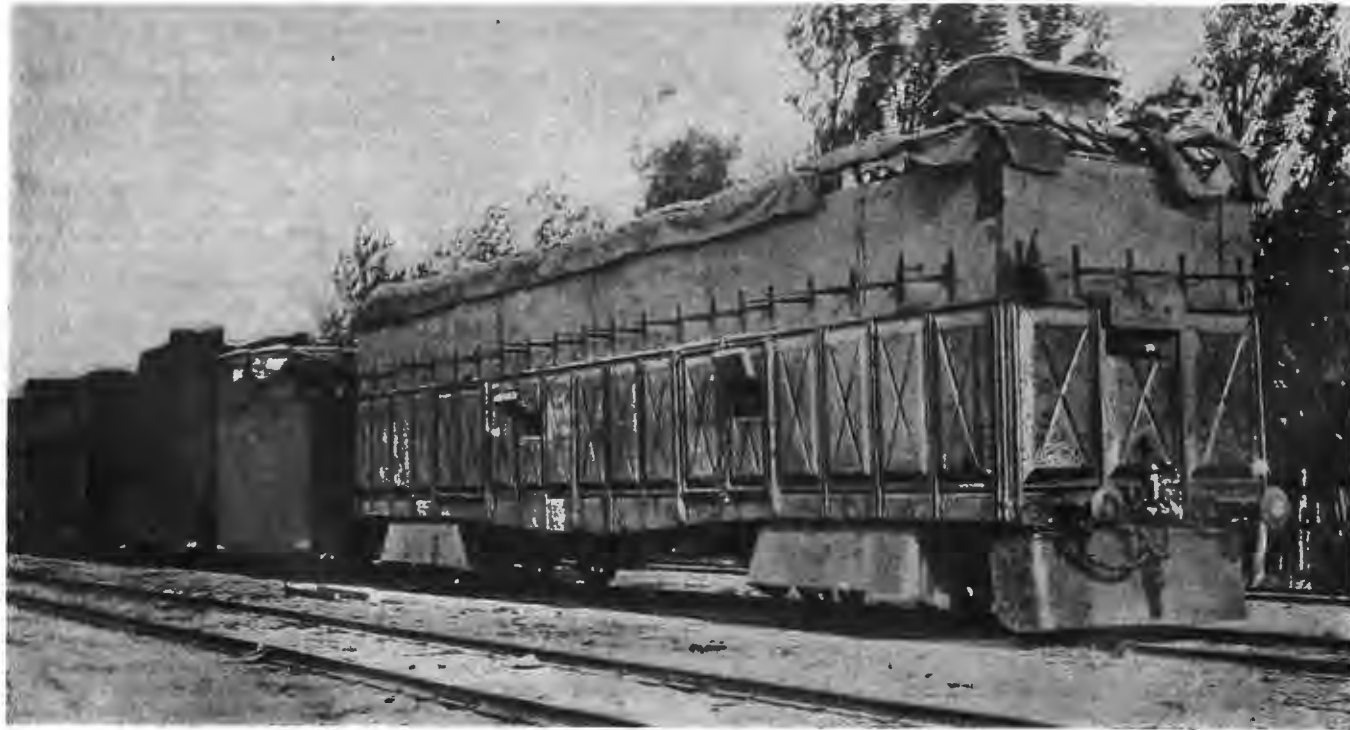
Правда, она оказалась неподготовленной къ войнѣ. Но развѣ такая неготовность непременно означаетъ слабость? Не приходится ли скорѣе, разсуждая по-человѣчески, назвать это добродѣтью?

Развѣ каждая изъ воюющихъ странъ, напрягая въ борьбѣ всѣ свои силы до крайняго предѣла, не вопіетъ, что приносить эти ужасныя жертвы, дабы поразить на смерть чудовище войны—отвратительную человѣческую жажду убійства и завоеваній? Иначе говоря: высшая цѣль нынѣшней войны—уничтоженіе возможности войны въ будущемъ.

Но въ такомъ случаѣ, націи, меньше всѣхъ готовившіяся къ человѣкоубіенію и тѣмъ заранѣе доказавшія свое благоразумное отвращеніе къ нему, развѣ не стоятъ, разсуждая по-человѣчески, выше всѣхъ?

Казалось бы, это настолько очевидно, что не стоило бы и повторять, если бы война, ея возникновеніе, способы ея веденія и достигнутые ею доселѣ результаты не переполнили безчисленные умы ложными представленіями о томъ, въ чемъ сила и въ чемъ достоинство націи.

И, ясно, что—поскольку дѣло касается Франціи—женщина

Блиндированный поѣздъ.

сыграла свою роль въ явномъ нерасположеніи страны къ войнѣ.

Сила же и готовность германской націи обусловливались общимъ могучимъ стремленіемъ шагнуть впередъ и раздаться вширь.

Германія, какъ государство, требовала отъ каждого нѣмецкаго гражданина строго опредѣленнаго и точно высчитаннаго количества самоотреченія и участія въ совмѣстной работѣ на пользу общую. И гражданинъ, послушный, исполненный чаяній и пониманія, повиновался. Этимъ объясняется невѣроятная способность нѣмцевъ просачиваться во все страны и народы, при чемъ оплотомъ и центромъ всехъ ихъ интересовъ остается родная страна. Даже если съ нею не сохраняется никакой видимой связи. Коллективизмъ въ самой чистой формѣ! Чудовищная сила муравьиной кучи! Способность подкапываться. Возможность постоянного обновленія. Перерѣжутъ одну нить тамъ,—сейчасъ же прикрѣпляется двойной крѣпости другая тутъ!..

И сознание этого блестяще разработаннаго плана охватить нѣмецкимъ кольцомъ всю землю вызвало ощущение силы, высококомѣрное пожиманіе плечами по адресу тѣхъ, которыхъ сжимали въ тискахъ, какъ партизановъ, вызывало желаніе показать свою силу, раздавить, стать господами!

Французъ, напротивъ, желаетъ имѣть свой собственный мірокъ для себя. Для него условіемъ жизни является свобода. Мечты о расширеніи территоріи, усиленіи политической мощи не входятъ въ число его исконныхъ стремленій. Его гордость процвѣтаетъ безъ нихъ. Онъ гордится своей страной, какова она есть, ея исторіей, ея красотой. И прежде всего гордится той женщиной, которую любитъ... французской женщиной. Она мѣшаетъ развиться въ немъ чувству коллективизма, потому что все его интересы сосредоточены на ней. Она составляетъ радость его жизни, она наполняетъ содержаніемъ его существованіе, даетъ цѣль его работъ. Лучшія его способности развиваются подъ влияніемъ его чувства къ ней, поэтому онъ и не борется съ влеченіемъ къ ней, но радостно отдается своему чувству. Онъ всегда остается рыцаремъ, стремящимся сложить добытые лавры у ея ногъ, кто бы онъ ни былъ самъ по себѣ—рабочій, который добывается прибавки заработной платы, или поэтъ, который добывается стать лауреатомъ академіи.

Она—высшая цѣль его стремленій. Онъ знаетъ, что женщины всехъ цивилизованныхъ странъ тщетно стараются перенять очарованіе французки. Какая другая женщина въ состояніи такъ полно удовлетворить самый изысканный вкусъ, такъ воспламенить жажду красоты, поклоненіе искусству, стремленіе къ утонченности формъ жизни? Французская женщина въ глазахъ фран-

цузъ—идеальнѣе и пылкости, пониманія и преданности. Важнѣе же всего, пожалуй, для француза то, что никакая другая женщина, кромѣ французки, не умѣетъ такъ искусно давать мужчине чувствовать себя господиномъ.

Она еще соглашается покоряться. Принимать, какъ даръ, то, что, въ сущности, составляетъ „ея право“.

Это маленькое женское лукавство глубоко заложено въ ея натурѣ: она предпочитаетъ добиваться, чего ей хочется, пуская въ ходъ свое женское обаяніе, нежели давъ мужчине почувствовать на себѣ рабскія цѣпи; предпочитаетъ разжигать въ немъ жажду обладанія и шадить его чувство независимости, нежели требовать себѣ правъ съ помощью женскихъ организацій и новыхъ законопроектовъ.

О, она умна и знаетъ, какъ братья за него! Онъ вполне у нея въ рукахъ, но воображаетъ себя ея господиномъ.

Вместѣ съ тѣмъ она ему лучшей товарищъ. Все ея дѣла и мысли постоянно вращаются около его будущаго, справедливой оцѣнки его достоинствъ другими, достиженія имъ „своего“.

Вдвоемъ они составляютъ свой особый міръ. Во взаимномъ чувствѣ они почерпаютъ силу и стойкость.

Разразилась война. Оба они ненавидятъ войну всей душой. Въ настоящихъ своихъ формахъ война возбуждаетъ ихъ ужасъ и гнѣвъ. Кромѣ того, война отрываетъ ихъ другъ отъ друга. Но они не выдаютъ другъ другу своего страха и ужаса.

Онъ, самоуверенно тряхнувъ головой, заявляетъ: „будь спокойна, опасности нѣтъ!“ А самъ трепещетъ при мысли о ея судьбѣ въ случаѣ пораженія...

И она улыбается ему, пряча слезы, дѣлаетъ видъ, будто „увѣрена, что онъ вернется!“

Сколько разъ я видѣла эти тайныя слезы.—самую дорогую жертву французки на алтарь войны—невылаканныя слезы!

Въ послѣдній разъ я наблюдала ихъ на дняхъ при отходѣ воинскаго поѣзда. Перронъ былъ перегороженъ. За загородку пускали только солдатъ. Провожавшіе толпились по ту сторону загородки.

Рядомъ со мной стояла маленькая женщина съ двумя дѣвочками и, улыбаясь, кивала своему „roi“у. А онъ глазъ не могъ оторвать отъ нея, шелъ къ своему вагону почти задомъ, чтобы не упустить ни единого ея взгляда.

Толпа раздѣлила ихъ, и они могли видѣть другъ друга лишь урывками, на короткія мгновенія. Лицо ея сразу измѣнилось. Улыбка смѣнилась отчаяніемъ, а глаза, налитые слезами, упорно искали его въ толпѣ. Сколько молебъ было въ ея взглядѣ, молебъ къ небесамъ: верните мнѣ его, верните!

Еще разъ, вытянувъ шею и привставъ на цыпочки, онъ уловилъ въ послѣдній разъ дорогое лицо. И она вновь улыбнулась, весело замахала ему рукою.

И конечно. Онъ скрылся. Дверь вагона захлопнулась...

Съ минуту слышала я ея глухое рыданіе, которое какъ-то вдругъ оборвалось, перешло въ странное покашливанье—ради дѣтей: малытки съ такимъ испугомъ глядѣли на мать!..

Одинъ случай изъ миллиона подобныхъ.

Развѣ это слабость? Развѣ признакъ слабости сохранять чувство любви, эротическую симпатію, этотъ сильнѣйшій человѣчскій инстинктъ, во всей его первобытной силѣ, сохранять за нимъ высшее значеніе въ жизни?

Вѣдь честолюбивое стремленіе „шагнуть впередъ“ и „раздаться вширь“ болѣе поздняго происхожденія.

Нѣмецъ скажетъ: „да, это слабость, потому что это эгоизмъ, поглощающій чувство коллективизма. У человѣка не должно оставаться и мысли о себѣ и своихъ, когда онъ борется за свою страну“.

Результаты какъ будто доказываютъ противное. Именно привязанность къ „своему собственному мірку“ и обуславливаетъ лучшія качества французскаго солдата. Безропотно переносятъ онъ всякія лишения и страданія, потому что страдаетъ ради нея.

И свойственное ему чувство независимости также является весьма цѣннымъ. Онъ никогда не позволяетъ выбить у себя изъ головы способность проявлять инициативу, превратить себя въ бездушный винтикъ гигантскаго механизма. Даже подъ командой онъ мыслить и дѣйствуетъ самостоятельно, чуть только представится случай.

Врядъ ли въ самомъ дѣлѣ правильно утвержденіе, будто идеально дисциплинированное войско должно состоять изъ „не разсуждающихъ“ солдатъ. Отрядъ мыслящихъ, дѣятельныхъ солдатъ долженъ представлять большую цѣнность, нежели масса, движимая механически лишь командой начальника. Въ бою всегда открываются тысячи возможностей получить преимущество, мгновенно сообразивъ положеніе, —надежно укрыться или, напротивъ, съ выгодой кинуться впередъ. Французскій солдатъ—мастеръ учитывать такія возможности, чрезвычайно сообразителенъ и находчивъ.

Мирныя картины боевого фронта. Англійскій солдатъ кормитъ дикихъ кроликовъ, поселившихся въ траншеѣ.

Онъ даже приспособился теперь къ штыковому бою. Многие не въ силахъ преодолѣть чувства ужаса, когда длинный острый штыкъ глубоко вонзается въ живое человеческое тѣло... Но, разъ увидавъ въ нападающемъ противникѣ чудовище, которое хочетъ сразить его, чтобы затѣмъ обрушиться на его жену и дѣтей, французскій солдатъ выучился кидаться и въ штыки.

Его выучили этому рассказы объ ужасахъ, творившихся въ Бельгii и сѣверной Франціи!

И характерно: сила французскаго солдата — въ войнѣ оборонительной. Въ ней его никому не прельзти. Онъ не отступаетъ даже передъ впятеро сильнѣйшимъ врагомъ. Скорѣе падеть на мѣстѣ. Онъ вѣдь ни на секунду не забываетъ, что защищаетъ ее.

А бываетъ ли когда мужчина сильнѣе, чѣмъ въ ту минуту, когда защищаетъ любимую женщину?

Такъ мудро ли, что самыя ожесточенныя атаки, подкрѣпленныя ураганнымъ огнемъ, чудовищныя лавины непріятельскихъ войскъ, вооруженныхъ самыми смертоносными изобрѣтеніями самого ада, мучущихъ потоки огня и удушливыхъ газовъ, разъ за разомъ разбиваются о неприступную твердыню французскихъ солдатъ!

Атаки противъ Вердена могутъ подтвердить это.

Представьте себѣ встрѣчу этихъ двухъ: нѣмца, лѣзущаго по командѣ впередъ къ общей цѣли — крупной добычѣ, и француза, который только хочетъ защитить своихъ.

Вотъ они сошлись лицомъ къ лицу, оба заносятъ штыки, и взгляды ихъ скрещиваются... взаимно впираются, какъ бы спрашивая: чья рука должна дрогнуть? Чья осилить?.. — если только сохраняется въ нихъ въ этотъ моментъ искра человеческого сознанія.

О, да, поле битвы полно мистики. Почему вдругъ полная вѣроятность, точный расчетъ терпятъ крушеніе, безусловное превосходство силъ оказывается бесполезнымъ? Никто не знаетъ.

Люди никогда не становятся вполне машинами. Чувство всегда играетъ роль. Вотъ, вѣроятно, и причина.

А на чемъ зиждется нравственная сила войскъ? Развѣ не на чувствѣ?

И французскими солдатами прежде всего движетъ чувство къ ней, къ тѣмъ, кто остался дома.

Стало-быть, кто же вдохновляетъ дивныхъ защитниковъ Франціи, кто даетъ имъ силу? Французская женщина.

О ней мало слышно это время. Ея работа идетъ въ тиши. Но мiръ ей обязанъ. Она доказала ошибочность грубыхъ механиче-

Солдатское жилище на глубинѣ трехъ метровъ подъ землею.

скихъ расчетовъ, доказала, что не одна внѣшняя мощь имѣетъ силу, что сила — еще не право и не залогъ побѣды.

Имѣетъ силу внутреннее чувство, въ немъ главная сила!..

Удивительно, но теперь уже несомнѣнно, что воля способна въ инныя минуты укротить бующее пламя, согнуть желѣзо.

„Наутилусъ“ въ мiровой войнѣ.

Очеркъ Ф. Мускатблита.

(Окончаніе).

IV.

Еще меньшій успѣхъ имѣли непріятельскія субмарины въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ скорѣе послѣ начала войны главныя усилія противника свелись къ тому, чтобы помѣшать нашей дѣятельности своими подводными лодками.

Морской штабъ сообщалъ, что впервые 27-го сентября былъ атакованъ крейсеръ „Адмиралъ Макаровъ“, 28-го — крейсеръ „Паллада“ и 30-го — наши субмарины; затѣмъ 3-го, 15-го и 20-го ноября производились атаки на наши миноносцы, 21-го былъ атакованъ крейсеръ „Богатырь“, 22-го и 24-го — два миноносца, группа ихъ и одинъ, наконецъ 4-го ноября нападенію подвергся миноносецъ „Стерегущій“, 9-го дважды былъ атакованъ миноносецъ „Инженеръ-механикъ Дмитріевъ“, 24-го — миноносецъ, 27-го — крейсеръ „Богатырь“, и 28-го была атакована канонерка „Бобръ“.

„Такимъ образомъ, — резюмировалъ отчетъ, — за два мѣсяца было девятнадцать атакъ, изъ которыхъ въ девяти случаяхъ германскія подводныя лодки даже не могли выпустить мины, въ девяти случаяхъ мины не достигли цѣли, и только въ одномъ случаѣ атака оказалась удачною.

„Лодки же пострадали весьма существенно: одна изъ нихъ была уничтожена артиллеріей крейсера „Баянъ“, другая, новѣйшаго типа, протаранена миноносцемъ „Летучій“, одна взорвалась на нашихъ минахъ, и на минахъ же, вѣроятно, погибли еще двѣ лодки.

„Неудача германскихъ подводныхъ лодокъ тѣмъ болѣе знаменательна, что русскій флотъ, какъ разъ въ это время закончивъ подготовку района для своихъ операций на сѣверѣ Балтійскаго моря, интенсивно развивалъ свои операции у непріятельскихъ береговъ“.

Въ дальнѣйшемъ, кромѣ упомянутого крейсера „Паллада“, жертвой германскихъ подводныхъ лодокъ стала затрагиватель „Енисей“, такъ что за все время непріятельскія субмарины потопили въ Балтійскомъ морѣ лишь два нашихъ корабля, изъ которыхъ одинъ не имѣлъ никакого боевого значенія.

Значитъ, и у насъ борьба съ непріятельскими субмаринами оказалась весьма успѣшною при соблюденіи и использованіи тѣхъ мѣръ и способовъ, какіе выработала боевая практика.

Въ Адриатическомъ морѣ непріятельскими подводными лодками были потоплены итальянскіе крейсеры „Амальфи“ и „Джузеппе Гарибальди“: первый не имѣлъ при себѣ охраны изъ истребителей, что ясно изъ спасенія экипажа госпитальными судами, высланными изъ Венеціи, а второй — устарѣвшій тихоходъ, возвращавшійся изъ Каттаро въ составъ цѣлой эскадры.

Въ Отрантскомъ проливѣ погибъ несшій дозорную службу французскій крейсеръ „Леонъ Гамбетта“: по итальянской версии онъ остановился для осмотра подозрительнаго парусника, но это было опровергнуто французскимъ официальнымъ сообщеніемъ, а предположеніе, что корабль не закрылъ всѣхъ огней, противорѣчитъ австрійскому отчету, да оно вообще неумѣстно, такъ какъ дѣло происходило лунной ночью (луна скрывалась за облаками лишь изрѣдка), когда корабль и такъ виденъ.

Гораздо вѣроятнѣе, что именно въ виду ночного времени на корабль мало вѣрили въ возможность появленія непріятельской субмарины и вслѣдствіе недостаточной бдительности просмотрѣли ее, хотя она должна была находиться не въ погруженномъ состояніи, ибо даже лунной ночью едва ли что видно въ перископъ.

Помимо всѣхъ этихъ соображеній — налицо фактъ, который самъ по себѣ вполне достаточенъ для объясненія катастрофы: такъ какъ команду французскаго крейсера подобралъ итальянскій пароходъ, значитъ „Леонъ Гамбетта“ не имѣлъ при себѣ охраны изъ истребителей.

Таковъ уронъ союзниковъ въ этомъ водномъ бассейнѣ за все время, а между тѣмъ лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ декабря по мартъ, между портами Албаніи, о. Корфу и Бриндизи (Италія) занимались военными перевозками триста пятьдесятъ пароходовъ и было переправлено свыше двухсотъ пятидесяти тысячъ войска, да около двухъ милліоновъ пудовъ боевыхъ припасовъ, не считая провіанта и скота. Несмотря на то, что районъ этихъ перевозокъ находится въ узкой части Адриатическаго моря,

которая представляет для действий субмарин исключительная выгода и вдобавок вплотную примыкает к неприятельской базе в Каттаро, австрийские подводные лодки все же не оказались в состоянии помешать союзным адмиралам выполнить возложенную на них задачу. Транспортные линии непрерывными линиями в продолжение ряда недель, и противник употреблял все усилия для атаки этих пароходов с ценнейшим грузом. Его субмарины произвели на транспорты девятнадцать нападений, но ни один сербский и итальянский солдат не погибли, и все войска были доставлены в места назначения благополучно, а три австрийских подводных лодки приказали долго жить.

В Средиземном и Эгейском морях из союзных военных кораблей и транспортов германским подводным лодкам удалось потопить французский крейсер „Адмирал Шарне“ и транспорты „Индант“, „Прованс II“, а также английские „Рояль Эдуард“, „Рамазан“, но, если принять во внимание огромное количество союзных боевых судов и особенно вспомогательных, которые возили войска и всякое снабжение из Австралии, Азии и Африки в Европу, из Англии и Франции — на Галлипольский полуостров и отсюда — в Салоники, то подобный результат деятельности неприятельских субмарин нельзя не признать совершенно ничтожным, а между тем трудность борьбы с ними на просторах Средиземного моря до крайности усугублялась в Эгейском море обилием мелких островов, где германские подводные лодки не только укрывались, но и с помощью продажных душ получали необходимый материал.

В Дарданеллах, узость которых особо благоприятна для подводной атаки, при господстве противника на обоих берегах, жертвами неприятельских субмарин стали английские броненосцы „Мажестик“ и „Триумф“: первый принадлежал к числу весьма тихоходных ветеранов, а второй, хотя и несколько новее, имел крупные структурные недостатки, как, например, малую поворотливость.

Наконец в Черном море германские подводные лодки, атаки которых несколько не мешали нашему флоту сохранять в этом бассейне безраздельное господство, имеют в своем активе единственный незначительный успех — потопление мино-

Перед атакoй барабанщики отправляются в траншеи.

носца „Лейтенант Пущин“ и недавний позорнейший акт — потопление госпитального судна „Португалия“.

V.

Усиленное внимание к неприятельским субмаринам, вызванное эффективным дебитом их и поддерживавшееся общей переобильной силой немцев, сопровождалось досадным недоумением по поводу отсутствия должного ответа со стороны союзников и главным образом англичан.

Отчего английские субмарины не дают о себе знать? Кто спрашивал так, тот упустил из виду простейшую истину:

Можно иметь великолепное охотничье снаряжение, отлично владеть им и все же, чтобы подстрелить даже самого задулаого зайца, прежде всего нужно, чтобы он показался.

Германский боевой флот, незначительная часть которого, заклеменная названием „дубоубийцы Скарборо“, дорого заплатила за свои разбойничьи набег, счел за благо не выходить из своих гнезд в Северное море, а так как тем же менее мог отважиться на это германский коммерческий флот, то в результате у англичан и в частности у английских подводных

лодок не оказалось здесь объектов для нападения.

Показались у Гельголанды крейсера „Ариадна“, „Кельн“ и „Майнц“, — англичане уложили их артиллерийским огнем.

Попались у Доггербанки „дубоубийцы Скарборо“, — один из них, крейсер „Блюхер“, также был разстрелян, а два других, дрейфующие „Дерфлингер“ и „Зейдлиц“, подбиты.

Что же до английских субмарин, то, кроме потопления крейсера „Гела“ у Гельголанды, за ними столь яркая дьла, как появление в устье р. Эмсы, где был взорван истребитель, и особенно переход проливами Скагеррака, Каттегата и Зунд в Балтийское море.

Тут противник меньше прятался, и входящая в состав нашего отряда английские подводные лодки подорвали и пустили ко дну шесть неприятельских судов, в том числе, при входе в Данцигскую бухту, броненосец „Поммерн“.

Все это было делом командира Хортон, который уничтожил истребитель в устье р. Эмсы и крейсер „Гела“ у Гельголанды.

Он был награжден за

Вооружение Северо-Американских Соединенных Штатов. Одна из гигантских пушек, предназначенных для обороны берегов; длина орудия — 15 метров.

Помощник парижского военного губернатора генераль Кузень, возлагающий орден Почетного Легиона на своего сына, отличившагося во многих сражениях.

свои подвиги орденом св. Георгия 4-й степени,—первый английской морской офицер, получивший такую награду за время этой войны, и третий—за время существования названного знака отличия: до него Георгиевский крест (2-й степени) получили адмирал Кодрингтон в 1827 году и адмирал Стопфорд в 1840 году.

Затем был подорван дредноут „Мольте“ и потоплено большое вспомогательное судно, за что командир Лоренс также был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

Наконец—взрыв крейсера „Ундина“ между Треллеборгом (Швеция) и Засницом (Германия), следовательно, около неприятельских баз.

Восемь побед Хортон и два успеха Лоренса, как четыре победы неприятельского командира Веддингена, при единичном успехе, выпавшем на долю других, из которых весьма многие не имеют за собой ни одной победы,—показатель выдающегося дарования этих офицеров: в этой трудной области нельзя сделаться мастером, им нужно родиться, необходимы природныя данныя, которым надлежащая школа дает известное развитие.

Кромѣ Хортон и Лоренса, английской подводный флот насчитывает такія имена, как командир Гольбрукъ, прошедшій подъ пятью рядами минныхъ заграждений въ Дарданеллахъ и подорвавшій въ Мраморномъ морѣ турецкій броненосецъ „Мессудіа“.

Бойль, который также проникъ въ Мраморное море и уничтожилъ одинъ транспортъ и двѣ канонерки.

Наконецъ—Насмитъ, въ свою очередь провавшійся въ Мраморное море и потопившій четыре транспорта, изъ которыхъ одинъ былъ взорванъ вблизи арсенала въ Константинополь.

Рейсъ этотъ вплоть до стѣнъ столицы Оттоманской имперіи, если и не является рекорднымъ по итогу, то во всякомъ случаѣ пока не имѣетъ себѣ подобія по искусству, съ какимъ онъ былъ совершенъ въ незначительномъ и, можно сказать, закрытомъ неприятельскомъ бассейнѣ.

Отсюда, какъ и изъ предыдущихъ примѣровъ, ясно, что тамъ, гдѣ у английскихъ подводныхъ лодокъ есть объектъ для нападенія, онъ дѣйствуютъ съ такимъ блескомъ, какой и не снился германскимъ субмаринамъ.

Последнія до сихъ поръ подвизались исключительно въ открытомъ морѣ, и еще не было случая, чтобы, осуществляя свою задачу, онъ

глубоко проникали въ неприятельское расположение.

Внесли свою долю участія въ мировой войнѣ и французскія подводныя лодки, но такъ какъ австрійскій боевой флотъ избѣгалъ выходовъ въ Адриатическое море, предпочитая оставаться за минными заграждениями и стѣнами въ своихъ портахъ, то у нихъ было мало активной работы.

Однако не слѣдуетъ забывать, что сторожевая служба, по существу чрезвычайно утомительная, сопряжена съ рискомъ, пожалуй, большимъ, чѣмъ совершеніе подвига.

Наиболѣе крупное дѣло французскихъ субмаринъ—потопленіе новѣйшаго австрійскаго крейсера „Гельголандъ“.

„Мы,—передаетъ командиръ одной изъ нихъ,—находились въ погруженномъ состояніи у Каттаро. Вѣтеръ былъ довольно свѣжій, и на морѣ была порядочная зыбь, но небо было удивительно ясное. Такимъ образомъ условия для лодки были вполне благоприятны. Около полудня мы увидѣли въ перископъ небольшой дымокъ—несомнѣнно, миноносецъ. Единственная дичь,—думали мы,—которая отваживается появляться здѣсь. Но вотъ дымъ увеличивается, и виденъ большой корабль. Не англичане ли?—думали мы, но потомъ убѣдились въ справедливости первоначальнаго предположенія, что къ намъ приближаются австрійцы: ни англійскаго флага ни опознавательнаго сигнала не было, и, наконецъ, какъ могутъ быть англичане въ районѣ огня батарей Каттаро? Въ этотъ моментъ мы находились сбоку неприятельскаго судна, въ девяти верстахъ отъ него. Оно не открывало огня, и мы рѣшили идти на него, такъ какъ имѣли шансъ на удачу. Раз-

далась команда изготovitъ у минныхъ аппаратовъ „Гельголандъ“,—это былъ, какъ мы узнали впоследствии, онъ,—приближался медленно. Мы знали, что корабль такого типа обладаетъ большимъ ходомъ и, имѣя сильныя машины, можетъ отлично маневрировать и избѣгнуть минъ. Вотъ онъ отстоитъ отъ насъ уже только въ двухстахъ саженяхъ. Раздалась команда „пли!“ и изъ аппаратовъ пошли вѣерообразно три минны. Это было въ полдень. Велѣдъ затѣмъ послышался страшный взрывъ, и корпусъ лодки вздрогнулъ. Безспорно, одна изъ минъ попала.

Облако дыма, которымъ окутываютъ себя германскія военныя суда, чтобы скрыться отъ неприятельской артиллеріи.

Спусти двѣ минуты корма неприятельскаго корабля стала уходить под воду, и весь онъ окутался густымъ дымомъ. Но вотъ показались неприятельскіе истребители, которыми весьма успѣшно преслѣдуются лодки, и мы были безвильны противъ нихъ. Немедленно былъ отданъ приказъ погрузиться на пятнадцать сажень. Послѣ этого мы ничего не видѣли и ничего не знали. Если противникъ обнаружитъ насъ, то хорошо направленный снарядъ можетъ уничтожить насъ. Мы ждали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, и никогда время не тянулось такъ долго. Въ половинѣ перваго въ водѣ грянули три короткихъ удара: значитъ, вблизи насъ взорвались три снаряда. Черезъ нѣсколько секундъ мимо насъ прошла самодвижущаяся мина. Послѣ этого настала тишина. Слышался только удалявшійся шумъ винтовъ. Значитъ, истребители не нашли насъ. Черезъ четыре часа мы поднялись на поверхность моря, которое къ тому времени стихло. Вдали видѣлся берегъ, но на морѣ никого не было, и мы вернулись.

Побѣдительница—„Фуко“.

Такъ же было мало активной работы у итальянскихъ подводныхъ лодокъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ случай съ совершившей смѣлую развѣдку субмариной „Медуза“.

Она и австрійская подводная лодка нѣкоторое время находились въ погруженномъ состояніи другъ возлѣ друга, при чемъ объѣ не подозрѣвали о близости находившагося по соседству неприятеля.

Совершенно случайно первую поднялась на поверхность моря „Медуза“, и противникъ, сразу замѣтивъ всплывшій корпусъ, успѣшно выпустилъ въ нее мину.

Впоследствии, когда къ мѣсту гибели „Медузы“ были отряжены водолазы для выясненія, можно ли поднять ее, оказалось, что работы по ея извлеченію будутъ бесполезны, такъ какъ она очень повреждена, но вмѣстѣ съ тѣмъ водолазы нашли неподалеку потопившую ее и потомъ потерпѣвшую крушеніе австрійскую подводную лодку, которая въ виду хорошей сохранности была поднята и верою не использована.

Такъ какъ многое изъ дѣятельности нашего флота попрежнему должно оставаться въ тайнѣ, ибо среди минушаго есть цѣлый рядъ фактовъ, связывающихъ происшедшее съ тѣмъ, что происходитъ и произойдетъ, то, естественно, не подлежитъ огласкѣ и работа нашихъ субмаринъ.

Впрочемъ, и опубликованныхъ свѣдѣній достаточно, чтобы судить объ ея напряженности.

Захватывающій интересъ представляетъ сообщеніе объ одной подводной лодкѣ, которая столкнулась съ неприятельскимъ кораблемъ, успѣвъ однако передъ тѣмъ выпустить въ него мину.

„Лодка, находившаяся въ морѣ, усмотрѣла на горизонтѣ въ девять часовъ вечера дымы неприятельскихъ кораблей и немедленно пошла на нихъ. Приблизившись на требуемое расстояние, она погрузилась въ воду, но, пользуясь перископомъ, въ скоромъ времени могла рассмотреть противника, который шелъ цѣлой эскадрой въ составѣ десяти линейныхъ судовъ и миноносцевъ. Чтобы противнику труднѣе было увидѣть перископъ, командиръ лодки рѣшилъ перейти на лѣвую сторону, гдѣ лодка оказалась бы между противникомъ и солнцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, зная, что неприятельскіе миноносцы буксируютъ за собой подрывные патроны для уничтоженія лодокъ, онъ рѣшилъ атаковать эскадру съ фронта и соответственно измѣнить курсъ. Въ началѣ десятаго часа лодка приблизилась къ передовому миноносцу правой колонны и прошла мимо него въ пятнадцати саженьяхъ, имѣя перископъ слегка надъ водой. Миноносецъ не замѣтилъ лодки или увидѣлъ ее слишкомъ поздно, такъ какъ онъ не измѣнилъ курса. Желая развернуться вѣдъ линіи миноносца, лодка ушла нѣсколько въ сторону, подъ носъ слѣдующаго и, чтобы избѣжать столкновенія съ нимъ, убрала перископъ и погрузилась на пятьдесятъ футовъ, послѣ чего на лодкѣ ясно слышались шумъ винтовъ проходившаго надъ ней неприятельскаго корабля. На глубинѣ тридцати пяти футовъ былъ поднятъ перископъ, и въ этотъ моментъ показался таранъ головного неприятельскаго судна, которое шло на пересѣчку лодкѣ.

„Раздалась команда атаковать противника, взять въ сторону, дать полный ходъ и погружаться.“

„Мина была выпущена, но послѣ этого произошло столкно-

веніе. Послышался страшный трескъ. Вся лодка задрожала. Внутри разбивались козачки подпалубныхъ фонарей, летѣла посуда, разная мелочь. Сама лодка накренилась такъ, что люди не могли стоять и держались за что попало. Къ счастью, никто не растерялся: вѣбъ приказанія исполнялись быстро и точно.

„Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ лодка успѣла отдѣлаться отъ днища неприятельскаго судна, съ которымъ столкнулась.“

„На глубинѣ семидесяти пяти футовъ на лодкѣ слышались сильный взрывъ, который волной передавался по борту, а также лязгъ желѣза. Звукъ былъ настолько силенъ, что командиръ предположилъ, что корпусъ лодки поврежденъ при столкновеніи и, не выдержавъ давленія воды, разрывается. Поэтому, желая раззнать, въ чемъ дѣло, онъ приказалъ подняться, но приближавшійся шумъ винтовъ заставилъ его снова опуститься. Неодиноратныя попытки подняться ни къ чему не привели, такъ какъ надъ лодкой всякій разъ слышался шумъ винтовъ на корабляхъ и миноносцахъ неприятельской эскадры, которая, повидимому, пришла въ расстройство и беспорядочно ходила на мѣстѣ, гдѣ была лодка.“

„Въ полночь, когда уже достаточно стемнѣло, лодка всплыла посмотреть и потомъ окончательно поднялась, послѣ чего пошла къ берегу, пробывъ подъ водой болѣе четырехъ часовъ.“

„Это вынужденное долгое пребываніе подъ водой, а также некривленіе перископа, къ сожалѣнію, не дали лодкѣ возможности удостовѣриться воочию, насколько удачна была ея атака, и окончательно убѣдиться, былъ ли услышанный ею взрывъ результатомъ выстрѣла ея мины по неприятельскому кораблю.“

Кромѣ того было сообщеніе, что наши субмарины атаковали въ районѣ Мемеля сторожевыя суда, въ глубинѣ Данцигской бухты—миноносцы и въ районѣ Аркона—Гедзеръ (Германія—Швеція)—дозорные крейсера; но противникъ всякій разъ счастливо избѣгалъ опасности.

Наконецъ у о. Рюгенъ, всего въ двухстахъ верстахъ отъ Кильскаго канала, былъ атакованъ и серьезно поврежденъ крейсеръ „Газель“, а у о. Моёнъ (Данія) потопленъ дежурный миноносецъ.—успѣхи, одержанные въ январѣ и, сдѣловательно, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ плаванія, которое и въ обычной обстановкѣ сопряжено на подводной лодкѣ съ большими тяготами.

„Жизнь эта,—повѣствуетъ командиръ германской субмарины „U 16“,—отчаянно треплетъ нервы. Выдержать ее можетъ далеко не каждый. Пока идешь подъ водой, царитъ молчаніе склепа, такъ какъ электрическіе двигатели работаютъ безшумно. По мѣрѣ того, какъ воздухъ нагрѣвается, онъ бѣдитъ кислородомъ и весь пропитывается запахомъ масла изъ машиннаго отдѣленія. Атмосфера становится ужасной. На непривычныхъ часто нападаетъ болѣзненная сонливость, и нужно крайнее напряженіе воли, чтобы не заснуть. Въ моей командѣ были люди, которые первые три дня ничего не ѣли, потому что спали непробуднымъ сномъ. Иногда приходится насильно бодрствовать цѣлыя сутки, все время оставаясь къ тому же на чеку. Мнѣ случалось стоять или сидѣть по восьми часовъ кряду, прилепившись глазами къ перископу, и смотрѣть въ его блестящее зеркало, такъ что рѣзало глаза и ломало виски. Когда достигнута граница выносливости и экипажъ устаетъ до смерти, мы опускаемся глубже, останавливаемся и засыпаемъ, какъ въ колыбели.“

Знаменитый англійскій адмиралъ Скоттъ заявилъ, что, „какъ автомобиль упразднилъ на землѣ лошадь, такъ подводная лодка упразднила на морѣ дрейнуутъ“, и потому строить дрейнууты значить бросать деньги на вѣтеръ...

Его оппонентъ, спецiальность по морскимъ вопросамъ Гэнней, возразилъ, что „подводная лодка—въ высшей степени занимательная игрушка“, и потому сооружать подводныя лодки значить непросто расходовать средства...

Рѣшеніе этого спора продиктовалъ кровавый опытъ, выяснившій, что оптималистъ и энтузіасты подводной лодки и ея отрицатели: истина оказалась посрединѣ.

Подводная лодка въ ея нынѣшнемъ видѣ не можетъ категорически помѣшать главной боевой силѣ противника, попрежнему опредѣляющей исходъ борьбы, но ощутительно стѣсняетъ ея свободу передвиженія и весьма цѣнна поэтому, какъ мощная вспомогательная сила флота.

* * *

Исполать тебѣ, Русь-терпѣливица
Перводумокъ моихъ колыбель!
Понаполнила доверху скриницы
Слезы женскія—Божья капель.
Маткой-родиной вскормлены, вспоены
Кинувъ женъ и дѣтей до поры,
Уходили шеренгами войны
Защищать обжитые двory.
Польхали зарницы тревожныя,
На лугахъ вѣтеръ гнулъ купыри,

И легли на кусты придорожныя
Багрянистыя крылья зарн.
Передъ Спасомъ лампы трехгранныя
Возожгли благовонный елей.
Чую, всходитъ побѣда желанная
Надъ лицомъ просвѣтлѣвшихъ полей.
Истомила тревога окрестная
Непокойную душу мою...
Помяни, изъ невѣсть Невѣстная,
Убѣенныхъ въ тяжеломъ бою!

Александръ Дроздовъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 20

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 14-го мая 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 в., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непареллель въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ постъ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 24.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

25-ЛѢТНІЙ
ЮБИЛЕЙНЫЙ КУРСЪ

ПОСЛѢДНІЙ МѢСЯЦЪ
Льготный заочный курсъ двойной итальянской

ВМѢСТО 30-ти РУБЛЕЙ
ВОСЕМЬ РУБ.

БУХГАЛТЕРІИ

СРОКЪ ЗАЧИСЛЕНІЯ НА ЭТОТЪ ПОСЛѢДНІЙ ЛЬГОТНЫЙ ЗАОЧНЫЙ КУРСЪ ДО 25-ГО ІЮНЯ 1916 Г.

Учебники наши допущены Министерствомъ Торговли и Промышленности во все коммерческія учебныя заведения отношеніемъ отъ 20-го мая 1913 г. за № 1786, а на европейскія выставки—награждены Почетнымъ Крестомъ.

ПЛАТА ЗА ПОЛНЫЙ КУРСЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ Въ эту сумму входятъ—энциклопедія и каллиграфія, какъ приложенія.

Уплатившій одновременно за весь курсъ получить лекціи съ ЮБИЛЕЙНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ (цѣнное изданіе въ тисненномъ золотомъ англійскомъ переплетѣ большого формата въ 5-ти обширныхъ отдѣлахъ) коммерческую **ЭНЦИКЛОПЕДИЮ БЕЗПЛАТНО.**

ВЪ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ входятъ: 1) Готовая живая практика (взята изъ существующихъ дѣлъ), банковая, фабрично-заводская и промышленная бухгалтерія. 2) Полный курсъ ариметики и коммерческой ариметики съ руководствомъ для заочнаго ученія. 3) Полное руководство для части повѣрен. свыше 200 дѣловыхъ бумагъ: прошенія, апелляціи и иски во все судебныя инстанціи со ссылками на соответственныя статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства. 4) Полный курсъ стенографіи по Штолцу (искусство писать со скоростью разговорной рѣчи). Курсъ стенографіи высылаемъ какъ приложеніе.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ ЭТОЙ ВЪ ПРОДАЖѢ НѢТЪ, И ЕЕ ОТДѢЛАМЪ ОНА СТОИЛА БЫ ВЪ МАГАЗИНѢ НЕ МЕНШЕ 10 РУБЛЕЙ.

Окончившій курсъ двойной итальянской бухгалтеріи выдаетъ аттестатъ на знаніе бухгалтера. Никакого образовательнаго ценза и документовъ не требуется. (Принимаемъ и ученицъ). Разсрочка 5 руб. и 3 руб. (Приложія высылаемъ по уплатѣ полностью 8 руб.).

Просимъ сохранить нашъ адресъ и не смѣшивать съ недавно открытыми заочными курсами съ такимъ же названіемъ, какъ наши.

Адресовать: ПОЛТАВА, БУХГАЛТЕРСКІЕ КУРСЫ „КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“, Гоголевская, 13-Ш. (Просимъ вырѣзать это объявленіе).

ИЗДАНИЕ
Д. КАЛЕНИЧЕНКО

Фирма
ОСНОВАНА ВЪ 1903 г.
удостоена ВЪСѢИХЪ наградъ
на выставкахъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ,
Флоренціи и проч.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londre, Bruxelles, Florence

(Издат. съ Правит. Вѣст. 1916 г. № 226).

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, лиуэзъ, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденія высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 29/10 почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телгр. адр. Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ съменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

ВАЖНО ДЛЯ ГГ. СКРИПАЧЕЙ!
НО-ВЫЯ РУССКІЯ ИЗДА-НІЯ КЛАССИКОВЪ ВЪ ТОМАХЪ,
подъ редакціей пр. кн. Г. Дулова:
ЭТЮДЫ д. одной скрипки: Крейцеръ, 42 этюда. 1 р. 50 к. Мазасъ, Op. 36. Тетр. 1 1 р. Роде, 24 Каприса, вродѣ этюдовъ 1 р. Кончерты д. скр. съ фп.: Виотти, № 23. G—dur 1 р. 25 к. Мендельсонъ, Op. 64. E—moll 1 р. 25 к. Роде, № 7. A—moll, № 8. E—moll, каждый по 1 р. 25 к. Плейель. Op. 8. Шесть мал. дуэтовъ, д. 2-хъ скр. (Ф. Давиалъ)—60 к.
Нов. кат. инструментальн. муз. (кромѣ фп.) бесплатно.
П. ЮРГЕНСОНЪ, Москва, Неглинный пр., 14.

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Нюность въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. 390 журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. 24)

для ЦВѢТА ЛИЦА ПРЕВОСХОДНЫЙ
освѣжающій кожу элегантнй кремъ **Дермозонъ**
Д-ра Антона Менеръ имѣетъ очаровательный ароматъ вѣтущихъ розъ. Онъ является гордостью женщины, желающей сохранить свой молодой видъ. Дермозонъ продается во всехъ аптекахъ, въ банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ быстро, если предварительно обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и Ко. Остерегайтесь поддѣлокъ.

При ГОНОРРЕЕЪ
въ острой и хронической формѣ **„ТИЗЛЕРИНЪ“** послѣдствіяхъ ея прижизненно Д-ра мед. Гороховской для внутренняго употребл. Тизлеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. канцель 2 р. 25 к. Двойного фр. Адресъ: Д. ру Гороховской, Москва, Давы пер., 1/28, кв. 8, отд. 90. Отпускается изъ аптеки по рецепту врачей.

ИКОНЫ
всѣхъ стилей, готовы и на заказъ, можно получить въ иконной лавкѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденнаго Комитета Иконописцевъ о Русской иконописи. Петроградъ, Надеждинская, 27. Тел. 201-29.
Прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно.

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНО-МУЧНАЯ ПИЩА
ДИЭТЪ
АЛЕНБЭРИСЪ
НЕРВНЫМЪ, СЛАБЫМЪ, ИСТОЩЕННЫМЪ. Брошюра № 12 по требованію бесплатно. Англійская Акц. О-во „АЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“, Москва, Мясницкая, 32.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Бесплатная премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Льготныя условія водиски и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрог., „Кругъ Самообразовація“, Б. Ружейная, 7—55.

РАДІЕВЫЕ ПРЕПАРАТЫ

для лечебных цѣлей продаются въ конторѣ Петроградъ, Вас. Остр., 15 лин., д. 48, тел. 139-90 и высылаются наложеннымъ платежомъ по получении половины стоимости заказа. Цѣна 1 пакета 8 руб., 1/2 пакета 4 руб. 50 коп. Желающимъ высылаются проспекты.

ЗАОЧНОЕ РИСОВАНІЮ

по изданію „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ“ подѣ руководствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присылаемые работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всемъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладного искусства.

Вышелъ изъ печати 7-й томъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Акварель—А. Р. Ле п и к а ш ѣ. Рисование частей человеческого тѣла—Г. А. Н о в и к о в ѣ. Живопись масляными красками—А. В. М а к о н с к и й. Линейная перспектива—Т. И. К а т у р к и н ѣ. Чертежи по исторіи живописи—В. Ф. Ш л е г е р ѣ. ИЛЛЮСТРАЦИИ: 81 черныхъ рис., 8 многокрасочн. рис., М е ц ц о т и н г о—гравюра.

Изданіе „Искусство для Всѣхъ“ является грамматикой искусства похвываетъ полныи курсъ знаний, необходимыхъ всякому человеку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ.

Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы:

для гг. художниковъ и учителей рисованія, наконецъ для родителей,

занимающихся съ дѣтьми, „Искусство для Всѣхъ“ является незаменимымъ пособіемъ.

Братскій проспектъ бесплатно. | Подробн. просп. „Искусство“ за 15 к.

Т-во „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевск., 44-62.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаеъ Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстрозаальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаний не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.

Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

Книжный магазинъ Е. Н. ГЕРАСИМОВОЙ, Москва, Моховая ул., д. № 26.

Олесевичъ, „Общественная жизнь Англии“, съ рисун. д. 25 к. Андерсонъ, „Исторія цивилизаціи Востока“, съ рисун. д. 50 к. Арнольдъ, „Культура эпохи возрожденія“, д. 50 к. Бельше, „Занованіе человека“, д. 30 к. Бельше, „Пронхожд. органич. жизни“, съ рис. д. 40 к. Бельше, „Основы развитія органич. мира“, съ рис. 40 к. Бельше, „Исторія естествознанія“, съ рис. д. 40 к. Барнацкій, „Современ. медицина“, д. 35 к. Боммели, „Жизни растений“, съ рисун. д. 55 к. Боммели, „Миръ растений“, съ рис. д. 1 р. Боринскій, „Театри и современная театр. жизнь“, д. 1 р. Бренеръ, „Астрономическое вечера“, съ рис. д. 50 к. Веберъ, „Панорама вѣковой жизни“, съ рис. д. 75 к. Вундтъ, „Естествознание и психология“, д. 50 к. Гартъ, „Истор. западн. литерат. 19 вѣка“, съ рис. д. 50 к. Гаке, „Человѣкъ, расы“, съ рис. 60 к. Гонтеръ, „Физическ. географ.“, съ рисун. 50 к. „Жизнь европейскихъ народовъ“, 3 выпуска, съ рис. д. 1 р. 25 к. Зомбартъ, „Социологическ. вгюль“, д. 30 к. Клермонъ, „Очеркъ полит. экономіи“, д. 45 коп., „Словарь юридическихъ наукъ, осн. госуд. права и полит. о правѣ“, д. 1 р. 50 к., „Словарь биологическихъ наукъ“ въ 3-хъ выпускахъ. д. 2 р. „Литературн. портр.“, д. 40 к. Лоліе, „Исторія литературы“, д. 50 к. „Лекціи по общественной этикѣ“, д. 75 к. „Мультипули и его произведенія“, д. 60 к. Мутеръ, „Исторія искусства“, д. 75 к. „Новѣйш. успѣхи культуры“, 7 книгъ, съ рис. д. 2 р. 25 к. „Главн. теченія мировой литер.“ въ 2-хъ выпускахъ, съ рис. д. 1 р. 40 к. Поленцъ, „Въ странѣ свободы“, съ рис. д. 1 р. Ру, „Исторія искусства“, съ рис. д. 75 к. Сеньобосъ и Метонъ, „Новѣйш. исторія свѣта до нашихъ дней“, 2 части 3 р. „Искусство 19 вѣка“, д. 50 к. Замло, „Политика“, д. 80 к. Эмерсонъ, „Велікіе люди“, съ рисун. д. 75 к. „Словарь исторической и социално-политической“, съ портретами 1250 стр. д. 3 р. „Ежегодникъ человѣческой культуры“, съ многочисл. рисун., около 800 стр., д. 3 руб. „Ужасы войны и ея конецъ“. Объявл. войны, полетъ, осада, война на морѣ, смертность на войнѣ и уходъ за ранеными, съ рис. д. 80 коп. Инородныи. высылаются наложен. платежомъ по получении задатка, можно марками. При выпискѣ не менѣе какъ на 5 руб. пересылка бесплатно. Выписывающимъ не менѣе какъ на 10 руб. прилагается премія.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

ПРОВИЗОРА
Г.Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕНЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ
ВЕЗДѢ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Саловъ, И. А. полное собр. не сочиненій. Т. I. „Мертвое тѣло“. Т. II. „Разбитая жизнь“. Т. III. „Ольшанскій молодой баринъ“. Т. IV. „Грызуны“. Т. V. „Грезы“. Т. VI. „Грачевскій крокодилъ“. Изданіе издано в 1909 г. Цѣна каждого тома 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ОТЪ
ЗАЙКАНІЯ Учр. А. К. Рейхе.
Подѣ упр. врача.
Укрѣпл. самоупр. Пром. выс. бесплатно.
Петроградъ. Итальянская (у Пассажа), д. 15. Лѣтосъ: Нелломни, Финл. ж. д. соб. санаторія „ВОЗРОЖДЕНІЕ“. 416

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозитъ воду въ жаркое лѣтнее время. Заставитъ снѣгъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить бобы въ полчаса. Разрѣзать ниткой стекло. Получить облако въ комнатѣ. Взять голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный пруть въ свѣчу. Зажечь дрова сухой водой — и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ, можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ 300. Цѣна съ пересылкой налог. платеж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Сельжинская, 40, въ редакцію журнала „Отлѣпки Жизни“. Отд. 0.

Добросовѣстное предложеніе.

Всякій, живетъ ли онъ въ большомъ городѣ или въ глухой деревнѣ — можетъ въ самое короткое время основательно научиться заочно по нашимъ полнымъ руководствамъ, доступнымъ даже малограмотнымъ, вырабатывать предметы, требующіеся вездѣ и дающіе ОЧЕНЬ ХОРОШІЙ ДОХОДЪ.

Всѣ предметы можно производить домашнимъ и заводскимъ способами съ маленькими средствами безъ спеціальныхъ устройствъ.

ВѢРНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ!

Мы обучаемъ вырабатывать слѣдующее:
1) ВСѢ СОРТА ХОЗЯЙСТВЕН. МЫЛЪ для СТИРКИ БѢЛЫЯ. 2) Самые лучшіе сорта туалетныхъ мылъ; 3) Зеленая мыла для выводки пятенъ; 4) Лампадное масло; 5) Вазы и мази для сапогъ; 6) Стеариновые свѣчи; 7) Сода для стирки бѣлья; 8) Колесныя мази; 9) Выдѣлка разныхъ сортовъ чернилъ; 10) Производство дрожжей; 11) Приготовленіе прохладительныхъ напитковъ: сельтерской, лимонада, разныхъ фруктовыхъ водъ; 12) Производство мармелада и разн. сортовъ конфетъ.

Полное руководство по всемъ производствамъ съ многочислен. рецептами высыл. наложеннымъ платеж. за 3 р. 50 к.

Адр.: Петроградъ, Т-ву „ГЕРМЕСЪ“, Невскій, 88—19.

Производство домашнимъ способомъ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

(Россія, Великобританія, Италія, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).

Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.

Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія наждаго названія.

Въ 6 красокъ. Размѣръ 82x134 сант., въ масштабѣ 40 верствъ въ дюймѣ.

Подѣ редакціей проф. Ю. М. Шокальскаго.

Цѣна съ пересылкой два рубля.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.									
13	33	500	2107	24	500	3731	48	500	5149	44	500	6492	44	500	8307	48	500	9385	47	500	10475	35	500	12500	37	500	14057	46	500
45	15	500	2169	45	1000	3744	42	500	5190	13	25000	6534	33	500	8326	32	500	9392	42	500	10561	29	500	12546	11	500	14059	17	500
54	8	500	2176	17	500	3791	45	500	5230	41	8000	6666	3	1000	8462	33	500	9433	21	500	10704	3	500	12575	2	500	14131	18	500
196	48	500	2215	49	500	3837	8	500	5355	30	500	6750	5	200000	8500	5	500	9433	26	500	10792	13	500	12634	39	500	14132	49	500
274	33	500	2246	7	500	3928	47	500	5443	32	500	6759	21	500	8577	38	500	9497	5	500	10916	49	500	12695	17	5000	14177	30	1000
294	34	500	2251	11	500	3955	40	500	5461	20	500	6780	5	500	8584	10	500	9516	19	500	10927	44	500	12727	6	500	14299	48	500
314	30	500	2254	19	500	3979	44	500	5472	19	500	6813	4	5000	8599	15	8000	9607	40	500	10936	35	1000	12886	2	500	14305	22	500
379	40	500	2268	3	500	4011	46	500	5680	40	500	6834	47	500	8641	29	500	9639	32	500	10986	38	500	12926	4	500	14367	27	500
398	23	5000	2365	8	500	4015	31	1000	5690	1	500	6918	21	500	8664	17	500	9671	42	1000	11180	28	500	12940	40	500	14526	7	500
478	33	500	2365	20	500	4083	18	1000	5746	37	500	7060	89	500	8673	28	500	9672	33	500	11336	10	600	12964	47	500	14592	24	500
536	14	500	2423	7	500	4094	34	500	5751	38	500	7126	31	500	8679	49	500	9691	8	500	11336	13	500	13022	44	500	14612	13	500
601	50	500	2554	43	500	4122	18	1000	5789	47	500	7159	12	500	8690	38	500	9697	20	500	11392	23	500	13023	19	500	14627	10	500
700	24	500	2559	4	500	4126	40	500	5787	49	500	7184	31	500	8747	33	500	9796	15	500	11439	16	500	13224	23	500	14627	36	1000
746	32	500	2570	17	500	4157	45	500	5769	38	500	7196	38	500	8773	12	500	9824	4	500	11504	46	500	13266	23	500	14858	26	500
759	12	5000	2602	29	500	4164	23	500	5848	35	500	7311	1	500	8785	36	500	9826	11	500	11532	38	500	13322	23	500	15337	50	500
1025	43	500	2609	4	500	4207	8	500	5879	19	500	7316	15	500	8832	45	500	9941	23	500	11618	31	500	13378	36	500	15353	48	500
1116	37	500	2619	37	500	4215	43	500	5917	18	500	7419	42	500	8943	25	500	9994	32	500	11626	28	500	13432	50	500	15399	7	500
1153	27	500	2650	41	10000	4487	7	500	5917	38	500	7528	18	500	8996	24	8000	10093	43	500	11640	32	500	13469	16	500	15424	13	500
1174	23	500	2799	19	500	4629	44	500	5984	25	500	7668	7	1000	9009	7	500	10097	30	500	11650	24	500	13514	18	500	15504	29	500
1213	32	500	3084	5	500	4712	31	1000	6050	42	500	7688	40	500	9033	34	500	10115	25	500	11661	18	500	13584	34	500	15510	16	5000
1474	3	500	3201	7	10000	4745	16	500	6094	33	8000	7762	40	500	9037	41	500	10126	32	500	11942	50	500	13654	13	5000	15520	32	10000
1521	45	500	3213	31	500	4761	6	500	6139	26	500	7778	48	500	9068	7	40000	10147	47	500	12081	28	500	13706	38	8000	15522	38	500
1742	19	500	3313	31	500	4789	43	500	6172	19	500	7790	26	500	9136	5	500	10178	31	500	12109	37	500	13741	12	500	15606	21	500
1765	45	500	3337	18	500	4808	28	500	6196	12	500	7805	37	500	9164	36	500	10189	15	500	12199	40	500	13741	23	500	15780	25	5000
1784	11	1000	3337	35	500	4865	12	500	6198	9	500	7870	13	500	9206	13	1000	10188	46	500	12221	4	500	13766	7	500	15793	16	500
1790	17	1000	3385	7	500	4929	44	500	6225	11	1000	7944	45	500	9211	49	1000	10272	13	500	12264	42	500	13786	24	500	15793	37	500
1800	30	500	3385	39	500	4956	3	500	6246	30	1000	7958	31	500	9261	41	500	10287	34	500	12269	21	500	13808	21	500	15822	19	500
1827	38	500	3528	20	500	5040	34	500	6294	12	500	8097	33	500	9267	49	500	10289	22	500	12345	18	1000	13849	39	75000	15925	30	5000
1834	4	500	3544	9	1000	5067	44	500	6304	9	1000	8151	27	500	9320	30	500	10379	3	500	12434	9	500	13890	45	500	15975	7	500
2031	11	500	3706	25	500	5144	49	500	6474	23	500	8204	20	500	9358	32	500	10463	8	500	12474	13	500	14026	44	500	15982	33	500

№№ серий, вышедших в тиражъ погашенія: 78, 79, 181, 281, 355, 524, 585, 658, 746, 754, 1143, 1159, 1196, 1340, 1463, 1501, 1946, 2010, 2011, 2022, 2077, 2129, 2137, 2176, 2242, 2250, 2360, 2377, 2399, 2406, 2581, 2659, 2711, 2728, 2989, 3121, 3173, 3175, 3187, 3243, 3289, 3295, 3300, 3379, 3460, 3530, 3626, 3632, 3649, 3672, 3692, 3784, 3833, 3863, 3885, 3916, 3928, 3956, 4024, 4175, 4217, 4252, 4292, 4313, 4346, 4423, 4444, 4461, 4506, 4543, 4794, 4853, 4874, 4994, 5054, 5185, 5249, 5408, 5431, 5558, 5764, 5779, 5849, 5857, 6017, 6024, 6093, 6130, 6134, 6196, 6293, 6397, 6433, 6564, 6573, 6647, 6785, 6869, 6975, 7078, 7100, 7186, 7196, 7202, 7243, 7352, 7450, 7485, 7623, 7641, 7698, 7709, 7796, 7824, 7839, 7936, 8022, 8149, 8332, 8357, 8365, 8454, 8455, 8539, 8552, 8602, 8720, 8787, 8787, 8787, 8840, 8877, 8949, 9016, 9087, 9089, 9162, 9210, 9235, 9279, 9305, 9327, 9405, 9444, 9506, 9585, 9590, 9874, 9898, 9921, 9976, 10094, 10104, 10191, 10268, 10376, 10423, 10437, 10473, 10493, 10512, 10514, 10526, 10613, 10628, 10635, 10694, 10762, 10767, 10850, 10894, 11106, 11125, 11253, 11357, 11456, 11493, 11497, 11546, 11606, 11713, 11873, 11882, 12093, 12353, 12355, 12446, 12519, 12530, 12550, 12644, 12719, 12786, 12789, 12800, 12813, 12840, 12873, 12881, 13001, 13087, 13105, 13150, 13160, 13255, 13320, 13351, 13363, 13509, 13561, 13618, 13683, 13866, 13880, 13888, 13894, 13901, 14009, 14139, 14158, 14169, 14219, 14268, 14280, 14393, 14408, 14496, 14617, 14629, 14685, 14779, 14803, 14856, 14859, 14889, 15013, 15025, 15031, 15112, 15151, 15157, 15248, 15267, 15262, 15303, 15318, 15361, 15364, 15572, 15603, 15662, 15726, 15739, 15763, 15800, 15843, 15850, 15878, 15921, 15978.

Всего 260 серий, составляющих 13.000 листовъ, на сумму 1.820.000 рублей.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, невращенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРО-ГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ

Двадцатипятилѣтіе русско-французскаго союза.

(Политическое обозрѣніе).

Въ кровавые дни всемірной войны пришлось Россіи и Франціи праздновать свою серебряную свадьбу. На поляхъ битвъ мы и наши друзья пожинаемъ богатые плоды того соглашения, двадцатипятилѣтній юбилей котораго пышно отпразднованъ въ обѣихъ столицахъ. Тяжелыя батареи Вердена, Риги и Двинска своими потрясающими землю залпами салютуютъ здравицы, провозглашаемыя на дипломатическихъ банкетахъ. Только теперь, по истеченіи четверти вѣка, въ самый разгаръ ожесточенной расовой борьбы съ тевтонами становится яснымъ великое міровое значеніе акта, совершеннаго двадцать пять лѣтъ назадъ.

Мы теперь видимъ воочию, осязаемъ перстами то, чему инстинктивно радовались во время кронштадтскихъ чествованій французской эскадры. Въ этотъ торжественный историческій часъ нельзя не выразить удивленія прозорливости Монарха, положившаго своимъ посѣщеніемъ Парижа основы новому національному направленію русской политики. Онъ положилъ начало нашему освобожденію отъ нѣмецкаго засилія, и во вѣнцѣй и внутренней жизни Россіи первый приступилъ къ ликвидаціи вредныхъ послѣдствій петров-

скихъ увлеченій и къ восстановленію русской національно-государственной личности. При немъ былъ поставленъ по инициативѣ выдающагося русскаго националиста графа Игнатъева вопросъ объ ограниченіи угрожающихъ завоеванію нѣмецкаго землевладѣнія, при немъ ясно и точно было формулировано неоспоримое право русскаго народа на русскую землю.

Во время войны на германскомъ фронтѣ русская армія на кровавомъ опытѣ убѣдилась въ опасности германской колонизаціи пограничныхъ районовъ, въ неудобѣ имѣть въ своемъ тылу во время сраженій съ нѣмцами организованныя команды нѣмецкихъ колонистовъ, и все это благодаря только тому, что прекрасныя начинанія графа Н. П. Игнатъева не были доведены до конца его преемниками. Руководящая идея царствованія Императора Александра III, самая его личность и политическія завѣты теперь, по истеченіи четверти вѣка заключеннаго имъ союза съ Франціей, рисуются русскому обществу въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ первый изъ Монарховъ оцѣнилъ значеніе національнаго принципа въ жизни государства и пытался сдѣлать Россію русскою по духу и по всему строю, какъ ее внѣшнихъ, такъ и ее внутреннихъ отношеній. Трагическія событія, предшествовавшія восшествію Его на престолъ, значительно помѣшали исполненію той программы реформъ, какая вытекала изъ

принципа русской национальной самобытности во внутренней жизни России. Но зато во внешней политике он успел произвести полный переворот. Вопреки прочно укоренившимся традициям преобладавшие в сфере международных отношений родственно-династические интересы были замещены интересами национальными. Германской гегемонии при Русском Дворе положен был конец. Прекрасно понимая, что свобода и существование нации неизмеримо выше и важнее той или иной формы государственного строя, он вышел из тройственного союза императоров и заключил союз с республикой. Именно тот Государь, которого по глубокому непониманию его личности многие до сих пор считают наиболее консервативным, произвел такую глубокую перестройку всех внешних отношений государства, необходимую с точки зрения уважения к правам и к личности русского народа,—перестройку, на которую не решился никто из его предшественников. Нынешняя война показала, что этот Его акт имел огромное мировое значение: он решил судьбы Европы.

Съверо-Американское Православное Братство. Съ развитием дѣятельности Съверо-Американской Православной Миссии и увеличеніемъ ея паствы Миссія эта давно стала испытывать нужду въ той или иной помощи со стороны русскихъ людей. Велѣдствіе этого возникла мысль о необходимости учрежденія въ Россіи особаго Братства, которое являлось бы органомъ Миссии въ Россіи и стояло бы на стражѣ ея интересовъ и нуждъ, усиленно содѣйствуя ея успѣхамъ.

Въ настоящее время мысль объ учрежденіи такого Братства осуществлена. Въ январѣ 1915 года, по ходатайству Высокопреосвященнаго Евдокима, Архієпископа Алеутскаго и Съверо-Американскаго, Святѣйшимъ Синодомъ утверждён уставъ «Съверо-Американскаго Православнаго Братства во имя Святого Равноапостольнаго князя Владиміра въ Петроградѣ», а 17-го февраля того же года состоялось его торжественное открытіе.

Братство это, какъ видно изъ устава, имѣетъ своею цѣлью содѣйствовать распространенію православія въ Америкѣ и единенію русскихъ галичанъ, буковинцевъ, угороруссовъ и другихъ славянскихъ народностей Америки съ русскимъ народомъ. Кромѣ того, уставъ Братства предусматриваетъ еще и другія высокія задачи для его дѣятельности.

Для поощренія дѣятельности членовъ Братства установленъ особый нагрудный знакъ, четырехъ степеней, при чемъ въ виду высокаго значенія Братства Его Императорскому Величеству Государю Императору, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, благоудно было оказать Братству Высочайшую милость соизволеніемъ на изображеніе знака съ Императорскою Короной (Собр. Узак. и Расп. Прав. 1915 г. № 101, ст. 799).

Въ маѣ мѣсяцѣ того же 1915 года Его Императорскому Величеству, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Св. Синода о началѣ дѣятельности Братства, благоудно было оказать Братству новую Высочую милость Высочайшимъ соизволеніемъ на избраніе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича Почетнымъ Предсѣдателемъ Братства (Церк. Вѣд. 1915 г. № 29 офиц. ч. стр. 362).

Съ теченіемъ времени Братство, открывшееся въ Петроградѣ, надѣется распространить свою дѣятельность и въ другихъ городахъ Россіи учрежденіемъ Отдѣленій.

Лица, желающія вступить въ члены Братства, благоволятъ обращаться по адресу: Петроградъ, Литейный пр., д. 34.

Адресъ Миссии: Америка, Нью-Йоркъ. America, New-York. Ecclesiastical Consistory, 15, E. 97 St.

Подземный каналъ р. Роны. 25-го апрѣля состоялось въ Марселѣ торжественное открытіе только что законченнаго постройкой подземнаго канала р. Роны. Каналъ этотъ является главной частью цѣлой системы, которая соединяетъ марсельскій портъ съ рѣкой Роной.

Значеніе всѣхъ большихъ мировыхъ портовъ — Антверпена, Гамбурга, Бремена, Роттердама и Нью-Йорка — заключается въ томъ, что они входят въ составъ густой сѣти внутреннихъ водныхъ сообщеній и, такимъ образомъ, распределяютъ хотя и медленнымъ, но дешевымъ путемъ по каналамъ и рѣкамъ грубые тяжеловѣсные сырые продукты, оставляя на долю желѣзнодорожной сѣти болѣе удобные для перевозки и скоропортящіеся продукты.

Недостаткомъ превосходнаго марсельскаго порта являлось до сих поръ именно то, что онъ не былъ связанъ воднымъ путемъ съ французскою внутренней водной сѣтью. Общественное мнѣніе уже давно обращало вниманіе на это, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія французскій парламентъ одобрилъ проектъ постройки канала изъ Марселя къ Ронѣ черезъ Мартигъ, озеро Каронгъ и Арль, общей длиною въ 91 километръ. Расходы по постройкѣ были опредѣлены въ 90.000.000 франковъ. Часть канала отъ Портъ-ди-Букъ до Арля была открыта уже въ 1908 году. Между Марселемъ и Мартигомъ каналъ идетъ по скалистой мѣстности, и тутъ пришлось пробить туннель, который является теперь самымъ большимъ въ мірѣ. Длина его семь километровъ, ширина 22 метра, высота 14½ метровъ и глубина 3 метра, что позволяетъ проходить по каналу судамъ въ 1.200 тоннъ водоизмѣщеніемъ.

Новый каналъ превратилъ Лионъ, этотъ важный промышленный центръ Франціи, въ морской портъ для судовъ небольшого водоизмѣщенія. Кромѣ того, теперь уголь и желѣзная руда съ сѣвера и съ востока Франціи будутъ идти дешевымъ путемъ къ Марселю, а сѣфасы изъ Туниса пойдутъ въ тѣ районы Франціи, которые производятъ пшеницу.

А. Вернеръ, парижскій корреспондентъ «Русскаго Слова», сообщающій объ этомъ новомъ огромномъ культурномъ завоеваніи Франціи, правильно указываетъ, что окончаніе постройки канала Марсель — Рона во время войны, когда рабочія руки и всѣ матеріалы такъ поднялись въ цѣнѣ, лучший показатель того, что Франція шагаетъ твердою вѣру въ свое будущее и готовится къ экономической борьбѣ послѣ войны.

Мѣсть бельгійца, приговореннаго къ смерти. Бельгійская газета «La Metropole»,

Если бы двадцать пять лѣтъ назадъ Россія осталась, какъ раньше, на поводу у Бисмарка, быть-можетъ, ни мы ни французы не имѣли бы возможности отстоять свою национальную независимость отъ германско-австрійскаго натиска, и, разгромленная тяжелыми крупными пушками Европа безпомощно склонилась бы подъ игомъ торжествующаго насильника. Заключеніемъ соглашенія Петрограда съ Парижемъ спасена независимость всѣхъ европейскихъ народовъ, ихъ право на развитіе своихъ национальныхъ культуръ. Свободу человечества обезпечилъ монархъ, котораго до сих поръ мало-удумчивые публицисты считаютъ коронованнымъ консерваторомъ. Теперь подъ гулъ верденской и двинской канонады они должны поинимать личность своего избавителя и въ день двадцатипятилѣтняго юбилея заключенія франко-русскаго союза торжественно почтить память того, кто пророческимъ окомъ провидѣлъ грядущую опасность и новой группировкой политическихъ силъ сдѣлалъ возможной борьбу за свободу міра, сдѣлалъ достижимой побѣду права надъ насиліемъ.

издающаяся въ Лондонѣ, получила изъ Брюсселя сообщеніе о безпримѣрномъ мужествѣ и храбрости бельгійскаго солдата Клеса, приговореннаго къ смерти военнымъ судомъ въ Гассельтѣ по обвиненію въ шпионствѣ и жестоко отомстившаго иѣмцамъ за притворствіе.

Клесь — геркулесоваго роста и невѣроятной силы — спокойно выслушалъ смертный приговоръ. Его покорность и безропотность расположили къ нему даже его палачей, и, когда по прибытіи на мѣсто казни, Клесь попросилъ въ видѣ особой милости не завязывать ему глаза и самому командовать «стрѣль!» — иѣмцы охотно согласились исполнить его просьбу.

Взявъ на изготовку, германскіе солдаты во главѣ съ офицеромъ ждуть сигнала отъ привязаннаго къ столбу Клеса. Но въ эту минуту произошло нѣчто невѣроятное. Могучимъ движеніемъ Клесь срывается со столба, бросается на взводъ солдатъ и, опрокинувъ троихъ изъ нихъ, добѣгаетъ до офицера, котораго и душитъ обѣими руками. Растерявшіеся солдаты выстрѣлили, какъ понало. На стрѣльбу выбѣжала тюремная стража Гассельта съ револьверами въ рукахъ и открыла безпорядочную стрѣльбу по своимъ, убѣжденная, что солдаты взбунтовались противъ офицера. Въ результатѣ — двое солдатъ было убито и двое смертельно ранено. Клесь, лицо котораго выражало демоническую радость, лежалъ невредимымъ подъ задуманнымъ иѣмецкимъ офицеромъ, живость котораго была пронизана иѣмецкими же пулями. Клесь сдѣлся безъ сопротивленія и утромъ былъ повѣшенъ.

Иѣмецкій шпионажъ. Во французской газетѣ «Оеувге» напечатано слѣдующее предостереженіе лицамъ, выписывающимъ изъ Швейцаріи по почтѣ часы:

«Никогда еще газеты не были въ такой степени переполнены объявленіями о швейцарскихъ часахъ, какъ сейчасъ. Солдаты предлагаютъ превосходные хронометры за 3½ франка и т. п. Легко понять, что «proilus» (такъ называютъ французы своихъ солдатъ) не въ силахъ устоять противъ такого искушенія; онъ посылаетъ деньги и, опасаясь не получить часовъ, сообщаетъ свой подробнѣйшій адресъ. Самымъ обстоятельнымъ и точнымъ образомъ указывается полкъ, батальонъ, рота, бригада, дивизія, корпусъ, армія и т. д. Эти свѣдѣнія — драгоценнѣйшая нить для иѣмецкихъ шпионовъ, разноухивающихъ расположеніе и перемѣщеніе французскихъ войскъ. Выгода для продавца часовъ двойная: денежный переводъ и военная информация».

Къ свѣдѣніямъ уѣзжающихъ въ курорты и вглубь Россіи. Многіе съ наступленіемъ лѣта уѣзжающіе лѣчиться, отдохнуть или путешествовать по Россіи, очень тяготеютъ необходимостью возить съ собою нужная имъ деньги, подчасъ крупныя суммы. Приходится беречься и отъ несчастнаго случая — потери и отъ злого умысла людей — ограбленія, кражи и т. д. Между тѣмъ мало кто знаетъ, что есть простое средство избавиться отъ этого вѣчнаго опасенія: это — кредитивъ, столь распространенный за границей и употребляемый до сих поръ у насъ для сношеній съ заграницей. Каждый можетъ внести любую сумму (отъ 100 руб. и выше) въ любое отдѣленіе или контору Государственнаго Банка и имѣть возможность по выданному изъ банка документу — «кредитиву», въ каждомъ губернскомъ, почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ и болѣе или менѣе значительныхъ поселеніяхъ Имперіи, въ болѣе или менѣе крупныхъ курортахъ, почти въ 850 пунктахъ Россіи получать, когда угодно (т. е. въ теченіе присутственнаго времени въ правительственныхъ учрежденіяхъ), любое количество денегъ въ предѣлахъ суммы, внесенной по кредитиву. Такой, выдаваемый Банкомъ, кредитивъ представляетъ собой особый листъ, гдѣ записана внесенная въ Банкъ сумма, и гдѣ дѣлаются отбѣтки о получаемыхъ владѣльцемъ кредитива деньгахъ изъ этой суммы; къ такому листу прилагается еще небольшая книжка съ образцомъ подлинной подписи владѣльца кредитива и со спискомъ всѣхъ тѣхъ населенныхъ мѣстъ Россіи, гдѣ можно получить по кредитивамъ или изъ учрежденій Банка, или изъ казначействъ. Владѣльцу кредитива выдаютъ въ каждомъ учрежденіи Банка и въ каждомъ казначействѣ безъ всякихъ формальностей только по предъявленіи кредитива и книжки требуемая имъ деньги.

За предоставленіе такого удобства Государственный Банкъ взимаетъ всего по 50 коп. съ каждой тысячи рублей, внесенной по кредитиву. Если кредитивъ утраченъ, то по заявленію о томъ въ учрежденіе, выдавшее его, Банкъ по проверкѣ выдаетъ по этому кредитиву возвращаетъ всю бывшую на кредитивѣ, еще не использованную сумму.

У кредитивной операціи есть еще то удобство, что кредитивъ можно получить не только взносомъ наличныхъ денегъ, но также и подъ залогъ процентныхъ бумагъ. Въ настоящее время особенно удобенъ такого рода кредитивъ для того, кто можетъ внести подъ залогъ облигаціи послѣдняго военнаго 5½% займа; тѣ 5½%, которые приносятъ эти облигаціи, цѣлкомъ покрываютъ собой платежи Банку по ссудѣ выдаваемыхъ по такому кредитиву наличныхъ денегъ.

ЖЖВА

№ 20. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя специальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лст. черт. и выкр.

Выдана 14 мая 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Православная церковь, устроенная нашими военноплѣнными въ Германіи. — Юрія Волна. — Заявленіе. — Объявленія. — Отклики войны. — Двадцатипятилѣтіе русско-французскаго союза. (Политическое обозрѣніе).

РИСУНКИ: Его Величество Государь Императоръ въ Царской Ставкѣ среди военныхъ представителей союзныхъ державъ. — Карта кавказскаго фронта. Месопотамія и районъ Багдадской желѣзной дороги. — Англійскія войска въ Месопотаміи. — Церковь, устроенная нашими военноплѣнными въ Германіи. — Во французскомъ госпиталѣ. — „Клочокъ бумаги“. Подписи на трактатѣ о нейтральности Бельгій 1839 г. — Въ заоблачныхъ высяхъ. — Послѣ жаркаго боя. — Англійскій летучій отрядъ Краснаго Креста. — Австралийцы перевязываютъ раненаго товарища. — Развѣдчикъ. Рисунокъ С. Колесникова. — Неожиданная встрѣча. Картина И. Владимірова. — Воронка отъ тяжелаго снаряда, занятая нашими нижними чинами. — Лагерь.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 24.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Ударъ нѣмцамъ.

1-го мая произошло событіе, которое можно безъ преувеличенія назвать „историческимъ“: впервые за 200 лѣтъ нашихъ войнъ съ Турціей наши войска вступили на территорию Месопотаміи. Краткое лаконическое сообщеніе по этому поводу говорить, что „на Моссульскомъ направленіи наши войска заняли въ Месопотаміи районъ Ревандуза“.

Эта операція является во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной, — и въ отношеніи грандіозности и размаха, съ которыми былъ задуманъ этотъ ударъ на далекомъ разстояніи, за 500 верстъ отъ кавказской границы, и въ смыслѣ смѣлости и рѣшительности, и въ смыслѣ важности удара и, наконецъ, въ отношеніи того, не-

сомнѣнно, громаднаго успѣха, который произвело это неожиданное появленіе русскихъ штыковъ въ Месопотаміи на Турцію и центральныя имперіи. Насколько наступленіе нашихъ войскъ въ Месопотамію было неожиданно, видно изъ того, что еще въ концѣ апрѣля не было никакихъ признаковъ этой необыкновенной операціи. Въ то время, какъ извѣстно, въ Месопотаміи капитулировали англійскія войска генерала Таусенда, вынужденныя къ этому тяжелому акту исключительно голодовкой и недостаткомъ боевыхъ припасовъ. Казалось, что торжество турокъ въ Месопотаміи не подлежитъ сомнѣнію, и для нѣмцевъ, для которыхъ плодороднѣйшая Месопотамія важнѣе всѣхъ другихъ турецкихъ областей, эта случайная турецкая побѣда имѣла особенно большое значеніе. Нѣмцы могли опять равнодушно отно-

Его Величество Государь Императоръ въ Царской Ставкѣ среди военныхъ представителей союзныхъ державъ.

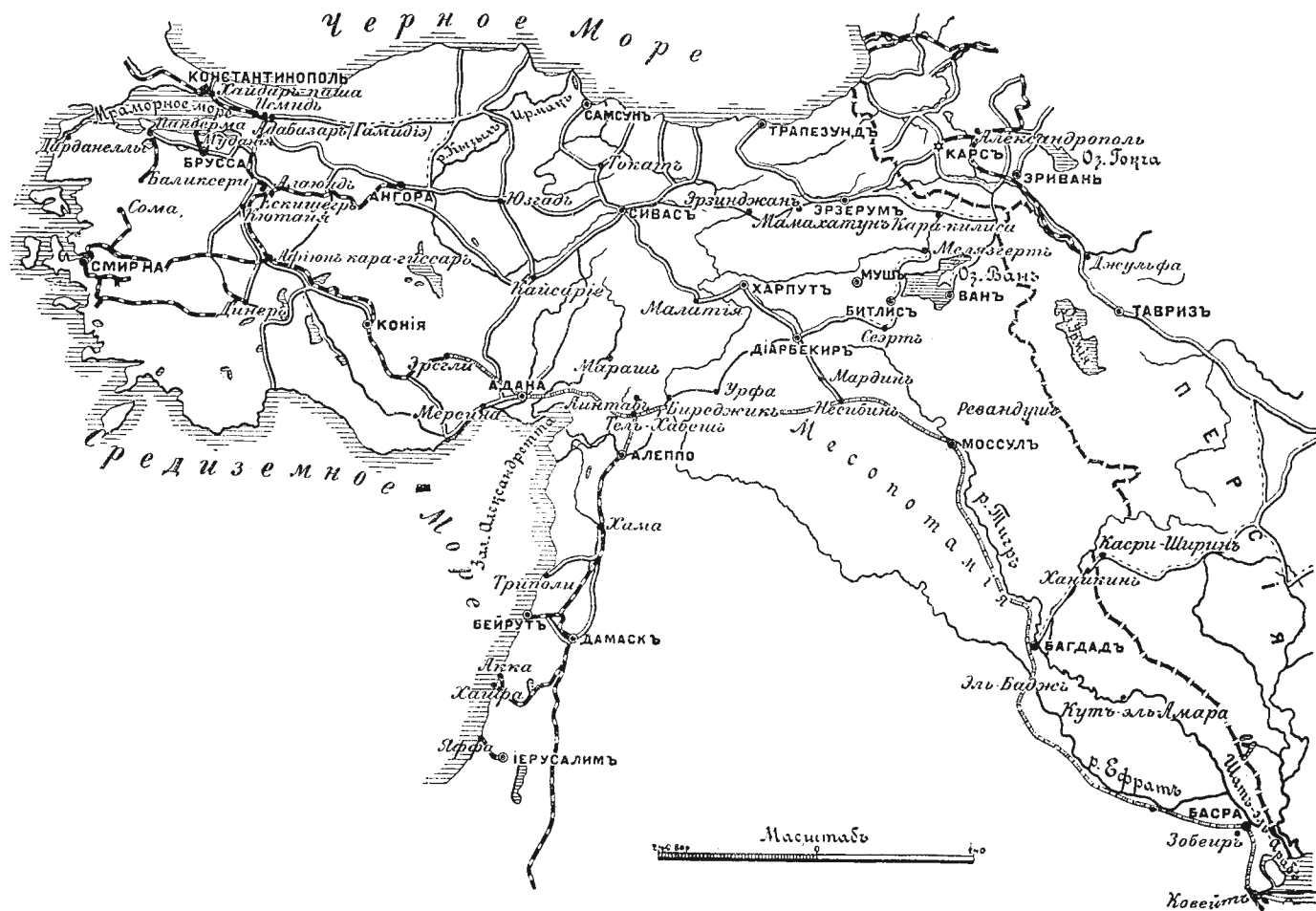
ситься къ событіямъ на азиатскомъ театрѣ, ибо Эрзерумъ и Трапезундъ ихъ сравнительно мало трогали, а для нихъ имѣла существенное значеніе лишь Месопотамія со своимъ избыткомъ хлѣба, достаточнымъ для прокормленія по крайней мѣрѣ 30 милліоновъ населенія (между тѣмъ въ Месопотаміи лишь 1½ милліона).

Однако, хотя съ внѣшней стороны ничто не обнаруживало зарождающейся „Багдадской операціи“, на самомъ дѣлѣ въ моментъ капитуляціи генерала Таусенда эта операція была уже въ полномъ развитіи. Какъ извѣстно, наши войска, открывъ активныя дѣйствія въ концѣ миноваго года противъ турокъ, повели вначалѣ наступленіе на Эрзерумъ и отдѣльнымъ корпусомъ — въ Приморскомъ направленіи на Трапезундъ. Въ Персію же, черезъ которую проходятъ удобнѣйшіе пути въ Месопотамію, былъ двинуть лишь экспедиціонный отрядъ, который, какъ казалось,

тысячъ верстъ. При наступленіи отъ Эрзерума ближайшимъ значительнымъ пунктомъ являлся Эрзинджанъ, а при наступленіи отъ Трапезунда такимъ же значительнымъ пунктомъ являлся отдаленный Самсунъ на берегу Чернаго моря. Эрзинджанъ былъ штабъ-квартирой третьей турецкой арміи и имѣлъ въ которое административное и политическое значеніе. Однако во всякомъ случаѣ значеніе его было много меньше, чѣмъ значеніе Эрзерума.

Что же касается Самсуна на берегу Чернаго моря, то, не говоря уже, что Самсунъ былъ очень далеко отъ Трапезунда, его значеніе было во много разъ ниже значенія Трапезунда.

При такихъ условіяхъ дальнѣйшее наше наступленіе отъ Эрзерума и Трапезунда, хотя и было бы сопряжено съ потерей турками новыхъ районовъ, но уже не наносило бы туркамъ такихъ чувствительныхъ ударовъ, какіе они испытали за послѣдніе нѣ-

Карта кавказскаго фронта, Месопотамія и районъ Багдадской желѣзной дороги.

имѣлъ цѣлью лишь изгнаніе изъ Персіи нѣмецкихъ агентовъ, усмиреніе возставшихъ отрядовъ кочевыхъ персидскихъ племенъ — вообще лишь карательныя задачи.

Эти данныя не давали никакихъ основаній предполагать, что съ нашей стороны готовится серьезное движеніе въ Месопотамію, тѣмъ болѣе, что такая операція казалась слишкомъ грандіозной и смѣлой, вслѣдствіе того, что Месопотамія находилась болѣе чѣмъ въ 500 верстахъ отъ кавказской границы, т. е. такая операція должна была быть сопряжена съ весьма большимъ удаленіемъ отъ базы.

Повидимому, вначалѣ дѣйствительно наши войска занялись восстановленіемъ порядка въ Персіи, но затѣмъ, послѣ паденія Эрзерума и Трапезунда, туда, очевидно, сѣбно были двинуты отряды болѣе крупнй силы, и передъ турками, которые сосредоточили все свое вниманіе на Эрзерумскомъ и Трапезундскомъ направленіяхъ, совершенно неожиданно выросло серьезное наступленіе нашихъ войскъ къ Багдаду и Моссуду.

Обращаясь къ общей стратегической обстановкѣ въ моментъ начала Багдадской операціи, мы можемъ видѣть, что идея Багдадской операціи могла возникнуть послѣ паденія Эрзерума и Трапезунда. Воплиъ естественно, что, съ занятіемъ обоихъ этихъ пунктовъ, дальнѣйшее наступленіе отъ Эрзерума и отъ Трапезунда не представляло уже особенныхъ выгодъ, такъ какъ пункты такого же значенія, какъ Эрзерумъ и Трапезундъ, уже находились отъ нашихъ войскъ на разстояніи многихъ сотенъ, если не

сколько мѣсяцевъ отъ нашихъ кавказскихъ войскъ. Вслѣдствіе этого и надлежало считать, что военныя и политическія задачи, преслѣдуемыя нашимъ наступленіемъ въ Эрзерумскомъ и Трапезундскомъ направленіяхъ, уже покончены въ главномъ.

Необходимо еще отмѣтить, что вообще задачи, преслѣдуемыя на второстепенныхъ фронтахъ, заключаются въ томъ, чтобы нанести противнику такой чувствительный ударъ на этихъ фронтахъ, чтобы онъ вынужденъ былъ отвлечь свои силы и вниманіе съ главныхъ фронтовъ войны. Тогда это облегчаетъ задачи на главномъ фронтѣ. Очевидно, эта важнѣйшая цѣль на второстепенномъ кавказско-персидскомъ фронтѣ уже не могла быть достигнута ни наступленіемъ отъ Эрзерума, ни наступленіемъ отъ Трапезунда. Для того, чтобы отвлечь силы противника съ главныхъ фронтовъ въ Европѣ, необходимо было нанести такой ударъ на кавказско-персидскомъ фронтѣ, чтобы его почувствовали не только турки, но и нѣмцы.

Такъ какъ для послѣднихъ наибольшее значеніе изъ всѣхъ турецкихъ областей имѣетъ Месопотамія со своимъ хлѣбомъ и какъ районъ строящейся Багдадской дороги, то ясно, что послѣ занятія Эрзерума и Трапезунда Месопотамія являлась тѣмъ пунктомъ, куда должны были быть направлены удары нашихъ войскъ, для того, чтобы ихъ почувствовали не только турки, но и нѣмцы.

При такихъ общихъ стратегическихъ условіяхъ и получила

свое неожиданно быстрое развитие Месопотамская операция. Изъ сообщеній по этому поводу видно, что наши войска заняли сначала городъ Касри-Ширинъ, въ разстояніи одного перехода отъ границы Месопотаміи, на Багдадскомъ направленіи. Затѣмъ, въ то время, когда естественно ожидалось дальнѣйшее развитіе нашего наступленія на Багдадскомъ направленіи, краткое сообщеніе принесло новое интересное извѣстіе о занятіи нашими войсками района Ревандуза 1-го мая. Этотъ городъ уже находится по ту сторону границы, т.-е. въ предѣлахъ Месопотаміи и притомъ не на Багдадскомъ направленіи, а въ направленіи на Моссулъ.

Такимъ образомъ оказалось, что наше наступленіе въ Месопотамію ведется двумя отдѣльными колоннами, изъ которыхъ одна уже проникла въ сѣверную часть Месопотаміи, въ Моссульскомъ направленіи, наступая, очевидно, изъ района озера Урмин (на этотъ районъ всегда заявляли претензіи турки и держали тамъ свои войска), т.-е. примѣрно отъ Тавриза. Другая же колонна, наступавшая въ Багдадскомъ направленіи, двигалась по важнѣйшему персидскому торговому тракту, идущему отъ Тегерана черезъ городъ Касри-Ширинъ на Ханикинъ. Багдадъ и далѣе къ Персидскому заливу.

не менѣе двухъ корпусовъ: 12-го со штабъ-квартирой въ Моссулъ и 13-го со штабъ-квартирой въ Багдадѣ.

Въ силу этого, Месопотамское направленіе оказалось линіей наименьшаго сопротивленія, ибо, какъ мы видимъ, турецкія подкрѣпленія ринулись не туда, гдѣ ихъ ожидалъ ударъ, не въ Месопотамію, а въ Эрзерумскомъ и Трапезундскомъ направленіяхъ. Этимъ и объясняются наступательныя попытки турокъ въ Эрзерумскомъ направленіи (у Мамахатуна), отбиваемыя непрерывно нашими войсками, и вполне естественно, что, разъ наиболѣе серьезная операція ведется въ Месопотамскомъ направленіи, то въ Эрзерумскомъ и Трапезундскомъ районахъ поддерживается лишь активная оборона, такъ какъ двухъ крупныхъ операцій одновременно вести нельзя, по элементарнымъ правиламъ стратегіи.

Въ результатъ сложилось крайне интересное положеніе, когда турки всей массой пытаются угрожать непосредственно кавказскому фронту, пытаясь наступать въ Эрзерумскомъ направленіи, въ то время какъ наши войска намѣчаютъ серьезныя задачи въ Месопотаміи, т.-е. на другомъ концѣ кавказско-персидскаго фронта. Слѣдовательно, обѣ стороны стремятся наступать другъ противъ друга, но на разныхъ направленіяхъ и на разныхъ

Англійскія войска въ Месопотаміи. Церковная служба въ отрядѣ генерала Таусенда, 43 дня державшагося подъ натискомъ турокъ, во много разъ превосходившихъ числомъ и отрѣзавшихъ отрядъ отъ снабженія боевыми и съѣстными припасами.

Изъ этого можно видѣть, что въ общемъ на кавказско-персидскомъ фронтѣ дѣйствуетъ цѣлая серія отрядовъ, а именно—Приморскій отрядъ у Трапезунда, Эрзерумская группа у Мамахатуна, отрядъ, занявшій Битлисъ и Мушь, въ Діарбекійскомъ направленіи и въ направленіи на Месопотамію черезъ Сесэртъ, затѣмъ Моссульскій отрядъ, наступающій черезъ Ревандузъ на Моссулъ, и Багдадскій отрядъ, наступающій изъ Касри-Ширинъ на Багдадъ. Всего, слѣдовательно, на фронтѣ отъ Чернаго моря до Персидскаго залива дѣйствуетъ около пяти отдѣльныхъ группъ нашихъ войскъ.

Въ то же время въ южной части Месопотаміи, недалеко отъ Куть-эль-Амары, подъ общимъ начальствомъ генерала Эльмерса находятся два отряда англійскихъ войскъ: отрядъ генерала Горинджа на лѣвомъ берегу Тигра и отрядъ генерала Керри на правомъ берегу Тигра.

Сводя вышеизложенное, мы видимъ, что въ отдѣльности въ Месопотаміи двигаются противъ турокъ два нашихъ отряда—на Моссулъ и на Багдадъ, а въ южной Месопотаміи у Куть-эль-Амары находится англійская группа войскъ генерала Эльмерса. Между тѣмъ турки, полагавшіе, очевидно, что у насъ въ Персін, т.-е. на Месопотамскомъ направленіи, дѣйствуетъ лишь карательный отрядъ, и встревоженные въ то же время паденіемъ Эрзерума и Трапезунда, выслали всѣ имѣющіяся у нихъ въ распоряженіи силы въ Эрзерумскомъ и Трапезундскомъ направленіяхъ. Возможно, что туда даже были двинуты нѣкоторыя силы изъ Месопотаміи, гдѣ дѣйствуетъ шестая турецкая армія въ составѣ

концахъ фронта, и ясно, что та сторона, которая будетъ вести наступленіе болѣе энергично, болѣе настойчиво, вынудитъ другую сторону бросить свое наступленіе и броситься на защиту угрожаемаго района. Изъ того, что наступленіе турокъ непрерывно отбивается на Эрзерумскомъ направленіи, а наше наступленіе непрерывно и успѣшно продолжается на Месопотамскомъ направленіи, можно предположить, что турки и окажутся той стороной, которая вынуждена будетъ бросить свое наступленіе въ Эрзерумскомъ направленіи и поспѣшить на защиту Месопотаміи. Сверхъ того, это можно усмотрѣть также изъ той важности, которую нѣмцы приписываютъ району Месопотаміи, почему они, естественно, попытаются принять всѣ мѣры къ сохраненію этой существенной для нихъ области. Наконецъ, это можно усмотрѣть также и изъ того, что передъ нашими войсками, спустившимися уже въ Райскую долину, нѣтъ никакихъ естественныхъ препятствій, тогда какъ передъ турецкими войсками, наступающими въ районъ Эрзерума, высится грозный горный хребетъ, крайне трудно проходимый и вдобавокъ усиленный эрзерумскими фортами и батареями.

Такимъ образомъ можно не сомнѣваться, что дальнѣйшее развитіе нашей новой Месопотамской операціи представитъ собою выдающійся интересъ, и мы дѣйствительно увидимъ, что наши удары, наносимые за тысячи верстъ отъ главнѣйшихъ европейскіхъ фронтовъ, неминуемо оцутятся весьма остро въ Берлинѣ, а влѣдствіе этого, отразятся и у Вердена, и у Риги, и у Салоникъ.

Православная церковь, устроенная нашими военнопленными въ Германіи (Вестфалія).

(Рис. на этой стр.).

Подъ церковь отведенъ обычный баракъ, въ которомъ живутъ военнопленные. Весь иконостасъ созданъ трудами военнопленныхъ офицеровъ. Инициаторомъ и руководителемъ по постройкѣ церкви былъ священникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка о. Іоаннъ Казаринъ.

Отецъ І. Казаринъ, уроженецъ Тульской губ., былъ взятъ въ плѣнъ при Сольдау (въ августѣ 1914 г.), когда онъ вывелъ изъ боя своего раненаго командира, самъ былъ раненъ и послѣ перевязки снова пошелъ творить дѣло милосердія. Какъ ревностный пастырь, онъ первое время не хотѣлъ разлучаться со своей паствой — нижними чинами, почему жилъ вмѣстѣ съ ними и только послѣ болѣзни перешелъ въ офицерскій лагерь, но и послѣ этого, особенно во время Великаго поста и Пасхи, онъ былъ неразлученъ съ нижними чинами, преподавая имъ духовное утѣшеніе. Изъ письма о. Казарина, напечатаннаго въ „Новомъ Времени“, видно, какъ было трудно на первыхъ порахъ совершать православныя богослуженія въ плѣну. У него была съ собой лишь дароносица, съ которой онъ не разлучался, антиминъ и служебникъ. У другихъ пленныхъ нашлись молитвенникъ, часословъ. Пришлось изъ этихъ книгъ и по памяти возстановлять текстъ церковныхъ пѣснопѣній. И вотъ офицеры, подъ руководствомъ своего па-

стыря, какъ во времена Нестора-лѣтописца, сѣли за списыванье богослужебныхъ книгъ. Когда послѣднія были готовы, то подъ руководствомъ о. І. Казарина, бывшаго регента и хорошаго пѣвца, былъ организованъ любительскій хоръ, пѣвшій при богослуженіи на открытомъ воздухѣ и въ казармахъ, а также и на музыкально-вокальныхъ вечерахъ, которые устраивались для нижнихъ чиновъ осенью и зимою. Послѣ явилась мысль устроить особую церковь, и весь 1915 г. военнопленные офицеры трудились надъ столярными и живописными работами, что имъ стоило много хлопотъ, трудовъ и средствъ. Какъ видно изъ снимка, иконостасъ вполне соответствуетъ требованіямъ православнаго ритуала, въ немъ нѣтъ металлическихъ частей, даже крестъ на аналоѣ деревянный. „Весь иконостасъ,—пишетъ священникъ о. І. Казаринъ,—работали мы безъ нужныхъ для этого инструментовъ однимъ перочиннымъ ножомъ, маленькимъ долотомъ и лобзикомъ. Дерево взято отъ коробокъ изъ-подъ посылокъ, лампы, семисвѣчникъ, паникадило мы сдѣлали изъ жестяныхъ коробокъ отъ консервовъ. Иконы писаны гг. офицерами всѣ на полотнѣ масляными красками. Трудъ большой и упорный: только любовью къ благолѣпію храма и усердіемъ гг. офицеровъ помогли окончить все, придать благолѣпный видъ и напомнить намъ обстановку

храма нашей родины. Большое имъ спасибо. Служба совершается ежедневно и доставляетъ великое духовное утѣшеніе нашимъ изстрадавшимся воинамъ“.

Нельзя не порадоваться, что и въ тяжеломъ плѣну среди русскихъ находятся энергичные люди, съ инициативой, способной объединить вокругъ себя единомысленныхъ людей и принести послынную помощь нашимъ братьямъ. Отрадно также, что просьба священника о. Казарина по присылкѣ богослужебныхъ книгъ и книгъ для солдатской библиотеки нашла живой откликъ какъ у частныхъ лицъ, такъ и въ училищномъ Советѣ при Святѣйшемъ Синодѣ и въ Обществѣ Ревнителѣй релігіозно-нравственнаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, и у другихъ общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ, уже выславшихъ значительное количество книгъ богослужебныхъ и для солдатской библиотеки.

А. Миловидовъ.

Церковь въ Гютерсле (Вестфалія), построенная нашими военнопленными въ Германіи.

КЪ С В Ѣ Д Ѣ Н І Ю

гг. подписчиковъ „НИВЫ“ 1916 года,

подписавшихся на первую серію соч. Д. Н. Мамина-Сибиряка за 1915 г.

Заявленіемъ въ № 5 „Нивы“ с. г. контора журнала „Нива“ оповѣстила о томъ, что ею, въ виду израсходования готовыхъ экземпляровъ первой серіи соч. Д. Н. Мамина-Сибиряка, скоро будетъ приступлено къ новому ихъ печатанію.

Въ этомъ заявленіи гг. подписчики ставились въ извѣстность о препятствіяхъ, возникшихъ главнымъ образомъ изъ-за бумажнаго кризиса, вслѣдствіе которыхъ новое печатаніе приходится производить не столь быстро, какъ это было бы желательнымъ.

Нынѣ контора журнала „Нива“ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что **часть экземпляровъ** означенныхъ сочиненій заканчивается печатаніемъ, и въ скоромъ времени начнется разсылка въ порядкѣ поступления заказовъ на эти сочиненія.

Колоколь Роландъ

(Нѣмецкая „правда“).

Очеркъ Иоганнеса Йоргенсена.

Авторизованный переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Д. I. кардиналу Мерсье, архіепископу
Малина, примасу страны-мученицы,
въ знакъ глубокаго уваженія и дружбы.

Очеркъ этотъ, принадлежавшій перу одного изъ виднѣйшихъ представителей датской литературы, даровитаго беллетриста Иоганнеса Йоргенсена и выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, имѣлъ въ Дании такой выдающійся успѣхъ, что въ теченіе полугода разошелся въ 17.000 экземпляровъ.

Небывалой еще въ исторіи длительной „мировой“ войны уже посвящены сотни книгъ и брошюръ, трактующихъ всѣ ея фазисы, и, казалось бы, мудро было написать о ней еще что-нибудь новое или оригинальное, а тѣмъ болѣе столь захватывающее читателей нейтральной страны, какъ это удалось Йоргенсену.

Вызванный имъ огромный интересъ можно лишь отчасти объяснить тѣмъ, что авторъ, взявъ исходной точкой нарушение Германіей той статьи международнаго соглашенія, которая обезпечивала нейтралитетъ Бельгии, задѣлъ большое мѣсто своихъ земляковъ датчанъ, у которыхъ до сихъ поръ не покончены счеты съ Германіей изъ-за неисполненія ею 5-й Пражской международной конвенціи (относительно возврата оккупированныхъ нѣмцами чисто-датскихъ провинцій Шлезвига).

Главное же, тѣмъ очеркъ захватываетъ, не можетъ не захватить каждаго изъ насъ, способнаго чувствовать по-человѣчески, это тѣмъ, что авторъ вложилъ въ него всю свою душу, тонко, глубоко и ярко чувствующую, умѣющую страстно любить и страстно ненавидѣть, душу чловѣка-поэта. Перомъ Йоргенсена водили трогательная симпатія къ столь хорошо ему знакомой и любимой, маленькой, мирной, трудовой и культурной Бельгии, ставшей страной-мученицей, и презрительное негодование противъ тоже хорошо ему знакомой и прежде чуждой Германіи, привлекавшей къ себѣ своею сентиментально-благодушной вѣжливостью и оказавшейся лицемерно-набожной, грубой до варварства, безпощадной до цинизма.

Нарушая нейтралитетъ Бельгии, Германія, видимо, сама не ожидала тѣхъ послѣдствій, которые вызвало это правонарушеніе,—прежде всего выступленія Англіи. Спихватаясь заднимъ числомъ и пытаясь ослабить слишкомъ невыгодное для себя впечатлѣніе въ странахъ, съ которыми пока еще не хотѣла сориться, Германія принялась оправдываться и сваливать вину со своей головы на чужія. Самъ кайзеръ, его канцлеръ, а за ними „свѣточи“ германской культуры соперничаютъ между собой въ составленіи высокопарныхъ обращеній, какъ къ современникамъ въ Европѣ и въ Америкѣ, такъ и къ суду исторіи. Кайзеръ выставляется чуть ли не ангеломъ-хранителемъ мира на землѣ, нѣмецкій народъ копуниственно приравняется въ своей земной миссіи и въ своихъ страданіяхъ къ самому Спасителю (Via Crucis), и всѣмъ культурнымъ народамъ міра навязывается нѣмецкая „правда о войнѣ“.

Йоргенсенъ безпощадно клеймитъ германскую наглость, ѣдко осмѣиваетъ германское лицемеріе и шагъ за шагомъ, съ документами въ рукахъ, разоблачаетъ нѣмецкую ложь и клевету, которыми „93“ самозваныхъ глашатаевъ правды и ихъ коронованный вождь со своимъ канцлеромъ пытаются очернить Бельгию и ея союзницъ въ тщетномъ чаяніи тѣмъ самымъ немножко обдѣлать себя. Документы, приводимые Йоргенсеномъ, въ противовѣстъ документамъ, на которые ссылаются изворотливые нѣмцы, не оставляютъ ни въ одномъ безпристрастномъ читателѣ и тѣни сомнѣнія въ томъ судѣ исторіи, который будетъ произнесенъ надъ державой, считающей подписанные ею договоры „клочками бумаги“ и открыто исповѣдующей, что „сила выше правды“.

Словомъ, впечатлѣніе, производимое очеркомъ Йоргенсена таково, что нѣмцы немедленно и безусловно запретили его въ Германіи, а фламандцы, французы и англичане поспѣшили перевести и издать съ самыми лестными предисловіями.

„Колоколь Роландъ“ мнѣ имя,
Набатомъ пожаръ возвѣщаю,
А звономъ—побѣду Фландріи!

Такъ гласила старинная надпись на главномъ колоколѣ Гентской старинной башни Велфруа. Колокола больше не существуетъ, но башня цѣла и высится на людной улицѣ въ двухъ шагахъ отъ величественнаго собора С.-Бавона, въ одной изъ капеллъ котораго виситъ Ванъ-Эйковское „Поклоненіе агни“.

Мнѣ вспоминается мое первое посѣщеніе Гента и собора. Скромный ризничій, впусивъ посѣтителя въ часовню, шепчетъ: „я приду черезъ полчаса!“ и оставляетъ его одного передъ безсмертнымъ твореніемъ двухъ братьевъ. Соборъ С.-Бавона я осматривалъ не разъ; въ Гентѣ съ годами я приобрѣлъ милыхъ и преданныхъ друзей; но теперь мнѣ почему-то чаще всего вспоминается старинная готическая церковь въ предмѣстьѣ Аккергемъ на бульварѣ des Hospices, да птичка, которая по утрамъ распѣвала на деревѣ подъ моимъ окномъ въ гостепрійномъ домѣ Анри и Діена Логманъ. Птичка эта встрѣчала холодный разсвѣтъ лѣтняго утра какою-то своеобразной, за сердце хватающей мелодіей и заставляла слушателя уноситься мыслью далеко-далеко отъ окружающаго къ маяку на Скагенѣ, неустанно мерцающему въ золотистой полумглѣ ночи, или къ бѣлымъ березкамъ и поросшимъ кустарникомъ скаламъ близъ Веттерна, или къ валу Фюриесъ въ блѣдное мартовское утро, къ безконечнымъ уныло-сѣрымъ равнинамъ, подъ безконечнымъ свинцово-сѣрымъ небомъ... Не о нихъ ли пѣла птичка въ вѣтвяхъ вяза на бульварѣ des Hospices передъ домомъ № 371?

Не все ли равно! Пѣніе умолкло, птичка упорхнула вмѣстѣ съ улетѣвшимъ лѣтомъ, нѣмецкія гранаты осыпали „Godshuizenlaan“. Гентъ сдался превосходнымъ силамъ врага. А на башнѣ нѣтъ больше колокола Роланда, который бы могъ возвѣститъ звономъ побѣду. Всѣ птицы поэзіи отлетѣли отъ Фландріи, умолкли всѣ колокола Бельгии.

Мнѣ вспоминаются послѣдніе часы, проведенные мною въ прошломъ году лѣтомъ среди друзей-бельгийцевъ. Въ Лувенѣ соборъ Saint-Pierre еще вздымалъ къ небесамъ свои могучіе каменные своды подобно гигантской дарохранительницѣ; со сквозной башни св. Гертруды неслись серебряные перезвоны мастеровски подобранныхъ колоколовъ, вдоль старыхъ монастырскихъ стѣнъ и садовъ съ ползучими розами неспѣша катили свои сѣрозеленые воды рѣка Дюле. Я получилъ письмо, которое надо было забыть, и, стоя на мосту, надъ узкой темной рѣчкой, я разрывалъ письмо на клочки, а водныя струи уносили эти водные обрывки, похожіе на лепестки цвѣтовъ...

Это было въ Лувенѣ. Затѣмъ Брюссель. Я былъ гостемъ Картонъ-де-Віара, талантливаго литератора и недюжиннаго юриста, романиста и политическаго дѣятеля, когда-то, въ бытность въ Парижѣ, друга Верлена, а затѣмъ бельгийскаго министра юстиціи. На прощальномъ обѣдѣ говорились рѣчи въ честь Данин, а въ заключеніе маленькая дочка хозяевъ развернула флагъ Даннеброга и помахала имъ надъ головой гостя, и весь столъ огласился дружными: „Да здравствуетъ Данія!“

Теперь во дворцѣ министра юстиціи водворились нѣмецкіе чиновники, и я не найду уже своихъ вѣрныхъ друзей на Rue de la Loi; они переселились въ предмѣстье французскаго приморскаго города. Но Анри Картонъ-де-Віаръ—чловѣкъ, которому по плечу перенести даже изгнаніе; не угасило оно, вѣрно, и огня въ глазахъ madame Жюльетты де-Віаръ, такихъ молодыхъ подъ сѣбно преждевременныхъ сѣдинъ; душевнаго огня и сердечнаго пламени не угасить!

Вслѣдъ за Брюсселемъ—Малинь, резиденція архіепископа. Площадь собора съ плоскокровельной башней тихая тѣнистая площадь съ бѣлыми дворцомъ, гдѣ пребываетъ примасъ Бельгии, кардиналъ Дезире Мерсье. День аудіенціи; я жду приѣма въ большомъ, тихомъ, монастырски-чинномъ саду, гдѣ уже зацвѣтаютъ первыя астры, а между яблонями неумолчно жужжать мухи. Но вотъ на дорожкѣ мелькнуло красное одѣяніе; онъ идетъ мнѣ навстрѣчу, высокий, худощавый, съ сѣрыми глазами и широкой улыбкой на лицѣ, изъ-подъ пурпурной шапочки выбиваются волосы, посыпанные пепломъ сѣдины. Это было въ іюль, а въ сентябрѣ его соборъ и дворецъ были разрушены, и самъ онъ въ изгнаніи. Я видѣлъ его въ Римѣ, вскорѣ послѣ конклава и нашелъ его постарѣвшимъ и скорбившимся. Въ газетахъ писали, что онъ, служа въ то утро обѣдню, дважды терялъ сознаніе въ алтарѣ...

И наконецъ—Антверпенъ, гдѣ я въ теченіе четырнадцати лѣтъ былъ постояннымъ гостемъ въ семьѣ Бельперъ. Какъ сейчасъ вижу передъ собой большой кабинетъ въ первомъ этажѣ, съ уютными скамьями вдоль стѣнъ подъ полками, установленными книгами и произведеніями искусства; на почетномъ мѣстѣ маска Бетховена, увѣнчанная лаврами; на письменномъ столѣ портретъ кардинала Ньюмана; на полкахъ избранныя произведенія англійской, фламандской, французской, датской и итальянской литературы. Это кабинетъ „Меюфруа“ Маринъ Бельперъ. Дальше большая терраса съ чайнымъ столомъ и плетеными креслами; парусиновый тентъ, перила, обитыя ползучими растениями съ красными цвѣтами. Сколько помню тамъ уютныхъ собраний, интереснѣйшихъ бесѣдъ! Особенно хорошо бывало по четвергамъ вечеромъ, когда собирався струнный квартетъ. Сидишь, любуясь садомъ, похожимъ на паркъ, огромными платанами и кленами, а

изъ комнаты несуеть звуки скрипок... Гайднъ, Бетховень... Бетховень послѣдняго времени, „безумные квартеты“...

И всему этому конецъ; цепелины разрушили бомбами садъ и домъ; хозяйка съ братьями и племянниками бѣжала и теперь, вѣрно, нашла пріютъ въ Англии, въ Оксфордѣ, который она знаетъ и любить, какъ немногіе, и который для нея всегда былъ *beata pacis visio*.

Такъ проносятся передо мной картина за картиной, а надъ всѣмъ этимъ словно плыветъ безнадежный колокольный звонъ, уносящійся въ бездну наступающей ночи: „Конецъ, конецъ, всему конецъ! Города Фландрии въ развалинахъ, башни снесены, колоколь Роландъ умолкъ!“

Но нѣтъ, безнадежный сумеречный звонъ неправъ,—колоколь Роландъ еще звучитъ. И звонъ его сильнѣе, глубже и яенѣе, чѣмъ когда-либо. Развѣ не слышимъ мы всѣ его мѣднаго голоса, вѣщающаго Европѣ? Развѣ не слышимъ его звона съ разрушенныхъ колоколенъ?

Не о скорби вѣщаетъ колоколь Роландъ; онъ зоветъ къ побѣдѣ; не о смерти говоритъ его звонъ, но о жизни, о вѣчной жизни въ ореолѣ славы и побѣды! „Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя сила?“

Колоколь Роландъ звонитъ, колоколь Роландъ звонитъ, великій, мятежный и побѣдный колоколь Фландрии звонитъ, вѣщая „гибель боготъ“.

И, если мы, сѣверяне, прислушаемся хорошенько, то услышимъ, что онъ говоритъ на нашемъ родномъ языкѣ, что онъ поетъ словами скальда изъ сѣверной пѣсни въ честь храбрыхъ: „Все пройдетъ, все умретъ—минетъ богатство, умрутъ друзья; одно, знаю я, вѣчно—судъ надъ мертвыми!“

Навстрѣчу дню Судному.

„Идетъ косарь: имя ему Смерть“...

Такъ, кажется, начинается одна старинная нѣмецкая народная пѣсня? „Es ist ein Schnitter, heisset Tod, ist bestellt vom höchsten Gott“... Коса его звенитъ по всему міру („поле—весь міръ“,—говорится въ Библии), колосья ложатся подъ ея взмахами, и приходитъ пора вязать снопы. „Кому снопы вязать?“—спрашивается въ дѣтской пѣсенкѣ. И снова отвѣчаетъ Библия, вѣчная книга, говорящая обо всемъ, отъ альфы до омеги, начиная съ Адама и кончая Антихристомъ. Библия отвѣчаетъ, что вязать снопы ангеламъ, тѣмъ самымъ ангеламъ, которые когда-то въ великую ночь Рождества пѣли о „мирѣ на землѣ“. Теперь они стали ангелами смерти, ходятъ по трупамъ, скользятъ въ крови, спотыкаются о гниющія тѣла человѣческія... Пришелъ день жатвы всемірной, день смертный, день Судный. Снѣгъ одѣваетъ своимъ саваномъ тысячи мертвецовъ, но въ груди труповъ попадаетъ граната, взрывается, и всѣ мертвецы еще разъ расправляютъ свои застывшие члены, оконченныя подъ ледянымъ дыханіемъ смерти и зимы, и на мгновение кажется, что они вотъ-вотъ сбросятъ саванъ и возстанутъ изъ мертвыхъ!

Но пока еще рано прислушиваться къ „гласу трубному“, къ зову „послѣдней трубы“. И все же мало кто изъ мыслящихъ людей сомнѣвается теперь въ томъ, что день Судный близокъ. О днѣ Судномъ, какъ и о смертномъ часѣ, можно сказать одно—его никогда не ждуть. И вотъ въ одинъ прекрасный день неожиданное является, такъ же неизбежно и такъ же незамѣтно, какъ приходъ весны, когда почки на деревьяхъ вдругъ набухаютъ и въ окрестностяхъ вновь раздаются воркованіе горлицы. Это такъ же естественно и вмѣстѣ съ тѣмъ непонятно, такъ же буднично и все же чудесно, какъ первый крикъ ребенка, охваченнаго леденящимъ дыханіемъ земной жизни, и какъ послѣдній вздохъ умирающаго; внезапно въ комнату, гдѣ вы провели столько бессонныхъ ночей, воцаряются холодъ и тишина, и вамъ не для кого уже бодрствовать. Одно мгновение, и—жизнь уступила смерти; лишь одно мгновение отдѣляетъ насъ отъ вѣчности.

Чего не бываетъ на этомъ свѣтѣ, и чаще всего то, чего мы меньше всего ожидаемъ. Таковъ ужъ человѣкъ, таково человечество; дѣйствительность всегда поражаетъ насъ своей неожиданностью. Но предразсвѣтная дрожь уже какъ будто начинаетъ хватывать міръ. Изгнанная изъ веселаго и безшабашнаго ресторана современной культуры Европа внезапно отрезвѣла и смотритъ изъ траншеи навстрѣчу сѣрому холодному разсвѣту дня Суднаго.

Вотъ почему смерть проходитъ по міру. Исполнилось слово: „Народъ возстанетъ на народъ, и царство на царство“. „И я взглянуть, и вотъ—конь блѣдный и на немъ всадникъ, которому имя Смерть“. Это одинъ изъ трехъ апокалиптическихъ всадниковъ проносится сейчасъ среди насъ. Первый уже пробѣжалъ,—всадникъ на рыжемъ конѣ; ему было дано „взять міръ съ земли и чтобы убивали другъ друга; и данъ ему большой мечъ“. Мы всѣ слышимъ лягъ этого меча, ненасытно требующаго крови. А подъ конецъ, когда Смерть скоситъ всѣ жизни человѣческія, и не будетъ больше ни косарей для нивы, ни рабочихъ для фабрикъ, а все юное, сильное и мыслящее превратится въ груды падали, гниющей на бельгійскихъ и польскихъ земляхъ,—тогда явится всадникъ на ворономъ конѣ, „имѣющій мѣру въ руки своей“...

Два воспоминанія всплываютъ сейчасъ передо мной—воспоминанія о двухъ послѣднихъ вечерахъ, проведенныхъ мною два съ половиной года тому назадъ на родинѣ, въ Даніи.

Одинъ вечеръ: большое засѣданіе, посвященное вопросу о национальной оборонѣ... На каедрѣ писателя престоерегаетъ и грозитъ, говоритъ о серьезности переживаемаго момента, о надвигающейся грозѣ. Его сильная и вдохновенная рѣчь вызываетъ взрывы восторга, собраніе готово воспламениться; но вотъ встаетъ молодой человѣкъ и взываетъ къ „разсудку“, приглашаетъ держаться „фактовъ“. Рядомъ сухихъ цифръ онъ доказываетъ, что европейская война въ наши дни немислима, что она попросту „слишкомъ дорого“ обойдется, а такъ какъ міромъ правятъ деньги, то... и т. д. И онъ съ насмѣшкой обратился къ писателю, сидѣвшему теперь передъ каедрой: „Но подобные выводы, разумеется, чужды возвышеннымъ умамъ, которые витаютъ въ мірѣ фантазій, а не дѣйствительности! Они непоколебимы въ своихъ убѣжденіяхъ, факты ихъ нисколько не трогаютъ!.. Не правда ли, почтеннѣйшій? (Онъ перегнулся черезъ столъ и убитвенно улыбнулся):—Міровая война, чего добраго, разразится къ Пасхѣ!“

Онъ кончилъ, и оглушительные аплодисменты привѣтствовали представителя разсудка. Всѣ успокоились и снова занялись каждый своей кружкой пива,—вокругъ царилъ миръ, откуда вѣзаться напасти? Бѣдный писатель! Его, видно, укусила бѣшеный патриотъ! Стихи его, впрочемъ, красивы, хотя онъ и городитъ въ нихъ вздоръ!..

Міровая война разразилась не къ Пасхѣ 1913 г.; она переждала еще годъ, прежде чѣмъ разразиться въ опроверженіе словъ разсудительнаго молодого человѣка и (увы!) въ подтвержденіе опасеній поэта. Поэтъ не ошибся, поэты всегда провидятъ истину, ибо чтъ такое творчество, какъ не проявленіе ясновидѣнія, глубокой и чуткой прозорливости? Не умъ говорить устами поэта, а та куда болѣе утонченная способность, которая позволяетъ любящему чувствовать и страдать отъ малѣйшаго измѣненія въ настроеніи любимаго. Здѣсь, какъ и всюду, любовь даетъ ключъ къ пониманію. И тотъ, чье сердце холодно, не видитъ въ своемъ равнодушіи знаменій солнца и луны. И день Судный подкрадется къ нему, яко тать въ нощи, и найдетъ его въ одной исподниці, во всей душевной обнаженности...

Это былъ одинъ вечеръ, одно изъ воспоминаній. А вотъ и второй вечеръ и другое воспоминаніе: студенческое собраніе, одно изъ тѣхъ, которыя когда-то мудрый старецъ охарактеризовалъ словами „философское варьетъ“.

На этомъ собраніи выступила, между прочимъ, ораторомъ женщина. Она говорила... нѣтъ, свидѣтельствовала о своей жизни прежде и теперь, о своемъ полномъ внутреннемъ перерожденіи. Всѣ слушали, очарованные ея страстностью и голосомъ, который мы такъ часто слышали со сцены, и который такъ мягко и просто произносилъ слова, проникающія прямо въ сердце... Закончила Анна Ларсенъ (это была она) свою рѣчь словами, заставившими всѣхъ насъ (я увѣренно говорю: *всѣхъ насъ*) покачать головами. Она говорила о надвигающихся великихъ событіяхъ, которыя были уже близки, совсѣмъ у порога. „Предсказанія,—заклчила она—кончатся 1915 годомъ“.

Утомленный сѣдовласый старецъ, возсѣдавшій при началѣ войны на престолѣ св. Петра, былъ близокъ къ тому, чтобы раздѣлить вѣру сѣверной артистки. Еще въ 1904 г. въ своемъ первомъ посланіи онъ высказалъ твердую увѣренность въ томъ, что „Сынъ грѣха“, „Нарушитель законовъ“, личный врагъ Божій, который долженъ объявиться въ концѣ концовъ, уже родился!..

И одно безспорно: то, чтъ сейчасъ творится на свѣтѣ, невиданно и неслыханно. За все время существованія культуры не было такой общечеловѣческой войны, которая бы захватила пространство отъ одного края Тихаго океана до другого, отъ Новой Зеландіи до Новой Земли! Это такъ ново, такъ огромно, такъ ошелмляюще, такъ неестественно, даже сверхъестественно, что самая мысль объ этомъ невыносима. Тотъ, кто захочетъ жить съ этой мыслью, умретъ отъ ужаса, какъ умеръ папа Пій, а позднѣе Робертъ Бенсонъ въ Англии. Слово чей-то гигантскій кулакъ захватилъ земной шаръ и выжимаетъ кровь изъ населяющихъ его народовъ. И въ какую бездну, въ бездну свѣта или въ пучину огненную, полетитъ земля, когда кулакъ разожметъ?..

Via Crucis *).

I.

„Тотъ, кто захочетъ жить съ этой мыслью, умретъ отъ ужаса“... Такъ писалъ я вскорѣ послѣ объявленія войны. Я не захотѣлъ умирать и спрятался, укрылся далеко за синими горами, въ далекихъ эпохахъ... Я сидѣлъ въ тихой прохладной библиотекѣ и, самъ умилаясь своей тщательности, аккуратно копировалъ старинныя рукописи, или сентиментально бродилъ по дорогамъ, гдѣ нѣкогда былъ счастливъ, и мечталъ пережить это счастье еще разъ, послѣдній разъ извѣдать прелесть октябрьскаго солнца прежде, чѣмъ польютъ ноябрьскіе дожди и воцарится декабрьская тьма.

И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, на столъ ко мнѣ свалились, словно двѣ бомбы, два посланія.

*) Крестный путь.

Одно из них содержало: „Призывъ къ культурному міру“ 93 нѣмецкихъ передовыхъ людей, духовныхъ вождей Германіи. Мой молодой другъ Петеръ Шиндлеръ сообщалъ въ одной датской газетѣ, что „видѣлъ этотъ документъ у меня въ Сіенѣ въ корзинѣ для ненужныхъ бумагъ“. Совершенно вѣрно, я не сразу понялъ значеніе документа, принявъ его просто за фабричную рекламу. Но Шиндлеру неизвѣстно, что я вытаскилъ документъ обратно и спряталъ, какъ прячутъ важныя доказательства.

Другое письмо было отъ одного изъ моихъ друзей-бельгийцевъ. Я не назову его, но переведу письмо, полученное въ отвѣтъ на посланную ему мною статью о „Колоколѣ Роландѣ“, переведенную на фламандскій языкъ.

„Дорогой другъ!

„Радъ былъ снова получить отъ васъ вѣсточку. Съ тѣхъ поръ, какъ начались испытанія Бельгіи, я не разъ думалъ о васъ и о вашей родинѣ, у которой такъ много сходства съ моей. Вы не можете себѣ представить, какіе ужасы съѣтъ въ Бельгіи народъ, обязавшійся защищать насъ. Наша страна, которую ни въ чемъ

нельзя упрекнуть, опустошается огнемъ и мечомъ дикихъ ордъ, которыя разстрѣливаютъ нашихъ священниковъ, оскверняютъ наши храмы, позорятъ нашихъ женщинъ. Но, несмотря ни на что, мы не теряемъ мужества, мы надѣемся на Бога и вѣримъ въ нашу правоту. Последнее слово въ этомъ дѣлѣ не можетъ и не должно остаться за націей, олицетворяющей грубую силу, смотрящей на договоры лишь какъ на клочки бумаги, которые можно разорвать, когда надоѣстъ хранить.

„Сердечный привѣтъ отъ вашихъ друзей, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ смертью и разрушеніемъ, и отъ преданнаго вамъ N.N.“.

Это было бельгійское посланіе.

Къ нѣмецкому „Призыву“ была приложена книга подъ заглавіемъ „Правда о войнѣ“ („Die Wahrheit über den Krieg“. Берлинъ, 20-го сентября 1914 г.), изданная десятью выдающимися берлинцами. Между издателями я нашелъ извѣстнаго „христіанина социалиста“ Наумана, главарей центра: Маттіаса Эрцберга и графа фонъ-Опперсдорфа, военного писателя графа Эрста

Во французскомъ госпиталѣ.
Французскій стрѣлокъ, тяжело раненый въ грудь, на смертномъ одрѣ цѣлуетъ край знамени, за честь котораго отдалъ свою жизнь.

фонь-Ревентлова, политического писателя Пауля Дена, профессора д-ра Франке (повидимому, социаль-экономиста Эрнста Франке), одного банкира, одного доцента коммерческого института и проч. Этот перечень создавал впечатлительные, что книга является плодом основательного знания дѣла и трезвого разсудка, и я от всей души порадовался такому удобному способу (въ книгѣ всего 168 страницъ) узнать всю „Правду о войнѣ“.

Но изъ Бельгii я тоже получил кое-какіе документы въ подтвержденіе тѣхъ „дерзкихъ“ обвиненій, которыя позволили себѣ въ письмѣ ко мнѣ мой другъ-бельгіецъ! „Неужели,—сказалъ я самому себѣ,—нѣмцы могли стрѣлять въ бельгійскихъ священниковъ, осквернять бельгійскіе храмы, позорить бельгійскихъ женщинъ?“ Я заглянулъ въ „Призывъ къ культурному міру“,—слава Богу, тамъ сказано, что это неправда! „Неправда, что нѣмецкіе солдаты посягнули на жизнь и имущество хотя бы единого бельгійскаго гражданина иначе, какъ въ силу крайности, вынужденные къ тому самообороною“. „Ну, вотъ видишь,—сказалъ я самому себѣ,—ни жизнь ни имущество ни единого изъ бельгійскихъ гражданъ не подвергались опасности, за исключеніемъ, разумется, тѣхъ случаевъ, когда нѣмецкіе солдаты были вынуждены къ тому самообороною!.. Чтѣ жъ, въ случаѣ, если въ домъ ко мнѣ ворвутся разбойники, я тоже стану обороняться,—конечно, если у меня хватитъ на это силъ и оружія (ну, а въ этомъ у нѣмцевъ, слава Богу, нѣтъ недостатка!)“. Я вспомнилъ своихъ добрыхъ друзей въ Антверпенѣ, стараго господина X., у котораго я часто обѣдалъ. У этого добрейшаго старика была такая симпатичная наружность, настоящій диккенсовскій типъ, голубоглазый съ здоровымъ, румянымъ лицомъ, бѣлыми бакенбардами и подкупающей улыбкой. Я зналъ, что теперь онъ лишился своего состоянія, что его домъ и садъ разрушены бомбами, все вокругъ него уничтожено, и что самъ онъ лишь чудомъ спасся отъ смерти, такъ какъ граната попала въ его кабинетъ двѣ минуты спустя послѣ его ухода. Да, да, наружность обманчива! Подумавъ, что такой славный человѣкъ участвовалъ въ „стрѣльбѣ“ (такъ сообщаетъ „Призывъ“) по мирнымъ нѣмцамъ „изъ засады“, „увѣчилъ раненыхъ“ и „убивалъ врачей во время исполненія ими ихъ самаритянскихъ обязанностей“. Какое счастье, что я благополучно выбралъ живымъ изъ его дома!

Съ такими мыслями я вскрывалъ посылку изъ Бельгii. Бельгійскіе документы не ограничивались одной книгой, тутъ была цѣлая бібліотека. Съ недовѣрліемъ взиралъ я на все это. Небось, все ложь и клевета („Lügen und Verläumdungen“),—думалъ я,—которыя злые люди намѣреваются запятнать „право Германii въ навязанной ей борьбѣ за существованіе“. Увы! мы живемъ въ мірѣ зла! Но справедливость прежде всего—*audiatur et altera pars* (выслушаемъ и другую сторону). Я сложилъ книги небольшой стопкой по одну сторону стола,—по другую уже лежали: „Призывъ къ культурному міру“ и „Правда о войнѣ“. Названій было много, и признаюсь, я съ ужасомъ думалъ о томъ, сколько предстоитъ мнѣ прочесть, чтобы узнать бельгійскую точку зрѣнія на дѣло. Нѣмецкая аргументація была такая коротенькая,—шесть разъ „Неправда!“ („*Es ist nicht wahr!*“) да сотни полторы страницъ „Правды“ (*Wahrheit*).

Но вотъ названія (по ошибкѣ или намѣренно среди бельгійской „лжи и клеветы“ на нѣмцевъ попало и нѣсколько французскихъ инсинуацій):

1) „*Rapports sur la violation du droit des gens en Belgique*“. („Сообщеніе о правонарушеніяхъ въ Бельгii“, изданіе правительственной бельгійской комиссiи, съ предисловіемъ I v. d. Heuvel).

2) „*Les atrocités allemandes en Belgique*“. Recueil des rapports officiels... présentés à M. Carton de Wiart par la Commission d'enquête par le Gouvernement belge sur la violation des règles du droit des gens etc. Paris, 1914. (Упомянется подъ сокращеннымъ названіемъ: „*Atrocités*“).

3) „*Emile Waewelier: La Belgique neutre et loyale*“. Lausanne, 1915. То же произведеніе на нѣмецкомъ языкѣ: „*Nat Belgien sein Schicksal verschuldet?*“ („Заслужила ли Бельгiя свою судьбу?“ Цюрихъ, 1915 г.)

4) „*Emile Brunet: Calomnies allemandes*“. „*Les conventions anglo-belges*“. Paris, 1915.

5) „*Pierre Nothomb: La Belgique martyre*“. Paris, 1915. „*Les Barbares en Belgique*“. Paris, 1915.

6) „*Augustin Melot: Le Martyre du Clergé belge*“.

7) „*Marius Vachon: Les villes martyres de France et de Belgique*“. Paris, 1915.

8) „*L. H. Grondijs: Les Allemands en Belgique, temoignage d'un neutre*“. Paris, 1915.

Французскіе документы:

1) „*Documents diplomatiques 1914. La guerre européenne. Pièces relations aux négations que ont précédé les déclarations de guerre de l'Allemagne à la Russie (1-^r août 1914) et à la France (3 août 1914)*“. Paris, 1915.

2) „*Les atrocités allemandes*“. Rapport officiel... présenté le 7 janvier (французское добавленіе къ сообщенію бельгійской комиссiи).

3) „*Les Allemands destructeurs de Cathédrales et de trésors du passé*“. Этотъ трудъ, тоже иллюстрированный, какъ упомянутая книга, опирается на сообщенія секретариата изящныхъ искусствъ и является дополненіемъ или опроверженіемъ нѣмец-

каго „Призыва къ культурному міру“, такъ какъ изданъ кружкомъ передовыхъ людей, лучшихъ представителей культурной Францii. (Среди нѣмецкихъ авторовъ „Призыва“ мы находимъ проф. Бернга, Воде, Луйо Брентана, Юстуса Бринкмана, Дефрегера, Демеля, Эрлиха, Эйкена, Людвигъ Фульда, Геккеля, Гарнака, Гауптмана, Вильгельма Германа, Гумпердинка, Макса Клингера, Наумана, Оствальда, Макса Рейнгарта, Рентгена, Зудермана, Ганса Томма, Карла Фолльмеллера, Феликса Вейнгартнера, Вилламовица, Виндельбанда, Вундта,—словомъ, мобилизація всѣхъ *годныхъ силъ* Германii. Французское обвиненіе (ибо Францiя обвиняетъ, въ то время, какъ Германiя оправдывается) выпущено въ свѣтъ за подписями: М-ше Жюльетты Адамъ, Поля Адамъ, Ангуана, Мориса Варре, Бартоломе, Жана Бери, Альберта Беснара, Леона Бонна, Элемира Буржъ, Буртру, Карлоса Дюрана, Поля Клоделя, Жоржа Клемансо, Деняна-Бурреля, Клода Дебюсси, Ж. Эрнеста-Шарля, Эмиля Фаге, Камилла Фламмарона, Андре Жидъ, Гитри, Поля Эрвье, Франсиса Джемса, Анри Лаведана, Пьера Лоти, Поля Маргерита, Мерсье, Октава Мирбо, М-ше де-Ноайль, Рашильдъ, Рафаэлли, Одилона Редона, Жана Ришпэна, Родена, Роля Розни, Ростана, Сенъ-Санса, Синьяка, Вьеле-Гриффена, Вилльетта.

Омѣту еще книгу, выпущенную Альфредомъ Бодрилльеромъ: „*La guerre allemande et le catholicisme*“. Paris, 1915, съ предисловіемъ кардинала Аметта и дополненіями Жоржа Гуайо, Франсуа Вьейлле и другихъ писателей-католиковъ. Къ этому приложена грустно-поучительная серія иллюстрацій.

Наконецъ можно омѣтить: „*La Cathédrale de Reims*“ („Реймскій соборъ“) А. Демаръ-Латура и „*La Basilique dévastée*“ („Разрушенная базилика“) Виндекса.

II.

Я принялся изучать присланную литературу. Я бесѣдовалъ на эту тему кое съ кѣмъ изъ друзей; быть-можетъ, касался этого предмета и въ своихъ письмахъ. Во всякомъ случаѣ, среди моихъ близкихъ и дальнихъ знакомыхъ пронесся слухъ, что я занялъ такой живой темой, какъ война, и вотъ мнѣ стали регулярно присылать печатные и письменные матеріалы по интересующимъ меня вопросамъ. Такъ однажды я нашелъ среди моей корреспонденціи маленькій листокъ: „*Ein Wort an die deutschen Frauen*“ (*). Авторъ, придворный пасторъ Штипберггеръ изъ Мюнхена, королевскій духовникъ, человѣкъ, занимающій высокое положеніе, человѣкъ, слово котораго имѣетъ значеніе, и человѣкъ, обладающій рѣдкой способностью сказать много въ немногихъ словахъ. Такъ, *сушность нѣмецкаго веденія войны* онъ резюмируетъ въ характерныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ, взятыхъ въ подлинникѣ эпиграфомъ къ этой главѣ, а въ переводѣ означающихъ:

„*Крутымъ и каменитымъ крестнымъ путемъ*“ („*крестный путь*“) надо понимать здѣсь въ его христiанско-каатолическомъ смыслѣ: *Via Crucis*, путь отъ двора Пилата на Голгоу, пройденный Спасителемъ съ крестомъ на плечахъ) идетъ нѣмецкій народъ, этотъ великій благодѣтель культурнаго міра и великодушный его избавитель. По ту сторону мрачной Страстной Пятницы вѣдь сіяетъ свѣтомъ Пасхальное Воскресеніе, такъ и за темнымъ періодомъ войны возсіяетъ пламя побѣды. Но пока еще крестъ давитъ плечи, еще предстоятъ тяжкія муки Голговы“.

Нѣмецкій священникъ, слова котораго перепечатываются въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ (экземпляръ, лежащій передо мной, помѣченъ „7—8 Tausend“), сравниваетъ нѣмецкій народъ съ самимъ Господомъ Исусомъ Христомъ, а войну, которую ведетъ нѣмецкій народъ, уподобляетъ не только *крестовому походу* (въ активномъ смыслѣ, каковое сравненіе имѣется въ началѣ текста), но и (въ пассивномъ смыслѣ или страдательномъ) крестному шествію на Голгоу — *Via Crucis*. Католическій священникъ, искренно вѣрующій, что Исусъ изъ Назарета былъ Богомъ и несъ Свой Крестъ, какъ знамя спасенія міра, растолковываетъ намъ, невѣждамъ, что такой крестный путь на Голгоу свершаетъ нынѣ, какъ *Новый Христосъ*, нѣмецкій народъ. Слѣдуя по стопамъ Учителя, Германiя отдаетъ себя на муки распятія ради блага человѣчества и спасенія культуры. Каждый нѣмецъ въ правѣ-де теперь гордиться и говорить о себѣ, что онъ проливаетъ кровь за человѣчество, подобно самому Спасителю. Нѣмецкій народъ свершаетъ свой крестный путь истерзаннымъ, осмѣяннымъ, увѣчаннымъ терзаними; нѣмецкій народъ подобенъ невинному агнцу, ведомому на закланіе, нѣмецкій народъ пригвожденъ къ кресту, терпитъ невыразимыя муки, утоляетъ жажду укусомъ и желчью, и наконецъ, когда всѣ страданія будутъ героически претерпѣны до конца, жертва принесена и спасеніе обрѣтено, склонитъ главу съ послѣдними словами: „Свершилось!“ „О, нѣмецкій народъ, долготерпѣливый страстотерпецъ, распятый народъ, спаситель міра, — въ молчаливомъ благоговѣнii склоняемъ мы главу передъ Крестомъ, на которомъ хотѣлъ пострадать ты—„великій благодѣтель и великодушный спаситель культурнаго міра“.

Теперь намъ понятно, если не было понятно раньше, почему 93 великихъ нѣмецкихъ ума бросаютъ міру свое шестикратное „Неправда!“ Всѣ мы знаемъ изъ Евангелія, какъ враги Христовы преслѣдовали его сплетнями, ложью и лжесвидѣтельствами. „Онъ отъ дьявола“, „Онъ самаритянинъ“, „Онъ богохульникъ“. Враги *Новоявленнаго Христа*—германскаго народа—видимо, ничуть не

*) „Слово нѣмецкимъ женщинамъ“.

лучше, почему мы въ „Призывъ“ и находимъ библейское выражение: „они (наши враги) лжесвидѣтельствуютъ противъ насъ“. На этой почвѣ, въ защиту своего общаго Господина и Учителя, могутъ объединиться католическіе и протестантскіе священники Германіи—Гарнакъ и Германъ, Эргардъ и Меркле. Къ нимъ при- мыкаютъ даже такіе вольнодумцы и атеисты, какъ Оствальдъ и Геккель, Демель и Гауптманъ. Всѣхъ ихъ объединила въбра въ нѣмецкій народъ, тотъ народъ, который мы, посторонніе зрители великой трагедіи, должны зрѣть идущимъ по стопамъ Христа и на нашихъ глазахъ вновь терпящимъ муки Страстной Пятницы. Кто же утверждаетъ противное—тотъ лжетъ („Es ist nicht wahr!“).

Но пора послушать, какія обвиненія возводятъ на нѣмецкій народъ „лжесвидѣтели“. „Призывъ къ культурному міру“ перечисляетъ шесть обвиненій, шесть лжесвидѣтельствъ.

ЛЖЕСВИДѢТЕЛЬСТВА.

„Мы не можемъ вырвать у нашихъ враговъ отравленнаго оружія лжи. Мы можемъ лишь звать ко всему міру, что они лжесвидѣтельствуютъ противъ насъ“.

(„Призывъ къ культурному міру“).

Первое лжесвидѣтельство и первая «неправда».

1.

Вотъ какъ вѣщаетъ голосъ истины, „свидѣтельство правды“:

„Въ качествѣ представителей нѣмецкой науки и искусства, мы заявляемъ передъ лицомъ всего культурнаго міра протестъ противъ той лжи и клеветы, которыми наши враги стараются заткнуть правое дѣло Германіи въ навязанной ей тяжелой борьбѣ за существованіе. Мѣдныя уста событій опровергли распространяемые вымыслы о нѣмецкихъ пораженіяхъ. Тѣмъ усердѣе стараются теперь исказить факты и инсинуировать. Противъ этого мы и возвышаемъ свой голосъ. Да будетъ онъ глашатаемъ правды!“

„Неправда, что Германія виновница этой войны. Ни народъ, ни правительство, ни императоръ не желали ея. Мы употребили всѣ усилія, чтобы предотвратить ее. Міру даны документальныя доказательства этого. За 26 лѣтъ своего царствования Вильгельмъ II достаточно часто выступалъ защитникомъ всеобщаго мира; достаточно часто признавали это и наши противники. Да этотъ самый кайзеръ, котораго они теперь осмѣливаются называть Атиллою, десятки лѣтъ осмѣливался ими за свое непоколебимое миролюбіе. Только, когда превосходныя силы враговъ, давно подстерегавшихъ насъ у границъ, съ трехъ сторонъ напали на нашъ народъ, онъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ“.

Такъ говорятъ 93; такъ говорилъ и нѣмецкій кайзеръ 4-го августа 1914 года, въ тотъ день, когда нѣмецкія войска перешли бельгійскую границу: „Вынужденные къ самозащитѣ, съ чистой совѣстью и чистой рукой беремъ мы за мечъ... По примѣру нашихъ отцовъ стойко и вѣрно, сурово и рыцарски смиренные передъ Богомъ и отважные передъ врагомъ, отдадимъ на волю Всемогущаго“ *). Съ этими словами Германія отправилась въ свой крестовый походъ; такъ говорилъ нѣмецкій народъ въ канунъ своихъ страданій. „Съ чистой совѣстью и чистой рукой вынимаемъ мы мечъ изъ ноженъ“.

„Неправда, будто Германія виновница этой войны. Ни народъ, ни правительство, ни императоръ не желали ея“.

Такъ вѣщаетъ голосъ истины, и я вѣрю ему. Если война все-таки разразилась, то ее вызвали другіе. Кто именно эти другіе, объ этомъ ясно говорятъ 93; это—превосходныя силы враговъ, давно подстерегавшія нѣмцевъ у границъ и съ трехъ сторонъ напавшія на нѣмецкій народъ. Тогда только нѣмецкій народъ возсталъ на свою защиту, „какъ одинъ человѣкъ“.

Съ трехъ сторонъ напали на Германію, съ трехъ границъ Бери географическую карту и изслѣдую германскія границы.

Начинаю по порядку съ Дани, но мы тутъ ни при чемъ. На этотъ разъ мы не нападали; вообще ни на кого не нападали съ 1864 года, съ насъ достаточно того раза.

Загъмъ слѣдуетъ Россія. Заглядываю снова въ „Призывъ“, изучаю каждую строку, каждое слово, каждую черточку, словно передо мной рукопись Supplementum Legendae beatae Katerinae de Senis. 93 человѣка такого крупнаго духовнаго калибра, своего рода интеллектуальныя 420-миллиметровыя орудія, — говорю я себѣ, — на нихъ можно положиться! Итакъ еще разъ: „Только, когда превосходныя силы враговъ, давно подстерегавшихъ насъ у границъ, напали на насъ съ трехъ сторонъ“... Въ словахъ сомнѣнія быть не можетъ. Но смыслъ, смыслъ? Не говорить ли Мефистофель:

Прекрасно! Лишь не надо сокрушаться;
А, если ускользаетъ смыслъ, — стараться
Его словами замѣнить.

Но я добиваюсь именно смысла, скрывающагося въ словахъ, вѣдь онъ долженъ быть! Съ другой стороны фактъ, что Германія объявила Россіи войну 19-го июля (1-го августа) 1914 года, и что до той поры ни одинъ „москвитинъ“ не нападалъ на честнаго нѣмца—Михеля.

Я возобновляю свои поиски „трехъ разбойниковъ“, напавшихъ на мирный нѣмецкій народъ передъ лицомъ всей Европы, среди бѣла дня культуры. Нахожу Австрію. Но Австрія вѣдь союзница

„Клочокъ бумаги“.
Подписи на трактатѣ о нейтральности Бельгіи 1839 г.

Германіи. Нахожу Швейцарію. Но малютка Швейцарія и въ мысляхъ не имѣла нападать на кого-либо. Загъмъ нахожу Францію... А! вотъ она! Добрались же до настоящаго виновника!

Но и здѣсь я ошибся, Франція не напала на Германію, наоборотъ, Германія напала на Францію. 3-го августа н. ст. Германія объявила Франціи войну, а уже 2-го августа, т. е. въ мирное время, нѣмецкій патруль 14-го армейскаго корпуса перешелъ французскую границу; впрочемъ, живымъ вернулся лишь одинъ человѣкъ! Нѣмецкій канцлеръ самъ сообщилъ это рейхстагу *). Одновременно онъ сообщилъ также о видѣнныхъ въ Германіи „летчикахъ, бросавшихъ бомбы“, о „кавалерійскихъ патруляхъ“ и о „вторгнувшихся въ Эльзась-Лотарингію французскихъ отрядахъ“. Въ позднѣйшемъ нѣмецкомъ документѣ говорится даже о „массѣ французскихъ летчиковъ, перелетѣвшихъ черезъ нейтральныя территоріи Бельгіи и Люксембурга прямо въ нашу страну“. Безъ всякаго объявленія войны эти летчики достигли „южной Германіи“, гдѣ бомбардировали „незащищенные города“; французскіе отряды заняли нѣмецкія мѣстечки (Ortschaften), а значительное число французскихъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ нѣмецкіе мундиры, пытались на автомобилѣ переѣхать голландско-нѣмецкую границу, чтобы учинить разрушенія на нѣмецкой землѣ **). Хорошо, что этихъ офицеровъ сумѣли выпроводить, — хотя Богъ вѣдаетъ, гдѣ это произошло? А города южной Германіи (южная Германія такъ велика!), подвергшіеся бомбардировкѣ, надо надѣяться, не слишкомъ пострадали? И ловкимъ французамъ, военная подготовка которыхъ оказалась столь блестящей, пришлось-таки послѣ объявленія войны потрудиться надъ завоеваніемъ тѣхъ самыхъ „Ortschaften“, которые были ими заняты до войны. Слѣдовало бы имъ оставить ихъ за собой сразу. Но въ мірѣ есть справедливость—„der gute alte Gott noch lebt!“ Тѣмъ не менѣе очевидно, не Франція волкомъ выскочила изъ темнаго лѣса, чтобы пожрать маленькую Красную Шапочку—Германію!

Такимъ образомъ скоро не изъ кого больше будетъ и выбирать. Правда, Англія объявила Германіи войну, а не наоборотъ. Англія вообще любитъ вести себя не по-людски изъ желанія слыть оригинальной! Но границы Англіи не примыкаютъ къ Германіи.

Королева же Голландіи, Вильгельмина, и по сю пору ладитъ съ кайзеромъ Вильгельмомъ. Изъ пограничныхъ странъ остается одна Бельгія!

Разумѣется, маловато поймать лишь одного разбойника, когда охотился за тремя, но это случается даже съ полицейскими. И лучше одинъ воръ въ рукахъ, чѣмъ двое на крышѣ, гдѣ ихъ никакой городской не поймаешь!

Итакъ Бельгія, Бельгія—вотъ онъ „давно подстерегавшій врагъ съ превосходными силами“. Это Бельгія перебросилась черезъ германскую границу! Бельгія, огромная, сильная Бельгія ворва-

*) „Правда о войнѣ“, стр. 12.

***) „Правда о войнѣ“, стр. 12, 28, 39.

*) „Правда о войнѣ“, стр. 7.

Въ заоблачныхъ высяхъ.
Итальянскій часовой на вершинѣ Альпъ слѣдитъ за появленіемъ австрійскихъ аэроплановъ.

ласъ въ маленькую нейтральную Германію, чтобы очистить себѣ прямой путь, иного окольного пути у нея не было! Бельгія ворвалась въ Германію (нейтралитетъ которой она въ свое время гарантировала и общала защищать). Своимъ бронированнымъ кулакомъ Бельгія отразила мужественную, но уступавшую ей численностью германскую армію. Бельгія побѣдоносно вступила въ Аахенъ, а когда гордые и свободолюбивые аахенцы вздумали сопротивляться, бельгійцы сравняли съ землей старинный городъ императоровъ и подожгли соборъ, вѣнчающій своимъ куполомъ гробницу Карла Великаго. Затѣмъ бельгійское войско пошло на Кельнъ, бомбардировало городъ и разстрѣляло по камешкамъ готическій соборъ нашего общаго любимца съ его св. Герономъ, св. Апостолами и св. Маріей. Вотъ какъ было дѣло... или не такъ?

Вѣдь, если было иначе, то гдѣ же мнѣ искать трехъ разбойниковъ, напавшихъ на Германію въ зеленомъ лѣсу культурнаго міра? 93 (свидѣтеля) видѣли ихъ. Но гдѣ? гдѣ?

Примѣчаніе къ первой „неправдѣ“.

„Тотъ самый кайзеръ, котораго они (противники) теперь осмѣливаются называть Атиллой“...

Не слѣдуетъ однако „девяносты три“ приписывать это прозвище исключительно противникамъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ (правда, невеликатно забираться такъ далеко въ прошлое человѣка!), 27-го іюля 1900 г., нѣмецкая „карательная экспедиція“, подъ предводительствомъ принца Генриха, отправлялась въ Китай. По этому поводу кайзеръ Вильгельмъ издалъ приказъ по войскамъ, который произвелъ огромное впечатлѣніе и вызвалъ многочисленные комментаріи въ прессѣ. Въ Даніи по этому поводу высказался Георгъ Брандесъ.

Вильгельмъ II обратился къ своимъ войскамъ съ такими словами:

„Солдаты, при встрѣчѣ съ врагомъ, побѣждайте! Никому не давайте пощады, не берите плѣнныхъ! Будьте беспощадны ко всѣмъ, кто попадется въ ваши руки! Пусть бояться нѣмецкаго имени, какъ нѣкогда боялись гуновъ и Атиллы!“

Разумѣется, кайзеръ Вильгельмъ не хотѣлъ сказать этимъ ничего дурнаго. Развѣ онъ виноватъ, что есть люди, которые все понимаютъ буквально? Надо умѣть понимать подобныя слова въ августѣйшихъ устахъ—иносказательно!

II. Второе лжесвидѣтельство и вторая „неправда“.

Снова вѣщаетъ „голосъ истины“:

„Неправда, будто мы нѣмцы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгіи. Мы можемъ доказать, что Франція и Англія были готовы сами нарушить его. Мы можемъ доказать, что Бельгія не стала бы этому противиться. Было бы самоубійствомъ не предупредить ихъ намбреній“.

Ну, разумѣется! Чего же проще? Раннимъ утромъ на скамейкѣ

въ паркѣ лежалъ кошелекъ. Въ немъ было порядочно денегъ, а онъ лежалъ себѣ въ одиночествѣ, всѣми покинутый. Вокругъ не было ни души, ни вблизи ни вдали, не говоря уже о полицейскихъ. Мнѣ оставалось только взять кошелекъ; иначе вѣдь его взял бы кто-нибудь другой! А мнѣ какъ разъ нужны были деньги! Съ „чистой совѣстью и чистой рукой“ схватилъ я кошелекъ. Ибо, какъ уже сказалъ нѣмецкій рейхсканцлеръ въ германскомъ рейхстагѣ: „Мы были принуждены презрѣть справедливый протестъ бельгійскаго правительства. Несправедливость, которую мы такимъ путемъ учинили, — я говорю откровенно, — несправедливость эту мы постараемся загладить, когда достигнемъ нашихъ военныхъ цѣлей. Тому, кто находится въ такой крайности, какъ мы, и борется за то, что для него всего выше, „тому впору думать лишь о томъ, какъ бы пробиться“.

Когда у меня снова будутъ деньги, я непременно положу кошелекъ обратно на скамейку, гдѣ взял его. Тамъ будетъ все въ цѣлости до послѣдняго гроша, не говоря уже о копейкахъ; мнѣ, слава Богу, извѣстно, что такое честность!

Надо надѣяться, что собственникъ не очень горевало о своихъ деньгахъ. И надо надѣяться, что онъ опять пройдетъ мимо скамейки и найдетъ свой кошелекъ. Какъ бы то ни было, мнѣ необходимо было уплатить въ отель по счету, иначе мнѣ оставалось бы только пустить себѣ пулю въ лобъ. Когда борешься за то, что для тебя всего выше (т.-е. за свое существованіе), не приходится разбираться въ средствахъ, — „ибо возможность жить и дышать—выше всего“.

Можетъ-быть, кого-нибудь заинтересуетъ содержаніе статьи международнаго соглашенія, на которую надѣялась Бельгія, и которую презрѣла Германія? Особенный интересъ эта статья можетъ представить для Даніи, которая тоже въ свое время возлагала надежды на одну статью. Наша числилась за № 5; бельгійская за № 7, но Германія одинаково мало считалась съ обѣими. На стр. 349 воспроизведено факсимиле подписей и печатей. Представителемъ Германіи (тогда Пруссіи) былъ Буловъ. Четыре другія державы, подписавшія договоръ, были: Англія, Франція, Россія и Австрія.

Въ 1815 году тѣ же пять державъ (плюсъ Португалія) утвердили нейтралитетъ Швейцаріи. Европейское положеніе Бельгіи, во многомъ сходное съ положеніемъ республики Гельвеціи, было закрѣплено девять лѣтъ спустя послѣ образованія бельгійскаго королевства. Этимъ договоромъ великія державы гарантировали Бельгіи положеніе „независимаго и навѣки нейтральнаго государства“ (état indépendant et perpétuellement neutre) съ сохраненіемъ тѣхъ границъ, которыя существовали во время подписанія договора. Бельгія же въ свою очередь обязывалась сохранять свой нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ другимъ государствамъ. Бельгія не имѣла права вести войну ни самостоятельно ни въ союзѣ съ другими странами; лишь въ одномъ исключительномъ случаѣ она могла и даже обязана была взяться за оружіе: *въ случаѣ нарушенія ея нейтралитета*. Иначе нейтральному государству оставалось бы попросту разоружиться и преспокойно спать на пуховикахъ пачифизма. Но ни Бельгія ни Швейцарія этого не сдѣлали: обѣ эти нейтральныя страны сочли необходимымъ и правильнымъ держать сильное войско и строить солидныя крѣпости.

Вопросъ о нейтралитетѣ былъ поднятъ и подвергнутъ принципиальному обсужденію на Гаагской конференціи 1907 года, и 18-го октября была постановлена резолюція, что нейтральное государство можетъ вооруженной силой отстаивать свой нейтралитетъ противъ посягательствъ, при чемъ эта самозащита даже не считается враждебнымъ дѣйствіемъ (acte hostile)*.

Прежде считалось дозволеннымъ нейтральному государству пропускать черезъ свою территорію войска воюющихъ державъ, при условіи безпристрастнаго разрѣшенія этого обѣими сторонамъ. Но такое отношеніе давало поводъ къ злоупотребленіямъ

*) „Ne peut être considéré comme un acte hostile le fait, par une puissance neutre, de repousser, même par la force, les atteintes à sa neutralité“. Com. de la Haye du 18 oct. 1907, art. 10.

(предпочтении той или другой воюющей стороны) и было несправедливо (так как одной из воюющих сторон пропуск через нейтральную территорию мог оказаться необходимым, а другой ненужным). Поэтому современное болѣе строгое понимание сводится къ тому, что *нейтралитетъ обязуетъ нейтральную страну не давать пропуска войскамъ воюющихъ сторонъ*. Это понимание закрѣплено Гаагской конференціей 1907 года: § 5 конвенціи гласитъ, что нейтральное государство не должно пропускать черезъ свою территорию войска и транспорты (сопровождая) воюющихъ сторонъ. Во время франко-прусской войны 1870—71 гг. Швейцарія уже дѣйствовала согласно этому принципу, выполняя свои обязанности нейтральнаго государства по отношенію къ арміи Бурбаха *).

Да,—говорятъ 93,—все это намъ извѣстно; у насъ есть своя бібліотека, и мы можемъ справиться и у Ривье и у Гольтцендорфа. Но, по словамъ все того же Мефистофеля, „grau, teurer Freund, ist alle Theorie“. А мы знаемъ, — *знаемъ*, милостивые государи! — что Франція и Англія рѣшили сами нарушить нейтралитетъ Бельгіи; мы знаемъ болѣе, *знаемъ*, — милостивые государи! — что Бельгія ничего не имѣла бы противъ такого нарушения.

Разумѣется, когда мнѣ становится извѣстнымъ, что другіе собираются совершить нѣчто дурное (напримѣръ, нарушить данное слово, дать ложную клятву) мнѣ во вредъ, то будетъ вполне резонно съ моей стороны постараться предупредить ихъ и самому поскорѣе нарушить свое слово или клятву. При этомъ, конечно, я, in concreto, совершаю проступокъ. Но in abstracto ясно, какъ день, что виноваты *другіе*: своими дурными намѣреніями (которыхъ только не успѣли осуществить) они, такъ сказать, вынудили меня, — вообще, смѣю сказать безъ хвастовства, — олицетвореніе честности, *меня* къ дурному поступку! Какая низость! Но, слава Богу, моя совѣсть чиста, я могу гордо поднять голову и крикнуть на весь свѣтъ: „Внимайте, народы! Мы вѣримъ въ Бога и отдаемся на судъ всѣхъ здравомыслящихъ людей! Голосъ правды будетъ услышанъ и за океаномъ“ **).

Да, это такъ, и горе вамъ, лжецы, гробы поваленные!.. Что

*) „Le principe juste est celui du refus absolu aux deux parties, dans tous les cas. C'est la seule solution, qui soit conforme à l'impartialité. Et le neutre doit empêcher le passage réellemment“. Rivier: „Principes du droit des gens“. II, 399. То же самое говоритъ Геффенъ въ „Handbuch des Völkerrechts“, IV, 139.

**) Манифестъ: „Внимайте, народы!“ главнымъ образомъ рассчитанъ на Америку. Надо прочесть весь этотъ высокопарный и лживый документъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, до чего могутъ довести нечестность и самообманъ (который есть нечестность по отношенію къ самому себѣ)!

это такъ, — вѣщаетъ гласъ Бога, съ которымъ вы играете самую дерзкую комедію, какую только выдвѣвалъ міръ!

Но умолкни, сердце мое; еще мѣра грѣховъ ихъ не полна; девяносто три ангела лжи еще не излили на землю своихъ шести чашъ отрицанія!

Когда Бетманъ Гольвегъ взшелъ на кафедру въ германскомъ рейхстагѣ и смѣло принялъ на себя вину за нарушение правъ Бельгіи и Люксембурга, онъ привелъ въ свое оправданіе лишь то, что онъ-де зналъ, правительство знало, „мы знали, что Франція готовилась къ вторженію (въ Бельгію)“. Онъ ничего не прибавилъ о томъ, что Бельгія *разрѣшила* бы это вторженіе; объ этомъ, видно, узнали уже позднѣе, когда нашли въ Брюсселѣ нѣкоторые документы (я сейчасъ вернусь къ этой находкѣ). Зато нѣмецкій рейхсканцлеръ добавилъ въ заключеніе знаменательную фразу; онъ сказалъ: „Франція могла выжидать, *но мы этого не могли!*“ Итакъ, Франція могла ждать, врагъ могъ ждать, и французское правительство—согласно заявленію Бетманъ-Гольвега—*даже* заявило въ Брюсселѣ, что будетъ уважать бельгійскій нейтралитетъ, покуда уважаетъ его противникъ“. Другими словами, Франція *могла ждать*, Франція *хотѣла* ждать! Но Германія не могла, не хотѣла и не стала ждать. Въ нѣмецкомъ изложеніи это выходитъ такъ: „превосходныя силы Франціи, давно подстерегавшей и т. д... напали на нѣмецкій народъ“

„Однако, почтеннѣйшій! Будетъ вамъ иронизировать!—слышу я рѣзкій картавый голосъ.—Мы отлично понимаемъ вашу иронию; вы видно, воображаете, что она убійственна? Но вы совершенно забываете, или притворяетесь, будто забыли о *нападении Англіи* на насъ. Коварный Альбионъ, народъ мелочныхъ торгашей, предательски напалъ на насъ, когда мы уже боролись съ двумя сильными врагами! Англія объявила намъ войну, почтеннѣйшій, тутъ ужъ вамъ не отвертѣться! А потому знайте, мы не питаемъ ненависти ни къ Россіи, этому большому добродушному медвѣдю, который пляшетъ подъ дудку панславистовъ и сербскихъ убійцъ, ни къ Франціи, рыцарски благородной Франціи, объ искусствѣ которой мы написали такъ много роскошно изданныхъ книгъ, и писатели которой часто болѣе читались и дѣлились у насъ, чѣмъ у себя на родинѣ! Мы боремся съ этимъ высококультурнымъ народомъ, скрѣпя сердце, которое обливается кровью. Но Англія, безсовѣтная, холодно-разсчитливая, лицемерная Англія, для которой эта война лишь гешефтъ, имѣющій цѣлью разореніе опаснаго конкурента. Англія, Англія! *Боже, покарай Англію!* Вамъ незнакомъ послѣдній воинственный кличъ

Послѣ жаркаго боя. Французъ-часовой сторожитъ сонъ союзниковъ—англійскихъ солдатъ.

Английский летучий отряд Красного Креста. Передовой автомобиль для подачи первой помощи.

Германи: „Hiddekk“, составленный изъ начальныхъ буквъ словъ: Hauptsache ist, dass die Engländer Keile kriegen!, т.-е.: главное—хорошенько вздуть Англию“. И англичанамъ досталось такъ! Вспомните „Лузитанію“, почтеннѣйшій! Небось, тогда англичане позабыли свою пѣсенку: „There is a long, long way to Tirreagar!“

Такъ говорить средній нѣмецъ; я такъ и вижу его передъ собой: бѣлокурый, въ золотыхъ очкахъ, съ лоснящимися красными щеками, онъ вытираетъ пивную пѣну со свѣтлыхъ усовъ, за тѣмъ словно исчезаетъ въ густомъ облакѣ табачнаго дыма, наполняющаго пивную, а изъ тумана выплываютъ двѣ другія фигуры, двое мужчинъ. Они одни въ большой роскошной приемной залѣ дворца, или рядомъ съ кабинетомъ министра. Эти двое мужчинъ: британскій посолъ сэръ Гошенъ и самъ имперскій канцлеръ. Дѣло было лѣтнимъ вечеромъ, въ Берлинѣ, 4-го августа прошлаго года. Нѣмецкіе отряды перешли бельгійскую границу возлѣ Гемениха, и Льежу было предложено сдаться. Английскій посолъ телеграфировалъ объ этомъ изъ Брюсселя въ Лондонъ; оттуда вѣсть эта пришла прямо въ Берлинъ къ британскому послу сэру Гошену.

Сэръ Гошенъ сначала побывалъ у германскаго министра иностранныхъ дѣлъ фонъ-Ягова, чтобы освѣдомиться, нѣтъ ли еще возможности отозвать германскія войска изъ Бельгіи и въ послѣднюю минуту избѣжать правонарушенія. Но Яговъ отвѣтилъ отрицательно. „Мы вынуждены, — сказалъ онъ, — нужда не знаетъ законовъ“.

Тогда английский посолъ отправился къ имперскому канцлеру заявить, что, если Германия не отзоветъ свои войска изъ Бельгіи, то сэръ Гошенъ вынужденъ будетъ потребовать свой паспортъ, и Англія обнажитъ мечъ на защиту попранныаго нейтралитета. Англія обѣщала это въ 1839 году и должна сдержатъ свое обѣщаніе въ 1914 г.

Встрѣча двухъ государственныхъ дѣятелей произошла 4-го августа 1914 г. въ восьмомъ часу вечера. Я приведу здѣсь сообщеніе, захватывающее своимъ чисто-английскимъ спокойствіемъ и простотой, отправленное сэромъ Е. Гошенъ 8-го августа сэру Эдварду Грею и помѣщенное въ английской „Синей Книгѣ“.

Сэръ Е. Гошенъ пишетъ:

„Я сказалъ“ (фонъ-Ягову), что желалъ бы повидаться съ канцлеромъ, такъ какъ, быть-можетъ, это свиданіе будетъ послѣднимъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ просилъ меня сдѣлать это. Канцлера я засталъ очень взволнованнымъ. Его превосходительство сразу заговорилъ, и рѣчь его длилась около двадцати минутъ.

Онъ говорилъ, что шагъ, предпринятый нынѣ английскимъ правительствомъ, поистинѣ ужасенъ: изъ-за какого-то слова, — слова „нейтралитетъ“, — слова, которому въ военное время часто не придется никакого значенія—изъ-за какого-то клочка бумаги (*just for a scrap of paper*) Великобританія готова объявить войну

родственной націи, которая ничего такъ не желаетъ, какъ жить въ дружбѣ съ Англіей. Всѣ его попытки въ этомъ направленіи уничтожены этимъ послѣднимъ ужаснымъ шагомъ, вся его политика, которую онъ (какъ мнѣ должно быть извѣстно), преслѣдовалъ съ самаго вступленія на свой постъ, рухнула подобно карточному домику. Мы совершили немислимый поступокъ; это все равно, что напасть на человѣка сзади, когда онъ уже борется съ двумя напавшими на него. Онъ возлагаетъ на Великобританію отвѣтственность за всѣ ужасныя послѣдствія, къ которымъ этотъ шагъ можетъ повести!

„Я энергично протестовалъ противъ такого взгляда и сказалъ, что, какъ онъ и г. фонъ-Яговъ желаютъ убѣдить меня, будто проходъ Германии черезъ Бельгію и нарушение ея нейтралитета является по стратегическимъ соображеніямъ вопросомъ жизни или смерти, такъ и я желаю убѣдить ихъ въ томъ, что защита нейтралитета Бельгін является въ силу даннаго торжественнаго обѣщанія вопросомъ жизни или смерти для чести Великобританіи. Этимъ мы лишь выполняемъ свой священный долгъ; въ противномъ случаѣ какого же довѣрія заслуживали бы въ будущемъ обѣщанія, данныя Великобританіей?“

„Канцлеръ возразилъ: „Но чего будетъ стоить сдержатъ это обѣщаніе? Подумало ли британское правительство объ этомъ?“ Я постарался объяснить его превосходительству, что боязнъ послѣдствій едва ли можетъ служить извиненіемъ нарушенія торжественныхъ обѣщаній; но его превосходительство было такъ разгоряченъ, такъ, повидимому, возбужденъ мыслью о нашемъ выступленіи и такъ мало расположенъ внимать доводамъ разсудка, что дальнѣйшіе аргументы съ моей стороны только подлили бы масла въ огонь...“

Эта историческая бесѣда интересна во многихъ отношеніяхъ. Получается впечатлѣніе, словно ее вели не двое мужчинъ, а мужчина и женщина. Одинъ разсуждаетъ, другой возражаетъ чувствительными аргументами и то бранится, то бросается обниматься, восклицая: „и такіе друзья, какъ мы!.. какъ ты можешь такъ поступать со мною?..“ То простое обстоятельство, что Англія, согласно договору, должна и обязана защищать потерпѣвшую Бельгію, сентиментально превращается въ разбойничье нападеніе на честнаго человѣка, сражающагося уже съ двумя разбойниками! (И тутъ не обошлось безъ этого трафарета). И, наконецъ,—о, идеалистка Германия!—наконецъ въ видѣ послѣдняго аргумента, который долженъ произвести желанное впечатлѣніе, канцлеръ спрашиваетъ представителя Англіи: подумали ли они о *расходахъ*! Обѣщаніе-то обѣщаніемъ, а вотъ обдумали ли вы, сударь, во что вамъ обойдется ваша честность?

Да, эта бесѣда 4-го августа 1914 года поистинѣ историческая. Здѣсь встрѣтились не только два народа, двѣ расы, но двѣ культуры, два мировоззрѣнія. Передъ нами здѣсь не только английский джентльменъ лицомъ къ лицу съ нѣмецкимъ профессоромъ, но двѣ яркія противоположности; съ одной стороны вѣра въ право и честь, какъ въ неизблѣмые законы, которымъ мы должны подчиняться, чего бы это ни стоило; съ другой—повтореніе словъ Бисмарка, что Macht geht vor Recht (сила выше права), и что эгоизмъ есть высшій законъ. Изъ двухъ собесѣдниковъ, столкнувшихся въ этотъ вечеръ, одинъ вѣровалъ въ Бога, другой нѣтъ. Мнѣ ничего неизвѣстно о религіозности сэра Е. Гошена, имя Божіе не упоминается въ его перепискѣ съ сэромъ Эдвардомъ Греемъ, сдѣлавшейся достояніемъ „Синей Книги“. Зато германскій рейсканцлеръ—человѣкъ благочестивый, подобно его кайзеру.

И все же не кто другой, какъ онъ, а съ нимъ и вся Германия, отступился отъ „Господа Бога“, который существуетъ *дѣйствительно*, а не только на бумагѣ. Ветманъ-Гольвегъ и германское государство въ тотъ самый день расписались въ расторгненіи своего союза съ Богомъ честности, справедливости и права, Богомъ, сказавшимъ: „Держи обѣты, данныя тобою Господу Богу!“

Англія и Германия дали *одно и то же* обѣщаніе— всегда бдительно охранять нейтралитетъ Бельгін и *никогда* не дозволить нарушенія этого нейтралитета другимъ, а *наипаче* самимъ себѣ.

Германия нарушила это обѣщаніе, Англія нѣтъ. Англія сдержала свое слово, Германия нѣтъ.

„Держи обѣты, данныя тобою Господу Богу!“

Примѣчаніе ко второй „неправдѣ“.

„Мы можемъ доказать, что Франція и Англія были готовы нарушить нейтралитетъ Бельгін“. „Мы можемъ доказать, что Бельгія не стала бы этому противиться“.

Доказательства или доказательствъ этихъ двухъ утвержденій 93 не приводятъ въ своемъ „Призывѣ къ культурному міру“.

Оно было дано германским рейхсканцлеромъ въ рейхстагѣ 2-го декабря 1914 г. (см. „Berliner Tageblatt“ отъ 3-го декабря):

„Бельгійскій нейтралитетъ, который Англія якобы желаетъ охранять, лишь маска. 2-го августа въ 7 час. вечера мы сообщили въ Брюссель, что извѣстные намъ французскіе планы войны вынуждаютъ насъ, ради самосохраненія, пройти черезъ Бельгію. Но уже днемъ того же 2-го августа, т.-е. до того, какъ предпринятый нами въ Брюсселѣ шагъ сталъ и *могъ* быть извѣстенъ въ Лондонѣ, Англія пообѣщала Франціи свою безусловную поддержку, въ случаѣ нападенія нѣмецкаго флота на берега Франціи. О бельгійскомъ нейтралитетѣ ни слова. Фактъ этотъ подкрѣпляется тѣми объясненіями, которыя сэръ Эдвардъ Грей далъ 3-го августа въ нижней палатѣ, и которыя 4-го августа миѣ не были еще извѣстны. Фактъ этотъ подтверждается самой англійской „Синей Книгой“.

„Какъ же въ такомъ случаѣ Англія могла утверждать, что взялась за мечъ лишь потому, что мы нарушили нейтралитетъ Бельгіи? Это говорили тѣ самыя англійскіе государственные дѣятели, которымъ хорошо извѣстно прошлое бельгійскаго нейтралитета! Когда я 4-го августа здѣсь же говорилъ о томъ правонарушеніи, какимъ является наше вторженіе въ Бельгію, тогда еще не было достоверно извѣстно, не предпочтетъ ли правительство въ Брюсселѣ въ крайности покориться неизбежному и пощадить страну, ограничившись протестомъ и удаленіемъ въ Антверпенъ. Какъ вы помните, послѣ взятія Льежа, по представленію нашихъ военныхъ властей, мы обратились въ Брюссель съ вторичнымъ предложеніемъ въ этомъ смыслѣ. Изъ военныхъ соображеній, нужно было во что бы ни стало закрыть 4-го августа возможность такого оборота дѣла. У насъ, правда, были предположенія насчетъ бреши въ бельгійскомъ нейтралитетѣ, но намъ не хватало еще положительныхъ письменныхъ доказательствъ. Англійскимъ же государственнымъ дѣятелямъ эти доказательства были хорошо извѣстны. Теперь, съ помощью найденныхъ въ Брюсселѣ документовъ, установлено, до какой степени Бельгія поступалась своимъ нейтралитетомъ ради Англіи, и оба факта налицо. Вступивъ въ ночь съ 3-го на 4-е августа въ Бельгію, наши войска очутились въ странѣ, которая сама уже пробила брешь въ своемъ нейтралитетѣ. И по-прежнему остается въ силѣ фактъ: не ради бельгійскаго нейтралитета, который Бельгія сама нарушила, Англія объявила намъ войну, а потому, что надѣялась въ союзъ съ двумя другими военными державами материка одолѣть насъ. Считая со 2-го августа, т.-е. со дня обѣщанія Франціи военной поддержки, Англія уже не была нейтральна и фактически находилась въ положеніи войны съ нами. Мотивировка объявленія войны была просто эффектнымъ нумеромъ, долженствовавшимъ ввести въ заблужденіе какъ самоѣ Англію, такъ и нейтральныя государства относительно истинныхъ причинъ войны. Теперь, когда англо-бельгійскій планъ войны разоблаченъ во всѣхъ подробностяхъ, политика англійскихъ государственныхъ дѣятелей навѣки заклеила себя передъ судомъ всемірной исторіи“.

Это декабрьское обвиненіе Англо-Бельгіи Бетманъ-Гольвегомъ является опроверженіемъ его августовскаго показанія. Онъ сообразилъ (оставаясь при прежнихъ уподобленіяхъ), что *кошелекъ на скамейкѣ* принадлежалъ не порядочной особѣ, а потому не бѣда, если онъ завладеетъ им!

Но развѣ такая сообразительность заднимъ числомъ можетъ измѣнить моральную окраску уже совершеннаго поступка? Развѣ не является основнымъ принципомъ *всѣй* этики, — христіанской и обще-человѣческой, — что я *совершилъ* именно тотъ поступокъ, который *намѣревался* совершить? Если я нападаю на *невиннаго* съ виду человѣка и лишь *впоследствии* узнаю, что онъ все ужъ не такъ невиненъ, то это ни на іоту не *мѣняетъ характера* моего поступка. Я сдѣлалъ то, что я думалъ сдѣлать. Германія нарушила нейтралитетъ Бельгіи, сознавая свою неправоту, значить, Германія *неправа*, неправа передъ Богомъ и передъ своею совѣстью.

Это столь же элементарно, какъ и неизбежно. Пусть Бельгія и Англія черны, какъ арапы, это нисколько не обѣдляетъ Бетманъ-Гольвега. Вопросъ, были ли названныя государства дѣйствительно черны, можетъ имѣть лишь второстепенный интересъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Р О Д И Н Ъ.

О, родина! Приемлю
Всю боль и скорбь твою.
Твою дѣлую землю,
Тебѣ одной пою.

Я говорю: Не нужно
Любви и счастья миѣ,—
Вѣдь родина недужна,
Въ смятеніи и въ огнѣ.

Я говорю: Довольно
Хулы и клеветы,—
Моей родимой больно
Огъ вѣчной маяты.

И не боюсь казаться
Пристрастнымъ, такъ любя.
Упрекомъ святотатца
Я не коснусь тебя.

И если справедливо
Звучитъ тебѣ укоръ,
Снесу я терпѣливо
Суровый приговоръ,

Снесу, не проклиная,
Всѣ жалобы тая,
О, мать моя больная,
О, родина моя!

Дмитрій Цензоръ.

На англійскомъ фронтѣ. Австрайцы перевязываютъ раненаго товарища.

Сказки наших дней.

Юрия Волина.

Дѣловой человекъ.

Я зашелъ въ кофейную, гдѣ собираются „дѣловые люди“. Въ тѣ дни много писали въ газетахъ о „спекулянтахъ“, „мароде-рахъ тыла“. Было интересно посмотрѣть на этихъ людей вблизи, на ихъ „биржѣ“.

Отъ гула и табачнаго дыма я въ первую минуту растерялся.

Развѣдчикъ. Рисунокъ С. Колесникова.

Потомъ оглянулся, нашелъ свободное мѣсто, понемногу сталъ разбираться въ толчѣй биржи.

Здѣсь торговали самыми разнообразными предметами. Покупали и продавали то, что нужно фронту, и то, что нужно тылу. Отъ хлѣба и угля до брильянтовъ—все составляло здѣсь предметъ для спекуляціи. Брильянты покупали тѣ, которые нажили на хлѣбѣ, желѣзѣ или химическихъ продуктахъ.

Продавали здѣсь и покупали, кромѣ продуктовъ и товаровъ, такія невещественныя цѣнности, которыя выросли вмѣстѣ съ суматохой военной тревоги: иностранную валюту, „наряды“ на вѣбочередную погрузку вагоновъ, „знакомства“ и „ходы“.

Я сидѣлъ въ дынной залѣ и подъ гулъ торга думалъ о „мародерахъ тыла“.

Возмущаться? Негодовать и громить?

Стоитъ ли тратить жаръ души на этихъ несчастныхъ вырождковъ, не сознающихъ, что на кратерѣ вулкана строятъ они зданіе своего эемернаго благополучія? На этихъ убогихъ глупцовъ, которыхъ даже міровая катастрофа не вывела изъ подвала тупого себялюбія? На этихъ паразитовъ, рожденных неурядицей, не ими созданной?.. Лучше не знать о нихъ, не думать о нихъ!

Я уже собирался выйти изъ кафе, когда увидѣлъ среди копошащихся въ проходахъ суетливыхъ дѣльцовъ моего друга дѣтства Леонида Семеновича Рѣчкина.

Я не встрѣчалъ Рѣчкина лѣтъ десять. Но вѣсти о немъ доходили до меня. Последний разъ я слышалъ о немъ передъ войной. Онъ только-что вернулся изъ ссылки по политическому дѣлу, поселился въ Одессѣ и занимался не то журналистикой, не то переводами.

Леонидъ Рѣчкинъ былъ всегда человекомъ самыхъ странныхъ неожиданностей. Я не удивился бы, если бы узналъ, что онъ отправился въ экспедицію на планету Марсъ или основалъ въ Южной Америкѣ новую коммуны.

Но встрѣтить его, мечтателя-идеалиста, среди мелкихъ отвратительныхъ спекулянтовъ, въ сутолокѣ и мѣшанинѣ грязнаго торга, я не ждалъ, не могъ ждать!

Черезъ нѣсколько минутъ Леонидъ Семеновичъ уже сидѣлъ за моимъ столомъ.

— Расскажи, Лень!

— О чемъ?

— Что съ тобой? Какъ ты очутился здѣсь?

— Ахъ, объ этомъ! Очень просто! За тѣмъ же, за чѣмъ здѣсь всѣ остальные. Я рѣшилъ разбогатѣть!

Я смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Но онъ нѣсколько не смутился.

Онъ былъ такой же, какъ раньше: худощавый, съ взлохмаченной прической, съ напряженнымъ, почти воспаленнымъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ, съ мягкой и скорбной улыбкой въ углахъ губъ.

— Ты серьезно, Лень?

— Конечно, серьезно! — спокойно отвѣтилъ онъ.—Я рѣшилъ разбогатѣть.

— Но на чемъ? Чѣмъ, собственно, ты промышляешь?

— Всѣмъ. Рѣшительно всѣмъ, на чемъ можно заработать. Можетъ-быть, тебѣ нужны вагоны? Или протекція къ одной вліятельной особѣ, которая все можетъ устроить? Говори, не стѣсняйся. Конечно, мнѣ „куртажъ“. Я все могу устроить. Продукты разные, если нужно. Я всѣмъ торгую... всѣмъ, что даетъ доходъ!

— Но, Лень, ты клеветашь на себя!

— Почему клеветашь? Ты спрашиваешь, чѣмъ я промышляю. Я серьезно отношусь къ твоему вопросу и серьезно отвѣчаю.

— А я серьезно сомнѣваюсь! — отвѣтилъ я.

— Что же тебѣ нужно? Доказательствъ? Изволь! Закажи какой-нибудь товаръ или предложи оборудовать какое-нибудь дѣльце, но, конечно, не вступую...

— Брось, Лень! — рѣшительно сказалъ я.—Я ни за что не повѣрю, что ты, Леонидъ Рѣчкинъ, дважды бывший въ ссылкѣ, отказавшійся отъ наслѣдства, чтобы ты, какимъ я тебя знаю, занимался этими грязными дѣлишками!

Я попрежнему смотрѣлъ прямо въ глаза Рѣчкину, недѣясь, если не услышать, то увидѣть правду въ его не умѣющемъ лгать взорѣ.

Но онъ ничѣмъ не выдавалъ себя. Спокойно спросилъ:

— Развѣ люди не мѣняются?

— Нѣтъ, не мѣняются! — твердо отвѣтилъ я.—Мѣняются, если раньше лгали, ошибались, не нашли своей правды... Но ты не лгалъ. Ты не могъ перемѣниться!..

Съ фамильярностью школьнаго товарища Леонидъ Семеновичъ хлопнулъ меня по плечу и весело произнесъ:

— Чортъ съ тобой! Тебя не заморочишь! Надо тебѣ сказать правду.—Онъ сосредоточенно попытѣлъ папиросой, широкимъ жестомъ обвелъ залу кофейной и сурово произнесъ:—Я ненавижу этотъ мірокъ паразитовъ!.. О, съ какимъ наслажденіемъ я раздавилъ бы его! Но, тѣмъ не менѣе, другъ мой, я самъ къ нему принадлежу!

— Зачѣмъ?

— Временно. Мнѣ нужно разбогатѣть. Я рѣшилъ, что прежняя моя система не вѣрна. То, что я отказался отъ наслѣдства и вообще презрительно относился къ деньгамъ, было ошибкой. Я не раскаиваюсь. Это глупо раскаиваться. Но я хочу исправить свою ошибку.

— Зачѣмъ?

— Такая моя теперешняя идея!

— Расскажи, Лень.

— Мнѣ нужны деньги для того, чтобы довести до конца свое изобрѣтеніе.

Я невольно улыбнулся.

Это не было насмѣшливой улыбкой надъ неисправимымъ прожектеромъ. Напротивъ, я улыбнулся отъ радостнаго сознанія, что Рѣчкинъ остался прежнимъ милымъ благороднымъ мечтателемъ, ищущимъ средства спасти міръ.

— Ты не смѣйся! — сказалъ Леонидъ Семеновичъ.—Я говорю совершенно серьезно. У меня есть изобрѣтеніе, которое совершитъ переворотъ въ человѣческомъ мірѣ. Я не скажу тебѣ, въ чемъ оно состоитъ. Теперь, въ формѣ идеи, оно покажется смѣшнымъ, наивнымъ. Его надо закончить. Тогда никто не будетъ смѣяться... Тогда всѣ будутъ смѣяться! — неожиданно поправилъ себя Рѣчкинъ, сверкнувъ глазами.—Да, весь міръ будетъ тогда смѣяться! Но смѣяться отъ счастья! Смѣяться надъ своимъ про-

плывъ, такимъ никчемнымъ и кровавымъ!.. Это большое, серьезное изобрѣтеніе. И не теорія, а вещь!.. Ты понимаешь, вещь! Я извѣрился въ теоріи и вѣрю только вещамъ!

— Ты извѣрился въ теоріи?—удивленно переспросилъ я.

— Да, другъ мой. Я такъ много отдалъ теоріямъ, что имѣю право говорить о нихъ. Послушай, дружище! Вотъ налетѣлъ вихрь и развѣялъ по воздуху всѣ наши теоріи! Одновременно строились идеи и вещи. Идеи изъ благороднѣйшихъ порывовъ и высокиихъ мечтаній. Вещи изъ желѣза и свинца. Ну, и что же? Развѣ дредноуты и гаубицы не насмѣялись надъ идеями, не стерли ихъ въ порошокъ?.. Нѣтъ, другъ мой, я вѣрю только въ вещи. И то, что я хочу строить, это только вещь!..

— Вещь изъ благородныхъ порывовъ и высокиихъ мечтаній?

— Да, но перелитыхъ въ чугуны!.. Впрочемъ, ничего о моемъ изобрѣтеніи. Рано. Все узнаешь. И не въ немъ вѣдь пока суть. Теперь мнѣ нужны деньги.

— И ты ищешь ихъ здѣсь?

— Ну, да! Вѣдь никто мнѣ не дастъ денегъ на изобрѣтеніе, котораго я даже не могу назвать!.. Кромѣ того, я долженъ тебѣ сказать, что, разувѣрившись въ теоріяхъ и повѣривъ въ вещи, я рѣшилъ отбросить цѣлый рядъ предрасудковъ, являющихся порожденіемъ все тѣхъ же теорій!.. Вотъ тебѣ противны эти люди и противна нажива на несчастьѣ народномъ. И мнѣ это противно. Но я говорю себѣ: предрасудокъ! Теорія! Деньги есть вещь! Деньги живутъ сами по себѣ, независимо отъ происхожденія. Деньги, заработанныя тяжелымъ трудомъ честнаго рабочаго, могутъ превратиться въ орудіе зла, а деньги, нажитыя воровствомъ, обманомъ, даже разбоемъ, могутъ стать орудіемъ добра. Деньги есть вещь. И эта вещь мнѣ нужна для созданія той большой и прекрасной вещи, которая спасетъ міръ!.. При чемъ же тутъ соображенія „честности“, нечестности и прочая теорія?

— Однимъ словомъ, цѣль оправдываетъ средства?

— И оправданій не нужно! Никакихъ оправданій! Это все отъ теорій!

— И ты временно сталъ „дѣловымъ человѣкомъ“?

— Американцемъ!

— Ну, и что же? Успѣшно?

„Дѣловой человѣкъ“ слегка смутился.

Я улыбнулся, всталъ и, пожимая руку Леониду Семеновичу, сказалъ:

— Вижу, Леня! Рассказывать не надо.

— Что ты видишь? — насторожившись, спросилъ онъ.

— Дѣла твои вижу.

Онъ нахмурился.

— Ну, и что же ты видишь?

— Вижу, что твоя теорія о вещахъ все же осталась теоріей. Онъ отвелъ глаза въ сторону, закурилъ папиросу и заговорилъ смущенно, запинаясь и сердясь на себя за свое смущеніе.

— Ну, да! Дѣла мои здѣсь неважны!.. Ну, чертъ съ тобой! Скажу тебѣ всю правду!.. Ни одного дѣла здѣсь я еще не сдѣлалъ. И никакихъ вагоновъ не продаю, и никакихъ протекцій къ вліятельной особѣ не даю!.. То-есть, все это я могъ бы и давать. Не то, что у меня нѣтъ этого. Я обзавелся всѣмъ этимъ, когда рѣшилъ дѣлать деньги. Но, понимаешь, дружище, не могу!.. Глупые предрасудки мѣшаютъ!.. Толчусь здѣсь, шумлю, предлагаю, а чуть до дѣла дойдетъ, отлыниваю!.. Но это все пока! Я рѣшилъ отдѣлаться отъ этого!.. Я ненавижу себя за это клѣвство!

— А я за это люблю тебя! — сказалъ я.

Весеннее.

Такъ говорилъ мнѣ странный человѣкъ, случайный собесѣдникъ въ Лѣтнемъ саду.

Впрочемъ, самое слово „сосѣдникъ“ едва ли примѣнимо къ человѣку, который подѣлалъ ко мнѣ и сразу заговорилъ, не дожидаясь отъ меня репликъ, пожалуй, не замѣчая, слушаю ли я его.

— Ну, вотъ! Опять весна! Опять мы сидимъ въ Лѣтнемъ саду и любуемся солнышкомъ и дѣтшишками, голубымъ небомъ и вкуснопахнущей землей! Сидимъ, грѣмся, улыбаемся, вмѣсто того, чтобы возмущаться!..

„Вы хотите спросить, чѣмъ возмущаться? Помилуйте! Второй разъ происходитъ на свѣтѣ нѣчто невѣроятное! Нѣчто, чему имени нѣтъ! Съ чѣмъ примириться нельзя! Чего простить нельзя!.. Второй разъ приходитъ весна!.. Несмотря ни на что, приходитъ весна!.. Несмотря ни на что, смѣется небо!.. Нѣтъ, вѣдь это—издѣвательство!.. Послушайте, я не могу помириться съ этимъ. Весна и война! Смѣющееся небо, улыбающееся солнце и залитая кровью земля!.. Какъ хотите, это совершенно недопустимо!

„Вы смѣетесь? Ну, да. Это, дѣйствительно, смѣшно, когда человѣкъ говорить о такихъ предметахъ: „недопустимо“, будто рѣчь идетъ о какихъ-нибудь уличныхъ безобразіяхъ, о чемъ-нибудь такомъ, что могъ бы устранить дежурный околоточный надзиратель. Конечно, это смѣшно. И я вамъ кажусь, должно-быть, бѣглецомъ изъ желтаго дома. Но я не могу иначе выразиться. Это все-таки недопустимо, логически недопустимо! Это грубая насмѣшка надъ моими представленіями о красотѣ и гармоніи въ

Неожиданная встрѣча. Картина И. Владимірова.

природѣ. это издѣвательство надъ нашей душой, надъ нашимъ сознаниемъ.

„Послушайте! Вотъ уже вторая весна, которую я не приѣмлю. Я больше всего люблю весну. Я уже не молодѣю, вы видите это. Я помню сорокъ весенъ. Сорокъ весенъ, и каждая была для меня праздникомъ... Но вотъ двѣ весны, которыхъ я не принялъ, не хочу признать... Я воспринимаю весну всѣми пятью чувствами. Я ее вижу, слышу, ощущаю, обоняю, вкушаю... О, если бы я могъ теперь, эти два года, не имѣть своихъ пяти чувствъ!.. Я былъ бы счастливъ. Я просто не зналъ бы, что пришла весна. Я сказалъ бы себѣ: не можетъ прійти весна, когда мѣръ утопаетъ въ крови, когда вмѣсто созиданія идетъ разрушеніе, когда съ корнями вырываются древа культуры... Не можетъ прійти, и вѣтъ ея!.. Но, къ несчастью, я не лишился чувствъ воспріянія. Какъ и раньше, я весь зажигаюсь при первомъ блескѣ весеннихъ лучей. И только душой не могу я пріять весны!..

„Мое философствованіе вамъ можетъ показаться сумбурнымъ и наивнымъ. Мнѣ все равно. Я хочу, чтобы вы поняли мою мысль. А мысль моя заключается въ томъ, что человѣкъ долженъ послѣ этого возненавидѣть природу, объявить ее своимъ заклятымъ врагомъ, увидѣть ея настоящее лицо, ея безобразное и безчувственное лицо!..

„Ну, хорошо! Кончится война. Мечи, перекованные изъ копницъ, вновь будутъ перекованы въ орудія мирнаго труда, или запрятаны въ оружейные склады до новой войны. И вотъ настанетъ опять весна. Люди, по добротѣ своей или просто по недомыслию, все забудутъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, начнутъ опять воспѣвать весну: и такая она, и саякая, и прекрасная, и живительная, и бодрость она вселяетъ, и любовь она будитъ, и всякое такое хорошее!.. А того не припомнить ей, что въ грозные годы кровавой бури она тоже приходила, тоже смѣялась, тоже играла своими красками, звуками и ароматами!.. Того не припомнить ей, что она издѣвательски сіяла своей добродѣтельной красотой, когда человѣчество изнывало въ страданіяхъ и въ ненависти. О, люди слишкомъ добродушны, слишкомъ великодушны, когда рѣчь идетъ не о людяхъ, а о природѣ!.. И эту забывчивость, это всепрощеніе я считаю преступленіемъ!..

„Вы спросите, что же собственно переимѣнится отъ того, что люди не простятъ? О, многое! Увѣрю васъ, очень многое!.. Пусть люди знаютъ, что природа имъ врагъ... Даже не врагъ, а просто, — чужая, отдѣльная, не причастная къ человѣческимъ радостямъ

Воронка отъ тяжелаго снаряда, занятая нашими нижними чинами.

и горестямъ... Просто—что-то глупое, безчувственное, механически подчиняющееся своимъ законамъ, въ положенный часъ плачущее, въ назначенный часъ улыбающееся... Существо низшаго порядка, значительно отставшее отъ человѣка... Пусть люди разъ навсегда узнаютъ это и пусть презрѣтъ природу, съ ея машинной красотой, съ ея неизмѣнными зимами и неотлѣпными вѣснами!..

„И что же тогда?.. Очень просто, хотя это звучитъ, какъ парадоксъ... Человѣчество освободится отъ рабства. Сброситъ съ себя иго природы. Будетъ само себѣ творить весну!.. О, это вовсе не такъ смѣшно!.. Человѣкъ — величайшая изъ міровыхъ силъ. Человѣческой умъ можетъ создать искусственное солнце и дѣлать искусственное лѣто. Можетъ-быть, оттого и все несчастья человѣческой, оттого и сама война, что человѣкъ въ своемъ творчествѣ не былъ достаточно смѣлъ! Считался съ тѣми нормами, которые дала ему природа, творилъ въ предѣлахъ этихъ нормъ. А когда человѣчество распознаетъ природу, презрительно отвернется отъ нея, отвергнетъ все измѣренія, оно, можетъ-быть, превратитъ въ жилище самое небо, оно сдѣлаетъ то, что нужно человѣческому міру для того, чтобы жить и властвовать!..

„Это, конечно, мечты. Къ тому же, весьма спорныя... Я спорить не имѣю никакого намѣренія... Да и нѣтъ у меня тѣхъ доказательствъ, которыя вы признали бы достаточно убѣдительными!.. Ну, и Богъ съ нимъ, съ будущимъ! Не о немъ, въ сущности, рѣчь, а именно о настоящемъ, объ этой ужасной веснѣ, которая пришла, несмотря ни на что!.. Пришла и глупо смѣется своей сіяющей рожей прямо въ истерзанное лицо окровавленнаго міра!.. Развѣ васъ не охватываетъ злоба?.. Развѣ васъ не душитъ ненависть! Эхъ, вы!.. Значитъ, въ васъ нѣтъ души!.. Вы не знаете, что въ войнѣ мы живемъ... Въ войнѣ мы живемъ!.. Какаѣ весна? Почему весна? Какъ смѣетъ быть весна?..“

И онъ ушелъ, сердито ковыляя, этотъ странный человѣкъ, заговорившій со мной въ первый солнечный день весны на одной изъ аллей Лѣтнаго сада.

Лагерь.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.

№ 21

Выданъ 21-го мая 1916 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVII г.

издания

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку вонпарейль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается соч. Шарля де-Костера „Уленспигель“ кн. 2.

Главная Контора и редакція въ Петроградѣ, улица Гоголя, № 22.

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ несчастныхъ, остающихся въ законѣ Твоей... Дай мнѣ уразумѣть путь поведѣній Твоихъ...“ (Ис. 118). Кто эти святые слова можетъ произнести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управить своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или дома внимательно читать ихъ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета“— все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Тебѣ, при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію и равноправію женщинъ, нужно поспѣшить заняться саморазвитіемъ, вѣжь, юные, чтобы скорѣе вмѣстѣ съ вышедшими изъ строя кормильцами, общественными и государственными дѣателями!

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены известными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія каждымъ соотвѣстными программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 7 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой дѣльных и черныхъ рисунковъ, составляетъ вполне законченное дѣло, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную библіотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ“. Цѣна за каждый отдѣлъ или факультетъ въ 3 тома, безъ пересылки: „Отдѣлъ биологическихъ наукъ“ 18 р., „Отдѣлъ Истор.-Филолог. наукъ“ 16 р., факульт. Истор.-Филологическій 14 р., Медицинскій 13 р., Юридическій 12 р., Биологическій 11 р., Богословскій 9 р. Выписывающіе чрезъ издателя Ф. С. Комарскаго, Петроградъ, Пушкинская, 10, за пересылку не платятъ. Возвратившимся съ поля брани нашимъ защитникамъ и лицамъ, поступившимъ имъ, а также учащимъ и учащимся временныя льготы. Каталогъ съ образцами лекцій и отрывками печати высылается издателемъ бесплатно. Продажа изданій въ всѣхъ книгопродавцахъ.

ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНИИ НУЖДАЕТСЯ КАЖДЫЙ

владѣлецъ торговаго предпріятія. Торговая дѣятельность превратилась въ сложную науку, требующую отъ своихъ представителей серьезныхъ знаний.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, желающій поступить на службу въ какую-либо контору, банкъ, крупный магазинъ и т. п. долженъ пройти курсъ коммерческихъ наукъ. Лица, находящаяся на должностяхъ, могутъ значительно улучшить свое матеріальное положеніе, если посвятятъ свой досугъ на изученіе коммерческихъ наукъ. Ознакомьтесь съ нашимъ методомъ **заочнаго обученія бухгалтеріи**, коммерч. ариметики, коммерч. корреспонденціи, товаровѣдѣнія, техники веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и многого иного, необходимаго каждому коммерсанту, при помощи изданія нашего „АКАДЕМІИ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ“.

Краткій проспектъ бесплатно. Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевск., 44-62.

СТРАДАЮЩИМЪ

запорами, геморроемъ
рекоманд. Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. Это средство надежное, совершенно безвредное и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рец. вр. На ориг. коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ выписано полностью.

ЖЕЛУДКОМЪ

ВОЛШЕБСТВО И МАГІЯ Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. изд. пл. 95 к. Адресъ: МОСКВА, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18 2.

БУХГАЛТЕРІЯ ДЛЯ ВСѢХЪ. Кто хочетъ изучить бухгалтерію, коммерч. корреспонденцію и торговые законы, долженъ выписать Бухгалтерію для всѣхъ—единств. книга, въ которой просто, ясно и общедоступно изложена вся наука. Усвоить чрезвычайно легко. Безвѣстныя совѣты и указанія всѣмъ выписавш. книгу. Цѣна 1 руб. 55 коп. Треб. адресъ: Москва, Тверская, отд. 5, изд. Д. Куманова.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую описание прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производства, не требующія капитала, особые знанія и спеціальной подготовки. Заняться любымъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп. МОСКВА, изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатниковъ пер., 18 2.

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА
для грудныхъ дѣтей.
АЛЛЕНБЭРИСЪ
Получаются блестящіе результаты.
Брошюра № 12 по требованію бесплатно.
Англійское Агц. О-во „АЛЛЕНЪ И ГАНБУРИСЪ“.
Москва, Мясницкая, 32.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬИСЪ
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора Его Императорскаго Величества.

Одесск. Средн. Сельскохозяйственно-Гидротехническое училище,
 учр. И. И. Хойна. Съ правами казенн. учебн. завед. Тамъ же
ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ
 Приемъ прошений производится на 1916/17 уч. г. Просекты высыл. за 5 двухкоп. мар.
 ОДЕССА, Пушкинская, 60—5. 4049 10 5

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ
 въ 8 ур. и дв. мт. бухгалтеріи обучаю каж- даго заочно. Удост. 5 зол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифт., учен. раб. и усл. выс. ва 2—10 к. мар. Одесса, Римельевская, д. П. №12, Проф. калигр. Ш. КРУКУ.

Разрѣш. Киевск. БУХГАЛТЕРІИ (с. 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредств. переписки, вполне замѣн. устное преподав. Условія выс. бесплатно. А. П. Бобырь. Киевъ.-Н. Софійская, 5.

Руководство для ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.
 для начинающих
 Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к.
 Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕД. ПАРШИНА.
 Состоитъ вездѣ Августѣевичъ Поповичъ съ правомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА РЕЗНАГО КНИЖА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ВЪДОМ. МИНИСТЕР. ТОРГ. и ПРОМЫШЛ. для лицъ обоего пола съ разн. образованіемъ.

Первый Московскій **ТЕХНИКУМЪ**

ПРИЕМЪ на ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЕ, СТРОИТЕЛЬНОЕ (архитектурн. инженери), ЗЕМЛЕМЪРН., МЕХАНИЧЕСКОЕ, КОММЕРЧЕСКО ЭКОНОМИЧ. и пр. ОТДѢЛ.

КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ СЪ КАЗЕНН. ПРВВ. и курс. реал. уч. Приемъ ежедн. мальч. въ 1, 2, 3 отаѣл. подготов. клас., въ 1, 2, 3, 4 и др. клас. учил. Общеч. мащарн. городск. учил. прнимн. въ 1 класе.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ и КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІИ.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ принимаютъ лица обоего пола, принимаютъ лица въросл. обоего пола для подготовки къ разн. экзаменамъ, канцелярн. открыта ежедневно. условия безпл. бюро труда.

МОСКВА, Тверской бульваръ, соб. домъ № 23 Н. входъ въ канцелярню со двора.

При ГОНОРРЕЕ
 въ острой и хронической формѣ „ТИЗЕРИНЪ“
 послѣдствіяхъ ея примѣняется
 Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. для корб. капсуль 2 р. 85 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 1/28, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецелп. врачей.

СЛЫДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.— Этого удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.— Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==

Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО,
 МОСКВА. Отд. 1. С. Н.

Волосы!

ПРИ ГОНОРРЕЕ
 и воспаленіи мочевого пузыря,
 въ острой и хронической формѣ успешно примѣняется средство
„УРИТАЛЬ-ГАЛЕН“

Препаратъ для внутренняго употребленія. Дѣйствуетъ быстро и радикально. Въ короткое время устраняетъ самую упорную истеченія. Совершенно безвреденъ для организма. Цѣна флакона 1 руб. 75 коп.

Лабораторія „ГАЛЕН-МОСКВА“
 МОСКВА, Б. Никитская 5. Отд. 35.

Продается во всѣхъ аптекахъ по рецелпамъ врачей.

БУХГАЛТЕРІЯ
 и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатныя премія: Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Льготныя условия подписки и **БЕЗПЛАТНО.** пробная лекція „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—55.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣча „Проктоль-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболивающе, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жженіе и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ВЕЛЬ и С-въ ПЕТРОГРАДЪ

НЕ ВЫХОДИТЕ
 въ холодную или сырую погоду,
 НЕ ВЗЯВШИ ВЪ РОТЬ
PASTILLES VALDA
 (Лепешку Вальда)

Но особенно употребляйте только

НАСТОЯЩІЯ
PASTILLES „VALDA“
 (Лепешки Вальда),
 продаваемая только въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ

VALDA
 во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ
 (H. Caponne, Paris).

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,

и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалодолъ Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецелпамъ врачей. Кефалодолъ абсолютно безвреденъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ.

Заработок впр. поочн. 100—200 р. мѣс. лицамъ об. пола и дѣт. гарант. вездѣ. Дѣло соверш. **НОВОСТЬ**, ориг. интер., не агентура и т. п. Не рекл. Подр. вмс. за 10 к. на пер. г. Архангельск. Поморская, 72. А. М. Малаховъ, 1.

ПРОДАЮТСЯ

САМОКАТЪ-КРЕСЛО

съ ручнымъ приводомъ. (Патентовано).
Цѣна 750 р.

ПИЩУЩАЯ МАШИНА „МЕТЕОРЪ“

Цѣна 200 р.

Томасъ Г. Виттикъ Кюнау и К^о.
Невскій, 40-2—27. 4154

ПИСАТЬ
красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна зал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. з:)

Покупаю ПИВНЫЯ ПРОБКИ,
редукционные вентили, баллоны для углекислоты, мѣдныя котлы и принадлежности пивоваренныхъ заводовъ. Подр. предл. съ пѣнами адресовать: Павелъ Вортманъ, Москва, Масницкая, № 35. 4149

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ С отдѣл. Фондо-Готикъ, Батардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вѣнж. образц. на конторск. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрундящ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 350 стр. убоиет. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубля.

Адр.: Книггозд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стр. Цѣна (з) 3 рубля. 4125

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступитъ на службу въ казенн. и частн. учр., формы прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

ТОРГОВО-промышленное законодательство ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣятелей и служащихъ. 443 стр. (+VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля. При посылк. налогъ плат. на 25 к. дороже.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕЪ СВѢТЪ
АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоятъ 175 руб.

ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары. **Теперь** мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ,
РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщиковъ и вязальницъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Предварительныхъ знаній не требуется. Газетное не служитъ препятствіемъ. Требуется нашъ бесплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11.

Лондонъ, E. C. 114 Leadenhall st. 4122-23

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Малыя державы въ великой войнѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Къ концу второго года войны все яснѣе обрисовывается странная роль, какую играютъ въ великой мировой драмѣ маленькія державы. Вооруженіе поговорило: „Паны дерутся, а у хлопцевъ чубы трещать“, кровавая борьба великихъ державъ принесла карманамъ „нейтральныхъ“ огромныя выгоды и успѣла пробудить въ ихъ сердцахъ ненасытное честолюбіе. Ведя такую игру на два фронта, маленькіе Бисмарки Балканъ и Скандинавіи надѣются выиграть на чужой крови огромныя ставки. Первая Греція подъ шумокъ общеввропейской бойни успѣла захватить себѣ южную часть Албаніи и Эпиръ и, не зная, кто будетъ побѣдителемъ, готова съ одинаковымъ усердіемъ служить обѣимъ сражающимся сторонамъ въ надеждѣ, что побѣдитель укрупнитъ ея албанскій захватъ. Болгарія, долгие мѣсяцы продолжавшая ту же игру въ двойственный нейтралитетъ, но втайнѣ связанная династическими нитями съ Австро-Германіей, подняла оружіе на славянство и формально перешла на сторону нѣмцевъ. Въ Румыніи, находящейся приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ династическаго родства, игра въ двусмысленный нейтралитетъ тянется уже почти два года. Народная оппозиція королевскому германофильству не настолько крѣпка, чтобы дать соответственное національнымъ интересамъ направленіе государственной политикѣ, но въ то же время достаточно шумна и демонстративна для того, чтобы поддерживать въ русскихъ дипломатахъ самыя пріятныя иллюзіи относительно выступленія румынъ на сторонѣ коалиціи Согласія. Пока мы слушаемъ патристическія рѣчи румынскихъ националистовъ въ родѣ Таке-Юнеско, пока ведемъ бесѣды съ дипломатическимъ туристомъ Филиппеко, тѣмъ временемъ Румынія подъ флагомъ благожелательнаго къ намъ нейтралитета зарабатываетъ колоссальные барыши, снабжая нашихъ хлѣбомъ австрийцевъ и нѣмцевъ и пополняя десятками тысячъ нашихъ лошадей свою, а можетъ-быть, и германскую кавалерію, съ весьма вѣроятнымъ использованием своего вооруженія не противъ нашихъ враговъ, а противъ насъ самихъ. Русская дипломатія вѣрится во всеильныя чары оборотливой любезности, ничѣмъ не желающа раздражать румынское общественное мнѣніе и потому нисколько не пренебрегающа обильному снабженію и вооруженію двуличнаго соседа, почти открыто работающаго на пользу нашихъ враговъ и могущаго при первой нашей военной неудачѣ стать со всѣми своими вооруженными силами на ихъ сторону, но примѣру Болгаріи. Приблизительно такую же роль играетъ Швеція на сѣверѣ; Голландія и Данія на западѣ Германіи. Всѣ не воюющія державы являются мирными торговыми посредниками во время войны и загребаютъ несметныя груды золота на контрабандѣ въ обѣ стороны. Поскольку война между коалиціями великихъ державъ принимаетъ форму затяжной войны на истощеніе, постольку организованная контрабанда сохраняющихъ показной нейтралитетъ маленькихъ державъ—характеръ и значеніе подпольнаго союзничества Германіи. Каждый пудъ провезеннаго подлѣ нейтральною пологою въ Австро-Германію хлѣба и мяса поддерживаетъ силы нѣмецкаго сопротивленія и длитъ изнуряющее Европу кровопролитіе. Въ то время, какъ великіе народы въ богатѣйшихъ на протяжении расовой борьбы исходятъ кровью и разоряются, маленькіе, политически и экономически маклачествующіе наживаются и жируютъ за ихъ счетъ. Пассивная дипломатія коалиціи Согласія, несмотря на цѣлый рядъ огорчительныхъ разочарованій, до сихъ поръ никакъ не можетъ подсчитать взаимную силу противобор-

ствующихъ вліяній родственныхъ и династическихъ связей правителей нейтральныхъ державъ и національныхъ интересовъ управляемыхъ ими народовъ и поэтому почти постоянно становится жертвою самаго грубаго обмана со стороны двуличныхъ политиковъ малыхъ державъ. Вмѣсто того, чтобы однимъ ударомъ сморить задумавшую нападеніе на насъ, но еще неподготовленную Турцію, мы цѣлый годъ любезничали съ нею, покамѣстъ она не закончила свои вооруженія. Даже послѣ нападенія на наши порты „Гебена“ и „Бреслау“ мы все еще колебались: объявлять или не объявлять султану войну. Та же исторія повторилась съ Болгаріей и тянулась еще болѣеій срокъ.

Послѣ многолѣтняго знакомства съ Фердинандомъ Кобургскимъ мы не подозревали его коварства и продолжали ему вѣрить. Еще любезнѣе и терпѣливѣе относимся мы къ его тезкѣ Фердинанду Румынскому, до вѣрчиво закрывая глаза и на тѣ военно-коммерческія услуги, которыя онъ оказываетъ нѣмцамъ, и на тѣ тройныя линіи оконовъ, которыми онъ ограждаетъ румынскую границу отъ Россіи. Шведскій протестъ противъ вооруженія нами Аландскихъ острововъ въ виду крейсирующихъ вокругъ германскихъ броненосцевъ точно также не раскрылъ намъ глаза на характеръ шведской дружбы. Такіе же плоды готовы были получиться у нашихъ союзниковъ въ Греціи, которая пыталась протестовать и противъ занятія Салоникъ и противъ провоза сербскихъ войскъ съ Корфу, только до тѣхъ поръ пока съ пріятельниками короля Константина англо-французскія военныя власти говорили на дипломатическомъ, а не на военномъ языкѣ. Стоило послѣднимъ заговорить рѣшительнымъ тономъ, и оно тотчасъ же дало все, что отъ него требовалось, примѣръ въ высшей степени поучительный и заслуживающій подражанія. Великія державы по самому своему положенію и политическому калитру обязаны разсчитывать болѣе на внушительность, чѣмъ на любезность своихъ словъ. Онѣ не просятъ, а требуютъ, не убеждаютъ, а приказываютъ. Пора понять, что двуличная дружба мелкихъ державъ для насъ несравненно опаснѣе, чѣмъ открытая вражда. Живущая ввознымъ хлѣбомъ Швеція, съ ея пятимилліоннымъ населеніемъ, на полѣ битвы не страшна, но, какъ неутомимая пособница по поставкамъ нашего же и американскаго хлѣба въ Германію, она наноситъ намъ огромный военный ущербъ. Въ такомъ же положеніи находится Румынія, ограбленная нѣмцами Данія и крошечная Голландія. На самый худой конецъ ихъ открытое присоединеніе къ враждебной намъ коалиціи не на много увеличитъ численность непріятельскихъ армій, но зато дастъ полноту экономической и продовольственной блокады Германіи. Но даже и до этого дѣло не дойдетъ, такъ какъ каждое рѣшительное требованіе дружественной намъ коалиціи, если оно не будетъ предъявлено слишкомъ поздно, получить полное удовлетвореніе. Сознаніе своей силы и своего величія обязываетъ говорить властно и повелительно. Примѣръ нашихъ рѣшительныхъ дѣйствій въ Персіи еще нагляднѣе показываетъ, какъ можно изъ тайныхъ враговъ сдѣлать вѣрныхъ друзей. Шахъ готовъ былъ воевать противъ насъ въ союзѣ съ нѣмцами и турками, теперь онъ покорно помогаетъ намъ очистить его страну отъ нѣмцевъ и отъ турокъ. Достаточно своевременно предпринятаго маленькаго нажима для того, чтобы политика и всѣхъ остальныхъ мелкихъ державъ утратила опасную неопредѣленность и изъ пассивно враждебной превратилась даже въ активно дружественную, ибо почти всюду симпатіи населенія находятся на сторонѣ противогерманской коалиціи, и рѣшительный тонъ коалиціонной дипломатіи дастъ перевѣсъ національнымъ симпатіямъ малыхъ державъ надъ династическими тяготѣніями маленькихъ правителей.

Трудная операция. Рисунок А. Кудрявцева.

ЖЖВВ

№ 21. Выходит ежевед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кв. „Сборника“, содерж. съч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кв. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и гыкр. Выдавъ 21 мая 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на ½ года—5 р., на ¼ года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—25 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

На фронтъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Послѣ бѣя. Стихотвореніе Павла Орѣшниковъ. — Колокольъ Роландъ (нѣмецкая „правда“). Очеркъ Юганнеса Юргенсена. (Продолженіе). — Сказки нашихъ дней. Ю. Волина. — 2 заявленія. — Объявленія. — Отклики войны. — Малая держава въ великой войнѣ. (Политическое обозрѣніе).
Р И С У Н К И: На фронтѣ. — По дорогѣ на позиціи. — Бронированные автомобили. Обстрѣлъ. — Наводка понтоннаго моста на рѣкѣ Д. — Фармацевтъ А. Л. Рытвинскій, погибшій на „Португаліи“. — Братская могила. Измайловцамъ — преображенцы. — Латышскій придорожный крестъ. — Въ разоренной Бельгіи (4 рис.). — Французская пѣхота на походѣ. — Французскіе солдаты прокладываютъ дорогу въ окрестностяхъ Суассона. — На Французско-англійскомъ фронтѣ. — На бельгійскомъ фронтѣ. — По глубокому снѣгу. Изъ походнаго альбома Л. Сологуба. — Подвигъ женщины. Картина И. Горюшкина-Сорокоудова. — Американскій флотъ. — Американская армія. — Въ разоренной Польшѣ. Акварель Н. Подберескаго. — Осиротѣла. Акварель И. Владимірова.

Къ этому № прилагается сочин. Шарля де-Костера: „Уленспигель“ книга 2.

КЪ С В Ѣ Д Ѣ Н І Ю

гг. подписчиковъ „НИВЫ“ 1916 года,

подписавшихся на первую серію соч. Д. Н. Мамина-Сибиряка за 1915 г.

Заявленіемъ въ № 5 „Нивы“ с. г. контора журнала „Нива“ оповѣстила о томъ, что ею, въ виду израсходования готовыхъ экземпляровъ первой серіи соч. Д. Н. Мамина-Сибиряка, скоро будетъ приступлено къ новому ихъ печатанію.

Въ этомъ заявленіи гг. подписчики ставились въ извѣстность о препятствіяхъ, возникшихъ главнымъ образомъ изъ-за бумажнаго кризиса, вслѣдствіе которыхъ новое печатаніе приходится производить не столь быстро, какъ это было бы желательнымъ.

Нынѣ контора журнала „Нива“ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что **часть экземпляровъ** означенныхъ сочиненій заканчивается печатаніемъ, и въ скоромъ времени начнется разсылка въ порядкѣ поступленія заказовъ на эти сочиненія.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

11-го мая исполнилась годовщина со дня объявленія войны Италией Австріи. Этотъ моментъ совпалъ съ развитіемъ весьма большаго сраженія въ Тироли, по масштабу своему аналогичнаго съ величайшими сраженіями въ нынѣшней войнѣ.

Въ то же время нѣмцы настойчиво продолжали свою операцію подъ Верденомъ, и четвертый мѣсяцъ этой злосчастной для нѣмцевъ операціи начался съ новыхъ ожесточенныхъ штурмовъ на лѣвомъ берегу Мааса, въ которыхъ участвовали дивизіи, доставленныя нѣмцами съ другихъ фронтовъ войны. Было ясно, что Верденская операція затягивается, и что противникъ, такъ смѣло бросившійся три мѣсяца тому назадъ на Верденъ, теперь уже

волей-неволей долженъ продолжать это наступленіе, неуспѣхъ котораго уже былъ вполне ясенъ, а стратегическая цѣнность котораго вообще всегда равнялась нулю.

Такимъ образомъ первое дуновение весны принесло развитіе операцій не на восточномъ фронтѣ войны, а на французскомъ фронтѣ, итальянскомъ и, какъ имѣлись извѣстія, грозило распространиться и на балканскій и на азіатскій фронты. Это представлялось крайне важнымъ, такъ какъ передъ противникомъ ни на одномъ изъ этихъ фронтовъ не лежало такихъ достижимыхъ стратегическихъ цѣлей, которыя имѣли бы крупное рѣшающее значеніе, которыя приводили бы войну къ столь желанному для австро-нѣмцевъ окончанію.

Безнадежность нѣмецкаго наступленія на Верденъ не подлежала сомнѣнію, и это мы еще заблаговременно доказывали. Однако на итальянскомъ фронтѣ австріицы, даже въ сомнительномъ случаѣ успѣха, могли разсчитывать на занятіе нѣкоторой части территоріи, но не болѣе, а это, конечно, не только нисколько бы не приближало войну къ окончанію, но, наоборотъ, истощало бы силы противника и затягивало ходъ событій. Про Балканскій и Малоазіатскій театры говорить нечего, и тамъ, какъ извѣстно, событія имѣли лишь нѣкоторое, отнюдь не рѣшающее вліяніе, на ходъ европейской войны, ибо такихъ ударовъ, которые привели бы европейскую войну къ окончанію, нельзя было нанести ни на балканскомъ ни на малоазіатскомъ фронтахъ.

Окончаніе войны всецѣло зависѣло только отъ большаго столкновенія на нашемъ фронтѣ, и тотъ или иной результатъ такого столкновенія дѣйствительно могъ бы имѣть рѣшающее значеніе и вывести изъ строя главнаго противника той или другой стороны, а это бы означало конецъ войны.

По дорогѣ на позиціи.

Бронированные автомобили. Обстрѣль.

Изъ этого можно было видѣть, что какія-то причины вынудили противника отказаться отъ рѣшительныхъ операций и заняться дѣйствіями на такихъ фронтахъ, гдѣ событія не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Повидимому, противникъ серьезно считался съ сомнительной возможностью добиться новыхъ крупныхъ успѣховъ на нашемъ фронтѣ и дѣйствительно переходилъ къ оборонѣ, стремясь лишь занять на всѣхъ фронтахъ войны неприятельскую территорию, дабы дать своей дипломатіи „козыри“ въ руки къ моменту мирныхъ переговоровъ.

Въ началѣ войны мы наблюдали неудачное исполненіе противникомъ грандіознаго и смѣлаго плана, гдѣ предусматривался сначала разгромъ Франціи, а затѣмъ Россіи. Затѣмъ, когда этотъ планъ былъ похороненъ на Марнѣ, нѣмцы на второе лѣто войны принялись за другой планъ, гдѣ предвидѣлся если не „разгромъ“ Россіи, то, во всякомъ случаѣ, занятіе въ теченіе двухлѣтней кампаніи такихъ важныхъ пунктовъ и районовъ, потеря которыхъ должна была, по мысли нѣмцевъ, лишить насъ возможности продолжать дальнѣйшее сопротивленіе.

Неудача Свѣнцианскаго прорыва и энергично веденная нами Вильно-Молодеченская операція не позволили противнику выполнить первую половину плана войны, рассчитанную на первый годъ войны, а именно дойти до Днѣпра, и противникъ былъ остановленъ болѣе, чѣмъ за 200 верстъ отъ этой рѣки. Это въ свою очередь означало, что планъ войны въ нашу сторону также потерпѣлъ крушеніе и не можетъ быть выполненъ въ теченіе двухъ лѣтъ, даже если бы нѣмцы были особенно увѣрены въ успѣхѣ.

Такимъ образомъ противникъ съ начала нынѣшняго года, повидимому, избралъ третій планъ войны, имѣющій цѣлью захватить въ руки „залогн“, въ видѣ занятыхъ территорий на всѣхъ фронтахъ. Очевидно, нѣмцы считаютъ, что, разъ у нихъ заняты на западномъ фронтѣ Бельгія и нѣсколько департаментовъ Франціи, на нашемъ фронтѣ Царство Польское, на балканскомъ фронтѣ — Сербія и Македонія, то остается лишь занять на итальянскомъ фронтѣ Венеціанскую область, дабы затѣмъ ихъ дипломаты могли исходить изъ того произвольнаго умозаключенія, что якобы австро-нѣмцы оказываются побѣдителями на всѣхъ фронтахъ. Правильность такого расчета подлежитъ, конечно, большому сомнѣнію, ибо все эти операціи должны истощить силы противника и ослабить его соответственно на главномъ фронтѣ войны — нашемъ, почему положеніе противника въ моментъ окончанія этихъ операцій можетъ оказаться, наоборотъ, еще болѣе невыгоднымъ, чѣмъ до начала ихъ.

Какъ бы то ни было, черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ нѣмцы безнадежно уцѣпились за Верденъ, австріяцы 1-го мая повели неожиданное наступленіе большими силами изъ Тироля въ Венеціанскую область. Какъ впоследствии оказалось, на итальянскомъ фронтѣ были сосредоточены австріяками большія подкрѣпленія, тяжелая артиллерія и все прочее, что требуется для большого наступленія, при чемъ весьма большая масса противника оказалась на томъ участкѣ итальянскаго фронта, который считался второстепеннымъ, а именно на фронтѣ Трентино или южнаго Тироля.

Данныя объ итальянскомъ фронтѣ мы приводили въ статьѣ „Война за Адриатику и Тироль“, помѣщенной въ майской книжкѣ „Литературныхъ Приложеній“ къ Нивѣ. Изъ этой статьи можно видѣть,

что главнымъ фронтомъ является фронтъ рѣки Изонцо, т.-е. пути по берегу Адриатики къ Триесту черезъ крѣпость Горицу, а область Трентино или южный Тироль, эта „австрийская Восточная Пруссія“, является второстепеннымъ фронтомъ.

Соответственно этому и были все время распределены войска австріяцевъ, а именно наибольшая группа австрийскихъ войскъ, армія генерала Свѣтозара Бороевича, въ составѣ 14—15 дивизій, всего до 300.000 человекъ, и находилась на фронтѣ рѣки Изонцо. На второстепенномъ же фронтѣ Трентино находилась небольшая австрийская армія генерала Данкля, а въ Карнійскихъ Альпахъ, между Трентино и фронтомъ рѣки Изонцо, для связи армій Бороевича и Данкля, находился отдѣльный австрийскій корпусъ генерала Рога.

Къ началу своего наступленія австріяцы усилили армію генерала Данкля въ Трентино, какъ сообщаютъ итальянскіе источники, до 300.000 человекъ. Такимъ образомъ общее количество австрийскихъ войскъ на итальянскомъ фронтѣ, къ моменту начала большого сраженія въ южномъ Тиролѣ, превышало 600.000 человекъ (считая отдѣльный корпусъ генерала Рога въ

Карнійскихъ Альпахъ).

Между тѣмъ въ началѣ войны австріяцы удѣляли итальянскому фронту не болѣе 1/5 всѣхъ своихъ силъ, тогда какъ теперь численность австрийскихъ силъ превышала уже 50% всѣхъ вооруженныхъ силъ Австро-Венгріи.

Какъ всегда бываетъ при началѣ большого наступленія, первый натискъ австріяцевъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, и они нѣсколько продвинулись впередъ. Необходимо напомнить, что съ началомъ войны итальянцы въ области Трентино заняли приграничную австрийскую территорию, на путяхъ къ австрийской крѣпости Триенту, этому главному ядру всей оборонительной системы австрийцевъ въ Трентино, и на этой приграничной территоріи укрѣпились, перенеся такимъ образомъ военныя дѣйствія уже въ предѣлы австрийскаго Тироля.

Слѣдовательно, первой задачей австріяцевъ было вытѣсненіе итальянцевъ обратно на итальянскую территорию, по ту сторону границы, но общей задачей противника въ этомъ наступленіи было, какъ это видно изъ направленія натиска главныхъ австрийскихъ массъ, движеніе въ направленіи къ Падуѣ и Венеціи.

Оказывая энергичное сопротивленіе, итальянцы отошли со своихъ передовыхъ позицій на главныя позиціи, проходящія по самой пограничной линіи между Италіей и Австріей и идущія, слѣдовательно, отъ озера Гарда къ востоку и сѣверо-востоку вдоль границы черезъ долины рѣкъ: Лагорино, Астикко, Терраньоло, Бренты и черезъ плоскогорье Асыяго.

Еще дальше напомнимъ, что главный путь изъ Тироля въ Италію шель по относительно широкой (до 4 верстъ) долинѣ рѣки Адижа, но этотъ путь былъ запертъ знаменитымъ четырехугольникомъ итальянскихъ крѣпостей — Ментуя, Пестьера, Леньяго

Наводка понтоннаго моста на рѣкѣ Д.

и Верона и сверхъ того заирился также болотами рѣкъ Адига и По. Поэтому всегда считалось, что наступление австрійцевъ изъ Тироля, какъ выводящее въ такой тупикъ, маловѣроятно, какъ и наступление итальянцевъ въ Тироль, гдѣ горная мѣстность не допускаетъ дѣйствій большими силами.

Между тѣмъ изъ дальнѣйшаго хода сраженія въ Тиролѣ вы-

Братская могила. Измайловцамъ—преображенцы.

яснилось, что австрійцы пытаются миновать четырехугольникъ крѣпостей и пройти къ сѣверу отъ него такимъ образомъ, чтобы только самый правый краешекъ наступательной массы задѣлъ лишь одну изъ крѣпостей четырехугольника, а именно крѣпость Верону. Это было видно изъ того, что наступление австрійцы вели тремя параллельными группами: по долинь рѣки Лагорино, затѣмъ по долинь Астиго и черезъ плоскогорье Асыяго и, наконецъ, по рѣкъ Брентѣ и долинь Сугано. Всѣ эти пути находились восточнѣе и сѣвернѣе той удобной дороги, которая идетъ по долинь

рѣки Адига, а слѣдовательно и сѣверо-восточнѣе четырехугольника крѣпостей, при чемъ эти пути вывели къ Падуѣ и къ Венеціи.

Въ то же время главныя силы итальянской арміи находились на рѣкъ Изонцо, гдѣ вели операцію черезъ Горичу въ направленіи на Триестъ. При такихъ условіяхъ австрійская операція имѣла, несомнѣнно, весьма серьезное значеніе и обнаружила стремленіе австрійцевъ какъ наступать къ Падуѣ и Венеціи, такъ и одновременно дѣйствовать противъ сообщеній главной итальянской арміи, находящейся на рѣкъ Изонцо, на путяхъ къ Триесту.

Отсюда ясно, что австрійцы, пытаясь отрѣзать кружнымъ путемъ Венеціанскую область, неминуемо должны были наткнуться на крайне энергичное сопротивленіе итальянской арміи, которая находилась въ этой области и не могла не принять мѣръ для охраны своихъ сообщеній, а это въ свою очередь обозначало, что здѣсь должно произойти громаднѣйшее сраженіе, въ которомъ будетъ участвовать до полутора милліона человѣкъ.

Такое сраженіе, хотя оно и велось на второстепенномъ итальянскомъ театрѣ, тѣмъ не менѣе могло имѣть большое значеніе для всего хода европейской войны, при чемъ значеніе, во всякомъ случаѣ, отрицательное для австрійцевъ. Это объясняется тѣмъ, что, даже въ сомнительномъ случаѣ успѣха австрійцевъ, они на особенно далекое продвиженіе не могли рассчитывать, ибо слишкомъ бы далеко удалялись отъ своей базы, тогда какъ въ то же время это сраженіе неминуемо должно вызвать новое ослабленіе австрійскихъ силъ и сдѣлать ихъ мало пригодными для операцій на другихъ фронтахъ войны.

Такимъ образомъ начало мая, второй годъ войны за Адриатику и Тироль, совпало съ развитіемъ весьма большого сраженія, гдѣ противникъ самонадѣянно поставилъ себѣ, кромѣ ряда другихъ задачъ, имѣющихся у него на разныхъ фронтахъ войны, еще и новую задачу—занятіе знаменитой Венеціанской области.

Фармацевтъ госпитального судна „Португалія“, потопленнаго непріятельской подводной лодкой въ Черномъ морѣ, Александръ Леонидовичъ Рывинскій, самоотверженно отдавшій свой спасательный поясъ сестрѣ милосердія графинѣ Е. В. Татищевой (поздѣе съ Минѣевой) и погибшій вмѣстѣ съ ея мужемъ, уполномоченнымъ Краснаго Креста, графомъ Л. Л. Татищевымъ.

Послѣ боя.

Весна. Вдалекѣ отзвучало недавняго боя
Стоустое эхо. Неслышно свѣтаетъ. И вновь
Надъ лугомъ разослано небо, всегда голубое.
И тускло мерцаетъ на листьяхъ истоптанныхъ—кровь.
Здѣсь ночью сражались за правду волнующей клятвы.
Здѣсь царствовалъ ночью безликій, воинственный
гнѣвъ.

О, будетъ на рѣдкость богатымъ день праздничной
жаты,

Когда такъ обилень вселяющій трепеты свѣвъ.
Доспѣхи. И трупы. Поломанной пушки колеса.
Природѣ измяли зеленый цвѣточный коверъ
И скомкали Маю душистыя росныя косы...
Но... солнце прощаетъ. Шлетъ кротко свой ласковый
взоръ.

Весна. Вдалекѣ отзвучало недавняго боя
Стоустое эхо. Неслышно свѣтаетъ...

И крестъ

Воздвигнетъ ли кто надъ «Великимъ Успеньемъ
Героя»?

Лишь вороны кружатъ надъ трауромъ брошенныхъ
мѣсть.

Павель Орѣшниковъ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ. Латышскій придорожный крестъ.
Изъ походнаго альбома Л. Сологуба.

Колоколь Роландъ

(Нѣмецкая „правда“).

Очеркъ Иоганнеса Юргенсена.

Авторизованный переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ.

(Продолженіе).

Нужно отвѣтить на два вопроса:

1. Было ли обѣщаніе Англій поддержать Францію продиктовано желаніемъ войны, а нарушеніе нейтралитета Бельгіи, слѣдовательно, лишь предлогомъ, но не причиной войны?

2. Поступалась ли Бельгія своимъ нейтралитетомъ въ пользу Англій, или пробилась въ немъ брешь сама, по образному выраженію Ветманъ-Гольвега?

Первый отвѣтъ.

Г. Ветманъ-Гольвегъ въ своемъ обвиненіи ссылается на „самоѣ англійскую Синюю Книгу“. Какихъ же еще намъ нужно доказательствъ, разъ Англія сама официально сознается?

Въ чемъ же сознается Англія? Что говорится въ Синей Книгѣ? Я нахожу тамъ (подъ № 148, стр. 74) слѣдующую депешу отъ сэра Эдварда Грея къ сэру Вертье, британскому послу въ Парижѣ (эту именно депешу и имѣетъ въ виду Ветманъ-Гольвегъ).

Foreign Office *) Aug. 2, 1914.

„Послѣ совѣта министровъ сегодня утромъ я передалъ Пьеру Камбону (французскій посолъ въ Лондонѣ; не смѣшивать съ Жюлемъ Камбономъ, посломъ въ Берлинѣ) слѣдующій меморандумъ:

„Я уполномоченъ дать обѣщаніе, что, въ случаѣ появленія германскаго флота въ Каналъ или въ Сѣверномъ морѣ, съ цѣлью враждебныхъ операцій противъ береговъ Франціи или французскихъ судовъ, британскій флотъ окажетъ зависящую отъ него помощь. Обѣщаніе это надо, разумѣется, принять въ соотвѣтствіи съ политикой правительства Его Величества, поскольку она одобряется парламентомъ, и ни въ коемъ случаѣ не должно понимать его, какъ обязательство правительства Его Величества вмѣшаться ранѣе вышеупомянутыхъ дѣйствій германскаго флота.“

Какъ видно, обѣщаніе было дано *крайне условно*. Меньше-то ужъ и нельзя было обѣщать. Въ силу своего договора (Entente cordiale) съ Франціей, Англія была обязана оказать республикѣ извѣстную поддержку. Но, если бы германскій флотъ не появился въ Каналѣ или въ Сѣверномъ морѣ и не нападалъ на французскіе берега или суда, — *Англія, слѣдовательно, не вступилась бы.*

Г. Ветманъ-Гольвегъ желаетъ увѣрить весь свѣтъ, что *истинной причиной* объявленія Англій войны Германіи было не нарушеніе бельгійскаго нейтралитета (маска), а надежда коварнаго Альбіона „въ союзѣ съ двумя военными державами материка“ одолѣть нѣмцевъ. Въ такомъ случаѣ очень странно, что Англія не ухватилась за удобный предлогъ обѣими руками и не пообѣщала г. Камбону всякую желаемую помощь, на которую *Англія давало право l'Entente cordiale **).*

Но вышеприведенная депеша Грея къ сэру Вертье имѣетъ продолженіе. Г. Ветманъ-Гольвегъ говоритъ въ своей рѣчи: „О бельгійскомъ нейтралитетѣ не упоминается ни словомъ“ и добавляетъ, что подтвержденіе этого можно найти „въ самой Синей Книгѣ“. Повторимъ еще разъ заявленія Ветмана-Гольвега:

- 1) Англія обѣщала Франціи свою помощь противъ Германіи;
- 2) о бельгійскомъ нейтралитетѣ не упоминается ни словомъ;
- 3) это подтверждается самою англійскою Синей Книгой.

Невольно встаютъ вопросы: да умѣетъ ли г. Ветманъ-Гольвегъ мыслить и умѣетъ ли читать, во всякомъ случаѣ, по-англійски?

Ибо, во-первыхъ, разъ 2-го августа нейтралитетъ Бельгіи не былъ еще нарушенъ, то какъ же могла Англія 2-го августа выставить это нарушеніе поводомъ къ войнѣ?

А во-вторыхъ, какъ разъ въ *циркулирующей Ветманъ-Гольвегомъ депешѣ говорится о нейтралитетѣ Бельгіи.*

2-го августа Германія, правда, еще не нарушила нейтралитета Бельгіи, но утромъ этого дня Германія вторглась въ нейтраль-

ный Люксембургъ. Это стало 2-го же августа извѣстно въ Лондонѣ, такъ какъ президентъ Государственнаго Совѣта въ Люксембургѣ немедленно телеграфировалъ сэру Эдварду Грей о соверши-

Въ разоренной Бельгіи. Руины Лувена.

вшимся фактъ нарушенія Лондонскаго договора 1867 года, другого „кличка бумаги“, котораго Германія не сочла нужнымъ уважать (см. упомянутую телеграмму въ Синей Книгѣ № 147). Когда сэръ Эдвардъ Грей передавалъ г. Камбону обѣщаніе Англій, и въ Англій и во Франціи уже было извѣстно, что германское войско вступило въ Люксембургъ у Вассербиллига и находится на пути къ столицѣ великаго герцогства. Не нужно быть учителемъ географіи, чтобы знать, что желѣзная дорога *Вассербиллига—Люксембургъ идетъ прямокомъ на Льежъ—Лювенъ—Брюссель*. Въ Лондонѣ отлично поняли, что германская армія вступила въ Люксембургъ не для того, чтобы тамъ пожить на дачѣ.

А потому, вопреки смѣлому утвержденію его превосходительства германскаго рейхсканцлера, въ упомянутомъ обращеніи къ Франціи очень много говорилось о нейтралитетѣ Бельгіи. Продолжаю переводъ депеши по англійской Синей Книгѣ:

„Monsieur Камбонъ,—сообщаетъ сэръ Эдвардъ Грей далѣе,—спросилъ меня, какъ я отношусь къ нарушенію нейтралитета Люксембурга. Я объяснилъ ему, какіе принципы были утверждены лордомъ Дэрби и лордомъ Кларендомъ въ 1867 г. (на Лондонской конференціи, когда Люксембургъ былъ объявленъ нейтральнымъ). Онъ спросилъ, какъ бы мы отнеслись къ нарушенію бельгійскаго нейтралитета. Я отвѣтилъ, что дѣло это гораздо важнѣе, и что мы обсуждаемъ, съ какимъ объясненіемъ выступить завтра въ парламентъ (это и есть упомянутое Ветманъ-Гольвегомъ объясненіе въ Нижней Палатѣ 3-го августа): — разсматривать ли нарушеніе бельгійскаго нейтралитета, какъ поводъ къ войнѣ (casus belli). Я передалъ ему также, что было по этому поводу сообщено германскому посланнику.“

Итакъ, германскому посланнику было сообщено почти буквально то же самое. Изъ этой депеши далеко не видно особенно кроваваго воинственности; Англія колеблется, повидимому, предпочитая вовсе уклониться отъ вмѣшательства. Это доказываетъ и шагъ сэра Гошена въ Берлинѣ 4-го августа, предпринятый къ выясненію возможности отозвать изъ Бельгіи германскія войска. Англія была готова исполнить свой долгъ, но предпочитала по возможности уладить дѣло миромъ.

И вотъ, ссылаясь на подобный документъ, германскій рейхсканцлеръ клеймитъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, какъ комедіантовъ и лицемѣровъ, призываетъ ихъ на судъ исторіи! Рискавъ быть уличеннымъ въ (непонятномъ и непростительномъ) безцеремонномъ обращеніи съ истиной или въ (недостойномъ и безнравственномъ) равнодушіи къ истинѣ, руководитель политики великой державы, со *всѣмъ пафосомъ* нѣмецкой чувствительности и нѣмецкихъ легкнхъ, бросилъ всему міру свое *ложное свидѣ-*

*) Министерство иностранныхъ дѣлъ.

**) Въ своемъ обращеніи къ „Associated and United Press New York“ рейхсканцлеръ открыто повторяетъ свои обвиненія противъ Англій. Къ тому времени онъ сдѣлалъ еще открытіе, что не только французы были готовы вступить въ Бельгію, во и Бельгія сама только и ожидала нашествія французовъ, чтобы къ нимъ присоединиться („Правда“, стр. 164).

тельство, что „о бельгийском нейтралитетѣ не было упомянуто ни слова“. Ни слова!? Цѣлыхъ 64 слова, *шестьдесятъ четыре слова*, сосчитайте сами по тексту англійской депеши!

Второй отвѣтъ.

Ради удобства я повторю вопросъ № 2, на который слѣдуетъ отвѣтъ. Онъ гласитъ:

„Поступила ли Бельгія своимъ нейтралитетомъ въ пользу Англій, „пробила ли въ немъ брешь“, по образному выраженію г. Ветманъ-Гольвега?“

Въ доказательство этого утвержденія германскій рейхсканцлеръ ссылается на „документы, найденные въ Брюсселѣ“. Документы эти будто бы доказываютъ, во-первыхъ, что Бельгія уже раньше нарушила свой нейтралитетъ (документы содержатъ-де ни болѣе ни менѣе какъ „англо-бельгийскій планъ войны“), а во-вторыхъ, что англійскіе государственные дѣятели „въ точности“ были объ этомъ осведомлены, и потому ихъ возмущеніе по поводу нарушения Германіей бельгийскаго нейтралитета является чистѣйшимъ лицемеріемъ.

Разсмотримъ же эти два „факта, которые теперь извѣстны всему свѣту“ (выражаясь слогомъ г. Ветманъ-Гольвега). Въ приведенномъ выше обращеніи къ американской прессѣ рейхсканцлеръ утверждалъ, что „Бельгія только и ждала вторженія французскихъ войскъ, чтобы присоединиться къ нимъ“*. И, считая это непреложнымъ, даже не пытался доказывать. Но шашни Бельгіи съ Англійей онъ могъ доказать!

Документы, на которые ссылается г. Ветманъ-Гольвегъ, числомъ два, были найдены: одинъ въ военномъ министерствѣ, другой въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Брюсселѣ. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ впервые сообщила объ этихъ документахъ 13-го октября 1914 г. и опубликовала ихъ факсимиле 25-го ноября.

Документы эти должны служить доказательствомъ, что Англія и Бельгія задолго до 4-го августа 1914 г. договаривались о *совмѣстномъ нападѣніи на Германію*. Вотъ онъ наконецъ, „превосходныя вражескія силы, давно подстерегавшія Германію у границъ“, какъ говорятъ 93 въ своемъ „Призывѣ“! Вышеупомянутые документы подтвердили предъ лицомъ всего культурнаго міра, что Бельгія, низкая Бельгія, была готова маршировать бокъ-о-бокъ не только съ французами, но и съ англичанами, и всѣ трое готовились къ нападению на ничего невѣдавшую, мирно дремавшую Германію!

Такова германская теорія.

А какова бельгийская дѣйствительность?

Первый документъ помѣченъ 10 апрѣля 1906 г. Онъ совпадаетъ съ Алжезираскимъ кризисомъ и представляетъ конфиденціальный рапортъ бельгийскому военному министру отъ генерала Дюкарна, начальника перваго департамента бельгийскаго военного министерства, по поводу бесѣды его съ англійскимъ военнымъ аташе въ Брюсселѣ, полковникомъ Бернардистонъ. Документъ содержитъ сообщеніе о томъ, что въ случаѣ нападенія на Бельгію (pour le cas où la Belgique serait attaquée), Англія можетъ прийти ей на помощь (согласно ея обязательству), но всего лишь отрядомъ въ 100 тысячъ человѣкъ. Не такая ужъ большая помощь противъ милліонной германской арміи, и даже вмѣстѣ съ бельгийской арміей это еще не составляетъ превосходныхъ вражескихъ силъ, подстерегающихъ у границъ! Но, какъ бы въ избѣжаніе каго-либо недоразумѣнія, особенно подчеркивается, что на помощь Англій можно разсчитывать только „въ случаѣ нарушенія Германіей бельгийскаго нейтралитета“ (l'entrée des Anglais en Belgique ne se ferait qu'après la violation de notre neutralité par l'Allemagne). Эти слова добавлены на поляхъ, но и изъ самаго текста явствуетъ, что англо-бельгийскія совмѣстныя дѣйствія обуславливались „наличностью нападенія со стороны Германіи...“ и германскимъ вторженіемъ въ Бельгію, съ цѣлью подхода къ французскимъ Арденнамъ“ (dans le cas d'une agression de la part l'Allemagne... et dans l'hypothèse d'une traversée de notre pays pour atteindre les Ardennes françaises). Этотъ случай какъ разъ имѣлъ мѣсто въ 1914 г.

Второй документъ составленъ такъ же ясно и такъ же мало дышитъ жаждой войны и нападенія, какъ и первый. Онъ представляетъ изложеніе бесѣды, имѣвшей мѣсто 23-го апрѣля 1911 года между начальникомъ бельгийскаго генеральнаго штаба Юнгблутомъ и англійскимъ военнымъ аташе въ Брюсселѣ, на этотъ разъ полковникомъ Бриджъ.

Этотъ документъ, во-первыхъ, не заключаетъ и намека на переговоры, которые въ 1906 году велись между предшественникомъ Дюкарна и Бриджъ. Другими словами, въ 1911 году между обими странами не существуетъ никакой „конвенціи 1906 года“, ни оборонительной ни тѣмъ болѣе наступательной. Слова „Conventions anglo-belges“ на будто бы найденномъ нѣмцами конвертѣ, въ который были вложены документы, являются поэтому не чѣмъ инымъ, какъ *нѣмецкимъ подлогомъ*. Того же мнѣнія и Эмиль Брюно, статья котораго на эту тему лежитъ передо мной, но онъ пытается доказать это путемъ графологическихъ изслѣдованій. Между тѣмъ *доказательство гораздо ближе, гораздо проще*. Разъ одинъ документъ, по свидѣтельству самихъ нѣмцевъ, найденъ въ военномъ министерствѣ, а *другой* въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, *то они и не могли никогда лежать въ общемъ конвертѣ*. По-

тому, если такой конвертъ и существуетъ, а нѣмцы опубликовали его факсимиле, то исторія его возникновенія проста: какой-нибудь нѣмецъ взялъ конвертъ, написалъ на немъ „Conventions anglo-belges“, вложилъ туда оба документа и рѣшилъ: „Теперь у насъ имѣется неопровержимое доказательство брешы въ бельгийскомъ нейтралитетѣ“. Но „allzuviel ist ungesund“,—говорятъ нѣмцы, или „сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ“,—какъ гласитъ русская поговорка *).

Документъ 1911 года столь же мало является конвенціей, какъ и первый документъ 1906 г. Это просто обѣщаніе со стороны Англій, на этотъ разъ уже обѣщаніе послать 160.000 солдатъ, послать немедленно, даже если Бельгія не попроситъ помощи (*même si nous n'avions pas demandé de secours*). Обоснованіемъ помощи и на этотъ разъ является предполагаемое *нападеніе* со стороны германцевъ. Англія опасается, что бельгийцы не смогутъ помѣшать нѣмцамъ *пройти* (замѣьте выраженіе!). Генералъ Юнгблутъ оптимистичнѣе смотритъ на дѣло и думаетъ, что бельгийцы смогутъ. *Вотъ и все. Никакого* соглашенія и въ поминѣ не было, и это лучше всего видно изъ того, что, несмотря на принисываемую Великобританіи воинственность и несмотря на трехъ кровожадныхъ разбойниковъ, мерещившихся Ветманъ-Гольвегу, Англія вмѣшалась лишь послѣ обращенія бельгийскаго короля къ британскому правительству. По поводу этого посланія сэръ Эдвардъ Грей говорилъ въ Нижней Палатѣ, что не завидуетъ тому человѣку, который могъ бы прочесть это посланіе безъ волненія (the most pathetic appeal addressed by the king of Belgium... J do not envy the man, who can read that appeal with an unmoved heart).

Каждый понимаетъ лишь то, что способенъ понять. Для гг. Ветманъ-Гольвеговъ и Яговыхъ останется вѣчной загадкой возможность произнесенія такихъ словъ, какими сэръ Эдвардъ Грей 6-го августа 1914 г. объявилъ объ участіи Англій въ мировой войнѣ, возможность *сказать* ихъ, *прочувствовать* и *поступить* согласно имъ! Вотъ эти слова, —ими мы и закончимъ главу:

„Если меня спросятъ, за что мы боремся, я отвѣчу на это двумя положеніями. Во-первыхъ, чтобы выполнить торжественное международное обязательство, которое, будь оно заключено между двумя отдаленными лицами въ повседневной жизни, разсматривалось бы не только, какъ законная обязанность, но какъ долгъ чести, которому ни одинъ уважающий себя человѣкъ не можетъ измѣнить. А во-вторыхъ, мы боремся за принципъ; въ наши дни, когда главнымъ вліятельнѣйшимъ факторомъ въ развитіи человѣчества можетъ порою показаться грубая сила, мы отстаиваемъ принципъ, что маленькія націи не должны быть раздавлены въ пограничье международныхъ законовъ чести и по произволу сильной и могущественной державы“ **).

III.

Третье жесвидѣтельство и третья «неправда».

Вновь раздается голосъ „истины“ и вѣщаетъ всему міру:

„Неправда, что наши солдаты посягнули на жизнь и имущество хотя бы единого бельгийскаго гражданина иначе, какъ въ силу крайности, вынужденные къ тому самообороною. Ибо, несмотря на всѣ увѣщанія, населеніе неоднократно стрѣляло по нимъ изъ засады, убивало раненыхъ, убивало врачей во время исполненія ими своихъ самаритянскихъ обязанностей. Величайшей низостью и обманомъ является замалчиваніе преступленій этихъ убійцъ изъ-за угла, съ цѣлью вмѣнить въ вину нѣмцамъ справедливое наказаніе, которое они (убійцы) понесли“.

93 нѣмецкихъ культуртрегера совершенно согласны въ данномъ случаѣ съ германскимъ кайзеромъ. Кайзеръ за собственной полной подписью Wilhelm II K. и съ приложеніемъ печати приноситъ президенту Вильсону жалобу, даже болѣе, выражаетъ „торжественный протестъ“ не только противъ „варварскихъ способовъ веденія войны противниками“ (это было до примѣненія нѣмцами ядовитыхъ газовъ!), но и противъ того, что „бельгийское правительство поощряло и даже задолго *тщательно подготавливало*“***) участіе въ войнѣ гражданскаго населенія Бельгіи. Даже *женичины и духовенство* оказались въ эту партизанскую войну виновными въ такихъ *жестокостяхъ*—между прочимъ, и по отношенію раненыхъ солдатъ, врачебнаго персонала и сестеръ милосердія (убивали врачей, обстрѣливали лазареты), такъ что мои генералы вынуждены были наконецъ прибѣгнуть къ самымъ *суровымъ мѣрамъ* наказанія виновныхъ, чтобы отвратить кровожадное населеніе продолжать свои гнусныя убійства и злодѣянія. Ради самообороны и для защиты моихъ войскъ пришлось разрушить нѣсколько селеній и даже старинный городъ Лувенъ, пощадивъ лишь прекрасную рагушу. Сердце мое истекаетъ кровью отъ *необходимости такихъ мѣропріятій* и при

*) Могутъ возразить, что конвертъ относился къ одному изъ документовъ, по этому противорѣчить множественному числу: „Conventions anglo-belges“. Чтобы перенести слово „конвенція“ съ конверта въ текстъ документа, нѣмцы ухватились за фразу генерала Дюкарна: „notre conversation était absolument confidentielle“ и перевели слово *conversation* не словомъ „Gespräch“ (разговоръ) или „Unterhaltung“ (бесѣда), а словомъ „Abkommen“ (уговоръ). Какъ говорится въ „Nordd. Allgem. Zig“. Въ распространенной же въ Голландіи брошюрѣ *бесѣда* стала уже *соглашеніемъ*. Къ такимъ средствамъ прибѣгаютъ только за неимѣніемъ другихъ. Ваксвайлеръ посвятилъ этому вопросу исчерпывающую статью (нѣмецкое изд., стр. 155 — 173. Франц. изд., стр. 175 — 186).

**) Blue book (Сияянъ книга), Part II, № 5.

***) Курьеръ его Величества Германскаго Императора.

†) „Правда о войнѣ“, стр. 164.

мысли о безчисленных невинных жертвах, лишившихся крова и имущества, вследствие варварского поведения упомянутых преступников“.

В подтверждение этого послания „Правда о войнѣ“ дает цѣлую главу подъ заглавіемъ „Лувень и бельгійскіе ужасы“. Въ ней говорится о жестокостяхъ, учиненныхъ... бельгійцами надъ германцами. А такъ какъ всё до сихъ поръ слышали какъ разъ обратное, то будетъ небезынтересно прочесть „обвиненія, возводимыя германцами на Бельгійскаго“.

Упомянутая глава начинается сравненіемъ Люксембурга съ Бельгіей, къ выгодѣ Люксембурга. „Правительство и народъ Люксембурга благоразумно покорились военной необходимости“. Еще бы, я думаю! Вспоминаю веселый вечеръ въ столицѣ великаго герцогства, когда друзья въ шутку предложили мнѣ обратиться на другое утро съ рѣчью къ Люксембургскому войску! „Оно настолько малочисленно, что какъ разъ помѣстится на площадкѣ передъ вашимъ окномъ, и вы можете обратиться къ нему со словами: „дорогая армія!“ Въ Люксембургѣ четверть милліона населенія, тогда какъ въ Бельгій семь съ половиною милліоновъ. Люксембургу поневолѣ пришлось ограничиться словеснымъ протестомъ, противъ германскаго вторженія, что и было выполнено президентомъ совѣта Эйхеномъ.

„Бельгія была ослѣплена, — говорится въ германскомъ обвинительномъ актѣ. — Тамъ, повидимому, позабыли, какъ ихъ странѣ приходилось страдать отъ властолюбія и хищничества Франціи, отъ эгонзма и вѣроломства Англіи“. Замѣчательная аргументація! Изъ-за того, что французы въ 1792 году грабили Бельгію, бельгійское правительство должно было въ 1914 году нарушить свои обязательства нейтральнаго государства?!

„Бельгійцы достойны сожалѣнія. На протяженіи многихъ лѣтъ они давали возстанавливать себя противъ Германіи и германскаго народа. Они слѣло вѣрили всему, что писали парижскія газеты, а за ними повторяли бельгійскія, прислушивались къ разнымъ небыллицамъ, распространяемымъ съ цѣлью навлечь подозрѣнія на Германію, къ брани, которою осыпали Германію французскія пьесы, кинематографическія ленты, французскія пѣвчички и т. п. Нѣмецкій офицеръ изображался шпиономъ и „насилдователемъ женщинъ“, нѣмецкихъ солдатъ изображали животными во образѣ челоѣческомъ, Германской имперіи приписывали жажду войны, уподобляли ее „полипу“ съ гигантскими щупальцами, рисовали страной реакціи, заносчивости и грубости. Бельгійская пресса участвовала въ этомъ походѣ французскихъ клеветниковъ, а бельгійское правительство явилось ихъ соучастникомъ, благодаря сближенію съ Франціей, противорѣчивому нейтралитету. И этотъ посявъ лжи и ненависти далъ обильные и ужасные всходы“ *

Нѣмцы здѣсь пользуются, откровенно говоря, давнишней тактикой волка противъ ягненка. Вина за все, что было содѣяно, безспорно и несомнѣнно содѣяно нѣмцами въ Бельгій, сваливается на самихъ же бельгійцевъ. Каждый, кому за послѣднія десятилѣтія приходилось бывать въ Бельгій (мое собственное первое посѣщеніе ея произошло пятнадцать лѣтъ тому назадъ), знаетъ, какъ живы эти рѣчи о бельгійской ненависти къ нѣмцамъ. Ни для кого не тайна, что французскій элементъ и французское вліяніе въ Бельгій какъ разъ находилось на ущербѣ, а

* „Правда о войнѣ“, стр. 53—54.

Въ разоренной Бельгій. Лувень. Брюссельская улица.

доборники національнаго движенія, „фламандствующіе“, усиленно подчеркивали германское происхожденіе и характеръ народа. Германія сильно подвинулась впередъ по пути мирнаго завоеванія Бельгій: не только нѣмецкое пиво, нѣмецкія газеты и нѣмецкія фирмы распространились повсемѣстно, но и нѣмецкая музыка и нѣмецкія книги, нѣмецкая наука и нѣмецкое искусство играли большую роль. Что же касается вышеописаннаго противогерманскаго похода прессы, то пишущій эти строки давно, на протяженіи мѣсяцевъ, ежедневно прочитывалъ по двѣ-три бельгійскія газеты („Vingtième Siècle“, „Metropole“, „Soir“), но не видѣлъ слѣдовъ этого похода. А въ какомъ нарушеніи нейтралитета въ пользу Франціи, — серьезно и откровенно говоря, — провинилось бельгійское правительство? Гдѣ и когда бельгійское правительство, до или во времена Броквилля, принимало участіе въ противогерманскомъ походѣ прессы?

Но все это вступленіе имѣло единственною цѣлью придать вѣроятность тому утвержденію, что бельгійское населеніе въ большей или меньшей степени состояло изъ „убійцъ изъ-за угла“, по выраженію 93-хъ. Отсюда и патетическій переходъ: „И этотъ посявъ лжи и ненависти далъ обильные и ужасные всходы“. Дѣлается прямо *жутко* за жизнь германцевъ!

Одно только остается непонятнымъ, — скажемъ какъ бы въ скобкахъ, — а именно: если нѣмцы *знали* объ этой анти-нѣмецкой агитаціи въ Бельгій, то почему не постарались противодѣйствовать ей заблаговременно? Пара хорошо руководимыхъ, интересныхъ газетъ на французскомъ и фламандскомъ языкахъ, издаваемыхъ, напримеръ, въ Антверпенѣ, въ Антверпенѣ, этотъ разсадникъ германизма въ Бельгій, могли бы оказать большія услуги и предупредить „ужасный“ посявъ.

Есть еще одно, надъ чѣмъ слѣдуетъ задуматься и отмѣтить уже не въ скобкахъ, но жирнымъ шрифтомъ, а именно: *по какому праву нѣмцы требуютъ, чтобы ихъ не ненавидѣли и не презирали?* Если въ не нѣмецкой странѣ (Бельгій не нѣмецкая страна и не была ею), если въ такой странѣ создается ежедневное, что германское государство — „полипъ“, охватившій Европу своими экономическими и коммерческими щупальцами „отъ Адри до мыса Скагена“, или что германское государство является страной реакціонной, заносчивой и грубой, то развѣ *преступленіе* высказывать такіа убѣжденія? Если Германія въ самомъ дѣлѣ не является полипомъ, а маленькой мирной улиткой, то ничего не стоить доказать это. Если Германія представляетъ собою очагъ политическаго прогресса, скромнаго сознанія собственного достоинства и добрыхъ нравовъ, то такое впечатлѣніе невольно сообщилось бы всѣмъ, кто приходитъ въ общеніе съ ея жителями. Почему говорить о „французской вѣжливости“, „англійскомъ джентльменствѣ“, „испанской гордости“? Да потому, что опредѣленія эти какъ бы суммируютъ впечатлѣнія цѣлаго ряда поколѣній иностранцевъ, входившихъ въ соприкосновеніе съ названными націями. Говорятъ также о нѣмецкой „Gemüthlichkeit“ (благодушіи), и качество это несомнѣнно является отличительной чертою населенія „великаго фатерланда“. Но это чисто-частная добродѣтель, которая лучше всего проявляется за кружкой мюнхенскаго пива или за бокаломъ душистаго мозельвейна. Способность благодушествовать за пушшевой чашей не мѣшаетъ однако челоѣку быть въ то же время политическимъ реакционеромъ, или въ своей должности (например, чиновника или офицера) заносчивымъ и грубымъ съ подчиненными ему, а потому беззащитными людьми.

Мнѣ вспоминается одинъ примѣръ, который я и приведу здѣсь. Многие въ изображаемомъ мною лицѣ узнаютъ типичнаго нѣмца.

Дѣло идетъ о нѣмецкомъ капитанѣ запаса. Крупный, широкоплечій, жизнерадостный богатырь этотъ участвовалъ въ походѣ 1870—71 гг., и теперь ему было лѣтъ 50—60. По коротко остриженнымъ волосамъ трудно было судить — бѣлокуръ онъ или уже

Въ разоренной Бельгій. Лувень. Развалины университета.

сѣдъ; подъ густыми бисмарковскими бровями холоднымъ блескомъ свѣтились свѣтло-голубые глаза; лицо было правильное, выразительное, красное, съ сильно развитой нижней челюстью; подъ желтыми усами розовѣла узкая полоска губъ. Одѣвался онъ безъ щегольства, но и не небрежно; на золотой цѣпочкѣ висѣлъ компасъ.

Я встрѣтился съ нимъ въ пограничномъ крѣпостномъ городѣ западной Германіи, однажды вечеромъ, въ семьѣ, гдѣ я часто бывалъ. Мы провели вмѣстѣ одинъ изъ тѣхъ по-нѣмецки уютныхъ вечеровъ, когда длинныя зеленныя бутылки появляются и опораживаются одна за другой, а подъ конецъ хозяинъ дома подзываетъ слугу и съ таинственнымъ шопотомъ передаетъ ему связку ключей, указывая на одинъ завѣтный ключъ, а немного погодя, при торжественномъ молчаніи, подается настоящій „Verncasteler Doctor“, благородный мозельвейнъ, выдѣлываемый въ очень небольшомъ количествѣ. Каждый стаканъ, выпиваемый нами, стѣбитъ марку... Льетса пѣсня, дирижируемая басомъ капитана, прекрасная нѣмецкая пѣсня, отражающая мечтательную и тоскующую душу Германіи...

Это было вечеромъ: нѣмецкія лозы и нѣмецкое „благодушіе“. На другой день была назначена поѣздка на автомобилѣ для осмотра въ окрестностяхъ города поля битвы 1870—71 гг. Нашъ капитанъ вызвался быть проводникомъ и давать объясненія, какъ участникъ тѣхъ боевъ. День шелъ, мы ѣздили съ мѣста на мѣсто, капитанъ былъ неутомимъ и рассказывалъ безъ конца, стоя на историческихъ холмахъ съ компасомъ въ рукѣ. „Вотъ отсюда появился принцъ Фридрихъ-Карлъ, а вотъ въ той деревушкѣ Базенъ въ припадкѣ отчаянія игралъ въ корчмѣ на бильярдъ...“

День былъ на исходѣ, моторъ жужжалъ безъ устали, и когда мы подъѣхали обратно къ городу, таксометръ показалъ: 62 марки. По дорогѣ я нѣсколько разъ обращалъ вниманіе капитана на крупныя цифры, появившіяся за стекломъ, но онъ отмахивался. Теперь же, когда надо было расплачиваться, онъ вдругъ рѣшилъ, что его надули. Во всякомъ случаѣ онъ отказался платить.

Мы остановились передъ однимъ изъ большихъ ресторановъ города, гдѣ собиравлись закусить, и вокругъ насъ не замедлила собраться толпа любопытныхъ. „Я видѣлъ, какъ вы подкручивали таксометръ“, — сказалъ капитанъ шоферу. — „Какая мнѣ отъ этого польза?—логично возразилъ шоферъ. — Я долженъ сдать въ конторѣ сумму, которую покажетъ таксометръ!“ — „О, вы въ стачкѣ съ ними, вы получаете свои проценты!“ — продолжалъ инсинуировать капитанъ. Шоферъ покраснѣлъ, но сдержался: — „Я могу только повторить, что обязанъ сдать въ конторѣ сумму, показываемую таксометромъ!“ — „Оглично! Такъ скажите въ конторѣ, чтобы мнѣ прислали счетъ!“ — „Я долженъ платить сегодня вечеромъ, господинъ капитанъ, контора не даетъ кредита. Или вы хотите, чтобы я расплатился за васъ?“

Это воззваніе къ чувству справедливости капитана возымѣло однако совсѣмъ обратное дѣйствіе. Капитанъ, который уже собрался войти въ ресторанъ, повернулся на каблучкахъ и вплотную подступилъ къ шоферу. Онъ былъ мертвенно-блѣденъ, вся его крупная фигура дрожала отъ гнѣва. И онъ заоралъ въ самое лицо шоферу: „Да какъ вы смѣете? Какъ вы смѣете говорить такъ со мной! *Болванъ, животное, собака!*“ Онъ запнулся, не находя словъ, задыхаясь. Никто изъ нѣмцевъ мужчине, принимавшихъ участіе въ прогулкѣ, не пытался вмѣшаться. А когда я, гость, попытался встать свое: „Но, господинъ капитанъ!“ — то получилъ въ отвѣтъ немилостивое: — „Оставьте меня!“ И, подойдя еще ближе къ шоферу, онъ прохрипѣлъ: „Еще одно слово — и я дамъ тебѣ по физиономіи!“

Тутъ произошло нѣчто изумительное и жуткое: *шоферъ сдвинулъ каблучки и выткнулся во фронтъ*. А капитанъ дрожащей отъ волненія рукой написалъ свою фамилію на листкѣ записной книжки, вырвалъ его и проткнулъ шоферу. — „Вотъ моя фамилія, мой адресъ! Налѣво кругомъ! Маршъ!“

Не послышалось ни одного неодобрительнаго замѣчанія, ни одной угрозы изъ окружавшей насъ толпы, хотя рабочий день былъ конченъ, и на улицѣ было много рабочихъ.

Но таковъ былъ *день*—послѣ вечера съ виномъ и пѣніемъ, день заносчивости и грубости.

Всякій, кто имѣлъ случай вращаться въ нѣмецкихъ военныхъ кружкахъ, навѣрно самъ припомнитъ сходные съ этимъ случаи. Грубость нѣмецкаго начальника встрѣтилась здѣсь съ подобострастіемъ подчиненнаго. Нѣмецкій офицеръ привыкъ быть грубымъ, командую, и привыкъ, чтобы его слушались подобострастно.

Съ такими принципами вступаетъ онъ въ страну съ французской культурой. Пусть сколько угодно называютъ Льежъ также Люттихомъ, — очутившись въ Льежѣ, ни минуты не сомнѣваешься, что находишься уже не на германской территоріи. Мнѣ вспоминается мое личное первое впечатлѣніе отъ Льежа въ 1901 году, впечатлѣніе чего-то свѣтлаго, веселаго, — высокія свѣтлыя церкви съ пестрыми куполами; — чего-то разумнаго и благоустроеннаго, — запертыя дома, высокія садовыя ограды, черезъ которыя въ изобиліи свѣшивалась зелень и цвѣты; — наконецъ, чего-то старомоднаго и по-старомодному учтиваго, — забавныя улицы-лѣстницы и кумушки, которыя послѣ длинной бесѣды на углу вѣжливо прощались другъ съ другомъ: „Bonsoir, madame!“

Въ этомъ мірѣ, носящемъ еще печать минувшаго „le grand

siècle“, германское „Gemüth“ ничего не стѣбитъ, такъ какъ связано съ языкомъ и является выраженіемъ, не поддающимся переводу. Остается лишь грубость, заносчивость и жестокость, которыя оскорбляютъ, раздражаютъ и возмущаютъ чувство личнаго достоинства и сознание права, неразрывно связанныя съ западною (латино-кельтскою) цивилизаціей.

Въ новой обстановкѣ нѣмецкій офицеръ (и нѣмецкій солдатъ тоже, ибо духъ единъ отъ старшаго генерала до младшаго капрала и рядового) неизбѣжно возбуждетъ раздраженіе. Не считаясь съ тѣмъ, что онъ находится въ чужой странѣ, среди чуждаго народа, нѣмецъ ведетъ себя такъ, какъ будто онъ у себя дома. Безспорно, ни одинъ шоферъ-французъ, англичанинъ или итальянецъ не стерпѣлъ бы обращенія, подобнаго вышеописанному. Равно и ни одинъ бельгіецъ; *и вотъ этого-то нѣмецъ никакъ не можетъ понять*. Привыкшій у себя на родинѣ къ тому, чтобы подчиненные цѣловали топчущій ихъ сапогъ, онъ съ удивленіемъ, съ ужасомъ, съ досадой, съ гнѣвомъ и наконецъ со священной и справедливой обидой убѣждается въ томъ, что *здѣсь даютъ сдачи*. И тогда его бшенство не знаетъ границъ, голосъ его прерывается, онъ едва можетъ подыскать достаточное сильныя ругательства, чтобы дать исходъ пароксизму злобы: „Кровопійцы! Варвары! Преступники! Убийцы изъ-за угла! Болванъ! Собака! Животное!.. *Еще одно слово и я дамъ тебѣ по физиономіи!*“

А Бельгія *промолила*—таки это слово, и ударъ разразился, *ударъ бронированнаго нѣмецкаго кулака въ лицо всему человечеству*...

Ну, вотъ, опять я сбился!.. Потерпѣвшіе-то вѣдь нѣмцы, а не бельгіецы! Вернемся снова къ „Правдѣ о войнѣ“.

Въ половинѣ августа германское правительство обратилось къ бельгійскому со слѣдующимъ предостереженіемъ:

„Королевское правительство Бельгіи отвѣргло благожелательное предложеніе Германіи пощадить страну отъ ужасовъ войны. Съ оружіемъ въ рукахъ оно оказало сопротивленіе вступленію нѣмцевъ, вынужденныхъ къ тому шагами, предпринятыми противниками; оно само пожелало войны. Вопреки нотѣ отъ 8-го августа, въ которой бельгійское правительство заявляло, что оно, согласно общепринятому обычаю, будетъ вести войну лишь силою регулярныхъ войскъ, въ бояхъ подъ Льежемъ принимало участіе въ бояхъ большое количество людей, подъ прикрытіемъ партикулярной одежды. Они не только стрѣляли по германскимъ отрядамъ, но безжалостно добивали раненыхъ и разстрѣливали врачей при исполненіи тѣми своихъ обязанностей. Одновременно антверпенская чернь варварскимъ образомъ уничтожала германскую собственность, *звѣрски прикалывала унчицы и отпечетки за кровъ этихъ невинныхъ*, за варварскій, глумящійся надъ всякой цивилизаціей способъ веденія войны Бельгіей. Если отнынѣ война приметъ жестокаго формы, вина ляжетъ на Бельгію. Чтобы защитить германскія войска отъ разнузданныхъ народныхъ страстей, съ этихъ поръ всякій, не носящій военной формы или иныхъ явныхъ признаковъ его права на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, будетъ изымать изъ-подъ защиты гражданскихъ законовъ, если приметъ участіе въ боѣ, повредить пути сообщенія германскаго тыла, перерѣжетъ телеграфные провода или произведетъ взрывы, словомъ, если такъ или иначе приметъ недозволенное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ партизаномъ, и по приговору военного суда онъ будетъ немедленно разстрѣлянъ“ *).

Наивный человекъ могъ бы возразить: „Значить, когда въ домъ ко мнѣ врывается разбойникъ, а я, вскочивъ съ постели, обороняюсь тѣмъ попало, кочергой или подвѣшникомъ, и при этомъ мнѣ удастся набить разбойнику нѣсколько шишекъ, то онъ будетъ въ правѣ выбѣжать на улицу и завопить, обвиняя меня, что я не оборонялся браунингомъ или другимъ форменнымъ оружіемъ? И онъ, разбойникъ, которому вовсе не мѣсто было въ моемъ домѣ, назоветъ меня „предъ лицомъ всего цивилизованнаго міра“ „звѣремъ“, *меня, на котораго напалъ?* Онъ, обуреваемый наглостью лицемѣрія, получить право требовать *меня* къ отвѣту за пролитую „невинную кровь“, ту-кровь, которая никогда бы и не пролилась,—не ворвись онъ ко мнѣ?“

Но лишь наивные способны удивляться такимъ вещамъ. *Разумается, яменко виноватъ, что не лежитъ смирно, пока волкъ пожираетъ его*.

Однако, больше я не въ силахъ иронизировать! Ужъ *слишкомъ* зарвались нѣмецкіе писаки, официальные и прочіе. Такъ обдавать грязью, такъ клеветать на народъ, который, самое большее, дрался ожесточенно и отчаянно за свою родину, за свои семейные очаги съ превосходящимъ его силами разбойникомъ!

Кто были Андрей Гоферъ и его тирольцы, какъ не „партизанъ“, боровшіеся не на жизнь, а на смерть? Ихъ имена однако покрыты славой; Гоферъ признанъ героемъ, тогда какъ бельгіецы, дѣйствующіе по примѣру тирольцевъ, „убійцы изъ-за угла“ и „звѣри“!

Но еще даже и не доказано, что они такъ поступали. Посмотримъ нѣмецкія доказательства.

У всѣхъ этихъ доказательствъ одна общая черта: всѣ они или почти всѣ висятъ въ воздухѣ или крайне неопредѣленны. Со-

* „Правда о войнѣ“, стр. 61.

всѣмъ не обозначены или обозначены сбивчиво самыя мѣста происшествій. Не названы имена лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ опубликованныхъ документовъ читаемъ донесеніе военного врача:

„Въ селѣ возлѣ Вербье мы нашли солдата со связанными на спинѣ руками и выколотыми глазами“.

Въ какомъ селѣ? Какъ звали солдата? Когда его нашли, при какихъ обстоятельствахъ? Гдѣ показанія свидѣтелей?

Военный врачъ продолжаетъ:

„Въ одномъ селѣ молодая женщина подошла къ (военному) автомобилю, приставила револьверъ ко лбу шофера и убила его наповаль“.

Опять та же неопредѣленность. Какое село? Какъ звали шофера?

И такъ далѣе. Намъ оставляютъ принимать на вѣру нѣмецкое „это правда“, какъ и нѣмецкое „это неправда“.

Только въ видѣ исключенія встрѣчаются названія мѣст происшествій. Такъ приводятся два случая, происшедшихъ въ пограничномъ селеніи Гемменихъ. Здѣсь были убиты одинъ господинъ изъ Аахена (Имя? Званіе? Возрастъ?), въ то время, какъ вышелъ изъ своего автомобиля для отправления естественной надобности. Здѣсь же стрѣляли изъ домовъ по санитарному обозу (Какому? Имена офицеровъ, врачей, свидѣтелей показанія обстрѣленныхъ сестеръ милосердія? Все это отсутствуетъ).

Но такъ нельзя свидѣтельствовать истину; такимъ образомъ нельзя даже лжесвидѣтельствовать. Требуется кое-что большее.

Военный врачъ взываетъ къ нашему состраданію еще по поводу одного солдата, въ котораго выстрѣлили изъ-за изгороди.

А затѣмъ онъ уже даетъ волю своимъ чувствамъ; пускаются въ ходъ всѣ регистры германскаго пафоса, льется своего рода органная fuga:

„Вотъ каковы способы борьбы цивилизованнаго бельгійскаго народа! Что жъ удивляться, если кровь закипаетъ въ жилахъ, и ярость лишаетъ насъ самообладанія! А бельгійцы еще удивляются, когда мы безопасно расправляемся съ гражданскимъ населеніемъ при малѣйшемъ подозрѣніи въ совершении подобнаго злодѣянія. Сердце ширится въ груди, и гордо звучатъ слова „civis Germanicus sum“, когда видишь гордую стойкость нашего блестящаго войска; но тѣмъ сильнѣе обливаешься оно кровью, когда наши бѣдные молодые солдаты падаютъ подъ выстрѣлами изъ крестьянскихъ дробовиковъ или подъ ударами кухоннаго ножа въ рукахъ бельгійской фанатички. Удивляться ли послѣ этого, что мы сравнивали съ землей тѣ селенія, гдѣ наши солдаты подвергались подобнымъ нападеніямъ“ *).

Во всѣхъ опубликованныхъ документахъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же невѣроятнымъ извращеніемъ правды и морали. Нигдѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Германия съ полнымъ правомъ *сначала вторглась въ страну, затѣмъ предписываетъ ей правила войны съ собой и наконецъ постановляетъ и приводитъ въ исполненіе казни* (смертнуну казнь) за защиту родины „не согласно съ предписаніями“ (nicht vorschrittmissig). Таково германское пониманіе — не права или справедливости (ибо ихъ вообще не существуетъ, трактатъ для германцевъ — „клочокъ бумаги“), но порядка и корректности. Поэтому-то съ такимъ техническимъ хладнокровіемъ нѣмецкій солдатъ сообщаетъ, какъ въ Лувенѣ былъ подожженъ домъ, изъ котораго стрѣляли по войску: „по мѣрѣ того, какъ обитатели выбѣгали изъ него, ихъ подстрѣливали“. Трудно передать въ переводѣ несказанную невозмутимость этого выраженія „*abgeschossen*“. Словно это такая же методическая, почти механическая работа, какъ штемпелеваніе конвертовъ. Смерть *отпускается* данному лицу (verabfolgt), какъ въ желѣзнодорожныхъ автоматахъ „за монету въ 10 пфенниговъ *отпускается* плитка шоколаду“.

— Да, Лувенъ или, правильнѣе, Левенъ, — раздается голосъ, давно порывавшійся высказаться, — поговоримъ объ этомъ славномъ городѣ! Всѣ такъ полны состраданія къ нему! А между тѣмъ, знаете, это было сущее разбойничье логово! Во всѣхъ домахъ *были заранее устроены бойницы*, чтобы облегчить населенію его почтенную работу! Нападеніе на насъ, — ибо это *было* нападеніемъ на мирныхъ людей, на мирный гарнизонъ! — напа-

Въ разоренной Бельгіи. Руины Динана.

деніе, повторяю, было заранѣе организовано, по всей вѣроятности, городскими властями, можетъ-быть, даже самимъ правительствомъ **) и, разумѣется, по подстрекательству Франціи! Да, да, теплые ребята, господа бельгійцы!

Такъ говорятъ германцы. И на этотъ разъ у нихъ имѣются доказательства, вещественныя, неопровержимыя доказательства! Да такъ ли въ самомъ дѣлѣ? Безпокойно хватаюсь за германскіе источники; справедливость прежде всего, правда выше всего!

Доказательство вышеприведеннаго утвержденія появилось въ сентябрѣ прошлаго года въ „Hamburger Nachrichten“, а затѣмъ удостоилось чести быть перепечатаннымъ въ „Правдѣ о войнѣ“. Изъ этого свѣточа истины почерпнулъ и я свои свѣдѣнія.

Капитанъ германской арміи пишетъ:

„... культурный народъ, въ родѣ германцевъ, не можетъ даже имѣть понятія о поведеніи жителей. Полагаю, что имѣю въ рукахъ доказательства того, что бельгійцы были офиціально вовлечены французами въ эту неслыханную партизанскую войну. Это навѣрняка такъ, потому что всѣ дома позади моей позиціи, изслѣдованные мною, числомъ до десяти, давно были приспособлены къ этому образу дѣйствій. На крышахъ домовъ *имѣются настоящія бойницы, устроенныя опытными руками*. Частью же это желѣзныя трубы въ стѣнахъ, снабженныя стальными заслонками снаружи. Когда ружье высовывается для стрѣльбы, заслонка открывается. Послѣ выстрѣла ружье убирается, и заслонка захлопывается сама. На многихъ домахъ приспособленія эти такъ устроены (и осматрѣлъ ихъ всѣ лично со своими взводными), что снаружи ничѣмъ не отличаются отъ такъ называемыхъ коньковыхъ черепицъ, служащихъ для украшенія. Желѣзныя заслонки покрыты снаружи цементомъ и, очевидно, *были изготовлены еще до войны*, къ которой, по моему мнѣнію, Бельгія готовилась систематически. Домъ, который мы занимаемъ (вилла, принадлежащая очень состоятельнымъ людямъ), снабженъ заслонками за номеромъ 3.350. Это указываетъ, что всѣ онѣ изготовлялись на фабрикѣ и нумеровались соответственно № каждаго дома, для котораго назначались“.

Утвержденіе это до такой степени нелѣпо, что прямо не знаешь, плакать надъ нимъ или смѣяться. Всякій, кто жилъ въ Бельгіи, знаетъ (а нѣмецкій капитанъ могъ узнать изъ разспросовъ), что *эти желѣзныя трубы служатъ для прикрѣпленія льсовъ во время ремонта дома*, чтобы не портить фасада (какъ дѣлаютъ въ другихъ странахъ, пробивая въ стѣнѣ отверстія для укрѣпленія льсовъ). Главнымъ образомъ можно найти такія приспособленія на домахъ зажиточныхъ владѣльцевъ, а нашъ капитанъ занималъ какъ разъ такой домъ. Эти приспособленія *дѣйствительно фабричнаго изготовленія*: вотъ единственно вѣрная догадка германскаго капитана. Наружныя заслонки, которыя показались ему особенно подозрительными, служатъ, разумѣется, для предохраненія отъ сквозняковъ.

И вотъ на такой нелѣпой гипотезѣ строится цѣлая теорія о предварительномъ соглашеніи бельгійцевъ съ Франціей и о подготовкѣ къ партизанской войнѣ. (Вѣдь для всѣхъ было ясно, что нѣмцы явятся въ Лувенъ, не такъ ли?) И вмѣсто того, чтобы отвергнуть всю эту чепуху, какъ плодъ разстроеннаго вообра-

*) „Правда о войнѣ“, стр. 56.

**) Согласно мнѣнію самого кайзера Вильгельма (см. выше).

Французская пѣхота на походѣ.

женія, ее устаиваютъ чести печатать, какъ важное свидѣтельство противъ Бельгіи. Если однако нѣмцамъ приходится довольствоваться такими защитниками, то, видно, плохо ихъ дѣло^{*)}!

За годъ войны, въ особенности же за ея первые мѣсяцы, нѣмцы выставили одно обвиненіе за другимъ съ единственною цѣлью — очернить Бельгію, чтобы чернота самой Германіи не такъ бросалась въ глаза. Германія, разумѣется, не разсчитываетъ облить себя совѣсьмъ, облечясь въ цвѣтъ невинности, — «очень трудно искоренить распространенное суевѣріе, будто тигры пожираютъ людей», — сокрушается тигрица въ Нидерландахъ. Лишь бы стать хоть сѣренькой, «защитнаго» походнаго цвѣта, — большаго Германія не требуетъ! Она не надѣется на полное оправданіе передъ судомъ Божиимъ и человѣческимъ, а лишь хлопочетъ о «смягчающихъ вину обстоятельствахъ». Лишь бы ей избавиться отъ ада, и она до скончанія вѣковъ готова горѣть въ огнѣ чистилища!

Какъ плодъ взбаламученнаго сознанія, и надо понимать весь походъ германской прессы противъ Бельгіи. Разъ нельзя опираться на правду, приходится оперировать съ искаженіями и попытками навлечь подозрѣнія (какъ выражаются 93). Приведемъ еще нѣсколько такихъ образцовъ. Всѣ они напоминаютъ мыльные пузыри. Одно мгновеніе сияютъ и сверкаютъ всѣми цвѣтами радуги, затѣмъ лопаются, и остается лишь капля мутной воды, изъ которой возникли пузыри.

I. „Бельгійское правительство открыто подстрекало гражданское населеніе къ участію въ борьбѣ и уже давно тщательно подготавливало это участіе“. Главнымъ образомъ это, оказывается, имѣло мѣсто въ „бояхъ подъ Люттихомъ“^{**)}.

Нѣмецкіе иллюстрированные журналы пытались доказать это обстоятельство съ помощью фотографическихъ снимковъ „бельгійскихъ партизановъ“. Партизаны оказались однако солдатами бельгійской милиціи (Garde civique), соответствующей германскому ландштурму. И этотъ бельгійскій ландштурмъ, согласно условіямъ Гаагскихъ конвенцій, былъ съ начала войны призванъ бельгійскимъ правительствомъ и сражался въ присвоенной ему формѣ. Уже 8-го августа бельгійское правительство

*) По этому же источнику „почти на всѣхъ колокольняхъ“ были-де установлены орудія. „Почти на всѣхъ“ нѣсколько преувеличено. Но во многихъ случаяхъ бельгійскими войсками действительно установлены были на колокольняхъ пулеметы, брошенные затѣмъ при послѣднемъ отступленіи (Gronclijs. „Les Allemands en Belgique“, p. 37—38). А германцы извлекли изъ этого поводъ для репрессій противъ гражданскаго населенія. Въ письмахъ германскихъ солдатъ часто говорится о селеніяхъ, гдѣ „священники-де устанавливали на колокольняхъ пулеметы для стрѣльбы по германскимъ отрядамъ“. Германское войско въ Бельгіи состояло главнымъ образомъ изъ протестантовъ, для которыхъ католическій патеръ является чудовищемъ, способнымъ на всякое злодѣяніе. Объ этой баснѣ см. у Maurizio Vaes. „L'opone e l'innocenza del clero belga rivendicati“ (Rome, 1915), стр. 42—48.

**) Императоръ Вильгельмъ („Права“, стр. 163).

объявило германскому черезъ испанское посольство въ Брюссель, что la garde civique приметъ участіе въ войнѣ^{*)}.

Сказано ли этимъ, что бельгійцы никогда не вели съ вторгшимся въ ихъ страну врагомъ борьбы, напоминающей борьбу испанцевъ-гверильсовъ съ войсками Наполеона? Вопросъ этотъ ставить всемірно извѣстный и всемірно уважаемый директоръ института Сольвей въ Брюссель Эмиль Ваксвейлеръ. Вотъ его отвѣтъ:

„По всей вѣроятности, были отдѣльные и исключительные случаи нападенія“. Надежные друзья сообщили ему, что въ двухъ мѣстахъ браконьеры стрѣляли по нѣмецкимъ отрядамъ. „Это могло случиться и въ другомъ мѣстѣ“, — добавляетъ онъ.

Но зато было и много недоразумѣній. Онъ приводитъ нѣкоторые изъ нихъ.

Германскій поѣздъ стоялъ въ сентябрѣ 1914 г. у станціи Жюрбизъ между Монсомъ и Брюсселемъ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ. Германскіе солдаты въ поѣздѣ, вообразивъ, что это сигналъ къ партизанскому нападенію, схватили нѣсколько крестьянъ, работавшихъ поблизости, и разстрѣляли ихъ. Затѣмъ недоразумѣніе разсѣнилось, солдаты выразили свое сожалѣніе и уѣхали.

Въ маленькомъ фламандскомъ городкѣ Верегемъ бельгійскіе солдаты линейныхъ войскъ стрѣляли въ проходящія нѣмецкія войска изъ засады, причасть за крестьянскими дворами. Это также сочли за партизанское нападеніе, и въ наказаніе дворы были сожжены.

Въ одномъ валлонскомъ городкѣ германскій офицеръ былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ. За это рѣшено было казнить бургомистра. „Можете разстрѣлять меня, — сказалъ бургомистръ, — но сначала вскройте тѣло убитаго“. Такъ и поступили, при чемъ оказалось, что убитый палецъ отъ нѣмецкой пули.

II. „Бельгійскія дѣвушки выкалывали глаза беззащитнымъ раненымъ, оставшимся на полѣ сраженія“^{**)}.

Это обвиненіе бросаетъ не кто иной, какъ самъ канцлеръ Германской имперіи. Оно многократно повторяется германской и германофильской прессой. Напримѣръ, въ статьѣ Криспи, помѣщенной въ (уже несуществующей) римской газетѣ „Конкордія“, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти свидѣтельствуется, что „цѣломудренные дѣвы Бельгіи впускали нѣмецкихъ солдатъ къ себѣ въ дома и нападали на нихъ спящихъ!“

Разслѣдованіемъ, предпринятымъ 22 октября газетой „Vorwärts“, а затѣмъ двумя официальными комиссиями, не было установлено абсолютно ничего, подтверждающаго такія ужасныя обвиненія. „Сказка о выколотыхъ глазахъ, по мнѣнію Ваксвейлера, повидимому, обязана своимъ возникновеніемъ тому, что многие раненые потеряли глаза отъ осколковъ шрапнели, разрывающейся на уровнѣ головы^{***)}. Говорятъ, его превосходительство Бетманъ Гольвегъ принесъ свои извиненія „бельгійскимъ молодымъ дѣвушкамъ“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Четыре постановленія Гаагской конвенціи, въ точности выполняемыя бельгійской Gardie civique, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Наличие отвѣтственнаго лица во главѣ каждого отряда; 2) опредѣленная и замѣтная на разстояніи форма; 3) открытое ношеніе оружія; 4) соблюденіе всѣхъ законовъ и обычаевъ войны — lois et coutumes. См. Ваксвейлеръ. „Нейтральная и дойная Бельгія“, франц. изд., стр. 200—212. И то же сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ „Hat Belgien sein Schicksal verschuldet?“ Проф. д-ръ Эмиль Ваксвейлеръ, директоръ института Сольвей при Брюссельскомъ университетѣ. Цюрихъ, 1915, стр. 176—188.

**) „Права о войнѣ“, стр. 166.

***) Ваксвейлеръ, франц. изд. 229—232, нѣм. изд. 204—207.

Французскіе солдаты прокладываютъ новую стратегическую дорогу

Сказки наших дней.

Рассказ Ю. Волина.

„Обмѣненный“.

В пасмурное сентябрьское утро попали мы съ Добрушинимъ на Финляндскій вокзалъ.

Нашей цѣлью не была вовсе встрѣча партіи инвалидовъ, возвращающихся изъ германскаго плѣна. Мы даже не знали, что въ этотъ часъ ожидается поѣздъ съ плѣнными. Не могли мы знать также, что съ этой партіей возвращается Миша Сотниковъ.

Потомъ мы съ Добрушинимъ долго припоминали: зачѣмъ мы пришли въ то утро на Финляндскій вокзалъ?.. Вспомнили, какъ мы встрѣтились на Литейномъ, прошли два раза отъ Невскаго до моста и обратно, потомъ перешли мостъ и направились къ вокзалу. Сдѣлали это, не сговариваясь. Каждому казалось, что направление даетъ другой, что другому зачѣмъ-то нужно туда.

Михаилъ Ильичъ Сотниковъ увѣрялъ впоследствии, что направление далъ намъ инстинктъ, таинственное предчувствіе ожидающей насъ чудесной встрѣчи.

— Вы не вѣрите въ предчувствіе?—странно, по-новому усмѣхаясь, говоритъ онъ. — И я не вѣрилъ во всѣ эти таинственные штуки и смѣялся надъ тѣми, кто въ нихъ вѣритъ. Но это было до войны.

— А теперь вѣришь?

— Станный вопросъ! Вѣдь я былъ на войнѣ! Вѣдь война, это—миръ тайны! Вѣдь я видѣлъ лицо смерти!.. Чудаки вы, право! Никогда не спрашивайте человѣка, бывшаго на войнѣ, вѣритъ ли онъ въ чудо, въ мистическую предопредѣленность каждаго событія, въ предчувствіе. Конечно, онъ вѣритъ! Нѣтъ, онъ просто знаетъ, что все это есть!

Мы не спорили, не смѣли спорить съ Мишей Сотниковимъ. Передъ лицомъ человѣка, бывшаго на полѣ брани, мы всѣ, бездѣйственно-участвующіе, какъ-то смиряемся, притихаемъ. Намъ кажется, что ему открыто что-то такое, чего намъ не постичь. И не до спора объ отвлеченныхъ теоріяхъ было намъ, охваченнымъ волной впечатлѣній.

Два человѣка „глубокаго тыла“, мы вышли изъ дому по своимъ дѣламъ. Встрѣтились и заговорили о дѣлахъ, не имѣющихъ отношенія ни къ войнѣ ни къ нашему „безъ вѣсти пропавшему“ другу. Случайно забрели на вокзалъ. И сразу, словно сбросившись со скалы, нырнули въ пучину потрясающихъ, почти непостижимыхъ переживаній.

Одинъ за другимъ выходили изъ вагоновъ инвалиды.

Безногіе, безрукіе, съ обмотанными головами, съ искривленными челюстями, слѣпые, оглохшіе, истощенные.

Пришибленные, испуганные, стояли мы у стѣны и расширившимися отъ ужаса глазами провожали странную процессію. Порывистымъ шопотомъ дѣлились замѣчаніями, сопоставленіями,

На французско-англійскомъ фронтѣ. Въ траншеяхъ.

воспоминаніями, будто старались робкими щупальцами сознанія охватить развернувшуюся передъ нами картину во всемъ ея ужасѣ.

— Ты помнишь, годъ тому назадъ мы тоже были съ тобой на вокзалѣ?

— Да. Тогда мы провожали.

— Можетъ-быть, это тѣ самые!

— Они шли стройными рядами, бодрые, молодые, упругіе, будто металлическіе...

— Цѣлые!

— И цѣлые... Цѣлые люди... Развѣ мы представляли себѣ

тогда, что имѣть обѣ ноги, двѣ руки, непрострѣленную грудь, быть цѣлымъ человѣкомъ, цѣлымъ въ самомъ примитивномъ физиологическомъ смыслѣ — такое счастье?

— А что, если...

— Если Миша?

И вотъ въ эту минуту мы увидѣли Мишу Сотникова. Онъ шелъ прямо къ намъ, будто предупрежденный, что именно въ этомъ углу мы его ждемъ.

Онъ былъ „цѣлымъ“. Почти цѣлымъ. Не хватало только правой руки.

Мы долго смотрѣли на него, словно провѣряли, какимъ возвращается намъ война взятаго у насъ друга.

— Ты какой-то другой! Новый какой-то! — сказалъ Добрушинъ.

Миша ничего не отвѣтилъ. Только обвелъ насъ новымъ, мудрымъ, отражающимъ непонятное намъ, чуть-чуть снисходящимъ, но ласковымъ взглядомъ.

Только потомъ, въ уютномъ кабинетѣ Добрушина. Миша Сотниковъ заговорилъ.

На бельгійскомъ фронтѣ.

По глубокому снегу. Изъ походного альбома Л. Сологуба.

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. Подвигъ женщины. Выставка „Товарищества художниковъ“.

Онъ разсказывалъ весь вечеръ. Когда же на минуту умолкалъ, кто-нибудь изъ насъ умоляюще произносилъ:

— Продолжай, Миша!

То, что разсказалъ Миша Сотниковъ о бояхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, и о своемъ плѣненіи, я передавать не стану. Эти волнующіе разсказы каждый изъ насъ слышалъ отъ своихъ близкихъ, читалъ въ письмахъ и газетахъ. Конечно, каждая рана имѣетъ свою исторію, и каждый изъ участниковъ боя по-своему воспринимаетъ его огненно-кровавые отблески. Но для насъ, зрителей, стоящихъ въ отдаленіи, важна общая картина боя. Ее рѣдкѣ можно возстановить разсказчикъ. Тѣмъ болѣе трудно будетъ возстановить эту картину мнѣ съ чужихъ словъ, съ отрывочныхъ и растрепанныхъ словъ Миши Сотникова.

Я передамъ только ту часть его разсказа, которая касается его жизни въ германскомъ плѣну и его „обмѣна“.

Вы знаете, что я учился въ Берлинѣ, — началъ свой разсказъ Сотниковъ.

Я жилъ въ Шарлоттенбургѣ. Большинство моихъ знакомствъ и связей были, конечно, въ русской студенческой колоніи. Но кой-какія знакомства завязались у меня и въ нѣмецкой средѣ.

Я снималъ комнату въ квартирѣ заводскаго мастера Ганса Пфайфа. Вы знаете эти берлинскія студенческія комнаты за сорокъ марокъ съ утреннимъ кофе. Ходъ черезъ хозяйскую столовую съ неизмѣнными полотенцами, съ вышитыми пословицами на стѣнахъ, съ неизмѣнной канарейкой. Мой хозяинъ былъ социаль-демократъ. Среди украшеній столовой были портреты Карла Маркса и Фердинанда Лассала. Но противъ нихъ на другой стѣнѣ висѣлъ портретъ кайзера Вильгельма. У берлинскихъ социаль-демократовъ такое сочетание не рѣдко.

Пфайфы сдавали двѣ комнаты. Во второй жилъ студентъ-нѣмецъ, изъ Мюнхена, какъ и я, математикъ. къ тому же однокурсникъ. Звали его Гуго Денкеръ. Мы съ нимъ были дружны. Этотъ голубоглазый баварецъ не былъ похожъ на берлинскихъ буршей, стоялъ внѣ корпорацій, пиво пилъ въ мѣру, а главное, любилъ литературу и писалъ стихи, хорошіе стихи, далекіе отъ

Американскій флотъ. Подводныя лодки въ гавани близъ Нью-Йорка.

нѣмецкаго шаблона, съ утонченными настроеніями и капризными блесками смѣлой мысли. Съ этимъ Гуго Денкеромъ можно было дружить, и не только я, но и другіе русскіе студенты относились къ нему съ уваженіемъ и считали хорошимъ товарищемъ. Такихъ немного было среди нашихъ нѣмецкихъ коллегъ.

Была у Ганса Пфайфа дочь, восемнадцатилѣтняя Ида. „Студенческій романъ“ почти всегда завязывается на почвѣ „квартирнаго вопроса“. Дочь квартирной хозяйки — вотъ объектъ первой студенческой любви. Статистика еще не подошла къ этой темѣ. Между тѣмъ она могла бы дать очень интересныя цифры о вліяніи квартирохозяекъ на любовь и браки среди студенчества.

Долженъ сказать, что Ида Пфайфъ заслуживала любви. Я не люблю нѣмецкихъ дѣвушекъ изъ буржуазныхъ семействъ. Но дочь заводскаго мастера не имѣла ни одной черты, свойственной нѣмецкимъ мѣщаночкамъ. Она была порывиста, немного эцентрична, умна, смѣла и любознательна. Она даже не боялась пересудовъ и сплетенъ. Засиживалась поздно въ моей комнатѣ, выходила со мной вечеромъ гулять и даже ѣздила со мной, безъ мамыши, въ театр!

Долженъ признаться. Я былъ влюбленъ, я былъ очарованъ. Аллеи Шарлоттенбурга слышали мои вздохи, мои мечты, видѣли мои слезы. Тогда я могъ еще плакать отъ любви. Но я стыдился тогда этихъ слезъ. Теперь я не стыдился бы, но теперь я и не плакалъ бы.

Гуго Денкеръ былъ такимъ же жильцомъ у Пфайфа, какъ и я. Слѣдовательно, имѣлъ тѣ же

Американская армія. Испытанія новыхъ 12-дюймовыхъ мортирь на форть Генкокъ, близъ Нью-Йорка.

права и тѣ же обязанности. Слѣдовательно, какъ и я, былъ влюбленъ въ Иду.

Таковъ завязка романа. „Двое и одна“. Какъ въ тысячахъ другихъ романовъ. Но съ нѣкоторыми новыми нюансами. По крайней мѣрѣ, мнѣ, одному изъ участниковъ, кажется, что нашъ романъ былъ не совсѣмъ шаблоннымъ.

Казалось, что преимущество было на сторонѣ Денкера. Въд онъ былъ нѣмецъ. Къ нему благоволили отецъ и мать Иды. Онъ былъ красивъ и уменъ. Но капризная дѣвушка выбрала меня, чужака, немного неуклюжаго, не совсѣмъ чисто говорящаго по-нѣмецки, небрежно одѣтаго... Выбрала, не разсуждая. Полюбила, не скрывая ни отъ родителей ни отъ Гуго.

Ревновалъ ли Гуго? Право, временами я думалъ, что ему все равно. Не потому все равно, что онъ не любитъ Иды, а потому, что въ немъ живетъ непоколебимая увѣренность въ томъ, что Ида будетъ принадлежать ему. Для такой увѣренности не было никакихъ оснований. А Гуго Денкеръ былъ увѣренъ. Онъ даже открыто говорилъ объ этомъ. Долженъ сказать, что мы съ нимъ оставались друзьями, несмотря на исторію съ Идой. И когда онъ начиналъ утверждать, что Ида въ концѣ концовъ достанется ему, я не спорилъ, а только снисходительно улыбался. Мои губы го-

Узнала и она меня. И сразу заговорила на „ты“, будто мы не разставались!

— А гдѣ твой Гуго?—спросилъ я.

— Гуго въ плѣну у васъ, въ Россіи!—отвѣтила она, и какъ-то странно улыбулась, будто въ головѣ ея пронеслась какая-то забавная мысль.

Она осталась такою же, какъ была, живой, эксцентричной, правдивой. И уже черезъ минуту она рассказала свою мысль.

— Гуго у васъ, въ Россіи, а ты у насъ, у меня... Не находишь ли ты, что судьба дѣйствуетъ не зря, а по плану?..

Что она хотѣла этимъ сказать, я понялъ впоследствии.

Меня выписали изъ лазарета и отправили въ лагерь военнопленныхъ, въ провинцію. При лагерѣ былъ лазаретъ. Не прошло и недѣли, какъ Ида появилась здѣсь.

— Попросила перевести меня!—рассказала она.—Въ лазаретъ военнопленныхъ наши сестры не особенно охотно идутъ, и мою просьбу удовлетворили сейчасъ же. Только удивились. Не могла же я имъ объяснить, что среди военнопленныхъ находится тотъ, кого мнѣ послала судьба... находишься ты!..

Я былъ на офицерскомъ положеніи. Кромѣ того, какъ хорошо владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, я былъ назначенъ „старшимъ“

Въ разоренной Польшѣ. Акварель Н. Подберскаго.

рѣли еще отъ поцѣлуевъ Иды. Въ ушахъ звенѣли еще ся признанія. Развѣ не былъ смѣшонъ этотъ Гуго Денкеръ со своей увѣренностью въ томъ, чему не бывать никогда?

— Я вывожу это математически!—говорилъ онъ.

— Я тоже математикъ, но не пытался примѣнять математики къ любви!—смѣясь, возражалъ я.—Плохо твое дѣло, братъ Гуго, если всѣ надежды ты строишь на математику!

Однако его математика оказалась болѣе надежной, чѣмъ моя психологія. Я уѣхалъ только на одинъ мѣсяцъ домой, въ Россію. Вернувшись, я засталъ Иду Пфайфъ законной женой Гуго Денкера. Какъ это случилось, не могла мнѣ объяснить Ида. Сказала только:

— Не надо было уѣзжать!

Впрочемъ, не видно было, чтобы она была жертвой обстоятельствъ. Да и семейство Пфайфовъ и Гуго Денкеръ были людьми, которые не могли бы прибѣгнуть къ насилію.

Такъ случилось. Я былъ смѣненъ Денкеромъ. Ида была довольна. Я негодовалъ и терзался. Впрочемъ, это продолжалось не долго. Въ концѣ концовъ студентъ—столь же непостоянный возлюбленный, сколь и непостоянный жилецъ. Я перемѣнилъ комнату. У новой квартирной хозяйки тоже оказалась дочь. Если второму моему берлинскому роману не суждено было развиваться дальше краснорѣчивыхъ взглядовъ и вздоховъ, то только потому, что пришло время экзаменовъ. Я былъ весь поглощенъ занятіями, а покончивъ съ экзаменами, уѣхалъ въ Россію.

Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ.

И вотъ война. Съ раздробленной рукой въ безпамятствѣ я попадаю въ плѣнъ. Прихожу въ сознание въ нѣмецкомъ лазаретѣ, уже съ ампутированной рукой. Ко мнѣ подходит сестра милосердія, и я сразу узнаю въ ней Иду Пфайфъ, мою первую берлинскую любовь.

по лагерю. У меня была отдѣльная комната, и по сравненію съ другими мнѣ недурно жилось... Недурно?.. Я долженъ былъ бы сказать, что это были нѣсколько мѣсяцевъ счастья, почти опьяненія, если бы можно было говорить о счастьѣ при такихъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ, если вы хотите знать, какъ живетъ русскимъ воинамъ въ германскомъ плѣну, какую пищу даютъ имъ и такъ далѣе, не спрашивайте у меня. Спросите у кого-нибудь другого. Я былъ сытъ любовью. Развѣ могъ я замѣтить, что я ѣлъ за обѣдомъ или за ужиномъ? Я былъ сытъ и опьяненъ. За шесть лѣтъ бѣлокурая Ида возмужала, расцвѣла. О, ея первые поцѣлуи тогда въ Шарлоттенбургѣ были только первыми искрами! Теперь пламя ея любви разгорѣлось. Скажу вамъ коротко. Эти мѣсяцы въ плѣну были самыми яркими страницами въ моей жизни. Кто знаетъ? Можетъ-быть, отнынѣ мнѣ суждено носить въ себѣ тоску по этой очаровательной женщинѣ до самой смерти.

Вамъ, конечно, приходитъ въ голову мысль объ этической сторонѣ этого возобновленнаго при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ романа. Думалъ и я объ этомъ. Были минуты, когда я чувствовалъ себя чуть ли не воромъ, обкрадывающимъ бывшего друга... пусть нынѣшняго врага, но въдъ врага-воина!.. Но я очень скоро успокоился на этотъ счетъ. Успокоила меня сама Ида.

— О, это судьба!—говорила она.—Тогда, когда онъ тебя замѣнилъ, это было болѣе нечестно! Но и онъ не былъ виноватъ. Я одна виновата. Такая я. Я любила тебя, а не его. Но тебя не было тогда, когда ты мнѣ былъ нуженъ, и я разлюбила тебя. Теперь наоборотъ.

У этой Иды изъ Шарлоттенбурга взгляды и чувства хищницы. Она любитъ присутствующаго. Она любитъ для себя. Ну, что жъ! Я совсѣмъ не такой моралистъ, чтобы отказываться отъ счастья и при этомъ лишиться счастья и ее!..

Продолжалось это до послѣдняго дня.

Однажды она принесла мнѣ вѣсть отъ Гуго Денкера. Онъ писалъ изъ русскаго плѣна. Въ бою онъ потерялъ ногу и теперь сообщалъ, что попалъ въ число инвалидовъ, которыхъ Россія возвращаетъ Германіи въ обмѣнъ на своихъ инвалидовъ.

— И тебя обмѣняютъ!— сказала Ида.

— Почему ты знаешь?

— Я знаю. Тебя обмѣняютъ на него. Такъ и знай. Не на другого кого-нибудь, а именно на него, на Гуго Денкера, который однажды тебя замѣнилъ, котораго въ другой разъ ты замѣнилъ, и который въ третій разъ опять тебя замѣнитъ!

— Не предскажешь ли ты и четвертаго обмѣна?— смѣясь, спросилъ я.

— Очень можетъ быть,— спокойно отвѣтила она.— Судьба переплела ваши пути, твои и Гуго. Она не упускаетъ васъ изъ

Конечно, въ этомъ извѣщеніи не было указанія, на кого обмѣняли меня. Да и едва ли это можно выяснитъ. Вѣдь насъ отсчитываютъ группами, интересуясь только числомъ, а не нашими именами. Тѣмъ не менѣе я не могу отдѣлаться отъ сознанія, что я обмѣненъ именно на Гуго Денкера!.. Ну, вотъ, судите, какъ хотите, а я все же вѣрю этому!

Миша Сотниковъ кончилъ свой разсказъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія заговорилъ Добрушинъ.

— Сама по себѣ, разсказанная тобой исторія ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ,— сказалъ онъ.— Маленькое романтическое приключеніе русскаго офицера въ германскомъ плѣну... Это нисколько не характерно для самой войны и не освѣщаетъ намъ ни психологіи ни быта нашихъ плѣнныхъ героевъ...

— Я же предупредилъ: объ этомъ спросите другого!— отвѣтилъ

Осиротѣла. Акварель И. Владимірова.

виду и еще сведетъ васъ... О, судьба дѣлаетъ большія дѣла, сталкиваетъ народы, потрясаетъ человѣчскій міръ!.. Но она не забываетъ и отдѣльные узелки, когда-то завязанные ею, она развизываетъ ихъ или еще больше стягиваетъ...

Представьте же себѣ, чтó испыталъ я, когда въ тотъ же день получилъ извѣщеніе о томъ, что меня возвращаютъ на родину съ партіей инвалидовъ.

Сотниковъ.—Меня занимаетъ этотъ странный эпизодъ, и я разсказалъ о немъ. Можетъ-быть, онъ нисколько не интересенъ и не поучителенъ. Но я дѣлаю изъ него широкіе выводы о предопредѣленности человѣческихъ судебъ... Для меня, математика, это болѣе, чѣмъ наивно. Но вѣдь я былъ на войнѣ! На полѣ битвы я потерялъ вѣру въ неопровержимое и увѣровалъ въ невѣроятное... Ничего со мной не подѣлаете!

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1916 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 7 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указывать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп.** и **печатный адресъ.**

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 22

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 28-го мая 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.) — 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку въ одинъ столбецъ (въ ¼ ширины страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ страя. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 9.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НОВЫЯ КНИГИ ДЛЯ ВСѢХЪ. 1) Къ призыву на воен. службу. Содерж.: нов. правила о ратникахъ, бѣлобл. и студентахъ. Пенсии и пособия. Какъ поступ. въ прапорщ. военноопр., воен. училище или заур.-чинов., болѣзнь, препятств. поступл. въ войска. Формы жалобъ и прош., ц. 1 р. 85 к. 2) Къ экзамену на военноопредѣляющаго. Полное собр. книга для быстрой краткосрочной подготовки на военноопред., ц. 5 р. 75 к. 3) Къ экзамену на чинъ. Полн. собр. книга для самоподготовки на клас. чинъ, ц. 6 р. 25 к. 4) Электричество для всѣхъ. Полн. курсъ для самоподготовки на электро-техника ц. 6 р. 30 к., кратк. курсъ — 2 р. 25 к. 5) Какъ сдѣлаться шоферомъ? Полн. и подробн. курсъ ц. 6 р. 75 коп., краткій курсъ — 1 р. 6) Какъ сдѣлаться частнымъ повѣреннымъ, (обр. пенза не треб.), всѣ книги для самоподготовки, ц. 3 р. 25 к., краткій курсъ — 1 р. 85 к. 7) Бухгалтерія для всѣхъ — единственная полезная книга для всѣхъ, кто хочетъ стать бухгалтеромъ или коммер. кор. Полн. курсъ, ц. 3 р. 50 к., краткій — 1 р. 55 к. 8) Что нужно знать приказчику или конторщику, чтобы улучшить свое положеніе, книга въ 4 част., ц. 1 р. 55 к. 9) „Я самъ хозяинъ“ — советы и указанія, какъ создать себѣ доходное дѣло безъ затратъ капитала, ц. 2 р. 75 к. 10) „Побочные заработки“ — сов. и указ., какъ ссзд. себѣ побочн. зар., ц. 1 р. 25 к. 11) Какъ поступить на казен. службу, почт., жел. д., тел. и пр., руководство, ц. 1 р. 25 к. 12) Газетная корреспонденція — общедост. курсъ для лицъ, желающихъ корреспонд. въ газеты (за плату) изъ селъ, дерев. или городовъ, ц. 1 р. 55 к. 13) Полн. курсъ каллиграфіи, прекрасно и быстро исправляющій самыя дурн. почеркы, ц. 1 р. 15 к. 14) Домостроеніе. Руководство какъ построить недорого и быстро домъ, амбаръ, конюшню и пр., ц. 2 р. 15) „Берегите животныхъ“ — руководство, какъ беречь, разводить и дѣлать лошадей, коровъ, кроликовъ, овецъ и т. д., ц. 1 р. 35 к. 16) Садъ и огородъ, какъ увеличить доходность сада и огорода, ц. 1 р. 40 к. 17) Самоучитель ремесла и производства: мыловареніе, ц. 1 р. 25 к., столярное дѣло, ц. 70 к., производство краски, масла, лаковъ, мас. еи и ваксъ, ц. 1 р. 15 к., переплетное дѣло, ц. 80 к., пазанье и луженіе, ц. 80 к., выдѣлка кожъ, ц. 75 к., чеподан. дѣло, ц. 1 р. 45 к. 18) Какъ изготовлять безалог. вина и напитки, домашн. путемъ, ц. 1 р. 5 к. 19) Самоучитель языковъ — англійск., — 1 р. 50 к., французск., — 85 к., латинск., — 1 р. 45 к., нѣмецкій — 90 к. 20) Стенографія, самый полный курсъ, ц. 2 р. 50 к. 21) Служба въ полиціи, руководство къ самоподготовкѣ на окол. надз. или прист., ц. 4 р. 25 к. 22) „Я самъ юристъ“ — руководство для составл. прошеній и жалобъ на Императорск. имя, мир. и окр. судъ, по военск. дѣл. и др., ц. 1 р. 45 к. 23) Книга для женщинъ: уходъ за новорожд., ц. 80 к., уходъ за мал. дѣтми, ц. 75 к., косметика женщ. и реб., ц. 80 к., какъ сохранить молодость, здоровье, красоту, ц. 90 к., домашній врачъ, ц. 75 к. 24) Полн. курсъ кройки, шитья и рукодѣлія, ц. 2 р. 85 к. 25) Шейте сами обувь! Книга, заочно обучающая, какъ самому шить сапоги, башмаки, туфли, чинить обувь, ц. 1 р. 65 к. 26) Дешевый столъ. Сборникъ рецептовъ, какъ готовить дешево, вкусно всевозм. блюда, ц. 1 р. 75 к. 27) Книжки для развлеченій: Хиромантія, ц. 1 р. 15 к., магія и волшебство, ц. 95 к., новѣйш. фокусникъ, ц. 90 к., полн. толкователь оговорокъ, ц. 85 к., орacular-пророчатель, ц. 95 к. 28) Семейная библіотека, 10 лучш. романовъ совр. писат., — 4 р., 20 кн., — 7 р. 50 к. Всѣ книги высыл. только по получ. вѣдѣтъ въ размѣрѣ одной трети стоимости (можно марки и купоны). Требования адресовать: Москва, Б. Гибздинковскій, 10 Б, редакція „Новый Журналъ“.

ГАМАМЕЛИДЪ
НОВОЕ СРЕДСТВО
ОТЪ **ГЕМОРРОЯ** ц. 1.50 к.
Продажа въ аптекахъ и аптек. магазинахъ.
Адресъ: Москва, Елоховская, 4. Е. И. Германъ.

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
Москва, И. Басманн., д. 14.
ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ
ЗАИКАНИЕМЪ
При лѣчебницѣ ПАНСИОНЪ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ. — Условія лѣченія высыл. бесплатно.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА
ДЛЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.
Получаются блестящіе результаты.
Брошюра № 12 по требованію бесплатно.
Англійское Анц. О-во „АЛЛЕНЪ И ГАНБУРИСЪ“.
Москва, Мясницкая, 32.

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 85 коп. Адресъ: Москва, ред. журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. 36)

ОСВѢЖАЮЩИЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРИЯТНЫЙ КРЕМЪ
Это прекрасное средство противъ дурного цвѣта лица, обезбѣтъ кожу и придаетъ ей юношескій видъ и бархатность. Дермозоль Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 30 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, събдите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностью. Рекомендуется передъ накладываніемъ Дермозоля вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять мыло Дермозоль Т-ва Стохбергъ и Ко.

ВСѢ,
кто пришлетъ свой точный адресъ, получатъ систематическій каталогъ всевозможн. научно-популярныхъ по всѣмъ отраслямъ книгъ. Адресъ: Москва, Петровскія ворота, 2-й Знаменскій пер., д. № 1-7, отд. Экспед. Книгоиздательству Тел. 47-03.

НОТНАЯ ТОРГОВЛЯ П. ЮРГЕНСОНА
Въ Москвѣ, Неглинный пр., 14.
Самый обширный въ Россіи складъ нотъ и книгъ по музыкѣ всѣхъ странъ и для всѣхъ инструментовъ и вины.
Быстрое и аккуратное исполненіе заказовъ для гг. иногороднихъ покупателей. Высылка съ наложеннымъ платежмъ. Каталоги и списки собствен. изданій — бесплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безвѣднатыя преміи. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ**. Леготныя условія подписки и пробная лекція **БЕСПЛАТНО**. Адресъ: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Изданіе въ Правит. Вѣстн. 1915 г. № 228).
ФАРМЕНЦИ *Майер*
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londre, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОХЪ ЖЕЛЕЗЪ
ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.
ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, лущѣ, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.
Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка наблюдений высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка — 40 к., пересылка свыше одного флакона — бесплатно. 29-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 8. Телегр. адресъ: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ съменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.
(Россія, Великобританія, Италия, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).
Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.
Съ подробнымъ алфавитнымъ географическимъ указателемъ всѣхъ (около 10,000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстопоходженія каждаго названія.
Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ. Подъ редакціей проф. Ю. М. Шенявскаго.
Цѣна съ пересылкой ДВА рубля.

Старческая дряслость,

бесиліе, сердечныя заболѣванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому съѣдуеъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболѣванія, половое

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ. ПЕТРО-ГРАДЪ.
ПОСТАВЩИКИ
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Крупный заработокъ круглый годъ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТОРИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИКТОРИЯ» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстровязальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ безплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.

Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

При ГОНОРРЕЕЪ

въ острой и хронической формѣ «ТІЭЛЕРИНЪ» послѣдствіяхъ ея примѣняется Д-ра мех. Гороховской Для внутренняго употребл. Тіэлеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 1/28, кв. 8, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

Владѣть языками

является мечтой каждаго человѣка, но не всякій знаетъ о пользующейся громаднымъ успѣхомъ

заочной методъ

обученія иностраннымъ языкамъ по изданію «АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ». Легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть грамматическихъ правилъ и словъ, каждый можетъ въ короткое время изучить

Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки.

КУРСЪ КАЖДАГО ЯЗЫКА СОСТОИТЪ ИЗЪ 10 ВЫП.

Каждый выпускъ стоитъ 1 руб. 40 коп.

Краткій проспектъ безплатно.

Подробный—за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевск., 44—62.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Двадцатипятилѣтіе Великаго Сибирскаго пути.

(Вопросы внутренней жизни.)

19-го мая исполнилось 25 лѣтъ со дня закладки Великаго Сибирскаго пути. Далеко не всѣ понимали тогда культурно-государственное значеніе грандіознаго предпріятія. Идею его приходилось отстаивать и защищать отъ тысячи мелкихъ нападокъ. Многіе изъ русскихъ интеллигентовъ судятъ объ очередныхъ вопросахъ общественной жизни вовсе не съ государственной точки зрѣнія; поэтому творческая государственная мысль часто встрѣчаетъ въ нашемъ обществѣ вмѣсто горячаго сочувственнаго отклика придиричивую критику и отрицаніе. Такъ было и съ проектомъ Великой Сибирской магистрали.

Однако теперь, черезъ четверть вѣка, государственная необходимость соединенія рельсовымъ путемъ Европейской и Азіатской Россіи стала для всѣхъ очевидной и безспорной истиной. На сооруженіе Сибирскаго пути были затрачены сотни милліоновъ рублей, но уже въ первую же четверть вѣка на всемъ протяженіи Сибирской дороги выросли многомилліардная цѣнность въ видѣ безконечнаго ряда новыхъ деревень, селъ, кипящихъ жизнью большихъ городовъ. Мертвая тайга заселилась десятками милліоновъ переселенцевъ, русской земледѣльческой трудъ нашель безграничный просторъ дикихъ степей, русская предприимчивость свила гнѣздо въ новыхъ, выросшихъ со сказочною быстротою, городахъ. Сибирское земледѣліе по уровню своей культуры далеко опередило приемы крестьянскаго хозяйства въ Европейской Россіи. При всемъ обиліи земель сибирскіе крестьяне перешли отъ экстенсивнаго къ интенсивному хозяйству, завели при посредствѣ переселенческаго управленія сельскохозяйственныя машины, въ широкихъ размѣрахъ развили скотоводство, устроили артельные масляные заводы и, не

стѣсняясь пространствомъ, вывозятъ въ Англію на десятки милліоновъ рублей избытки сливочнаго масла.

По напряженности и усиленной производительности труда, по широтѣ дѣлового размаха, по неукротимому свободолобію населеніе Сибири не даромъ называютъ русской Америкой. На необозримомъ просторѣ ея тундръ и степей слагаются какія-то новыя формы русскаго общественнаго быта, вырабатываются типы дѣловыхъ русскихъ людей. Вольнолюбивый Ермакъ всталъ изъ гроба и продолжаетъ свое великое государственное дѣло. Сибирская дорога довершаетъ то, что зачато полулегендарнымъ богатыремъ. Она дала могучій толчокъ къ развитію огромной окраины и въ первый моментъ какъ бы перенесла даже центр тяжести русской политической жизни съ Запада на Востокъ. По своимъ размѣрамъ, по своимъ неисчислимымъ естественнымъ богатствамъ, по неодолимой энергіи населенія восточная колонія неизмѣримо больше метрополіи. Нѣкоторое время, въ медовый мѣсяцъ первыхъ увлеченій дальневосточными перспективами, она грозила даже поглотить послѣднюю.

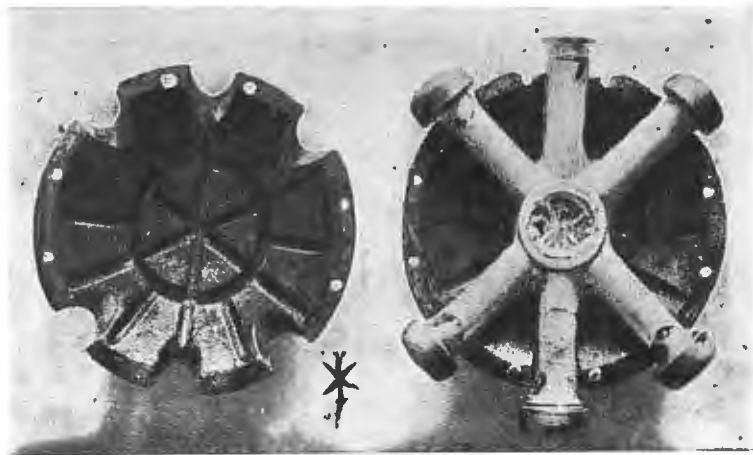
Европейская Россія рисковала утонуть въ Сибири. Въ модѣ были разсужденія на ту тему, что Россія, собственно говоря, государство больше азіатское, чѣмъ европейское, что ея главные интересы находятся не на западѣ, а на востокѣ, что ея территориальный ростъ и политическое развитіе должны итти въ сторону наименьшаго сопротивления, что Дальній Востокъ несравненно ближе ея сердцу, чѣмъ Ближній. Едва ли нужно пояснять, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ такіе совѣты носили на себѣ незримое клеймо: „made in Germany“. Однако нѣкоторое время они властвовали въ правящихъ сферахъ и успѣли толкнуть насъ на крупныя политическія ошибки.

Идея дальневосточнаго мессіанства привела насъ къ печальному во всѣхъ смыслахъ столкновенію съ нашими нынѣшними друзьями и союзниками японцами, ни въ малѣйшей мѣрѣ не оправдываемому никакими реальными русскими интересами. Дѣйствительность дока-

зала, что Сибирь может расти, развиваться и крепнуть без завладения Кореей, что при наших земельных богатствах никакие территориальные приобретения на Востоке нам совершенно не нужны. Русский народ своим здравым национальным инстинктом ясно чувствовал, что дальневосточная борьба ведется не за насущные интересы России, а за чьи-то обманчивые иллюзии, и относился к ней холодно и безучастно, берегая всю свою энергию, все мужество и самоотверженность для нынешней борьбы на жизнь и смерть с вѣковым историческим врагом славянства.

Одностороннее толкование России, как великой азиатской державы, умерло само собою. Утраченное на время равновесие политического самопонимания скоро вернулось к нам обратно. При первом натиске германцев на Сербию мы почувствовали, что Россия — не азиатская, а великая мировая держава, владующая над сѣверо-восточной половиной всего материка от океана до океана, что она вмѣщает в своих пределах и Европу и Азию, и Запад и Восток. Съ момента восстановления временно утраченного политического равновѣсія Сибирская дорога уже не отлекала нашу мысль и наши силы в безконечныя дебри Дальняго Востока, но дѣятельно способствовала развитию их на богатой окраинѣ для борьбы съ могучимъ и опаснымъ западнымъ врагомъ. Огромная колонія не поглотила политически свою метрополию, не обособилась духовно отъ нея, но явилась одной изъ самыхъ яркихъ защитницъ общаго отечества и сыграла в расовой борьбѣ славянъ съ нѣмцами не малую роль. Боевая слава доблестныхъ сибирскихъ корпусовъ громко гремѣла въ первый побѣдоносный періодъ кампании. Въ тяжелую годину войны, когда миллионы рабочихъ рукъ оторваны отъ земли, Сибирь обеспечиваетъ Россию и русскую армию неисчерпаемыми запасами овса, хлѣба, масла, скота, рыбы и проч. и проч.

По Великой Сибирской дорогѣ провозятся к нам изъ Америки и Японіи орудія, снаряды, ружья, заводскіе станки, земледѣльческія орудія и т. д. Отрѣзанная огненной стѣной отъ Европы, Россия сохранила въ видѣ стальной линіи рельсъ Сибирской дороги неразрывную связь съ внѣшнимъ міромъ. Страшно подумать, что было

Нѣмецкая ручная граната, подобранная на бельгійскомъ фронтѣ.

бы и въ какомъ безвыходномъ положеніи очутились бы мы, если бы гениальная государственная предусмотрительность не обеспечила намъ въ глубокомъ тылу недосыгаемыхъ для противника путей сообщения съ союзниками. Въ кровавые дни перваго юбилея всего опутительнѣе чувствуется колоссальное государственное значеніе Сибирской дороги. Предусмотрительное проведеніе ея удесятило военныя и культурно-экономическія силы России не только на Востоке, но и на Западе. Лучшимъ ознаменованіемъ двадцатипятилѣтняго юбилея Великаго Сибирскаго пути будетъ предстоящій разгромъ нѣмцевъ, въ подготовкѣ котораго двѣ пары стальныхъ рельсъ, соединяющихъ насъ съ Дальнимъ Востокомъ, сыграли не малую роль.

Они отдадутъ все... Въ одномъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, послѣ обращенія къ нижнимъ чинамъ о содѣйствіи успѣху военнаго займа и разъясненія о необходимости для государства имѣть запасы золота и серебра, младшій унтеръ-офицеръ команды конныхъ развѣдчиковъ І. М. подалъ недавно начальнику команды докладную записку, съ приложеніемъ своихъ двухъ золотыхъ и двухъ серебряныхъ медалей и одного рубля денегъ на нужды войны для побѣды надъ врагомъ.

Высокому патриотическому примѣру младшаго унтеръ-офицера М. послѣдовали почти всѣ нижніе чины полка.

По своей трогательно-простой формѣ проявленія это—выдающійся примѣръ гражданскаго патриотическаго самоотверженія. Порывъ солдатъ-гражданъ оказался настолько сильнымъ, что, какъ молніей, воспламенилъ сердца всѣхъ, узнавшихъ о геройскомъ подвигѣ нашихъ защитниковъ. Имъ не страшны лишения и невзгоды походной жизни. Они безъ ропота переносятъ страданія. Сраженныя вражеской пулей, они умираютъ на полѣ брани, хрюпа до послѣдняго мгновенія пламенную любовь къ родиѣ и восторженныя желанія:—побѣды надъ злостнымъ врагомъ. Узнавъ, что родиѣ нужны для побѣды золото и серебро, они отдадутъ послѣднее, что имѣютъ, свои медали и кресты, добытые ими подчасъ цѣною крови. Они хотятъ только побѣды и отдадутъ все для достиженія ея. Пусть рассказъ о геройскомъ подвигѣ богатырей-солдатъ прозвучитъ въ сердцахъ всѣхъ, стоящихъ вдали отъ ужасовъ войны, призваннымъ набатомъ. Пусть великій подвигъ русскаго солдата, окруженный ореоломъ славы, будетъ служить примѣромъ для всѣхъ погрязшихъ въ будничныхъ заботахъ о повседневныхъ мелочахъ жизни, пробудитъ ихъ усталая душа, подниметъ ихъ слабые нервы, убѣдитъ ихъ, что наша родина не можетъ не побѣдить, выславъ навстрѣчу коварному врагу своихъ чудо-богатырей.

Военный судъ за самозванство. (Объявленіе петроградскаго градоначальника).

Согласно приказу главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта 16-го сентября 1915 года за № 19 (приказъ по Петроградскому военному округу 29-го сентября 1915 года за № 32), объявляется нижеслѣдующее:

На основаніи п. 7 ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи (Св. зак. т. II общ. учр. губ. изд. 1892 года, прил. къ ст. 23) и ст. 98 положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 1416 и 1417 улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1895 года и совершенныхъ гражданскими лицами во время войны въ районѣ арміи сѣвернаго фронта, исключаются изъ общей подсудности, съ передачею ихъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ, причѣмъ послѣдними, взамятъ наказаній, опредѣленныхъ въ означенныхъ выше статьяхъ, должна быть во всѣхъ случаяхъ назначаема отдача виновныхъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ отъ 1 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ.

Дѣйствіе объявленія, опубликованнаго 25-го января 1915 года въ „Вѣдомостяхъ Петроградскаго Градоначальства“ о разрѣшеніи дѣлъ по нарушенію 1416 ст. улож. о наказ. въ административномъ порядкѣ отмѣняется.

Ст. 1416 Улож. о нак. гласитъ: «кто, безъ присвоенія чужихъ, или составленія подложныхъ и умышеннаго измѣненія настоящихъ документовъ, будетъ носить какой-либо не принадлежащій ему орденъ или иной знакъ отличія, или именоваться не принадлежащимъ ему чиномъ или званіемъ, или же именемъ другой фамилии, тотъ за сіе подвергается:

въ первый разъ—денежному взысканію не свыше 200 руб.;

во второй разъ — такому же взысканію не свыше 500 руб.;

а въ третій — аресту на время отъ 3-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ, и о томъ публикуется въ Вѣдомостяхъ обоихъ столицъ и въ мѣстныхъ губернскихъ. Симвъ же наказаній и на томъ же основаніи подвергаются и тѣ, которые будутъ употреблять неслѣдующія имъ по чину лирва.»

Ст. 1417 Улож. о нак. гласитъ: «кто равнымъ образомъ, безъ присвоенія чужихъ, составленія подложныхъ или умышеннаго измѣненія настоящихъ документовъ, будетъ именоваться титуломъ не принадлежащаго ему почетнаго достоинства или употреблять не принадлежащій ему гербъ, или самовольно къ своему гербу присовокупить не принадлежащаго роду его или ему лично корону, или иное не слѣдующее къ сему гербу, по установленнымъ на то правиламъ, украшеніе, тотъ, буде онъ только продолжалъ именоваться симъ титуломъ, или употреблять такіе гербы и корону, по примѣру отца, или иного старшаго въ родѣ его, подвергается:

въ первый разъ—денежному взысканію не свыше 50 руб.;

во второй—такому же взысканію не свыше 100 руб.;

въ третій — аресту на время отъ 7 дней до 3-хъ недѣль.

Когда же онъ самъ первый дозволитъ себѣ такое присвоеніе неслѣдующихъ ему титула, герба или короны, то приговаривается:

въ первый разъ — денежному взысканію не свыше 200 руб.;

во второй — къ такому же взысканію не свыше 500 руб.;

а въ третій — къ аресту на время отъ 3-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ и о томъ публикуется въ Вѣдомостяхъ обоихъ столицъ и въ мѣстныхъ губернскихъ.»

12 сыновей. Въ селѣ Томаковѣ, Екатеринославскаго уѣзда, у крестьянина Ивана Мироновича Мисюры—12 сыновей, изъ которыхъ 9—на войнѣ. На войнѣ же и одинъ внукъ Мисюры.

Изъ сыновей Мисюры одинъ убитъ и одинъ въ австрійскомъ плѣну. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ георгіевскіе кресты.

Русский солдат-пленный обрабатывает землю.

Английский солдат-доброволец пашет землю во Франции.

Французский солдат в роли пастуха.

Добыча продовольствия на нашем фронте.

Германские солдаты, обрабатывающие землю в захваченной ими Бельгии.

Русские солдаты-пленные за работой на германской ферме.

Английские солдаты за устройством цветников передь вагонами-лазаретами.

Бельгийские солдаты за разведен'ем овощей.

На союзных и вражеских фронтах. Труд пленных. Сельскохозяйственные работы.

ЖИЗНЬ

№ 22. Выходит ежевед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. ..Сборника", содерж. соч. Д. И. МАМИНА-СИБИРЯНА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 повья специальна карты театра военныхъ дѣйствій, 12 № в „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 24 мая 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

На развѣдкѣ. Рис. проф. Н. Самокиша.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Гуссейнъ-бейъ-Абдалла. Разказъ В. Ропшина. — Колокольъ Роландъ (Нѣмецкая „правда“). Очеркъ Юганнеса Юргенсена. (Продолженіе). — Жозефа. Разказъ Фредерика Буте. — Заявленіе. — Объявленіе. — Отклики войны. — Двадцатипятилѣтіе великаго Сибирскаго пути. (Вопросы внутренней жизни). — Нѣмецкая ручная граната новаго типа, подобранная у Гейма. — Сельскохозяйственные работы на союзныхъ и вражескихъ фронтахъ (8 рис.).

Р И С У Н К И: На развѣдкѣ. Рисунокъ проф. Н. Самокиша. — Карта австро-итальянскаго фронта. — На французскомъ фронтѣ. — 7 фотографій полковника А. Далматова. — Памятникъ Петру Великому въ Ригѣ. — Транспортъ раненныхъ, перевозимыхъ на „дековилькѣ“. — Англійскія войска въ Месопотаміи. Церковная служба въ отрядѣ генерала Таусенда. — Русскія войска въ Месопотаміи. Городъ Касри-Шаринъ и его окрестности. На пути къ Багдаду (11 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 9.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1916 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 7 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому заботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп.** и **печатный адресъ.**

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

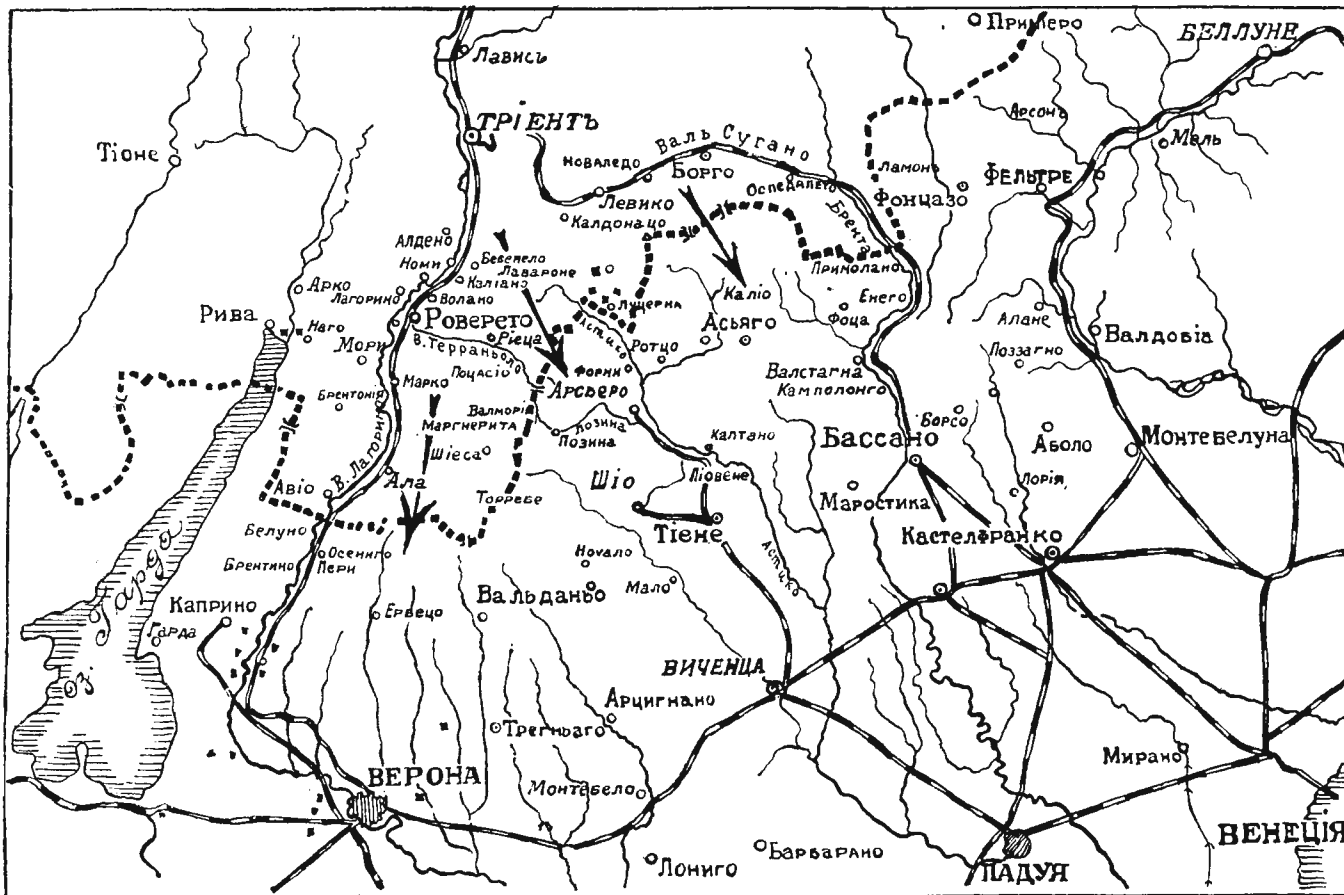
К. Шумскаго.

Развитіе большого сраженія.

Нынѣшнее дѣло противникъ, повидимому, рѣшилъ использовать для двухъ крупнѣйшихъ операцій, которыя снова должны воскресить наступательный натискъ австро-нѣмцевъ въ первые дни войны и дать тотъ рѣшительный успѣхъ, который ускольз-

н его планы операцій въ 1916 году выглядятъ еще крупнѣе, чѣмъ въ 1914 году.

Если обратить вниманіе на группировку войскъ противника, то можно убѣдиться изъ ряда сообщеній въ печати, что на французскомъ фронтѣ противникъ продолжаетъ сосредоточивать большую часть своихъ силъ. Ранѣе французскій штабъ насчитывалъ

Карта австро-итальянскаго фронта.

нуль изъ рукъ противника въ августѣ 1914 г. — на Марнѣ и въ Галиціи. Верденская операція разрастается, и противникъ не только не ослабилъ своихъ усилій, но, наоборотъ, еще сосредоточилъ другую значительную массу войскъ на сѣверѣ Франціи противъ англійской арміи, обнаруживая этимъ намереніе завязать большое сраженіе по всему западному фронту.

Однаково и на итальянскомъ фронтѣ обрисовываются контуры первостепенной операціи, гдѣ австрійцы сосредоточили большую часть своихъ силъ, въ надеждѣ добиться самыхъ рѣшительныхъ результатовъ и покончить съ сопротивленіемъ Италіи. Очевидно, два года войны мало повліяли на претенціозность противника,

на своемъ фронтѣ до 120 германскихъ дивизій, а слѣдовательно нынѣ, послѣ того, какъ на французскомъ фронтѣ оказалось еще нѣсколько дивизій съ другихъ фронтовъ (двѣ вновь прибывшія баварскія дивизіи 12-го мая штурмовали форть Дуомонъ), число нѣмецкихъ войскъ на западѣ безъ малаго доходить до трехъ четвертей всѣхъ силъ противника.

Въ то же время итальянцы оповѣстили въ своихъ полуофициальныхъ сообщеніяхъ (телеграммы агентства Стефани), что на итальянскомъ фронтѣ собралось до 38 дивизій австрійцевъ. Это также даетъ большую часть всѣхъ австрійскихъ силъ, всего до 650.000 человекъ. При этомъ въ составѣ австрійскихъ войскъ на

итальянскомъ фронтѣ находятся лучшіе австрійскіе полки, какъ то: тирольскіе стрѣлки, горныя войска и мадьярскіе полки. Число орудій, сосредоточенныхъ на австрійскомъ фронтѣ, очень трудно опредѣлить, но уже при 38 дивизіяхъ находится однихъ полевыхъ орудій, по обычнымъ нормамъ, свыше 1.500. Кроме того, на этомъ фронтѣ находится значительное число тяжелыхъ и крѣпостныхъ орудій, изъ которыхъ часть взята изъ крѣпостей Триента и Ривы.

Такимъ образомъ австро-германскія силы сосредоточились въ главной своей массѣ на французскомъ и итальянскомъ фронтахъ. Подобно тому, какъ въ началѣ войны нѣмцы вели свою отдѣльную операцію—наступали во Франціи, а австрійцы вели свою отдѣльную операцію—наступали изъ Галиціи въ Люблинскую и Холмскую губерніи,—и въ настоящее время германскіе и австрійскіе штабы также задѣлились какъ бы различными цѣлями. Какъ извѣстно, основное правило стратегіи не допускаетъ одновременнаго веденія двухъ большихъ, „двухъ главныхъ“ операцій, а требуетъ, чтобы, при наличіи нѣсколькихъ фронтовъ, только на одномъ изъ фронтовъ велось наступленіе, а на всѣхъ остальныхъ фронтахъ придерживались бы оборонительнаго образа дѣйствій.

Поэтому веденіе противникомъ двухъ различныхъ операцій въ началѣ войны,—и во Франціи и въ Галиціи,—представлялось съ точки зрѣнія военной теории неправильнымъ, и можно было даже считать, что за отказъ отъ сосредоточенія всѣхъ силъ на одномъ какомъ-либо фронтѣ, т.-е. за раздѣленіе силъ между двумя фронтами, французскимъ и галиційскимъ, противникъ былъ наказанъ и пораженіемъ на Марнѣ и пораженіемъ въ Галиціи. Въ свое время мы отмѣчали, что такое рѣшеніе противника явилось результатомъ разногласій между нѣмцами и австрійцами, и въ то время, какъ нѣмецкій штабъ, повидимому, предлагалъ, чтобы большая часть австрійскихъ войскъ присоединилась къ операціямъ на французскомъ фронтѣ, австрійскій штабъ, въ свою очередь, настаивалъ на сосредоточеніи большей части австро-германскихъ силъ на нашемъ фронтѣ. Слѣдовательно, и нѣмецкое и австрійское высшее командованіе признавало необходимость сосредоточенія „всѣхъ“ силъ на одномъ какомъ-либо фронтѣ, т.-е. сосредоточеніе всѣхъ австро-германскихъ силъ либо на французскомъ, либо на нашемъ фронтѣ, но, вслѣдствіе разногласій, каждый изъ союзниковъ пошелъ въ ту сторону, гдѣ для него лично представлялись стратегическія цѣли наиболее важными.

Однако въ нынѣшнемъ наступленіи австрійцевъ въ Италію, а нѣмцевъ на французскомъ фронтѣ, можно уже усмотрѣть нѣкоторую, хотя весьма отдаленную связь. Теперь уже трудно было ожидать, чтобы австрійцы, имѣющіе два или три фронта,—нашъ, итальянскій и балканскій,—могли бы еще удѣлить часть войскъ для нѣмцевъ, чтобы облегчить ихъ дѣйствія на французскомъ фронтѣ. Очевидно, на этотъ разъ уже предстояло прежде всего освободиться отъ одного изъ противниковъ, и неудивительно, что австрійцы рѣшились попытаться произвести большой натискъ на итальянцевъ, дабы при помощи движенія изъ Тироля противъ итальянскихъ сообщеній поставить итальянскую армію въ такое положеніе, чтобы она была вынуждена принять рѣшительное сраженіе. Въ такомъ сраженіи силы одной изъ сторонъ, во всякомъ случаѣ, будутъ настолько надломлены, что съ проигравшимъ противникомъ придется считаться очень мало. Если бы побѣдителями оказались австрійцы, это въ значительной степени развязывало бы имъ руки для операцій на всѣхъ другихъ фронтахъ войны.

Такая стратегическая обстановка, съ которой явно связана оборона противника на нашемъ фронтѣ, какъ бы приводитъ противника снова къ его первому плану—выиграть кампанію сначала на западныхъ фронтахъ, т.-е. на французскомъ и итальянскомъ, и слѣдовательно то, какъ бы представлять собой нѣкоторыя видоизмѣненія знаменитаго нѣмецкаго плана войны на два фронта, въ который внесены коррективы въ виду того, что создавался еще одинъ фронтъ—итальянскій.

Поэтому первѣйшей задачей нашихъ союзниковъ является не столько рѣшительная побѣда надъ наступающими силами германцевъ и австрійцевъ, сколько необходимость устоять противъ новаго натиска. Подобно тому, какъ французы, выдержавъ съ честью первый натискъ нѣмцевъ въ началѣ войны и выигравъ сраженіе на Марнѣ, этимъ разрушили весь нѣмецкій планъ войны,—задача будетъ достигнута, если французы и итальянцы устоятъ противъ новаго натиска противника, ибо этимъ будетъ разрушенъ новый, не менѣе грандіозный планъ, къ которому прибѣгаетъ

противникъ, чтобы разомъ разрѣшить сложное для него положеніе.

Обращаясь къ выполненію противникомъ этихъ новыхъ задачъ, мы напомнимъ, что наступленіе на Верденъ слѣдуетъ считать безусловно неудавшимся. Это, разумѣется, не означаетъ окончанія нѣмецкой операціи на западномъ фронтѣ, и весьма вѣроятныя операціи другой нѣмецкой массы противъ англичанъ на сѣверѣ должны быть продолженіемъ и развитіемъ боевъ у Вердена.

Что же касается наступленія австрійцевъ въ Италію, то пока это сраженіе еще не достигло того наибольшаго напряженія, когда шансы опредѣленно начинаютъ складываться въ ту или другую сторону. Изъ сообщеній итальянской главной квартиры можно видѣть, что итальянцы очистили большую часть своихъ позицій въ Тироли, за исключеніемъ района у озера Гарда, и отошли на свою территорию. Вслѣдствіе этого австрійское расположеніе продвинулось впередъ въ центрѣ, а на западномъ крылѣ, у озера Гарда, австрійцы еще придерживаны на своей территоріи.

Въ общемъ, наступленіе австрійцевъ изъ Тироля идетъ тремя главными массами. Изъ нихъ одна масса наступаетъ по долинѣ Лагоррино (около озера Гарда); другая масса наступаетъ рядомъ и восточнѣе,—по долинамъ рѣкъ Терраньола и Астико; третья масса наступаетъ еще восточнѣе, по долинамъ Бренты и Сугано.

Изъ этихъ трехъ массъ задержана первая—въ долинѣ Лагоррино. Наиболее продвинулась вторая, которая, двигаясь между рѣками Терраньола и Астико, дошла до итальянскихъ городовъ Арсьеро и Асьяго. Третья масса, наступающая по долинѣ Бренты и Сугано, также продвинулась нѣсколько впередъ и, повидимому, подошла къ итальянскимъ укрѣпленнымъ пунктамъ у Примолано и Томбіоно.

Въ теченіе семи дней итальянцы упорно удерживали свои позиціи въ Тироли, но затѣмъ отошли съ передовыхъ позицій на главныя оборонительныя линіи. Здѣсь послѣдовалъ новый натискъ противника, и такъ какъ эти главныя оборонительныя линіи находились въ разстояніи 4—7 километровъ отъ сосредоточенной австрійской артиллеріи, то итальянцы эвакуировали и эти главныя оборонительныя линіи.

Однако, позади этихъ главныхъ оборонительныхъ линій у итальянцевъ имѣется рядъ фортовъ, сооруженныхъ еще въ мирное время. Центральнымъ райономъ этой линіи фортовъ являются форты у Арсьеро и Асьяго. Австрійская масса, наступавшая между рѣками Терраньола и Астико, и была остановлена у этихъ фортовъ Арсьеро и Асьяго.

Затѣмъ австрійская масса, наступавшая по долинамъ Бренты и Сугано, была остановлена у фортовъ Примолано и Томбіоно.

Такимъ образомъ въ серединѣ мая австрійцы, послѣ первыхъ двухъ натисковъ, наткнулись на сильныя препятствія, въ видѣ фортификаціонныхъ сооружений на итальянской территоріи въ верстахъ двадцати отъ границы—у Арсьеро, Асьяго и Примолано. Здѣсь австрійцамъ пришлось затратить нѣкоторое время для того, чтобы подтянуть свою артиллерію и приступить къ операціямъ противъ сильныхъ укрѣпленій итальянцевъ.

Изъ этого можно видѣть, что въ общемъ за двѣ недѣли австрійскаго наступленія продвиженіе австрійцевъ приостановилось въ верстахъ пятнадцати отъ австрійской границы Тироля на итальянской территоріи. Такъ какъ пути австрійскаго наступленія выводятъ къ городамъ Виченцѣ и Падуѣ, и такъ какъ эти города образуютъ собой важныя узловые желѣзнодорожныя пункты, черезъ которые идетъ сообщеніе главной итальянской арміи, находящейся на рѣкѣ Изонцо, т.-е. на путяхъ къ Триесту—то это показываетъ, что австрійское наступленіе направлено противъ путей сообщенія главной итальянской арміи.

Изъ сообщеній итальянцевъ можно видѣть, что наступленіе къ Тиролю ведется 16 австрійскими дивизіями, а слѣдовательно остальные 22 дивизіи расположены на рѣкѣ Изонцо и частью находятся, вѣроятно, въ резервѣ. Поэтому надо думать, что, кроме наступленія австрійцевъ изъ Тироля, обнаружится также наступленіе австрійцевъ на рѣкѣ Изонцо, такъ какъ нельзя предполагать, чтобы 22 дивизіи были сосредоточены австрійцами на рѣкѣ Изонцо безъ всякой цѣли, безъ всякихъ опредѣленныхъ задачъ.

Это обнаруживаетъ стремленіе австрійцевъ наступать противъ итальянской арміи съ двухъ разныхъ сторонъ и какъ бы пытаться произвести двойной охватъ тѣ „стратегическіе тиски“, „зажатіе въ клещи“, которое неоднократно пытались неудачно продѣлать ихъ союзники-нѣмцы на нашемъ фронтѣ войны.

Гуссейнъ-бенъ-Абдалла.

Разсказъ В. Ропшина.

Гуссейнъ-бенъ-Абдалла, алжирскій стрѣлокъ, соскочилъ съ лошади и привязалъ ее къ телеграфному столбу у дороги. Потомъ онъ осторожно взобрался на холмъ и оглядѣлся кругомъ. Всюду,—спереди, справа и слѣва,—тянулись однообразные, алые въ лучахъ заходящаго солнца, пески. Моря не было видно, но оно чувствовалось въ рѣзкихъ порывахъ вѣтра и во влажномъ воздухѣ днюнъ. На югѣ, у Ньолпорта, не умолкая, гремѣли пушки, а здѣсь, на морскомъ берегу, было тихо и казалось, что нѣмцы ушли. Гуссейнъ-бенъ-Абдалла скинулъ свой длинный, цвѣта хаки, бурнусъ и медленно поползъ на востокъ. Черезъ минуту онъ слился съ песчаной равниной, а когда село солнце и легъ вечер-

ній туманъ, самый внимательный глазъ не могъ бы замѣтить, что въ пескахъ ползетъ человекъ.

У нѣмецкой траншеи, въ десяти шагахъ отъ нея, темнѣла глубокая яма-воронка отъ взорвашагося снаряда. Гуссейнъ-бенъ-Абдалла спрятался въ ней. Онъ былъ посланъ опредѣлить расположеніе непріятельскихъ пулеметовъ. Изъ ямы пулеметовъ не было видно, но зато были слышны солдатскіе голоса. Гуссейнъ-бенъ-Абдалла понялъ, что это смѣна, и сталъ считать число головъ; онъ легъ у края воронки и долго лежалъ, не думая ни о чемъ. Онъ ждалъ случая, чтобы подползти еще ближе.

Вѣтеръ переѣмнулся. Онъ не свистѣлъ теперь съ моря, а дулъ,

На французскомъ фронтѣ. Колоніальныя войска „спаги“ на походѣ.

не переставая, съ востока, со стороны нѣмцевъ. Изъ-за вѣтра и скрипа песку Гуссейнъ-бень-Абдалла не слышалъ, что совсѣмъ рядомъ съ нимъ, надъ его головой, звякнулъ негромко штыкъ. Но онъ почувствовалъ въ темнотѣ, что кто-то стоитъ надъ воронкой, и быстро поднялъ глаза. Онъ еще не понялъ, въ чемъ дѣло, и нужно ли стрѣлять или нѣтъ, какъ уже былъ обезоруженъ и крѣпко связанъ веревкой. Такъ, съ завязанными руками, его и привели нѣмцы къ себѣ въ траншею.

Гуссейнъ-бень-Абдалла не испугался и даже не удивился: такова воля Аллаха. Такъ написано въ книгѣ жизни. Если Аллахъ захочетъ, онъ останется живъ. Если Аллахъ захочетъ, его разстрѣляютъ. Если Аллахъ захочетъ, онъ убьютъ изъ пѣна. Аллахъ великъ, и его воля слѣдуетъ безропотно покоряться. Съ этими мыслями Гуссейнъ-бень-Абдалла заснулъ. Его заперли въ сарай, въ полугорѣвшей деревнѣ, и къ воротамъ приставили часового.

Утромъ его допрашивалъ офицеръ. Офицеръ былъ молодой, съ сѣдыми усами, и очень хорошо говорилъ по-арабски. Допрашивалъ онъ въ подвалѣ, за большимъ зеленымъ столомъ, и, пока длился допросъ, у дверей стоялъ нѣмецкій солдатъ съ винтовкой. На стѣнѣ Гуссейнъ-бень-Абдалла замѣтилъ портретъ высокаго генерала. Онъ догадался, что это императоръ Вильгельмъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Гуссейнъ-бень-Абдалла—бень-м'барешъ.

— Какого ты полка?

— 4-го, спаги.

— Давно ты въ этой странѣ?

— Не знаю.

— Ты не можешь не знать.

— Есть день и есть ночь, потомъ снова день и потомъ снова ночь. Много дней и много ночей. Сколько, знаетъ Аллахъ.

— Аллахъ знаетъ также, сколько дней и ночей осталось жить Гуссейну-бень-Абдаллѣ.

Гуссейнъ-бень-Абдалла пристально взглянулъ на нѣмецкаго офицера.

— Аллахъ знаетъ все.

Офицеръ помолчалъ.

Знаешь ли ты, что мы не сражаемся съ мусульманами? Знаешь ли ты, что нашъ императоръ—другъ султана Махмеда? Знаешь ли ты, что, идя противъ нашего императора, ты нарушаешь волю султана?

— Такова воля Аллаха.

— Императоръ Вильгельмъ по своей добротѣ прощаетъ тебя, потому что ты мусульманинъ. Но ты долженъ поклясться... Ты долженъ поклясться, что никогда не подымаешь оружія противъ насъ, нѣмцевъ... Тогда ты будешь свободенъ, и мы отправимъ тебя въ Стамбулъ... Ты слышишь?

— Я слышу.

— Ты понялъ?

— Я понялъ.

— Такъ поклянись...

— Я не могу клясться.

— Почему?
— Я уже клялся.
— Я говорю тебѣ: ты нарушаешь волю султана...
— Я исполняю волю Аллаха.
— Развѣ Аллахъ приказалъ тебѣ сражаться противъ твоихъ же братьевъ?

— Мои братья сражаются вмѣстѣ со мной.

Офицеръ строго нахмурилъ брови:

— Такъ ты не хочешь поклясться?

— Я сказалъ, что уже клялся.

— Гуссейнъ-бень-Абдалла, вспомни о султанѣ Махмедѣ!

— Я не знаю султана.

— Вспомни, что Аллахъ видитъ все.

— Да, Аллахъ видитъ все.

— Вспомни, что дни твои, можетъ-быть, сочтены.

— Да будетъ воля Аллаха!

Гуссейнъ-бень-Абдалла, завтра тебя разстрѣляютъ... Ты слышишь?

— Я слышу.

— Почему жъ ты молчишь?

— Я сказалъ: да будетъ воля Аллаха...

Допросъ кончился, и Гуссейна-бень-Абдаллу отвели обратно въ сарай. Онъ легъ на гнилую солому и сейчасъ же заснулъ. Проспалъ онъ до ночи. Ночью онъ осторожно, наощупъ, осмотрѣлся въ сараѣ и тихо толкнулъ ворота. Они скрикнули и открылись. Онъ просунулъ голову въ щель и увидѣлъ, что часовой, мальчишка лѣтъ восемнадцать, дремлетъ, опершись на винтовку. Тогда онъ неслышно выскользнулъ изъ сарая и, отбѣжавъ шаговъ пять, легъ въ кусты. Было тихо. Только на западѣ погромыхивалъ громъ: рѣдко и глухо ворчали пушки. Гуссейнъ-бень-Абдалла поползъ на ихъ звукъ.

Ползъ онъ долго открытымъ полемъ. Ночь была безвѣздная, влажная. Нѣсколько разъ онъ слышалъ голоса на дорогѣ и тогда онъ переставалъ ползти и лежалъ неподвижно, прижимаясь всѣмъ тѣломъ къ землѣ. Передъ разсвѣтомъ онъ былъ у нѣмецкихъ траншей. Вѣтеръ дулъ съ моря, и на дюнахъ кружились песоки. Въ утренней сѣрой мглѣ Гуссейнъ-бень-Абдалла увидѣлъ прямо передъ собой, внизу, въ неглубокой траншеѣ, нѣсколько солдатъ въ каскахъ и два пулемета. Онъ поспѣшно отползъ нагѣво и скрылся въ песокъ. На мутномъ небѣ разгоралась заря, когда онъ вернулся къ своему эскадрону. Вернувшись, онъ прежде всего спросилъ, гдѣ находится его лошадь.

Въ полдень полковой командиръ позвалъ Гуссейна-бень-Абдаллу къ себѣ. Какъ и нѣмецъ, онъ говорилъ съ нимъ въ подвалѣ, но у дверей не стоялъ часовой, и на стѣнѣ не висѣлъ портретъ. Полковой командиръ, сухой и крѣпкій старый кавалеристъ, проводилъ полкани въ Марокко, сказалъ ему по-французски:

— Ты хороший солдатъ и получишь награду. Но скажи, почему же ты, мусульманинъ, отказался ѣхать въ Стамбулъ?

Гуссейнъ-бень-Абдалла опустилъ свое безстрастное, мѣдное, съ черными глазами лицо:

— Такова воля Аллаха, полковникъ.

Колоколь Роландъ

(Нѣмецкая „правда“).

Очеркъ Юганнеса Юргенсена.

Авторизованный переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ.

(Продолженіе).

Mais revenons à nos moutons! На этотъ разъ можно сказать это даже въ буквальномъ смыслѣ. Вернемся къ нашимъ германскимъ ягнтямъ, замученнымъ „бельгійскими шакалами“. (Это милое названіе придумано нѣмецкимъ драматургомъ Гербергомъ Эйденбургомъ^{*)}). Итакъ, вернемся къ 93 провозвѣстникамъ истины: „Неправда, что наши солдаты посягнули на жизнь или имущество хотя бы единого бельгійскаго гражданина иначе, какъ въ силу крайности, вынужденные къ тому самообороною“. Замѣтите: „хотя бы единого“ и „въ силу крайности, вынужденные къ тому самообороною“.

Въ томъ, что это правда, порукой „наши имена и наша честь“!

А теперь приступаемъ къ правдивымъ комментаріямъ дѣйствительности, простымъ и скромнымъ, безъ лишнихъ фразъ и ложнаго пафоса, а потому болѣе вопиющимъ и потрясающимъ душу, подобно скорбному Stabat mater, въ которомъ слышатся звуки Dies irae...

Вотъ одно изъ множества сотенъ и сотенъ донесеній, полученныхъ бельгійскимъ правительственнымъ Комитетомъ. Комитетъ этотъ былъ учрежденъ 7-го августа 1914 г., и составъ его слѣдующій: президентъ—юстиціаріусъ бельгійскаго Высшаго Суда ванъ Изегхемъ, секретарь—начальникъ департамента министерства юстиціи Гильяръ, и члены: профессоръ Брюссельскаго университета Катъе, членъ Высшаго Суда, профессоръ международнаго права Нюст, членъ Высшаго Суда Верханъ и профессоръ Воданъ. Позже возникло филиальное отдѣленіе Комитета въ Антверпенѣ подъ предѣлательствомъ бывшаго предѣлателя бельгійской палаты депутатовъ Кооремана, изъ членовъ назовемъ бывшаго товарища предѣлателя бельгійскаго сената, графа Гоблэ-д'Алвіелла.

Слѣдствіе производилось членами обоихъ Комитетовъ, объѣзжавшихъ области, гдѣ проходили нѣмцы, и на мѣстѣ констатированнаго происшедшаго. Донесенія отличаются крайней точностью въ смыслѣ обозначенія мѣста, времени и т. п. Если вообще вѣрить историческимъ документамъ, то именно такимъ.

Изъ всего огромнаго матеріала я беру одно донесеніе, одно единственно. Оно занесено въ протоколъ засѣданія вышена-

^{*)} „Kölnische Zeitung“ 12 Sept. 1914.

званнаго бельгійскаго Комитета 18-го декабря 1914 г. Донесеніе исходитъ отъ очевидицы m-lle Аленъ Дириксъ и описываетъ событія, происшедшія въ бельгійской деревнѣ Сюрисъ (Surice) 24-го августа 1914 г. Вотъ содержаніе^{*)}:

„Сюрисъ—маленькое село, насчитывавшее немного больше 600 жителей и принадлежавшее къ общинѣ Флоренъ. Оно въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и прорѣзывается только двумя шоссе; ведущимъ отъ Розе на Мариенбургъ, черезъ Ромеденъ, Ромери и Матанъ, и ведущимъ изъ Франшимонъ на Сульмъ и Гошенъ. Населеніе было самое мирное, по большей части состоявшее изъ земледѣльцевъ; село было чистенькое, дома опрятные, все дышало достаткомъ.

„Съ іюня мѣсяца я гостила тамъ на дачѣ у моей сестры, мадамъ де-Гейффе. Съ нами жила наша молоденькая племянница Марія-Луиза, дочь нашего брата Эрнеста, пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Рядомъ съ нашимъ домомъ находился довольно большой домъ арендатора, гдѣ жилъ отецъ молодой дѣвушки съ женой и другой молодой дѣвушкой Маргаритой, семнадцати лѣтъ.

„Около 14-го августа возлѣ Сюриса расположился французскій отрядъ. 23-го въ воскресенье потянулись дѣлая толпы крестьянъ изъ окрестностей Динана, и въ особенности много изъ Онхэ и дальше. Вечеромъ мы увидали въ томъ направленіи зарево пожара. Въ тотъ же вечеръ у насъ попросилъ убѣжища д-ръ Жакъ изъ Антэ съ женой и пятерыми дѣтьми. Съ ними было еще нѣсколько человекъ, между прочимъ, г. Пира, священникъ изъ Антэ, священникъ изъ Онхэ, служанка господина Паланда изъ Миауа и другіе. Они насъ нѣсколько успокоили предположеніемъ, что Сюрисъ по своему положенію внѣ опасности. Но мы все-таки испугались, когда уже поздно вечеромъ пріѣхали два автомобиля. Въ одномъ былъ мужъ нашей кухарки, служившій шоферомъ у графа де-Бюфоръ въ Луайе и пріѣхавшій за своей женой; въ другомъ военный инженеръ и еще одинъ офицеръ. въ сопровожденіи жены и двухъ сыновей-кадетъ. Они описали намъ ужасы, происходившіе въ Намюрѣ, и отправились дальше, по направленію Шимэ.

^{*)} „Rapport belge“, стр. 146-147. Nothomb. „Les Barbares en Belgique“, стр. 149-164.

Эскадронъ гусаръ на водопой. По фот.

полковника А. Далматова.

Наступление гусаръ на городъ Б. По фот.

полковника А. Далмагова.

„Въ понедѣльникъ рано утромъ многіе изъ нашихъ бѣженцевъ рѣшили поэтому отправиться дальше и исчезли въ направленіи Ромедена. На ихъ мѣсто прибыли учитель изъ школы-пансіона Бельвю въ Динанѣ, пасторъ Гаспіаръ. Онъ рассказывалъ, что его чуть-было не разстрѣляли, арестовавъ вмѣстѣ съ завѣдующимъ школой пасторомъ Никола и другими учителями. Ихъ разставили передъ пулеметами, но потомъ отпустили, и они лѣсомъ пробрались сюда. Онъ явился въ обществѣ двухъ друзей, священника изъ Остермэ, пастора Канелля, и священника изъ Морвилля, Дебатти. Но эти двое не остались у насъ, а рѣшили итти дальше въ болѣе безопасную мѣстность.

„Послѣ полудня сестра моя пошла навѣстить французскихъ раненыхъ въ лазаретъ, устроенномъ въ селѣ. Ей встрѣтились французскіе офицеры, которые высказали предположеніе, что по крайней мѣрѣ эту ночь можно еще быть спокойными; они двигались по направленію къ Ромедену, откуда хотѣли установить наблюдение надъ дорогой въ Сульмъ.

„Проходя около шести часовъ вечера обратно по селу, сестра услышала оживленную перестрѣлку. Это были французскіе пулеметы, которые съ холма между Сюрисъ и Ромеденъ, съ мѣста, носящаго названіе *aux Fosses* (рвы), палили по направленію кладбища по нѣмцамъ, подходившимъ со стороны Сульмъ. Изъ дома мы тоже слышали эту стрѣлбу. Наши бѣженцы перебрались изъ сада въ сарай, гдѣ они считали себя въ болѣе безопасной. Такъ продолжалось съ часъ времени. Французы отступили; говорили, что они убили много нѣмцевъ. Часовъ около семи мы заперли ставни и спрятались всѣ въ погребѣ. Около девяти началась стрѣлба изъ пулеметовъ и была произведена орудіей выстрѣлъ по селу. На сосѣднемъ дворѣ нѣмцы установили пулеметы. Мой братъ поспѣшилъ бѣжать.

„Около 11-ти часовъ мы почували запахъ дыма; докторъ Жакъ съ моей сестрой поднялись въ первый этажъ, и какъ описать ихъ чувство, когда они увидѣли, что все село, включая сосѣдній арендаторскій дворъ, горитъ. Строенія пылали и уже начинали рушиться. Они сошли внизъ и сказали, что рядомъ горитъ, такъ что лучше намъ выбраться изъ дому.

„Мы спустились по лѣстницѣ къ главному выходу. Вокругъ горѣли дома Конье Тонна, Матъе Шабо и другихъ. Позднѣе мы узнали, что ихъ обитатели тоже искали убѣжища въ подвалахъ, но были выгнаны оттуда нѣмцами и бѣжали изъ села. Ни живы ни мертвы вернулись мы въ домъ и стали ожидать, чтѣ будетъ дальше. Спать мы почти не спали. Всѣ были въ страхѣ и молились.

„Во вторникъ 21-го августа, около шести часовъ утра, мы услышали стукъ копытъ. Нѣмецкіе офицеры съ револьверами въ рукахъ обшаривали кусты въ нашемъ саду, разыскивая засаду. Затѣмъ подошла пѣхота. Раздался крикъ: „откройте!“ Но въ ту же минуту, прежде чѣмъ мы успѣли открыть, двери разлетѣлись въ щепки подъ ударами прикладовъ, и стрѣлба прекратилась. Солдаты были всѣ въ сѣромъ, съ чехлами на каскахъ; я не разсмотрѣла ихъ номеровъ, слишкомъ велики были мой ужасъ и тревога.

„Со штыками наперевѣсь они принудили насъ покинуть домъ. Я хотѣла захватить небольшой саквояжъ, но одинъ изъ солдатъ выбилъ его у меня изъ рукъ. Они толкали мою сестру и разо-

вали штыками ея платье, но сама она не была ранена. Затѣмъ выплы два священника изъ Антэ и Онхэ и пасторъ Гаспіаръ: при видѣ ихъ солдаты заскрежетали зубами, подскочили къ нимъ, тыча въ лицо кулаками, и приставили имъ къ груди штыки. Въ эту минуту одинъ изъ нѣмцевъ пригрозилъ и мнѣ револьверомъ. Другіе нѣмцы изъ сада подожгли пристройки нашего дома. Насъ разставили въ рядъ, и мы думали, что настала нашъ послѣдній часъ. Затѣмъ насъ обвели вокругъ дома; когда мы проходили мимо оконъ нижняго этажа, солдаты выбили стекла прикладами. Насъ вывели на дорогу къ церкви, по пути къ намъ присоединялись другіе жители, выгнанные нѣмцами изъ домовъ. А здѣсь къ намъ присоединились нашъ приходскій священникъ г. Поскентъ, его восьмидесятилѣтняя старуха-мать, его сестра Тереза и другая сестра Марія со своимъ мужемъ, школьнымъ инспекторомъ Шмидтомъ изъ Жерпентъ и четырьмя дѣтьми; всѣ они наканунѣ явились искать убѣжища въ Сюрисъ. Солдаты продолжали неистовствовать, стрѣляя по старымъ, ни въ чемъ повиннымъ людямъ. Такъ нашъ псаломщикъ, Шарль Коле, старецъ 88 лѣтъ, былъ убитъ при выходѣ изъ дверей своего дома, солдаты завернули его въ одѣяло и подожгли. Я видѣла, какъ одинъ нѣмецъ домчался въ конюшню Ильи Пьерро. Тотъ въ это время поспѣшно выходилъ изъ загорѣвшагося дома, неся на рукахъ свою восьмидесятилѣтнюю тещу. Солдаты вырвали у него несчастную старуху, а его застрѣлили почти въ упоръ; онъ свалился на порогъ своего жилища.

„Мы шли мимо дома Анри Бюрньо. Онъ горѣлъ, горѣли табачная фабрика и конторы. Домъ по другую сторону улицы тоже горѣлъ. Проходя мимо дома почтальона Леопольда Бюрньо, мы услышали душу раздирающіе крики,—его жена Элеонора молила пощадить ея дѣтей. Ея мужъ только-что былъ убитъ у нея на глазахъ, ея сынъ Арманъ, годъ тому назадъ посвященный въ священники и теперь гостившій дома, былъ схваченъ солдатами и безжалостно убитъ. Въ эту минуту они убивали второго ея сына Альберта, наканунѣ сломавшаго ногу и потому не могшаго бѣжать. У несчастной оставался послѣдній сынъ Гастонъ, учитель коллегіи въ Малоннѣ; онъ прижался къ матери, и ихъ пощадилъ, разрѣшивъ присоединиться къ нашему шествію. Мы продолжали нашъ многострадальный путь. Прошли мимо дымящихся развалинъ дома, гдѣ только-что разыгралась такая ужасная драма. Нѣсколько дальше въ саду у дороги я увидѣла трупъ неизвѣстной мнѣ женщины; двое дѣтей плакали возлѣ нея.

„Насъ вывели на дорогу въ Ромеденъ. Справа и слѣва дома уже сгорѣли, среди нихъ были дома секретаря коммуны г. Писона, казначея г. Жоржа, г. Станислава Бюрньо и бургомистра Делькура. Весь рабочій кварталъ тоже сгорѣлъ. Школа, ратуша и церковь были еще цѣлы. Такъ мы дошли до мѣста подъ названіемъ *aux Fosses*. Въ придорожныхъ канавахъ здѣсь лежали трупы французскихъ солдатъ и лошадей. Справа и слѣва стояли нѣмецкіе солдаты съ пулеметами; они грозили намъ кулаками и револьверами. Скоро насъ свели съ дороги на пашню, откуда былъ виденъ Ромеденъ и другія болѣе отдаленныя селенія. Насъ было всего пятьдесятъ—шестьдесятъ человекъ, мужчинъ и женщинъ. Въ это время было около 7¼ часовъ утра. Тутъ мужички поставили по одну сторону, женщинъ по другую. Явился офицеръ и сказалъ по-французски съ сильнымъ нѣмецкимъ акцен-

томъ: „Вы всё заслуживаете разстрѣла. Пятнадцатилѣтняя дѣвушка стрѣляла въ одного изъ нашихъ начальниковъ. Но на военномъ совѣтѣ рѣшено разстрѣлать только мужчинъ; женщинъ ждать плѣнь“.

„Что тутъ произошло, не поддается описанію. Восемнадцать мужчинъ стояли въ рядъ. Возлѣ священниковъ изъ Антэ и Онхэ и пастора Гаспара стоялъ нашъ приходскій священникъ съ зятемъ, докторъ Жакъ съ сыномъ Анри (юношей, едва достигшимъ шестнадцати лѣтъ); затѣмъ Гастонъ Бюрньо, Леонаръ Сумуа, его зять Дюрдо и Камилль Сумуа; нѣсколько подалеже Бальберъ и Билли, послѣдній съ семнадцатилѣтнимъ сыномъ; наконецъ тамъ былъ одинъ бѣженецъ изъ Онхэ и одинъ изъ Динана, пришедшіе искать убѣжища въ Сюрисѣ, и еще двое незнакомыхъ мнѣ. Готовы были взять и сына учителя Шмидта, четырнадцатилѣтняго мальчика, но солдаты заколебались и оттолкнули его. Въ эту минуту я замѣтила одного молодого нѣмецкаго солдата, который былъ такъ взволнованъ, что слезы капали ему на мундиръ. Онъ не отиралъ глазъ, но отвернулся, чтобы офицеръ не замѣтилъ этого.“

„Прошло нѣсколько минутъ. На нашихъ глазахъ, при крикахъ женщинъ: „Убейте и меня заодно! Убейте и меня заодно!“, подъ плачь дѣтей, мужчинъ разставили въ рядъ на краю ложбины, ведущей въ сторону отъ шоссе къ ниже-лежащей части селенія. Мужчины прощались съ нами, махая рукой, шапкой или шляпой. Молодой Анри Жакъ, прижимаясь къ одному изъ священниковъ, словно ища у него защиты и поддержки, крикнулъ: „Я слишкомъ молодъ! У меня нѣтъ мужества умереть!“ Силь не хватило смотрѣть на это, я отвернулась и закрыла лицо руками. Солдаты дали залпъ, и все мужчины упали. Кто-то сказалъ мнѣ: „Вы можете повернуться, они упали!“ Нѣкоторые не умерли сразу, а еще двигались; солдаты прикончили ихъ ударами прикладовъ по головѣ.“

„Такъ, священникъ изъ Сюриса былъ найденъ со страшно впухшей головой. Когда кровавая бойня была кончена, нѣмцы обобрали трупы, сняли часы, кольца, взяли кошельки и бумажники. У Шмидта, по словамъ его жены, было при себѣ около трехъ тысячъ франковъ.“

„Тутъ подошли нѣмецкіе солдаты съ нѣкимъ Викторомъ Кавилью, но еще не успѣлъ онъ дойти до мѣста разстрѣла, какъ раздался залпъ. Я видѣла, какъ онъ перевернулся и упалъ назавничъ на дорогу.“

„Безысходный ужасъ овладѣлъ нами. Мать нашего священника была такъ потрясена зрѣлищемъ убійства своего сына, та-

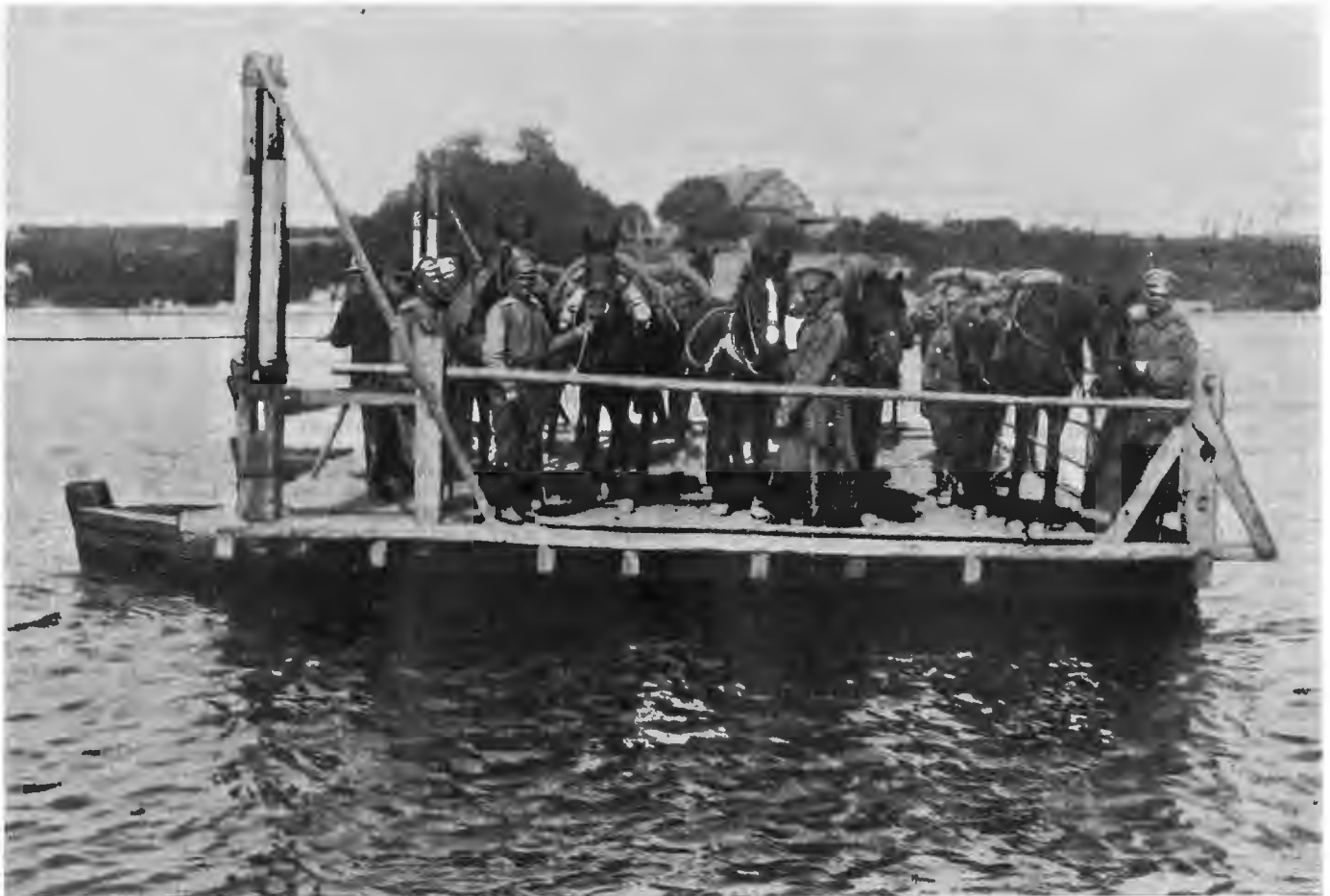
кого хорошаго и почтеннаго пастыря, что даже не могла плакать, а только повторяла: „Какое несчастье! Какое несчастье!“ Тереза Поскенъ была блѣдна, какъ смерть, и переходила отъ матери къ сестрѣ, отъ сестры къ матери. Г-жа Шмидтъ плакала. Она знала немного по-нѣмецки и, держа за руку свою маленькую дочку, тихонько молила пощадить своего мужа, объясняя, что онъ даже не здѣшній,—что и была правда,—и только случайно здѣсь находится. А бѣдная дѣвчурка въ послѣднюю минуту крикнула отцу: „Прости, папа, если я тебя чѣмъ-нибудь огорчила!“ Это была душа раздирающая сцена. На глазахъ г-жи Леопольды Бюрньо убили уже третьяго сына; она ходила вокругъ, какъ помѣшанная, съ остановившимся взглядомъ и повторяла: „Уйдемъ отсюда, уйдемъ отсюда!“ Но насъ заставили остаться.“

„Я видѣла, какъ горѣлъ нашъ домъ, какъ горѣли церковь и школа. Они развалились только къ полудню. При видѣ горящаго родного дома, съ которымъ рушилось столько дорогихъ воспоминаній, сердце мое сжалось, и я подумала обо всѣхъ любимыхъ мною вещахъ, которыхъ мнѣ не суждено было больше увидѣть...“

„Наконецъ намъ дали пропускъ или, вѣрнѣе, его передали прибывшему въ этотъ моментъ изъ Ромедена солдату съ приказомъ отвести насъ, при чемъ намъ было предложено отправиться или въ Омеэ или въ Розэ и строжайше запрещено отправляться въ какое-либо другое мѣсто. Прежде чѣмъ перейти дорогу, намъ пришлось пропустить войска. Мимо насъ проѣхало верхомъ много офицеровъ; говорили, что среди нихъ былъ одинъ изъ сыновей кайзера, направлявшійся въ Рокруа. Я забыла еще упомянуть, что прежде, чѣмъ разстрѣлать нашихъ несчастныхъ согражданъ, нѣмцы направили пулеметъ и на насъ, словно собираясь покончить со всѣми разомъ. Но скоро его отвезли въ сторону и присоединили къ другимъ, которыми нѣмцы начали разрушать первые дома въ Ромеденѣ. Впослѣдствіи я узнала, что церковь и сто двадцать домовъ въ Ромеденѣ были разрушены до основанія...“

„Мы перешли дорогу и кружнымъ путемъ добрались до Омеэ. Всюду горѣли дома. Солдаты грабили, даже таскали банки съ вареньемъ.“

„Мы вошли въ лѣсъ, и здѣсь я встрѣтила своего брата и сказала о видѣнныхъ ужасахъ. Когда я назвала Дюрбо, онъ напомнилъ мнѣ, что какъ разъ Дюрбо, въ качествѣ предсѣдателя общиннаго совѣта, сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы помѣшать гражданскому населенію предпринимать враждебныя дѣйствія противъ солдатъ. Въ самомъ началѣ войны онъ, послѣ вечера, съ церковной наперти прочелъ плакатъ, который затѣмъ

На паромѣ черезъ рѣку Западную Двину. По фот.

полковника А. Далматова.

былъ расклеенъ во всѣхъ селахъ прихода и который призывалъ къ спокойствію и точному выполнению предписаній властей. Онъ потребовалъ также, чтобы все оружіе было сдано въ школу, что и было исполнено; даже старая негодная охотничья ружья были сданы и запорты подъ замокъ. Поэтому намъ не вѣрилось, чтобы какая-то дѣвушка стрѣляла и убила нѣмецкаго офицера. По словамъ нашихъ сосѣдей, это, вѣрно, было дѣломъ французскихъ солдатъ, которые лежали въ засадѣ въ кустахъ за селомъ; при этомъ добавляли, что и въ Морвиллѣ и въ Антэ *подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ* разстрѣливали жителей, жгли и грабили дома...

„Я рассказала то, что видѣла. Когда мы въ лѣсу возлѣ Омеэз встрѣтили моего брата и еще нѣсколькихъ жителей Сюреса, они рассказали намъ, что Марронъ былъ застрѣленъ въ своемъ домѣ, сидя на стулѣ, такъ же, какъ Елисей Пьерраръ. Въ разныхъ мѣстахъ было убито еще много другихъ, но мнѣ неизвѣстны ни ихъ имена ни обстоятельство ихъ смерти. Лишь относительно старой Адели Сумуа я знаю, что ее сожгли въ постели. Сестра моя возвратилась въ Сюрисъ 2-го или 3-го сентября. Изъ 131 дома уцѣлѣло отъ пожара лишь восемь. Селеніе словно вымерло.

„Все здѣсь рассказанное чистѣйшая и неприкрашенная правда. Я подтверждаю это своей честью и совѣстью и готова подкрѣпить это присягой“

Переводъ этотъ простой и почти жутко-спокойный рассказъ, и не разъ принужденъ былъ вставать, чтобы пройти по комнатамъ, такъ былъ взволнованъ. Во всемъ этомъ длинномъ повѣствованіи нѣтъ ни одной „фразы“ или хоть порыва чувства. Во всемъ соблюдена точность, не забыть даже видъ на Ромеденъ съ мѣста разстрѣла. А кто въ силахъ забыть семнадцатилѣтняго мальчика, который при видѣ неумолимыхъ ружейныхъ стволовъ восклицаетъ въ невольномъ ужасѣ: „Я слишкомъ молодъ! У меня нѣтъ мужества умереть!“? Или маленькую дѣвочку, которая проситъ прощенья у своего отца?..

Тутъ все точно и правдиво. М-ле Дириксъ не изображаетъ нѣмецкихъ солдатъ „шакалами“,—она подмѣтила слезы въ глазахъ молодого нѣмца и не забыла этого.

Всѣмъ извѣстно, что происшедшее въ Сюрисѣ не было исключеніемъ. Напротивъ, это всего лишь одинъ случай изъ сотни подобныхъ. Весь путь нѣмцевъ черезъ Бельгію на всемъ протяженіи отмѣченъ трупами и сожженными домами.

Порядокъ и образъ дѣйствій повсюду одинъ и тотъ же.

Сначала кличъ: „Стрѣляй! Штатекіе стрѣляй!“

А разъ этотъ кличъ прозвучалъ, *все дозволено*: убійство, поджогъ, произвольная казни, всякая жестокости, грабежъ, насиліе, оргія. Какое, въ сущности, соотношеніе между *единичнымъ случаемъ* (допустимъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто!) убійства нѣмецкаго офицера молодой дѣвушкой (по словамъ руководившаго казнь офицера, она только „tiré sur“—„стрѣляла въ“...)—но предположимъ даже, что она попала и убила того офицера! Какое соотношеніе имѣетъ этотъ *единичный актъ нарушенія правилъ войны* съ цѣлой вереницей жестокостей, которыми нѣмцы „караютъ“ за него? Даже если новая Шарлотта Кордэ и убила одного изъ враговъ своей родины, развѣ это оправдываетъ утонченную жестокость нѣмцевъ, заставляющихъ беззащитныхъ и невинныхъ женщинъ быть свидѣтельницами избиенія ихъ мужей, отцовъ, братьевъ и сыновей, въ то время, какъ во кругъ пылаютъ ихъ жилища? Неужели нѣмцы этимъ думаютъ предупредить новыя покушенія? Въ такомъ случаѣ они могли быстро убѣдиться, что ихъ методъ ошибоченъ! Вѣдь, если вѣрить имъ самимъ, едва они вступили въ слѣдующее селеніе, какъ вновь раздался кличъ: „Стрѣляй!“ И снова они бросились убивать, жечь и грабить. Къ одной только провинціи *белгийской Люксембургъ* относится слѣдующій нѣмецкій „карательный перечень“:

Neufchâteau,	сожженъ 21 домъ; разстрѣляно 18 гражданъ;
Etalle,	сожжено 30 домовъ; „ 30 „
Houdemont,	„ 64 дома; „ 18 „
Rulles,	сожжена половина города;
Ansart,	сожженъ весь городъ;
Tintigny,	уцѣлѣло лишь восемь домовъ; разстрѣляно 157;
Jamboigne,	сожжена половина селенія;
Les Bulles,	также;
Moyen,	уничтожено 42 дома;
Rossignol,	все селеніе уничтожено;
Mussy la Ville,	сожжено 20 домовъ;
Bertrix,	„ 15 „ разстрѣляно 2;
Bleid,	разрушено много домовъ;
Signeux,	также;
Ethe,	5/6 селенія сожжено; 300 мужчинъ разстрѣляно;
Belle Fontaine,	разрушено 6 домовъ;
Latour,	въ живыхъ осталось всего 17 мужчинъ
Saint Léger,	сожжено 6 домовъ; разстрѣляно 11;
Semel,	сожженъ до тла;
Maissin,	изъ ста домовъ сожжено 64; разстрѣляно 10 человекъ мужчинъ, 1 женщина и 1 дѣвушка;
Villance,	сожжено 9 домовъ; разстрѣляно 2;
Anloy,	„ 26 „ 52 человекъ мужчинъ и женщинъ;
Claireuse,	2 мужчинъ разстрѣляно, 2 повѣшено.

Итого въ провинціи Люксембургъ три селенія уничтожены совсѣмъ; одно разрушено на 5/6, три разрушены наполовину.

Въ другихъ селеніяхъ сожжено всего 303 дома, и отправлено на тотъ свѣтъ 599 гражданъ **).

И это всего лишь въ одной изъ провинцій Бельгіи. Всѣмъ извѣстно, что въ другихъ было не лучше, и что нѣмецкое имя дѣйствительно стало наводить ужасъ, какъ нѣкогда имя гуиновъ.

А 93 культуртрегера выступили 3-го октября—послѣ событій въ Сюрисѣ и Анденнѣ, послѣ Динана и Малина, Термонда и Лувена—и поручились своимъ именемъ и честью, что „нѣмецкіе солдаты не посягали ни на жизнь ни на имущество хотя бы одного бельгийскаго гражданина иначе, какъ въ силу крайности, вынужденные къ тому самообороною!“

Что же случилось теперь съ именемъ и честью этихъ „свидѣтелей истины“?

IV.

Четвертое лжесвидѣтельство и четвертая „неправда“.

Въ четвертый разъ вѣщаетъ голосъ истины:

„Неправда, будто наши войска звѣрствовали въ Лувенѣ. Но они, скрѣпя сердце, должны были обстрѣлять часть города, въ видѣ возмездія за коварныя нападенія неистовствовавшего населенія на расквартированное войско. Большая часть Лувена совершенно не пострадала. Нѣмецкіе солдаты самоотверженно отстояли отъ огня знаменитую ратушу“. Далѣе говорится, что въ принципѣ 93 ничего не имѣютъ противъ искусства, даже любить искусство, но когда приходится выбирать между произведеніемъ искусства и побѣдой, то предпочитаютъ бомбардировать произведеніе искусства!

Приглядимся къ этому „неистовствовавшему населенію“ Лувена! Я имѣлъ честь жить въ Лувенѣ мѣсяцами и долженъ признаться, что населеніе производило на меня чрезвычайно мирное впечатлѣніе. Жители Лувена были мирнаго нрава, подѣлать своему мирному старому городу; лишь иногда по вечерамъ толпа студентовъ съ пѣснями проходила по улицамъ, раздавались звуки „Брабансоны“ или боевой пѣсни приверженцевъ фламандскаго движенія. Но въ августѣ мѣсяцѣ въ городѣ не бываетъ студентовъ, и когда явились нѣмцы, этотъ безпоясанный элементъ отсутствовалъ. Въ ту знаменательную минуту Лувенъ былъ населенъ чиновниками, рантье, пенсионерами, священниками, монахами и монахинями (какъ извѣстно, городъ изобилуетъ монастырями и является средоточіемъ бельгийскаго католицизма). Добро бы еще нѣмцы попали въ Шарлеруа или въ Монсъ, въ одинъ изъ фабричныхъ городовъ „черной“ Бельгіи (le Borinage)! Но населеніе Лувена зажиточное и „благонамѣренное“ (bien pensant), консервативное и клерикальное, поддерживающее устои и вполнѣ лояльное. Нельзя представить себѣ злѣйшей ироніи, чѣмъ эта характеристика почетныхъ лувенскихъ буржуа—„неистовствующее населеніе“! Кто хоть разъ въ жизни сидѣлъ въ семейномъ кругу въ Лувенѣ не можетъ безъ *смѣха* читать подобное обвиненіе. Но это *смѣхъ* сквозь слезы при мысли о той несправедливости, которая была учинена въ Лувенѣ, и смѣхъ этотъ переходитъ въ негодованіе и *ненависть* при мысли о тѣхъ безсознательныхъ сплетняхъ, которыми нѣмцы не постѣснялись усугубить содѣянную несправедливость! Хорошо, хорошо, *естъ* еще Богъ на небѣ, и пролитая въ Лувенѣ кровь вопіетъ къ Нему краснорѣчивѣе крови Авеля!

Теперь, спустя годъ, мѣръ узналъ, что *Лувенъ не былъ ни въ чемъ виноватъ*. Когда нѣмцы вздумаютъ доказывать виновность несчастнаго города, имъ придется прибѣгать къ выдумкамъ, въ родѣ описанныхъ уже бойницъ въ стѣнахъ домовъ. Или стараться смягчить свое преступленіе увѣреніями, что городъ пострадалъ не такъ сильно,—„большая часть уцѣлѣла... мы самоотверженно отстояли отъ огня ратушу!“

Нѣмецкій комендантъ Лувена майоръ Мантейфель „распорядился потушить пожаръ близости отъ ратуши“.

„Еще бы!—лишь голландецъ Л. Г. Грондйѣсъ, который былъ въ Лувенѣ въ дни ужасовъ. — Онъ распорядился тушить пожаръ, потому что комендантское управленіе помѣшалось въ ратушѣ, и большая часть гарнизона была тамъ расквартирована“ **).

А язвительный французъ Луи Димье замѣчаетъ:

„Говорятъ, что нѣмецкіе солдаты съ опасностью для жизни отстояли ратушу. Но разъ они сами были причиной пожара, то ни одному мыслящему читателю не придетъ въ голову расстрогать ихъ самоотверженіемъ ***).

Но соборъ въ развалинахъ, незамѣтная библиотека стала добычей пламени, университетъ разгромленъ. Ратуша цѣла, да! Но ее окружаютъ однѣ развалины.

Теперь выслушаемъ жалобу Лувена, *Planctus Almae Matris Lovaniae*...

Передо мной маленькая скромная книжка Рене Шамбри: „*Правда о Лувенѣ*“ („*La vérité sur Louvain*“), вышедшая въ Парижѣ въ изданіи Паго съ предисловіемъ Е. Жирана, французскаго священника-реформата. Небольшое произведеніе это не претендуетъ на

*) Nothomb. „Les Barbares“, стр. 249—251.

**) „Les Allemands en Belgique“, стр. 52.

***) „L'appel des intellectuels Allemands“ (Paris, 1915), стр. 120—121.

ства“, не входя въ ражъ, à la нѣмецъ.

Его повѣствованіе начинается утромъ среды 19-го августа, когда нѣмцы вступили въ Лувенъ. Они вошли съ трехъ сторонъ, черезъ Тирлемонскія, Діестскія и Малинскія ворота.

„Впереди осторожно двигались уланы. Одинъ изъ нихъ, съ карабиномъ въ рукѣ, подъѣхалъ къ первымъ домамъ *Rue des Joyeuses Entrées* (отъ вокзала по направленію къ университету) и, увидя, что все спокойно, крикнулъ своимъ товарищамъ: „*Alles ist freil!*“ Многочисленная кавалерія заполнила тогда всю улицу, въ то время, какъ пѣхота направилась по *Rue de la Station* (по направленію ратуши и собора *Saint Pierre*) подъ звуки „*Wacht am Rhein*“... На улицахъ, избранныхъ завоевателями для своего торжественнаго вступленія, ставни домовъ были закрыты жителями изъ чувства патриотизма...

„Я нахожу бесполезнымъ уста-

Памятникъ
Петру Великому въ Ригѣ.

литературность и является скромнымъ правдивымъ рассказомъ объ ужасныхъ событіяхъ; нѣчто въ родѣ письма. Я бы желалъ привести здѣсь переводъ всѣхъ шестидесяти страницъ книги, но принужденъ удовлетвориться извлеченіями.

Авторъ, Ренэ Шамбри, принадлежитъ къ классу той зажиточной и благонамѣренной, лояльной и консервативно-клерикальной буржуазіи, которая составляла ядро лувенскаго населенія. Онъ спокойнаго темперамента, даже о самыхъ ужасныхъ и возмутительныхъ вещахъ повѣствуетъ безъ всякаго „ненстов-

На римскомъ фронтѣ.
Селеніе Кекау, въ районѣ котораго происходили бои.
По фот. полк. А. Далматова.

новить здѣсь фактъ огромной важности. До вступленія нѣмцевъ коммунальное управленіе предложило жителямъ сдать все имѣющееся у нихъ оружіе въ ратушу. Никто не противился этому приказу. Кромя того, милиція была разоружена и распущена по домамъ. Нѣкоторые храбрые милиционеры отказались сложить оружіе и отправились въ Антверпенъ къ своимъ товарищамъ, думая, что тѣхъ призовутъ къ участию въ оборонѣ страны.

„Завоеватели расположились въ ратушѣ и на площади. Гражданскія власти, не покинувшія своего поста, предложили германскимъ офицерамъ предоставить въ ихъ распоряженіе казармы и школы. Офицеры отклонили это предложеніе. Они требовали, чтобы войска были расквартированы среди населенія, и городскому совѣту пришлось подчиниться“.

Необходимо обратить вниманіе на это предложеніе и зтогъ отказъ. Всѣ казармы и школы Лувена пустовали. Университетъ былъ свободенъ. Въ городѣ было много монастырей, которые можно было предоставить германскимъ войскамъ (какъ въ на-

На римскомъ фронтѣ. Кекауская башня, построенная въ память перваго пораженія Наполеона у острова Далена 22-го августа 1812 г., нынѣ разрушенная нѣмецкой тяжелой артиллеріей. По фот. полк. А. Далматова.

стоящее время здѣсь въ Сиенѣ итальянская пѣхота расквартирована въ архіепископской семинаріи, въ гимназіяхъ и даже въ лѣтнемъ театрѣ). Одно аббатство *Mont César* могло вмѣстить нѣсколько батальоновъ, такъ же, какъ другое большое аббатство *du Parc*. Удобнѣе всего было использовать эти помѣщенія, гдѣ все могло быть приспособлено на военный ладъ.

Но майоръ Мантейфель и его товарищи *отвергли* это предложение. Вѣсто того, чтобы уменьшить возможность конфликта между оккупационными войсками и населеніемъ, они словно намеренно добиваются конфликта. Солдатамъ во что бы то ни стало нужно проникнуть въ дома, въ семьи!

О томъ, какъ вели себя нѣмцы, Ренэ Шамбри рассказываетъ слѣдующее:

„Мы жили на *Rue Léopold* въ самомъ центрѣ города, и намъ скоро пришлось познакомиться съ нѣмцами. Ровно въ восемь часовъ раздался сильный звонокъ. И такъ какъ наши будущіе гости нашли, что имъ недостаточно скоро открываютъ, то дверь задрожала подъ ударами прикладовъ. На тротуарѣ стоялъ офи-

Тогда началось мщеніе. Германцы арестовали бургомистра, его брата-священника и сына. Объявили, что коменданта убилъ сынъ бургомистра (пятнадцатилѣтній мальчишкѣ, и какъ остроумно—въ домѣ своего отца и сзади, рискуя навѣрняка попасться!). Напрасно всѣ трое арестованныхъ доказывали свою невинность, тщетно указывали на то, что на сосѣднихъ улицахъ стрѣляли сами нѣмцы для острастки населенія. Ихъ сначала разстрѣляли, а затѣмъ трупы ихъ повѣсили на фасадахъ ратуши.

Но дѣло не кончилось этой средневѣковой утонченностью. напоминающей гравюры Жака Калло изъ эпохи тридцатилѣтней войны. *Въ теченіе трехъ дней городъ былъ предоставленъ на произволъ солдатъ.* 81 человекъ изъ почтеннѣйшихъ гражданъ, взявъ подъ арестъ, всѣ выстроены въ рядъ, и каждый третій обреченъ по приказу офицера на разстрѣлъ. 27 обреченныхъ вывели за городъ, поставили передъ ровомъ, завязали глаза и разстрѣляли. Пощадили лишь одного, съ условіемъ, чтобы онъ закопалъ убитыхъ въ землю! Въ городѣ бушевалъ пожаръ, солдаты грабили. Большая часть города погибла въ пламени, церковь

Выѣздъ конной батареи на позицію. По фот.

полковника А. Далматова.

церъ, который крикнулъ намъ: „Помѣщеніе на 50 человекъ!“ У него не было записки о правѣ на постой, но споры были бы излишни, намъ приходилось повиноваться. Полсотни солдатъ, — словно нашъ домъ казарма! Моему отцу посчастливилось убѣдить офицера въ невозможности размѣстить пятьдесятъ человекъ, и по обоюдному соглашенію помирились на двадцати пяти, изъ которыхъ четверо были унтеръ-офицеры. Офицеръ съ револьверомъ въ рукѣ вошелъ въ домъ и осмотрѣлъ всѣ комнаты одну за другой. „Если выйдутъ нелады, всѣмъ капуть!“ — были его заключительныя слова.

„Все сошло *благополучно*; нѣмецкіе солдаты оказались смиренными. Имъ дали умыться и угостили хлѣбомъ, холоднымъ мясомъ и кофе, и на другое утро они съ благодарностями ушли. Затѣмъ наступилъ шестидневный промежутокъ покоя. Въ городѣ оставили довольно большой гарнизонъ, но отношенія между гражданами и военными были корректны, хотя солдаты попрежнему были расквартированы по частнымъ домамъ.“

За этотъ промежутокъ времени случилось однако многое, что не входитъ въ рамки разсказа Ренэ Шамбри, и о чемъ приходится упомянуть, чтобы понять слѣдующее.

Одновременно съ занятіемъ Лувена 19-го августа нѣмцы заняли также близлежащій Аэршотъ, городъ съ 8.000 жителями. Здѣсь бельгійскаго войска не было совсѣмъ. Вечеромъ большая площадь была полна солдатъ, на балконѣ дома бургомистра стоялъ нѣмецкій комендантъ съ другими высшими офицерскими чинами. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и комендантъ упалъ. Его внесли въ домъ, и вскорѣ онъ скончался.

поджигали пять разъ; внутри она была совершенно разрушена. „*Da gab's Feuer—Weiber und alles!*“

Да—„*da gab's Feuer—Weiber und alles!*“ Старыхъ „подстрѣливали“. Такъ, напримѣръ, въ селеніи Шаффенъ 45-лѣтнюю г-жу Люнксъ вытащили изъ колодца, куда она спряталась, и застрѣлили. Слишкомъ юныхъ тоже разстрѣливали, какъ, напримѣръ, двѣнадцатилѣтнюю дочь той же г-жи Люнксъ, или маленькую девятилѣтнюю дочь Жана Куаена^{*)}. А молодыхъ—дѣвушекъ или замужнихъ — подвергали гнуснѣйшему насилію; были случаи, что они продѣлывали это на глазахъ у родителей или мужей, предварительно связанныхъ по рукамъ и ногамъ. Такъ было въ селеніи Линденъ, въ селеніи Корбекъ-Лео подъ Лувеномъ, въ Блапортѣ, недалеко отъ Лувена; въ Вакерзесѣ^{**)}.

Зная теперь, какъ былъ истолкованъ тотъ „спокойный промежутокъ времени“, о которомъ говорилъ Ренэ Шамбри, слушаемъ, что онъ рассказываетъ дальше.

„Во вторникъ 25-го въ сумерки на *Rue de la Station* появились снова войска, и большой отрядъ завернуть на *Rue Léopold*. Составивъ ружья въ козлы, солдаты вошли и потребовали помѣщенія и ѣды. Къ намъ явился унтеръ-офицеръ и 16 человекъ команды. Мы оказали имъ то же гостепримство, каинмъ пользовались ихъ товарищи шесть дней назадъ.

„Ихъ начальникъ былъ особенно любезенъ. Онъ хорошо объяснялся по-французски, чему выучился въ Брюсселѣ. Около семи часовъ мой отецъ и братъ пригласили ихъ къ столу, какъ вдругъ

^{*)} „Rapport belge“, стр. 43—46.

^{**)} „Rapport belge“, стр. 47—49. Nothomb. „Les Barbares en Belgique“ стр. 77—81.

.....
 Транспортъ раненыхъ, перевозимыхъ по „дековилькѣ“ (полевой желѣзной дорогѣ легкаго типа).
 .....

раздался сигналъ. „Тревога!“ — объявили солдаты, быстро вскочили и затянули кушаки. Унтеръ-офицеръ на прощанье сказалъ: „Надо торопиться! Тревога! Вѣрно, это французы!“ Въ дверяхъ онъ обернулся и крикнулъ моему отцу: „Прощайте! Мы больше никогда не увидимся!“

(Какъ видите, описаніе представляется образцомъ объективности. Даже легкій налетъ нѣмецкой грусти разставанія подмѣченъ и переданъ. „Lebewohl! Auf nimmerwiederssehen!“ — вылетаетъ изъ чувствительной груди германца).

Семья Шамбри искала убѣжища въ подвалѣ дома, какъ въ наиболѣе надежномъ мѣстѣ. Въ восемь часовъ на улицахъ началась сильная ружейная стрѣльба, но не на улицѣ Леопольда, гдѣ находился домъ Шамбри. Шамбри рѣшили, что произошло нападеніе французовъ, и что на улицахъ идетъ борьба. Рене съ братомъ отважились подняться въ верхній этажъ, комнаты были освѣщены краснымъ отблескомъ — *городъ горѣлъ!*

„На углу *Rue de la Station* жилъ г. Давидъ Фисбахъ изъ Малакорна, старикъ 82 лѣтъ, благотворитель, нѣсколько дней тому назадъ пожертвовавшій 10.000 франковъ на Красный Крестъ. У него квартировали нѣмецкіе офицеры. Несмотря на протестъ, его вытащили изъ постели и выволокли на улицу. Здѣсь его привязали къ статуѣ Юстуса Липсіуса и заставили стоять съ поднятыми руками, пока его домъ поджигали и онъ горѣлъ. Но этого показалось мало, старика искололи еще штыками и наконецъ пристрѣлили“.

Другая картина:

„На *Place du Peuple* первымъ былъ подожженъ домъ нотаріуса В. де-Р., который велъ себя корректно съ квартировавшими у него нѣмцами. Онъ остался въ живыхъ только благодаря женѣ; когда нѣмцы собирались прикончить ихъ обоихъ, она пошла, привела дѣтей и холодно сказала: „Сначала ихъ!“ Нѣмцы смутились, у нихъ не хватило мужества перебить малютку. Всей семьѣ было тогда приказано выйти на площадь и быть безсильными свидѣтелями разрушенія ихъ дома, хранившаго столько дорогихъ воспоминаній. Одинъ изъ нѣмецкихъ солдатъ подошелъ къ дѣтямъ и сказалъ: „Смотрите хорошенько! Вотъ такъ фейерверкъ!“

Пока такія сцены разыгры-

вались въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ улицей Леопольда, семья Шамбри продолжала скрываться въ подвалѣ. Ужасная истина понемногу выяснялась имъ.

„Я началъ догадываться, — пишетъ Рене Шамбри, — что сами нѣмцы подожгли городъ и разстрѣливаютъ жителей“.

Наступило утро среды 26-го августа. Нѣмецкій барабанщикъ шелъ по улицамъ и подъ бой барабана выкрикивалъ объявленіе коменданта: „Никто не смѣетъ покидать города. Опасности больше нѣтъ; жечь больше не будутъ. Милиціонеры же должны явиться къ двумъ часамъ дня!“

Итакъ, предположенія оправдались, — это нѣмцы всю ночь напролетъ жгли и убивали! Братъ Рене, числившійся въ милиціи, отважился выйти посоветоваться со своимъ другомъ, тоже милиціонеромъ. Онъ скоро вернулся. По его словамъ, бульваръ *de Tirlemont*, большая часть *Rue de la Station*, *Place du Peuple*, рынокъ и *Saint Pierre* горѣли. Затѣмъ онъ снова вышелъ, чтобы явиться въ назначенное время. „Съ тѣхъ поръ мы его больше не видѣли“, — слѣдуетъ лаконическое заключеніе.

День шелъ. Время отъ времени на улицахъ появлялись банды солдатъ, стрѣлявшихъ направо и налево. „Стоило чьему-нибудь лицу показаться у окна, какъ въ воздухѣ свистѣли пули, иногда попадавшія въ цѣль“. Снова начались пожары, нѣмцы поливали развалины бензиномъ, чтобы довершить разрушеніе.

Въ четвергъ 27-го, въ восемь часовъ утра, пришла сосѣдка, г-жа ванъ-А., совершенно внѣ себя. „Нѣмцы забрали моего мужа, нѣмцы забрали моего мужа!“ — рыдала она. Она принесла новыя горестныя вѣсти: бѣженцы изъ Блавопорта рассказывали, какъ нѣмцы разстрѣливали каждого шестого... Единственнымъ предлогомъ и тамъ было: „Въ насъ стрѣляли! Штатскіе стрѣляли!“ На всѣ мольбы о пощаду раздавался одинъ этотъ неумолимый отвѣтъ, который какъ будто долженъ былъ егладить всякое беззаконіе! И тщетны были увѣренія, что *все* оружіе *было отдано до вступленія нѣмцевъ*; изъ чего же могли стрѣлять мирные граждане *)?

Г-жа ванъ-А. осталась у Шамбри. Но ихъ ненадолго оставили въ покоѣ. Входная дверь загремѣла подъ ударами прикладовъ, и когда ее открыли, стоявшіе за нею нѣмецкіе солдаты потре-

*) Въ связи съ этимъ интересно привести рассказъ Рене Шамбри (стр. 40 — 41) о томъ, что творилось въ Лувенѣ еще 19-го августа. У г. Д. квартировали нѣмецкіе солдаты. Подъ вечеръ на улицѣ раздался трескъ. Квартировавшій въ домъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ бросился на г. Д. съ крикомъ: „Стрѣляютъ!“ Въ это время снова раздался трескъ. Г. Д. удалось выйти на улицу, гдѣ онъ нашелъ одинъ изъ тѣхъ штеповъ, которыми въ Лувенѣ забиваются дѣти, и которые по-фламандски называются *kalotjes*. Онъ протянулъ пистоль унтеръ-офицеру со словами: „Я отлично знаю, въ чемъ дѣло: это просто игрушка!“ — Да? — съ недоумѣніемъ спросилъ унтеръ-офицеръ и сиротать разстрѣлианный пистоль въ карманъ.

.....
 Новый выпускъ прапорщиковъ въ пути на передовыя позиціи. Уже въ пути они попали подъ огонь на Митавскомъ шоссе. По фот. полковника А. Далматова.
 .....

На сѣверномъ фронтѣ. Гусарскій разъѣздъ, охраняющій побережье.
По фот. полковника А. Далматова.

бывали, чтобы обитатели немедленно оставили не только домъ, но и городъ, который будетъ подвергнутъ бомбардировкѣ. Сторожевые посты наблюдали, чтобы изгнанники ничего не захватили съ собою, все должно было быть оставлено на разграбленіе нѣмецкой ордѣ. Они покинули свое жилище, котораго имъ не суждено было увидѣть вновь, и по горящимъ улицамъ, усыпаннымъ трупами и „спасеннымъ“ добромъ, которое солдаты выносили изъ домовъ, пошли по направленію къ вокзалу. Здѣсь дорога сворачиваетъ направо вдоль длиннаго и прямого бульвара de Tirlemont, и здѣсь начался ужасный *исходъ* изъ горящаго Лувена.

„Наконецъ мы дошли до Тирлемонскихъ воротъ, гдѣ предстояло завернуть направо, но не могли тронуться съ мѣста, такая была давка. Передъ нами было цѣлое море головъ. Печальные, несчастныя лица, больные въ креслахъ на колесахъ, матери, хлопотливо собирающія около себя дѣтей; были даже одинъ парализованный, котораго передвигали, какъ могли, въ обыкновенномъ креслѣ!

„По обѣ стороны дороги стояли сплошными шпалерами нѣмцы. Хотѣлось одного—броситься на нихъ и кусать и царапать этихъ безсердечныхъ исполнителей отвратительныхъ приказаній!.. Было очень вѣтрено, дождь неутомимо хлесталъ насъ въ лицо. И подъ этимъ дождемъ шестые испуганныхъ, больныхъ, изстрадавшихся людей двинулось по направленію Тирлемона.

„Подвигались впередъ лишь медленно, останавливаясь черезъ каждые десять метровъ. Иногда кто-нибудь изъ нѣмцевъ спрашивалъ, нѣтъ ли при насъ оружія,—вопросъ смѣхотворный, не будь положеніе такъ печально. Отстающихъ подгоняли прикладами. Но находились и такіе солдаты, которыхъ возмущала жестокость начальства, и они давали пить женщинамъ и дѣтямъ. Я никогда не забуду, съ какимъ выраженіемъ отчаянія они смотрѣли на насъ! Но они были въ меньшинствѣ, ихъ было лишь

немного... На лицахъ другихъ выражалась свирѣбая радость, словно имъ доставлялъ удовольствіе видъ изгнанныхъ изъ родного города стариковъ и старухъ, ребячь и больныхъ!

„Когда мы проходили мимо виллы Карнуа „les Conifères“, нѣсколько бывшихъ тамъ солдатъ окликнули насъ: „Заходите! Пріютимъ! Пріютимъ!“ Многие повѣрили и вошли. Но выпустили оттуда однихъ мужчинъ, попросту вытолкали за дверь. Женщинъ оставили у себя...“

Семьѣ Шамбри удалось наконецъ найти убѣжище. Но я не буду цитировать дальше. Я хочу закончить вышеописаннымъ поведеніемъ нѣмецкихъ солдатъ, которые, общая несчастной женщинѣ гостепримство, имѣютъ въ виду удовлетвореніе своей похоти *).

*) Голландецъ Грондьясъ описываетъ молодыхъ дѣвушекъ Аэрпота вскорѣ послѣ оккупации (22-го августа). „Въ городѣ я встрѣтилъ женщинъ и дѣтей, длинной вереницей шедшихъ изъ церкви. Женщины крѣпко влоды стѣнъ домовъ, измученныя бессонными ночами. Сердце сжимается при видѣ молодыхъ дѣвушекъ, за два дня увядшихъ и потерявшихъ всю свою кокетливую, цвѣтущую и очаровательную юность! Счастливы тѣ, кому удалось обѣжать, изгнанные спасло ихъ отъ позора! Бѣдныя дѣвушки, осужденныя оставаться здѣсь, безъ поддержки и защиты; однѣ, въ домахъ съ выломанными дверями, онѣ кажутся такими притѣсненными и покорными. Городъ напоенъ ужасомъ, смертью вѣдетъ отъ этихъ развалинъ, охраняемыхъ караулами и населенныхъ женщинами и грубыми солдатами, въ рукахъ которыхъ ихъ женская честь и жизнь“. („Les Allemands en Belgique“, стр. 24—25).

Въ Лувенѣ тотъ же путешественникъ видѣлъ въ госпиталѣ молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, героически сопротивлявшуюся двумъ нѣмецкимъ солдатамъ и за это получившую ударъ штыкомъ въ животъ (стр. 16). Другая дѣвушка, тоже побывавшая въ рукахъ у нѣмцевъ, содрогаясь, говорила правительственнымъ комиссарамъ: „Со мной продѣлывали такія вещи, что я не смѣю разсказать!“ („Nothomb, „Les Barbares“, стр. 76).

Того, кто имѣетъ хоть слабое представленіе о распространенной въ Германіи научной сексуальной литературѣ, всѣ эти событія не могутъ удивить. Чувственность нѣмецкой молодежи, возбуждаемая изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошла до извращенія; университеты и казармы въ особенности являлись настоящими школами разврата и противоестественныхъ пороковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Жозефа.

Рассказъ Фредерика Буте.

Наконецъ-то урокъ законченъ! Наскоро попрощавшись съ радостно вскочившей ученицей, Жозефина Онорэ вышла на улицу. Быстрыми шагами она направилась къ Люксембургскому саду, гдѣ у нея было назначено свиданіе съ человѣкомъ, котораго она никогда въ жизни не видала, но съ которымъ переписывалась уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Жозефина Онорэ была некрасивой старой дѣвой. Она не имѣла ни родныхъ ни знакомыхъ, и вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ кочевала въ качествѣ учительницы или гувернантки изъ одного богатаго дома въ другой, неизмѣнно привязываясь ко всѣмъ своимъ ученикамъ и ученицамъ, даже самымъ несноснымъ, и страдая въ моменты разлуки съ ними.

Подъ некрасивой, сухой внѣшностью Жозефины скрывалась нѣжная, мечтательная душа, переполненная любовью ко всему

романическому, поэтичному и таинственному. По вечерамъ, освобождаясь отъ своихъ однообразныхъ, утомительныхъ занятій, она съ наслажденіемъ погружалась въ чтеніе какого-нибудь любовнаго романа и совершенно забывала печальную монотонность своей жизни. Когда же ей случалось ѣздить дѣломъ со своими воспитанницами въ богатые замки ихъ родителей, она цѣлыми ночами просиживала у открытаго окна своей комнаты, вглядываясь въ темную даль и мечтая, что она—не теперешняя Жозефина Онорэ, некрасивая старая дѣва, бѣдная гувернантка, а молодая, богатая наследница, любимая красавица съѣдомъ...

Въ началѣ декабря Жозефина Онорэ, соорудивъ небольшую посылку, отправила ее въ комитетъ, собиравшій подарки солдатамъ къ Рождеству. Въ свою посылку она вложила записку въ нѣсколько теплыхъ словъ „тому, кто получитъ этотъ пустячокъ

Городъ Касри-Ширинъ. Рѣка Эльведъ на границѣ Персїи и Турціи.

отъ невѣдомой ему женщины-друга". Она добавила, что была бы счастлива получить отвѣтъ на свою записку, и просила писать до востребованія. Спустя двѣ недѣли она получила письмо, въ которомъ выражалась горячая признательность за посылку, а главное за записку. Письмо было подписано: „вольноопредѣляющійся Анри Верганъ“. Жозефина отвѣтила немедленно, и между ними завязалась правильная, частая переписка, становившаяся все теплѣе и сердечнѣе. Вольноопредѣляющійся ни разу не позволилъ себѣ задать вопросы о положеніи и занятіяхъ своей корреспондентки. Онъ рискнулъ лишь спросить ея имя. Жозефина не захотѣла ни сказать правды ни солгать и отвѣтила, что ее зовутъ Жозефа. Въ томъ же письмѣ она, сама не зная, зачѣмъ, написала, что фамилія „Онорэ“, на которую адресуются до вос-

требованія его письма, не ея, а ея гувернантки. Кроме того она добавила, что переписывается съ нимъ „до востребованія“, такъ какъ живетъ со своей единственной родственницей, строгой теткой, которая была бы очень недовольна, если бы узнала о перепискѣ.

Отправивъ четыре страницы сплошной лжи, Жозефина опомнилась и съ ужасомъ подумала о нелѣпости своего поступка. Но было поздно. Созданный ею же самой фантастическій романъ всецѣло захватилъ ее, наполнилъ ея душу, и она продолжала нанизывать одну небылицу за другой, создавая въ своихъ письмахъ къ Анри Вергану ту Жозефу, которой она бы такъ хотѣла быть, и которая была такъ далека отъ дѣйствительной. Онъ отвѣчалъ ей по-

Касри-Ширинъ. Видъ на новую крѣпость изъ шахскаго сада.

Русскія войска въ Месопотаміи.
Касри-Ширинъ—значительное турецкое укрѣпленіе, занятое съ боя нашими доблестными кавказскими войсками. По фот. П. Нестерова.

читательными, нѣжными письмами, въ которыхъ все чаще и чаще прорывалась нотка влюбленности.

Въ июль она получила отъ него письмо, заставившее ее въ отчаяніи схватиться за голову и вскрикнуть:

— Господи! Чтò же мнѣ теперь дѣлать?

Анри писалъ, что получилъ отпускъ и прїѣдетъ въ скоромъ времени въ Парижъ: умолялъ ее встрѣтиться съ нимъ хоть на нѣсколько минутъ, дать ему возможность запечатлѣть въ своей душѣ ея образъ, о которомъ онъ уже составилъ себѣ представление по ея безконечно дорогимъ для него письмамъ.

Жозефина съ ужасомъ подошла къ зеркалу и стала разглядывать себя такъ внимательно, какъ не дѣлала этого уже много лѣтъ. Она силилась вспомнить содержаніе всѣхъ своихъ писемъ, чтобы составить себѣ хоть приблизительно понятіе о томъ „образѣ“, который могъ возникнуть въ представленіи Анри. Въ первую минуту она рѣшила отвѣтить, что уѣзжаетъ со своей „теткой“ на дачу, но у нея не хватило силы поступить такъ. Она хотѣла повидать его, хотѣла посмотрѣть, каковъ тотъ человекъ, который, незамѣтно для нея самой, сдѣлался центромъ всѣхъ ея мыслей и стремленій. Она не могла безъ ужаса подумать о той минутѣ, когда между ними все оборвется, но въ то же время не могла отказать себѣ въ счастьѣ увидѣть его, услышать его голосъ. Она отвѣтила, что согласна встрѣтиться съ нимъ въ указанный имъ день, и мѣстомъ свиданія назначила одну изъ боковыхъ аллей Люксембургскаго сада. Чтобы ей было легче узнать его, она просила Анри держать въ лѣвой рукѣ сложенную газету.

Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, она направилась къ указанной аллеѣ. Сердце, казалось, вотъ-вотъ выскочить. Еще издали она увидела стройную фигуру въ формѣ вольноопредѣляющагося,

Касри-Ширинъ. На пути къ Багдаду. Последнія горы передъ Месопотамской низменностью.

прислонившуюся къ дереву. Въ лѣвой рукѣ молодой человекъ держалъ сложенную газету. Приблизившись, она увидела энергичное лицо, красивый большой лобъ и умные черные глаза, равнодушно скользнувшіе по ней и вновь устремившіеся вдалѣ.

Окрестности Касри-Ширина. Караванная дорога изъ Керманшаха въ Багдадъ. Выходъ изъ предгорій на Месопотамскую низменность.

Окрестности Касри-Ширина. Глинобитная крѣпость, заслоняющая выходъ на Ханикинъ.

У Жозефины больно сжалось сердце, и горькая улыбка скользнула по губамъ.

«Онъ ждетъ ее, Жозефу»...—насмѣхаясь сама надъ собой, подумала она и направилась прямо къ Анри, съ твердымъ намѣреніемъ открыть ему немедленно всю истину.

— Вы Анри Верганъ?—спросила она, большимъ усиліемъ воли подавляя нервную дрожь голоса.

Онъ изумленно посмотрѣлъ на нее.

— Простите!—пробормоталъ онъ.— Съ кѣмъ я имѣю честь...

Вдругъ его лицо прояснилось.

— Вы гувернантка?

Жозефина стояла, точно ошеломленная. Ея намѣреніе сознаться въ своемъ обманѣ разлетѣлось внезапно, какъ дымъ. Она чувствовала, что никогда не будетъ въ состояніи открыть ему всю правду.

— Да,—отвѣтила она.— Я гувернантка, Марія Онорэ.

— А... гдѣ Жозефа?—спросилъ вольноопредѣляющійся слегка дрогнувшимъ голосомъ.

Жозефина покраснѣла.

— Она не могла прійти. Ей пришлось сопровождать тетку. Она просила меня... вѣдь вы знаете, что я посвящена во все, что письма адресуются на мое имя...

Помолчавъ минуту, она продолжала рѣшительнымъ тономъ:

— Я пришла, чтобы вы не ожидали напрасно, а также, чтобы сказать...

Вольноопредѣляющійся перебилъ ее:

— Что наша переписка должна прекратиться? Да, я знаю. Въ началѣ мнѣ доставляло удовольствіе сознавать, что есть женская

душа, которая интересуется мной. Вѣдь я совершенно одинокъ. Потомъ я почувствовалъ, что въ этихъ письмахъ заключается все мое счастье, моя жизнь. Конечно, я долженъ былъ прекратить переписку, какъ только убѣдился, что полюбитъ Жозефу, но у меня не хватило силы воли на это, а она... Вѣдь она совѣтъ дитя, правда?

— У нея непостоянная, экзальтированная натура,—отвѣтила Жозефина.

Такъ я и думалъ,— вздохнулъ Анри.— Къ чему могла привести наша переписка? Развѣ я ей пара? Ей, такой юной, красивой, богатой! Даю вамъ честное слово, что я самъ собирался сегодня сказать ей все это. Но мнѣ такъ хотѣлось увидать ее, запечатлѣть навсегда ея личико въ своемъ сердцѣ. Если бы вы знали, чѣмъ она сдѣлалась для меня съ тѣхъ поръ, какъ мы начали переписываться! Ея письма придавали мнѣ бодрости, терпѣнія. Бывали дни, когда становилось такъ скверно на душѣ, что я готовъ былъ все бросить и бѣжать, куда глаза глядятъ. Тогда я думалъ о ней, и мнѣ становилось легче. Она была моимъ ангеломъ-хранителемъ все это время. Когда я еражался, я думалъ, что защищаю именно ее, Жозефу...

Окрестности Касри-Ширина. Старая крѣпость на Керманшахъ-Багдадской дорогѣ передъ выходомъ на Ханикинскую равнину. На первомъ планѣ мусульманское кладбище.

Онъ съ такой нѣжностью произнесъ это имя, что старая дѣва вздрогнула, и лицо ея болѣзненно передернулось.

Онъ заговорилъ снова:

— Опишите мнѣ ея наружность, разъ я лишень возможности самъ повидать ее. Я составилъ себѣ опредѣленное понятіе о ней. Конечно, это глупо, но я убѣжденъ, что не ошибаюсь. Она блондинка, правда?

Жозефина Онорэ вспомнила о своихъ рѣдкихъ, безцвѣтныхъ волосахъ, начавшихъ уже сѣдѣть, и утвердительно кивнула головой.

— Вотъ видите! — радостно улыбнулся Анри.— Я не ошибся. У нея свѣтлые глаза и нѣжный цвѣтъ лица, какъ у ребенка. Да вѣдь она и на самомъ дѣлѣ дитя! Ей лѣтъ восемнадцать, не больше?

— Семнадцать,—прошептала Жозефина.

— Господи! Какъ бы я хотѣлъ повидать ее!

Онъ задумался. Внезапно Жозефина нашла свое поведеніе возмутительнымъ. Она раскрыла ротъ, чтобы сознаться, что всѣ письма писала она, что никакой Жозефы нѣтъ и не было, что она все солгала, но у нея снова не хватило силы воли сдѣлать это, нанести такой ударъ. Она промолчала.

Анри потрянулъ головой, точно желая отдѣлаться отъ какой-то назойливой мысли.

— Пора итти! — прошепталъ онъ.— Можете быть спокойны, я не буду больше писать ей. Обѣщаю вамъ это. Она подумаетъ, что я убить. Вѣдь это и на самомъ дѣлѣ можетъ легко случиться, не сегодня—завтра, не завтра, такъ послѣ-завтра. Впрочемъ, она меня не знаетъ и врядъ ли бу-

Касри-Ширинъ. Крѣпость около города, на дорогѣ изъ Ханикина.

На пути къ Багдаду. Наши друзья лурь, задержавшіе къ югу отъ Керманшаха нѣмецко-турецкихъ агитаторовъ.

детъ долго горевать обо мнѣ. Если хотите, можете даже сказать ей, что я не пришелъ на свиданіе, что вы напрасно прождали меня. Но...

Секунду онъ колебался, затѣмъ докончилъ: — Я хочу попросить васъ объ одной вещи. Простите, если я злоупотребляю вашей добротой, но, умоляю васъ, пишите мнѣ время отъ времени хоть нѣсколько словъ о ней. Она никогда не узнаетъ объ этомъ, а для меня вѣсти о ней будутъ единственными свѣтлыми лучами. Согласны вы исполнить мою просьбу?

Нервная спазма сжала горло Жозефины. Она молча кивнула головой.

— Благодарю васъ. О, благодарю васъ! — радостно воскликнула Анри и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, схватила ея руку и горячо поцѣловалъ.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ его высокая, стройная фигура скрылась за поворотомъ аллеи.

Жозефина безъ силъ опустилась на скамейку.

На пути къ Багдаду. Луристанъ (къ югу отъ Керманшаха). Знатные лурь.

На пути къ Багдаду. Преданныя русскимъ лурскія племена.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 23

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выдавъ 4-го Юля 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.) — 20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ Для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку иппарейль въ одной столбце (въ 14 ширины страницы): передъ текстомъ и на первой страницѣ постъ текста 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагаются „Лит. Прил.“ и „Новѣйш. Моды“ за Юль.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

АНГЛИЙСКАЯ МОЛОЧНО-МУЧНАЯ ПИЩА

АЛЛЕНБЭРИСЪ

ДИЭТЪ

НЕРВНЫМЪ, СЛАБЫМЪ, ИСТОЩЕННЫМЪ.
Брошюра № 12 по требованію безплатно.
Английское Акц. О-во „АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“.
Москва, Мясницкая, 32. 4103 7-4

Одесса. Среди Сельскохозяйственно-гидротехническое училище, учр. М. И. Хойна. Съ правами казенн. учебн. завед. Тамъ же политехнические курсы. Приемъ прошений производится на 1916/17 уч. г. Проспектн высш. за 5 двужков. мар. ОДЕССА, Пушкинская, 60—5. 4049 10 6

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить снѣгъ горѣть въ огнѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить ообнъ въ полчаса. Разрѣзать ниткой стекло. Получить облако въ комнатѣ. Взять голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный пруть въ свѣчу. Зажечь дрова сухіе водой — и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ, можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ 300. Цѣна съ пересылкой налож. платеж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съезжинская ул., № 40, въ редакцію „Откликъ Жизни“. Отд. Н.

Разрѣш. Киевск. БУХГАЛТЕРІИ (существующей учебн. окр. курсъ съ 1894 г.) скоро и основательно выуч. всякій лично и посредств. переписки, аплднѣ замѣн. устно преподав. Условія выс. безплатно. А. П. Бобырѣ. Киев.-Н Софійская, 5.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЯ КАССЫ

ПРОИЗВОДЯТЪ СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ:

I. Отдѣльныя по слѣдующимъ планамъ:

1. Страхование на случай смерти.
2. Страхование на случай смерти въ соединеніи со страхованіемъ на дожитіе.
3. Страхованія смѣшанныя, т. е. на случай смерти и на дожитіе, простое и двойное.
4. Страхование капиталовъ на дожитіе малолѣтнихъ.
5. Страхование стипендій, пенсій и доходовъ на пережитіе и
6. Народное страхованіе (на сумму отъ 50 р. до 500 р.).

II. Совокупныя страхованія
служащихъ учреждений или рабочихъ, на льготныхъ условіяхъ

По всѣмъ страхованіямъ, находящимся въ силѣ 5 лѣтъ, страхователи участвуютъ въ распредѣляемыхъ ежегодно прибыляхъ.

Страхованія на случай смерти и смѣшанныя принимаются послѣ медицинскаго освидѣтельствованія за счетъ Управленія; при этомъ ответственность сберегательныхъ кассъ по смертнымъ случаямъ наступаетъ немедленно.

По народнымъ страхованіямъ медицинскаго освидѣльствованія не требуется; ответственность по такимъ страхованіямъ кассъ начинается черезъ два года по заключеніи договора, а, если смерть произошла отъ несчастнаго случая или заразнаго заболѣванія, то — становится немедленною.

Уплата премій ежегодно по полугодіямъ, по четвертямъ года и ежемѣсячно (а по народнымъ страхованіямъ также черезъ каждыя двѣ недѣли) наличными деньгами или перечисленіями съ вкладовъ по сберегательнымъ книжкамъ.

По пожизненнымъ и смѣшаннымъ страхованіямъ на случай смерти черезъ пять лѣтъ по заключеніи страхованія, разрѣшается выдача суммъ подъ полиса.

Свѣдѣнія и разъясненія по страхованіямъ можно получать во всѣхъ сберегательныхъ кассахъ-капелляріяхъ районныхъ страховыхъ Инспекцій и въ Управленіи Государственными сберегательными кассами (Петроградъ, Фонтанка, 76).

НОВИЧКИ ДЛЯ Ф-НО ВЪ 2 РУКИ!
ПѢСНИ РОДИНЫ. Понурн изъ русскихъ народныхъ пѣсень. — 1 руб.
ПРАЗДНИКЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. Понурн изъ русскихъ пѣсенокъ. — 1 руб.
Сост. А. Красносельскій.
Каталогъ и списки собств. гуд. — безплатно.
П. ЮРГЕНСОНЪ
Москва, Неглинный пр., 14. 4106

Покупайте во время! 30 различныхъ военныхъ марокъ всѣхъ странъ 1 р., 50 марокъ — 3 р., 100 марокъ — 15 р. безъ пересылки. Уплата новыми почт. марками. Покупка и продажа всѣхъ марокъ. Каталогъ безплатно. Выржа марокъ В. Вальтеръ (V. Walter, Копенгагенъ). Письма въ Копенгагенъ оплачиваются 10 к. маркой.

ПРИ НЕВРАСТЕНІИ

слабости и для УКРѢПЛЕНІЯ нервной системы рекомендуется **БИОЛЬ Т-ва Ласлей.** Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магаз.

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, новѣйшее и наилучшее, испытанное средство противъ **ГЕМОРРОЯ.**

Дѣйствуетъ кровоостанавливающе, обезболиваетъ, ускоряетъ заживленіе и, при систематическомъ леченіи, совершенно устраняетъ зудъ, жжение и всѣ явленія геморроя. Имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЯ и С-ья ПЕТРОГРАДЪ

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФИЯ в отдѣл. Фондо-Готикъ, Батердъ и пр. 206 рс. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. правл. почерка въ короткий срокъ. Главн. вним. обращ. на конторыск. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубл.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затру-днѣвш. вышущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются по-мощью 121 упражн. и систематическа-го ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборчат. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубл.
 Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАВІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

СТЕНОГРАФИЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 868 стр. Цѣна (в) 3 рубл.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр. форм. прошен., писемъ, какихъ шѣри должно принять, чтобы обезопасить себя службу. Цѣна съ пер. 1 рубл.

ТОРГОВО-промышленное законода-тельство ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн. дѣателей и служащихъ. 443 стр. (+VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубл.
 При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Руководство для **ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ:** для начинающихъ. Постоянный крупный заработокъ. Цена руководства съ перес. налож. плат. 95 к.
 Адр.: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

При ГОНОРРЕЕ
 въ острой и хронической формѣ **„ТИЗЕРИНЪ“** послѣдствіемъ ея принимается
 Д-ра мед. Гороховской Для внутреннего употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсуль 2 р. 35 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской. Москва, Давыд пер., 1-26, кв. 2, отд. 20. Отпускается изъ аптекъ по рецепт. врачей.

Я САМЪ-ХОЗЯИНЪ.
 Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться какой-нибудь промышлен-ностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ-хозяинъ“, содержащую опи-саніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящ. время будутъ имѣть особый успѣхъ. Въ книгѣ описаны производствъ, не требующія капитала, осо-быхъ знаній и специальной подготовк. Заняться любимъ можетъ немедленно каждый (какъ мужчина, такъ и женщина). Цѣна съ перес. 2 руб. 75 коп.
 МОСКВА, Изд-ству „ЛУЧЪ“, Печатицковъ пер., 18/2.

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ уди-вительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью рѣшлю Вамъ подробное опи-саніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==
 Пишите немедленно и присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія **КАЛЪТОКО,**
 МОСКВА. Отд. 1. С. Р.

Волосы

ПРИ ГОНОРРЕЕ
 и воспаленіи мочевого пузыря, въ острой и хронической формѣ успѣшно принимается средство **„УРИТАЛЬ-ГАЛЕН“**

Препаратъ для внутреннего употребленія. Дѣйствуетъ быстро и радикально. Въ короткое время устраняетъ самыя упорныя истеченія. Совершенно безвреденъ для организма. Цѣна флакона 1 руб. 75 коп.
Лабораторія „ГАЛЕН-МОСКВА“
 МОСКВА, Б. Никитская 5. Отд. 35. А.

Продается во всѣхъ аптекахъ по рецептамъ врачей.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ
БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,
 а только по нашему изданію „Гимназія на дому“, но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллеги, каждый въ короткое время можетъ **ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:**

Вольноопредѣляющагося I и II разряда,
 на классный чинъ,
 высш. начальн., сельск., народн. учителя,
 аптекарскаго ученика, цы,
 на 4 или 6 классовъ гимназій,
 на аттестатъ зрѣлости и т. д.

Тысячи лицъ успѣли уже, благодаря изданію „Гим-назія на дому“, достигнуть намѣченной цѣли.

Краткій проспектъ высылается бесплатно.
 Подробный за 15 коп.

Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевская, 44-62.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕЪ СВѢТЪ
 АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗАЛЬНАЯ МАШИНА **„ВИКТОРІЯ“**

стоитъ 200 руб.
 вяжетъ въ одну минуту 20.000 петель, 15 минутъ одѣтъ чулокъ, ежедневно 24 пары.
 Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ для посылки, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ, РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Мы ищемъ **немедленно** старательныхъ вязальщицъ и вязальщицъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
 Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.
 Требуется нашъ безплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ
Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.
 ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42—11.
 Лондонъ, Е. С. 114 Leadenhall st.

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сер-дечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ ле-чать Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ много-численныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего мира.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, по-этому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всея органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлитель-ныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-662 ПЕТРО-ГРАДЪ.
 Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Продовольственный вопрос в Гос. Думе.

(Вопросы внутренней жизни).

Съ первыхъ же дней лѣтней сессіи Гос. Дума зычно откликнулась на самую гнетущую общественную невзгоду нашихъ дней и посвятила два засѣданія подъ рядъ продовольственному вопросу. Выѣшнимъ поводомъ обсуждения послѣдняго послужилъ законопроектъ министерства земледѣлія о воспрещеніи убоя скота и потребленія мяса три дня въ недѣлю. Докладчикъ по законопроекту депутатъ Аносовъ сообщилъ интересныя и довольно неожиданныя статистическія свѣдѣнія о скотоводствѣ въ Россіи и за границей. Оказывается, что Россія, имѣвшая до войны всего 52 миллиона головъ крупнаго рогатаго скота, занимаетъ по развитію животноводства одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Въ ней, при всемъ богатствѣ необозримыми пастбищами, на тысячу душъ населенія приходится всего 262 головы крупнаго скота; въ миниатюрной, густонаселенной, застроенной заводами, фабриками и городами Англій—по 263 головы на тысячу жителей; въ Германіи—по 327; въ Даніи—по 758, въ Соединенныхъ Штатахъ—по 739; въ Австраліи—по 2.021, и въ Аргентинѣ—по 4.487, т. е. почти по 5-ти коровъ на каждого жителя. Мобилизація превратила миллионы крестьянъ, почти не потреблявшихъ мясной пищи, въ солдатъ, пользующихся мяснымъ паёкомъ въ размѣрѣ отъ 1 1/2 фунта до 1/2 фунта ежедневно. Цѣлый миллионъ военнообязанныхъ тоже получалъ въ теченіе перваго года полуфунтовый паекъ. Воспрещеніе водки и притокъ денегъ въ деревню подняли потребленіе мяса и мирнымъ населеніемъ, и въ результатъ въ теченіе перваго года войны общее количество скота въ странѣ сразу сократилось почти на 20 миллионъ головъ. При сохраненіи прежняго размѣра потребленія мяса Россія очень скоро осталась бы и безъ мяса и безъ скота и подорвала бы собственное земледѣліе, пользующееся навозомъ, какъ удобреніемъ. Въ виду такой угрозы необходимо, разумеется, сократить убой и потребленіе мяса, что министерство земледѣлія и предложило въ своемъ законопроектѣ.

По существу противъ этой мѣры никто изъ ораторовъ не возражалъ, но попутно они нарисовали въ своихъ рѣчахъ общую картину хаоса и нестроений въ продовольственномъ дѣлѣ. Министерство земледѣлія, взявшее въ свои руки общую заготовку продовольственныхъ матеріаловъ для арміи, значительно улучшило и удешевило питаніе войскъ. Но трудно отрицать, что у правительства не было общаго, широко задуманнаго плана продовольствія арміи и страны. Націоналистъ Чихачевъ выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности закона о мясопустныхъ дняхъ, который легко можетъ быть обойденнымъ. Трудовикъ Вершининъ тоже думаетъ, что богатые люди, располагающіе домашними холодильниками, будутъ дѣлать запасы говядины и на мясопустные дни, а неимущіе и трудящіеся попрежнему будутъ сидѣть безъ мяса. Кадетъ Велиховъ обрисовалъ военное значеніе продовольственного вопроса:

„Когда война идетъ на истощеніе, правильная постановка продовольственного дѣла—первая наша задача. Голодовка—плохой совѣтъчикъ въ дѣлѣ борьбы до конца, до одолѣнія упорнаго врага. Если въ прошломъ году наши неудачи происходили главнымъ образомъ отъ недостатка снарядовъ, то нельзя не опасаться, что нынѣшняя кампанія будетъ протекать подъ знакомъ недостатка продуктовъ питанія. Въ прошломъ году нечѣмъ было стрѣлать, а въ этомъ году въ крупныхъ центрахъ нечего будетъ ѣсть. Для городского населенія, лишенаго здоровыхъ условій деревни, для городской бѣдноты и для труженниковъ, главнымъ образомъ интенсивно работающихъ, мясо есть необходимый продуктъ питанія, самый дешевый и самый питательный. Законодателью, конечно, весьма просто установить три мясопустныхъ дня, но гораздо важнѣе и гораздо труднѣе обезпечить питаніемъ населеніе въ оставшіеся четыре дня въ недѣлю.

„У насъ попробовали въ Барнаулѣ построить холодильники, но съ трудомъ доставили ледъ, привезли его, а крыши построить не успѣли, и солнце весь этотъ ледъ растопило. У насъ нѣтъ холодильниковъ даже въ такихъ центрахъ, какъ Саратовъ и Самара. Вагоновъ-холодильниковъ у насъ тоже мало. Запасовъ льда на станціяхъ у насъ нѣтъ. Въ то время, какъ въ Америкѣ мороженое мясо провозится со скоростью 700 верстъ въ сутки, у насъ эти поѣзда идутъ черепашьимъ шагомъ. Ясно, что все мороженое мясо или бѣдшая часть его въ концѣ концовъ сгниетъ, а американскую систему введутъ, когда уже будетъ поздно. Кромя того, на мѣстахъ убоя съ продуктами убоя обращаются прямо варварски. Отправляютъ только одно битое мясо, а остальное, то самое голье, которое для бѣдноты служитъ главнымъ продуктомъ питанія, какъ наиболѣе дешевое,—сало, бычачьи головы, шкөвоина, языки, мозги, печенки, ноги, почки, рога—все это уничтожается. Реквизицію производятъ у насъ люди совершенно неумѣлые, реквизируютъ, наравнѣ съ прочимъ скотомъ, стельныя коровы, коровъ племенныхъ, голландской породы, которыя могутъ давать до 30-ти бутылокъ молока, что разоряетъ молочное хозяйство. Таксы назначаются у насъ зря, ни съ чѣмъ несообразно, и даже не измѣняются согласно измѣняющимся условіямъ. Къ весьма печальнымъ результатамъ привели и запрещенія вывоза скота изъ различныхъ губерній и запрещеніе погрузки живности. Я вамъ прочту телеграмму, подписанную 21-мъ торговцемъ: „Сегодня поступило распоряженіе о прекращеніи погрузки живности на станціи Міастъ назначеніемъ Петрограда. На территоріи станціи скопилось для погрузки 15.000 головъ рогатаго скота. Въ виду наступившихъ холодовъ и выпавшаго снѣга скотъ остался безъ корма. Приобрѣсти кормъ для удовлетворенія скопившагося скота невозможно, за неимѣніемъ запасовъ. Скотъ тощаетъ, теряетъ въ вѣсѣ, масса пала“.

Такия же телеграммы имѣются и изъ другихъ мѣстъ. Все эти правительственныя мѣропріятія, вмѣстѣ взятая,—американская система, проведенная безъ технического оборудованія, беспорядокъ на холодильникахъ, безмысленная ликвидація, неkoordinированныя таксы, запрещеніе вывоза въ связи съ разстройствомъ транспорта, а главное отстраненіе отъ мясного дѣла всѣхъ специалистовъ и людей, до сихъ поръ занимавшихся этимъ дѣломъ,—привело къ тому, что мы переживаемъ колоссальный продовольственный кризисъ. Такіе убогіе законопроекты, какъ запрещеніе продажи мяса въ теченіе трехъ дней, когда мяса нѣтъ, дѣлу, конечно, не помогутъ. Необходима ревізія всего продовольственнаго дѣла, привлеченіе виновныхъ къ отвѣтственности и передача всего дѣла изъ рукъ безответственныхъ чиновниковъ въ руки общественныхъ“.

Правый депутатъ Марковъ 2-й, полемизируя съ лѣвымъ братомъ, въ сущности еще болѣе рѣзкими примѣрами подкрѣпилъ его обличенія.

„По военному закону,—сказалъ Н. Е. Марковъ,—безжалостно разстрѣливаются военные мародеры, и тотъ же военный законъ долженъ вѣшать мародеровъ тыла и приступить къ серьезному наказанію всѣхъ, занимающихся лихвенной наживой во время военной опасности. Надо карать всякаго, кто извлекаетъ болѣе 20% прибыли.

Соціалъ-демократъ Бурьяновъ доказываетъ, что мясопустный законопроектъ совершенно не гарантируетъ правильнаго распределенія мяса между населеніемъ, и врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что установить отпускъ мяса соотвѣтственно заранѣе опредѣленнымъ нормамъ можно лишь при карточной системѣ. Если мы примемъ законопроектъ, отвергнувъ карточную систему, то придемъ къ тому, что цѣны на мясо повысятся, имущіе классы населенія несмысленно постовъ соблюдать не будутъ, и неимущіе будутъ сидѣть безъ мяса.

Октябристъ графъ Капнистъ призналъ правоту словъ депутата Велихова, говорившаго о реквизиціи, таксѣ и запрещеніи:

„Дѣйствительно, трудно себѣ представить болѣшій хаосъ, чѣмъ тотъ, который царитъ въ этихъ областяхъ, но мы, члены особаго совѣщанія, должны сказать вамъ, что все время идетъ борьба за то, чтобы былъ одинъ хозяинъ, чтобы продовольственнымъ дѣломъ распоряжалось одно вѣдомство, на которое могла бы лечь вся отвѣтственность, но которому надо дать за это и нѣкоторыя права. Мы считаемъ, что объединеніе всей продовольственной дѣятельности въ министерствѣ земледѣлія является главнѣйшей задачей момента. *(Возмасы одобренія центра)*. Пусть военныя власти не думаютъ, что это будетъ уменьшеніемъ ихъ правъ, онѣ все-таки являются главными хозяевами, потому что онѣ являются заказчиками. Но, поставивъ извѣстныя требованія, дайте возможность земствамъ исполнить эту задачу спокойно, безъ вмѣшательства постороннихъ вліяній.“ *(Возмасы одобренія)*.

— Совершенно недопустимо,—замѣчаетъ депутатъ Симоновъ,—чтобы въ то время, когда рабочій, трудящійся на оборонѣ, не дождается, плѣнные германскіе и австрійскіе офицеры скупали все продукты въ Сибири по повышеннымъ цѣнамъ. Правительство должно регулировать отношенія къ австрійскимъ и германскимъ офицерамъ.

Главноуполномоченный министерства Ленинъ, стоявшій во главѣ мясныхъ заготовокъ 22 мѣсяца войны, заявилъ, что принимаетъ на свою отвѣтственность все, что было неправильно сдѣлано. Реквизиціи производились не только военнымъ вѣдомствомъ, но и земскими учрежденіями. Заминка съ замораживаніемъ мяса до костей и съ устройствомъ холодильника произошла вслѣдствіе опозданія заказанныхъ въ Швеціи машинъ. „Министерство заарендовало всѣ крупныя холодильники въ Россіи и такимъ образомъ облегчаетъ работу министерства путемъ сообщенія. Что касается испорченнаго мяса въ Москвѣ, то оно испортилось вслѣдствіе того, что въ Сибири въ теченіе зимы было нѣсколько оттепелей. Испортилось всего 45.000 пудовъ. Чтобы не закапывать его въ Москвѣ, оно было отправлено въ Козловъ, перепотоплено на сало для солдатскихъ сапоговъ.

„Въ Петроградѣ въ холодильникѣ испортилось 18.000 пудовъ. Изъ этого количества отдѣлу заготовокъ принадлежало около 4.000, а остальное было въ адресъ города. Пришло спѣшно вывозить свинину, лежащую рядомъ, чтобы спасти ее отъ заразы, и было вывезено 6.000 пудовъ, но солдаты отказались работать изъ-за невозможнаго запаха. Я самъ доложилъ принцу Ольденбургскому и градоначальнику, что больше вывозить мясо не буду, потому что, кромя своего, уже вывезъ 2.400 пудовъ чужого. Начальникъ петроградскаго военнаго округа заявилъ, что онъ не будетъ мнѣ давать солдатъ для такой грязной работы. Въ настоящее время вопросъ этотъ ликвидированъ: продано для перетопки 3.800 пудовъ говядины и 5.000 пудовъ свинины.

„Расточеніе скота было еще тогда, когда военное вѣдомство не знало, что дѣлать съ эвакуированнымъ скотомъ. Мы идемъ въ самомъ широкомъ масштабѣ въ смыслѣ замѣны рогатаго скота овцами и свиньями. Но если будемъ рѣзать овецъ большими количествами, то потеряемъ шерсть и сало, нужныя арміи. Въ широкихъ размѣрахъ эта замѣна можетъ начаться съ сентября, когда овчина будетъ годна на полушубки. Мясо стоитъ дорого—20 рублей, а сало доходитъ до 30-ти, надо его беречь. Сейчасъ уже закуплено огромное количество овецъ. Для поощренія свиноводства на свинину установлены очень высокія цѣны. Цѣны эти уже распубликованы, и до 1-го мая будущаго года каждая мѣстность, докормивъ до извѣстнаго вѣса поросятъ, можетъ продать ихъ по опредѣленнымъ цѣнамъ. Мы выдали тремъ земствамъ по 100.000 рублей на закупку порослятъ и ихъ откормъ и заявили, что всякому земству дадимъ сколько угодно денегъ на это дѣло“.

Гос. Дума постановила передать министерскій законопроектъ о мясопустныхъ дняхъ на разсмотрѣніе специальной комиссіи.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ

Самая полная книга, по которой каждый может легко научиться производить множество чудесных явлений, удалять знакомых и зарабатывать большие деньги. Цена съ перес. изд. п.л. 95 к. Адр.: МОСКВА, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер., д. 18/2.

КРАСИВО и СКОРО ПИСАТЬ

въ 8 ур. и дв. ит. бухгалтеріи обучаю каждою ажно. Удост. 5 зол. мед. и 5 поч. крест. за заслуги. Образцы шрифтов, учен. раб. и учеб. зыс. за 2—10 к. мар. Одесса, Римельевская, д. №12. Проф. калигр. Ш. КРУКУ

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерч. образов. Заочные курсы по самой обширной программѣ. СТЕНОГРАФІЯ. АТТЕСТАТЪ. Дѣнная премія. Разрочка. Проф. бондл. Петроградъ, В. О. Бол. пр., №22. „КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ“. Р.

СТРАНА ЗОЛОТА и ДРАГОЦ. ЦВѢТНЫХЪ КАМНЕЙ

НОВОСТЬ СЕЗОНА. Отечествен. промышлен.

Роскошный кулонъ массы золота 51 пр. художеств. ювелирн. работы, гравир. листки цвѣт. золота, съ 3 голуб. плав. зямаринными и 8 голуб. розов. турмалинами, катающ. подѣвск. Камни зачѣт. блеска, чудныхъ градей краснв. сочетан.

Цѣна этого прелестн. кулона назначена нами 21 р. потому, что побѣди. расчетамъ, на возможно больш. его размѣщеніе среди нашихъ заказовъ, какъ дѣйств. образецъ нашихъ неравнен. зол. украш.

Перес. **кулона 1 р.** Задатокъ обязательн. Прислать всю сумму сполна перес. лавш. По соглаш. кулонъ можетъ быть выполненъ въ другіе камни, т. е. плав. розов. турмалина, или желт. Шерш, а также и изъ любимыхъ подѣвсовъ.

Цѣны кулон. золотыя 56 пр. Издм. фасон. вмѣстѣ на цѣны 10 р., 12, 16, 20 р. и др.

Для эффектн. подарка. Новость:

Роскош. кольцо изъ 29 и-рвокл. темно-фиолет. крупн. Уральскихъ аметистовъ чудн. граней, вѣраа. блеска съ чарующ. перелив. дивн. крас. цвѣт. Съ 5-ю крупн. подѣвскими и 15 мал. бриллиант. съ 10 лист. цвѣт. вол. чекан. работы въ шши. футлярѣ. Цѣна 590 р. бѣзъ перес.

Материальное обезпечен. Т-ва, а также гуманное и сердечное отношеніе къ нуждамъ своихъ работ. в ихъ семьмъ служить прекраснѣйшей гарант. за самое добросовѣтное, точное и свое временное выношеніе заказовъ.

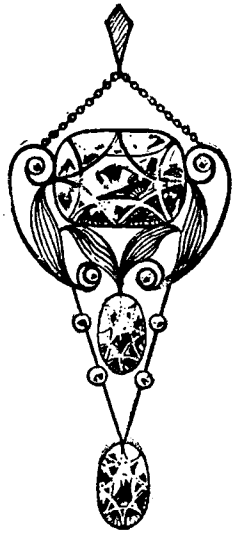
Новѣйшій преискурантъ 4 изд. на 1916 г. заключ. въ себя до 1000 совр. фасон. Колье, Кулоновъ, Грощъ, Брѣстель, Колецъ, Запонозъ, Серегъ, Буд. для Галстух., Брѣтѣбъ и проч. Коллекція минераловъ (научн.). Ожерелья изъ тончайш. раз. цвѣт., Шкатуль изъ Малахита, Орледа, Яшмы и пр. Таблица счастья, камней иб мѣс. рожденія и ихъ значеніе. Нашъ роск. насолѣн. каталогъ необходимъ въ каждомъ интел. семействѣ, какъ точный регуляторъ нсрмальныхъ дѣнъ при покупкѣ вол. украш. съ настоящ. камнями. Цѣна повыш. нами на 20% въ сравненіи съ 1913 г. и лишь черезъ 22 мѣс. войны.

Преискурантъ высыл. за 50 к. марками, которыя зачтутся въ уплату перваго заказа. Безвзвѣден. множество лести. отвѣвъ.

Требуются мастера ювелиры, мундворнички, закрѣпщикъ и чеканщикъ, прасол. исполн. и только трезвые. Приличн. зараб. гарантируется, недостаточнымъ долгосрочн. нмъ, при минимальныхъ погашеніяхъ изъ заработ. платн.

При желаніи запросахъ рекоменд. приложить марку для отвѣта.

Въ счетъ задатка или полностью принимаются всякаго рода марки, купоны отъ рентъ и облигацій, а также золото ломъ по 4 р. 20 к. золотн., серебро по 25 к. золотн.

КУЛОНЪ № 1

АДРЕСЪ: г. ЕКАТЕРИНБУРГЪ на Уралѣ, Арсеньевскій проспектъ, ТОВАРИЩЕСТВУ „УРАЛЬСКІЙ ЭКСПОРТЪ“.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятковъ марокъ выслать образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и словія. Одесса. Профес. Каллиграф. Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

ПИСАТЬ
красиво и скоро будете, выписавши „Механическую прописку“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна изд. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. 27.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатная премія. Каллиграфія, стенографія, правоиспаніе и проч. АТТЕСТАТЪ. Леготныя условія подѣски и **БЕЗПЛАТНО**. Пробныя лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія“, Б. Ружейная, 7—56.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, д. 22

А. Н. ШУЛЬГОВСКАЯ
РУКОВОДСТВО
КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ

ОБУВИ
ПРОСТОЙ и ИЗЯЩНОЙ
ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ
ПО НОВОЙ ЛЕГКОЙ и СКОРОЙ МЕТОДЪ.

4-е изданіе.
Просто, доступно для всѣхъ изложенное, поясняющее указанія чертежами и рисунками, не требующее никакого предварительнаго умѣнья и никакихъ особыхъ затратъ, руководство это, при настоящей дороговизнѣ жизни, должно быть радостно встречено русской семьей! Отнынѣ дюжина дѣтскихъ сапогъ и ботинокъ для хозяйки дома и рабочей сапогъ для отца семьи могутъ быть изготовлены легко и несравненно дешевле дома.
Отв. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ библ. ремесл. учебн. заведеній; Учен. Стд. М. Торг. и Пр. допущено въ библ. низшихъ учебн. заведеній.
Цѣна съ пересылкою 1 руб.

СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА
ТУРЕЦКАГО
ТЕАТРА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
Россія, Великобританія, Италія, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).
Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.
Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ
всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщенныхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія наждаго названія.
Въ 6 красокъ. Размѣръ 82×134 сант., въ масштабѣ 40 верствъ въ дюймѣ. Подъ редакціей проф. Ю. М. Шенальскаго.
Цѣна съ пересылкою два рубля.

Употребляйте PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

отъ ПРОСТУДЫ.

Лепешки эти продаются въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ исключительно въ коробкахъ съ красной бандеролью снабженныхъ именемъ

VALDA

и адресомъ единственнаго ихъ

фабриканта
H. CANONNE
PARIS.

ЖИВНА

№ 23. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выдаѣт 4 юня 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Лордъ Китченеръ.—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Въ память Минина.—Колоколь Роландъ (Нѣмецкая „правда“). Очеркъ Юганнеса Юргенсена. (Окончаніе). — Страшнѣ смерти. Разсказъ Шарля Фолей. — Единственно важное. Разсказъ Ф. Буте. — Заявленіе.—Объявленія.—Отклики войны.—Продовольственный вопросъ въ Гос. Думѣ. (Вопросы внутренней жизни).

Р И С У Н К И: Англійскій военный министр, организаторъ арміи-народа въ Англіи, лордъ Китченеръ. — На французскомъ фронтѣ. Патруль „спаги“.—Памятникъ Минину и Пожарскому въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Нижній-Новгородъ. Старинная гравюра.—Въ Вогезахъ.—Подъ Верденомъ.—„Великій ворчунъ“.—Архиепископъ Минина, кардиналъ Мерсье. — Смертный бой. Русь Святая и врагъ лютый. Картина И. Порфирова. — Новая тяжелая французская артиллерія. — Монахъ-францисканецъ Франсуа Бланъ. — На французскомъ заводѣ, изготовляющемъ боевое снаряженіе. — Дозоръ на сѣверномъ побережьи. Охрана сѣвернаго фронта. По фотографіи полковника А. Далматова. — На кавказскомъ фронтѣ (4 рис.).—Бронированный поѣздъ. — Походныя бани-автомобили, подаренныя Россіей французской арміи.—Наши бронированные автомобили. — Разсказъ инвалида. Рисунокъ Г. Георгіева.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложения“ за юнь 1916 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за юнь 1916 г. съ 48 рис., отдѣльный листъ съ 29 черт. выкр. въ натур. величину и 100 рис. картонажнаго дѣла.

Лордъ Китченеръ.

(Портр. на этой стр.)

23-го мая вечеромъ у Оркнейскихъ острововъ погибъ броненосный крейсеръ англійскаго флота „Гемпширъ“, на которомъ находилась спеціальная миссія, направлявшаяся въ Россію, по приглашенію Государя Императора, и во главѣ ея англійскій военный министр, фельдмаршалъ, лордъ Китченеръ.

Имя лорда Китченера стало извѣстно всему міру со временъ бурской войны, когда онъ, въ качествѣ главнокомандующаго англійской арміей въ Африкѣ, рѣшительными операціями быстро закончилъ затянувшуюся борьбу съ бурами.

Съ тѣхъ поръ всѣ наиболѣе крупныя событія въ англійскихъ колоніяхъ, а также всѣ реформы въ военномъ вѣдомствѣ были связаны съ именемъ лорда Китченера. Однако вся его дѣятельность до нынѣшней войны буквально меркнетъ передъ тѣмъ замѣчательнымъ творчествомъ въ области организаціи англійскихъ вооруженныхъ силъ, которое показало всему міру лордъ Китченеръ въ роли военнаго министра Англіи въ послѣдніе годы.

Эта дѣятельность останется въ исторіи, какъ нѣчто исключительно выдающееся, ибо до сихъ поръ еще не было примѣровъ такой замѣчательной организаціи цѣлыхъ миллионныхъ армій въ короткій періодъ времени,—такой работы, которую одна военная газета справедливо назвала „военнымъ чудомъ“.

Китченеръ вступилъ на должность военнаго министра Англіи, когда эта страна едва въ состояніи была выставить 200.000 войскъ, когда въ ней же было сколько-нибудь дѣтаточнаго корпуса офицеровъ генеральнаго штаба, когда ея

запасы снабженія были ничтожны, когда, однимъ словомъ, эта страна была единственной немилитаризованной страной въ Европѣ. Маленькая Швейцарія, и та имѣла законы, обязывающіе въ случаѣ войны всѣхъ гражданъ взяться за оружіе, но могущественная Англія имѣла лишь 200.000 войскъ—армію меньше болгарской и сербской, и не имѣла закона о воинской повинности.

Лордъ Китченеръ принялъ 200.000 войскъ и черезъ полтора года сошелъ въ могилу, оставивъ своей странѣ пять миллионныхъ солдатъ, громадный корпусъ офицеровъ, реорганизованный и многочисленный генеральный штабъ и безчисленное снабженіе. Если къ этому добавить, что все это было создано буквально изъ ничего,—въ странѣ, гдѣ до нынѣшней войны воинская служба была непопулярна, гдѣ въ рѣдкой семьѣ имѣлись военные, гдѣ въ рѣдкомъ городѣ стояли войска, въ странѣ „штатской“,—то этимъ вполне опредѣляется грандіозная работа погибшаго великаго военнаго организатора, лорда Китченера.

Лордъ Китченеръ палъ солдатской смертью на 66 году жизни. Съ 20 лѣтъ онъ уже воевалъ съ Германіей, — въ качествѣ волонтера французскихъ войскъ въ войну 60-го года, — противъ которой онъ создавалъ въ послѣдніе годы своей жизни миллионныя арміи британскихъ войскъ. Дальнѣйшая его дѣятельность, какъ строевого офицера, затѣмъ офицера генеральнаго штаба, затѣмъ командующаго англійскими экспедиціями въ колоніяхъ и, наконецъ, главнокомандующаго въ Южной

Англійскій военный министр, организаторъ арміи-народа въ Англіи, лордъ Китченеръ, погибшій на взорванномъ миной крейсерѣ „Гемпширъ“, вмѣстѣ со своимъ штабомъ, близъ Оркнейскихъ острововъ (у береговъ Шотландіи), на пути изъ Англіи въ Россію.

шная его дѣятельность, какъ строевого офицера, затѣмъ офицера генеральнаго штаба, затѣмъ командующаго англійскими экспедиціями въ колоніяхъ и, наконецъ, главнокомандующаго въ Южной

Африкѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе, какъ дѣятельность также выдающаяся, но, повторяемъ, это несравнимо съ его дѣятельностью въ роли военного организатора. Китченеръ прославился тѣмъ, что разбилъ Махди при Абдурахманѣ и покончилъ съ бурами, за что и былъ произведенъ въ достоинство пэра и графа Англии, но впоследствии онъ еще болѣе прославился на посту британскаго резидента въ Египтѣ, какъ выдающийся администраторъ. Онъ провелъ огромныя канализаціонныя работы въ Нижнемъ Египтѣ, осушилъ озера вблизи Александріи, дренировалъ огромныя болота, создалъ сберегательныя кассы, гарантированныя государствомъ, для бѣдныхъ египтянъ, устроилъ дороги для автомобильнаго сообщения, принималъ рѣшительныя мѣры борьбы съ ужасающей дѣтской смертностью, для распространенія въ странѣ всеобщаго образованія и проч.

Выдающийся государственный дѣятель и великій полководецъ

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Морское сраженіе у береговъ Даніи.

18-го мая довольно неожиданно произошло морское сраженіе между англійскимъ и германскимъ флотомъ у береговъ Даніи. Сраженіе это является самымъ большимъ морскимъ сраженіемъ нынѣшней войны, какъ по числу большихъ судовъ, въ немъ участвовавшихъ, такъ и по тому значенію, которое оно имѣло въ общемъ ходѣ важнѣйшихъ событій нынѣшней войны.

Здѣсь впервые рискнулъ выйти въ море германскій флотъ почти въ полномъ своемъ составѣ и впервые помѣрялся силами съ англійскимъ флотомъ, выставивъ противъ послѣдняго все свои самыя крупныя и сильныя суда. вмѣстѣ съ тѣмъ эта попытка добиться успѣха на морѣ была произведена нѣмцами одновременно съ веденіемъ крайне важныхъ и рѣшительныхъ операцій на сухопутныхъ фронтахъ войны, почему это сраженіе не могло не отразиться на общей стратегической и политической конъюнктурѣ.

Какимъ образомъ произошло это важное сраженіе, и какія причины его вызвали?

По этому поводу существовало много версій, вплоть до неправдоподобной версіи, что англійскій флотъ якобы стремился пройти въ Балтійское море, но былъ задержанъ германцами.

Относительно послѣдней версіи можно отмѣтить, что ни одинъ флотъ не пошлетъ части своихъ судовъ въ такой районъ, гдѣ могутъ встрѣтиться превосходящія силы противника. Такъ какъ въ сраженіи у береговъ Даніи участвовала лишь меньшая часть англійскаго флота, то ясно, что это относительно небольшое число судовъ не могло имѣть задачи пройти въ Балтійское море, гдѣ могли встрѣтиться полностью все суда германскаго флота.

Кромѣ того, можно не сомнѣваться ни на минуту въ томъ, что англійскій флотъ не могъ бы оставить охраны побережья, а также и охраны важнѣйшихъ морскихъ путей, ибо это не только угрожало безопасности британскихъ острововъ, но вело бы къ снятію блокады съ Германіи, каковая блокада даетъ громаднѣйшее преимущество въ настоящей войнѣ всѣмъ союзникамъ.

Наконецъ, какъ известно, бой закончился послѣднимъ отступленіемъ германскаго флота, и, если бы англійскій флотъ пожелалъ пройти въ Балтійское море, то никто ему не мѣшалъ бы. Однако мы знаемъ, что англійскій флотъ послѣ боя ничѣмъ не обнаружилъ своего намѣренія пройти въ Балтику и остался въ Сѣверномъ морѣ.

Кромѣ этой версіи, имѣлись двѣ другія: англійская и германская.

По мнѣнію англійскихъ военно-морскихъ круговъ, германскій флотъ „открытаго моря“ вышелъ въ море, съ цѣлью дать возможность нѣсколькимъ крейсерамъ типа „Эмденъ“, подъ прикрытіемъ главныхъ силъ флота, прорваться во время сраженія въ Атлантическій океанъ и снова начать тамъ крейсерскія набѣги на коммерческія суда союзниковъ. Возможно, что это было и такъ, но все же надо предполагать, что для такой ограниченной цѣли было бы достаточно, чтобы крейсерскія суда сопровождалась относительно небольшою эскадрой, либо, чтобы крейсерскія суда выскочили изъ широкаго пролива Скагерракъ скрытно, напримеръ, ночью. Вообще, при той осторожности, которую обнаруживаютъ нѣмцы на морѣ въ пользованіи своими большими судами, довольно трудно предполагать, чтобы они для такой цѣли рисковали всѣмъ флотомъ „открытаго моря“.

Нѣмецкіе адмиралы сначала заявили въ рейхстагѣ, что флотъ „открытаго моря“ вышелъ изъ пролива Скагерракъ, держа курсъ въ сѣверномъ направленіи, но адмиралы при этомъ не указывали цѣли, ради которой вышелъ флотъ. Лишь потомъ можно было изъ различныхъ частныхъ сообщеній нѣмецкой печати установить, что германскій флотъ вышелъ въ море, въ надеждѣ встрѣтить у береговъ Норвегіи часть англійскаго флота, ибо свѣдѣнія объ этомъ были у командующаго германскимъ флотомъ. Однимъ словомъ, нѣмцы хотѣли улучшить моментъ, когда англійскій флотъ былъ не въ полномъ составѣ, и постараться напасть на его меньшую часть.

Это можно усмотрѣть также изъ того, что германскій флотъ направился въ Сѣверное море не прямымъ путемъ отъ своихъ

погибъ у Оркнейскихъ острововъ, — государственный дѣятель, широко и свободно понимавшій государственныя задачи Англии, полководецъ съ желѣзной волей, иногда даже жестокой, если это необходимо, настойчивый и съ инициативой и, наконецъ, военный администраторъ, быть-можетъ, единственный по своему значенію и по размѣрамъ своей гигантской работы.

Въ день гибели Китченера весь міръ жилъ подъ впечатлѣніемъ грандіозныхъ событій войны — морского сраженія у береговъ Даніи, нашего грандіознаго наступленія на юго-западномъ фронтѣ и новаго безумнаго натиска на Верденъ. На мигъ это все было заслонено гибелью Китченера. Но только на мигъ... Такъ надъ падающимъ въ бою солдатомъ товарищи творятъ крестное знаменіе и идутъ далѣе впередъ.

К. Шумскій.

базъ, находящихся въ Гельголандѣ и Вильгельмсгафенѣ, т.-е. въ Сѣверномъ морѣ, а пошелъ кружнымъ путемъ. вмѣстѣ того, чтобы выйти прямо отъ Гельголанда и Вильгельмсгафена въ Сѣверное море, германскій флотъ пошелъ обратно черезъ Кильскій каналъ въ Балтійское море, затѣмъ двинулся черезъ датскіе проливы мимо береговъ Даніи и широкимъ проливомъ Скагерракъ пытался выйти въ Сѣверное море. Такая крупная попытка явно означала намѣреніе нѣмцевъ выйти скрытно, т.-е. соотвѣтствуетъ идеѣ внезапно напасть на отдѣлившуюся, относительно небольшую часть англійскаго флота.

18-го мая днемъ германскій флотъ въ полномъ составѣ встрѣтился съ англійскими судами. Въ составѣ германскаго флота насчитывалось до 18—19 линейныхъ дредноутовъ и 5—6 крейсеровъ-дредноутовъ (въ зависимости отъ числа выстроенныхъ судовъ изъ тѣхъ, которыя находились въ постройкѣ).

Силы англичанъ, оказавшіяся въ проливѣ Скагерракъ, были въ первое время значительно меньше, и изъ перечисленія англійскихъ потерь въ официальномъ сообщеніи англійскаго адмиралтейства можно видѣть, что англійскій флотъ состоялъ: изъ первой и второй „боевыхъ крейсерскихъ эскадръ“, затѣмъ изъ первой „крейсерской эскадры“, и изъ одной—двухъ „легкихъ крейсерскихъ эскадръ“. Въ общемъ въ первое время боя въ составѣ англійскаго флота насчитывалось лишь восемь линейныхъ дредноутовъ, четыре броненосныхъ крейсера и четыре—восемь легкихъ крейсеровъ.

Необходимо отмѣтить, что и въ составѣ германскаго флота имѣлись также броненосные и легкіе крейсера, линейныя суда даже старыхъ типовъ, миноносцы и другія мелкія суда. Въ составѣ англійскаго флота также имѣлись миноносныя флотилии. Мы главнымъ образомъ останавливаемся на числѣ дредноутовъ и крейсеровъ-дредноутовъ, такъ какъ именно эти суда и являются тѣми главными боевыми коэффиціентами, которыми измѣряется сила того или другаго флота.

Такимъ образомъ можно установить, что противъ 26—27 нѣмецкихъ судовъ дредноутнаго типа у англичанъ въ началѣ боя имѣлось лишь восемь дредноутовъ крейсерскаго типа. Однако англичане мужественно приняли бой и, невзирая на потери, держались до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не подошли первыя подкрѣпленія. Этими первыми подкрѣпленіями явились четыре англійскихъ линейныхъ дредноута, типа „Королева Елизавета“. Появленіе этихъ судовъ было достаточно для того, чтобы германскій флотъ, неся потери, бросился послѣдно отступать въ различныхъ направленіяхъ къ своимъ портамъ.

Какъ можно усмотрѣть изъ изложеннаго, двѣнадцати англійскихъ дредноутовъ оказалось достаточно для того, чтобы обратитъ въ бѣгство германскій флотъ, насчитывавшій не менѣе двадцати шести дредноутовъ. Причина этого лежитъ въ болѣе сильномъ вооруженіи англійскихъ судовъ типа „Королева Елизавета“.

Въ послѣднее время нѣмцы увѣряли, что на ихъ судахъ ставятся 17-дюймовыя пушки, которыя строятся на заводѣ Круппа. Такъ какъ у англичанъ стояли лишь 15-дюймовыя пушки, то эти заявленія нѣмцевъ вызвали запросъ въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ интерpellанты спрашивали, какія мѣры намѣрено принять англійское адмиралтейство въ виду того, что у нѣмцевъ, какъ говорятъ, должны появиться особенно большія пушки.

Сраженіе у береговъ Ютландіи обнаружало, что вооруженіе нѣмецкихъ судовъ нисколько не измѣнилось. Между тѣмъ вооруженіе это, какъ ни странно, никогда не отличалось особенной силой, и пушки на нѣмецкихъ судахъ, какъ по величинѣ, такъ и по качеству, во многомъ уступали англійскимъ пушкамъ. У нѣмцевъ на многихъ дредноутахъ находятся только 11-дюймовыя пушки, тогда какъ у англичанъ на самыхъ худшихъ и старыхъ дредноутахъ имѣются 12-дюймовыя пушки, на болѣе новѣйшихъ—13½-дюймовыя пушки и, наконецъ, на самыхъ новыхъ—15-дюймовыя. Нѣмцы же долго строили суда сначала съ пушками въ 11 дюймовъ, потомъ съ пушками калибромъ въ 12 дюймовъ. Только нѣсколько самыхъ послѣднихъ нѣмецкихъ судовъ должны были быть вооружены 15-дюймовыми пушками, но они еще не готовы.

При таких условиях 4 английские дредноута типа „Королева Елизавета“, вооруженные каждый 8 орудиями 15-дюймовыми, нанесли германскому флоту серьезные потери и погнали его перед собой. Свидения о потерях английского флота были немедленно опубликованы английским адмиралтейством, и из этих свидений можно было усмотреть, что англичане потеряли 3 крейсера-дредноута потопленными — „Квинт Мэри“, „Индефетигебль“ и „Инвинсибль“. Сверх того, были потоплены 2 броненосных крейсера — „Дефенс“ и „Блэк Принц“. Один броненосный крейсер — „Уорриор“ — был сильно поврежден, потерял способность управляться, почему и был взят на буксирь.

Немцы долго скрывали свои потери и сначала заявили, что они потеряли один старый броненосец, выстроенный 11 лет тому назад, — „Поммерн“, один старый крейсер, выстроенный 14 лет тому назад — „Фрауенлоб“, и один новый, но небольшой крейсерок — „Висбаден“. Так как два старые корабля, о которых говорили немцы, не имели, действительно, серьезного значения, а новый крейсер, потерянный ими, был невелик, то казалось, что потери немцев незначительны.

Однако англичане категорически заявили, что они потопили

теряли один линейный дредноут потопленным, и сверх того у них оказались сильно поврежденными два крейсера-дредноута. Таким образом мы можем установить, что английский флот, насчитывающий 38—39 линейных дредноутов, сохранил их полностью, тогда как немцы, имеющие со строящимися судами лишь 20—22 линейных дредноута, потеряли один дредноут. Следовательно, как и было в начале войны, у англичан осталось двойное превосходство в числе линейных дредноутов, а этими судами, как известно, и мѣряются главные силы флотов.

Что же касается крейсеров-дредноутов, то из десяти у англичан осталось семь. У немцев же из восьми крейсеров-дредноутов „Блюхер“ был потоплен в прошлом году у Северного моря, „Фон-Дер-Тант“, как говорят, был поврежден, о „Мольке“ сообщалось, что он подорван в Балтийском море английской лодкой, а „Дерфлингер“ и „Люцов“ пострадали в последнем бою у берегов Дании. Поэтому, пока немцы не починят своих поврежденных судов, на что потребно очень большое время, у них останется из восьми крейсеров-дредноутов лишь три, и только послѣ починки у них может оказаться в крайнем случае семь крейсеров-дредноутов.

На французскомъ фронтѣ. Колоніальная войска. Патруль „спаги“.

1 линейный дредноут типа „Кайзер“ и повредили 2 крейсера-дредноута — „Дерфлингер“ и „Люцов“, при чем первый получил удары миной, а второй был разстрѣлян артиллерийским огнем. Послѣ этого была перехвачена немецкая радиотелеграмма, из которой стало известно, что немцы действительно потеряли один линейный дредноут потопленным, а именно дредноут „Вестфалию“. Затѣм немцы сами признались, что у них два крейсера-дредноута повреждены.

Мы не будем говорить о потерях в болѣе мелких судах, так как это особенно существеннаго влияния на соотношение сил на море не имеет. Установим лишь, что англичане потеряли потопленными три крейсера-дредноута, но не потеряли ни одного линейнаго дредноута. Немцы же, по крайней мѣрѣ, по-

Однако равенство в числѣ крейсеров-дредноутов еще ничего не означает, так как у англичан вдвое больше линейных дредноутов, чѣм у немцев.

Из изложеннаго можно видѣть, что англичане послѣ боя у берегов Дании полностью сохранили свое превосходство на море, и что потери, которые понесли обѣ стороны, оказались болѣе чувствительными для меньшаго немецкаго флота, чѣм для большаго англійскаго флота. Следовательно, новая попытка немцев поколебать положение на море совершенно не удалась, и, принимая во внимание, что она совпала съ самым критическим, решающим периодом войны — нынѣшней весенней и лѣтней кампаніей, — слѣдует считать это фактором весьма благоприятным для союзников.

Въ память Минина.

(Съ 2 рис. на стр. 392).

Триста лѣтъ тому назад, въ маѣ 1616 года, скончался по дорогѣ въ свою вотчину знаменитый русскій гражданинъ, Козьма Мининъ-Сухорукъ.

Въ это время онъ уже свершил свое великое историческое дѣло: смутное время на Руси кончилось, был избранъ царь, государство приходило въ порядок. И Мининъ, награжденный за свои заслуги званіемъ думнаго дворянина и вотчинами, жилъ и скончался на покой всѣми уважаемымъ служилымъ человекомъ и помѣщикомъ.

Нынче въ Нижнемъ-Новгородѣ были торжественно отпразд-

нованы трехсотлѣтнія поминки по немъ. Городъ, гдѣ Мининъ выступилъ предъ народомъ со своимъ знаменитымъ воззваніемъ, и откуда вышло спасать Россію ополченіе Пожарскаго, помянулъ своего великаго гражданина цѣлымъ рядомъ торжествъ въ присутствіи Великаго Князя Георгія Михайловича, прибывшаго въ Нижній-Новгородъ отъ имени Царя.

Великій Князь прибылъ въ Нижній-Новгородъ наканунѣ торжествъ, 7-го мая. На слѣдующій день, 8-го мая, послѣ крестнаго хода и парада, состоялось въ его присутствіи въ зданіи городской думы торжественное соединенное засѣданіе думы и

ученой архивной комиссії, посвященное 300-лѣтію кончины Минина. На этомъ собраніи Великій Князь соизволялъ передать городу милостивый привѣтъ Его Императорскаго Величества, повелѣвшаго сказать Нижнему-Новгороду, что Его Величество душою въ этотъ день будетъ находиться съ нижегородцами. Слова Высокаго Гостя были покрыты громкимъ „ура“ и многократно исполненнымъ народнымъ гимномъ. Затѣмъ были произнесены рѣчи, посвященные памяти Минина и переживаемой нынѣ эпохѣ.

Вечеромъ въ Кремлевскомъ дворцѣ состоялся парадный обѣдъ въ честь Великаго Князя, а позднѣе въ городскомъ театрѣ, въ присутствіи Великаго Князя, имѣлъ мѣсто торжественный спектакль. Были поставлены сцены изъ оперъ „Жизнь за Царя“ и „Нижегородцы“. Въ теченіе спектакля были нѣсколько разъ исполнены народный гимнъ и марсельеза. Последняя была съ большимъ подъемомъ пропѣта находящимися въ Нижнемъ-Новгородѣ плѣнными эльзасцами, которые положили оружіе предъ нашими войсками, не желая воевать съ союзниками дорогой для нихъ Франціи, и теперь готовятся уже въ рядахъ русскихъ войскъ выступить противъ нѣмцевъ.

Торжества закончились раутомъ въ залѣ городской думы. И въ тотъ же вечеръ Великій Князь отбылъ изъ Нижняго-Новгорода.

Памятникъ Минину и Пожарскому, сооружаемый въ Нижнемъ-Новгородѣ

Въ мѣстномъ манежѣ въ этотъ день была открыта выставка, посвященная памяти Минина, эпохѣ смутнаго времени и исторіи Нижняго-Новгорода. Выставка эта давала ясное представление о знаменитой эпохѣ и о старинномъ Нижнемъ-Новгородѣ, нынѣшній видъ котораго (эпохи Минина), какъ это явствуетъ изъ воспроизводимаго въ настоящемъ № нашего журнала рисунка, довольно мало походилъ на нынѣшній его видъ. Одно лишь въ немъ живо напоминаетъ о нынѣшнемъ Нижнемъ: обиліе судовъ на рѣкѣ. И тогда, какъ и теперь, Нижній уже былъ важнымъ и оживленнымъ пунктомъ волжскаго судоходства и торговли.

7-го и 8-го мая въ городѣ и во всѣхъ мѣстностяхъ губерніи производился сборъ пожертвованій на сооруженіе памятника Минину и Пожарскому и на созданіе спеціального фонда имени Минина на нужды войны. Сборъ прошелъ весьма успѣшно.

Въ переживаемое нами время воспоминаніе о Мининѣ чревато особымъ значеніемъ. И нынѣ, какъ три вѣка тому назадъ, Россія испытываетъ великую тяготу. И нынѣ она нуждается въ людяхъ подвига и самопожертванія, въ дѣятеляхъ, полныхъ энергіи и энтузіазма. И память о великомъ нижегородцѣ должна воодушевить насъ на славныя дѣла и найти среди насъ и нашего поколѣнія новыхъ Мининыхъ...

Нижній-Новгородъ время Минина. По старинной иностранной гравюрѣ.

Колоколь Роландъ

(Нѣмецкая „правда“).

Очеркъ Юганнеса Юргенсена.

Авторизованный переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ.

(Окончаніе).

V.

Пятое лжесвидѣтельство и пятая „неправда“.

Въ пятый разъ раздается „голосъ истины

„Неправда, будто нашъ способъ веденія войны противорѣчитъ принципамъ международнаго права. Намъ чужда распушенная недисциплинированная жестокость“.

Если имъ чужда распушенная жестокость, то зато имъ знакома худшая: *дисциплинированная*. Объ этомъ достаточно свидѣлствуютъ предшествующія главы. Но я приведу еще одинъ примѣръ тоже изъ книжки Шамбри „La vérité sur Louvain“ („Правда о Лувенѣ“).

Какъ и всѣ прочіе, рассказъ этотъ простъ, ведется безъ всякихъ литературныхъ прикрасъ *).

Въ Пелленбергѣ на глазахъ отца, мѣстнаго мельника, былъ убитъ сынъ, молодой человѣкъ. Старикъ въ отчаяніи умолялъ убить и его самого. Но, по мнѣнію фельдфебеля, этого было недостаточно. Надо было сперва хорошенько помучить старика, который съ рыданіями валялся на краю дороги.

—Вставай!—крикнулъ унтеръ-офицеръ.—Отправляйся къ себѣ на мельницу, захвати тачку и возвращайся немедленно!

„Старику пришлось повиноваться. Въ сопровожденіи двухъ человѣкъ онъ тронулся въ путь. Отыскавъ тачку, онъ вернулся къ тому мѣсту, гдѣ былъ убитъ его сынъ.—„Застрѣлите же меня,—молилъ онъ:—застрѣлите же и меня!“

Но фельдфебель велъ свою линію. Мельнику было приказано нагрузить на тачку трупъ сына и отвезти къ тому мѣсту, гдѣ его собирались похоронить.

„Съ рыданіями старикъ повиновался, слезы застилали ему глаза, онъ спотыкался и шатался на пути. Но пощады не было. Пришлось испить чашу до дна, собственноручно вырыть могилу и опустить туда трупъ сына. А пока онъ исполнялъ это, солдаты подождли мельницу“.

Вотъ и весь рассказъ. Но Рене Шамбри напоминаетъ, что человѣка, ставшаго злѣйшимъ палачомъ Бельгій, подъ эгидой котораго творилось все подобное, звали *Мантейфель*.

Въ октябрѣ 1914 года 93 культуртрегера утверждали, что германскій способъ веденія войны „не противорѣчитъ законамъ международнаго права“. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы ввели въ употребленіе ядовитые газы и потопили „Лузитанію“, это утвержденіе едва ли кто принимаетъ въ серъезъ. Но для порядка я все же приведу тѣ параграфы Гагскаго регламента войны 1899 г. (возобновленнаго въ 1907 г.), которые Германія сперва подписала, а потомъ нарушила.

Вотъ они:

§ 25. Запрещается нападать или бомбардировать незащищенные города, селенія, жилища или зданія.

§ 50. Запрещается налагать на населеніе коллективныя взысканія, денежныя или какія-либо другія, на основаніи отдѣльныхъ выступленій, за которыя населеніе въ совокупности не отвѣтственно.

§ 23. Запрещается... уничтожать имущество непріятели, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это является необходимымъ по стратегическимъ соображеніямъ.

§ 46. Частная собственность... должна уважаться.

§ 56. Всякое разрушеніе зданій, служащихъ для религіозныхъ или гуманитарныхъ цѣлей, для цѣлей обученія, искусства и науки—запрещается. Это относится также къ памятникамъ и произведеніямъ искусства и науки.

§ 28. Запрещается отдавать городъ на разграбленіе даже въ томъ случаѣ, когда онъ взятъ штурмомъ.

§ 47. Абсолютно запрещается всякій грабежъ.

Семь лоскутковъ бумаги, семь chiffons de papier!.. Среди этихъ параграфовъ нѣтъ ни одного, котораго Германія не нарушала бы *постоянно* и *принципально* въ войнѣ съ Бельгіей. Отвѣтственность за это взяли на себя высшія военныя власти, какъ, на примѣръ, генераль Гольцъ со своимъ знаменитымъ геростратовскимъ изреченіемъ: „Съ моего согласія сожжено селеніе Анденнъ и разстрѣляно около 100 человѣкъ“ *).

Какъ бы въ знакъ особаго презрѣнія къ тому, что въ извѣстномъ „руководствѣ веденія сухопутной войны“ называется „сентиментальничаньемъ“, нѣмцы нападали *какъ разъ* на незащищенные города, селенія, *какъ разъ* налагали коллективныя взысканія, *какъ разъ* деньгами такъ и человѣческими жизнями, *какъ разъ* беспощадно и бессмысленно уничтожали имущество непріятели, *какъ разъ* бомбардировали церкви и разрушали зданія, служащія гуманитарнымъ цѣлямъ, *какъ разъ* грабили всеюду, куда только попадали. Объ этомъ свидѣлствуетъ участь Лувена, Аэршота, Малина, Намюра, Динана, Тамина, Анденна. А въ Аррасѣ, Реймсѣ и Сенлисѣ *камни вопіютъ* къ небесамъ.

Для того, чтобы доказать, насколько явно германскій способъ веденія войны противорѣчитъ современному международному праву, достаточно собрать и прочесть тѣ прокламаціи, которыя были выпущены и расклеены въ различныхъ бельгійскихъ городахъ германскими оккупационными войсками. Чтеніе поучительное. Приведу нѣсколько отрывковъ.

Въ прокламаціи отъ 17-го августа къ селенію Гассельта говорится:

*) „Rapport belge“, стр. 80, сравн. стр. 137—141. Анденнъ былъ разрушенъ.

Въ Вогезахъ. Французская пѣхота на походѣ.

*) Стр. 53—57.

„Въ случаѣ, если жители будутъ стрѣлять въ солдатъ германской арміи, третья часть мужского населенія будетъ казнена“.

Въ прокламаціи отъ 25-го августа, расклеенной въ Намюрѣ, говорится:

„Всѣ улицы будутъ заняты германской стражей, и съ каждой улицы будетъ взято по 10 заложниковъ. Въ случаѣ враждебныхъ покушеній на улицахъ, заложники эти будутъ разстрѣляны“.

Прокламація отъ 8-го сентября, расклеенная въ Гривиньѣ, щедро расточаетъ угрозы смертной казнью тому, кто послѣ предѣльнаго часа назначеннаго числа еще утаитъ у себя „оружіе, амуницію, взрывчатые вещества, фейерверки“. Смертная казнь за появленіе на улицѣ послѣ семи часовъ вечера („нѣмецкаго“ времени; бельгийское время, какъ извѣстно, на часъ отстаетъ отъ средне-европейскаго). Смертная казнь тѣмъ заложникамъ, которыхъ въ время не смѣняютъ новые (заложниковъ брали тоже на срокъ 24 часа). Смертная казнь тому, кто не сразу повинуется приказу германскаго военнаго: „Руки вверхъ!“ Смертная казнь за появленіе въ главной квартирѣ (Château des Bruyères) послѣ шести часовъ вечера и до шести часовъ утра. И—хотя и не смертная казнь, но очень серьезныя послѣдствія грозятъ тому, кто не отдастъ чести германскому офицеру. „Въ сомнительныхъ случаяхъ слѣдуетъ отдавать честь всѣмъ германскимъ военнымъ чинамъ“^{*)}.

Это, какъ видите, повтореніе исторіи со шляпой Гесслера. Но Вильгельма Телля привѣствуютъ у Шиллера и подвергаютъ разстрѣлу въ дѣйствительности!

Стрѣлять!— вотъ главный нѣмецкій аргументъ. Даже 5-го октября, т. е. спустя два мѣсяца послѣ вторженія, плакать, выпущенный фонъ-деръ-Гольдце въ Брюсселѣ (и, вѣроятно, во всѣхъ другихъ общинахъ), гласитъ:

„Вечеромъ 25-го сентября разрушена желѣзнодорожная линия и повреждены провода между Лувенжулемъ и Вертрийкомъ. За это обѣ названныя мѣстности были привлечены къ отвѣтственности утромъ 30-го сентября и должны были доставить заложниковъ“.

„На будущее время селенія, ближайшія къ мѣсту подобныхъ происшествій, будутъ подвергаться безпощадному взысканію, независимо отъ степени ихъ виновности. Съ этой цѣлью взяты заложники изъ всѣхъ мѣстностей, расположенныхъ вблизи желѣзныхъ дорогъ, которымъ могутъ угрожать подобныя нападенія. И при первой попыткѣ къ порчѣ желѣзнодорожныхъ путей, те-

^{*)} Не могу удержаться, чтобы не перепечатать соответствующій параграфъ (къ нему, небось, не отнесутся, какъ къ „лоскутку бумаги“):
§ 8. J'exige que tous les civils qui circulent dans ma circonscription, principalement ceux des localités de Beune Heusay, Fléron, Bois-de-Breux, Grievné, témoignent de la déférence envers les officiers allemands, en ôtant leur chapeaux ou en portant la main à la tête comme pour le salut militaire. En cas de doute, on doit saluer tout militaire allemand. Celui qui ne s'exécute pas doit s'attendre à ce que les militaires allemands se fassent respecter par tous les moyens“.

Прокламація эта подписана: „Dieckmann, комендантъ майоръ“ и скрѣплена мѣстнымъ (бельгийскимъ) бургомистромъ, Викторомъ Ходейжъ.

леграфныхъ или телефонныхъ проводовъ всѣ эти заложники будутъ немедленно разстрѣляны“^{*)}.

Прокламація эта была расклеена въ Брюсселѣ 5-го октября. Значитъ, она появилась какъ разъ на другой день послѣ того, какъ 93 торжественно завѣрили весь міръ, что нѣмецкій способъ веденія войны не нарушаетъ междунаrodnаго права. Выстрѣ опроверженія трудно было бы и ожидать!

А теперь, чтобы хоть нѣсколько отдохнуть отъ всей этой нѣмецкой жестокости, я заключу эту главу словами президента американскаго института имени Карнеджи въ Питсбургѣ, историка Самуэля Гардена Черчъ. Слова эти взяты изъ его „Отвѣта нѣмецкимъ профессорамъ“, изданнаго подъ заглавіемъ „The American verdict on the war“^{**)}. Черчъ пишетъ:

„Нѣсколько времени тому назадъ американскія войска были посланы въ Мексику, не для завоеваній, не ради войны, но ради восстановленія мира, порядка и повиновенія закону. Въ Вера-Круцѣ нашлись жители, стрѣлявшіе изъ оконъ домовъ, при чемъ было убито 23 изъ нашихъ молодыхъ солдатъ. Подъ конецъ солдаты сами открыли огонь по стрѣлявшимъ, но они не разрушали города, не убивали невинныхъ и даже не казнили захваченныхъ ими стрѣлявшихъ жителей, а лишь давали имъ предостереженіе на будущее время и отпускали съ миромъ“.

VI.

Шестое жесвидѣтельство и шестая «неправда».

„Неправда, что борьба противъ нашего такъ называемаго милитаризма не является борьбой противъ нашей культуры, какъ это лицемерно утверждаютъ наши враги. Безъ нѣмецкаго милитаризма нѣмецкая культура давнымъ-давно была бы стерта съ лица земли. Для защиты ея онъ и возникъ въ странѣ, которая столѣтіями подвергалась разбойничьимъ набѣгамъ, какъ никакая другая страна. Нѣмецкая армія и нѣмецкій народъ одно и то же. Это сознаніе дѣлаетъ теперь братьями 70 миллионъ нѣмцевъ безъ различія образованія, положенія и партій“.

„Мы не можемъ вырвать у нашихъ враговъ отравленнаго оружія лжи. Мы можемъ лишь звать ко всему міру, что они жесвидѣтельствуютъ противъ насъ. Зываемъ къ тѣмъ, которые насъ знаютъ, которые до сихъ поръ вмѣстѣ съ нами охраняли высшее достояніе человечества, зываемъ къ вамъ“.

„Вѣрьте намъ! Вѣрьте, что мы доведемъ до конца эту борьбу, какъ культурный народъ, которому завѣты Гёте, Бетховена, Канта столь же священны, какъ его домашній очагъ и родная земля. И за это мы ручаемся вамъ нашими именами и нашей честью!“

^{*)} „Rapport belge“, стр. 86. Весь отчетъ о германскихъ прокламаціяхъ см. стр. 76—88. Небезынтересно будетъ узнать, что всѣ эти порчи желѣзныхъ дорогъ и т. п. съ дерзкой отвагой совершались велосипедистами бельгийскихъ регулярныхъ войскъ, которымъ въ сентябрѣ удалось даже разрушить желѣзную дорогу подъ Монсомъ (Nothomb, „Les barbares“, стр. 227). Заложники, запертые нѣмцами еще до покушенія, во всякомъ случаѣ невинны, и примѣчаніе „независимо отъ степени ихъ виновности“ является нѣсколько лишнимъ. Принципіально нѣмцы казнятъ всегда невинныхъ! Этимъ ограждаютъ себя отъ ошибокъ.

^{**)} „Американскій приговоръ войнѣ“.

Подъ Верденомъ. Доставка боевого снаряженія на автомобиляхъ. Благодаря блестящей организаціи доставки снарядовъ, непрерывно подвозимыхъ къ верденскимъ укрѣпленіямъ на тысячахъ грузовыхъ автомобилей, французы могутъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ отражать бѣшенныя атаки нѣмцевъ и бороться съ ихъ ураганнымъ огнемъ.

Въ послѣдній разъ вѣщаетъ драконъ истины о 93-хъ головахъ! Но къ чему, въ сущности, приводить, а тѣмъ паче обсуждать эти рѣчи оракула? Мы все равно не можемъ обезоружить ихъ, намъ также остается лишь „взывать ко всему міру“!

Является ли борьба, которую ведутъ сейчасъ Бельгія, Франція, Англія и Італія, лишь борьбою съ „такъ называемымъ“ германскимъ милитаризмомъ („такъ называемый“ — премилое выраженіе), или она, какъ увѣряютъ 93, является по существу борьбою съ германской культурой? Отвѣтъ на вопросъ всецѣло зависитъ отъ того, чтѣ понимать подъ „нѣмецкою культурою“. „Вѣрѣте намъ, — восклицаютъ глашатаи истины, — что мы доведемъ до конца эту борьбу, какъ культурный народъ!“ Возможно, хотя и маловѣроятно. Ибо они начали эту борьбу, какъ варвары. Тщетно взываютъ они къ великимъ мужамъ своего прошлаго, какъ тщетно взываютъ къ Богу. Какое дѣло Бетховену и Гёте до тѣхъ, кто съелъ Лувенъ и бомбардировалъ Реймсъ? Или Канту? Они осмѣливаются ссылаться на „завѣты“ Канта! Но г. Эйкенамъ и Вундтамъ должно быть извѣстно, что въ программу будущаго по Канту входили „Соединенные Европейскіе Штаты и вѣчный миръ!“ Зачѣмъ же они всеу пріемлютъ имя Канта и тревожатъ въ царствѣ мертвыхъ его великую тѣнь?

„Нѣмецкая культура“ существовала когда-то! Во времена Брентано и Шамиссо, Уланды и Мюллера, Эйхендорфа и Мерики, въ Германіи Шумана и Шуберта, въ старой романтической странѣ; *когда-то*, давнымъ-давно...

Германія.

I.

Нѣмецкая культура — культура чувствъ и страсти. Нѣтъ языка громогласнѣе нѣмецкаго. Это языкъ паоса, выразитель торжественныхъ и полныхъ ужаса настроеній.

Поэтому нѣмецкая культура и достигла совершенства лишь въ двухъ областяхъ — въ области лирики и музыки (и той лирико-музыкальной философіи, которая такъ характерна для Германіи и представителями которой являются не западникъ Кантъ, а Гегель, Шопенгауеръ и Ницше. Всеюду, гдѣ дѣло ограничивается чувствомъ и страстью, нѣмецъ создаетъ мастерскія произведенія: „Фаустъ“, „Девятая симфонія“, „Такъ говорилъ Заратустра“...

Но въ области ваияги, живописи и архитектуры нѣмецъ уступаетъ другимъ. Нѣмецкая культура не могла породить Микель-Анджело или Веласкеца, Ванъ-Дейка или Торвальдсена. Нѣмецкая живопись вся проникнута музыкальнымъ лиризмомъ — отъ художниковъ-назареевъ до Беклина.

Нѣмецъ слезливъ и гнѣвливъ („гнѣвливъ, какъ нѣмецъ“, — гласитъ датская поговорка), глухъ ко всемъ аргументамъ и къ логикѣ, но чрезвычайно упорно стоитъ на своемъ, склоненъ къ тиранизму (съ хорошимъ намѣреніемъ), увѣренный въ своей непоколебимой правотѣ, а потому возмущается, выходитъ изъ себя, когда ему не повинуются. Въ отвѣтъ на самыя очевидныя доказательства нѣмецъ съ высоко поднятой головой и не сморгнувъ глазомъ, восклицаетъ: „Es ist nicht wahr!“ („Неправда!“).

У нѣмца вообще нѣтъ чувства долга передъ истиной. Онъ не признаетъ отвлеченныхъ мотивовъ и не въ состояніи дѣйствовать согласно имъ. Онъ — вѣчный оппортунистъ.

Нѣмцу попросту непонятно, что можно пожертвовать жизнью за идею, рискнуть своимъ положеніемъ въ защиту принципа. Самъ онъ всегда руководствуется въ своихъ поступкахъ чувствомъ, страстью, личнымъ и конкретнымъ интересомъ. Нѣмецкое освободительное движеніе 1813 года было борьбой за личныя обязательныя блага: за политическую самостоятельность и національную независимость. Оно является поэтому полной противоположностью французскому революционному движенію, преслѣдовавшему проведеніе въ жизнь идеи, реализацію трехъ великихъ принциповъ: свободы, равенства, братства.

Нѣмецъ — реалистъ. „Das Groben kann mich wenig kümmern“. „Чтѣ мнѣ за дѣло до того, чтѣ творится въ заоблачной лазурѣ, въ небесахъ идеала?“ — вотъ характернѣйшее нѣмецкое изреченіе.

Не надо давать обмануть себя и кажущейся религіозностью нѣмца. Онъ исповѣдуетъ религію эгоизма. Послѣ пріятной и спокойной жизни здѣсь, въ этой юдоли скорби, ему хочется заручиться хорошимъ пріемомъ и за гробомъ, ему хочется обезпечить себѣ доступъ къ вѣчному блаженству.

Поэтому борьба, охватившая теперь весь міръ, является въ полномъ смыслѣ слова борьбою двухъ принциповъ, съ испоконъ вѣковъ враждебныхъ другъ другу: реализма и идеализма. Противъ Германіи и исповѣдуемаго ею принципа личнаго интереса, эгоизма, сталъ принципъ вѣрности долгу и совѣсти. „Dieu premier servi“, — какъ говорили во Франціи въ средніе вѣка: „Pat justitia, peccat mundus“ („да свершится правосудіе, хотя бы погибъ міръ“), — какъ говорили съ древнемъ Римѣ. Противъ германской культуры стала латинская. А центромъ латинской культуры (теперь, какъ и всегда) является Римъ. Германія противъ Рима, — этой формулой исчерпывается сущность міровой войны. Съ одной стороны культура, основанная на чувствѣ, страсти, произволѣ и эгоизмѣ, съ другой — культура, основанная на разумѣ, волѣ и альтруизмѣ. Словомъ, культура языческая противъ культуры христіанской.

И въ глубинѣ души Германія отлично сознаетъ это, несмотря на все свое официальное благочестіе. Teutsch — значитъ языческой,

„Великій ворчунъ“. Воплощеніе грубой силы бога Тора. (Изъ мюнхенскаго журнала „Jugend“, февраль 1915 г.)

и Германія дала міру перваго генія, осмѣливагося назвать себя язычникомъ и причислить знакъ креста къ четыремъ, наиболѣе противнымъ ему вещамъ; остальные три: паразиты, запахъ чеснока и табакъ. Фейербаховцы-раціоналисты и Геккелевскіе монисты, пангерманисты и поклонники Вотана, Оствальдъ и Ято — все они проповѣдуютъ „поую вѣру“, основнымъ догматомъ и лозунгомъ которой является кличъ: „Долой Римъ!“ Это германское возмущеніе, возмущеніе варвара противъ германской культуры, четыреста лѣтъ тому назадъ вылившееся въ видѣ реформациі, полтора столѣтія тому назадъ — въ видѣ литературной „эпохи бури и натиска“, а теперь изрыгающее желтъю и кровь и принявшее обликъ 420-миллиметровыхъ орудій! И такъ глубока въ германской душѣ эта ненависть къ Риму, этому odium raris, по выраженію Лютера, что даже художники съ радостью созерцаютъ разрушеніе произведеній искусства, разъ они римскаго происхожденія! Это предвидѣлъ Робертъ-Гюгъ Бензонъ въ своей книгѣ „Господинъ міра“, блестящей пророческими искрами. Онъ не дожидъ до проясленія на страницахъ мюнхенскаго журнала „Jugend“ („Юность“) „Великаго ворчуна“ („Der grosse Brummer“), воплощенія грубой силы бога Тора, который возстанетъ (по пророчеству Гейне) и сокрушитъ своимъ молотомъ готическіе соборы *).

Да, могучій Торъ возсталъ, старые боги просыпаются, Валгалла возстаетъ изъ мертвыхъ для послѣдней борьбы съ бѣлымъ Христомъ и властью Рима. Еще разъ наводняетъ Германія латинскія поля. Неразумяющее начало природы хочетъ владствовать надъ логосомъ — словомъ, закономъ. Забѣтное слово Германіи — *власть*; забѣтное слово Рима — *право*. И война рѣшится, за кѣмъ должно остаться послѣднее слово.

Вѣроятно, многіе читатели, прочитавъ мой очеркъ, приведутъ возраженіе, которое имъ самимъ покажется непреложнымъ: „Да, но вѣдь въ Германіи положеніе католиковъ прекрасно, католическій центръ такъ могущественъ, правительство такъ предупредительно, самъ кайзеръ — покровитель ордена Бенедиктинцевъ...“ Между тѣмъ католицизмъ преслѣдуется, монахи и монахини подвергаются гоненіямъ, религія изгнана изъ школъ... Въ Англіи, которая борется заодно съ Франціей, господствуетъ протестантская религія, и православная Россія враждебна католической церкви, и наконецъ Італія отнюдь не славится особой преданностью римской церкви... И въ то время, какъ Австрія и католическая часть Германіи въ началѣ года торжественно посвятили себя сердцу Іисуса, Бельгія, будто бы столь преданная католицизму, и не подумала о подобномъ религіозномъ актѣ! Какъ торжественно звучали слова „импозантнаго пастыр-

* Христіанство до некоторой степени заглушило воинственный инстинктъ германцевъ, но не могло искоренить его. И когда будетъ сломенъ крестъ, талисманъ, держащій ихъ въ уздѣ, свирѣлость старыхъ варваровъ проснется съ новой силой. Ахъ, встанетъ день, когда старые языческіе боги возстанутъ изъ своихъ могилъ, обьявляющихъ скажками, и Торъ сокрушитъ своимъ молотомъ готическіе соборы. (Гейне, „Feber die Literatur Deutschlands“).

Архиепископ Малина, кардинал Мерсье, арестованный немцами за его послание к паствѣ, ободряющее бельгийцев.
Кардинал Мерсье шествуетъ въ центрѣ религиозной процессіи.

скаго посланія нѣмецкаго епископа, который въ „сильныхъ выраженіяхъ“ заявлялъ, что „эти тяжкія времена приблизили насъ къ Спасителю! Мы можемъ радоваться особымъ знакамъ Его милости къ намъ, и сквозь грохотъ битвъ намъ слышно тихое, проникнутое любовью къ намъ бѣненіе Его Сердца. Ему мы обязаны спасительными плодами этой войны. Его должны благодарить за блестящія победы, дарованныя небомъ нашему оружію“^{*)}. Поистинѣ надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, кто борется во имя Христа, а кто противъ! Католическій епископъ во Фрейбургѣ провозгласилъ: „Отецъ Многомилостивый и Богъ утѣшитель не оставитъ насъ... Многочисленны враги, окружающіе насъ. Но мы вѣримъ въ наше правое дѣло и уповаемъ на помощь Воюію!“ А епископъ изъ Осенбрюкка сказалъ: „Право на нашей сторонѣ. А потому и Богъ за насъ. Если же съ нами Богъ, то кто устоитъ противъ насъ? Мы уповаемъ на Небеснаго Полководца, какъ нѣкогда Давидъ, боровшійся съ Голиафомъ и воскликнувшій: „Ты идешь противъ меня съ мечомъ и копьемъ, и щитомъ, а я иду противъ тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинствъ Израильскихъ!“ (1-я Книга Царствъ, XVII, 45.) „Съ нами Богъ, — какъ начертано на шлемахъ нашего богобоязненнаго воинства, и солдаты наши (какъ выразился епископъ Кепплеръ изъ Роттенбурга) суть Божьи ратники, принявшіе на себя трудный подвигъ воинскій во имя Господа и Его Милости“.

Я на это отвѣчу: „Царствіе Божіе не въ словахъ, а въ силѣ, движимой человѣкомъ“. Я отвѣчу жалобой пророка Предвѣчному: „Народъ этотъ чтитъ меня устами, но сердцемъ далекъ отъ меня!“ Я отвѣчу, что ученикъ Христа не тотъ, кто восклицаетъ: „Господи! Господи!“ — но тотъ, кто творитъ волю Отца Небеснаго. Въ Евангеліи есть притча о человѣкѣ, имѣвшемъ двухъ сыновей. Одинъ изъ нихъ сказалъ отцу своему: „сдѣлаю, какъ ты велишь“, и пошелъ и не сдѣлалъ. Другой отказался повиноваться отцу, но потомъ одумался и исполнилъ его волю. Кто же изъ двухъ былъ воистину сыномъ отца?

Мы слышали голосъ германскихъ прелатовъ, раздававшихся изъ тихихъ, уютныхъ епископскихъ резиденцій, гдѣ они вдали отъ грохота битвъ мирно вкушаютъ хлѣбъ, подаваемый имъ протестантскимъ правительствомъ. Но есть среди князей католической церкви еще епископъ, возвысившій голосъ среди развалинъ, видѣвшій разрушеніе своего храма бомбами варваровъ, примасъ страны-мученицы, архиепископъ Малина, кардиналъ Мерсье! Послушайте слова его пастырскаго посланія на Рождество 1914 года:

„Когда иностранная держава, уповавшая на свое могущество и поправшая свои обѣщанія, осмѣлилась 2-го августа угрожать нашей независимости, всѣ бельгийцы встали, какъ одинъ чело-

вѣкъ, и заявили насильнику: „Мы тебя не пропустимъ!“ Во всѣхъ насъ вдругъ проснулась любовь къ родинѣ. Ибо есть въ тайникахъ души нашей чувство, которое глубже личныхъ интересовъ, кровныхъ узъ и партійныхъ интригъ: это — потребность и желаніе пожертвовать собою для общаго блага, для того, что Римъ называетъ „res publica“^{**)}.

Германской философіи тоже знакома подобная іерархія интересовъ. Для Бетманъ-Гольвега тоже существуютъ второстепенные интересы, уступающіе мѣсто высшимъ. „Намъ приходится пренебречь международнымъ правомъ, — говоритъ онъ, — въ силу необходимости“. „Macht geht vor Recht“ („сила выше права“), — сказалъ его великій предшественникъ и учитель. Германцы приносятъ другъ другу въ жертву для блага родины, для res publica, говоря по-латыни.

Въ посланіи кардинала Мерсье нѣтъ громкихъ словъ, зато тамъ много фактовъ и цифръ. „Я объѣхалъ, — говоритъ онъ, — наиболѣе пострадавшія области своей епархіи... И то, что я видѣлъ тамъ въ пеплѣ и развалинахъ, превзошло всѣ мои опасенія. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ мнѣ не довелось побывать, такія же опустошенія. Многочисленныя церкви, школы, пріюты, госпитали, монастыри разрушены или приведены въ негодность. Цѣлыя селенія почти стерты съ лица земли. Въ Верхтеръ-Васкерзеель, напримѣръ, изъ 380 домовъ уцѣлело лишь 130; въ Трелелло уничтожено двѣ трети селенія; въ Букенѣ изъ 100 домовъ уцѣлело 20; въ Шаффенѣ изъ 200 всего 11. Въ Лувенѣ уничтожено 1.074 зданія; если же включить въ общее число пригороды, то цифра сожженныхъ домовъ поднимется до 1.823“.

И снова льется спокойная проза кардинала, столь далекая отъ нѣмецкой напыщенности, жалоба Бельгіи — *Planctus Beati Martyris Belgii!*

„Сотни невинныхъ разстрѣляны, — пишетъ кардиналъ Мерсье. — У меня еще нѣтъ полнаго списка убитыхъ, но я знаю что, напримѣръ, въ Аэршотѣ число убитыхъ достигало 91, и что угрозой смерти ихъ односельчанъ заставили копать могилы убитымъ. Въ Лувенѣ и окрестностяхъ разстрѣляно и сожжено 176 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и младенцевъ, богатыхъ и бѣдныхъ“ (Вотъ онъ, „трудный подвигъ“ нѣмецкихъ воиновъ).

„Только въ одной моей епархіи убито тринадцать священниковъ или членовъ ордена. Одинъ изъ нихъ, приходскій священникъ въ Гельроде, повидимому, погибъ смертью мученика. Я совершилъ паломничество на его могилу и въ кругу его пастыри просилъ его заступничества за приходъ, за епархію, за родину“.

Кардиналъ перечисляетъ поименно тринадцать священниковъ и членовъ ордена, которыхъ лишилась его епархія, а также тридцать другихъ, убитыхъ въ другихъ частяхъ Бельгіи.

Съ Рождества, когда появилось пастырское посланіе, этотъ списокъ значительно пополнился, и не одинъ посторонній наблюдатель могъ задать себѣ вопросъ, подобно голландцу Грондйёсу: — Да что же это, религиозная война?

Я предоставляю фактамъ самимъ говорить за себя, и каждый самъ можетъ судить по нимъ. Не будемъ останавливаться на томъ, что упомянутый голландскій путешественникъ самъ слышалъ крики германскихъ солдатъ: „Долой католицизмъ! Долой поповъ!“, и что онъ всюду наталкивался на поверженныхъ или разбитыя безразвязно маленькія статуи святыхъ, которыя бельгийцы обычно ставятъ у себя въ спальняхъ^{***)}. За германцами есть болѣе тяжкія преступленія.

21-го августа, — рассказываетъ очевидецъ, — приходскій священникъ въ Букенѣ, пасторъ де-Кьеркъ, былъ арестованъ нѣмецкими солдатами по ложному обвиненію въ стрѣльбѣ по нимъ, — онъ былъ какъ разъ боленъ и даже не могъ совершить требы. Несчастнаго больного сначала привязали къ пушкѣ, затѣмъ сняли и бросили въ канаву. Постъ того солдаты схватили его кто за руку, кто за ногу и поволокли по мостовой. Измученный этими издѣвательствами, старикъ просилъ прикончить его. Наконецъ его разстрѣляли“.

Другое показаніе относительно того же случая: „Приходскій священникъ Букена былъ боленъ сахарной болѣзью и лежалъ въ постели. Его вытащили изъ дому, чтобы разстрѣлять вмѣстѣ съ его замѣстителемъ патеромъ-францисканцемъ. Патеръ протестовалъ на томъ основаніи, что онъ голландецъ, но это ему не помогло, и его разстрѣляли. Крестьяне указывали мѣсто, гдѣ его похоронили. У приходскаго священника были отрѣзаны уши и носъ“.

Въ селеніи Бленьи произошло слѣдующее: „Подъ обычнымъ предлогомъ, что въ солдатъ стрѣляли, нѣмцы собрали все мужское населеніе въ церкви, а затѣмъ на военномъ совѣтѣ порѣшили судьбу этихъ „злоумышленниковъ“. Священника обвинили въ томъ, что „бельгийскія войска съ его разрѣшенія установили наблюдательный пунктъ на колокольнѣ церкви“. (Повидимому, онъ долженъ былъ оказать имъ вооруженное сопротивление?) За это преступленіе его присудили къ смертной казни. На слѣдующій день, 16-го августа, онъ отслужилъ въ послѣдній разъ мессу и отправился на кладбище, гдѣ и былъ убитъ“.

У одного молодого іезуита, учившагося въ Лувенѣ, патера Евгенія Дюньера, нѣмцы нашли записную книжку, куда онъ заносилъ свои впечатлѣнія отъ разрушенія города, и гдѣ нашли

*) „Der Kampf der Zentralmächte“. „Von einem Priester des Auslandes“, стр. 14—15.

**) „Patriotisme et Endurance“. Lettre pastorale de J. Em. le Cardinal Mercier. Paris, 1914, стр. 23.

***) „Les Allemands en Belgique“, стр. 19.

И. Порфирьевъ. Смертный бой. Русь Святая и врагъ лютый.

очень рѣзкіе отзывы объ уничтоженіи бібліотеки. Въ минуту ареста молодой іезуитъ работалъ въ Красномъ Крестѣ и носилъ на рукавѣ соответственную повязку. „Красный Крестъ!—издѣвался надъ нимъ германскій офицеръ.— Намалюйте-ка ему поскорѣе бѣлый на спинѣ!“ На спинѣ несчастнаго мѣломъ поставили крестъ и застрѣлили его сзади. Человѣкъ двадцать священниковъ, въ томъ числѣ и близнеца Евгенія Дюпьерэ, заставили присутствовать при казни *).

Въ маленькомъ городѣ Спонтинѣ приходскаго священника повѣсили сначала за ноги, потомъ за руки. Затѣмъ его искололи штыками и наконецъ разстрѣляли. Такъ какъ онъ не сразу умеръ, то ему раздробили голову прикладомъ.

Священникъ изъ Гастьеры былъ арестованъ въ соседнемъ селеніи. „Вы мѣстный священникъ?“—спросилъ его нѣмецкій офицеръ.—„Нѣтъ, мой приходъ въ Гастьерѣ!“—отвѣтилъ тотъ.—„Ага, васъ-то мы и ищемъ. Въ вашемъ приходѣ въ насъ стрѣляли!“ Священника отвели въ сторону и разстрѣляли ***).

Священникъ понесъ кару за то, что произошло въ его приходѣ въ его отсутствіе. Это двойная несправедливость: въ тотъ день (22-го августа) въ Гастьерѣ еще находились французскіе отряды.

Священника изъ Розели обвинили въ томъ, что онъ самолично стрѣлялъ по нѣмцамъ въ ночь съ 21-го на 22-е августа. Такъ какъ онъ въ ту ночь дежурилъ въ мѣстномъ лазаретѣ и такимъ образомъ могъ доказать свое алиби, онъ спокойно отправился въ комендантское управленіе въ Эзо. Его выслушали, дали ему бумагу, которую велѣли отнести обратно въ Розели. Полагая, что это оправдательный документъ, онъ предъявилъ бумагу, сіяя отъ радости. Солдаты прочитали и расхохотались. Четверть часа спустя священникъ былъ убитъ ***).

28-го августа вечеромъ Альфонсъ Гюйпенсъ, второй священникъ изъ Геранъ, шелъ къ себѣ домой. На него напали шесть нѣмецкихъ солдатъ, сбили его съ ногъ, отняли пропускъ, полученный имъ отъ нѣмецкихъ властей, и отвели къ своему лейтенанту. Этотъ спросилъ: „Вы священникъ?“—„Да.“—отвѣтилъ викарій,—„я католическій патеръ!“—„Я тоже католикъ!“—сказалъ офицеръ, всталъ и, подойдя къ священнику, плюнулъ ему въ лицо.—Вы изъ Геранъ, ваша участь рѣшена. Солдаты, исполните свой долгъ!“

*) Melot. „Le Martyre du clergé belge“, стр. 11—15.

**) Тамъ же, стр. 20.

***) Тамъ же, стр. 21—23.

Новая тяжелая французская артиллерія. Снарядъ въ 400 миллиметровъ въ діаметръ, выставленный въ Парижѣ для обозрѣнія публики.

Гюйпенса связали и вывели на улицу. Пройдя съ нимъ немного, солдаты сказали, что онъ свободенъ и можетъ идти, куда хочетъ. Онъ повѣрилъ ихъ состраданію и пошелъ, но услышалъ позади щелканье курковъ. Тогда онъ рѣшительно повернулся и объявилъ, что не знаетъ дороги и предпочитаетъ остаться съ ними. Они отвели его обратно на сторожевой постъ, связали и бросили въ сарай, гдѣ онъ упалъ прямо на спавшихъ тамъ нѣмецкихъ солдатъ. Тѣ проснулись, съ проклятіями зажгли огонь и всю ночь пестяли священника и издѣвались надъ нимъ. Въ 3 часа утра (29-го августа) явился офицеръ и заявилъ: „Теперь мы уйдемъ и подожжемъ сарай. И никто больше не вспомнитъ о васъ!“

Угроза эта однако не была приведена въ исполненіе. Въ 4 часа пришелъ тотъ же офицеръ, велѣлъ перерѣзать пути на ногахъ узника, а ему приказалъ идти въ церковь. Здѣсь уже было собрано около сотни сельчанъ и два священника изъ Веземэля. Всѣхъ ихъ погнали солдаты; когда Гюйпенсъ отставалъ отъ другихъ, ему давали пинка, и онъ падалъ лицомъ на землю (руки у него были связаны на спинѣ, такъ что ему нечѣмъ было удержаться). Шутка эта, повидимому, забавляла солдатъ.

Это мучительное странствіе длилось съ четырехъ часовъ утра до десяти вечера. Ни куска хлѣба, ни глотка воды. Наконецъ дошли до станціи желѣзной дороги, гдѣ ожидали другіе плѣнные: между ними тоже было нѣсколько священниковъ. Всего было человѣкъ 700. Ихъ погрузили въ вагоны для скота со слоемъ навоза толщиной въ 15 сантиметровъ на полу. Въ этихъ вагонахъ несчастнымъ предстояло ѣхать до лагеря въ Мюнстерѣ.

Во время проѣзда черезъ Бельгію, вагоны были наглухо закупорены,—можно представить себѣ мученія плѣнныхъ, запертыхъ въ жаркій августовскій день въ этомъ хлѣву! Въ Германіи на каждой станціи выдвигающія двери открывались; часто фронтъ останавливались воинскіе поѣзда, отправляющіеся на фронтъ: завидя священниковъ, солдаты начинали издѣваться надъ ними и бить ихъ по лицу, если удавалось дотянуться до нихъ **).

Наконецъ добрались до Мюнстера, гдѣ бельгийскихъ плѣнныхъ заперли въ сарай. Рядомъ помѣщались часовые, которые забавлялись тѣмъ, что стучали въ стѣну и даже стрѣляли въ нее, при чемъ было убито пять плѣнныхъ и ранено семеро. Почти всѣ 700 бельгийцевъ были близки къ помѣшательству и безъ умолку кричали, чтобы енастись: „Мы нѣмцы! Мы нѣмцы!“

*) Одинъ храбрый ландштурмистъ съ удовольствіемъ сообщаетъ въ числѣмъ въ своей старухѣ-матери, что въ Гиссенѣ, гдѣ ихъ побѣдъ встрѣтился съ побѣдомъ, великимъ бельгийскихъ патеромъ, одному изъ его товарищей по-частливилось дважды ударить одного патера по лицу („Köln. Volkszeitung“, 3-го марта 1915 г.).

Монахъ-францисканецъ Франсуа Бланъ, награжденный военнымъ крестомъ и орденомъ Почетнаго Легіона за самоотверженный уходъ за ранеными подъ огнемъ непріятеля.

Одинъ пятнадцатилѣтній мальчикъ мертвымъ свалился къ ногамъ своего отца.

На утро священниковъ отвели къ ландфохту. У Альфонса Гойпенса отобрали все платье, и ему пришлось явиться въ одной рубашкѣ. Не понимая по-нѣмецки, онъ не могъ отвѣчать на допросы. Одинъ изъ солдатъ ударилъ его по губамъ, такъ что изо рта выступила кровь, и выволокъ его изъ залы. Затѣмъ его бросили въ канаву, и онъ потерялъ сознание. Очнулся онъ уже въ тюремной камерѣ: здѣсь ему вернули его платье. Два раза въ день давали немного хлѣба и воды; дважды въ день выводили на воздухъ съ нумерованной дощечкой на шеѣ. Такъ продолжалось шесть дней и шесть ночей: затѣмъ его отпустили. Обвинение противъ него осталось недоказаннымъ, обвинялся же онъ въ „подстрекательствѣ населенія къ возмущенію“. Во время своего посѣщенія Геранъ 2-го марта, кардиналъ Мерсье привѣтствовалъ патера, какъ мученика. „Я приказалъ ему, — пишетъ кардиналъ, — рассказать мнѣ все, и, слушая его повѣствованіе, мнѣ хотѣлось упасть къ его ногамъ, чтобы выразить свое благоговѣніе передъ нимъ“^{*)}!

Въ концѣ концовъ нѣмецкія власти сами сознались, что обвиненія противъ бельгійскихъ священниковъ никогда не получали подтвержденія. Всѣ розказни о свѣтовыхъ сигналахъ, подаваемыхъ съ колокольных собора въ Малинѣ, о телефонномъ соединеніи пастора въ Баттисѣ съ фортомъ Флеронъ, о радиотелеграфной станціи въ семинаріи въ Бастонѣ, о подземныхъ телефонныхъ проводахъ, найденныхъ въ пасторатѣ въ Дамвейлерѣ у Верлупа и во Фланкурѣ — всѣ эти розказни, которыми щеголяли въ свое время нѣмецкія газеты, оказались при ближайшемъ разслѣдованіи чистѣйшимъ вымысломъ^{**)}. Но ихъ повторяли и распространяли даже серьезные нѣмецкіе писатели, какъ, напримеръ, В. Ф. Тротта въ своей книгѣ „Mit den Feldgrauen nach Belgien“ (Лейпцигъ, 1915 г.) и К. I. Штауферъ въ „Der Fahrrieh von Verdun“ (Лейпцигъ, 1914). Для Тротта совершенно очевидно, что священники въ Лувенѣ „организовали возстаніе“, а Штауферъ даже видѣлъ на баррикадѣ монаха, распредѣлявшаго между партизанами амуницію^{***)}.

Можно было бы посмѣяться надъ этими разбойничьими исторіями, если бы онѣ не зиждились на такой трагической дѣйствительности, не служили литературнымъ отраженіемъ столь кровавыхъ несправедливостей! Но рядомъ съ темной ложью тѣмъ ярче сияетъ истина въ терновомъ вѣнцѣ. Еще разъ я сопоставлю эти двѣ силы.

Нѣмецкое обвиненіе. „Приходскій священникъ въ Понъ-Брюлэ Вутерсъ, каноникъ ордена премонстрантовъ, монахъ Гримбергенскаго аббатства, напалъ на часового солдата 26-го полка, 111-го запаснаго батальона, пытаясь отнять у него оружіе, но былъ убитъ другимъ подосланнымъ солдатомъ. Факты эти подтверждаются донесеніями“.

Бельгійскій отвѣтъ. „Для разслѣдованія этого происшествія кардиналъ Мерсье предложилъ нѣмецкому коменданту въ Малинѣ полковнику Венгерскому образовать комиссію изъ одинаковаго числа представителей обѣихъ сторонъ, подъ предѣлательствомъ представителя нейтральной державы. Полковникъ отказался, и тогда кардиналъ самъ предпринялъ разслѣдованіе; результаты получились слѣдующіе:

„25-го августа пасторъ Вутерсъ возвращался въ Гримбергенское аббатство. Его продержали въ качествѣ заложника весь день 24-го августа, всячески угрожая ему, и онъ рѣшилъ нескать убѣжища въ монастырь. Пріоръ однако посоветовалъ ему лучше вернуться въ пасторатъ^{****)}. Онъ и отправился туда, но на полупутѣ былъ арестованъ и отведенъ въ какую-то залу, гдѣ провелъ всю ночь. На другое утро, въ среду 26-го, въ ту же залу

привели еще 28 гражданъ. Они застали священника стоящимъ съ поднятыми вверхъ руками. И такъ заставляли его стоять въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Каждый разъ, какъ онъ поддавался усталости, его принуждали принять прежнее положеніе уколами штыковъ въ грудь и ударами прикладовъ по колѣнямъ и по локтямъ. Долго промучивъ его такимъ образомъ, солдаты разрѣшили ему лечь наземъ, но заставили двухъ гражданъ бить его палкой и плевать ему въ лицо. Находя, что ихъ приказаніе исполняется не такъ, они показывали сами, какъ надо бить и плевать. Затѣмъ отняли у пастора тревникъ, разорвали на клочки и бросили ему въ голову. Одного изъ гражданъ заставили топтать шляпу священника. Поистязавъ его еще нѣкоторое время, то нанося ему удары прикладами, то пиная ногами, солдаты хотѣли заставить его подняться, но патеръ безжизненно повалился наземъ. Солдаты вылили на него ведро воды и, когда онъ сдѣлалъ слабое движеніе головой, завопили: „Онъ еще живъ!“ Затѣмъ вылили на него еще воды, но онъ больше не шевелился, и его сочли мертвымъ. Черезъ нѣкоторое время по его казавшемуся безжизненнымъ тѣлу прошла судорога, и руки попытались схватиться за ружье одного изъ солдатъ. Въ ту же минуту его сразила пуля другого солдата“^{*)}.

Предположимъ самое худшее: несчастный замученный патеръ, обезумѣвшій отъ страданій, поддался невольному порыву мести... Но сколько униженій и мукъ пришлось ему вынести до этого!

*) „Tijd“, 2-го апрѣля 1915.

На французскомъ заводѣ, изготовляющемъ боевое снаряженіе.

*) „Tijd“ за 9-е и 16-е марта 1915 г. M. Vaes. „L'opone e l'innocenza del clero belga“ (Roma, 1915), стр. 20—23.

**) См. „Köln. Volkszeitung“, 1-го апрѣля 1915, вечернее изданіе, 14-го апрѣля 1915, вечернее изданіе, 23-го апрѣля 1915.

***) Troтта, стр. 153. Stauffer, стр. 177.

****) Дѣло обстоитъ, слѣдовательно, такимъ образомъ: Вутерсъ — монахъ изъ Гримбергенскаго монастыря — исполнялъ обязанности приходскаго священника въ сосѣднемъ селеніи, Понъ-Брюлэ, гдѣ жилъ одинъ въ пасторатѣ.

Если же его движеніе въ сторону ружья было чисто-конвульсивнымъ, то это простое повѣствованіе приравниваетъ его къ мученику, пострадавшему за вѣру Христову.

Въ такомъ случаѣ правъ голландскій путешественникъ, предполагившій, что война Германіи съ Бельгіей, хотя и не была сначала религиозной войной, но стала ею впоследствии. Германское военное начальство послало въ Бельгію войска изъ лютеранскихъ областей имперіи, а католическіе полки были двинуты противъ православной Россіи. При видѣ католическихъ патеровъ и монаховъ, въ прусскомъ офицерѣ и въ прусскомъ или саксонскомъ солдатѣ сразу просыпалось отчасти врожденное, отчасти привитое воспитаніемъ чувство отвращенія къ „папизму“. Ему сразу становилось ясно, что передъ нимъ „іезуиты“— сказочные черные герои съ ядомъ въ карманѣ, съ кинжаломъ въ рукавѣ и съ девизомъ „цѣль оправдываетъ средства“. Отъ нихъ всего можно было ожидать; это были ядовитые гады, которыхъ слѣдовало уничтожать при первой возможности!

Всюду, куда являлись нѣмецкія войска, они чисто-инстинктивно нисязали духовенство физически и морально. Въ одномъ мѣстѣ священника заставили совершить „крестный путь“ въ церковь, при чемъ все время его били и плевали ему въ лицо. Въ другомъ мѣстѣ священниковъ гоняли по манежу, хлеща хлыстомъ, какъ лошадей. Въ Шаффенъ-лесъ-Діестъ священника заставили въ теченіе часа смотрѣть на солнце. Во Флорентѣ солдаты били священника шпорами по шеѣ и вдоль спинного хребта, раздѣли его и бросили въ садъ. Въ Монтинья-сюръ-Самбрѣ солдаты, избравъ мишенью голову священника, бросали въ него пустыя бутылки изъ-подъ коньяку и обглоданныя кости. Въ Лувенѣ тринадцать священниковъ заперли въ свиной хлѣвъ.

II.

Германскіе „Божьи ратники“ набѣрное часто уставали отъ своихъ трудныхъ воинскихъ подвиговъ—наслука женъ и позоря дочерей ближняго своего. Чтобы набраться съ помощью своего „старога Бога“ воинствъ новыхъ силъ, они являлись въ церкви, которыхъ еще не успѣли сжечь, и тамъ на свой ладъ творили молитвы. На этотъ счетъ у бельгійской правительственной комиссіи собрано не мало краснорѣчивыхъ доказательствъ, которыя точно опредѣляютъ высокій моральный и культурный уровень нѣмецкаго солдата.

Изъ Сориннъ сообщается: „Нѣмцы осквернили дарохранительницу. „*Les Allemands urinèrent dans le ciboire*“.

Въ Аэршотѣ въ одной изъ церквей взломали ковчегъ и похитили изъ него священные сосуды.

Въ Этъ ковчегъ былъ взломанъ и Св. Дары выброшены.

Дозоръ на сѣверномъ побережьи. По фот. полковника А. Далматова.

Въ Паршересѣ, Бужѣ, Эврейлѣ, Лизоньѣ и Мэзеретѣ ковчегъ и дарохранительницы были осквернены.

Въ церкви въ Эзо нѣмецкіе солдаты отправляли свои нужды прямо въ алтарь, такъ же, какъ въ Орто и въ одной изъ церквей Сентъ-Тронъ.

Въ Гастербѣ нѣмцы вырвали у священника Св. Дары, которые онъ хотѣлъ спрятать, и растоптали ихъ.

Какъ въ Бельгій, такъ было и во Франціи. И тамъ война велась въ томъ же духѣ.

Въ Монмахѣ нѣмцы отправляли свои нужды въ чашу со святой водой и вытирались покровомъ съ алтаря.

Въ Рурѣ нѣмцы осквернили священные сосуды и затѣмъ наполнили ихъ свиной, — разумеется, грубой наметъ на католическое ученіе о томъ, что Св. Дары суть тѣло Христова...

Въ Жербевильѣ возлѣ Нанси нѣмцы стрѣляли въ цѣль, избравъ мишенью дверцы ковчега; многочисленныя пули пронизали дароносицу и разбили Св. Дары *).

III.

(*Исскіиль, гл. 38 и 39.*)

И было ко мнѣ слово Господне:

Сынъ человеческій! обрати лицо твое къ Богу въ землѣ Магогъ, князю Роша, Мешеха и Фувала, и изреки на него пророчество. И скажи: такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ я на тебя, Гогъ, князь Роша, Мешеха и Фувала!

И поверну тебя и вложу удила въ челюсти твои, и выведу тебя и все войско твое, коней и всадниковъ, всѣхъ въ полномъ оруженіи, большое полчище, въ броняхъ и со щитами, всѣхъ вооруженныхъ мечами.

И поднимешься, какъ буря, пойдешь, какъ туча, чтобы покрыть землю, ты и всѣ полчища твои и многіе народы съ тобою.

Такъ говоритъ Господь Богъ: въ тотъ день прійдутъ тебѣ на сердце мысли, и ты задумаешь злое предпріятіе.

И скажешь: поднимусь я на землю неогражденную, пойду на беззаботныхъ, живущихъ безопасно; всѣ они живутъ безъ стѣнъ, и нѣтъ у нихъ ни заповоръ, ни дверей.

Чтобы произвести грабежъ и набрать добычи, наложить руку на вновь заселенныя развалины и на народъ, собранный изъ народовъ, занимающійся хозяйствомъ и торговлею, живущій на вершинѣ земли.

Сава и Деданъ, и купцы Фарсисскіе со всѣми молодыми львами ихъ скажутъ тебѣ: ты пришелъ, чтобы произвести грабежъ, собрать полчище твое, чтобы набрать добычи, взять серебро и золото, отнять скотъ и имущество, захватить большую добычу?

Посему изреки пророчество, сынъ

*) Melot, стр. 39, 41. „La guerre allemande et le catholicisme“, изд. Mgr Alfred Baudrillart (Paris, 1913), стр. 101—104.

Охрана сѣвернаго фронта. По фот. полковника А. Далматова.

На кавказскомъ фронтѣ. На высотѣ 7.000 футовъ.

человѣческой, и скажи Гогу: такъ говоритъ Господь Богъ: не такъ ли? въ тотъ день, когда народъ Мой, Израиль, будетъ жить безопасно, ты узнаешь это.

И пойдешь съ мѣста твоего, отъ предѣловъ сѣвера, ты и многіе народы съ тобою, всѣ сидящіе на коняхъ, сборище великое и войско многочисленное.

И поднимешься на народъ Мой, на Израиль, какъ туча, чтобы покрыть землю: это будетъ въ послѣдніе дни, и приведу Я тебя на землю Мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я надъ тобою, Гогъ, явлю святость Мою предъ глазами ихъ.

Такъ говоритъ Господь Богъ: не ты ли тотъ самый, о которомъ Я говорилъ въ древніе дни чрезъ рабовъ Моихъ, пророковъ Израилевыхъ, которые пророчествовали въ тѣ времена, что Я приведу тебя на нихъ?

И будетъ въ тотъ день, когда Гогъ придетъ на землю Израилеву, говоритъ Господь Богъ, гнѣвъ Мой восплаетъ въ ярости Моей.

И по всѣмъ городамъ Моимъ призову мечъ противъ него, говоритъ Господь Богъ...

И буду судиться съ нимъ моровою язвою и кровопролитіемъ, и пролью на него и на многіе народы, которые съ нимъ, всепоглощающій дождь и каменный градъ, огонь и сѣру.

И покажу Мое величіе и святость Мою, и явлю себя предъ глазами многихъ народовъ, и узнаютъ, что Я Господь.

Ты же, сынъ человѣческой, изреки пророчество на Гога, и скажи: такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ Я на тебя, Гогъ, князь Роша, Мешеха и Фувала!

И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя отъ краевъ сѣвера, и приведу тебя на горы Израилевы.

И выбью лукъ твой изъ лѣвой руки твоей, и выброшу стрѣлы твои изъ правой руки твоей.

Падешь ты на горахъ Израилевыхъ, ты и всѣ полки твои, и народы, которые съ тобою; отдамъ тебя на съѣденіе всякаго рода хищнымъ птицамъ и звѣрямъ полевымъ.

На открытомъ полѣ падешь; ибо Я сказалъ это, говоритъ Господь Богъ.

И пошлю огонь на землю Магогъ и на жи-

телей острововъ, живущихъ безопасно, и узнаютъ, что Я Господь.

И явлю святое имя Мое среди народа Моего, Израили, и не дамъ впередъ безславить святаго имени Моего, и узнаютъ народы, что Я Господь, Святыи въ Израиль.

Вотъ, что придетъ и сбудется, говоритъ Господь Богъ,—это тотъ день, о которомъ Я сказалъ.

Тогда жители народовъ Израилевыхъ выйдутъ, и разведутъ огонь, и будутъ сожигать оружіе, щиты и латы, луки и стрѣлы, и булавы и копья; семь лѣтъ будутъ жечь ихъ.

И не будутъ носить дровъ съ поля, ни рубить изъ лѣсовъ, но будутъ жечь только оружіе, и ограбятъ грабителей своихъ, и обертутъ обирателей своихъ, говоритъ Господь Богъ.

И будетъ въ тотъ день, дамъ Гогу мѣсто для могилы въ Израиль, долину прохожихъ на востокъ отъ моря, и она будетъ задерживать прохожихъ; и похоронятъ тамъ Гога и все полчище его, и будутъ называть ее долиною полчища Гогова.

И домъ Израилевъ семь мѣсяцевъ будетъ хоронить ихъ, чтобы очистить землю.

Ты же, сынъ человѣческой, такъ говоритъ

Господь Богъ, скажи всякаго рода птицамъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ: собирайтесь и идите, со всѣхъ сторонъ сходитесь къ жертвѣ Моей, которую Я заколю для васъ, къ великой жертвѣ на горахъ Израилевыхъ; и будете ѣсть мясо и пить кровь.

Мясо мужей сильныхъ будете ѣсть, и будете пить кровь князей земли...

И насытитесь за столомъ Моимъ конями и всадниками, мужами сильными и всякими людьми военными, говоритъ Господь Богъ.

И явлю славу Мою между народами, и всѣ народы увидятъ судъ Мой, который Я произведу, и руку Мою, которую Я наложу на нихъ. И будетъ знать домъ Израилевъ, что Я Господь Богъ ихъ, отъ сего дня и далѣе.

На кавказскомъ фронтѣ. На отдыхѣ. Рыбная ловля.

раилевъ, что Я Господь Богъ ихъ, отъ сего дня и далѣе.

Бронированный поѣздъ.

Страшнѣе смерти.

Разсказъ Шарля Фолей.

— Помнишь ли ты герцогиню де-Трегорь?—спросилъ меня мой другъ Ноель Бюренъ.—На-дняхъ погибъ ея единственный сынъ.

— Да что ты?—съ ужасомъ воскликнулъ я.—Бѣдная женщина! Что она должна была перенести, узнавъ это? Вѣдь она, оставшись молодой, красивой вдовой, всю свою жизнь посвятила сыну и вотъ теперь, на закатѣ лѣтъ, лишилась своей единственной отрады.

— Да,—задумчиво проговорилъ Ноель.—Я какъ разъ гостилъ у нея въ замкѣ, когда полковникъ Дальмеръ привезъ роковое извѣстiе. Онъ не рѣшился открыть сразу истину и пригласилъ меня въ свою комнату, чтобы посоветоваться, какъ бы подготовить герцогиню къ сообщенiю ей страшнаго извѣстiя. Онъ разсказалъ, что юный герцогъ дрался, какъ левъ, былъ два раза представленъ къ наградѣ, получилъ крестъ и погибъ въ тотъ моментъ, когда бросился навстрѣчу неприятелю, увлекая своимъ примѣромъ обожавшихъ его солдатъ.

— Несмотря на то, что я долженъ сегодня же ѣхать обратно на фронтъ,—сказалъ мнѣ полковникъ,—я хотѣлъ лично сообщить герцогинѣ о постигшей ее тяжелой утратѣ. Ради Бога, подготовьте ее къ ужасной истинѣ. Вы старый другъ всей ея семьи, ей будетъ легче, если вы поддержите ее! Только, прошу васъ, поспѣшите. Я не могу терять ни минуты.

„Представляешь ли ты себѣ мое душевное состоянiе, когда я узналъ о случившемся, а также о томъ, чего ожидалъ отъ меня полковникъ Дальмеръ?“

„Вѣдь я хорошо зналъ герцогиню, зналъ, что вся ея жизнь заключалась въ сынѣ, всѣ надежды возложены на него. Я боялся, что принеенное мною извѣстiе убьетъ ее. Но дѣлать было нечего! Попросивъ полковника Дальмера пройти въ гостиную, я направился къ будуару герцогини. У двери я остановился. У меня голова шла кругомъ. Что сказать герцогинѣ? Какъ приступить къ дѣлу? Какъ подготовить ее? И вдругъ мой мозгъ прорѣзала дикая, какъ мнѣ показалось вначалѣ, но гениальная, какъ показало дальнѣйшее, мысль:

„Спаси герцогиню отъ полнаго отчаянья можно, заставивъ ее повѣрить, что случилось нѣчто худшее, чѣмъ смерть ея сына“.

„Съ этой мыслью я постучалъ въ дверь будуара.

„— Войдите!—раздался голосъ герцогини.

„Она сидѣла передъ письменнымъ столомъ, заканчивая какое-то письмо.

„— Это вы, Ноель?—привѣтливо улыбнулась она.—Что скажете?“

„При видѣ этой женщины, такой спокойной и улыбающейся, счастливой своимъ невѣдѣнiемъ, я почувствовалъ, что во мнѣ крѣпнеть увѣренность поступить именно такъ, какъ я рѣшилъ минуту тому назадъ. Да, я долженъ былъ нанести герцогинѣ еще больший ударъ, чѣмъ тотъ, который постигъ ее въ дѣйствительности. Только тогда она сможетъ перенести его.

„— Что съ вами?—спросила герцогиня, обезпокоенная моимъ взволнованнымъ лицомъ.

„— Я получилъ дурныя извѣстiя о вашемъ сынѣ,—рѣзко отвѣтилъ я.

Она поблѣднѣла, какъ полотно, и вскрикнула голосомъ, полнымъ отчаянья:

„— Но онъ не умеръ?“

„Преслѣдуя выполнение своей мысли, я продолжалъ тѣмъ же рѣзкимъ тономъ:

Крытая вагонетка узкоколейной желѣзной дороги.

„— Хуже, гораздо хуже, герцогиня. То, что онъ умеръ,—ничто въ сравненiи съ тѣмъ, какъ онъ умеръ. Въ моментъ атаки онъ струсилъ и не захотѣлъ покинуть траншеи. Его люди, конечно, остались съ нимъ. Его схватили, предали военно-полевому суду и разстрѣляли.

„Дрожа отъ волненiя, я наблюдалъ за герцогиней. Ея поблѣвшее лицо покраснѣло, глаза засверкали. Вскочивъ съ мѣста и негодующе взглянувъ на меня, она презрительно расхохоталась.

„— Мой сынъ испугался, мой сынъ отказался покинуть траншеи? Это невозможно!

„Все ея существо дышало не страданiемъ, а гнѣвомъ.

„Я продолжалъ:

„— Это такъ. Я передалъ вамъ то, что было. Я вамъ совѣтую, герцогиня, приложить всѣ старанiя къ тому, чтобы скрыть печальную кончину несчастнаго юноши. Не извѣщайте никого о днѣ похоронъ, не устраивайте отпѣванiя. Священникъ отслужитъ панихиду въ домовою церкви, безъ хора, безъ цвѣтовъ... только въ нашемъ присутствiи. Я уберу его портретъ изъ большой залы...

„Она не обратила вниманiя на безсвязность и нелѣпость того, что я ей говорилъ. Она готова была швырнуть мнѣ чѣмъ попало въ голову, но, сдержавшись, сдѣлала шагъ ко мнѣ и крикнула:

„— Мой сынъ разстрѣлянъ за трусость? Да вы или сошли съ ума, или лжете, нагло, возмутительно лжете! Убирайтесь вонъ изъ моего дома! Я не хочу васъ больше видѣть!

„Довольный достигнутымъ результатомъ, я проговорилъ:

„— Если вы мнѣ не вѣрите, спросите полковника Дальмера. Онъ ждетъ васъ въ маленькой гостиной.

„Не удостоивъ меня и взгляда, она, какъ вихрь, выбѣжала въ

коридоръ. Я послѣдовалъ за нею гораздо медленнѣе и вошелъ въ гостиную не сразу, а черезъ нѣсколько минутъ. Герцогиня сидѣла спиной къ двери и въ благоговѣйномъ молчанiи слушала то, что ей говорилъ полковникъ. Когда онъ кончилъ, она съ облегченiемъ вздохнула, точно у нея камень съ груди свалился, и проговорила:

„— Онъ былъ представленъ два раза къ наградѣ... получилъ крестъ... погибъ жертвой своего безпредѣльнаго мужества... О, полковникъ, я точно просыпаюсь отъ страшнаго кошмара! Я знала, что мой сынъ, герцогъ де-Трегоръ, могъ погибнуть только съ оружіемъ въ рукахъ, а не какъ жалкій трусъ. Мое дитя! Какъ я горжусь тобой, твоей славной смертью!

„Она разрыдалась, но эти слезы уже не пугали ни меня ни полковника“.

Автомобили на одномъ изъ кавказскихъ переваловъ.

Единственно важное.

Рассказ Ф. Буте.

Жанъ Паво стремительно вбѣжалъ въ садъ, чтобы подѣлиться съ женой новостью, которую онъ только-что узналъ. Задыхаясь отъ волненія и гнѣва, съ перекосившимся лицомъ, онъ остано-

Старикъ задыхался отъ волненія. Жена попыталась успокоить его.

— Онъ, можетъ-быть, не думалъ оскорбить тебя?—нерѣшительно проговорила она.

Жанъ Паво пожалъ плечами.

— Ну, пожалуй-ста! Не считай меня такимъ наивнымъ. Развѣ я не понимаю его плановъ? Онъ хочетъ лишиться моего голоса и вѣса въ обществѣ. То же самое онъ сдѣлалъ тогда съ госпиталемъ и съ пріютомъ тоже. Онъ ненавидитъ меня. Даже теперь, когда всѣ должны были бы сплотиться, онъ не пропускаетъ случая задѣть меня, оскорбить. Я покажу ему!

Дрожа отъ ярости, онъ погрозилъ кулакомъ въ сторону сосѣдняго сада,

отдѣленнаго высокой стѣной отъ ихъ владѣній.

Жанъ Паво не могъ наслаждаться чуднымъ лѣтнимъ днемъ. Онъ зналъ, что за высокой стѣной расположенъ садъ его сосѣда Лешартье, такой же тѣнистый, какъ и его, и что въ глубинѣ этого сада находится домъ, не менѣе комфортабельный, чѣмъ его. Эта мысль казалась невыносимой злобному, желчному старикъ. Съ сжатыми кулаками, со стиснутыми зубами, онъ вспоминалъ причины, поведшія къ окончательному разрыву между нимъ и его бывшимъ пріятелемъ, вспоминать, какъ увеличивалась и росла ихъ взаимная ненависть, возбуждавшая общій интересъ и сдѣлавшаяся злобой дня маленькаго провинціального городка, въ которомъ они жили.

— Вспомни же, вспомни!—повторялъ г. Паво.—Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ преслѣдуетъ меня. Помнишь, какъ онъ натравилъ своего дога на нашего шпица, и какъ тотъ задушилъ бѣднаго Цезаря?

— А ты отравилъ дога,—прошептала его жена.

— Помнишь, какъ онъ прибилъ плакать на нашей смежной

Походныя бани-автомобили, подаренныя Россіей французской арміи. Автомобили окрашены въ цвѣтъ мѣстности.

вился возлѣ жены, вышивавшей полотенце въ тѣни развѣсистаго стараго дуба.

— Опять Лешартье!—воскликнулъ онъ злобнымъ голосомъ, въ которомъ слышались змѣиный шипящій нотки.

Луиза Паво вздрогнула и, поднявъ голову, вопросительно посмотрѣла на мужа.

— Новое оскорбленіе!—продолжалъ ее мужъ дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ.—Ты слыхала, что г-жа Геранъ учредила общество оказанія помощи бѣженцамъ?

— Слыхала,—разсѣянно отвѣтила Луиза.

— Представь себѣ! Онъ избранъ помощникомъ председателя этого общества, тогда какъ я состою только членомъ его!—трагически сообщилъ Жанъ Паво.—Помощникомъ председателя! Понимаешь ли ты это? Онъ пожертвовалъ сумму вдвое больше той, которую пожертвовалъ я. А вѣдь онъ не богаче меня. Значитъ, это сдѣлано въ пику мнѣ, чтобы выставить меня передъ всѣми скупцомъ, Гарпагономъ. Это предумышленное оскорбленіе съ его стороны!

Наши бронированные автомобили.

Разсказь инвалида. Рисунокъ Г. Георгіева.

стѣнѣ, въ которомъ ругалъ меня пройдохой и ростовщикомъ? Негодяй!

— Это за то, что ты выигралъ у него процессъ относительно деревень.

— Конечно, выигралъ. Я зналъ, что выиграю. Слава Богу, что есть судьи! А когда онъ окатилъ меня водой изъ пожарнаго насоса подѣ тѣмъ предлогомъ, что хотѣлъ полить цвѣты! А граммофонъ, который глѣлъ каждый вечеръ въ теченіе трехъ часовъ: „жилъ-былъ человѣчекъ“...

— Все это было такъ давно, — миролюбиво замѣтила Луиза Паво.

— Да вѣдь онъ и теперь продолжаетъ то же самое. Нѣтъ такой гадости, которой бы онъ мнѣ не сдѣлалъ. Правда, онъ не смѣетъ вредить мнѣ явно!

— Я все помню, — послѣ минутнаго молчанія продолжалъ торжественнымъ тономъ старикъ. — Я все записываю. Исторія съ грам-

мофономъ произошла въ 1903 году. Онъ чуть не взбѣсилъ тогда со злости за то, что нашъ Поль перешелъ съ наградой, а его Луи ничего не получилъ.

— Почтальонъ уже былъ? — спросила вдругъ г-жа Паво.

Ея мужъ вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ.

— Онъ сейчасъ придетъ. Какъ разъ время. Да вотъ и онъ!

Супруги бросились къ калиткѣ, но почтальонъ прошелъ, не останавливаясь.

— Мы вѣдь вчера имѣли письмо, — сказалъ старикъ, стараясь скрыть огорченіе. — Нельзя же получать ежедневно!

Луиза Паво вздохнула и вернулась къ своему вышиванію. Ея мужъ надѣлъ шляпу и, заложивъ руки за спину, отправился къ зданію городской ратуши, передъ которымъ каждый вечеръ вышивался листъ съ послѣдними военными извѣстіями.

Подходя къ ратушѣ, г. Паво увидалъ своего сосѣда и злѣйшаго врага Лешартѣ. Тотъ стоялъ передъ только-что вывѣшеннымъ листомъ. Подойдя еще ближе, Жанъ Паво услышалъ, какъ Лешартѣ произнесъ слегка охрипшимъ отъ волненія голосомъ, точно разговаривалъ самъ съ собой:

— Бои идуть тамъ, гдѣ Луи.

Взглянувъ на листъ, г. Паво поблѣднѣлъ и невольно воскликнулъ:

— Господи Боже мой! И Поль тамъ!

Лешартѣ живо обернулся, и его взглядъ встрѣтился съ взглядомъ бывшаго пріятеля. Въ первый моментъ каждый изъ нихъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая удалиться другъ отъ друга, но ни тотъ ни другой не сдѣлалъ этого. Внезапно они почувствовали, какъ исчезли, канули въ вѣчность ихъ ссоры, отравленная собака, граммофонъ, пожертвованія, однимъ словомъ, все то, чѣмъ столько времени питалась и поддерживалась ихъ взаимная ненависть.

— Развѣ вашъ сынъ въ одномъ полку съ моимъ? — спросилъ Лешартѣ.

— Да, — отвѣтилъ Паво и добавилъ, стараясь казаться бодрымъ: — Наши мальчики сражались!

Воцарилось минутное молчаніе. Неловкость, чувствовавшаяся вначалѣ между ними, разсѣивалась все больше и больше.

— Когда вы получили послѣднее письмо отъ вашего? — спросилъ Жанъ Паво.

— Вчера. А вы?

— Тоже вчера.

— Я бы хотѣлъ получить теперь... послѣ сраженія... — прошепталъ Лешартѣ.

— О, да! — воскликнулъ его собесѣдникъ. —

Если я получу первый, я сообщу вамъ.

— Вотъ-вотъ! Я сдѣлаю то же самое. Взгляните на этихъ идиотовъ! Чего они устали на насъ? — добавилъ Лешартѣ, указывая на нѣсколькихъ горожанъ, изумленно наблюдавшихъ мирную бесѣду двухъ враговъ.

Жанъ Паво пожалъ плечами. Они снова посмотрѣли другъ на друга. Надо было разстаться, но они не знали, какъ это сдѣлать. Лешартѣ сдѣлалъ-было нѣсколько шаговъ, но вернулся и схватилъ сосѣда за руку.

— Вотъ единственное, что важно теперь! — воскликнулъ онъ, указывая на вывѣшенный листъ.

— Вы правы! — убѣжденнымъ тономъ отвѣтилъ Жанъ Паво.

Рука объ руку они направились домой.

— Луи былъ произведенъ въ лейтенанты въ январѣ, — началъ Лешартѣ.

— А Поль въ февралѣ, — отвѣтилъ г. Паво.

Бесѣда продолжалась.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1916 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 7 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп.** и **печатный адресъ.**

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 24

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выданъ 11-го июня 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку поппарель въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы): передъ 1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 25.

Главная Контора и редакция Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ВЫТЯЖКА ИЗ СЪМЕННОЙ ЖЕЛЕЗЫ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгій, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, луэса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 руб. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 29/100 почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. № 8. Тел. адр.: Москва, Калефлюндъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Вытяжка изъ сѣменной железы готовится естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленными стерминами.

ВАЖНО ДЛЯ гг. РЕГЕНТОВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВН. ПѢНІЯ!

С. ЛЯПУНОВЪ соч. 62

Херувимскія пѣсни: № 1, 2. Достоинство есть, Отче нашъ, Свѣте тихій, Хвалите Господа

Царт. и голоса отъ 20 до 50 к.

А. С. ТАНЪЕВЪ

Пѣніе на литургіи св. Іоанна Златоустаго.

Царт.—2 р. Всѣ для смѣш. хора. 4190

Нов. каталогъ дух. муз. соч.—бесплатно.

П. ЮРГЕНСОНЪ, МОСКВА, Неглинный пр., 14.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ ПРОСТОЙ И ИЗЯЩНОЙ ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ И ДѢТСКОЙ ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 руб.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ НЕВРАЛГИИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,

и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдохъ Дра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдохъ абсолютно безвреденъ. 4181
Остерегайтесь поддѣлокъ.

ОСНОВАНА въ 1903, удостоена ВЪСѢШИХЪ наградъ на всѣхъ выставкахъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, Флоренціи и проч. Maison Fondée en 1903 4 grands prix Paris, Londre, Bruxelles, Florence

При ГОНОРРЕИ въ острой и хронической формѣ „ДИАТЕРИИ“ послѣдствіяхъ ея примѣняется Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Телерикъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного ф. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыд пер., 1/22, кв. 8, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врача.

ПИСАТЬ красиво и скоро будете, выписавши „Механическую пропись“. Новость въ каллиграфіи. Цѣна нал. плат. 95 коп. Адр.: Москва, ред. журн. „СОКОЛЬ“, отд. 2. (23)

Покупайте во время! 30 различныхъ военихъ марокъ всѣхъ странъ 1 р. 50 марокъ — 3 р. 100 марокъ — 15 р. безъ пересылки. Уплата новими почт. марками. Покупка и продажа всѣхъ марокъ. Каталогъ бесплатно. Биржа марокъ В. Вальтеръ (V. Walter), Копенгагенъ. Письма въ Копенгагенъ оплачиваются 10 к. маркой.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучаютъ зочно каждому въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправлю самый дурной почеркъ. За 5 десятк. марокъ выслать образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфіи Адольфъ Коссо. Дерибасовская, д. № 19.

МАНДОЛИНЪ ГИТАРЪ И БАЛАЙКЪ Услов. заоч. обуч. и каталогъ инструм. безплат. * Курсы Музыки! Москва, Срѣтенка 21/5.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ РИСОВАНІЮ по изданію „Искусство для всѣхъ“ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присланные работы и безвозмездно даютъ разъясненія во всѣхъ вопросахъ рисованія, живописи и прикладного искусства.

Вышелъ изъ печати 7-й томъ. СОДЕРЖАНІЕ: Аварелъ—А. Г. Деппикашъ. Рисованіе частей человѣческаго тѣла—Г. А. Новиковъ. Живопись масляными красками—А. В. Маковский. Линейная перспектива—Т. И. Катуринъ. Черчки по исторіи живописи—Д. Ф. Шлецеръ. ИЛЛЮСТРАЦІИ: 81 черныхъ рис., 8 многокрасочн. рис., Медальонъ—гравюра.

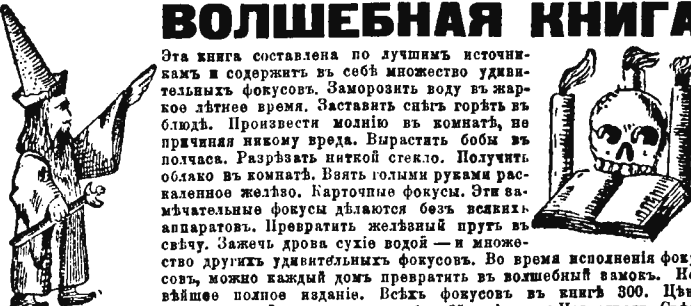
Изданіе „Искусство для всѣхъ“ является грамматикой искусства и охватываетъ полный курсъ знаній, необходимыхъ всякому человѣку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ. Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы; для гг. художниковъ и учителей рисованія, наконецъ для родителей, занимающихся съ дѣтьми, является незаменимымъ пособіемъ.

Краткій проспектъ безплатно. * Подробн. просп. „Искусство“ за 15 к. Т-во „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевск., 44-62.

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Бесплатная премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТ-ТЕСТАТЬ.** Льготныя условія подписки и **БЕЗПЛАТНО.** Пробная лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА для грудныхъ дѣтей. Получаются блестящіе результаты. Брошюра № 12 по требованію бесплатно. Англійское Акц. О-во „АЛЛЕНЪ И ГАНБУРИСЪ“. Москва, Мясницкая, 32. 4096 6-4

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить свѣтъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Выростать бобы въ полчаса. Разрывать нитку стекла. Получить облако въ комнатѣ. Взять голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный прутъ въ свѣчу. Зажечь дрова сухіе водой — и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ, можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ 300. Цѣна съ пересылкой налож. платеж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съезжинская ул., № 40, въ редакцію „Отѣлики Жизни“. Отд. Н.

ИСТОЩЕНИЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“; интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-вья ПЕТРО-ГРАДЪ.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Вопросъ о крестьянскомъ равноправіи въ Государственной Думѣ.

(Вопросы внутренней жизни).

31-го мая Гос. Дума приступила къ обсужденію вопроса о крестьянскомъ равноправіи. Въ яркой, по обыкновенію, и талантливой рѣчи докладчикъ комиссіи В. А. Маклаковъ прекрасно обрисовалъ великое государственное значеніе крестьянскаго вопроса.

„Никакое возрожденіе Россіи,—сказалъ онъ,—невозможно, пока не будетъ разрѣшенъ и разрѣшенъ до тла крестьянскій вопросъ. Возрожденіе крестьянства—будущность государства. Если мы поднимемъ крестьянскіе урожаи до уровня частновладѣльческаго, то Россія будетъ покрыта золотомъ, и валютный вопросъ будетъ рѣшенъ. Если крестьянство будетъ богато, будетъ разрѣшенъ и вопросъ о поднятій національной промышленности. Правовое же раскрѣпощеніе крестьянства нужно уже не изъ народолубія,—оно стало такъ же необходимо, какъ въ былое время для помѣщиковъ было необходимо здоровье и благоденствіе его крѣпостныхъ. Война уже заставила здорověе распорядиться съ величайшимъ грѣхомъ нашей государственности—со спайваніемъ крестьянина водкой. Тяжелое время послѣ войны поведетъ насъ и дальше. Оно не потерпитъ, чтобы законъ былъ привилегіей меньшинства.

„Когда уничтожится сословная организація волости, крестьяне станутъ гражданами Россіи не только потомственными и почетными, а просто російскими гражданами.“ (*Шумные аплодисменты въ центрѣ и слева*).

„Если бы Гос. Дума занялась крестьянскимъ вопросомъ не въ началѣ второго, а въ началѣ перваго десятилѣтія своего существованія и поставила бы его въ первую очередь своихъ работъ съ первыхъ дней своего существованія, ея собственная судьба, ея роль въ исторіи Россіи и, можетъ-быть, даже судьба всей Россіи была бы иная. Русь Московскаго періода сложилась и выросла на сплотивеніи, организаціи и государственномъ обслуживаніи крестьянства. Она росла и крѣпла, какъ мужицкое царство съ царемъ во главѣ. Профессоръ Миллюковъ усматриваетъ отличительную черту Московской Руси отъ другихъ государствъ того времени въ полной независимости царской власти отъ какихъ-нибудь классовыхъ вліяній, которыя господствовали, напримѣръ, въ шляхетской Польшѣ, въ магнатской Венгріи и на всемъ феодальномъ западѣ Европы. Даже въ тираническое царствованіе Ивана Грознаго, по свидѣтельству профессора Сергѣевича, было сдѣлано очень много для земельного устройства новгородскихъ и псковскихъ крестьянъ. Профессоръ Латкинъ въ очень розовыхъ краскахъ рисуетъ картину широкой свободы крестьянскаго и вообще мѣстнаго самоуправленія въ Московской Руси. По тѣмъ временамъ сравнительно съ феодально-абсолютической Европой и деспотической Азіей Россія была дѣйствительно самымъ демократическимъ изъ государствъ. Она опиралась на крестьянскую массу и считала крестьянство тѣмъ китомъ, на которомъ стоитъ міръ. Послѣ воцаренія Бориса Годунова, искавшего поддержки въ боярахъ, прежніе порядки нѣсколько поколебались. Установленіе Юрьева дня прикрѣпило крестьянъ къ землѣ и послужило началомъ закрѣпощенія. Петръ I феодализировалъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ по германскимъ образцамъ, но дальнѣйшій ростъ русской государственной культуры въ основу оздоровленія и возрожденія Россіи ставилъ освобожденіе крестьянъ, пока завѣтная мечта о свободѣ не осуществилась на Руси наконецъ, подъ благовѣстъ колоколовъ и радостные клики народа при Царѣ-Освободителѣ. „По удачному выраженію Маклакова“, до 1861 г. весь крестьянскій вопросъ выражался въ одномъ словѣ—освобожденіе. Послѣ 1861 г. передъ нами властно и настойчиво стоитъ другой лозунгъ—уравненіе. Крестьянское уравненіе или крестьянская обособленность—вотъ два основныхъ понятія, борьба между которыми

наполняетъ собою исторію крестьянскаго вопроса. Это не простая, не случайная борьба. За каждымъ изъ этихъ двухъ лозунговъ стояла опредѣленная политическая идеологія, стояли старая и новая Россія, сталкивавшаяся въ вопросѣ о крестьянахъ. Настоящее царствованіе, которое стоитъ на рубежѣ перелома государственныхъ судебъ Россіи, и въ крестьянскомъ вопросѣ отразилось переходомъ Россіи на другіе рельсы, какъ отразилось въ вопросѣ о народномъ представительствѣ. Настоящее переходное царствованіе заполнено борьбой двухъ пониманій. Они нашли себѣ отраженіе въ актахъ Верховной власти. Такъ, въ Высочайшемъ указѣ Сенату 8 января 1904 г., испрошенномъ Шееве, было сказано: „Мы признали необходимою борьбой двухъ пониманій. Они нашли себѣ отраженіе въ актахъ Верховной власти. Такъ, въ Высочайшемъ указѣ Сенату 8 января 1904 г., испрошенномъ Шееве, было сказано: „Мы признали необходимою сохранить крестьянамъ сословный строй“. А черезъ 11 мѣсяцевъ, 12-го декабря того же года, въ другомъ знаменитомъ указѣ Сенату было сказано: „Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи“. Вотъ два полюса политической мысли, въ которыхъ одинъ исключаетъ другой. Можно остановиться на защитѣ любого изъ нихъ, безнадежна только попытка ихъ сочетать.

„Для Думы, вытекающей изъ акта 17-го октября, для Думы, какъ народнаго представительства, для Думы, которая имѣетъ въ себѣ представительство крестьянъ, лозунгъ одинъ: это новый лозунгъ новой Россіи—полное уравненіе крестьянъ съ другими сословіями“. (*Шумные аплодисменты на скамьяхъ оппозиціи, октябристовъ, части націоналистовъ, крестьянъ и священниковъ*).

Практическое осуществленіе крестьянскаго равноправія требуетъ, по мнѣнію Маклакова, учрежденія всесословной волости и всеобщаго селскаго общества и подчиненія крестьянъ общему суду. Всѣ специально крестьянскія учрежденія должны быть реформированы, частью упразднены. Въ одной только области,—правда, самой важной и существенной,—ораторъ не хочетъ настаивать на уравненіи крестьянскихъ правъ и даже считаетъ таковое чрезвычайно опаснымъ.

„Уравненіе въ этой области всего труднѣе, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нежелательно и невозможно. Нежелательно потому, что есть нѣкоторыя ограниченія, уничтожить которыя было бы неосторожно. Таковъ, напримѣръ, законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель. Пока крестьянинъ безправенъ и бѣденъ, разрѣшеніе продавать его землю привело бы къ обезземеленію. Невозможно потому, что основа имущественныхъ правъ владѣнія крестьянъ землею покоится на совершенно особенныхъ основаніяхъ, которыхъ нѣтъ въ Десятомъ томѣ; уравненіе крестьянъ въ этихъ правахъ означало бы нарушеніе чьихъ-то правъ, какъ это было сдѣлано указомъ 9-го ноября съ семейной собственностью.

„Послѣ указа 5-го октября можно утверждать, что внѣ того имущественнаго права, которое принадлежитъ крестьянину, какъ члену селскаго общества и собственнику крестьянской земли, онъ и сейчасъ можетъ руководиться общимъ закономъ. Въ своемъ владѣніи капиталомъ или городскимъ имуществомъ крестьянинъ можетъ поступать по общимъ законамъ—завѣщать и наследовать по Десятому тому. Если Сенатъ держится иной практики, то это только потому, что онъ не усвоилъ всего значенія указа 5-го октября. А, съ другой стороны, лица всѣхъ сословій, поскольку они являются членами селскаго общества, въ отношеніяхъ по его землѣ, будутъ руководиться не общимъ закономъ, а специальными обычными нормами. Такимъ образомъ въ эту сферу входятъ впервые люди иного правового воспитанія, иныхъ правовыхъ навыковъ“.

Логически, быть-можетъ, будетъ немножко трудно связать требованіе равноправія и охрану своеобразнаго земельного-правового строя крестьянской жизни. Ораторъ идетъ даже дальше и требуетъ отъ Гос. Думы, чтобы она закрѣпила формы обычного права въ области крестьянскаго землепользованія, наследованія и т. д., совершенно отличныхъ отъ того правового порядка, которымъ регулируется жизнь верхнихъ классовъ въ Россіи.

Существует течение, которое утверждает обратное, что специ- альныя крестьянскія права подлежат умиранию, что кодифицировать ихъ—значило бы ихъ закрѣпить. Такое разсужденіе было бы правильно, если бы умирание шло быстро и касалось небольшого круга явленій. Но когда эти нормы охватываютъ большинство русскаго крестьянства и умираютъ десятками лѣтъ, то предоставить ихъ естественному умиранию—значило бы оставлять ядь въ тѣлѣ Россіи. Но, наставая на кодификаціи, не скрываю отъ себя тѣхъ условий, въ которыхъ она должна быть произведена. Нельзя забывать, что эти правила все же временныя и что въ самомъ уставѣ долженъ быть предоставленъ просторъ къ переходу къ нормамъ общаго права“.

Такимъ образомъ депутаты Маклаковъ приглашаетъ Гос. Думу поддерживать медленно умирающій крестьянскій правопорядокъ, вносить сегодня въ законъ уже отживающія правовыя понятія и распространять силу этого гальванизованнаго законодательства даже на тѣхъ инородныхъ членовъ крестьянскаго общества и водости, которые „воспитаны въ иной правовой культурѣ“. Едва ли ему, выдающемуся думскому оратору, удалось въ крестьянскомъ вопросѣ, что называется, свести концы съ концами. Корень его ошибки ясенъ: онъ одновременно придерживается въ правовомъ вопросѣ двухъ направлений—и славянофильства и западничества. Покойный Столыпинъ былъ убѣжденнымъ западникомъ, считалъ крестьянскія правовыя понятія лживымъ пережиткомъ старины и рѣшительными ударами законодательнаго меча счелъ своимъ долгомъ добить умирающаго. Отсюда происходило принудительное разрушеніе общиннаго строя, упраздненіе семейнаго права на землю и утвержденіе за домохозяйномъ единоличнаго права на владѣніе и даже на продажу надѣла, который служилъ обезпеченіемъ земледѣльческаго труда его предковъ и его потомковъ. Маклаковъ тоже вѣритъ въ торжество и въ правду единоличнаго права, но считаетъ своимъ долгомъ охранять живую археологію народныхъ обычаевъ. Возможна еще и средняя точка зрѣнія, нѣсколько иначе формулирующая вопросъ. Она должна провозгласить полное равенство крестьянъ съ остальными сословіями во всѣхъ общечеловѣческихъ и гражданскихъ правахъ и прежде всего въ правѣ на пользованіе гарантіями противъ стѣсняющихъ проявленій административнаго произвола, но во имя той же свободы гражданина объявляющей неприкосновенной для какихъ бы то ни было вторженій внутренней строй жизни крестьянскаго общества и его право руководствоваться въ своихъ распоряженіяхъ своими собственными правовыми понятіями. Насильственное подчиненіе чужимъ правовымъ воззрѣніямъ равносильно насажденію безправія, оно глубоко деморализируетъ народную душу и вноситъ въ нее начало государственнаго распада.

Нѣмецкое засилье въ Америкѣ.

Есть у насъ нѣсколько „утѣшительныхъ“ поговорокъ: „на міру и смерть красна“, „горбатый радъ видѣть другого горбатаго“ и т. п. Народъ создалъ эти выраженія въ утѣшеніе тѣмъ изъ насъ, которые чувствуютъ себя въ бѣдѣ, обойденными или попавшими впросакъ, и тѣшатъ себя убѣжденіемъ, что не лучше и у другихъ, болѣе гароватыхъ. Такимъ образомъ „горбомъ“ разныхъ странъ были нѣмцы. Оказывается, не однимъ намъ приходится на каждомъ шагѣ хвататься, что недостаетъ, или вовсе нѣтъ, того, другого, третьяго, что мы привыкли получать готовымъ отъ Германіи,—отъ крупнѣйшей машины до мельчайшей кнопки, отъ сложнаго химическаго препарата до простой гигроскопической ваты,—не потому, чтобы всего этого нельзя было сдѣлать у насъ,—есть, сколько угодно, и превосходнаго матеріала, и умныхъ головъ, и ловкихъ рукъ,—природа ничѣмъ насъ не обидѣла,—а потому, что такъ ужъ повелось, удобно было получать готовое, само въ руки плыло.

Бичуя себя за свою косность, неподвижность, мы всегда указываемъ на другихъ, ставимъ себя ихъ въ примѣръ, въ особенности Америку, предусмотрительную, избрѣтательную, предприимчивую Америку, которая ужъ, конечно, не попала бы въ такой просакъ, не отдала бы себя въ промышленную кабалу нѣмцамъ.

И вдругъ, въ одномъ изъ самыхъ передовыхъ нью-іоркскихъ журналовъ, въ статьѣ, озаглавленной: „Что мы сдѣлали—или не сдѣлали—для созданія новыхъ статей промышленности съ начала войны?“ первое, что бросается въ глаза—шутливое предсказаніе, что въ Америкѣ волей-неволей должна войти въ моду бѣлая одежда изъ бумажныхъ тканей за неимѣніемъ красильныхъ веществъ, которыя получались изъ Германіи. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе цѣлаго ряда предметовъ, въ которыхъ, все по той же причинѣ, американская промышленность въ настоящее время ощущаетъ недостатокъ, ведущій къ остановкѣ въ производствѣ, и мы читаемъ знакомое намъ сѣтованіе на безпечность, допустившую такую зависимость отъ чужой работы.

„Мы, въ сущности, обладаемъ монополіей на хлопокъ“, заявляетъ авторъ, извѣстный въ Америкѣ экономистъ, Эдуардъ Моттъ Вуллей (Wolley) и ставитъ вопросъ, почему торговля этимъ капиталнымъ продуктомъ съ начала войны шла такъ вяло, несмотря на то, что страна въ мирѣ со всѣми и что въ южной Америкѣ ведется усиленная „хлопковая кампанія“. Войко идетъ хлопокъ только въ производящихъ его почти исключительно южныхъ штатахъ Союза.—Алабамѣ, Георгіи, Миссиссипи и др.—гдѣ не только всѣ полицейскіе, желѣзнодорожныя и трамвайныя служители этой весной одѣлись въ бѣлыя формы изъ бумажныхъ тканей, но и весь мужской дѣловый міръ завазалъ себя такіе костюмы. „Мы не только производимъ хлопокъ, но сами и носимъ его будемъ“,—заявилъ автору одинъ видный городской дѣятель.

„Въ чемъ же причины, тормозящія нашъ сбытъ?“—спрашиваетъ авторъ и, перечисливъ разныя болѣе или менѣе неблагоприятныя условія, приходитъ къ такому заключенію: „главнымъ образомъ въ той власти надъ нами, какую даетъ чужой націи нашъ обычай получать отъ нея красильныя вещества“.

Всполонился хлопковый міръ, заговорилъ о разныхъ заманчивыхъ „возможностяхъ“, но пока что-то еще не выдать чтобы „возможности“ осуществились, и разговоры переходили въ дѣло.

„Когда началась война“—читаемъ въ статьѣ,—многіе требовали, чтобы мы сразу набросились на фабрикацію анилиновыхъ красокъ, но мы не бросились“. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть всего четыре или пять фабрикъ, поставляющихъ небольшой процентъ потребляемыхъ въ странѣ красокъ. Все же остальное продолжаютъ выписывать изъ Германіи, въ настоящее время въ ограниченномъ количествѣ и на разныхъ стѣснительныхъ условіяхъ. „Такъ что,—иронизируетъ авторъ,—наша свободная Америка смиренно беретъ, что даютъ, съ возможностью остаться съ пустыми руками, если вздумается Германія или по прихоти войны. Между тѣмъ у насъ имѣется достаточно сырья на какое угодно количество красокъ, и огромныя массы его пропадаютъ даромъ. Одна причина, почему мы не дѣлали анилиновыхъ красокъ, просто слѣдующая: легче было покупать“.

Красильныя фабрики въ Германіи оцѣниваются приблизительно въ 900 милліоновъ рублей. Эта отрасль промышленности потому такъ тамъ расцвѣла, что пользовалась особеннымъ благоволеніемъ и матеріальной поддержкой правительства, и одинъ, близко стоящій къ этому дѣлу, человекъ полагаетъ, что, если американцы примутся за это дѣло безъ поддержки, хотя бы законодательной, единственными результатамъ будетъ то, что Германія завалитъ страну товаромъ по такимъ низкимъ цѣнамъ, которыя убьютъ домашнее производство, и что даже при хорошихъ таможенныхъ условіяхъ понадобится годы для того, чтобы установить независимую красильную промышленность.

А пока-что многіе мануфактурщики подумываютъ закрыть свои фабрики за неимѣніемъ красокъ.

По части химическихъ продуктовъ Америка, хотя не совсѣмъ въ такой кабалѣ у Германіи, но все же и тутъ далека отъ самостоятельности. Такъ, у нея нѣтъ своей карболовой кислоты, хотя имѣется въ изобиліи необходимое для нея сырье.

Въ настоящее время дѣлаются серьезныя попытки въ этомъ направленіи, но пока—безъ особеннаго успѣха. Химики утверждаютъ, что Америка давно могла бы имѣть свою карболовую кислоту, но каждый разъ, какъ принимались за изготовленіе извѣстнаго рода химическихъ продуктовъ, Германія наводняла страну этими самими препаратами по цѣнамъ ниже „себестоимости“.

Возьмемъ другой препаратъ—креозотъ, въ такомъ количествѣ входящій въ препараты для охраненія отъ гніенія деревянныхъ сооружений, подвергающихся дѣйствию сырости или воды. Креозотъ въ мирное время получался изъ Германіи, а теперь въ Америкѣ утѣшаются тѣмъ, что „у насъ много препаратовъ, обобщающихъ съ успѣхомъ замѣнить креозотъ“.

Затѣмъ—поташъ, почему-то особенно разсердившій автора.

„И тутъ опять,—пишетъ онъ,—война показала, что мы передъ Германіей просто младенцы; она насъ держитъ за одинъ палецъ, чтобы мы не упали, не ушиблись. Началась война, мы и упали. Немного погоды, Германія нашла возможнымъ отпустить намъ ограниченное количество поташу для нашихъ туковъ и химическихъ работъ. Бывало, въ доброе старое время, мы брали у нея поташу на 12 милліоновъ долларовъ въ годъ“.

„И вѣдь смѣшно сказать,—съ понятной горечью сѣтуетъ авторъ,—у насъ, въ Америкѣ, большія залежи поташу, но говоря о громадныхъ количествахъ, пропадающихъ въ отбросахъ отъ сахарной свеклы и во многомъ другомъ. Теперь хватились,—принялись за залежи въ Калифорніи“.

Та же исторія съ минеральными водами. Америка не менѣе богата ими, чѣмъ Европа, но неизмѣнно выписывала ихъ изъ Германіи. Съ началомъ войны этотъ совершенно лишній ввозъ, прекратился, и теперь возникло нѣсколько компаній для эксплуатаціи родныхъ минеральныхъ источниковъ. Развѣ не совершенно то же, что у насъ?“

Приведенными здѣсь примѣрами далеко не исчерпывается списокъ статей, по которымъ война привела Америку къ сознанію не только своей торговой и промышленной закабаленности у Германіи, но и того, что въ эту кабалу она попала по собственной винѣ. Кромѣ указанной выше нѣкоторой халатности: зачѣмъ, молъ, трудиться, производить то, что такъ удобно купить готовое?—тутъ играетъ большую роль еще близорукой расчетъ. То или другое и можно бы дѣлать самимъ, и это было бы даже очень выгодно со временемъ, но рядомъ представляется другое дѣло, выгодное сейчасъ. „Это у американцевъ весьма крупный недостатокъ,—говорилъ автору одинъ опытный коммерсантъ,—и въ немъ одна изъ причинъ, почему столько фабрикантовъ по разнымъ статьямъ пошло въ такой просакъ благодаря войнѣ. Они такъ гонятся за скорыми барышами, что проходятъ мимо всего, что требуетъ организаціи и предохранительныхъ мѣръ противъ такихъ возможностей, какъ настоящая“.

Въ числѣ другихъ причинъ, всѣмъ этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется то, что Америка, хотя сама прямо не затронута войной, переживаетъ довольно тяжелый торговый и промышленный кризисъ. Громъ войны грянулъ, общество встревожилось; происходятъ сдѣлки разныхъ промышленниковъ; работа кипитъ, и вся страна занята одной мыслью: выйти изъ подъ нѣмецкаго гнета.

Братская помощь защитникам родины. Супруга главнокомандующего армиями юго-западного фронта генерала А. А. Брусилова — Надежда Владимировна Брусилова, рожденная Желиховская, дочь покойной известной писательницы, обратилась через «Русское Слово» к русскому обществу с очень яркой и интересной статьей, в которой возбуждает вопрос об использовании идеи так называемых «крестников» или «приемных сыновей». Такая организация существует во Франции, как это показывает рисунок, помещенный на стр. 416.

Н. В. Брусилова полагает, что на практике в больших размерах организация «крестников» невыполнима, ибо составление списков одиночных солдат, когда полки в поход и ежедневно мнутся, встретить много затруднений, но это дело может быть громадно, если организовать его среди уже пострадавших людей, выбывших из строя, находящихся в лазаретах, отпущенных на поправку или совсем освобожденных. Во время русско-японской войны маленькой кружок, в котором участвовала Н. В. Брусилова, проводил в жизнь то же самое. Тогда это называлось «Братской помощью». Один московский банк досель имеет десятков пенсионеров, указанных кружком. Н. В. Брусилова так резюмирует свою мысль: «Раненому и нетрудоспособному солдату назначается пенсия и пособие от казны и разных комитетов, но пока это сдѣлается, он перенесет слишком много мтарств. Помочь ему обязаны все русские люди. Частью это уже дѣлается, но необходимо работу расширить, выработать стройную, дѣльную систему. Необходимо, чтобы избранный защитник родины не мыкался, не страдал, не занимался попрошайничеством, но сразу попадал бы на заботу людей, которых он защищал». Н. В. Брусилова уверена, что армия, вернувшись на мирное положение, подхватит это дело, и предлагает воспользоваться существующей организацией общества повсеместной помощи пострадавшим солдатам и при нем основать сырачное бюро «крестников». Тысячи слабых и недолжных солдат разсылаются необеспеченными по всей России в самые глухие мѣста. В провинции из лазаретов посылают ампутированных во множестве на родину, чтобы они там ждали очереди. Один известный хирург в Подольской губернии сказал недавно Н. В. Брусиловой: «Их выпинуть потом, чтобы сдѣлать им протезы; их слишком много; переполнять ими госпитали невозможно». Н. В. Брусилова замечает: «Вот тут необходимо применить «силу крестников», нашу русскую братскую помощь обделенной участи наших мучеников долга. Я обращаюсь к людям, — писать в заключение Н. В. Брусилова, — не к тѣм, конечно, кто прожигает жизнь, кутит, играет в карты, покупает мѣха и брильянты, ворует, рядится и хищнически разоряет всевозможными аферами родину; кто, несмотря на потоки крови, продолжает веселиться, опиваться и объѣдаться, — я говорю к тѣм людям, у кого в груди бьется сердце, кто понимает, что война наше священное дѣло и жертвоприношение во имя родины и правды. Для них я пишу эти строки. Во Франции, говорят, около 600 тысяч женщин имѣют крестных солдат. Если эта цифра и наполовину вѣрна, то хотя бы 300 тысяч русских женщин откликнитесь, возьмитесь за работу во имя защитников родины, и да будет помощь и милость Господня со всеми нами!»

В. И.

Какъ живетъ король Альбертъ. В газетѣ «Neue Zurichier Zeitung» описана трогательная картина жизни короля Альберта в его главной штабной квартирѣ в небольшом морском курортѣ, находящемся у самой французской границы. Помѣщеніе, занимаемое королемъ, простая квартира, в обычное время стоившая 2.000 франковъ в годъ. Живутъ в ней король, королева, королевскія дѣти и незначительный штатъ прислуги. Наслѣдникъ престола находится на фронтѣ в 12-мъ пѣхотномъ полку, дѣла съ простыми солдатами все тяготы боевой службы.

Жизнь королевской семьи востину спартанская. Король исключительно занятъ командованиемъ своей доблестной арміей. Нѣтъ окопа, в которомъ онъ не побывалъ бы самъ лично, не бесѣдовалъ съ солдатами. В настоящемъ номерѣ, на стр. 416, король изображенъ в траншеяхъ своей арміи.

Политическими дѣлами король Альбертъ занимается мало, ихъ ведутъ министры. Королева Елизавета всецѣло посвятила себя уходу за ранеными: лично водитъ раненыхъ на прогулку, дѣлаетъ перевязки. Монотонная жизнь городка нарушается очень рѣдко наѣздами генералиссимуса Жоффра и другихъ французскихъ генераловъ. Рѣчи на политическія темы строго исключены. Король считаетъ ихъ лишними: нужны не слова, а дѣла. Это единственный человекъ, который и разу не сказалъ ни одной рѣчи о дѣлахъ войны и побѣдъ. Его лучшая рѣчь — молчаніе, съ которымъ онъ упорно преслѣдуетъ одну цѣль — борьбу съ врагомъ.

Быстрота и натискъ. Эти особенности исконной русской стратегии суворовскихъ временъ вспомнила вся Россія в свѣтлые майскіе дни побѣдъ на австрійскомъ фронтѣ.

Наши раненые, доставленные в лазареты съ фронта, рассказывали, какъ была занята одна австрійская желѣзнодорожная станція. Войска наши явились туда совершенно неожиданно, и в моментъ появленія ихъ все были на мѣстахъ и исполняли свою обычную работу. Черезъ 15 минутъ прибылъ поѣздъ съ войсками и военными припасами, который былъ нами взятъ въ плѣнъ. В моментъ занятія станціи нашими войсками военный телеграфистъ передавалъ телеграмму о присылкѣ снарядовъ. Телеграмма была отправлена, и, когда черезъ часъ прибылъ поѣздъ со снарядами, то онъ попалъ прямо намъ въ руки.

Насколько нападеніе было неожиданно, видно изъ рассказовъ плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, которые передавали, что еще наканунѣ они праздновали побѣду германцевъ въ Сѣверномъ морѣ, пили коньякъ и шампанское, а утромъ русская артиллерія помѣшала имъ пить ихъ утренній кофе, и они были взяты въ плѣнъ в полномъ «дезабиле»: кромѣ фуражки и рубашки, на нихъ ничего не оказалось, и такъ они маршировали въ штабъ, гдѣ производился точный подсчетъ плѣнныхъ.

Дальше офицеръ рассказываетъ о захватѣ австрійской дивизіи: «...были взяты въ плѣнъ два генерала, масса офицеровъ, сестра милосердія, повидимому, венгерка. Она была единственной, которая пыталась оказать сопротивление. Она выхватила браунингъ и открыла стрѣльбу. Обезоруженная, она была отправлена вмѣстѣ съ генералами в автомобиль в тылъ. Одинъ изъ плѣнныхъ генераловъ вызвался принять начальствованіе надъ плѣнными. Картина

такой «колонны» плѣнныхъ австрійцевъ, предводимыхъ «генераломъ-отплѣна», достойна кисти баталиста.

Борьба съ роскошью. Нѣкоторые депутаты наши получили письма отъ находившихся в Англи членовъ Государственной Думы.

В этихъ письмахъ депутаты сообщаютъ, что Лондонъ по личной жизни и узнать нельзя. Скоромность в костюмахъ доходитъ до какой-то бѣдности. Все англичанки и англичане одѣты чрезвычайно скромно. Большинство англичанъ не носитъ даже платья изъ сукна и шерсти, а о шелкѣ и говорить нечего. Англійскія богатые лэди и знатные англійскіе лорды щеголяютъ в поношенныхъ костюмахъ изъ бумажной матеріи. Среди аристократіи Англии быть нарядно и богато одѣтымъ считается неприличнымъ.

Депутаты пишутъ изъ Лондона, что по возвращеніи в Петроградъ они и в публичныхъ лекціяхъ и бесѣдахъ постараются ознакомить русское общество со взглядами англичанъ на роскошь и мотовство в переживаемое тяжелое историческое время.

Жизнь въ окопахъ. Съ наступленіемъ теплыхъ дней окопная жизнь стала значительно легче: вѣшній видъ позицій сильно измѣнился. Зелень травы все насыпи и бруствера подвела подъ общій фонъ, и теперь издала не сразу замѣтишь окопы. Они скрылись отъ дальняго глаза, ушли в свою земную жизнь и задались даже «земными» интересами. По сообщенію корреспондента «Виржевыхъ Вѣдомостей», стрѣлки сибирскаго полка устроили в окопахъ... огородъ. На насыпи, обращенной прямо къ нѣмцамъ, посадили лукъ, а около хода сообщенія — картофель...

— И для окопа маскировка, и молодой картошки попробуемъ... — говорятъ солдаты.

Картофель взошелъ отлично, а свѣжій зеленый лукъ давно уже подается къ обѣду. Стрѣлки лишь опасаются, какъ бы нѣмецкій чемадавъ не угодилъ въ огородъ.

— Все грядки разнесетъ!..

Поэтому, когда в воздухъ вдругъ слышится шелестъ приближающагося къ окопамъ снаряда, отъ стрѣлковъ можно услышать:

— Только бы не въ огородъ, проклятый!..

Но снаряды пока щадятъ огородъ, и онъ цѣль. Картофель обѣщаетъ дать хорошій урожай.

Хотѣли-было посадить огурцы, да нигдѣ не могли найти сѣмянъ...

Германское студенчество на фронтѣ. По сообщенію ректора берлинскаго университета, изъ 64.000 студентовъ, иматрикулированныхъ в университетахъ и политехническихъ школахъ всей имперіи, 56.000 находятся на фронтѣ.

Охрана Парижа отъ цеппелиновъ. Корреспондентъ «Новаго Временя» Е. А. Егоровъ, побывавшій на западномъ фронтѣ, даетъ грандіозную картину организациі авіаціонной охраны Парижа отъ нападенія цеппелиновъ:

«Мы на третьемъ полѣ, съ котораго ведется воздушная оборона Парижа. Она подъ командой молодого офицера, недавно лишь получившаго чинъ майора (commandant). Обвѣренное, съ рѣзкими чертами лица, быстрая движенія, отчетливая, краткая рѣчь, повелительный взглядъ, мгновенное рѣшеніе; бронзовый военный крестъ, орденъ Почетнаго легиона. Счастлирое сочетание физической силы, ума, знанія, отваги, власти и удача.

«Смотримъ ближайшіе навѣсы съ самолетами: ихъ десятки, и в каждомъ по нѣсколько машинъ. Двухмѣстныхъ и одномѣстныхъ. Съ пулеметами, съ пушками, съ бомбами, ракетами, беспроволочнымъ телеграфомъ, съ прожекторами. На полѣ наготовѣ отрядъ изъ самолетовъ различнаго назначенія. Онъ можетъ подняться на высоту 1.000 метровъ черезъ двѣ минуты послѣ сигнала или устного приказа. Машинъ вывѣрены, снаряды в порядкѣ, летчики, наблюдатели, механики налицо. Черезъ опредѣленный промежутокъ времени на сѣбю выкатывается второй отрядъ, за нимъ третій и четвертый. В случаѣ отлета дежурнаго отряда, на его мѣсто выступаетъ слѣдующій. Итакъ, на одно мгновение Парижъ не остается безъ надежной воздушной охраны.

«Парижъ всего въ 80 верстахъ отъ нѣмецкаго расположенія; всего въ 30 минутахъ полета на быстромъ самолетѣ. Для воздушныхъ нѣмецкихъ кораблей, летающихъ высоко и почти недоступныхъ для земной артиллеріи, нападеніе на Парижъ съ разрывными и зажигательными бомбами, казалось бы, еще легче. Но они никогда не отваживаются нападать днемъ. Имъ извѣстна судьба, которая ожидаетъ ихъ в этомъ случаѣ. Ночью же при первомъ сообщеніи съ наблюдательныхъ станцій, в воздухъ поднимаются съ поля машины съ прожекторами. Онѣ взлетаютъ за облака, проливая мракъ лучами свѣта.

«Ихъ сопровождаютъ боевыя машины, вооруженныя пулеметами, пушками и ракетами. Судьба грузнаго цеппелина, если онъ будетъ открытъ в лучахъ свѣтоносной машины, такимъ образомъ предрѣшена. У него почти нѣтъ шансовъ избѣгнуть гибели. Не удивительно поэтому, что нѣмецкіе воздушные корабли, отваживающіеся летать за сотни миль къ берегамъ восточной Англии и даже Шотландіи, остерегаются нападать на Парижъ, хотя онъ всего въ полчаса пути отъ нѣмецкихъ линій».

Юмористика войны. Голландскія газеты рассказываютъ забавную исторію, свѣдѣтельствующую о томъ, что продовольственная нужда в Германіи дошла до крайнихъ предѣловъ и что блокада Англии является не простой угрозой.

В теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ в Голландіи выступала большая оперная нѣмецкая труппа, игравшая репертуаръ Вагнера. Уѣзжая, она взяла съ собой весь свой театралный инвентаръ и всю бутафорію. На границѣ труппа была подвергнута внимательному таможенному контролю, который не далъ никакихъ результатовъ. Пассажировъ хотѣли-было уже выпустить, какъ вдругъ одинъ изъ голландскихъ таможенныхъ чиновниковъ обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые оперные аксессуары вѣсятъ слишкомъ много.

Занустивъ руку в дракона, фигурирующаго в «Зигфридѣ», онъ обнаружилъ, что мнѣшеское животное наполнено мукой. Богъ Вотамъ оказался обмотаннымъ длинными полосами копченаго сала, в копѣй его найдено десять фунтовъ масла. В каскѣ Альбериха былъ спрятанъ большой голландскій сыръ, а в грудной клѣткѣ Брунегальды — сорокъ фунтовъ колбасы.

Послѣ этихъ открытій вся труппа была приглашена ко вторичному осмотру, и на этотъ разъ таможенные нашли подъ платьями у артистокъ ветчину, въ подушкахъ — десятки фунтовъ мыла, пудры, риса, масла, сала, кофе и другихъ продуктовъ питанія.

Антрепренеру труппы пришлось уплатить 60 тысячъ флориновъ штрафа.

Подписная цена съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к.

Профессоръ Н. С. Самокишъ. На пути къ Эрзеруму.

Лабораторія великихъ разрушеній.

Разсказъ С. Бѣльскаго.

Съ иллюстраціями П. Д. Бучкина.

I.

Изъ дневника русскаго журналиста въ Парижѣ.

Въ началѣ 1913 года я жилъ въ Парижѣ на Rue de la Paix въ небольшомъ отелѣ, почти совершенно пустомъ въ это глухое время года, когда зимній сезонъ оканчивается, а весенній еще не начинается. Моимъ сосѣдомъ былъ богатый купецъ изъ Руана, страдавшій множествомъ болѣзней, которыя онъ днемъ лѣчилъ у парижскихъ знаменитостей при помощи радія, электричества и свѣтовыхъ лучей, а ночью—въ кафе на площади Оперы, усердно глотая коньякъ, абсентъ и ликеры. Этотъ маленькій толстый человекъ съ краснымъ лицомъ, на которомъ отчетливо проступала тонкая сѣть фиолетовыхъ жилокъ, и длинными сѣдыми бровями, представлялъ настоящую энциклопедію медицинскихъ наукъ или, правильнѣе говоря, полунучныхъ, полущарлатанскихъ способовъ лѣченія. Онъ перепробовалъ все патентованныя средства, проглотилъ такое количество всевозможныхъ микстуръ, настоекъ, чудесныхъ экстрактовъ и отваровъ цѣлебныхъ травъ, что было совершенно непонятно, какъ онъ перенесъ такое лѣченіе и остался живъ. Господинъ Ферульякъ повсюду носилъ съ собой запахъ аптеки, смѣшанный съ пняными ароматами крѣпкихъ и дорогихъ винъ. Гарсонъ, прислуживавшій въ нашемъ коридорѣ, называлъ приторную, тошнотворную атмосферу, окружающую самого руанскаго капиталиста и все его вещи, „букетомъ господина Ферульяка“.

Ко мнѣ въ комнату Ферульякъ всегда входилъ съ какой-нибудь банкой или коробкой съ пилюлями и облатками, и настойчиво предлагалъ попробовать новое чудодѣйственное средство.

— Берите, берите! — повторялъ онъ, вида мою нерѣшительность. — И, слава Богу, имѣю достаточно денегъ, чтобы угощать такими вещами всехъ своихъ знакомыхъ.

— Да вы скажите прежде, чтѣ это такое?

Ферульяку только и надобно было услышать подобный вопросъ. Онъ садился въ кресло, безцеремонно отодвигалъ мои бумаги и съ манерами извозчика, — мой сосѣдъ, впрочемъ, не скрывалъ, что онъ въ молодости былъ кучеромъ и погонщикомъ скота, — начиналъ излагать неистощимый запасъ своихъ медицинскихъ познаній. Онъ говорилъ о жень-шенѣ, о рогахъ изюбра, о брунне-секаровой жидкости, о гомеопатіи, о фиолетовыхъ и красныхъ лучахъ, о тибетскихъ травахъ и китайскомъ способѣ лѣченія земляными червями, отваромъ пауковъ и вытяжками изъ гусеницъ шелкопряда. Былъ только одинъ способъ прекратить словоизверженіе Ферульяка, прерываемое хриплымъ кашлемъ, отъ котораго звенѣли хрустальныя подвѣски въ лампахъ, — это встать и рѣшительно заявить, что вы должны идти, что вамъ некогда слушать лекцію о какомъ-нибудь индійскомъ бальзамѣ, но и послѣ этого бывшій кучеръ сдавался не сразу. Онъ загоразживалъ двери своимъ короткимъ тучнымъ тѣломъ, удерживалъ меня за пуговицы сюртука толстыми пальцами, украшенными перстнями съ цѣлебными камнями, и продолжалъ говорить, пока вдругъ не вспоминалъ, что ему пора бѣжать въ какой-нибудь кабинетъ металлотерапіи или принимать свѣтовую ванну. Другимъ моимъ сосѣдомъ былъ опереточный артистъ, носившій отдаленный мѣхомъ камзолъ фантастическаго покроя, яркій бархатный жилетъ съ черными и красными разводами и голубыя лайковые перчатки. Мосей Третьякъ, хорошо извѣстный посѣтителемъ веселыхъ ночныхъ уголковъ Парижа, желалъ быть оригинальнымъ и неподражаемымъ во всемъ, начпная съ внѣшности. Ему дѣйствительно удалось добиться этой трудной цѣли, казалось бы, превосходившей силы пустого и ограниченнаго маляго,

какимъ онъ былъ. Булавку въ галетку Третьяка украшалъ искусственный брильянтъ, отполированный въ видѣ чеченицы, смотря въ которую можно было увидѣть панораму Неаполитанскаго залива; его черная тяжелая палка заканчивалась серебрянымъ черепомъ, глаза котораго свѣтились въ темнотѣ; кошелекъ былъ изъ настоящей человѣческой кожи, — такъ, по крайней мѣрѣ, уверялъ самъ актеръ, — а матеріаломъ для часовой цѣпочки послужили пепельные, каштановые, черные и золотистые волосы, подаренные на память этому поистинѣ необыкновенному человеку его старыми и новыми пріятельницами. Но самое изумительное изъ его оригинальныхъ свойствъ заключалось въ той манерѣ, съ какой онъ снималъ и клалъ свой цилиндръ, стягивалъ съ пальцевъ и бросалъ перчатки.

— Искусство снимать шляпу — величайшее искусство, — говорилъ мнѣ Третьякъ, искренно удивляясь той небрежной манерѣ, съ какой я продѣлывалъ необходимыя для этого движенія. — Тутъ все должно быть обдуманно и разсчитано, потому что очень часто, напримѣръ, на прогулкѣ въ Булонскомъ лѣсу или на скачкахъ, вы, при помощи шляпы и головы, можете завязать новыя, полезныя и цѣбныя знакомства или разстроить старыя. Есть сорокъ семь способовъ кланяться, но я избралъ еще сорокъ восьмой и сорокъ девятый. Я снимаю цилиндръ не спереди, а сзади, чтѣ позволяетъ не закрывать лица. Теперь перчатки. При помощи десяти пальцевъ, затянутахъ въ лайковую кожу, вы можете разыгрывать цѣлыя симфоніи, не произнося ни одного слова, выражать самыя разнообразныя чувства.

Въ то время, когда я жилъ на Rue de la Paix, артистъ не имѣлъ ангажемента и занимался тѣмъ, что показывалъ туристамъ, съ которыми онъ повсюду заводилъ знакомства, „самое интересное“ въ Парижѣ, неизмѣнно начиная эти обзоры съ Версаля и заканчивая ихъ... Но кто же сумѣетъ сказать, гдѣ и передъ чѣмъ остановится господинъ Третьякъ, располагающій туго набитымъ кошелекомъ скучающаго иностранца или провинціала.

Въ одно ненастное утро, когда хлопья мокраго снѣга залѣплили зеркальныя окна модныхъ магазиновъ противъ отеля, въ мою комнату, не постучавшись, ворвался толстый Ферульякъ. Онъ былъ еще не одѣтъ и явился въ ночной рубашкѣ и ковровыхъ туфляхъ, волоча за собою голубыя подтяжки.

— Слышали? Вотъ такъ исторія! — кричалъ онъ. — Въ нашемъ коридорѣ поселился еще одинъ жилецъ. И знаете, кто? Пусть я лопну, если это не самъ Дюфуръ! Вотъ она штука-то какая!..

Разбогатѣвшій погонщикъ скота сіялъ отъ восторга, какъ будто прїездъ этого Дюфура былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ его жизни.

— А кто онъ такой, этотъ Дюфуръ? — спросилъ я, продолжая умыться.

— Какъ, вы не знаете? Ну — такъ я васъ сейчасъ запроважу. Дюфуръ, знаменитый ученый; онъ избралъ или избрѣваетъ аппаратъ для соединенія лучей радія, которые испускаетъ земля; понимаетъ, чтѣ изъ этого можетъ произойти? Я купилъ такую штучку и у себя въ Руанѣ буду собирать эти лучи, какъ дождевую воду. Все, кто пожелаетъ лѣчиться, пожалуйста къ Ферульяку, который ни съ кого не возьметъ ни одного сантима. А если кто-нибудь не пожелаетъ поцѣлиться добровольно, тому я угрожаю радійную ванну въ его собственномъ домѣ! Ха-ха-ха!.. Вотъ будетъ потѣха; никто не отвертится. Хочешь, не хочешь, а лѣчься! Повернулъ стекла, зеркала, нажалъ кнопку — и закапываетъ черезъ стѣну радиоактивные души. Сейчасъ одѣваюсь и иду къ Дюфуръ! Я предложу ему за аппаратъ самую высокую цѣну. Тутъ набитый бумагами дѣйствуетъ иногда сильнѣе радія.

Закончив свою болтовню этой плоской остротой, Ферульяк убрался в свою комнату доканчивать туалет, а я могъ приступить за чтение газеты. Просматривая „Temps“, я увидѣлъ въ отдѣлѣ хроники небольшую заметку о профессорѣ Дюфурѣ.

„Знаменитый химикъ, — писала газета, — продолжаетъ свои работы надъ изобрѣтеніемъ взрывчатого вещества неслыханной силы, которое должно внести полный переворотъ въ военное дѣло. Пиронитъ, — такъ называлъ это вещество профессоръ Дюфуръ, — создастъ такую же новую эру въ борьбѣ народовъ, какъ и изобрѣтеніе пороха. Всѣ крѣпости придется срыть, потому что онѣ не будутъ представлять болѣе никакой защиты отъ разрушительнаго дѣйствія снарядовъ, а сраженія полевыхъ армій станутъ напоминать мною о бояхъ боговъ и титановъ, въ которыхъ принимали участіе стихійныя силы природы. Къ сожалѣнію, Дюфуръ до настоящаго времени вынужденъ производить опыты на свои личныя средства, такъ какъ тѣ физико-химическіе принципы, на которыхъ онъ основываетъ свое изобрѣтеніе, не получили общаго признанія, относятся къ болѣе темной области въ наукѣ о природѣ и вызвали множество возраженій со стороны не менѣе выдающихся ученыхъ, чѣмъ и самъ изобрѣтатель пиронита“.

Я подумалъ, что такой человѣкъ можетъ быть одинаково и гениемъ и ученымъ шарлатаномъ, который надѣется извлечь груды золота изъ своего мнимого открытія. Въ этотъ день мнѣ, повидимому, не суждено было заниматься ничѣмъ другимъ, какъ только разговорами о Дюфурѣ. Онъ оказался блестящей комедіей, нарушившей жизнь соннаго и скучнаго отеля. Едва я успѣлъ окончить чтение газетъ, какъ въ комнату вошелъ Третьеръ, держа въ рукахъ тщательно выточенный цилиндръ.

— Я иду къ Дюфурѣ! Эти ученые нуждаются въ томъ, чтобы ихъ время отъ времени встряхивали и освѣжали.

— На мѣстѣ Дюфура я не пожалѣлъ бы для васъ нѣсколькихъ граммовъ его знаменитаго пиронита.

— А я вамъ говорю, что со всѣми своими взрывчатыми веществами онъ не устоитъ передъ Третьеромъ. Черезъ два-три часа мы поѣдемъ съ нимъ въ Версаль, или въ Булонскій лѣсъ, а вечеромъ будемъ ужинать въ кафе, на углу площади Оперы. Приходите туда, я васъ съ нимъ познакомлю!

Третьеръ два раза повернулся передъ зеркаломъ, стеръ платкомъ часть пудры съ лица и направился къ двери.

— Пойдите! — остановилъ я его. — Объясните мнѣ ради всего святаго, какимъ путемъ вамъ удастся каждую минуту заводить все новыя и новыя знакомства и притомъ съ людьми, у которыхъ съ вами нѣтъ ничего общаго. Вчера утромъ вы утащили куда-то изъ пятаго номера почтеннаго частора, вечеромъ овладѣли какимъ-то подозрительнымъ полскимъ графомъ, третьяго-дня я видѣлъ васъ въ обществѣ двухъ не совсѣмъ трезвыхъ московскихъ купцовъ, которымъ вы почему-то показывали Вандомскую колонну, сегодня этотъ страшный изобрѣтатель пиронита, а завтра, можетъ-быть, какой-нибудь перувианецъ или тамбовскій помѣщикъ. Какая-то человѣческая энциклопедія! И удивительно все, что со всѣми ими у васъ съ необычайной скоростью завязываются пріятельскія отношенія. Чтѣ это за необыкновенная способность?

Третьеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Чтѣ же тутъ необыкновеннаго?

— Ну, хотя бы то, что вы находите темы для разговоръ со всѣми этими вѣчно смѣняющимися людьми.

— Я никогда не ищу темы, — отвѣтилъ Третьеръ. — Мы говоримъ все обь одномъ и томъ же. Со мной всѣ могутъ быть совершенно открытыми, такъ какъ я лишенъ всякихъ предразсудковъ, англійскихъ, американскихъ, испанскихъ, или вашихъ русскихъ. Одинъ очень извѣстный англійскій романистъ сказалъ мнѣ: „вы, Третьеръ, въ моральномъ смыслѣ человѣкъ совершенно голый. Поэтому всѣ такъ легко и свободно себя съ вами чувствуютъ“. Однако мнѣ пора къ Дюфурѣ! Не забудьте, въ десять часовъ приходите въ кафе!

Любопытство мое было сильно задѣто, и вечеромъ, несмотря на отвратительную погоду, я пошелъ на площадь Оперы. Кафе, куда пригласилъ меня Третьеръ, принадлежить къ числу самыхъ дорогихъ и роскошныхъ во всемъ Парижѣ. Здѣсь не бываетъ той суетливой толкотни, какъ въ заведеніяхъ подобнаго рода на соседнихъ бульварахъ. Войдя въ небольшую залу, устланную пушистымъ розовымъ ковромъ, съ позолоченной эстрадой для музыкантовъ, я сразу увидѣлъ круглое, сіяющее счастьемъ лицо Ферульяка, рядомъ съ нимъ прямую фигуру Третьера и напротивъ высокаго, слегка сгорбленнаго человѣка, лѣтъ пятидесяти.

бленнаго человѣка, лѣтъ пятидесяти. У него были черныя вьющіеся волосы, небольшой красивый лобъ, рѣзко очерченныя, точно подведенныя карандашомъ брови. Выраженіе лица было насмѣшливое и вмѣстѣ съ тѣмъ грустное. Третьеръ быстро поднялся мнѣ навстрѣчу и громко представилъ Дюфурѣ. При имени профессора, посѣтители кафе, сидѣвшіе за соседнимъ столомъ, повернулись въ нашу сторону и съ любопытствомъ посмотрѣли на ученаго.

— Я давно собирался поѣхать въ Россію, — сказалъ Дюфуръ, послѣ того, какъ мы обмѣнялись нѣсколькими фразами о качествахъ вина, заказаннаго съ шумной суетливостью Ферульякомъ. — Но меня пугаютъ ваши разстоянія. Россія такъ огромна, что ее надо изучать долгіе годы. Странный, загадочный и еще несложившійся міръ, въ родѣ тѣхъ материковъ и морей отдаленныхъ геологическихъ эпохъ, гдѣ силы природы работали съ удвѣсятерной энергіей и производили все новыя и новыя формы жизни.

Дюфуръ поднялъ свой стаканъ съ виномъ и задумчиво смотрѣлъ черезъ него на яркій свѣтъ лампы. У него, вообще, была манера внезапно прерывать разговоръ и о чемъ-то сосредоточенно думать, не обращая вниманія на своихъ собесѣдниковъ.

Потомъ ученый началъ подробно разспрашивать меня о Россіи, и видно было, что всѣ вопросы онъ задавалъ съ какой-то заатаенной цѣлью, прикрываясь лишь отвлеченнымъ интересомъ, который возбуждала у него великая сѣверная имперія. Ферульяку нашъ разговоръ, видимо, очень не нравился. Онъ то и дѣло пытался вернуться къ тѣмъ свойствамъ радія, но Дюфуръ отмахивался отъ него, какъ отъ назойливой мухи. Мы просидѣли до закрытія кафе, и я вмѣстѣ съ профессоромъ вернулся въ отель, а Третьеръ и руанскій купецъ, поддерживая другъ друга, направились въ сторону Итальянскаго бульвара и исчезли въ шумной толпѣ.

Такъ началось мое знакомство съ человѣкомъ, великое изобрѣтеніе котораго, какъ я теперь навѣрное знаю, могло бы въ нѣсколько дней уничтожить всѣ силы Германіи, накопленныя ею въ теченіе десятковъ лѣтъ. Пиронитъ Дюфура дѣйствительно существовалъ, и скрытой въ немъ силѣ не могло противиться никакое человѣческое сооруженіе. Правильнѣе было бы сказать, ничто материальное не могло уцѣлѣть подъ дѣйствіемъ этого адскаго разрушительнаго пламени, которое превращало въ первобытный хаосъ, въ лучи, исчезающіе за предѣлами нашей планеты, все, чтѣ приходило съ нимъ въ соприкосновеніе. Какъ читатель увидитъ ниже, пользуясь изобрѣтеніемъ Дюфура, его демономъ разрушенія, заключеннымъ въ платиновыя трубки, можно было уничтожить, стереть съ лица земли не только любую городъ, крѣпость или армію, но взорвать, распылить, превратить въ ничто любую величественную горную цѣпь, въ родѣ Альпъ или Гималаевъ.

Я впоследствии узналъ, что, когда мы сидѣли въ мирномъ кафе на площади Оперы, небольшая трубочка съ пиронитомъ лежала въ карманѣ Дюфура. Мнѣ становится смѣшно и страшно, когда я вспоминаю красное добродушное лицо пошляка Ферульяка, легкомысленнаго и развязнаго Третьера и между ними этого гения разрушенія, который спокойно, маленькими злотками пилъ

...Я увидѣлъ круглое лицо Ферульяка, рядомъ съ нимъ прямую фигуру Третьера и напротивъ высокаго, слегка сгорбленнаго человѣка, лѣтъ пятидесяти.

шамбертенъ и время отъ времени дотрогивался рукою до футляра, оклееннаго красной сафьяновой кожей, въ которомъ лежало то ужасное, что могло въ нѣсколько минутъ образовать въ центрѣ Парижа крутящійся огненный вихрь, постепенно углубляющійся въ землю, въ которомъ, какъ въ гигантскомъ водоворотѣ, исчезли бы театры, дворцы, каменные громады домовъ, люди и сама земля. Возвращаюсь къ прерванному разсказу. На слѣдующій день утромъ ко мнѣ въ комнату неожиданно вошелъ Дюфуръ. Къ моему удивленію, онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, касающихся моихъ занятий на родинѣ, спросилъ, долго ли я предполагаю оставаться во Франціи, и наконецъ сказалъ:

— Такъ какъ васъ ничто не удерживаетъ въ Парижѣ и, въ качествѣ журналиста, вы хотѣли бы увидѣть какъ можно больше, то я былъ бы очень радъ, если бы вы нашли возможнымъ заглянуть ко мнѣ въ Авиньонъ. Это прекрасный, древній и очень интересный городъ. Моя лабораторія помѣщается въ опустѣвшемъ монастырѣ бернардинцевъ, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ центра Авиньона. Мѣста у меня много, такъ какъ монахи не переставали строить свой каменный лабиринтъ въ теченіе трехъ столѣтій, и я самъ не знаю всѣхъ угловъ и переходовъ этого безконечнаго сооруженія. Съ своей стороны вы будете мнѣ очень полезны, если поможете выучиться русскому языку, на которомъ я свободно читаю, но мнѣ теперь необходима практика.

— Ваше приглашеніе слишкомъ неожиданно! И потому я не могу такъ долго оставаться въ Авиньонѣ, чтобы вы могли извлечь серьезную пользу изъ моихъ уроковъ.

— Я полагаю, что мнѣ не хватаетъ главнымъ образомъ правильнаго произношенія, — отвѣтилъ Дюфуръ, переходя на русскій языкъ. — Какъ видите, я достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ!

— Разрѣшите мнѣ спросить, чтобы облегчить задачу, съ какой цѣлью вы изучаете русскій языкъ?

Дюфуръ минуту помолчалъ и потомъ отвѣтилъ:

— Можетъ-быть, мнѣ все-таки придется поѣхать въ Россію. Послѣ Франціи это единственная страна, которой я могу предложить свой трудъ.

— Какъ профессоръ химіи?

— Нѣтъ, какъ изобрѣтатель.

— Хорошо. Такъ какъ я собирался ѣхать въ Марсель, то ваше приглашеніе не нарушаетъ моихъ плановъ. Черезъ двѣ или три недѣли я буду въ Авиньонѣ, но не рѣшаюсь сказать, сколько времени могу прожить въ вашемъ монастырѣ.

Дюфуръ былъ, видимо, очень доволенъ моимъ согласіемъ.

— Вы только пріѣзжайте, а тамъ мы сумѣемъ васъ удержать, — сказалъ онъ на прощанье. — Телеграфируйте, я вышлю на вокзалъ автомобиль.

Онъ пожалъ мнѣ руку и направился къ дверямъ, но на порогѣ остановился и сказалъ фразу, страннаго смысла которой я долго не могъ понять:

— Какая бы ни была погода, вы поѣдете въ открытомъ экипажѣ, — непременно въ открытомъ! — и, пожалуйста, сидите такъ, чтобы васъ хорошо было видно всѣмъ, кто идетъ по сторонамъ дороги.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

II.

Изобрѣтатели пиронита.

Въ Авиньонѣ я пріѣхалъ въ теплое, пасмурное, апрѣльское утро. Иногда накрапывалъ мелкій дождь, порывы вѣтра буйно и весело шумѣли въ вершинахъ нивъ и топей; но, несмотря на тучи и дождь, въ этой части цвѣтущей долины Роны уже чувствовалось широкое и свѣжее дыханіе южнаго моря. Я вышелъ изъ вокзала и увидѣлъ у подъѣзда большой чернѣйшій автомобиль съ откинутымъ парусиновымъ верхомъ. Шоферъ, угрюмый, плечистый малый, молча открылъ дверцу и, пока носильщикъ размѣщалъ мои корзины и чемоданы, пристально и внимательно смотрѣлъ на меня, держа руку въ толстой кожаной перчаткѣ на рулевомъ колесѣ. Я сразу замѣтилъ въ лицѣ этого человѣка какую-то странную, неприятную особенность, но не могъ понять, въ чемъ она заключается, пока одинъ изъ носильщиковъ, побрякивая полученными деньгами, не крикнулъ шоферу:

— Ну, Морло, протри хорошенько свой стеклянный глазъ, чтобы не вывалить въ Рону багажъ и пассажира!

Морло промолчалъ и пустилъ въ ходъ машину. Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы мчались по блестящей отъ дождя асфальтовой мостовой, онъ повернулся ко мнѣ и медленно, раздѣляя слова, сказалъ:

— Стеклянные глаза тоже имѣютъ свои преимущества!

Я не нашелъ, что отвѣтить на это странное замѣчаніе... На улицахъ Авиньона, древняго центра католичества, на каждомъ поворотѣ видишь какую-нибудь средневѣковую башню съ узкими, какъ щели, окнами, церковь или часовню, украшенную изображеніями святыхъ и аллегорическихъ чудовищъ. Иногда эти каменными изваяніями не хватаетъ мѣста на стѣнахъ, и они, подобно густо разросшимся вьющимся растениямъ, поднимаются надъ крышами, ослѣпляютъ колонны, заглядываютъ въ цвѣтныя окна. Рядомъ съ этими остатками исчезающаго міра выростъ новый богатый городъ, строеніе котораго тѣснѣе и давятъ каменные призраки отдаленнаго прошлаго. Блеснула Рона, и на широкой глади я увидѣлъ уродливое очертаніе четырехъ раз-

рушенныхъ арокъ стариннаго моста, построеннаго, по преданію, чортомъ и св. Бенезомъ. Я спросилъ шофера объ этой легендѣ.

— Не знаю! — отвѣтилъ онъ. — Въ Авиньонѣ давно уже нѣтъ ни святыхъ ни чертей. — Легко обогнуть ѣхавшій намъ навстрѣчу огромный фургоны, онъ добавилъ: — Впрочемъ, одного я видѣлъ!

— Кто?

— Полагаю, что это было то, о чемъ вы спрашиваете, — уклончиво отвѣтилъ шоферъ.

— Гдѣ же вы его видѣли? — спросилъ я, все болѣе и болѣе удивляясь страннымъ отвѣтамъ и замѣчаніямъ моего спутника.

Но Морло снова замолчалъ, и молчалъ, пока мы не пробѣжали мимо зеленаго острова Бартеласа, густо заросшаго у береговъ старыми ивами, вѣтви которыхъ наклонялись къ самой водѣ. Когда мы миновали городъ, дождь усилился; я было хотѣлъ нарушить просьбу Дюфура и попросилъ шофера поднять парусиновый верхъ, но Морло отрицательно покачалъ головой. Я раскрылъ зонтикъ и сидѣлъ среди своихъ намокшихъ вещей, смотря на ярко-зеленыя поля, убѣжавшія по обѣимъ сторонамъ превосходнаго широкаго шоссе. Впереди показалась роща, и Морло вдругъ замедлилъ ходъ автомобиля. Это меня окончательно вывело изъ терпѣнія.

— Послушайте, любезнѣйшій, — сказалъ я, — мнѣ совѣмъ не нравится мокнуть подъ дождемъ! Слышите?

— Благодарю васъ, я слышу очень хорошо!

— Что такое? — закричалъ я, окончательно разсерженный этимъ глупымъ отвѣтомъ. — Потѣжайте поскорѣй!

— Вы куда хотите сегодня дѣхать?

— Къ профессору Дюфуру, конечно. Что за вопросъ?

— Ну, такъ если вы не хотите очутиться въ другомъ мѣстѣ, то мы должны ѣхать черезъ лѣсъ самой малой скоростью.

— Ничего не понимаю.

— Если бы вы и понимали, то дождь мочилъ бы васъ не меньше.

— Я буду жаловаться Дюфуру на ваше поведеніе.

— Теперь, я думаю, онъ насъ хорошо видитъ, — пробурчалъ Морло.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на зеленую стѣну кустарника и топей, омытыхъ дождемъ, и вдругъ увидѣлъ или, вѣрнѣе, почувствовалъ, что за нами кто-то внимательно наблюдаетъ, прячась за группой отдѣльно росшихъ деревьевъ. На мгновеніе мнѣ показалось, что между склоненными къ землѣ вѣтвями, на которыхъ въ эту минуту золотомъ брызнуло солнце мелькнула чья-то черная фигура.

Автомобиль понесся, какъ стрѣла. Шоферъ, видимо, стараясь наверстать потерянное время, и черезъ десять минутъ мы влетѣли въ раскрытыя ворота, скрившіяся на заржавленныхъ петляхъ, и, описавъ широкую дугу по заросшему травой пустырю, остановились передъ боковыми дверями заброшеннаго монастыря.

При взглядѣ на это зданіе я пожалѣлъ, что принялъ приглашеніе Дюфура. Глубокая печаль была въ покрытыхъ плѣсенью и мохомъ низкіхъ аркахъ, уходящихъ въ землю, печаль нѣмая и блѣдная смотрѣла въ длинные ряды оконъ съ выбитыми стеклами. Молчаніе и мракъ царилъ въ этомъ гигантскомъ каменномъ трупѣ. Отдѣльныя зданія, соединенныя крытыми галереями и колоннадами, постройки и башки, круглыя и четырехугольныя, образовали хаотическое нагроможденіе бездушнаго камня, лишенное красокъ, симметріи и стиля. Казалось, что всѣ эти сооруженія, принадлежавшія разнымъ вѣкамъ и эпохамъ, сошлись на пологомъ склонѣ холма, чтобы тоскливо закончить здѣсь свою долгую жизнь. Массивная дубовая дверь, почернѣвшая отъ времени, въ которую какимъ-то условнымъ образомъ, съ короткими промежутками, простучалъ Морло, была украшена великолѣпной художественной рѣзьбой, изображавшей шестіе химеръ. Надъ дверями, въ глубокой нишѣ, освѣщенной лучами солнца, помѣщалась мраморная группа, съ страшной живостью воспроизводившая борьбу человѣка съ дьяволомъ. Художникъ представлялъ бѣса въ видѣ того ужаснаго отвратительнаго существа, одного изъ сонма, созданнаго больнымъ воображеніемъ средневѣковыхъ демономановъ, который въ древнихъ хроникахъ и судебныхъ актахъ инквизиціи носилъ имя Бельфегора. Бородавчатыя лапы лягушки, отвисшее брюхо и голова кабана съ крѣпкими коническими бивнями. Борецъ-человѣкъ былъ худой, изможденный бичеваніями, постомъ и молитвою. Онъ упалъ на одно колено и съ послѣднимъ страшнымъ усиленіемъ отталкиваетъ головой и руками мягкое огромное тѣло Бельфегора. Въ углу, подлѣ колонны, стоялъ едва намѣченный рѣзцомъ, неотдѣланный еще отъ камня, ангелъ съ всѣми въ правой рукѣ и ждалъ исхода борьбы.

Дверь открылъ самъ Дюфуръ. Онъ былъ въ сѣрой рабочей блузѣ, подпоясанный широкимъ ремненнымъ поясомъ, и въ войлочныхъ туфляхъ. Проводивъ меня въ особую пустую комнату, единственной мебелью которой служили двѣ широкія скамьи, онъ вернулся къ автомобилю, и я услышалъ голосъ Морло:

— Онъ ждалъ насъ около поворота!

— Ты рассмотрѣлъ его?

— Ну, это не такъ-то легко, особенно, когда смотришь однимъ глазомъ!

Они поговорили еще о чемъ-то шопотомъ. Потомъ Морло внесъ мои вещи, и профессоръ повелъ меня во второй этажъ, въ оби-

таемую часть безконечнаго здания. Мы прошли длинную галерею, украшенную по стѣнамъ и угламъ паутиной, которую пауки плели здѣсь въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, поднялись по узкой каменной лѣстницѣ, и когда Дюфуръ толкнулъ дверь, я вздохнулъ съ облегченіемъ. Мы очутились въ комнатахъ, очищенныхъ отъ пыли и обставленныхъ удобной мебелью. Здѣсь были мягкія кожаныя кресла, столы, заваленные рукописями и книгами, бібліотечныя шкафы, и въ темныхъ закоулкахъ, къ которымъ монахи приходили какую-то страсть, горѣли электрическія лампы. Эти три комнаты Дюфура были радостнымъ и свѣтлымъ оазисомъ среди унылыхъ, гулкихъ хоромъ, гдѣ сѣрая пыль покрывала своды и массивныя скамьи, на каждой изъ которыхъ могли бы усесться два десятка человѣкъ, лежала на гигантскихъ столахъ, построенныхъ изъ корабельнаго лѣса, и при каждомъ дуновеніи вѣтра поднималась съ каменнаго пола.

— Переодѣньтесь въ сухое платье, — сказала Дюфуръ, — и пойдемте обѣдать. Я васъ познакомлю съ моими сотрудниками.

Обѣдъ былъ накрытъ въ старой монастырской столовой, рядомъ съ которой помѣщалась кухня. Зала эта была такъ велика, что въ ней вокругъ стола можно было бы прохлѣвать на парѣ лошадей. У одной изъ стѣнъ находилось высокое рѣзное кресло для настоятеля и надъ нимъ мраморное Распятіе, на другой полустлѣвшія краски позволяли различить смутное очертаніе библейской картины, а противъ нея висѣлъ разорванный холстъ съ изображеніемъ какого-то старика въ черной мантии. Его коричневое лицо почти совершенно слилось съ темнымъ фономъ портрета, но глаза, живые и лукавые, прекрасно сохранились и были такъ удивительно написаны, что, гдѣ бы вы ни сидѣли, они всюду наблюдали за вами, смотря изъ черной застѣвшеи глубины. Когда мы вошли въ эту столовую, въ ней находилось уже два человѣка. Они шумно и горячо о чемъ-то спорили, и голоса ихъ глухо отдавались во всѣхъ углахъ. Собственно, кричалъ одинъ изъ нихъ. — Жакъ Бастьенъ, — плотный приземистый мужчина, лѣтъ сорока. У него была большая голова съ цѣлой гривой черныхъ волосъ, къ которымъ, повидимому, давно не прикасалась гребенка или щетка: блѣдное лицо, съ широкими четырехугольными лбомъ и выдавшеюся впередъ нижней челюстью; густая спутанная черная борода закрывала грудь и въ нѣсколькихъ мѣстахъ была опалена взрывами тѣхъ опасныхъ веществъ, съ которыми постоянно возился этотъ человѣкъ. Одѣтъ онъ былъ чрезвычайно небрежно и неряшливо. Черный, разстегнутый жилетъ покрывали желтыя и бурья пятна, изъ разорваннаго кармана пиджака висѣлъ грязный платокъ, а широкая порывѣвшія панталоны были подвязаны у пояса ремнемъ, оборванные концы котораго спускались до коленъ. Во время разговора онъ имѣлъ привычку непрерывно тереть бороду своей худой рукой съ необыкновенно гибкими, подвижными пальцами. Другой сотрудникъ Дюфура произвелъ на меня несравненно лучшее впечатлѣніе. У него были прекрасныя лучистыя сѣрые глаза, которые невольно останавливали вниманіе того, кто встрѣчалъ этого человѣка. Добрая, застѣнчивая улыбка придавала его некрасивому лицу чрезвычайную привлекательность выраженіе, а тихій голосъ и робкія манеры заставляли предполагать, что Амбруазъ Ренэ былъ воспитанъ женщинами, или выросъ въ одиночествѣ, безъ друзей и товарищей.

Когда мы усѣлись за столъ, Бастьенъ продолжалъ начатый споръ, обращаясь то ко мнѣ, то къ Дюфуру, при этомъ онъ стучалъ ножомъ по тарелкѣ, съ грохотомъ отодвигалъ скамью, уронилъ на полъ стаканъ и производилъ одинъ столько шума, сколько не могли надѣлать всѣ монахи обитатели св. Бернарда, обѣдавшие когда-то въ этой комнатѣ.

— Я знаю, чортъ побери, на что мнѣ нуженъ этотъ пиронитъ или какое-нибудь другое такое вещество! Твердо и отчетливо знаю, иначе зачѣмъ бы я ухлопалъ двадцать лучшихъ лѣтъ на возно съ вонючими газами, ретортами и колбами! Вы думаете, это легко? — набросился онъ на меня. — Пока вы разглагольствуете по лужкамъ и забавляетесь съ пастушками, люди, подобные мнѣ, сидятъ въ каменныхъ клѣткахъ съ тиграми. Чтѣ я говорю, съ тиграми? Хуже! Тутъ одно неосторожное движеніе, пять лишннихъ градусовъ температуры, ничтожная разница въ силѣ тока — и отъ васъ не останется ничего, что можно было бы собрать и безъ величайшаго скандала предъявить по похоронѣ. У Ренэ взрывомъ искалѣчены ноги. Я весь обожженъ. Вотъ, смотрите! — Онъ засучилъ рукавъ и показалъ зарубцевавшуюся рану, выше локтя. — Такіе слѣды у меня на шеѣ, на ногахъ и груди. Часто, входя въ лабораторію при началѣ новыхъ опытовъ, я не знаю, выйду ли изъ нея живымъ. Гдѣ, я васъ спрашиваю, Леру, славный, веселый мальчикъ?

Я не зналъ, гдѣ былъ этотъ Леру.

— Онъ отравился ядовитыми газами. Гдѣ Жиро? Погибъ при взрывѣ лабораторіи. Сентъ-Андре? Сгорѣлъ. А-а... Вы думаете это такъ же легко и просто, какъ болтаться по театрамъ и ресторанамъ. Попробуйте! Держу пари на сто франковъ, что, если я васъ пушу въ мою лабораторію, то черезъ пять минутъ мы всѣ взлетимъ выше Эйфелевой башни, и за нами отправится это дряхлое аббатство. Попробуйте, милости просимъ! Вотъ ключъ!

— Послушайте, Бастьенъ! — вмѣшался Дюфуръ, улыбаясь. — Нашъ гость совсѣмъ не желаетъ производить такихъ опытовъ.

— Ну, такъ пусть онъ не говоритъ о томъ, чего не знаетъ! Вошелъ Морло съ большимъ блюдомъ, на которомъ лежали куски

жаренаго мяса и пучки зелени. За нимъ показался еще одинъ товарищъ Дюфура, высокий, стройный, съ отчетливыми, увѣренными и твердыми движеніями. На головѣ у него была бѣлая повязка, закрывавшая лобъ и правое ухо.

— Капитанъ Рамберъ! — сказалъ Дюфуръ, знакомя насъ. Онъ немного пострадалъ при послѣднемъ испытаніи пиронита.

— Рана почти зажила, — отвѣтилъ Рамберъ, — но я все еще плохо слышу, и поэтому вы меня извините, если я попрошу говорить со мной громче, чѣмъ съ другими.

— Мы по очереди дежуриимъ на кухнѣ, — объяснилъ Дюфуръ, когда мы принялись за ѣду, — такъ какъ весь нашъ штатъ прислуги состоитъ изъ одного Морло. Вамъ поэтому придется извинить насъ за качество кушаній. Впрочемъ, Рамберъ хорошій поварь, а вотъ Бастьенъ... Онъ воображаетъ себя на кухнѣ въ химической лабораторіи и производитъ опыты съ мясомъ, дичью и зеленью, стараясь, должно-быть, приготовить новое взрывчатое вещество.

Всѣ засмѣялись, за исключеніемъ самого Бастьена, который никогда не смѣялся.

— Зато, благодаря этимъ моимъ опытамъ, — сказалъ онъ, — вы можете похвалиться, что ѣли такія кушанья, которыхъ не пробовавъ ни одинъ король, ни одинъ разжирѣвшій буржуа.

— Я думаю, — вставилъ Ренэ.

— Кухня съ начала вѣковъ находится въ рукахъ самыхъ невѣжественныхъ людей. Когда въ нее заглянуть изобрѣтатели, таланты, знанія, тогда только мы съѣдимъ первый хорошій обѣдъ.

— Или совсѣмъ не будемъ обѣдать, — возразилъ Рамберъ.

— Вы-то ужъ, капитанъ, помолчали бы! Не спорю, вы прекрасный физикъ-экспериментаторъ, но на кухнѣ васъ заѣдастъ рутинна. Мой протертый заяцъ, сваренный съ медомъ...

— Есть вещи, о которыхъ лучше не вспоминать, — сказалъ Дюфуръ.

— Прекрасно, но вѣдь хвалили же вы, чортъ побери, телятину, которую я сначала заморозилъ жидкимъ воздухомъ, а потомъ истолокъ въ ступѣ. Впрочемъ, если вы недовольны моими стараніями, то я торжественно, разъ навсегда...

— Перестаньте, Бастьенъ! Мы всѣ благодаримъ васъ за... не знаю, право, какъ назвать эти невиданныя кушанья, но не лучше ли держаться на кухнѣ стараго порядка?

— Это мы еще посмотримъ, — угрожающе пробурчалъ Бастьенъ, жадно обгладывая кость крѣпкими бѣлыми зубами.

Я хотѣлъ вернуться къ началу разговора и узнать, съ какой цѣлью Бастьенъ работаетъ надъ изобрѣтеніемъ новыхъ взрывчатыхъ веществъ, но обѣдъ кончился, и Дюфуръ сказалъ, что я до вечера останусь одинъ, такъ какъ въ лабораторіи много работы.

— Осмотрите пока зданіе, — посоветовалъ ученый. — Оно совершенно пустое, но на всякій случай не заходите въ темныя и отдаленныя закоулки.

Они всѣ вмѣстѣ пошли къ выходу, — впереди Дюфуръ, за нимъ сильно хромавшій Ренэ, потомъ обожженный Бастьенъ и сзади Рамберъ съ забинтованной высоко поднятой головой.

Я наудачу отворилъ одну изъ массивныхъ дверей и очутился въ широкомъ коридорѣ со сводчатымъ низкимъ потолкомъ. Пройдя его, я попалъ въ часовню, въ которой царилъ жуткій полумракъ; на каменныхъ плитахъ пола и рѣшетки, сплетенной изъ желѣзныхъ лилій и виноградныхъ листьевъ, лежали яркія красныя и фіолетовыя пятна солнечнаго свѣта, проникавшаго сюда черезъ круглое окно съ цвѣтными стеклами. Черезъ маленькую боковую дверь я попалъ въ какой-то узкій темный туннель, въ концѣ котораго брезжилъ чуть замѣтный свѣтъ. Въ десяти шагахъ отъ часовни въ глубокой нишѣ можно было различить ступени винтовой лѣстницы, уходившей куда-то вверхъ. Меня гичалъ охватывать смутный страхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ росло и жуткое любопытство, заставлявшее изслѣдовать всѣ углы и переходы этого каменнаго лабиринта. Поднявшись по лѣстницѣ, я попалъ въ квадратную башню, служившую, должно-быть, тюрьмой, такъ какъ узкое окно было задѣлано густой желѣзной рѣшеткой, а на стѣнѣ уцѣлѣло ржавое кольцо съ короткой въ два фута цѣпью. Спустившись обратно и дойдя до конца туннеля, я, къ своему удивленію, увидѣлъ шофера Морло, который стоялъ среди большой залы и, наклонившись къ пыльному полу, внимательно разсматривалъ одну изъ каменныхъ плитъ.

— Чтѣ вы здѣсь дѣлаете? — спросилъ я.

Морло вздрогнулъ и выпрямился.

— Чтѣ дѣлаю? А вотъ посмотрите сюда! Видите: слѣдъ чьей-то ноги.

— Прекрасно вижу, но чтѣ же тутъ необыкновеннаго?

— Если есть слѣдъ, значитъ, былъ человѣкъ, — отвѣтилъ Морло съ такимъ выраженіемъ, какъ будто сомнѣвался въ справедливости своего вывода.

— Конечно!

— Но куда же онъ дѣвался?

— Если его нѣтъ здѣсь, значитъ, ушелъ, — отвѣтилъ я, улыбаясь.

— Да, это правильно! Хотя онъ, можетъ-быть, все еще здѣсь, рядомъ съ нами.

Я невольно оглянулся.

— Но его не такъ-то легко увидѣть: я ищу его цѣлый мѣсяцъ и еще ни разу не встрѣчалъ.

«...А вот посмотрите сюда! Видите: слѣдь-чьей то ноги».

— Да вѣдь этотъ слѣдь могъ оставить Дюфуръ или кто-нибудь изъ его помощниковъ.

— Посмотрите хорошенько, вѣдь это отпечатокъ босой ноги. Тутъ я только замѣтилъ, что на слѣдь сѣрой пыли остались слѣды пальцевъ: это обстоятельство заставило меня вдругъ чего-то испугаться.

— Теперь вы поймете, въ чемъ дѣло, — продолжалъ Морло, замѣтивъ мое волненіе и тотъ интересъ, съ которымъ я вновь принялся разсматривать отпечатокъ большой грубой ноги. — Тутъ творится какая-то чертовщина. Этотъ босой человѣкъ или дьяволъ расхаживаетъ повсюду, я находилъ его слѣды въ третьемъ этажѣ и въ подвалахъ, но еще не разу не видѣлъ его самого и полагаю, что его никто не увидитъ.

Мы невольно говорили шопотомъ, такъ какъ въ этой части здания эхо повторяло каждое слово, и эти глухіе голоса камней производили до крайности неприятное впечатлѣніе. У меня очень тонкій слухъ, и въ тотъ моментъ, когда Морло замолчалъ, я услышалъ осторожные мягкіе шаги въ той самой галлерей, которую только-что прошелъ.

— Онъ тамъ! — сказалъ я, поднимая руку и чувствуя, какъ на мгновенье замерло сердце.

— Скорѣй! — закричали разомъ я, Морло и звучныя стѣны.

Стуча сапогами по истертымъ плитамъ, мы бросились ко входу въ туннель, пробѣжали его быстрѣе вѣтра до часовни, но всюду было пусто и тихо, и только на башнѣ надъ нашей головой скрипѣлъ и стоналъ заржавленный флюгеръ.

Когда я вернулся въ уютную комнату Дюфура и усѣлся въ мягкое удобное кресло, вся эта исторія начала постепенно утрачивать свои жуткія очертанія, и мое поведение мнѣ самому стало казаться смѣшнымъ и нелѣпымъ. Испугаться слѣда чьей-то босой ноги! Какъ будто въ монастырь не могъ зайти какой-нибудь крестьянинъ или пастухъ, желавшій укрыться отъ дождя или осмотрѣть заброшенное зданіе, въ которое можно было проникнуть черезъ десятки входовъ и разбитыя окна. Я и Морло такъ кричали, что непременно должны были напугать этого бѣдняка, который, вѣроятно, безъ оглядки бѣжитъ теперь подъ проливнымъ дождемъ. Можетъ-быть, я увидѣлъ бы его въ окно, если бы горизонта не закрывали большія деревья, росшія во-

кругъ овалнаго пруда съ темно-зеленой водой. Этотъ уголокъ запущеннаго и заброшеннаго парка подъ окнами Дюфура производилъ такое же мрачное, тоскливое впечатлѣніе, какъ и самое зданіе. Вода застыла, узелка, и казалось, никакая буря не могла всколыхнуть гладкую поверхность искусственнаго озера, среди котораго чернѣли двѣ наполовину затонувшія лодки. Въ деревьяхъ не чувствовалось жизни, не видно было веселаго, радостнаго трепетанія листьевъ и вѣтвей, слившихся въ одну безформенную тяжелую массу. На мѣстѣ Дюфура я предпочелъ бы наглухо закрыть эти окна и цѣлый день пользоваться электрическимъ свѣтомъ, лишь бы не видѣть угнетающей картины тлѣнія и разрушенія. Вечеръ я провелъ въ одиночествѣ, скучая надъ какимъ-то ученымъ трактатомъ о радиоактивныхъ веществахъ. Къ ужину мы все снова собрались въ монастырской столовой. Свѣтъ лампы, спускавшейся съ потолка, падалъ на уголокъ стола и на небольшую часть каменнаго пола, — все остальное пространство оставалось во мракѣ; тамъ шла какая-то своя жизнь, странная, чуждая и непонятная для насъ.

Мои новые знакомые завели сначала ученый споръ объ источникахъ атомной энергіи, въ которомъ я ничего не понималъ, но потомъ разговоръ перешелъ на болѣе интересную для меня тему.

— Такая дождливая и темная ночь, какъ сегодня, очень удобна для этого проклятаго Икса, — сказалъ Бастень, оглядываясь въ ту сторону, гдѣ смутно видѣлся рядъ глубокихъ оконныхъ нишъ. — Вы осмотрѣли двери, Рамберъ?

Капитанъ молча кивнулъ головой.

— Кто этотъ Иксъ? — спросилъ я.

Бастень пожалъ плечами.

— Объ этомъ я знаю не больше вашего, за исключенеіемъ того, что встрѣча съ этимъ человѣкомъ можетъ имѣть очень скверныя послѣдствія для него или для меня.

Я вопросительно посмотрѣлъ на Дюфура.

— Видите ли, — сказалъ профессоръ, — съ нѣкотораго времени наша лабораторія и заключенные въ ней матеріалы представляютъ такую цѣнность, какъ если бы здѣсь хранилось все золото французскаго банка. Пиронитъ и, главное, искусство его приготовленія въ переводѣ на деньги означаютъ миллиарды франковъ. Вѣрнѣе говоря, — нѣтъ, не можетъ быть такой суммы, въ какую возможно было бы оцѣнить мое изобрѣтеніе.

— Наше изобрѣтеніе! — поправилъ Бастень.

Я съ трудомъ скрылъ недовѣрчивую улыбку при взглядѣ на грязную скатерть, сѣрыя дешевыя тарелки и блюдо съ отбитымъ краемъ, которое стояло передъ этими сказочными богачами.

— Не знаю, какимъ путемъ, — продолжалъ Дюфуръ, — кому-то, несмотря на всю нашу осторожность, удалось довольно точно ознакомиться со свойствами пиронита. Мѣсяца за два до вашего пріѣзда, почти въ тотъ самый день, когда производились первые опыты съ пиронитомъ, мы получили письмо...

— И довольно страннымъ способомъ! — прервалъ Ренэ профессоръ. — Мы нашли конвертъ на этомъ столѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ вашъ приборъ.

— Вотъ это письмо, — сказалъ Рамберъ, протягивая мнѣ четверо сложенный листъ бумаги.

Развернувъ его, я увидѣлъ нѣсколько строгъ, написанныхъ твердымъ, размашистымъ почеркомъ:

«Профессоръ Дюфуръ и его друзья извѣщаются что они должны не позднее конца марта составить подробное описаніе приготовленія пиронита и положить рукопись сзади алтара, въ круглой часовнѣ. Въ противномъ случаѣ все они будутъ приговорены къ смерти, и ни одинъ изъ нихъ не покинетъ этого монастыря».

Вмѣсто подписи стояла большая буква X.

— Подобныя же письма мы получали еще два раза. — продолжалъ Дюфуръ. — По нѣкоторымъ причинамъ я считаю дѣло это очень серьезнымъ, и поэтому просить васъ бѣжать въ открытомъ экипажѣ, чтобы вы не подверглись той опасности, которая угрожаетъ только мнѣ и моимъ товарищамъ.

Я хотѣлъ возразить профессору, что онъ, можетъ-быть, преувеличиваетъ размѣры опасности, но промолчалъ, вспоминая мелькнувшую между деревьями около дороги черную фигуру.

— Желалъ бы я встрѣтиться съ этимъ негодяемъ, — задумчиво сказалъ Рамберъ.

— Ваше желаніе легко исполнить, — насмѣшливо отвѣтилъ Бастень, ловко бросая хлѣбный шарикъ въ портретъ стараго монаха, который своими живыми глазами смотрѣлъ на нашу компанію изъ глубины рамы. — Пройдите сейчасъ по всемъ галлерей, и навѣрное вы гдѣ-нибудь наткнетесь на почтеннаго Икса.

— И получу изъ-за угла пулю, какъ это случилось съ Ренэ

— Какъ, дѣло дошло уже до этого? — спросилъ я.

— Да, это произошло три дня тому назадъ, — сказалъ Ренэ. — У меня была привычка ходить вечеромъ по одному изъ безчисленныхъ коридоровъ, обдумывая сложные и запутанные вопросы, на которые я наталкивался во время работы въ лабора-

торин. Проходя мимо какого-то отверстия в стѣнѣ, я вдругъ услышалъ сзади слабый шорохъ, быстро обернувшись, и это сильное движеніе спасло мнѣ жизнь, такъ какъ пуля ударила въ вершокъ выше моей головы.

— Отчего вы не обратитесь къ полиціи?—спросилъ я у Дюфура. Профессоръ улыбнулся.

— Во-первыхъ, что же можетъ сдѣлать полиція съ этимъ никому невѣдомымъ Иксомъ? А во-вторыхъ,—полицейскіе чиновники слишкомъ любопытны, и я поэтому не хотѣлъ бы пускаться ихъ дальше порога.

— Я, напримѣръ, не имѣю ни малѣйшаго желанія встрѣчаться съ жандармами и судебными слѣдователями!—воскликнулъ Бастень.— Но они были бы очень рады увидѣть меня здѣсь! А, какъ вы думаете?—спросилъ онъ, обращаясь къ Дюфуру.

— Слушайте!—остановилъ насъ Ренэ, поднимаясь съ своего мѣста и вытягивая руку по направленію къ боковой двери.

Мы замолчали, и въ наступившей тишинѣ отчетливо и ясно зазвучало отдаленное жалобное и невыразимо тоскливое пѣніе.

— Что за чертовщина!—сказалъ Бастень, напряженно прислушиваясь.

— Тише!—шопотомъ остановилъ его Амбруазъ, поблѣднѣвъ отъ волненія.—Это церковная служба.

— Или вѣтеръ,—нерѣшительно замѣтилъ Дюфуръ.—Все это знаніе съ десятками коридоровъ и множествомъ расщелинъ напоминаетъ огромный каменный органъ, въ которомъ рождаются самые странные звуки.

— Но только не слова латинской молитвы,—отвѣтилъ Ренэ.— Вотъ теперь громче, слышите?

Но голоса или голоса внезапно умолкли, и, стоя въ свѣтломъ кругу подъ лампой, мы могли уловить лишь отдаленный шумъ деревьевъ и монотонный стукъ дождя за окнами. Рамберъ, который ничего не слышалъ, съ увѣренностью повторилъ:

— Ну, конечно, вѣтеръ, что же еще тутъ можетъ быть?

— Къ чорту всё эти глупыя сказки и старыя легенды!—закричалъ Бастень, съ грохотомъ отодвигая скамью.—Я удивляюсь вамъ, Ренэ; вы вѣдь отлично знаете, что въ мирѣ нѣтъ ничего, кромѣ движенія. Неосвязаемый эфиръ и его колебанія,—вотъ что такое всё вещи и люди.

— Но не могу же я не вѣрить своимъ чувствамъ.

— Лгутъ, обманываютъ и чувствую! Я вѣрю только разуму.

— Мнѣ тоже показалось, что кто-то пѣлъ молитву,—сказалъ я.

— Вздоръ!—кричалъ Бастень съ волненіемъ, и такъ оглушительно стучалъ по столу, какъ будто этимъ стукомъ желалъ заглушить голоса чѣлго сонма призраковъ.—Здѣсь, кромѣ насъ да еще, можетъ-быть, этого подлаго Икса, никого нѣтъ. Но не станеть же Иксъ, человекъ въ высшей степени осторожный и ловкій, распѣвать, какъ дуракъ, въ пустыхъ залахъ, подражая голосу давно исчезнувшихъ отсюда монаховъ. Вы, Ренэ, начинаете легендами, словно браминъ, турецкій святой или проводникъ по катакомбамъ. Для ученаго это весьма скверный багажъ.

— Въ легендахъ иногда можно найти такую же глубину и красоту, какъ и въ научныхъ теоріяхъ,—отвѣтилъ Ренэ.—Это причудливыя фантастическія растенія прошлыхъ вѣковъ, которыя развертываютъ еще кое-гдѣ свои рѣдкіе цвѣты и листья надъ нашей почвой.

— Ихъ надо выколоть, вытоптать, вырвать съ корнемъ, чтобы они не отравляли воздухъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ! Долой всё старыя сказки!—закричалъ Бастень, размахивая своей обожженной рукой.—Мы, ученые и техники, создадимъ самую прекрасную и величественную легенду. Мы сравняемъ горы, превратимъ пустыни въ моря, откроемъ путь въ глубину нашей планеты, устроимъ города около полюса и зажжемъ искусственное солнце! Наступятъ новые дни творенія. Наука изменитъ климатъ, направитъ по новымъ путямъ морскія и воздушныя теченія, вернетъ на землю первобытнаго плезиозавра и мамонта, или создастъ животныхъ еще болѣе чудовищныхъ. Старыя лѣса и поля исчезнутъ,—на ихъ мѣстѣ развернется волшебная флора. Гибъ, Ренэ, я много разъ описывалъ эту растительность, формы которой ботаники и физиологи будутъ заранѣе проектировать такъ точно, какъ теперь инженеры составляютъ чертежи мостовъ и машинъ. Наука поведетъ насъ въ бездны неба, на другія планеты, можетъ-быть, на нныя звѣзды, и тогда наступитъ золотой вѣкъ, осуществится самая удивительная легенда о всемогущемъ человекѣ.

Бастень не могъ сдѣлать отъ охватившаго его волненія. Онъ быстрыми нервными шагами расхаживалъ въ освѣщенной полосѣ, около стола, про-

вожаемый насмѣливымъ лукавымъ взглядомъ стараго аббата на стѣнѣ. Рамберъ и Дюфуръ, казалось, совершенно не слушали своего товарища; Ренэ задумчиво смотрѣлъ въ сторожившій насъ мракъ, наполнявшій гулкую пустоту. И только я одинъ съ возрастающимъ удивленіемъ слѣдилъ за бурной рѣчью этого фанатика науки, голосъ котораго далеко разносился по пустыннымъ заламъ и коридорамъ отцовъ-бернардинцевъ.

— Но для того, чтобы наука и разумъ овладѣли миромъ,—продолжалъ Бастень,—совершили всё свои завоеванія, необходимо заставить людей отказаться отъ ихъ своекорыстія, взаимной ненависти, вражды и угнетенія другъ друга! Съ этого надо начать, и съ этой точки зрѣнія христіанство, если бы люди приняли его во всей чистотѣ, прекрасно подготовляетъ путь для великой побѣды разума! Теперь придется начинать все вновь. Если они не желаютъ добровольно стать справедливыми и отказаться отъ жестокости и мелочной тираніи, ихъ надо заставить. Понимаете ли,—заставить! Принудить, загнать на тотъ путь, на который они не желаютъ идти добровольно!

Бастень посмотрѣлъ на меня, какъ будто ожидая возраженій или вопросовъ.

— Но кто же ихъ заставить? Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Еще бы!—съ выраженіемъ неизмѣримаго превосходства воскликнулъ Бастень.—Вы, журналисты, вѣчно заняты маленькими ничтожными идеями, микроскопическими вопросами, пѣсенью мировой жизни!.

— Не совсѣмъ такъ,—возразилъ я, задѣтый его замѣчаніемъ.

— А вотъ мы сейчасъ увидимъ, способны ли вы и люди подобныя вамъ возвыситься до пониманія истинно великой идеи! Вамъ Дюфуръ говорилъ о свойствахъ пиронита?

— Я знаю это вещество только по названію.

— Пиронитъ не вещество! Впрочемъ, я не стану читать вамъ лекцію объ этомъ изобрѣтеніи, которое перевернетъ вверхъ дномъ всю культуру, и скажу только, что пиронитъ представляетъ нѣчто среднее между матеріей и энергіей. Не думаю, чтобы ваши знанія по физикѣ были особенно велики, но, можетъ-быть, вы поймете меня, если я скажу, что пиронитъ возбуждаетъ распаденіе атомовъ. Подъ его вліяніемъ эти мельчайшія частицы превращаются въ свѣтъ и электричество. Матерія, такъ сказать, сгораетъ, съ той разницей, что при этомъ всеуничтожающемъ горѣніи не получается дыма и газа, а происходитъ полное превращеніе вещества въ колебанія эонера. Колебанія эти распространяются со скоростью въ сотни тысячъ километровъ въ секунду. Другими словами, если бы зажечь пиронитомъ этотъ монастырь, то его каменные стѣны унеслись бы въ неизмѣримое пространство въ видѣ ослѣпительныхъ потоковъ свѣта и черезъ короткое время исчезли бы между звѣздами, какъ замирающія волны на поверхности моря. Здѣсь на землѣ не осталось бы ни одной пылинки, и только какой-нибудь астрономъ на отдаленной планетѣ могъ бы, пожалуй, уловить голубоватое сіяніе, удаляющееся отъ нашей планеты, со скоростью въ 300 тысячъ километровъ. Понимаете?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Ну, такъ теперь вамъ должно быть ясно, что, обладая такой страшной разрушительной силой, я могу взорвать, съечь, уни-

„Ихъ надо заставить. Понимаете ли,—заставить! Принудить...“

И. Горюшкиня-Сорокопудовъ. Въ старообрядческомъ монастырѣ.

члжить весь земной шар! Человѣчеству придется выбирать: или оно станет совершенно разумнымъ и справедливымъ, или вмѣстѣ со своей планетой отправится къ границамъ вселенной и погаснетъ въ вѣчномъ мракѣ, какъ искры, выброшенныя ночью изъ трубы паровоза.

Бастень заложилъ руки въ карманы своего разорваннаго пиджака и смотрѣлъ на меня съ вызывающимъ видомъ, очевидно, ожидая возраженій. Но я до такой степени былъ ошеломленъ этой сумасшедшей идеей устроить мировой пожаръ, что не находилъ словъ для отвѣта.

— И этотъ пиронитъ дѣйствительно существуетъ?—спросилъ я наконецъ.

— Спросите у Дюфура.

Профессоръ, давно выказывавшій признаки нетерпѣнія, съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на сумасброднаго ученаго.

— Мнѣ кажется, что теперь поздно продолжать этотъ разговоръ,—сказалъ онъ.—Вы забыли, Бастень, что существуетъ еще и антипиронитъ, которымъ можно потушить тотъ пожаръ, который, я это знаю, вы рѣшились бы зажечь.

— Вашъ антипиронитъ не вышелъ еще изъ лабораторіи, и мы только теряемъ время, ожидая его появленія,—съ раздраженіемъ отвѣтилъ Бастень.

— Я вамъ уже говорилъ сотни разъ и еще повторяю, что никто, кромѣ меня, не будетъ имѣть ни одного грамма пиронита, пока наука не дастъ возможности защитить мѣръ отъ самаго ужаснаго несчастья.

— Вы не имѣете права такъ поступать!—закричалъ Бастень.—Изобрѣтеніе принадлежит не вамъ одному! Это насиліе. Я не могу больше ждать!..

— Подождете!

— Смотрите, какъ бы вамъ не пришлось расквашаться!

— Довольно, Бастень!—вмѣшался Рамберъ.—Ваши выходки становятся прямо несносны. Намъ не зачѣмъ заводить ссоры, которыя еще болѣе ухудшатъ наше и безъ того трудное и опасное положеніе.

— Я только отстаиваю свое право сдѣлать изъ пиронита наиболѣе практическое и полезное употребленіе,—отвѣтилъ опасный изобрѣтатель.

Я и Ренэ невольно размѣялись при этой фразѣ, произнесенной человѣкомъ, который считалъ практичнымъ сжечь земной шаръ, какъ ракету.

— Ваша комната въ соседнемъ коридорѣ,—сказалъ Дюфуръ, прощаясь со мной.—Рамберъ васъ проводитъ.

До этого момента, несмотря на усталость, я не думалъ о снѣ, но послѣ словъ профессора съ неприятнымъ чувствомъ вспомнилъ о томъ, что мнѣ придется проводить ночь въ одномъ изъ мрачныхъ закоулковъ этого каменнаго лабиринта. Не знаю почему, мысль эта такъ меня испугала, что я хотѣлъ-было немедленно сбѣжать изъ монастыря въ какую-нибудь деревенскую гостиницу, и только стыдъ за свою трусость заставилъ меня отказаться отъ этого намѣренія.

III.

Что случилось ночью.

— Вотъ ваша комната,—сказалъ Рамберъ, держа въ одной рукѣ свѣчу, а другой съ трудомъ отворяя тяжелую дубовую дверь.

Это помѣщеніе служило, вѣроятно, кельей для одного изъ отцовъ-бернардинцевъ. Еще днемъ я обратилъ вниманіе на странное несоответствіе въ этомъ зданіи между комнатами, служившими для жилья, и пустынными залами и коридорами. Первыя походили на ячейки, выдолбленныя въ твердомъ камнѣ. Тяжелый покатый потолокъ часто спускался къ самому полу, стѣны образовывали выступы; слабый дневной свѣтъ проникалъ изъ какихъ-то невидимыхъ отверстій или маленькихъ квадратныхъ оконъ, размѣщенныхъ такъ высоко, что дотянуться до нихъ можно было, только поднявшись на носкахъ. Несокрушимаыя двери въ вершокъ толщины запирались желѣзными ржавыми болтами и засовами. Но за порогомъ этихъ тѣсныхъ каморокъ тянулись огромные унылые пустыри, украшенные колоннами и соединявшіеся другъ съ другомъ широко разверстыми арками. При свѣтѣ двухъ свѣчей, горѣвшихъ въ рѣзномъ высокомъ канделябрѣ, я внимательно осмотрѣлъ свою мрачную комнату. Она сохранила почти тотъ же самый видъ, какой имѣла при ея прежнихъ, давно исчезнувшихъ владѣльцахъ. Все жалкое убранство этого склепа состояло изъ двухъ тяжелыхъ стульевъ, массивнаго стола, закапаннаго воскомъ, и деревянной кровати, поставленной въ глубокой нишѣ противъ двери. Дюфуръ добавилъ къ этой обстановкѣ высокой зеркальный шкапъ, мягкое кресло и коверъ, закрывавшій часть пола. На столѣ лежали письменныя принадлежности и гряда книгъ самаго разнообразнаго содержанія.

Не раздвѣаясь, я улегся на кровать и прилагалъ всѣ усилія, чтобы увлечься чтеніемъ иллюстрированной „Исторіи путешествія къ Сѣверному полюсу“. Но, читая, я все время напряженно къ чему-то прислушивался, вздрагивая при каждомъ слабомъ звукѣ. Вдругъ мое вниманіе было привлечено небольшимъ квадратнымъ отверстіемъ въ двери, на высотѣ человѣческаго роста. Должно-быть, такія отверстія служили для того, чтобы монахи постоянно и незамѣтно могли наблюдать другъ за другомъ. Мракъ, наполнявшій коридоръ, былъ такъ непроницаемъ, что окошко

казалось закрытымъ кускомъ чернаго бархата. Съ этой минуты, переворачивая страницы книги, я каждый разъ бросалъ взглядъ на дверь съ такимъ чувствомъ, какъ будто ожидалъ встрѣтить тамъ чей-то внимательный глазъ. Но минуты шли за минутами, предо мной въ колеблющемся сумракѣ плыли, путаясь съ дѣйствительностью, причудливые льды сѣверныхъ морей, отраженіе свѣта въ зеркалѣ превратилось въ сѣверное сіяніе, которое то вспыхивало, то гасло и наконецъ совершенно потухло. Книга выпала у меня изъ рукъ, и я уснулъ тревожнымъ и чуткимъ сномъ. Проснулся я какъ будто отъ неожиданнаго толчка. Оплывшія свѣчи догорали; я приподнялся, чтобы ихъ потушить, и съ затаеннымъ страхомъ взглянулъ еще разъ на окошко въ дверяхъ. Изъ черной тьмы на меня глянуло чье-то блѣдное худое лицо съ неподвижными блестящими глазами. Я замеръ отъ ужаса, не имѣя силы, чтобы крикнуть или отвести глаза отъ этого видѣнія.

— Кто тамъ?—спросилъ я наконецъ хриплымъ, чужимъ голосомъ.—Это вы, Рамберъ?

Лицо медленно отодвинулось и исчезло въ темнотѣ.

Свѣчи догорали, вспыхивая длиннымъ синеватымъ пламенемъ: я почувствовалъ, что умру отъ страха, если останусь одинъ въ темнотѣ, и съ тѣмъ приливомъ мужества, которое даетъ неотвратимая опасность, схватилъ канделябръ, отодвинулъ желѣзный засовъ и выбѣжалъ въ коридоръ, высоко поднимая свѣчи и крича во все горло:

— Бастень! Рамберъ! Бастень! Вставайте... скорѣй!..

Казалось, десятки замирающихъ голосовъ повторяютъ мой крикъ въ пустыхъ коридорахъ и разносятъ его по всему монастырю. Бастень въ одномъ бѣльѣ появился на порогѣ своей комнаты.

— Чтѣ съ вами?—спросилъ онъ.—Почему вы такъ отчаянно кричите? Чтѣ случилось?

— Здѣсь кто-то былъ. Я видѣлъ лицо!..

— Гдѣ?

— Въ окошкѣ въ двери!

— Можетъ-быть, вамъ это только померещилось? Я самъ заперъ всѣ двери въ эту галлерей и въ столовую.

— Увѣрю васъ...—дрожащимъ отъ волненія голосомъ началъ я, но въ ту же минуту раздался отчетливый стукъ желѣзной рѣшетки въ другомъ концѣ коридора.

Бастень выпрямился, услышавъ этотъ дребезжащій звукъ, и съ крикомъ:—Теперь онъ отъ насъ не уйдетъ!—побѣжалъ по галлерей.

„Кто тамъ?—спросилъ я наконецъ хриплымъ, чужимъ голосомъ.—
Это вы, Рамберъ?“

Онъ лежалъ лицомъ внизъ, съ откинутой правой рукой.

Впереди него неслаась черная тѣнь, отбрасываемая на каменный полъ вѣсхнувшими свѣчами и бумагой. Мы быстро добѣжали до конца коридора, и когда очутились въ залѣ, то на мгновеніе увидѣли чью-то сѣрую фигуру, неслышно скользящую между колоннами.

— Скорѣй! скорѣй! — подбадривалъ меня Бастъень, но я не

умѣлъ такъ быстро бѣгать, какъ онъ, и все больше и больше отставалъ отъ своего товарища.

Голосъ ученаго слышался уже изъ того туннеля, въ которомъ я былъ днемъ.

— Онъ здѣсь! — кричалъ Бастъень. — Не отставайте! Давайте свѣчи! Боже мой! Кто это?!

Въ то же мгновеніе прогремѣлъ оглушительный выстрѣлъ, всколыхнувшій весь мракъ стариннаго зданія, и сразу наступила тишина. Я продолжалъ бѣжать, какъ сумасшедшій, плохо сознавая, что дѣлаю, пока не наткнулся на тѣло Бастъена. Онъ лежалъ лицомъ внизъ, съ откинутой правой рукой. Горѣла только одна свѣча, и при ея дрожащемъ свѣтѣ я ничего не могъ разсмотрѣть вокругъ себя, но зато слышалъ чьи-то тяжелые шаги, удалявшіеся по лѣстницѣ, которая вела на башню. Въ то же время мои необычайно напряженные чувства позволяли угадывать присутствие еще одного человѣка, который стоялъ въ концѣ туннеля, на порогѣ часовни.

Я бросилъ канделябръ около трупa и не помню, какъ добрался до столовой, гдѣ увидѣлъ полуодѣятаго Дюфура, Рамбера съ одѣяломъ на плечахъ и Ренэ, который, повидимому, еще не ложился. Въ дверяхъ стоялъ Морло.

— Что случилось? Гдѣ Бастъень?! Кто стрѣлялъ?! — засыпали они меня вопросами и послѣ первыхъ моихъ словъ бросились изъ столовой.

Черезъ нѣсколько минутъ Дюфуръ и Рамберъ осторожно внесли трупъ своего погибшаго товарища и положили его на скамью. Я нѣсколько успокоился и могъ наконецъ связно рассказать о томъ, что произошло со мной и Бастъенномъ.

— Слѣдовательно, ихъ было двое, — замѣтилъ Дюфуръ, когда я кончилъ рассказывать. — Одинъ — несомнѣнно этотъ таинственный Иксъ, который видимо очень торопится осуществить свои угрозы. Но кто же другой, и какъ онъ проникъ въ запертый коридоръ? Или, можетъ-быть, Бастъень забылъ запереть двери?

— Этого вамъ никогда не удастся узнать, — угрюмо про- бормоталъ Морло.

— Почему?

— Потому что есть вещи, о которыхъ ничего не пишутъ въ самыхъ ученыхъ книгахъ.

— Но, какъ бы тамъ ни было, намъ все же необходимо соблюдать величайшую осторожность. Я думаю, что недѣли черезъ двѣ или самое большее черезъ мѣсяцъ всѣ работы будутъ закончены, и мы сможемъ уѣхать отсюда, но до того времени намъ придется жить, какъ въ осажденной крѣпости. Вамъ, Рамберъ, я поручаю обязанности коменданта. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы сохранить нашу жизнь, но еще, — и это самое главное, — о будущности моего изобрѣтенія.

Послѣднія слова Дюфура произвели на меня крайне неприятное впечатлѣніе. Этотъ человѣкъ больше всего на свѣтѣ былъ озабоченъ мыслью о своемъ разрушительномъ вѣществѣ и, кажется, ни на минуту не задумался бы принести ему въ жертву жизнь своихъ друзей. При первыхъ лучахъ зари Морло сколотилъ гробъ изъ неотструганныхъ досокъ, и когда всходило солнце, мы похоронили Бастъена на берегу пруда, между двумя высокими тополями.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Рассказъ сержанта.

В. Ропшина.

... Вы спрашиваете, видѣлъ ли я короля?.. Развѣ вы не знаете, что онъ сражался съ нами въ траншеѣ? Объ этомъ знаетъ весь свѣтъ. Всѣ газеты писали объ этомъ... Вы не вѣрите газетнымъ статьямъ?.. Хорошо... Такъ вотъ я, сержантъ бельгійскаго линейнаго полка, Петеръ Ноордвартъ, родомъ изъ Элевита, утверждаю, что это святая правда, и что я своими глазами, какъ вижу васъ, напримѣръ, видѣлъ въ Сентъ-Жоржѣ или, точнѣе, между Сентъ-Жоржемъ и Маннеконсверре нашего короля Альберта, и что видѣлъ я его во время сраженія... Вы хотите, чтобы я рассказывалъ все подробно? Хорошо... Вы можете вѣрить мнѣ: я на старости лѣтъ не скажу неправды... Вотъ какъ это случилось: ночью мы, полкъ, и съ нами получили приказъ занять позицію на Изерѣ. Ну, приказъ, такъ приказъ. На Изерѣ, такъ на Изерѣ... Выступили мы въ ту же ночь и утромъ пришли къ рѣкѣ. Два дня мы рыли траншею, а на третій расположились недалеко отъ Сентъ-Жоржа. Если вы бывали въ этихъ краяхъ, вы знаете, что это такое. Дождь, слякоть, туманъ, земля мокрая, небо мокрое, люди мокрые, вездѣ кругомъ вода и вода... Мы-то привыкли, а каково приходилось французамъ?.. Положимъ, что при- слали они моряковъ. Гдѣ вода — тамъ морякъ. А какая вода — море, рѣка, или дождь, или простое болото, — гдѣ ужъ тутъ раз- брать: война... Въ понедѣльникъ началось большое сраженіе. Ну, меня этимъ не удивилъ... Сражался я въ Геленѣ, и въ Кватрехтѣ, и въ Антверпенѣ, и въ Малинѣ, — значить, не новичокъ. Цѣлый день мы стрѣляли и, по правдѣ сказать, почти не ѣвши, — некогда было: нѣмцы идутъ и идутъ... Одни падаютъ, другіе изъ-подъ земли вырастаютъ. И сколько ихъ!.. Святая Дѣва Марія!.. Больше,

чѣмъ дождевыхъ капель зимой!.. Вы не вѣрите, если вамъ ска- жутъ, что нѣмцы боятся штыковъ... Нѣмцы смѣлые люди. Иной — мальчишка, совсѣмъ захудалый, птенчикъ еще, и силы въ немъ нѣтъ, а вѣдь тоже лѣзетъ на штыкъ... Ну, вы знаете, у насъ въ Бельгій шутки плохи... Мы все помнимъ. Мы помнимъ, что они дѣлали въ началѣ войны... Динанъ или Лувенъ, напри- мѣръ... А кромѣ того, вѣдь страна въ ихъ рукахъ... У каждаго изъ насъ осталась семья, жена, дѣти, свой домъ, свое поле, свой огородецъ... А теперь хозяева нѣмцы!.. А гдѣ дѣти? А гдѣ жена? А что сталося съ хозяйствомъ?.. Ну, и понятно, что мы спуску имъ не даемъ, въ плѣнъ брать не любимъ и надѣемся на себя... Англія — хорошо, Франція — хорошо, Россія — хорошо... Что гово- ритъ союзники очень сильны и очень много намъ помогаютъ... А все-таки лучше, когда самъ себя защищаешь... Такъ-то вѣр- нѣе... Вы извините, но развѣ неправду я говорю?.. Ну, вотъ си- димъ мы въ траншеѣ, пулеметы трещатъ, гранаты рвутся — ахъ, какъ всегда. Вдругъ мой приятель, — онъ тоже родомъ изъ Эле- вита, но работалъ на фабрикѣ въ Льежѣ, капралъ Гренендику, — толкаетъ меня плечомъ: „Смотри, — говоритъ, — смотри: это кто же такой?“ Посмотрѣлъ, вижу: на другомъ концѣ нашей траншеи — незнакомый мнѣ офицеръ. Высокій, бритый, съ подстриженными усами и въ нашей формѣ, полка. Смотрю: капитанъ нашъ вытанулъ въ фронтъ, руку приложилъ къ козырьку и что-то говоритъ офицеру, а чина офицера разобратъ не могу. Только кивнулъ онъ головой капитану, идетъ дальше, прямой дорогою къ намъ. Подошелъ, постоялъ, поглядѣлъ на насъ, потомъ гово- ритъ Гренендику:

— Дайте винтовку!

Подаль ему Гренендикъ винтовку, а онъ пригнулся къ бойницѣ, прицѣлился и давай стрѣлять, какъ солдатъ. Разстрѣлявъ всѣ патроны, отдааетъ винтовку и говоритъ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Капраль 3-й роты, Маттиасъ Гренендикъ.

— Вы запасной?

— Такъ точно. Запасной.

— Вы женаты?

— Женатъ.

— Дѣти есть?

— Шесть человѣкъ дѣтей.

— Гдѣ же ваши жена и дѣти?

— Жена и дѣти остались въ Льежѣ.

Помолчалъ онъ, потомъ говоритъ:

— Дайте еще винтовку!

Даль я ему винтовку. А онъ снова къ бойницѣ и снова стрѣлять. Долго стрѣлять, а капитанъ подошелъ и шепчетъ:

— Чтò вы?.. Не узнаете?.. Да вѣдь это король Альбертъ I!..

— Какъ король? Откуда король? Не можетъ быть. Чтòбъ король... Развѣ король ходитъ одинъ, безъ свиты? Развѣ король придетъ въ передовую траншею? Развѣ король будетъ стрѣлять вмѣстѣ съ нами?

Смутились мы... А тутъ уже вся рота узнала. Люди кричатъ:

— Да здравствуетъ король Альбертъ I!..

А онъ отошелъ отъ бойницы, покраснѣлъ весь и рукой въ перчаткѣ махнулъ: значить, не обращайте на меня никакого вниманія. Отдавъ намъ честь и идеть... А у соединительной галлерей раненый нашъ лежалъ, по фамили Ванъ-Роллегемъ. Только что, минутъ за пятнадцать, ранило его зря. Высунулся онъ за паранетъ и упалъ сейчасъ же, конечно... Лежитъ на спинѣ и стонетъ, ждетъ, когда санитары придутъ. Ну, кругомъ, разумѣется, грязь, и онъ весь грязный и мокрый, да еще и въ крови. Наклонился надъ нимъ король:

— Вы ранены?

— Раненъ.

— Куда?

— Въ правую руку и въ грудь.

— Пулей?

— Да, пулей.

— Поздравляю васъ съ чиномъ капрала...

И пошелъ. Мы опять хотѣли-было кричать: „Да здравствуетъ король Альбертъ I!“, да не до этого стало: нѣмцы все ближе и ближе... Вотъ какъ оно было въ Сень-Жоржѣ, а вы не вѣрите.—думаете, что газеты все сочинили... Правду сказать, и я бы можетъ-быть, не повѣрилъ, если бъ мнѣ рассказали... Но я своими глазами видѣлъ, и чтò видѣлъ, то говорю... И то понять надо,—намъ трудно, а ему какъ-ково?.. Вѣдь онъ не то, что дома или огорода, онъ цѣлаго королевства лишился... На его мѣстѣ я бы тоже ходилъ по траншеямъ и изъ винтовки стрѣлялъ... А то какъ же?.. Пришли, разстрѣляли женщинъ и стариковъ, деревни сожгли, надругались надъ цѣлымъ народомъ и теперь живутъ себѣ въ королевскомъ дворцѣ и управляютъ

Бельгійскій король Альбертъ на фронтѣ въ траншеяхъ.
Бельгійская армія во главѣ со своимъ королемъ ввела новый головной уборъ — французскій стальной шлемъ.

страной... Развѣ можно это простить?.. И поэтому, когда я вспоминаю Сень-Жоржъ, я говорю себѣ: „Да здравствуетъ король Альбертъ I!.. Дай Богъ ему долго жить!“

Долина рая *).

Подъ Эрзерумомъ на врага
Упавъ, какъ снѣжная лавина,
Полки спѣшать черезъ снѣга
На славный бой, съ отвагой львиной.
Героямъ радостно нести
Побѣдоносныя тревоги.
Крутые горныя пути
Къ одной сбѣгаются дорогѣ.
Все тише голосъ зимнихъ вьюгъ,
И мягче лютые морозы.
И подъ ногами дремлетъ югъ,
Внизу, по склонамъ, дышатъ розы.

Струится медленный Евфратъ,
Въ сіяньи западномъ играя.
И отивѣтающій закатъ
Зоветь сойти въ долину рая.
Въ прохладѣ пальмовыхъ саловъ
Отраденъ отдыхъ полусонный.
И утоляющихъ плодовъ
Влечетъ румянецъ благовонный.
И съ каждымъ мигомъ все пынцій
Горитъ закатъ, какъ хвостъ павлина.
И манитъ къ битвамъ новыхъ дней
Святая райская долина...

*) Въ Месопотаміи, между Тигромъ и Евфратомъ, по преданью, былъ рай.

Яковъ Годищъ.

„Честь имѣю явиться, вашъ приемный сынъ!“ Рисунокъ Люсьена Жюнаса

Во Франціи съ начала нынѣшней войны почти каждая семья избрала себѣ на фронтѣ изъ защитниковъ родины «приемнаго сына», о которомъ и заботятся, ведутъ съ нимъ переписку, посылаютъ ему подарки. Въ этихъ трогательныхъ заботахъ о солдатѣ принимаютъ дѣятельное участіе и дѣти. Предъ нами одна изъ такихъ «приемныхъ матерей», къ которой явился представиться ея великовозрастный «сынъ». По примѣру союзной Франціи, «приемныя матери» появились и у насъ, и многія семьи завязали такимъ трогательнымъ путемъ тѣсную связь съ нашими «сѣрыми героями» на фронтѣ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Большое сраженіе на югѣ.

Въ тотъ періодъ, когда нѣмецкія войска увязли у Вердена и одновременно готовились произвести двѣ грандіозныя операціи на сѣверѣ Франціи и у Вердена, съ цѣлью попытаться этимъ достигнуть двойного стратегическаго охвата англо-французскихъ армій, въ то время, когда итальянскія войска подъ натискомъ превосходныхъ силъ австрійцевъ отошли изъ Тироля на свою территорию, а австрійцы направляли дальнѣйшіе удары съ цѣлью выйти на сообщенія главной итальянской арміи и попытаться ее отрѣзать, въ это время, повидимому, неожиданно для противника, началось грандіозное наступленіе нашихъ армій. Какъ и слѣдовало ожидать, грандіозныя событія на нашемъ фронтѣ разыгрались не по инициативѣ противника, обратившаго свое главное вниманіе на западные фронты, а по инициативѣ нашихъ войскъ.

22-го мая, какъ оповѣстили официальные сообщенія, началось сраженіе на всемъ фронтѣ отъ рѣки Припяти до румынской границы. Послѣ обычной артиллерійской подготовки наши войска произвели рядъ ударовъ, давшихъ самые блестящіе результаты.

Первый ударъ былъ направленъ на Луцкъ. Для того, чтобы оцѣнить значеніе этого удара, необходимо имѣть въ виду, что этотъ районъ является тѣмъ райономъ, гдѣ соприкасаются фронты обохъ противниковъ, т.-е. гдѣ сѣверный германскій фронтъ входитъ въ связь съ южнымъ австрійскимъ фронтомъ. Такіе пункты, носящіе названіе „стыкъ“, „смычка“ фронтовъ, являются наиболѣе чувствительными пунктами при ударахъ.

Наконецъ, мы уже не говоримъ о важности такого района, гдѣ „два союзника входятъ другъ

Послѣднія извѣстія
съ войны. Картина
проф. В. Е. Маковскаго.

Съ заводнымъ конемъ. Акварель М. Грекова.

съ другомъ въ связъ“, и гдѣ, вслѣдствіе этого, потеря связующаго района ведетъ къ нарушенію этой связи и прежде всего мѣшаетъ согласованности дѣйствій обохъ союзниковъ.

Въ такой именно районъ, — районъ Луцка, — былъ направленъ нашъ первый ударъ. Невзирая на то, что этотъ районъ былъ крайне сильно укрѣпленъ противникомъ, что здѣсь проходитъ болотистая рѣка Стирь, облегчавшая оборону, наши войска съ силой прорвали австро-германскій фронтъ и овладѣли Луцкомъ, взявъ до 30.000 плѣнныхъ. Этотъ фронтъ обороняла австрійская армія эрцгерцога Фердинанда, а рядомъ съ ней и сѣ-

Допросъ военнопленныхъ.

вернѣ находился „армейскій отрядъ“ принца Леопольда Баварскаго. Поэтому при ударѣ нашихъ войскъ пострадали не только австрійскія, но и германскія войска, и въ числѣ взятыхъ нами пленныхъ оказалось нѣсколько тысячъ германцевъ.

Произведя прорывъ у Луцка, наши войска переправились черезъ рѣки Стырь и Икву, при чемъ стремительнымъ натискомъ взяли фортъ-заставу Дубно. Эта небольшая крѣпость имѣла весьма важное значеніе, ибо обороняла рѣку Икву и находилась на пути къ Львову. Такимъ образомъ, кромѣ оборонительной линіи болотистой рѣки Стыри, была занята оборонительная линія рѣки Иквы, съ фортомъ-заставой Дубно. Это весьма расширило районъ нашего прорыва у Луцка, доведя его до ширины болѣе ста верстъ. Вслѣдъ затѣмъ было взято укрѣпленное предмостное укрѣпленіе у Торчина, что въ свою очередь увеличило и глубину прорыва до 35 верстъ. Вслѣдствіе этого получились глубокой и широкій прорывъ, и австрійскій фронтъ былъ оторванъ отъ нѣмецкаго и предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Наши войска, овладѣвъ еще нѣкоторыми пунктами въ этомъ районѣ, потѣснили германцевъ еще далѣе вглубь и къ сѣверу, подоядя къ слѣдующей параллельной оборонительной линіи, — рѣкѣ Стоходу.

Прорывъ фронта у Луцка естественно обнажалъ одинаково и лѣвое крыло австрійскаго фронта и правое крыло германскаго фронта. Нѣмцы, какъ и слѣдовало ожидать, спѣшили прежде всего поддержать свой фронтъ, и въ районѣ прорыва вскорѣ появились германскія подкрѣпленія.

такъ какъ нашъ ударъ на Луцкъ и далѣе на Торчинъ угрожалъ и Ковелю и пути на Брестъ, въ тылъ германскаго расположенія, то нѣмцы вынуждены были принять самыя экстренныя мѣры для того, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему нашему

продвиженію. Повидимому, съ этой цѣлью ими были сняты войска съ другихъ частей фронта.

Чтобы скрыть этотъ увозъ войскъ, Гинденбургъ произвелъ рядъ наступательныхъ попытокъ у Риги, у Двинска, у Крево и у Барановичей, при чемъ все эти атаки были отбиты нашимъ огнемъ и контръ-атаками.

Появленіе германскихъ войскъ въ районѣ прорыва не повліяло на дальнѣйшее развитіе нашего успѣха, и наши войска, занявъ Рожище, продолжали тѣснить германцевъ далѣе къ сѣверо-западу. Въ то время, пока наши войска оттѣсняли къ сѣверу германцевъ, весь оторвавшійся австрійскій фронтъ отъ Луцка до границы Румыніи подвергся сильнѣйшему разгрому въ цѣломъ рядѣ пунктовъ. Послѣ перваго удара у Луцка былъ произведенъ второй прорывъ въ центрѣ австрійскаго расположенія на рѣкѣ Стырѣ. Здѣсь наши войска переправились черезъ рѣку Стырпу, провали австрійскія укрѣпленія, овладѣли городомъ Бучачемъ и подошли къ рѣкѣ Золотой Липѣ. Это также давало глубокой прорывъ — верстъ на 25 въ глубину. Число плен-

ныхъ возросло до 70.000 человекъ.

На этомъ фронтѣ дѣйствовали австрійскія арміи генераловъ Бемъ-Ермоли и Вотмера, въ составѣ которыхъ находились нѣкоторыя германскія части. Такъ какъ эти арміи прикрывали важнѣйшіе пути къ Львову и Галичу, то часть прибывшихъ германскихъ подкрѣпленій была послана на поддержаніе этихъ армій. Вслѣдствіе этого къ сѣверу отъ Бучача, у селенія Бобулице, завязался крайне упорный бой.

На пятый день нашего наступленія обнаружился и третій прорывъ австрійскаго фронта, произведенный въ Буковинѣ и на Днѣстрѣ. Здѣсь войска генерала Лечицкаго, послѣ ряда упорныхъ боевъ, овладѣли укрѣпленнымъ мѣстечкомъ Залещики и весьма важнымъ пунктомъ Городенка. Въ Буковинѣ же войска генерала Лечицкаго заняли всю линію до рѣки Прута и подошли къ Черновицамъ.

Тяжелая батарея.

Залещики представляют собою предместное укрепление на Днѣстрѣ, существовавшее еще въ мирное время. Падение Залещиковъ имѣло то важное значеніе, что отдавало въ наши руки оборонительную линію Днѣстра и вывело наши войска на пути къ Коломыѣ. Коломыя же является весьма важнымъ узловымъ желѣзнодорожнымъ пунктомъ въ тылу армій Ботмера и Пфланцера, оборонявшихъ пути къ Львову, въ восточную Галицію и Буковину.

Въ связи съ этимъ успѣхомъ, число плѣнныхъ дошло до 115.000 человѣкъ, въ числѣ коихъ насчитывалось 1.700 офицеровъ, одинъ генералъ и три командира полка. При этомъ была взята громадная военная добыча: 124 орудія, пулеметы, бомбометы, цѣлые склады артиллерійскихъ снарядовъ, парки съ инженернымъ имуществомъ, подвѣшенная желѣзная дорога, бетонныя балки, колючая проволока, походныя кухни, прожектора, телефоны и проч.

Такимъ образомъ, въ теченіе одной недѣли наступленія, войска генерала Брусилова достигли слѣдующихъ весьма важныхъ результатовъ:

1) Австрійскій фронтъ былъ отдѣленъ отъ германскаго при помощи удара на Луцкѣ, и австрійцы были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. При этомъ германцы были отбѣснены въ сторону своего фронта и не могли оказать достаточнаго содѣйствія австрійцамъ.

2) Австрійскій фронтъ былъ, въ свою очередь, прорванъ въ трехъ мѣстахъ: на лѣвомъ крылѣ у Луцка, на правомъ крылѣ въ Буковинѣ и на Днѣстрѣ и въ центрѣ на рѣкѣ Стрыпѣ.

3) Вслѣдствіе этого, подверглись особенно усиленному разгрому двѣ австрійскія арміи, находившіяся на флангѣ австрійскаго расположенія—армія эрцгерцога Фердинанда у Луцка и армія Пфланцера на Днѣстрѣ и въ Буковинѣ.

4) Потери противника оказались настолько велики, что можно было опредѣленно говорить о крайнемъ разстройствѣ австрійской арміи. Потери плѣнными достигли 115.000 человѣкъ, а такъ какъ потери ранеными и убитыми превосходятъ обыкновенно число

Трембовля. Видъ на городъ вдоль стѣны замка.

плѣнныхъ не менѣе, чѣмъ вдвое, то можно было считать, что австрійцы потеряли въ теченіе одной недѣли не менѣе 350.000 человѣкъ.

5) Такъ какъ, послѣ отсылки австрійскихъ войскъ на итальянскій фронтъ, на нашемъ фронтѣ численность австрійцевъ доходила, примѣрно, до 40 дивизій, т.-е. до 650—700.000 человѣкъ, то можно было считать, что послѣ недѣльнаго сраженія австрійцы потеряли половину своей арміи, находившейся на нашемъ фронтѣ.

6) Такъ какъ наиболѣе сильныя прорывы были произведены на флангахъ австрійскаго расположенія,—на сѣверномъ флангѣ у Луцка и на южномъ флангѣ на Днѣстрѣ,—то, очевидно, австрійцамъ угрожала двойная стратегическая охватъ. Напомнимъ, что такую операцію намѣчали себѣ нѣмцы на французскомъ фронтѣ, гдѣ они сосредоточили двѣ массы,—одну на сѣверѣ противъ англійскихъ войскъ, другую на югѣ у Вердена. Это также отвѣчало идеѣ произвести двойной стратегическій охватъ. Однако нѣмцы къ этой операціи и не приступили. Зато нѣчто подобное мы могли наблюдать въ развивающихся операціяхъ нашихъ войскъ во время послѣдняго сраженія, гдѣ австрійцамъ также угрожали тиски—одинъ со стороны сѣвернаго фланга отъ Луцка, другой со стороны южнаго фланга отъ Днѣстра.

Изъ изложеннаго можно видѣть, что успѣхъ былъ дѣйствительно весьма великъ, и уже первая недѣля наступленія дала разрывъ австрійскаго фронта на четыре части, начало двойного стратегическаго охвата и потери противника, доходящія до половины его арміи. Это въ свою очередь означало, что передъ противникомъ встаетъ крайне трудная задача обороны австрійской половины фронта въ то время, когда австрійцами уже были взяты послѣдніе резервы, призваны всѣ мужчины въ возрастѣ до 55 лѣтъ, а у нѣмцевъ наблюдался чрезмѣрный расходъ резервовъ, въ связи съ громадными потерями у Вердена.

При такихъ условіяхъ можно было считать, что общая линія фронта противника на нашемъ театрѣ заколебалась настолько серьезно, что противнику едва ли удастся снова возстановить тудлинную, плотную стѣну отъ Балтійскаго моря до Румыніи, которую онъ создалъ въ теченіе зимы.

Тернополь. Костелъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Испирь (на Байбуртскомъ направленіи). 1. Развалины крѣпости и мечеть. 2. Общій видъ города.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1916 г., къ 1 юня слѣдуетъ внести **не менѣе 7 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала со 2-го іюля — съ 27-го номера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и непременно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп. и печатный адресъ.**

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Лабораторія великихъ разрушеній. Разсказъ С. Бѣльскаго. — Разсказъ сержанта В. Ропшина. — Долина рая. Стихотвореніе Якова Година. — Дневникъ военныхъ дѣйствій К. Шумскаго. — Заявленіе. — Объявленія. — Отклики войны. — Вопросъ о крестьянскомъ равномъ правѣ въ Гос. Думѣ. (Вопросы внутренней жизни). — Нѣмецкое засилье въ Америкѣ. З. Р.
Р И С У Н К И: На пути къ Эрзеруму. Картина профессора Н. С. Самокиша (въ краскахъ). — Иллюстраціи П. Д. Бучкина къ разсказу С. Бѣльскаго „Лабораторія великихъ разрушеній“. — Въ старообрядческомъ монастырѣ. Картина И. Горюшкина-Сорокоудова (въ краскахъ). — Бельгійскій король Альбертъ на фронтѣ въ траншеяхъ. — „Честь имѣю являться, вашъ пріемный сынъ!“ Рисунокъ Люсьена Жюнаса. — Последнія извѣстія съ войны. Картина проф. В. Е. Маковского. — Съ заводнымъ кошемъ. Акварель М. Грекова. — Допросъ военнопленныхъ. — Тяжелая батарея. — Трёмбовля. — Тарнополь. — На кавказскомъ фронтѣ. Городъ Испирь (2 рпс.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 25.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.

№ 25

Выданъ 18-го июля 1916 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по субботней днѣ за строку непарелль въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницы); передъ

1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XLVII г.

изданія

Цѣна этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Н. Г. Гарина“ кн. 10.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

25-ЛѢТНІЙ
ЮБИЛЕЙНЫЙ КУРСЪ

ПОСЛѢДНІЙ МѢСЯЦЪ.
Льготный заочный курсъ двойной итальянской

ВМѢСТО 30-ти РУБЛЕЙ
ДЕСЯТЬ РУБ.

БУХГАЛТЕРІИ

СРОКЪ ЗАЧИСЛЕНІЯ НА ЭТОТЪ ПОСЛѢДНІЙ ЛЬГОТНЫЙ ЗАОЧНЫЙ КУРСЪ ДО 15-го ЮЛЯ 1916 ГОДА.

Учебники наши допущены Министерствомъ Торговли и Промышленности во всѣ коммерческія учебныя заведенія отношеніемъ отъ 29-го мая 1913 года за № 1786, а на еропейскихъ выставкахъ—награждены Почетнымъ Крестомъ.

Плата за полный курсъ съ пересылкой десять рублей.

Уплатившій одновременно за весь курсъ получить лекція съ ЮБИЛЕЙНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ (цѣнное изданіе въ тисненомъ золотомъ англійскомъ переплетѣ большаго формата въ 6-ти обширныхъ отдѣлахъ) коммерческую

ЭНЦИКЛОПЕДИЮ БЕЗПЛАТНО.

ВЪ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ входятъ: 1) Готовая живая практика (взятая изъ существующихъ дѣлъ), банковая (натур. практ.) и промышленная бухгалтерія. 2) Полный курсъ арифметики и коммерческой арифметики съ руководствомъ для заочнаго ученія. 3) Полное руководство для части. поврен. свыше 200 дѣловыхъ бумагъ: прошения, апелляции и иски во всѣ судоустройства инстанціи со ссылками на соответственныя статьи Устава Гражданскаго Судопроизводства. 4) Полный курсъ стенографіи по Штолцу (искусство писать со скоростью разговорной рѣчи).

Энциклопедія этой въ продажѣ нѣтъ, и по отдѣламъ она стоила бы въ магазинѣ не менѣе 10 рублей.

Окончившій курсъ двойной итальянской бухгалтеріи выдаетъ АТТЕСТАТЪ бухгалтера. Никакого образовательнаго ценза и документовъ не требуется. (Принимаемъ и ученицъ). Разсрочка 6 руб. и 4 руб. (Приложенія высылаемъ по уплатѣ полностью 10 руб.).

Конспекты по бухгалтеріи высылаемъ вмѣстѣ съ лекціями и приложеніями по полученіи правочленія.

Просимъ сохранить нашъ адресъ и не смѣшивать съ недавно открытыми заочными курсами съ такимъ же названіемъ, какъ наши.

Адресовать: Полтава, Бухгалтерскіе Курсы „КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“, Гоголевская, 13—Ш.

(Просимъ вырѣзать это объявленіе).

САДОВОДСТВО, ЦВѢТОВОДСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ.

Мотивы изящнаго садоводства, съ 107 планами садовъ и цвѣтниковъ—75 к. Новѣйшіе планы декоративныхъ садовъ и цвѣтниковъ, съ рис. — 20 к. Размноженіе растеній прививкой, съ альбомомъ рис. — 75 к. Лучшія пальмы для комнатной культуры, съ рис.—50 к. Какъ и гдѣ разводить плодовые сады, съ рис.—50 к. Культура душистыхъ фіалокъ, съ рис.—20 к. Выведеніе растеній изъ сѣмянъ, съ рис.—1 р. 25 к. Садоводство для начинающихъ, съ мног. рис.—2 руб. Разведеніе рыбы въ прудахъ, съ рис.—20 к. Выносливые цвѣтущіе кустарники, съ рис.—30 к. Какъ увеличить количество кормовъ—30 к. Устройство газоновъ въ садахъ, съ рис.—20 к. Орошеніе садовъ, съ рис.—30 к. Разведеніе розъ, съ рис.—1 р. Улучшеніе луговъ и травосѣянія, съ рис.—20 к. Кормленіе крупнаго рогатаго скота, съ рис.—50 к. Кормовыя нормы и таблицы—50 к. Скотоводческое искусство, съ рис.—1 р. Рациональное кормленіе и откормъ птицъ, съ рис.—20 к. Разведеніе гусей, утокъ, индѣекъ и

цесарокъ, съ рис.—20 к. Устройство обыкновенныхъ колодезевъ, съ рис.—30 к. Сельскій огородъ и плодовой садъ—75 к.

Двигатели нефтяные, керосиновые и газогенераторные, съ рис.—1 руб.

Столярное ремесло, съ 100 рис.—40 к. Выпиливаніе по дереву, съ 25 рис.—35 к. Любитель электротехникъ, съ 27 рис.—35 к. Устройство карманныхъ электрическихъ фонарей, батарей и дешеваго электрическаго освѣщенія, съ 23 рис.—45 к. Устройство телефона и микрофона, съ рис.—15 к. Производство дрожжей—35 к. Зеркальное производство—30 к. Золоченіе и серебрѣніе по дереву и металлу, съ 13 рис.—35 к. Красильщикъ—практикъ—30 к. Луженіе, паяніе и никкелированіе, съ рис.—30 к. Самоучитель МЫЛОВАРЕНІЯ, съ 17 рис.—40 к. Переплетное ремесло, съ 19 рис.—35 к. Печное ремесло, съ рис.—1 руб. Полировка и лакировка деревянныхъ издѣлій—50 к. Протравка и окраска дерева въ разные цвѣта—30 к. Красокъ простыхъ приготовленіе—30 к. Починка

калошь резиновыхъ и шинъ—30 к. Лампаднаго масла приготовленіе—30 к. Ваксы производство—30 к. Прохладительныхъ напитковъ и кваса приготовленіе—35 к. Рыболовство съ 138 рис.—35 к. Сапожное ремесло, съ 39 рис.—40 к. Слесарное ремесло, съ 32 рис.—40 к. Токарное ремесло, съ рис.—35 к. Ремесленникъ—любитель—30 к. Кондитеръ практикъ—35 к. Землеустройство сельскій, съ рис.—30 к. Пивоваръ домашній—35 к. Устройство улья Дадана, съ чертеж.—30 к. Устройство образцовой усадьбы, съ чертежами—50 к. Доходное пчеловодство, съ рис.—75 к. Пчеловодъ—любитель—15 к. Промысловое пчеловодство, съ рис.—1 р. Птицевод.—15 к. Свиноводство—15 к. Скотольчебникъ—35 к. Выборъ лошади и коровы, съ 22 рис.—30 к. Садоводство и огородничество—35 к. Помощь земледѣльцу—30 к. Удобрѣніе полей и луговъ—30 к. Доходная живая изгородь, съ чертеж.—25 к. Доходный вишневый садъ, съ рис.—30 к. Устройство небольшого мыловареннаго завода, съ рис.—

35 к. Спичечное производство—30 к. Животноводство, съ 30 рис.—35 к. Устройство сѣялокъ, съ рис.—30 к. Устройство вѣялокъ и сортировокъ, съ рис.—30 к. Кирпичное производство, съ рис.—50 к. Огнеупорныя постройки, съ рисунк. и чертеж.—1 руб. Домашнее приготовленіе наливокъ и настоекъ—30 к. Бахчеводство, съ рис.—20 к. Сельскій огородъ и садъ, съ рис.—60 к. Практическое огородничество, съ рис.—85 к. Устройство комнатныхъ парниковъ и тепличекъ, съ рис.—30 к. Теплый домъ изъ досокъ, съ рис.—50 к. Консервированіе плодовъ и овощей—25 к. Консервированіе ягодъ и фруктовъ—25 к. Цвѣтникъ—травникъ, самоучебникъ—60 к. Какъ устроить волшебный фонарь, съ рис.—20 к. Какъ укрѣпить землю въ собственности—35 к. Новый уставъ о воинской повинности—30 коп. Адвокатъ деревенскій—30 коп.

Съ требованіями обращаться: Москва, Уланскій пер. д. № 30-4, книжный магазинъ П. К. КОМИСАРЕНКО.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ Самая полная книга, по которой каждый можетъ легко научиться производить множество чудесныхъ явленій, удивлять знакомыхъ и зарабатывать большія деньги. Цѣна съ перес. нал. па. 95 к. Адресъ: МОСКВА, ред. журн. „СОКОЛЬ“, Печатицковъ пер., д. 18 2.

Руководство для **ГАЗЕТНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.** 1911 начинающихъ. Постоянный крупный заработокъ. Цѣна руководства съ перес. налож. плат. 95 к. Адресъ: Москва, изд-ству „ЛУЧЪ“, отд. 2.

ХРОНОЛОГИЯ ВОЙНЫ.

ДВАДЦАТЫЙ МЕСЯЦЪ.

(См. № 17 «Нивы» 1916 г.).

Февраль.

- 15-го. Наши войска заняли г. Керманшахъ въ Персіи.
- 16-го. На средней Стрыпѣ отражена попытка непріятеля приблизиться къ нашимъ окопамъ.
- 17-го. Въ двинскомъ районѣ у д. Гарбуновки наши части продвинулись впередъ.
- 18-го. Въ районѣ оз. Свентень уничтожена партія нѣмцевъ.
- 19-го. Взять г. Битлисъ.
- 20-го. Занять послѣ боя г. Биджаръ (Персія).
- 21-го. Удачные поиски нашихъ развѣдчиковъ между Двинскомъ и Якобштадтомъ.
- 22-го. У Иллукаста нами взорвано 14 горновъ.
- 23-го. Нашъ десантъ занялъ Атину (восточнѣ Трапезунда).
- 24-го и 25-го. Мы продвинулись впередъ южнѣ Поневѣжской ж. д. Въ Персіи заняты г. Риза и Сенна.
- 26-го. Удачныя дѣйствія нашихъ развѣдчиковъ у Иллукаста и Олыка.
- 27-го и 28-го. Удачныя дѣйствія нашей артиллеріи къ востоку отъ Черновицъ.
- 29-го. Въ Галиціи на Днѣстрѣ наши развѣдчики удачно атаковали д. Латачъ. Близъ Варны взорванъ миноносецъ «Лейтенантъ Пуцянь». Въ Персіи заняты г. Кериндъ.

Мартъ.

- 1-го. Удачныя стычки въ Галиціи на средней Стрыпѣ.
- 2-го и 3-го. Подъ Двинскомъ наша артиллерія разсѣяла большой обозъ противника. Между озерами Медусское и Деммегъ нами обстрѣлены цѣли противника.
- 4-го. Сильная артиллерійская перестрѣлка у остр. Далена.
- 5-го. Занять г. Мамахатунъ (къ западу отъ Эрзерума).
- 6-го. Занято с. Котюръ, западнѣ Мамахатуну.
- 7-го. Наши миноносцы потопили пароходъ съ грузомъ бензина у болгарскихъ береговъ.
- 8-го. Южнѣ Двинска съ боемъ занято Великое Село. На Днѣстрѣ мы овладѣли предмостнымъ укрѣпленіемъ восточнѣ с. Михальче.
- 9-го и 10-го. У оз. Нарочь наши войска взяли три линіи непріятельскихъ окоповъ. Взято много трофеевъ. Въ Персіи заняты г. Исфаганъ.
- 11-го. Въ якобштадтскомъ участкѣ наши части прорвали расположеніе противника. На Днѣстрѣ заняты Латачъ и Хмѣлевка.
- 12-го. Подъ Двинскомъ наши части продвигаются впередъ.
- 13-го. Мы завладѣли укрѣпленнымъ райономъ д. Епукъ (якобштадтскій участокъ).
- 14-го. Западнѣ Двинска наши войска заняли окопъ непріятеля.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ МЕСЯЦЪ.

- 15-го. Къ сѣв.-зап. отъ Поставъ наши войска овладѣли двумя линіями непріятельскихъ окоповъ.
- 16-го. Въ Галиціи къ сѣверу отъ Бояна наша пѣхота послѣ взрыва горновъ прошла двѣ линіи непріятельскихъ окоповъ. Взяты трофеи и плѣнные.
- 17-го. Потоплено на Черномъ морѣ непріятельской подводной лодкой наше госпитальное судно Краснаго Креста «Португалія».
- 18-го. Къ западу отъ оз. Нарочь разсѣяно нашимъ огнемъ накопленіе противника.
- 19-го. На верхней и средней Стрыпѣ нами отбиты значительныя силы непріятеля, наступавшія на наши окопы.
- 20-го. Къ юго-востоку отъ м. Колки противникъ отошелъ на вторую линію окоповъ.
- 21-го и 22-го. Въ бассейнѣ верхняго Чороха мы овладѣли укрѣпленными горными массивами.
- 23-го. Южнѣ Двинска нѣмцы покинули свои залитые водой окопы и были удачно обстрѣлены нашей артиллеріей.
- 24-го. Западнѣ Тарнополья нами отбито наступленіе значительной партіи непріятеля.
- 25-го. Нашъ линейный корабль обстрѣлялъ и обратилъ въ бѣгство «Бреслау».
- 26-го. Юго-западнѣ оз. Нарочь нами заняты нѣкоторые пункты непріятельскихъ позицій. Въ приморскомъ районѣ наши войска отбросили турокъ за р. Кара-Дере.
- 27-го и 28-го. Удачныя дѣйствія нашихъ легчиковъ на двинскомъ фронтѣ.
- 29-го. Наши захвачены непріятельскій окопъ на нижней Стрыпѣ.
- 30-го. Неудачная попытка нѣмцевъ наступать въ икскюльскомъ районѣ.
- 31-го. Юго-западнѣ Пинска (у Люблина) удачныя дѣйствія нашихъ партизановъ.

Апрѣль.

- 1-го. Западнѣ озера Нарочь нами отражено наступленіе противника.
- 2-го. Въ устьѣ р. Стрыпы нами захвачена высота Попова Могила. Взяты плѣнные.
- 3-го. Въ двинскомъ районѣ наши стрѣлки перешли въ наступленіе южнѣ д. Гарбуновки, прорвали четыре ряда загражденій и заняли двѣ высоты.
- 4-го. Мы продвинулись къ югу отъ Олыка. Близъ Трапезунда турки сбиты съ сильной позиціи у Кара-Дере.
- 5-го. Взять Трапезундъ.
- 6-го. Въ Галиціи у Поповой Могилы нами отбиты атаки противника съ большими потерями для него.
- 7-го. Прибытіе русскихъ войскъ въ Марсель. Наша подводная лодка потопила у входа въ Босфоръ пароходъ и парусное судно.
- 8-го и 9-го. Нѣмцы обстрѣливаютъ икскюльское предмостное укрѣпленіе.
- 10-го. Наши части продвинулись къ западу отъ Трапезунда. Противникъ сбитъ.
- 11-го и 12-го. Второй русскій отрядъ высадился въ Марсели. «Илья Муромецъ» успешно металъ бомбы на ст. Даудзевасъ.
- 13-го. Удачныя дѣйствія нашихъ легчиковъ западнѣ Иллукаста.
- 14-го. Нѣмцы безуспѣшно пытались наступать къ югу отъ м. Крево.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ МЕСЯЦЪ.

- 15-го. Наши съ боемъ заняты д. Хромьякова (Ровно—Ковель).
- 16-го. Въ районѣ Стрыпы, на высотѣ Богатковце, наши войска ворвались въ австрійскіе окопы, захватили оружіе и плѣнныхъ и отошли назадъ, разрушивъ работы противника.
- 17-го. Къ ю.-з. отъ оз. Нарочь нѣмцы овладѣли окопами, утраченными ими ранѣе.
- 18-го. Удачное дѣло противъ австрійцевъ на р. Иквѣ (западнѣ Боярки). Захвачено много плѣнныхъ, оружія и снаряженія.
- 19-го. Въ районѣ Пулкарна (къ ю.-в. отъ Риги) наша артиллерія удачно обстрѣляла батарею противника.
- 20-го. Въ Черномъ морѣ найдены непріятельскія мины съ кощунственными надписями по-болгарски: «Христово Воскресеніе». Наши войска преслѣдуютъ турокъ на дярбекирскомъ направленіи.
- 21-го. Въ бассейнѣ верхняго Чороха наши войска овладѣли важнымъ участкомъ непріятельской позиціи.
- 22-го. Южнѣ Крево нами взорванъ германскій привязной аэропланъ.
- 23-го. Къ ю.-в. отъ Олыка мы продвинулись впередъ.
- 24-го. Наши захвачены непріятельскій окопъ у озера Медусское.
- 25-го. На нижней Стрыпѣ, къ сѣверу отъ с. Язловець, мы продвинулись впередъ.
- 26-го. Турецко-германскій крейсеръ «Бреслау» бомбардировалъ Евпаторію.
- 27-го. На багдадскомъ направленіи противникъ выбитъ нами изъ укрѣпленныхъ позицій и отброшенъ далеко на западъ.
- 28-го. Наши заняты на багдадскомъ направленіи г. Касри-Ширинъ, гдѣ захвачено много оружія, снарядовъ и припасовъ.
- 29-го. Къ западу отъ Олыка нами отражена попытка непріятеля приблизиться съ значительными силами къ нашимъ окопамъ.
- 30-го. У оз. Медусское нѣмцы безуспѣшно пытались перейти въ наступленіе.

Май.

- 1-го. Въ районѣ Н.-Почаева и Колки отбиты попытки противника приблизиться къ нашимъ окопамъ.
- 2-го. На Моссульскомъ направленіи нами заняты въ Месопотаміи районъ Ревандуза. Захвачено много трофеевъ.
- 3-го. Наши войска ворвались въ г. Ревандузъ и захватили военные склады.
- 4-го и 5-го. Удачное нападеніе нашихъ войскъ на окопы противника въ районѣ оз. Свентень.
- 6-го. Русская подводная лодка въ Балтійскомъ морѣ близъ Ландсорта потопила два германскихъ парохода.
- 7-го. Удачный обстрѣлъ нашей артиллеріей батареи противника въ районѣ Менцендорфъ.
- 8-го. Въ Персіи нами заняты г. Саккызы.
- 9-го. Отбиты попытки нѣмцевъ наступать въ районѣ Иллукаста.
- 10-го. Наша подводная лодка потопила въ Балтійскомъ морѣ три германскихъ парохода.
- 11-го. Въ районѣ Кухочка-Воля наши войска отбросили нѣмцевъ за р. Велелуху. Въ Персіи нами заняты г. Сердешъ.
- 12-го. Въ районѣ острова Далень нѣмцы пытались атаковать наши передовыя позиціи, но были отбиты.
- 13-го. Наши войска вошли въ связь съ англійскими войсками въ районѣ Керманшахъ-Касри-Ширинъ на р. Тигрѣ.
- 14-го. Въ районѣ оз. Вишневаго отогнаны нашимъ огнемъ партія противника, подходившія къ нашимъ окопамъ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Въ Полѣсьѣ. Партизаны. Въ Полѣсьѣ, на Огинскомъ каналѣ многіе, большей частью охотники и рыболовы, превратились въ военныхъ партизановъ. Партизанство возникло сейчасъ же по занятіи этой мѣстности нѣмцами, ожесточившими сердца жителей своими насиліями и грабежами. Лишившіеся всего люди стали собираться партіями, изыскивая средства мстить злодѣямъ. Партіи доходили до 20 человекъ каждая. Партизаны были сначала вооружены первобытно, т.-е. ножами, сѣкирами (особая форма топора) и охотничьими ружьями; но вскорѣ у нихъ появилось нѣмецкое боевое оружіе въ изобиліи, такъ какъ партизанамъ было снято большое количество вражескихъ часовыхъ, засадъ и карауловъ. Партизанскіе отряды въ Пинскихъ болотахъ причинили нѣмцамъ немалый уронъ, начиная отъ частыхъ исчезновеній непріятельскихъ часовыхъ и карауловъ до захватовъ крупныхъ, напримѣръ, цѣлаго штаба съ двумя генералами,—за Пинскомъ. На нашемъ рисункѣ (стр. 431) партизаны изображены «на плывучемъ островѣ». Пинскія болота чрезвычайно разнообразны и разнообразны; есть мѣста, особенно окранны озера, представляющія какъ бы плотный густой и толстый коверъ. Это растительное образованіе изъ плотно переплетенныхъ между собою стеблей и корней, бурого цвѣта, по-

крыто зеленью и мохомъ. При ходьбѣ по такому наряду онъ колеблется, понижаясь подъ давленіемъ ногъ, но не тонетъ, хотя въ немъ часто попадаются просвѣты, не заросшіе. Ходятъ по такимъ зарослямъ всегда съ шестами, чтобы въ случаѣ провала не погрузиться, задерживаясь шестомъ горизонтально. При необходимости переправы охотники часто, отрывая ножами часть такого наряда, переправляются на немъ, какъ на плоту. Изображенный на другомъ нашемъ рисункѣ (стр. 431) партизанъ П. — шляхтичъ (однодворецъ) католикъ, владѣлецъ хуторка съ 10 десятинами земли, хорошей хозяйинъ, охотникъ и замѣчательный стрѣлокъ. У него все имущество разграбили и сожгли нѣмцы, надъ дочерью надругались, а жену убили за то, что она заступилась за дочь. Самого его не было въ то время дома. По словамъ художника Е. Суковского, зарисовавшего его на мѣстѣ, въ Полѣсьѣ, «партизанъ П. поклялся не оставлять мщенія, пока «не замордуетъ цалу копу злодѣевъ» (не убьетъ 60 штукъ злодѣевъ). Съ половины января мѣсяца о немъ нѣтъ ни слуху ни духу. Предполагаютъ, что онъ или погибъ въ болотахъ или убитъ нѣмцами. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, половину намѣченного имъ числа нѣмцевъ онъ отправилъ на тотъ свѣтъ».

Разрѣш. Киевск. БУХГАЛТЕРІИ (существовавшей съ 1891 г.) учебн. окр. курсы скоро и основательно выуч. всякій лично и посредств. переписки, вынонъ замѣн. устное преподав. Условія выс. безплатно. А. П. Бобырь, Киев.-Н. Софійская, 5.

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ. Заочно профессор мнем., Чл. Париж. Акад., С. Файнштейн, ОДЕССА, Ришель., 54/28. Практик. в Россіи уже бол. 29 л. съ больш. успѣх. (см. №№ „Нивы“ пр. д.).—Пропс. выс. за 10 к. мар.

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатная премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Льготныя условія подиски и **БЕЗПЛАТНО**. Пробная лекція. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерч. образов. Заочные курсы по самой обширной программѣ. **СТЕНОГРАФІЯ**. **АТТЕСТАТЪ**. Цѣнная премія. Разсрочка. Пропс. безплат. Петроградъ, В. О. Бол. пр., № 22. **КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ**. Р.

НОВАЯ КНИГА „ГРЯДУЩІЙ ПОТОПЪ И ЦАРСТВО ЛЬДА“. Главныя складъ изданія—въ книжномъ магазинѣ Товарищества „Новое Время“—Невскій, 40. Цѣна 20 коп. Высылается съ наложеніемъ платежа, или за 35 коп.

ИКОНЫ всѣхъ стилей, готовыя и на заказъ, можно подучить въ иконной лавкѣ **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденнаго Комитета Почтеннѣйства о Русской иконописи. Петроградъ, Надеждинская, 27. Тел. 201-29. 4071 10-4. Прейс-курранты высылаются безплатно.

РАДІЕВЫЕ ПРЕПАРАТЫ для лечебныхъ цѣлей продаются въ конторѣ, Петроградъ, Вас. Остр., 15 лин., д. 48, тел. 139—90 и высылаются наложеннымъ платежомъ и въ аптекахъ въ Ессентукахъ, Кисловодскѣ и Пятигорскѣ. Цѣна 1 пакета 8 р., 1/2 пакета 4 р. 50 к. Желающимъ контора высылаетъ проспекты. 4148 3-1

Одесск. Средн. Сельскохозяйственно-ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ, учр. И. И. Хойна. Съ правами казенн. учебн. завед. Тамъ же **ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЕ КУРСЫ**. Приемъ прошеній производится на 1916/17 уч. г. Проспекты высыл. за 5 двухкоп. мар. **ОДЕССА**, Пушкинская, 60—5. 4049 10-7

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА для грудныхъ дѣтей. **АЛЕНБЭРИСЪ** Получаются блестящіе результаты. Брошюра № 12 по требованію безплатно. Англійское Акц. О-во „АЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“. Москва, Мясницкая, 32, почт. ящ. 226.

ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНИИ **НУЖДАЕТСЯ КАЖДЫЙ** владѣлецъ торговаго предпріятія. Торговая дѣятельность превратилась въ сложную науку, требующую отъ своихъ представителей серьезныхъ званій. **МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ**, желающій поступить на службу въ какую-либо контору, банкъ, крупный магазинъ и т. п., должень пройти курсъ коммерческой наукъ. Лица, находящіеся на должностяхъ, могутъ значительно улучшить свое матеріальное положеніе, если посвятятъ свой досугъ на изученіе коммерческихъ наукъ. Ознакомьтесь съ нашимъ методомъ **заочнаго обученія бухгалтеріи**, коммерч. ариметики, коммерч. корреспонденціи, товаровѣдѣнія, технич. веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и многоаго иного, необходимаго каждому коммерсанту, при помощи изданія нашего „**АКАДЕМІИ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ**“. Краткій проспектъ безплатно. Подробный за 15 коп. **Т-во „БЛАГО“**, Петроградъ, Николаевск., 44-62.

СЛѢДЫЕ Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства **== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==** Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ. **Лабораторія КАЛЬТОКО**, **МОСКВА**. Отд. 1. С. Т. **ВОЛОСЫ**

ПИСАТЬ Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ПГР., ул. Гоголя, 22. **Шульговская, А.** **РУКОВОДСТВО** **ИЗГОТОВЛЕННО** простой и изящной дамской, мужской и дѣтской **ОБУВИ** по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. съ перес. 1 руб.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. **МАРКСЪ**, въ Петроградѣ.

В. В. Муйжель. **...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ** **СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ** **СЪ РИСУНКАМИ.**

СОДЕРЖАНІЕ: Отступленіе или бѣгство? Плѣнные и павшіе. Въ пути. Подъ Ловичемъ. Послѣ боя. Стихія войны. Безъ выхода. Сюрпризъ. Странные города. Мелочи войны. Вторая волна. О героизмѣ. Ненужная жертвы. Ночная атака. Передъ переломомъ. Подъ крестъ. Чужая боль (раненые). Земцы и война. Свѣтлыя души. Незамѣтные помощники. Памяти павшихъ (статья первая). Лыкъ и Маркграбово. Памяти павшихъ (статья вторая). Чудо.

Учебн. Отд. М-ва Торг. и Промышленности допущено въ ученич. бібліотеки коммерческихъ училищъ для учащихся старшихъ классовъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Требованія и деньги просятъ адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. **МАРКСЪ**, Петроградъ, ул. Гоголя, № 22. Изданіе это имѣется также въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линии), въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ большихъ книжн. магазинахъ.

ПИСАТЬ **КРАСИВО, СКОРО** и **ГРАМОТНО.** **КАЛЛИГРАФІЯ** 6 отдѣл. Фондо-Готить, Батарды и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скороп. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля. **СТЕНОГРАФІЯ** (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стр. Цѣна (с) 3 рубля. 4145 **СПРАВОЧНИКЪ**, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр., формъ прошен., писемъ, какія мѣры должно принять, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль. **ПРАВОПИСАНІЕ** русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубля. **ТОРГОВО-промышленное законодательство** ВЪ СВЯЗИ СЪ **ТОРГОВОЙ ПРАКТИКОЙ**. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышленн., дѣлателей и служащихъ. 443 стр. (+ VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля. При посылк. влож. плат. на 25 к. дорож.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете работать для продажи, и также для собственныхъ надобностей. **Требованія** на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «**ВИКТОРИЯ**», предлагаютъ лучшія цѣны. «**ВИКТОРИЯ**» вяжетъ одинъ чулокъ въ 15 минутъ. Наша автоматическая быстрозавальная машина «**ВИКТОРИЯ**» стоитъ 200 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предварительныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ. **Заработокъ—гарантированъ.** **Работа—постоянная.** **ТРЕБУЙТЕ** нашъ бесплатный проспектъ. **ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ** **ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ** и Ко. Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в. Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

ЖИЗНЬ

№ 25. Выходит еженед. (52 № в год), с прилож. 40 кн. „Сборника“, соерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военных дѣйствій, 12 № № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 18 июня 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Изъ мертваго города. Очеркъ нашего военного корреспондента Я—ва. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Картина прошлаго. Аркадія Пресса. — Турецкое побережье Чернаго моря. Очеркъ Б. Гурьева. — Стихотвореніе Н. Чаплина. — Заявленіе. — Объявленіе. — Хронологія войны. — Отклики войны.

РИСУНКИ: „Изъ мертваго города“. По фот. нашего военного корреспондента Я—ва (10 рис.). — Иллюстраціи П. Д. Бучкина къ рассказу С. Бѣльскаго „Лабораторія великихъ разрушеній“. — Дѣдъ „нашъ Сусанинъ“. — Въ Польсѣ (2 рис.). — Десантъ на Кавказскомъ побережьѣ. Картина академика А. В. Маковского. — Ризъ.—Трансезундъ и его окрестности (3 рис.). — Переправа на надувныхъ резиновыхъ мѣшкахъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 10.

Изъ мертваго города.

Очеркъ нашего военного корреспондента Я—ва.

(Съ 10 рисунками на стран. 421, 422, 423 и 424).

Странное, тягостное впечатлѣніе производитъ небольшой уѣздный городокъ Сморгонь, до самаго основанія разбитый и разрушенный тяжелой нѣмецкой артиллеріей.

Общій видъ Сморгони съ наблюдательнаго пункта.

Общій видъ города съ наблюдательнаго пункта.

Какъ будто страшное землетрясеніе разрушило зданія, не оставивъ камня на камнѣ, а злая чума промчалась по улицамъ — и опустѣли шумныя улицы. И теперь между печальными остатками живописнаго, шумнаго городка, среди полуразрушенныхъ стѣнъ и обгорѣлыхъ деревьевъ носится лишь вѣтеръ, жалобно визжа и царапая жестью крышъ и глухо стуча отдранными досками.

А по пустымъ, мертвымъ улицамъ мѣрно шагаютъ патрули... Наши войска выбили нѣмцевъ изъ Сморгони и заняли его окраину, и не достались нѣмцамъ богатые запасы награбленныхъ кожъ и мѣди. И въ отместку за это страшной, безцѣльной бомбардировкѣ подвергли германцы маленькій городъ.

Полуразрушенная православная церковь. Внутри церкви разорвались четыре нѣмецкихъ 11-дюймовыхъ снаряда.

„Изъ мертваго города“. По фот. нашего военного корреспондента Я—ва.

И как будто Христос вновь сошел на землю и вновь страдает за страшные неискупные грѣхи, коимъ нѣтъ имени, нѣтъ названія въ исторіи.

Разрушена и православная церковь. Четыре

Все, что осталось от костела.

11-дюймовыхъ снаряда разорвались внутри храма, и, какъ въ страшной сказкѣ Гоголя, попадали со стѣнъ святыхъ иконы, увидя такое святотатство.

И остальные зданія пострадали не меньше. Странный случай сохранилъ нѣкоторыя надписи и названія улицъ, домовъ или вывѣски.

Часто встрѣчаешь великолѣпныя желѣзныя ворота и на нихъ дощечку съ надписью: „входъ въ контору завода постороннимъ лицамъ строго воспрещенъ“, — а отъ конторы да и отъ самаго завода остались лишь груды кирпича, желѣза и жести.

На улицахъ среди хаоса обломковъ и кирпича торчатъ то кровать, то исковерканная швейная машина, то маленькій дѣтскій велосипедикъ, а то уцѣлѣвшій какимъ-то страннымъ образомъ преогромный глиняный горшокъ.

Отъ облаковъ ядовитыхъ газовъ, уже не разъ пронесшихся надъ этимъ городомъ смерти, почернѣла штукатурка зданій, и среди сѣрыхъ развалинъ бродятъ стаи голодныхъ, одичалыхъ псовъ. Отправляясь поздно вечеромъ на наблюдательный пунктъ, или въ пѣхотный окопъ, офицеры никогда не забываютъ осмотрѣть свои браунинги и засунуть поближе пару лишнихъ обоймъ.

Пишущій эти строки самъ, взобравшись на развалины, отстрѣливался отъ стаи полудикихъ звѣрей и, выпустивъ четырнадцать патроновъ, вынужденъ былъ просидѣть около трехъ часовъ на полуразрушенной стѣнѣ, пока не подошелъ патруль, разогнавшій собакъ залпами и штыками.

По ночамъ эти полудикіе звѣри пробираются между проводочными загражденіями, и изъ пѣхотныхъ окоповъ часто слышенъ вой и драка изъ-за оконченыхъ непогребенныхъ труповъ германцевъ.

Такъ стоитъ этотъ городъ смерти... Тихимъ, зловѣщимъ ужасомъ вѣетъ отъ него. Смерть и разрушеніе отпраздновали здѣсь свой дикій, безудержный праздникъ.

Миръ праху твоему, маленькая Сморгонь!

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Двѣ недѣли наступленія.

Какъ и слѣдовало ожидать, наше наступленіе на фронтѣ арміи генерала Брусилова вылилось въ весьма крупную операцію. Уже черезъ двѣ недѣли наступленія австрійскій фронтъ оказался прорваннымъ въ двухъ мѣстахъ, при чемъ наиболѣе крупныя прорывы были произведены на флангахъ австрійскаго расположенія — на сѣверномъ флангѣ у Луцка и на южномъ флангѣ, въ Буковинѣ и на Днѣстрѣ.

Раіонъ Луцкаго прорыва къ этому времени принялъ огромныя размѣры, доходившіе, примѣрно, до 80 верстъ въ ширину (отъ раіона Дубно до раіона Колки) и до 50 верстъ въ глубину (отъ Олыки до Затурице, недалеко отъ Владиміра-Волынскаго).

Нашъ южный прорывъ въ Галиціи и Буковинѣ достигъ ширины, примѣрно, въ 50 верстъ и глубины около 40 верстъ.

Общее число плѣнныхъ перевалило за 170.000, при чемъ число однихъ плѣнныхъ офицеровъ достигло 2.500 человекъ. Многочисленные трофеи — орудія, пулеметы, винтовки, захваченные склады снарядовъ и патроновъ, цѣлыя желѣзнодорожныя линіи, склады инженернаго имущества и проч. — были взяты одновременно съ упомянутымъ выше большимъ числомъ плѣнныхъ.

Такимъ образомъ, ближайшій стратегическій результатъ нашего наступленія выразился въ двухъ большихъ прорывахъ на флангахъ австрійскаго расположенія, благодаря чему линія австрійскаго фронта оказалась охваченной съ обоихъ фланговъ. Въ центрѣ же двѣ австрійскія арміи, Бемъ-Ермоли и Ботмера, продолжали еще упорную оборону — первая на путяхъ къ Львову, а вторая на Стрыпѣ, т. е. на путяхъ къ Галичу. Оборона эта не имѣла существеннаго значенія и клонилась даже къ невыгодѣ австрійцевъ, такъ какъ слишкомъ выдвинутое положеніе арміи Бемъ-Ермоли и Ботмера въ центрѣ, при охватѣ обоихъ австрійскихъ фланговъ, могло лишь грозить австрійцамъ неприятными послѣдствіями.

Обращаясь къ числу плѣнныхъ, напомнимъ, что на волинско-галиційско-буковинскомъ фронтѣ австрійцы оборонялись четырьмя арміями: эрцгерцога Фердинанда, въ раіонѣ Луцкаго прорыва, Бемъ-Ермоли — на путяхъ къ Львову, Ботмера — на Стрыпѣ и Пфланцера — въ Буковинѣ. Общее число австрійскихъ войскъ, какъ это отмѣчалось въ печати, можно было исчислить приблизительно до 40 дивизій или до 650.000 человекъ. Вопли понятно, что такія потери, какъ 170.000 одними плѣнными, а считая съ убитыми и ранеными, по крайней мѣрѣ, до 400.000 человекъ, не могли не быть весьма чувствительными для противника, ибо составляли почти $\frac{2}{3}$ состава его арміи.

Сверхъ того, изъ нѣкоторыхъ подробностей, приведенныхъ въ нашихъ сообщеніяхъ, можно было усмотрѣть, что эти австрійскія потери распредѣлялись не совсемъ равномерно между всѣми четырьмя австрійскими арміями, а именно, наибольшія потери приходились на долю двухъ фланговыхъ арміи — арміи эрцгерцога Фердинанда у Луцка и арміи Пфланцера въ Буковинѣ.

Въ разрушенномъ костелѣ. Стѣна, на которой виситъ Распятіе.

„Изъ мертваго города“. По фот. нашего военнаго корреспондента Я--ва.

Согласно нашимъ сообщеніямъ, войска генерала Каледина, прорвавшія австрійское расположеніе у Луцка, захватили плѣнными болѣе 70.000 человекъ, войска генерала Лечицкаго, разбившія армію Пфланцера въ Буковинѣ, взяли въ плѣнъ болѣе 40.000 человекъ. Изъ этого можно видѣть, что остальные потери австрійцевъ плѣнными — до 60.000 человекъ пришлось на долю войскъ генерала Сахарова, наступавшихъ по прямой дорогѣ на Львовъ противъ арміи Бемъ-Ермоли, и на долю войскъ генерала Щербачева, наступавшихъ на Стрынь противъ арміи Ботмера.

Изъ этого можно видѣть, что наибольшему разгрому подверглась армія эрцгерцога Фердинанда въ районѣ Луцкаго прорыва, и ея потери, съ убитыми и ранеными, въ значительной степени должны были превышать $\frac{2}{3}$ ея состава. Это обстоятельство явилось одной изъ причинъ, почему ближайшія подкрѣпленія были направлены нѣмцами и австрійцами въ районѣ Луцкаго прорыва. Кромѣ того, конечно, такое стремленіе австро-германцевъ удержаться въ районѣ Луцкаго прорыва объяснялось еще тѣмъ, что здѣсь находился пунктъ соединенія австрійскаго фронта съ германскимъ, и противникъ стремился возстановить нарушенную связь. Наконецъ здѣсь лежали пути на важнѣйшій желѣзнодорожный пунктъ въ тылу германцевъ—Ковель, и это также должно было побудить противника первымъ дѣломъ подкрѣпить свое расположеніе въ районѣ Луцкаго прорыва.

Эти подкрѣпленія были высланы австрійцами съ итальянскаго фронта, гдѣ уже съ первыхъ дней нашей операціи началась посадка австрійскихъ войскъ на поѣзда. Австрійскія подкрѣпленія прибывали, повидимому, крайне медленно, такъ какъ имъ нужно было прорѣзать всю территорию Австро-Венгрии, а число путей, которые шли изъ Тироля и съ фронта рѣки Изонцо, было крайне ограничено: одна желѣзная дорога изъ Тироля на Больцано и Инсбрукъ и три желѣзныхъ дороги съ фронта рѣки Изонцо.

Германскія же подкрѣпленія начали прибывать нѣсколько скорѣе. Сначала нѣмцы, повидимому, выслали къ району Луцкаго

Уцѣлѣвшее Распятіе въ костелѣ.

прорыва часть войскъ съ другихъ участковъ нашего фронта, вѣроятно, изъ Пинскихъ болотъ и изъ районовъ Вильны и Бреста. Затѣмъ однако, опасаясь, повидимому, за прочность своего расположенія на нашемъ фронтѣ, нѣмцы начали пересылать войска съ французскаго фронта, и наши сообщенія отмѣтили, что въ числѣ германскихъ подкрѣпленій на рѣкѣ Стыри, въ районѣ Луцкаго прорыва, обнаружены германскія части, прибывшія съ французской границы.

Возникалъ лишь вопросъ, насколько значительно число войскъ, взятыхъ противникомъ съ французскаго фронта, ибо, если число войскъ было велико, то это должно было означать отказъ нѣмцевъ отъ того плана новаго наступленія во Францію, который они претензіозно себѣ намѣчали на лѣто 1916 года. Впрочемъ, и небольшая сравнительно перевозка войскъ должна была имѣть свое значеніе въ томъ смыслѣ, что должна была ослабить нѣмецкій натискъ на Верденъ. Поэтому самый фактъ перевозки нѣмецкихъ войскъ съ французской границы представлялся въ смыслѣ общей стратегической обстановки весьма благоприятнымъ. Нѣмецкіе обозрѣватели даже опредѣленно писали, что русское наступленіе тогда достигнетъ крупныхъ стратегическихъ результатовъ, если оно вынудитъ австрійцевъ бросить свое наступленіе на итальянскомъ фронтѣ, а нѣмцевъ отказать отъ наступленія на французскомъ фронтѣ. Операція на итальянскомъ фронтѣ была австрійцами брошена съ самаго начала, а съ французскаго фронта уже началась какая-то перевозка войскъ на нашъ фронтъ, и поэтому черезъ двѣ недѣли наступленія можно было считать, что наша операція достигла значительнаго стратегическаго успѣха, — независимо отъ того, что у австрійцевъ были прорваны оба фланга и захвачено въ плѣнъ свыше 170.000 человекъ.

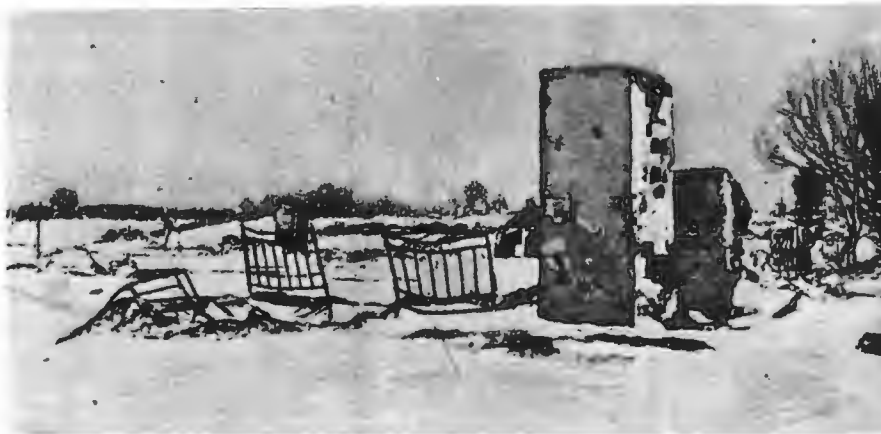
Обращаясь къ району южнаго прорыва въ Буковинѣ на Днѣстрѣ, напомнимъ, что наши сообщенія указали, что здѣсь войсками генерала Лечицкаго было взято около 40.000 плѣнныхъ. Однако, успѣхъ генерала Лечицкаго этимъ не ограничился, и вскорѣ послѣ штурма былъ взятъ главный городъ Буковины, Черновицы. Въѣстъ съ тѣмъ войска генерала Лечицкаго перебрались черезъ

Главный входъ въ костелъ.

„Изъ мертваго города“. По фот. нашего военнаго корреспондента Я—ва.

„Уютный уголок“.

рѣку Прутъ и начали преслѣдовать отступающую армію Пфланцера.

Армія Пфланцера еще въ самомъ началѣ операціи понесла значительное пораженіе, и наибольшее количество плѣнныхъ изъ числа упомянутыхъ выше приходится на ея долю именно въ первые дни операціи. Послѣ этого пораженія армія Пфланцера укрѣпилась за рѣкой Прутъ, а на нашемъ берегу Прута былалишь оставлена небольшая группа австрійскихъ войскъ въ предмостномъ укрѣпленіи у Черновицъ, которая должна была обороняться возможно долѣе съ тѣмъ, чтобы Пфланцеръ успѣлъ своевременно увезти матеріальную часть, оружіе и главную массу войскъ, т.-е. вообще выйти изъ-подъ нашихъ ударовъ.

Когда же пали Черновицы и была перейдена линия рѣки Прута, положеніе австрійской арміи Пфланцера стало крайне серьезнымъ. Отступать въ сторону сосѣдней австрійской арміи Ботмера въ Восточную Галицію эти войска не могли, такъ какъ нашими войсками были заняты Залѣзники, Снятынъ и Городенка, которые находились на пути изъ Буковины въ Восточную Галицію. Такимъ образомъ путь въ Восточную Галицію былъ закрытъ, и австрійской арміи Пфланцера приходилось уходить къ Карпатамъ.

Наши войска энергично преслѣдовали австрійцевъ и вслѣдъ за переходомъ рѣки Прута вскорѣ заняли Сторожинець, Глыбоку и другіе пункты на слѣдующей оборонительной линіи австрійцевъ,—на линіи рѣки Серета. Вслѣдствіе этого, австрійской арміи Пфланцера, отступавшей послѣдшнею къ Буковинѣ, уже не оставалось никакихъ естественныхъ оборонительныхъ линій, на которыхъ эта армія могла бы удержаться, и единственнымъ райономъ, гдѣ австрійцы могли бы остановиться для обороны, являлись предгорья Карпатъ.

При такихъ условіяхъ можно было считать операцію противъ арміи Пфланцера въ Буковинѣ законченной въ главномъ. Ея потери вмѣстѣ съ убитыми и ранеными, исходя изъ одного числа плѣнныхъ 40.000, повидимому, доходили уже до половины состава. Армія эта потеряла подъ рядъ три оборонительныя линіи—линію рѣки Днѣстра, линію рѣки Прута и линію рѣки Серета. Наконецъ армія эта потеряла свою опорную точку-базу, главный городъ Буковины, Черновицы, и уходила въ безпорядкѣ къ Карпатамъ.

„Изъ мертваго города“. По фот. нашего военного корреспондента Я-ва.

Вполнѣ естественно, что, въ виду этого, можно было также считать, что правое крыло австрійскихъ войскъ не только прорвано, но и подверглось сильнѣйшему разгрому. Это въ свою очередь открывало для войскъ генерала Лечицкаго пути въ сторону Восточной Галиции, гдѣ уже были заняты этими же войсками, какъ мы упоминали выше, Залѣзники, Снятынъ и Городенка. Между тѣмъ въ Восточной Галиціи съ самаго начала операцій наступали войска генерала Шербачева, и такимъ образомъ армія Ботмера въ Восточной Галиціи должна была уже, послѣ занятія Буковины, подвергнуться натиску съ двухъ сторонъ.

Изъ изложеннаго можно видѣть, насколько благоприятно сложилась наша операція черезъ двѣ недѣли послѣ начала нашего наступленія:

1) Австрійцы бросили свою операцію противъ итальянскаго фронта, а нѣмцы начали уже перевозить свои войска съ французской границы. Слѣдовательно, союзники вполнѣ осуществили идею одновременныхъ дѣйствій со всѣхъ сторонъ противъ Австро-Германіи, и противнику уже было крайне трудно приступить къ исполненію намѣченныхъ имъ важныхъ операцій на французскомъ и итальянскомъ фронтахъ.

2) Противникъ понесъ огромныя потери, доходящія у австрійцевъ до $\frac{2}{3}$ состава ихъ армій, бывшихъ на нашемъ фронтѣ.

3) У противника оказались прорванными оба фланга—лѣвый у Луцка, а правый въ Буковинѣ, кромѣ того, правобережная австрійская армія Пфланцера подверглась основательному разгрому, отходила въ сторону Карпатъ и этимъ какъ бы исключалась изъ той „игры“, изъ того района сраженія, гдѣ происходило главное наступленіе нашихъ войскъ, т.-е. устранялась изъ линіи главнаго австрійскаго фронта.

4) Занятіе Буковины давало возможность дипломатіи союзниковъ использовать успѣхъ въ сосѣдней Румыніи и при этомъ имѣло политическое значеніе.

5) Занятіе Буковины имѣло также и стратегическое значеніе, такъ какъ давало возможность сосредоточить слѣдующія усилія уже противъ слѣдующей австрійской арміи—арміи Ботмера въ Восточной Галиціи. Это въ свою очередь давало возможность развить успѣхъ не только при помощи наступленія съ фронта, но и развить успѣхъ „вдоль“ всего австрійскаго фронта, переходя послѣдовательно изъ Буковины въ Восточную Галицію и такъ далѣе къ сѣверу.

Блиндажъ у наблюдательнаго пункта.

Часовой на еврейскомъ кладбищѣ.

Лабораторія великихъ разрушеній.

Разсказъ С. Бѣльскаго.

Съ иллюстраціями П. Д. Бучнина.

(Окоцаніе).

II.

Лабораторія великихъ разрушеній.

Я твердо рѣшилъ уѣхать въ тотъ же день къ вечеру и за объѣдомъ сказалъ объ этомъ профессору. Онъ нахмурился и отвѣтилъ:

— Когда гарнизонъ въ опасности, то всегда находятся солдаты, которые желаютъ уйти.

Я покраснѣлъ и рѣшилъ отвѣтить, что не принадлежу къ гарнизону, и мое присутствіе здѣсь является совершенно случайнымъ.

— Поступайте, какъ знаете, — холодно сказалъ Дюфуръ.

Я взглянулъ на опустѣвшее мѣсто Бастьена, на печальное лицо Ренэ и рѣшилъ остаться, хотя больше всего желалъ въ эту минуту очутиться на залитой весеннимъ солнцемъ дорогѣ, убагававшей въ шумный Авиньонъ.

Съ этого дня я сдѣлался полноправнымъ членомъ маленькой коммуны, былъ допущенъ въ лабораторію и присутствовалъ при всѣхъ послѣднихъ опытахъ съ пиронитомъ. Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, я считаю необходимымъ опровергнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ тѣ замѣтки и статьи, появившіяся во французской печати, въ которыхъ говорилось, будто бы профессоръ Дюфуръ посвятилъ меня во всѣ тайны приготвленія пиронита. Эти ложныя свѣдѣнія, неизвѣстно кѣмъ распространяемая, навлекли на меня множество непріятностей, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить. Достаточно упомянуть, что я нѣсколько разъ лишился всѣхъ своихъ бумагъ и однажды едва не былъ убитъ въ поѣздѣ, шедшемъ изъ Милана въ Берлинъ. Вѣроятно, подъ влияніемъ этихъ газетныхъ замѣтокъ, ко мнѣ обращался военный агентъ одного восточнаго государства и позднѣе представителю южно-американской республики съ просьбой продать секретъ изобрѣтенія профессора Дюфура. Переговоры эти оборвались въ самомъ началѣ, такъ какъ и первому и второму я отвѣтилъ, что не располагаю тѣмъ товаромъ, за которымъ они ко мнѣ явились по порученію своихъ правительствъ. Міровая война вновь воскресила эту старую исторію, погребенную въ развалинахъ бернардинскаго монастыря, и создала для меня очень тяжелое и опасное положеніе. Заявляю для свѣдѣнія всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя возобновили свои попытки вырвать или купить у меня секретъ изготвленія ужаснаго разрушительнаго вещества, что у меня никогда не было въ рукахъ бумагъ Дюфура. Не стану отрицать, я знаю кое-что, но далеко не все. Мнѣ извѣстна, да и то не вполне, общая теорія, принципы, но не ихъ практическое примѣненіе. Печатаю этотъ разсказъ, представляющій вполне точное и правдивое изложене трагическихъ событій, случившихся въ лабораторіи профессора Дюфура, я надѣюсь, что мнѣ наконецъ повѣрятъ и оставятъ меня въ покоѣ. Въ этой главѣ я помѣщаю тѣ немногія свѣдѣнія о пиронитѣ, которыя мнѣ удалось разновременно получить отъ Дюфура и его сотрудниковъ. Не знаю, представляютъ ли они интересъ для обыкновеннаго читателя, но изобрѣтатели и техники найдутъ въ нихъ указаніе на ту тропинку, по которой шелъ человѣкъ, достигшій совершенно необычайныхъ, чудовищныхъ и фантастическихъ результатовъ въ дѣлѣ разрушенія. Можетъ-быть, кому-нибудь ихъ нѣтъ удастся получить тотъ миллиардъ, который по всей справедливости долженъ былъ бы принадлежать Дюфурѣ. Къ сожалѣнію, мои замѣтки, которыя я составилъ въ Авиньонѣ, давно украдены, и я долженъ по памяти возстановить объясненія людей, обладавшихъ огромными званіями въ наиболее запутанной и темной области физико-химическихъ наукъ.

Лабораторія, изъ которой вышелъ пиронитъ, помѣщалась въ подвалахъ, тянувшихся подъ южной частью зданія. Въ этомъ подземеліи, куда скудный свѣтъ проникалъ черезъ затѣланныя рѣшетками окна подъ потолкомъ, по странной случайности сохранились еще печи, кубы и тиглы какого-то средневѣковаго алхимика. Четыреста или пятьсотъ лѣтъ тому назадъ какой-нибудь монахъ пытался среди этихъ стѣнъ превратить въ золото металлы и камни или приготовить жизненный эликсиръ, а въ XX вѣкѣ сюда снова явились изобрѣтатели, чтобы съ неутомимой энергіей приняться за осуществленіе идеи еще болѣе дерзкой и фантастической. Динамомашина Дюфура стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ беспорядочно валялись рычаги, колеса и винты какого-то распавшагося древняго механизма, а огромный горнъ алхимика въ дальнемъ углу Рамбергъ приспособилъ для накалыванія радиоактивныхъ металловъ. Около стѣнъ лежали груды мусора и черной шлакъ, выброшенный изъ печей древнихъ и новыхъ химиковъ. Колбы, реторты и другая стеклянная посуда самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ наполняли глубокія ниши: холодный блескъ полированного металла и грозно-трепетное синее пламя, съ неистовымъ шумомъ вырывающееся изъ конической груды въ серединѣ лабораторіи, оживляли мрачные своды подвала, затянутые паутиной и покрытые густой копотью.

Изобрѣтеніе пиронита, какъ говорилъ мнѣ Дюфуръ, было въ

такой же степени дѣломъ случая, какъ и результатомъ упорной научной работы, сопровождаемой безконечнымъ числомъ опытовъ. Дюфуръ и его сотрудники исходили изъ того предположенія, что при извѣстныхъ условіяхъ всѣ вещества способны къ такому же выдѣленію энергіи, какъ и радиоактивные металлы. Со времени работъ Беккереля, супруговъ Кюри, Рутерфорда, француза Лебона и англійскаго физика Соди извѣстно, что распавшіеся разрушенные атомы радія даютъ начало непрерывному потоку мельчайшихъ частицъ, которыя уносятся со страшною скоростью въ 20.000 километровъ въ секунду. Если бы снаряды нашихъ артиллерійскихъ орудій обладали подобной скоростью, то ихъ разрушительная энергія возросла бы въ миллионы разъ. Но, въ сравненіи съ радійнымъ потокомъ, ядро, выброшенное двѣнадцатидюймовой пушкой, движется такъ же медленно, какъ улитка рядомъ съ курьерскимъ поѣздомъ. Каждая крупинка радиоактивнаго вещества представляетъ маленькій вулканъ, изверженіе котораго можетъ продолжаться въ теченіе столь долгаго времени, что въ сравненіи съ человѣческой жизнью оно кажется почти безконечнымъ. По наблюденіямъ и вычисленіямъ Рутерфорда, средняя продолжительность существованія радія равна 2.550 годамъ. Уранъ сохраняется неизмѣримо дольше, и средний срокъ его существованія надо считать миллионами лѣтъ. Уже по этому можно судить, до какой степени неуволима та мельчайшая атомная пыль, которая непрерывно разсѣивается радиоактивными металлами. И это къ нашему счастью, такъ какъ такое разсѣиваніе и превращеніе матеріи сопровождается колоссальнымъ выдѣленіемъ энергіи. На основаніи точныхъ вычисленій Дюфура, распадающіеся атомы одного фунта мѣди или свинца могли бы приводить въ движеніе въ теченіе десяти дней всѣ машины Франціи. Скрытый въ какомъ-нибудь кускѣ радія запасъ работы, по давно извѣстнымъ опытамъ, въ 500.000 разъ превышаетъ ту работу, какую можетъ дать теплота, выдѣляемая при сгораніи равнаго ему по вѣсу куска угля. Вся сила Нагарскаго водопада ничтожна въ сравненіи съ мощностью этихъ невидимыхъ титановъ, которые когда-нибудь будутъ служить человѣку и дадутъ ему такое могущество, о которомъ онъ теперь не смѣетъ и мечтать. Вокругъ насъ въ каждомъ предметѣ скрыта безмѣрная почти энергія, которая, если бы она разомъ вырвалась наружу, способна была бы произвести стихійное разрушеніе. Но какое практическое приложеніе возможно будетъ въ послѣдующее время сдѣлать изъ этихъ парадоксальныхъ, хотя и безспорныхъ истинъ? Пользованіе новымъ видомъ энергіи, скрытой въ атомахъ, почти такъ же трудно, какъ если бы она находилась на другой планетѣ. Намъ извѣстны лишь очень немногія радиоактивныя вещества, которыя съ медлительностью, свойственной геологическимъ процессамъ, выдѣляютъ и разсѣиваютъ заключенную въ нихъ силу, превращенную въ электрическія и свѣтотыныя волны, что по существу одно и то же, и въ движеніе безконечно малыхъ материальныхъ частицъ. Если представить себѣ такія существа, для которыхъ время тянулось бы въ миллионъ разъ медленнѣе, чѣмъ для насъ, то они могли бы, пожалуй, какимъ-нибудь способомъ собирать, концентрировать энергію радиоактивныхъ тѣлъ и пользоваться ею для работы, или взрывовъ и массоваго истребленія другъ друга. Они открыли бы десятки другихъ, излучающихъ энергію элементовъ, которые слишкомъ медленно теряютъ свои атомы для того, чтобы мы сумѣли замѣтить это общее теченіе, безконечный круговоротъ матеріи и силы.

Великое изобрѣтеніе Дюфура въ томъ именно и заключалось, что ему послѣ трехлѣтнихъ трудовъ удалось ускорить радиоактивное излученіе большей части тѣлъ, а при помощи Бастьена, и въ особенности Ренэ, процессъ этотъ былъ доведенъ до нѣсколькихъ мгновений. Мельчайшая, едва видимая песчинка разлеталась съ сотрясеніемъ, подобнымъ грохоту душечнаго выстрѣла. Щепотка желѣзныхъ опилокъ на моихъ глазахъ опрокинула и раздробила въ мельчайшіе куски огромную скалу, поднимавшуюся надъ вершинами вѣковыхъ сосенъ. Окружавшія ее деревья были изломаны въ щепы и отброшены на разстоеніи въ девятьсотъ шаговъ. Важно замѣтить, что пиронитъ давалъ лишь начальный толчокъ къ распаду атомовъ. Его роль была сходна съ той, какую играетъ зажженная спичка, поднесенная къ бочкѣ съ порохомъ. Изъ чего онъ состоялъ? Вотъ вопросъ, который мнѣ предлагали сотни разъ! Тѣ изобрѣтатели, которые пожелаютъ получить зароботанный Дюфуромъ миллиардъ, пусть запомнятъ слѣдующее. Пиронитъ не былъ веществомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Онъ заключалъ продукты распада, эманации различныхъ элементовъ, въ томъ числѣ радія, торія, свинца и золота. Самъ Дюфуръ и его помощники часто употребляли терминъ, принятые музыкантами, — они говорили о полной гаммѣ пиронита, объ его нижнихъ и верхнихъ тонахъ, о силѣ и полнотѣ этой адской смѣси. Пиронитъ „полной гаммы“ невозможно было хранить ни въ какой посудѣ, такъ какъ, приходя съ нею въ соприкосновеніе, онъ сейчасъ же начиналъ свое дѣйствіе. Ренэ какъ-то объяснилъ мнѣ, что весь изготовленный ими пиронитъ былъ

Мы всё бросились къ портрету—глазъ не было. На томъ мѣстѣ, гдѣ они приходились, чернѣли, какъ у черепа, два глубокихъ отверстія.

неполнымъ разрушителемъ, такъ какъ не содержалъ возбуждителя атомной энергіи платины, изъ которой дѣлались трубки для храненія смѣси, но открывать однажды наполненную трубку было въ сто разъ опаснѣе, чѣмъ бросить горящій факель въ склады пороха. Вырвавшійся наружу демонъ разрушенія немедленно взрывалъ окружающій воздухъ, взрывы эти распространялись все дальше и дальше, подобно волнамъ на поверхности воды, и все кругомъ рушилось, таяло, пылало и наконецъ исчезало въ неизмѣримыхъ глубинахъ неба. Тотъ, кто получилъ въ своей лабораторіи пиронитъ, долженъ твердо помнить, что ему необходимо умѣть останавливать дѣйствіе разрушителя, потому что въ противномъ случаѣ изобрѣтатель нечаянно можетъ уничтожить всю нашу планету. Дюфуръ зналъ это средство, но мнѣ оно неизвѣстно, хотя по одному случайному замѣчанію профессора я догадываюсь, что антипиронитъ быть очень легкимъ газомъ, подобнымъ аргону или гелію, который не поддавался дѣйствію этого сверхъ-огня и, выражаясь неточно, быстро тушилъ начавшееся изверженіе. У насъ въ лабораторіи всегда стояли высокие стальные цилиндры съ этимъ газомъ. Предосторожность эту я оцѣнилъ только тогда, когда Дюфуръ объяснилъ мнѣ, что дѣйствіе его разрушителя нарастаетъ, подобно катящейся лавинѣ, въ первый двѣ минуты взрывъ унесъ бы въ междупланетное пространство только часть монастырскаго зданія, но черезъ десять минутъ взлетѣлъ бы весь Авиньонъ, черезъ двадцать — Вогезы и Альпы, а черезъ часъ послѣ начала дѣйствія Уралъ и Алтай въ видѣ свѣтящейся пыли несли бы за предѣлами лунной орбиты. Черезъ полтора часа земля была бы разметена по всей солнечной системѣ, возвратившись въ свое первобытное хаотическое состояніе. Угроза Бастьена съжечь мѣръ совѣмъ не была бессмысленной фразой маниака: пиронитъ такъ же опасенъ для земли, какъ тлѣющая лучина надъ пролитымъ бензиномъ. Насколько я понималъ Дюфура, онъ предполагалъ примѣнять въ артиллеріи и въ качествѣ движущей силы не полную гамму пиронита, а лишь тѣ возбуждители, которые вызывали распаденіе одного опредѣленнаго вещества. Вотъ все, что я знаю и что могу сообщить объ этомъ страшномъ изобрѣтеніи. Къ написанному въ этой главѣ я не могу прибавить ни одного слова. Всякія по-

пытки принудить меня къ этому будутъ совершенно бесполезны. Предупреждаю шпионовъ, которые не остановятся передъ насиліемъ, что у меня хранится трубка съ пиронитомъ, найденная мною въ комнатѣ Бастьена, и поэтому всякое покушеніе на мою свободу или жизнь можетъ повлечь за собой нежелательныя и крайне прискорбныя событія.

V.

гдѣ происходятъ самыя странныя и неожиданныя происшествія.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней наша жизнь протекала совершенно мирно. Смерть Бастьена стала мнѣ казаться какимъ-то ужаснымъ кошмаромъ, къ воспоминанію о которомъ мы часто возвращались, сидя въ столовой. Изъ всѣхъ своихъ новыхъ друзей я ближе всего сошелся съ Ренэ. Этотъ человекъ привлекалъ меня своей необыкновенной душевной мягкостью и возвышенностью своихъ идей. Я не знаю, былъ ли Ренэ религіознымъ, не знаю даже, исповѣдывалъ ли онъ какую-нибудь религію, но въ его вѣжливости, въ одухотворенномъ лицѣ, въ ясномъ и чистомъ выраженіи глазъ было что-то, заставлявшее невольно вспоминать о людяхъ, горѣвшихъ пламенемъ вѣры.

— Зачѣмъ вамъ этотъ пиронитъ, страшное орудіе убійства и разрушенія?—спросилъ я его какъ-то, когда мы вдвоемъ сидѣли въ сумрачной лабораторіи, озаренной краснымъ свѣтомъ углей, догорающихъ въ горнѣ древняго алхимика.

— Вы ошибаетесь,—отвѣтилъ онъ.—Пиронитъ не будетъ средствомъ для истребленія людей. Это новая, неизмѣримо могущественная сила, которая совершенно измѣнитъ нашу жизнь. Война станетъ невозможной. Пиронитъ уничтожитъ бѣдность и нищету, потому что при его помощи человечество извлечетъ въ тысячи разъ больше продуктовъ, чѣмъ добываетъ ихъ теперь. Я иногда какъ будто вижу этотъ новый мѣръ, въ которомъ нѣтъ слезъ и страданій. Машины неизмѣримой мощности превратятъ всю землю въ цветущій садъ, измѣнятъ климаты и разсѣютъ ночной мракъ. Миръ о Прометѣѣ вновь воскреснетъ въ XX вѣкѣ, но тотъ огонь, который мы теперь похитимъ у боговъ, не будетъ чаднымъ дымящимъ факеломъ, который принесъ на землю древній титанъ, а дѣйствительнымъ божественнымъ пламенемъ, способнымъ согрѣть и освѣтить все человечество. Вы мнѣ не вѣрите!—продолжалъ онъ съ волненіемъ.— Но вѣдь пора, давно пора!.. Все человечество чего-то ждетъ. Это тяжелое чувство ожиданія одинаково свойственно теперь и бѣдняку въ жалкой грязной хижинѣ и миллионеру или королю. Мѣръ живетъ какъ будто бы все болѣе и болѣе напряженной жизнью, но сердце его устало, изношено, и все чаще людей охватываетъ отчаяніе и сомнѣніе въ томъ, нужна ли вся эта безмѣрно давящая культура, которую поддерживаютъ миллионы живыхъ каратидъ. Наука освободить человечество, и ревнивый взоръ боговъ напрасно сторожитъ отъ нея тайну свободы, силы и счастья. Я, не задумываясь, отдаю бы свою жизнь, если бы она понадобилась для новаго открытія пиронита. Бастьенъ погибъ, какъ мученикъ, но я знаю, что никто изъ насъ не отступилъ бы передъ такой смертью, лишь бы довести дѣло до конца.

Въ эту минуту мнѣ почему-то показалось, что Ренэ даже завидовалъ своему погибшему товарищу. Рамбергъ видѣлъ въ пиронитѣ только средство для веденія войны. Онъ не скрывалъ своего насѣбшливаго отношенія къ взглядамъ Ренэ, и между ними часто возникали упорные споры. Впрочемъ, оттого ли, что они давно знали доводы и возраженія другъ друга, или вслѣдствіе сознанный ими невозможности прійти къ соглашенію, диспуты эти велись такимъ образомъ, что каждый ученый, не возражая противнику, развивалъ лишь свои собственные планы о примѣненіи пиронита.

Рамбергъ раскладывалъ передъ собой карту Европы и отмѣчалъ на границѣ Франціи и Германіи тѣ мѣста, гдѣ произойдутъ первыя битвы. Онъ подробнѣйшимъ образомъ перечислялъ дивизіи, корпуса, переводилъ ихъ съ одного фронта на другой и все дальше и дальше, по направленію къ Берлину, двигалъ французскую армію. По его мнѣнію, при помощи новаго великаго разрушителя, вся кампанія должна была окончиться въ три недѣли. Потомъ капитанъ переводилъ войска въ Австрію, занималъ Вѣну и Будапештъ, и, одержавъ окончательную побѣду, разгромивъ всѣ нѣмецкія силы, начиналъ развѣивать планы новыхъ грандіозныхъ походовъ и завоеваній. Во всѣ концы земного шара пиронитъ несъ великое разрушеніе, и всѣ народы дѣйствуя то въ союзѣ съ Франціей, то противъ нея, втягивались на безграничную арену войны.

Это будетъ прекрасно,—повторялъ Рамбергъ,—прекрасно и величественно! Главное сраженіе разыграется гдѣ-нибудь въ сѣверномъ Китаѣ. Вообразите себѣ армію въ сто миллионъъ человекъ, и противъ нея нашу скорострѣльную артиллерію, которая будетъ громить фланги и центръ этихъ безмѣрныхъ полчищъ и сносить безъ остатка ихъ укрѣпленія.

Онъ умолкалъ и быстрыми шагами начиналъ ходить по комнатѣ, воображая себя, вѣроятно, въ центрѣ этой необозримой битвы. Слышался голосъ одного Ренэ:

— Исчезнетъ проклятіе, тяготящее надъ человѣчествомъ и заставляющее его отъ колыбели до могилы работать изъ-за куска хлѣба. Братство людей и народовъ уничтожить всю накопившуюся злобу и ненависть; пронить очистить міръ, какъ тотъ огонь, о которомъ говорится въ Библии. Все, что есть дучшаго у современнаго человѣка, является пока только смутно сознаваемой возможностью. Рай не сзати насъ, а впереди. Входы его, можетъ-быть, и охраняются, но нашъ пронить разрушить все преграды!

Дюфуръ никогда не вмѣшивался въ эти споры. Для него существовала только наука, и когда онъ уставалъ отъ своихъ вычислений, измѣреній и опытовъ, то предпочиталъ всему остроумную болтовню за стаканомъ вина. Въ такія минуты онъ походилъ на веселаго легкомысленнаго студента, готоваго поддержать каждую шутку.

Одна изъ такихъ шутокъ окончилась самымъ неожиданнымъ образомъ. Какъ-то мы засидѣлись въ столовой дольше обыкновеннаго, можетъ-быть, потому, что ночь была ненастная, бурная, и никому не хотѣлось слушать у себя въ комнатѣ печальную и торжественную музыку вѣтра, метавшагося по всему зданію. Я обратилъ вниманіе Дюфура на портретъ стараго аббата.

— Глаза этого монаха кажутся иногда живыми. Вы не замѣчаете, что ихъ выраженіе мѣняется?

Дюфуръ засмѣялся.

— Въ концѣ концовъ мы все повѣримъ здѣсь во всякую чертовщину! Мѣняются не его, а ваши глаза, и все что можно объяснить двумя-тремя стаканами выпитаго вами вина.

— Я говорю совершенно серьезно. Мнѣ кажется, что никто не могъ бы сегодня выдержать его взгляда въ теченіе пяти минутъ.

Портретъ помѣщался противъ меня и хотя едва выступалъ изъ сумрака огромной комнаты, я все время испытывалъ такое чувство, какъ будто на меня изъ мрака устремленъ чей-то пристальный взглядъ.

— А вотъ мы сейчасъ попробуемъ! отвѣтилъ Дюфуръ. — Освѣтите лицо этого страннаго старика.

Профессоръ быстро поднялся съ своего мѣста и, сблавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ портрету, остановился. Въ лучахъ электрическаго свѣта слабо поблескивала вытертая позолота на рамѣ, чуть замѣтно выступали сухія очертанія пожелтѣвшаго лица, но глаза, казалось, блестѣли и съ странной пылкостью смотрѣли на Дюфура.

— Не дѣлайте этого! — сказалъ я, вдругъ чего-то испугавшись и чувствуя, какъ дрожитъ моя рука, поддерживавшая лампу.

— Что за вздоръ! — весело отвѣтилъ профессоръ и продолжалъ, обращаясь къ портрету:

— Ну-съ, почтенный отецъ бернардинецъ, смотрите на меня съ такой злобой, на какую только вы были способны при жизни!

Я могъ поклясться, что глаза портрета обратились къ Дюфуру.

Профессоръ постоялъ минуту и вдругъ, закрывъ лицо руками, вскрикнулъ:

— Боже мой!.. Онъ... Ахъ! Онъ закрылъ глаза. Они живы!

Мы все, не разбираясь въ смыслѣ этихъ словъ, бросились къ портрету. Глазъ не было! На томъ мѣстѣ, гдѣ они приходились, чернѣли, какъ у черепа, два глубокихъ отверстія.

— Что это: призракъ, галлюцинація или, можетъ-быть, мы все сошли съ ума? — сказалъ Дюфуръ слабымъ голосомъ, наливая себѣ стаканъ вина.

Рамберъ схватилъ со стола пожегъ и однимъ взмахомъ разбрызгалъ холстъ. За нимъ была пустота! На пыльномъ полу узкаго прохода ясно отпечаталась слѣды босыхъ ногъ.

— Тутъ кто-то стоялъ, — сказалъ Рене. — И этотъ человѣкъ смотрѣлъ на насъ черезъ отверстіе, которое онъ продѣлалъ на мѣстѣ глазъ у портрета. Вотъ, смотрите!

Рене указалъ на отогнутые треугольные кусочки потемнѣвшаго холста. Маленькіе надрѣзы были сдѣланы такъ искусно, что, закрывъ отверстіе, мы въ четырехъ шагахъ не могли замѣтить никакихъ поврежденій въ этомъ мѣстѣ картины.

„Онъ упалъ изъ самаго верхняго окна! Я слышалъ, какъ онъ крикнулъ. Его сбросилъ тотъ, кто убилъ и Бастьена“.

— Завтра надо осмотрѣть весь этотъ проходъ, — сказала Дюфуръ, все еще блѣдный отъ волненія. — Впрочемъ, я навѣрное знаю, что мы ничего и никого не найдемъ въ этихъ стѣнахъ, похожихъ на пчелиныя соты. Просто невѣроятно, — продолжалъ онъ, внимательно осматривая полъ галлерей, — какую уйму труда затрачивали древніе и новые строители этого зданія, чтобы всуду имѣть уши и глаза, слѣдить за грѣхомъ и добродѣтью, окружать каждого брата сътью невидимыхъ петель. Здѣсь уловляли души, и видимо работа эта была чрезвычайно трудная! Ну, пойдѣте. Съ этого дня мы будемъ обѣдать въ моемъ кабинетѣ. Поспѣшите, Рамберъ, закончить работу съ геліемъ и аргономъ. Намъ пора уѣхать. Я начинаю нервничать и, кажется, скоро дойду до такого умственнаго паденія, что стану вѣрять въ примѣты и въ предчувствія.

— Желалъ бы я знать, что это за человѣкъ, — задумчиво сказалъ Рамберъ. — И что ему отъ насъ надо?

— Я догадываюсь, что ему надо, — отвѣтилъ Дюфуръ, остановившись на порогѣ своей комнаты. — Онъ заботится о спасеніи нашихъ душъ. Берегитесь его, господа!

Съ этими словами профессоръ заперъ за собою дверь.

На другой день дождь пересталъ. Свѣтило яркое солнце, но мощный вѣтеръ широкими взмахами несея по равнинѣ, пригибая деревья, опрокидывая изгороди и съ яростнымъ шумомъ прибой обрушиваясь на все непреодолимые препятствія. Я сидѣлъ въ своей комнатѣ за книгой, когда вдругъ услышалъ отчаянный крикъ Морло. Онъ кричалъ гдѣ-то на дворѣ, у подножья главной башни. Я бросился внизъ, и первое, что увидѣлъ, выбѣжавъ на залитый солнцемъ дворъ, былъ распростертый на лужайкѣ трупъ Рене. Онъ лежалъ въ двухъ шагахъ отъ сырой стѣны, покрытой пятнами синевато-зеленой плѣсени.

— Боже мой! — кричалъ Морло, дотрогиваясь до окровавленнаго лица убитаго. Онъ упалъ изъ самаго верхняго окна! Я слышалъ, какъ онъ крикнулъ. Его сбросилъ тотъ, кто убилъ и Бастьена. Ну, негодяй, попадись только ты мнѣ въ руки, я вытяну изъ тебя все жылы! Прячься, подлая гадина! Боишься, сова проклятая! Но я до тебя доберусь...

Онъ кричалъ, поднимая голову и обращаясь къ кому-то на вершинѣ массивной башни.

Рене упалъ съ высоты въ двадцать метровъ и умеръ мгновенно. Поднявшись на колокольню, мы тамъ ничего не нашли, кромѣ нѣсколькихъ обвалившихся кирпичей у того широкаго окна, гдѣ Рене часто сидѣлъ, смотря на панораму Роны и синѣющихъ вдали горъ.

Смерть эта потрясла насъ всехъ неизмѣримо больше, чѣмъ гибель Бастьена. Копая могилу, я такъ рыдалъ, что Морло, у котораго у самого слезы текли по загорѣвшимъ коричневымъ щекамъ, принялся за меня утѣшать. Какъ все простые безхитростные люди, онъ не могъ ничего другого придумать, какъ безпрестанное повтореніе, что наступитъ время, когда умру и я, и Дю-

фурь, и Рамберг, и всёх нас заруютъ въ землю такъ точно, какъ мы хоронили несчастнаго Ренэ.

— Съ этимъ ничего не подѣлаешь! Отъ смерти никуда не уйдешь. Давно ли хоронили Бастьена, и вотъ теперь...

Тутъ мысли шофера приняли другое направленіе. Онъ вытеръ лицо грязной ладонью и, обращаясь къ суровымъ, мрачнымъ стѣнамъ, принялся вновь бранить и проклинать убійцу, придумывая для нихъ всевозможныя казни.

Дюфура и Рамбера я засталъ въ лабораторіи, гдѣ они о чемъ-то громко спорили.

— Вы не можете одинъ братья за такое опасное дѣло, — говорилъ Дюфуръ. — Я не стану сидѣть, сложа руки.

— Но поймите, что ваше участіе все испортитъ! Если мы вчетверомъ начнемъ гоняться за убійцей, то, понятно, никогда его не увидимъ. Онъ слишкомъ остороженъ и ловокъ.

Оказалось, что Рамбергъ твердо рѣшилъ поймать таинственнаго убійцу, но желалъ обойтись въ этомъ дѣлѣ безъ нашей помощи.

Изъ васъ никто не сумѣетъ пройти впотымахъ такъ тихо, чтобы остаться незамѣченнымъ. Для этого нужна большая опытность. Когда я служилъ въ Алжирѣ, то участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ, и мнѣ приходилось по недѣлямъ выслѣживать и днемъ и ночью очень опытныхъ арабскихъ лазутчиковъ. Повѣрьте мнѣ, я одинъ сдѣлаю это лучше, чѣмъ цѣлая дюжина храбрыхъ, но неопытныхъ людей. Не забывайте, что все будетъ происходить ночью.

— Но если онъ васъ убьетъ?

— Возможно. Если бы моимъ противникомъ не былъ безчестный убійца, я бы сказалъ, что между нами въ этомъ каменномъ лабиринтѣ произойдетъ американская дуэль, съ выслѣживаніемъ врага.

Дюфуръ о чемъ-то сосредоточенно думалъ, смотря на реторты съ разноцвѣтными жидкостями.

— Можеть ли быть такой случай, — спросилъ онъ, — что вы будете знать, навѣрное знать, что противникъ идетъ за вами, хотя для васъ онъ остается неуловимымъ?

— Это возможный и самый опасный случай. Особенно въ темнотѣ.

— Хорошо, — сказалъ Дюфуръ съ повеселѣвшимъ лицомъ. — Я вамъ дамъ великолѣпное оружіе, которое сразу уничтожитъ и сдѣлаетъ напрасными всѣ уловки этой ядовитой гадины.

Рамбергъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Какое это оружіе?

Профессоръ вмѣсто отвѣта быстро подогрѣлъ на спиртовой лампѣ какую-то смѣсь и, подавая ее Рамберу съ другимъ объемистымъ пузырькомъ, сказалъ:

— Разлейте эту жидкость и потомъ другую на пути вашего противника, и когда онъ наступитъ на нихъ, то подошвы его сапогъ будутъ оставлять огненные фосфорическіе слѣды.

— Великолѣпно! — воскликнулъ Рамбергъ. — Какъ я самъ забылъ о такой простой вещи!

Вечеромъ я, профессоръ и Морло собрались въ библиотекѣ, служившей теперь спальней Дюфуру, — единственной комнатѣ, гдѣ мы могли считать себя въ полной безопасности. Минуты тянулись съ страшной медлительностью. Шоферъ дремалъ около двери. Дюфуръ быстро расхаживалъ изъ угла въ уголъ, а я сидѣлъ у стола и напряженно прислушивался къ неяснымъ звукамъ, тѣнямъ звуковъ, скольз вшихъ за стѣнами комнаты.

— Нашъ гарнизонъ сильно порѣдѣлъ, — съ печальной улыбкой сказалъ Дюфуръ. — Бастьенъ, Ренэ... и, можетъ быть, теперь Рамбергъ. Остаюсь одинъ я. Не слишкомъ ли много жертвъ принесено было пирониту? И какой ужасъ, если эти жертвы окажутся бесплодными. Слушайте, если со мной что-нибудь случится, то откройте ящикъ воть этого стола и возьмите мои записки!

Онъ на минуту показалъ мнѣ объемистую тетрадь въ зеленомъ переплетѣ.

— Но не оставайтесь здѣсь больше ни одной минуты. Спѣшите въ Авиньонъ и дальше въ Парижъ, въ Россію! Нигдѣ не останавливайтесь. Въ лабораторіи ни къ чему не прикасайтесь, иначе можетъ произойти несчастье.

Но вѣдь оно можетъ произойти и безъ меня, — сказалъ

я, пугаясь при мысли о запасахъ этого проклятаго пиронита, находившихся въ подвалѣ.

— Все ограничится взрывомъ части зданія, — отвѣтилъ Дюфуръ. — Тамъ есть предохранитель. Но, главное, позаботьтесь о томъ, чтобы сохранить мои записки. Тамъ описаны опыты, которые создадутъ новую эру въ наукѣ. Я нашелъ путь къ рѣшенію великой міровой загадки, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы теорія строенія вещества, созданная Дюфуромъ, не умерла вмѣстѣ съ нимъ. Пиронитъ — это только приложеніе теоріи, одно изъ возможныхъ приложеній. Главное — мои шесть формулъ, которыя вы опубликуете въ какомъ-нибудь специальномъ журналѣ и представите въ Академію.

Онъ еще разъ досталъ рукопись, какъ будто желая передать ее мнѣ немедленно, но потомъ рѣшительно бросилъ обратно въ ящикъ и заперъ столъ.

Часы пробили одиннадцать, двѣнадцать, и стрѣлка подвигалась къ часу, когда мы вдругъ услышали приближающіеся шаги. Они гулко звучали въ соседней залѣ, все ближе и ближе; дверь распахнулась, и въ библиотечку спокойно вошелъ высокій человекъ, одѣтый въ зеленую охотничью куртку. За нимъ показался Рамбергъ.

— Добрый вечеръ, профессоръ! — сказалъ человекъ въ охотничьемъ костюмѣ, кланяясь Дюфуру и какъ будто не замѣчая моего присутствія. — Ловкую штуку вы со мной сыграли, нечего сказать!

— Вотъ убійца Ренэ и Бастьена! — громко заявилъ Рамбергъ. — Не бойтесь, — онъ обезоруженъ.

Къ нашему удивленію, преступникъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго испуга или растерянности. Онъ съ любопытствомъ оглядывалъ комнату и, увидѣвъ изумленное лицо Морло, сказалъ съ усмѣшкой:

— Ну, и мастеръ же вы ругаться! Много вы мнѣ наговорили хорошихъ словъ въ день смерти Ренэ.

Онъ произносилъ слова съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Впрочемъ, его можно было принять и за шведа и за датчанина. Судя по внѣшности, этому человеку было не больше тридцати лѣтъ. Его лицо съ твердо очерченными линиями напоминало каменную маску; четырехугольный, давно небритый подбородокъ выдавался впередъ, въ сѣрыхъ глазахъ застыло такое подозрительное, настороженное выраженіе, какое бываетъ у хищныхъ животныхъ, выслѣживающихъ добычу. Невольно бросалась въ глаза огромная рука, въ которой онъ держалъ фуражку; длинные узловатые пальцы быстро перебирали суконный околышъ, и казалось, что эта нервная, необыкновенно подвижная кисть принадлежит другому человеку или живетъ своей особой жизнью, какъ самостоятельное существо.

— Какъ васъ зовутъ? — спросилъ рѣзкимъ голосомъ Дюфуръ. Убійца пожалъ плечами.

— Полагаю, что знакомство со мной не доставитъ вамъ особаго удовольствія, да и къ чему вся эта комедія суда? Моя игра проиграна, и слѣдовательно мнѣ остается только уплатить долгъ. Дерзость и смѣлость этого человека меня поражали не менѣе.

„Вотъ убійца Ренэ и Бастьена! — громко заявилъ Рамбергъ. — Не бойтесь, — онъ обезоруженъ.“

Мои глаза, привыкшие к темноте, различили у стѣны подземелья высокую сѣрую фигуру.

чѣмъ Дюфура. И только Рамберъ, стоявшій съ револьверомъ у двери, сохранялъ спокойное и суровое выраженіе.

— Почему вы совершили эти убійства?

— Потому что васъ всѣхъ, и особенно капитана Рамбера, я считаю самыми опасными людьми на всемъ земномъ шарѣ! — Въ сѣрыхъ глазахъ убійцы сверкнуло злобное выраженіе. — Да и что же васъ приводитъ въ негодованіе? Вы — гениальный ученый, но, какъ часто бываетъ съ гениями и дѣтьми, не понимаете самыхъ простыхъ вещей! Васъ возмущаетъ убійство двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ собирался съжечь всю землю, а другой хотѣлъ перевернуть вверхъ дномъ жизнь людей. Или что вы скажете о капитанѣ, который при помощи пиронита мечтаетъ оправить на тотъ свѣтъ четвертую часть населенія обоихъ полушарій? Мы, кажется, тутъ всѣ, за исключеніемъ шофера и журналиста, свободны отъ всякихъ предрассудковъ.

— Вы его видѣли, — сказалъ Рамберъ, — и теперь мы омончимъ то, что начали въ одной изъ залъ верхняго этажа.

Пальцы человѣка въ охотничьей курткѣ забѣгали еще быстрее, ощупывая фуражку, но лицо его оставалось неподвижнымъ.

— Это и мое мнѣніе, — сказалъ онъ. — Какъ бывший офицеръ, я могу надѣяться, что дѣло будетъ кончено однимъ выстрѣломъ.

Капитанъ утвердительно кивнулъ головой.

— Надѣюсь, больше говорить не о чемъ. Идемъ! — И, поднявъ револьверъ, Рамберъ пропустилъ мимо себя преступника.

На порогѣ послѣдній на минуту остановился.

— У васъ есть еще одинъ врагъ, болѣе опасный, чѣмъ я. Не знаю, дьяволъ онъ или человѣкъ, но берегитесь, Дюфуръ... Вы всѣ стоите такъ же близко къ концу, какъ и я!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты и медленно по діагонали пошелъ черезъ квадратную залу, въ ту сторону, гдѣ чуть примѣтно бѣлѣли окна, пропускавшія слабый свѣтъ звѣздъ. Стоя въ дверяхъ, я видѣлъ, какъ на каменныхъ плитахъ загорались мерцающія огненно-желтыя пятна, быстро принимавшія голубоватый фантастическій оттѣнокъ.

— Разъ, два, три... четыре!.. — шопотомъ считалъ Морло, и когда сказалъ „семь!“ — прогремѣлъ выстрѣлъ, и слѣды разомъ оборвались среди пустынной залы.

VI.

Свѣтящійся потокъ.

Въ моей старой записной книжкѣ я нашелъ нѣсколько строчекъ о послѣднихъ трехъ дняхъ моего пребыванія въ лабораторіи Дюфура.

Ниже я помѣщаю эти замѣтки

27-го мая. У меня только одна мысль и одно желаніе: скорее бѣжать отсюда! Рамберъ сказалъ, что мы убѣждаемъ черезъ пять дней, но даже и этотъ срокъ кажется мнѣ безконечнымъ. Сегодня утромъ я едва не поддался искушенію уѣхать въ Авиньонъ съ какимъ-то автомобилетомъ, который при помощи Морло починалъ свою машину у воротъ монастыря. Остается еще сто

двадцать часовъ! Не знаю, чѣмъ наполнить это время, такъ какъ Дюфуръ и Рамберъ по цѣлымъ днямъ остаются въ лабораторіи, а я, по просьбѣ профессора, который сталъ до крайности подозрителенъ и все чего-то боится, долженъ безотлучно сидѣть въ библиотекѣ, сохраняя отъ невидимыхъ враговъ его драгоценныя записки. Меня возмущаетъ увѣренность Дюфура, что всѣ люди должны считать за величайшую честь участвовать въ его трудахъ надъ пиронитомъ. Онъ убѣжденъ, кажется, что я долженъ считать себя очень счастливымъ, волею-неволею служа этому демону разрушенія.

28-го мая. Наконецъ я увидѣлъ или, вѣрнѣе, услышалъ того неувелимаго врага Дюфура, о которомъ говорилъ убійца нашихъ товарищей. Впрочемъ, можетъ-быть, это была галлюцинація. Я не знаю. Я ничего не знаю. Новая наука, чудесное открытіе Дюфура, его распадающаяся матерія для меня такъ же непонятны и чудесны, какъ и таинственное, жуткое прошлое, которое смотритъ изъ всѣхъ угловъ этого зданія, построеннаго изъ камней и мрака, окутаннаго сѣрой пылью, въ которой все исчезаетъ, и въ которую все возвращается.

Сегодня за обѣдомъ я вспомнилъ, что забылъ свой портсигаръ въ лабораторіи, и спустился за нимъ въ эту „колыбель пиронита“.

На рабочемъ столѣ профессора мерцалъ синеватый свѣтъ радиоактивной лампы, похожій на свѣтъ яркой звѣзды въ морозную ночь. Можно было усилить его до блеска солнца, но я не зналъ, какъ это сдѣлать. Печальный сѣрый сумракъ сгустился въ углахъ, не позволяя ничего различить въ десяти шагахъ. Неожиданно я услышалъ тихій мелодическій звукъ задѣтой кѣмъ-то посуды.

— Кто тамъ? — дрожащимъ голосомъ спросилъ я, стоя среди лабораторіи.

Молчаніе. И потомъ чей-то едва слышный, слабый голосъ, который заглушался шумомъ крови у меня въ ушахъ, проговорилъ: — Бѣгите отсюда! Я давно ждалъ случая сказать, чтобы вы уходили, потому что не хочу вашей смерти.

Мои глаза, привыкшіе къ темнотѣ, различили у стѣны подземелья высокую сѣрую фигуру. Впрочемъ, можетъ-быть, это была только пыль и паутина. Я подумалъ, что у меня галлюцинація, вызванная постояннымъ страхомъ и напряженіемъ нервовъ.

— Тамъ никого нѣтъ! — сказалъ я вслухъ, напрасно стараясь усилить свѣтъ звѣзды, горѣвшей надъ столомъ. И добавилъ, почти увѣренный, что меня никто не слышитъ: — Я уѣду черезъ четыре дня!

— Будетъ поздно, — отвѣтилъ тотъ же тихій голосъ. — Богъ избралъ меня слабымъ орудіемъ для сокрушенія козней дьявола и слугъ его. Я старъ и долго жилъ здѣсь, когда еще святое дерево бернардинцевъ цвѣло и приносило плоды. Теперь вертоградъ Господень опустѣлъ, здѣсь разливается адское пламя, но я затую его своими слабыми высохшими руками.

Слова звучали все громче и громче, но мой страхъ уже началъ проходить, какъ только я убѣдился, что имѣю дѣло не съ фантомомъ, а съ живымъ человѣкомъ, вѣроятно всего, съ какимъ-нибудь сумасшедшимъ монахомъ, не пожелавшимъ покинуть монастырь. Сѣрая тѣнь медленно двинулась изъ слабо освѣщеннаго пространства и слилась съ древними пыльными стѣнами. Мнѣ наконецъ удалось освѣтить лабораторію, но я никого не увидѣлъ. Былъ ли кто-нибудь здѣсь? Не схожу ли я въ самомъ дѣлѣ съ ума? Или, можетъ-быть, это древнее зданіе, въ мрачныхъ подвалахъ котораго загорѣлся чудесный новый огонь, рождаетъ видѣнія, подобно черной бездонной водѣ, въ которую заглядываютъ солнце? Не знаю! Дюфуръ я рѣшилъ ничего не рассказывать. Онъ безъ того кажется чѣмъ-то сильно встревоженнымъ и жаждущимъ на бесею.

29-го мая. Сегодня утромъ я нашелъ у своихъ дверей письмо на пожелтѣвшей бумагѣ, вложенное въ грязный конвертъ. Оно безъ подписи, безъ обращенія и заключаетъ десятокъ словъ, написанныхъ дрожащимъ неровнымъ почеркомъ:

„Приходите сегодня вечеромъ къ тремъ дубамъ, по дорогѣ въ Авиньонъ, и тамъ увидите свѣтъ, побѣдившій тьму“

Я показалъ это странное посланіе Дюфуръ.

— Вамъ надо пойти, — сказалъ онъ. Я хорошо знаю это мѣсто. Тамъ совершенно открытый холмъ, на которомъ изъ трехъ ду-

божь, о которых упоминается в старинных хрониках и преданиях, остался только один. Возьмите на всякий случай револьвер, хотя, по моему мнению, вам ничто не может угрожать. Я полагаю, что это пишет тот сумасшедший монах, который, не зная, чем заполнить свое время, по старой привычке слѣдит за каждым шагом своих сосѣдей. Поговорите съ этой пыльной мумией, и, можетъ-быть, онъ избавитъ насъ отъ своего назойливаго любопытства.

На этихъ словахъ Дюфура мои замѣтки обрываются, и дальше идетъ рядъ безсвязныхъ фразъ, которыя невозможно прочитать, написанныхъ подъ влияніемъ того ужаснаго событія, которое произошло въ этотъ вечеръ.

Я отправился къ „тремъ дубамъ“ въ то время, когда солнце скрывалось за волнистой линіей лѣса. Въ неподвижномъ ясномъ воздухѣ былъ разлитъ тонкій ароматъ цвѣтущаго шиповника и полевыхъ травъ. Листья на вершинахъ деревъ стряхивали послѣднія золотыя капли и нити, которыя исчезали въ голубоватомъ спокойномъ сумракѣ. Дорога, покрытая теплой пылью, въ которой недавно погасли солнечныя искры, дѣлала множество поворотовъ, но я чувствовалъ такую радость среди этого простора, что готовъ былъ идти безъ конца. Крутой холмъ „трехъ дубовъ“ поднимался на окраинѣ болота, гдѣ въ чащѣ тростника хоръ лягушекъ робко и тихо начиналъ свою страстную пѣсню. Старикъ-крестьянинъ въ синемъ жилетѣ съ мѣдными пуговицами и въ деревянныхъ башмакахъ косилъ траву рядомъ съ розоватой водой, покрытой чернымъ кружевомъ плавающихъ листьевъ. Я заговорилъ съ нимъ о сѣнокосѣ, о погодѣ и все время смотрѣлъ на вершину холма, гдѣ въ неподвижномъ воздухѣ застыло исполненное дерево, при взглядѣ на которое чувствовалось мощное дыханіе бури. Впрочемъ, этотъ дубъ съ узловатыми скрюченными лѣтвями самъ былъ зеленымъ воплощеніемъ сокрушительной бури, воздвигнутымъ природой надъ мирной и тихой равниной. Отъ двухъ его товарищей остались лишь сѣрые пни, похожіе на основанія обрушенныхъ колоннъ.

— Вы не знаете, что это за зданіе? — спросилъ я у старика, указывая на бывший монастырь и желая узнать мѣстныя окрестныя жители о лабораторіи Дюфура.

Крестьянинъ снялъ войлочную шляпу и перекрестился.

— Не совѣтую вамъ подходить къ нему близко! Въ молодости я былъ матросомъ и могу сказать вамъ, что эта каменная громада—самый опасный рифъ, какой только существуетъ отъ Кала до Марсели.

— Чемъ же онъ опасенъ?

— Около него христіанская душа такъ же легко погибнетъ, какъ судно безъ руля, попавшее въ буруны. Вы, должно-быть, пріѣзжій? — продолжалъ онъ, перемѣняя разговоръ.

Я боялся дальнѣйшихъ вопросовъ, но старикъ вывелъ меня изъ затрудненія, высказавъ предположеніе, что я пріѣхалъ въ сосѣднюю деревню на свадьбу къ какому-то богатому винодѣлу. Окончивъ косить, онъ поднялся за мной на вершину холма и принялся показывать окрестности, подробнѣйшимъ образомъ перечисляя имена всѣхъ владѣльцевъ ви-

„Провиденція“.

(Первый русскій корабль въ Черномъ морѣ).

Картина прошлаго. Аркадія Пресса.

8-го марта 1699 года рѣшили царь Петръ сдѣлать „забавный походъ“ на Черное море.

„Забавный походъ“ впоследствии назывался „практическимъ“, а теперь слѣдовало бы назвать пробнымъ. Это—нѣчто въ родѣ маневровъ съ цѣлью развѣдки и приготвленія къ войнѣ.

30-го апрѣля всѣ моряки, всѣ офицеры „изъ флоту принадлежаніе“, съѣхались въ Воронежъ, гдѣ стоялъ флотъ.

Была чудная погода. Солнце золотило куполы церквей и воду рѣки Воронежа. Пышная зелень травъ, словно среди лета, млила вдоль по берегамъ.

На палубѣ большого трехмачтоваго корабля „Апостолъ Петръ“

ноградниковъ, полей, луговъ, рощъ и садовъ на десять километровъ въ окружности. Сумерки сгустились, и небо заискрилось алмазной пылью. Я съ нетерпѣніемъ слушалъ нескончаемую болтовню старика, не спуская глазъ съ пустынной дороги. Фермеръ къ моей досадѣ и не думалъ уходить: онъ уѣлся на сухую растрескавшуюся землю и, набивая трубку, сказалъ:

— Звѣздъ-то, звѣздъ сколько! Говорятъ, что, если въ то время, когда цвѣтеть виноградъ, бываютъ звѣздныя ночи, то надо ждать хорошаго урожая... Боже мой! Смотрите, что это такое! — закричалъ онъ вдругъ.

Я быстро обернулся и увидѣлъ потокъ зеленоватаго свѣта, струившагося вокругъ черной громады монастыря. Прозрачное пламя вырывалось снизу, изъ той части зданія, гдѣ помѣщалась лабораторія; оно быстро поднялось надъ крышей и, какъ хвостъ кометы, изогнулось въ небѣ. Древнія стѣны на моихъ глазахъ плавились, таяли и, обращаясь въ сіяющій серебристый туманъ, улетали въ бездонную высь. Явленіе это сопровождалось нарастающимъ яростнымъ свистомъ и шумомъ, похожимъ на завываніе бури въ ущельѣ. Внезапно налетѣвшая волна невидимаго прибора сбросила насъ на берегъ болота. Я на минуту потерялъ сознание и когда поднялся на ноги, то почувствовалъ нестерпимую боль въ ушибленной рукѣ. Прежде всего я увидѣлъ сломанную вершину дуба, который продолжалъ еще грозно шумѣть своими изуродованными вѣтвями, и надъ нимъ въ черномъ небѣ длинную полосу яркаго голубого тумана, уносившагося къ Большой Медвѣдцѣ.

Вытирая съ лица кровь, я пустился бѣжать къ монастырю, не разбирая дороги, прыгая черезъ канавы и путаясь въ высокой травѣ. По землѣ разливался слабый свѣтъ, непускаемый обращенными въ атомную пыль камнями, и при этомъ блѣдномъ свѣтѣ я, какъ въ лунную ночь, видѣлъ остатки монастыря. Повидимому, ужасное дѣйствіе пиронита было въ самомъ началѣ остановлено предохранителемъ Дюфура. Исчезла только южная пристройка, гдѣ находилась лабораторія; остальная часть зданія лишь измѣнила свои очертанія, стала ниже и массивнѣе, такъ какъ рухнули всѣ башни и обвалилась часть крыши. Наконецъ, еле переводя дыханіе, я вбѣжалъ въ раскрытыя ворота и остановился на берегу пруда, появившагося на томъ мѣстѣ, гдѣ произошелъ взрывъ. Вода изъ озера въ паркѣ хлынула въ образовавшуюся глубокую яму и наполнила ее до краевъ. На гладкой поверхности среди густыхъ тѣней отчетливо блестѣло изображеніе новой кометы.

— Дюфуры! — закричалъ я и прислушался.

Нигдѣ ни звука.

— Дюфуры!.. Рамберы!..

Никто не отвѣчалъ.

Я поднялъ голову и посмотрѣлъ на небо. Голубоватое мерцающе

е пятно бы стало меньше. Оно уже не затмевало звѣздъ, и его спокойное сіяніе растворялось въ трепетномъ сумракѣ весенней ночи. Я неподвижно стоялъ, пока оно не превратилось въ звѣзду первой величины, и потомъ медленно пошелъ по дорогѣ въ Авиньонъ.

— Ну, давай, проверим! — сказали они морякам. — Сколько всего идет кораблей?
 — Всего восемнадцать! — ответил Крюйсь.
 Петръ вынул из-за пояса свертокъ бумаги и, развернувъ его на колѣнѣ, сталъ читать.

— Какъ называются?
 — Петръ Алексѣвичъ! — сказали Крюйсь. — Не вѣдь еще имена даны...

— Погоди! перебилъ Петръ. Командиръ Фохтъ?

— Есть.
 Командиръ Фохтъ подошелъ къ царю.
 — У тебя сколько пушекъ? — спросилъ Петръ.

— Сорокъ пушекъ, ваше величество, и двѣсти шестьдесятъ человѣкъ матросовъ.

— Вѣрно! Ну, говори, какіе корабли первыми идутъ? — обратился онъ къ Крюйсу.

— Первымъ корабль „Апостоль Петръ“ — сорокъ четыре мѣдныхъ пушки, триста семьдесятъ пять человѣкъ, высшій командоръ

Въ Польсѣ. На Огинскомъ каналѣ. Партизанъ. (См. „Отклики войны“).

Петръ Михайловичъ!..

Царь Петръ улыбнулся.

— Ну, это всякій знаетъ! — замѣтилъ онъ весело. — Называй другіе!

— Корабль „Апостоль

Дѣдъ „нашъ Сусанинъ“, проведеншій три батареи и два полка черезъ непроходимое болото, благодаря чему наши войска оказались въ тылу у нѣмцевъ и заставили ихъ отступить отъ С.

Павель“, — продолжалъ Крюйсь, — сорокъ пушекъ, триста двадцать пять матросовъ, — командуетъ Шутбенхтъ Янъ Резъ.

— Врешь! — сказалъ Петръ. — Пропустили корабль „Пеусина“ генераль-адмирала.

— Виноватъ!

Петръ громко расхохотался. Онъ былъ доволенъ, что поймалъ вице-адмирала на ошибкѣ. Крюйсь, какъ извѣстно, былъ самый способный и внимательный изъ его моряковъ.

— Ну, говори дальше.

— Корабль „Копорье“ — командоръ Мерсъ, корабль „Архангель Михаилъ“ — командоръ Валрантъ...

— Вѣрно! — сказалъ Петръ. — А еще?

— Еще корабль „Провиденція“, — продолжалъ Крюйсь, указывая рукой на стоявшій вдали корабль. — Капитанъ Питеръ фонъ-Памбургъ, дальше корабль „Воронежъ“, — капитанъ Симонъ Рокеръ Кинъ...

— Врешь! Опять врешь! — вскричалъ Петръ. — А это что? — указавъ онъ на пропущенный корабль. — Это — корабль „Куторма“, и командуетъ имъ кто?

Крюйсь улыбнулся — онъ пропустилъ самого себя.

— Вотъ я тебѣ скажу, кто командуетъ! — воскликнулъ Петръ. — Корнелій Ивановичъ Крюйсь!

И царь въ шутку замахалъ на него концомъ корабельнаго каната.

Всѣ расхохотались.

— Вы, видно, твердо еще своихъ мѣсть не знаете! — сказалъ Петръ. — Вотъ я для васъ приготовилъ указы!

И онъ вынулъ изъ-за пояса еще восемь свертковъ бумаги и роздалъ всѣмъ капитанамъ.

— Тутъ все написано, — пояснилъ онъ, — какъ каждой части по дорогѣ къ Азову себя держать!

Моряки, взявъ указы, спрятали ихъ тоже за поясъ.

— А ты, Корнелій Ивановичъ, — обратился Петръ къ Крюйсу, — скажи, чтобъ нашъ посоль Украинцевъ садился на корабль! Безъ него намъ никакъ нельзя ѣхать къ туркамъ!

Моряки съли въ шлюпки и верейки и разѣхались по своимъ судамъ.

Черезъ часъ всѣ были въ сборѣ и на своихъ мѣстахъ. Петръ отдалъ приказъ поднимать якоря, и корабли, рас-

цвѣченные флагами и съ поднятыми парусами, тронулись.

Изъ каменнаго цейхгауза и со всей Воронежской верфи высыпала толпа рабочихъ и жителей города провожать корабли.

— Пли! — командовалъ Головинъ своимъ бомбардирамъ.

Съ генераль-адмиральскаго корабля „Пеусина“ блеснулъ огонь, и изъ облака дыма раздался гулкій выстрѣлъ.

— Вивать! — закричали на корабляхъ сотни матросовъ.

И съ берега отозвался радостный откликъ: — Вивать!

„Эскадра“ была очень красива. Сначала шли большіе корабли, за ними галеры, гальоты, легкія бригантты, скампавен, наконецъ яхты съ ботами и цѣлый рядъ транспортныхъ судовъ съ провіантомъ. Эскадру велъ самъ Петръ.

Зеленые берега, казалось, быстро уплывали. Мѣстами теченіе было такъ быстро, что приказано было убрать паруса. По водѣ тянулись водоросли, и изъ прибрежныхъ камышей вылетали испуганныя утки. Вошли въ Донъ. Вода стала шире и чище.

Вскорѣ показались деревянныя стѣны города Короткояка. Тамъ тоже была верфь, и Петра ждалъ князь Борисъ Алексѣвичъ Голицынъ съ новыми кораблями. Палили изъ пушекъ и мушкетеровъ.

Черезъ три дня подошли къ высокой „мѣльной“ горѣ, въ которой былъ хитро высѣченъ Чудовъ монастырь. Царь съ моряками въ томъ монастырѣ кушали, и монахи очень напуганы были пальбою.

Они притались и затыкали уши. Эхо въ горѣ усиливало звукъ.

Петръ вышелъ на берегъ и, оглядѣвъ цвѣтушія горы и струящейся на солнцѣ Донъ, воскликнулъ:

Въ Польсѣ. На „пловучемъ островѣ“. (См. „Отклики войны“).

— Суцїи парадїжъ!

Это мѣсто очень ему понравилось.

Поплыли дальше. Вскорѣ опять потянулась широкая зеленая степь, надъ которой виднѣлись жаворонки. Ни селъ ни деревень не было, только мѣстами курились дымокъ надъ юртами набѣзжихъ людей, промышленявшихъ охотой.

Черезъ десять дней подошли къ казакскому городку „Паншина“. Тамъ бросили якоря, раскинули на берегу палатки.

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ „трактовалъ“ всѣхъ офицеровъ обѣдомъ.

На слѣдующій день тронулись дальше, но вскорѣ пришлось остановиться. По обоимъ берегамъ Дона стояли полчища людей, по крайней мѣрѣ пятнадцать тысячъ съ каждой стороны. Красныя шапки и желтые кафтаны пестрѣли на солнцѣ.

— Чтѣ за война?—спросилъ Петръ.—Подумаешь, турки.

Сѣдѣхавшіе на берегъ матросы вернулись съ извѣстіемъ:

— Калмыки поссорились съ казаками изъ-за грабежей и собирались вступитъ въ бой.

Петръ отправилъ къ нимъ князя Голицына и Шенна и велѣлъ помирить ихъ. Въ тотъ же день учинили „аккордъ“.

— Не будь эскадры съ пушками, да царя,—сказалъ Голицынъ, вернувшись,—не такъ скоро бы ихъ помирли!

Петръ тѣмъ временемъ поймалъ бѣлугу, поль-рыбы подарилъ Крюису,—вкусомъ она, какъ свѣжая телятина.

Проходя между двумя станами, матросы играли на трубахъ и били въ литавры. Казаки и калмыки отвѣчали крикомъ.

На утро былъ туманъ, но въ полдень пришли подъ главный казакскій городъ „Черкасской“. Городъ большой и въ немъ соборная церковь. Палили изъ мушкетовъ, а казаки изъ пушекъ.

— Какъ зовутъ вашего атамана?—спросилъ Петръ встрѣтившихся на берегу казаковъ.

— Фролъ Минаевъ!—отвѣтили они.

— А чтѣ жъ онъ къ намъ не выѣхалъ?

Казаки отвѣтили:

— Ждетъ, чтобъ вы къ нему первые пришли!

Петръ отправилъ къ атаману нѣсколькихъ моряковъ, и тогда вскорѣ онъ прїѣхалъ на „бударъ“ къ кораблямъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій царь Петръ спросилъ атамана:

— Земля у васъ богата?

— Очень плодородна!—отвѣтилъ атаманъ.—Хоть разъ въ три года орать можно, а все выгодно жать.

— И травъ я по пути много видѣлъ!

— Всякія есть! Много на Дону растеть „солодкава“ корни!

— А какъ рыба?

— И рыбы вдоволь въ рѣкѣ—есть бѣлуги, осетры, карпы, леци, стерляди, и чего только нѣтъ!

— А турки не беспокоятъ?

— Теперь слава Богу! А прежде, какъ Азовъ былъ въ ихъ рукахъ, плохо было!

Петръ былъ очень доволенъ.

Черезъ два дня на закатѣ солнца подплыли къ Азову. Прошли крѣпости „Каланчи“. Тутъ при туркахъ цѣпь была перекинута черезъ рѣку. Капитанъ Штаццусъ сонный упалъ ночью въ воду—еле спасли.

Царь Петръ самъ провелъ корабли черезъ Кутормскія мели на глубокую воду. И „эскадра“ вышла въ Азовское море. Первые воинскіе корабли, вышедшіе изъ Дона въ море, были „Апостоль Петръ“ и „Куторма“.

Прошелъ мѣсяцъ въ приготовленіяхъ къ „забавному походу“. Плыли къ Таганрогу.

Все было тихо.

Вдругъ однажды утромъ, когда вдали показались зеленыя горы берега, вахтенный съ бочки на мачтѣ крикнулъ:

— Турки!

По всѣмъ судамъ тотчасъ же разнеслась вѣсть: „Турки!“ Все пришло въ страшное волненіе. Офицеры, солдаты, всѣ побѣжали къ своимъ мѣстамъ, входу раздалась команда.

Одни выкатывали бочки съ порохомъ, заряжали пушки, другіе убрали паруса, третьи готовили мушкеты.

Царь Петръ взялъ трубу и посмотрѣлъ на море.

— Пустое!—сказалъ онъ.— Не воинскій корабль! Двѣ турецкія фелюки! Купцы или посольство!

Суда стали приближаться и вскорѣ подошли къ „эскадрѣ“.

То были вовсе не турки, а татары.

Петръ велѣлъ ихъ тотчасъ принять и самъ сѣхалъ на корабль къ Головину. Шесть человекъ татаръ взобрались на корабль. Они были одѣты по-казакски или на „польскую статью“, и борды имѣли „двойную и островатую“, какъ индїйскіе козлы. Глаза у нихъ бѣгали, какъ у морской собаки.

— Кто вы?—спросилъ ихъ Головинъ чрезъ переводчика.

— Мы послы отъ Крымскаго хана!—отвѣтилъ одинъ по-русски. Головинъ поклонился.

— Привѣтъ вашему хану! Зачѣмъ пожаловали?

— Мы узнали,—сказалъ татаринъ,—что вошелъ въ море русскій флотъ, и ханъ прислалъ насъ передать привѣтъ вашему царю!—Татары низко поклонились. —А потомъ,—продолжалъ татаринъ,—ханъ просилъ узнать, куда вы держите путь!

— Передайте вашему хану,—отвѣтилъ Головинъ,—что мы идемъ на городъ Керчу, а оттуда въ Константинополь!

Татары вплеснули руками отъ изумленія.

— Въ Константинополь!—воскликнули они, засмѣявшись.

Но Головинъ отвѣтилъ спокойно:

— Въ Константинополь! Къ самому Турецкому салтану!

— Васъ не пустятъ въ Черное море!—сказали татары.

На это Головинъ ничего не отвѣтилъ и только поклонился по-слабому... Это значило, чтобъ сѣзжали прочь.

Татары спустились и ушли на своихъ фелюкахъ

Когда ихъ не было, царь Петръ, стоявшій среди матросовъ, сказалъ:

— Ничего добраго сіи шпіоны про насъ не скажутъ!

И онъ приказалъ на всякій случай приготовиться къ бою.

Прїѣхали въ Таганрогъ. Тамъ на верфи всѣ флагманы осматрѣли корабли, и работа закипѣла. Матросы конопатили „киль-галевали“ и мазали смолой корабли.

Петръ самъ неуспешино работалъ, какъ „весьма обученный плотникъ“, то съ топоромъ, то съ диселемъ, калфатомъ, то съ молотомъ въ рукахъ.

— Славно!—говорилъ онъ, обмазывая смолою лодку, оглядывая работу матросовъ.—Словно въ Амстердамѣ на верфи!

Наконецъ все было исправлено и готово.

Петръ приказалъ вынуть якоря и, выйдя на глубокую воду, „обучительную баталію“ держать.

— Какой бы вѣтеръ ни былъ,—приказалъ Петръ,—надо, чтобъ адмиралъ при первомъ сраженіи всегда „лофть“ имѣлъ!

Корабли вышли въ море и „ранжировались“.

Адмиралъ подалъ сигналъ, и начался бой. Палили изъ пушекъ холостыми зарядами. Два корабля подошли вплотную такъ, что матросы другъ на друга бросились.

„Забавный“ бой продолжался полтора часа.

Наконецъ адмиралъ поднялъ бѣлый флагъ—все стихло. Корабли стали на свои мѣста и направили курсъ къ берегу, какъ было условлено.

Несчастій съ людьми въ томъ „забавномъ“ бою не было, только на кораблѣ „Апостоль Петръ“ оберъ-лѣкарю Яну Говію вылетѣвшими втулками изъ двухъ запалившихся пороховыхъ роговъ нѣсколько зубовъ выбило.

Черезъ десять дней подошли къ высокой Керченской землѣ, увидели городъ Керчу, его высокія башни и каменныя стѣны крѣпости, куполы турецкихъ мечетей и даже плоскія крыши домовъ изъ „лещеди“.

Въ гавани стояла турецкая „эскадра“—четыре корабля и девять галеръ.

Какъ только турки увидели приближающійся флотъ, они выслали навстрѣчу двѣ фелюки.

Турки въ красныхъ поясахъ и фескахъ, узнавъ, что русскіе везутъ посла къ султану, отдали ему „комплиментъ“. Имъ отвѣтили салютомъ изъ семи пушекъ.

Трудно представить себѣ удивленіе и испугъ турецкихъ офицеровъ... Они цѣлой гурьбой взобрались на адмиральское судно. Среди нихъ былъ ага изъ Корфы.

Послѣ взаимныхъ поклоновъ и привѣтствій, турецкій офицеръ спросилъ Головина:

— Откуда вы пришли съ кораблями?

— Съ Дона!—отвѣтилъ Головинъ.

Но турокъ недоувѣрчиво глядѣлъ на него. Онъ не могъ повѣрять, чтобъ такіе большіе корабли прошли Донскіе пороги.

— А гдѣ вы строили корабли?

— Русскій царь,—отвѣтилъ Головинъ,—строилъ ихъ у себя, въ Россіи!

— Мы никогда не думали,—сказалъ турокъ,—чтобъ русскіе умѣли такіе корабли строить!

Турки ходили повсюду, вверхъ и внизъ, разглядывали солдатъ и матросовъ, пушки и мушкеты, все трогали руками, оцупывали, даже смолу на кораблѣ соскребывали, чтобъ видѣть, изъ какого лѣсу корабли строены.

Петръ нарочно приказалъ имъ все показать.

Въ это время раздался крикъ:

— Паша, паша ѣдетъ!

Подошли еще четыре фелюки.

Изъ нихъ вышелъ Керченскій паша со свитой. Взойдя на палубу, онъ поклонился Головину, дотронувшись рукою до груди и головы, и сказалъ:

— Привѣтъ вамъ, моряки русскаго царя!

Головинъ и русскіе офицеры отвѣтили поклономъ.

Матросы принесли скамейку, покрытую ковромъ, и паша сѣлъ на нее вмѣстѣ съ адмираломъ.

— Вы куда идете?—спросилъ онъ.

— Въ Константинополь!—былъ отвѣтъ.

Паша не моргнулъ даже глазомъ и казался совершенно равнодушнымъ.

— Нельзя!—сказалъ онъ спокойно.

— Почему же нельзя?—спросилъ Головинъ.

— Черное море надо хорошо знать,—сказалъ паша,—чтобъ плавать въ немъ, оно опасно море!

— Пустяки.—отвѣтилъ Головинъ.—наши офицеры почти всѣ голландцы и многіе плавали уже по Черному морю на турецкихъ корабляхъ!

— Все равно,—сказалъ паша,—Черное море—бурное море, оно часто бываетъ „черно“, и на немъ черны сердца людей. Ваши корабли непремѣнно потонутъ!

— Мы не боимся бури! — ответил Головинь. — Если съ нами пойдете, мы сами васъ по Черному морю проведемъ!

Но турецкій паша стоялъ на своемъ.

— Вамъ бы лучше ѣхать сухимъ путемъ черезъ Крымъ! — сказалъ онъ.

Головинь отъ этого отказался.

Сухимъ путемъ было дальше, и Богъ вѣдаетъ, можно ли проѣхать — горы кишѣли разбойниками.

— Да почему, паша, — спросилъ онъ, — ты не хочешь насъ впустить въ море?

Паша улыбнулся.

— Черное море, — ответил онъ, — это — турецкое море! Со всѣхъ сторонъ, по всѣмъ берегамъ оно принадлежит турецкой землѣ. Оно, какъ непорочная дѣвица! Никто не смѣетъ до нея дотрогаться! Владѣеть ею одинъ только нашъ султанъ!

Царь Петръ согласился на этомъ.

Затѣмъ столкновение было съ турками еще при осмотрѣ города. Русскіе подошли къ самой гавани Керчи.

Въ каменной стѣнѣ четыре мѣдныхъ трубы свѣжую воду прямо въ боты подавали.

Царь былъ „квартирмистромъ“ на адмиральской палубѣ, приказалъ два турецкихъ бота отвести и на ихъ мѣсто свои поставить, чтобъ воду въ бочки налить.

Увидали турки русскихъ матросовъ, страшно испугались.

Прискакалъ верхомъ турецкій „чаушъ“.

— Чтò вы за люди? — закричалъ онъ. — Чтò вамъ надо?

— Не бойся, — ответили моряки, — мы офицеры русскаго Царя, пришли только за водой!

„Чаушъ“ ускакалъ.

Русскіе моряки вышли на берегъ, побродили вокругъ города.

Десантъ на Кавказскомъ побережьѣ. Картина академика А. В. Маковского.

И паша всталъ.

— Такъ вы насъ не пустите? — спросилъ Головинь.

— Нѣтъ, не пустимъ! — ответилъ паша.

— Тогда, — сказалъ Головинь, — мы и сами пройдемъ въ Черное море!

Паша опять поклонился, дотронувшись рукой до груди и лба, и пошелъ къ своимъ фелюкамъ.

Турки направились за нимъ.

Начались переговоры, тянулись цѣлую недѣлю. Каждый день прѣзжалъ посланный отъ пашы съ новымъ предложеніемъ.

Сначала паша не хотѣлъ совсѣмъ пропускать русскаго посла въ турецкія воды. Но когда турки разглядѣли всю эскадру, ея вооруженіе, пушки и т. п., они стали сговорчивѣе.

— Насъ обманули татары! — говорили они. — Намъ сказали, что у русскихъ нѣтъ пушекъ, и корабли ихъ не могутъ пройти Донскіе пороги!

Головинь требовалъ пропуска всей эскадры.

— Мы повеземъ посла вашего, — ответилъ паша, — на турецкомъ кораблѣ, а вы возвращайтесь обратно!

Въ этомъ туркамъ было „на отвѣчъ“ отказано.

Наконецъ послѣ долгихъ споровъ паша разрѣшилъ ѣхать послу на одномъ русскомъ кораблѣ.

осмотрѣли крѣпость Керчь о пяти башняхъ и вернулись на корабли; въ это время пришелъ приказъ отъ турецкаго пашы немедленно ѣхать русскому послу въ Константинополь. Паша хотѣлъ скорѣй избавиться отъ русской „эскадры“.

Турецкая эскадра была уже готова.

На слѣдующій день въ семь часовъ утра царь Петръ далъ послу наставленія, и Украинцевъ на кораблѣ „Провиденція“ съ капитаномъ Памбургомъ присоединился къ туркамъ.

„Провиденція“ пошла съ турецкимъ флотомъ на Черное море, а русская „эскадра“ повернула на Таганрогъ, и корабли попрощались пальбой изъ всѣхъ своихъ пушекъ.

На второй же день поднялся вѣтеръ, и капитанъ Памбургъ отдѣлился отъ турецкой эскадры.

Онъ пришелъ первымъ къ Константинополю и спустилъ якоря въ Босфоръ.

Турецкій султанъ, узнавъ о приходѣ русскаго корабля, былъ въ ярости.

— Да чтò же это такое! — вскричалъ онъ. — Какъ смѣлъ Керченскій паша пропустить ихъ! Это вѣдь можетъ грозить даже Синопу и Трапезунду!

Опасенія султана сбылись: Трапезундъ взяли совмѣстными силами нашей кавказской арміи и черноморскаго флота.

На турецкомъ побережьи Чернаго моря. Ризз.

Турецкое побережье Чернаго моря.

Очеркъ Б. Гурьева. (Съ 4 рис.)

Турецкое побережье Чернаго моря, извѣстное подъ названіемъ Анатоійскаго, является въ настоящей войнѣ мѣстомъ цѣлаго ряда блестящихъ боевыхъ дѣйствій нашего славнаго Черноморскаго флота.

Незадолго предъ настоящей войной мнѣ удалось объѣхать всѣ приморскія владѣнія въ Турціи и ознакомиться съ Анатоійскимъ побережьемъ.

Начинаясь недалеко къ западу отъ Батума и простираясь до г. Орду, оно представляетъ собою гористые берега, покрытые богатѣйшей растительностью, а вдали видѣется высокій горный хребтъ Малой Азіи, одѣвающийся съ начала сентября бѣлоснѣжнымъ покровомъ.

Всѣ находящіяся по побережью главнѣйшіе города, какъ-то: Ризз, Трапезундъ, Керасундъ, Орду, Самсунъ, Синопъ, Инеболи и другіе мелкіе, расположены въ живописнѣйшихъ бухтахъ. Изъ нихъ особенно красивы первые четыре. Они защищены полу-кругами высокихъ горъ, покрытыхъ разнообразнѣйшей южной растительностью и прорѣзываемыхъ то тамъ, то сямъ идущими въ глубь страны живописнѣйшими ущеліями. Мнѣ приходилось дважды проѣзжать Крымско-Кавказское побережье, и, сравнивая съ нимъ Анатоійское, я могу съ увѣренностью сказать, что послѣднее по красотамъ природы значительно превосходитъ Крымъ и не уступаетъ нашему Черноморскому побережью. Затѣмъ сами приморскіе города Анатоіи представляютъ собою чрезвычайный интересъ, такъ какъ тамъ вы видите соединеніе Востока и Запада и интереснѣйшіе памятники древней Греціи и Византійской эпохи.

Жизнь въ этихъ городахъ чисто-восточная; турчанки въ чадрахъ, турки и другіе восточные народы, населяющіе побережье, одѣтые въ свои оригинальные восточные наряды, представляютъ интереснѣйшую картину. На улицахъ вы видите первобытнѣйшіе способы передвиженія: на мулахъ, верблюдахъ и вмѣсто экипажей арбы съ колесами, представляющими собою цѣльный кусокъ дерева — только такое сплошное колесо можетъ безъ поломки выдержать мѣстныя дороги или, вѣрнѣе, бездорожье.

Но въ каждомъ городѣ есть и небольшой кварталъ европейскій, отличающійся домами прекрасной европейской постройки, по большей части собственными.

Изъ историческихъ памятниковъ на Анатоійскомъ побережьи находятся стѣны и развалины Акрополей (эти постройки почти всѣ приписываются царю Митридату), греческіе храмы постройки времени Комненовъ, обращенные турками въ мечети, и различныя другіе остатки древности. Изъ историческихъ памятниковъ заслуживаетъ вниманія мечеть Йени-Джума въ Трапезундѣ, бывшая церковь св. Софіи, постройку которой приписываютъ Алексію III Комнену, императору Трапезунда. Эта постройка представляетъ собою прекрасно сохранившійся образецъ архитектурнаго искусства Византіи.

Интересно наконецъ упомянуть, что около Самсуна находилось въ древности царство Амазонокъ.

Анатоійское побережье еще до войны представляло громадный интересъ для Россіи и благоприятнѣйшія условія къ укрѣпленію тамъ русскаго вліянія.

Такъ, въ восточной части Анатоійскаго побережья, до Самсуна, были въ большомъ ходу русскія деньги, даже мѣдныя. Достаточно сказать, что веюду на свой пяточокъ вы могли получить сдачи русскими мѣдными деньгами.

Трапезундъ. Остатки древнихъ стѣнъ и ровъ.

Затѣмъ большое число жителей побережья умѣло говорить по-русски, что объясняется тѣмъ, что ежегодно около тридцати тысяч жителей Анатолиі уходили въ Россію на заработки, служа главнымъ образомъ хлѣбопеками, рабочими на табачныхъ плантаціяхъ на Кавказѣ, носильщиками и т. п.

Наконецъ, по побережью Анатолиі, почти во всѣхъ главнѣйшихъ его городахъ воздвигнуты православные храмы населяющими его въ значительномъ количествѣ греками, и звуки церковныхъ колоколовъ, призывающіе къ обѣднѣ или ко всенощной православное населеніе и далеко разносящіяся въ морѣ, наполняютъ душу русскаго путешественника умиленіемъ: на чужбинѣ, въ предѣлахъ мусульманскаго государства, колокольный звонъ!

Къ сожалѣнію, несмотря на такіа благопріятныя условія къ укрѣпленію русскаго вліянія на Анатолійскомъ побережьи, все время до войны хозяевами края были австрійцы и нѣмцы.

Теперь же славный Черноморскій флотъ и доблестныя русскія войска исправляютъ ошибки нашихъ „вѣдомствъ“.

Городокъ Ризе является первой остановкой парохода, идущаго отъ Батума. Продолжительность перехода до него—около шести часовъ. Ризе расположенъ у подножія горы или, вѣрнѣе, огромной скалы, которая стоитъ посреди полукруга горъ, продолжающихся внутрь страны. Какъ скала, такъ и окружающія ее горы покрыты густой растительностью, придающей городу очень живописный видъ. Въ Ризе имѣется масса фруктовыхъ садовъ, въ которыхъ въ изобиліи растутъ даже апельсины и лимоны. Объясняется это защищенностью Ризе высокими горами отъ холодныхъ вѣтровъ. Въ городѣ, до войны, насчитывалось до 10 тысяч жителей.

Отойдя отъ Ризе, пароходъ черезъ три—четыре часа приходитъ къ Трапезунду. Въ обоихъ городахъ, а также во всѣхъ остальныхъ на турецкомъ побережьи Чернаго моря, пароходъ останавливается въ открытомъ морѣ, такъ какъ ни въ одномъ изъ городовъ на Анатолійскомъ побережьи портовъ нѣтъ. Приближаясь къ Трапезунду, вы видите его съ очень далекаго разстоянія, благодаря тому, что онъ расположенъ на концѣ полукруга, который образуетъ въ этомъ мѣстѣ Анатолійское побережье. Кромѣ того, берегъ у Трапезунда имѣетъ значительный выступъ въ море, которымъ онъ рѣзко дѣлится на восточную и западную части. Глубина моря около берега довольно значительна, и потому пароходы подходятъ къ Трапезунду на разстояніи отъ 300 до 500 сажень. Трапезундская бухта является почти совершенно открытой, такъ какъ горы, окружающія ее съ востока и запада, невысоки и мало вдаются въ море.

Казалось бы очень удобнымъ устроить въ Трапезундѣ портъ, сдѣлавъ его въ томъ углу, который образуетъ упомянутый выступъ въ море. И турки сдѣлали нѣкоторую пародію на него,

Колонны бывшей церкви св. Софіи въ Трапезундѣ.

устроивъ въ этомъ мѣстѣ небольшой молу, набросавъ сюда камней; къ этому молу пристають фелюги съ пассажирами и магоны съ товарами^{*)}. Сооруженіе порта въ Трапезундѣ должно обойтись очень дорого, вслѣдствіе глубины въ этомъ мѣстѣ морского дна, и потому турки, не имѣя денегъ въ своей казнѣ на самыя серьезныя потребности государства, не могли принять этой постройки. Наконецъ, постройка порта неразрывно связана съ улучшеніемъ караваннаго пути, идущаго изъ Трапезунда въ глубь страны на Эрзерумъ и далѣе.

Передвиженіе здѣсь совершается на верблюдахъ или на волахъ, запряженныхъ въ двухколесныя арбы.

Незадолго передъ войной кѣмъ-то была сдѣлана попытка по устройству автомобильнаго движенія до Дживизлика, который находится въ разстояніи тридцати верстъ отъ Трапезунда. Но ходилъ всего одинъ небольшой пассажирскій автомобиль, который изъ-за неисправности пути постоянно терпѣлъ поломки.

Подѣхавъ съ парохода на лодкѣ къ молу, вы поднимаетесь въ городъ. Около мола, справа, находится турецкая таможня и военный складъ. Посрединѣ города улицы широкія, а по сторонамъ узкія и кривыя, идущія безъ всякаго плана. Дома въ Трапезундѣ по большей части каменные, но своеобразной восточной архитектуры. Такъ, нижніе этажи въ большинствѣ турецкихъ домовъ нежилые; въ нихъ находятся склады или магазины, а жилое помѣщеніе устроено во второмъ этажѣ.

Красою Трапезунда считается домъ одного грека, выстроенный въ европейскомъ стилѣ. Въ центрѣ города расположено зданіе городской

Окрестности Трапезунда.

*) Фелюгой или фелюкой называется лодка для перевозки пассажировъ, а магоной— для перевозки съ парохода товаровъ.

Переправа на надувных резиновых мешках, из которых связываются целые плоты.

думы, около которого имѣется большая площадь, и на ней постоянно находятся караваны верблюдовъ, только-что прибывшіе или отправляющіеся въ глубь страны; тамъ коммерсанты совершаютъ свои торговые сдѣлки.

Въ центральной же части города находятся домъ губернатора, военное училище, госпиталь при немъ, казармы для войскъ, почта и телеграфъ и другія важнѣйшія постройки города. Далѣе городъ пересѣкается очень большимъ ровомъ, который дѣлитъ Трапезундъ вдоль на двѣ части.

Трапезундъ, какъ главный городъ на Анатолійскомъ побережьѣ, по своему политико-экономическому значенію былъ туркамъ дороже Эрзерума. Передъ войной въ Трапезундѣ насчитывалось до 100.000 жителей, и тамъ имѣлись консульства почти всѣхъ государствъ.

Трапезундъ—резиденція турецкаго генералъ-губернатора, греческаго митрополита, армянскаго архіепископа и высшихъ административныхъ лицъ провинціи. Поэтому потеоя Трапезунда для турокъ—последній, рѣшительный ударъ.

* * *

Блаженный мигъ! Его мы долго ждали,
Ковали мечъ въ торжественной тиши.
Достаточно для счастья мы страдали,
Смирная вопль истерзанной души.
Насталъ онъ—часъ народной грозной битвы,
Борьбы послѣдней, роковой!
О немъ всѣ родины молитвы...
Завѣтный мигъ! Великій бой...
Тамъ, въ этой мглѣ туманной дали,
Гдѣ крѣпко закопался врагъ,
Тамъ проба нашей новой стали,
И тамъ къ развязкѣ первый шагъ

За челоуѣчества свободу,
За жизнь! То путь, достойный насъ...
Въ немъ цѣль великому народу
Въ священный испытанья часъ.
То мигъ на грани возрожденья
И наступленья лучшихъ дней,
То бой за прошлыя мученья,
За нашихъ будущихъ дѣтей.
Во имя тѣхъ, что славно пали,
За благо намъ родныхъ племень,
За всѣхъ, что право начертали
На полотнѣ своихъ знамень!

Н. Чаплинъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1916 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 7 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала со 2-го іюля — **съ 27-го номера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и непремѣнно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **40 коп.** и **печатный адресъ.**

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

1916 г.
№ 26

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
издания

Выдаётся 25-го июля 1916 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (без прилож.)—15 к., с перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатания в „Жизни“ принимаются по следующей цене за строку и за строчку (в 1/4 ширины страницы): перед текстом и на первой странице по 1 р. 75 к.; на последней странице обложки 1 р. 50 к.; на остальных страницах 1 р. 25 к.

К этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 26.

Главная Контора и редакция в Петрограде, улица Гоголя, № 22.

НОВЫЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ. 1) Къ призыву на воен. службу. Содерж.: нов. правила о ратникахъ, бѣлобиз. и студентахъ. Пенсии и пособія. Какъ поступ. въ прапорщ. на военноопредѣляющаго. Полное собр. книгъ для быстрой краткосрочной подготовки на военноопред., ц. 5 р. 75 к. 2) Къ экзамену на казас. чинъ, ц. 6 р. 25 к. 3) Электричество для всѣхъ. Полн. курсъ для самоподготовки на электро-техника ц. 6 р. 30 к., кратк. курсъ — 2 р. 25 к. 4) Какъ сдѣлаться шоферомъ? Полн. и подробн. курсъ ц. 6 р. 75 коп., кратк. курсъ — 1 р. 6) Какъ сдѣлаться частнымъ повѣреннымъ. (Обр. пензен. не треб.), всѣ книги для самоподготовки, ц. 3 р. 25 к., кратк. курсъ — 1 р. 85 к., 7) Бухгалтерія для всѣхъ — единственная полезная книга для всѣхъ, кто хочетъ стать бухгалтеромъ или коммерч. кор. Полн. курсъ, ц. 3 р. 50 к., кратк. — 1 р. 55 к. 8) Что нужно знать приказнику или конторщику, чтобы улучшить свое положеніе, книга въ 4 част., ц. 1 р. 55 к. 9) „Я самъ хозяйинъ“ — советы и указанія, какъ создать себѣ доходное дѣло безъ затратъ капитала, ц. 2 р. 75 к. 10) „Побочные заработки“ — сов. и указ., какъ созд. себѣ побочн. зар., ц. 1 р. 25 к. 11) Какъ поступить на казен. службу, почту, жел. д., тел. и пр., руководств., ц. 1 р. 25 к. 12) Газетная корреспонденція — общедост. курсъ для лицъ, желающихъ корреспонд. въ газеты (за плату) изъ селъ, дерев. или городовъ, ц. 1 р. 55 к. 13) Полн. курсъ каллиграфіи, прекрасно и быстро исправляющій самый дурн. почеркъ, ц. 1 р. 15 к. 14) Домостроеніе. Руководство, какъ построить недорого и быстро домъ, амбаръ, конюшню и пр., ц. 2 р. 15) „Берегите животныхъ“. Руководство, какъ беречь, разводить и лѣчить лошадей, коровъ, кроликовъ, овецъ и т. д., ц. 1 р. 35 к. 16) Садъ и огородъ, какъ увеличить доходность садовъ и огородовъ, ц. 1 р. 40 к. 17) Самоучитель ремеселъ и производства: мыловареніе, ц. 1 р. 25 к., столярное дѣло, ц. 70 к., производство краски, масла, лаковъ, маселъ и ваксъ, ц. 1 р. 15 к., переплетное дѣло, ц. 80 к., паяніе и луженіе, ц. 80 к., выдѣлка кожи, ц. 75 к., чеподан. дѣло, ц. 1 р. 45 к. 18) Какъ изготовлять безалког. вина и напитки, домашн. путемъ, ц. 1 р. 5 к. 19) Самоучитель языковъ, — англійск., — 1 р. 50 к., французск., — 85 к., латинск., — 1 р. 45 к., нѣмецкій — 90 к. 20) Стенографія, самый полн. курсъ, ц. 2 р. 50 к. 21) Служба въ полиціи, руководство къ самоподготовкѣ на окол. назв. или прист., ц. 4 р. 25 к. 22) „Я самъ юристъ“. Руководство для составл. прошеній и жалобъ на Высочайш. имя, мир. и окр. судъ, по воинск. дѣл. и др., ц. 1 р. 45 к. 23) Книга для женщинъ: уходъ за волосами, ц. 80 к., уходъ за мал. дѣтми, ц. 75 к., косметика женщ. и реб., ц. 80 к., какъ сохранить молодость, здоровье, красоту, ц. 90 к., домашній врачъ, ц. 75 к. 24) Полн. курсъ кройки, шитья и рукодѣлія, ц. 2 р. 85 к. 25) Шейте сами обувь! Книга, заочно обучающая, какъ самому шить сапоги, башмаки, туфли, чинить обувь, ц. 1 р. 65 к. 26) Дешевый столъ. Сборникъ рецептовъ, какъ готовить дешево, вкусно всевозм. блюда, ц. 1 р. 75 к. 27) Книжки для развлеченій: Хиромантія, ц. 1 р. 15 к., магія и волшебство, ц. 95 к., новѣйш. фокусникъ, ц. 90 к., полн. толкователь сновъ, ц. 85 к., орacula-пророчатель, ц. 95 к. 28) Семейная бібліотека, 10 лучш. романовъ совр. писат., — 4 р., 20 к. — 7 р. 50 к. Всѣ книги высыл. только по получ. задатка въ размѣрѣ одной трети стоимости; (можно марки и купоны). Требования адресовать: Москва, Б. Гибздинскій, 10-5, редакція „Новый Журналь“.

ЛѢЧЕБНИЦА для СТРАДАЮЩИХЪ
И. И. ГИМИЛЛЕРЪ **ЗАЙКАНИЕМЪ.**
МОСКВА, Новая Басманная 14.
При лѣчебницѣ ПАНСИОНЪ.—ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.—Условія лѣченія высыл. бесплатно.

(ПИСАТЬ)
красиво и скоро будете, выписавши „Механическое прописъ“. Новость въ каллиграфіи. Цена нах. плат. 95 коп. Адресъ: Москва, редакція журн. „СОКОЛЪ“, отд. 2. 30)

ВАЖНО ДЛЯ ГГ. СКРИПАЧЕЙ!
НОВАЯ РУССКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА „КЛАССИКОВЪ“
ВЪ ТОМАХЪ,
подъ редакціей пр. кн. Г. Дулова.
Этюдъ д. одной скрипки: Крейцеръ, 42 этюдъ. 1 р. 50 к. Варьянъ, Ор. 36. Тетр. 1 (р. Роде, 24 Каприса, въ родѣ этюдовъ 1 р. Концерты д. скр. съ фп.: Готти, № 23. G-dur 1 р. 25 к. Мендельсонъ, Ор. 64. E-moll 1 р. 25 к. Роде, № 7. A — moll, № 8 E — moll, каждый по 1 р. 25 к., Пявель. Ор. 8. Шесть мал. дуэтовъ, д. 2-хъ скр. (В. Давыдъ) — 60 к.
Нов. кат. инструментальн. муз. (кроѣ фп.)
бесплатно.
Москва, Неглинный пр., 14.
П. ЮРГЕНСОНЪ

АНГЛИЙСКАЯ МОЛОЧНО-МУЧНАЯ ПИЩА
АЛЛЕНБЭРИСЪ **ДІЭТЪ**
4083 7 5
РЕКОМЕНДУЕТСЯ нервнымъ, слабымъ, истощеннымъ и дѣтямъ. Брошюра № 12 по требованію бесплатно.
Англійское Агц. О-во „АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“.
Москва, Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Безплатная премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Льготныя условія подлинки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.**
Адресъ: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Ружейная, 7—55.

САДОВОДСТВО, ЦВѢТОВОДСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ.

Мотивы изящнаго садоводства, съ 107 планами садовъ и цвѣтниковъ — 75 к. Новѣйшіе планы декоративныхъ садовъ и цвѣтниковъ, съ рис. — 20 к. Размноженіе растений прививкой, съ альбомомъ рис. — 75 к. Лучшія пальмы для комнатной культуры, съ рис. — 50 к. Какъ и гдѣ разводить плодовые сады, съ рис. — 50 к. Культура душистыхъ фіалокъ, съ рис. — 20 к. Выведеніе растений изъ сѣмянъ, съ рис. — 1 р. 25 к. Садоводство для начинающихъ, съ многок. рис. — 2 руб. Разведеніе рыбы въ прудахъ, съ рис. — 20 к. Выносливые цвѣтущіе кустарники, съ рис. — 30 к. Какъ увеличить количество кормовъ — 30 к. Устройство газоновъ въ садахъ, съ рис. — 20 к. Орошеніе садовъ, съ рис. — 30 к. Разведеніе розъ, съ рис. — 1 р. Улучшеніе луговъ и травостѣянъ, съ рис. — 20 к. Кормленіе крупнаго рогатаго скота, съ рис. — 50 к. Кормовыя нормы и таблицы — 50 к. Скотоводческое искусство, съ рис. — 1 р. Рациональное кормленіе и откормъ птицъ, съ рис. — 20 к. Разведеніе гусей, утокъ, индѣекъ и цесарокъ, съ рис. — 20 к. Устройство обыкновенныхъ колодезевъ, съ рис. — 30 к. Сельскій огородъ и плодовый садъ — 75 к. Двигатели нефтяные, керосиновые и газогенераторные, съ рис. — 1 руб. Столярное ремесло, съ 100 рис. — 40 к. Выпиливаніе по дереву, съ 25 рис. — 35 к. Любитель электротехникъ, съ 27 рис. — 35 к. Устройство карманныхъ электрическихъ фонарей, батарей и дешеваго электрическаго освѣщенія, съ 23 рис. — 45 к. Устройство телефона и микрофона, съ рис. — 15 к. Производство дрожжей — 35 к. Зеркальное производство — 30 к. Золоченіе и серебрѣніе по дереву и металлу, съ 13 рис. — 35 к. Красильщикъ-практикъ — 30 к. Луженіе, паяніе и никелированіе, съ рис. — 30 к. Самоучитель МЫЛОВАРЕНІЯ, съ 17 рис. — 40 к. Переплетное ремесло, съ 19 рис. — 35 к. Печное ремесло, съ рис. — 1 руб. Полировка и лакировка деревянныхъ издѣлій — 50 к. Протравка и окраска дерева въ разные цвѣта — 30 к. Красокъ простыхъ приготовленіе — 30 к. Починка кашошъ резиновыхъ и шнуръ — 30 к. Ламаднаго масла приготовленіе — 30 к. Ваксы производствъ — 30 к. Прохладительныхъ напитковъ и кваса приготовленіе — 35 к. Рыболовство, съ 138 рис. — 35 к. Саложное ремесло, съ 39 рис. — 40 к. Слестарное ремесло, съ 32 рис. — 40 к. Токарное ремесло, съ рис. — 35 к. Ремесленникъ-любитель — 30 к. Кондитеръ практикъ — 35 к. Землемѣръ сельскій, съ рис. — 30 к. Пивоваръ домашній — 35 к. Устройство улья Дадама, съ чертеж. — 30 к. Устройство образцовой усадьбы, съ чертежами — 50 к. Доходное пчеловодство, съ рис. — 75 к. Пчеловодъ-любитель — 15 к. Промысловое пчеловодство, съ рис. — 1 р. Птицевод. — 15 к. Свиноводство — 15 к. Скотолѣчебникъ — 35 к. Выборъ лошади и коровы, съ 22 рис. — 30 к. Садоводство и огородничество — 35 к. Помощь земледѣльцу — 30 к. Удобрѣніе полей и луговъ — 30 к. Доходная живая изгородь, съ чертеж. — 25 к. Доходный вишневы садъ, съ рис. — 30 к. Устройство небольшого мыловареннаго завода, съ рис. — 35 к. Спичечное производство — 30 к. Животноводство, съ 30 рис. — 35 к. Устройство сѣялокъ, съ рис. — 30 к. Устройство вѣялокъ и сортировокъ, съ рис. — 30 к. Кирпичное производство, съ рис. — 50 к. Огнеупорныя постройки, съ рисунк. и чертеж. — 1 руб. Домашнее приготовленіе наливковъ и настоекъ — 30 к. Бахчеводство, съ рис. — 20 к. Сельскій огородъ и садъ, съ рис. — 60 к. Практическое огородничество, съ рис. — 85 к. Устройство комнатныхъ парниковъ и тепличекъ, съ рис. — 30 к. Теплый домъ изъ дощакъ, съ рис. — 50 к. Консервированіе плодовъ и овощей — 25 к. Консервированіе ягодъ и фруктовъ — 25 к. Цвѣтникъ-травникъ, самодѣлечникъ — 60 к. Какъ устроить волшебный фонарь, съ рис. — 20 к. Какъ укрѣпить землю въ собственности — 35 к. Новый уставъ о воинской повинности — 30 коп. Адвокатъ деревенскій — 30 коп.

Съ требованіями обращаться: Москва, Уланскій пер., д. № 30-4, книжный магазинъ П. К. КОМИ-САРЕНКО.

Старческая Дряхлость.

бесиліе, сердечныя заболванія, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытѣжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

артеріосклерозъ, переутомленіе, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., неврастенія и нервныя заболванія, половое

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ И С-ВЪЯ. ПЕТРО-ПОСТАВЩИКИ
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ВЛАДѢТЬ ЯЗЫКАМИ

является мечтой каждого человѣка, но не всякій знаетъ о пользующейся громаднымъ успѣхомъ

заочной методѣ

обученія иностраннымъ языкамъ по изданію „АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ“. Легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть грамматическихъ правилъ и словъ, каждый можетъ въ короткое время изучить

Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки.

Курсъ каждого языка состоитъ изъ 10 вып.

Каждый выпускъ стоитъ 1 руб. 40 коп. Краткій проспектъ бесплатно. Подробный—за 15 коп. Т-во „БЛАГО“, Петроградъ, Николаевск., 44—62.

ПРИ ИСТОЩЕНИИ И ОСЛАБЛЕНИИ ОРГАНИЗМА,

какъ питательное и укрѣпляющее средство, рекомендуется препаратъ

„РОБОСТО“ ДОКТОРА МАНКЕНЪ.

Вслѣдствіе содержанія въ „Робосто“ значительнаго количества бѣлковыхъ веществъ, а также и препарата составленнаго изъ элементовъ крови (Гемогалол), препаратъ „Робосто“ вполне заслуживаетъ видное мѣсто между питательными средствами

ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ.

Каждому, сообщившему свой точный адресъ, имя, отчество и фамилію, **ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО** проба препарата „Робосто“ и рецептъ его.

Письма адресовать: В. А. МАНКЕНЪ. Москва, Фуркасовскій пер., домъ Кононовой. Отд. 7. В.

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ „ТИЗЕРИНЪ“ послѣдствія ея пріимается

Д-ра мед. Гороховской. Для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или короб. капсулъ 2 р. 25 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Даевъ пер., 128, кв. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врачей.

Открыта полугодовая подписка на журналъ

„ХУТОРЯНИНЪ“.

Журналъ издается Полтавскимъ Обществомъ Сельскаго хозяйства съ 1896 г. Подписная цѣна съ 1-го іюля до конца года 1 р. 20 к. Подписчики получаютъ 20 номеровъ и брошюру по сельскому хозяйству. Первые номера разошлись безъ остатка, а потому годовая подписка не принимается.

Пробные номера и списки изданій высылаются бесплатно. Адресъ: г. Полтава, ред. журн. „Хуторянинъ“. Книжный и писчебумажный складъ „Хуторянина“ ищетъ изъ первыхъ рукъ хорошія чернила орѣшковая, перья, ручки, карандаши, тетрадную бумагу. Предложенія съ образцами адресовать въ г. Полтаву, книжный складъ „Хуторянинъ“.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, въ Петроградѣ.

В. В. МУЙЖЕЛЬ.

...СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ, СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ СЪ РИСУНКАМИ.

Содержаніе: Отступленіе или бѣгство? Плѣнные и павшіе. Въ пути. Подъ Ловичемъ. Послѣ боя. Стихія войны. Безъ выхода. Сюрпризъ. Странные города. Мелочи войны. Вторая волна. О геройствѣ. Ненужныя жертвы. Ночная атака. Передъ переломомъ. Подъ крестомъ. Чужая боль (раненные). Земцы и война. Свѣтлыя души. Незамѣтные помощники. Памяти павшихъ (статья первая). Лыкъ и Маркграбово. Памяти павшихъ (статья вторая). Чудо.

Учебн. Отд. М-ва Торг. и Промышленности допущено въ учебн. бібліотеки коммерческихъ училищъ для учащихся старшихъ классовъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Требованія и деньги просить адресовать въ Контору изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, № 22. Изданіе это имѣется также въ конторѣ Н. Н. Печниковой въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Дерибасовская, 18) и во всѣхъ большихъ книжн. магазинахъ.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источникамъ и содержитъ въ себѣ множество удивительныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жаркое лѣтнее время. Заставить снѣгъ горѣть въ блюдѣ. Произвести молнію въ комнатѣ, не причиняя никому вреда. Вырастить бобы въ полчаса. Разрѣзать ниткой стекло. Получить облако въ комнатѣ. Взявъ голыми руками раскаленное желѣзо. Карточные фокусы. Эти замѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Превратить желѣзный пруть въ свѣчу. Зажечь сухіе дрова водой — и множество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фокусовъ, можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Новѣйшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ 300. Цѣна съ пересылкой влож. платж. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Съезжискская ул., № 40, въ редакцію журнала „Отклики Жизни“.

РАДІЕВЫЕ ПРЕПАРАТЫ

для лѣчебныхъ цѣлей продаются въ конторѣ, Петроградъ, Вас. Остр., 15 лин., д. 48, тел. 139—90 и высылаются наложеннымъ платежомъ и въ аптекахъ въ Эссенукахъ, Кисловодскѣ и Пятигорскѣ. Цѣна 1 пакета 8 р., 1/2 пакета 4 р. 50 к. Желающимъ контора высылаетъ проспекты.

ЧУЛКИ лос. и почтой. Образц. не менѣе 3 п. одн. сорта, ф. скл. Ш. Галиперки, Полтава, Тушой пер. 12

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, ППР., ул. Гоголя, 22

Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

Конторскому скорописцу, рондо, готикъ окупаю зочно каждому въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправлю самыя дурной почеркъ. За 5 десятк. марокъ выслалюобразцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условія. Одесса. Проф. Каллиграфія Адольфъ Коссоидо. Дерибасовская, д. № 19.

ГАМАМЕЛИДЪ

НОВОЕ СРЕДСТВО отъ ГЕМОРРОЯ ц. 1.50 к.

Продажа въ аптекахъ и аптек. магазинахъ. Адресъ: Москва, Елоховская, 4. Е. И. Германъ.

для ЦВѢТА ЛИЦА ПРЕВОСХОДНЫЙ

освѣжающій кому элегантный кремъ **Дермозонъ**
Д-ра Антона Меняеръ имѣетъ очаровательный ароматъ цвѣтущихъ розъ. Онъ является гордостью женщинъ, желающихъ сохранить свой молодой видъ. Дермозонъ продается во всѣхъ аптекахъ, въ банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ быстро, если предвзрительно обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ Т-ва Стодбергъ и Ко. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Разложение Турции.

Нашим врагам за последнее время очень не повезло. Они претерпели ряд тяжелых неудач не только на военном поприще, но также и на поприще политическом. Попытка немцев ослабить Англию устройством революции в Ирландии окончилась крахом: революционная вспышка в Дублине не нашла сочувственного отклика в стране и была очень быстро подавлена военной силой, немецкий десант не состоялся, благодаря бдительности морской сторожевой службы, пароход с грузом ружей и пулеметов для повстанцев благополучно потоплен у ирландских берегов, а главный инициатор предательской затеи сэр Кэзмент, бывший английский консул, попал в плен и предстал перед судом по обвинению в государственной измене. Попытка вызвать внутренний развал Англии только доказала крепость и прочность ее государственного строя. Живая и здоровая государственность благополучно выдерживает подобные удары, не давая никакой трещины. В ином положении находятся больные политические организмы; они сами разваливаются на ходу, разлагаются заживо. Такова судьба Турции. Дикая азиатская держава, примкнувшая к немецкой коалиции, спасая немцев, ускорила свою собственную гибель. В тяжелая для нее времена непосильной борьбы с Европой Аравия объявляет свою самостоятельность и, выгоняя турок из священных городов, служивших исторической колыбелью ислама, тем самым лишает Турцию не только политического, но также и духовного владычества над Востоком. Как властитель священных городов Мекки и Медины, падишах считался до сих пор главою мусульманства. На его религиозном значении держался весь его политический авторитет.

С изгнанием турок из Аравии Турция нанесет смертельный удар. Разбитая нашей доблестной кавказской армией под стенами Эрзерума, отгнессаемая с севера и востока, она должна одновременно и защищаться от победоносного нашествия неприятеля и завоевывать свои провинции от возставших подданных. Если ей до сих пор не хватало силы для решения даже только одной задачи, как она справится

с разрешением двух столь трудных задач сразу? Легкомысленные политики, в роду пресловутаго Энвер-паши, все надежды и упования возлагают на помощь немцев, но и для немцев после кровавой неудачи под Верденом и генерального

Онопы, затопленные весенней водой.

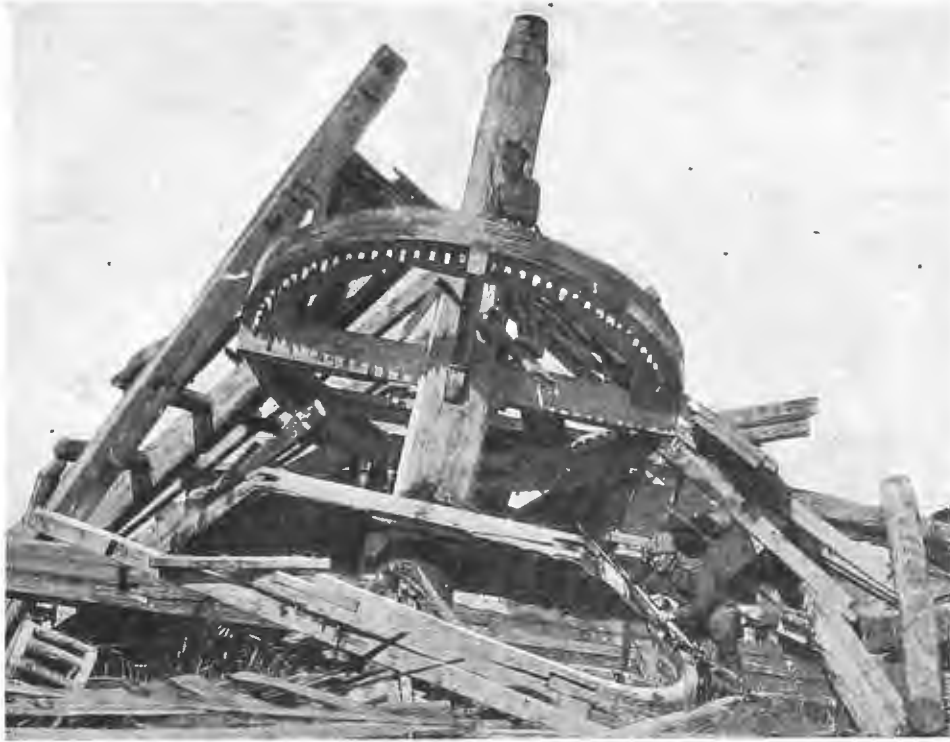
В разбитом костель. Рядом с наблюдающим солдатом — поваленное чучело: по нему немцы стреляли несколько дней из трех батарей, принимая его за наблюдателя.

поражения австрийцев армией Брусилова наступают теперь такие трудные времена, что они сами были бы не прочь получить помощь откуда бы то ни было, и потому поспешно стягивают полки к угрожаемому центру с Балканского полуострова и из Малой Азии. Все расчеты на поддержку со стороны Вильгельма при таких

условиях приходится отнести к области политической sentimentalности. Спасение от немцев не придет и прийти не может. Союз с нашими врагами, вовлекший нищую и внутренне дряблую Турцию в непосильную войну, только ускорила ее гибель.

Судя по всем признакам, близится ее последний час. „Большой человек“ находится при последнем издыхании. Те усилия, которые он предпринимает против кавказской армии, это не пробуждение жизни, а последние судороги политической агонии. В лицъ возставшей Аравии державы согласия получили нового неожиданного союзника. Арабские патриоты вынудили подушки из-под головы умирающего. Их впечатление ускорило естественный конец и сдвигает его более безболезненным. Услугой, оказываемой торжеству европейской культуры в джунглях Азии, Аравия заранее купила себе право на независимое автономное существование. Кто умрет умирать за свободу, тот имеет все права жить свободным человеком. Написанный на знамени согласия девиз защиты национальных прав малых народностей заранее гарантирует арабам полное удовлетворение всех их законных требований. Конец деспотической Турции будет началом царства культуры и права в Малой Азии.

Смертельные удары, наносимые союзникам Вильгельма, падают на его голову. Сломленная судьбой и силою русского оружия Турция и Австрия будут уже не в силах поддержать его против объединившейся Европы.

Въ Галиціи. Дозоръ у разбитой мельницы.

Нажимъ на Грецію.

Дипломатическія нити, связывающія „нейтральную“ Грецію съ воюющими державами, постепенно затянулись въ мертвый узелъ. Свой нейтралитетъ Греція толковала довольно своеобразно. Вынужденное впустить союзниковъ въ Салоники и дать пропускъ сербскимъ войскамъ, греческое правительство за спиной союзной дипломатіи по тайному соглашенію передало германо-болгарской арміи имѣющую огромное стратегическое значеніе крѣпость Рупель. Нейтралитетъ обязываетъ не помогать ни тѣмъ ни другимъ, а король Константинъ подъ нейтралитетомъ подразумеваетъ дружескія услуги и нашимъ и вашимъ. Въмѣсто строгаго невмѣшательства въ войну между сосѣдями, получило пассивное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на сторонѣ каждой изъ воюющихъ армій, вынужденное и подневольное по отношенію къ нашей коалиціи и добровольное по отношенію къ болгаро-нѣмцамъ. Съ Греціей чуть не повторилась почти буквально предательская исторія Болгаріи. Тягучая терпимость англо-французской и русской дипломатіи къ явному германофильству королевскаго двора и его главнаго приспѣшника — начальника военныхъ силъ Греціи генерала Дусманиса, боязнь какъ-нибудь обидѣть грековъ, отсутствіе ясныхъ и властныхъ требованій — все это создало богатую почву для игры на два фронта. Наша деликатность и терпимость поощряла Дусманисовъ и Скулудисовъ и внушала имъ смѣлость вступать съ непріятелемъ въ заговоръ противъ насъ. Греція вооружалась и мобилизовалась на средства держав-покровительницъ съ тѣмъ, чтобы при первомъ оборотѣ военнаго счастья направить свое оружіе противъ насъ. Послѣ передачи болгарамъ Рупеля союзники заговорили наконецъ въ Аѣнахъ болѣе рѣшительнымъ языкомъ. Они подвергли Грецію строжайшей морской блокадѣ, угрожающей ей черезъ двѣ недѣли наступленіемъ голода, отказали въ заключеніи новыхъ займовъ, ввели осадное положеніе въ Салоникахъ. Въ блокированной Греціи нѣтъ надежды на полученіе какихъ бы то ни было продовольственныхъ запасовъ сухопутнымъ путемъ съ сѣвера.

Поведеніе аѣнскаго правительства успѣло вызвать во Франціи и Англии настоящую бурю негодованія. Французская печать стала метать словесные громы на головы двуличныхъ грековъ.

Такъ какъ вся политика Запада, въ сущности, руководствуется общественнымъ мнѣніемъ, то бумажный походъ противъ Аѣнъ скоро претворился въ нѣчто болѣе реальное. Пришла пора союзнымъ дипломатамъ перейти отъ безконечныхъ разговоровъ къ энергичному нажиму и поставить свои требованія опредѣленно и властно. И по военно-стратегическимъ и по экономическимъ условіямъ Греція у нихъ въ кулакъ. По существу положенія они располагаютъ

полною возможностью не просить, а предписывать. Безъ подвоза продовольствія Греція не можетъ ни воевать ни жить, а весь морской подвозъ сосредоточенъ всецѣло въ рукахъ Англии. Греція опасна союзникамъ не какъ открытый врагъ, а только какъ тайный предатель, прикрывающийся обманчивою личною дружбой. Такую вредную роль сыграла она съ передачею болгарамъ крѣпости Рупеля и тѣмъ самымъ дала державамъ согласія безспорное право принять соответствующія мѣры для предохраненія себя отъ повторенія подобнаго предательства. Для этого было одно дѣйствительное средство: перемѣна греческаго правительства. Греція можетъ остаться вѣрной союзникамъ лишь при томъ условіи, если во главѣ ея кабинета будутъ стоять вѣрные народу министры. Интригующій король долженъ смириться подъ угрозой полнаго разгрома его страны и покорно исполнить все, что предпишутъ ему державы-покровительницы.

„Нажимъ“ произвелъ свое дѣйствіе. Министерство Скулудиса, получивъ ультиматумъ державъ согласія, немедленно ретировалось, уступивъ мѣсто новому министерству Займиса, вся прежняя политическая дѣятельность котораго даетъ извѣстныя гарантіи иного курса греческой политики. Король Константинъ принялъ все пункты требованій реформы внутренняго управленія страны въ духѣ конституціи, дарованной Греціи державами-покровительницами, создавшими Грецію. Будутъ произведены новые выборы въ парламентъ, который явится дѣйствительнымъ представителемъ интересовъ и желаній народа, убѣдившагося въ томъ, что будущее процвѣтаніе его зиждется подъ сѣнью Россіи, Франціи и Англии, создавшихъ его государственную и политическую самостоятельность. Король подписалъ декретъ о демобилизаціи армій, и правительство Займиса спѣшитъ выполнить его и одновременно приступило къ внутреннимъ преобразованіямъ: реформируетъ полицію и жандармерію и стремится устранить финансовыя затрудненія.

Ночь въ Галиціи.

ЖИЗНА

№ 26. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. И. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТРА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 новыя спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выданъ 25 Мая 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

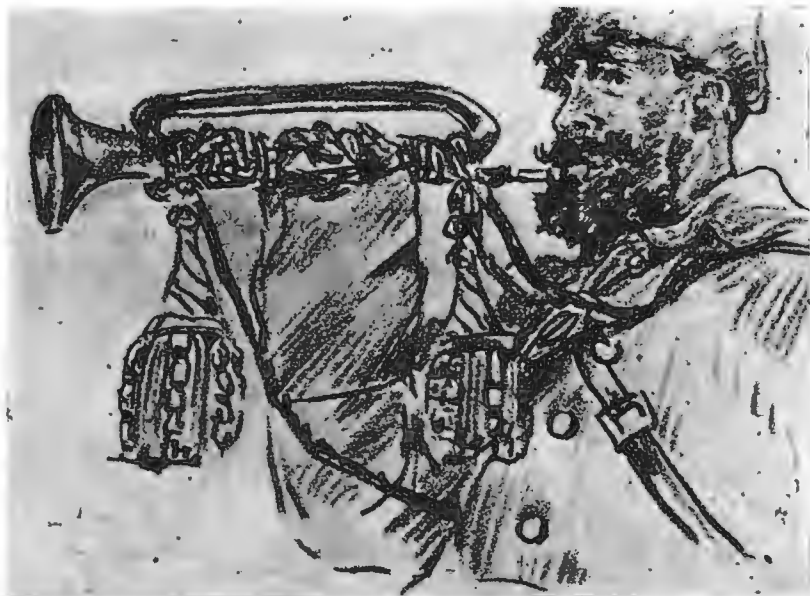
Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Художникъ-воинъ.

(Съ портр. и рис. на стр. 437—449).

Переживаемая нами война и необходимость защищать родину отвлекли на фронтъ и поставили въ ряды войскъ много талантливыхъ русскихъ людей, поэтовъ, артистовъ, художниковъ. Эти выдающиеся люди сражаются съ врагомъ рядовыми, но огонь Божьяго дарованія не гаснетъ въ нихъ и на поляхъ битвъ, и они умѣютъ сочетать служеніе родинѣ со служеніемъ искусству.

Видное мѣсто среди нихъ занимаетъ молодой художникъ-архитекторъ, Леонидъ Романовичъ Сологубъ, нынѣ офицеръ лейбъ-гвардіи стрѣлковаго артиллерійскаго дивизиона. Въ его лицѣ русское искусство не только ничего не потеряло съ его уходомъ на войну, но, наоборотъ, уже приобрѣло многое весьма цѣнное въ видѣ иллюстрацій войны и военного быта, сдѣланныхъ этимъ талантливымъ мастеромъ кисти и карандаша. Талантъ художника какъ бы окрѣпилъ отъ прикосновенія къ великимъ картинамъ и переживаніямъ войны. И въ будущемъ надо ожидать еще большаго и еще болѣе яркаго отъ его произведеній, почерпнутыхъ имъ въ огненномъ и кровавомъ горнилѣ мировой борьбы.

Изъ походнаго альбома. Штабъ-трубачъ Герасимовъ.
Рисунокъ Л. Сологуба.

Изъ походнаго альбома. Гармонистъ. Рисунокъ Л. Сологуба.

Л. Р. Сологубъ родился въ 1884 году. По происхожденію, онъ прямой потомокъ запорожцевъ, выходцевъ изъ Литвы. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ училищѣ живописи и ваянія въ Москвѣ. Затѣмъ поступилъ въ Академію Художествъ, въ которой окончилъ курсъ по классу профессора Л. Н. Венуа и за выдающуюся конкурсную работу — проектъ зданія Государственной Думы — получилъ командировку за границу.

Л. Р. Сологубъ получилъ довольно широкую извѣстность года три тому назадъ, какъ строитель Костромской выставки въ память трехсотлѣтія Дома Романовыхъ и какъ авторъ многочисленныхъ премированныхъ проектовъ, среди которыхъ особенно выдѣлялся проектъ памятника трехсотлѣтія Дома Романовыхъ въ той же Костромѣ и проектъ „Дворца искусствъ“ въ Петроградѣ.

Когда началась война, талантливый архитекторъ-художникъ пожертвовалъ все свое имущество на нужды войны и, имѣя право быть освобожденнымъ отъ воинской повинности, какъ пенсіонеръ Академіи Художествъ, пошелъ простымъ рядовымъ-добровольцемъ на фронтъ. Въ настоящее время онъ уже произведенъ за боевыя отличія въ чинъ подпоручика и награжденъ Георгиевскимъ крестомъ 4-й степени.

Въ настоящемъ номерѣ нашего журнала мы воспроизводимъ цѣлый рядъ рисунковъ и набросковъ, сдѣланныхъ Л. Р. Сологубомъ на поляхъ битвъ. Это его художественныя наблюденія, памятки, замѣтки. Это что-то въ родѣ записной книжки, куда вносятся разныя, поразившія вниманіе, черточки жизни, быта, событій. Несомнѣнно, потому художникъ создастъ изъ нихъ что-нибудь крупное по масштабу и пронизанное общей художественной идеей, но для насъ даже эти разрозненные, почти мгновенно набросанные эскизы на ходу имѣютъ громадный интересъ, какъ явленія войны, отразившіяся сквозь призму художественнаго наблюденія. Это не фотографія, въ большинствѣ случаевъ точно, но безжизненно и безтемпераментно передающая все живое и мертвое. Это глаза художника, и его умъ, и его личный темпераментъ. Онъ показываетъ намъ войну такъ, какъ видитъ ее онъ, — и поэтому намъ трудно оторваться отъ этой „записной книжки“, гдѣ предъ нами встаютъ, какъ живыя, типы

солдаты, то ухарски беззаботные, то вдумчиво сосредоточенные, картины сражений в их будничном виде, бивуаки с пискоразложенными кострами, грязная дорога, по которой плетется из ухаба в ухабь наша грозная артиллерия, или шагают раненые... И везде чувствуются громадная, острая наблюдательность, умные схватить и передать движение и необычайная энергия графики. Рисунки Сологуба точны, энергичны и, так сказать „лаконичны“, как отточенная, сжатая фраза. Ничего лишнего, никакой мелкой орнаментики, никакой „рисовки“ и позы. В них сказывается архитектор, привыкший иметь дело с строгими и благородными линиями монументальных построек.

Но в них нет тьмы свойственной архитектурѣ холодности. Такие эскизы, как, например, „Крестъ при дорогѣ“, полны чисто-лирическаго, теплаго и мягкаго настроенія. Много настроенія и въ простых пейзажахъ, въ изображеніяхъ мѣстностей сраженій. Чувствуется вдумчивая, глубокая душа, зорко слѣдящая за самимъ духомъ войны и за его отраженіемъ на людяхъ, событіяхъ и мѣстностяхъ.

Художникъ-воинъ.
Л. Р. Сологубъ на войнѣ
(въ январѣ 1916 г.).

Художникъ-воинъ.
Л. Р. Сологубъ
передъ войной.

Л. Р. Сологубъ не забывает и о своихъ архитектурныхъ задачахъ. На ряду съ нѣкоторыми другими находящимися на войнѣ художниками, онъ зарисовывает и обмѣривает встрѣчающіяся на театрѣ войны памятники старины. Ихъ такъ много въ Литвѣ, въ Польшѣ. Старинныя палаты польскихъ магнатовъ, старинныя церкви, башни, крепости—все это зарисовывается талантливымъ художникомъ и увѣковѣчивается графически. Это — большой трудъ, неизмѣримо значительный и важный, и искусство будетъ за него очень благодарно художнику-воину.

Карпатскій кречетъ Гяарборъ.

Изъ боевыхъ сказаній. С. Свириденко.

— Поторопитесь, пожалуйста, поручикъ... Судя по делешѣ, время дорого. Что вы хотѣли сказать?

— Простите, г. полковникъ, я давеча не спросилъ вашего разрѣшенія: этотъ человекъ проситъ позволенія взять съ собою своего сокола...

— Что?. Ахъ, да, вѣдь онъ не раздается съ этой птицей. Пускай беретъ, конечно. Позжайте только поскорѣй. Съ Богомъ, съ Богомъ, поручикъ!.. Да назадъ торопитесь.

— Слушаюсь, г. полковникъ.

Это было въ горномъ уголкѣ среди отроговъ Карпатъ.

Поручикъ Бондаренко долженъ былъ отправиться на паровозѣ, доставить три вагона снарядовъ на сосѣдній русскій постъ, только-что присланный телеграфный запросъ.

Людей у полковника было немного — оба маленькіе поста находились далеко отъ боевой линіи, и непріятеля неоткуда было ждать; поэтому Бондаренко взялъ съ собою только троихъ солдатъ.

Въ качествѣ истопника съ нимъ на паровозѣ находился старый Бивой, мѣстный уроженецъ, галичанинъ, и неизмѣнный спутникъ и другъ его, ручной кречетъ, такой же сѣдой и горбоносый, какъ его хозяинъ.

Про этого кречета старикъ однажды рассказалъ необычайныя вещи молодому офицеру, съ которымъ сдружился за его веселость и доброту къ простому люду въ завоеванной странѣ, также и за малорусскій говоръ, близкій къ его родному нарѣчію, какимъ Бондаренко охотно болталъ съ нимъ. Какъ единственный офицеръ, умѣвшій обращаться съ машиной, Бондаренко часто былъ посылаемъ начальствомъ на локомотивѣ, гдѣ всегдашнимъ его спутникомъ былъ Бивой, и почти всегда—также его кречетъ.

Бондаренко разъ спросилъ, откуда у птицы ея странное имя: Гяарборъ. Старикъ задумался, потомъ медленно отвѣтилъ, что, должно-быть, имя это вышло изъ слова магйаръ *)—то же, что мадьяръ, венгръ,—и дано оттого, что онъ съ мадьярами воюетъ, борется ихъ...

— Кто? Твой соколъ?

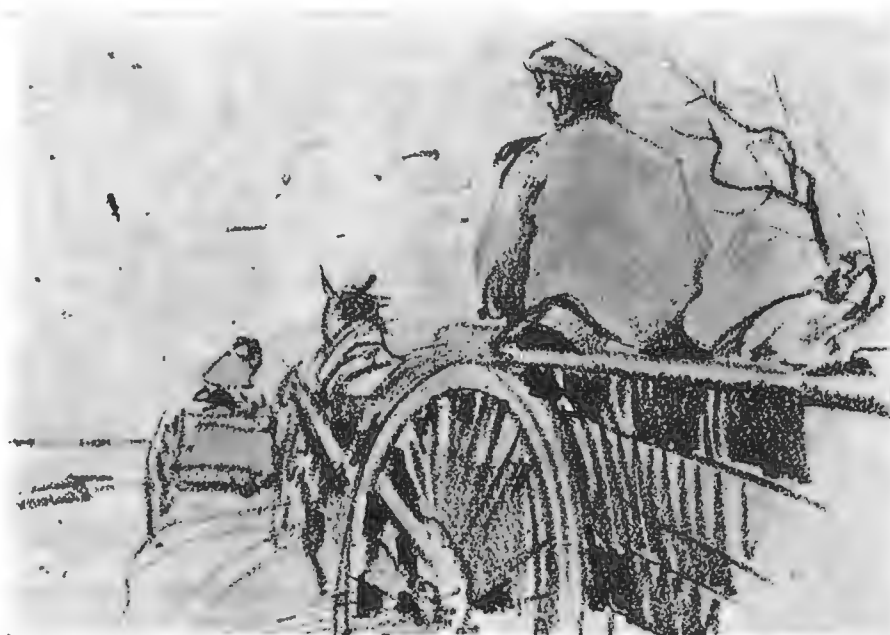
— Да, пане. И всѣ въ его племени...

На удивленные вопросы собесѣдника старикъ рассказывалъ ему древнюю быль. Много вѣковъ уже—можетъ-быть, еще и до турокъ, а то и раньше — существовалъ въ сосѣднемъ ущельѣ старый дворъ, гдѣ жилъ родъ богатый и сильный, хоть не изъ знатныхъ. Во всѣ времена этотъ родъ враждовалъ съ венгерскими завоевателями: чуть ли еще не къ вѣкамъ аваровъ, какъ понималъ слушатель, относилась эта вражда и никогда не умирала. Когда завоевательное нашествіе мадьярскихъ воителей захватывало всю страну, всегда непокоренными, всегда вооруженными оставались

*) На венгерскомъ языкѣ: magyiar.

Изъ походнаго альбома. Переходъ нашей батареи послѣ боя. Набросокъ Л. Сологуба.

За фуражомъ.

могучіе сыны горнаго ущелья. И во дворѣ и во всѣхъ ихъ владѣніяхъ каждая тварь ненавидѣла венгерское племя; такъ же, какъ люди, свирѣпые псы чутьемъ узнавали неконныхъ недруговъ и бросались на нихъ, гдѣ только видѣли; кони, захваченные порою въ набѣгахъ, ни за что не соглашались нести венгерскаго всадника, сбрасывали искусѣнншихъ набѣдниковъ, топтали и грызли ихъ; и некони росли въ томъ дворѣ особую породу кречетовъ, наученныхъ въ бою бросаться на враговъ и клевать имъ очи...

Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ умерла послѣдняя представительница этого воинственнаго дома и владѣлица послѣдняго изъ соколовъ, умѣвшихъ „бороть магйаровъ“... И Бивой, въ молодости служившій конюхомъ въ томъ дворѣ, получилъ въ наследство отъ госпожи этотъ дорогой подарокъ.

„Но не то дивно, — рассказывалъ старикъ, — что живеть въ птичьей душѣ вражда къ лихому племени; а дивно, что издалека чувствуетъ онъ враговъ, что всюду узнаетъ ихъ, какъ ни спрячутся, гдѣ ни укроются они, — издалека чувствуетъ и вѣсть подаетъ крикомъ,

Телефонная двуколка въ походѣ.

Птица, посаженная хозяиномъ въ висячее кольцо, прилаженная какъ можно дальше отъ печи, переминалась съ ноги на ногу и слегка шевелила головой.

Бивой вематривался въ своего любимца и тревожно покачивалъ тоже съдой головою, хмурия брови и поминутно взглядывая наружу.

— Чтò ты? — спросилъ поручикъ.

— Не дай Боже! — едва внятно пробормоталъ старикъ.

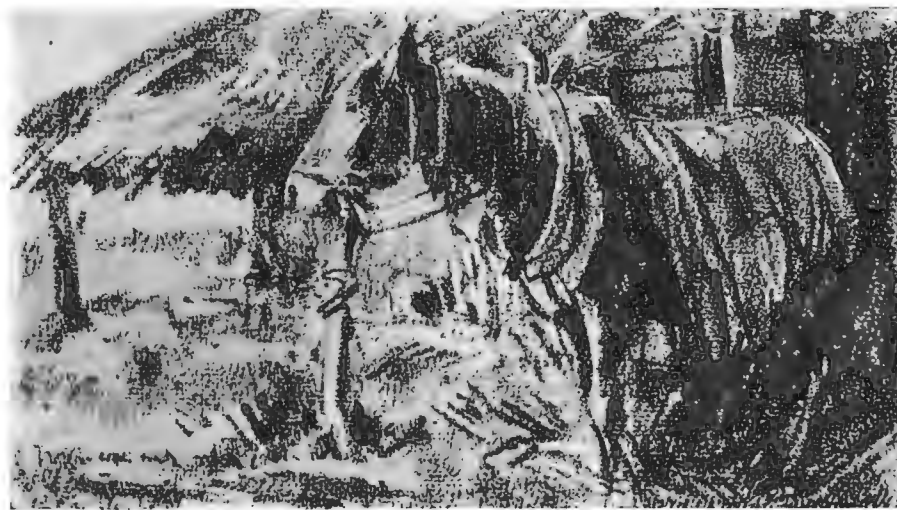
И въ то же мгновение воздухъ пронизанъ былъ рѣзкимъ пронзительнымъ крикомъ кречета:

— Крррлиии!

Бивой поблѣднѣлъ и схватилъ птицу.

— Паане, — вскрикнулъ онъ, — кречеть чувствуетъ врага! Надо назадъ!..

— Чтò ты, съ ума сошелъ! — прикрикнулъ на него офицеръ и внимательно оглядѣлъ снаружи мѣстность. — Какой тамъ врагъ — все спокойно, вонъ наши посты!.. и кордонъ на мѣстѣ по насыпи!.. Сейчасъ мы будемъ на мѣстѣ

Слушаетъ.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

— Пане, пане! — Голосъ старика дрожалъ. — Ради всѣхъ святыхъ и Господа Христа, слушай меня, слушай моего кречета... Онъ не ошибется, онъ не обманетъ! Скрыты враги вокругъ насъ, и вернуться надо, пока не поздно... пане!

— Полно, старый. Подумай, что ты говоришь... Я же вижу наши посты, я все мѣстечко вижу. Что тамъ за враги! Сообрази: если твой кречеть на всякаго венгерца злится — такъ это, можетъ быть, просто мирный житель идетъ гдѣ-нибудь возлѣ дороги...

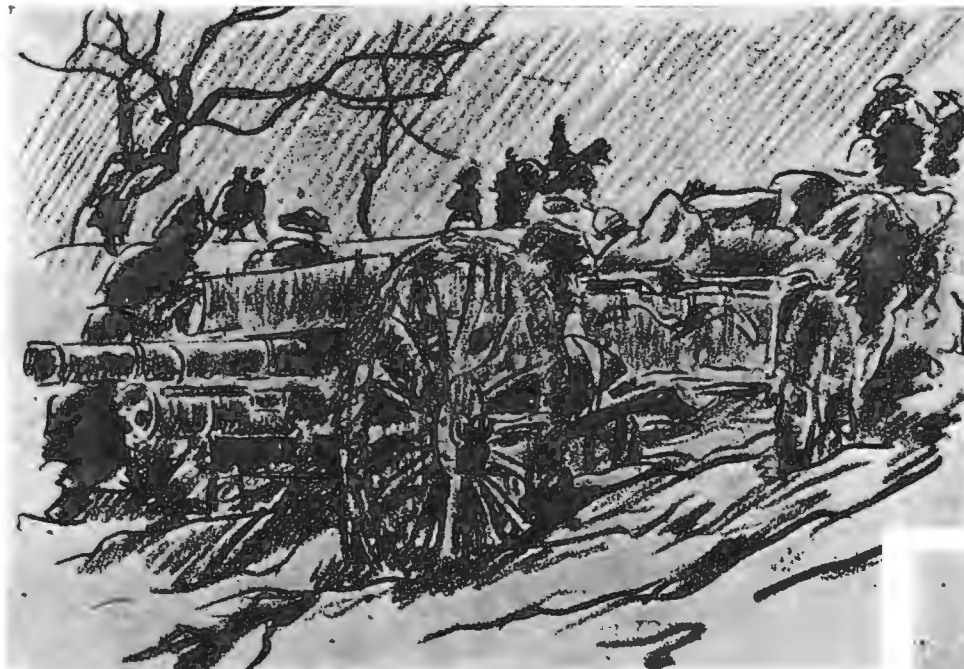
— Изъ мирныхъ людей здѣсь нѣтъ мадяровъ, пане!.. О, Боже, Боже мой, мы на погибель ѣдемъ — вѣдь насъ только пять людей и птица... Что мы сдѣлаемъ, когда нападутъ?..

— Перестань, Бивой, замолчи! Сейчасъ увидишь, что тебѣ не вѣсть что почудилось изъ-за того, что твой соколъ разволновался отъ жары. Сообрази хоть то: мы сейчасъ переѣхали мостъ. Неужели они пропустили бы насъ черезъ него, если бы...

Онъ не договорилъ: глухой ударъ

Батарея въ походѣ.

Наша батарея въ походѣ подъ дождемъ.

потомъ трескучій грохотъ раздался позади поѣзда. Инстинктивно повернувъ регуляторъ, чтобы задержать ходъ, Бондаренко выглянулъ — за крутымъ поворотомъ насыпи мостъ, повисшій высоко между скалъ надъ горной кичучей рѣчкой, исчезъ... Онъ былъ взорванъ.

У Бондаренки потемнѣло въ глазахъ. Онъ окинулъ взглядомъ мѣстность: со всѣхъ сторонъ, изъ расщелинъ скалъ, изъ чащи деревьевъ къ поѣзду направлялись солдаты... Неприятель! А изъ воротъ мѣстечка выѣзжалъ отрядъ кавалеристовъ: венгерская конница. Та самая венгерская конница, которую нарочно посылали сюда, гдѣ преобладало славянское населеніе, потому что послѣднее плохо боролось съ завоевателями-славянами.

Но почему же поѣздъ пропустили? Почему не взорвали вмѣстѣ съ мостомъ?

Поручикъ понялъ все: ихъ заманили. Мѣстечко уже утромъ занято было неприятелемъ — депеша поддѣлана (не даромъ полковникъ замѣтилъ въ ней ошибки въ шифрѣ!), „кордонъ“ былъ передѣтymi венгерцами, и оттого закричалъ кречеть, завидѣвъ одного изъ мадяровъ-караульных... а поѣздъ пропустили, чтобы захватить его, чтобы воспользоваться снарядами, которыхъ съ дьявольской дерзостью потребовали сами у русскаго поста!..

И онъ, поручикъ Бондаренко, самъ доставилъ неприятелю желаемую добычу...

ужасающій грохотъ и трескъ раздался въ провалѣ, и на обломки взорваннаго моста обрушились вагоны и машина поѣзда.

А на командира коннаго отряда обрушился съ вышины крылатый врагъ, мгновенно вонзившій когти ему въ глаза: старый кречеть, сѣдой карпатскій кречеть Гйарборъ отомстилъ коварному врагу.

Типы солдатъ. Леженинъ.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

Вожди и руководители.

Встрѣчи и воспоминанія. Полковника Г. П. (Съ 4 портрет. и 1 рис.).

„Война родитъ героевъ“. — говоритъ русская пословица. Дѣйствительно, каждая война, которую велъ русский народъ, неизмѣнно

Русскій народъ обожаетъ своихъ героевъ и справедливо гордится ими; не рѣдкость встрѣтить въ

самой бѣдной избѣ заброшенной за сотни верстъ отъ желѣзной дороги деревни, въ красномъ углу, рядомъ съ образами лубочную картину, изображающую подвигъ того или иного народнаго героя. Особенно любятъ народъ Суворова и Скобелева, воплотившихъ въ себя всѣ качества великой русской души: беззаветную храбрость, преданность долгу, любовь къ родинѣ, простоту и сердечность въ отношеніи къ ближнему и человеколюбіе къ врагу.

Нынѣ второй годъ ведетъ русскій народъ величайшую въ мировой исторіи войну, но героевъ, вождей, руководителей ея онъ не знаетъ. Въ силу исключительныхъ условий эта титаническая борьба народовъ Европы до послѣдняго времени была обезличена; въ печати не только не упоминалось о подвигахъ и геройскихъ поступкахъ отдѣльныхъ лицъ, но даже не назывались имена главныхъ руководителей второй Отечественной войны, несмотря даже на то, что противникъ, ши-

Опатовская братская могила лейбъ-гвардіи стрѣлковой бригады. Опатовъ, близъ Сандомира. Въ ущельяхъ близъ деревни Ворванково былъ бой отступающихъ пѣхотныхъ частей съ наступающими германцами 21-го сентября 1914 г. Черезъ два мѣсяца, послѣ взятія нами вновь Опатова, были разрыты старыя могилы (закопанныя вѣшцами), нашли массу труповъ въ ущельяхъ по указаніямъ крестьянъ, и ихъ похоронили; на горѣ устроена могила въ видѣ Георгіевскаго креста (деревяннаго), убраннаго газонами.

Въ Польшѣ. Крестьянская лошадь „Афросьна“

Типы солдатъ. Конаковъ.

выдвигала нѣсколько славныхъ, дорогихъ намъ именъ, — именъ, украшающихъ страницы военной исторіи; даже войны, окончившіяся для насъ неудачно, отмѣчали отдѣльныхъ лицъ, обезсмертившихъ въ благодарной народной памяти свои подвиги.

роко осведомленный обо всемъ, происходившемъ въ Россіи, прекрасно зналъ нашихъ вождей. Только съ недавняго времени въ сообщеніяхъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и въ приказахъ, публикуемыхъ въ газетахъ, стали упоминаться наиболее видные руководители той борьбы, которую геройски ведетъ русскій народъ съ тевтонской коалиціей.

Если настоящая война обезличена, то это еще не значитъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ она не отмѣтила талантовъ, не выдвинула людей военнаго опыта и доблести; нѣтъ, только наша природная скромность и сознаніе важности сохраненія военной тайны не позволяли нашимъ руководителямъ говорить о себѣ такъ громко и много, какъ это дѣлаютъ наши враги, ставящіе уже желѣзныхъ Гинденбурговъ и Макензеновъ на площадяхъ своихъ годовъ.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

Есть среди вождей и руководителей наших беззавѣтно храбрыхъ армій немало людей, успѣвшихъ уже создать себѣ въ войскахъ имя, окруженное извѣстнымъ ореоломъ славы и почитанія. Я видѣлъ ихъ, много слышалъ объ этихъ славныхъ именахъ и теперь хочу подблизиться своими впечатлѣніями съ читателями.

**Михаилъ Васильевичъ
Алексѣевъ.**

I.

Впервые судьба свела меня съ нимъ четверть вѣка тому назадъ. Во дворѣ казеннаго дома, казармъ мѣстныхъ войскъ, въ Петроградѣ, на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста, находилась тогда его маленькая квартира. Молодой капитанъ генеральнаго штаба, недавно окончившій Академію, на скромной должности старшаго адъютанта 37-й пѣхотной дивизіи, которой командовалъ покойный горцогъ Лейхтенбергскій, уже обращалъ на себя вниманіе военныхъ круговъ. Когда меня, студента университета, знакомили съ Михаиломъ Васильевичемъ, то особенно подчеркивали его недюжинныя способности и исключительныя качества души. Съ особымъ интересомъ я ожидалъ знакомства; обо мнѣ сказали Михаилу Васильевичу, и онъ передалъ свое приглашеніе зайти къ нему на другой же день запросто къ обѣду. Въ назначенный часъ я поднимался по старинной лѣстницѣ въ третій этажъ, гдѣ была его небольшая квартира въ четыре комнатки съ окнами во второй дворъ.

Въ передней меня привѣтливо встрѣтила молодая, необычайно симпатичная и простая дама — жена Михаила Васильевича. Я представился, и она сказала мнѣ, что мужа еще нѣтъ дома, онъ въ штабѣ и скоро придетъ.

Быстро завязалась простая, милая беседа. Хозяйка нѣсколько разъ выходила на кухню, дѣлала денщику указанія относительно приготовленія обѣда.

Скоро пришелъ и самъ хозяинъ, Михаилъ Васильевичъ. Вишность его хорошо извѣстна всему міру по цѣлому ряду портретовъ, помѣщенныхъ во всѣхъ русскихъ и иностранныхъ журналахъ и газетахъ. Средняго роста, рыжеватый блондинъ, коротко остриженный, съ одними усами, онъ про-

„Мой другъ X. не боится мороза“.

Питательный и перевязочный пунктъ Краснаго Креста В. М. Пуришкевича, который былъ обстрѣлянъ тяжелой нѣмецкой артиллеріей.

изводилъ чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе своей простотой. Несмотря на утомительную канцелярскую работу, лицо его свѣтилось чувствомъ довольства и удовлетворенности; небольшие, глубокіе, нѣсколько косоватые глаза смотрѣли весело и какъ будто смѣялись, почти не сходящая съ губъ улыбка дѣлала открытое, серьезное лицо хозяина привѣтливымъ. Въ крѣпкомъ пожатіи его руки чувствовался человѣкъ желѣзной воли и твердаго характера. Чтò было чрезвычайно привлекательно въ немъ, это — простота, отличавшая его всегда и вполнѣствіи отъ напыщенныхъ офицеровъ генеральнаго штаба прежней формаціи, отъ такъ называемыхъ „моментовъ“, созданныхъ только для гостинныхъ и салоновъ, а не для суровой военной службы со всѣми тяготами боевой страды. Это былъ армейскій офицеръ-строєвникъ, прекрасно образованный, начитанный, одѣтый въ форму генеральнаго штаба, но не заразившійся микробомъ „генералина“.

Мы сѣли за столъ. Въ то время я послѣ университета собирался поступить на военную службу. Узнавъ объ этомъ, Михаилъ Васильевичъ привѣтствовалъ мое желаніе, сказавъ, что на военной службѣ нужны люди съ образованіемъ, но добавилъ, что онъ только въ томъ случаѣ благословляетъ меня на этотъ шагъ, если я дамъ слово приложить всѣ усилія къ полученію высшаго военнаго образованія въ одной изъ академій.

— Безъ академическаго образованія ни военная служба ничего не дастъ вамъ, ни вы ей не дадите того, чтò могли бы.

Тутъ Михаилъ Васильевичъ рассказалъ мнѣ, что онъ самъ долгое время прослужилъ въ 64 пѣх. Казанскомъ полку, Скобелевской дивизіи, квартировавшемъ въ Вѣлостокѣ, командовалъ ротой, и долгимъ опытомъ пришелъ къ заключенію, что безъ академическаго образованія не достичь ничего, а потому самъ въ чинѣ уже штабсъ-капитана поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба и только теперь чувствуетъ себя полезнымъ для горячо любимой имъ военной службы.

Я далъ слово и свято исполнилъ завѣтъ Михаила Васильевича. Слова его глубоко запади въ мою душу; симпатичный образъ его вѣзался въ мою память на всю жизнь.

Послѣ обѣда Михаилъ Васильевичъ опять пошелъ работать въ штабъ дивизіи, и мы расстались, при чемъ хозяйка сказала, что Михаилъ Васильевичъ такъ работаетъ почти безъ отдыха каждый день съ 8 часовъ утра и до поздней ночи.

Бивуакъ на полѣ.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

Транспортъ.

Впоследствии я еще раз два-три заходилъ въ милую, уютную квартиру на Фонтанкѣ, гдѣ начиналась ученая карьера молодого капитана генеральнаго штаба, занявшаго вскорѣ кафедру въ Академіи и быстро выдвинувшагося среди своихъ товарищей какъ на ученой, такъ и на административной дорогѣ.

II.

Прошло двадцать пять лѣтъ; скромный капитанъ генеральнаго штаба—уже генераль-отъ-инфантеріи, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Профессоръ-теоретикъ, практически изучившій во время русско-японской войны ратное дѣло, поставленъ нынѣ у отвѣтственнаго предъ исторіей всего культурнаго міра дѣла разработкы оперативныхъ плановъ и управления всей многомилліонной нашей арміей.

Служебное положеніе его измѣнилось кореннымъ образомъ, но качества души и сердца этого большого человѣка остались неизлечимыми. И на недостижимой высотѣ положенія, въ непосредственной близости къ Державному Вождю русской арміи, Михаилъ Васильевичъ остается тѣмъ же простымъ, доступнымъ, отзывчивымъ, сердечнымъ и добрымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ при первой нашей встрѣчѣ. Та же манера говорить, полная обаянія, отсутствіе всякой напыщенности. Живетъ онъ такъ же скромно, занимая всего двѣ комнаты.

Будучи старшимъ адъютантомъ штаба дивизіи, Михаилъ Васильевичъ отдыхалъ въ семейномъ кругу только за обѣдомъ, и теперь онъ отдыхаетъ отъ многочисленныхъ дѣлъ въ кругу своихъ сотрудниковъ только въ обѣденный часъ, когда за общимъ столомъ въ собраніи штаба онъ отрывается на какой-нибудь часъ отъ докладовъ, представленій, географическихъ картъ, чертежей, плановъ и схемъ; да днемъ на полчаса выходитъ онъ иногда въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться на дивную панораму Дибпра, открывающуюся съ аллеи городского сада, живописно раскинувшася позади губернаторскаго дома на высокомъ нагорномъ берегу.

Но и за обѣдомъ и на прогулкѣ не отрывается Михаилъ Васильевичъ отъ великаго дѣла войны; почти ежеминутно ему подають телеграммы, или подходитъ кто-нибудь съ срочнымъ докладомъ.

Нужно пробыть хоть одинъ день въ ки-

Мой другъ И. Н. Семеновъ.

Зарядный ящикъ.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

пящемъ котлѣ свѣдѣній, донесеній и распоряженій, чтобы опѣнить всю напряженность и сложность работы начальника штаба Верховнаго Вождя арміи. Но съ какимъ эпическимъ спокойствіемъ, съ какимъ поразительнымъ хладнокровіемъ работаетъ Михаилъ Васильевичъ! Только человѣкъ, вполне увѣренный въ мощи нашей арміи и въ себѣ, можетъ сохранять такое спокойствіе даже въ самые рѣшительные моменты. Его смѣлая мысль ни на минуту не останавливается передъ надвигающимися препятствіями, онъ увѣренъ въ силѣ своего творческаго гения.

Съ ранняго утра Михаилъ Васильевичъ непрерывно работаетъ у себя въ кабинетѣ до 11 часовъ утра, когда начинается обычный докладъ Верховному Главнокомандующему событіямъ минувшаго дня и проекта оперативныхъ предположеній на будущее. Докладъ длится обычно отъ полутора до двухъ часовъ. Докладъ этотъ Михаилъ Васильевичъ собственноручно пишетъ и представляетъ вмѣстѣ со схемами и картами Державному Вождю.

Послѣ доклада Михаилъ Васильевичъ завтракаетъ и снова до обѣда работаетъ, не разгибая спины, принимаетъ доклады и слѣдитъ по телеграммамъ за развитіемъ событіямъ на фронтахъ. Нерѣдко къ нему въ кабинетъ приносятъ телеграфный аппаратъ, непосредственно связанный прямымъ проводомъ съ кѣмъ-либо изъ высшихъ начальниковъ, и онъ подолгу ведетъ переговоры непосредственно съ руководителями операций на фронтахъ.

Послѣ обѣда, вмѣстѣ со своими ближайшими сотрудниками, Михаилъ Васильевичъ обсуждаетъ всѣ событія, имѣвшія мѣсто на фронтахъ, и разрабатываетъ оперативныя предположенія на будущій день. Далеко за полночь кончается работа неутомимаго труженика.

Трудоспособность этого замѣчательнаго человѣка исключительна; она превосходитъ всякія границы; память его поражаетъ всѣхъ; военные дарованія его отмѣчены были еще въ бытность Михаила Васильевича слушателемъ Академіи Генеральнаго Штаба, которую онъ окончилъ первымъ; затѣмъ онъ, какъ профессоръ, зарекомендовалъ себя прекраснымъ теоретикомъ, храбрость и боевая его опытность отмѣчены награжденіемъ орденомъ св. Георгія.

Внѣшній видъ Михаила Васильевича

за 25 лѣтъ измѣнился мало: онъ такъ же бодръ и свѣжъ, такъ же смѣло и увѣренно смотрятъ его глубокіе, смѣющиеся глаза, только сѣдина серебрить его голову и усы, дѣлая его еще болѣе обаятельнымъ и внушающимъ полнѣйшее довѣріе къ его военному и житейскому опыту и такту, а нз занимаемомъ имъ отвѣтственномъ посту тактъ—великое дѣло!

Всѣ, кому только приходится встрѣчаться по службѣ съ Михаиломъ Васильевичемъ, въ одинъ голосъ утверждаютъ, что это одинъ изъ величайшихъ дѣятелей настоящей войны.

Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ.

Послѣ заключенія Портсмутскаго мира А. Н. Куропаткинъ удалился въ свою псковскую деревню и въ тиши своего рабочаго кабинета продолжалъ трудиться и зорко слѣдить за эволюціей политической жизни. Много перечиталъ за время вынужденнаго бездѣйствія Алексѣй Николаевичъ, какъ бы предчувствуя, что ему придется еще играть видную роль въ исторіи Россіи.

Наши обѣдають.

На отдыхѣ.

Началась война. Стратегъ проснулся въ этомъ человѣкѣ; онъ сталъ зорко слѣдить за всѣми перипетіями міровой борьбы, продолжая однако оставаться лишь простымъ зрителемъ. Въ началѣ второго года войны, когда во главѣ нашихъ армій сталъ Державный Вождь, А. Н. Куропаткинъ былъ призванъ на фронтъ. Бывшій военный министръ и главнокомандующій арміями принялъ въ командованіе корпусъ, сдѣлавшись подначальнымъ своихъ бывшихъ подначальныхъ. Для блага родины, для блага дѣла принесено было въ жертву самолюбію, почести, заслуги.

Въ этомъ поступкѣ сказалось все величіе ума и воли Алексѣя Николаевича; поэтому для будущаго его биографа и историка представлять наибольшій интересъ тѣ немногіе мѣсяцы, которые бывшій главнокомандующій всѣми вооруженными силами Россіи провелъ во главѣ гренадерскаго корпуса на русско-германскомъ фронтѣ.

Мнѣ на долю выпала возможность два раза въ декабрѣ 1915 года видѣть маститаго корпуснаго командира гренадеръ.

Когда я впервые пріѣхалъ въ штабъ гренадерскаго корпуса, Алексѣй Николаевичъ выразилъ желаніе, чтобы я представился ему. Не скрою, въ сильномъ волненіи я поднимался по темной деревянной лѣстницѣ во второй этажъ ветхаго помѣщичьяго дома, избраннаго Алексѣемъ Николаевичемъ для помѣщенія своего штаба. Я боялся увидѣть генерала такимъ, какимъ его описы-

Мой другъ Н. въ „знаменитыхъ“ ботахъ на походѣ.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

вала иностранная печать,—дряхлымъ, сгорбленнымъ, утомленнымъ жизнью старцемъ.

Когда я вошелъ въ комнату, служившую кабинетомъ, пріемной и спальней командира корпуса, изъ-за стола поднялся ко мнѣ навстрѣчу коренастый, хотя и сѣдой, но все же бодрый и здоровый на видъ генералъ въ защитномъ кителѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ и свитскими погонами. Твердымъ шагомъ пошелъ онъ ко мнѣ навстрѣчу, и въ каждомъ его движеніи чувствовалась физическая и духовная мощь и красота.

О генералѣ Куропаткинѣ писалось въ былыя времена очень много, даже слишкомъ много, но о Куропаткинѣ, совершающемъ великій патріотическій подвигъ, еще никто не писалъ.

Алексѣй Николаевичъ подробно разспросилъ меня о цѣли моей поѣздки, о томъ, чѣмъ я наиболѣе интересуюсь, и сказалъ, что онъ распорядился показать мнѣ все, что хорошо и что дурно.

— Отъ печати и отъ общества у меня нѣтъ секретовъ. Войну ведетъ русскій народъ, и онъ имѣетъ полное право интересоваться всѣмъ, что дѣлается на передовыхъ позиціяхъ. Вы увидите, что мы сильны, готовы дать должный отпоръ врагу, солдаты сыты и тепло одѣты, а если и имѣются какиенибудь недостатки, то мы съ ними боремся, и все, что вы найдете нехорошаго, укажите мнѣ, я приму мѣры къ исправленію этого.

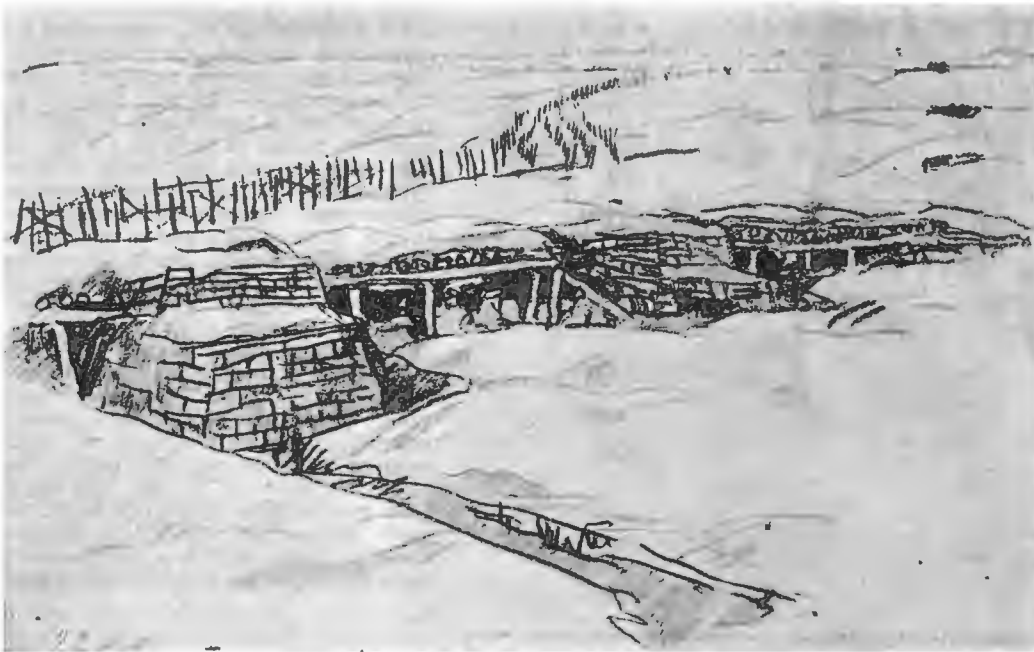
Затѣмъ Алексѣй Николаевичъ коснулся вопроса общей политики и обнаружилъ по этому вопросу обширныя познанія. Въ немъ виденъ былъ выдающийся государственный умъ человѣка, идущаго въ уровень съ современными взглядами передового общества.

Алексѣй Николаевичъ пригласилъ меня къ обѣду. Всѣ чины штаба корпуса обѣдали вмѣстѣ со своимъ командиромъ, но его присутствіе никого не стѣсняло, за столомъ непринужденно болтали, шутили, чувствовалась сплоченная родственная семья, собравшаяся вокругъ горячо любимаго отца.

Скромный обѣдъ, послѣ него чай, занятъ не болѣе получаса, но гостепріимный хозяинъ еще нѣкоторое время оставался за столомъ, бесѣдуя со мною о различныхъ вопросахъ.

Когда зашла рѣчь о книгѣ, известной подъ заглавіемъ „Итоги войны“, изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ за границей и приписываемой перу А. Н. Куропаткина, Алексѣй Николаевичъ сказалъ, что, какъ ни странно, но книги этой онъ не писалъ, и по-

Зимний окопъ.

явление ся на книжномъ рынкѣ было для него полной неожиданностью.

Дѣло въ томъ, что какой-то ловкій иностранецъ-издатель скомпилировалъ эту книгу изъ матеріаловъ, входившихъ во всеподданнѣйшій докладъ главнокомандующаго, и издалъ ее, прикрываясь именемъ Куропаткина.

Въ разговорахъ Алексѣй Николаевичъ обнаружилъ необычайную заботливость и интересъ къ жизни своего корпуса. При объѣздѣ частей войскъ я убѣдился воочию, какъ близко стоитъ онъ къ простому солдату. Онъ постоянно обходитъ окопы, спрашиваетъ солдатъ объ ихъ нуждахъ, входитъ во всѣ мелочи ихъ повседневной жизни, проявляя необычайную заботливость о меньшей братіи. Не даромъ солдаты такъ его полюбили и не испытываютъ при его наѣздахъ никакого страха, невзирая на видѣнную суровость генерала.

Отсталъ.

Принявъ корпусъ, Алексѣй Николаевичъ въ первые же дни пѣшкомъ обошелъ всѣ окопы, заглядывая во всѣ землянки, находясь подъ выстрѣлами противника. Никакія предупрежденія объ опасности не могли убѣдить его отказаться отъ обхода того или иного участка позицій корпуса.

Живетъ А. Н. Куропаткинъ въ самой скромной и простой обстановкѣ,—въ его распоряженіи всего только одна комната во второмъ этажѣ деревяннаго дома. Не только нѣтъ никакой роскоши въ обстановкѣ, но даже нѣтъ необходимаго; письменный столъ замѣняетъ простой дубовый обѣденный столъ, покрытый бумагой; кровать простая, желѣзная, съ однимъ тоненькимъ тюфякомъ. Алексѣй Николаевичъ совершенно не замѣчаетъ всѣхъ этихъ мелкихъ житейскихъ неудобствъ; его больше всего беспокоятъ вопросы, связанные съ улучшеніемъ жизни солдата

Артиллерійскія лошади на отдыхѣ.

на позиціяхъ. Это въ полномъ смыслѣ слова отецъ для солдатъ.

Въ частяхъ корпуса я неоднократно слышалъ восторженные отзывы солдатъ о своемъ новомъ корпусномъ командирѣ, въ котораго они вѣрятъ и котораго положительно обожаютъ за заботу и вниманіе къ ихъ нуждамъ.

Когда я, послѣ объѣзда частей гренадерскаго корпуса, во второй разъ заѣхалъ къ маститому генералу и подробно рассказалъ ему о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ изъ поѣздки, Алексѣй Николаевичъ спросилъ меня, что я видѣлъ плохое, что у него въ корпусѣ хуже, чѣмъ у другихъ. На этотъ вопросъ я чистосердечно сказалъ, что такого нѣтъ; все въ его корпусѣ прекрасно. Но этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ генерала, и онъ настаивалъ на своемъ желаніи знать слабыя стороны.

Я назвалъ нѣсколько мелочей въ устройствѣ окоповъ, не называя части войскъ. Алексѣй Николаевичъ сказалъ, что это въ окопахъ Черновскаго полка, онъ это замѣтилъ самъ при обходѣ окоповъ и записалъ въ свой дневникъ.

Съ этими словами онъ взялъ лежавшую на столѣ толстую тетрадь и нашелъ соответствующую записку. Въ эту тетрадь генералъ ежедневно заноситъ все, что онъ видитъ въ войскахъ корпуса, ни одна мелочь не остается не отмѣченной; при послѣдующихъ своихъ посѣщеніяхъ частей корпуса заботливый „отецъ-командиръ“ лично проверяетъ, исправлено ли все, согласно его указаніямъ.

Быль канунъ праздника; въ штабѣ корпуса шли приготовления ко всеобщей. Алексѣй Николаевичъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ помолиться Богу о дарованіи нашимъ войскамъ победы надъ врагомъ. Я, понятно, съ радостью принялъ это предложеніе и

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

Дорога къ Сенлюкамъ.

прошелъ въ столовую, гдѣ передъ походнымъ образомъ уже совершалось богослуженіе. Генерала нѣсколько задержали какимъ-то экстреннымъ докладомъ, и онъ пришелъ въ столовую, гдѣ шла всенощная, черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня.

Въ тотъ моментъ, когда Алексѣй Николаевичъ входилъ въ столовую,—я стоялъ у самой двери и видѣлъ его входящимъ,—батюшка произнесилъ слова эктении: „И покорити подь ножи его всякаго врага и супостата!“ Всѣмъ сердцемъ присоединился я къ этому моленію и горячо помолился о дарованіи Алексѣю Николаевичу побѣды и полного успѣха.

Алексѣй Ермолаевичъ Эвертъ.

Высокаго роста, брюнетъ, съ легкой просѣдью, въ простой солдатской рубахѣ защитнаго цвѣта, съ бѣлымъ Георгиевскимъ крестомъ на груди, въ шароварахъ съ желтыми лампасами сибирскаго казака, А. Е. Эвертъ производитъ впечатлѣніе чловѣка желѣзной воли, рѣшительнаго характера. Каждое движеніе его говоритъ объ увѣренности и сознаніи своей духовной силы. Но, несмотря на всѣ эти качества, составляющія отличительныя

ныхъ дѣйствій, на которомъ въ минувшемъ году онъ такъ искусно руководилъ операцией.

Дальнѣйшая служба въ Сибири еще больше закалила духъ вождя и создала для нашей арміи незамѣнимаго начальника, легко переносящаго всѣ невзгоды и лишения военнаго времени.

Генералъ Эвертъ пригласилъ меня раздѣлится съ нимъ скромную трапезу. Въ теченіе недѣли я обѣдалъ за однимъ столомъ съ этимъ скром-

черты его, Алексѣй Ермолаевичъ поражаетъ всѣхъ своей необычайной простотой и доступностью; онъ внимательно выслушиваетъ каждого, какое бы тотъ ни занималъ положеніе въ военной іерархіи.

Какъ начальникъ, Алексѣй Ермолаевичъ требователенъ и настойчивъ, но требователенъ не только къ другимъ, а и къ себѣ. При чемъ къ себѣ еще болѣе, чѣмъ къ другимъ. Онъ пользуется неограниченнымъ авторитетомъ и любовью у подчиненныхъ. Будучи главнокомандующимъ арміями западнаго фронта, имѣя у себя въ подчиненіи миллионы людей, генералъ Эвертъ своей скромностью болѣе напоминаетъ ротнаго командира, чѣмъ заслуженнаго и закаленнаго въ бояхъ вождя.

Вся служба Алексѣя Ермолаевича протекала въ условіяхъ, благоприятствовавшихъ развитію его природныхъ качествъ и военныхъ дарованій. Началь онъ службу свою въ л.-гв. Волынскомъ полку, стоявшемъ въ Варшавѣ; затѣмъ уже офицеромъ генеральнаго штаба онъ на различныхъ должностяхъ служилъ въ Варшавскомъ военномъ округѣ и имѣлъ возможность прекрасно изучить тотъ театръ воен-

Развѣдчикъ Захарыинъ.

нымъ, но очень большимъ чловѣкомъ. Я видѣлъ, какъ онъ нетребователенъ и простъ въ жизни. То же, что подаютъ на обѣдъ прапорщику, причисленному къ штабу главнокомандующаго, ѣстъ и генералъ-отъ-инфантеріи, въ рукахъ котораго судьбы тысячи такихъ прапорщиковъ.

Алексѣй Ермолаевичъ—солдатъ до мозга костей, и вопросы политики его интересуютъ лишь постольку, поскольку внутренняя политика содѣйствуетъ успѣшному выполненію задачъ, поставленныхъ арміи съ Верховныхъ Вождемъ; онъ всецѣло душой съ арміей и увѣренъ въ конечной нашей побѣдѣ такъ же, какъ въ этомъ увѣрена на фронтѣ, въ окопахъ, вся армія, отъ генерала до послѣдняго солдата.

Въ то время, когда я былъ у Алексѣя Ермолаевича *), его особенно безпокоило подавленное настроеніе глубокаго тыла, и онъ просилъ меня печатнымъ словомъ стремиться поднять это настроеніе до уровня настроенія фронта.

— Мы здѣсь живемъ въ тяжелыхъ условіяхъ, врагъ ежеминутно тревожитъ насъ, однако мы бодры и увѣрены въ побѣдѣ, у васъ же тамъ, въ столицахъ, раскисли,

*) См. мой очеркъ въ № 12 „Нивы“: „Отъ Ставки Верховнаго Вождя до передовыхъ окоповъ“, иллюстрированный портретами А. Е. Эверта и А. Н. Куропаткина.

Деревня

Мѣсто расположенія нашего штаба

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

упали духомъ изъ-за того, что шайка недостойныхъ людей ради личной выгоды искусственно вздуваетъ цѣны. Развѣ отъ этого слѣдуетъ падать духомъ, когда вы имѣете такую чудную армию, какъ наша? — сказалъ мнѣ на прощанье А. Е. Эвертъ.

Александръ Францовичъ Рагоза.

Имя командующаго одной изъ нашихъ армій генерала-отъ-инфантерїи Александра Францовича Рагозы до послѣдняго времени было совершенно невѣдомо широкимъ кругамъ русской публики. Впервые это имя появилось въ печати въ концѣ декабря прошлаго 1915 года, когда Государю Императору угодно было на фронтѣ арміи генерала Рагозы посѣтить устроенный на возвышенномъ мѣстѣ наблюдательный пунктъ батареи одного изъ тяжелыхъ артиллерійскихъ дивизионовъ. Его Величество, въ сопровожденіи генераловъ Эверта, Рагозы и Куропаткина, прошелъ на этотъ пунктъ и наблюдалъ отсюда неприятельское расположеніе.

Наводчикъ Никоновъ.

штаба на Дальнемъ Востокѣ и въ нашихъ морскихъ крѣпостяхъ, наложившей на него неизгладимый отпечатокъ.

Но грянули первые выстрѣлы, надвинулась на Русь вражеская рать, и Александръ Францовичъ Рагоза въ полной мѣрѣ проявилъ свои выдающіяся способности, энергію, знаніе военного дѣла и безавѣтную храбрость, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ красующійся на его груди бѣлый крестъ. Эти качества быстро выдвинули его на чрезвычайно важный и отвѣтственный постъ командующаго арміей.

Видѣлъ и говорилъ я съ генераломъ Рагозой всего только одинъ разъ часа полтора, но образъ этого человѣка долго не изгладится изъ моей памяти.

Въ 11 часовъ утра я прїѣхалъ въ автомобиль въ штабъ арміи, во главѣ которой стоялъ генералъ Рагоза. Штабъ расположился въ старинномъ польскомъ замкѣ графовъ Чапскихъ. Замокъ окруженъ роскошнымъ паркомъ, гдѣ въ былые дни устраивались пышные, шумныя

Нашъ бивуакъ.

На фронтѣ имя Александра Францовича Рагозы давно пользуется заслуженной репутацией, и солдаты съ восторгомъ говорятъ о своемъ безавѣтно храбромъ начальникѣ.

Вспыхнувшая лѣтомъ 1914 г. война застала Александра Францовича на скромномъ посту начальника 19-й пѣхотной дивизіи, занятую имъ послѣ долгой нелегкой службы офицера генеральнаго

празднества. Не то теперь. По парку снуютъ писаря, телефонисты, вѣстовые, казаки, рѣдко промелькнетъ фигура усталаго офицера въ походной формѣ защитнаго цвѣта. Вместо шикарныхъ вызвоновъ къ крыльцу замка подъѣзжаютъ шипящіе и грохочущіе, забрызганные грязью, автомобили, также окрашенные въ защитный цвѣтъ.

Я вошелъ въ замокъ и сразу же очутился въ комнатѣ, заставленной книжными шкапами. Въ богатѣйшей библиотекѣ графовъ Чапскихъ, гдѣ въ шкапахъ на полкахъ стоятъ фолианты XVII и XVIII вѣковъ, работаютъ на ремингтонахъ и ундервудахъ писаря, а у шкапа съ разбитымъ стекломъ, рядомъ съ гербомъ владѣльца, на которомъ гордо красуется девизъ графовъ Чапскихъ „Vitam patriae, honorem nemini“, примостился дежурный писарь, который и доложилъ о моемъ прїѣздѣ.

Черезъ дежурнаго генерала командующій арміей пригласилъ

Лавка въ Тарчинѣ.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

меня въ свою комфортабельно обставленную заботливымъ графскимъ мажордомомъ комнату.

Меня встрѣтилъ бодрый и крѣпкій на видъ старикъ съ большой головой, обрамленной сѣдой бородою. Высокій, открытый лобъ его свидѣтельствуетъ объ умѣ и способностяхъ вождя арміи. Но что меня больше всего поразило при первомъ взглядѣ на генерала—это необычайные его глаза. Они не были грустны или задумчивы, не были они и спокойны, все время они стремились куда-то вдаль, скользя по всему окружающему, они что-то таили въ себѣ. Видно было, что обладатель этихъ таинственныхъ глазъ, бесѣдуя съ вами, мысленно находится далеко-далеко. Но временами эти глаза останавливались на собесѣдникѣ и пытались проникнуть въ самое сокровенное его души. Очевидно, долгая служба въ самыхъ ответственныхъ пунктахъ выработала у генерала известную недоверчивость къ людямъ, нѣкоторую опаску. Въ настоящее время, когда Россія ведетъ войну съ врагомъ, не гнушающимся для цѣлей шпионажа никакими средствами, эта подозрительность, это желаніе проникнуть взоромъ въ душу человѣка, вошедшее въ привычку, неопѣдимы.

Встрѣтилъ меня Александръ Францовичъ очень любезно, усадилъ противъ себя въ мягкое кресло и прежде всего обратился ко мнѣ со слѣдующей просьбой:

— Прошу васъ, пишите постоянно о томъ, что для побѣды надъ врагомъ необходима правильная и интенсивная работа желѣзныхъ дорогъ,—этимъ вы

Послѣ атаки. Передъ могилой.

Могилы близъ Люблина. Въмѣсто крестовъ воткнуты въ землю вѣтки, на которыхъ повѣшены иконки.

окажете услугу арміи, котрая бодра духомъ и дастъ странѣ побѣду и почетный миръ, если только работа въ тылу будетъ итти планомѣрно. Теперь снарядовъ у насъ достаточно, люди прибываютъ. Современная война безъ желѣзныхъ дорогъ немыслима, поэтому для организации побѣды нужно упорядочить наше желѣзнодорожное движеніе. Снаряды и люди у насъ будутъ, лишь бы ихъ своевременно подвозили желѣзныя дороги.

При этихъ словахъ лобъ Александра Францовича наморщился, взоръ устремился куда-то вдаль, и какъ бы про себя вполголоса онъ добавилъ:

— Да, надо бы кой-кого повѣсить, и все пошло бы хорошо!

Наша бесѣда длилась нѣсколько минутъ, при чемъ Александръ Францовичъ проявилъ большое довѣріе къ обществу, къ его готовности всѣми силами дружно, безъ различія партій и политическихъ взглядовъ, стремиться къ единой цѣли—къ организации побѣды.

Генераль очень интересовался работой Государственной Думы и настроеніями столицы, гдѣ я недавно былъ.

Видя, что къ командиру арміи приходятъ чины штаба съ докладомъ, и мое присутствіе задерживаетъ болѣе важную работу, я поспѣшилъ откланяться, но генераль выразилъ желаніе еще поговорить со мной и пригласилъ меня къ обѣду.

Къ обѣду въ общую столовую собираются всѣ

Неприятельская батарея, разбитая нашей артиллеріей.

Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба.

Генераль-отъ-инфантеріи
А. Ф. Рагоза, командующій арміей.

**Владимір
Александровичъ
Ирмановъ.**

— Теперь мы поведемъ въ славный 3-й Кавказскій генерала Ирманова корпусъ! — сказалъ мнѣ мой спутникъ, молодой офицеръ генеральнаго штаба.

Я съ удивленіемъ спросилъ, почему онъ къ названію корпуса прибавляетъ фамилію его командира генерала Ирманова.

— Потому, — отвѣтилъ онъ, — что 3-й Кавказскій корпусъ и генераль Ирмановъ за полтора года совместной боевой работы органически срослись, нельзя себя представить этихъ двухъ крупныхъ боевыхъ единицъ отдѣльно; имя Владиміра Александровича Ирманова навсегда будетъ гордостью корпуса. Каждый солдатъ корпуса на вашъ вопросъ, какой онъ части, отвѣчаетъ не иначе, какъ словами:

„славнаго 3-го Кавказскаго генерала Ирманова корпуса, ваше высокоблагородіе!“

Въ справедливости словъ моего спутника я неоднократно имѣлъ потомъ случай убѣдиться. Имя Владиміра Александровича не только у него въ корпусѣ, но и во всей арміи пользуется громадной популярностью. да и противникъ съ нимъ считается и всегда учитываетъ появленіе его корпуса на томъ или иномъ участкѣ своего фронта.

Испоконъ вѣковъ кавказскіе полки славились своей лихостью и беззаветной храбростью: долгая борьба съ горцами среди дикихъ скалъ, гдѣ врагъ подстерегалъ за каждымъ камнемъ, закалила духъ и создала непоколебимыя традиціи славныхъ полковъ, покорившихъ Чечню и Дагестанъ.

Въ началѣ этой войны 3-й Кавказскій корпусъ подъ командой Владиміра Александровича былъ отправленъ на театр военныхъ дѣйствій. Части корпуса прямо съ поѣзда были двинуты 25-го августа въ бой на Тарнопольскихъ высотахъ въ Галиціи. Какъ на смотру, шли полки генерала Ирманова. — тогда еще Ирмана, въ атаку противъ превосходящихъ силъ противника; много храбрыхъ легло на полѣ брани въ первые же дни сраженія; но зато къ 27 августа врагъ уже потерпѣлъ поражение,

и корпусомъ было захвачено 32 совершенно новыхъ и не испорченныхъ германскихъ орудій.

Это было славное дѣло: въ немъ корпусъ получилъ свое боевое крещеніе на театрѣ мировой войны. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ боевъ, покрывшихъ новой славой корпусъ „генерала Ирманова“. Ивангородъ, Козеницы, Ченстоховъ, Влава, Жолкевъ, Яновъ, Синявка и много другихъ пунктовъ нашего западнаго фронта были очевид-

Генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ
Алексій Константиновичъ Баіовъ,

цами исключительной доблести войскъ корпуса и безграничной храбрости его вожда.

Участникъ трехъ войнъ: Русско-турецкой 1877—1878 годовъ, Китайскаго похода 1900—1901 года и Русско-японской 1904—1905 годовъ, Владиміръ Александровичъ, отправляясь на четвертую войну, уже имѣлъ два ордена св. Георгія и золотое оружіе.

Участникъ памятной Портъ-Артурской обороны, послѣ паденія крѣпости, раненый Владиміръ Александровичъ отправился въ японскій плѣнъ и до конца войны раздѣлялъ тамъ участь своихъ подчиненныхъ чиновъ 4-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады, не пожелавъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ уѣхать на родину.

Продолжительное пребываніе въ японскомъ плѣну наложило на Владиміра Александровича сильный отпечатокъ; онъ преждевременно посѣдѣлъ и теперь, будучи еще полнымъ силъ, энергіи, бодрости и здоровья, производитъ на первый взглядъ впечатлѣніе старика. Но стоитъ только съ нимъ поговорить и ближе присмотрѣться къ его кипучей дѣятельности, чтобы убѣдиться, насколько это физически сильный и могучій человѣкъ. На моихъ глазахъ онъ въ теченіе двухъ ночей, почти безъ отдыха, сдѣлалъ на автомобилѣ свыше 600 верстъ и послѣ этой поѣздки выглядывалъ совершенно бодрымъ и нисколько не утомленнымъ.

Въ штабѣ корпуса генерала Ирманова, подъ одной кровлей съ Владиміромъ Александровичемъ, прожилъ я пять дней, видѣлъ его за работой и за краткимъ, минутнымъ отдыхомъ и чувствовалъ его превосходство надъ всѣмъ окружающимъ; своей кипучей дѣятельностью онъ подавалъ примѣръ всему корпусу отъ генерала до солдата.

Генераль-отъ-артиллеріи В. А. Ирмановъ со штабомъ,

Владиміръ Александровичъ — генераль-отъ-артиллеріи, но онъ не коренной артиллеристъ, хотя большую часть своей службы провелъ въ артиллеріи. Окончилъ онъ 3-е Александровское военное училище въ Москвѣ и былъ произведенъ въ 134-й пѣхотный Феодосійскій полкъ, а затѣмъ только перешелъ въ артиллерію и служилъ послѣдовательно въ Московскомъ и Варшавскомъ военныхъ округахъ и на Дальнемъ Востокѣ.

Прямо съ дороги, въ валенкахъ, запушенный снѣгомъ, я попалъ въ скромный кабинетъ-спальню героя. Мнѣ навстрѣчу поднялся со стула небольшого роста, сѣденькій, съ круглой бородой генераль. Его юношески живые и энергичные глаза привѣтливо улыбаются, придавая особенное выраженіе его загорѣлому и обвѣтренному лицу съ мелкими чертами. Въ движеніяхъ его проглядывала нѣкоторая нервность, видно было, что человѣкъ этотъ много пережилъ, много перестрадалъ за свою жизнь: не шутка провести четыре кампаніи, видѣть въ рядахъ своихъ противниковъ турокъ, китайцевъ, японцевъ, австрійцевъ и германцевъ.

Поговоривъ со мною о цѣли моей поѣздки, Владиміръ Александровичъ коснулся вопросовъ мировой политики, задачъ настоящей войны и высказалъ свои соображенія о времени окончанія этой чудовищной, небывалой въ исторіи народовъ войны, и чѣмъ она должна кончиться.

— Война, охватившая всю Европу, война, которая должна перекроить совершенно политическую карту всего Стараго Свѣта, не можетъ окончиться скоро. Воюющія страны убѣдились уже, что сломить сопротивленіе противника однимъ ударомъ невозможно, нужно истощить его. Поэтому трудно разсчитывать, чтобы война окончилась ранѣе, чѣмъ черезъ три года. Только къ этому сроку Германія будетъ совершенно истощена. сила ея сопроти-

вления будеть сломенна, и она навсегда лишится возможности держать миръ подь угрозой своего вооруженнаго кулака. Ея милитаризмъ будеть уничтоженъ.

По мѣрѣ того, какъ Владимиръ Александровичъ высказывалъ свою мысль, онъ все больше и больше воодушевлялся: видно было, что онъ говоритъ то, что глубоко чувствуетъ и переживаетъ всѣмъ своимъ существомъ. Далѣе, онъ высказалъ чрезвычайно оригинальную и интересную мысль о томъ, каковы должны быть послѣдствія этой войны, и какъ ему представляется политическая карта будущей Европы.

— Всѣ славянскіе народы должны будутъ объединиться. Въ какую политическую форму выльется это объединеніе — предвидѣть трудно, но мнѣ ясно только одно, что во главѣ всѣхъ объединенныхъ славянскихъ племенъ должна стоять могучая, обновленная сама въ себѣ, великая Россія. Всѣ славянскіе народы, которые войдутъ въ составъ этого новаго государства, должны пользоваться самой широкой автономіей и правомъ самоопредѣленія. Мѣсто со славянами въ составѣ новой державы должна войти и территория, населенная ими, въ томъ числѣ и Балканскій полуостровъ съ проливами. Германія должна быть ослаблена и отрѣзана отъ моря. Только отрѣзанная отъ моря и истощенная Германія можетъ быть безопасна для міроваго спокойствія. А для того, чтобы добиться такихъ результатовъ, нужно достаточно времени, и въ нѣсколько мѣсяцевъ этого достигнуть невозможно. Поэтому мы должны быть готовы къ продолжительной войнѣ.

Войска, по мнѣнію генерала Ирманова, бодры, и продолжительная война ихъ не пугаетъ. Они вѣрятъ, что война должна кончиться побѣдой надъ швабами.

Такъ смотритъ герой-генералъ на задачи войны и на ея неизбежный благоприятный для насъ конецъ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ проявилъ себя убѣжденнымъ славянофиломъ, безгранично преданнымъ родинѣ и любящимъ нашего чудо-богатыря солдата. Нужно было видѣть, съ какимъ воодушевленіемъ онъ рассказывалъ мнѣ о подвигахъ незамѣтныхъ героев. Его ласковые глаза за время этихъ рассказовъ загорались какимъ-то несвойственнымъ его возрасту юношескимъ блескомъ, и онъ совершенно преображался.

Какъ величественно хорошъ долженъ быть этотъ кавказскій орелъ въ разгаръ боя!

Павелъ Антоновичъ Парчевскій.

Есть то время, когда судьба свела меня съ Павломъ Антоновичемъ, онъ командовалъ еще дивизіей, теперь онъ уже стоитъ во главѣ корпуса, но мнѣ ясно рисуется фигура маститаго генерала, много испытавшаго за долгую свою боевую службу, именно въ роли корпуснаго командира, руководителя значительныхъ силъ, выполнявшихъ самостоятельныя сложныя задачи.

Высокаго роста, коренастый, слегка сторбившійся, съ открытымъ, привѣтливымъ лицомъ, въ своемъ сѣромъ суконномъ полушубкѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ на груди, Павелъ Антоновичъ рѣзко выделялся среди окружавшихъ его офицеровъ, когда мы обходили съ нимъ расположеніе одного изъ полковъ, составившихъ дивизионный резервъ. Мы переходили отъ землянки къ землянкѣ, какъ вдругъ раздался поблизости орудійный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, и вслѣдъ за ними надъ нашими головами показался парящій непріятельскій аэропланъ.

Погода была ясная, воздухъ чистъ и прозраченъ: наша артиллерія быстро пристрѣлялась по стальной птицѣ, и шрапнели все ближе и ближе рвались къ ней.

Картина была поразительно красива: аэропланъ, какъ ястребъ, плавно парилъ на фонѣ безоблачнаго голубого неба, окруженнаго вѣнками изъ бѣлыхъ пушистыхъ клубовъ дыма рвущихся шрапнелей: какъ въ рамѣ изъ бѣлаго нѣжнаго пуха, нѣсколько секундъ крутился непріятель надъ нашими головами, намѣчая себѣ цѣль для того, чтобы бросить въ нее пудовую бомбу.

Въ этотъ моментъ я взглянулъ на Павла Антоновича. Ни одинъ мускулъ на его лицѣ не шевельнулся, онъ спокойно въ бинокль наблюдалъ разрывы шрапнелей, приказавъ только людямъ разойтись по землянкамъ, что солдаты исполнили весьма неохотно, продолжая толпиться у землянокъ, выглядывая изъ дверей на непріятельскую птицу.

Но вотъ три-четыре удачныхъ разрыва, и аэропланъ быстро взвился вверхъ, а затѣмъ повернулъ къ своимъ позиціямъ и скрылся на горизонтѣ, бросивъ наобумъ одну бомбу, которая разорвалась гдѣ-то вдали.

Генераль-лейтенантъ П. А. Парчевскій,
командиръ корпуса.

Я любовался спокойствіемъ генерала, видно было, что жизнь ему недорого: онъ больше думалъ, чтобы не пострадать кто-нибудь изъ нижнихъ чиновъ.

Заботливостъ о подчиненныхъ — большое мѣсто Павла Антоновича. Генераль — человекъ въ высокой степени религіозный, вѣрующій, и много удѣляетъ вниманія удовлетворенію духовныхъ запросовъ своихъ подчиненныхъ. Въ каждомъ полку, какъ бы онъ близко ни стоялъ къ передовымъ позиціямъ, онъ устраиваетъ церкви, при чемъ лично наблюдаетъ за работами, дѣлаетъ указанія и создаетъ такіе храмы, которые невольно влекутъ къ себѣ молящихся. Между прочимъ, я видѣлъ одну изъ такихъ походныхъ церквей, устроенную въ амбарѣ полковымъ священникомъ отцомъ Михаиломъ Лапчинскимъ.

Походная церковь не можетъ блистать роскошью столичныхъ храмовъ, но здѣсь я былъ пораженъ той красотой, тѣмъ художествомъ, какимъ отличалась эта походная церковь отъ другихъ подобныхъ. Весь иконостасъ сдѣланъ изъ стволовъ молодой березки, всѣ кіоты, всѣ подвѣсники сдѣланы изъ того же материала. На верху иконостаса красуются два Георгіевскихъ креста, искусно сдѣланныхъ изъ бѣлыхъ стволовъ березы; голубая церковная завѣса на своемъ фонѣ ярко выделяетъ бѣлую молодую березку. Поразительно

красиво. Стѣны амбара, столбы, поддерживающіе ветхую его крышу, утопаютъ въ хвойной зелени. Все это создаетъ необычайную обстановку. Гулъ оружейныхъ выстрѣловъ дополняетъ ее.

Заботясь объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей солдата и устраивая ему храмъ, гдѣ онъ можетъ вознести свою молитву къ Богу, генераль не забываетъ и другихъ потребностей въ своихъ подчиненныхъ. По его приказанію, во всѣхъ полкахъ для нижнихъ чиновъ устраиваются полковыя лавочки, гдѣ по дешевой цѣнѣ можно приобрести все необходимое для скромнаго солдатскаго обихода. Для офицеровъ полковъ, стоящихъ во второй линіи, устроены собранія, гдѣ подъ гулъ оружейныхъ выстрѣловъ, подъ трескъ пулеметовъ, офицеры въ часы досуга развлекаются, устраиваютъ спектакли, стараясь этимъ, съ одной стороны, заполнить свое однообразное временное положеніе, а съ другой, принести посильную помощь нуждающимся. Одинъ изъ такихъ спектаклей по инициативѣ Павла Антоновича былъ устроенъ въ пользу дѣтей бѣженцевъ.

Пришлось мнѣ убѣдиться въ заботливомъ отношеніи этого начальника съ своимъ подчиненнымъ и при посѣщеніи одной изъ учебныхъ командъ. Почти на каждой книжкѣ, на каждомъ уставѣ была подпись генерала Парчевскаго. Это его собственная книга, подаренная имъ учебнымъ командамъ.

Какъ-то поздно вечеромъ я зашелъ въ уютный, роскошно обставленный кабинетъ генерала Парчевскаго, и у насъ завязалась оживленная бесѣда. Мы сидѣли во второмъ этажѣ стараго барскаго дома, построеннаго въ 1760 году, гдѣ слинкомъ сто лѣтъ тому назадъ, въ 1812 году, при походѣ на Москву, штабъ Наполеона I гостеприимно принимался владѣльцемъ замка Обуховичемъ. Сначала наша бесѣда коснулась исторіи этого стараго замка. Вспомнили наполеоновскую эпоху, а затѣмъ перешли къ событіямъ настоящей войны. Боевой генераль, георгіевскій кавалеръ, съ увлеченіемъ рассказывалъ мнѣ о героизмѣ и мужестве нашего солдата. Онъ приводилъ безконечный рядъ случаевъ, подтверждающихъ его преклоненіе передъ солдатами. Онъ говорилъ о высокомъ духѣ войскъ корпуса, о ихъ стремленіи во что бы то ни стало сломить врага и довести войну до побѣднаго конца.

— Пусть тылъ поднимется духомъ до настроенія фронта, пусть тамъ работаютъ, такъ же не покладая рукъ, какъ работаетъ армія, пусть налажать подвозъ — и побѣда надъ коварнымъ врагомъ обеспечена, — вотъ слова боевого генерала.

— Конечно, многое у насъ несовершенно, но и у противника не все такъ хорошо, какъ принято считать. — продолжалъ генераль, — по всѣмъ признакамъ, германская армія слабѣетъ, — уже не тѣ солдаты, не та выправка, подготовка и дисциплина. Да и въ тылу у противника нѣтъ той налаженности подвоза, какъ это было въ прошлый годъ. Люди въ окопахъ сплоснъ и рядомъ по нѣскольку дней не получаютъ горячей пищи, обозы и артиллерія вязнутъ въ болотахъ... Мы видимъ наши слабыя стороны и стараемся ихъ исправить, германцы же упоены своимъ величіемъ и не видятъ своихъ ошибокъ.

Объѣзжая съ генераломъ части корпуса, мнѣ было пріятно видѣть, какъ ласково и привѣтливо онъ здравовалъ съ каждымъ встрѣчнымъ солдатомъ. Солдаты, очевидно, чувствовали, что Павелъ Антоновичъ искренно ихъ любитъ, и отвѣты ихъ звучали не искусственно, въ нихъ была слышна любовь къ начальнику и вѣра въ него.

Алексѣй Константиновичъ Баювъ.

Извѣстный профессоръ Николаевской Военной Академіи, гроза слушателей, кабинетный ученый, авторъ многотомнаго труда по исторіи русской арміи, Алексѣй Константиновичъ Баювъ, какъ только раздалась первая выстрѣлы мировой войны, оставилъ свои научныя кабинетныя занятія и отправился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ съ первыхъ же шаговъ зарекомендовалъ себя выдающимся знатокомъ военного дѣла и неутомимымъ труженикомъ. Будучи начальникомъ штаба 24-го армейскаго корпуса, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени за то, что въ періодъ боевъ съ 24-го октября

въ разработку грядущихъ операций. Армія, начальникомъ штаба которой состоитъ этотъ знатокъ военного дѣла, неоднократно блестяще выходила изъ крайне тяжелыхъ положеній, исключительно благодаря прекрасно разработаннымъ оперативнымъ планамъ своего начальника штаба.

Будучи исключительно руководителемъ операций, Алексѣй Константиновичъ прекрасно изучилъ нашего солдата. Это не сухой теоретикъ, а человекъ жизни, знающій нашу армію не только по книгамъ, но и видящій ее въ различные моменты ея работы, какъ мирной, такъ и боевой.

Въ разговорѣ со мной Алексѣй Константиновичъ обнаружилъ большое знаніе духа нашего солдата и увѣренность въ конечной побѣдѣ, подробно остановился на описаніи отдѣль-

Церковь 20-го пѣхотнаго Галицкаго полка на передовыхъ позиціяхъ, устроенная изъ стволовъ молодыхъ березокъ священникомъ о. Михаиломъ Лапчинскимъ.

по 20-е ноября 1914 г. въ Карпатахъ, въ районѣ Лубковскаго перевала, разработалъ планъ наступательной операции корпуса, приведшій къ неоднократнымъ пораженіямъ противника, занятію линіи рѣки Сана, овладѣнію главными Карпатскими хребтами и вторженію корпуса въ предѣлы Венгріи.

Когда я посѣтилъ Алексѣя Константиновича, онъ уже былъ начальникомъ штаба одной изъ главныхъ армій. Мнѣ не долго пришлось съ нимъ бесѣдовать. Это человекъ, у котораго нѣтъ минуты свободнаго времени. Онъ весь ушелъ въ работу. Столъ его заваленъ горами бумагъ, книгъ и картъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ, погруженный

въ разработку операций и проявилъ свою поразительную память.

Подъ руководствомъ Алексѣя Константиновича работаетъ теперь не мало его бывшихъ учениковъ—офицеровъ генеральнаго штаба. Они все вѣрятъ въ знанія и способности своего требовательнаго начальника. Но, еще будучи его учениками, они привыкли къ этой требовательности и прекрасно понимаютъ, что требовательность эта вызывается исключительно стремленіемъ наилучшимъ образомъ осуществить ту сложную проблему, которую германскій милитаризмъ поставилъ теперь передъ русской арміей.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Наше наступленіе и Верденъ.

На 20-й день нашей наступательной операции на юго-западномъ фронтѣ нашъ успѣхъ продолжалъ еще развиваться, и къ этому времени нашими войсками была занята вся Буковина, а въ связи съ этимъ наши войска подошли къ горнымъ проходкамъ, ведущимъ въ Трансильванію.

Такіе результаты нашего наступленія не могли не вызвать естественнаго безпокойства у противника, въ особенности у

австрійцевъ. О томъ, что австрійцы съ первыхъ же дней нашей операции начали сажать свои войска на итальянскомъ фронтѣ въ поѣзда для доставки на нашъ фронтъ, мы уже писали.

Силы австрійцевъ, перебрасываемыя на нашъ фронтъ, исчислялись, примѣрно, въ 4—5 корпусовъ.

Со своей стороны, нѣмцы также, повидимому, рѣшили, невзирая на Верденскую операцию, оказать нѣкоторое содѣйствіе австрійцамъ, а также и принцу Леопольду Баварскому, въ районѣ котораго—на Стыри—и произошло чувствительное измѣненіе линіи германскаго фронта.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1916 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести не менѣе 7 руб. Г. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться немедленною присылкою слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала со 2-го іюля—съ 27-го номера. Г. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ и непременно указать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. и печатный адресъ.

Однако число войск, высланных германцами, было еще трудно установить по газетным сообщениям. По одним известиям, они отправляли войска с запада на восток через Бельгию, а по другим известиям, через Бельгию прошло 60.000 германских солдат по желѣзным дорогам, направлявшихся с запада на восток, т. е. на англо-французский фронт.

Въ результатъ можно было лишь болѣе или менѣе опредѣленно установить, что въ районѣ Луцкаго прорыва появились какія-то новыя германскія части, при чемъ наше сообщеніе отмѣчало, что эти части прибыли съ французской границы. Количество этихъ войскъ, уже прибывшихъ къ району Луцкаго прорыва, исчислялось, приблизительно, до двухъ корпусовъ, но нейтральная печать увѣряла, что нѣмцы посылаютъ на нашъ фронтъ якобы еще 3 корпуса. Въ то же время французская главная квартира, опубликовавшая обыкновенно нѣкоторую „сводку“ данныхъ за извѣстный періодъ Верденской операціи, въ своей послѣдней сводкѣ, обнимающей періодъ дѣйствій подъ Верденомъ какъ разъ именно въ то время, когда шла наша операція, — заявляла, что „обнаружены двѣ новыя германскія дивизіи, подтянутыя къ Вердену съ другихъ участковъ нашего фронта“ (нашего, т. е. французскаго фронта).

Еще далѣе въ періодъ нашего наступленія нѣмцы, остановившіеся было вначалѣ свои операціи подъ Верденомъ, возобновили ихъ снова — и съ весьма большой настойчивостью. Именно въ тотъ моментъ, когда наша операція развивалась наиболѣе ярко и выразилась въ весьма крупныхъ результатахъ, нѣмцы атаковали укрѣпленіе Тюмонъ у Вердена. Значеніе укрѣпленія Тюмонъ опредѣлялось тѣмъ, что оно находилось, во-первыхъ, на правомъ берегу Мааса, т. е. тамъ, гдѣ велась главная атака нѣмцевъ, а во-вторыхъ, это укрѣпленіе находилось въ первой линіи верденскихъ фортовъ. Въ первой же линіи верденскихъ фортовъ нѣмцами, какъ извѣстно, были заняты два форта — Дуомонъ и Во. Съ занятіемъ Тюмона нѣмцы мало приближались къ Вердену, но расширяли занятую ими позицію на первой линіи верденскихъ фортовъ.

Такимъ образомъ въ серединѣ іюня нѣмцы занимали на первой линіи верденскихъ фортовъ фронтъ, опредѣляемый укрѣпленіями Во — Дуомонъ — Тюмонъ, при чемъ правое крыло этого фронта упиралось въ Маасъ, а лѣвое — въ разрушенный фортъ Во. Какъ видно изъ сообщеній французской главной квартиры, нѣмцы, повидимому, подготавливали атаку на вторую линію верденскихъ фортовъ, на участокъ Котъ де-Фруа — Флери — Сувилль, такъ какъ именно эти форты усиленно обстрѣливались нѣмцами. Упомянутые выше три форта, Котъ де-Фруа, Флери и Сувилль, отстояли отъ Вердена на разстояніи 2½ — 3½ верстъ. Несомнѣнно, эти форты второй линіи, какъ и всякіе форты второй линіи, были нѣсколько слабѣе первой линіи фортовъ, но все же французы подготовились оказать здѣсь сильное сопротивленіе, такъ какъ паденіе этихъ фортовъ могло бы открыть нѣмцамъ путь къ Вердену.

При такихъ условіяхъ надлежало считать, что нѣмцы едва ли оставятъ Верденъ, и что они, вѣроятно, будутъ стремиться „доломитъ“ и эту вторую линію, почему представлялся мало вѣроятнымъ переносъ ихъ дѣйствій на нашъ фронтъ. Кромѣ того, нѣмцы продолжали попрежнему держать значительныя массы войскъ противъ англійскаго фронта — на сѣверѣ Франціи.

Отсюда, разъ противникъ настолько сильно ввязался въ операцію подъ Верденомъ, что дошелъ до второй линіи фортовъ, и разъ его масса на сѣверѣ Франціи, какъ всякая сосредоточенная масса, обозначала наступательныя намѣренія, то ясно было, что значительной поддержки нѣмцы не могли оказать ни австріяцамъ ни своему восточному фронту.

Вслѣдствіе этого, нельзя было рассчитывать на какое-либо измѣненіе положенія въ районѣ Луцкаго прорыва въ пользу противника, и дѣйствительно наши войска въ теченіе цѣлой недѣли отбивали атаки прибывшихъ къ району Луцка германскихъ подкрѣпленій, — до тѣхъ поръ, пока противникъ наконецъ не приостановился и не примирился съ тѣмъ невыгоднымъ положеніемъ, въ которомъ онъ оказался въ районѣ Луцкаго прорыва.

Такимъ образомъ первый періодъ нашей операціи закончился тѣмъ, что наши войска полностью удержали свои выгодныя позиціи въ районѣ Луцкаго прорыва, вслѣдствіе чего германскій фронтъ оказался загнутымъ назадъ къ сѣверу, а австріяскій фронтъ оказался загнутымъ назадъ къ югу. Этимъ и опредѣлялись ближайшіе итоги нашего наступленія въ районѣ Луцка.

Еще далѣе, южнѣе, на прямомъ пути на Львовъ, наши войска, дойдя до Радзивилова Броды, встрѣтили крайне упорное сопротивленіе австріяцевъ на австріяской границѣ. Повидимому, сюда спѣшили австріяскія подкрѣпленія, выславшіяся съ

итальянскаго фронта. Подкрѣпленія эти прибывали крайне медленно по причинамъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущихъ статьяхъ, и стали обнаруживаться на нашемъ фронтѣ лишь недѣли черезъ двѣ послѣ начала нашего наступленія.

Еще южнѣе, — въ Восточной Галиціи, — на Стрыпѣ, наши войска заняли оборонительную линію рѣки Стрыпы и, отгѣснивъ за нее австріяцевъ, овладѣли городомъ Бучачемъ. Затѣмъ еще южнѣе — въ южной части Восточной Галиціи — наши войска заняли предмостное укрѣпленіе у города Заленки и самый городъ, затѣмъ города Городенку и Снятынъ. Наконецъ еще южнѣе была занята вся Буковина съ городами Черновицы, Радауць, Кимпунтъ, Кутты и Старожинець.

Занятіе нами Буковины и подходъ нашихъ войскъ къ путямъ въ Трансильванію имѣлъ вполнѣ понятное политическое значеніе. Однако занятіе Буковины имѣло и стратегическое значеніе. Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, въ районѣ Буковины былъ произведенъ прорывъ, а съ отгѣсненіемъ арміи Пфланцера къ Карпатамъ естественно обнажилось правое крыло сосѣдней арміи — Ботмера. Такимъ образомъ армія Ботмера испытывала давленіе съ двухъ сторонъ — съ востока со стороны войскъ генерала Шербачева, наступавшаго на Стрыпѣ, и съ юга со стороны войскъ генерала Лечицкаго, освободившихся, за окончаніемъ Буковинской операціи, и занявшихъ Снятынъ, Городенку, на путяхъ къ Коломыжѣ, этому важному узловому желѣзнодорожному пункту въ тылу арміи Ботмера. Такимъ образомъ ближайшіе итоги перваго періода нашего наступленія выражались, примѣрно, въ слѣдующемъ:

1) Наша линія фронта продвинулась въ центрѣ (въ Восточной Галиціи и на путяхъ къ Львову) верстъ на 30—40. На путяхъ же за Луцкомъ нами была занята въ районѣ прорыва территория, шириною верстъ въ 80 и глубиною верстъ въ 50. Наконецъ, на лѣвомъ флангѣ нашего наступленія была занята вся Буковина — территория пространствомъ до 9.000 кв. верстъ.

2) Правое крыло австріяскихъ армій — армія Ботмера — продолжало быть охваченнымъ, вслѣдствіе занятія нами Буковины и южной части Восточной Галиціи. Одинаково въ районѣ Луцкаго прорыва оказались въ неудобномъ охваченномъ положеніи лѣвое крыло австріяскихъ войскъ и правое крыло германскихъ войскъ.

3) Потери противника, исчислявшіяся одними плѣнными свыше 200.000, обнаруживали, что австріяцы потеряли не менѣе половины состава своей арміи, сражавшейся на нашемъ фронтѣ, при чемъ 5 корпусовъ, спѣшившіе съ итальянскаго фронта на подкрѣпленіе, не могли восполнить этихъ потерь и давали число войскъ, которое восполняло лишь часть австріяскихъ потерь. Поэтому австріяцы послѣ нашего наступленія должны были оказаться слабѣе, чѣмъ были ранѣе, и возстановить своего прежняго положенія не могли.

4) Значительно пострадалъ „армейскій отрядъ“ принца Леопольда Баварскаго — германскія войска, сражавшіяся на Тьери.

5) Наступленіе австріяцевъ на итальянскомъ фронтѣ не только прекратилось, но австріяцы сами начали отступленіе въ Тироль, на свою прежнюю линію. Кромѣ того съ французскаго фронта нѣмцы должны были взять часть войскъ, не менѣе, примѣрно, двухъ корпусовъ.

При такихъ условіяхъ надлежало считать, что противникъ вообще ослабѣлъ на нашемъ фронтѣ, а на англо-французскомъ фронтѣ его силы, и такъ истощенныя Верденской операціей, еще болѣе ослабѣли. Между тѣмъ нѣмцы, повидимому, все же продолжали намѣчать свои главныя операціи на англо-французскомъ фронтѣ, почему всякое ослабленіе ихъ тамъ было весьма чувствительно.

Далѣе можно отмѣтить, что въ серединѣ іюня наступилъ нѣкоторый, повидимому, временный перерывъ, вызванный съ одной стороны, окончаніемъ перваго періода нашей наступательной операціи, а съ другой стороны, естественной передышкой нѣмцевъ у Вердена, необходимой для пополненія потерь. Однако несомнѣнно было, что въ ближайшемъ надлежитъ ожидать весьма крупнаго развитія операцій на обоихъ главныхъ фронтахъ, на англо-французскомъ и на нашемъ. Особенно на англо-французскомъ фронтѣ это было замѣтно въ томъ, что противникъ продолжалъ держать двѣ сосредоточенныя массы одну на сѣверѣ Франціи противъ англичанъ, а другую на югѣ у Вердена и сверхъ того дѣлалъ весьма настойчивыя усилія въ своей Верденской операціи. Повидимому, противникъ стремился сохранить въ своихъ рукахъ инициативу и старался выполнить свой планъ на англо-французскомъ фронтѣ, гдѣ онъ искалъ быстрой развязки войны, — рѣшительнаго сраженія съ англо-французами, — цѣной какихъ угодно жертвъ и какихъ угодно рискованныхъ усилій.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Художникъ-воинъ. — Карпатскій врещетъ Гварсьоръ. Изъ боевыхъ сказаній. С. Свириденко. — Вожди и руководители. Встрѣчи и воспоминанія. Полковника Г. П. — Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Объявленія. — Отклики войны. — Разложеніе Туркии. —

Нажимъ на Грецію.

РИСУНКИ: Художникъ-воинъ Л. Р. Сологубъ (2 портр.). — Изъ походнаго альбома. Рисунки Л. Сологуба (33 рис.). — Вожди и руководители (4 портр. и 1 рис.). — Слогы, затопленные весенней водой. — Въ разбитомъ костелѣ. — Въ Галиціи (2 рис.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 26.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

